

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ СХХІІІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХІІІ

1911

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1911

The image is a highly detailed, black and white woodcut-style illustration of a journal cover. At the top, the title 'ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ' is written in a large, bold, serif font, arched over a decorative banner. Below this, a central oval frame contains the text 'ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ.' in a similar serif font, surrounded by intricate floral and vine patterns. On either side of the oval are two female figures in classical-style dresses, one holding a scroll and the other a book. At the bottom of the oval frame is a sun-like face with rays. Below the oval, a white rectangular box contains the text 'ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ' and 'ЯНВАРЬ, 1911 Г.' in a serif font. The entire composition is set within a highly decorative, symmetrical border with classical architectural elements like columns and capitals.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
ЯНВАРЬ, 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

ЯНВАРЬ, 1911 г.

	СТРАН.
I. Кольчევская вотчина. Романъ. Часть I, гл. I—VI. М. Г. Веселковой-Кильштетъ	7
II. Послѣдніе орлы. (Силуэты конца XIX вѣка). Гл. I—II. П. П. Глѣдича	41
III. Захолустный приходъ. (Изъ полѣскихъ нравовъ). Маріи Мочульской	74
IV. Встрѣчи и знакомства. А. И. Соколовой	97
V. На чуму. Н. Н. Максимова	117
VI. Воспоминаніе о П. С. Ванновскомъ. (На память моему сыну). М. И. Морозова	134
VII. Не жизнь, а декорация... (Изъ провинціальныхъ настроеній). Н. Н. Оглоблина	141
VIII. Вновь найденная страница прошлаго. А. Б. Михайлова	166
IX. Изъ записокъ конвойнаго офицера. А. И. П—аго	182
X. День въ домѣ у Цѣпнаго моста. (Эпизодъ). А. Е. Кауфмана	191
XI. Кретингенскій факторъ и его сынъ. Н. О. Акаѣмова	196
Иллюстраціи: 1) Берекъ Юселевичъ. (По портрету, хранящемуся въ варшавскомъ еврейскомъ общинномъ управленіи). — 2) Юзефъ Берковичъ. (По гравюрѣ изъ романа «Станиславъ или польскій уланъ»). — 3) Еврейская городская гвардія 1831 года. (Изъ альбома польскихъ войскъ ноябрьскаго возстанія Дитриха). — 4) Еврейская стража безопасности 1831 года (Изъ альбома польскихъ войскъ ноябрьскаго возстанія Дитриха).	
XII. В. И. Сергѣевичъ и студенческіе безпорядки въ 1899 году. Б. Г.	216
XIII. Кровавая страница персидской исторіи. А. Н. Щеглова	246
Иллюстраціи: 1) Шахъ Насръ-Эддинъ на привалѣ во время одной изъ обычныхъ бечевокъ по Персіи. — 2) Мулла-Риза-Кирмани, убійца шаха Насръ-Эддина.	
XIV. Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). Прологъ. Б. Б. Глинскаго	262
Иллюстраціи: 1) Императоръ Александръ Николаевичъ на смертномъ одрѣ. — 2) Императоръ Александръ III.	
XV. Пѣшкомъ по Кавказу. (Лѣтняя экскурсія 1909 г.). А. А. Моцанскаго	289
Иллюстрація: 1) Редантская долина. — 2) Начало Балтинскаго ущелья. — 3) Скалы въ Балтинскомъ ущельѣ. — 4) Станція Ларсъ. — 5) Башня у селенія Гулеты. — 6) Девдоракская тропа (два марша). — 7) Водопадъ на Девдоракской тропѣ. — 8) Девдоракскій ледникъ.	
XVI. Критика и библиографія	311
1) Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генералъ-вагенмейстера главнаго штаба Аванасія Даниловича Соломки, состоявшаго при особѣ государя безотлучно 11 лѣтъ—съ 1814 по 1825 г., и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Бозѣ почивающей императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ текстѣ 15 рисунковъ и 4 факсимиле писемъ. Спб. 1910. Б. Глинскаго. — 2) Книга для чтенія по исторіи новаго времени, т. I. Москва. 1910. М. К—ва. — 3) С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II—его жизнь и царствованіе. Въ двухъ томахъ, съ 53 иллюстраціями. Спб. 1911. Б. Г. — 4) А. А. Титовъ. Троицкій Макарьевскій Желтоводскій монастырь. Съ 15 рисунками. Москва. 1910. А. К—ова. — 5) Русская Правда по синодальному списку. Подъ редакціей Н. Маркса. Москва. 1910. М. К—ва. — 6) Матушка Русь. Хрестоматія. I и II части. Для учениковъ (I и II классовъ) среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ф. А. Тарапыгинъ. Редак-	

(См. слѣд. стран.)

ція Ө. А. Витберга. Съ иллюстраціями. Спб. 1910. В. Рудакова.—7) Дѣтшичъ историко-родословнаго общества въ Москвѣ, 1910 г. Вып. 2 и 3 (22 и 33. Годъ шестой, Вильна. 1910. В. Р.—ва.—8) Труды бессарабскаго церковнаго историко-археологическаго общества. Подъ редакціей Василя Курдиновскаго. Кишиневъ. Вып. I. 1909. Вып. II и IV. Кишиневъ. 1910. и. А.—9) К. Я. Гротъ. Празднованіе лицейскихъ годовщины при Пушкинѣ и послѣ него. Спб. 1910. и. л.—10) Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. II, вып. 2. Спб. 1910. и. Александрова.—11) Сочиненія Н. И. Пирогова. Въ память столѣтія со дня рожденія Пирогова. Т. I. Педагогическія и публицистическія статьи. Т. II. «Вопросы жизни». Дневникъ стараго врача. Кіевъ. 1910. А. Фомина.—12) Г. Бюрикъ. Обзоръ памятниковъ русской словесности. Вып. 5-й. Пушкинъ. Одесса. 1910. и. л. — 13) Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 г. Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко. Москва. 1910. А. Фомина. — 14) Борисъ Садовской. Русская Камена. Статьи. Москва. 1910. и. л.—15) Г. Селецкий. 646 дней у японцевъ. 1910. л. н.—16) «Помяни вою!» Сборникъ статей на современные военныя темы подъ ред. В. Ө. Новицкаго. 1910. Мих. Соколовскаго.—17) В. Розановъ. Когда начальство ушло... 1905—1906 гг. Спб. 1910. Б. г.—18) Д. Г. Булгаковскій. Өчеркъ дѣятельности попечительства о народной трезвости. Спб. 1910. А. Фаресова.—19) Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ нововремя. Томъ VI, часть II. Спб. 1910. — А. К. Джигелевъ. Исторія современной Германіи. Часть II. Спб. 1910. п. Б.—20) Профессоръ В. А. Тураевъ. Египетскія церковныя впечатлѣнія. Спб. 1910. Iер. I. — 21) Bericht des Liviländischen Landesgymnasium zu Birkenruh bei Wenden über das Schuljahr 1908—9. Рига. 1909. А. Э. М.—на.—22) Н. И. Новосадскій. Греческая эпиграфика. Часть I. Москва. 1909. б. в.—23) К. Д. Мачаваріани. Өчерки и рассказы. (Изъ наблюденій разныхъ годовъ). Ватумъ. 1909. А. хаханова. — 24) Андрей Спиротининъ. Какъ научиться почешки? Чешская грамматика съ хрестоматіей и словаремъ. Варшава. 1910.—Рад. Кошутачъ. Русская хрестоматія. Вльградъ. 1910. I. Тексты. II. Примѣчанія. III. Словарь. А. я.—25) Труды ярославской губернской ученой архивной комиссіи. Книги V и VI. Москва. 1908 и 1909. п. в. в.—26) Н. К. Горталовъ. Изъ проплага императорской казанской 1-ой гимназіи. Съ 2 портретами и видомъ гимназіи въ началѣ XIX столѣтія. Казань. 1910. В. Р.—ва.—27) Труды псковскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Псковская старина. Томъ первый. Псковъ. 1910. А. Б — ва.—28) А. Ф. Шафоновскій и его трудъ. Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе (Замѣтки изъ исторіи Черниговской губерніи и Малороссіи вообще). Изъинъ. 1910. В. Данилова.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 352

1) Археологическія работы.—2) За кулисами второй имперіи.—3) Литература о Толстомъ.—4) Розовая эра для женщины.—5) Өтосуду.

XVIII. Смѣсь. 378

1) Чествованія памяти Н. И. Пирогова.—2) Семидесятипятнадцатіе училища правовѣдній.—3) Столѣтіе департамента духовныхъ дѣлъ.—4) Юбилей московскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества.—5) 50-лѣтіе Александровской женской гимназіи.—6) 10-лѣтіе педагогическихъ курсовъ военно-учебныхъ заведеній.—7) Юбилей Н. Ө. Соловьева.—8) Юбилей П. П. Сойкина.—9) Юбилей А. А. Нечаева.—10) Юбилей д-ра Н. Д. Познанской.—11) Памятникъ въ Гельсингфорсѣ.—12) Выставка русской старины и женскаго искусства.—13) Новая біогеографическая комиссія русскаго географическаго общества.

XIX. Некрологи 399

1) Багницкій, Д. В.—2) Ващенко-Захарченко, М. М.—3) Вейнбергъ, П. П.—4) Вилліе, М. Я.—5) Волкова, А. И.—6) Генкель, В. Е.—7) Гинцбургъ, баронъ Д. Г.—8) Добродѣевъ, С. Е.—9) Дилакторскій, П. А.—10) Кривцовъ, А. С.—11) Мавоцковъ, В. И.—12) Архіепископъ Никаноръ.—13) Никольскій, К. Т.—14) Николаевъ, П. Ө.—15) Шахмаевъ, С. В.—16) Прибытковъ, В. И.—17) Сольскій, Д. М.—18) Смирновъ, А. Е.—19) Тяньшевъ, С. В.—20) Шиллеръ, Н. Н.—21) Южакъ, С. Н.

Замѣтки и поправки 415

1) I. По поводу некролога гр. Л. Н. Толстого.—2) II. По поводу статьи Н. А. Энгельгардта «Давніе эпизоды». М. Камнева.—3) III. По поводу статьи К. Искуль «Небесная попечительница». Н. Булганова.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Василя Ивановича Сергѣевича — 2) Король и. Драма въ 5 дѣйствіяхъ, В. П. Буренина.

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ СЕРГѢВИЧЪ.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1911 году

(ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» издается въ 1911 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать одинъ годъ (1881—1910).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всеми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Штофомъ обтянуты стѣны,
Рамкою вѣтся багеть.
Бронза... фарфоръ... гобелены...
Скрыть обюссономъ паркетъ.
Въ мягкихъ тѣняхъ потонули
Отблески лѣтнихъ лучей...
Тихо качается въ булѣ
Связка забытыхъ ключей.

(Изъ пѣсень «Забытой усадьбы» М. К.).

ВРЯМАЯ проѣзжая аллея, прорубленная черезъ березовую рощу, упиралась отъ воротъ стараго барскаго двора Колычева въ столбовую дорогу, по которой когда-то двигались наша и французская арміи. Почта доставлялась со станціи два раза въ недѣлю къ двѣнадцати часамъ дня, и къ завтраку, подававшемуся ровно четверть перваго, пакеты, письма и газеты ожидали барина у его прибора въ малой или «обюссоновой» столовой.

Но сегодня вышла непривычная заминка. Уже три раза прибѣгалъ казачокъ изъ «виллы» на барскій дворъ узнавать, не прибыла ли почта? Самъ управляющій, панъ Романъ, стоялъ у воротъ и, заслонивъ отъ солнца жирною рукою хитрые, наглые глазки, нетерпѣливо ворчалъ сквозь длинные усы:

— Далибугъ... Цо-то! Запорю мерзавца, если тотчасъ не покажется!

Но мерзавецъ не показывался. Панъ повернулся и только что хотѣлъ войти въ старый одноэтажный, бывшій когда-то господ-

скимъ домъ, какъ изъ окна мезонина высунулась бѣлокурая головка девятнадцатилѣтней дѣвушки, и мелодичный голосокъ прозвенѣлъ нараспѣвъ:

— И не къ чему сердиться,—вонъ онъ ужъ ѣдетъ.

По тѣнистой аллеѣ скакалъ верховой. Панъ Романъ, съ ругательствами сжимая кулаки, бросился навстрѣчу, но дѣвушка спорхнула съ крыльца и повисла у него на рукѣ.

— Погоди ругаться, вѣдь онъ, можетъ, и не виноватъ!

Въ ворота на взмыленной лошади вѣзжалъ не менѣе разгоряченный парень съ тяжелой сумкой черезъ плечо.

— Гдѣ ты шлялся, скотъ?—оралъ панъ, подбѣгая къ самой лошади.

— Не я шлялся, пошта запоздала,—отвѣчалъ тотъ и благоразумно спрыгнулъ съ сѣдла на другую сторону, по опыту зная, что не вернуться ему иначе отъ увѣсистаго польскаго кулака.

— А мнѣ, Степанъ, есть письмо?—спросила дѣвушка.

— Есть, барышня, розовое.

— Давай скорѣй, отецъ!

Панъ Романъ принялъ тяжелую сумку и тутъ же на ступенькахъ крыльца разобралъ содержимое. Три письма, четыре газеты—двѣ русскихъ и двѣ иностранныхъ, нѣсколько журналовъ и книгъ были вручены подбѣжавшему казачку въ сѣрой курткѣ съ красными выпушками и золочеными пуговками; панна Зося получила розовый конвертикъ, а на долю пана Романа припелись какіе-то пакеты съ толстыми сургучными печатами и нѣсколько замасленныхъ конвертовъ изъ сѣрой бумаги.

— Отъ Олеси!—радостно вспыхнула Зося и, быстро чмокнувъ отца въ щеку, упорхнула въ комнаты. Черезъ двѣ минуты съ зонтикомъ въ рукѣ она уже спускалась съ противоположной стороны дома по ступенькамъ небольшой, увитой хмелемъ террасы въ старинную липовую аллею.

— Куда ты, Зося?—раздался голосъ расплывшейся женщины въ наколкѣ, но и въ довольно неопрятномъ передникѣ.

— Въ паркъ!—былъ отвѣтъ.—А вы бы, мама, фартукъ сняли или смѣнили... Фи! глядѣть гадко!—и маленькій носикъ презрительно вздернулся кверху.

Выраженіе фарфороваго личика стало неприятымъ, точно у разсердившейся осы, когда, поднявъ усики и изгибая перетянутое тѣльце, она собирается ужалить врага. Дѣвушка какъ-то особенно вильнула подобраннымъ платьемъ и пропала въ зеленой чащѣ.

— Графиня!—прошептала ей вслѣдъ толстая пани Юзефа, или Юзыня, какъ звала ее, по примѣру мужа, дворня,—Иезусъ-Марія! И въ кого она?

Вздохнувъ всей своей массивной грудью, мать сдернула-таки фартукъ и вернулась къ тазу съ вареньемъ.

Легкой походкой шла Зося по бесконечной аллее. Вверху слышалось гудѣнье тысячъ пчелъ. Кое-гдѣ сквозь густую листву падалъ золотою стрѣлой лучъ солнца и горѣлъ яркимъ пятномъ то на душлистомъ стволѣ, то на зелени дерна. Зося свернула на узкую тропинку между двумя стѣнами высокой, еще не скошенной травы. Лужайка двѣла всей роскошью послѣднихъ дней душистаго іюня. Ромашка, златоцвѣты, лиловые колокольчики, казавшійся противъ солнца прозрачнымъ розовый щавель мелькали среди шишекъ тимофеевки и метелокъ канареечника.

Тропинка свернула влѣво, и Зося очутилась въ своемъ любимомъ уголкѣ въ заросли сирени, жимолости и только что расцвѣташаго жасмина. Здѣсь она устроила себѣ настоящій пріютъ мечтаній. Толстый пенъ давно срубленнаго дерева служилъ ей столомъ, а между сучьями старой сирени ей удалось утвердить доску, и она часами высиживала на этой импровизированной скамьѣ, читая, работая, мечтая и... наблюдая.

Никто никогда бы не догадался, что какъ разъ черезъ широкій извилистый прудъ два зоркихъ дѣвичьихъ глаза жадно слѣдятъ за бѣлой виллой, за стеклянными дверями веранды и за высокой фигурой стараго барина, читавшаго въ креслѣ среди померанцевыхъ деревьевъ въ зеленыхъ кадкахъ свою газету. Доступъ въ виллу былъ воспрещенъ, и Зося знала, что и ей, какъ женщинѣ, въ особенности.

Но сегодня она тщетно ждала появленія старика.

Прочитавъ письмо Олеси Запольской, сообщавшей и о шарабанѣ съ парой пони, полученныхъ отъ жениха къ рожденію, и о нарядахъ, заказанныхъ въ приданое, и о подвѣчномъ платьѣ изъ Парижа, дѣвушка глубоко вздохнула.

«Стась кланяется тебѣ, онъ ждетъ отъ тебя обѣщанной закладки съ незапоминайками. Или ты, душка, его забыла? А онъ еще вчера приставалъ ко мнѣ, что значить, что ты не ѣдешь. Ахъ Зося, мнѣ думается, онъ никогда, никогда не забудетъ тебя и не полюбитъ никого другого. Какъ жаль, что вы не можете жениться!..»

То же злое осиное выраженіе появилось опять на розовомъ личикѣ.

«Не можете жениться! Что мы бѣдны, а Запольскіе графы и богаты? Что жъ такое? Развѣ нашъ родъ хуже?»—и злоба противъ судьбы и бѣдности, зависть, жажда роскоши и наслажденій закипѣла въ юной душѣ.

Эта вилла, глядѣвшаяся въ зеркало пруда,—развѣ справедливо, что она должна принадлежать старому холостому чудаку, ненавидящему шумъ, музыку, веселье? Говорять, внутри что за роскошь! Для чего эти оранжереи, эти грунтовые сараи?... Зося знала, что добрая половина цвѣтовъ и фруктовъ тайкомъ сбывалась сосѣдямъ. О, она бы этого не допустила, она сумѣла бы убраться цвѣтами.

не только цвѣтникъ передъ прудомъ. Ей врядь ли хватало бы ихъ на празднества, на украшеніе гондолъ, въ которыхъ разѣвзжала бы она по этому зеркалу съ музыкантами и пѣвцами. Ахъ, она сумѣла бы вдохнуть жизнь въ эту мертвую красивую декорацію. Какъ веселились бы всѣ кругомъ! Она была бы царицей, у ногъ ея сидѣлъ бы самъ Стасъ Запольскій, а она то благосклонно улыбалась бы ему, то отворачивалась равнодушно, чтобы хорошенько, хорошенько помучить его за то, что теперь «вы не можете жениться!» И онъ плакалъ бы, глядя на нее, ловя край ея воздушнаго, затканнаго серебромъ платья, онъ цѣловалъ бы слѣды ея стройныхъ ножекъ въ атласныхъ башмачкахъ.

— Вѣдь предсказала же мнѣ это цыганка, — прошептала дѣвушка, — и я вѣрю — это будетъ, будетъ, будетъ...

А въ обюссоновой столовой Арсеній Михайловичъ Колычевъ въ сотый разъ переворачивалъ короткую замѣтку иностранной хроники:

«Сегодня мы присутствовали на печальной церемоніи перевезенія тѣла маркизы С. Согласно волѣ покойной, прахъ ея будетъ покоиться не въ фамильномъ склепѣ, а въ маленькой деревушкѣ Баваріи, съ которой у нея были связаны какія-то воспоминанія молодости. Славянская чувствительность сказывается всегда, и годы, проведенные во Франціи среди цивилизованныхъ людей, не въ силахъ искоренить добродушной наивности этой младшей европейской и все-таки нѣсколько еще дикой расы...»

Старый дворецкій былъ пораженъ выраженіемъ лица барина, когда тотъ съ газетой въ рукѣ прошелъ не на веранду по обыкновенію, а въ ту розовую комнату, въ которую никто не входилъ.

Розовая комната. Мебель, стѣны, все обтянуто блѣднымъ слегка выцвѣтшимъ штофомъ. На сѣромъ фонѣ ковра, на бѣломъ потолкѣ, на фарфоровыхъ рамахъ зеркалъ и камина вьются амурсы съ гирляндами розъ.

Сорокъ три года подъ рядъ старый чудакъ самъ ревниво обметаетъ перовкою пылъ со всѣхъ этихъ улыбающихся и рѣзнящихся купидоновъ, и высокіе клены одни заглядываютъ въ стрѣльчатое окно и, качая вѣтви съ узорными листьями, шепчутъ тихо невнятные рѣчи.

Для кого предназначалось это розовое гнѣздышко? Кто долженъ былъ хозяйничать въ этихъ роскошныхъ покояхъ среди гобеленовъ и обюссоновъ, стараго севра и сакса? Для кого строилась эта бѣлая двухсвѣтная зала? Для кого выписанъ былъ весь выложенный мозаикой и серебромъ рояль, до успѣвшихъ пожелтѣть клавишъ котораго не коснулась пока ничья рука? И чей это портретъ виситъ, затянутый зеленою тафтою, въ ногахъ парадной кровати, гдѣ спитъ одиноко старый маньякъ? Знаете ли вы, древніе клены?..

И шепчутъ узорные листья:

«Не знаемъ... не помнимъ... забыли».

II.

Съ дыханьемъ бѣлаго левкоя

Сливаеъ запахъ резеда.

Зажглась вечерняя звѣзда.

Все полно мира и покоя.

(Изъ пѣсенъ «Забытой усадьбы» М. К.).

Зося сидѣла въ гостиной управительскаго дома, и изъ-подъ тонкихъ пальцевъ тихо лилась чудная мелодія шопеновскаго ноктюрна. Балконъ и ставни въ садъ были плотно закрыты, чтобы, сохрани Богъ, звуки музыки не долетѣли какъ-нибудь до бѣлой виллы, но черезъ двери смежной столовой, выходившей во дворъ своими широко распахнутыми окнами, вливалась вечерняя прохлада. Розовый отблескъ зари горѣлъ надъ березовой придорожною рощей. Со скотнаго двора доносилось мычаніе коровъ. Изрѣдка звучалъ человѣческій голосъ, да слышалось шлепанье босыхъ ногъ спѣшившей на погребъ молочной дѣвки.

Звуки стараго фортепяно то пѣли о какомъ-то сладкомъ предчувствіи, то рыдали о несбывшейся надеждѣ. Панъ Романъ стоялъ снова на крыльцѣ, а передъ нимъ переминался съ ноги на ногу худой и загорѣлый мужикъ, перебирая закорузлыми пальцами свой выцвѣтшій гречневикъ.

— Скажи, пожалуйста, и долго она тебѣ служила?—спрашивалъ панъ, цокая языкомъ о свой вышибленный спереди зубъ.

— Жеребенкомъ взялъ махонькимъ... соскою выкормилъ... съ дѣтьми баловался, что собачонка за ними бѣгалъ. А выросъ— что за конь былъ! четыре года пахалъ на емъ... и вдругъ...

— Ай-ай! Цо! Цо! что жъ такъ ни съ того, ни съ сего и издохъ?

— Да, кормилецъ! вдругъ прихожу къ ему въ стойло, а онъ и не встаетъ, лежить. А какъ его распучило, и глядѣтъ страшно... Такая бѣда!

— Это онъ, вѣрно, траву дурную съѣлъ. Ну-съ, такъ завтра,— и панъ перемѣнилъ свой участливый тонъ,—ты съ Кузькиными и Прохоровыми выѣзжай скородить въ Кожино.

— Помилуй, кормилецъ! Ослобони... На чемъ же мнѣ скородить-то?

— На чемъ хочешь, твоя очередь! Лошади пѣтъ,—у сосѣда займи, а не дадутъ—самъ впрягись!

— Кормилецъ! одолжи мнѣ хоть какую ни на есть лядащую — и мужикъ бѣхнулся поляку въ ноги.

— Далибугъ, откуда я тебѣ возьму? Самъ знаешь, наши всѣ на сѣнокосѣ,—и панъ Романъ хлопнулъ дверью и скрылся въ комнаты.

Постоялъ, постоялъ на колѣняхъ мужикъ, потомъ всталъ и пошелся, цѣдя сквозь зубы: «польская собака». Выйдя за ворота, онъ бросилъ шапку о землю и долго стоялъ въ раздумьѣ, наконецъ махнулъ рукою и побрелъ занимать лошадь у сосѣда.

— Въ кабалу изъ-за пса иди... или не снести ли старостѣ женины холсты? Будетъ выть баба, а что жъ подѣлать-то?..

А панъ Романъ, сидя въ любимомъ креслѣ у окна столовой, покуривалъ свою пѣнковую трубочку и наслаждался родной шопеновской мелодіей. Да, недаромъ онъ платилъ девять лѣтъ большія деньги въ монастырскій пансіонъ подѣ Варшавой. Зося стоила того. Если планы осуществляются,—а сегодня опять отъ Гроховскаго новый «окольникъ» (циркуляръ),—она явится достойной представительницей славнаго когда-то рода Юшкевичей. Ея образование и воспитаніе—про красоту и грацію что и говорить!—дадутъ ей возможность занять первое мѣсто въ рядахъ аристократіи освобожденной ойчизны... А дѣло налаживается... Медленно, но вѣрно... Денегъ большихъ стоитъ будетъ... Ничего... москали пусть расплачиваются. И панъ сталъ прикидывать, сколько нынѣшній колычевскій урожай принесетъ дохода дорогому для польскаго сердца дѣлу... Когда это приведется осуществить?.. Гм... освобожденіе хлоповъ, говорятъ, задумано не на шутку. Ну, что жъ? пусть его съѣзжается начальство... прикинемся вѣрноподданными, слезу отремъ... не въ первый разъ... А тамъ, черезъ годъ-другой... еще подождемъ... И хлопы не вѣ доволны останутся... намъ лучше... поднять и ихъ можно будетъ... И панъ Романъ вздохнулъ всей грудью.

Зося захлопнула крышку и встала.

— Фу, какъ ты громко вздыхаешь! Я не могу такъ играть!

Панъ Романъ притянулъ къ себѣ дочь.

— Вздыхаю о тебѣ, кошечка! Что жъ ты не расскажешь мнѣ, о чемъ тебѣ пишетъ Олеся?

— О чемъ? Графъ Свентицкій подарилъ ей шарабанъ на англійскихъ рессорахъ и пару серебристыхъ пони. Вѣлье ей заказали у кармелитокъ, все батистовое, со сквозною гладью. Платье выписано отъ Ворла. На фату ея бабушка, княгиня Глушка, отдала тѣ кружева, которыя у нея торговали для англійской королевы.

— И моя королева, моя Зося, завидуетъ Олесѣ? А?.. полно, ясочка! Всему свой чередъ! вѣрь твоему старому отцу—придетъ день, и у тебя будутъ наряды и платья изъ Парижа, и ты будешь кататься на кровныхъ коняхъ въ раззолоченной каретѣ.

— Но когда же, отецъ? Когда?

— А ты потерпи!—и панъ Романъ посадилъ дочь на колѣни и сталъ качать, какъ ребенка, а она обвилась руками вокругъ его шеи и, заглядывая своими синими звѣздами въ его узкіе, блиставшіе нѣжностью глаза, тихо запѣла:

Ой люли-люли!
Котка безъ кошули,
А котечекъ
Безъ майтечекъ—
Нема кому ушить!

Розовая заря догорѣла. Только въ просѣкѣ на самомъ небо-склонѣ огненная черточка соединяла черныя стѣны рощи. Огни зажглись на барскомъ дворѣ, обсаженномъ сплошной изгородью изъ боярышника. Но тамъ въ глубинѣ вѣкового сада, среди опьяняющихъ благоуханій левкоевъ и бѣлыхъ лилій черныя окна виллы, словно заколдованныя, отражались на серебрѣ пруда. Ни звука... ни огонька.

Въ нижнемъ этажѣ молча сидѣлъ на приступочкѣ крыльца старый дворецкій Прохоръ. Онъ сегодня былъ дежурнымъ и долженъ былъ ночевать на ларѣ въ прихожей вмѣстѣ съ казачкомъ Оедькой. Мальчикъ давно спалъ, свернувшись калачикомъ на войлокѣ. Камердинеръ Евграфъ прошелъ къ себѣ въ каморку и, кромѣ него и стараго барина, оставшагося у себя въ спальнѣ, во всемъ домѣ не было ни души.

Сорокъ слишкомъ лѣтъ держался этотъ разъ навсегда установленный порядокъ. Люди привыкли къ нему, и сами соблюдали очередь, кому ночевать въ прихожей, кому уходить въ людскую на старый дворъ.

Но сегодня Прохору показалось какъ-то особенно жутко. Очень ужъ было тихо кругомъ. Точно что-то таинственное совершалось вблизи... чья-то тѣнь глядѣла изъ-за угла... чей-то вздохъ застылъ въ мертвомъ безмолвіи. Летучая мышь кружилась по воздуху и то скрывалась на темномъ фонѣ деревь, то черной молніей мелькала на сиреновой пеленѣ ночного неба... Вотъ подлетѣла совѣмъ близко и чуть не задѣла крыломъ. Старикъ вздрогнулъ и перекрестился. Въ раскрытую дверь прихожей слышалось сопѣніе Оедьки.

— Пойти лечь нешто?

И крехтя онъ вошелъ въ комнату, помолился на уголь, снялъ либрейный фракъ и легъ на кожаную подушку, но сна не было.

Сторожъ колотилъ гдѣ-то въ доску. Въ паркѣ прокуковала сова. Рядомъ въ столовой башеннымъ боемъ пробили часы въ высокомъ деревянномъ футлярѣ. Имъ отозвались серебристымъ тонкимъ колокольчикомъ бронзовые въ кабинетѣ. Сквозь узкія стекла фрамуги смотрѣла золотая звѣздочка.

Прошло еще полчаса, и вдругъ среди мертвой тишины ясно слышался звукъ открываемаго окна. Старикъ вскоцилъ:

«Воры» было его первой мыслью. Нѣтъ! это наверху въ спальнѣ. Барину не спится. Онъ хотѣлъ уже итти будить Евграфа, но вспомнилъ строгій наказъ не выходить изъ прихожей безъ зова.

— А если ему неможется?

Соскользнувъ съ ларя, онъ осторожно вышелъ на крыльцо. Два окна верхняго этажа были ярко освѣщены, но свѣтъ лился неровно, точно не отъ свѣчки.

Надъ трубою, выведенной въ видѣ углового столба воздушной баллюстрады, окружавшей плоскую крышу, вилась розоватая

струйка дыма и, принимая причудливыя очертанія, уносилаь клочками къ пруду...

— Что тамъ? али онъ и взаправду колдуетъ?—И вспомнились Прохору окрестныя толки, приписывавшіе ихъ барину чуть не сверхъестественную силу.

Старикъ постоялъ еще нѣсколько времени, напрягая слухъ, но кругомъ царила нѣмая предразсвѣтная тишина. Онъ перекрестился, легъ снова на ларь и на этотъ разъ крѣпко уснулъ.

Солнце било прямо въ стекла фрамуги, и часы давно отсчитали шесть ударовъ, когда въ прихожую вошелъ Евграфъ. Это былъ тоже высокій старикъ, ровесникъ барина, съ которымъ онъ никогда за всю жизнь не разлучался.

— Эй, вы! вставайте! будите пана... боюсь, съ бариниомъ неладно: не достучусь!—(Арсенія Михайловича будили всегда въ шесть часовъ).

— Съ нами крестная сила!

Оедька, выпуча глаза, сидѣлъ на потникѣ.

— Ну, живѣе поворачивайся!—и испуганный мальчишка, трясаясь, какъ въ лихорадкѣ, полетѣлъ на старый дворъ.

— Да скажи, чтобы дохтура изъ больницы вызвали,—крикнулъ ему вдогонку Евграфъ.

— Христось съ тобой! можетъ, просто крѣпко спить.

— Спить подлинно крѣпко, пожалуй, что и не проснется.

Прохоръ хотѣлъ было рассказать о своемъ ночномъ наблюденіи, да какой-то голосъ шепнулъ ему, что лучше придержать языкъ за зубами.

Вскорѣ появился панъ Романъ въ своемъ широкомъ холщевомъ балахонѣ.

Онъ сильно раскраснѣлся и тяжело дышалъ.

— Стучаль ты?—допрашивалъ онъ Евграфа:—хорошо стучаль?

— Стучаль, какъ всегда... не отпираеть.

— А ключъ?

— Ключъ изнутри; сами знаете, баринъ всегда его въ замкѣ оставляетъ.

Панъ постучался одинъ, другой разъ, подергалъ точеную бронзовую ручку, началъ трясти тяжелую краснаго дерева дверь,—никакого отвѣта.

— Гм... Не рубить же ее топоромъ. Лѣстницу приставить, въ окно войти.

Онъ замѣтилъ, что одно изъ нихъ было распахнуто настезь. Панъ подаль свистокъ. Люди уже бѣжали со двора.

— Эй, лѣстницу сюда!

Лѣстница была принесена, но изъ-за высокаго фундамента она не достигала второго этажа.

— Слушай ты,—обратился панъ къ Оедкѣ:—Герасимъ влѣзеть наверхъ, а ты становись къ нему на плечи и полѣзай въ окно.

— Боюсь!—заревѣлъ мальчишка, но здоровый подзатыльникъ поляка образумилъ его и, всхлипывая и утирая носъ, мальчуганъ полѣзъ за долговязымъ Герасимомъ.

Внизу столпилась дворня и глазѣла, запрокинувъ головы, какъ Оедька карабкался за садовникомъ, какъ тотъ поднялъ его себѣ на плечи и мальчикъ, уцѣпившись за желѣзную обшивку подоконника, вползъ въ окно: но едва онъ спустился въ комнату, раздался его неистовый вопль: «Батюшки... боюсь, боюсь!»

Онъ метнулся обратно къ окну, но лѣстница была уже принята, и дворня снизу кричала:

— Дверь отомкни! ключъ поверни скорѣе!

Дрожащими руками Оедька повернулъ наконецъ ключъ, и панъ Романъ съ Прохоромъ и Евграфомъ вошли въ спальню.

На парадной кровати со сложенными накрестъ руками лежалъ Арсеній Михайловичъ. Лицо его было недвижно и величаво спокойно. Ни малѣйшаго безпорядка въ комнатѣ. Только въ каминѣ подъ сѣрымъ налетомъ пепла чернѣли мелкіе угольки. Евграфъ первый подошелъ къ покойнику и, положивъ земной поклонъ, уткнулся въ атласное стеганое одѣяло и зарыдалъ. Панъ Романъ перекрестился. Дворовые одинъ за другимъ пробрались по лѣстницѣ и робко тѣснились у дверей. Слышалось сдержанное «царство небесное;» всхлипыванье, сморканье.

Черезъ полчаса сквозь толпу протискивался человекъ въ очкахъ. Это былъ докторъ при сельской больницѣ. Твердою поступью подошелъ онъ къ кровати, откинулъ одѣяло, выслушалъ сердце.

— Зеркало подайте!

Евграфъ подаль маленькое складное зеркало. Приложили къ губамъ—оно не потускнѣло.

— Дай сургучъ!

Евграфъ принесъ сургучъ и зажегъ свѣчу.

Дворня, вытянувъ шею, съ любопытствомъ смотрѣла, какъ докторъ разстегнулъ воротъ рубашки и капнулъ на грудь барина расплавленнымъ сургучомъ. Зашипѣла горячая капля и, словно кровь, застыла на холодной груди надъ онѣмѣлымъ сердцемъ.

— Кончился...

Панъ Романъ подошелъ на цыпочкахъ.

— Умеръ?

— Ну да, конечно!

— А чѣмъ?

Докторъ пожалъ плечами, приподнялъ вѣко покойнаго, отянулъ запекшуюся и посинѣвшую губу и произнесъ:

— Разрывъ сердца... аневризмъ.

Полякъ отвелъ доктора къ окну и прищурился.

— А руки?—прошепталъ онъ, едва шевеля губами, чтобы никто не разслышалъ, и скрестилъ свои, какъ у Арсенія Михайловича.

Докторъ оглянулся. Руки были дѣйствительно сложены, точно покойникъ приготовился къ смерти. Онъ пожалъ плечами.

— Безъ вскрытія ничего сказать не могу.

Панъ замахалъ руками.

— Далибугъ!—я не къ тому... совсѣмъ не къ тому...—и, отскочивъ отъ доктора, полякъ началъ распоряжаться вполголоса.

Въ полдень въ бѣломъ двухсвѣтномъ залѣ съ завѣшенными люстрами и зеркалами лежалъ на столѣ владѣлецъ Колычева.

Вѣсть о кончинѣ барина разнеслась по селу, и крестьяне торопились прійти поклониться его праху. Но у дверей стоялъ на стражѣ Евграфъ и строго контролировалъ входящихъ: ни одна женщина не была впущена въ домъ.

— Пока барина не вынесутъ, женской нечести входу нѣтъ: при жизни ненавидѣлъ ихъ покойникъ, такъ и мертвого пусть не поганяютъ.

И когда пани Юзыня попробовала пройти въ залъ, старый камердинеръ встрѣтилъ ее такъ сурово, такъ широко разставилъ руки и такъ твердо вымолвилъ: «Нельзя! не приказано!» что ей пришлось ретироваться.

Не вступать же было въ драку съ москалемъ-хлопомъ ей, ясно-ведьможной пани Юшкевичъ.

III.

Вѣтви старья понура,
Росъ вѣка могучій дубъ,
Но его сломила буря,
Обрекла на срубъ.
Подъ своей узорной тѣнью
Давъ пріютъ мнѣ въ лѣтній зной,
Зналь ли ты, что крестной сѣнью
Встанешь надо мной?

(Изъ пѣсень «Забытой усадьбы» М. К.).

Кончилась вечерняя панихида. Сквозь завѣшенные окна слабо пробивается послѣдній свѣтъ зари. По залу носятся благовонныя струйки ладана и таютъ высоко подъ лѣпнымъ потолкомъ. Уныло гудитъ голосъ читальщика, сына отца дьякона, семинариста, пріѣхавшаго на вакаціи.

Евграфъ сидитъ въ дальнемъ углу на принесенной изъ прихожей табуреткѣ. Низко опустилась сѣдая голова. Старикъ прислушивается къ словамъ Псалмопѣвца, и вся его минувшая жизнь, неразлучно прожитая съ усопшимъ бариномъ, проходитъ передъ нимъ отрывками. Вспоминаются такія мелочи, такія подробности, которыя казались давнымъ-давно стершимися изъ памяти...

...Люди считали его барина богоотступникомъ, а онъ зналъ, что баринъ умѣлъ молиться... въ церковь заглядывалъ рѣдко, а дома молился. Въ молодости въ варшавскихъ уланахъ покучивалъ, чего грѣха таить! не разъ замертво пьянымъ привозили,—ну, и женщинами баловался, какихъ только кругомъ ни вилось... и денегъ бывало не хватало на подарки да шали... а потомъ все сошло, какъ съ той встрѣтилъ, сразу измѣнился, словно переродился, и не узнаешь. И чѣмъ его взяла, чѣмъ покорила? Тихая, скромная, все улыбается только, такъ кротко улыбается, да глаза большіе, ласковые...

Какъ шальной пріѣхалъ разъ.

«Женюсь,—говорить,—черезъ недѣлю ѣдемъ въ Россію (въ Баварію тогда, за границей были). Усадьбу приведу въ порядокъ, жить въ Колычевѣ будемъ. Только,—говорить,—два года ждать родители условіемъ поставили, а пока помолвку втайнѣ держать, потому молода очень».

Что жъ, батюшка, и дѣло! довольно покружились, пора на вотчинной землѣ осѣсть.

Та съ матерью въ Парижъ поѣхала, а они въ Колычево.

Пріѣхали, а усадьба, какъ по ней французы-то прошли, такъ полуразоренная и стояла. Не понравилось—бѣдно, тѣсно, не къ тому она, невѣста-то, привыкла. И выросъ этотъ новый домъ... старый со службами для хозяйства остался, «для прозы» (Евграфъ даже ухмылялся, вспомнивъ, какъ растолковывалъ ему Арсеній Михайловичъ это мудреное слово:—проза это вотъ все, что деньги приносить), а этотъ, ровно въ сказкѣ, въ самой глубинѣ сада, весь бѣлый, точеный, что кружево, да чтобъ въ воду глядѣлся, да цвѣты кругомъ...

Всѣ мужики по очереди на постройкѣ работали. Плотниковъ да каменщиковъ нагнали со всей губерніи, мастеровъ печныхъ, штукатуровъ, маляровъ выписали изъ Москвы, а главный архитекторъ изъ Питера наѣзжалъ. Цѣлымъ таборомъ рабочіе тутъ жили. Колычевскіе старики сильно тогда поваркивали, а мужья женъ вожжами учили, потому съ пришлыми баловство было затѣяли. А какъ домъ—вилла эта окончена была, чего-чего для украшенія внутри не навезли. Со всей заграницы, что лучшаго находили, скупали, сколько денегъ, прозы этой, ухлопано было! «Горки», что отъ матери достались, въ опекунскій заложить пришлось. Зато и посмотрѣть было на что!

Черезъ два года все готово было. Три раза за это время въ Парижъ на свиданіе съ невѣстой ѣздили. Лѣтомъ тоже вотъ въ іюнѣ поѣхали опять въ Баварію, гдѣ невѣста ждать должна была,—ни ни слуху, ни духу. Ждали недѣлю... въ Парижъ поскакали, оттуда въ Швейцарію, въ Италію,—словно въ воду канула, никто не знаетъ, ничего нигдѣ не слышали, а чуть не наканунѣ отъѣзда еще

въ Колычевѣ письмо получили: «жду, молъ, не дождусь»... Такъ и не дождались.

Потомъ ужъ черезъ полтора года въ Варшавѣ узнали, что мать за француза графа, за католика, ее замужъ отдала, потому что сами католички—польки были.

Помѣшался тогда въ умѣ баринъ, да такъ въ себя чтобъ совсѣмъ, почитай, никогда не пришли. Пробоваль онъ, Евграфъ, его уговаривать: «Не убивайтесь, молъ, сударь, другая сыщется...»

А онъ только посмотрѣлъ, да отвѣтилъ:

«Нѣтъ для меня никакой другой, и чтобъ ни одна ко мнѣ близко не подходила. Не она, а мать виновата. Я знаю,—она бы дождалась... она и теперь ждетъ. И я до ста лѣтъ ее ждать буду, а ты языкъ за зубами держи, и имени ея произносить ни передъ кѣмъ не смѣй».

Вернулись въ Колычево, стали ждать.

Все въ величайшемъ порядкѣ держалось—домъ, садъ, хозяйство, каждая вещь къ своему мѣсту, хоть сейчасъ хозяйкѣ вернуться,, и такъ больше сорока лѣтъ прошло.

Людямъ непонятно было, какъ можно жить такъ,—а онъ, Евграфъ, понималъ. Люди барина за чудака считали, онъ зналъ, что баринъ не чудакъ, а сердцемъ боленъ.

Сосѣди сперва наѣзжали. Первое время баринъ ничего, кое-кого и принималъ, да надоѣли. Извѣстно, какіе у господъ помѣщиковъ промежъ себя разговоры,—начнуть про урожай, про собакъ, а съѣдутъ на бабъ,—ну, а нашъ этого не терпѣлъ.

Все, все прощаль старый слуга своему барину, одного не понималъ: зачѣмъ онъ снова съ полякомъ связался, съ паномъ Романомъ! Раньше управляющій нѣмецъ былъ, Хранць Карлычъ, хорошій, хотя строгій, но справедливый, да померъ, и вотъ двадцатый годъ замѣняетъ его Юшкевичъ.

Кто рекомендовалъ этого шербатаго пана съ вышибленнымъ спереди, вѣрно, въ дракѣ, зубомъ? Какъ узналъ онъ о болѣзни нѣмца и почему подвернулся какъ разъ въ это время,—не могъ никогда разузнать старый вѣрный Личарда. Порою казалось ему, что это та, измѣнница, его подослала... Онъ даже разъ намекнулъ барину, что охота ему послѣ прошлаго водиться съ поляками. Арсеній Михайловичъ оборвалъ его и сказалъ:

«Всю молодость съ поляками прожилъ и худого не видѣлъ. Образованные люди, куда образованнѣ насъ... надо ихъ пожалѣть, потому неизвѣстно, какъ русскіе поступали бы, раздѣли иностранцы Россію, какъ мы ихъ страну раздѣлили».

У Евграфа при одной мысли, что Россію осмѣлились бы раздѣлить, сжались кулаки; онъ вспомнилъ, какъ въ юности подкарауливалъ съ отцомъ и дѣдомъ отсталыхъ французовъ и какъ бев-

жалостно истребляли ихъ его земляки изъ кремневыхъ ружей, ровно забѣглыхъ волковъ въ лѣсахъ.

Больно ныло сердце старика, вспоминая о послѣднихъ годахъ въ Колычевской вотчинѣ подѣ польскимъ кулакомъ. Много несправедливаго творилось, да довести до барина не хватало духа. Одинъ Богъ, вѣрно, стоны да удары розогъ на конюшнѣ считаль... Кроткое, преданное сердце не хотѣло осуждать того, кого такъ горячо и беззавѣтно любило, но инстинктъ чужалъ во всей этой жизни странную фальшь...

...А по небу плыли облака. Словно тѣни пробѣгали по бѣлому залу, когда они застилали небо. Звѣзды напрасно силились заглянуть въ высокія окна.

Не смотрите, звѣзды! Грустно глядѣть намъ, грѣшнымъ, въ ваши небесныя очи! Страшно держать отвѣтъ за бесполезно прожитую жизнь! Не найти оправданія за роскошь сказочныхъ палатъ и за обвѣтренныя крыши тѣхъ, кто строилъ ихъ...

Иванъ Николаевичъ Колычевъ, родной племянникъ и наслѣдникъ Арсенія Михайловича, сынъ его брата Николая, убитаго на Кавказѣ, пріѣхалъ изъ Горокъ на другой день къ вечеру. Едва ступилъ онъ на крыльцо, къ нему подошелъ Евграфъ и, поцѣловавъ въ плечо, подалъ ажурной работы бронзовый ключъ.

— Отъ бюро въ розовой комнатѣ. Баринъ мнѣ этотъ ключъ 20 лѣтъ назадъ дали, велѣли передать наслѣднику, когда помрутъ. У нихъ другой такой же на связкѣ будетъ.

Иванъ Николаевичъ поцѣловалъ старика въ сѣдую голову.

— Спасибо тебѣ! я этого не забуду!

Панъ Романъ, присутствовавшій при этой сценѣ, почему-то вдругъ сконфузился. Онъ поторопился наложить печати на двери кабинета и спальни, а о розовой комнатѣ и не подумалъ. «Цо! то!»

Поклонившись тѣлу дяди, Иванъ Николаевичъ прошелъ наверхъ. Евграфа онъ взялъ съ собой, а шана оставилъ въ дверяхъ.

Въ первый разъ посторонняя нога ступала за порогъ святилища. Противъ окна, сквозь тускляя стекла котораго вливался кроткій свѣтъ догорающаго лѣтняго дня, у штофной стѣны, окаймленной въ два ряда бѣлымъ рѣзнымъ багетомъ, стояло деревянное мозаичное бюро съ бронзовыми ручками и золоченой личинкой. Съ нѣжно-мелодичнымъ звономъ повернулся въ ней узорный ключъ, и взглядамъ Ивана Николаевича представилась удивительной работы внутренность въ видѣ бальнаго зала съ колоннами слоновой кости, съ зеркальными стѣнами и штучнымъ паркетомъ изъ чернаго и пальмоваго дерева. Дорогая игрушка, отъ которой каждая женщина пришла бы въ невольный восторгъ.

Евграфъ придавилъ одну пашку въ паркетѣ, и правая стѣна повернулась. За ней въ потайномъ ящикѣ оказался запечатанный

конвертъ съ четкой надписью: «Прошу распечатать тотчасъ по моей смерти».

Это была послѣдняя воля покойнаго.

«Все свое состояніе, движимое и недвижимое, въ чемъ бы оно посейчасъ ни оказалось, со всеѣми угодыями и людьми, завѣщаю поровну единственнымъ законнымъ наслѣдникамъ моимъ, племяннику и племянницѣ, дѣтямъ убіеннаго брата моего Николая. Вѣрнаго слугу моего Евграфа Птичкина отпускаю на волю и прошу положить до смерти ему его настоящее жалованье и содержаніе, чтобы ни въ чемъ ему нужды не знать, и земли двѣ десятины рядомъ съ усадьбою, и лѣсу на домъ, дабы могъ онъ и на склонѣ лѣтъ жить подлѣ и за могилою моею уходъ блюсти. А похоронить меня прошу не въ оградѣ церковной, ибо недостойнъ ея по великимъ грѣхамъ моимъ, а у пруда на кулигѣ въ саду моемъ, гдѣ вязъ прадѣдомъ саженыи стоитъ; ни камня, ни плиты на могилѣ имѣть не желаю, а только крестъ дубовый, некрашенный. Сія воля моя послѣдняя есть и очень прошу не итти противу нея. А наслѣдниковъ моихъ прошу: наградите всеѣхъ дворовыхъ моихъ и служившихъ мнѣ соразмѣрно заслугамъ и годамъ служенія, на что и назначаю пять тысячъ рублей ассигнаціями».

Въ концѣ завѣщанія, не скрѣпленнаго никакими свидѣтельскими подписями и припечатаннаго только фамиліной печатью, стояло:

«А дабы никому сумлѣнія не было, что сія духовная есть точно доподлинная воля моя, копія съ оной сдана мною въ алтарь церкви Іоанна Воина, что въ селѣ Колычевѣ, на храненіе іерею Матвѣю Приклонскому».

Эта приписка привела въ волненіе пана Романа: отецъ Приклонскій уже семь лѣтъ какъ умеръ, а о пакетѣ съ завѣщаніемъ отъ замѣнившаго его отца Никиты Вознесенскаго онъ ничего не слыхаль.

Приглашенный тотчасъ священникъ зналъ, однакоже, въ чемъ дѣло, и, скромно опустивъ глаза, на вопросъ поляка: зачѣмъ же онъ молчалъ?—отвѣтилъ, что, согласно надписи на пакетѣ, онъ обязанъ былъ передать его въ собственныя руки наслѣдника, и, вынувъ изъ-за пазухи точно такой же, какъ и найденный въ бюро, запечатанный гербовой печатью пакетъ, вручилъ его Ивану Николаевичу въ присутствіи прибывшаго кстати станового.

Иванъ Николаевичъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на поляка. Въ сущности въ завѣщаніи не было ничего, что мѣняло бы дѣло, умри дядя и безъ завѣщанія, развѣ доля сестры была бы поменьше, да похоронили бы Арсенія Михайловича въ оградѣ, гдѣ покоились его дѣды и прадѣды,—въ чемъ же дѣло?

Съ дѣланной улыбкой панъ отвѣтилъ:

— Такъ ничего, я просто не думалъ...

— Что русскіе попы молчать умѣютъ,—докончилъ отецъ Никита,—и не всякую тайну схизматикамъ выдаютъ.

Панъ Романъ растерялся, Онъ не ожидалъ такого отвѣта отъ тихаго и застѣчиваго отца Никиты. Наглый и привыкшій повелѣвать, онъ начиналъ чувствовать, что со смертью Арсенія Михайловича чѣмъ-то новымъ повѣяло въ Колычевѣ. Его Юзыню не допустили въ виллу; печати его оказались напрасными, и въ завѣщаніи онъ отдѣльно упомянуть не былъ. Одна у него таилась надежда, что это написанное двадцать лѣтъ назадъ завѣщаніе окажется недѣйствительнымъ и гдѣ-нибудь въ кабинетѣ или спальнѣ окажется другое, позднѣйшее, которое и ему принесетъ награду за долготѣльную вѣрную службу.

Размышленія его были прерваны вошедшимъ на цыпочкахъ Прохоромъ.

— Какъ прикажете насчетъ поминокъ? Вѣдь съѣдутся непременно господа, да изъ города все-таки будутъ. Гдѣ прикажете столы накрывать?—обратился старый дворецкій къ новому барину.

Колычевъ поморщился. Кошунствомъ казалось ему, едва унеся покойника, собирать сразу въ его закрытомъ для всѣхъ домѣ народъ для пиროванья, но дѣлать было нечего. И онъ распорядился, заперевъ всѣ остальные комнаты, открыть для гостей обѣ столовыя и смежную съ обюссоновой угловую боскетную. Для крестьянъ же разставить столы на старомъ дворѣ и поручить всѣ хлопоты пани Юзынѣ.

Эти категорическія распоряженія по сердцу ударили самолюбиваго поляка. Съ нимъ не совѣтовались, его ни о чемъ не спрашивали. Имъ и его женою распоряжались, какъ подневольными слугами?.. Но возражать онъ не посмѣлъ. И когда Иванъ Николаевичъ обернулся къ нему и сказалъ: «прошу васъ, панъ, распорядитесь немедленно!» онъ выскочилъ съ поклономъ за дверь и только погрозилъ кулакомъ выходявшему вслѣдъ Прохору, зачѣмъ онъ осмѣлился помимо него обратиться къ барину за приказаніями.

До глубокой ночи кипѣла въ усадьбѣ работа. Въ городъ былъ посланъ нарочный за винами и закусками. Поваръ Еремѣй съ тремя подручными что-то рубилъ и мѣсилъ въ нижней кухнѣ. На птичникѣ шла усиленная рѣзня цыплятъ и утокъ, и пани Юзыня, съ обиженнымъ лицомъ, при свѣтѣ сальнаго огарка отпускала изъ нѣдръ обширной прохладной кладовой цѣлые запасы пшена, рису, изюма и т. п. Подъ прадѣдовскимъ вязомъ, согласно волѣ Арсенія Михайловича, рыли могилу, а въ столярной тесали, строгали и сколачивали крестъ изъ срубленнаго еще весною отжившаго дуба.

Иванъ Николаевичъ не ложился. Долго стоялъ онъ у гроба, вглядываясь въ черты знакомаго лица. Просвѣтленнымъ казалось оно; почти радостная улыбка застыла на посинѣвшихъ губахъ, подъ темнымъ налетомъ обритыхъ усовъ. Густыя дуги бровей срос-

лись надъ переносицей—родовая черта Колычевыхъ, черта, по народному повѣрью, людей съ трагической судьбою.

«Кто же была она, эта женщина, которую ты такъ любилъ?—Иванъ Николаевичъ вспомнилъ о портретѣ.—Завтра снимемъ печати, и дѣло разъяснится».

Самъ онъ видѣлъ этотъ портретъ еще тринадцатилѣтнимъ кадетомъ и не могъ никогда забыть произведеннаго имъ на его отроческую душу впечатлѣнія. Въ послѣдній прїѣздъ съ отцомъ въ Колычево ему удалось незамѣтно прокрасться въ спальню дяди. Съ замираніемъ сердца отдернулъ онъ завѣтную занавѣску и обомлѣлъ. вмѣсто ожидаемой имъ красавицы въ парчѣ и напудренномъ парикѣ или царевны въ воздушныхъ тканяхъ и золотыхъ кудряхъ до пятъ, на него глянули изъ рамы сѣрые кроткіе глаза гладко причесанной, скромно одѣтой дѣвушки, съ книжкой въ рукѣ и съ дивной улыбкой на нѣсколько блѣдномъ личикѣ. Но взглядъ этихъ глазъ былъ такой живой, такой проникающей въ самую душу, что онъ не могъ оторваться отъ портрета. Только заслышавъ чьи-то шаги, онъ дрожащими руками задернулъ зеленую тафту и съ сильно бьющимся сердцемъ спустился въ залу...

Долго потомъ образъ этой дѣвушки смущалъ его юныя мечты, и теперь ему захотѣлось поскорѣе провѣрить свое дѣтское впечатлѣніе.

Но было бы святотатствомъ до похоронъ нарушать покой тѣхъ стѣнъ, гдѣ нашла наконецъ миръ истомившаяся при жизни душа. Завтра не за горами...

IV

Смолкъ молитвенный напѣвъ.
Звонъ гудить и замираетъ.
Солнце, землю отогрѣвъ,
Ярко на небѣ играетъ.
Боже! дай счастливый день
Для родныхъ деревень!

(Изъ пѣсень «Забытой усадьбы» М. К.).

Взошло солнце и снова спряталось за тучу. По вершинамъ старыхъ липъ и вязовъ перебѣгала рябь вѣтерка, и осиновые листья бились все быстрѣе и тревожнѣе на чуткихъ черенкахъ. Съ разсвѣта стали стекаться къ колычевской церкви крестьяне изъ окрестныхъ деревень. Старога барина, почти невидимо для ближайшихъ сосѣдей прожившаго слишкомъ сорокъ лѣтъ безвыѣздно на вотчинной землѣ, уважали всѣ. За что? За то ли, что паркъ его на, тридцати десятинахъ слылъ волшебнымъ садомъ, окружавшимъ не менѣе волшебный замокъ, когда-то воздвигнутый имъ для невѣсты? За вѣрность ли его памяти этой невѣрной красавицы? Или за тѣ длинныя и многія полосы ржи, гречихи, ячменя и овса, за сосновыя и березовыя рощи, за поѣмные луга, которые воздѣлывались,

охранялись, косились и убирались колычевскими мужиками, сгоняемыми на барщину сперва нѣмцемъ Хранць Карлычемъ, а потомъ полякомъ паномъ Романомъ?.. Никто изъ этихъ простыхъ людей не спрашивалъ: за что? Онъ былъ ихъ бариномъ, какъ его предки были барами ихъ предковъ. Онъ жилъ по-барски, и они пришли поклониться его праху, помолиться за упокой его души, помочь перенести его гробъ для отпѣванія въ старую каменную церковь, а оттуда и къ могилѣ, да кстати поглазѣть на съѣхавшихся на похороны гостей и потомъ помянуть его на барскомъ дворѣ за кутьей, которой хватить, конечно, на всѣхъ, сколько бы ни пришло народу.

На колокольнѣ сѣдой и полуглухой понамарь зорко глядѣлъ на барскую усадьбу, чтобы тотчасъ ударить въ колоколь, какъ вынесутъ гробъ изъ дома. Оба его внука, Ѳомка и Семка, глядѣли туда же, такъ какъ Ѳедотычъ не хотѣлъ положиться въ этомъ важномъ случаѣ на одни свои старческіе глаза.

Кругомъ колокольни вились бѣлогрудыя ласточки. Черные стрижи съ пронзительными взвизгами проносились мимо. Вѣтеръ завывая прорывался въ сквозные пролеты. А по небу бѣжали бѣлыя съ сѣрымъ облака, то скрывая солнце, то вновь уступая его ярко-голубымъ просвѣтамъ, и по зеленымъ яровымъ полямъ и по зазолотившейся уже кое-гдѣ ржи скользили быстрыя тѣни и захватывали по дорогѣ и островки рощъ, разбросанныхъ по всему простору, и сверкавшій только что извивъ быстрой Оболони, и кучки сѣрыхъ крышъ окрестныхъ деревушекъ. Бѣлая вилла рѣзко вырисовывалась на темной зелени парка. Съ вышины ясенъ былъ весь планъ вѣкового сада съ его прудами и аллеями. Въ сторонѣ справа правильнымъ параллелограмомъ лежалъ старый дворъ, обсаженный боярышникомъ, съ каменными столбами воротъ на дорогѣ, съ конюшнями и коровникомъ, обращенными къ полямъ, и съ кирпичной людскою, погребами и амбарами, глядѣвшими на деревню, а низкій сѣрый домикъ управителя своей красной крышей замыкалъ главную липовую аллею.

По условію, какъ только поднимутъ гробъ, дворецкій Прохоръ, кумъ Ѳедотыча, долженъ былъ настезь распахнуть среднія двери на террасу надъ прудомъ, чтобы похоронный перезвонъ сопровождалъ покойнаго во всю дорогу отъ самаго крыльца. Ѳомка и Семка соскучились отъ ожиданія и для развлеченія затѣяли игру; перебѣгая отъ одного пролета къ другому, они сплевывали по очереди внизъ на собравшійся народъ, какъ вдругъ раздался сильный окрикъ дѣда:

— Аль ослѣпли, пострѣлы? Не видите, что ударять пора?

И, наступивъ на доску, привязанную толстымъ канатомъ къ языку главнаго колокола, онъ поймалъ ухо Семки и яростно рванулъ его. Семка взвизгнулъ, но голосъ его потонулъ въ густой

волиѣ удара, а увернувшійся Ѳомка потянулъ со страха не ту веревку, и сразу послѣ прогудѣвшаго баса задрезжалъ тоненькій голосокъ «Ивановны», какъ звали Ѳедотычъ самый мелкій изъ колоколовъ, который однажды во время ремонта колокольни онъ едва разыскалъ граблей въ травѣ. Ѳедотычъ вырвалъ веревку у Ѳомки, и подъ его искусной рукою полился печальный перезвонъ, словно сама старая церковь заплакала и зарыдала, «видя во гробѣ безобразну и безславну, не имущую вида красоту» того, чье имя поминалось за каждой службой, за чье здравіе и благоденствіе клали, молясь, усердные поклоны и священникъ, и дьяконъ, и крестьяне.

Медленно, въ ногу шли несшіе гробъ. Черные шести носилокъ лежали на плечахъ постоянно мѣнявшихся носильщиковъ, потому что каждому мало-мальски причастному къ усадьбѣ хотѣлось потрудиться въ свой чередъ. Впереди мѣрно выступалъ Евграфъ съ полотенцемъ черезъ плечо и иконой баринова ангела, а за нимъ отецъ Никита, два священника изъ уѣзда и дьяконъ Зосима. Пѣвчихъ отдѣльно шедшихъ не было, но вокругъ гроба пѣлъ хоръ крестьянъ. Высокій семинаристъ-читальщикъ превратился въ регента и такъ усердно размахивалъ руками, что добился-таки стройности.

Иванъ Николаевичъ шелъ, какъ и всѣ, съ непокрытой головою. Ему почтительно кланялись стоявшія по дорогѣ въ сторонкѣ женщины и перешептывались о его видной осанкѣ и «чистомъ» лицѣ. Онѣ помнили наказъ Евграфа не подходить близко и тщетно пытались хоть издали разсмотрѣть черты усопшаго, котораго несли въ дубовомъ гробу, на половину покрытомъ тяжелымъ покровомъ изъ золотой парчи.

Шествіе обогнуло усадьбу и по обсаженной плакучими березами дорогѣ съ пыльными, заросшими крапивою канавами свернуло на улицу села. Грустно смотрѣли сѣрыя избы подъ соломенными крышами на того, кто ни разу за всю свою долгую жизнь не заглянулъ ни въ одну изъ нихъ, но старыя сморщенные бабушки, едва выползшія за ворота, не посылали ему вслѣдъ упрека.

— Царство небесное! Упокой, Господи, душу раба Твоего!— шептали завядшія, ввалившіяся губы, и тихія слезы капали на закорузные въ трудѣ пальцы, сложенные для крестнаго знаменія.

Какъ ни обижена была Евграфомъ пани Юзыня, но любопытство не давало ей покоя. Ей до смерти хотѣлось быть на отпѣваніи и, окончивъ всѣ свои хозяйственныя распоряженія относительно куты для крестьянъ, она постучалась къ Зосѣ.

Зося жила въ мезонинѣ, передѣланномъ для нея изъ чердака. Она не очень-то любила, чтобы мать поднималась къ ней наверхъ. Всегда эти визиты сопровождались какими-нибудь замѣчаніями или поползновеніями къ выговору, чего Зося не терпѣла.

— Зося, дитя! ты спишь?

— Нѣтъ, я давно одѣта, сейчас сойду!

— Нелзя къ тебѣ, душка? Мнѣ необходимо сказать тебѣ слово!

Зося въ черномъ платьѣ и шляпкѣ была совершенно готова.

— Что вамъ, мама?

Отцу она говорила «ты», а съ матерью, которую не особенно долюбивала, была на «вы».

— Ты одѣта? ты, значить, идешь въ церковь?

Зося, вообразивъ, что это упрекъ, приняла осиное выраженіе и вызывающе отвѣтила:

— Такъ что жъ изъ того? вѣру мѣнять не собираюсь! только такъ зайду!

— Ахъ, цурка, я и не думала того! Я сама хочу итти туда, да боялась одна... Подожди меня трошки, я сію секунду буду въ парадѣ.

И пани Юзыня необычайно легко и быстро скатилась съ лѣстницы.

Минуть двадцать пришлось ждать Зосѣ, пока мать, пыхтя отъ волненія, втиснула свои дебелыя тѣлеса въ корсетъ, зашнуровала платье, приладила шляпку и разыскала митенки. Зося оглядѣла пани Юзыню, милостиво переколола ей воротничекъ,правила цвѣтокъ и кружева головного убора и одернула шаль.

— Очень жаль, мама, что вы себя такъ распускаете: вотъ приодѣлись и сразу на благородную пани похожи стали.

Польщенная этой полудержкой похвалою дочери старая полька совсѣмъ расцвѣла и, гордо пріосанившись, пошла рядомъ съ красавицей Зосей ближайшей дорогой въ церковь.

Около церкви стояло нѣсколько разнокалиберныхъ экипажей—бричекъ, кабриолетовъ, колясокъ и тарантасовъ. Это изъ города и изъ сосѣднихъ помѣстій съѣхались помѣщики и тѣ праздные уѣздные жители, которымъ кажется, что ихъ священная обязанность присутствовать непременно на всѣхъ похоронахъ и свадьбахъ, и что дѣло безъ нихъ ни за что, какъ подобаетъ, не сладится. Многие изъ нихъ пытались въ прежніе годы завязать дружбу съ Арсеніемъ Михайловичемъ, но попытки ихъ послѣ двухъ-трехъ наѣздовъ въ Колычево поневолѣ прекращались, такъ какъ новый сосѣдъ не высказывалъ и не показывалъ ни малѣйшей склонности поощрять ихъ. Но кто же съ покойника взыскиваетъ? И не помнящіе зла дворянчики и чиновники поспѣшили въ колычевскую церковь отдать послѣдній долгъ усопшему и проститься съ нимъ послѣднимъ цѣлованіемъ. Нѣкоторые явились даже съ супругами, потому что искони велико любопытство дамское и не бывало еще на свѣтѣ женщины, которая отказалась бы проникнуть при первой возможности туда, куда ей бывалъ ранѣе запрещенъ входъ.

Когда пани Юзыня съ Зосей вошли въ церковь, онѣ едва могли пробраться сквозь толпу. Становой Супруненко, чуткій къ женской красотѣ и не разъ пивавшій старую вудку приготовленія пани Юзыни, загудѣлъ: «Посторонись! посторонись!» и обѣ дамы очутились почти у гроба.

Ихъ появленіе, благодаря всколыхнувшейся толпѣ, привлекло всеобщее вниманіе. Иванъ Николаевичъ обернулся вмѣстѣ съ другими. Видъ Зоси, одѣтой очень тщательно и весьма траурно, заинтересовалъ его, и глаза его нѣсколько разъ останавливались на ней. Кто она? Лицо ему показалось знакомымъ, но гдѣ и когда онъ ее видѣлъ, припомнить онъ не могъ и совершенно противъ воли сталъ ломать себѣ надъ этимъ вопросомъ голову.

А служба шла своимъ чередомъ. Кончилась обѣдня. Началось отпѣваніе. Дьячки и сыновья священника и дьякона пѣли на клиросѣ. Въ общемъ выходило недурно, потому что высокій семинаристъ умолялъ пѣть «помодератнѣе». Трогательные мотивы сливались съ чудными словами Дамаскина, и чуткая и музыкальная Зося поддавалась ихъ обаянію. Ей, въ сущности доброй и чувствительной, стало дѣйствительно жаль этого одиноко прожившаго свой вѣкъ старика, и слезы закапали изъ ея синихъ глазъ. А Иванъ Николаевичъ снова смотрѣлъ на нее.

— Кто она? кто? Гдѣ я видѣлъ ее?—спрашивалъ онъ себя недоумѣвая.

Потушили свѣчи. Громко и выразительно прочелъ отецъ Никита разрѣшительную грамоту отъ грѣховъ вольныхъ и невольныхъ и, вложивъ ее въ холодные пальцы мертвеца, широкимъ крестомъ перекрестилъ его и поцѣловалъ въ лобъ. Началось прощеніе. Иванъ Николаевичъ простился первый и сталъ около гроба. Одинъ за другимъ подходили присутствовавшіе. Зося терпѣливо ждала своей очереди. Ее неудержимо тянуло приложиться къ этой бѣлой восковой рукѣ, ей хотѣлось поблагодарить старика за всѣ свои девятнадцать лѣтъ жизни, проведенной на его землѣ. Въ эти минуты она была дѣйствительно искренна и размягчена душевно и, забывъ про Евграфа и про то, что ни одна женщина не смѣла приближаться къ покойнику, она поднялась по ступенькамъ катафалка.

Евграфъ, припавъ къ ногамъ своего дорогого «батюшки барина», безутѣшно рыдалъ. Онъ не видѣлъ, какъ Иванъ Николаевичъ невольно поддержалъ прощавшуюся Зосю, какъ встрѣтились взоры обоихъ. Дѣвушка прочла въ этихъ мужскихъ глазахъ такой интересъ, что ей захватило духъ. Смѣлая, до дерзости смѣлая мысль молніей блеснула въ бѣлокую головку, и вся искренность Зоси, вся ея естественность разомъ сошла. Движенія стали еще граціознѣе, выраженіе фарфороваго личика сдѣлалось ангельскимъ, и голосъ ея прозвучалъ, какъ небесная мелодія, когда она, слегка грацируя, произнесла:

— Oh, de grâce! merci, monsieur.

Сквозь опущенныя рѣсницы она начала слѣдить за малѣйшими движеніями Колычева. Да, отецъ былъ правъ! она будетъ ѣздить на кровныхъ коняхъ, она затмитъ Олесю роскошью и нарядами... А Стась? О, берегись! Не сдобровать тебѣ, графъ Стась Запольскій.

V

Когда ты будешь спать во мглѣ,
Холодной мглѣ могилы.
Туда сойду я и въ землѣ,
Къ тебѣ прижмусь, другъ милый.
Къ холодной, блѣдной и нѣмой
Прильну я въ муку страстной —
И скорѣ трупъ застынетъ мой,
Безтрепетный, безгласный...

(Изъ Гейне).

Подносы съ кутьей, плошки съ киселемъ, чашки съ блинами и штофы водки быстро опоражнивались. Кое-кто изъ крестьянъ, помянувъ въ послѣдній разъ покойника и сунувъ за пазуху не доѣденный кусокъ, уже брель домой, но его мѣсто снова занималось другимъ очереднымъ, и столы изъ тесовыхъ досокъ, положенныхъ на козлы, еще не пустѣли. Толстые шкалики ходили по рукамъ; и языки уже начинали развязываться. До мужиковъ дошли уже черезъ дворовыхъ слухи, что «новый»-то не то чтобы очень ласковъ съ паномъ былъ, а отъ приѣхавшихъ съ молодымъ бариномъ камердинера и кучера они узнали, что Иванъ Николаевичъ никого никогда по своей гусарской привычкѣ не слушаетъ и распорядиться при выкѣ самъ.

— И дѣло! на то и хозяинъ...

Смуглый и худой Агаѣонъ, котораго еще такъ недавно прижалъ съ лошадыю полякъ, заранѣе торжествовалъ.

— Конецъ ему, карачунъ, значить! Потому ежели говорить по правдѣ, по истинѣ, много мы отъ него терпимъ, а «новый» до всего дойти долженъ, какъ хозяйство принимать станеть. Полякъ какъ ни хитри, а въ отвѣтъ будетъ. Потому и надъ нимъ нынѣ управа сыщется. Это къ покойнику ходу не было, а я первый къ новому пойду. Вотъ те Христось! приду и все ему доложу, всю, значить, нашу обиду!

— Такъ онъ тебя, дурака, и послушаетъ! — возразилъ степенный Кузьма, давшій ему въ четвергъ лошады за два конца холстовъ и посейчасъ воющей о нихъ Акулины. — Ты ори погромче, авось еще отъ пана влетитъ на закуску?

— А ты чего, хохорь, лаешься?

— Ну, ты потише!

— Самъ потише, кровопиець, панскій угодникъ! Тебя бы съ полякомъ на одну веревку вздернуть.

— Это за то, что изъ бѣды тебя надѣсь выручилъ?

— А какъ выручилъ?

И озвѣрѣвшій Агаеонъ готовъ уже былъ вцѣпиться въ рыжую бороду Кузьмы, но сосѣди его удержали.

— Панъ идетъ!

Мужики присмирѣли. Панъ Романъ, пыхтя и цокая, обходилъ столы.

— Ну что, довольны?..—ему по привычкѣ хотѣлось прибавить «быдло», но онъ удержался и сказалъ: «братцы».

— Ишь ты! въ польскіе братцы попали!—сострилъ сѣдой Пахомъ. Онъ былъ въ отличномъ настроеніи послѣ вкусныхъ блюдъ и неразбавленной зеленухи.

Кое-кто фыркнулъ, а болѣе робкіе и забытые пробормотали:

— Спасибо на барской милости!

Въ это время на дворѣ показался Иванъ Николаевичъ. Лица просіяли.

— Хлѣбъ да соль!

— Милости просимъ! Кормилецъ ты нашъ! родной ты нашъ!

Крестьяне перелѣзали черезъ скамьи и тѣнясь окружили Колычева.

— Спасибо вамъ, что пришли помянуть вашего покойнаго барина. Сыты ли? Всѣмъ ли хватило угощенія?

— Всѣмъ! всѣмъ! Много вами довольны и много вами благодарны!

— Соколъ!—сказалъ сіяющій Пахомъ.

— Ужъ подлинно соколъ-орелъ!—раздались одобренія.

— А завтра всѣхъ прошу сюда къ полудню на дворъ снова, и кому какая нужда есть, пусть всякій не боясь выскажетъ.

Послѣ этой рѣчи восторгъ крестьянъ достигъ апогея.

— Дождались! дождались! услышалъ Господь насъ грѣшныхъ.

Панъ Романъ закусилъ усъ. Онъ совершенно ясно почувствовалъ, что царству его пришелъ конецъ.

Молча онъ удалился въ свою контору и заперся. Книги у него велись по внѣшности весьма аккуратно, потому что хотя Арсеній Михайловичъ въ подробности и не входилъ, но еще Францъ Карловичъ со своимъ нѣмецкимъ педантизмомъ пріучилъ его къ мѣсячнымъ подписямъ, и онъ, вѣрный однажды заведенному порядку, требовалъ и отъ поляка каждое первое число книги для просмотра.

Итальянская бухгалтерія со сложными переносами и итогами сослужила хорошую службу, и панъ Романъ ловко умѣлъ ею пользоваться. Но огни въ всему наступалъ конецъ. Онъ сознавалъ, что молодой Колычевъ не пойдетъ добровольно подъ его опеку. Нѣтъ, руководить имъ врядъ ли удастся. Надо найти такой

хитрый крючокъ, съ котораго нельзя никакъ было бы сорваться новому владѣльцу. И панъ Романъ погрузился въ думу у высокой конторки, испещренной чернильными пятнами и ему одному понятными выкладками.

А между тѣмъ брички и старомодные тарантасы и фэтоны увозили съѣхавшихся для похоронъ гостей.

Хотя поминальный столъ былъ и очень обильный, и вина прекрасныя, но гости, и особенно дамы и барышни, уѣзжали неудовлетворенные.

— Ну, ужъ и пріемъ намъ былъ!—говорила худосочная супруга помѣщика Чупрова.—Ни тебѣ выходу, ни тебѣ простору! что звѣрей, въ клѣтку заперли загнавъ. И расположиться отдохнуть, какъ слѣдуетъ, негдѣ!.. Не знаю, чего такъ кричали: амелировка! биссоны! Какіе такіе абиссоны? Просто грязныя, линючіе ковры на стѣны наколочены, и только. Я бы ихъ и на полъ постлатъ порезговала!

— А статуи, душенька!—возразилъ супругъ.

— Статуи? Ни одной цѣльной. У главной въ боскетной такъ обѣ руки обломаны по самыя плечи.

— Да, да... Но зато какое вино!.. а сигары!—и онъ затянулся благовонной сигарой.

— Ахъ, нельзя ли не обкуривать меня, и такъ тошно! Нога моя больше тамъ не будетъ.

Когда послѣдній тарантасъ съ умудрившимся до чертиковъ напиться помѣщикомъ Балахановымъ скрылся изъ виду, Иванъ Николаевичъ пригласилъ нарочно задержаннаго имъ предводителя дворянства, добродушнаго Илью Семеновича Караулова, и мѣстнаго Голяева, становаго Супруненко, снять печати въ присутствіи пана Романа и Евграфа.

Кабинетъ оказался въ обычномъ порядкѣ. Ни въ столѣ, ни въ пузатомъ бюро другаго завѣщанія не оказалось. Поднялись наверхъ.

— Да, кстати,—сиплымъ баритономъ сказалъ по-французски Карауловъ, переводя духъ на лѣстницѣ:—не помню, отъ кого слыхалъ я, что у покойнаго дядюшки вашего надъ постелью портретъ его невѣсты висѣлъ. Правда это?

— Какъ же, я самъ видѣлъ его!—отвѣтилъ Колычевъ и рассказалъ о своей мальчишеской продѣлкѣ.

Въ спальнѣ царилъ нѣкоторый беспорядокъ; ее не успѣли прибрать хорошенько, потому что панъ Романъ тотчасъ по перенесеніи тѣла поторопился наложить печати. Ни въ шифоньерѣ, ни въ комодѣ никакихъ бумагъ не нашлось.

— Очевидно, то завѣщаніе никогда измѣнено не было, и вы можете смѣло представить его къ утвержденію,—сказалъ Карауловъ.

Колычевъ подошелъ къ постели.

— Можетъ быть, покойный дядя положилъ за портретъ свое повдѣйшее распоряженіе? Онъ чтить его, какъ святыню. Надо все осмотрѣть хорошенько.

Занавѣсь раздвинулась. На стѣнѣ висѣла тяжелая золотая рама, и въ отверстіи ея торчалъ черный гвоздь съ толстой веревкой, и только. Самый портретъ исчезъ.

Евграфъ пошатнулся.

— Что жъ это такое? Съ нами крестная сила! Еще наканунѣ, въ среду, я самъ, какъ всегда, обтиралъ пыль и видѣлъ его. Господи, Царица Небесная! Куда же онъ дѣлся?

Панъ Романъ молчалъ, закусивъ усы.

Супруненко сильной рукой сдвинулъ массивную кровать.

— Можетъ, завалился?

Евграфъ полѣзъ подъ нее, но ни за спинкой, ни на коврѣ ничего, кромѣ пыли, не оказалось.

— Можетъ быть, дядя перенесъ его куда-нибудь самъ?

Евграфъ покачалъ головой.

— Баринъ его сорокъ лѣтъ не трогали. Какъ разъ повѣсили, такъ онъ тутъ и висѣлъ... Да что я... Въ самый послѣдній вечеръ, — они уже въ постели бѣли, меня позвонили, чтобъ дровъ въ каминѣ подложить и затопить, они зябкіе были... Я вошелъ, а занавѣска отдернута была, и портретъ на мѣстѣ висѣлъ. Они на ночь его завсегда открывали, чтобъ смотрѣть на него, засыпая...

— И ты увѣренъ, что въ послѣдній вечеръ въ среду видѣлъ его на стѣнѣ?

— Видѣлъ и присягу въ томъ принять готовъ.

— погоди!—забасилъ Супруненко:—ну, а утромъ, какъ вошелъ къ покойнику, что жъ тоже видѣлъ его?

— Къ утру баринъ сами его закрывали. Когда я къ нимъ входилъ, занавѣска всегда ужъ задернута была.

— Куда же онъ въ такомъ случаѣ дѣлся?—спросилъ панъ Романъ.

— А ужъ о томъ не у меня спрашивайте, а у того, кто унесъ его.

Для успокоенія совѣсти обошли всѣ комнаты, обыскали розовый будуаръ—портрета нигдѣ не оказалось. Какъ могъ онъ исчезнуть изъ рамы? Кто дерзнулъ вынести его изъ запечатанной комнаты?

Когда всѣ разошлись и остался одинъ Карауловъ, собиравшійся переночевать въ Колычевѣ, Иванъ Николаевичъ сказалъ:

— Знаете, это таинственное исчезновеніе портрета меня тѣмъ болѣе удивляетъ, что, мнѣ сдается, сегодня на отпѣваніи я видѣлъ его оригиналь.

— Какъ такъ?

— Вы не замѣтили дѣвушки въ траурѣ, которая одна рѣшилась дать послѣднее цѣлованіе усопшему?

— Да, но это была Зося!

— Какая Зося?

— Дочь пана Романа, и, признаюсь, меня эта польская развязность прямо возмутила. Помилуйте, ей-то больше всякой другой было известно отношеніе покойника къ женщинамъ—и лѣзть съ цѣлованіемъ!.. по-моему, это было верхомъ безтактности!

— Такъ это дочь пана Романа! Странно, какое совпаденіе! Вы знаете, я цѣлый день ломалъ голову, гдѣ я раньше видѣлъ ее.

— Да, конечно, тутъ же въ Колычевѣ, вы просто объ этомъ забыли.

— Нѣтъ, я съ Зосей, какъ вы назвали ее, никогда не встрѣчался, я помню навѣрно. Я видѣлъ ее на этомъ исчезнувшемъ портретѣ. Да, да! я теперь только сообразилъ все это. Тотъ же овалъ лица, та же улыбка, тѣ же глаза... Вы не знаете, что покойникъ обращалъ когда-нибудь вниманіе на это сходство?

Карауловъ развелъ руками.

— Ну, батенька, нашли кого спрашивать! Мы съ вашимъ дядюшкой разъ въ два года видались и о политикѣ только говорили. Развѣ при немъ о женщинахъ говорить языкъ повернулся бы? Допросите лучше Евграфа, онъ одинъ смѣлъ разговаривать съ нимъ. А относительно этого пана примите совѣтъ: сбудьте его! Человѣкъ мнѣ довѣрія не внушаетъ.

— Да,—отвѣчала Иванъ Николаевичъ:—о немъ я слышался достаточно съ давнихъ поръ и нахожу, что онъ требуетъ безпощадной провѣрки за всѣ эти двадцать лѣтъ. Думаю, знай дядя хоть десятую долю ходящихъ о немъ слуховъ, онъ и недѣли не продержалъ бы его.

Прощаясь на другое утро съ хозяиномъ, Карауловъ, уже сидя въ своей щегольской коляскѣ, сказалъ ему по-французски:

— Все-таки исторія съ портретомъ такъ таинственна и интересна, что я крайне буду обязанъ вамъ, если вы мнѣ сообщите со временемъ ея развязку.

— Непремѣнно!

— До свиданья! Загляните какъ-нибудь и ко мнѣ!

Они еще разъ пожали другъ другу руки, и тройка, позванивая своими въ ладъ колокольчику подобранными бубенцами, обогнула стриженную лужайку съ высокой вазой посередкѣ и скрылась за узорными чугунными воротами.

Иванъ Николаевичъ тотчасъ же позвонилъ Евграфа.

— Слушай,—сказалъ онъ:—я обѣщаю сто рублей серебромъ тому, кто разыщетъ портретъ или укажетъ, гдѣ искать его. Объяви объ этомъ другимъ. Кстати, я хотѣлъ спросить тебя: ты хорошо помнишь его?

— Какъ же не помнить! Сколько лѣтъ смотрѣлъ!

— Ну, а ту, съ кого онъ писанъ, помнишь?

Евграфъ потупился.

— Баринъ, воля ваша, а я ничего про нее говорить не стану. Съ меня батюшка-баринъ клятву взяли, не пытайте меня!

И онъ упалъ Колычеву въ ноги.

— Полно, старикъ! встань. Ни о чемъ я тебя пытатъ не хочу, ни слова о прошломъ спрашивать не стану. Одно лишь скажи мнѣ, что эта барышня, управителява дочка, похожа, по-твоему, на портретъ?

Евграфъ раскрылъ глаза.

— А кто ее знаетъ, я на нее никогда не глядѣлъ.

— Ну, такъ погляди какъ-нибудь, и скажи мнѣ, не найдешь ли въ ней какого сходства.

Можно себѣ представить, какіе толки и разговоры поднялись въ людскихъ, когда Евграфъ передалъ по порученію барина обѣщаніе награды тому, кто отыщетъ слѣдъ пропавшаго портрета! Послѣ беспорядочныхъ споровъ, дошедшихъ по русскому обычаю до личностей и отборной брани, образовалось два рѣзкихъ мнѣнія. Одни, скажемъ, практикы, рѣшили, что портретъ спрятанъ паномъ Романомъ — онъ входилъ въ спальню послѣдній и сдѣлалъ это съ намѣреніемъ получить за находку награду. Другіе, съ душою, склонной къ мистицизму, утверждали, что портретъ исчезъ сверхъестественнымъ образомъ и въ дѣло вмѣшалась нечистая сила. Бѣлая вилла приняла въ ихъ глазахъ такой отпечатокъ, что они крестились при одной мысли ступить на ея порогъ.

Евграфъ, вообще привыкшій держать языкъ за зубами, почувствовалъ реалистамъ, хотя громко и не высказывался. Ему, до произнесенія кончателнаго приговора, хотѣлось предварительно разсмотрѣть Зою.

На сторонѣ мистиковъ оказался Прохоръ. Онъ таинственнымъ шопотомъ разсказалъ, какъ видѣлъ неровно ложившійся свѣтъ изъ спальни, «а надъ крышей въ то время вилося что-то свѣтлое, ровно твой дымъ».

— Дымъ и былъ, — отвѣчалъ Евграфъ: — потому я съ вечера еще каминъ затопилъ, баринъ на ночь тепло любилъ, а въ тотъ вечеръ сыровато было.

— А къ чему жъ окно-то растворилось? Не иначе какъ она туда влетѣла! Сперва летучей мышью кругомъ такъ и сигала, такъ и сигала по воздуху вокругъ меня. Я едва открестился.

Евграфъ оиѣшилъ. И впрямь, — то топить велѣлъ, а тутъ окно настезъ оставилъ?

И дѣло окончательно затемнилось.

VI.

Дымится факель. Музыканты
 Парно выстроились въ рядъ.
 Мундиры, фраки, шарфы, банты
 Въ объятъя принялъ сонный садъ.
 Вторягъ алыты пѣвучей скрипкѣ.
 Огнями вспыхнулъ темный прудъ,
 И потревоженные рыбки
 Пугливо къ берегу плывутъ.
 Все веселѣй напѣвъ зазорный.
 Змѣю вьется полонезъ.
 Вошелъ онъ въ гротъ аллеи черной,
 И, потонувъ во тѣмѣ, исчезъ...
 (Изъ пѣсенъ «Забытой усадьбы» М. К.).

Тѣмъ временемъ крестьяне собрались на старомъ дворѣ.

Агаѳонъ сіялъ. Все, все узнаеть баринъ, нечего стѣсняться, баринъ не гордый, каждаго выслушаетъ и разсудить всякое дѣло.

На блюдѣ, покрытомъ расшитымъ полотенцемъ, лежалъ свѣжій коровой хлѣба съ берестовой солонкой, наполненной до краевъ сѣрватой грубой солью. Едва показался Иванъ Николаевичъ, староста Дороевъ и сребровласый Пахомъ, ставъ на колѣни, поднесли ему блюдо.

— Не побрезгуй, родимый, нашимъ хлѣбомъ-солью! Вѣкъ тебѣ барствовать надъ нами, а намъ, холопамъ, по гробъ жизни вѣрою служить тебѣ.

Иванъ Николаевичъ поднялъ обоихъ и положилъ на блюдо деньги.

— Спасибо, ребята! А теперь поговоримъ по душѣ.

Агаѳонъ не ошибся. Онъ первый повѣдалъ бѣду свою, и тотчасъ же былъ отданъ приказъ отпустить ему одну изъ рабочихъ лошадей, за что до Пожрова онъ долженъ былъ приходиться на лишніе четыре часа въ недѣлю на барщину. Условіе для колычевскихъ крестьянъ неслыханное по легкости. Кузьма—не Рыжій, а Широкий, прозванный такъ за несоразмѣрно широкую по низкому росту фигуру—получилъ лѣсу на новый срубъ. Кривая Арина-солдатка добилась соломы на крышу, не дожидаясь новаго умолота. Относительно сдачи въ рекруты баринъ заявилъ, что самъ провѣрить всѣ списки, и очередь будетъ отнынѣ соблюдаться вполне безпристрастно.

— Помните, что всѣ вы для меня равны, и нѣтъ для меня никого ни выше, ни ниже другихъ. Ваши бѣды и нужды мнѣ столь же близки, какъ и мои собственные, и только для лѣниваго, пьянаго и вора никогда у меня снисхожденія не найдется...

Ликуя, разошлись крестьяне, и долго на селѣ слышались ихъ веселыя рѣчи и бесѣды.

Было воскресенье, но хотя молодлицы и нарядились въ свои «жаркія пунцовки» (желтые шелковые платки, завязанные узломъ на затылкѣ и образующіе нѣчто въ родѣ повойника) и темные съ яркими букетами, перешедшіе къ нимъ отъ прабабокъ матерчатые сарафаны, хотя и надѣли дѣвушки цвѣтные передники и бѣлые пышные кисейные рукава, но игрѣ и пѣсенъ не играли. Впечатлѣніе вчерашнихъ похоронъ еще не изгладилось, и шумное веселье казалось некстати. Взявшись подѣ руки, длинными, чуть не во всю ширину улицы, шеренгами ходили онѣ по селу и чинно щелкали сѣмечки. Парни съ армяками въ накидку стояли въ сторонѣ и переглядывались съ ними, но въ разговоры не вступали. На завалинкахъ сидѣли древніе старики и старухи. Маленькіе ребятишки въ длинныхъ рубашонкахъ копались у ногъ ихъ въ пыли, играя въ камешки и щечочки. Мальчики постарше тѣшились на задахъ въ бабки и громко выражали одобреніе каждой ловко запущенной свинчаткѣ. На бревнахъ, заготовленныхъ для новыхъ срубовъ, сидѣли группами мужики и судили-рядили о совершившейся въ ихъ судьбѣ переменѣ. Сами пессимисты чувствовали, что нѣтъ пока причины не довѣрять барину, и, можетъ быть, за все время существованія села Колычева не бывало для всѣхъ болѣе мирнаго и счастливаго дня.

Иванъ Николаевичъ, благодаря бесѣдѣ съ крестьянами, убѣдился въ правильности своего мнѣнія относительно пана Романа, но не хотѣлъ поднимать непріятности въ праздникъ и ушелъ послѣ разговора въ паркъ.

День былъ пасмурный, одинъ изъ тѣхъ іюльскихъ дней, когда чувствуется наступающая переменна погоды. Дождя еще нѣтъ, но кто не успѣлъ убрать сѣна, торопится скорѣе раскидать его въ послѣдній разъ по лугу, чтобы потомъ спѣшно сметать въ кошны и навить въ стога. Ароматъ зацвѣтающихъ лигъ едва слышенъ, но зато жасминъ и всѣ бѣлые, лишь къ ночи душистые, цвѣты пахнутъ сильнѣе. Недвижно зеркало пруда. Деревья не шелестятъ. Даже осина стоитъ безмолвно, опустивъ чуткіе листы. Только одинъ трепещетъ высоко на самой верхушкѣ. Отпѣты весеннія птичьи пѣсни, и соловьи, и горихвостки лишь тревожно чокаютъ при приближеніи человѣка. Тихіе, тихіе дни, и тихо становится на душѣ, тихо и грустно.

Въ такомъ настроеніи Колычевъ обошелъ паркъ и прошелъ на могилу дяди, на прадѣдовскую кулигу.

Эта кулига была конечной цѣлью рѣдкихъ въ общемъ прогулокъ Арсенія Михайловича. Она лежала при соединеніи пруда съ Оболонью и когда-нибудь была просто плотиною, задерживавшей спадъ воды въ лѣтнія засухи, но теперь, благодаря запрудѣ для мельницы, построенной еще Францемъ Карловичемъ ниже по теченію, роль ея упразднилась. При самомъ началѣ этой искусствен-

ной косы росъ огромный вязъ, увитый хмелемъ и окруженный дерновой скамьей. Подъ его вѣтвями высился свѣжій дубовый крестъ. Могильная насыпь была уже обложена дерномъ и засажена цвѣтами изъ парниковъ. Видно, Евграфъ до педантизма точно взялся за уходъ за мѣстомъ упокоенія своего батюшки-барина.

Эта вѣчная забота объ изяществѣ жилища словно даже и по смерти занимала стараго маньяка. А какъ велика была эта манія, свидѣтельствовала всякая мелочь бѣлой виллы. Самъ Колычевъ зналъ толкъ въ обстановкѣ и красивыхъ вещахъ, и его тонкій вкусъ былъ очарованъ художественнымъ подборомъ тканей и рисунковъ, гармоніей красокъ и линій въ отдѣлкѣ каждой комнаты. На какую полную и роскошную жизнь было рассчитано это человѣческое жильё и вотъ слишкомъ сорокъ лѣтъ стояло пустое и молчаливое, обитаемое одинокимъ холостякомъ!

«Да вѣдь и я бобыль!—подумалъ Иванъ Николаевичъ.—Ужъ не жениться ли мнѣ вторично?»

И передъ нимъ пронеслась вереница женщинъ, съ которыми послѣ смерти жены онъ вступалъ въ короткія и непрочныя связи... Нѣтъ, подходящей не оказывалось. Да и клятва его связывала: у гроба покойницы своей Полины поклялся онъ, что никто никогда не займетъ ея мѣста.

Онъ вздохнулъ. Колычево достается ему по закону, это родовая земля, вотчина. Что жъ! онъ слѣдуетъ ее своей лѣтней резиденціей... Да и сестра его Сашенька съ мужемъ не откажутся погостить не разъ. Гм... тоже бездѣтные!.. Во всякомъ случаѣ все будетъ сохранено въ существующемъ видѣ, и ни одной вещи онъ не позволить тронуть съ мѣста.

А у пана Романа сидѣлъ гость. Это былъ двоюродный племянникъ пани Юзыни, Валекъ Домбровский, котораго панъ Романъ поставилъ управляющимъ къ сосѣднему помѣщику Софронову, бывшему откупщику. Въ «Новое» сбывались негласно излишки колычевскихъ оранжерей и грунтовыхъ сараевъ, туда же по сходной цѣнѣ уступались избытки птичнаго и скотнаго дворовъ, и все это составляло немалое подспорье жалованью поляка.

Но Валекъ пріѣхалъ не по этимъ дѣламъ. Уже цѣлый часъ онъ сидѣлъ запершись съ паномъ Романомъ въ конторѣ, и лица обоихъ были озабочены.

— Какъ же мнить панъ, въ случаѣ у хозяина имѣется кто другой въ виду?

— Милѣйшій Валекъ! эта катастрофа свалилась мнѣ какъ снѣгъ на голову. Я до сихъ поръ опомниться не могу... Не могъ пожить еще старикъ... Вѣдь начини мы дѣло при немъ, я голову отдалъ бы на отсѣченіе, что онъ намъ поддержку бы самъ предложилъ. Я почти навѣрно знаю, что его невѣста полька была, да и

самъ онъ пріятелемъ съ Чарторыйскимъ былъ. Недаромъ онъ не только Мицкевича, но и Словацкаго и Красинскаго наизусть зналъ.

— А развѣ у пана нѣтъ надежды, что и племянникъ одинаково съ дядей мыслить?

— Цо-то! Этотъ?.. Москаль заядлый, кацапъ до мозгу костей.

— Но почему же рѣшили панъ, что уходить придется? Можетъ быть, и безъ ссоры дѣло уладится.

— Почему? До мужиковъ ласковъ, съ челядью и попами тоже, а намъ съ Юзыней руки не подалъ... Точно мы хлопы его... Не посадилъ ни разу... Да не въ томъ дѣло. Бачуть, онъ до всего самъ доходить, всюду носъ совать любить. Того и гляди отчета потребуетъ, а тогда много ли на дѣло наше достанется? Гроховскій пишеть мнѣ, на однѣхъ взятки въ таможднѣ ему сразу тысячи потребуются, а откуда я возьму? Цо-то, новому итальянской бухгалтеріей и 500 р. не замажешь. А я только недавно послѣднія крохи имъ отослалъ, а тутъ и Зосѣ деньги нужны. Не могу же я ее къ Запольскимъ въ домашней запаскѣ отправить! Дѣвочкѣ и платьице, и кружево, и сапожки, и бурнусъ, и мало ли что еще треба. Не хуже другихъ, цо-то, быть хочется.

— Пана Зося діамантъ, ей своей красоты довольно.

— Э, полно, панъ Валекъ! Діаманту и оправа золотая нужна, — и панъ Романъ хитро прищурился. — Потому-то я и радъ ее къ Запольскимъ услатъ. Развѣ мѣсто ей здѣсь. Цо-то! Ни одного жениха, достойнаго моей цурки кругомъ. А тамъ съ ея красотой и талантами ужели она себѣ пары не сыщеть? Далибугъ! — и онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь: — не буду я панъ Романъ Юшкевичъ, если она отсюда либо графской, либо княжеской невѣстой не вернется!

Панъ Валекъ только вздохнулъ въ отвѣтъ. Онъ понялъ, что Зося не про него писана, и потому перевелъ разговоръ на прежнюю тему.

— Такъ если у молодого хозяина есть свой управляющій и пану придется искать новое мѣсто, не лучше ли и мнѣ вернуться въ Польшу? Что мнѣ тутъ одному среди москалей дѣлать?

— Цо-то! А зачѣмъ пану мѣсто оставлять? Панъ скажетъ — одинъ въ полѣ не воинъ. Но панъ не одинъ. Онъ знаетъ, кругомъ есть свои. У Лядовыхъ панъ Быховець въ учителяхъ при младшемъ сынѣ; у Маркошиныхъ панъ Пшодикъ конскій заводъ ведетъ; въ городѣ трое — Краковскій, Берчекъ и Завидичъ — въ палатѣ служить. И чѣмъ больше своихъ въ сердцѣ Россіи, тѣмъ лучше. Каждому дѣло найдется. Нашъ часъ еще не пробилъ. Рано... Это тамъ въ Варшавѣ да за границей они горячку порютъ. А, по-моему, снѣшить некуда. Лучше подождать, а пока ухо насторожѣ держать. Вонъ говорятъ, освобожденіе хлоповъ недалеко. И дай Богъ поскорѣе! Довольныхъ мало будетъ, кому охота людей и землю почти задаромъ отдавать? А намъ это и кстати. Чѣмъ меньше друзей у

нынѣшняго правленія, тѣмъ больше у насъ... Свободой запахло,— мужиковъ, быдло на волю отпускаютъ, а о насъ забыли? Наше ярмо никто облегчить не хочетъ? Такъ мы сами облегчимъ его!

— Вѣрно, панъ! Чего не отдадутъ по доброй волѣ,—то мы отнимемъ съ оружіемъ въ рукахъ!

И панъ Валекъ махнулъ по воздуху своимъ тонкимъ хлыстомъ съ серебряной ручкой.

— А все-таки, что же панъ рѣшилъ, если уходить придется?

— Что рѣшилъ? Ничего не рѣшалъ... Софроновъ скоро вернется, его подожду, а пока въ городъ переѣду. Ну, да и не сказано еще, что я уйду... Цо-то! Ему не такъ-то легко безъ меня справиться будетъ.

Романъ усмѣхнулся.

— Онъ думаетъ, я не знаю его? А я все про него знаю... Хозяинъ онъ, какъ всѣ москали, только по кличкѣ, а дѣлъ своихъ устроить не умѣетъ. Вонъ его Горки—золотое дно, одинъ лѣсъ что доходу дать можетъ. Другого такого и въ округѣ нѣтъ. А у него изъ-подъ носа воруютъ. Онъ пашню держитъ, а я бы всю ее подъ оброкъ мужикамъ сдалъ, да лѣснымъ бы дѣломъ занялся, да пчельники бы настроилъ. У него мужики всѣ пьяницы да лѣнтяи, а у меня ни одного кабака кругомъ. Софроновъ хотѣлъ по старой привычкѣ свой въ Новомъ открыть, а я его разубѣдилъ. Онъ мельницу построилъ и не нахвалится, а ихъ сотни и безъ того вездѣ, а я бы лѣсопилку на ея мѣстѣ поставилъ, да не простую, а паровую. Э, да что говорить! Кацапъ—одно слово...

Панъ Валекъ опять вздохнулъ.

— Да что это панъ все вздыхаетъ? Вонъ Зося прошла. Идите лучше, панъ, до дамъ. А я книги свои прогляжу. Чую, завтра москалю занадобятся.

Валекъ покорно всталъ и направился въ гостиную. Пани Юзыня любезно приняла его, а черезъ минуту сошла и Зося.

— Гдѣ отецъ?

Панъ Романъ въ конторѣ, занимается—и Валекъ подсѣлъ къ молодой дѣвушкѣ и сталъ спрашивать объ Олесѣ и Запольѣ.

Зося отвѣчала разсѣянно, но ея красота такъ обаятельно дѣйствовала на него, что онъ забылъ и Романа, и его мечты о будущности дочери. Онъ дѣлалъ Зосѣ сладкіе глаза, крутилъ бѣлокурые длинные усы, которые можно было связать узломъ на затылкѣ, и щелкалъ себя изящнымъ хлыстикомъ по высокимъ лакированнымъ сапогамъ.

Но Зося была къ нему болѣе чѣмъ холодна. Ей не терпѣлось сплавить ухаживателя, чтобъ повѣдать пани Юзынѣ тѣ падавшія на отца подозрѣнія въ кражѣ портрета, о которыхъ ей только что успѣла сообщить преданная ей дворовая дѣвочка Таська. Таська боготворила Зося за поношенные бантики и ленточки,

перепадавшіе на ея долю, да и обращалась Зося съ нею очень ласково и болтала о всякихъ пустякахъ, потому что другой, болѣе подходящей для нея подруги въ Колычевѣ не было.

Но пани Юзыня, какъ многія женщины ея возраста, была весьма чувствительна ко всѣмъ «томимымъ страстью вѣжной» и, замѣтивъ влюбленные взоры и вздохи Валека, сказала дочкѣ:

— Ты бы, цурка, показала Валеку паркъ, онъ хорошенько еще не видѣлъ его. И на могилу пана Арсенія свела бы его, все-таки интересно.

— У меня голова болить.

— Вотъ и отлично, пройдишь тропки!

— Сейчасъ дождь пойдетъ!

— Ну, такъ сыграй намъ что-нибудь!

— Ахъ, и такъ душно, а тутъ придется снова окна затворять.

— На что? Это панъ Арсеній музыки боялся, а новому пану, можетъ, она и очень понравится.

Кажется, въ первый разъ въ жизни совѣтъ матери не показался дочери глухимъ. Можетъ быть, дѣйствительно, музыка явится пособницей сближенія ея съ молодымъ Колычевомъ. Въ сущности это сближеніе съ москалемъ порою казалось молодой дѣвушкѣ измѣной ея идеаламъ. Но что же было дѣлать? Ждать польскаго графа или князя? Она неровня имъ, дочь маршалка-наемника... Да и не принесетъ ли она, можетъ быть, лучшей жертвы на алтарь дорогой ойчизны, уловивъ въ свои сѣти такого богача?..

— Пожалуй, я сыграю! — согласилась она снисходительно: — только прошу, пусть панъ Валекъ не становится, какъ любить, за моимъ стуломъ. Я не могу играть, когда чувствую кого-нибудь сзади.

— Слушаю, дорогая панна! Я готовъ сѣсть въ самый дальній уголь и не двигаться цѣлую вѣчность, чтобъ только слушать божественную игру божественной панны. — И онъ дѣйствительно сѣлъ на кресло у стѣны.

— И притворите двери, мама! А то вы начнете накрывать на столъ и станете мѣшать мнѣ.

— Хорошо! хорошо, куколка моя!

Пани Юзыня чмокнула Зосю въ щеку и послушно ушла въ столовую, закрывъ дверь.

— Что же сыграть мнѣ, панъ Валекъ?

— Все, что панна хочетъ.

— Я сыграю «Marche funèbre» Шопена... Это будетъ данью пану Арсенію.

Старые клены и липы стояли недвижно. Чудные звуки летѣли къ нимъ. Много, много лѣтъ не слышали они пѣсенъ фортепьяно. Онѣ долетали до нихъ, заглушенные тяжелыми ставнями, а теперь

ихъ волны неслись неударжимымъ рыданьемъ черезъ настѣжь раскрытый балконъ и окна сѣраго дома.

Звуки пѣли объ одинокой жизни человѣка, не терявшаго надежды хоть передъ смертью, хоть короткимъ счастьемъ вознаграждать себя за долгіе годы неколебимой вѣры. Они говорили, что напрасна была вѣра, надежда, любовь,—смерть разрушаетъ все на свѣтѣ. Она подходитъ ровнымъ, медленнымъ, вѣрнымъ шагомъ... Она протягиваетъ неумолимую, властную руку... Молись, душа, послѣднимъ скорбно-покаяннымъ молениемъ! Рыдайте, близкіе... нѣтъ больше человѣка... погасли мечты... отлетѣли надежды... одинъ холодный трупъ остался тамъ, гдѣ только что билось и жило, и страдало, и нѣжно любило горячее сердце...

И словно въ отвѣтъ на эту скорбь о земномъ безсиліи и немощи съ печальнаго неба упали первыя капли дождя.

Скорымъ шагомъ спѣшилъ Иванъ Николаевичъ домой. Онъ уже обошелъ весь паркъ и входилъ какъ разъ въ большую липовую аллею, насаженную первыми владѣльцами Колычева, чтобы съ середины ея свернуть налѣво по такой же поперечной къ виллѣ, какъ вдругъ донеслась до него похоронная шопеновская мелодія. Игра была мастерская. Помимо виртуозности, слышалась душа, чувствовалось, что звуки не просто льются изъ-подъ пальцевъ, а ихъ поетъ человѣческое сердце, которому доступны и радость, и надежды, и скорбь, и отчаяніе.

— Что это? откуда?

Сквозь зеленую сѣть склоненныхъ липовыхъ вѣтвей виднѣлся сѣрый домъ.

— Это играютъ у Романа. Можетъ быть, Зося?..

Дождь пошелъ сильнѣе, но въ аллеѣ было сухо. Непроницаемымъ сводомъ заплелись верхушки вѣковыхъ деревьевъ, и подъ ихъ защитою нечего было бояться ни дождя, ни солнца.

Маршъ оборвался на послѣднемъ, едва слышномъ аккордѣ, и вдругъ послѣ небольшой паузы запѣла другая мелодія. Колычевъ сразу узналъ ее,—это былъ полонезъ Огинскаго, тотъ самый полонезъ, во время исполненія котораго когда-то, по преданію, застрѣлился его авторъ... Тысячу разъ слышалъ Иванъ Николаевичъ его мотивъ. Кто только не игралъ его, — и «робкіе персты ученицъ», и оркестры на балахъ, и виртуозы-скрипачи въ концертахъ, но въ такой захватывающей передачѣ онъ его еще никогда не слышалъ. Да, это была настоящая музыка, пѣніе души, которая чудными звуками вливалась въ чужую душу и завоевывала и поработала ее.

Дождь окончательно вошелъ въ свои права и полилъ ручьями. Музыка прекратилась. Слышно было, какъ запирали балконъ и окна. Колычевъ поспѣшилъ домой.

Напрасно панъ Валекъ умолялъ Зосю продолжать. Къ чему играть въ закрытой комнатѣ?—до виллы все равно при этомъ шумѣ дождя звуки не долетятъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! довольно... я устала!

— Что-нибудь веселенькое, панна! Я не отстану... Умоляю панну. Я буду стоять на колѣняхъ и до тѣхъ поръ умолять ее, пока она не сжадится!

И онъ дѣйствительно сталъ на колѣни и даже поцѣловалъ край ея бѣлаго, вышитаго въ зимніе вечера пани Юзыней платья.

Это вдругъ напомнило Зосѣ ея мечты видѣть когда-нибудь въ той же позѣ Стася Запольскаго и, весело размѣявшись, она сѣла за клавиши и не только заиграла, но и запѣла своимъ небольшимъ мелодичнымъ голоскомъ:

Ой люли-люли!
Котка безъ кошули...

— Вотъ, несносному пану въ награду за его ребячество!

И, позабывъ свои тревоги и планы, Зося стала шутить и кокетничать и окончательно въ этотъ вечеръ свела съ ума пана Валека.

М. Веселкова-Кильштеть.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢДНІЕ ОРЛЫ.

(Силуэты конца XIX вѣка).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Литературно-театральный комитетъ 90-хъ годовъ.—Д. В. Григоровичъ-предсѣдатель.—Его ненависть къ чиновникамъ конторы.—А. А. Потѣхинъ и П. И. Вейнбергъ.—Картина засѣданія.—Отчего я покинулъ комитетъ.

I.

ВЪ 1891 ГОДУ директоръ императорскихъ театровъ, покойный Иванъ Александровичъ Всеволожскій, задумалъ реформу театрально-литературнаго комитета. За полтора года до этого прежній комитетъ былъ уничтоженъ, и, въ сущности, безъ особой надобности. Его члены весьма усердно слушали авторское чтеніе, пили чай, одобряли или браковали содержимое читаемаго,—однимъ словомъ, вели себя такъ, какъ ведутъ любые члены любого комитета. Единственный крупный дефектъ этого учрежденія былъ тотъ, что авторы должны были лично прочитывать свои произведенія, и потому члены были обречены нерѣдко на четырехчасовое истязаніе: извѣстно, какъ въ большинствѣ случаевъ у насъ читають авторы. Но совѣщались члены о судьбѣ пьесы, исторгнувъ ея виновника изъ своей среды,—и онъ томился въ проходной комнатѣ, рядомъ съ заломъ засѣданій, сидя подъ гигантскимъ портретомъ императора Николая I и слыша всѣ пренія изъ-за двери. Иные авторы для большей убѣдительности брали съ собой шестиствольные револь-

веры,—«семейные», какъ ихъ называютъ въ Америкѣ, и грозили перестрѣлять весь комитетъ, или убить самого себя, если драма не будетъ пропущена. Хотя члены охотнѣе склонялись ко второй угрозѣ, но дѣло всегда кончалось мирно, и всѣ оставались въ живыхъ. Веселый элементъ въ эти маленькія драмы вносилъ разсѣянный поэтъ Яковъ Петровичъ Полонскій который, крѣпко пожимая руку забракованнаго автора, съ чувствомъ говорилъ:

— Поздравляю,—искренно поздравляю!

Какъ бы то ни было, прежній комитетъ былъ упраздненъ. Директоръ сталъ приглашать авторовъ къ себѣ на чашку чая, и, раскладывая гранпасьянсъ, несъ всѣ попытки членовъ комитета, выслушивая шепелявое и картавое чтеніе. Наконецъ ему это надоѣло, и онъ сформировалъ новое учрежденіе, куда изъ стараго перешло три члена: Григоровичъ, Потѣхинъ и Вейнбергъ. На четвертую ваканцію назначенъ былъ я, что явилось для меня полною неожиданностью

II.

Конечно, мнѣ, тридцатипятилѣтнему писателю, было лестно попасть въ эту убѣленную сѣдинами кампанію. Всѣхъ троихъ я зналъ давно, а съ Григоровичемъ, несмотря на разницу лѣтъ, былъ, благодаря его общительности, близокъ. Встрѣтили меня они всѣ трое очень любезно, безо всякаго отѣнка снисходительности къ моей сравнительной молодости,—и я счелъ своей обязанностью предложить имъ предварительный пересмотръ всѣхъ накопившихся пьесъ (ихъ было больше сотни),—при чемъ составилъ краткій пересказъ содержанія всѣхъ ихъ, что въ значительной степени облегчило нашу задачу—справиться въ одну зиму съ огромнымъ матеріаломъ. Мнѣ это тѣмъ легче было сдѣлать, что я былъ совершенно свободенъ, тогда какъ Григоровичъ возился съ постройкой музея общества поощренія художествъ,—Вейнбергъ, какъ и всегда, переводилъ, издавалъ книги, профессорствовалъ, читалъ публичныя лекціи, устраивалъ вечера и концерты, даже ѣздилъ для этого на гастроли въ провинцію, былъ инспекторомъ въ какой-то гимназіи,—проявляя необычайную для своихъ лѣтъ жизнеспособность. Потѣхинъ хотя былъ совсѣмъ не у дѣлъ, но постоянно охалъ, жаловался на нездоровье, и ночи напролетъ винтилъ у себя въ маленькой квартиркѣ на Фонтанкѣ, въ новомъ домѣ Елисеѣва. Словомъ, мнѣ и Богъ велѣлъ поработать для моихъ старшихъ коллегъ.

Собирались мы по субботамъ къ часу. Вейнбергъ говорилъ, что этотъ традиціонный день знаменовалъ то, что мы должны авторамъ задавать баню.

Появлялся Григоровичъ—нашъ предсѣдатель: онъ приходилъ часомъ раньше. Внизу хлопала дверь Александринскаго театра, стучали его высокія галоши по каменному полу вестибюля,

потомъ по широкой лѣстницѣ фойэ и наконецъ въ проходной комнатѣ передъ заломъ засѣданій. Нерѣдко оказывалось, что Дмитрій Васильевичъ приходилъ раньше сторожа и начиналъ въ шубѣ и шапкѣ разыскивать его по всѣмъ этажамъ, самъ же извиняясь передъ нимъ:

— Извини, мой другъ: но я пришелъ раньше времени.

Разоблаченіе его нѣсколько напоминало раздѣваніе архіерея: послѣ высокихъ галошъ медленно стаскивалась огромная шуба; затѣмъ разматывался шарфъ, колоссальнымъ удавомъ обматывавшій его шею; затѣмъ слѣдовалъ огромный набрюшникъ, которымъ онъ особенно гордился. Снимая его и надѣвая, онъ нерѣдко говорилъ тому, кто стоялъ по близости:

— Дорогой другъ, обратите вниманіе,—изумительная вещь: если хотите быть здоровымъ, спейте такой набедренникъ. Я сталъ другимъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ ношу его.

— Да у меня желудокъ въ порядкѣ,—возражали ему.

— Все равно: это ото всѣхъ болѣзней.

Любовь къ теплу заставила его перебраться изъ назначеннаго намъ помѣщенія въ крохотную комнату рядомъ, гдѣ теперь помѣщается санитарный пунктъ первой помощи. Это была каморка въ одно окно, съ большимъ яснымъ шкапомъ. Сюда были втиснуты: простой кухонный столъ, который покрывался зеленымъ сукномъ, и четыре кресла, обитыя темной клеенкой; обойщикъ не успѣлъ ихъ обить тесмою — и они такъ и остались недодѣланными, чуть ли и не по сей день. Чугунная печка, стоявшая въ углу, нагрѣвала иногда комнату до египетской температуры,—и тогда Дмитрій Васильевичъ блаженствовалъ.

— Это я понимаю,—говорилъ онъ,—тутъ жить можно. А то въ прошломъ году въ Ниццѣ у меня на окнѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ замерзла содовая вода. Ни двойныхъ рамъ, ни печей. Каковы подлецы! Шубъ, мерзавцы, не носятъ! Надѣнуть деми-сезоны, на шею воротникъ изъ собачьей шерсти, и съ гордостью говорить: «voilà, monsieur, l'hiver!»—Ахъ, какіе скоты!

III.

Дмитрію Васильевичу было въ то время 69 лѣтъ. Это былъ высокій красивый, щеголеватый старикъ, всегда жизнерадостный, съ смѣющимися хитрыми глазами, въ англійскихъ клѣтчатыхъ панталонахъ и въ неизмѣнномъ синемъ съ крапинками галстукѣ, повязанномъ бабочкой. Старшій изъ насъ, онъ считалъ всѣхъ насъ мальчишками, и говорилъ Вейнбергу:

— Шестьдесятъ лѣтъ! Да что это за года! Посмотрите, каковъ я былъ въ шестьдесятъ лѣтъ! Старше меня одинъ Гончаровъ,—онъ теперь на очереди. Впрочемъ, ему за восемьдесятъ.

Французская кровь матери такъ и клокотала, такъ и била въ Григоровичѣ. Куда бы онъ ни пришелъ—всюду вмѣстѣ съ нимъ влетали оживленіе и смѣхъ. Острый языкъ создавалъ ему массу враговъ: у него ихъ былъ столько же, какъ и друзей,—но онъ мало горевалъ объ этомъ.

Помню первую нашу встрѣчу. Это было весною 1879 года. Я — еще студентъ академіи—пришелъ къ Тургеневу, по дѣлу воспроизведенія его портрета, который собирался гравировать мой академическій товарищъ Матэ. У Ивана Сергѣевича были Григоровичъ и Полонскій,—и жарко говорили о... конституціи! Полонскій, впрочемъ, болѣе слушалъ, покуривая свою безконечную сигару. Григоровичъ же кричалъ съ пѣной у рта, показывая невидимому зрителю на Тургенева.

— У этого человѣка вмѣсто крови—вата! Это вулканъ, начиненный ватой! Это какой-то бѣшенный голубь!

Я на нѣсколько минутъ прервалъ ихъ дебаты. Въ концѣ концовъ Тургеневъ всталъ, подошелъ къ письменному столу и хотѣлъ написать мнѣ записку, но перо такъ закорузло отъ чернилъ, и чернилъ было такъ мало, что исполнить это было затруднительно. Иванъ Сергѣевичъ безпомощно посмотрѣлъ на меня и развелъ руками.

— Позвать лакея?—спросилъ Григоровичъ, протягивая руку къ кнопкѣ звонка.

— Нѣтъ, не стоитъ,—своимъ тонко пѣвучимъ голосомъ сказалъ Тургеневъ.—А вотъ у меня тутъ былъ перочинный ножъ...

И онъ началъ скоблить старое перо, стряхивая съ него чернильную пыль. Григоровичъ серьезно смотрѣлъ на эту операцію, и потомъ, оборотившись ко мнѣ, сказалъ:

— Вотъ, молодой человѣкъ,—запомните, какъ вы были у великаго писателя, который никогда не держитъ при себѣ ни пера, ни чернилъ...

Когда впослѣдствіи я напоминалъ Дмитрію Васильевичу эту встрѣчу, онъ замѣчалъ: «Это именно оттого, что онъ былъ ватный человѣкъ. Отъ этого его съѣла съ потрохами *the Viardo*. Отъ этого онъ серьезно думалъ, что его пьесы плохи, а между тѣмъ послѣ Грибоѣдова лучше его никто не писалъ для сцены».

IV.

Итакъ, Дмитрій Васильевичъ переселилъ насъ въ чуланчикъ. Войдя туда съ кипой привезенныхъ бумагъ, онъ крехтя становился ногами на кресло и доставалъ съ крышки шкапа ключъ, которымъ онъ былъ запертъ. Въ шкапу хранились канцелярскія принадлежности—карандаши, бумага, чернила, перья. Все это онъ систематично раскладывалъ передъ каждымъ пустымъ кресломъ, и затѣмъ просилъ сторожа принести стаканъ чая. Мы, по условію, платили рубль

каждую субботу, чтобы намъ подавали чай съ печеньемъ. Бумаги, принесенныя Дмитріемъ Васильевичемъ, были тщательно переписаны на ремингтонъ, при чемъ за эту переписку платилъ онъ самъ, спеціально для того, чтобы въ конторѣ не узнали по почерку, кто писалъ отзывъ о пьесѣ,—а ненависть его къ конторѣ была поистинѣ феноменальна.

Когда комитетъ былъ намѣченъ, Всеволожскій предложилъ ему секретаря для веденія всей письменной части (какъ это и было сдѣлано въ московскомъ отдѣленіи комитета)—онъ отказался наотрѣзъ.

— Другъ мой, Иванъ Александровичъ,—сказалъ онъ:—вы, очевидно хотите предложить мнѣ чиновника изъ конторы. Что я вамъ сдѣлалъ? За что вы хотите свести старика преждевременно въ гробъ? Когда я поднимаюсь къ вамъ на обѣдъ по вашей лѣстницѣ, то закрываю глаза и иду ощупью, чтобы случайно не увидѣть форменнаго фрака. А вы хотите, чтобы онъ сидѣлъ у меня въ комнатѣ? Да я его изобью на первомъ же засѣданіи.

И всѣ обязанности секретаря онъ несъ безвозмездно самъ до самой смерти.

Покончивъ съ приготовлениями къ засѣданію, онъ сѣлся въ кресло и терпѣливо ждалъ своихъ сочленовъ. Вторымъ обыкновенно приходилъ я. Мы лобызались. Я освѣдомлялся объ его здоровьѣ.

— Плохо,—говорилъ онъ,—плохо. Каждый разъ, какъ пройду мимо конторы, такъ дѣлаются какіе-то внутренніе спазмы. Видѣли, какія выбоины на мостовой? Это все чиновники! А бѣдный Иванъ Александровичъ—это пророкъ Іона.

— Почему Іона?

— Сидитъ во чревѣ китовомъ—у управляющаго конторой. Что общаго между нимъ и чиновниками? Людовикъ XIV и Ляпкинъ-Тяпкинъ! Чичиковы, торгующіе мертвыми душами, и Шатобрианъ. Но Ивана Александровича обкормили въ дѣтствѣ магнезіей, и поэтому онъ ихъ всѣхъ распустилъ. Прихожу вчера въ контору за справкой. Швейцаръ открываетъ дверь:

«— Никого нѣтъ, ваше превосходительство.

«— Какъ нѣтъ? Почему нѣтъ?

«— Репетиція генеральная балета,—всѣ тамъ.

— Чиновники?

«— Чиновники.

— И управляющій?

«— И они.

«— Развѣ онъ танцуетъ?

— Никакъ нѣтъ.

«— Зачѣмъ же его туда понесло?

«— Не могу знать. Всѣ тамъ.

«— Отчего жъ ты не пошелъ?

«— Помилуйте, мнѣ невозможно,—я здѣсь при дѣлѣ!

— Понимаете, мой другъ, какъ я обрадовался этому откровенію! Поцѣловаль его и три рубля далъ. Вотъ, говорю, теперь я знаю, что ты при дѣлѣ, а у нихъ никакого дѣла нѣтъ. Рассказываю потомъ Ивану Александровичу, а онъ хохочетъ. Какъ же не заболѣть? Пока я сижу у себя въ Морской, прекрасно чувствую—расписываю потолокъ для музея, ѣзжу къ принцессѣ ¹⁾, возжусь съ керамикой,—а какъ попадешь на Театральную площадь,—такъ и завянешь и захирѣешь, точно изъ чернозема въ горшокъ съ пескомъ пересадили.

V.

Охая и крехтя входилъ Потѣхинъ, придерживаясь за большой бокъ. Его встрѣчалъ Дмитрій Васильевичъ радостными восклицаніями.

— Все болитъ?—участливо спрашивалъ онъ.

— Болитъ, родной, болитъ.

— Садитесь въ уголокъ, садитесь, и выпейте сейчасъ горячаго чая.

— Чайку можно,—соглашался тотъ.

— Совѣтую вамъ, мой дорогой другъ,—говорилъ Григоровичъ, пошлепывая его по колѣну,—поѣхать на лѣто не въ вашу Костромскую губернію, а въ Швейцарію. Походите по горамъ три мѣсяца, и все какъ рукой сниметь. Вѣдь это просто неприлично, что вы ни разу не были за границей.

— Ни разу,—подтверждалъ Потѣхинъ.

— Приѣзжайте ко мнѣ,—я всего въ получасѣ ѣзды отъ Вѣны. У меня тамъ маленькая вилла, садъ. Какая панорама горъ! Я васъ всюду везу: покажу Италію и Швейцарію. Вѣдь отъ меня это рукой подать. Все равно что въ Парголово съѣздить.

— Ну, ужъ и въ Парголово!

— Ну, не въ Парголово, а въ Москву. Одна ночь—и въ Венеціи.

— Неужели одна ночь?—удивляется Потѣхинъ.

— Шестнадцать часовъ ѣзды. Я Вѣну и Венецію знаю лучше, чѣмъ Петербургъ. Я вамъ покажу то, чего никто никогда не видѣлъ.

И онъ начиналъ рассказывать, что онъ тамъ покажетъ. Рѣчь его, образная, красочная, лилась, какъ фонтанъ.

Потѣхину тоже подавали чай, и онъ, щелкая вставными челюстями, принимался за булки.

— Вамъ хорошо, Дмитрій Васильевичъ,—говорилъ онъ:—у васъ всѣ недуги воображаемые, даромъ, что вы старше меня чуть

¹⁾ Президентомъ общества поощренія художествъ была е. и. в. Евгенія Максимилиановна, и Григоровичъ, какъ секретарь совѣта и директоръ музея, ѣздилъ къ ней съ постояннымъ докладомъ.

не на десять лѣтъ. А мой «драхень-шусъ» ужъ сколько лѣтъ мнѣ жить не даетъ.

— Да, слабое вы поколѣніе,—посмѣиваясь отвѣчалъ Григоровичъ,—молодежь. Только Левъ Николаевичъ одинъ изъ васъ крѣпышъ. На прошлой недѣли его видѣлъ,—былъ въ Москвѣ, и заглянулъ въ Хамовники. Все вздоръ, что пишутъ про него. Сначала пофыркалъ, а потомъ повелъ меня на половину къ дочерямъ. Тамъ онѣ на гитарѣ играютъ, и онъ плясать началъ.

— Неужто плясать? удивлялся Потѣхинъ.—Я моложе его, да на могу.

— Шестнадцать часовъ въ сутки работаетъ! И писать не такъ, какъ теперь,—а такъ, какъ мы писали: сперва вдоль, потомъ поперекъ, потомъ опять вдоль, опять поперекъ. Такъ разъ семь. И штора у его окна въ рабочемъ кабинетѣ не спущена. Такой чернильный четырехугольникъ смотреть въ ночь. Я спрашиваю: отчего вы не спускаете штору?—а онъ говоритъ: «а чтобъ полицейскимъ видно было, кто у меня сидитъ, а то они должны перелѣзть черезъ рѣшетку и въ щель заглядывать».

Когда стрѣлка часовъ переходила за урочный часъ, Григоровичъ начиналъ беспокоиться.

— Что же это Петръ Исаевичъ не идетъ! Здоровъ ли онъ? Ужъ двадцать минутъ второго.

— Придетъ, онъ всегда опаздываетъ,—утѣшалъ Потѣхинъ.

— Да, удивительно дѣятеленъ, удивительно!—восхищался Дмитрій Васильевичъ.—Тоже—ртуть, не вамъ чета.

VI.

Наконецъ раздавались по каменному полу шаги Вейнберга, и онъ, съ пледомъ въ рукахъ и въ шелковой шапочкѣ, появлялся въ дверяхъ съ обычнымъ извиненіемъ.

— Простите, господа, но я прямо изъ гимназіи, задержали разные дѣла.

Опять поцѣлуи.

— Душенька, Петръ Исаичъ, а мы о васъ беспокоились—думали, не захворали ли вы. Какъ здоровы?—освѣдомлялся Дмитрій Васильевичъ.

— Да все желудокъ. Надо за икрой послать. Икра на меня чудесно дѣйствуетъ.

Вынималась пятирублевка и слѣдовало объясненіе:

— Противъ Гостиного, на Невскомъ, есть фруктовый магазинъ, внизъ ступеньки... Такъ вотъ полфунта четырехрублевой икры... паюсной... Понимаете.

— Душенька, Петръ Исаевичъ,—вы Сардапалъ!—корилъ его Григоровичъ.—Сколько состояній вы проѣли...

— Нѣтъ, вчера въ литературномъ фондѣ...—начиналъ Вейнбергъ. И слѣдовалъ разсказъ о литературномъ фондѣ. Приносили икру и подавали свѣжаго чая.

— Ну, господа, третій часъ—пора!—предлагалъ предсѣдатель.

— А государь опять безъ пальто по морозу гуляетъ,—говорилъ Вейнбергъ, случайно подошедшій къ окну.

— Опять!—восклицалъ Григоровичъ, и шель къ нему.

Изъ окна театра, черезъ каменную ограду Аничкова дворца видна была могучая фигура Александра III. Въ военной тужуркѣ, окруженный дѣтьми, онъ игралъ съ ними въ саду.

— Ни за что бы не пустил!—говорилъ Григоровичъ.

— Да вѣдь это по системѣ Кнейпа,—возражалъ Потѣхинъ.

Начинался разговоръ о системѣ Кнейпа.

— Да и Толстой каждый день на каткѣ у себя катается,—разсказываетъ Григоровичъ:—только на немъ мѣховой полушубчикъ...

— Господа, половина третьяго,—напоминаю я.

— Ну, давайте.

Всѣ усаживались вокругъ стола, и взгляды обращались на меня.

— Что вы намъ сегодня преподнесете?

— Вотъ двѣ пьесы: «Киръ царь персидскій» въ двадцати двухъ картинкахъ, и драма въ четырехъ актахъ—«Кто правъ».

— Въ двадцати двухъ!—ужасался Петръ Исаевичъ.

— Но всего восемнадцать писанныхъ страницъ,—успокаивалъ я.

Петръ Исаевичъ всегда читалъ намъ вслухъ. Онъ говорилъ, что это для него необходимо, такъ какъ если будетъ читать кто другой, то онъ немедленно заснетъ. Читалъ онъ хорошо, безъ излишней декламации, ясно и, что называется литературно.

Я, уже заранѣе ознакомившійся съ пьесами, слѣдилъ за выраженіями лицъ моихъ коллегъ, на которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отражались всѣ слова и обороты читаемаго.

«Театръ представляетъ,—читалъ Вейнбергъ,—безплодную пустыню. Среди нея оазисъ съ пальмами и прочею зеленью, нависшею надъ родникомъ, выбѣгающимъ изъ-подъ корней. Вдали слышенъ звукъ бубенчиковъ и колокольчиковъ. На сцену выходитъ длинный караванъ. Сперва идутъ рабы въ красныхъ платьяхъ съ золотыми звѣздами. Потомъ ѣдутъ фарисы на кровныхъ арабскихъ лошадяхъ. Потомъ осла несутъ на себѣ золотые кубки и другіе съѣдобные припасы. На верблюдахъ сидятъ невольницы, покрытыя газомъ. Евнухъ слѣзаетъ съ мула и говоритъ:

«Евнухъ. Сейчасъ Киръ, царь персидскій, сюда пріѣдетъ. Скорѣе раскидывайте шатры, стелите ковры и готовьте ужинъ, а также раскладывайте костры.

«Верблюды ложатся. Невольницы сходятъ на землю. Солнце закатывается. Вдали раздается пріятная музыка.

«Евнухъ. Скорѣе, рабы, скорѣе. (Ударяетъ ихъ). Не слышите ли вы музыки? Это приближается царь, и если не будетъ все готово, то отрубить намъ головы.

«Выѣзжаетъ свита. Царь Кирь сидитъ въ паланкинѣ на слонѣ. Онъ сходитъ съ него. Наступаетъ ночь. Всѣ закусываются.

«Кирь. Я хочу, чтобы рабыни танцевали.

«Евнухъ склоняетъ колѣна и даетъ знакъ одною рукой. Выходятъ танцовщицы и подь музыку арфъ танцуютъ мелодичный танецъ. Кирь засыпаетъ. Запавѣсь опускается.

«Картина вторая. Тронный залъ во дворцѣ. Курятся пріятныя благовонія...»

— Душенька, Петръ Исаевичъ,—говоритъ Григоровичъ:—я думаю этого совершенно достаточно. Прочтите послѣднюю картину.

«Картина двадцать вторая. Дикое ущелье въ горахъ. Воютъ шакалы и другіе звѣри. Эсиръ въ великолѣпномъ уборѣ и въ сандаліяхъ изъ драгоценныхъ камней входитъ, озираясь на небо.

«Эсиръ. Вотъ здѣсь я пролью собственную кровь, воткнувъ отравленный кинжалъ посредину груди...»

— Господа, довольно!—умоляетъ Григоровичъ.—Я снесу эту пьесу директору, надо же ему доставить нѣсколько пріятныхъ минутъ.

VII.

— Ну, вотъ,—говоритъ Вейнбергъ:—въ какія-нибудь четверть часа и заработали по двадцати пяти рублей.

Комитету платили за каждую разобранную пьесу по пяти рублей съ акта каждому члену. Значитъ, представленная въ дирекцію требуха оплачивалась казною сотней рублей. Такая система, впрочемъ, осталась и до сего дня.

— Но вы, душа моя,—обращался ко мнѣ Дмитрій Васильевичъ,—все-таки подробно изложите содержаніе. Скажите, что это младенческой лепетъ, но формулируйте все... Ну, да вы знаете какъ.

Петръ Исаевичъ развертывалъ слѣдующую тетрадь, и началъ:

«Николай Ивановичъ Прохоровъ, чиновникъ тридцати семи лѣтъ. Гликерія Петровна, жена его, двадцати шести лѣтъ. Оеня—сестра ея, двадцати одного года, блондинка. Филиппъ Филипповичъ Кейзеръ, сорока четырехъ лѣтъ, шатень».

Въ первомъ актѣ за ширмами происходили роды Гликеріи Петровны. Авторъ весьма реально воспроизводилъ процедуру возни акушерки. Особенно всѣмъ мѣшала большая собака, которая все входила въ открытую дверь.

«Да заprite собаку!» кричала повитуха.

«истор. вѣстн.», январь, 1911 г., т. сxxiii.

— Бросьте!—умоляль Потѣхинъ, морщась.—Вѣдь это чортъ знаетъ что!

Григоровичъ дѣлалъ таинственное лицо.

— Господа,—говорилъ онъ.—Авторъ этой пьесы, какъ тутъ и обозначено на обложкѣ, госпожа Лилипутова,—жена извѣстнаго профессора.

Онъ еще болѣе понижалъ голосъ.

— Она была у меня и читала мнѣ пьесу.

— Всю?

— Всю.

— Такъ расскажите намъ содержаніе вмѣсто того, чтобъ читать.

Дмитрій Васильевичъ разводилъ руками.

— Невозможно! Такой сумбуръ. Я ее давно знаю.

— Пьесу или авторшу?

— Авторшу. Я зналъ ее грудной дѣвочкой... въ концѣ сороковыхъ годовъ. Она была родственница Панаеву... То есть ея мать. Вы помните, Петръ Исаевичъ, отставнаго гусара Вавилонцева, пріятеля Василя Боткина и Кетчера?

Петръ Исаевичъ отрицательно трясъ своей патриаршей бородой.

— Онъ еще упалъ съ лошади и хромалъ,—а Тургеневъ увѣрялъ, что онъ, какъ Іаковъ, боролся съ Іеговой во снѣ и повредилъ себѣ ногу.

— Не помню,—стоялъ на своемъ Вейнбергъ.—Да меня въ сороковыхъ годахъ не было въ Петербургѣ.

Григоровичъ махалъ рукою.

— Я все забываю, что вы зеленая молодежь.

— Ну, такъ что же?—любопытствовалъ Потѣхинъ:—вы мнѣ про грудного-то младенца расскажите.

— Она была дочь Вавилонцева, и крестилъ ее Панаевъ. А потомъ она вышла замужъ за молодого доктора Лилипутова, и даже сбѣжала съ нимъ изъ дома. Ну, такъ вотъ она и написала эту пьесу, и читала мнѣ. Я ей говорю: «Душенька, Варвара Ивановна,—невозможно изображать роды на сценѣ. А она вся взъерепенилась, глаза выкатились изъ обрить. Знаете, бываютъ такіе глаза. Такъ выкатываются, что когда садятся на извозчика, такъ ихъ въ ноги кладутъ чтобъ не мѣшали.. Стала красная вся, точно корь у нея высыпала. Даже волосы поднялись на вискахъ: они у нея черные и жесткіе, какъ у мертваго армянина. И стала она меня распекать. «Вы,—говорить,—въ предразсудкахъ погрязли. Смерть—такое же таинство, какъ и рожденіе, почему же одно можно выводить на сценѣ, а другое нѣтъ?»

Дмитрій Васильевичъ произнесъ все это такимъ дрожащимъ голосомъ и страшно выпучивъ глаза.

— Кончилось тѣмъ, что она впала въ истерику.

- На дому у васъ?
 — Какое на дому! Въ обществѣ поощренія художествъ, въ музеѣ. Сторожъ держалъ ее въ объятіяхъ.
 — А какое же изъ этого правоученіе?—спрашивалъ Потѣхинъ.
 — А то, что я самъ напишу такой протоколь!.. Вы всѣ не сумѣете,—у васъ голубиныя печенки. А вотъ вы увидите, какъ я ее поджарю...
 И онъ дѣлалъ свирѣное лицо.

VIII.

Пьесу кое-какъ дочитывали до финала. Короткій зимній день подходилъ къ концу, зажигали электричество. Жара въ комнатѣ наступала египетская, и всѣ три старца плавали въ восторгѣ:

— Не холодно,—говорили они.

Наконецъ, въ шестомъ часу Григоровичъ собиралъ съ насъ по четвертаку за чай и, прибавивъ отъ себя, потихоньку отъ насъ, лишній двугривенный, сдавалъ эту сумму по принадлежности.

Иногда мы у него спрашивали:

— Дмитрій Васильевичъ, вы переписываете гдѣ-то на ремингтонѣ наши протоколы. Вѣдь это денегъ стоитъ? Почему жѣ вы не подаете счетовъ въ контору?

Дмитрій Васильевичъ стыдливо опускаетъ глаза.

— Въ конторѣ есть свои переписчицы,—но если я буду имъ сдавать наши протоколы, то онѣ будутъ по почерку узнавать, кто писалъ.

— Такъ пусть узнаютъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше... У меня есть знакомыя премилыя дѣвицы—онѣ аккуратно дѣлаютъ дѣло...

— Тогда разложите расходъ на всѣхъ.

Дмитрій Васильевичъ начиналъ сердиться.

— Оставьте, господа, меня въ покоѣ: васъ это не касается.

— Да какъ же не касается...

— Да, такъ.

Онъ крехтя влѣзалъ ногами на клеенчатое кресло и клалъ снова ключъ отъ шкапа на его верхній карнизикъ, при чемъ говорилъ намъ:

— Если я на этой недѣлѣ умру, то помните: ключъ—наверху.

Начиналось медленное облаченіе въ шубы. Григоровичъ освѣдомлялся у сторожа, подававшаго калоши, о здоровьѣ его шестилѣтней дочки. Мы никто и не подозрѣвали, что у сторожа есть дочка, а Дмитрій Васильевичъ зналъ, что у нея вторую недѣлю коклюшь.

— Купи ей отъ меня бульдегому,—говорилъ онъ, суя что-то въ вѣруку солдата.—Это очень хорошо отъ кашля. Смотри—бульдегому. Не пропей только.

Громыхая галошами, мы спускались внизъ, по широкой лѣстницѣ съ чугунными перилами, къ вящему соблазну собравшейся у кассы публики.

— Что за геній—Росси!—восхищался Дмитрій Васильевичъ:—смотрите, какія перила.

— А при чемъ тутъ Росси?—недоумѣвалъ Потѣхинъ.

— Строитель театра. Какія пропорціи! Какія стѣны. Какъ монументально. Все, что дѣлалось при царѣ Николаѣ Павловичѣ, было монументально. Вы знаете, рѣшетки наверху на крышѣ—вѣдь это была бронза. А теперь цинкъ. Украли.

— Кто же украль?

— Подрядчики, во время ремонта. Развѣ можно въ Росси безъ контроля сдавать въ вѣдѣніе подрядчиковъ бронзовыя рѣшетки? А гдѣ контроль? Чиновники? Очень имъ нужно лазить на крышу! Ну, и подмѣнили всѣ столбики. А статуи, что стояли со стороны Невскаго и Театральной площади,—гдѣ онѣ? Вы знаете, куда онѣ пошли,—въ садъ смотрителю зданія театра Крутицкому. Вы, кажется, не вѣрите?

— Побожитесь!—подзадоривалъ Потѣхинъ.

— Душенька, Алексѣй Антиповичъ, я буддистъ, и потому моя божба ничего не значить.

ІХ.

— Кстати, насчетъ моего буддизма,—продолжалъ онъ уже на площади.—Ничѣмъ я такъ не злю Константина Петровича Побѣдоносцева, какъ говоря каждый разъ, что я убѣжденный буддистъ. У него пѣна выступаетъ, когда я говорю, точно онъ начинку изъ беже не проглотилъ. Послѣдній разъ онъ мнѣ сказалъ: «кончится тѣмъ, что васъ отлучатъ отъ церкви». Его мучаютъ трое: Левушка Толстой, Владимиръ Соловьевъ и я. Онъ бы съ удовольствіемъ извергъ насъ троихъ. А знаете, что онъ противъ меня имѣеть?

— Говорите скорѣй, у меня ноги зябнуть!—воскличалъ Петръ Исаевичъ.

— Ему передали, что когда возобновляли «Тартюфа»... Вы помните, душа моя, Алексѣй Антиповичъ,—какъ вы его возобновляли?..

— Ну, какъ же,—Давыдовъ игралъ.

— И всѣ тогда восхищались Давыдовымъ, кромѣ меня... Подходятъ, спрашиваютъ—почему я равнодушенъ, а я говорю: что мнѣ можетъ новаго дать Давыдовъ въ «Тартюфѣ», когда я вчера обѣдалъ съ Побѣдоносцевымъ и рядомъ съ нимъ сидѣлъ?

— Мнѣ вредно смѣяться на холоду,—говорилъ Вейнбергъ:—а вы смѣшите. До свиданія.

— Одну минутку,—останавливаетъ Григоровичъ.—Вы знаете, что Тертій Ивановичъ—эпитропъ гроба Господня ¹⁾?

Всѣ знаютъ,—но Потѣхинъ спрашиваетъ:

— Дмитрій Васильевичъ, да это что въ сущности за чинъ такой?

— А это, мой другъ, чинъ іерусалимскаго камергера. Вродѣ—евнуха. Я его такъ и зову теперь—евнухъ христіанства. Такъ вотъ онъ отправился представляться въ Іерусалимъ, и поѣздкѣ его патриархи придають большое значеніе. Видите: когда ѣздилъ въ Іерусалимъ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ и приложился къ мраморной доскѣ, что на гробѣ Господнемъ,—доска въ тотъ же годъ дала продольную трещину: не выдержала лобзанія. Теперь, когда приложитъ я Тертій Ивановичъ, доска лопнетъ, несомнѣнно, поперекъ. Это будетъ третій знаменательный поцѣлуй...

— А первый чей же?—спрашиваетъ Потѣхинъ.

— Первый—Іуды...

— Ну, прощайте,—говоритъ Вейнбергъ и, подзвавъ извозчика, укутываетъ ноги пледомъ.

Потѣхинъ тоже прощается и, поднявъ воротникъ огромной поповской шубы, медленно ковыляетъ къ Чернышеву мосту.

— Пойдемте, душа моя, въ контору,—предлагаетъ Григоровичъ.—Мнѣ хочется кому-нибудь наговорить дерзостей.

Мы идемъ черезъ площадь.

— Видите, со стѣнъ вся краска слѣзла,—говоритъ онъ:—а красили въ іюлѣ. Подрядчику жалко клея положить. То есть не жалко, а онъ нарочно, чтобъ въ будущемъ году опять перекрашивать. Я говорю Ивану Александровичу: удивительно, какъ его самого до сихъ поръ не украли. Утромъ придутъ, возьмутъ, распилятъ на куски и продадутъ татарамъ,—а чиновники по пятнадцати рублей въ карманъ положить за продажу директора.

Но швейцаръ встрѣчаетъ насъ извѣстіемъ, что служба кончена и всѣ разошлись, а директоръ уѣхалъ зачѣмъ-то къ министру.

— Ничего не дѣлають!—пожимая плечами, говоритъ Дмитрій Васильевичъ.

— Шестой часъ, ваше превосходительство,—возражаетъ швейцаръ.

— Я бы имъ показалъ шестой часъ,—бормочетъ Григоровичъ.

Мы выходимъ на подъѣздъ.

— Вы домой?—освѣдомляется онъ.

— Домой.

¹⁾ Тертій Ивановичъ Филипповъ, государственный контролеръ, литераторъ и знатокъ русскаго гнѣнія.

— Я васъ подвезу. Я тоже на Сергіевскую. Только дайте, я самъ выберу извозчика.

Послѣ выбора лошади и осмотра выраженія лица извозчика, мы усаживаемся въ сани.

— Если ты хоть разъ осмѣлишься ударить лошадь,—предупреждаетъ Дмитрій Васильевичъ,—я съ тебя живого шкуру спущу.

Извозчикъ общаетъ и трогаетъ сытаго мерина.

— Тише! Тише!—кричитъ Дмитрій Васильевичъ:—не смѣй гнать...

— Онъ самъ бѣжитъ, ваше сіятельство.

— Не давай бѣжать. Не видишь, кого везешь? Не дѣвицъ на масляной катаешь... Тихо поѣдешь—гривенникъ прибавлю.

Извозчикъ сдерживаетъ лошадь. Но стоитъ ей дернуть, чтобы Дмитрій Васильевичъ стукалъ возницу кулакомъ въ спину.

— Я тебя убью, мерзавецъ,—кричитъ онъ, и лошадь опять идетъ трусцою.

Х.

А. А. Потѣхинъ въ періодъ основанія послѣдняго комитета уже два года какъ оставилъ должность управляющаго театромъ. Меньше чѣмъ за восемь лѣтъ управленія онъ получилъ 2000 р. пенсіи, 1500 р. за пожизненное присутствіе въ комитетѣ и 500 р. квартирныхъ. Курьезъ въ томъ, что послѣдняя сумма, выписывавшаяся ему до смерти, отчислялась изъ суммъ драматической труппы,—и новые управляющіе поэтому не получали квартирныхъ.

Судьба его, какъ литератора, была какая-то особенная, отличная отъ его сотоварищей. Принадлежа къ кружку «Москвитянина», онъ сразу обратилъ на себя вниманіе прогрессивной тенденціей своихъ романовъ и пьесъ. Костромской помѣщикъ, хорошо знавшій крестьянскій бытъ, онъ удачно попалъ въ дореформенное теченіе освободительной идеи. На его произведеніяхъ рѣзко лежитъ тенденція разграниченія героевъ на волковъ и овецъ. Обличая чиновниковъ, старыхъ сановниковъ, выжившихъ изъ ума помѣщиковъ, развратныхъ представительницъ провинціальной аристократіи,—онъ горой стоялъ за представителей молодого поколѣнія и, навязывая имъ прописную мораль, обращалъ ихъ зачастую въ картонные манекены. На всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ налетъ самой беспросвѣтной унылости и сѣрости. Онъ ближе всего подходитъ къ Писемскому, но у него нѣтъ размаха, силы и красокъ этого драматурга.

Потѣхинъ сумѣлъ во время остановиться: онъ не писалъ тридцать пять лѣтъ пьесъ! Онъ боялся испортить прежнюю свою репутацію. Это превосходный пріемъ, на который немногіе способны.

Онъ зналъ, что едва ли встрѣтятъ одобрительно его новыя вещи послѣ ряда внушительныхъ неуспѣховъ послѣднихъ пьесъ. Иногда онъ возобновлялъ свои не пропущенныя прежде цензурой, но въ сущности весьма невинныя пьесы,—и благодаря этой, «политической окраскѣ», онѣ шли. Но провинція его совсѣмъ забыла.

Вступивъ въ должность управляющаго драматическими труппами императорскихъ театровъ, онъ мало воспользовался своимъ удачнымъ положеніемъ: служеніемъ вмѣстѣ съ И. А. Всеволожскимъ. Увлеченный балетомъ и оперой, директоръ всецѣло передалъ дѣло драмы въ руки А. А. Нечего и говорить, послѣдній многое сдѣлалъ для исторіи театра. Онъ изгналъ со сцены Оффенбаха, провелъ въ репертуаръ пьесу Сухово-Кобылина «Дѣло», поставилъ заново всѣ пьесы Гоголя и «Горе отъ ума», впервые заставивъ актеровъ надѣть костюмы 20-хъ годовъ: до этого у насъ играли въ современныхъ платьяхъ ¹⁾. Но зато это былъ періодъ почти полного забвенія европейскаго репертуара.

Потѣхинъ боялся классическихъ пьесъ. Онъ ни разу не рѣшился поставить Шекспира или Шиллера. Разъ, по настоянію Варламова, въ бенефисъ его дали «Виндзорскихъ проказницъ», но это было столь ужасно, что пьесы даже не повторили. А между тѣмъ это была какъ разъ пора, когда мейнингенцы показали намъ, что такое ансамбль и массовое движеніе, а Сальвини и Росси—что такое исполненіе Шекспира. Впрочемъ, А. А. рѣшился однажды вступить въ состязаніе съ Кроненомъ и поставилъ народную сцену въ «Псковитянкѣ» Мея съ такимъ гамомъ и шумомъ, что публика ничего не слыхала изъ зажигательныхъ рѣчей Тучи, и актеръ, изображавшій его, надорвалъ горло и лишился голоса.

Потѣхинскій періодъ совершенно отучилъ труппу отъ европейскаго репертуара. Слабыя попытки ставить пьесы даже лучшихъ представителей нѣмецкой, французской и норвежской литературы всегда давали отрицательные результаты. Ихъ не умѣли и не хотѣли ставить. А. А. прямо говорилъ:

— Матушка! зачѣмъ намъ вашъ Ибсенъ, когда есть свои драматурги.

Громадный успѣхъ пальероновскаго «Скучающаго общества» хотя заставилъ его перенести эту пьесу на русскіе подмостки, но все же въ передѣлкѣ на «русскіе нравы». Такой патріотизмъ мало чѣмъ объясняется, скорѣе всего тѣмъ, что А. А. за границей не былъ, да и при томъ не зналъ языковъ. Я помню, какъ онъ отма-

¹⁾ Даже И. А. Гончаровъ примкнулъ къ этому мнѣнію; онъ совѣтовалъ въ своей статьѣ «Милліонъ терзаній» не играть комедію въ костюмахъ ея эпохи; но въ совѣтѣ этомъ сказался жестокой уколь по адресу актеровъ—онъ боялся, что въ высокихъ прическахъ, съ высокими таліями «дѣйствующія лица покажутся бѣглецами съ толкучаго рынка». Вотъ какъ носили тогда костюмы.

хивался отъ возобновленія «Гамлета», несмотря на настоянія Всеволожскаго. Онъ говорилъ мнѣ:

— Декораціи у насъ старыя—новыхъ не дадутъ; костюмы старыя—новыхъ не сошьютъ. Никто не умѣетъ костюмовъ носить. Стиховъ никто не умѣетъ читать. Что намъ итти на провалъ?

Когда, послѣ оставленія имъ должности, «Гамлета» поставили, и онъ въ одинъ сезонъ выдержалъ нѣсколько десятковъ представленій, А. А. сказалъ мнѣ не смущаясь:

— Я очень радъ: значить, повысился уровень требованій публики.

ХІ.

Какъ человѣкъ властолюбивый и почти безконтрольный, онъ пополнялъ труппу,—и не всегда удачно,—то терялъ сильныхъ, талантливыхъ артистовъ. Онъ уволилъ *grande-dame* Читау, давъ ей преждевременную пенсію, а между тѣмъ на многія роли эта актриса была незамѣнима ¹⁾. Онъ пригласилъ Стрепетову, но въ сущности не давалъ ей играть. Онъ пригласилъ Чарскаго,—и только лишилъ его репутаціи сильнаго провинціального артиста. Давыдовъ, Киселевскій и Петипа принуждены были оставить сцену. Ненужнаго баласта много было набрано, и потомъ пришлось ихъ увольнять.

Онъ былъ строгъ, почти жестокъ къ артистамъ. Требовалъ почтительности и чинопочитанія. Я помню, какъ Павелъ Исаевичъ Вейнбергъ, извѣстный рассказчикъ, однажды сидѣлъ за кулисами, и, видя А. А. стремглавъ бѣгущаго куда-то въ уборную, щелкнулъ вслѣдъ ему языкомъ. На этотъ разъ Потѣхинъ не былъ глухъ. Онъ остановился, круто повернулся и, подойдя къ сидящимъ,—а сидѣли Вейнбергъ, Сазоновъ и Свободинъ,—спросилъ:

— Господа, кто это щелкнулъ?

Вейнбергъ не счелъ возможнымъ отречься, и сказалъ:

— Это я, Алексѣй Антиповичъ!

Потѣхинъ сдѣлалъ радостное лицо:

— Ахъ, какъ вы славно щелкаете,—васъ надо примѣнить къ дѣлу, матушка!

Онъ обратился къ помощнику режиссера:

— Николай Максимычъ, кто у насъ въ послѣдней картинѣ «Ревизора» щелкаетъ языкомъ? Лелюковъ или Коробкинъ? Пожалуйста, запишите эту роль за Павломъ Исаевичемъ: пусть пощелкаетъ. И пожалуйста безсмѣнно.

Такъ два года и щелкалъ Вейнбергъ, при этомъ сознаваясь:

— Ядовито, но умно! Запрягли въ безсловесную роль.

Такихъ «анекдотовъ»—о закрѣпощенія артистовъ на многіе годы на безсловесныя роли—найдется немало. Публичные выговоры и

¹⁾ А. М. Читау жива до сихъ поръ: ей около 80 лѣтъ.

публичныя извиненія передъ всей труппой было дѣло обычное. «Кровь лилась рѣкою», какъ выразился какъ-то Варламовъ при воспоминаніи объ этомъ періодѣ.

Но артисты не чувствовали одного, что Потѣхинъ все же под-
нял въ общемъ «литературность» сцены. Самъ костромичъ, зна-
токъ языка, онъ свято оберегалъ его на сценѣ. И потомъ, когда
на смѣну ему, послѣ упраздненія должности управляющаго, явился
Медвѣдевъ—провинціальный дѣятель стараго закала,—сцена вдругъ
шагнула на тридцать лѣтъ назадъ. Появился «Актеръ Яковлевъ»;
и повѣяло затхлостью и старьемъ...

Насколько Потѣхинъ внушалъ страхъ служащимъ, видно изъ
того, какъ перепуганный сценаріусъ, которому было поручено пре-
дупредить, когда останется пять минутъ до начала спектакля,
сказалъ:

— Алексѣй Минутычъ, пять Антиповичей осталось.

Но у насъ въ комитетѣ Алексѣй Антиповичъ былъ очень бла-
годушень, и шелъ только противъ крупной безграмотности. Я не
припомню случая, чтобы онъ настаивалъ на запрещеніи той или
другой пьесы. Впрочемъ, послѣ отставки онъ впалъ въ какое-то
безразличіе, и ему до всего было все равно. Онъ выпивалъ три
стакана чая, улыбался Григоровичу, подшучивалъ надъ Вейнбер-
гомъ, щелкалъ челюстями и задумчиво смотрѣлъ вдаль своими
свѣтлосѣрыми глазами. Такъ онъ оставался долго, до самаго конца
жизни членомъ комитета, и послѣдующіе за Всеволожскимъ дирек-
тора не знали, какъ его выжить. Но «выжить» его было нельзя, и
семнадцать лѣтъ подъ рядъ онъ получалъ львиную долю вознагра-
жденія, превышавшую въ три раза сумму гонорара остальныхъ
членовъ.

XII.

Какъ ни странно сказать, но самый милый, самый отзывчивый
и симпатичный членъ нашего комитета былъ главной причиной,
что я рѣшился покинуть это учрежденіе. Дѣло было такъ.

Однажды Григоровичъ говоритъ намъ:

— Господа, я читалъ удивительно смѣшную вещь: одноактный
водевиль. Вѣроятно, сочиненіе какой-нибудь дамы. Это такой сум-
буръ, такой сумбуръ! Я вамъ самъ прочту въ слѣдующій разъ.
Вы надорвете животики. Это совершенно невѣроятно!.. Я хотѣлъ
непремѣнно прочесть вамъ сегодня, но теперь шестой часъ, отло-
жимъ до слѣдующаго раза.

И мы разошлись въ предвкушеніи какого-то «гротеска» въ бли-
жайшее засѣданіе.

У Григоровича было чрезвычайно развито воображеніе. Вѣро-
ятно, онъ всюду, во всѣхъ домахъ, которые посѣтилъ на недѣлѣ,

разсказывалъ, что мы прочли въ комитетѣ. При этомъ пересказъ пьески въ значительной степени отходилъ отъ дѣйствительности. Съ каждымъ разомъ онъ все болѣе и болѣе изукрашивался цвѣтами краснорѣчія Дмитрія Васильевича, и онъ, передавая уже свое собственное измышленіе, вызывалъ сочувственное одобреніе зрителей. Много разъ нашъ веселый беллетристъ поднимался на такіе веселые «трюки», но на этотъ разъ судьба дала ему жесточайшій урокъ.

Былъ онъ на семейномъ «жур-фиксномъ» обѣдѣ у одного извѣстнаго литератора-публициста. По свойственной ему живости характера, онъ не могъ пропустить случая разсказать свѣженькій анекдотецъ. И вотъ, приковавъ къ себѣ вниманіе слушателей двумя-тремя предварительными выпадами, Дмитрій Васильевичъ начинаетъ излагать содержаніе злосчастной пьески. И вдругъ онъ видитъ, что съ артисткой М. Г. Савиной, сидѣвшей противъ него черезъ столъ, дѣлаются какія-то судороги. Она закусываетъ губу, показываетъ ему на кого-то глазами, повертывается на стулѣ, словомъ, выражаетъ крайнюю степень смущенія. Григоровичъ, чувствуя что-то недоброе, начинаетъ путаться, краснѣеть, но уже поздно,—онъ все болѣе запутывается въ собственные тенета...

Оказывается, пьеса, не подписанная авторомъ, принадлежала перу гостепріимнаго хозяина...

Хуже всего было то, что Григоровичъ началъ свой разсказъ словами: «На дняхъ мы единогласно забраковали...» И не только всѣ присутствовавшіе, съ хозяиномъ во главѣ, но и самъ Григоровичъ вполне были увѣрены, что пьеса забракована.

Кое-какъ дообѣдавъ и просидѣвъ еще нѣсколько минутъ въ кабинетѣ хозяина, Дмитрій Васильевичъ кинулся ко мнѣ.

— Душа моя,—говорилъ онъ немощнымъ и взволнованнымъ голосомъ:—языкъ мой—врагъ мой. Знаете, что случилось: сейчасъ я на обѣдѣ у Н. Н. высмѣялъ его же произведеніе.

И онъ началъ подробный пересказъ всѣхъ обстоятельствъ.

— Сколько разъ меня мой языкъ подводилъ!—восклисалъ онъ съ горечью:—но никогда ничего подобнаго не было! Что дѣлать!

— Да что жъ тутъ дѣлать,—сказалъ я:—оставайтесь при особомъ мнѣніи, а мы останемся при особомъ. Если это пьеса Н. Н., не можетъ быть, чтобы она была такъ слаба, чтобы ее нельзя было пропустить.

— Да вѣдь вы протоколъ уже подписали!

— И не думали. Вѣдь вы будущій разъ хотѣли намъ читать пьесу.

Дмитрій Васильевичъ схватилъ меня подъ руку и сталъ водить по комнатѣ.

— Тутъ, душенька, вотъ какой казусъ:—я думалъ, что мы поспѣемъ ее прочесть въ прошлый разъ, и помѣтилъ ее какъ, прочитанную въ протоколѣ засѣданія. Такъ что вы всѣ подписали... Ну,

что дѣлать! Ошибка!.. Но, конечно, ее надо исправить. Я возьму протоколь обратно.

— Не отдадутъ.

— Иванъ Александровичъ спросить для себя, я возьму отъ него и замѣню другимъ. Я это все устрою...

— Да прочитатъ-то пьесу намъ надо?

— Конечно, прочтемъ,—но это ужъ формальность. Понимаете; мнѣ показалось, что она слаба... А теперь я вижу, что она... Ну, просто мнѣ показалось...

Отъ меня Дмитрій Васильевичъ бросился къ Вейнбергу и Потѣхину. Что они говорили—не знаю. Но на другой день мы экстренно собрались, и Петръ Исаевичъ читалъ пьеску. Пьеска оказалась очень милой, и въ ней не только не было ничего плохого, но она была одной изъ самыхъ лучшихъ одноактныхъ русскихъ пьесъ.

— Какое-то затменіе на меня нашло!—говорилъ Григоровичъ.— Почему мнѣ взбрело въ голову? Вы не можете себѣ представить, какъ все это было мнѣ непріятно.

Иванъ Александровичъ, по своему мягкосердію, все дѣло уладилъ. Но въ архивахъ дирекціи остались слѣды какой-то путаницы. Но надо правду сказать, Дмитрій Васильевичъ такъ напуталъ числа засѣданій, номера протоколовъ и т. д., что будущій историкъ, повѣрившій ихъ датамъ, будетъ введенъ въ большое затрудненіе.

Я рѣшилъ послѣ этого случая не оставаться болѣе въ литературно-театральномъ комитетѣ и, воспользовавшись тѣмъ, что меня пригласили управляющимъ труппой въ частномъ театрѣ литературно-художественнаго кружка, оставилъ комитетъ, получивъ благодарность отъ министерства двора. А комитетъ существуетъ и до настоящаго дня, только уже никого не осталось изъ перваго состава.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

А. В. Суховъ-Кобылинъ и типъ Расплюева.—А. П. Чеховъ и «вобла».—Чеховъ и художникъ S.—И. А. Гончаровъ.—Что сдѣлалъ Гончаровъ для театра?—Легенда о происхожденіи гр. А. К. Толстого.

1.

Театральное сочинительство имѣетъ какую-то особо притягательную силу. Какъ мало было беллетристовъ, которыхъ бы хоть разъ въ жизни не соблазнили лавры драматурга. Ужъ на что, кажется, были чужды театру М. Е. Салтыковъ-Щедринъ и Н. С. Лѣсковъ-Стебницкій, а и тѣ отдали ему дань, написавъ такія превосходныя вещи, какъ «Смерть Пазухина» и «Расточитель». Пушкинъ

Лермонтовъ, Л. Толстой—всѣ прельщались сценой, всѣхъ манилъ сжатый діалогъ безъ описательныхъ отступленій. Даже у Владимира Соловьева есть публицистическія и шуточные вещи, написанныя въ драматической формѣ. Кажется, одинъ только И. А. Гончаровъ устоялъ отъ соблазна и никогда не рисковалъ выступить съ пьесой.

Перебирая въ памяти рядъ умершихъ уже драматическихъ авторовъ, или, какъ у насъ принято говорить «драматурговъ», я невольно останавливаюсь на характерной фигурѣ А. В. Сухова-Кобылина.

Мнѣ кажется, онъ до сихъ поръ не занимаетъ того почетнаго мѣста, какое ему подобаешь въ исторіи театра. Свѣдѣнія о немъ поверхностны и неточны. Даже годъ рожденія не обозначенъ съ достаточною вѣрностью. Посмотрите любую энциклопедію: всѣ будутъ увѣрять составители, что «Свадьба Кречинскаго»—лучшее произведеніе А. В., что «Дѣло» скучно, тенденціозно, а «Смерть Тарелкина»—вещь совсѣмъ незначительная. Такъ и кажется, что лица, составлявшія справку о Кобылинѣ, даже не потрудились прочитать его произведенія.

Обыкновенно указываютъ на то, что Сухово-Кобылинъ не профессиональ, что это аматеръ, со скуки писавшій свои комедіи. Его упрекаютъ въ томъ, что у него слишкомъ мало вымысла, что подлинная исторія Крысинскаго только претворилась подъ его перомъ въ исторію Кречинскаго, что «Дѣло»—фотографическій снимокъ съ личныхъ мытарствъ автора, когда, обвиненный въ убійствѣ гувернантки Диманшъ, онъ былъ привлеченъ къ суду и сидѣлъ въ тюрьмѣ. Нѣкоторая озлобленность по отношенію къ Кобылину, озлобленность къ «баричу», какъ будто имѣеть основаніемъ то предисловіе, которое онъ написалъ въ своей трилогіи, гдѣ онъ презрительно-небрежно хвалится тѣмъ, что никогда не принадлежалъ къ писательскому цеху...

Еще многимъ, конечно, памятна смуглая, сильная фигура А. В., какимъ онъ былъ послѣдній годъ: въ густо начерненныхъ волосахъ, подкрашенной бородѣ и въ сѣромъ цилиндрѣ, онъ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка напоминалъ фигуру изъ альбома Гаварни и отъ него, какъ отъ Григоровича, вѣяло сороковыми годами. До глубокой старости занимаясь гимнастикой и катаясь на конькахъ, онъ закалилъ свое здоровье и смотрѣлъ куда моложе своихъ лѣтъ. Послѣдній разъ я видѣлъ его осенью 1900 года, передъ послѣднимъ отъѣздомъ за границу, и онъ былъ настолько бодръ, что я никакъ не могъ предположить, получивъ отъ него въ день отъѣзда записку, что это будетъ послѣднимъ его письмомъ, написаннымъ имъ въ предѣлахъ Россіи, и что его смерть не за горами.

Самымъ интереснымъ воспоминаніемъ о немъ является у меня его разсказъ о томъ, какъ Провъ Садовскій сыгралъ Расплюева. Разсказъ, этотъ подтвержденный его племянникомъ, графомъ Салья-

сомъ-Турнемиромъ, выясняетъ вѣковѣчную истину, съ которой многіе не согласны: какъ талантливый актеръ можетъ сыграть роль совѣмъ не ту, что написалъ авторъ, и въ корнѣ извратить его замысль.

II.

«Свадьба Кречинскаго» шла въ Москвѣ въ эпоху полного расцвѣта артистическихъ силъ П. М. Садовскаго. Ему поручена была роль Расплюева. Если въ Петербургѣ центръ вниманія публики былъ сосредоточенъ на Самойловѣ, игравшемъ Кречинскаго (Расплюева игралъ очень плохой актеръ Бурдинъ); то въ Москвѣ талантъ Садовскаго выдвинулъ на первый планъ успѣхъ Расплюева. Этотъ успѣхъ и сдѣлалъ то, что Сухово-Кобылинъ чуть не впалъ въ черную меланхолію и двѣ недѣли пролежалъ въ кровати.

Дѣло въ томъ, что тогда Малый театръ представлялъ безпримѣрное явленіе въ исторіи сцены: тогда три элемента драматическаго представленія: авторъ, актеръ и публика сливались во едино. На сценѣ царилъ Островскій. Его типы московскаго купечества наблюдались непосредственно, подъ бокомъ у театра—въ Охотномъ ряду, въ Гостиномъ дворѣ. Артистамъ не надо было указывать, что и какъ играть,—у нихъ были передъ глазами охотнорядскіе типы, они ихъ знали лучше чѣмъ что-либо. А зрители были тѣ же купцы, чиновники, приказчики и студенты. Интересы внѣ этой среды были чужды тогдашнему московскому театру. Время мелодрамы Кукольника и Шекспира, перелицованнаго Полевымъ по мелодраматической мѣркѣ, уже прошло: раздутость и приподнятость стали противны, реальныя рамки выступили на первый планъ. Артисты, режиссеры, управляющіе театромъ не имѣли чувствительнаго культурнаго воспріемника, не имѣли того органа, который бы помогъ имъ осязать Шекспира, Шиллера, даже понять Тургенева: Тургеневъ былъ имъ непонятенъ и казался «несценичнымъ», потому что не удовлетворялъ шаблону Льва Гурыча Синичкина. Артистки того времени не могли создать типа Натальи Петровны въ «Мѣсяцѣ въ деревнѣ», такъ далеки были ихъ взгляды, манеры, поступки, тембръ голоса отъ кисейныхъ барынь-помѣщиць сороковыхъ годовъ, такъ далеки были актеры отъ «маркизовъ на красныхъ каблукахъ», какими были помѣщички quasi-философы той же среды. Только «Завтракъ у предводителя» и не былъ имъ чуждъ.

Муромскій старый баричъ, шляхтичъ Кречинскій—были чужды московскимъ артистамъ. Расплюева, этого Ноздрева 50-хъ годовъ, актеръ могъ почувствовать, но не въ томъ масштабѣ: не помѣщикомъ былыхъ дней, какимъ его хотѣлъ изобразить авторъ, а спившимся, прогорѣвшимъ купчикомъ, полупролетаріемъ. И вотъ Садовскій явился типомъ проходимца, котораго побили въ игорномъ

притонѣ, но—увы—не англійскимъ боксомъ. Какъ наши Репетилковы со сцены почти всегда кажутся пьяными водкой, а не шампанскимъ, что отнимаетъ весь эффектъ роли члена англійскаго клуба, такъ и Расплюевы теряютъ первымъ дѣломъ отъ того, что они избиты не боксомъ, не по установленнымъ приемамъ «просвѣщенныхъ мореплавателей», а прямо имъ подставлены фонари въ рукопашной схваткѣ мелкаго притона.

— Вы только подумайте,—говорилъ Сухово-Кобылинъ:—Кречинскій отправляетъ Расплюева съ букетомъ къ своей невѣстѣ, къ богатой невѣстѣ! Расплюевъ носить перчатки и ходить къ парикмахеру. Ему довѣряютъ дорогой солитеръ. Развѣ тому Расплюеву, который изображается у насъ на сценахъ, можно довѣрить даже простую бирюзовую булавку? А Кречинскій, устраивающій вечеръ въ своей роскошной квартирѣ, которой удивляется богатый помѣщикъ, почему онъ приглашаетъ достойнымъ гостемъ для приема своей будущей жены именно того же Расплюева? А мимоходомъ брошенная Расплюевымъ фраза, что онъ все таскаетъ въ гнѣздо своимъ птенцамъ?

Типъ опустившагося помѣщика былъ чуждъ и Садовскому, и зрителямъ. Но Расплюева изъ Охотнаго ряда они приняли съ восторгомъ. Суховъ-Кобылинъ былъ подавленъ, угнетенъ, и, какъ я сказалъ выше, заболѣлъ.

Тщетно увѣряли А. В. въ огромномъ успѣхѣ пьесы, и въ особенностяхъ въ успѣхѣ Садовскаго. Онъ стоялъ на своемъ, что его пьеса извращена. Наконецъ, его уговорили снова поѣхать въ театръ и убѣдиться, какъ принимаетъ комедию публики.

Просмотрѣвъ спектакль и убѣдившись въ восторженныхъ оваціяхъ, онъ махнулъ рукой и сказалъ:

— По Сенькѣ и шапка!

Шаблонъ, созданный Садовскимъ, такъ и остался: Медвѣдевъ, Давыдовъ, Макшеевъ—всѣ потомъ повторяли по традиціи прежній образъ, и всѣ имѣли успѣхъ.

«Дѣло», какъ литературное произведеніе, безконечно выше «Свадьбы Кречинскаго». Это бичующая страница дореформенныхъ нашихъ учреждений. Съ гоголевскимъ приемомъ подходит авторъ къ тому министерству, которымъ воротить выслужившееся кувшинное рыло—Варавинъ. Весь произволь, вся слабость власти того времени выставлена во всей ихъ неприглядной красѣ. Цензура лучше критики поняла всю важность обличительной драмы, и безусловно воспретила ея представленіе. Одинъ синодикъ дѣйствующихъ лицъ чего стоитъ въ редакціи Кобылина! Впрочемъ, списокъ этотъ и до сихъ поръ не проникнулъ въ афиши.

Что касается третьей пьесы —«Смерти Тарелкина», то я съ полнымъ убѣжденіемъ говорю, что это пьеса будущаго. Это гротескъ, и его надо играть гротескомъ. Попытка дать ее на сценѣ принадлежитъ

А. С. Суворину, и осенью 1900 года ее играли въ петербургскомъ Маломъ театрѣ. Ошибка постановки была въ томъ, что ее играли комедіей, отсюда тяжесть, неуклюжесть исполненія. Но наступить время, когда публика съ такимъ же восторгомъ будетъ принимать «Смерть Тарелкина», какъ теперь принимаетъ гоголевскую «Женитьбу». Сцены слѣдствія, что ведетъ Расплюевъ, безподобны. Никто такъ близко не подошелъ къ Гоголю по красочности и силѣ діалога, какъ Сухово-Кобылинъ въ сценахъ съ дворникомъ, помѣщикомъ и бывшей возлюбленной Тарелкина. Здѣсь комизмъ, ширясь, достигаетъ своего апогея, и остается изумляться, какъ до сихъ поръ находится въ забвеніи эта удивительная пьеса. Со временемъ, быть можетъ, и энциклопедическіе словари измѣнятъ свой узкій взглядъ на творчество одного изъ самыхъ талантливыхъ русскихъ драматурговъ.

III.

Смѣхъ присущъ русскому писателю, и никакая тенденціозность и глубочайшіе замыслы произведеній не мѣшаютъ ему прорываться на свѣтъ. Какъ Шекспиръ, создавшій «Гамлета», «Макбета», «Лира», не гнушается созданіемъ «Много шума», «Крещенскаго вечера» и «Усмиренія строптивой», такъ и Левъ Толстой, величайшій проповѣдникъ, не гнушается Гросманомъ, Вово, Петрицевымъ,—такъ и Чеховъ, авторъ «Палаты № 6», пишетъ «Юбилей» и «Свадьбу». И какое счастье для человѣчества, что тоскующій, самосжигающій Гоголь оставилъ намъ не только «Переписку съ друзьями», которую могъ и не оставлять, но и «совершенно невѣроятное событіе»—«Женитьбу», гдѣ его сатира въ анализѣ средней человѣческой души достигаетъ удивительной высоты.

Мы боимся смѣха и веселья, намъ стыдно быть веселыми. Я помню, какъ въ первый разъ давали «Юбилей», и какъ негодовала публика. Въ партерѣ возмущались:

— Можно ли ставить на образцовой сценѣ такой балаганъ!

Эти фарисеи, конечно, въ душѣ были рады смѣху, но считали его неприличнымъ для своего гражданскаго достоинства. А. П. Чеховъ не даромъ писалъ мнѣ, что боится за «Юбилей», что это слишкомъ легкомысленно для автора «Сахалина», который стоилъ ему чашотки, а можетъ быть и жизни. А въ то же время онъ говорилъ:

— Ну, что можетъ быть лучше веселаго водевиля! Вотъ и Левъ Николаевичъ изъ всѣхъ моихъ театральныхъ писаній только и признаетъ, что водевиль.

Мягкій, уступчивый, снисходительный, Антонъ Павловичъ поддавался вліянію окружающихъ. Но и мстилъ же онъ имъ. Мстилъ, какъ можетъ мстить только талантливый юмористъ.

Ему говорили:

— Бросьте писать рассказы. Мы ждемъ отъ васъ крупнаго.

Онъ поправлялъ пенснэ, поглаживалъ волосы, неопредѣленно побрякивалъ и жаловался друзьямъ:

— Подъ именемъ «крупнаго» они подразумѣваютъ длинное. Они все привыкли мѣрить погонными сажеными.

Когда ему представили «необходимость» въ поѣздкѣ на Сахалинъ, онъ повѣрилъ и поѣхалъ.

— Какой-то гнусный кошмаръ!—говорилъ онъ потомъ.—Я чувствовалъ, что превращаюсь въ газетнаго репортера или въ сотрудника календаря по статистическому отдѣлу. Сколько потрачено даромъ времени, труда и здоровья!

Московская пресса, какъ всегда, зажирѣвшая и лицемѣрная (это слова Чехова), долго не хотѣла признавать его талантомъ. Въ Петербургѣ онъ уже пережилъ блестящій успѣхъ «Иванова», и его знали и любили и какъ Чехонте и какъ Чехова. Московскіе критики въ это время писали о немъ ученые статьи, пережевывая старую мочалу, утверждая, что Тургеневъ писалъ лучше. Не знаю, кто изъ нихъ обмолвился такою геніальною сентенціей, но Антонъ Павловичъ не могъ этого переварить, и въ концѣ концовъ вложилъ фразу о Тургеневѣ въ рѣчи литератора Тригорина въ «Чайкѣ». Онъ видѣлъ насквозь всю ветошь и раздутость московскихъ ученыхъ, и наконецъ не выдержалъ, и разрѣшился очаровательной фигурой Серебрякова, «отставнаго» профессора въ «Дядѣ Ванѣ».

Въ Чеховѣ давно «накипалъ» этотъ типъ. Помню, какъ, читая «критику», онъ возмущался не тѣмъ, что писали, но какимъ путемъ можно было додуматься до такихъ сентенцій.

— Вѣдь за эту чепуху имъ деньги платятъ!—говорилъ онъ.—Вы прочтите нынѣшнюю книжку «Артиста», что пишетъ N. N. Нѣтъ, что онъ пишетъ! А у насъ почитываютъ и ушами похлопываютъ!

И вотъ, наконецъ, дядя Ваня далъ аттестатъ «старому сухарю, ученой воблѣ». «Сынъ простаго дьячка, бурсакъ, добился ученыхъ степеней, сталъ его превосходительствомъ, зятемъ сенатора... Человѣкъ ровно двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ объ искусствѣ, ровно ничего не понимая въ искусствѣ. Двадцать пять лѣтъ онъ пережевываетъ чужія мысли о реализмѣ, натурализмѣ и всякомъ другомъ вздорѣ; двадцать пять лѣтъ читаетъ и пишетъ о томъ, что умнымъ давно ужъ извѣстно, а для глухихъ не интересно, значить двадцать пять лѣтъ переливаетъ изъ пустого въ порожнее. И въ то же время какое самомнѣніе! Какія претензіи!..»

IV.

Вообразите положеніе трехъ профессоровъ, судящихъ «Дядю Ваню» въ литературномъ комитетѣ. Вообразите, какъ они между строкъ чувствуютъ, что стрѣлы направлены именно въ нихъ, а не въ кого другого.

Что же имъ оставалось?

Они предложили автору передѣлку нѣкоторыхъ сценъ, найдя ихъ неестественными.

Вобла судила Чехова!

Чеховъ отказался слѣдовать указаніямъ воблы.

Друзья Антона Павловича схватились за послѣднее—повезли его къ управляющему московскими театрами. Несмотря на Страстную седмицу, онъ ихъ великодушно принялъ и изрекъ:

— Хотите, мы поставимъ какую-нибудь другую вашу пьесу. Вѣдь у васъ, кажется, есть еще пьесы?

Увы! послѣ этой фразы сцена Малаго таэтра не увидѣла ни одной пьесы Чехова, и онъ для казенныхъ московскихъ театровъ былъ потерянь навсегда.

«Воблы» больше нѣтъ въ московскомъ комитетѣ. Пьеса не передѣлана и осталась «неестественной», тѣмъ не менѣе составляя одинъ изъ крупнѣйшихъ вкладовъ въ драматическую сокровищницу конца XIX вѣка.

Л. Н. Толстой, искренно любя Чехова, не любилъ его пьесъ.

— Это у васъ напускное отъ Ибсена,—говорилъ онъ.—А Ибсенъ самъ-то немного стоитъ. Авторъ долженъ захватывать зрителя, и не вѣжливо, подъ руку, а сильно, за шиворотъ. Авторъ долженъ вести зрителя за собой, куда онъ хочетъ, и не позволять оглядываться по сторонамъ. Онъ долженъ вести его за своимъ героемъ впередъ и впередъ. А куда я пойду за вашимъ героемъ? Съ дивана до и обратно, потому что ему и ходить-то больше некуда. Куда какъ интересно!

И они оба хохотали, и Толстой, и Чеховъ.

Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Пишешь пьесу, уводишь со сцены героя, и сейчасъ Левъ Николаевичъ вспомнится: куда онъ пошелъ? Сидишь одинъ—и смѣхъ и зло разбираешь.

Я уже имѣлъ случай, въ «Сборникѣ» по случаю 80-лѣтія Толстого, рассказать, какъ единственнымъ утѣшеніемъ Чехова было то, что Л. Н., ругая его пьесы, говорилъ:

— Вы знаете, я терпѣть не могу шекспировскихъ пьесъ, но ваши еще хуже.

— И зачѣмъ я пишу комедіи!—сокрушался Антонъ Павловичъ.—Совсѣмъ этого не надо. То ли дѣло,—писалъ бы водевильчики! Ахъ, что можетъ быть лучше маленькаго веселаго водевильчика, такого веселаго, чтобъ у зрителей отъ хохота всѣ пуговицы отлетѣли. И какъ это здорово для нашего геморроидальнаго организма! Былъ бы я богатъ, писалъ бы маленькіе, маленькіе раз-

сказцы, страничекъ по пяти, и десять разказовъ въ годъ, не больше. То-то счастье было бы! А то теперь все погонной саженью мѣришь, тянешь канитель, чтобъ только тебя вобла снисходительно погладила по головкѣ.

V.

Вспоминается мнѣ одинъ характерный случай.

Собрались у меня вечеромъ справлять крещенскій вечеръ—англійскій Twelfth Night,—съ неизбѣжнымъ запеченнымъ въ пирогѣ бобомъ. Много дурачились и смѣялись. Одна перезрѣлая писательница, теперь уже покойная, впервые познакомилась въ этотъ вечеръ съ Чеховымъ,—и повисла на его шеѣ, съ чѣмъ его не безъ комизма поздравляли Вас. И. Немировичъ-Данченко и В. А. Тихоновъ. Душою вечера былъ художникъ S., устроившій импровизованный кабаре съ панорамой силуэтовъ. S. былъ талантливъ не только какъ художникъ, но и какъ симуляторъ всевозможныхъ психическихъ явленій. Послѣ ужина ему съ чего-то вздумалось разыграть нервный припадокъ. Я отнесся къ этому совершенно равнодушно, но Чеховъ вступилъ въ обязанности врача, увелъ его въ мой кабинетъ и, несмотря на собственную повышенную температуру, произвелъ самый серьезный діагнозъ надъ паціентомъ. Вышелъ онъ къ намъ съ серьезнымъ лицомъ и началъ сообщать, что у S. недоразвившійся скелетъ и что онъ форменный неврастеникъ. Но тутъ В. А. Тихоновъ обварилъ его замѣчаніемъ:

— Антонъ Павловичъ, голубчикъ! За носъ онъ васъ водить. Здоровъ онъ, какъ мы съ вами. Просто симуляція.

У Антона Павловича перекривилось пенсне на носу отъ неожиданности.

— Что вы говорите?

— Да ужъ повѣрьте... Спросите у хозяина... онъ подтвердитъ.

Чеховъ помолчалъ съ минуту. Опять ушелъ въ кабинетъ и началъ возиться съ паціентомъ снова.

— Да тащите вы его сюда!—говорили мнѣ:—что его тамъ морочить...

Я пошелъ за Чеховымъ.

— Дайте бумажки и чернила,—попросилъ онъ.—У васъ аптека недалеко?

Онъ присѣлъ къ моему столу, написалъ рецептъ, наверху поставилъ со знакомъ восклицанія *statim!* и собрался самъ пойти, не смотря на четвертый часъ утра.

Я убѣдилъ его послать прислугу. Тогда онъ началъ таинственно совѣщаться съ горничной. Я видѣлъ, какъ онъ давалъ ей три рубля и говорилъ:

— Васъ не больше, какъ на пять минутъ, задержать. Скажите, что докторъ не уѣзжаетъ отъ больного и ждетъ лекарства.

А. П. вернулся къ намъ. На губахъ его играла какая-то неопредѣленная улыбка. Дамы спрашивали, какъ себя чувствуетъ S.

— Ему нуженъ покой,—сказалъ Чеховъ.—Я его просилъ не вставать. Черезъ четверть часа онъ будетъ здоровъ.

Онъ пилъ кофе и джиджеръ, все поглядывая на часы, какъ бы въ предвкушеніи какого-то пріятнаго ожиданія. И въ самомъ дѣлѣ—черезъ четверть часа микстура была принесена.

Антонъ Павловичъ съ торжествомъ отправился въ кабинетъ. Здѣсь, еще разъ участливо справившись о здоровьѣ больного, онъ сказалъ:

— Сейчасъ вы себя не узнаете.

Онъ развернулъ бумагу, вынулъ флаконъ, тщательно прочелъ сигнатурку, затѣмъ оторвалъ ее и сунулъ въ жилетный карманъ, какъ бы истребляя всѣ слѣды преступленія. Потомъ попросилъ столовую ложку, понюхалъ содержимое въ склянкѣ и попросилъ меня уйти.

Черезъ минуту онъ торжествующій вернулся въ столовую, по дорогѣ сунувъ горничной въ руку остатки флакона и сказавъ: «вылейте эту дрянъ сейчасъ же».

— Ну, что? спросили его:—Какъ?

— Сейчасъ придетъ,—отвѣчалъ онъ.

И художникъ дѣйствительно явился. Лицо его сохраняло слѣды какого-то страннаго изумленія,—точно какое-то явленіе «непостижное уму» открылъ ему Чеховъ. А Антонъ Павловичъ, наклонясь къ моему уху, сказалъ:

— Я поклонюсь вамъ самымъ дорогимъ, что у меня есть теперь въ жизни,—тѣмъ гонораромъ, что я послѣзавтра получу изъ магазина «Н. В.»,—что художникъ при мнѣ болѣе симулировать никогда не будетъ.

Я такъ и не узналъ, что ему преподнесъ Антонъ Павловичъ,—но думаю, что впечатлѣніе снадобья было поразительное.

VI.

Разошлись отъ меня по-петербургски,—должно быть, часу въ седьмомъ утра. Помню, что благовѣстили всѣ церкви. Дама-писательница спрашивала уже на лѣстницѣ Антона Павловича:

— Такъ придете?

— Можетъ быть,—но я думаю завтра въ Москву.

— Но если останетесь?—умоляюще говорила она.

— Ну, если останусь,—сдавался Чеховъ.

— Тогда заглянете?

— Не могу сказать...

Онъ медлилъ, предоставляя ей спуститься внизъ, изъ боязни, чтобъ она не предложила провожать ее.

— Я жду васъ!—крикнула она снизу.

— Очень радъ!—отвѣчалъ онъ сверху и, обратившись ко мнѣ, прибавилъ:

— Какая милая, но назойливая дама!

— Да завтра, Антонъ Павловичъ!—какъ слабое эхо донеслось откуда-то.

Часу въ двѣнадцатомъ дня меня будятъ.

— Письмо отъ г-жи Н. Ждутъ отвѣта.

— Что такое? Вѣдь только что ушла...

Читаю.

«А. П. прислалъ мнѣ записку. Онъ очень боленъ. Не прилагаетъ адреса. Ради Бога, гдѣ онъ остановился?»

Сообщаю ей адресъ и удивляюсь, когда успѣлъ А. П. заболѣть, да еще увѣдомить объ этомъ г-жу Н.

Часа въ три ѣду по Невскому. Вижу, шагаетъ Антонъ Павловичъ; выскакиваю изъ саней.

— Вы здоровы?

На лицѣ его явное недоумѣніе.

— Или я со вчерашняго не проспался, или всѣ сошли съ ума,—говоритъ онъ.—Я сейчасъ получилъ письмо отъ этой толстенькой дамы. Я здоровъ, какъ быкъ, а она почему-то соболѣзнуеть. Теперь вы! Что за чертовщина! Я только что отправилъ вамъ письмо по этому поводу.

Оказалось, что писательница не разобрала спросонья письма, полученнаго отъ кого-то изъ знакомыхъ, и, вообразивъ, что оно отъ Чехова, стала пороть горячку.

Потомъ Чеховъ, при каждой встрѣчѣ, у меня спрашивалъ:

— А что жива эта толстенькая дама? Мнѣ очень хочется пустить ее въ какую-нибудь комедію. Да скажутъ—утрировка.

Насколько Чехова манила прежде петербургская сцена, настолько послѣ провала «Чайки» онъ получилъ отъ нея отвращенія,—и всегда говорилъ:

— Нѣтъ, знаете, все-таки лучше отъ нея подальше.

Въ послѣдній разъ встрѣтился я съ нимъ года за полтора до смерти.

— Все въ Финляндіи живете?—спросилъ онъ.

— Въ Финляндіи.

— Счастливецъ. А я—все въ Ялтѣ. Какъ она мнѣ претитъ. Сколько разъ я вспоминалъ васъ. Я понялъ только теперь, почему вы не любите Крыма и остерегали меня строиться тамъ. Если живешь въ Крыму, на сѣверъ уже нельзя возвращаться,—надо закупориться тамъ навсегда. А то пріѣдешь на сѣверъ—и все равно, какъ въ теплый стаканъ нальешь холоднаго молока: непременно треснетъ.

— Я не люблю жары, а холодъ переносу съ удовольствіемъ,— сказалъ я.

— Да, холодъ здоровѣе!—задумчиво отвѣтилъ онъ.—Жаръ ослабляетъ и приводитъ въ нервное состояніе...

Потомъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Намъ, писателямъ, необходимо каждый разъ на ночь обтираться одеколономъ. Это одно успокаиваетъ нервы и даетъ сонъ.

VIII.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, въ Петербургѣ, на Моховой улицѣ, на Сергіевской, иногда на набережной Невы и въ Лѣтнемъ саду, изрѣдка на Невскомъ, можно было видѣть маленькаго старичка съ палкой, въ синихъ очкахъ, неторопливо совершающаго свою обычную прогулку. Онъ не замѣчалъ, или старался не замѣчать, проходящихъ. Только иногда, сидя на скамейкѣ Лѣтняго сада, поглядывалъ онъ менѣе строго на гуляющихъ, и съ подходящими знакомыми вступалъ даже въ разговоры. Это былъ авторъ «Обломова» и «Обрыва»—Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Отъ прежняго Гончарова, какимъ его знали и рисовали современники, остались только слабыя искры. Ворчливый, привередливый, замкнутый въ своей маленькой квартирѣ на Моховой, онъ всѣхъ чуждался. Его уважали, но звали чужакомъ и какъ будто избѣгали. Мнѣ въ ту пору доводилось его встрѣчать въ Русскомъ литературномъ обществѣ, занимавшемъ то помѣщеніе, гдѣ теперь, со стороны Мойки, помѣщается ресторанъ «Медвѣдь». Въ восьмидесятыхъ годахъ я читалъ въ драматической школѣ, что была при обществѣ, исторію театра, замѣстивъ П. Д. Боборыкина, уѣхавшаго за границу. Нашкольные экзаменаціонные спектакли съѣзжалось много публики. Разъ пріѣзжаю я,—оказывается цѣлое событіе: кромѣ обычныхъ посѣтителей—«дѣда» Мордовцева, Григоровича, Случевского, Плещеева,—пріѣхалъ и Иванъ Александровичъ.

Засталъ я его сидящимъ въ самомъ благодушномъ настроеніи съ артисткой Н. С. Васильевой, которая преподавала у насъ въ школѣ.

Увидя меня, она воскликнула:

— А вотъ и авторъ!

Оказывается, она звала Гончарова посмотрѣть въ Александринскомъ театрѣ мои «Горяція письма», гдѣ играла главную роль. Гончаровъ посмѣивался, опираясь на свою палочку, и говорилъ:

— Я въ театры не хожу. Пріѣхалъ на вашъ экзаменъ,—чтобъ увидѣть спектакль, должно быть, послѣдній разъ въ жизни. А «Горяція письма» мнѣ дома прочли два раза. Такой тонкій діалогъ, я

полагаю, со сцены пропадаетъ ¹⁾). Когда я подумаю, что для того, чтобъ попасть къ вамъ въ театръ, надо заранѣе выбирать день, посылать за билетомъ, надѣвать галоши, шарфъ, шубу, нанимать извозчика, даже карету, ѣхать, вылѣзать, толкаться, раздѣваться на сквозномъ вѣтру, потомъ искать свое мѣсто, потомъ опять одѣваться, разыскивать карету...

Артистка смѣялась, посмѣивался и Иванъ Александровичъ, постукивая объ полъ костылькомъ. Когда ее позвали на сцену и стали звонить къ началу спектакля, онъ взялъ меня подъ руку и сказалъ:

— Будьте моимъ ангеломъ хранителемъ, сведите меня въ первый рядъ и наставляйте меня на добрый путь: главное, покажите, которая Пасхалова, мнѣ про нее наговорили много.

Я усадилъ его и сѣлъ рядомъ.

Увы! благодушіе его тянулось недолго. Поднялся занавѣсъ, и началось представленіе. Иванъ Александровичъ дѣлался все безпокойнѣе и безпокойнѣе. Онъ вслушивался въ текстъ, поворачивалъ то одно ухо къ сценѣ, то другое, и наконецъ спросилъ:

— Что это за пьеса?

— «Мѣсяць въ деревнѣ»,—отвѣчалъ я.

Онъ помолчалъ, а потомъ спросилъ:

— Чья пьеса?

Я сказалъ.

— Тургенева? Гм...

Онъ повернулся бокомъ на стулѣ.

— А скажите, какъ фамильи этихъ ученицъ?

Я началъ называть.

— А учениковъ?

Я и учениковъ назвалъ.

— А это кто сидитъ налѣво во второмъ ряду?

Я сказалъ, что не знаю.

— А Пасхалова—внучка Мордовцева?

— Кажется, внучка.

¹⁾ Кстати, не лишена интереса исторія этой пьески. У Н. С. Васильевой былъ бенефисъ въ началѣ 1886 года. Она мнѣ говоритъ: «посмотрите у нѣмцевъ (тогда была казенная нѣмецкая труппа въ Михайловскомъ театрѣ)—пьеску «Fünken unter der Asche», не переведете ли ее для меня?» Я пошелъ смотрѣть. Мотивъ пьески мнѣ понравился, но разработка показалась сантиментальной и сладкой. Я сказалъ Н. С., что надо пьеску совершенно передѣлать—уничтожить роль жениха, тетку замѣнить дядей, финалъ совершенно передѣлать и пр.—Въ одну ночь пьеса была написана, на слѣдующій день переписана и пропущена цензурой,—а еще черезъ день ее читали въ комитетѣ и репетировали на сценѣ. Идетъ она до сихъ поръ по всѣмъ театрамъ, два раза переведена на французскій языкъ,—и въ послѣдній разъ шла года два назадъ въ парижскомъ Théâtre des Arts. А въ результатѣ оказывается, что и нѣмецъ ее откуда-то заимствовалъ. Такъ какъ я обозначилъ, что пьеса не оригинальная, то мнѣ отовсюду присылаютъ только «переводный» гонораръ.

— А скоро они кончатъ?

Словомъ, онъ пересталъ слушать пьесу, и какъ только опустили занавѣсъ, собрался домой.

Его стали удерживать.

— Нѣтъ, я старъ для такого времяпровожденія,—стараясь улыбнуться, говорилъ онъ.—Мнѣ уже тяжело. Вотъ меня проводить мой архангелъ до прихожей, покажетъ дорогу и я отправлюсь къ себѣ на боковую.

И уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько времени встрѣчаю его возлѣ Лѣтняго сада.

— Радъ, что васъ встрѣтилъ. Въ мои годы писать трудно. Вы увидите вашего предсѣдателя ¹⁾? Скажите ему отъ меня серьезно, что нельзя такъ обращаться съ людьми моего возраста, какъ обращаетесь вы.

Вижу, старикъ волнуется, я успокаиваю:

— Въ чемъ дѣло, Иванъ Александровичъ,—все сейчасъ устрою, что желаете.

— Помилуйте! Вчера вечеромъ звонокъ. Замѣтите, ужъ поздно. Какіе-то переговоры съ прислугой. Спрашиваю, что такое? Оказывается,—повѣстка. Какая повѣстка? Зачѣмъ повѣстка? Мнѣ никакихъ повѣстокъ ниоткуда не надо! Начинаю разбирать. Оказывается—приглашаютъ меня на очередное собраніе, слушать какой-то рефератъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня, вызывая на сочувствіе.

— Всѣмъ членамъ рассылаютъ повѣстки,—рискнулъ сказать я,—и раскаялся. Разыгралась совсѣмъ сцена изъ «Обломова», когда Захаръ объяснилъ Ильѣ Ильичу, что «всѣ такъ переѣзжаютъ».

— И пусть всѣмъ посылаютъ повѣстки, а меня увольте!—возвысилъ онъ голосъ и даже махнулъ костылемъ.—Нельзя тревожить больного стараго человѣка повѣстками. Доживите до восьмидесяти лѣтъ—тогда поймете, что этимъ не шутятъ. Предупреждайте письмомъ, по почтѣ... А то еще телеграммы вздумаете присылать... Надо же хоть немного имѣть снисхожденія къ моему возрасту.

И онъ пошелъ дальше, сердито постукивая палкой и опираясь на молодую дѣвушку, служившую ему поводыремъ.

Потомъ я спрашиваю Григоровича:

— За что онъ такъ противъ Тургенева?

— Милый другъ: это несноснѣйшій въ мірѣ характеръ. Гончаровъ всегда въ настроеніи мнимой чесотки: все ему кажется, что чешется кожа, и онъ отъ этого не можетъ спать. Ему казалось, что Тургеневъ укралъ у него Марка Волохова и перекрасилъ его въ Базарова. Потомъ они примирились. А потомъ онъ услышалъ, какъ Тургеневъ говорилъ, что Обломовъ, Захаръ и Штольцъ—

¹⁾ Предсѣдателемъ у насъ былъ П. Н. Исаковъ.

это Подколесинъ, Степанъ и Кочкаревъ Гоголя,—и что въ сущности Обломовъ такъ же выпрыгиваетъ въ окошко, какъ и Подколесинъ, и что у Захара совершенно такія же блохи, какъ и у Степана. Вотъ этого Иванъ Александровичъ и не можетъ простить.

Въ Александро-Невской лаврѣ, куда свезли Гончарова ¹⁾, я долго съ Григоровичемъ ходилъ по кладбищу, и оказалось, что у него среди покойниковъ еще больше знакомыхъ, чѣмъ среди живыхъ. Онъ зналъ біографію каждаго изъ нихъ въ изумительныхъ подробностяхъ. Онъ мнѣ рассказывалъ о какихъ то статсъ-дамахъ, камергерахъ, меценатахъ, коммерціи совѣтникахъ, помѣщикахъ. Въ концѣ концовъ мы оба простудились: онъ схватилъ гриппъ, а я —инфлуэнцу.

IX.

Я уже сказалъ выше, что нельзя встрѣтить литератора, который, такъ или иначе, не былъ причастенъ театру. Гончаровъ внесъ крупный вкладъ въ чахлую сокровищницу театральной литературы своей статьею «Милліонъ терзаній». Онъ первый поставилъ на надлежащее мѣсто безсмертную комедію Грибоѣдова, и опровергъ мнѣніе Бѣлинскаго, что «въ комедіи нѣтъ идеи, что Софія не дѣйствительное лицо, а призракъ, что Чацкій ни на что не похожъ, и что «Горе отъ ума» не есть художественное созданіе». Близорукость Бѣлинскаго по отношенію Грибоѣдова проявилась и по отношенію Тургенева: онъ предсказывалъ ему будущность писателя, который никогда не пойметъ женской души. Гончаровъ первый указалъ, что Чацкій живое лицо, пережившее и Онѣгиныхъ и Печоринныхъ, пережившее весь гоголевскій періодъ, лицо, которое будетъ волновать еще много поколѣній,—какъ страстный обличитель всего дряхлаго, стараго и искатель новыхъ формъ жизни. Статьей этой Гончаровъ больше сдѣлалъ для отечественной драматургіи, чѣмъ авторы десятковъ пьесъ, загрязнившихъ только нашъ репертуаръ.

Отъ Гончарова же я слышалъ подтвержденіе того, о чемъ такъ горячо стали писать въ послѣднее время въ печати, — о происхожденіи графа Алексѣя Константиновича Толстого.

Не знаю, въ какихъ отношеніяхъ былъ Гончаровъ къ А. К.,—но то, что графъ сдѣлалъ для «Обрыва» переводъ гейневской пьески, какъ бы указываетъ на ихъ близость. Не знаю, нарочно или нѣтъ, но переводъ дѣйствительно сдѣланъ по-диллетантски, и его скорѣе можно приписать Райскому, чѣмъ Толстому. Но Гончаровъ вотъ въ какой формѣ передавалъ при мнѣ легенду о Перовскомъ.

Перовскій былъ уже не молодымъ, важнымъ сановникомъ, когда получилъ сообщеніе о смертельной болѣзни своей матери,

¹⁾ Къ стыду нашему, до сихъ поръ въ лаврѣ не поставлено приличнаго памятника И. А-чу. А вѣдь онъ оставилъ послѣ себя состояніице кому-то.

поѣхавшей лечиться въ Италію со своей младшей дочерью. Приѣхавъ къ ней, онъ уже не засталъ ее въ живыхъ, и пашель у ея тѣла только свою сестру,—семнадцатилѣтнюю красавицу, которой онъ никогда въ жизни не видѣлъ, такъ какъ она была младшей изъ сестеръ и родилась на Украинѣ, когда Перовскій уже уѣхалъ оттуда.

Общее горе—потеря матери, умъ Перовскаго, красота дѣвушки, совмѣстное путешествіе въ Петербургъ, родственная близость и въ то же время новизна отношеній—сдѣлали то, что братская любовь видоизмѣнилась въ горячую, неустойчивую, пылкую любовь совсѣмъ иного вида.

Графъ Константинъ Толстой—изъ захудалыхъ членовъ обширнаго рода Толстыхъ—не отличался никакими талантами и служилъ въ сенатѣ, какъ подчиненный Перовскаго. На немъ остановилъ свое вниманіе Перовскій, какъ на человѣкѣ, годномъ для его цѣлей. Сестра, послѣ вѣнчанія съ Толстымъ, воротилась въ домъ брата.

Красавецъ Алеша въ дѣтствѣ не зналъ Толстого и дядю считалъ отцомъ. Отношенія Перовскаго къ императору Николаю сдѣлали то, что Алеша росъ вмѣстѣ съ будущимъ освободителемъ крестьянъ—такъ какъ былъ его однолѣтникомъ. Для двухъ этихъ мальчиковъ и была написана очаровательная сказка «Черная курица», авторъ которой, Перовскій, былъ скрытъ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго ¹⁾.

Подтвержденіе этого разказа, и дословное, я слышалъ отъ генерала Пл. Ал. Веймерна, отецъ котораго, сенаторъ Александръ Ѳедоровичъ, былъ сослуживецъ Толстого. Онъ сообщилъ мнѣ, что Толстой за вѣнчаніе съ Перовской получилъ, кромѣ денежнаго обезпеченія, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

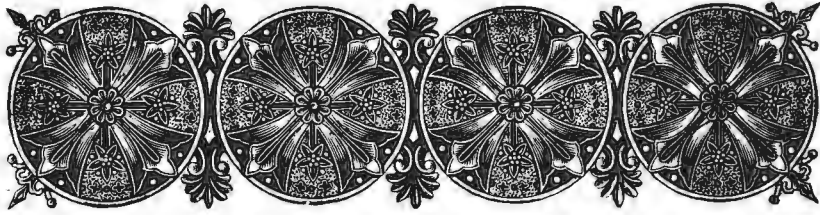
Б. М. Маркевичъ, съ которымъ мое знакомство было случайно и поверхностно,—уклонялся отъ прямого отвѣта на мой вопросъ. Онъ былъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Алексѣя Константиновича и, вѣроятно, былъ хорошо освѣдомленъ о его дѣтствѣ. Онъ только указывалъ, что А. К. былъ натура исключительная: при его красотѣ, умѣ и талантѣ, при большой физической силѣ, онъ умеръ сравнительно нестарымъ человѣкомъ и въ страшныхъ мученіяхъ. Никакія впрыскиванія морфія не помогали ему во время припадковъ, когда онъ на куски разламывалъ дубовые стулья въ своемъ кабинетѣ. Сліянiе родственной крови даетъ часто обостренность наслѣдственныхъ недуговъ.

Дѣтей у него никогда не было.

П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Кстати: существуетъ превосходное изданіе этой сказки съ иллюминированной картинкой, изображающей Алешу и кухарку. Изданіе это продано въ каталогѣ иллюстрированныхъ книгъ, составленномъ Верещагинимъ.

ЗАХОЛУСТНЫЙ ПРИХОДЪ.

(Изъ полѣскихъ нравовъ).

ВЪ ЭТОЙ моей повѣсти нѣтъ ничего придуманнаго; она сложилась изъ безхитростныхъ разсказовъ старожиловъ Полѣся—тамошнихъ священниковъ и ихъ матушекъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ описываемой жизни и случаѣ посѣщенія ихъ мѣсть минскимъ владыкою.

Въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ минскую кафедру, почти тридцать лѣтъ, занималъ одинъ изъ популярныхъ архіереевъ того времени, сподвижникъ Іосифа Сѣмашко, епископъ Михаилъ Голубовичъ.

Будучи самъ прирожденнымъ бѣлоруссомъ, онъ чутко понималъ и тонко оцѣнивалъ людей и тѣ условія, въ которыхъ эти люди жили и трудились.

Чтобы ближе ознакомиться съ положеніемъ православія и бытомъ духовенства во ввѣренной ему епархіи, епископъ Михайлъ рѣшилъ проникнуть въ самые отдаленные уголки ея и посѣтить даже нѣдра тогдашняго Полѣся.

Это было по истинѣ миссіонерское путешествіе, гдѣ на волахъ, гдѣ на лодкахъ, а мѣстами и пѣшимъ хожденіемъ, которое съ честью преодолѣлъ минскій владыка, оставивъ по себѣ неизгладимое впечатлѣніе, какое произвела его свѣтлая личность въ средѣ заброшеннаго и почти забытаго тамошняго (полѣскаго) духовенства.

Не претендуя на литературность, передаю все такъ, какъ мнѣ самой разсказывали, описывая минувшую жизнь такую, какъ она была.

Старосвѣтскіе типы батюшекъ и матушекъ, сохранившихъ традиціи туровскаго православія среди борьбы религиозныхъ и политическихъ страстей, давно отошли въ область исторіи, но они дѣлали жизнь цѣлаго длиннаго періода, который не долженъ исчезнуть безслѣдно въ памяти современниковъ, какъ живая иллюстрація въ исторіи нашего Западнаго края.

Эта живая дѣйствительность не можетъ не остановить на себѣ вниманія, хотя бы въ силу сравненія настоящаго съ прошлымъ.

Мой рассказъ является какъ бы историческимъ эскизомъ, списаннымъ съ одного изъ уголковъ нетронутаго болотнаго царства—минскаго Полѣсья за шестьдесятъ почти лѣтъ назадъ.

I.

Тѣснымъ кольцомъ опоясалъ сѣдой мшистый боръ небольшое село Зыбницу ¹⁾.

По вечерамъ удушливыя испаренія дымились надъ лѣсной топью, и запахомъ смерти дышала она въ лицо непривычнаго человѣка.

Сухой камышъ на лѣсныхъ изумрудныхъ полянкахъ, гдѣ мѣстами сверкала вода, тайлъ у корней своихъ особую свою жизнь. Тамъ постоянно гомозилось что-то; шипѣли ужь, охотилась за утинными выводками полосатая гадюка, квакали лягушки, ухала лѣсная выпь—«бучало».

Днемъ въ гущѣ сѣдыхъ вершинъ весело перекликались дрозды, аукала кукушка, тукалъ дятель, прыгала жизнерадостная векша. Всѣмъ было много простора, свободы и радости, потому что не было человѣка...

Люди ходили тамъ, гдѣ густой сѣтью сплетались вѣковые корни вѣковыхъ дубовъ и хвой, образуя надежный насть, который, точно натянутая туго резина, колебался подъ ногами надъ бездонной трясиной.

По немъ были проложены дороги, «броды», въ пору дождей наполнявшіяся водою. Лѣсъ перемежался съ неоглядною далью болотъ, по которымъ протянулись полѣскія «гребли»—плотины.

Шель сѣнокосъ. Вozy съ болотной травой неуклюже ныряли въ выбоинахъ кое-какъ наваленнаго поперекъ гребли ельника и немилосердно давили глуныхъ ужей, грѣвшихся на солнопекѣ цѣлыми семьями. Лѣнливо перебирались они тогда изъ глубокихъ колеинъ на края плотины и злобно шипѣли оттуда навстрѣчу новой парѣ рогатыхъ воловъ.

¹⁾ Название мѣстности и имена, кромѣ имени архіерея, всѣ анонимны. Это въ виду того, что, можетъ быть, и донинѣ есть лица, сохранившія живую связь съ дѣйствующими въ рассказѣ, причемъ отмѣтимъ, что въ южномъ Полѣсьѣ Минской губ. говоръ представляетъ смѣсь бѣлорускаго съ малорусскимъ.

Лѣто выдалось жаркое. Тамъ, гдѣ шель покось, по кочковатымъ островкамъ среди зеленыхъ трясинъ всю ночь горѣли костры, отгоняя комаровъ и пугая смѣлаго звѣря.

Вся Зыбница объ эту пору будто вымирала. Дома оставались старые, сморщенные, какъ лѣсная кора, старики и старухи да малые ребята. Тѣхъ же, что еще нуждались въ материнскомъ молокѣ, матки забирали съ собой на болото.

Тамъ, лазая и увязая въ жирной тинѣ, выгребали онѣ на сухія мѣста тяжелую мокрую траву, лишь изрѣдка вспоминая совать потную отъ болотной прѣли грудь въ пересохшія уста младенцевъ.

Отъ дитяти то и дѣло приходилось отгонять расположившихся на его подстилкѣ желтоглазыхъ ужей, привлеченныхъ сюда промозглымъ запахомъ молока и грязныхъ пеленокъ.

Они съ шипѣньемъ показывали свои безвредные языки, ненадолго отползали, а по уходѣ людей снова подбирались къ младенцу и, свернувшись колечкомъ, сонно дремали рядомъ.

Въ одинъ изъ такихъ безоблачныхъ и безлюдныхъ дней зыбницкій батюшка, отецъ Софроній, вдругъ получилъ отъ своего благочиннаго «курсорію»—официальную бумагу—самого неожиданнаго содержанія. Въ Зыбницѣ вообще полученіе какого-либо рода официальныхъ бумагъ считалось дѣломъ необычнымъ, но, прочитавъ эту «курсорію», отецъ Софроній снялъ очки, протеръ ихъ, потомъ опять надѣлъ и опять прочиталъ.

И опять вышло то же самое... Съѣлъ и застылъ какъ бы въ оцѣпенѣніи.

Въ Зыбницу, къ нему, къ отцу Софронію, ѣдетъ архіерей!..

Въ Зыбницу, куда отъ вѣка нога архипастырская не ступала!..

Въ концѣ указа была сдѣлана приписка—строгое внушеніе и указаніе, какъ надлежитъ достойно встрѣтить преосвященнаго владыку.

Подумать было о чемъ!..

Въ окно кинулась отцу Софронію бѣлая «наметка» на головѣ его попадьи, только что вернувшейся съ поля.

— Эй, маты!—позваль онъ жену.

— Ну, чого тобѣ тамъ?—отозвалась она, поспѣшая итти на кухню.

— Ходы, коли кажу! Новину послухай.

Къ окну подошла «маты», одѣтая въ полѣшущкій «андаракъ»—домотканную пеструю юбку и «горсетку».

Отецъ Софроній подѣлился новостью. Оба недоумѣнно поглядѣли другъ на друга и длинно помолчали.

— Ну, и якъ же це буде?—спросилъ наконецъ онъ.

— А що жъ тамъ буде! Що буде, то и буде,—порѣшила матушка. Она отмахнулась широкимъ рукавомъ бѣлой, вышитой у кисти рубахи и столь же рѣшительно добавила:

— Ни доберетця!

Отець Софроній снова надѣлъ очки и прочиталь внятно и съ разстановкой указь благочиннаго супругѣ.

— Такъ ни доберетця, кажешь? Ось, и я такъ маракую: гдѣ жъ такому лицу да щобъ до якой тамъ Зыбницы доставитця!

— Оце жъ!.. Нима чого благочинному робить, то почавъ людей морочиты,—отмахнулася опять въ досадѣ попададя и хотѣла уже уходить по своимъ дѣламъ.

Но отцу Софронію надо было окончательно выяснитъ положеніе вещей и успокоиться.

— Гмъ, чекай трохи, (подожди малость), — остановиль онъ жену.—Такъ ни доберетця, по-твоему?

— Ну, гдѣ жъ тамъ! Господи, воля твоя, такую жариною!.. Вся живая тварь заховалася, все повымаливало. Ни водой, ни дорогою, хибы жъ ластовкой перекинется. По нашей аспидской гребли вси печенки переверне. Атъ, слухать тольки!..

Послѣ этого заключительнаго слова своей дѣловитой «маты», съ которою ладкомъ прожили близко сорока годовъ, батюшка спокойно положиль указь благочиннаго на полку подъ божницею; гдѣ имѣлъ обычай сохранять всю корреспонденцію «за номерами». И надо правду говорить, что, невзирая на сорокъ почти лѣтъ іерейства и безвыѣзднаго житія отца Софрона въ Зыбницѣ, официальный архивъ его, хранившійся на полкѣ подъ божницею, оказывался довольно-таки тощимъ, хотя каждая бумажка и хранилась въ порядкѣ и бережно.

Не любили тогдашніе отцы переводить зря бумагу и расходовать свое время на канцелярскія дѣла.

Спустя недѣлю послѣ получения указа, вдругъ со стороны лѣснаго брода показалась пара взмыленныхъ, хохлатыхъ кониковъ, влекущихъ кого-то скрытаго въ холщевой кибиткѣ.

«Буда», минуя кривую линію приземистыхъ, сѣрыхъ хатушекъ, запрыгала вскорѣ вдоль плетня, которымъ была обнесена попова усадьба, и подкатила къ крылечку дома. Изъ кибитки началъ выбираться нѣкто до-нелзяа запыленный и усталый.

Оглянувшись кругомъ и не увидя ни живой души, пріѣзжіи поднялся по ступенькамъ невысокаго крылечка и толкнулъ дверь. Она гостепрѣмно распахнулася и впустила гостя въ большія рубленныя сѣни.

— Эй, кто есть живой—отзовись!—воззваль благочинный, потому что это былъ онъ, весьма запыленный и раздраженный.

Но домъ точно вымеръ. Въ отвѣтъ отцу Ѡаддею только мухи бились въ узкое оконце, продѣланное надъ входной дверью.

Возница же его, межъ тѣмъ, отѣхавъ къ «весницамъ»—створчатымъ сквознымъ воротцамъ, пристегнутымъ за лыко къ столбикамъ плетня, долго возился съ ними, пока удалось, наконецъ,

удержать одну изъ половинокъ, упорно не желавшую впускать незваныхъ гостей. Только вотъ отведеть ее въ сторону, а она возьметъ да и захлопнется передъ самымъ носомъ лошадей.

На эту возню у воротъ тревожно выглянули изъ дальняго амбара двѣ женскія головы и снова скрылись.

Вѣхавъ во дворъ, паробокъ направилъ лошадей въ уголь, гдѣ было больше тѣни, и безнадежно озиралъ позицію.

Глазъ его наконецъ уловилъ чей-то пестрый подолъ, быстро перемахнувшій черезъ низкій перелазъ у одрины (овинъ).

— Гей, здравствуйте вамъ!—привѣтствовалъ парень появившуюся неожиданно дѣвицу, застывшую на мѣстѣ отъ неожиданности.

— А кто жъ вы такіе будете?—освѣдомилась она, оправляя подъ бѣлой косынкой растрепавшіяся косы.

— Мы—Демьянъ, а ось коники, то эти отца благочиннаго... Будьте такія добрыя, стайню (конюшню) отворить, бо оводень нашето загрызъ худобу...

Изъ амбара одна за другою повыходили матушка со старшей дочкой Оенюлей, не первой уже молодости.

Младшая, Хрыстя, что разговаривала съ Демьяномъ, тревожно поглядѣла на мать.

— Мамо,—сказала она,—благочинный чогось приѣхавъ до насъ!

Обѣ поповны были одѣты, какъ и матушка, въ домотканныя, крестьянскаго покроя, короткія юбки и бѣлыя широкія рубахи, стянутыя синими «горсетками» съ красной шнуровкой и кисточками у пояса.

— Благочинный! По якому жъ дѣлу и притчинѣ?—спросила старая попадья и пытливо заглянула въ благочинническую «буду».

— Та чи жъ вы ня вѣдаете?—искренно удивился Демьянъ, снимая шлею съ пристяжной.

— Ну?

— Такъ що слѣдомъ за нами самъ архирей до васъ правитця.

— Архирей?—воззрилась на него въ ужасѣ попадья.

— Ну але (да) жъ! И съ паномъ исправникомъ и еще-съ тамъ зъ якимъ чиномъ... Самъ бачивъ: въ ляксованной шафѣ ¹⁾ до Бычина ѣхалъ, а потомъ вже, якъ почались ваши аспидскія гребли, то тую архирейскую шафу исправникъ на простыя кола змѣнивъ.

— Архирей въ шафѣ! Яка шафа? Що ты мелешъ!

— Ей Богу жъ! Шкляная (стеклянная). Самъ бачивъ, якъ енъ въ ей народъ хрыстивъ. Сидить, да на все стороны благословляе. Въ Бычинѣ...

Матушка отчаянно всплеснула руками.

— Та чи жъ вы обѣ томъ ня вѣдали?—опять удивился Демьянъ.

¹⁾ Лакированномъ шкапу—каретѣ.

Она заспѣшила къ дому. Старая голова кружилась, въ глазахъ зачали летать какія-то радужныя мушки, а подъ ложечкой замутило...

— Оце жъ тобѣ и не доберетца!..—вспомнила она свой разговоръ съ отцемъ Софрономъ. А тутъ взялъ да и добрался и какъ разъ день въ день, какъ было написано въ указѣ благочиннаго.

Өенюля съ Хрыстею, потихоньку отъ матери, рѣшили «захватиться отъ архирея въ конопляхъ».

А тутъ ко всему и отца Софрона дома не было. Раннимъ утречкомъ еще, забравъ съ собою вереньку и краюху хлѣба съ опекаемымъ лещомъ,¹⁾ онъ отправился въ лѣсъ по грибы и, Богъ вѣдаетъ, когда оттуда вернется.

II.

Благочинный, не докликавшись никого въ домѣ, снялъ съ гвоздя церковныя ключи, висѣвшіе у божницы, и пошелъ къ церкви. Она возвышалась на взгорочкѣ съ края села, но какъ ни кружилъ отецъ Өаддей около ржаного поля, распаханнаго кругомъ всего храма, дороги нигдѣ не было видно къ вратамъ его.

Шла лишь къ паперти узкая, бугоркомъ, межа, обильно поросшая травой и васильками.

Отецъ Өаддей безпомощно взиралъ на золотое море колосевъ, вплотную подступившихъ къ бѣлымъ стѣнамъ убогой церковки и ревниво оберегавшихъ ее отъ человѣческаго вторженія.

— И что же теперь такое будетъ?—въ отчаяніи спрашивалъ себя измученный дорогою и событіями благочинный, представляя гнѣвъ владычній на порядки въ его благочиніи.

Вернувшись къ дому, онъ столкнулся на крыльцѣ съ матушкой, которая глядѣла, прикрывая глаза отъ солнца рукой, въ сторону лѣса.

— Да куда же исчезъ вашъ отецъ Софроній?—воскликнулъ благочинный съ сердцемъ, забывая даже поздороваться съ хозяйкой.

— До лѣсу въ грибци пойшовъ,—виновато съежилась матушка.

— А указъ же мой, что я его о владыкѣ увѣдомлялъ, получилъ онъ?

— Получивъ!—еще виноватѣе простонала попадья.

— Господи, воля Твоя. Да что жъ это за человѣкъ такой!.. Церковь запахалъ, теперь, извольте,—«въ грибци пойшовъ»,—передразнилъ стоявшую предъ нимъ съ преступнымъ видомъ старуху растерявшійся отецъ Өаддей.

¹⁾ Особый способъ вялить рыбу—запекать ее, слегка просоленную, въ собственномъ соку на соломѣ въ довольно жаркой печи.

Онъ, какъ разслабленный, опустился на ступеньки крыльца и крѣпко сжалъ виски, къ которымъ больно приливалась взбудораженная кровь.

— А дьякъ же гдѣ вапъ, староста?

— Та и воны жъ также на сѣножати, гдѣ и всѣ люди.

Попадѣ вдругъ стало жалко отца Фаддея.

— Та мы жъ его покликаемъ!—засуетилась она.

— Кого?

— Та Супрона же... Погукаемъ его.—И, засеменивъ старыми ногами, попадѣ быстро спустилась съ крылечка, опять поглядѣла изъ-подъ руки въ сторону бора, ничего тамъ не увидѣла и скрылась во дворѣ.

— Гей, дѣвчата! Потапко!—послышался ея голосъ.

— Да гдѣ жъ вы всѣ запропали? Осъ якъ помеломъ всѣхъ повыметало!..

Озираясь кругомъ и хлопая то одной, то другой дверью по сараямъ и въ домѣ и не отыскавъ никого, она громко начала бранить дочерей, покинувшихъ ее въ такой моментъ, какого отродясь еще не доводилось переживать.

Пожары, вихри, наводненія—все это за долгую жизнь не разъ было испытано, но прибытіе архіерея, который жилъ въ воображеніи, какъ нѣчто абстрактное, упоминаемое лишь на эктеняхъ,—этого зыбницкая матушка вмѣстить не могла...

Такого еще не случалось.

И опять мутило подъ сердцемъ, и въ глазахъ плавали разноцвѣтныя мошки.

— Пота-апъ!—закричала она истерически, не своимъ, а какимъ-то чужимъ, срывающимся голосомъ.—Ахъ!.. Якъ дымомъ высмолило!..

Потапка, служившій на поповомъ дворѣ всѣмъ и ничѣмъ, припелся, наконецъ, откуда-то съ задворковъ и, почесываясь и дымя люлькой ¹⁾, предсталъ предъ разгнѣванной госпожой.

— Гдѣ ты сгинувъ? человекъ ты никчемный! Скажи ты мнѣ: чи ты въ Бога вѣруешь?

— Осъ тобѣ!—сильнѣе зачесался Потапка.—Чаму жъ ня вѣрую!.. Хиба жъ вы сами не приказывали мнѣ на кухни макъ до каши терти? Сидѣвъ, да-й толокъ его... А тутъ уже и въ Бога ня вѣрую!—обидѣлся Потапъ.

Попадѣ захотѣлось дать ему пинка, вырвать изъ зубовъ вѣчную люльку и сдѣлать вообще что-либо такое, чтобы хоть немного отвести сердце.

Но браниться было некогда. И все обошлось только тѣмъ, что Потапу былъ отданъ строгій наказъ итти скликать по дворамъ все

¹⁾ Трубкой.

наличное количество оставшихся въ селѣ ребятъ, чтобы шли «всею громадою гукать батько».

— Да добре гукайте, до самаго очерету, гдѣ опенки, бо старый ихъ дуже любить,—напутствовала попадья предводителя наряжаемой экспедиціи.

Послѣ того матушка вспомнила про свою стряпню, о которой вовсе было забыла.

Въ большой печи варилась уха съ вьюнами ¹⁾, да парилась просяная каша, для которой Потапъ растиралъ въ макотрѣ макъ съ медомъ, пока не оторвали его отъ этой работы по архіерейскому дѣлу.

Когда отецъ Ѡаддей снова вернулся къ церковной межѣ, тамъ собралась кучка беззубыхъ стариковъ и бабъ, любопытно глазѣвшихъ на работу Демьяна, который лѣниво ковырялъ заступомъ густую щетку укоренившейся на межѣ травы.

Работа вовсе не спорилась, и оба, и отецъ Ѡаддей, и его работникъ, хорошо понимали, что изъ этой попытки ничего не выйдетъ.

Чтобы попасть къ церковнымъ дверямъ, приходилось сдѣлать шаговъ со сто, и паперти совсѣмъ не было видно за высокими колосьями, которые любовно кивали храму своими золотыми головками.

Было это красиво, но отцу Ѡаддею было не до эстетики...

— Позвонить встрѣчу даже некому,—все больше волновался онъ.

И въ то время, какъ онъ это подумалъ, изъ лѣса, со стороны дороги, ведущей въ Зыбницу, гдѣ шла узкая гать, выскочилъ, настеживая бока запаренной кобылы, поджарый мужичонка съ бляхой на груди.

Онъ вскачь пустился прежде къ попову дому, потомъ къ церкви, и, откинувшись почти на спину, осадилъ на всемъ скаку несчастную животину.

Въ лицѣ сего всадника благочинный съ тоской привѣтствовалъ архіерейскій авангардъ—сотскаго, который отрапортовалъ ему, что архіерейскій обозъ остался за нимъ на пятой верстѣ, но только прибудеть еще не такъ-то скоро оттого, что самъ архіерей на колики подъ ребрами жалуется и пѣшкомъ идетъ.

И затѣмъ, узнавъ затрудненія благочиннаго, въ моментъ повернулъ свою клячу назадъ къ лѣсу, обѣщая доставить зыбницкаго настоятеля живымъ или мертвымъ.

— А ну, дѣды,—обратился отецъ Ѡаддей къ праздно стоявшимъ старикамъ, наблюдавшимъ съ интересомъ суету начальства,—Кто изъ васъ тутъ самый расторопнѣйшій, несите скорѣй свои рыдлевки съ граблями—помогите для Бога! Чего жъ такъ, безъ дѣла, стоять!

¹⁾ Рыба изъ породы мелкихъ угрей.

Дѣды съ бабами въ недоумѣніи переглянулись, точно удивились, чего отъ нихъ хотятъ, и, потоптавшись на мѣстѣ, остались стоять, какъ были.

— Глухіе вы, али русскаго языка не понимаете? Що я вамъ говорю!

— Нема граблей, усѣ на болото побрали,—отвѣтила одна изъ женщинъ.

Отець Фаддей только махнулъ рукой и сталь, балансируя, пробираться межою къ церкви.

Съ трудомъ поддался его усиліямъ ржавый замокъ и завизжали ржавыя петли дверей.

Изнутри пахнуло затхлою сыростью. На карнизахъ, подоконникахъ и во всѣхъ углахъ лежалъ сѣрый налетъ пыли.

Пауки безпрепятственно развѣсили свои сѣти даже на царскихъ вратахъ. Гдѣ-то вверху жужжали пчелы; казалось, ихъ былъ тамъ цѣлый рой! Откуда-то взметнулась ласточка и, какъ шальная, носилась отъ окна къ окну, пока не вылетѣла сквозь разбитую раму.

Покликавъ своего Демьяна, благочинный сталь, насколько позволяли время и обстоятельства, приводить церковь въ порядокъ.

III.

Попадья, между тѣмъ, окончательно не знала, на что ей рѣшиться.

Дѣвка Аксанька, что служила у нея въ батрачкахъ, еще три дня передъ тѣмъ отпросилась «въ сѣно пособляты батькомъ» на болотѣ, дочери обѣ сгинули изъ глазъ, Потапка, обрадовавшись случаю увильнуть изъ дому, сидитъ теперь гдѣ-нибудь на пнѣ и тянетъ свою люльку.

Сидитъ бестія! Это уже она навѣрное знала.

Матушка опустила на лавку у кухоннаго стола съ видомъ человѣка, которому грозитъ неотвратимое бѣдствие.

— И якъ я его (архіерея) привитаю? Що буду балякаты, чѣмъ приматы?..

Всѣ эти вопросы, точно молотъ тяжелый, били по головѣ, и въ ухахъ стоялъ звонъ, а въ глазахъ ходилъ туманъ, и въ немъ кружились стѣны кухни и горшки «на полицахъ».

Въ печи, предоставленная самой себѣ, хлюпала каша и что-то шипѣло, но хозяйка ничего того не слыхала и сидѣла, будто завороченная.

Вдругъ до слуха ея долетѣлъ протяжный звукъ церковнаго колокола, потомъ другой и третій, а потомъ зазвонили скоро, неумѣло, дергая какъ попало то одинъ, то другой «звонъ», словно били въ пабать...

Сначала подумала, что это въ ухахъ, а когда стало очевидностью, что звонять на колокольнѣ,—«мать» подскочила на лавкѣ и заметалась по кухнѣ, а затѣмъ, движимая непреодолимымъ ужасомъ, вспрыгнула съ легкостью, какую невозможно было предположить въ ея годы, на приступку у полатей и, держась за борты ихъ, перекинулась туда и притаилась у стѣны за полосатыми подушками.

Обострившійся слухъ ловилъ теперь каждый звукъ. Вскорѣ послышался стукъ колесъ. Гнали, видно, скоро; такъ зыбниціе люди ѣздить не умѣли. Вотъ затарахтѣли у самаго дома, а вслѣдъ за тѣмъ на чистой половинѣ загомонили чужіе голоса и затопало много разныхъ ногъ.

Въ двери кухни продвинулась вдругъ скуфейка благочиннаго. Онъ зорко оглядѣлъ пустые углы просторной кухни и, проворчавъ нѣчто не совсѣмъ лестное по адресу хозяевъ дома, съ досадою, громко захлопнулъ дверь.

Вдогонку ему послѣдовалъ тяжелый вздохъ съ полатей, да сильнѣе захлопала варившаяся въ печи каша отъ привалившейся къ горшку головешки, которую некому было поправить.

Вернувшійся, наконецъ, изъ лѣса Потапка только присѣлъ на лавку къ макотрѣ и, вытирая потъ съ лица, взялся было за толкачъ, чтобы продолжать свою прерванную работу, какъ услышалъ возню на полатяхъ.

— Потапко!—позвали его шопотомъ, и межъ раздвинутыхъ подушекъ вдругъ выставилось лицо его госпожи:—а що, чи нашли батько?

— А-а! Ось-де вы заховалися,—удивился Потапъ громче, чѣмъ слѣдовало.—А благочинный по всему двору гасаетъ (носится)—матушку съ паненками кличе!

— Да на во-що мы ему сдались?—застонала съ полатей попадья.

— Дуже, кажиць, архирею побачиць (поглядѣть) на васъ хочеться! Та-й вѣдомо, якъ же таки такъ: домъ съ гостями, а господаревъ нема!—съ резонномъ сказалъ Потапъ.

— Ну, а Супрона жъ чи привели?—допытывалась матушка.

— Вели, да пазадъ повертавъ. Цыганка гдѣ съ стубивъ (складной ножъ). Сотскій каже: цуръ яму—чортъ зъ имъ зъ цыганкомъ, архирей, каже, дожидаетця!..

— Ну, а батько що жъ?

— А енъ!.. Чи мнѣ, каже, архирей цыганка вернець ¹⁾, та л зновъ до гаю (лѣсу) помандровавъ.

— Помяни, Господы, царя Давыда!—простонала маты, и у ней явилось непреодолимое желаніе заголосить на весь домъ,

¹⁾ Все это факты, рассказанные очевидцемъ-благочиннымъ, сопровождавшимъ владыку въ районъ своего благочинія.

жалобно, съ причитаньями, но она изо всѣхъ силъ постаралась сдержать себя и, уткнувшись лицомъ въ подушку, лишь истерически вздрагивала всѣмъ, довольно тучнымъ, тѣломъ своимъ.

Потапъ чему-то въ это время вдругъ обрадовался и громко зареготалъ на всю кухню.

— Ось-тобѣ и попалися!—хихикалъ онъ, глядя въ раскрытое окно на пригуменье (мѣсто около гумна), гдѣ показались, конвоируемая спереди отцомъ благочиннымъ, а сзади его паробкомъ, обѣ поповны.

— Гляньте: паненокъ нашихъ благочинный до покоевъ тягне!

Попадья, точно ее подтолкнула скрытая пружина, вдругъ сѣла, согнувшись, на полатахъ и, свѣсивъ ноги, искала приступку, чтобы спуститься внизъ на выручку дочерямъ.

Лице у нея было при этомъ такое, какое, вѣроятно, бываетъ у людей, рѣшающихся спрыгнуть съ утеса въ морской водоворотъ.

Положеніе же поповень было, повидимому, совершенно безнадежное: обѣ онѣ шли съ видомъ плѣненныхъ сабинянокъ и, пока мать сползала съ полатей, вся процессія скрылась въ чистыхъ сѣняхъ, раздѣленныхъ отъ кухонныхъ тонкой переборкой.

Открыты онѣ были Демьяномъ въ то время, когда перебирались изъ конопляника къ пруду, чтобы засѣсть тамъ въ ольховые кусты. Долго усидѣть «въ конопляхъ» не смогли. По случаю зноя отъ нихъ шель такой тяжелый духъ, что головы сдѣлались будто чугунныя, и сердце у обѣихъ заколотилось въ груди такъ, что того и гляди выпрыгнетъ вонъ.

Выбрались потихоньку на луговину и стали переходить къ кустамъ, а тутъ и перенялъ ихъ паробокъ, которому «за гостинець» было поручено, во что бы то ни стало, отыскать хозяйекъ.

Поповень втокнули въ горницу и поставили лицомъ къ лицу съ тѣмъ, за кого онѣ каждую обѣдню тянули на клиросѣ «Господи помилуй», но и во снѣ не гадали, чтобы увидѣть когда въявь. Казалося такъ, что явился самъ святой Николай угодникъ—впечатлѣніе не было бы сильнѣе. Церковныя слова воплотились въ чудо, и оно предстало теперь предъ ними и глядѣло на нихъ изъ-подъ клобука добрыми глазами и произносило какія-то, должно быть, тоже добрыя слова.

А все-таки было до дурноты страшно и хотѣлось бѣжать или провалиться сквозь землю.

— Подойдите подъ благословеніе!—шепнулъ кто-то сзади.

Но ни Оеюля, ни Хрыстя не умѣли, какъ это нужно, и обѣ, точно стоворившись, упали владыкѣ въ ноги и точно застыли, припавъ лбами къ некрашеннымъ дубовымъ половицамъ.

Въ двери въ это время протискалась, сквозь кучку народа, собравшагося въ сѣняхъ, «сама» и, не взглянувъ даже на архіерея, послѣдовала примѣру дочерей—упала рядомъ съ ними.

Всѣ трое рѣшительно не знали, сколько имъ такъ полагается лежать и что будетъ дальше, пока не услышали надъ собою властнаго голоса, который съ мягкой повелительностью произнесъ:

— Встаньте, встаньте и побесѣдуемъ!

Когда поднялись, Михаилъ благословилъ ихъ широкимъ крестомъ, каждую особо, и опустился на деревянный диванчикъ съ точеными балясками вмѣсто спинокъ, стоявшій въ простѣнкѣ, а матушкѣ указалъ сѣсть на другой такой же, помѣщавшійся наискось у окна.

Но по лицу хозяйки видно было, что она перестала понимать происходящее въ ея домѣ. Скрестивъ пальцы рукъ поверхъ передника, старая матушка растерянно скользила глазами по фигурамъ собравшихся въ ея домѣ людей и, точно пойманная преступница, ждала себѣ кары.

— Сядьте же, матушка; садитесь и побесѣдуемъ съ вами! Вотъ такъ! А теперь успокойтесь и расскажите мнѣ, какъ вы здѣсьживаете, много ли лѣтъ священствууетъ супругъ вашъ, велика ли семья?

— Живемъ, слава Богу, якъ люди, такъ и мы—въ простотѣ и безъ обиды! Осъ, уже близко сорока годовъ тутъ проживаемъ.

Страхъ у попадыи какъ-то сразу упалъ, словно беремья дровъ съ плечъ свалилось. И самой ей дивно стало, какъ это она вдругъ такъ посмѣлѣла и такъ просто заговорила.

«Не страшный, хороший» — мелькнуло и въ сознаниі обѣихъ «донецкъ», скромно стоявшихъ въ сторонкѣ.

Владыка посмотрѣлъ на нихъ и спросилъ:

— Больше семьи нѣтъ?

— Не, нема, ваше преосвященство, было ще трое сыновъ спервоначалу, да всѣхъ землицею прикрыли!

— Умерли?

— Съ огневицы вмерли! Що день трясло да палило, съ того и на той свѣтъ пошли. Насъ съ батькою тожь добре на первыхъ годахъ помучило, а дѣтки малыя ще были—не выжили та и вмерли,—вздохнула матушка.

— На все Господня воля!—вздохнулъ и владыка.

— Осъ и мы такъ подумали: Богъ давъ, Богъ и взявъ.

— А дочери ваши, матушка, грамотны? Молиться умѣютъ ли?

Послѣдній страхъ и стѣсненіе окончательно теперь исчезли у старухи.

Она съ любовью оглянулась на своихъ «донецкъ», схватилась съ мѣста и, подойдя къ владыкѣ, съ чувствомъ поцѣловала у него руку.

— Прошу васъ, окажите милость—снимите акзаментъ съ моихъ донецкъ!.. Не то що молитця, а якъ часомъ нашъ дьякъ загулае, то и всякую службу Божию съ батькомъ потрафляють. Сами обачете (увидите), що не хвалясь говорю вамъ.

Удовлетворивъ просьбу матери, архіерей и на самомъ дѣлѣ остался очень доволенъ познаніями по части церковности обѣихъ дѣвиць, похвалилъ ихъ и пожелалъ найти достойныхъ жениховъ-богослововъ «въ помощь отцу».

Но при этихъ словахъ матушка скорбно покачала сѣдой головой.

— Э-э, ваше преосвященство, кому это буде охота увязнуть въ нашихъ болотахъ!

— Никто, какъ Богъ, а объ женихахъ мы подумаемъ вмѣстѣ, — отвѣтилъ архіерей.

Дѣвицы зардѣлись, какъ маки, и придумывали, какъ бы улизнуть скорѣе изъ комнаты, но въ это время въ сѣняхъ послышалось движеніе и сдержанный говоръ.

Вернулся изъ лѣса отецъ Софроній. Кто-то наскоро прикрылъ его холщевый балахонъ ветхой, коротенькой ряской, въ которой онъ еще когда-то рукополагался и которая отъ давности переливала всѣми цвѣтами радуги.

Отецъ Софроній удивительно сталъ походить въ ней на хамелеона.

Владыка смѣрилъ его при его входѣ пытливымъ взглядомъ и спросилъ со скрытой ироніей:

— Много ли грибовъ набралъ, отецъ Софроній?

— А ось, цѣлу вереньку, ваше преосвященство, собираю.

Глаза зыбническаго настоятеля смотрѣли изъ-подъ сѣдыхъ бровей безхитростно. Отвѣтивъ на вопросъ, онъ тоже повалился епископу въ ноги.

— Благословите недостойнаго!

— Богъ благословитъ, — отвѣтилъ преосвященный. — Поднимись, отецъ, и скажи мнѣ, гдѣ же паства твоя?

— Въ болоти, ваше преосвященство, вси люди тамъ, сѣно робятъ!

— Ну, а храмъ свой зачѣмъ засѣялъ, дорогу къ нему запахалъ?

Въ тонѣ владычномъ послышалось уже раздраженіе.

— Яриною занявъ, — простодушно объяснилъ батюшка. — А молимся уже якъ Божіи дары соберемъ — съ перваго Спаса. То уже тогда всѣ святые дни блюдемъ неопустительно, а то и буденными раннія службы правимъ...

IV.

Въ церковь такъ и не пошли; на нее лишь издали владыка, при въѣздѣ, посмотрѣлъ, но зато предъ духовными очами его въ этотъ день прошли одна за другою яркія картинки безыскусственного быта, которыя простымъ народнымъ языкомъ своимъ набрасывали предъ нимъ ревизуемый батюшка и непосредственная, какъ сама полѣшущая природа, старая «маты» его.

Смотрѣлъ на нихъ епископъ, слушалъ, и растворялась душа его. Почувствовала, что за люди стояли передъ нимъ...

И попь, и приходъ здѣсь срослись корнями, были плоть отъ плоти, кость отъ кости кровные братья...

Узналъ владыка, какъ, зачиная «съ перваго Спаса», стучались къ батюшкѣ на ранней зарѣ въ оконце и будили къ молитвѣ.

— Господи Иисусе Христе, молитвами угодниковъ твоихъ помилуй насъ!—взывалъ голосъ церковника подъ окошкомъ.

— Аминь!—отзывался изъ своей горенки отецъ Софроній; вставалъ, будилъ семью и, невзирая ни на метель, ни на дождь, шелъ, увязая въ наметенныхъ сугробахъ или грязи, въ свою убогую церковь, а за нимъ поспѣшали старая попадья, обѣ доньки его, да тянулись отовсюду сѣрыя свитки къ мерцавшему въ предразсвѣтномъ мракѣ храму своему.

И хорошо было тогда на душѣ стараго отца Софрона, тихо и радостно.

Наступавшій день встрѣчали молитвою...

«Свѣте тихій» вступалъ незамѣтно въ окна, разгораясь на востокѣ въ яркую зарю, играя лучами восходящаго солнца на скудной позолотѣ алтаря и сѣдинахъ попа и сѣрыхъ свиткахъ его сѣрой паствы.

Старый пастыръ истово клалъ земные поклоны за эту темную, грѣшную и бѣдную паству свою и подгѣвалъ хору, въ которомъ, покрывая всѣ другіе голоса, звенѣли согласно первый и второй дисканты его Оенюли съ Хрыстей.

Самъ онъ и обучалъ ихъ съ дѣтства пѣть «на гласы» и уставу по часослову и псалтырю. Другихъ книжекъ въ домѣ не водилось, но зато псалтирь знали на зубокъ и въ типиконѣ рѣдко ошибались.

— Хе-хе, добре, донечки!—хвалили отца:—бывъ бы архиреемъ, то тымъ же часомъ обѣихъ въ стихари посвящивъ!

«Доньки» скромно улыбались и цѣловали у старика руку, а онъ хлопалъ ихъ любовно по плечу и радовался, что «выгодовалъ» себѣ помощницъ. И радовался, и скорбѣлъ: «а що буде зъ ими дале, якъ насъ съ старою землею прикрыють»?.. А затѣмъ, уповая на волю Божію, думалъ, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей...

Со Спаса Зыбница оживлялась. Съ островковъ, разбросанныхъ на цѣлыя версты по окрестнымъ болотамъ, гдѣ лежали крестьянскіе надѣлы, свозились въ «пуни» скудные дары полѣсской природы, и люди были довольны предстоящимъ отдыхомъ и тѣмъ малымъ, что удалось накопить и нажать.

Къ поповнамъ на кухню постоянно теперь заглядывали подруги изъ зыбницкихъ «дивчатъ». вмѣсто по грибы ходили, бреднемъ по рѣчкѣ рыбешку ловили, раковъ въ норахъ прибрежныхъ щупали, а вечеромъ на церковномъ взгорочкѣ собирались и тянули, слѣдомъ

за паненками, пѣсни святыхъ, а то и такъ, когда развеселятся, то заведутъ и свои полѣшущія.

Эй на горы жоута бляха,
Полюбила дѣука ляха!...

дразнятся «дѣучата» съ Христей, на которую долше, чѣмъ слѣдовало, заглядывался сосѣдній панокъ изъ Цвилаго-Кута, который съ дѣтства бывалъ у отца Софрона въ домѣ вмѣстѣ съ своей матерью, паней Матецкой.

Христя мотала на насмѣшницу головой и ловко парировала ей:

Не такъ ляха, якъ Тараха,
За Тараса принялася,
У Демыда краски (цвѣты) рвала,
На Демыда поглядала:
— Гуляй, гуляй, мой Демыде,
Поки зъ тебѣ душа выйде...

Пѣла Христя, намекая на легкомысленный нравъ той, которая задѣла ее «ляхомъ». Дѣвушки смѣялись и хоромъ подтягивали:

Я на ганку (крыльцѣ) стою
Слезки котятца,
Дѣуки замужъ идутъ,
И мнѣ хочетца!

Но больше любили пѣть лирическія, заунывно, какъ «молодая молодыця свою долю дай проклинае»:

Невидная моя доля, найувиднѣйшая,
Было, маты, нѣудаваты,
За кого я нѣ хотѣла!...

Разныя пѣли, а лучше всего нравились «святыхъ».

Подойдутъ и хлопцы, обступятъ, слушаютъ, а потомъ, осмѣлившись, и сами подпѣвать начнутъ. Потомъ въ церкви, какъ одинъ, выводятъ и «Вѣрую», и «Отче нашъ», и тропарь чтимому образу.

У церкви же усядутся на землѣ, при заходѣ «солненька», и тихо, тихо, точно ручейки журчатъ, заведутъ «Слава въ вышнихъ», «Херувимскую»... «Свѣте тихій»...

Станутъ уже поповны подыматься домой уходить, а кто-нибудь опять просить:

— Ще, паненочки, тую, що вы такъ хорошо кируете (правите).

И «паненочки», уступая просьбѣ, снова садятся и начинаютъ сначала тихо, а потомъ все громче :«Величить душа моя Господа»... «Честнѣйшую херувимъ»,—подхватываютъ форто и мужскіе и женскіе голоса, и это мѣсто почему-то въ особенности всѣмъ нравилось.

Выходило «мощно» ¹⁾), прямо изъ души... Словно сама душа пѣла хвалу и радовалась!

А зимними вечерами «святыми», да и такъ въ будніе дни, одна по одной собирались въ большой поповой кухнѣ, «до матушки» на посидки, зыбницкія бабы, ближнія и дальнія сосѣдки. Приходили со своими бабьими дѣлами, охали, судачили, рассказывали разныя диковинныя вещи о болотныхъ огняхъ—очахъ болотнаго бѣса, что заводитъ хрещеныхъ людей, сбивая съ пути, на свои трясины. Жалѣли о порченной дѣвкѣ Хрипкѣ. Ходитъ она, точно нечистый духъ, ночной порой по гиблымъ мѣстамъ да съ гадюками забавляется. Не разъ пастухи видѣли, какъ Хрипка «вужакою» (ужомъ) замѣсть бича отъ панскихъ псовъ отбивалась, что въ Цвиломъ-Кутѣ дикой стаей на людей нападаетъ. А Хрипкѣ ни по чемъ: бросятся псы цѣлой сворой, вотъ-вотъ разорвутъ, а дѣвка глянетъ на нихъ своими непритомными (безумными) очами, и вразъ вся стая хвосты подожметъ и наутекъ, какъ отъ лѣшаго все равно.

Матушка тоже вѣрила въ порчу, въ лѣсовика, въ болотнаго чорта; знала много таинственныхъ травъ и заговоровъ, умѣла лечить кого отъ колтуна (мѣстная болѣзнь), кого отъ рожи, заговаривать кровь, лихорадку, укусъ змѣи...

Ея кухня была въ одно и то же время клубомъ, амбулаторнымъ покоемъ и суднымъ мѣстомъ, гдѣ зачастую рѣшались и распутывались самыя сложныя недоразумѣнія.

Юридическія дѣла, впрочемъ, входили уже въ компетенцію самого батюшки. Къ тяжущимся сторонамъ онъ выходилъ съ большой старой книгой—«Святымъ Закономъ» и читалъ имъ изъ нея святыя слова, чтобы говорили правду, безъ обманства.

— Богъ не лицепріятенъ, — читалъ батюшка, — но во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему...

И давалъ каждому поцѣловать то мѣсто, гдѣ это было сказано, чтобы всѣ лучше помнили и трепетали неправды.

Судъ былъ скорый и правый, но не всегда милостивый. Виноватому назначалась епитимія, смотря по проступку.

Если бабы подерутся—драчунью, что завела ссору, обязывали мыть полы въ церкви или, если зимой, разгребать церковную стежку (стежу-дорогу) отъ снѣга, или въ Богоявленье наполнить чанъ водою «для священья». Невѣстѣ, ежели свадьба «раскинетца»,—вернуть всѣ расходы на жениха. Мужику, обидѣвшему сосѣда, назначалось кормить лишнюю недѣлю общественнаго пастуха или безродную дурочку Хрипку, а бабѣ его спить ей рубашку или обмыть въ «лазни»—банѣ.

И никому въ голову не приходило, чтобы перечить попу или осмѣять присуждаемаго, потому—съ кѣмъ-де грѣха не бываетъ.

¹⁾ Громко.

Черѣдко на бабы посидки выйдетъ въ кухню и отецъ Софронъ. Выйдетъ и скажетъ:

— А ну, рабы Божьи, чи вѣдаете, якого у насъ седни святого? Бабы, разумѣется,—гдѣ имъ вѣдать.

А батюшка надѣнетъ свои очки, поищетъ въ святцахъ, найдетъ угодника и зачитаетъ...

Иная баба и не вытерпитъ—не разъ клонетъ носомъ въ свою прясницу, но и сквозь дрему, а все чуетъ, будто какъ гдѣ хорошая музыка бубнить...

Вечеръ проходилъ какъ одинъ часъ.

Привѣтливо трещали въ каминѣ, придѣланномъ сбоку печи, сосновыя смоляшки, заливая тепломъ и свѣтомъ всѣ углы кухни.

На печи кашлялъ бездомный заштатный дьячокъ Анупрій, каждую зиму появлявшійся въ Зыбницѣ и водворявшійся на поповой печи, какъ на своей собственной.

Поталъ, точно паукъ, плелъ въ своемъ кутѣ безконечныя сѣти, а поповны тянули съ прясницъ тонкую куделю и весело, будто майскіе жуки на кленѣ, жужжали ихъ веретена. Ткачихи онѣ были на всю Зыбницу первыя; въ сундукахъ у нихъ была припасена не одна штука узорчатой ткани—холстовъ и абрусовъ.

И любили же зыбницкія бабы съ дѣвчатами ходить вечерами въ поповскій домъ!..

Зыбницкіе мужики пили мало. Корчмы стояли далеко; покуда доберешься до водки, то и охота пить пропадетъ.

Привозилъ ее поздней осенью, какъ уже застынутъ гребли, старый балагольщикъ Юдка.

Его «балагула»—длинная колымага, крытая, по обручу, рогожей, нырляла тогда, точно Ноевъ ковчегъ, отъ одного села къ другому, и Юдку съ нетерпѣніемъ поджидали повсюду, особливо женскій полъ.

— Н што Юдка нашъ запознился, скоро вже и пилиповка, а жидка якъ нема, такъ нема!—говорили одна другою бабы при встрѣчахъ.

— Чортъ ня возьме вашего Юдку!—смѣялись мужики, которые не менѣе бабъ ждали «купца» съ тутуномъ и горѣлкою, чтобы «хоть на коляды было чѣмъ душу отживить»!

И Юдка, твердо памятуя свои сезоны, являлся во благовременіи.

Его козлиный голосъ вдругъ призывно раздавался съ конца села, гдѣ были въ безпорядкѣ разбросаны первыя хатушки, смежныя съ низкой порослью у опушки лѣса.

— Ось, вже и Юдка бече!—срывались бабы и дѣвки навстрѣчу гостю, забирая въ приполъ запасы въ обмѣнъ на Юдкины товары.

Но, лукавый и добродушный въ одно и то же время, Юдка хорошо зналъ свою публику.

Онъ не сгѣша крутить «пугою» надъ хвостомъ своего коня, утратившаго давно свой природный лошадиный колеръ, и фхаль дальше, продолжая «бечиць» (блеять) нараспѣвъ, объявляя спросъ и предложеніе.

Бабы, бабы, анучи, бабы!
 Есть-что, нема-що, абы-шо...
 Смущки-мерлушки, издохлаво баранчика.
 Щетины, вашины, медъ пахнучи,
 Грибцы, тараны, скурки заючи!...

Бабы знали, что хитрый Юдка раньше поповаго «пляцу» не станетъ, и гурьбою провожали рогожную буду, которая тряслась, какъ въ лихорадкѣ, по первой порошокѣ, еле прикрывшей мерзлыя кочки уличной грязи.

Здѣсь Юдка, опять же не торопясь, осаживалъ своего Россинанта и зорко оглядывалъ позицію.

— Эй, люди, маю въ бочкѣ клеку (селечный разсолъ) троху, селедки пузатыя!.. выкликалъ онъ, глядя въ окна батюшкинаго дома ¹⁾.

Есть мыла для рыла,
 Шпильки, иголки, перецъ горки!
 Добре гандлюю (мѣняю)
 Для себѣ и людей працюю!...

Съ крылечка сбѣгали Өенюля съ Хрыстей, выходила и сама «маты», а за ними Аксанька съ Потапомъ. Дома оставались только отецъ Софронъ да дьякъ Анупрій, которому, казалось, ни до чего не было дѣла на свѣтѣ, кромѣ теплой печи да веретень, которыя дѣлать онъ былъ мастеръ.

Клячу отпрягали, навѣшивали ей на всю голову мѣшокъ съ овсомъ и отгоняли въ сторону. Рогожную буду отдѣляли общими усилиями отъ саней и тоже относили подальше, чтобъ не мѣшала. Сани вплотную окружали и начинался «кермашъ»—ярмарка.

Покупательницы безцеремонно рылись въ Юдкиномъ магазинѣ, стараясь перекричать другъ дружку, лѣзли въ сани и отбирали себѣ, что было нужно, а еще больше того, что было не нужно.

Паненки устраивались, конечно, удобнѣе всѣхъ и всѣхъ повыше; возсѣдая на козлахъ, онѣ накладывали себѣ въ подолъ все, что было подиковиннѣе и подороже.

А Юдка охотно подсовывалъ различную дребедень и помогалъ совѣтами, увѣряя, что это носить «всѣ мѣстечковыя моднярки».

— О, я же вѣдаю, що треба такимъ ладнымъ паненкамъ!

А маты махала дочерямъ, чтобы не набирали, «що треба и що не треба», и ругала Юдку «скаріотскимъ Юдою» за его соблазны.

¹⁾ Этотъ своеобразный типъ бѣлорускаго дядюшки «Якова, у котораго товару про всякаго», сохранился повсюду на Литвѣ и донинѣ.

Но Юдка бранью нимало не смущался, зная навѣрное, что за каждою «попадянкою» припасено у батьки по цѣлой осминѣ грошей—мѣдныхъ пятаконъ и алтынновъ.

Къ вечеру балагула вѣзжала на батюшкинѣ «дѣдинецъ»—дворъ; Россинанта съ санями запирали въ стайню, а самъ купецъ шель отогрѣваться у гостепрѣимнаго очага на кухнѣ и самъ готовилъ себѣ ужинъ, поворачивая щипцами на горячихъ угляхъ шипѣвшую «бульбу». Здѣсь Юдка превращался въ частное лицо—гостя, въ нѣчто въ родѣ газетнаго репортера, весьма освѣдомленнаго по части всѣхъ новостей и случаевъ, какіе бывали въ районѣ его широкой коммерціи.

Юдка зналъ наперечетъ, сколько невѣсть и жениховъ въ уѣздѣ у батюшекъ, и какая невѣста какому жениху подходитъ. Зналъ всѣхъ по именамъ и даже помнилъ, сколько которому лѣтъ.

— Ой-вай! Спросите стараго Юдку, чего онъ не вѣдаетъ!—хвастался онъ, когда удивлялись его памяти и всезнайству.

Развѣ мало онъ сосваталъ «жартующи»¹⁾ людей. Можетъ быть, скажутъ, что это не онъ привезъ до ужанской Надьки²⁾, за которой архіерей оставилъ приходъ, глушковскаго панича Федоса, который оженился съ нею?..

— Чижъ Надька вже замужъ пошла?—удивлялась матушка новости.—Ось тобѣ, таки выдали!.. А маты всѣмъ бывало хвасталась: «не выдамъ своей Надинки иначе якъ за бакалавра»!³⁾

— Ой, гдѣ тамъ въ Ужанку бакалаври поѣдутъ, нехай Бога благодаритъ и за Федоса. Ххарошій человекъ! Надька его не варта (не стоитъ). Молитця человекъ, працуе для Бога, а она по фестамъ (храмовымъ праздникамъ) себе, извините, за панками хвостомъ крутитъ...

— А на во-що жѣ ты его высваталъ до іе?

— Ну-у, а что я могу знать! Просить: «Юдель, вези мене до Ужанки; ну, мало кто просить. Люди ѣдутъ, а Юдка ихъ возить. А енъ взялъ да и оженился, никого не пытаючи. А теперъ плоха, ой-вай, якъ плоха!..

Отцу Софронію Юдка оставлялъ боченокъ церковнаго вина, очень похожаго вкусомъ на черничную настойку, восковыхъ свѣчей, масла для лампадокъ и, переночевавъ, темнымъ еще утречкомъ отбывалъ изъ Зыбницы до слѣдующей «Пилиповки».

¹⁾ Шутя.

²⁾ Въ Бѣлоруссіи часто ласкательныя имена произносятся, какъ уничижительныя, такъ, напр., Надька замѣняетъ Наденьку, Сашка—Сашеньку и т. д.

³⁾ Ученое званіе это присваивалось всѣми обучавшимся въ духовной академіи.

V.

Всѣ эти стороны—религіозной, бытовой, экономической жизни постепенно развертывались предъ епископомъ, который тонко давалъ направленіе разговору, стараясь по возможности сгладить то смущеніе, какое вызвалъ столь неожиданный пріѣздъ его.

За обѣдомъ, который наскоро изготовила матушка, добавивъ къ ухѣ изъ вьюновъ и просяной кашѣ все, чѣмъ была богата ея кладовая, архіерей очень интересовался мѣстными блюдами и въ особенности ухой изъ вьюновъ.

Въ жиденкомъ наварѣ плавали рыбки, похожія на піявокъ. .

— Се вьюнцы, ваше преосвященство, —объяснилъ отецъ Софроній.

— А гдѣ же вы ихъ ловите?

— Въ болотѣ ловимъ!

Михаилъ улыбнулся.

— Все то у васъ, отецъ Софроній, въ болотѣ: и паства, и дьякъ, и рыба!

Матушка напоследокъ угостила еще болотной манной, внесла на блюдѣ разсыпчатую свѣтло-желтую крупяную кашу.

— Ось, ваше преосвященство, прошу милости еще нашей полѣ-шущкой манны отвѣдать!

— Тоже болотная?—пошутилъ владыка.

Матушка, очень теперь довольная, что дѣло ревизіи приняло такой мирный характеръ, не знала уже, чѣмъ и угодить высокому гостю. Она съ подробностью посвятила архіерея въ способъ добыванія очень понравившейся ему манны ¹⁾.

Онъ попросилъ дать ему горсточку этой крупы, чтобы показать въ городѣ «ученымъ людямъ».

И это въ особенности польстило зыбницкой попадѣ. Понравился владыкѣ и «опеканый» лещъ, и настойка изъ терна (дикія сливы), и квасъ изъ грушъ.

Радости матушки не было предѣла, и словъ у ней такихъ не было, чтобы выразить избытокъ своей признательности и за себя, и за ея Супрона, и за своихъ донекъ, которыя окончательно перестали дичиться владыки и толково отвѣчали на всѣ его вопросы.

Къ концу трапезы неожиданно подѣхали новые гости. Подкатили къ дому на всѣхъ рысяхъ, хлопая длиннымъ бичомъ, сосѣдняя помѣщица изъ Цвилаго Кута съ сыномъ Витусемъ, которымъ дѣвочки дразнили Христю.

Пани Матецкая состояла въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всей семьей отца Софронія и теперь, узнавъ о посѣщеніи Зыбницы «рус-

¹⁾ Крупа эта добывается изъ растений, очень похожего видомъ на просо. Латинскаго термина не знаю.

скимъ бискупомъ», поспѣшила «за благословенемъ» и съ покорнѣйшей просьбой не миновать ея двора—пожаловать къ ней «на коляцію» ¹⁾ и ночлежь.

Старая пани по старинному присѣла предъ владыкою, который поднялся изъ-за стола ей навстрѣчу и благословилъ ея сѣдую, склоненную передъ нимъ голову, а затѣмъ и сына, выразивъ при этомъ свое удовольствіе видѣть въ ея лицѣ представительницу мѣстной интеллигенціи, которая такъ дружественно относится къ священнику.

— О-о, наяснѣйшій ойтець, мы здѣсь все свои люди,—сказала помѣщица на какомъ-то своеобразномъ нарѣчій изъ польскихъ и мѣстныхъ словъ и стала рассказывать, какъ ея младшій сынъ Викторъ привыкъ «зъ маленства» бѣгать «до матушки» и играть съ ея дѣвчатками, какъ съ сестрами, которыхъ онъ у себя, къ сожалѣнію, не имѣетъ, такъ какъ Богъ наградилъ пани Матецкую одними сыновьями, такими рослыми, «якъ полѣсскіе дубы». Все они, включая Витуса, служили гдѣ-то на сторонѣ, и лишь младшій, ея Веньяминъ-Витусъ, остался при ней помогать «въ господарцѣ».

Оба они, и мать и сынъ, очень часто пріѣзжали «на мшу до церкви», потому что мѣстечко, гдѣ стоялъ «свенты костель», было далеко, а Богъ одинъ для всѣхъ. Такъ думалъ и ея кузень, отецъ Винцентый, настоятель того костела, тоже большой пріятель отца Софронія.

Получивъ согласіе преосвященнаго побывать въ ея Цвилломъ Кутѣ, довольная этимъ, пани Матецкая поторошилась уѣхать, чтобы приготовить достойную встрѣчу «наяснѣйшему пану бискупу» и, садясь въ брику, шепнула матушкѣ, чтобы и они все «забирались» и ѣхали бы всей семьей къ ней ужипать разомъ съ свентымъ ойцемъ.

А тѣмъ временемъ Витусъ, съ помощью паненокъ, снималъ въ ихъ комнаткѣ «русскій» образъ Спасителя съ лампадкою, чтобы помѣстить его въ будущей опочивальнѣ пана бискупа на тотъ случай, если онъ захочетъ помолиться на «своего русскаго пана Бога».

Длинный, какъ жердь, и почти безграмотный Витусъ былъ здѣсь своимъ человѣкомъ и съ нимъ не считались, какъ съ гостемъ. Обѣимъ «паннамъ» онъ былъ преданъ безъ лести, но предпочтеніе все же отдавалъ Хрыстѣ, и въ домѣ все шутили, что это женихъ и невѣста, а Хрыстя хоть и сердилась, но въ душѣ ничего не имѣла, чтобы шутка вышла на правду.

Дядя Витуса, ксендзь Винцентый, когда ѣздилъ въ сосѣдствѣ по ругѣ—«колядовалъ», то всегда заглядывалъ въ Зыбницу, и Хрыстя помнитъ, какъ, будучи еще малою, карабкалась къ ласковому ксендзу на колѣни и считала пальцемъ пуговики на его черной сутанѣ. Въ карманахъ же отца Винцента всегда имѣлись для нея

¹⁾ Ужинъ.

мятныя сахарныя лепешки или медовые пряники съ орѣхами. Отцу Софрону ксендзъ привозилъ «старку», а женѣ его польскій хмельной «медокъ», который на славу умѣла готовить извѣстная всей округѣ «ахмистрыня» отца Винцента, пани Агата, которую не разъ собственные его прихожане грозились повѣсить на плебанскихъ воротахъ за ея непомѣрную сварливость и корысть—грѣхи, съ которыми не могъ справиться самъ ксендзъ пробощъ, хотя и страдалъ ея не разъ огнемъ «пекельнымъ» и кипящей смолою, гдѣ, какъ хрусты ¹⁾ въ салѣ, жарятся разные грѣшники.

Когда же отецъ Винцентый пріѣзжалъ провѣрять религіозную настроенность своей разбросанной кое-гдѣ на болотныхъ оазисахъ паствы, онъ всегда бывалъ доволенъ ею, а у отца Софронія дѣло это тоже обстояло прочно и потому дѣлится имъ между собою было нечего и завидовать тоже.

Въ весеннюю пору, когда вскрывалось и начинало дышать болото—сосѣднимъ католикамъ ничего было и думать попасть на пасхальную ночь въ мѣстечко, и всѣ они несли свое «свянцоное» изъ церкви и разговлялись имъ съ такимъ же чувствомъ, какъ бы оно вышло изъ-подъ костельнаго крошила.

На фѣсть тоже собиралось много, ставили свѣчи предъ престольной иконой и давали «на мшу», вѣруя, что для «пана Езуса» всѣ добрые люди одинаково милы, какъ дѣти отцу. И все шло такъ въ добромъ порядкѣ, пока не грянула откуда-то невѣдомая бѣда и не сбила съ толка людей, думавшихъ доселѣ другъ о другѣ одно хорошее.

Ураганъ (возстаніе 63 года), смѣшавшій всѣ понятія и отношенія людскія, коснулся краемъ своимъ и зыбницкихъ тряенинъ, но объ этомъ когда-нибудь позднѣе—особо.

Преосвященный вышелъ на крылечко къ поданному ему широкому тарантасу «брыкѣ» изъ Цвилаго Кута и благостнымъ окомъ окинулъ все тѣхъ же сбившихся въ кучу стариковъ и старухъ съ кривоногими и блѣднолицыми ребятишками и, благословивъ ихъ однимъ общимъ благословеніемъ, сказалъ имъ:

— Ну, Господь васъ всѣхъ благослови! Передайте тѣмъ, что на болотѣ—вашимъ дѣтямъ и внукамъ, чтобы и дальше слушались своего отца духовнаго и святого закона, который въ его старой, великой книгѣ написанъ! Живите по Евангелію, и всѣмъ вамъ жизнь легче будетъ, а не послушаете слова Божія, того Господь не благословитъ и покараетъ! Оставайтесь же съ миромъ!

Люди, точно по командѣ, упали на колѣни и поклонились архіерею въ землю.

Заходящее солнце ярко золотило куполь зыбницкаго храма, а на колокольнѣ его спова ударили въ набать.

¹⁾ Хворость.

Проѣзжая мимо ржаного моря колосьевь, сторожившихъ церковь, владыка съ чувствомъ на нее перекрестился и, какъ бы думая вслухъ, сказалъ сидѣвшему рядомъ съ нимъ въ брыкѣ благочинному:

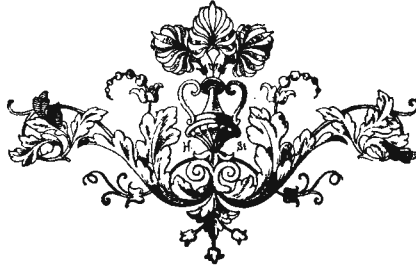
— Да-а, православіе святой простотой держится здѣсь прочно!..

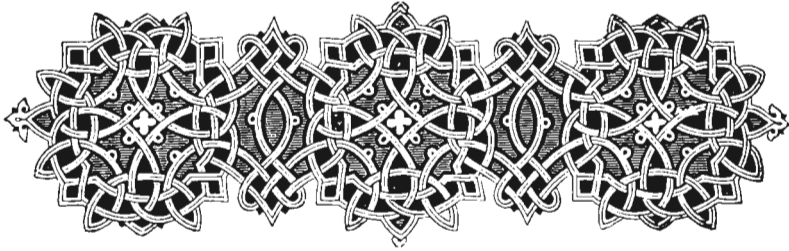
А при прощаніи съ отцомъ Ѡадеемъ замѣтилъ ему:

— Вы, отецъ благочинный, когда будете отсылать жалованье отцу Софронію, то удержите изъ него нѣкоторую сумму и постройте ему новую ряску, дабы вернуть ему образъ іерейскій!

И это было, кажется, единственное, что вызвало замѣчаніе владыки въ зыбницкомъ настоятелѣ.

Марія Мочульская.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА.

1.

Первыя литературныя впечатлѣнія.—Бенедиктовъ и Тимофѣевъ. — Карикатуры Неваховича.—Домъ Сушковыхъ.—Графиня Ростопчина.—Мазурка на премію.—Графъ Закревскій и его дочь.—Сергѣй Калошинъ.—Великосвѣтскій шпіонъ.—Цензура того времени.—Офросимовъ.—Чтеніе второй части «Мертвыхъ душъ». — Одесскій акадистъ.—Домъ Ржевскихъ.—Гоголь.—Щербина.—Цензорскій промахъ.—Экспромты Н. В. Берга.—Погодинскій «Москвитянинъ». — В. А. Кокоревъ.

ВЕРВЫЯ мои литературныя впечатлѣнія относятся къ началу пятидесятихъ годовъ, когда я сама о литературной карьерѣ еще и не думала, и когда для меня встрѣча съ «настоящими литераторами» была чуть не цѣлымъ событіемъ.

Правда, еще раньше, въ бытность мою въ Смольномъ монастырѣ, я у моей тетки, инспектриссы, встрѣчала двухъ поэтовъ того времени, Тимофѣева и Бенедиктова, но это были совсѣмъ еще дѣтскіе годы; стиховъ этихъ поэтовъ я еще почти не читала, и оцѣнки имъ дать никакой не могла. То же самое скажу и о первомъ въ жизни видѣнномъ мною опытѣ юмористическаго журнала, въ видѣ картона карикатуръ на современное общество и на современныхъ дѣятелей, издававшихся Неваховичемъ. Были ли это періодическіе выпуски, или карикатуры эти являли собою правильно организованную серію рисунковъ, я теперь сказать не умѣю. Въ моей памяти осталось только то, что въ этихъ карикатурахъ много просвѣчивало насмѣшекъ надъ армейскими офицерами, и что эта особая коллекція карикатуръ

носила одно общее наименованіе: «Марсъ въ мирное время». Мы, какъ дѣти, смѣялись надъ остроумными шутками, не оцѣнивая въ ту минуту всей силы и тонкости ихъ бичующаго остроумія, а потому и представленія о нихъ остались у меня въ памяти только отрывочными впечатлѣніями.

Впервые лицомъ къ лицу съ «настоящими литераторами» я встрѣтилась въ годъ моего выпуска изъ Смольнаго монастыря, въ Москвѣ, въ домѣ Николая Васильевича Сушкова.

Домъ Сушковыхъ былъ въ то время однимъ изъ главныхъ центровъ московской интеллигенціи и носилъ совершенно своеобразный, оригинальный характеръ, заставившій извѣстную русскую поэтессу, графиню Ростопчину, прозвать его «la maison du bon Dieu».

У Сушковыхъ въ то время жила ихъ племянница, Екатерина Ѳедоровна Тютчева, дочь извѣстнаго поэта и дипломата Ѳедора Ивановича Тютчева, на сестрѣ котораго, Дарьѣ Ивановнѣ, и былъ женатъ Сушковъ.

Тютчева, какъ и я, только что передъ тѣмъ окончила курсъ въ Смольномъ монастырѣ и тотчасъ же послѣ выпуска переѣхала въ домъ тетки, разставшись съ двумя сестрами своими, Анной и Дарьей Ѳедоровнами, изъ которыхъ первая, окончивъ вѣренное ей воспитаніе великой княжны Маріи Александровны, впослѣдствіи герцогини Эдинбургской, вышла замужъ за извѣстнаго публициста и славянофила Ивана Сергѣевича Аксакова, а послѣдняя умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ званіи камеръ-фрейлины государыни императрицы.

Сушковъ самъ принадлежалъ къ числу современныхъ русскихъ литераторовъ, хотя и не особенно удачныхъ, домъ же свой онъ сумѣлъ поставить чуть ли не во главѣ всѣхъ интеллигентныхъ кружковъ тогдашней интеллигентной Москвы.

Это было время самовластнаго, чуть не деспотическаго управленія Москвою временщика графа Закревскаго, домъ котораго ничего общаго ни съ литературой, ни съ интеллигенціей не имѣлъ. Хозяйкой въ его домѣ была дочь его, графиня Лидія Арсеньевна Нессельроде, жившая отдѣльно отъ мужа и составившая себѣ громкую извѣстность своими кутежами и широкимъ размахомъ, своей крайне своеобразно сложившейся жизни. Какъ она, такъ и ея неизмѣнная подруга А. А. Вадковская ни литературными ни общественными вопросами не интересовались, а заняты были только смѣлыми проявленіями самаго безшабашнаго веселья. У нихъ былъ свой кружокъ, къ которому молодыя женщины общества приставали неохотно, и въ который молодыхъ дѣвушекъ не вводили вовсе. Общество московское, въ широкомъ значеніи этого слова, собиралось въ домѣ Закревскаго только на официальные балы, и въ остальное время блистало своимъ отсутствіемъ. Изрѣдка къ этому кружку приставала и графиня Ростопчина, но ея появленіе въ этомъ свое-

образномъ обществѣ являлось исключеніемъ, которымъ она не только не гордилась, но въ которомъ даже не особенно охотно признавалась.

Въ домѣ Сушковыхъ графиня Ростопчина бывала очень часто и состояла въ довольно близкомъ родствѣ съ Сушковымъ, такъ какъ сама была урожденная Сушкова. Мнѣ ее приходилось встрѣчать здѣсь довольно часто, и образъ ея очень отчетливо запечатлѣлся въ моей памяти. Она была вовсе не хороша собой, но ея чудесные выразительные глаза придавали столько жизни ея подвижному лицу, что, когда она оживлялась, ее можно было предпочесть любой красавицѣ. У Сушковыхъ въ домѣ она была какъ своя, часто и охотно читала и декламировала свои стихи, и всегда, тотчасъ послѣ написанія новой вещи, прежде всѣхъ дѣлилась ею съ Н. В. Сушковымъ.

Литературному вкусу и тонкому нравственному чутью Сушкова она очень вѣрила и, очевидно, не ошибалась. Сушковъ, дѣйствительно, былъ хорошимъ знатокомъ и вѣрнымъ оцѣнщикомъ чужихъ литературныхъ произведеній, что не мѣшало ему самому писать прямо-таки отвратительныя пьесы, которыя видѣли свѣтъ рампы, только благодаря исключительному положенію ихъ автора и желанію артистовъ угодить ему.

Не чуждъ былъ этому угожденію и безсмертный Щепкинъ, поставившій чуть ли не въ свой бенефисъ совершенно безтолковую пьесу Сушкова «Раканы». Успѣха пьеса не имѣла никакого, несмотря на то, что на первомъ представленіи присутствовали всѣ близкіе и друзья автора, что значило—вся Москва.

Неуспѣхъ его произведенія не остановилъ усердія автора, и въ слѣдующій сезонъ онъ провелъ на императорскую сцену свою другую пьесу—«Вертящіеся столы», написанную на злобу тогдашняго дня, всецѣло охваченнаго вопросомъ о нарождавшемся спитритизмѣ и о верченіи столовъ.

На первомъ представленіи этой пьесы можно было убѣдиться, какъ своеобразно относился Сушковъ къ своимъ произведеніямъ и какъ онъ былъ глубоко увѣренъ въ своемъ творческомъ талантѣ.

Въ театрѣ онъ пріѣхалъ чуть ли не первымъ, до поднятія занавѣса перебѣгалъ изъ ложи въ ложу, съ шутливымъ тономъ прося о «снихожденіи», и когда пьеса была немилосердно ошикана, то съ тѣмъ же апломбомъ онъ вновь обѣжалъ всѣхъ знакомыхъ, громко восклицая:

— Интрига!.. Безпощадная, безумная интрига!! Я этого ожидалъ...

Въ этой пьесѣ я въ первый разъ увидела Акимову, въ то время еще состоявшую дублершей при Сабуровой и не смѣвшую мечтать о первыхъ роляхъ.

Весь комизмъ пьесы, сколько я помню, сосредоточивался на томъ, что Акимова, и въ то время уже очень полная, увязла въ

маленькомъ и узкомъ креслѣ и всячески напрасно старалась освободиться изъ него, принимая свой плѣнь за дѣйствіе спиритической силы.

Постоянная неудача, преслѣдовавшая Сушкова, какъ драматурга, подала поводъ къ очень забавной карикатурѣ, изображавшей Николая Васильевича въ видѣ больного, лежащаго въ постели и уставленнаго пѣвками, на которыхъ значились имена написанныхъ имъ пьесъ. Вдоль пѣвки, приставленной къ его головѣ, написано было: «Раканы», на пѣвкѣ, приставленной къ сердцу, значилось: «Вертящіеся столы», и такъ далѣе. Карикатура принадлежала перу одного изъ его близкихъ друзей, но онъ ее видѣлъ и не рассердился на ѣдкій намекъ.

Авторъ «Тарантаса», графъ Соллогубъ, говорилъ, что не знаетъ, чему больше удивляться въ Сушковѣ: кротости ли его голубиной, или бездарности его всесторонней?

— Мы съ нимъ вдвоемъ прямо-таки притчу евангельскую олицетворяемъ!—говорилъ Соллогубъ.—Онъ кротокъ аки голубь, а я мудръ аки змій.

Въ качествѣ хозяина дома, Сушковъ былъ необыкновенно гостепріименъ и любезенъ, и веселье у него въ домѣ царило самое непринужденное. Непринужденность эта подчасъ даже не особенно нравилась его женѣ, выросшей въ чопорныхъ условіяхъ прежняго «большого свѣта», но Сушковъ съ этимъ не особенно строго считался, и въ домѣ упорно не допускалось ни малѣйшаго стѣсненія.

Помню я, какъ однажды послѣ театра собравшейся молодежи захотѣлось потанцовать. Большого зала, въ строгомъ смыслѣ, въ квартирѣ Сушковыхъ не было; немедленно очистили отъ мебели большую гостиную, зажгли люстру, и подъ звуки рояля, за который сѣлъ одинъ изъ присутствовавшихъ на импровизированномъ балѣ артистовъ, закружились веселыя пары.

Протанцовали бывшій тогда въ модѣ плавный вальсъ *à trois temps*, сдѣлали нѣсколько туровъ уже вышедшей изъ моды польки, и, по общему желанію присутствовавшихъ, раздалась бойкіе, захватывающіе звуки заливчатской польской мазурки...

Въ Москвѣ всегда есть лихіе мазуристы, и на этотъ разъ одинъ изъ нихъ, князь Четвертинскій, былъ налицо. Въ числѣ присутствовавшихъ была и природная варшавянка, жена адмирала Мендта, очень красивая и очень недалекая барыня. Вначалѣ она отказалась принять участіе въ импровизированномъ балѣ, но когда объявленъ былъ конкурсъ и выбраны эксперты для того, чтобы рѣшить, кто лучше всѣхъ танцуетъ бойкій и увлекательный польскій танецъ, m-me Мендтъ рѣшила выступить въ числѣ соискательницъ на премію.

Танцовали очень разнообразно, такъ какъ этотъ танецъ, преимущественно передъ всѣми другими, допускаетъ полное разно-

образіе въ исполненіи. Одни бойко носились, какъ бы подхваченные вихремъ; другіе плавно скользили по паркету; иные старались подражать классической балетной мазуркѣ, и вотъ это-то именно разнообразіе и вызвало сначала споръ, а затѣмъ и конкурсъ...

Сушковъ, котораго всѣ подобнаго рода эксцентричности всегда сильно занимали, пожелалъ не только оставить за собою право экспертизы, но еще, при каждой изъ паръ, поочередно выступавшихъ на судъ публики, громко, какъ глашатай, объявлялъ тотъ «жанръ», къ которому принадлежитъ исполненіе танца. Такъ, при шумномъ пристукиваніи каблучками красиваго и миниатюрнаго князя Абаmeliка, Сушковъ объявилъ громогласно, что на арену выступаетъ «вѣнская мазурка», или «вѣнскій жанръ»; Катерину Львовну Засѣцкую, плавно скользившую по залу съ преображенцемъ Ржевскимъ, онъ назвалъ представителями «парижскаго жанра», одну изъ паръ назвалъ представителями «русскаго жанра», но настоящаго польскаго шика и пошиба не призналъ ни за кѣмъ.

Вотъ тутъ-то рѣшилась выступить м-ме Мендтъ, выбравшая себѣ кавалеромъ Тарновскаго, природнаго поляка, родившагося и выросшаго въ Варшавѣ.

Всѣ насторожились... Всѣхъ заинтересовала мазурка этихъ двухъ лицъ, хорошо и близко знавшихъ Польшу и все ей близкое и родное.

М-ме Мендтъ сбросила мантилью, подала руку своему кавалеру и понеслась по залу съ прирожденной граціей и воодушевленіемъ истой варшавянки. Выбранный ею кавалеръ оказался достойнымъ ея партнеромъ, и живой, чуть не вдохновенный танецъ увлекъ всѣхъ присутствовавшихъ... Имъ усердно аплодировали... кричали «браво», и когда они окончили, то шумно потребовали повторенія.

М-ме Мендтъ согласилась протанцовать еще разъ, но тутъ случился эпизодъ, для дома Сушковыхъ совершенно неожиданный.

Оказалось, что ботинки красавицы нѣсколько жали ей ногу... Она согласилась пройти еще два или три тура мазурки, но не иначе, какъ безъ башмаковъ, и, получивъ восторженное согласіе мужчинъ и нѣсколько смущенное согласіе дамъ, живо сбросила ботинки... и въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ понеслась по залу..

М-ме Сушкова была совершенно скандализована, а Сушковъ, продолжая свою роль глашатая, громко и отчетливо объявилъ:

— Жанръ Нессельроде!..

Я слышала потомъ, что ему пришлось по этому поводу имѣть довольно неприятное объясненіе съ Закревскимъ, не посмѣвшимъ, впрочемъ, распространить свое негодованіе дальше простаго объясненія, съ глаза на глазъ...

Что касается Мендтовъ, то ни мужа, ни жену мнѣ нѣкоторое время не приходилось встрѣчать въ домѣ Сушковыхъ. Потомъ все обошлось, и прежнее короткое знакомство возобновилось, къ обоюдному удовольствію обоихъ семействъ.

Въ домѣ Сушковыхъ мнѣ удалось познакомиться и съ однимъ изъ выдававшихъ тогда представителей русской прессы, Сергѣемъ Калошинымъ, только что начавшимъ въ то время издавать своего «Зрителя», на первыхъ порахъ очень заинтересовавшего московскую публику.

Вопросы періодической литературы меня въ то время не особенно сильно интересовали, и я не могу въ точности указать ни эпохи расцвѣта, ни эпохи упадка калошинскаго изданія.

Какъ человѣкъ, Калошинъ мнѣ припоминается очень корректнымъ и образованнымъ членомъ общества, очень пріятнымъ собесѣдникомъ, съ которымъ всѣ тѣмъ не менѣ держались насторожѣ, зная его всегдашнюю готовность подловить смѣшную сторону человѣка и полную возможность его, при посредствѣ открытаго имъ журнала, вывести каждаго на общественное посмѣяніе.

Помню я смутно довольно громкую исторію, возникшую на этой почвѣ между Калошинымъ и однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей Сушковскаго дома, нѣкіимъ дю-Бриньи, личностью довольно загадочною, долгое время очень умѣло морочившею публику и сумѣвшю занять довольно видное мѣсто въ московскихъ салонахъ.

Въ то время общество было разборчивѣе, нежели теперь, по пасть въ настоящій аристократическій кружокъ было очень трудно, и, несмотря на это, дю-Бриньи былъ принятъ положительно всюду и держался болѣе нежели независимо. Это былъ человѣкъ сравнительно еще молодой, съ выразительнымъ, хотя и вовсе некрасивымъ лицомъ, съ импонирующимъ гонимъ и какимъ-то высокомернымъ оттѣнкомъ въ обращеніи со всѣми, кто хотѣлъ уступать ему.

Помню я, какъ одного изъ постоянныхъ посѣтителей дома Сушковыхъ, очень талантливаго молодого человѣка, по фамиліи Иванова, дю-Бриньи, видимо, завидуя ему, называлъ «мосье д'Ивановъ», какъ одной изъ свѣтскихъ дамъ, злоупотреблявшей пудрой и румянами, онъ присвоилъ прозвище «beau masque», а графа Закревскаго, очень любившаго говорить рѣчи и всегда заикавшагося на первомъ словѣ, мѣтко окрестилъ прозвищемъ «perroquet constipé».

Дю-Бриньи никто положительно не любилъ, да онъ, очевидно, и не гнался ни за чѣмъ сочувствіемъ; онъ жилъ въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что на его вѣкъ дураковъ хватить, но въ этомъ его отчасти разочаровалъ Калошинъ, первый пожелавшій серьезно заглянуть въ его прошлое и провѣрить его настоящее. При этой провѣркѣ оказалось, что имени дю-Бриньи до настоящаго появленія этого господина никогда никто не слышалъ, какъ равно ни-

кто не могъ утвердительно сказать, откуда явился и настоящій его представитель? Проживаль дю-Бриньи на краю города, на Прѣ-снѣ, въ домѣ кн. Несвицкаго, вмѣстѣ съ сестрой и матерью, но ни ту, ни другую никто никогда не видалъ, и образъ ихъ жизни, по провѣркѣ, сдѣланной Калошинымъ, далеко не соотвѣтствовалъ тому широкому пошибу, какимъ старался щегольнуть самъ дю-Бриньи.

Къ этому времени произошло нѣсколько неприятныхъ столкновений между нѣкоторыми изъ членовъ настоящаго «большого свѣта» и всесильнымъ и всѣмъ равно страшнымъ въ то время Третьимъ Отдѣленіемъ. Неприятности эти, какъ быстро выяснилось, явились слѣдствіемъ анонимныхъ доносовъ и ловкаго шпіонства,

При болѣе подробномъ изслѣдованіи выяснилось, что неосторожныя фразы и смѣло высказанныя мнѣнія, поставленныя въ вину вызваннымъ въ Третье Отдѣленіе лицамъ, произнесены были «въ своемъ кружкѣ», въ настоящемъ обществѣ, и прямымъ послѣдствіемъ этого явилась серьезная фильтрація этого «общества».

Калошинъ первый указалъ на сомнительную личность дю-Бриньи.. Въ него всмотрѣлись пристальнѣе и ближе, и... слишкомъ поздно убѣдились, что допущеніе его до интимнаго сближенія съ строго порядочнымъ обществомъ было большая ошибка, которую необходимо было немедленно исправить. Его стали сначала обходить приглашеніями... затѣмъ холодно принимать... а когда и это не всѣмъ удавалось, то отъ многихъ домовъ ему было прямо отказано...

Онъ пробовалъ бороться противъ такого остракизма, но это ему не удалось, а такъ какъ изгнаніе его изъ общества сдѣлало и его службу въ Третьемъ Отдѣленіи почти бесполезной, то онъ быстро стушеввался съ московскаго горизонта, не имѣя средствъ поддерживать не только прежній образъ жизни; но и удовлетворять ея потребности, самыя невзыскательныя.

Что случилось съ нимъ впослѣдствіи, я не знаю, но стороной мнѣ пришлось слышать, что онъ и на югѣ попробовалъ проявить свою непохвальную дѣятельность, очевидно, не чувствуя себя способнымъ ни къ чему, кромѣ шпіонства и доносовъ.

Первымъ обличителемъ этого псевдо-аристократа былъ Калошинъ, и ему принадлежитъ честь избавленія московскаго общества отъ этого великосвѣтскаго сыщика... Этотъ типъ сыска, какъ мнѣ удалось узнать впослѣдствіи, всегда существовалъ и... продолжаетъ существовать, при всевозможныхъ сыскныхъ полиціяхъ и охранахъ, и въ рядахъ дорого оплачиваемаго «свѣтскаго» сыска существовала и существуетъ цѣлая клика женщинъ. Именъ я, понятно, называть не стану, замѣчу только вскользь, что, несмотря на нелюбовь къ синему мундиру у весьма многихъ, любой изъ его носителей все-таки предпочтительнѣе тайнаго шпіона...

По поводу сивяго мундира мнѣ пришла на память довольно рискованная острота одной изъ представительницъ тогдашняго *high life*, Натальи Сергѣевны Ржевской, урожденной Фонвизиной, известной въ Москвѣ своимъ умомъ и подчасъ не останавливавшейся передъ довольно рискованнымъ острымъ словомъ...

Весело болтая однажды въ своемъ, всегда переполненномъ посѣтителями салонѣ, она обратилась къ своему собесѣднику съ оригинальнымъ вопросомъ:

— Скажите, какая разница между жандармомъ и беременной женщиной?..

Тотъ взглянулъ на нее съ глубокимъ удивленіемъ.

— Не знаете?—разсмѣялась она.—Ну, такъ я вамъ скажу. Беременная женщина, при известныхъ условіяхъ, можетъ «не доносить»... а жандармъ непременно «донесетъ».

Эта шаловливая глупость, повторенная многими изъ почитателей исключительнаго ума Н. С. Ржевской, дошла до тогдашняго жандармскаго генерала Перфильева и была причиной непріятности для мужа Натальи Сергѣевны, который въ то время состоялъ цензоромъ въ Москвѣ.

Цензура въ то время была необыкновенно строга, и гг. цензорамъ работа была тяжелая.

Какъ теперь помню я, какъ въ одно изъ засѣданій Ржевскому объявленъ былъ изъ Петербурга выговоръ за то, что въ одной изъ повѣстей, помѣщенной въ «Москвитянинѣ», встрѣтилось слѣдующее сопоставленіе.

Описывался пріѣздъ въ уѣздный городъ дочери городничаго, и въ видѣ характеристики сказано было: «Она была большая кокетка» и въ скобкахъ добавлено: «воспитывалась въ институтѣ».

Въ настоящее время почти невѣроятнымъ можетъ показаться, чтобы подобная безобидная фраза могла послужить мотивомъ къ служебному взысканію, а между тѣмъ Ржевскому, какъ я уже сказала, былъ объявленъ офиціальныи выговоръ, съ разъясненіемъ, что подобная фраза, «бросаетъ тѣнь на учрежденія, находящіяся подъ непосредственнымъ покровительствомъ государыни императрицы».

О такой натяжкѣ въ данную минуту можно рассказывать только въ видѣ анекдота, а въ то время это было почти обычнымъ явленіемъ.

Возвращаюсь къ дому Сушковыхъ.

Въ числѣ лицъ съ которыми мнѣ тамъ приходилось часто встрѣчаться, былъ Ѳедоръ Сергѣевичъ Офросимовъ, богатый московскій домовладѣлецъ и очень образованный человекъ, близко стоявшій ко всему, что высшая интеллигенція считала въ своихъ рядахъ.

Въ то время, когда я его узнала, онъ былъ еще холостымъ человекомъ; позднѣе онъ женился на сестрѣ цензора Ржевскаго, и

впослѣдствіи, переселившись въ Рязань, былъ тамъ городскимъ головою.

Офросимовъ былъ хорошо и близко знакомъ съ Гоголемъ, который охотно дѣлился съ нимъ своими еще ненапечатанными произведеніями. Такъ, онъ однимъ изъ первыхъ прочелъ вторую часть «Мертвыхъ душъ» и сообщилъ отрывки изъ рукописи въ домъ Сушковыхъ.

Я живо помню вечеръ этого чтенія, собравшаго въ сушковскій салонъ весь цвѣтъ московской интеллигенціи.

Первое впечатлѣніе по окончаніи чтенія было не въ пользу капитальной литературной новинки...

Слушатели, очевидно, ждали чего-то большаго, и только глубокое уваженіе къ славному имени автора вызвало тѣ аплодисменты, какими покрылись послѣднія слова прочитаннаго отрывка.

Было ли это до или послѣ смерти Гоголя, я сказать опредѣленно не могу, знаю только, что самъ Офросимовъ получилъ прочитанные имъ отрывки изъ рукъ самого Гоголя.

Далѣе я упомяну о личной моей встрѣчѣ съ Гоголемъ въ домѣ Ржевскаго, теперь же передамъ объ одномъ изъ чтеній Офросимова, носившемъ оригинальный и совершенно интимный характеръ.

Въ числѣ серьезно и всегда мастерски передаваемыхъ имъ рукописныхъ вещей и отрывковъ встрѣчались и рассказы юмористическаго содержанія, всегда почти направленные противъ кого-нибудь изъ современныхъ великихъ міра, и подобныя рассказы Ѳедоръ Сергѣевичъ берегъ обыкновенно для самыхъ интимныхъ собраній.

Насъ, молодежь, это сравнительно мало интересовало. Въ политическіе вопросы мы не вникали, съ административными распоряженіями ничего общаго не имѣли, и тотъ рассказъ Офросимова, о которомъ я сейчасъ поведу рѣчь, потому только живо залечатлѣлся въ моей памяти, что трактовалъ онъ о человѣкѣ, мнѣ близко и хорошо знакомомъ, а именно о двоюродномъ братѣ моего отца, сенаторѣ Казначеевѣ.

Александръ Ивановичъ Казначеевъ, долгое время бывший одесскимъ градоначальникомъ и снискавшій тамъ, какъ и всюду, куда его заносила судьба, всеобщую любовь и уваженіе, былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Дмитриевнѣ Волконской, небогатой рязанской помѣщицѣ, неимоვნю гордившейся своимъ княжескимъ титуломъ и ко всѣмъ и ко всему въ мірѣ относившейся свысока.

Варвару Дмитриевну всѣ единодушно ненавидѣли такъ же горячо, какъ горячо любили ея мужа, и въ бытность дяди градоначальникомъ въ Одессѣ не было той сферы одесскаго населенія, среди котораго не раздавались бы горькія и справедливыя нареканія на жену Казначеева, ко всѣмъ своимъ недостаткамъ присоединявшую еще и самое безцеремонное взяточничество. Она вхо-

дила во всё дѣла мужа, путалась во всё его распоряженія, диктовала его приказы, и ему, въ высшей степени честному и безкорыстному, и въ голову прійти не могло, что онъ часто подписывалъ заранѣе оплаченныя рѣшенія.

Когда Казначеевъ былъ переведенъ сенаторомъ въ Москву, онъ и туда перенесъ съ собою горячую любовь къ его симпатичной особѣ и единодушную ненависть къ особѣ его супруги. Ненависть эта, между прочимъ, вылилась въ особомъ «апостольскомъ посланіи», которое ходило по рукамъ и было въ моемъ присутствіи прочитано Офросимовымъ на одномъ изъ интимныхъ собраній въ домѣ Сушковыхъ.

Полнаго текста этого «посланія» я, конечно, приводить бы не стала, ежели бы даже и запомнила его, но нѣкоторыя его выраженія остались въ моей памяти, главнымъ образомъ благодаря тому мастерскому подражанію церковному чтенію апостольскихъ посланій, съ какимъ передавалъ Офросимовъ эти нѣсколько кощунственныхъ литературныхъ буффонады.

Такъ, памятно мнѣ при «чтеніи» о градоправленіи градомъ Одетою выраженіе: «и взимаша нечестивая жена градоправителя мзду велію, и пшеницею, и колесницею, и тканями многоцѣнными»... и въ концѣ, гдѣ рѣчь шла о новомъ назначеніи дяди, «и призваша его въ градъ древній, столицею именуемый, и облече его въ хламиду червленную, и въ судилище посади»... Этими словами, протянутыми на манеръ того, какъ заканчиваетъ дьячокъ чтеніе «апостола», окончилось и это чтеніе, вызвавшее громкій хохоть всего собравшагося общества.

Замѣчу мимоходомъ, что Казначеевъ, въ бытность свою одесскимъ градоначальникомъ, первый обратилъ вниманіе на исключительный талантъ къ рисованію случайно встрѣченнаго имъ бѣднаго маленькаго мальчика, подарилъ ему ящикъ съ красками и озабочился о дальнѣйшемъ его преуспѣянніи на художественномъ пути. Мальчикъ зтотъ былъ не кто иной, какъ знаменитый Айвазовскій, до конца жизни своей сохранившій самое горячее чувство благодарности къ Казначееву и поднесшій ему на память одну изъ первыхъ и лучшихъ картинъ своихъ.

Кромѣ Сушковыхъ, часто собирались представители интеллигенции,—а тогда ихъ въ Москвѣ было много,—въ домѣ Горскаго, бывшаго ранѣе нашимъ посланникомъ въ Константинополь, въ домѣ его дочери Литвиновой, а также и въ домѣ цензора Ржевскаго, жена котораго, помимо своего исключительнаго ума, была еще и выдающеюся музыкантшей. Обладая прекраснымъ голосомъ и необычайнымъ умѣніемъ передавать все ею исполняемое, она еще и сама писала прекрасныя музыкальныя вещи, и многіе изъ ея романсовъ исполняются съ успѣхомъ и въ настоящее время, не-

смотря на то, что со времени ихъ написанія прошло уже болѣе полстолѣтїя.

Въ домѣ Ржевскихъ я единственный разъ въ жизни видѣла безсмертнаго автора «Мертвыхъ душъ», въ то время уже угрюмаго, сосредоточеннаго и больнаго.

Онъ встрѣтился и познакомился съ Ржевскимъ у Погодина, и первый выразилъ желаніе быть у него.

Ржевскій съ признательностью откликнулся на такое лестное и почетное для него желаніе и просилъ назначить день, когда великому писателю угодно будетъ почтить его домъ своимъ присутствіемъ.

Наталья Сергѣевна, узнавъ отъ мужа, кого ей придется принимать у себя, встревожилась, и чѣмъ ближе подходилъ день, назначенный Гоголемъ, тѣмъ сильнѣе она волновалась и робѣла, не смотря на то, что робость была вовсе не въ ея характерѣ.

— Ну, вотъ, такъ и чувствую, что сразу попаду въ «дамы прїятныя во всѣхъ отношенїяхъ»,—говорила она, приглашая къ себѣ на этотъ вечеръ гостей, выборъ которыхъ на этотъ разъ принялъ на себя самъ Ржевскій, обыкновенно очень мало входившій въ дѣла жены и часто вовсе не выходившій къ гостямъ, ежедневно собиравшимся въ его домѣ.

Гоголь, въ назначенный имъ самимъ вечеръ, прїѣхалъ сравнительно довольно поздно и, привѣтствовавъ всѣхъ молчаливымъ поклономъ, помѣстился въ сторонѣ, въ амбразурѣ окна, замѣтивъ, что въ послѣдніе дни онъ плохо выноситъ большое освѣщеніе.

Говорилъ онъ тихо и какъ-то болѣзненно медленно, и мнѣ въ его выговорѣ почудился малороссійскій акцентъ.

Онъ почти нехотя поддержалъ бесѣду объ условїяхъ современной цензуры, изрѣдка вставляя свое слово въ общій потокъ быстро разгорѣвшагося спора...

Еще неохотнѣе отвѣтилъ онъ на нѣсколько лично къ нему обращенныхъ вопросовъ и оживился только тогда, когда Наталья Сергѣевна, по его настоятельному желанію занявшая мѣсто у рояля, запѣла какую-то малороссійскую пѣсню...

Онъ спросилъ у нея, была ли она въ Малороссїи, замѣтилъ, что для того, чтобы понять настоящій характеръ малороссійской музыки, надобно ее слышать на мѣстѣ, и, узнавъ, что Наталья Сергѣевна сама пишетъ романы, и прослушавъ ея музыку на слова Кольцова: «Такъ и рвется душа», обѣщавъ прислать ей для переложенія на музыку стихотвореніе, недавно доставленное ему въ рукописи и очень ему понравившееся.

Не знаю, исполнилъ ли онъ это свое обѣщаніе, но самое предложеніе уже было въ высшей степени лестно и для пѣвицы и для

самого Ржевскаго, съ несвойственнымъ ему усердіемъ ухаживавшаго за своимъ почетнымъ гостемъ.

Уѣхалъ Гоголь довольно рано, наотрѣвъ отказавшись отъ ужина и опять привѣтствовавъ, какъ и раньше, всѣхъ присутствовавшихъ однимъ общимъ поклономъ.

Впечатлѣніе, оставленное имъ въ присутствовавшихъ, въ общемъ было похоже на разочарованіе. Ничего крупнаго, ничего выдающагося изъ обычной среды... Что-то холодно тусклое и какъ бы отживающее...

— Воля ваша, да онъ прямо помѣшанный какой-то!—первый воскликнулъ, послѣ отѣзда великаго писателя, постоянный посѣтитель дома Ржевскихъ, Павелъ Михайловичъ Хрущевъ, отличавшійся смѣлымъ выраженіемъ своихъ, не всегда разумныхъ, сужденій.

Ржевскій бросилъ въ его сторону взглядъ глубокаго, недоумѣвающего удивленія...

— Ну, вотъ!—воскликнула Наталья Сергѣевна, болѣе откровенная, нежели мужъ.—Говорила я, чтобы Хрущева вычеркнуть изъ списка приглашенныхъ!.. Не права я была?..

— Да... Мнѣніе по меньшей мѣрѣ рискованное!.. замѣтилъ, пожимая плечами, Офросимовъ.

— Которое я, къ стыду своему, вполне раздѣляю!—шепнула мнѣ по-французски сидѣвшая подлѣ меня Кити Тютчева, все время не спускавшая глазъ съ Гоголя, всѣ произведенія котораго она перечитала отъ доски до доски, несмотря на то, что еще не особенно хорошо усвоила себѣ русскій языкъ.

Позднѣе Ржевскій передавалъ, что Гоголь, при новой встрѣчѣ съ нимъ, выразилъ желаніе вновь посѣтить его, но при условіи, что никого незнакомаго ему въ этотъ вечеръ не будетъ.

Сколько мнѣ извѣстно, обѣщаніе это не было исполнено великимъ писателемъ, и больше въ домѣ Ржевскихъ онъ не былъ.

Ежели я не ошибаюсь, то все это происходило менѣе чѣмъ за годъ до его смерти.

У Ржевскихъ я встрѣчала и поэта Щербину, переводныя классическія стихотворенія котораго мнѣ въ то время были не особенно понятны, но который поразилъ меня глубиной своего стихотворенія «Тишина», впервые прочитаннаго имъ Натальѣ Сергѣевнѣ, которая съ восхищеніемъ собрала всѣхъ бывшихъ у нея въ то время гостей, по обыкновенію рассыпавшихся по всему дому, для того, чтобы заставить насъ прослушать это небольшое по размѣру, но чрезвычайно глубокое по смыслу стихотвореніе.

Щербина прекрасно читалъ стихи и въ этотъ день онъ былъ особенно въ ударѣ, хотя... и не совсѣмъ трезвъ. Несчастная слабость, загубившая на Руси столько крупныхъ, выдающихся талан-

товъ, была присуща и Щербинѣ, и мнѣ, часто встрѣчая его у Ржевскихъ, далеко не всегда приходилось видѣть его совершенно трезвымъ.

Слабость свою поэтъ глубоко сознавалъ, самъ иногда горько шутилъ надъ ней, но продолжалъ увлекаться этимъ «источникомъ забвенія», какъ онъ звалъ вино...

Это было время его крупнаго романа. героиню котораго мы всѣ видали и знали, хотя не въ силахъ были понять ни такого выбора, ни такого увлеченія...

Въ ту зиму, о которой идетъ рѣчь, Щербина, особенно удрученный своей несчастной страстью, избѣгалъ многолюднаго общества, и появлялся въ близкомъ ему домѣ Ржевскихъ только въ тѣ часы, когда могъ рассчитывать застать всего меньше чужого народа. Это были часы между обѣдомъ и театромъ, то, что французы называютъ «entre chien et loup», что заставило Наталью Сергѣевну прозвать его «поэтомъ сумерекъ».

Щербина, сколько я его помню, былъ средняго роста худощавый брюнетъ съ очень умнымъ лицомъ и жгучими черными глазами... Когда онъ бывалъ «въ ударѣ», онъ былъ очень милый и живой собесѣдникъ, когда же на него нападала хандра, онъ способенъ былъ сообщить всѣмъ свое грустное настроеніе, такъ онъ всецѣло ему отдавался и такъ мало его скрывалъ.

Нѣкоторое время Щербина совершенно пересталъ бывать у Ржевскихъ, столкнувшись съ самимъ Дмитріемъ Семеновичемъ, какъ съ цензоромъ, по поводу стихотворенія, сданнаго имъ въ «Москвитянина», которое Ржевскій наотрѣзъ зачеркнулъ. Щербина нашелъ такой литературный остракизмъ несправедливою придиркой, но впоследствии согласился съ нимъ и возобновилъ свои частые визиты въ гостепріимный домъ строгаго цензора.

По поводу цензурныхъ запрещеній мнѣ припоминается забавный случай, бывшій на моихъ глазахъ.

Всегда занимавшійся у себя въ кабинетѣ, расположенномъ въ концѣ большой квартиры, которую занимали Ржевскіе близъ Сухаревоѣ башни, въ домѣ Дружинина, Дмитрій Семеновичъ выходилъ въ общую гостиную или въ столовую не раньше, какъ отправивъ въ редакцію «Москвитянина» или въ одну изъ типографій всѣ присланныя ему на тотъ день для просмотра рукописи.

Однажды, уже позднимъ вечеромъ, когда всѣ мы, съѣхавшись изъ театра, пили чай въ большомъ залѣ, Дмитрій Семеновичъ, выйдя изъ своей «берлоги», какъ называла Наталья Сергѣевна кабинетъ мужа, сообщилъ намъ, что онъ только что отправилъ въ типографію для «Москвитянина» очень живое и миленькое стихотвореніе, написанное на мотивъ современнаго увлеченія благотворительными балами и концертами, и выразилъ сожалѣніе, что мы собрались

поздно и онъ не могъ прочесть намъ эту миленькую вещицу въ рукописи.

— Да ничего, въ «Москвитянинѣ» прочтете!..—добавилъ онъ.— Книга выходитъ послѣзавтра, и мнѣ прислано было стихотвореніе съ просьбой немедленнаго прочтенія, для того, чтобы оно могло войти въ книгу, уже сданную въ брошюровку.

Во время этого разговора подъѣхало изъ большого концерта въ Благородномъ собраніи еще нѣсколько человѣкъ гостей, и въ томъ числѣ князь Александръ Алексѣевичъ Волконскій, отставной лейбъ-гусарь, только что проигравшій въ Петербургѣ все свое крупное состояніе и блиставшій въ ту минуту въ Москвѣ, гдѣ онъ быстро сдѣлался законодателемъ моды...

Разговоръ зашелъ о концертѣ, объ исполнителяхъ, и такъ какъ цѣль концерта была благотворительная, то естественнымъ образомъ и о модѣ на это мнимое «благотвореніе», подъ фирмой котораго скрывалось желаніе блеснуть своимъ талантомъ и прежде всего своими туалетами.

Князь Волконскій съ улыбкой сообщилъ, что по городу ходитъ очень смѣлое и очень остроумное стихотвореніе, написанное на дѣтей великой княгини Марьи Николаевны, незадолго передъ тѣмъ участвовавшихъ въ Петербургѣ въ какомъ-то великосвѣтскомъ празднествѣ, устроенномъ въ пользу бѣдныхъ.

На просьбу припомнить это стихотвореніе Волконскій, обладавшій замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ и очень любившій проявлять этотъ талантъ, вынулъ изъ кармана сложенный листокъ почтовой бумаги и, оглянувшись во всѣ стороны, какъ бы прося не выдавать его, началъ чтеніе очень остроумнаго и забавнаго стихотворенія, тонко осмѣивавшаго благотворительныхъ «плясуновъ».

Ржевскій слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ и съ возрастающимъ удивленіемъ, и когда онъ дошелъ до словъ:

«Плясала Машенька качучу,
«Кривлялся маленькій Коко...

Ржевскій внезапно вскочилъ съ мѣста и почти крикнулъ:

— Это... на кого... вы говорите написано?!..

— На Марью Николаевну съ ея дѣтьми!..—спокойно отвѣтилъ Волконскій.

— И вы... въ этомъ... увѣрены?..

— Да какъ же не увѣренъ. Стихотвореніе только что привезено изъ Петербурга и ходитъ по рукамъ.

Ржевскій схватился за голову.

— Что съ тобой, Митя?—удивилась Наталья Сергѣевна.

— А то, что я только что пропустилъ эту «милую бездѣлушку» для ближайшей книги «Москвитянина», снабдивъ ее моею разрѣшительной подписью.

Случай былъ такъ забавенъ, что, несмотря на трагизмъ положенія, многіе не могли удержаться отъ невольной улыбки.

— И какъ это Погодину въ голову входитъ присылать въ цензуру такія глупости?— тономъ глубокаго негодованія воскликнулъ Ржевскій, забывая, что ему самому только что «вошло въ голову» разрѣшить эту «глупость» въ печати.

Немедленно, несмотря на поздній часъ, Ржевскій отправился къ Погодину, ночью же былъ возвращенъ и уничтоженъ бѣдовый экземпляръ, а главное—уничтожена была разрѣшавшая его подпись.

У Ржевскихъ мнѣ пришлось познакомиться съ Николаемъ Васильевичемъ Бергомъ, въ то время уже служившимъ въ Варшавѣ, но сохранившимъ тѣсныя связи съ Москвою и въ особенности съ семьею Ржевскихъ, съ которой связывало его жгучее воспоминаніе юнаго, давно оконченнаго, но не забытаго романа, героиней котораго была сестра Ржевскаго, впоследствии Офросимова.

Бергъ былъ обаятельно милый, всегда веселый и оживленный собесѣдникъ, вносившій съ собою такой жизнерадостный лучъ, что появленіе его всегда было праздникомъ для всѣхъ.

Старшая сестра Ржевскаго была замужемъ за рязанскимъ помѣщикомъ Залетовымъ, большимъ оригиналомъ, считавшимъ въ близкомъ родствѣ своемъ нѣсколько не менѣе его оригинальныхъ людей.

Особымъ чудачествомъ отличался одинъ изъ его родныхъ братьевъ, Павелъ Евграфовичъ Залетовъ, честнѣйшій въ мірѣ человекъ, но съ совершенно обезьяньимъ лицомъ и необычайными претензіями на красоту.. Онъ очень легко увлекался, всегда былъ увѣренъ въ томъ, что и имъ всѣ увлекаются, и, питая неимовѣрную любовь къ танцамъ, носился, какъ буря, по заламъ всѣхъ тѣхъ домовъ и собраний, куда попадалъ на балъ. Свою безобразную наружность Павелъ Евграфовичъ еще сильнѣе безобразилъ длиннѣйшими усами, которые, на манеръ флаговъ, развѣвались вокругъ его головы во время его порывистыхъ танцевъ.

Бергъ, очень любившій Залетова, что не мѣшало ему всегда самымъ безбожнымъ образомъ надъ нимъ смѣяться,—посвятилъ ему послѣ одного изъ баловъ, въ теченіе котораго онъ наблюдалъ за его эксцентричными танцами, стихотвореніе, озаглавленное «Туркъ», обычное имя Залетова въ средѣ очень его любившей, но всегда смѣявшейся надъ нимъ молодежи.

Всего стихотворенія не припомню, но начиналось оно слѣдующимъ воззваніемъ:

Павлюкъ Евграфычъ Ягассы,
Извѣстный подъ названіемъ «Турки».

Чи трехбунчужные усы
 Запутались въ кудряхъ косы
 Одной волшебницы красы
 Во время польки иль мазурки!..

Залетовъ былъ очень доволенъ посланіемъ и долго съ нимъ носился, называя Берга «милымъ проказникомъ».

Въ другой разъ, случайно попавъ въ Москву, Бергъ былъ на перекуты перехваченъ группою студентовъ, устраивавшихъ утренній концертъ въ пользу недостаточныхъ товарищей и неотступно просившихъ Берга прочесть что-нибудь.

Бергъ согласился, но когда на слѣдующее утро пришлось одѣваться, чтобы ѣхать на концертъ, то въ гардеробѣ, захваченномъ съ собою поэтомъ, оказался дефектъ. Недоставало бѣлаго жилета, безъ котораго былъ не полонъ костюмъ, принятый для появленія на эстрадѣ. День былъ праздничный, магазины были закрыты, да и гдѣ сразу найдешь жилетъ, который пришелся бы впору?.. И вотъ Бергъ вспоминаетъ о «Павлюкѣ», всегда готовомъ оказать всякую услугу, и посылаетъ къ нему письмо въ стихахъ, начинающееся словами:

Я пришелъ къ тебѣ съ разсвѣтомъ,
 Ты снабди меня жилетомъ!..

Жилетъ былъ тотчасъ посланъ, и по окончаніи концерта возвращенъ Залетову съ новой импровизаціей, начинающейся словами:

О трехбунчужный властелинъ,
 Другъ бѣднаго поэта...
 Въ Москвѣ лишь понялъ ты одинъ
 Всѣ тайны туалета...

Затѣмъ слѣдовало поэтическое выраженіе благодарности за оказанную услугу, и въ концѣ, въ видѣ воззванія, стояло:

Внимай всегда мольбѣ поэтовъ,
 Объяты дружбы имъ открой,
 И... сохрани въ своихъ жилетахъ
 Ты тотъ же щегольской покрой!..

Въ каждый изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву Бергъ обязательно посѣщаль домъ Ржевскихъ, и каждый изъ его визитовъ былъ истиннымъ праздникомъ для всѣхъ. Невозможно было встрѣтить чело-вѣка, болѣе одареннаго способностью оживить общество, нежели Н. В. Бергъ. Онъ всегда носилъ съ собою какъ бы струю веселья и радости, и никто никогда не видалъ его не только грустнымъ или сердитымъ, но даже слегка задумчивымъ. Тѣ неизбѣжныя въ людской жизни невзгоды, безъ которыхъ не обходится, конечно, ничье въ мірѣ существованіе, Бергъ умѣлъ скрывать или беречь

про себя, зная, что чужое горе никому не близко и ни для кого не интересно. Единственной слабостью Берга было его преклоненіе передъ знатностью и крупными именами, заставлявшее его часто поступаться нѣкоторыми изъ своихъ убѣжденій и дѣлать уступки, не всегда согласныя съ тѣмъ чувствомъ собственнаго достоинства, которое лежало въ основѣ его характера. Деньгамъ онъ большого значенія не придавалъ, но передъ крупными чинами и большимъ положеніемъ преклонялся и скромно ступевывался, чтобы дать имъ дорогу. Въ этомъ отношеніи онъ сильно уступалъ большинству литераторовъ того времени, которыхъ можно было упрекнуть въ чемъ угодно, но никакъ не въ излишней уступчивости и не въ чинопоклоненіи. Впрочемъ, среди современныхъ ему литераторовъ Бергъ, сколько я могла тогда судить, особенно серьезнаго мѣста и не занималъ. Его не чуждались въ литературныхъ кружкахъ, цѣня въ немъ главнымъ образомъ его неустанную жизнерадостность и ровность его характера, но особенно горячо навстрѣчу къ нему не шли и особо почетнаго мѣста ему въ средѣ своей не отводили.

Погодина въ то время я встрѣчала только два или три раза. Это былъ очень серьезный человѣкъ. Мнѣ ни разу не удалось увидеть улыбки на его вдумчивомъ и сосредоточенномъ лицѣ, и вслѣдствіе этого онъ всегда и производилъ на меня какое-то удручающее впечатлѣніе, несмотря на то, что ко мнѣ лично онъ съ первой встрѣчи отнесся особенно ласково и внимательно, благодаря его старинной близости съ моими тетками.

Отъ одной изъ нихъ я узнала впослѣдствіи исторію этой близости.

Двѣ изъ моихъ тетокъ были особенно дружны съ богатой рязанской помѣщицей Левашовой, по первому мужу княгиней Голицыной, у которой проживалъ домашнимъ учителемъ М. П. Погодинъ, тогда еще молодой человѣкъ. Въ ея же домѣ проживала въ качествѣ гувернантки при ея дочери, княжнѣ Натальѣ Григорьевнѣ, молодая дѣвушка, по фамиліи, ежели не ошибаюсь, Миллеръ. Молодую дѣвушку горячо любили всѣ, кто ее зналъ, и А. Н. Левашова сама устроила бракъ между Погодинымъ и симпатичной молодой Миллеръ.

Овдовѣвъ сравнительно еще молодымъ человѣкомъ, Погодинъ вторично женился, но во второмъ бракѣ не нашелъ уже того полнаго счастья, какимъ подарила его первая жена. О ней онъ сохранилъ на всю остальную жизнь свою самое горячее и благодарное воспоминаніе, и отсюда тотъ дружескій привѣтъ, съ какимъ встрѣтилъ меня, молодую дѣвочку, этотъ серьезный ученый, которому мое имя напомнило свѣтлую страницу его прошлой жизни.

Вторая жена Погодина была женщина сварливая и ревнивая до того, что даже къ памяти первой жены ревновала мужа. Объ

ней мнѣ много пришлось слышать отъ ея пасынка, сына Погодина отъ перваго брака, въ бытность его редакторомъ газеты «Жизнь», основанной въ Москвѣ О. Н. Плевако, впоследствии перешедшей къ В. Н. Бестужеву, окончившаго жизнь въ должности смотрителя сахалинской тюрьмы, куда онъ перешелъ изъ урядниковъ въ Европейской Россіи.

Что могло быть общаго между обязанностями полицейскаго урядника и редактора-издателя безцензурнаго политическаго журнала... и какимъ образомъ прямо изъ-за редакторскаго стола возможно было перейти къ должности сахалинскаго смотрителя,— эту мудрую задачу пусть рѣшитъ главное управленіе по дѣламъ печати!.. Я могу только констатировать всѣмъ извѣстный и всѣми provato фактъ.

Погодинскій «Москвитянинъ» читался въ то время довольно усердно, не столько въ силу его литературнаго достоинства, сколько въ силу того, что журналовъ въ то время было очень ужъ мало.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ числѣ «литераторовъ» пришлось мнѣ встрѣтить въ одномъ изъ зажиточныхъ и очень образованныхъ петербургскихъ домовъ гремѣвшаго въ то время откупщика и милліонера Кокорева, нажившаго громадное состояніе винными откупами и продебютировавшаго въ качествѣ «литератора» своей смѣлой статью «Милліардъ въ туманѣ».

Ни достоинствъ, ни недостатковъ этой статьи я въ то время оцѣнить не могла. Въ модѣ было признавать Кокорева за генія,— и всѣ его такимъ признавали, не считаясь ни съ подлинностью его заслугъ, ни съ собственнымъ независимымъ мнѣніемъ.

Оригинальничаль Кокоревъ всегда и во всемъ, и мнѣ хорошо памятна та выдающаяся иллюминація, которую онъ устроилъ въ день Александра Невскаго передъ своимъ громаднымъ домомъ на углу Невскаго и Литейной.

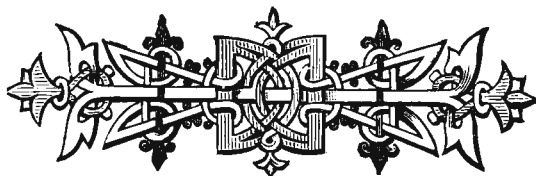
Въ тѣ далекія времена царскіе дни праздновались съ выдающеюся торжественностью, и по вечерамъ по залитымъ огнями улицамъ шагомъ подвигались ряды экипажей, переполненныхъ обывателями, спѣшившими полюбоваться на богатую и прихотливую иллюминацію столицы. Особенно красиво всегда были иллюминированы два или три магазина на Большой Морской, впервые щегольнувшіе брильянтовыми вензелями. Но даже и эта сравнительно новая и блестящая иллюминація показалась Кокореву недостаточно богатой, и главное недостаточно оригинальной, и онъ порѣшилъ блеснуть новинкой, въ Петербургѣ еще невиданной. Онъ выстроилъ на самомъ углу Невскаго подобіе огненной русской избы съ изображеніемъ въ дверяхъ ея хозяина-крестьянина, съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ.

Передъ этимъ оригинальнымъ украшеніемъ останавливались всѣ пѣшеходы и всѣ экипажи, и, увѣдомленный объ этой новинкѣ,

проѣхалъ по Невскому и самъ государь, встрѣченный восторженными кликами народа. Онъ остановился передъ домомъ Кокорева, и хозяинъ, вѣроятно, заблаговременно предупрежденный о возможности такого высочайшаго вниманія, въ дѣйствительности вышелъ на порогъ своей оригинальной огненной постройки съ хлѣбомъ-солью на роскошномъ и дорогомъ блюдѣ. Въ то далекое время всѣ эти оваціи и подношенія были возможны, безъ предварительной цензуры и официального разрѣшенія... Государь среди народа былъ добрымъ и горячо любимымъ семьяниномъ среди преданной ему семьи... Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось... но вспоминать о прошломъ никому не взбраняется...

А. И. Соколова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НА ЧУМУ.

УМА Астраханскаго края,—говоритъ докторъ Страховичъ, приняла эпидемическій характеръ, и послѣднія вспышки ея являются тревожнымъ предвѣстникомъ назрѣвающей большой опасности, угрожающей всей Россіи».

И дѣйствительно, начиная съ ветлянской чумы 1878—1879 гг., чума въ Астраханской губерніи появляется все чаще и чаще, а въ послѣдніе годы она вспыхиваетъ почти ежегодно и даже по нѣсколько разъ въ годъ; особенно въ этомъ отношеніи выдается зима 1909—1910 года, когда возникшая въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Киргизской степи эпидемія въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ повторилась пять разъ и закончилась лишь въ февралѣ.

Въ послѣдніе годы чума свила себѣ гнѣздо почти исключительно во внутренней киргизской ордѣ и поражаетъ исключительно киргизское населеніе. Такое явленіе, безъ сомнѣнія, можетъ быть объяснено только особенностями быта киргизовъ и своеобразностью управленія ордой.

Внутренняя киргизская орда граничитъ съ сѣвера Самарской губерніей съ востока землей войска Уральскаго, съ запада землями Астраханской губ. и съ юга Каспійскимъ моремъ и занимаетъ площадь около 67.000 кв. верстъ, на которой кочуютъ свыше 67.000 кибитокъ съ общимъ числомъ населенія въ 248.540 человекъ; дѣлится орда на пять частей: Таловскую, Торгунскую, Калмыцкую, Камышь-Самарскую и Нарынскую, и на два округа: первый Приморскій и второй Приморскій; части и округа подраздѣляются на старшинства. Вся администрація въ частяхъ и округахъ, во главѣ которыхъ стоятъ правители, мѣстная, киргизская, всей же ордой править образованный въ 1846 г. временный совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя, двухъ русскихихъ совѣтниковъ и двухъ совѣтниковъ изъ киргизовъ, не счи-

тая нѣсколькихъ мелкихъ чиновниковъ. Этотъ временный совѣтъ, который за шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ не удосужились обратить во что-либо постоянное, вѣдаетъ какъ всѣ земельныя, административныя и полицейскія дѣла, такъ отчасти и судебную часть (дѣла мелкой подсудности); производство слѣдствій возлагается на четырехъ мелкихъ, безъ образовательнаго ценза чиновниковъ, нерѣдко къ тому же отвлекаемыхъ порученіями по другимъ частямъ управленія; вслѣдствіе этого у каждаго изъ слѣдственныхъ чиновниковъ на рукахъ скопилось до пятисотъ слѣдственныхъ дѣлъ, съ которыми имъ немислимо разобратъся, почему будетъ близко къ истинѣ назвать киргизскую орду землей безсудной. Функціи временнаго совѣта совершенно неопредѣленны, «онъ рѣшаетъ», говоритъ законъ, «всѣ дѣла, зависѣвшія въ прежнее время отъ разсмотрѣнія и рѣшенія хана», и далѣе: «обязанности совѣта и составляющихъ оный чиновниковъ опредѣляются инструкціей астраханскаго губернатора». Если принять во вниманіе, что о дѣлахъ, зависѣвшихъ въ прежнее время отъ хана, въ законѣ ничего не говорится и что никто этихъ дѣлъ не знаетъ, то мы увидимъ, что во всей имперіи не найдется другого учрежденія со столь обширными и странными полномочіями, какъ временный совѣтъ внутренней киргизской орды.

Результатъ такого упрощеннаго временнаго управленія сказывается въ отсутствіи какого бы то ни было благоустройства въ степи; земскаго сбора съ киргизовъ не взимается, школъ почти нѣтъ, медицинская часть крайне недостаточна, а именно: въ 1900 г. въ ордѣ учреждена одна должность уѣзднаго врача, четыре должности сельскихъ врачей и по пяти должностей фельдшеровъ и повивальныхъ бабокъ и устроены четыре лечебницы: въ Ханской Ставкѣ, Новой Казанкѣ, Таловкѣ и въ сел. Никольскомъ (Джамбай). Въ 1908 г. для борьбы съ чумой утвержденъ временный на три года штатъ врачебныхъ и фельдшерскихъ пунктовъ, согласно которому учреждены одна должность старшаго врача, двѣ—младшихъ и 20 фельдшерскихъ должностей. Такимъ образомъ, въ данный моментъ въ ордѣ всего 8 врачей, или по одному врачу на 8 слишкомъ тысячъ кв. верстъ и на 31.000 человекъ. Почтовыхъ трактовъ въ ордѣ, кромѣ трактовъ отъ станціи Сайхинъ до Ханской Ставки 50 верстъ, и отъ Ханской Ставки до сел. Новая Казанка 200 в., — нѣтъ; телеграфовъ нѣтъ, если не считать телеграфа отъ той же станціи Сайхинъ до Ханской Ставки. Лишь въ нынѣшнемъ году, подъ вліяніемъ не прекращающейся чумы, проведенъ телеграфъ отъ станицы Сломихинской Уральской обл. до Н. Казанки и отъ желѣзнодорожной станціи Александровъ Гай до сел. Таловки.

Вслѣдствіе отсутствія телеграфовъ свѣдѣнія о возникновеніи чумы доходятъ до администраціи, а потому и до врачебнаго персонала, слишкомъ поздно, иногда черезъ мѣсяць, когда эпидемія успѣла уже развиться, а часть населенія, ближайшая къ очагу

заразы, разсѣяться и разнести таковую по степи. Этому обстоятельству мы придаемъ главное значеніе въ томъ, что чума, разъ попавши въ Киргизскую степь, не можетъ быть окончательно прекращена.

Способствуютъ распространенію чумы и ея эндемичности въ степи и условія жизни и бытъ киргизовъ. Трудно себѣ представить что-либо негигіеничѣе жизни обыкновеннаго киргиза зимою: землянка, въ которой онъ живетъ, нерѣдко на аршинъ опущена въ землю, сбита она изъ глины, съ глинянымъ поломъ и покрыта камышомъ; деревянные потолки встрѣчаются лишь у состоятельныхъ, а настланные полы—какъ исключеніе; до потолка свободно можно достать рукой; низкія двери, входять въ которыя надо, согнувшись въ три погибели; громадная глинобитная, не закрывающаяся печь съ прямой трубой отапливается по большей части кизякомъ, дающимъ невыносимую вонь; во время топки землянка сильно нагрѣвается, но зато и быстро остываетъ; крошечныя окна, наглухо закрытыя; землянка никогда не провѣтривается; тутъ же рядомъ крытое помѣщеніе для скота; отсутствіе бани, спанье вповалку на земляномъ полу; отъ всего этого въ землянкѣ стоитъ острый специфическій, противный запахъ, отъ пыльной глины, кошмъ (войлокъ), отсутствія воздуха, отъ грязныхъ тѣлъ, грязной одежды въ землянкахъ расплывается масса насѣкомыхъ, блохъ (клоповъ нѣтъ) и другихъ, менѣе темныхъ, но болѣе противныхъ. Одна жена врача передавала намъ, что когда ея мужъ возвращается домой изъ степи, то она не впускаетъ его въ комнаты прежде, чѣмъ онъ не вымоется въ банѣ и не сниметъ съ себя все, въ чемъ онъ пріѣхалъ, такъ какъ онъ всегда привезетъ явные доказательства пребыванія въ землянкѣ.

Если, при такой обстановкѣ, киргизы еще не вымерли, то, конечно, только потому, что съ первыми же весенними днями они бросаютъ свои землянки, расположенныя на зимнихъ стойбищахъ, и перекочевываютъ на лѣтовки; гдѣ живутъ на чистомъ воздухѣ, въ провѣтриваемыхъ снизу и сверху легкихъ кибиткахъ (юртахъ) и отпаиваются кумысомъ.

При такихъ условіяхъ жизни зимой, если одинъ изъ членовъ семьи заболѣетъ чумой, вымираетъ вся безусловно семья.

Похоронные киргизскіе обряды, съ своей стороны, помогаютъ разносу заразы по степи: умершаго обмываютъ трое ближайшихъ родственниковъ, если умеръ мужчина, или родственницъ, если умерла женщина; на похороны съѣзжаются родственники и знакомые; чѣмъ богаче и вліятельнѣе киргизъ, тѣмъ и гостей больше, бываетъ иногда до ста человекъ; послѣ похоронъ происходятъ поминки, причемъ ѣдятъ и пьютъ на томъ же полу, гдѣ лежалъ больной и покойникъ; присутствующіе одаряются вещами покойнаго и, главнымъ образомъ, его одеждой, причемъ особенно награждаютъ лицъ, обмывав-

шихъ умершаго, такъ что изъ-за чести совершить этотъ обрядъ нерѣдко происходятъ ссоры между родственниками. У богатыхъ киргизовъ чрезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ бываетъ вторичный съѣздъ для поминокъ.

Если принять во вниманіе, что чума передается главнымъ образомъ, черезъ одежду, то легко понять, насколько обрядъ погребенія служить распространенію заразы; во многихъ случаяхъ констатировано, что чума переносилась прежде всего въ дома лицъ, омывавшихъ умершаго. Вслѣдствіе этого первой заботой медицинскаго и административнаго персонала, при появленіи въ степи чумы, является предупрежденіе похоронъ по киргизскому обряду.

Завѣдывающій противочумными мѣропріятіями старшій врачъ киргизской орды живетъ въ Ханской Ставкѣ, главномъ селеніи степи; въ его же вѣдѣніи находится и бактериологическая лабораторія, въ каковой происходятъ изслѣдованія болѣзни бактериологически, что безусловно необходимо какъ въ сомнительныхъ случаяхъ вообще, такъ въ особенности въ началѣ появленія болѣзни. Для изслѣдованія берется или мокрота больного, или какой-либо органъ изъ трупа (въ крови чумнаго бациллы находятся лишь незадолго до смерти). Въ органахъ и мокротѣ чумнаго имѣются характерныя чумныя бациллы, имѣющіе видъ заостренныхъ челночковъ, окрашивающіеся по краямъ темнѣе, чѣмъ въ серединѣ, отчего бациллы эти называются «биполярными». Для полной достовѣрности, бациллы пересеиваются въ бульонъ или въ агаръ-агаръ (отваръ особаго рода водорослей); въ этой средѣ чумныя бациллы, не менѣе чѣмъ 48 часовъ, даютъ культуру, растутъ въ видѣ цѣпочки; культурой этой заражаются мыши, морскія свинки или другія животныя, и лишь когда зараженныя животныя умрутъ и въ нихъ будутъ найдены такія же чумныя бациллы, съ полнымъ убѣжденіемъ можно сказать, что изслѣдуемая болѣзнь—чума.

Должность старшаго врача въ настоящее время занимаетъ докторъ В. А. Бѣлиловскій, прошедшій курсъ бактериологіи на фортѣ императора Александра I близъ Кронштадта. Такимъ образомъ, въ рукахъ названнаго лица сосредоточена защита всей Россіи, а, можетъ быть, и всей Европы отъ заноса чумы.

Лишь 25-го ноября 1909 года сдѣлалось извѣстнымъ о появившейся еще 5-го ноября чумѣ въ пограничномъ съ Уральской областью урочищѣ Бейскулакѣ, 4-го старшинства Камышь-Самарской части. Существуетъ предположеніе, что чума на это урочище занесена именно изъ Уральской области; 26-го ноября чума появилась въ шестомъ старшинствѣ той же части, на уроч. Кшыкъ-Кылганъ, 11-го января прошлаго года на уроч. Акбалыкъ, десятаго старшинства, и 15-го января на уроч. Наурзали-Чагыль, втораго старшинства перваго Приморскаго округа, пограничнаго съ Камышь-Самарскою частью. Чума на уроч. Наурзали-Чагыль закон-

чилась 22-го января, какового числа съ этого урочища разъѣхался медицинскій и административный персоналъ и былъ оставленъ лишь наблюдательный пунктъ, состоящій изъ одного врача, фельдшеровъ, санитаровъ и киргизскихъ административныхъ лицъ.

7-го февраля въ Астрахани получила телеграмма о появленіи 2-го февраля чумы на уроч. Бодай, девятаго старшинства Камышъ-Самарской части.

На другой день, закупивъ все необходимое на дорогу, теплыя вещи, складную кровать, съѣстные припасы, въ видѣ закусокъ и консервовъ, чаю и сахару, мы выѣхали изъ Астрахани по желѣзной дорогѣ съ единственнымъ товаро-пассажи́рскимъ поѣздомъ, выходящимъ около 10 часовъ вечера.

Я думаю, не много найдется дорогъ въ имперіи, подобныхъ Астраханской, на которой не имѣется ни одного пассажирскаго поѣзда.

Вопреки доброй русской пословицѣ, говорящей, что хорошее начало—половина дѣла, Астраханская дорога, лишь въ концѣ 1909 года принятая въ эксплуатацію, начинаетъ свою дѣятельность очень плохо: старые грязные вагоны, изъѣзженные локомотивы, недостатокъ въ тѣхъ и другихъ, отсутствіе пассажирскихъ поѣздовъ а потому черепашье движеніе и длиннѣйшія остановки на самыхъ малыхъ станціяхъ; наконецъ, два послѣдовавшихъ одно за другимъ крушенія, все это причиняетъ много страданій пассажирамъ и предвѣщаетъ мало хорошаго самой дорогѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ для пассажировъ служить вагонъ-столовая съ весьма недорогой и довольно сносной кухней. Этотъ вагонъ-столовая представляетъ самое демократическое мѣсто во всемъ государствѣ, такъ какъ, обслуживая вагоны всѣхъ трехъ классовъ, онъ на небольшомъ пространствѣ соединяетъ представителей всѣхъ племенъ, нарѣчій, состояній; тутъ вы можете встрѣтить и русскаго мужичка, и жандармскаго унтера, и рядового, и калмыка, и киргиза. Можетъ быть, отъ присутствія пассажировъ 1-го и 2-го классовъ, но намъ никогда не случилось видѣть, чтобы кто-либо изъ публики велъ себя некорректно. Сліяніе классовъ отражается, главнымъ образомъ, на скатертяхъ и салфеткахъ.

Наше путешествіе по относительно культурному способу окончилось на ст. Сайхинъ, отстоящей отъ Астрахани въ 291 в. по направленію къ Саратову, а отъ этого послѣдняго города въ 328 верстахъ. Въ Сайхинъ мы прибыли въ часъ пополудни; такимъ образомъ 291 версту мы одолѣли въ 15 часовъ, или, въ среднемъ, ѣхали менѣе 19¹/₂ версты въ часъ.

Въ Сайхинѣ насъ ждали уже тройки, на которыхъ мы и продолжали свое путешествіе. Дорога шла ровной, покрытой глубокимъ снѣгомъ степью. Хороша эта степь весною, когда, увлажненная стаявшимъ снѣгомъ, земля изобильно покрывается цвѣточнымъ ковромъ:

особенно красивы мѣста, сплошь усѣянные красными тюльпанами. Интересна степь и въ лѣтній, знойный, солнечный день, когда на каждомъ шагу вы видите миражи, въ видѣ большихъ и малыхъ озеръ, окруженныхъ иногда деревьями и причудливыми строениями, но вотъ вы подъѣзжаете къ нимъ, и предъ вами та же степь, а озеро уже впереди. Теперь же мы видѣли только снѣжное поле, на которомъ кое-гдѣ чернѣли киргизскія землянки и моллы (могилы), да изрѣдка встрѣчались табуны лошадей и караваны гордо выступающихъ верблюдовъ, поворачивавшихъ въ нашу стороны свои длинныя шеи и съ любопытствомъ насъ оглядывавшихъ.

Пятидесятиверстное разстояніе до Ханской Ставки мы сдѣлали въ четыре часа, съ одной перепряжкой лошадей.

Ханская Ставка, или Рынь-Пески, является центромъ управленія внутренней киргизской ордой; здѣсь находятся временный совѣтъ, училища, почтово-телеграфная контора, казначейство и, конечно, тюрьма; тутъ, кромѣ чиновъ названныхъ учрежденій, живутъ старшій и уѣздный врачи, податной инспекторъ, полицеймейстеръ, православный священникъ, лѣсничій, завѣдывающій окружающимъ Ханскую Ставку Нарынскимъ лѣсничествомъ; населенія въ ставкѣ около 2.600 человекъ, изъ которыхъ до 700 русскихъ, остальные же татары и киргизы. Самое названіе Рынь-Пески указываетъ, что Ханская Ставка расположена среди песковъ и Нарынское лѣсничество образовано именно съ цѣлью укрѣпленія и облѣсенія окружающихъ Ставку лѣсовъ, для чего уже многое сдѣлано.

Переночевавъ въ Ханской Ставкѣ, мы на другой день выѣхали далѣе; намъ предстояло сдѣлать 200 вер. до крайняго въ степи осѣдлаго селенія, Новая Казанка, лежащаго прямо на востокъ отъ Ставки, невдалекѣ отъ границы Уральской области. Содержимый на мѣстныхъ средства между обоими селеніями почтовый трактъ мы нашли, вслѣдствіе усиленнаго проѣзда на чуму и крайне длинныхъ перегоновъ (отъ 30 до 40 верстъ), въ довольно жалкомъ видѣ: нерѣдко попадаютъ лошади или изнуренныя, или невыѣзженныя; запряженные въ экипажъ, онѣ не трогаются съ мѣста; тогда киргизъ начинаетъ свистѣть, кричать, бить, тащить лошадей за гривы и хвосты; подъ вліяніемъ адскаго шума и разныхъ манипуляцій, пристяжки даютъ козла, подхватываютъ и несутъ во всю; энергіи ихъ, однако хватаетъ ненадолго; на такой случай киргизы берутъ съ собой заводныхъ лошадей, а на нѣкоторыхъ станціяхъ верблюдовъ; такъ и намъ пришлось замѣнить тройку неретивыхъ лошадей парой верблюдовъ. Крайне любопытное зрѣлище представляютъ эти верблюды, по преимуществу двугорбые, изрѣдка одногорбые, покрытые, какъ юбкой, попоной изъ кошмы съ раструбами для горбовъ; пресмѣшное впечатлѣніе производятъ высывающіяся изъ раструбовъ пушистыя верхушки горбовъ, иногда болтающіяся при каждомъ движеніи изъ стороны въ сторону. Бѣгутъ верблюды рысцей, немногимъ

медленнѣе киргизскихъ почтовыхъ рысаковъ, но зато спокойнѣе и ровнѣе ихъ; въ трудныхъ мѣстахъ, на раскатахъ или при глубокомъ снѣгѣ, верблюдъ издаетъ не то вой, не то недовольное мычанье. Почтовые станціи находятся въ омерзительныхъ, грязныхъ землянкахъ, въ которыя противно даже войти, не только въ нихъ переночевать. Для ночлега намъ разыскали землянку въ сторонѣ отъ тракта у состоятельнаго киргиза; здѣсь можно было расположиться въ особой комнатѣ съ поломъ и стѣнами, сплошь покрытыми коврами и паласами.

По дорогѣ мы получили летучку, т. е. пакетъ, который доставляется коннымъ киргизомъ, имѣющимъ право останавливаться только для смѣны лошадей, запечатанный сургучомъ, съ припечатаннымъ къ печати птичьимъ перомъ, что означаетъ «экстренно», съ надписью: «по чумѣ»; летучка эта принесла намъ страшную вѣсть, что чумныя заболѣванія появились въ селеніи Новая Казанка. Дѣло становилось плохо: мало того, что чума занесена въ осѣдлое поселеніе, сел. Н. Казанка представляетъ собою большой торговый пунктъ, чрезъ который въ разныхъ направленіяхъ проходятъ дороги въ степь, въ Ханскую Ставку и въ Уральскую область. «Казанка, по словамъ доктора Шарневскаго, какъ единственный населенный пунктъ во всей восточной части орды, служить мѣстомъ товарообмѣна для Камышь-Самарской и Нарынской частей, для сѣверныхъ старшинствъ 1-го и 2-го Приморскихъ округовъ и для сосѣднихъ станицъ Уральской области. Въ зимнее время пріѣздъ изъ Самарской губ. и степи достигаетъ 1000 человѣкъ въ день. Кромѣ того, въ поселкѣ скопляется на зиму значительное количество бѣднѣйшихъ киргизовъ степи, которые ведутъ здѣсь полуголодное существованіе, пробываясь поденнымъ заработкомъ, работая во время зимняго лова рыбы на камышь-самарскихъ озерахъ, мелкимъ маклерствомъ, содержаніемъ квартиръ для пріѣзжихъ изъ степи и т. п. занятіями. Этотъ пришлый людъ наполняетъ всѣ жилища помѣщенія въ поселкѣ, набываясь по нѣскольку семействъ въ одной землянкѣ. Въ зимнее время всѣ киргизскія и большая часть татарскихъ землянокъ служатъ постоянными дворами для пріѣзжихъ степняковъ, которые приходятъ въ самое близкое соприкосновеніе съ семьями квартирохозяевъ».

Населеніе Казанки свыше 2000 человѣкъ, торговый ея оборотъ до 7 милліоновъ.

Изъ сдѣланнаго описанія видно, что появленіе чумы въ Н. Казанкѣ угрожало распространеніемъ эпидеміи чуть не по всей степи, занесеніемъ ея въ Уральскую область, а, быть можетъ, чрезъ отстоящее отъ Казанки въ 120 верстахъ другое осѣдлое поселеніе въ ордѣ, Павловку, и въ Самарскую губернію. Мы поторопились и въ 3 часа дня на другой день послѣ выѣзда изъ Ханской Ставки пріѣхали въ Казанку.

Чума въ Новуй Казанкѣ представляетъ крайне рѣдкій случай, когда можно было прослѣдить способъ занесенія болѣзни и захватить такую до ея обнаруженія. Дѣло было такъ: два киргиза, Чинтимовъ и Чуринь, 3-го февраля пріѣхали изъ уроч. Бодай въ Новую Казанку за покупками, гдѣ и остановились у киргиза Ногайбаева; 5-го февраля они выѣхали домой, и по дорогѣ Чинтимовъ заболѣлъ. Здѣсь у мѣста замѣтить, что заболѣванія чумой имѣютъ крайне не характерную форму. Какъ извѣстно, чума бываетъ двухъ видовъ: бубонная, характеризующаяся опуханіемъ железъ, появленіемъ на нихъ бубоновъ, и легочная; въ послѣднемъ случаѣ болѣзнь начинается ознобомъ, переходящимъ въ сильный жаръ, головною болью, болью въ поясницѣ, общимъ недомоганіемъ; языкъ иногда покрывается бѣлымъ налетомъ, появляется кашель, нерѣдко колотье въ бокахъ; наконецъ появляется кровавая мокрота, легко откашливаемая, окрашенная въ розовый или ржавый цвѣтъ; теченіе болѣзни отъ 14 часовъ до 4 сутокъ. Эпидемія текущаго года была исключительно легочная, лишь въ концѣ ея иногда наблюдались бубонные случаи. Киргизы, вслѣдствіе частыхъ эпидемій, хорошо ознакомились съ признаками чумы, особенно были на сторожѣ киргизы Камышъ-Самарской части, гдѣ было уже нѣсколько вспышекъ болѣзни.

Въ ночь на 6-е февраля Чинтимовъ умеръ; Чуринь привязалъ его трупъ къ санямъ и оставилъ въ степи на уроч. Сары-Куль, отпрягъ верблюда, привязалъ его тутъ же, а самъ вернулся въ Казанку и сообщилъ о случившемся правителю Камышъ-Самарской части. Такъ какъ незадолго до того въ смежномъ съ уроч. Бодаемъ уроч. Наурзали была чума и въ то же время было уже получено сообщеніе о подозрительныхъ заболѣваніяхъ на самомъ Бодаѣ, то Чуринь, по распоряженію мѣстнаго сельскаго врача Шарневскаго, былъ взятъ въ карантинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ была закарантирована землянка Ногайбаева, въ которой останавливались Чинтимовъ и Чуринь, а также и тѣ землянки, въ которыхъ жили лица, соприкасавшіяся съ обитателями землянки Ногайбаева. Всего въ Казанкѣ было закарантировано 26 землянокъ; всѣ онѣ были окружены веревкой; кругомъ были разставлены пикетчики, изъ которыхъ нѣкоторые съ ружьями въ рукахъ; окруженное веревкой пространство было отмѣчено шестами съ желтыми флагами и дѣлилось веревками же, охраняемыми также пикетчиками, на три части—средняя и двѣ боковыхъ. Въ средней части помѣщались землянка, обращенная подъ больницу для чумныхъ, и землянка для санитаровъ; эти землянки веревкой же отдѣлялись отъ землянокъ, въ которыхъ были размѣщены такъ называемые «эвакуированные», т. е. лица, жившія въ одномъ помѣщеніи съ больными, но имѣвшія въ моментъ вывода изъ зараженной землянки нормальную температуру! Въ обѣихъ крайнихъ частяхъ закарантированнаго пространства были размѣ-

щены лица подозрительныя, т. е. тѣ, которыя были въ частомъ соприкосновеніи съ больными или съ жившими съ ними лицами. Кромѣ карантинныхъ въ самомъ селеніи, былъ прослѣженъ весь путь, на разстояніи свыше ста верстъ, по которому проѣхали изъ Бодая въ Казанку названные выше Чинтимовъ и Чуринъ, и закарантинированы всѣ тѣ землянки, въ которыхъ они по дорогѣ останавливались, со всѣми ихъ обитателями.

Изъ этого описанія можно судить, насколько тщательно принимаются мѣры предупрежденія распространенія чумы и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ трудно ихъ принимать, какія подробныя разслѣдованія приходится дѣлать. Какъ потомъ оказалось, изъ Бодая въ Казанку пріѣзжали двѣ партіи киргизовъ, въ числѣ всего двѣнадцати человѣкъ; пришлось самымъ точнымъ образомъ изслѣдовать путь всѣхъ этихъ двѣнадцати и взять въ карантинъ всѣ землянки, въ которыя заѣзжалъ каждый изъ нихъ. Конечно, на такое обслѣдованіе нужно время и можно приписать только необыкновенной энергіи исполнителей, а въ большей степени случайности и счастьемъ, что степь между Бодаемъ и Казанкой осталась незараженной.

7-го февраля заболѣваетъ хозяинъ землянки Ногайбаевъ и 9-го умираетъ; 8-го заболѣваетъ Чуринъ, затѣмъ постепенно начинаютъ заболѣвать и умирать всѣ эвакуированные, кромѣ четырехъ, бывшихъ въ отдѣльной землянкѣ, которые не заболѣли, и двоихъ выздоровѣвшихъ дѣтей. Страшно подумать о душевномъ состояніи, о томъ ужасѣ, который должны переживать эвакуированные, видя, какъ неуклонно число ихъ уменьшается; какъ по одиночкѣ препровождаются они изъ помѣщенія для эвакуированныхъ въ чумную больницу, а оттуда на чумное кладбище, на костеръ. Мы говоримъ объ ужасахъ смертной казни, о жестокости этого наказанія, но вѣдь приговоренные къ смерти совершили преступленіе; они знаютъ, за что идутъ на смерть; при чумѣ мы видимъ приговоренныхъ къ смерти невинныхъ; вотъ мать, отправившая вчера на смерть сына, сегодня отправляющая мужа и увѣренная, что завтра наступитъ ея очередь, ибо отъ легочной чумы вымираютъ цѣлыя семьями и спасенія отъ нея нѣтъ.

Трогательныя, а иногда и ужасныя сцены разыгрываются при чумѣ. Вотъ, напримѣръ, въ Казанкѣ заболѣла молодая жена киргиза Иргалиева; мужъ не хотѣлъ оставить своей дорогой Казіи: «все равно, говорить, придется умереть и мнѣ»,—и отправился съ ней въ чумную больницу; нѣсколько дней проболѣла Казія; долго боролся со страшной болѣзнью здоровый организмъ молодой женщины; иногда она чувствовала себя настолько хорошо, что даже была въ веселомъ настроеніи, и врачи, къ удивленію своему, должны были констатировать какъ бы улучшеніе здоровья. Увы! все это было только кажущееся; умерли и Казія и ея вѣрный до гроба мужъ. Вотъ старикъ-отецъ, когда у него появилась кровавая мо-

крота, просить врача передать сыну оставшіеся у него 16 р. 20 к.; некому было передать: скоро сынъ послѣдовалъ за отцомъ въ могилу. Съ другой стороны, передають случаи, когда отецъ встрѣтилъ вилами прѣхавшихъ къ нему съ зараженнаго урочища сына съ женой; на другой день ихъ обоихъ нашли мертвыми въ степи.

Единственное снисхожденіе, которое дѣлаеть чума своимъ жертвамъ, это то, что болѣзнь протекаетъ безъ особыхъ физическихъ страданій, смерть же наступаетъ моментально отъ отека легкихъ. Передаютъ случаи, когда чумный больной, желая напиться, взялъ чайникъ съ водой, но, не успѣвъ донести его до рта, умеръ, держа чайникъ въ рукѣ; другой замахнулся плетью на верблюда и застылъ съ поднятой плетью.

По существующимъ и въ настоящее время правиламъ, умершихъ отъ чумы надлежитъ хоронить на особыхъ кладбищахъ, съ соблюденіемъ разныхъ санитарныхъ мѣропріятій. Прежде такъ и дѣлалось, при чемъ, говорятъ, нерѣдко происходили возмутительныя сцены. Двери въ киргизскихъ землянкахъ низкія, переходы узкіе, а потому вынести трупъ изъ землянки и затруднительно и опасно; въ такихъ случаяхъ санитары захватывали трупъ крюкомъ на длинной веревкѣ и, при помощи верблюда, выволакивали его черезъ окно и протаскивали къ общей ямѣ, гдѣ зарывали. Конечно такое посрамленіе трупа возмущало киргизовъ, и бывали, говорятъ, случаи, что заболѣвшій киргизъ просить родныхъ вырыть яму во дворѣ, плетется къ ямѣ, ложится у самаго ея края, чтобы легко было трупъ сбросить въ яму, и умираеть.

Затѣмъ, до противочумнаго сѣзда, о которомъ будетъ сказано ниже, умершихъ не предавали землѣ, а сжигали. Сначала сжигали трупы въ землянкахъ, въ которыхъ чумные умерли, но когда оказалось, что сожженный такимъ образомъ трупъ весь не сгораетъ, а только обугливается, мертвыхъ стали сжигать особо. Въ 1½ в. отъ Казанки, въ степи, устроено чумное кладбище; возвращенный въ саванъ трупъ въ гробу доставляется на кладбище на саняхъ, запряженныхъ верблюдомъ. Когда мы подъѣхали къ кладбищу, то докторъ Шарневскій, распорядившійся сожженіемъ, предупредилъ насъ не ходить по дорогѣ, по которой проѣхали сани, и подбирать полы шубъ. Приготовлена могила, глубиною въ ростъ человѣка, на днѣ ея сложены рядами, съ промежутками для притока воздуха, кирпичи кизяка; около врачъ въ бѣломъ халатѣ, два санитары въ такихъ же халатахъ, съ завязанными сулемовой марлей ртами и перевязанными такой же марлей головами, въ кожаныхъ, облитыхъ сулемой рукавицахъ; костеръ, на которомъ кипятится въ котелкѣ вода для обмыванія, бутылъ съ сулемой, бочка керосину... Таково чумное кладбище. Кизяки на днѣ ямы заливаются керосиномъ, подвѣшивается надъ ямою гробъ съ умершимъ, облитый также керосиномъ; керосинъ зажигается,

подымается густой, черный; удушливый дымъ, взвилось темно-красное пламя, и часа черезъ полтора отъ тѣла остался только пепель. Таковы похороны умершаго отъ чумы.

На сжиганіе требуется около десяти пудовъ керосину. Киргизы въ массѣ относятся къ такому сжиганію хотя неодобрительно, но терпѣливо и спокойно, вѣроятно, потому, что ихъ муллы (духовныя лица) такой способъ похоронъ чумныхъ признаютъ полезнымъ, какъ одно изъ средствъ къ огражденію здоровыхъ.

Во время нашего пребыванія въ Казанкѣ произошелъ курьезный случай, виновницей котораго, какъ всюду и всегда, оказалась женщина. Киргизъ, невѣста котораго, въ качествѣ подозрительной по чумѣ, содержалась въ карантинѣ, не вытерпѣлъ и ночью, вмѣстѣ съ тремя товарищами, несмотря на окрики охранявшихъ закарантинированный кварталъ пикетчиковъ, не успѣвшихъ ихъ остановить силою, нырнулъ подъ веревку и очутился въ мѣстѣ оцѣпленія. Однако выбраться оттуда имъ не удалось, и нетерпѣливый любовникъ, вмѣстѣ съ тремя ассистентами, долженъ былъ выдерживать въ оцѣпленіи карантинный срокъ.

Пробывъ два дня въ Н. Казанкѣ, мы выѣхали на уроч. Бодай, куда, когда появилась чума, былъ проложенъ временный почтовый трактъ. Разстояніе отъ Казанки до Бодая свыше 100 верстъ на юго-востокъ. Со второй станціи отъ Казанки кончается лошадиное царство, и въ кибитку впрягаются верблюды. Дорога ниже всякой критики, особенно послѣдніе до Бодая два перегона, гдѣ путь извивается по барханамъ, иногда довольно высокимъ; экипажъ ныряетъ съ одного холма на другой, причѣмъ каждую минуту рискуетъ сорваться и выбросить сѣдоковъ. Эта дорога на нѣкоторыхъ оказываетъ такое же дѣйствіе, какъ морская качка, со всѣми признаками этой болѣзни. Къ нашему счастью, къ намъ былъ прикомандированъ киргизъ Губашъ Каличевъ, человекъ въ своемъ родѣ замѣчательный и для путешественниковъ по степи неоцѣнимый. Этому Губашу 42 года отъ роду, на службѣ же онъ состоитъ уже 31 годъ, съ 11-лѣтняго возраста, когда поступилъ во временный совѣтъ для мелкихъ услугъ. Прирожденный степнякъ, знающій степь, какъ свои пять пальцевъ, Губашъ всю дорогу до Бодая и отъ Бодая обратно до ст. Сайхинъ ѣхалъ впереди верховъ на лошади, выбиралъ дорогу и указывалъ путь. Если мы вернулись въ Астрахань цѣлыми и невредимыми, то только благодаря заботливости этого киргиза. Губашъ настолько необходимъ въ степи, что, рассказываютъ, однажды онъ былъ похищенъ врагомъ. Губашъ былъ прикомандированъ къ административному лицу, который не соглашался уступать его врачу; тогда врачъ просить разрѣшить Губашу лишь внести вещи въ землянку, и какъ только вещи были внесены, объявилъ Губаша въ чертѣ оцѣпленія и въ карантинѣ.

На другой день мы приѣхали на уроч. Бодай. Войдя въ землянку доктора Бѣлиловскаго, мы увидѣли маленькую комнату съ большой топившейся печью, у которой хлопотали киргизъ и киргизка, видимо, хозяева землянки; слѣдующая комната, побольше, была наполнена фельдшерами, писцами и представляла собою канцелярію; наконецъ, третья служила мѣстожительствомъ самого доктора; здѣсь были два складныхъ стола, складная желѣзная кровать, но ни одного стула; сидѣть предоставлялось на кровати, чемоданахъ, ящикахъ, на чемъ угодно.

Для болѣе точнаго описанія всѣхъ удобствъ квартиры, необходимо упомянуть, что однажды къ доктору Бѣлиловскому явился хозяинъ землянки и заявилъ, что ночью у него произошло два несчастія: замерзли только что родившіеся верблюженокъ и ягненокъ; всегда они новорожденныхъ четвероногихъ вносятъ въ землянку, въ тепло, теперь же онъ постѣснялся это сдѣлать. Получивъ разрѣшеніе доктора соблюдать на будущее время столь необходимый для благосостоянія кочевника обычай, хозяинъ довольный ушелъ, но въ слѣдующую же ночь сонъ доктора и его спутниковъ былъ прерванъ жалобными криками новорожденныхъ ягнятъ.

Зараженнымъ чумой оказалось не только уроч. Бодай, но и два смежныхъ съ нимъ урочища, Ази-Чагыль и Джанка-Чагыль; площадь всѣхъ трехъ урочищъ имѣетъ въ длину до 40 верстъ и въ ширину до 20, т. е. до 800 кв. верстъ; по этой громадной площади разбросаны отдѣльныя землянки на разстояніе отъ одной до десяти верстъ одна отъ другой.

Чума на Бодаѣ была обнаружена такимъ образомъ: нѣсколько дней изъ одной землянки не появлялось дыма; когда вслѣдствіе этого необычнаго обстоятельства стали справляться, то оказалось, что въ землянкѣ лежали три трупа; вслѣдъ затѣмъ чума стала распространяться и по другимъ землянкамъ.

Въ виду громадности зараженной площади и отдаленности одной землянки отъ другой, посреди урочища былъ раскинутъ для чумныхъ лагерь изъ 22 кибитокъ. Большое затрудненіе въ отношеніи размѣщенія больныхъ и карантинируемыхъ является зимою. Надо устраивать больницу, баню, помѣщеніе для эвакуируемыхъ, для подозрительныхъ; въ зараженныхъ землянкахъ никого оставить нельзя, больные должны быть размѣщены поблизости отъ врача, а теплыхъ помѣщеній нѣтъ. Можно пользоваться только кибитками. Вотъ что говоритъ докторъ Страховичъ по поводу чумы въ Текебай-Тубекѣ 1901—1902 гг.: «въ первыхъ числахъ января киргизы, поселенные въ кибиткахъ, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ вернулись въ свои зараженные землянки, и среди нихъ снова появились заболѣванія. Только изъ одной кибитки киргизы, переведенные сюда въ числѣ 18 человѣкъ, не пожелали вернуться

въ зараженные дома и остались въ кибиткѣ. Среди нихъ заболѣванія не появлялись».

Докторомъ Бѣлиловскимъ были приняты все мѣры къ тому, чтобы сдѣлать пребываніе въ кибиткахъ сноснымъ: каждая кибитка была окружена завалинкой изъ снѣга въ аршинъ высоты; кибитка покрывалась слоемъ сѣна въ полъ-аршина толщины и кошмами; надо имѣть въ виду, что верхъ кибитки, тундукъ, долженъ быть всегда открытъ, ибо все время въ кибиткѣ горитъ костеръ и кипитъ, для нагрѣва, котель съ водой. Несмотря на такія мѣры, и въ нынѣшнемъ году, во время чумы на уроч. Акбалыкъ, киргизы, выведенные въ лагерь, сильно страдали отъ холода, ибо погода была морозная, вѣтреная и бурная. Къ счастью, во время чумы на Бодаѣ холода были не очень сильные и погода все время тихая.

Когда мы отправились осматривать лагерь, отстоящій отъ землянки старшаго врача въ десяти верстахъ, то шубы наши замѣнили взятыми изъ эпидемическаго склада тулупами, равнымъ образомъ замѣнили и бывшіе на насъ пимы или валенки. По возвращеніи съ осмотра, намъ навстрѣчу вышелъ санитаръ и тщательно обмылъ валенки сулемой; только тогда вошли мы въ землянку, гдѣ сняли съ себя все, начиная съ бѣлья, кончая платьемъ и фуражкой; все эти вещи затѣмъ были сожжены.

Лагерь, какъ и въ Казанкѣ, окруженъ веревкой и отмѣченъ шестами съ желтыми флагами; раздѣленъ онъ также на три части: первая—чумное отдѣленіе; здѣсь находились три кибитки съ чумными больными; одна кошарка (родъ маленькой кибитки изъ двухъ рѣшетокъ, безъ тундука), представлявшая собою покойницкую; одна кибитка для врачебнаго персонала, который въ ней переодѣвался и отдыхалъ; одна кибитка для помѣщенія четырехъ санитаровъ и одна для склада разныхъ вещей и продуктовъ; вторая часть лагеря была предназначена для эвакуируемыхъ; здѣсь изъ трехъ вмѣстѣ составленныхъ кибитокъ была устроена баня; въ первой кибиткѣ эвакуируемые раздѣвались и оставляли все свое платье, которое сжигалось; въ центральной мылись мыльно-карболовымъ растворомъ и зеленымъ мыломъ и въ третьей кибиткѣ одѣвались во все новое, начиная съ бѣлья, предоставляемое за казенный счетъ; третья часть лагеря предназначена была для подзрительныхъ.

По окончаніи чумы весь лагерь былъ сожженъ.

Насколько заразительна чума? Разные изслѣдователи придерживаются по этому вопросу различнаго мнѣнія; нѣкоторые думаютъ, что главную опасность для зараженія представляетъ одежда больныхъ. Здѣсь не мѣсто вдаваться по этому поводу въ подробности, мы укажемъ лишь на то, что наблюдается изъ фактовъ: почти безъ исключенія вымираютъ цѣлыя семьи и вообще лица,

живущія совмѣстно; страшнымъ распространителемъ заразы является мокрота больныхъ, сохраняющая притомъ заразныя свойства долгое время, т. к. поверхность отхарканной мокроты высыхаетъ и образуетъ пленку, подъ которой остается влажная, наполненная чумными бактеріями матерія. До чего обращается вниманіе на мокроту, можно видѣть изъ слѣдующаго случая: когда, по истеченіи карантиннаго срока, въ Н. Казанкѣ снимали первое загражденіе, чтобы выпустить бывшихъ подозрительныхъ, что дѣлалось при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи мѣстныхъ властей, врача и населенія, то на снѣгу закарантинированнаго пространства былъ замѣченъ кровяной плевокъ; это обстоятельство страшно поразило врача, такъ какъ, во-первыхъ, въ этой части не должно было быть больныхъ чумой, а, во-вторыхъ, представлялась опасность зараженія для присутствовавшихъ лицъ; хотѣли было уже послать за суемой, но, взглядывшись, увидѣли, что это была мокрота здороваго человѣка, окруженная случайно попавшей красной ниточкой, производившей впечатлѣніе кроваваго ободка. Что вещи чумнаго больного крайне заразительны, это доказывается и постоянными вспышками чумы. При принимаемыхъ нынѣ мѣрахъ—сжиганіи зараженныхъ жилищъ, сжиганіи всѣхъ абсолютно вещей, сжиганіи труповъ—чума можетъ возникнуть лишь тогда, когда она будетъ откуда-нибудь занесена. Между тѣмъ она возникаетъ нерѣдко отъ совершенно неизвѣстныхъ причинъ и неизвѣстно откуда. Единственнымъ объясненіемъ ея возникновенія можетъ служить только сокрытіе вещей, унесенныхъ изъ зачумленной землянки, и возникновеніе чумы, когда вещами начинаютъ пользоваться. По крайней мѣрѣ, извѣстенъ случай возникновенія чумы изъ-за кражи вещей изъ давно покинутой зачумленной землянки (чума въ Кешкенъ-Аралѣ) Правда, за все сожженное выдается вознагражденіе, но мы не увѣрены, во-первыхъ, въ томъ, что, при современной склонности къ экономіи на все, въ томъ числѣ и на расходы по чумѣ, оно выдается въ такомъ размѣрѣ, чтобы у владѣльца не явилось желанія скрыть часть имущества, а, во-вторыхъ, у каждаго изъ насъ найдутся такіе предметы, съ которыми мы не желаемъ разстаться ни за какія деньги. На Бодаѣ, на примѣръ, умирающій отъ чумы старикъ клялся, что не скрылъ никуда вещей, затѣмъ, когда его стали убѣждать говорить правду, такъ какъ вслѣдствіе сокрытія вещей изъ-за него можетъ умереть много неповиннаго народа и прежде всего его родные, онъ сознался, что зарылъ вещи въ трехъ мѣстахъ.

Что даже при частомъ посѣщеніи больныхъ и при соприкосновеніи съ ними, если принимать предупредительныя и дезинфекціонныя мѣры, отъ зараженія уберечься можно, доказываетъ тотъ фактъ, что въ настоящее время чумою не заражаются ни врачи,

ни санитары, даже въ случаяхъ попаданія на нихъ выдѣленийъ больныхъ. Такъ, въ лицо д-ра Вѣлиловскаго попала мокрота чумной больной безъ всякихъ неблагопріятныхъ для него послѣдствій.

Единственнымъ лечебнымъ средствомъ противъ чумы служить вырабатываемая на фортѣ императора Александра I противочумная сыворотка, представляющая собою свѣтло-желтую жидкость, присылаемую въ пузырькахъ по 20 куб. сантиметровъ въ каждомъ; считается, что сыворотка дѣйствуетъ въ теченіе десяти дней; впрыскивается она подъ кожу, по преимуществу въ спину, посредствомъ большого шприца съ большою толстой иглой, при чемъ больнымъ впрыскиваютъ до 60—80 и даже до 100 куб. сантиметровъ. Если есть лица, утверждающія, что сыворотка эта помогаетъ при бубонной чумѣ, то при легочной формѣ чумы, по нашему глубокому убѣжденію (мы должны оговориться, что къ числу врачей не принадлежимъ), она ровно никакой пользы не приноситъ. Это видно изъ слѣдующихъ цифръ.:

	Заболѣло чумой.	Умерло.
На Бейскулакѣ	14	14
» Кышкь-Кылганѣ	17	17
» Акбалыкѣ	42	42
» Наурзали-Чалыгъ	30	27
» Бодаѣ	20	20
въ Новой Казанкѣ	10	8
<hr/>		
И т о г о	133	128

Если въ Новой Казанкѣ изъ числа заболѣвшихъ двое выздоровѣли, то это обстоятельство, конечно, нельзя приписать сывороткѣ, а тому, во-первыхъ, что оба выздоровѣвшихъ были дѣти (1 годовалый и 8 лѣтъ), которыя вообще меньше поддаются чумѣ, чѣмъ взрослые ¹⁾, во-вторыхъ, тому, что это были послѣдніе заболѣвшіе, когда чума была, очевидно, на исходѣ и потому потеряла свою интенсивность; на это обстоятельство отчасти указываетъ и то, что у дѣвочки чума появилась въ бубонной формѣ, что нерѣдко наблюдалось именно на исходѣ прежнихъ эпидемій чумы. Врачи инъекціямъ сыворотки при легочной чумѣ приписываютъ замедленіе въ теченіи болѣзни, что, конечно, можетъ имѣть значеніе. Болѣе значенія врачами придается сывороткѣ, какъ мѣрѣ, предупреждающей заболѣванія. Однако мы и съ этимъ согласиться не можемъ, ибо, съ одной стороны, всѣ эвакуируемые обыкновенно заболѣваютъ и умираютъ, несмотря на усиленные инъекціи сыворотки,

¹⁾ Былъ, напр., случай, когда изъ-подъ груди мертвыхъ тѣлъ въ землянкѣ вытацили совершенно здоровую, но обезсилѣвшую дѣвочку.

съ другой же, не заболѣвають тѣ врачи, которые инъекцій себѣ не дѣлають.

Относительно противочумной сыворотки можно сказать, что она оказываетъ несомнѣнное вліяніе на наши внутренніе органы, особенно на сердце, и мы знаемъ нѣсколькихъ лицъ, страдающихъ сердцемъ, причеиъ болѣзнь приписывается исключительно сывороткѣ; особенно вредное вліяніе оказываетъ сыворотка стараго изготовленія, къ тому же и впрыскиваніе ея очень болѣзненно, тогда какъ инъекція свѣжей сыворотки о обои боли не причиняетъ. Желательно было бы также, чтобы сыворотка была интенсивнѣе, такъ какъ даже первоначальная доза. 20 куб. сантиметровъ, т. е. не менѣе порядочной рюмки, слишкомъ велика.

Если кто желаетъ видѣть героевъ, героевъ притомъ самыхъ скромныхъ, ибо о нихъ, кромѣ ближайшихъ окружающихъ, никто не знаетъ, героевъ самыхъ нетребовательныхъ, пусть тотъ посмотритъ на ухаживающихъ за чумными больными врачей. Съ утра до ночи заняты больными, ежеминутно отхаркивающими ядовитую мокроту, часами пребывающіе въ убійственно зараженномъ помѣщеніи, вскрывающіе трупы умершихъ, съ постоянною опасностью заразиться неизлечимою болѣзью, термометрирующіе больныхъ, дѣлающіе имъ инъекціи... они ежедневно ложатся въ постель съ мыслью, не ложится ли вмѣстѣ съ ними и чума, и встають, думая, благополучно ли сойдетъ сегодняшній день. Они сами считаютъ себя зачумленными и никому не поддають и не принимаютъ руки. Конечно, если бы не способность человѣка привыкать ко всему и мириться со всякими обстоятельствами, то врачей хватило бы не надолго. Немало причиняетъ страданій врачамъ и санитарному персоналу вообще необходимость постоянной дезинфекціи и обмыванія сулемой. Когда мы пріѣхали въ Н. Казанку, то застали д-ра Шарневскаго, благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ котораго чума въ Казанкѣ была такъ прекрасно изолирована, совершенно здоровымъ, когда же чрезъ шесть дней мы вторично пріѣхали въ Казанку, то руки д-ра Шарневскаго оказались покрытыми отъ сулемы экземой, а глаза распухли, покраснѣли и слезились.

Не имѣють врачи на чумѣ и спокойнаго отдыха въ привычной культурной обстановкѣ тогда, когда они не заняты дѣломъ; нѣтъ ни надлежащей ѣды, ни сноснаго помѣщенія, ни вообще какихъ бы то ни было удобствъ. Вотъ описаніе, сдѣланное д-ромъ Страховичемъ о дѣятельности д-ра Госа на чумѣ въ Текебай-Тубекѣ: «24 декабря д-ръ Гось пріѣхаль въ Текебай-Тубекъ, а 25-го обходилъ зараженныя землянки и осматриваль больныхъ. Былъ сильный морозъ и вѣтеръ. На вѣтру приходилось передъ входомъ въ зараженныя землянки снимать шубу, чтобы одѣться въ халаты, а, по выходѣ изъ землянки, на вѣтру же снимать ха-

латъ и дезинфицировать руки. Это продолжалось съ утра до вечера. Вечеромъ д-ръ Гось вернулся въ отведенную ему землянку, гдѣ лежалъ больной фельдшеръ Зайцевъ, и легъ спать на полу рядомъ съ нимъ, не предполагая, что Зайцевъ боленъ чумой (предполагалась малярія). Ночью Зайцеву было плохо, пришлось часто помогать ему. Только утромъ, когда д-ръ Гось убѣдился, что мокрота Зайцева имѣеть кровянистый характеръ, онъ отдѣлился отъ Зайцева съ фельдшеромъ Утебаевымъ и вѣстовымъ киргизомъ—оба они спали на полу у противоположной стѣны».

Въ такой обстановкѣ приходится жить врачамъ, если на зараженномъ урочищѣ нельзя подыскать надлежащаго числа землянокъ. Прибавьте къ этому, что никто не можетъ поручиться въ томъ, что подысканныя для персонала землянки не зараженныя.

Вдумываясь въ обязанности врачей на чумѣ и въ условія ихъ жизни, невольно приходишь къ убѣжденію, что нѣтъ награды, достойной украшать грудь этихъ тружениковъ, и нѣтъ денегъ, достаточныхъ для вознагражденія ихъ труда. Нельзя, однако, сказать, чтобы врачи въ настоящее время особенно щедро вознаграждались: они за проведенное на чумѣ время получаютъ по 13 р. суточныхъ; согласно уст. карантинному, каждый чумный день, для выслуги на пенсію, считается за 12 дней, да получаютъ серебряный знакъ, въ видѣ бляхи, очень похожій на рублевикъ, съ надписью: «за чуму».

Для предупрежденія разноса чумы особенно серьезное вниманіе обращается на то, чтобы не осталось ничего изъ предметовъ, которые могли бы быть разсадниками чумы. Въ этихъ видахъ зачумленные, т. е. тѣ, въ которыхъ были больные, землянки и кибитки сжигаются со всѣмъ безъ исключенія имуществомъ, какъ бывшимъ въ землянкѣ, такъ и находившимся у чумныхъ. Всему дѣлается оцѣнка комиссіей, состоящей изъ врача и административныхъ лицъ, и ихъ владѣльцу или чаще его наслѣдникамъ выдается исчисленная по оцѣнкѣ сумма. Такимъ образомъ и на Бодаѣ и въ Новой Казанкѣ были сожжены всѣ зачумленные землянки и кибитки.

Конечно, расходы казны по борьбѣ съ чумой велики, особенно когда чума въ степи. Надо платить за сожженное имущество, командировать врачей, фельдшеровъ, санитаровъ, иногда административныхъ чиновъ, проводить по степи временные почтовые тракты, устраивать конное сообщеніе съ ближайшими телеграфными пунктами, кормить и одѣвать какъ больныхъ, такъ и карантинированныхъ, нанимать пикетчиковъ и проч.; при этомъ все требуется экстренно, ибо при чумѣ каждый лишній день имѣеть громадное значеніе; доставка всѣхъ предметовъ въ глубь степи крайне дорога. Эти два обстоятельства, съ своей стороны, въ значительной степени увеличиваютъ расходы, но расходы эти необ-

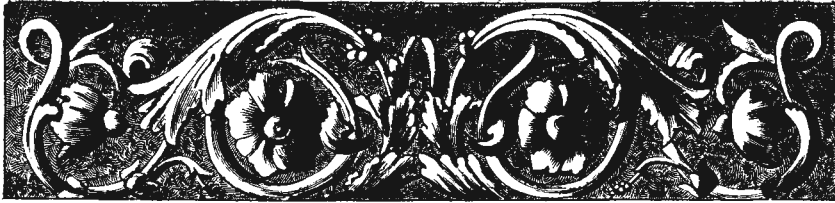
ходимы и вызываются они во многих случаях неблагоустроенностью степи. Каждый чумный очаг обходится казнь около 25.000 р. Описанная нами чума на уроч. Бодаф и въ Новой Казанкф вызвала расходы до 43.000 р. Едва ли, однако, слѣдуетъ стремиться къ уменьшенію этихъ расходовъ. Личный составъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ врачей, оплачивается довольно скромно, сумму вознагражденія за сожженное имущество не только не слѣдуетъ уменьшать, а надлежитъ, наоборотъ, увеличивать: лучше платить больше за подлежащее уничтоженію имущество, чѣмъ меньше, ибо одинъ изъ мотивовъ сокрытія вещей—низкая оцѣнка ихъ—отпадетъ. Казнь выгоднѣе переплатить 2—3 тысячи на уничтоженномъ имуществѣ, чѣмъ израсходовать 25.000 р. на вспыхнувшую чрезъ недѣлю новую чуму.

Чума на Бодаф была послѣдней вспышкой эпидеміи текущаго зимою; киргизское населеніе наконецъ могло вздохнуть свободно, вздохнулъ свободно и медицинскій и административный персоналъ. Увы! оказалось, однако, что этотъ роздыхъ не надолго: 13 іюня чума вновь появилась на четырехъ урочищахъ Нарынской и Калмыцкой частей орды. Похитивъ 12 жертвъ, чума прекратилась 3 іюля, но надолго ли? кто скажетъ?

Вслѣдствіе повторяющихся безпрерывно вспышекъ чумы въ Киргизской степи со 2-го по 8-е апрѣля прошлаго года въ Астрахани состоялась, подъ предсѣдательствомъ главнаго врачевнаго инспектора, сѣздъ для выработки противочумныхъ мѣропріятій. Главное, къ чему пришелъ сѣздъ, это признаніе необходимости точныхъ наблюденій для выясненія причинъ возникновенія чумы въ Киргизской степи. Вслѣдствіе этого сѣздъ призналъ необходимымъ, посредствомъ особаго отряда, подъ руководствомъ достаточно компетентнаго лица и при участіи всей врачевной организаціи Астраханской губерніи и Уральской области, изслѣдовать: 1) какъ долго можетъ сохраняться чумная зараза въ вещахъ, при разныхъ способахъ ихъ храненія, 2) могутъ ли считаться хранителями чумной заразы грызуны астраханскихъ и уральскихъ степей, 3) существуютъ ли амбулаторныя формы чумы на территоріи Астраханской губ. и Уральской обл., 4) срокъ жизнеспособности чумной палочки въ высушенной мокротѣ и на домашнемъ скотѣ.

Между прочимъ, сѣздъ призналъ сожженіе чумныхъ труповъ нежелательнымъ и совершенно безопаснымъ погребеніе умершихъ, при соблюденіи, конечно, всѣхъ необходимыхъ предохранительныхъ мѣръ. Вслѣдствіе этого въ послѣднюю іюньскую чуму трупы умершихъ отъ чумы сожженію не подвергались.

Н. Максимовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О П. С. ВАННОВСКОМЪ.

(На память моему сыну).

УМАЯ, что всякій штрихъ для обрисовки личности государственнаго человѣка не будетъ лишнимъ, я рѣшился подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» своими воспоминаніями о такомъ выдающемся лицѣ, какъ покойный П. С. Ванновскій.

Три случая были въ моей жизни, когда мнѣ приходилось имѣть дѣло съ Петромъ Семеновичемъ: одинъ изъ нихъ рѣшительно ничѣмъ не замѣчательнъ, и я упомяну о немъ только ксати; а два другихъ, крайне для меня важныхъ, заставили меня пережить много безпокойныхъ дней и ночей.

Нежданно-негаданно П. С. Ванновскій былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. Много разсказовъ анекдотическаго характера было пущено въ обращеніе на общественный рынокъ по поводу этого не совсѣмъ обычнаго назначенія...

Да и дѣйствительно: въ двадцатомъ вѣкѣ и вдругъ во главѣ всѣхъ профессорскихъ коллегій поставленъ кадетъ тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія!..

Это, конечно, странно съ одной стороны; а съ другой, думаю, что въ то время только и былъ одинъ человѣкъ; способный утѣшить волнующееся море учащейся молодежи, человѣкъ съ большимъ умомъ, непреклоннымъ характеромъ, съ ярко опредѣлившейся честностью и съ полнымъ довѣріемъ государя—генераль Ванновскій...

Нашей прогимназіи пришлось одной изъ первыхъ познакомиться съ новымъ министромъ. Петръ Семеновичъ пріѣхалъ въ свой губернский городъ по своимъ дѣламъ. Было лѣто; ученики распушены;

большинство преподавателей развѣхалось; налицо въ гимназiи были только инспекторъ, да я—маленькій человекъ.

Вдругъ у параднаго подъѣзда останавливается тройка лошадей, запряженная въ коляску. Я выглянулъ изъ окна, и вижу, вылѣзаетъ изъ коляски маленькій сѣденькій генераль, въ золотыхъ очкахъ, съ Георгіемъ на шеѣ, съ государевыми вензелями на погонахъ.

По встрѣчавшимся портретамъ я узналъ новаго министра народнаго просвѣщенія. Послалъ сторожа сообщить инспектору о пріѣздѣ, а самъ остановился на лѣстницѣ встрѣтить министра. Рекомендуюсь; въ отвѣтъ на это послѣдовалъ молчаливый прикладъ руки къ козырьку. Явившійся инспекторъ повелъ посѣтителя по всѣмъ помѣщеніямъ гимназiи, въ то время прогимназiи.

Изъ разговора министра съ инспекторомъ было видно, что этого человека интересуетъ только суть дѣла; что онъ не лезаетъ по поднебесью; что ничто не ускользаетъ отъ его внимательнаго взгляда. Даже цвѣты, стояшіе на лѣстницѣ vestibюля, обратили на себя вниманіе и удостоились легкаго одобренія министра. Отвѣты на вопросы: сколько учениковъ? сколько классовъ? сколько учениковъ по классамъ? Послѣдовало замѣчаніе: «Да развѣ же можно допускать по 60 учениковъ въ классѣ? Открывайте параллели! Вы всѣхъ ребятъ уморите. Воображаю, что за воздухъ въ классахъ во время уроковъ!.. Да и учителю нѣтъ возможности при такомъ количествѣ успѣшно вести дѣло!..

— Ваше высокопревосходительство, на открытіе параллелей—средствъ нѣтъ, прогимназiя не въ состояніи...

— Требуйте отъ общества. Не дадутъ—не принимайте. Что съ ними церемониться! У нихъ на всякія глупости деньги есть, а на дѣло нѣтъ!..

Приложилъ руку къ козырьку и уѣхалъ.

Донесли попечителю округа о посѣщеніи министра, о его замѣчаніяхъ... и открыли параллель...

Общество отказало въ пособіи, а прогимназiя понатужилась и открыла параллель на собственные средства.

Впослѣдствіи прогимназiя эта разрослась и преобразовалась въ гимназiю.

И тутъ не обошлось безъ участія П. С. Ванновскаго.

Министромъ былъ уже другой...

Какъ все это министерство было вѣчно пасынкомъ въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, такъ и министры, кромѣ развѣ графа Толстого, не играли замѣтной роли. Финансисты скажутъ: денегъ нѣтъ! вотъ тебѣ и все.

А тутъ въ государственномъ совѣтѣ сидѣлъ Ванновскій; докладъ министра народнаго просвѣщенія встрѣтилъ сильную поддержку съ его стороны, какъ лично знакомаго съ дѣломъ. И вопросъ рѣшился

въ полчаса: прогимназія была преобразована въ гимназію на средства казны (причемъ на нее была возложена обязанность субсидировать по 2000 р. въ годъ изъ специальныхъ средствъ); на постройку зданія было отпущено 60 тысячъ и на физическій кабинетъ 8 тысячъ рублей.

Царство тебѣ небесное, сердитый старикъ! Ты жестко стлалъ, да зато спать мягко было. Вотъ и кадетъ тридцатыхъ годовъ!

А слѣдовало бы этой гимназіи повѣсить въ своемъ актовомъ залѣ портретъ П. С. Ванновскаго.

Да, нѣтъ, забывчивъ и неблагодаренъ родъ людской, да и цѣнить-то онъ не умѣетъ...

Теперь перейду къ двумъ другимъ случаямъ, близко меня коснувшимся.

Сынъ мой кончалъ курсъ гимназіи. Завтра молебень и выдача аттестатовъ зрѣлости.

Слава Богу! самый трудный путь учебы конченъ, и мой сынъ студентъ.

Наступаетъ это памятное мнѣ «завтра», сынъ въ послѣдній разъ уходитъ въ гимназію, и... возвращается ни съ чѣмъ...

— Выдача аттестатовъ,—говоритъ,—задержана...

— Что же это значить? Всѣмъ задержана?

— Нѣтъ, не всѣмъ, а восьмерымъ... По распоряженію округа!..

— Да почему же?

И вотъ начинается повѣствованіе...

Появился въ нашемъ городѣ новый жандармскій адъютантъ. Офицеръ, вѣроятно, по недоразумѣнію попавшій въ корпусъ жандармовъ. Какъ никакъ, а туда все-таки набираютъ людей умныхъ. Вы можете не симпатизировать ихъ дѣятельности—это одно дѣло, но ума отъ нихъ отнять нельзя—это другое дѣло.

А этотъ господинъ былъ просто прохвостъ въ жандармскомъ мундирѣ.

Императоръ Николай I учредилъ корпусъ жандармовъ, чтобы слезы утирать. Рассказываютъ, что когда первый шефъ явился къ императору за инструкціей, то грозный Николай вынулъ носовой платокъ и подаль его шефу со словами:

— Вотъ тебѣ инструкция. Утирай слезы несчастнымъ.

Но потомъ какъ-то въ этомъ платкѣ оказался отъ нечистоплотности рассыпанный нюхательный табакъ... Вотъ и попробуй утереть имъ слезы!... Сплошь и рядомъ стали имъ выколачивать слезы...

Въ городѣ проживала очень красивая дама. Молодая, видная, кровь съ молокомъ, а мужъ—плюгавенькій полустаричокъ.

Вотъ и познакомься юный жандармскій поручикъ съ этой дамой. Вездѣ появлялся онъ съ ней: и въ городскомъ саду, и на улицѣ, и въ клубѣ, и даже за городомъ...

Многіе покачивали головами, поглядывая на эту парочку, а гимназисты проявляли особенную ревность.

Ничего не было въ томъ удивительнаго, что они не особенно благосклонно относились къ несомнѣннымъ успѣхамъ Донъ-Жуана въ голубомъ мундирѣ.

Сидя на лавочкѣ въ городскомъ саду, они громко разговаривали при проходѣ героя съ супругою командора; при этомъ, конечно, отпускали шуточки, которыя нравиться не могли.

И вотъ на этакой въ сущности эротической почвѣ разыгрывается драма политическаго характера.

По начальству поступаетъ доносъ, что ученики мѣстной гимназіи позволяютъ себѣ «вызывающій образъ дѣйствій относительно чиновъ жандармской полиціи» и т. д.

Изъ учебнаго округа присылается распоряженіе: задержать такимъ-то ученикамъ выдачу аттестатовъ зрѣлости, и доставить объясненіе.

Совѣтъ гимназіи даетъ лучшій отзывъ объ ученикахъ. Не знаю, какъ другіе товарищи сына, но что касается его поведенія, то съ V класса онъ не имѣлъ ни одной записи въ кондуитѣ, ни одного замѣчанія. Поведеніе примѣрное, и вдругъ—«вызывающій образъ дѣйствій»!

Вызывающій-то, вызывающій, только съ чьей стороны? вотъ вопросъ.

Съ жандармскимъ полковникомъ у меня былъ случай (дѣловой) познакомиться, и потому отправляюсь прямо къ нему. Принимаетъ.

— Здравствуйте, полковникъ!

— Здравствуйте! Чѣмъ могу служить?

— Въ августѣ мѣсяцѣ вы обращались ко мнѣ за содѣйствіемъ принять вашихъ сыновей въ гимназію, а теперь я къ вамъ съ просьбой.

Разсказываю, въ чемъ дѣло.

— Видите ли, я былъ въ отъѣздѣ, когда все это случилось, и безъ меня былъ данъ ходъ этому дѣлу, такъ что я тутъ рѣшительно ничѣмъ не могу быть вамъ полезенъ.

— Очень, очень жаль, полковникъ! Я этого оставить такъ не могу. Я пойду, предупреждаю васъ, на скандалъ. Я палкою публично изобью вашего адъютанта, чтобы только вытащить на Божій свѣтъ на судъ общественный всю эту грязь. Я не остановлюсь ни передъ чѣмъ. Вы такъ ему и передайте, а затѣмъ, имѣю честь кланяться!

Поклонился и вышелъ.

Я бы такъ и сдѣлалъ. Я собралъ свѣдѣнія о такихъ безобразныхъ сценахъ, происходившихъ по ночамъ въ отсутствіе старичка-мужа, что одинъ только разсказъ ихъ на судѣ произвелъ бы впечатлѣніе на присяжныхъ.

Скандалъ былъ бы большой, это болѣе, чѣмъ вѣрно!.. Но, къ счастью, дѣло обошлось благополучно, и я Сибири миновалъ.

И кто же спасъ меня? Опять суровый старичокъ!

Телеграмма: «Выдать аттестатъ зрѣлости», и кончено дѣло.

Царство тебѣ небесное, кадетъ тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія!

А адъютанта я такъ съ тѣхъ поръ и не встрѣчалъ: его куда-то убрали.

Страшная тяжесть слетѣла съ плечъ всей моей семьи, и мы вздохнули свободно.

Пошли у насъ разсужденія, какую избрать сыну карьеру. Онъ твердитъ только одно: хочу въ специальное учебное заведеніе.

Зная, что онъ мальчишкѣ нервный, самолюбивый; что конкурсные экзамены чистая случайность; что ни условія столичной жизни, ни способы производства пріемныхъ испытаній ему неизвѣстны, да при томъ еще и только что пережитая передряга, я ему совѣтую поступить на годъ на физико-математическій факультетъ университета, а тамъ держать въ специальное.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Уѣхалъ, а на Пасху вернулся и заявилъ, что больше не поѣдетъ: въ университетъ ему не нравится, а вся душа лежитъ къ техническому училищу.

— Сдамъ экзаменъ—слава Богу! Не сдамъ—уйду въ военное училище.

Такая перспектива была мнѣ не по сердцу. Конечно, и тамъ есть академія, да вѣдь все это вилами на водѣ писано...

Ѣдетъ сынъ на экзаменъ. Получаю открытку: «Конкурсъ громадный; получилъ 20 балловъ, а надежды почти нѣтъ—военной дороги не миновать».

И повѣсили мы со старухой свои сѣдые головы...

Но и тутъ Богъ помогъ.

Иду по улицѣ, встрѣчаю знакомаго военного врача К.

— Что съ вами?

— Да вотъ, такъ и такъ,—разсказываю ему.

— Да вы ступайте къ Ванновскому. Онъ теперь въ деревнѣ; хорошій, добрый старикъ. Я бываю у него, какъ врачъ. Всегда любезенъ, внимателенъ, радушенъ; приметъ и хорошимъ завтракомъ угоститъ. Скажите, что я васъ направилъ къ нему. Онъ будетъ вамъ говорить, что службу онъ бросилъ, все связи порвалъ, и корабли сжегъ. Это его любимое выраженіе, но вы этимъ не стѣсняйтесь... Имѣніе его отъ станціи всего въ трехъ-четыре-хъ верстахъ...

Поблагодарилъ я его за совѣтъ, иду домой и разсказываю своей старухѣ.

— А вѣдь и правда,—говоритъ,—поѣзжай, тутъ близко. Можеть, что и выйдеть.

— Ёду! Завтра въ 6 часовъ утра ёду, въ 8 на станціи, а въ 10 у него...

И вотъ я въ пути. Рабочій поѣздъ (дешевка) еле-еле двигается, а хочется, страсть какъ хочется поскорѣй. Вагонъ почти пустой: я, два-три мужика да какой-то чинъ съ кокардой; около него дѣвочка лѣтъ 9—10.

Наконецъ, дотащились. Вотъ и станція. Выхожу я, выходить и кокарда.

Поразспросилъ у сторожа, какъ пройти въ имѣніе Ванновскаго?

— Да вотъ къ нему телефонъ проведенъ, такъ и идите.

И я пошелъ пѣшкомъ, не торопясь.

Августовское солнышко играло ярко-ярко. Вокругъ тишина. Даже мысли въ головѣ работаютъ хоть и безперечь, но какъ-то тихо, безъ прыжковъ, послѣдовательно...

Все обдумалъ я: что скажу, какъ скажу...

Шель, шель... да вмѣсто трехъ-то вѣрныхъ верстъ оказалось 8, хоть и невѣрныхъ, но мнѣ отъ этого не легче...

Но вотъ и село. Налѣво луговина, за ней поля, а направо—рядъ избъ. Среди нихъ большой домъ съ крыльцомъ по срединѣ, на немъ вывѣска: «3-е волостное правленіе», а впереди церковь, каменная ограда, а за ней виднѣется домъ, весь окруженный зеленью.

Иду не торопясь, и вижу издали, кто-то сидитъ на скамеечкѣ около воротъ. Должно быть, думаю, дворецкій.

Ближе... ближе... Батюшки! да это Ванновскій!

Въ пальто, въ форменной фуражкѣ съ бѣлымъ околышемъ, съ палкою въ рукахъ, на которую опирается своимъ подбородкомъ.

Подхожу, кланяюсь, рекомендуюсь...

— Прошу садиться. Чѣмъ могу быть полезенъ?

А изъ-подъ золотыхъ очковъ сверкнулъ на меня пытливый взглядъ.

Разсказываю ему, въ чемъ дѣло.

— Да что же я могу сдѣлать! Написать: откажите достойному и примите недостойнаго? Такъ, что ли, по-вашему? Такъ этого никогда не будетъ.

— Я этого и не смѣю просить, ваше высокопревосходительство. А есть еще министерскія вакансіи. Думаю, что 35 лѣтъ моей службы по министерству народнаго просвѣщенія на нищенскомъ жалованьѣ даютъ мнѣ нѣкоторое право...

Опять сверкнулъ на меня взглядъ изъ-подъ очковъ.

— Ничего не могу я сдѣлать. Я тамъ всѣ корабли свои сжегъ.

— Флотъ вашего высокопревосходительства такъ великъ, что сжечь его такъ скоро невозможно.

— Ну да... разсказывайте мнѣ басни-то...

Молчаніе. Онъ сидитъ, и я сижу...

Вдругъ вижу, около волости останавливается телѣга, выльзаетъ изъ нея чинъ съ дѣвочкою и направляется къ намъ.

Это мой сосѣдъ по вагону.

Подходить, низко кланяется. Тутъ только я замѣтилъ, что онъ выпивши.

Дѣвочку его не принимаютъ въ женскую гимназію, такъ это онъ за протекціей пріѣхалъ.

Значить, товарищъ по несчастью.

— Странные вы люди, господа! И тутъ-то отъ васъ покоя нѣтъ. Ну, что я могу вамъ сдѣлать? Вы гдѣ служите?

— Я... по монополіи.

— Ну, вотъ видите; водка и я—ну что тутъ общаго! Этотъ господинъ (движеніе палки въ мою сторону) хотъ служилъ со мною безъ году недѣлю, а вы? Ничего не могу сдѣлать. Ничего-съ! До свиданья!

И пошелъ мой монополистъ несолоно хлебавши.

И правда говорится, что «не бывать бы счастьемъ, да несчастье помогло!»

— Странные господа! Ёдутъ просить о дѣтяхъ, а ужъ съ ранняго утра выпивши... А тутъ вотъ пѣшкомъ... не ѣвши...

— Да васъ кто ко мнѣ направилъ-то?

— Докторъ К., ваше высокопревосходительство...

— Ему хорошо направлять-то... А тутъ... вотъ... Ну, давайте докладную записку...

— Да у меня, ваше высокопревосходительство никакой записки нѣтъ!

— Ну, вотъ! а идете! Что же я буду писать: былъ у меня кто-то, просилъ о чемъ-то, помогите. Такъ, что ли?

— Да я, ваше высокопревосходительство, сейчасъ напишу.

— Да гдѣ же? Здѣсь на камешкѣ, да палочкой?

— Нѣтъ, я въ волостное правленіе пойду.

— Ну... ступайте... Я подожду.

Прибѣжалъ въ волость, попросилъ листъ бумаги, все обстоятельно изложилъ, иду назадъ.

Вижу, сѣденькій старичокъ сидитъ и ждетъ.

Подую ему записку. Прочелъ онъ ее внимательно и говоритъ:

— Ну, хорошо! Я напишу! Но за результатъ не ручаюсь.

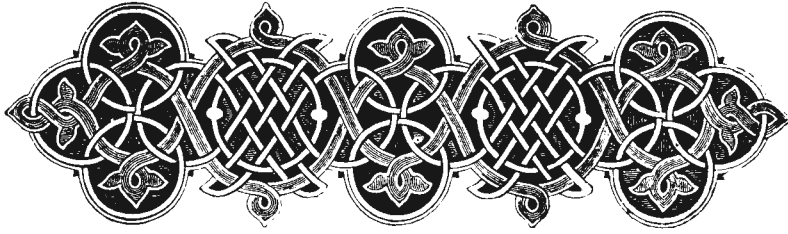
Боже! какъ я былъ счастливъ! За всѣ 50 лѣтъ моей жизни я ни разу не чувствовалъ себя столь счастливымъ! Я былъ увѣренъ, что этотъ маленькій сѣденькій старичокъ, что сказалъ, то и сдѣлаетъ.

Прошло недѣли двѣ; получаю письмо отъ сына: «Вчера отъ муки ожиданія пошелъ въ театръ и встрѣтился тамъ съ однимъ господиномъ, который со мной вмѣстѣ держалъ экзамень. Вы—М.? Да, говорю, М. Такъ поздравляю, вы приняты на министерскую вакансію. Утромъ побѣжалъ въ училище и вижу, что это не сонъ, а дѣйствительность! И какъ это вышло?»

Царство тебѣ небесное, сердитый старичокъ!

Легкимъ пухомъ да будетъ тебѣ скрывающая тебя мать-земля сырая! Эта памятка—моя тебѣ благодарность. Это уплата моего долга: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

М. Морозовъ.

НЕ ЖИЗНЬ, А ДЕКОРАЦИЯ..

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

I.

Е ЗНАЮ БОЛѢЕ подходящаго выраженія для опредѣленія текущей русской дѣйствительности, какъ то, которое поставлено въ заголовкѣ этихъ очерковъ. Куда ни оглянешься, какихъ сторонъ ни коснешься, вездѣ и во всемъ рѣшительно преобладаютъ «декораціи», а подлинной «жизни» за ними почти не видно и не слышно. Много декорацій надѣлано и понаставлено вездѣ и въ самыхъ бойкихъ нашихъ центрахъ, и въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ глухой провинціи, и на верхахъ общества, и въ мужицкомъ царствѣ, и на днѣ русской жизни. Это подавляющее количество декорацій вездѣ задастъ тонъ и всюду назойливо лѣзетъ въ глаза, затѣняя подлинную жизнь и отодвигая ее куда-то далеко на самый задній планъ, гдѣ и съ огнемъ ея не сыщешь. И декораціи, надо правду говорить,—прескверныя, грубой, топорной работы и самыхъ нелѣпыхъ красокъ, въ невозможныхъ сочетаніяхъ, отвратительныхъ до тошноты. Но что же дѣлать!.. приходится и декораціями заняться, разъ ничего болѣе жизненнаго не даетъ сейчасъ наша провинціальная дѣйствительность.

Разумѣется, я врядъ ли коснусь и миллионной доли тѣхъ явленій декоративнаго свойства, какими, къ сожалѣнію, такъ богата рус-

ская жизнь. Приходится ограничиться сравнительно немногими фактами и именно изъ области личныхъ наблюдений, не касаясь того бездоннаго кладезя, какой представляетъ по этому предмету публицистика. Наблюдения относятся къ самому послѣднему времени и лишь изрѣдка дополняются небольшими экскурсами въ недавнее прошлое, для лучшей иллюстраціи.

Надо еще оговориться, что заголовокъ очерковъ принадлежитъ не мнѣ, а позаимствованъ у одного благополучнаго россиянина. О немъ кстати упомянуть, такъ какъ и онъ самъ представляетъ довольно типичное явленіе изъ міра русскихъ декораций.

На нижнемъ плесѣ Волги бѣгаетъ маленькій пароходикъ «финляндскаго» типа, принадлежащій къ флотилии путейскаго вѣдомства, именно къ отдѣлу «техническаго надзора» надъ рѣкой. Какъ ни наблюдаютъ за пароходикомъ приглядѣвшіеся къ нему обыватели, но никакъ не могутъ уловить функций этого представителя «техническаго» якобы «надзора» за Волгой и ея притоками. Бѣгаетъ себѣ пароходикъ туда и сюда, кого-то и что-то перевозитъ, но при чемъ тутъ Волга, и въ чемъ состоитъ «техническій надзоръ» за нею—представляется совсѣмъ непонятнымъ...

Замѣтили обыватели и ту особу изъ «водяновскихъ» чиновъ, которая все лѣто катается на пароходикѣ. Это толстякъ колоссальныхъ размѣровъ, съ трудомъ помѣщающійся въ маленькой каюткѣ пароходика. Хотя ради его и расширили двери каютки, а все же толстякъ не можетъ самостоятельно выбраться изъ нея, и матросы вытаскиваютъ его оттуда на палубу чуть не волокомъ. Провѣтрится наверху толстякъ и снова скроется къ каюткѣ. Въ этихъ мимолетнихъ визитахъ на палубу, повидимому, и заключается весь «техническій надзоръ» за рѣкой, ибо толстякъ носитъ званіе «техника»... Но обыватели больше склонны считать толстяка за неизбѣжный балластъ, необходимый для неустойчиваго пароходика.

Скоро, однако, обыватели раскусили, въ чемъ заключается главная миссія пароходика: оказалось, что онъ служитъ цѣлямъ развитія... пивной промышленности. Рейсируя между 2—3 приволжскими городами, пароходикъ ежедневно закупаетъ по три дюжины пива—и всѣ эти 36 (sic) бутылокъ неукоснительно потребляетъ въ теченіе сутокъ одинъ техникъ-толстякъ...

Отъ команды пароходика обыватели узнали, что только послѣ 10-й бутылки пива толстякъ приходитъ въ норму и, потирая руки, благодушно восклицаетъ: «не жизнь, а декорация!» Пройдетъ онъ, посидитъ, полежитъ, посмотритъ на Волгу, выпьетъ, закуситъ—и все умиляется, повторяя на всѣ лады: «не жизнь, а декорация!»

И такъ идетъ у него изо дня въ день, въ теченіе всей навигаціи, толстякъ благодушествуетъ, катаясь по Волгѣ и пополняя свои запасы пива. Какъ будто и дѣло дѣлаетъ, бороздя воды своего участка,

но это—одна «декорация», какъ онъ самъ добросовѣстно сознается, вѣчно повторяя свое любимое выраженіе.

Будемъ ему благодарны за это удачное выраженіе, лучше котораго не придумаешь для опредѣленія данной минуты...

II.

Разъ пришлось начать съ гг. «водяновскихъ» чиновъ, то надо и покончить съ ними, благо они всегда даютъ массу фактовъ декоративнаго свойства. Приводимые ниже факты дополняютъ уже отмѣченные въ прошлогоднихъ очеркахъ (см. въ «Неразберихѣ» IV главу о «волжскихъ пиратахъ»).

Въ одномъ изъ прежнихъ очерковъ ¹⁾ я рассказывалъ, какъ въ гор. Варнавинѣ, Костромской губ., прихожане соборной церкви изъ подгородныхъ деревень принимаютъ мѣры для укрѣпленія горы, на краю которой стоитъ старая деревянная церковь, а подъ нею лежатъ мощи мѣстно чтимаго св. Варнавы. Крестьяне увѣрены, что церковь никогда не сползетъ, такъ какъ-де «преподобный Варнава зналъ, гдѣ ему лечь навѣки нерушимо». Да и путемъ основательнаго изученія почвы они убѣдились, что на горѣ мѣстами плывутъ только верхніе слабые покровы, а основа горы, какъ состоящая изъ каменистыхъ породъ, незыблема. Плывущіе верхніе покровы прихожане укрѣпляютъ своими мѣрами и своими средствами, ни отъ кого не требуя ни гроша субсидіи, и обѣщаютъ всегда, когда понадобится, производить даромъ эти работы. Они даже ручаются въ будущемъ за своихъ дѣтей, что и тѣ позаботятся о Варнавиной горѣ, лишь бы не трогали преп. Варнаву, а то онъ «уйдетъ» отъ нихъ ²⁾. Говорилось это въ виду проекта сломать старую церковь, красиво висящую на обрывѣ горы, и перенести ее, съ мощами св. Варнавы, въ болѣе «безопасное» мѣсто.

Какъ видите, тутъ все обстоитъ благополучно и никакихъ декораций не требуется. Однако онѣ вдругъ явились и съ самой неожиданной стороны... За «укрѣпленіе» завѣдомо крѣпкой горы взялось не духовное вѣдомство, даже не городъ съ земствомъ, а... путевское вѣдомство...

Правда, Варнавина гора находится на берегу р. Ветлуги, подчиненной «судоходному надзору», и лежитъ вблизи пароходной пристани Варнавина. Но гора не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія ни къ рѣкѣ, ни къ судоходству, ни къ городской пристани. Между подошвою горы и рѣкою лежитъ широкій бечевникъ, и если бы гора совсѣмъ сползла сюда, то Ветлуга и не охнетъ.

¹⁾ См. «Затишье» въ «Ист. В.», 1909 г., № 3.

²⁾ Въ недавнее время среди варнавинцевъ стала расти легенда, что «п. еп. Варнавы уже нѣтъ въ Варнавинѣ —ушелъ въ Царьградъ».

Словомъ, гг. водяновскимъ нѣтъ и не предвидится ни малѣйшаго дѣла до Варнавиной горы, а они вдругъ заинтересовались ею, выхлопотали у министерства 14 тысячъ и стали орудовать. Ковырялись они около горы и зимою 1909 г., и весною 1910 г., задумали строить какую-то дамбу, вбили 4 сваи—и на томъ покончили...

Вѣроятно, отпущенныхъ денегъ уже не хватило и придется просить о дополнительномъ кредитѣ, затѣмъ о ремонтѣ «4 свай» и т. д. А вбитыя сваи, дѣйствительно, уже требуютъ ремонта: грунтъ оказался такимъ каменистымъ, что сваи не идутъ глубоко и быстро расщепляются, несмотря на надѣтые на нихъ желѣзные «башмаки».

Г-да водяновскіе охотно ухватились за это чисто декоративное дѣло, вѣроятно, отъ бездѣлья и скуки... Прошло то время, когда на Волгѣ буквально бросались въ воду милліоны, пройдя, конечно, предварительно сквозь цѣпкія руки строителей бесполезныхъ и вредныхъ дамбъ, плотинъ и т. д. За отсутствіемъ милліоновъ, надо радоваться и немногимъ тысячамъ. И невольно припоминаются нѣкоторыя «декораціи» изъ недавняго прошлаго, когда память о милліонахъ уже отошла въ область преданій, но тысячи бросались въ воду еще довольно свободно.

Устье р. Ветлуги при впаденіи въ Волгу развѣтвляется на два рукава, огибающіе маленькій островокъ. Оба пролива сильно заносятся песками, и одинъ сталъ совсѣмъ непроходимымъ для судовъ, а второй они съ трудомъ проходятъ. Чтобы сдѣлать послѣдній болѣе многоводнымъ, рѣшено было первый проливъ загородить плотиной. На эту работу было отпущено 17 тысячъ.

Первымъ дѣломъ—разсказывали очевидцы—строители сняли въ ближайшемъ гор. Козьмодемьянскѣ прекрасную квартиру, завели громадную канцелярію, «привезли изъ Казани 10 дѣвокъ» (ибо въ скромныхъ городкахъ этого строительнаго матеріала не водится), бочки вина, горы закусокъ и т. д. И пошла тутъ «не жизнь, а декорація»...

А на устьѣ Ветлуги сидѣли десятники съ рабочими и что-то ковыряли въ водѣ. Тысячъ пять здѣсь брошено въ воду на бесполезныя, не доведенныя до конца (за оскудѣніемъ кредита...), чисто декоративныя работы.

На Сормовскихъ заводахъ водяное вѣдомство заказало для своихъ нуждъ «камнедробилку», т. е. судно съ машиною, которая поднимаетъ камни со дна рѣки, раздробляя ихъ. «Подъемный кранъ», «рамы» и другія части машины вѣсятъ до двухъ тысячъ пудовъ, а корпусъ судна сдѣланъ не желѣзный, а деревянный и очень жиденькій. Заводскіе техники указывали на эту ненормальность, но водяновскіе настояли на своемъ... На что имъ прочное судно, разъ оно не требуетъ ремонта?!

Сормово взяло 50 тысячъ и соорудило требуемое судно. Камнедробилку свели на Кремянскій перекалъ, и здѣсь, при первой же

работѣ, оно было разбито своимъ же подъемнымъ краномъ... Слабый корпусъ не выдержалъ тяжести крана, который, къ счастью, упалъ на сторону, только помявши борта и едва не перевернувши судно. Упавъ кранъ въ середину, въ машинное отдѣленіе, произошелъ бы взрывъ котла и всѣ связанные съ нимъ ужасы пожара и гибели людей.

Пошло судно на ремонтъ. Водяновскіе снова отказались отъ желѣзнаго корпуса и оставили тотъ же деревянный, сдѣлавши его нѣсколько крѣпче. Эта сомнительная «декорация» работаетъ теперь съ трудомъ и не безъ опасности подъ Саратовомъ, доставая камни изъ пресловутыхъ миллионныхъ дамбъ, созданныхъ нѣкогда г.г. водяновскими «въ цѣляхъ улучшенія судоходства», а нынѣ разрушаемыхъ ими же и буквально въ тѣхъ же цѣляхъ «улучшенія судоходства»...

За отказомъ казны бросать деньги въ воду, водяновскіе обратили вниманіе на берега и тутъ выступаютъ съ разными декоративными проектами, то насчетъ мнимой охраны св. Варнавы, то съ предложеніемъ устроить береговой телефонъ, и т. п. Такой телефонъ существовалъ въ 1890-хъ гг. между Нижнимъ и Казанью, но былъ такъ нелѣпо устроенъ водяными инженерами, что въ первую же весну поемная вода унесла большинство столбовъ. Теперь же они предлагаютъ проложить проволоку подъ землю и подъ водою. Большая работа, а ремонтъ-то сколько понадобится, и безъ конца...

Наивные люди увѣряютъ, что постройка новаго телефона обойдется не особенно дорого, такъ какъ-де «дорогая мѣдная проволока стараго телефона вся собрана и *хранится* въ Казани»... Увы! одинъ волгарь разсказалъ мнѣ, какъ «собиралась» эта проволока и какъ затѣмъ хранилась она въ Кабачищенскомъ затонѣ подъ Казанью...

Для снятія проволоки былъ назначенъ путейскій пароходъ, который чуть не все лѣто провозился надъ этимъ нехитрымъ дѣломъ. Съ нимъ не торопились, такъ какъ вся команда убѣдилась, что дорогая проволока находитъ отличный сбытъ на всѣхъ попутныхъ пристаняхъ. Такъ и «кормились» сытно и пьяно весь путь отъ Нижняго до Казани...

Остатки проволоки были сданы на храненіе въ путейскіе склады Кабачищенскаго затона, но она такъ «хранилась», что не тащилъ ея только тотъ, кто не хотѣлъ тащить. Команды зимовавшихъ здѣсь судовъ благословляли судьбу за ниспосланный кладъ... Кому приходила охота побесѣдовать съ «мерзавчикомъ», тотъ спокойно шелъ въ складъ, отламывалъ проволоки, сколько надо, и несъ ее, куда слѣдуетъ. Такъ и пропили за зиму казенное добро сами охранители его...

При закупкѣ разныхъ припасовъ для путейскихъ пароходовъ обычно продѣлывается такой извѣстный пріемъ: «въ одни ворота склада,—разсказывалъ одинъ водяновскій чинъ,—привозятся нефть,

масло и другіе припасы, а въ другія ворота они вывозятся и за полѣтны продаются тѣмъ же поставщикамъ»...

На одномъ путейскомъ пароходикѣ поставили новую форсунку и для испытанія ея командировали особаго техника, съ суточными, прогонными и т. д., хотя на пароходикѣ сидѣлъ свой техникъ, тоже не лыкомъ шитый. Оба техника благодушествовали въ каютѣ, а испытаніе форсунки производила своя машинная команда, дѣлавшая такъ: одно ведро нефти шло въ машину, а другое за бортъ... По такому «расходу» и расчетъ сдѣлали.

Недѣлями и мѣсяцами путейскіе пароходы стоятъ безъ паровъ, а расходъ на топливо и прочее выписывается каждая сутки... и т. д. Конецъ краю нѣтъ подобнымъ подлымъ «декораціямъ» водяновской «службы»!..

По случаю мелководья прошлой навигаціи, съ іюля открылись въ разныхъ пунктахъ Волги «обмѣрные посты», которые обязаны провѣрять осадку судовъ груженныхъ и пропускать ихъ для дальнѣйшаго хода, или задерживать и заставлять «паузиться», если нагрузка была чрезмѣрная и суда не могли пройти на слѣдующихъ перекатахъ. Эта обмѣрка—дѣло весьма нехитрое, и его легко могли бы обслуживать 2—3 человекъ изъ наличнаго состава водяновскихъ чиновъ, которыхъ вездѣ масса, всѣ они слоняются безъ дѣла и скучаютъ отъ бездѣлья. Но водяныя власти не привлекли къ этому пустому дѣлу своихъ чиновъ, а наняли новыхъ временныхъ работниковъ, тратя на каждый обмѣрный постъ болѣе 200 р. въ мѣсяць.

Въ Васильсурскѣ «обмѣрщиками» состояли 3 студента, получавшіе каждый 50 р. въ мѣсяць, а при нихъ 5 гребцовъ (больше подростки), съ платою каждому 12 р. (старшему рулевому больше). Не скупясь на жалованье, путейское начальство помѣстило этихъ 8 человекъ въ такихъ мурьяхъ, въ какихъ не всякій бурлакъ согласится проживать...

У пристани Каменскихъ поставили на якоряхъ и причалѣ 2 крытыхъ суденышка, въ родѣ «косоушекъ», длиною меньше 3 сажень, шириною около 1 сажени. На палубахъ устроены каютки-мурьи, менѣе 2 саж. длины и полсажени ширины, и въ нихъ болѣе 2 мѣсяцевъ «жили»,—на одномъ суденышкѣ 3 студента, на другомъ 5 рабочихъ...

И это продѣлывалось въ холерное время... Впрочемъ, то ли еще творилось на Волгѣ, подъ опекою гг. водяновскихъ...

Дожидаюсь въ городѣ Хвалынскѣ парохода на Меркурьевской пристани, я замѣтилъ въ пассажирской каютѣ чей-то хламъ на лавкѣ—какую-то рвань изъ платья, узелки и пр. Подлѣ вертѣлся мальчишка и перебиралъ въ корзинѣ колбасы. Спрашиваю его:

— Куда ѣдешь?

— А куда... я здѣшній... продаю вотъ колбасу по пристанямъ.

— Чей же это багажъ?

— Да тутъ живетъ холерный мужикъ...

— Какой холерный?!

— А который снимает холерных съ пароходовъ и возить ихъ въ городъ, въ больницу... А я ему когда помогаю, а когда торгую колбасой... Не угодно ли? самая свѣжая!..

— Спасибо, братъ...

Въ пассажирской каютѣ «образцоваго» пароходства «живетъ холерный мужикъ», тутъ же валяется его рвань, въ которой онъ «снимаетъ холерныхъ», тутъ же стоитъ и корзинка съ колбасами, кои продаетъ пассажирамъ помощникъ «холернаго мужика»!..

Не дождавшись «образцоваго» парохода, я сѣлъ на пароходъ Волжскаго общества «Императрица». Рейсъ оказался злосчастливымъ—мы почти весь путь шли «подъ желтымъ флагомъ»: въ Симбирскѣ сдали двухъ холерныхъ, въ Тетюшахъ одного, въ Ставрополѣ— умершаго не отъ холеры грудного ребенка, на сдачу котораго потребовалось болѣе 2 часовъ, пока явилась полиція за 5 верстъ изъ города (дѣло было въ іюлѣ, на лѣтней пристани). Въ Козьмодемьянскѣ хотѣли сдать пассажира, заболѣвшаго брюшнымъ тифомъ, но докторъ, чтобы отдѣлаться отъ него, призналъ его «холернымъ» и не снялъ, «за отсутствіемъ холернаго барака» въ такомъ большомъ городѣ... Пришлось везти до слѣдующаго путейскаго барака—въ городѣ Василѣ.

Не доходя пристаней, мы остановились противъ барака и стали вызывать доктора. Выѣхала лодка съ 2 сторожами и носилками, причалила къ пароходу. Нашъ командиръ спрашиваетъ:

— А что же докторъ не выѣхалъ?

— Доктора у насъ нѣтъ...

— Сами возьмете больного?

— Безъ доктора не возьмемъ...

— Зачѣмъ же выѣхали, если нельзя безъ доктора?!

Публика хохочетъ, сторожа ухмыляются, командиръ горячится, возмущенный весьма этими нелѣпыми задержками изъ-за чисто декоративныхъ «холерныхъ мѣропріятій»... Пароходу пора уже быть въ Нижнемъ, а онъ еще до Василя не дотащился... Волнуются и дѣловые пассажиры, торопившіеся въ Нижній (передъ открытіемъ ярмарки), въ Москву и т. д.

Изъ разспросовъ сторожей оказалось, что надо вызвать мѣстнаго земскаго доктора, получающаго по пяти рублей за cadaго холернаго, снятаго съ парохода. Послали за нимъ и, хотя онъ живетъ въ 15 минутахъ ѣзды отъ мѣста нашей остановки, но пріѣхалъ на пароходъ черезъ часъ слишкомъ... Онъ призналъ согласно съ пароходнымъ фельдшеромъ, что пассажиръ боленъ тифомъ, и согласился взять его въ свою больницу.

На всю эту процедуру ушло болѣе 2 часовъ, пока «Императрица» получила разрѣшеніе подойти къ своей пристани въ Василѣ и вы-

пустить пассажировъ. Разумѣется, всѣ эти декоративныя «мѣропріятія» только наносили убытки и пассажирамъ, и пароходамъ, не принося никакой существенной пользы въ борьбѣ съ холерой.

III.

Перехожу къ инымъ «декораціямъ» провинціальной жизни, начиная съ низовъ ея—съ гг. мужичковъ. Что ихъ житіе сверху до низу заставлено всевозможными декораціями — это споконъ вѣка извѣстно. Всѣ такъ привыкли къ нимъ, что не замѣчаютъ ихъ, но на свѣжаго человѣка онѣ производятъ подавляющее впечатлѣніе.

Не могу забыть одну встрѣчу на Волгѣ, въ 1902 году. Бхалъ я на «волжскомъ» пароходѣ «Царь» до Астрахани, и до Саратова короталь время съ направлявшимся туда на какой-то педагогическій съѣздъ народнымъ учителемъ съ Волыни. Онъ носилъ громкую баронскую фамилію обрусѣвшей нѣмецкой семьи, былъ прекрасно образованъ, воспитанъ, хорошо знакомъ съ Европой и ея культурой и при всемъ томъ не побоялся итти по скромной и тяжелой дорогѣ сельскаго учителя, что удалось ему послѣ цѣлаго ряда разныхъ мытарствъ. Чиновники вѣдомства «просвѣщенія» хорошо поняли, что баронъ совсѣмъ не чиновникъ, а идейный человѣкъ, ради идеи служенія народу добивавшійся учительства. Они долго не давали ему званія учителя, но баронъ добился своего и былъ очень доволенъ работой на излюбленномъ поприщѣ.

Молодой человѣкъ былъ очень симпатиченъ и своей идейностью, и всѣмъ своимъ нравственнымъ обликомъ—необыкновенною мягкостью, сердечностью, чуткостью, отзывчивостью. Но какая-то глубокая грусть залегала въ его добрыхъ глазахъ и чѣмъ-то трагическимъ вѣяло отъ нѣкоторыхъ его рѣчей на политическія злобы дня. Онъ, видимо, терялся предъ надвигавшейся революціонной грозой, отдаленные раскаты которой и тогда уже чувствовались знатоками деревни... Черезъ два года послѣ нашей встрѣчи на Волгѣ, т. е. въ самомъ началѣ революціи, я съ прискорбіемъ узналъ, что милый баронъ покончилъ самоубійствомъ гдѣ-то на Волыни, по какимъ именно причинамъ—мнѣ не могли сообщить...

Но во время нашей встрѣчи на «Царѣ» нельзя было ожидать такого конца: баронъ былъ полонъ жизни, увлекался своимъ дѣломъ, восхищался поэзіей Волги, которую видѣлъ въ первый разъ. Но любящее сердце идейнаго народолюбца, отдавашаго жизнь на служеніе народу, обливалось кровью при поверхностномъ даже знакомствѣ съ жизнью приволжскаго населенія... Мягкій по натурѣ баронъ тутъ негодовалъ, возмущался, нервно хваталъ меня за руку и, указывая на попутные городки, села, деревни, съ жаромъ говорилъ:

— Посмотрите! посмотрите!.. Что же это такое?! Развѣ такъ живутъ люди? Развѣ это настоящая жизнь?! Эти жалкія избы и

домишки, полуразвалившиеся, ободранные... пустые дворы, без зелени садов... кривые улицы, всё в навозе и всякой дряни... А как они одёваются во всякую рвань... как ёдят невозможную дрянь—сходите-ка в третій класс и посмотрите!.. А как пьют, как они грубы и жестоки... даже молодежь—и она не даёт отрады...

Взволнованный баронъ умолкъ. Я попробовалъ смягчить набросанныя имъ краски и заштитить волгарей, указывая на ихъ значительную энергію, относительное развитіе, на ростъ духовныхъ запросовъ и т. д. Но баронъ прервалъ меня:

— Нѣтъ! нѣтъ, не говорите!.. Знаю, что есть прекрасныя, здоровыя, симпатичныя явленія въ народѣ и у васъ, на Волгѣ, и у насъ, на югѣ, и вездѣ. Но вѣдь это исключенія—и такія ничтожныя, жалкія для милліонныхъ массъ... А общій тонъ жизни народа?—одинъ ужасъ!.. Это вѣдь не жизнь, а такъ что-то полуживое... Масса живетъ спустя рукава, кое-какъ, сегодня да завтра... Это не осѣдлый народъ, способный къ культурѣ, а какіе-то кочевники, кое-какъ проживающіе на бивуакѣ... вотъ снимутся и уйдутъ!..

Не оттого ли и погибъ такъ рано этотъ несомнѣнный народолюбецъ, что окончательно потерялъ вѣру въ народъ и не могъ пережить своего горькаго разочарованія?.. Во всякомъ случаѣ, въ его рѣчахъ было много горькой правды... Если гдѣ у насъ всего болѣе нѣтъ настоящей жизни и всего болѣе она напоминаетъ самыя плохія декорации, замѣняющія жизнь, то именно въ деревнѣ.

Безусловно правъ баронъ, называя жизнь мужика «кочевой» и «бивуачной»: эти черты проникаютъ всюду сверху донизу жизнь мужика. На «бивуакѣ» живутъ не только деревенская бѣднота, но и богачи-мужики. Иной тысячникъ построить большой домъ, но неудобный, опасный въ пожарномъ отношеніи, безъ всякихъ хотя бы примитивныхъ «удобствъ» и относительнаго комфорта. Домъ будетъ обставленъ недешевою мебелью, но грубою, безвкусною, неудобною.

Въ богатомъ с. Спасскомъ Васильскаго у., какъ и въ другихъ центрахъ кожевенной промышленности, дома богатыхъ скупщиковъ кожъ (съ капиталами въ десятки тысячъ) обставлены дорогой мебелью, стоятъ горки съ серебромъ и т. п., а тутъ же рядомъ, за легонькой перегородкой, не доходящей до потолка, сушатся кожи, только что снятыя съ палаго скота... Угощая гостей чаемъ, закусками и т. д., хозяинъ поминутно бѣгаетъ за перегородку посмотрѣть, «какъ спѣютъ кожи», ковыряетъ ихъ пальцами, сдираетъ куски гнилого мяса и, не помывши рукъ, снова садится за столъ и угощаетъ гостей...

«Кочевники», населяющіе большое приволжское с. Савелово, откуда начинается Савеловская желѣзная дорога (въ Москву), имѣютъ хорошій заработокъ отъ перевозки пассажировъ съ пристани до станціи и обратно, но возятъ ихъ уже много лѣтъ въ «эки-

пажахъ», существующихъ, вѣроятно, со временъ «скиевъ». Это—простыя «навозницы», состоящія изъ двухъ сбитыхъ изъ досокъ стѣнокъ, опускающихся поперекъ, подъ довольно острымъ угломъ, на узенькое дно «экипажа», весьма удобнаго для перевозки навоза, сѣна и т. п., но никакъ не людей...

Но савеловцамъ некогда подумать о настоящихъ экипажахъ, какъ ихъ сосѣдямъ—«кочевникамъ» Кашинскаго уѣзда—о своихъ дорогахъ... Русскія проселочныя дороги пользуются всемірной извѣстностью, но такой, съ позволенія сказать, «дороги», какъ та, что идетъ съ Сергіевской пристани на Волгѣ до Кашина, трудно найти и между русскими дорогами. Это—отнюдь не дорога, а словно русло изсякающей рѣчки, состоящее изъ непрерывнаго ряда ямъ, колдобинъ, трясинъ, заполненныхъ водою... И если мы остались цѣлы и даже не поломали здѣсь своихъ костей, направляясь въ живописный Кашинъ, то благодаря лишь тому, что мѣстный извозчикъ везъ насъ въ огромномъ, тяжеломъ, крѣпкомъ рыдванѣ, вѣроятно, XVIII вѣка. Легкія «навозницы» здѣсь не мыслимы.

А вѣдь эта «дорога» соединяетъ волжскую пристань съ большимъ, культурнымъ городомъ... Правда, съ Волги ведетъ въ Кашинъ и другая, лучшая дорога (отъ Калязина), но она вдвое длиннѣе, и большинство ѣдущихъ съ Волги направляется на Сергіево. Годъ назадъ именно по Сергіевской дорогѣ двигалась въ Кашинъ масса богомольцевъ, ѣхавшихъ на открытіе мощей св. Анны Кашинской. Говорятъ, тогда дорога была «малость исправлена». Мы мучились на этой дорогѣ годъ спустя, но не замѣтили никакихъ слѣдовъ исправленія.

Извѣстно, какъ у насъ «исправляются» руками мужиковъ подобныя дороги... Нѣсколько лѣтъ назадъ посѣтила Василь высокая особа, вояжировавшая по Волгѣ. Захотѣлось ей побывать въ сосѣднемъ Черемисскомъ мужскомъ монастырѣ, и начальство нагнало чинить дорогу крестьянъ подгородной Пахотной слободы. Встрѣчаю одного изъ представителей власти и говорю:

— Захлопотались вы... но нѣтъ худа безъ добра: вотъ монастырскую дорогу поправите...

— Э! намъ хоть бы на часъ поправить, пока высокій гость проѣдетъ...

Въ томъ же Василѣ зимняя дорога идетъ по самой Волгѣ, у праваго берега. Въ шести верстахъ ниже города, за Тюлѣвымъ перевозомъ, этотъ зимнякъ переѣзжаетъ «теплые ключи» (ржавые желѣзистые), которые не даются укрѣпиться льду, размываютъ его, и онъ проваливается. Каждую зиму здѣсь тонуть люди, лошади, сани... и каждую зиму дорогу прокладываютъ тутъ, хотя обойти эти «теплые ключи» очень легко и просто, проведя дорогу ближе къ лѣвому берегу, то есть удлинивъ ее около полверсты. Но «кочевникамъ» лѣнь и это сдѣлать, и они отдѣлываются обычнымъ «мотивомъ»:

— Ничаво, коли кто и выкупается за зиму... мѣсто тамъ не больно глубокое... Споконъ вѣка тутъ вѣдимъ!..

Кое-что изъ обычаевъ «споконъ вѣка» было и хорошее, а теперь пошло на смарку. Крайне рѣдко гдѣ можно встрѣтить прочныя домотканныя матеріи, коимъ вѣка нѣтъ, какъ и старинныя сарафаны и другія одежды, такъ прекрасно приносившія къ деревенской работѣ и всей обстановкѣ, равно и къ нашему климату. Ихъ замѣнили неудобныя «городскія платья» изъ непрочнаго ситчика, «спинжаки» и т. п. быстро изнашивающіеся «модные» костюмы. Оттого русская толпа въ своемъ рабочемъ одѣяніи представляетъ нѣчто очень рваное, грязное, безцвѣтное...

Ухудшилось и питаніе народное. Народъ видимо слабѣетъ отъ недостаточной и однообразной пищи. Въ тѣхъ мѣстностяхъ по верхней Волгѣ, Шекснѣ, Мологѣ и др., гдѣ развиты маслослѣбные и сыроваренные заводы, дѣти остаются безъ молока и плохо развиваются. Здѣсь же, какъ почти по всей Волгѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ, идетъ усиленная скупка яицъ для городовъ и заграницы, и народъ совсѣмъ пересталъ потреблять этотъ полезный продуктъ. Домашняя птица и порѣдѣвшая въ оскудѣвшихъ лѣсахъ дичь также идетъ на продажу, не попадая на крестьянскій столъ.

Въ изсякающихъ рѣкахъ, рѣчкахъ, озерахъ все менѣе и менѣе становится рыбы, она дорожаетъ и становится мало доступною для крестьянъ. На уменьшеніе рыбы сильно повліяли чисто хищническіе приемы и орудія ловли, въ родѣ «шашковой снасти» (или «черной снасти»), доселѣ излюбленной рыбаками, хотя «запрещенной» еще Петромъ Великимъ...

Только недавно додумались у насъ до рыболовнаго «надзора», заведеннаго повсемѣстно (раньше онъ существовалъ только на низахъ Волги, на Каспій, Уралѣ, на Дону и т. п. крупныхъ рыболовствахъ). Но этотъ «надзоръ» сразу же оказался чисто декоративнымъ... Напримѣръ, въ Самарѣ надзоръ порученъ мѣстному обществу любителей рыбной ловли, которое завело специальный пароходикъ для контроля за ловцами и тonyaми. Но гг. контролеры ухитрились завести пароходъ съ такой шумной машиной, что ее слышно за 30 верстъ... И пока онъ подойдетъ къ рыбакамъ, тѣ не торопясь припрятуютъ всѣ запрещенныя снасти и съ видомъ невинныхъ младенцевъ безбоязненно встрѣчаютъ «контрольный» пароходикъ, а проводивши, помираютъ со смѣху надъ нимъ...

И вездѣ на Волгѣ, Ветлугѣ, Сурѣ, на Камѣ съ ея притоками свободно разгуливаетъ «запрещенная» черная снасть, употребляемая специально для ловли самой дорогой рыбы—стерляди, и губящая ее бесполезно для человѣка (пораненная рыба срывается съ крючковъ и гибнетъ). Рыбаки увѣряютъ, что «стерлядь любитъ шашковую снасть», т. е. всего больше на нее ловится. Это, пожалуй, и правда, однако вотъ на Шекснѣ въ ходу совершенно другая и

безвредная снасть—«кужовая» («кужи»—плетушки из черемховых прутьевъ, куда рыба попадаетъ, не ранивъ себя): и ее стерлядь тоже «любитъ»... Слѣдовало бы и волжскую, камскую и другую стерлядь приучить къ этой снасти.

Всего болѣе хлопоча о поимкѣ дорогой стерляди, рыбаки не знаютъ настоящей стоимости ея и сбываютъ ее скупщикамъ за пустяки. Въ Василѣ одинъ скупщикъ какъ-то заплатилъ рыбаку 17 рублей за 4 «мѣрныхъ» стерляди, отъ 8 до 12 вершковъ, а самъ продалъ ихъ богатому пароходчику за 50 рублей. Въ столицахъ и большихъ городахъ дали бы за этихъ стерлядей много дороже.

До чего дошло оскудѣніе рыбы на Волгѣ, достаточно привести хоть бы такой фактъ, что въ томъ же Василѣ зимою стала появляться мороженая рыба изъ... Казанлыка!.. На Волгу везутъ рыбу изъ Средней Азіи...

Отнюдь уже не оскудѣніемъ, а простымъ неумѣньемъ вести садовое хозяйство объясняется тотъ нелѣпный фактъ, что въ Василѣ—одномъ изъ яблочныхъ центровъ на Волгѣ—зимою нельзя достать своихъ яблокъ, но крымскіе бываютъ благодаря предприимчивости мѣстныхъ татаръ, запасавшихся этими яблоками, лимонами, апельсинами въ Нижнемъ и Казани. И васильчане, не умѣющіе сберегать на зиму свои дешевыя яблоки, тратятся на дорогія крымскія...

Вообще, садовое хозяйство въ этомъ и другихъ яблочныхъ центрахъ на Волгѣ ведется въ высшей степени халатно, кое-какъ, какъ и все на Руси. «Пошлетъ Господь яблочка»—эти горе-садоводы торжествуютъ, и то не надолго, такъ какъ обильный урожай низводитъ цѣны до убыточныхъ. «Не далъ Господь яблочка»—и они вѣшаютъ носы, такъ какъ не знаютъ приемовъ заправскихъ садоводовъ, у которыхъ бываютъ ежегодные урожаи фруктовъ. На Волгѣ считается нормальнымъ, что истощенныя чрезмѣрнымъ урожаемъ деревья «отдыхаютъ» по 3—4 года, почти ничего не давая за это время.

Въ урожайные годы налетаетъ въ яблочные центры саранча—съемщики садовъ, которые и снимаютъ сливки съ урожая. Прошлое лѣто и въ Василѣ хозяинъ небольшого сада получилъ всего 18 рублей, а съемщикъ выручилъ 160 рублей. Одна васильчанка сдала свой садъ за 95 рублей и получила 25 рублей задатка. Но когда съемщикъ одного ранняго «налива» собралъ 40 пудовъ и продалъ по 1 рублю пудъ, а болѣе позднихъ сортовъ рассчитывалъ собрать до 500 пудовъ, хозяйка вернула ему задатокъ и подарила наливъ, лишь бы онъ отказался отъ аренды, на что онъ и согласился...

Уходъ за садами самый примитивный: валять подъ деревья навозъ зря, въ неимоверномъ количествѣ, плодъ червей, мошекъ и всякаго «гноса», губящаго деревья,—и тѣмъ дѣло кончается,

а дальнѣйшій уходъ предоставляется Господу Богу... Споконъ вѣка разводятся одни и тѣ же сорта—анисъ, боровинка, маль, наливъ и другіе, а болѣе высокихъ сортовъ не знаютъ. На Волгѣ, ниже Казани лежитъ с. Антоновское—родина извѣстныхъ «антоновскихъ» яблокъ, нашедшихъ теперь сбытъ даже за границей, какъ одинъ изъ лучшихъ зимнихъ сортовъ. А его не знаютъ на Волгѣ даже въ близкомъ разстояніи отъ его родины... Въ нижегородскомъ Поволжьѣ могли бы разводиться нѣкоторые сорта грушъ и сливъ, но никто почти объ этомъ не помышляетъ. Не знаютъ здѣсь ни заготовки фруктовъ впрокъ на зиму, ни сушки ихъ въ большихъ размѣрахъ (для домашняго употребленія практикуется), ни выдѣлки сидра (не считая скромныхъ попытокъ въ Казани и Самарѣ) и пр. и пр.

Всему этому и многому другому могъ бы научиться обыватель, но самъ онъ еще не додумался до того, какъ не додумались земства, города и подходящія министерства до необходимости завести въ садовыхъ центрахъ «садовыхъ инструкторовъ», «образцовые сады» и т. д.

Впрочемъ, весьма позволительно усомниться: будетъ ли отъ того какой толкъ?.. Мало ли на Руси разсѣяно образцовыхъ сельскихъ хозяйствъ, а подвинули ли они хоть на шагъ хозяйство русскаго мужика? Нисколько, если не считать очень-очень рѣдкія исключенія...

Положимъ, въ «барина» мужикъ не вѣритъ и, быть можетъ, именно потому не хочетъ учиться у него добру... Но въ послѣднее время начали изрѣдка появляться довольно культурныя хозяйства у болѣе или менѣе интеллигентныхъ крестьянъ, однако и за ними мужикъ не идетъ...

Кассиръ парохода «Кубина» (дѣлаетъ рейсы между Вологдой и озеромъ Кубинскимъ), крестьянинъ Вологодской губерніи, съ грустью рассказывалъ, что его земляки обращаютъ ноль вниманія на его образцовое маленькое хозяйство, которое онъ ведетъ совмѣстно съ своимъ братомъ, волостнымъ старшиною, наѣзжая и самъ туда временами. У него заведены улучшенные плуги, сѣялки, молотилки и прочее, образцовыя сѣмена и т. д., благодаря чему урожай у него всегда хорошіе, а у мужика вѣчные недороды. Все это они отлично видятъ и—ни шагу съ мѣста... Даромъ предлагаетъ онъ имъ пользоваться молотилкою и другими орудіями—и никто не беретъ...

Мужики остаются при своей извѣчной трехпольной системѣ, окончательно истощающей землю, со слабымъ скотомъ, мало дающимъ навоза, при допотопныхъ орудіяхъ и т. д. Крестьянинъ Юрвецкаго уѣзда (Костромской губерніи) рассказывалъ:

— Сельское хозяйство у насъ споконъ вѣка ведется по черемухѣ...

— Какъ такъ?!

— Очень просто: мы глядимъ, какъ черемуха завязывается, распускается, зацвѣтаетъ и прочее. А по этимъ примѣтамъ начинаемъ пахать, сѣять и прочее.

— И не обманываетъ васъ черемуха?..

— Ну, какъ вамъ сказать?.. не безъ того, что коли она и обманеть... а больше правду кажетъ... Божья воля!..

Голь на выдумки хитра... Крестьяне с. Юрина, Васильскаго уѣзда, бывшіе крѣпостные гг. Шереметевыхъ (не графовъ), почему-то не получили никакихъ земельныхъ надѣловъ, кромѣ усадебныхъ (кажется, они бывшіе дворовые), и занимаются больше производствомъ рукавицъ и работой на кожевенныхъ заводахъ. Луговъ у нихъ нѣтъ, а коровъ держать охота. Чѣмъ ихъ кормить—юринцы ухитрились: стали приучать телятъ ѣсть корье, то есть размельченную кору тальника, выбрасываемую на кожевенныхъ заводахъ послѣ дубленія кожъ. Этотъ отбросъ ничего не стоитъ, а смѣшанный съ мукою, пудъ на пудъ, является очень питательнымъ и нисколько, говорятъ, не вреднымъ кормомъ для молочнаго скота (лошади упорно отказываются). Приучаясь къ корью съ телячьего возраста, коровы охотно ѣдятъ его, и ихъ удойность и густота молока увеличиваются, а переведенныя въ другія мѣста юринскія коровы скучаютъ по корью и начинаютъ давать меньше молока и жиже. Но именно приучать ихъ надо съ телятъ, а чужія коровы, приведенныя въ Юрино, отъ корья отказываются.

Кочевыя наклонности русскаго мужика особенно рѣзко сказываются въ его отношеніяхъ къ мѣсту: только кочевникъ способенъ такъ варварски истреблять лѣса, какъ истребляетъ ихъ русское населеніе. Въ этомъ грѣхѣ повинны уже не одни мужики, но и крупныя лѣсовладѣльцы и лѣсопромышленники. Однако мужики всѣхъ перешеголяли и теперь «крестьянскіе лѣса»—большая рѣдкость въ русской деревнѣ.

Припоминаю, съ какою понятною гордостью рассказывалъ о своемъ лѣсѣ крестьянинъ с. Тимошкина (Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи), лежащаго подлѣ станціи Шилово (Казанской желѣзной дороги) и пристани того же имени на Окѣ. Можетъ быть, тимощинцы потому оказались болѣе культурными людьми, что они были освобождены своей помѣщицей г-жой Луниной отъ крѣпостной зависимости раньше 1861 г. Отпуская на волю, она дала имъ достаточно земли и болѣе 50 десятинъ лѣса, который крестьяне сберегли доселѣ, рубя его въ самыхъ крайнихъ случаяхъ—на нужды погорѣльцевъ и т. п. Дровами же и лѣсомъ для мелкихъ подѣлокъ пользуются изъ мелколѣся, подареннаго имъ помимо того строеваго лѣса. Крестьянинъ закончилъ рассказъ такъ:

— Два раза въ году мы всѣмъ міромъ поминаемъ свою добрую барыню... А свой лѣсъ всегда будемъ беречь и не станемъ зря сво-

дять, какъ вотъ сводить послѣднія около Шилова рощи сосѣдніе помѣщики...

Это рѣдкій, исключительный случай, совсѣмъ не похожій на обычныя отношенія къ лѣсу русскихъ «кочевниковъ», нисколько не заботящихся о своемъ будущемъ. Рассказывали такой случай: въ извѣстномъ кожевенномъ центрѣ—с. Богородскомъ (Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи), при усадьбѣ владѣльца гр. Шереметева былъ роскошный паркъ около 100 десятинъ, съ рѣдкими породами вѣковыхъ деревьевъ, съ прудами и прочимъ. Владѣлецъ предлагалъ паркъ богатому міру села Богородскаго за дешевую плату—за 20 тысячъ р. Но мужики отказались покупать. Графъ разгнѣвался, продалъ паркъ на срубъ, а землю подъ усадьбныя постройки растущаго села. Теперь мужики плачутся, что «въ Богородскомъ совсѣмъ нѣтъ зелени, воздухъ тяжелый отъ кожевеннаго производства, и некуда выйти подышать свѣжимъ воздухомъ»...

Въ виду исчезновенія крестьянскихъ лѣсовъ крестьянамъ дана льгота покупать лѣсъ на срубъ въ казенныхъ лѣсахъ безъ внесенія залога и прочее. Крестьяне пользуются этой льготой, но въ то же время любой лѣсопромышленникъ, номинально носящій званіе «крестьянина», можетъ за ведро водки міру получить отъ него свидѣтельство на льготную покупку лѣса у казны... Это злоупотребленіе особенно практикуется на сѣверѣ Россіи, въ неизмѣримыхъ казенныхъ лѣсахъ, гдѣ сводятся громадныя площади лѣсовъ на основаніи «льготныхъ» крестьянскихъ свидѣтельствъ...

Одинъ русскій крестьянинъ Казанской губерніи рассказывалъ, какъ ихъ сосѣди черемисы, въ противоположность русскимъ, берегутъ свои лѣса и только совсѣмъ спѣлымъ деревомъ пользуются для своихъ нуждъ и на продажу, но «на сводку» его не продаютъ, а сами раздѣлываютъ и вывозятъ подѣлки въ Казань и на сельскіе базары. Спрашиваю рассказчика:

— Почему русскіе не берегутъ такъ своихъ лѣсовъ?..

— Очень ужъ мы жадны и завистливы... Намъ подавай разомъ все, изъ чего можно зашибить деньгу... хотимъ сразу разбогатѣть... Да къ тому же и страсть какъ лѣнивы мы: легче вѣдь продать лѣсъ на сводку, чѣмъ самимъ возжаться съ раздѣлкой его... Намъ все подавай сегодня, а что будетъ завтра, да какъ будутъ жить наши дѣти—намъ и горюшка мало...

Буквально вѣрная обрисовка русскаго мужика, данная русскимъ же крестьяниномъ... Особенно онъ правъ относительно російской лѣни. Можно привести массу образчиковъ ея, но ограничусь немногими.

Въ «Неразберихѣ» я говорилъ о волжскихъ «балчужникахъ», занимающихся перевозкой на лодкахъ, нагрузкою на малыхъ пристаняхъ (на большихъ есть особыя артели «грузчиковъ») и т. п.

мелкой работой, приносящей имъ гроши. Это прирожденные лѣн-
тяи, сродные итальянскимъ лаццарони и т. п., проводящіе время
больше въ созерцаніи сутолки на пристаняхъ и на набережныхъ,
да въ засѣданіяхъ въ чайныхъ, портерныхъ и около монополекъ,
чѣмъ въ дѣйствительной работѣ. Семьи кормятъ не они, а ихъ
энергичныя жены—торговки, булочницы и т. д.

Зимою балчужникамъ приходится совсѣмъ класть зубы на полку,
и они бросаются на всякую работу. Но какъ они «работаютъ»!..
Балчужники гор. Василя занимаются зимою пилкою дровъ въ лѣсу
около дер. Шипилей, въ 10 верстахъ отъ города. Отправляются
они на работу въ понедѣльникъ и начинаютъ пилку со вторника.
Въ пятницу уже пошашать и въ субботу отправляются въ городъ,
гдѣ остаются до понедѣльника. Эти визиты въ городъ всею артелью
они объясняютъ необходимостью заготовиться провизіей, помыться
въ банѣ и т. п. Однако помыться они могутъ и въ Шипиляхъ, а за
провизіей послать 2 человѣкъ, а не итти цѣлою артелью, или же
провизію могли бы доставлять подростки, болтающіеся зря дома...
Въ городъ тянетъ пыльщикъ ихъ лѣнь и стремленіе «отдохнуть»
послѣ 4 дней работы, да еще короткихъ зимнихъ дней... За эти 4 дня
они приносятъ домой по 3 рубля чистаго заработка, не считая рас-
ходовъ на провизію, наемъ квартиръ въ Шипиляхъ и т. п. А не
«отдыхай» они въ недѣлю три дня, могли бы заработать вдвое больше.
«Поработавши» такъ 2—3 мѣсяца, балчужники совсѣмъ почіютъ
отъ дѣлъ своихъ и терпѣливо ждутъ нескорога воскресенія Волги...

А вотъ чувашаи Козьмодемьянскаго Заволжья зимою работаютъ
въ лѣсахъ по р. Руткѣ и др. 6 дней въ недѣлю, а домой приходятъ
только на воскресенія, чтобы помыться въ банѣ. Ради работы они
смѣло нарушаютъ дѣдовскіе обычаи, установившіе для бань суб-
ботніе дни и считающіе грѣхомъ топку бань въ праздники...

Только россійскою лѣнью можно объяснить то обстоятельство,
что во многихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ не зародилось (какъ въ дру-
гихъ такихъ же) никакихъ кустарныхъ производствъ изъ лѣса.
Напримѣръ, въ Вологодской губерніи по р. Кубинѣ (впадаетъ въ
озеро Кубинское), Сухонѣ и др. сплавляется масса лѣса, но еще
больше, говорятъ, его пропадаетъ въ такихъ углахъ губерніи,
гдѣ нѣтъ сплавныхъ рѣкъ и лѣсъ некуда везти. То же происходитъ
въ лѣсныхъ уѣздахъ Новгородской губерніи (въ Кирилловскомъ,
Устюженскомъ и др.): гдѣ нѣтъ сплавныхъ рѣкъ и рѣчекъ—тамъ
лѣсъ пропадаетъ на мѣстѣ въ неимовѣрномъ количествѣ. Именно
тутъ могли бы развиваться кустарныя подѣлки изъ дароваго лѣса,
а ихъ нѣтъ и въ поминѣ. И коренное, древне-русское населеніе
этихъ мѣстъ предпочитаетъ жить впроголодь, еле-еле кормясь отъ
истощенной земли и кое-какихъ отхожихъ промысловъ...

Поневолѣ мысль обращается къ инородцамъ—къ ихъ энергіи и ра-
ботоспособности... Живя среди лѣсовъ, черемисы и чувашаи Козь-

модемянскаго и другихъ уѣздовъ Казанской губерніи развили у себя многія кустарныя подѣлки изъ лѣса, напримѣръ, у нихъ есть мастера «драничники», кроющіе крыши «дранью», для вырѣзки которой имѣютъ особые инструменты—«струги». За работу берутъ дешево: по 80 коп. въ день за нарѣзку драни, а за покрытие готовою дранью по 30 коп. за квадратную сажень крыши.

Осенью двое драничниковъ изъ дер. Цыгановой, Козьмодемьянскаго уѣзда, явились за 50 верстъ въ Василь, въ теченіе трехъ дней заработали всего около 5 р.—и ушли предовольные домой... А русскаго развѣ поманишь такой работой?! Онъ посмѣется надъ нею, хотя бы и голодалъ...

Особенно развито среди черемисовъ и чувашъ кустарное производство мебели—плетеныхъ изъ черемховыхъ вѣтокъ (съ дубовыми сидѣньями) стульевъ и креселъ. На р. Сурѣ мастера не снимаютъ кожуры съ вѣтокъ—и получается оригинальная мебель сѣраго, стальнаго цвѣта, которую охотно выписываютъ въ Петербургъ.

По рисунку эта мебель не казиста и работа довольно топорная, а главный недостатокъ—употребленіе простыхъ гвоздей, совсѣмъ не мебельныхъ (безъ шляпокъ), дерущихъ платье. Но это уже вина земствъ и разныхъ вѣдомствъ, якобы пекущихся о кустаряхъ, но не могущихъ оказать имъ грошовое содѣйствіе присылкою рисунковъ мебели, указаніемъ на существованіе мебельныхъ гвоздей и тому подобное.

Зато черемисская и чувашская мебель очень прочна и дешева: штука стоитъ отъ 15 до 25 копеекъ. Въ Рыбинскѣ, куда скупаются эта мебель, дюжину продаютъ уже по 6 рублей.

Мѣстами и русскіе заразились примѣромъ инородцевъ—тоже занялись выдѣлкой мебели. Въ с. Марьинѣ на Ветлугѣ (Макарьевскаго уѣзда) русскіе гнутъ изъ ильмы хорошіе и дешевые стулья, мало уступающіе «вѣнскимъ» буковымъ. Тутъ заразительно подѣйствовалъ и примѣръ сосѣдняго Семеновскаго уѣзда, давно славящагося кустарными подѣлками изъ дерева. Но такихъ отрядныхъ примѣровъ очень мало...

IV.

Переходя къ духовной жизни мужика, и тутъ натываемся больше на грустныя явленія. Говоря такъ, разумѣю (какъ и въ предыдущей главѣ) рядовую массу мужика, а отнюдь не счастливыя и рѣдкія исключенія развитаго и культурнаго крестьянства.

Всегда вообще сѣрый и скучный тонъ жизни мужика въ настоящій «періодъ успокоенія» сдѣлался еще мрачнѣе, суровѣе. Полная апатія, безпредѣльное равнодушіе къ малѣйшимъ намекамъ на высшіе запросы жизни, бьющее въ глаза духовное оскудѣніе народа—вотъ преобладающій тонъ современной провинціальной

жизни вообще, и жизни мужика въ особенности. Чѣмъ-то затхлымъ, душнымъ, тошнотворнымъ вѣетъ отъ всѣхъ проявленій его «духовной» жизни. Вотъ ужъ гдѣ слѣдуетъ сказать, что это «не жизнь, а декорація» и—самая жалкая, тоскливая.

Слѣдуетъ оговориться, что такое паденіе духовной жизни народа наблюдается въ послѣднее время не только среди давно уже ослабѣвшаго русскаго мужика, но и между крѣпкими раньше инородцами. Одинъ прекрасный знатокъ жизни черемисовъ, русскій народный учитель, нѣсколько лѣтъ работающій въ черемисскомъ селѣ Козьмодемьянскаго у. Казанской губ., свободно говорящій по-черемиски и потому основательно изучившій не одну обстановку, но и душу черемисовъ, съ грустью говорилъ о нихъ:

— Старики еще сохранили свои прекрасныя качества: честность, порядочность, изумительное трудолюбіе, необыкновенную аккуратность, вѣрность долгу и обязанностямъ. Слову старика — черемиса можно вѣрить безусловно и лучше всякихъ письменныхъ обязательствъ. Но молодежь въ конецъ испорчена: у нея ничего святого нѣтъ... Она способна на всякую гадость, подлость, низость, и все это ради цѣлей наживы и т. п. самыхъ низменныхъ побужденій. Надъ трудолюбіемъ стариковъ молодые черемисы издѣваются и всю тяжесть работъ кладутъ на нихъ и на женщинъ, а сами лодырничаютъ, пьянствуютъ и хулиганничаютъ не хуже русской молодежи...

Что въ провинціи ряды хулигановъ пополняются почти исключительно молодежью русскихъ городовъ, селъ, деревень—это несомнѣнно. «Періодъ успокоенія» нисколько не мѣшаетъ росту хулиганства, даже напротивъ... Случаи хулиганства такъ мозолятъ глаза въ газетахъ, что незачѣмъ распространяться о нихъ. Остановлюсь немного на одномъ довольно типичномъ фактѣ, случившемся на Волгѣ.

Двое молодыхъ балчужниковъ Василя, лѣтъ 15—16-ти, захвативъ самодѣльное ружьишко, сработанное кое-какъ третьимъ паренькомъ, отправились въ лодкѣ «испробовать» свое «ружье», зарядивши его какъ слѣдуетъ крупною дробью. Мимо шель вверхъ по Волгѣ пароходъ, ведя на буксирѣ баржу. Мальчишки, какъ нерѣдко водится, захотѣли воспользоваться даровой буксировкой и зачалили свою лодку къ лодкѣ, причаленной у кормы баржи. Рулевые матросы стали гнать ихъ, справедливо опасаясь, что при поворотахъ руля баржи лодка съ ребятами можетъ опрокинуться или налиться водою. Ребята не слушались, матросы стали чѣмъ-то бросать въ нихъ. Балчужникъ постарше схватилъ свое ружье и выпалилъ въ матросовъ: оба они упали, раненые дробью въ лицо, шею и проч. (къ счастью, глаза не пострадали). На баржѣ поднялась тревога, пароходъ остановился. Балчужники поспѣшили отчалить и бросились на своей лодкѣ къ берегу. Младшій, Панька,

бѣжалъ въ лѣсъ, а старшій, Николка, пустился на лодкѣ къ городу, надѣясь удрать отъ преслѣдовавшей его лодки съ каравана. Но въ городѣ матросы съ баржи догнали его, и парень былъ арестованъ, а на другой день арестовали и явившагося товарища его. Скоро ихъ отдали роднымъ на поруки, но потомъ, по приказу губернатора, парни отсидѣли полтора мѣсяца при полиціи, потерявши лучшее время балчужнаго заработка.

Любопытно, что, когда матросы съ баржи привели Николку въ полицію и попросили составить протоколъ, полицейскій надзиратель предложилъ двумъ раненымъ матросамъ—«простить эту дѣтскую шалость»... Хорошо этотъ охранитель закона, не постѣснявшійся защищать эту «дѣтскую шалость» въ виду двухъ окровавленныхъ фізіономій пострадавшихъ матросовъ!.. Послѣдніе разумно отвѣтили представителю власти, поощряющему хулиганство:

— За такое разбойное дѣло прощать нельзя... Надо парней поучить... будутъ умнѣ!..

Оттого и прогрессируетъ у насъ такъ хулиганство, что не встрѣчаетъ почти никакого отпора со стороны обывателей, остающихся равнодушными зрителями тамъ, гдѣ слѣдуетъ негодовать и протестовать. Не забуду, съ какимъ нескрываемымъ изумленіемъ отпелись ко мнѣ два деревенскихъ кулака, когда я остановилъ ихъ «матерщинство», коимъ они любовно пересыпали свою мирную бесѣду въ столовой рубкѣ II класса парохода «Касимовъ» на Окѣ. Одинъ изъ нихъ говоритъ:

— Да вѣдь мы не васъ ругаемъ...

— Еще бы вы стали меня ругать!... Въ общественномъ мѣстѣ нельзя ругаться, да еще такъ отвратительно, мерзко...

— Да мы и не ругаемся промежь себя... а такъ... привычка такая...

— Скверная привычка!... и мнѣ тошно слушать васъ, а вѣдь тутъ бывають и женщины, и дѣти...

— Извѣстно, хуже этихъ словъ нѣтъ... да ужъ такъ мы привыкли.

— Надо оставить, а то вѣдь знаете, что за эту «привычку» васъ можно къ суду притянуть и «въ каталажку» засадить...

— Зачѣмъ же-съ! мы болѣе не будемъ тутъ матершинничать...

— И нигдѣ не слѣдуетъ...

— Оно бы хорошо, да трудненько отстать... и никто насъ не учитъ: ни тебѣ попъ, ни начальство, ни старики... всѣ либо молчатъ, либо и сами ругаються...

Да, «всѣ молчатъ», всѣ придерживаются политики—«моя хата съ краю», а зло растеть безъ конца, и въ лучшемъ случаѣ обыватели отводятъ душу смѣшкомъ и шуткой... Какъ потѣшались мѣщане (въ большинствѣ тѣ же мужики по натурѣ) Василя, наблюдая дикую сцену, надъ которой впору было бы плакать...

По набережной плелась пьяная парочка, выписывавшая вензеля: дѣдъ 60 лѣтъ и внучекъ пяти лѣтъ... Сзади шла бабушка, шутя подгонявшая хворостиной супруга, подпоившаго ребенка...

А публика такъ весело хохотала, глядя на бѣднаго ребенка, съ трудомъ переплетавшаго ножонками и судорожно хватавшагося за руку пьянаго дѣда...

Не меньшій смѣхъ вызвала у васильчанъ и другая дикая сцена: на главной улицѣ пожилой мѣщанинъ подгонялъ здоровой дубиной свою молодую жену... Она старалась увернуться отъ его ударовъ, извивалась, бросалась въ стороны, а онъ догонялъ ее и подгонялъ дубинкой, какъ заблудившуюся скотину... Такъ именно онъ и смотрѣлъ на нее, объясняя любовавшейся сценою публикѣ:

— Гоню свою суку домой... Цѣлую недѣлю пропадала... сейчасъ нашель ее между телѣгами, на пристаняхъ... А дома и дѣти безъ призора, и скотина безъ корму...

Публика сочувствовала мужу, ибо и сама смотреть на жену, какъ на «собственность» мужа... И никто не вступился за несчастную «скотину», вся «вина» которой состоитъ въ томъ, что молодая женщина не можетъ любить стараго мужчину...

Но что говорить о ненормальныхъ отношеніяхъ мужика къ «женскому вопросу», когда даже самое простое, свойственное и животнымъ чувство чадолубія начинаетъ изсякать въ народѣ... Ъхаль я на «купеческомъ» (Купеческаго общества) пароходѣ «Волгарь», который изъ Симбирска завернулъ къ его пригороду Часовня (на лѣвомъ берегу), сдавая грузы на пристань начинающейся отсюда Волго-Бугульминской желѣзной дороги. Тутъ сѣла на пароходъ молодая, чисто одѣтая крестьянка или мѣщанка съ двумя дѣвочками. Младшая, лѣтъ трехъ, держала въ ручонкахъ громадный свѣжій огурецъ и жадно пожирала его, безъ хлѣба и соли, да еще раннимъ утромъ, натошакъ. Я замѣтилъ матери, что въ холерное время опасно давать дѣтямъ такой «завтракъ».. А молодая мать просто отвѣтила:

— И батюшка!.. да намъ ихъ не жаль: у насъ шестеро дѣтокъ... Коли и приберетъ кого Господь—Божья воля!.. А намъ не жаль...

Вообще «жестокіе нравы» принимаютъ еще болѣе ожесточенный характеръ. Даже отъ самыхъ мягкихъ, добродушныхъ людей приходится выслушивать удивительно жестокія рѣчи. Необыкновенно добрый васильчанинъ-балчужникъ, иногда наивный до степени ребенка, говорилъ какъ-то негодуя и волнуясь:

— Зачѣмъ это тратятся на преступниковъ? Зачѣмъ держать ихъ въ острогахъ, кормятъ, одѣваютъ?.. Сажать бы ихъ голыхъ въ лѣсу часа на 2—3 и больше, смотря по винѣ: пусть пробуютъ ихъ комары... Ежели выживетъ—его счастье, а нѣтъ—туда ему и дорога...

Мягкій человекъ, ничтоже сумняся, предлагалъ жестокою кару, почти всегда несущую смертельный исходъ... Извѣстны такіе случаи: «добрые мужички» посадили неудобнаго имъ, т. е. честнаго, лѣс-

ника въ лѣсу на 3 часа, раздѣвши его догола и привязавши къ дереву. Комары такъ искутали его, что онъ въ страшныхъ мученіяхъ умеръ на мѣстѣ... Подобный же исходъ былъ съ бабою, которую одинъ лѣсникъ привязалъ на ночь къ дереву, поймавши ее въ заповѣдномъ лѣсу за сборомъ грибовъ и ягодъ...

На одной пристани ниже Рыбинска сѣлъ на «волжскій» пароходъ «Дворянку» карликъ изъ крестьянъ, уже пожилой, довольно забавно мѣшавшій полумонашеское настроеніе, выдававшее бывалаго богомольца, съ неудержимымъ стремленіемъ къ благамъ міра сего. Онъ любилъ поѣсть, не дуракъ былъ выпить, игриво шутилъ съ бабами и болталъ безъ конца. При его крошечныхъ размѣрахъ и сморщенномъ дѣтскомъ личикѣ всѣ его дурашливые жесты и рѣчи производили не забавное, а жалкое впечатлѣніе. Хотѣлось остановить его, отнестись къ нему, какъ къ ребенку, оградить отъ насмѣшекъ...

А простонародная публика III и IV классовъ взглянула на жалкаго карлика, какъ на пріятную забаву. Гомерической хохотъ, безцеремонное гоготанье и улюлюканье, самыя нецензурныя шутки неслись вездѣ, гдѣ появлялся карликъ и начиналъ говорить. Видимо, его коробила наглая безцеремонность публики, и онъ старался быть серьезнымъ, довольно остроумно парируя сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ грубыя шутки и самое открытое издѣвательство надъ его убожествомъ.

Понявши, что съ этой стороны не возьмешь умнаго человѣчка, публика уловила его слабую струнку—стала его спаивать. Карликъ хлопалъ рюмку за рюмкой, захмелѣлъ и, «потерявъ контенансъ», сталъ говорить и дѣлать глупости, вызывавшія самое неистовое веселье публики... Попытки кое-кого изъ порядочныхъ людей остановить это издѣвательство надъ убогимъ человѣкомъ не имѣли успѣха: толпа всецѣло завладѣла своей жертвой и не отпустила ее до конца, т. е. пока споенный ею карликъ не свалился въ пьяномъ снѣ... Одинъ пассажиръ такъ резюмировалъ это подлое зрѣлище:

— Ничего святого нѣтъ у русскаго человѣка!.. Онъ способенъ рѣшительно все превратить въ потѣху... Какъ варваръ, онъ не чувствуетъ различія добра отъ зла...

Ничего удивительнаго въ этомъ нѣтъ, разъ на ряду съ прекрасными народными изданіями солидныхъ фирмъ русскій народъ продолжаетъ питаться всякою старою трухою и дребеденью московскихъ издателей «съ Никольской улицы». Въ XX вѣкѣ, именно въ 1910 году, въ большомъ приволжскомъ городѣ Кинешмѣ можно было купить у маленькой продавщицы на пристаняхъ неувыдаемую «Сказку о храбромъ и сильномъ богатырѣ Бовѣ-Королевичѣ», изданную въ 1910 же году въ Москвѣ, въ собственной типографіи «Книгоиздательства торговаго дома Евдокія Коноваловъ и К?»...

Если сей г. Евдокій Коноваловъ принадлежитъ къ отпрыскамъ кинешемской фамиліи милліонеровъ Коноваловыхъ, то горе рус-

скому народу!.. Милліоны, собранные его руками для утѣхи г.г. Коноваловыхъ, уйдутъ частію на отраву народа «произведеніями» въ родѣ «Бовы-Королевича» и т. п. Кинешемская книжница предлагала и другія изданія этой новой фирмы: это были раздражительныя мелодрамы, уголовная «литература», сборники стиховъ «подворотной» поэзіи, кисло-сладкіе рассказы о вредѣ пьянства и т. п. перлы. Такъ какъ большинство изданій въ форматѣ «листовокъ», очень дешевыхъ, то эта дребедень широко расходится въ народѣ. Недаромъ фирма имѣетъ въ Москвѣ три лавки, да по одной въ Петербургѣ, Одессѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Какой позоръ для Россіи XX вѣка!

Въ Нижнемѣ, на окской пристани Качкова я попробовалъ постыдить газетчика, продававшаго деревенскому парню какія-то дрянныя «Похожденія московскаго душегуба», а газетчикъ отвѣтилъ:

— Это вѣдь не для васъ мы продаемъ... А для васъ вотъ имѣются Левъ Толстой и т. п.

Пришлось замолчать, ибо что же тутъ скажешь?! Вѣчная рознь между «ими» и «нами» невольно сказывается во всемъ и повсюду...

Для насъ, напримѣръ, будетъ непонятно такое явленіе, совершенно нормальное въ «ихъ» средѣ: въ одномъ крупномъ фабричномъ центрѣ подъ Москвою чтенія и лекціи для народа раньше привлекали такія массы слушателей, что не хватало мѣстъ и многимъ отказывали, а теперь поражаютъ пустотою аудиторій. Казалось бы, что съ развитіемъ народа, сдѣлавшимъ за послѣдніе годы большой шагъ впередъ, долженъ бы увеличиться интересъ къ серьезнымъ чтеніямъ, а выходитъ наоборотъ... Самый любимый фабричными московскій лекторъ по экономическимъ вопросамъ, собиравшій прежде сотни слушателей, осенью 1910 г. едва привлекъ 60 человекъ... Зато на «футболѣ» въ тѣ же часы было нѣсколько тысячъ...

А на устроенныхъ мануфактурой танцевальныхъ вечерахъ нѣтъ отбою отъ охотниковъ поплясать и пришлось учредить очередь. На танцы собирается до 1000 рабочихъ, дамъ и кавалеровъ, и собиралось бы вдвое-втрое больше, если бы позволяло помѣщеніе. Нѣсколько сотъ паръ кружатся въ самыхъ моднѣйшихъ танцахъ, даже въ тарантеллѣ и т. д. Всѣ чисто и прилично одѣты, а кавалеры даже франтовато.

Да, теперешніе рабочіе не чета прежнимъ, и не только въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, но вездѣ и даже въ деревнѣ. Какъ-то на волжскомъ пароходѣ пришлось слышать горькія іереміады какихъ-то промышленныхъ людей, еще молодыхъ, сѣвшихъ въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ. Одинъ плакался:

— То ли дѣло бывало прежде: за водку все можно было сдѣлать и купить въ деревнѣ... А нынѣ шалишь!... всѣ и за все требуютъ денегъ, а водку-де, говорятъ, мы и сами знаемъ, гдѣ добыть...

— А то еще повелось у нихъ,—замѣтилъ другой:—наймется къ тебѣ, а ежели прослышитъ гдѣ про лучшую плату, удереть туда и поминай, какъ звали... и ничего съ ними не подѣлаешь!...

— Нѣтъ,—отозвался первый:—у насъ нашли средство и не больно хитрое: коли уйдетъ съ работы лѣтомъ, получай въ мѣсяцъ 10 р., а останется на все лѣто—даютъ по 12 р. И отлично дѣйствуетъ: не бѣгаютъ...

На томъ же среднемъ плесѣ Волги пришлось какъ-то выслушать вопль другихъ «обездоленныхъ» людей—бывшихъ кабатчиковъ, не могущихъ забыть свой золотой вѣкъ и примириться съ монополюшкой... Пожилой мужикъ, съ благообразнымъ, чуть не иконописнымъ ликомъ, побесѣдовавши о разныхъ предметахъ, вдругъ обратился ко мнѣ съ своимъ наболѣвшимъ вопросомъ:

— Надо полагать, что чиновники не долго повожжаются съ водкой, и дѣло повернется на прежній порядокъ?

— Ну, этого не ждите... больно ужъ выгодно это дѣло: чиновники не выпускаютъ его изъ своихъ рукъ...

— Вы полагаете?—уныло протянулъ бывший кабатчикъ, плачущій о потерѣ «легкихъ хлѣбовъ».

Кто не мечтаетъ о даровщинкѣ... На окскомъ пароходѣ «Касимовъ» возвращался изъ Нижняго пожилой мужикъ, якобы погорѣлецъ, который походя и на всѣ лады ругалъ извѣстнаго нижегородскаго миллионера Бугрова, давшаго мнимому погорѣльцу всего одну трешницу, вмѣсто ожидавшейся имъ «сотняги»... А мужикъ и «на дорогу исхарчился, и старосту угощалъ за погорѣлое свидѣтельство», и другіе расходы имѣлъ, далеко превосходящіе 3 р. И мужикъ скверно ругалъ «благодѣтеля», забывая, что мужики, промышляющіе мнимымъ «погорѣльствомъ» (есть цѣлыя деревни, живущія этимъ выгоднымъ отхожимъ промысломъ...), сами виноваты, что щедрый прежде Бугровъ сталъ осмотрительнѣе раздавать свои пособія...

Одинъ почтенный крестьянинъ Вязниковскаго уѣзда (Владимирской губерніи), не разъ и подолгу жившій на Уралѣ, рассказывалъ между прочимъ, что, когда администрація Тагильскихъ заводовъ Демидовыхъ сократила рабочимъ плату, «рабочіе стали плакаться, что они привыкли-де къ пшеничной мукѣ, а отъ ржаной муки подводить животы у нихъ... А и теперь живутъ тагильцы такъ хорошо, какъ никогда не жили наши володимирскіе фабричныя»...

Вообще, мужикъ сталъ чувствительнѣе къ благамъ міра сего... Медицинскій персоналъ деревни наблюдалъ въ холеру 1910 г. небывалое раньше явленіе въ народѣ — боязнь холеры... Мужики обращались къ докторамъ со всякими пустяками по поводу желудочныхъ заболѣваній, охотно закупали предохранительныя средства, прибѣгали къ совѣтамъ и т. п.

Требую медицинскій помощи, мужикъ, конечно, продолжалъ прибѣгать и къ «своимъ средствамъ», существующимъ споконъ вѣковъ.

Такъ, на Ветлугѣ перваго холернаго (какъ и при другихъ эпидеміяхъ) покойника не выносятъ въ двери, какъ обыкновенно, а вытаскиваютъ черезъ окно. Несутъ его на кладбище не ногами впередъ, какъ всегда, а головою. Впереди гроба бѣгутъ сосѣди и топорами чертятъ кресты. Сзади шествуетъ баба съ метлою и замечаетъ по дорогѣ всѣ слѣды. Такъ идутъ по всей деревнѣ, а на обратномъ пути съ кладбища не оглядываются назадъ. Всѣ эти мѣры принимаютъ для того, чтобы холера ограничилась одной жертвой...

Для предупрежденія холерной эпидеміи многія ветлужскія деревни прибѣгали къ обычному «опахиванію» селеній...

Подобными суевѣріями полна жизнь русскаго мужика и въ XX вѣкѣ. Въ Василѣ «вѣрнымъ средствомъ противъ бѣшенства» считается очень немудрое: «надо съѣсть 40 милостынь», т. е. укушенный бѣшенымъ животнымъ долженъ обойти 40 домовъ, вездѣ попросить милостыни въ видѣ хлѣба, соли, воды—и все это съѣсть и выпить на мѣстѣ. Для богатыхъ людей средство упрощено: можно «нанять за себя старуху» и послать ее за 40 милостынями», которыя она же и съѣсть—«и помогать», какъ увѣряютъ васильчане... Они же рекомендуютъ для исцѣленія животнаго, которому угрожаетъ бѣшенство, тоже нехитрый приѣмъ: отрѣзать у искусаннаго кончикъ собственнаго хвоста и заставить съѣсть его—тоже «здорово помогать»...

Мужики с. Фокина, Васильскаго уѣзда, прибѣгаютъ въ случаяхъ эпизоотіи къ страшно жестокому средству: у воротъ двора «зарываютъ въ землю живого жеребенка»!.. Къ удивленію, мѣстные власти еще ни разу не привлекли къ суду жестокихъ фокинцевъ за такое дикое варварство...

На ряду съ подобными варварскими и нелѣпыми «средствіями» по-прежнему царить въ народѣ наивная, но глубокая вѣра въ разныя «небесныя знаменія» и т. д., и это не только въ деревенскихъ захолустьяхъ, но и въ городахъ, на большихъ дорогахъ... Въ томъ же приволжскомъ городѣ Василѣ какъ-то въ концѣ декабря 1909 г., когда газеты вдругъ заболтали о возможности новой войны съ Япоііей, васильчане тревожно рассказывали:

— Вчера былъ крестъ на небѣ... Ну, быть войнѣ!.. обижаютъ насъ японцы...

Никакого креста и не было, а на закатѣ видѣлся, нерѣдкій въ морозные дни, огненный столбъ—лучъ заходящаго солнца... Нѣкоторые васильчане видѣли надъ сосѣднимъ с. Воротынцемъ уже не простой крестъ, но «столъ, а на немъ крестъ»!..

На появившуюся въ началѣ января 1910 г. «планиду» они глядѣли съ большой тревогой, ожидая отъ кометы всякихъ пакостей. Газетная тревога на эту тему производила на васильчанъ самое сумбурное впечатлѣніе...

Всякая «чертовщина» по-старому жива и въ XX вѣкѣ и пужаетъ» не одного мужика, но и болѣе развитыхъ людей... Въ Василѣ «змѣй летаетъ» почему-то только къ «солдаткамъ», какъ къ беззащитнымъ безъ мужей женщинамъ, и въ результатѣ получается... неожиданное приращеніе семейства...

Правильному волжскому пароходству минуло уже болѣе 50 лѣтъ, а на Волгѣ встрѣчаются еще лица, не ѣздящія на пароходахъ, такъ какъ считаютъ ихъ «чортовыми машинами»... Какъ-то на пристани въ Козьмодемьянскѣ пришлось услышать любопытную версію о происхожденіи пароходовъ. Пожилой старовѣръ рассказывалъ старику-черемису:

— Одинъ старикъ говорилъ мнѣ, что читалъ въ древней книгѣ: когда Христось ходилъ по водамъ, яко по суху, сатана объявилъ, что и онъ будетъ также ходить, но «особымъ манеромъ»... Знато, на корабли и пароходы намекалъ...

— Извѣстно,—подтвердилъ черемись:—чортовы машины!.. А какъ бы эту древнюю книгу почитать?

— И я хотѣлъ ее достать, да пропала она...

— Да, если бы все дѣлать, какъ пишется въ божественныхъ книгахъ... Вотъ и на пароходахъ не годится ѣздить...

Этотъ разговоръ любопытенъ еще въ томъ отношеніи, что говорить о старообрядческихъ тенденціяхъ среди инородцевъ, хотя официально неизвѣстны инородцы-старовѣры. Впрочемъ, вѣдь почти всѣ инородцы официально считаются «православными», несмотря на ихъ явную наклонность къ своему старому язычеству, самыя реальныя переживанія котораго встрѣчаются у нихъ и доселѣ...

Отмѣчаю еще одинъ старообрядческій курьезъ, кажется, неизвѣстный въ литературѣ. Православный спрашиваетъ старовѣра:

— Почему у васъ чай называется «отчаянной травой»?

— А видишь ли: чаю сколько ни дуешь, а ничего тебѣ—каяться не будешь... ни тебѣ самому, ни ближнимъ твоимъ и никому вреда отъ чая не будетъ,—не въ чѣмъ и каяться-то! Какая жъ польза отъ него «для души»?!.. А вотъ водки выпьешь, наговоришь и надѣлаешь глупостей,—ну, и покаешься... Разница, братъ, большая! Для души водка пользительнѣе чая...

Н. Н. Оглоблинъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВНОВЬ НАЙДЕННАЯ СТРАНИЦА ПРОШЛАГО.

(Изъ переписки между Александромъ I и великой княгиней Екатериною Павловной).

СУЩЕСТВОВАНИИ оживленной переписки между императоромъ Александромъ Павловичемъ и его младшею сестрою, великою княгиней Екатериною Павловною, было извѣстно давно. Извѣстно было и то, что среди многочисленныхъ, нерѣдко перекрещивавшихся вліяній, подъ которыми прошла недолгая, но полная шума и движенія жизнь Александра Павловича, вліяніе этой его сестры занимало далеко не послѣднее мѣсто. Доказательствомъ можетъ служить уже одинъ тотъ фактъ, что знаменитая записка Карамзина о древней и новой Россіи, шедшая совершенно вразрѣзъ со взглядами Александра на отношенія имперіи къ Польшѣ, была вручена ему не къмъ инымъ, какъ Екатериною Павловною. Лица, детально знакомыя съ царствованіемъ перваго Александра, почти увѣрены, что и паденіе Сперанскаго не обошлось безъ вмѣшательства великой княгини.

Но вещественныхъ доказательствъ тѣсныхъ отношеній между братомъ и сестрой никто какъ-то не пытался доискиваться. Предполагалось, что вся переписка ихъ должна была храниться во дворцѣ принцевъ Ольденбургскихъ и погибла тамъ во время бывшаго въ немъ пожара въ 1849 году. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что переписка эта, по какой-то счастливой для насъ случайности, хранилась частью въ государственномъ архивѣ, частью въ собственной Его Величества библиотекѣ, гдѣ и лежала въ конвертѣ, запечатанная печатью Николая I. По еще болѣе счастливому случаю, она доста-

лась въ руки неутомимаго изслѣдователя Александровской эпохи великаго князя Николая Михайловича, который, получивъ разрѣшеніе, издалъ ее, снабдивъ прекраснымъ обстоятельнымъ предисловіемъ¹⁾. Такимъ образомъ, передъ нами давно недостававшее звено въ исторіи Александра I. Правда, то, что нашлось, составляетъ только часть переписки, но и эта часть имѣетъ огромное значеніе для правильнаго пониманія личности Благословеннаго. Съ первыхъ же писемъ читатель убѣждается, что бесѣда брата съ сестрой носитъ самый нѣжный, задушевный и откровенный характеръ и касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ, отъ вопросовъ чисто личныхъ до важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Поддерживая переписку съ любимой сестрой, Александръ Павловичъ, противъ обыкновенія, былъ съ ней особенно откровененъ, вполне увѣренный, что ничей посторонній глазъ не увидитъ его писемъ. Для этого имъ принималась всѣ мѣры предосторожности, и его письма попадали къ великой княгинѣ или съ фельдъегерями, или съ какой-нибудь оказіей. «Ради Бога не пишите мнѣ ничего важнаго по почтѣ,—предупреждаетъ онъ сестру.—Въ особенности ни слова о мартинистахъ. Зато черезъ фельдъегеря говорите со мной съ полнымъ довѣріемъ. Это правило, которому и я слѣдую». Въ присутствіи императрицы-матери, письма отъ брата передавались сестрѣ какъ-нибудь черезъ камердинера, великая княгиня посылала свои въ пакетахъ мужа, герцога Ольденбургскаго. Въ одномъ изъ писемъ Александра упоминается даже о шифрѣ, который изобрѣла для переписки съ нимъ великая княгиня. «Мнѣ отлично извѣстно,—писалъ сестрѣ въ маѣ 1812 г. государь:—что въ мои письма желаютъ сунуть свой носъ, и я приказалъ моему камердинеру носить вамъ мои письма и передавать ихъ вамъ только тогда, когда вы одна».

Въ изданіи августѣйшаго историка опубликовано всего 118 писемъ Александра къ сестрѣ и 100 писемъ къ нему великой княгини. Къ этому основному матеріалу приложены 51 записочка Александра Павловича, нѣсколько писемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, письма къ государю герцога Ольденбургскаго, завѣщаніе великой княгини и отрывокъ изъ воспоминаній княгини Ливенъ о пребываніи Александра Павловича и его сестры въ Лондонѣ лѣтомъ 1814 года. Всѣ эти матеріалы писаны по-французски, кромѣ духовной, которая составлена по-нѣмецки; на русскомъ лишь нѣкоторые дѣловыя канцелярскія бумаги.

Переписка между государемъ и великой княгиней начинается съ сентября 1805 г. Последнее письмо Александра помѣчено 24-го ноября 1818 года, т. е. было получено великой княгиней всего за нѣсколько дней до ея смерти. Письма идутъ очень часто, обыкно-

¹⁾ Великій князь Николай Михайловичъ. Переписка императора Александра I съ его сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. Спб. 1910.

венно ихъ раздѣляетъ промежутокъ всего въ нѣсколько дней, и Александръ Павловичъ чувствуетъ потребность писать сестрѣ даже въ тяжелые дни Бауцена, даже поздно ночью, когда глаза его слипаются отъ усталости и пережитыхъ за день волненій.

Не останавливаясь на отдѣльныхъ характерныхъ для обоихъ корреспондентовъ черточкахъ и болѣе мелкихъ, хотя и любопытныхъ для историка вопросахъ, затронутыхъ въ ихъ перепискѣ, мы отмѣтимъ лишь наиболѣе выдающіяся событія, которыхъ касались они въ своихъ письмахъ.

Въ 1807 г. великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ исполнилось девятнадцать лѣтъ, и императрица-мать была озабочена пріисканіемъ ей жениха. Задача эта была возложена на русскаго посланника въ Парижѣ кн. А. Б. Куракина. Пока князь объѣзжалъ европейскіе дворы, сватовство возникло само собой. Претендентомъ на руку великой княжны явился австрійскій императоръ Францъ, вторично къ этому времени овдовѣвшій. Несмотря на то, что ему тогда было уже 38 лѣтъ, Екатерина Павловна отнеслась къ его сватовству вполне сочувственно. «Императоръ сдѣлалъ счастливыми обѣихъ своихъ женъ, несмотря на то, что онѣ отличались противоположными характерами. Онъ далъ доказательства того, что можетъ быть хорошимъ мужемъ, а это уже много», писала она брату. «Мнѣ кажется,—читаемъ мы въ другомъ письмѣ:—что раса принцевъ раздѣляется на двѣ части—порядочныхъ, но мало способныхъ людей, и людей умныхъ, но отвратительныхъ. Первые, конечно, лучше».

Императоръ Александръ отвѣчалъ ей слѣдующимъ письмомъ: «Никто въ мірѣ не увѣритъ меня, чтобы этотъ бракъ могъ принести вамъ счастье. Я желалъ бы, чтобы вы были осуждены остаться 24 часа въ обществѣ этого человѣка. Пусть я не называюсь своимъ именемъ, если у васъ не пройдетъ всякое желаніе къ браку съ нимъ». Характерный отзывъ о своемъ союзникѣ, котораго Александръ Павловичъ, очевидно, долженъ былъ хорошо изучить. Противъ этого матримоніальнаго проекта оказалась и императрица Марія Теодоровна, и онъ потерпѣлъ крушеніе. «Могу вамъ сообщить самое пріятное,—писалъ государь сестрѣ въ сентябрѣ 1808 г. изъ Эрфурта:—о васъ больше не думаютъ».

Къ этому времени, впрочемъ, и сама великая княжна уже не думала объ австрійскомъ императорѣ, и ее, какъ и брата, занималъ Наполеонъ. Въ дни Тильзитскаго свиданія, когда, казалось, дружба между Александромъ и Наполеономъ окрѣпла окончательно, Екатерина Павловна могла читать такія строки въ письмѣ брата:

«Что скажете вы о происходящихъ событіяхъ? Мнѣ проводить дни съ Бонапартомъ, быть съ нимъ наединѣ цѣлые часы! Я спрашиваю васъ, не похоже ли все это на сновидѣніе? Пробыло уже полночь, и онъ только что вышелъ отъ меня. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ, чтобы вы были невидимымъ свидѣтелемъ того, что здѣсь происходитъ».

«Бонапартъ увѣряетъ, что я не болѣе, какъ глупецъ,—пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней изъ Веймара;—no rira le mieux qui rira le dernier!»

1809 годъ былъ поворотнымъ въ жизни Екатерины Павловны. Въ Петербургъ явились самолично два претендента на ея руку: принцъ Леопольдъ Кобургскій, будущій первый король бельгійскій, недавно скончавшійся, и принцъ Георгъ Ольденбургскій. Великая княжна отдала предпочтеніе второму, и 18-го апрѣля состоялось ихъ бракосочетаніе. Мужъ великой княгини былъ назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія и генераль-губернаторомъ тверскимъ, повгородскимъ и ярославскимъ. Мѣстопребываніемъ молодые избрали Тверь, гдѣ для нихъ былъ построенъ обширный домъ съ садомъ, получившій названіе Тверского дворца.

Въ Россіи теперь осталась одна невѣста, великая княжна Анна, младшая изъ дочерей императора Павла. Относительно нея возникло еще болѣе опасное сватовство, чѣмъ было съ ея сестрой. «Наполеонъ разводитъ и бросаетъ взоры на Анну,—писалъ государь въ Тверь.—Я сказалъ матушкѣ, что, конечно, она одна въ правѣ располагать моею сестрой и что я сдѣлаю все, что она хочетъ. Мое мнѣніе таково, что въ виду всякихъ затрудненій, недоброжелательства и ненависти къ этому человѣку (Наполеону) было бы менѣе неудобно отклонить, чѣмъ принять это предложеніе».

Такъ какъ о сватовствѣ Наполеона къ великой княжны Аннѣ Павловнѣ существуетъ нѣсколько версій, то мы позволимъ себѣ привести выдержки изъ первоисточника, т. е. изъ письма самой императрицы Маріи Ѳеодоровны къ ея старшей дочери. Письмо это писано въ Тверь изъ Петербурга 23-го декабря 1809 года.

«... Александръ прибылъ въ Гатчину въ среду 21-го. Онъ хмурился, хотя и старался показать, что онъ въ хорошемъ настроеніи. Послѣ обѣда мы остались вдвоемъ, и онъ сказалъ мнѣ: «Мама, вы требовали отъ меня, чтобы я, когда меня что-нибудь беспокоитъ, открылъ вамъ причину моего безпокойства. Теперь у меня есть такая причина. Ради Бога, не перебивайте меня и дайте мнѣ докончить, ибо дѣло это слишкомъ важно и можетъ имѣть весьма серьезныя послѣдствія въ зависимости отъ того, какое рѣшеніе будетъ принято. Прибылъ курьеръ изъ Парижа, тамъ происходятъ необыкновенныя вещи. Разводъ съ императрицей состоялся, и актъ развода скоро будетъ обнародованъ. Куракинъ сообщаетъ мнѣ, что его (Наполеона) семья хочетъ, чтобы онъ женился на своей племянницѣ, дочери Люсьена. Но онъ, какъ говорятъ, имѣетъ виды на Анну. Другіе же утверждаютъ, что выборъ падетъ на дочь императора Франца. Вы знаете, что я не придавалъ значенія такимъ слухамъ, когда дѣло шло о Катѣ, но теперь я имъ вѣрю. Судите сами, могу ли я не безпокоиться? Личность этого человѣка говоритъ противъ него. Послѣдствіемъ отказа будетъ обида, недоброжелатель-

ство, подвохи въ мелочахъ, ибо нужно знать этого человѣка, который, навѣрно, почувствуетъ себя оскорбленнымъ. Если онъ выберетъ эрцгерцогиню, онъ вступитъ въ союзъ съ Австріей и возвыситъ ее нарочно, чтобы намъ навредить. Если отъ нашего отказа будутъ вредныя послѣдствія, то что скажетъ народъ? Я нахожу, что это дѣло одно изъ самыхъ несчастныхъ, которое только могло случиться. Если отказать, то что отвѣчать, на что ссылаться?»

«Государство — съ одной стороны, мое дитя — съ другой, Александръ—государь, которому отказъ можетъ причинить непріятности, несчастія. Принять предложеніе значило бы погубить мою дочь, а еще Богъ знаетъ, были ли бы устранены государственныя несчастія. Это жестокое положеніе!» Такими словами характеризуетъ свое настроеніе императрица-мать.

«Прибывъ сюда (въ Гатчину),—пишетъ она далѣе,—Александръ зашелъ ко мнѣ и показалъ актъ, подписанный Румянцовымъ и Коленкуромъ, въ силу котораго вычеркивается названіе «Польша», дается обѣщаніе никогда не увеличивать владѣній великаго герцогства Варшавскаго и не возстановлять Польскаго королевства. «Мои опасенія оправдываются,—сказалъ онъ мнѣ.—Послѣ подписанія акта, Коленкуръ официально сообщилъ, что разводъ состоялся и прибавилъ, что было бы хорошо, если бы связи, соединяющія обѣ имперіи, укрѣпились бы еще болѣе нерасторжимымъ образомъ. Румянцовъ отвѣтилъ, что эти связи и безъ того очень тѣсны, но Коленкуръ нѣсколько разъ возвращался къ этому въ тѣхъ же выраженіяхъ, на что Румянцовъ отвѣчалъ молчаніемъ. Можетъ быть, это молчаніе помѣшаетъ Коленкуру итти далѣе. Но, великій Боже, кто можетъ отвѣчать ему, если этотъ несчастный человѣкъ заберетъ эту мысль въ голову?»

Въ концѣ концовъ рѣшено было отвѣчать Коленкуру, что великая княжна Анна Павловна еще слишкомъ молода, недостаточно развита физически, и что народъ былъ бы болѣе доволенъ, если бы она, по примѣру сестры, выйдя замужъ, продолжала оставаться въ Россіи.

Александръ Павловичъ вѣрно оцѣнилъ послѣдствія отказа Наполеону, и въ числѣ причинъ, приведшихъ въ концѣ концовъ къ войнѣ 1812 года, это неудачное сватовство сыграло свою роль.

Изъ переписки за 1812 годъ отмѣтимъ замѣчательное письмо императора Александра написанное 18-го сентября, т. е. спустя двѣ слишкомъ недѣли послѣ Бородинской битвы. Нигдѣ такъ откровенно и такъ опредѣленно не выражались взгляды государя на вождей арміи, какъ въ этомъ письмѣ.

«Что можетъ сдѣлать человѣкъ, какъ не слѣдовать своему крѣпкому убѣжденію?—писалъ императоръ.—Только оно и руководило мной. Оно и заставило меня назначить Барклай командующимъ первой арміей благодаря репутаціи, которую онъ составилъ себѣ

въ прошлыя войны съ французами и шведами. Оно же вселило въ меня мысль, будто онъ превосходить своими знаніями Багратіона. Когда это убѣжденіе окрѣпло еще болѣе, вслѣдствіе ошибокъ, которыя этотъ послѣдній надѣлалъ въ настоящей кампаніи, то я менѣе всего считалъ его способнымъ командовать обѣими арміями подь Смоленскомъ. Хотя я не былъ доволенъ всѣмъ, что мнѣ пришлось видѣть отъ Барклая, тѣмъ не менѣе я считалъ, что онъ не такъ плохъ въ стратегіи, какъ другой, который не имѣетъ о ней никакого понятія. Наконецъ, по моему мнѣнію, у меня въ то время не было болѣе способнаго, котораго можно было поставить на это мѣсто.

«Совершенно невѣрно, будто бы генераль-адъютантъ Кутузовъ передалъ мнѣ рѣшительныя представленія со стороны генераловъ, находящихся при арміи. Онъ прибылъ просто для того, чтобы дать мнѣ отчетъ о событіяхъ, разыгравшихся въ окрестностяхъ Витебска. На предложенный мною самимъ вопросъ, онъ мнѣ сказалъ, что въ арміи считаютъ и Барклая, и Багратіона одинаково неспособными командовать такой большой массой и что въ арміи желали бы имѣть Петра Палена ¹⁾. Не говоря уже о вѣроломномъ и безнравственномъ характерѣ этого человѣка и его преступленіяхъ, стоило вспомнить только то, что онъ уже 18—20 лѣтъ не видалъ непріятеля и послѣдній разъ, когда онъ участвовалъ въ бою, былъ только бригаднымъ генераломъ.

«Въ Петербургѣ я засталъ всѣ умы настроенными въ пользу назначенія главнокомандующимъ Кутузова: это былъ общій голосъ. Зная этого человѣка, я сначала было воспротивился, но когда и Ростопчинъ мнѣ сообщилъ, что вся Москва желаетъ, чтобы командовалъ Кутузовъ, находя, что Барклай и Багратіонъ неспособны на это, и когда Барклай, словно нарочно, дѣлалъ подь Смоленскомъ глупость за глупостью, мнѣ оставалось только уступить общему желанію, и я назначилъ Кутузова. Я теперь думаю, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, я не могъ предпринять ничего иного, какъ склониться въ пользу того изъ трехъ генераловъ, одинаково мало способныхъ быть главнокомандующимъ, на котораго указывалъ общій голосъ».

1812 годъ оказался роковымъ не только для брата, но и для сестры. Посѣщая госпитали Ярославля, принцъ Ольденбургскій заразился горячкою и 14-го сентября скончался, оставивъ послѣ себя единственнаго сына, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, снискавшаго впослѣдствіи большую любовь и популярность своей благотворительной дѣятельностью.

¹⁾ Т. е. того самаго, который руководилъ заговоромъ противъ императора Павла.

Чтобы разсѣять тяжелое настроеніе, охватившее великую княгиню послѣ смерти ея супруга, весною слѣдующаго года она предпринимаетъ путешествіе по Европѣ. Сначала она направляется въ Германію, которая въ это время была наводнена русскими войсками, подвигавшимися къ Парижу. Между прочимъ великая княгиня рѣшила посѣтить Ольденбургъ и, по странной случайности судьбы, въѣхала въ столицу герцогства на тѣхъ самыхъ ямщикахъ, которые возили ее въ Твери. «Я нашла здѣсь графа Строганова,—пишетъ она брату,—и нѣсколько русскихъ полковъ, а среди нихъ и тверскихъ ямщиковъ, которыхъ я знаю. Мы очень обрадовались, увидѣвъ другъ друга. Они принудили меня взять ихъ лошадей, и я въѣхала въ Ольденбургъ на тверскихъ извозчикахъ и какъ разъ на томъ самомъ, который бывалъ у меня въ домѣ».

Пребываніе великой княгини въ Ольденбургѣ длилось недолго, и уже въ мартѣ 1814 года она адресуетъ свои письма изъ Голландіи, откуда собирается переѣхать въ Англію.

О пребываніи ея въ Лондонѣ и приѣздѣ туда лѣтомъ 1814 года императора Александра мы находимъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ отрывкѣ изъ воспоминаній княгини Ливень. Воспоминанія эти хранятся въ собственной Ея Величества библиотекѣ и потому, конечно, не могли войти въ извѣстную книгу Эрнеста Додэ: «*Une vie d'Ambassadrice*», посвященную княгинѣ Ливень.

Такъ какъ пребываніе брата и сестры въ англійской столицѣ имѣло чрезвычайно важныя политическія послѣдствія, а съ другой стороны прекрасно обрисовываетъ характеръ великой княгини, то мы сдѣлаемъ изъ этихъ любопытныхъ воспоминаній нѣсколько болѣе обширное извлеченіе.

«Великая княгиня Екатерина Павловна,—пишетъ авторъ воспоминаній,—жила въ Лондонѣ съ марта мѣсяца, т. е. прибыла туда за три мѣсяца до приѣзда императора. Это была личность замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ. Было извѣстно, что она имѣетъ очень большую власть надъ братомъ и, если это вліяніе не проявлялось въ государственныхъ дѣлахъ, оно тѣмъ не менѣе существовало въ нихъ частныхъ отношеніяхъ.

«Великая княгиня отличалась непомѣрнымъ властолюбіемъ и самолюбіемъ, которое, быть можетъ, превосходило ея заслуги. Мнѣ никогда не приходилось видѣть женщины, которая бы до такой степени была одержима потребностью передвигаться, дѣйствовать, появляться и затмевать другихъ. Она отличалась оборотливостью манеръ и взгляда, твердой поступью, гордымъ и при этомъ милостивымъ видомъ. Въ чертахъ ея лица было мало классическаго, но зато цвѣтъ ея лица былъ ослѣпительный, глаза блестящи, а волосы были превосходны. Во всей ея фигурѣ было что-то поразительное и вмѣстѣ съ тѣмъ чарующее. Воспитанная въ большой школѣ, она прекрасно умѣла соблюдать приличія и обладала воз-

вышенными чувствами. Выражалась она красиво, не мѣняя никогда своего повелительнаго тона. То былъ смѣлый и блестящій умъ, твердый и повелительный характеръ. Она поразила англичанъ до того, что не могла имъ понравиться».

Надо замѣтить, что при англійскомъ дворѣ того времени отношенія между членами королевской семьи носили весьма натянутый характеръ. Король Георгъ III въ 1811 году окончательно сошелъ съ ума, и его замѣнилъ, въ качествѣ регента, его старшій сынъ, принцъ Уэльскій, царствовавшій потомъ подъ именемъ Георга IV. Неприятный народу, распущенный и грубый, принцъ Уэльскій разошелся съ своею женой, принцессой Каролиной, которая жила вдали отъ двора въ Блэкхедѣ. Заразившись примѣромъ мужа, принцесса вела крайне скандальный образъ жизни и вполнѣтвѣтствіи прославилась своими похождениями на всю Европу. Отъ этого брака была дочь, принцесса Шарлотта, вышедшая замужъ за упоминавшагося выше Леопольда бельгійскаго, но вскорѣ умершая.

«Въ то время,—продолжаетъ княгиня Ливень,—когда великая княгиня прибыла въ Англію, дворъ сосредоточивался почти исключительно въ лицѣ регента. Королева-мать¹⁾ выѣзжала изъ Виндзора въ очень рѣдкихъ случаяхъ и не принимала у себя никого. Принцессы, ея дочери, не разставались съ нею. Принцесса Уэльская была удалена отъ двора, герцогиня Йорская жила въ деревнѣ одна, занимаясь звѣринцемъ обезьянъ и собаками. Принцесса Шарлотта была еще слишкомъ молода и не появлялась при дворѣ своего отца. Изъ принцевъ у брата бывалъ лишь герцогъ Йорскій, принцы Кларенскій и Кентскій бывали у него очень рѣдко, герцогъ Суссекскій не бывалъ никогда. Собственно говоря, никакого двора въ Лондонѣ не было. Королева давала раутъ раза два въ году и съ большими промежутками бывала иногда на вечерахъ у регента.

Какъ видно изъ письма великой княгини, сопровождать ее въ Англію долженъ былъ герцогъ Кларенскій, но онъ на цѣлую недѣлю опоздалъ прибыть съ своимъ кораблемъ въ Голландію, и это обстоятельство сразу же враждебно настроило противъ него самолюбивую великую княгиню.

«Несмотря на мое сопротивленіе,—пишетъ она брату 20 марта изъ Лондона:—я должна была ѣхать на фрегатѣ «Язонъ» съ герцогомъ Кларенскимъ, который проявлялъ и продолжаетъ проявлять удручающую любезность».

Въ слѣдующемъ письмѣ она рассказываетъ брату, съ какимъ энтузіазмомъ приняли ее англичане, чувствуя въ ней сестру «освободителя міра», а затѣмъ переходитъ къ личнымъ впечатлѣніямъ, которыя произвела на нее королевская семья. «Регентъ, хотя и красивъ, но, видимо, человѣкъ потрепанный всякими излишествами

¹⁾ Т. е. супруга сумасшедшаго Георга III.

и скорѣе непріятный: его манеры общепризнаннаго ловеласа представляютъ смѣсь претенціозности; благодаря его обычному дурному обществу, онъ нерѣдко переходитъ въ тонъ гадкаго распутника. Его прославленная любезность отличается самымъ распушеннымъ, — я скажу, даже болѣе — самымъ грязнымъ тономъ, который я когда-либо слышала. Вы знаете, что я не отличаюсь особой щепетильностью, но клянусь вамъ, что съ нимъ и съ его братьями я не знала, что мнѣ дѣлать съ моими глазами и ушами. Регентъ восторгается вашими лентами, брильянтами, своей посудой, своимъ поваромъ, слозно ребенокъ или рагвену. Королева, слывущая женщиной рѣзкой, была обворожительна со мной. Принцессы Елизавета и Марія, которыхъ принимаютъ за статуи, совершенно на нихъ не походятъ. Принцесса Шарлотта вовсе не ребенокъ, какимъ ее считаютъ. Она подходитъ къ мужчинамъ, безразлично, къ молодымъ и старымъ, беретъ ихъ за руку и съ силою трясетъ. На ходу она дѣлаетъ прыжки, ея платье плотно ее обхватываетъ и такъ какъ оно не доходитъ до икръ, то при малѣйшемъ движеніи грозятъ обнажиться колѣни. Она похожа на мальчика, или, лучше сказать, на шалуна, переодѣтаго дѣвочкой».

При пріѣздѣ великой княгини въ Англію, регентъ, по словамъ княгини Ливенъ, назначилъ сэра Гильгрома Тернера состоять при ней въ качествѣ камергера, но почему-то не отвелъ для нея апартаментовъ во дворцѣ, такъ что помѣщеніе для августѣйшей путешественницы пришлось приготовить князю Ливену. Для нея былъ снятъ Pultney-Hotel на Пикадилли.

«На другой день послѣ ея прибытія, — рассказываетъ княгиня, — регентъ явился къ ней съ визитомъ. По забывчивости или случайно, великая княгиня не успѣла еще окончить свой туалетъ, когда онъ прибылъ. Она хотѣла его встрѣтить на верхней площадкѣ лѣстницы, но тамъ оказались только я и мой мужъ. Она прибѣжала въ послѣдності, но регентъ былъ уже въ гостиной. Туалетъ великой княгини былъ въ порядкѣ лишь на половину, она была смущена и лишилась обычной самоувѣренности. Съ регентомъ она прошла въ свой кабинетъ и вышла оттуда черезъ четверть часа. Затѣмъ она проводила его до лѣстницы. Я сейчасъ же замѣтила, что ихъ tête-à-tête не удалось: и тотъ и другой, видимо, не особенно были довольны. Проходя мимо меня, регентъ замѣтилъ: «Ваша великая княгиня не красива». Вслѣдъ за тѣмъ она сказала мнѣ: «Вашъ принцъ отличается дурнымъ тономъ».

«Въ тотъ же день въ Лондонъ пріѣхала королева, чтобы принять великую княгиню, которая представилась ей въ Букингемскомъ дворцѣ. Черезъ часъ они снова увидались въ Carlton House. За этимъ обѣдомъ все было ясно, что принцъ и великая княгиня не подходятъ другъ къ другу. Она носила трауръ по своему мужу и охотно говорила о своихъ горестяхъ, но регентъ плохо этому вѣ-

рилъ. Обыкновенно онъ вель бесѣду нѣсколько развязно, но, обладая умомъ и тактомъ, онъ умѣлъ себя сдерживать. Къ величайшему моему изумленію, вмѣсто того, чтобы вторить великой княгинѣ, онъ дѣлалъ довольно легкомысленныя замѣчанія относительно ея траура и позволялъ себѣ предсказывать, что она найдетъ себѣ утѣшеніе. Начало было весьма печальное. Она отвѣчала полнымъ молчаніемъ и высокоомѣрнымъ взглядомъ.

«На придворныхъ вечерахъ обыкновенно всегда играла музыка. На этотъ разъ пригласили итальянцевъ. Великая княгиня объявила, что музыка причиняетъ ей боль. Музыкантовъ отослали, и никто не зналъ, чѣмъ заняться. Королева и регентъ были недовольны, вечеръ не удался, и лишь великая княгиня вполнѣ наслаждалась этимъ замѣшательствомъ.

«Убѣдившись, что она не понравилась регенту, великая княгиня не пропускала случая, чтобы еще болѣе раздражить его. Она очень холодно обходилась съ министрами и была намѣренно неучтива съ фавориткой короля маркизой Гертфордъ, мужъ которой занимаетъ при дворѣ первое мѣсто. Она завязала интимныя связи съ принцессой Шарлоттой, которая была въ дурныхъ отношеніяхъ съ отцомъ. Она принимала у себя членовъ оппозиціи и была весьма милостива съ лицами, явно враждебными двору. Наконецъ, она пожелала познакомиться съ принцессой Уэльской. Это значило идти на полный разрывъ съ регентомъ, и мой мужъ дѣлалъ величайшія усилія, чтобы отклонить отъ этого великую княгиню. Видя, что это ему не удастся, онъ рѣшился наконецъ ей заявить, что, въ качествѣ посла государя императора, онъ не можетъ допустить, чтобы ея императорское высочество становилась въ явно враждебное отношеніе къ регенту, и что если она будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи видѣть принцессу Уэльскую, то онъ не можетъ заниматься государственными дѣлами и увѣдомить объ этомъ государя императора. Видя его рѣшимость, она уступила, но никогда не могла простить этого моему мужу и, въ свою очередь, объявила ему, что освобождаетъ его отъ визитовъ къ ней.

«Съ самаго своего прибытія великая княгиня пріѣзжала къ намъ¹⁾ въ опредѣленные дни на обѣдъ для того, чтобы встрѣчаться здѣсь съ наиболѣе выдающимся представителями общества. Тутъ были нѣкоторыя неудобства. Великая княгиня сама просматривала списокъ приглашенныхъ и отдавала предпочтеніе вѣтамъ. Она требовала исключенія лицъ, принадлежащихъ ко двору, и лишь нрѣдка терпѣла министровъ. Каждый обѣдъ вызывалъ легкія пререканія между нею и моимъ мужемъ. Въ дни этихъ обѣдовъ князь неизмѣнно встрѣчалъ ее внизу лѣстницы. Она принимала его руку, чтобы идти къ столу. Онъ садился рядомъ съ нею, но она никогда не промолвила

¹⁾ Т. е. въ русское посольство.

съ нимъ ни одного слова. Эти нѣмая сношенія продолжались въ теченіе двухъ цѣлыхъ мѣсяцевъ, и она стала говорить съ княземъ только наканунѣ прїѣзда государя.

«Съ самаго начала своего прибытія въ Англію, великая княгиня одержала здѣсь двѣ побѣды. Каждого изъ англійскихъ принцевъ она приняла въ отдѣльной аудіенціи. Герцогъ Суссекскій, не бывавшій совсѣмъ при дворѣ, просилъ у нея, по этой причинѣ, разрѣшенія навѣщать ее чаще. Послѣ нѣсколькихъ визитовъ, онъ написалъ ей довольно неловкое письмо, въ которомъ объяснился ей въ любви и просилъ ея руки. Великая княгиня приказала не принимать его и съ того времени болѣе его не видала.

«Герцогъ Кларенскій, увидѣвъ, что его братъ принужденъ устраниваться, занялъ его мѣсто и сдѣлалъ великой княгини предложеніе устно и, безъ сомнѣнія, съ манерами настоящаго моряка. Великая княгиня оскорбилась и также не велѣла его принимать. Не довольствуясь этимъ, она потребовала отъ регента, чтобы тотъ удалялъ его изъ тѣхъ собраній, на которыхъ она можетъ появиться.

«Отказывая женихамъ, великая княгиня находила удовольствіе отнимать ихъ у другихъ. Въ Лондонѣ упорно говорили и вѣрили, что, поощряя принцессу Шарлотту къ разрыву съ принцемъ Оранскимъ, она приберегала его для себя самой. Она была задѣта очень чувствительно, узнавъ, что король Людовикъ XVIII завязалъ черезъ моего мужа переговоры о бракѣ герцога Беррійскаго съ Анной Павловною. Объ этомъ она узнала изъ письма къ ней государя. Призвавъ моего мужа, она стала рѣзко упрекать его за то, что онъ скрылъ отъ нея этотъ шагъ, и прибавила: «съ просьбой о союзѣ съ Россіей французскій король долженъ былъ обратиться ко мнѣ».

Безъ всякаго сомнѣнія, императоръ Александръ подробно зналъ о всѣхъ непріятностяхъ, которыя постигали его сестру въ Англіи. Онъ прїѣхалъ въ Лондонъ, видимо, уже предубѣжденный противъ многихъ, съ уже сложившимися, подъ вліяніемъ сестры симпатіями и антипатіями. Государь прибылъ сюда вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и съ многочисленной свитой военачальниковъ и дипломатовъ. Меттернихъ, разумѣется, былъ на первомъ планѣ.

«Регентъ приказалъ приготовить апартаменты для императора Александра и короля прусскаго въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ,— продолжаетъ свой рассказъ княгиня Ливенъ.—Но ими воспользовался только король, государь же пожелалъ жить у сестры. Онъ прїѣхалъ изъ Дувра вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ въ каретѣ моего мужа и прибылъ въ Лондонъ 7 іюня, не узнанный огромной толпою, которая поджидала его на всемъ пути. На послѣднемъ перегонѣ были устроены подмостки амфитеатромъ, они были переполнены любопытными; мѣста продавались за огромную цѣну.

«Какъ только государь прибылъ на улицу Пикадилли, ему доложили о томъ, что регентъ будетъ къ нему съ визитомъ, но этого ви-

зита мы ждали отъ часу до четырехъ. Въ теченіе этого времени толпа постепенно увеличивалась, крики «ура» не прекращались. Государь время отъ времени показывался на балконѣ. Между тѣмъ время шло, а регентъ не ѣхалъ. Государь начиналъ терять терпѣніе, а великая княгиня, взглядывая на брата, говорила: «Вотъ человѣкъ!» Наконецъ, въ четыре часа моему мужу принесли записку отъ сэра Блумфильда, которая гласила слѣдующее: «Его величеству угрожаютъ оскорбленіями, если онъ появится на улицѣ. Поэтому онъ лишенъ возможности прибыть къ императору».

«Великая княгиня не скрывала своей радости. Государь, прочитавъ записку, сѣлъ въ карету моего мужа и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Карлтонъ-Гаузъ.

«Около получаса пробылъ онъ тамъ съ регентомъ. Выходя оттуда, онъ сказалъ князю: «Бѣдный король!» Регентъ, въ свою очередь, ни разу не былъ у императора. Сначала ему было неприятно, что государь не захотѣлъ остановиться въ дворцовыхъ апартаментяхъ, а затѣмъ онъ ссымался на то, что входъ въ домъ, гдѣ жилъ императоръ, слишкомъ у всѣхъ на виду. Такимъ образомъ, первое ихъ свиданіе наединѣ было и послѣднимъ.

На другой день послѣ прибытія государя въ Карлтонъ-Гаузъ былъ обѣдъ. Государь имѣлъ скучающій и принужденный видъ, король прусскій, по обыкновенію строгій и сдержанный, хранилъ молчаніе, регентъ напрасно дѣлалъ усилія, а великая княгиня никому не хотѣла прийти на помощь. Послѣ обѣда королева сидѣла подъ балдахиномъ, присутствовавшіе, подходя, кланялись ей, а затѣмъ проходили или не проходили передъ императоромъ. Онъ держался въ сторонѣ, иногда прибѣгалъ къ своему лорнету и спрашивалъ меня относительно нѣкоторыхъ женщинъ, которыя особенно бросились ему въ глаза.

Регентъ отыскалъ маркизу Гертфордъ и подвелъ ее къ государю, который поклонился, но не сказалъ ей ни слова. Регентъ подумалъ, что онъ не хорошо разслышалъ, и снова громко сказалъ: «Это маркиза Гертфордъ». Но и это не имѣло успѣха. Маркиза, отличавшаяся величавымъ видомъ, сдѣлала глубокій реверансъ, бросая при этомъ самые высокомерные взгляды. Въ ея взглядѣ обозначалась судьба всего путешествія сюда.

«Императоръ Александръ былъ высокаго роста и отличался величавой осанкой. Но его манера держаться не была безупречна. Въ гостиныхъ особенно онъ держалъ себя скорѣе, какъ молодой человѣкъ, чѣмъ императоръ: его изящество казалось даже нѣсколько аффектированнымъ. Тѣмъ не менѣе его появленіе производило поразительное впечатленіе. На улицахъ и въ театрахъ всѣ выражали безумный восторгъ. Когда онъ выѣзжалъ или пріѣзжалъ въ каретѣ, то завязывалась настоящая борьба: каждый хотѣлъ пожать ему руку. Государь относился къ этому добродушно, и это еще бо-

лѣе восхищало толпу. Однажды я сопровождала государя и великую княгиню на засѣданіе нижней палаты. Великая княгиня только что вернулась съ прощальнаго визита короля, на ней была лента, прикрѣпленная на плечѣ богатой брильянтовой застежкой. Когда она выходила изъ кареты у парламента, толпа, по обыкновенію появившаяся вокругъ императора, была такъ велика, что одинъ изъ его поклонниковъ въ давкѣ сорвалъ съ великой княгини застежку, Прежде, чѣмъ я могла объ этомъ сказать, застежка была возвращена съ тысячами извиненій. Это очень позабавило государя.

«Въ салонахъ онъ имѣлъ не меньшій успѣхъ, но другого рода. Тамъ онъ былъ только молодымъ человѣкомъ, прекрасно танцевалъ, ухаживалъ за женщинами, но исключительно за молодыми, и упорно отказывался, хотя изъ вѣжливости, промолвить слово съ тѣми, которыя уже не были молоды. Однажды на балу у маркизы Чонмонделей я сказала государю, указывая ему на маркизу Гертфордъ, съ которой онъ еще не обмѣнялся ни однимъ словомъ: «Ваше величество, здѣсь есть одна особа, которая ждетъ отъ васъ слова».

«— Она довольно стара,—отвѣчалъ онъ и не подошелъ къ маркизѣ».

«Его постоянно окружали, льстили ему. Побѣды его, какъ и его ухаживанія, были неисчислимы. Заигрыванія съ нимъ женщинъ иногда принимали весьма страшный видъ. На этомъ же вечерѣ очень красивая, но и очень глупая лэди Сарра Бэлей подозвала его къ себѣ и, не зная, что ему сказать, подумавъ нѣсколько секундъ, предложила ему... свой флаконъ съ одеколономъ. Императоръ отказывался, она настаивала, наконецъ, она вылила все содержимое флакона на платокъ, который былъ въ это время у него въ рукахъ, что нѣсколько повредило бѣлому туалету, въ которомъ былъ государь. Онъ быстро отошелъ отъ нея послѣ этого крещенія и покраснѣлъ, ибо больше всего на свѣтѣ онъ боялся показаться смѣшнымъ».

Получивъ отъ принцессы Уэльской привѣтственное письмо, Александръ Павловичъ, очевидно, подъ вліяніемъ сестры, захотѣлъ лично видѣть опальную принцессу и сказалъ объ этомъ князю Ливену.

«Князь сослался на формальное заявленіе, которое было сдѣлано лордомъ Кастльри при нашемъ прибытіи въ Англію о томъ, что принцесса Уэльская исключена изъ королевской семьи и что всякое сношеніе съ ней членовъ дипломатическаго корпуса регентъ будетъ считать личнымъ себѣ оскорбленіемъ».

«При этихъ словахъ государь нахмурился и, подумавъ нѣсколько секундъ, сказалъ:

«— Я не посланникъ и не нахожусь при англійскомъ дворѣ. Въ «Королевскомъ календарѣ» я нахожу имя принцессы Уэльской и считаю своимъ долгомъ сдѣлать ей визитъ, какъ и другимъ принцессамъ».

«— Ваше величество поссоритесь съ регентомъ, посмотримъ, какъ тогда пойдутъ дѣла.

«Государь задумался и не сказалъ ни да, ни нѣтъ. Онъ не поѣхалъ къ принцессѣ Уэльской, хотя позднѣе распространился слухъ, что онъ видѣлся съ нею въ Kensington garden и что великая княгиня присутствовала при этой встрѣчѣ».

До чего доходило желаніе Екатерины Павловны дѣлать регенту всякія непріятности, доказываетъ слѣдующій случай, о которомъ рассказываетъ княгиня Ливень.

На парадномъ обѣдѣ, данномъ лондонскимъ Сити въ зданіи биржи Гильдголлъ, въ первой парѣ шель къ столу король прусскій, ведшій великую княгиню, за ними шель Александръ Павловичъ съ герцогиней Юркской, регентъ съ княгиней шли въ третьей парѣ. Проходя по заламъ, переполненнымъ приглашенными, государь нарочно пожималъ руки наиболѣе непріятнымъ для регента членамъ оппозиціи, въ родѣ лорда Грея и лорда Голланда. Онъ нарочно останавливался передъ ними и вступалъ съ ними въ разговоръ, останавливая этимъ все шествіе и какъ бы не замѣчая, что властолюбивому принцу-регенту также приходится стоять передъ своими оппозиционными лордами.

Но этимъ дѣло не кончилось. Когда начался обѣдъ, заиграла, по обыкновенію, музыка, исполнявшая національныя мелодіи. Великая княгиня стала протестовать, заявляя, что ей отъ музыки дѣлается дурно. Ко всеобщему удивленію, музыка принуждена была вдругъ смолкнуть.

Къ концу обѣда между сидѣвшими за столами поднялась какая-то агитація. Нѣсколько человекъ подходили къ регенту и что-то говорили ему на ухо. Наконецъ, дѣло объяснилось: присутствовавшіе просили разрѣшенія пропѣть англійскій гимнъ «God save the king», безъ котораго не обходится въ Англійи ни одно торжество. Доложили великой княгинѣ.

— Какъ будто это не та же самая музыка!—отвѣчала она высокомерно.

Регентъ покорился ея капризу, по шумъ продолжалъ усиливаться. Наконецъ княгинѣ Ливень подали записку, въ которой кто-то писалъ ей: «Если ваша великая княгиня не разрѣшитъ музыку, то мы не отвѣчаемъ за королевскій столъ».

Княгиня передала эту записку Екатеринѣ Павловнѣ.

— Пусть ревутъ, какъ ослы!—отвѣчала та.

И гимнъ былъ исполненъ.

При разѣздѣ съ обѣда первый министр лордъ Ливерпуль подошелъ къ супругѣ нашего посланника и сказалъ ей:

— Если не умѣешь себя держать, какъ слѣдуетъ, то лучше оставаться дома.

Не проходило дня, чтобы Александръ Павловичъ или его сестра не сдѣлали какой-нибудь новой непріятности регенту. Читая записки княгини Ливенъ, можно подумать, что они явились въ Англію специально для того, чтобы озлоблять противъ себя англійское правительство и такимъ образомъ жестоко вредить Россіи.

На другой день послѣ обѣда въ лондонской биржѣ состоялся большой смотръ войскамъ въ Гайдъ-паркѣ. Александръ Павловичъ прибылъ туда аккуратно къ назначенному часу, но регентъ опоздалъ и заставилъ его ждать цѣлый часъ. Черезъ нѣсколько дней на одномъ изъ придворныхъ вечеровъ русскій императоръ, въ свою очередь, заставилъ регента ждать такъ долго, что тотъ, потерявъ терпѣніе, неоднократно посылалъ за нимъ. Наконецъ, около полуночи Александръ Павловичъ появился въ залѣ, извиняясь тѣмъ, что онъ задержался съ визитомъ у ненавистнаго регенту лорда Грея!

Желая подчеркнуть свое благоволеніе къ врагамъ регента, Александръ Павловичъ особенно ухаживалъ за леди Джерсей, которая открыто выражала свою ненависть къ королевскому дому, и пожелалъ быть у нея на балу.

Балъ былъ назначенъ на 15 іюня.

Чтобы предупредить эту демонстративную выходку, регентъ предложилъ своему гостю осмотрѣть оxfordскій университетъ и, получивъ согласіе, назначилъ поѣздку въ Оксфордъ на 14-го іюня.

Такъ какъ въ оxfordскомъ университетѣ предполагались большія торжества, то регентъ, очевидно, рассчитывалъ, что государь не успѣетъ попасть на балъ къ леди Джерсей. Но Александръ Павловичъ не пожалѣлъ себя, лишь бы только досадить регенту. Прибывъ въ Лондонъ въ 3 часа ночи на 16 іюня, онъ едва успѣлъ переодѣться въ туалетъ и помчался на балъ. Заставъ тамъ нѣсколько загодя гостей, государь протанцевалъ scotch reel и въ 5 часовъ утра отбылъ обратно.

Подражая государю, такъ же вызывающе вели себя и сопровождавшія его лица. Вотъ характерный эпизодъ, который занесенъ княгиней Ливенъ на страницы ея воспоминаній.

Однажды императору нужно было куда-то ѣхать. Сопровождавшему его графу Ожаровскому наскучило ждать экипажей, и онъ потребовалъ объясненій отъ лорда Ярмута, завѣдывавшаго этимъ дѣломъ. Тотъ отвѣтилъ, что еще рано.

— Но вѣдь экипажи должны ждать, и ваша обязанность слѣдить за ними.

Лордъ промолчалъ, сѣлъ на канапэ и погрузился въ чтеніе.

Но Ожаровскій не унимался.

— Посмотрите же, не пріѣхали ли экипажи!—вскричалъ онъ.

— У васъ прекрасные глаза,—высокомѣрно отвѣтилъ лордъ:— не хотите ли посмотрѣть сами.

Само собою разумѣется, что всѣ эти намѣренные безтактности возстановили противъ Александра Павловича и его сестры всю официальную Англiю, и Меттерниху оставалось только использовать создавшееся положенiе. По словамъ записокъ, онъ ловко высмѣивалъ регента передъ великой княгиней и смѣялся надъ Александромъ Павловичемъ, когда бывалъ у регента. Онъ совсѣмъ овладѣлъ этимъ недалекимъ человѣкомъ, выпросилъ для него австрiйскiй орденъ Золотого Руна, съ которымъ Георгъ IV не разставался, и добился назначенiя его фельдмаршаломъ австрiйскихъ войскъ.

Послѣдствiя не заставили себя долго ждать. Регентъ и лордъ Каствлри на Вѣнскомъ конгрессѣ, совмѣстно съ Меттернихомъ и Талейраномъ, устроили тройственное соглашенiе противъ Россiи, о чемъ наши дипломаты, кажется, и не догадывались въ свое время!

Несмотря на всѣ неприятности, пребыванiе въ Англiи имѣло очень важныя послѣдствiя для великой княгини. Именно здѣсь было рѣшено вторичное ея замужество, и выборъ ея палъ на наследнаго принца Вюртембергскаго Вильгельма.

Бракосочетанiе ихъ было совершено въ Петербургѣ 12 (24) января 1816 года. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Екатерина Павловна стала королевой Вюртембергской, но семейное счастье не было суждено ей. 28 декабря 1818 года она скончалась отъ рожистаго воспаления, оставивъ послѣ себя двухъ дочерей отъ второго брака— Марiю, бывшую съ 1842 года въ замужествѣ за графомъ Альфредомъ Нейпергомъ, сыномъ того графа Нейперга, который женился на вдовѣ Наполеона I Марiи-Луизѣ, и Софiю, вышедшую впоследствии замужъ за наследнаго принца Нидерландскаго, родного племянника Екатерины Павловны, сына ея сестры Анны Павловны.

А. Б. Михайловъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КОНВОЙНАГО ОФИЦЕРА.

Въ П—Ой губернской тюрьмѣ этапный день. Это видно по толпѣ разношерстнаго люда, осаждающей тюремную ограду и съ напряженнымъ вниманіемъ поджидающей момента, когда, наконецъ, откроются ворота и оттуда покажутся арестанты. Толпу составляютъ преимущественно бабы-торговки и обитательницы предмѣстій. У всѣхъ узелки съ хлѣбомъ, огурцами и иною снѣдью, которою онѣ приготовились снабдить арестантовъ на дорогу. Каждая старается стать впереди, чтобы первой всучить свой гостинецъ. Отъ этого толкотня, шумъ. Полиція навѣдываетъ порядокъ. Физиономіи бабъ вытянуты, невеселы; многія бабы, видимо, приготовились плакать и жалостливо скривили лица, громко по временамъ вздыхая.

Но вотъ въ сторонѣ послышались крики:

— Разступись! Прочь!..

Это подошелъ конвой, состоящій изъ человѣкъ двадцати солдатъ и унтеръ-офицера, съ сумкою чрезъ плечо. У каждаго конвоира за поясомъ заткнута пара желѣзныхъ наручней.

Толпа разступилась, давая дорогу. Звякнулъ засовъ желѣзныхъ воротъ, показался надзиратель и впустилъ конвой во дворъ. Затѣмъ вновь плотно затворились массивныя ворота.

Этапъ въ этотъ разъ для П—ой тюрьмы большой. Съ тридцатью ссыльными и ссыльно-каторжными отправляются и ихъ семей-

ства да еще нѣсколько арестантовъ, слѣдующихъ до попутныхъ городовъ. Наберется, пожалуй, человѣкъ шестьдесятъ-семьдесятъ.

Арестанты, предназначенные къ отправленію, собраны въ небольшой комнатѣ, отдѣленной отъ тюремной конторы высокою до самаго потолка желѣзною рѣшеткою, и переодѣваются, получая все необходимое на дорогу изъ одежды и обуви, а помощникъ начальника тюрьмы вноситъ эти вещи въ записки объ одеждѣ.

Маленькая комната съ трудомъ вмѣщаетъ въ себѣ тридцать съ лишнимъ человѣкъ, собранныхъ изъ камеръ различнаго назначенія, и о томъ, чтобы каждый могъ найти хоть маленькій уголокъ для складыванія снятаго съ себя бѣлья и одежды, нечего было и думать.

Происходитъ давка: Всякій торопится поскорѣй получить, что слѣдуетъ, и вырваться изъ душной камеры на свѣжій воздухъ, во дворъ...

— Мнѣ перемѣните рубашку! Ишь, драная какая, и до вокзала не донесу!—кричитъ молодой дѣтина съ пробритой правой половиной головы.

— Чего тамъ драная,—флегматично отвѣчаетъ расхаживающій между арестантами высокій, плотный надзиратель:—сказано, изъ выслужившихъ срокъ, ванъ и есть изъ выслужившихъ... А тебѣ новую, что ль, подавай? Чего еще захотѣлъ, голомозый!..

— Сдѣлай милость, служивый, мнѣ кандалы перемѣни, коротки больно, того и гляди свалятъ!..—хриплымъ голосомъ молить другой.

— Это можно,—спокойно отвѣчаетъ надзиратель, и беретъ кандалы для обмѣна.

— Заодно, батюшка, и мнѣ подкандальнички!.. Гнетутъ они старыя кости...—шамкаетъ совсѣмъ дряхлый старикъ-каторжникъ.

— И ты, старина, туда же съ претензіями! На тебя какіе ни надѣнь, все одно никуда... въ могилу, знать, пора!..

— Одолжи, родименькій...

И просьбу старика уважилъ.

Пока происходитъ снаряженіе арестантовъ въ дорогу, въ тюремномъ дворѣ построился конвой, а противъ него стали приведенныя изъ женскаго отдѣленія тюрьмы семьи ссыльныхъ.

Онѣ выстроились въ одну линію. Грудныя дѣти на рукахъ; остальныя тутъ же, при матеряхъ, побравшись за руки. Позади лежить убогойъ скарбъ, состоящій изъ двухъ-трехъ узелковъ на семью да жестяного чайника.

Трогательное зрѣлище представляютъ эти обремененныя большими семьями молодыя и старыя матери, рѣшившіяся раздѣлить тяжелую участь съ своими преступными мужьями и итти за ними въ далекия невѣдомыя страны, безъ малѣйшаго опасенія за то, что можетъ ихъ ожидать тамъ. Онѣ смутно сознаютъ, какую несутъ жертву, какому риску подвергаютъ судьбу любимыхъ дѣтей, въ нѣжпомъ возрастѣ становящихся свидѣтелями человѣческаго позора

и въ будущемъ обреченныхъ жить въ преступной растлѣвающей средѣ. Все это онѣ смутно сознаютъ, и просто искренно исполняютъ свой тяжкій долгъ, исполняя слова писанія: «жена повсюду должна слѣдовать за мужемъ».

При всемъ томъ онѣ ясно понимаютъ, что въ ихъ жизни происходитъ перемѣна, которая кладетъ рѣзкую грань между прошедшимъ, извѣданнымъ, быть можетъ, для нѣкоторыхъ счастливымъ, и будущимъ, неизвѣстнымъ, безотраднымъ. Это замѣтно и по ихъ серьезнымъ, озабоченнымъ и угрюмымъ лицамъ. Разговоровъ не слышно. Унылое молчаніе изрѣдка только прерывается плачемъ ребенка и убаюкивающею пѣснью матери...

Вотъ, въ началѣ ряда стоитъ высокая худая пожилая женщина. На впалыхъ строгихъ чертахъ лица страданія положили явный слѣдъ. Она не глядитъ по сторонамъ; все вниманіе обращено на дѣтей, которыхъ она оберегаетъ, какъ насѣдка. Дѣтей всѣхъ семеро; личики милостивыя. Младшему мальчику два года, а старшей дочери восемнадцать. Послѣдняя—хорошенькая дѣвушка, съ голубыми глазками и черными волосами,—выручаетъ мать, держа на рукахъ годовалого братишку. И женщина, и дѣти одѣты лучше другихъ: у дѣтей чистенькія платьица и блузки, а у самой новая «свитка» и платокъ, хорошая обувь. Видно, что не горькая нужда натолкнула ихъ мужа и отца на преступленіе, а что-нибудь другое.

Лѣвѣе стоитъ, грустно опустивши голову, молодая тщедушная женщина, совсѣмъ почти дѣвочка, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, одѣтая крайне бѣдно, по-нищенски. Глядя на несчастную, яснымъ становится, что ея молодая жизнь угасаетъ. А впереди лежитъ далекій путь. Вынесетъ ли?..

Далѣе расположилась семья, состоящая изъ шести душъ. Мать, среднихъ лѣтъ женщина, съ лицомъ изможденнымъ, изстрадавшимся; нужда и горе изстарили ее и озлобили. Послѣднее замѣтно по маленькимъ, безцвѣтнымъ, безпрестанно бѣгающимъ и сердито, исподлобья, сверкающимъ глазкамъ. На рукахъ крошечный ребенокъ, по всѣмъ признакамъ тяжело больной, потому что, вмѣсто плача, тихо, жалобно стонетъ.

Конвойный унтеръ-офицеръ уже обратилъ вниманіе на этого ребенка и многозначительно сказалъ:

— Ядва ль махонькій пойдетъ съ этапомъ, больныхъ не полагается...

Но мать озлилась на его слова.

Остальные дѣти въ этой семьѣ тоже худенькія, истощенныя; личики сморщенные, выжатые точно лимонъ; обычнаго дѣтскаго оживленія незамѣтно. Одежда казенная, изъ обносковъ, своя изветшала; одинъ маленькій узелокъ съ бѣльемъ...

Еще лѣвѣе слѣдуетъ нѣсколько семействъ, такихъ же бѣдныхъ, горемычныхъ. На лицахъ матерей—тупая покорность судьбѣ. У трехъ

малютокъ матери совсѣмъ нѣтъ, ее замѣняетъ старшая, лѣтъ шестнадцати, сестра, на долю которой выпало съ юныхъ лѣтъ непосильное бремя быть ихъ матерью и защитницею. Пестрыя лохмотья, покрывающія худыя тѣла, говорятъ о горькой, безысходной нуждѣ. Но сомкнутыя уста молчатъ и не изливаютъ ни сѣтованій, ни жалобъ...

Въ самомъ концѣ ряда, нѣсколько поодаль, еще одна семья, состоящая изъ восьми душъ. По характеру и внѣшности она рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ. Это еврейская семья, располагающая, повидимому, полнымъ матерьяльнымъ достаткомъ. Мать— представительная, упитанная, хорошо одѣтая еврейка. На пальцахъ много колець, сбоку на груди часы съ золотой цѣпочкой. Старшій сынъ, лѣтъ восемнадцати юноша, одѣтъ городскимъ франтомъ; остальные дѣти тоже прилично принаряжены. Въ открытомъ листѣ дѣти названы претенціозными именами: Исаакъ, Григорій, Ревекка, Зоя, Фанни и т. д.

Внутреннія желѣзные ворота съ шумомъ отворились, и тюремные надзиратели ввели одного за другимъ мужей и отцовъ этихъ семействъ.

Арестанты вошли, понуривъ головы, и не взглянули даже на близкихъ. Въ свою очередь, и жены, мелькомъ взглянувши, опустили глаза и стали еще болѣе грустными и угрюмыми. Только дѣти съ любопытствомъ вытянули свои шейки и пристально всматривались, а нѣкоторыя изъ нихъ пальчикомъ стали указывать и, узнавъ отца, кричать:

— О, тата, тата!...

Конвой оцѣпилъ вошедшихъ. Унтеръ-офицеръ принялся за переключку по спискамъ, повѣрку состоящей на арестантахъ одежды и обычный обыскъ, а прочіе конвойные проворно надѣвали наручни и пробовали крѣпость ножныхъ кандаловъ.

Среди арестантовъ каторжнаго разряда съ пробритой правой половиной головы, въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ, обращалъ вниманіе дряхлый старикъ, съ хитрыми, подмигивающими, отъ слабости слезящимися глазами,—тотъ самый, что просилъ о замѣнѣ подкандалъниковъ.

Это мужъ высокой худой старухи, первой въ ряду. Приговоренъ въ каторгу на 12 лѣтъ и затѣмъ поселеніе въ Сибирь.

Изъ статейнаго списка видно, что такое тяжкое наказаніе старикъ несетъ за изнасилованіе дѣвочки, не достигшей четырнадцати-лѣтняго возраста...

Любопытно, какъ впоследствии мать истолкуетъ подрастающимъ дѣткамъ грѣхъ ихъ родителя, и какой слѣдъ онъ оставить въ ихъ нѣжныхъ сердечкахъ? Что думаетъ о преступномъ отцѣ его бѣдная взрослая дочь?...

Другой, того же разряда арестантъ—совсѣмъ молодой лѣтъ двѣнадцати парень, нервный и истощенный. Черные глубокіе глаза

лихорадочно и безпокойно бѣгають по сторонамъ, какъ бы отыскивая что-то. Приговоренъ на пять лѣтъ въ каторгу.

Это мужъ молодой женщины, съ однимъ груднымъ ребенкомъ. Исторія не сложна. Въ самый день ихъ свадьбы, въ пылу веселья, соперникъ дерзко насмѣялся и оскорбилъ его молодую жену. Кровь бросилась въ опьяненную виномъ голову, и въ запальчивости онъ ударилъ его ножомъ. Заря новой жизни стала вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ жестокихъ испытаній.

Рядомъ съ нимъ стоящій и къ нему же прикованный арестантъ обращаетъ особенное вниманіе. Въ тупомъ выраженіи безцѣльно устремленныхъ впередъ глазъ печать закоренѣлости. И бритая голова, и арестантская одежда какъ нельзя лучше пристали. Это каторжникъ не случайный, а заслуженный, такъ сказать, достигшій позорнаго званія длиннымъ рядомъ своихъ дѣяній. Опаснѣйшій рецидивистъ, онъ много разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за всевозможныя воровства, мошенничества; не разъ бѣжалъ и опять попадался. Наконецъ, закончилъ печальную карьеру кровавымъ грабежомъ на дорогѣ. Нищета—одинъ изъ главныхъ рычаговъ, направляющихъ въ разныя стороны его преступную волю. Самъ сынъ нищаго, онъ началъ съ попрошайничества; сошелся съ нищенкой, и потомъ всю жизнь провелъ съ семьей въ лютой нуждѣ, такъ какъ воровское ремесло никогда не обезпечивало болѣе, какъ на нѣсколько дней. Это мужъ озлобленной женщины съ больнымъ ребенкомъ. Ссылка для нихъ является не тяжелымъ испытаніемъ, а дѣломъ желаннымъ, какъ лучший исходъ изъ положенія.

Еще два-три каторжника, осужденныхъ за обыкновенные разбои съ цѣлью грабежа, гдѣ, какъ и въ вышеописанномъ случаѣ, руководила въ большей или меньшей степени все та же нужда и притомъ жажда легкой наживы, и заканчивается этотъ разрядъ арестантовъ.

Далѣе слѣдуютъ ссыльные разныхъ категорій и большинство изъ нихъ ссылаемые не по суду, а отправляемые «на житье» уже по отбытіи наказанія, какъ не «принятые обратно въ свои общества».

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и еврей, глава описанной выше семьи. Это толстый пожилой «коммерсантъ». Онъ держитъ себя нѣсколько заносчиво и поглядываетъ на всѣхъ свысока. Ему, очевидно, кажется, что все окружающее и происходящее только неизбѣжная восходящая ступень къ его новому благополучію и благоденствію на почвѣ обиранія будущихъ своихъ клиентовъ. Еврей судился за рядъ мошенническихъ продѣлокъ при покупкѣ и перепродажѣ зерна въ голодный періодъ и ростовщичество.

Послѣ доклада конвойнаго унтеръ-офицера объ окончаніи пріемки, во дворъ вошли начальникъ тюрьмы, приземистый желчный старикъ въ очкахъ, и его помощникъ съ бумагами.

Надзиратель подалъ столикъ, и началась раздача путевого довольствія и квитанцій на деньги, кто сдавалъ таковыя на храненіе.

Старшій конвойный обратилъ мое вниманіе на женщину съ больнымъ ребенкомъ.

Осмотрѣвъ подробно и убѣдившись, что ребенокъ, дѣйствительно, настолько слабъ, что не въ состояніи вынести и четверти пути, я объявилъ начальнику тюрьмы, что арестантъ Н. съ семьей, согласно правилъ, принять въ этапъ быть не можетъ, и потому необходимо изъять на него письменныя свѣдѣнія.

Но едва я объявилъ объ этомъ начальнику тюрьмы, какъ къ моимъ ногамъ съ громкимъ воемъ и причитаніемъ повалилась несчастная женщина, крѣпко прижимая къ себѣ больного ребенка.

— Ваше в—діе, не губите!.. Возьмите!.. Маленькій не боленъ, только такъ, желудочекъ, онъ скоро совсѣмъ поправится... Не погубите, ваше в—діе!.. Какъ же быть-то—о, Боже!..

Съ другой стороны, бряцая оковами, повалился къ ногамъ и мужъ ея.

— Да какъ же такъ, ваше в—діе, это убийство одно... Помилуйте, это что жъ такое!?!—безсвязно бормоталъ онъ.

Я попытался было объяснить имъ, что не могу, въ силу закона, принимать въ этапъ больныхъ, что возьму ихъ въ слѣдующій разъ, когда ребенокъ излечится, и т. д.

Но объясненіе нисколько не помогло дѣлу. Женщина продолжала рыдать, кого-то громко проклинать и браниться.

— Пропали мы, бѣдные, пропали!.. Теперь и черезъ годъ намъ нѣтъ пути!.. Разбойники, душегубы!..

Ихъ отдѣлили отъ этапа и увели въ помѣщеніе.

Во дворъ между тѣмъ съ грохотомъ вѣхали четыре телѣги, на которыя арестанты и семьи стали сбрасывать свои узлы.

Раздача путевыхъ денегъ продолжалась. Нѣкоторые арестанты вступали съ начальствомъ тюрьмы въ пререканія.

— Вы что жъ мнѣ даете по десяти? Я дворянинъ, а не разночинецъ!—дерзко заявлялъ пересыльный арестантъ съ нахальнымъ и испитымъ лицомъ:—порядокъ получше васъ знаю!..

— Изволь братъ, что даютъ!—рѣзко проговорилъ начальникъ.

— Нѣтъ-съ, не возьму. Это только въ П—ой тюрьмѣ такія безобразія! Я обошелъ болѣе ста тюремъ, и вездѣ порядокъ одинъ: мнѣ, какъ дворянину столбовому, выдавали по пятнадцати...—продолжалъ онъ, размахивая руками.

— Г. офицеръ!—обратился ко мнѣ начальникъ:—вотъ этотъ нахаль...

— Я не нахаль,—перебилъ «привилегированный» арестантъ:—а дворянинъ! Я въ ста тюрьмахъ былъ, а здѣсь меня обижаютъ, не признаютъ правъ. Я протестую!

Я велѣлъ ему деньги взять, а при опросѣ претензій заявить, что имѣеть.

— Хорошо-съ.

Иные, получая копейки, падали въ ноги, благодарили и почему-то крестились, какъ, напр., сластолюбець-старикашка.

Еврей-«коммерсантъ» принялъ деньги съ достоинствомъ, какъ причитающійся процентъ.

Послѣднимъ въ ряду стоялъ пересыльный, ловкій и красивый парень, прилично одѣтый. Онъ пойманъ былъ третьяго дня по—и полиціей и препровождался по мѣсту совершения своихъ многочисленныхъ мошенническихъ продѣлокъ.

Денегъ братъ не захотѣлъ.

— Мнѣ что!.. Мнѣ денегъ не надо... Все одно, я безневинно попалъ сюда... — развязно говорилъ онъ.

— Не разговаривай! Получай деньги и ступай на мѣсто!

— Все равно не возьму. Мнѣ на деньги—тьфу, наплевать!..

— Не возражать!—взвизгнувъ вышедшій изъ себя начальникъ.

Парень проворно взялъ деньги и стушевался.

Послѣ этого начальникъ приступилъ къ раздачѣ путевыхъ жещинамъ. Тѣ принимали молча и низенько кланялись.

На уложенныя въ телѣгахъ вещи стали усаживаться женщины и дѣти.

Поднялся шумъ, возня, споры...

Съ трудомъ, тѣсно и неудобно, наконецъ, разсѣлись.

Къ повозкамъ потащились было и нѣкоторые арестанты.

— Только женщины и дѣти должны садиться и больше никто! строго объявилъ унтеръ-офицеръ.

— Г. офицеръ! Я дворянинъ, разрѣшите сѣсть,—вновь присталъ «привилегированный» арестантъ.

— Не разрѣшаю.

— Напрасно-съ...—Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но одумался и сталъ на свое мѣсто.

— Батюшка, ваше превосходительство, сдѣлайте милость, дайте присѣсть, подкандалники гнетуть...—зашамкалъ старикъ.

— Ну, взлѣзай!..

Съ помощью конвойнаго старика усадили.

Теперь пришелъ мой чередъ «опросить претензія»,—все ли, что полагается изъ путевого довольствія, получили.

— Я имѣю претензію,—выступилъ на шагъ впередъ арестантъ изъ «привилегированныхъ»:—получилъ довольствіе не какъ дворянинъ, а какъ разночинець.

«Претензія» записана.

Впередь вышло еще нѣсколько арестантовъ.

— Вашъ-благородь! Коты ¹⁾ мнѣ дали худые, всѣ въ дырахъ, не въ чемъ итти, и рубашка драная...—заявилъ одинъ.

— Показать.

Унтеръ-офицеръ мигомъ вскрылъ его узелъ и предъявилъ «коты» и рубаху.

«Коты» оказались исправными, рубаха тоже, и, кромѣ того, нашли хорошие собственные запасные сапоги.

Начальникъ тюрьмы, замѣтивши послѣдніе, отдалъ приказаніе совсѣмъ отобрать «коты», такъ какъ послѣдніе выдавались при неимѣніи у арестантовъ другой обуви.

«Претензія» признана неправильной и недобросовѣстной, и унтеръ-офицеру приказано обратить вниманіе на этого арестанта, какъ на безпокойнаго.

— Кто еще имѣетъ заявить?

Послѣдовало молчаніе. Выступившіе быловпередь аре станты понялились незамѣтно на свои мѣста.

— Этапъ—маршъ!

Шумно открылись желѣзныя ворота. Впереди двинулись телѣги съ семьями, а за ними, по четыре въ рядъ, арестанты, напутствуемые усилившимися взвизгиваніями оставшейся женщины съ ребенкомъ.

Молодой пересыльный арестантъ,—тотъ, что отказывался отъ денегъ, все норовилъ въ сторону.

— Эй, ты, дубина, держись ряда!—крикнулъ на него унтеръ-офицеръ.

— Мнѣ что!.. Все едино, не нынче, завтра сбѣгу, п явлюсь сюда, чтобъ всадить ножъ въ бокъ пристава, кой арестовалъ меня!..

— Помалкивай, братъ, лучше! Пока всадишь ему ножа въ бокъ, скорѣй дождешься штыка въ пузо!..—попутно пригрозилъ унтеръ-офицеръ.

Смѣльчакъ успокоился.

Какъ только этапъ миновалъ ворота, мигомъ надвинулась огромная толпа, и потянулись впередь руки съ узелками хлѣба, пироговъ, огурцовъ и т. п. Послышались отовсюду жалостливыя слова и причитанья...

Полиція удерживала натискъ, а конвойный унтеръ-офицеръ, не суетясь, началъ принимать подаванія и въ порядкѣ укладывать на одну изъ телѣгъ.

— Разступись!—крикнулъ, наконецъ, онъ.

Толпа послушно осадила.

— Заряди ружья!

Защелкали затворы. Унтеръ-офицеръ сдѣлалъ грозное предудрежденіе арестантамъ и скомандовалъ:

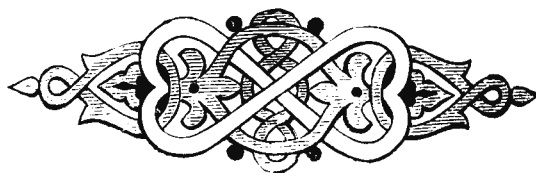
¹⁾ Арестантская обувь.

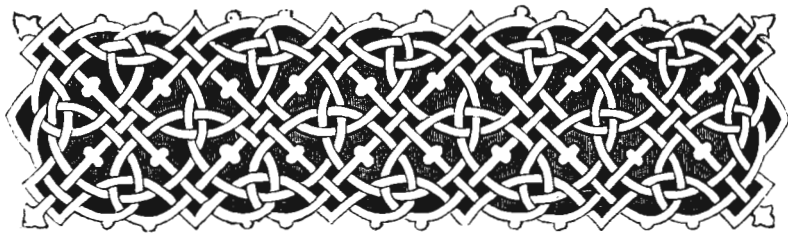
— Шагомъ маршь!

Телѣги загромыхали. Женщины начали истово креститься и кланяться по сторонамъ, прощаясь съ народомъ. Оглушительный лязгъ цѣпей слился съ шумомъ уличной толпы, и вскорѣ мрачное шествіе скрылось въ густыхъ облакахъ взбитой пыли.

А изъ тюремнаго двора все неслись истерическіе крики и взвизгиванья несчастной женщины, пока ихъ не заглушилъ рѣзкій звукъ колокола, призывавшаго арестантовъ къ очередной повѣркѣ.

А. И. П—ій.

ДЕНЬ ВЪ ДОМѢ У ЦѢПНОГО МОСТА

(Эпизодъ).

В СВОЕ время будетъ написана обстоятельная исторія Третьяго Отдѣленія, сыгравшаго въ эпоху Николая I и Александра II такую роль въ жизни Россіи, раскассированнаго графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ и возродившагося подъ другими названіями. Материаломъ для такой исторіи должны послужить, кромѣ официальныхъ документовъ, личныя воспоминанія тѣхъ, которые приходили въ соприкосновеніе съ бывшимъ Третимъ Отдѣленіемъ, въ качествѣ его начальниковъ, служащихъ, агентовъ, кліентовъ и т. п. Я имѣю возможность рассказать здѣсь одинъ хотя и маленькій эпизодъ, но не лишенный интереса въ смыслѣ характеристики приемовъ, практиковавшихся для уловленія политически неблагонадежныхъ лицъ и злоумышленниковъ. Однимъ изъ такихъ злоумышленниковъ оказался *malgré lui* пишущій эти строки.

Дѣло было въ концѣ 70-хъ годовъ. Покушенія и террористическіе акты смѣнялись одни другими. Не дремали и агенты Третьяго Отдѣленія. Обыски, перлюстрація писемъ, аресты лицъ, упоминавшихся въ перехватывавшихся письмахъ или являвшихся на квартиры къ политически неблагонадежнымъ, хотя бы съ самыми благонамѣренными цѣлями, примѣнялись въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Система эта не обходилась безъ недоразумѣній траги-комического свойства и забавныхъ *qui pro quo*.

Порою подъ сомнѣніе попадали люди, далекіе отъ какой-либо политической дѣятельности, 90-лѣтніе старцы или годовалые ре-

бятя. Такъ какъ революціонеры въ своей перепискѣ прибѣгали къ «Эзоповскому языку», то и агенты Третьяго Отдѣленія, естественно, пытались вычитывать аллегоріи въ перехваченной перепискѣ.

Одинъ старецъ, подвизавшійся въ русско-еврейской печати поэтъ и публицистъ, нынѣ покойный, Л. О. Гордонъ, рассказывалъ мнѣ, что явившіеся къ нему для производства обыска жандармы потребовали выдачи скрывшагося у него «террориста», о здоровьѣ котораго справлялись въ перехваченномъ письмѣ: вопросъ о «здоровьѣ» былъ истолкованъ въ смыслѣ находенія на свободѣ террориста.

И Гордонъ предъявилъ жандармамъ искомаго.

— Мареуша!—крикнулъ онъ:—гдѣ твой питомецъ?

И дородная краснощекая кормилица вынесла годовалаго ребенка.

И такихъ «недоразумѣній» изъ-за чрезмѣрнаго усердія въ дѣлѣ ловли террористовъ было немало.

Жертвой «недоразумѣнія» я сдѣлался при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Осенью 1877 года я уѣзжалъ изъ Одессы въ Петербургъ. Въ то время—да и теперь еще—русская почта не пользовалась большимъ довѣріемъ у обывателей. Многие старались отправлять письма «съ оказіей» — въ явное нарушеніе интересовъ казны. Я поэтому ничуть не удивился, когда на вокзалѣ ко мнѣ обратился знакомый студентъ медико-хирургической (теперь военно-медицинской) академіи, нынѣ уже покойный Фримеръ, съ просьбою передать слушательницѣ Бестужевскихъ курсовъ Клейнъ письмо отъ ея родителей, обезпеченныхъ неполученіемъ отъ нея извѣстій.

Прибывъ въ одно сентябрьское утро въ Петербургъ и не отдохнувъ отъ утомительнаго четырехдневнаго пребыванія въ душномъ и смрадномъ вагонѣ III класса, —плацкартъ тогда не было, и поѣзда шли болѣе медленнымъ темпомъ, чѣмъ теперь,—я тотчасъ же отправился по указанному адресу на Моховую для передачи письма г-жѣ Клейнъ.

Стоявшій у воротъ дворникъ, на мой вопросъ, какъ пройти въ квартиру г-жи Клейнъ, предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Онъ увлекъ меня въ глубь двора и стукнулъ ногою въ подвальное окно дворницкой, откуда скоро вылѣзъ претолстый старшій дворникъ.

— Вотъ они спрашиваютъ жилицу Клейншу!—доложилъ дворникъ, указывая на меня.

— Клейншу? Пожалуйте за мною!

И, надѣвъ свой тулупъ, старшій дворникъ направился къ воротамъ.

— Это куда же, собственно, вы ведете меня?—спросилъ я.—Если Клейнъ выѣхала изъ этого дома, то скажите мнѣ ея новый адресъ, и я какъ-нибудь въ другой разъ занесу ей письмо, данное мнѣ для нея.

— Нѣтъ, баринъ, вы ужь будьте такъ добры и пожалуйте со мною въ участокъ, потому какъ намъ велѣно всѣхъ представляте туда, кто будетъ спрашивать Клейншу.

Хотя я и не думалъ уклоняться отъ визита въ участокъ, но дворникъ приблизился ко мнѣ вплотную, словно опасаясь моего бѣгства, и мы направились на Гагаринскую, гдѣ тогда помѣщался мѣстный полицейскій участокъ.

Помощникъ пристава предложилъ мнѣ извлечь изъ кармановъ всѣ имѣвшіяся при мнѣ бумаги и, вмѣстѣ съ письмомъ къ Клейнъ, положилъ ихъ въ конвертъ, позвалъ околоточнаго надзирателя и приказалъ ему представить меня, куда слѣдуетъ. Догадаться было не трудно, куда поведетъ меня мой попутчикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я очутился въ небольшой полутемной комнатѣ въ хорошо извѣстномъ многимъ петербуржцамъ домѣ по Пантелеймоновской у Цѣпного моста.

Долго пробылъ я въ одиночествѣ, теряясь въ догадкахъ о причинахъ ареста и дѣлая всевозможныя предположенія объ ожидавшей меня участи. Время было тогда тревожное. Я зналъ, что многихъ арестовывали «впредь до выясненія», или высылали въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста по одному подозрѣнью.

Наконецъ, часа черезъ два я услышалъ звяканье шпоръ, и вслѣдъ за этимъ вошелъ высокій, статный офицеръ—какъ я потомъ узналъ—полковникъ Комаровъ.

Люди, которымъ приходилось имѣть дѣло съ разными правительственными агентами по политической части, всегда отдавали предпочтеніе жандармскимъ офицерамъ, отличавшимся сравнительно большею мягкостью въ обращеніи съ клиентами Третьяго Отдѣленія. Извѣстенъ разсказъ объ отвѣтѣ, данномъ императоромъ Николаемъ I шефу жандармовъ Бенкендорфу, на его неоднократную просьбу объ инструкціи; подавая ему платокъ, императоръ сказалъ: «вотъ тебѣ моя инструкція; чѣмъ больше слезъ ты утрешь, тѣмъ точнѣе исполнишь мою волю». Если жандармы и не утирали слезъ у вдовъ и сиротъ, то все же они не проявляли обычной грубости дореформенныхъ Держимордъ.

Полковникъ Комаровъ, снимая у меня допросъ, былъ довольно деликатенъ въ обращеніи. Онъ объявилъ мнѣ, что Клейнъ скомпрометирована въ какихъ-то политическихъ дѣлахъ, угрожающихъ ей серьезными послѣдствіями: она сослана была потомъ, если не ошибаюсь, безъ суда въ Восточную Сибирь. Мнѣ предложено было реабилитировать себя и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя причастны были ко взятымъ у меня письмамъ.

Я объявилъ, что, не будучи знакомъ съ содержаніемъ пересланнаго чрезъ меня письма, я сомнѣваюсь, чтобы родители Клейнъ могли преслѣдовать какія-либо политическія цѣли, что они едва ли даже и знали о причастности дочери къ политической дѣятельности.

Что касается студента Фримера, то онъ слишкомъ ограниченный и мало развитой человѣкъ, озабоченный всецѣло своею карьерою, чтобы заниматься «политикою».

— Такъ, по вашему мнѣнію, — замѣтилъ полусушутя, полусерьезно полковникъ Комаровъ: — только люди умные и развитые занимаются «политикою»?

— Безъ сомнѣнія, — отвѣтилъ я: — студентъ, ушедшій съ головою въ учебники, никакихъ книжекъ по общимъ вопросамъ никогда не читавшій и подсчитывающій уже будущіе свои служебные оклады, въ качествѣ военного врача, далекъ отъ политической дѣятельности. А Фримеръ именно такой студентъ.

Далѣе мнѣ пришлось представить свои объясненія по поводу имѣвшихся у меня бумагъ и писемъ. Почему-то очень заинтересовало допрашивавшаго меня письмо, адресованное извѣстнымъ на югѣ адвокатомъ и публицистомъ М. Г. Моргулисомъ петербургскому присяжному повѣренному и знаменитому цивилисту А. Я. Пассоверу, недавно скончавшемуся. Это была рекомендація моего добраго знакомаго къ своему петербургскому пріятелю объ оказаніи мнѣ содѣйствія, буде въ ономъ представится надобность.

Пришлось подробно изложить *curriculum vitae* обоихъ адвокатовъ и установить ихъ политическую благонадежность. Оба законвѣда и не подозрѣвали, что взяты были подъ сомнѣніе.

Въ заключеніе мнѣ предложено было на листѣ съ печатнымъ заголовкомъ, гдѣ было обозначено учрежденіе, въ которомъ я находился, и указаны были даты, изложить письменно свое показаніе. Въ мое распоряженіе было предоставлено нѣкоторое время, и я приступилъ къ выполненію заданной мнѣ задачи.

Явившійся потомъ полковникъ просмотрѣлъ написанное и даже похвалилъ литературный слогъ и изложеніе.

Жандармскій чинъ явился нѣкоторымъ образомъ моимъ литературнымъ крестнымъ отцомъ.

Мнѣ предложено было затѣмъ дать подписку о томъ, что я обязуюсь извѣщать Третье Отдѣленіе о каждой перемѣнѣ мною квартиры. Я выдалъ подписку, послѣ чего мнѣ было объявлено, что я свободенъ.

— Вы никакихъ заявленій не желаете сдѣлать? — спросилъ въ заключеніе полковникъ.

— Да, я хотѣлъ бы задать одинъ вопросъ, — сказала я. — Вотъ я провелъ день въ заключеніи, утомленный съ дороги, впроголодь, переволновался немало въ полномъ невѣдѣніи объ обстоятельствахъ, приведшихъ меня сюда. Немало безпокойства причинило, вѣроятно, мое отсутствіе близкимъ и друзьямъ. Если человѣкъ страдаетъ за совершенное имъ незаконное дѣяніе или за какую-либо идею, то это понятно. Но я-то, скажите, полковникъ, за что пострадалъ сегодня?

— Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ!—быль лаконическій отвѣтъ полковника.

Я откланялся и ушелъ домой, предаваясь дорогою размышленіямъ о тѣхъ многочисленныхъ щепкахъ, которыя летѣли во всѣ стороны при рубкѣ дремучаго лѣса русской революціи, начавшейся еще много десятковъ лѣтъ тому назадъ...

На слѣдующій день послѣ пребыванія моего въ домѣ у Цѣпного моста я началъ наводить справки среди молодежи о судьбѣ студентки Клейнъ и ея дѣлѣ, такъ какъ я чувствовалъ себя нравственно обязаннымъ поставить объ этомъ въ извѣстность ея родителей. О моемъ приключеніи стало извѣстно многимъ, и оно передавалось изъ устъ въ уста съ прикрасами и отсебятинами. Меня осаждали самыми нелѣпыми подчасъ вопросами. По одной версіи, мнѣ учинили допросъ «съ пристрастіемъ» и чуть ли не поили гашишемъ, чтобы вывѣдать у меня какія-то тайны. Приходилось, конечно, опровергать всѣ эти нелѣпости и вступать въ не особенно пріятныя объясненія.

Однажды я съ группою молодежи дежурилъ у кассы бывшаго Большого театра, гдѣ подвизалась итальянская оперная труппа. Мы простояли всю ночь напролетъ, несмотря на 30-градусный морозъ. Среди меломановъ было и нѣсколько барышень-студентокъ.

Когда стало разсвѣтать, кто-то указаль на меня одной изъ барышень. Она приблизилась ко мнѣ и рѣзко задала мнѣ вопросъ:

— Это у васъ забрали въ Третьемъ Отдѣленіи цѣлую кипу писемъ?

— Да, у меня! Что же изъ этого слѣдуетъ?

— А знаете ли вы, что вы подвергли опасности массу лицъ, которыя писали эти письма и кому они были адресованы!

— Допустимъ, что это такъ! Что же я могъ сдѣлать?

— Вы слышите, господа: онъ спрашиваетъ, что онъ могъ сдѣлать! А порвать и проглотать письма дорогою, когда шли въ участокъ и въ Третье Отдѣленіе!

— Во-первыхъ, сударыня, я не одинъ шелъ, а меня водили нѣкоторымъ образомъ; во-вторыхъ, я не бумагоглотатель и бумагоглотательному искусству никогда не обучался: я и пилюлю глотать не умѣлъ никогда; въ-третьихъ, насколько я зналъ содержаніе бывшихъ при мнѣ писемъ, они были самаго невиннаго свойства и трактовали не о политикѣ...

Удалось ли мнѣ успокоить сторонницу бумагоглотація—я не помню теперь. Но помню хорошо, что долъ о мнѣ приходилось отчитываться по поводу злополучнаго эпизода съ письмомъ къ г-жѣ Клейнъ.

Съ тѣхъ поръ я болѣе не посягалъ на интересы государственной казны и не бралъ на себя порученій передавать письма помимо почты...

А. Науфманъ.

13*

КРЕТИНГЕНСКІЙ ФАКТОРЪ И ЕГО СЫНЪ.

ЛИЧНОСТЬ «кретингенскаго фактора» Берека Иоселевича, сдѣлавшагося полковникомъ «старозаконнаго полка» и кавалеромъ Почетнаго Легіона, стала у поляковъ и ополяченныхъ евреевъ почти легендарной. Разказы объ этомъ еврей, который, по выраженію современника, «первый открылъ путь чести для своихъ единовѣрцевъ и далъ прекрасный примѣръ храбрости, настолько перемѣшались съ фантастическими преданіями и предположеніями, что въ концѣ концовъ нерѣдко трудно выдѣлать изъ нихъ ту частицу истины, которая послужила для нихъ канвою. Дѣло въ томъ, что Берекъ сдѣлался героемъ польско-еврейскаго единенія уже послѣ своей смерти, когда изъ политическихъ соображеній поляки стали выдвигать его подвиги и преданность Польшѣ, какъ примѣръ. заслуживающій подражанія со стороны польскихъ евреевъ, и когда сынъ Берека всѣми мѣрами старался возвеличить память отца, чтобы использовать это обстоятельство въ свою пользу. При жизни же Берека на него смотрѣли, лишь какъ на пріятное для поляковъ «исключеніе изъ общаго правила», причемъ бывали случаи, что шляхтичи-соратники ставили ему въ укоръ его семитское происхожденіе и обращались съ нимъ не особенно вѣжливо, а возводить еврея въ рангъ героя никто тогда и не думалъ. Слишкомъ недавно было еще то время, когда еврей испытывали въ старой Польшѣ всевозможныя гоненія и униженія, разнообразившіяся настоящими «погромами», изобрѣтеніе которыхъ, кстаті сказать, почему-то приписывается русской «черной сотнѣ». Въ дѣйствительности же еврейскіе погромы были «изобрѣтены» въ Варшавѣ въ 1790 году.

По преданію, Берекъ, сынъ Йоселя, родился въ маленькомъ литовскомъ мѣстечкѣ Кретингенѣ близъ Тельшей, но въ какомъ году—неизвѣстно. Метрики раввина кретингенскаго кагала за старые годы были, по еврейскому обычаю, «погребаемы» на кладбищѣ каждыя 30 лѣтъ, и время рожденія будущаго кавалера Почетнаго Легіона можно поэтому установить лишь приблизительно по датѣ рожденія его сына Юзефа. Послѣдній родился въ 1789 году, а такъ какъ евреи въ то время женились очень рано, то можно предположить, что Береку было тогда не болѣе 20 лѣтъ, т. е. что онъ родился примѣрно около 1769 года. По отцу Берекъ именовался Йоселевичемъ, фамильнаго прозвища у него не было, а лишь впоследствии онъ самъ сдѣлалъ себѣ фамилію изъ своего имени, назвавшись полковникомъ Жозефомъ Берко. Вообще у евреевъ въ старой Польшѣ фамилій не существовало. Онѣ были заведены лишь въ 1793 году, съ переходомъ части Польши (съ Варшавой) подъ прусскую власть. Аккуратные прусскіе чиновники пришли въ ужасъ отъ путаницы, создававшейся множествомъ «тезокъ» въ еврейскомъ населеніи—разныхъ Абрамковъ, Шмулей, Мошковъ, Малокъ, Гиндъ, Ривокъ и т. д. Чтобы отличить одного Шмуля отъ другого, евреи прибѣгали къ оригинальнымъ описательнымъ выраженіямъ: одинъ Шмуль былъ ребъ Шмуль Познеръ (изъ Познани), другой—ребъ Шмуль Файгелесъ (мужъ Файги), третій—ребъ Шмуль Ноэмесъ (мужъ Ноэми) и т. д. Прусскіе чиновники всѣмъ евреямъ придумали фамиліи во время переписи еврейскаго населенія. При этомъ тѣ евреи, которые были побогаче и потароватѣе, получили «красивыя» прозвища: Розенталей, Апфельбаумовъ, Гольдберговъ, Зильберминцовъ, а побѣднѣе должны были довольствоваться менѣе звучными и эффектными фамиліями, становились Думкопфами, Шляфмицами и даже Юнгфраумильхами. Уцѣлѣли, впрочемъ, при этомъ и Познеры, Винеры, Калушикеры, Файгелесы, Ноэмесы, а также Каганы, Когены, Коны (потомки священниковъ) и Леви и Левинсоны (потомки левитовъ). Но Берекъ Йоселевичъ въ то время, когда пруссаки хозяйничали въ Варшавѣ, былъ далеко отъ нея. Онъ былъ уже тогда «эмигрантомъ».

Уже съ дѣтства Берекъ, по преданію, проявлялъ воинственныя склонности: рассказываютъ, что въ кретингенскомъ хедерѣ онъ приводилъ въ ужасъ какъ меламеда, такъ и товарищей тѣмъ, что велъ себя неподобающе сыну Израиля: строгаль себѣ деревянныя сабли и колотилъ ими долгополыхъ сверстниковъ. Окончивъ «курсъ наукъ» въ хедерѣ, онъ долженъ былъ выбрать себѣ профессію. Выборъ былъ невеликъ: тогдашнему еврею были открыты два пути—сдѣлаться шинкаремъ или факторомъ-посредникомъ между паномъ и хлопомъ, исполнителемъ порученій «вельможнаго пана» какъ по хозяйству, такъ и по всякимъ другимъ дѣламъ. Берекъ пристроился въ факторы къ виленскому епископу князю Массаль-

скому и къ его племянницѣ, въ совмѣстномъ владѣніи которыхъ былъ Кретингенъ. Массальскій велъ себя далеко не такъ, какъ бы слѣдовало духовному лицу. Нажившись при ликвидаціи ордена іезуитовъ, онъ старался жить «по-магнатски», кутиль, игралъ въ карты и очень скоро спустилъ почти все свое имущество. Чтобы сравняться съ другими «большими панами», Массальскій завелъ даже свой собственный полкъ изъ французскихъ волонтеровъ. Возможно, что около нихъ Берекъ нѣсколько наострился по-французски, такъ какъ Массальскій, служившій въ бурное время раздѣловъ «и нашимъ» и вашимъ, бывшій и сторонникомъ русскихъ и конфедератомъ, при бѣгствѣ, послѣ крушенія Барской конфедераціи, за границу счелъ необходимымъ увезти съ собой и своего фактора, очевидно, рассчитывая, что тотъ будетъ для него полезенъ и на чужбинѣ, а безъ знанія французскаго языка Берекъ былъ бы ни къ чему въ Парижѣ и Брюсселѣ, гдѣ поселился Массальскій. За границей Берекъ «вращался въ высшемъ обществѣ», благодаря тому, что его покровитель выдалъ племянницу замужъ за принца Шарля де-Линя. Берекъ научился хорошо говорить по-французски и приобрѣлъ «приличныя манеры», перерядившись во французскій костюмъ. Возможно, что парижская атмосфера раскрыла для кретингенскаго фактора болѣе широкіе горизонты, чѣмъ тѣ, которые были видны изъ хедера или изъ палаца виленскаго епископа «петиметра» и интригана. Вѣдь то было время революціоннаго броженія, время проповѣди «свободы, равенства, братства» и послѣднихъ лѣтъ «старого режима».

Сколько времени Берекъ пробылъ за границей, неизвѣстно. Во время «великаго сейма» онъ съ молодой женой Ривкой жилъ уже близъ Варшавы, въ Голендзиновѣ, около Праги. Тамъ у него родились единственный его сынъ Юзефъ и дочь Лея. Чѣмъ онъ въ это время занимался, неизвѣстно. Вѣроятно, такими же «люфтгешейтами», какъ и большинство его родичей, промышленявшихъ чѣмъ придется, лишь бы заработать. Возможно, что онъ продолжалъ также факторствовать при князѣ Массальскомъ, когда тотъ былъ въ Варшавѣ. Массальскій въ то время велъ рискованную игру, вступивъ въ сношенія съ русскими, и въ концѣ концовъ 28 іюня 1794 года былъ «за измѣну» повѣшенъ поляками вмѣстѣ съ Четвертинскимъ и Боскампомъ-Лясопольскимъ. Принималъ ли какое-либо участіе Берекъ въ политическихъ интригахъ виленскаго епископа, неизвѣстно, но характерно то, что вскорѣ послѣ трагической кончины своего покровителя онъ, по выраженію панегириста «героя-еврея» Э. Луинскаго («Берекъ Йоселевичъ и его сынъ», Варш. 1909 г.), «пошелъ распалать зничъ національныхъ чувствъ на могилѣ измѣнника-епископа». Возможно, что это «распаливаніе знича» вызывалось также и необходимостью отвратить отъ себя подозрѣніе въ сношеніяхъ съ врагомъ, приближавшимся

уже къ Варшавѣ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ соплемениковъ Берека уже пострадали тогда за свое небезкорыстное «русофильство».

Дѣло въ томъ, что евреи, бывшіе гонимыми паріями въ польскомъ государствѣ, въ послѣдніе годы существованія Рѣчи Посполитой не проявляли особаго увлеченія польскимъ патріотизмомъ, тѣмъ болѣе, что конституція 3 мая 1791 года никакого облегченія евреямъ не принесла, а пренія четырехлѣтняго сейма о предоставленіи евреямъ нѣкоторыхъ правъ, возбужденныя ходатайствами холмскаго раввина Гершеля Юзефовича и «фактора его королевскаго величества» Абрагама Гиршовича, ничѣмъ не кончились: они даже не пошли дальше комиссіи и въ общемъ собраніи не возбуждались. Евреямъ обѣщали было «разяснить» конституцію 3 мая въ томъ смыслѣ, что она распространяется и на нихъ, но, по словамъ Булгакова, евреи обязаны были заплатить за это королевскіе долги въ суммѣ 20 милліоновъ злотыхъ польскихъ (тогдашній злотъ—около 40 коп. на наши деньги), но евреи дали лишь 15.000 дукатовъ, и сдѣлка не состоялась.

Въ 1794 году евреи, какъ свидѣтельствуесть Корзонъ («Внутренняя исторія Польши при Станиславѣ-Августѣ», т. I, стр. 232, Варш. 1897), не проявили своихъ обывательскихъ чувствъ никакими жертвами; только отъ кагаловъ поступили просьбы объ освобожденіи отъ чрезвычайныхъ налоговъ, установленныхъ во время Костюшковскаго возстанія. Въ Литвѣ евреи приобрѣли расположеніе русскаго главнокомандующаго князя Репнина, который писалъ о нихъ минскому губернатору Неплюеву, что всѣ тамошніе евреи отнюдь не питали сочувствія къ бывшему въ Польшѣ бунту, а, напротивъ, въ своемъ усердіи оказывали русскимъ услуги. Въ Варшавѣ богачу Айзыку Шмулю, именовавшемуся также Шмулемъ Якубовичемъ и Збиткаверомъ, пришлось даже бѣжать вслѣдствіе обвиненія въ «многообразныхъ преступленіяхъ и измѣнѣ собственной отчизнѣ». Все имущество Збиткавера было тогда конфисковано, а онъ самъ появился въ Варшавѣ лишь послѣ суворовскаго штурма Праги. Чѣмъ ближе было къ трагической развязкѣ Костюшковскаго возстанія, тѣмъ болѣе косо смотрѣли поляки на евреевъ, ставя имъ въ строку малѣйшее проявленіе «непатріотическихъ чувствъ», и понятно, что при такомъ настроеніи могло плохо прійтись бывшему фактору «измѣнника-епископа», если бы онъ не догадался «распалить зничъ національныхъ чувствъ».

17 сентября 1794 года, по ходатайству Юзефа Ароновича и Берека Йоселевича, Костюшко разрѣшилъ образовать «легкоконный старозаконный полкъ», а 6 октября Берекъ получилъ «на первыя надобности имѣющаго собратья полка» 3000 злотыхъ «скарбовыми билетами», сильно упавшими уже тогда въ цѣнѣ.

О возникновеніи «старозаконнаго полка» Костюшко опубликовалъ въ тогдашней «Правительственной Газетѣ» особое «увѣдо-

мленіе», въ которомъ писалъ: «Ничто не можетъ больше убѣдить самые отдаленные народы въ святости нашего дѣла и въ справедливости нынѣшней революціи, какъ то, что люди, отдѣленные отъ насъ религіей и обычаями, для поддержки нашего возстанія добровольно приносятъ въ жертву жизнь. Много вѣковъ вся поверхность земли обливалась кровью милліоновъ людей ради гордости, жадности, предразсудковъ и глудости нѣсколькихъ лицъ. Но еврейскій народъ, разсѣянный по всему свѣту со времени ухода изъ родной земли, не хотѣлъ принадлежать къ этимъ кровавымъ сценамъ, которыя устраивали свирѣпые деспоты на театрѣ земли. Иначе мысля, чѣмъ тѣ, что ради гордости или разврата тирановъ считаютъ для себя честью отдавать свою жизнь (еврейскій народъ), искалъ собственнаго спокойствія; презираемый поэтому и почти изыятый изъ числа людей, онъ считался неспособнымъ къ защитѣ правъ и собственности и содержался только для корысти самодержцевъ. Но кто только взвѣситъ, что это—народъ, состоящій изъ подобныхъ намъ людей, навѣрное иначе будетъ судить о немъ, а свѣдѣніе о храбрыхъ дѣяніяхъ его предковъ создаетъ для насъ надежду, похвальную на его сторону». Перечисливъ затѣмъ подвиги библейскихъ героевъ и героинь и указавъ, что 17 и 18 апрѣля 1794 г., «когда Варшава вступила въ кровавую битву съ наѣздниками-москалями, евреи, живущіе въ этомъ городѣ, бросились къ оружію, мужественно сразились съ непріателемъ и доказали міру, что тамъ, гдѣ человѣчество можетъ выиграть, они не умѣютъ охранять свою жизнь», Костюшко продолжаетъ: «Нѣтъ жителя на польской землѣ, который бы, усматривая въ возстаніи народа свои вольности и свое осчастливленіе, не старался бы всѣми силами ему содѣйствовать. Проникнутые этими побужденіями, Берекъ Йоселевичъ и Юзефъ Ароновичъ, старозаконные, памятуя о землѣ, въ которой родились, памятуя, что изъ освобожденія ея вмѣстѣ съ другими будутъ почерпать въ ней всѣ выгоды, представили мнѣ требованіе и охоту свою сформировать старозаконный полкъ легкой кавалеріи. Похваливъ это ихъ рвеніе, даю онимъ позволеніе вербовать означенный корпусъ, снабжать его всѣми военными вооруженіями и необходимостями, чтобы они какъ можно скорѣе могли прійти на иждивеніе Рѣчи Посполитой и какъ можно лучше сражали врага».

«Берекъ Йоселевичъ, полковникъ» обнародовалъ въ той же «Правительственной Газетѣ» 1 октября воззваніе къ собратьямъ. Въ этомъ воззваніи онъ пишетъ: «Слушайте же, дѣти племени израэлитовъ! Кто Вѣчнаго и Всемогущаго на сердцѣ своемъ начерталъ и хочетъ помочь бороться за отчизну, что мы всѣ люди обязаны дѣлать, то теперь пришло время отдать на это наши силы. Во истину такъ, вѣрные мои братья! Побуждаетъ васъ къ этому любовь къ вашему отечеству, чтобы вы набрали новой крови, уже столько лѣтъ высосанной изъ васъ ядовитыми змѣями».

Далѣе Иоселевичъ указываетъ, что «опекунъ нашъ, начальникъ Тадеушъ Костюшко, являющійся по истинѣ посланникомъ Вѣчнаго, Всемогущаго, рѣшилъ приложить все старанія къ тому, чтобы выставить еврейскій regimentъ» и призываетъ бороться за отчизну до послѣдней капли крови и проснуться, «какъ львы и леопарды». Съ громкими фразами воззванія совсѣмъ не гармони-

Берекъ Иоселевичъ.

(По портрету, хранящемуся въ варшавскомъ еврейскомъ общинномъ управленіи).

руетъ его конецъ, гласящій: «Не ждите же, пока васъ придется брать силою; добровольцы будутъ произведены въ чинъ при отличіи».

Несмотря на свой «жалостный» конецъ, воззваніе Берекъ произвело сильное впечатлѣніе, но не на евреевъ, а на поляковъ, которые узрѣли въ немъ яркое проявленіе патріотическихъ чувствъ и даже переписывали себѣ на память, какъ нѣчто замѣчательное: воззваніе это находили въ бумагахъ, оставшихся послѣ многихъ современниковъ трагическихъ событій 1794 года. На евреевъ воз-

званіе не могло произвести впечатлѣнія потому, что оно было издано по-польски, а еврейская масса того времени по-польски читать не умѣла и польскими газетами не интересовалась.

О дальнѣйшихъ судьбахъ предпріятія Берека никакихъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Корзонъ категорически утверждаетъ, что Берекъ не могъ успѣть организовать полкъ въ тотъ короткій промежутокъ времени, который протекъ между его воззваніемъ и взятіемъ Праги (4 ноября 1794 г.). 6 октября Берекъ получилъ 3000 злотыхъ, а 10 октября Костюшко былъ взятъ въ плѣнъ подъ Мацеювицами, и послѣ этого евреи едва ли охотно записывались въ «старозаконный полкъ», чтобы исполнить желаніе «начальника», который уже не могъ оказать на нихъ какое-либо воздѣйствіе. Едва ли послѣ Мацеювиць евреи «проснулись, какъ львы и леопарды», а скорѣе нужно предположить, что они старались поддерживать нейтралитетъ, чувствуя, что недалекъ уже конецъ и всему возстанію.

Да и трудно предположить, чтобы бывшій факторъ обладалъ талантомъ организовать полкъ въ теченіе четырехъ недѣль, имѣя въ своемъ распоряженіи только 3000 бумажныхъ злотыхъ.

Иного взгляда придерживается Э. Лунинскій въ своей біографіи Берека. Онъ передаетъ, какъ дѣйствительные факты, всѣ легенды и догадки о дѣятельности Йоселевича и потому утверждаетъ, что «полчища Йоселевича»,—черпавшаго средства, «очевидно, изъ копилки единовѣрцевъ и свободомыслящихъ христіанскихъ патріотовъ»,—«выросли какъ бы изъ-подъ земли, менѣе чѣмъ въ три недѣли, пробужденные къ жизни воззваніемъ кретингенскаго фактора, которое звучало громомъ, сладостью просьбы, высокопарностью Пятикнижія, наивной простотой и изліяніемъ самыхъ сердечныхъ чувствъ. Несомнѣнно, нужда одолѣвала и отрядъ Берека,—обмундированіе его должно было быть плохимъ, жалованье нерегулярнымъ,—несмотря на это, несравненный энтузіазмъ, излучавшійся изъ души вождя, разливался на подчиненныхъ—и создалъ изъ нихъ сплоченное, дисциплинированное, образцовое цѣлое. Тогда какъ мѣщане съ неохотой и въ небольшомъ числѣ шли на укрѣпленія, а національная кавалерія вмѣсто того, чтобы подавать примѣръ, отличалась небрежностью къ службѣ, времяпрепровожденіемъ въ театрѣ и при бильярдѣ, еврейскій региментъ подъ командой Берека никогда не уходилъ съ окоповъ, чутко караулилъ, стоялъ на часахъ,—и особенно старательно караулилъ плѣнныхъ. Замолкли въ виду недосуга ритуальные хоралы, въ пятницы ночью не горѣли свѣчи, притихли субботнія моленія, позабыли о торѣ»...

Такъ какъ участники осады Праги упоминаютъ въ своихъ запискахъ о существованіи еврейскаго отряда подъ командой Йоселевича, то, вѣроятно же всего, истина находится по срединѣ: настоящаго «легкоконнаго старозаконнаго полка» Берекъ собрать не

успѣлъ, но все-таки съ небольшимъ числомъ «воинствующихъ израильтянъ» принялъ участіе въ защитѣ пражскихъ укрѣпленій отъ войскъ Суворова. Само собой понятно, что во время осады Береку не удалось осуществить проектъ учрежденія «легкоконнаго полка», которому нечего было дѣлать «на окопахъ» и при окарауливаніи плѣнныхъ. Быть можетъ, къ Береку воинству причислялись и

Юзефъ Берковичъ.

(По гравюрѣ изъ романа «Станиславъ или польскій уланъ»).

тѣ евреи, которые, опасаясь лютой смерти въ случаѣ взятія Праги и не успѣвъ скрыться изъ нея, являлись вмѣстѣ со шляхтичами и монахами, женщинами и дѣтьми насыпать шанцы, распѣвая тогдашній патріотическій гимнъ «Вы, ученые, что для доблести терпите не мало»...

Послѣ штурма Праги 4 ноября, по словамъ Э. Луинскаго, «полкъ Берека погибъ почти весь, воздавъ обильную дань смерти». Уцѣлѣлъ только Берекъ. Впрочемъ, если вѣрить Корзону, уцѣ-

лѣтъ ему было не мудрено, такъ какъ «полка» не было вовсе, а Береку, караулившему съ товарищами укрѣпленія и плѣнныхъ, не трудно было въ критическую минуту превратиться въ «мирныхъ обывателей». Впрочемъ, и послѣднимъ сильно досталось отъ суворовскихъ войскъ: тогда, согласно официальной реляціи, было убито на Прагѣ 12.000 человѣкъ и утонуло въ Вислѣ 2000. Многихъ евреевъ успѣлъ, по преданію, спасти упомянутый выше Шмуль Якубовичъ, именовавшійся также Айзыкомъ Шмулемъ и Збиткаверомъ, который, убѣжавъ отъ висѣлицы въ Варшавѣ, напелъ себѣ убѣжище въ русской арміи и вернулся вмѣстѣ съ нею. Когда началась рѣзня, онъ объявилъ, что за каждаго живого жителя Праги онъ платитъ золотой дукатъ, а за каждый трупъ—серебряный рубль. Солдаты привели къ Якубовичу столько живыхъ евреевъ и поляковъ и принесли столько труповъ, что два боченка съ деньгами, приготовленные для этой оригинальной операціи, быстро опустѣли. Какъ рассказываютъ варшавскіе евреи, впоследствии въ честь изобрѣтательнаго Айзыка Шмуля одинъ изъ новыхъ кварталовъ Праги былъ названъ Шмулевизной.

Какимъ образомъ удалось Береку спастись во время рѣзни и убѣжать за границу, легенды умалчиваютъ. Послѣ взятія Варшавы онъ оказался въ Ольмюцѣ, гдѣ австрійцы посадили его, подобно другимъ пробравшимся къ нимъ повстанцамъ, въ крѣпость. Въ виду того, что многіе изъ нихъ именовали себя самозванно не принадлежащими имъ чинами, требуя, чтобы австрійцы обходились съ ними, какъ съ плѣнными офицерами, австрійское правительство затребовало свѣдѣнія объ этихъ бѣглецахъ у мысленецкаго крайсгауптмана Антона Баума, уже и раньше сообщавшаго ему о ходѣ дѣлъ въ возставшей Варшавѣ. Баумъ, перечисляя авантюристовъ-самозванцевъ, упомянулъ, что среди нихъ находится и «*der Jude Berko Aronowicz*». Вслѣдствіе этого съ Костиюшковскимъ «полковникомъ» обходились не по чину, и онъ, возмущенный этимъ, бѣжалъ изъ заточенія при помощи «нѣсколькихъ друзей», вѣроятно, изъ числа ольмюцкихъ евреевъ, и направился вслѣдъ за другими польскими эмигрантами во Францію. Поселившись въ Парижѣ, онъ, очевидно, не пользовался среди нихъ особымъ авторитетомъ, и его скороспѣлый полковничій чинъ не производилъ на нихъ никакого впечатлѣнія, потому что, когда Домбровскій сталъ организовать польскіе легіоны, Берекъ былъ зачисленъ въ нихъ простымъ рядовымъ, хотя вскорѣ, впрочемъ, былъ произведенъ въ офицеры.

Судя по свѣдѣтельству соратниковъ Берека, онъ отличался большою личной храбростью, представляя собою исключеніе изъ общаго правила о еврейскихъ воинахъ, охотнѣе сдающихся въ плѣнъ, чѣмъ сражающихся, какъ это доказала и русско-японская война, хотя и во время ея были случаи проявленія нѣкото-

рыми евреями выдающагося мужества. Послѣ сраженій подъ Магліано, Фаллари, Кальви и Мондрагоне и по взятіи Гаэты въ легіонахъ въ 1799 году приступили къ организаціи кавалеріи, для чего воспользовались лошадьми неаполитанскаго короля Фердинанда, захваченными въ окрестностяхъ Мондрагоне, и артилле-

Еврейская городская гвардія 1831 года.

(Изъ альбома польскихъ войскъ ноябрьскаго возстанія Дитриха).

рійскими лошадьми, взятыми въ Гаэтѣ. Кавалерія эта первоначально состояла изъ трехъ эскадроновъ подъ командой Тремо, Бернацкаго и Юселевича, а впослѣдствіи численность ея возросла до 1200 чел., и она была отдана подъ команду генерала Карвовскаго. Но во время итальянскаго похода Суворова, особенно послѣ сраженія при Требіи, отъ этой польской кавалеріи осталось

лишь 190 всадниковъ, а въ концѣ 1800 года она существовала уже только на бумагѣ.

Въ это время Князевичъ сталъ организовывать «придунайскій легионъ», причисленный къ корпусу Сень-Сузанна на Рейнѣ. Въ сборные пункты въ Шфальцбургѣ и Мецѣ потянулись и остатки кавалеріи польскихъ легионовъ, въ числѣ которыхъ оказался и Иоселевичъ. Онъ былъ принятъ въ новый легионъ съ чиномъ капитана. Это обстоятельство создало непріязненное отношеніе къ Береку со стороны другихъ эмигрантовъ-шляхтичей, которые негодовали на то, что имъ предпочли какого-то еврей-фактора, хотя этотъ еврей и сдѣлалъ уже двѣ кампаніи въ Италіи и командовалъ тамъ эскадрономъ польской кавалеріи. Шляхта унесла съ собой и въ республиканскую Францію старые польскіе взгляды на евреевъ, и, какъ писалъ Князевичъ своему другу Выбицкому, «не переставала преслѣдовать Иоселевича, котораго нельзя упрекнуть ни въ чемъ, кромѣ того, что онъ не родился шляхтичемъ». Точныхъ свѣдѣній о ходѣ службы Берека въ «придунайскомъ легионѣ» не имѣется, но, вѣроятно, онъ вмѣстѣ съ этимъ легиономъ участвовалъ на правомъ флангѣ арміи Моро въ сраженіи подъ Гогенлинденомъ (3 декабря 1800 г.) и въ оборонѣ долины Инна противъ Шмоцветца и Гирса, а также въ стычкахъ подъ Зальцбургомъ. Послѣ перемирія въ Штейерѣ легионъ расположился на зимнихъ квартирахъ въ Верхней Австріи. 9 февраля 1801 года былъ заключенъ Люневильскій трактатъ, и легионъ черезъ Страсбургъ и Шафгаузенъ былъ переведенъ въ Тосканію. Прибывъ 27 апрѣля въ Миланъ, легионъ былъ зачисленъ въ качествѣ «иностранной полубригады» въ регулярную французскую армію, а его кавалерія, въ которой находился Берекъ, была передана въ вѣдѣніе Цизальпинской республики.

Поляки-эмигранты надѣялись, что при заключеніи мира съ Австріей Франція вспомнитъ о Польшѣ, но Люневильскій трактатъ не затронулъ польскаго вопроса, и это было первымъ, но далеко не послѣднимъ разочарованіемъ польскихъ эмигрантовъ, искавшихъ помощи и поддержки сначала у Французской республики, а затѣмъ у Наполеоновской имперіи. Французы охотно пользовались польскимъ «пушечнымъ мясомъ», но не особенно торопились осуществить, хотя бы въ небольшой долѣ, польскія мечты. Въ большомъ уныніи перебрался польскій «придунайскій легионъ» черезъ Альпы, и это уныніе еще болѣе возросло, когда его раздѣлили на двѣ части и пѣхоту причислили къ французскимъ войскамъ, а конницу — къ Цизальпинской республикѣ. Изъ бойцовъ за свободу отчизны легионеры превратились въ наемниковъ на службѣ у чужихъ...

Берекъ Иоселевичъ, вѣроятно, являлся исключеніемъ: онъ былъ очень доволенъ и своей судьбой, и своимъ драгунскимъ мундиромъ, напоминавшимъ венгерку, и своими конями, въ числѣ которыхъ

былъ жеребецъ, подаренный маршаломъ Мортье. Этотъ маршалъ вообще сильно покровительствовалъ Иоселевичу, назначилъ его капитаномъ 1 драгунскаго полка и выхлопоталъ ему орденъ Почетнаго Легіона. Все это извѣстно изъ сохранившагося письма Берека, на плохомъ французскомъ языкѣ, къ нѣкому капитану Кобылянскому отъ 2 фримера XII года республики (1804 г.). Расположеніе маршала, пріобрѣтенное Берекомъ, не могло не отразиться и на отношеніи къ нему его непосредственнаго начальства: командиръ полка Эверъ такъ близко сошелся съ нимъ, что фактически командовалъ полкомъ Берекъ, съ которымъ Эверъ всегда и обо всемъ совѣтовался. Вообще 1801—1805 гг. были для Берека счастливѣйшимъ временемъ его жизни. Подъ командой Мортье онъ участвовалъ въ оккупациі Ганновера въ 1801 г. и въ австрійской кампаніи 1805 г., а въ промежутокъ между этими двумя походами, судя по его письму къ Кобылянскому, «какъ сыръ въ маслѣ катался», будучи любимцемъ и Мортье, и своего командира.

Но при вѣсти о томъ, что Домбровскій приступилъ къ организаціи новыхъ легіоновъ въ Познанской области для борьбы съ Пруссіей, Берекъ покинулъ Мортье, двинувшагося въ Мекленбургъ и шведскую Померанію, и отправился на службу къ Домбровскому, гдѣ былъ назначенъ въ первый полкъ конныхъ стрѣлковъ, находившійся подъ командой Казимира Турна. Берекъ участвовалъ въ битвѣ подъ Тчевомъ, въ осадѣ Данцига, гдѣ польскіе отряды входили въ составъ арміи Лефевра, и въ сраженіи подъ Фридландомъ. За отличіе онъ получилъ крестъ *Virtuti Militari*. По заключеніи Тильзитскаго мира и образованіи великаго герцогства Варшавскаго полкъ Турна былъ переименованъ въ пятый полкъ конныхъ стрѣлковъ или улановъ, вооруженныхъ карабинами вмѣсто копій, и вошелъ въ составъ регулярной арміи новаго государства. Вмѣстѣ съ полкомъ вернулся въ край послѣ многолѣтнихъ странствій на чужбинѣ и Берекъ въ чинѣ шефа эскадрона или подполковника. Но Берекъ не называлъ себя уже Иоселевичемъ, а усвоилъ себѣ новыя имя и фамилію: вмѣсто Берека онъ сталъ называться Жозефомъ или Юзефомъ, а вмѣсто Иоселевича—Верко.

Подполковникъ Жозефъ Верко, alias Берекъ Иоселевичъ, засталъ въ Польшѣ все то же отношеніе къ евреямъ, если не худшее, чѣмъ въ 1794 году. Патріотическія стремленія Костюшки найти въ евреяхъ союзниковъ для борьбы съ врагами отчизны не нашли себѣ подражателей, а, напротивъ, въ годы прусскаго владычества все болѣе усиливалась среди поляковъ вражда къ евреямъ, особенно сильно проявлявшаяся въ Варшавѣ. Число ихъ такъ возросло, что варшавскіе мѣщане стали слезно просить прусское правительство принять какія-либо предупредительныя мѣры противъ еврейскаго засилья. Въ концѣ концовъ 7 марта 1798 г. коро-

левскимъ декретомъ было предписано выселить изъ Варшавы часть евреевъ, а остальныхъ обложить особымъ сборомъ, въ размѣрѣ злата въ день, въ пользу города съ приѣзжихъ и въ суммѣ 120.000 злотыхъ въ годъ (такъ называемый *Nahrungssteuer*) со всѣхъ осѣдлыхъ варшавскихъ евреевъ. Кромѣ того, былъ установленъ другой налогъ—*Toleranzsteuer*, а черезъ нѣсколько лѣтъ возстановлено взиманіе «кошернаго» сбора съ мяса и птицы, потребляемыхъ евреями. Въ общемъ итогѣ пруссаки получали отъ евреевъ очень солидный доходъ, но притока евреевъ въ Варшаву эти мѣры не приостановили, и христіанамъ, постепенно опутаннымъ евреями, становилось все тяжелѣе. Ненависть христіанъ къ евреямъ прорвалась въ 1804 году, когда произошелъ второй еврейскій погромъ. Во время процессіи Божьяго Тѣла кто-то бросилъ кусокъ дерева или камень въ балдахинъ, подъ которымъ несли св. дары. Въ толпѣ прошелъ слухъ, что это сдѣлали евреи, смотрѣвшіе на процессію изъ-за забора, и начался погромъ, продолжавшійся два дня и прекращенный лишь благодаря вмѣшательству войскъ.

Польскіе эмигранты, правда, принесли съ собой въ новое великое герцогство фразы о свободѣ, равенствѣ, братствѣ, но, по замѣчанію Э. Лунинскаго, на польской почвѣ «новыя понятія прививались съ трудомъ или увядали, какъ растеніе, не находящее для себя надлежащихъ соковъ». Наполеонъ, создавая герцогство Варшавское, установилъ равенство всѣхъ передъ закономъ, но равенство это вскорѣ оказалось такимъ именно завядающимъ растеніемъ по отношенію къ евреямъ, и уже черезъ годъ по образованіи герцогства, въ 1808 году, варшавскій магистратъ сталъ рьяно приводить въ исполненіе распоряженіе о выселеніи евреевъ изъ центральныхъ частей города, сдѣланное прусскими властями еще до возникновенія герцогства и потому ставшее уже необязательнымъ. Вся коротенькая исторія герцогства наполнена подобными же стремленіями ограничить права евреевъ: нѣсколько разъ издавались распоряженія о воспрещеніи евреямъ жить на главныхъ улицахъ, воспрещено было принимать свидѣтельскія показанія евреевъ въ уголовныхъ дѣлахъ... Само собой понятно, что эти мѣры, являвшіяся отраженіемъ настроенія польскаго населенія, не способствовали развитію среди евреевъ особыхъ симпатій къ герцогству, въ которомъ поляки видѣли эмбрионъ будущаго польскаго королевства «отъ моря до моря». Когда командовавшій войсками герцогства князь Іосифъ Понятовскій въ 1808 году установилъ всеобщую воннскую повинность безъ различія вѣронсповѣданія и происхождения, то евреи далеко не проявили той охоты прійти на защиту «отчизнѣ», которую они выказали въ 1794 году, попавъ въ затруднительное положеніе между крайне патріотически настроенными сторонниками Костюшки и страшными москалями Суворова. Въ 1808 году евреи стали просить объ освобожденіи ихъ отъ вы-

павшей на ихъ долю чести и откупились отъ нея ежегоднымъ взносомъ въ 700.000 злотыхъ.

Такимъ образомъ, подполковникъ Жозефъ Берко засталъ въ герцогствѣ, съ одной стороны, обострившуюся вражду польскаго населенія къ еврейскому, а съ другой—стремленіе вернувшихся изъ

Еврейская стража безопасности 1831 года.

(Изъ альбома польскихъ войскъ ноябрьскаго возстанія Дитриха).

Западной Европы эмигрантовъ, съ княземъ Понятовскимъ во главѣ, если не осуществить принципы свободы, равенства, братства по отношенію евреевъ, то, по крайней мѣрѣ, использовать еврейское населеніе для защиты отчизны отъ внѣшнихъ враговъ, привлечь еврейскую молодежь подъ польскія знамена. Берекъ былъ живымъ примѣромъ воинственнаго сына Израиля, украшен-

«истор. вѣстн.», январь, 1911 г. т. сѣхпн.

14

наго Почетнымъ Легіономъ и крестомъ *Virtuti Militari*, и поэтому привлекъ къ себѣ общее вниманіе, какъ первый и почти единственный въ то время воинъ-полякъ Моисеева закона. Однимъ изъ проявленій этого вниманія тогдашнихъ польскихъ либераловъ было принятіе бывшего кретингенскаго фактора въ масонскую ложу «соединенныхъ братьевъ-поляковъ», являвшуюся отдѣленіемъ французскаго «Grand Orient», въ качествѣ «брата высшей степени», тогда какъ начальникъ Берека полковникъ Турно состоялъ тамъ лишь простымъ «подмастерьемъ». Фамилія подполковника Жозефа Берко фигурировала въ спискахъ ложи рядомъ съ генераломъ Аксамитовскимъ, Салямбье, членомъ торговаго трибунала, полк. Калиновскимъ и даже съ княземъ Понятовскимъ, числившимся почетнымъ членомъ. «Соединенные братья-поляки» состояли преимущественно изъ военныхъ, сторонниковъ возстановленія Польши.

Берекъ первоначально стоялъ со своимъ полкомъ въ Равѣ, затѣмъ—въ Пыздрахъ и наконецъ—въ Варшавѣ. Жалованья получалъ онъ 6837 золотыхъ. Его жена Ривка, проживавшая во время заграничныхъ скитаній мужа въ Кретингенѣ съ сыномъ или у дочери, выданной замужъ за шинкаря Маера въ Литвѣ, продолжала и во время пребыванія Берека въ Польшѣ жить отдѣльно отъ него и лишь прѣзжала къ нему нѣсколько разъ на короткое время съ сыномъ, носившимъ на удивленіе кретингенскимъ евреямъ военную форму. Отъ того времени сохранился портретъ Берека, хранящійся въ еврейскомъ общинномъ управленіи въ Варшавѣ. На портретѣ Берекъ изображенъ въ высокой медвѣжьей шапкѣ и въ темнозеленомъ суконномъ мундирѣ съ блестящими эполетами и орденомъ Почетнаго Легіона.

Въ 1809 году вспыхнула война между Австріей и Франціей. Войска герцогства Варшавскаго играли въ ней роль Наполеоновскаго авангарда и послѣ стычекъ подъ Гржибовомъ и Острувкомъ двинулись навстрѣчу главной массѣ австрійской арміи двумя колоннами: одна подъ командой Понятовскаго направилась черезъ Пулавы (нынѣшняя Новоалександрія) на Люблинъ и Сандомиръ, а другая—на Осѣцкъ и Желеховъ. Въ авангардѣ второй колонны находился Берекъ, командуя двумя эскадронами, несшими развѣдочную службу.

Узнавъ, что австрійская кавалерія появилась въ Коцкѣ на правомъ берегу р. Вепря (въ 126 верстахъ отъ Варшавы), Берекъ двинулся туда и дѣйствительно засталъ тамъ 5 мая 1809 г. два эскадрона перваго полка императорскихъ гусаръ, которые, устроивъ засаду, окружили Берека съ нѣсколькими солдатами на базарной площади Коцка. Берекъ былъ сбитъ ударомъ палаша на землю и погибъ подъ копытами австрійскихъ коней. Послѣ этого австрійцы отступили, а тѣло Берека было погребено мѣстными жителями, которые насыпали курганъ на его могилѣ. Такъ окон-

чилась жизнь бывшаго фактора, которому судьбой было суждено пережить рядъ приключеній, возможныхъ только въ такое бурное время, какъ конецъ XVIII и начало XIX вѣка...

Смерть Берека была, собственно говоря, началомъ его славы. Въ Люблинской губерніи и до сихъ поръ польскіе крестьяне поютъ пѣсню о томъ, какъ «w tym wypadku huncwockim zginął Berek pod Koskiem» (въ этомъ предательскомъ происшествіи погибъ Берекъ подъ Коцкомъ). Существуетъ и теперь польская пословица: «погибъ, какъ Берекъ подъ Коцкомъ», примѣняемая къ тѣмъ случаямъ, когда кого-либо постигаетъ неожиданная неудача. Дѣти играютъ въ «Берека» (въ родѣ нашихъ пятнашекъ), гдѣ «Берекъ» долженъ увертываться отъ товарищей, старающихся его ударить... Уже вскорѣ послѣ смерти Берека появились о его жизни разныя фантастическія подробности, а тогдашніе польскіе патріоты не щадили похвалъ его памяти. Генрихъ Дембикскій назвалъ его «славнымъ евреемъ», Антоній Островскій—«славнымъ по мужеству и самоотверженію», Романъ Солтыкъ въ 1831 г. — «памятнымъ навѣки и доблестнымъ», «Варшавская Газета» 1809 года писала: «Сошелъ съ этого свѣта смертью истиннаго рыцаря, совершивъ въ теченіе 15 лѣтъ всѣ кампаніи въ Италиі, Германіи и Польшѣ. Онъ первый изъ польскихъ евреевъ открылъ путь чести своимъ единовѣрцамъ и далъ собою прекрасный примѣръ доблести». Варшавское общество друзей наукъ устроило 22 декабря 1809 года торжественное засѣданіе, на которомъ предсѣдатель государственнаго совѣта графъ Станиславъ Потоцкій, въ числѣ другихъ убитыхъ во время австрійской кампаніи, упомянулъ Иоселевича и въ похвальномъ словѣ указалъ, что Берекъ «первый далъ примѣръ воскресшей доблести своему народу и воскресилъ образъ рыцарей, смерть которыхъ оплакивали нѣкогда дщери Сіона».

Именно этотъ «примѣръ воскресшей еврейской доблести» и сдѣлалъ личность Берека послѣ его смерти столь популярной среди польскихъ патріотовъ, стремившихся передѣлать евреевъ въ «поляковъ Моисеева закона». Поляки всегда вспоминали о Берекѣ, когда нужно было расшевелить еврейскую массу, чтобы привлечь ее къ «польской справѣ», или же когда хотѣлось попрекнуть ее въ безучастіи къ этой «справѣ». Берекъ сдѣлался своего рода вѣскимъ аргументомъ, который ради убѣдительности разукрашивался всевозможными фантастическими подробностями и догадками, такъ что въ конечномъ результатѣ создалось цѣлое сказаніе объ этомъ «рыцарѣ», оплакиваемомъ дщерями Сіона, какъ выразился графъ Потоцкій, хотя въ дѣйствительности и дщери Сіона, и сыны Сіона, проживавшіе въ Польшѣ, остались совершенно равнодушны къ гибели такого «ашикореса», какимъ былъ Жозефъ Берко, давно отставшій отъ исполненія всѣхъ мелочныхъ предписаній еврейскаго ритуала.

Изъ евреевъ чтили память Берека и... эксплуатировали ее въ свою пользу только его жена Ривка и сынъ Юзефъ Берковичъ. Они стали хлопотать о назначеніи имъ пенсіи, и черезъ годъ послѣ смерти Берека пенсія была имъ назначена въ размѣрѣ 1800 злотыхъ. Въ то время Юзефъ Берковичъ, получившій по примѣру отца образованіе въ хедерѣ, поступилъ уже на военную службу въ 13-й гусарскій полкъ, сформировавшійся во второй половинѣ 1809 года подъ командой Толинскаго. Берковичъ участвовалъ въ кампаніи 1812 года, получилъ во время ея 16 ранъ, два креста и унтеръ-офицерское званіе. вмѣстѣ съ остатками великой арміи отступилъ на нѣмецкій театръ войны и тамъ попалъ въ полкъ «кракусовъ», а при возникновеніи царства Польскаго перешелъ въ 2-й уланскій полкъ, но уже 14 марта 1815 года вышелъ въ отставку и поселился въ качествѣ «подлѣснаго» въ Рогозні Бѣдгосскаго департамента. При урегулированіи границъ царства Польскаго Рогозно отошло къ пруссакамъ, и Берковичъ остался безъ должности.

Съ этого времени начались слезныя ходатайства Берковича о выдачѣ ему пособій, о назначеніи пенсіи, прекратившейся съ упраздненіемъ великаго герцогства Варшавскаго, о предоставленіи должности и т. п., сохранившіяся въ архивѣ нынѣшней варшавской казенной палаты. Пенсія была Берковичу и его матери сохранена, онъ самъ получилъ еще пенсію за «золотой крестъ заслуги», а въ 1819 году былъ назначенъ «подлѣснымъ» въ Брокѣ близъ Плоцка, затѣмъ въ Пячесні близъ Остроленки. Оттуда Берковичъ былъ переведенъ подъ Праснышъ, въ Яржинный Кержъ. На гражданской службѣ Берковичу не повезло: онъ постоянно жаловался на несправедливости и притѣсненія. Особенно непріятную исторію пришлось ему пережить въ 1824 году, когда его обвинили въ томъ, что, желая пользоваться пенсіей, назначенной вдовѣ Берека, онъ выдаетъ за послѣднюю какую-то чужую еврейку, тогда какъ Ривка давно уже будто бы умерла. Пенсія была приостановлена, и дѣло затянулось до 1830 года, а къ тому времени у Берковича появилась другая «непріятность»—обвиненіе его въ самовольной продажѣ дерева и въ другихъ преступленіяхъ по службѣ. Берковича отставили тогда отъ должности и предали суду. Положеніе его было безвыходное, но тутъ пришло на выручку возстаніе 1830 года.

Берковичъ тотчасъ же уѣхалъ въ Варшаву и рѣшилъ пойти по стопамъ отца—организовать «старозаконный» полкъ. Подыскавъ себѣ компаньоновъ—нѣкихъ Герниша и Горовица, Берковичъ обратился къ диктатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ заняться этимъ патріотическимъ дѣломъ, при чемъ ссылаясь на полномочіе со стороны «старшинъ закона Израильскаго», но настроеніе и революціоннаго правительства, и поляковъ, и евреевъ было въ 1830—31 гг. иное, чѣмъ въ 1794 году...

Антисемитское направленіе, выяснившееся уже во времена великаго герцогства Варшавскаго, все болѣе росло и крѣпло въ теченіе 15 первыхъ лѣтъ существованія «конгрессовки». Оно нашло себѣ яркое выраженіе въ сочиненіи извѣстнаго польскаго просвѣщеннаго дѣятеля ксендза Сташица ¹⁾, который признавалъ евреевъ тайной корпораціей, опасной для правительствъ и народовъ, и потому рекомендовалъ собрать всѣхъ евреевъ изъ деревень въ города и запереть въ гетто, разрѣшивъ имъ доступъ въ мѣстности съ польскимъ населеніемъ только по особымъ билетамъ, запретить имъ нанимать христіанскую прислугу, устроить для евреевъ особыя школы съ учителями-поляками и т. п. Еще дальше пошелъ анонимный авторъ появившагося въ 1818 г. «Способа на жидовъ»: онъ находилъ необходимымъ выселить всѣхъ евреевъ въ отдѣленную для нихъ область на границѣ «великой Тартаріи» или въ южной Россіи. По мнѣнію этого анонима, обыкновенные бородатые израильтяне были менѣе опасны, чѣмъ бритые и одѣтые въ европейское платье, скрывающіе «измѣну подъ маской цивилизаціи». Очень невысокаго мнѣнія былъ этотъ авторъ и о крещеныхъ евреяхъ.

Въ то же время обрисовалось и другое теченіе—ассимиляціонное, плодами котораго были эти бритые евреи съ «маской цивилизаціи». Въ числѣ сторонниковъ ассимиляціи были тогдашніе польскіе либералы, но большинство ихъ не шло дальше нѣкоторыхъ второстепенныхъ уступокъ, и лишь Валеріанъ Лукасинскій горячо требовалъ равноправія евреевъ, указывая, что вредное вліяніе евреевъ выросло изъ жадности шляхты и отсутствія просвѣщенія въ массахъ народа. «Вы были надменны,—писалъ Лукасинскій, обращаясь къ шляхтѣ,—своевольны и скоры на притѣсненіе земледѣльца и, найдя въ евреяхъ соотвѣтственное своей жадности орудіе, вы пользовались ихъ ловкостью, чтобы обманывать вашихъ подданныхъ. Ваша жадность требовала, чтобы евреи довели свой характеръ до высшей степени искаженія, такъ какъ въ ихъ преступленіяхъ вы усматривали вашу собственную корысть».

И антисемитское, и ассимиляціонное теченіе одинаково пугало еврейскую массу, которая боялась и крутыхъ мѣръ, ограничивавшихъ ея права, и ассимиляціонныхъ попытокъ, приводившихъ къ забвенію стародавнихъ религіозныхъ обычаевъ и стараго еврейскаго уклада жизни. Послѣднее казалось старозавѣтнымъ евреямъ хуже перваго, такъ какъ противъ стѣсненій, исходившихъ отъ правительства «конгрессовки», у нихъ было испытанное средство—ходатайства, сопровождаемыя «звонкими аргументами». Этимъ

¹⁾ Кстати сказать, въ прошломъ году ксендзъ Сташиць († 1826 г.) удостоился производства... въ статскіе совѣтники: около Грубешова поставили памятникъ ему, какъ основателю «грубешовскаго земледѣльческаго общества», и перевели его званіе члена государственнаго совѣта (rady stanu) словами: «статскій совѣтникъ».

оружіемъ они успѣшно парировали, напримѣръ, новыя ограниченія ихъ въ правѣ жительства въ Варшавѣ...

Когда вспыхнуло возстаніе 1830 года, его руководители сохранили по отношенію къ евреямъ ту же политику, какой держалось правительство «конгрессовки». Диктаторъ Хлопицкій постановленіемъ отъ 11 декабря 1830 г. лишилъ евреевъ права участвовать въ защитѣ Варшавы и служить въ гвардіи, а военный министръ Францишекъ Моравскій отказалъ нѣсколькимъ евреямъ въ приѣмъ ихъ на военную службу, чтобы «рыцарская польская кровь не смѣшалась съ еврейской, обезпечивая въ глазахъ Европы борьбу за свободу». Еврейскія массы были очень довольны этимъ, но горсточка такъ называемыхъ «ассимиляторовъ» продолжала добиваться права принять участіе въ защитѣ «отчизны». Къ этимъ ассимиляторамъ и примкнулъ Берковичъ по приѣздѣ въ Варшаву вмѣстѣ съ 17-лѣтнимъ сыномъ Леономъ.

Какъ мы упомянули выше, въ своемъ прошеніи на имя диктатора инициаторы «старозаконнаго полка» сослались на полномочіе «старшинъ закона Израильскаго». Прошеніе было помѣчено 10 декабря 1830 г., а 21 декабря Берковичъ опубликовалъ шумное воззваніе къ своимъ единовѣрцамъ, представлявшее какъ бы отголосокъ воззванія его отца. «Народовый жондъ» вступилъ съ Берковичемъ въ переговоры и въ концѣ концовъ разрѣшилъ ему организовать пѣхотный и кавалерійскій полки изъ евреевъ, хотя божничный дозоръ и заявилъ, что никакихъ полномочій Берковичу, Гернишу и Горовицу онъ не давалъ. Дозоръ, являвшійся официальнымъ представителемъ варшавскихъ евреевъ, высказался противъ проекта образованія отдѣльныхъ «старозаконныхъ» воинскихъ частей и находилъ болѣе соотвѣтственнымъ предоставить желающимъ воевать евреямъ право поступить во всѣ части войскъ. При этомъ дозоръ выразилъ готовность выдавать каждому такому еврею пособіе въ размѣрѣ 150 злотыхъ, но категорически отказывался принять на себя расходы по организаціи двухъ полковъ, ссылаясь на тягость кошернаго и рекрутскаго налоговъ, а также на сдѣланныя уже пожертвованія.

Берковичъ, несмотря на оппозицію божничнаго дозора, продолжалъ печатать воззванія, призывавшія «молодежь Израиля» не поддаваться «уговорамъ фанатиковъ» и записываться въ еврейскій полкъ. Кромѣ Берковича, печатали въ тогдашнихъ газетахъ воззванія и другіе еврейскіе «прогрессисты», но организація полка шла тихо, и онъ такъ и не появился въ составѣ польской арміи, хотя Берковичъ и объявлялъ, что сто человекъ у него уже обмундировано, а въ концѣ концовъ его заподозрѣли въ растратѣ полученныхъ на эту цѣль пожертвованій. Евреи предпочли записываться въ «національную гвардію», куда имъ былъ открытъ доступъ вслѣдствіе ходатайства ея начальника Антонія Островскаго.

«Гвардія» эта не предназначалась для походовъ, а имѣла задачей лишь охранять безопасность Варшавы и нести службу полицейской стражи. Нарядившись въ военные мундиры, эти «гвардейцы» представляли въ общемъ очень смѣхотворную картину. Евреи побѣдѣе составили такъ называемую стражу безопасности, сохранившую «старозаконные» халаты.

Эти «потѣшныя» войска просуществовали недолго: какъ только была взята Варшава, «гвардейцы» попрятали свои мундиры и оружіе и превратились въ мирныхъ израильтянъ...

Берковичъ бѣжалъ за границу, попалъ послѣ сидѣнія въ австрійской тюрьмѣ въ Безансонъ, гдѣ составилъ себѣ среди эмигрантовъ репутацію ростовщика, затѣмъ былъ перемѣщенъ въ Бержеракъ и оттуда перебрался въ Ливерпуль. Тамъ онъ занялся писаніемъ воспоминаній объ отцѣ въ формѣ романа «Станиславъ, польскій уланъ въ свитѣ Наполеона на островѣ Эльбѣ». Романъ этотъ былъ изданъ въ Лондонѣ въ 1846 году, уже послѣ смерти Берковича, подъ заглавіемъ «Stanislaus or the polish lancer in the suite of Napoleon from the island of Elbe, by Joseph Berkowicz, late lieutenant-colonel in the polich army».

Вдова Берковича дожила свой вѣкъ въ Парижѣ, пользуясь поддержкой благотворителей, а его сыновья Юзефъ и Леонъ эмигрировали въ Америку—и тамъ ихъ слѣдъ исчезъ.

Много послѣ этого утекло воды въ Вислѣ, много превратностей судьбы испытали невоинственные сородичи воинственнаго кретингенскаго фактора, неуклонно плодившіеся и множившіеся и потому дѣлавшіе еврейскій вопросъ въ Привислиньѣ все болѣе обостреннымъ. Изъ еврейской среды выдвинулись и социалисты, и анархисты, и бомбисты, и націоналисты, а на ряду съ ними сохранились и «консерваторы», и «ассимиляторы». Послѣдніе, впрочемъ, и теперь, какъ во времена «конгрессовки» и возстанія 1830—1831 гг., составляютъ незначительную горсточку поляковъ Мойсеева закона». Примѣръ Берека не увлекъ еврейской массы, и она не знаетъ его и теперь, а память кретингенскаго фактора чутгъ и въ наши дни лишь поляки-патріоты да ассимилированные евреи.

Н. Ө. Акаёмовъ.

В. И. СЕРГЬЕВИЧЪ И СТУДЕНЧЕСКІЕ БЕЗПОРЯДКИ ВЪ 1899 ГОДУ.

КОНЧАВШИЙСЯ 26-го ноября 1910 года заслуженный профессоръ петербургскаго университета, членъ государственнаго совѣта Василій Ивановичъ Сергѣевичъ представлялъ собою выдающуюся величину въ русской жизни, и смерть его является крупною потерей для нашего скуднаго талантами, бѣднаго сильными и благородными характерами русскаго общества и особенно въ нынѣшнее переходное политическое время, когда у насъ существуетъ настоящая надобность именно въ такихъ представителяхъ отечественной культуры, каковымъ былъ почившій. Сергѣевичъ пользовался при жизни широкою научною извѣстностью и являлся тѣмъ общепризнаннымъ авторитетомъ, передъ которымъ современники склонялись и имя котораго по всей справедливости было занесено на видное мѣсто въ скрижали отечественнаго просвѣщенія. Университетъ въ теченіе долгихъ годовъ имѣлъ право и основаніе имъ гордиться и считать его въ сонмѣ той своей ученой плеяды, которая составляетъ его истинное украшеніе и славу. Когда въ восьмидесятыхъ годахъ юноши переступали порогъ здѣшняго высшаго храма науки и, помимо избранной имъ научной спеціальности, желали ознакомиться съ выдающимися представителями разныхъ каѳедръ, то въ числѣ многочисленныхъ тогдашнихъ корифеевъ русской науки имъ всегда указывали и на В. И. Сергѣевича, какъ на лектора, аудиторію котораго обязательно надо посѣтить, дабы получить представленіе объ образцовомъ профессорѣ, выгодно и гармонично соединявшемъ въ своихъ чтеніяхъ полноту научныхъ свѣдѣній, глубину анализа изла-

гаемаго предмета, ясность мысли и изящество формы изложенія. Онъ не увлекалъ слушателей паэосомъ рѣчи, не поражалъ ихъ афоризмами, не смѣшилъ примѣрами и параллелями: рѣчь его лилась гладко, серьезно, изящно, но общедоступно и понятно, почерпая свое содержаніе изъ того глубокаго историческаго источника, гдѣ все для него было ясно и чисто и что въ полной и необходимой мѣрѣ утоляло жажду научнаго знанія обширной одинадцатой аудиторіи, гдѣ онъ всегда читалъ свои лекціи. Передъ слушателями вырисовывался типъ истиннаго жреца науки, который бережно и съ любовью несетъ по своей жизненной дорогѣ свѣтильникъ знанія, горящій чистымъ и свѣтлымъ пламенемъ и бросающій на все окружающее не только свѣтъ, самъ по себѣ мертвый и холодный, но и то тепло, которое придаетъ этому свѣту животворящую силу. Печать таланта на его личности бросалась въ глаза, и часть-другой, проведенный на лекціи Сергѣевича по исторіи русскаго государственнаго права, оставлялъ въ новичкахъ и его слушателяхъ вообще сильное впечатлѣніе, которое не сглаживали ни лекціи другихъ профессоровъ, ни долгіе слѣдующіе послѣ-университета годы. Образъ надолго оставался въ памяти, образъ цѣльный, изящный и творческій, къ которому всегда охотно возвращалась мысль, когда приходилось вспоминать годы, проведенные въ здѣшнемъ университетѣ. Характеризуя своего профессора въ посвященномъ ему некрологѣ, слушатель его Д. М. Одинецъ на столбцахъ «Рѣчи» (1910 г., № 327) такъ справедливо и прекрасно характеризовалъ его:

«Обладая крупнымъ талантомъ, профессоръ Сергѣевичъ былъ также великимъ мастеромъ научной техники,—говоритъ онъ.— Въ данномъ отношеніи В. И. Сергѣевичъ—это русскій Фюстельде-Куланжъ. Та же строгая обоснованность и документировка положеній, та же осторожность въ выводахъ, то же убѣжденіе, что исторія есть одна изъ самыхъ трудныхъ дисциплинъ, отмѣчаютъ обоихъ изслѣдователей. Синтезу долженъ необходимо предшествовать анализъ—таковъ ихъ девизъ, которому они никогда не измѣняли. И если этотъ синтезъ не всегда высказывается, то это понятно, такъ какъ онъ всегда чувствуется... В. И. Сергѣевичъ былъ въ полномъ смыслѣ историкомъ-творцомъ. Въ этомъ его сила и съ этой стороны нужно подходить къ нему въ оцѣнкѣ его значенія.

«Тѣ лица, которыя имѣли счастье быть его непосредственными учениками, сумѣютъ оцѣнить В. И. Сергѣевича еще съ одной стороны. Указанія профессора Сергѣевича, его руководство были цѣнны, какъ по богатству своего матеріальнаго содержанія, такъ и по глубинѣ своей душевной предупредительности. Въ словахъ старика-учителя жила неугасимая любовь и жажда знанія, неутолимая энергія новыхъ поисковъ. Бесѣды съ нимъ были всегда моментами высокаго эмоціональнаго подъема. Таковы впечатлѣнія личнаго опыта. Эти впечатлѣнія незабвенны».

И другой его ученикъ, академикъ М. Дьяконовъ, на страницахъ той же газеты также согласно съ этой характеристикой говорить:

«Много поколѣній прошло черезъ аудиторію профессора Сергѣевича, и всѣ они, конечно, сохранятъ о немъ память, какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся профессоровъ нашего университета. Не одни студенты-юристы тѣснились въ его аудиторіяхъ; каждый студентъ петербургскаго университета не одинъ разъ въ нее заходилъ. Простой, неторопливый, отчетливый и всегда серьезный рассказъ въ мѣткихъ характеристикахъ институтовъ и бытовыхъ явленій древности рѣзко запечатлѣвался въ умахъ слушателей и постоянно привлекалъ ихъ въ эту аудиторію.

«В. И. Сергѣевичъ былъ не только преподаватель; онъ былъ, прежде всего, ученый изслѣдователь. Его ученое творчество не поражаетъ обиліемъ. Но каждый его трудъ является цѣннымъ по важности и оригинальности вкладомъ въ историческую науку. Все что онъ только написалъ, является замѣчательнымъ по простотѣ и ясности литературнымъ произведеніемъ. Можно съ авторомъ не согласиться, но его нельзя не понять или неправильно истолковать. Такого образцоваго мастерства въ изложеніи не сыщешь больше въ русской исторической литературѣ».

Таковъ общій обликъ почившаго ученаго. Обращаясь къ его *curriculum vitae* и научному формуляру, мы узнаемъ ¹⁾, что В. И. Сергѣевичъ родился 19-го марта 1832 года ²⁾. По окончаніи курса въ четвертой московской гимназій съ золотой медалью онъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета. Выйдя изъ университета въ 1857 году кандидатомъ юридическихъ наукъ, онъ избралъ для своей дѣятельности научное и педагогическое поприще и опредѣлился на первыхъ порахъ учителемъ законовѣдѣнія въ первую московскую гимназію. Въ 1862 году онъ былъ командированъ совѣтомъ университета за границу для приготовления къ профессурѣ и занимался тамъ преимущественно въ Гейдельбергѣ, слушая лекціи Блунчли, Цепфля, Рено, Миттермайера и Вангерова.

¹⁾ «Современники». Альбомъ біографій Н. И. Аванасьева, т. 2-й.

²⁾ Фамилія Сергѣевича первоначально писалась Сергіевичъ; съ такимъ написаніемъ этотъ родъ и былъ первоначально утвержденъ по Могилевской губ., какъ происходящій отъ шляхты. Впослѣдствіи отецъ Василія Ивановича—Иванъ Ивановичъ, уже съ написаніемъ Сергѣевичъ, приписался къ дворянству Орловской губ., со внесеньемъ въ III часть родословной книги, по личнымъ заслугамъ. Отъ перваго брата Ивана Ивановича С. съ Александрой Петровной N былъ единственный сынъ Василій, обучавшійся первоначально въ орловскомъ Бахтина кадетскомъ корпусѣ; а отъ второго брата съ Матреной Дмитріевной N онъ имѣлъ трехъ сыновей: Николая, Дмитрія и Александра и трехъ дочерей: Варвару, Софью и Юлію.

По возвращеніи на родину В. И. блестяще защитилъ диссертацию на степень магистра государственнаго права «Вѣче и князь». Диссертация эта, въ которой онъ впервые изъ нашихъ ученыхъ историковъ-юристовъ установилъ правильную схему устройства древне-русскаго княжества, вызвала восторженный отзывъ старика М. П. Погодина, сумѣвшего своимъ проникательнымъ взоромъ оцѣнить въ молодомъ изслѣдователѣ крупную научную силу. Съ 1868 г. мы видимъ Сергѣевича лекторомъ въ московскомъ университетѣ, въ качествѣ доцента по кафедрѣ государственнаго права, а черезъ три года онъ уже защищаетъ диссертацию на степень доктора государственнаго права: «Задачи и методы государственныхъ наукъ», послѣ чего возводится сначала въ званіе экстраординарнаго, а затѣмъ ординарнаго профессора.

Въ 1872 г. онъ перешелъ въ петербургскій университетъ, гдѣ занялъ кафедру по исторіи русскаго государственнаго права, и съ тѣхъ поръ по 1907 г. читалъ непрерывно въ здѣшнемъ университетѣ лекціи по этому предмету, создавъ цѣлую школу послѣдователей и учениковъ, изъ которыхъ многіе составили себѣ впоследствии имена и явились продолжателями его научнаго творчества въ нѣкоторыхъ нашихъ столичныхъ и провинціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1887 г. по 1897 г. В. И. былъ деканомъ юридическаго факультета, а съ 1897 по 1899 г. ректоромъ петербургскаго университета, каковую должность онъ покинулъ при бурныхъ обстоятельствахъ, о коихъ будетъ сказано ниже и которыя, несомѣнно, въ значительной мѣрѣ оставили на немъ тяжелый слѣдъ. Съ основанія въ 1878 г. археологическаго института Сергѣевичъ былъ приглашенъ читать слушателямъ института юридическія древности и вскорѣ былъ избранъ въ почетные члены института. Не мало потрудился покойный и на пользу императорскаго историческаго общества, гдѣ онъ состоялъ виднымъ дѣятелемъ. Какъ членъ этого общества, онъ собралъ и отпечаталъ въ восьми томахъ «Историческія свѣдѣнія о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія» (1881—1894 г.г.).

Въ 1907 г. В. И. былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и принималъ дѣятельное участіе въ его работахъ, особенно при разсмотрѣннн крестьянскаго, земельнаго и вѣроисповѣднаго вопросовъ. Его выступленія по этимъ вопросамъ запечатлѣны въ stenogramмахъ засѣданій нашей верховной палаты, а въ общей печати отраженіе его взглядовъ по симъ предметамъ можно найти на страницахъ «Журнала Министерства Юстиціи» и въ «Новомъ Времени». Такъ, въ первомъ изъ этихъ изданій (май 1906 г.) имъ напечатана интересная статья «Всеобщее избирательное право», а въ 1908 г. онъ откликнулся на жгучій очередной вопросъ въ газетѣ А. С. Суворина статьями: «Есть ли у крестьянъ теперь общинное землевладѣніе?» и «Когда надѣльныя земли стали собствен-

нослѣю крестьянъ». Къ нѣкоторымъ изъ взглядовъ по симиъ вопросамъ покойнаго историка-юриста мы обратимся нѣсколько далѣе, а пока отмѣтимъ то главнѣйшее научное наслѣдіе, которое онъ оставилъ по себѣ своей родинѣ. Кромѣ указанныхъ уже ученыхъ трудовъ, давшихъ ему научное званіе, Сергѣевичъ издалъ и напечаталъ слѣдующія цѣнныя работы, изъ которыхъ каждая въ свое время обращала на себя вниманіе ученой корпораціи, заставляла о себѣ говорить и имѣть то или другое значеніе и для нашихъ и, быть можетъ, и для многихъ грядущихъ дней; къ числу такихъ отдѣльно изданныхъ относятся: «Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права» (четвертое изданіе, исправленное и дополненное, вышло въ текущемъ году), «Русскія юридическія древности» (3 т., изд., 1890—96 г.г.). Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» имъ напечатаны: «Особенности французскаго кассационнаго суда», «Очеркъ кассации въ Пруссіи», «Время возникновенія германской поземельной общины», «Порядокъ отмѣны рѣшеній по новому уставу гражданскаго судопроизводства» и др. Въ «Сборникѣ государственныхъ знаній» — «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», «Государство и право въ исторіи» и др.; въ «Наблюдателѣ» — «Вольные и невольные слуги московскихъ государей», въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» — «О порядкѣ приобрѣтенія ученыхъ степеней», «Пересмотръ исторіи служилаго землевладѣнія», въ «Вѣстникѣ Европы» — «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи», «Задачи исторіи кодификаціи», «Германскіе университеты и наши», «Реформа университетскаго преподаванія»; въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» — «Время возникновенія крестьянской поземельной общины»; въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» — «Новыя ученія въ области государственнаго права», «Всеобщее избирательное право», «Крестьянское право и общинное землевладѣніе въ Архангельской губ. въ половинѣ XVIII вѣка», «Первичныя народныя собранія у германцевъ и грековъ», «Законы царя Хаммураббита и Библии о несвободныхъ людяхъ», «Новое ученіе о правѣ и нравственности», «Мой отвѣтъ г. Петражицкому»; въ газетѣ «Слово» — «Мысли по поводу новаго закона о государственной думѣ», «Новый совѣтъ министровъ» и много другихъ статей въ разныхъ изданіяхъ, написанныхъ по вопросамъ законодательнаго дня въ связи съ его спеціальностью изслѣдователя историко-юридическихъ судебъ русскаго народа.

Во вниманіе къ обширнымъ заслугамъ передъ наукою В. И. Сергѣевичъ былъ избранъ почетнымъ членомъ императорскихъ университетовъ: юрьевскаго, харьковскаго и кievскаго св. Владимира; историческаго общества Нестора лѣтописца чешской академіи Франца-Иосифа, юридическаго общества при московскомъ университетѣ, симбирской и виленской ученыхъ архивныхъ комиссій. Въ декабрѣ 1909 г. юридическій факультетъ юрьевскаго

университета присудилъ ему за его ученые труды премію графа Сперанскаго. Кромѣ спеціально ученыхъ учреждений, выше перечисленныхъ, въ которыхъ онъ принималъ видное участіе, мы видимъ его членомъ и другихъ общественныхъ и научно-литературныхъ организацій, тѣсно связанныхъ съ жизнью и дѣятельностью отечественныхъ ученыхъ и писателей. Такъ, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ состоялъ членомъ литературнаго фонда, въ составѣ котораго избирался его предсѣдателемъ, членомъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, общія собранія которой онъ охотно посѣщалъ и гдѣ иногда по спорнымъ уставнымъ вопросамъ кассы поднималъ свой вѣскій голосъ. На второмъ всероссійскомъ съѣздѣ писателей весной минувшаго года онъ также записался членомъ, желая, вопреки агитаціи противъ этого съѣзда, поддержать его своимъ авторитетомъ и, дѣйствительно, на одномъ изъ засѣданій оказалъ ему нѣкоторую услугу въ смыслѣ добраго воздѣйствія на настроеніе присутствовавшего на съѣздѣ представителя полицейской власти. Точно также, когда въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ при здѣшнемъ университетѣ было основано студенческое научно-литературное общество, В. И. принялъ въ немъ дѣятельное участіе, явившись руководителемъ общихъ собраній и ученыхъ засѣданій студентовъ.

Такимъ образомъ, изъ приведеннаго жизненнаго и научнаго формуляра скончавшагося профессора мы видимъ, что онъ не являлъ собою типа сухого ученаго, запертаго въ тѣсныя рамки своей спеціальности и своего академическаго кабинета, скупо оберегающаго свое ученое богатство отъ прикосновенія къ нему постороннихъ людей, но, наоборотъ, человѣка, по мѣрѣ силъ, возможности и соотвѣтственно своему призванію и общественной потребности, охотно идущаго навстрѣчу запросамъ современной жизни, въ надеждѣ и желаніи внести въ эту жизнь лучъ своего научнаго знанія и лепту житейскаго опыта. Но при такомъ служеніи на пользу родины онъ не размѣнивается на мелочи, не вульгаризируетъ своего пера, не опошляетъ своего ученаго званія, а выступаетъ лишь въ такіе моменты и по такимъ случаямъ, когда въ немъ начинается говорить истинная потребность рѣчи, какъ ученаго изслѣдователя исторической и текущей отечественной дѣятельности. Отсюда нѣкоторая кажущаяся бѣдность его литературнаго наслѣдія, размѣръ котораго, исходя изъ соображеній наличности его природныхъ дарованій, можно было бы ожидать значительно большаго масштаба. Но при оцѣнкѣ этого наслѣдія именно приходится судить о немъ не по количественному, а качественному требованію, и вотъ, если подойти къ покойному Сергѣевичу съ этой стороны, то и приходится съ полной горечью сознанія засвидѣтельствовать, что въ немъ Россія потеряла одного изъ своихъ лучшихъ сыновъ, память о которомъ будетъ воспоминаема съ теплою признательностью.

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію: были.

Эти слова поэта въ отношеніи почившаго имѣють свое наилучшее приложеніе.

Если обратимся къ качественной оцѣнкѣ научной дѣятельности Сергѣевича, то по сему вопросу мы находимъ въ краткой, но очень содержательной статьѣ, ему посвященной въ XXIX ст. полутомѣ энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона, принадлежащей, повидимому, перу его ученика, академика М. А. Дьяконова, слѣдующую прекрасную его характеристику. Онъ говоритъ: «Какъ болѣе крупныя работы Сергѣевича, такъ и небольшія журнальныя статьи его одинаково отличаются свѣжестью и оригинальностью выводовъ, всегда строго обоснованныхъ на тщательномъ изученіи источниковъ. Написаны онѣ образцовымъ по простотѣ, ясности и образности литературнымъ языкомъ. Первый большой трудъ С. «Вѣче и князь» впервые установилъ правильную схему государственнаго устройства древне-русскихъ княжествъ. Народоуправства или вѣча оказались не только принадлежностью сѣверныхъ торговыхъ республикъ, но общераспространенной формою быта всѣхъ русскихъ земель; ихъ повсемѣстность выяснена разсмотрѣніемъ какъ документальныхъ свидѣтельствъ, такъ и общихъ условій быта. Второй элементъ въ составѣ власти — князья — опредѣляютъ свои отношенія къ народу, къ дружинѣ и между собой на основаніи договора. Договорнымъ началомъ проникнуть весь государственный бытъ, имъ же опредѣлялись и отношенія между князьями. С. выступилъ однимъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ теоріи родоваго быта. Идеѣ рядоваго старшинства, которымъ, по этой теоріи, опредѣлялись отношенія между князьями, была противопоставлена идея равнаго достоинства князей. Въ противовѣсъ теоріи лѣстничнаго восхожденія при распредѣленіи волостей между князьями выставлено совершенно новое начало: волости въ древней Руси не наслѣдовались, а добывались. Какъ бы въ подкрѣпленіе своихъ методологическихъ пріемовъ С. выпустилъ въ свѣтъ свой блестящій этюдъ «Задачи и методы государственныхъ наукъ». Здѣсь подвергнуты безпощадной критикѣ способы изслѣдованій нѣмецкихъ политическихъ писателей, начиная съ Конта, и непригодностью чисто философскихъ или смѣшанныхъ пріемовъ объяснено неудовлетворительное состояніе государственныхъ наукъ въ Германіи. Вслѣдъ за этимъ впервые для русскаго читателя дано сжатое изложеніе основныхъ пріемовъ и задачъ положительнаго метода, поскольку онъ выработанъ Контомъ, Миллемъ и Льюисомъ. Къ методологическимъ вопросамъ С. возвращался и позднѣе, напр., въ статьѣ «Право и государство въ исторіи»; но вниманіе его главнымъ обра-

зомъ привлекали отдѣльные вопросы исторіи права, какъ-то земскіе соборы, Екатерининская комиссія, договоры съ греками, образованіе государственныхъ территорій и пр. По каждому изъ этихъ вопросовъ имъ высказаны мнѣнія, съ которыми необходимо считаться каждому изслѣдователю и которыя до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ остаются не поколебленными. Далекій отъ славянофильскаго воззрѣнія, по которому наши соборы являются идеаломъ представительства, авторъ не раздѣляетъ и отрицательной точки зрѣнія Соловьева и Чечерина. Онъ видитъ въ соборахъ первую ступень развитія представительныхъ учреждений и проводитъ аналогію ихъ съ подобными учрежденіями во Франціи и Англійи. Несмотря на несовершенства въ организаціи, соборы оказали великія услуги государству: «одной патріотической дѣятельности земскихъ соборовъ начала XVII в. уже довольно, чтобы Россія всегда вспоминала о нихъ съ благодарностью». Разматривая вопросъ о территоріальномъ ростѣ Московскаго государства, С. вопреки установившемуся взгляду, что оно выросло изъ вотчины московскихъ князей, развиваетъ мысль, что не московскій удѣль, а великое княжество Владимирское послужило основной ячейкой для этого роста съ той самой минуты, какъ Дмитрій Донской пріобрѣлъ его въ наслѣдственное владѣніе своего дома. Московскіе князья, начиная съ Калиты и до Дмитрія Донскаго, вовсе не были создателями того порядка, который привелъ Москву къ единовластію и величію. Калита—вовсе не основатель государственнаго величія Москвы, какъ думали древніе грамотеи и вслѣдъ за ними новѣйшіе историки, а первый рѣшительный проводникъ взгляда на княженіе, какъ на частную собственность князя, со всѣми противогосударственными послѣдствіями такого взгляда... Въ 1890 г. появился первый томъ капитальнаго труда: «Русскія юридическія древности», представляющаго собою начало новой переработки исторіи русскаго права до конца XVII в... Изложеніе (здѣсь) представляетъ ту особенность, что въ текстѣ приведены характерныя мѣста изъ источниковъ; которыя и разъясняются. Почти по всѣмъ вопросамъ или предлагаются новые оригинальные выводы, или приводятся новыя соображенія въ пользу прежде высказанныхъ взглядовъ. Даже отдѣлы, ранѣе изслѣдованные авторомъ, написаны вновь и по новому плану». Профессоръ не успѣлъ въ такомъ видѣ переработать всю древнюю исторію русскаго права, но все, что не вошло въ «Древности», изложено въ особомъ изданіи—«Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права», вышедшемъ въ нынѣшнемъ году четвертымъ изданіемъ. Это все необходимыя пособія для cadaго изучающаго русскую исторію, настольныя книги любителя русской старины. Съ каждой строкой этого четырехтомнаго курса необходимо считаться русскому исторіку.

Приведенная выше оцѣнка Сергѣевича, какъ ученаго, достаточно полна, чтобы къ ней что-либо прибавлять въ настоящей поминальной статьѣ. Литература о трудахъ покойнаго обширная, и интересующіеся этой стороною вопроса могутъ найти о немъ указаніе въ томъ же упомянутомъ полутомѣ «энциклопедіи». Намъ хочется лишь обратить вниманіе нашихъ читателей на характерность научнаго пути, намѣченнаго себѣ ученымъ, съ котораго онъ никогда не сходилъ и который имѣлъ одну опредѣленную цѣль и задачу. Путь этотъ, проложенный черезъ русскую исторію, черезъ русскія юридическія древности, имѣлъ въ виду развитіе въ слушателяхъ, въ русскомъ обществѣ, въ русскомъ народѣ правосознанія, усвоеніе такихъ юридическихъ нормъ, которыя должны были въ своемъ постепенномъ развитіи приблизить нашу родину къ типу государства, организованнаго не на патріархальныхъ началахъ произвола и самовластиа, а на основахъ народоправства, на тѣхъ началахъ, осуществленіе которыхъ понемногу сбывается лишь въ наши дни. Сергѣевичъ, человекъ очень осторожный, не спѣшилъ облекать свои тенденціи въ публицистическую форму, преждевременно разжигать страсти и переть противъ рожна. Онъ подходилъ къ выводамъ какъ ученый, указывая, что древне-русская жизнь не была лишена законсовѣщательныхъ органовъ, что и въ ней издревле царило договорное начало между управляющими и управляемыми и такимъ образомъ имъ ставился какъ бы вопросъ о незаконности исчезновенія этого начала изъ новѣйшей русской исторіи и о необходимости возвратиться къ нему, но, понятно, въ формѣ, соответствующей духу и потребности времени и согласной съ опытомъ европейскихъ народовъ. Онъ не кричалъ о «конституціи», не громилъ неограниченную монархію, а лишь обслѣдовалъ историческіе пути отечественной жизни, останавливаясь здѣсь на тѣхъ ея главнѣйшихъ эпохахъ, которыя всего яснѣе иллюстрировали его тенденціи, какъ юриста, какъ воспитателя общества въ сказанномъ направленіи. Вотъ почему мы считаемъ его однимъ изъ тѣхъ видныхъ учителей русской жизни, осторожно и съ историческими фактами въ рукахъ, съ непреложными доказательствами ведшимъ современниковъ къ уразумѣнію желательныхъ лучшихъ условій русской государственности, заря которой забрезжила лишь послѣ манифеста 17-го октября 1905 года.

Не лишеннымъ интереса можно отмѣтить, между прочимъ, тотъ фактъ, что еще въ 1905 г. онъ какъ бы не вѣрилъ восходу этой зари. Самое появленіе государственнаго акта 17 октября онъ относилъ на счетъ случайности, а не разсматривалъ какъ явленіе органическое, выросшее изъ совокупности сложившихся обстоятельствъ, что въ его глазахъ, какъ историка-юриста, лишало актъ той историчности, безъ которой онъ не представлялъ себѣ прочности извѣстныхъ установленій, изъ этого акта вытекающихъ.

Такъ, когда Сергѣевичъ былъ приглашенъ однимъ частнымъ кружкомъ, въ которомъ и автору настоящаго очерка пришлось въ тѣ дни приснопамятнаго года принять участіе, на засѣданіе для обсужденія вопроса объ образованіи партіи, ставящей себѣ, между прочимъ, задачей и поддержку въ обществѣ реформаціонныхъ стремленій правительства и содѣйствіе тогдашнему премьер-министру, онъ охотно прибылъ на засѣданіе и принялъ на себя здѣсь даже предѣдательствованіе. Внимательно вслушивался предѣдатель собранія въ рѣчи, руководилъ преніями, формулировалъ вопросы, вообще держалъ себя въ высшей степени безпристрастно и объективно, но когда одинъ изъ присутствовавшихъ обратился къ нему съ вопросомъ, какъ же онъ самъ смотритъ на намѣченную задачу будущаго общества, В. И. всѣхъ поразилъ своими словами:

— Я не могу сочувствовать и принимать участія въ поддержкѣ того министра, въ основаніи былой политики котораго лежатъ такія противозѣтческія начала, какъ постройка желѣзной дороги по чужой территоріи (Манчжурской), показывающая безцеремонное и хищническое отношеніе къ собственности слабаго сосѣда, и, съ другой стороны, какъ построеніе всей финансовой и экономической политики на эксплуатаціи безнравственныхъ инстинктовъ народа, сулящей ему нравственную гибель и будущее обнищаніе. Казенное вино, казенная монополія для меня вполнѣ достаточны, чтобы разъ навсегда заявить, что между мною, какъ ученымъ, какъ хранителемъ этического начала, не можетъ быть ничего общаго съ тѣмъ, кто сознательно ведетъ народъ по пути его гибели.

— Но, позвольте, существуетъ правительство, вступившее на путь реформы...

— Реформы, правительство!—воскликнулъ Сергѣевичъ.—Да знаете, что случилось: какая-то кучка отчаянныхъ людей загнала правительство въ уголь, схватила за горло, и оно, растерявшись, хрипло прокричало какія-то слова, цѣнность которыхъ выяснится еще въ будущемъ и которыя не приведены въ согласіе со всѣмъ укладомъ жизни, не вытекаютъ изъ естественнаго историческаго хода вещей.

— Значитъ, вы противъ реформъ, противъ законосовѣщательныхъ учрежденій?

— Не значитъ. Только къ нимъ не такъ подошли. Я всегда ихъ проповѣдывалъ—доказательства тому во всѣхъ моихъ трудахъ, во всей моей научно-литературной дѣятельности, если ее проанализировать и понять.

Намѣченная партія вообще не состоялась по разнымъ причинамъ, но ходъ событій показалъ Василию Ивановичу, что, пожалуй, онъ былъ слишкомъ строгъ въ приведенныхъ здѣсь сужденіяхъ и въ 1907 г. ему даже пришлось вступить въ ряды верхней палаты, принять въ ея работахъ дѣятельное участіе, а въ 1906 г., еще до на-

значенія его членомъ государственнаго совѣта, высказаться печатно о способахъ и путяхъ осуществленія новаго государственнаго строя. Свой взглядъ по сему предмету онъ изложилъ въ статьѣ «Всеобщее избирательное право» («Журн. Министр. Юстиціи» 1906 г., № 5), гдѣ отрицательно высказался по вопросу о знаменитой «четыре-хвосткѣ» и противъ однопалатности въ нашемъ государственномъ строѣ, которая въ тѣ годы особенно пропагандировалась партіей народной свободы и социаль-демократами. Въ этой статьѣ ученый конституціоналистъ и приверженецъ представительной монархіи уже снимаетъ съ себя обликъ былой осторожности и послѣ разнаго рода историческихъ справокъ, почерпнутыхъ изъ отечественной исторіи и исторіи западныхъ народовъ, откровенно высказываетъ свое политическое *profession de foi*, гдѣ въ заключительной части говорить: «Какъ бы ни были несовершенны формы представительной монархіи, все же представительная монархія будетъ лучшею формою монархіи, ибо дѣлаетъ возможнымъ общеніе монарха и народа. Что такое англійское представительство въ XVIII вѣкѣ? Множество крупныхъ пунктовъ населенія вовсе не имѣли представительства, а гнилыя мѣстечки, обладавшія этимъ правомъ, вовсе не избирали депутатовъ, ихъ назначали тамъ богатые лорды, крупные мѣстные земельные собственники. Болѣе несовершенной формы представительства и выдумать нельзя. Но это не помѣшало благодѣтельному дѣйствию англійскаго представительства, не помѣшало созданію законовъ, ограждающихъ свободу, не помѣшало Монтеスキю оцѣнить оригинальныя особенности англійскаго устройства и написать знаменитую главу объ англійскомъ парламентѣ, открывшую новую эру въ исторіи политическихъ ученій. Избирательные законы, конечно, имѣютъ большую важность; но и здѣсь, какъ вообще въ жизни, не все дѣло въ законахъ, а прежде всего въ людяхъ».

Людямъ, какъ носителямъ высшихъ даровъ цивилизаціи и культуры, какъ носителямъ высшаго этического начала, покойный ученый отводилъ первенствующее мѣсто во всѣхъ комбинаціяхъ человѣческаго существованія, человѣческой жизни и никоимъ образомъ не допускалъ подавленія ихъ свободной воли механическими процессами и холодными формулами. Онъ проповѣдывалъ лишь, чтобы содержимое соотвѣтствовало формѣ, его содержащей, чтобы между тѣмъ и другимъ наблюдалась гармонія, а отсюда дѣлалъ непосредственный постулатъ, чтобы законъ и справедливость были бы понятіями однозначными. Многія интересные мысли по сему предмету разбросаны имъ въ двухъ статьяхъ, посвященныхъ разбору трудовъ профессора Л. О. Петражицкаго и помѣщенныхъ на страницахъ «Журнала Министерства Юстиціи» за 1909 и 1910 гг., любопытныхъ, помимо ихъ научно-философскаго содержанія, и той полемической формой, которую авторъ имъ при-

даль. Во второй своей статьѣ онъ не послѣдовалъ примѣру своего оппонента, явно сводившаго съ старикомъ-ученымъ какіе-то партійные счеты и задѣвавшего личность послѣдняго, личность, къ несчастію, въ послѣднее десятилѣтіе ставшую своего рода мишенью для разныхъ нападокъ со стороны ультра-либеральнаго лагеря, не могшаго простить Василю Ивановичу его поведенія въ качествѣ ректора университета въ 1899 г. во время прогремѣвшихъ тогда на всю Россію безпорядковъ въ здѣшнемъ университетѣ, поведенія, не соотвѣтствовавшаго требованіямъ тогдашней взбаламученной политической стихіи, которая пыталась обратить университетъ въ широкую арену для политической общественной агитаціи.

Студенческіе безпорядки въ зданіяхъ высшихъ учебныхъ заведеній составляютъ особую страницу въ исторіи нашего революціоннаго движенія и искони тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ нимъ. На эту тему нами уже было говорено въ нашихъ историческихъ очеркахъ, посвященныхъ исторіи русской смуты, и касаться здѣсь этого вопроса въ его широкой постановкѣ мы не будемъ. Отмѣтимъ лишь, что послѣ нѣкотораго затишья, наблюдавшагося въ первые годы послѣдняго десятилѣтія минувшаго вѣка, эти безпорядки вспыхнули въ Петербургѣ совершенно неожиданно и, между прочимъ, омрачились печальнымъ эпизодомъ столкновенія учащейся молодежи 8-го февраля 1895 года близъ Аничковскаго моста съ полиціей и избіенія подгулявшихъ манифестантовъ дворниками. Этотъ эпизодъ въ свое время надѣлалъ много шума, вызвалъ особое правительственное сообщеніе и легъ нелестною тѣнью какъ на дѣйствія столичной полиціи, такъ и на поведеніе молодежи. В. И. Сергѣевичъ, бывшій въ то время деканомъ юридическаго факультета, не могъ, соотвѣтственно своимъ взглядамъ на значеніе служителей науки, стать на сторону студенчества, и этотъ его взглядъ на дѣло не вызвалъ къ себѣ особой склонности его слушателей и не послужилъ къ его популярности среди политиканствующихъ кружковъ столицы. Но В. И. никогда не искалъ этой дешевой популярности и не приносилъ ей въ жертву своихъ взглядовъ и убѣжденій. Такъ, будучи до извѣстной степени сторонникомъ университетскаго устава 1863 года, онъ, полемизируя съ извѣстнымъ въ свое время кавказскимъ попечителемъ округа К. П. Яновскимъ по вопросу о «воспитаніи и обученіи въ нашихъ университетахъ», касаясь дѣйствующей ст. 123 университетскаго устава, говоритъ на страницахъ «Научнаго Обзорнія» (1898 г., № 10):

«Статья устава подчиняетъ студентовъ полиціи «на общемъ основаніи» въ отношеніи соблюденія внѣшняго порядка, не болѣе. Если студентъ совершитъ какой-либо безпорядокъ, то протоколь по поводу этого безпорядка составляется полиціей и дѣло направляется къ разсмотрѣнію судебныхъ учреждений въ общемъ порядкѣ. О какомъ-либо специальномъ наблюденіи полиціи за образомъ жизни

студентовъ тутъ и рѣчи нѣтъ. За образомъ жизни студентовъ полиція наблюдаетъ не болѣе и не менѣе, какъ за образомъ жизни всѣхъ другихъ подданныхъ имперіи Россійской, и, конечно, права этого лишена быть не можетъ.

«Но, можетъ быть, авторъ (т. е. г. Яновскій) желаетъ, чтобы дѣла о нарушеніи студентами спокойствія и тишины и всякіе къ нимъ претензіи и иски частныхъ лицъ разсматривались не въ общемъ порядкѣ, а университетскимъ начальствомъ? Тогда пришлось бы вооружить университетское начальство правомъ составлять полицейскіе протоколы, вызывать къ своему суду заинтересованныхъ лицъ и свидѣтелей, допрашивать ихъ и выслушивать ихъ показанія и, наконецъ, и постановлять по всѣмъ этимъ дѣламъ рѣшенія. Это было бы возвращеніе къ средневѣковому порядку вещей, о которомъ и средневѣковые университеты могли только мечтать! Въ наше время о такомъ порядкѣ вещей и рѣчи быть не можетъ. Благодаря судебнымъ уставамъ императора Александра II, студенты не нуждаются ни въ какой особой охранѣ. Подчиненіе студентовъ внѣ зданій университета общему порядку нисколько не умаляетъ правъ университетскаго начальства по наблюденію за ихъ поведеніемъ. На основаніи устава и существующихъ правилъ подчиненіе студентовъ надзору полиціи не освобождаетъ ихъ отъ повиненія учебному начальству и внѣ зданій университета. Полиція же обязана увѣдомлять ректора о всѣхъ проступкахъ, совершенныхъ студентами внѣ зданій университета, и правленію университета предоставлено обсуждать эти проступки и подвергать виновныхъ такимъ послѣдствіямъ, какія оно признаетъ за благо».

Высоко ставя значеніе въ жизни высшаго образованія и вмѣстилищъ этого образованія—университетовъ, онъ предъявлялъ и къ студентамъ, и къ профессорамъ, и къ должностнымъ лицамъ ея административной категоріи идеальныя требованія, имѣющія своей исключительной цѣлью служеніе истинѣ и наукѣ, безъ вторженія сюда уличнаго гомона и тѣхъ началъ общественности, которыя отвлекаютъ жрецовъ знанія и ученія отъ ихъ непосредственнаго дѣла. До извѣстной степени взгляды его по сему предмету довольно полно выражены въ статьѣ «Германскіе университеты и наши», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» за 1905 г., № 5.

Приведенные выше взгляды Сергѣевича шли вразрѣзъ съ тѣмъ движеніемъ среди студенчества, которое наблюдалось какъ въ 1895 году, такъ и въ послѣдующіе два года, 1897 и 1898, когда молодежь начала, въ пику полиціи и администраціи, демонстрировать на улицахъ, вынося сюда свое взбудораженную энергію и пылкія чувства. Но до столкновенія молодежи съ В. И., какъ тогдашнимъ ректоромъ, дѣло не доходило; это столкновеніе произошло лишь въ 1899 году, когда ему пришлось пойти противъ общаго теченія и, сохраняя свою независимость истиннаго жреца науки и пресвѣщенія, быть принесеннымъ въ жертву суетѣ времени.

Предвидя возможность безпорядковъ со стороны студентовъ въ день акта 8-го февраля 1899 года, министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія покойному Боголѣнову, что въ виду предстоящаго праздника 8-го февраля имъ предложено ¹⁾ градоначальнику озаботиться предупрежденіемъ какихъ-либо нарушеній студентами общественнаго порядка, и просилъ объявить о запрещеніи ходить по улицамъ съ пѣснями и объ установленіи надзора за разрѣшенными въ этотъ день чаепитіями. Со своей стороны, министръ народнаго просвѣщенія въ особомъ совѣщаніи 13-го января высказалъ, что уличные безпорядки прежнихъ лѣтъ ни въ коемъ случаѣ терпимы не будутъ, и возбудилъ вопросъ о необходимости предупрежденія студентовъ относительно поведенія ихъ въ день годового праздника. Въ исполненіе сего правленіемъ университета было составлено особое отъ имени ректора объявленіе, которое съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія и было 1-го февраля вывѣшено въ университетѣ.

Этимъ объявленіемъ ректоръ университета поставлялъ на видъ студентамъ совершаемыя ими въ день акта нарушенія порядка и спокойствія на улицахъ столицы и въ общественныхъ собраніяхъ, «что даетъ поводъ къ прискорбнымъ столкновеніямъ и вызываетъ неудовольствіе публики, которая давно обратила вниманіе на эти безпорядки и осуждаетъ за нихъ все студенчество, тогда какъ въ нихъ участвуетъ небольшая его часть». Указывая на необходимость исполнять законы и охранять честь и достоинство университета, ректоръ привелъ выписки изъ соотвѣтствующихъ статей уголовного кодекса, съ указаніемъ положенныхъ за уличные проступки наказаній.

Объявленіе это было вывѣшено въ университетѣ въ субботу 1-го февраля, около 4—5 часовъ пополудни. Уже въ первый затѣмъ будничный день 3 февраля у объявленія останавливалось значительное количество студентовъ, внимательно его читавшихъ. По удостовѣренію студентовъ, объявленіе произвело на нихъ удручающее впечатлѣніе: оно напомнило имъ то, что безъ того имъ было хорошо извѣстно, чѣмъ большинство ихъ возмущалось и противъ чего они сами рѣшили принять мѣры; «взамѣнъ теплаго слова, вмѣсто воздѣйствія на нравственное чувство—оно угрожало уголовными карами, выставляя студенчество, по выраженію одного студента, дикою толпою, съ которою можно справиться лишь посредствомъ угрозы физической болью. Обиднымъ казалось и то, что вечерніе кутежи и буйства въ день 8-го февраля ставятся въ вину

¹⁾ Дальнѣйшія свѣдѣнія заимствованы изъ «Доклада П. С. Ванновскаго о студенческихъ безпорядкахъ 1899 года», изданнаго отдѣльною брошюрою журналомъ «Сѣверная Пальмира» въ 1906 г. Нельзя не отмѣтить, что этотъ докладъ былъ составленъ въ духѣ неблагопріятномъ В. И. Сергѣевичу съ явной тенденціей выставить его дѣйствія неправильными.

всему студенчеству, тогда какъ въ дѣйствительности, какъ то признаетъ и само объявленіе, они были дѣломъ незначительнаго меньшинства». Достоверность этихъ показаній студентовъ, данныхъ Ванновскому, впоследствии подтвердилъ, съ одной стороны, начальникъ отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка въ Петербургѣ полковникъ Пирамидовъ, удостовѣрившій на основаніи полученныхъ агентурнымъ путемъ свѣдѣній, что студенты были недовольны объявленіемъ ректора, усматривая въ немъ нарушеніе традиціонныхъ вольностей, а съ другой — объясненіемъ управляющаго учебнымъ округомъ Лаврентьева, признавшаго объявленіе «безтактнымъ и для студентовъ обиднымъ». Утверждая, что, если бы онъ былъ своевременно ознакомленъ съ текстомъ этого объявленія, онъ употребилъ бы все отъ него зависящее, чтобы оно вывѣшиваемо не было, причѣмъ управляющій округомъ присовокупилъ, что въ прежнее время такихъ объявленій никогда не бывало.

Считая авторомъ этого объявленія ректора университета и полагая почему-то, что опубликованіе въ газетахъ состоялось по его распоряженію, студенты начали замѣтно волноваться и явно высказывали свое неудовольствіе поступку Сергѣевича. Это обстоятельство, своевременно замѣченное нѣкоторыми чинами инспекціи, не вызвало, однако, со стороны высшаго университетскаго начальства никакихъ мѣропріятій. 6-го февраля во время утренней лекціи профессора Туганъ-Барановскаго по рукамъ студентовъ ходила записка, приглашавшая собраться на сходку для обсужденія вопроса о посылкѣ вѣнка на гробъ скончавшагося президента Французской республики Фора. По окончаніи лекціи сходка эта, о которой было извѣстно инспекціи, ей не препятствовавшей, дѣйствительно собралась въ одной изъ обширнѣйшихъ аудиторій (IX), но около 12 час. 30 мин. въ аудиторію эту явился долженствовавшій въ ней читать лекцію профессоръ Петражицкій, и она была очищена инспекціей для слушателей этого профессора, при чемъ удаленные изъ нея студенты перешли на площадку главной лѣстницы и стали разсуждать уже по поводу объявленія. Всѣ сходились на необходимости выразить въ какой-либо формѣ протестъ ректору за его объявленіе, и первой мыслью было вовсе не являться на актъ, что было, однако, отвергнуто въ виду невозможности извѣщенія о томъ почти 4,000 студентовъ; затѣмъ меньшинство предлагало освистать Сергѣевича на публичномъ актѣ, а большинство высказалось за безмолвный протестъ—демонстративнымъ въ полномъ порядкѣ выходомъ всѣхъ студентовъ изъ зала въ моментъ появленія ректора на кафедрѣ. Несмотря на предложеніе находившагося все время на площадкѣ инспектора прекратить сходку, студенты разошлись только на исходѣ второго часа, при чемъ кѣмъ-то изъ нихъ объявленіе ректора вмѣстѣ съ рамой было со стѣны сорвано, покрывавшее его стекло разбито, а самое объявленіе изорвано. На сходкѣ этой участвовало

около 400 человекъ, и было рѣшено, что участники ея займутъ средній проходъ между стульями, чтобы былъ замѣтнѣе ихъ демонстративный выходъ изъ зала. Независимо отъ этого было подтверждено о необходимости соблюдать въ день акта порядокъ на улицѣ и избѣгать всякихъ столкновений съ полиціей. О рѣшеніи сходки было своевременно извѣстно инспекціи и ректору. 7-го февраля послѣдній доложилъ объ этомъ министру, но никакихъ указаній или инструкцій ни со стороны Боголѣпова, ни со стороны ректора не послѣдовало въ руководство университетской администраціи.

Одновременно съ этимъ петербургскимъ градоначальникомъ было организовано особое совѣщаніе для обсуждения мѣропріятій на 8-е февраля. Въ составъ этого, происходившаго подъ предѣтельствомъ генераль-майора Клейгельса, совѣщанія вошли 4 полицеймейстера, упомянутый выше полковникъ Пирамидовъ и и. д. начальника полицейскаго резерва ротмистръ Галле. Совѣщаніемъ этимъ выработано особое секретное приложеніе къ приказу 7-го февраля за № 38, въ которомъ подробно изложено расположеніе и движеніе полицейскихъ нарядовъ. За исключеніемъ этого приказа никакихъ другихъ указаній или инструкцій чинамъ полиціи дано не было, при чемъ исполнителямъ приказа предоставлено было «въ случаѣ надобности отступать отъ указаній и дѣйствовать по собственной инициативѣ».

День торжественнаго акта 8-го февраля 1899 года открылся обычною литургіею въ 10 ч. 30 м.; самый же актъ былъ назначенъ въ 1 часъ дня.

Уже съ 11 часовъ началось движеніе студентовъ по направленію къ университету; шли они небольшими группами, останавливались и заглядывали во дворы адмиралтейства и академіи наукъ, гдѣ были сосредоточены значительные полицейскіе наряды; вокругъ университета расположены были околоточные и городовые, а по тротуарамъ близъ него ходили переодѣтые околоточные, чиновники и агенты охраннаго отдѣленія. Посторонней публики на актъ было немного; мѣста для почетныхъ гостей большею частью оставались свободными въ числѣ таковыхъ гостей были: спб. митрополитъ Антоній, министръ финансовъ Витте, помощникъ попечителя учебнаго округа Лаврентьевъ; зато бросалось въ глаза чрезмѣрное количество студентовъ: они занимали мѣста въ проходѣ, стояли между колоннами, на хорахъ, на площадкѣ, наконецъ въ числѣ около 500 человекъ заняли средній проходъ между стульями; здѣсь было такъ тѣсно, что стоявшій въ этомъ проходѣ помощникъ инспектора Орнатскій былъ прижатъ къ находившемуся впереди его ряду стульевъ. Это была та группа студентовъ, которая условилась на сходкѣ 6-го февраля выразить протестъ ректору безмолвнымъ и демонстративнымъ выходомъ изъ зала. Актъ начался обычными церковными пѣнопѣніями, за которыми слѣдовало чтеніе отчета профессо-

ромъ Смирновымъ и рѣчь профессора Ольденбурга. Все происходило въ полномъ порядкѣ, за исключеніемъ того, что на площадкѣ, гдѣ была густая толпа студентовъ, послышалось нѣсколько апплодисментовъ. Разслѣдованіемъ обнаружено, что въ это время тамъ было оглашено состоявшееся 6-го февраля рѣшеніе выразить протестъ удаленіемъ изъ зала, изъ университета не выходить толпой, ресторановъ не посѣщать и избѣгать всякихъ столкновеній съ полиціей; апплодисменты выражали сочувствіе этому рѣшенію. По окончаніи рѣчи профессора Ольденбурга на кафедре вступилъ ректоръ, В. И. Сергѣевичъ, и тотчасъ же въ залѣ произошелъ беспорядокъ: занимавшая средній проходъ между стульями толпа студентовъ двинулась изъ зала столь стремительно, что нѣкоторые были буквально вытѣснены ею на площадку, а позади помощника инспектора Орнатскаго сразу образовалось свободное пространство аршина въ три.

Послышались крики: «Вонъ! выходи!» «Господа, уйдемъ!» и почти одновременно въ этомъ шиканье, свистки и апплодисменты. Послѣдніе были настолько оглушительны, что ректоръ не могъ сказать ни одного слова, а долженствовавшая происходить во время рѣчи раздача золотыхъ и серебряныхъ медалей производилась такимъ образомъ, что стоявшіе около ректора профессора Дювернуа и Смирновъ читали въ показываемомъ имъ списокѣ фамиліи стоявшихъ въ особо назначенномъ мѣстѣ студентовъ, коимъ присуждены медали, подходили къ нимъ и подводили подлежащаго студента къ митрополиту, который и вручалъ ему медаль. Шумъ и беспорядокъ продолжались, пока Сергѣевичъ не подалъ знака оркестру, заигравшему народный гимнъ, при первыхъ звукахъ котораго водворилась полная тишина; гимнъ былъ выслушанъ стоя, съ полнымъ уваженіемъ и, по требованію студентовъ, повторенъ.

Затѣмъ была пропѣта традиціонная студенческая пѣсня «Gaudeamus», и почетные посѣтители, и въ числѣ ихъ помощникъ попечителя округа, а вслѣдъ за ними и посторонняя публика удалились.

По окончаніи акта студенты нѣкоторое время оставались въ университетѣ, занимались пѣніемъ «Дубинушки», «Gaudeamus» и др. студенческихъ пѣсень и затѣмъ стали расходиться, при чемъ снова было подтверждено рѣшеніе не производить на улицѣ никакихъ беспорядковъ и не выходить изъ университета толпою; съ этою цѣлью въ дверяхъ университета были поставлены особые счетчики изъ студентовъ, которые съ часами въ рукахъ выпускали на улицу чрезъ каждыя 1—2 минуты человекъ 6—8 товарищей; нѣкоторые пробовали запѣвать пѣсни на улицѣ, но тотчасъ были останавливаемы товарищами; въ шинельной одинъ изъ студентовъ обратился съ такой рѣчью: «хотя протестъ нашъ ректору и не удался, а студенты вели себя на актѣ не такъ, какъ слѣдовало, но во всякомъ случаѣ на улицѣ надлежитъ вести себя хорошо». Студенты выходили отдѣльными группами и не останавливались на улицѣ, безпрепят-

ственно направляясь во всѣ стороны; только ближайшій къ Дворцовому мѣсту переходъ черезъ Неву былъ закрытъ, для чего ледъ у берега былъ вырубленъ и вынутыя глыбы его поставлены стоймя; сдѣлано это было еще наканунѣ, безъ вѣдома градоначальника и мѣснаго полицеймейстера барона Нолькена, ротмистромъ Галле по собственной инициативѣ и при содѣйствіи участковаго пристава Петровскаго. Это было предпринято, по ихъ словамъ, съ цѣлью лишить студентовъ возможности итти толпою по ту сторону Невы, а равно и въ виду опасенія, что тонкій ледъ можетъ не выдержать тяжести толпы.

Какъ и можно было ожидать, встрѣча студентовъ съ полиціей на улицѣ, при естественномъ нервномъ настроеніи обѣихъ сторонъ, не обошлась благополучно, особенно когда выяснилось, что инструкция, данныя на сей день нарядамъ полиціи, не отличались опредѣленностью съ предоставленіемъ излишней власти начальникамъ отдѣльныхъ частей. Полиція и на сей разъ переусердствовала, произошли столкновенія, послѣдовала свалка, и многіе студенты оказались избитыми ¹⁾.

Вечеромъ въ разныхъ кухмистерскихъ, по установившемуся къ тому времени обычаю, были устроены разныя вечеринки, которыя, однако, протекли мирно, не вызвавъ со стороны дежурной на нихъ полицейской власти никакихъ нареканій.

Еще 8-го февраля, тотчасъ послѣ столкновенія съ полиціей, студенты стали толковать о необходимости собраться на слѣдующій день въ университетъ и поговорить по поводу случившагося. Во вторникъ 9-го февраля они явились въ университетъ около 10 часовъ утра; на лекціяхъ слушателей было мало, на что не было обращено вниманія, такъ какъ обыкновенно на другой день послѣ акта это составляетъ обычное явленіе. Студенты толпились на площадкѣ передъ актовымъ заломъ, и около 12 ч. дня нѣкоторые изъ нихъ обратились сначала къ инспектору, а потомъ и къ ректору съ просьбою открыть актовъй заль. Сергѣевичъ желаніе ихъ исполнилъ, сказавъ, что явится самъ поговорить съ ними; произнесенная имъ рѣчь произвела на студентовъ, однако, неблагоприятное впечатлѣніе: они ждали совѣта и указаній по поводу волнующаго ихъ столкновенія съ полиціей, а ректоръ, «относясь вообще къ этому, въ ихъ глазахъ чрезвычайно серьезному дѣлу, съ ироніей, говорилъ главнымъ образомъ объ освѣтаніи его на актѣ и приглашалъ участвовавшихъ въ томъ явиться съ повинною». Въ такомъ, по крайней мѣрѣ, освѣщеніи представлено это выступленіе Сергѣевича передъ собраніемъ студентовъ въ разслѣдованіи, сдѣланномъ Ванновскимъ.

¹⁾ Отраженіе этого избіенія запечатлѣно въ сложенной студентами шутливой пѣсенкѣ «Ногаечка», съ тѣхъ поръ охотно распѣвавшейся на студенческихъ вечеринкахъ и даже балахъ.

По уходѣ ректора, встрѣченнаго и выслушаннаго въ полномъ молчаніи, началась сходка для обсужденія вопроса о томъ, въ какой формѣ можетъ быть выраженъ студентами протестъ или жалоба на избіеніе ихъ чинами полиціи. Были предложены: подача общей петиціи, жалоба въ судебномъ порядкѣ и жалоба градоначальнику на дѣйствія его подчиненныхъ; но всѣ эти предложенія были отклонены: первое въ виду того, что общая петиція, какъ воспрещенная закономъ (на основаніи 112 ст. т. 14 уст. о пред. и прес. прест. запрещается учинять прошеніе или доносъ скопомъ или заговоромъ), принята не будетъ; второе—въ виду крайней сомнительности его успѣха, а третье—«показалось студентамъ унижительнымъ и бесполезнымъ въ виду того, что, по мнѣнію ихъ, избіеніе нагайками послѣдовало по приказанію градоначальника». Ни къ какому опредѣленному рѣшенію сходка не пришла, вопросъ былъ отложенъ до слѣдующаго дня, и около 3-хъ часовъ студенты разошлись изъ университета небольшими группами и въ полномъ порядкѣ.

10-го февраля, въ среду, студенты собрались въ университетъ въ большемъ, чѣмъ наканунѣ, количествѣ: раннія лекціи проф. Дювернуа и Коновалова (10—12 час.) прошли при обычномъ числѣ слушателей, но на слѣдующей лекціи пригаты-доцента Свѣшнікова слушателей уже не было. Въ первомъ часу дня на площадкѣ передъ актовымъ заломъ собралось до 1300 человекъ, и къ ректору отправилась депутація съ просьбой открыть актовъ залъ, а когда въ этомъ было отказано, студенты вошли въ залъ, черезъ окно въ коридорѣ. Обсуждая формы протеста, сходка остановилась на необходимости закрыть университетъ и тѣмъ обратить вниманіе правительства на положеніе студентовъ; мѣрами предлагались,—легальныя: просьбы о томъ со стороны отдѣльныхъ студентовъ или подача общей петиціи, и нелегальныя: коллективная подача просьбъ объ увольненіи, или такъ называемая обструкція, т. е. непосѣщеніе лекцій по предварительному о томъ соглашенію и препятствованіе всѣми мѣрами чтенію лекцій. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ сходка остановилась на этой послѣдней мѣрѣ, при чемъ была отправлена депутація къ ректору съ просьбой прійти на сходку и выслушать ея рѣшеніе, но ректоръ объявилъ, что усталъ и на сходку прійти не можетъ, а проситъ собраться завтра къ 12 часамъ.

11-го февраля, въ четвергъ, студенты снова собрались въ университетѣ въ большемъ количествѣ и сравнительно рано; въ этотъ день впервые, согласно рѣшенію сходки вчерашняго дня, началась примѣняться обструкція. Актовъ залъ запертъ не былъ, въ него къ 12 час. собралась масса студентовъ, и началась сходка, окончательно постановившая примѣненіе обструкціи. Около часа въ залѣ явился Сергѣевичъ и обратился къ студентамъ съ рѣчью. Рѣчь эта была выслушана при полномъ молчаніи и произвела на

слушателей еще болѣе неблагоприятное впечатлѣніе, чѣмъ первая. Послѣ нея къ обструкціи примкнули тѣ, которые до сихъ поръ колебались, и которые, по собственному ихъ признанію, въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія въ университетѣ не запятнали себя участіемъ въ какой-либо исторіи или организаціи. Въ этой рѣчи ректоръ, снова упрекая студентовъ въ освистаніи его на актѣ и высказывая надежду въ томъ, что виновные сами къ нему явятся, съ ироніей говорилъ о томъ, «что въ университетѣ функціонируетъ временное правительство», что «въ закрытомъ заведеніи, въ домѣ номеръ 7 по Невѣ, происходитъ революція», говорилъ, «что его легко смѣстить силою, но просилъ помнить, что за нимъ стоитъ попечитель, за попечителемъ — министръ, а дальше?». Указывалъ, что желанія студентовъ — «райскія птицы, которыя не перенесутъ нашего суроваго климата», что «полиція надѣлала глупостей, что вообще ей свойственно хватать черезъ край, что преслѣдовать ее трудно, и онъ не удивится, если избившій студентовъ поручикъ будетъ повышенъ въ чинѣ»; наконецъ, заявилъ, что «онъ объясился съ извѣстнымъ молодежи сенаторомъ Кони, который будто бы сказалъ, что требованіе студентовъ закрыть университетъ — не логично, а гораздо логичнѣе студенты поступили бы, требуя закрытія полиціи». Вскорѣ послѣ ухода ректора сходка разошлась и въ послѣдующіе дни не собиралась.

На сходкахъ 9-го, 10-го и 11-го февраля было избрано особое бюро въ составѣ трехъ лицъ, въ томъ числѣ и предсѣдателя. Бюро это руководило сходкой, записывало желающихъ говорить, и предсѣдатель резюмировалъ пренія, слѣдилъ за порядкомъ и ставилъ вопросы. На всѣхъ этихъ сходкахъ предсѣдательствовали студентъ Волькенштейнъ; составъ бюро и даже самое его существованіе ни агентурными свѣдѣніями, ни инспекціей университета обнаружены не были, но при разслѣдованіи члены этого бюро сами назвали себя. То были студенты Сумчинъ и Казаровъ; обнаружены и лица, бывшія въ составѣ депутаціи къ ректору (ст. Мазаракій) и нѣкоторые ораторы на сходкахъ: Иорданскій и Носарь¹⁾ — всѣ это сами признавшіе. Самая обструкція примѣнялась мирно и безъ насилія; примѣнялась она различно: къ нѣкоторымъ профессорамъ студенты являлись на домъ и предупреждали, что на лекціяхъ ихъ слушателей не будетъ, прося этимъ не обижаться, а имѣть въ виду, что это единственно возможная форма протеста (съ такой просьбой обращались къ Гоби и фанъ-деръ-Флиту). Другихъ профессоровъ просили не читать, являясь для этого во время лекцій, а если профессоръ не соглашался, то слушатели

¹⁾ Тотъ самый Носарь-Хрусталева, который пять лѣтъ спустя такъ много ставилъ о себѣ говорить, какъ предсѣдатель извѣстнаго комитета рабочихъ депутатовъ, создавшаго всероссійскую забастовку. Очевидно, уже тогда Носарь проходилъ извѣстную организаторскую школу, которая и помогла ему стать впоследствии на «высоту» бурныхъ революціонныхъ событій Россіи.

его молча выходили изъ аудиторіи вмѣстѣ съ кучкой вошедшихъ въ нее студентовъ; былъ случай, что одного слушателя вывели изъ аудиторіи подъ руки; обычная форма примѣненія обструкціи была та, что вошедшій въ аудиторію профессоръ заставлялъ ее пустою, а всѣ наличные студенты толпились въ коридорѣ. Такъ было поступлено съ проф. Горчаковымъ, Ведровымъ, Марковымъ, Дювернуа, Георгіевскимъ и др. Нѣкоторые изъ профессоровъ пробовали сидѣть установленные часы въ аудиторіи, она все время оставалась пустою (Горчаковъ, Сергѣевскій, Марковъ), а другіе покушались убѣдить стоявшихъ въ коридорѣ студентовъ (Горчаковъ), но успѣха не имѣли.

Большею частью къ профессорамъ обращались и съ ними говорили студенты другихъ факультетовъ, имъ незнакомые, причемъ Носарь сбрилъ себѣ даже бороду, желая, по словамъ его, во время беспорядковъ меньше бросаться въ глаза.

О событіяхъ 8-го, 9-го и 10-го ни попечитель учебнаго округа Капустинъ, подавшій 10 февраля прошеніе объ отставкѣ, ни помощникъ его, Лаврентьевъ, официальныхъ свѣдѣній не имѣли, а знали о томъ лишь по разсказамъ и потому никакихъ мѣръ со стороны округа принято не было; поведение студентовъ на актѣ даже не обсуждалось правленіемъ; вечеромъ 10-го февраля происходило у министра народнаго просвѣщенія частное собраніе, гдѣ указывалось на необходимость немедленно принять энергичныя мѣры, но окончательнаго рѣшенія постановлено не было. Затѣмъ 11-го февраля было засѣданіе правленія университета, постановившее ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи совѣту университета обратиться къ студентамъ со слѣдующимъ, одобреннымъ 40 профессорами, воззваніемъ:

«Совѣтъ императорскаго спб. университета, разсмотрѣвъ вопросъ о происходившихъ въ университетѣ беспорядкахъ, обращается къ студентамъ съ предложеніемъ вернуться къ правильному теченію академической жизни, такъ какъ они должны быть убѣждены въ томъ, что совѣтъ стоитъ на сторонѣ интересовъ и чести университета. О поводѣ, вызвавшемъ волненіе среди студентовъ, совѣтомъ рѣшено довести до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія».

Это ходатайство правленія было того же 11-го февраля доложено министру Боголѣзову, но было имъ отклонено; въ то же время со стороны его послѣдовало распоряженіе вывѣсить слѣдующее объявленіе:

«Ректоръ, на основаніи распоряженія министра народнаго просвѣщенія, въ виду продолжающихся не дозволенныхъ сходовъ, объявляетъ, что дальнѣйшія сходы и дѣйствія скопомъ, препятствующія чтенію лекцій, допущены не будутъ. Студенты предупреждаются, что упорствующіе въ беспорядкахъ будутъ, по согла-

шенію министра народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, уволены изъ числа студентовъ и высланы на родину».

Независимо отъ вывѣщенія этого объявленія, Боголѣновъ поручилъ управляющему округомъ Лаврентьеву пригласить на слѣдующій день въ зданіе университета полицію и, въ случаѣ препятствованія дальнѣйшему чтенію лекцій, всѣхъ наличныхъ студентовъ переписать.

Дѣйствительною причиною призыва полиціи былъ дошедшій до министра народнаго просвѣщенія изъ конфиденціального источника слухъ о предполагаемой на 13-е февраля «чудовищной демонстраціи» всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы, причемъ на замѣчаніе Лаврентьева, что такой демонстраціи зимой на открытомъ мѣстѣ собраться трудно, а изъ закрытыхъ помѣщеній нѣтъ зала больше университетскаго, куда смогутъ попасть только одни студенты, министръ отвѣтилъ, что ему неизвѣстно, гдѣ эта демонстрація состоится, но что она непременно будетъ.

Въ ночь на 12-е февраля, въ исполненіе вышеуказаннаго распоряженія министра народнаго просвѣщенія, градоначальникъ приказалъ и. д. полицеймейстера барону Нолькену съ нарядомъ въ 600 нижнихъ чиновъ явиться во дворъ академіи наукъ къ 10 час. 30 мин. утра и по письменному требованію ректора или попечителя округа занять зданіе университета, при чемъ поголовно переписать указанныхъ ему студентовъ. Въ 9 часовъ утра 12-го февраля въ университетъ прибылъ Лаврентьевъ, и около того же времени начали собираться студенты. Къ 10 часамъ ихъ было уже около 200 человекъ, при чемъ они воспрепятствовали чтенію лекцій профессорамъ: Коновалову, Тернеру и Никитину. Къ 11 часамъ студентовъ собралось уже около 300—400 человекъ и они стали вытѣснять изъ коридоровъ чиновъ и служителей инспекціи. Управляющій округомъ Лаврентьевъ предложилъ было предупредить студентовъ, что противъ нихъ будетъ употреблена сила, но В. И. Сергѣевичъ, ссылаясь на вывѣщенное уже объявленіе, отклонилъ это предложеніе, и въ 10 час. 25 мин. утра Лаврентьевъ далъ барону Нолькену письменное требованіе немедленно занять всѣ входы и выходы университета, что и было исполнено.

Оцѣпивъ университетъ, полиція приступила къ перепискѣ студентовъ, что и было сдѣлано безпрепятственно, при чемъ въ списки внесено 825 человекъ, у нѣкоторыхъ изъ коихъ были отобраны бывшіе при нихъ входные билеты. Около 12 часовъ дня въ университетъ прибылъ градоначальникъ Клейгельсъ и продолжительное время бесѣдовалъ со студентами, жаловавшимися ему на избіеніе нагайками.

13-го февраля, въ субботу, оцѣпленіе университета было поручено барону Нолькену съ нарядомъ въ 400 человекъ нижнихъ чиновъ, но такъ какъ нарядъ этотъ явился лишь къ 11 часамъ, то въ

университетъ успѣло пройти значительное количество студентовъ, какъ имѣвшихъ при себѣ входные билеты, такъ и не имѣвшихъ оныхъ. По явкѣ полиціи, пропускались только предъявившіе билеты. Въ зданіи университета замѣчался полный безпорядокъ: профессора отказывались читать лекціи, считая неудобнымъ проходить сквозь ряды занявшихъ коридоры городскихъ, а тѣ изъ нихъ, которые являлись на лекціи, находили аудиторіи пустыми; въ то же время въ свободныхъ аудиторіяхъ замѣчались группы студентовъ въ разстегнутыхъ сюртукахъ и тужуркахъ, курившихъ, игравшихъ въ карты или лежавшихъ на скамейкахъ. Между тѣмъ непропущенные въ университетъ студенты стояли на улицѣ, прося или пропустить ихъ въ университетъ, если занятія тамъ продолжаются, ибо они подвергаются взысканіямъ за пропуски лекцій, или объявить имъ, что чтеніе послѣднихъ прекращено.

Управляющій учебнымъ округомъ, поставленный въ крайне затруднительное положеніе въ виду, съ одной стороны, законности требованій студентовъ, съ другой—въ виду приказаній министра народнаго просвѣщенія ни въ какомъ случаѣ не объявлять чтеніе лекцій прекращеннымъ, призналъ возможнымъ дать знать находящимся на улицѣ студентамъ, что непосѣщеніе лекцій въ этотъ день имъ въ вину поставлено не будетъ. Въ этотъ день въ университетѣ было переписано 1064 студента, а стоявшіе на улицѣ около 400 человекъ были отведены въ близлежащій манежъ 1-го кадетскаго корпуса, гдѣ тоже были переписаны, послѣ чего, около трехъ часовъ пополудни, всѣ студенты были отпущены и разошлись по домамъ.

На вечернемъ засѣданіи у министра народнаго просвѣщенія обсуждался въ этотъ день вопросъ о закрытіи университета до осени, но рѣшеніе это принято не было, и снова приказано было лишь оцѣпить университетъ полиціей.

15-го февраля, въ понедѣльникъ дѣйствительно зданіе университета было оцѣплено полиціей около 10 час. 30 мин. утра; въ университетъ впускались только имѣвшіе входные билеты туда, а потому ихъ было немного; попытки читать лекціи попрежнему не удавались, ибо толпившіеся въ коридорѣ студенты въ аудиторіи не шли. Въ 12 часовъ назначена была лекція ректора Сергѣевича; отправясь въ свою аудиторію, онъ нашелъ ее пустою, а въ коридорѣ передъ нею стояла группа студентовъ, которые на вопросъ, нѣтъ ли въ числѣ ихъ его слушателей, отвѣтили отрицательно; тогда ректоръ предложилъ имъ перейти въ актовъ залъ, гдѣ онъ хочетъ побесѣдовать съ ними, но двое выступившихъ впередъ студентовъ вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно заявили, что такъ какъ онъ самъ передалъ свою власть полиціи, то бесѣдовать они будутъ не съ нимъ, а съ полицеймейстеромъ.

Съ 16-го февраля чтеніе лекцій въ университетѣ было прекращено: первые два дня подь предлогомъ назначенныхъ въ эти дни засѣданій совѣта, а 18-го и 19-го числа—безъ объявленія причинъ, о чемъ и вывѣшены соотвѣтствующія объявленія; затѣмъ, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія отъ 22-го февраля за № 59, занятія въ университетѣ объявлены приостановленными до 1-го марта.

Засѣданія совѣта 16-го и 17-го февраля были посвящены обсужденію поставленнаго министромъ Боголѣповымъ вопроса: какое нравственное содѣйствіе можетъ оказать совѣтъ по успокоенію умовъ молодежи?

Въ первомъ же изъ этихъ засѣданій нѣкоторые изъ профессоровъ, отъ лица значительной группы товарищей, просили ректора передать предсѣдательствованіе въ этомъ совѣтѣ управляющему округомъ, на что онъ не согласился, а въ слѣдующемъ засѣданіи заявилъ что «оскорбленіе это имъ такъ же не заслужено, какъ и тѣ свистки, которые раздавались въ актѣ». Совѣтомъ указано было пять мѣръ къ успокоенію молодежи и, сверхъ того, въ засѣданіи 22 февраля одобренъ текстъ выработаннаго правленіемъ и приведеннаго выше воззванія къ студентамъ, при чемъ, въ качествѣ одного изъ средствъ къ успокоенію послѣднихъ, профессоромъ Ламанскимъ было предложено временное оставленіе ректоромъ должности подь предлогомъ болѣзни или отпуска, что В. И. Сергѣевичемъ также принято не было.

Въ залѣ совѣта, въ дни засѣданій 16-го и 17-го февраля, на особомъ столѣ лежали петиціи на имя министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, подписанныя академиками Фаминцынымъ и Бекетовымъ; къмъ были доставлены въ засѣданіе совѣта эти петиціи, осталось при разслѣдованіи университетскихъ беспорядковъ П. С. Ванновскимъ не обнаруженнымъ, и спрошенный при разслѣдованіи ректоръ Сергѣевичъ отозвался, что о нихъ ему ничего неизвѣстно; петиціи эти подписывались большинствомъ профессоровъ во время засѣданія и, дѣйствительно, петиція министру народнаго просвѣщенія оказалась подписанною академиками Фаминцынымъ и Бекетовымъ и затѣмъ профессорами и преподавателями высшихъ столичныхъ учебныхъ заведеній.

Содержаніе этой петиціи слѣдующее:

«Желая содѣйствовать прекращенію студенческихъ волненій, мы считаемъ своимъ долгомъ высказать свое мнѣніе по этому предмету. Ближайшую причину волненій мы видимъ въ данномъ случаѣ въ слишкомъ жестокомъ отношеніи полиціи къ учащейся молодежи, подчасъ проявляемомъ въ оскорбительной формѣ. Подвергшіеся 8-го февраля воздѣйствію полиціи юноши заслуживаютъ даже въ своемъ увлеченіи болѣе мягкаго и сердечнаго къ нимъ отношенія. Придя къ такому твердому убѣжденію, основанному на многолѣтнемъ опытѣ нашей преподавательской дѣятельности и близкомъ общеніи со студентами, мы рѣшаемся поднять свой голосъ

въ защиту молодежи. Не усматривая ни малѣйшей политической окраски ни въ беспорядкѣ на актѣ 8-го февраля, ни въ послѣдующихъ столкновеніяхъ съ полиціей, вызванныхъ разными случаями оскорбленія, путемъ полицейскаго воздѣйствія на студентовъ, предлагаемъ предоставить совѣту профессоровъ обсудить мѣры къ успокоенію молодежи».

13-го февраля состоялось у министра народнаго просвѣщенія особое засѣданіе, гдѣ были разсмотрѣны имѣвшіеся списки участниковъ въ университетскихъ беспорядкахъ и установлена безусловная виновность семидесяти восьми студентовъ. Всѣ они были арестованы, и затѣмъ иногородные высланы въ избранные ими города, за исключеніемъ университетскихъ, при чемъ высылаемымъ предъявлялось объясненіе, что они исключаются изъ университета по распоряженію министра народнаго просвѣщенія и высылаются изъ столицы, имѣющіе же постоянное мѣстожителство въ Петербургѣ были задержаны и засимъ отданы на поруки. 6-го марта, по возстановленіи въ университетѣ обычнаго порядка, правленіе, пересмотрѣвъ списки уволенныхъ студентовъ, постановило ходатайствовать о возвращеніи въ число студентовъ всѣхъ семидесяти восьми человекъ, но съ тѣмъ, чтобы сорокъ девять изъ нихъ были подвергнуты выговору со внесеніемъ въ штрафную книгу, а двадцати девяти назначенъ былъ выговоръ и арестъ на квартирѣ на три дня съ предупрежденіемъ, что, при повтореніи, они будутъ уволены изъ университета. Постановленіе это было утверждено министромъ Боголѣповымъ. Но еще до этого постановленія правленія 20-го февраля высочайшимъ назначеніемъ было возложено на члена государственнаго совѣта П. С. Ванновскаго разслѣдованіе университетскихъ беспорядковъ за этотъ періодъ. Когда 1-го марта университетъ былъ открытъ, то немедленно же опять собралась сходка, которая постановила:

«Возложить ихъ судьбу на совѣтъ производящаго по высочайшему повелѣнію разслѣдованіе по настоящему дѣлу и на совѣтъ академикомъ Бекетова и Фаминцына».

Всѣ эти сходки происходили уже съ вѣдома ректора въ актовомъ залѣ; 1-го марта студенты вошли черезъ окно, но вслѣдъ за тѣмъ залъ былъ предоставленъ сходкѣ съ разрѣшенія Сергѣевича. По примѣру прежнихъ сходокъ и на этихъ было особое бюро въ составѣ трехъ лицъ, одинъ изъ конхъ несъ обязанности предсѣдателя. Такимъ предсѣдателемъ на первой сходкѣ былъ студентъ Щеголевъ¹⁾, а на двухъ послѣднихъ студентъ Волькенштейнъ, въ составѣ бюро были студенты Сумчинъ и Гуревичъ. На двухъ послѣднихъ сходкахъ присутвовалъ самъ ректоръ, помѣщаясь на кафедрѣ рядомъ съ предсѣдателемъ, разговаривалъ съ нимъ, а уходя раньше окончанія

¹⁾ Впослѣдствіи одинъ изъ редакторовъ «Былого» и «Минувшихъ Годовъ».

послѣдней сходки, просилъ предсѣдателя сообщить ея рѣшеніе. По удостовѣренію Волькенштейна, когда онъ, въ исполненіе желанія ректора, явился къ послѣднему, ему, видимо, было уже извѣстно рѣшеніе сходки, и онъ только замѣтилъ Волькенштейну, что «въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ исключены по одной трети студентовъ, а мы, которыхъ вы освистали, изъ четырехъ почти тысячь исключили всего семьдесятъ восемь человѣкъ».

Съ 4-го марта чтеніе лекцій началось въ полномъ порядкѣ, при обычномъ числѣ слушателей, и университетъ вошелъ въ обычныя условія жизни.

Комиссія П. С. Ванновскаго, разслѣдовавшая описанные безпорядки, вынесла слѣдующую любопытную резолюцію, гдѣ установила на кого должна пасть отвѣтственность за очерченные безпорядки. Такими отвѣтственными, по мнѣнію комиссіи, должны быть признаны:

1) Учебное начальство, не проявлявшее должной энергіи и осмотрительности въ первые дни безпорядковъ и смотрѣвшее снисходительно на совершающееся на его глазахъ нарушеніе студентами установленныхъ правилъ, а въ частности:

а) Ректоръ университета тайный совѣтникъ Сергѣевичъ, которому сверхъ вышеизложеннаго должно быть поставлено въ вину присутствіе на недозволенныхъ сходкахъ студентовъ съ самовольно избраннымъ ими предсѣдателемъ сходки и, наконецъ, произнесеніе на этихъ сходкахъ рѣчей, совершенно не соответствующихъ даннымъ обстоятельствамъ.

Такія, признанныя самимъ тайнымъ совѣтникомъ Сергѣевичемъ за дѣйствительно произнесенныя имъ фразы, какъ о невозможности правильно обсуждать дѣло на многочленной сходкѣ, какъ указанія на то, что усердная полиція перехватываетъ черезъ край и преслѣдовать ее за это трудно... «я даже не удивлюсь, если сообщать вскорѣ, что поручикъ получилъ чинъ штабсъ-капитана», что сенаторъ Кони, съ которымъ ректоръ совѣтовался, сказалъ, что «если бы студенты требовали закрытія полиціи, они поступили бы логично»... что «изъ-за того, что полиція надѣлала глупостей, не слѣдуетъ нарушать законовъ», что дѣянія студентовъ есть революція въ закрытомъ помѣщеніи, что «студенты въ прошломъ году сняли строй полиціи и добѣдносно двинулись по Невскому»—такія фразы, выслушиваемыя студентами отъ ученаго юриста, законовѣда и профессора, способны были содѣйствовать усиленію волненій молодежи, внушая ей совершенно ложныя понятія, а не успокоить ихъ. Затѣмъ, дальнѣйшая дѣятельность ректора указываетъ, что онъ, сосредоточивъ все вниманіе на нанесенномъ ему оскорбленіи на актѣ, постоянно напоминалъ объ этомъ студентамъ и, думая все время только о себѣ, относился слишкомъ поверхностно къ совер-

шающимъ безпорядкамъ, которые на первыхъ порахъ легко было подавить.

б) Инспекція университета, не проявившая должной энергіи въ надзорѣ за студентами, не обнаружившая тотчасъ же лицъ, виновныхъ въ первыхъ безпорядкахъ, и относившаяся къ нимъ безучастно, посвящая свое время обычнымъ канцелярскимъ занятіямъ. При этомъ нельзя не признать, что уменьшающимъ вину инспекціи обстоятельствомъ является слабость ея силъ, ибо четыре помощника инспекторовъ при одиннадцати служителяхъ не могутъ проявить, какъ слѣдуетъ, надзора почти за четырьмя тысячами студентовъ.

в) Профессора и преподаватели университета, не сумѣвшіе, а, можетъ быть, поставленные въ физическую невозможность заслужить полное довѣріе учащейся молодежи путемъ большаго общенія съ нею, при чемъ произнесеніе нѣкоторыми изъ нихъ на студенческихъ вечеринкахъ рѣчей на зажигательныя темы «марксизмъ», «народничество» и т. п. представляется по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ.

г) Правленіе университета, составившее списки подлежащихъ административной высылкѣ студентовъ безъ должной осмотрительности и недостаточно обдуманно.

2) Чины полиціи, а въ частности:

а) Градоначальникъ, не объявившій въ свое время во всеобщее свѣдѣніе о тѣхъ путяхъ, которые открыты для движенія бывшихъ на актѣ публики и студентовъ, и отдавшій по полиціи недостаточно точный и опредѣленный приказъ, породившій недоразумѣнія въ его ближайшихъ исполнителяхъ, и, наконецъ, назначившій двухъ равноправныхъ начальниковъ въ важнѣйшемъ районѣ дѣйствій полиціи.

б) Капитанъ баронъ Нолькенъ и ротмистръ Галле, своими неумѣстными и недостаточно обдуманными распоряженіями искусственно создавшіе толпу, которая вовсе не имѣла намѣренія собираться.

в) Полковникъ Пирамидовъ, который, не будучи поименованъ въ приказѣ, явился фактически третьимъ распорядителемъ на Васильевскомъ островѣ и внесъ еще большую неопредѣленность въ дѣйствія полиціи.

г) Штабсъ-ротмистръ Владимировъ, имѣвшій порученіе лишь провести ввѣренную ему часть на Петровскую площадь, а вмѣсто того взявшій на себя разсѣяніе встрѣченной имъ толпы и не умѣвшій сдерживать нижнихъ чиновъ своей части въ должномъ порядкѣ, послѣдствіемъ чего было самовольное употребленіе ими нагаекъ.

При этомъ надлежитъ отмѣтить грубое обращеніе нижнихъ чиновъ съ публикою и студентами и недостаточную выдержанность полиціи по отношенію къ проявленнымъ къ ней со стороны студен-

товъ выходкамъ, что особенно ярко бросается въ глаза при сопоставленіи образа дѣйствій полиціи на Васильевскомъ островѣ съ благороднымъ и умѣлымъ обращеніемъ генераль-майора Есипова и находившихся въ его отрядѣ чиновъ съ публикою и студентами.

3) Студенты университета (имена отдѣльныхъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ студентовъ приведены въ текстѣ доклада), дозволившіе себѣ выразить на торжественномъ актѣ публично неудовольствіе своему непосредственному начальству—ректору, участвовавшіе затѣмъ въ недозволенныхъ сходкахъ и предпринявшіе забастовку въ цѣляхъ закрытія университета, а для правильного веденія оной образовавшіе тайные кружки и организацію; они же, несомнѣнно, виновны въ томъ, что первые подали поводъ къ столкновенію съ полиціей, позволивъ себѣ безъ всякой надобности бросать снѣжки въ вахмистра Скольмейстера и сопровождавшаго его городского, а затѣмъ встрѣтивъ тѣми же снѣжками, лопатами и т. п. орудіями подходившій къ нимъ отрядъ штабсъ-ротмистра Владимира.

«Не подлежитъ сомнѣнію,—сказано далѣе въ резолюціи:—что среди столичной университетской молодежи, собранной изъ различныхъ мѣстностей имперіи и изъ разныхъ слоевъ общества, всегда найдется извѣстное число лицъ, увлекающихся разнаго рода политическими теоріями. Этому способствуетъ то обстоятельство, что студенты ничѣмъ не связаны между собой, ни внутри университета, ни внѣ его стѣнъ, напротивъ, искусственно разобщаются, а между тѣмъ молодежь, только что прошедшая среднюю школу, со свойственнымъ ей корпоративнымъ духомъ, склона къ общенію, къ единенію въ кружки, хотя бы для совмѣстнаго чтенія, развлеченій и занятій.

«Не подлежитъ въ равной мѣрѣ сомнѣнію и то, что въ настоящее время среди университетской молодежи есть лица, склонныя къ политическимъ лжеученіямъ, но несомнѣнно, что движеніе, выразившееся въ безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто съ 8-го февраля по 3-е марта включительно, было чуждо всякихъ осложненій политическаго характера.

«По отзывамъ компетентныхъ лицъ изъ среды заслуженныхъ лицъ, опытныхъ профессоровъ и преподавателей, связывать настоящіе студенческіе безпорядки съ политическими движеніями прежнихъ лѣтъ не представляется никакихъ основаній: на всѣхъ сходкахъ и во всѣхъ нелегальныхъ изданіяхъ указаннаго періода не было ни одного намека на желаніе придать безпорядкамъ политической характеръ».

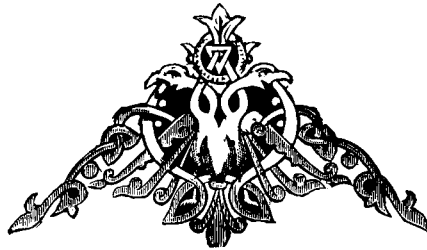
Послѣдній выводъ коми сіи П. С. Вапновскаго заслуживаетъ вниманія. Слѣдователь не нашелъ политическаго элемента въ университетскихъ безпорядкахъ и, дѣйствительно, конкретнаго такого элемента не было, но появляющаяся вскорѣ за симъ извѣстная кievская

студенческая прокламація «Маску долой» прямо утверждала, что студенческія волненія суть волненія, какую бы форму они ни принимали и во что бы ни отливались, именно политическаго порядка, имѣють политическую тенденцію и политическую задачу. Подъ такимъ же угломъ зрѣнія смотрѣлъ на нихъ и тогдашній ректоръ В. И. Сергѣевичъ, говоря студентамъ о «жарь-птицѣ». Мы знаемъ уже, какъ онъ смотрѣлъ на университетъ и на вторженіе сюда улицы, и если принять во вниманіе, что онъ былъ законникомъ-юристомъ, считавшимъ обязательнымъ соблюденіе тѣхъ установленій, которыя были узаконены и не отмѣнены университетскимъ уставомъ, то отсюда становится понятнымъ то страшно трудное положеніе, въ которомъ онъ очутился. Какъ человѣкъ, онъ жалѣлъ молодежь, какъ лицо, обязанное охранить ввѣренный ему порядокъ и нести съ честью и съ достоинствомъ свое званіе ректора, онъ не въ силахъ былъ итти на компромиссы и пошелъ «противъ теченія». Сергѣевичъ зналъ, что студенчество страшно энергировано, что по его адресу раздаются угрозы и что ему дѣйствительно грозитъ опасность оскорбленія дѣйствіемъ, и тѣмъ не менѣе онъ мужественно, несмотря на уговоры товарищей, инспекціи и близкихъ лицъ, смѣло идетъ въ разъяренную толпу и притомъ идетъ нарочно въ полной формѣ, со всѣми регаліями, идетъ, какъ лицо, обязанное во всей полнотѣ своего долга службы быть на своемъ посту. И мы видимъ, что толпа цѣнитъ это благородное мужество—на него нѣтъ посягательствъ, и лишь молчаніе сопровождаетъ его рѣчи. Сергѣевичъ остался ввѣренъ себѣ и на засѣданіи университетскаго совѣта; онъ, быть можетъ, хранилъ въ душѣ своего рода адъ, но остается спокойнымъ и не трогается экзальтированнымъ требованіемъ товарищей сложить съ себя званіе предсѣдателя подать въ отставку. Онъ независимо держитъ себя и въ отношеніи министерства, и въ отношеніи полиціи—онъ все время спокоенъ, ровень и держитъ себя такъ, какъ ему повелѣваетъ его совѣсть. Быть можетъ, съ устъ его срываются сарказмы, сарказмы, одинаково относящіяся и къ возбужденной толпѣ, и къ тѣмъ, въ чьемъ распоряженіи была судьба волнующагося передъ нимъ моря молодыхъ жизней. Но этотъ сарказмъ былъ присущая черта его характера, та черта, которая позволяла ему, какъ историко-юристу, правильно оцѣнивать общее тогдашнее положеніе государственныхъ вещей и прозрѣвать недалекое историческое будущее своей родины. Онъ въ трудную минуту жизни сохранилъ равновѣсіе ума и.. никому не угодилъ, хотя, конечно, какъ очень умный человѣкъ, легко сумѣлъ бы завоевать себѣ симпатіи, если не массы, то нѣкоторыхъ тѣхъ кружковъ, которые до того считали его «своимъ». Но онъ не прельстился этимъ и, оставаясь самимъ собою, каковымъ создала его природа, культура и житейскій опытъ, предпочелъ скорѣе заслужить порицаніе этихъ кружковъ, чѣмъ из-

мѣнить своей совѣсти, своей морали. И дѣйствительно, мы наблюдаемъ, что съ того рокового для него 1899 г. онъ становится какъ бы опальнымъ въ тѣхъ сферахъ и обществахъ, гдѣ его прежде выбирали предсѣдателемъ и считали «своимъ». Русская жизнь этого десятилѣтія спутала жизненныя карты, и на его долю палъ общественный проигрышъ, который онъ, однако, сносилъ терпѣливо, спокойно и съ сохраненіемъ собственнаго достоинства.

Пойдя противъ общественнаго теченія, не удовлетворивъ открывшимся вѣяніямъ «отеческаго попеченія», не подчинившись прорвавшейся общественной стихіи, Сергѣевичъ не счелъ для себя возможнымъ далѣе сохранять званіе ректора и, когда жизнь университета вступила въ спокойное русло, подалъ въ отставку, сохранивъ за собою, однако, занимаемую имъ профессорскую кафедру. Ученый снова смѣнилъ администратора, и жизнь его потекла спокойно, хотя, быть можетъ, въ немъ и просыпалось иногда сокрушеніе о пережитыхъ тревоженіяхъ 1899 года. Знаменитому ученому уже никто не считалъ себя въ правѣ и въ силахъ бросить какія-либо недостойныя упреки, и авторитетъ научнаго знанія вскорѣ покрылъ собою въ глазахъ современниковъ всѣ его вольныя или невольныя прегрѣшенія, если только таковыя и были, какъ на томъ настаивалъ въ своемъ разслѣдованіи П. С. Ванновскій.

Б. Г.

КРОВАВАЯ СТРАНИЦА ПЕРСИДСКОЙ ИСТОРИИ.

ВЪ КОНЦѢ апрѣля 1896 года персидскій шахъ Насръ-Эддинъ готовился праздновать пятидесятилѣтній юбилей своего царствованія. Судьба рѣшила, однако, иначе, и за пять дней до этого юбилея маститый повелитель Ирана былъ убитъ.

Я состоялъ въ то время первымъ секретаремъ нашей миссiи въ Тегеранѣ и за отсутствiемъ посланника управлялъ ею въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Мнѣ пришлось, такимъ образомъ, быть близкимъ свидѣтелемъ всего, что произошло въ Персiи вслѣдъ за этимъ кровавымъ событiемъ, въ тѣ тревожные дни, когда власть выпала изъ рукъ грознаго шаха и нѣвѣдомо еще было, какъ перейдетъ она къ его наслѣднику.

Пользуясь сохранившимися у меня записками, я хотѣлъ бы дальнѣйшимъ разказомъ внести посильную лепту въ тотъ матеріалъ, изъ котораго будущій историкъ почерпнетъ данныя для описанія этого трагическаго эпизода изъ жизни Ирана.

19-го апрѣля 1896 года въ Тегеранѣ стоялъ жаркiй день. Я только что вернулся съ длинной прогулки верхомъ и, порядочно утомившись, собирался отдохнуть, какъ въ 2 ч. 30 м. по полудни ко мнѣ прискакалъ вѣстовой съ запиской командира персидской казачьей бригады полковника Косоговскаго, сообщавшаго, что шахъ въ одной изъ загородныхъ мечетей раненъ выстрѣломъ изъ револьвера, и что садразамъ вызвалъ полковника во дворецъ.

Пораженный этимъ извѣстіемъ, я, забывъ всякую усталость, тотчасъ же вмѣстѣ съ первымъ драгоманомъ миссіи, И. Г. Григоровичемъ, отправился во дворець, гдѣ засталъ садразама въ крайне угнетенномъ состояніи духа.

На вопросъ мой, что случилось, первый министръ съ рыданіями отвѣтилъ: «Все кончено, шахъ убитъ!» Въ это время къ намъ подошли изъ внутреннихъ комнатъ доктора шаха и подтвердили, что его величество скончался.

Черезъ нѣсколько минутъ прибылъ во дворець докторъ императорской миссіи Вендтъ и, осмотрѣвъ тѣло шаха, сообщилъ, что его величество убитъ наповаль пулею, попавшею прямо въ сердце.

Тѣмъ временемъ я старался успокоить садразама и убѣждалъ его не падать духомъ въ такую критическую минуту, а сослужить Персіи и новому шаху вѣрную службу принятіемъ мѣръ къ спокойному переходу власти въ руки законнаго наслѣдника престола.

Въ то же время я предложилъ находившемуся тутъ полковнику Косоговскому немедленно принять мѣры къ охранѣ дворца казачьею бригадою и не оставлять садразама, исполняя приказанія только его свѣтлости.

Когда садразамъ нѣсколько успокоился, мы присѣли съ нимъ въ дворцовомъ саду, поодаль отъ собравшихся туда принцевъ Каджарскаго дома, а также высшихъ сановниковъ, и Аминь-ус-Султанъ (садразамъ) прерывающимся отъ слезъ голосомъ рассказывалъ слѣдующее.

Въ 10 ч. утра шахъ съ садразамомъ и обычною свитою отправился въ одну изъ окрестныхъ мечетей (Шахъ-Абдуль-Азимъ), куда прибылъ въ началѣ перваго часа. Обыкновенно народъ удаляли, когда шахъ входилъ въ мечеть, но на этотъ разъ Насръ-Эдинъ приказалъ не беспокоить молящихся. Войдя въ одно изъ отдѣленій мечети, гдѣ было много женщинъ, шахъ приказалъ садразаму распорядиться насчетъ ковра для молитвы, а самъ прошелъ впередъ. Едва успѣлъ Аминь-ус-Султанъ обернуться, чтобы отдать приказаніе, какъ раздался слабый звукъ выстрѣла, и народъ бросился на какого-то человѣка, выскочившаго изъ толпы женщинъ. Садразамъ, видя, что шахъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону, и предполагая, что его величество невредимъ, бросился съ нѣсколькими лицами изъ свиты вырвать преступника изъ рукъ разъяренной толпы. Передавъ исцарапаннаго и избитаго злодѣя въ руки полиціи, садразамъ подбѣжалъ къ шаху и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ лежитъ безъ всякихъ признаковъ жизни. Разстегнувъ мундиръ, онъ усмотрѣлъ небольшую рану около сердца. Докторовъ на мѣстѣ не было. Стали прикладывать ледъ къ ранѣ, обмывать голову водой, но ничто не помогало и шахъ оставался недвижимъ. Разослали вѣстовыхъ за докторами. Между тѣмъ, стоявшіе въ моментъ преступленія около шаха рассказали, что

злодѣй, высунувшись между двумя женщинами, почти въ упоръ выстрѣлилъ въ его величество, послѣ чего шахъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ и затѣмъ упалъ.

Видя, что время проходить, а докторовъ все нѣтъ, садразамъ рѣшилъ везти шаха въ городъ. Помѣстивъ трупъ Насръ-Эддина въ каретѣ и придавъ ему позу живого человѣка, садразамъ сѣлъ рядомъ, а напротивъ посадилъ одного изъ придворныхъ. Желая не волновать народъ и успѣть принять нужныя мѣры прежде, чѣмъ населеніе узнаетъ объ убійствѣ шаха, Аминъ-ус-Султанъ приказалъ скорѣе ѣхать въ городъ, а самъ, проѣзжая по базарамъ среди народа, почтительно кланявшася повелителю, обмахивалъ его лицо платкомъ, будто шахъ по обыкновенію приказалъ ему это дѣлать въ виду жаркаго полдня. Такимъ образомъ удалось провезти трупъ шаха въ самый садъ дворца и вынести его прежде, чѣмъ въ городѣ стало извѣстно о несчастіи. Прискакавшіе во дворецъ доктора могли лишь констатировать смерть его величества.

Окончивъ этотъ разговоръ, садразамъ горько заплакалъ и сквозь слезы сказалъ:

«Я словно чуялъ бѣду и умолялъ сегодня утромъ шаха не ѣздить въ мечеть, такъ какъ его величество не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ; но шахъ настоялъ на своемъ, сказавъ мнѣ, что видѣлъ сонъ, въ которомъ одинъ изъ его предковъ сообщалъ ему что-то очень интересное, и вдругъ прервалъ разговоръ, объявивъ, что конецъ его онъ узнаетъ сегодня въ мечети Шахъ-Абдуль-Азимъ. Такъ и не удалось мнѣ отговорить шаха..., и несчастье свершилось!»

Въ заключеніе нашей бесѣды садразамъ сказалъ, что теперь, когда персидское правительство осталось безъ главы, только вліяніе Россіи и ея воздѣйствіе могутъ поддержать въ странѣ порядокъ и обезпечить спокойный переходъ власти въ руки законнаго наслѣдника престола.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Аминъ-ус-Султанъ выразилъ опасеніе, какъ бы одинъ изъ сыновей убитаго шаха, принцъ Наибъ-ус-Салтанэ, состоявшій тегеранскимъ генералъ-губернаторомъ, не вздумалъ провозгласить себя шахомъ, воспользовавшись тѣмъ, что наслѣдникъ находился далеко отъ Тегерана—въ Тавризѣ. Садразамъ просилъ меня поэтому повидать Наюба и повліять на него въ смыслѣ признанія имъ своего брата велиагда ¹⁾ шахомъ.

Опасаясь, какъ бы велиагдъ подъ вліяніемъ внезапнаго удара не растерялся и не отказался отъ престола, первый министръ выразилъ надежду, что Россія ободритъ Музафферъ-Эддина быстрымъ признаніемъ его шахомъ. Садразамъ просилъ меня также предложить князю Дабижѣ, который управлялъ въ то время на-

¹⁾ Титулъ персидскаго наслѣднаго принца.

Шахъ Насръ-Эддинъ на привалѣ, во время одной изъ обычныхъ кочевокъ по Персїи.

шимъ генеральнымъ консульствомъ въ Тавризѣ, поддержать велиагда и повліять, буде нужно, на населеніе, привыкшее слушаться Россіи.

Я обѣщаль садразаму полное содѣйствіе императорской миссіи въ дѣлѣ поддержанія порядка въ странѣ и перехода власти къ законному наслѣднику.

Ободрившись духомъ, Аминъ-ус-Султанъ съ энергіею началъ распоряжаться и принимать мѣры къ охранѣ порядка. Рѣшено было поручить охрану города и дворца полковнику Косоговскому, подъ главнымъ начальствомъ зятя садразама Сердарь-Экрема; приказано было озаботиться тѣмъ, чтобы базары были открыты, а хлѣбъ и съѣстные припасы находились на нихъ въ изобиліи, причемъ по обыкновеннымъ цѣнамъ; въ окрестныя селенія разосланы были конные отряды для обезпеченія подвоза въ городъ съѣстныхъ припасовъ и топлива; приказано раздать войскамъ недоплаченное за послѣдніе мѣсяцы жалованье.

Оставивъ затѣмъ садразама и обѣщавъ ему вскорѣ вернуться, я поѣхалъ къ принцу Наibu, покинувшему уже шахскій дворецъ и отправившемуся въ свой собственный, расположенный на окраинахъ города. Передъ отъѣздомъ онъ распорядился послать къ себѣ во дворецъ 700 ружей изъ арсенала. Обстоятельство это, въ связи съ тѣмъ, что въ распоряженіи принца имѣлось два собственныхъ полка, безпокоило садразама, и онъ просилъ меня обратить на это вниманіе.

Приѣхавъ къ принцу, я засталъ его въ сильномъ волненіи. Принеся ему соболѣзнованіе, я тотчасъ заявилъ, что въ глазахъ Россіи единственнымъ законнымъ шахомъ является нынѣ велиагдъ Музафферъ-Эддинъ, и что Россія не потерпитъ чьихъ-либо поползновеній къ нарушенію законнаго престолонаслѣдія въ Персіи

Въ отвѣтъ на это принцъ задумался и молчалъ нѣсколько минутъ, а затѣмъ сказалъ:

— Какое же будетъ мое теперь положеніе? Со смертью отца я все потерялъ. Что мнѣ дѣлать?

Я отвѣтилъ, что ему, какъ брату шаха, слѣдуетъ подать примѣръ всѣмъ персамъ и тотчасъ выразить его величеству вѣрноподданническія чувства.

— Если я исполню это и буду держаться въ сторонѣ, смиренно оплакивая смерть отца,—сказалъ на это Наibъ-ус-Салтанэ,—могу я рассчитывать на защиту Россіею моей жизни, семейства и имущества?

Я сказалъ на это, что никакой опасности ни ему, ни его семейству и имуществу не грозитъ, но въ случаѣ чего русское правительство, конечно, не дозволитъ какого-либо насилія, буде самъ принцъ поведетъ себя законно и достойно!

— Дайте мнѣ письменное въ этомъ удостовѣреніе,—воскликнулъ принцъ,—и я ничѣмъ не нарушу спокойствія страны.

Я отвѣтилъ принцу, что если онъ письменно заявитъ мнѣ о своей покорности шаху Музафферъ-Эддину и попроситъ благосклоннаго покровительства Россіи, то я готовъ письменно же отвѣтить ему, что доведу о семъ до свѣдѣнія моего правительства, а пока приму возможныя мѣры къ охранѣ его жизни, семьи и имущества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я потребовалъ, чтобы принцъ немедленно послалъ новому шаху вѣрноподданническую телеграмму и сообразовался въ своихъ дѣйствіяхъ съ долгомъ добросовѣстнаго подданаго его величества Музафферъ-Эддина.

Тогда принцъ клятвенно завѣрилъ меня, что исполнитъ мои совѣты и тотчасъ же пошлетъ телеграмму шаху, а письменное заявленіе въ указанномъ смыслѣ пришлетъ мнѣ къ вечеру.

Черезъ нѣсколько часовъ я обмѣнялся съ принцемъ письмами въ вышеуказанномъ смыслѣ и узналъ, что Наибъ-усъ-Салганъ послалъ новому шаху вѣрноподданническую телеграмму.

Въ городѣ, тѣмъ временемъ, еще ничего не знали о трагической смерти шаха; проѣздомъ отъ принца Наиба въ императорскую миссію, я могъ убѣдиться въ этомъ, видя повсюду повседневную спокойную жизнь.

Приѣхавъ домой, я засталъ у насъ цѣлое общество. Ю. Д. Батюшковъ, студентъ миссіи, большой поклонникъ дѣтей, устроилъ давно обѣщанный дѣтскій праздникъ въ саду миссіи. Пришлось, однако, нарушить это веселье и поскорѣе отправить дѣтвору по домамъ, подъ охраною нашихъ гулямовъ, ибо нельзя было поучиться за продолженіе спокойствія на улицахъ Тегерана.

Мнѣ тутъ же доложили, что полковникъ Косоговскій прислалъ казаковъ подъ командою офицера для охраны миссіи, а также передали письмо г. Тютрюмова, директора русскаго банка въ Тегеранѣ, въ которомъ онъ просилъ меня принять мѣры къ огражденію вѣрренныхъ ему крупныхъ денежныхъ суммъ.

Я тотчасъ же распорядился отправить въ банкъ присланный въ миссію отрядъ казаковъ, рѣшивъ охранять послѣднюю своими постоянными стражниками, въ видѣ четырехъ русскихъ урядниковъ и двадцати пяти персидскихъ солдатъ подъ командою персидскаго же стараго майора, который уже много лѣтъ преданно служилъ намъ, набирая себѣ вѣрную команду для охраны императорской миссіи. И онъ, и его люди находились, съ разрѣшенія тегеранскаго правительства, на нашемъ иждивеніи.

Отправивъ въ Петербургъ телеграмму о разразившемся надъ Персіею ударѣ и рекомендовавъ моимъ сослуживцамъ не покидать миссіи, а въ случаѣ какихъ-либо осложненій немедленно послать ко мнѣ вѣстоваго, я снова поѣхалъ во дворецъ, гдѣ засталъ перваго

министра, окруженнаго принцами Каджарскаго дома, за исключеніемъ Наиба-ус-Салтанэ, и высшими сановниками.

Едва успѣлъ я передать Амиръ-ус-Султану результатъ моей поездки къ принцу Наibu и нѣсколько успокоить его, какъ ему доложили, что велиагдъ желаетъ переговорить съ нимъ по телеграфу о событіи дня. Въ то же время прибылъ во дворецъ англійскій посланникъ сэръ Мортимеръ Дюрандъ. Садразамъ пригласилъ насъ обоихъ пойти съ нимъ вмѣстѣ на дворцовый телеграфъ, что мы и исполнили.

Придя къ телеграфному аппарату, садразамъ велѣлъ передать Музафферъ-Эддину, что, въ присутствіи англійскаго посланника и русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, онъ извѣщаетъ его величество о кончинѣ шаха Насръ-Эддина и повергаетъ къ августѣйшимъ стопамъ наслѣдника вѣрноподданническія чувства принцевъ и сановниковъ, собравшихся во дворцѣ оплакивать незабвеннаго родителя воцарившагося шаха Музафферъ-Эддина.

Велиагдъ тотчасъ отвѣтилъ, что, принимая бразды верховнаго правленія, онъ оставляетъ всѣхъ сановниковъ на своихъ мѣстахъ и возлагаетъ на садразамъ главное руководство дѣлами государства, приказывая ему вмѣстѣ съ тѣмъ не покидать дворца до тѣхъ поръ, пока онъ самъ, шахъ, не прибудетъ въ Тегеранъ.

Этотъ отвѣтъ новаго шаха сразу придалъ бодрости садразаму и вывелъ Персію на опредѣленный путь изъ опаснаго переходнаго положенія.

Воспользовавшись присутствіемъ англійскаго посланника, я предложилъ ему телеграфировать его величеству наши соболѣзнованія. Мнѣ хотѣлось этимъ немедленно выяснить признаніе Англією Музафферъ-Эддина шахомъ и тѣмъ разрушить иллюзіи многихъ въ Персіи, полагавшихъ, что кандидатомъ Великобританіи на шахскій престолъ является принцъ Зели-Султанъ, старшій сынъ Насръ-Эддина, но рожденный не отъ принцессы и потому устраненный ими отъ престолонаслѣдія.

Сэръ Мортимеръ Дюрандъ, послѣ минутнаго раздумья, согласился на мое предложеніе, и садразамъ тотчасъ передалъ велиагду наши соболѣзнованія, въ которыхъ мы давали Музафферъ-Эддину титулъ его величества. Съ этого момента въ глазахъ персовъ Музафферъ-Эдинъ былъ признанъ шахомъ двумя великими державами, наиболѣе заинтересованными въ дѣлахъ Ирана.

Шахъ по телеграфу отвѣтилъ намъ горячею благодарностью.

По окончаніи нашихъ переговоровъ по телеграфу съ его величествомъ, сэръ Мортимеръ Дюрандъ и я оставили дворецъ.

Прощаясь со мною, садразамъ сказалъ, что теперь займется положеніемъ печатей на шахскую сокровищницу и распоряженіями касательно временнаго погребенія на другое утро шаха Насръ-

Мулла Риза Кирмани, убийца шаха Насръ-Эддина.

Эдина въ оградѣ дворца. При этомъ Аминь-ус-Султанъ просилъ меня заѣхать попозднѣе еще разъ во дворецъ.

Уѣзжая, мы встрѣтили турецкаго посла, который, узнавъ, что англійскій посланникъ и я телеграфировали новому шаху, поспѣшилъ сдѣлать то же.

Вернувшись въ миссію, я разослалъ нашимъ консуламъ указанія содѣйствовать мѣстнымъ правителямъ въ поддержаніи порядка и спокойствія при объявленіи народу о смерти Насръ-Эдина и о воцареніи шаха Музафферъ-Эдина. Въ то же время отправлены были телеграммы объ убійствѣ шаха главноначальствующему на Кавказѣ и начальнику Закаспійской области, дабы наши пограничныя власти не были застигнуты врасплохъ, въ случаѣ какихъ-либо осложненій въ Персіи.

Покончивъ все это поздно вечеромъ, я въ часъ ночи снова отправился во дворецъ въ сопровожденіи второго драгомана миссіи А. Н. Штриттера, а также маленькаго конвоя, состоявшаго изъ двухъ русскихъ урядниковъ и двухъ персидскихъ гулямовъ.

Къ этому времени полковникъ Косоховскій, опасаясь безпорядковъ, вновь прислалъ въ миссію нѣсколько конныхъ казаковъ подъ командою офицера. Уѣзжая, я поручилъ второму секретарю миссіи С. А. Лермонтову, чрезвычайно спокойно наблюдавшему за порядкомъ въ миссіи и вокругъ нея, выслать на развѣдки казаковъ, если къ 3 часамъ ночи я еще не вернусь.

Мы доѣхали верхомъ. Была тихая, лунная ночь. Кругомъ полная тишина; на улицахъ—ни души. Только изрѣдка раздавались гдѣ-то выстрѣлы. Мы ѣхали молча, и въ душу закрадывался вопросъ: пройдетъ ли все благополучно, или, по прежнимъ примѣрамъ, разразится надъ Персіею кровавый, бессмысленный бунтъ?.. И странное дѣло—послѣ этого утомительнаго, переполненнаго грозными событіями дня, не чувствовалось ни усталости, ни тревоги; хотѣлось еще дѣйствовать, еще работать, вѣрилось въ успѣхъ...

Но вотъ и дворцовыя ворота; мы говоримъ часовому пароль, въѣзжаемъ въ ограду и, спѣшившись, идемъ въ канцелярію садразама, гдѣ застаемъ его за работою. Аминь-ус-Султанъ вполне овладѣлъ собою и съ замѣчательною предусмотрительностью отдавалъ приказанія касательно погребенія шаха и объявленія народу о воцареніи велягда.

Пробывъ съ садразамомъ около двухъ часовъ и вселивъ въ окружающихъ его убѣжденіе, что русскій представитель принимаетъ дѣятельное участіе въ стараніяхъ Аминь-ус-Султана поддерживать порядокъ въ Персіи,—я поѣхалъ въ нашъ банкъ, провѣрить—приняты ли всѣ мѣры къ его охранѣ.

Въ банкѣ мы застали тишину и спокойствіе подъ охраною усиленнаго наряда казаковъ; но управляющій банкомъ Тютрюмовъ и его помощникъ Потѣхинъ бодрствовали, нѣсколько волнуясь за

цѣлость ввѣренныхъ имъ крупныхъ капиталовъ. Нашъ прїѣздъ и дружеская получасовая бесѣда за стаканомъ чая подбодрили ихъ. Узнавъ о мѣрахъ, принятыхъ къ огражденію порядка, они успокоились и рѣшили, проведивъ насъ, отдохнуть.

Въ исходѣ четвертаго часа ночи мы крупной рысью направились домой. На улицахъ было тихо, замолкли выстрѣлы, раздававшіеся въ началѣ ночи. Тегеранъ спалъ спокойнымъ сномъ, охраняемый бдительными патрулями и умѣло разставленными полковникомъ Косоговскимъ военными постами.

Вблизи миссіи мы услышали лошадиный топотъ. Изъ-за поворота улицы выѣхалъ намъ навстрѣчу взводъ казаковъ, посланный Лермонтовымъ на развѣдки въ виду нашего долгаго отсутствія. Казаки присоединились къ намъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ вмѣстѣ въѣхали въ ворота миссіи.

Сойдя съ коня, я крѣпко пожалъ руку моего милого спутника А. Н. Штриттера и поздравилъ его съ благополучнымъ окончаніемъ нашей ночной экскурсіи. Мы оба вынули изъ кармановъ револьверы и рады были, что не пришлось къ нимъ прибѣгать.

Всѣ мы могли, наконецъ, немного отдохнуть.

На другой день рано утромъ шахъ Насръ-Эддинъ былъ временно похороненъ въ оградѣ дворца, въ зданіи «Текіэ», гдѣ обыкновенно происходятъ представленія мистерій. Иностранцы не участвовали въ этой печальной церемоніи.

Какъ только шахъ Насръ-Эддинъ былъ временно похороненъ въ «Текіэ», со всѣмъ установленнымъ для сего церемоніаломъ, столичному населенію и войскамъ было объявлено о смерти его величества и воцареніи велиагда Музафферъ-Эддина. Одновременно разосланы были по всей Персіи телеграфныя предписанія сдѣлать мѣстному населенію такія же оповѣщенія.

Какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи вѣсть эта принята была спокойно. Только въ Ширазѣ произошли незначительные, по словамъ садразама, безпорядки, вызванные дороговизною хлѣба. Быстро принятые мѣры къ удешевленію хлѣба и мяса скоро положили конецъ волненію.

Опасенія, что Зели-Султанъ, сынъ шаха, о которомъ я уже говорилъ выше, состоявшій исфаганскимъ правителемъ, предприметъ что-либо къ овладѣнію престоломъ, — не оправдались. Этотъ принцъ, питавшій не такъ давно надежду вступить, при поддержкѣ Великобританіи, на шахскій престолъ, — отказался теперь отъ такой затѣи. Немедленно по полученіи извѣщенія о смерти шаха Насръ-Эддина, онъ обратился къ велиагду съ самой вѣрноподданнической телеграммой, предоставляя, въ цвѣтистыхъ персидскихъ фразахъ, себя и все свое имущество въ распоряженіе законнаго наслѣдника престола.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта покорность вызвана была сознаніемъ своего безсилія завладѣть престоломъ. А еще недавно Зели-Султанъ

былъ заносчивымъ и полновластнымъ хозяиномъ почти всей Южной Персіи; въ его распоряженіи было хорошо организованное многочисленное войско. Предусмотрительный Аминъ-ус-Султанъ, опасаясь для цѣлости Персіи возраставшей мощи принца Зели, убѣдилъ покойнаго шаха ограничить власть сына, отобрать у него войско и большую часть южныхъ провинцій, оставивъ ему только исфаганскій округъ съ двумя-тремя батальонами солдатъ. Результатомъ этой мѣры явилось смиреніе честолюбиваго принца и покорность брату, когда пробилъ часъ вступленія велагда на шахскій престоль.

Такимъ образомъ, второй день послѣ смерти шаха прошелъ совершенно спокойно. Народъ мирно занимался своимъ дѣломъ, довольный тѣмъ, что происшедшее событіе ничѣмъ не отразилось на его обычной жизни: базары открыты, всего вдоволь, и цѣны тѣ же; къ тому же порядка даже больше, ибо войска не безчинствуютъ, получивъ слѣдующее имъ жалованье, а охрана тишины и спокойствія происходитъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ представителей Россіи, престижъ которой стоялъ тогда въ Персіи очень высоко.

Всѣ мои иностранные коллеги перебивали въ миссіи, выражая благодарность за охрану ихъ миссіи персидскими казаками, подъ надзоромъ русскихъ офицеровъ, состоявшихъ инструкторами въ персидской казачьей бригадѣ.

Ча третій день, 21-го апрѣля, я получилъ отъ князя Лобанова-Ростовскаго, нашего министра иностранныхъ дѣлъ, слѣдующую открытую телеграмму:

Veuillez faire part au Sadrazam que l'empereur a adressé hier au Schah le télégramme suivant:

«En exprimant à Votre Majesté la part bien vive que je prends à sa douleur je la prie de croire aux vœux sincères que je forme pour le bonheur et la gloire du règne qu'Elle inaugure. J'aime à compter sur la continuation des relations d'amitié et de bon voisinage si heureusement établies entre là Russie et la Perse sous le règne du très regretté Schah Nasr-Eddin».

Телеграмма эта очень ободрила новаго шаха и садразама, который поспѣшилъ придать ей широкую, насколько было возможно, гласность, дабы въ народѣ знали, что русскій царь дружески относится къ Музафферъ-Эддину.

Въ то же время князь Лобановъ телеграфировалъ мнѣ, что оказанная мною садразаму поддержка вполнѣ одобряется, и желательно, чтобы я продолжалъ содѣйствовать ему въ поддержаніи полнаго порядка.

Между тѣмъ въ миссіи получена была телеграмма князя Дабижа, управлявшаго тогда нашимъ генеральнымъ консульствомъ въ Тавризѣ, которою онъ доносилъ, что 20-го апрѣля шахъ Музафферъ-

Эдинъ принималъ въ Тавризѣ консульскій корпусъ и въ отвѣтъ на принесенныя ему, по случаю восшествія на престолъ, поздравленія, сказалъ, что сдѣлаетъ з е возможное ко благу проживающихъ въ Персіи иностранцевъ, и выразилъ надежду, что дружественно расположенныя къ нему державы не оставятъ его необходимой поддержкою.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Дабига сообщилъ, что въ Тавризѣ царить полное спокойствіе; цѣны жизненныхъ припасовъ понижены, хлѣба въ изобиліи.

Одновременно отъ другихъ нашихъ консуловъ въ Персіи пришли телеграфныя донесенія, что въ ихъ районахъ объявленіе о смерти Насръ-Эддина и о воцареніи шаха Музафферъ-Эддина прошло совершенно спокойно. Садразамъ, съ своей стороны, получилъ такія же добрыя вѣсти со всѣхъ концовъ Персіи.

Передавая мнѣ объ этомъ, онъ горячо благодарилъ за содѣйствіе и поддержку, оказанныя персидскимъ провинціальнымъ властямъ нашими консулами.

Нагляднымъ доказательствомъ того, какъ высоко стоялъ тогда престижъ Россіи въ Персіи, и какъ мало разсчитывали иранскіе правители на свое собственное вліяніе на народъ, можетъ служить слѣдующее донесеніе нашего консула въ Астрабадѣ г-на Кохановскаго, отъ 20 апрѣля:

«Сегодня утромъ мы съ правителемъ, — по его убѣдительной просьбѣ, — совмѣстно объявили въ лагерѣ—войску, а въ губернаторскомъ домѣ — мѣстному духовенству и должностнымъ лицамъ о смерти шаха Насръ-Эддина и о воцареніи Музафферъ-Эддина. Мы послали затѣмъ письменныя извѣщенія отъ его и моего имени окружнымъ начальникамъ и туркменскимъ ханамъ съ приказаніями соблюдать порядокъ. Въ краѣ пока все спокойно».

Спокойствіе это такъ и не было нарушено, а, напротивъ, какъ въ Астрабадѣ, такъ и въ степи надолго установился большій, чѣмъ когда-либо. порядокъ; безпокойные кочевые туркмены смирились, понявъ, что за порядокъ въ Персіи стоитъ Россія и безобразничать не позволить.

26-го апрѣля, на седьмой день послѣ смерти шаха Насръ-Эддина, окончился, по мѣстному обычаю, первый періодъ траура (весь трауръ продолжается сорокъ дней), и, по приказанію шаха Музафферъ-Эддина, въ столицѣ произведенъ былъ въ полдень салютъ изъ пушекъ, послѣ чего приспущенные дотолѣ флаги были подняты. Въ тотъ же день англійскій посланникъ, по порученію королевы Викторіи, возложилъ на могилу шаха вѣнокъ. Обстоятельство это, идущее совершенно вразрѣзъ съ мусульманскими обычаями, произвело скорѣе непріятное впечатлѣніе на персовъ. Эта не совсѣмъ удачная демонстрація такъ и осталась единичной: никто не послѣдовалъ ея примѣру, считаясь съ мѣстными

взглядами. Къ этому времени острый періодъ перехода власти отъ убитаго шаха къ его законному наслѣднику уже миновалъ, и жизнь въ Персіи начала входить въ обычные рамки, далеко, правда, неприглядныя, но все же безъ рѣзкихъ толчковъ въ ту или другую сторону.

Обстоятельство это не мало удивило тогда какъ Европу, такъ и весь Иранъ. Вспоминая исторію Персіи, ожидали послѣ смерти шаха Насръ-Эддина—мятежей, кровавыхъ междоусобицъ, избіенія иностранцевъ... И вдругъ, послѣ убійства шаха—полная тишина и спокойный переходъ власти въ руки законнаго наслѣдника.

Много, конечно, способствовало этому счастливому для Персіи результату тогдашній талантливый, патріотичный и въ высшей степени энергичный садразамъ, вынесшій на своихъ плечахъ все опасное переходное время между убійствомъ Насръ-Эддина и фактическимъ воцареніемъ Музафферъ-Эддина, но нельзя отрицать, что и условія государственной жизни Персіи сильно измѣнились за долготѣнее царствованіе Насръ-Эддина. Власть все-таки нѣсколько упорядочилась и окрѣпла, а европейская цивилизація, медленно проникая во владѣнія Каджаровъ, незамѣтно дѣлала свое дѣло, смягчая дикіе нравы старой Персіи. Къ тому же за этотъ долгій періодъ времени персы успѣли сознать пользу отъ добрососѣдскихъ сношеній съ Россіей; у нихъ развилась торговля, явился намекъ на законность и нѣкоторая обеспеченность жизни и имущества. При такихъ условіяхъ стоило предпочесть порядокъ бунту и, въ надеждѣ на лучшее будущее, воздержаться отъ грабежа и убійствъ.

И вотъ, въ критическій моментъ Персія, сознавая, что Россія за воцареніе велиагда и не потерпитъ безпорядковъ въ сосѣдней странѣ,—мирно переходитъ къ новому царствованію, наперекоръ тѣмъ, кто сулилъ ей при этомъ всякіе ужасы.

Спокойствію этому способствовало также и то обстоятельство, что перемѣна шаховъ произошла внезапно. Претенденты на престолъ Ирана были застигнуты врасплохъ, никакъ не ожидая скорой смерти еще бодрого, совершенно здороваго Насръ-Эддина, и не успѣли приготовить себѣ хотя какой-нибудь шансъ на успѣхъ. Не успѣли также забросить сѣти и международные любители ловить рыбу въ мутной водѣ.

Все свершилось такъ быстро, а садразамъ такъ ловко подобралъ бразды правленія и передалъ ихъ въ руки законнаго наслѣдника, что всѣмъ пришлось—радъ, не радъ—подчиниться совершившемуся факту спокойнаго воцаренія Музафферъ-Эддина.

Убійцей шаха Насръ-Эддина оказался одинъ изъ фанатическихъ приверженцевъ извѣстнаго мусульманскаго социалиста шейха Джемаль-Эддина, проживавшаго въ Константинополѣ. Имя злодѣя Мулла-Риза-Кярмани; схваченный на мѣстѣ преступленія, онъ

былъ заключенъ въ тюрьму въ оградѣ дворца, и допросъ его происходилъ подъ наблюдениемъ самого садразама, причемъ къ пыткамъ не прибѣгали.

Выяснилось, что преступникъ и ранѣе уже былъ замѣшанъ въ революціонную агитацію, не разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и только съ годъ передъ тѣмъ былъ выпущенъ на свободу, чѣмъ и воспользовался, чтобы отправиться въ Константинополь къ своему единомышленнику и руководителю—Джемаль-Эддину. За два мѣсяца передъ убійствомъ шаха онъ выѣхалъ съ однимъ своимъ товарищемъ изъ Константинополя въ Персію. Хотя имя и примѣты его спутника были извѣстны персидскому правительству, тѣмъ не менѣе такъ и не удалось разыскать его.

Дознаніемъ было обнаружено, что одна изъ прислужницъ шахскаго гарема была въ родствѣ съ преступникомъ и что черезъ нее онъ добывалъ всѣ свѣдѣнія о домашней жизни и выѣздахъ шаха Насръ-Эддина.

По словамъ садразама Аминъ-ус-Султана, злодѣй являлъ собою типъ свирѣпаго анархиста на религіозной мусульманской подкладкѣ. Онъ не выдалъ ни одного соучастника и коротко лишь заявилъ, что считаетъ себя послемъ свыше для совершенія казни надъ тираномъ, радуется, что это ему удалось, и убѣжденъ, что благодарные персы поставятъ ему со временемъ памятникъ въ Тегеранѣ.

Въ виду того, что самая близкая связь между убійцею шаха и шейхомъ Джемаль-Эддиномъ, не подлежала сомнѣнію, садразамъ пытался склонить Порту къ выдачѣ означеннаго шейха персидскому правительству, но не добился этого. Доморощенные персидскіе слѣдователи и первобытная полиція Ирана оказались, такимъ образомъ, въ очень затруднительномъ положеніи и прекратили дознаніе, не обнаруживъ ни руководителей, ни соучастниковъ Муллы-Риза-Кирмани.

По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, слѣдователи даже побаивались злодѣя, который забавлялся тѣмъ, что скалилъ зубы, свирѣпо рычалъ и, напугавъ окружающихъ, заливался громкимъ смѣхомъ. Трусливые, неопытные слѣдователи рады были скорѣе покончить съ этимъ дѣломъ, не поддававшимся ихъ разумѣнію.

Мулла-Риза-Кирмани былъ приговоренъ къ смерти и повѣшенъ на одной изъ центральныхъ площадей Тегерана.

Народъ отнесся довольно равнодушно къ этой казни, спокойно созерцая болтавшійся на висѣлицѣ трупъ убійцы.

Пока въ Тегеранѣ садразамъ усиленно налаживалъ спокойствіе въ странѣ и тщетно пытался раскрыть нити заговора, жертвою котораго палъ Насръ-Эддинъ, въ Тавриздѣ спѣшно готовились къ отъѣзду новаго шаха въ столицу, причемъ Музафферъ-Эддинъ самъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ распоряженіяхъ. Вообще

онъ на первыхъ порахъ проявилъ несвойственную ему энергію, удивляя окружающихъ своею неутомимою дѣятельностью. Этотъ подъемъ духа продолжался, однако, не долго, и уже передъ выѣздомъ изъ Тавриза новый шахъ впалъ въ нѣкоторое уныніе, опасаясь за благополучный исходъ своего путешествія въ Тегеранъ. Въслѣдствіе этого онъ не иначе согласился отправиться въ путь, какъ окруженный громаднымъ конвоемъ и многочисленной свитой, всего числомъ до 10.000 человѣкъ. Кромѣ того, шахъ обратился къ представителю нашему въ Тавризѣ съ настоятельною просьбою сопровождать его до Тегерана, дабы населеніе видѣло, что онъ находится подъ охраною Россіи.

Князю Дабижѣ разрѣшено было исполнить это желаніе Музафферъ-Эддина.

Немалыхъ хлопотъ стоило обезпечить продовольствіемъ весь этотъ громадный шахскій поѣздъ и принять мѣры къ охранѣ порядка на длинномъ пути отъ Тавриза до Тегерана. Наконецъ все было готово, и шахъ 6-го мая тронулся въ путь въ каретѣ, окруженный конными тѣлохранителями и въ сопровожденіи массы экипажей, переполненныхъ лицами свиты. Ѣхали съ нимъ также князь Дабижа и англійскій генеральный консулъ въ Тавризѣ, не пожелавшій отстать отъ своего русскаго коллеги.

Двигались они съ остановками, но все же довольно слѣшно, и на двѣнадцатый день къ вечеру стали лагеремъ въ пяти верстахъ отъ Тегерана, куда выѣхали навстрѣчу шаха садразамъ и ближайшіе его сотрудники.

На другой день, рано утромъ, Музафферъ-Эдинъ въ закрытомъ экипажѣ, окруженный персидскими казаками подъ командою полковника Косоговскаго, безъ особаго церемоніала и оставивъ всю свиту за городомъ, быстро проѣхалъ черезъ пустынные еще улицы столицы и въѣхалъ, наконецъ, въ ограду своего тегеранскаго дворца.

Въ двѣнадцать часовъ дня пушечный салютъ оповѣстилъ населеніе о благополучномъ прибытіи въ столицу Музафферъ-Эддина. Переходное время кончилось, и фактически началось царствованіе новаго шаха. Садразамъ могъ наконецъ выѣхать изъ дворца къ себѣ домой и отдохнуть съ сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ передъ родиной не за страхъ, а за совѣсть. Благодаря его энергіи, преданности отечеству и замѣчательному такту, съ которымъ онъ сумѣлъ воспользоваться доброжелательной поддержкой Россіи, Персія благополучно пережила опасный кризисъ и безъ потрясеній, безъ активнаго вмѣшательства иноземной силы спокойно вступила въ новый фазисъ своей государственной жизни.

Вспoминая o томъ, что произошло въ Персiи въ одинъ изъ критическихъ моментовъ ея государственной жизни,—когда былъ убитъ шахъ Насръ-Эддинъ, нельзя не отмѣтить, что Россiя не только не воспользовалась, въ своекорыстныхъ видахъ, затрудненiями Ирана, но сдѣлала все, что могла, чтобы помочь Персiи справиться собственными силами. Въ исполненiе основныхъ началъ нашей политики по отношенiю къ Персiи, руссiйская миссiя въ Тегеранѣ и подвѣдомственные ей консулы всячески старались морально поддержать персовъ и помочь имъ избѣжать иностранной оккупации. Ни одинъ русскiй солдатъ не перешелъ тогда персидской границы; благодаря нашему влiянiю и Англiя, и Турцiя воздержались отъ активнаго вмѣшательства въ дѣла Ирана.

Не есть ли это—лучшее доказательство безкорыстно-дружескаго отношенiя Россiи къ сосѣдней Персiи?

Думается мнѣ, что будущiй историкъ Ирана отвѣтитъ на этотъ вопросъ —утвердительно.

А. Н. Щегловъ.

ЭПОХА МИРА И УСПОКОЕНИЯ.

(Историческіе очерки).

ПРОЛОГЪ.

I.

СЛѢДУЮЩІЙ послѣ катастрофы на Екатерининскомъ каналѣ 1-го марта 1881 года день описанъ, согласно тогдашнему репортажу, такъ ¹⁾: «Утро послѣ рокового дня наступило свѣтлое. Съ десяти часовъ по улицамъ столицы офицеры всѣхъ родовъ оружія слѣшили къ своимъ частямъ для принесенія присяги на вѣрность и службу Его Величеству императору Александру III. Около часа пополудни длинная вереница экипажей съ дамами въ русскихъ платьяхъ, съ офицерами въ парадной формѣ и съ чиновниками гражданскаго и придворнаго вѣдомствъ въ ихъ расшитыхъ кафтанахъ потянулись къ императорскому и комендантскому подѣздамъ Зимняго дворца. Нельзя себѣ вообразить, какая масса блестящихъ мундировъ собралась въ залахъ: Бѣлой, Петровской, Аванъ-залѣ, Фельдмаршальской, находящихся на пути слѣдованія высочайшаго шествія въ большую придворную церковь. Все уже было переполнено выше мѣры, с.-петербургскій комендантъ и плацъ-адъютантъ выбивались изъ силъ, устанавливая военную

¹⁾ «Новое Время» 1881 г., № 1800.

толпу генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ въ линію; но потокъ прибывающихъ не останавливался. Въ половинѣ второго пополудни, предшествуемый камеръ-юнкерами, камергерами и высшими чинами двора, вышелъ государь императоръ, въ общегенеральской формѣ, съ андреевской лентой черезъ плечо, подъ руку съ государыней императрицей Маріей Ѳеодоровной. Непосредственно зади нихъ слѣдовали его высочество государь наслѣдникъ цесаревичъ, великій князь фельдмаршалъ Михаилъ Николаевичъ подъ руку съ великой княгиней Ольгой Ѳеодоровной и великій князь Владимиръ Александровичъ съ супругою. За ними слѣдовали министры и генераль-адъютанты покойнаго государя императора и фрейлины высочайшаго двора въ русскихъ платьяхъ.

«При входѣ въ Бѣлую залу государь императоръ остановился и, обращаясь къ присутствующимъ, сказалъ нѣсколько словъ о тяжести переживаемаго времени и выразилъ надежду на вѣрную службу офицеровъ своей арміи. Неудержимое «ура», слишкомъ даже громкое, потрясло своды заль Зимняго дворца и по своей силѣ не оставило сомнѣнія въ чувствахъ собравшихся воиновъ и сановниковъ русскихъ! Между тѣмъ, недалеко отъ заль, стѣны которыхъ дрожали отъ звуковъ, безмолвно лежало тѣло величайшаго, великодушнѣйшаго царя-освободителя, съ разможженными ногами, и молодой, только что возложившій на себя бремя правленія монархъ горько плакалъ, нисколько не стараясь скрывать угнетающаго его чувства. Онъ плакалъ, какъ сынъ, видѣвшій мученія отца, онъ плакалъ, какъ монархъ, принимающій престолъ Россіи послѣ величайшаго злодѣйства, еще разъ поспѣшившаго засвидѣтельствовать міру неблагодарность челоуѣчества и безуміе фанатизма.

«Въ два часа сто одинъ выстрѣлъ съ крѣпости возвѣстилъ столицѣ о воцареніи императора Александра III. Послѣ молебна и присяги свиты, тѣмъ же порядкомъ государь возвратился во внутренніе покои. Къ этому времени на Дворцовой площади и на Морской собралась масса народа, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго возвращенія молодого государя и государыни въ Аничковъ дворець.

«Въ три часа ожиданіе это наконецъ удовлетворилось—государь съ государыней выѣхали въ большой каретѣ, сопровождаемые тремя конвойными казаками съ однимъ лейбъ-казакомъ на запяткахъ. Народъ бросился къ экипажу, кричалъ «ура», бросалъ шапки и бѣжалъ къ своему новому монарху, съ надеждою въ души и сердца, что въ сынѣ царя-освободителя онъ видитъ продолжателя великихъ предначертаній его мученическою смертію усопшаго отца.

«Затѣмъ по улицамъ потянулся длинный рядъ каретъ, черезъ стекла которыхъ виднѣлись русскіе кокошники, блестящіе шляпы съ плюмажемъ, сверкалы звѣзды и расшитые золотомъ мундиры. Билось ли въ этихъ каретахъ русское сердце, шевелилась ли тамъ настоящая мірская мысль о грядущихъ судьбахъ злополучной Россіи?»

Сохранившіяся записки современниковъ показываютъ, что на поставленный газетою вопросъ трудно дать общій удовлетворительный отвѣтъ. Уже одно «слишкомъ громкое» ура по соседству съ печальнымъ моленіемъ о душѣ почившаго царя-освободителя показывало, что мысли присутствовавшихъ были далеко отъ трагическаго событія, еще накапунѣ потрясшаго Россію. Суета жизни вступала въ свои права. Вопросъ о Россіи исчезалъ за вопросомъ о личномъ «я», и на первую очередь выступали эгоистическія и карьеристическія вожделѣнія, стоящія въ прямой зависимости отъ перемѣны царствованія. О покойномъ какъ будто забыли, и всѣ помыслы сосредоточились около новаго монарха; въ трепетномъ ожиданіи, кому суждено пасть, кому возвеличиться, кому отдаться и кому приблизиться.

А тѣмъ временемъ прахъ усопшаго царя-освободителя до 7-го марта покоился въ церкви Зимняго дворца и только въ этотъ день при необычайно торжественной обстановкѣ, церемоніаль которой былъ объявленъ еще наканунѣ населенію столицы черезъ нарочныхъ герольдовъ, былъ перенесенъ въ Петропавловскую крѣпость—мѣсто вѣчнаго упокоенія русскихъ царей. Въ дни, предшествовавшіе погребенію, населеніе столицы было свободно допускаемо въ крѣпость для отданія послѣдней земной дани почившему монарху. Печальная церемонія погребенія тѣла государя Александра Николаевича воспослѣдовала лишь 15-го марта, и вотъ какъ она протекла, согласно описанію все того же репортера распространенной и освѣдомленной газеты А. С. Суворина ¹⁾. «Войска гвардіи и военно-учебныя заведенія къ 11 час. утра были построены на всемъ пути Зимняго дворца до Петропавловскаго собора. По данному съ крѣпости сигналу тремя пушечными выстрѣлами, въ соборъ съѣхались первые чины двора, особы первыхъ двухъ классовъ, члены святѣйшаго синода, сенаторы, члены государственнаго совѣта, свиты прибывшихъ въ Петербургъ иностранныхъ владѣтельныхъ особъ, ближайшіе служители въ Бозѣ почившаго императора. Соборъ былъ полонъ и едва могъ вмѣстить всѣхъ присутствовавшихъ. Въ началѣ 11-го часа стали прибывать члены царской фамиліи и иностранные принцы. Для шествованія ихъ величествъ и августѣйшихъ особъ образовался проходъ, и собравшіеся въ соборъ расположились шпалерами. Когда прибыли государь императоръ и государыня императрица, ровно въ 11 часовъ началось совершеніе божественной литургіи высокопреосвященнѣйшимъ Исидоромъ, первенствующемъ членомъ св. синода, въ сослуженіи протоіереевъ. Пѣли придворные пѣвчіе. На отпѣваніе послѣ литургіи вышли всѣ митрополиты: петербургскій, кievскій и московскій, высокопреосвященный Александръ, архіепископъ литовскій,

¹⁾ «Новое Время» 1881 г., № 1813.

Императоръ Александръ Николаевичъ на смертномъ одрѣ.

преосвященный Палладій рязанскій и зарайскій и Гермогенъ ладожскій. Они стали на амвонъ, предъ изголовьемъ почившаго монарха; по правую сторону у первой колонны стоялъ государь императоръ, рядомъ государыня императрица и затѣмъ наследникъ цесаревичъ, великіе князья Владимиръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Сергѣй и Павелъ Александровичи, герцогиня Эдинбургская и всѣ прочіе августѣйшіе члены императорской фамиліи. На лѣвой сторонѣ (южной) ниже архіереевъ стали въ рядъ къ алтарю сослужащіе: духовникъ въ Возѣ почившаго государя протопресвитеръ Бажановъ, протоіерей Рождественскій и другіе священнослужители. Вся почти церковь плакала, не могли скрыть своего волненія и иностранные гости. Когда запѣли пѣснь «последняго цѣлованія», государь императоръ, простившись съ своимъ родителемъ, сталъ сбоку у его изголовья и оставался тамъ все время, пока подходили прощаться прочія августѣйшія особы и иностранные принцы. Затѣмъ, выслушавъ колѣнопреклоненными провозглашенную протодіакономъ Червонецкимъ прерывающимся голосомъ «вѣчную память благочестивѣйшему великому государю Александру Николаевичу», государь императоръ и прочія августѣйшія особы подняли гробъ и понесли его, спустившись на западный выходъ съ катафалка, обогнувъ колонну мимо могилы дочери покойнаго государя, направились на приготовленную ему могилу у самой южной стороны, рядомъ съ могилою его супруги императрицы Маріи Александровны. Здѣсь, надъ могилою настланы были четыре доски, обитыя глазетомъ. Мѣсто позади духовенства занимали фрейлины, тогда какъ на правой сторонѣ, за императорской фамиліей и принцами, стоявшими на возвышеніи у гроба, находились государственные сановники и генералитетъ. Фрейлины и дамы при несеніи гроба разошлись, а духовенство обернулось лицомъ къ южной стѣнѣ. Митрополитъ Исидоръ со крестомъ и святою водою предшествовалъ гробу и, когда его поставили надъ могилою на доски, онъ благословилъ почившаго монарха, трижды окропилъ его св. водою и посыпалъ землю изъ совочка, затѣмъ передалъ совочекъ съ землею государю императору. Когда всѣ члены императорской фамиліи совершили обрядъ преданія землѣ, заколотили крышку гроба. Ранѣе этого еще, передъ поднятіемъ гроба, восемь генераловъ свиты его величества сняли съ гроба покровъ и отнесли его въ алтарь, а государь самъ уложилъ порфиру въ гробу. На крышкѣ гроба, со стороны изголовья, въ золотой овальной доскѣ, обрамленной позолоченнымъ лавровымъ вѣнкомъ съ короною надъ нимъ, былъ изображенъ вензель почившаго государя императора.

«Гробъ на особыхъ шнурахъ опустили въ могилу, раздвинувъ глазетныя доски, назначенные для того чины роты дворцовыхъ гренадеръ. Высокопоставленные лица сыпали потомъ уже пескомъ на гробъ, и надъ нимъ стали задѣлывать сводъ. Послѣ «вѣчной па-

мяти», присутствовавшіе стали разѣзжаться, духовенство удалилось въ алтарь, а императорскія регаліи, согласно церемоніалу, повезли въ Зимній дворецъ назначенныя для того лица. Брильянтовую корону, какъ и при церемоніи 7-го марта, везъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ. Послѣднее дежурство, находившееся въ день погребенія, осталось до конца при задѣлываніи могилы и составленія о томъ надлежащаго акта. Великій князь Владимиръ Александровичъ около 3 часовъ снова прибылъ въ соборъ и оставался до окончательнаго задѣлыванія. Затѣмъ онъ уѣхалъ, и на могилу положили плиту вровень съ поломъ и поставили временную деревянную гробницу, обитую серебрянымъ глазетомъ съ широкимъ золотымъ падчоромъ. Сверхъ этой плиты положена большая черная бархатная подушка съ большимъ серебрянымъ вѣнкомъ на ней, сверхъ этого еще маленькій вѣнокъ, и надъ нимъ уже помѣщенъ небольшой нерукотворенный образъ Спасителя въ серебряной позолоченной ризѣ.

Во все время, протекшее съ 1-го марта до кончины, и долго спустя ея со всѣхъ концовъ нашего необъятнаго отечества къ престолу новаго монарха текли выраженія скорбнаго чувства по случаю понесенія имъ тяжелой утраты, вездѣ служились заупокойныя обѣдни и панихиды, во многихъ мѣстахъ намѣчались формы увѣковѣченія памяти царя-освободителя. Царь, давшій народу свободу, понемногу переходилъ въ легенду, въ которой его добрыя дѣянія сливались съ его личностью и мученической кончиной, которая именно разсматривалась, какъ вѣнецъ, посланный ему за добрыя чувства къ народу. Въ нѣкоторыхъ кругахъ интеллигенціи и даже въ печати возникли опасенія, какъ бы народъ не поставилъ катастрофы на Екатерининскомъ каналѣ въ вину всей интеллигенціи во всей ея привилегированной совокупности и не обрушился на нее своимъ страшнымъ чернымъ гнѣвомъ. И дѣйствительно, многіе въ тѣ дни ожидали разныхъ эксцессовъ со стороны простонародья, но, вопреки всѣмъ ожиданіямъ и предсказаніямъ, вездѣ въ Россіи было спокойно, и никакія буйныя проявленія народной воли не омрачили печальныхъ дней первой половины марта 1881 года. Въ дни народнаго горя Россія молится и печалуется, а не буйствуетъ, — сказалъ одинъ публицистъ.

Вмѣстѣ съ выраженіемъ соболѣзнованій къ подножію престола сыпались поздравленія и добрыя пожеланія счастливаго царствованія новому русскому самодержцу, причемъ нѣкоторыя общественныя группы рядомъ съ этими поздравленіями и пожеланіями поспѣшили высказать и свои *ria desideria* политическаго характера, которыя эти группы хотѣли видѣть осуществленными въ новый наступившій періодъ отечественной исторіи. По сему предмету имѣются разные документы, исходившіе отъ группъ консервативныхъ, либеральныхъ и радикальныхъ, прежде всего высказавшихся

на столбцахъ періодической печати. Эти человѣческіе документы всего лучше обрисовываютъ общее настроеніе умовъ, царившее въ тѣ дни въ нашемъ отечествѣ.

II.

Газета М. М. Стасюлевича «Порядокъ», являвшаяся въ тотъ періодъ главнымъ выразителемъ либеральныхъ и конституціонныхъ вѣяній русскаго общества, такъ привѣтствовала новое царствованіе на другой день послѣ 1-го марта: ¹⁾ «Передъ нами скорбный флагъ вѣетъ надъ дворцомъ, гдѣ покоится смертнымъ сномъ верховный руководитель судебъ Россіи за послѣдніе годы. Скорбныя мысли непрерывною чредою проходятъ въ умѣ—и гнетъ совершившагося усиливается тревожною смѣною надеждъ и опасеній. У всѣхъ невольно возникаетъ вопросъ: гдѣ же средство противъ конвульсивныхъ потрясеній, которыми горсть людей пытается съ отчаянною самонадѣянностью ускорить или измѣнить органическій ходъ развитія страны? Гдѣ ясныя, прямодушныя указанія на причины болѣзни, которая заставляетъ цѣлое государство жить изо-дня въ день, безъ разумнаго спокойствія и увѣренности въ томъ, что, въ общемъ порядкѣ вещей, можетъ и должно быть завтра? Ни суровая репрессія послѣднихъ лѣтъ, ни примирительное направленіе истекшаго года не уничтожили этой болѣзни. Первая лишь принижала и обезличивала общество,—второе, давая лучшее сегодня, ничего вѣрнаго не обѣщало и не гарантировало на завтра. Начинаютъ говорить, что и противъ этого направленія неизбежна реакція. Для нея, безъ сомнѣнія, найдутся сторонники и совѣтники. Но совѣтъ ихъ будетъ продиктованъ или непониманіемъ задачъ и исторіи своей родины, или недобрымъ чувствомъ; нѣтъ, не о реакціи, пагубной для развитія общества,—и, быть можетъ, желательной для виновниковъ потрясеній,—надо говорить теперь. Въ минуты исторической важности, въ торжественныя минуты, когда весь народъ клянется въ вѣрности своему монарху, необходима полная и безтрепетная искренность. Дай Богъ, чтобы вблизи престола были теперь люди, которые сказали бы:—Государь! Вы начинаете свое царствованіе въ трудную минуту,—когда тяж сть вашего вѣнца усугубляется скорбью растерзаннаго сыновняго сердца. Но идите смѣло по ступенямъ трона на ваше великое положеніе—и станьте на стражѣ порядка и законной свободы. Да не смущается сердце ваше! За вами довѣріе вашего многомилліоннаго народа, въ вашихъ рукахъ его любовь, съ помощью которой можно все сдѣлать. Будьте другомъ и оберегателемъ началъ, вложенныхъ въ великія реформы вашего родителя. Пусть какъ

¹⁾ «Порядокъ» 1881 г., № 61.

дымъ разлетится сомнѣніе въ томъ, что этимъ началамъ не суждено развиваться и дальше, и шире... Суровыя мѣры стѣсненія доказали свою непригодность и односторонность. Земля ваша, государь, вѣками хранила въ себѣ и разумъ, и силы для государственнаго порядка и уклада. Она поддерживала своею любовью вашихъ предковъ, она имъ вѣщала и съ ними думала въ години тяжелыхъ бѣдствій. Спросите ее— въ лицѣ излюбленныхъ людей. Что они скажутъ, мы не можемъ съ точностью предсказать, но вѣрно то, что въ одномъ чувствѣ, святомъ и глубокомъ, они тѣсно сольются съ вами, государь,—въ чувствѣ горячей любви къ Россіи. А это чувство—залогъ всего хорошаго для будущаго... Вы въ расцвѣтѣ силъ,—передъ вами давно уже раскрыта книга государственнаго управленія—раскройте же душу народа вашего и дайте выйти на свѣтъ желаніямъ, давно живущимъ въ ней. Они всѣ имѣютъ цѣлью успокоеніе и развитіе Россіи—и между ними главное—желаніе мирной славы вашему царствованію».

На ту же тему писалъ и «Голось» Краевскаго, гдѣ мы читаемъ¹⁾:

«Александръ II совершилъ свою задачу, увѣковѣчивъ себѣ въ исторіи и благодарной памяти русскаго народа имя Царя-Освободителя. Послѣдующія реформы его царствованія, по обстоятельству, о которыхъ теперь не время говорить, не получили того дальнѣйшаго значенія въ реальной жизни народа, которое предназначалъ имъ покойный императоръ, Реформы, имѣвшія главною цѣлью своею подъемъ общественнаго самосознанія и призывъ къ дѣятельности общественныхъ силъ, оказались, при своемъ исполненіи, далеко не достигающими предназначенной цѣли, и не потому, чтобы начала, на которыхъ преобразование строились, были ошибочны, не потому только, что для дѣйствительно полезнаго примѣненія этого начала требовалось взаимодѣйствіе правительственныхъ и общественныхъ силъ, чего въ дѣйствительности, къ сожалѣнію, долгое время не оказывалось.

«Въ Россіи настала крамола, порожденная и поддерживаемая общественною анархіею. Въ борьбѣ съ крамолою обнаружилось безсиліе правительственныхъ мѣръ; выяснилась, какъ послѣдствіе этого безсилія, необходимость положить конецъ общественной апатіи, призвать на содѣйствіе правительственному организму организмъ общественный. Но силы, долго дремавшія, долго подавлявшіяся и бездѣйствовавшія, не вызываются въ дѣятельности по мановенію волшебнаго жезла. Чувства къ своему царю, привязанности къ своему правительству у русскаго народа всегда много. Но времена были такія, что довольствоваться одними изліяніями чувствъ было бесполезно. Правительство призвало общество къ дѣятельности;

¹⁾ «Голось», 1881 г., № 62.

но органовъ, черезъ которые общество могло бы помогать правительству, въ распоряженіи общества не оказывалось.

«И вотъ въ послѣдніе пережитые нами года выяснилось съ такою же ни для кого неоспоримую правдою, какъ нѣкогда необходимость крестьянской реформы, необходимость въ устройствѣ общественной организаціи для служенія вмѣстѣ съ правительствомъ на благо столь дорогой всѣмъ намъ русской земли. Благо народа и благо государя составляютъ въ міровоззрѣніи русскаго народа одно неразрывное цѣлое. Извѣрившись въ тѣхъ силахъ, которыя до сихъ поръ однѣ служили благу этому, правительство Александра II само ясно и опредѣлительно поставило цѣль для послѣдующихъ своихъ дѣйствій—приступить къ продолженію остановленныхъ крамолою реформъ, призвавъ къ содѣйствію общественныя силы.

«Вопросъ о формахъ, въ какихъ это содѣйствіе должно было выразиться, назрѣвалъ въ послѣднее время, и можно полагать, что если бѣ злодѣйская святотатственная рука не положила конецъ царствованію императора Александра II, онъ направилъ бы его рѣшеніе въ духѣ безпредѣльной любви къ своему народу, о которой свидѣтельствовали всѣ его царственныя дѣянія».

На слѣдующій день № 63 «Голосъ», комментируя нижеприводимую статью изъ газеты «Страна», уже опредѣленно говоритъ: «Раздѣленіе отвѣтственности за государственныя мѣры между ближайшими совѣтниками и исполнителями державной воли было бы только первымъ шагомъ къ выходу на правильный, спокойный путь государственной жизни. Этотъ шагъ непременно условливаетъ дальнѣйшее установленіе тѣхъ органовъ общегосударственной жизни, передъ которыми исполнители отвѣтственны».

Наиболѣе рѣшительную статью программнаго характера посвятилъ текущимъ событіямъ г. Леонидъ Полонскій на страницахъ своего органа «Страна»¹⁾. Убѣжденный публицистъ либеральнаго лагеря писалъ: «Что же дѣлать теперь? Надъ гробомъ усопшаго монарха для живыхъ все-таки возстаетъ вопросъ о жизни. Что дѣлать—устранить систему «умиротворенія» и «новыхъ вѣяній», которыя оказались безсильны предупредить катастрофу,—такъ скажутъ близорукіе совѣтники; провозгласить осадное положеніе,—прибавятъ они,—усилить надзоръ, ограничить всякія права, возобновить ссылки массаи.

«Но вѣдь—все это уже было. Въ каждомъ домѣ былъ обыскъ, передъ каждымъ домомъ, днемъ и ночью, сидѣлъ дворникъ, вокругъ дворца ѣздили пикеты, печать была взнудана, земство было стоптано, изъ университетовъ высылали сотни людей, и всѣмъ правила молчаливая, недоступная ни для какихъ народныхъ «вѣяній» канцелярія. Такъ было съ 1866 года. Дальше того, что было въ то время,

¹⁾ «Страна» 1881 г., № 27.

уже идти некуда, развѣ къ закрытію всѣхъ школъ, газетъ, земствъ, даже правильныхъ судовъ въ Россіи. Однако, въ результатѣ всего того явились — Соловьевъ, взрывъ подъ желѣзной дорогой въ Москвѣ, взрывъ подъ Зимнимъ дворцомъ въ Петербургѣ и, наконецъ, — государь, любимый народомъ, изувѣченъ злодѣями и истекъ кровью.

«Куда же идти? Тотъ путь—безнадежный, бесплодный; онъ запертъ, загроможденъ мыслью обманувшихся третьеоудѣленскими расчетами, неудачею князя Василя Долгорукова, искусствомъ графа Шувалова, бесполезнымъ терроромъ Мезенцова. Въ ту сторону нѣтъ выхода.

«Посмотримъ другую. Моментъ нынѣ крайне неблагопріятный, чтобы говорить о ней. Иные совѣты могутъ показаться даже просто неприличными, когда произносятся въ такую минуту, какъ нынѣшняя. Какъ намъ просить о довѣріи къ русскому обществу, объ уступкѣ ему нѣкоторыхъ правъ—государя, вступающаго на престолъ въ виду окровавленнаго тѣла любимаго имъ и всѣмъ народомъ родителя его?

«Но есть такіе моменты въ жизни народовъ, когда слѣдуетъ побороть чувство. Естественное чувство въ настоящее время — мы признаемъ это—является въ томъ, что затруднительно передъ страшнымъ злодѣйствомъ, передъ возмущающей душу угрозой дѣлать какія-либо уступки. Чувство побуждало бы каждаго порядочнаго человѣка, когда бы онъ видѣлъ убійственный снарядъ, направленный въ царя, — стать между смертью и человѣкомъ, носящимъ царскій вѣнецъ. Но того же добросовѣстнаго гражданина, готоваго поступить такъ для спасенія царя, теперь, когда надо думать о будущемъ, — расчетъ, хладнокровное сознаніе побуждаетъ дать совѣтъ, свободный отъ чувствъ негодованія и мести.

«Чрезвычайныя обстоятельства оправдываютъ искреннее слово, хотя бы оно и казалось выходящимъ изъ намѣченныхъ граней. Нѣтъ иного выхода.. Какъ уменьшить отвѣтственность главы государства, а тѣмъ самымъ и опасность, лично ему угрожающую отъ злодѣевъ-фанатиковъ. Почему же всякая отвѣтственность за все, что дѣлается на Руси, за ошибки экономическія, и за разочарованія нравственныя, и за крутыя, ошибочныя мѣры реакціи, за ссылку въ Восточную Сибирь, за все неприглядное, однимъ словомъ, должна ложиться лично на одного вождя русскаго народа? Развѣ онъ лично пожелалъ всѣхъ этихъ мѣръ, развѣ его собственной мыслью было приведеніе ихъ въ исполненіе. Пеумѣлые, прежніе совѣтники, внушители реакціи здравствуютъ, а царь нашъ, царь-освободитель погибъ!

«Нѣтъ, пусть впродъ исполнители, которые зовутся исполнителями только на словахъ, сами несутъ отвѣтственность на себѣ. Надо устроить, въ правильномъ общественно-государственномъ

порядкѣ, громоотводъ для личности главы государства. Надо, чтобы основныя черты внутреннихъ политическихъ мѣръ внушались представителями русской земли, а потому и лежали на ихъ отвѣтственности. А личность русскаго царя пусть служитъ впредь только свѣтлымъ, всѣмъ сочувственнымъ символомъ нашего національнаго единства, могущества и дальнѣйшаго преуспѣянія Россіи. Ему нужны помощники не безгласные, но и не безотвѣтственные. А его да хранитъ Богъ, на пользу страны».

«Новое Время», отвѣдя самое широкое мѣсто описанію всѣхъ деталей трагедіи 1-го марта и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствуя новаго монарха самыми сердечными словами, вмѣстѣ съ тѣмъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ (№ 1809) писало: «Первою и главною реформою должно быть расчищеніе и расширеніе тѣхъ путей, по которымъ простой здравый смыслъ трудящагося и кормящаго Россію народа доходилъ бы свободно къ престолу милостиво внимающаго ему царя».

Въ рядѣ статей, страстно написанныхъ, громиль крамолу и либерализмъ Петербурга И. С. Аксаковъ на страницахъ своей «Руси» и во второмъ особомъ приложеніи къ № 17 газеты онъ писалъ¹⁾: «Не о либерализмѣ, не о реакціи можетъ быть рѣчь въ настоящую минуту, а просто о здоровомъ смыслѣ и о гражданской честности. Нужно проявленіе твердой, строгой, грозной, энергической, умной власти. Нужно во что бы то ни стало и прежде всего сохранить для Россіи драгоцѣнную жизнь ея царя—залогъ нашего спокойствія: всѣ разумныя мѣры, ведущія именно къ этой цѣли, необходимы и потому законны и съ радостію будутъ приняты обществомъ. Да и само общество должно въ буквальномъ смыслѣ стать стражемъ престола. Избави Богъ отъ какого бы то ни было дѣйствія, которое могло бы быть растолковано въ смыслѣ уступки крамолѣ или даже требованіямъ европейскаго либерализма. Россіи нужно самодержавіе, а самодержавіе мыслимо и крѣпко только въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ народомъ, на народной почвѣ, на земской основѣ... Наполеонъ I говорилъ: «если бы я былъ русскимъ императоромъ, я бы отпустилъ бороду, надѣлъ зипунъ и завоевалъ бы весь міръ». Въ наши дни нѣтъ особенной надобности въ этомъ вышнемъ признакѣ народности, да и дѣло идетъ не о завоеваніи міра. Но если бы только русскій царь захотѣлъ быть царемъ по старинѣ и призвалъ себѣ въ опору Русскую землю не бюрократовъ и либераловъ-говорунновъ, а великую *молчаливую* теперь землю—какъ воскъ отъ лица огня растаяла бы крамола, расточились бы враги, и воскресла бы Россія въ неокрушимой мощи и славѣ. Лгутъ слабыя души, усомнившіеся въ силѣ царской власти на Руси—въ мощи народной: пацуются тумана и самъ бродятъ!.. Вѣруй въ свое право, царь нашъ, вѣруй въ свою силу: то сила всего твоего народа...».

¹⁾ «Русь» 1881 г. № 17.

Тѣ же свои мысли о необходимости единенія царя съ народомъ Аксаковъ вторично съ особенною силою высказалъ въ Петербургѣ, въ рѣчи, произнесенной ими на засѣданіи 28 марта въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ, гдѣ онъ страстно ополчился противъ либеральной печати конституціоннаго порядка, явно проповѣдывавшей необходимость введенія у насъ аналогичныхъ съ Западною Европою формъ государственнаго управления. Свою громовую рѣчь московскій публицистъ заключилъ слѣдующими словами: «Нужно, необходимо, до крайности нужно припасть къ стопамъ Богомъ даннаго намъ царя и молить его, молить неотступно, да дозволить онъ намъ всю землю, всѣмъ народомъ окружить тѣсно его престолъ и возгласить предъ лицомъ, во всеуслышаніе всей вселенной, громовое слово негодованія и осужденія всѣмъ посягающимъ на святыню народнаго дуга и на историческій принципъ самодержавной власти, лежащей въ основѣ нашего государственнаго бытія; молить—да обновится вновь въ животворной силѣ и дѣйстви старыи союзъ царя съ народомъ, на началахъ любви, довѣрія, единенія духа и взаимаго искренняго общенія!..»

Грозными филиппиками отвѣтилъ М. Н. Катковъ на конституціонныя вѣянія, которыя несла съ собою либеральная наша пресса съ «Порядкомъ», «Страною» и «Голосомъ» во главѣ. Всѣхъ представителей либеральныхъ тенденцій западно-европейской окраски онъ называлъ «легальными служителями крамолы», которые только во внѣшней формѣ, а не въ существѣ дѣла расходятся съ ея нелегальными представителями—революціонерами. «За пять лѣтъ передъ симъ только нелегальные революціонеры заявляли, что слѣдуетъ царя лишить власти,—писалъ онъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»:—почти на другой день послѣ злодѣянія 1-го марта уже легально издаваемые газеты провозгласили, что необходимо облегчить бремя власти, лежащее на русскомъ монархѣ». Черезъ нѣсколько дней, обращаясь къ вопросу о нашемъ будущемъ, онъ говоритъ ¹⁾: «Что теперь намъ дѣлать? Прежде всего не задавать себѣ подобныхъ вопросовъ. Въ этихъ-то непрерывныхъ вопросахъ и состоитъ нашъ общественный недугъ. Что намъ теперь дѣлать? Да просто стать на ноги, очнуться отъ дремоты, отряхнуться отъ праздномыслія и дѣлать то, что у каждаго подъ руками. Со вчерашняго дня началось существованіе Россіи? Русская держава есть созданіе тысячелѣтней исторіи. Россія не вопросъ, Россія не мнѣніе, не идеаль, не отвлеченная формула; это самая реальная реальность, многосложная и громадная. Россія есть до безконечности организованная индивидуальность, своеобразная и сама себѣ равная. Если она существуетъ, то, стало быть, есть основы ея существованію. Вотъ та твердая почва, на которой мы должны очутиться, чтобы выйти благополучно изъ кризиса; вотъ

¹⁾ «Московскія Вѣдомости» 1881 г., № 99.

«истор. вѣстн.», январь, 1911 г., т. сxxiii.

на чемъ слѣдуетъ стать твердо. Что дѣлать? Очевидно, слѣдуетъ дѣлать то, что требуется основными законами нашего государства. Если мы въ чемъ-нибудь отступились отъ нихъ, поспѣшимъ прійти въ согласіе съ ними. Все, что противорѣчитъ основному строю русскаго государства, то должно быть устранено самымъ рѣшительнымъ образомъ». Что касается его болѣе ясной непосредственной программы въ дѣлѣ внутренняго управленія, то онъ сводилъ ее къ слѣдующимъ положеніямъ: «Болѣе всего требуется, чтобы показала себя государственная власть въ Россіи во всей непоколебимости своей, ничѣмъ не смущенная, не разстроенная, вполнѣ въ себѣ увѣренная. Боже сохрани насъ отъ всякихъ ухищреній, заворотовъ, заискиваній, отъ всякой тѣни зависимости государства отъ какихъ-либо мнѣній. Власть государства не на мнѣніяхъ основана: или ея нѣтъ на дѣлѣ, или она держится сама собою... Россія выросла и окрѣпла не мнѣніями, не большинствомъ голосовъ, не интригою партій, вырывающихъ другъ у друга власть, а исполненіемъ священнаго долга, связующимъ воедино все сословія народа. Оживить это чувство долга—вотъ что требуется въ обстоятельствахъ, подобныхъ настоящему».

Въ другой, позднѣйшей статьѣ (№ 114) онъ писалъ: «Предлагають много плановъ, но есть одинъ старый путь... Это не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой середины между двумя крайностями. Съ высоты царскаго трона открывается стомилліонное царство. Въ прежніе вѣка имѣли въ виду интересы отдѣльныхъ сословій. Но это не царскій путь. Тронъ затѣмъ возвышенъ, чтобы передъ нимъ уравнивалось различіе сословій... Единая власть и никакой иной власти въ странѣ, и стомилліонный, только ей покорный народъ, вотъ истинное царство... Да положитъ Господь Царь царствующихъ на сердце государя нашего шествовать именно этимъ воистину царскимъ путемъ и имѣть въ виду не прогрессъ или регрессъ, не либеральныя или реакціонныя цѣли, а единственно благо своего стомилліоннаго народа». Кромѣ того, въ своихъ статьяхъ за тѣ дни онъ проводитъ еще мысль о необходимости обновленія личнаго состава въ правящихъ сферахъ и призванія къ власти «сильныхъ людей», преданныхъ престолу и неограниченной царской власти.

III.

Вмѣстѣ съ печатью легальной выступила съ своимъ обращеніемъ по адресу новаго государя и печать подпольная, которая и выпустила свое извѣстное, нѣкогда столь распространенное «письмо исполнительнаго комитета къ Александру III», составленное отъ имени революціонной партіи Л. А. Тихомировымъ при сотрудничествѣ Ланганса и при редакторскомъ участіи Н. К. Михайлов-

Императоръ Александръ III.

скаго. При какихъ условіяхъ составлялось это письмо, сказано будетъ въ слѣдующей части настоящихъ «Очерковъ», а пока приводимъ лишь это «письмо» съ незначительною выкидкою изъ него нѣкоторыхъ рѣзкостей, не имѣющихъ, впрочемъ, существеннаго значенія. Вотъ текстъ письма¹⁾:

«Ваше Величество! Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое вы испытываете въ настоящія минуты, исполнительный комитетъ не считаетъ, однако, себя въ правѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для ниже-слѣдующаго объясненія выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всеильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждетъ тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и самыми тяжелыми потрясеніями.

«Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего происшедшаго въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, она являлась совершенно неизбѣжной, и въ этомъ ея глубокой смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правительственной власти. Объяснить подобные факты злоумышленіемъ отдѣльныхъ личностей или хотя бы «шайки» — можетъ только человѣкъ, совершенно неспособный анализировать жизнь народовъ. Въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, несмотря на то, что правительство покойнаго императора жертвовало всѣмъ — свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности и даже собственнымъ достоинствомъ — безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая къ себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи, и вотъ уже три года вступило въ отчаянную, партизанскую войну съ правительствомъ. Вы знаете, ваше величество, что правительство покойнаго императора нельзя обвинять въ недостаткѣ энергіи. У насъ вѣшали и праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи переполнялись ссыльными. Цѣлые десятки такъ называемыхъ «вожаковъ» переловлены, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло. Да, ваше величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемыя для наиболѣе энер-

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 3.

гичныхъ выразителейъ этого процесса, безсильны спасти отживающій порядокъ...

«Правительство, конечно, можетъ еще переловить и перевѣшать многое множество отдѣльныхъ личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльныхъ революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самыя серьезныя изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но вѣдь все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его неудовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому на смѣну истребляемымъ постоянно выдвигаются изъ народа все въ большемъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности въ интересахъ борьбы, разумѣется, организуются, имѣя уже готовый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣднія 10 лѣтъ. Какую пользу принесла гибель долгушинцевъ, чайковцевъ, дѣятелей 74-го года? На смѣну ихъ выступили гораздо болѣе рѣшительные народники. Страшныя правительственныя репрессаліи вызвали затѣмъ на сцену террористовъ 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровинныхъ, Осинскихъ, Лизогубовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершеннолетнихъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Появляется, наконецъ, исполнительный комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ не въ состояніи справиться.

«Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе обостренно; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество неудовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбѣжности—все прочіе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершитъ этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

«Чѣмъ вызывается, обусловливается эта страшная перспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимаемъ, какъ печальна

гибель столькихъ талантовъ, такой энергіи—на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, когда эти силы, при другихъ условіяхъ, могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданскаго общежитія. Отчего же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

«Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ нѣтъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не существуетъ. Правительство, по своему принципу, должно только выражать народныя стремленія, только осуществлять народную волю...

«Каковы бы ни были намѣренія государя, но дѣйствія правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и разоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ, эксплуататоръ; самые возмутительные грабежи остаются безъ наказанія. Но зато какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно помышляющаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, ваше величество, что не однихъ социалистовъ ссылаютъ и преслѣдуютъ. Что же такое—правительство, охраняющее подобный «порядокъ»?

«Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или—добровольное обращеніе верховной власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ революцію, исполнительный комитетъ обращается къ вашему величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрьте, что какъ только верховная власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти—исполнительный комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя вокругъ него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе, которое противно намъ болѣе, чѣмъ вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

«Мы обращаемся къ вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недовѣріе, которое создала вѣковая дѣятельность правительства. Обращаемся къ вамъ, какъ къ гражданину и частному человѣку. Надѣмся, что чувство личнаго озлобленія не заглушитъ

въ вась сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ вась.

«Мы не ставимъ вамъ условій. Пусть не шокируетъ вась наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

«Этихъ условій, по нашему мнѣнію, два:

«1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга.

«2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

«Считаемъ необходимымъ напомнить, однако, что легализація верховной власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ:

«1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично и пропорціонально числу жителей.

«2) Никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть.

«б) Избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно, въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія народнаго собранія, допустить:

«а) полную свободу печати,

«б) полную свободу слова,

«в) полную свободу сходовъ,

«г) полную свободу избирательныхъ программъ.

«Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правительственнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія, съ своей стороны, безусловно подчинится рѣшенію народнаго собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному народнымъ собраніемъ.

«Итакъ, Ваше Величество,—рѣшайте. Предъ вами два пути. Отъ вась зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы вашъ разумъ и совѣсть подсказали вамъ рѣшеніе

единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родной страной.

«Исполнительный комитетъ 10 марта 1881 г.»

Приведенныя выдержки изъ органовъ печати разныхъ направлений показываютъ достаточно рельефно настроеніе умовъ, сложившееся подъ вліяніемъ катастрофы 1-го марта. Къ этимъ даннымъ нелишне прибавить нѣкоторыя сценки изъ жизни литературнаго міра, иллюстрирующія это настроеніе.

Представители радикальной журналистики, какъ легальной, такъ и нелегальной, собрались въ вечеръ самаго 1-го марта у Н. В. Шелгунова, извѣстнаго публициста и редактора «Дѣла». Въ очеркѣ «Событіе 1 марта и Николай Васильевичъ Шелгуновъ» авторъ очерка Н. Р., бывшій на этомъ вечерѣ, описываетъ происходившее такъ ¹⁾: «Въ шесть часовъ вечера я былъ у Шелгунова, гдѣ собралось нѣсколько близкихъ друзей его изъ литераторовъ и кое-кто изъ революціонеровъ. Шелгуновъ былъ сдержанъ, но, очевидно, внутренно доволенъ, и если не показывалъ большой радости, то по врожденному чувству такта. Но онъ былъ гораздо болѣе озабоченъ, чѣмъ его друзья, по большей части младшіе по возрасту. Онъ задавался уже вопросомъ: что же дальше, что дѣлать, что предпринять, на что рассчитывать? Большинство литературной братіи отдавалось, напротивъ, всецѣло чувству радости и строило самые радужные планы. Старикъ Плещеевъ и соредакторъ Николая Васильевича по «Дѣлу» Станюковичъ особенно врѣзались мнѣ своимъ оптимизмомъ въ память. Странное дѣло, революціонеры представляли на этомъ собраніи единственно-критическій элементъ и напирала на то, что, молъ, нельзя же только ликовать да ликовать, нужно и поразобрать промежь себя работу для возможнаго давленія на правительство въ печати, покажѣсть не ушло время. Кстати сказать, даже такой на рѣдкость умный человѣкъ, какимъ былъ Михайловскій, еще нѣсколько дней спустя утверждалъ, что «на этотъ разъ на насъ идетъ революція». И ему вторилъ своими картинными выраженіями веселый, какъ никогда, Глѣбъ Успенскій... Николай Васильевичъ въ своемъ нѣсколько скептическомъ, но дѣйствительно отношеніи къ событіямъ былъ согласенъ скорѣе съ революціонерами, чѣмъ съ записными литераторами, лишь «сочувствовавшими» движенію. Къ тому времени принесли уже правительственную телеграмму, въ первомъ, не исправленномъ еще изданіи, которая начиналась курьезными словами: «Воля Всевышняго свершилась; Господу Богу угодно было призвать къ себѣ возлюбленнаго монарха». Телеграмма была встрѣчена съ большимъ оживленіемъ; кто-то сострѣлъ даже: «Народная Воля—воля Божія».

¹⁾ Былое» 1905 г., № 3.

Такова одна характерная сцена, а вот другая, сообщенная Г. К. Градовскимъ въ его книгѣ «Итоги»: «Поздно вечеромъ главнѣйшія редакціи, знакомыя и незнакомыя, объѣзжали генераль Е. В. Богдановичъ. Онъ имѣлъ озабоченный видъ и съ приподнятою мелодраматическаго лицедѣя заявлялъ:

«— Все спокойно, революціи не будетъ. Трактиры и кабаки закрыты, всѣ мѣры приняты!

«— Да никакой революціи никто и не боится,—отвѣтилъ В. А. Полетика:—кабацкій разгулъ всегда полезно предупредить; ну, а насчетъ спокойствія,—это будетъ видно.

«— Увѣряю васъ, тревожиться нечего... Но извините, я спѣшу въ «Голосъ»...

«И генераль Богдановичъ спѣшно, съ дѣловымъ видомъ исчезъ выполнять свою миссію. Никто не повѣрилъ, чтобы она на него была возложена. Есть такіе добровольцы, которые всегда суетятся и примазываются, когда жаренымъ запахнетъ.

«— Воронѣ начинаетъ уже кружиться надъ прошлымъ царствованіемъ,—замѣтилъ кто-то».

Къ сказанному Градовскій прибавляетъ: «Революція» происходила развѣ только въ верхнихъ бюрократическихъ сферахъ. Надо было использовать катастрофу въ желанномъ направленіи». «Новыя вѣянія» получили тяжелый ударъ, и притихшая было на нѣсколько мѣсяцевъ реакція воспрянула съ удвоенной силой. Довольно реформъ, надо назадъ и домой»...

Въ провинціи мѣстная подцензурная печать слабо реагировала въ политическомъ направленіи на событіе 1 марта, и столбцы ея главнымъ образомъ наполнены были, согласно полученнымъ изъ столицы свѣдѣніямъ, описаніями фактической стороны самаго трагическаго происшествія на Екатерининскомъ каналѣ, выраженіями скорби по поводу кончины царя-освободителя и негодованія по адресу его убійцъ и всей террористической группы. Какого-нибудь самостоятельнаго, рѣзко опредѣленнаго выступленія на путь программный эта печать не дѣлала, но въ предѣлахъ возможнаго въ цензурномъ отношеніи и сообразно своему тяготѣнію къ тому или иному политическому направленію эта печать воспроизводила рѣчи своихъ столичныхъ газетныхъ корифеевъ, а нѣсколько времени спустя фактически воспроизводила тѣ земскія резолюціи, которыя были приняты на нѣкоторыхъ губернскихъ и уѣздныхъ собраніяхъ въ связи съ привѣтствіемъ новаго монарха по случаю его вступленія на прародительскій престолъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ еще впереди, а пока, ограничившись констатированіемъ общественной атмо-

¹⁾ Г. К. Градовскій, «Итоги» (1862—1907).

сферы, слагавшейся вокруг личности новаго самодержца, стараемся на основаніи все тѣхъ же имѣющихся подъ рукою документальныхъ данныхъ представить образъ того, къ кому печать обращалась съ своими изъявленіями пожеланій, совѣтами и указаніями.

IV

Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, случаяхъ перемѣны царствованій, бываетъ, около личности новаго монарха слагаются легенды, мало чѣмъ обоснованные слухи, гаданія и предположенія. Императоръ Александръ III въ данномъ случаѣ, понятно, не избѣгъ общей участи, но тѣмъ не менѣе о немъ, какъ о человѣкѣ и дѣятелѣ на нѣкоторыхъ поприщахъ общественнаго и государственнаго служенія, были въ наличіи опредѣленные указанія, и для русскаго общества онъ не былъ тою неизвѣстною величиною, въ каковомъ положеніи по капризу судьбы обрѣталось большинство его предшественниковъ въ аналогичныхъ случаяхъ. Онъ былъ достаточно приобщенъ своимъ родителемъ къ дѣлу государственнаго управления, по многимъ вопросамъ успѣлъ уже высказаться и не оставить въ русскомъ обществѣ какихъ-либо сомнѣній относительно склада своего ума, характера и симпатій.

Въ одномъ компетентномъ нѣмецкомъ источникѣ мы нашли по настоящему предмету слѣдующія цѣнные показанія ¹⁾. Здѣсь сказано, что по своему рожденію императоръ Александръ II какъ второй сынъ почившаго императора Александра Николаевича, не долженъ былъ царствовать, и при жизни своего выдающагося способностями старшаго брата, Николая Александровича, онъ, понятно, не могъ и помышлять, что придетъ время, когда въ его рукахъ окажутся бразды правленія Россійской имперіи. Покуда былъ живъ цесаревичъ Николай Александровичъ, его братъ оставался какъ бы въ тѣни, и все вниманіе Россіи было сосредоточено на прекрасномъ образѣ старшаго сына царя-освободителя, плѣнительномъ во всѣхъ отношеніяхъ и подававшемъ такъ много надеждъ. Болѣзнь и засимъ кончина наслѣдника цесаревича, послѣдовавшая въ Ниццѣ въ апрѣлѣ 1865 г., сразу и совершенно неожиданно измѣнили положеніе великаго князя Александра Александровича. Въ первое время послѣ кончины цесаревича Николая новый наслѣдникъ, повидимому, не пользовался особенной популярностью. «Онъ являлъ собою слишкомъ рѣзкій контрастъ сравнительно съ покойнымъ братомъ, отличавшимся привѣтливостью, любознательностью. Открытый характеръ, всесторонне-образованный умъ покойнаго наслѣдника привлекалъ къ нему сердца всѣхъ, кто приближался къ нему. Новый наслѣдникъ престола былъ, напротивъ, серьезень, молчаливъ, отличался крайней обдуманностью и осторожностью во всѣхъ своихъ рѣшеніяхъ. Цесаревичъ Александръ былъ

¹⁾ «Императоръ Александръ III» Спб., 1895 г., стр. 542.

лишень того обаянiя, какимъ въ избыткѣ обладалъ его покойный братъ. Въ общемъ образъ почившаго цесаревича былъ еще слишкомъ ясенъ въ памяти народа, уже привыкшаго любить его и видѣть въ немъ будущаго императора.

По смерти цесаревича Николая, новый наслѣдникъ престола весь отдался занятiямъ, стараясь пополнить пробѣлы своего образованiя. Со свойственною ему усидчивостью и настойчивостью занимался онъ науками, слушалъ лекціи выдающихся профессоровъ, много читалъ, словомъ, весь ушелъ въ работу. Уже тогда въ наслѣдникѣ престола стало сказываться стремленіе къ славянству, къ поднятію русской національности, тѣсно связанной съ православiемъ. Тогда же стало пробуждаться въ немъ и нерасположеніе ко всему западно-европейскому.

Вскорѣ стало всемъ извѣстно, что наслѣдникъ престола открыто симпатизируетъ идеѣ о русской національной политикѣ и даритъ своимъ особеннымъ расположенiемъ главныхъ проводниковъ названной идеи—Каткова и Аксакова. Подобные взгляды наслѣдника престола сильно безпокоили такъ называемыхъ «западниковъ», окружавшихъ императора Александра II; они съ тревогою помышляли о будущемъ. Наслѣдникъ цесаревичъ, симпатизировавшій идеямъ славянства, сильно расходился во взглядахъ со своимъ родителемъ императоромъ Александромъ II. Да и въ характерахъ отца и сына замѣчалась громадная разница. Императоръ обладалъ натурою живою, общественною, любилъ блескъ и открыто тяготѣлъ къ Западу и особенно въ Германіи. Императоръ Вильгельмъ I пользовался особеннымъ расположенiемъ царя. Во время франко-прусской войны императоръ не скрывалъ своего удовольствiя по поводу постоянныхъ успѣховъ германскаго оружія. Наслѣдникъ цесаревичъ, напротивъ, стоялъ на сторонѣ французовъ. Императоръ любилъ общество, тогда какъ наслѣдникъ цесаревичъ предпочиталъ тѣсный семейный кругъ. Въ Аничковомъ дворцѣ, гдѣ наслѣдникъ цесаревичъ поселился послѣ бракосочетанiя, изрѣдка соби- рались лица, пользовавшiяся особеннымъ расположенiемъ наслѣдника. Это были исключительно русскіе люди. Атмосфера Аничкова дворца была пропитана русскимъ національнымъ духомъ, и нѣмецкую рѣчь было трудно услышать тамъ. Наслѣдникъ цесаревичъ велъ чрезвычайно скромную жизнь, по возможности избѣгая придворнаго шума. Весною, обыкновенно, онъ первый оставлялъ столицу, а зимою—послѣдній возвращался въ Петербургъ изъ Петергофа или Царскаго Села. Примѣрный семьянинъ, неутомимый труженикъ, по характеру прямой, открытый, любящій правду и справедливость, наслѣдникъ цесаревичъ сталъ пріобрѣтать все большую и большую популярность. Представители русскихъ національныхъ тенденцій, число которыхъ росло съ поразительною быстротою, видѣли въ наслѣдникѣ цесаревичѣ будущаго вождя

той великой партіи, которая должна была, отрѣшившись отъ западно-европейскаго вліянія, совершить дѣло возрожденія Россіи.

Первые шаги національной партіи должны быть признаны не совсѣмъ удачными. Послѣдствія русско-турецкой войны, вызванной настояніями русскихъ націоналистовъ, невзирая на конечныя побѣды, въ высшей степени неблагопріятно отразились на интересахъ Россіи. Въ неудачномъ исходѣ войны славянофилы обвиняли не московскихъ шовинистовъ, но военачальниковъ, а также дипломатовъ, участвовавшихъ въ переговорахъ по заключенію мирнаго договора. Во время русско-турецкой кампаніи наслѣдникъ цесаревичъ впервые получилъ самостоятельное и отвѣтственное назначеніе главнокомандующаго Руссукскимъ отрядомъ. Въ качествѣ главноначальствующаго отдѣльнымъ отрядомъ, наслѣдникъ цесаревичъ заявилъ себя съ самой лучшей стороны. Въ его отрядѣ поддерживался образцовый порядокъ и дисциплина; войска не терпѣли никакихъ нуждъ, такъ какъ августѣйшій начальникъ отряда безпощадно преслѣдовалъ тѣхъ, кто стремился нажить на счетъ солдата. Это война, между прочимъ, навсегда поселила въ наслѣдникъ отвращеніе къ ужасамъ военнаго времени. По окончаніи кампаніи, вернувшись въ Петербургъ, наслѣдникъ цесаревичъ вновь замкнулся въ тѣсномъ семейномъ кругу, куда имѣли доступъ лишь немногіе приближенные. Въ назначенные дни въ Аничковомъ дворцѣ устраивались семейные вечера, на которыхъ почти исключительно занимались музыкой. Самъ наслѣдникъ цесаревичъ игралъ на корнетъ-пистонѣ и очень охотно принималъ участіе въ оркестровомъ исполненіи разныхъ музыкальныхъ произведеній. Лица, пользовавшіяся счастьемъ присутствовать на этихъ вечерахъ, выносили высоко отрадное впечатлѣніе. У себя дома наслѣдникъ цесаревичъ былъ на рѣдкость гостепріимнымъ хозяиномъ.

Эта характеристика изъ иностраннаго источника, далеко не всегда благоволившаго къ цокойному императору Александру III, для насъ очень цѣнна: это не голосъ льстиваго славословія, а дань справедливости, принесенная изъ лагеря, скорѣе враждебнаго, нежели дружескаго. Къ этой характеристикѣ нелишне прибавить и показанія хорошо знавшаго Александра III князя В. П. Мещерскаго, стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ отъ его юношескихъ лѣтъ и рисующаго намъ новаго русскаго самодержца въ періодъ жизни, когда уже вполне сказался и оформился его духовый обликъ. Князь Мещерскій говоритъ¹⁾:

«Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ шутку называлъ себя философомъ. Но это не было шуткою—онъ дѣйствительно былъ философомъ, въ смыслѣ такого имъ добытаго міровоззрѣнія

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій «Мои воспоминанія», ч. 2-я (1865—1881 гг.).

и таких особенностей его духовнаго существа, которыя позволяли ему, во-первыхъ, жить отдѣльною отъ другихъ жизнью и не испытывать вліянія людей въ той степени, въ какой обыкновенно испытываетъ большая часть людей, а тѣмъ паче вліянія придворной людской среды... Онъ могъ казаться философомъ и въ отсутствіи въ немъ всякихъ, такъ сказать, прихотей матеріальной жизни: будь онъ перенесенъ сразу въ крестьянскую избу, онъ не почувствовалъ бы ни лишеній, ни стѣсненій для своего физическаго существа; и, рядомъ съ этимъ, онъ былъ философомъ въ смыслѣ отсутствія всякихъ тѣлесныхъ страстей...

«Философомъ, но какой школы? Разумѣется, философомъ—христіанской школы... Невѣрно было бы сказать, что онъ былъ просто хорошимъ христіаниномъ; нѣтъ, онъ именно былъ философомъ-христіаниномъ, потому что не изъ одного христіанства онъ черпалъ свой стоицизмъ, но изъ своего собственнаго мышленія, изъ того процесса саморазвитія, который сложилъ его личность въ безусловно оригинальную...

«Она сложилась за послѣдніе годы подъ сѣнью, такъ сказать, и подъ вліяніемъ духовнаго міра его старшаго брата... Они жили эти послѣдніе годы, что называется, душа въ душу... И это не было слѣпое подчиненіе младшаго брата старшему; совсѣмъ нѣтъ; это былъ взаимный обмѣнъ и мыслями, и чувствами, и впечатлѣніями, при которомъ одинъ дополнялъ другого. Дружба эта была объединеніемъ двухъ совсѣмъ различныхъ и самостоятельныхъ при томъ существъ. Въ старшемъ братѣ не было никакихъ элементовъ философіи; напротивъ, своимъ чуткимъ и воспріимчивымъ ко всѣмъ оттѣнкамъ окружавшаго его міра, своимъ тонкимъ и проницательнымъ умомъ, понимавшимъ сразу намеки на мысль, онъ всецѣло воспринималъ и вліянія на себя жизни, или считался съ нею, и признавалъ ея силу; младшій братъ потому и представлялся философомъ, что, наоборотъ, онъ не подчинялся, такъ сказать, силѣ окружавшей его жизни, не моделировалъ себя по ней, не дорожилъ никакимъ «*on dit*», и крупными и цѣльными, такъ сказать, штрихами выражалъ свой образъ мыслей и свой духовный міръ, минуя тѣ оттѣнки и утонченности, которые въ личности старшаго брата играли свою роль и имѣли свое значеніе. Первый былъ художникъ мысли, второй былъ ея философъ своей собственной школы; и чтобы конкретнѣе выразить это различіе, я бы сравнилъ перваго съ искуснымъ столяромъ, а втораго съ плотникомъ съ вѣрнымъ взглядомъ и съ вѣрною рукою.

«И вотъ, въ этомъ общеніи послѣднихъ лѣтъ, именно подъ сѣнью своего даровитаго, блестяще развившагося и богато образовавшагося брата, великій князь Александръ Александровичъ воспринималъ отъ него, не мѣняя своего характера, своего основнаго міровоззрѣнія, множество мыслей, свѣдѣній, впечатлѣній, которыя

подъ вліяніемъ самой полной и самой искренней дружбы сердца служили для него главнымъ матеріаломъ и главнымъ подспорьемъ для самообразованія...

«Но, отстаивая всеми силами своей природы философа-христианина свою самобытность и свою самостоятельность въ прекрасныхъ чертахъ самой природы, великій князь Александръ Александровичъ поражалъ тѣмъ, что, насколько онъ своимъ качествамъ придавалъ инстинктивную, такъ сказать, цѣну, настолько онъ себя не придавалъ никакой цѣны, и именно поражалъ своимъ смиреніемъ... Ему не было предѣловъ, и это заставляло при сближеніи съ нимъ благоговѣть предъ нимъ, ибо въ этомъ смиреніи чувствовалась сила его нравственности...

«Но, кромѣ самого себя, новый цесаревичъ вовсе не цѣнилъ еще другое: это усилія людей ему понравиться и обратить на себя его вниманіе... Со свѣтомъ и съ придворнымъ міромъ онъ успѣлъ уже ознакомиться настолько близко, что лесть, заискиваніе, ломанье шута или вкрадчивость куртизана—все это отталкивало отъ него человѣка подъ вліяніемъ непосредственнаго и инстинктивнаго побужденія... А въ этихъ усиліяхъ людей къ нему прилаживаться недостатка не было. Можно сказать, что съ перваго же дня его новаго положенія и въ свѣтѣ и при дворѣ стали со всехъ сторонъ проявляться усиленныя заботы и превозносить новаго цесаревича, и заискивать у него, но на то и другое въ отвѣтъ онъ оставался неподвижнымъ философомъ, подтрунивая надъ тѣмъ, что вдругъ для многихъ онъ сдѣлался такимъ интереснымъ.

«Въ особенности онъ не любилъ фразъ... Бѣднаго Валуева онъ не любилъ именно за избытокъ фразъ. Про него онъ весьма вѣрно говорилъ: онъ столько наговорить посторонняго и ненужнаго, что до нужнаго и не доберешься... Наоборотъ, краткая, простая, правдивая рѣчь ему нравилась, и только къ ней онъ прислушивался съ довѣріемъ и со вниманіемъ. Сколько разъ, помню, приходилось видѣть, какъ человѣкъ напрягалъ все свои усилія, чтобы плѣнить великаго князя своимъ краснорѣчіемъ, говорилъ, говорилъ, и уходилъ съ упованіемъ, что произвелъ впечатлѣніе, а великій князь съ его уходомъ—говорилъ про него: какой болтунъ, или: какой нустомеля. Придворный міръ былъ не по сердцу великому князю издавна, по той простой причинѣ, что онъ грѣшилъ двумя вещами, ему антипатичными,—отсутствіемъ правдивости и избыткомъ угодливости...

«Тѣ же причины въ немъ объясняли очень ясно одну изъ самыхъ симпатичныхъ и прекрасныхъ чертъ его характера: уваженіе къ чужому мнѣнію. Онъ уважалъ чужое мнѣніе, во-первыхъ, потому, что любилъ инстинктивно и всеми фибрами своего нравственнаго существа правду; во-вторыхъ, потому, что столь же инстин-

ктивно ненавидѣлъ угожденіе ему и, въ-третьихъ, потому, что былъ смирененъ.

«Въ мелочахъ чисто будничнаго обихода молодой цесаревичъ иногда бывалъ упрямъ, въ главныхъ принципахъ и основныхъ убѣжденіяхъ своихъ онъ былъ непреклоненъ, но затѣмъ между этою маленькою чертою и этою крупною чертою его характера—оставалась цѣлая широкая область вопросовъ и мнѣній, по которымъ онъ любилъ выслушивать мнѣнія людей и обязывалъ, такъ сказать, своего собесѣдника съ нимъ спорить, и если ему удавалось доказать, что онъ правъ и что неправъ великій князь, то послѣдній всегда убѣждался...

«Вотъ эта-то черта давала необыкновенную прелесть близкимъ къ нему отношеніямъ... Слово, искренно сказанное, съ цѣлью или убѣдить или разубѣдить цесаревича, никогда не пропадало даромъ.

«А затѣмъ, въ заключеніе характеристики его духовной личности въ то время слѣдуетъ сказать, что уже тогда въ немъ образовалась одна прекрасная черта, которая въ немъ развилась и окрѣпла,—это прочность его привязанности къ человѣку... Онъ отстаивалъ противъ нападковъ того человѣка, котораго онъ любилъ, и онъ презрительно относился къ личностямъ тѣхъ, которые сплетничали или клеветали, стараясь вредить въ его глазахъ человѣку, которому онъ вѣрилъ.

«Черта эта была послѣдствіемъ двухъ внутреннихъ причинъ... Одна происходила отъ его честности: честный во всемъ, въ маломъ и большемъ, онъ былъ честенъ въ своихъ привязанностяхъ, а затѣмъ онъ отстаивалъ своего близкаго и презиралъ на него клевету, потому что былъ философъ; именно какъ философъ, онъ былъ и снисходителенъ къ слабостямъ людей, не ждалъ отъ нихъ ни героизма, ни святости и, зная, что всякій человѣкъ имѣетъ свои слабости, прощалъ ихъ каждому и цѣнилъ въ человѣкѣ хорошія стороны.

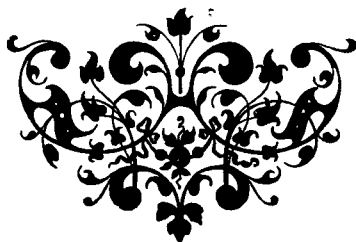
«Изъ всего этого духовнаго матеріала, далеко не скуднаго, въ день, когда великій князь сталъ наслѣдникомъ престола, у него сразу явилось владѣющему началомъ его жизни—сознаніе долга... Онъ ясно и во всей полнотѣ созналъ свой долгъ и началъ для него жить, но опять-таки по-своему, безъ всякихъ манифестацій, безъ всякихъ фразъ, безъ всякой наружной вывѣски, а совсѣмъ просто, совсѣмъ обыкновенно и почти незамѣтно...»

Къ приведеннымъ характеристикамъ намъ нечего болѣе прибавлять. Онѣ достаточно полны, какъ историческая канва, на которую долженъ былъ лечь послѣдующій политическій рисунокъ, составныя краски для котораго подготовлялись въ тѣхъ общественныхъ лабораторіяхъ, обликъ коихъ представленъ нами выше.

Русская общественность начала 1881 г. намѣчала контуры этого рисунка. Вопросъ шель: будетъ ли онъ принять тѣмъ, для котораго онъ предназначенъ? Это выяснилось въ самые ближайшіе мѣсяцы новаго царствованія, главныя страницы котораго, поскольку онѣ отразили въ себѣ политическую исторію Россіи, и будутъ имѣть своимъ содержаніемъ наши историческіе очерки за текущей годъ, посвященные этой эпохѣ.

Б. Глинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЪШКОМЪ ПО КАВКАЗУ.

(Лѣтняя экскурсія 1909 г.).

Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые, какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курились, какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой почлегъ.

Къ востоку направляло бѣгъ,
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
Вдали я видѣлъ съвозъ туманъ
Въ снѣгахъ, горящихъ, какъ алмазь,
Сѣдой, незаблемый Кавказъ...

Лермонтовъ.

I.

Приготовленія къ путешествію.

Первыя впечатлѣнія при видѣ горъ.—Изъ разговоровъ съ владикавказцами въ вагонѣ.—
Приготовленія къ путешествію.

ОРЫ... Для жителя равнинъ, никогда не видавшаго горъ и знающаго ихъ только по книжкамъ, это слово почти ничего не говоритъ. Тѣмъ рѣзче и сильнѣе первое впечатлѣніе, производимое на такого человѣка видомъ черныхъ массивовъ съ острыми бѣлоснѣжными зубцами и вздымающимися къ небу вершинами, сверкающими на солнцѣ, какъ ярко отшлифованное серебро.

Въ повѣсти Л. Н. Толстого «Казачи» коренной москвичъ Оленинъ, впервые увидавшій Кавказскій хребетъ, совершенно захваченъ этимъ могучимъ и новымъ для него впечатлѣніемъ. Все, что только онъ видѣлъ, все, что онъ думалъ, все, что онъ чувствовалъ, получало для него новый, строго-величавый характеръ горъ». И на что бы ни посмотрѣлъ,—на дымъ въ аулѣ за Тереконъ, на восходящее солнце, на ѣдущую изъ станицы арбу, на красивыхъ и молодыхъ женщинъ,—предъ его сознаниемъ постоянно вставала одна и та же неотступная, неотвратимая мысль: а горы!.. »

«истор. вѣстн.», январь, 1911 г., т. сxxiii.

Точно такое же впечатлѣніе испытали и мы, впервые увидѣвши горы отъ станціи Минеральныя Воды.

Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ.
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ. (Пушкинъ).

Съ этого момента мы уже не отходили отъ окна вагона и не могли оторвать глазъ отъ синѣющаго вдали горнаго хребта, который поднимался на горизонтѣ грозною стѣною, упирающейся въ самое небо. Верхняя волнообразная часть этой стѣны или вала скрывалась въ облакахъ, и мы напрасно искали жаднымъ взоромъ знакомыя по рисункамъ вершины Казбека и Эльборуса.

Мысль, чувство, вся психика цѣликомъ были поглощены исключительно горами, и мы совсѣмъ не могли понять, какъ это большинство пассажировъ продолжали оставаться совершенно равнодушными къ нимъ. Передъ глазами что-то поразительно-грандіозное, величественное и изумительное, а они ѣдятъ себѣ вареныя яйца, запиваютъ ихъ жидкимъ чаемъ и ведутъ пошлѣйшіе разговоры о томъ, какъ такой-то проигрался въ карты, а такая-то любитъ рядиться не по годамъ.

По мѣрѣ нашего приближенія къ Владикавказу горы все болѣе и болѣе надвигаются на насъ. Вотъ онѣ уже совсѣмъ близко. На душѣ становится жутко, и все-таки, какъ заколдованный, стоишь у окна и до боли въ глазахъ всматриваешься во всѣ изгибы гигантскаго вала. Нѣтъ силъ ни думать, ни говорить о чемъ-либо другомъ, кромѣ горъ.

Вотъ и Владикавказъ, почти вплотную прижавшійся къ Столовой горѣ. Онъ привлекаетъ наше вниманіе, но не самъ по себѣ, а лишь въ связи съ общимъ горнымъ ландшафтомъ. Мы вглядываемся въ этотъ ландшафтъ, спрашиваемъ о немъ владикавказцевъ. Одинъ почтенный старичокъ въ чиновничьей формѣ гражданскаго вѣдомства, узнавши въ насъ людей, впервые подъѣзжающихъ къ Владикавказу, подошелъ къ намъ и, тыкая сморщеннымъ, крючковатымъ пальцемъ куда-то въ пространство, гдѣ мы ничего не хотѣли видѣть, кромѣ горъ, съ самымъ серьезнымъ и спокойнымъ видомъ говорить:

— Вотъ это—кадетскій корпусъ, а это—винокуренный заводъ.

Господи Иисусе! Точно мы никогда не видывали кадетскихъ корпусовъ или винокуренныхъ заводовъ и ѣхали Богъ знаетъ откуда только для того, чтобы посмотреть на эти достопримѣчательности Владикавказа!.. Передъ нами—дивная горная панорама, на которую, кажется, никогда не насмотришься досыта, а нашъ старичокъ ровнымъ, невозмутимымъ тономъ продолжаетъ:

— Вотъ дворецъ начальника области, а тамъ—театръ...

Мы ждемъ, что онъ, наконецъ, скажетъ что-нибудь о горахъ, сообщить ихъ названія, а вмѣсто этого слышимъ:

— Вонъ въ томъ концѣ города новыя казармы, а это—соборъ...

Тѣфу!.. Мы не выдерживаемъ старческой болтовни, рѣзко поворачиваемся отъ окна и идемъ къ другому, оставивъ почтеннаго чиновника въ нѣкоторомъ недоумѣннн, почему это не захотѣли дослушать его драгоценныхъ для насъ указаній.

Такъ какъ Владикавказъ самъ по себѣ не представлялъ для насъ почти никакого интереса, то мы рѣшили въ немъ долго не задерживаться и на другой же день выступить въ путь.

Наша задача состояла въ томъ, чтобы пройти пѣшкомъ всю Военно-Грузинскую дорогу отъ Владикавказа до Мцхета, побывать въ Тифлисѣ, оттуда проѣхать въ поѣздѣ до Кутаиса съ остановкой въ Гори для осмотра Уплись-Цихе и съ заѣздомъ въ Боржомъ. Изъ Кутаиса намъ предстояло опять пѣшеходное путешествіе по всей Военно-Осетинской дорогѣ до Алагира. Мы полагали, что этимъ способомъ намъ лучше удастся ознакомиться съ природой Кавказа, полюбоваться его красотами, узнать поближе его населеніе и попутно осмотрѣть наиболѣе выдающіеся памятники кавказской старины.

Путь предстоялъ довольно длинный и тяжелый, и потому необходимо было подумать о томъ, чтобы обставить себя нѣкоторыми, наиболѣе существенными удобствами.

Прежде всего рѣшили обратиться за содѣйствіемъ и указаніями къ начальнику работъ на Военной-Грузинской и Военно-Осетинской дорогахъ. Онъ былъ такъ любезенъ, что снабдилъ насъ официальнымъ предписаніемъ ко всѣмъ начальникамъ дистанцій и дорожнымъ мастерамъ о томъ, чтобы они давали намъ пріютъ въ казенныхъ зданіяхъ и оказывали возможное содѣйствіе.

Затѣмъ слѣдовало позаботиться о повозкѣ для вещей. Въ путешественникахъ рекомендуется отправлять ихъ съ фургонщиками, перевозящими грузы между Владикавказомъ и Тифлисомъ. Поэтому мы и отправились въ такъ называемую Молоканскую слободу Владикавказа, гдѣ обитаютъ фургонщики. Обѣгали всѣ ихъ дома и постоянные дворы, но ни одного фургонщика не нашли: всѣ они нѣсколько дней назадъ уѣхали въ Тифлисъ и оттуда еще не возвратились. Лишь послѣ долгихъ поисковъ мы случайно наткнулись на стараго хромого фургонщика, уже переставшаго заниматься своимъ ремесломъ. Выслушавъ о нашемъ затруднительномъ положеніи, онъ сказалъ:

— Вамъ, господа, фургонщикъ и не подошелъ бы: онъ не сталь бы ѣхать такъ, какъ вамъ хочется, и останавливаться тамъ, гдѣ вамъ будетъ нужно. Наймите-ка вы лучше линейчку, да попроще, безъ рессоръ, съ плохонькой лошадежкой и какимъ-нибудь обтрепанымъ проводникомъ. Тащитесь шагомъ и везти пять-шесть пу-

довъ кладѣ и такой сумѣть не хуже любого. А возьметъ недорого: рубля за полтора въ сутки съ удовольствіемъ поѣдетъ. Идите на базарную площадь: тамъ этихъ линейекъ сколько хотите.

Мы поблагодарили стараго фургонщика и пошли на базаръ. Линеекъ (дрога на четырехъ колесахъ) тамъ было дѣйствительно много, но всѣ на рессорахъ, съ не совсѣмъ обтрепанными проводниками и цѣною не ниже трехъ рублей въ сутки, что для насъ было слишкомъ дорого.

Усталые и разстроенные неудачными поисками, шли мы къ себѣ въ гостиницу, какъ вдругъ на углу какой-то улицы изъ дрянного виннаго погребка выскакиваетъ извозчикъ въ рваной шашкѣ, дырявомъ армячишкѣ и штанахъ, которыя на одномъ колѣнѣ имѣли такую большую дыру, что вся нижняя часть штанины ежеминутно готова была совсѣмъ оторваться и свалиться съ ноги. У погребка стояла дрянная лошаденка, запряженная въ линейку, хотя и рессорную, но очень грязную и плохую.

«Вотъ, кажется, то, что намъ нужно», промелькнуло у насъ въ головѣ.

На предложеніе везти наши вещи до Мцхета мужиченко тотчасъ согласился и назначилъ какъ разъ ту цѣну, о которой говорилъ намъ фургонщикъ,—полтора рубля въ сутки; и только немного подумавъ, онъ какъ будто пожалѣлъ, что, можетъ быть, продешевилъ, и прибавилъ:

- Господа, накиньте еще на хлѣбъ по абазу въ день!
- А что такое—абазъ?
- Да одинъ двугривенный.
- Изволь.

Мы ударили по рукамъ и условились выѣхать изъ города въ четвертомъ часу дня.

II.

Отъ Владикавказа до Гулетъ.

«Тихоня». — Редантская долина. — Балтинское ущелье и ст. Балта. — Ночевка въ Ларсѣ. — Начало Дарьяльскаго ущелья. — Гулеты и гулетская будка. — Прогулка къ водопаду.

Купивъ бурки и запасшись кое-какой провизіей, мы въ назначенное время тронулись въ путь. Лошаденка еле передвигала ноги, хотя Тихонь (такъ звали нашего возницу) не жалѣлъ для нея своего веревочнаго кнута.

— Должно быть, не успѣла отдохнуть и выкормиться,—думали мы, глядя, какъ лошаденка на удары кнута даже хвостомъ не виляла и продолжала тащиться самымъ медленнымъ шагомъ.

— Тихонь ѣдетъ очень тихо,—скаламбурилъ кто-то изъ насъ, и тотчасъ имя нашего возницы было передѣлано въ «Тихоню».

Редангская долина.

Намъ даже показалось, что Тихоня не только не можетъ, но даже и не долженъ ѣхать иначе, какъ только тихо, по крайней мѣрѣ—до перевала.

Насъ постоянно обгоняли изящные экипажи, въ которыхъ «сливки» владикавказскаго общества ѣхали провести вечеръ въ загородныхъ садахъ. Эти сады расположены по обѣ стороны дороги въ такъ называемой Редантской долинѣ. Она занимаетъ пространство между городомъ и горами, до входа въ Балтинское ущелье. Среди нея извивается Терекъ. Онъ тихо и спокойно катитъ свою мутную, илистую воду въ плоскихъ берегахъ, покрытыхъ сочною травою и разнообразною древесною растительностью.

А впереди, совсѣмъ близко, роскошной сказочной декорацией стоятъ горные великаны, склоны которыхъ покрыты, точно щетиной, густымъ лѣсомъ. И эта декорация такъ поразительно красива, такъ грандіозна и такъ неотразимо привлекаетъ къ себѣ все ваше вниманіе, что прелесть долины почти не замѣчается. Глаза видятъ только горы и въ особенности то мѣсто, которое составляетъ входъ въ горы,—начало Балтинскаго ущелья. Черезъ часъ или полтора мы вступили въ него, и, какъ нѣкогда Пушкина, «Кавказъ принялъ насъ въ свои объятія» («Путешествіе въ Арзрумъ»).

Да, ровно восемьдесятъ лѣтъ назадъ нашъ великій поэтъ шелъ этими самыми мѣстами и оставилъ намъ краткое, но сильное описаніе ихъ. «Мы услышали,—говоритъ онъ,—глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ... Чѣмъ дальше углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущелье. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущелье извивается вдоль его теченія. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался пораженный мрачною прелестью природы».

Буквально то же самое переживали и мы. Невиданныя дотоле картины, одна другой очаровательнѣе и грандіознѣе, развертывались передъ нашими глазами и заставляли насъ поминутно останавливаться, ахать и разводить руками отъ восторга и изумленія. Только этимъ способомъ мы и могли выразить свои чувства, подходящихъ же словъ мы рѣшительно не находили.

Какъ будто нарочно для полноты сходства съ тѣмъ, что видѣлъ и переживалъ Пушкинъ, «погода и на этотъ разъ была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ».

Издѣдка накрапывалъ небольшой дождь, но мы его просто не хотѣли замѣчать и бодро шли дальше, оставляя Тихоню позади. Мѣстами мы останавливали свое вниманіе на расположеніи и направленіи земныхъ напластованій—результатъ чудовищной работы подземныхъ силъ. Огромныя толщи земной коры какъ будто вывернуты наружу, подброшены на страшную высоту и даже ра-

Начало Балтинскаго ущелья.

зорваны, оказавшись не въ состояннн выдержать внутреннее давлєннє. И вотъ вы видите рваные края земной коры, пласты которой лежать не горизонтально, а то наклонно, то волнистой линїей, то совершенно вертикально. Думается, никакая самая дикая и необузданная фантазїя не сможетъ представить себѣ ужасной картины того геологическаго переворота, результатомъ котораго явились Кавказскїя горы.

Охваченные новыми впечатлѣнїями, увлеченные невиданными красотами природы, мы совсѣмъ не замѣтили, какъ дошли до станціи Балта. Было уже шесть часовъ вечера.

Мы съ утра были на ногахъ, но усталости почему-то не чувствовали. Послѣ нѣкотораго колебанїя,—остановиться ли почевать въ Балтѣ, или итти дальше,—мы рѣшили, что переночуемъ въ Ларсѣ, до котораго оставалось еще шестнадцать верстѣ.

«Только три часа ходьбы,—думалось намъ,—и въ девять часовъ вечера мы будемъ на ночлегѣ».

Между тѣмъ ущелье все болѣе и болѣе суживается. Дорога вьется по лѣвому берегу Терека, плотно прижавшись къ отвѣснымъ скаламъ. На каждомъ шагѣ въ нихъ видны слѣды динамитныхъ забоевъ, которыми взрывали эти скалы, чтобы пробить чрезъ нихъ дорогу. Иногда онѣ свѣшиваются надъ самою дорогою, образуя полутуннель. Невольная жуть заползаетъ въ душу, когда смотришь на эти массивныя глыбы, висящїя надъ самой головою. Ихъ называютъ «Пронеси, Господи».

Солнце садилось. Въ ущелье заползали вечернїя сумерки, придавая ему все болѣе и болѣе мрачный видъ. Скоро стало совсѣмъ темно. Глазъ видѣлъ лишь на нѣсколько шаговъ вокругъ.

И только теперь, когда скрытая мракомъ природа перестала возбуждать наши нервы, мы какъ-то сразу почувствовали, что устали. Ноги ныли и съ трудомъ двигались. Все тѣло какъ-то отяжелѣло и утратило свою легкость и бодрость. Въ головѣ была тяжесть отъ массы новыхъ и сильныхъ впечатлѣнїй. Голодъ давалъ себя знать. Хотѣлось спать.

— Скоро ли Ларсѣ?

— Должно быть, скоро.

Но впереди ничего не видно. Проходитъ цѣлый часъ; ужъ скоро десять. Мы пристально вглядываемся, не покажутся ли впереди станціонные огоньки. Вотъ что-то блеснуло и тотчасъ погасло; потомъ вновь блеснуло поближе.

Да, это—станція... Мы прибавили шагѣ, и ровно въ десять часовъ входили на крыльцо станціоннаго домика. Откуда-то появляется смотритель. Мы суемъ ему бумагу отъ начальника работъ изъ Владикавказа и довольно безцеремонно просимъ отвести намъ помѣщенїе для ночлега. Тотъ бѣгло прочитываетъ бумагу, видитъ на ней штемпель путеискаго вѣдомства и равнодушнымъ тономъ бросаетъ въ нашу сторону:

Скалы въ Балтинскомъ ущельѣ.

— Почтовыхъ станцій это не касается: онѣ совсѣмъ другого вѣдомства.

Мы озадачены и смущены. Но смотритель уже любезно добавляетъ:

— Впрочемъ, комнату я вамъ отведу. Туристовъ мы всегда принимаемъ охотно, хотя бы они ѣхали и не на почтовыхъ.

— Да мы не ѣдемъ, а идемъ. Ёдутъ только наши вещи.

— Значить, тѣмъ болѣе вамъ нужно дать комнату. Вы, вѣроятно, устали.

Закусивъ въ станціонномъ буфетѣ молокомъ и яйцами, мы тотчасъ же укладываемся спать,—двое на жесткихъ, какъ камень, диванахъ, а третій—на полу, на буркѣ,—и тотчасъ засыпаемъ.

Нужно пройти въ день тридцать пять—сорокъ верстъ, чтобы какъ слѣдуетъ испытать, что такое—крѣпкій, здоровый, живительный сонъ.

Утромъ мы поднялись въ шесть часовъ бодрые и свѣжіе.

Первое, что мы увидѣли, выйдя на крыльцо станціи, это огромная, отвѣсная гора, къ которой почти вплотную прижалось станціонное зданіе. Недалеко отъ него, въ руслѣ Терека, лежитъ большая каменная глыба, такъ называемый «Ермоловскій камень».

Тотчасъ за станціей ущелье такъ суживается, что принимаетъ видъ глухого переулка, изъ котораго, кажется, вовсе нѣтъ выхода. И эта узкая, мрачная щель, обставленная по обѣ стороны высокими отвѣсными скалами, неудержимо влечетъ къ себѣ. Хочется поскорѣе проникнуть въ нее и собственными глазами увидѣть то, что называютъ «чудной сказкой въ пятнадцать верстъ».

Это—начало Дарьяльскаго ущелья.

Мы наскоро выпили чаю, закусили обычными яйцами и не безъ сердечнаго волненія вступили въ знаменитое ущелье.

Кто хоть разъ въ жизни видѣлъ Дарьяль, тотъ уже никогда его не забудетъ. Трудно представить себѣ болѣе мрачную, величественную и болѣе грозную природу. Необузданная фантазія Дорэ, воплощенная въ его рисункахъ, кажется здѣсь совсѣмъ блѣднымъ и слабымъ подражаніемъ дѣйствительности. Тѣснина, въ которой иногда видна вверху только узкая полоса неба, какъ будто сдавливаетъ путника стоящими по обѣ стороны отвѣсными громадами. Послѣднія, въ свою очередь, также изрѣзаны разсѣлинами, представляющими Дарьяль въ уменьшенномъ видѣ. Изъ нѣкоторыхъ совершенно неожиданно вырывается цѣлый потокъ свѣта; другія, напротивъ, полны тьмы и таинственности. Каждое изъ ущелій съ непрестанными переливами свѣта и тѣней можетъ дать художнику матеріала на цѣлую жизнь. Всевозможные цвѣта размѣстились по ущельямъ въ томъ гармоническомъ порядкѣ, который доступенъ только одному мастеру—природѣ. Ежеминутно солнце и блуждающія облака измѣняютъ этотъ порядокъ, и предъ путникомъ прохо-

дить рядъ непрерывно мѣняющихся картинъ, изъ которыхъ та, что находится передъ глазами, кажется прекраснѣе только что исчезнувшей.

Кое-гдѣ съ горной высоты падаютъ ручьи мелкими и разбрызганными струями, напомнившими Пушкину похищеніе Ганимеда—«странную картину Рембрандта». А внизу—

Терекъ играетъ въ свирѣномъ весельѣ.
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной,
И бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады. (Пушкин ъ).

Часа черезъ полтора или два по выходѣ изъ Ларса мы достигли такъ называемой Гулетской будки—довольно просторнаго камен-

Станція Ларсъ.

наго домика, построеннаго на самомъ берегу Терека для дорожнаго мастера и рабочихъ.

Изъ сосѣдняго аула Гулеты къ намъ сбѣжалась цѣлая толпа ребятишекъ, назойливо предлагая кусочки горнаго хрустала и мѣднаго колчедана, собираемые ими въ окрестныхъ горахъ.

У самой будки насъ встрѣтилъ дорожный мастеръ Муса Баргузановъ, очень солидный и еще красивый ингушъ лѣтъ сорока пяти. Просмотрѣвъ нашъ «открытый листъ» отъ начальника работъ, онъ любезно объявилъ, что и будка, и онъ самъ къ нашимъ услугамъ.

Отъ Гулетской будки туристы обыкновенно совершаютъ восхождение на знаменитый Девдоракскій ледникъ, спускающійся по южнымъ склонамъ Казбека. Мы также непременно хотѣли побывать на ледникѣ и потому объявили Тихонѣ, что онъ можетъ кормить свою клячу ровно сутки, такъ какъ ранѣе полудня слѣдующаго дня мы отсюда не выберемся. Тихоня былъ очень радъ этому и сталъ увѣрять насъ, что завтра его лошадь побѣжитъ, какъ хорошей рысакъ.

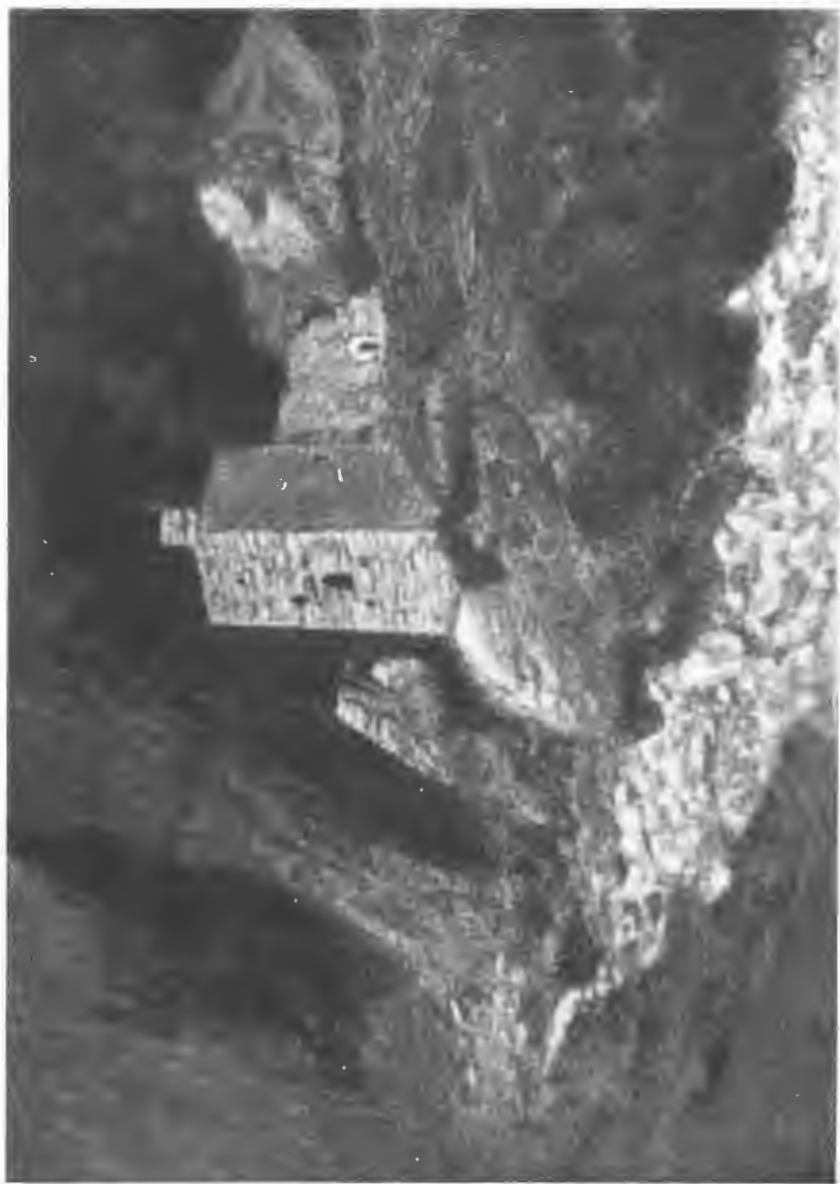
Стояла жаркая погода. Насъ томила жажда, и потому мы прежде всего попросили приготовить самоваръ, а затѣмъ позвать проводника для сопровожденія насъ на ледникъ. Бартузановъ отвѣтилъ на это, что проводникъ—его родной братъ, за которымъ онъ сейчасъ же пошлетъ въ аулъ Гулеты. На сборы ему понадобится часа два. А тѣмъ временемъ, напившись чаю, не пожелаемъ ли мы осмотрѣть очень живописный водопадъ, находящійся въ двухъ верстахъ отъ будки?

Мы не хотѣли терять времени даромъ и тотчасъ послѣ чаю, сопровождаемые сторожемъ изъ будки, отправились къ водопаду. Дорога лежитъ мимо аула Гулеты—беспорядочной группы жалкихъ саклей, сложенныхъ изъ нетесаннаго камня.

Тотчасъ же за ауломъ мы увидали развалины старинной башни, какихъ впослѣдствіи встрѣчали очень много. Башня прижалась къ высокому отвѣсному утесу. Господствуя надъ ущельемъ въ этомъ мѣстѣ, она когда-то, очевидно, была грознымъ укрѣпленіемъ, запиравшимъ входъ въ ущелье. Тогда изъ ея амбразуръ торчали ружья; ея дверь (на рисунокѣ—среднее наибольшее отверстіе) принимала и выпускала воиновъ, входившихъ и выходившихъ по подъемной лѣстницѣ. Теперь въ ней мертво и тихо, и лишь большія зеленыя ящерицы пробѣгаютъ по камнямъ. Верхняя часть башни обрушилась; стѣны, сложенные изъ грубо обтесаннаго или вовсе нетесаннаго камня, безъ извести и цемента, кое-гдѣ разваливаются; двери амбразуры зияютъ, какъ глазныя впадины на черепѣ мертвеца.

Мы съ трудомъ проникли во внутренность башни и увидѣли, что она состояла изъ трехъ этажей: нижній служилъ складомъ оружія и боевыхъ припасовъ, второй былъ жильемъ, а изъ третьяго производились наблюденія за непріателемъ и стрѣльба. Кое-гдѣ въ стѣнахъ имѣются углубленія, служившія каминами или печами; отъ нихъ въ стѣнахъ же идутъ дымоходы наружу. По обѣ стороны двери, въ каменной кладкѣ, также сдѣланы углубленія,—очевидно, для деревяннаго засова, запиравшаго дверь.

Недалеко отъ башни, на возвышенностяхъ, на которыя, впрочемъ, намъ не захотѣлось взбираться, виднѣются развалины двухъ церквей, отъ которыхъ остались только стѣны безъ сводовъ и крестовъ. Нѣтъ въ нихъ ни иконъ, ни церковной утвари, сюда разъ

Башня у селенія Гулеты.

въ годъ, весной, собирается изъ окрестностей множество народа и прѣзжаетъ священникъ, который совершаетъ богослуженіе. А затѣмъ закалываютъ нѣсколько барашковъ и устраиваютъ пиръ, веселье и оживленность котораго поддерживаются аракой—кукурузной водкой домашняго приготовленія.

Мы сидѣли на камняхъ крѣпостныхъ развалинъ и невольно задумались надъ бурнымъ прошлымъ, свидѣтелями котораго были эти самые камни. Проводникъ вывелъ насъ изъ задумчивости, напомнивъ, что здѣсь смотрѣть больше нечего и что пора итти къ водопаду. До него оставалось уже недалеко. Мы свернули въ узенькое, неглубокое ущелье и, съ трудомъ пробираясь по едва замѣтной тропинкѣ надъ обрывомъ, скоро достигли водопада. Довольно широкая струя воды съ шумомъ низвергается съ высоты 50 футовъ, обдавая брызгами сосѣдніе скалы и утесы.

Мы долго стояли предъ водопадомъ, очарованные его красотой; мы продвинулись возможно ближе къ нему и, утомленные дневнымъ зноемъ, съ удовольствіемъ подставляли себя подъ его освѣжающія брызги.

III.

Девдоранскій ледникъ.

Девдоракская тропа.—Ужасная случайность.—Подъ водопадомъ.—Девдоракская хижина.—Ледникъ и его обвалы.—«Обвалъ» Пушкина.—На ледникѣ.

На возвратномъ пути отъ водопада, недалеко отъ Гулетской будки, мы догнали туземца, который, видимо, насъ поджидалъ. Сопровождавшій насъ сторожъ сообщилъ намъ, что это проводникъ, Исаакъ Бартузановъ, который поведетъ насъ на Девдоранскій ледникъ. Мы познакомились и немедленно по возвращеніи въ будку стали собираться въ путь.

Отъ будки до ледника—только 8 верстъ. Но для неопытныхъ туристовъ, не имѣвшихъ предварительной тренировки, каковы были мы, этотъ путь требуетъ большого напряженія и трехъ или четырехъ часовъ времени. Мы рѣшили, что сегодня доберемся только до Девдоракской хижины, находящейся у подножія ледника, тамъ переночуемъ, утромъ осмотримъ ледникъ и вернемся въ Гулеты, откуда пойдѣмъ дальше. Проводникъ предупредилъ насъ, что необходимо взять съ собой провизію, такъ въ хижинѣ ничего нѣтъ, и бурки, на случай ночного холода у ледника. Пришлось вынуть изъ чемодановъ дорожные мѣшки, нагрузить ихъ провизіей и другими необходимыми вещами и, свернувъ на солдатскій манеръ бурки, съ мѣшками за плечами отправиться въ путь.

Сначала дорога идетъ съ небольшимъ подъемомъ среди зеленыхъ луговъ, по дну довольно глубокаго ущелья, перпендикулярнаго къ Дарьяльскому. Но затѣмъ, версты черезъ 2 или 3, она

сворачиваетъ налѣво и переходитъ въ такъ называемую Девдоракскую тропу, извивающуюся четырьмя или пятью маршами по склону довольно крутой горы. Эта тропа имѣетъ 2 арш. ширины и тянется на протяженіи 4 верстъ, при чемъ все время путникъ видитъ по одну сторону себя почти отвѣсную стѣну, а по другую— такую же отвѣсную пропасть, глубина которой, съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ поворотомъ тропы, увеличивается все болѣе и болѣе. И жутко и красиво.

Девдоракская тропа (два марша).

На противоположной сторонѣ ущелья горы поднимаются на страшную высоту. Вершины ихъ представляютъ голыя, зазубренные скалы, до которыхъ, кажется, нѣтъ никакой возможности добраться,—до такой степени онѣ круты, обрывисты и недоступны. А между тѣмъ нашъ проводникъ увѣрялъ, что именно тамъ онъ охотится на туровъ, пасущихся обыкновенно на очень высокихъ опасныхъ кручахъ. Онъ отыскиваетъ ихъ, рассматривая окрестныя горы и скалы въ подзорную трубу, и, замѣтивъ гдѣ-нибудь стадо туровъ, предпринимаетъ длинное и тяжелое обходное движеніе, стараясь подойти къ добычѣ съ подвѣтренной стороны. Если это

удастся, то успѣхъ обезпеченъ, и одинъ или два тура падаютъ подъ его выстрѣлами, а остальные убѣгаютъ.

Кое-гдѣ Исаакъ велъ насъ не по тропѣ, а едва замѣтной дорожкой, пересѣкающей ея зазгаги подъ прямымъ угломъ. Длина пути отъ этого замѣтно уменьшалась, но зато подъемъ былъ такъ крутъ, что мы съ трудомъ могли подвигаться впередъ, цѣпляясь руками за траву и кусты. Небольшая сравнительно тяжесть мѣшковъ за плечами и бурокъ (не болѣе полупуда у каждаго) на такихъ подъемахъ давала себя чувствовать. Ноги болѣзненно ныли. Въ вискахъ стучало. А солнце жгло немилосердно, и мы обливались потомъ.

При одномъ изъ такихъ подъемовъ мы, еле добравшись до тропы, расположились на ней отдохнуть. Всѣ сняли съ плечъ мѣшки и устроились кто какъ хотѣлъ. Проводникъ. юноша С. и пишущій эти строки сѣли лицомъ къ пропасти, прислонившись спинами къ скалѣ; а инженеръ В. улегся навзничъ поперекъ тропы; подъ голову онъ подложилъ свой мѣшокъ, а ногами уперся въ скалу; онъ увѣрялъ насъ, что при такомъ положеніи ноги скорѣе и лучше отдохнуть. Не знаю, насколько это вѣрно; но несомнѣнно, что, именно благодаря этому обстоятельству, мы избѣжали страшнаго несчастья, подстерегавшаго насъ здѣсь, беззаботно любовавшихся окружающими видами и весело болтавшихъ о томъ, какъ турецкаго султана Абдуль-Гамида увезли въ Салоники. При разсказѣ объ этомъ событіи нашъ угрюмый обыкновенно Исаакъ заливался самымъ заразительнымъ дѣтскимъ хохотомъ. Наслаждаясь отдыхомъ, всѣ чувствовали себя чрезвычайно хорошо.

Вдругъ В., все время смотрѣвшій на скалу, къ которой мы, остальные, прислонились спинами, быстро вскакиваетъ на ноги и съ крикомъ: «бѣгите прочь! падаетъ, падаетъ!» бросается въ сторону. Мы, еще ничего не видя, но чувствуя какую-то страшную опасность, также моментально вскакиваемъ на ноги и дѣлаемъ какой-то отчаянный прыжокъ отъ того мѣста, на которомъ сидѣли. И только теперь видимъ, что съ кручи саженъ въ 20—30 высотой летитъ прямо на насъ довольно большой камень, прыгая изъ стороны въ сторону при каждомъ ударѣ о какой-нибудь выступъ скалы. Быстрота его паденія увеличивается съ каждымъ мгновеніемъ въ поразительной прогрессіи, и мы не успѣваемъ сдѣлать двухъ шаговъ въ сторону, какъ камень оказывается уже на тропѣ. Онъ съ силою ударяется въ мѣшокъ, только что лежавшій за спиною С., перебрасываетъ его черезъ тропу и останавливается вмѣстѣ съ нимъ на самомъ обрывѣ.

Нѣсколько минутъ мы молча стоимъ на мѣстѣ точно въ столбнякѣ и съ ужасомъ думаемъ о томъ, что могло бы произойти, если бы В.—у не вздумалось улечься лицомъ къ скалѣ. Сядь онъ рядомъ съ нами, никто не замѣтилъ бы паденія камня, и С. лежалъ бы теперь передъ нами съ разбитымъ черепомъ.

Водопадъ на Девдоракской тропѣ.

Поднявъ голову вверху, откуда скатился камень, мы увидали тамъ нѣсколько коровъ, преспокойно поѣдавшихъ траву на сочномъ горномъ пастбищѣ. Очевидно, одна изъ нихъ и столкнула ногою камень.

Поразительное вліяніе имѣеть на человѣка дивная горная природа съ ея роскошными видами и живительнымъ воздухомъ. Только этимъ вліяніемъ и можно, думается, объяснить, что черезъ какихъ-нибудь пять минутъ мы совсѣмъ забыли о грозившей намъ опасности и съ прежней беззаботностью шагали впередъ, спокойно заглядывая въ бездонную пропасть, зіяющую у самыхъ нашихъ ногъ, и даже останавливаясь тамъ, гдѣ она особенно глубока, обрывиста

«истор. вѣстн.», январь, 1911 г., т. сѣхлп.

20

и въ сущности не столько красива, сколько ужасна. Проводникъ по этому поводу замѣтилъ, что далеко не всѣ могутъ съ такимъ спокойствіемъ заглядывать въ бездну. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, онъ велъ здѣсь одного молодого офицера, все время поддерживая его за талію. Офицеръ шель, держась обѣими руками за скалы, и ни разу не рѣшился заглянуть въ пропасть. И въ то же время сестра его, молоденькая барышня, весело и безстрашно неслась по тропѣ верхомъ на лошади, галопомъ, смѣясь надъ трусостью своего военного брата.

Недалеко отъ Девдоракской хижины на самую тропу падаетъ небольшая струя воды, образуя водопадъ. Дробясь о скалу и камни тропы на множество брызгъ, струя стекаетъ въ пропасть новымъ водопадомъ.

Исаакъ посовѣтовалъ намъ накрыться бурками, чтобы не промокнуть, проходя подъ водопадомъ. Такъ мы и сдѣлали. Проводникъ же и не думалъ чѣмъ-нибудь накрываться: онъ осторожно прошелъ по самому краю обрыва, по мокрымъ и скользкимъ плитамъ, которыми тропа предохраняется отъ размыванія водою. Здѣсь на него упало лишь нѣсколько брызгъ, струя же водопада осталась сбоку.

На этотъ разъ мы подивились смѣлости Исаака и увѣренности, съ какою онъ ставилъ ногу на самый край скользкой плиты, рискуя при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи слетѣть внизъ на глубину въ нѣсколько десятковъ сажень и разбиться тамъ вдребезги. Но на обратномъ пути мы уже продѣлали то же самое, и притомъ нисколько не удивляясь на самихъ себя: такъ скоро у человѣка образуются надлежащіе навыки, а вмѣстѣ съ ними—точность и увѣренность въ движеніяхъ.

По мѣрѣ подъема и приближенія къ леднику, намъ удалось наблюдать не только постепенную замѣну однихъ растеній другими, но даже одни и тѣ же растенія въ различномъ фазисахъ весенняго развитія. Такъ, напр., на высотѣ около пяти тысячъ футовъ береза имѣла вполнѣ развернушіеся листья (это было въ концѣ мая); на высотѣ же въ семь тысячъ футовъ она только что начинала распускаться. На этой же приблизительно высотѣ мы, къ немалому нашему удивленію, встрѣтили цѣлыя поля рододендроновъ въ полномъ цвѣту. Мы нарвали роскошные букеты, которые и принесли съ собою въ Девдоракскую хижину.

Было уже 6 часовъ вечера, когда мы достигли ея, употребивъ на путь въ 8 верстъ почти 4 часа. Исаакъ отперъ двери домика и поздравилъ насъ, какъ первыхъ туристовъ, входящихъ въ него въ этомъ году.

Девдоракская хижина оказалась довольно просторнымъ каменнымъ домикомъ изъ двухъ большихъ комнатъ и кухни. Она построена отчасти для туристовъ, совершающихъ восхожденія на ледникъ и вершину Казбека, главнымъ же образомъ—для наблюденія

Девдоракскій ледникъ.

за ледникомъ, извѣстнымъ своими грозными и разрушительными обвалами.

Дѣйствительно, изъ хижины весь ледникъ виденъ какъ на ладони. Онъ спускается съ южнаго крутого склона Казбека нѣсколькими рукавами, наподобіе ледяныхъ каскадовъ, которые въ нижней своей части сливаются въ одинъ общій потокъ, длиною около двухъ верстъ, шириною отъ 100 до 170 сажень и толщиною до 45 сажень. Вся эта громада льда съ невѣроятно тяжелою нагрузкою изъ каменныхъ моренъ достигаетъ вершины Девдоракскаго ущелья и здѣсь нависаетъ надъ нимъ съ страшной кручи, на высотѣ 7,500 ф., сдавленная, словно узкимъ горломъ, боковыми стѣнками ущелья (это «горло» на рисункѣ обозначено буквами А, Б и В).

Когда накапливается слишкомъ много снѣга въ этомъ ледникѣ, нижнія части его обрываются и съ страшнымъ грохотомъ рушатся въ Девдоракское ущелье, низвергая на пути своемъ скалы и деревья,

20*

унося съ собой массы камней, съ каждымъ шагомъ разрастаясь и увеличиваясь отъ прилипанія снѣговъ, чрезъ которые катится заваль, пока, наконецъ, онъ не вторгнется въ долину Терека и не засядетъ въ ея тѣснинахъ, остановленный каменной грудью окружающихъ ее великановъ.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія произошло шесть большихъ обваловъ ледника. О первыхъ трехъ (1776, 1778 и 1785 гг.) сохранились лишь преданія, а о завалахъ 1808, 1817 и 1832 гг. существуютъ официальные свѣдѣнія. Послѣдній изъ нихъ, свалившійся 15 авг. 1832 г. въ 5 ч. утра, загородилъ ущелье Терека на 2 версты и запрудилъ рѣку такъ, что во Владикавказѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ можно было перебираться вбродъ съ одного берега рѣки на другой. Высота завала была около 50 саж., объемъ же его опредѣленъ офицерами корпуса путей сообщенія въ 1.600.000 куб. сажень. Черезъ него пришлось устроить временную тропу, и только черезъ 2 года масса льда стаяла настолько, что представилась возможность возобновить дорогу на твердомъ грунтѣ.

Исаакъ Баргузановъ увѣрялъ насъ, что онъ зналъ одного старика, охотника за турами, который видѣлъ этотъ гигантскій обвалъ. Охотникъ находился въ то время на скалахъ противъ теперешней Девдоракской хижины (которой тогда еще не было). Онъ услышалъ какой-то необыкновенный трескъ, и въ то же мгновеніе внизу, мимо него, пронеслась съ невѣроятною быстротою вся масса льда и камней. Охотникъ не успѣлъ опомниться, какъ уже все было кончено.

У Пушкина есть стихотвореніе (написано въ 1829 г.), рисующее, вѣроятно, обвалъ 1817 года.

Позволяю себѣ напомнить его читателю.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумять и гнѣятся валы,
И надо мной кричать орлы,
И рощетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой млы
Вершины горъ.
Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ.
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ.
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, осwirѣпѣвъ,
Свои берега.

И долго прорванный обваль
 Неталой грудю лежалъ.
 И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
 И пылью водъ
 И шумной пѣной орошалъ
 Ледяный сводъ.
 И путь по немъ широкій шелъ:
 И конь скакалъ, и влекся воль,
 И своего верблюда вель
 Степной купецъ,
 Гдѣ нынѣ мчится лишь Эоль,
 Небесъ жилецъ.

Вечеръ былъ очень ясный, но вблизи ледника и на довольно большой высотѣ, на которой мы находились, было свѣжо. Мы накинули бурки и долго любовались суровой и угрюмой картиной Девдоракскаго ущелья. Особенно мрачный видъ имѣетъ правая, противоположная хижинѣ, сторона ущелья, состоящая изъ огромныхъ отвѣсныхъ скалъ, вершины которыхъ зазубрены, а бока изрѣзаны углубленіями, заполненными снѣгомъ. На одной изъ такихъ скалъ еле видна даже въ хорошій бинокль такъ называемая Ермоловская хижина, построенная Исаакомъ Бартузановымъ на средства горнаго общества и служащая для отдыха и ночлега тѣхъ, кто совершаетъ восхожденіе на вершину Казбека.

Влѣво отъ хижины находится главное русло ледника, а еще лѣвѣе—огромная толща вѣчнаго снѣга и льда.

Почти отъ самой хижины и до ледника по склону горы тянется нѣсколько снѣговыхъ полей — остатки зимнихъ снѣговыхъ заваловъ (на рисункѣ, съ лѣвой стороны, видно два такихъ поля). И прямо передъ глазами — огромная сѣровато-грязная масса ледника, зажата въ горловинѣ и нависшая надъ ущельемъ. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ бока горловины не выдержатъ страшной тяжести, напирющей на нихъ сверху, подъ очень большимъ уклономъ, раздадутся,—и вся масса льда и камней съ грохотомъ ринется въ ущелье, сотрясая сосѣднія скалы.

Но ледникъ пока остается спокойнымъ, напоминая своимъ грознымъ видомъ дикаго, страшнаго звѣря, притаившагося въ тѣснинѣ и оттуда подстерегающаго добычу. Тихо. Только снизу, со дна ущелья доносится глухой, монотонный шумъ вытекающаго изъ-подъ ледника ручья—Амилишки, да отъ времени до времени раздается то слабый, еле слышный, то довольно громкій и явственный грохотъ камней, скатывающихся съ обращеннаго къ солнцу и подтаивающаго края ледника.

Къ ночи въ хижинѣ стало очень холодно, и мы легли спать не раздѣваясь, плотно закутавшись въ бурки; а утромъ на другой день поднялись рано и, выйдя изъ хижины, имѣли случай любоваться такимъ дивнымъ утромъ, какое бываетъ только въ горахъ. Внизу, на днѣ ущелья, было еще сумрачно, но вершины скалъ и снѣговья

поля ярко блестяли на солнцѣ. Кое-гдѣ медленно плыла туманы, поднимались все выше и выше и незамѣтно исчезали въ бездонной синевѣ неба. Несомнѣнно, объ одномъ изъ такихъ утрѣ Лермонтовъ говорить:

«Свѣтаетъ. Горы снѣговья
На небосклонѣ голубомъ
Зубцы подъемлютъ золотые;
Слилися съ утреннимъ лучомъ
Края волнистые тумана».

Исаакъ торошилъ насъ идти на ледникъ, такъ какъ позднѣе, когда солнце обогрѣетъ и разрыхлитъ смерзшійся за ночь снѣгъ, перебраться черезъ завалы было бы труднѣе.

Вооружившись длинными палками съ острыми желѣзными наконечниками (Alpenstock), мы отправились. Нужно было идти то по мелкому щебню, осыпавшемуся подъ ногами, то по снѣжнымъ заваламъ съ довольно крутымъ наклономъ ко дну ущелья и къ леднику. Ноги скользили, и мы, чтобы не скатиться внизъ, ступали очень осторожно, упираясь въ снѣгъ палками. А въ это время проводникъ шелъ спокойно и увѣренно впереди насъ какъ по ровному полу, держа свою палку за спиной. Черезъ слѣдующіе завалы мы шли уже болѣе твердымъ и увѣреннымъ шагомъ, а на обратномъ пути безъ малѣйшаго риска бѣгали тамъ, гдѣ часъ назадъ боязливо и осторожно переставляли ноги.

Перейдя черезъ послѣдній заваль, мы вступили на ледникъ и здѣсь увидали, что онъ представляетъ неровную, изрытую трещинами поверхность. На срединѣ она выдается горбомъ и понижается къ обоимъ берегамъ. Различной величины камни и обломки скалъ покрываютъ всю эту поверхность, за исключеніемъ выпуклой средней части, съ которой они скатываются на обѣ стороны, оставляя ее чистою и бѣлою.

Только стоя среди ледника и обзрѣвая его сразу на всемъ протяженіи, не столько видишь и понимаешь, сколько чувствуешь, какую невѣроятно огромную массу льда и камней онъ представляетъ собою. Подавленные грандіозностью открывшагося передъ нами зрѣлища, мы долго стояли среди ледника въ какомъ-то оцѣпенѣніи; потомъ молча перешли на другую сторону его и такъ же молча возвратились назадъ, къ правому берегу могучаго ледяного потока, безсильные выразить словами охватившія насъ мысли и чувства.

Обратный путь по Девдоракской тропѣ мы совершили одни, такъ какъ Исаакъ остался въ хижинѣ, чтобы привести ее въ порядокъ. Черезъ два часа по выходѣ изъ нея мы были уже въ Гулетской будкѣ, а еще немного спустя шагали дальше.

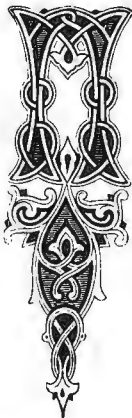
А. Мощанскій

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти Генералъ-Вагенмейстера Главнаго штаба Афанасія Даниловича Соломко, состоявшаго при особѣ Государя безотлучно 11 лѣтъ — съ 1814 по 1825 г., и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Бозѣ почивающей Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ текстѣ 15 рисунковъ и 4 факсимиле писемъ. Спб. 1910
Стр. III. Ц. 1 р. 80 коп.

ОДѢ такимъ нѣсколько длиннымъ и неуклюжимъ заголовкомъ вышла небольшая, но изящно изданная брошюра, проливающая свѣтъ на обстоятельства кончины Александра I и окончательно разсѣивающая туманъ, который принимался за историческую правду и который ставился въ связь съ мало непонятной легендой о воплощеніи личности Александра Благословеннаго въ загадочной фигурѣ старца Федора Кузьмича. Несмотря на то, что между этими двумя представителями первой половины XIX в. рѣшительно ничего не могло быть найдено общаго, несмотря на то, что фактъ дѣйствительной кончины и реальныя обстоятельства, ее сопровождавшія, подтверждены непреложными историческими документами, человѣческая фантазія и человѣческое тяготѣніе ко всему таинственному, въ противность истинѣ и фактамъ продолжаютъ, какъ извѣстно, и поднесъ окутывать послѣдніе дни Александра I легендами. Въ особенности этому содѣйствовала и содѣйствуетъ и нынѣ наша историческая макулатурная литература, которая, пріютившись въ разныхъ популярныхъ и дешевыхъ изданіяхъ, выводитъ на исторической канвѣ причудливыя и фантастическія узоры, сливая ноябрьскіе дни

1824 г., протекшіе въ Таганрогѣ, съ нѣкоторыми страницами нѣсколько позднѣйшаго времени изъ жизни сибирскаго таинственнаго старца. Тщетно великій князь Николай Михайловичъ посвятилъ интересный и содержательный очеркъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1907 г., № 6), вышедшій потомъ отдѣльною брошюрою, гдѣ на основаніи собранныхъ достовѣрныхъ документовъ, на основаніи свидѣтельствъ современниковъ и показаній послѣдующихъ изслѣдователей, на основаніи характерныхъ признаковъ почерковъ обоихъ судимыхъ исторіей дѣйствующихъ лицъ, вполне доказательно установилъ, что между Кузьмичемъ и царственнымъ предкомъ автора статьи нѣтъ и тѣни общаго. И тѣмъ не менѣе, вопреки всѣмъ этимъ изслѣдованіямъ и доказательствамъ, фантазія російскихъ обывателей продолжала вскармливать красивую, но необоснованную легенду, во что бы то ни стало стремясь вплести въ исторію царствующаго дома таинственную страницу съ печатью на ней чего-то необыкновеннаго, драматическаго и неправдоподобнаго.

Выпущенные нынѣ въ свѣтъ «Документы», оставшіеся послѣ генералъ-вагенмейстера А. Д. Соломки выливаютъ холодный ушатъ на распаленное въ сказанномъ направленіи воображеніе обывателей и кустарныхъ историковъ, не оставляя въ легендѣ о Федорѣ Кузьмичѣ никакого основанія и повода къ отождествленію его личности съ личностью Благословеннаго. Правда, въ этихъ документахъ мы не найдемъ ни одной строки, разъясняющей намъ, кто такой былъ таинственный старецъ, ибо ко времени ихъ написанія никому въ голову не могла прійти мысль о будущей quasi исторической легендѣ, но зато эти документы очень подробно рисуютъ передъ нами повседневныя событія, протекшія въ Таганрогѣ, и не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что доставленный изъ южнаго портоваго города въ Петербургъ прахъ былъ прахомъ не кого иного, какъ прахомъ побѣдителя Наполеона. Соломка во все время пребыванія при личности Александра I въ Таганрогѣ, по пути туда и оттуда, велъ дѣятельную корреспонденцію съ матерью своей супруги, А. Л. Колюбакиной, гдѣ обстоятельно повѣствовалъ, въ связи съ домашними очередными дѣлами, о своемъ путешествіи съ государемъ въ Таганрогъ, объ обстоятельствахъ болѣзни государя, о его послѣднихъ дняхъ и часахъ. Подтверженіе, частью косвенное, частью прямое, его повѣствованія, почерпается и изъ писемъ г-жи Соломки къ своей матери, и изъ ея корреспонденціи съ мужемъ, и такимъ образомъ нынѣ обнародованный домашній архивъ подтверждаетъ о смерти Александра Павловича все то, что намъ уже извѣстно не изъ апокрифическихъ сказаній позднѣйшихъ поколѣній, а изъ официальныхъ историческихъ источниковъ. Этотъ семейный архивъ никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ лжесвидѣтельствѣ — онъ дышитъ современностью и проливаетъ любопытный свѣтъ на придворную жизнь и эпоху первой четверти XIX вѣка. Вотъ характерное письмо отъ 19-го ноября 1825 г. г-жи Соломки къ своей матери, гдѣ мы читаемъ: «Совершилось все, любезная маменька, не стало царя, и Россія осиротѣла... Сегодняшній день... О Боже, буду ли я въ состояніи описать все то, что я видѣла и что я слышала? Поутру рано я заѣхала за Чернышевой, и мы вмѣстѣ отправились въ придворную церковь слушать божественную литургію и молебень за здоровье благословеннаго императора

Александра Павловича. Молились всё усердно. Тишина и умиленіе царствовали въ храмѣ, слышны были одни вздохи, относящіеся къ Богу, и пѣніе священнослужителей. Обѣдня кончилась, начался молебенъ, всё приготовились пасть на колѣни, и священникъ развертывалъ книгу, хотѣлъ пѣть заздравныя молитвы, какъ въ ту самую минуту вошелъ къ намъ въ церковь челоувѣкъ, сказалъ—все кончилось, и пѣніе умолкло, священники пошли въ церковныя двери, пѣвчіе разошлись, молчаніе ужасное воспослѣдовало послѣ умиленныхъ молитвъ—надежда пропала и мы стояли съ Чернышевой, какъ окаменѣлыя.—Минута эта останется для меня незабвенною.—Съ растерзаннымъ сердцемъ, съ духомъ унылымъ мы возвратились домой! Едва съ нами дурно не сдѣлалось, народъ толпами стоялъ на улицѣ и ожидалъ горестнаго событія. Когда узнали о кончинѣ любимаго монарха, то всё предались горести и лили слезы.—Вотъ истинная награда чадолюбивымъ царямъ, они народомъ своимъ оплакиваемые какъ отцы нѣжными и чувствительными дѣтьми.

«Государь императоръ скончался 19 ноября 1825 года, въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ. Императрица сама закрыла ему глаза, подвязала ротъ, который былъ открытъ, перекрестила его и пошла изъ комнаты. Ей предложили выѣхать изъ дому—она не согласилась, два раза объ немъ служили панихиду—во время служенія она стоитъ неподвижно надъ умершимъ и когда запѣли вѣчная ему память, то она едва на него не упала, ходитъ, стоитъ по цѣлому часу подлѣ него и не спускаетъ глазъ. Ея положеніе опасно. Боимся, чтобы вмѣсто одного мы двухъ гробовъ отсюда не потащили

«Ужасъ объемлетъ душу при той мысли... Видно мы прогнѣвали Отца Небеснаго своими беззаконіями, что Онъ отвергъ молитвы наши всё даже невѣрныя обрацали къ нему взоры.

«Князь Калмыцкой сто рублей далъ священнику за молебенъ, сто рублей послалъ въ тюрьму и мѣшками мѣдью раздавалъ бѣднымъ, чтобы умилостивить Творца небеснаго, но все было тщетно. Угасъ свѣтильникъ Россіи—Вѣтеръ полуденный задулъ его. Небо было такъ ясно нынѣшній день, солнце во всей красѣ освѣщало землю сію юдолю печали и скорби казалось что небеса радовались видѣвши душу столь чистую, столь добродѣтельную переселяющуюся на небо. Атаназъ ¹⁾ мой былъ въ самомъ жалкомъ положеніи и безъ меня Богъ знаетъ, что бы съ нимъ случилось? Такая тоска, такое уныніе, такая грусть, что былъ свѣтъ не милъ.

«Мой мужъ отправился во дворецъ, гдѣ будетъ служить панихиду. Вы не повѣрите, какъ мрачно смотрѣтъ на ихъ одѣяніе.

«Государыня не плачетъ и не стонетъ, она какъ окаменѣлая. Фрейлины насилу ноги таскаютъ. Василій и Иванъ Зиновьевичи больны, послѣдній васъ очень любитъ, онъ всегда вспоминаетъ объ васъ и говоритъ, когда бываетъ у насъ.

«Ждутъ сюда цесаревича и наслѣдника престола Константина Павловича что будетъ никто не знаетъ? Положено что тѣло государя императора будутъ вести церемоніаломъ въ С.-Петербургъ. Шестъ недѣль здѣсь еще мы проживемъ, а потомъ поѣдемъ. Атаназъ въ смутное сіе время не хочетъ чтобы я была разно

¹⁾ То есть Аванасій, мужъ Соломко.

съ нимъ потому чтобы безпокойство и неизвѣстность не истерзали насъ. И его усердная служба чѣмъ кончится неизвѣстно.

«Не должно никогда надѣяться на князя и на сыны челоувѣческіе все гниль и прахъ.

Покорная дщя М. Соломко.

Изъ другихъ опубликованныхъ въ брешюрѣ документовъ, относящихся къ факту смерти Александра I, мы почерпаемъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ не лишенныхъ интереса подробностяхъ, сюда относящихся, явно насъ убѣждающихъ, что легенда о Федорѣ Кузьмичѣ чистѣйшей воды апокрифъ. Изъ той же семейной переписки мы узнаемъ, сколько вопросъ о будущемъ престолонаслѣдіи былъ для всѣхъ, окружавшихъ царя, неясенъ, такъ что даже въ одномъ изъ своихъ писемъ г-жа Соломко упоминаетъ о государѣ императорѣ Константинѣ I. Несмотря на всю свою близость къ Александру Павловичу и обязанность храненія его дорожнаго портфеля, гдѣ содержались документы первостепенной государственной важности и текущая переписка, Соломко совершенно не былъ въ курсѣ о готовившемся заговорѣ, о чемъ самъ Александръ I уже былъ поставленъ въ извѣстность, и только изъ одной бесѣды съ послѣднимъ онъ узналъ, что существуетъ «волненіе умовъ молодежи», но при этомъ государь, сообщая объ этомъ, замѣтилъ: «этого не знаютъ ни мать, ни жена моя, я тебѣ довѣряю».

Какъ извѣстно, кромѣ легенды о тожествѣ Александра I съ старцемъ Кузьмичемъ, популярна также легенда о томъ, что вскорѣ послѣ смерти супруга государыня Елизавета Алексѣевна будто подъ именемъ монахини Вѣры несла затворничество въ одномъ изъ монастырей. Письма Соломко и его жены къ А. Л. Колюбакиной и для даннаго вопроса являются документами опроверженія и свидѣтельствуютъ, что и эта легенда есть плодъ досужей фантазіи обывателей, хотя и по сію пору по сему предмету въ нѣкоторыхъ не заслуживающихъ серьезнаго вниманія органахъ печати встрѣчаются скользкія показанія и выводы.

«Документы» Соломко, нынѣ обнародованные, имѣютъ нѣкоторый интересъ и для составленія понятія объ условіяхъ службы при царскомъ дворѣ въ первую половину XIX в., о чемъ судить можно главнымъ образомъ по тѣмъ прошеніямъ, которыя четою Соломко подавались на высочайшее имя. Изъ этихъ прошеній явствуетъ, что хотя отъ приближенныхъ и служащихъ требовалось много и часто для нихъ сопряженное съ опасностью жизни, служба ихъ въ переводѣ на валюту оцѣнивалась невысоко, вслѣдствіе чего они терпѣли подчасъ матеріальный недостатокъ.

Приложенныя къ изданію иллюстраціи не представляютъ чего-нибудь особенно интереснаго и не могутъ похвалиться тщательностью типографскаго исполненія. Болѣе интересны факсимиле нѣкоторыхъ писемъ, свидѣтельствующія о ихъ подлинности и историчности.

В. Глинокій.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени, т. I. Изданіе т-ва И. Д. Сытина и «Сотрудника школь» А. К. Залѣсской, М. 1910. Стр. 627. Ц. 2 р. 50 к.

«Книга для чтенія по исторіи новаго времени» стоитъ въ непосредственной идейной связи съ предшествующимъ ей изданіемъ «Книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ», вышедшей подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова. Цѣль ея, по словамъ редакторовъ, такова: «дать преподавателю книгу, которая помогла бы ему освѣжить свои знанія, дать ученику старшихъ классовъ, заинтересовавшемуся исторіей, возможность расширить свой научно-историческій горизонтъ и освоиться съ методами, господствующими въ современной наукѣ, дать широкимъ слоямъ читающей публики пособіе для самообразованія».

Существенной новостью вновь вышедшей «Книги для чтенія» является то, что въ содержаніе ея вошли не только статьи по исторіи Западной Европы, но рядъ статей и по русской исторіи. Редакція «Книги» въ этомъ вопросѣ стояла на той точкѣ зрѣнія, что, во-первыхъ, «соціологически невозможно выдѣлить Россію изъ разсмотрѣнія процесса общественнаго развитія Запада», а, во-вторыхъ, «педагогическая литература по новой русской исторіи, отвѣчающая современнымъ научнымъ требованіямъ, нисколько не богаче, чѣмъ педагогическая литература по новой исторіи Запада»; а потому и ввела, какъ необходимый отдѣлъ «Книги для чтенія», статьи по исторіи Россіи, начиная съ XVI вѣка.

Въ составъ перваго тома вошли слѣдующія статьи: 1) Новые основы хозяйственной жизни Европы, В. Пискорскаго; 2) Новая культура и новое просвѣщеніе, А. Дживелегова (стр. 21—54); 3) Первые биржи и революція цѣнъ, того же автора; 4) Реформаціонное движеніе въ Германіи, В. Перцева (76—110); 5) Великая крестьянская война, В. Протопопова; 6) Англійская реформація въ эпоху Тюдоровъ, А. Савина (127—155); 7) Орденъ иезуитовъ, П. Митрофанова; 8) Кальвинизмъ во Франціи и Женевѣ, А. Васютинскаго (170—201); 9) Политическія теоріи XVI вѣка, В. Филатова; 10) Генеральные штаты во Франціи, Е. Ефимова (232—251); 11) Развитіе абсолютизма во Франціи, В. Филатова; 12) Упадокъ Испаніи, С. Лозинскаго (280—299); 13) Возстаніе Нидерландовъ противъ испанскаго владычества, Е. Тарле; 14) Промышленность и торговля въ Англии XVI в., Г. Кулишера (331—350); 15) Польша XVI и первой половины XVII вѣка, И. Рябинина.

Статьи, посвященныя исторіи Россіи: 16) Народное хозяйство Россіи въ XVI вѣкѣ, Н. Рожкова (388—406); 17) Московское самодержавіе XVI вѣка, С. Князькова; 18) Смутное время и его слѣдствія, В. Пичеты (439—474); 19) Земскіе соборы Московскаго государства, В. Алексѣева; 20) Государевы служилые люди въ XVII вѣкѣ, В. Сторожева (503—539); 21) Крестьяне въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка; 22) Религіозно-общественное движеніе русскаго народа въ XVII вѣкѣ, С. Мельгунова (566—620).

Таково оглавленіе статей, вошедшихъ въ составъ перваго тома (все изданіе рассчитано на пять томовъ). Входитъ въ подробное разсмотрѣніе каждой статьи нѣтъ возможности. Вообще же говоря, статьи перваго тома, какъ написанныя

специалистами, лицами, большею частью близко стоящими къ университетской наукѣ, по своей научности вполне отвѣчаютъ уровню современныхъ знаній. Но къ «Книгѣ для чтенія», рассчитанной на широкій кругъ читателей, предъявляются и другія требованія; съ этой стороны ее и слѣдуетъ разобрать.

Что касается самой программы и расположенія матеріала, то о нихъ самъ редакціонный комитетъ гордо заявляетъ, что «онъ (комитетъ) лучше, чѣмъ кто-нибудь, сознаетъ его недостатки и неполноту программы, и первенство изложенія, и нѣкоторую несоразмѣрность частей». Не смѣю говорить объ этомъ, разъ комитетъ «лучше, чѣмъ кто-нибудь» сознаетъ недостатки. Но одинъ недочетъ, именно тотъ, что отдѣлъ русской исторіи въ первомъ томѣ оказался «пострадавшимъ», комитетъ пытается оправдать тѣмъ обстоятельствомъ что безвременно «сошелъ въ могилу» Н. Павловъ-Сильванскій, который «долженъ былъ быть» «однимъ изъ главнѣйшихъ руководителей и видныхъ сотрудниковъ» этого отдѣла. Эта ссылка сугубо необъдѣтельна: 1) смертью сотрудника отговариваться нельзя: умеръ одинъ сотрудникъ, дѣло редакціи пригласить другого, въ русскихъ историкахъ недостатка нѣтъ; 2) покойный Н. П. Сильванскій, будучи даровитымъ ученымъ, не былъ ни педагогомъ, ни виднымъ популяризаторомъ; вообще, къ популярному изложенію науки онъ относился отрицательно, а если иногда самъ и писалъ, то лишь по нуждѣ и по настоянію другихъ.

Затѣмъ нельзя не отмѣтить и того, что «Книга для чтенія» какъ по содержанію, такъ и по изложенію довольно трудна: она по плечу преподавателю, студенту, лицу со среднимъ образованіемъ, но она трудна для учащихся въ средней школѣ. Впрочемъ, это особенность не одного этого изданія, такова же и «Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ», профессора Виноградова.

Указанныя замѣчанія не должны ослаблять основного значенія «Книги». Наша школа и наши общественныя библіотеки нуждаются въ научно-популярныхъ книгахъ для чтенія, свѣдѣніями изъ которыхъ можно было бы пополнить скудный запасъ, получаемый въ школѣ. А если же принять во вниманіе, что по исторіи новаго времени такихъ книгъ нѣтъ вовсе, то ясно станетъ, что изданная «Книга для чтенія по исторіи новаго времени» заполняетъ указанный пробѣлъ, давая своими статьями богатый и содержательный матеріалъ.

М. К.—въ.

С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Въ двухъ томахъ, съ 53 иллюстраціями. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. Цѣна 12 р.

Первое изданіе этой единственной у насъ полной исторіи царствованія незабвеннаго царя-освободителя уже давно разошлось и сдѣлалось до извѣстной степени библиографической рѣдкостью. Отсутствие его въ продажѣ особенно чувствуется въ наши дни, когда русское общество готовится къ чествованію пятидесятилѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ и 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. Съ выходомъ настоящаго изданія пополняется этотъ пробѣлъ и дается возможность всѣмъ интересующимся и занимающимся приснопамятной

эпохой русской жизни имѣтъ у себя отечественную политическую лѣтопись, обнимающую собою періодъ съ 1818 по 1881 годы.

Начиная съ рожденія царственнаго младенца Александра Николаевича, С. С. Татищевъ знакомитъ читателей годъ отъ году съ ростомъ будущаго царя-освободителя, съ домашней и классной обстановкой, гдѣ протекли его дѣтскіе и юношескіе годы, съ его приближенными и наставниками, оказавшими на него то или иное вліяніе, и даетъ, такимъ образомъ, возможность уяснить себѣ, подъ воздѣйствіемъ какихъ началъ сформировался тотъ, по мановенію котораго Россія послѣ севастопольскаго разгрома реформировалась и превратилась въ могущественную державу, значительно расширившую пріобрѣтенными своєю територію и сумѣвшую дать политическую свободу родственнымъ славянскимъ народамъ.

Весь трудъ С. С. Татищева раздѣленъ на два довольно равномѣрныхъ по объему тома, и каждый изъ нихъ, въ свою очередь, раздѣленъ на книги, съ входящими сюда соотвѣтствующими главами, обнимающими собою отдѣльные періоды и стороны блестящаго царствованія Александра Николаевича. Первый томъ заключаетъ въ себѣ историческій періодъ съ 1818 по 1866 г., и сюда вошли, кромѣ страницъ личной жизни царя-освободителя, слѣдующія главнѣйшія событія: ликвидація Восточной войны, Парижскій миръ, сближеніе съ Франціей, присоединеніе Амура и Усури и покореніе Кавказа; далѣе—дѣла внутреннихъ преобразованій, освобожденіе крестьянъ и исторія польскаго мятежа. Второй томъ обнимаетъ періодъ съ 1866 по 1881 г.г. и сюда вошли: изложеніе дальнѣйшаго внутренняго преобразованія Россіи—реформы судебная, введеніе новаго городского положенія, установленіе всеобщей воинской повинности, преобразование арміи и флота и т. д., дѣла церковныя, по народному просвѣщенію и благотворительности, реформы въ области финансовъ и народнаго хозяйства, обзоръ внѣшней политики въ годы съ 1864 по 1871, обстоятельства завоеванія Средней Азіи. Обширная третья книга этого втораго тома обстоятельно рисуетъ роль Россіи въ освобожденіи славянъ, нашу войну съ турками и печальной памяти Берлинскій конгрессъ. Заключительною главою труда С. С. Татищева служитъ обзоръ развитія въ Россіи крамолы и революціоннаго движенія, составленное по архивнымъ матеріаламъ Третьяго Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи и департамента полиціи. Описаніе мученической кончины царя-освободителя составляетъ послѣднія страницы работы покойнаго нынѣ историка, къ коимъ онъ счелъ нужнымъ присоединить краткое «послѣсловіе», гдѣ даетъ сжатую рельефную оцѣнку всего царствованія императора Александра Николаевича и мастерски рисуетъ своей художественной кистью духовный обликъ того, кому Россія обязана столькими блестящими страницами своей исторической жизни.

Въ настоящее время, когда «послѣ дней свободы» историческая литература получила возможность болѣе свободнаго трактованія историческихъ событій, относящихся къ предыдущимъ царствованіямъ, та глава, гдѣ покойный историкъ рисуетъ ростъ революціоннаго движенія въ Россіи, нѣсколько страдаетъ скудостью фактическаго матеріала и лишена тѣхъ особенностей, освѣщеніе которыхъ накладываетъ на эпоху крамолы и террора опредѣленный отгѣнокъ.

Обширная литература, сюда относящаяся, вышедшая въ періодъ 1905—1906 г., оставила далеко за собою тѣ данныя, которыми оперировалъ Татищевъ на основаніи исключительно архива департамента полиціи. Поэтому можно пожалѣть, что въ настоящее изданіе эта глава вошла безъ нужныхъ добавленій и комментариевъ, которые могли бы быть присоединены ко второму тому жизнеописанія царя-освободителя въ видѣ особаго приложенія, съ указаніемъ, что это приложеніе дополнительная работа другого лица, выполненная по желанію издателя.

Весь трудъ С. С. Татищева носить на себѣ характеръ живого и талантливаго изложенія и, благодаря своимъ высокимъ литературнымъ качествамъ, читается отъ начала до конца съ неослабнымъ вниманіемъ и интересомъ. Приложенія, сопровождающія каждый томъ, придаютъ всей его настоящей исторической работѣ значеніе первокласнаго научнаго оригинальнаго труда, являющагося въ общей лѣтописи отечественной жизни непосредственнымъ продолженіемъ трудовъ Н. К. Шильдера по разработкѣ царствованій Павла I, Александра I и Николая I. Ко всему труду приложенъ обстоятельный указатель личныхъ именъ, дающій возможность читателямъ легко ориентироваться въ нужныхъ имъ справкахъ.

Въ отличіе отъ перваго изданія, настоящее выпускается снабженнымъ многочисленными иллюстраціями, рисующими какъ самого государя императора Александра Николаевича въ разныхъ возрастахъ, въ бытовой обстановкѣ и на смертномъ одрѣ, такъ и его царственной супруги, августѣйшихъ старшихъ братьевъ, а равно и главныхъ сподвижниковъ царствованія, министровъ, военачальниковъ и сановниковъ, призванныхъ царемъ-освободителемъ къ преобразованію строя внутренней жизни нашей великой родины и содѣйствовавшихъ ея культурному росту и политическому величію. Всѣ портреты отпечатаны на отдѣльныхъ листахъ и сдѣланы съ рѣдкихъ оригиналовъ въ цинкографіи «Новаго Времени».

В. Г.

**А. А. Титовъ. Троицкій Макарьевскій Желтоводскій монастырь.
Съ 15 рисунками. 8°. Москва. 1910. Стр. 160.**

Главнымъ матеріаломъ для описанія этого монастыря послужили дѣла и документы, находящіеся въ архивѣ св. синода. Изъ нихъ особенно важны 23 списка съ грамотъ, данныхъ монастырю въ XVII вѣкѣ, подлинники которыхъ не сохранились, и которые уцѣлѣли только въ копіяхъ 1723 г., затребованныхъ въ то время синодомъ изъ нижегородской епархіи. Описаніе этого монастыря было *in extracto* помѣщено на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ 1887 г.¹⁾, но исторія разоренія и возстановленія обители, нерѣдко воплощающая въ себѣ самыя трагическіе моменты иноческой жизни, была тамъ почти замолчана.

Изъ подлинныхъ документовъ св. синода видно, что Желтоводскую обитель, нѣкогда одну изъ богатѣйшихъ, благодаря плохому управленію архимандритовъ Иларіона и Иннокентія, въ 1859 г. постигло величайшее несчастье—паденіе главы на знаменитомъ Троицкомъ соборѣ, построенномъ въ 1658 г. рязанскимъ митрополитомъ Иларіономъ.

¹⁾ Томъ XXVIII.

«Архимандритъ Иннокентій»,—писаль въ синодъ макарьевскій голова Доминъ,—не обратилъ вниманія на ветхость кровли на главномъ Троицкомъ соборѣ Желтоводской обители, хотя отъ течи сквозь эту кровлю образовались въ сводѣ трещины и изрѣдка падали камни. Немного нужно бы было заботливости, старанія и расходовъ даже, чтобы разобрать среднюю главу и замѣнить ее новою, хотя бы, для легкости, деревянною».

Послѣ этого событія нижегородскіе владыки стали хлопотать объ уничтоженіи Макарьевской обители. Преосвященный Антоній хотѣлъ перевести монастырь на нижегородскую ярмарку къ старому собору. Его замѣститель, преосвященный Нектарій, хлопоталъ о переводѣ обители къ себѣ въ Нижній въ качествѣ архіерейскаго дома «Такъ какъ архіерей,—писаль онъ,—всегда окруженъ монашествующими лицами, то архіерейскому дому гораздо приличнѣе быть въ монастырѣ. Монастырь подъ непосредственнымъ управленіемъ и распоряженіемъ архіерея скорѣе и удобнѣе можетъ быть сооруженъ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ подъ управленіемъ другого лица, не имѣющаго такой власти. На возведеніе церквей и зданій предполагаемаго монастыря имѣютъ быть употреблены матеріалы отъ предназначаемаго къ перенесенію монастыря Макарьевскаго. Издержки понадобятся только на разборку монастырскихъ зданій въ городѣ Макарьевѣ и на возведеніе сихъ зданій въ Нижнемъ-Новгородѣ. Перевозку же матеріаловъ изъ Макарьева въ Нижній-Новгородъ и работы по сооруженію зданій преосв. Нектарій надѣялся произвести безмездно при посредствѣ нижегородскаго купечества, которое между прочимъ выражало желаніе на перенесеніе Макарьевскаго монастыря къ нижегородскому архіерейскому дому, и, кромѣ того, рассчитывалъ на купечество иногородное, пріѣзжающее на ярмарку и чтущее память преподобнаго Макарія, особенно на тѣхъ купцовъ, которые счастливыми оборотами дѣла торговаго пріобрѣли значительныя капиталы чрезъ нижегородскую Макарьевскую ярмарку».

Въ концѣ концовъ преосвященный Нектарій добился уничтоженія монастыря и передачи всего его имущества въ нижегородское духовное попечительство. Командированные отъ попечительства за полученіемъ монастырскаго достоянія о. о. протоіереи Миловидовъ и Свѣтовидовъ, какъ видно изъ помѣщенныхъ документовъ, распоряжались болѣе чѣмъ самовластно. Одного серебра ими было вывезено 18 пудовъ, кромѣ лампадъ и облачений, иконъ и сундучка съ камнями и жемчугомъ, которые были собраны со старинныхъ образовъ и облачений.

Любопытна приложенная въ книгѣ описъ монастырскимъ вещамъ, имѣвшимся передъ разгромомъ. О томъ, какъ хозяйничали въ монастырѣ о. о. протоіереи, можно, впрочемъ, судить по рассказамъ современниковъ, напечатаннымъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ»¹⁾.

Борьба съ епархіальнымъ начальствомъ относительно возобновленія монастыря продолжалась почти два десятилѣтія. Міряне едва ли бы побѣдили любостыжательное нижегородское духовенство, но въ это дѣло вступилась, по просьбѣ московскихъ купцовъ, на правахъ адвоката, извѣстная игуменья

¹⁾ 1887 г., июнь, стр. 617.

Митрофанія Розень. Она добилаь, что покойная государыня Марія Александровна приняла горячее участіе въ этомъ дѣлѣ. Послѣ долгихъ проволочекъ монастырь въ 1883 г. былъ обращенъ въ женскій. На торжественное освященіе болѣе всѣхъ сохранившейся Успенской церкви соблаговолили прибыть, кромѣ мѣстныхъ властей, самъ оберъ-прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ и его товарищъ В. К. Саблеръ.

Самымъ любопытнымъ мѣстомъ въ этой книгѣ является прошеніе игуменьи Митрофаніи къ императрицѣ, которое помѣщено почти цѣликомъ, а также описаніе пререканій съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ. Послѣднее, повидимому, твердо усвоило себя апокалиптическое изреченіе: Держи, что имѣешь, да не исхитять вѣнца твоего.

А. К—ово.

Русская Правда по синодальному списку. Издана московскимъ археологическимъ институтомъ подъ редакціей Н. Маркса. М. 1900. Стр. 28.
Цѣна не указана.

Синодальный списокъ «Русской Правды», имѣющійся въ Кормчей XIII вѣка, является древнѣйшимъ изъ многочисленныхъ списковъ этого памятника, дошедшихъ до насъ. Онъ давно уже привлекалъ вниманіе нашихъ ученыхъ филологовъ, историковъ и юристовъ и неоднократно издавался на языкѣ подлинника и въ переводахъ. Но всѣ изданія не могли воспроизвести драгоцѣннаго подлинника со всѣми его палеографическими особенностями, цѣнными для филолога и важными для юриста при объясненіи юридическихъ терминовъ памятника.

Этотъ пробѣлъ въ настоящее время восполненъ изданіемъ московскаго археологическаго института, преподавателемъ котораго Н. А. Марксъ проредактировалъ и приготовилъ къ печатанію «Русскую Правду» по синодальному списку. Текстъ памятника въ этомъ изданіи воспроизведенъ фото-литографскимъ способомъ, въ величину подлинника, съ передачей киноварныхъ буквъ. Благодаря этому, читатель имѣетъ передъ собой какъ бы самъ подлинникъ памятника.

Нечего и говорить, что этимъ прекраснымъ изданіемъ оказана большая услуга русской исторической наукѣ. Вотъ одинъ частный примѣръ. Въ литературѣ существуетъ мнѣніе, что въ древности «смердъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сталъ уже приравняться холопу», «за убійство смерда и холопа назначено въ «Русской Правдѣ» пять гривенъ» (Рожковъ, «Обзоръ русской исторіи», ч. I, 45; сборникъ «Великая реформа», т. I, стр. 2 въ ст. М. Любавскаго, «Начало закрѣпощенія крестьянъ»), тогда такъ настоящее изданіе неопровержимо устанавливаетъ слѣдующее чтеніе этой статьи «Русской Правды»: «а за смердни холопъ пять гривенъ», т. е. за холопа, принадлежащаго смерду, а не за смерда и холопа, какъ читали раньше. Отмѣтимъ также, что въ краткомъ введеніи къ памятнику перечислены прежнія изданія «Русской Правды».

М. К—въ.

Матушка Русь. Хрестоматія. I и II части. Для учениковъ [I и II классовъ] среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга. Съ иллюстраціями. Спб. 1910. Стр. въ I ч.—VI+451; во II ч.—III+386. Цѣна I р. 10 к. и I р.

Хотя въ настоящее время на нашемъ книжномъ рынкѣ имѣется не мало разнаго рода сборниковъ для чтеній и хрестоматій, какъ по отдѣльнымъ научнымъ предметамъ, напр., по исторіи, литературѣ и т. п., такъ и общаго характера, но можно сказать, что удовлетворительныхъ среди нихъ очень немного, тѣмъ еще болѣе, что составители ихъ стали довольно безцеремонно, особенно въ послѣднее время, примѣшивать сюда окраску своихъ политическихъ воззрѣній. Въ виду этого порекомендовать для маленькаго или юнаго читателя какую-либо книжку съ точными, доступными его пониманію, литературно изложенными и свободными отъ предвзятой идей свѣдѣніями о многоразличныхъ сторонахъ нашей прошлой и настоящей жизни, и особенно культурно-бытовой,—почти невозможно. Между тѣмъ юный читатель, усвоивая научно провѣренныя и, такъ сказать, здоровыя свѣдѣнія о своемъ отечествѣ, естественно пріобрѣтетъ уваженіе къ родной странѣ и ея жителямъ и останется въ большей или меньшей степени глухимъ къ космополитическимъ идеямъ и пессимизму.

Все это сознавалъ и составитель разсматриваемой «хрестоматіи» и рѣшилъ прійти на помощь назрѣвшей потребности. Справедливо заявляя, что наша молодежь, особенно послѣдняго времени, «страдаетъ незнаніемъ родины, нежеланіемъ считаться съ тѣми началами, которыя сложились исторически, г. Ѳ. А. Тарапыгинъ предлагаетъ свою хрестоматію «Матушку-Русь», какъ бы для руководства гг. учителей и учительницъ. Въ основу ея онъ положилъ «искреннее желаніе развить въ дѣтяхъ любовь къ родинѣ» и постарался дать въ ней «только такіе образцы, которые проникнуты, въ большинствѣ, бодрымъ и здоровымъ отношеніемъ къ жизни русскаго народа, къ русской природѣ, къ родной исторіи и религіи. Конечно, такого рода задача составителя должна только заслуживать уваженія и симпатіи, особенно если онъ останется свободнымъ отъ крайнихъ увлеченій; но въ то же время слѣдуетъ признать, что удачное выполненіе означенной задачи—дѣло необычайной трудности, и всякій составитель подобныхъ сборниковъ долженъ быть готовымъ къ пріятію многихъ укоровъ.

Выясняя сущность своей задачи и остановивъ подробно вниманіе на характерѣ и значеніи представляемыхъ имъ иллюстрацій, г. Ѳ. А. Тарапыгинъ ни единымъ словомъ не обмолвился въ своемъ предисловіи о размѣщеніи и подборѣ самаго матеріала, раздѣленнаго въ каждой части на три отдѣла, изъ которыхъ только второй болѣе или менѣе уловимъ для опредѣленія, какъ содержащій по преимуществу выдержки изъ историческихъ произведеній и стихотворенія историческаго характера, а чтобы судить объ остальныхъ, необходимо подвергать разсмотрѣнію каждую статейку и стихотвореніе въ отдѣльности. Попытаемся сдѣлать это хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ.

Въ обѣихъ частяхъ первый отдѣлъ болѣе или менѣе однороденъ; въ первой части онъ начинается съ «русскаго народнаго гимна» Жуковскаго, а во вто-

рой—съ «Многолѣтія» того же автора; далѣе въ первой части встрѣчаемъ «Русь», стихотвореніе Никитина, и «Отечество» Загоскина, а во второй—«О любви къ отечеству и народной гордости» Карамзина и «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго. Затѣмъ идутъ стихотворенія и выдержки изъ статей религіознаго и духовно-нравственнаго характера, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ нашихъ писателей. Въ болѣе обширномъ первомъ отдѣлѣ первой части есть отрывки біографій русскихъ самоучекъ и дѣятелей, нѣсколько патріотическихъ стихотвореній и проч. Наиболѣе краткій третій отдѣлъ наполненъ сказками и былинами, конечно, въ выдержкахъ, баснями, пословицами и др.

Большинство прозаическихъ произведеній приведено подлинными словами автора, но есть нѣсколько статейъ и въ извлеченіяхъ и передѣлкахъ. Хотя послѣднее очень затруднительно и рискованно, но составитель въ большинствѣ случаевъ удачно справился съ своею задачею. Болѣе всего насъ смущаютъ статьи: «Человѣкъ» изъ «мыслей», взятыхъ у Бѣлинскаго, Полонскаго, Гоголя, Тургенева и Вл. Соловьева, всего на одной страницѣ, и «Слово» изъ «мыслей», взятыхъ у Гоголя, Жуковскаго и Потебни, въ полстранички. Разсѣянные здѣсь краткія фразы могутъ служить, каждая, матеріаломъ для цѣлой особой темы или разсужденія, и уже никакъ недоступны пониманію учащагося въ первомъ и второмъ классахъ безъ комментатора, и при этомъ весьма свѣдущаго... Наиболѣе интересенъ по содержанію второй—исторической отдѣлъ, отличающійся также удачнымъ подборомъ статейъ, въ которомъ, впрочемъ, мы не нашли ни единого слова изъ художественныхъ жизнеописаній Н. И. Костомарова; какъ бы взамѣнъ его двѣ ненужныхъ передѣлки изъ Загоскина (въ первой части:—«Кузьма Мининъ на нижегородской площади» и во второй—«Кузьма Мининъ»).

Среди этого содержанія въ первыхъ двухъ отдѣлахъ той и другой части встрѣчаемъ набранныя мелкимъ шрифтомъ краткія статьи: «Русскіе дѣятели» съ ихъ портретами, правда, довольно миниатюрными, но хорошо исполненными, и «Храмы, дворцы и памятники». Среди «дѣятелей» на первомъ мѣстѣ стоятъ поэты и писатели, затѣмъ художники, музыканты, наиболѣе выдающіеся духовные іерархи и военные герои, до Кондратенка включительно. Если можно что-либо возразить противъ не вполне соразмѣрныхъ краткихъ біографій дѣятелей (напр., говоря о Ѳ. М. Достоевскомъ, авторъ распространяется даже объ его похоронахъ, а въ біографіи о Н. И. Пироговѣ совершенно умалчиваетъ о немъ, какъ педагогѣ), то описаніе наиболѣе выдающихся памятниковъ старины и искусства нужно признать и удачнымъ и весьма цѣлесообразнымъ: о послѣднихъ свѣдѣнія крайне разбросаны и трудно находимы. Жаль только, что при имѣющемся въ текстѣ (ч. II, стр. 357) единственномъ рисункѣ—памятника И. А. Крылову въ Лѣтнемъ саду въ Петербургѣ—нѣтъ нигдѣ ни слова о томъ, кѣмъ этотъ памятникъ созданъ, когда поставленъ и т. д.

Заканчивая этимъ свою краткую замѣтку, позволительно высказать пожеланіе, чтобы составитель при выпускѣ дальнѣйшихъ частей—несомнѣнно, онъ имѣетъ въ виду дать школьникамъ руководство съ болѣе разнообразнымъ содержаніемъ и охватывающимъ русскую жизнь съ разныхъ сторонъ,—сообщалъ болѣе обширныя выдержки, чѣмъ въ 1 и 2 страницы, съ подписями подъ ними

авторовъ, дабы его «хрестоматія» была бы не только темою для объясненій, но и матеріаломъ для чтенія самимъ учащимся, а тѣмъ болѣе подробныя біографіи и описанія памятниковъ старины.

Съ вѣднѣй стороны изданіе выполнено прекрасно и вполне доступно по своей цѣнѣ.

В. Рудаковъ.

**Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1910 г.
Вып. 2 и 3 (22 и 33). Годъ шестой. Вильна. 1910. Стр. 105.**

Содержаніе вмѣстѣ изданныхъ 1-го, 2-го и 3-го выпусковъ «Лѣтописи» составляетъ «Мѣстническій справочникъ XVII вѣка», сообщенный Ю. В. Татищевымъ, по академической рукописи. Послѣдняя имѣетъ слѣдующее заглавіе, характерное для опредѣленія ея содержанія и источниковъ: «Книга перечневая для скорого приску отеческихъ дѣлъ, для укоризны отечеству и потери ихъ, у кого съ кѣмъ будетъ въ отечествѣ счетъ, и то писано въ сей книгѣ имянно. Роды по статьямъ и въ тѣхъ статьяхъ подъ главами тѣхъ родовъ потери всякому роду, по своему прозванію. Выписано изъ разрядныхъ книгъ, и изъ посольскаго приказа, и изъ иныхъ приказовъ изъ дѣлъ, тому всему имянные статьи, и въ сей книгѣ писано имянно по годамъ, это прежь сего у какихъ дѣлъ съ кѣмъ бывали, и въ какихъ чинѣхъ и въ какихъ годѣхъ». Изъ этого оглавленія видно, что здѣсь почти исключительно случаи, «служащіе къ пониженію служилой чести трактуемыхъ въ немъ родовъ». Всѣхъ фамилій въ рукописи встрѣчается свыше 200, но наиболѣе любопытныя свѣдѣнія, хотя и легендарнаго свойства, касаются очень немногихъ родовъ, напримѣръ, Сукиныхъ, Ильиныхъ, Ляпуновыхъ, Измайловыхъ, Болшевыхъ и др.

Несмотря на общую краткость свѣдѣній объ отдѣльныхъ представителяхъ упоминаемыхъ здѣсь родовъ, эти свѣдѣнія имѣютъ свое значеніе благодаря нѣкоторымъ новымъ даннымъ біографическаго и генеалогическаго характера, и остается только благодарить Ю. В. Татищева за изданіе вышеназванной рукописи, оставшейся очень мало замѣчаемой нашими изслѣдователями долгіе годы.

В. Р—въ.

Труды бессарабскаго церковнаго историко-археологическаго общества, подъ редакціей Василя Курдиновскаго. Кишиневъ. Вып. I. 1909. Стр. XXXV—177—2. Вып. II. Стр. 128. Вып. IV. Стр. 32. Кишиневъ. 1910.

По исторіи Бессарабіи сдѣлано очень мало, во всякомъ случаѣ—меньше, чѣмъ заслуживаетъ этотъ своеобразный край. Покидая Бессарабію, Пушкинъ имѣлъ полное право назвать ее «Азіей»: такъ много характернаго было тамъ въ началѣ 20 годовъ минувшаго столѣтія.

Конечно, съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось, утратило мѣстный колоритъ, но все-таки есть надъ чѣмъ поработать историку, археологу, археографу, этнографу, лингвисту и т. д. Только въ самое послѣднее время изученіе прошлаго Бессарабіи поставлено было на строго-научную почву. Мы имѣемъ въ виду

«Труды» мѣстной ученой архивной комиссіи, которой руководилъ Н. Калиппа, ученый съ хорошей поготовкой и энергичный... Комиссія была открыта лѣтомъ 1898 года, а церковно-археологическій комитетъ—весной 1904 года. Такимъ образомъ, комитетъ—учрежденіе молодое, и къ первымъ опытамъ его слѣдуетъ отнести снисходительно.

Много интересныхъ фактовъ сообщаетъ іером. Гурій въ очеркѣ «Главнѣйшіе моменты въ исторіи молдавскаго книгопечатанія въ Бессарабіи». Первая типографія учреждена митр. Гавріиломъ въ 1814 году, съ 70 годовъ печатанье молдавскихъ книгъ прекратилось по причинамъ политическимъ и возобновилось съ 1900 года. Л. М. сообщилъ «нѣсколько новыхъ извѣстій о наслѣдникахъ кишиневскаго митрополита Гавріила Банулеско» на основаніи изданныхъ писемъ къ мѣстному архіеп. Димитрію Сулимѣ. Въ замѣткѣ В. Курдиновскаго «Апокалипсисъ Андрея Кесарійскаго» описана лицевая рукопись, принадлежавшая Курковскому монастырю, повидимому, недревняя. А. Пархомовичу принадлежатъ два біографическихъ очерка: «Ректоръ кишиневской духовной семинаріи архим. Варлаамъ» (1861—1875 гг.), «Инспекторъ той же семинаріи протоіерей Григорій Ивановичъ Галикъ» (1859—1861 гг.). Много цѣнныхъ матеріаловъ разбросано въ «Спискѣ древнѣйшихъ церквей Бессарабской губерніи», составленномъ В. Курдиновскимъ. Здѣсь найдемъ нѣсколько надписей и записей, описаній старинныхъ предметовъ и книгъ, историческія справки, преданія и т. д. Такого полнаго списка до сихъ поръ не было, и по этой канвѣ будущіе историки могутъ составить нѣчто капитальное и цѣльное.

Третій выпускъ занятъ «Краткимъ историческимъ очеркомъ противораскольнической миссіи въ кишиневской епархіи», Іосифа Пархомовича. Очеркъ обнимаетъ періодъ съ 1813 года по 1910 годъ и составленъ по первоисточникамъ.

Послѣдній выпускъ представляетъ оттискъ изъ «Русскаго филологическаго Вѣстника» за 1908 годъ. В. Курдиновскій знакомитъ съ рукописью Гербовецкаго монастыря — церковно-славянской грамматики, составленной въ промежуткѣ 1619—1648 годовъ! Авторъ очерка доказываетъ всѣ случаи соприкосновенія открытой имъ рукописи съ извѣстной грамматикой Мелетія Смотрицкаго, мимоходомъ сообщаетъ цѣнные свѣдѣнія о другихъ экземплярахъ грамматикъ и одной печатной и даетъ рядъ дополненій и поправокъ къ диссертации проф. С. Н. Булича «Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи». **И. А.**

К. Я. Гротъ. Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него. Спб. 1910. Стр. 52.

О лицейскихъ годовщинахъ при Пушкинѣ авторъ писалъ въ прошломъ году въ «Новомъ Времени» (№ 12071, есть отдѣльный оттискъ), а нынѣ расширилъ тему и значительно дополнилъ очеркъ. Въ него вошло въ объединенномъ видѣ все, что сообщили первые бытописатели воспитавшаго Пушкина лицея, В. И. Гавевскій и Я. К. Гротъ, а также нѣкоторыя новыя подробности и документальныя данныя. Къ числу послѣднихъ относятся нѣсколько стиховъ А. А. Дельвига и А. Д. Иличевского. По поводу празднованія годовщины въ 1827 г. намъ уже пришлось высказаться («Русс. Арх.» 1910, I, 215—

216), что обычное собраніе лицейстовъ перваго выпуска въ этомъ году состоялось, и притомъ съ участіемъ Пушкина, читавшаго друзьямъ свои извѣстные стихи: «Богъ помочь вамъ, друзья мои»... Свѣдѣнія К. Я. Грота о празднествѣ 1828 г. можемъ дополнить указаніемъ на напечатанное въ альманахѣ «Подснѣжникъ» 1829 г., стр. 236—237, анонимное стихотвореніе «19 октября 1828 года», принадлежащее, можетъ быть, Кюхельбекеру. Что касается стиховъ, которые Пушкинъ говорилъ на празднествѣ 1832 г., то они не только неизвѣстны, но по краткому и неясному, единственному сообщенію о нихъ нельзя даже судить, были ли они написаны на лицейскую годовщину, и не нужно ли разумѣть подъ ними какіе-нибудь извѣстные намъ стихи Пушкина. Когда будутъ опубликованы бумаги В. Гаевского, онѣ кое-что еще прибавить и кое-что разъяснятъ.

Н. Л.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. II, вып. 2. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1910. Стр. VI + 226. Ц. 1 р.

Недавно вышелъ второй выпускъ II-го тома очень симпатичнаго сборника «Вопросы теоріи и психологіи творчества». Въ дополненіе всего сказаннаго нами о ранѣе вышедшихъ выпускахъ нужно сказать нѣсколько словъ и о вошедшихъ во второй выпускъ статьяхъ Горифельда, Овсяннико-Куликовского, Харціева и самого редактора В. Лезина.

Выпускъ этотъ, посвященный законамъ созданія образа, зависимости между внутренней и внѣшней стороной каждаго произведенія, процессу творчества во всѣхъ его видахъ, вводитъ читателя въ лабораторію мысли. Первая статья Харціева «Основы поэтики А. А. Потебни» рисуетъ намъ роль слова въ искусствѣ, условія свободы творчества. Сколько у насъ существуетъ въ этой области неразрѣшенныхъ вопросовъ, сколько противорѣчій въ критикѣ. «Искусство для искусства», вдохновеніе и трудъ—всѣ эти классическія образныя изреченія нуждаются въ строгомъ анализѣ. Далеко не всѣмъ извѣстны результаты изслѣдованія такого корифея въ области исторіи литературы, какъ А. Потебня, поэтому попытка ознакомить читателя съ новыми теченіями въ этой области должна быть по заслугамъ оцѣнена критикой.

Статья Харціева развиваетъ аналогію между «свойствами слова» и «свойствами сложныхъ поэтическихъ произведеній» и вытекающую отсюда двойственность въ творествѣ. Эта характерная особенность подмѣчена авторомъ въ двоякомъ значеніи всякаго произведенія—для себя, т. е. для поэта, причѣмъ это значеніе сливается съ психологіей творчества, и для «толпы», здѣсь нужно проанализировать само понятіе «задачи литературы».

Въ статьѣ В. Лезина «Психологія поэтическаго и прозаическаго мышленія» интересны собранные авторомъ матеріалы, выясняющіе связь поэтическаго образа съ сужденіемъ о предметѣ и внѣшней формой. Самое цѣнное въ этихъ изслѣдованіяхъ, пожалуй, то обстоятельство, что всѣ факты иллюстрированы отчетливыми примѣрами изъ русской литературы, и такимъ образомъ читатель можетъ не только охватить открывшуюся передъ его глазами картину, но и вдуматься въ характерныя особенности каждаго писателя.

Споры о будущем искусства, всегда вызывавшіе въ нашей литературѣ чувство недовольства и недоумѣнія, разработаны въ статьи Горифельда. Рассмотрѣвъ рядъ мрачныхъ предположеній о гибели искусства, о грозящей ему опасности, авторъ пытается развить въ стройную систему значеніе искусства, какъ посредника въ сношеніяхъ съ вышнимъ міромъ, и поэтому безсмертіе его можетъ основываться не на призрачныхъ восклицаніяхъ Теофиля Готье, а на неизбѣжной необходимости. Съ этой точки зрѣнія разсмотрѣно будущее искусства.

Заключительная статья Н. Д. Овсяннико-Куликовскаго посвящена лирикѣ, «какъ особому виду творчества». Указавъ на эмоциональный характеръ лирики и рѣзкія особенности, которыми характеризуется этотъ видъ творчества, г. Овсяннико-Куликовскій предлагаетъ поэтическое творчество дѣлить на два отдѣла: творчество лирическое и образное, и такимъ способомъ подчеркнуть ту грань, которая отдѣляетъ лирику отъ эпоса и драмы.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе выпуска. Сборникъ мало-по-малу объединяется въ гармоническое цѣлое. Выбранныя редакторомъ статьи даютъ возможность отобрать изъ сухого матеріала учебниковъ—наиболѣе существенное и возсоздать живую картину современнаго положенія творчества. Заслуги подобной работы и ея значеніе были указаны нами ранѣе.

И. Александровъ.

Сочиненія Н. И. Пирогова. Изданіе «Пироговскаго т-ва» въ память столѣтія со дня рожденія Пирогова. Т. I. Педагогическія и публицистическія статьи. Стр. 965. Т. II. «Вопросы жизни». Дневникъ стараго врача. Стр. 681. Кіевъ. 1910. Цѣна 3 руб.

Несмотря на то, что Пироговъ пользуется большой популярностью, обще-признаны его заслуги, какъ хирурга и педагога, у насъ до сихъ поръ не было хорошаго, болѣе или менѣе полнаго изданіе его сочиненій, что очень неблагоприятно отражалось на изученіи его жизни и дѣятельности. Первое изданіе вышло въ 1887 году, второе изданіе, появившееся въ 1900 году, представляетъ простую перепечатку. Въ это изданіе не вошли многія опубликованныя уже статьи Пирогова, имѣющія большую цѣнность. И выходъ теперь хорошаго изданія, болѣе полнаго, чѣмъ предыдущія, нужно горячо привѣтствовать.

Появленіемъ хорошаго изданія мы обязаны редакторамъ С. Я. Штрайху и Ю. Г. Малису, выполнившимъ работу съ большой внимательностью, тщательностью и любовью. Выборъ «Пироговскимъ товариществомъ» редакторовъ заслуживаетъ полнаго одобренія; несомнѣнно, они являются у насъ одними изъ лучшихъ знатоковъ Пирогова. Нѣсколько, лѣтъ назадъ на страницахъ періодическихъ изданій стали появляться работы о Пироговѣ С. Я. Штрайха, на которыя нельзя было не обратить вниманія, которыя обнаруживали въ авторѣ серьезнаго изслѣдователя Пирогова. С. Я. Штрайхъ изслѣдовалъ архивный матеріалъ, ему принадлежитъ заслуга опубликованія нѣсколькихъ неизвѣстныхъ цѣнныхъ статей Пирогова. Ю. Г. Малисъ также является солиднымъ изслѣдователемъ Пирогова, зарекомендовавъ себя цѣлымъ рядомъ работъ о немъ и пре-

краснымъ изданіемъ «Севастопольскихъ писемъ» Пирогова съ цѣннымъ комментариемъ.

Хорошее знаніе предмета С. К. Штрайхомъ въ полной мѣрѣ проявилось въ редактируемомъ имъ первомъ томѣ. Въ него включены цѣлый рядъ статей и писемъ Пирогова, не вошедшихъ въ первые два изданія: «Письма къ Г. В. Бертенсону», «Письма къ Е. П. Огонь-Догановской», «Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ», «Циркулярное предложеніе господамъ директорамъ училищъ одесскаго учебнаго округа», «О тѣлесныхъ наказаніяхъ», «О методахъ преподаванія», «О врачахъ педагогахъ», «Замѣчанія на проектъ общаго устава російскихъ университетовъ», «Извлеченіе изъ перваго письма изъ Гейдельберга», «Третье письмо изъ Гейдельберга», «Каѳедра географіи въ университетахъ», «О преобразованіи одесскаго лицея въ университетъ», «Письма мирового посредника изъ Каменецъ-Подольской губерніи», «Письма къ баронессѣ Э. О. Раденъ», «Докладная записка относительно образованія евреевъ», «Письма къ редактору «Разсвѣта», «Письмо къ редактору «Гамелица», «Къ петербургскимъ студентамъ», «Къ редакторамъ «Одесскаго Вѣстника», «Замѣтка о цензурѣ», «Изъ письма къ Е. П. Ковалевскому», «Письма къ Е. Н. Ахматовой», «О достоинствѣ профессора», «Рѣчи при прощаніи съ Одессой» и «Рѣчи на юбилей въ Москвѣ». Уже одинъ лишь перечень статей, впервые помѣщенныхъ въ новомъ изданіи сочиненій Пирогова, показываетъ, насколько оно является шагомъ впередъ по сравненію съ предыдущими. Нѣкоторыя статьи, впервые помѣщенные въ сочиненіяхъ Пирогова, являются весьма интересными для характеристики воззрѣній и изученія дѣятельности Пирогова. Кромѣ указанныхъ статей, въ примѣчаніяхъ напечатанъ еще цѣлый рядъ не входившихъ до сихъ поръ въ изданія сочиненій Пирогова его цѣнныхъ статей и писемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя извлечены изъ архивовъ. Достоинствомъ новаго изданія является также и то, что даны двѣ редакціи «Вопросовъ жизни». До сихъ поръ многіе знали ихъ лишь во второй редакціи, значительно отличающейся отъ первой, напечатанной въ 1856 г. въ «Морскомъ Сборникѣ», которая сыграла видную историческую роль.

Достоинствомъ новаго изданія нужно признать также довольно обширныя примѣчанія С. Я. Штрайха, основанныя на тщательномъ изученіи матеріала и литературы предмета, дающія цѣнный комментарий.

Второй томъ, заключающій «Вопросы жизни». Дневникъ стараго врача» и стихотворенія Пирогова, такъ же тщательно редактированы Ю. Г. Малисомъ, какъ и первый. Извѣстный до настоящаго времени текстъ «Вопросовъ жизни» изуродованъ цензурой, которой выпущено много цѣннаго для обрисовки политическихъ воззрѣній Пирогова.

Въ новомъ изданіи «Вопросы жизни» напечатаны по рукописи, хранящейся въ Публичной библиотекѣ, редакторомъ Ю. Г. Малисомъ возстановлены пропущенныя мѣста, исправлены многочисленныя ошибки, допущенныя въ предшествовавшихъ изданіяхъ. Много облегчаютъ пониманіе «Вопросовъ жизни» примѣчанія Ю. Г. Малиса. При пользованіи мемуарами большую услугу оказываетъ составленный имъ указатель.

Къ сожалѣнію, новое изданіе не полно. Въ него не вошли всѣ статьи Пирогова, а только наиболѣе цѣнные. Жаль, что не дано хотя бы полного библиографическаго списка всѣхъ работъ Пирогова, что облегчило бы его всестороннее изученіе.

Но это, конечно, не умаляетъ достоинства новаго изданія, заслугъ редакторовъ. Тщательно и съ любовью редактированное, оно является по полнотѣ, тщательной провѣркѣ текста и комментаріямъ большимъ шагомъ впередъ по сравненію съ предыдущими изданіями.

А. Фоминъ.

Г. Коринъ. Обзоръ памятниковъ русской словесности. Выпускъ 5-й. Пушкинъ. Одесса. 1910.

Подзаголовокъ гласитъ: «подробный пересказъ содержанія и краткій разборъ произведеній Пушкина, примѣнительно къ устнымъ отвѣтамъ по русскому языку», а въ приложенномъ къ книжкѣ «проспектѣ» сочинитель развязно заявляетъ, что въ ней «заключается рѣшительно все, что необходимо учащему при объясненіи, а учащемуся при прохожденіи (?) соответствующихъ уроковъ и исполненіи относящихся къ нимъ работъ». Неярливо изданная маленькая брошюрка, страничекъ въ 60, оцѣнена непомерно дорого, въ 40 коп., и рассчитана на наивность учащихся. Учебная программа требуетъ отъ нихъ элементарнаго знакомства съ крупнѣйшими фактами жизни величайшаго нашего поэта и съ нѣсколькими главнѣйшими его произведеніями,—задача не только не трудная, но даже пріятная. Однако и тутъ въ дѣло вмѣшивается фальсификаторъ и предлагаетъ свои услуги, цѣль которыхъ—избавить учащихся отъ самостоятельнаго чтенія, замѣняемаго малограмотнымъ сокращеннымъ пересказомъ. Не ограничиваясь послѣднимъ (для особенныхъ лодырей рядомъ съ «подробнымъ» дается «краткое содержаніе»), учебно-книжный аферистъ услужливо разъясняетъ идеи и значеніе произведеній Пушкина. Такъ, изъ «Полководца» выводится, что «истинныя заслуги оцѣниваются только (!) потомствомъ», а изъ «Утопленника»—слѣдующая «идея» (sic!): «судѣбный страхъ, являющійся у крестьянина, когда онъ вынужденъ дѣйствовать противъ религіозныхъ убѣжденій». Не умнѣе «идея», извлеченная изъ «Опѣгина»:—«пустота и ложь свѣтской жизни», а «цѣль романа—нарисовать бытовой типъ русскаго байрониста». Къ воспроизведеннымъ въ «Скупомъ Рыцарѣ» «типическимъ чертамъ рыцарскаго времени» относится не только «уваженіе къ рыцарскимъ упражненіямъ», но и «отсутствіе всякой хозяйственной дѣятельности, а вслѣдствіе этого—постоянное безденежье», а «идея» «Моцарта и Сальери»—«сопоставленіе таланта и генія въ ихъ творческихъ дарованіяхъ и нравственныхъ качествахъ» (какъ будто талантъ неизмѣнно сопряженъ съ завистливостью). Все это не просто смѣшно, а глубоко возмутительно. Не стоило бы говорить 'о подобномъ вздорѣ, если бы это было единичное, случайное явленіе. Дѣятельность учебныхъ фальсификаторовъ, развращающихъ учащихся, пріучающихъ ихъ къ верхоглядству и обманамъ, въ наше время приняла обширные размѣры. Семейное и

школьное воспитаніе къ тому же у насъ таково, что всегда найдутся тысячи слабыхъ головъ, готовыхъ къ экзамену или уроку наскоро прочитатъ «Олѣгина» или «Капитанскую дочку» не въ подлинникѣ, а въ сукопномъ пересказѣ какого-нибудь Корика, да еще позаимствоваться изъ того же источника двумя-тремя блистательными «идеями» въ родѣ вышеприведенныхъ. Великое зло всѣ эти подстрочники, конспекты, «темники» и тому подобные плоды темной дѣятельности разныхъ Кориковъ, и пора положить ему конецъ. Пора вспомнить о нравственной гигиенѣ школы и оградить и головы, и карманы учащихся отъ покушеній аферистовъ.

Н. Л.

Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 г. Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко. М. 1910. Стр. IV + 367. Цѣна 1 р. 50 к.

Не много можно назвать художниковъ, критиковъ, публицистовъ, въ литературныхъ произведеніяхъ которыхъ ихъ личность выразилась бы во всей цѣлостности, полнотѣ. Нерѣдко даже въ самомъ субъективномъ творествѣ личность писателя не отражается во всѣхъ деталяхъ, не проявляются всѣ грани его души, обнаруживаются только извѣстныя стороны, только извѣстныя переживанія. Въ письмахъ личность отражается непосредственнѣе, полнѣе, чѣмъ въ творествѣ, выступаютъ стороны внутренняго міра, мысли, не проявившіяся и не высказанныя въ творествѣ. И это сообщаетъ письмамъ большую цѣнность для обрисовки личности писателя, его внутренняго міра, психики, міроотношенія. Опубликованныя письма нашихъ писателей въ этомъ отношеніи имѣютъ большую цѣнность. Такимъ цѣннымъ матеріаломъ для характеристики личности, настроенія и міросозерцанія являются письма многихъ писателей—Жуковского, Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго, Кольцова, Некрасова, Добролюбова, Тургенева, Ал. Толстого, Эргеля, В. Соловьева, Чехова и др. И послѣ того, какъ переписка цѣлаго ряда нашихъ писателей дала весьма цѣнный матеріалъ для ихъ характеристики, появленіе перваго собранія писемъ Л. Толстого вызываетъ большой интересъ, привлекаетъ большое вниманіе.

Внутренній міръ, душевныя переживанія и эмоціи Толстого—чрезвычайно сложны, личность его представляетъ очень сложную душевную организацію. И въ виду этого такъ трудно разобратъся въ переживаніяхъ Толстого, въ его внутреннемъ мірѣ, дать себѣ ясный отчетъ въ его постепенномъ духовномъ развитіи. Помогаютъ ли письма хоть немного разобратъся въ сложномъ духовномъ мірѣ Толстого, въ его сложныхъ душевныхъ переживаніяхъ, въ его внутреннемъ процессѣ?

Въ виду того, что творчество Толстого—исторія его души, что въ произведеніяхъ его личность отразилась съ такою полнотою и яркостью, какъ ни у одного русскаго писателя, что въ творествѣ—весь Толстой со всѣмъ своимъ внутреннимъ міромъ, со всѣми исканіями, стремленіями, душевными переживаніями, чувствами,—письма не даютъ чего-либо особенно новаго, значительнаго для характеристики личности и міросозерцанія Толстого. Но, несмотря на то, что П. А. Сергѣенко собралъ только небольшую часть писемъ Толстого, въ собраніи нѣтъ писемъ или очень мало къ особенно близкимъ къ нему лицамъ,

наконецъ, многія письма были уже опубликованны,—книга имѣетъ очень большую цѣнность. Опубликованныя въ отдѣльности, въ разное время, письма Толстого не давали цѣльнаго представленія о его личности, о ходѣ его духовнаго развитія, рисуя только отдѣльныя черты, стороны. Собрание писемъ вмѣстѣ за большой періодъ времени, расположеніе ихъ въ строго-хронологической послѣдовательности сообщило письмамъ большое значеніе: они даютъ картину духовнаго роста Толстого, цѣльное и яркое представленіе о немъ. Цѣнность писемъ, собранныхъ П. А. Сергѣенко, не въ томъ, что они открываютъ въ личности, міросозерцаніи Толстого то, что еще не было извѣстно,—весь писатель ярко выразился въ литературныхъ произведеніяхъ,—а въ томъ, что, какъ и творчество, даютъ очень яркое, цѣльное представленіе о личности, духовномъ обликѣ этого замѣчательнаго человѣка. Въ письмахъ, какъ и въ творествѣ, Толстой возстаетъ во всей цѣлостности, со всѣмъ своимъ внутреннимъ міромъ, со всей своей психикой, сложностью душевной организаціи, со всѣми своимъ мыслями. Въ письмахъ очень ярко выразились всѣ стороны личности Толстого—необычайная душевная чуткость, повышенная воспримчивость, сильно развитое нравственное чувство, отзывчивость на противорѣчія жизни, социальнаго уклада, способность остро ставить вопросы жизни, морали, религіи, постоянное мучительное стремленіе осмыслить міръ, разрѣшить вѣчную проблему смысла жизни, непрерывныя мучительныя исканія истины, такъ характерное для Толстого покаяніе, самобичеваніе.

И если переписка не открываетъ новыхъ, еще неизвѣстныхъ граней души Толстого, тѣхъ мыслей и сторонъ, которыя были еще неизвѣстны, то письма помогаютъ нѣсколько разобраться въ его сложномъ внутреннемъ мірѣ, душевныхъ переживаніяхъ, въ томъ сложномъ духовномъ процессѣ осмысленія жизни, который такъ остро и мучительно происходилъ въ Толстомъ. Высокая настроенность души, постоянное стремленіе къ сознанію жизни въ ея цѣломъ, къ нравственному усовершенствованію, подвигу, что является характерной чертой творчества Толстого, составляетъ и главный нервъ его писемъ.

Живой памятникъ духовнаго развитія такой чуткой личности, такъ мучительно и съ такой глубиной переболѣвшей всѣми жгучими, вѣчными вопросами жизни,—письма Толстого замѣчательный человѣческій документъ, громадной психологической важности.

Яркое и полное отраженіе личности Толстого дѣлаютъ его письма, собранныя П. А. Сергѣенко, такимъ же цѣннымъ матеріаломъ для характеристики Толстого, его психики, духовнаго развитія, какой представляютъ и письма другихъ русскихъ писателей,—напримѣръ, Пушкина, Бѣлинскаго, Добролюбова, Вл. Соловьева. Какъ и ихъ переписка, письма Толстого являются не менѣе цѣннымъ достояніемъ, чѣмъ творчество. Очень цѣнны письма и какъ богатѣйшій біографическій матеріалъ-первоисточникъ.

Собранныя другомъ Толстого П. А. Сергѣенко письма изданы съ большой любовью и тщательностью, вполне достойно памяти великаго писателя. Большая заслуга П. А. Сергѣенко въ томъ, что онъ собралъ такой драгоценный матеріалъ, много потрудился надъ установленіемъ датъ цѣлага ряда писемъ.

А. Фоминъ.

**Борисъ Садовской. Русская Камена. Статьи. Москва. 1910.
Стр. 4 нен. + 160. Ц. 1 руб. 50 коп.**

«За послѣднее время,—говоритъ авторъ,—въ области повѣйшей художественной критики замѣчается стремленіе разобраться въ накопленномъ за сто лѣтъ поэтическомъ богатствѣ. Мы сами не знаемъ настоящей цѣны своему наслѣдству. Не все, конечно, одинаково цѣнно изъ того, что хранится бережно въ литературныхъ кладовыхъ; среди золота и алмазовъ въ изобиліи блеснить дешевая мишура, и немало фальшивыхъ діадемъ сіяютъ заемнымъ блескомъ. Тѣмъ неотложнѣе, тѣмъ первѣе обязанность критики съ вѣсами въ рукахъ установить вѣчную цѣнность и значеніе небрегомыхъ сокровищъ... Дѣйствительно, многое измѣнилось въ русскомъ литературномъ сознаніи, и для цѣлага ряда именъ, незаслуженно забытыхъ и отвергнутыхъ, наступаетъ пора—для иныхъ признанія, для другихъ справедливаго и честнаго пересмотра. Рядъ подобныхъ новыхъ оцѣнокъ принадлежитъ, напр., Ю. И. Айхенвальду («Силуэты русскихъ писателей»). Таковы и очерки Б. Садовскаго. Впрочемъ, не всѣ изъ нихъ служатъ указанной цѣли: нельзя, напримѣръ, счесть ни забытыми, ни неопѣненными такихъ поэтовъ, какъ Веневитиновъ, Полежаевъ, Полонскій, Фетъ, котораго, признавъ самъ критикъ, знаетъ и любитъ «читающая масса», «широкая публика». Другіе очерки посвящены Державину, Денису Давыдову, Бенедиктову и Мею. Б. Садовской—хорошій, вдумчивый читатель и тонко чувствующій цѣнитель-эстетикъ. Большая часть его характеристикъ, если и не оригинальны, то хороши и доказательны. Особенно удались автору облики Давыдова и Мея; характеристикѣ Фета не хватаетъ полноты: уловлена лишь одна черта поэтического лика Фета—цѣломудріе творчества. Въ характеристикѣ Державина есть мѣткія наблюденія, но нѣтъ цѣльности. Для г. Садовскаго Державинъ—простой «царепоклонникъ»; при этомъ упущена изъ виду та сложная система прогрессивныхъ политическихъ воззрѣній, которая легко раскрывается въ торжественныхъ одахъ Державина. Отношенія Пушкина къ Державину тоже были не такъ просты, какъ кажется критику: «вольнлюбивый Пушкинъ двадцатыхъ годовъ» не только считалъ Державина льстецомъ, но, съ другой стороны, сказалъ, что «Державинъ бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры ихъ горделивые разоблачалъ кумиры» и называлъ его «великимъ». Вѣрно очертивъ Давыдова-поэта, г. Садовскій переоцѣнилъ Давыдова-человѣка, не замѣтивъ его отталкивающей хитрости, хвастовства и вѣчнаго, противнаго «себѣ на умѣ». Не оригиналенъ взглядъ на Бенедиктова, почти совпадающій съ жестокимъ приговоромъ Бѣлинскаго; замѣтимъ, что Айхенвальдъ сумѣлъ почуять и въ Бенедиктовѣ нѣкоторое, «хотя и рѣдкое, дыханіе вѣчности». Ревизія накопленнаго русской Каменной наслѣдія только начинается, и длинный рядъ именъ ждетъ «египетскаго суда». Молодому критику, судя по началу его дѣятельности, можетъ принадлежать въ этомъ судилищѣ вѣскій голосъ.

Н. Л.

**Г. Селецкій. 646 дней у японцевъ. 1910. Стр. 232. Съ фототипіями.
Цѣна 2 руб.**

Песчастная война наша съ Японіей, въ теченіе которой колесо фортуны ни разу не обратилось въ нашу пользу, породила массу преувеличенныхъ толковъ о необыкновенныхъ достоинствахъ японцевъ не только за границей, но, къ удивленію, и у насъ: и умны-то они, и находчивы, и деликатны, и прозорливы, и храбры, и смѣлы, какъ львы... При такомъ взглядѣ на дѣло весьма полезно разобраться въ различныхъ мнѣніяхъ и отобрать изъ нихъ то, что дѣйствительно хорошо и заслуживаетъ подражанія, отъ того, что составляетъ лишь работу разстроеннаго воображенія. Съ этой точки зрѣнія весьма полезны труды, подобные написанному выше, показывающіе обратную сторону медали. Авторъ этой книги, капитанъ 1-го ранга Селецкій, хорошо знающій Японію еще съ 1880 г., а въ послѣднюю войну, какъ командиръ парохода Добровольнаго флота «Екатеринославъ», на самомъ себѣ испытывавшій добросовѣстность японцевъ, захватившихъ *коммерческій* пароходъ *до объявленія войны* и продержавшихъ почти два года его и его вольнонаемную команду въ плѣну, характеризуетъ ихъ такимъ образомъ: «Напускная корректность и вѣжливость японцевъ можетъ обмануть только тѣхъ, кто ихъ мало знаетъ; но стоитъ только этимъ пріемамъ противопоставить такую же корректность и прикинуться наивнымъ, какими они стараются казаться, это уже становится не подъ силу японцу; онъ начинаетъ желтѣть, какъ лимонъ, глаза его бѣгаютъ и, теряя всякое самообладаніе, онъ высказываетъ то, что тщательно старался скрывать въ тайникахъ своей души». вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ признаетъ за японцами безграничную любовь къ своей родинѣ, ненависть къ иностранцамъ, желѣзную дисциплину и трудолюбіе, рядомъ съ наслѣдіемъ вѣковъ—ложью, вѣдренною въ плоть и кровь азіата, плутовство и взаимное шпіонство, въ которомъ японцы могутъ считаться виртуозами, ибо они шпіонятъ другъ за другомъ; даже члены одного и того же семейства доносятъ на своихъ, а къ каждому чиновнику и должностному лицу приставленъ официальный шпіонъ. «Когда я вновь послѣ войны былъ на Дальнемъ Востокѣ,—говоритъ авторъ:—то мнѣ было обидно смотрѣть на нѣкоторыхъ нашихъ администраторовъ, которые, не скрывая, выражали свои симпатіи японцамъ, идеализируя ихъ въ какую-то рыцарскую націю и не видя въ нихъ коварныхъ азіатовъ, которые мало измѣнились за сто лѣтъ. Захватъ въ плѣнъ Головина (Головина, въ 1811 г.) и пиратское нападеніе на меня и на 7 нашихъ пароходовъ не говорятъ о рыцарскомъ духѣ этой націи ни за сто лѣтъ назадъ, ни теперь; а если къ этому прибавить разбойничье нападеніе на «Варяга» и артурскую эскадру, то всѣ эти поступки можно приписать не рыцарямъ, а только коварнымъ азіатамъ. Если эти администраторы не перемѣнятъ своихъ наивныхъ взглядовъ на японцевъ, то намъ еще разъ придется остаться околпаченными ими. Только строжайшій надзоръ за японцами и строжайшее приказаніе дальневосточнымъ администраторамъ не сближаться съ ними и не довѣрять ихъ любезностямъ можетъ еще помочь намъ удержать въ своихъ рукахъ Дальній Востокъ. Не надо быть пророкомъ, чтобы понимать стремленія этой нахальной и далеко не храброй націи...» Трудно передать тѣ лишенія и неудобства, кото-

рыя терпѣли наши плѣнные въ теченіе почти двухъ лѣтъ: окруженные шпионами и мошенниками, желавшими поживиться на ихъ счетъ, лишенные свободы передвиженія и какихъ бы то ни было развлеченій, лишенные извѣстій съ родины за исключеніемъ революціонныхъ листковъ, обильно раздаваемыхъ японцами, плѣнные должны были на каждомъ шагѣ биться за свои права противъ вѣчно льстящихъ и лгущихъ японцевъ, подстерегавшихъ нашихъ на каждомъ словѣ и усыпавшихъ ихъ осторожность, столь необходимую въ сношеніяхъ съ азіатами.

Затѣмъ авторъ замѣчаетъ, что, несмотря на свои побѣды, японцы ходили, понуривъ головы, и только изрѣдка устраивали карнавалы по случаю какой-нибудь большой одержанной ими побѣды, да и эти карнавалы смѣнялись ночными отправленіями войскъ, сопровождавшимися громкимъ воемъ японокъ, голосившихъ не хуже нашихъ бабъ; да и сами воины, набравшіеся къ концу войны изъ 17—19-лѣтнихъ юношей и пожилыхъ людей 47-лѣтняго возраста, уходя на войну, обливались слезами. Вообще нынѣшніе японцы далеко не похожи на прежнихъ самураевъ: хакири почти не существуетъ, національная одежда замѣняется европейской, а вмѣсто характернаго бритья передней части головы японцы щеголяютъ въ модной прическѣ. Японія — страна противоположностей: въ ней уживаются, напримѣръ, трудолюбіе и поразительное нищенство, отсутствіе религіи и вѣрность долгу, всеобщая грамотность и наивное невѣжество, стремленіе къ ви́шнему лоску и врожденная азіатская нечистоплотность.

Авторъ заканчиваетъ свои интересныя воспоминанія слѣдующими словами, сказанными имъ при отъѣздѣ изъ плѣна: «Пославъ Японіи за все нами перенесенное самыя искреннія пожеланія, мы сняли шляпы и, перекрестившись, возблагодарили Господа за освобожденіе изъ заточенія у коварнѣйшихъ азіатовъ, ненавидящихъ европейцевъ, но старающихся льстить имъ на каждомъ шагѣ, чтобы заглушить въ нихъ чувство осторожности, необходимое для борьбы съ этимъ мелкимъ, но сплоченнымъ въ плотную массу народомъ. Эта сплоченность и дѣлаетъ ихъ въ глазахъ европейцевъ сильными и трудно побѣдимыми, такъ какъ сами европейцы, а въ особенности мы, славяне, несмотря на массу жестокихъ уроковъ, не можемъ прекратить внутреннихъ раздоровъ, часто основанныхъ на мелкомъ честолюбіи и эгоизмѣ отдѣльныхъ лицъ... Ненависть японцевъ и вообще всей желтой расы къ европейцамъ, а въ особенности къ намъ, русскимъ, безгранична. Многие это прекрасно знаютъ, но почему-то японская лезть и угодливость часто затуманиваютъ у моихъ соотечественниковъ чувство осторожности, и они, какъ бы загипнотизированные, поддаются мысли, что японецъ можетъ быть другомъ русскому. Рекомендую помнить старую истину: избави меня, Господи, отъ друзей, а отъ враговъ я самъ избавлюсь, такъ какъ результаты дружбы съ японцами несравненно опаснѣе, чѣмъ открытая вражда съ ними».

Книга, проникнутая непримиримымъ чувствомъ къ нашему недавнему врагу, читается съ большимъ интересомъ и имѣетъ отрезвляющее значеніе.

Л. Н.

**«Помни войну!» Сборникъ статей на современныя военныя темы
подъ ред. В. Θ. Новицкаго. 1910. Стр. 4+240 Ц. 1 руб. 25 коп.**

Сборникъ, заглавіемъ которому взять безсмертный лозунгъ покойнаго адмирала С. О. Макарова, является очень кстати. Послѣ нашей несчастной послѣдней войны общество весьма интересуется военными вопросами. Цѣлью книги служить желаніе ознакомить широкіе общественные круги съ текущими вопросами нашей военно-общественной и военно-политической жизни, сильно выдвинутыми военными событіями послѣднихъ лѣтъ. Статьи, помѣщенныя въ сборникѣ, принадлежатъ разнымъ авторамъ, но всѣ онѣ объединены одною мыслью—желаніемъ убѣдить общество въ необходимости держать военную силу въ полной готовности и помнить о возможности и даже неотвратимости вооруженной борьбы. Поэтому характеръ сборника въ его цѣломъ выдержанъ довольно однообразный, а отсюда понятно и впечатлѣніе, производимое сборникомъ.

Книга открывается статьею В. Θ. Новицкаго «Нужно собраться съ силами». Авторъ справедливо признаетъ наше современное положеніе трагическимъ и характеризуетъ его словами: «духъ бодръ, плоть немощна». Авторъ—противникъ мечты о реваншѣ на Дальнемъ Востока, и реваншъ этотъ признаетъ химерой, утопией. Самымъ лучшимъ выходомъ изъ созданнаго современными обстоятельствами положенія авторъ считаетъ союзъ съ Японіей.

Съ интересомъ читается статья Н. П. Вишнякова, гдѣ авторъ въ сжатой формѣ подводитъ итогъ военной публицистикѣ за пять лѣтъ. Конечно, авторъ не исчерпалъ вопроса во всей полнотѣ, однако далъ довольно яркую картину. Каждого публициста и каждое изданіе авторъ ставитъ на соответствующее мѣсто, обладая мужествомъ говорить въ лицо правду. Напримѣръ, авторъ смѣло называетъ Н. М. Португалова штатскимъ писателемъ, который настойчиво, но «гщечно тщится» прослыть специалистомъ по военно-морскимъ вопросамъ, а его книгу «Послѣ Цусимы»—курьезомъ. Къ такому справедливому отзыву нельзя не присоединиться отъ всей души.

Кн. С. Друцкой подводитъ итогъ дѣятельности трехъ государственныхъ думъ въ дѣлахъ арміи. Думы, по его мнѣнію, затронули всѣ области жизни арміи, но только затронули, а не освѣтили вполнѣ. Дума обязана выработать въ своей средѣ и по своей инициативѣ общій, строго обдуманый планъ военныхъ реформъ, одухотворенный общею идеею и чуждый техническихъ подробностей.

Статья Д. Филатьева о назрѣвшихъ реформахъ въ уставѣ воинской повинности не имѣетъ широкихъ публицистическихъ рамокъ. Тѣмъ не менѣе она касается жизненнаго вопроса, близкаго всему населенію, и потому интересна. Авторъ съ цифрами въ рукахъ доказываетъ, что необходимо отказаться отъ льготъ 2 и 3 разрядовъ, а льготу 1 разряда обратить изъ безусловной въ условную. Кромѣ того, онъ стоитъ за привлеченіе инородцевъ къ воинской повинности,

ибо «совершенно нелогично и непрактично ставить коренное население страны въ болѣе тяжелыя условія, чѣмъ населеніе присоединенныхъ областей.

Опуская другія статьи сборника, мы остановимся на статьѣ В. А. Апушкина «Русскіе для Россіи». Не входя въ оцѣнку и разборъ всего труда А. Н. Куропаткина «Россія для русскихъ», г. Апушкинъ опровергаетъ нѣкоторыя положенія этого изслѣдованія. А. Н. Куропаткинъ сѣтуетъ на недостаточную стойкость нашихъ войскъ, особенно въ первый періодъ кампаніи. Г. Апушкинъ основательно возражаетъ, что подъ Тюренченомъ нашъ отрядъ, брошенный на произволъ судьбы, громимый осадной артиллеріей японцевъ и подавленный ими численно, штыками проложилъ себѣ дорогу, потерявъ 73 офицеровъ и 2.324 нижнихъ чина; при Цзиньчжоу одинъ полкъ цѣлый деень держался подъ огнемъ 230 непріятельскихъ орудій и противъ 3 дивизій, потерявъ болѣе тысячи человекъ; подъ Вафангоу наши войска, обойденныя съ тыла и прорванныя на фронтѣ, потеряли 124 офицера и 3.348 нижнихъ чиновъ и все-таки не хотѣли отходить съ своихъ позицій; подъ Дашичао одинъ Барнаульскій полкъ цѣлый день сдерживалъ натискъ японской дивизи; наконецъ, всѣмъ свѣтомъ признана геройская защита Портъ-Артура. Возражаетъ авторъ и упреку г. Куропаткина въ отсутствіи у общества одушевленія войною. Авторъ полагаетъ, что у насъ не было народной войны и потому было излишнимъ требовать отъ учащейся молодежи, отъ сыновей вельможъ, кушцовъ, ученыхъ, чтобы они рвались въ армію, Г. Апушкинъ приводитъ случай находенія въ арміи женщины Харитины Короткевичъ, которая стояла въ рядахъ 7 роты 13-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка рядомъ съ мужемъ и была убита 3 октября въ Портъ-Артурѣ, при защитѣ скалистаго кряжа. Защищая патріотизмъ общества, В. А. Апушкинъ, между прочимъ, пишетъ: «свой патріотическій тактъ русское общество доказало тѣмъ, что, утративъ вѣру въ способность ген. Куропаткина дать отечеству славу и побѣду, оно до конца тяжелаго испытанія не бросило ему ни одного упрека, понимая, что для этого не настало время и критика дѣйствій вождя не должна смущать войска и поднимать духъ счастливаго противника». Вся статья г. Апушкина читается съ особымъ интересомъ..

Мих. Соколовскій.

В. Розановъ. Когда начальство ушло... 1905 — 1906 гг. Спб. 1910.

Стр. 420. Цѣна 2 р.

Еще такъ недавно пришлось на страницахъ «Историческаго Вѣстника» дать отзывъ о книгѣ В. В. Розанова, обнимающей собою впечатлѣнія его заграничнаго путешествія, и, если читатели журнала не забыли, нашъ отзывъ былъ для автора самый благопріятный. Увы, для настоящей книжки мы не находимъ въ своемъ литературномъ запасѣ тѣхъ же благожелательныхъ словъ и тѣхъ комплиментовъ, которые такъ охотно подарили автору въ послѣдній разъ. Не то, чтобы талантливый писатель утерять силу своихъ писательскихъ красокъ,

чтобы его мысли не мелькали тѣми же блестящими остроуміемъ и глубиною и чтобы онъ не выступалъ передъ нами все тѣмъ же умнымъ оригиналомъ, своеобразнымъ въ нашей литературѣ, поучительнымъ и занимательнымъ. Далеко нѣтъ: пожалуй, даже для личной характеристики автора, для его автобіографіи въ настоящей книгѣ очень много матеріала и со временемъ, если бы пришлось отмѣтить мѣсто г. Розанова на историческомъ полотнѣ нашей современности, здѣсь мы получимъ болѣе нужныхъ намъ данныхъ, нежели въ его книгѣ объ Италиі. Но это будетъ интересъ біографическій, интересъ психологическій. Если же бы читатели заинтересовались не г. Розановымъ, какъ таковымъ, а исторіей русской жизни, коей книга посвящена, періодомъ «свободы» 1905—1906 г. г., то для уясненія себѣ этой стороны дѣла они не будутъ въ состояніи почерпнуть здѣсь для себя то, чего ищутъ. Г. Розановъ не социологъ, не историкъ, не политикъ—эти области народовѣдѣнія не его стихія, онъ—психологъ, и чтобы установить психологію массы, дѣйствовавшей въ тотъ періодъ, въ его распоряженіи недостаточно было матеріала и онъ съ нимъ знакомился безъ опредѣленнаго угла зрѣнія, хватая его случайно, какъ попало въ поле тогдашняго наблюденія, почерпая оттуда, куда его случайно заносилъ вѣтеръ и чужая воля людей. Отсюда и случайность, парадоксальность его выводовъ, и обобщеній... Читая странствованія г. Розанова по Петербургу за тѣ дни, получаешь впечатлѣніе, что человѣкъ какъ будто недостаточно даже понималъ, куда его судьба несетъ, и въ каковыхъ цѣляхъ онъ направляется туда или сюда. Все происходитъ такъ, какъ будто человѣкъ во фракѣ идетъ париться въ баню, а въ халатѣ идетъ съ вѣникомъ на балъ. Такъ и хочется крикнуть ему: экій ты, право, непутевый человѣкъ, куда лѣзешь, что тутъ толчешься, иди домой и займись своимъ дѣломъ, а то всемъ только мѣшаешь! И самъ г. Розановъ чувствуетъ, что онъ не туда попадаетъ, куда слѣдуетъ, и при томъ попадаетъ сплошь и рядомъ не по своей охотѣ, а какъ попалъ, куда его затащили, то ему остановиться скучно здѣсь и онъ спѣшитъ поскорѣе восвоится. Не дождавши и не дослышавши всего до конца, онъ торопится набросать свои впечатлѣнія, сдѣлать требуемый интересомъ дня выводъ и... получается что-то странное, непонятное, что даетъ поводъ критикѣ и его недругамъ надъ нимъ позубоскалить и отпустить по его адресу смѣшныя замѣчанія. Какъ извѣстно, періодъ 1905—1906 г. г. не былъ періодомъ нормальнымъ въ русской жизни, и долгие этой аномальности г. Розановъ и заплатилъ въ свое время, отдавъ ей дань газетнаго работника, вынужденнаго требованіями жизни отзываться на вопросы дня. Не любя политики—онъ долженъ былъ писать именно о политикѣ, не вынося гула и суеты людской—именно о нихъ и т. д., и т. д. Вотъ и получилась такая картинка: когда пришлось подвести итоги тому, что же получилось послѣ «ухода начальства» (такъ г. Розановъ называетъ описываемый періодъ отечественной жизни), онъ не былъ въ силахъ дать этому опредѣленнаго указанія, а поступилъ лукаво и довольно остроумно. Онъ далъ по-декадентски три бѣлыя страницы и на одной начертилъ: «увы...», на другой: «что же случилось?» и на третій нарисовалъ какой-то ребусъ, загадочную картинку, гдѣ читатель найдетъ и чорта въ воздухѣ, и надъ нимъ летящую вѣдму на помелѣ, и какъ будто комету, и землю, и мошару. Совсѣмъ, какъ въ картинкахъ: гдѣ кошка? Такъ отвѣтилъ

авторъ на вопросъ: что случилось потомъ, чѣмъ реализовалось движеніе 1905—1906 г., въ коемъ начальство отсутствовало? Для такого отвѣта, пожалуй, не стоило и книжнаго города городить.

В. Г.

Д. Г. Булгаковскій. Очеркъ дѣятельности попечительствъ о народной трезвости. Спб. 1910. Стр. 238. Цѣна 2 рубля.

Извѣстный дѣятель по борьбѣ съ алкоголизмомъ г. Булгаковскій—авторъ свѣтовыхъ картинъ, раскрашенныхъ на стеклѣ, и многочисленныхъ брошюръ о вредѣ пьянства—выпустилъ новый трудъ о попечительствахъ о народной трезвости за все время ихъ существованія (1895—1909 г.).

Въ первой части его труда имѣется официальный цифровой матеріаль о дѣятельности по губерніямъ комитетовъ попечительствъ, а во второй—поясненіе общаго характера дѣятельности тѣхъ же комитетовъ. Въ общемъ трудъ г. Булгаковскаго единственное въ своемъ родѣ изданіе, вышедшее весьма своевременно, какъ для ознакомленія съ итогами дѣятельности попечительствъ за время нахожденія ихъ въ вѣдѣніи министерства финансовъ, такъ и для доказательства вредныхъ домогательствъ о передачѣ попечительствъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Изъ собраннаго авторомъ матеріала видно, что изъ всѣхъ учреждений попечительствъ о народной трезвости, по своему широкому развитію, первое мѣсто занимаютъ чайныя. Онѣ особенно пришлись по душѣ народу. Тутъ не только любятъ напиться чаю, но и побесѣдовать съ сосѣдомъ или пріятелемъ. Народъ полюбилъ чайныя и называетъ ихъ «своими». Онѣ мало-по-малу сдѣлались для крестьянъ народными клубами, гдѣ въ часы досуга находятъ отдыхъ за чашкой чаю и чтеніемъ книгъ и газетъ. При нѣкоторыхъ чайныхъ появились склады для продажи книгъ; тутъ же можно купить почтовые, гербовыя и сберегательныя марки, конверты, почтовую бумагу, тетради, перья, карандаши и другія письменныя принадлежности. И все это продается большею частью по своей заготовительной цѣнѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что чайныя охотно посѣщаются крестьянами. Тутъ и чисто, зимою тепло и уютно, и не слышится непристойныхъ разговоровъ. Грамотному есть что почитать, а неграмотный, подсѣвъ къ грамотному, послушаетъ, что дѣлается по бѣлу свѣту. Тутъ же развлекаетъ музыкальная машина, которую слушаетъ посѣтитель съ наслажденіемъ. Почти всѣ чайныя имѣютъ симфоніоны, полифоны, граммофоны. Въ чайныхъ повсюду устраиваются танцевальныя вечера, на которыхъ молодежь, по свидѣтельству попечительствъ, веселится вполне благопристойно.

При благотворномъ воздѣйствіи попечительствъ о народной трезвости стали появляться примѣры, хотя и весьма рѣдкіе, что свадьбы крестьяне играютъ безъ вина, а вѣдь въ крестьянской средѣ свадьба безъ вина немислима. Чтобы заставить населеніе обратить вниманіе на трезвенныя пиршества, попечительства вначалѣ устраивали ихъ за свой счетъ. Устройствомъ такихъ трезвенныхъ свадебныхъ пиршествъ обходилось комитету по 20 руб. за свадьбу. Съ теченіемъ времени крестьяне сами стали устраивать трезвенныя свадебныя пир-

шества и пиршества по разным другим семейным событиям в чайных попечительства на свои средства.

Попечительства о народной трезвости устраивают за свой счет библиотеки, столовые, постоянные дворы, читальни, даже подвижные библиотеки. Устройство этих библиотек состоит в следующем: все книги, предназначенные для летучей библиотеки, помещаются в деревянные ящики, запираемые ключами; один запасной ключ хранится в библиотеке. Наполненный книгами ящик посылается через сельскую почту лицу, изъявившему согласие на раздачу книг населению своего района. По прочтении книг, он возвращается в библиотеку, и то же лицо, спустя некоторое время, получает новый ящик с книгами, отпирающийся тем же ключом, и т. д. Таким образом, каждая местность имеет возможность прочитать постепенно все книги и часто обменивать их, не затрачивая времени на ходьбу или поездку в библиотеку. Некоторые попечительства организовали уличные читальни, выставляя для этого особые столбы, на которых вывешиваются картинные библиотеки, а также наклеивают по страницам брошюры на заборах и стенах.

Если народные чтения по своей идее дело уже не новое, то во всяком случае прежде, до попечительства, устройство народных чтений в провинции требовало разрешения трех министерств из Петербурга: народного просвещения, внутренних дел и обер-прокурора святѣйшаго синода. Нередко разрешение давалось только через 3—4 года, а чаще совсем не давалось. При таких условиях немного находилось охотников устраивать народные чтения. Министерство финансов, по закону 21-го июля 1901 г., выхлопотало «попечительствам» право устраивать чтения без всяких формальностей, но просто по своим комитетским постановлениям, явочным порядком без всякого разрешения административных властей. Позднее, когда по министерству внутренних дел было издано распоряжение, от 4-го марта 1906 г., о публичных собраниях и некоторые губернаторы хотели подчинить этому распоряжению и народные чтения, устраиваемые «попечительствами», тогда министерство финансов отстояло свои права и доказало, что распоряжение по другому министерству не применимо к нему и что у него на этот предмет имеется свой собственный, Высочайше утвержденный закон.

В самое короткое время попечительства устроили тысячи пунктов народных чтений, распространили тысячи световых картин с волшебными фонарями по своим районам. Аудитория, вмещающая в себя не более 200 человек, наполняется 500 и 600 слушателями. В некоторых местах попечительства открывали курсы черчения. Хотя эти курсы были непродолжительны, не более двух месяцев, но результаты получались хорошие. Главный контингент на этих курсах составляли «плотники», в возраст от 18 до 50 лет. Усвоив несколько уроков, простые плотники свободно обращаются с чертежами, инструментами—циркулями, рейсфедером, транспортиром и т. п. Они даже могли составлять проекты на заданные темы, приобретали некоторые понятия из геометрии. Все ученики усердно работали не только в классе, но и у себя на дому. То же самое было и с курсами рукодѣлья.

Раздѣляя общій взглядъ, что устройство народныхъ хоровъ является могущественнымъ средствомъ къ поднятію нравственнаго уровня народныхъ массъ, путемъ пробужденія въ нихъ эстетическаго чувства, попечительства прилагали заботы въ дѣлѣ организаціи народныхъ хоровъ, народныхъ театровъ и гуляній. Многія попечительства приняли на себя содержаніе лечебныхъ заведеній для страдающихъ запоемъ. Вопросъ объ организаціи бесплатной юридической помощи крестьянскому населенію съ цѣлью избавить его отъ убыточнаго и вреднаго вліянія подпольной адвокатуры обратилъ также на себя вниманіе комитетовъ попечительствъ о народной трезвости. Во многихъ мѣстахъ появились юридическія бюро, гдѣ даются словесные совѣты, составляются прошенія всякаго рода по судебнымъ дѣламъ во всѣ судебныя инстанціи и бесплатная защита бѣдныхъ подсудимыхъ, содержащихся подъ стражей.

Такимъ образомъ, дѣятельность «попечительствъ» въ вѣдѣніи министерства финансовъ выразилась весьма разнообразно, благодаря, во-первыхъ, широкимъ правамъ, большимъ средствамъ и участію въ нихъ, между прочимъ, заинтересованныхъ въ томъ лицъ. Съ предполагаемымъ переходомъ «попечительствъ» въ вѣдѣніе городскихъ и земскихъ учреждений, эти попечительства лишаются своихъ правъ и становятся въ зависимость отъ исправниковъ и губернаторовъ, а, во-вторыхъ, факты показали, что съ уменьшеніемъ казенной субсидіи всѣ эти общественныя учрежденія переставали интересоваться «попечительствами», а если получали пособіе отъ казны, то нерѣдко расхищали его...

Къ чести автора слѣдуетъ отнести безпристрастіе, съ которымъ онъ указываетъ и на отрицательныя стороны попечительствъ въ ихъ настоящемъ положеніи. Онъ собралъ отзывы многочисленныхъ комитетовъ народной трезвости и свидѣтельствуешь, что въ народѣ мало замѣтно улучшеніе на пути къ трезвости, а также мало замѣтно и то, чтобы прививались къ нему здоровыя понятія о вредѣ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ. Причиною этому служатъ малоразвитость и неграмотность большинства мѣстнаго населенія. Летучія бібліотеки слишкомъ мизерны, чтобы приносить пользу и чтобы привить населенію здоровыя понятія о вредѣ пьянства; нужно поднять его культурный уровень чрезъ введеніе всеобщаго обученія и приобщенія его самого къ дѣлу попеченія о своихъ нуждахъ и пользахъ.

Во многихъ мѣстахъ народъ и общество очень интересовались попечительствами, но года 4—5 тому назадъ, въ виду стѣснительныхъ условий казны и разныхъ другихъ причинъ государственнаго характера, дѣятельность этихъ полезныхъ учреждений сразу затормозилась. Начали сокращать пособіе отъ казны и довели почти до нуля. Частныя пожертвованія прекратились. Выручки отъ учреждений не могли покрывать расходовъ, а отсюда дефициты, долги, а затѣмъ и судебныя процессы по взысканію кредиторами долговъ съ агентовъ попечительства. Для урегулировки печальнаго положенія дѣла стали было закрывать комитетскія чайныя, имущество продавать и уплачивать долги. Полезныя учрежденія закрылись, а кабаки восторжествовали и вступили въ свои прежнія права. Уѣздные комитеты боролись со всѣми указанными условіями, насколько было возможно, не встрѣчая поддержки въ губернскихъ комитетахъ, которые за послѣдніе годы почти никакого пособія не давали и даже

не сообщали копій своих постановленій, какъ это было принято раньше, почему связь между руководящими двумя родственными учреждениями порвалась. Армія сотрудниковъ, какъ-то: участковые попечители, члены-соревнователи, лекторы и др. лица, благодаря указаннымъ причинамъ, стали покидать поле борьбы. Вообще существующая неопредѣленность положенія относительно самихъ попечительствъ, въ смыслѣ дальнѣйшаго ихъ существованія, сильно поколебала ихъ авторитетъ, если совсѣмъ не подорвала его.

Доходитъ до того, что балахнинскій комитетъ (Нижегородской губ.) заявляетъ о своей дѣятельности слѣдующими словами: «попечительства, стремясь отвлечь населеніе отъ пьянства чайными, столовыми, ночлежными домами, привлекая сюда книжкой и развлечениями, едва ли производительно затрачиваютъ сотни тысячъ рублей, такъ какъ тѣ соціально-біологическіе факторы, которые производятъ пьянство: бѣдность, невѣжество, наслѣдственность, тяжелый трудъ, въ связи съ тяжелыми условіями жизни и недостаточнымъ питаніемъ, такъ могучи и властны, что не тѣми гомеопатическими дозами благотворительно-просвѣтительныхъ начинаній надо съ ними бороться, а съ какими-то другими въ рукахъ орудіями».

Взвѣсивъ всѣ доводы за и противъ попечительствъ, г. Булгаковскій увѣряетъ, что, и при существующихъ условіяхъ жизни, все-таки «вы увидите среди сельскаго населенія тысячи чайныхъ, тысячи библиотекъ, тысячи книжныхъ складовъ, тысячи народныхъ аудиторій, тысячи народныхъ театровъ. И всѣ эти тысячи учреждений, точно выросшія изъ земли, возникли благодаря заботамъ попечительствъ. Благодаря имъ, устроены во многихъ мѣстахъ пріюты для отрезвленія, лечебницы для алкоголиковъ, постоянные дворы съ ночлежными помѣщеніями. Однихъ народныхъ домовъ открыто нѣсколько сотъ. До десяти тысячъ пунктовъ устроено народныхъ чтеній, гдѣ собирается 200—700 человекъ на каждое чтеніе; а всего по всей Россіи бывало въ годъ десятки тысячъ народныхъ чтеній, на которыхъ перебивали миллионы посѣтителей. Милліоны книгъ взято изъ библиотекъ; миллионы народу перебивало на однихъ народныхъ гуляньяхъ и спектакляхъ; миллионы провели время трезво въ чайныхъ. А сколько открыто воскресныхъ школъ и вечернихъ курсовъ, откуда вышли сотни тысячъ получившихъ, кромѣ грамоты, разныя прикладныя знанія? Сколько устроено свѣтскихъ и церковныхъ хоровъ, оркестровъ? Ужели все это носить показной характеръ и деньги потрачены казною напрасно? Безспорно, у попечительствъ встрѣчаются дефекты, но это нисколько не умаляетъ ихъ значенія».

Такимъ образомъ, характеризуя всесторонне дѣятельность «попечительствъ» о народной трезвости въ вѣдѣніи министерства финансовъ, трудъ г. Булгаковского сообщаетъ богатый матеріалъ для сужденія о томъ, въ чемъ слѣдовало бы улучшить эту дѣятельность «попечительствъ» и въ какой мѣрѣ министерство финансовъ болѣе къ этому пригодно, чѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

А. Фаресовъ.

Н. Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI, часть II. Спб. Ц. 3 р. 50 к.—А. К. Дживелеговъ. Исторія современной Германіи. Часть II. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Книга г. Дживелегова входитъ, какъ часть, въ толстый томъ проф. Карѣва, завершающаго свой обширный трудъ разсказомъ о событіяхъ европейской исторіи современности, не законченныхъ событіяхъ, не сложившихся вполнѣ умственныхъ теченіяхъ, для чего нѣтъ еще ни нужныхъ матеріаловъ, ни нужнаго безпристрастія. Г. Дживелеговъ самъ очень рѣзко осудилъ значительную часть своей книги. «Царствованіе Вильгельма II—это наши дни въ буквальномъ смыслѣ слова. Писать его подробную исторію рано, ибо для этого нѣтъ достаточно надежныхъ матеріаловъ. Все, что опубликовано за послѣднія два десятилѣтія, до такой степени окрашено тѣми именными партійными цвѣтами, что часто бываетъ трудно или невозможно подъ грудой противорѣчивыхъ сообщеній доискаться подлинныхъ фактовъ». Несмотря на это, авторъ посвящаетъ царствованію Вильгельма II почти треть книги и въ то же время жалуется въ предисловіи, что онъ стѣсненъ небольшими размѣрами книги по требованію книгоиздательства, и что нѣкоторые отдѣлы ему пришлось превратить въ конспекты. Затрудненіе это легко было бы устранить, если бы г. Дживелеговъ сократилъ ту часть книги, которую онъ, по собственному признанію, называетъ сомнительными фактами. Если для молодого А. К. Дживелегова царствованіе Вильгельма—наши дни то Н. И. Карѣвъ можетъ сказать то же самое о времени съ 1880—1900 г., составляющемъ содержаніе его послѣдняго тома. Картина современности не можетъ не быть партійной даже тогда, когда авторъ старается быть безпристрастнымъ, г. Дживелеговъ даже не особенно объ этомъ заботится. Говоря о трехмѣсячномъ правленіи императора Фридриха, онъ увѣряетъ, что подъ вліяніемъ Бисмарка началась реакція. Онъ указываетъ на законъ 20 марта 1888 г., увеличивающій продолжительность законодательнаго періода рейхстага съ трехъ лѣтъ до пяти. Надо доказать, что законъ этотъ былъ реакціоннымъ, и авторъ пишетъ: «Реакціонность его заключается въ томъ, что теперь избиратели лишились возможности высказывать свою волю черезъ короткій сравнительно промежутокъ времени, и избирательная агитація, благотвѣтельно волнующая и воспитывающая страну, отнынѣ должна была возобновляться черезъ почти двойной промежутокъ времени». Сообщая объ этомъ законѣ, проф. Карѣвъ не усмотрѣлъ въ немъ реакціонности, и дѣйствительно трудно видѣть благо въ постоянной предвыборной агитаціи и частой смѣнѣ законодателей. Увлекаясь своими политическими взглядами, г. Дживелеговъ очень часто приходитъ къ выводамъ далеко не историческимъ и впадаетъ въ тонъ фельетониста. Такъ, напр., о Бисмаркѣ, составившемъ эпоху въ европейской исторіи, онъ отзывается такъ: «Орелъ палатина имперіи, озарившій чело Бисмарка, быстро потухъ въ глазахъ Вильгельма II. Осталась обыкновенная лысая голова съ традиціонными тремя волосками, на котораго карикатуристы всего міра наживали капиталы. И, быть можетъ, самымъ большимъ безславіемъ для него и для его памяти было то, что его отставка была благомъ для Германіи». Едва ли это сужденіе историка.

Проф. Карѣевъ пишетъ спокойнымъ тономъ, но естественно, что и онъ не могъ отдѣлаться отъ партійности въ своихъ взглядахъ на современные событія. Къ его книгѣ приложены интересные обзоры экономической эволюціи, рабочаго движенія и міровой политики въ концѣ XIX вѣка, и по нимъ можно сказать, къ какому лагерю принадлежитъ самъ авторъ. Въ общемъ взглядѣ на умственные теченія конца XIX вѣка авторъ явно становится на сторону позитивизма и даже отдѣляетъ метафизику отъ науки, какъ будто метафизика со временъ Аристотеля не представляетъ по меньшей мѣрѣ такой же научной теоріи, какъ недолговѣчныя гипотезы естествоиспытателей. Во всякомъ случаѣ проф. Карѣеву приходится отдать преимущество передъ г. Дживелеговымъ, и, въ виду обширной исторіи Западной Европы, книга послѣдняго оказывается почти излишней.

П. В.

Профессоръ Б. А. Тураевъ. Египетскія церковныя впечатлѣнія. Спб. 1910.

Профессоръ петербургскаго университета Б. А. Тураевъ совершилъ въ 1909 году поѣздку въ Египетъ, гдѣ провелъ Страстную и Пасхальную недѣли, и потомъ описалъ свои «церковныя впечатлѣнія» въ отмѣченной брошюрѣ. Она представляетъ большой интересъ, какъ голосъ свѣтскаго ученаго о церковной жизни въ Египтѣ, которая особенно мало извѣстна у насъ въ Россіи, какъ въ силу общей у насъ косности и недостатка интереса къ православному Востоку, такъ и влѣдствіе отдаленности этой страны, куда вообще мало проникаютъ наши соотечественники, привыкшіе искони предпочитать для своихъ путешествій инославный Западъ православному Востоку. Между тѣмъ въ Египтѣ существуетъ православная автокефальная церковь, здѣсь обитаетъ александрійскій патріархъ, нынѣ блаженнѣйшій Фотій, существуютъ многочисленные храмы, общины и школы, здѣсь издаются весьма интересные для церковнаго историка журналы, число греческаго населенія возросло до 150 тысячъ, здѣсь сильно бьется пульсъ церковно-религіозной жизни и т. д. Профессоръ Б. А. Тураевъ въ своей брошюрѣ и вскрываетъ многія невѣдомыя у насъ стороны и явленія мѣстной жизни и быта, — говоритъ о храмахъ — греческихъ и коптскихъ, описываетъ богослуженіе въ Страстную и Пасхальную седмицы и отмѣчаетъ его особенности сравнительно съ русскимъ, характеризуетъ современное состояніе православной церкви въ Египтѣ. Симпатичными чертами профессоръ Тураевъ описываетъ церковный бытъ исконныхъ туземцевъ Египта — коптовъ, потомковъ подданныхъ древнихъ фараоновъ, единоплеменниковъ святыхъ Антонія и Пахомія Великихъ, съ гордостью и теперь называющихъ себя «египтянами православными» и со скорбію сообщающихъ, что многіе копты сдѣлались мусульманами, а нѣкоторые — униатами и протестантами. Копты дорожатъ эпитетомъ «ортодоксъ» — православный — и считаютъ его единственнымъ обозначеніемъ своего вѣроисповѣданія. Они почти не отдѣляютъ себя отъ грековъ и русскихъ, называя ихъ «ортодоксъ-румъ» и относясь къ нимъ съ симпатіей, особенно къ «московамъ». По наблюденіямъ профессора Тураева, коптская церковь въ Египтѣ не пережитокъ, осужденный на вымираніе, и не анахронизмъ, какъ иногда

думаютъ, напротивъ, она таитъ въ себѣ силы для дальнѣйшаго возрожденія, и она достигнетъ его, усвоивъ европейское образованіе, но отнюдь не измѣнивъ своимъ традиціямъ, не пойдя на компромиссы съ протестантизмомъ, хотя бы англиканскимъ, и не поработившись Риму. Успѣхи римской пропаганды преувеличены. Папистовъ среди коптовъ не болѣе трехъ-пяти тысячъ на почти миллионное количество всего коптскаго населенія. И среди грековъ Египта латинская пропаганда имѣетъ сравнительно небольшой успѣхъ, такъ какъ дѣятельность патріарха Фотія значительно парализуетъ ея дѣятельность. Патріархъ организовалъ постоянный при себѣ синодъ, котораго давно здѣсь не было, замѣстилъ вакантныя архіерейскія кафедры молодыми и просвѣщенными дѣятелями, очень заботится о постройкѣ въ греческихъ общинахъ храмовъ и школъ и энергично поддерживаетъ духовенство въ просвѣтительныхъ трудахъ. Профессоръ В. А. Тураевъ закончилъ свою интересную и поучительную брошюру пожеланіемъ, чтобы установился тѣснѣйшій союзъ и согласіе между древними восточными церквами, которыя и теперь видятъ въ дорогомъ для нихъ словѣ «православіе» объединяющее ихъ знамя въ упорной и пока еще оборонительной войнѣ съ могучими и вооруженными всѣми средствами культуры и науки западными пришельцами, латинскими и протестантскими миссіонерами.

Нельзя, конечно, не присоединиться къ такому справедливому и основательному пожеланію профессора В. А. Тураева. Іер. І.

Bericht des Livländischen Landesgymnasium zu Birkenruh bei Wenden über das Schuljahr 1908/9. Рига. 1909.

Существовавшая еще въ нѣмецкій періодъ, затѣмъ закрывшаяся и нѣсколько лѣтъ назадъ, съ новыми вѣяніями въ учебномъ мірѣ, вновь открывшаяся «дворянская гимназія» въ лифляндскомъ городкѣ Биркенру, близъ Вендена, выпустила въ свѣтъ брошюрку—отчетъ за 1908—9 учебный годъ. Въ книжкѣ помѣщены: 2 статьи преподавателей гимназіи (объ отношеніи философіи Шопенгауэра къ его характеру и о происходившемъ 5—9 іюля 1908 г. во Франкфуртѣ-на-Майнѣ нѣмецкомъ гимнастическомъ празднествѣ), очерки жизни гимназіи (съ 24 снимками) и дневникъ школьныхъ событій: занятій учениковъ, экскурсій и т. п. Учениковъ всего состояло къ началу отчетнаго года 89, въ теченіе года выбыло 8, вновь поступило 6; библіотека состояла на 1 августа 1908 г.: фундаментальная изъ 2408 нѣм. и 176 русскихъ книгъ, ученическая изъ—1266 нѣм., 424 русскихъ книгъ. Въ теченіе года къ нимъ прибавилось: въ фундаментальной библіотекѣ—72 нѣм. и 93 русск. книги и въ ученической—103 нѣм. и 80 русск. книгъ. Въ физическомъ кабинетѣ находилось 275 аппаратовъ

А. Э. М—нѣ.

**Н. И. Новосадскій. Греческая эпитафия. Часть I. Москва. 1909.
Стр. II+228+IV.**

Подъ такимъ заглавіемъ профессоръ Н. И. Новосадскій опубликовалъ курсъ лекцій, читаемыхъ имъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ. Настоящая первая часть представляетъ собою собственно только введение въ курсъ эпитафии и посвящена изложенію исторіи изученія греческихъ надписей, оказавшаго, какъ извѣстно, такое громадное вліяніе на расширеніе нашего знакомства съ древне-греческимъ міромъ. Авторъ излагаетъ сначала вопросъ объ отношеніи самихъ древнихъ писателей къ документамъ, сохранившимся въ видѣ надписей, затѣмъ переходитъ къ разсказу о первыхъ попыткахъ собиранія древнихъ надписей средневѣковыми, а затѣмъ и позднѣйшими учеными, причемъ авторъ съ достаточной подробностью характеризуетъ всѣ значительные сборники греческихъ надписей, начиная съ самыхъ раннихъ изданій вплоть до новѣйшихъ. Въ этомъ отдѣлѣ книги профессора Новосадскаго читатель найдетъ подробную исторію и описаніе современнаго устройства ученыхъ учреждений, занимающихся собираніемъ надписей и содержащихъ съ этою цѣлью Германіей, Франціей, Австріей, Америкой и другими государствами. Совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ въ предисловіи, что «надписи, преимущественно греческія, имѣютъ значеніе и для исторіи тѣхъ поселеній, которыя въ глубокой древности раскинулись широкой стѣною въ предѣлахъ теперешней южной Россіи. При взглядѣ на карту нельзя не замѣтить, что число ихъ тамъ было очень велико». Это заставляетъ автора подробно изложить исторію изученія греческихъ надписей въ Россіи, начиная недавно умершими профессорами петербургскаго университета И. В. Помяловскимъ и Ѳ. Ѳ. Соколовымъ и нынѣ съ большимъ успѣхомъ продолжаемаго въ трудахъ В. В. Латышева, Ю. А. Кулаковскаго, Э. Р. фонъ-Штерна и другихъ. Эта часть книги, занимая чуть ли не половину ея (стр. 138 до конца), представляетъ особый интересъ, являясь весьма поучительной страницей изъ исторіи изученія Россіи и развитія русской науки. Такимъ образомъ, эти главы входятъ какъ бы въ составъ общей русской исторіографіи и представляютъ интересъ не только для спеціалистовъ по эпитафическимъ, но и для всѣхъ, кому дороги успѣхи русской науки. Здѣсь можно хорошо ознакомиться съ дѣятельностью нашихъ археологическихъ обществъ и отдѣльныхъ ученыхъ, посвящавшихъ свои труды этой отрасли знанія. Такого полнаго очерка хода развитія русской археологіи, правда, въ одной только ея отрасли, до сихъ поръ не существовало въ нашей литературѣ и поэтому нельзя не привѣтствовать автора, восполнившего этотъ существенный пробѣлъ нашей ученой литературы. Свое изложеніе авторъ сопровождаетъ библиографическими указаніями, очень полными и поэтому вполне удобными и надежными для справокъ. Удобству читателей служить также указатель именъ и карта древнихъ поселеній на южномъ берегу Чернаго моря. Несмотря на строгую научность содержанія, книга профессора Новосадскаго написана на рѣдкость легко и увлекательно, почему читается при всей спеціальности своей темы съ неослабнымъ интересомъ.

В. В.

К. Д. Мачаваріани. Очерки и рассказы. (Изъ наблюденій разныхъ годовъ). Батумъ. 1909.

Въ составъ сборника статей К. Д. Мачаваріани, кавказскаго ветерана и знатока быта народностей этого чуднаго края, вошли полу-беллетристическіе рассказы и этнографическіе очерки. Особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ статьи, которыя посвящены Абхазіи; таковы—«Семь дней въ Абхазіи», «Положеніе женщины въ Абхазіи», «Абхазія и народное образованіе въ ней». Какъ педагогъ, онъ особенно интересуется и тѣми учрежденіями, которыя служатъ народной образованности. Много любопытнаго читатель найдетъ въ его эскизахъ «Наши сельскія начальныя училища» и «Объ открытіи въ гор. Батумѣ дѣтскаго музея». Археологъ съ благодарностью воспользуется его очеркомъ «Городъ Артвинъ», въ районѣ котораго понынѣ уцѣлѣло много слѣдовъ пребыванія здѣсь грузинъ; этнографъ со вниманіемъ остановится на его очеркахъ «Въ странѣ жарь-птицъ и очаровательныхъ колхидскихъ уголковъ» и «Золотое сѣмя», посвященное легендѣ о Мартвильскомъ монастырѣ. Помимо этюдовъ изъ жизни абхазцевъ, мингрельцевъ и гурійцевъ, г. Мачаваріани даетъ въ своемъ сборникѣ граціозное черкесское сказаніе «Любовь и дружба». Не останавливаясь на другихъ очеркахъ, скажемъ вообще, что книга К. Д. Мачаваріани представляетъ интересный сводъ наблюденій почтеннаго автора, тепло и съ знаніемъ дѣла изложившаго накопившіяся впечатлѣнія изъ непосредственнаго и продолжительнаго знакомства съ Западной Грузіей.

А. Хахановъ.

Андрей Сиротининъ. Какъ научиться по-чешски? Чешская грамматика съ хрестоматіей и словаремъ. Варшава. 1910. Стр. XII+132. — Рад. Кошутичъ. Русская хрестоматія. Бѣлград. Цѣна 95 коп. 1910. I. Тексты Стр. XXII+290. II. Примѣчанія. Стр. 225. III. Словарь. Стр. XV+359. Цѣна 6 динар. (франковъ).

На ряду съ теоретической разработкой вопросовъ славянской взаимности идетъ работа по осуществленію ея. Поле—громадное, мѣстами совсѣмъ не воздѣланное; жатва предвидится обильная,—и одинъ за другимъ выступаютъ дѣятели. По большей части это—люди глубокихъ знаній, люди долга и идеи, труженики неумытные, работники скромные. И критикъ счастливъ, что можетъ воздать должное ихъ прекрасному, высокому и достопамятному труду.

А. Н. Сиротининъ много уже сдѣлалъ для знакомства русскихъ читателей съ поэзіей, школой и общественнымъ бытомъ славянскихъ народовъ. Кромѣ очерковъ, рецензій, всегда содержательныхъ и справедливыхъ, Сиротининъ много переводилъ. Теперь онъ выступаетъ въ роли составителя популярной чешской грамматики для русскихъ. Цѣль своей книги онъ объясняетъ въ предисловіи. «Какъ научиться по-чешски?» Но кому и зачѣмъ придетъ въ голову учиться этому языку? Сколько слышали мы этотъ вопросъ! И однако предлагаемая вниманію читателя книга во всякомъ случаѣ не праздная затѣя ушедшаго отъ жизни слависта. Она живая, потому что не мертвая тишь кабинета, а сама современная жизнь

наша была ей матерью. Для поясненія позволю себѣ нѣсколько личныхъ воспоминаній. Около двадцати лѣтъ тому назадъ судьба закинула меня учителемъ въ маленькій польскій городокъ Петроковъ. Родному русскому народу выпало мнѣ на долю служить только посредственно, уча и воспитывая «блѣкучихъ дѣтей Польши». Но воспитывать это значить прежде всего любить, а между полякомъ и русскимъ давно уже зияетъ глубокая пропасть взаимнаго непониманія и вражды. Какъ было ее перейти? Какъ отыскать между собою и учениками общую почву, тотъ языкъ, на которомъ сердце говорить сердцу? Задушевно-сердечной связи не могутъ дать здѣсь ни узы государственныя, потому что въ нихъ всегда можетъ чувствоваться примѣсъ принудительности, ни единство христіанскихъ идеаловъ, потому что на тонѣ общаго слишкомъ ясно выступаетъ разнь вѣроисповѣданая. Только при одномъ условіи полякъ и русскій, не забывая о своей народности, могутъ почувствовать себя однимъ. Только на одной почвѣ могутъ у нихъ свободно, безъ всякихъ заднихъ мыслей подняться свѣтлой радугой мира задушевные слова: «мы, наше». Эта почва—славянское чувство. Это условіе—сознаніе племенного единства. Такъ, не будучи славистомъ по образованію, самую жизнь былъ я приведенъ къ изученію славянства и славянскихъ языковъ и среди нихъ прежде всего чешскаго, ибо кто же сильнѣе и настойчивѣе чеховъ въ теченіе столькихъ лѣтъ звонилъ въ колоколъ славянскаго единства?» Далѣе авторъ говоритъ о достигнутыхъ уже результатахъ въ дѣлѣ славянскаго единства, рассказываетъ, какъ онъ сталъ знакомиться съ чешскимъ языкомъ и литературой, убѣдительно доказываетъ необходимость имѣть практическія руководства для изученія славянскихъ языковъ и т. д. Предисловіе написано тепло, читается съ интересомъ.

Съ такой же «теплотой» и интересомъ написана и краткая грамматика чешскаго языка. Въ каждой мелочи, каждомъ сообщеніи, въ выпискѣ изъ устныхъ произведеній, старопечатныхъ книгъ, старыхъ и новыхъ чешскихъ писателей, примѣрѣ разговорной рѣчи и т. д. и т. д.—всюду разлито любовное отношеніе А. Н. Сиротинина къ славянству, желаніе его облегчить трудъ тѣхъ, кто будетъ изучать чешскій языкъ по его книгѣ, ввести читателя въ дѣло постепенно, внушить ему ту же любовь къ славянству. Удачно составлена и хрестоматія. Колларъ, Маха, Тылъ, Нѣмцова, Нерада, Чехъ, Врхлицкій, Махаръ,—изъ нихъ выбрано все лучшее. По «Бесѣдамъ русской словесности» (Спб. 1910) А. Н. Сиротинина нетрудно было составить представленіе о немъ, какъ о прекрасномъ педагогѣ-идеалистѣ, какъ объ одномъ изъ немногихъ у насъ «праведниковъ», болѣе характерномъ даже для «уходящихъ вѣковъ». Такимъ же педагогомъ, методичнымъ, во всеоружіи своихъ знаній, является онъ и въ своей новой книжкѣ.

Радованъ Іовановичъ Кошутичъ знаетъ русскій языкъ такъ, какъ немногіе русскіе. Надъ «Русскою хрестоматіей» онъ работалъ больше десяти лѣтъ, много разъ бывалъ въ Россіи, пользовался указаніями академиковъ А. Шахматова, Ф. Корша, А. Соболевскаго и другихъ, подолгу останавливался надъ всякимъ спорнымъ вопросомъ въ языкѣ, надъ которыми мы, русскіе, никогда и не задумывались. Особенно это касалось удареній—самой спорной части русской

грамматики. Нужно обладать неимовѣрной пытливостью, глубокой любовью къ русскому языку, чтобы такъ внимательно отнестись къ своей задачѣ, какъ сдѣлалъ это Кошутичъ. Бывая въ Россіи, онъ прислушивался къ выговору образованныхъ и простыхъ людей, заставляя ихъ читать тѣ стихи и прозу, которые вошли въ его хрестоматію, находилъ въ произношеніи разныхъ лицъ разные отгѣнки, по нѣскольку разъ передѣлывалъ условные значки въ набранномъ уже текстѣ,—и въ результатѣ явилась такая книга, какой у насъ не было. Поэтому она окажетъ услугу не однимъ сербамъ: она можетъ и должна занять почетное мѣсто въ любой русской школьной и частной библиотекѣ, незамѣнима она и для декламации.

У насъ есть нѣсколько хрестоматій съ удареніями. По большей части онѣ предназначаются для инородческихъ школъ. «Русская хрестоматія» Р. Кошутича—вполнѣ научный трудъ, составленный съ солиднымъ знаніемъ дѣла, съ литературно-художественнымъ вкусомъ, поразительной добросовѣстностью и вниманіемъ къ каждой мелочи. Выборъ изъ произведеній Вѣлинскаго, Гаршина, Гоголя, Гончарова, Горькаго, Достоевскаго, Кольцова, Лермонтова, Майкова, Некрасова, Полежаева, Пушкина, Станюковича, А. и Л. Толстыхъ, Тургенева, Тютчева и Фета сдѣланъ умѣлый. Таковы же отрывки изъ русскаго фольклора. А цѣлый томъ примѣчаній—это цѣлая энциклопедія по исторіи русской литературы, быта, общественности, исторіи, журналистики, этнографіи и т. д. Нужно удивляться любознательности г. Кошутича, его наблюдательности, начитанности, и многое изъ его примѣчаній и объяснительнаго словаря будетъ новостью и для русскихъ. Повторяемъ, мы слишкомъ «привыкли» къ богатству и выразительности своего языка—и не замѣчаемъ того, что стало повседневнымъ, «механическимъ» въ нашей рѣчи, а между тѣмъ означаетъ гораздо больше, чѣмъ кажется на первый взглядъ.

И мы увѣрены, что «Русская хрестоматія» Р. Кошутича не только получитъ широкое распространеніе въ Россіи, но и послужитъ образцомъ для подобнаго рода изданій русскихъ филологовъ.

А. Я.

Труды ярославской губернской ученой архивной комиссіи. Книги V и VI. Москва. 1908 и 1909.

Настоящія двѣ книги «Трудовъ» (т. I—стр. LXIV+436; т. II—стр. XXXIX+350 и указатели), посвящены изданію актовъ угличской провинціальной канцеляріи (1719—1726) и изданы на счетъ предсѣдателя ярославской архивной комиссіи, извѣстнаго знатока и мецената археологіи И. А. Вахромѣева и его наслѣдниковъ, такъ какъ ко времени изданія VI книги самъ Вахромѣевъ уже умеръ. Редактировалъ изданіе бывший профессоръ варшавскаго университета Ѳ. В. Тарановскій, перу котораго принадлежатъ и оба обширныхъ введенія къ обѣимъ книгамъ.

Весь матеріалъ раздѣленъ редакторомъ по содержанію на шестнадцать отдѣловъ. Въ I отдѣлѣ помѣщены акты о личномъ составѣ провинціальныхъ учреждений; во II—акты объ отвѣтственности и отчетности должностныхъ лицъ; въ III—акты о неисполненіи указовъ на мѣстѣ; въ IV—образцы формъ дѣло-

производства; въ V—образцы формъ судопроизводства; въ VI—акты финансоваго управленія; въ VII—акты о расквартированіи войскъ и связанныхъ съ ними повинностяхъ мѣстнаго населенія; въ VIII—акты о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ; въ IX—чрезвычайныя и особыя порученія провинціальному управленію; въ X—акты о школьномъ дѣлѣ; въ XI—акты о шляхетствѣ и о служилыхъ людяхъ; въ XII—акты о крестьянахъ; въ XIII—акты, относящіеся къ гражданскому праву; въ XIV—акты, служащіе къ бытовой и хозяйственной характеристикѣ мѣстной жизни; въ XV—явочныя челобитныя; въ XVI—акты, не имѣющіе мѣстнаго значенія, но издаваемые въ виду ихъ неизвѣстности.

Въ I томѣ помѣщены первые восемь отдѣловъ; во II—всѣ остальные.

Несмотря на то, что акты углической провинціальной канцеляріи мѣстнаго характера, изданіе ихъ, несомнѣнно, займетъ подобающее мѣсто среди печатныхъ источниковъ русской исторіи и въ частности исторіи русскаго права. Не требуетъ большихъ объясненій та мысль, что государственная и общественная жизнь можетъ быть изучена надлежащимъ образомъ только тогда, когда собранъ, приведенъ въ извѣстность и изданъ архивный матеріалъ мѣстныхъ учрежденій, которыя являются непосредственными проводниками мѣропріятій и предначертаній центральныхъ административныхъ органовъ. Въ особенности это нужно сказать объ эпохѣ Петра Великаго, къ которой относятся изданные нынѣ акты углической канцеляріи, потому что въ то время преобразовательная дѣятельность развивалась такимъ быстрымъ темпомъ, что многіе проекты такъ и не успѣвали войти въ жизнь. Отдѣлить, поэтому, осуществленное отъ оставшагося мертвой буквой на бумагѣ только и можно путемъ изученія архивнаго матеріала мѣстныхъ учреждений, всегда ближе стоящихъ къ народной жизни.

Другая черта, положительно характеризующая изданіе, заключается въ томъ, что оно содержитъ акты 1719—1726 гг., когда, послѣ учрежденія коллегій, была произведена Петромъ вторая губернская реформа, имѣвшая широкія задачи по упорядоченію и оживленію мѣстнаго государственнаго быта. Въ то именно время была выражена мысль объ отдѣленіи суда отъ администраціи, не осуществленная вполнѣ и доселѣ, несмотря на судебныя реформы Александра II.

Издателямъ и ученому редактору «Актовъ», профессору Ѳ. В. Тарановскому, должна быть оказана, поэтому, подобающая честь за ихъ безкорыстное и ревностное содѣйствіе русской исторической наукѣ.

П. В. В.

Н. К. Горталовъ. Изъ прошлаго императорской казанской I-ой гимназіи. Съ 2 портретами и видомъ гимназіи въ началѣ XIX столѣтія. Казань. 1910. Стр. 47. Ц. 45 к.

Подъ вышесприведеннымъ заглавіемъ брошюра П. К. Горталова заключаетъ въ себѣ три статьи: 1) «Сергій Тимоѣевичъ Аксаковъ, какъ ученикъ казанской гимназіи»; 2) «Несостоявшаяся посылка учениковъ казанской гимназіи въ петербургскую учительскую гимназію» для усовершенствованія ихъ въ наукахъ (1803 г.), и 3) «Ученики-надзиратели казанской гимназіи въ началѣ XIX сто-

лѣтія». Главнымъ матеріаломъ для всѣхъ этихъ статей послужили данныя гимназическаго и отчасти университетскаго архивовъ. На основаніи ихъ Н. К. Горталовъ внесъ въ первую статью не только нѣкоторыя дополненія, но даже поправки, по преимуществу хронологическаго характера, къ личнымъ воспоминаніямъ С. Т. Аксакова. Къ этой статьѣ приложены: портретъ С. Т. Аксакова и видъ казанской гимназіи около 1800 г. Довольно интересною является и статья: «Ученики-надзиратели казанской гимназіи въ началѣ XIX столѣтія», рисующая, на основаніи официальныхъ данныхъ, не только неподготовленность, но даже непригодность учителей и особенно воспитателей гимназическихъ, проходившихъ передъ тѣмъ «полковую, поддекарскую и полицейскую службу». Назначенные надзирателями два лучшихъ воспитанника казанской гимназіи—Павелъ Делакроа и Петръ Сыромятниковъ—очень скоро постарались избавиться отъ своей новой службы, несмотря на всѣ попытки начальства удержать ихъ при гимназіи.

В. Р.—въ.

**Труды псковскаго церковнаго историко-археологическаго комитета.
Псковская старина. Томъ первый. Псковъ. 1910. Стр. III+202+50.**

Одна изъ древнѣйшихъ русскихъ церквей, старая, полная захватывающихъ событій въ прошломъ и богатая церковными древностями,—псковская церковь вызывала до сихъ поръ, повидимому, все-таки сравнительно слабый интересъ къ себѣ ученаго міра. Правда, существуетъ не одно изслѣдованіе, касающееся страницъ прошлой церковной жизни Пскова; немало издано памятниковъ письменности, описано памятниковъ археологіи, но всего этого мало.

Старый Псковъ, этотъ городъ-музей, давно заслуживалъ того, чтобы его церковною исторіею занималось бы специальное учрежденіе. Въ очеркѣ объ открытіи псковскаго церковно-историческаго комитета справедливо указывается на то, что интересъ къ изученію псковской старины впервые былъ возбужденъ ученымъ «псковолубцемъ» митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, издавшимъ свой замѣчательный трудъ въ 1831 году въ Кіевѣ, «Исторія княжества Псковскаго». «Сочувственно встрѣченное ученымъ міромъ, это сочиненіе митр. Евгенія произвело свое впечатлѣніе въ частности и въ Псковѣ. Съ конца 30-хъ годовъ начинаютъ появляться на страницахъ единственнаго тогда періодическаго органа «Псковскія Губернскія Вѣдомости» замѣтки и статьи по исторіи Пскова. Постепенно образуется кружокъ любителей мѣстной старины, благодаря которымъ неофициальная часть «Пск. Губ. Вѣдомостей» принимаетъ характеръ мѣстнаго археологическаго журнала. Съ 1839 г. по 1872 г. здѣсь было помѣщено до 75 статей и замѣтокъ по исторіи и археологіи Пскова, и было издано болѣе 80 документовъ, преимущественно по исторіи церкви и въ частности по исторіи церковнаго и монастырскаго хозяйства. Начиная, затѣмъ, съ 1860 г. такой же археологическій видъ принимаютъ и «Памятныя Книжки» псковскаго статистическаго комитета. Въ каждой изъ нихъ встрѣчаемъ историко-археологическіе очерки, иногда довольно обширные по своему объему. Кромѣ того, появлялись и отдѣльныя изданія мѣстныхъ

археологовъ: Милевского, Князева, Бутырскаго, Миротворцева, Евлентьева, Васильева, Иваницкаго, іеромонаха Іосифа и др. Такимъ образомъ, недостатка въ дѣлѣ, а главное въ людяхъ, безкорыстно преданныхъ дѣлу, не было. Недоставало только объединенія и организаціи для этого археологическаго кружка—и это было сдѣлано. Въ 1872 году при псковскомъ статистическомъ комитетѣ была учреждена археологическая комиссія. Главнымъ инициаторомъ и, такъ сказать, душою дѣла былъ К. Г. Евлентьевъ, избранный секретаремъ комиссіи. Начиная съ 1867 г., онъ помѣстилъ въ «П. Г. Вѣдомостяхъ» цѣлый рядъ своихъ статей, издалъ массу свитковъ XVII—XVIII вв. и могъ, такимъ образомъ, быть настоящимъ руководителемъ новаго научнаго учрежденія».

Были, конечно, и другія учрежденія, лица, изданія, такъ или иначе разрабатывавшія прошлое церковной жизни Пскова, но только съ назначеніемъ на псковскую кафедру архіепископа Арсенія, пастыря высокопросвѣщеннаго, одного изъ немногихъ у насъ архіереевъ-ученыхъ, доктора церковной исторіи и цѣнителя старины,—приблизительно съ 1905 года начинается въ зародышѣ спеціальнѣй церковно-археологическій музей. Въ основу музея положены были предметы и книги, находившіеся въ складѣ устарѣвшаго церковнаго имущества при монастырѣ на Святой горѣ (на архіерейской дачѣ), а также собственная коллекція древностей высокопреосвященнаго Арсенія. Черезъ три года учрежденъ церковно-археологическій комитетъ, для чего были приглашены проф. петербургской духовной академіи П. Е. Евсѣевъ, приватъ-доцентъ петербургскаго университета А. И. Яцимирскій и историкъ русскаго искусства В. Т. Георгіевскій.

Въ теченіе одного года комитетъ успѣлъ сдѣлать многое. Результатомъ его работъ и является первый томъ «Псковской Старины», посвященный архіепископу Арсенію, какъ просвѣщенному основателю и почетному предсѣдателю комитета. На первомъ мѣстѣ (за описаніемъ открытія комитета и его уставомъ) помѣщена прекрасная рѣчь архіепископа Арсенія о значеніи археологіи для изученія церковной исторіи псковской земли. За нею слѣдуетъ содержательная рѣчь доктора слав. филологіи А. И. Яцимирскаго «О воспитательно-эстетической сторонѣ памятниковъ древностей», съ очень цѣнными фактами и вѣрными мыслями о своеобразной красотѣ памятниковъ минувшихъ эпохъ. Изъ историческихъ изслѣдованій, рефератовъ и матерьяловъ отмѣтимъ: «надгробный памятникъ 1525 года надъ могилой Прокопія Псковитина въ Буквинѣ» высокопреосвященнаго Арсенія, «Извѣстія о св. Ольгѣ въ древнѣйшемъ русскомъ лѣтописномъ сводѣ» А. И. Яцимирскаго, «Къ исторіи псковской духовной семинаріи» М. Е. Лебедева, «Тексты сказаній о псковскихъ чудотворныхъ иконахъ Божіей Матери» А. С. Ляпухтина.

Особый отдѣлъ составляютъ великолѣпно напечатанные «Тексты изъ псковскихъ памятниковъ» Н. И. Серебрянскаго, съ объяснительными замѣтками къ нимъ (стр. 109—202). Здѣсь мы находимъ введеніе «Значеніе Псковской области въ исторіи древне-русской письменности», описаніе рукописей, поступившихъ въ церковно-археологическій музей за послѣдніе два года, описаніе пергаменнаго листа изъ древней Постной Трїоди новгородско-псковскаго происхожденія

(съ фототипическимъ снимкомъ), «Житіе Бориса и Глѣба по рукописи XV вѣка бібліотеки Псково-Печерскаго монастыря», «Слово о погибели Русскія земли и Слово о началѣ Русскія земли» (два памятника, сохранившіеся въ псковскихъ спискахъ XV вѣка).

Наконецъ, среди документовъ изъ мѣстныхъ архивовъ обращаютъ вниманіе: «Духовное завѣщаніе порховскаго помѣщика Ладыженскаго» (сообщеніе К. И. Ильинскаго), «Указъ Иннокентія, епископа псковскаго и рижскаго, объ исправленіи иконъ мученика Христофора съ песьею головою», 1765 года (сообщ. А. С. Капустина), «Благословенная грамота патріарха Адріана отъ 1692 года» (сообщ. Н. И. Серебрянскаго). Интересенъ и библиографическій отдѣлъ, показывающій, какъ и все изданіе, что комитетъ умѣлъ привлечь ученые силы къ работѣ плодотворной и исполнѣ научной, а внѣшняя сторона «Трудовъ» стоитъ на такой высотѣ, что позавидовать ей могутъ многія столичныя изданія.

ША. В—въ.

А. Ф. Шафонскій и его трудъ. Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе [Замѣтки изъ исторіи Черниговской губерніи и Малороссіи вообще]. Составилъ М. Бережковъ. Нѣжинъ. 1910.

Въ 1777 году сенатъ издалъ губернаторамъ указъ о собираніи ими свѣдѣній, касающихся исторіи, топографіи, состава, занятій жителей и проч., во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ. Однимъ изъ лучшихъ трудовъ этого рода было сочиненіе, указанное въ заглавіи книги профессора Бережкова. Авторъ его А. Ф. Шафонскій (1740—1811 г.), получившій образованіе въ галльскомъ, лейденскомъ и страсбургскомъ университетахъ, служилъ въ медицинской коллегіи, принималъ участіе въ борьбѣ съ чумою 1770—1772 года и закончилъ службу предсѣдателемъ уголовной палаты въ Черниговѣ. Въ своей книгѣ Шафонскій даетъ самое подробное описаніе черниговскаго намѣстничества, высказываясь вообще относительно Малороссіи. Такъ, о характерѣ жителей Шафонскій сообщаетъ, что «малороссійскій народъ имѣетъ нравъ тихій, робкій, застѣнчивый и не нахальный, на нѣмецкій похожій, такъ что малороссіянина между великимъ числомъ великороссіянъ по его обращенію узнать можно». Останавливается Шафонскій на обычаяхъ малороссовъ, ихъ одеждѣ, латинскихъ школахъ при монастыряхъ, которыя описываетъ, подтверждая описанія бурсы Нарѣжнаго и Гоголя; даетъ свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ черниговскаго намѣстничества, о занятіяхъ жителей, системѣ земледѣлія, ремеслахъ и пр. Между прочимъ, перечисляя различные цехи, существовавшіе по магдебургскому праву, Шафонскій называетъ цехъ стафечій, т. е. нищихъ, цехъ музыцкій, у котораго была своя цеха—цеховой знакъ: мѣдная маленькая скрипка. Помимо современныхъ свѣдѣній, Шафонскій подробно излагаетъ исторію Малороссіи. Книгою Шафонскаго пользовались малорусскіе историки: Ригельманъ, Бантышъ-Каменскій, Марковъ. Издана она была въ 1851 году, и только теперь М. Н. Бережковъ умѣстно вспомнилъ объ ней и воздалъ ей должное, указавъ на ея значеніе, котораго трудъ Шафонскаго не потерялъ доселѣ.

В. Даниловъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАБОТЫ.—Въ области археологіи дѣятельно продолжаютъ свою работу общества всѣхъ цивилизованныхъ державъ, соперничая между собой въ успѣхахъ. Профессоръ Петри въ Мейдумъ установилъ фактъ существованія пирамиды Снефру за 4000 лѣтъ до нашей эры. Одна изъ соедѣнныхъ съ нею усыпальницъ, самая большая изъ всѣхъ, какія находятся въ этой области, была построена изъ обломковъ той же пирамиды. Эта усыпальница никогда не имѣла внѣшняго отверстія и его сдѣлали послѣ погребенія покойника. Усыпальница сдѣлана изъ каменныхъ глыбъ, и нѣкоторыя изъ нихъ вѣсятъ до сорока тоннъ. Внутри усыпальницы археологи нашли гранитный саркофагъ, самый древній, какой только извѣстенъ до сихъ поръ, вѣсомъ въ 8,500 килограммовъ, съ крышкою въ 500 кило. Несмотря на то, что въ эту усыпальницу невозможно было проникнуть, воры все-таки ухитрились ее ограбить. Приходится предположить, что ее ограбили въ моментъ похоронъ. Покойникъ принадлежалъ къ высшему классу общества, слѣдовательно, въ украшеніяхъ не было недостатка, и большая часть ихъ украдена. Тѣло покойника было совершенно изуродовано: мясо снято съ костей и послѣднія разсѣчены, но позвоночный столбъ уцѣлѣлъ. Всѣ эти останки оказались завернутыми въ куски савана.

Французы не отстаютъ отъ другихъ націй: ихъ аѳинская археологическая школа энергично ведетъ раскопки на островѣ Делосъ—миеологической родинѣ Аполлона и Артемиды. Впервые они приступили тамъ къ раскопкамъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Въ 1872 г. археологъ Лебегъ освободилъ вершины Цинта, а затѣмъ 1876—1888 гг. были богаты различными находками: археологъ Гимоль открылъ части храма и множество архаическихъ статуй. Но до 1904 г. эти раскопки производились безъ системы, какъ пришлось, и только съ этого

времени французскіе археологи, подъ руководствомъ директора аѳинской археологической школы г. Голло, начали правильныя методическія работы, принесшія неожиданныя результаты. Имъ удалось не только открыть статуи святилища и прочія мелочи, но даже возстановить цѣлый городъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ свое время, со всѣми многочисленными мелкими подробностями. Между прочимъ было открыто нѣсколько храмовъ Аполлона, архаическіе львы, домъ негоціантовъ изъ Веритоса, помѣщеніе итальянцевъ, арена для борьбы, святилища чужеземныхъ божествъ, святилища Кабировъ. Но особенно интересной находкой является буржуазный городъ—самая оригинальная вещь на Делосѣ, которая придаетъ ему сходство съ Помпеей.

Работы на Делосѣ ведутся болѣе чѣмъ тщательно и распределяются между большимъ штатомъ археологовъ, завѣдующихъ каждый своей частью. Поэтому здѣсь не встрѣчается того хаотическаго беспорядка, какъ при раскопкахъ Спарты, гдѣ около развалинъ валялись различные обломки. Здѣсь откопанная земля относится и бросается въ море, такъ что священный островъ будетъ возстановленъ, какимъ онъ былъ оставленъ дикарями и всеразрушающимъ временемъ. Въ городѣ ютятся зданія самыхъ разнообразныхъ эпохъ. Одни очень древнія, построенныя въ отдаленныя времена греческаго острова, другія позднѣйшихъ вѣковъ, построенныя иностранцами.

Современному глазу на Делосѣ все покажется страннымъ, особенно смѣсь торгашества и набожности. Клубъ купцовъ, биржи и прочіе торговые пункты сборища окружаютъ, какъ бы оцѣпляютъ императорскія святилища. Торговья товарищества носятъ имена божествъ и зависятъ отъ культовъ, которымъ они были посвящены. Подъ видомъ поклоненія богамъ на священномъ островѣ велись крупныя торговыя дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хранилъ свою святость. Даже въ самую горячую эпоху усиленнаго обмѣна товаровъ и денегъ египтяне, сирійцы, итальянцы, посейдонисты изъ Бейрута, аполлонисты, гераклисты, гермаисты и прочіе купцы не забывали своего культа и исполняли ритуалы. Въ древности делоскій Аполлонъ, сынъ Латоніи, и его сестра Артемида были еще требовательнѣе. На островѣ почти нѣтъ могилъ, да ихъ и не было, если не считать могилъ жрицъ гиперборейскихъ и немногочисленныхъ могилъ IV в. Но съ V вѣка ихъ совсѣмъ тамъ нѣтъ. Въ 26 г. аѳиняне, господствовавшіе на священномъ островѣ, настойчиво принялись охранять чистоту острова, на которомъ родилась Латоніа, и запретили жителямъ на немъ родить и хоронить покойниковъ. Съ тѣхъ поръ беременныхъ женщинъ и людей умирающихъ стали отвозить въ Ренэ.

При раскопкахъ въ Ренэ отрыли основанія построекъ, одинаковыхъ и маленькихъ, нѣчто вродѣ лазаретовъ, находившихся въ сторонѣ отъ города. Недалекъ отъ нихъ отрыли могилы съ похоронными принадлежностями. Четыре года спустя послѣ этого предписанія религіознаго очищенія острова, Аѳины изгнали оттуда всѣхъ жителей, чтобы тѣ почувствовали ихъ господство.

— За кулисами второй имперіи.—Въ Лондонѣ появились на англійскомъ языкѣ, къ сожалѣнію, не оконченные мемуары принцессы Каролины Мюратъ, двоюродной сестры императора, внучки Іоахима Мюрата, неаполитанскаго короля, и дочери принца неаполитанскаго Наполеона-Люсьепа-Шарля

Мюрата, умершей въ 1902 г. въ Англіи. Они обнимають эпоху отъ революціи 1848 г. до паденія Наполеона III и его смерти въ изгнаніи. Ея отецъ, послѣдовавшій за королемъ Іосифомъ въ Соединенные Штаты послѣ Ста дней, поселился въ деревушкѣ Бордентоунъ на берегу Делавара въ двухъ лье отъ Трентона, столицы Нью-Джерсея. Онъ женился по любви на миссъ Фазеръ, американкѣ, но шотландскаго происхожденія. Состояніе жены было очень незначительно и вскорѣ совершенно истощилось, какъ и его личныя средства, а семья состояла изъ двухъ дочерей и нѣсколькихъ сыновей. Король Іосифъ, подѣ именемъ графа Сюрвилле, поселившійся по сосѣдству въ большомъ имѣніи, окруженномъ паркомъ и лѣсомъ, съ радостью принялъ къ себѣ племянника съ дѣтьми. Такимъ образомъ, принцесса Каролина дѣтство провела счастливо, хотя и не безъ заботъ. Ея мать для пополненія ресурсовъ принуждена была давать уроки, тогда какъ ея мужъ, выросшій среди роскоши Неаполя, Вѣны и Венеціи, умѣлъ только тратить деньги. Домъ Мюратовъ былъ поставленъ на очень скудную ногу, и весь служебный персоналъ состоялъ изъ двухъ или трехъ негрятенокъ и то одной старой и глухой.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день ихъ судьба измѣнилась: до нихъ дошелъ слухъ, что во Франціи объявлена республика, а за этой новостью послѣдовала другая: сынъ короля, принцъ Луи-Наполеонъ, былъ избранъ президентомъ 10 декабря 1848 г. Изгнанію семьи Мюратъ этимъ былъ положенъ конецъ. На другой же день они приготовились къ отъѣзду, но у нихъ не хватало главного—денегъ. Однако въ виду такихъ неожиданныхъ обстоятельствъ для нихъ великодушно открылись кошельки.

Принцесса передаетъ, какъ Парижъ принялъ извѣстіе о переходѣ власти въ руки прежняго узника, бѣжавшаго изъ крѣпости Гамъ. Многіе видѣли въ немъ авантюриста, которому благопріятствовало счастье, но большинство считало его загадочнымъ. Сама принцесса Каролина рисуетъ его мечтательнымъ, говорящимъ мало, медленно, тихо, какъ бы съ самимъ собою. Онъ будто прислушивался къ собственнымъ мыслямъ, вмѣсто того, чтобы слушать голоса другихъ. Тогда онъ обладалъ устойчивостью и твердой волей, которая впоследствии часто обращалась въ слабость. Онъ былъ скрытенъ и никогда не открывалъ своихъ плановъ другимъ. Одинъ, безъ союзниковъ, если не считать Персиньи, безъ денегъ, онъ пробилъ себѣ путь къ вершинѣ власти.

Семья Мюратъ по прибытіи въ Парижъ сначала поселилась въ улицѣ Лилль, затѣмъ въ улицѣ Анжу Сентъ-Онора. Тотчасъ же предъ ними раскрылись всѣ салоны, гдѣ, привѣтствуя Луи-Наполеона, какъ президента, уже надѣялись вскорѣ привѣтствовать его, какъ императора. Принцъ Люсьенъ былъ назначенъ народнымъ представителемъ, депутатомъ отъ департамента Ло, колыбели семьи Мюратъ. Существованіе его обезпечивалось 9000 франковъ въ годъ. Вскорѣ его назначили полномочнымъ министромъ въ Туринѣ, и во время его пребыванія въ Италіи Каролина и ея сестра Анна проводили вечера на приемахъ принцессы Матильды.

Такимъ образомъ, воспоминанія принцессы Каролины изобилуютъ многочисленными свѣдѣніями, касающимися императора, императрицы принцессы Матильды, Морни, Персиньи, Меттерниха, Нигры, миссъ Говардъ, графини

Кастильонъ, Мериме, Рошфора и прочихъ приглашенныхъ въ Компьенъ и Біаррицъ. Анекдотовъ, острыхъ словечекъ, а иногда и язвительныхъ, находится у нея въ изобиліи. Она не скрываетъ непріязни къ нѣкоторымъ лицамъ, откровенно высказываетъ свое мнѣніе, иногда даже рѣзко. Пищи для ея наблюдательности было немало въ салонѣ принцессы Матильды, устроившей въ немъ настоящей маленькій дворъ. Послѣдняя любила окружать себя блестящими умами той эпохи, занимавшими ее своими разговорами, и у нея собирався центръ парижскаго умственнаго, музыкальнаго и художественнаго міра. Ея салонъ въ то же время носилъ буржуазный отпечатокъ, и принцесса Каролина даетъ слѣдующую картину времяпрепровожденія по вечерамъ. Сидя въ своемъ широкомъ креслѣ, принцесса Матильда сама говорила мало, но болѣе слушала; въ одномъ углу вязала ея школьная подруга баронесса Редина, которая въ полудремотѣ при каждомъ взрывѣ смѣха просыпалась и вскакивала. На одномъ концѣ длиннаго стола графъ Ньюверкерке рисовалъ то монограмму, то рисунокъ для вышивки, пастелистъ Жюро оканчивалъ эскизъ, Араго импровизировалъ стихи и т. д. Принцесса Каролина садилась на табуретъ у ногъ принцессы Матильды, слушала разговоры и приходила въ восторгъ отъ всего происходившаго. Къ уже извѣстной біографіи принцессы Матильды ничего новаго Каролина Мюратъ не прибавляетъ. Ея неудачный бракъ съ княземъ Демидовымъ, пощечины, полученныя отъ него, его развратное поведеніе и ревность, вмѣшательство императора Николая, разводъ, въ которомъ онъ принималъ участіе, его настояніе на обезпеченіи ее пенсіей въ 200.000 франковъ—все это давно уже извѣстно.

Салонъ принцессы Матильды сдѣлался центромъ политическихъ дебатовъ только послѣ государственнаго переворота. Ранѣе тамъ собиралось особенно блестящее общество по воскресеньямъ. По средамъ она принимала артистовъ и художниковъ. Вообще она обладала особымъ умѣньемъ и тактомъ выбирать приглашенныхъ и все время поддерживать общій разговоръ, не давая ему переходить въ одиночный. Она умѣла группировать присутствующихъ и незамѣтно вмѣшивалась въ отдѣльные споры, переходя изъ зала въ залъ, и умиротворяла спорящихъ привѣтливомъ словомъ съ милой улыбкой. Въ этомъ ей помогала графъ Ньюверкерке.

Не одинъ мужской элементъ украшалъ ея салоны; среди дамъ выдѣлялись: княгиня Меттернихъ, г-жа Пурталесъ, графиня Валевская и т. д. Изъ музыкальнаго міра у нея бывали Аделина Патти, Христина Нильсонъ, Мюланъ Карвало и г-жа Конно.

Въ 1850 году Каролина Мюратъ вышла замужъ за барона Шассиронъ, бретонца и сторонника Орлеановъ. Поэтому для нея открылись самые замкнутые салоны предмѣстья, гдѣ она могла наблюдать другого рода теченіе высшаго парижскаго общества. Однако она предпочитала Бонапартовъ: принца Пьера и его братьевъ, принца Канино, принца Луи-Люсьена, ученаго, умершаго въ Англіи, короля Жерома съ сыномъ и принца Наполеона. Въ Елисейскомъ дворцѣ ее принимали не только какъ родственницу, но и какъ друга. Между прочимъ она описываетъ, какъ произошелъ государственный переворотъ 2 декабря 1851 года вечеромъ она узнала, что Елисейскому дворцу грозитъ

опасность. Принц-президент распустилъ народное собраніе, чтобы «само оно не распустило его». «Въ его игрѣ были всѣ козыри,—говорить она,—и, ободряемый, пришпоренный Морни, онъ ихъ выбросилъ на зеленое сукно, какъ хорошій игрокъ. Въ его распоряженіи находился батальонъ, но государственный переворотъ не прошелъ безъ инцидентовъ. Она была у принцессы Матильды, когда имъ сказали, что предъ Елисейскимъ дворцомъ идетъ кровопролитная схватка. Ихъ это встревожило, и принцесса Матильда, уложивъ свои платья, и драгоценности, осталась сидѣть на ящикахъ. Она умоляла Каролину доѣхать въ экипажѣ до Елисейскаго дворца и лично убѣдиться въ томъ, что произошло, посоветовала ей захватить револьверъ. Принцесса Каролина прошла по улицамъ, переполненнымъ толпой, но въ тотъ моментъ, какъ она входила во дворецъ, возлѣ нея раздался выстрѣлъ. Она думала, что хотятъ ее убить, но оказалось, что этотъ выстрѣлъ послѣдовалъ изъ ея выпавшаго револьвера. «Уже меня обвиняли,—говорить она:—что я стрѣляла въ народъ; по счастью, ко мнѣ на помощь явились слуги изъ дворца». Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась къ принцессѣ Матильдѣ, которая просила ее снова провести ночь въ Елисейскомъ дворцѣ. Она устроилась въ помѣщеніи консьержа и спала, какъ убитая. Принц-президентъ провелъ беспокойную ночь, опасаясь мятежа. Произошли демонстраціи, были устроены нѣсколько баррикадъ на бульварахъ и т. д., а черезъ годъ парижане уже кричали: «Да здравствуетъ Наполеонъ». По словамъ принцессы Каролины, воодушевленіе было безгранично. По ея словамъ, объявленіе имперіи было принято съ тѣмъ же восторгомъ, но это часто оспаривалось другими современниками. Въ Елисейскомъ дворцѣ въ Компьенѣ роль хозяйки исполняла принцесса Матильда. Однажды она пригласила графиню Монтихо съ дочерью Евгеніей. При видѣ ея Наполеонъ спросилъ о ней, кто она такая, и попросилъ представить его; затѣмъ они видѣлись въ Тюльери.

По ея словамъ, Евгенія уже въ то время было лѣтъ 25, но она была очень красива. Луи-Наполеонъ скрылъ отъ дяди, короля Жерома, какое она произвела на него сильное впечатлѣніе, однако тотъ замѣтилъ и сказалъ ему: «Она очень красива, но ее нельзя любить иначе, какъ женившись». Онъ зналъ, что гордая испанка уѣдетъ изъ Франціи, если ея тайное желаніе не осуществится. Капризъ императора и статья въ «Moniteur» объ его бракѣ никого не удивили. Когда онъ повелъ ее къ алтарю, всѣ восторгались ея чудными золотистыми волосами, но мало кто былъ посвященъ въ секретъ искусства придворнаго парикмахера Феликса. На самомъ дѣлѣ у Евгеніи въ то время не было болѣе волосъ и даже называли счастливыми имена, для кого она пожертвовала ими: герцога Омальскаго и герцога Оссуна. Но Каролина Мюрать узнала еще другую причину: Евгенія страстно любила одного испанскаго герцога и думала, что онъ ее любитъ, но случайно услышала объ его любви къ ея сестрѣ, которую она очень любила, и, узнавъ, что она ея соперница, такъ огорчилась, что приняла яду. Долго она хворала и ей пришлось сбрить волосы. Когда она пріѣхала во Францію, у нея уже были коротенькіе волосы, которые прикрывалъ парикъ, придерживаемый лентой съ бантомъ. Въ недавно помѣщенныхъ воспоминаніяхъ актрисы Жюдитъ нѣсколько иначе передается этотъ фактъ.

Принцесса Каролина не скрывает своей антипатии к императрице Евгении, которая в ее глазах была и осталась «иностранкой». Считая ее злым гением императора, роковой Эгерией, пользующейся своим влиянием на ум мужа, она обвиняла ее в том, что, зная мужа за человека больного и неспособного к сопротивлению, она окончательно толкнула его на войну, погубившую его и расчленившую Францию. Принцесса Каролина считала ее легкомысленной, действующей необдуманно, и приводила анекдоты, уже известные из «Histoire Mondaine», как после смерти Марии императрица, только и мечтавшая о балах и увеселениях, спрашивала себя, каким образом отпраздновать перелом поста без балов и маскарадов. И вот однажды она находилась в рабочем кабинете, окруженная обычными друзьями. Был час, когда подавали чай. Вдруг у Евгении явилась странная идея; она села верхом на стул и, схватив спинку стула, как поводья, пустилась галопом по комнате, приглашая присутствующих следовать ей примеру. В один момент все, приняв ту же позу, пустились вслед за императрицей, но вдруг отворилась дверь, и появилась любимая собака Наполеона, а за нею и сам император. Сразу, как по мановению магического жезла, все стихло. Дамы повернули стулья и смиренно съели, а кавалеры скромно встали с почтительным поклоном.

Другой случай произошел в Фонтенбло. Однажды весною на охоту все сильно утомились, и Евгения, носившая очень высокие каблуки, едва стояла на ногах. Тогда граф Кастельбажак и маркиз Тулонжон нашли большую ветвь дерева и, опустившись на колени с нею, предложили Евгении на нее сесть. Она весело на нее уселась, как на лошадь, и позволила себя нести в замок. Еще рассказывали, как она и несколько дам карабкались по крутой тропинке, подталкиваемые сзади мужчинами, чтобы ветвь не раздувал их криолинов. Эта свобода, не совсем согласовавшаяся со званием императрицы, дала двор Наполеона III веселым, менее благодаря императору, скорый холодному и мечтательному, чем императрице.

Но среди веселья Евгении приходилось сталкиваться и с печальными обстоятельствами. Одним из них была смерть графа Камерата, сына княгини Баччиоли, племянницы Наполеона I и дочери его сестры Элизы. Граф Камерат застрелился, и Каролина Мюрат уверяет, будто наверно причина неизвестна. Одни говорили, что виною были долги Камерата и ему необходимо было уплатить 200.000 франков. Он бросился к ногам Евгении, умоляя помочь ему, но она холодно выслушала его и стала упрекать. В отчаянии, покидая будуар императрицы и произнося прощальные слова, он прибавил: «Если я не найду 200.000, я застрелюсь». Каролин Мюрат говорил духовник Евгении, что трое знают секрет этой смерти и в числе их он, но, даже умирая, он не может его выдать. Другие же рассказали, что на праздник в Тюльери, подавая руку очень высокопоставленной даме, Камерат произнес: «Люблю тебя». Эту фразу услышали придворные дамы и передали императору. Он приказал тайной полиции следить за ним. Его заподозрили в хранении нескольких писем этой дамы с ее подписью. Одному полицейскому, Сембо, родом корсиканцу, поручили это дело, и он объявил, что

возьметъ силой эти письма. Между Камератомъ и Цембо завязалась борьба, и послѣдній убилъ его. Вскорѣ послѣ смерти Камерата Цембо исчезъ изъ Парижа, направляясь въ Италію. Черезъ подѣлю его нашли подъ Гутефордскимъ мостомъ съ сердцемъ, пропзеннымъ кинжаломъ. 4 сентября 1870 г. Гамбетта и Рошфоръ, членъ національной защиты, присутствуя при разборкѣ секретныхъ бумагъ въ Тюльери, нашли фотографическую карточку, тождественную съ портретомъ Камерата, и на ея оборотной сторонѣ написано по-испански: «Надо умѣть въ тайнѣ любить».

Принцесса Каролина послѣдней версіи придаетъ болѣе значенія. Она не вѣритъ, что Камератъ убилъ себя изъ-за долговъ: состояніе его матери обезпечивало его кредиторовъ въ виду трехсотъ тысячъ годового дохода. Затѣмъ она упоминаетъ объ актрисѣ театра «Варьетэ» Элизѣ Летелье, болѣе извѣстной подъ именемъ мадемуазель Марта, страстно любившей Камерата и находившейся съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Она не перенесла его смерти и застрѣлилась. Въ недавнихъ воспоминаніяхъ актрисы Жюдитъ находится первая версія, но она была убѣждена въ любви Камерата къ этой актрисѣ. Принцесса не довѣряетъ ея самоубійству и говоритъ, что ее нашли мертвой и въ ея пальцахъ была зажата записка, только не ея. Вскрытіе ея тѣла не послѣдовало, но рассказывали, что молодой графъ довѣрилъ ей какіе-то документы. «Что стало съ ними?» говоритъ она, какъ бы намекая, что было не самоубійство.

Въ 1856 г. принцесса Анна Мюратъ, сестра Каролины, питавшая такую же привязанность къ Евгенію, какую антипатію питала къ императрицѣ ея сестра,—вышла за герцога де-Муши. Одно время предполагался ея бракъ съ претендентомъ на испанскій престолъ, дономъ-Карлосомъ. Потомъ прошелъ слухъ, что ей въ женихи прочили князя Москова, графа Фландрскаго, но, какъ говорила императрица, она ничего не потеряла, обождавъ немного. Герцогиня Муши преданно раздѣляла изгнаніе въ Числьгерстѣ и также преданна была въ Форнбругѣ.

Главный интересъ этихъ воспоминаній сосредоточивается на трехъ послѣднихъ главахъ. Онѣ касаются войны 1870 г., изгнанія и смерти императорскаго принца. И здѣсь принцесса Каролина кладетъ всю отвѣтственность за войну съ Пруссіей на императрицу Евгенію. Она и принцъ Наполеонъ—Тюльери и Пале-Рояль—оспаривали другъ у друга вліяніе у больного императора, съ героическимъ спокойствіемъ переносившаго свои страданія. Императоръ упалъ духомъ и нравственно и физически опустился. Въ этомъ Каролина Мюратъ убѣдилась въ началѣ 1870 г. Праздники въ Сень-Клу не измѣнили ея убѣжденія. Народъ не подозрѣвалъ, въ какомъ опасномъ положеніи здоровье Наполеона III. Евгенія, окруженная двумя племянницами, дочерьми герцогини Альбъ, сестрою, золотой молодежью, придворными, равнодушно относилась къ серьезному ропоту, шуму, носящемуся въ воздухѣ, и тѣни, отбрасываемой важностью событій. «Я,—пишетъ Каролина Мюратъ,—пріѣхала въ Парижъ 8 іюня. Война была объявлена 15-го. Наканунѣ въ Сень-Клу состоялся совѣтъ министровъ. Во время совѣщанія императоръ выразилъ свои опасенія. Но его успокоили увѣренія военнаго министра Лебефа, что для войны всего

хватить. Къ тому же партія, стоявшая за войну, одержала верхъ и старалась убѣдить императора. Въ концѣ концовъ ему представили декретъ, объявлявшій о началѣ непріятельскихъ дѣйствій противъ Вильгельма. Императоръ очень спокойно, съ самообладаніемъ, заставивъ смолкнуть личные чувства, думая только о важности акта, который ему совѣтуютъ, всталъ въ глубокомъ волненіи. Онъ рѣзко взялъ указъ, разорвалъ его въ клочки и, бросивъ ихъ на паркетъ, покинулъ совѣтъ. Войдя въ свои апартаменты, онъ бросился на постель.

Министры пришли въ замѣшательство. Императрица, не присутствовавшая на засѣданіи, узнала о происшедшемъ. Они еще совѣщались, не зная, что предпринять, какъ вдругъ дверь отворилась и вошла Евгенія. Тотчасъ они поняли, какую она можетъ принести имъ помощь. Герцогъ Граммонъ своимъ поведеніемъ далъ понять, что партія проиграна. У него было доказательство, что императоръ болѣе не могущественный государь. Орлу обрѣзали крылья, и герцогъ даже предложилъ свою отставку и взялъ ее обратно только по настоянію императора. Императрица внушила идею написать дубликатъ разорваннаго указа. Министры умоляли ее добиться у Наполеона III его подписи. Она взяла эту бумагу съ собою въ спальную мужа. Онъ находился въ полусонномъ состояніи и подписалъ ее. Жребій былъ брошенъ. Отчего императрица хотѣла войны съ Германіей? Каролина Мюратъ говоритъ: быть можетъ, ея испанская кровь возмущалась при мысли, что испанскій тронъ займетъ нѣмецъ.

Когда произошли эти событія, принцъ Наполеонъ находился на своей яхтѣ въ Тромзоэ. Возволнованный, мрачный, задумчивый, онъ поднялся на мостикъ и на вопросъ кого-то: «Куда мы идемъ?» отвѣтилъ: «Въ Шарантонъ, какъ можно скорѣе».

Принца Наполеона она рисуетъ слишкомъ холоднымъ, слишкомъ равнодушнымъ и высокомернымъ, чтобы нравиться толпѣ; слишкомъ независимымъ и откровеннымъ, чтобы нравиться обществу; слишкомъ умнымъ, честнымъ и предусмотрительнымъ, чтобы нравиться при дворѣ. Онъ ненавидѣлъ лесть, друзей у него было немного, однако они были искренніе. Еще менѣе у него было поклонниковъ, но, «по скромному мнѣнію» Каролины Мюратъ, у него въ мизинцѣ было болѣе ума, здраваго смысла и ловкости, чѣмъ у всѣхъ французскихъ государственныхъ людей вмѣстѣ. Какъ политическій человѣкъ, онъ встрѣтилъ бы вражду въ странѣ; для его дискредитированія враги придумали легенду о Крымской войнѣ. Императрица и императорская партія всегда держали его въ отдаленіи. Когда императорскій принцъ указалъ на принца Виктора, какъ на его преемника, бывшая императрица должна была преклониться, но не скрыла своего разочарованія.

Подробно рассказавъ событія войны: Заарбрюкъ, Рейсхоффенъ, Гравеллотъ, Мецъ, Седанъ, регентство императрицы, отреченіе императора, бѣгство императрицы, прибытіе въ Англію, плѣнъ Наполеона III въ Вильгельмхѣэ, она переходитъ къ своему вдовству и браку съ англичаниномъ Гарденомъ. Сдѣлавшись англичанкой по мужу, она оставалась въ душѣ французенкой. Любя мужа и семью, она въ то же время не любила англійскую націю; помня о своемъ американскомъ происхожденіи, она скорѣе стала бы американкой, но она осталась ярой бонапартисткой. Она никакъ не могли забыть св. Елены,

смерти Наполеона III въ рукахъ англійскаго хирурга, смерти императорскаго принца, покинутаго англійскими офицерами въ опасный моментъ, уже умирающаго. По ея словамъ, принцъ тяготился бездѣятельной жизнью въ Кэмденъ Пласъ, томился ожиданіемъ случая доказать Франціи, что онъ воинъ и достоинъ наследовать отцу. Онъ говорилъ о своемъ планѣ императрицѣ. Въ первый моментъ она твердо воспротивилась, затѣмъ, измѣнивъ это чувство, она сама стала его побуждать на этотъ шагъ, несмотря на сопротивление герцога Кембриджскаго, сама обратилась къ королевѣ Викторіи, согласія которой добилась. Руэръ бросился въ Числьгереть, чтобы помѣшать тому, что онъ считалъ худшимъ изъ безумій. Его совѣтъ отклонили. Онъ умолялъ принца отказаться отъ смѣлаго плана, но напрасно: принцъ объявилъ, что онъ далъ слово и не можетъ брать его обратно. Другой преданный сторонникъ императорскаго дѣла, генераль Флери, представилъ ему, что онъ обязался передъ Франціей и не имѣетъ права располагать своей жизнью и рисковать ею. Все эти доводы оказались бесполезны. Сначала онъ рѣшилъ, что отправится съ эскортомъ молодыхъ французскихъ офицеровъ, друзей дѣтства, съ племянникомъ Каролины Мюратъ, Иоахимомъ Мюратомъ, сыномъ д-ра Конно, сыномъ Корвизара, Бургуанъ, которые хотѣли сражаться рядомъ съ нимъ. Императрица упорно возражала противъ этой комбинаціи. Она хотѣла, чтобы ея сынъ одинъ подвергнулся опасности, какъ истый воинъ. Мемуары генерала Флери, которые будутъ обнародованы послѣ смерти императрицы, прольютъ на это свѣтъ. Они также скажутъ, прибавляетъ Каролина Мюратъ, съ какимъ скряжничествомъ, доходящимъ до алчности, обращалась она съ сыномъ. Въ Вульвичѣ она оставила его безъ карманныхъ денегъ, чтобы уплатить сдѣланные расходы съ товарищами по военной школѣ. Она не хотѣла, чтобы Флери покупать принцу лошадей или меблировать домъ въ Лондонѣ. Отправляя его въ Африку, она рѣшила, чтобы вся экипировка была взята въ магазинъ готовыхъ вещей, такъ какъ это стоитъ дешевле, и принцъ изъ уваженія къ матери не возражалъ.

Въ Африку принцъ уѣхалъ съ преданнымъ слугою французомъ Умманомъ и двумя грумами. Однажды утромъ онъ отправился на развѣдки съ нѣсколькими англійскими офицерами. Лишь только они сошли съ лошадей, какъ ихъ окружили зулусы. Принцъ замѣчательно легко вскакивалъ на сѣдло, не прикасаясь къ стремени, даже на ходу лошади. На этотъ разъ ему не удалось, безъ сомнѣнія, потому, что онъ еще чувствовалъ вывихъ, произошедшій незадолго до того. Онъ могъ только вдѣть лѣвую ногу въ стремя, и, когда онъ закинулъ другую ногу на сѣдло, ремень на стремени лопнулъ отъ тяжести его тѣла, и онъ упалъ. Англійскихъ офицеровъ уже тамъ не было. Одинъ, покинутый, безпомощный противъ нападающихъ, онъ погибъ. «Я видѣла его сѣдло,—говоритъ Каролина Мюратъ, какъ бы обвиняя Евгенію:—я его разсматривала подробно, оно было разрѣзано». Арчибалъ Форбесъ, въ то время военный корреспондентъ въ Зулудандѣ, утверждаетъ, что сѣдло было набито бумагой. Смерть принца поэтому можетъ быть приписана дурнымъ условіямъ его экипировки.

Горе императрицы при этомъ ужасномъ извѣстїи было неописуемо. «Не-счастливая мать»—сожалѣть ее Каролина Мюрать и въ то же время продолжаетъ свое безошадное обвиненїе. «Какъ тяжелы мысли должны быть у нея и какъ она должна была въ глубинѣ сердца терзаться сожалѣнїями, что толкнула сына на гибель, какъ это сдѣлала съ мужемъ. Я ее видѣла еще болѣе истерзанной, какъ послѣ смерти императора. Я была свидѣтельницей ея отчаянїя. Она мнѣ рассказала всѣ подробности кончины Наполеона III. Врачи рѣшили попытаться произвести операцію и подготовили его, давъ ему хлораль, чтобы прежде всего онъ провелъ хорошую ночь. Корвизаръ, опредѣлившїй дозу, далъ ее слишкомъ сильную. Операцію произвести было невозможно. СэръВильямъ Гуль тщетно пытался вывести его изъ оцѣпенѣнїя: императоръ оставался въ безсознательномъ состоянїи, смутно онъ призывалъ императрицу, и, когда она была у его изголовья, умоляла жить для нея и нѣжно его называла по имени—онъ открылъ глаза, посмотрѣлъ на нее и улыбнулся. Она приняла его послѣднее дыханїе, обнимая его, и, когда подняла голову, онъ былъ мертвъ». Какъ уже упоминалось, эти воспоминанїя остались неоконченными и остановились на главѣ, гдѣ она рассказываетъ о смерти императорскаго принца въ Зуландѣ.

— Литература о Толстомъ.—Смерть свѣточа русской литературы и мысли Льва Николаевича Толстого вызвала цѣлую серїю газетныхъ и журнальныхъ статей. Однѣ изъ нихъ клерикальныя, все вниманїе обращаютъ на его художественный талантъ, стараясь не касаться непрїятнаго для нихъ вопроса, его религіозныхъ воззрѣнїй, или иронизируютъ и осмѣиваютъ его. Другіе берутъ его цѣликомъ, какъ неразрывное цѣлое, вытекающее одно изъ другого. Люсьенъ Мори въ своей страстной, восторженной статьѣ въ «Revue Bleue»¹⁾ говоритъ: «Современный мїръ обладалъ гениальнымъ человѣкомъ и вотъ лишился его, этого гениальнаго человѣка, настоящаго, подобнаго самымъ сильнымъ, самымъ революціоннымъ среди прославившихъ искусство, литературу умершихъ вѣковъ. Генїй узнается по грандіозности его произведенїй, по влїянїю, волнующему умы, по единодушнымъ преклоненїямъ и по ожесточенности нападокъ. Доказывать, что эти черты опредѣляютъ Толстого, было бы излишнимъ. Написанныя имъ произведенїя чрезмѣрно необъятныя, какъ восточная степь, какъ тѣ плодоносныя равнины, болѣзненно давящїя своей необъятностью наши западныя чувства, привычныя къ менѣе обширному горизонту. Одинъ изъ этихъ романовъ прославилъ бы жизнь писателя. Эта гигантская производительность никого не оставляетъ равнодушнымъ: гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, среди какой социальной категорїи цивилизованной земли найдутся мужчины, женщины, юноши, которыхъ не захватило бы чтенїе «Войны и мира», «Анны Карениной» и другихъ знаменитыхъ его рассказовъ. Литературно образованные или необразованные, утонченные или простые, они одинаково имъ прельщены, и если для этого существуютъ различныя причины, согласно степени культурности читателя, все же это чудо, въ сущности, будетъ не менѣе поразительно. Удивительно, какъ эти топы русскихъ начала или

¹⁾ Leon Tolstoï. Par Lucien Maury. «Revue Bleue». 3 decembre 1910.

средины XIX вѣка такъ страстно интересуютъ самое разнообразное человѣчество: такой-то баринъ, такой-то солдатъ Кутузова, такой-то мужикъ отдаленной страны, мнѣ неизвѣстной, безконечно волнуетъ меня, болѣе, чѣмъ такой-то герой романа моего времени и моей страны. Ихъ радость и ихъ горе долго еще отзываются во мнѣ; нѣмецъ, англичанинъ, южно-американецъ скажутъ то же самое: такъ чудесна привлекательность жизни. Васъ очаровываетъ это проникновенное пламя, ожогъ или ласку котораго мы вѣчно преслѣдуемъ. Да, Толстой былъ гений. Всемирный аккордъ восторговъ, возбуждаемый имъ, умаляетъ нашихъ литературныхъ искателей квинтъ-эссенци. Писать для опредѣленнаго, ограниченнаго круга—извинительно; писать для всего человѣчества—достойно удивленія; для этого нуженъ гений; у священнодѣйствующихъ нашего драгоцѣннаго храма литературы—нѣтъ гения. Гений менѣе придирчивъ, менѣе требователенъ, менѣе претенціозенъ. Какъ прекрасна неограниченная широта взглядовъ великаго творца! Какъ обаятельна борьба, въ которой онъ презираетъ привычныя сентиментальности и духовныя привычки своихъ современниковъ. Талантъ Толстого захватываетъ насъ за душу, его мысль насъ озадачиваетъ, раздражаетъ насъ, оскорбляетъ; онъ насъ поражаетъ въ самую нашу гордость; чему мы даемъ преимущество—онъ высмѣиваетъ, ахъ, какъ онъ умѣетъ унижить, поколебать, уронить до скандала, до позора нашу гордость. Нашъ интеллектуализмъ, нашу мораль, наши уточненности искусства и мысли—все, что намъ дорого, дороже, чѣмъ сама жизнь, ко всему этому онъ относился, какъ самый неистовый зомилъ. «Мы сопротивляемся, кричимъ, что это ложь. Онъ, между тѣмъ, грозный прокуроръ, который не допускаетъ себя до словъ досады или гнѣва... Признавая, что интернаціональная литературная республика обладала гениальнымъ человѣкомъ, Мори и спрашиваетъ: есть ли у нея второй? И положительно отвѣчаетъ, что мѣсто свободно! Академическое кресло легче завоевать...» По его выраженію, покойникъ имѣлъ прекрасныя похороны: печалились во Франціи и другихъ странахъ обильно и шумно; политики и писаки соперничали, желая доказать, что въ наше время не хоронятъ безъ помпы гениальнаго человѣка. Но въ то время, какъ здѣсь лилось краснорѣчіе, тамъ происходила простая драма при скромной обстановкѣ. «Помните ли вы,—говоритъ авторъ,—эту трогательную повѣсть, названную Толстымъ: «Смерть Ивана Ильича». Я не знаю ничего ужаснѣе этого шестивія къ смерти человѣка, полнаго силъ, тайно изводимаго самой неумолимой болѣзью. Иванъ Ильичъ живетъ и дышитъ ужасомъ; въ немъ смѣняются страхъ и подлость культурнаго человѣка предъ великой тайной. Толстой много разъ противопоставилъ имъ стоицизмъ и рѣшимость человѣка изъ народа. Иванъ Ильичъ теряетъ сознание изъ страха, наконецъ впадаетъ въ агонію, и авторъ приводитъ сцену смерти Ивана Ильича:

«Съ этой минуты начался тотъ, три дня не перестававшій крикъ, который былъ такъ ужасенъ, что нельзя было за двумя дверями безъ ужаса слышать его. Въ ту минуту, какъ онъ отвѣтилъ женѣ, онъ понялъ, что онъ пропалъ, что возврата нѣтъ, что пришелъ конецъ, совсѣмъ конецъ, а сомнѣніе такъ и не разрѣшено, такъ и остается сомнѣніемъ.

«И вдругъ ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдругъ все выходитъ сразу и съ двухъ сторонъ, съ десяти сторонъ, со всѣхъ сторонъ. Жалко ихъ, надо сдѣлать, чтобы имъ не было больно. Избавить ихъ и самому избавиться отъ этихъ страданій. «Какъ хорошо и какъ просто», подумалъ онъ. «А боль,—спросилъ онъ себя?—Ее куда? Ну-ка, гдѣ ты, боль?»

Онъ сталъ прислушиваться.

«Да вотъ она. Ну, что жь, пускай боль».

«А смерть? Гдѣ она?»

«Онъ искалъ своего прежняго привычнаго страха смерти.—Гдѣ она? Какая смерть? Страхъ никакого не было, потому что и смерти не было.

«Вмѣсто смерти былъ свѣтъ.

«— Такъ вотъ что,—вдругъ вслухъ проговорилъ онъ.—Какая радость!

«Для него все это произошло въ одно мгновеніе, и значеніе этого мгновенія уже не измѣнялось. Для присутствующихъ же агонія его продолжалась еще два часа. Въ груди его kloкотало что-то, изможденное тѣло его вздрагивало, потомъ рѣже и рѣже стало kloкотаніе и хрипѣніе.—«Кончено», сказалъ кто-то надъ нимъ.

«Онъ услышалъ эти слова и повторилъ ихъ въ своей душѣ. Кончена смерть,—сказалъ онъ самъ себѣ.—Ея нѣтъ больше.

«Онъ втянулъ въ себя воздухъ, остановился на половинѣ вдоха, потянулся и умеръ».

Толстой совсѣмъ не боялся смерти. Онъ смотрѣлъ на нее съ спокойствіемъ русскаго крестьянина, которое совсѣмъ, по увѣренію Тургенева, не равнодушіе и безсознательность, такъ какъ онъ умираетъ, какъ бы исполняя свой долгъ, преспокойно и просто. Но Толстой, по мнѣнію автора, долженъ былъ, кромѣ того, испытывать тотъ блаженный восторгъ, ту высшую радость, которая бываетъ при нѣкоторыхъ агоніяхъ.

По его словамъ, Толстой слишкомъ великъ и еще слишкомъ близокъ къ намъ, чтобы судить о немъ; нашихъ усилій не достаточно для измѣренія его. Въ глазахъ Мори, онъ самый возвышенный представитель своего народа и страны. Онъ воплощеніе добродѣтелей, вдохновенія и тревоги, которыя заставляютъ судить о славянской душѣ, какъ объ очаровательной и, въ свою очередь, наводящей страхъ. Въ его книгахъ отражается цѣлый вѣкъ русской жизни, но онъ принадлежитъ всему человѣчеству. Его произведенія, чрезвычайно разнообразныя, идутъ отъ самаго строгаго реализма, доходя до самыхъ смѣлыхъ мечтаній. Анализируйте, классифицируйте, попробуйте опредѣлить Толстого — онъ ускользнетъ отъ васъ; когда-то онъ ускользнулъ отъ Вогюэ, который съ сожалѣніемъ, честно самъ въ этомъ признался. Конечно, различить періоды, отыскать среди его писаній долю реализма, даже натурализма, открыть вліяніе, которому онъ подвергался, обнаружить сходство и соотношеніе, сравнить, соединить и разорвать связь, отмѣтить всѣ пункты, гдѣ Толстой и его мысль встрѣчали другихъ людей и другія мысли, — вотъ полезная работа, которую нѣсколько поколѣній изыскателей не доведутъ до конца. Несбыточна эрудиція, которая попробовала бы начертать тожественный портретъ этого гиганта, и еще не позволяетъ разглядѣть его ростъ. Толстой самое

рѣдкое явленіе, и наши толкованія его — слишкомъ узки. Это самое рѣдкое явленіе, существо, которое избѣгло рабства человѣческихъ видовъ и выросло по своимъ собственнымъ законамъ. «По правдѣ,—говоритъ авторъ,—что намъ надо знать, такъ это строеніе его законовъ, а оно-то, по-моему, для его поклонниковъ и критиковъ, отягченныхъ своими традиционными заботами, менѣе всего любопытно».

Конечно, по словамъ автора, слѣдовало бы опредѣлить эту силу, расцвѣтшую и вибрирующую въ разсказахъ Толстого, отъ первыхъ до послѣднихъ. Его душа все росла и обогащалась, но одно оставалось неизмѣннымъ—это звучная волна толстовскаго таланта, которая захватываетъ и проникаетъ читателя, и даже черезъ продолжительные промежутки времени мы установили бы подлинность ея тембра и высоты. Толстой излучаетъ тонкую эмоцію, и чрезъ это надъ нами господствуетъ. Въ немъ быстро бьетъ ключомъ, непрестанно струится таинственный токъ, и такая прелесть разливается въ насъ, великодушно тираническая, такой жгучій пылъ, какихъ никто другой не дастъ почувствовать. «Какъ большинство русскихъ,—говоритъ Мори,—Толстой дѣйствуетъ на наши нервы, не потому, что онъ прибѣгаетъ къ грубымъ средствамъ, а оттого, что онъ лучше, чѣмъ кто-либо, умѣетъ зажечь въ насъ пламя страстью, чувствомъ. Онъ присоединяетъ насъ къ психической жизни дѣйствующихъ лицъ, но никогда не пренебрегая показать намъ ихъ физическое отраженіе; мы сообщаемся съ душою его героевъ, и я не знаю, какое-то электричество заставляетъ отзываться въ насъ самихъ содроганію, отъ котораго волнуется или страдаетъ ихъ плоть. Гамму воздѣйствій, доступныхъ человѣческому существу онъ, пробѣгаетъ легко. Конечно, и другіе отчасти превосходно владѣютъ ея, но мало кто ведетъ ее такъ съ начала до конца октавы. Онъ извлекаетъ цѣлое существо, и этимъ насъ захватываетъ цѣликомъ. Подобная проникновенность и въ такой полнотѣ—незабвенна. Толстого воодушевлялъ преизбытокъ жизни, и это именно насъ въ немъ очаровываетъ. Онъ является намъ какимъ-то Богомъ: въ какую бы мишуру Толстой ни нарядился, ни загримировался, онъ самъ въ себѣ носитъ настоящій источникъ величія и могущества, а это именно и слѣдовало намъ показать. «Пусть меня заставляютъ,—говоритъ Мори,—дотронуться пальцемъ до того, что есть неизмѣннаго въ этомъ подвижномъ геніи. Пусть меня посвящаютъ въ эту музыку, въ этотъ неотразимый ритмъ, который исходитъ отъ него, такъ какъ ни одна эрудиція никогда не дополнитъ пробѣловъ психологическихъ изслѣдованій о Толстомъ».

Признавая въ Толстомъ реалиста, Мори говоритъ, что въ то время, какъ большинство писателей опредѣляется программой школы и даетъ болѣе или менѣе полную ея реализацію, никакая эстетика не откроетъ намъ тайны Толстого. Нечего доискиваться, какъ онъ примѣняетъ правила искусства писать и какъ онъ иногда, какъ будто подчиняясь ихъ дисциплинѣ, превосходитъ ихъ, не пользуясь ими. «Безъ сомнѣнія, онъ реалистъ, но все-таки запомнимъ,—говоритъ Мори:—что, говоря о Толстомъ, это выраженіе почти ничего не означаетъ, если его брать въ историческомъ смыслѣ. Не разсказывайте мнѣ совсѣмъ о реализмѣ въ «Аннѣ Карениной», или укажите мнѣ, что прибавилъ Толстой къ концепціи учениковъ и друзей Флобера и т. д. Толстой иногда допускаетъ моду, онъ ее весело примѣняетъ, но никогда рабски не подчиняется. Все, что Толстой за-

пмствовалъ у своихъ предшественниковъ, онъ развилъ; онъ ихъ всѣхъ переросъ: таковы его богатства, что самые достаточные изъ нихъ передъ нимъ бѣдняки.

«Будучи такимъ великимъ, онъ видитъ гораздо далѣе, чѣмъ кто другой, и особенно то, что онъ угадываетъ и предчувствуетъ и чего мы ни за что не угадаемъ и рѣдко предчувствуемъ — его осаждало и опредѣляло его шествіе. И это потому, что онъ не только видитъ, чего мы не сумѣемъ обнаружить, но онъ живое существо, столь необыкновенно одаренное, что его естество переходитъ грань того міра, въ которомъ мы заключены.

Касаясь религіозной стороны Толстого, Мори между прочимъ говорить: «Чудовище дѣйствительно опасно, но это не причина для того, чтобы не разсматривать его во всей ужасной величинѣ. Безъ устали ему бросаютъ въ лицо упрекъ въ анархіи—анархіи въ жизни, въ произведеніяхъ и въ ученіи, но мы совѣмъ не такіе простаки: никогда ничье существованіе не казалось намъ болѣе величественно, болѣе гармонично, законченно прогрессомъ логики, естественно и въ нѣкоторомъ родѣ органическое, какъ Толстого; отъ удовольствія до аскетизма кривая не столь уже поразительна. Уже съ молодости мы замѣчаемъ у Толстого сильный ростокъ этого настроенія, величественная зелень котораго осѣняла послѣдніе годы старца. «Этотъ реалистъ рано почувствовалъ и сначала смутно, что дѣйствительность отъ насъ ускользаетъ, что самые ловкіе схватываютъ только ея отраженіе и безконечно малыя ея частицы. Лишь только онъ попробовалъ съ нѣкоторымъ усиліемъ охватить одинъ моментъ изъ исторіи, онъ долженъ былъ признаться въ своемъ безсиліи. Если мы восторгаемся въ «Войнѣ и мирѣ» кишѣнью людей и предметовъ, если никогда романъ, исторія, эпопея не даютъ изображеній эпохи, столь удивительно полныхъ и живыхъ, то Толстой старался намъ внушить особенно необъятность, безконечность неизвѣстнаго и недоступнаго вѣдѣнію. Мори ссылается на нѣкоторыя слова самого Толстого. Въ «Войнѣ и мирѣ» господствуетъ мистическая концепція міра и исторіи. Эстетически, эти бездны тѣней, гдѣ всплываетъ мерцающій свѣтъ, имѣютъ самый счастливый эффектъ, ихъ сильная волна увлекаетъ само произведеніе; эта глубина насъ волнуетъ и заставляетъ дрожать, и въ другихъ сочиненіяхъ Толстого получается то же впечатлѣніе. Всѣ романы Толстого, такимъ образомъ, висятъ надъ бездною, и у самаго простаго приключенія, переданнаго, имъ ужасная подкладка, которую одно слово, одинъ намекъ заставляютъ насъ замѣчать. Его дѣйствующія лица отлиты на мрачномъ фонѣ, и никто внимательнѣе его не разсматривалъ смерть: въ каждомъ существѣ онъ замѣчаетъ задачу судьбу, онъ предсматриваетъ необыкновенныя кончины, онъ подчинилъ человѣческую дѣятельность сверхчувственной реальности, по ту сторону человѣческаго порядка, грубаго и непрочнаго, онъ постигаетъ лучшій законъ, болѣе великодушный, лучше соответствующій непреложной истинѣ: онъ религіозенъ гораздо ранѣе, чѣмъ ее знаетъ, и эта логика ведетъ его къ своего рода пророчеству. Кризисъ Толстого лишь удостовѣреніе безсознательной, но роковой эволюціи. Само ученіе, на которомъ онъ остановился, — отреченіе, аскетическій евангелизмъ — за-

долго до этого притягивало его. Оленинъ, герой «Казакъвъ», восклицаетъ: «Счастье вотъ что,—сказалъ онъ самъ себѣ,—счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья; стало быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!»

А со времени Севастополя, говоритъ Мори, мечтая о преобразованіи чело-вѣчества, возникшемъ изъ идеи христіанства, Толстой писалъ: «Осуществленію этой великой идеи я чувствую себя способнымъ посвятить всю мою жизнь». Религія Толстого удивляетъ, пугаетъ и смущаетъ; она непохожа на механическую машинку Бурже. Толстой, благодаря Бога, говоритъ Мори, не философъ и не богословъ: это просто великій религіозный умъ; онъ сама религія до догмата, страдальческой Мессіа, одинъ изъ тѣхъ, которые славословятъ со страстнымъ краснорѣчіемъ—великолѣпие внутренняго откровенія. Его ученіе иногда можетъ показаться противорѣчивымъ, его доводы часто отталкивающіе и бѣдны. Не будемъ останавливаться предъ внѣшностью. Не обезкураживайте же это насъ приблизиться къ самому источнику жизни. Поймите же, что Толстой самая великодушная, самая жгучая, самая возвышенная душа. Онъ чудесно оживляетъ погасшіи пепель мозга и сердце, онъ ихъ пробудитель; онъ укрепляетъ души и является послѣднимъ создателемъ духовной жизни.

Мори говоритъ, что удивительно, какъ Поль Бурже можетъ говорить о «трагическомъ интеллектуальномъ выкидышѣ», что другіе сравниваютъ кончину Толстого съ его банкротствомъ, и большинство свѣтскихъ богослововъ хоромъ надсаживаютъ противъ Толстого. Они боятся этой кипучей жизни, такъ какъ его жизнь не дисциплинирована, а они люди дисциплины, добрые консерваторы. То, что ихъ пугаетъ въ Толстомъ, насъ привлекаетъ. Спросите ихъ о его сущности его мысли, они вамъ скажутъ: онъ революціонеръ. «Хотѣлъ бы, я—говоритъ въ заключеніе Мори,—исслѣдовать, во сколькихъ смыслахъ можно утверждать, что Толстой революціонеръ. Мы протестуемъ, чтобы насъ лишали столькихъ образцовыхъ произведеній искусства и литературы. Толстой, авторъ «Что такое искусство», напоминаетъ намъ апостола Павла въ Аѳинахъ. «Онъ видѣлъ,—писалъ Ренанъ,—единственныя вещи совершенства, какія когда-либо будутъ существовать. Пропилеи, этотъ шедевръ аристократіи, Парѳенонъ... Онъ видѣлъ все это... Онъ принялъ эти несравненныя изображенія за идоловъ». Наши идолы,—говоритъ въ заключеніе Мори,—намъ дороги. Все-таки мы не сохранимъ неприязни къ Толстому: даже его ошибки намъ гораздо полезнѣе, чѣмъ истины многихъ другихъ. Мы понимаемъ его гнѣвъ. У него великая душа, гдѣ сталкивались добро и зло; никто болѣе его не былъ сторонникомъ добра, никто возвышеннѣе его не прославлялъ, какъ своимъ примѣромъ, такъ и сочиненіями принципы реализаціи искусства, любви и возвышенной жизни.

Консервативно-клерикальная «Hebdo Débats»¹⁾, говоря о смерти Толстого, замѣчаетъ, что его всегда занимала задача смерти. «По его заповѣди онъ жилъ такъ, что смерть не могла уничтожить жизни», говоритъ авторъ статьи Бурдо. Ничего нѣтъ живѣе его произведеній, заключаетъ Бурдо, помѣстившій пристрастную статью, въ которой силится высмѣивать ученіе Толстого. Онъ указываетъ, какое вліяніе имѣлъ на Толстого Руссо, и ссылается на собственныя слова Льва Николаевича, что два главныя и благотворныя вліянія на него были: Евангеліе и Руссо. Россія опоздала на одинъ вѣкъ, говоритъ Бурдо, и приводитъ біографію Льва Николаевича. Касаясь релігіознаго кризиса Толстого, онъ говоритъ: «въ этомъ случаѣ съ Толстымъ Вогуэ указывалъ на специфическую душевную болѣзнь русскихъ, которая выражается въ непереводимомъ словѣ «отчаяніе» и которая приноситъ всѣмъ убійство, самоубійство, мятежь, аскетизмъ. Другіе здѣсь обнаруживаютъ самое обыкновенное патологическое явленіе; такъ, напримѣръ, человѣкомъ овладѣвають неразрѣшимые вопросы, угрызения совѣсти, оканчивающіяся проходящимъ разстройствомъ организма. Но Толстого рано тревожили эти сомнѣнія, касающіяся его поведенія. Нѣкоторые персонажи его романовъ, какъ Безуховъ, Левинъ, такъ хорошо выражали это состояніе ума, что Михайловскій предсказалъ ранѣе этотъ кризисъ. Бракъ Толстого задержалъ его на 15 лѣтъ».

Очертивъ настроеніе Льва Николаевича и его перевоплощеніе въ 1901 г., когда, по словамъ Бурдо, его роль становится пагубной, онъ говоритъ: «Христіанскій анархистъ Толстой далъ своей релігии самую непрочную основу— индивидуальную совѣсть, освященную евангелической вѣрой, любовью всѣхъ людей, всѣхъ существъ. Именемъ этой вѣры онъ бросаетъ проклятіе церкви и государству. Отлученный отъ церкви Побѣдоносцевымъ, онъ отвѣчаетъ письмами, полными достоинства и благородства. Затѣмъ авторъ иронически кратко комментируетъ ученіе Толстого. Онъ совѣтовалъ русскимъ обратить взоры не на проклятый Западъ, а на Востокъ, на Китай и его хлѣбопашескій народъ, которому, чтобы отдѣлаться отъ своего правительства, стоитъ только сложить руки и слѣдовать заповѣдямъ Конфуція и Будды, тоже-ственнымъ Христовымъ, чтобы извѣдать полное счастье. Что касается побѣдителей, иронизируетъ Бурдо, они съ удовольствіемъ отступаютъ предъ столь миролюбивыми людьми и станутъ жить на ихъ ладъ, и болѣе не будетъ ни церкви, ни государства, ни войнъ, ни границъ, ни партій. Всѣ люди будутъ жить по-братски. Толстой льститъ себѣ, что онъ такимъ образомъ нашелъ законъ Христа. Въ сущности статья Бурдо настолько пристрастна, когда онъ касается релігіозныхъ, нравственныхъ и политическихъ воззрѣній Льва Николаевича, что ее не стоитъ всю приводить. «Его утопія, — заканчиваетъ Бурдо свое многоглагольную статью, — источникомъ имѣетъ безграничность любви, жалость, нѣчто вродѣ физической жалости къ русскому народу, погруженному въ невѣжество, ни-

¹⁾ Tolstoï. Par Bourdeau, «Hebdo Débats.» 25 novembre 1910.

щету и голодь. Но христіанскій анархизмъ Толстого, какъ и террористическій Вакушина, только реакція противъ крайностей правительства, давившаго Россію. Толстой замѣтилъ эту истину, что въ мірѣ будетъ порядокъ, лишь когда люди достигнутъ самоуправленія и любви между собою. Въ Россіи, побѣдоносно заключаетъ онъ свою статью, потрясенія всегда имѣютъ послѣдствіемъ усиленіе мистицизма; за патріотическимъ порывомъ 1812 г. послѣдовала сектантская вспышка. Освобожденіе крестьянъ, манчжурская война имѣли тѣ же послѣдствія, переходъ отъ отчаянія къ экзальтаціи. Полу-сумасшедшими преизобилуетъ Россія, и литература ими переполнена. Съ Толстымъ исчезаетъ фигура столь уже представительная своего народа и эпохи, какъковыми были Вольтеръ, Гете, Викторъ Гюго. Въ Толстомъ смѣсь реализма и мечты доходила до удивленія. Его книги являются произведеніемъ не ремесла, а страсти, и въ нихъ искра, украденная изъ священныхъ книгъ. Черты лица чуднаго и опаснаго яснополянскаго пророка, его длинная борьба патріарха, безпокойные тревожные глаза запечатлѣются въ народной памяти. Толстой былъ святой литературы.

Тамъ же отдѣльной статьёй помѣщена біографія и повѣствованіе о домашней жизни Льва Николаевича. Новаго въ ней ничего нѣтъ.

Госпожа Гальперинъ-Каменская напечатала въ декабрьскомъ «Revue hebdomadaire» ¹⁾ два письма Льва Николаевича. Одно изъ нихъ, помѣченное 8 сентября 1909 г. изъ Крекшина къ польской патріоткѣ; второе—изъ Ясной Поляны 30 января 1909 г. къ польскому революционеру. Оба они ясно опредѣляютъ завѣтъ Толстого—непротивленіе злу. Приведемъ извлеченія изъ перваго, гдѣ между прочимъ Толстой говоритъ:

«Вы сердитесь на меня за будто бы мною изобрѣтенное ученіе о непротивленіи злу, утверждая, что это погубитъ Россію. Вы говорите, что Скарга, Кохановскій, Костюшко, Словацкій и Мицкевичъ проповѣдывали борьбу, и только одна борьба можетъ спасти Польшу. На этихъ дняхъ я получилъ письмо отъ одного индуса, который другими словами выражаетъ ту же идею, то же опасеніе и то же несогласіе, касающееся ученія о непротивленіи злу. Къ письму былъ присоединенъ «The Free Hindustan» съ эпиграфомъ, что сопротивленіе посредствомъ силы противъ силы не только дозволено, но необходимо; несопротивленіе было бы противно какъ стремленіямъ альтруистовъ, такъ и стремленіямъ эгоистовъ. «Non risistance hurts both altruismant egotism». Эти идеи одинаково раздѣляются всѣми руководителями, борющимися противъ угнетенія народовъ и кастъ. Всѣ съ ненавистью говорятъ о непротивленіи, повидимому, приписывая этому ученію главное препятствіе къ освобожденію людей. А между тѣмъ, несмотря на всѣ отрицанія, какія оно можетъ порождать и у васъ и у другого—индуса и у всѣхъ руководителей побужденныхъ народовъ, единственно это ученіе можетъ освободить людей, поработанные народы и угнетенные классы. Не только всѣ питаютъ одинаковую

¹⁾ La loi d'amour et la loi de violence. Par Melle Genia Halpérine-Kaminsky «La Revue hebdomadaire». 3 decembre 1910.

ненависть къ этому ученію, но еще ненавидятъ тѣхъ, которые ему настаиваютъ, походя въ этомъ на собаку, яростно кусающую тѣхъ, кто хочетъ ее отвязать?

«Освобожденіе людей, классовъ, угнетенныхъ народовъ, среди которыхъ поляки, не совершится чрезъ борьбу съ ненавистными имъ русскими и австрійцами; совершенно наоборотъ, это освобожденіе состоитъ въ томъ, чтобы не смотрѣть на поляковъ, какъ на единственныхъ несчастныхъ братьевъ, но что всѣ люди, но что также чужемцы и враги-русскіе также близкіе братья, какъ и другіе, съ которыми не можетъ существовать другихъ отношеній, какъ только сердечныхъ, уничтожающихъ, такимъ образомъ, возможность какой-либо борьбы одного противъ другого. Освобожденіе есть признаніе закона любви во всемъ его значеніи, такъ сказать, примѣненіе къ нему, слѣдуя его существенной заповѣди непротивленія злу чрезъ зло.

«Мнѣ безызвѣстно, что идея, въ силу которой непротивленіе злу чрезъ насиліе можетъ одно спасти поработенные народы отъ поработенія, кажется людямъ нашей эпохи и нашего общества такимъ бессмыслиемъ, что они даже не дадутъ себѣ труда пораздумать и презрительно пожимаютъ плечами, улыбаясь надъ этой фантастической модой такъ мало практичнаго уничтоженія зла. Я это знаю и повторяю, что освобожденіе не только поляковъ, но всѣхъ людей отъ ига несправедливости и страданій, на которые они постоянно жалуются, не можетъ произойти иначе, какъ только чрезъ благоразумное принятіе обязанностей закона любви, несовмѣстимаго съ насиліемъ противъ своихъ близкихъ: «несопротивленіе злу чрезъ зло». «E pur si muove»! Не думаю, что Галилей былъ болѣе увѣренъ въ основательности своего открытія, чѣмъ я, несмотря на всеобщее отрицаніе вѣроятія этой истины, открытой всѣми великими мыслителями на землѣ: зло не можетъ быть побѣждено зломъ, но добромъ.

«Да, это любопытный фактъ: единственное средство спасенія противъ зла, на которое жалуются всѣ народы и поработенные классы, сурово отвергнуто ими; и эти самые народы и классы ожесточаются и только совершаютъ дѣйствія, единственнымъ результатомъ которыхъ, должно ясно видѣть, будетъ увеличеніе этого поработенія, отъ котораго они страдаютъ.

«Приводя еще тотъ доводъ, что самъ практическій смыслъ долженъ указать людямъ, что насиліе, особенно слабыхъ противъ сильныхъ, несравненно болѣе могущественныхъ, только увеличить несчастіе, а не освободить ихъ. И особенно въ эту борьбу слабыхъ противъ сильныхъ всѣ революціонные руководители вовлекаютъ людей.

«Если польскій народъ, если индусскій народъ и другіе народы угнетены и страдаютъ, если рабочій классъ угнетенъ меньшинствомъ богачей, разумѣется, не императоры, короли, министры, купцы, банкиры завоевали ихъ, такъ какъ десятокъ и даже сотня людей не могутъ ихъ побѣдить и подчинить миллионы. Это подчиненіе происходитъ лишь вслѣдствіе того факта, что, недовольные подчиненіемъ, эти самые угнетенные охотно способствуютъ, уплачивая налоги, занимая мѣста чиновниковъ въ финансовой или политической администраціи и засѣдая въ парламентахъ, имѣющихъ только цѣлью поддерживать

существующее положеніе вещей и наконецъ особенно становясь неразумнымъ и механическимъ орудіемъ убійць. Угнетеніе польскаго народа русскими, австрійцами и нѣмцами не слѣдствіе перваго, втораго, третьяго и четвертаго раздѣла Польши, но того факта, что поляки, не признавая закона любви, который заключаетъ въ себѣ непротивленіе, готовы совершить или совершаютъ противъ своихъ же братьевъ то же самое насиліе, какое они испытывали, когда оно совершалось противъ нихъ и отъ котораго они страдаютъ и, сами обманывая себя, участвуютъ въ рѣшеніяхъ парламентовъ, которые оправдываютъ эти самыя насилія.

«Положеніе очень ясно. Съ древнихъ временъ человѣкъ подчинялъ себѣ другихъ людей, народъ—другіе народы. Подчинивъ людей, угнетатели пользовались порывомъ, который выказываетъ каждый, употребляя насиліе противъ другого человѣка для удовлетворенія собственнаго желанія и создавая такія учрежденія, которыя угнетенные, соблюдая только собственные интересы, поддерживаютъ и усиливаютъ власть угнетателей.

«Такъ бываетъ со всѣми народами, угнетенными другими народами. Такъ обстоитъ въ Польшѣ и въ Индіи, гдѣ нѣсколько десятковъ ограниченныхъ умомъ купцовъ подчинили себѣ двѣсти милліоновъ культивированныхъ и образованныхъ людей и держатъ ихъ въ рабствѣ. То же самое относительно конфискаціи рабочаго класса нерабочимъ. И это такъ единственно оттого, что каждый индивидуумъ изъ угнетенной массы, не исполняя завѣта этого закона любви, который запрещаетъ ему участвовать въ насиліи, говоритъ себѣ: Зачѣмъ одинъ я долженъ лишать себя удобствъ или терпѣть лишенія, отказываясь помогать въ поддержкѣ установленныхъ учрежденій, потому что, если не я, другой это сдѣлаетъ—и онъ предоставляетъ свое участіе угнетателямъ.

«Людямъ стоитъ только стать на эту точку зрѣнія,—говоритъ Толстой въ концѣ письма,—а христіане не могутъ не стать на эту точку зрѣнія, свойственную ихъ чувствамъ и разуму,—и все, что имъ казалось могущественнымъ и величественнымъ въ царствѣ насилія,—все развалится само собою, какъ карточный домикъ.

«Да, освобожденіе угнетенныхъ людей нашего времени, не только польскаго народа, но всѣхъ народовъ, всѣхъ классовъ, состоитъ не въ возбужденіи польскаго, индусскаго, славянскаго патріотизма или въ революціонныхъ застраиваніяхъ, еще менѣе въ поискахъ новыхъ формъ жизни, въ которыхъ должны занять мѣсто народы и люди, не въ парламентской борьбѣ, такъ сказать, въ упражненіяхъ въ краснорѣчій, но только въ отказѣ приспособляться къ уже существовавшей организаціи, насиліе которой несомнѣнимо съ признанными всѣми людьми нашего времени принципами любви, отвергающими причастность ко всякому насилію. И этотъ законъ любви, который долженъ замѣнить уже мертвый законъ насилія, проповѣдывался религіозными ученіями свѣта и особенно руководителями христіанскаго народа. Противорѣчіе между человѣческой совѣстью христіанскаго міра и условіями жизни этихъ людей становится столь очевиднымъ, что не можетъ болѣе длиться. И вотъ поэтому увѣренъ, что законъ любви займетъ мѣсто закона насилія и онъ скоро его займетъ. Эта надежда есть та, что этотъ великій переворотъ въ жизни человѣ-

чества родится среди насъ, славянскихъ народовъ, наименѣ воинственныхъ, наиболѣе христіанскихъ въ истинномъ смыслѣ слова, а отсюда легче познать новый законъ любви, который замѣнитъ тотъ, что окончилъ свое время среди челоѣчества.

«Почему бы это разрѣшеніе челоѣческой судьбы не могло случиться у задыхающейся Польши? Или хотя бы скорбной Россіи, страдающей отъ своихъ внутреннихъ неурядицъ. И движеніе, утвердившееся у одного изъ славянскихъ народовъ, сдѣлается естественнымъ для глаза, распространится и на другіе славянскіе народы, въ настоящее время раздробленные продажною угнетателей. И разъ движеніе включить славянскіе народы, другіе христіанскіе народы послѣдуютъ имъ.

«Такова моя мечта. Что касается отвѣта на ваше письмо, онъ состоитъ единственно изъ слѣдующаго, что освобожденіе Польши и всѣхъ угнетенныхъ случится черезъ признаніе всѣми людьми самаго высшаго челоѣческаго идеала—закона любви, исключающаго по самой своей сущности всякое сопротивление, и уничтожатся насиліе и возможность способствовать этому насилію.

— Розовая эра для женщины.—«*La Mort de l'Éternel Féminin*»—подъ такимъ заглавіемъ въ двухъ ноябрьскихъ книгахъ «*La Revue*» извѣстный своими трудами Жанъ Фино выступилъ въ защиту и облегченіе женской доли. Вообще, всѣ женщины, но въ особенности перешедшія за пятидесятилѣтній возрастъ, эти, по его выраженію, «полуживыя, преждевременно вырванныя изъ существованія созданія», обязаны увѣковѣчить его память. Въ этомъ послѣднемъ своемъ трудѣ Фино открылъ для женщинъ новую эру ея существованія, новые розовые горизонты. Онъ первый заглянулъ въ душу женщины, уже потерявшей физическую прелесть, но продолжающей носить въ душѣ прежнюю искру жизни, цѣлый міръ страстей и душевныхъ движеній. Онъ нарисовалъ новую женщину, которую социальныя условія жизни уже пересоздали по новому. Новая женщина, во-первыхъ, будетъ жить на цѣлыхъ двадцать лѣтъ дольше, во-вторыхъ, женщина-демонъ, «роковая женщина», лгунья и обманщица, какъ всѣ рабыни, отойдетъ въ область преданія и будетъ считаться пережиткомъ старины, а ее замѣнитъ или уже начала замѣнять новая женщина, искренняя, вдумчивая и дѣятельная.

Всемирное женское движеніе, преобразившее не только европейскихъ, но и азіатскихъ женщинъ, по его словамъ, вызываетъ тревожные вопросы: не лишится ли женщина своихъ лучшихъ качествъ послѣ своей социальной эволюціи? При этомъ онъ разбирается въ ея прежнихъ лучшихъ качествахъ и приходитъ къ слѣдующему заключенію. Привлекательной чертой женщины обыкновенно считалась ея слабость. Какъ противоположность притягивается противоположностью, такъ и мужчину-силу притягиваетъ женщина-ребенокъ, женщина-раба. И прежняя женщина имѣла всѣ недостатки и пороки послѣдней. Какъ раба, она прибѣгала ко лжи и хитрости. Поэты, обожествляющіе ее, не переставали видѣть силу именно въ ея лжи и измѣнѣ. Законы мужской чести во всѣ времена были ей чужды, и небесныя наслажденія, которыя женщина доставляла мужчинамъ, съ перваго момента любви были отравлены недостаткомъ честности. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе женщинъ,

которые пренебрежительно свыкались съ женской ложью, какъ мы привыкаемъ къ шипамъ, неизбѣжнымъ спутникамъ розы, говорить Фино. Вотъ что рискуеть потерять современная женщина въ своей соціальной эволюціи. Между тѣмъ, чѣмъ выше поднимается она по соціальной лѣстницѣ, тѣмъ ея душа, въ свою очередь, возвышается, растетъ. Переставъ быть рабою, она теряетъ свое существенное клеймо—подлость лжи. Она становится искреннѣе, подымаетъ голову и скорѣе заставитъ склонить ее у своего властителя. Пренная женщина, женщина-демонъ, «роковая игрушка поэтовъ» и романистовъ, забавляющаяся терзаніемъ мужскихъ сердець, сдѣлается анахронизмомъ. Новая женщина внесетъ во все правду и честность, хотя, конечно, чего авторъ и не отрицаетъ, по временамъ будетъ по старой привычкѣ, пока отъ нея не отстанетъ, измѣнять, обманывать и лгать столько же, какъ и мужчины, пока окончательно она не вступить на путь истины.

Съ физической стороны вслѣдствіе этой соціальной эволюціи, женщина лишилась своей прежней прелести, какъ ее понимали въ старину, въ чемъ можно убѣдиться, сравнивая женщинъ Тиціана, Гольбейна и Рейнольда съ современными. У всѣхъ изображенныхъ ими женщинъ рабски потупленные взоры и инстинктивное униженное выраженіе на лицѣ. Даже вдали отъ своего властителя и мужа, просто предъ художникомъ, которому предстоитъ обезсмертить ея лицо, она не могла освободиться отъ этого рабскаго выраженія, внѣдрившагося въ каждую складку ея тѣла. Какъ ни божественъ ея взглядъ, но въ немъ читается нѣмая мольба слабаго существа. Ангель или демонъ, пренная женщина всегда принадлежала господствующему существу. Поэты, живописцы, скульпторы,—воспѣвали ее и обожествляли, какъ богиню, подчиненную, однако, волѣ мужчины, хотя образцами имъ служили женщины высшихъ, господствующихъ классовъ. Если, говорить Фино, сравнить ихъ съ портретами современныхъ женщинъ, то величественность послѣднихъ становится очевидна, хотя портреты сдѣланы были бы противниками женской эволюціи. Даже походка новыхъ женщинъ иная: въ ней нѣтъ томности пренныхъ женщинъ, а видна энергія, увѣренность. И это преобразование замѣтно не только у европейскихъ женщинъ, но одинаково и у японскихъ и турецкихъ женщинъ.

Политическая и соціальная женщина отличается отъ прежней теремной женщины такъ же, какъ человекъ палеолитической эпохи отъ неолитической, но она никогда не перестанетъ быть женщиной. Женщина не можетъ отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ присущихъ ей качествъ, составляющихъ ея черты, такъ какъ половая жизнь будетъ существовать.

Физическая красота, какъ исключительный признакъ женскаго господства, уступила мѣсто красотѣ ума, ореолу болѣе достойному для завоеванія и долѣе сохраняющемуся. Мысль, энергія и здоровье—вотъ главныя качества новой женщины. Пренныя царственные черты лица замѣнились изяществомъ: умъ и интеллигентность теперь чаще и чаще замѣщаютъ отсутствующую красоту.

Но мужчина переноситъ это медленное преобразование женщины, не подорывая всей важности его значенія, и все еще потрежнему говорить о безсмертной женственности, падаетъ ницъ предъ вѣковымъ кумиромъ, забывая, что предметъ его культа измѣнился душою и тѣломъ.

Не измѣнять ли новыя соціальныя условія женщины настолько, что у нея повторится то же явленіе, какъ и въ царствѣ животномъ у нѣкоторыхъ породъ? По мнѣнію Фино, приглядываясь къ жизни самокъ во всемъ мірѣ живыхъ существъ, убѣждаешься, что, вопреки утвержденіямъ Библии, женщина создана не за счетъ мужчины, но часто наоборотъ. Американскій соціологъ Лестеръ Вардъ въ своей «Pure Sociology» учитъ, что женскій организмъ опережалъ такъ называемый сильный полъ. Съ перемѣной образа жизни не произойдетъ ли у женщины того же явленія, какое замѣчается у нѣкоторыхъ птицъ, какъ, напримѣръ, орловъ и соколовъ, у которыхъ самки сильнѣе самцовъ, или какъ у насѣкомыхъ—пчелъ и даже пауковъ, у которыхъ самки, умныя и предусмотрительныя, царствуютъ и управляютъ, а самцы играютъ незавидную роль.

Во всякомъ случаѣ въ этой эволюціи женщина много выиграла и съ физической и нравственной стороны. Она принесла ей лишннихъ двадцать лѣтъ жизни, какъ физической, такъ и нравственной. Во всѣ времена любимая женщина вообще не имѣла лѣтъ, по крайней мѣрѣ влюбленные ихъ не замѣчали но извѣстно, говоритъ Фино, что во всѣ времена влюбленные были слѣпы. Теперь любовная слѣпота не единственная причина торжества женщины надъ сердцемъ мужчины: ихъ кумирь, благодаря эволюціи, дѣйствительно измѣнилъ свои лѣта.

По наблюденіямъ Фино, вообще человѣческая жизнь удлинилась, какъ женская, такъ и мужская. Прежде средній возрастъ во Франціи считался 29 лѣтъ, теперь 48 съ половиной. Но особенно это замѣтно на женской душевной жизни во всѣхъ странахъ, особенно во Франціи. Провозглашая право тридцатилѣтней женщины на любовь, Бальзакъ вызвалъ въ своихъ современникахъ удивленіе, близкое къ скандалу. Въ его время о сорокалѣтнемъ мужчинѣ говорили, какъ о старикѣ. А за сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ до Бальзака такой философъ, какъ Шарль Фурье, соболѣзнуя о судьбѣ молодыхъ дѣвушекъ, не нашедшихъ себѣ мужей до 17-лѣтняго возраста, объявлялъ, что онѣ въ правѣ *jeter le bonnet pardessus de moulin*.

Для автора «Теоріи четырехъ движеній» это былъ почти критическій возрастъ женщины. Пора любить и быть любимой въ настоящее время удивительно расширилась. Тридцатилѣтнему возрасту бальзаковскихъ женщинъ въ настоящее время равняется сорока и пятидесятилѣтній. Это явленіе замѣтно въ театральной литературѣ не только Франціи, но и другихъ странъ. Поэтому женская душевная жизнь продолжается теперь на много лѣтъ болѣе и современнымъ влюбленнымъ болѣе лѣтъ, чѣмъ старикамъ Бальзака и Тургенева. Такимъ образомъ, нѣжныя голубки, невинные и застѣнчивые, уступили мѣсто существамъ болѣе опытнымъ и съ болѣе зрѣлымъ кругозоромъ.

Но что намъ готовить будущее?—спрашиваетъ Фино. Будутъ ли оспаривать себѣ мѣсто шестидесятилѣтнія у своихъ младшихъ, пятидесятилѣтнихъ сестеръ. И онъ указалъ на положеніе шестидесятилѣтнихъ женщинъ «полу-живыхъ», которыхъ мужчины иронически принуждаютъ смѣшивать свою жизнь съ жизнью дѣтей и, требуя свободы дѣтямъ, связываютъ ихъ существованіе съ ихъ бабушками. Фино находитъ, что мужчина покрылъ насмѣшками преждевременныя

могилы такихъ женщинъ. Теща—пугало, тетка—комичная по своей добротѣ, старая кокетка, смѣшная въ своемъ желаніи нравиться, вотъ изображеніе женщинъ, приговоренныхъ еще иногда на много лѣтъ къ бездѣйствію и скукѣ ожидать, когда онѣ успокоятся вѣчнымъ сномъ. Такимъ образомъ, исполнивъ циклъ своей эволюціи, женщина еще при своей жизни вступаетъ въ категорію полумертвыхъ. Она прозябаетъ, какъ растеніе въ ожиданіи полного освобожденія отъ жизни, тогда какъ мужчина захватывается за новую пружину жизни. Замкнутая въ своей гробницѣ, покорно или жалуясь, женщина, лишенная правъ на жизнь преждевременно, представляла да и теперь еще представляетъ самое мучительное захватывающее зрѣлище и неудивительно, что отъ этого порождалось столько злыхъ мегеръ. Новая женщина сумѣетъ отодвинуть границы своего существованія. «Влюбленная въ жизнь съ твердымъ убѣжденіемъ, что мы можемъ нормально пережить вдвойнѣ средней возрастъ и главнѣе всего, что мы можемъ съ пользой и пріятно продолжить жизнь, перейдя даже за границы ста лѣтъ для счастья своего и себѣ подобныхъ, я имѣю смѣлость, — говоритъ Фино, — открыто наслаждаться расширеніемъ границъ жизни, которая открывается передъ женщиной». Но пусть женщины не увлекаются общаніями Фино, что ихъ красота сохранится безконечно. По его словамъ, съ настоящаго времени она долѣе имѣ не измѣнить, или, вѣрнѣе, примѣнится къ обстоятельствамъ. Физическая красота отнынѣ замѣнится красотой души. Ея красота возобновится, такъ какъ она сама идеализируется. Въ своей второй жизни женщина будетъ иначе прекрасна, но мужчина отъ этого будетъ счастливѣе.

Фино предлагаетъ предоставить женщинѣ, достигшей такихъ лѣтъ, любить и возможность тратить сокровища ея нѣжности, собранныя во время ея жизни, полной пріятнаго или непріятнаго опыта, и отъ этого на землѣ будетъ болѣе счастья. Для поддержанія ея живыхъ чаръ надо прежде всего предоставить ей возможность работать и дѣйствовать. «Откроемъ окна ея жилища, — говоритъ Фино, — дадимъ проникнуть туда эхо жизни, и тогда вмѣсто полумертвой, преждевременно вырванной изъ существованія, мы найдемъ существо съ сердцемъ и разумъ. У насъ будетъ менѣе чудовищныхъ существъ, а болѣе ангеловъ-руководителей и ангеловъ-утѣшителей».

Фино указываетъ на тотъ фактъ, что пожилой мужчина, еще чувствующій потребность любить, стремится къ своей гибели въ поискахъ чувствъ у молодыхъ существъ, «отравленнаго для него источника молодости, который разрушается отъ соприкосновенія со старостью, и его спѣшно ведетъ къ разложенію». Онъ указываетъ ему новую женщину зрѣлаго возраста и общается, что она для него будетъ «новымъ секретнымъ садомъ»; оба зрѣлые, они соединятся въ общемъ полетѣ, и мужчинѣ не придется подвергаться непріятному пробужденію.

Новая женщина, которой предстоитъ блестять далеко за 60 лѣтъ, произведетъ настоящую революцію въ пониманіи красоты и уменьшитъ престижъ, которымъ пользуется наивность и женская глупость—преlestи женщинъ. Уже теперь, по словамъ Фино, красивая, но ограниченная женщина имѣетъ менѣе шансовъ на любовь. И эта эмансипація интеллигенціи будетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія для эволюціи обоихъ половъ. Вступленіе женщины въ социальную жизнь доказываетъ, насколько мужчина былъ неправъ, желая

предать забвенію женщину, когда онъ самъ не перестаетъ наслаждаться жизнью. Къ тому же жизнеспособность обоихъ половъ говоритъ совсѣмъ не въ пользу мужчины. Женщина менѣе подвержена цѣлому ряду заболѣваній, особенно разрушающихъ умственные способности. Артеріосклерозъ у женщинъ угрожаетъ слабому полу гораздо менѣе, чѣмъ сильному. Расцвѣтъ ея сердечныхъ чувствъ далеко въ зрѣломъ возрастѣ, когда ее могутъ любить, доказываетъ лучше всего необходимость предоставить энергіи ея сердца и жизнеспособности ея ума. Поэтому Фино предлагаетъ какъ можно скорѣе предложить ей поле социальной и политической дѣятельности, если не хотятъ видѣть, какъ ея воображеніе вырвется въ царство любви. Но, предоставляя права зрѣлымъ женщинамъ на любовь, Фино вызываетъ революцію у молодыхъ. По его мнѣнію, ради будущности расы женщина-ребенокъ должна проснуться для любви какъ можно позже, что необходимо какъ для сформированія ея тѣла, такъ и ума, а также ради долговѣчности.

Искренняя, вдумчивая и дѣятельная для общаго блага женщина достойно замѣнитъ женщину-демона, «роковую», женщину-служанку, обѣихъ преданныхъ слабостямъ и лжи, говоритъ въ заключеніе Фино. Но для нея нужны условія новой жизни. Дадимъ же ихъ ей добровольно, чтобы избѣжать тяжелой человѣческой катастрофы, если женщина должна выиграть ихъ черезъ войну половъ, несмотря на мужчину и противъ мужчины.

— Отовсюду.—Жюль Перринъ въ «Nos Loisirs» приводитъ нѣкоторые придворные обычаи при Людовикѣ XIV, способные вызвать улыбку въ наше время. Между прочимъ онъ рисуетъ церемонію завтрака короля. Кухня помѣщалась въ нижнемъ этажѣ теперешняго версальскаго госпиталя, тогда называвшагося «grand commin», подъ которымъ жили штатъ прислуги и чиновниковъ—всего 1500 человекъ. По данному сигналу начиналась церемонія подаванія завтрака королю или, какъ тогда онъ назывался, «говядина короля» «la viande du roi». Чтобы достичь королевской спальни, гдѣ былъ королевскій столъ, приходилось перейти улицу, пройти лѣстницу и пять-шесть комнатъ. Эта прогулка королевскаго завтрака составляла официальную церемонію, и, согласно тогдашнему обычаю, каждый, встрѣчая это шествіе, снималъ шляпу и кланялся предъ кушаньемъ. Король завтракалъ въ своей спальнѣ предъ большимъ центральнымъ окномъ, спиною къ постели. Предупрежденный метръ-д'отелемъ, онъ вставалъ и ему подавали мокрое полотенце для мытья рукъ. Затѣмъ дежурный пробовалъ кушанье и благословлялъ его. Обыкновенно король обѣдалъ одинъ за маленькимъ столомъ. Вся посуда подавалась золотая. Меню составлялось громадное, и онъ его все отвѣдывалъ. По увѣренію принцессы Палатинъ, его невестки, матери герцога Орлеанскаго, впоследствии регентши, король съѣдалъ четыре полныя тарелки различныхъ суповъ, цѣлаго фазана, куропатку, большую тарелку салата, два большіе ломтя ветчины, баранины съ подливкой и чеснокомъ, тарелку пирожнаго, а затѣмъ фрукты и яйца вкрутую. Такая обильная пища шла ему не впрокъ и жестоко мстила за себя. По крайней мѣрѣ въ его журналѣ здоровья отмѣчены: страданья головокруженіемъ, несвареніемъ пищи, ревматизмомъ, подагрой, катарамъ; кровоупусканія ему дѣлались безпрестанно; и также часто прибѣгали къ слаби-

тельнымъ. Но даже въ дни нездоровья его полудіета состояла изъ пюре съ гречками, суша изъ голубей и трехъ жареныхъ куриць. У короля были дурные зубы, и онъ совсѣмъ не разжевывалъ пищи, а поглощалъ ее цѣликомъ. Сервировка королевскаго стола не отличалась совершенствомъ, такъ какъ въ началѣ царствованія Людовика XIV вилокъ не знали и употребляли только ложки для супа, что же касается рагу, то его вылавливали пальцами.

— Въ «*Cri de Paris*» рассказывается, какъ ухитрились авиньонскіе легаты папы пополнить его казну. Съ этой цѣлью они придумали эксплуатировать евреевъ графства Венесэнъ, предписавъ имъ фасонъ шляпъ настолько громадный, о какомъ не мечтали самыя современныя модницы. Конечно, состоятельные евреи откупались отъ этого рода вымогательства и добивались болѣе умѣреннаго размѣра шляпъ. Уменьшеніе этого объема шло пропорціонально съ предложенной суммой откупа.

— Какъ ни странна идея профанировать Шекспира въ увеселительныхъ кафе-концертахъ, но авторъ статьи въ «*The Academy*» находитъ этому оправданіе и такъ объясняетъ: «Съ перваго взгляда,—говоритъ онъ,—покажется совсѣмъ нелѣпнымъ присоединять имя Шекспира къ современному music halls. Шекспиръ авторъ, боготворимый всѣми націями, сколько-нибудь имѣющими понятіе объ исторіи литературы. Свѣтило трагедіи и комедіи, изслѣдователь скрытыхъ глубинъ человѣческой природы показался бы намъ среди грубаго дикаго шутовства большинства music halls въ очень дурной компаніи. Но это слишкомъ послѣднее сужденіе. Какъ можетъ толпа узнать и полюбить великихъ геніевъ, если они не представляются ей подъ формой, которую она можетъ понять. Педантичное мнѣніе, что у толпы «деревянная голова», глупо и ложно. Мы не разсматриваемъ, говоритъ авторъ, психологію толпы, какъ сущность, но какъ натуру, которую она представляетъ, когда ее разсматриваютъ, какъ человѣческую единицу, живую, чуткую до впечатлѣній, жадную до ощущеній. Многие изъ этихъ субъектовъ не прочтутъ ни одной пьесы Шекспира, а если они это и сдѣлаютъ, то не поймутъ. На сосредоточеніе они не сильны: они могутъ прочесть свою ежедневную газету съ первой до послѣдней страницы, но послѣдовательная тема на англійскомъ литературномъ языкѣ имъ наскучитъ. Напротивъ, представьте имъ ту же пьесу въ дѣйствіи, заставьте играть предъ ними какого-нибудь короля на сценѣ, покажите имъ влюбленныхъ, шепчущихъ вѣжные діалоги, покажите генія, очеловѣчившагося и спустившагося на землю, и шекспировскія пьесы ничего не потеряютъ на ней отъ своего великолѣпія. Конечно, цѣлыхъ пьесъ Шекспира немислимо ставить, но отрывки разговоровъ, наиболѣе легкіе.

Въ «*Советникѣ*» докторъ Апенбредель отмѣчаетъ необыкновенный ростъ буддизма въ Европѣ, лишь нѣсколько лѣтъ основавшагося тамъ. Встрѣтивъ необыкновенно симпатичный пріемъ повсюду, буддизмъ умножилъ число своихъ сторонниковъ, цифра которыхъ все увеличивается. Главный европейскій центръ буддизма—Лондонъ, гдѣ дѣятельно работаетъ международное буддистское общество «*Buddhasana (Gemagana)*», являющееся отдѣленіемъ большой рангунской ассоціаціи, гдѣ находятся представители группъ буддистовъ Мандалэи, Цейлона и Калькутты. Кромѣ того, тамъ же находится

общество буддистовъ Великобританіи и Ирландіи, издающее свой журналъ и занимающееся религіозными изысканіями. Въ Германіи съ 1903 г. по инициативѣ профессоръ Зейденштюкера и д-ра Неймана основалось общество Маха-Бодхи, тоже издающее журналъ «Буддистскій міръ». Венгрія также присоединилась къ этому религіозному движенію. Основатель общества Буддасасана Самага Іено Леви даже обратился къ венгерскому правительству съ просьбою признать буддизмъ официальной религіей и преподавать его въ школахъ. Разумѣется, это вызвало бурные споры между католиками и буддистами, которые спокойно, миролюбиво отвѣчали на чувство ненависти католиковъ.

С М Ъ С Ъ.

ВЕСТВОВАНІЯ памяти Н. И. Пирогова. День столѣтія, 13 ноября минувшаго года, со дня рожденія великаго русскаго хирурга, мыслителя и педагога-гуманиста Николая Ивановича Пирогова былъ отмѣченъ русскимъ обществомъ, какъ въ Москвѣ мѣстѣ его родины, такъ и въ Петербургѣ весьма торжественно и достойно его крупныхъ дѣяній на пользу Россіи. Въ этотъ въ Москвѣ, день въ церкви Св. Троицы, что въ Сыромятникахъ, была совершена священникомъ И. И. Святославскимъ заупокойная литургія по усопшемъ при участіи хора пѣвчихъ; отцомъ Святославскимъ было сказано слово, посвященное памяти Н. И. Пирогова, затѣмъ была отслужена панихида. Помолившись въ храмѣ объ упокоеніи души врача и мыслителя собрались немногія лица, среди которыхъ находились: деканъ медицинскаго факультета московскаго университета заслуженный профессоръ Д. Н. Зерновъ, члены городской управы Д. Д. Дувакинъ и В. Ѳ. Малининъ, главные врачи больницъ: имени императора Александра III—С. В. Пучковъ, Яузской—Ѳ. И. Березинъ, Софійской—Д. Е. Гороховъ и Мясницкой—С. Е. Молоденковъ, два-три гласныхъ городской думы и нѣкоторые изъ прихожанъ. По окончаніи панихиды всѣ присутствовавшіе въ храмѣ съ духовенствомъ направились въ Криво-Ярославскій пер., къ дому Грязнова, въ которомъ родился Н. И. Пироговъ. Здѣсь была отслужена литія, послѣ которой Д. Д. Дувакинъ сдернулъ полотно съ памятной мраморной доски, помѣщенной на домѣ. Доска была окроплена св. водой. На ней сдѣлана слѣдующая надпись: «Здѣсь родился Николай Ивановичъ Пироговъ 13 ноября 1810 года». На освященіе доски собрались мѣстные жители. Домъ Грязнова, стоящій на землѣ, принадлежавшей Пироговымъ, представляетъ частью двухъ-этажное, частью трехъэтажное зданіе. Отъ стараго Пироговскаго дома осталась

одна только половина; прочее все сломано нѣсколько лѣтъ тому назадъ и возведены новыя постройки. Въ клиническомъ храмѣ на Дѣвичьемъ полѣ также было совершенно заупокойное богослуженіе по Н. И. Пироговѣ. Здѣсь присутствовали депутаціи, собравшіяся для возложенія вѣнковъ къ памятнику, профессора, врачи и студенты-клиницисты. Памятникъ Н. И. Пирогову, занимающій мѣсто на площадкѣ университетскихъ клиникъ, былъ красиво убранъ зеленью, цвѣтами и національными лентами. Во второмъ часу дня, когда собрались депутаціи, была отслужена у памятника литія по Н. И. Пироговѣ. Затѣмъ предъ памятникомъ продефилировали депутаціи, возлагая вѣнки; тутъ были депутаціи: отъ московскаго университета, отъ московскаго городского управленія, съ городскимъ головой во главѣ, отъ медицинскаго факультета, отъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ хирургической факультетской клиники, отъ хирургической госпитальной клиники, отъ института нормальной анатоміи, отъ Ново-Екатерининской больницы, отъ терапевтической факультетской клиники, отъ пропедевтической клиники, отъ нервной клиники, отъ психіатрической клиники, отъ фармакологическаго института, отъ гинекологическаго института, отъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, отъ общества російскихъ хирурговъ, отъ хирургическаго общества, отъ общества военныхъ врачей, отъ врачей московскаго военнаго госпиталя, отъ института судебной медицины, отъ редакціи журнала «Хирургія» и отъ студентовъ-клиницистовъ. Всего было возложено 23 вѣнка. Во время возложенія вѣнковъ вблизи памятника было много студентовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Въ тотъ же день заупокойное богослуженіе по Н. И. Пироговѣ было совершено въ храмѣ первой городской больницы, носящей имя знаменитаго хирурга. Московское уѣздное земское собраніе предъ началомъ занятій почтило вставаніемъ память Н. И. Пирогова. Научное чествованіе Пирогова состоялось 29 ноября. Въ этотъ день въ богословской аудиторіи московскаго университета происходило торжественное публичное соединенное засѣданіе медицинскихъ, ученыхъ, педагогическихъ и просвѣтительныхъ обществъ и учреждений Москвы, посвященное памяти Н. И. Пирогова по случаю столѣтія со дня его рожденія. Аудиторія и хоры были переполнены учащейся молодежью и публикой. Не только всѣ мѣста, но и боковые проходы были заняты. На эстрадѣ за столомъ помѣщались члены общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова во главѣ съ правленіемъ. Съ правой стороны зала возвышался портретъ Н. И. Пирогова, украшенный миртовой вѣтвью съ цвѣтами и бѣлыми лентами, на которыхъ значились даты: 1810 и 1910 гг., а съ лѣвой—каедрa для произнесенія рѣчей. На первыхъ скамьяхъ передъ эстрадой помѣщались члены многочисленныхъ депутацій отъ различныхъ обществъ и учреждений. Торжественное собраніе открылъ предсѣдатель правленія Пироговскаго общества Ѳ. А. Рейнъ краткимъ словомъ въ память Н. И. Пирогова, окончивъ его предложеніемъ почтить вставаніемъ какъ память Н. И. Пирогова, такъ и память Л. Н. Толстого. Вся аудиторія въ глубокомъ, благоговѣйномъ молчаніи встала. Затѣмъ на каедру взошелъ членъ государственной думы А. И. Шингаревъ и произнесъ рѣчь на тему: «Религіозно-философскіе взгляды, общественно-политическіе и педагогическіе идеалы Н. И. Пирогова». Свою

рѣчь А. И. Шингаревъ закончилъ словами: «30 лѣтъ покоится въ далекой могилѣ Н. И. Пироговъ, но его идеалы и завѣты далеко еще не осуществились въ нашей жизни, и если бы онъ явился теперь въ наши общественныя учрежденія, въ нашу государственную думу, то какимъ бы современнымъ казалось его прежнее слово, и онъ звалъ бы насъ къ проведенію въ жизнь его прежнихъ идеаловъ, которые стоятъ еще далеко впереди теперешняго строя нашей государственной жизни. Природа-мать! когда бы такихъ людей ты не посылала міру, заглохла бы нива жизни». Проф. И. П. Алексинскій говорилъ о Пироговѣ, какъ хирургъ, отмѣтивъ его значеніе въ исторіи хирургіи и особенно военно-полевой хирургіи, какъ одного изъ великихъ мировыхъ реформаторовъ. Горячую рѣчь произнесъ молодой педагогъ С. В. Дурьилинъ на тему: «Н. И. Пироговъ и будущее воспитанія и обученія». Развитие педагогическихъ идей шло, по словамъ оратора, не обычнымъ путемъ. Все, что отмѣчено въ этомъ развитіи глубиною мысли, яркими формами, что служить залогомъ правильного развитія школы и ея будущаго,—все это внесено не педагогами по профессіи, а такими лицами, какъ публицистъ Писаревъ, писатель Толстой и хирургъ Пироговъ. Изложивъ затѣмъ подробно педагогическіе взгляды Н. И. Пирогова, ставившаго задачей воспитанія освобожденіе личности ребенка, какъ начало освобожденія челоука, свободное самостоятельное развитіе дѣтской личности и смотрѣвшаго на дѣтскую душу, какъ на священный храмъ, къ которому надо подходить съ благоговѣніемъ, ораторъ отмѣтилъ, что Пироговъ положилъ основаніе новой свободной школы въ Россіи, путь къ осуществленію которой еще далеко, но робкіе шаги по этому пути уже начинаютъ дѣлать въ нашемъ обществѣ. Прив.-доцентъ Л. А. Тарасевичъ сказалъ рѣчь «Н. И. Пироговъ и Пироговское общество». Ораторъ отмѣтилъ, что общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, несмотря на всѣ препятствія, встрѣчаемыя имъ въ своей дѣятельности со стороны администраціи, стремится къ осуществленію завѣтовъ Пирогова въ дѣлѣ организациі общественной медицины и проведенію въ жизнь его идеаловъ, какъ врача и гражданина. Далѣе ораторъ призывалъ товарищей-врачей къ единенію и къ пожертвованіямъ на постройку въ Москвѣ дома имени Пирогова. Проф. И. П. Алексинскій сказалъ привѣтствіе отъ московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Членъ городской управы В. Ф. Малининъ сказалъ привѣтственную рѣчь отъ московскаго городского общественнаго управленія, отмѣтивъ въ ней, что Н. И. Пироговъ по рожденію и воспитанію связанъ тѣсно съ Москвою, гдѣ ему устроенъ памятникъ, названа его именемъ 1-я градская больница, улица на Дѣвичьемъ полѣ, учреждена стипендія его имени, и, наконецъ, во время своего 50-лѣтняго юбилея въ 1881 году онъ избранъ думою почетнымъ гражданиномъ Москвы. Отъ губернской земской управы сказалъ привѣтствіе членъ управы М. А. Нарожницкій, отъ московскаго общества народныхъ университетовъ В. И. Сыромятниковъ, отъ педагогическихъ курсовъ московскаго общества воспитательницъ и учительницъ Н. В. Чеховъ, отъ физико-медицинскаго общества Н. И. Суховъ, отъ общества любителей россійской словесности П. Н. Сакулинъ, московскаго общества грамотности И. Н. Сахаровъ, отъ общества дѣятелей періодической печати и литературы Н. А. Скворцовъ. Далѣе слѣдовали привѣт-

ствія: отъ учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній, отъ родительскаго клуба кружка совмѣстнаго воспитанія и образованія (К. Н. Венцель), отъ общества россійскихъ хирурговъ, хирургическаго общества въ Москвѣ и хирургической факультетской клиники (проф. И. К. Спизжарный), отъ госпитальной хирургической клиники (проф. А. В. Мартыновъ), отъ госпитальной хирургической клиники при Ново-Екатерининской больницѣ (проф. И. П. Алексинскій). Отъ медицинскаго общества новороссійскаго университета, которому воспрещено было собраться, чтобы почтить память Н. И. Пирогова, какъ своего основателя, говорилъ Л. А. Тарасевичъ. Далѣе отъ провинціальныхъ обществъ сказаны были привѣтствія делегатами владимирскаго медицинскаго общества, нижегородскаго общества врачей и ковровскихъ врачей. И. Д. Сарычевъ привѣтствовалъ отъ общества русскихъ врачей. Отъ московскаго терапевтическаго общества и всероссійской лиги борьбы съ туберкулезомъ сказалъ привѣтствіе В. А. Воробьевъ, отъ общества россійскихъ хирурговъ—проф. А. В. Мартыновъ, отъ акушерско-гинекологическаго общества Л. Н. Варнекъ. Онъ же привѣтствовалъ и отъ 1-й градской больницы имени Н. И. Пирогова. Затѣмъ слѣдовали привѣтствія: отъ общества военныхъ врачей, общества невропатологовъ и психіатровъ (Г. И. Россолимо), отъ венерологическаго и дерматологическаго общества, московскаго гигиеническаго общества (П. Н. Діатроптовъ), отъ общества дѣтскихъ врачей (А. А. Кисель), московскаго общества фабричныхъ врачей (И. Д. Астраханъ), отъ физико-терапевтическаго общества (Ө. А. Александровъ), общества борьбы съ дѣтскою смертностью (Д. Е. Гороховъ), отъ московскаго отдѣленія петербургскаго общества взаимопомощи врачей, отъ московскаго одонтологическаго общества, отъ санитарнаго отдѣла техническаго общества (П. И. Кедровъ), отъ студенческаго медицинскаго Пироговскаго общества, отъ медичекъ высшихъ женскихъ курсовъ, отъ фельдшерской школы при Старо-Екатерининской больницѣ, московскаго общества ветеринарныхъ врачей, отъ Покровской психіатрической больницы московскаго губернскаго земства, редакціи «Медицинскаго Обозрѣнія», редакціи «Вѣстника Воспитанія» (Н. Ө. Михайловъ), редакціи «Голоса Студенчества», отъ санитарнаго совѣта московскаго уѣднаго земства, отъ комиссіи городскихъ санитарныхъ врачей, городскихъ училищныхъ врачей, амбулаторныхъ врачей, союза обществъ помощниковъ врачей, общества фельдшеровъ, фельдшерницъ и акушерокъ, россійскаго фармацевтическаго общества, Лепешкинскаго студенческаго общежитія. Въ большинствѣ рѣчей отмѣчалось все неустройство нашей жизни, далекой отъ идеаловъ Пирогова. Дальнѣйшіе ораторы придали своимъ рѣчамъ и привѣтствіямъ политическій характеръ, вслѣдствіе чего засѣданіе было по требованію полиціи закрыто.

Въ Петербургѣ пироговскія торжества открылись 13 ноября въ музеѣ Пирогова. Къ часу дня сюда собрались почти все современные петербургскія свѣтила медицины, профессора военно-медицинской академіи, больничные врачи и такъ много врачей, студентовъ-медиковъ и дамъ, что вмѣстительный залъ музея былъ переполненъ. Помѣщенный близъ каедры бюстъ Н. И. Пирогова былъ окруженъ зеленью. Была отслужена панихида. Предсѣдатель русскаго хирургическаго общества С. П. Федоровъ открылъ торжественное засѣданіе краткой

рѣчью, въ которой указалъ на то, что современные успѣхи не только хирургіи, но и многихъ отраслей общественной дѣятельности навѣяны Н. И. Пироговымъ; этимъ объясняется и то обстоятельство, что однимъ изъ ораторовъ на настоящемъ торжествѣ выступаетъ общественный дѣятель. Вслѣдъ за тѣмъ слово было предоставлено П. Ф. Каптереву, прочитавшему рѣчь на тему: «Н. И. Пироговъ, какъ педагогъ-гуманистъ». Ораторъ обрисовалъ Пирогова, какъ человѣка, котораго занимало все общечеловѣческое, который стремился выяснитъ всемірныя идеалы и который вѣрилъ въ то, что человѣка нужно создать воспитаніемъ и что однимъ лишь воспитаніемъ достигается истинный прогрессъ. Современное Пирогову общество надъ серьезными вопросами не задумывалось. Это и заставило Пирогова начертать своимъ девизомъ: «Ищи быть и будь человѣкомъ». Онъ училъ, что надо съ раннихъ лѣтъ подчинять духовной сторонѣ матеріальную сторону нашей природы и что поэтому школа въ жизни общества должна имѣть преобладающее значеніе. Она должна быть могущественнымъ орудіемъ для усовершенствованія человѣка и руководителемъ жизни на пути къ будущему и должна давать воспитаніе гуманное, чуждое профессиональности. Пироговъ былъ защитникомъ всемогущества науки, считалъ университетъ лучшимъ барометромъ общества и желалъ всегда сближенія жизни университета съ жизнью страны. Онъ всюду искалъ человѣка и человѣчности и былъ убѣжденнымъ гуманистомъ. Рѣчь была покрыта аплодисментами. Громомъ аплодисментовъ было встрѣчено также и появленіе на каѳедрѣ лейбъ-хирурга проф. Н. А. Вельяминова, избравшаго темою своей рѣчи общественныя задачи хирургіи. Великій хирургъ жилъ и работалъ въ то время, когда хирургія была массовой, когда приходилось оперировать на полѣ сраженія. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, и многое въ жизни измѣнилось. Войны смѣнились культурою и цивилизаціей. Но и культура и цивилизація въ мирное время, какъ оказалось, требуютъ хирургической помощи ничуть не меньше, чѣмъ война. Если сравнить тѣ травматическія поврежденія, которыя даютъ ежегодно желѣзныя дороги, трамваи, фабрики и заводы, то получается огромная цифра. Одна только наша, далеко не совершенная статистика даетъ въ годъ не менѣе 214 тысячъ случаевъ травматическихъ поврежденій и увѣчій, сопровождающихся 4,500 смертями. Если же прибавить сюда разнаго рода увѣчныхъ, требующихъ долечиванія и призрачій, то получится огромная армія, напоминающая армію на войнѣ. Вопросъ дѣлается уже социально-экономическимъ: возвращеніе этихъ пострадавшихъ къ работоспособности сохранило бы странѣ миллионы рублей въ годъ. Въ Западной Европѣ давно уже поняли это и въ широкой мѣрѣ—особенно въ Германіи—создаютъ санаторіи, амбулаторіи и т. п. учрежденія. У насъ же это еще не организовано. Намъ настоятельно требуется организовать и поставить на твердую почву: 1) подачу первой помощи пострадавшимъ на улицѣ; 2) долечиваніе травматическихъ больныхъ и 3) организацію помощи калѣкамъ. Все это зависитъ отъ общества. При Пироговѣ этихъ вопросовъ не было, но можно смѣло увѣрять, что если бы великій хирургъ жилъ въ наше время, то и онъ взглянулъ бы на эти современные вопросы такъ же, какъ и мы. Третьимъ ораторомъ выступилъ проф. А. И. Моисеевъ, сдѣлавшій очеркъ дѣятельности Н. И. Пирогова, какъ патолого-анатома, и сообщилъ

факты, мало извѣстные широкимъ кругамъ его почитателей. Всѣхъ ораторовъ награждали дружными рукоплесканіями. Студентами военно-медицинской академіи послана въ Москву на имя предсѣдателя общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова телеграмма слѣдующаго содержанія: «Великъ тотъ народъ, изъ нѣдръ котораго выходятъ такіе гениальные свѣточи, какъ Н. И. Пироговъ. Великій сынъ народа, онъ явился однимъ изъ отцовъ тѣхъ идеаловъ, мыслей и дѣлъ, которые и до сихъ поръ освѣщаютъ намъ путь къ честной жизни и самоотверженному служенію тому же народу. Сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вспыхнулъ тотъ свѣтильникъ разума, день рожденія котораго празднуютъ вся честная, здоровая своей больной совѣстью русская интеллигенція. Позвольте же намъ, студентамъ медицинской академіи, присоединиться къ этому празднику и помянуть Н. И. восторженно-добрымъ словомъ. Великій учитель поражаетъ насъ глубиной своего разносторонняго, многограннаго ума; великій отецъ русской хирургіи—своей необыкновенной отзывчивостью ко всѣмъ неправдамъ и злу, царившимъ и, къ нашему несчастью, полновластно царящимъ надъ омытой слезами родиной. Эта широта взглядовъ и та смѣлая настойчивая и честная прямота, съ которой защищалъ онъ свои великія мысли, пережившія его и оставшіяся такими же вѣрными, мѣткими, буквально приковываютъ къ нему нашу душу. Еще и теперь мы съ восторгомъ читаемъ тѣ въ высшей степени жизнеспособныя мысли о цѣляхъ и задачахъ воспитанія, образованія, о специализации, которыя, какъ ни трагичны русскому народу и русской интеллигенціи, приходится защищать еще и теперь. Призывъ Пирогова ко всякому специалисту быть прежде всего человѣкомъ, его защита свободы развивающейся личности, его заботы объ этомъ драгоценномъ сосудѣ—человѣческой личности—рисуютъ его намъ великимъ печальникомъ ея. Эти призывы будятъ засыпающіе умъ и совѣсть, даютъ намъ свѣтъ и посылаютъ въ народъ служить личности и обществу. Они говорятъ намъ объ его человѣчности, гражданской доблести, непреклонно устоявшихъ среди всѣхъ препятствій этой мрачной и темной эпохи. Кланяемся же твоей свѣтлой памяти, великій учитель, и общаемъ бороться, чтобы сдѣлать имя твое великимъ не только для русской интеллигенціи, но и для всего русскаго народа. 14 ноября состоялось торжественное публичное засѣданіе совѣта психо-неврологическаго института, посвященное памяти Н. И. Пирогова. Залъ института былъ переполненъ профессорами и слушателями института и многочисленной публикой. На особомъ возвышеніи возлѣ кафедры стоялъ бюстъ Н. И. Пирогова, украшенный зеленью. Вступительную рѣчь, посвященную памяти великаго ученаго, произнесъ В. М. Бехтеревъ. Охарактеризовавъ научныя заслуги Н. И. Пирогова, какъ создателя хирургической анатоміи, В. М. Бехтеревъ остановился на личности Пирогова, какъ общественнаго дѣятеля, педагога и моралиста. «Тяжелая драма севастопольскихъ событій,—говоритъ ораторъ,—сразу заставила Н. И. Пирогова связать свою научную дѣятельность съ широкими общественнымъ задачами. Личныя наблюденія на войнѣ подсказали ему многое. Съ этого времени онъ сталъ «общественнымъ хирургомъ». Н. И. Пироговъ началъ призывать общество къ правильному воспитанію юношества для подготовки борцовъ за общественные интересы. И въ этомъ отношеніи великій ученый заслуженно можетъ быть на-

званъ первымъ реформаторомъ нашего воспитанія. Онъ требовалъ, чтобы школа ранѣе всего позаботилась создать изъ ученика «человѣка», а потомъ уже сообщала ему опредѣленный циклъ специальныхъ знаній. Въ первое время казалось, что заря возрожденія русской жизни, вызванная севастопольскимъ разгромомъ, должна коснуться мучительнаго вопроса о воспитаніи нашего юношества. Но миновало 60 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Н. И. Пироговъ опубликовалъ свои взгляды на этотъ вопросъ, и все остается по-старому. До сихъ поръ мы забываемъ, что раньше всего нужно создать «человѣка». Свѣтлый образъ Н. И. Пирогова долженъ намъ напомнить, что мы стоимъ предъ разрѣшеніемъ проблемы, которую выдвинулъ Пироговъ и на которую такъ мучительно отзывался только что почившій нашъ могиканъ мысли и слова, гениальный Л. Н. Толстой. Затѣмъ проф. В. Я. Рубашкинъ произнесъ рѣчь на тему: «Н. И. Пироговъ, его научная дѣятельность и значеніе». Проф. В. Чижевскій въ длинной рѣчи говорилъ на тему: «Н. И. Пироговъ, какъ типъ русскаго». Въ Н. И. Пироговѣ отразились всѣ основныя черты національнаго гения. Во всѣхъ вопросахъ, близкихъ уму и сердцу Н. И. Пирогова, онъ остается типично-русскимъ человѣкомъ. Въ своемъ отношеніи къ государству, церкви, національнымъ вопросамъ онъ всегда былъ глубокимъ патриотомъ. Н. И. Пироговъ, однако, не закрывалъ глазъ на русскую дѣйствительность: онъ безпощадно раскрывалъ всѣ язвы и безпощадно говорилъ о нихъ. Будучи націоналистомъ, Н. И. Пироговъ умѣлъ цѣнить и другія національности. Стоитъ вспомнить его отношеніе къ евреямъ. Посѣтивъ однажды одесскую талмудъ-тору, Н. И. Пироговъ написалъ затѣмъ статью, въ которой говорилъ объ образцовомъ воспитаніи у евреевъ, совѣтовалъ русскимъ учиться у нихъ и т. д. Таково же отношеніе его и къ другимъ народностямъ. Наиболее типичная черта Н. И. Пирогова, какъ русскаго, — это внутренній самоанализъ, стремленіе разрѣшить нравственныя проблемы. Въ этомъ отношеніи онъ сходенъ и съ Толстымъ. И тотъ, и другой боялись умереть, не разрѣшивъ мучившихъ ихъ моральныхъ вопросовъ. Они оба передъ смертью пошли къ народу, чтобы тамъ разрѣшить нравственныя проблемы. Чествованіе памяти великаго ученаго закончилось рѣчью проф. Жакова на тему: «Н. И. Пироговъ, какъ философъ и моралистъ». 17-го ноября былъ устроенъ обществомъ народныхъ университетовъ въ память столѣтія дня рожденія Н. И. Пирогова «вечеръ», привлекшій въ концертный залъ Тенишевскаго училища массу публики, преимущественно учащейся молодежи. Память Н. И. Пирогова, по предложенію Д. М. Левшина, была почтена вставаніемъ. Первый выступилъ съ докладомъ Ю. Г. Малисъ, давшій біографическій очеркъ дѣятельности Н. И., какъ ученаго, хирурга и врача. Д. М. Левшинъ остановился на дѣятельности Пирогова, какъ педагога-теоретика и педагога-практика. Въ этой роли Н. И. обнаружилъ примѣръ удивительной гармоничности личности. Онъ сумѣлъ сочетать въ себѣ безудержное стремленіе къ наукѣ съ искренней религіозностью. Этимъ сочетаніемъ и объясняется то громадное обаяніе, которое онъ имѣлъ на людей. Пироговъ училъ, что школа (низшая, средняя и высшая) должна быть, прежде всего, общеобразовательной, затѣмъ уже профессиональной. Его идеалъ остается, къ сожалѣнію, идеаломъ еще и теперь. А. И. Шингаревъ, встрѣченный аплодисментами, проводитъ интересную парал-

дѣль между великимъ Пироговымъ и величайшимъ изъ русскихъ людей Л. П. Толстымъ. Великій ученый, экспериментаторъ и биологъ, въ молодости увлекавшійся Руссо и Вольтеромъ, во второй половинѣ своей жизни переживаетъ, подобно скончавшемуся на дняхъ гениальному писателю, глубокой религіозной кризисъ: Пироговъ, какъ и Толстой, находитъ отвѣтъ на свои исканія смысла жизни въ завѣтахъ Христа—любви и прощеніи. Но въ то время, какъ горній духъ Толстого стремится ввысь, Пироговъ не можетъ оторваться мыслью отъ юдоли скорби и плача, отъ земли. Перейдя далѣе къ характеристикѣ общественной дѣятельности Пирогова, А. И. Шингаревъ такъ же, какъ предыдущій ораторъ, отмѣчаетъ строгое сочетаніе его научной и религіозной мысли. Цѣль жизни Н. И.—дѣйственное добро. Красною нитью черезъ всю жизнь Пирогова проходитъ служеніе правдѣ и наукѣ. Борьба за правду—основной принципъ его дѣятельности. Насиліе и принужденіе ему противны, личность человѣка—для него святыня. Цитатами изъ дневника и другихъ произведеній Пирогова ораторъ рисуетъ политическій и общественный идеалы Н. И. Завѣты этого великаго педагога-гражданина до сихъ поръ еще звучатъ непрерывнымъ укоромъ фарисеямъ и лицебрамъ, подъ личиной націонализма скрывающимъ въ себѣ чловѣконеаивистничество... Рѣчь А. И. Шингарева была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами. 21 ноября состоялось чествованіе великаго ученаго въ большомъ Александровскомъ залѣ городской думы. На этомъ чествованіи присутствовали: предсѣдатель гос. думы А. И. Гучковъ, В. А. Маклаковъ, Е. П. Ковалевскій, И. А. Ключевъ, члены гос. совѣта А. О. Кони, проф. А. В. Васильевъ, М. А. Стаховичъ. На эстрадѣ въ зелени бюстъ и портретъ Пирогова. Открылъ собраніе Г. А. Фальборкъ и предложилъ избрать предсѣдателемъ гр. И. И. Толстого. Первымъ говорилъ А. О. Кони. Не будучи ни педагогомъ, ни врачомъ, онъ взялъ себѣ задачей оцѣнить не практическую дѣятельность Н. И., а то, что руководило ею—характеръ Пирогова и ту школу жизни, которую пришлось ему пройти. Пироговъ обладалъ необычайно сильнымъ, твердымъ, крѣпкимъ характеромъ. Всякое вліяніе, нерѣшительность онъ считалъ нравственнымъ и физическимъ самоубійствомъ. Только тотъ достоинъ жизни, по его мнѣнію, кто долженъ за нее каждый день бороться. Самому Н. И. пришлось пройти крайне суровую, тяжелую школу жизни: тяжелую въ смыслѣ матеріальныхъ лишеній, въ смыслѣ тѣхъ людей и той атмосферы, въ которой приходилось работать. Кони привелъ воспоминанія своего товарища-медика, современника Пирогова, о медицинской наукѣ и профессорахъ того времени. «Леченіе было: сначала валеріанъ, потомъ камфара, затѣмъ мускусъ и главное—воля Господня». Профессора на лекціяхъ, какъ способъ леченія, рекомендовали студентамъ: къ купцу пріѣзжать въ каретѣ, а у барыни-помѣщицы спрашивать не о болѣзни, а о капризахъ. «Тогда васъ будутъ считать хорошимъ докторомъ». Завистники у Н. И. плодились необычайно. Булгаринъ обзывалъ его «проворнымъ рѣзаконъ и плагиаторомъ». Пироговъ твердо переносилъ всю тяжесть своей жизненной школы, не обращая вниманія на ея крупныя и мелкія удары. Но обращеніе князя Чернышева военнаго министра, придравшагося къ нему, уже извѣстному ученому, богатому опытомъ и знаніями, за неправильность въ форменной одеждѣ, было первымъ ударомъ, котораго

не выдержалъ и характеръ Н. И. И если бы не великая княгиня Елена Павловна, поддерживавшая его въ ту минуту, Россія потеряла бы Пирогова. Благодаря ей, онъ участвовалъ въ Крымской войнѣ, гдѣ положилъ вмѣстѣ съ великой княгиней и первый въ мірѣ и чисто русскій починъ, основавъ общину сестеръ милосердія. Кони заключилъ рѣчь словами самого Н. И.: «Я никогда не совершалъ въ жизни ничего такого, чего не могъ бы оправдать передъ совѣстью своею». Такимъ людямъ, какъ Пироговъ, не мы будемъ ставить памятникъ, а они намъ ставятъ его. Имена Пушкина, Толстого, Ломоносова, Пирогова говорятъ намъ, что мы не только можемъ, но обязаны имѣть славное будущее. О взглядахъ Пирогова въ университетскомъ вопросѣ говорилъ членъ гос. совѣта проф. А. В. Васильевъ. Полная свобода университетскаго преподаванія, внѣ всякой іерархіи для профессоровъ—основной взглядъ Н. И. Проф. Н. А. Вельяминовъ охарактеризовалъ Пирогова, какъ врача-хирурга.

Семидесятипятилѣтіе училища правовѣдѣнія. Празднованіе 75-лѣтняго юбилея императорскаго училища правовѣдѣнія, исполнившагося 5-го декабря, началось еще наканунѣ. Въ этотъ день, въ 3 часа дня въ Петропавловскомъ соборѣ была совершена торжественно духовенствомъ собора и училища при пѣніи хора воспитанниковъ-правовѣдцовъ панихида по основателѣ училища, императорѣ Николаѣ I, по императорѣ Александрѣ II, при которомъ осуществилась судебная реформа, и по императорѣ Александрѣ III, въ царствованіе котораго училище праздновало свой 50-лѣтній юбилей. Въ соборъ прибыло все училище правовѣдѣнія въ полномъ составѣ, во главѣ съ директоромъ г.-г. Ольдерогге, и привезло хранящійся въ церкви училища золотой лавровый вѣнокъ, въ который по традиціи каждый новый выпускъ влетаетъ новый золотой листъ. Вѣнокъ этотъ былъ возложенъ на гробницу основателя училища на все время богослуженія. Сверхъ того на гробницы возложены вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ и розъ. Присутствовали въ соборѣ: августѣйшій попечитель училища правовѣдѣнія принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, великая княгиня Ольга Александровна съ августѣйшимъ супругомъ принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ и много старыхъ правовѣдцовъ, въ томъ числѣ члены гос. совѣта: Бутовскій, гр. Толль, Шрейберъ, онъ же предсѣдатель юбилейной комиссіи, баронъ Таубе, оберъ-прокуроръ Ганскау и пр. На слѣдующій день, 5-го декабря, въ церкви училища, гдѣ теперь помѣщены черныя мраморныя доски съ именами правовѣдцовъ, погибшихъ въ послѣднюю войну, были совершены торжественныя литургіи и молебствіе въ присутствіи всего административнаго, учащаго и учащагося персонала и множества старыхъ питомцевъ, съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи, и семействъ правовѣдцовъ и родственниковъ нынѣшнихъ воспитанниковъ, словомъ, тысячи двѣ мундирныхъ лицъ и нарядныхъ дамъ и фраковъ! Къ молебену прибыли августѣйшій попечитель училища принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, великая княгиня Ольга Александровна съ августѣйшимъ супругомъ принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ и внукъ основателя училища, великій князь Николай Николаевичъ; среди сановниковъ-правовѣдцовъ и гостей были: товарищъ предсѣдателя гос. совѣта д. т. с. Голубевъ, члены гос. совѣта: Булыгинъ, князь Ширинскій-Шихматовъ, Кобылинскій, графъ Толль, князь Оболенскій,

Звѣревъ, министр юстиціи Щегловитовъ, гсоударственный контролеръ Харитоновъ, оберъ-прокуроръ св. синода Лукьяновъ; сенаторы: Кузминскій, Тобизенъ, Вучичъ, Трусевичъ, Зволянскій, Бартенева, князь Гагаринъ, Кастріото-Скандербекъ-Дрекаловичъ, Эрштремъ, почетный опекунъ Ермоловъ; товарищи министровъ: Чаплинъ, Лыкошинъ, Веревкинъ; членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ Фришъ; губернаторы: новгородскій—Башиловъ, тверской—фонъ-Бюнтингъ, курскій—Набоковъ, тифлисскій—Лозино-Лозинскій. Начальники главныхъ управленій: по дѣламъ печати—Бельгардъ, почтъ и телеграфовъ—Севастьяновъ, бывшіе директора училища: членъ гос. совѣта ген.-ад. Пантелѣевъ, генераль Роговской и много другихъ сановныхъ и штатскихъ и военныхъ, и воспитанникъ 1-го выпуска тайный совѣтникъ Барановскій. Великой княгинѣ поднесенъ былъ букетъ изъ розъ съ зелеными лентами. Изъ церкви всѣ прошли въ залъ, гдѣ министр юстиціи сказалъ слѣдующую рѣчь: «Ваши императорскія высочества, ваши высочества, милостивыя государыни и милостивые государи! Его Императорскому Величеству благоугодно было высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 8 минувшаго ноября, предоставить лицамъ, окончившимъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія полный курсъ наукъ, а также лицамъ, которыя впослѣдствіи окончатъ курсъ въ этомъ училищѣ, право ношенія особаго значка—для первыхъ съ 5 декабря 1910 года—дня семидесятипятилѣтней годовщины основанія императорскаго училища правовѣдѣнія, а для вторыхъ—со дня его окончанія. Высочайше утвержденный того же 8 ноября особый нагрудный знакъ для правовѣдѣвъ изображаетъ собою гербъ судебного вѣдомства, на коемъ въ нижней его части написано: «respice finem». Слова эти взяты изъ широко распространеннаго среди древнихъ римлянъ афоризма, выражающаго собою глубокую народную мудрость: «Quidquid agas, prudenter agas et respice finem» (все, что ты дѣлаешь, дѣлай разумно, конецъ созерцая). На всеподданнѣйшемъ докладѣ министра юстиціи о дарованіи правовѣдамъ особаго нагруднаго знака Государь Императоръ высочайше соизволилъ собственноручно начертать: «Желаю дальнѣйшаго процвѣтанія императорскому училищу правовѣдѣнія», повелѣвъ министру юстиціи объявить всемилостивѣйшую резолюцію Его Величества въ день 75-лѣтней годовщины основанія училища правовѣдѣнія. Исполняя съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія высочайшую волю, я счастливъ объявить императорскому училищу правовѣдѣнія приведенную мною всемилостивѣйшую резолюцію Его Императорскаго Величества въ твердомъ упованіи, что дорогое всѣмъ бывшимъ и настоящимъ его питомцамъ училище правовѣдѣнія почерпнетъ въ высокомилостивыхъ словахъ Государя Императора новыя силы для того, чтобы служить и впредь разсадникомъ просвѣщенныхъ, добросовѣстныхъ и вѣрныхъ слугъ престола и отечества, преданныхъ до послѣдней капли крови нашему возлюбленному Государю. Объединимся же всѣ въ одномъ горячемъ призывѣ: да здравствуетъ Его Императорское Величество Самодержецъ Всероссийскій! Ура!» Громкое «ура» понеслось по залу. Оркестръ воспитанниковъ трижды исполнилъ гимнъ «Боже, Царя храни». Предсѣдатель юбилейной комиссіи, правовѣдъ XX выпуска, членъ гос. совѣта Шрейберъ, произнесъ странную рѣчь, въ которой изложилъ очеркъ исторіи училища правовѣдѣнія. Сердце каждаго правовѣда невольно обращается къ тому, въ любвеобильной

душѣ котораго родилась мысль объ основаніи училища, который пріобрѣлъ на свои средства домъ, въ которомъ и теперь онъ находится, и снабдилъ этотъ домъ всѣмъ необходимымъ; въ немъ освящена московскимъ митрополитомъ Филаретомъ 23 ноября 1835 года церковь во имя св. великомученицы Екатерины въ память родительницы принца, королевы вюртембергской Екатерины Павловны. Сначала было принято 54 воспитанника. 5 декабря послѣдовало открытіе училища въ присутствіи императора Николая I, наслѣдника цесаревича Александра Николаевича и великаго князя Михаила Павловича. Первый выпускъ изъ училища послѣдовалъ 5 іюня 1840 года 14 человекъ, и каждаго принцъ награждалъ перстнемъ съ девизомъ «*respice finem*». Позднѣйшіе выпуски награждены золотыми значками съ тѣмъ же девизомъ. При жизни принца послѣдовало 42 выпуска, болѣе 1,000 человекъ. Въ день 25-лѣтняго юбилея училища принцъ сказалъ: «Мнѣ остается лишь съ сердечнымъ умиленіемъ благодарить Бога, что сподобилъ меня дожить до сего дня, одного изъ счастливѣйшихъ моей жизни». Принцъ довѣрилъ училищу воспитаніе своихъ сыновей. Уже больной, принцъ приказалъ внести себя на креслѣ въ училище и присутствовалъ на экзаменѣ 42-го выпуска. Подъ высокимъ попечительствомъ принца Александра Петровича Ольденбургскаго послѣдовало 29 выпусковъ, нѣсколько менѣе 1,000 человекъ. Въ рѣчи ораторъ приносилъ отъ имени правовѣдовъ глубокую благодарность его высочеству и всѣмъ трудившимся надъ воспитаніемъ правовѣдовъ, вспомнилъ милостивыя слова къ училищу русскихъ монарховъ, которымъ да будетъ вѣчная память и да здравствуетъ императоръ Николай II. Здѣсь рѣчь оратора была покрыта громовымъ «ура». Далѣе ораторъ продолжалъ вспоминать вниманіе, оказываемое училищу великой княгиней Ольгой Александровной и принцессой Евгеніей Максимилановной, и, обратясь къ принцу, высказалъ, что въ 40-лѣтіе свое училище учредило стипендію имени принца Петра Георгіевича, въ полулѣтнюю юбилей—кассу для нуждающихся товарищей и ихъ семей, а нынѣ возникла мысль образовать капиталъ въ правовѣдской кассѣ для обращенія процентовъ съ него на воспитаніе дѣтей лицъ, окончившихъ курсъ въ училищѣ, и правовѣдская семья проситъ этотъ капиталъ наименовать капиталомъ принца Александра Петровича. Да процвѣтаетъ училище многіе годы подъ высокимъ попечительствомъ принца и державнымъ покровительствомъ Государя Императора Николая Александровича. Снова загремѣло «ура». Привѣтствовалъ его высочество отъ нынѣшняго состава училища его директоръ генералъ В. В. Ольдерогге, принося глубокую благодарность за постоянныя заботы и любовь къ нему; говорилъ слово и воспитанникъ I выпуска, и маленькій воспитанникъ читалъ привѣтственные стихи. Принцъ Александръ Петровичъ высказалъ, что глубоко убѣжденъ въ томъ, что правовѣды и впредь такъ же будутъ служить царю и родинѣ, какъ и старая правовѣдская семья. Директоръ прочиталъ поздравительную телеграмму отъ ея императорскаго высочества принцессы Евгеніи Максимилановны съ сожалѣніемъ, что состояніе здоровья не позволяетъ лично присутствовать. Въ честь ея императорскаго высочества пронеслось общее «ура». Высокіе посѣтители и часть присутствовавшихъ затѣмъ прошли въ правовѣдскій музей. Онъ имѣетъ свой уставъ и управленіе и состоитъ

изъ трехъ отдѣловъ: 1) имени принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, въ которомъ находится все то, что касается принца-основателя и его семьи, его кровать, рабочій столъ, его дорожный маленькій рояль: 2) библіотека сочиненій бывшихъ питомцевъ училища, учрежденная въ 1886 году, въ основу которой легла библіотека К. П. Побѣдоносцева. Здѣсь музыкальные труды Сѣрова и его же рисунки (онъ хорошо рисовалъ), Чайковскаго, Липина, Апухтина; 3) собраніе портретовъ, документовъ и рукописей, связанныхъ съ исторіей училища и съ жизнью лицъ, въ немъ служившихъ, а равно бывшихъ воспитанниковъ въ училищѣ. Вообще въ музей собирается все, что дѣлали и творили питомцы училища, и все, что о нихъ писано. Здѣсь большой цѣнности почти полное собраніе печатныхъ трудовъ Д. А. Ровинскаго. Музей изобилуетъ интересными вещами, реликвіями для правовѣдовъ. Главныя лица, потрудившіяся надъ организаціею музея, это гг. Чаплинъ и Сюзоръ (правовѣдъ 65 выпуска. Имъ составленъ и краткій путеводитель). Изъ музея августѣйшія особы вошли въ столовый залъ воспитанниковъ, которые уже размѣстились за столами. Пропѣли всѣ молитву, подали шампанское. Принцъ Александръ Петровичъ возгласилъ царскую здравицу. Тысячное «ура» пошло по столовой и сосѣднимъ заламъ. Музыка трижды исполнила народный гимнъ, трижды повторенный. Министръ юстиціи поднималъ бокаль за принца Александра Петровича, великій князь Николай Николаевичъ—за процвѣтаніе императорскаго училища правовѣднія, принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій за старѣйшаго правовѣда перваго выпуска, принцъ Петръ Александровичъ—за министра юстиціи. «Ура» понеслось по залу. Потомъ состоялось общее собраніе правовѣдской кассы, которой, основанной покойными членомъ гос. совѣта Стояновскимъ, Суцевымъ и нынѣ здравствующимъ сенаторомъ С. П. Фроловымъ, теперь уже исполнилось 25 лѣтъ. За это время касса выдала пособій 113,242 р. 50 к. Присутствовавшимъ на юбилей и воспитанникамъ за обѣдомъ розданы фототипы съ портретами основателя училища, принца Петра Георгіевича, и нынѣшняго попечителя принца Александра Петровича Ольденбургскаго, съ ихъ facsimile и видомъ зданія училища. Въ тотъ же день правовѣды старыхъ выпусковъ собрались во главѣ съ ихъ высочествами на товарищескій обѣдъ по традиціи въ ресторанѣ Контана. На обѣдѣ было около 500 человекъ, на него приглашены также два бывшіе директора генераль-адъютантъ Пантелѣевъ и генераль Роговской. Во время обѣда, начавшагося, какъ въ училищѣ, общимъ пѣніемъ молитвы, исполнялась музыкальная программа, въ составъ которой вошли сочиненія принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и исключительно композиции бывшихъ правовѣдовъ Сѣрова, Липина, Чайковскаго. Шли задушевные рѣчи о добромъ старомъ времени, когда и Апухтинъ и Величко читали свои стихи на обѣдахъ. Теперь тоже есть правовѣдскіе поэты, гг. Дворжицкій, Башиловъ (новгородскій губернаторъ), Н. Хвостовъ. Изъ юныхъ силъ къ юбилею приготовилъ сочиненіе воспитанникъ 1-го курса Аннибалъ, а привѣтственное стихотвореніе члена здѣшней судебной палаты, Н. В. Хвостова, правовѣда XXXI выпуска, ниже приводимое, было въ отпечатанномъ видѣ разложено по приборамъ обѣдавшихъ!

счастье Россіи и всѣхъ ея народностей. Государю Императору благоугодно было въ отвѣтъ на всеподданнѣйшее телеграфное представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о выраженіи по случаю исполнившагося столѣтія существованія департамента духовныхъ дѣлъ вѣрноподданническихъ чувствъ чиновъ означеннаго учрежденія осчастливить статсъ-секретаря Столыпина, въ шестой день сего декабря, Высочайшею телеграммою слѣдующаго содержания: «Сердечно благодарю чиновъ департамента духовныхъ дѣлъ за молитвы и выраженные чувства. Цѣня вѣковой трудъ департамента, неустанно выполнявшаго многостороннія обязанности, вѣрю въ успѣхъ его современныхъ особо сложныхъ трудовъ, направленныхъ къ упорядоченію религіозной жизни старообрядцевъ, инославнаго и иновѣрнаго населенія согласно дѣйствительнымъ потребностямъ и истиннымъ интересамъ Россіи». *НИКОЛАЙ.*

Юбилей московскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества. 26 ноября въ большомъ залѣ московской консерваторіи, переполненномъ приглашенными, состоялось торжественное празднованіе 50-лѣтія со дня основанія московскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Въ глубинѣ эстрады, украшенной зеленью и цвѣтами, бѣлѣлъ бюстъ Николая Григорьевича Рубинштейна, основателя московскаго отдѣленія и консерваторіи. Молебствіе, которымъ въ 2 часа дня открылось торжество, состоялось при участіи епископа серпуховскаго преосвященнаго Анастасія, который сказалъ также слово, въ которомъ между прочимъ опредѣлилъ музыку, какъ искусство, вселяющее въ человѣка «вѣру въ конечное торжество правды и вѣчной красоты». Послѣ гимна, исполненнаго учащимися въ консерваторіи, Б. И. Юргенсонъ, членъ дирекціи московскаго отдѣленія общества, прочелъ краткій историческій очеркъ отдѣленія. Изъ этого очерка видно между прочимъ, что за время существованія отдѣленія имъ дано было всего 1,057 концертовъ, изъ коихъ 629 симфоническихъ, 378 камерныхъ, 50 общедоступныхъ. Окончили полный курсъ консерваторіи за это время 861 человѣкъ, изъ коихъ 218 съ медалями серебряными и золотыми. Въ настоящее время въ консерваторіи всего 720 учащихся. Затѣмъ начались привѣтствія депутацій. Принимали эти привѣтствія члены дирекціи московскаго отдѣленія съ предсѣдателемъ А. П. Чижевымъ во главѣ: Д. Н. Загоскинъ, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ и Б. И. Юргенсонъ; кн. А. Д. Оболенскій (какъ представитель центральной дирекціи и помощникъ предсѣдательницы общества принцессы Елены Георгіевны Саксенъ-Альтенбургской), С. В. Рахманиновъ (какъ товарищъ предсѣдательницы И. Р. М. О. по музыкальной части). Кн. А. Д. Оболенскій привѣтствовалъ отдѣленіе отъ имени центральной дирекціи. Затѣмъ слѣдовалъ безконечный рядъ депутацій (около 60-ти) съ адресами. Черезъ всѣ привѣтствія красной нитью проходили прославленія Николая Рубинштейна и пожеланія московскому отдѣленію общества дальнѣйшаго процвѣтанія именно въ его духъ—духъ самоотверженной любви къ дѣлу и сочетанія высочайшаго артистическаго авторитета съ товарищеской сердечностью. Тѣмъ большій взрывъ всеобщаго сочувствія встрѣтило сообщеніе предсѣдателя дирекціи, что московское отдѣленіе постановило возобновить ходатайство о разрѣшеніи поставить Н. Г. Рубинштейну памятникъ въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ смерти Рубинштейна такое ходатайство уже

было представлено, но встрѣтило отказъ, хотя на постановку памятника (во дворѣ консерваторіи) предложена была поклонниками покойнаго необходимая сумма. Теперь надо надѣяться на иной исходъ ходатайства. Торжество завершилось превосходной «Славой» Римскаго-Корсакова, дружно исполненной хоромъ и оркестромъ консерваторіи подъ управленіемъ М. М. Ипполитова-Иванова. Послѣдній эпизодъ юбилейнаго акта разыгрался совершенно экспромтомъ, уже послѣ того, какъ большинство публики разошлось. Тѣмъ больше было въ немъ трогательности. Въ консерваторіи и по сію пору служить швейцаромъ Г. С. Сидоровъ, который состоялъ въ ней служителемъ съ самаго основанія консерваторіи, ѣздилъ съ Н. Г. Рубинштейномъ за границу, когда тотъ заболѣлъ, присутствовалъ при его смерти и привезъ гробъ съ дорогимъ прахомъ въ Москву. И вотъ ученики консерваторіи на юбилей отдѣленія чествовали и этого стараго ветерана: пронесли его на рукахъ и пропѣли хоромъ «Многая лѣта».

50-лѣтіе Александровской женской гимназіи. 11 ноября Александровская женская гимназія торжественно отпраздновала свой пятидесятилѣтній юбилей. Въ 11 часовъ преосвященный Веніаминъ, епископъ гдовскій, съ митрофорнымъ протоіереемъ Розановымъ въ актовомъ залѣ совершилъ молебствіе передъ иконой Казанской Божіей Матери, которая была высочайше пожалована гимназіи. Передъ молебномъ епископъ Веніаминъ сказалъ слово, посвященное юбилею. Послѣ молебна состоялся торжественный актъ, на которомъ присутствовали: товарищъ главноуправляющаго вѣдомствомъ Императрицы Маріи князь Д. П. Голицынъ, В. К. Кистеръ, бывшій начальникъ спб. женскихъ гимназій П. И. Степановъ и нынѣшній И. В. Скворцовъ, начальница гимназіи А. В. Литке и начальницы другихъ женскихъ гимназій, а также учебный персоналъ и бывшія ученицы Александровской гимназіи. Актъ начался гимномъ, покрытымъ дружнымъ «ура». Затѣмъ была пропѣта юбилейная кантата, и инспекторъ гимназіи М. А. Лукинъ прочиталъ краткій обзоръ дѣятельности гимназіи за 50 лѣтъ ея существованія. Бывшая ученица гимназіи Архангельская прочитала стихотвореніе, посвященное юбилею. Затѣмъ прочитанъ адресъ бывшихъ ученицъ и цѣлый рядъ телеграммъ, между прочимъ отъ ученицы перваго выпуска (1863 г.) г-жи Петровской. Чтеніе привѣтствій дважды прерывалось гимномъ, покрывавшимся дружнымъ «ура». Послѣ акта присутствовавшимъ былъ предложенъ завтракъ, а вечеромъ въ стѣнахъ гимназіи состоялся литературно-музыкальный вечеръ при участіи бывшихъ и настоящихъ ученицъ гимназіи.

10-лѣтіе педагогическихъ курсовъ военно-учебныхъ заведеній. 28 ноября конференція педагогическихъ курсовъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, бывшіе и настоящіе слушатели курсовъ скромно, но торжественно чествовали исполнившееся 10-лѣтіе этого педагогическаго учрежденія. Чествованіе происходило въ одномъ изъ залъ собранія арміи и флота. Всѣ присутствовавшіе сѣли за сервированный для ужина столъ. Руководитель курсовъ, ген. З. А. Макшеевъ, произнесъ большую рѣчь, въ которой отмѣтилъ значеніе педагогическихъ курсовъ для вѣдомства военно-учебныхъ заведеній и охарактеризовалъ ихъ 10-лѣтнюю работу. Вслѣдъ за тѣмъ началось чтеніе

телеграммъ и отдѣльныхъ писемъ, присланныхъ изъ провинціальныхъ кадетскихъ курсовъ. Со всѣхъ сторонъ Россіи отзывались на торжество бывшіе ученики курсовъ и даже тѣ, которые уже покинули военно-учебное вѣдомство, избравъ себѣ иное поприще. Во всѣхъ телеграммахъ и письмахъ бывшіе слушатели курсовъ «съ чувствомъ живѣйшей радости вспоминая время, проведенное на нихъ», высказывали самыя горячія пожеланія дальнѣйшему ихъ процвѣтанію на благо дорогой родины. Была получена телеграмма и отъ почетнаго члена конференціи курсовъ извѣстнаго ген. А. Н. Макарова, вслѣдствіе болѣзни не могшаго присутствовать на торжествѣ. Собравшіеся, во главѣ съ членами конференціи, посылаютъ этому маститому основателю курсовъ весьма сердечную телеграмму. Ген. А. Н. Острогорскій въ задушевной рѣчи вспоминаетъ покойныхъ членовъ конференціи, ген. Алексѣева и проф. Тарханова, такъ много потрудившихся на благо курсовъ. Затѣмъ говорили рѣчи Н. К. Кульманъ и А. П. Нечаевъ. Послѣдній подчеркнул, что «педагогическіе курсы» сыграли огромную роль въ исторіи просвѣщенія Россіи; благодаря имъ возникла нынѣ благополучно существующая педагогическая академія. Далѣе говорили бывшіе слушатели, причѣмъ Д. М. Левшинъ отмѣтилъ ту «духовную пищу», которую дали курсы ихъ ученикамъ... Далекое за полночь продолжалась непринужденная мирная бесѣда учителей съ учениками: вспоминали славное прошлое... Къ 10-лѣтію курсовъ изданъ и выпущенъ въ свѣтъ особый томъ, гдѣ изложена подробно вся работа курсовъ.

Юбилей Н. Ѳ. Соловьева. 19 ноября въ Маріинскомъ театрѣ праздновался двадцатипятилѣтній юбилей постановки «Корделии», а заодно и 40-лѣтній юбилей музыкальной дѣятельности ея талантливаго автора. «Корделия» дана въ первый разъ 12 ноября 1895 года и съ тѣхъ поръ постепенно находится въ репертуарѣ. Опера эта, имѣвшая въ свое время особое боевое значеніе, котораго не утратила, какъ всѣ произведенія, отмѣченныя живымъ талантомъ, имѣла сразу прекрасный успѣхъ и быстро обошла всѣ русскія сцены, а также перешла въ нѣкоторые иностранныя театры, напримѣръ, въ нѣмецкій пражскій. Въ «Корделии» была нѣкогда превосходна г-жа Павловская, которую потомъ замѣнила г-жа Фигнеръ, исполнявшая эту партію и въ юбилейномъ спектаклѣ. При первой постановкѣ исполнителями явились покойный Стравинскій и сошедшіе уже теперь со сцены Каменская (Уберта), Михайловъ (Беппо), Яковлевъ (Орсо). Къ этой группѣ даровитыхъ исполнителей впослѣдствіи примкнули г-жа Долина, лучше которой на Маріинской сценѣ не было исполнительницы для Андреино. Педагогическая дѣятельность Н. Ѳ. Соловьева въ консерваторіи была очень плодотворна, онъ далъ рядъ даровитыхъ учениковъ, какъ равно и въ пѣвческой капеллѣ, управляющимъ которой онъ состоитъ въ настоящее время. Несравненныя достоинства капеллы, всегда стоявшія высоко, проявляются въ настоящее время блестяще. Идя навстрѣчу мыслямъ гр. А. Д. Шереметева, Н. Ѳ. Соловьевъ обратилъ особое вниманіе на должный подъемъ регентскихъ классовъ, въ которыхъ такъ нуждаются наши духовные хоры. Въ настоящее время вышелъ въ свѣтъ первый выпускъ составленнаго имъ «Практическаго руководства къ изученію гармоніи», являющійся плодомъ 40-лѣтней педагогической практики

юбиляра и цѣннымъ вкладомъ въ учебную литературу. Въ теченіе слишкомъ 35 лѣтъ Н. Ѳ. Соловьевъ находился въ рядахъ боевой музыкальной журналистики. Юбилей Н. Ѳ. Соловьева былъ отпразднованъ при совершенно полномъ залѣ Мариинскаго театра. На сценѣ шло представленіе «Корделія». Послѣ второго акта г-жа Фитнеръ вывела юбиляра на сцену, гдѣ собралась труппа. Первыми привѣтствовали оперные артисты, отъ лица которыхъ говорилъ г. Серебряковъ, обладающій не только голосомъ, но и ораторскимъ талантомъ. Онъ говорилъ о симпатіяхъ, которыми Соловьевъ и его опера пользуется въ Мариинскомъ театрѣ, и просилъ принять серебряный вѣнокъ отъ имени труппы. Затѣмъ шли привѣтствія отъ придворной капеллы, цѣнящей композитора и начальника, отъ музыкальнаго общества, избравшаго Соловьева почетнымъ членомъ, отъ консерваторіи, гдѣ 35 лѣтъ онъ былъ преподавателемъ и профессоромъ. Отъ придворнаго оркестра представителями явились гг. Варлихъ и Коптяевъ, отъ историческаго общества имени гр. А. Д. Шереметева г. Приваловъ прочиталъ адресъ, столь же оригинальный какъ по стилю (старо-русскими выраженіями), такъ и формѣ (древней грамоты на пергаментномъ свиткѣ съ громадною привѣщенной печатью), отъ учениковъ (г. Кулябко-Корецкій), кромѣ адреса и вѣнка, поднесено большое блюдо, отъ редакціи «Виржевыхъ Вѣдомостей», гдѣ юбиляръ много лѣтъ состоялъ сотрудникомъ, явились представителями гг. Ясинскій и Коптяевъ, при чемъ первый, поднеши вѣнокъ, сказалъ привѣтственное слово. Говорилъ рѣчь г. Протопоповъ отъ литературно-художественнаго общества, гдѣ Соловьевъ одно время состоялъ въ числѣ директоровъ, отъ редакціи «Свѣта» мило сказала небольшое привѣтствіе г-жа А. Матова. Были еще женщины, выступавшія въ качествѣ ораторовъ; г-жа Гриневская прочла свое стихотвореніе, читались телеграммы и т. д. Послѣ того, какъ занавѣсъ опустили, талантливаго и любимаго автора дружно вызвали нѣсколько разъ точно такъ же, какъ вызвали его и при окончаніи оперы.

Юбилей П. П. Сойкина. 21 ноября праздновался 25-лѣтній юбилей типографско-издательской дѣятельности П. П. Сойкина и издаваемыхъ имъ журналовъ «Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства», «Природа и Люди» и др. Начавъ типографское дѣло съ 800 рублями, юбиляръ теперь имѣетъ богатую типографію въ собственномъ домѣ и является издателемъ массы разныхъ общепользныхъ книгъ и журналовъ. Въ залѣ Петровскаго училища въ 2 часа начался приемъ поздравленій. Масса поздравителей наполнила залъ. Были дамы, литераторы, журналисты, художники, книгоиздатели и коммерческіе дѣятели. Прот. Орнатскій соборнѣ совершилъ благодарственное молебствіе и сказалъ привѣтственное слово. Объявлена была Высочайшая награда юбиляру (орденъ св. Станислава 3 ст.), прочитаны были привѣтственныя телеграммы министра торговли и промышленности, главноуправляющаго вѣдомствомъ земледѣлія и землеустройства, товарища министра торговли и промышленности. Привѣтствовали юбиляра администрація по дѣламъ его фирмы, рабочіе типографіи, сотрудники. Ген. Кайгородовъ привѣтствовалъ юбиляра отъ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія и отъ финляндскаго архіепископа Сергія. Экономъ дома московскаго митрополита Владимира передалъ поздравленіе отъ владыки. Было передано поздравленіе

отъ военнаго протопресвитера Аквилонова. Были депутаціи отъ Императорскаго общества плодводства, отъ художниковъ, отъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, отъ сѣвернаго сельско-хозяйственнаго общества и пр. Двѣ группы друзей юбиляра учредили стипендію его имени: одну въ 1-й русской школѣ печатнаго дѣла, другую въ школѣ книгопечатанія при обществѣ книгопродавцевъ и издателей. Юбиляръ благодарилъ всѣхъ поздравлявшихъ. Вмѣстѣ съ г. Сойкинымъ немало поздравленій выпало и на долю Ф. С. Груздева редактора вышеназванныхъ изданій. Въ 7 ч. въ ресторанѣ Контанъ былъ обѣдъ по подпискѣ, на который собралось болѣе 140 человекъ сотрудниковъ, знакомыхъ и почитателей П. П. Обѣдъ прошелъ очень оживленно, отличался сердечностью и оставилъ у всѣхъ присутствовавшихъ наилучшія воспоминанія.

Юбилей А. А. Нечаева. 14 ноября исполнилось сорокалѣтіе врачебной дѣятельности и двадцатипятилѣтіе служенія въ должности главнаго врача городской Обуховской больницы доктора медицины А. А. Нечаева. Въ 12 ч. дня въ церкви больницы былъ отслуженъ молебенъ. При этомъ А. А. Нечаеву отъ причта больничной церкви былъ поднесенъ образъ Скорбящей Божіей Матери, и при выходѣ изъ церкви больничная прислуга привѣтствовала его хлѣбомъ-солью на серебряномъ блюдѣ. Послѣ этого присутствовавшіе перешли въ контору больницы, гдѣ за столомъ размѣстились: юбиляръ, попечитель больницы Н. Н. Афанасьевъ, товарищъ городского головы Д. И. Демкинъ, члены городской управы и предсѣдатель больничной комиссіи. Д. И. Демкинъ отъ имени городского управленія привѣтствовалъ юбиляра и сообщилъ, что постановлено повѣсить портретъ А. А. Нечаева въ Обуховской больницѣ и что юбиляръ избранъ пожизненнымъ почетнымъ членомъ въ совѣтъ главныхъ врачей при городскихъ больницахъ. Кромѣ того, въ виду особенно полезной и долгосрочной службы городское управленіе назначило юбиляру награду въ 3000 р. А. А. Нечаевъ выразилъ желаніе, чтобы половина этихъ денегъ была внесена въ благотворительное общество при больницѣ и половина пошла бы на пополненіе больничной бібліотеки и на обзаведеніе больничной лабораторіи приборами. Проф. В. П. Доброклонскій привѣтствовалъ юбиляра отъ имени совѣта главныхъ врачей, проф. Н. Н. Феноменовъ отъ имени врачей вѣдомства императрицы Маріи и поднесъ юбиляру адресъ. Академикъ Воткинъ отъ семьи Воткиныхъ поднесъ массивный, художественной работы серебряный кубокъ. Низшіе служащіе отдѣленія больницы на Лейхтенбергской ул. поднесли хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ и администрація Обуховской больницы—бюварь. Кромѣ того, привѣтствовали А. А. Нечаева и подносили адреса: столичный врачебный инспекторъ К. П. Сулима, отъ общины св. Евгеніи фрейлина Джунковская, отъ женскаго медицинскаго института проф. Салазкинъ, отъ Александровской общины проф. Павловъ, отъ общества русскихъ врачей проф. Николаевъ, отъ медицинскаго общества проф. Штанге, отъ общества патологовъ Моисеевъ и мн. др. Курсы Венгеровой въ ознаменованіе юбилея и въ виду сочувственнаго отношенія А. А. Нечаева къ дѣлу насажденія въ Россіи женскаго медицинскаго образованія избрали юбиляра своимъ почетнымъ членомъ и при курсахъ учреждена одна бесплатная стипендія его имени. На имя юбиляра получены телеграммы: отъ

предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина, кавказскаго намѣстника графа Воронцова-Дашкова, отъ бывшаго городского головы Ратькова-Рожнова, отъ товарища главноуправляющаго вѣдомствомъ учрежденій императрицы Маріи князя Голицына и многихъ другихъ, всего до 200 телеграммъ. Спб. градоначальникъ посѣтилъ юбиляра на квартирѣ. Въ числѣ присутствовавшихъ на юбилеѣ были профессора: Сиротининъ, Введенскій, Вельяминовъ, Е. В. Павловъ, Раухфусъ, Цейдлеръ.

Юбилей д-ра И. Д. Познанской. Въ дѣтской больницѣ принца Петра Ольденбургскаго 28 ноября чествовали популярную въ столицѣ женщину-врача И. Д. Познанскую, 25-лѣтіе врачебной дѣятельности которой исполнилось въ этотъ день. Профессора К. А. Раухфусъ и А. А. Руссовъ охарактеризовали въ своихъ рѣчахъ плодотворную четвертьвѣковую работу И. Д. и поднесли ей юбилейный золотой жетонъ. Д-ръ А. Н. Шабанова поднесла адресъ отъ женщинъ-врачей. Дальнѣйшее чествованіе происходило на дому у юбиляриши, гдѣ ее привѣтствовалъ рядъ депутацій: отъ женскаго взаимно-благотворительнаго общества, Надеждинскаго родовспомогательнаго заведенія, общества взаимопомощи женщинъ-врачей, отъ лечебницы Познанской и Филимоновой; была депутація отъ молодыхъ женщинъ-врачей и мн. др. Многіе прислали телеграммы: А. П. Философова, литейно-рождественскій отдѣлъ попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ и т. д. Лично поздравили юбиляришу главный медицинскій инспекторъ флота почетный лейбъ-медикъ А. Ю. Зуевъ, проф. Земацкій и др.

Памятникъ въ Гельсингфорсѣ. 28 ноября 1908 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на сооруженіе у подножія Успенскаго собора въ Гельсингфорсѣ памятника-часовни въ ознаменованіе столѣтія со дня заключенія Фридрихсгамскаго мирнаго договора и на открытіе въ теченіе двухъ лѣтъ всероссійской подписки для сбора пожертвованій на означенную цѣль. Вслѣдъ за симъ комитетъ, образованный для осуществленія постройки этого памятника и сбора необходимыхъ средствъ, открылъ свои дѣйствія, и въ распоряженіе его отъ различныхъ жертвователей, откликнувшихся на обращенный къ нимъ призывъ, поступило до настоящаго времени около 25 тысячъ рублей. Средства эти, однако, далеко недостаточны для созданія памятника, призваннаго увѣковѣчить одну изъ славнѣйшихъ страницъ русской исторіи, на которую занесены геройскіе подвиги нашихъ предковъ, прекращеніе вѣковой распри съ нашимъ мужественнымъ противникомъ на Сѣверѣ, установленіе между Россіей и Швеціей счастливо развивающихся съ тѣхъ поръ добрососѣдскихъ отношеній и, наконецъ, начало непрерывнаго процвѣтанія Финляндіи подъ сѣнью державы Россійской. Этотъ памятникъ тѣмъ болѣе желательно сдѣлать художественнымъ произведеніемъ, достойнымъ своего значенія и величія русскаго имени, что онъ будетъ поставленъ на окраинѣ государства, въ городѣ, гордящемся своей культурой и уже украшенномъ цѣлымъ рядомъ выдающихся сооружений. Для постановки памятника, который отвѣчалъ бы вполне такому своему назначенію, необходима сумма, по крайней мѣрѣ вдвое превосходящая ту, которую комитету удалось собрать. Изыскивая способъ къ пополненію необходимыхъ для сего средствъ, комитетъ остается при убѣжденіи, что значенію предполо-

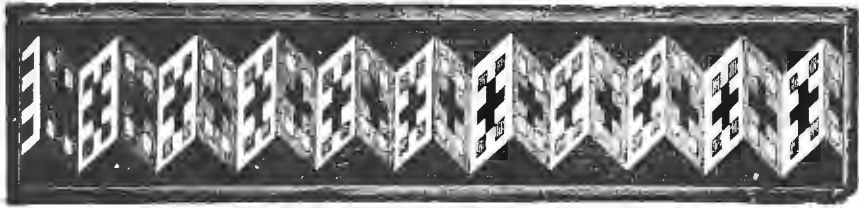
женнаго памятника наиболѣе соотвѣтствуетъ сооруженіе его на всенародныя средства, собранныя хотя бы мелкими крупицами путемъ добродѣтельныхъ дѣланій. Поэтому является въ высшей степени желательнымъ возможно широкое участіе въ матеріальной сторонѣ дѣла всѣхъ русскихъ гражданъ, сообразно съ достаткомъ каждаго. Комитетъ вмѣняетъ себѣ въ обязанность обратиться ко всѣмъ, сочувствующимъ идѣи намѣчаемаго памятника, еще и потому, что срокъ открытой съ Высочайшаго соизволенія подписки въ скоромъ времени истекаетъ, къ сооруженію же самаго памятника должно быть приступлено безъ всякаго замедленія, такъ какъ освященіе такового должно произойти въ ближайшую годовщину Фридрихсгамскаго мирнаго договора, т. е. 5 (18) сентября 1911 года. Пожертвованія просить направлять въ Гельсингфорсъ, въ канцелярію финляндскаго генералъ-губернатора, для передачи комитету. Списки жертвователей съ указаніемъ суммъ, ими присланныхъ, будутъ періодически опубликовываться въ официальной «Финляндской Газетѣ». Пожертвованія принимаются также и въ конторѣ газеты «Новое Время» (Невскій, 40) ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 10 ч. утра до 5 ч. дня.

Выставка русской старины и женскаго искусства. Въ залахъ бельэтажа историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ открыта выставка предметовъ, собранныхъ Н. Л. Шабельской, и значительно пополненная предметами, собранными ея дочерьми кн. В. П. Сидамонъ-Эристовой и Н. И. Шабельской. На выставкѣ болѣе 2.000 предметовъ, относящихся непосредственно къ русской старинѣ, каковы: старинныя женскія головныя уборы, а также женскія одежды и предметы, относящіеся къ женскому искусству и ручному дѣлу, какъ образцы кружевъ, вышивокъ и шитья. Изъ русской старины интересны кики, кокошники, начельники, шалки, кички, сборники, повойники, сороки, косынки, вѣнцы, ряски, парчевыя полукафтанчики, шубейки, епанечки золотой парчи, лѣтники, сарафаны шелковые, атласныя съ богатымъ красивымъ орнаментомъ и цвѣтами. Во всѣхъ этихъ предметахъ русской старины видно высокое искусство сочетанія колеровъ и орнаментовъ. Но съ особою силой богатство и красота русскаго искусства сказались на этой выставкѣ въ женскомъ ручномъ, кустарномъ дѣлѣ: въ кружевахъ и вышивкахъ, отличающихся художественнымъ замысломъ и тонкимъ художественнымъ выполненіемъ. Въ работахъ этихъ отразились мѣстныя этнографическія особенности и эпоха народныхъ переживаній. Такъ, въ вышивкахъ и кружевахъ Олонецкой и Архангельской губерній, какъ лежащихъ близъ водныхъ пространствъ, изображены море, корабли, пловцы и вообще замѣтно отраженіе природы, среди которой живетъ народъ. Въ вышивкахъ и кружевахъ Пеково-Нижегородской области преобладаетъ рисунокъ архитектурнаго пейзажа съ хоромами, въѣздными воротами, обрамленными растущими деревьями, и т. п. орнаментомъ. Кружева Петербургской губерніи въ своихъ рисункахъ отражаютъ вліяніе архитектуры голландскаго стиля. На одномъ кружевѣ находимъ, можетъ быть, «изображеніе Великаго фейерверка, представленнаго въ Санктпетербургѣ въ новый 1755 годъ, ввечеру, на Невѣ рѣкѣ, передъ Зимнимъ Ея Императорскаго Величества домомъ»: тутъ и пушки, дающія сигналъ торжеству, и пальмовыя деревья съ архитектурныхъ украшеніями, и фонтаны, изъ коихъ пускаются

гремяція струи, и восходящіе огни. Народъ удивительно подмѣтилъ и петровскія ассамблеи, и побѣдныя торжества съ фейерверками, фонтанами и пушечною пальбой, перенеся ихъ въ свое кружево, въ свое шитье. Многія изъ выставленныхъ кружевъ—полихромныя, съ очень интереснымъ орнаментомъ.

Новая біогеографическая комиссія русскаго географическаго общества. Идя навстрѣчу потребностямъ современной біологіи, призванной въ Россіи служить, прежде всего, дѣлу изученія природы громадныхъ площадей Восточной Европы и Азіи, группа членовъ императорскаго русскаго географическаго общества образовала особую постоянную біогеографическую комиссію. Главная задача этой комиссіи—объединить, на почвѣ географіи, работы ботаниковъ и зоологовъ и содѣйствовать живому обмѣну мыслей между представителями этихъ двухъ областей знанія. Въ составъ комиссіи входятъ пока 27 лицъ: среди нихъ нашъ извѣстный климатологъ и географъ проф. А. И. Вейковъ, ботаники: проф. Н. И. Кузнецовъ (являющійся однимъ изъ главныхъ инициаторовъ дѣла), В. Л. Комаровъ, Н. А. Бушъ, В. А. Траншель, зоологъ и географъ Л. С. Бергъ, зоологи: В. Л. Біанки, А. А. Бялыницкій-Вируля, московскій проф. Г. А. Кожевниковъ, Н. Я. Кузнецовъ, В. Ф. Ошанинъ, ботаникъ Р. Э. Регель, А. П. и В. П. Семеновы-Тянь-Шанскіе, гидробиологъ А. С. Скориковъ, энтомологъ Г. Г. Якобсонъ, путешественникъ П. К. Козловъ и др. лица. 26-го ноября состоялось, въ новомъ помѣщеніи географическаго общества, первое засѣданіе комиссіи, открытое привѣтственнымъ словомъ Ю. М. Шокальскаго, председателя отдѣла физической географіи и въ то же время члена новой комиссіи. Председателемъ комиссіи избранъ закрытой баллотировкой А. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, товарищемъ председателя—В. Л. Комаровъ, секретаремъ—Н. А. Бушъ. Послѣ прочтенія привѣтствій, полученныхъ отъ иногородныхъ сочленовъ, А. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій прочелъ вступительную рѣчь: «О совмѣстныхъ задачахъ ботаники и зоологіи, объединенныхъ на почвѣ географіи», которая появится въ «Извѣстіяхъ императорскаго русскаго географическаго общества». В. Ф. Ошанинымъ былъ сдѣланъ обширный докладъ «Къ вопросу о номенклатурѣ въ систематической зоологіи», вызвавшій оживленный обмѣнъ мнѣній. Собирается комиссія предполагать ежемѣсячно. Входить на собранія открытый для лицъ, рекомендуемыхъ членами комиссіи, съ особаго разрѣшенія председателя.

НЕКРОЛОГИ.

БАГНИЦКІЙ, Д. В. Скончавшійся 26 ноябрю журналистъ Дарій Викентьевичъ Багницкій сотрудничалъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ въ «Новомъ Времени» въ качествѣ преимущественно корреспондента. Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, онъ началъ работать въ газетахъ еще студентомъ. Русско-турецкая война 1877—78 гг. вызвала у него желаніе корреспондировать съ театра военныхъ дѣйствій, онъ находился при дипломатической канцеляріи главной квартиры дѣйствующей арміи и посылалъ корреспонденціи въ нѣкоторыя петербургскія газеты. Когда покойный А. И. Нелидовъ былъ назначенъ россійскимъ посломъ въ Константинополь, Д. В. сдѣлался корреспондентомъ «Новаго Времени» и присылалъ изъ Константинополя письма и телеграммы въ теченіе почти семи лѣтъ. Въ 1889 г. былъ отправленъ редакціей корреспондентомъ на всемірную выставку въ Парижѣ.

Затѣмъ сталъ сотрудничать въ нѣсколькихъ газетахъ. Въ польской газетѣ «Край» онъ напечаталъ рядъ своихъ политическихъ обзорѣній, въ «Новостяхъ» писалъ изъ Лондона, работалъ въ «Петербургской Газетѣ» и другихъ изданіяхъ. Какъ журналистъ, онъ въ совершенствѣ владѣлъ многими иностранными языками, отличался большой начитанностью и умѣніемъ выдѣлить изъ сложныхъ политическихъ событій то, что наиболѣе интересовало русскихъ читателей. Умеръ онъ 57 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12470).

† **Ващенко-Захарченко, М. М.** 9 ноябрю въ Кіевѣ скончался редакторъ и долготѣтній сотрудникъ «Кіевлянина», одной изъ лучшихъ нашихъ провинціальныхъ газетъ, Михаилъ Михайловичъ Ващенко-Захарченко. М. М. происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ. Родился въ 1852 г. въ д. Малѣвкѣ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи, первоначальное образованіе получилъ дома, затѣмъ окончилъ кіевскій кадетскій корпусъ, послѣ чего поступилъ въ Михайловское артиллерійское военное училище, гдѣ пробылъ около года, но дальше

продолжать военное образование не пожелалъ, а поступилъ въ нѣжинскій лицей кн. Безбородка, откуда въ первомъ же году перевелся въ кievскій университетъ, который и окончилъ со степенью кандидата математическихъ наукъ. Еще будучи студентомъ, покойный побывалъ во многихъ странахъ Западной Европы, откуда вынесъ не мало существенныхъ свѣдѣнй, оказавшихъ ему впоследствии много услугъ на его газетномъ поприщѣ, особенно въ виду его феноменальной почти памяти. Съ 1884 года началась его дѣятельность въ редакціи «Кіевлянина»; нѣсколько позже Михаилъ Михайловичъ былъ назначенъ помощникомъ бібліотекаря въ университетѣ св. Владимира. Послѣдняя должность давала ему возможность удовлетворять свой интересъ къ книжному, бібліографическому дѣлу, но главный свой трудъ, свое время и свои силы онъ отдавалъ «Кіевлянину». Когда въ 1907 г. Д. И. Пихно былъ назначенъ членомъ гос. совѣта, М. М. сдѣлался редакторомъ газеты. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12455).

† **Вейнбергъ, П. П.** 17 ноября, въ 2 часа дня, послѣ мучительной болѣзни тихо скончался Павелъ Павловичъ Вейнбергъ. Смерть унесла его въ такомъ возрастѣ, когда онъ могъ еще многое сдѣлать, на многое надѣяться. Ему было всего 36 лѣтъ. Онъ происходилъ изъ талантливой семьи: нынѣ покойный извѣстный писатель Петръ Исаевичъ Вейнбергъ приходился ему роднымъ дядей; отецъ его былъ гремѣвшій въ свое время актеръ-разсказчикъ П. И. Вейнбергъ, авторъ остроумныхъ сценъ, не забытыхъ до сихъ поръ. Отъ отца П. П. унаследовалъ наблюдательность и юморъ, любовь къ веселой шуткѣ и къ искрающемуся смѣху. Болѣе семи лѣтъ нашъ покойный товарищъ ежедневно появлялся на столбцахъ «Петербургской Газеты» и развлекалъ читателей то сценками, то злободневными стихотвореніями за подписью «Скептикъ». Темы для сценокъ онъ бралъ рѣшительно отовсюду. Самыя разнообразныя бытовыя явленія и мелочи жизни онъ умѣлъ освѣтить съ наиболѣе смѣшной стороны, но при этомъ его мягкій юморъ никогда не переходилъ въ злобную насмѣшку или оскорбляющее издѣвательство. Самъ актеръ, онъ лучше всего изображалъ актерскій бытъ, который хорошо зналъ, и читатели, конечно, помнятъ эти его сценки, гдѣ фигурировали разные Сызрано-Вяземскіе, Гримъ-Закатальскіе и прочіе забавные представители актерской братіи. Помнятъ и великолѣпнаго забулдыгу Ворохова, талантливо выхваченнаго Вейнбергомъ изъ самой гущи столичной богемы. Талантливая беспокойная натура П. П. не давала ему останавливаться на чемъ-нибудь одномъ. Его бросало то къ сценѣ, то къ литературѣ. Онъ актерствовалъ самъ (въ провинціи, въ Народномъ домѣ), режиссировалъ, антрепренерствовалъ. Писалъ въ газетахъ, составлялъ «обозрѣнія», сочинялъ драмы, инныя изъ которыхъ были премированы и теперь еще идутъ съ успѣхомъ. Словомъ, не зналъ покоя... Эта безустанная работа, связанная съ ежедневнымъ напряженіемъ нервовъ, въ концѣ концовъ не могла не отразиться на здоровьѣ П. П., въ особенности на его сердцѣ. (Некрологъ его: «Петерб. Газета», 1910 г., № 317).

† **Вилліе, М. Я.** 16-го ноября на 73-мъ году жизни скончался академикъ живописи, дѣйствительный членъ академіи художествъ Михаилъ Яковлевичъ Вилліе, племянникъ знаменитаго Я. В. Вилліе.

Покойный родился въ Петербургѣ въ 1838 г. Окончивъ Николаевское юнкерское училище, М. Я. въ 1857 г. поступилъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, въ которомъ оставался до 1862 г. Находясь на военной службѣ, покойный учился акварельной живописи у Л. О. Премацци и, убѣдившись въ своей способности къ живописи, вышелъ въ отставку, чтобы окончательно отдаться искусству. Въ 1863 г. академія художествъ присудила М. Я. за представленныя имъ работы, изображавшія преимущественно виды городовъ и зданій, званіе художника. Въ 1865 г. онъ отправился за границу, гдѣ пробылъ три года и учился у Портальса въ Брюсселѣ. Произведенія, исполненныя имъ за границей, появились на академической выставкѣ въ 1868 г. За эти работы М. Я. получилъ званіе академика. Проработавъ надъ снимками внутреннихъ видовъ Саввина монастыря, въ Звенигородскомъ уѣздѣ Московской губ., онъ снова отправился въ заграницу, гдѣ оставался до 1886 г. М. Я. работалъ въ Дюссельдорфѣ, Мюнхенѣ, Венеціи, Флоренціи и Парижѣ, гдѣ пользовался вполне заслуженнымъ успѣхомъ. Покойный въ послѣдніе годы много трудился надъ изученіемъ древне-русскаго зодчества и быта, которые онъ воспроизводилъ въ мастерскихъ аквареляхъ, одинаково интересныхъ какъ для археологовъ, такъ и для любителей искусства. Акварели эти изданы экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. М. Я. былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ петербургскаго общества акварелистовъ. Произведенія его появлялись на выставкахъ этого общества. М. Я. Вилліе пользовался большою популярностью въ высшихъ свѣтскихъ кругахъ. Особенно онъ славился своимъ блестящимъ юморомъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 317).

† **Волкова, А. И.** 5-го декабря въ Алупкѣ скончалась послѣ продолжительной болѣзни А. И. Волкова. Жизнь и дѣятельность покойной, начиная съ самой ранней поры, представляла собою яркій и поучительный примѣръ неустаннаго стремленія къ свѣту и развитію. Вырастая и воспитываясь въ такой средѣ, которая на серьезное женское образованіе, а тѣмъ болѣе на участіе женщины въ литературной или публицистической работѣ все еще смотрѣла какъ на своего рода роскошь или «баловство», А. И. очень рано стала съ рѣдкой энергіей и настойчивостью дѣлать все, что было въ ея силахъ, для расширенія своего умственного кругозора, для пріобрѣтенія новыхъ знаній, для болѣе тщательнаго изученія заинтересовавшихъ ее вопросовъ. Съ теченіемъ времени (съ середины 70-хъ годовъ) она стала работать,—но большей части скрывая свое имя подъ инициалами,—въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, оставившая свое вниманіе главнымъ образомъ на вопросахъ воспитанія, широко понятаго просвѣщенія, популяризаціи научныхъ данныхъ въ массѣ, женской эмансипаціи и т. д. А. И. редактировала въ теченіе двухъ лѣтъ (до 1884 года) журналъ «Другъ женщинъ», въ которомъ раньше участвовала въ качествѣ сотрудницы, работала въ такихъ органахъ, какъ «Дѣтская помощь», «Ремесленная газета», «Для народнаго учителя», «Русскій народный учитель», сотрудничала и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ изданіяхъ, принимала ближайшее участіе въ редакторствѣ журнала «Другъ животныхъ». Нѣсколько ея замѣтокъ помѣщено въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Стремленіе къ самообразованію и расширенію своего кругозора не покидало А. И. въ продолженіе всей ея жизни;

съ другой стороны, пока недугъ не сломилъ ее окончательно, она живо интересовалась всѣмъ, что было наиболѣе яркаго и захватывающаго въ русской общественной жизни, принимала къ сердцу всѣ печальныя стороны русской дѣятельности, искренно сочувствовала молодежи и любила ее. Всѣ, кто ближе зналъ А. И., сохраняютъ о ней сверхъ того свѣтлую память, какъ о добромъ, сердечномъ, отзывчивомъ человѣкѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 284).

† **Генкель, В. Е.** 17-го ноября 1910 г. въ Мюнхенѣ (Германія) сошелъ въ могилу одинъ изъ ветерановъ русскаго солиднаго книгоиздательства—Василій Егоровичъ Генкель, память о которомъ не могла изгладиться и послѣ отъѣзда его изъ Россіи въ Германію, потому что В. Е. и тамъ продолжалъ, путемъ издательства въ переводѣ на нѣмецкій языкъ корифеевъ русской литературы, сближать Германію съ Россіей, которую Генкель успѣлъ полюбить за сорокъ лѣтъ своего пребыванія въ ней настолько, что всю жизнь свою неустанно слѣдилъ за всякимъ новымъ твореніемъ русской литературы и знакомилъ нѣмецкую публику со всякими новинками русскаго творчества ума и мысли черезъ посредство нѣмецкаго органа книгопродавцевъ «Börsenblatt für den deutschen Buchhandel». В. Е. Генкель родился въ 1825 г. въ Германіи, близъ Магдебурга, а въ 1834 году уже состоялъ ученикомъ петербургскаго училища св. Петра. Выйдя изъ училища, В. Е. сталъ ученикомъ книжнаго магазина Шмицдорфа, и съ 1846 г. по 1851 г. изучалъ книжное дѣло въ Лейпцигѣ, откуда, вернувшись въ Петербургъ, вступилъ въ товарищество со Смирдинымъ, издавая журналы «Сѣверное Сіяніе», «Русская Библіографія», «Русскій Библіографическій Листокъ», «Недѣля» и различные учебники и собранія сочиненій русскихъ писателей. Финансовая сторона такой издательской дѣятельности оказалась не особенно благоприятной, и Генкель перешелъ на службу, въ качествѣ секретаря и помощника, къ М. О. Вольфу. Заботясь о широкомъ распространеніи книги, В. Е. проявлялъ свою инициативу въ разработкѣ проектовъ книгопродавческихъ компаній и союзовъ, но на этомъ поприщѣ сочувствія и поддержки нигдѣ не нашель, почему въ 1878 г. и переселился въ Мюнхенъ, гдѣ сталъ распространять въ нѣмецкомъ переводѣ русскихъ классиковъ и знакомить нѣмецкую публику съ произведеніями русской литературы. Въ день 80-й годовщины В. Е. Генкеля сердечно его помянулъ въ своемъ изданіи «Книжная Виржа» (мартъ, 1905 г.) старѣйшій, а нынѣ и единственный въ Россіи ветеранъ солиднаго книгоиздательства и современникъ Смирдина—Николай Гавриловичъ Мартыновъ, ставшій теперь во главѣ правленія новаго об-ва книгопродавцевъ и издателей. В. Е. Генкель скончался на 86-мъ году своей жизни. (Некрологъ: «Спб. Вѣдомости» 1910 г., № 266).

† **Гинцбургъ, баронъ Д. Г.** 10-го декабря, въ 6 ч. утра, послѣ продолжительной тяжелой болѣзни, на 54-мъ году жизни скончался популярный общественный дѣятель, ориенталистъ и писатель, баронъ Давидъ Гораціевичъ Гинцбургъ. Двадцати лѣтъ отъ роду покойный былъ удостоенъ степени кандидата спб. университета и послѣ этого посвятилъ себя изученію восточныхъ языковъ подъ руководствомъ знаменитыхъ ученыхъ Адольфа Нейбауэра, Селіора Закса и др., и прослушалъ курсы для ориенталистовъ у Ст. Гюара въ Парижѣ и у про-

фессора барона В. Розена въ Петербургѣ. Покойный издалъ рядъ научныхъ сочиненій на русскомъ, арабскомъ, древне-еврейскомъ и др. языкахъ, напечаталъ рядъ своихъ статей по востоковѣднiю въ «Запискахъ» восточнаго отдѣла императорскаго археологическаго общества, въ «Трудахъ» неофилологическаго общества и др. специальныхъ изданiяхъ. Вмѣстѣ съ покойнымъ В. В. Стасовымъ баронъ Гинцбургъ сотрудничалъ въ издававшемся въ Берлинѣ «L'opneent Hebreu», въ которомъ приводятся образцы еврейскихъ орнаментовъ, извлеченные изъ сирiйскихъ, iеменскихъ и африканскихъ рукописей. Этимъ не ограничилась научная дѣятельность барона Д. Г. Гинцбурга, онъ помѣстилъ также рядъ статей во французской, еврейской и русской повременной печати по общественно-политическимъ вопросамъ. За свою научную дѣятельность покойный былъ избранъ пожизненнымъ членомъ императорскаго археологическаго общества и «Société Asiatique» въ Парижѣ. Кромѣ того, покойный состоялъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенiя, а въ послѣднiе годы ректоромъ учрежденныхъ имъ частныхъ курсовъ востоковѣднiя, на которыхъ читалъ лекцiи по талмудической, раввинской и арабской литературамъ, семитическому языковѣднiю и средневѣковой религiозной философiи. Въ началѣ текущаго года баронъ Гинцбургъ предсѣдательствовалъ на состоявшемся въ Петербургѣ раввинскомъ съѣздѣ. Въ петербургской еврейской общинѣ покойный игралъ выдающуюся роль, принимая близкое участiе во всѣхъ ея культурно-просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденiяхъ. Онъ стяжалъ себѣ извѣстность среди русскихъ евреевъ, выступая всегда горячимъ защитникомъ справедливыхъ интересовъ своихъ единовѣрцевъ. Послѣ смерти своего отца, крупнаго благотворителя Г. О. Гинцбурга, Д. Г. былъ избранъ предсѣдателемъ петербургской еврейской общины и центрального комитета еврейскаго колонизаціоннаго общества. Просвѣтительно-благотворительная дѣятельность покойнаго не ограничивалась лишь участiемъ въ еврейскихъ организаціяхъ. Благотворительнымъ учрежденiямъ и другимъ національностей онъ всегда оказывалъ щедрую поддержку. Въ лицѣ безвременно ушедшаго въ могилу виднаго ученаго, общественнаго дѣятеля и филантропа еврейское общество понесло незамѣнимую утрату. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 340).

† **Добродѣевъ, С. Е.** 14 поября скончался бывшiй издатель газеты «Сынъ Отечества» и еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала «Живописное Обозрѣнiе», Сергѣй Емельяновичъ Добродѣевъ. Его называли «русскимъ американцемъ», и это прозвище по предпрiимчивости покойнаго, его житейской карьерѣ и умѣнью пользоваться рекламой было для него весьма характерно. С. Е., псковскiй уроженецъ, сынъ бѣдной семьи, родился въ 1847 г. и рано позналъ трудовую жизнь. Началъ свою дѣятельность наборщикомъ, вскорѣ выдѣлился грамотностью и распорядительностью. Сверхурочная работа дала ему возможность скопить нѣкоторые деньги, затѣмъ онъ былъ приглашенъ управлять типографiей Траншеля и въ началѣ 80-хъ годовъ открылъ собственную типографiю. Дѣло шло хорошо, и въ 1882 г. онъ приобретаетъ уже съ переводомъ на себя долгъ у Успенскаго «Сынъ Отечества», у Полевого «Живописное Обозрѣнiе». Свои изданiя онъ сталъ широко рекламировать, къ журналу впервые приложилъ множество прибавленiй въ видѣ олеографiй, иллюстрацій въ краскахъ,

произведеній Достоевскаго и др., бюстовъ писателей, ежемѣсячныхъ книжекъ съ разказами и романами и пр. («144 прибавленія въ годъ»). Редактировать «Живописное Обозрѣніе» С. Е. пригласилъ покойнаго Шеллера. Такимъ образомъ онъ довель тиражъ своего журнала до 60-ти тысячъ въ годъ. Газета также шла ходко, Добродѣевъ богатѣль, приобрѣль собственный домъ и развилъ свою типографію. Въ 90-хъ годахъ дѣла его нѣсколько пошатнулись, чѣмъ умѣло воспользовались еврейскіе комиссіонеры. Они въ 1897 г. образовали акціонерное общество «Издатель», во главѣ съ писчебумажнымъ фабрикантомъ Пализеномъ, съ согласія покойнаго приобрѣли у него «Сынъ Отечества» и «Живописное Обозрѣніе» и постарались сдѣлать Добродѣева акціонеромъ безъ акцій. Долго покойному пришлось судиться съ «Издателемъ», чтобы отстоять хоть небольшое изъ скопленнаго упорнымъ трудомъ и замѣчательной энергіей. У «Издателя» газета и журналъ быстро пошли къ упадку и затѣмъ были уже переданы въ еврейскія руки. Умеръ С. Е. 63 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Врѣмя», 1910 г., № 12460).

† **Дилакторскій, П. А.** 10-го декабря, въ часъ дня, послѣ непродолжительной болѣзни, въ общинѣ сестеръ милосердія имени Кауфмана (Фонтанка, 248), скончался П. А. Дилакторскій. Это былъ очень знающій библиографъ, преимущественно въ области русской литературы о сѣверѣ Россіи. Окончивъ вологодское реальное училище, П. А. нѣкоторое время служилъ въ своей родной губерніи, около двухъ лѣтъ завѣдуя отдѣломъ по народному образованію въ кадниковской земской управѣ. Вологодская губернія является одной изъ самыхъ богатыхъ памятниками старины и въ бытовыхъ особенностяхъ мѣстной деревенской жизни, и по сохранившимся до сего времени стариннымъ постройкамъ и предметамъ древней утвари и домашняго обихода. Знакомый со всѣми мелочами, въ особенности мѣстнаго говора, П. А., еще живя въ провинціи, обратилъ на себя вниманіе академикомъ-профессоромъ своими дополненіями и корректурными замѣчаніями къ издающемуся при академіи словарю русскаго языка и завязалъ сношенія, какъ сотрудникъ этого капитальнаго изданія, съ академіей. Слабый здоровьемъ отъ природы, онъ не могъ нести регулярной службы, оставивъ которую, жилъ нѣкоторое время въ Вологдѣ частнымъ заработкомъ, держалъ публичную бібліотеку, сотрудничалъ въ мѣстныхъ и столичныхъ изданіяхъ, нанечаталъ цѣнный въ мѣстой литературѣ историко-этнографическій сборникъ «Вологжанинъ», участвовалъ въ составленіи и организаціи въ Вологдѣ церковно-историческаго музея и т. п. Лѣтъ десять тому назадъ П. А. перебрался въ Петербургъ. Одинокій, безъ постояннаго, прочнаго обезпеченія, онъ долго жилъ въ домѣ литераторовъ на Карповкѣ, постоянно работая по академическому изданію словаря и въ нѣкоторыхъ современныхъ изданіяхъ. Съ этого времени онъ началъ помѣщать въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» свои замѣтки о русскіихъ писателяхъ. Прекрасно освѣдомленный въ этой области, онъ придавалъ каждой самой краткой статейкѣ своей характеръ маленькаго ученаго изслѣдованія или серьезной научной справки, въ которой все было обосновано, извлечено изъ серьезныхъ источниковъ. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» помѣщались также иногда его замѣтки по отдѣлу «Критики и библиографіи». За послѣднее время П. А. принималъ участіе въ библиографіи

ческих работах при академии наук по литературѣ о Пушкинѣ. Его труды оказались настолько полными и тщательными, что ему было поручено академіей составить къ готовящемуся академическому изданію сочиненій Ломоносова полную библиографическую сводку. Эту работу онъ не успѣлъ закончить, такъ какъ она была задумана къ 200-лѣтію дня рожденія Ломоносова (род. 1711 г.). Несомнѣнно, рукописи, оставшіяся по этому вопросу, будутъ использованы академіей. До самаго послѣдняго времени П. А. не порывалъ связи со своей родиной, участвуя въ обществѣ изученія сѣвера Россіи и собирая матеріалы по мѣстной исторіи. У него былъ собранъ обширный біографическій матеріалъ о мѣстныхъ дѣятеляхъ, который, вѣроятно, представитъ немалый интересъ для изслѣдователей мѣстной жизни и исторіи. Въ послѣдніе два года П. А. служилъ въ с.-петербургской сберегательной кассѣ и среди сослуживцевъ пользовался общимъ расположеніемъ. (Некрологъ: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1190 г., № 280.)

† **Кривцовъ, А. С.** Въ Юрьевѣ скончался 10 ноября ординарный профессоръ юрьевского университета по кафедрѣ римскаго права Александръ Сергѣевичъ Кривцовъ. Покойный родился въ 1868 г. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету, онъ отправился въ Берлинъ въ русскій семинарій по римскому праву при тамошнемъ университетѣ для подготовленія къ профессурѣ. По напечатаніи труда «Die Deliktsfähigkeit der Gemeinde», онъ сталъ читать съ 1894 г. лекціи по римскому праву въ новороссійскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Черезъ два года былъ приглашенъ въ юрьевскій университетъ, гдѣ и читалъ лекціи по своему предмету до своей кончины. Въ 1898 г. онъ защитилъ диссертацию: «Абстрактныя и матеріальныя обязательства въ римскомъ и современномъ гражданскомъ правѣ», въ 1902 г. издалъ «Общее ученіе объ убыткахъ». Незадолго до его смерти вышелъ его переводъ III тома «Курса римскаго права» Эрбурга («Семейное и наслѣдственное право»). Кромѣ юрьевского университета, А. С. читалъ въ послѣдніе годы римское право въ Петербургѣ на высшихъ женскихъ курсахъ Н. П. Раева и въ психо-неврологическомъ институтѣ. Какъ человекъ, покойный отличался сердечностью и добротой и пользовался симпатіями знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12460).

† **Маноцковъ, В. И.** Въ Москвѣ скончался на 46-мъ году жизни многолѣтній газетный работникъ Владиміръ Ивановичъ Маноцковъ. Онъ происходилъ изъ донскихъ дворянъ, обучался въ воронежскомъ кадетскомъ корпусѣ а затѣмъ въ московской Петровской сельско-хозяйственной академіи. Однако кончить курсъ ему не пришлось: въ 80-хъ годахъ онъ былъ арестованъ по политическому дѣлу и сосланъ на нѣсколько лѣтъ въ Западную Сибирь. Отбывъ ссылку, онъ поселился въ Перми, гдѣ служилъ въ земствѣ, сотрудиная въ то же время въ волжскихъ газетахъ. Въ 1896 году В. И. постигаетъ новая административная ссылка, на этотъ разъ въ Архангельскую губернію на пять лѣтъ. Здѣсь началась его болѣзнь, сведшая его въ концѣ въ могилу, — грудная жаба. Въ ссылкѣ онъ выполнилъ переводъ съ польскаго сочиненій Болеслава Пруса. По возвращеніи изъ Архангельской губерніи, В. И. жилъ въ разныхъ городахъ,

занимаясь литературным трудом; въ Полтавѣ между прочимъ онъ редактировалъ «Земскую Газету». Въ Москву В. И. прибылъ лѣтъ пять тому назадъ и работалъ здѣсь въ нѣкоторыхъ газетахъ. Въ послѣднее время онъ, однако, оставилъ газетную работу и принималъ участіе въ составленіи сборниковъ постановлений нѣкоторыхъ земствъ. Смерть В. И. послѣдовала въ четвергъ, 9-го декабря, въ 10 часовъ утра.

† **Архіепископъ Никаноръ.** 27 ноября сошелъ въ могилу достойнѣйшій іерархъ православной церкви — архіепископъ Никаноръ. Интересна жизненная судьба и многолѣтняя духовно-просвѣтительная дѣятельность почившаго святителя. Онъ родился въ 1848 году, въ семьѣ діакона Астраханской губерніи и въ мірѣ именовался Никифоромъ Тимоѣевичемъ Каменскимъ. По окончаніи курса въ астраханской духовной семинаріи (1868 г.), имъ былъ принятъ священнический санъ и настоятельство въ одномъ изъ сель родной губерніи; но черезъ два года, послѣ смерти жены, желая продолжать высшее образованіе, онъ поступилъ съ 1870 года въ казанскую духовную академію. Удостоенный степени кандидата (1874 г.) и магистра богословія (1879 г.), покойный началъ свою духовно-учебную службу: онъ состоялъ законоучителемъ казанской учительской семинаріи (1874—1879 гг.) и ректоромъ-протоіереемъ въ казанской духовной семинаріи (1879—1891 гг.), причѣмъ 19 января 1889 года принялъ монашество съ именемъ Никанора и возведенъ въ санъ архимандрита. Послѣ семнадцатилѣтней дѣятельности на учебномъ поприщѣ открылось святительское служеніе почившаго іерарха. Хиротонисанный во епископа чебоксарскаго (3 марта 1891 года), онъ былъ викаріемъ казанской епархіи (1891—1893 гг.), а затѣмъ послѣдовательно занималъ епископскія каѳедры: въ Архангельскѣ (1893—1896 гг.), Смоленскѣ (1896—1899 гг.), Орлѣ (1899—1902 гг.), Екатеринбургѣ (1902—1903 гг.) и Гроднѣ (1903—1905 гг.); возведенный же въ санъ архіепископа (9 декабря 1905 г.), былъ на святительской каѳедрѣ Варшавы (1905—1908 гг.) и наконецъ—въ Казани (1908—1910 гг.). Почившему архіепископу Никанору принадлежала большая вереница духовно-ученыхъ трудовъ, церковно-историческихъ сочиненій, нравоучительныхъ статей и общедоступныхъ изданій. Изъ нихъ слѣдуетъ назвать: «Изображеніе Мессіи по Псалтири», магистерская диссертація (Казань 1879 г.), «Православно-христіанское нравственное богословіе» (Казань 1888 г.), «Краткая исторія астраханской епархіи», «Объясненіе вечерни, утрени и часовъ», «Святые просвѣтители славянъ», «Святѣи Казани» (11 книгъ), «Толковый апостолъ» (три изданія), «Необходимость религіознаго знанія» (Казань 1910 г.) и много другихъ. (Некрологъ его «Московскія Вѣдомости», 1910 г., № 277).

† **Никольскій, К. Т.** 4 декабря скончался старѣйшій столичный пастырь, настоятель Спасо-Сѣнновской церкви, членъ училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ, митрофорный протоіерей Константинъ Тимоѣевичъ Никольскій. Покойный былъ извѣстенъ, какъ ученый литургистъ, знатокъ церковно-археологическихъ вопросовъ и церковнаго устава. Имъ написанъ цѣлый рядъ литургическихъ изслѣдованій и руководствъ, сдѣлавшихъ его имя извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей. Его учено-богословскіе труды московская духовная академія отмѣтила присужденіемъ ему степени доктора церков-

ной исторіи, петербургская духовная академія — избраніемъ его въ свои почетные члены. Особенно широко распространено его «Пособіе церковнаго устава», выдержавшее восемь изданій и сдѣлавшееся настольной книгою почти каждаго священника. Отецъ Константинъ родился 27 апрѣля 1824 г. По окончаніи курса въ петербургской духовной академіи онъ поступилъ преподавателемъ по классу катехизиса и церковнаго устава въ Александро-Невское духовное училище. Въ 1857 г. принялъ священство и былъ назначенъ священникомъ собора св. Владимира на Петербургской сторонѣ, черезъ два года перешелъ въ Успенскую Спасо-Сѣнновскую церковь, посвятивъ священническому служенію въ ней слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ своей жизни. Одновременно онъ состоялъ законоучителемъ училища при реформаторскихъ церквахъ (съ 1866 г. по 1909 г.) и въ петербургской седьмой гимназіи (около 25 лѣтъ). Въ 1889 г. К. Т. былъ приглашенъ въ члены училищнаго совѣта при святѣйшемъ синодѣ и съ того времени, по порученію совѣта, дѣятельно трудился по разсмотрѣнію учебниковъ по Закону Божьему и въ послѣднее время предсѣдательствовалъ въ особой комиссіи по пересмотру программъ Закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ. Изъ его многочисленныхъ цѣнныхъ богословскихъ трудовъ, кромѣ «Пособія къ изученію церковнаго устава», извѣстны «Обозрѣніе богослужбныхъ книгъ православной церкви», «Объ антиминыхъ», «Анаѳематствованіе» и др. Покойный принадлежалъ къ рѣдкимъ библіофиламъ, Онъ собралъ богатѣйшую библіотеку до 30,000 томовъ, среди которыхъ множество рѣдкихъ книгъ, дорогихъ изданій и цѣнныхъ рукописей. Умеръ о. Константинъ 86 лѣтъ. (Некрологъ «Новое Время», 1910 г., № 12.477).

† **Николаевъ, П. Ѳ.** Въ Черниговѣ скончался писатель и политическій дѣятель Петръ Ѳеодоровичъ Николаевъ. Извѣстный переводчикъ крупнѣйшихъ сочиненій по исторіи и социологіи, выходившихъ въ изданіи Солдатенкова, авторъ многихъ оригинальныхъ работъ по социальнымъ и публицистическимъ вопросамъ,—П. Ѳ. Николаевъ игралъ замѣтную роль въ развитіи русской общественности. По окончаніи московскаго университета П. Ѳ. примкнулъ къ тому политическому движенію, которое выросло на почвѣ новыхъ освободительныхъ идеаловъ. Въ 1866 г. онъ былъ арестованъ по такъ называемому каразовскому дѣлу, преданъ верховному уголовному суду и приговоренъ къ 8 годамъ каторжныхъ работъ. Изъ этихъ 8 лѣтъ пять были проведены П. Ѳ. вмѣстѣ съ Чернышевскимъ въ Александровскомъ заводѣ, въ Забайкальской области. Личныя воспоминанія объ этомъ совмѣстномъ пребываніи были впоследствии описаны П. Ѳ. Николаевымъ въ отдѣльной книгѣ. Въ серединѣ 80-хъ годовъ П. Ѳ. возвратился въ Россію, и здѣсь начался новый, правда, кратковременный періодъ его политической дѣятельности. Въ 1888 г. П. Ѳ. привлекался по изданію журнала «Самоуправленіе», но дѣло относительно него было прекращено. Между тѣмъ нарождалась новая организція для борьбы за политическую свободу. Такова была организція «Народнаго Права», которая ставила на первый планъ борьбу за предствительное правленіе и конституціонныя свободы. П. Ѳ. былъ виднымъ дѣятелемъ въ этой организціи. Въ 1894 г. былъ арестованъ по дѣлу «Народнаго Права» и административно высланъ въ Одессу, но въ то же время П. Ѳ. не оставлялъ

литературной работы. Въ полемикѣ между экономическимъ матеріализмомъ и субъективной школой П. Θ. принималъ самое дѣятельное участіе, и его талантливыя статьи, собранныя въ книгѣ «Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ», очень хорошо отражаютъ эту любопытную эпоху въ ростѣ русской общественной мысли. Въ «Русской Мысли» (редакція Гольцева) П. Θ. велъ постоянный отдѣлъ журнальныхъ обзорѣній, которыя обращали на себя вниманіе какъ по содержанію, такъ и по формѣ своей. Въ этихъ обзорѣніяхъ большая художественная чуткость сочеталась съ крупнымъ публицистическимъ темпераментомъ, которымъ заражались читатели. Немногіе писали о литературныхъ злобахъ дня такъ, какъ писалъ П. Θ., воспитанный въ лучшихъ традиціяхъ русской литературы. Пребываніе въ Одессѣ, гдѣ условія работы были неблагопріятны, не повліяло на кипучую энергію П. Θ. Въ Одессѣ П. Θ., совмѣстно съ Я. Л. Сакеромъ, предпринимаетъ изданіе перваго въ провинціи оппозиціоннаго еженедѣльнаго журнала «Жизнь Юга», съ приложеніемъ къ нему журнальныхъ книжекъ. Тяжелыя цензурныя условія дѣлали задачу изданія невѣроятно трудной. Случалось—и очень часто,—что всѣ статьи, намѣченные для номера, не пропускались цензурой, и приходилось въ одинъ день готовить другой матеріалъ. Шестъ мѣсяцевъ продолжалась эта борьба между горстью сотрудниковъ, собравшихся вокругъ «Жизни Юга», и цензурой,—и журналъ долженъ былъ закрыться. «Степь» Горькаго и другіе небольшіе его рассказы впервые были напечатаны въ этомъ журналѣ. Изъ Одессы П. Θ. переѣхалъ въ Черниговъ, гдѣ и провелъ свои послѣдніе годы. Чрезвычайно отзывчивый, разносторонне образованный, П. Θ. пользовался самой горячей привязанностью всѣхъ тѣхъ, кого судьба сводила съ нимъ. Удивляла его свѣжесть мысли и чувства, сохранившаяся, несмотря на жестокія перенесенныя П. Θ. испытанія. Народникъ лучшаго типа, о нѣ умѣлъ быть корректнымъ со своими противниками и защищать свои воззрѣнія достойнымъ оружіемъ. Свое состояніе П. Θ. завѣщалъ еще при жизни литературнымъ учрежденіямъ. Литературу онъ любилъ—и ей отдалъ то, что имѣлъ. (Некрологъ его: «Рѣчь». 1910 г., № 323).

† **Пахманъ, С. В.** 29 ноября скончался сенаторъ, заслуженный профессоръ Семень Викентьевичъ Пахманъ. Покойный былъ извѣстенъ, какъ выдающійся знатокъ гражданскаго права, чуждый рутинѣ и намѣтившій новые пути юридической критикѣ. Онъ былъ представителемъ такъ называемаго догматическаго направленія въ наукѣ права и одновременно въ своихъ изслѣдованіяхъ не чуждался ни историческихъ данныхъ, ни обычнаго права, ни вообще юридической практики, но умѣло пользовался ими. Его извѣстность достигла наибольшаго блеска въ 70-хъ годахъ, и съ того времени имя его заняло почетное мѣсто среди юридическихъ авторитетовъ. Покойный, сынъ профессора римскаго права въ бывшемъ Ришельевскомъ лицѣѣ, родился въ Одессѣ 27 апрѣля 1825 г. По окончаніи въ 1840 г. курса въ состоявшей при лицѣѣ гимназіи онъ поступилъ въ лицей на юридическое отдѣленіе, гдѣ и окончилъ курсъ. Затѣмъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета и окончилъ его со степенью кандидата правъ. Въ 1846 г. С. В. началъ свою дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ учителемъ тульской гимназіи по правовѣдѣнію и латинскому

языку. Черезъ два года переведенъ въ Рижельевскій лицей адъюнктомъ по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи правовѣдѣнія. По сдачѣ магистерскаго экзамена защитилъ диссертацию «О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи» и былъ приглашенъ на кафедру полицейскаго права въ казанскій университетъ. Тогда же получилъ докторскую степень за рукописную диссертацию по римскому праву, въ 1853 году былъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1854 году занялъ кафедру энциклопедіи законовѣдѣнія, продолжая преподавать русское право и временно международное, но вскорѣ былъ перемѣщенъ на кафедру гражданского права и судопроизводства. Въ 1858 г. покойный былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ полицейскаго права въ Харьковѣ, въ 1862 году вновь занялъ кафедру гражданского права, продолжая преподавать и полицейское. Съ 1866 г. его профессорская дѣятельность сосредоточилась въ петербургскомъ университетѣ, въ которомъ онъ занялъ кафедру гражданского права. Съ 1867 г. онъ былъ приглашенъ читать тотъ же предметъ въ Александровскомъ лицей и училищѣ правовѣдѣнія. Въ 1871 г. С. В. исправлялъ должность ректора, въ 1873 г. былъ деканомъ факультета. Въ 1876 г. онъ былъ уволенъ, за выслугою тридцати лѣтъ, отъ службы, съ званіемъ заслуженнаго профессора, однакоже связь его съ университетомъ не прерывалась. Въ 1877 г. покойный былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя юридическаго общества, въ 1879 г. удостоенъ юридическимъ факультетомъ полной преміи имени графа Сперанскаго за сочиненіе: «Обычное гражданское право въ Россіи» (2 т. Спб. 1877—1879 гг.). Отказавшись въ 1874 г. отъ кафедры въ Александровскомъ лицей, С. В. продолжалъ читать гражданское право только въ училищѣ правовѣдѣнія. Кроме того, онъ въ 1881—1882 гг. читалъ на высшихъ женскихъ курсахъ «обзоръ учреждений частнаго гражданского быта». Покойный былъ сторонникомъ широкаго распространенія знаний и публичныхъ лекцій, рядъ которыхъ былъ прочитанъ имъ съ выдающимся успѣхомъ въ Тулѣ, Казани и Харьковѣ. Помимо дѣлага ряда научныхъ работъ, напечатанныхъ въ юридическихъ журналахъ, и курса «Обычнаго гражданского права», онъ издалъ двухтомную «Исторію кодификаціи гражданского права» и редактировалъ переводъ перваго тома «Учебника пандектнаго права» Виндшейда. Какъ опытный юристъ и рѣдкій знатокъ гражданского права, дѣятель замѣчательнаго творческаго анализа, С. В. участвовалъ съ 1861 г. въ самыхъ разнообразныхъ законодательныхъ работахъ и состоялъ членомъ комитета для составленія проекта гражданского уложенія. Въ 1882 г. покойный былъ назначенъ сенаторомъ и въ послѣдніе годы присутствовалъ во второмъ общемъ собраніи сената. Его многосторонняя и разнообразная дѣятельность отличалась по преимуществу практическимъ характеромъ. Заслуги его въ научной области отмѣчены петербургскимъ, казанскимъ, харьковскимъ и кievскимъ университетами избраніемъ его въ свои почетные члены. Умеръ онъ 85 лѣтъ. (Некрологъ: «Новое Время», 1910 г., № 12472).

† **Прибытковъ, В. И.** Скончавшійся 7 ноября редакторъ-издатель журнала «Ребусъ» Викторъ Ивановичъ Прибытковъ пользовался большою популярностью среди лицъ, занимающихся изслѣдованіемъ спиритическихъ явленій. Онъ инте-

ресовался спиритизмомъ съ молодыхъ лѣтъ, специально же посвятилъ себя обстоятельному и всестороннему ознакомленію съ этимъ предметомъ съ 70-хъ годовъ, когда у его жены обнаружилась медиумическія способности. Онъ сталъ устраивать спиритическіе сеансы и завоевалъ себя почетное положеніе среди единомышленниковъ. Въ 1881 г. В. И. основалъ журналъ «Ребусъ» для пропаганды въ Россіи правильныхъ взглядовъ на оккультизмъ вообще и спиритическія явленія въ частности и велъ этотъ журналъ до 1903 г., когда вынужденъ былъ по старости и безденежью передать его московскому спиритическому кружку. Въ «Ребусѣ» покойный напечаталъ цѣлый рядъ статей, посвященныхъ иному міру, нѣкоторыя изъ нихъ были изданы отдѣльно: «Откровенныя бесѣды о спиритизмѣ и др. явленіяхъ той же области», «Медиумизмъ Е. Д. Прибытковой», «Животный магнетизмъ и его примѣненіе къ леченію», «Пережитое въ иномъ мірѣ» и другихъ. Покойный, по окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, служилъ по флоту, плавая на нѣсколькихъ судахъ. Дослужившись до капитана II ранга, онъ вышелъ въ отставку. Досуги отъ своихъ занятій спиритизмомъ онъ посвящалъ Лѣсному общественному собранію, въ которомъ былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ. Онъ особенно интересовался сценой, выстроилъ лѣтній театръ въ Лѣсномъ и дѣлалъ все возможное, чтобы обставить спектакли въ немъ лучшими артистическими силами. Въ концѣ 90-хъ годовъ театръ въ Лѣсномъ сгорѣлъ, покойный мечталъ возобновить его, но это не удалось. Умеръ онъ 70-ти лѣтъ, оставивъ по себѣ память хорошаго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12.458).

† **Смирновъ, А. Е.** Въ Томскѣ во время чествованія памяти Н. И. Пирогова скоропостижно скончался профессоръ мѣстнаго университета Алексѣй Ефимовичъ Смирновъ. Покойный родился въ гор. Сызрани въ 1859 г. Среднее образованіе получилъ въ самарской гимназіи, по окончаніи которой онъ поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета, гдѣ прослушалъ два курса, а на третій перевелся въ Казань. Въ 1883 г. онъ успѣшно окончилъ казанскій университетъ и былъ оставленъ при немъ по каедрѣ гистологіи и эмбриологіи. Въ теченіе первыхъ 7 лѣтъ молодой ученый несъ обязанности помощника прозектора, а затѣмъ и прозектора. Въ этой должности А. Е. оставался въ казанскомъ университетѣ до 1894 г., когда А. Е. получилъ назначеніе въ Томскъ въ качествѣ экстраординарнаго профессора по каедрѣ гистологіи и эмбриологіи вмѣсто переведеннаго въ Москву Догеля. На этой каедрѣ покойный оставался до послѣдняго дня своей жизни. Покойный оставилъ послѣ себя богатое наслѣдіе—до 40 ученыхъ работъ, опубликованныхъ по большей части въ нѣмецкихъ медицинскихъ журналахъ, посвященныхъ мало разработаннымъ вопросамъ гистологіи. Работы эти находятъ должную оцѣнку специалистовъ ученаго міра и цитируются во всѣхъ руководствахъ гистологіи, изданныхъ на многихъ языкахъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12465).

† **Сольскій, Д. М.** 29 ноября не стало одного изъ виднѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, участника реформъ царствованій императоровъ Александра II, Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора: умеръ членъ государственнаго совѣта, бывший его предсѣда-

тель, статсъ-секретарь графъ Дмитрій Мартыновичъ Сольскій. Покойный, будучи государственнымъ контролеромъ, многое сдѣлалъ для упорядоченія нашихъ государственныхъ финансовъ и положилъ предѣлъ многимъ желѣзнодорожнымъ и счетоводнымъ не порядкамъ. Потомъ въ качествѣ предѣдателя департамента государственной экономіи госуд. совѣта и предѣдателя госуд. совѣта онъ широко проявилъ просвѣщенное пониманіе государственныхъ задачъ и дѣятельно заботился о правильномъ развитіи государственнаго хозяйства въ Россіи. Всегда искренній, неліцепріятный и неподкупный, онъ безпристрастно цѣнилъ настоятельность различнаго рода законодательныхъ преобразованій и умѣлъ находить при разсмотрѣніи государственныхъ росписей способы удовлетворенія наиболѣе назрѣвшихъ государственныхъ нуждъ. Онъ былъ рѣдкій охранитель достоинства Россіи безъ угодливости къ лицамъ, какъ бы они высоко ни стояли. При немъ въ составъ департамента государственной экономіи входилъ до 1900 г. департаментъ промышленности, наукъ и торговли, и онъ, руководя занятіями, ревностно способствовалъ успѣху русской промышленности и развитію всѣхъ отраслей народнаго труда и особенно земледѣльской. При немъ дѣятельность нашего высшаго законодательнаго механизма отличалась жизненностью и производительностью. Государственные труды покойнаго нашли должную оцѣнку. Въ 1902 г. дѣятельность его была отмѣчена рѣдкой наградой—возведеніемъ его въ графское достоинство при Высочайшемъ рескриптѣ, съ указаніемъ его государственныхъ заслугъ, еще раньше императорская академія наукъ и императорскій институтъ экспериментальной медицины избрали его своимъ почетнымъ членомъ. Покойный родился въ 1833 году. По окончаніи курса въ императорскомъ Александровскомъ лицѣ съ первой золотой медалью, онъ началъ службу въ 1852 году во II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи. Благодаря гр. М. А. Корфу, бывшему главноуправляющему II отдѣленіемъ, оцѣнившему дѣловитость и энергію Д. М., послѣдній сдѣлалъ карьеру чрезвычайно быстро. Прослуживъ младшимъ и старшимъ чиновникомъ, членомъ комиссіи по пересмотру системы податей и сборовъ и комитета по разсмотрѣнію постановленій о раскольникахъ, онъ черезъ двѣнадцать лѣтъ (въ 1864 г.), на 31 году отъ роду, былъ уже статсъ-секретаремъ и занялъ постъ товарища главноуправляющаго II отдѣленія, соотвѣтствующій товарищу министра. Во время частаго пребыванія гр. М. А. Корфа за границей, покойный всецѣло завѣдывалъ дѣлами II отдѣленія и черезъ три года занялъ постъ государственнаго секретаря. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ гр. Д. М. принималъ дѣятельное и видное участіе въ разнообразныхъ и сложныхъ трудахъ гос. совѣта. Въ 1878 г. онъ былъ призванъ на постъ государственнаго контролера послѣ С. А. Грейга и управлялъ контролемъ по 1889 годъ. При немъ были преобразованы центральныя управленія контрольнаго вѣдомства: взамѣнъ прежнихъ учрежденій организованы департаменты гражданской, в оенной и морской отчетности съ новыми усиленными штатами и основанъ отдѣлъ желѣзнодорожной отчетности и контроля. Послѣдній отдѣлъ имѣлъ существенное значеніе для финансовъ Россіи, такъ какъ установилъ фактическій контроль на мѣстѣ построекъ и эксплуатаціи казенныхъ и гарантированныхъ правительствомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Затѣмъ покойнымъ смѣты министерствъ, представляемыя въ гос. совѣтъ, стали составляться болѣе скромно, прекратились странныя отношенія морского вѣдомства къ Обуховскому и Балтійскому заводамъ, подчинились контролю обороты комиссіи погашенія государственныхъ долговъ и было приступлено къ такому же подчиненію оборотовъ казенныхъ кредитныхъ установленій. Финансы Россіи, потрясенные русско-турецкой войной 1877—1878 гг., стали расти и крѣпнуть, въ государственномъ бюджетѣ появилось превышеніе доходовъ надъ расходами, государственный кредитъ приобрѣлъ устойчивость. Самые отчеты государственнаго контроля, публикуемые ежегодно, стали постепенно улучшаться, давая все болѣе ясную и точную картину финансоваго положенія Россіи. Интимные же отчеты, предназначенные для высшей администраціи, отличались откровенностью къ виновникамъ счетоводныхъ безпорядковъ. Въ 1889 г. гр. Д. М. былъ назначенъ членомъ гос. совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ, въ 1893 г.—предсѣдателемъ департамента государственной экономіи, въ августѣ 1905 г.—предсѣдателемъ гос. совѣта. Одновременно онъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ финансовъ. Его замѣчательные труды въ области финансоваго законодательства были направлены къ возможному уравниенію податнаго бремени народа, упроченію государственнаго кредита и исправленію нашего денежнаго обращенія (золотая валюта, введеніе винной монополіи, преобразованіе промысловаго налога и пр.). Предсѣдателемъ гос. совѣта покойный состоялъ до реформированія этого учрежденія въ 1906 г. Въ качествѣ предсѣдателя онъ предсѣдательствовалъ между прочимъ въ особомъ совѣщаніи для рассмотрѣнія дополнительныхъ къ узаконеніямъ о гос. думѣ правилъ. Умеръ гр. Д. М. 77 лѣтъ, оставивъ по себѣ прекрасную память дѣятеля, выдающагося по уму, рѣдкой образованности и трудо-способности, замѣчательнаго своей честностью и отзывчивостью ко всему, что было направлено къ величію и благоденствію Россіи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12472).

† **Танѣвъ, С. В.** Въ ночь на 15 ноября внезапно скончался Сергѣй Васильевичъ Танѣвъ, хорошо извѣстный въ театральномъ мірѣ, какъ историкъ театра и организаторъ нѣсколькихъ частныхъ антрепризъ. Покойный—сынъ богатаго помѣщика—родился въ 1841 году: Отецъ его имѣлъ въ своемъ имѣніи собственный театръ и оркестръ изъ крѣпостныхъ, увлекался театральнымъ дѣломъ и воспиталъ въ своемъ сынѣ съ малыхъ лѣтъ любовь къ сценѣ. По окончаніи курса въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ С. В. былъ адъютантомъ у кievскаго генераль-губернатора Безака, затѣмъ перевелся адъютантомъ къ московскому генераль-губернатору князю Долгорукову. Большой поклонникъ театра, онъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по службѣ княземъ Ф. М. Урусовымъ задумалъ начать своей собственное театральное предпріятіе и съ этой цѣлью зарешился въ 1875 году обширный деревянный театръ на мѣстѣ бывшей политехнической выставки. Еще ранѣе онъ женился на извѣстной артисткѣ Н. С. Васильевой. Отчасти съ ея помощью и при содѣйствіи своихъ театральныхъ друзей С. В. образовалъ артистическую группу выдающагося состава. Въ ней участвовали г-жи Зорина, Литвинова, Николаева (Кривекая), Павель Пикитинъ, Далматовъ, Кирѣвъ, впоследствии Андреевъ-Бурлакъ, Ивановъ-Ю-

зельскій, Рыбаковъ, В. Н. Давыдовъ и др. Театръ сразу завоевалъ себѣ симпатіи Москвы. Въ томъ же 1875 году С. В. во главѣ труппы предпринялъ первую артистическую поѣздку въ Парижъ и блестяще поставилъ тамъ «Русскую свадьбу». Несмотря на колоссальный успѣхъ, онъ не могъ окупить крупныхъ расходовъ по поѣздкѣ и блестящей постановкѣ и отказался отъ приглашенія пріѣхать съ своей труппой въ Берлинъ. Насколько С. В. отдался съ увлеченіемъ театру, можетъ служить его временный выходъ въ отставку, когда ему былъ предложенъ выборъ: служба, общающаяся карьера, или театръ. Онъ временно вышелъ въ отставку. С. В. находился во главѣ театральнаго препріятія четыре сезона, затѣмъ вновь поступилъ на военную службу. Жена его была принята въ драматическую труппу Александринскаго театра. Новый разгаръ его театральной предпримчивости относится уже къ 1886 г. Онъ съ согласія А. Н. Островскаго повезъ на свой страхъ и рискъ труппу московскаго Малаго театра (г-жъ Федотову, Никулину, гг. Правдина, Музиля, Южина и др.) въ Варшаву, гдѣ въ казенномъ театрѣ поставилъ съ рѣдкимъ успѣхомъ рядъ спектаклей. Какъ историкъ театра, покойный извѣстенъ цѣлымъ рядомъ статей. Многія изъ нихъ были напечатаны въ приложеніяхъ къ «Новому Времени», другія изданы отдѣльными брошюрами: «Изъ прошлаго императорскихъ театровъ» (1825—56 г.), «Паденіе театра» и др. Онъ не былъ чуждъ также и драматическаго творчества, написавъ для сцены трагическую комедію: «Не люби двухъ разомъ» (шла на Александринской сценѣ) и въ послѣдніе годы пьесу «Узурпаторы». За свою любовь къ театру и постоянную доброжелательность С. В. пользовался общими симпатіями. Умеръ онъ 69 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12459).

† Шиллеръ, Н. Н. Въ почъ на 10 ноября скончался членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, докторъ физики Николай Николаевичъ Шиллеръ. Покойный пользовался извѣстностью въ ученомъ мірѣ, какъ изслѣдователь электро-магнетизма и механической теоріи тепла. Н. Н. родился въ 1848 г. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ онъ былъ оставленъ при университетѣ въ качествѣ лаборанта физической лабораторіи, въ 1871 г. былъ командированъ за границу и въ Берлинѣ занимался подъ руководствомъ проф. Гельмгольца. Въ 1875 г. Н. Н. защитилъ диссертацию «Опытное изслѣдованіе электрическихъ колебаній» и назначенъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ теоретической физики въ казанскій университетъ. Черезъ годъ онъ былъ уже докторомъ физики, получивъ эту ученую степень послѣ защиты диссертации: «Электро-магнитныя свойства концовъ разомкнутыхъ токовъ и діэлектриковъ», и сталъ читать лекціи въ университетѣ св. Владиміра въ качествѣ профессора. Онъ читалъ лекціи въ теченіи 28 лѣтъ и одновременно руководилъ практическими занятіями студентовъ. Его лекціи по физикѣ («Основанія физики») и по теоріи потенциальной функціи и обзорныя ея приложенія къ вопросамъ физики были изданы отдѣльными книгами. Изъ множества его спеціальныхъ трудовъ назовемъ: «Элементы ученія объ электричествѣ», «О нѣкоторыхъ повѣвшихъ взглядахъ на методы рѣшенія вопросовъ физики», «Нѣсколько замѣчаній по поводу изслѣдованій по математической физикѣ князя Б. Голицына» и др. Покойный принималъ участіе въ нѣсколькихъ съѣздахъ естествоиспытателей, выступая на нихъ докладчикомъ. До назначенія членомъ

совѣта министра народнаго просвѣщенія Н. Н. былъ въ 1903 г. директоромъ харьковскаго технологическаго института. Умеръ онъ 62 лѣтъ (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12454).

† **Южакъ, С. Н.** 29 ноября, въ 5 часовъ утра, въ общинѣ св. Георгія скончался небезызвѣстный публицистъ и редакторъ «Большой Энциклопедіи» Сергій Николаевичъ Южакъ, представитель той радикальной публицистики, которая находила свое наиболѣе полное выраженіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Русскомъ Богатствѣ» редакціи Н. К. Михайловскаго. Сынъ состоятельныхъ помѣщиковъ южной Россіи (родился въ 1849 г.), онъ получилъ прекрасное домашнее образованіе, давшее ему превосходное знаніе новѣйшихъ европейскихъ языковъ. Онъ не окончилъ университета и, будучи студентомъ новороссійскаго университета, второй половины 60-хъ годовъ, принялъ близкое участіе въ тогдашнихъ революціонныхъ дѣлахъ, а также дѣятельное сотрудничество въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», коего съ 1876 по 1879 гг. былъ помощникомъ редактора. Одновременно онъ писалъ въ научно-популярномъ журналѣ «Знаніе». Въ 1879 г. онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь, откуда вернулся ко второй половинѣ 80-хъ гг. и поселился навсегда въ Петербургѣ. Еще будучи въ ссылкѣ, Южакъ началъ свое сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Дѣлѣ». По закрытіи этого журнала онъ работалъ въ «Русской Мысли» и «Одесскомъ Листкѣ». Съ 1885 по 1889 гг. онъ состоитъ членомъ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» времени Евреиновой, гдѣ выступаетъ рядомъ статей критическихъ, политическихъ, социологическихъ. Большая часть его журнальныхъ работъ вошла въ отдѣльно изданныя книги: «Соціологическіе этюды», «Англо-русская распря», «Афганистанъ» и др. Главная излюбленная тенденція автора этихъ работъ сводилась къ положенію, что въ социальномъ процессѣ на ряду съ біологическими факторами дѣйствуютъ и факторы этические, которые съ успѣхами цивилизаціи берутъ перевѣсъ надъ первыми и подчиняютъ ихъ себѣ. По принятіи Михайловскимъ на себя редактированія и издательства нынѣшняго «Русскаго Богатства» онъ получаетъ здѣсь политическій отдѣлъ, который и велъ до послѣдняго времени. Главный трудъ послѣднихъ лѣтъ жизни С. Н. было редактированіе «Большой Энциклопедіи», который онъ съ успѣхомъ и осуществилъ, благодаря своей широкой начитанности и знанію европейскихъ языковъ. Въ частной жизни это былъ очень милый, веселый и добрый человекъ, готовый прійти на помощь всякому, къ нему обращавшемуся, чѣмъ и заслужилъ себѣ любовь и уваженіе во многихъ литературныхъ кружкахъ. Въ отличіе отъ многихъ и многихъ своихъ товарищей по направленію онъ выгодно отличался отъ нихъ терпимостью и примирительнымъ взглядомъ на жизнь и людей противнаго общественнаго лагера (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12472).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу некролога гр. Л. Н. Толстого.

Въ некрологѣ графа Льва Николаевича Толстого, г. В. Г., помѣщенномъ въ декабрьскомъ номерѣ «Историческаго Вѣстника» (стр. 23), напечатано: «Онъ женился на младшей дочери сосѣда по имѣнію штабъ-лекаря Андрея Евстафьевича Берса, Софьи Андреевны. Мать ея, Любовь Александровна, происходила изъ купческаго рода Иславиныхъ. Въ имѣніи Берса, Ивицахъ, протекъ романъ...»

Въ этомъ описаніи нѣсколько неточностей, которыя подлежатъ исправленію во имя того, что онѣ касаются жизни великаго человѣка и грѣшатъ противъ исторической истины.

Во-первыхъ, Софья Андреевна не младшая дочь А. Е. Берса, а изъ дочерей средняя по возрасту; младшая дочь—Татьяна Андреевна Кузминская.

Во-вторыхъ, докторъ Берсъ никогда сосѣдомъ по имѣнію Льва Николаевича не былъ уже по одному тому, что у Берса никогда никакого имѣнія не было, а жилъ онъ въ Кремлѣ, будучи въ свое время довольно извѣстнымъ докторомъ въ Москвѣ на службѣ по министерству двора.

Въ-третьихъ, мать Софьи Андреевны, Любовь Александровна, дѣйствительно, рожденная Иславина, но не изъ купческаго рода. У министра народнаго просвѣщенія императрицы Екатерины II графа Завадовскаго отъ законнаго брака была дочь въ замужествѣ за княземъ Козловскимъ. Княгиня Козловская вступила въ связь съ родовитымъ дворяниномъ, если не ошибаюсь Рюриковичемъ, Александромъ Михайловичемъ Исленьевымъ, а такъ какъ полученіе развода въ тѣ времена было весьма затруднительно, прожила съ нимъ въ незаконной связи много лѣтъ. Отъ этой связи получилось довольно многочисленное потомство—нѣсколько сыновей и дочерей, которые носили фамилію Иславиныхъ. Мать Софьи Андреевны, Любовь Александровна Иславина, и была одна изъ дочерей отъ связи А. М. Исленьева съ княгиней Козловской.

Въ-четвертыхъ, имѣніе Ивицы никогда не принадлежало Берсу, а было родовое имѣніе Исленьевыхъ, впоследствии проданное и перешедшее Логиновымъ.

Пишущему эти строки все это хорошо извѣстно, потому что мать моя родная сестра Любови Александровны Берсъ и того же происхожденія отъ связи А. М. Исленьева съ княгиней Козловской.

О т в ѣ т ь.

Свѣдѣнія о родѣ Иславиныхъ взяты нами изъ архива д-та герольдін.

В. Г.

II.

По поводу статьи Н. А. Энгельгардта «Давніе эпизоды».

Въ статьѣ г. Н. А. Энгельгардта о Павлѣ Алексѣевичѣ Козловѣ («Давніе эпизоды. 3. «Паша» Козловъ. «Истор. Вѣстникъ», октябрь, стр. 136) упоминается, что «изъ юмористическихъ произведеній (Козлова) особенно удачнымъ должно признать шуточную поэму «Городокъ», написанную очень ловкими октавами. Кажется, тутъ изображенъ именно родной его городъ—Козловъ».—Поэма «Городокъ» относится не къ гор. Козлову, а къ гор. Темникову Тамбовской губерніи (...«его мы Темнымъ назовемъ», говорится въ началѣ поэмы). Въ Темниковскомъ уѣздѣ у Козлова было имѣніе. Самая поэма появилась въ гайдебуровскихъ «Книжкахъ Недѣли», если не ошибаюсь, въ 1887 году и среди темниковскихъ обывателей возбудила въ свое время большую сенсацию. «Городокъ» переписывался, заучивался наизусть и кстати и некстати постоянно цитировался и въ городѣ, и въ уѣздѣ, къ большой досадѣ и неудовольствію комически описанныхъ тамъ мѣстныхъ «столповъ общества».

М. Камневъ.

III.

По поводу статьи К. Иксуль «Небесная попечительница».

Въ статьѣ г-жи К. Иксуль «Небесная попечительница», въ числѣ педагоговъ, о которыхъ весьма сочувственно упоминается, какъ о достойныхъ сотрудникахъ начальницы Екатерининскаго института Е. В. Родзянко, встрѣчается имя моего дяди епископа Макарія, впоследствии митрополита московскаго. Преосвященный Макарій бывалъ въ Екатерининскомъ институтѣ лишь на экзаменахъ, какъ наблюдатель за преподаваніемъ Закона Божія. Законоучителемъ же института состоялъ мой дѣдъ (дядя моей матери) протоіерей Іоаннъ Михайловичъ Наумовъ, который имѣлъ громадное вліяніе на ученицъ и пользовался ихъ глубокимъ уваженіемъ. Онъ окончилъ службу пресвитеромъ собора при Зимнемъ Дворцѣ (1879) (о немъ упоминается между прочимъ въ книгѣ протоіерей В. М. Темномѣрова, изданной къ юбилею института).

Н. Булгаковъ.

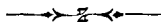

В. П. Буренинъ.

КОРОЛЬ СВОБОДЫ

ДРАМА ВЪ 5 ДѢЙСТВІЯХЪ

Сюжетъ взятъ изъ поэмы Роберта Гимерлинга:
«Der König von Sion».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911

Типографія А. С. Суворина. Зрталевъ, 13

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Янъ.	Молодой ландскнехтъ.
Дивара.	Ландскнехтъ.
Гилла.	Первый
Матиссонъ.	Второй
Вальдекъ.	Третій
Ванъ-деръ-Реке.	Четвертый
Штедингъ.	Первая
Тиланъ.	Вторая
Ротманъ.	Третья
Липсъ Ванъ-Штратенъ.	Четвертая
Брехтингъ.	Пажъ.
Капуцинъ.	Мазохъ.
Монахъ.	Гроге.
Капитанъ ландскнехтовъ.	

Анабаптисты, граждане и гражданки Мюнстера, ландскнехты, актеры, танцовщицы, народъ.

Дѣйствіе въ Мюнстерѣ. 1535 годъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Лѣсъ. Направо высокая скала уступами. Налѣво гряда камней. Въ глубинѣ сцены водопадъ, далѣе деревья. Сквозь чащу видно зарево заката.

СЦЕНА I.

Дивара, Янъ.

Дивара сидитъ у подножія скалы, не замѣчая Яна, стоящаго на верхнемъ уступѣ. Янъ въ театральной коронѣ.

Дивара поетъ.

Во снѣ тебя звала я,
Безумно и страстно звала...
Проснулась—не видно разсвѣта,
Ночное молчанье и мгла.

Во снѣ тебя звала я,
Мнѣ снилось: ты умерь, мой другъ...
Проснулась, а ты предо мною
И солнце сіяетъ вокругъ!..

Янъ сходитъ со скалы и останавливается передъ Диварой. Нѣкоторое время они молча оглядываютъ другъ друга.

Дивара.

Что такъ глядишь? Или узналъ меня?

Янъ.

Нѣтъ, я тебя не знаю. Я не здѣшній.
Съ дороги въ лѣсъ свернувъ, я заблудился.

Дивара указывая на его корону.

А я тебя признала: ты король.
Царишь ты на подмосткахъ балагана.

Смѣется.

Янъ.

Да, я король вездѣ, гдѣ соберется
Довольно зрителей, чтобъ посмотрѣть
Мою игру... Но здѣсь, въ лѣсу, я странникъ.

Дивара.

И все же ты похожъ на короля.

Янъ.

А ты, быть можетъ, тоже королева,
Лѣсная фея? Звѣри, птицы, скалы
Тебѣ подвластны тутъ?

Дивара.

Да, этотъ лѣсъ
Былъ для меня пріютомъ въ дни былые.
Но время то прошло, давно прошло...
Жила я долго на чужбинѣ съ мужемъ,
Теперь на родину вернулась вновь.
Въ пути устали мы, и здѣсь присѣла
Я отдохнуть.

Янъ.

А мужъ твой—гдѣ же онъ?

Дивара.

Ушелъ онъ ягоду понабрать. Да, видно,
Забрался въ чащу...

За сценой голоса.

Что это за люди

Подходятъ къ намъ?

Янъ.

Товарищи мои.

Входятъ: Ванъ-Штратенъ, Матиссонъ и актеры.

СЦЕНА II.

Янъ, Дивара, Матиссонъ, Ванъ-Штратень.

Ванъ-Штратень.

Янъ, вотъ гдѣ ты! А я ужъ началъ думать,
Что провалился ты въ лѣсномъ болотѣ...
Ва! что за женщина съ тобой?

Матиссонъ увидѣвъ Дивару.

Жена!

Дивара.

Ну да,—жена. А хорошо ли это, —
Жену свою покинувши въ лѣсу,
Гулять съ чужими...

Матиссонъ.

Не сердись, Дивара:

Людей я добрыхъ встрѣтилъ на дорогѣ,
Мнѣ вдохновенья высшій духъ внушилъ
Къ нимъ обратитъ святое слово правды...

Дивара.

И ты забылъ сейчасъ же про жену,
Оставленную здѣсь тобой... По счастью,
Въ лѣсу не волкъ попался мнѣ—король.

Матиссонъ взглядываясь въ Яна.

Да, этотъ челоуѣкъ походить видомъ
На короля, хотя увѣнчанъ онъ
Короною мишурной.

Ванъ-Штратень.

Справедливо

Ты говоришь: прекрасный Янъ всегда
У насъ играетъ королей и даже
Короною онъ шляпу замѣнилъ...
Такимъ ужъ уродился чудодѣемъ...
Но если завтра доберемся мы
До Мюнстера—увидите, какой онъ
У насъ искусникъ. Дамъ себя повѣсить,
Коли весь городъ не сбѣжится къ намъ
Взглянуть на Яна въ пречудесной роли
Царя Давида.

Матиссонъ.

Ну, любезный вождь
Комедіантовъ, кажется, надежды
Твои невѣрны.

Ванъ-Штратенъ.

Почему жь?

Матиссонъ.

Теперь

Нуждается не въ лицедѣяхъ Мюнстеръ,
Не въ болтовнѣ, не въ виршахъ заученныхъ,
Одно тамъ нужно: новой жизни слово!
Плохое время выбралъ ты, коль хочешь
Народъ своимъ искусствомъ забавлять.
Совѣтую вернуться восвояси:
Не мѣсто праздному фиглярству тамъ
Межъ ратниками Бога и свободы!

Ванъ-Штратенъ.

А вотъ увидимъ въ Мюнстерѣ, кому
Привольнѣй будетъ: намъ, комедіантамъ,
Веселье приносящимъ, или вамъ,
Суровымъ проповѣдникамъ. Заранѣй
Что толковать объ этомъ.

Матиссонъ.

Да, ты правъ:

Довлѣетъ дню забота дня.

Ванъ-Штратенъ.

А ночи—

Забота сна. И такъ какъ ночь близка,
То передъ сномъ-то надобно подумать
Объ ужинѣ... Другъ Гроге, другъ Мазохъ,
Подите-ка, достаньте изъ телѣги
Вина и что найдется тамъ съѣстнаго.

Гроге и Мазохъ уходятъ и тотчасъ же возвращаются съ кувшиномъ вина,
кружками хлѣбомъ и т. п.

По кружкѣ разоцѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ
Закусимъ и потомъ—на боковую...

Всѣ разсаживаются въ кружокъ. Пьютъ и ѣдятъ.

СЦЕНА III.

Тъ же, Гилла.

Гилла вбѣгаетъ.

Спасите, люди добрые, спасите!
Я умоляю васъ...

Ванъ-Штратенъ.
Кого спасти?..

Гилла.
Меня... За мною гонятся...

Ванъ-Штратенъ.
Да кто же,
Кто за тобою гонится?

Гилла.
Они...
Ландскнехты графа Вальдека...

Ванъ-Штратенъ.
Ландскнехты?
Зачѣмъ же ты понадобилась имъ,
Красавица?

Гилла:
Бѣжала я изъ замка
Ихъ господина...

Ванъ-Штратенъ.
Вотъ что... Эге-ге,
Неладно это... Проходи-ка дальше...
Захватятъ здѣсь тебя, такъ попадетъ
И намъ, пожалуй...

Гилла.
Сжальтесь!..

Янъ.
Липсъ, послушай:
Да отчего жъ не оказать бы намъ
Услугу добрую? Укрыть не трудно
Здѣсь эту женщину...

Ванъ-Штратенъ.

Какъ ты укроешь,
Когда... Пстой: вонъ слышишь конскій топотъ?

Гроге смотритъ за сцену.

Отрядъ ландскнехтовъ.

Мазохъ.

Да, сошли съ коней.

Сюда, сюда идутъ...

Ванъ-Штратенъ.

Ну, дѣло плохо.

Красавица: ихъ не минуешь рукъ...

Янъ порывисто снимаетъ плащъ и обра-
щается къ Гиллѣ.

Возьми мой плащъ... Дай ей брать твой, Гроге...

Одѣваетъ Гиллу въ свой плащъ.

Скорѣй! скорѣй! Закутайся. Вотъ такъ.
Подальше сядь. Сюда. Подвинься, Мазохъ,
И заслони ее.

Входятъ нѣсколько ландскнехтовъ.

СЦЕНА IV.

Тѣ же, ландскнехты.**Первый ландскнехтъ.**

Вы кто такіе?

Бродяги? Сволочь изъ еретиковъ?

Отступники изъ чужеземцевъ?

Ванъ-Штратенъ.

Что ты,

Помилуй, храбрый воинъ: для чего

Намъ быть еретиками?

Первый ландскнехтъ.

А зачѣмъ же

Вы цѣлымъ стадомъ собрались въ лѣсу?

Держи отвѣтъ. Да чуръ, не вратъ предъ нами,
Чтобъ не нажить бѣды: на службѣ мы
У графа Вальдека...

Матиссонъ внезапно встаетъ, съ сверкающими глазами.

Коль вы на службѣ
У сатаны, такъ, не отряси прахъ
Отъ вашихъ ногъ, идите и скажите
Вы господину своему, что близокъ
Тотъ день, въ который бурный вихрь развѣтетъ
Солому на току—и предреченье
Пророка сбудется: падуть съ небесъ,
Какъ листья съ дерева сухіе, звѣзды,
Налетятъ кровью мѣсяць, солнце тьмой
Покроется!.. И, трепеща во прахѣ,
Властители земные возопяютъ
Къ утесамъ и пещерамъ: сдвиньтесь камни,
Чтобъ насъ укрыть отъ мщенія Того,
Кто судитъ міръ...

Первый ландскнехтъ.

Что ты такое мелешь?
Ты пьянъ, пріятель? Иль сошелъ съ ума?

Ванъ-Штратень отстраняя Матиссона.

Не стоитъ слушать старца, храбрый воинъ:
Онъ точно-что—немножечко того...

Показываетъ на лобъ.

На чердакъ не все въ порядкѣ... бредить...
Присталъ онъ къ намъ въ пути и болтовней
Мѣшаетъ дѣлу нашему...

Первый ландскнехтъ.

Да ваше
Какое жъ дѣло—толкомъ говори.

Ванъ-Штратень.

А мы бродячіе комедіанты:
Фигляры, на канатѣ плясуны,
Борцы и акробаты.

Первый ландскнехтъ.

Для чего же
Оружіе у васъ—въ телѣгѣ, тамъ?

Ванъ-Штратень.

Оружіе?

Первый ландскнехтъ.

Ну, да... Что строишь рожки?
Самъ видѣль я: мечи, щиты и латы.
Чему смѣешься?

Ванъ-Штратень.

Да вѣдь это все
Изъ дерева, изъ жести, изъ картона.
Оружіемъ-то нашимъ, господинъ,
И поросенка не приколешь.

Первый ландскнехтъ.

Все же
Бродяги подозрительные вы.
А, впрочемъ,—чортъ васъ побери... Ты лучше
Скажи-ка вотъ что: не встрѣчалась вамъ
Здѣсь женщина—въ лѣсу иль на дорогѣ?

Ванъ-Штратень,

Какая женщина? Да гдѣ жъ она?

Первый ландскнехтъ.

Эге, я вижу, у тебя смекалки
Не очень много, или дурака
Ломаешь ты. Я спрашивать не сталъ бы.
Когда бы зналъ, гдѣ женщина: она
Изъ замка графа нашего бѣжала,
Приказано намъ разыскать ее.
Сообразилъ?

Ванъ-Штратень.

Постой-ка, храбрый воинъ,
Какъ къ Давертскому лѣсу подходили
Мы съ полчаса тому, такъ на конѣ
Обогнала насъ женщина.

Первый ландскнехтъ.

Не врешь ты?
Смотри, пріятель...

Ванъ-Штратень.

Для чего жъ мнѣ врать?

Первый ландскнехтъ.

А видъ каковъ той женщины?

Ванъ-Штратенъ.

Да видомъ

Красивая и молодая.

Первый ландскнехтъ.

Такъ.

А волосы какіе?

Ванъ-Штратенъ.

Не примѣтилъ

Я хорошо, но, кажется, коса

Какъ будто свѣтлая...

Первый ландскнехтъ товарищамъ.

Э, слышишь, братцы?

Пожалуй, это вѣдь она и есть—

Красотка графская?

Второй ландскнехтъ.

На то похоже.

Третій ландскнехтъ.

Само собой.

Первый ландскнехтъ.

А коли такъ—скорѣе

За нею слѣдомъ. На коней!

Уходятъ.

СЦЕНА V.

Тѣ же; безъ ландскнехтовъ.

Ванъ-Штратенъ.

Скачи,

Пустое мѣсто догоняй! Авось ли

Его изловишь, другъ...

Смѣется. Гилль.

Счастливъ твой Богъ,
Красавица,—какъ звать тебя не знаю:
Когда бъ нашъ Янъ не спохватился,—ты
Попалась къ молодцамъ бы на расправу.

Гилла.

Пусть Небо васъ вознаградитъ за то,
Что вы спасли несчастную...

Ванъ-Штратенъ.

Ну, ладно.

Все хорошо, что хорошо сегодня
Окончилось. А что случится завтра—
Увидимъ. Мой совѣтъ тебѣ теперь
Остаться съ нами. Мы въ лѣсу почуемъ.

Гилла.

Благодарю за вашу доброту:
Объ этомъ я сама просить хотѣла...

Ванъ-Штратенъ.

Смотрите-ка, товарищи, луна
Проглянула изъ-за деревьевъ. Время
На отдыхъ. Доброй ночи пожелавъ,
Ложися каждый гдѣ кому угодно:
На травкѣ-то на мягкой, подъ шатромъ
Зеленымъ лѣса выспимся чудесно
До утра. А съ разсвѣтомъ снова въ путь.

Всѣ расходятся. Одни за кулисы; другіе въ глубину сцены. Ложатся подъ деревьями. Янъ и Гилла остаются на авансценѣ около скалы. Лунный свѣтъ. Тишина.

СЦЕНА VI.

Янъ, Гилла.

Янъ.

Ты все еще не въ силахъ одолѣть
Свою тревогу... ты дрожишь...

Гилла.

Боюсь я,
Они вернутся...

Янъ.

Успокойся: Ночь
Ты проведешь здѣсь безопасно. Утромъ,
Коль пожелаешь, вмѣстѣ съ нами въ путь
Отправимся.

Гилла.

А вы куда идете?

Янъ.

Идемъ мы въ Мюнстеръ.

Гилла.

Тамъ и я въ стѣнахъ
Обители святой укроюсь.

Янъ.

Развѣ
Монахиня ты?

Гилла.

Нѣтъ. Но я хочу
Отъ свѣта удалиться и отречься

Янъ.

Зачѣмъ?

Гилла.

Я ненавижу этотъ свѣтъ.

Янъ.

Ты ненавидишь свѣтъ? Возможно ль это
Вѣдь ты еще такъ молода. За что
Ты ненавидишь свѣтъ?

Гилла.

Онъ полонъ грязью
И мерзостью такой, что даже ангель
Въ немъ не спасется отъ грѣха. На все,
Что въ этомъ свѣтѣ чисто и прекрасно,
Клеймо позора налагаетъ дьяволь...

Янъ.

Что думать такъ заставило тебя?
Ты счастья потерю испытала?

Обманъ въ любви? Быть можетъ, кто-нибудь
Твои святые, чистые мечтанья
Презрѣнъемъ иль измѣной оскорбилъ?

Гилла.

Не спрашивай... Я за твое участіе
Благодарю тебя. Но такъ горька
Моя судьба, такой позоръ жестокой
Я вынесла, что если бѣ даже мать
Меня просила рассказать объ этомъ—
На просьбу матери могла бы я
Отвѣтить только горькими слезами...

Подавляетъ рыданіе.

Янъ.

Прости, коль я невольно разбудилъ
Въ твоей душѣ страданья. Легче горе,
Когда его раздѣлишь съ кѣмъ-нибудь...

Гилла.

Отъ ужаса, отъ мукъ стыда блѣднѣю
И содрогаюсь я, лишь вспомню то.
Что выстрадано мной...

Янъ.

По волѣ Неба
Страданія даются въ жизни намъ...

Гилла.

По волѣ Неба? Этому ты вѣришь?

Янъ.

Такъ говорятъ...

Гилла.

А я скажу тебѣ—
По волѣ ада! Небо не могло
Участвовать въ столь подломъ преступленьи
Которымъ молодая жизнь моя
Разбита такъ безжалостно...

Янъ.

Тебя не знаю я, и ты меня
Не знаешь также. Встрѣтившись случайно,
Мы завтра разойдемся, можетъ быть...

Но непонятною какой-то силой
Меня влечетъ къ тебѣ... Довѣрь мнѣ тайну
Твоей судьбы. Я помогу тебѣ
Въ несчастіи.

Гилла.

Нѣтъ, я навѣкъ погибла...

Янъ.

Но отчего? Что сдѣлали съ тобой?..

Гилла.

На мнѣ лежитъ клеймо позора... Хочешь
Ты о моемъ несчастіѣ знать—такъ слушай...
Въ уединеніи мирномъ я жила,
Мечтая только о свободной долѣ,
Гордясь своею юной красотой...
И вотъ о красотѣ моей провѣдалъ
Одинъ жестокій человѣкъ... Онъ сталъ
Преслѣдовать меня своей любовью.
Отказомъ я отвѣтила ему,
И онъ рѣшилъ насиліемъ добиться,
Чего желалъ. Похитилъ онъ меня
И въ замокъ свой увезъ. Его угрозы,
Какъ и мольбы его, презрѣла я...
Тогда онъ средство гнусное придумалъ:
Меня снотворнымъ зельемъ опоилъ...
Потомъ... потомъ...

Янъ.

Не говори—я понялъ...

Гилла.

Въ безумномъ ужасѣ я убѣжала
Отъ низкаго злодѣя въ ту же ночь,
Когда очнулась я въ его позорныхъ
Объятіяхъ...

Янъ въ волненіи, порывисто встаетъ.

Кто этотъ человѣкъ?
Кто этотъ демонъ? Назови мнѣ имя?

Гилла.

Графъ Вальдекъ.

«Истор. вѣстн.», январь, 1911 г., т. сѣхш.

Янъ.

Мюнстера властитель! Небо—
Возможно ль это? Онъ вѣдь носить санъ
Епископа...

Гилла.

Но дьявола достойны
Его дѣла... Ты видишь, для меня
Надежды нѣтъ на помощь и защиту:
Вѣдь тотъ, кто загубилъ меня, стоитъ
На высотѣ могущества и власти.
Не отъ людей—отъ Бога ждать могу
Я мести праведной за поруганье
Святыни дѣвственной моей души...
И мнѣ одно, одно теперь осталось:
Страданья и молитвы въ тишинѣ
Печальной кельи.

Плачетъ.

Янъ.

Нѣтъ, дитя несчастья,
Не убивай отчаянемъ себя.
Какъ знать, въ грядущемъ что судьба готовитъ?..
Гнетутъ жестоко палачи земли
Невинныхъ жертвъ ихъ силы и безправья,
Но близокъ день—и сокрушатъ рабы
Надменныхъ властелиновъ. Новой жизни
Любви и правды свѣтлая пора
Тогда настанетъ. Въ этой жизни новой
Не въ келью душную монастыря
Пойдешь ты плакать и молиться—нѣтъ—
Красою счастья юнаго сіяя,
Какъ жрица счастья, будешь ты служить
Въ священномъ храмѣ мира и свободы...

Гилла.

Ты странно говоришь... Но словъ твоихъ
Значенье тайное ласкаетъ душу
И замолкаютъ стоны скорби въ ней...

Янъ.

Разсказъ о преступленьи властелина
Невольно взволновалъ меня...

Гилла.

Прости,
Тебя встревожила я... Ночь уходитъ,
И часъ разсвѣта близокъ...

Янъ.

Да, пора...
Иди, усни... Пусть кроткими лучами
Покой твой звѣзды неба освѣняютъ...

Гилла отходитъ и ложится въ глубинѣ сцены подъ деревомъ. Изъ-за скалы прокрадывается Дивара и останавливается передъ Яномъ.

СЦЕНА VII.

Янъ, Дивара

Дивара.

Король, какъ видно, времени не тратитъ
На отдыхъ сна и въ тишинѣ ночной
Мечтательныя онъ заводитъ рѣчи:
Онъ призываетъ звѣзды охранять
Покой красавицы...

Янъ.

А ты зачѣмъ же
Не спишь и бродишь въ тишинѣ ночной?
Чтобы подслушивать?

Дивара.

Да, ночи тайны
Подслушиваю я. Прекрасный Янъ,
Вѣдь я колдунья, а у ночи много
Волшебныхъ тайнъ: ихъ повѣряетъ мнѣ
И мѣсяцъ блѣдный, что глядитъ такъ грустно
Въ мои глаза, и сонные цвѣты,
И травы, и деревья... Я имъ тоже
Свои мечты передаю... О чемъ—
Какъ думаешь ты—я сейчасъ мечтала?

Янъ.

Не знаю, право...

Дивара.

О твоей судьбѣ

И о моей.

Янъ.

Свою судьбу ты можешь
Отгадывать въ мечтахъ. Моя судьба
Тебѣ чужда.

Дивара.

Была чужда до встрѣчи
Съ тобой сегодня. А теперь она
Съ моей судьбою связана.

Янъ.

Узнала

Ты отъ кого жъ объ этомъ? Блѣдный мѣсяць
Сказаль тебѣ? Или цвѣтокъ лѣсной?

Смѣется.

Дивара.

Нѣтъ, сердце мнѣ сказало въ мигъ, когда я
Увидѣла тебя. Не смѣйся, Янъ.
Ты молодъ и прекрасенъ. Ты, быть можетъ,
Привыкъ къ тому, чтобъ, встрѣтившись съ тобой,
Красавицы влеклись къ тебѣ любовью,
Чуть взглянешь ты на нихъ?

Янъ.

Ошиблась ты,
Хоть и зовешь себя колдуньей: женщиноу
И ихъ любви всегда чуждался я...

Дивара.

Тѣмъ лучше для меня: любовью первой
Меня полюбишь ты, какъ я тебя.

Янъ.

Не понимаю я твоихъ намековъ...
Коль ты соблазномъ думаешь смутить
Мнѣ душу, такъ оставь мечту пустую
И уходи.

На вершинѣ скалы появляется Матиссонъ. Янъ указываетъ на него Диварѣ. Тихо.

Смотри: вонъ тамъ стоитъ
Тотъ человѣкъ, котораго ты мужемъ
Зовешь своимъ. Увидѣть можетъ онъ
Тебя со мною и подумать худо
О нашей встрѣчѣ въ часъ ночной...

Дивара.

Ты правъ.

Я уйду. Но помни: что судьбою
Назначено, то сбудется. Прощай.

Скрывается за скалой.

СЦЕНА VIII.

Янь, Матиссонъ.

Матиссонъ замѣтивъ Яна.

А, юный другъ, и ты не спишь? Должно быть,
И старикамъ и молодымъ теперь
Мѣшаютъ спать мучительныя думы...

Янь.

Нѣтъ, серебристый мѣсяцъ обольстилъ
Меня сіяньемъ, и красюю ночи
Залюбовался я...

Матиссонъ.

Обманчивъ свѣтъ
Волшебный мѣсяца, и онъ поблекнетъ,
И ляжетъ тьма надъ міромъ, и во тьмѣ
Захлещутъ крыльями ночныя совы,
И духи тьмы прокрадутся изъ безднъ
Таинственныхъ земли, чтобъ сѣять сѣмя
Грѣховъ и преступлений... И взойдетъ
Посѣвъ тотъ ядовитый скоро, скоро...
Готовить надо острые серпы,
Чтобы срѣзать колосья... Время
Великое подходит...

Янь.

Ты пророкъ

Грядущаго?

Матиссонъ.

Нѣтъ,—въ настоящемъ
Святое дѣло я провозвѣщаю.

Янъ.

Какое дѣло разумѣешь ты?

Матиссонъ.

Спасеніе человѣчества! Довольно
Младенцемъ старымъ ползало оно:
Пора ему и на ноги подняться
И цѣпи всяческой неправды міра
Разбить мечомъ!

Янъ.

Но этотъ мечъ въ рукахъ
Властителей и судій.

Матиссонъ.

Смѣло вырвать
Изъ этихъ рукъ его должна свобода.
Долой тиары и вѣнцы съ головъ
Избранниковъ насилія! Пусть каждый
Самъ будетъ искупителемъ своимъ
И пастыремъ.

Янъ.

Твоя мечта прекрасна,
Но какъ ее осуществить?

Матиссонъ.

Свершится
То непреложно, что внушаетъ намъ
Духъ вдохновенья высшаго: разбудить
Его гремѣющій голосъ сонъ людей
И призоветъ святыхъ борцовъ за правду.

Янъ.

Счастливы тѣ, кто избранъ совершить
Великій подвигъ...

Матиссонъ.

Другъ, не надо счастья
Чтобъ быть такимъ избранникомъ,—и ты
Имъ можешь быть и долженъ, если только

Возлюбишь правду... Мнѣ глубоко жаль,
Что ты, пустымъ искусствомъ увлеченный,
Бредешь во тьмѣ по сбивчивой стезѣ
И свѣта истины не видишь...

Янь.

Старець,
Укорь твой принимаю я, но знай—
Призывъ къ иному, высшему служенью
Моей душѣ не чуждъ. Я самъ давно
Замѣтилъ: люди въ наши дни объаты
Стремленьемъ новымъ...

Матиссонъ.

Да, призывъ небесъ
Теперь услышанъ многими сердцами
И ихъ влечетъ въ невѣдомую даль.

Янь.

И я, покорный этому призыву,
Покинулъ родину отъ юныхъ лѣтъ
И въ страны чуждыя свой путь направилъ.
Во Фландріи цвѣтущей я скитался,
Подъ небомъ Лиссабона я бродилъ,
И всюду восхищенъ я былъ прекраснымъ,
И всюду царство правды и любви
И счастья искалъ, о немъ безумно
Я грезилъ въ ночи долгія-безъ сна...
Но не нашель нигдѣ я, что увидѣтъ
Я наяву желалъ. И вотъ теперь,
Мечтателемъ, какъ прежде, я блуждаю
Съ фиглярами... Мишурною короной
Увѣнчанъ я... и самъ себѣ кажусь
Порой смѣшнымъ... И все же думой тайной
Стремлюсь къ тому, чего не могъ найти,
Какъ ни искалъ я...

Матиссонъ.

То, чего ты ищешь,
Повѣрь мнѣ, безъ труда и безъ борьбы
Къ намъ не придетъ. Должны создать мы сами
Тотъ лучший міръ, что манить насъ въ мечтахъ.

Янь.

Его создать возможно только чудомъ.

Матиссонъ.

И чудо совершится: грянетъ буря
 И обновленье жизни принесетъ!
 Ужь искры свѣта новаго сверкаютъ
 По всей странѣ, собираются сыны
 Свободы свѣтлой, вѣютъ ихъ знамена
 И блещутъ ихъ мечи. Очистить мѣръ
 Отъ лжи и зла и праведныхъ и добрыхъ
 Собрать въ союзъ святой и благодатный—
 Вотъ что имъ предназначено судьбой....
 Послушай, юноша: когда смотрю я
 Въ твои глаза и на твоёмъ челѣ
 Высокой думы отблескъ замѣчаю,
 То мнѣ сдается—въ Мюнстеръ долженъ ты
 Вступить не въ этой жестяной коронѣ...
 Тебѣ открою: не одинъ сюда,
 Въ Германію, я прибылъ изъ Гарлема,
 А съ цѣлою толпою посвященныхъ.
 Путиами разными они идутъ,
 Чтобъ отъ солдатъ епископа укрыться,
 Но въ часъ условный соберутся здѣсь,
 И двинемся мы всё съ разсвѣтомъ въ Мюнстеръ...
 Твой взоръ горитъ... я вижу, ты узналъ,
 Кто предъ тобой...

Янъ.

Да, вождь анабаптистовъ,
 Пророкъ, о комъ давно идетъ молва,
 Тебя узналъ я... Ты съ своей дружиной
 Идешь, чтобы царство правды и добра
 Устроить на землѣ...

Матиссонъ.

Итти со мною
 Готовъ ли ты?

Янъ.

О, если только
 Ты примешь недостойнаго меня
 Въ ряды поборниковъ святого дѣла—
 Я буду счастливъ...

Матиссонъ.

Сынъ мой, видишь ты,
 Я старъ, я сѣдъ и слабъ уже я тѣломъ,
 И мнѣ Отецъ Небесный возвѣстилъ,

Что не свершить мнѣ подвига святого,
Къ которому я призванъ, что иной,
Во цвѣтѣ лѣтъ и силъ, подниметь бремя
Великое на рамена свои
И храмъ свободы и любви воздвигнетъ.

Касается рукой короны Яна.

Сбрось, юноша, вѣнецъ мишурный этотъ —
Тебя инымъ вѣнцомъ судьба вѣнчаетъ:
Объ этомъ сердце подсказало мнѣ,
Когда среди фигляровъ предо мною
Предсталъ ты юный, будто царь Давидъ!

Янъ снимаетъ корону, бросаетъ ее въ водопадъ и преклоняется передъ Матиссономъ, который возлагаетъ ему на голову руки и возглашаетъ въ мистическомъ экстазѣ:

Внемли мнѣ, Янъ изъ Лейдена! Подъ сѣнью
Небесъ, сверкающихъ лучами звѣздъ,
Тебя я посвящаю на служенье
Священному союзу возрожденныхъ!
Будь избраннымъ межъ воиновъ Сіона—
Святого царства правда и любви,
Что людямъ всѣмъ обѣщано издревле,
Но лишь теперь готово возсіять
Въ лучахъ могущества и совершенства!

Издалека раздается гѣніе гимна анабаптистовъ.

Гимнъ.

Идемъ туда, гдѣ жизнь и свѣтъ,
Куда свобода насъ зоветъ.
Хвалите небо—для земли
День возрожденья настаетъ.

Матиссонъ.

Ты слышишь?.. То—они! Издалека
Звучитъ призывъ святой освобожденья.
Смотри: зарей блеснули облака—
Во тьмѣ уснувшихъ близко пробужденье!

Гѣніе приближается. Съ разныхъ сторонъ подходят анабаптисты фантастическими, пестрыми группами: мужчины, женщины, дѣти, старики. Пробужденные гѣніемъ, поднимаются актеры и съ изумленіемъ смотрятъ на приходшихъ. Общее движеніе, Матиссонъ и Янъ сходятъ со скалы. Свѣтаетъ. За лѣсной чащей небо все болѣе и болѣе разгорается заревомъ.

СЦЕНА IX.

Тѣ же, анабаптисты.**Анабаптисты.**

Хоромъ повторяютъ гимнъ.

Святую правду и любовь
Свобода міру принесетъ.
Хвалите небо—для земли
День возрожденья настаетъ.

Увидѣвъ Матиссона и Яна, окружаютъ ихъ.

Голоса.

Привѣтъ пророку!—Слава Матиссону,
Наставнику людскихъ сердецъ и душъ!
— Веди, пророкъ, веди скорѣй насъ къ мѣсту
Спасенія! Мы за тобой поидемъ!
— Всѣ за тобой!

Матиссонъ.

Сегодня васъ введу я
Въ тотъ городъ, гдѣ васъ ждуть. Былъ дологъ путь,
Томительно тянулася ночь, но всходитъ
Заря святого, радостнаго дня
Для бодрыхъ воиновъ Сіона... Братья!
Вамъ нуженъ вождь—и нынѣ небеса
Его мнѣ указали: онъ предъ вами!

Указываетъ на Яна.

Вотъ юноша изъ Лейдена. Я принялъ
Его въ союзъ нашъ и благословилъ я
Избранника на трудную борьбу
За наше дѣло.

Анабаптисты.

Братскій нашъ привѣтъ
Вождю избраннику!

Матиссонъ.

Восхвалимъ небо
За милость къ намъ, зовущимъ въ этотъ міръ
Благоволенье мира и свободы!

Анабаптисты преклонивъ колѣни.

Хвалите небо—для земли
День возрожденья настаетъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА I.

Залъ во дворцѣ. На авансценѣ тронное кресло подъ балдахиномъ. Двери налѣво и направо. Въ задней стѣнѣ широкая арка съ отдернутой драпировкой. Нѣсколько ступеней ведутъ на открытую террасу за аркой. Посрединѣ террасы небольшое каменное возвышеніе; на немъ колонна съ статуей наверху. За террасой площадь, зданіе ратуши, другія зданія и улица, примыкающая къ площади.

СЦЕНА I.

Капуцинъ, Крехтингъ, толпа.

При поднятїи занавѣса шумъ, крики, смѣхъ и свистки толпы, окружающей капуцина, который стоитъ на террасѣ.

Капуцинъ протягивая руки къ толпѣ.

Смирите дикаго безумства вопли—
Да возглаголю вамъ...

Голоса.

— Довольно! — Будеть

— Пойдите—пусть еще онъ «возглаголетъ»!

— Пусть тощая покаркаетъ ворона!

— Да, да, пускай покаркаетъ еще!

Шумъ смолкаетъ.

Капуцинъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Мюнстеръ дьявола сыны,
Пришельцы изъ Голландїи туманной,
Явились проповѣдывать свое
Ученье богомерзкое—что слышимъ,
Что зримъ мы, братія? Нашъ славный градъ
Вертепомъ сталъ нечестья и безумья:

Осквернены божественные храмы,
 Навѣтами встрѣчаютъ и хулою
 Служителей Господнихъ, а жрецы
 Нелѣпой ереси священнымъ саномъ
 Пророческимъ кичатся. Власть земная
 И Божья власть унижена въ лицѣ
 Епископа, верховнаго владыки,
 Покинувшаго города непокорный
 И нынѣ рать собравшаго свою
 Передъ стѣнами Мюнстера съ угрозой
 Возмездія за бунтъ...

Голоса.

— Пускай грозить...

— А сунься-ка на приступъ, такъ увидить,
 Какъ угостимъ его мы на раскатахъ
 Свинцовыми орѣхами!

Крехтингъ.

Какъ мы

Вѣнками изъ смолы горящей будемъ
 Вѣнчать ландскнехтовъ...

Смѣхъ въ толпѣ,

Напуцинъ.

Жалкіе безумцы!

Чему смѣтесъ? Предъ бѣдой смѣтесъ!
 Вамъ знаменья являютъ небеса:
 Иль не видали въ облакѣ кровавомъ
 Мечей скрещенныхъ? Не слышали вы,
 Какъ въ часъ полночный гимнъ побѣдный смерти
 Гремѣли трубы воиновъ незримыхъ?..
 А въ небесахъ горящая комета,
 Простершая надъ Мюнстеромъ свой хвостъ, —
 Не предвѣщаетъ ли она, что городъ
 Метла небесная смететъ съ земли!

Крехтингъ.

Нѣтъ—вымететь она отцовъ-палистовъ
 Такихъ, какъ ты и братія твоя:
 Вотъ какъ явленіе метлы небесной
 Истолковали намъ пророки наши!

Въ толпѣ смѣхъ.

Капуцинъ.

Пророки ваши Матиссонъ и Янъ—
Исчадья ада, дѣти Вельзевула,
Отца грѣха и лжи...

Въ толгѣ варывъ негодованія.

Голоса.

— Молчи, безумный!

— Какъ смѣешь ты святыхъ мужей позорить!

Капуцинъ.

Пророковъ вашихъ Яна съ Матиссономъ
Господь низвергнетъ въ пламень адскій тотъ,
Откуда изошли они...

Голоса.

— Проклятый,

Гнусавый лицемѣрь!—Ты самъ туда
Провалишься!

Крехтингъ.

Мы самого тебя
Спровадимъ на костеръ сначала
За скверную и дерзкую хулу
На праведныхъ людей!

Голоса.

— Да, да—хватайте

Палиста лживаго!—Сожжемъ его!

— Сожжемъ!—Къ столбу тащите нечестивца!

Съ криками ярости хватаютъ капуцина и волокутъ его къ колоннѣ, привязываютъ
и подкладываютъ полѣнья.

— Прикручивай веревку!—Зажигай

Живѣй костеръ.—Тащи полѣнья.—Славно!

— Подпаливай, подпаливай еще!

СЦЕНА II.

Тѣ же, Матиссонъ.

Матиссонъ къ толпѣ.

Сіона дѣти! Граждане! постойте—
Что дѣлаете вы?

Голоса.

— Хотимъ мы сжечь
Паписта лживаго.—Ученье наше
Позорилъ онъ.—Тебя онъ поносилъ.

Матиссонъ.

Не будемъ омрачать мы дни свободы
Насиліемъ и казнями, друзья...
Пускай къ епископу уходитъ въ лагерь
Хулитель новой вѣры: вотъ отвѣтъ
Достойный на его хулу. Оставьте
Везумца жалкаго.

Толпа отступаетъ отъ капуцина.

Иди туда,

Гдѣ зло царить: тебѣ не подобаетъ
Быть въ сонмѣ тѣхъ, надъ кѣмъ зажегся свѣтъ
Ученья новаго и новой жизни...

Капуцинъ уходитъ. Матиссонъ обращается къ одному изъ толпы, державшему большую связку книгъ.

Что это у тебя?

Одинъ изъ толпы.

А— книги. Ихъ
Забралъ я въ домѣ стараго прелата.

Матиссонъ.

Зачѣмъ?

Одинъ изъ толпы.

Чтобъ сжечь ихъ.

Матиссонъ.

Это хорошо
Ты разсудилъ, мой другъ: не человѣка
Заблудшаго должны мы сожигать,
А суетную мудрость ту, что души
Людскія уловляетъ въ лживыхъ книгахъ.
Не книги нужны мертвыя теперь—
Живое слово, огненною искрой
Въ насъ зажигающее духъ живой
Святого вдохновенья и свободы.

Къ толпѣ.

Сіона мужи! Если вы огнемъ
Хотите изсушить грѣха источникъ,
То бросьте на костеръ вотъ этотъ хламъ,

И я, пророкъ живого слова, съ вами
Возрадуюся истребленю лжи!

Голоса.

— Да, да—въ огонь писанья фарисеевъ!
Пуускай горять!

Разбирають книги, тащатъ къ возвышенію, гдѣ колонна, и зажигаютъ ихъ.

Матиссонъ взявъ двѣ-три, раскрываетъ ихъ
одну за другой.

Вотъ толстый томъ—что тутъ?

А! «Камень основанья папской власти»—
Въ огонь! въ огонь!

Бросаетъ книгу.

А это что такое?—

«Истолкованье мудрости временъ»:
Педантовъ, буквоѣдовъ глупыхъ споры
О древнихъ бредняхъ... На костерь!

Бросаетъ книгу.

Крехтингъ подаетъ ему томъ,

Вотъ, погляди, пророкъ, тутъ есть картины...

Матиссонъ взявъ книгу.

«Творенія Овидія Назона
О приключеніяхъ боговъ, богинь.
Съ латинскаго»... Пустыя басни, сказки,
Растлѣніе сердець и душъ... Въ огонь!

Входитъ Янъ.

СЦЕНА III.

Тѣ же, Янъ.

Янъ удерживая руку Матиссона, который
хотѣлъ бросить книгу.

Постой, пророкъ! Не слѣдуетъ безъ мѣры
Усиливать огонь костра, чтобъ оный
Не истребилъ невиннаго съ виновнымъ.
Гаси лампы ночи въ утра часъ,
Но преклонись предъ дивнымъ свѣтомъ солнца,
Что радостнымъ лучомъ весь Божій міръ
Живить и наполняетъ красотою!

Жги, что мертво, мой другъ, но пощади.
Что вѣчно будетъ жить—поэта пѣсни!

Матиссонъ.

Вѣдь эти пѣсни—пагубный обманъ:
Въ нихъ славятся языческіе боги.

Янь.

Они давно низвергнуты рукой
Всесильной времени, давно погибло
Ихъ божество, отъ нихъ одно осталось:
Ихъ красота—и никакой костеръ
Не истребить тѣхъ образовъ чудесныхъ,
Что созданы пѣвца мечтою!.. Другъ,
Оставь пѣвцовъ: ихъ дивныя творенья
Въ наслѣдье нашей бѣдности даны,
Чтобъ утѣшать нашъ духъ.

Матиссонъ.

Ну, вотъ и видно,
Что слишкомъ долго ты бродилъ съ толпой
Безпутныхъ скомороховъ. Красотою
Они всегда готовы оправдать
Порочное искусство и забавы...
Для новой жизни надо истребить
Все, что орудіемъ разврата служить,
Какой бы внѣшней красотой оно
Ни увлекало духъ.

Янь.

Такъ что жъ, ты хочешь
Пустыней мертвой сдѣлать цѣлый міръ,
Чтобъ чарами прекраснаго всѣ люди
Не увлекались къ злу?.. Какъ ты, душой
Стремлюсь къ божественной и чистой жизни,
Но и въ раю я не желалъ бы жить
Оторваннымъ навѣки, отчужденнымъ
Отъ обаянья красоты, что душу
И сердце возвышаетъ. Если ты
Съ усердьемъ къ благу высшему не можешь
Слить жизни радости, то не мечтай,
Что принесешь ты міру избавленье
Отъ зла и бѣдствій. Нѣтъ, святой союзъ
И добродѣтели, и радости, и долга,

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ДЕКАБРЬ 1910 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

Богословіе.

Бышій богословъ. Необходима ли религія, главнымъ образомъ христіанство, для нравственности? Спб. 1911. Ц. 2 р. Соколовъ, М. Славянская книга Еноха Праведнаго. Тексты, латинскій переводъ и изслѣдованіе. М. 1910. Ц. 2 р. 50 к.

Философія, психологія, логика.

Бехтеревъ, В. Задачи и методъ объективной психологіи. Спб. 1909. Ц. 10 к.
— объективное изслѣдованіе нервно-психической сферы въ младенческомъ возрастѣ. Спб. 1909. Ц. 20 к.
— о половомъ оздоровленіи. Спб. 1910. Ц. 25 к.
Лапшинъ, И. Проблема «чужого я» въ новейшей философіи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 40 к.
Риктеръ, Р. Скептицизмъ въ философіи. Т. I. Спб. 1910. Ц. 3 р.
Эберъ, М. Прагматизмъ, изслѣдованіе его различныхъ формъ: англо-американскихъ, французскихъ, итальянскихъ и его религіознаго значенія. Спб. 1911. Ц. 85 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

Айкенвальдъ, Ю. Этюды о западныхъ писателяхъ. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.
Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. за два тома 3 р.
Розановъ, М. Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца 18 и начала 19 вѣка. Т. I. М. 1910. Ц. 2 р.
Садовской, Б. Русская Камена. Статьи. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

Александровъ, В. Въ міръ безумія и отчаянія. Отрывоки изъ воспоминаній. Спб. 1910. Ц. 50 к.
Андреевъ, Л. Собраніе сочиненій. Разказы, очерки и статьи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
Аннунціо, Г. Собраніе сочиненій. Т. VII. Пламя. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
Безобразова, М. Розовое и черное изъ моей жизни. Спб. 1910. Ц. 30 к.

«Истор. вѣстн.», январь, 1911 г., т. сxxviii.

5

- Бѣлая, С. Драмагическія сочиненія. Т. I и II. М. 1910. Ц. по 2 р.
- Вассерманъ, Я. Кларисса Мирабель. М. 1911. Ц. 50 к.
- Вербицкая, А. Злая роса. Повѣсть конца XIX вѣка, М. 1910. Ц. 1 р. 10 к.
- Сны жизни. Разказы. М. 1910. Ц. 1 р. 10 к.
- Вилли. Царица сцены. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Гавалевичъ, М. и Стахевичъ, П. Польскія народныя легенды о Богородицѣ. М. 1911. Ц. 1 р.
- Ганссонъ, О. Морскія птицы. М. 1911. Ц. 50 к.
- Дорога къ жизни. М. 1911. Ц. 50 к.
- Гладитъ, В. Депутатъ и угольный баронъ. Романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- Данилинъ, Н. Разказы. Книга 3-я. М. 1911. Ц. 1 р.
- Достоевскій, Ф. Бѣсы. 2 тома. Романъ. Спб. 1911. Ц. 3 р.
- Зангвиль, И. Собраніе сочиненій. Т. I. Комедіи Гетто. М. 1910. Ц. 80 к. Т. II. Мечтатели и фантазеры. Ц. 1 р.
- Ибаньесъ, Б. Въ апельсиновыхъ садахъ. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.
- Каленбергъ, Г. Ева. Романъ. М. 1911. Ц. 1 руб.
- Карповъ, Е. Драмагическія сочиненія. Т. I. М. 1910. Ц. 2 р.
- Кюппницкая, М. Картинки изъ тюремной жизни и другіе разказы. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- Собраніе сочиненій. Т. I. На нормандскомъ берегу. М. 1911. Ц. 1 р.
- Кузминъ, М. Куранты любви. Слова и музыка. М. 1910. Ц. 8 р.
- Лезюэръ, Д. Нищеланка. Романъ. М. 1911. Ц. 85 к.
- Леружъ, Г. На планетѣ Марсъ. Романъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 15 к.
- Лондонъ, Д. Собраніе сочиненій. Т. I. Вѣлое безмолвіе. М. 1910. Ц. 80 к.
- Манушинскій, К. Романгическія исторіи и «въ валеидоскопѣ». М. 1911. Ц. 1 р.
- Мерцаловъ, И. Забытые аккорды. Стихотворенія. Х. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Одинецъ, Н. Проваль. Пьеса въ 5 д. изъ войны 1904—05 г. Paris. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Пономаревъ, И. Живой товаръ. Романъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- Пшибышевскій, С. Сумерки. Ч. 2. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- Ремизовъ, А. Сочиненія. Т. I. Спб. 1910. 1 р. 25 к.
- Сергѣевъ-Ценскій, С. Разказы. Т. 5-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Сивачевъ, М. На судъ читателя.— Записки литературнаго Макара. М. 1910. Вып. 1. Ц. 35 к. Вып. 2. Ц. 40 к.
- Снѣгина, О. Разказы. Т. I. Спб. 1911. У. 1 р.
- Сологубъ, Ф. Стихи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Сургучевъ, И. Разказы. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Сверцевъ-Полиловъ, Г. Послѣ грозы. Три повѣсти современной растерянности. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Твенъ, М. Разказы. М. 1911. Ц. 1 р.
- Тимковскій, Н. Повѣсти и разказы. Т. 7. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- Тинайръ, М. Тѣнь любви. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Тинэръ, М. Право на любовь. М. 1910. Ц. 85 к.
- Устиновъ, С. Ладинъ (герой послѣдняго времени). Романъ. Изд. 3-е А. С. Суворина. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- Фюрды. Сборникъ № 6. Датскіе, норвежскіе, шведскіе писатели. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
- Фонвизинъ, С. Въ смутные дни. Романъ. Спб. 1911. Ц. 2 р.
- Чеховъ, М. Свирѣль. Повѣсти. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Шмелевъ, И. Разказы. Т. I. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Шоу, Б. Собраніе сочиненій. Т. I. Пьесы. М. 1910. Ц. 75 к.
- Щегловъ, И. Смѣхъ жизни. Новые юмористическіе разказы. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Эноутъ, Ж. Кажда любви. Романъ. М. 1910. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- Афонскій, А. Николай Ивановичъ Пироговъ, его жизнь и педагогическая проповѣдь. М. 1911. Ц. 30 к.
- Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. М. 1910. Ц. по подпискѣ 18 р., въ перепл. 22 р. 20 к.
- Довнаръ-Запольскій, М. Торговля и промышленность Москвы XVI и XVII вв. М. 1910. Ц. 1 р. 60 к.
- Ильинскій, Г. Краткій курсъ исторіи южныхъ славянъ. Х. 1909. Ц. 85 к.
- Караваевъ, Александръ Львовичъ. Другъ народа. Спб. 1910. Спб. 30 к.
- Каръевъ, Н. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи? Спб. 1910. Ц. 60 к.
- Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. 2-й. М. 1910. Ц. 3 р. 25 к.
- Лѣтопись Историко-Филологическаго общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ. XVI. Византійско-славянское отдѣленіе. Одесса. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- Memoires d'Alxiexis de Bachmeteff. Спб. 1908. Ц. 3 р.
- Назаревскій, В. Великія историческія годовщины. 1612—1613—1812. М. 1911. Ц. 75 к.
- Платоновъ, С. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ 16—17 вв. Изд. 3-е. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Плетневъ, А. Воспомянія. Одесса. 1910. Ц. 40 к.

Русский биографический словарь (Притвицъ—Рейсъ). Спб. 1910. Ц. 5 р.
Соколовъ, Д. 25 лѣтъ борьбы. Воспоминания врача. Спб. 1910. Ц. 1 р.
Туринъ, Н. Коммиссаржевская въ жизни и на сценѣ. М. 1910. Ц. 80 к.

Шумановъ, С. Экскурсы по исторіи помѣстнаго приказа. М. 1910. Ц. 50 к.
Щербатовъ, М. Матеріалы для справочной книги по русскимъ портретамъ. Вып. 1-й. А. Москва. 1910. Ц. 1 р. 25 к

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

Арцыбашевъ, М. Письма изъ-за границы. Спб. 1910. Ц. 30 к.
Богдановъ, К., и Степановъ, И. Курсъ политической экономіи. Т. I. Спб. 1910. Ц. 2 р.
Вопросы общественно-вѣднія. Вып. 3-й. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
Выдринъ, В. Отчужденіе недвижимыхъ имуществъ для государственной или общественной пользы (подъ желѣзн. дор.). Законы и разъясненія. Чита. 1910. Ц. 2 р.
Горбачевъ, И. Товарищества полныя, на вѣрѣ, кредитныя, ссудо-сберегательныя, трудодовыя и съ переменнымъ капиталомъ. М. 1911. Ц. 3 р. 50 к.
Грингмутъ, В. Собраніе статей. Вып. 3 и 4. Политическія статьи. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
Гуляевъ, А. Иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія въ практикѣ Гражданскаго Кассационнаго Департ. Правит. Сената. Спб. 1911. Ц. 50 к.
Добровольскій, В. Гражданское и торговое законовѣдніе. Вильна. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
Ефремовъ, И. Русскіе народные представители въ Англии и Франціи лѣтомъ 1909. Спб. 1911. Ц. 1 р.
И—ій. Въ поискахъ лучшаго. Соціально-экономическій очеркъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
Литгаузъ, З. — и Сониковъ. Рабочій жилищный вопросъ. Астрахань. 1909. Ц. 2 р.
Мирлесъ, А. Краткій курсъ международнаго права применительно къ экзаменаціонной программѣ. Киевъ. 1911. Ц. 1 р.
Огановскій, И. Закономѣрность аграрной эволюціи. Ч. 2. Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи. Саратовъ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
Озеровъ, И. Обратная сторона нашего бюджета. М. 1911. Ц. 1 р.

Охранительное судопроизводство и конкурсный процессъ. Спб. 1911. Ц. 85 к.
Петражицкій, Л. Объясненія проф. Сергѣевича по поводу его критики. Спб. 1910. Ц. 25 к.
Полянскій, Н. Уголовный процессъ. Уголовный судъ, его устройство и дѣятельность. М. 1911. Ц. 50 к.
Раевскій, А. Трудовая помощь какъ задача государственнаго управления. Харьковъ. 1910. Ц. 50 к.
Ротенбергъ, Л. Полный сводъ рѣшеній уголовного кассационнаго департамента Правит. Сената. Вышелъ по подпискѣ полутомъ 5-й и 6-й.
Соколовъ, А. Борьба съ фальсификаціей (предметовъ потребления). М. 1910. Ц. 40 к.
Соколовъ, И. О поводахъ къ разводу въ Византіи съ половины IX до половины XV вѣка. Историко-правовой очеркъ. Спб. 1911. Ц. 2 р.
Тунилинъ, А. Современный Китай. Т. 1-й. Спб. 1910. Ц. 3 р. Т. 2-й. Ц. 2 р. 50 к.
Тютрюмовъ, И. Законы гражданскіе. Т. X, ч. 1-я. Спб. 1911. Ц. 6 р. 50 к.
Уставы русскихъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Ч. 1. Спб. 1910. Ц. 5 р., ч. 2-я, ц. 5 р., ч. 3, ц. 2 р.
Федоровскій, Н. Главнѣйшій путь къ обезпеченію народнаго благосостоянія. Ц. 15 к.
Филипповъ, Ю. Законы межевые. Спб. 1911. Ц. 3 р.
Шульговскій, Н. Кружокъ философіи права проф. Л. I. Петражицкаго при Спб. университетѣ за десять лѣтъ существованія. Спб. 1910. Ц. 50 к.
Яковлева, С. Пророчица нашихъ дней Жозефина Бутлеръ и ея крестовый походъ. Спб. 1910. Ц. 25 к.

Искусство.

Вальтеръ, В. Музыкальное образованіе любителя. Спб. 1911. Ц. 1 р.
Грабаръ, И. Исторія русскаго искусства. По подпискѣ вышелъ выпускъ 6-й.
Молленгаузъ, Н. Музыкальное искусство и христіанская религія. М. 1910. Ц. 25 к.
Муратовъ, П. Образы Италіи. Т. 1-й. Венеція. — Путь къ Флоренціи. — Флоренція. — Городъ Тосканы. М. 1911. Ц. 2 р. 25 к.
Пясенцій, В. Нормальныя и идеальныя пропорціи человѣческаго тѣла. Спб. 1910. Ц. 50 к.
Ролланъ, Р. Народный театръ. Спб. 1910. Ц. 70 к.

Ролсъ. Критическій очеркъ Н. Евреинова. Иллюстрированная монографія. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
Сидамонъ-Эристовъ, В. Собраніе русской старины. Вып. 1. Вышивки и кружева. М. 1910. Ц. 1 р.
Художественная бібліотека. Бернъ. Джонсъ. Ваттъ. Ф. Гальсъ. Милла. Рафазль. Рембрандтъ. Дж. Серджентъ. Ц. каждаго тома 1 р. 25 к.
Шевуевъ, Н. Братья Карамазовы на сценѣ Художественнаго театра. М. 1910. Ц. 50 к.

Естествознание и математика.

- Ауэрбахъ, Ф. Основныя понятія современнаго естествознанія. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- Кононовъ, В. Краткій очеркъ анатоміи растений въ микроскопическихъ препаратахъ. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- Лебединскій, В. Элементарное ученіе объ энергіи. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- Мережковскій, К. Конспективный курсъ общей ботаники. Ч. 1. Казань. 1910. Ц. 2 р. 70 к.
- Раппопортъ, Б. Подробнѣйшія рѣшенія примѣровъ по интегральному исчисленію, предложенныхъ въ сборникѣ задачъ В. Ш. и курсѣ интегральнаго исчисленія Пароменскаго. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ задачъ по теоретической механикѣ. Ч. 1-я. Спб. 1911. Ц. 70 к., часть 2-я. Ц. 50 к.
- Смирновъ, С. Подробныя рѣшенія задачъ, относящихся къ курсу теоретической механики. Ч. 1. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к. Ч. 2-я. Кинематика и динамика. Ц. 1 р. 50 к.
- Стратоновъ, Солнце. Въ перепл. Ц. 12 р.
- Фоссъ, А. О сущности математики. Спб. 1911. Ц. 85 к.
- Электрическія колебанія и волны. Вып. 1. Общія основанія телеграфіи и телефоніи съ помощью электрическихъ вольтъ. Спб. 1910. Ц. 90 к. Вып. 2-я. Ц. 90 к. Вып. 5-й. Ц. 1 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- Гребенциновъ, А. Въ Вухту и Мэргенъ по р. Нонни. Изъ путешествія по Манчжуріи. Харбинъ. 1910. Ц. 1 р.
- Краткій очеркъ образцовъ Манчжурской литературы. Владивостокъ. 1909. Ц. 50 к.
- Дальневосточное Обзорніе. Вып. 1-й. Тибетъ. Монголія. Японія. Составлено на основаніи отзывовъ всевѣстной прессы, подъ редакціей В. Гольмстремъ. Спб. 1910. Ц. 2 р.

Языковѣдніе.

- Бородицкій, В. Опытъ физиологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными. Казань. 1909. Ц. 1 р.
- Очерки по языковѣднію и русскому языку. К. 1910. Ц. 2 р.
- Сравнительно-грамматическій комментарий къ текстамъ аріо-европейскихъ языковъ. Вып. 1. Казань. 1909. Ц. 1 р.
- Дагбашьянъ, А. Полный русско-армянскій словарь. Т. I и II. Тифлисъ. Цѣна за оба тома 8 руб.

Сельское хозяйство и домоводство.

- Андреевскій, В. Какъ хutorьянамъ С.-Петербургской и сосѣднихъ губерній начать свое новое самостоятельное хозяйство. Спб. 1910. Ц. 35 к.
- Григорьевъ, В. Помощь земледѣльцу. Чѣмъ удобрить землю, когда навоза мало. Спб. 1911. Ц. 10 к.
- Какъ отъ хлѣбнаго навоза получить больше пользы. Ц. 5 к.
- Птицевѣдніе и птицеводство. Вып. I. М. 1910. Ц. 1 р.
- Сельско-хозяйственный и экономическій бытъ старообрядцевъ. М. 1910. Ц. 2 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- Адагуровъ, И. Подтоварный кредитъ въ коммерческихъ банкахъ. Теорія и практика. Вып. 1-й. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- Барботъ де-Марни, Е. Уралъ и его богатства. Спб. 1910. Ц. 3 р. 50 к.
- Карницкій, А. Гибнущіе лѣса. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- Кафенгаузъ, Л. Развитие русскаго сельскохозяйственнаго машиностроенія. X. 1910. Ц. 50 к.
- Литошенко, Л. Таможенное обложеніе въ Россіи сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій и его значеніе для русскаго сельскаго хозяйства. X. 1910. Ц. 1 р.
- Торнау, Н. Итоги вѣншей торговли Россіи за 1901—1908 гг. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Шавровъ, Н. Значеніе разливовъ Аракса для кавказской рыбопромышленности и жѣры къ ихъ наилучшему использованию. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Швиттау, Г. Промышленные конфликты. Спб. 1911. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- Базенахъ, Н. Вопросы воздухоплаванія. В. 1-я. Три системы управляемыхъ аэростатовъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.
- Вейгельмъ, Н. Азбука воздухоплаванія. Спб. 1911. Ц. 90 к.
- Wernicke, K. Проектированіе электрическихъ установокъ и составленіе смѣтъ къ нимъ. М. 1911. Ц. 1 р. 95 к.
- Ганзенъ, Ф. Какъ построить аэропланъ. Спб. 1910. Ц. 15 к.

- Діамандиди, Н. Иллюстрированные расчетыныя вѣдомости на строительныя работы. Тамбовъ. 1910. Ц. 2 р.
- Juppemann, J. Горючіе матеріалы и брикетное производство. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- Захаревичъ, І. Курсъ внутреннихъ естественныхъ водныхъ путей сообщенія. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Какъ получить чистую и здоровую воду. Спб. 1911. Ц. 20 к.
- Колтоновскій, П. Аэромоторциклеть или какъ передѣлать мотоциклеть въ аэропланъ. (Спб. 1911. Ц. 50 к.
- Кульжинскій, С. и Элькинъ. Паровозный парть казен. желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1910. Ц. 3 руб.
- Martens, A. Испытаніе строительныхъ матеріаловъ. Ч. I. Способы испытанія. Спб. 1910. Ц. 6 руб.
- Махаевъ, Ф. Работы изъ сучьевъ. Спб. 1911. Ц. 30 к.
- Обрембовичъ, Н. Проектъ нормъ для техническихъ расчетовъ отопленія. Варшава. 1910. Ц. 75 к.
- Орловскій, П. Технические данныя и цѣны автомобилей, выпускаемыхъ главн. фабриками: Франц., англ., нѣмец. и итальянскими. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Патонъ, Е. Желѣзные мосты. Т. 1-й. Фермы бадочныхъ мостовъ, матеріалъ и заклепки. Кіевъ. 1911. Ц. за два тома 7 р.
- Прокофьевъ, И. Желѣзные мосты. Обработка, сборка и установка. Спб. 1911. Ц. 5 р.
- Пришовскій, П. Практическое руководство къ изученію и обслуживанію телеграфнаго аппарата Юза. Спб. 1911. Цѣна съ атласомъ 2 р. 50 к.
- Саввинъ, Н. Теплота рѣзанія. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- О новыхъ способахъ парѣзанія зубчатыхъ колесъ фрезой. Ц. 25 к.
- Шарновъ, И. Альбомъ земскихъ школьныхъ зданій. Тамбовъ. 1909. Цѣна съ прил. 3 руб.
- Шово, М. Газовые двигатели. Спб. 1911. Ц. 80 к.
- Штаубъ, Б. Обезвреживаніе городскихъ отбросовъ, сооруженіе биологическихъ станцій для очистки сточныхъ и kloачныхъ водъ. Саратовъ. 1910. Ц. 2 р.
- Къ вопросу о механическомъ освѣтленіи или биологическомъ обезвреживаніи канализаціонныхъ водъ гор. Саратова и спускъ ихъ въ рѣку Волгу. Саратовъ. 1910. Ц. 50 к.
- Штернь, Н. Современные аэропланы. Спб. 1910. Ц. 15 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- Воейковъ, А. Климатъ Кисловодска въ зимнее полугодіе и сравненіе его съ другими климатолечебными мѣстами. Спб. 1910. Ц. 10 к.
- Граффъ, Э. Что необходимо знать страдающему сахарной болѣзью, чтобы возстановить свое здоровье. Спб. 1910. Ц. 40 к.
- Звѣриновскій, Ф. Основы дентіатри. Вып. 1-й. Анатомія полости рта и зубовъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- Ивановъ, М. Краткое руководство для военныхъ санитаровъ-дезинфекторовъ холернаго времени. Спб. 1911. Ц. 35 к.
- Игнатьевъ, В. Невлдимые враги и борьба съ ними. М. 1910. Ц. 2 р. 40 к.
- Осокина, Н. О леченіи послѣ апоплексическихъ двигательныхъ расстройствъ упражненіями. Казань. 1909. Ц. 15 к.
- Павловскій, Л. Экспериментально-психологическое изслѣдованіе умозаключеній у душевно-больныхъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Таренецкій, А. Нормальная анатомія. Ч. I. Спб. 1909. Ц. за обѣ части 3 р.
- Х. Дж. Гипнозизмъ и леченіе магнетизмомъ. Ц. 1 р. 75 к.
- Эрлихъ, П. и Хата, С. Экспериментальная химиотерапія спиральныхъ заболѣваній. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Военное и морское дѣло.

- Баненовъ, П. Сандену—Мукденъ. Воспоминанія очевидца—участника войны. Спб. 1911. Ц. 3 р.
- Петровъ, С. Способы повысить мѣткость собственной стрѣльбы до крайнихъ предѣловъ при правильномъ прицѣлываніи. Забѣтки и наблюденія строевого офицера. Спб. 1910. Ц. 70 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Абрамовъ, Н. Даръ слова. Вып. 10. Искусство разсказа. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Бохтеревъ, В. Вопросы воспитанія въ возрастъ перваго дѣтства. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Білоусенко, О. Вінокъ. Хрестоматія для дѣтей молодшого віку. М. 1911. Ц. 1 р. 20 к.
- Бутенко, В. Краткій очеркъ исторіи русской торговли въ связи съ исторіей промышленности. М. 1911. Ц. 60 к.
- Василевскій, Б. Полныя рѣшенія и подробныя поясненія всѣхъ задачъ сборника стереометрическихъ задачъ рѣшаемыхъ при помощи тригонометри. Гор. Сумы. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
- Ветуховъ, А. Пѣсколько замѣчаній по вопросу о томъ, вліяетъ ли языкъ и на абстрактнѣйшія доктрины, каковы: счисленіе (ариметика) и математика, все ли равно, на какомъ языкѣ учить и учиться счету. Варшава. 1910. Ц. 15 к.

- Вопросы и нужды учительства. Вып. 10. Ц. 15 к.
- Гань, И. Спутникъ правописанія. Изд. 8-е Вильна. 1911. Ц. 30 к.
- Х педагогическіе Курсы вѣдомства военно-учебныхъ заведеній. Сборникъ третій 1900—1910. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- Добрый, Р. Почему молодежь кончаетъ самоубійствомъ? Спб. 1911. Ц. 1 р.
- Друммондъ, У. Введеніе въ изученіе ребенка. М. 1910. Ц. 2 р.
- Дюньинъ, Н. А. П. Чеховъ. Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Спб. 1911. Ц. 40 к.
- Егурновъ, И. Малоспособность учащихся дѣтей и приемы борьбы съ нею. Одесса. 1911. Ц. 60 к.
- Корчинскій, Х. Въ поискахъ новыхъ методовъ обученія грамотѣ. Спб. 1910. Ц. 25 к.
- Планъ педагогической реформы. Спб. 1911. Ц. 20 к.
- Либенъ, П. и Шуйская, А. Краткій курсъ русской исторіи съ приложеніемъ родословныхъ и хронологическихъ таблицъ и восьми картъ. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- Лотцнй, Г. Душа твоего ребенка. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Ляминъ, А. Элементарная теорія разложенія множителей алгебраическихъ выраженій. М. 1911. Ц. 30 к.
- Назаровъ, И. Коммерческая арифметика съ объясненіемъ простыхъ и десятичныхъ дробей въ двадцати пяти урокахъ. Упрощенный курсъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- Палладинъ, В. Учебникъ ботаники для реальныхъ и коммерческихъ училищъ. Юрьевъ. 1910. Ц. 60 к.
- Паршинъ, И. Геометрія для городскихъ, торговыхъ и министерскихъ школъ. М. 1911. Ц. 50 к.
- Румянцевъ, Н. Н. И. Пироговъ, его взгляды на природу дѣтей и задачи воспитанія. Спб. 1910. Ц. 15 к.
- Свѣнцицкій, В. Краткій курсъ аналитической геометріи на плоскости. М. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Спорова, А. Руководство къ изученію этнографіи. М. 1910 г. Ц. 1 р.
- Тарапыгинъ, Ф. Матушка Русь. Хрестоматія. Часть 2-я. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Тулуповъ, Н. и Шестановъ, П. Третья ступень въ литературу. Хрестоматія для младшихъ классовъ мужск. и женск. сред. учебн. завед. и домашнего обученія. М. 1911. Ц. 1 р. 40 к.
- Чирьевъ С. Наше преступленіе въ отношеніи къ среднему и высшему образованію. Киевъ. 1910. Ц. 30 к.
- Шахъ-Пароніанцъ, Л. Конспекты (схемы) темъ для сочиненій. Часть 2-я. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- Эрдманъ, Э. Психологическая система конструкцій и формъ нѣмецкаго языка. Варшава. 1910. Ц. 1 р. 25 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- Богдановъ, М. Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и рассказы. Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 2 р. 25 к.
- Бостромъ, А. Какъ Юра знакомится съ жизнью животныхъ. Для маленькихъ дѣтей рассказы. М. 1911. Ц. 75 к.
- Васильковскій, П. Чудеса животнаго міра (зоологія для всѣхъ). Хрестоматія для чтенія въ семьѣ и въ школѣ. Съ 185 рис. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1911. Ц. 3 р. 25 к., въ перепл. 4 р.
- Городъ и деревня. Картинки изъ дѣтской жизни. Рисунки А. Эйнера. Текстъ Н. Юрьина (Бенедикта). Изд. А. С. Суворина. Спб. 1910. Ц. 2 р. 50 к.
- День лизы. Текстъ С. М. Макаровой. Для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.
- Избранныя стихотворенія для дѣтей младшаго возраста. Кн. 1-я. М. 1910. Ц. 60 к.
- Изергинъ, Русскія сказки. М. 1911. Ц. 2 р., въ пащкѣ 2 р. 25 к.
- Майнъ-Ридъ. Прошавшая сестра. Спб. 1910. Ц. 2 р.
- Круковский, М. По горамъ и доламъ. Повѣсть о странствованіяхъ юнаго гимназиста. Спб. 1910. Ц. въ пер. 2 р. 75 к.
- Поздняковъ-Ухтомцовъ, Н. Герой. Спб. 1910. Ц. въ пер. 35 к.
- Сальгари, Э. Сокровище голубыхъ горъ. Приключенія на морѣ и на сушѣ. М. 1910. Ц. 50 к.
- Сильва кармень. Сказки. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- Туманъ и другіе рассказы для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1911. Ц. 35 к.
- Фабръ. Насѣкомыя мертвѣды. Спб. 1911. Ц. 30 к.
- Чарская, Л. Такъ велѣла царица. Историческая повѣсть для дѣтей. Спб. 1910. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

Справочныя книги.

- Альманахъ календарь для всѣхъ на 1911 годъ. Ц. 20 к.
- Записныя книжки изд. Риккера на 1911 г. Цѣна 60 к., 75 к., 1 р. 05 к., 1 р. 10 к., 1 р. 20 к., 1 р. 30 к., 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 20 к., 2 р. 40 к.
- Накъ нанить деньги. Законы успѣха въ денежныхъ дѣлахъ. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- Костинъ, М. Справочная книжка о Психоневрологическомъ Институтѣ съ краткими свѣдѣніями о его дѣятельности за 1909—10 учебный годъ. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- О землемѣрномъ отдѣленіи первыхъ въ Свѣ. Политехническихъ Курсовъ и о подготовкѣ при нихъ въ помощники землемѣровъ землеустроительныхъ комиссій. Спб. 1911. Ц. 50 к.

Острогорскій, М. Юридическій календарь на 1911 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р. 50 к. въ кож. 1 р. 80 к. Русскій карманный календарь для всѣхъ на 1911 г. Ц. 15 к. Старосивильскій, С. Справочная книга	объ испытаніяхъ на учительскія званія (для всѣхъ учебныхъ округовъ). Варшава. 1911. Ц. 1 р. 15 к. Шимановскій, Н. Охрана лѣса. Руководство для должностныхъ лицъ низшей лѣсной администраціи. Слб. 1910. Ц. 80 к.

Періодическія изданія.

«Военно-Историческій Вѣстникъ». № 7—8. 1910. Ц. 1 р. 50 к. «Воздухоплаватель». № 11. 1910. Ц. 50 к. «Вѣстникъ Азии». Журналь № 6. 1910. Ц. 1 р. «Вѣстникъ теософіи». № 11. Слб. 1910. Ц. 75 к. «Европейская низь». Худож.-литературн. журналь № 26. 1910. Ц. 20 к. «Извѣстія Архангельскаго общества изученія русскаго сѣвера». № 21. 1910 г. Ц. 25 к. Извѣстія Кіевскаго Коммерческаго Института 1909—10 г. Кн. 1, 2, 3. Ц. кажд. кн. 1 р.	«Коммерческое образованіе». Органъ Русск. Счетоводн. Общ. взаимн. помощи. Журналь. № 2. 1910. Ц. 50 к. «Наша охота». Журталь. № 10. 1910 г. Ц. 60 к. «Охраны Россіи». Журналь. № 45—47. 1910 г. Ц. кажд. № 10 к. «Оса». Юмор. журн. № 42. 1910 г. Ц. 10 к. «Русскій Архивъ». № 10. 1910 г. Ц. 1 р. «Русско-Американскій Вѣстникъ». Журн. № 2. 1910 г. Ц. 30 к. «Свободнымъ Художествамъ». Журналь. № 1. Ц. 1 р. 25 к. «Хуторъ». Журналь. № 11. 1910. Ц. 30 к. «Экономистъ Россіи». Журналь. №№ 44—46. 1910 г. Ц. 20 к.

Съ доставкой
въ Москвѣ и
пересылк. по
Имперіи
4 р. годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г.

(V-й годъ изданія)

Ред.-изд. А. В. Кругловъ.

Съ доставкой
въ Москвѣ и
пересылк. по
Имперіи
2 р. 1/2 года.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ ИЗВѢСТН. ПИСАТЕЛИ И УЧЕНЫЕ.

4 руб. въ
годъ.

„СВѢТОЧЪ“

2 руб. въ
полгода.

И

Дневникъ Писателя

Иллюстрированный ежемѣсячный литературно-научный журналъ для всѣхъ, по программѣ—обычной для ежемѣсячниковъ.

Въ 1911 году подписчики получаютъ:

- 12** №№ иллюстрированнаго журнала и бесплатн. приложенія:
- 5** №№ дѣтскаго журнала «МАЛЕНЬКІЙ СВѢТОЧЪ».
- 1** повѣсть — «ПОБѢДА», А. В. Круглова.
- 1** томъ этюдовъ «ЦВѢТОЧНОЕ КРУЖЕВО» («Узоры творческой мысли»).
- 1** Иллюстрированный календарь на 1911 годъ.

Подписавшіеся на 1911 г. до 25-го декабря 1910 года сверхъ всего получаютъ

- 1) «Въ чемъ счастье?» этюдъ.
- 2) «Вечернія пѣсни», изящно-изданный томъ стихотвореній А. В. Круглова на хорошей бумагѣ, съ портретомъ и факсимиле автора.
- 3) Полный комплектъ журнала за 1910 г. за 3 р. вмѣсто 4 р.

Подписывающіеся сразу на 10 год. экз. получ. 11-й безпл.

Разрочные пользуются всѣми правами годовыхъ.

Книжн. магазины за комиссію получ. 20 к. съ год. экз. журнала

Москва, Тверская, ул. Брюсовскаго пер., д. пр. Олсуфьевой, редакція «Свѣточа» и «Дневника Писателя». Телефонъ 83—00.

Допускается разсрочка: 2 р. при подпискѣ и 2 р. нѣ 1-му Марта.

За границу только на годъ 6 р. 50 к.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1911 году

(ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» издается въ 1911 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе тридцать одинъ годъ (1881—1910).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всеми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ Кіевѣ, при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
ФЕВРАЛЬ 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ

ФЕВРАЛЬ, 1911 г.

	СТРАН.
I. Кольчезская вощина. Романъ. Часть I, гл. VII—XII. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштеть.	417
II. Последніе орлы. (Силуэты конца XIX вѣка). Гл. III—IV. (Окончаніе). П. П. Глѣдича.	458
III. Замученный. Н. Д. Федорова.	489
IV. Мои цензора. (Изъ воспоминаній). Г. Г. Ясинскаго.	533
V. Встрѣчи и знакомства. (Продолженіе). А. Н. Соколовой.	558
VI. Не жизнь, а декорация. (Изъ провинціальныхъ настроеній). (Окончаніе). Н. Н. Оглоблина.	578
VII. У могилы Т. Г. Шевченка. (Къ пятидесятилѣтію со дня его кончины). П. Корневскаго.	604
Иллюстраціи: 1) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.—2) «Тарасова свитлица».—3) У могилы Т. Г. Шевченка. Курганъ съ крестомъ.	
VIII. «Весьма секретное» дѣло. Н. А. Крыжановскаго.	617
IX. Памяти А. М. Скабичевскаго. Б. В. Глинскаго.	623
Иллюстраціи: 1) Александръ Михайловичъ Скабичевскій.	
X. Евреи въ роли политическихъ сыщиковъ. (Изъ давнопрошедшаго). И. Ф. Павловскаго.	649
XI. Русскіе ученые въ Персіи. Н. П. Фирсова (А. Рускина).	653
XII. Великая годовщина. (19 февраля 1861—1911 г.).	659
Иллюстраціи: 1) Императоръ Александръ Николаевичъ.—2) Перо, которымъ Императоръ Александръ II подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.	
XIII. Пѣшкомъ по Кавказу. (Лѣтняя экскурсія 1909 г.). IV—VI. (Продолженіе). А. А. Моцанскаго.	667
Иллюстраціи: 1) Башня царицы Тамары.—2) Чоротвы ворота.—3) Гора Казбекъ.—4) Церковь въ селеніи Казбекъ и памятникъ (надгробію) писателю Александру Казбеку.—5) Сіонъ.—6) Гора и снѣговая поля между станціей Коби и Крестовымъ переваломъ.—7) Остатки снѣгового завала и разбитая имъ галерея.—8) Крестовый перевалъ и Гудь-гора.—9) Арагва близъ станціи Мелгы.—10) Въ двухъ верстахъ отъ Пассанаура.	
XIV. Торжественное чествованіе Г. Г. Ясинскаго. (По случаю 40-лѣтія его литературной дѣятельности). Г. Л. П.	694
XV. Критика и библіографія.	710
1) Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. М. 1911 г. Б. Глинскаго.—2) Проф. М. К. Любавскій. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно. Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому князеству Литовскому и его областямъ. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ. М. 1910. В. Рудакова.—3) А. Титовъ. Высокопресвященнѣйшій Іаковъ, архіепископъ нижегородскій и арзамасскій († 20 мая 1850 г.). М. 1910. А. н.—ово.—4) В. Н. Сумцовъ. Аракчеевцы въ Грузію и Аракчеевку. Экскурсіонный очеркъ. Съ 22 рис. и 2-мъ схематич. картами. Нижний-Новгородъ. 1910. Я.—5) М. Вородзинъ, Исторія Финляндіи. Время Елизаветы Петровны. Съ портретами, иллюстраціями и копій карты 1742 г. Спб. 1910. М. Соколовскаго.—6) П. Мансуровъ. Константинопольская церковь. Очеркъ основныхъ началъ строя ея въ XIX вѣкѣ. Часть первая. Центральное управленіе. М. 190). Церемоніахъ I.—7) Петръ Великій—въ его изреченіяхъ. Спб. 1910. В. Р.—ва.—8) Проф. П. Жуковичъ. Семейная борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (въ 1609 г.). Пятый выпускъ (1625 — 1629 г.). Спб. 1910. И. А.—9) Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ VIII. Съ указателемъ	

(См. слѣд. стран.)

статей, рефератовъ и проч. въ «Дѣйствіяхъ» и «Сборникахъ» комиссіи. Н.-Новгородъ. 1910. В. Рудакова. — 10) Ермоловъ, А. С. Современная пожарная эпидемія въ Россіи. Спб. 1910. В. Кузнецова. — 11) Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Часть II-я. Служба пограничной стражи въ военное время. Выпускъ 2-ой. Участіе въ Отечественной войнѣ 1812 года; въ усмиреніи польскихъ мятежей 1830—1831 и 1863—1864 годовъ; въ войнѣ 1877—78 года; въ китайской войнѣ 1900 года и въ войнѣ съ Японіей. 1904—1906 г. М. Чернушевичъ. 1910. В. Тютчева. — 12) Русскій Филологическій Вѣстникъ. Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей проф. Е. Ф. Карскаго. Варшава. 1910. № 1—4. п. с. — 13) Николай Яковлевичъ Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. Очерки и воспоминанія гр. Л. Н. Толстого, Вл. С. Соловьева, О. А. Шебора, В. И. Шенрока, В. Н. Ивановскаго, Л. М. Лопатина, П. П. Соколова, Алексѣя И. Введенскаго, Ю. И. Алфенвальда, Э. Л. Радлова, Г. И. Челпанова, Д. В. Викторова, В. В. Розанова, Е. В. Спекторскаго. Письма гр. Л. Н. Толстого, Н. Н. Страхова, А. Ф. Кошк. Вл. С. Соловьева, кн. С. Н. Трубецкаго, архіепа. Никанора и самого Н. Я. Грота. Съ приложеніемъ портретовъ и нѣсколькихъ биографическихъ и библиографическихъ матеріаловъ. Спб. 1911. Я. н. — 14) Русскій биографическій словарь. Спб. 1910. А. б. — 15) Академическая бібліотека русскихъ писателей. Выпуски 3-й и 4-й. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томы II и III. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамозича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1910. В. Рудакова. — 16) Вылиня. Вступительная статья и выборъ текста Е. А. Ляцкого. Спб. 1911. м. л. — 17) Императорская академія художествъ. Галерея графа Н. А. Купалева-Везбородка. Альбомъ. Текстъ М. И. Дальевича. м. л. — 18) Великій русскій критикъ В. Г. Вѣлиискій. Научно-популярный биографическій очеркъ. Составилъ В. Е. Рудаковъ. Съ портретомъ В. Г. Вѣлиискаго. Спб. 1910. б. г. — 19) Владимиръ Короленко. Вызовное явленіе. (Замѣтки публициста о смертной казни). Спб. 1910. м. л. — 20) Г. Т. Свверцевъ-Полиловъ. Поездъ грозы... Три повести современной растерянности. г. — 21) Вадень-Шауль. Юный развѣдчикъ. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Спб. 1911. л. м. — 22) Прѣгледъ. Софія. С. Л. А—ва. — 23) Карлъ Петръ Кейль. О нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обработкахъ трактата Луки Пачолоа по бухгалтеріи. Очеркъ къ (какъ?) исторіи бухгалтеріи. Переводъ съ нѣмецкаго съ біографіей К. П. Кейля С. Ф. Иванова. Могилевъ губ. 1910. А. м.—на. — 24) Проф. П. Н. Кудрявцевъ. Рязскія женщины. Историческіе разказы по Тацитѣ. Три выпуска «Всеобщей Библіотекѣ». Спб. 1910. в.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи. 749

1) Археологическія новости. — 2) Россіи о новомъ пѣніи. — 3) Литература о Толстомъ. — 4) Характеристика Виконфильда. — 5) Біографія Сесила Родса. — 6) Новые документы о Вольтерѣ. — 7) Отовсюду.

XVII. Смѣсь. 780

1) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ. — 2) Въ литературномъ фондѣ. — 3) Въ русскомъ археологическомъ обществѣ. — 4) Столѣтіе практической академіи коммерческихъ наукъ. — 5) Юбилей С. М. Абрамовича. — 6) Юбилей М. В. Безобразовой. — 7) Юбилей К. Е. Маковского. — 8) Юбилей общества дѣтскихъ врачей. — 9) Юбилей проф. В. Н. Спротинина. — 10) Юбилей Д. П. Никольскаго. — 11) Реставрація Успенскаго собора. — 12) Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — 13) Двѣ лекціи г. Васкина. — 14) Статистика печати. — 15) Конкурсъ по устройству въ Москвѣ музея 1812 г. — 16) Памятникъ Петру Великому въ Тулѣ. — 17) Пушкинское имяне. — 18) Конкурсъ дирекціи императорскихъ театровъ на двѣ преміи. — 19) Выставка въ Москвѣ посвященная исторіи живописи и творчества русскихъ писателей. — 20) Отъ общества литературнаго музея имени Л. Н. Толстого.

XVIII. Некрологи. 799

1) Аннинъ, П. А. — 2) Бородинъ, М. П. — 3) Бухаринъ, М. Н. — 4) Вознесенскій, Ив. Ив., протоіерей. — 5) Голубевъ, В. С. — 6) Завадскій, В. Р. — 7) Карауловъ В. А. — 8) Кулаковъ, Ф. А. — 9) Леваидовскій, С. С. — 10) Ошуркова, А. А. — 11) Стасюлевичъ, М. М. — 12) Тарновская, П. Н. — 13) Филипповъ, С. Н. — 14) Ярошевскій, А. А.

XIX. Замѣтки и поправки. 809

1) По поводу статьи Е. В. Корша «Восемь лѣтъ въ Сибири». В. Мерцалова. — 2) Къ статьѣ П. П. Грядича. «Послѣдніе орлы». «Истор. Вѣстн.», январь 1911 г., стр. 72. (Къ разказу И. А. Гончарова о происхожденіи поэта гр. Алексѣя Константиновича Толстого) и. А.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Иеронима Иеронимовича Ясинскаго. — 2) Король свободы. Драма въ 5 дѣйствіяхъ, В. П. Буренина. (Продолженіе).

ІЕРОНИМЪ ІЕРОНИМОВИЧЪ ЯСИНСКІЙ

ВЪ РАБОЧЕМЪ КАБИНЕТѢ.

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА ¹⁾

VII.

Небеса уныло-сѣры.
Въ паркѣ покоятъ горихвостки.
Нижегъ бисерныя блестки
Мелкій дождикъ на шпалеры.
Зябнуть нимфы и амуры
Въ мокрыхъ нишахъ надъ скамьями.
Снова полилъ дождь ручьями.
Небеса уныло-хмуры.

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

ОЖДЬ лилъ всю ночь. Къ утру только потоки его нѣсколько поутихли, но небо было безнадежно сѣрое. Панъ Валекъ, ночевавшій въ Колычевѣ, поцѣловалъ въ послѣдній разъ ручки дамъ и лихо вспрыгнулъ на гнѣдого Зефира, котораго онъ съ нѣкоторымъ убыткомъ для хозяина вымѣнялъ у знакомаго барышника, только бы покрововаться передъ Зосей.

— Не забывайте моихъ совѣтовъ, панъ!—повторилъ ему панъ Романъ.

— Не забуду, добрѣйшій! Хотя панна Зося и вскружила мнѣ голову и сердце ранила,—онъ прижалъ руку къ лѣвому борту сюртука,—но въ дѣлахъ я умѣю призывать себя къ порядку.

— Ну, съ Богомъ. Когда что будетъ новаго—я дамъ знать! И, давъ шпоры коню, панъ Валекъ англійской рысью выѣхалъ со стараго двора въ березовую просѣку. Пани Юзыня повернула

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХІІІ, стр. 7.

въ коровникъ, а Зося еще нѣкоторое время смотрѣла съ крыльца вслѣдъ его удалявшейся и ритмично приподымавшейся въ сѣдлѣ фигурѣ.

«Въ сущности, Валець тоже недурень и даже элегантенъ... а все-таки до Стася ему далеко!» и она взялась за ручку двери.

Въ это время ее окликнулъ Евграфъ:

— Барышня!

Зося обернулась съ удивленіемъ. За всѣ девятнадцать лѣтъ ея жизни онъ чуть-ли не въ первый разъ заговорилъ съ нею. Особенно поразилъ ее пытливый взглядъ его выпѣвшихъ сѣрыхъ глазъ, которымъ онъ такъ и впился въ нее.

— Барышня,—повторилъ онъ:—доложите папенькѣ, что баринъ ихъ съ книгами къ себѣ въ кабинетъ просить.

— Сейчас!

Зося поблѣднѣла. Она вдругъ вспомнила, что за ухаживаньями Валека забыла сообщить отцу о падавшихъ на него подозрѣніяхъ. А Евграфъ пристально смотрѣлъ на закрывшуюся за нею дверь.

«Странно... и то похожа! несомнѣнно, похожа... Не то чтобы какъ родная сестра, а есть что-то.... Глаза у этой, пожалуй, побольше и лицо покруглѣе... волосы тоже другіе... у той поглаже были, безъ кудерьковъ... Ну, и улыбалась все, когда говорила!»

И Евграфу вспомнилось, какъ тепло даже у него отъ той улыбки на сердцѣ становилось, и онъ тихо побрелъ доложить барину о результатѣ своихъ наблюденій.

Зося застала отца въ конторѣ. Она подошла къ нему и поцѣловала его мясистую руку.

— Слушай, отецъ! за тобою новый этотъ панъ. Янъ прислалъ... только погоди, мнѣ надо предупредить тебя...,—и, путаясь и торопясь, она сообщила Роману ходившіе объ немъ слухи.

— Оцо-то!—зацокалъ тотъ,—дурни! на что мнѣ портретъ ихъ?

— Я знаю, что не на что, а только ты будь готовъ, если тебя и объ этомъ панъ спросить, знай, что отвѣтить.

— Да что отвѣчать-то? Я давно догадался, куда онъ дѣлся.

— Его нечистый унесъ?—спросила Зося, крестясь.

Панъ Романъ расхохотался.

— Ахъ ты, глупое дитя! Такая умница и въ такіе толки вѣришь! Вотъ погоди, вернусь изъ виллы и расскажу тебѣ, кто его укралъ. Ну, а теперь прощай, бѣгу до пана.

И, поцѣловавъ дочь, старикъ пошелъ самой короткой дорогой въ виллу.

Тысячи разъ за свои двадцать лѣтъ службы ходилъ онъ по этой тропинкѣ черезъ лужокъ мимо скотнаго двора и оранжерей, потомъ сворачивалъ налѣво вдоль грунтовыхъ сараевъ и попадалъ во «французскій садъ» со стриженнымъ боярышникомъ и жимолостью, то въ видѣ шаровъ и пирамидъ, то низкими гир-

ляндами окаймлявшими яркозеленые газоны цвѣтниковъ съ вазами и статуями. Каждый кустикъ былъ ему знакомъ. На каждую мелочь привыкъ онъ смотрѣть, какъ на свою собственность, и впервые сегодня почувствовалъ, что все это чужое и что никакого права ни на одну пядь земли онъ здѣсь не имѣеть.

Снявъ въ прихожей свой вѣчный балахонъ, онъ постучался въ кабинетъ.

— Войдите!—отвѣчали оттуда.

Панъ Романъ вступилъ за знакомую дверь, привычнымъ движеніемъ положилъ книги на конторку и отвѣсилъ Колычеву поклонъ. Иванъ Николаевичъ протянулъ ему руку и указалъ на стулъ напротивъ себя.

Евграфъ только что вышелъ. Напоминаніе о Зосѣ сегодня раздражило Колычева, оно являлось какой-то дисгармоніей съ фигурой поляка, и теперь онъ сдерживалъ свое отвращеніе, приступая къ дѣловому объясненію.

— Хотя,—началъ онъ,—духовная и не утверждена еще и въ права владѣнія мы съ сестрою еще не введены, но, являясь по закону единственнымъ наслѣдникомъ покойнаго дяди, я считаю своимъ долгомъ не запускать дѣла и какъ можно скорѣе и точнѣе ознакомиться съ ними. Тѣмъ болѣе, что временемъ большимъ я не располагаю и сразу послѣ девятаго дня мнѣ придется вернуться въ Горки. Поэтому я крайне буду обязанъ вамъ, если вы возможно яснѣе и полнѣе растолкуете мнѣ настоящее состояніе имѣнія, доходъ съ него, расходы по хозяйству нашему и крестьянскому и арендные договоры и статьи.

Панъ Романъ въ этомъ сухомъ и дѣловомъ тонѣ все-таки слышалъ нотку непріязни, и она тоже раздражила его. Но онъ умѣлъ ловко владѣть собою и съ почтительной улыбочкой началъ весьма пространно и темно посвящать новаго владѣльца въ тайны своей бухгалтеріи. Нѣкоторыя цифры ему удалось исправить, но оставались и кое-какія погрѣшности въ итогахъ.

Иванъ Николаевичъ внимательно слѣдилъ за его жирнымъ, окаймленнымъ грязнымъ ногтемъ пальцемъ, быстро скользившимъ по колоннамъ чиселъ. Докладъ продолжался добрыхъ полтора часа и благополучно близился къ концу, какъ вдругъ Колычевъ остановилъ поляка:

— Позвольте, панъ, вы, вѣрно, ошиблись! Вотъ по этой статьѣ выводъ невѣренъ! Въ январѣ была тоже ошибка, и тутъ новая.

Панъ Романъ обомлѣлъ. Надо было имѣть колоссальную память, чтобы сразу запомнить вереницу цифръ.

— Вотъ видите ли,—продолжалъ Иванъ Николаевичъ:—у насъ теперь іюль 1860 г., и до марта 1857 г. цифры точныя и итоги вѣрныя. Съ тѣхъ же поръ въ каждомъ году вкрадывались, по-моему,

ошибки, особенно въ итогахъ личныхъ расходовъ покойнаго. Не можете ли объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло?

Панъ началъ объяснять, но чѣмъ дальше шло объясненіе, тѣмъ болѣе запутывался полякъ и тѣмъ темнѣе у него становилось въ глазахъ.

— Довольно, я вижу, въ чемъ дѣло!—прервалъ его наконецъ Колычевъ.—Я, панъ, не ребенокъ, и съ цифрами, какъ вы, вѣрно, изволили сами замѣтить, обращаться умѣю. Поэтому прошу васъ хорошенько подумать и вспомнить, куда дѣвались недостающія суммы хотя бы за текущій годъ, а также и представить на нихъ оправдательные документы. Съ собственноручными записями покойнаго ваши свѣдѣнія не сходятся. Вотъ извольте взглянуть,—и онъ досталъ изъ письменнаго стола небольшую тетрадку, исписанную почеркомъ Арсенія Михайловича.—Какъ видите, вашъ бывшій патронъ велъ аккуратно свои личные расходы и вы, вѣроятно, имѣете росписки на каждую экстренно выданную ему сумму.

Панъ Романъ растерялся. О существованіи подобной тетради онъ и не подозрѣвалъ.

— Конечно, росписки были... но я не хранилъ ихъ, впрочемъ, я поищу.

— Затѣмъ,—продолжалъ Колычевъ,—все веденіе крестьянскаго хозяйства и условія барщины и оброковъ должны быть измѣнены.

— Это ваша панская воля.

— Знаю, что моя. Кстати, крестьяне говорили мнѣ, что за Кожинымъ есть двѣ совершенно ненужныя намъ пустоши, сдаваемые вотъ уже почти двадцать лѣтъ въ аренду Софронову—доходъ этотъ въ книгѣ не значится,—но которыхъ крестьяне добиваются тоже въ аренду много лѣтъ. Вашъ предшественникъ, Францъ Карловичъ Мейеръ, даже докладывалъ объ этомъ покойнику и составилъ черновикъ условій, и дядя собирался подписать его. Куда же онъ дѣлся?

— Помилуйте,—возразилъ съ кривой усмѣшкой полякъ:—развѣ я могу отвѣчать за дѣйствія умершаго управляющаго? Я въ первый разъ объ этомъ слышу!

— Хорошо... Ну, а что вы мнѣ скажете насчетъ крестьянскаго надѣла? Каждый вѣрноподданный дворянинъ, согласно волѣ государя императора, долженъ озаботиться, чтобы ко дню объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости крестьяне были обеспечены достаточнымъ количествомъ земли. Поэтому я не могу не выразить своего удивленія, что у васъ со времени закрытія губернскихъ комитетовъ не принято никакихъ дальнѣйшихъ мѣръ, не выработано плана. Предводитель говорилъ мнѣ, что изъ послѣдняго разговора своего съ покойникомъ онъ вынесъ убѣжденіе, что дядя по своей высокой гуманности собирался осуществить надѣленіе своихъ крѣпостныхъ

землею въ самыхъ выгодныхъ для нихъ размѣрахъ, что даже былъ у него заготовленъ проектъ этихъ надѣловъ, который онъ и показывалъ Караулову и въ его присутствіи передалъ вамъ. Гдѣ онъ?.. И почему вы не пріѣхали на послѣднее совѣщательное собраніе, на которое получилъ повѣстку дядя, выдавшій вамъ довѣренность на его замѣщеніе?

Пана Романа обдало варомъ. На словахъ онъ очень интересовался крестьянскими надѣлами, но либеральнымъ взглядамъ Арсенія Михайловича не сочувствовалъ. Напротивъ, въ его планы входило какъ можно скупѣе распорядиться парѣзкой земли и вызвать тѣмъ недовольство мужиковъ, сваливъ вину на владѣльца. Онъ надулъ щеки.

— Прошу извиненія, но проектъ этотъ не имѣлъ никакого значенія. Покойный Арсеній Михайловичъ двадцать разъ измѣнялъ его, и всѣ мои попытки добиться точныхъ распоряженій и указаній не привели ни къ какому результату.

— Но вѣдь былъ же у васъ въ рукахъ этотъ планъ? Я былъ бы весьма радъ познакомиться съ нимъ.

— Конечно, былъ, но я уничтожилъ его, какъ забракованный самимъ владѣльцемъ.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ немедленно возстановить его, хотя бы по памяти. Карауловъ обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, а мнѣ особенно дорого исполнить волю покойнаго и по отношенію къ его бывшимъ крѣпостнымъ.

— Къ вашимъ услугамъ.

«Хорошъ гусь!» подумалъ онъ про себя и сталъ собираться домой.

— Одну минутку, панъ — остановилъ его Колычевъ. — Я только хочу спросить васъ, что вы думаете насчетъ исчезнувшаго портрета? Знаете ли вы — онъ хотѣлъ сказать, «что дочь ваша похожа на его оригиналъ», какъ вдругъ полякъ весь побагровѣлъ и злобно выпалилъ:

— Что ваши хлопы увѣряютъ, будто я стащилъ его? Такъ знайте же, что вы хотя и считаете меня воромъ, но портрета я этого не бралъ, а спалилъ его въ каминѣ вашъ же выжившій изъ ума дядюшка, а потомъ лишилъ себя жизни. Оттого и возлѣ церкви лежать не захотѣлъ,—самоубійца въ оградѣ не хоронятъ... Затѣмъ, если вы недовольны мною, я вамъ не навязываюсь. Я дворянинъ и привыкъ къ дворянскому со мной обращенію. Я не хамъ, не хлопъ вамъ, чтобъ вы имѣли право требовать съ меня отчетъ за тѣ годы, которые я у васъ не служилъ. Я былъ управляющимъ у Арсенія Михайловича Колычева, ему отчетъ давалъ каждый мѣсяцъ и подъ каждымъ его подписью имѣется,—можете ее хоть судомъ провѣрить. И если вы съ цифрами обращаться умѣете, то и дядюшка вашъ не малый ребенокъ былъ. Если цифры въ его тет-

ради съ книгой конторской не сходится, то съ его вѣдома, знаете. А куда шли эти деньги—его тайна, и я никому не выдамъ ея. Если попъ вашъ умѣлъ тайну хранить и схизматику не выдавать, то и схизматикъ тайну москаля бречь умѣеть. Далибугъ,—и онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь,—что бы вы мнѣ ни говорили, я клятвы для васъ не нарушу... А потому счастливо оставаться!

Панъ выпалилъ разомъ эту тираду, гордо закинулъ голову и, весь дрожа, вышелъ изъ кабинета.

Колычевъ никакъ не ожидалъ такого оборота разговора и не стремился къ столь быстрой развязкѣ. Онъ хотѣлъ только доказать поляку, что за носъ водить себя ему не позволить, но гнать его въ шею вовсе не намѣревался. Нельзя было не отдать пану Роману справедливости, что хозяйство велось образцово и давало гораздо большій доходъ, чѣмъ при Францѣ Карловичѣ. Усадьба тоже сохранилась въ величайшемъ порядкѣ; домъ былъ полная чаша; птичникъ и молочное дѣло шли подъ руководствомъ пани Юзны прямо блестяще, и колычевское масло славилось даже въ Москвѣ. Инвентарь вездѣ былъ полный и все орудія и рабочій скотъ хоть сейчасъ на выставку.

Въ этомъ онъ увѣрился собственными глазами. Съ шести часовъ утра онъ былъ эти дни на погахъ, обошелъ всю усадьбу, побывалъ на скотномъ, въ молочной и въ оранжереяхъ, въ конюшняхъ и людскихъ, а сегодня, несмотря на дождь, обѣхалъ верхомъ свои и крестьянскія поля. Въ одномъ онъ съ горечью убѣдился, что и вызвало его раздраженіе,—крестьяне тянули непосильную лямку. Избы села поражали своей ветхостью,—это онъ замѣтилъ, уже идя за гробомъ дяди,—скотъ былъ мелкій и немногочисленный,— онъ видѣлъ его сегодня на выгонѣ, а крестьянская земля истощена. Изъ вчерашней двухчасовой бесѣды съ мужиками Иванъ Николаевичъ вынесъ вполнѣ вѣрное заключеніе, что отъ нихъ брались все силы, все соки, а взаменъ бросались однѣ жалкія крохи.

Дѣло такъ дальше идти не должно. Освободить крестьянъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе. Надѣлы должны быть щедрыми, чтобы сохранить навсегда добрыхъ соседей намѣсто бывшихъ крѣпостныхъ. Это были убѣжденія не одного Колычева, а всехъ лучшихъ представителей его круга. Здѣсь былъ и практическій выводъ,—земли останется достаточно, но что въ ней толку, если никто не захочетъ помочь обработать ее? Тощія крестьянскія коровы и колосья поглотятъ тучныхъ помѣщичьихъ, и дворяне будутъ разорены.

Помимо досады, вызванной рѣчью пана Романа, Иванъ Николаевичъ былъ озадаченъ его заявленіемъ о самоубійствѣ дяди и рѣшилъ строго разслѣдовать, на чемъ основана подобная увѣренность.

Онъ прошелъ въ спальню, снялъ раму исчезнувшаго портрета и убѣдился, что вынуть его было совершенно просто,—стояло только

отогнуть гвозди, державшіе подрамникъ и легко подавшіеся нажиму его пальцевъ. Затѣмъ онъ въ точности измѣрилъ отверстіе топки камина и оказалось, что ширина его была нѣсколько больше ширины портрета. Но какимъ же орудіемъ покончилъ съ собою старикъ?

Ни отъ кого изъ обмывавшихъ онъ не слышалъ о какомъ-нибудь знакѣ на тѣлѣ покойника: Это было, можетъ быть, наркотическое средство. Не принималъ ли онъ его на ночь отъ бессонницы? Докторъ, наѣзжавшій въ колычевскую больницу изъ уѣзднаго города, уѣхалъ сразу послѣ похоронъ и долженъ былъ возвратиться лишь въ концѣ недѣли.

Больныхъ въ больницѣ почти не бывало, такъ какъ крестьяне предпочитали лечиться у бабки Харитины заговорами и домашними зельями и шли въ больницу только въ крайнихъ случаяхъ. Панъ Романъ давно собирался прикрыть это, по его мнѣнію, барское баловство, но Арсенія Михайловича разубѣдить ни въ чемъ не было возможно, и воздвигнутая еще Францемъ Карловичемъ больница продолжала существовать около колычевской церкви, чтобы, какъ утверждали крестьяне, «оттуда было близко людей на погостъ посить...»

Быть можетъ, мысль покончить съ собою гнѣздилась давно въ больномъ мозгу старика, и онъ почему-нибудь рѣшилъ, наконецъ, привести ее въ исполненіе. Желаніе видѣть себя погребеннымъ внѣ церковной ограды и фраза: «недостойнъ ея по великимъ грѣхамъ моимъ», говорили за вѣрность предположенія пана Романа.

Колычевъ снова потребовалъ Евграфа и еще разъ пожелалъ выслушать рассказъ о послѣднемъ днѣ жизни дяди, о томъ, что онъ дѣлалъ, чѣмъ былъ занятъ и пр.

Евграфъ въ точности доложилъ все въ мельчайшихъ подробностяхъ и кстати разсказалъ о наблюденіи Прохора. Въ заключеніе онъ прибавилъ:

— А какъ вошли мы, какъ Оедька намъ двери открылъ, лежить онъ, мой голубчикъ, тихо, тихо и улыбается радостно, а у самого-то руки на груди крестомъ сложены... Нѣтъ, кабы нечистый сюда входилъ, не лежалъ бы онъ такъ покойно!

— Ну, а не допускаешь ты, чтобы онъ самъ смерти своей искалъ?

— То есть, какъ такъ? Руки, что ли, наложилъ на себя?

Старикъ даже весь затрясся отъ негодованія.

— Грѣхъ, такой грѣхъ взводить на покойника! Нѣтъ, батюшка-баринъ! не принялъ бы ты его на свою ангельскую душеньку!.. И охота вамъ, сударь, милость ваша, слушать этого поляка? Покойный дядюшка вамъ только тѣмъ и грѣшенъ былъ, что слишкомъ много ему вѣры давалъ, да и васъ онъ уже, видно, въ котли забирать началъ. Не вѣрьте ему! Это онъ портретъ сцапалъ, потому и вза-

правду его Зоська на него похожа, а для отводу глазъ, значить, онъ на мертваго такую вину наклепалъ. Ну, да и у Господа Бога конецъ черпѣнію бываетъ, и сторицей взыщеть онъ съ поляковъ за всѣ обиды ихъ намъ, русскимъ... Изувѣры этакіе...

VIII.

Поля душистой ржи
Волнуютъ вѣтеркѣ.
Вдоль узенькой межи
Мелькають васильки,
Мелькають и манягъ:
«Сорви меня, сорви!
Я—неба синіи взглядъ!
Я—синіи сонъ любви!»

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы». М. К.).

Панъ Романъ вернулся домой, дрожа отъ гнѣва. Зося поджидала его и, увидавъ перекошенные губы отца, повисла у него на шеѣ и начала цѣловать его, приговаривая:

— Успокойся, тату милый! (такъ звала она его въ дѣтствѣ) успокойся! охота тебѣ изъ-за москаля кровь портить!

Пани Юзыня тоже вошла въ столовую. По виду мужа, по тому, какъ у него сводило лѣвую руку, она поняла, что дѣло не шуточное.

«Отказалъ!» мелькнуло у нея въ умѣ, и, блѣднѣя отъ страха, она едва прошептала:

— Неужто отъ мѣста отказъ получилъ?

— Не я отказъ получилъ, а онъ... Пусть теперь поищеть, кто на него такъ работать станеть, какъ мы съ тобой работали... Пусть попляшетъ! Я посмотрю, какъ онъ тутъ одинъ справится. Отъ сей минуты я пальцемъ больше не шевельну для него. И тебѣ, Юзя, запрещаю. Слышишь?

Пани Юзыня пробормотала: «слышу!» но ей казалось прямо невозможнымъ не итти сейчасъ—было какъ разъ половинна двѣнадцатаго—на скотный дворъ, не присмотрѣть за дневнымъ удоємъ, не отмѣрить своей деревянной мѣркой молоко въ первомъ подойникѣ и, вытеревъ ее о свой поэтому всегда неопрятный фартукъ, не опустить его въ слѣдующій очередной. Неужели безъ нея сумѣють слить молоко въ горшки, распредѣлить, которые поставитъ киснуть, а которые оставить для телятъ и для сливокъ?.. И когда вошла молочная дѣвка Фроська звать ее въ коровникъ, она по привычкѣ хотѣла двинуться за нею, какъ вдругъ раздался грозный окрикъ нана Романа:

— Аль оглохла? Цо-то! Вѣдь я жъ сказалъ, что тебя отнынѣ чужія коровы не касаются!

Пани Юзыня махнула Фроськѣ рукой.

— Я не выйду! дѣлай, какъ знаешь!

Но душа добросовѣстной хозяйки не выдержала, и она шопотомъ прибавила:

— Для Краснухи у меня пошло направо за дверью поставлено.

Фроська полетѣла въ коровникъ и, подоткнувъ подолъ, сѣла доить Краснуху, крупную красавицу-холмогорку. Подъ звонъ падающей въ подойникъ молочной струи она шопотомъ сообщила сосѣдкѣ своей Анискѣ, что у поляковъ не ладно. Панъ на Юзыню ажно медвѣдь рывкнулъ, какъ она съ мѣста тронуться хотѣла, а самъ красный, какъ ракъ вареный, а у дочки глаза словно заплаканы.

Пани Юзыня не могла прийти въ себя. Она вѣрить не хотѣла, чтобы въ одну короткую минуту можно было разрушить двадцатилѣтнюю привычную жизнь. Куда же дѣнутся они, если придется выѣхать изъ Колычева? Развѣ легко найти новое подобное мѣсто? Какъ повернулся языкъ у Романа отказать отъ насиженного угла? И почему? Что такое могло выйти между нимъ и паномъ Яномъ, какъ называла она новаго владѣльца, не успѣвъ за эти двадцать лѣтъ привыкнуть къ русскимъ именамъ и отчествамъ. И она робко спросила:

— Что же такого обиднаго сказалъ тебѣ панъ Янъ?

— Какой онъ тебѣ панъ Янъ? Онъ—москаль проклятый! Мальчишка себя приличнѣе бы держалъ, чѣмъ этотъ дурень сорокалѣтній. Всякій понялъ бы, что неделикатно съ человѣка, двадцать лѣтъ служившаго его дядѣ, съ дворянина, чье имя однимъ изъ первыхъ въ книги герба лабендзя (лебеда) вписано, какъ съ хлопа низкаго, спрашивать. Я ему это и сказала, какъ онъ вздумалъ меня въ кражѣ портрета обвинить.

— Не можетъ быть того! Иезусъ-Марія! Да на что онъ намъ? Мало ли этихъ портретовъ старыхъ у насъ на чердакѣ валяется. Никто и не спроситъ никогда о нихъ.

— Я ему такъ и отвѣчалъ, что не у кого портретъ тотъ спрашивать теперь, потому его самъ дядюшка его сумасшедшій сжегъ, а потомъ морфія напился. Что жъ онъ даромъ, что ли, со сложенными накрестъ руками лежалъ? Видно, зналъ, что не сонъ, а смерть ему ночью вѣки смежить.

Пани Юзыня и Зося разомъ перекрестились.

— Иезусъ Марія! вотъ грѣхъ-то! Ай-ай-ай! На старости лѣтъ такой грѣхъ!

— Да съ чего же, отецъ?

— А ужъ это онъ одинъ зналъ!

Панъ Романъ ушелъ къ себѣ.

Пани Юзыня, совершенно выбитая изъ коленъ приказаніемъ мужа сидѣть дома, не знала, за что ей приняться. Втайнѣ она на-

дѣлалась, что оба, и мужъ и москаль—она больше не звала его на-помъ Яномъ—: поутихнуть, поостынуть, и все обойдется... Панъ Романъ будетъ себѣ попрежнему управлять Колычевымъ, а она вѣ-дать свой коровникъ и птичникъ, и жизнь пойдетъ опять по ста-рой, давно натеренной дорожкѣ, но дверь изъ кабинета отворилась и раздался властный голосъ:

— Велика, Зося, мою лошадь осѣдлатъ, а ты, Юзя, дай порань-ше обѣдъ. Закушу и поѣду къ Валеку. Ему въ бѣдѣ помочь, пусть онъ мнѣ помогаетъ теперь. А вы обѣ тѣмъ временемъ хорошенько обдумайте все, чтобъ намъ уже послѣзавтра отсюда выбраться.

— Куда же, Романъ? Что ты послѣзавтра? да у меня какъ разъ бѣлье завтра стирать должны.

— Не стану же я изъ-за твоихъ тряпокъ у этого кацапа сидѣть! Сдамъ ему завтра же контору, и пусть господствуетъ себѣ на здо-ровье.

Пани Юзыня всхлипнула.

— Помилосердствуй, Романъ. Послѣзавтра... Быть можетъ, вы еще помиритесь!

— Цо-то!—зацокалъ панъ и сжалъ кулаки,—я съ нимъ мириться? Ужь не думаешь ли ты, что я къ нему извиняться пойду? И хоть бы онъ самъ двѣсти разъ ко мнѣ пришелъ—не слуга я ему больше. Сказалъ—ухожу, и уйду!.. Давай обѣдать!..

Обѣдъ вышелъ безмолвно-унылый. Романъ торопился. Ему не терпѣлось отвести душу въ компаніи соотчича. Переодѣвшись въ верховой казакинъ, онъ молодцовато вскочилъ на свою рыжую Венеру, или Ванеру, какъ ее называла дворня, и, давъ ей хлы-ста, поднялъ ее въ курць-галопъ, которымъ оба, и лошадь и всад-никъ, могли скакать хоть часъ безъ передышки.

Когда онъ исчезъ изъ виду, пани Юзыня, крестясь и охая, пошла рыться въ своихъ сундукахъ и комодахъ, а Зося заперлась въ мезонинѣ. Она была крайне озабочена. Уѣхать теперь значило навсегда похоронить мечту быть хозяйкой этой виллы, которую она давно облюбовала. Нѣтъ, надо поправить дѣло! надо дѣйстви-тельно заставить папа Яна прійти и извиниться передъ отцомъ. Но какъ этого добиться? О, она знала, какъ... Надо устроить такую встрѣчу, чтобы снова загорѣлся въ этихъ сѣрыхъ глазахъ подъ срос-шимися, какъ у того мертвеца, бровями уже разъ вспыхнувшій въ нихъ огонь... Надо сумѣть не только поддержать этотъ огонь, но разжечь его во всепожирающее пламя, чтобы оно охватило эту муж-скую душу, и чтобы жизнь безъ нея, безъ Зоси, показалась Колы-чеву невыносимой, и тогда... тогда осуществлятся ея мечты, сбу-дятся предсказанія цыганки и праздничными огнями заблещетъ бѣлая вилла!..

Отецъ далъ небольшой срокъ. Не слѣдуетъ терять времени. Кетати вонъ и солнце выглянуло.

Зося надѣла черное короткое платье и вышла за ворота въ поле. Погода разгуливалась. Сѣбря тучи разорвались на куски. Кое-гдѣ выглядывали изъ-за нихъ бѣлыя облака, а мѣстами уже синѣло июльское небо. Дорога просыхала, и только въ колеяхъ свѣтились длинныя полосы воды. Жаворонки снова звенѣли въ воздухѣ. Желтая трясогузка сопровождала Зосю и граціозно помахивала изсиня чернымъ хвостикомъ, то ожидая ее на кочкѣ, то залетая впередъ. За ближними яровыми начиналась рожь. Мягкими плавными волнами склонялись колосья, словно привѣтствуя молодую дѣвушку, и синіе васильки весело мелькали въ густой чащѣ. Быстро срывали ихъ гибкіе пальцы попережку съ колочими колосьями и складывали въ огромную охапку.

Съ цѣлымъ снопомъ вернулась Зося въ Кольчево и почти бѣгомъ прошла въ засаду въ кустахъ. Тамъ на своей любимой скамьѣ она начала плести вѣнокъ, искусно мѣшая колосья съ васильками. Когда гирлянда была достаточно длинна, она соединила ея концы пышнымъ букетомъ жасмина. Вышло очень оригинально и красиво.

Теперь надо вооружиться терпѣніемъ и наблюдать. Что Кольчевъ поддастся соблазну хорошей погоды и выйдетъ погулять, дѣвушка не сомнѣвалась, а разъ онъ попадетъ въ садъ, то, конечно, пройдетъ и на могилу Арсенія Михайловича. Эта могила не видна отъ нея, хотя и въ двухъ шагахъ всего. Когда онъ по березовому мостику вступитъ на кулигу, ей пора будетъ выйти изъ засады. Закрытая кустами, словно не зная о его присутствіи, она вполне естественно очутится съ нимъ рядомъ, и тогда—панъ или пропаль.

Расчетъ оказался вѣренъ. Не прошло и получаса, какъ въ дверяхъ террасы показалась высокая фигура Кольчева. Полотняная пара сидѣла на немъ свободно. Широкополая панاما была слегка сдвинута на затылокъ. Помахивая тростью съ золотымъ набалдашникомъ, спустился онъ по мраморнымъ ступенямъ въ цвѣтникъ.

«Ничего... представителенъ, хотя и грузенъ немного,—подумала Зося:—съ нимъ рядомъ или подъ руку не будетъ стыдно передъ Стасемъ».

Впечатлѣніе отъ разговора съ паномъ Романомъ еще не успѣло изгладиться, но чѣмъ больше думалъ о немъ Иванъ Николаевичъ, тѣмъ больше убѣждался, что въ этой исторіи съ портретомъ полякъ невиненъ. Что же касается неправильностей баланса, то ни малѣйшихъ сомнѣній у него и не возникало: полякъ сильно нагрѣвалъ руки и ежемѣсячно откладывалъ въ какой-нибудь банкъ не одну и не двѣ сотни рублей. Тому, что онъ не на шутку обидѣлъ Романа, онъ тоже вѣрилъ, но отказъ отъ мѣста показался ему лишь ловкимъ маневромъ, и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало удержать пана пока. Вообще о его немедленномъ уходѣ не могло быть и рѣчи. Онъ дастъ

ему срокъ, хотя бы до Покрова, когда будутъ закончены всѣ начатая при немъ полевая работа, а за это время подыщетъ подходящаго замѣстителя и надежнаго человѣка.

Занятый этими мыслями, Колычевъ ступилъ на кулигу и машинально поднялъ глаза. Низко наклонивъ головку, съ другой стороны подходила къ могилѣ Зося. Длинные, стрѣльчатая рѣсницы были опущены. Вокругъ розовыхъ губокъ лежало выраженіе глубокой скорби. Вся ея тонкая, хрупкая фигурка словно согнулась подъ бременемъ горя.

Иванъ Николаевичъ невольно остановился, а она, дойдя до насыпи, положила на нее свой вѣнокъ и вдругъ, упавъ на колѣни, заплакала. Зося славилась въ пансіонѣ своимъ искусствомъ плакать. Слезы текли у нея по щекамъ, не безобразя лица, носъ не краснѣлъ, а глаза становились еще лучистѣе.

«О, ты непременно должна позировать для Mater Dolorosa или кающейся Магдалины», твердили ей бывало съ восхищеніемъ подруги.

Иванъ Николаевичъ, конечно, подошелъ къ ней, тронутый ея печалью.

Зося вздрогнула, словно застигнутая врасплохъ.

— Oh, pardon, monsieur! j'ignorais votre présence.

Она вскочила и, граціозно присѣвъ, хотѣла удалиться.

Колычевъ удержалъ ее за руку. Мягкимъ, взволнованнымъ голосомъ сталъ онъ благодарить ее за ея чудный вѣнокъ, за трогательное вниманіе къ памяти усопшаго.

— Скажите мнѣ, панна Зося,—вѣдь такъ васъ зовутъ, не правда ли?

Зося кивнула головкой.

— Скажите мнѣ, почему вы какъ-то особенно тепло относитесь къ покойному? Развѣ вы такъ близко знали его?..

— Нѣтъ, я въ жизни не сказала съ нимъ ни слова, но онъ все-таки заботился обо мнѣ, онъ настаивалъ, чтобы отецъ далъ мнѣ прекрасное воспитаніе и не стѣснялся въ расходахъ на меня. Онъ такъ цѣнилъ отца, что не зналъ, чѣмъ бы лучше выразить ему свою благодарность.

Зося лгала по вдохновенію. Она чуяла, что въ книгахъ Романа были грѣшки, знала о его побочныхъ доходахъ и думала, что излишнимъ будетъ это упоминаніе о «благодарности» Арсенія Михайловича.

И ложь ея попала въ цѣль.

Такъ вотъ оно что!—подумалъ Иванъ Николаевичъ.— Можетъ быть, и дядя замѣтилъ это странное сходство и заинтересовался дочерью своего управляющаго. Понятно, при его женоненавистничествѣ онъ не хотѣлъ, чтобы знали объ этихъ расходахъ, и не вносилъ ихъ въ записи.

Ему стало совѣстно за утреннія «придирки» къ Роману. Кромѣ того, у него вдругъ мелькнула мысль: не передавалъ ли Юшкевичъ по желанію покойника этихъ нехватящихъ суммъ и на другія благотворительныя дѣла, быть можетъ, въ той же Польшѣ? Не были ли у него въ его любимой Варшавѣ какихъ-нибудь прежнихъ грѣховъ, которые ему захотѣлось загладить подъ старость?.. Вотъ она, эта данная Романомъ клятва.

Зося продолжала плакать. Иванъ Николаевичъ снова взялъ ее за руку.

— Полноте! о чемъ вы? Вѣдь дядѣ было за семьдесятъ лѣтъ... Рано или поздно каждого изъ насъ ждетъ тотъ же удѣлъ.

— Я не о томъ... вѣдь я простеръсь пришла. Миѣ никогда больше въ жизни не придется помолиться на этой могилѣ за папа Арсенія.

— Почему?!

— Отецъ велѣлъ укладываться... мы послѣзавтра уѣзжаемъ изъ Колычева.

— Куда? зачѣмъ?

— Отецъ сказалъ, что завтра онъ сдастъ вамъ всѣ дѣла, и мы должны уѣхать...

— Я этого не допущу! Если я сегодня утромъ потора ился, если былъ неправъ, я готовъ извиниться передъ вашимъ батюшкой. Я самъ на его мѣстѣ счелъ бы себя оскорбленнымъ... Нѣтъ, нѣтъ, милая барышня! вы никуда не уѣдете, напротивъ, я попрошу васъ быть моей заступницей и передамъ вашему батюшкѣ мое глубочайшее сожалѣніе о нашемъ утреннемъ разговорѣ съ нимъ.

— Хорошо, я съ удовольствіемъ передамъ, но я не думаю, чтобы это заставило отца измѣнить его рѣшеніе. Отецъ ничего не говоритъ на вѣтеръ. Онъ настоящій полякъ, а поляки всегда держатъ слово.

— Вотъ какъ! Но повѣрьте, и мы, русскіе, не менѣе настойчивы, и если я рѣшилъ идти на мировую, то и пойду. А пока въ залогъ того, что вы не откажетесь быть посредницей въ дѣлѣ примиренія настойчиваго Юшкевича съ не менѣе упрямымъ Колычевымъ, разрѣшите миѣ сопровождать васъ въ вашей прогулкѣ. Вы куда намѣрены были пойти?

Зося вытерла синіе глазки и еще разъ перекрестилась на крестъ. «Матка Бозка, помоги миѣ!» мысленно помолилась она и обернулась къ Ивану Николаевичу.

— Я должна идти домой, миѣ надо помочь укладываться матери.

— Хорошо, я провожу васъ, хотя укладываться вамъ не къ чему. Все, что вы сейчасъ уложите, придется тотчасъ же переложить обратно на прежнее мѣсто.

— Все равно. Отецъ привыкъ, чтобы его слушались.

— Развѣ онъ такой деспотъ?

— Деспотъ?—Зося вспыхнула. — Нѣтъ, отецъ не деспотъ. Онъ только очень вспыльчивъ, но онъ самъ готовъ извиниться первый, если убѣдится въ своей неправотѣ.

— Поэтому вы и не слѣшите укладываться. Онъ увидитъ, что былъ неправъ, приказавъ укладываться и собираться въ дорогу, и первый поцѣлуетъ васъ за то, что вы такая умница и не послушались его.

Зося улыбнулась.

— Ну, слава Богу! Наконецъ-то вы улыбнулись. Это первая улыбка, что я вижу на вашемъ милкомъ личкѣ. Нѣтъ, впрочемъ, не первая. Вы уже давно, двадцать девять лѣтъ назадъ, такъ улыбнулись мнѣ, когда я въ первый разъ васъ увидѣлъ. Помните, у васъ еще книжка была въ рукахъ.

Зося совѣмъ ужъ искренно открыла отъ изумленія ротикъ.

— Двадцать девять лѣтъ назадъ!.. Да меня еще на свѣтѣ не было. Мнѣ только нынче въ маѣ минуло девятнадцать.

— А я васъ зналъ, когда мнѣ самому всего тринадцать было.

— Вы смѣтаетесь?

— Ничуть. Развѣ можетъ кто поручиться, что не жилъ уже раньше и не встрѣчался съ тѣмъ же человѣкомъ, но только подъ другимъ именемъ?

— Вы говорите загадками... Впрочемъ, я понимаю. Я напоминаю вамъ какую-нибудь знакомую вамъ прежде барышню, которая умерла, а можетъ быть, и просто состарилась?—добавила она съ плутовской улыбкой.

— Увы! не знаю, потому что никогда знакомъ съ ней не былъ и даже не имѣю понятія, какъ ее звали.

— Гдѣ же вы видѣли ее?

— Здѣсь въ Колычевѣ, у дяди.

— Какъ такъ? Вѣдь у вашего дядюшки за всю его жизнь ни одной женщины никогда въ гостяхъ не бывало? Вы просто смѣтаетесь надо мной!—и Зося надула губки.

— Не вѣрьте, а только это правда.

Они свернули въ липовую аллею.

— Здѣсь мы съ вами простимся. Мнѣ пора домой. Такъ вы не забудете моего порученія?—и, бросивъ свой шутливый тонъ, онъ протянулъ Зосѣ руку, крѣпко пожалъ ея тонкіе пальчики и прибавилъ серьезно и задушевно:

— Передайте пану Юшкевичу, что я очень сожалѣю о происшедшемъ и прошу его сразу по возвращеніи пройти ко мнѣ. А вамъ спасибо еще разъ за ваше трогательное вниманіе къ дядѣ.

Зося кивнула ему своей точеной головкой и быстро пошла домой, а Колычевъ какой-то особенной молодой походкой прошелъ въ виллу и, молодцовато взбѣжавъ по ступенямъ, весело крикнулъ Прохору:

— Что, старикъ! Не пора ли намъ пообѣдать? Я здорово проголодался!

Мысль о возстановленіи добрыхъ отношеній съ паномъ Романомъ очень заняла его. Въ сущности полякъ вовсе не глупъ. Многія его распоряженія и нововведенія говорили о недюжинномъ умѣ, а Зося съ ея чисто парижскимъ акцентомъ была весьма изящной и ничуть не провинціальной барышней. Въ любой столичной гостиной она привлекла бы на себя вниманіе, и душа у нея была, видно, чуткая. Не изъ развязности подошла она ко гробу Арсенія Михайловича. Очевидно, какъ и сегодня, ею руководило чувство благодарности дядѣ за его заботу о ея воспитаніи. Интересно, — зналъ ли панъ Романъ объ этомъ сходствѣ?

И онъ нашелъ себѣ вторую рюмку смородиновки...

IX.

Слезы весеннія, юныя слезы
 Блещутъ алмазами, словно роса.
 Тихо дрожать онѣ въ лиственкахъ розы,
 Ласково смотряся въ нихъ небеса.
 Счастье улыбкою радостной рай
 Сразу прерветъ ихъ горючій потокъ,
 Солнце ихъ вышьетъ, лучами играя,
 Слѣдъ ихъ осушить, смѣясь, вѣтерокъ.

(„Слезы“, М. К.)

Зося застала старый сѣрый домикъ въ полномъ разгромѣ. Все было перевернуто вверхъ дномъ. Комоды стояли съ выдвинутыми ящиками, шкапы хлопали раскрытыми настежь дверцами. Пани Юзыня, красная и заплаканная, сидѣла въ креслѣ посреди гостиной.

— Наконецъ-то! я думала, ты сбѣжала. Стучусь къ тебѣ, а тебя и слѣдъ простылъ. Гдѣ ты была? Я не могу одна справиться, а позвать кого—боюсь. Романъ разсердится еще, скажетъ, зачѣмъ я чужихъ людей беспокою!..

Въ другое время Зося непременно ужасилась бы мату по-осиному, но сейчасъ она вся еще трепетала отъ напряженія только что сыгранной роли, отъ сознанія, что сыграла ее съ успѣхомъ и вышла побѣдительницей изъ рискованнаго положенія. Ея глаза горѣли отъ внутренней радости, что смѣлыя мечты ея начинаютъ воплотяться и, подойдя къ старухѣ, она отерла своимъ раздушеннымъ платочкомъ ее лицо и вѣжно поцѣловала огрубѣвшую отъ вѣчной работы руку:

— Полноте, мама! Отрите слезы и давайте складывать все обратно по своимъ мѣстамъ. Никуда мы не уѣдемъ. Панъ Янъ велѣлъ мнѣ отъ своего имени передать отцу, что просить у него прощенье.

— Зося, какъ? гдѣ ты съ паномъ говорила? Ты была у него?

«истор. вѣсти», февраль, 1911 г., т. сxxxii.

2

Зося рассказала матери о встрѣчѣ на могилѣ, о томъ, «какъ ей неудержимо захотѣлось побывать тамъ и отнести вѣнокъ», и что изъ этого вышло.

— Зося, это тебя самъ панъ Бугъ научилъ. Слава ему!

И обѣ съ энергіей принялась приводить шкапы и комоды въ обычный порядокъ.

Когда вечеромъ вернулся панъ Романъ, каждая вещь лежала на своемъ мѣстѣ. Пани Юзыня успѣла даже побывать на скотномъ и въ птичникѣ и убѣдилась, что Фроська и Аниска были ея достойными ученицами—ничего не было перепутано и всѣ горшки были цѣлы.

Не замѣтивъ ни малѣйшихъ приготовленій къ отъѣзду, полякъ насунилъ брови.

— Цо-то! аль рехнулись вы? Послѣзавтра переѣзжаемъ, а у нихъ ни ложки, ни плошки не уложено!

— Не сердись, Романъ! послушай, что тебѣ Зося скажетъ.

Когда Зося передала ему порученіе Колычева, Юшкевичъ криво усмѣхнулся.

— Забоялся, москаль! Хвостъ поджалъ. Не сладко, видно, пришло! Ничего, пусть попляшетъ.

— Такъ что же, отецъ, чѣмъ ты порѣшилъ?

— А тѣмъ, чтобы послѣзавтра намъ здѣсь ужъ не ночевать. Пока мы переѣдемъ въ городъ; хотя Валекъ и предлагаетъ поселиться или погостить у него, но въ городъ, по-моему, изъ-за нѣкоторыхъ причинъ будетъ удобнѣе. А тамъ я напишу, кому слѣдуетъ. Но только тутъ мнѣ больше не мѣсто.

Зося повѣсила головку. Она знала—отца не переспоришь. Все, казалось ей, такъ хорошо налаживается, и вдругъ эта непримиримость. Она рѣшилась на послѣднее отчаянное средство и поступалась въ кабинетъ. Панъ Романъ курилъ на своемъ старомъ, вытертомъ клеенчатомъ диванѣ. Зося подошла къ нему на колѣни и прижалась щекой къ его лицу.

— Слушай, тату! не будь ребенкомъ. Дай мнѣ сказать тебѣ: хочешь быть здѣсь полнымъ хозяиномъ, не маршалкомъ, какъ при панѣ Арсеніи, а настоящимъ?

— Это еще что за сказки? Не шути, цурка, мнѣ не до шутокъ.

— А мнѣ тѣмъ менѣе, потому что изъ-за своего упрямства ты прошутнишь мое счастье. Слушай: не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, ты на моей свадьбѣ будешь въ бѣлой залѣ Колычева краковякъ плясать и въ мазуркѣ платкомъ передо мною пыль съ паркета смахивать... вотъ-те святой крестъ.

И Зося перекрестилась.

— Шути... шути...

— Нѣтъ, я говорю серьезно. Вѣрь мнѣ, чего другого, а ужъ мужичинъ я знаю и поклонюсь, что въ данную минуту панъ Янъ по мнѣ думку крутитъ. Мы, женщины, сразу чуемъ, гдѣ добычей пах-

нетъ... Недаромъ онъ меня увѣрялъ сегодня, что съ тринадцати лѣтъ по мнѣ вздыхалъ.

— Какъ такъ?

Зося передала слова Кольчева.

— Цо-цо-цо! Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Это онъ, вѣрно, тотъ портретъ разумѣль, на который тогда тайкомъ отъ дяди полюбовался, — и въ свою очередь Романъ сообщилъ дочкѣ объ отроческой продѣлкѣ Ивана Николаевича, рассказанной имъ Караулову.

— Тѣмъ лучше! ты видишь, сама судьба предназначаетъ мнѣ быть здѣсь хозяйкой. Тату милый, не мѣшай мнѣ! помирись съ паномъ. Видишь ли, онъ ужъ не такъ виноватъ, онъ думалъ, ты унесъ портретъ, потому что я на него похожа была.

— Пусть думалъ, но я-то вѣдь этого портрета никогда въ глаза не видалъ.

— Такъ ты пойдешь къ пану Яну?—и она еще нѣжнѣе прижалась къ отцу:—онъ говорилъ, чтобы ты сейчасъ же пришелъ къ нему, какъ вернешься домой.

— Нѣтъ, не пойду! Во-первыхъ, поздно, а во-вторыхъ, и это главное, не я обидѣлъ его... Да и не въ одномъ портретѣ тутъ дѣло...

— Ну, а если онъ самъ придетъ? Тату, ты помирись?

Панъ Романъ поцѣловалъ дочь и спустилъ ее съ колѣнъ.

— Иди спать, цурка! Утро вечера мудренѣе.

Зося поцѣловала его руку и, притянувъ его голову, шепнула на ухо:

— Смотри, никому не проговорись, я и мамѣ ничего не сказала, тебѣ одному открылась.—И она исчезла за дверью.

Панъ Романъ задумался. Онъ самъ замѣтилъ тотъ взглядъ, которымъ смотрѣлъ Кольчевъ на его дочку на отпѣваніи, видѣлъ, какъ искалъ онъ ее тщетно глазами въ толпѣ у могилы и среди гостей на поминкахъ въ виллѣ. Зося ушла съ матерью, торопившейся къ крестьянскимъ столамъ съ кутьей. О, его дочка знала французскую поговорку: «il faut se faire rare, pour se faire apprécier». Своимъ отсутствіемъ она только разожгла любопытство заинтересовавшагося ею помѣщика... Да, эта партія была бы подходящей... но—имѣть зятемъ москаля, имѣть отъ Зоси внуковъ-кацановъ, окрещенныхъ еретиками-понами? Да вѣдь это измѣна... измѣна отчизнѣ, вѣрѣ, святому дѣлу, которому онъ поклялся служить. Нѣтъ! лучше видѣть ее за Валекомъ, только не за русскимъ, лучше быть ей компаньонкой въ Запольѣ, чѣмъ хозяйкой—женой еретика въ этомъ москальскомъ гнѣздѣ. Никогда, никогда не пойдетъ онъ на это. Дѣвочка, видимо, не на шутку задумала свое дѣло, она тщеславна, ей хочется не отставать отъ богатыхъ подругъ, но онъ сумѣетъ переубѣдить ее. Онъ напишетъ начальницѣ пансіона, а та настроитъ духовника, который руководилъ религіознымъ воспитаніемъ своей юной паствы тамъ подъ Варшавой, и ихъ письма

возымѣють свое дѣйствіе. Наконецъ, если и это не повліяетъ на дочь, онъ соберетъ послѣднія крохи и отправитъ ее еще на годъ въ монастырь. Тамъ сумѣють съ ней справиться. Относительно примиренія—онъ самъ еще не зналъ, на что рѣшиться. Во всякомъ случаѣ не только ни шага онъ первый навстрѣчу не сдѣлаетъ, но и остаться согласится не сразу... И, успокоенный этими мыслями, панъ Романъ пошелъ спать.

На другое утро онъ чѣмъ свѣтъ уѣхалъ въ городъ за 15 верстъ, чтобы не быть дома, въ случаѣ Колычевъ пришлетъ за нимъ, и дѣйствительно казачокъ два раза въ его отсутствіе прибѣгаль звать его къ барину. Наконецъ, въ двѣнадцатомъ часу въ липовой аллеѣ показался Иванъ Николаевичъ.

Ночь окончательно укрѣпила его въ убѣжденіи, что виноватъ онъ, а не панъ Романъ, и, понявъ изъ отсутствія управляющаго, какъ глубоко было задѣто самолюбіе поляка, онъ рѣшилъ пойти въ старый домъ,

Зося изъ мезонина замѣтила его и бросилась къ матери въ кухню.

— Мама, панъ Янъ! надѣньте чистую кофту!

— Гдѣ? что?—растерялась Юзыня.

— Ахъ ты Господи! Какая вы! Панъ Янъ къ намъ идетъ!—и Зося опретью кинулась къ гостиную.

Колычевъ входилъ уже на хмелевую террасу. Зося чинно пошла къ нему навстрѣчу

— Здравствуйте, милая барышня. Вы видите, я умѣю быть не менѣе настойчивымъ, чѣмъ панъ Юшкевичъ. Надѣюсь, онъ дома, и вы проведете меня къ нему?

— Отца еще нѣтъ. Пану придется подождать.—И она подвинула ему кресло, а сама сѣла на диванъ.—Мама сейчасъ выйдетъ.

— Отлично. Вы мнѣ тѣмъ временемъ расскажите, какъ отнесся къ данному вамъ мною порученію панъ Романъ.

— Отецъ очень обиженъ,—отвѣчала Зося, потупя глаза.— Онъ и слышать не хотѣлъ, чтобы отложить нашъ отъѣздъ, и теперь поѣхалъ искать квартиру въ городъ. И если найдетъ ее, мы тотчасъ переѣдемъ.

Иванъ Николаевичъ покраснѣлъ. «Ну, и чортъ съ нимъ!» подумалъ онъ и хотѣлъ уже встать и проститься, какъ въ комнату вошла лани Юзыня. Старая полька рассыпалась въ любезностяхъ. Она такъ тронута вниманіемъ нана! онъ оказалъ имъ такую честь, зайдя въ ихъ бѣдное жилище!

— Однако, сколько мнѣ извѣстно, это бѣдное жилище не одинъ десятокъ лѣтъ было помѣщичьимъ домомъ въ Колычевѣ. И дѣдъ мой, и прадѣдъ жили въ немъ. Кстати, меня очень интересуеетъ, не осталось ли здѣсь какихъ-нибудь старыхъ портретовъ ихъ. Въ виллѣ ни одного нѣтъ, а отъ отца я слышалъ, что они остались въ Ко-

лычевъ, какъ въ родовой усадьбѣ, и въ Горки перевезены не были. Можетъ быть, они погибли въ двѣнадцатомъ году?

— Какъ же, ясновельможный панъ! на чердакѣ лежать! Я ихъ еще вчера видѣла. Прикажетъ панъ, я мигомъ принесу ихъ!—И пани Юзыня уже вскочила, чтобы бѣжать.

Зося дернула ее за платье. Нѣтъ, рѣшительно мать не умѣетъ соблюдать своего достоинства. Къ чему она приняла этотъ подбострастный тонъ? Зачѣмъ эти присѣданія, эти заискивающія улыбочки?

Иванъ Николаевичъ тоже протянулъ руку, чтобы удержать хозяйку на мѣстѣ.

— Не трудитесь, пожалуйста, уважаемая пани! Это успѣется. Я пришлю человѣка помочь вамъ. Я очень радъ, что вижу васъ и могу, пользуясь случаемъ, выразить вамъ мое восхищеніе тѣмъ образцовымъ порядкомъ, въ которомъ ведется все молочное и птичье хозяйство.

Пани Юзыня совсѣмъ растаяла. Это была ея сфера. На вопросы Колычева она отвѣчала цѣлымъ водопадомъ свѣдѣній и подробностей. Напрасно Зося дергала ее за платье, наступала ей на ногу,—рѣчь ея лилась безъ передышки. Она нарочно отодвинулась подальше отъ дочки, чтобы та ей не мѣшала. Воспользовавшись наконецъ паузой, гость взглянулъ на часы.

— Уже половина перваго. Не хочу васъ дольше задерживать.—И, низко поклонившись обѣимъ, онъ вышелъ.

Едва его высокая фигура скрылась въ зелени, Зося заломила свои тонкія ручки и упала на диванъ, рыдая: «Что вы надѣлали мама! что вы надѣлали! Развѣ можно такъ вести себя!»

— Что такое? что съ тобой, пурка?—спросила озабоченно мать.

— Теперь все пропало! Ахъ, зачѣмъ я позвала васъ! Вы все мнѣ испортили!

Пани Юзыня обомлѣла. Кажется, ничего глупаго она не сказала, говорила дѣльно, и панъ Янъ слушалъ съ удовольствіемъ. Въ чемъ же бѣда?

— Въ томъ, что вы меня губите! отца губите! Да, да, да! губите.

И со злости Зося швырнула на полъ вышитую пани Юзыней подушку съ гербомъ Юшкевичей, гдѣ знаменитый лебедь сильно напоминалъ любимаго старухой гусака Тишку.

— Такъ себя только скотница держать смѣетъ, а не пани Юшкевичъ!—И дѣвушка выбѣжала и заперлась въ мезонинѣ.

Все шло такъ хорошо! случилось даже больше, чѣмъ она ожидала: Колычевъ пришелъ самъ въ сѣрый домикъ, а мать вмѣсто того, чтобы задержать его до приѣзда отца, предложивъ Зосѣ занять гостя музыкой, начала свои молочныя познанія выкладывать! Ахъ, какъ бы играла Зося! Иванъ Николаевичъ и сейчасъ бы

еще сидѣлъ и слушалъ ее... Вѣдь тогда дождь лилъ, и онъ вѣрно не слыхалъ ея игры, иначе или вчера, или сегодня непременно заговорилъ бы съ ней о музыкѣ. А тутъ, вмѣсто Шопена и Мендельсона, разговоры объ удоѣ и гимны новой маслобойкѣ! Что дѣлать теперь? Отецъ ни за что не согласится итти снова въ виллу... Унущень единственный случай помочь дѣлу. И дѣвушка рыдала безутѣшно...

А пани Юзыня, совсѣмъ сконфуженная и сбитая съ толку, сидѣла въ погребѣ, провѣряя съ Фроськой молочные горшки, оббитые для прочности полосками бересты, и никакъ не могла сообразить, за что на нее прогнѣвалась дочка и чѣмъ она уронила свое панское достоинство?

Юшкевичъ вернулся лишь въ седьмомъ часу. Его почти двухдневное отсутствіе уже дало себя знать. Возникъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые только онъ могъ разрѣшить. У крыльца давно дежурилъ староста, пришедшій узнать, кого изъ мужиковъ назначить на косябу послѣднихъ перелоговъ, задержавшуюся похоронами; съ мельницы приплелся хромой работникъ Карпычъ съ просьбой осмотрѣть жерновъ, никакъ не хотѣвшій молотъ; плотникъ, рубившій новый ледникъ, не могъ продолжать работы, не зная, насколько панъ распорядится углубить яму и нужно ли ему прибавить еще одну ступеньку для схода; захромала одна изъ лучшихъ упряжныхъ лошадей и т. д. Увидѣвъ ожидающихъ, панъ нахмурился: вопросы эти были хоть мелкими, но они тормозили дѣло. Тѣмъ лучше! побольше бы ихъ!

— Ничего не знаю, ребята!—отвѣтилъ онъ мягко.—Ступайте къ барину, пусть онъ распорядится!—и онъ вошелъ въ домъ.

— Вотъ такъ чудеса въ рѣшетѣ!—сказалъ высокій плотникъ Иванъ:—какъ я пойду къ барину, когда баринъ меня и въ глаза не видалъ, да и что мнѣ баринъ указать можетъ?

Староста Дороеей почесалъ всей пятерней свою сивую бороду.

— Да не ладно! Видно, мужики-то правду баяли, что конецъ поляку пришелъ. Что жъ теперь дѣлать, ребята? Аль и взаправду барина беспокоить?

— Чего жъ не иттить? пойдѣмъ, авось, головы не сниметъ!—посоветовалъ кучеръ Михай Осторожный, получившій свою кличку за то, что на каждомъ поворотѣ кричалъ самому себѣ: «осторожнѣй»!

— Коли иттить, такъ ужъ всѣмъ вмѣстѣ!—согласился Иванъ.

— Може панъ передумаетъ, да и самъ выйдетъ,—остановилъ Карпычъ.

— Жди, коли время и охота есть, а мы уже пойдѣмъ.

И мужики помялись, еще поругались и пошли гурьбою со двора.

Панъ Романъ посмотрѣлъ имъ велѣдъ черезъ окно конторы и вздохнулъ. Да, нелегко... Двадцать лѣтъ онъ тутъ самостоятельно

хозяйничаль, все наладилъ, настроилъ, и вотъ уступай мѣсто неизвѣстно кому. Если даже остаться теперь—все равно, двумъ медвѣдямъ въ одной берлогѣ уживаться придется. Эхъ, что тамъ: все къ лучшему! Нечего долго тянуть. Сразу уѣхать и дѣлу конецъ. По крайней мѣрѣ и Зосины мечтанья рухнуть сами собою, а то зачѣмъ ей дразнить ими себя понапрасну. Да гдѣ жъ это она, отчего его не встрѣтила?

И онъ крикнулъ, подходя къ лѣстницѣ: «Зося!»

Зося сошла съ заплаканными, напухшими глазами и бросилась къ отцу на шею.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты уѣхалъ! Зачѣмъ не остался! Онъ приходилъ самъ сюда, а мать...

— Что же, не приняла его?

— Хуже... она все съ нимъ говорила о коровахъ... она надоѣла ему, и онъ ушелъ...

Панъ Романъ погладилъ ее по головѣ.

— Мать сдѣлала прекрасно. Онъ пришелъ сюда по дѣлу, и съ нимъ о дѣлахъ и говорить нужно было!

— Нѣтъ, онъ пришелъ помириться,—онъ самъ сказалъ мнѣ...

Панъ Романъ самодовольно ухмыльнулся.

— Не тужи, мое сердечко; вѣрь мнѣ, такъ лучше. Однакожь я не вижу, чтобы вы съ матерью переѣзжать готовились. Что жъ это будетъ? Я уже квартиру присмотрѣлъ. У бакалейщика Пастухова во флигелѣ—5 комнатъ и садъ... Отличная квартирка и недорого. Положимъ, къ завтраму она еще не будетъ готова, но укладываться все-таки пора. Ну, вытри глазки и будь умницей: брось думать о москаляхъ. Я мою единородную цурку лишь за добраго сына нашей ойчины замужь отдамъ.

— Гдѣ жъ ты такого въ нашемъ городишкѣ сыщешь? Всѣ они женаты! Ахъ, Боже мой, Боже мой! Я все такъ хорошо надумала, а теперь...

Зосю ужасала мысль о жизни въ уѣздномъ городѣ, среди общества мелкихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ туда для хлѣбныхъ сдѣлокъ. Всѣ эти барыни и ихъ жеманные дочки съ вѣчными ужимками и убійственнымъ французскимъ языкомъ, на которомъ онѣ неукоснительно между собою разговаривали; ихъ неловко сшитыя и безвкусныя, съ поползновеніями на моду, платья и шляпки, ихъ романсы и избитые фортепьянные пьесы, являвшіяся какъ бы дипломами ихъ образованности, казались избалованной аристократическимъ пансіономъ дѣвушкѣ нестерпимыми.

Послѣдніе три года она на очень короткій срокъ возвращалась въ Колычево и проводила почти всѣ всѣ каникулы у своихъ богатыхъ подругъ, гостя мѣсяцами въ ихъ родовыхъ замкахъ.

Трудно мирилась она теперь со старымъ сѣрымъ домикомъ отца. Ея не удовлетворяла скромная обстановка этихъ низкихъ комнатъ. Зоя сама умѣла изъ пустяковъ создать украшеніе — оправить скатерть, передвинуть кресло или диванъ, подберетъ по своему занавѣску, свяжетъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, чуть не сорныхъ травъ букетъ — и комната, смотришь, преобразилась и потеряла свой будничныи мѣщанскій обликъ. Въ ней было въ высшей степени развито чувство изящнаго. Съ ея возвращеніемъ появлялись на стѣнахъ акварели, а на креслахъ красивые антимаскары. Каждая мелочь говорила объ искусствѣ ея тонкихъ, гибкихъ пальцевъ. Отецъ звалъ ее «феей». Онъ не сердился, когда Зоя отказывалась сопровождать мать въ ея визитахъ къ сосѣдямъ, съ которыми у нея ничего общаго не было, но передъ которыми пани Юзыня любила хвастаться своей красавицей-дочкой.

Какъ только отдавалось приказаніе закладывать экипажъ, дѣвушка спѣшила въ свою засаду въ кустахъ, а оттуда отправлялась бродить по старому парку, гдѣ доживали вѣкъ древнія барскія затѣи, возобновленные было Арсеніемъ Михайловичемъ, но въ послѣдствіи снова заброшенные, — «храмъ любви» съ залпеснѣвшей статуей Амура съ отбитымъ носомъ, «рыбачій островъ» съ полуразвалившейся хижиной, въ которой когда-то, по преданію, при входѣ посѣтителей, деревянная кукла въ рыбацкомъ костюмѣ качала головой и руками, словно плела сѣти, и разныя разрушенные павильоны и заросшіе гроты. Эта часть парка не поддерживалась. Сѣно съ ней не скашивалось, и деревья, долуха и крапива нынѣшню разрастались на просторѣ. Никто туда не заглядывалъ, и Зоя разрывала не одно платье, продираясь сквозь густую чащу. Но эти слѣды былаго величія и барской жизни говорили ея сердцу не менѣе, чѣмъ отраженіе бѣлойвиллы въ прудѣ, и она часто мечтала, какъ чудно было бы возстановить всѣ эти игрушки, будь она богата и будь Колычево ея собственностью. Она полюбила этотъ запущенный уголокъ стараго парка и чувствовала себя въ немъ хозяйкой... А теперь и его придется лишиться!..

— Нѣтъ, я этого не вынесу... Я не могу! не могу! — она еще сильнѣе зарыдала.

— Полно, довольно, Зоя! Это, наконецъ, глупо! Ну, не хочешь жить въ городѣ, поѣзжай гостить къ Олесѣ или къ Элизѣ. Не могу же я изъ-за твоихъ фантазій жертвовать собою?

— Нѣтъ, она не поѣдетъ ни къ Олесѣ, ни къ Элизѣ! Быть прихлебательницей, «бѣдной подругой» — это было возможно, пока онѣ еще учились, а теперь она вернется въ Заполье лишь въ парижскомъ, какъ у всѣхъ у нихъ, платьѣ, она подѣдетъ къ перрону со львами въ Филиппинкахъ Свентицкой только въ своей щегольской коляскѣ. Она лучше пострижется сейчасъ же въ монастырь,

ей легче будетъ уйти навѣки отъ міра, чѣмъ это униженіе, это мѣщанство, эта жизнь въ захолустѣ!

Панъ Романъ разсердился и даже топнулъ ногой, чего никогда еще не позволялъ себѣ съ дочерью.

— Брось эти бредни, слышишь! Ни въ монастырѣ, ни замужемъ за москалемъ тебѣ не бывать! Я лучше убью тебя и себя, чѣмъ позволю тебѣ вѣнчаться съ еретикомъ...

И, взявъ за плечи, онъ грубо вытолкнулъ ее въ двери.

Не привыкшая ни къ чему подобному дѣвушка, трясясь отъ негодованія и страха, бросилась къ себѣ наверхъ, заперлась на крючокъ и съ горькими рыданіями упала на свою узкую бѣлую постельку...

А счастье уже шло къ ней... На крыльцо входилъ самъ щеголь Василій, камердинеръ Ивана Николаевича, съ его собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ владѣлецъ Колычева убѣдительно просилъ «достоуважаемаго пана Юшкевича непременно пожаловать для важнаго и неотложнаго разговора». Въ концѣ стояло: «Заходилъ утромъ самъ, но, къ величайшему моему сожалѣнію, не засталъ васъ дома», и подписано было: «Вашъ покорнѣйшій слуга И. Колычевъ».

У пана даже усы приподнялись отъ удовольствія.

— Цо-то! попался, кацаль? Ну, теперь смотри въ оба, Романъ! зацѣпи его покрѣпче, чтобъ не сорваться дурно. Не воображай, москаль, что тебѣ даромъ достанется мировая! Далибугъ, еще попляпешь вокругъ меня, не разъ поклонисься... За то, что смѣлъ обидѣть мое панское сердце,—не сразу заснешь покойно... Недѣльки двѣ-три поворочаешься съ боку на бокъ... Зато ужъ потомъ спи себѣ на здоровье, и чѣмъ дольше и крѣпче, тѣмъ лучше...

И онъ холодно отвѣтилъ Василю:

— Передай пану, что я только сперва поужинаю, а потомъ приду.

Х.

О, эти юныя мечты
О, счастья дивныя видѣнья!
Какъ были свѣтлы и чисты
Тѣ невозвратныя мгновенья...

(„Въ зной“, М. К.)

Панъ Романъ ловко повелъ себя. Уже цѣлыя двѣ недѣли онъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта, останется ли управляющимъ у Ивана Николаевича, хотя тотъ и предложилъ ему полуторное жалованье. О немедленномъ отвѣздѣ больше не было разговора. Самолюбіе поляка было вознаграждено съ избыткомъ, и было бы смѣшно и глупо отвергать протянутую руку, но полнаго примиренія не произошло. Зато съ каждымъ вновь возникавшимъ въ хозяйствѣ

вопросомъ Иванъ Николаевичъ убѣждался, какъ систематично и цѣлесообразно оно было налажено въ Колычевѣ. Полякъ нарочно вводилъ хозяина во все мелочи и требовалъ его личнаго присутствія повсюду. Все распоряженія и уплаты производились отнынѣ не въ конторѣ стараго дома, а въ зеленомъ кабинетѣ виллы, и въ рѣзной дубовой прихожей толпились и мелькали фигуры и лица такихъ людей, которымъ никогда раньше и во снѣ не снилась возможность ступить за рѣшетку французскаго сада.

Вилла мало-по-малу теряла свой нежилой видъ. Ночное дежурство на ларѣ отбѣнилось само собою. Въ подвальномъ этажѣ въ кухнѣ хозяйничалъ и гремѣлъ кастрюлями Еремѣй, рядомъ съ ней въ людскихъ уже поселились его помощники, а также и Прохоръ съ Оедькой, туда же перешелъ и Евграфъ, уступивъ свою каморку при уборной шеголю Василю, какъ ближайшему камердинеру барина. Поминутно въ цѣдра этого этажа спускались дѣвки съ молочной Фроськой во главѣ, и даже два раза приходила сама пани Юзыня, принося Еремѣю сливки для вафель, боясь, чтобъ ихъ не слизнули дорогой.

Во виллѣ бывали и гости. Такъ, на девятый день смерти Арсенія Михайловича, послѣ панихиды на его могилѣ, причтъ, Супруненко, докторъ и кое-кто изъ сосѣдей завтракали снова въ обюссоновой столовой, но на этотъ разъ все двери были открыты настежь, и гости на цыпочкахъ, съ затаеннымъ отъ любопытства дыханіемъ обходили дивные покои запретнаго недавно жилища.

Дьяконъ Зосима, неловко ступая въ грубыхъ сапогахъ, шопотомъ сообщалъ свои впечатлѣнія отцу Никитѣ, котораго онъ изъ невольной робости держался по привычкѣ. Особенно нравились ему картины французской школы, отецъ же Никита не цѣнилъ нимфъ и пастушковъ и любовался произведеніями Тиціана и Гвидо Рени.

Гобеленовая гостиная съ цѣльнымъ зеркальнымъ потолкомъ привела Зосиму въ неистовый восторгъ:

— Гляньте, отецъ Никита! Во какъ я вверхъ ногами хожу!

— Хорошъ,—отвѣчалъ Никита;—морда еще шире кажется, а ногъ какъ не бывало.

Дьяконъ заржалъ отъ удовольствія такъ, что подвѣски на канделябрахъ задрожали и нимфы и вытканые на панио боги словно застыли отъ изумленія.

Панъ Романъ на завтракъ не пошелъ. Это было бы слишкомъ скоро послѣ размолвки, да и Зося тревожила его не на шутку.

Когда отецъ прогналъ ее, она, заливаясь горькими слезами, упала на свою постельку да такъ и не встала. Ее пришли звать къ ужину, но она не сошла внизъ. Мать принесла ей было горячаго бульону,—она ее не впустила и крикнула: «Оставьте меня въ покоѣ... Я никого, никого видѣть не хочу!» Ночью съ ней сдѣлался жаръ, и утромъ Таська не могла попасть въ мезонинъ. Пришлось просу-

путь въ щелку лезвіе ножа и откинуть крючокъ. Зося металась и бредила.

Перепуганная пани Юзыня кликнула мужа.

Панъ Романъ схватился за голову.

— Осель, старый осель!—ругаль онъ себя.—Что я надѣлалъ! Зося! ангелочекъ, ясочка моя! прости меня, стараго дурня!..

Но Зося не слышала. Въ ея безсвязныхъ, возбужденныхъ рѣчахъ то и дѣло поминались Олеся и панъ Ягъ, рыбацья хижина и серебряное платье съ золотыми букетами, и бѣлые кони мчали ее куда-то, и Стась бросался остановить ихъ и не могъ.

Приглашенный докторъ нашель первнюю лихорадку и пропи-саль успокоительную микстуру и полную тишину.

Плотно закрыли окно во дворъ ставнями, и пани Юзыня завѣсила его ватнымъ одѣяломъ. Зато противоположное, выходившее въ садъ было открыто настезь, и старья липы съ участіемъ заглядывали въ уютный дѣвичій уголокъ. Вливая туда свое сладкое благоуханіе, онѣ шелестѣли чуть слышно мягкими круглыми листьями, словно спрашивая:

— Когда же сыграешь ты снова намъ вдохновенную пѣсню, милое, странное дитя съ блѣднымъ фарфоровымъ личикомъ?

Валекъ, узнавъ о Зосиной болѣзни, черезъ день пріѣзжалъ изъ Новаго и привозилъ то букеты, то конфеты, но Зося не хотѣла смотрѣть ни на то, ни на другое. Цѣлыя двѣ недѣли продолжалось неопредѣленное положеніе; хотя ни жара, ни бреда уже не было, но она была такъ слаба и раздражительна, что плакала изъ-за всякаго пустяка. Докторъ требовалъ избѣгать малѣйшихъ волненій, но больная капризничала, какъ малый ребенокъ.

Иванъ Николаевичъ тоже каждый день справлялся о ея здоровьѣ, но ей объ этомъ не сообщали. А это было бы лучшимъ лекарствомъ для нея.

Въ началѣ третьей недѣли онъ снова спросилъ у Романа:

— Ну, что ваша больная?

— Спасибо, сегодня много лучше!

— И отлично! тогда вы со спокойной совѣстью можете этотъ вечеръ пожертвовать мнѣ. Я жду сегодня Караулова съ племянникомъ и хочу просить васъ четвертымъ на партію виста. Надѣюсь, вы не откажетесь?

Панъ Романъ съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Съ удовольствіемъ.

— Отлично, я буду ждать васъ къ обѣду. Мы обѣдаемъ въ пять часовъ.

— Прошу извинить меня, но до восьми часовъ я буду занятъ.

— Очень жаль, во всякомъ случаѣ я рассчитываю на васъ,—и онъ любезно пожалъ ему руку.

«Однакожь, что же это съ нимъ? Сперва хотѣлъ уже послѣ девятаго дня сразу ѣхать, а теперь и двадцатый прошелъ. Интересно, какъ у него ведется дѣло въ Горкахъ?» думалъ панъ Романъ, возвращаясь домой.

Онъ поднялся наверхъ. Зося въ широкой блузѣ лежала въ вольтеровскомъ креслѣ, уцѣлѣвшемъ на чердакѣ отъ французовъ. Болѣзнь не изгладила впечатлѣнія отъ выходки отца, и дѣвушка чувствовала отчужденіе отъ него, но встрѣтила его полуулыбкой.

— Ну что, какъ дѣла?—нѣжно спросилъ панъ Романъ и поцѣловалъ ея бѣлый лобикъ.

— Ничего, мнѣ сегодня лучше!

— Лихорадки не было?—онъ взялъ ея за пульсъ.

— Нѣтъ.

— Тѣмъ лучше! Значить, я могу спокойно пойти играть въ карты съ паномъ Яномъ? Моя Зося меня отпустить?

Дѣвушка слабо покраснѣла.

— Ты помирился съ нимъ, отецъ?

— Пока да! а надолго ли—время покажетъ. Ну, будь умница; постарайся скушать весь бульонъ сегодня. Панъ Валекъ, вѣрно, усталъ справляться о твоёмъ здоровьѣ, и онъ ушелъ.

Зося одно сообразила: пока они еще не покидаютъ Колычева; не отнята послѣдняя надежда...

«Я лучше убью тебя и себя, чѣмъ позволю тебѣ вѣнчаться съ еретикомъ!..» Эти слова отца Зося тысячу разъ въ день повторяла себѣ. Но сегодня они ей не были уже такъ страшны.

«Не позволишь... но если улыбнется мнѣ счастье—ты простишь меня, отецъ!»

Да, этотъ бракъ съ еретикомъ—это было бы настоящимъ Зосинимъ счастьемъ. За ея болѣзнь въ ея душѣ произошелъ переломъ—Стась Запольскій вдругъ стушевался. Его заслонилъ другой образъ—высокаго плотнаго мужчины съ густой бородой, добрыми сѣрыми глазами подъ сросшимися дугами бровей. Съ той минуты, какъ отецъ оттолкнулъ ея, она уже не чувствовала къ пану Роману прежней близости. Она ни за что не могла бы больше сѣсть къ нему на колѣни и загѣть дѣтскую пѣсенку... Прежняя увѣренность въ его готовности защитить ея отъ всякихъ жизненныхъ невгодъ и случайностей была похоронена навсегда. Отецъ преслѣдовалъ свои цѣли и по своему эгоизму готовъ былъ жертвовать ея счастьемъ.. А она чувствовала себя такой слабой, такой жалкой и безпомощной, ей такъ хотѣлось опереться на сильную мужскую руку. притулиться къ широкой, могучей груди, гдѣ бы билось навѣки ей преданное, готовое на всякія жертвы мужское сердце... И ей вспоминались мягкіе оттѣнки голоса Колычева, выраженіе его глазъ покоившихся на ней съ такимъ участіемъ, при видѣ ея слезъ, его задушевное пожатіе при прощаніи тамъ въ аллеѣ...

И вдругъ ее обдало варомъ... Вѣдь она солгала ему тогда... Ея горе было прикидываньемъ... Ея слезы—лицемѣремъ... А онъ повѣрилъ имъ, и утѣшалъ ее.

«Господи! если Ты будешь такъ милостивъ и пошлешь мнѣ это счастье, общаю Тебѣ никогда не лгать... нѣтъ... какъ ни тяжело, ни стыдно будетъ... я покаюсь ему въ моемъ обманѣ...»

И, успокоенная этой клятвой, Зося снова погрузилась въ сладкія мечты. Розовой паутиной заплетались эти тихія грезы, гдѣ роскошь нарядовъ и блескъ празднествъ сливались съ ласковыми звуками низкаго голоса, съ нѣжными словами любви и всепрощенія...

Когда Карауловъ съ племянникомъ своимъ Григоріемъ Ивановичемъ, чиновникомъ столичной казенной палаты, пріѣхалъ въ Колычево, закуска была уже на столѣ. Евграфъ и Василій стояли за стульями, а Прохоръ дежурилъ съ золоченымъ уполовникомъ у суповой чаши, чтобы тотчасъ разлить раковый бискъ по тарелкамъ.

— А нашъ четвертый партнеръ?—спросилъ Илья Семеновичъ.

— Да панъ Юшкевичъ.

— Какъ? вы, значить, за это время перемѣнили о немъ мнѣніе?

Колычевъ нѣсколько смутился.

— Не то, чтобы совѣмъ, но, вникнувъ въ хозяйство, я не могу не преклониться передъ его распорядительностью и замѣчательными агрономическими познаніями. Одно меня въ немъ огорчаетъ,— это его отношенія къ мужику, не къ каждому въ особенности, но ко всякому вообще. Онъ ихъ не считаетъ людьми, а смотритъ лишь, какъ на рабочую силу, и сильно прижимаетъ. Такъ что я поневолѣ взялъ ихъ подъ свою непосредственную защиту. Вообще я долженъ сознаться, что Колычево мнѣ такъ правится, что я думаю окончательно переселиться сюда, а Горки предоставить всецѣло сестрѣ, обмѣнявъ на нихъ ея половину дядинаго наслѣдства, потому что хотя, оказывается, завѣщаніе, какъ не подписанное свидѣтелями, юридическаго значенія не имѣетъ, но я все же хочу исполнить волю покойнаго. Земля все равно не можетъ перейти къ ней, какъ родовая, по закону, а разорять усадьбу не къ чему. Сестра все дѣтство и молодость провела въ Горкахъ и сильно привязана къ нимъ.

— Конечно, это будетъ весьма разумно!

— Сестру я жду недѣли черезъ двѣ. Зять долженъ получить отпускъ. Ихъ засѣданія по крестьянскому вопросу должны были кончиться, какъ говорили, въ началѣ августа. Сашенька общала уговорить Семена пріѣхать въ деревню, хотя его, конечно, потянетъ за границу опять.

— Вполнѣ его понимаю,—одобрилъ Григорій Ивановичъ, молчавшій до сихъ поръ и усердно уписывавшій произведеніе Еремѣя въ видѣ фаршированной по-жидовски щуки. Деревня только разнѣживааетъ, пріучая къ лѣни, а заграница бодритъ.

— Поневолѣ бодритъ, когда за каждый шагъ платитъ приходится.

— Нѣтъ, совсѣмъ не потому, а какъ-то чувствуешь себя на чеку, точно всѣ на тебя глядятъ, ну, и подтягиваешься. А въ деревнѣ побываешь, и черезъ недѣлю ужъ втрое труднѣе за дѣло приниматься. Деревня—это школа бездѣлья...

— Ну, мы и въ деревнѣ дѣло дѣлаемъ.

— Какое ваше дѣло? Великъ трудъ принять и выслушать, если есть къ тому охота, приказчика или бурмистра съ докладомъ. Вѣдь вы, помѣщики, тѣ же министры и завѣдующіе,—вы только подмываете да денежки получаете, а работаютъ-то на васъ низшіе. Безъ нихъ ни вамъ, ни намъ не обойтись...

— Особенно твоему министру безъ подобныхъ тебѣ!—пробормоталъ его дядя.

— Ну, положимъ, къ особенно низшимъ я не имѣю основаній причислять себя!—возразилъ съ важностью племянникъ.

— Ахъ да, извини, пожалуйста! я упустилъ изъ виду твое камеръ-юнкерство, пожалованное недавно...

— Камеръ-юнкерство тутъ ни при чемъ... Меня просто интересуетъ вопросъ: когда отнять отъ помѣщиковъ крестьянъ, что они съ землею дѣлать будутъ? Я увѣренъ, въ опекунскомъ совѣтѣ не хватитъ денегъ подъ залоги. Усадьбы опустѣютъ, а департаменты и канцеляріи будутъ завалены прошеніями о принятіи на службу, потому что надо же будетъ откуда-нибудь деньги получать?

— Какъ что помѣщики съ землею дѣлать будутъ? Да то же, что и теперь... Пахать и сѣять, косить и жать, а потомъ продавать скошенное и сжатое...

— Да кто же это дѣлать-то будетъ? Вѣдь мужиковъ и барщины не будетъ.

— Нанимать будемъ батраковъ или тѣхъ же крестьянъ звать на помощь.

— Нанимать значить и платить. А господа помѣщики не очень-то весьма любятъ—платить. У нихъ чаще лѣвая, чѣмъ правая ладонь чесаться привыкла.

— Ну, что касается до ладонной чесотки, такъ у чиновниковъ она куда сильнѣе, говорятъ, развита. Только про нихъ нельзя сказать, что у нихъ правая рука не вѣдаетъ, когда чешется лѣвая: правая пишетъ, а лѣвая за это писанье взятку получаетъ... Конечно, я этимъ не разумѣю тебя и тебѣ подобныхъ, я говорю о низшихъ.

И Илья Семеновичъ принялся за дупелей, которыхъ ему подавалъ Прохоръ.

— Послушать вашего племянника, Илья Семеновичъ, такъ выходитъ, что въ Россіи одни чиновники работаютъ и дѣло дѣлаютъ. А посмотрѣлъ бы онъ, какъ мы здѣсь съ пѣтухами встаемъ. Панъ Романъ не даетъ мнѣ передышки. Я самъ дивлюсь на себя. Зато впервые, кажется, за всю свою жизнь я въ Кольчевѣ сплю, какъ убитый, и чувствую, что молодѣю съ каждымъ часомъ. Да, да!

Григорій Ивановичъ, я скоро вамъ ровесникомъ стану. Ей-ей, я не шучу! Хотите силой помѣриться? На кулачки?..

— Только не сейчасъ, я такъ отяжелѣлъ, что едва двигаться могу. Молодецъ вашъ поваръ!

— Да, когда придется дать ему вольную, я его удержу у себя... Кстати, Илья Семеновичъ! Я имѣю завтра виды на васъ. Надо возстановить проектъ надѣловъ, о которомъ совѣщался съ вами покойный дядя. Какъ ни прикидываемъ съ Юшкевичемъ, а все у насъ мельница клиномъ въ крестьянскую землю врѣзается. Не помните ли вы, какъ думалъ устроиться дядюшка?

Илья Семеновичъ только промывчалъ что-то въ отвѣтъ. Его румяное, гладко выбритое лицо разрумянилось еще больше и отъ обильно приправленныхъ мадерою и пряностями соусовъ, и отъ стараго бургунскаго, то и дѣло подливаемаго хлѣбосольнымъ хозяиномъ. Тайкомъ подъ салфеткой онъ разстѣгивалъ одну за другою пуговицы своего пикейнаго жилета и вытиралъ поминутно жирныя губы. Когда наконецъ полуразлившаяся башня ананаснаго мороженаго была отставлена въ сторону, гости встали и перешли въ кабинетъ, куда подали кофе и ликеры. Илья Семеновичъ едва опустился въ кресло, какъ его круглая, похожая на спѣлый одуванчикъ сѣдая голова сама откинулась на мягкую спинку и раздались шипящія и свистящія носовые звуки.

А въ залѣ раскрыли ломберный столъ со слезавшимся, еще ни разу не выдавшимъ на себѣ мѣла сукномъ и съ выдвижными старинными шандалами. Евграфъ глубоко вздохнулъ. Нѣтъ, повый баринъ не чтитъ старины. Всѣ эти «небели», которыя онъ такъ бережетъ сорокъ лѣтъ, сразу пошли въ ходъ, точно самые обыкновенные самодѣльные столы и стулья, и впервые, вытирая пыль въ одной изъ гостиныхъ, онъ нашель окурокъ на коврѣ... И старикъ осторожно погладилъ каждый придвинутый для игроковъ стулъ, словно извиняясь передъ ними за невольное причиненное беспокойство.

Ни въ чемъ такъ не сказывается характеръ человѣка, какъ въ игрѣ. Предводитель игралъ добродушно и разсѣянно; его племянникъ бралъ взятки съ важностью и послѣ каждой оправлялъ безукоризненно накрахмаленную манжету. Панъ Романъ ходилъ обдуманно, заранѣе комбинируя всѣ выгоды, а Иванъ Николаевичъ все больше и больше оживлялся. Его обыкновенно матовое лицо покраснѣло. На лбу налились двѣ жилки, и глаза разгорались. Каждая своя неудача или вистующаго еще тѣснѣе сдвигала его сросшися брови, и онъ нервно поводилъ правымъ плечомъ.

Панъ Романъ слѣдилъ за нимъ, за его длинными большими пальцами съ отточенными выпуклыми ногтями и начиналъ понимать его. Необыкновенно быстро подсчитывалъ онъ цифры, и мѣлъ такъ и брызгалъ осколками, стуча по сукну въ его рукѣ. Это былъ игрокъ,

игрокъ отъ рожденья... Его интересовала не сумма выигрыша, но самый процессъ игры. Ему нравились опасныя назначенія, ему казалось счастьемъ словить противника на неудачномъ ходѣ и выйти побѣдителемъ изъ затруднительнаго положенія. Такіе люди могутъ играть безъ конца, проводя за картами дни и ночи, проигрывая копейки или сотни тысячъ, но уходя всѣмъ существомъ въ игру. Они легко становятся жертвами другихъ, болѣе хладнокровныхъ, умѣющихъ во время встать изъ-за игорнаго стола, но картъ бросить не въ силахъ.

Ужъ не на этотъ ли крючокъ поймать ему кацапа?..

Илья Семеновичъ, сыгравъ шесть роберовъ, давно храпѣлъ въ одной изъ верхнихъ отведенныхъ для гостей комнатъ, а трое партнеровъ все еще сражались въ бѣлой залѣ. Вистъ былъ забытъ ради банка. Игра шла небольшая, но на записяхъ уже появился третій ноль.

— Довольно,—сказалъ панъ Романъ:—дальше играть я не стану. Выше понтировать я не могу,—миѣ не изъ чего платить, если я проиграю...

— Полноте, панъ! Пока вы еще въ выигрышѣ,—отвѣтилъ Колычевъ —Давайте играть дальше. Я ставлю на даму бубенъ...

— Ставьте хоть на всѣхъ четырехъ дамъ сразу, я не согласенъ продолжать. Вамъ такъ не везетъ, что продолжать игру значитъ обыграть васъ навѣрняка.

— Что за пустяки, панъ!—возразилъ Колычевъ:—я хочу отыграться.

— Играй, да не отыгрывайся,—твердилъ, говорятъ, отецъ, сына лозою поучая... Такъ вѣдь, кажется?—плоско сострилъ Гришенька, втайнѣ желая прекращенія игры, такъ какъ былъ въ значительномъ выигрышѣ и боялся сократить его.

— Извольте, но это рѣшительно послѣдняя талія... Вы не понтируете?—спросилъ онъ Гришеньку.

Тотъ отказался.

Панъ сталъ метать.

Къ записи Ивана Николаевича прибавилось еще пятьсотъ рублей. Панъ Романъ всталъ.

— Теперь конецъ... Я рѣшительно отказываюсь... Да миѣ и некогда, меня черезъ часъ будить придуть.

И онъ сталъ раскланиваться.

— Подождите, панъ, а деньги?

Колычевъ принесъ изъ кабинета двѣ тысячи и расплатился съ обоими партнерами.

— А все-таки не сыграть ли еще?—спросилъ онъ.

— Если вы согласны будете записывать лишь мой минусъ я согласенъ,—отвѣчалъ полякъ.

— Помилуйте, за кого вы меня считаете? обидѣлся хозяинъ.

«За увлекающагося дурня» — мысленно отвѣтил тотъ, но вслухъ пожелалъ пріятнаго сна и вышелъ.

«Отлично, — продолжалъ онъ думать, возвращаясь по россистому саду, — въ одинъ прекрасный день я сумѣю общипать тебя, голубчикъ! И на ойчизну и на Зосю придется немалая толика, а пока приручайся понемногу, такъ оно вѣриѣ».

ХІ.

Ярко-желтыя тропинки,
Мягкій стриженный газонъ.
Мальвы, бархатцы въ куртинкѣ,
Хмелемъ завитый балконъ.
Чье-то кресло раскидное...
Недочитанный романъ...
Небо синее, родное.—
Свѣта, нѣги—океанъ...

(Изъ „Пѣсень забытой усадьбы“. М. К.)

Иванъ Николаевичъ долго ворочался съ боку на бокъ. Карты взволновали его, и онъ бѣсился на поляка, зачѣмъ тотъ отказался отъ игры. Вообще онъ былъ недоволенъ собою. Онъ зажился въ Колычевѣ? почему?.. Здѣсь не одно дѣло причиною. Онъ самъ не зналъ, почему въ этихъ роскошныхъ покояхъ его одолѣвала какая-то нѣга... Ему рисовались картины семейной жизни... дѣтскія головки.. женскія нѣжныя ручки, хозяйничавшія за этимъ изысканно сервированнымъ столомъ... Ему впервые показалось, что, давъ клятву у гроба жены не искать ей замѣны, онъ совершилъ подъ собою насиліе. Тамъ, въ Горкахъ, было такъ просто, буднично, и никакія грезы не смущали....

Въ этомъ имѣніи, выкупленномъ его отцомъ и унаслѣдованномъ имъ послѣ его смерти пополамъ съ сестрою, до послѣднихъ лѣтъ хозяйничала ихъ тетка съ материнской стороны, замѣпившая имъ эту столь рано умершую мать. Отецъ сразу послѣ похоронъ жены вызвалъ ее въ Горки, а самъ вернулся въ свой полкъ, переведенный на Кавказъ. Одиннадцати лѣтъ Ванючку отдали въ корпусъ, а сестра Санюшка росла, окруженная гувернантками и компаньонками старухи Гречихиной. Когда ей минуло двѣнадцать лѣтъ, ее помѣстили тоже въ институтъ, и онъ кадетомъ навѣщалъ ее. Его жена была подругой Сашеньки, и онъ нѣсколько лѣтъ былъ безоблачно счастливъ съ ней. Но роды унесли ее въ могилу, и, считая себя виновникомъ ея смерти, онъ поклялся остаться вдовцомъ.

Жить безъ женщины Колычевъ, однако, не могъ. Онъ избѣгалъ прочныхъ привязанностей, и вступалъ лишь въ мимолетныя, ни къ чему, по общему мнѣнію, не обязывающія связи. Сестра, моложе его на пять лѣтъ, по окончаніи курса почти сразу вышла за Се-

мена Михайловича Сотова, который был гораздо старше ея, занимал видное положеніе и быстро двигался по службѣ.

Старуха Гречихина, пристроивъ «своихъ сиротъ», какъ она выражалась, вернулась въ Горки и стала вести хозяйство. Зять ея былъ давно убитъ, и некому было наставлять ея въ управленіи имѣніемъ. Когда два года назадъ она умерла и Ивану Николаевичу волей-неволей пришлось принять дѣла, онъ пришелъ въ ужасъ отъ путаницы въ нихъ. Имѣніе было дѣйствительно золотымъ дномъ, какъ выразился о немъ Валеку панъ Романъ, но оно давало очень мало доходовъ сравнительно со своей цѣнностью. И Колычевъ рѣшилъ увеличить ихъ. Онъ снялъ мундиръ и засѣлъ въ деревнѣ, гдѣ на антресоляхъ стараго дома доживали свой вѣкъ компаньонки Гречихиной и гувернантки Сашеньки, окруженные хриплыми Фидельками и Газельками и трещащими канарейками и попугаями. Новый помѣщикъ перемѣнилъ уже третьяго старосту, прогналъ четвертаго приказчика, но внести какую-нибудь стройность или порядокъ въ это бабье царство казалось невозможнымъ. Все возвращалось къ прежнему шаблону, вѣчно слышался отвѣтъ: «а при покойницѣ такъ-то было». Напрасно выходилъ онъ изъ себя, пытался наладить дѣло на новый строй,—оно, словно Ванька-встанька, упорно не желало принимать другаго положенія, и съ барскаго двора тащилось все, что плохо лежало, портились англійскіе плуги и вѣялки, погибали выписанные заморскіе поросята и куры. Крестьяне были барщинные, а не оброчные. Но это былъ все лѣнивый, распущенный старой тетушкой народъ, боявшейся муху обидѣть и баловавшей каждою; будь то мужикъ ли, собачка, попадавшая къ ней въ руки, она не могла бы тронуть ихъ пальцемъ, а объ экзекуціяхъ на конюшнѣ или принудительныхъ мѣрахъ никто не посмѣлъ бы заикнуться передъ нею.

Когда при образованіи губернскихъ комитетовъ предводитель ея уѣзда запросилъ ея о величинѣ предполагаемыхъ ею надѣловъ, она призвала старосту и попросила его спросить у крестьянъ, сколько и по какой цѣнѣ каждый изъ мужичковъ желаетъ получить земли? Можно себѣ представить, что бы изъ этого вышло, если бы тотъ же князь Загорскій не убѣдилъ ея быть осторожнѣе, являясь отвѣтственной за послѣдствія передъ ея довѣрителями племянниками. Тутъ тетушка опомнилась и поспѣшила взять свои слова обратно, и это такъ мучило ея, что она и на смертномъ одрѣ бранила себя за недомысліе и звала «старой баламутницей».

Конечно, самъ Колычевъ такую сентиментальностью не отличался и налагалъ штрафы и уроки за испорченныя орудія или травы и порубки, но дѣло не поправлялось, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что у всѣхъ кругомъ хозяйство шло не блестяще. Перемѣнить систему и бросить запарку онъ не додумывался и, раздѣливъ свои заповѣдныя рощи и липовыя лѣса на участки, рѣ-

шилъ, что имъ сдѣлано все и дальше итти некуда. Попадвъ въ Кольчево, онъ въ первый разъ увидѣлъ, какъ слѣдуетъ вести дѣло. У пана Романа одна отрасль не тормозила другой. И пашня, и молочное дѣло, и плодоводство шли рука объ руку, цѣпляясь другъ за друга, какъ шестерни и колеса сложнаго механизма... Иванъ Николаевичъ не сознавалъ, что жизнь его до сихъ поръ текла безалаберно и безшабашно, какъ и у всѣхъ близкихъ и избалованныхъ людей его круга, но, очутившись лицомъ къ лицу съ упорядоченнымъ строемъ, почувствовалъ, что вотъ наконецъ то, къ чему онъ всегда стремился и чего не умѣлъ создать себѣ самъ. И его тянуло къ этому берегу, къ этой пристани, гдѣ цѣлесообразный трудъ подбодрялъ къ дальнѣйшей дѣятельности и вливалъ въ душу миръ и довольство. Но почему-то вмѣстѣ съ этимъ возникалъ и вопросъ: «для кого и для чего буду я работать, вставать съ пѣтухами и ложиться съ курами?» И то, что жизнь теряла смыслъ въ одиночествѣ и что робко шевелились на днѣ души первые упреки за необдуманно данную въ минуту горя и непоправимой бѣды клятву умершей,—мучило его и мѣшало дышать вольной грудью, между тѣмъ какъ силушка начинала вновь живчикомъ по жилушкамъ переливаться.

Карты однѣ умѣли во время оно отвлекать его отъ всѣхъ прочихъ житейскихъ и нежитейскихъ интересовъ. Онъ игралъ запоемъ и забывалъ за игрой всѣ волновавшіе его вопросы. У него были періоды по нѣскольку лѣтъ, когда онъ не бралъ ихъ въ руки, и бывали другіе, когда онъ проигрывалъ все, что можно было обратиться въ деньги. Потомъ онъ вдругъ опомнится, встряхнется, и сновапустуетъ его мѣсто въ клубѣ и недоумѣваютъ кругомъ партнеры, куда занесла его нелегкая?

Но сегодня онъ почувствовалъ, что игра не доставила ему прежняго наслажденія. Она занимала, но не поглотила его. И это его волновало... Когда-то онъ читалъ, что черезъ каждыя семь лѣтъ обновляется весь организмъ человѣка. Ему только что минуло 42 года. Наступаетъ седьмая перемѣна, но, можетъ быть, не одного только физическаго организма?.. Въ немъ явно совершается что-то. Онъ чувствуетъ себя словно перерожденнымъ духовно, ему хочется жить, двигаться, работать и... любить.

И, выговоривъ это столь долго запретное слово, онъ глубоко вздохнулъ и закрылъ глаза...

... Былъ уже десятый часъ, когда его разбудилъ Василій. Кольчевъ вспомнилъ, что хотѣлъ воспользоваться присутствіемъ председателя и спросить его о проектѣ надѣловъ, намѣченныхъ Арсеніемъ Михайловичемъ.

Илья Семеновичъ оттопырилъ губу.

— Эхъ, батенька! Чего захотѣли! Гдѣ мнѣ всѣ эти проекты упомнить! Подумайте, сколько мнѣ за это время разсматривать и выслушивать ихъ приходится. Простить себѣ не могу, что не отка-

зался на выборахъ отъ предводительства. По истинѣ не ожидалъ этой трепки и хлопотъ съ проклятой реформой. И если признаться по душѣ, хуже всего сверлить меня то, что я самъ-то въ нее не вѣрю.

— То есть какъ такъ? Но вѣдь, кажется, эта реформа дѣло безповоротно рѣшенное, и весь вопросъ теперь въ томъ, скоро ли окончать свои труды редакціонныя комиссіи и когда государь постановитъ объявить высочайшимъ манифестомъ выработанное ими положеніе...

— Ахъ, не въ появленіе манифеста я не вѣрю, а въ пользу реформы въ томъ видѣ, какъ ее въ Петербургѣ готовятъ.

— Вотъ тебѣ и на! Вы?.. Да вѣдь про васъ-то именно говорили, что вы одинъ изъ тѣхъ немногихъ предводителей, которые все, что государь говорилъ пріятнаго для русскаго либерализма на приѣмѣ депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ, можетъ смѣло отнести къ себѣ? Я не перестаю удивляться косности тѣхъ, кто считаетъ дворянскимъ достоинствомъ итти наперекоръ высочайшей волѣ и радуется каждой новой задержкѣ.

— И все-таки, помяните мое слово, не теперь, можетъ быть, сейчасъ, а будетъ время, гдѣ самые ярые защитники немедленнаго приведенія слова въ дѣйствіе почешутъ не хуже мужиковъ затылки и спросятъ: и на кой лядъ мы сами въ петлю полѣзли?..

— Ну, нѣтъ! За себя я категорически протестую. Довольно... Пора расковать позорящія насъ цѣпи и возстановитъ свободу двадцати милліоновъ исконныхъ русскихъ гражданъ, доселѣ по недоразумѣнію считавшихся рабами...

— И я говорю,—пора, но не сломя же голову рѣшать это дѣло? Что я самъ не крѣпостникъ,—всѣ знаютъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ оно мнѣ кажется сложнѣе, именно въ виду этой окружающей косности. По-моему, мудры были тѣ, кто предлагалъ выработать три степеня проведенія реформы въ жизнь, раздѣливъ ее на три періода—подготовительный, переходный и исполнительный. Одно скажу: на новый срокъ я баллотироваться не стану. Усталъ. Честь и мѣсто другимъ, свѣжимъ людямъ. И если вы дѣйствительно исполните свое намѣреніе и обоснуетесь въ Колычевѣ,—я прямо укажу на васъ, какъ на самага подходящаго для нашего времени моего преемника. Вы вонъ жаждете дѣятельности, а я радъ духъ перевести и по-стариковски на лежанку забраться. Не я буду, коли не выставлю въ первую голову вашей кандидатуры на слѣдующихъ выборахъ...

— Что вы, что вы! Помилуйте, Илья Семеновичъ! на такую честь я рассчитывать никогда не посмѣю, да и никого почти изъ помѣщиковъ здѣшнихъ не знаю.

— А вы не сидите бюрокомъ, а познакомьтесь съ сосѣдями, увѣряю васъ, есть и премилые люди. И барышни есть воспитанныя. Вамъ, батюшка, жениться бы слѣдовало. Кому это все достанется послѣ васъ? Вѣдь у Сотовыхъ дѣтей, кажется, нѣтъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Ну, а насчетъ женитьбы для меня это плодъ запрещенный.

— Да что вы зарокъ, что ли, дали оставаться вдовцомъ? Э! батенька! Кто на своемъ вѣку зароконъ не давалъ, а приспѣеть время и видишь, что зарокъ былъ на срокъ, и ничего худаго изъ отмѣны его не вышло. Нѣтъ, я вотъ какъ-нибудь за вами заѣду, заберу васъ и поѣдемъ вмѣстѣ кое къ кому. Ну, а теперь пора и домой. Куда это мой камеръ-юнкеръ запропастился?

А Григорій Ивановичъ, пока дядя съ хозяиномъ бесѣдовали за кофе, отправился побродить по саду и заблудился. Вилла была видна лишь съ пруда и, не имѣя ея передъ глазами, неопытному человѣку трудно было выбратъся на дорогу. Гришенька помнилъ, что шелъ по какой-то аллеѣ и попалъ въ концѣ концовъ на ту, которая вела къ дому пана Романа.

«Наконецъ-то!» подумалъ онъ и, насвистывая веселенькую шансонетку, слышанную имъ у Излера, прибавилъ шагу и незамѣтно очутился въ полукругломъ цвѣтникѣ.

У клумбы съ душистымъ горошкомъ и мальвами стояло большое кресло, и въ немъ полулежала очаровательная хрупкая жепская фигурка.

— Pardon!—проговорилъ оторопѣвшій молодой человѣкъ:— я не туда попалъ. Я шелъ въ виллу къ Ивану Николаевичу и совершенно не возьму въ толкъ, какъ къ ней выйти. Скажите, пожалуйста, гдѣ я?

— Вы у стараго Колычевскаго дома,—отвѣтила съ легкимъ акцентомъ дѣвушка:—здѣсь живетъ управляющій, панъ—Юшкевичъ, а я его дочь.

— Извините меня, Бога ради, mademoiselle! съ паномъ Романомъ мы сражались всю ночь. Позвольте вамъ представиться,—Григорій Ивановичъ Карауловъ.

Зося кивнула головкой, но руки не протянула.

Гришенька глазъ не сводилъ съ нея.

«Боже мой! вотъ красотка! А я-то и не подозрѣвалъ о ней. И дядюшка хорошъ, хоть бы словомъ заикнулся. Съ чего бы начать разговоръ?»

Съ минуту длилось молчаніе. Зося нюхала букетъ, привезенный отбывшимъ только что Валекомъ.

— Какъ пройти мнѣ въ виллу?—растолкуйте, пожалуйста!

— Къ сожалѣнію, меня сегодня въ первый разъ вынесли на воздухъ. Я двѣ недѣли была больна и не могу проводить васъ. Но поднимитесь на веранду, тамъ на столѣ долженъ быть колокольчикъ, позвоните, пожалуйста!

Григорій Ивановичъ поднялся по шаткимъ ступенямъ и позвонилъ. Черезъ минуту появилась молоденькая горничная. Увидавъ незнакомаго барина, она разинула ротъ и готова была скрыться обратно, но ее остановилъ голосъ Зоси:

— Тася, ты опять забыла поставить мнѣ колокольчикъ, и приходится звонить самимъ гостямъ. Проводи барина въ виллу.

Григорію Ивановичу оставалось только откланяться и слѣдовать за своимъ чичероне въ красномъ сарафанѣ. Онъ, однако, самъ отнесъ колокольчикъ Зосѣ, поднялъ откидной столикъ у ручки старомоднаго кресла и удостоился пожать нѣжные пальчики дѣвочки.

Дорогой онъ сумѣлъ выспросить у Таси всю подноготную о барышнѣ, заинтересовавшись, конечно, прежде всего, какъ ее зовутъ.

Можно себѣ представить, какъ обрисовала Тася свою любимую госпожу! Захлебываясь отъ восторга, она говорила о ея красотѣ и о добротѣ, о томъ, какъ панъ самъ въ ней души не чае, а мать даже побаивается ея, — потому маменька ихняя только по хозяйству, а онѣ настоящая барышня, и по французскому, и по нѣмецкому, и по польскому умѣютъ, а ужъ играютъ, такъ на фортопьянахъ играютъ, что не хочешь, а слезы такъ и текутъ, такъ и текутъ, — вытирать не поспѣваешь!

— А что и женихи ѣздятъ? Вонъ у барышни букетъ на колѣняхъ лежалъ?

— Ѣздитъ одинъ, панъ Валька! да не больно барышнѣ нравится. Куда ему!.. Имъ бы за графа, али за князя выдти надо бы, а тотъ что, — самъ управитель только. Вотъ какъ стануть къ новому барину настоящіе господа ѣздить въ гости, такъ навѣрно барышнѣ недолго придется въ дѣвучкахъ сидѣть, потому такой другой красавицы нигдѣ кругомъ нѣтъ.

Таська вывела Григорія Ивановича къ цвѣтнику у пруда и работала за свою откровенность цѣлый четвертакъ. Рѣшивъ по этой щедрости, что баринъ настоящій и въ женихи годится, она во весь духъ помчалась домой, подкидывая на ходу монету, и чуть отъ восторга не потеряла ее въ травѣ. Зосѣ она, конечно, тотчасъ же передала о своемъ разговорѣ съ Григоріемъ Ивановичемъ и очень огорчилась, когда барышня сдѣлала ей выговоръ за болтливость.

Придя на террасу, Гришенька тотчасъ же накинута на дядю.

— Нечего сказать! везете меня въ Кольчево, а о здѣшней красавицѣ хоть бы словомъ обмолвились. Я понимаю, Иванъ Николаевичъ не проговаривается, боится, что я отобью ее у него, по выто; вѣдь интересы племянника должны бы васъ ближе касаться, повидимому!

— Да что ты, словно съ цѣпи сорвался. Какая красавица? гдѣ ты ее тутъ разыскалъ?

— Да панна Юшкевичъ!

— Ахъ, Зося.. Ну, батюшка, эта не въ моемъ вкусѣ, хрупка и очень самоувѣрена!

— Я знаю, что вы предпочитаете фигуры сферическія, но, говорятъ, она дивная музыкантша. Къ сожалѣнію, она нездорова, а

то бы я не отсталъ отъ Ивана Николаевича и умолилъ бы его пригласить ее сегодня же обновить вонъ тотъ сорокалѣтній рояль.

Иванъ Николаевичъ, вошедшій при послѣднихъ словахъ, спросилъ:

— Кого это вы собираетесь приглашать на концертъ?

— Да дочь вашего щербатаго пана. Я только что узналъ, что «когда она играетъ, такъ слезы такъ и текутъ, такъ и текутъ», а я давно ужъ не плакалъ.

— Да! я самъ какъ-то слышалъ ея игру. Это неподобная артистка. Ваша идея вонистину гениальна и какъ только позволить здорovie панны Зоси, я приведу вашу мысль въ исполненіе.

— Но съ уговоромъ, что позовете и меня. Иначе мы враги!

XII.

Знойный лѣтній день,
Золотится рожь,
Налился ячмень
И овесъ хорошъ.
Миръ вамъ, благодать,
Тихія поля!
Прокорми насъ, мать—
Родина—земля!

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы». М. К.).

Черезъ недѣлю въ бѣлой залѣ былъ уже настроенъ рояль.

Узнавъ, что отецъ рѣшилъ, наконецъ, помириться съ Колычевымъ и что о переѣздѣ въ городъ нѣтъ больше и вопроса, Зося начала быстро поправляться. Панъ Романъ не могъ отказать Ивану Николаевичу, явившемуся лично просить молодую дѣвушку обновить на дняхъ чудный старинный инструментъ, клавишъ котораго еще никто пока, кромѣ настройщика, не касался.

Зося, блѣдная и похудѣвшая, вся порозовѣла отъ радости и, протянувъ свои пальчики Колычеву, поблагодарила за эту огромную честь.

— Боюсь только, что вы разочаруетесь. Я вовсе не такая артистка, какъ вы предполагаете!

— Объ этомъ позвольте мнѣ судить самому. Я имѣлъ уже однажды удовольствіе слышать вашу игру. Marche funèbre Шопена и полонезъ Огинскаго?.. Я впервые понялъ ихъ и, сознаюсь, былъ весь вечеръ потомъ подъ ихъ впечатлѣніемъ... Самъ я не играю, но музыка глубоко волнуетъ меня.. Бываютъ аккорды, отъ которыхъ я чувствую точно электрическіе токи по всему тѣлу. И есть мотивы, которые могутъ растрогать меня до слезъ.

Зося ликовала: онъ слышалъ! онъ любитъ музыку... и свѣтлая улыбка озарила ея личико, и синіе глаза съ восторгомъ поднялись на него...

— Я васъ понимаю.. Когда я играю, я вся ухожу въ звуки... Другіе могутъ говорить, когда играютъ, а у меня языкъ точно отнимается, и я никакъ не могу отвѣтить на вопросъ, если вздумаютъ спросить: что это за пьеса, которую я играю.. Мнѣ кажется блаженствомъ имѣть хорошій инструментъ. Отецъ обѣщаль мнѣ переимѣнить при случаѣ наше старое фортепяно, но для этого мнѣ самой надо ѣхать въ Варшаву и выбрать рояль.. Поэтому я особенно благодарна вамъ, что вы доставите мнѣ случай испробовать настоящій Эраръ..

Иванъ Николаевичъ поднесъ ея ручку къ губамъ.

— А я впередъ благодарю васъ за предстоящее наслажденіе.

У Зоси замерло сердце... мечты начали сбываться не на шутку.

«Она прямо очаровательна!—думаль Колычевъ, возвращаясь изъ стараго дома. Странная игра судьбы: у такихъ неинтересныхъ, въ сущности глубоко прозаичныхъ людей какимъ-то образомъ рождается дочь-артистка и красавица вдобавокъ. Немудрено, что этотъ хлыщеватый питерець Гришенька сразу влюбился.. Да, будь я помоложе»...

Едва удалился Колычевъ, въ гостиную вошелъ панъ Валець. Не успѣль онъ еще открыть рта, чтобы спросить о ея здоровьѣ, какъ Зося сама обратилась къ нему:

— Надѣюсь, панъ здоровъ?

Валець растерялся.

— Да, панна Зося... Я здоровъ.

— Тѣмъ лучше, потому что я имѣю сказать пану слово..

Молодой человѣкъ замеръ отъ ожиданья.

— Я слушаю.

— Сколько времени ѣзды до Новаго?—спросила Зося.

— Полтора часа.

— Значить, обратно три... Ну, такъ я не желаю больше, чтобы панъ у хозяина ради меня отнималь черезъ день по три часа своей службы, да и меня забавляль по часу, итого — четыре... Я здорова.. букеты связывать и вѣнки плести я сама умѣю, а конфеты ѣмъ только свѣжіе изъ варшавскихъ цукерень.. А если панъ не поняль, пусть хорошенько подумаетъ, а я толковать ему своей рѣчи не стану... Счастливаго пути.

И, сдѣлавъ ему низкій реверансъ, Зося упорхнула въ мезонинъ.

Усы Валека, лихо закрученные кверху, сразу повисли. За эти послѣднія три недѣли онъ считаль свое дѣло съ Зосей сильно продвинувшимся, потому что Романъ далъ ему понять, что ничего противъ него и его ухаживаній не имѣеть. Еще недавно Зося довольно милостиво принимала его въ цвѣтникъ, а потомъ все сразу переимѣнилось... и наконецъ сегодня этотъ довольно прозрачный намекъ.

Панъ Валежъ взялъ хлысть и, не повидавшись ни съ Романомъ, ни съ Юзыней, отправился въ Новое къ великому удивленію и негодованію не успѣвшаго отдохнуть Зефира...

Быль уже конецъ іюля, самый разгаръ деревенской страды. Мужики и бабы возвращались съ работы безъ пѣсенъ. Всѣ были измучены. Торопились днемъ покончить барское, чтобы по ночамъ убирать свое. Послѣ многихъ споровъ панъ Романъ согласился наконецъ разбить недѣлю на законные очередные три дня барщины и дать крестьянамъ роздыхъ.

— На свою голову балуете ихъ, вѣдь мы контрактомъ связаны. Мы къ первому сентября должны купцамъ первую тысячу мѣръ представить. Намъ придется штрафъ платить.

— Ничего, справимся, панъ!—возражалъ Колычевъ.—Нельзя же заставлять ихъ работать всю недѣлю на барина. По закону барщина допускается лишь на три дня, а остальное время дается въ распоряженіе самихъ мужиковъ. Я положительно не понимаю такихъ явныхъ нарушеній. Наконецъ, и ихъ пожалѣть надо.

— И будемъ валандаться съ уборкой весь августъ...—ворчалъ панъ.—Въ хозяйствѣ надо свой интересъ соблюдать, а не о людяхъ думать. Барщина на то и существуетъ, чтобы помѣщику помощь была. А какая жъ это помощь, когда у васъ хлѣбъ на корню осыпается, а мужикъ свой жнетъ.

Но Иванъ Николаевичъ былъ непоколебимъ и постоялъ—таки на своемъ.

Зато и любили его крестьяне!..

Съ его переселеніемъ панъ Романъ «поджалъ хвостъ», по ихъ мнѣнію. Дѣйствительно, онъ былъ сдержаннѣе. Не слышно было такъ часто «быдла» и не раздавались налѣво и направо затрепины; хотя польскіе кулаки и чесались попрежнему, и Романъ порою и былъ готовъ отправить виновнаго на конюшню, но зналъ, что Колычевъ считалъ подобное наказаніе унижительнымъ для чело-вѣческаго достоинства, и ограничивался однѣми угрозами и сверхурочной работой.

— Вотъ ужъ баринъ, такъ баринъ,—говорили колычевцы:—и не чаяли такого дожидаться! Что свое, что крестьянское—ему за одно идетъ! Отецъ родной, а не баринъ! При такомъ и воли не надо.

Разговоры о волѣ ходили уже давно. Возвращавшіеся изъ города съ базара каждый разъ приносили новыя свѣдѣнія. Рассказывали, что воля ужъ вышла и царемъ подписана, но пока лежитъ гдѣ-то въ алтарѣ на престолѣ до Свѣтлаго праздника. Другіе увѣряли, что она задержалась, потому что послана въ Іерусалимъ, нужно ее печатью, что у Гроба Господня висѣла, припечатать, чтобъ никто бы ее ужъ больше отмѣнить не могъ. Третьи утверждали, что она на золотой грамотѣ написана, но что ее подмѣнить задумали. А четвертые отрицали всѣ слухи и остерегали болтун-новъ,—потому это все для искушенія одного,—хотятъ испытать.

крестьянъ, взбунтовать, а послѣ еще хуже будетъ: кого сквозь строй погонять, кого въ Сибирь сошлютъ, какъ при Аракчеевѣ.

Сегодня какъ разъ Иванъ Николаевичъ объѣзжалъ съ паномъ Романомъ поля. Кое-гдѣ уже выселись скирды, но на большинствѣ полювъ мелькали серны и бѣлѣли согнутыя спины жнущихъ бабъ.

— Богъ въ помощь!—кричалъ имъ, подѣвжая, Колычевъ.

— Спасибо, кормилецъ!

И, отеревъ рукавомъ потъ съ прожженного солнцемъ лица, баба снова наклонялась надъ колючей рожью и продолжала прерванную на мигъ тяжелую работу.

Урожай на господской землѣ, обильно удобренной, вспаханной глубокими англійскими плугами, былъ отличный.

Не то было на крестьянской. Рожь родилась рѣдкая, колосья легкія и солома низкая, зато лебеды и куколя въ ней росло достаточно.

Иванъ Николаевичъ остановилъ лошадей и указалъ Роману на тощіе снопы.

— Когда-нибудь мы съ вами отвѣтимъ за этотъ жалкій урожай, а не мы, такъ наши дѣти!

— Говори за себя,—подумалъ полякъ:—за твоихъ не отвѣчаю, а за своихъ и Зосиныхъ поручусь, что никогда,—а вслухъ онъ возразилъ:—Сами виноваты,—удобряютъ и пахутъ кое-какъ, а могли бы на барщинѣ научиться. Да вѣдь этихъ лѣнливыхъ скотовъ только палкой, какъ слѣдуетъ, работать заставишь. Ну, а кто же его за собственное его поле къ отвѣту потянетъ? И такимъ хозяевамъ землю отдавать!..

— Въ этотъ разъ я попрошу васъ, панъ, имъ остатки навоза со скотнаго отдать. Съ насъ, право, хватить...

— Пусть берутъ, но не поручусь, что отъ насъ его много останется. Вѣдь на одни парники и грунтовые сараи что его снова потребуется!

Это тоже былъ одинъ изъ негласныхъ польскихъ доходовъ. Что дѣлать! придется и тутъ уступить... но зато когда-нибудь онъ вознаградитъ себя за всѣ эти убытки.

— Кстати, панъ, завтра я ѣду на нѣсколько дней въ Карауловку, а потомъ хочу проѣхать въ Горки. Не поѣдете ли вы туда со мною... Мнѣ былъ бы очень важенъ вашъ совѣтъ!

Панъ Романъ надулъ по обыкновенію щеки.

«Ишь ты, какимъ соловьемъ запѣлъ... Мой совѣтъ ему важенъ, а давно ли меня въ шею гнать собирался? Эй, Романъ! не плошай...»—и вслухъ онъ отвѣтилъ:

— Время больно горячее. Лучше подождать до осени, а то безъ меня тутъ не справятся.

— Такъ-то оно такъ... Но и тамъ оно не менѣе горячее. Хоть на нѣсколько дней, я васъ не задержу...

— Увидимъ, я сразу обѣщать не могу,—дѣловито отвѣтилъ полякъ, а про себя подумалъ: «И какая ты мокрая курица, и какъ я тебя легко по своей дудкѣ плясать заставилъ! Погоди еще и не то будетъ...»

— Ну-съ, а теперь пора и домой. Карауловы обѣщали быть къ шести часамъ. Напомните вашимъ дамамъ, что я ихъ жду...

... У пани Юзыни шель горячій споръ съ Зосей, въ чемъ итти Зосѣ въ виллу. Дѣвушка стояла за то бѣлое, вышитое матерью платье, край котораго какъ-то поцѣловалъ Валекъ, а мать настаивала на розовомъ шелковомъ, подаренномъ Олесю. Той оно было узко, и графиня Запольская охотно подарила его бѣдной подругѣ своей дочки.

— То слишкомъ просто!—увѣряла пани Юзыня.—У всѣхъ такія есть. А это въ Варшавѣ шито и сейчасъ видно, что отъ хорошей портнихи.

— Ни за что, ни за что не надѣну этого платья! Оставьте, мама, вы не понимаете! Я совсѣмъ не хочу казаться франтихой и терпѣть этого платья не могу. Сейчасъ видно, что оно не на меня было заказано.

— Что ты, цурка, сидитъ, какъ влитое, и талія у тебя еще тоньше кажется. И кто же знаетъ, что его тебѣ Олеся подарила? Клянусь тебѣ, я никому о томъ ни слова не говорила.

— Я сама знаю, и съ меня этого довольно. Мнѣ все будетъ казаться, что всѣ знаютъ и станутъ шептаться: а вотъ на ней платье съ чужого плеча... Не приставайте, мама. Докторъ не позволилъ раздражать меня.

Пани Юзыня замолчала и съ благоговѣніемъ понесла обратно въ шкафъ шумящее розовое, отливавшее серебромъ гроденаплевое платье.

— Да, кабы не докторъ, ужъ я бы настояла на своемъ.

Зося была готова. И въ своемъ бѣломъ простенькомъ платьицѣ, изъ отложнаго воротничка котораго, словно нѣжный стебель, выходила ея тонкая шейка, дѣвушка казалась саксонской статуэткой. Завязавъ голубой поясъ и оглянувъ себя еще разъ въ зеркало, она помогла матери въ ея туалетѣ, и пани Юзыня почувствовала себя очень важной въ своемъ зеленомъ шанжанѣ платьѣ съ бѣлыми выпускными тюлевыми рукавами и въ пышной наколкѣ, сфабрикованной Зосей изъ остатковъ лентъ и кружевъ. Панъ Романъ тоже прифрантился, выбрился и даже вычистилъ ногти и былъ sprysnutъ Зосиними духами. Зося накинула клѣтчатую бедуинку, втихомолку перекрестилась подъ нею, и всѣ трое направились по липовой аллеѣ въ бѣлую виллу.

М. Г. Веселкова-Кильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢДНІЕ ОРЛЫ ¹⁾.

(Силуэты конца XIX вѣка).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обѣды беллетристовъ у Донона.—Пушкинскій юбилей.—Графъ Л. Н. Толстой.—
В. В. Стасовъ.—Начальники печати: Е. Феоктистовъ и М. П. Соловьевъ.

I.

ВЪ ПОСЛѢДНІЯ десять лѣтъ XIX вѣка среди беллетристовъ, жившихъ въ Петербургѣ, завелись «дононовскія субботы». Въ послѣднюю субботу каждаго мѣсяца рѣшено было собираться въ ресторанъ стараго Донона у Пѣвческаго моста. Никакой опредѣленной, партійной окраски у собиравшихся не было: сходились, чтобъ повидаться другъ съ другомъ, покалякать, вспомнить старину, подѣлиться послѣдними новостями, упомянуть непременно цензуру,—и разойтись не позднѣе одиннадцатаго часа. Организатора послѣдующаго обѣда выбирали иногда баллотировкой, а иногда вручали бразды правленія на цѣлый рядъ обѣдовъ одному избранному и усердно его просили не отказываться и записаться разсылкою повѣстокъ, составленіемъ меню и пр.

Одно время эти обѣды процвѣтали. Собиралось отъ двадцати до сорока человѣкъ. Завелся «альбомъ обѣдающихъ». Въ альбомъ этотъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХІІІ, стр. 41.

заносили краткій протоколъ собранія, подписанный всѣми участвующими, а затѣмъ вписывались экспромты, шутки, рисовались карикатуры и пр. Одинъ изъ такихъ, уже заполненныхъ альбомовъ былъ переданъ его хранителемъ Д. Л. Мордовцевымъ въ Публичную библіотеку, гдѣ и находится по сіе время. Что случилось со вторымъ альбомомъ, только начатымъ,—мнѣ неизвѣстно.

Карикатуры въ большинствѣ случаевъ рисовались подъ редакціей того же Мордовцева, или, какъ мы его называли, «дѣда Смердивцева». Рисовались онѣ акварелью, во весь листъ большого альбома, даровитымъ художникомъ-скульпторомъ С-кимъ, и иногда разнообразились рисунками членовъ обѣденнаго. союза. Съ наиболѣе интересныхъ акварелей сняты были коллекціи фотографическихъ снимковъ, и, по всей вѣроятности, еще у многихъ хранятся. Наиболѣе удачны композиціи въ стилѣ древней иконописи. На одной такой изображена «Не-тайная вечеря»,—гдѣ за длиннымъ столомъ, въ византійскихъ одеждахъ, съ золотыми нимбами вокругъ головъ воссѣдаютъ беллетристы; иные портреты удачно стилизованы. Хорошо было иконописное изображеніе въ память избранія почетныхъ академикомъ: они сдѣланы сидящими на облакахъ; внизу же, въ адской гееннѣ изображены не избранные, протирающіе длани къ небесамъ. Былъ какъ-то изображенъ Левъ Толстой въ видѣ извѣстной скульпторной фигуры «Нила», причѣмъ маленькія фигурки человѣчковъ, копошавшихся вокругъ него,—были портреты участниковъ обѣдовъ.

Обѣды были очень скромны, и никогда не превышали съ виномъ пяти рублей. Шампанское появлялось очень рѣдко; и только иногда поздней весною, когда вмѣсто развѣхавшихся беллетристовъ собиралось четверо-пятеро, по взаимному согласію, хлопали пробки «Померри» и на закуску появлялась лангуста. Дамъ на этихъ обѣдахъ никогда не было, хотя Вас. Ив. Немировичъ-Данченко аккуратно каждый обѣдъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, требовалъ приглашенія на слѣдующій разъ дамъ, и когда вопросъ проваливался, просилъ занести его отдѣльное мнѣніе въ протоколъ засѣданія. Это дало поводъ къ появленію въ альбомѣ такой карикатуры. Среди озера изображена была круглая башня, изъ бойницъ которой торчали отточенные перья. Дверь была заперта наглухо; наверху на площадкѣ, между зубцовъ, пировали подъ знаменемъ «Допол» беллетристы, а на берегу горько плакали беллетристки и поэтессы, тщетно молящія о пропускѣ; но на башнѣ значилось: «для мужчинъ».

Политика была совершенно чужда этихъ собраній. Даже было условіе —не касаться общественныхъ вопросовъ, а отдыхать за живой бесѣдой. Памятинкомъ этихъ обѣдовъ остался «Пушкинскій сборникъ», изданный къ столѣтнему юбилею великаго поэта.

II.

Мысль объ изданіи этого сборника была подана А. В. Амфитеатровымъ на одномъ изъ обѣдовъ осенью 1898 года. Тогда шель въ журналистикѣ разговоръ о томъ, чтобы устроить близъ Святогорскаго монастыря какое-нибудь благотворительное учрежденіе памяти поэта. Въ пять-десять минутъ вопросъ изданія былъ рѣшенъ. Дѣло упростилось тѣмъ, что А. С. Суворинъ предложилъ безвозмездно исполнить всю типографскую работу. Нашлись и бумажные фабриканты и переплетчики, доведшіе цифру платежа до минимума. Мой старый академическій товарищъ граверъ В. В. Матѣ обѣщаль бесплатно исполнить офортъ съ оригинала Кипренскаго, а экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, по распоряженію С. Ю. Витте, бесплатно его напечатала. Словомъ, за дѣло взялись дружно.

Редакторами «сборника» были баллотировкой выбраны К. К. Случевскій, Д. Л. Мордовцевъ и пишуцій эти строки, а секретаремъ редакціи В. М. Грибовскій. Болѣе двадцати разъ собирались мы для обсужденія полученнаго матеріала, — и къ юбилею, менѣе чѣмъ черезъ полгода послѣ первой мысли объ этомъ изданіи, появился внушительный томъ въ 675 страницъ, давшій чистаго дохода около семи тысячъ. Деньги эти пошли не на благотворительное учрежденіе, а въ фондъ памятника Пушкину.

Въ числѣ желательныхъ сотрудниковъ, изъ числа не бывшихъ на обѣдахъ, собраніе въ первую голову намѣтило Л. Н. Толстого и А. П. Чехова, и мнѣ поручили вступить съ ними въ переговоры.

Съ Антономъ Павловичемъ дѣло было очень просто: послалъ ему въ Ялту заказное письмо и черезъ десять дней получилъ нужный отвѣтъ. Но не такъ просто обстояло дѣло съ Толстымъ.

— Откажется Левъ Николаевичъ, — говорилъ я.

— Почему?

— Потому что онъ врагъ всякой помпы.

— Рискнемъ.

— Рискнуть можно, но ничего не выйдетъ.

— Ну, и рискуйте.

Рѣшили, что писать неудобно, а надо пригласить лично. Не могу сказать, чтобъ миссія эта была мнѣ по душѣ. Я хорошо зналъ, до чего одолѣвали Льва Николаевича посѣтители, и всегда уклонялся отъ безпричинныхъ визитовъ къ нему. Сколько разъ П. А. Сергѣенко звалъ меня:

— Поѣдте въ Ясную.

— Да вѣдь онъ тамъ отдыхаетъ, чего я ему буду мѣшать?

— Онъ будетъ радъ. Мы еще недавно вспоминали про васъ.

— Чего ему радоваться, — до меня ли ему?

— Повѣрьте, онъ любить вниманіе.

— Это не вниманіе, а назойливость.

Но теперь, являясь отъ цѣлаго кружка литераторовъ, я какъ будто и имѣлъ причину беспокоить его, хотя не вѣрилъ въ благопріятный исходъ. Меня не обманули мои предположенія.

Днемъ я послалъ записку съ артельщикомъ, спрашивая Л. Н-ча, въ которомъ часу онъ позволитъ зайти къ нему. Артельщикъ пришелъ, сказавъ, что «вышли графъ сами и сказали: въ семь часовъ жду, скажи, очень радъ».

Я чувствовалъ необъяснимую виноватость, когда переступалъ порогъ его дома въ Хамовникахъ. Но встрѣтилъ онъ меня въ первой же комнатѣ съ той очаровательной, изысканной любезностью, которая такъ присуща была ему, когда онъ хотѣлъ быть очаровательнень. Расчесывая бороду и волосы гребнемъ, онъ сѣлъ въ кресло у керосиновой лампы безъ абажура и, весело улыбаясь, сказалъ:

— Знаю, зачѣмъ пріѣхали.

— Мы надѣмся, что вы не откажете,—безо всякой надежды въ голосъ сказалъ я.

Онъ зорко посмотрѣлъ на меня.

— Надѣтесь? Будто?—спросилъ онъ.

Его улыбка заразила меня.

— Правду говоря, я не надѣюсь.

— Ну, вотъ—такъ-то лучше.

— А чѣмъ мнѣ объяснить вашъ отказъ?

Опять свѣтлая и радостная улыбка озарила его.

— Скажите, выжилъ старикъ изъ ума.

— Не повѣрять.

— Ну, такъ скажите вотъ что. Я ни минуты не умаляю значенія Пушкина,—но противъ вашей иллюминаціи.

— Какой иллюминаціи?

— Да вотъ вздумали зажечь плошки по случаю столѣтія. Кому это надо? Ему? Вамъ? Ужъ меня отъ этого избавьте! Тоже суетиться съ другими, бенгальскій огонь жечь—увольте. Вотъ меня теперь духоборы тревожатъ... А съ Пушкинымъ носитесь. Ни хуже, ни лучше онъ отъ ихъ сборника не будетъ. Что вамъ за охота редактировать?

— Выбрали... Отказаться нельзя.

— Да... Кому-нибудь надо. Всѣ съ себя спихнуть хотять чтеніе рукописей...

Онъ положилъ гребень на столъ.

— Давайте лучше о васъ говорить. Что вы пишете?

III.

Черезъ четверть часа онъ перешелъ на духоборовъ. Тогда онъ исключительно занимался ими. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо все больше и больше одушевлялось... Въ глазахъ заблестѣли слезы, голосъ задрожалъ. Онъ вынулъ изъ кармана письмо.

— Вотъ, я получилъ...

И онъ началъ читать. Нѣсколько разъ онъ наскоро вытиралъ глаза, сверкавшіе яркимъ свѣтомъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Слезливыя нотки все чаще прорывались у него. Потомъ онъ бросилъ письмо и сказалъ:

— Простите, не могу... Волнуетъ это меня!

Пришло еще двое. Онъ опять заговорилъ объ отправленіи парохода въ Америку. Предо мной былъ юноша, юноша-утопистъ, который вѣрилъ въ обновленіе жизни и въ райское житье среди прерій. Его рѣчь лилась потокомъ. Онъ поочередно останавливалъ свой вдохновенный взоръ на каждомъ изъ насъ, какъ бы вызывая сочувствіе къ тому, о чемъ говорилъ. Онъ держалъ руки за ременнымъ поясомъ и видно было, что ему нравится, какъ жметъ кисти рукъ ремень и какъ эта боль успокаиваетъ его отъ наплыва тѣхъ мыслей, что волновали его.

Опять звонокъ,—и вошли свѣтскіе молодые люди. Я поднялся прощаться.

— А вашихъ никого нѣтъ?—спрашивали они.

— Никого нѣтъ,—подождите, они скоро будутъ...

Стоялъ передъ ними свѣтскій челоуѣкъ, одѣтый въ блузу, но графъ, представитель общества: старый графъ Курагинъ,—не какой-то прокуроръ Иванъ Ильичъ или профессоръ Круглосвѣтловъ,—а старый исконный русскій аристократъ.

— Вы что же? уходите?—спросилъ онъ меня, потомъ посмотрѣлъ на другихъ и прибавилъ:

— Ну, зайдите какъ-нибудь еще...

Онъ вышелъ въ прихожую, и опять сталъ улыбаться.

— А иллюминаціи я все-таки зажигать не буду,—сказалъ онъ.— Заходите... когда никого не будетъ...

Черезъ день я зашелъ, и опять неудачно. У него сидѣли подѣлу духоборовъ. Онъ былъ у себя въ кабинетѣ, и штора была поднята «для полиціи».

— Вы сегодня въ Петербургъ?—спросилъ онъ.— Чеховъ въ Крыму? Ну, Григоровичу кланяйтесь... Сергѣй Максимовъ. Живъ еще?... Не скоро вы въ Москву? Ну, тогда въ царствіи небесномъ увидимся, потому что я въ Петербургъ не собираюсь.

На прощанье я разсказалъ Л. П.—чу, какъ Григоровичъ говорилъ о его критикахъ:

— Я бы заставилъ этихъ мерзавцевъ по воскресеньямъ приходить въ Хамовники и цѣловать руку Толстого... Да не руку его, а руку его дворника... Лапу собаки дворника... Больше:— слѣдъ блохи собаки дворника, чтобы чувствовали, кто такой Левъ...

И Левъ Николаевичъ хохоталъ, какъ ребенокъ.

IV.

Но судьба судила иное.

Не въ царствіи небесномъ я встрѣтилъ Льва Николаевича, а по желанію директора императорскихъ театровъ.

Въ 1900 году я получилъ должность упрямляющаго. Въ это время нѣкоторыя газеты были полны изложеніемъ содержанія его новой пьесы «Трупъ».

Я никакъ не думалъ, что «Трупъ» былъ фантазіей репортеровъ. Что-нибудь да есть правды изъ всего говора, поднятаго вокругъ Толстого. И я поѣхалъ.

Такъ же любезно, такъ же радушно онъ принялъ меня и полусутиа сказалъ:

— Вотъ охота вамъ итти въ чиновники! Сидѣли бы, дѣлали свое дѣло. А то теперъ вы связаны по рукамъ и ногамъ.

Я сказалъ, что пока меня ничѣмъ не связываютъ, а въ будущемъ,—если окажется кто прохвостомъ, съ кѣмъ служить нельзя—такъ и уйти можно.

— Ну, коли такъ,—сказалъ онъ:—тогда надо итти на компромиссъ.

Я заговорилъ о «Трупѣ».

— Вотъ и чиновники!—смѣясь отвѣтилъ онъ.—Сейчасъ ужъ, какъ ракъ, на трупъ и садятся,—нельзя ли попользоваться.

Онъ не то привѣтливо, не то съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Скажите чиновникамъ,—заговорилъ онъ:—что нѣтъ у меня «Трупа», онъ не конченъ. Я старъ для того, чтобы написать большую вещь. Ни силъ нѣтъ, ни времени.— Да, я задумалъ пьесу, но никогда ее не кончу. Между тѣмъ, что на бумагѣ, и тѣмъ, что на сценѣ,—дѣлая бездна... Надо опредѣлить перспективу, а мнѣ это не подѣ силу.

Онъ нервно погладилъ бороду.

— Я въ «Плодахъ просвѣщенія» былъ, какъ авторъ, на сторонѣ мужиковъ,—а на сценѣ вдругъ они оказались такими же мошенниками и плутами, какъ и Гроссманъ, и плутами сознательными. При этомъ я не могъ упрекнуть актеровъ,—они хорошо играли, хотя мужики были изъ разныхъ губерній, а не изъ одной деревни: ужъ очень говоръ ихъ отличался другъ отъ друга. Вотъ я и понимаю, что одно написать, другое дать пьесу,—разница большая—текстъ и

исполненіе. Ну, словомъ, на «Трупъ» вы не рассчитывайте: скоро я его не напишу.

Онъ былъ въ хорошемъ настроеніи и еще разъ, смѣясь, сказалъ:

— Ахъ, зачѣмъ вы въ чиновники пошли! Тутъ у меня кто-то изъ конторы былъ. Старался притворяться, что понимаетъ что-то. А романъ вашъ я еще не прочелъ ¹⁾. Мнѣ его Чеховъ хвалилъ. Вы повѣрьте, настоящаго нерва для драматическаго писателя у Чехова нѣтъ. Я знаю, вы любите его, а потому правду ему не скажете. Онъ писатель въ небольшихъ рамкахъ повѣствованія. Если утверждаютъ, что онъ основалъ новую школу, такъ врутъ... И не надо ничего ему основывать. Пусть онъ самимъ собой будетъ.

Пришелъ лакей звать чай пить, сказалъ, что пріѣхали Занковецкая и Кропивницкій.

— Вы знакомы?—спросилъ Левъ Николаевичъ.—Они искренніе люди, и, кажется, вѣрятъ въ то, чему служатъ.

Въ гостиной былъ накрытъ длинный столъ. Александра Львовна, едва вышедшая изъ подростковъ, сидѣла за хозяйку. Толстой, здороваясь съ гостями, притворился, что очень радъ имъ. Графиня Софья Андреевна сѣла рядомъ со мной «занимать» литератора и стала присматриваться ко мнѣ. А Толстой велъ салонный разговоръ, и опять мнѣ показалось, что передо мной старикъ Курагинъ, только модернизированный, спускающійся до актеровъ...

Въ разговорѣ какъ-то зашла рѣчь о Владимирѣ Стасовѣ. Вдругъ Левъ Николаевичъ круто обратился ко мнѣ:

— А что Владимиръ Васильевичъ въ художественныхъ кружкахъ цѣнится, какъ знатокъ искусства?

— Не знаю, какъ среди художниковъ,—отвѣтилъ я:—но въ писаніяхъ своихъ онъ, какъ критикъ, очень слабъ.

— Я такъ и думалъ...—задумчиво проговорилъ Левъ Николаевичъ.—Онъ съ нахрапу на все кидается и ни о чемъ не думаетъ... Много онъ могъ бы сказать хорошаго, а ничего не сказалъ... Вотъ я собираюсь поговорить о живописи...

¹⁾ Я только что послалъ Л. Н. Толстому романъ «Купальные огни». До этого я посылалъ «Туманы», и мнѣ писалъ сынъ его Андрей отъ 19 ноября: «Милостивый Государь, пишу вамъ по порученію отца, чтобы поблагодарить васъ за присылку вашей книги. Папа читалъ ее еще въ «Недѣлѣ» и онъ ее очень хвалилъ. Отецъ извиняется, что самъ не можетъ и т. д.

Тутъ же было письмо самого Л. Н. отъ 13 декабря:

«Не отсылалъ вамъ этого письма, потому что самъ хотѣлъ поблагодарить васъ не только за присылку, но и за самое произведеніе, которое я все читалъ въ «Недѣлѣ» и съ большимъ удовольствіемъ.

«У меня есть братъ, человѣкъ съ чрезвычайно вѣрнымъ и тонкимъ художественнымъ чутьемъ и когда я видѣлъ его послѣдній разъ, онъ мнѣ такъ хвалилъ «Туманы», и мнѣ было очень пріятно перебраться съ нимъ нѣкоторыя особенно понравившіяся намъ прекрасныя сцены».

«Вашъ Л. Толстой».

Онъ виновато улыбнулся...

— Я скажу то, что давно думаю, и что надо сказать, и что не говорить. Я скажу, что выносивъ въ себѣ, и то, что считаю вѣрнымъ.

— Вы съ «характеромъ» въ искусствѣ Тэна не согласны?—спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ:

— Не въ характерѣ дѣло, а въ томъ, что больше характера. Что изъ того, что схватишь характеръ предмета,—а если онъ ни на что не нуженъ? Художникъ тотъ, кто заставитъ повѣрить въ то, что изображаемое имъ нужно. Я терпѣть не могу Шекспира. Но онъ заставляетъ въ себя вѣрить. Онъ беретъ за шиворотъ и ведетъ къ далекой цѣли, не позволяя смотрѣть по сторонамъ.

Графиня слушала разсѣянно этого маленькаго старичка въ блузѣ. Она обратилась, какъ любезная хозяйка къ гостямъ, и стала ихъ занимать. А Толстой, какъ будто не желавшій продолжать разговора, внезапно обратился ко мнѣ съ предложеніемъ:

— А какъ вы насчетъ шахматовъ?

V.

Какъ всегда, учтиво провожая, онъ спросилъ:

— А вы за границу?

— Да. Нужно въ Парижъ и Лондонъ.

— Вы можете заѣхать къ Черткову въ Эссексъ?

— Съ удовольствіемъ.

— Мнѣ надо кое-что послать ему. Я пришлю въ Петербургъ.

— Все, что хотите. Я прямо изъ Петербурга въ Лондонъ.

— Хорошо. Вы получите отъ меня посылку.

Въ Петербургѣ я получилъ отъ него письмо:

«Очень вамъ благодаренъ, любезный П. П., за вашу готовность повидать Черткова. Пожалуйста сдѣлайте это; адресъ его: Christehurch Hents, Владимиру Григорьевичу Черткову... Еще просьба къ вамъ. Не можете ли передать прилагаемое письмо Суворину, передавъ ему мой привѣтъ и прося его напечатать его въ «Новомъ Времени». Желаю вамъ полезной ¹⁾ и пріятной поѣздки.

«Л. Толстой».

Затѣмъ ко мнѣ въ театръ явилось одно лицо отъ имени Л. Н. и просило послать по почтѣ прилагаемый конвертъ; конечно, и это я обѣщалъ исполнить съ удовольствіемъ.

Но, къ сожалѣнію, я не могъ исполнить обѣщанія Толстому; въ Лондонъ пріѣхалъ я, какъ оказалось, на Страстной недѣлѣ, и къ четвергу у нихъ было все закрыто, а театръ «Lucern» совсѣмъ

¹⁾ Я ѣхалъ по порученію директора театровъ кн. С. М. Волконскаго.

закрѣтъ. Мнѣ приходилось сидѣть нѣсколько дней безцѣльно, ожидая открытія театровъ, — и, послѣ двухъ дней пребыванія, я рѣшился покинуть городъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже былъ мнѣ извѣстенъ. О Чертковѣ нечего было и думать, — и я ограничился письмомъ къ нему и посылкой.

Въ Парижѣ я засталъ полный развалъ: тамъ въ Страстную субботу въ Moulin rouge, — тогда еще существовалъ этотъ притонъ, — было что-то въ родѣ «встрѣчи весны», на которой, впрочемъ, я не былъ. Оттуда я написалъ Толстому, что не могъ въ точности исполнить его порученія относительно Эссекса.

Слава Толстого уже въ то время была крупной. Въ улицѣ Ришелье, въ небольшомъ книжномъ магазинѣ усердно торговали произведеніями Толстого. Тамъ я купилъ полный экземпляръ «Воскресенія», за которое въ сущности и былъ Толстой отлученъ отъ церкви, не столько за оскорбленіе таинства евхаристіи, сколько за описаніе визита Нехлюдова къ Побѣдоносцеву. Этого не могъ переварить глава синода, и графъ оказался отлученнымъ.

Во французскихъ карикатурныхъ журналахъ Толстой былъ изображенъ съ нимбомъ вокругъ головы, въ позѣ святого. «Деканонизація» обращена была въ шутку — и отъ деканонизированнаго Толстого шли лучи. Я вырѣзалъ карикатуру и послалъ графу, — не знаю, получилъ ли онъ.

Не знаю также, полученъ ли имъ рисунокъ изъ нѣмецкаго «Jugend». Тамъ изображенъ Толстой, извлекаемый изъ храма. Фигура громадная. Приходится распилить пополамъ зданіе, чтобы извлечь его...

Такъ иностранцы относились къ великому философу.

VI.

Толстой сказалъ о Стасовѣ, что онъ «кидается съ нахрапу и ничего не видитъ».

Это удивительно вѣрно. Тридцать лѣтъ, если не больше, Стасовъ состоялъ присяжнымъ критикомъ. Онъ трубилъ на перекресткахъ, кричалъ, что важно, что плохо, превозносилъ, унижалъ, развѣнчивалъ, увѣнчивалъ, все дѣлалъ искренно и думалъ, что онъ неопровержимъ. Онъ увлекался всѣмъ, до кинематографа включительно; то онъ превозносилъ Моллера, считая его равнымъ Брюллову, и плохую картину «Юаннъ на Патмосѣ» равнялъ съ «Послѣднимъ днемъ Помпеи». То онъ увѣрялъ, что Перовъ выше Кнауса и Менцеля; то что Владимиръ Маковский на вѣрной дорогѣ, что только его «обличительный жанръ» и имѣетъ значеніе. То онъ превозносилъ И. Е. Рѣпина выше облака ходячаго, — и превозносилъ именно за слабыя его стороны. Онъ погубилъ много художниковъ своей нео-

обузданной похвалою и хулою, въ томъ числѣ тормозилъ дѣятельность Рѣпина. Художникъ съ огромнымъ своеобразнымъ талантомъ, онъ поддавался вліянію критика и, невольно, по молодости лѣтъ, вѣря въ него и его критерій, шель по ложной дорогѣ. Иногда онъ стряхивалъ съ себя гипнозъ Стасова, и тогда давалъ искреннія, сильныя произведенія. Но вліяніе на него Стасова—самый жестокий, самый печальный періодъ въ живописномъ творествѣ художника.

Рѣпинъ—изумительно талантливъ въ портретахъ. Онъ сохранилъ намъ Толстого живымъ, полнымъ тѣхъ силъ, той мощи, которая ему была присуща. Только къ Толстому Рѣпинъ не подошелъ съ тѣмъ сарказмомъ южанина, который замѣчается во всѣхъ остальныхъ его портретахъ. Быть можетъ, этотъ сарказмъ помимо самого художника сквозитъ въ его произведеніяхъ,—сарказмъ скрытый, еле замѣчаемый, даже совершенно не замѣченный Стасовымъ.

Развѣ не глубокой сатирой дышитъ портретъ Побѣдоносцева въ картинѣ «Государственный Совѣтъ»? Эти сложенные пальцы, этотъ взглядъ глубокаго государственнаго человѣка, эта фарисейская поза, развѣ это не глубочайшій сарказмъ? А Плеве? Этотъ докладывающій чиновникъ—развѣ онъ не передаетъ цѣликомъ весь характеръ почтеннаго министра?—А портретъ Максима Горькаго? А контрастъ этому портрету, его жена—Марія Ѳедоровна, стройная брюнетка, бывшая актриса, одѣвающаяся по послѣдней модѣ? А портретъ Григорія Петрова съ крестомъ, вынутымъ изъ-за пазухи,—это ли не глубочайшая сатира,—повторяю, быть можетъ, вылившаяся помимо воли творца.

Разъ только, въ самомъ неудачномъ портретѣ, Рѣпинъ вздумалъ изобразить жестокую аллегорію на Толстого, представивъ его босоногимъ. Мнѣ графиня Софья Андреевна жаловалась на этотъ портретъ, тоже, конечно, не понявъ его сущности.

— Позвольте! Во-первыхъ, Левъ Николаевичъ никогда босикомъ не ходитъ. Во-вторыхъ, развѣ это его ноги? Ужъ кому, какъ не мнѣ, знать, какія ноги у Льва Николаевича! Ничего подобнаго. Это Рѣпинъ отъ себя выдумалъ...

— Не можетъ быть, графиня, такой реалистъ, какъ Рѣпинъ...

— Увѣрю васъ, онъ отъ себя выдумалъ,—нервно закончила Софья Андреевна:—никогда у него такихъ ногъ не было.

VII.

Стасовъ — какъ археологъ и знатокъ старины—стоитъ очень немногаго. Можетъ быть, онъ и знатокъ въ полотенцахъ, конькахъ и древнихъ пряникахъ, но очень плохой специалистъ въ дѣйствительной московской старинѣ. Увлекаясь всѣмъ, что было предъ его глазами,

онъ упускаетъ изъ вида всегда главное, и всегда говоритъ «по поводу». Толстой въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ ему:

«...Я пришелъ въ ужасъ. Ради нашей дружбы, бросьте это дѣло, и избавьте меня отъ этихъ фонографовъ и кинематографовъ. Мнѣ это ужасно неприятно, и я рѣшительно не соглашаюсь позировать и говорить...

...«Пожалуйста, простите меня за то, что надѣлалъ вамъ хлопотъ, сначала согласившись, а потомъ отказавшись отъ всякихъ фонокинематографовъ. Я сперва согласился, когда жена спросила меня, но потомъ, когда въ ея отсутствіе прочиталъ ваше письмо, то ужаснулся тому, что сдѣлалъ...»¹⁾

Стасовъ не понималъ, что Толстому не нуженъ ни кинематографъ, ни граммофонъ, и не стѣсняясь приставалъ къ нему черезъ Софью Андреевну съ рыночными зазываньями. Наконецъ, у бѣднаго Льва Николаевича вырывается вопль наболѣвшаго сердца по адресу Стасова.

Лучше всего обнаружился Стасовъ, когда дали на сценѣ петербургскаго Малаго театра «Царя Θεодора Иоанновича».

Это былъ спектакль чисто гипнотическаго характера. Время такое подоспѣло, или цензурное запрещеніе сыграло здѣсь свою роль, но только первое представленіе трагедіи Алексѣя Толстого сопровождалось необычайнымъ успѣхомъ. Критики просмотрѣли, что неврастеникомъ царя играть нельзя, что замыселъ у автора совсѣмъ другой, что Иванъ Шуйскій не можетъ имѣть польскій акцентъ, на это въ экстазѣ никто не обращалъ вниманія. Особенно вѣзмъ нравилась постановка: ее превозносили, восхищались декораціями, костюмами. У меня до сихъ поръ цѣла книга рецензій объ этомъ спектаклѣ. Я, какъ завѣдующій художественной частью, конечно, могу отнести часть похвалъ къ себѣ,—но рѣшительно отказываюсь отъ этихъ лавровъ, въ виду того, что обстановка была готова только къ пятому спектаклю. Дошло дѣло до того, что старую, много разъ видѣнную декорацію сада, въ которомъ столько же было Москвы XVI вѣка, сколько и садовъ Черномора, одинъ спеціальный журналъ отмѣтилъ, какъ образецъ постановки.

Ставили пьесу наспѣхъ—въ двѣ недѣли. Декораторъ Суворовъ писалъ необыкновенно быстро, нерѣдко спускалъ декораціи сырыми, и во время перваго дѣйствія писалъ картину для послѣдняго. Только понадѣясь на него, можно было приняться за постановку пьесы.

Суворовъ былъ очень талантливъ, но несамостоятеленъ. Зналъ превосходно перспективу, но компановать онъ могъ только по готовымъ эскизамъ. Онъ зналъ секретъ итальянской грунтовки холста, и когда декораціи другихъ декораторовъ осыпались, его—по прошествіи пятнадцати лѣтъ—точно вчера написаны.

¹⁾ Письма Л. Н. Толстого, № 120. Собраніе П. А. Сергѣенко, 1910 г.

Онъ смѣло взялся за дѣло, обѣщая, что все поспѣетъ къ сроку, но, конечно, къ сроку ничего не поспѣло. Первый актъ онъ видоизмѣнилъ изъ «палаты Шуйскаго», работы профессора Шишкова, въ извѣстномъ изданіи «Борисъ Годуновъ», выпущенномъ въ свѣтъ фирмой Ильина; Золотая палата тоже была прямо заимствована оттуда; теремъ царицы былъ сдѣланъ по моему эскизу,—и все это было подготовлено. Но Яуза и послѣдняя картина—передъ кремлевскими соборами ¹⁾ не были совершенно готовы ко дню спектакля.

VIII.

Я видѣлъ, что дѣло плохо, и что приходилось изобрѣсти трюки, которыми отвлекалось бы вниманіе публики отъ обстановки. И вотъ я рѣшилъ пустить вскачь по авансценѣ казака, который бы карьеромъ перелеталъ мостъ и скрывался за угломъ укрѣпленія. Трюкъ былъ нѣсколько рискованный, но до того поразилъ публику неожиданностью, что сбѣгая въ яблокахъ лошадь получила аплодисменты всѣмъ заломъ. Самъ А. С. Суворинъ срепетовалъ народную сцену безъ суфлера, а плотники, строившіе какой-то срубъ на берегу рѣки, являлись какъ разъ умѣстнымъ элементомъ для послѣдней кровавой схватки...

И публика не замѣтила, что послѣдній планъ не былъ написанъ.... Утромъ, на другой день, онъ былъ размытъ Суворовымъ и написанъ заново.

Еще болѣе поддалась гипнозу публика въ послѣдней картинѣ—передъ соборами въ Кремлѣ. Начиная со второго плана, весь Кремль былъ только начерченъ по бѣлому холсту, да слегка намѣчена Спасская башня. Но хоръ слѣпыхъ, превосходно поставленный изъ хора Архангельскаго А. С. Суворинымъ, привелъ публику въ неистовый восторгъ. Тутъ я пустилъ свой второй трюкъ: купили наборъ колоколовъ, и я пригласилъ звонаря изъ Аничкова дворца. Получился эффектъ небывалый, и колокольный звонъ, несмотря на сравнительную жидкость, показался изумительнымъ.

Самая слабая сторона спектакля была костюмная. Бояре, кромѣ Годунова, не были въ тюбетейкахъ и всѣ простоволосые. Костюмы были сдѣланы только на главныхъ персонажей, да и то не XVI, а XVII вѣка. У насъ этимъ же анахронизмомъ страдала до послѣдняго времени даже императорская сцена, и бояре щеголяли въ короткихъ нижнихъ одеждахъ, вопреки археологамъ и здравому смыслу ²⁾. Хуже всего было то, что бояре были въ сапогахъ

¹⁾ Мой эскизъ этой картины теперь въ музеѣ г. Бахрушина.

²⁾ Въ театрѣ Станиславскаго даже устроили на воротникахъ широченные стоячіе козыри, какихъ никогда не носили въ царствованіе Федора,—это можно видѣть изъ «Посольства къ германскому императору» и изъ «Вѣнчанія на царство Лжедмитрія».

съ драгоценными каменьями и золотою вышивкой у себя дома, ночью. Московскія, непролазныя отъ грязи улицы въ то время какъ бы не существовали, и, кромѣ парчи и бархата, на одежды другихъ матерій не шло. Верхомъ нелѣпости было появленіе Ѳедора въ послѣдней картинѣ, послѣ частной панихиды по отцѣ, въ бармахъ и шапкѣ Мономаха. Нелѣпость эта не только никому не бросилась въ глаза, но потомъ обошла всю Россію, и москвичи нисколько не погнушались воспринять цѣликомъ царскій орнатъ вѣнчанія, да еще прибавили высокія горлатныя шапки боярамъ, характерную подробность царствованія царя Алексѣя.

В. В. Стасовъ, увидя «Ѳедора» на сценѣ Малаго театра, несмотря на то, что былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ «Новымъ Временемъ», пришелъ отъ него въ неописанный восторгъ, и, высказавши его Суворину, разразился на столбцахъ «Новостей» цѣлымъ дифирамбомъ.

Всѣ недостатки, всѣ погрѣшности постановки были возведены имъ въ перлъ созданія. Все лучшее, что было, не было имъ замѣчено, вся нелѣпца превознесена. Особенно его поразили шитые сапоги.

— Это превосходно!—восклицалъ онъ.—Это значительно! Этого не было даже при постановкѣ «Смерти Іоанна Грознаго».

Вѣднѣй! онъ полагалъ, что шварцовская постановка первой части трилогіи Толстого непогрѣшима и можетъ явиться образцомъ, какъ надо ставить историческія пьесы.

Когда я объяснилъ ему, что въ постановкѣ много прорухъ, онъ, не унывая, воскликнулъ:

— Не бѣда! Это ничего, что такъ не одѣвались и въ расшитой обуви не ходили! Пусть ходятъ, это важно!

IX.

Левъ Николаевичъ смѣялся надъ яркими рубахами и шароварами Стасова, какія онъ любилъ заказывать себѣ для лѣтняго времени. Въ одномъ изъ портретовъ убѣленнаго сѣдинами критика И. Е. Рѣпинъ изобразилъ его въ такихъ какофоническихъ тонахъ, что меня отбросило, когда я подошелъ къ холсту. Портретъ точно шрапнелью окатывалъ зрителя: «На, молъ, каковъ я, что скажешь!» И насколько Левъ Николаевичъ былъ скромнѣе и изящно-красивѣе въ своихъ небѣленыхъ блузахъ, настолько Стасовъ былъ слащавъ и безвкусенъ въ тонахъ придворнаго кучера добраго стараго времени.

«Царя Ѳедора» пропустили только благодаря стараніямъ А. С. Суворина. Это была не первая его заслуга передъ драматическою цензурой. Ему же обязаны были появленіемъ на свѣтъ Божій шекспировскій «Юрій Цезарь» и толстовская «Власть тьмы».

У меня до сихъ поръ хранится экземпляръ «Власти тьмы», набранный для цензуры и не пущенный въ продажу. Въ экземплярѣ

цензоръ Литвиновъ тщательно вычеркнулъ все, что ему казалось нецензурнымъ. Я лично обратился, какъ товарищъ предсѣдателя кружка, къ Теокистову, бывшему тогда начальникомъ управленія по дѣламъ печати. Я совсѣмъ его не зналъ, помнилъ только стихотвореніе Алмазова:

Паль великій Теокистовъ
Съ двухаршинной высоты!

Поѣхалъ я къ нему вмѣстѣ съ А. П. Коломнинимъ, бывшимъ однимъ изъ инициаторовъ кружка. Оба облачились въ сюртуки. Тогда не было любезныхъ начальниковъ вродѣ князя Шаховского или г. Бельгарда, которые всѣхъ принимаютъ предупредительно въ своемъ кабинетѣ. Теокистовъ заставилъ насъ подождать себя съ полчаса въ приемной, потомъ вышелъ нахмуренный.

— Опять «Власть тьмы»?—сурово спросилъ онъ.

— Опять, ваше превосходительство,—отвѣчаю я.

— Что вы привязались къ этой гадости?

— Привязались. Въ этомъ экземплярѣ вычеркнуто все, что цензоръ счелъ неудобнымъ для сцены.

— И ребенка не душать?

— Ребенка душать, только за сценой.

— А косточки хрустятъ?

— Да вычеркнуто это.

— Мерзость!

Онъ сморщился, какъ отъ чего-то кислаго.

— Хорошо, дайте. Приходите завтра! Я посоветуюсь.

«Власть тьмы» то запрещали, то разрѣшали. То срететованную пьесу мы снимали съ репертуара, то снова ставили. Все дѣлалось будто бы по повелѣнію свыше, когда оттуда ничего, кромѣ дозволенія, не исходило. Неожиданно увидя пьесу на репертуарѣ, говорятъ, Теокистовъ неистово зазвонилъ въ телефонъ къ И. А. Всеволожскому.

— Кто позволилъ, ваше превосходительство?—захлебываясь отъ гнѣва, спросилъ онъ.

Отвѣтъ, послѣдовавшій отъ директора, былъ настолько неожиданъ, что начальнику пришлось только разинуть ротъ и, сказавъ «А-а!», закрыть телефонъ.

X.

По преемникъ Теокистова, М. П. Соловьевъ, оказался еще осторожнѣе своего предшественника. Я редактировалъ новое изданіе своей «Исторіи искусствъ». Въ минувшемъ году трехтомное сочиненіе разошлось въ десяти тысячахъ экземплярахъ, и теперь дѣлались наскоро кой-какія поправки. Вдругъ изъ конторы говорятъ

мнѣ, что цензурой вычеркнуто все пропущенное въ предыдущемъ изданіи. Я лечу въ управленіе.

Соловьевъ принялъ меня въ кабинетѣ, съ напускной любезностью, онъ вслѣдствіе своего косоглазія, какъ смѣясь говорили о немъ, смотрѣлъ на свое дѣло разносторонне. Онъ больше интересовался миниатюрами-иконами, которыя изображалъ съ удивительной тщательностью, чѣмъ дѣлами своего учрежденія: какъ выражался одинъ поэтъ—даже Бога видѣлъ только въ миниатюрѣ. Но сказалъ онъ мнѣ то же слово въ слово, что Θεоктистовъ:

— Что вы привязываетесь къ этой мерзости?..

— Вы объ Ге?

— О немъ. Ну, развѣ можно его печатать?

— Однако картина «Что есть истина?» объѣхала Европу и Америку.

— Сумасшедшій Ильинъ повезъ! Намъ это не указъ.

— Я не имѣю права разсуждать, хорошо ли это, или дурно. Какъ историкъ, я обязанъ помѣстить эту вещь и сдѣлать ея описаніе.

— Ничего вы не обязаны. Что это—«Христосъ на лобномъ мѣстѣ»? Развѣ можно изображать такую пакость. Или Голгоуэ?

— Однако Толстой...

— Толстой въ искусствѣ ничего не понимаетъ. Толстой воть считаетъ «Разбойниковъ» Шиллера лучшей и самой нравственной пьесой.

— Но вѣдь уже было напечатано и пропущено. первое изданіе?

— Не при мнѣ. Я не допущу.

Цѣлые полчаса я провозился съ нимъ, доказывая, что это стереотипъ, что выкинутую строку надо чѣмъ-нибудь замѣнить. Наконецъ онъ сказалъ:

— Ну, хорошо. Такъ и быть: я пропущу Ге,— кромѣ картины «Повиненъ смерти». Только услуга за услугу. Вы должны въ текстѣ похвалить иконы Боровиковскаго въ Казанскомъ соборѣ.

— Не могу.

— Почему?

— Да листы ужъ отпечатаны.

— Однако это лучшія работы по иконной живописи въ Россіи?

— Слишкомъ много новой итальянщины.

— Что же, Васнецовъ лучше?

— Болѣе православный. Старообрядцы и тѣ Васнецова признаютъ.

— Старообрядцы по невѣжеству. Они не могутъ понять Боровиковскаго. А я не могу понять Васнецова. Ну, воть что. Въ этомъ изданіи такъ и быть—о Боровиковскомъ оставимъ. Но къ будущему изданію вы должны сдѣлать по-моему.

Я, скрѣпя сердце, общалъ—въ надеждѣ, что къ тому времени Соловьевъ уйдетъ.

Дѣйствительно, къ 1907 году его уже не было:—онъ умеръ, восхищаясь Боровиковскимъ и считая его первымъ русскимъ иконописцемъ, такъ что четвертое изданіе обошлось безъ него.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

С. Атава, Н. П. Вагнеръ.—Эпизодъ Вагнера съ Достоевскимъ.—Братья Соловьевы.—А. И. Куинджи.

I.

Я говорилъ уже, что рѣдкій русскій писатель не былъ драматургомъ. Ужъ на что Сергѣй Атава—милѣйшій Сергѣй Николаевичъ Терпигоревъ—и тотъ какъ-то разродился «Матап»—вещью, написанной крайне неумѣло.

Въ 1894 году онъ лечился на Кавказѣ. Каждое утро онъ являлся ко мнѣ и спрашивалъ полбутылки коньяку и стаканъ молока.

— Докторъ говорить, что необходимо. Только не знаю что: коньякъ съ молокомъ, или молоко съ коньякомъ.

И начинались безконечные рассказы о старомъ помѣщикемъ житьѣ-бытьѣ. Всѣ кинто—продавцы фруктовъ—знали его по имени и отчеству, всѣ торговцы Пятигорска, Эссентуковъ и Кисловодска. Популярность его была невѣроятна. Онъ избиралъ себѣ помѣщеніе съ балкономъ и зазывалъ всякаго проходящаго. Иногда онъ вспоминалъ свою пьесу:

— Господи, какая гадость!

— Ну, ужъ не очень!—утѣшалъ я.

— Очень! И зачѣмъ только ее поставили, эту «Матап»? Особенно я теперь вижу, что это за пакость. Во мнѣ нѣтъ драматической жилки.

Зато другой авторъ, Н. П. Вагнеръ, серьезно считалъ себя драматургомъ. Неуживчивый, подозрительный, онъ никогда не звалъ къ себѣ въ гости. Я встрѣчалъ его только въ Литературномъ обществѣ да раза два въ редакціи «Сѣвера», куда онъ далъ мнѣ какую-то повѣстуху.

Разъ пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ и не застаётъ дома. Я пишу ему, спрашиваю, когда его застасть,—онъ заѣзжаетъ во второй разъ, застаётъ меня.

— Я, видите ли, написалъ пьесу.

Онъ никогда не улыбался и смотрѣлъ мрачно.

- Изъ эпохи пугачевского бунта...
- Не пропустять!
- Пропустять. Знаете, кто цензоръ? Нашъ Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ?
- Давно ли?
- Недавно. Я ему ужъ говорилъ. Приѣзжайте ко мнѣ, и онъ будетъ. Вотъ я вамъ и почитаю.
- Я съ нимъ давно не видался. Мы разошлись совсѣмъ.
- Я говорилъ ему. Онъ очень радъ возобновить знакомство съ вами.
- Хорошо.

Вскорѣ состоялось чтеніе. Въ унылой квартирѣ противъ Греческой церкви Коть-Мурлыка читалъ свою драму. Я смотрѣлъ на стѣны, гдѣ висѣли картины его сына, смотрѣлъ на его голый черепъ, и вспоминалъ все, что говорили о немъ и его подозрительности, — начиная съ Достоевскаго, который любилъ его подразнить.

Когда онъ кончилъ третій актъ и спросилъ:

- Ну, какъ?
- Я сказалъ то же, что и прежде:
- Не пропустять!
- Отчего! Я пропущу!—вступился Всеволодъ.—Что же тутъ такого?

— Народный бунтъ—пугачевщина. На сцену этого не пустять.

— Вздоръ. Я пропущу.

Вагнеръ обидѣлся и, повернувшись ко мнѣ бокомъ, продолжалъ чтеніе.

Когда онъ совсѣмъ прочелъ, Всеволодъ замѣтилъ:

— Ну, пять-шесть фразъ для порядка выкинемъ,—остальное пройдетъ.

Вагнеръ оживился и спросилъ меня:

- А Суворинъ поставитъ?
- Отчего же не поставитъ,—а только не пропустять! Я съ цензурой всю жизнь воюю.

Соловьевъ взялъ прошеніе, деньги, экземпляръ и сказалъ, что пьеса будетъ, на удивленіе всѣхъ, пропущена.

Но пьесу не пропустили. А вскорѣ послѣ того Соловьевъ припужденъ былъ покинуть постъ цензора, такъ какъ его нашли «слишкомъ либеральнымъ».

Это статскаго совѣтника и камеръ-юнкера!

II.

Самъ Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ никогда не рисковалъ сдѣлаться драматургомъ, хотя нѣсколько разъ говорилъ со мной о пьесѣ. Онъ былъ слишкомъ нервенъ и болѣзненъ, чтобы пере-

жить первое представленіе. Вдобавокъ онъ былъ очень невысокаго мнѣнія объ артистахъ.

Большія квартиры, къ которымъ онъ имѣлъ пристрастіе, создали вокругъ него цѣлый циклъ знакомыхъ. Въ началѣ его житія въ Петербургѣ къ нему, по его словамъ, часто заходилъ Достоевскій, Ѳедоръ Михайловичъ, особенно послѣ его эпилептическихъ припадковъ.

Онъ сидѣлъ у него хмурный, желчный, говоря, что ни къ кому не можетъ заходить послѣ припадковъ, кромѣ его.

Однажды, когда онъ какъ разъ находился въ самомъ скверномъ настроеніи, вошелъ Николай Петровичъ Вагнеръ.

Достоевскій съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Хозяинъ назвалъ фамилію вошедшаго. Достоевскій сказалъ:

— Очень радъ.

Вагнеръ вышелъ изъ себя.

— Какъ радъ! Вы меня не знаете!

— Въ первый разъ вижу.

— Я Вагнеръ, профессоръ зоологін, Коть-Мурлыка.

— Въ первый разъ вижу.

— Какъ! Вы у меня сотрудничали въ «Свѣтѣ»!

— Никогда.

Достоевскій, подъ вліяніемъ припадка эпилепсіи, вышучивалъ Вагнера, противъ котораго что-то имѣлъ. Тотъ схватилъ шапку и ушелъ.

Потомъ Соловьевъ спрашиваетъ у Ѳедора Михайловича:

— Въ самомъ дѣлѣ вы не знаете Вагнера?

Ѳедоръ Михайловичъ подумалъ и сказалъ:

— Кажется, знаю. Сразу не вспомнилъ.

Потомъ стоило мнѣ нѣкотораго труда уговорить Кота-Мурлыку сотрудничать въ «Сѣверѣ», который я началъ издавать съ Соловьевымъ. Никакъ не могъ Николай Петровичъ забыть происшедшаго эпизода.

Я не былъ его свидѣтелемъ и передаю только со словъ Всеволода Сергѣевича.

Гораздо менѣе я былъ знакомъ съ его братомъ Владимиромъ. Сильный опредѣленный умъ его подчинялъ ему отчасти и брата. Но, приверженецъ православія, Всеволодъ въ ужасѣ былъ отъ перехода Владимира въ католичество. Къ философскимъ сочиненіямъ брата онъ относился свысока и цѣнилъ только шуточные стихи. Владимиръ Соловьевъ былъ въ этомъ отношеніи послѣдователь Алексѣя Толстого и любилъ шуточные произведенія въ стилѣ Кузьмы Пруткова. Кому неизвѣстна его шутка:

Наверху горятъ небесъ паншадилы,
А снизу—тьма...

Но немногимъ извѣстна его веселая комедія, гдѣ есть стихъ такого рода:

Сладко извергомъ быть
И пріятно забыть
Бога...
Но за это ждетъ до-
Вольно скверная до-
Рога...

III

Съ Владиміромъ Сергѣевичемъ я, впрочемъ, познакомился еще студентомъ, въ самомъ концѣ 70-хъ или въ началѣ 80-хъ годовъ. Я обѣдалъ у его брата. Я тогда только что начиналъ писать,—да и Всеволодъ, который былъ старше меня всего лѣтъ на шесть, еще не былъ «извѣстнымъ» литераторомъ: онъ только начиналъ серію своихъ историческихъ романовъ. Но онъ уже былъ женатъ, нанималъ большую квартиру въ концѣ Офицерской и старался оказывать возможно больше вниманія «начинающимъ». Узнавъ, что я третій годъ сижу надъ переводомъ «Гамлета», онъ сказалъ мнѣ:

— Я очень люблю «Гамлета» и весьма хотѣлъ бы познакомиться съ вашимъ переводомъ. Пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать,—а потомъ мы прочитаемъ. Никого не будетъ посторонняго.

И вотъ послѣ обѣда мы расположились въ небольшомъ кабинетѣ хозяина съ кофе и рукописью; только что я собирался приступить къ чтенію, какъ раздался звонокъ. Всеволодъ Сергѣевичъ высунулся въ дверь и еще разъ приказалъ:

— Никого, никого, никого.

Тѣмъ не менѣе кого-то впустили, и кто-то сказалъ въ щелку двери:

— Это Владиміръ Сергѣевичъ.

— А,—ну, это можно!—сказалъ хозяинъ.—Я васъ сейчасъ познакомлю съ моимъ младшимъ братомъ,—онъ интересный человѣкъ, и съ большими способностями.

Въ кабинетъ впустили худого красиваго брюнета съ густыми бровями. Ему тогда не было тридцати лѣтъ, но онъ казался старымъ. Голова такъ и просилась для лѣпки скульптора—столько въ ней было угловъ, бугровъ и завитушекъ. Онъ оживленно пожалъ руку брату, посмотрѣлъ на меня, думая о томъ, что ему надо сейчасъ сказать, и началъ быстро передавать брату подробности о какой-то фрейлинѣ, должно быть, для нихъ важныя и интересныя. Потомъ разговоръ перешелъ на какую-то публичную лекцію, и хозяинъ сказалъ:

— Вы знаете, мой братъ профессоръ университета?

Меня какъ кипяткомъ обдало: читать еще неоконченный студенческій переводъ передъ профессоромъ, да еще философомъ,

это было свыше моихъ силъ. Я ужъ подумывалъ: какъ бы отложить чтеніе, когда Всеволодъ, видя мое смущеніе, сказалъ брату:

— Я сейчасъ тебѣ доставлю истинное наслажденіе: мы будемъ слушать величайшаго изъ писателей.

Владимиръ Сергѣевичъ повернулъ ко мнѣ голову и посмотрѣлъ съ невыразимымъ изумленіемъ. Но когда онъ узналъ, что дѣло идетъ о «Гамлетѣ», успокоился, поджалъ подъ себя ноги и забился въ уголокъ большого турецкаго дивана.

Я началъ читать со второго акта. Съ первыхъ же строкъ онъ насторожился. Разговоръ Полонія съ Рейнальдо, который всегда такъ мимоходомъ играетъ на сценѣ, вдругъ получилъ новое освѣщеніе только потому, что слушателемъ оказался В. С.

Сначала я слышалъ странные звуки, вродѣ иканья,—затѣмъ два-три короткихъ смѣшка. Взглянувъ на братьевъ, я встрѣтился съ большими сѣрыми глазами Владимира, впившимися въ меня. Лицо его все свѣтилось. Онъ встряхивалъ своими кудрями и съ дѣтской радостью ловилъ каждое слово. Это меня подбодрило,—и чѣмъ больше я старался возможно экспрессивнѣе передать неудержимую болтовню царедворца, тѣмъ болѣе росъ восторгъ Владимира. Когда я кончилъ сцену отца съ дочерью, онъ хлопнулъ брата по ногѣ и закричалъ:

— Нѣтъ, какова прелесть!

Онъ вскочилъ съ дивана, отбѣжалъ на середину комнаты и сказалъ откровенно:

— Никогда въ жизни этого не читалъ! Мы всѣ читаемъ сцены съ принцемъ. Ну, дальше, дальше, пожалуйста.

Онъ повалился на диванъ и приготовился слушать. Я началъ сцену доклада Полонія о томъ, что «день—день, ночь—ночь и время—время». И вдругъ послѣ первыхъ трехъ фразъ—слышу истерическій взрывъ тонкаго, почти визгливаго хохота, но до того заразительнаго, что даже сдержанный Всеволодъ начинаетъ хохотать. Я дѣлаю паузу и продолжаю. Но Боже мой! что было дальше! Владимиръ Сергѣевичъ упалъ сперва ничкомъ, потомъ перевернулся на спину, потомъ схватился за бока,—и наконецъ, къ концу монолога очутился на полу,—и братъ, указывая на него и самъ задыхаясь отъ смѣха, говорить:

— Смотрите, что можетъ сдѣлать гений!

Владимиръ ничего не хотѣлъ слушать, кромѣ Полонія.

— Читайте только сцены съ нимъ. Гамлетъ—Богъ съ нимъ!

Когда въ третьемъ актѣ Полонія убили, философъ сталъ серьезнымъ.

— Это нельзя такую фигуру убивать среди пьесы, ее надо проводить до конца...

Онъ вскорѣ ушелъ. Онъ оставилъ на меня впечатлѣніе очень смѣшливаго молодого человѣка.

— Это огромный умъ,—хвалили его брать.—Только онъ блаженненькій. То онъ ходитъ босикомъ, то не ѣстъ мяса, то бьетъ лбомъ объ полъ—молится, то отрицаетъ обряды...

Вскорѣ Владимира Сергѣевича выслали изъ Петербурга, навсегда лишивъ каеэды. Всеволодъ былъ очень этимъ обезпокоенъ. «Незаконность» брата тѣмъ болѣе его мучила, что онъ только что получилъ камеръ-юнкерство. Когда Владимира вынесла толпа на рукахъ изъ аудиторіи Соляного Городка, Всеволодъ заявилъ, что онъ прямо разрываетъ съ нимъ всякія сношенія.

Потомъ сколько разъ намъ ни доводилось встрѣчаться съ Владимиромъ Сергѣевичемъ, онъ всегда вспоминалъ:

— Нѣтъ—Полоній-то, Полоній какая прелесть!

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе расходились братья. Я съ Владимиромъ встрѣчался въ редакціи «Недѣли», гдѣ мы нѣсколько лѣтъ печатались рядомъ. Съ Всеволодомъ же я почти не встрѣчался. Но разъ столкнулись, о чемъ я рассказывалъ выше.

— Какъ здоровье твое?—спросилъ я.

Мы съ половины 80-хъ годовъ были на «ты».

— Меня совершенно изводитъ братъ Владимиръ. Если моя пень очень пухнетъ, такъ только отъ него. Ты вѣдь знаешь его пристрастіе къ католичеству?

— Ну?

— Онъ публично въ Москвѣ причащался облатками у ксендза, такъ какъ наша церковь ему отказала въ «поновленіи». Больше того... у меня есть письма...

Всеволодъ схватился даже за бокъ.

— Ему изъ Рима предлагали санъ священника, а онъ отвѣтилъ: «я помирюсь только на кардинальской шапкѣ». И онъ будетъ кардиналомъ—помяни мое слово.

Пророчества Всеволода не сбылись. Владимиръ умеръ только уніатомъ,—и Всеволодъ самъ немногимъ пережилъ его.

О его смерти я только узналъ изъ газетъ.

IV.

Феноменальная фигура Куинджи, только въ прошломъ году умершаго, стоитъ передо мною во весь ростъ. Мало доводилось мнѣ встрѣчать такихъ уравновѣщенныхъ натуръ, какъ покойный Архипъ Ивановичъ.

Однажды, когда я вернулся домой, швейцаръ, давая мнѣ обрывокъ бумаги, сказалъ:

— Былъ тутъ господинъ; скажи, говорить, карточекъ никогда не имѣлъ, фамилія трудная, такъ не запомнить,—я напишу. И вотъ написали.

Я прочелъ на бумажкѣ:

«А. И. Куинджи».

Я сейчасъ ему написалъ письмо, гдѣ говорилъ, что около 11-ти и въ 5-мъ часу всегда дома,—и что могу къ нему заѣхать въ любое, назначенное имъ время.

Въ отвѣтъ на это на слѣдующій день онъ пріѣхалъ.

Мы расцѣловались. Я встрѣчалъ его, какъ сочлена, на засѣданіяхъ комитета. Тамъ онъ держалъ себя непринужденно. Прикрываясь незнаніемъ, довольно миеическимъ, русскаго языка, онъ позволялъ себѣ горькія истины по адресу присутствующихъ.

— Это, это...—говорилъ онъ, размахивая руками,—это, по моему, очень глупо... Совсѣмъ не умно... То, что теперь предлагаетъ... То, что теперь предлагаетъ Александръ Ѳедоровичъ...

— Алексѣй Ѳомичъ,—поправляютъ его.

— Что такое?—останавливается онъ.

— Алексѣй Ѳомичъ, а не Александръ Ѳедоровичъ.

— Виноватъ, Алексѣй Ѳомичъ. То, что предлагаетъ Алексѣй Ѳомичъ, это совсѣмъ неправильно. Это... это... чепуха. Если мы логически посмотримъ, то увидимъ... Это не пойдетъ. Александръ Ѳедоровичъ...

— Алексѣй Ѳомичъ...

— Что?... Да, Алексѣй Ѳомичъ думаетъ...

И такъ далѣе, до безконечности.

Мнѣ кажется, онъ отлично зналъ, что Алексѣя Ѳомича зовутъ Алексѣемъ Ѳомичемъ, а не Александромъ Ѳедоровичемъ, но называлъ его такъ, чтобы показать полное презрѣніе и къ нему, и къ его мнѣніямъ. Онъ въ глубинѣ души считалъ всѣхъ людей крайне недалекими, и все время изумлялся на ихъ глупость.

— Какъ это... не имѣть денегъ... Я это не понимаю. Много прожывать и ничего не имѣть. Ну, какихъ-нибудь десяти тысячъ на черный день... Вонъ Александровскій умеръ, у него три рубля въ домѣ осталось... Что жъ это... такое развѣ можно...

Подозрѣвали, что у него есть деньги, но думали, что сто-триста тысячъ. О милліонахъ никто не думалъ. Иногда, подъ шумокъ, когда никто не зналъ, онъ жертвовалъ когда сто, когда тысячу рублей «отъ неизвѣстнаго»,—но все это было по мелочи. Больше всего онъ былъ противъ совѣта академіи, членомъ котораго самъ состоялъ.

— Это вы не любите... Это вы губите самую сущность, которая... Вы не понимаете того дѣла, которому служите...

На сторонѣ онъ говорилъ:

— Бороды у нихъ у всѣхъ длинныя... Больше, чѣмъ падо... А головы совсѣмъ нѣтъ... Одиѣ бороды...

Онъ былъ анахоретъ—и терпѣть не могъ ѣздить по гостямъ и принимать у себя. Въ самомъ трепаномъ старомъ сюртучникѣ онъ

производилъ впечатлѣніе стараго закладчика или кулака - поставщика. Только кто зналъ его прямую, открытую душу, его взгляды на искусство, могъ оцѣнить его.

Войдя ко мнѣ и поздоровавшись, онъ оглядѣлся во всѣ стороны.

— Насъ никто не будетъ подслушивать?

— Нѣтъ, никто.

Онъ все-таки подошелъ къ дверямъ.

— Я это терпѣть не могу портьеръ на двери, — усмѣхаясь, сказалъ онъ. — Совѣмъ незамѣтно, если кто подслушиваетъ. Что хорошаго!

V.

Въ Архипѣ Ивановичѣ было что-то схожее съ Тёрнеромъ. На всемъ пространствѣ исторіи живописи отъ ея начала до нашихъ дней найдется только двѣ такихъ странныхъ фигуры, какъ Тёрнеръ и Куинджи.

У насъ очень мало знаютъ Тёрнера. Куинджи, несмотря на прирожденное сходство, плохо зналъ его біографію, хотя хорошо былъ знакомъ съ его дѣятельностью. Въ Тёрнерѣ онъ уважалъ болѣе всего, что онъ не продавалъ и никому не показывалъ своихъ картинъ, которыя ему нравились, и то, что онъ сказалъ, когда его похвалили.

— Вы равны Клоду Лоррену — величайшему изъ живописцевъ.

— Да, — но со временемъ буду Джозеффомъ Тёрнеромъ.

Оба были скупы...

Но нѣтъ, я не могу не рассказать здѣсь о Тёрнерѣ, какъ нѣкогда рассказывалъ о немъ Архипу Ивановичу.

Великій реформаторъ пейзажа въ 1777 году увидалъ Божій свѣтъ. Это не помѣшало ему прожить до 1851 года, — ему было подъ восемьдесятъ лѣтъ, когда онъ переселился въ лучший міръ. Сынъ неважнаго цырульника, онъ въ дѣтствѣ своемъ стригъ кошкамъ хвосты и кончиками ихъ, какъ кистью, писалъ первыя картины. Повидимому, житье въ узкомъ переулкѣ съ многоэтажными лондонскими домами мало давало ему простора для его таланта. Но онъ бродилъ по окрестностямъ громаднаго города и зарисовывалъ коттеджи богатыхъ лордовъ... Въ результатѣ — въ пятнадцать лѣтъ онъ любовался своими вещами въ королевской академіи, а двадцати семи лѣтъ былъ членомъ этой академіи.

Деньги и слава пришли къ нему рано, раньше, чѣмъ къ Куинджи. Но если Куинджи изъ принципа обходился безъ прислуги и жилъ на маленькомъ клочкѣ земли въ Крыму, ходя съ женой голыми цѣлое лѣто, то Тёрнеръ изъ скупости поселилъ у себя отца, запретивъ ему заниматься дискредитировавшимъ сына дѣломъ — парикмахерствомъ. Онъ заставилъ его выучиться столярному ремеслу.

— Отчего, отецъ, тебѣ не заняться дѣланіемъ мнѣ подрамниковъ? Это гораздо выгоднѣе, чѣмъ заказывать ихъ въ магазинѣ.

И старикъ, проклиная свою судьбу, принимался за строганіе дощечекъ, которыя выходили мало аккуратными, но зато стоили гроши. Сынъ дома не обѣдалъ,—занимался на этюдахъ цѣлыми днями, признавая только сухояденіе, а обыкновенно обѣдалъ съ отцомъ въ сосѣдней харчевнѣ: не держать же дома стола и кухарку!

Въ шесть утра, едва день начиналъ брезжить въ окнахъ его обширнаго чердака, уже онъ копошился въ своемъ ателье, и никто въ это время не смѣлъ его беспокоить. Никакія просьбы не заставляли его открыть двери мастерской.

То же самое у Куинджи. Попасть къ нему было дѣломъ небывалымъ. Только ученики и близкіе знакомые, почему-нибудь нужные ему, могли попадать въ его святилище. Такъ онъ никогда никого къ себѣ не пускалъ. Изъ-за двери черезъ щелку для газетъ и журналовъ жена разспрашивала подробно о причинахъ визита и говорила то же, что швейцаръ:

— Не принимаетъ!

Иногда только, минутъ пять спустя, слышалось шлепанье туфель Архипа Ивановича, и онъ съ веселой улыбкой отворялъ двери, говоря:

— Ничего, ничего, войдите!

VI.

Не знаю, любилъ ли Тёрнеръ, этотъ необычайный художникъ-самоучка, птицъ и животныхъ. Я думаю—любилъ, потому что онъ любилъ природу. Но человѣка онъ не любилъ, потому что любилъ онъ въ немъ только художника, только воплотителя на полотнѣ сказочныхъ эффектовъ, что преподноситъ натура. Куинджи любилъ птицъ. Онъ съ утра вылѣзалъ на крышу дома Елисѣева и тамъ лечилъ раненыхъ птицъ и кормилъ тучи голубей, воронъ, сорокъ и воробьевъ, слетавшихся къ нему. Въ его пустой неуютной гостиной, съ грошевой рыночной мебелью и потасканнымъ ковромъ, стояли тропическія растенія, гдѣ гнѣздились какіе-то чизки, проживавшіе въ отворенной клѣткѣ. Словно свое презрѣніе къ людямъ А. И. возмѣщаль на любви къ животнымъ.

А. И. никогда не былъ подчиненъ женщинѣ,—жена для него была другомъ и спутницей жизни. Она сама готовила обѣдъ и мыла полы. Она понимала всю важность быть его женою. Не понимала этого подруга Тёрнера, наплодившая ему цѣлое стадо дѣтей. Куинджи былъ бездѣтенъ. Тёрнеръ, весь вѣкъ оставаясь холостымъ, имѣлъ двѣ семьи. Онъ, когда ему ужъ очень надоѣдала подруга дней, говаривалъ ей:

— Я уѣзжаю въ Венецію на этюды.

Съ этимъ она должна была согласиться, и оставалась съ дѣтьми. Тёрнеръ, нагруженный всѣмъ необходимымъ, переѣзжалъ въ другую часть Лондона и тамъ поселялся подъ фамиліей художника Бута. Тамъ ждало его, пріѣхавшаго изъ Венеціи, новое семейство, и новая подруга, которую онъ никогда не сдѣлалъ тоже своею женою. И здѣсь онъ проживалъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока не заявлялъ:

— А не пора ли мнѣ въ Венецію?

Эта двойная игра великаго художника не граничила съ французскимъ фарсомъ. Онъ очень серьезно продѣлывалъ эти штуки, потому что иначе не могъ работать. Насколько онъ пренебрежительно смотрѣлъ на свое потомство, видно изъ того, что дѣтямъ онъ не далъ никакого воспитанія, а ихъ матерямъ оставилъ грошевую пенсію. Но въ то же время онъ завѣщалъ послѣ себя три милліона деньгами академіи.

Цифра три милліона приближаетъ его къ Куинджи. Но заработокъ Тёрнера—былъ результатомъ его ежедневнаго труда до глубокой старости. Лучшія свои вещи онъ писалъ, но не продавалъ, и завѣщалъ не семьѣ, а академіи—болѣе 300 картинъ и нѣсколько десятковъ тысячъ этюдовъ. Куинджи, достигнувъ извѣстности, послѣднія тридцать лѣтъ жизни не хотѣлъ продавать своихъ картинъ. Когда онъ открылъ на три дня свои мастерскія для желающихъ,—высокопоставленные посѣтители говорили:

— Продайте.

— Н-нѣтъ,—загадочно отвѣчалъ Архипъ Ивановичъ.

— Я бы... тысячъ... двадцать.

— Н-нѣтъ...

Проходило нѣсколько минутъ молчаливаго созерцанія.

— Ну, тридцать...

— Н-нѣтъ... Еще не кончено.

— Да что же тутъ кончать?

— Не кончено!

Тёрнеръ торговался со своими покупателями, какъ послѣдній ростовщикъ. Разъ по пяти лорды измѣряли по сотнѣ ступенекъ до его мастерской,—и онъ не уступалъ своихъ вещей, сбавляя по десяти фунтовъ съ запрошенной цѣны... Куинджи на все только отвѣчалъ:

— Н-нѣтъ!

Онъ занимался скупкою земли на берегу Чернаго моря, и то, что ему стоило грошъ, впоследствии стоило милліоны. Пользы себѣ Архипъ Ивановичъ отъ этого не имѣлъ никакой, потому что, выдержавъ, эти земли подарилъ. Но онъ умѣлъ ихъ выдержать.

VII.

Сходство Куинджи съ Тёрнеромъ усиливается, если мы взглянемъ на ихъ задачи въ живописи. Для обоихъ не существовало трудностей. Самыя небывалыя задачи разрѣшались ими. Что можетъ быть прозаичнѣе паровоза и парохода? Между тѣмъ картина— «Корабль на буксирѣ у парохода», «Поездъ надъ Лондономъ»—высоко поэтическія вещи. Ни одинъ художникъ не достигалъ такого движенія и красоты,—и развѣ только у Диккенса страницы, когда мистеръ Домби и Старый Джо несутся къ морю по крышамъ лондонскихъ домовъ, могутъ стать рядомъ съ удивительной композиціей Тёрнера.

У Куинджи та же сила, тотъ же размахъ громаднаго художника; каждая его картина порождала цѣлую фалангу послѣдователей. Онъ научилъ видѣть въ природѣ что-то новое, неизвѣданное, но знакомое и родное.

Куинджи любилъ природу. Онъ плакалъ, онъ мучился надъ нею, ночью вскакивалъ съ постели и бѣжалъ къ этюду. Онъ вѣрилъ въ пейзажъ,—и спрашивалъ про картины своихъ собратьевъ:

— Развѣ это природа?

Онъ уходилъ въ послѣднее время отъ работы масляными красками. Хмурая петербургская погода и противные люди загоняли его въ свой уголь. Онъ сидѣлъ въ спокойномъ, тихомъ углу. Тихія стѣны смотрѣли на него. Картины, старые его этюды, глядѣли со стѣнъ. Старая жена такъ же любовно смотрѣла на него. Его львиная сѣдѣющая голова, гордо встряхивая своими космами, поворачивалась къ зеркальному окну и смотрѣла на сутолоку великаго города.

— Мелкіе, скверные людишки!—думалъ онъ.—Вѣдь я милліонеръ, а между тѣмъ я не ростовщичествовалъ, не вымогалъ, не судился. Вы—камергеры, хулиганы, чиновники, живописцы, писатели, модныя дамы,—подымитесь до меня! Я открыто и смѣло гляжу вамъ въ глаза. Мнѣ все равно, признаете вы меня, или нѣтъ. Я ухожу въ свою берлогу и знаю, что я милліонеръ, а вы не милліонеры. Вы рабствуете, вы низкопоклонничаете изъ-за трехъ тысячъ въ годъ,—а я выше этого. Вы—представители столичной сутолоки—вы за грошъ продаете свою душу, а главнаго не понимаете,—не понимаете силы и величія человѣка.

Онъ присутствовалъ на засѣданіяхъ кассы учениковъ академіи,—и онъ съ жалостью глядѣлъ на голодные, несчастныя лица академистовъ. Онъ трогалъ рукой бумажникъ и вынималъ иногда его, и оттуда сыпались неожиданныя средства и поддержка цѣлымъ семьямъ.

Онъ иногда стоялъ у окна и думалъ:

— Вотъ идетъ мужикъ. Онъ величайшій геній. Онъ выше Тёрнера и выше меня. Но что же дѣлать, если онъ только мужикъ. Онъ не прикасался рукой къ кисти, и онъ, величайшій художникъ,—нуль для искусства, потому что ничего для него не даль.

— Величайшій художникъ—не тотъ, который хранитъ въ себѣ тѣ элементы искусства, которые находятся въ зачаточномъ состояннн, а тотъ, который ихъ выразилъ въ общепонятныхъ, выпуклыхъ образахъ.

Онъ видѣлъ въ искусствѣ что-то таинственное, мистическое. Нѣтъ ничего легче, какъ быть пейзажистомъ. Стоитъ только изобразить корову на лугу, курчавыя облака, зеленую травку, чтобы сдѣлаться художникомъ.

Но этого для Куинджи было мало.

Онъ требовалъ отъ искусства большаго. Отъ каждой картины онъ требовалъ новаго слова, онъ требовалъ слияннн съ природой, онъ требовалъ великаго Пана.

Великнн Панъ чувствовался имъ. Онъ презиралъ тѣхъ, кто убиваетъ его въ себѣ.

— Не понимаютъ, не понимаютъ!—съ ужасомъ говорилъ онъ.— Мои ученики, и не понимаютъ!

VIII.

По я отвлекся... Я хотѣлъ разсказать, какъ онъ былъ у меня. Онъ вошелъ радостный, веселый, осмотрѣлъ углы и усѣлся противъ меня въ кресло.

— Это, наконецъ, то, о чемъ я все время думалъ. Это удивительно интересно. Только должны вы помочь мнѣ.

— Чѣмъ, Архипъ Ивановичъ,—говорите?

— Никто не слушаетъ?

— Никто.

— Публикуйте то, я что вамъ скажу.

— Публиковать?

— Напечатайте. Всю жизнь объ этомъ думалъ.

— Говорите.

— Я конкурсъ затѣялъ. Вы слышали,—сто тысячъ я далъ академнн съ тѣмъ, чтобы на весенней выставкѣ академнн раздала цѣлый рядъ наградъ.

— Ну, что же?

— Развѣ ничего не чувствуете?

— А что?

— Конкурсъ-то не ученикамъ, а профессорамъ заданъ! Они должны, подъ контролемъ печати, опредѣлить нѣсколько десятковъ картинъ—которая лучше, которая хуже. Это,—скажу вамъ,—я по

себѣ знаю, что это за задача. Тутъ шевелить мозгами надо! Чортъ его знаетъ, кто написалъ лучше. Они не поняли, и благодарили... Всколыхнутся. Не будетъ того застоя, той мертвечины, что теперь. Помогите, напишите объ этомъ.

— Извольте, напишу.

— Вы, кажется, не понимаете, какъ это важно. И издатели газетъ не понимаютъ, и публика не понимаетъ. А поймутъ потомъ, когда я умру. Вотъ, скажутъ, такой старый чортъ, что онъ съ профессорами сдѣлалъ. А ужъ я буду лежать на кладбищѣ, и ничего, ничего со мною не подѣлать. И завѣщаніе мое оформлено, и все въ порядкѣ.

Онъ засмѣялся и смотрѣлъ на меня своими сощуренными, не то плутоватыми, не то проникновенными глазами.

— Я вамъ всю свою аферу расскажу, а вы только напишите. Напишите только то, что вы чувствуете, не прибавляйте ничего въ похвалу мнѣ или въ порицаніе, совсѣмъ объективно... Честно напишите, — ахъ, у насъ такъ мало честно пишутъ, все по знакомству...

— Эти сто тысячъ,—продолжалъ онъ,—деньги небольшія, а между тѣмъ свою службу сыграютъ. Я вѣрю въ нихъ болѣе, чѣмъ во что-нибудь. Больше, чѣмъ въ своихъ учениковъ.

IX.

Вдругъ лицо его омрачилось. Онъ сталъ серьезенъ и пасмуренъ. Онъ замолчалъ.

— Что вы, Архипъ Ивановичъ?—спросилъ я.

— Я, знаете... Это... Кажется мнѣ, что я жизнь какъ надо прожилъ... Это сдѣлалъ, что было нужно сдѣлать... А порою думаю, что это что-то не то.

— Отчего же?

— Оттого что... Ну, можетъ, хорошо меня помянуть. Ну, а результатъ какой же?... Все-таки въ пустышку игралъ... Ученики были. Хорошіе ученики. Мастерская была. И вдругъ, вижу я, что въ сторону они уклонились.

— Ученики?

— Да. Были моими учениками. А теперь они не ученики мои. Мажутъ. По небу кистью мажутъ и думаютъ, что это небо... Кровь вся въ голову кидается, все дрожить внутри. Думаю: и спать, не ѣлъ, шель въ мастерскую, всю душу клалъ за человѣка, — а онъ тучи контуромъ обводитъ. Понимаете, тучи чернымъ контуромъ!

Лицо Архипа Ивановича покраснѣло, глаза стали жесткими и холодными.

— Зачѣмъ же я училъ ихъ, зачѣмъ всё внутренности передъ ними выворачиваль? Какъ это въ Евангеліи говорится: на песокъ или на камень упало? И такъ напрасно все, и въ результатѣ— никому ненужная дѣятельность.

Онъ всталъ, сдѣлалъ два шага и опять сѣлъ.

— Они говорятъ, отчего я не выставлю своихъ вещей на выставку. Я не могу.

— Почему?

— Потому что они учить меня будутъ. Говорить то, что я давно знаю. А я все это ужъ прошелъ и пошелъ дальше. Я знаю, что такое природа, и знаю, что ее не схватить. Я знаю, какъ надо писать, лучше ихъ, а я знаю, что они скажутъ: что я пишу въ старой манерѣ.

Онъ опять сутуловато, какъ старый грачъ, посмотрѣлъ на меня и повелъ львиной головою.

— Да, я пишу въ старой манерѣ!—повторилъ онъ.—Какъ будто у меня была манера! Какъ будто я всю жизнь не былъ врагомъ манеры. Я въ каждой вещи новое хотѣлъ дать, а они зовутъ это манерой. А у нихъ не манера?

Онъ захлебывался и волновался, руки хватали воздухъ. Онъ смотрѣлъ на меня и не видѣлъ.

— А у нихъ не манера? Они гвоздями прибиваютъ къ небу облака. Они изъ булыжника дѣлаютъ воду. Когда издали они увидятъ меня, то какъ зайцы бѣгутъ въ стороны. Я стою передъ ихъ картинами и чувствую, что заболѣваю.

— Полноте, Архипъ Ивановичъ, стоять ли того!

— Не стоять! По-вашему, не стоять. Но это... Это выше силъ. Прежде говорили: «что за мерзость», а теперь прямо говорятъ: «какой мерзавецъ!» Легко это? Про моего ученика, про мою плоть и кровь. Вѣдь когда былъ у меня въ мастерской, какъ будто чему-нибудь и учился, какъ будто былъ талантъ. Но мода нужна, мода! Такъ картины не продаются, такъ они бѣгаютъ и мажутъ, сами зная, что они безграмотны. Или еще учиться надо, учиться, потому что они мальчишки,—а они вмѣсто того даютъ современную мазню, потому что это легче, потому что не требуетъ серьезной штудировки. Развѣ это можно...

Х.

Онъ взволнованный сидѣлъ противъ меня и задыхался.

— Я боленъ, очень боленъ!—говорилъ онъ.—Я когда-нибудь умру на этой проклятой выставкѣ. Меня отсюда мертвого привезутъ домой. Спыхватятся, да ужъ поздно.

Онъ, не торопясь, развертывалъ передъ всѣми свое состояніе. Когда онъ объявилъ, что дарить художникамъ два милліона, поняли,

каково у него состояніе. Когда сотни тысячъ зарыблили передь глазами,—тогда ясно всёмо стало, что этотъ маленькій сутуловатый человѣкъ даетъ художникамъ капиталъ, далеко превосходящій обычныя пожертвованія. Онъ; подобно Тёрнеру, не оставилъ тысячи фунтовъ на свой памятникъ въ соборѣ святого Павла, но, подобно этому англичанину, все отдалъ неимущимъ художникамъ, а женѣ оставилъ только необходимую пенсію, нужную ей на прожитье.

Незадолго до смерти я сказалъ ему, что не вѣрю въ пользу его наслѣдія.

Онъ казался изумленнымъ и строго посмотрѣлъ на меня.

— Не вѣ-ри-те,—по слогамъ растянулъ онъ.—А почему не вѣрите?

— Не такой народъ художники. Надо деньги не давать имъ въ руки. Зачѣмъ этотъ капиталъ? Преміи—другое дѣло, но не та колонія, которую вы устраиваете въ Крыму. Вы любите Крымъ. Югъ ваша родина. Но не всё любятъ Крымъ, только очень немногіе. Что за принудительное пребываніе. Вѣдь васъ самихъ тянетъ на сѣверъ?

Онъ задумался и ушелъ, молча пожавъ мозолистой рукой мнѣ руку. Черезъ недѣлю я встрѣтился съ нимъ.

— Я много думалъ,—сказалъ онъ.—Вы, пожалуй, правы...

Единственный разъ онъ сказалъ неправду. Онъ, когда съ однимъ крупнымъ художественнымъ предпріятіемъ обратились къ нему, отвѣтилъ:

— У меня ничего нѣтъ. Только на безбѣдный прожитокъ. Я все имъ отдалъ. Могу только прожить не нуждаясь.

И, стараясь не смотрѣть въ глаза, онъ простился съ предпринимателемъ.

А потомъ у него еще оказалось свободныхъ триста тысячъ, о которыхъ онъ умолчалъ...

Въ темные длинные петербургскіе вечера, въ туманные дни, когда нельзя было работать, а приближалась старость, Архипъ Ивановичъ, слазивъ на крышу къ своимъ птицамъ, садился въ отдаленной конуркѣ и тамъ принимался за чертежи и модели аэроплановъ. Не зная ни механики, ни физики, онъ изобрѣталъ и открывалъ открытое. Порою казалось, что онъ и птицъ-то прикармливалъ и изучалъ не изъ любви къ нимъ, а присматривался къ летунамъ, чтобы изобрѣсти соотвѣтствующій аппаратъ. Онъ весь загорался, когда при немъ говорили объ успѣхахъ воздухоплаванія, и жалко, что онъ не дожилъ двухъ мѣсяцевъ до сентября текущаго года, чтобы быть живымъ свидѣтелемъ того, какъ человѣкъ заволакуетъ воздухъ и погибнетъ въ новой стихіи, отдѣлившись отъ земли и вернувшись на нее только для того, чтобы быть въ ней погребеннымъ.

Онъ хотѣлъ поразить міръ выдержкой своего характера; онъ тихо и незамѣтно изъ бѣднаго грека сдѣлался милліонеромъ, ходилъ въ потертомъ пальто, смѣло говорилъ въ глаза августѣйшему президенту свои задушевныя мысли. Но едва ли его милліоны принесутъ то добро, на которое онъ рассчитывалъ, и его произведенія одни останутся его незыблемымъ памятникомъ, а не эти земли, брошенныя въ руки неизвѣстныхъ будущихъ художниковъ.

1910 г.

П. Гнѣдичъ.

ЗАМУЧЕННЫЙ.

I.

ЗОШЛО солнце и отразилось золотымъ столбомъ въ рѣкѣ Тяпѣ. Безконечной вереницей плыли по рѣкѣ подтаявшія льдины и тамъ, гдѣ онѣ пересѣкали свѣтлое отраженіе солнца, казались черными и рѣзкими, какъ куски угля.

Отбросили солнечные лучи и заиграли искрами кресты и купола двѣнадцати церквей Зарѣчья,—городъ былъ старинный, чуть не тысячелѣтній, былъ когда-то богатъ и велъ обширную торговлю. Тогда отъ разсвѣта и до красной вечерней зари толклись бывало въ лавкахъ и по базару покупатели и продавцы и праздные глазѣющіе люди, тянулись въ городъ и изъ города длинные обозы, пѣли нищіе у церковныхъ оградъ, и стаи голубей кружились и хлопали крыльями надъ улицами и площадями. Нынче и голубей почти не видно. Отъ былого достатка и былой пышности Зарѣчье сохранило только свои двѣнадцать церквей, теперь уже покосившихся, осѣвшихъ и покрытыхъ темными пятнами сырости.

Зарѣчье было разбросано вкривь и вкось по крутымъ буграмъ наорнаго берега рѣки Тяпы. Улицы были немощенныя; а гдѣ и пытались горожане устроить мостовую, тамъ приходилось объѣзжать ее сторовкой или окольными улицами.

Какъ-то незамѣтно—пролегли ли другія дороги, облѣнились ли нѣкогда дѣятельные и предприимчивые зарѣченцы,—но весь городъ принялъ убогій, полунищенскій обликъ...

Тѣмъ рѣзче выдѣлялся на высокомъ бугрѣ большой бѣлый каменный домъ съ зеленою крышею и окованными желѣзомъ воротами. Принадлежалъ онъ купцу-ростовщику Игрищеву. Домъ былъ сухой, крѣпкій и упрямый съ виду и, стоя высоко надъ кучей другихъ домишекъ, лѣпившихся по оврагу, походилъ на замокъ, но замокъ современный, когда силу даетъ не оружіе, не кулакъ, даютъ силу деньги и ловкость, изворотливость. И баронъ, сидѣвшій въ замкѣ, не хуже средневѣковыхъ бароновъ, высматривалъ—не лежитъ ли что плохо, не зазѣвался ли слабый человѣчишка, нельзя ли «пользоваться»....

Игрищевъ велъ торговлю хлѣбомъ, желѣзными товарами, имѣлъ мелочную лавку, гонялъ плоты, бралъ подряды; но главную прибыль онъ получалъ отъ мелкаго ростовщичества.

Напротивъ его дома, тоже на бугрѣ, находилась старинная церковь Михаила Архангела. Лѣтъ десять уже, какъ Игрищевъ былъ старостой въ этой церкви.

Каждый день съ первымъ ударомъ колокола къ утренѣ Игрищевъ выходилъ изъ воротъ, останавливался на минутку, зорко оглядывая раскинувшіеся внизу домишки, рѣку Тяпу, зарѣчные сосновые лѣса и пески; потомъ оборачивался лицомъ къ церкви, крестился нѣсколько разъ истовыми широкими крестами и начиналъ спускаться внизъ.

Такъ было и сегодня. Едва прозвучалъ во влажномъ и пахучемъ воздухѣ первый гулкій ударъ колокола, скрипнула тяжелая калитка, и высокій, прямой, несмотря на средину седьмого десятка, старикъ Игрищевъ появился на порогѣ.

Онъ любилъ приходить въ церковь однимъ изъ первыхъ, когда своды ея еще полны ночной тишиной, когда звучно отдаются шаги по каменнымъ плитамъ, и сторожа затепливаютъ первые огоньки.

Не тороясь, Игрищевъ становился къ свѣчному ящичку, отпиралъ его большимъ тяжелымъ ключомъ, раскладывалъ ровными стопочками мѣдъ и серебро.

Онъ любилъ взять въ руки какой-нибудь старинный пятакъ или трехкопеечникъ и разглядывать его, думая о томъ, въ сколькихъ рукахъ, въ сколькихъ карманахъ побывалъ онъ на своемъ долгомъ вѣку...

Сегодня Игрищеву исполнилось шестьдесятъ пять лѣтъ.

Онъ вдовѣлъ уже двадцатый годъ. Отъ болѣзненной и некрасивой жены у него на рукахъ осталось двое дѣтей—сынъ и дочь. Оба они вышли неудачные, не радовали старика.

Дочь была маленькаго роста, кривобокая, съ мелкими и острыми чертами лица. Душой она какъ будто имѣла нѣкоторое сходство съ отцомъ—была скупая и жадная до денегъ. Но не было въ ней размаха, захвата отцовскаго. Вся она уходила въ мелочи, пустяковыя дѣла, въ мелкую грязню съ прислугой, братомъ и отцомъ. Въ вы-

раженіи ея лица, въ очертаніяхъ глазъ и губъ было у нея что-то крысиное—хитрое и суетливое. Отъ уродства своего и по природѣ была она чрезвычайно зла, но труслива...

На сына отецъ давно махнулъ рукой: дурачокъ. И сестра считала его придурковатымъ и пользовалась его простотой и податливостью для непрестанныхъ издѣвокъ. Петру—сына звали Петромъ—шелъ уже тридцать восьмой годъ. Роста онъ былъ большого, почти великанъ, но хилый и былъ неповоротливъ и вялъ; въ немъ вѣчно чувствовалось что-то приниженное, податливое, какъ комокъ густого тѣста; и каждое мгновеніе онъ словно ждалъ, что его ударятъ или пихнуть ногой, какъ большую и смирную собаку. Говорилъ онъ мало, не любилъ показываться на людяхъ и отца боялся совсѣмъ еще дѣтскимъ страхомъ.

II.

— Опять упредили...—Отецъ Игнатій, старенькій щупленькій попикъ, быстро перебѣжалъ отъ двери къ свѣчной стойкѣ и поднялъ вылинявшіе глаза на Игрищева.

— Богъ труды любить,—отвѣтилъ Игрищевъ, принимая благословеніе, для чего ему приходилось наклоняться къ отцу Игнатію,—любить Богъ всяческіе труды... И, окромя того, по чину ужъ такъ выходить, что долженъ староста напередъ настоятеля въ церкви быть и наблюсти все, чтобы имѣть въ порядкѣ...

— Ну, ну, ну...—замахалъ руками попикъ,—у васъ-то и такъ все въ порядкѣ... У васъ-то въ безпорядкѣ!... Хе-хе-хе...

Отецъ Игнатій жиденько засмѣялся. Борода его запрыгала надъ большимъ желтымъ кадыкомъ, и глаза сузились въ едва замѣтныя щелки.

— Да! Евграфъ Евграфычъ!..

Отецъ Игнатій даже рукамъ всплеснулъ.

— Я-то, я!.. А? Съ рожденіемъ-то васъ, съ радостнымъ днемъ и не поздравилъ! а?

— Спасибо, батюшка... Спасибо... Дай и вамъ Богъ... Только я такъ вотъ думаю, что не съ чѣмъ и поздравлять, нечему и радоваться: къ могилѣ только ближе, къ гробу, къ смерти...

— Что смерть!.. Чего ее вспоминать!.. Слава Богу, что въ добромъ здравіи столько прожили, и давай вамъ еще столько прожить...

— Охъ-о-хо... Радовался бы, можетъ, и я, если бы было кому меня замѣнить... Да ужъ объ этомъ говорилъ я, говорилъ... Одначе, отецъ Игнатій, задерживаю я васъ, отъ дѣла Божія отвлекаю...

Служба сегодня была съ пѣвчими. На хоръ пѣвчихъ Игрищевъ тратилъ много денегъ, нанималъ хорошаго регента и даже одно время хотѣлъ было выписать изъ губернскаго города знаменитаго баса, изъ соборныхъ тамошнихъ пѣвчихъ; но показалось слишкомъ ужъ дорого.

Служилъ отецъ Игнатій, несмотря на свой малый ростъ, торжественно и благолѣпно. Надѣвъ ризы, онъ весь какъ будто преобразался, выросталъ... За утреней молящихся было немного. Тѣмъ чище и звонче лились пѣснопѣнія, тѣмъ медлительнѣе подымался густой кадилный дымъ, и радостно просѣкались въ немъ прямыя лучи солнца.

Игрищевъ всю почти службу стоялъ на колѣняхъ, подтягивая пѣвчимъ, шепча за священникомъ слова молитвъ.

III.

Время до обѣдни Игрищевъ провелъ въ церковной оградѣ. Онъ сѣлъ тамъ на покосившуюся деревянную лавочку, опустилъ голову и задумался.

На дворѣ стоялъ апрѣль мѣсяць; снѣгъ только что стаялъ; все шумѣло, шуршало, чирикало кругомъ, радостно хлопотало, спѣшило куда-то...

Но мысли у старика были невеселыя, скучныя и грузныя... Думалъ онъ о дѣтяхъ, о домѣ, о своемъ дѣлѣ... Его не такъ печалило убожество сына, не такъ огорчала мелочность дочери, какъ то, что всѣ труды его пропадутъ даромъ и все нажитое и накопленное имъ за полвѣка попадетъ въ неумѣлыя и слабыя руки и неминуемо разрушится, распадется.

Игрищевъ смотрѣлъ черезъ ограду на свой крѣпкій, ярко освѣщенный солнцемъ домъ; и ему уже представлялось, какъ ржавѣть крыша, какъ осѣдаютъ столбы у воротъ, какъ облупливаются стѣны, представлялось ему, какъ людишки, которымъ онъ стоялъ богатствомъ своимъ и силою своею поперекъ горла, накинута и будутъ тащить и грабить собранное имъ...

Съ полгода уже копошившаяся на самомъ доньшкѣ души мысль всплыла вдругъ, какъ брошенная въ воду деревяшка, и стала передъ нимъ четко и ясно.

Четыре года тому назадъ служилъ у Игрищева приказчикъ— Адріанъ Ипатовичъ Кудатяповъ. Въ то время Кудатяпову было лѣтъ девятнадцать-двадцать; но совсѣмъ не по возрасту онъ былъ ухватистъ и прижимистъ. Былъ онъ рыжеватый, веснушчатый, остроносый; но во взглядѣ его было что-то крѣпкое и пронзительно-уцѣпистое. Взглядомъ своимъ онъ какъ-то всасывался, вѣдался въ душу, бралъ себѣ, что нужно, и затѣмъ бросалъ человѣка, какъ обглоданную кость.

Игрищевъ и Кудатяповъ поняли другъ друга съ двухъ-трехъ словъ. Старикъ попробовалъ было захватить, подчинить себѣ молодого; молодой ошетинился, какъ ежъ: ухвати-ка. Понявши же одинъ другого, они начали работать гладко и ровно, какъ двѣ одинаково ловкія руки...

Однажды Кудатяповъ отпросился у старика на побывку къ отцу въ сосѣдній уѣздъ. Неохотно, но отпустилъ его Игрищевъ. Кудатяповъ отпросился на четыре дня, но миновала и недѣля, миновало и двѣ недѣли, а объ немъ не было ни слуху, ни духу. Старикъ подумалъ было, что Кудатяповъ попользовался изъ выручки и бѣжалъ. Ему не было жалко денегъ, но досадно было, что онъ обманулся и что понравившійся ему человѣкъ оказался такой же мелочью, какъ и прочіе людишки. Однако по провѣркѣ оказалось, что все деньги налицо. Игрищевъ послалъ справиться къ отцу Кудатяпова; тамъ отвѣтили, что молодой Кудатяповъ года три уже, какъ у отца не бывалъ и вѣстей о себѣ никакихъ не давалъ. Старикъ поскучалъ и успокоился.

Въ прошломъ году около Пасхи Кудатяповъ снова появился въ Зарѣчѣ. Онъ нанялъ около кузницъ, совсѣмъ на выѣздѣ изъ города, небольшой домикъ и открылъ свою торговлю. Положеніе дома давало ему много преимуществъ. Онъ легко перехватывалъ мужиковъ, направлявшихся въ городъ съ хлѣбомъ и пенькой, къ нему заворачивали возвращавшіеся съ базара купить спичекъ, мыла, керосину. Поторговывалъ онъ тайно и водкой.

Зарѣченцы строили всевозможныя предположенія о томъ, откуда и какъ добылъ онъ денегъ для начала своего дѣла. Говорили, что онъ участвовалъ въ какой-то воровской шайкѣ, занимался выдѣлкой фальшивыхъ двугривенныхъ и даже убилъ и ограбилъ кого-то.

Все эти слухи доходили и до Игрищева, но вѣры онъ имъ никакой не давалъ: про него самого вѣдь говорили, что капиталъ онъ свой нажилъ, сбывая мужикамъ поддѣльныя бумажки, и что, если бы онъ не закупилъ исправника и слѣдователя, быть бы ему давно на картѣ.

Въ ту же весну, когда появился въ Зарѣчѣ Кудатяповъ, умерла двоюродная сестра Игрищева, бывшая замужемъ за дьякономъ въ уѣздѣ и вдовѣвшая лѣтъ десять. Послѣ нея круглой сиротой осталась дочка Таиса. Игрищевъ при жизни родственницы относился къ ней очень холодно и обзывалъ ее «губошлепой» за ея отвисшую нижнюю губу. Послѣ смерти же онъ устроилъ ей пышныя похороны, а сироту взялъ къ себѣ въ домъ и при этомъ имѣлъ въ виду планы, въ которыхъ даже самому себѣ еще не отдавалъ полного отчета.

Онъ внимательно приглядывался къ дѣятельности Кудатяпова и одобрительно замѣчалъ, что тотъ за всякое дѣло хватается быстро и орудуетъ цѣлко и загребисто. Старикъ не считалъ для себя униженнымъ первому заговорить съ Кудатяповымъ, встрѣтивъ его какъ-то около лавокъ.

— А, наше вамъ... купцу новоявленному...

— И наше-съ...

— Торгуешь?

— Торгую помаленьку-съ...

Въ ближайшее же воскресенье послѣ этого Кудатяповъ зашелъ къ Игрищеву, и старикъ угостилъ его чаемъ и долго разговаривалъ съ нимъ. Объ исчезновеніи Кудатяпова ни тотъ, ни другой даже и не заговаривали, какъ будто случая этого и не было вовсе...

— Да, а недурень паренекъ,—сказалъ старикъ самъ себѣ по уходѣ Кудатяпова и долго стоялъ на крылечкѣ, то выпуская нижнюю губу, то втягивая ее...

Ему захотѣлось приспособить къ себѣ Кудатяпова, устроить его къ своему дѣлу; но при этомъ привязать покрѣпче, чтобы не сбѣжалъ ужъ онъ опять, не бросилъ всего на разруху...

Мысль о дочкѣ, объ Аглаѣ, мелькнула и сейчасъ же юркнула въ сторону, какъ испуганный воробей.

Аглая была всего на два года моложе брата, была она, какъ я уже говорилъ, кривобока и отъ вѣчнаго раздраженія, вѣчной злости желта лицомъ, какъ потемнѣвшій отъ сырости и пыли лимонъ. Только постоянно холодный носъ выдѣлялся яркимъ розовато-сизымъ гребешкомъ...

Таиса... Таиса — дѣло другое... Тутъ можно было подумать.

И вотъ теперъ, сидя въ церковной оградѣ, старикъ вновь и вновь перебиралъ всѣ эти мысли, перебрасывалъ ихъ, какъ комки мокрой глины...

Пустить Петръ все имущество по вѣтру, выпустить его между пальцевъ, уплыветъ оно, какъ вода сквозь рѣдкое сито. Разведетъ Петръ грибы и черезъ годъ-другой отправится по-міру.

А-а-ахъ...

Но и Кудатяповъ... Огонь... Какъ бы не обжечься... Подпустишь его, а онъ все приберетъ къ рукамъ да и былъ таковъ... И тамъ темно, и здѣсь свѣту немного, и не знаешь, куда жъ наконецъ кинуться...

IV.

Старикъ такъ глубоко задумался, что и не замѣтилъ, какъ подошелъ къ нему возвращавшійся изъ дому отецъ Игнатій.

— Красота-то Божья какаѣ,—сказалъ священникъ, указывая рукою на синюю полноводную Тяпу, по которой медленно тянулись льдины.

Игрищевъ вздрогнулъ и поднялъ глаза.

— Ахъ, вы вотъ объ чемъ... Не радуется и красота, когда на сердцѣ камень...

— О чемъ же вамъ печаловаться?

— Сядьте, отецъ Игнатій, вотъ здѣсь, рядышкомъ садитесь...

Старикъ подвинулся и очистилъ мѣсто около себя на лавочкѣ.

Отецъ Игнатій покорно сѣлъ и сжался въ маленькій темный комочекъ.

— Тоскую я,—заговорилъ снова Игрищевъ,—ошь дѣлахъ своихъ тоскую... Жуть, знаете, этакая на душѣ... и хочется мнѣ Господа Бога спросить: за что Онъ наказываетъ меня?—въ дѣтяхъ, въ потомствѣ моемъ наказываетъ? Правда, строгъ я всегда и взыскателень былъ къ людямъ... Но какъ же иначе? Какъ же безъ строгости, вы мнѣ скажите? Нешто человѣкъ иначе понимаетъ?... Богатство свое собралъ я честнымъ трудомъ—не грабилъ, не мошенничалъ. Больше всего въ жизни труды любилъ, которые на пользу и на прибыль человѣку... Бралъ процентъ.. но вѣдь законный же бралъ я процентъ, не душилъ людей, какъ другіе иные поступаютъ... Про меня никто этого не скажетъ...

— Кто же можетъ сказать!...

— Никто, батюшка, никто... никто не осмѣлится сказать этого... Конечно, нѣкоторые шипятъ, хуже бѣльма я имъ всякаго въ глазу. Однако собака лаетъ, а вѣтеръ уноситъ... Мнѣ чтобы передъ Господомъ моимъ въ чистотѣ быть... Все соблюдалъ я, всю свою жизнь соблюдалъ; а Господь, вотъ, наказываетъ...

Старикъ опустили голову и опять задумался.

— Видите,—началъ послѣ долгаго молчанія отецъ Игнатій:— тоже размышляю я... Только не сердитесь вы на меня, ежели, можетъ быть, что не такъ скажу, или разное тамъ... Насчетъ Петруши-то, насчетъ сынка я вашего хочу сказать... Помню я его младенцемъ еще: вѣдь я его и крестилъ... Былъ онъ маленькій славненькій, кроткій, мягкій такой... Надо бы въ то время къ нему подходить ласково, обходительно... Онъ бы и выравнялся, и всякое такое...

— Разума въ немъ нѣтъ, дурачокъ вѣдь онъ...

— Нѣтъ...И разумъ въ немъ есть, только запуганный, запрятавшийся... Много ужъ очень было въ васъ строгости, вотъ онъ и испугался... душой-то...

— А какъ же безъ строгости? Развѣ возможно?

— Помягче надо... Конечно, и строгость хороша.. Однако, безъ ласки вовсе невозможно... Дѣтская душа это, такъ сказать, растеніе чувствительное. Запугали вы его, Петрушу-то, настолько запугали, что ушелъ онъ отъ васъ въ себя, какъ улитка нѣкая, затаился... не осудите разсужденіе мое...

Игрищевъ покачалъ головой, сжалъ губы и отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, скрывать этого нельзя, да и незачѣмъ: отъ Бога все равно не скроешься, а людской судъ, какъ вода вешняя,—нашумить и сбѣжить. Очень я былъ взыскателень къ Петру, жестокъ даже иногда бывалъ. Хотѣлъ я, чтобы непрестанно онъ власть родительскую надъ собою чувствовалъ...

— Вотъ этого-то и не надо. Непрестанности-то и не надо... Когда угрозой, а когда ласковостью...

— Помню,—продолжалъ Игрищевъ, говоря скорѣе самъ съ собою, чѣмъ съ отцомъ Игнатіемъ и не глядя на него вовсе:—было

это дѣло около Пасхи; а Петру въ то время шель седьмой, а можетъ быть восьмой годъ. Былъ я на хуторѣ, и разлили меня тамъ работники: самую дорогую что ни на есть лошадь—цѣны ей по настоящему не было,—опои́ли они эту самую лошадь. Я ихъ тогда обругалъ, изъ себя, можно сказать, вышелъ, далъ, помнится, даже двѣ-три затрешины. Однако дѣло поправить было уже невозможно. Поѣхалъ я назадъ. А на дворѣ—дождь, снѣгъ, слякоть, хмуро все кругомъ, стало мнѣ на душѣ еще хуже, злости на душѣ накопѣло безъ конца... И только пріѣхалъ я домой,—попадаетъ мнѣ съ палостью своей какой-то дѣтской Петръ. Виновать я тѣмъ передъ Господомъ—не стерпѣлъ я тогда, взялъ плетку и сдѣлалъ я его, Петра, чернымъ... Сколько лѣтъ я этого самаго случая не вспоминалъ, а теперь вспомнилъ...

V.

У обѣдни были всѣ домашніе Игрищева. Сынъ былъ въ новомъ сюртукѣ и съ припомаженными волосами и оттого выглядѣлъ еще пришибленнѣе и площе, чѣмъ всегда. Аглая надѣла лиловое шелковое платье, страшно шумливое и топорщившееся, какъ бумага. Она стояла важно, не оглядываясь и держа свое крошечное личико задорно поднятымъ вверхъ. Рядомъ съ Аглаей стояла Таиса, ей тоже шили шелковое платье «по послѣдней модѣ». И оттого, что оно было шелковое и дорогое, оттого, что зарѣченская портниха сузила и перекосила его, Таиса чувствовала себя связанной и стиснутой, ей казалось, что всѣ въ церкви смотрятъ на нее. Приказчики и работники стали отдѣльной толпой, кромѣ старшаго: тотъ всегда по праздникамъ замѣнялъ старика у свѣчного ящика. Зарѣченскія власти и купечество тоже были въ церкви. Не пришелъ только судебный слѣдователь—онъ былъ либераль и въ церковь ходилъ только по царскимъ днямъ.

Игрищевъ стоялъ впереди, у праваго клироса. Почти мимо воли онъ нѣсколько разъ оглядывался на сына, вздыхалъ и начиналъ усиленно креститься, прижимая пальцы къ выпуклому лбу и отвѣшивая глубокіе поклоны.

А Петръ стоялъ согнувшись и опустивъ глаза. Видно было, что мысли его далеко отъ церковной службы, отъ возгласовъ священника, отъ грузнаго ворчанія діакона и стройнаго нотнаго пѣвчихъ.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ вспоминалъ одно короткое лѣто, мелькнувшее въ его жизни, какъ вѣшышка спички въ темную и сырую ночь. Ему шель тогда восемнадцатый годъ. Отецъ послалъ его на все лѣто на хуторъ. Первый разъ пришлось Петру пробыть такъ долго въ деревнѣ. Вдали отъ отца и его суроваго придирчиво-пристального надзора онъ отходилъ, распрямлялся душою, какъ примятый стебель травы.

На этомъ же хуторѣ жила въ то лѣто для поправленія здоровья съ разрѣшенія старика Игрищева его двоюродная сестра—Ирина Андреевна, мать Таисы. Таисѣ въ то время было года три. Петръ и крошка Тася быстро сдружились, сблизились до того, что дня не могли провести одинъ безъ другого. Тася была славной дѣвчуркой-забавницей. Петръ постоянно бралъ ее съ собою на прогулки. Ему доставляло огромное удовольствіе подымать ее на руки, слушать ея болтовню, замѣчать смѣну быстрыхъ улыбокъ приливами дѣтской задумчивости... Онъ усаживалъ Таису гдѣ-нибудь на лужку, набиралъ цвѣтовъ и окружалъ ее всю темно-лиловыми колокольчиками, васильками, ромашкой и клеверомъ. Тася перебирала цвѣты своими пухлыми ручонками, иногда разрывала ихъ, иногда щекотала ими наклоненное къ ней лицо Петра и, когда онъ дѣлалъ гримасы, она заливалась звонкимъ хохотомъ.

Мѣсяца два длилось это свѣтлое тихое житіе.

Разставаясь съ Тасей, когда отецъ приказалъ ему вернуться въ городъ, Петръ выглядѣлъ совсѣмъ убитымъ и всю дорогу до города оглядывался назадъ, словно ожидая увидѣть гдѣ-нибудь между придорожными кустами, на какой-нибудь заросшей кашкой и куриной слѣпотою полянкѣ розовое платьице Таси и ея смѣющеся, круглое личико...

Какъ только Петръ попалъ въ городъ, тотчасъ же начались злобные окрики, толчки, иногда пощечины. И Петръ опять ушелъ въ свою скорлупу. Но маленькую пріятельницу онъ не забывалъ и бережно хранилъ въ душѣ искру свѣта, такъ ярко разгорѣвшуюся было въ ней.

Лѣтъ черезъ десять ему снова довелось увидѣть Таису—уже подросткомъ. На этотъ разъ онъ побоялся заговорить съ нею. Она же смотрѣла на него, какъ на совсѣмъ чужого, не узнавала его. Это причинило ему тогда глубокую и щемящую боль. Особенно больно ему было потому, что въ улыбкѣ ея и во взглядѣ еще осталось что-то прежнее, милое и дорогое ему.

И опять потянулись скучные и тяжелые годы, но теперь было еще темнѣе въ душѣ, потому что Петръ уже не возвращался мысленно къ далекимъ счастливымъ днямъ, словно сумрачная и злая обида стала передъ ними и заслонила ихъ.

Нѣсколько разъ въ эти годы старикъ хотѣлъ женить сына, выбирая будущиxъ невѣстокъ по своему вкусу—твердыхъ и сильныхъ нравомъ, чтобы могли онѣ служить упорой и поддержкой слабому мужу. Но, покорный и робкій во всемъ остальномъ, Петръ становился до отчаянія неподатливъ и упрямъ, какъ только дѣло заходило о женитьбѣ. Его можно было бить, ругать, можно было, вѣроятно, подвергать разнымъ пыткамъ, и все же онъ упорно твердилъ бы:

— Не хочу.

Это чувствовалось. И это бѣсило старика. Подъ его ударами оказывался вмѣсто живого человѣка холодный и неотзывчивый ка-

мень. Задыхаясь отъ безсильной злобы, старикъ отступалъ и бормоталъ про себя:

— У, проклятое отродье!..

Но отступалъ, потому что силы его не хватало побороть каменное упорство Петра, обычно податливаго, какъ подогрѣтая восковая свѣча...

Наконецъ Таиса стала уже взрослой дѣвушкой; теперь она уже жила въ одномъ съ нимъ домѣ, и встрѣчались они каждый день. Въ Петрѣ произошла рѣзкая переменѣна. Характеромъ онъ какъ будто бы и не измѣнился: попрежнему былъ молчаливъ, рѣдко улыбался и никогда не смѣялся вслухъ; но въ глазахъ и въ выраженіи лица проступили какія-то новыя явственныя черточки...

VI.

Сегодня Кудатяповъ былъ тоже у обѣдни и однимъ изъ первыхъ подошелъ поздравить старика, когда по окончаніи службы власти и почетные горожане стали тѣсниться вокругъ Игрищева.

Старикъ благодарилъ и по давнему обычаю приглашалъ всѣхъ откушать. Длинной вереницей потянулись старики и молодежь, чиновники, дворяне и куцы отъ церкви къ дому Игрищева. Впереди шелъ самъ Игрищевъ съ батюшкой и исправникомъ.

Кудатяповъ былъ уже знакомъ съ Таисой и теперь оживленно говорилъ съ нею, изгибаясь и покаявая ее своими острыми глазами.

Старикъ нѣсколько разъ, будто ненарокомъ, взглядывалъ на нихъ; и въ эти мгновенія тѣнь затаенной мысли пробѣгала у него по глазамъ...

У воротъ дома уже тѣснились нищіе. Въ этотъ день для нихъ накрывали—въ хорошую погоду прямо на дворѣ, а въ дурную въ большомъ, очищавшемся къ веснѣ дровяномъ сараѣ—длинные столы и угощали студнемъ, щами и гречневой кашей; а на дорогу давали еще по большому куску пирога.

Завидѣвъ Игрищева, вся толпа бросилась къ нему навстрѣчу, кланяясь, поздравляя и пытаясь схватить и поцѣловать его руку.

Нищихъ этихъ было такъ много, что казалось, что все Зарѣчье пошло по кусочки.

Старикъ благодарилъ и торопливо бросалъ на ходу, не останавливаясь и проталкивая себѣ дорогу:

— Ну, ну, ну... спа ибо, убогіе, спасибо... Ступайте себѣ... кушайте на здоровье... Ну, ну, ну...

Для почетныхъ гостей все уже было готово въ домѣ, и, шумя и переговариваясь, они начали размѣщаться передъ приборами. Игрищевъ самъ указалъ Кудатяпову мѣсто рядомъ съ Таисой и попрежнему то и дѣло взглядывалъ на нихъ, словно оцѣнивая, хороша

ли выйдеть парочка. Кудатяповъ держался съ достоинствомъ, но и не строго, и все время занималъ даму свою разговорами. А Таиса краснѣла, пожималась подъ его взглядами и отвѣчала коротко и отрывисто.

Однажды, переведя на нихъ глаза, старикъ замѣтилъ, что на него самого кто-то смотритъ. Онъ обернулся и встрѣтилъ упорный и темный взглядъ Петра.

VII.

Сегодня старикъ много пилъ. Одолѣвали ли его прежнія, утреннія думы и ему хотѣлось забыться, подбадривалъ ли онъ себя для какого-то рѣшенія, но онъ пилъ бокаль за бокаломъ, рюмку за рюмкой.

Въ началѣ завтрака онъ занималъ гостей степенными разговорами, бесѣдовалъ съ отцомъ Игнатіемъ и съ соборнымъ протоіереемъ, отцомъ Модестомъ. Потомъ вдругъ замолчалъ и нахмурился, уставившись помутнѣвшими уже глазами на красное пятно на скатерти отъ пролитаго вина; а когда принесли вмѣсто шампанскаго замороженное донское шипучее, Игрищевъ поднялся во весь свой ростъ, держа въ правой рукѣ тонкій старинный бокаль.

— Вы, господа гости, будете пить,—началъ онъ свою рѣчь,— за мое здоровье. Такъ оно и полагается. Но раньше хотѣлъ бы я выпить, за кого сегодня лежитъ моя душа. Ближе всего было бы мнѣ въ такой день, когда стукнуло мнѣ ровненькихъ шестьдесятъ пять годовъ, выпить за наслѣдника своего, за родного моего сына—Петра. Здѣсь онъ. Вонъ онъ сидитъ за столомъ, наискосокъ отъ меня...

И старикъ показалъ полнымъ бокаломъ на Петра, словно гости и безъ того не знали, что приходится онъ старику сыномъ.

Петръ съ первыхъ же словъ отца сжался, и что-то выжидающее, темное прошло по его лицу.

Теперь всѣ взгляды обратились на него. Онъ сдвинулъ брови и сжалъ губы, словно заслоняясь отъ этихъ взглядовъ.

— Да, вотъ онъ сидитъ,—продолжалъ Игрищевъ:—называется онъ мнѣ сыномъ и есть онъ сынъ мой по плоти; но по духу—не сынъ онъ мнѣ.. Нѣту въ немъ духу моего, и твердости моей нѣтъ...

По мѣрѣ словъ старика Петръ все темнѣе становился лицомъ.

А старикъ продолжалъ:

— Обидѣлъ меня Господь въ сынѣ моемъ... Ежели нѣтъ у меня сына, хоть бы въ дочери было послано мнѣ утѣшеніе... Съ горестью и на нее смотрю: крыса мелкая, мелкая крысиная душонка...

Между гостями начали иные улыбаться, раздалось даже два-три громкихъ смѣшка.

Старикъ обернулся въ ту сторону, и улыбки сразу попрятались.

— ...и лицомъ на крысу похожа...

И опять хихикнулъ кто-то. Аглая же не знала, куда дѣваться отъ стыда, и то краснѣла, то блѣднѣла.

— Нѣтъ у меня и дочери... Поэтому хочу я выпить сегодня...

Онъ оставилъ взглядъ свой на Кудатяповѣ; и тотъ опустилъ уже глаза, какъ стыдливая невѣста, чувствуя, что о немъ и о Таисѣ будетъ рѣчь; но послышался глухой и тягучій голосъ Петра:

— Погоди...

Петръ всталъ на ноги напротивъ старика и поднялъ на него свои сверкавшіе тяжелымъ огнемъ злобы глаза.

— Тридцать лѣтъ терпѣлъ я тиранство твое; какъ помнить себя началъ, терпѣлъ я тиранство твое... измывался ты надо мной...

Отъ волненія и отъ непривычки голосъ у Петра былъ прерывистъ, и часто Петръ останавливался, ища словъ...

— Смѣешь ты на Бога жаловаться!... И сына и дочь Богъ тебѣ далъ... Самъ ты ихъ забилъ... Самъ ты ихъ ломалъ, обламывалъ...

— Молчи...—крикнулъ вдругъ старикъ, багровѣя и наклоняясь впередъ. Онъ бросилъ на полъ бокаль и ударилъ кулакомъ по столу...

— Молчалъ... довольно молчалъ... А теперь... передъ всѣми... и Аглаю...

— Молчи!...—крикнулъ опять старикъ:—молчи, падалъ... Задушъ тебя... руками своими...

Голосъ у старика оборвался, и онъ сѣлъ вдругъ, откинувшись всѣмъ тѣломъ, и уронилъ руки на столъ. Только глаза его были все еще прикованы къ лицу Петра.

Петръ, не опуская глазъ, выдерживалъ съ минуту этотъ взглядъ, потомъ махнулъ рукою и тоже сѣлъ...

Гости молчали, потупившись. На губахъ у Кудатяпова тонко бродила усмѣшка. Взявъ со стола мелкія хлѣбныя крошки, онъ каталъ изъ нихъ крутой шарикъ, чтобы дать выходъ тому, что просилось наружу, но что всѣми силами нужно было прятать...

Первымъ опомнился исправникъ, онъ поднялся, расправилъ длинные, висячіе усы, кашлянулъ въ руку и вдругъ гаркнулъ оглушительнымъ басомъ:

— За здоровье дорогого хозяина! На многая лѣта! Урра!..

Гости подхватили «ура», пѣвчіе въ сосѣдней комнатѣ зазвѣли «многая лѣта», зазвѣли протянутые бокалы.

Взявъ новый бокаль, Игрищевъ началъ угрюмо чокаться съ гостями.

VIII.

Сегодня, противъ обыкновенія, гости разошлись рано, часу въ четвергомъ пополудни. Въ домѣ и на дворѣ стало тихо. И прислуга, убирая со столовъ, говорила шепотомъ и старалась не стучать.

«Точно умерь кто», подумалъ Петръ, выходя изъ дому на просторный, обставленный амбарами дворъ.

Онъ медленно обвелъ глазами постройки, обнаженные еще деревья сада, взглянулъ на небо...

Онъ искалъ чего-то, хотѣлъ найти чему-то выраженіе, осмыслить что-то, выросшее вдругъ буйнымъ и колючимъ знакомъ въ душѣ— добро оно или зло?

Съ тѣмъ же исканіемъ и вопросомъ въ глазахъ, Петръ прошелъ черезъ садъ, спустился по крутой и скользкой тропинкѣ къ рѣкѣ, отвязалъ лодку и сѣлъ въ нее.

Онъ взялъ въ руки тяжелыя и грубыя весла...

Вдругъ что-то заклокотало, рванулось въ немъ, забилось въ судорогахъ... Круто сошлись и напряжились брови, сжался ротъ, обтянулись щеки.

Пробираясь между льдинами, Петръ погналъ лодку размашистыми ударами веселъ къ серединѣ рѣки, рѣзко повернулъ тамъ противъ теченія и пошелъ навстрѣчу длинному каравану хрупкихъ уже и пористыхъ льдинъ.

То и дѣло погружалъ онъ весла въ синюю воду, стигая ихъ силой напора, и швырками подвигалъ лодку впередъ.

Разстегнулась на воротѣ рубаха, сдвинулся назадъ картузь.

Петръ дышалъ медленно и глубоко, раскрывая ротъ и захватывая какъ можно больше упругаго и крѣпкаго воздуха.

Льдины шуршали у бортовъ и покорно уступали дорогу; вѣялъ въ спину широкой холодноватый еще вѣтеръ, солнце бросало кругомъ блестящи своихъ отраженій...

Сегодня Петръ почувствовалъ себя настоящимъ человѣкомъ, и настоящая человѣческая мука хлынула на него и затопила его своими мутными волнами. Мука эта толкалась теперь въ груди, душила его, и оттого, что она не укладывалась въ понятныя ему мысли, оттого, что не могъ онъ оковать, окружить ее крѣпкою цѣпью думъ, она клокотала, бурлила, какъ горящая смола, и жгла его своимъ огнемъ...

Только въ напряженіи мышцъ, широкомъ дыханіи груди, въ напряженіи бровей и липко-пристальномъ взглядѣ, цѣплявшемся за деревья и прирѣчные бугры, выявлялась она...

Кроша и расталкивая льдины, все дальше гналъ Петръ свою лодку, нагибаясь и откидываясь тѣломъ, далеко забрасывая весла... Вдругъ онъ положилъ весла по бортамъ; и руки повисли, какъ мертвыя...

Лодка задержалась: потомъ ее медленно повернуло теченіемъ, и она поплыла ровно, чуть покачиваясь, вмѣстѣ со льдинами внизъ по рѣкѣ...

Не оттого, что старикъ въ сотый разъ жаловался людямъ на его, Петра, убожество, вспыхнулъ Петръ и бросилъ назадъ старику его

жалобы. Вѣдь бывало это и раньше. Не былъ Петръ и пьянь... Онъ выпилъ и вина и водокъ, но пьянь не былъ. . .

Близость Таисы, увиваніе вокругъ нея Кудатяпова, его улыбочки, взгляды отца, въ которыхъ Петръ прочелъ кусочками тайныя мысли старика,—вотъ что опьянило, отуманило Петра. Опьянило его то, что при Таисѣ, при Кудатяповѣ началъ отецъ унижать и безславить его и втапывать въ грязь.

Кончился трусливый полусонъ, и Петръ проснулся вдругъ, окруженный тьмой и страхами и ужасомъ передъ тѣмъ, что ждетъ его.

Солнце уже спряталось за нагорнымъ берегомъ; далеко позади остался городъ; пронизывающимъ холодомъ потянуло надъ водой.

Петръ все еще сидѣлъ, бросивъ руки, опустивъ голову и глядя на дно лодки, по которому черными лапками ползала вода..

Наконецъ онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что все небо усыяно звѣздами и млечный путь перекинулся надъ самой его головой... И отъ тиши ночной, отъ кроткаго переливанія разноцвѣтныхъ звѣздныхъ лучей, отъ мягкой тьмы, лежавшей на обоихъ берегахъ и отъ ровнаго посапыванія воды подъ бортами лодки стало ему легче... Онъ взялся за весла и берегомъ погналъ лодку назадъ къ городу.

IX.

— Какой онъ страшный былъ сегодня, вашъ Петръ,—сказала Таиса Аглаѣ, когда онѣ обѣ раздѣвались и укладывались спать.— И Евграфъ Евграфычъ были страшный. Я думала, что они убьютъ Петра-то...

— Пьянь онъ былъ... Выпилъ лишняго старикъ...

Аглаѣ, видимо, былъ непріятенъ разговоръ, и она сейчасъ же перевела его, сжавъ тоненькія губы и скосивъ глаза на Таису:

— А Кудатяповъ-то? хорошъ? нравится себѣ?

Таиса покраснѣла и отвернулась и, глядя на стѣну, замѣтила:

— Чѣмъ же онъ хорошъ?

— А тебѣ понравился?

— Чего жъ ему мнѣ нравится?..

Аглая покачала головой и, усмѣхаясь, начала заплетать себѣ жиденькую косу...

— Куда жъ лучше красавца?—заговорила она вновь:—волосы какъ огонь горять, на лицѣ веснушекъ поналѣцлено одна на другую въ три слоя—весь онъ, какъ глиняный... Кра-а-савецъ...

Таиса не отвѣтила и молча забралась подъ холодное одѣяло, и потомъ уже, когда Аглая потушила лампу и сама улеглась въ кровать, она сказала:

— Страшно у васъ... И дядя, Евграфъ Евграфычъ,—страшные, и Петръ—страшный... Я боюсь...

Аглая почувствовала, что Таиса смотреть въ темноту ночи широко открытыми глазами и что ей холодно и жутко... На мгновенье Аглаѣ захотѣлось перебѣжать на кровать къ Таисѣ, обнять ее, согрѣть, пригрѣться самой и, можетъ быть, поплакать... Но она осталась у себя и послѣ долгаго молчанія процѣдила между сжатыми зубами:

— Ду-ура...

И почти сейчасъ же заснула и начала тонко и остро посвистывать носомъ...

А Таиса все смотрѣла въ темноту и ей казалось, что темнота эта шевелится, подходит къ ней и отходить отъ нея, то липнетъ къ стѣнамъ, то приваливается къ кровати сѣрыми, мягкими и душными глыбами... Таиса повернулась на спину и протянула ноги и вдругъ почувствовала, что кто-то мохнатый дотрагивается до ея ноги. Она вскрикнула и стала шарить рукой и нащупала кусокъ бумажен...

— Ты что...—спросила сквозь сонъ Аглая...

— Ничего... Во снѣ испугалась...

Прокричали первыенѣтухи, потомъ вторые... Началоразсвѣтать... Щелкнула на дворѣ калитка. Таиса вылѣзла изъ-подъ одѣяла и босикомъ подкралась къ окну. Огромный понурый человѣкъ пробрался по двору. Навстрѣчу ему показался съ крыльца старикъ. Они молча прошли одинъ мимо другого, словно не замѣчая другъ друга... Старикъ открылъ калитку, и сейчасъ же гулко разнесся первый ударъ благовѣста... Солнце уже освѣщало крышу и верхушки деревьевъ въ саду... Таису вдругъ прохватила мелкая утренняя дрожь. Она поскорѣе юркнула въ кровать, укрылась съ головою и заснула крѣпко и спокойно, зажавшись калачикомъ и пріоткрывъ ротъ...

X.

Весна была славная—дружная, теплая и погожая...

Прошло всего нѣсколько дней, и уже одѣлись густою травою оба берега рѣки, зазеленѣли поля, осыпались налетомъ нѣжныхъ листьевъ сады и заросли лозняка на томъ берегу рѣки...

Всѣ дни съ юго-запада дулъ влажный и теплый вѣтеръ... Вольно и широко входилъ онъ въ грудь, и хотѣлось навстрѣчу ему бросать плавныя и просторныя слова, хотѣлось улыбаться какому-то далекому, но родному, но милому счастью...

Таиса набирала большіе букеты подснежниковъ и одуванчиковъ и ставила ихъ подъ образа. Даже Аглая то начинала безпричинно смѣяться и напѣвать что-то себѣ подъ носъ, то задумывалась и ходила скучная, далекая отъ всего, что было кругомъ. И въ эти часы глаза ея становились больше и темнѣе...

Расцвѣли яблони и осыпали бѣлымъ кружевомъ прирѣчные скаты, запѣли по ночамъ соловьи... Ночи стояли короткія, прозрачно-тихія.

Но въ радости весенней таилась мука для тѣхъ, у кого болѣла израненная, истомленная душа. Чѣмъ ярче свѣтило солнце, чѣмъ нѣжнѣе рассыпался бѣлый яблонный цвѣтъ, чѣмъ гуще накупала молодая зелень на деревьяхъ, тѣмъ больнѣе, тѣмъ тяжелѣе становилось этимъ тоскующимъ душамъ...

Часто Петръ заламывалъ свои огромныя, узловатыя, какъ сучья коряваго дуба, руки и смотрѣлъ, не видя, тусклыми отъ скорби глазами...

До этой весны всѣ перемѣны въ природѣ проходили какъ-то мимо, не задѣвая и не трогая его. Скреблась ли на дворѣ бѣлыми когтями сухая и смѣшливая метель, лѣтній ли зной томилъ небо и землю— Петръ одинаково равнодушно вставалъ и ложился и совершалъ свои скучныя повседневныя дѣла. А тутъ вдругъ каждому звуку, каждому движенію виѣшняго міра нашелся сочувственный откликъ въ душѣ; каждая краска, каждый переливъ облаковъ, каждая морщинка на синей рѣкѣ стали будить въ душѣ мгновенныя отраженія... Онъ былъ мертвъ и вдругъ ожилъ. Но ожилъ только для того, чтобы увидѣть, что жизни почти не осталось, что закрыты передъ нимъ всѣ пути и нѣтъ ему никуда дороги...

Была еще загадка, но чувствовалъ онъ, что она, эта загадка, давно уже рѣшена и что, лишь обманывая себя, онъ можетъ считать еще ее загадкою...

И только, перебравшись на ту сторону рѣки, уйдя глубоко въ старый боръ, туда, гдѣ неслышно бродятъ зеленыя тѣни и пятна желтаго свѣта, и шумъ шаговъ тонетъ въ мягкой прошлогодней хвоѣ, и любовно приникаетъ къ лицу и груди теплый запахъ сосновой смолы, Петръ чувствовалъ, что загадка еще далека отъ рѣшенія, что можетъ еще быть для него счастье въ этой жизни...

Иногда, утомившись, онъ ложился тамъ прямо на землю и засыпалъ подъ неумолчный шопотъ сосенъ. И сны къ нему въ эти часы приходили свѣтлые и тихіе.

Дома же онъ не могъ обманывать себя и смотрѣлъ своей ненавистницѣ-правдѣ прямо въ глаза. Онъ не спалъ по цѣлымъ ночамъ и бродилъ, заходя иногда за нѣсколько верстъ отъ дому.

Въ городѣ гасли послѣдніе огни, оставался Петръ одинъ-наодинъ съ ночной тишиною и ночными думами и казался себѣ маленькимъ, обиженнымъ; и хотѣлось ему попросить у кого-то защиты; но у кого было просить защиты?..

XI.

Намѣренія Игрищева Кудатяповъ легко и сразу разсмотрѣлъ. И намѣренія эти самому ему пришлось по душѣ. Таиса ему нравилась. Было въ ней что-то простенькое, теплое и уютное. За двадцать четыре года жизни Кудатяповъ достаточно натерпѣлся и голода, и холода, и злобнаго одиночества, чтобы сразу же сумѣть оцѣнить ее. Почти всѣмъ людямъ, за немногими исключеніями, онъ внушалъ къ себѣ недоброе, порою почти гадливое чувство. Его сторонились и обходили, гдѣ могли, какъ змѣю или паука. У Таисы же не было замѣтно никакой неприязни къ нему, и, напротивъ, онъ ей даже, повидимому, нравился. Но Таиса—Таисой, а недурны были и стариковскія деньги. Если старикъ будетъ самъ налаживать свадьбу, онъ дастъ денегъ и приданаго. Можно будетъ тогда сразу пошире захватить, можно будетъ расторговаться не хуже старика, да еще и дальше пройти, потому что старикъ-то едва грамотный и жилъ въ тѣ времена, когда люди тѣснѣе держались и когда не было у людей такого простора вокругъ...

И Кудатяповъ началъ чаще заходить къ Игрищевымъ. Онъ приносилъ съ собою гостинца—конфетъ, печенья, шоколаду. Гостинца приносилъ онъ и Аглаѣ и Таисѣ; но говорилъ больше съ Таисой и смотрѣлъ больше на Таису. Онъ говорилъ очень бойко, не лѣзъ за словомъ въ карманъ—бросалъ ихъ трескучими горстями гороху. Но въ словахъ его всегда чувствовалось внѣшнее, показное; а тайное не открывалось; а тайное было, но пряталось гдѣ-то глубоко, на самомъ донышкѣ души. И только острыми и колючими иглочками протягивались оттуда, отъ тайнаго, быстрые воровскіе взгляды. Видно было, что укорачиваетъ, удерживаетъ онъ эти взгляды; но тѣмъ больнѣе и неожиданнѣе бывали эти взгляды, когда забывшись, онъ выпускалъ ихъ вдругъ на волю.

Аглая не то съ завистью, не то съ какой-то невысказанной злобной надеждой часто спрашивала Таису:

— Ну, что? Хорошъ Кудатяповъ-то? Нравится онъ тебѣ, дѣвушка?

Всякій разъ Таиса краснѣла, смущалась и отворачивалась.

— Чего въ немъ нравится?...

Сама Таиса не могла разобраться, что онъ за человѣкъ. Не могла она разглядѣть за звонкой шелухой словъ того, что было спрятано и что одно было въ Кудатяповѣ настоящее.

Ей нравилось, что онъ одѣвается чисто, говорить не какъ простой человѣкъ, что носитъ онъ ей конфетъ и когда приходитъ къ нимъ, отъ него пахнетъ духами. Какъ-то разъ онъ и ей подарилъ затѣйливый флаконъ духовъ. Онъ побывалъ въ городскомъ училищѣ, хотя и не кончилъ его, любилъ книжныя слова и прибавлялъ «съ»

чуть не къ каждому слову. Таису же мать держала дома и едва научила грамотѣ, такъ что та даже и пѣсенникъ разбирала съ трудомъ. Кругозоръ Таисы ограничивался селомъ, въ которомъ она выросла, да Зарѣчьемъ и немногими людьми, съ какими ей приходилось тамъ и здѣсь встрѣчаться. Гдѣ же ей было разобратъся во всѣхъ тонкостяхъ? Она все, что блестяло, принимала, если и не за чистое золото, то, во всякомъ случаѣ, считала не простымъ металломъ.

Аглая видѣла это. Видѣла и понимала и кудатяповскую игру, и простоту и наивность Таисы. Видѣла и злобно хихикала въ душѣ:

— Успокойте онъ тебя... накормить леденцами...

И воображала, какъ станетъ измываться и мудрить проныра Кудатяповъ, ставшій мужемъ Таисы.

То, что Аглая поняла умомъ и хитростью своею, то непосредственной душой, ощущеніемъ почувствовалъ Петръ.

XII.

Въ маѣ перепали частые дожди: и все было зелено, свѣжо и чисто. Но съ первыхъ чиселъ юня стала вдругъ сухая и жаркая погода. Часто небо бывало мутно, и набирались въ немъ съ утра облака, а къ вечеру они начинали перебрасываться беззвучными молніями.

Бывало что-то жуткое и безпокойное въ этой тихой огненной игрѣ, длившейся иногда по цѣлымъ ночамъ.

Въ домѣ Игрищевыхъ въ эти томительно долгіе часы слышались шаркающіе шаги старика и тяжелая поступь Петра.

Евграфъ Евграфычъ подходилъ къ раскрытому окну—весь въ бѣломъ—и подолгу стоялъ, глядя на небо, на затихшіе и прижавшіеся къ землѣ домишки, на четкія и сухія съ сѣромъ сумракѣ колокольни.

Петръ, крадучись, выходилъ съ чернаго входа, спускался къ рѣкѣ и, усѣвшись на песчаномъ берегу, погружался, уходилъ весь въ свои темныя тягучія думы.

Не спала и Таиса и лежала съ открытыми глазами, вздрагивая при особенно яркихъ взблескахъ молніи. Иногда она будила Аглаю и шептала ей:

— Аглаюшка, милая, страшно мнѣ... Такъ-то страшно...

Аглая сердилась и глухимъ спросонья голосомъ ворчала:

— Ду-у-ура.

И тотчасъ же снова засыпала и начинала свистѣть на разные лады своимъ тонкимъ носомъ.

Въ одинъ изъ такихъ душныхъ и горячихъ вечеровъ старикъ Игрищевъ и отецъ Игнатій пили въ саду подъ старой яблоней чай.

Послѣ перваго стакана Евграфъ Евграфычъ облокотился обѣими руками на столъ, положилъ лицо на ладони и началъ:

— Отецъ Игнатій... Тяжело мнѣ очень въ послѣдніе дни. Ломается что-то во мнѣ, какъ вотъ ледъ весенній на рѣкѣ ломается... Старое уходитъ, а новаго нѣтъ... Или слабѣть уже сталь передъ смертью?.. Ошибка была въ моей жизни—должонъ я это признать... А гдѣ правда—не знаю... Ошибка вышла у меня съ Петромъ.

Отецъ Игнатій пилъ чай изъ блюдечка, осторожно присасывая сахаръ и шевеля своими кусточками бровями...

Игрищевъ замолкъ и остановилъ свой взглядъ на отцѣ Игнатіи, словно ожидая отъ него немедленнаго отвѣта на думы свои и сомнѣнія...

Отецъ Игнатій шевельнулся, передернулъ плечами, но не нашель, что отвѣтить, что сказать Игрищеву.

— Не знаетъ сердце мое покою,—снова заговорилъ старикъ:—тоска въ немъ живетъ теперь—темная и злобная —душитъ меня... Можетъ, и неправъ я, можетъ это быть... Но сынъ мой обидѣлъ меня... Не могу я этого перенести въ себѣ.

— Оно, того... полегче бы надо,—сказалъ наконецъ отецъ Игнатій, ставя на столъ блюдечко и стряхивая съ бороды крошки и капли чая:—оно, того... Нельзя, значить, сразу наваливаться, грудью, скажемъ... И вы тогда говорили очень крѣпко и по столу кулакомъ на него ударили, на Петрушу-то...

— Какъ же полегче? Вѣдь при всемъ обществѣ—господа образованные были, и вы, отецъ Игнатій, а онъ мнѣ такія слова...

— Начали-то вы...

— Да развѣ я не могу въ своемъ домѣ? права развѣ не имѣю сказать, что лежитъ у меня на душѣ?

— Право, Евграфъ Евграфычъ, — одно, а чувство другое. Ему-то, Петрушѣ-то, поди какъ обидно было...

— А мнѣ не обидно? Опять, говорю я, можетъ, неправъ,—переворачивалъ я это самое дѣло въ головѣ и такъ и этакъ... Можетъ быть, что и неправъ я... Но развѣ не долженъ былъ онъ стерпѣть? можно развѣ было мнѣ такія слова? родителю?

— Много лѣтъ онъ озлоблялся и въ обидѣ былъ... Нужно руку ему протянуть, съ лаской къ нему подойти, съ тихостью...

— Какъ же я могу теперь къ нему подойти, когда наговорилъ онъ мнѣ разныхъ словъ и столько времени злобствуетъ и раскаянія не выражаетъ?

— Подойдите. Онъ еще неразуменъ, хотя и въ годахъ. Подойдите къ нему помягче, обходительно... Петруша, моль, это... всякое, такое... Не хорошо, моль, что между нами раздоры... По-отечески, не грозно... Онъ и послушаетъ... смягчится сердце его... Не можетъ человѣкъ не послушаться, ежели къ нему съ лаской и обходительно...

— Главное, что обидно,—перебилъ вдругъ Игрищевъ, и слышно было, что падали куда-то мимо всё слова отца Игнатія,—главное, что обидно? обидно то, что разумъ въ немъ проснулся, заговорилъ онъ... И сразу вдругъ такія слова... мнѣ... отцу...

— Именно разумъ просыпается въ немъ, и надо это самое учесть и сообразно и поступить. Можетъ, значить, онъ теперь понять, когда вы подойдете къ нему тихо, хорошо... съ мягкостью...

— Отецъ Игнатій, батюшка... Старъ я... Какъ на старости лѣтъ унижусь? какъ подойду къ нему? Вѣдь по-вашему выходитъ такъ и сказать ему: «неправъ, молъ, я»,—не могу я этого, совѣмъ не могу... А вотъ надумалъ я что, отецъ Игнатій: поговорите вы съ нимъ... Вы отецъ духовный, священникъ... вамъ подобаешь—поговорите...

— Поговорить можно. Отчего не поговорить? Я поговорю съ нимъ... Только послушаетъ ли онъ меня-то? Родительскій голосъ всегда доходчивѣе, теплѣе...

— Не мой только голосъ, отецъ Игнатій, охъ, не мой... Не умѣю я, какъ вы говорите, съ кротостью... Откуда мнѣ было кротости взять, когда всю-то жизнь, какъ волкъ съ людьми прожилъ? Откуда?

— Кругомъ она, Евграфъ Евграфычъ, кротость-то... Въ явленіяхъ природныхъ, въ милосердіи и долготерпѣніи Господнемъ—сколько вѣдь грѣхамъ нашимъ терпитъ,—въ пѣснопѣньяхъ церковныхъ, въ тихости вечерней, особливо въ тихости, въ тишинѣ вечерней... Сижу, знаете, иногда я, старый попъ,—одинокъ я: попадья моя умерла, дѣтей у меня не было—не благословилъ Господь... Сижу иногда въ сумерки... И сперва будто тоска, сперва будто колючая такая острость и сухость въ душу входитъ... А потомъ, полегонечку, помаленечку, подкрадется это къ сердцу тишина вечерняя, обниметъ и прильнетъ къ нему,—мягонькая... И такъ-то мнѣ, старому попу, станетъ хорошо, уютно къ сердцѣ... Все доброе вспоминается, всего недобраго—будто и не было. Выну иногда платочекъ да и поплачу. Потому даже совѣстно бываетъ.

— Какую намъ въ сердцѣ тишину имѣть возможно, отецъ Игнатій? Вамъ, духовнымъ, сподручнѣе... Время у васъ есть, и мысли на другое направлены. Нѣтъ, ужъ прошу васъ... поговорите вы съ Петромъ.

— Могу попробовать... А будетъ ли успѣшна проба моя, или не успѣшна будетъ—вѣдомо только Богу...

Отецъ Игнатій развелъ своими короткими руками.

Стемило уже, и заиграли между облаками беззвучныя молніи...

Старики молчали и думали свои стариковскія думы—много было изжито и пережито; а жизнь все еще стояла темной и непрозрачной стѣною...

— Такъ попробуйте ужъ,—заклучилъ Игрищевъ.—Я на васъ большую надежду питаю...

XIII.

Аглая ушла на весь день къ замужней подругѣ; Евграфъ Евграфычъ поѣхалъ по дѣламъ на хуторъ и на кирпичные заводы. Въ большомъ домѣ остались только Петръ и Таиса. Таиса сидѣла въ комнатѣ Аглаи и вышивала по канвѣ полотенце; а Петръ тяжелыми и мѣрными шагами, немного какъ будто приволакивая ноги, ходилъ по залѣ, устланной отъ двери до двери узенькими половиками.

На душѣ у Петра было неспокойно, и накопило въ немъ, какъ нѣбна на котлѣ воды, рѣшеніе; и въ то же время холодѣли руки отъ страха какого-то, отъ темнаго предчувствія. Раза два Петръ брался за ручку двери и снова начиналъ ходить, не останавливаясь и глядя подъ ноги. Больше всего его беспокоила безповоротность того, что будетъ сейчасъ. Наконецъ онъ рѣшился, и одновременно съ этимъ захолонула въ немъ душа, прижалась, приникла.

Таиса какъ бы съ нѣкоторымъ даже испугомъ вскочила на ноги и опустила руки и уронила работу свою на полъ; но не стала ее подбирать, а стояла, смутившись и глядя Петру прямо въ глаза.

Онъ взялъ ее за руку. Таиса покорно оставила свою руку въ рукѣ Петра. Онъ замѣтилъ, какъ толчками подъ полотномъ сорочки приподымается и опадаетъ ея грудь, и подумалъ: «ишь, испугалась», и ему стало неловко и совѣстно, словно онъ пришелъ съ очень нехорошими мыслями, за очень дурнымъ дѣломъ. Онъ заговорилъ сиплымъ и прерывистымъ отъ волненія голосомъ:

— Тася... Помню я тебя совсѣмъ еще маленькой дѣвочкой... Ты-то, должно быть, забыла меня... жили мы тогда въ Олешкахъ... Славная ты была... Совсѣмъ маленькая.

Петръ поднялъ свободную руку и показалъ.

— Хорошая, ласковая такая... И глаза твои помню... Вотъ, какъ сейчасъ, помню... Цвѣты ты любила и, бывало, я тебѣ набиралъ множество этихъ самыхъ цвѣтовъ...

Петръ оживился. Воспоминанія поднялись ярко и красочно. Голосъ его окрѣлъ.

— Что за счастливое лѣто было... Знаешь, скажу я тебѣ, самое, можетъ, это счастливое время было во всей моей жизни...

Онъ примолкъ, потомъ продолжалъ:

— Встрѣтилъ тебя еще разъ—другая ты совсѣмъ уже была—не узнала меня...

Таиса почти не слушала Петра, и грудь ея ныла въ какомъ-то томленіи.

— Здѣсь вотъ, у насъ, нехорошо...—продолжалъ Петръ:—могильные мы люди, тяжелые и злобные. Не жизнь у насъ, а могила. Старикъ всю жизнь привыкъ властвовать, измываться, а я—боль-

ной, калѣченный человѣкъ... Развѣ я человѣкъ? Развѣ такіе люди должны быть? Развѣ такіе они бываютъ...

Чѣмъ дальше говорилъ Петръ, чѣмъ больше находилъ словъ, чтобы выразить понятіе о своей жизни, тѣмъ мрачнѣе, тѣмъ безнадежнѣе, тѣснѣе и безвыходнѣе представлялась ему самому эта жизнь. Голосъ его задрожалъ и вдругъ оборвался...

— Такъ вотъ...

Онъ замолчалъ и опустилъ голову. Слышно было, какъ Таиса перевела дыханіе. У нея зашевелились губы, передернулись немного дрожью. Отвернувшись, она зашептала совсѣмъ по-дѣтски:

— Я боюсь, боюсь васъ... И дяденьки, Евграфа Евграфыча, боюсь... Отпустите меня... Уйду я... Пойду въ люди, служить буду... Отпустите...

По мѣрѣ словъ ея Петръ началъ подымать голову; но раньше, чѣмъ увидѣть лицо Таисы, встрѣтилъ въ маленькомъ зеркалѣ, стоявшемъ на столѣ, отраженіе свое. Онъ смотрѣлъ на это, медленно поворотившееся къ нему темное и тяжелое отраженіе, отраженіе дикаго и страшнаго звѣря, какъ показалось ему въ эти мгновенія... Рѣзко просѣкалась морщина между бровями, глаза были круглые, какъ у большой птицы, и борода лежала на груди липкими космами.

— Ты боишься,—крикнулъ онъ вдругъ такъ громко, что Таиса отпрянула отъ него и прижалась къ стѣнѣ:—боишься. Страшные мы. Звѣри косматые... И нужно, нужно насъ бояться... А я-то... глупый... думаль... Дуракъ, правильно, что дуракъ. Не даромъ отецъ меня дуракомъ зоветъ... Съ ума сошелъ, а ума-то никогда и не было...

— Петръ Евграфычъ...

— Уйду... Сейчасъ уйду... затменіе было... Увидалъ теперь тебя... И себя увидалъ... Никогда себя такимъ не видалъ; теперь только понялъ... Куда же!

Онъ махнулъ рукой, повернулся и пошелъ въ дверь, загораживая ее всю своимъ тѣломъ и бормоча теперь уже самъ съ собой, какъ помѣшанный:

— А я-то думаль, а?.. жениться, семью заводить... а?.. Мнѣ-то!.. Ребенокъ, вѣдь, она... дите...

— Петръ Евграфычъ... — шепнула ему еще разъ вдогонку Таиса.

Но онъ вышелъ черезъ столовую на заднее крыльцо во дворъ и дальше къ рѣкѣ... Рѣка была сегодня хмурая, и хмуρο же тянулись въ сѣрвовой горячей мглѣ оба берега, пока хваталъ глазъ, а въ небѣ плавало жуткое безпокойство, какой-то сухой и заданный крикъ...

XIV.

Ночью налетѣла изъ-за лѣса гроза—гнѣвная и могучая. Рвались въ ужасѣ деревья, хлеща вѣтвями до самой земли, ревѣлъ старый борь. Рѣка и холмы, и колокольни городскихъ церквей выступали мгновенно изъ мрака и мгновенно же пропадали. А поверхъ земли и лѣсовъ, и колоколенъ раскатывался громъ, осыпался огромными звучными глыбами за дальній край...

На утро отдыхало, смѣялось все...

Ночью отецъ Игнатій молился, а подь утро уснулъ. Приснился ему тихій и радостный сонъ. Будто былъ онъ въ пчельникѣ, и цвѣты кругомъ роскошные цвѣли. Кругомъ летали пчелы—большія пушистыя и ласковыя: садились къ нему на лицо, на руки и на грудь и не жалили его. И онъ ихъ нисколько не боялся, не сгонялъ ихъ—сидѣлъ на лавочкѣ и смѣялся.

Проснулся отецъ Игнатій радостный и вдругъ опечалился: радость во снѣ—печаль наяву... Давно ужъ замѣтилъ онъ эту при-мѣту. Однако ясное небо, безъ одинаго облачка, и омытая дождемъ земля снова развеселили его.

Часу этакъ въ одиннадцатомъ онъ надѣлъ новую лиловую рясу, взялъ широкополую соломенную шляпу, взглянулъ даже на себя въ маленькое зеркальце и вышелъ изъ дому, держа въ правой рукѣ парусиновый зонтикъ, а лѣвою пригибая къ глазамъ край шляпы.

Шелъ онъ не торопясь, свѣтло оглядывая чистый и свѣтлый Божій міръ.

Петръ сидѣлъ въ саду, на обрывѣ и глядѣлъ на зарѣчный борь.

— Петруша,—кликнулъ его отецъ Игнатій.

И раньше, чѣмъ Петръ поднялся на ноги, онъ уже подошелъ къ нему, положилъ ему руку на плечо, усадилъ его обратно на камень и самъ сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Не нужно, не вставай... сядемъ лучше рядкомъ... Я къ тебѣ, Петруша, пришелъ, именно къ тебѣ. Тебя-то вѣдь я малолѣткомъ зналъ, крестилъ даже тебя... Помню тебя мальчигомъ—шустрый ты тогда былъ, шустрый и смѣтливый...

— Да... говорятъ, былъ шустрый...

Отецъ Игнатій не замѣтилъ какихъ-то особенныхъ оттѣнковъ въ голосѣ Петра, какой-то горечи, спрятанной, притаившейся,—и продолжалъ:

— Да, да, Петруша... Свѣтленькій ты былъ мальчикъ—и глазами, и душой, и сердцемъ своимъ дѣтскимъ свѣтленькій...

— Былъ... а теперь потемнѣлъ...

На этотъ разъ задѣло что-то отца Игнатія, и онъ оглянулся на Петра, но, выждавъ, заговорилъ снова:

— Подрось ты... Теперь совсѣмъ, значить, ужъ взрослый человекъ... Всякое—такое, значить... что, бишь, я хотѣлъ сказать? Да... Насчетъ Евграфа Евграфыча. Не хочу я осуждать, ибо осужденіе—прямой путь къ смертнымъ грѣхамъ... Однако, тяжело, очень тяжело съ тобой обходился Евграфъ Евграфычъ... Почтенный онъ человекъ, со многими достоинствами... Весьма даже почтенный... Но... во всякомъ дѣлѣ, братъ Петруша, «но» свое встрѣчается. Удивительно это заковыристое слово и чрезвычайно неприятное... Ежели бы этого самаго «но» не существовало вовсе, счастливейшими твореніями были бы люди...

— Да о чемъ вы, батюшка?—перебилъ нетерпѣливо Петръ.

— Сейчасъ, сію минуточку даже... Погоди... Въ иныхъ дѣлахъ скорость хороша, инья даже чрезвычайной скорости требуютъ, другія же дѣла нужно совершать съ постепенностью... И отъ этого не убудеть—прибудетъ, прибудетъ, великій прибытокъ будетъ... Вы вотъ, давеча, въ день рожденія-то Евграфа Евграфыча, оба съ поспѣшностью дѣйствовали... И что же хорошаго вышло?.. Допустилъ ты душу свою гнѣвомъ мгновеннымъ распалиться, допустилъ ее потемнѣть, замутился ненавистью...

— Ну, ну...

— Голубчикъ... Петруша... нехорошо... Нехорошее чувство это самое—гнѣвъ... Теперь вотъ между тобой и отцомъ старикомъ легла нѣкая бездна, темная, нѣмая пропасть съ обрывистыми краями... И старику больно, и тебѣ, Петруша, нехорошо... знаю, что и тебѣ нехорошо...

— Почему знаете?..

— А видно это... Сейчасъ же видно. И по глазамъ можно угадать, и по лицу... Скрыть, это самое... Скрыть того... невозможно...

— А, можетъ, я не о томъ вовсе горюю?

— О чемъ же горевать тебѣ больше?

— Конечно... Не о чемъ... Конечно... Д-да... Слушалъ я, слушалъ васъ, батюшка, и хочется мнѣ васъ одно спросить.

Петръ вскочилъ на ноги, спустился немного по обрыву и сталъ лицомъ къ отцу Игнатію...

— Хочу спросить я: гдѣ это вы были, когда отецъ забивалъ меня? Когда загонялъ душу мою, какъ свайку въ землю, заколачивалъ ее?.. Гдѣ вы тогда были? Отчего не говорили ему, что нехорошо, молъ, гнѣваться, что гнѣвъ, молъ, дурное, нехорошее чувство? Гдѣ вы были, когда бивалъ онъ меня до полусмерти? Что говорили, когда дрожалъ я, трясся передъ нимъ и разумъ свой человѣческій терялъ?.. А теперь пришли... Теперь говорите, что гнѣваться мнѣ не слѣдуетъ... А я такъ вотъ думаю, что, если бъ я даже теперь отца своего и убилъ,—не въ большой бы это мнѣ грѣхъ поставилось...

— Что ты, Петруша!.. Слова такія... Бога, Петруша, вспомни!

— Помню... А отецъ помнилъ Его, когда жизнь мою по капелькѣ бралъ? когда все, что хорошаго въ жизни есть, бралъ у меня— хороша жизнь свѣтомъ Божиимъ и радостью и свободой человѣческой и любовью промежъ людей... А онъ изъ меня не человѣка— собаку покорную дѣлалъ... Давно онъ убилъ меня, а вы ему объ этомъ и не заикнулись...

— Говорилъ, видитъ Богъ, говорилъ...

— Слабья, видно, слова были... Да и какъ ихъ было говорить... Никто себѣ не врагъ... Ряса-то на васъ и то отцомъ подарена... Закупилъ онъ васъ всѣхъ, совѣсть закупилъ онъ... Почему она съ фунта совѣсть-то ваша?..

— Петруша!..

— Ладно, ладно, батюшка... чего тамъ глаза большіе дѣлать... Хорошо вы говорите—сладко и мягко... Да ужъ что тамъ!..

Петръ замолчалъ вдругъ и потупился...

Закиданный словами его, безпомощно сидѣлъ отецъ Игнатій и шарилъ вокругъ себя руками, словно ища что-то потерянное...

— Я пойду лучше, батюшка,—сказалъ вдругъ совѣмъ тихо и другимъ голосомъ Петръ:—пойду отъ грѣха... Изорвана душа моя, кричитъ она и можетъ быть другимъ непріятенъ крикъ ея... Пойду... Много могу сказать нехорошаго...

И, не дожидаясь отвѣта отца Игнатія, Петръ сталъ быстро сбѣгать внизъ по крутому обрыву, прямо, безъ тропинки. Вываливались изъ-подъ ногъ его камешки и комки земли и катились впередъ, шурша въ густой травѣ.

Отецъ Игнатій долго вздыхалъ, вынималъ красный носовой платокъ и снова пряталъ его въ карманъ. Наконецъ онъ поднялся и пошелъ въ домъ разыскивать Евграфа Евграфыча.

Старикъ сидѣлъ въ маленькомъ кабинетикѣ надъ счетными книгами. По лицу его струился потъ и повисалъ на кончикѣ носа свѣтлыми капельками. Евграфъ Евграфычъ принялъ благословеніе и сейчасъ же снова сѣлъ на свое мѣсто и углубился въ книги, а отцу Игнатію, видно, что наскоряхъ, бросилъ:

— Ну, что? съ чѣмъ вы, отецъ Игнатій?.. А я все дѣлами... ушелъ въ дѣла, какъ камень въ тину... Скажите, отчего люди такими нерадивыми дармоѣдами урождаются? Норовять обмануть, обойти? Говорять, что безъ строгости можно... Ихъ, подлецовъ, съ позволенія сказать, бить по мордамъ нужно...

— Я, Евграфъ Евграфычъ, съ Петрушей говорилъ...

— Ну?

Старикъ обернулся.

— Ну... вотъ...

Отецъ Игнатій развелъ руками и полѣзъ въ карманъ за платкомъ.

— Что же?

— Такого онъ мнѣ наговорилъ... Доселѣ не могу успокоиться...

— Вышибить бы его надо. Духу этому встряска требуется...

— Непреклоненъ Петруша-то... Обиды въ немъ многое множество накопѣло...

— Обиды? Училъ его уму-разуму... А ежели не учить... Развѣ съ народомъ можно безъ строгости справиться? Обида... Кланяться ему, что ли, пойду? Не пойду, не буду кланяться...

Старикъ отодвинулъ вдругъ счетныя книги и вскочилъ на ноги.

— Не буду,—повторилъ онъ упрямо,—не буду...

На лицѣ у отца Игнатія, какъ маска, застыло выраженіе скорбнаго недоумѣнія и растерянности... А старикъ все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и повторялъ:

— Не хочеть—не нужно... Кланяться не буду, не буду...

XV.

Какъ голодные и злые волки, бродили Игрищевы—отецъ и сынъ. Встрѣчались только за ѣдой. Старались не смотрѣть одинъ на другого; но иногда противъ воли взгляды ихъ сдѣплялись. Тѣсно становилось въ эти мгновенья въ комнатѣ, тѣсно и душно, и дѣвушкамъ, Аглаѣ и Таисѣ, казалось, что сейчасъ вотъ что-то упадетъ съ оглушительнымъ трескомъ и разобьется. Петръ и Евграфъ Евграфычъ словно чего-то выжидали, что-то высматривали, готовы были каждую минуту кинуться другъ на друга, но сдерживались...

Старикъ первый засуетился. Онъ не могъ долго оставаться въ бездѣйствіи. Препятствіе только злило его, только подзадоривало его. Онъ сейчасъ же находилъ новые пути, прямые или обходные, и бросался безоглядно впередъ.

Такое препятствіе встрѣтилъ онъ теперь въ сынѣ и, цѣпляясь съ нимъ взглядами, мысленно твердилъ:

— А—а... ты такъ? такъ?..

За тѣмъ, что дѣлается въ Игрищевскомъ домѣ, пристально наблюдалъ Кудатяповъ. У него было развито совсѣмъ особое чутье. Ему не нужно было говорить словами, объяснять долго. Онъ самъ схватывалъ событія и отношенія, выжималъ, выдавливалъ изъ нихъ самую суть и укладывалъ суть эту въ своей душѣ готовыми сочетаніями.

Кудатяповъ и старикъ Игрищевъ, какъ два кулика, видѣли другъ друга издалека; у нихъ много было между собою общаго, но которому они признали сразу и безошибочно другъ друга. Но было и много отличій. Старикъ чаще шелъ напроломъ; Кудатяповъ предпочиталъ изворачиваться, вытягиваться тончайшею ниточкою, проходить сквозь игольное ушко. Отъ тѣхъ, которые дѣйствовали силою, онъ не отставалъ; напротивъ даже, часто оказывался далеко впереди ихъ—востренькій такой, будто и наивный, но и ко-

люцій, но и щетинистый, съ коготками—бѣлыми острыми кошачьими коготками. Когда, пробравшись впередъ, стоялъ онъ уже твердо на ногахъ, такъ что и не качнуть его было, тогда онъ видомъ и поведеніемъ своимъ говорилъ просто и тихо такъ:

— Ну, что тамъ еще бобы разводить?—я—здѣся, вотъ я... И дѣло выходить вотъ такое, моль, и этакое, и вы вотъ чего хотите...

Начинали иные люди говорить съ нимъ и имъ казалось, что конца не будетъ разговорамъ, что нужно будетъ сказать цѣлую уйму словъ, биться и объяснять часы и дни, пока этакъ вотъ, обстоятельно и понятно, разъяснишь все. А Кудатяповъ, выслушавъ всего два-три слова, поведетъ какъ-то губами; зайграетъ у него что-то около носа и около глазъ; и вдругъ онъ броситъ передъ собесѣдникомъ своимъ простымъ такимъ и безхитростнымъ голоскомъ, какъ кости игральныя, самую сущность, самый костякъ дѣла, такъ что видно каждую черточку, каждое пятнышко. И оказывается, что черточекъ-то и пятнышекъ совсѣмъ въ сущности этой немного, проста она и ясна, какъ вода ключевая.

Иныхъ даже смущала простота, съ которою Кудатяповъ бралъ прямо за рога самые, казалось бы, щекотливые вопросы. Но дѣло было въ томъ, что бралъ онъ ихъ за рога только тогда, когда они не могли уже больше боднуть, когда долгимъ и тихимъ стараніемъ уже подпилили онъ до корня острые на видъ рога. Раскусивши же игру его, многіе приходили прямо въ бѣшенство, особенно жгучее и мучительное потому, что придраться бывало не къ чему и сказать бывало нечего, кромѣ какъ бросить безсильно:

— Подлецъ ты, Адриашка...

Вотъ эти-то скользкость и увертливость Кудатяпова больше всего и беспокоили старика Игрищева. Если бы ему въ руки попался сыромятный ремень, онъ бы его разорвалъ; но что дѣлать съ цѣлою сѣтью тонкихъ и липкихъ нитей? Старикъ медлил и колебался...

Таиса, видимо, была согласна. Кудатяповъ понятливо глядѣлъ въ глаза... Но все не могъ старикъ сказать единственно нужнаго слова.

XVI.

Кудатяповъ былъ теперь у Игрищевыхъ чуть не каждый день. Ему доставляло особое удовольствіе замѣчать, что Петръ его не переноситъ, ненавидитъ его всей душой и только прячетъ свою огромную ненависть, втискиваетъ ее въ себя.

Кудатяповъ поглядывалъ на него своими глазами, и въ душѣ у Кудатяпова какъ будто песочекъ какой-то сухой пересыпался—тихонькій такой душевный хохотокъ—пересмѣиваніе. Иногда нарочно подольше останавливалъ онъ на Петрѣ взглядъ свой, цѣплялъ Петра какими-то тоненькими и острыми крючечками и ждалъ—вы-

жидаль. И только замѣчалъ, что вотъ сейчасъ оборвется, хлынетъ ненависть, обрушится—отцѣплялъ неторопливо крючки свои и отходилъ и обводилъ себя сразу студенымъ и непрístupнымъ кругомъ.

Со старикомъ Игрищевымъ Кудатяповъ былъ ласковъ и угодливъ, но во все время держался своей мѣточки и, не кичась, показывалъ свою цѣну.

Однажды, просидѣвъ съ дѣвушками часа два, собрался онъ, въ сумеркахъ уже, уходить домой; но старикъ остановилъ его:

— Адрианъ Ипатычъ...

— Чего-съ?

— Подъ-ка со мной... Дѣльцо есть...

Старикъ провелъ его въ садъ въ своему столику.

— Какое жъ дѣльцо-то?—Кудатяповъ заигралъ глазами, и видно было, что, сумѣй старикъ ухватиться въ эти мгновенія за него, можно было бы ухватиться очень прочно и вѣдчиво. Это были мгновенія слабости. Торжество, близость цѣли подступили вдругъ куда-то къ горлу, стѣснили дыханіе, лишили Кудатяпова его силы и выдержки. Больно ужъ горячій былъ часъ!..

— Какое жъ дѣльцо-то у васъ, Евграфъ Евграфычъ?—повторилъ Кудатяповъ, едва сдерживая свое волненіе.

Но, занятый своими мыслями, старикъ не замѣтилъ дрожи въ голосѣ Кудатяпова, не замѣтилъ, какъ бѣгали и прыгали по сѣрымъ доскамъ стола тонкіе пальцы Кудатяпова, словно наигрывая разгонистую удалую пѣсню.

— Дѣло-то, братецъ, очень деликатное... Капитальное, можно сказать, дѣло, и въ двухъ словахъ его не скажешь...

Кудатяповъ уже овладѣлъ собой, запрятался поглубже, придавилъ рвавшуюся изъ глазъ радость, удержалъ пальцы и вдругъ, обернувшись къ Евграфу Евграфычу, нарочито безхитростнымъ и ровнымъ уже голосомъ, просто, но съ дѣланной простотой, сказалъ:

— Вы, видно, насчетъ Таисы Родіоновны рѣчь поведете?

— А почему ты знаешь?

— Видимо оно... Объ чемъ же вамъ больше? Наблюденіе свое имѣю и выводы дѣлаю-съ... Конечно, ежели кто другой... разные люди бываютъ... Ну, а мнѣ видимо...

И опять наплыла ему въ грудь самодовольная, сорвавшаяся съ гвоздика радость; и голосъ дрогнулъ.

Но и на этотъ разъ старикъ не успѣлъ ухватиться, не замѣтилъ предательскаго кончика веревки.

— Вотъ ты какой... вострый...

— Такъ ужъ... отъ природы-съ... А разъ насчетъ Таисы Родіоновны-съ—я ихъ безмѣрно уважаю и очень люблю-съ,—такъ вотъ насчетъ нихъ, чтобы сдѣлать разговоры наши коротки и не

тратить попустому напрасныхъ словъ,—велико ли-съ за ними будетъ приданое?

Игрищевъ откинулся на спинку скамейки и съ минуту молча смотрѣлъ на Кудатятова.

— Вотъ ты какъ...—сказаль онъ наконецъ.

— Такъ лучше-съ... Иные, прочіе, тратятъ множество словъ, а вѣдь можно все въ короткихъ словахъ изложить. И выходитъ, что все ихъ долгое словопреніе—напрасное.

— Выходить, что такъ... Ахъ ты, чучело гороховое! а! До чего прытокъ! а! Оттого, что прытокъ ты и шустерь, оттого и желаю я съ тобой дѣло дѣлать. Но по этой же самой причинѣ желаю дѣло обставить съ тобою такъ, чтобы не могъ ты лапу слишкомъ глубоко запустить. Сколько дамъ—бери. Но чтобы былъ ты непрестанно въ волѣ моей...

— Да развѣ я, Евграфъ Евграфычъ....

— Ты-то? Наилучшимъ манеромъ... Мысли твои я знаю вотъ какъ. Шустерь ты, да молодежь, а я, братъ, на своемъ вѣку немало народу перевидалъ, немало и мозгами щевелить приходилось... Жилъ не дарма... Юлишь ты. За юркость твою я тебя и беру. Беру за то, что юркій ты и оборотистый... Но чтобы слопаль ты меня самого, этого я отнюдь не желаю.

— Эти ваши слова совсѣмъ даже и не касающія.

— Дѣло, братъ, темное, касающія они или не касающія. Спорить объ этомъ дѣлѣ—все равно, что воду рѣшетомъ таскать: ни въ жисть не перетаскаешь... Дамъ я тебѣ за Таисой. Дамъ я деньгами, и къ дѣлу хочу тебя подпустить... Но хочу, чтобы, пока живъ, я былъ бы главнымъ.

— Само собою это, Евграфъ Евграфычъ, разумѣется...

— Да, Адрианъ Ипатычъ, это ужъ само собой разумѣется... Окромя же того хочу, чтобы и послѣ смерти моей не былъ бы ты главнымъ и единственнымъ. Чтобы хозяевами были бы все-таки плоть и кровь моя, дѣти мои... Не то они, чѣмъ бы хотѣлъ я ихъ видѣть, не радуютъ они души моей; но все же плоть и кровь они мои... хочу, чтобы былъ ты полномочнымъ и полновластнымъ управителемъ и вѣровалъ всѣмъ дѣломъ, но только управителемъ былъ бы, а хозяевами—они... Дѣло не маленькое. Начни считать, пожалуй, за миллионъ перевалишь. Миллионъ!..

Старикъ поднялъ вверхъ палецъ и на нѣсколько мгновений приостановился.

У Кудатяпова занялось дыханіе...

— Евграфъ Евграфычъ, крестъ я могу поцѣловать...

— Что—крестъ? Ну, поцѣлуешь ты его... Да дальше-то что? Вѣдь ты за деньги-то не то, что крестное цѣлованіе нарушишь, ты человѣка убить можешь... А, можетъ, ужъ и убилъ кого...

— Ежели ужъ такъ, Евграфъ Евграфычъ...

— Такъ, именно такъ и не иначе...

— Обидно-съ...

— Обидно? А ты не обижайся... Жадность-то твою я, можетъ быть, больше-то всего и дѣню. Безъ жадности человѣкъ ничего не стоитъ. Безъ жадности человѣкъ вовсе даже и жить не можетъ. Должонъ быть жаднымъ. Тогда только онъ и будетъ устройтелемъ жизни, а не тряпкой... Хорошо, что ты жаденъ. Но ужъ больно ты хитеръ. Боюсь я тебя... Боюсь, какъ бы мнѣ на старости лѣтъ не обжечься.

— Это все можно на бумагѣ-съ...

— Что бумага!...

— Бумага, конечно, бумага и есть... Однако въ ней все можно выговорить, и съ ней все ужъ будетъ крѣпко-съ... По закону-съ...

— А знаешь ты, сколько у насъ законовъ?—Столько, сколько и судей. Законъ можно повернуть и такъ и этакъ. Одного онъ обожжетъ, а другого приласкаетъ. Тотъ же самый, братецъ, законъ... Надо это дѣло вотъ какъ промозговать...

— Безъ этого нельзя-съ...

— Что-нибудь сдѣлаемъ... Только боюсь я тебя—вотъ какъ боюсь...—закончилъ бесѣду старикъ и поднялся.

XVII.

Петръ видѣлъ, какъ вышли вмѣстѣ изъ сада Евграфъ Евграфычъ и Кудатяповъ. И снова, какъ бывало это съ нимъ не разъ, какая-то быстрая душевная судорога промчалась въ немъ и лишила его на мгновенье силъ. Онъ прислонился къ забору и почувствовалъ, что его словно что-то приподняло вдругъ надъ бездонною и безкрайнею пропастью, въ которую неминуемо оборвется онъ. Потомъ волна схлынула—медленно плавно—и оставила его растеряннымъ и смущеннымъ.

Въ противоположность старику, у котораго съ первой же встрѣчи установилось влеченіе къ Кудатяпову, не душевное влеченіе, не привязанность, а умственное тяготѣніе къ сродному, у Петра, тоже съ первой встрѣчи, съ перваго почти взгляда, родилась и выросла, какъ кустистый столбъ дыма надъ мѣстомъ взрыва, странная, болѣзненная почти ненависть, почти тихій ужасъ какой-то, ужасъ и гадливость. Можетъ быть, и даже это всего скорѣе, въ самой глубинѣ, основаніемъ и упорою отвращенія, залегла зависть, зависть къ низшему, но недоступному, зависть къ ловкости и ухватливости, которыя не могъ не осуждать Петръ, но которыхъ ему самому такъ мучительно недоставало.

Затѣмъ появилась Таиса—навѣки потерянная въ тотъ же мигъ, какъ стала бесконечно дорогой, потому именно и потерянная, что

стала страшно дорогой и сдѣлалось невозможно употребить хоть малѣйшее насиліе надъ волей и желаніями ея. И здѣсь же, сейчасъ же кряду, когда разбивались собственные надежды и чаянія Петра, Петръ замѣтилъ, что старикъ готовить Таису для Кудатяпова. Тогда все, что было пережито и что переживалось, ненависть къ Кудатяпову и любовь къ Таисѣ, и отчаяніе, и тьма душевная, все поднялось вдругъ густымъ роемъ ось. И каждая оса жалила, и каждая оса заставляла душу Петра въ ужасѣ кидаться прочь и निकнуть, и припадать передъ острою болью ужаленій...

Старикъ проводилъ Кудатяпова до дна оврага, отдѣлявшаго Игрицевскую усадьбу отъ остального города, постоялъ съ нимъ тамъ еще около деревяннаго мостика черезъ ручей и медленно началъ подыматься обратно, пристально смотря подъ ноги, словно считая повороты и кочки. Онъ почти испугался, почти отпрянулъ назадъ, встрѣтившись вдругъ у воротъ съ Петромъ.

— Чего тебѣ?—спросилъ онъ сразу,—блѣдное лицо Петра такъ и приковалось къ нему, такъ и впилося въ него своими темными глазами.

— Отецъ...

Первый разъ Петръ назвалъ его такъ и вложилъ въ это слово новый объемъ отношеній и чувствъ.

— Ну-у?

— О чемъ ты съ Кудатяповымъ разговаривалъ? Сейчасъ вотъ, въ саду?

Старикъ опѣшилъ и отъ вида сына, и отъ новыхъ оттѣнковъ его голоса.

— Говорили... про разное...—пробормоталъ онъ глухо; но вдругъ опомнился, поднялъ голову, раздвинулъ плечи.

— А о чемъ говорили, то тебя, щенка паршиваго, не касается. И дорогу мнѣ загораживать не для чего...

И, видя, что Петръ все еще стоитъ и не уступаетъ дороги, Евграфъ Евграфычъ грозно и властно, какъ на дворняшку, крикнулъ:

— Идешь прочь!..

Онъ отодвинулъ, отстранилъ Петра, какъ не живого, и вошелъ во дворъ.

У Петра шевелились губы, но словъ не было. Хотѣлось ему крикнуть что-то, громко и пронзительно крикнуть, такъ, чтобы старикъ присѣлъ отъ страху; но Петръ не зналъ, что крикнуть.

А старикъ поднялся по лѣсенкѣ на крыльцо и вошелъ уже въ дверь. Петръ рванулся вслѣдъ за нимъ,—дверь оказалась запертой изнутри на крючокъ, и насмѣшливый голосъ старика про бурчалъ:

— Погоди-ко... Не такъ прытко...

Петръ дернулъ раза два изо всей силы за скобку двери, потомъ сошелъ со ступенекъ и остановился посреди двора.

Старикъ глядѣлъ въ окно рядомъ съ дверью, прижимая къ черному стеклу длинное блѣдное лицо съ бѣлой двоящейся бородой. Такъ стояли они другъ противъ друга минуты двѣ.

XVIII.

Быль уже второй часъ утра. Въ домѣ Игрищевыхъ всѣ спали. Даже старикъ, страдавшій все послѣднее время бессонницей, задремалъ тяжелою дремотой, и ему привидѣлся большой черный жеребецъ, на которыхъ онъ когда-то ѣздилъ по хуторамъ. Онъ хотѣлъ схватить жеребца за гриву и уже протянулъ было руку; но что-то гулко ударило вдругъ ему въ голову и во все тѣло, и онъ отбро-силъ назадъ.

Ночь была мѣсячная, и въ окна лился яркій спокойный, немного колдовской свѣтъ. Въ домѣ было тихо, и только часы хрипло тикали въ разныхъ комнатахъ. Старикъ приподнялся на локти и слушалъ. Вдругъ раздался тяжелый ударъ, отъ котораго дрогнули стѣны, и сейчасъ же зазвенѣли и посыпались стекла.

Евграфъ Евграфычъ вскочилъ съ постели и, какъ былъ, въ короткой ночной рубахѣ, изъ-подъ которой виднѣлись жилистые, сухія, обросшія волосами ноги, побѣжалъ въ столовую. Тамъ уже стояли въ бѣлыхъ сорочкахъ и съ накинутыми на плечи шалями Аглая и Таиса. Онѣ выглядывали въ окно на дворъ. Одна рама была разбита, и на полу валялись осколки стеколъ.

— Что это такое?—крикнулъ Евграфъ Евграфычъ.

— Петръ—пьяный,—отвѣтила Аглая дрожащимъ голосомъ:— полѣньями въ окна бросается.

Мѣсяцъ ярко заливалъ весь дворъ, такъ что видна была каждая щепочка.

Петръ безъ шапки и въ разорванной рубахѣ бѣгалъ около кучи дровъ, и за нимъ гонялись два старика-сторожа. Они хватали его за бока и за руки, стараясь повалить; но онъ сбрасывалъ ихъ нетерпѣливымъ движеніемъ туловища, и они падали въ разныя стороны, какъ двѣ куклы. Это походило на какую-то игру.

Освободившись на мгновеніе отъ сторожей, Петръ схватилъ огромное березовое полѣно и бросилъ его въ то окно, у котораго стоялъ Евграфъ Евграфычъ,—старикъ едва успѣлъ отпрянуть. Рама распахнулась, и снова, какъ и раньше, на полъ посыпались осколки стеколъ. Аглая и Таиса взвизгнули отъ страха и, вдругъ спохватившись, что старикъ почти голый и что онѣ въ однѣхъ сорочкахъ, убѣжали въ свою комнату.

Евграфъ Евграфычъ стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи... А игра на дворѣ возобновилась. Опять оба сторожа обхватили сзади Петра, и снова онъ стряхнулъ ихъ, и они повалились на землю въ разныя стороны. Игрищевъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Вдругъ онъ со-

рвался съ мѣста, выбѣжалъ на дворъ и закричалъ, захлебываясь и давясь словами:

— Вяжите его, подлеца, вяжите... Хватайте его за погн...

— А-а!.. Проснулся, проснулись, папенька... проснулись... стеколь жалко стало... Сына жалко не было, а стеколь пожалѣлъ... Ишь, затрусился весь, побѣлѣлъ...

— Анаѣма, не смѣй говорить... Богохульникъ, окаянный.

— А ну, папенька, заткните-ка мнѣ горло! Глотку-то мнѣ затъните-ка чѣмъ-нибудь... А я васъ, папенька, полѣномъ!.. Хотите, полѣномъ васъ по головѣ вдарю...

И, схвативъ длинное и толстое полѣно, Петръ завертѣлъ имъ въ воздухъ...

— Одного раза хватить...

— На отца! Руку на отца подымаешь?..

— А ты на меня не подымалъ? Струсилъ, небось, струсилъ... Ха-ха-ха...

Петръ засмѣялся силнымъ, отрывистымъ смѣхомъ, похожимъ на лай большого пса, и вдругъ швырнулъ полѣномъ къ самымъ ногамъ старика, такъ что тотъ долженъ былъ даже привскочить.

— Струсилъ. . Ну, ладно... живи, змѣй старый... Не стану я тебя бить... Рукъ марать не стану...

Пьяный задоръ проходилъ уже у Петра и смѣнялся упадкомъ силъ. Онъ весь какъ-то осѣлъ, опустилса своимъ огромнымъ тѣломъ.

Изъ людской между тѣмъ выскочили, тоже въ однѣхъ рубахахъ, работники и приказчики.

Старикъ бѣгалъ, какъ полоумный, и кричалъ:

— На отца руку свою поднялъ... Въ сума шедшій домъ его упрятать, въ тюрьму его, подлеца... Въ кандалы заковать!.. На отца замахнулся!..

— Не убилъ вѣдь...

Петръ стоялъ теперь тихо, опустивъ руки, не подымая глазъ.

— Что же вы не вяжете его?—набросился вдругъ старикъ на работниковъ.—Вяжите его, хватайте,...

Работники и приказчики начали подступать къ Петру, но тихо и съ опаской.

Онъ поднялъ полѣно, замахнулся...

— Не подходи...

Всѣ такъ и прыснули отъ него.

Онъ засмѣялся.

— Воробы... крикнуть только на васъ... Натѣ, вяжите...

Онъ отбросилъ прочь полѣно, протянулъ свои руки и даль связать тебя кучерскимъ кушакомъ.

Теперь Евграфъ Евграфычъ подскочилъ къ самому лицу Петра и махалъ передъ нимъ кулаками, быстро, быстро, какъ мельница, и все выкрикивалъ:

— Убить меня хотѣлъ, руку на меня подымалъ!..

— Не визжи...—процѣдилъ сумрачно и брезгливо Петръ.

— Что? Ты смѣешь? Отцу, собака, смѣешь такія слова!

Старикъ размахнулся и ударилъ Петра изо всей силы по щекѣ. Петръ даже качнулся.

— Щенокъ паршивый... мое же отродье... Заприте въ амбаръ его, на замокъ..

Петра подняли и повели черезъ дворъ къ хлѣбному амбару. А Евграфъ Евграфычъ все бѣгалъ позади и кричалъ:

— Упрячу, законопачу на всю жизнь тебя. Въ смирительномъ домѣ сгниешь, въ тюрьмѣ насидишься... отродье нечистаго!..

ХІХ.

Аглая, Таиса и еще двѣ знакомыхъ дѣвушки отправились на ту сторону рѣки въ боръ, за грибами.

Стоялъ погожий день; было не жарко и хотѣлось пѣть тоненькимъ и звонкимъ голоскомъ,—чтобы по далекимъ ложкамъ и отъ темныхъ стѣнокъ бора что-то нѣжно отвязкивало, переливалось, и скользило, прозрачно-струистое.

Въ Игрищевскомъ домѣ Таису давили самыя стѣны, какая-то особая тишина большихъ комнатъ, тяжелый запахъ чего-то затхлаго, чего-то придушеннаго, хриплое тиканье большихъ стѣнныхъ часовъ въ столовой и залѣ, тягучій бой этихъ самыхъ часовъ, особенно ночью, въ темнотѣ. Выбравшись изъ этого дома; Таиса вдругъ повеселѣла, развернулась—разгорѣлись у нея щеки, посвѣтлѣли глаза, грудь задышала часто и глубоко...

Таиса шла впереди, вела за собой остальныхъ дѣвушекъ и запѣвала. Она знала много пѣсень и пѣла ихъ особенно, передавала ихъ отъ себя, вкладывала въ каждое слово свое. И оттого казалось, что пѣсни эти совсѣмъ новыя, никогда еще не слышанныя.

Только что зашли онѣ за первыя сосны, и тишина лѣсная обхватила ихъ мягкими душистыми руками, Таиса запѣла:

На серебряной рѣкѣ,
На золотомъ песочкѣ
'Вдетъ витязь на конѣ,
На конѣ конечкѣ.
'Вдетъ витязь — погоняетъ;
Во село онъ поспѣшаетъ...

И остальные дѣвушки сейчасъ же подхватили, и голоса ихъ сладко и заливчато разбѣжались по темному бору.

Послѣ недавнихъ дождей грибовъ было множество—крѣпныхъ, упругихъ, высыпавшихъ цѣлыми семейками,

Понемногу дѣвушки разбрелись и только бросали одна другой:

— Ау... А—у...

— Тася,—окликнулъ вдругъ знакомый темный голосъ.

Таиса вздрогнула, оборвала на полусловѣ свою пѣсню и отглянулась.

Между соснами вышелъ Петръ и стоялъ, цѣпляясь огромными руками за два ровныхъ красныхъ ствола.

— Петръ Евграфычъ.

Таиса въ испугѣ попятилась назадъ, словно ожидая, что онъ вотъ сейчасъ бросится на нее и станетъ душить.

— Ты не бойся, не бойся... не укушу я...

Петръ улыбнулся, насильственно, однѣми губами улыбнулся.

— Я хочу тебѣ словъ нѣсколько сказать... Не объ себѣ говорить теперъ буду... Только объ тебѣ скажу, объ тебѣ одной.

Онъ отнял правую руку отъ ствола, взялъ Таису за рукавъ и потянулъ ее за собой.

— Пойдемъ, отойдемъ немного подальше, чтобы не набрели на насъ другіе-то... Да не бойся меня!..—съ нѣкоторой уже досадой пробормоталъ Петръ, видя, что она все пятится и разсыпаетъ, сама не замѣчая, изъ наклоненной корзины грибы:—вѣдь не звѣрь же я въ самомъ дѣлѣ... идемъ...

Шаговъ съ сотню они отошли молча—Петръ впереди, Таиса за нимъ, спустились въ маленькій ложокъ,

— Садись,—сказалъ Петръ, показывая на мягкую прошлогоднюю хвою.

Таиса сѣла и поставила около себя пустую уже корзинку. Петръ облокотился обѣими руками на высокой обросшій грибами поганками и мохомъ пенъ, положилъ подбородокъ на руки и началъ:

— Отецъ тебя хочеть за Кудатяпова отдать... Ты забудь, что я тебѣ на прошлой недѣлѣ говорилъ... Это я такъ, сдуру... Теперъ я объ себѣ больше не думаю; дѣло конченное. Крестъ я поставилъ... Кудатяпову не ты нужна—деньги, которыя отецъ за тобой дастъ..

— Не знаю-съ...

— И знать-то ты ничего не можешь—проста очень... Ты не думай, что мнѣ денегъ жалко... Ничуть. Мнѣ деньги—все равно, что вода, что камень, что листь лѣсной прошлогодній,—вотъ эта вотъ хвоя... Вотъ какъ онѣ мнѣ нужны... Я не объ деньгахъ хлопочу...

У Таисы между тѣмъ, взамѣнъ перваго испуга, перваго смущенія, проступало на лицѣ выраженіе какой-то скрытности, чего-то придержаннаго про себя. И, по мѣрѣ того, какъ это выраженіе обозначалось все яснѣе и яснѣе, Петра охватывала досада. Ему захотѣлось разбросать, раскидать эту дымочку, которой окутала вдругъ себя Таиса.

— Напрасно не хочешь ты взять слова мои... выслушать не хочешь меня, какъ слѣдуетъ... Я къ тебѣ съ душой... открыто... пришелъ къ тебѣ...

— Я слушаю-съ...

Таиса подняла задернутые тою же дымочкой глаза и теперь только замѣтила, что у Петра на лицѣ два большихъ синяка—одинъ подъ лѣвымъ глазомъ, другой—на правомъ вискѣ.

— Не то... Пойми, Тася... Обидно мнѣ... Ребеночкомъ тебя еще помню... Обидно и больно мнѣ, что хотятъ тебя отдать за негоднаго человѣка. Вѣдь онъ змѣя настоящая, звѣрь пронырливый...

— Ч ловѣка трудно, Петръ Евграфычъ, узнать...

— Не надо...—строго сказалъ Петръ:—слушай, что я говорю... Не врагъ я твой... Другъ, другъ я твой, пойми ты это ..

— Да я жъ понимаю...

— Нѣтъ, не понимаешь, не хочешь понять.. Зачѣмъ это все такъ?

Петръ вытянулъ и сжалъ руки и хрустнулъ ими.

— Вѣдь ты простая, ты хорошая... А Кудатяповъ... Онъ замукаетъ, съѣстъ тебя, какъ мой отецъ мать покойную мою съѣлъ... Не знаешь ты его, Кудатяпова-то...

— Да и вы его мало знаете... Меньше моего съ нимъ говорили...

— Да развѣ нужно говорить. Развѣ не достаточно посмотрѣть на него?.. Ахъ... Не то... Не объ этомъ мы споримъ, объ чемъ спорить намъ нужно... Отчего никакъ не достучаться къ человѣку? къ сердцу, къ душѣ человѣческой не достучаться?.. Тутъ вотъ онъ, близко, а не достучаться... Зачѣмъ ты заслоняешься?

Петръ снова хрустнулъ руками.

Тукалъ гдѣ-то близко дятель, чуть слышно шелестѣли верхушки сосенъ... И вдругъ совсѣмъ рядомъ два голоса запѣли:

Ахъ, вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои...

— А-у... Тася... Гдѣ ты задѣвалась?..

Это кричала Аннушка, одна изъ дѣвушекъ, съ которыми Аглая и Таиса пришли въ лѣсъ.

Петръ махнулъ безнадежно рукой и побрелъ прочь, въ чашу. А Таиса, оправивъ наскоро платокъ, поднялась и отвѣтила дрожащимъ еще немного голосомъ:

— Здѣсь я...

И вышла къ подругамъ. И сейчасъ же разлилась по бору разу далая частушка:

Выходила молода,
Выпускала, сокола —
Ты лети лети, соколъ,
Высоко и далеко...

Черный воронъ—Петръ щагалъ по мягкой хвоѣ и казалось ему, что разорвется, расколется, какъ гнилое дерево, грудь его отъ муки, отъ невысказанныхъ словъ, отъ невыплаканныхъ слезъ...

И высоко, и далеко —
На родиму сторону...

XX.

Въ послѣднихъ числахъ іюля Игрищевъ съ Кудатяновымъ ѣздили вмѣстѣ въ губернской городъ. Передъ отъѣздомъ Евграфъ Евграфычъ погрозился Петру, что будетъ на него жаловаться губернатору; но или изъ жалобы его ничего не вышло, или онъ своей угрозы не исполнилъ, только по пріѣздѣ объ этомъ рѣчи больше уже не подымалось.

Свадьба Таисы была назначена послѣ Успенія; теперь же съ утра и до вечера стучала въ домѣ швейная машинка, валялись по всѣмъ комнатамъ разноцвѣтные лоскуты, и двѣ дѣвушки—портниха и бѣлошвейка—спѣшно готовили приданое.

Петръ сталъ еще угрюмѣе, еще молчаливѣе. Въ общихъ комнатахъ онъ почти не показывался и только заходилъ иногда на кухню захватить себѣ чего-нибудь съѣстнаго.

Между Петромъ и Аглаей никогда не было особой дружбы, въ послѣднее же время имъ случалось по два-три дни не сказать другъ другу ни слова. Поэтому Петръ очень удивился, когда однажды вечеромъ Аглая позвала его въ свою комнату.

— Петя, мнѣ бы съ тобой поговорить хотѣлось.

Онъ пошелъ за нею молча и сѣлъ на стулъ у окна, Аглая помѣстилась напротивъ.

— Видишь ты, Петя, я бы хотѣла съ тобой поговорить насчетъ Таисы. Отчего ты не женишься на ней?..

Петръ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, какъ будто собирался встать.

— Нѣтъ, нѣтъ, сиди, Петя... Я вѣдь знаю, что ты любишь ее. Видно это. Отчего бы тебѣ на ней не жениться?.. А что съ Кудатяновымъ-то рѣшено, такъ вѣдь не продано ему—сто разъ еще переимѣнить можно.

Петръ рѣзко усмѣхнулся, фыркнулъ подъ усы.

— Какъ же я женюсь? Посмотри на нее и посмотри на меня. Я—гнилой, черный пень, а она—березка молоденькая...

— Что за гниль такая въ тебѣ завелась? я и не слыхала. А по моему ты ничуть не хуже ея... Велика ли разница? Четырнадцать лѣтъ всего. Бываетъ и по двадцать лѣтъ разницы...

— Бываетъ... Только я не хочу, чтобы мучилась она со мною и несчастной себя чувствовала. Можетъ, тѣломъ я и крѣпокъ еще, да душой—темень, повалился уже я и не подняться мнѣ больше...

— А ты бы все-таки поухаживалъ, попробовалъ... можетъ, что и вышло бы... Дѣвушки, знаешь, на ухаживанья падки, любятъ онѣ, чтобы за ними поувивались... Поучился бы ты у Кудатянова. Вотъ ловкій парень! И ты бы...—ручку поцѣловалъ, поухаживалъ, дуhamи бы надушился, волосы пригладилъ...

Петръ разобралъ вдругъ, что Аглая смѣется, нарочно издѣвается надъ нимъ—рану расковыриваетъ: но сидѣлъ молча, а она продолжала:

— Вчера онъ конфетъ ей опять принесъ... А она губы распустила—радуется... Отбриль бы ты его, право... Что жъ, что про-сватана... До свадьбы еще сто разъ Кудатяпову можно по шеямъ надавать... Онъ только говорить мастеръ... Ты бы когда, Петя, осадилъ его... А?

Петръ вскочилъ на ноги и заговорилъ часто, задыхаясь и глотая слова:

— Бѣсъ ты окаянный! кикимора лѣсная, кривобокая!.. Что мучишь? Чего издерганнаго дергаешь? Что тебѣ, бѣсу криво-бокому, нужно отъ меня?

Аглая даже взвизгнула отъ страха. Ей показалось, что Петръ схватить, что ни попало, и ударить ее.

Но Петръ сдержался и только, уходя изъ комнаты, хлопнуть дверью такъ, что даже штукатурка посыпалась съ потолка.

Аглая завидовала. Мучительную зависть возбуждали въ ней ухаживанія за Таисой, приготовленія къ свадьбѣ, радость Таисы. Все это тяжелыми молоточками стучало ей еще разъ, что она сама, Аглая, такъ и останется навсегда старой дѣвой, что жизнь безповоротнo кончилась, оборвана, захлопнута плотной крышкой. Планамъ старика она не противилась, потому что знала, что Таисѣ готовится вовсе не сладкая участь. Она испытывала даже наслажденіе, представляя себѣ будущую жизнь Таисы съ Кудатяповымъ. Но нужно было вылить въ чьемъ-нибудь свою досаду, причинить кому-нибудь такую же острую и мучительную боль, какую она испытывала сама. Ей хотѣлось взять чью-нибудь живую руку и истыкать ее всю тоненькими булабочками, изодрать ее въ мелкіе ло-скутья. Она пилила и шпыняла Таису, она покою не давала кухаркѣ, отгрызалась на каждое слово старика; но особенное наслажденіе ей доставляло помучить Петра—увальня, пропустившаго мимо себя счастье свое, какъ казалось Аглаѣ. И особенно она возненавидѣла его за то, что онъ въ сущности былъ такимъ же, если не еще горшимъ, неудачникомъ, чѣмъ она сама. И хотя съ перваго же раза онъ чуть не бросился на нее, она не переставала походя втыкать ему въ душу свои булабочки...

XXI

Петру теперь казалось, что не живеть онъ, а видитъ какой-то сонъ, что все сонъ. И небо высокое—сонъ, и земля, и дома, и люди, и голоса ихъ, все—сонъ. Но сонъ мучительный, навалившійся душными глыбами, неизбывный сонъ.

Пробовалъ онъ молиться; но не могъ, словъ не находилъ, и на половинѣ молитвы умолкалъ—казалось ему, что стучится онъ въ

огромную и толстую стѣну, и стукъ его тонетъ въ ней мгновенно, едва слышный ему самому.

Днемъ еще бывало легче; но по ночамъ тоска разрасталась невыносимо. И цѣлыя ночи напролетъ, отъ вечерней и до утренней зари, бродилъ онъ теперь, подходя иногда къ дому Кудатяпова и прислушиваясь къ гулу голосовъ за стѣнами, иногда спускаясь на свое любимое мѣсто къ рѣкѣ. Тамъ шелестъ волнъ, неспѣшно набѣгающихъ на мокрый песокъ, тихія отраженія звѣздъ въ темной водѣ и одинокіе всплески рыбы дѣйствовали на Петра успокаивающе. Обнявъ колѣни руками, онъ сидѣлъ и часъ и другой. Но потомъ вдругъ, ярко до ужаса, вспоминалъ все и бѣжалъ наверхъ, на улицы городка, дальше въ поле, въ березовые перелѣски, пока сами собой не начинали подкашиваться ноги, и не падалъ онъ на землю, гдѣ ни попало, засыпая почти въ то же мгновеніе тяжелымъ безпокойнымъ сномъ. Сны больше бывали у него безобразные, болѣзненные, но удивительно яркіе и отчетливые,

Любилъ онъ еще, перебравшись черезъ невысокую ограду кладбища, ходить отъ могилы къ могилѣ, присаживаясь иногда на холодный край каменной плиты. Вѣтеръ шелестѣлъ надъ его головой листьями березъ, пахло сыростью и плѣсенью и бывало удивительно тихо: У мертвыхъ, у изѣданныхъ червями, у потерявшихъ образъ и подобіе человѣческое находилъ онъ себѣ успокоеніе, онъ, тоже изѣданный червями мукъ, обездоленный, потерянный.

Много разъ въ эти ночные часы приближалось къ нему искушеніе. Стоитъ ему пойти къ старику, смириться, рассказать ему все, убѣдить его, и старикъ женить его на Таисѣ. Можно и ее уговорить. Вѣдь въ концѣ-то концовъ все-таки съ нимъ, съ Петромъ, Таисѣ лучше будетъ, чѣмъ съ Кудатяповымъ; ужъ онъ-то, Петръ, ее не обидитъ, вѣтру не дастъдохнуть на нее, будетъ за ней, какъ за малымъ ребенкомъ, ухаживать, ублажать ее всячески. Велико бывало искушеніе. Все, что днемъ въ видѣ булабочекъ втыкала ему въ душу Аглая, вечеромъ и ночью претворялось въ его собственныя мысли. И мысли эти, какъ пивки, облѣпляли душу, сосли его безконечно... Большого труда стоило ему отбрасывать ихъ, преодолевая при этомъ чудовищную боль. Ему хотѣлось не принужденія, хотѣлось свѣтлой и свободной любви къ себѣ. Не перенесъ бы онъ и мгновенія, почувствовавъ, что онъ въ тягость, что онъ насильникъ.

Въ одну изъ такихъ безсонныхъ ночей Петръ проходилъ мимо маленькой, вросшей совѣмъ въ землю отъ старости церкви Спаса-Преображенія. При церкви была часовенка, а въ часовенкѣ горѣла неугасимая лампада передъ образами Спасителя и Божьей Матери.

Совѣмъ машинально, почти не думая, Петръ подошелъ къ часовнѣ и вдругъ сталъ на колѣни... Долго смотрѣлъ на ликъ Пре-

святой Дѣвы, смотрѣлъ словно слѣпыми глазами, почти не видя его. Но понемногу заструилось отъ мягко-темнаго лика въ душу какое-то тепло, какой-то будто неяркій свѣтъ.

— Милостивая...

Петръ стиснулъ руки и протянулъ ихъ къ образу.

— Милостивая... Матерь Божія, мучусь...

Больше не было словъ; но онъ преклонился и приникъ лицомъ къ холодному камню. И долго лежалъ такъ.

XXII.

Свадьбу играли въ воскресенье. Петръ отказался быть шаферомъ у Таисы; но въ церковь пришелъ и всю службу стоялъ близко около вѣнчавшихся и смотрѣлъ, какъ играли на лицѣ Таисы желтые отблески свѣчей. Таиса была сосредоточена и печальна; брови ея были строго сдвинуты, и Петру мгновеніями казалось, что она не невѣста, а покойница и что ее не вѣнчаютъ, а отпѣваютъ. Когда священникъ повелъ новобрачныхъ вокругъ налоя, Петръ понялъ вдругъ всѣмъ существомъ своимъ, каждой своей черточкой, что кончено все, свершилось уже...

Пошатываясь и натываясь на людей, онъ выбрался изъ церкви, пошелъ домой и забрался тамъ въ самую дальнюю, полутемную комнатку, всю заставленную шкапами и сундуками. Онъ сѣлъ тамъ на высокій сундукъ и зажалъ голову руками. Черезъ нѣсколько мгновеній всего, какъ ему показалось, грянула вдругъ привезенная изъ губернскаго города музыка, нахлынули въ домъ гости, и все зашумѣло, задвигалось, начало топтаться десятками ногъ.

Трубы рвали воздухъ острыми криками, завывали кларнеты и волторны, рявкали басы, и барабанъ билъ мѣтко и ровно, какъ будто ему одному не было ни до чего дѣла...

Отъ шума, отъ визга, отъ звона все мѣшалось и крутилось въ головѣ, заворачивалось крутыми жгутами и медленно расправлялось, и снова скручивалось, какъ стальная проволока. Волна ненависти зажгла вдругъ всю душу Петра, и ему захотѣлось сдѣлать что-нибудь дикое, что-нибудь, что кричало бы такъ же остро и пронзительно, какъ мѣдныя трубы оркестра, такъ же упорно и настойчиво било бы людей по живому, какъ мѣрный и упорный барабанъ.

— Радуются... смѣются... кричать...

Петръ поднялся на ноги, и звуки какъ будто еще громче, еще ярче такъ и закружились вокругъ него быстрымъ водоворотомъ. Онъ прошелъ въ залъ. Гости размѣстились вокругъ столовъ—крик-

ливые, смѣющіеся, безпокойные. Стучали посудой, звякали рюмками, шаркали ногами. Петру не оставили мѣста, его забыли. А, можетъ быть, нарочно сѣли такъ, чтобы не было ему мѣста. Выкрики, смѣхъ, стуки, настраиваніе скрипокъ въ оркестръ—все сливалось въ путанный, пестрый, многоголосый клубокъ. Петръ стоялъ, прислонившись къ косяку двери, на половину скрытый за занавѣской, и радъ былъ, что его не замѣчаютъ, что, пробѣгая, слуги толкаютъ его, что онъ одинъ не смѣется среди общаго смѣха, одинъ не улыбается, радъ былъ злой и жгучей радостью. «И пусть, и пусть, и пусть»—думалъ онъ...

Евграфъ Евграфычъ поднялся. Лицо его было красно и блестяло отъ пота. Онъ расправилъ усы, откинулся назадъ и вдругъ, покрывая и разсѣкая всѣ звуки, закричалъ:

— Го-орько!..

Сразу стихло все, завертѣлось и легло большимъ шипящимъ кругомъ... Тш... Тше...

Кудатяповъ вытеръ салфеткой усы, поднялся рядомъ съ Таисой и, осторожно прикасаясь, поцѣловалъ ее въ губы.

— Урра! Урра!..

Опять взметнулись отъ большого круга острой спиралью звуки, и музыка грянула тушь, разбросила его крѣпкой сѣтью поверхъ другихъ звуковъ.

Смѣялось все, кружилось все, путалось и перекручивалось; но не было мѣста Петру. Одному ему не было здѣсь мѣста.

И то, что много разъ уже подкрадывалось къ нему по ночамъ—ядовито-жгучее, что днемъ отбрасывалъ онъ прочь, что подползало къ нему, какъ липкая и яркая гадина, отравляя его своимъ дыханіемъ и отъ чего бѣжалъ онъ, но не могъ убѣжать, выползло вдругъ теперь изъ путаннаго клубка звуковъ, обхватило Петра, прижалось къ нему, не давая ему вздохнуть, душа и туманя его...

Поджечь, поджечь этотъ огромный каменный домъ, который вмѣстѣ со старикомъ пилъ изъ него, Петра, всѣ силы, губилъ его, Петра, душу, мучалъ его долгіе годы, поджечь сараи и амбары, и лавки, и сѣновалы, поджечь все, пустить по вѣтру въ огненномъ вихрѣ... Двѣ недѣли не было ни капли дождя. Запылаетъ, загорится все, подыметъ къ небу, крича языками пламени, осыпаясь визгомъ мелкихъ искръ.

Облить керосиномъ стѣны, натаскать щепы, соломы, поджечь сразу со всѣхъ концовъ, чтобы не было спасенія, чтобы нельзя было потушить, залить, затоптать огонь... Что каторга! Что тюрьма! Не все ли равно? Посмѣются тогда они. порадуются... Пусть кричить тогда и прыгаетъ отъ злости старикъ, пусть вертится, какъ обваренный кипяткомъ, Кудатяповъ, пусть побѣлѣетъ вся отъ

страху Аглая, потеряетъ платокъ и простоволося бѣгаетъ вокругъ пожарища. Все стало вдругъ въ яркихъ и видимыхъ образахъ... Послышался уже Петру набатъ, падающій внизъ со всѣхъ колоколенъ Зарѣчья, воющій и испуганный набатъ—онъ особенно страшень и жутокъ бываетъ ночью, когда колокольни охвачены заревомъ, когда красными клочками кружатся надъ колокольнями голуби, когда отражается зарево въ тихой рѣкѣ, и багровымъ жгутомъ закручивается въ темномъ небѣ высокій столбъ дыма...

И, весь дрожа и замирая, задыхаясь и лоя ртомъ воздухъ, Петръ вышелъ изъ дому на темный и пустой дворъ. Ворота были заперты. Ни души не было видно кругомъ. Съ улицы толпился народъ, и слышенъ былъ шумъ многихъ голосовъ; но отсюда ушли даже сторожа.

Керосинъ хранился въ самомъ дальнемъ сараѣ. Тамъ его было сложено больше ста ящиковъ. Но старикъ держалъ всегда ключи при себѣ. Петръ прошелъ сперва на конюшню и вооружился ломомъ. Стараясь не шумѣть, онъ подсунулъ его подъ дверь и налегъ грудью на холодное желѣзо. Дверь поддавалась легко, крикнувъ, выскочила скоба, и черное отверстіе распахнулось широко и жутко.

Дрожащими руками Петръ нащупалъ въ темнотѣ ящикъ, оторвалъ ломомъ досчатую крышку, пробилъ дыры въ жестянкахъ и, взявъ двѣ жестянки въ руки, пошелъ въ садъ, къ заднимъ стѣнамъ построекъ. Пока онъ шелъ, спотыкаясь и боясь, чтобы жестянки не звякнули, онъ вспомнилъ, что постройки не застрахованы, что старикъ всегда надѣялся на сторожей и на то, что усадьба его стояла совсѣмъ въ сторонѣ и отдѣлялась отъ остального города оврагомъ и ручьемъ. Поджигателей старикъ въ расчетъ не бралъ вовсе. Онъ презиралъ воровъ и преступниковъ, считая ихъ мелкими, неспособными людишками, у которыхъ недостаетъ ума наживаться и богатѣть открыто. Теперь радость вдругъ охватила Петра.

Все предвидѣлъ, все понимаешь... попляши-ка...

Петръ ничего не пилъ сегодня, но въ головѣ у него что-то звонило и прыгало, и сердце то начинало биться шибко-шибко, то замирало, жутко встряхиваясь болѣзненными толчками...

Щепокъ было множество около новой бани. Петръ таскалъ ихъ охапками, разсыпая по дорогѣ...

Одинъ разъ ему показалось, что въ домѣ снова разнесся крикъ старика:

— Горько...

И тотчасъ же передъ нимъ четко и ярко, словно высѣченные изъ разноцвѣтныхъ камней, явились Таиса и Кудатяповъ, какъ онъ видѣлъ ихъ тамъ, въ залѣ...

Соломы Петръ натаскалъ цѣлые вороха, но ему все еще казалось мало: а вдругъ не разгорится, потухнетъ?

Чась, должно быть, былъ уже первый. Большая Медвѣдица поднялась высоко и переливалась разноцвѣтными горячими искрами.

Петръ вдругъ спохватился: спичекъ нѣтъ. Онъ побѣждалъ въ свою комнату. Теперь весь домъ трясся отъ топанья ногъ. Въ раскрытыя окна видны были кружащія пары. Музыка играла вальсъ и стлалась гдѣ-то по низамъ, покачиваясь горячими и тяжелыми волнами...

XXIII.

Петръ присѣлъ на корточки, чиркнулъ спичку о коробку... Отъ волненія, отъ бѣготни онъ значительно ослабѣлъ уже, и руки у него прыгали, срывались... Слабый огонекъ засвѣтился и намѣтилъ пальцы, колѣни и грудь щепокъ и соломы...

Петръ медлилъ подносить спичку къ соломѣ, и, пока онъ смотрѣлъ на желтый огонекъ, смутное, теплое и ласковое воспоминаніе проплыло въ душѣ его медленно, какъ большое облако...

Спичка догорѣла, и Петръ уронилъ кончикъ ея на землю. Онъ закрылъ глаза... Тѣло его ныло, и въ немъ, въ тѣлѣ, расходилось что-то широкое и полусонное...

Гдѣ онъ видѣлъ такой же желтоватый огонекъ—теплый и ласковый?

Петръ силился вспомнить и сидѣлъ тихо, не дыша...

Это было недавно, это помнится живо... Но гдѣ? Тогда было хорошо и тихо, и такъ же ныло тѣло и колыхалось въ немъ что-то широкое и мягкое... И душѣ было хорошо... Да, да... Въ этой часовкѣ, около церкви Спаса-Преображенія... Да, да... Тамъ было тихо и хорошо, и теплился желтоватый огонекъ лампы передъ ликомъ Богородицы...

Петръ сѣлъ совсѣмъ на землю, прижалъ къ лицу руки, и вдругъ между пальцами его проступили крупныя слезы... Онъ еще ниже наклонился, вжался весь...

— Берите, берите все... Не надо мнѣ... Ни богатства вашего, ни денегъ вашихъ, ни счастья вашего... Берите... И жизни не надо... и жизни...

Онъ поднялся на ноги, шатаясь, какъ пьяный, и пошелъ прочь...

Музыка ухала и вскидывалась и рассыпалась задорною дробью...

Петръ пошелъ другой дорогой, не къ рѣкѣ...

Спать весь городъ, нигдѣ не было видно огней, не попадалось прохожихъ. И только отъ Игрищевского дома все еще лился вдогонку Петру яркій свѣтъ, и музыка липла, музыка забѣгала впередъ и словно загораживала дорогу...

Петръ прошелъ мимо кладбища, поднялся на горку...

Рвутся еще за нимъ отдѣльные звуки, виденъ еще свѣтъ....

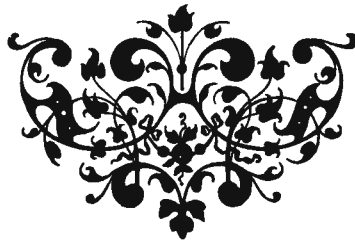
Онъ свернулъ и пошелъ безъ дороги, прямо по мокрому отъ росы полямъ...

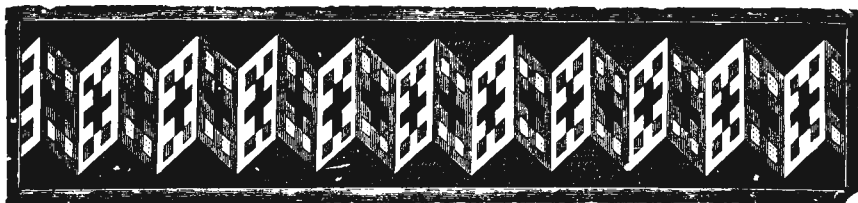
Въ небѣ тихо горѣли звѣзды, просторно и глухо было кругомъ. Утонули наконецъ гдѣ-то за плечами послѣдніе отголоски музыки, исчезъ весь городъ, не было видно даже колоколенъ—исчезли, расплылись онѣ въ сумракъ ночномъ...

Петръ легъ на землю, прижался къ ней, обхватилъ ее своими руками, мокрую и холодную землю; прилегъ и сталъ похожимъ на большой темный камень... И все шепталь:

— Берите, берите все... Не надо мнѣ... берите...

Николай Федоровъ.

МОИ ЦЕНЗОРА.

(Изъ воспоминаній).

I.

ЩЕ ВЪ СЕМИДЕСЯТЫХЪ годахъ, будучи студентомъ университета св. Владимира, я сотрудничалъ въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ», который издавался бывшимъ псковскимъ предводителемъ дворянства Рокотовымъ. Потомъ Рокотовъ кончилъ жизнь мелкимъ актеромъ въ Александринкѣ. Былъ онъ человѣкъ интересный, разносторонній, образованный, но вышибленный изъ колеи. Большой либераль и отчасти славянофилъ. Ходилъ въ красной шелковой рубахѣ и увлекался оперой. Газету онъ издавалъ не какъ предприниматель, а какъ меценать. Сошелся я съ нимъ сразу. Пробѣжавъ мою рукопись, онъ нашель, что у меня «что-то есть», и пригласилъ сотрудничать. Я сталъ писать у него передовыя статейки, фельетоны, замѣтки. Первая публицистическая статейка моя называлась «Разрушеніе сословныхъ перегородокъ»—по поводу введенія всеобщей воинской повинности. Въ статьѣ была проведена демократическая мысль.

Чиновникъ, цензуровавшій «Кіевскій Вѣстникъ», былъ въ то же время и почтовымъ цензоромъ, то-есть на его обязанности лежало вскрывать подозрительныя письма и прочитывать. Фамилія его была фонъ-Лаймингъ, говорилъ онъ по-русски плохо и былъ изъ остзейцевъ.

Онъ выбросилъ нѣсколько строкъ изъ моей статьи—то мѣсто, гдѣ говорилось о возможности перемѣщенія центра тяжести силы

изъ правительственныхъ сферъ въ общественныя. Мнѣ показалось несправедливымъ отношеніе цензора къ моему первому труду, и я, по совѣту Рокотова, отправился къ нему объясняться.

Онъ замахалъ на меня руками и сталъ каяться, зачѣмъ онъ пропустилъ всю статью.

— Это есть очень вредный, очень вредный статья!

На мое возраженіе онъ сказалъ:

— Мнѣ все равно, что вы напишете и что будетъ напечатано, если не касается меня. Но вы забываетъ, что у меня есть дѣти, и я очень дорожу свое мѣсто, которое меня обезпечиваетъ. Если я буду часто пропускать такой статья, я потеряеть мѣсто. Вы должны пожалѣть меня, молодой человѣкъ, потому что вы тоже будете старый человѣкъ, и у васъ тоже будутъ дѣти.

Впрочемъ, фонъ-Лаймингъ вообще былъ сносенъ, какъ цензоръ. Онъ самъ разъ вызвалъ меня къ себѣ и упрасивалъ не писать статей, которыхъ онъ не понимаетъ.

— О, пожалуйста, не сочиняйте также еще сновъ. Вы сны любите сочинять. Я избѣгаю аллегорическихъ сновъ. Я долженъ запрещать всякія аллегоріи, потому что я ихъ не понимаю. Когда-нибудь аллегоріи могутъ погубить такой великій держава, какъ Россія. О, я вамъ скажу, я много думалъ и думаю объ аллегоріяхъ.

Въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ» бывали и статьи крайняго направленія, такъ называемыя «мальчишескія», и серьезныя—даже скучныя, и елейныя, и кощунственныя—и все сходило съ рукъ. Въ особенности отъ поправокъ цензора статьи пріобрѣтали иногда странный характеръ. Кромѣ меня, въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ» постоянно писали И. Г. Рашевскій, нынѣ извѣстный художникъ и земець, Ѳ. К. Волковъ, археологъ, проф. Козловскій, рано умершій, Каблицъ (Юзовъ), Мезинцевъ, пѣвецъ Коммисаржевскій (отецъ В. Ѳ. Коммисаржевской).

Газета прекратила свое существованіе не столько вслѣдствіе цензурныхъ давленій, сколько за охлажденіемъ къ ней издателя, который никакъ не могъ справиться съ сотрудниками.

II.

Въ 1876 г., когда я былъ секретаремъ черниговской губернской земской управы и редактировалъ подъ руководствомъ А. П. Карпинскаго, предѣдателя этой управы, издававшійся губернскимъ земствомъ «Земскій Вѣстникъ», я получилъ приглашеніе быть редакторомъ «Кіевского Телеграфа», принадлежавшаго г-жѣ Гоцкой, женѣ профессора философіи.

Меня тянула къ себѣ газетная работа, и я поѣхалъ въ Кіевъ. Въ редакціи я засталъ разгромъ. Предыдущій редакторъ, нынѣ благополучно здравствующій А. Н. Молчановъ, только что уѣхалъ

за границу, спасаясь отъ административнаго преслѣдованія. Онъ перепечатывалъ изъ заграничнаго революціоннаго журнала «Впередъ» статьи въ «Кіевскомъ Телеграфѣ», пользуясь тѣмъ, что цензоръ получалъ отъ издательницы ежемѣсячную взятку въ 50 р. Положеніе газеты было серьезно, но, какъ мнѣ сказали, небезнадежно. Администрація рѣшила ждать поступковъ отъ новаго редактора. На первыхъ же порахъ газета имѣла внѣшній успѣхъ, и нѣкоторые нумера стали печататься по два раза.

Редакція помѣщалась въ одномъ домѣ съ типографіей, и между членами редакціи и наборщиками существовали дружескія отношенія. Такихъ интеллигентныхъ, трезвыхъ и благородныхъ молодыхъ людей рѣдко потомъ я встрѣчалъ среди столичныхъ наборщиковъ. Вообще провинціальный наборщикъ считалъ, а можетъ быть и до сихъ поръ считаетъ, свою профессію исключительно и прекрасною.

Прошло уже около недѣли моего редакторства, когда въ редакцію явился нѣкто Ивановъ, который пользовался въ Кіевѣ репутаціей чудака и доносчика. Онъ не признавалъ иностранныхъ словъ. Еще онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что онъ былъ учителемъ латинскаго языка и его избили гимназисты. Войдя ко мнѣ въ кабинетъ, онъ началъ съ порицанія направленія «Кіевскаго Телеграфа»:

— Хотя вы ведете листъ (газету) въ иномъ нѣсколько ладѣ (тонѣ) и осторожниѣ, но все же въ вашихъ писаніяхъ чувствуется пагубное настроеніе, и статьи помѣщаете вы только разрушительныя. Прославляете земство, а правительство унижаете и даже не прочь были бы перепечатывать статьи изъ переворотныхъ (революціонныхъ) изданій. Но исправиться никогда не поздно. Печатайте только статьи, которыя я вамъ буду доставлять за весьма умѣренное вознагражденіе. Помните, что я обращаюсь къ вамъ съ высшей степени обдуманнмъ предложеніемъ. Я только что видался съ Юзефовичемъ.

А надо замѣтить, Михаилъ Владимировичъ Юзефовичъ былъ тоже славная личность: когда-то онъ предалъ Костомарова и Шевченка, имѣлъ порученіе отъ Третьяго Отдѣленія слѣдить за настроеніемъ умовъ въ Кіевѣ и былъ извѣстенъ подъ популярнымъ прозвищемъ Китовраса.

— То есть, вы были у Китовраса?—спросилъ я съ дерзновеніемъ, свойственнымъ юности.

Ивановъ, сѣдой, какъ лунь, пылливо взглянулъ на меня своими неприятными, недалекими глазками и сказалъ:

— Дѣйствительно, такъ его прозвали мальчишки, но людямъ, которые желаютъ уцѣлѣть, не слѣдовало бы такъ выражаться.

Я, не взглянувши на статью, возвратилъ ее обратно Иванову и попросилъ его уйти и больше не приходить.

Сотрудники поздравили меня. Имъ понравилось, какъ я отнесся къ агенту Китовраса. Разсказано было при этомъ множество разныхъ анекдотовъ объ обоихъ доносчикахъ.

III.

Прошла еще недѣля. Мы жили и писали безопасно. Газета, потрясенная послѣдними событіями, вошла въ русло, розница была большая, издательница посѣщала редакцію разъ въ недѣлю, чтобы взять кассу и расплатиться съ сотрудниками и съ наборщиками, и отъ времени до времени—это было лѣтомъ—къ окну редакціи подходилъ мужъ издательницы, профессоръ Гогоцкій, комическій старикъ, высохшій, какъ мумія, фантомъ, а не человѣкъ, и замогильнымъ голосомъ убѣждалъ меня съѣздить на поклонъ къ Юзефовичу; и еще подходилъ нашъ цензоръ Пузыревскій, барабанилъ по стекламъ и весело выпрашивалъ трешницу въ счетъ «жалованья».

Какъ-то, принимая отъ конторщика деньги, Пузыревскій сообщилъ, что надъ «Кіевскимъ Телеграфомъ» скопились тучи.

Я услыхалъ и подошелъ къ окну.

— Какія тучи?

— Но вѣдь дѣло о перепечаткѣ «Впередъ» не кончено.

— Но это было не при мнѣ.

— Мало ли что! Хотятъ подвести подъ сюркуль газету. Съ васъ, разумѣется, взятки гладки... Ну, и меня кстати похерятъ. Но что же дѣлать, господа, когда я не выношу своего званія. Я въ жизни своей еще ни разу ничего не зачеркнулъ.

У него былъ красноватый носъ, и, несмотря на ранній часъ, отъ него пахло виномъ.

— Имѣйте въ виду, что въ дѣйствительности же я все-таки консерваторъ,—продолжалъ цензоръ.—Но и у консерватора есть свои взгляды на порядочность. Непорядочно быть цензоромъ.

— Но, простите, зачѣмъ же вы поступили въ цензора?

— Ахъ, неразумный вопросъ!—вскричалъ Пузыревскій.—А если бъ у васъ былъ цензоръ другой да чиркалъ бы васъ, что бы съ вами было? Была бы у васъ розничная продажа? Да онъ бы васъ задушилъ въ три дня, и влачили бы вы самое жалкое существованіе.

— Значить, вы, будучи консерваторомъ, поступили въ цензора, чтобы поддерживать процвѣтаніе либеральныхъ газетъ?

Онъ махнулъ рукой.

— Вы меня всегда переговорите. А мнѣ теперь только одного хочется: пойти и позавтракать въ ресторанѣ «Одесса»—благо недалеко отъ васъ. Не хочеть ли мнѣ кто-нибудь сопутствовать? Нѣтъ? Ну, до свиданія.

IV.

Стояла чудесная погода. Въ свободные отъ занятій часы сотрудники «Кіевского Телеграфа» разгуливали по Ботаническому саду или забирались въ «Шато де-Флеръ» и пили пиво. Мы все ходили въ

блузахъ. Впрочемъ, ношеніе блузъ въ Кіевѣ обусловливалось преимущественно жаркой температурой.

Задуманъ былъ рядъ статей и розданы матерьялы. Приглашены были дѣльные репортеры, а консервативной газетѣ «Кіевлянинъ» мы объявили войну не на животь, а на смерть.

— Новость!—вскричалъ однажды сотрудникъ И. М. Рева.— Получена новая книжка «Впередъ».

Онъ вошелъ и положилъ ее ко мнѣ на столъ. Уже смеркалось. Зажжены были лампы. Были приглашены другіе сотрудники, чтобы познакомиться съ новой книжкой революціоннаго журнала—Самойловичъ и Сорокинъ. Я разрѣзалъ книгу и началъ читать вслухъ какую-то статью. Пришли конторщицы послушать и метранпажъ. Слушая чтеніе, Сорокинъ набивалъ гильзы табакомъ на другомъ концѣ стола.

Вдругъ въ передней раздался громкій звонокъ, и послышалось звяканье шпоръ. Мальчикъ, дежурившій въ передней, не успѣлъ доложить, какъ въ кабинетъ дверь раскрылась, и на порогѣ показался полицеймейстеръ.

— Здравствуйте, господа,—сказалъ онъ.—Пришелъ объявить вамъ печальную новость. Не угодно ли прочитать и расписаться, господинъ редакторъ!

Я прочиталъ бумагу и остолбенѣлъ. Молча передалъ ее сотрудникамъ. «Кіевскій Телеграфъ» былъ закрытъ по высочайшему повелѣнію за особенно вредное сопротивленіе. Насъ обязали снять вывѣску и прекратить работу.

На другой день вывѣска была закрыта чернымъ коленкоромъ, и всему дому, гдѣ помѣщалась покойная газета, былъ приданъ траурный видъ. Огорчены мы были страшно, сообщили о насильственной смерти газеты въ остальные періодическія изданія и разѣхались по домамъ. Я вернулся въ Черниговъ, въ «Земскій Вѣстникъ».

Оказалось, что высочайшее повелѣніе о закрытіи газеты было уже прислано недѣлю тому назадъ и находилось у Китовраса. Если бы были напечатаны статьи, которыя приносилъ доносчикъ Ивановъ, то легко было подъ другимъ названіемъ возобновить газету на другой же день послѣ ея закрытія...

V.

Въ 1878 г. я сталъ составлять для журнала «Слово» научную хронику и тогда же былъ приглашенъ его редакторомъ Дмитріемъ Андреевичемъ Коропчевскимъ (нынѣ покойникъ) завѣдывать не только научнымъ, но и беллетристическимъ отдѣломъ изданія въ виду особыхъ моихъ симпатій къ беллетристикѣ, которыя стали во мнѣ пробуждаться. Въ началѣ лѣта издатель Жемчужниковъ

и редакторъ Корочевскій отправились отдыхать въ свои деревни, и я остался полномочнымъ хозяиномъ журнала, что продолжалось около шести мѣсяцевъ.

Тутъ случился со мной грѣхъ. Въ редакцію явился нѣкто Жакляръ, который подписывался Жика, бывшій парижскій коммунаръ и содержатель бань на Васильевскомъ островѣ. Онъ предложилъ статью о Вольтерѣ. Статья была научная, хорошо переведенная женою г. Жакляра, по рожденію русской. Разумѣется, она была съ протестующимъ направлениемъ. Но такія статьи сплошь и рядомъ проходили въ тогдашнихъ журналахъ. Я принялъ статью, и первая половина ея вышла въ июльской книжкѣ.

Получаю приглашеніе изъ цензурнаго комитета. Являюсь.

Тогда председателемъ цензурнаго комитета былъ Петровъ.

Я увидѣлъ въ кабинетѣ бритую фигуру необыкновенной старости. У Петрова былъ большой сизый носъ и огромная отвислая нижняя губа, тоже сизаго цвѣта. Когда я вошелъ, онъ сидѣлъ на креслѣ и дремалъ.

— Имѣю честь представиться—такой-то,—началъ я.—Я пришелъ по вашему приглашенію.

— Что вамъ угодно?—пробормоталъ онъ.

— По вашему приглашенію.

— А!

Онъ продолжалъ дремать. Мнѣ показалось, что онъ умеръ, и что-то непріятное, какъ страхъ, шевельнулось во мнѣ. Я чуть было не протянулъ руку, чтобъ позвонить, но Петровъ внезапно открылъ глаза, подтянулъ губу, громко чмокнулъ челюстью и сказалъ, кивнувъ головой:

— Кого я вижу предъ собой?

Я объяснилъ.

— А! Вы малороссъ?

— Я родился въ Харьковской губерніи... малороссъ..

— А почему вы родились въ Харьковской губерніи?

— У матери моей было тамъ имѣніе, а отецъ служилъ.

— А вѣдь я тоже изъ Харькова. Скажите, пожалуйста, какое пріятное знакомство! Я вѣдь старожилъ харьковскій. Я еще въ 1825 году подносилъ хлѣбъ-соль императору Александру Благословенному во время слѣдованія его въ Таганрогъ.

— Вотъ какъ!

— Какъ же. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ слишкомъ. Правда, я былъ тогда молодъ.

— Конечно, вы были тогда молоды,—любезно подтвердилъ я.

Петровъ хотѣлъ что-то сказать, но уронилъ вѣки, челюсть его внезапно отвисла, губа выпятилась и стала какой-то неестественно голубой, и онъ погрузился въ сонъ.

Опять шевельнулось во мнѣ чувство страха.

Можетъ быть, прошла минута, но она была довольно долгимъ промежуткомъ времени.

Наконецъ Петровъ опять открылъ глаза.

— А, кого я вижу! Ба, землякъ! Очень пріятно, очень пріятно. Такъ какъ же, милостивый государь,—грозно закричалъ онъ:—развѣ можно печатать такія статьи, какъ о Вольтерѣ! Да знаете ли, что за такія статьи журналъ надо бы сжечь... Сожгу, милостивый государь!

И еще разъ заснулъ Петровъ. Теперь голова его упала совсѣмъ на грудь. Я рѣшительно всталъ. Петровъ услышалъ шумъ отодвигаемаго стула и поднялъ голову. Онъ постарался улыбнуться своими синими, раздвинувшимися до ушей губами.

— Ахъ, какъ мнѣ жаль,—началъ онъ съ улыбкой:—что я долженъ былъ огорчить васъ моей точкой зрѣнія на статью Жика, тѣмъ болѣе, что вообще журналъ мнѣ очень, очень нравится. Я читаю научныя статьи его съ большимъ удовольствіемъ и пользой для себя. Вы, кажется, ведете научную хронику сами?

— Да, я веду научную хронику.

— Очень хорошо и поучительно. Но дарвинизмъ, дарвинизмъ!—закричалъ онъ, сдвинувъ брови.—Ну, да на дарвинизмъ плевать,—пояснилъ онъ:—а вотъ продолженія статьи о Вольтерѣ чтобы не было.

Онъ постучалъ пальцемъ по столу.

— Чтобы я больше о Вольтерѣ ничего не читалъ. Я Вольтера боюсь. Это самый вредный философъ, какой когда-либо бременилъ землю. Онъ возставалъ не только на царственные троны, но и противъ Господа Бога. Онъ церковь осмѣивалъ, библию... Сожгу!

Петровъ тоже всталъ во весь ростъ, упершись косточками кулаковъ въ столъ. Но и тутъ голова его какъ-то странно качнулась. Онъ сталъ бороться съ одолѣвавшей его сонливостью, преодолѣлъ слабость и сдѣлалъ самую милую и дружескую гримасу.

— Жму вашу руку, землякъ. Воспоминанія о Харьковѣ для меня особенно пріятны. Кланяйтесь городу, когда будете въ Харьковѣ.

— Я могу уходить?

Петровъ любезно развелъ руками и кивнулъ головой. Я ушелъ.

Принесъ Жика продолженіе статьи. Тщательно прочиталъ я ее и показалъ Владимиру Ивановичу Жуковскому, который былъ членомъ редакціи. Онъ тоже прочиталъ. Кое-что мы выставили изъ статьи и рѣшили, что она смѣло можетъ быть напечатана, такъ какъ содержала въ себѣ гораздо меньше огня, чѣмъ первая статья. Повидимому, написана она была даже отчасти для листовъ. Къ тому же Петровъ произвелъ на меня впечатлѣніе до нельзя странное и комичное. Однимъ словомъ, я не послушался цензурнаго комитета, и статья была напечатана.

Но зато книга не вышла въ свѣтъ. Она была арестована и сожжена.

Издатель и редакторъ по возвращеніи въ Петербургъ не нашли ничего предосудительнаго въ моемъ хозяйствѣ и не особенно сѣтовали на меня за сожженіе книги. Жика между тѣмъ укрѣпился въ «Словѣ» и сталъ печатать свои статьи каждый мѣсяцъ; онъ велъ у насъ политическое обозрѣніе, а затѣмъ раздвоился и сталъ сотрудничать также въ «Дѣлѣ». Съ Петровымъ я больше на цензурномъ кострѣ не встрѣчался. Но какъ-то ужъ передъ самой его смертію я зашелъ въ цвѣточный магазинъ, что подъ трактиромъ Палкина, и засталъ тамъ Петрова. Онъ пріобрѣлъ великолѣпный букетъ. Обернувшись, онъ, къ удивленію моему, узналъ меня.

— А, землякъ! Если бы вы знали, какой прелестной я везу эти цвѣты,—сказалъ онъ со сладкой улыбкой, которая застыла на его мертвыхъ губахъ, и онъ вмѣстѣ съ нею и съ букетомъ вышелъ изъ магазина.

VI.

Въ качествѣ редактора или соредактора я участвовалъ еще въ «Новомъ Обозрѣніи»—журналъ, который былъ основанъ на средства Ѳ. И. Базилевскаго тѣмъ же пріятелемъ моимъ Д. А. Корочевскимъ въ сотрудничествѣ съ М. А. Антоновичемъ. Несмотря на то, что въ «Новомъ Обозрѣніи» работалъ Кибальчичъ, котораго мы знали подъ именемъ Самойлова, и что журналъ былъ подцензурный, особыхъ цензурныхъ столкновеній у насъ не было. Только однажды нашъ цензоръ Юферовъ пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ, чтобы переговорить о разсказѣ моемъ «Тайна Оли». Я ждалъ, что онъ собирается что-нибудь вычеркнуть изъ разсказа. Но Юферовъ объявилъ, что ему хотѣлось только познакомиться со мною. Онъ угостилъ меня чаемъ и виномъ, расхвалилъ мой разсказъ. Закрытъ же былъ журналъ самимъ издателемъ послѣ 1-го марта.

Пересталъ я быть редакторомъ и посвятилъ свое время беллетристикѣ. Какъ беллетристъ, я страдалъ отъ цензуры меньше, чѣмъ отъ редакторовъ. Увы! искажалъ мои повѣсти и разсказы Пятковскій въ «Наблюдателѣ», гдѣ сотрудничать порекомендовалъ мнѣ Салтыковъ послѣ того, какъ закрыты были «Отечественныя Записки». Пятковскій вставлялъ отъ себя иногда цѣлыя фразы. Точно также онъ вымарывалъ страницами. Слово «еврей» замѣнялъ «жидомъ» и, наконецъ, сталъ меня самого подозрѣвать въ «жидовствѣ». Хитро справлялся о моей родословной. Какъ-то я показалъ ему книжку «Юго-Западнаго Архива», гдѣ приведенъ былъ документъ о нѣкоемъ еврей Пятковскомъ, который держалъ въ арендѣ православные храмы. Пятковскій поблѣднѣлъ, подошелъ къ зеркалу и долго смотрѣлъ на себя, сталъ задумчивъ и печаленъ. Задолго до прекращенія «Наблюдателя» я пере-

сталъ сотрудничать въ этомъ журналѣ. Еще кое-какъ сдерживалъ Пятковскаго покойный Зотовъ. Впрочемъ, за исключеніемъ еврейскаго вопроса, Пятковскій былъ передовыхъ взглядовъ. Въ этомъ отношеніи онъ очень похожъ былъ на извѣстнаго критика, сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» и «Русскаго Богатства» М. А. Протопопова. Къ беллетристикѣ Пятковскій относился полупрезрительно. Одинъ только Салтыковъ былъ вполнѣ литературный редакторъ. Сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ» поэтому является для меня самымъ свѣтлымъ періодомъ моей литературной жизни.

VII.

Въ «Живописномъ Обзорѣніи» Михайлова-Шеллера трудно было напечатать что-нибудь безъ того, чтобы цензоръ не смазалъ двухъ или трехъ страницъ, а не то и цѣлую главу. Выводишь какого-нибудь революціоннаго болтуна, дискредитирующаго движеніе, а рядомъ съ нимъ выставляешь болѣе или менѣе положительнаго человѣка, который умѣетъ дѣйствовать и знаетъ цѣль, къ которой стремится. Появляется повѣсть или романъ въ печати. Болтунъ остался, а дѣловой человѣкъ выставленъ.

Однажды я написалъ романъ подъ названіемъ «На зарѣ новой жизни», въ которомъ были изображены годы, предшествовавшіе освобожденію крестьянъ, и сдалъ его Шеллеру. Но каково же было мое изумленіе, когда я получилъ его-письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что цензура совсѣмъ не пропускаетъ романа.

— Кто цензоръ?—спросилъ я у Александра Константиновича.

Онъ назвалъ мнѣ цензора. Помню, жилъ цензоръ на углу Пушкинской улицы и Кузнечнаго переулка. Фамилія его была Фрейманъ. Направился я къ цензору. Прихожу. Любезно встрѣчаетъ меня.

— Что вамъ угодно?

— Да какъ же, помилуйте, вы не пропускаете моего романа.

— А! Очень хорошій романъ,—сталъ хвалить онъ.—Я съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ его.

— Благодарю васъ, но въ такомъ случаѣ почему же вы не пропускаете его?

— А потому,—сказалъ онъ мнѣ съ лукавымъ выраженіемъ въ глазахъ и въ губахъ:—что въ романѣ вы очень отрицательно относитесь къ крѣпостному праву.

— Ну такъ что же? Его, слава Богу, нѣтъ ужъ больше.

— Его, слава Богу, больше нѣтъ, но со времени уничтоженія его не прошло даже тридцати лѣтъ. А кто знаетъ, если оно не возобновится.

— Какъ, крѣпостное право?

— По моему мнѣнію, оно не сегодня—завтра будетъ возобновлено.

— Крѣпостное право?

— Даю вамъ честное и благородное слово. Однимъ словомъ, я настолько убѣжденъ въ этомъ, что не могу пропустить романъ, который мнѣ самому нравится. Имѣйте въ виду, что я не крѣпостникъ по своимъ убѣжденіямъ, но я цензоръ.

Вся кровь ударила мнѣ въ голову. Мнѣ показалось, что мой цензоръ сошелъ съ ума. Приѣхалъ я въ цензурный комитетъ, а тогда предсѣдателемъ былъ Кожуховъ, передъ тѣмъ бывший гдѣ-то вице-губернаторомъ. По пути я состряпалъ прошеніе слѣдующаго содержанія: «Цензоръ такой-то не пропустилъ моего романа «На зарѣ новой жизни» подъ тѣмъ предлогомъ, что вскорѣ будетъ восстановлено крѣпостное право. Если причина, выставленная цензоромъ, имѣетъ какія-либо основанія, то покорнѣйше прошу официального разъясненія». Къ прошенію я приложилъ корректуру всего романа. Я подалъ прошеніе Кожухову. Онъ развернулъ его и поднялъ брови на самый лобъ. Долго смотрѣлъ онъ на меня.

— Я пересмотрю вашъ романъ и завтра же дамъ отвѣтъ.

На другой день я приѣхалъ въ цензурный комитетъ.

Кожуховъ немедленно принялъ меня и сказалъ:

— Цензоръ Фрейманъ очень старый человѣкъ. Ему осталось полгода до пенсіи. Я бы вамъ совѣтовалъ взять назадъ ваше прошеніе, и тогда романъ я немедленно разрѣшу къ печати.

Прошеніе было возвращено, и романъ разрѣшенъ.

VIII.

Въ теченіе темнаго времени, начиная отъ 1-го марта и кончая серединой девяностыхъ годовъ, я нѣсколько разъ пытался издавать газету или журналъ, но бывший начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Теокистовъ упорно мнѣ отказывалъ въ утвержденіи меня редакторомъ.

Писать между тѣмъ было негдѣ, и приходилось, скрѣпя сердце, печатать свои романы гдѣ попало.

Была еще у меня исторія съ романомъ «Новая жизнь», который былъ напечатанъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Цензоръ Косовичъ ни за что не хотѣлъ пропускать его. Я два вечера просидѣлъ у него, защищая романъ. Конечно, его слѣдовало бы не пропустить за то, что онъ плохъ, но цензоръ находилъ, что романъ, будучи самъ по себѣ какъ будто бы и не преступнымъ произведеніемъ, можетъ породить преступныя мысли. Косовичъ былъ добродушный человѣкъ, но недалекій. Ужасно трудно объясняться съ начальствомъ, когда видишь тусклость его мозговъ и не знаешь, съ какой стороны подойти къ нему. Наконецъ онъ махнулъ рукой, вычеркнулъ только

нѣскольکو главъ, которыя имѣли поясняющее значеніе, а, впрочемъ, въ художественномъ отношеніи были совершенно излишни, и разрѣшилъ «Новую жизнь».

Въ томъ же «Сѣверномъ Вѣстникѣ» большихъ хлопотъ надѣлала мнѣ повѣсть «Тараканій бунтъ». Цензура совсѣмъ запретила ее, какъ особо вредное произведеніе. Предсѣдателемъ былъ уже тотъ же Косовичъ.

— Это черезчуръ злая сатира на земскаго начальника, — сказалъ онъ: — а главнымъ образомъ на правительство, которое держитъ народъ въ темотѣ... Я съ вами согласенъ, народъ нашъ темень и могъ бы быть просвѣщеніе, но у правительства свои взгляды. Черезчуръ злобно. Повѣсть не пройдетъ.

Трудно представить себѣ тоску писателя, когда запрещаютъ его произведеніе. «Тараканій бунтъ» между тѣмъ я считалъ одной изъ лучшихъ своихъ повѣстей. Напрасно я выщипывалъ изъ него перья, которыя казались цензурѣ наиболѣе яркими. Ужасъ, какой навѣваетъ на деревню колокольчикъ земскаго начальника, безпросвѣтность деревни, самъ земскій начальникъ, похожій на апокалиптическаго звѣря, а на самомъ дѣлѣ обыкновеннѣйшій куроцапъ, художественная злоба, которая руководила мною, когда я писалъ «Тараканій бунтъ», и которая вылилась въ цѣломъ рядѣ соответствующихъ образовъ — все поблѣднѣло и потускнѣло отъ безчисленныхъ помарокъ, которыя пришлось сдѣлать. Но Косовичъ былъ неумолимъ. Тогда я обратился съ просьбой пропустить мнѣ «Тараканій бунтъ» безъ крупныхъ помарокъ въ видѣ отдѣльной книги, которую я обязывался продавать не дешевле пяти рублей за экземпляръ. Косовичъ на это согласился, и «Тараканій бунтъ» такимъ образомъ принципиально былъ пропущенъ. Но редактору «Сѣвернаго Вѣстника» Волынскому непремѣнно хотѣлось напечатать «Тараканій бунтъ» въ журналѣ. Я отправился въ главное управленіе и попросилъ начальника печати М. П. Соловьева вникнуть въ мое дѣло.

— Пятирублевое изданіе вамъ разрѣшено? — спросилъ онъ.

— Разрѣшено... по крайней мѣрѣ на словахъ.

— Хорошо, я спрошу у Косовича. Придите черезъ часъ.

Я пришелъ черезъ часъ.

— Косовичъ подтвердилъ. А какая подписная цѣна на весь «Сѣверный Вѣстникъ»?

— Двѣнадцать рублей.

— Ну, значить, дороже пяти рублей, а потому можно печатать и въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ».

Такъ прошелъ «Тараканій бунтъ», — къ сожалѣнію, все-таки не безъ помарокъ.

Легко, конечно, можно было бы возстановить испорченныя и потускнѣвшія мѣста. Но это кажется только, что легко. Корректуры трудно сохранять. Если же онѣ и сохранились гдѣ-нибудь,

то разыскать их нѣтъ возможности. Вѣрнѣе всего, онѣ погибли. А главное—нѣтъ былого настроенія. Трудно возвратиться къ прошлому, какъ трудно переживать жизнь. Что испорчено однажды, то испорчено навсегда.

IX.

Въ старину цензорскія мѣста считались чуть не почетными. Аполлонъ Майковъ былъ цензоромъ, Гончаровъ, Никитенко. Цензоромъ былъ Я. П. Полонскій. Впрочемъ, Полонскій служилъ по иностранной цензурѣ, на обязанности которой лежало начинать икрой иностранные газеты, журналы и книги, т. е., попросту говоря, какой-то отвратительной калошей замазывать неугодные правительству страницы и рисунки.

У Полонскаго я часто бывалъ. Онъ жилъ на углу Бассейной и Знаменской, въ пятомъ этажѣ. Костыль, на который онъ живописно опирался, и преклонные годы не мѣшали ему взбираться на страшную высоту. Собирались у него по пятницамъ. Кого только не бывало у Полонскаго! Это былъ очень милый и гостепріимный литературный домъ, отъ котораго вѣяло сороковыми годами. У Полонскаго, разумѣется, кромѣ литераторовъ, бывали и цензора.

Однажды я увидѣлъ у него худенькаго пожилого господина съ слегка шипящимъ голосомъ и съ репликами, напомнившими мнѣ безсмертнаго Пигасова—Тургеневскаго героя. Такъ какъ я сидѣлъ неподалеку отъ него, то онъ завязалъ со мною разговоръ.

— Вы, кажется, любитель старины?—спросилъ онъ.—Я слыхалъ, что у васъ есть коллекціи.

— Коллекціи у меня небольшія и не очень богатая,—отвѣчалъ я.—У меня нѣтъ средствъ собирать дорогія коллекціи. Но есть нѣсколько старинныхъ картинокъ, кой-какія эмали и въ особенности могу похвастаться рисунками.

— А, вотъ вы сказали—эмали. Это очень любопытно.

— Предупреждаю, что эмали у меня не древнѣйшія, дальше семнадцатаго вѣка нѣтъ. Русскія эмали семнадцатаго и начала восемнадцатаго вѣка. Есть, впрочемъ, эмалевое кольцо четырнадцатаго вѣка.

Однимъ словомъ, мы пустились въ археологическія изліянія.

— Вы знаете, какъ меня зовутъ?—спросилъ мой собесѣдникъ.—Позвольте... Соловьевъ. Можетъ быть, вы встрѣчали статьи мои объ итальянскомъ искусствѣ въ «Вѣстникѣ Европы» и въ «Русскомъ Обозрѣніи»? Зовутъ меня Михаилъ Петровичъ.

Мы обмѣнялись карточками.

Я нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ потомъ у Полонскаго. Соловьевъ гдѣ-то служилъ дѣлопроизводителемъ и, кромѣ того,

занимался адвокатурой; по званію, онъ былъ присяжный повѣренный. Когда мы встрѣчались, то первымъ дѣломъ начинали обмѣниваться археологическими новостями. Я выписывалъ нѣсколько заграничныхъ журналовъ и поэтому всегда могъ поддержать археологическій разговоръ. Соловьевъ проникся, повидимому, не заслуженнымъ мною уваженіемъ къ моимъ познаніямъ. Случалось, что онъ перенѣсилъ разговоръ на политическіе предметы, но тутъ мы съ нимъ не сходились. Я отмалчивался.

Бываніе мое у Полонскаго сопровождалось, впрочемъ, длинными перерывами. Такимъ образомъ, я однажды два года не бывалъ на пятницахъ поэта. Переселился я на Черную рѣчку, построилъ себѣ маленькій домикъ и ушелъ въ книги и свою любимую работу. Ни съ кѣмъ не встрѣчался, никого не видалъ. Одинъ библиографъ выяснилъ, что прошло уже двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь литературою, и оповѣстилъ объ этомъ въ газетахъ. Кое-гдѣ появились мои портреты и благожелательныя замѣтки съ поздравленіями. Пришлось пригласить къ себѣ литераторовъ и угостить ихъ чѣмъ Богъ послалъ. Это было 10-го декабря 1895 г. На самомъ дѣлѣ то было 25-лѣтіе моей газетной или публицистической дѣятельности, а литературный юбилей мой могъ бы быть отпразднованъ только въ 1905 г. Первая литературная моя вещь «На чистоту» появилась въ «Словѣ» въ январѣ 1880 г. (за каковой рассказъ кстати «Слово» получило предостереженіе, о чемъ я забылъ упомянуть раньше). Но ужъ пошелъ звонъ, надо было благодарить и пировать. Добрые издатели, въ журналахъ и газетахъ которыхъ я сотрудничалъ, привезли мнѣ подарки. Между прочимъ пріѣхалъ издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Пропперъ съ Гаммой-Градковскимъ и съ своимъ редакторомъ Коншинымъ и поднесли мнѣ монументальную серебряную чернильницу съ лестными надписями.

Я былъ тронуть, я былъ взволнованъ, цѣлый день я не зналъ, куда мнѣ дѣваться, потому что отъ природы я человекъ застѣнчивый, и мой домикъ на Черной рѣчкѣ былъ положительно сконфуженъ обиліемъ блестящихъ гостей. Какъ водится, получены были телеграммы. Между прочимъ получилъ я телеграмму отъ Полонскаго и одну отъ Соловьева.

Я и забылъ, какой Соловьевъ. Я думалъ, Владимиръ Соловьевъ, съ которымъ я часто видался у графини С. П. Толстой — вдовы поэта А. К. Толстого. У Вл. Соловьева я бывалъ, и онъ бывалъ у меня, но потомъ разошелся со мной изъ-за того, что я не захотѣлъ подписать специальную петицію о дарованіи евреямъ политическихъ правъ, а предлагалъ измѣнить петицію въ смыслѣ дарованія политическихъ правъ всѣмъ русскимъ гражданамъ безъ исключенія. Вѣроятно, Владимиръ Сергѣевичъ сообразилъ, что я былъ правъ—рѣшилъ я—и примирился со мной.

X.

Прошло полгода. Я сидѣлъ лѣтомъ въ своемъ саду, когда пріѣхалъ ко мнѣ на велосипедѣ управляющій конторою «Биржевыхъ Вѣдомостей» и предупредилъ, что ко мнѣ обратится съ приглашеніемъ въ редакторы издатель Пропперъ.

Я подумалъ и согласился.

Каждому редактору кажется, что онъ можетъ сдѣлать изъ газеты нѣчто весьма хорошее. Помимо того, во мнѣ всегда рядомъ съ литераторомъ жилъ публицистъ. Я никогда не смѣшивалъ публицистику съ литературой—это тоже, можетъ быть, странная черта—но по временамъ бросался, къ сожалѣнію, въ общественную борьбу...

Въ назначенный день г. Пропперъ пріѣхалъ ко мнѣ, и мы условились. Я согласился быть редакторомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Тутъ С. М. Пропперъ кстати объяснилъ мнѣ, что «Биржевыя Вѣдомости» находятся подъ страшнымъ административнымъ гнетомъ. Предыдущій фактической редакторъ Д. А. Линева раздражилъ правительство своими статьями.

— Я уже еще на вашемъ юбилей мысленно рѣшилъ пригласить васъ редакторомъ, и чернильница, которую мы вамъ поднесли, была символомъ — прибавлю къ этому — вашего будущаго редакторства.

— А Линева что же?

— А Линева останется, разумѣется,—сказалъ издатель:—но ему нѣкоторое время надо будетъ помолчать, такъ какъ направленіе «Биржевыхъ Вѣдомостей» съ приглашеніемъ васъ едва ли измѣнится кореннымъ образомъ, а только приметъ болѣе спокойный характеръ.

— Вы говорили обо мнѣ уже въ главномъ управленіи?

— Я сейчасъ поѣду. Скажите, въ какихъ вы отношеніяхъ съ Соловьевымъ?

— Съ какимъ Соловьевымъ?

— Который теперь начальникомъ печати.

— Какъ его зовутъ?

— Михаилъ Петровичъ.

— Я его встрѣчалъ у Полонскаго.

— Онъ большой консерваторъ. Если бъ оказалось, что онъ противъ васъ, то на кого могли бы вы опереться? Не знаете ли вы Побѣдоносцева?

Я отвѣчалъ, что видѣлъ Побѣдоносцева и провелъ съ нимъ какъ-то вечеръ у статсъ-секретаря Шалфеева—извѣстнаго въ свое время антиквара-любителя. Но опереться на него не могу, конечно.

— Ну, да тамъ видно будетъ. Я сейчасъ же ѣду въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Вскорѣ я былъ вызванъ къ Соловьеву. Его внезапное возвышеніе и врученіе ему такого важнаго поста объяснялось его близостью къ К. П. Побѣдоносцеву.

— Здравствуйте. Я ничего не имѣю противъ васъ, какъ редактора, и состою въ числѣ поклонниковъ вашего дарованія (онъ, впрочемъ, сказалъ: «таланта»). Я поздравлялъ васъ съ юбилеемъ. Вы получили мою телеграмму?

Я вспомнилъ и поклонился.

— Но тутъ есть маленькая заковыка. Вамъ, можетъ быть, неизвѣстно, но существуетъ книжка, очень хорошо изданная, которою принято руководиться въ цензурныхъ кругахъ. Кто составилъ книжку, я вамъ не скажу, потому что это государственный секретъ—вотъ она у меня въ рукахъ,—показалъ Михаилъ Петровичъ:—но въ ней заключаются характеристики всѣхъ современныхъ писателей. О васъ въ книжкѣ между прочимъ сказано, что вы принадлежите къ наиболѣе радикальнымъ и даже анархически настроеннымъ писателямъ, что вы неохотно вступаете въ компромиссы даже съ либеральными органами и искусно отводите глаза, устремленные на васъ, участіемъ въ распространеннѣйшихъ изданіяхъ, которыя читаются преимущественно среднимъ и простымъ народомъ—и вливаете въ умы Сеничкинъ ядъ... Что вы на это скажете?—юмористически прищуривъ глаза, своимъ шипящимъ строгимъ голосомъ спросилъ Соловьевъ.

— На это откровенно могу сказать, что участіе въ распространеннѣйшихъ изданіяхъ мнѣ доставляетъ часто большія нравственные страданія.

— Ну, знаете, характеристика, которую я прочиталъ, мнѣ кажется самому черезчуръ сильной. Когда вы станете во главѣ изданія и будете отвѣтственнымъ лицомъ, то поневолѣ ваши взгляды, какъ бы они ни были ярки, примутъ умѣренную окраску. Еще вамъ скажу, въ виду нашихъ добрыхъ встрѣчъ у Полонскаго, что если бы Пропперъ съ вами не сошелся, я другого редактора ему не дамъ.—Онъ понизилъ голосъ.—Я вамъ совѣтую, Иеронимъ Иеронимовичъ, заключить съ нимъ условіе. Вы литераторъ. Вся литературная фабрика будетъ работать у васъ на письменномъ столѣ. Поэтому вы имѣете полное право потребовать отъ него, по крайней мѣрѣ, половину. Вы знакомы съ «Биржевыми Вѣдомостями»?

Я отвѣчалъ, что въ послѣднее время успѣлъ ознакомиться.

Соловьевъ сталъ смѣяться.

— Я того мнѣнія, что начальникъ печати это нѣкоторымъ образомъ главный редакторъ всѣхъ періодическихъ изданій. Вѣдь я же эстетикъ и художникъ. Какъ-нибудь зайдите ко мнѣ, я вамъ покажу, какіе я дѣлаю рисунки акварелью. Мнѣ было неприятно читать «Биржевыя Вѣдомости». Каждый день завываніе—дурной тонъ, порча языка. Еще я вамъ скажу между нами—мнѣ кажется, что, сколько я могъ заключить, самому Пропперу это надоѣло... Впрочемъ, не удаляйте Линева, пусть онъ остается и пишетъ, напри-

мѣрь, разъ въ недѣлю... Ну что, какъ археологія? Нашли что-нибудь новенькое въ антикварныхъ лавкахъ?

Разговоръ перешелъ на археологію и продолжался еще около получаса.

Черезъ нѣсколько дней С. М. Пропперъ уѣхалъ за границу, а я сталъ редакторствовать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и на оставленный мнѣ бюджетъ пригласилъ такихъ авторовъ, какъ Мережковскій, Сологубъ, Салиасъ, Мордовцевъ и мн. др. Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ былъ только одинъ Гамма Градовскій, который писалъ политическія статьи. Сотрудничалъ онъ когда-то въ «Голосѣ», человѣкъ онъ былъ очень умѣренный; его фельетонъ о пергомариовскомъ преступленіи я хорошо помнилъ... Статьи его въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» никогда не вызывали недоразумѣній въ то время; напротивъ, онѣ отличались такъ называемымъ буржуазнымъ напавленіемъ. Г. Гамма-Градовскій былъ государственникъ съ ногъ до головы и впоследствии сотрудничалъ въ «Кіевляннѣ» г. Пичго. Помощникомъ редактора былъ молодой человѣкъ, еще студентъ, В. А. Бонни, способный, но обремененный работою. Между тѣмъ вернулся г. Линева изъ поѣздки по Волгѣ, куда онъ нѣкоторымъ образомъ былъ «сосланъ» послѣ боевыхъ схватокъ своихъ съ земскимъ начальникомъ Жеденевымъ, встревожившихъ администрацію.

Лично я уважалъ публицистическій темпераментъ Д. А. Линева; литературныя формы, въ которыя онъ облакалъ свои статьи, могли не нравиться, но онѣ носили своеобразную печать. Сразу можно было, прочитавши нѣсколько строкъ, сказать: это писалъ Линева. У него, кромѣ того, было знаніе провинціальной жизни. Памятуя слова Соловьева, что лично противъ Линева, какъ публициста, главное управленіе по дѣламъ печати ничего особеннаго не имѣетъ, я сообщилъ объ этомъ Д. А. Линева, псевдонимъ котораго былъ Далинъ, и предоставилъ ему властью редактора продолжать свои ежедневные фельетоны. Линева сталъ писать.

Это было въ началѣ сентября, а въ срединѣ мѣсяца пріѣхалъ изъ-за границы издатель С. М. Пропперъ. Поздоровавшись со мной, онъ спросилъ:

— Что новаго?

— У насъ продолжаетъ писать Линева.

— И что же?

— И начальство, повидимому, ничего не имѣетъ. По крайней мѣрь, объясненій у меня съ Соловьевымъ не было.

С. М. Пропперъ взволнованно зашагалъ по кабинету.

— Не скрою, я былъ уже у Соловьева—и онъ сказалъ, что въ настоящее время газета съ такимъ направленіемъ не можетъ существовать.—По моему мнѣнію—или... или...

Онъ выразительно взглянулъ на меня.

— Вы хотите, С. М., сказать, что я тоже могу уйти? Я еще ничего не сдѣлалъ для «Биржевыхъ Вѣдомостей», и вы не знаете, что бы я могъ сдѣлать, такъ что если я уйду, вамъ жалѣть обо мнѣ будетъ незачѣмъ. И я попрошу Соловьева, чтобы онъ утвердилъ редакторомъ кого-нибудь другого, чтобы у васъ не было ни малѣйшей тѣни неудовольствія или подозрѣнія...

Пропперъ дружески бросился ко мнѣ.

— Нѣтъ, вы никогда отъ меня не уйдете,—сказалъ онъ.—То, что вы сейчасъ сказали, свидѣтельствуеть о томъ, что мы съ вами сойдемся.

— Кажется.

— Хорошо,—заклучилъ Пропперъ.—Пусть Линева продолжатъ, если вы сумѣете обезпечить въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» его сотрудничество. Но Соловьевъ жалуется, что вы его обманули.

— Какимъ образомъ?

— Я не знаю. Спросите у него. Онъ недоволенъ вами.

Прошло нѣсколько дней. Д. А. Линева доставлялъ свои статьи, а я посылалъ ихъ въ типографію. Вдругъ приглашеніе начальника печати.

Я отправился къ Соловьеву.

Онъ «съ мѣста въ карьеръ» напустился на меня.

— Повѣрьте, что хотя я консерваторъ, но я въ высшей степени терпимо отношусь ко всякимъ мнѣніямъ. Въ качествѣ начальника печати, я забываю свои личные убѣжденія. Я представитель правительства. Должны быть либеральныя и консервативныя мнѣнія. Банально, но совершенно вѣрно, что изъ ихъ столкновенія выскрывается истина. Я ничего не имѣю противъ такихъ убѣжденій, какія у Линева. Но онъ словечка не можетъ сказать просто—все съ революціонной ужимкой. Обрушилась церковь и задавила трехъ рабочихъ. Что же—несчастный случай, конечно. Но Линева по этому поводу наплакалъ цѣлое ведро слезъ и свелъ къ тому, что правительство виновато. Между тѣмъ онъ же противъ правительственной опеки. Я подчеркиваю злостную нелогичность такихъ жалобъ. Мнѣ очень жаль, я вполне былъ убѣжденъ, что вы не сойдетесь съ Линевымъ. Но—дѣло ваше. Я разрѣшилъ ему писать разъ въ недѣлю, а онъ пишетъ ежедневно. Опять эта шарманка!

Онъ сухо улыбнулся и простился со мной.

На другой день Д. А. Линева, по собственному почину, покинулъ «Биржевыя Вѣдомости».

Потомъ къ конторѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей» показали мнѣ записку Далина, изъ которой явствовало, что онъ сохраняетъ объ издателѣ «самое хорошее воспоминаніе».

XI.

Перемена редакціи почти всегда является кризисомъ для изданія. Подписчики привыкли къ тону Далина, корреспонденты усвоили даже его слогъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на аудиторію, и я началъ получать письма, что я не справлюсь съ дѣломъ, которое я взялъ на себя, и что подписки не будетъ. Повидимому, пустое дѣло редактированіе газеты сравнительно съ настоящимъ литературнымъ трудомъ. Больше черное дѣло—въ особенности когда на первыхъ порахъ редакція обставлена бѣдно и когда редактору, какъ мнѣ, приходится писать и передовыя статьи, и фельетоны, и критическія замѣтки, и театральныя рецензіи. Газетное дѣло я все-таки знаю и зналъ. Самолюбіе мое было задѣто, и я рѣшилъ поднять «Биржевыя Вѣдомости». Расчетъ былъ ясный. Разъ дѣло было поставлено Линевымъ, надо было, разумѣется, прежде всего удержать его хотя бы на прежней высотѣ, а затѣмъ постараться привлечь къ газетѣ не одинъ Западный край, какъ это было раньше, а всю Россію. Сдѣлать же это можно было искреннею бесѣдой съ русскими людьми о томъ, что больше всего ихъ занимало и терзало. Надо было, проповѣдуя терпимость и гуманность—банальные, но вѣчные принципы—примирить національныя противорѣчія, которыми такъ богаты русскія области, и слить ихъ въ одномъ чувствѣ справедливости и протестующихъ настроеній. А поводъ для протеста былъ безъ конца. Аудиторія оказалась чуткой. Далина замѣнилъ Независимый. Послѣ первыхъ же фельетоновъ посыпались письма. Интересъ къ «Биржевымъ Вѣдомостямъ» сталъ разрастаться, и черезъ четыре или пять мѣсяцевъ онъ распространился уже въ центральныя губерніи, черезъ годъ перевалили за Уралъ, и, какъ мнѣ потомъ писалъ Амфитеатровъ изъ Сибири, не было ни одного самаго темнаго уголка въ тайгѣ, гдѣ бы не знали имени «Независимаго».

Мнѣ приходилось затрогивать самыя острыя темы. Все страдало и вопіяло въ Россіи. Я писалъ не только о безправномъ и нищенскомъ положеніи почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, желѣзнодорожныхъ тружениковъ, но и о земельныхъ тяготахъ народа, о страшномъ произволѣ полиціи, объ ужасахъ, чинимыхъ земскими начальниками, жандармами, становыми.

Я не жалѣлъ красокъ. Часто вызывалъ меня Соловьевъ.

— Ну, батенька, вы почище Линева,—говорилъ онъ.—Васъ спасаетъ только литературность. Впрочемъ, все можно писать, но помните, чтобъ были документы. А разъ неправда—я не отвѣчаю.

Несомнѣнно, на терпимость Соловьева къ моимъ писаніямъ вліяло его представленіе обо мнѣ, какъ объ археологѣ... Да благословенна будетъ археологія!

Однажды М. П. Соловьевъ пригласилъ меня къ себѣ на домъ. Ему хотѣлось показать мнѣ свои миниатюры. Его акварельныя вишѣтки къ Молитвѣ Господней и къ Данте поразили меня рѣдкимъ вкусомъ и красотою.

— Отчего вы не издадите?—спросилъ я.

— Есть прелесть въ томъ, чтобы художественное произведеніе не размножалось,—сказалъ онъ мнѣ.

— Но это эгоизмъ.

— Если бы я даже зналъ, что всеѣмъ нравится моя работа, я бы не размножилъ ее. Размноженная красота становится пошлостью.

У него была большая эрудиція. Онъ за всеѣмъ слѣдилъ, все читалъ, преклонялся предъ литературою и терпѣть не могъ полулитературы и полуобразованности. Ему хотѣлось бы, чтобы въ каждой газетѣ писали литераторы, а не «случайные борзописцы», какъ онъ выражался. Издателей онъ ненавидѣлъ. Ему хотѣлось бы, чтобы собственниками періодическихъ изданій были не капиталисты, а писатели. Въ качествѣ государственника онъ не прочь былъ бы провести эту мѣру насильственнымъ путемъ, и его удивляло, что она не встрѣчаетъ сочувствія у писателей.

— Соціалисты, коммунисты—и такое непониманіе меня!

— Послушайте, М. П.,—возражалъ я:—но это не социализмъ, а аракчеевщина...

Онъ пожималъ плечами, бранился.

— Вы такъ и не заключили нотаріальнаго условія съ Проперомъ?—сердился онъ на меня, пріѣхавши ко мнѣ вмѣстѣ съ Шеллеромъ на Черную рѣчку.—Попомните! Я смотрю сквозь пальцы на «Биржевыя Вѣдомости» только ради васъ. Да, кстати,—объявилъ онъ мнѣ:—въ имѣніи Ридигера произошли беспорядки, о которыхъ Независимый написалъ грозную бесѣду. По справкамъ, которыя навелъ министръ, оказалось, что это вѣрно, такъ что во имя послѣдовательности я долженъ былъ бы утѣшить васъ и сказать, что вы отвѣчать не будете. Но Ридигеръ—лицо, обращающееся въ придворныхъ сферахъ. Онъ уже пожаловался, и придется наказать «Биржевыя Вѣдомости», чтобы утѣшить вельможу.

— Какъ же такъ, Михаилъ Петровичъ!—вскричалъ я, озадаченный.

— Есть лица, предъ которыми безсильны какіе бы то ни было принципы. И вообще я замѣтилъ поворотъ во мнѣніяхъ министра. Въ разговорѣ со мной онъ выразился, что не всякую правду можно печатать, и чтобы я попридержалъ печать, и въ особености васъ. По всей вѣроятности, придется отнять розничную продажу.

— У перваго изданія,—попросилъ я.

— Ну, ужъ и у второго, потому что нельзя отдѣлять одну газету отъ другой. Въ розничной-то продажѣ, какъ мы справлялись,

«Биржевыхъ Вѣдомостей» продается пятьсотъ экземпляровъ, не больше.

Онъ сухо засмѣялся.

Отношенія Соловьева и Александра Константиновича Шеллера были давнія. Они были знакомы лѣтъ двадцать. Соловьевъ писалъ что-то археологическое у Шеллера, не признавалъ его взглядовъ, но считалъ его—совершенно справедливо—честнѣйшимъ человѣкомъ, литературная карьера котораго, къ тому же, была раздавлена вполне незаслуженно лѣвымъ литературнымъ крыломъ, повидимому, изъ-за личныхъ счетовъ.

Нельзя не отмѣтить этой черты Соловьева. Его смѣшивали съ грязью и до сихъ поръ вспоминаютъ о «царствованіи» Соловьева, какъ о мрачной эпохѣ въ исторіи русской печати. Но справедливость требуетъ указать на то, что, по натурѣ своей, онъ былъ вовсе не дурной человѣкъ. Онъ былъ суровъ, угрюмъ, язвительнъ, честолюбивъ, властительнъ, но онъ былъ какъ-то по-своему честенъ. Онъ быстро угадывалъ и отличалъ искренность въ писателѣ отъ неискренности, и время показало, что онъ не всегда ошибался въ своихъ приговорахъ. Странно по по натурѣ своей онъ былъ революціонеръ. Онъ готовъ былъ бросить бомбой въ какого-нибудь Липскерова за то, что онъ издаетъ пошлую газету безъ искры литературности. Любилъ Дорошевича и повторялъ его остроты и не любилъ Амфитеатрова. У него была на все особая мѣрка, и онъ подходилъ съ нею къ людямъ безцеремонно и даже грубо. Поэтому его никто не любилъ—ни чиновники, ни журналисты. Онъ хотѣлъ разрѣшить изданіе сочиненій Герцена, и по этому поводу у него было много непріятностей.

— Я буду запрещать мусоръ, литературную помойную яму надо упразднить и сравнять съ землею, цензура есть государственная редація, вымарывающая все безграмотное, низменное и пошлое, невзирая даже на консерватизмъ и другія патріотическія направленія, но слѣдуетъ поддерживать все истинно-литературное, и я проведу Герцена, гордость и славу русской литературы! Я проведу!

Но онъ не провелъ Герцена.

ХІІ.

По приказанію министра, послѣдовало, какъ и обѣщаль мнѣ Соловьевъ, смягченное наказаніе «Биржевымъ Вѣдомостямъ»: на двѣ недѣли была прекращена розничная продажа. Вскорѣ, однако, за другую бесѣду мою у «Биржевыхъ Вѣдомостей» отняты были объявленія. На издательскомъ карманѣ послѣдняя мѣра должна была бы отразиться очень дурно, такъ какъ объявленія приостановлены

были въ самый разгаръ подписки. Но С. М. Пропперъ великодушно пожалъ мнѣ руку. Да и подписка поднялась.

Положеніе газеты было упрочено, наконецъ, и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ. Вспоминать о всѣхъ столкновеніяхъ моихъ, какъ редактора, съ кабинетомъ начальника печати было бы скучно. Я получалъ повѣстку, пріѣзжалъ, нѣсколько минутъ длился строжайшій выговоръ, а затѣмъ М. П. принимался бесѣдовать и спорить по поводу какого-нибудь новаго литературнаго явленія. Между прочимъ послѣ одной «головомойки» онъ обратилъ мое вниманіе на появленіе Максима Горькаго въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ».

— Какъ же вы не читали! Помилуйте, да онъ станетъ крупной шишкой! Его «Мальва» восторгъ что такое.

— Михайль Петровичъ, я знаю, что васъ ждутъ цензора и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ конца нашей бесѣды... А она ужъ затянулась, мы чуть не два часа толкуемъ.

— Подождутъ, — съ нетерпѣливымъ жестомъ произнесъ Соловьевъ. — Разбѣлись, брюхатые... Я съ ними со всѣми на ножахъ. Скоро я намѣренъ очистить. Да только кто пойдетъ въ цензора?

— Ни одинъ литераторъ не пойдетъ, — сказала я въ утѣшеніе М. П.

— Ну, нѣтъ, я уже пригласилъ поэта и философа Соколова — онъ дѣльный малый, — а дѣйствительно, больше никого не вижу. Вы знаете, я былъ когда-то нервно боленъ, — признался мнѣ Соловьевъ. — Въ «Лучѣ» Градовскій весьма прозрачно даль понять публикѣ, что я сумасшедшій. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, я слегка сумасшедшій. На васъ я не произвожу такого впечатлѣнія? Я неровень. Напримѣръ, мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что совершенно излишня какая бы то ни была уголовная цензура. Къ чему этотъ цензурный комитетъ? Полицейское дѣло и прокурорское — возбуждать преслѣдованія противъ печати.

— Печать только и желала бы, чтобы она отвѣчала по суду.

— Ну, да. Я не къ тому съ вами завелъ рѣчь, а чтобы у васъ былъ матеріаль для психологіи. Я въ то же время, отрицая цензуру, не прочь сдѣлаться министромъ печати. Видите ли, въ чемъ дѣло, — продолжалъ онъ. — Теперь можно писать противъ какихъ угодно министерствъ. Критикуйте финансы, государственныя имущества, что хотите — дворъ только нельзя трогать, въ силу неприкосновенности всего, что относится къ государю императору. Ну, да дворъ — Богъ съ нимъ. А самое главное министерство у насъ — внутреннихъ дѣлъ — и вотъ я состою на службѣ у министра внутреннихъ дѣлъ, я его подчиненный. Вслѣдствіе этого министерство внутреннихъ дѣлъ находится въ привилегированномъ положеніи. Вы написали, что гдѣ-то въ Стародубскомъ уѣздѣ полиція повѣсила жида. Можетъ быть, и дѣйствительно повѣсила. Отчего же не разслѣдовать

дѣло? А я за это долженъ хлопнуть «Биржевыя Вѣдомости», и если этого не дѣлаю, то потому, что рассчитываю на забывчивость министра. Ну, спросить—я отверчусь. Такъ вотъ подчиненность главнаго управленія по дѣламъ печати есть абсурдъ. Печать станетъ свободной только тогда, когда будетъ министр печати.

— Но я тоже слегка сумасшедшій человѣкъ, хотя и не приходилось мнѣ еще сидѣть въ больницѣ,—возразилъ я.—Мнѣ пришло въ голову—да и раньше приходило, что и министры вообще совсѣмъ не нужны.

— Анархистъ! — саркастически прошипѣлъ Соловьевъ. — Вотъ мы до чего съ вами договорились... До слѣдующаго раза.

Прошло два года. Вызвалъ меня Соловьевъ.

— Что, вы заключили условіе съ Пропперомъ?

— Нѣтъ, и не буду заключать.

— Почему?

— И Пропперъ ничего не имѣетъ противъ условія, сколько я могъ убѣдиться. Онъ самъ предлагалъ мнѣ нѣсколько разъ. Но только съ моей стороны будетъ неблаговидно. Все же давленіе ваше. Нѣтъ ужъ, не будемъ объ этомъ никогда говорить. И я безъ условія чувствую себя свободнѣе.

— Вы знаете, я утвердилъ Михайловскаго и Короленка редакторами-издателями «Русскаго Богатства». Они настоящіе, большіе литераторы.

XIII.

А надъ «Биржевыми Вѣдомостями» сгущались новыя тучи, на этотъ разъ разрѣшившіяся серьезной катастрофой. Происходили въ февралѣ мѣсяцъ студенческіе беспорядки, окончившіеся ледовымъ побоищемъ на Невѣ. Утромъ ко мнѣ на Черную рѣчку пріѣхалъ пріятель мой и сотрудникъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», одинъ изъ полковниковъ Московскаго полка, Бобровскій. Воспользовавшись его любезностью, я процитовалъ ему статью по поводу беспорядковъ и отвезъ ее въ типографію. Вечеромъ статья подвергнута была обсужденію и новой переработкѣ. Я вставилъ—съ большой осторожностью, впрочемъ,—нѣсколько словъ о правительственной провокаціи. На слѣдующій день утромъ я уже получилъ приглашеніе въ главное управленіе и поѣхалъ вмѣстѣ съ издателемъ. Сухимъ взволнованнымъ голосомъ Соловьевъ объявилъ, что имъ сдѣланъ докладъ, и министръ велѣлъ дать «Биржевымъ Вѣдомостямъ» третье предостереженіе и пріостановить ихъ на три мѣсяца.

Это было весьма тяжелой карой для газеты, которая уже расцвѣла и пустила глубокіе корни въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ.

— Я увѣренъ, что обвиненіе правительства въ провокаціи принадлежитъ вамъ!—закричалъ Соловьевъ на Проппера.

Но Пропперъ—объ этомъ мы съ нимъ заранѣе уговорились—указалъ на меня, какъ на виновника статьи. Соловьевъ посмотрѣлъ на меня и сѣлъ.

— Помочь я ничѣмъ не могу,—сказалъ онъ въ заключеніе.— Впрочемъ, постараюсь, что могу, сдѣлать.

Я поѣхалъ къ нему на домъ.

— Не надо такъ увлекаться,—сталъ онъ меня наставлять.— Какое дѣло литератору до политики! Къ чему было впутываться еще въ студенческія исторіи? Громили бы провинціальныя злобы. Безъ того на васъ получается ежедневно уйма жалобъ отъ земскихъ начальниковъ, исправниковъ, губернаторовъ. Мнѣ вы доставляете очень много хлопотъ.

Между тѣмъ Пропперъ рассчитывалъ на помощь г. Витте, состоявшаго тогда министромъ финансовъ. «Биржевыя Вѣдомости» всегда стояли на стражѣ финансовой политики г. Витте—и такъ такъ я мало понималъ въ финансовой политикѣ, то и теперь я не знаю, хорошо или худо дѣлали «Биржевыя Вѣдомости» въ этомъ случаѣ. Финансовой политикой руководилъ самъ издатель. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что С. М. скорѣе былъ соредакторомъ газеты, чѣмъ только издателемъ. Онъ же велъ политическій отдѣлъ въ газетѣ. И его собственныя статьи всегда отличались яркостью освѣщенія, дѣловитостью и серьезностью. О немъ Соловьевъ говорилъ: «министерскій умъ».

Но когда С. М. Пропперъ явился къ г. Витте, то получилъ сухой отвѣтъ.

Соловьевъ въ качествѣ «истишно-русскаго человѣка» оказался добродушнѣе. Онъ сталъ хлопотать предъ министромъ Горемыкинымъ, и чрезъ двѣ недѣли «Биржевымъ Вѣдомостямъ» было предоставлено право выйти въ свѣтъ, но надъ ними былъ установленъ цензурный контроль.

Былъ назначенъ цензоръ. Я былъ вызванъ въ главное управленіе по дѣламъ печати и приглашенъ принять участіе въ совѣтѣ, который собрался обсудить казусъ «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Начальнику печати хотѣлось облегчить положеніе «Биржевыхъ Вѣдомостей» и позволить намъ выходить келейнымъ образомъ безъ цензуры—по соглашенію съ аргусомъ, приставленнымъ къ газетѣ. Но officialный цензоръ «Биржевыхъ Вѣдомостей» Елагинъ (нынѣ покойный) тотчасъ же возсталъ противъ такого проекта и нашелъ его незаконнымъ.

Страшны были не красныя чернила, а обязательное представленіе сверстаннаго нумера газеты къ одиннадцати часамъ вечера, между тѣмъ какъ работа кончалась, обыкновенно, въ типографіи въ четыре часа ночи.

Я вернулся изъ главнаго управленія съ непріятной вѣстью.

Фактически, впрочемъ, «Биржевыя Вѣдомости» остались безцензурными—съ тою только разницею, что уже онѣ не подвергались больше никакимъ взысканіямъ. Иногда статьи, казавшіяся сомнительными и не пославшіяся въ печать, отправлялись къ цензору, и онъ разрѣшалъ ихъ. Долженъ признать, однако, что «Биржевыя Вѣдомости» потускиѣли. Объясненій у меня съ Соловьевымъ больше не было, и если я видался съ нимъ, то какъ съ частнымъ лицомъ. Онъ пріѣзжалъ ко мнѣ на Черную рѣчку, или же я бывалъ у него, гдѣ отъ времени до времени встрѣчалъ тѣхъ самыхъ цензоровъ, которыхъ онъ бранилъ и называлъ брюхатыми.

— Что дѣлать,—говорилъ онъ мнѣ въ оправданіе:—бюрократія, къ которой я принадлежу, но которую я, какъ литераторъ, отвлекаю отъ себя, всеильна. Повѣрьте, все пройдетъ. Я знаю, что въ Россіи со временемъ монархія падеть, и будетъ республика,—можетъ быть, даже социаль-демократическая,—но чиновничество всегда будетъ процвѣтать. Безъ бюрократіи никакая республика шагу не сдѣлаетъ. Бюрократія была всеильна при византійскихъ императорахъ. И что же? византійскіе императоры прошли, какъ тѣнь, а византійская бюрократія подъ видомъ фанаріотовъ продолжала водить на помочахъ Турцію и водить до сихъ поръ. Бюрократія—страшный механизмъ, и она импонируетъ своимъ величіемъ. Я ужъ втянулся въ ея колесо.

Позволю себѣ отмѣтить, что на Черной рѣчкѣ встрѣчался у меня съ Соловьевымъ иногда и С. М. Пропперъ. Пренія непріязнь Соловьева къ Пропперу, какъ издателю, тоже погасла.

— Капитализмъ—такая же сила, какъ и бюрократія,—признавался онъ мнѣ.—Да и умница вашъ Пропперъ!

Когда по ходатайству Соловьева г. Горемыкинъ—бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ—сократилъ «Биржевымъ Вѣдомостямъ» срокъ наказанія съ трехъ мѣсяцевъ на двѣ недѣли, «Биржевыя Вѣдомости» послали женѣ Соловьева на свѣтлый праздникъ—а отмѣна наказанія случилась какъ разъ въ этотъ день—огромный букетъ красныхъ розъ съ карточкой: «отъ воскресшихъ».

Единственное одолженіе, которое, по слабости родительской, принялъ Соловьевъ чрезъ меня отъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»—это было сотрудничество его сына В. М., который разъ въ мѣсяць помѣщалъ въ первомъ изданіи «Биржевыхъ Вѣдомостей» большой фельетонъ о музыкальныхъ новостяхъ и получалъ, какъ постоянный сотрудникъ, сто рублей въ мѣсяць жалованья. Впрочемъ, бывали мѣсяцы, когда статьи его не помѣщались, и тогда онъ жалованья не бралъ.

— Я знаю, вы думаете, что не слѣдовало сыну моему сотрудничать въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», что все-таки косвенно это

было некрасиво,—сказалъ М. П. Соловьевъ мнѣ какъ-то послѣ своего увольненія, когда печаталъ въ моихъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» статью объ итальянскомъ искусствѣ. Вотъ потому-то дуня и болитъ у меня, что это было некрасиво!

Соловьевъ былъ отставленъ отъ должности при новомъ министрѣ Сипягинѣ. Я случайно былъ въ гостяхъ у Соловьева, когда къ нему вечеромъ пріѣхалъ съ визитомъ Сипягинъ; а черезъ мѣсяцъ уже былъ другой начальникъ печати.

І. Ясинскій.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА¹⁾.

Семейная драма въ семьѣ Энгельгардтъ.—Жандармскій полковникъ Сташкевичъ.—Обыскъ въ книжномъ магазинѣ Вольфа.—Свадьба молодого Станкевича.—Живой покойникъ.—Третье Отдѣленіе.—А. Е. Тимашевъ и «Колоколь».—Семья Адлерберговъ.—Графиня Баранова.—Лекція о «правѣ» у Цѣпного моста.—Взглядъ императора Николая Павловича на донсы и доносы ковъ.—Легенда о креслѣ Третьяго Отдѣленія.—Путешествіе императора Николая I по Россіи.—Оригинальное привѣтствіе сельскаго священника.

В АГОВОРИВЪ о домѣ Кокорева, не могу пройти молчаніемъ одну изъ интересныхъ житейскихъ встрѣчъ своихъ, а именно встрѣчи съ Анной Романовной Энгельгардтъ, урожденной Херасковой, дочери которой, Полина и Александра Федоровны, были моими сверстницами и подругами, по времени выѣзда въ свѣтъ.

Я узнала m-me Энгельгардтъ уже послѣ горькой семейной драмы, пережитой ею и переданной мнѣ гораздо позднѣе моей теткой.

Когда я ее узнала, это была уже очень немолодая, но полная жизни женщина, никогда не снимавшая траура, который надѣла она въ тотъ день, когда потеряла мужа, физически не умершаго, но нравственно навсегда утраченнаго для нея, и о существованіи котораго она не хотѣла ни знать, ни вспоминать. У m-me Энгельгардтъ, вышедшей замужъ по страстной любви, было четыре дочери, изъ которыхъ старшая, вышедшая впоследствии замужъ за графа Девьера была съ дѣтства особенно горячо предана матери.

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣсти», т. СХХIII, стр. 97.

Второй дочери было 14 лѣтъ, а двѣ остальные и самый меньшей изъ всѣхъ дѣтей, сынъ Валентинъ, были еще совсѣмъ маленькими, когда вслѣдствіе несчастной случайности до свѣдѣнія Анны Романовны дошло роковое извѣстіе о преступной связи между ея мужемъ и второй ея дочерью, которой только что исполнилось 14 лѣтъ.

Вѣсть эта какъ громомъ сразила несчастную женщину, безумно любившую мужа, обожавшую дѣтей и благоговѣйно охранявшую чистоту и святость домашняго очага. Она подробно разспросила обо всемъ дочь, пришла къ убѣжденію, что та дѣйствовала почти безсознательно, подъ давленіемъ враждебной нравственной силы, и, не желая падить ни себя, ни лицъ, разбившихъ ея жизнь, сама передала все это горькое и позорное дѣло въ руки жандармской полиціи, въ то время вѣдавшей всѣ тайныя и секретныя дѣла, не исключая и самыхъ сокровенныхъ дѣлъ семейныхъ...

О вопіющемъ дѣлѣ въ семьѣ Энгельгардтъ немедленно доложено было императору Николаю Павловичу, — происходило это въ послѣдніе годы его царствованія, — и онъ, глубоко возмущенный поступкомъ дворянина, раньше носившаго гвардейскій мундиръ, приказалъ нарядить особое слѣдствіе и постоянно докладывать ему о ходѣ дѣла.

Анна Романовна въ это время находилась въ деревнѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нею были и всѣ дѣти, не исключая и второй дочери, Анны, которую мать, однако, не желала видѣть, и которая жила съ гувернанткой отдѣльно, во флигелѣ, не сообщаясь ни съ сестрами, ни съ маленькимъ братомъ и никогда не встрѣчаясь съ матерью.

Слѣдствіе по этому прискорбному дѣлу поручено было жандармскому полковнику Станкевичу, который и прибылъ въ имѣніе м-ше Энгельгардтъ, съ момента обнаруженія этого горькаго дѣла не покидавшей своей комнаты и почти не выдавшей дѣтей даже.

Домъ въ имѣніи былъ громаднѣйшій, и для допроса и слѣдствія отведена была въ нижнемъ этажѣ большая зала, стѣны которой, по распоряженію Анны Романовны, обтянуты были чернымъ сукномъ; съ большимъ мрачнымъ судейскимъ столомъ по срединѣ.

Самъ Энгельгардтъ, по просьбѣ жены, былъ допрошенъ въ Петербургѣ, такъ какъ она не могла примириться съ мыслью о томъ, чтобы онъ переступилъ вновь порогъ ея дома.

Не знаю, какъ караются въ настоящее время преступленія подобнаго рода, но въ былыя времена они были неслыханно рѣдки и, вѣроятно, карались беспощаднымъ образомъ, потому что, по произнесеніи приговора надъ обвиненнымъ Энгельгардтомъ, онъ, по усиленному ходатайству двоюродной сестры своей, свѣтлѣйшей княгини Салтыковой, былъ признанъ умершимъ и, совершенно вычеркнутый изъ списка живыхъ людей, безъ паспорта проживалъ въ домѣ Салтыковыхъ.

Комната, въ которой происходилъ допросъ, такъ и осталась навсегда въ своемъ траурномъ убранствѣ, точно такъ же какъ и сама м-те Энгельгардтъ никогда уже съ тѣхъ поръ не сняла разъ надѣтый трауръ.

Со Станкевичемъ м-те Энгельгардтъ оставалась знакома до слѣдующаго характернаго эпизода.

Она много читала, очень много покупала всевозможныхъ книгъ и такъ какъ всѣ свои покупки дѣлала исключительно чрезъ посредство магазина Вольфа, то, само собой разумѣется, она пользовалась тамъ и широкимъ кредитомъ, и самымъ полнымъ довѣріемъ.

Какъ и всѣ крупныя книготорговцы, Вольфъ имѣлъ возможность получать всѣ безъ исключенія заграничныя изданія, какимъ бы широкимъ вето они ни были поражены у насъ въ Россіи. Всѣ особенно интересныя книги, какъ политическаго, такъ и общелитературнаго характера, немедленно давались для прочтенія Аннѣ Романовнѣ, которая, бережно пробѣжавъ ихъ, тотчасъ же возвращала ихъ Вольфу. Однажды, когда полученъ былъ одинъ изъ интересныхъ и строго воспрещенныхъ въ Россіи романовъ, Станкевичъ, захвативъ вечеромъ къ м-те Энгельгардтъ, засталъ ее за чтеніемъ этой литературной новинки и очень ею заинтересовался.

— Откуда это у васъ?—полюбопытствовалъ онъ.

Она сказала.

— Ахъ, какъ это интересно!.. Вы не можете мнѣ дать это пробѣжать?..

Она отвѣтила, что сама взяла эту новинку только на нѣсколько часовъ, но на его усердную просьбу согласилась уступить ему книгу на ночь, съ тѣмъ, что онъ ее пробѣжитъ и рано утромъ вернетъ ей.

Станкевичъ уѣхалъ, захвативъ книгу съ собой, а на другой день рано утромъ м-те Энгельгардтъ была разбужена горничной, сказавшей ей, что ее спрашиваютъ по экстренному дѣлу. Она наскоро одѣлась и, непривычная къ тому, чтобы ее будили раньше, нежели она сама проснетъ, приказала ввести къ ней досаднаго ранняго посѣтителя. Къ ея крайнему удивленію, вошелъ старшій приказчикъ Вольфа, сильно разстроенный и перепуганный, и въ сбивчивыхъ словахъ передалъ ей, что у нихъ раннимъ утромъ произведенъ былъ обыскъ, конфисковано нѣсколько запрещенныхъ изданій, и магазинъ запечатанъ.

Обыски въ то время были большою рѣдкостью и угрожали очень серьезными послѣдствіями. Это было время всемогущаго Третьяго Отдѣленія, безъ распоряженія котораго ни одинъ обыскъ не могъ имѣть мѣста.

— Что же такое случилось?—съ участіемъ освѣдомилась Анна Романовна, понимая обращеніе къ ней старой и знакомой фирмы,

какъ выраженіе увѣренности въ ея добромъ участіи и надежды на ея многочисленныя связи и знакомства.

Какое же было ея удивленіе и ужасъ, когда она узнала, что обыскъ у Вольфа произведенъ былъ по ея винѣ, и что не кто иной, какъ самъ полковникъ Станкевичъ, явился въ магазинъ съ запрещенной книгой, наканунѣ утромъ взятой ею изъ магазина, и на основаніи этого произвелъ обыскъ, очень значительную выемку книгъ и опечаталъ магазинъ. Она въ первую минуту прямо одѣлалась отъ ужаса...

Придя въ себя, она моментально одѣлась, вмѣстѣ съ приказчикомъ поѣхала къ главѣ торговой фирмы и послѣ короткаго объясненія прямо поѣхала къ Станкевичу.

Увидавъ ее у себя, Станкевичъ растерялся и началъ ее успокаивать, но, услыжавъ отъ нея смѣлое и безцеремонное порицаніе своихъ распоряженій и твердое и непреложное завѣреніе, что ежели магазинъ Вольфа не будетъ тотчасъ же распечатанъ и все это горькое и позорное для нея дѣло не будетъ замято, то она добьется личной аудіенціи у государя императора и черезъ него потребуетъ отчета въ этомъ оскорбленіи, которое нанесено ея честному имени и ея честному дому привлеченіемъ ея къ позорному дѣлу доноса и сыска.

Станкевичъ зналъ силу и твердость ея характера, зналъ, что напрасныхъ словъ она говорить не станетъ, и изловчился въ тотъ же день замять всю эту бурю въ стаканѣ воды, выслушавъ отъ м-ше Энгельгардтъ одинъ разъ навсегда рѣшительную просьбу никогда не переступать порога ея дома.

Просьбу эту онъ исполнилъ волей-неволей, но въ домѣ м-ше Энгельгардтъ продолжалъ бывать сынъ его Сергѣй, сначала въ кадетскомъ мундирѣ, а затѣмъ въ мундирѣ желтаго кирасира, и незамѣтно для нея возникъ и развился романъ между ея третьей дочерью, Полиной, и молодымъ Станкевичемъ.

Двѣ старшія дочери были уже замужемъ. Самая старшая за графомъ Девьеромъ, а вторая, виновница несчастья матери, за экономомъ или смотрителемъ Смольнаго монастыря, Ганеманомъ. Послѣдняя почти никогда не бывала въ домѣ матери, но съ сестрами поддерживала, хотя и не близкое, общеніе.

Графиня Девьеръ первая взяла на себя довести до свѣдѣнія матери о предложеніи, сдѣланномъ сестрѣ молодымъ Станкевичемъ, и о согласіи самой Полины на этотъ бракъ. М-ше Энгельгардтъ сначала и слышать не хотѣла объ этой свадьбѣ, но, тронутая мольбами и слезами молодыхъ людей, согласилась, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы самъ Станкевичъ не былъ ни на обрученіи, ни на самой свадьбѣ.

— Ежели онъ войдетъ, я сама немедленно выйду и не буду присутствовать ни при благословеніи, ни на свадьбѣ!—объявила она

своимъ твердымъ и властнымъ голосомъ, и дочь, зная непоколебимость ея рѣшеній, упростила жениха уговорить отца покориться этому оскорбительному рѣшенію.

Да Станкевичъ и самъ, вѣроятно, не сталъ бы спорить съ своимъ рѣшительнымъ и непримиримымъ врагомъ. Онъ зналъ, что властная женщина ему никогда не уступить.

Но была еще всѣми забытая злая воля, которая не дремала, и съ которой также необходимо приходилось считаться. Это была воля заживо умершаго Энгельгардта, никогда ничѣмъ ни напоминавшаго о себѣ отринувшей его семьѣ, но сохранившаго въ своей озлобленной душѣ непримиримую ненависть и къ обличившей его женѣ, и къ судившему его жандарму.

Узнавъ въ домѣ кухни своей Салтыковой, гдѣ онъ продолжалъ неизмѣнно проживать, о предстоящей свадьбѣ дочери, Энгельгардтъ смѣло отправился къ исполнявшему въ то время обязанности начальника штаба корпуса жандармовъ А. Е. Тимашеву, впоследствии такъ неудачно возведенному на постъ министра внутреннихъ дѣлъ,—и прямо и открыто заявилъ ему, что онъ родительской властью своей возстаетъ противъ брака своей дочери съ сыномъ полковника Станкевича, въ то время бывшаго уже въ отставкѣ и вслѣдствіе предупрежденія сына временно уѣхавшаго изъ Петербурга.

Это было начало царствованія императора Александра II, обновленіе Россіи только далекой зарею вставало еще на горизонтѣ, и вмѣстѣ съ отживавшими и устарѣвшими традиціями живы были еще и свѣтлыя стороны былого.

Родительская власть почиталась еще настоящей, дѣйствительной и смѣло дѣйствующей властью.

Исторія Энгельгардта, надъ которой пронеслось уже нѣсколько лѣтъ, Тимашеву была совершенно незнакома, и онъ, съ полнымъ вниманіемъ выслушавъ недовольнаго и глубоко возмущеннаго старца, порѣшилъ, съ тою легкостью, которая впоследствии сопровождала всѣ его рѣшенія, вызвать къ себѣ отставнаго полковника Станкевича, а за его отсутствіемъ—Анну Романовну Энгельгардтъ.

Последнюю вызовъ этотъ не на шутку удивилъ, но она покорила и въ назначенный день и часъ явилась предъ свѣтлыя очи Тимашева.

Онъ сообщилъ ей о причинѣ сдѣланнаго вызова и подробно ознакомилъ ее съ прошеніемъ, поданнымъ по этому поводу ея мужемъ. Она спокойно выслушала его и отвѣчала, что во всемъ этомъ, очевидно, кроется какое-то крупное недоразумѣніе, потому что она вдова и замогильныхъ требованій умершаго супруга своего исполнять не обязана.

Наступилъ чередъ Тимашева удивиться.

М-ше Энгельгардтъ, не входя ни въ какія подробности, предложила Тимашеву на слѣдующій день доставить ему всѣ бумаги, подтверждающія смерть ея мужа и ея вдовство, что и исполнила дѣйствительно, на другой день представивъ генералу свидѣтельство, выданное ей изъ дворянскаго собранія, о томъ, что мужъ ея умеръ, а равно и свидѣтельство о его погребеніи, доставленное ей изъ какой-то глухой деревенской церкви.

Все это было строго оформлено и выдано, какъ оказалось, по высочайшему повелѣнію, такъ какъ мнимая смерть Энгельгардта одна могла спасти его отъ страшныхъ послѣдствій совершеннаго имъ преступленія.

Тимашевъ пробѣжалъ бумаги, пожалъ плечами и, извинившись передъ м-ше Энгельгардтъ за причиненное ей безпокойство, сказалъ, что къ свадьбѣ ея дочери не представляется никакой преграды.

Тѣмъ временемъ самъ Энгельгардтъ вторично явился къ Тимашеву, чтобы узнать о результатѣ поданнаго имъ прошенія.

Тимашевъ въ моментъ этого вторичнаго визита, очевидно, былъ въ курсѣ дѣла, потому что встрѣтилъ Энгельгардта очень холодно и, освѣдомившись, что ему угодно, строго и внушительно замѣтилъ ему, что человѣкъ, именемъ котораго онъ такъ упорно себя называетъ, давно умеръ, что ему извѣстно даже, гдѣ именно онъ погребенъ, и, не желая дознаваться, съ кѣмъ именно онъ имѣетъ дѣло, онъ проситъ болѣе его подобными дѣлами не безпокоить.

Взбѣшенный Энгельгардтъ понялъ, что борьба неравна, и, не желая тѣмъ не менѣе уступать женѣ, въ анонимномъ письмѣ угрозилъ ей скандаломъ въ самый день свадьбы, вслѣдствіе чего приглашенія на свадьбу, какъ въ церковь конюшеннаго вѣдомства близъ Пѣвческаго моста, гдѣ имѣло мѣсто вѣнчаніе, такъ и на слѣдовавшій затѣмъ балъ и ужинъ, состоялись по билетамъ, съ предвареніемъ, что лица, не предъявившія билетовъ, въ церковь допущены не будутъ,

Церемонія свадьбы и парадный ужинъ не были ничѣмъ нарушены, но сама Анна Романовна въ этотъ день изъ дома не выходила, потому что въ толпѣ, съ начала вечера стоявшей передъ домомъ, гдѣ ожидалась богатая свадьба, видѣли Энгельгардта, что было удостовѣрено и его меньшей дочерью Александрой Федоровной, хорошо его различившей среди многочисленной толпы въ ту минуту, когда невѣста садилась въ карету, чтобы ѣхать къ вѣнцу.

Этотъ семейный эпизодъ, за полную достовѣрность котораго я ручаюсь, интересенъ тѣмъ, что онъ ярко рисуетъ нравы и обычаи тѣхъ временъ и доказываетъ, что въ царствованіе императора Николая I невозможнаго не было ничего.

Старикъ Станкевичъ умеръ въ отставкѣ, что же касается брака молодыхъ, то въ немъ счастья и удачи было мало, и молодой Стан-

кевичъ, вскорѣ послѣ женитьбы вышедшій въ отставку, умеръ въ больницѣ для умалишенныхъ.

По поводу А. Е. Тимашева, такъ неудачно выбраннаго на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, мнѣ припоминается очень мѣткое и по обыкновенію ѣдкое слово предшественника его на этомъ посту, П. А. Валугева, отличавшагося своей находчивостью и рѣзкой мѣткостью своихъ опредѣленій.

Онъ былъ очень близокъ и друженъ съ семейю Тютчевыхъ, которыхъ, однако, въ бытность свою министромъ посѣщалъ относительно рѣдко, такъ какъ почти нигдѣ въ это время не бывалъ. По выходѣ въ отставку, онъ сталъ гораздо чаще показываться въ свѣтъ, а у Тютчевыхъ бывалъ чуть ли не каждыи день.

Однажды, когда онъ сидѣлъ съ женой Тютчева, Эрнестиной Оедоровной, у окошка квартиры, занимаемой ими въ домѣ армянской церкви, Тютчева, раскланявшись съ проходившимъ мимо Тимашевымъ, обратилась въ Валугеву со словами:

— Скажите пожалуйста, Петръ Александровичъ, почему это, когда вы были министромъ внутреннихъ дѣлъ, васъ никогда и нигдѣ нельзя было встрѣтить, тогда какъ Александра Егоровича Тимашева ежедневно можно видѣть прогуливающимся по Невскому?..

Такъ какъ м-ше Тютчева, природная француженка, вовсе почти не говорила по-русски, то и разговоръ этотъ происходилъ на французскомъ языкѣ.

На этомъ-то діалектѣ Валугевъ и отвѣтилъ своей собесѣдницѣ съ обычной своей элегантностью:

— Cela prouve, madame, que de mon temps le ministère de l'intérieur était une galère. Sous le général Timacheff c'est devenu une gondole!..

А. Е. Тимашевъ, строго говоря, не былъ ни дурнымъ, ни злымъ человѣкомъ, это просто былъ человѣкъ крайне поверхностный и вовсе не подготовленный къ тому высокому посту, на который онъ впоследствии былъ призванъ.

За неспособность человѣка осуждать нельзя... Въ этихъ случаяхъ вина падаетъ не на назначаемаго, а на назначающаго!

Тимашевъ былъ красивый, стройный генералъ, въ молодости прекрасный танцоръ, чрезвычайно элегантный на паркетѣ, но ровно ни на что не пригодный, какъ высшій администраторъ. Онъ былъ до крайности не находчивъ, совершенно терялся передъ всякой сколько-нибудь выдающеюся силой и пассивалъ передъ всякимъ смѣлымъ словомъ.

Современному ему Петербургу памятенъ случай, гдѣ Тимашевъ, призванный разбраться въ щекотливомъ семейномъ дѣлѣ, въ бесѣдѣ своей съ молодой дѣвушкой общества позволилъ себѣ не совсѣмъ подобающій тонъ и получилъ въ отвѣтъ отъ гордо под-

павшейся съ мѣста молодой особы громко и отчетливо произнесенныя слова:

— Pardon, monsieur! En entrant ici, j'ai cru trouver un gentleman! Je ne trouve... qu'un gendarme!..

Не менѣе характеренъ случай, въ которомъ онъ, вызвавъ «по дѣламъ службы», графиню М. Р. Толстую, извѣстную рѣзкостью своего тона и смѣлостью высказываемыхъ ею сужденій, съ цѣлью запугать ее прямо встрѣтилъ ее вопросомъ:

— Правда ли, графиня, что вы постоянно читаете «Колоколь»?..

Надо замѣтить, что издававшійся въ то время въ Лондонѣ Герценомъ журналъ «Колоколь» былъ грозою всей русской администраціи, и чтеніе этого запрещеннаго органа печати считалось чуть ли не уголовнымъ преступленіемъ.

Графиня Толстая, ожидавшая такого вопроса, такъ какъ и самый вызовъ ея къ Тимашеву былъ отчасти плодомъ ловко придуманной и исполненной мистификаціи и подготовленъ былъ путемъ анонимнаго письма, посланнаго самой молодой графиней, смѣло и прямо отвѣтила Тимашеву:

— Да, правда!..

На его красивомъ, но безсодержательномъ лицѣ выразилось недоумѣніе.

Толстой только этого и нужно было.

Она сдѣлалась хозяйкой положенія и, сдѣлавъ наивное и удивленное лицо, въ свою очередь, спросила:

— А почему это васъ интересуетъ?..

— Какъ почему интересуетъ?—удивился Тимашевъ.—На моей обязанности лежитъ охрана общественнаго порядка!

— При чемъ же тутъ общественный порядокъ?!

— Вы этого не понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю. И была бы очень благодарна вамъ, ежели бы вы отвѣтили на мой вопросъ...

— Нѣтъ, я попрошу васъ прежде отвѣтить на мой вопросъ: откуда вы получаете «Колоколь»? Кто вамъ даетъ его?

— Ахъ, Боже мой! Да я съ нимъ не расстаюсь! И достать его вовсе не такъ трудно!

— Но однако? Кто и когда далъ вамъ его въ послѣдній разъ?

— Кто—не помню! А когда? Да онъ и теперь со мной...

— Какъ!.. Вы являетесь ко мнѣ сюда... захвативъ съ собой «Колоколь»?!!

— Да. Я «явилась» съ «Колоколомъ» въ карманѣ. Что вы тутъ находите такого удивительнаго?

— Въ такомъ случаѣ, я попрошу васъ вручить мнѣ захваченный вами съ собой экземпляръ.

— Очень охотно, только пожалуйста верните мнѣ его, потому что я не успѣла его переписать, а онъ мнѣ необходимъ!

И, произнося эти слова, молодая шалунья вынула из кармана листок почтовой бумаги и подала его Тимашеву.

Онъ взглянулъ, и лицо его покрылось краской конфуза и негодованія.

— Что это такое?— строго спросилъ онъ.

— Шиллеровское стихотвореніе «Die Glocke», переведенное на русскій языкъ! — тономъ несокрушимой наивности отвѣтила графиня.

— Вы меня дурачите, графиня! Но это вамъ не удастся.

— Я?.. Дурачу васъ?!. Простите... но я ровно ничего не понимаю!.. Вы потребовали отъ меня «Колоколь», я отдала вамъ его, не понимая даже и причины и смысла этого требованія, и оказывается, что я же въ чемъ-то виновата?

— Я не о стихотвореніи Шиллера говорилъ съ вами, графиня.

— Такъ о чемъ же?.. Я никакого другого «Колокола» не знаю и не читала!

— Не старайтесь ввести меня въ заблужденіе... Я говорилъ о журналѣ, издающемся въ Лондонѣ... Я о томъ «Колоколѣ» говорилъ, на страницахъ котораго постоянно оскорбляются и русское правительство, и священная особа государя императора!..

— Что такое?!. Государь оскорбляется?!. Да развѣ есть такое изданіе?!. И вы, министры, его читаете?!. Ахъ, какъ вамъ не стыдно!.. И зачѣмъ вы мнѣ объ этомъ рассказываете?!. Это вы оскорбляете государя, а не я!.. Я никогда не стала бы читать ничего подобнаго..

И она, простившись съ одураченнымъ представителемъ грознаго въ то время Третьяго Отдѣленія, вышла изъ комнаты своей ровной, полной достоинства походкой.

Анекдотъ этотъ быстро обѣжалъ всѣ аристократическіе кружки Петербурга и долгое время составлялъ благополучіе всѣхъ противниковъ неумѣлаго министра, а такіе противники считались сотнями, ежели не тысячами,

Но и у неспособнаго на управленіе министерствомъ генерала Тимашева былъ одинъ несомнѣнный, ему лично ни на что не нужный талантъ. Онъ былъ превосходный скульпторъ, и его миниатюрныя статуэтки, отлившіяся по его эскизамъ въ мастерской скульптора, имѣвшаго свою мастерскую на Офицерской улицѣ, противъ Казанской части, отличались необычной тонкостью и мѣткостью рисунка.

Особенно остроумна была небольшая серія его, «похожденія амура», состоявшая изъ четырехъ очаровательныхъ миниатюрныхъ фигурокъ. Первая изъ серіи статуэтокъ изображала амура, еще не посвященнаго въ тайны жизни и ея увлеченій, съ веселымъ выраженіемъ на дѣтскомъ лицѣ, съ ясной улыбкой, окруженнаго цвѣтами, которые онъ беззаботно срываетъ. Вторая изображала

амура, уже вооруженнаго колчаномъ и стрѣлами, съ плутовскимъ выраженіемъ вдумчиваго, но еще спокойнаго лица, со взглядомъ, устремленнымъ въ даль. Третья статуэтка, «l'amour triomphant», изображала амура въ моментъ его побѣды... На страстно возбужденномъ лицѣ написано торжество, лукъ мѣтко натянутъ, колчанъ наполненъ стрѣлами... Вся миниатюрная фигурка дышитъ торжествомъ побѣды и удовлетворенной страсти... И наконецъ четвертая фигура, «l'amour vaincu», изображала злосчастнаго амура на костылѣ, съ подвизанной рукой, съ перевязанной щекой и помятымъ цилиндромъ на головѣ... Вокругъ него разсыпаны стрѣлы... Колчанъ его совершенно пустъ и бесполезно виситъ на болѣзненно согнутыхъ плечахъ. Вся фигура выражаетъ полную протрацію и полное безнадежное отчаяніе!..

Эта шутовская и остроумная серія одно время красовалась на всѣхъ модныхъ этажеркахъ и составляла принадлежность каждой умѣло составленной коллекціи.

Для скульптора-любителя это было очень лестно... Для министра внутреннихъ дѣлъ—ровно ни на что не нужно!

Карьерой своей Тимашевъ обязанъ тому, что онъ почти выросъ вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ II, который всегда ошибочно думалъ, что довольно доброй воли для того, чтобы вполне безукоризненно справиться съ любой задачей. Товарищемъ своей юности и своего дѣтства онъ всегда старался выдвинуть на видныя мѣста, не заботясь о томъ, насколько ихъ личныя свойства согласны съ предоставляемыми имъ почетными назначеніями.

Въ наличности доброй воли у Тимашева сомнѣваться было бы несправедливо, но въ его административную дѣятельность это ничего отраднаго не внесло...

То же самое можно сказать и о министрѣ двора Адлербергѣ 2-мъ, удостоенномъ этого почетнаго назначенія единственно только въ силу того, что отецъ его, товарищъ дѣтства императора Николая I, былъ министромъ двора при немъ, и сынъ его воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ императора.

Самое положеніе стараго министра, Владимира Федоровича Адлерберга, врядъ ли можно считать вполне правильнымъ и удачнымъ, потому что семья Адлерберговъ не принадлежала даже къ сколько-нибудь почетному финляндскому роду. Нѣмка Адлербергъ взята была не воспитательницей, а простою няней къ великому князю Николаю Павловичу при его рожденіи и сумѣла такъ привязать къ себѣ своего царственнаго питомца, что онъ навсегда сохранилъ къ ней самое искреннее расположеніе и послѣ смерти первой начальницы Смольнаго монастыря, г-жи Лафонъ, назначилъ свою бывшую няню на ея мѣсто и сдѣлалъ ее начальницей перваго въ Россіи привилегированнаго женскаго учебнаго заведенія.

Въ такомъ необычномъ выборѣ выразилась вся деспотическая воля Николая Павловича, не считавшагося ни съ чѣмъ, кромѣ личнаго своего благоволенія.

Семья Адлерберговъ, очень гордая, заносчивая, пополнялась еще дочерью старухи Адлербергъ, выданной замужъ за болѣе нежели зауряднаго офицера Баранова, вскорѣ послѣ женитьбы своей присвоившаго себѣ довольно странное имя «фонъ-Баранова» и не сдѣлавшаго особенно крупной карьеры только потому, что онъ рано умеръ, оставивъ молодую жену вдовой.

Послѣ смерти его молодая г-жа фонъ-Баранова была взята въ воспитательницы къ средней дочери Николая Павловича, великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, и въ день свадьбы воспитанницы своей съ наслѣдникомъ принцемъ вюртембергскимъ Баранова пожалована была графскимъ титуломъ со всѣмъ нисходящимъ потомствомъ.

Сыновья вновь пожалованной графини въ заносчивости своей превзошли всѣхъ своихъ родственниковъ, и по Петербургу долго ходилъ анекдотъ о столкновеніи «импровизированнаго» графа» съ однимъ изъ хорошо извѣстныхъ тогдашнему Петербургу инженеровъ.

Во время постройки Николаевской желѣзной дороги, когда по уже отсроченному, но еще не открытому Чудовскому участку ѣздили только по особому разрѣшенію лицъ, стоявшихъ близко къ правленію дороги, въ числѣ послѣднихъ былъ инженеръ путей сообщенія нѣкто Карцевъ, человекъ очень милый, очень образованный и вполнѣ корректный, но требовавшій такой же корректности и отъ другихъ.

Случилось какъ-то Карцеву, входя на пути въ вагонъ, столкнуться съ выходившимъ оттуда господиномъ, котораго онъ слегка задѣлъ локтемъ; извинившись за свою неловкость, Карцевъ хотѣлъ итти дальше, но былъ остановленъ незнакомцемъ, громко и заносчиво крикнувшимъ:

— Милостивый государь!.. вы меня толкнули!..

— Я извинился передъ вами... и еще разъ извиняюсь!—учтиво отвѣтилъ Карцевъ, приподнимая фуражку.

— Мнѣ этого мало, милостивый государь!—еще заносчивѣе продолжалъ незнакомецъ.—На что мнѣ нужно ваше извиненіе?

— Чего же вамъ отъ меня угодно?—въ свою очередь, начиная выходить изъ терпѣнія, возразилъ Карцевъ.

— Мнѣ угодно, чтобы вы были осторожнѣе!.. Вы не знаете, съ кѣмъ вы имѣете дѣло!

— Я вполнѣ съ вами согласенъ... Точно, я не знаю...

— Не «имѣете чести» знать, мил-сдарь!.. Потому что ежели бы вы знали... то, конечно, измѣнили бы тонъ...

— Потрудитесь, въ такомъ случаѣ, назвать себя!—пожалъ плечами Карцевъ, не на шутку заинтригованный вопросомъ, кого

Богъ послалъ ему въ оппоненты. Незнакомецъ окинулъ его съ ногъ до головы взоромъ, полнымъ гордаго сознанія своего достоинства.

— Вамъ угодно знать мое имя?—произнесъ онъ такимъ тономъ, который ясно доказывалъ, что произнесеніе этого имени равнялось въ его глазахъ объявленію чего-то въ высшей степени великаго и импозантнаго.

— Да!—повторилъ Карцевъ, котораго тонъ знакомящаго началъ не на шутку смущать.—Я желалъ бы знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Незнакомецъ поднялъ голову еще выше.

— Вы имѣете честь говорить съ графомъ Барановымъ!—произнесъ онъ, высоко поднимая плечи и мѣряя собесѣдника своего взоромъ, полнымъ пренебреженія.

Тотъ остановился, сдѣлалъ легкую гримасу и, въ свою очередь, поднимая голову, дурашливо воскликнулъ:

— Графъ... Ба-ра-новъ?!. Только-то?!. Я самъ, батюшка мой, князь Телятинскій.

Взрывъ гомерическаго хохота встрѣтилъ эту выходку со стороны товарищей и друзей Карцева, давно наблюдавшихъ за этой оригинальной сценой.

Неудачный «графъ», сконфуженный, пробормоталъ что-то о дерзости и непочтеніи, пригрозилъ тѣмъ, что онъ кому-то и что-то «покажетъ», и поспѣшилъ ступеваться...

За этимъ мнимымъ аристократомъ надолго осталась насмѣшливая кличка «князя Телятинскаго», что не помѣшало ни ему, ни его ближайшимъ родственникамъ преуспѣвать въ той же глупой заносчивости.

Самое открытіе Николаевской желѣзной дороги имѣло мѣсто уже послѣ моего выпуска, и я по окончаніи курса въ Смольномъ монастырѣ пріѣхала въ Москву еще въ мальпость.

Когда Николаевская дорога была уже совершенно окончена и движеніе по ней открыто, то, несмотря на ея официальное открытіе, въ первые три дня поѣзда изъ Петербурга въ Москву и обратно ходили еще даромъ, такъ непривыченъ былъ для русской публики этотъ способъ передвиженія.

Но публика привыкла къ этому довольно быстро, и въ самомъ непродолжительномъ времени прошлое медленное сообщеніе между столицами казалось уже почти невѣроятнымъ и совершенно несноснымъ...

Но я невольно отклонилась отъ моего повѣствованія.

Чтобы покончить съ тѣмъ, что мнѣ въ то время было извѣстно изъ дѣятельности всесильнаго и всемогущаго Третьяго Отдѣленія, приведу здѣсь шестистишіе, сообщенное мнѣ много лѣтъ спустя товарищемъ или помощникомъ оберъ-прокурора св. синода Юріемъ Толстымъ по поводу лекціи права, прочитанной въ помѣщеніи,

занимаемомъ парадными покоями этого могущественнаго Отдѣленія.

Не могу сказать, кому пришла дикая мысль, при назначеніи нѣсколькихъ послѣдовательныхъ научныхъ лекцій о правѣ, выбрать для прочтенія ихъ именно это помѣщеніе, но Толстой смѣясь рассказалъ, что по Петербургу по этому случаю ходило слѣдующее мѣткое стихотвореніе:

У Цѣпнаго моста видѣлъ я потѣху,
 Чортъ, держась за пузо, помиралъ отъ смѣху...
 Батюшки... нѣтъ мочи!.. говорилъ лукавый,
 Въ Третьемъ Отдѣленіи изучаютъ право?!
 Право... на безправьи?! Эдакъ скоро, братцы,
 Мнѣ за богословіе надо приниматься!..

Вообще, ежели русское общество относилось къ чему-нибудь съ единомыслиемъ и, ежели можно такъ выразиться, безпросвѣтнымъ порицаніемъ, то это къ Третьему Отдѣленію и всѣмъ лицамъ, такъ или иначе къ нему причастнымъ. Это былъ произволь въ всемъ широкомъ значеніи этого слова, и я увѣрена, что полная и подробная исторія этого пресловутаго учрежденія, ежели такой исторіи суждено когда-нибудь появиться, — откроетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ русской исторіи.

Мнѣ мелькомъ пришлось слышать, ежели не ошибаюсь, отъ Тютчева, который, несмотря на громадную разницу лѣтъ, удостоивалъ меня частыми бесѣдами, что у Валуева сохранилось много любопытныхъ актовъ относительно этого характернаго учрежденія, но увидать ли эти акты когда-нибудь свѣтъ, Богъ вѣдаетъ.

Какъ слухъ, передаю то, что рассказывали тогда о нахожденіи въ распоряженіи Третьяго Отдѣленія секретнаго помѣщенія съ креслами, которыя будто бы опускались подъ приглашенными помѣститься на нихъ барынями, чѣмъ-либо прогнѣвившими агентовъ грознаго учрежденія и тутъ же *séance tenante* получавшими... ошутительное возмездіе за свои политическія прегрѣшенія, при томъ, однакоже, скромномъ условіи, что ни онѣ не видали эмиссаровъ этого вѣскаго правоученія, ни тѣ не видали своихъ временныхъ жертвъ...

Какъ на одну изъ жертвъ такого, почти невѣроятнаго порядка вещей, указывали на графиню Ростопчину, приглашенную посидѣть на этомъ историческомъ креслѣ, велѣдъ за написаннымъ ею извѣстнымъ стихотвореніемъ «Баронъ и жена»... но насколько эта версія согласна съ истиной, я рѣшить не берусь.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, а именно въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія, жандармская служба пользовалась въ обществѣ такими скромными симпатіями, что лицъ, но-

сившихъ синій мундиръ, въ обществѣ встрѣчать почти не приходилось, и знакомствомъ съ ними никто не только не гордился, но и признавались въ немъ неохотно.

Не особенно сочувственно относился къ этой службѣ и императоръ Николай Павловичъ, несмотря на то, что много и широко ею пользовался, и всѣмъ памятенъ случай, когда на докладъ Бенкендорфа о желаніи одного изъ дворянъ Костромской губерніи представиться государю и о томъ, что дворянинъ этотъ оказалъ значительную пользу, открывъ существованіе тайнаго общества, образовавшагося въ районѣ обитаемаго имъ уѣзда, Николай Павловичъ отвѣчалъ:

— Спроси его, какой награды онъ желаетъ, и по возможности исполни его просьбу... но... лично видѣть его я не желаю! Доносы я люблю, но доносчиковъ презираю!..

Упомянувъ имя Бенкендорфа, не могу не передать уморительнаго анекдота, слышаннаго мною отъ сельскаго священника въ Нижегородской губерніи, который, въ свою очередь, слышалъ его отъ своего отца, бывшаго однимъ изъ злополучныхъ героевъ этого уморительнаго и почти невѣроятнаго, но совершенно справедливаго случая. Впослѣдствіи то же подтвердилъ тамбовскій губернаторъ П. А. Булгаковъ.

Дѣло было въ сороковыхъ годахъ; поѣздки особъ царской фамиліи по Россіи были въ то время большою рѣдкостью и сопровождались такими тревожными приготовленіями и такими волненіями, о какихъ въ настоящее время и понятія себѣ составить нельзя. По всему тракту исправлялись дороги, приводились въ порядокъ паромы и переправы, чинились мосты и гати, и ни сами губернаторы, ни подчиненныя имъ уѣздныя и губернскія власти не знали покоя ни днемъ, ни ночью. Объ исправникахъ и становыхъ приставахъ и говорить нечего... Эти по цѣлымъ недѣлямъ не спали и не выходили изъ своихъ походныхъ тарантасовъ, съ быстротою молніи переносясь изъ деревни въ деревню, изъ села въ село и всюду нагоняя тотъ страхъ, подъ гнетомъ котораго они сами мучительно страдали...

Къ этой мучительной тревогѣ еще прибавилось то обстоятельство, что незадолго передъ тѣмъ почтовые лошади понесли и чуть не разбили экипажъ великой княгини Маріи Николаевны, проѣзжавшей по Тамбовской губерніи, и съ тѣхъ поръ всѣ смотрители почтовыхъ станцій находились подъ смертельнымъ страхомъ повторенія подобнаго казуса.

Всѣ остановки по пути царскаго слѣдованія были заранѣе строго распредѣлены, и не только за нѣсколько недѣль, но за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ извѣстно было, на какой станціи будетъ остановка для обѣда или завтрака, черезъ какіе города и села государь послѣдуетъ вовсе безъ всякой остановки и гдѣ онъ будетъ

только минутно выходить из экипажа для принятия хлѣба и соли отъ жителей. Кромѣ того, обозначены были съ такою же подробностью и тѣ села, гдѣ государь будетъ выходить изъ экипажа только для того, чтобы, войдя въ мѣстную церковь, принять благословеніе мѣстнаго деревенскаго причта. Въ этихъ случаяхъ тревога и хлопоты переходили на представителей духовной власти, и благочинные и архіереи суетились и волновались не хуже исправниковъ и становыхъ приставовъ.

Надо имѣть точное понятіе о сельскомъ духовенствѣ тѣхъ временъ, надо представить себѣ этихъ захудалыхъ «батюшекъ», изъ которыхъ многіе никогда въ жизни даже губернатора въ лицо не видали,—для того, чтобы представить ихъ себѣ лицомъ къ лицу съ самимъ государемъ.

И вотъ въ это время сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ Николай Павловичъ, проникая въ глубь Россіи, намѣренъ посѣтить именно тѣ изъ внутреннихъ губерній, которыя за долгія промежутки лѣтъ не видали въ предѣлахъ своихъ высочайшихъ особъ.

Доставлено было къ губернаторамъ, черезъ губерніи которыхъ лежалъ царскій путь, подробное расписаніе всѣхъ остановокъ, и въ томъ числѣ на одно изъ самыхъ скромныхъ и захудалыхъ селъ Тамбовской губерніи выпала честь принять подъ сѣнь своего сельскаго храма государя, который долженъ былъ войти въ сельскій храмъ, памятный по какому-то историческому событію, и принять привѣтствіе отъ мѣстнаго сельскаго священника. Получивъ это указаніе, губернаторъ тотчасъ же сообщилъ объ немъ мѣстному архіерею, а тотъ, полный тревоги, вызвалъ къ себѣ мѣстнаго благочиннаго.

Предстояло на общемъ совѣщаніи рѣшить церемоніаль высочайшей встрѣчи и подготовить рѣчь, которою батюшка долженъ встрѣтить и привѣтствовать государя.

Священствовалъ въ означенномъ селѣ престарѣлый «батюшка» отецъ Иванъ, и въ молодости своей не отличавшійся ни бойкостью, ни смѣлостью, а съ годами и вовсе почти одичавшій, и когда архіерей сообщилъ ему, что на его долю выпадетъ честь и счастье встрѣтить и привѣтствовать государя, то скромный «батюшка» пришелъ въ такое неописуемое смятеніе, что съ непривычной ему рѣшимостью наотрѣзъ объявилъ владыкѣ, что рѣшенію этому онъ не подчинится, и ни навстрѣчу къ государю не выйдетъ, ни привѣтствія никакого ему говорить не станетъ.

— Казните меня, ваше преосвященство, въ Сибирь меня сошлите, а ничего я говорить не стану!..—въ порывѣ неподдѣльнаго отчаянія говорилъ потерявшій голову батюшка.—Все равно мнѣ гибнуть!.. Такъ ужъ лучше пусть я такъ, въ безвѣстности, окончу дни свои въ дальнемъ монастырѣ, на послушаніи, нежели мнѣ такое на себя принимать.

Предстоявшее ему, неслыханное въ его скромной жизни событіе онъ могъ только выразить словомъ «такое»... Инаго выраженія онъ подобрать не могъ!

Но ни благочинный, ни архіерей, которому тотъ передалъ отчаянное рѣшеніе батюшки, не приняли ничего во вниманіе, и злополучному батюшкѣ вѣлѣно было «сочинять» и готовить рѣчь.

Можно представить себѣ его положеніе. Онъ на своемъ вѣку двухъ словъ сряду не сказалъ, даже въ присутствіи становаго пристава, а тутъ вдругъ императоръ...

— Онъ что же одинъ пріѣдетъ?—наивно освѣдомилась матушка у письмоводителя становаго пристава, который такъ и не выѣзжалъ изъ села, сдѣлавшагося центромъ вниманія всего мѣстнаго земскаго начальства.

— Какъ можно одинъ?—въ ужасѣ воскликнулъ хорошо освѣдомленный письмоводитель.—Съ нимъ прібудетъ цѣлый штабъ... Однихъ генераловъ не пересчитать...

— И нашъ отецъ Иванъ при нихъ при всѣхъ рѣчь держать. станеть?

— Ну, извѣстное дѣло!.. Не убавлять же для него стануть высочайшую свиту!..

— Ну, этому не бывать!.. Это и я скажу, что не бывать!—рѣшительно и безповоротно объявила матушка.—Это и самъ благочинный, какъ онъ ни рѣшительнъ и сколь онъ ни образованъ, а сдѣлать не сможетъ!.. Тутъ особое Божеское внушеніе должно быть... а мы съ отцомъ Иваномъ что за святые?!

Но всѣ эти и тому подобные разговоры ровно ни къ чему не вели и рѣшенія высшаго духовнаго начальства не измѣнили...

Привѣтственную рѣчь необходимо было писать, и благочинный въ тайникѣ души своей сознавалъ, что и самъ онъ такой задачи рѣшить не въ состояніи.

На выручку явился старшій сынъ благочиннаго, «богословъ», пріѣхавшій къ отцу на побывку изъ губерніи, гдѣ онъ съ успѣхомъ оканчивалъ семинарскій курсъ. Ораторское краснорѣчіе имъ въ семинаріи преподавалось, и написать привѣтственную рѣчь, по его мнѣнію, ровно ничего не стоило.

— Монарховъ привѣтствовали во всѣ времена и у всѣхъ народовъ!—важно порѣшилъ онъ:—и такой, можно сказать, общедоступный предметъ не можетъ и не долженъ омрачить мира и спокойствія душевнаго...

Богословъ любилъ и въ жизни изъясняться болѣе или менѣе вычурно и краснорѣчиво, и его вмѣшательство показалось и отцу его, и благочинному явленіемъ Божескаго промысла.

— Дерзай!—благословилъ его благочинный, вызвавшій его къ себѣ.—Сочиняй и пиши достойную великаго случая рѣчь, а отецъ Иванъ, по немощи своей, пусть наизустъ ее выучитъ и съ благословенія Всевышняго произнесетъ, когда къ тому приспѣетъ минута!

Вышло нѣчто болѣе высокопарное, нежели осмысленное, но пасторожившемуся начальству это показалось верхомъ искусства и «умственности», и переписанная рѣчь была передана отцу Ивану съ строгимъ приказомъ неукоснительно вызубрить ее и, вызубривъ, явиться къ благочинному для прочтенія и указанія подобающихъ удареній.

Но съ отцомъ Иваномъ поладить было труднѣе, нежели начальство предполагало. Онъ наотрѣзъ объявилъ, что памяти у него давнымъ-давно нѣтъ ровно никакой, и что всякія усилія его въ этомъ направленіи останутся тщетными.

Получивъ строгій выговоръ за строптивость, злополучный священникъ принялся, однако, за давнымъ-давно забытую «зубрежку», и матушка, близко принимавшая къ сердцу внезапную невзгону мужа, взялась ежедневно прослушивать его, раздѣливъ написанную рѣчь на нѣсколько уроковъ.

Дѣло пошло на ладъ, и вскорѣ благочинный, почти ежедневно навѣдывавшійся къ отцу Ивану, могъ сообщить преосвященному о томъ, что отецъ Иванъ «прошелъ» уже добрую половину ораторскаго привѣтствія.

Дошло дѣло и до конца рѣчи, и матушка, сама провѣрившая познанія мужа, торжественно засвидѣтельствовала передъ благочиннымъ, что батюшка безъ запинки всю рѣчь отъ доски до доски наизусть читаетъ.

Архіерей назначилъ день своего приѣзда для «повторнаго испытанія», и... отецъ Иванъ, наканунѣ только произнесшій всю рѣчь передъ благочиннымъ, какъ говорится, безъ тычка и задоринки, совершенно спасовалъ передъ архіереемъ и въ конецъ забылъ все, что ему удалось вызубрить.

Архіерей пришелъ въ неописуемое отчаяніе.

Губернаторомъ въ Тамбовѣ въ это время былъ Петръ Алексѣевичъ Булгаковъ, впоследствии бывший генераль-крюгсъ-комиссаромъ, женатый на графинѣ Кутайсовой и обязанный всей своей карьерой значительнымъ связямъ своей жены при дворѣ.

Булгаковъ былъ человѣкъ очень умный и находчивый, и рассказы его о всѣхъ злоключеніяхъ, постигавшихъ его въ бытность его тамбовскимъ губернаторомъ, могли бы составить очень интересный юмористическій сборникъ. Онъ успѣлъ уже переиспытать цѣлую серію всевозможныхъ злоключеній, и новая невзгода, угрожавшая ему въ лицѣ упрямаго попа, не удивляла и даже не пугала его

— Я такъ и зналъ, что они опять со мной что-нибудь да продѣлаютъ!—съ комическимъ ужасомъ воскликнулъ онъ, выслушавъ рассказъ архіерея.

Архіерей могъ только глубоко вздохнуть, воздѣвъ руки къ небу.

— Вы ужь, ваше преосвященство, какъ-нибудь уломайте вашего попа!—почтительно взмолился губернаторъ, —Мнѣ и такъ ужь съ этими тамбовцами приходилось не разъ омаргиваться отъ замѣ-

чаній изъ министерства!.. Вѣдь не виновать же я въ томъ, что это какая-то крѣпколюбая губернія!..

Архіерей выразилъ свою полную готовность, но не зналъ, какъ и въ какомъ видѣ ее примѣнить къ дѣлу.

— Нельзя ли его какъ-нибудь, съ суфлеромъ, что ли, заставить говорить? — сказалъ Булгаковъ, тутъ же по возможности объяснивъ преосвященному роль суфлера на сценѣ.

Тотъ обѣщалъ попробовать, но предварительно вновь самыми краткими мѣрами постарался внушить своему подчиненному необходимость неукоснительнаго изученія заготовленной рѣчи.

А день, назначенный для прибытія августѣйшаго гостя, приближался, и волненіе всей губерніи доходило до своего апогея.

Наконецъ назначенъ былъ самый часъ прибытія государя, и наканунѣ утромъ архіерей, съ зарею пріѣхавшій въ село къ отцу Ивану, имѣлъ случай лишній разъ убѣдиться въ томъ, что при малѣйшемъ намекѣ на торжественную обстановку отецъ Иванъ впадаетъ въ полную прострацію, и отъ него не только длинной рѣчи, но и одного путнаго слова добиться невозможно.

Пришлось прибѣгнуть къ средству, изобрѣтенному и рекомендованному губернаторомъ, и такъ какъ рѣчь должна была быть произнесена съ амвона, то суфлера-богослова положено было спрятать въ алтарѣ, гдѣ онъ, слово за словомъ, будетъ читать рѣчь, которую слово за словомъ будетъ повторять за нимъ злополучный отецъ Иванъ.

Съ вечера сдѣлана была репетиція этого диктанта, давшая почти совершенно благоприятные результаты, утромъ репетиція была повторена, и прошла съ еще большей удачей, и всѣ насколько возможно успокоились.

Одинъ Булгаковъ только, выѣзжая для встрѣчи государя на границу губерніи, съ суевѣрнымъ ужасомъ повторялъ:

— Не вѣрится мнѣ, чтобы мои тамбовцы не выкинули какого-нибудь артикула!.. Не такъ они у меня воспитаны!.. Не тѣмъ миромъ мазаны!..

Предчувствію его суждено было сбыться шире и блистательнѣе, нежели онъ самъ этого ожидалъ.

Всю ночь передъ знаменательнымъ днемъ все село не ложилось. Во всѣхъ избахъ виденъ былъ свѣтъ. Всѣ наряжались, убирались, и даже пироги пекли и брагу варили къ этому дню, какъ будто государь ожидался гостемъ въ каждую изъ прибранныхъ по праздничному избъ.

Наконецъ, къ двѣнадцати часамъ прискакалъ передовымъ исправникъ, за нимъ слѣдомъ прибылъ губернаторъ, а ровно въ два часа могучее перекаатистое «ура», громовымъ кликомъ раздавшееся вдоль по дорогѣ, возвѣстило о приближеніи царскаго кортежа.

Архіерей набожно перекрестился...

Отецъ Иванъ, блѣдный, какъ смерть, только рукой махнулъ. Онъ прошелъ въ церковь, надѣлъ тамъ полное облаченіе и, взявъ въ руки крестъ, приготовился выйти навстрѣчу государю.

Восторженное «ура» раздалось у самой околицы, и бойкая тройка съ наряднымъ, расфранченнымъ ямщикомъ вихремъ промчалась по деревнѣ и какъ вкопанная остановилась передъ самымъ храмомъ.

Государь вышелъ изъ экипажа.

Отецъ Иванъ, съ перепуганнымъ лицомъ и сильно дрожавшими руками, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу.

Государь перекрестился и приложился къ кресту, поцѣловавъ затѣмъ руку священника, что онъ неукоснительно исполнялъ всегда, и по преимуществу когда имѣлъ дѣло съ бѣднымъ сельскимъ духовенствомъ.

Это окончательно сконфузило несчастнаго отца Ивана.

Онъ растерялся, и когда государь ступилъ на паперть деревенской церкви, то растерявагося священника пришлось буквально толкнуть, чтобы онъ, въ свою очередь, вошелъ въ храмъ.

Государь послѣдовалъ за нимъ и занялъ приготовленное ему мѣсто.

Рядомъ съ нимъ стали Адлербергъ, Орловъ и графъ Бенкендорфъ, бывший въ то время шефомъ жандармовъ и во всѣхъ царскихъ путешествіяхъ ѣхавшій всегда въ экипажѣ вмѣстѣ съ государемъ.

Начался молебенъ, отслуженный самимъ архіереемъ, въ сослуженіи съ благочиннымъ и архіерейскимъ діакономъ, при хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ.

Отцу Ивану дано было время прійти въ себя и приготовиться къ произнесенію рѣчи.

Наконецъ, передъ окончаніемъ молебна и провозглашеніемъ многолѣтія, наступилъ и его чередъ.

Онъ вышелъ изъ царскихъ вратъ, приблизился къ приготовленному аналою, облокотился на него обѣими руками, тихимъ, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...—и замолчалъ.

Онъ, какъ самъ онъ передавалъ впослѣдствіи, забылъ, и гдѣ онъ, и какъ его зовутъ... забылъ все, кромѣ того, что ему что-то угрожаетъ и что на него надвигается какая-то неминуемая бѣда...

Богословъ въ это время, спрятанный въ алтарѣ, желая ободрить его и напомнить, что онъ тутъ, готовый ему на помощь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предупредить его, что пора начинать рѣчь, тихо, но внятно произнесъ:

— Ну, начинается!..

Отецъ Иванъ, который смутно припомнилъ только одно, что надо неукоснительно повторять все, что говорится въ алтарѣ, тоже, по возможности ясно и громко, хватилъ на всю церковь:

— Ну, начинается!..

Всеобщее оцѣпенѣніе не поддается никакому описанію...

Государь съ глубокимъ недоумѣніемъ взглянулъ на Бенкендорфа.

Тотъ отыскалъ глазами Булгакова.

Булгаковъ, блѣдный и растерянный, прятался за лицами свиты, и умоляющими взглядами искалъ архіерея.

Богословъ между тѣмъ, желая заставить отца Ивана опомниться и прійти въ себя, тихо и внушительно произнесъ:

— Что ты?... Опомнись!..

— Что ты?... Опомнись!..—на всю церковь возгласилъ злополучный ораторъ къ вѣщему поражению всѣхъ слушателей...

Богословомъ овладѣло неописуемое отчаяніе.

Онъ видѣлъ себя источникомъ невыразимыхъ бѣдствій для всей епархіи... а, быть можетъ, и для самого святѣйшаго синода, и въ порывѣ отчаянія, хватая себя за голову, воскликнулъ:

— Куда ты залѣзъ?

— Куда ты залѣзъ?—гремѣлъ голосъ отца Ивана, окончательно потерявшаго смыслъ и сознаніе произносимыхъ имъ словъ.

Всѣ, начиная съ государя, были подъ вліяніемъ невыразимаго удивленія...

Богословъ въ алтарѣ отчаянно махнулъ рукой и упавшимъ, но все-таки явственнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Пропадешь ты совсѣмъ, и я съ тобой вмѣстѣ!..

— Пропадешь ты совсѣмъ, и я съ тобой вмѣстѣ!!—прозвучалъ вѣщій голосъ въ конецъ обалдѣвшаго отца Ивана.

Наступила минута полного, ничѣмъ не нарушаемаго молчанія...

— Что это такое?—по-французски спросилъ государь, обращаясь къ Адлебергу, который дѣлалъ неимоверныя усилія, чтобы не расхохотаться.

Онъ зналъ всѣ злключенія Булгакова по чудачествамъ его обывателей и искалъ его глазами, чтобы молча поздравить его съ новымъ «артикуломъ», превосходящимъ всѣ предшествовавшіе.

Много чудесъ числилось за тамбовцами со времени водворенія къ нимъ Булгакова, много видѣлъ онъ злключеній, много «сюрпризовъ» перенесъ онъ отъ нихъ и много еще ждалъ впереди, но ничего подобнаго настоящему пассажиу ему даже во снѣ присниться не могло...

Чѣмъ окончился этотъ оригинальный эпизодъ для самого оратора, я не знаю, но Булгакову за него «нагорѣло», и по прошествіи долгихъ лѣтъ, протекшихъ послѣ полной и вѣчной разлуки его съ Тамбовской губерніей, онъ еще съ ужасомъ передавалъ состояніе своего духа въ этотъ знаменательный въ его жизни день...

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

А. И. Соколова.

НЕ ЖИЗНЬ, А ДЕКОРАЦІЯ.¹⁾

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

V.

СЛИ въ народѣ жива попрежнему «вѣра въ чорта», то какова же его вѣра въ Бога?—Общія наблюденія рѣшительно говорятъ о паденіи послѣдней. Религіозное настроеніе еще сильно между «отцами», но «дѣти» отходятъ отъ него все дальше и дальше... Разумѣется, уклоненія отъ этого общаго правила встрѣчаются и тамъ, и здѣсь, а потому нельзя сказать, какая сторона преобладаетъ въ количественномъ отношеніи. По нѣкоторымъ даннымъ можно, однако, заключить, что перевѣса нѣтъ ни на одной сторонѣ, о чемъ говорить, напри- мѣръ, такой фактъ.

На одной подмосковной мануфактурѣ строится православная церковь на добровольные сборы съ рабочихъ и по ихъ инициативѣ. За нѣсколько лѣтъ собрано ими 12 тысячъ и сборъ, путемъ ежемѣсячныхъ отчисленій изъ жалованья, въ добровольныхъ размѣрахъ, будетъ продолжаться до конца постройки. На мануфактурѣ 12 тысячъ рабочихъ, но въ сборахъ участвуетъ только половина, а остальные—«антихристовы дѣти» (какъ назвалъ ихъ старикъ, служащій на мануфактурѣ, членъ строительнаго комитета)—отказались отъ пожертвованій на новый храмъ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХІІІ, стр. 141.

Вездѣ, повидимому, «антихристовыхъ дѣтей» нисколько не меньше, чѣмъ подлинныхъ христіанъ. Столичная публицистика, заговорившая въ послѣдніе годы о небываломъ подъемѣ религіозныхъ настроеній среди общества и народа, основывается на при- мѣрѣ столицъ и другихъ крупныхъ городовъ.

Въ провинціи же ничего подобнаго не наблюдается: никакого нарочитаго «богоискательства», «богостроительства» и «боготворчества» здѣсь не видно ни среди интеллигенціи, ни въ народѣ. Мѣстами тутъ все осталось попрежнему, а мѣстами и ухудшилось значительно, въ смыслѣ паденія религіозныхъ настроеній.

Если среди мужика осталась прежняя вѣра, то это все та же наивная вѣра въ силу обряда и всякой церковной внѣшности. У чувашъ Козьмодемьянскаго уѣзда большимъ пѣтетомъ пользовались два «явленныхъ Николы» (иконы)—«старый» и «молодой», но о первомъ чуваша говорятъ:

— Стара стала—не работать!... айда къ молодому Николѣ: онъ здорово шагать—больно ладно помогать!..

Икона Смоленской Божіей Матери изъ Козьмодемьянскаго собора цѣлый мѣсяць носится по своему и сосѣднимъ уѣздамъ, и вездѣ принимается усердно, несмотря на очень странную обстановку этого шествія. Икону сопровождаетъ не духовенство, а какой-то мужиченко, чуть ли не берущій икону у собора... въ аренду... Онъ дѣлаетъ большіе сборы и безконтрольно ими распоряжается. Въ пользу собора идутъ, кажется, только тѣ деньги, которыя попадаютъ въ кружку, устроенную въ самой иконѣ (внизу рамы). Идетъ икона, колышется отъ движеній несущихъ и позвякиваетъ деньгами... И никого изъ «вѣрующихъ» не коробитъ такое кощунство, какъ никого изъ властей не беспокоитъ это безконтрольное обирание мужиковъ во имя религіознаго чувства...

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ селѣ Сергачскаго уѣзда (Нижегородской губерніи) попъ объявилъ, что «въ колодезѣ явилась икона» святого Николая (и еще двухъ святыхъ), которую-де «могутъ видѣть только «праведники»: они «видѣли икону» не только въ колодезѣ, но и въ сосудахъ съ водою, взятою оттуда. Смиренные же «грѣшники» не удостоивались такой благодати... Два года блаженствовалъ остроумный попъ, принимая отъ богомольцевъ деньги, холсты и прочее за молебны и «святую воду» изъ колодезя. Но сосѣднимъ попамъ стало невтерпежъ—дonesли епископу, по мановенію котораго «явленная икона» исчезла, а находчивый попъ подвергнуть епитеміи. Съ горя онъ запынствовалъ и покончилъ самоубійствомъ...

Случись сейчасъ подобная исторія—она имѣла бы такой же успѣхъ. Въ значительной массѣ народъ попрежнему жаждетъ чуда, вѣрить въ него и жадно хватается за малѣйшіе намеки на возможность чуда... Попрежнему же онъ тянется въ монастыри, хранящіе

народныя святыни, и ради этихъ святынь несутъ туда свои гроши. Отлично народъ видитъ безобразную въ большинствѣ жизнь монашескую братіи, негодуетъ на то, возмущается всякими не порядками монастырской жизни, но строго различаетъ чтимую имъ свою стародавнюю святыню отъ недостойныхъ охранителей ея. Послѣдніе все болѣе и болѣе отталкиваютъ отъ себя народъ, но святыня неудержимо влечетъ къ себѣ вѣрующихъ, какъ было всегда.

Въ іюнѣ 1910 г. извѣстный крестный ходъ съ иконою Смоленской Божіей Матери, приносимою въ Казань изъ Седмозерной пустыни, привлекъ громадную, давно небывалую массу богомольцевъ. Одно пароходство Савина пустило въ одинъ день четыре парохода, биткомъ набитыхъ богомольцами изъ окрестностей Казани, но и остальные пароходства не зѣвали и всѣ подвозили богомольцевъ въ невѣроятномъ количествѣ. То же многолюдство наблюдалось на іюньскомъ крестномъ ходѣ въ Нижнемѣ, съ Оранскою иконою Божіей Матери (изъ Оранскаго монастыря) и т. д.

И гг. «эсдеки» государственной думы, вопившіе (въ февралѣ 1910 г.) противъ «черной саранчи» въ 66 тысячъ человекъ, сидящей на шеѣ русскаго народа, обнаружили и тутъ полное незнаніе того народа, интересы котораго они «желаютъ представлять»... Несомнѣнно, народъ имѣетъ крайне невысокое мнѣніе о большинствѣ «черной саранчи», но къ лучшимъ представителямъ идейнаго монашества относится съ большимъ піететомъ, да и остальную негодную массу «черной саранчи» шадить, именно какъ охранителей народной святыни. Ради послѣдней онъ несутъ туда свои гроши и несутъ добровольно, никѣмъ не побуждаемый.

А попробуйте уничтожить монастыри!... можетъ быть, «антихристовы дѣти» будутъ рукоплескать этой мѣрѣ, но масса народа будетъ возмущена и не проститъ поруганія своей святыни. И вмѣсто закрытыхъ монастырей народъ станетъ заводить новые, скрывая ихъ въ недоступныхъ мѣстныхъ дебряхъ, какъ зародились когда-то старообрядческіе скиты и монастыри.

Надо и то помнитъ, что за монастырями доселѣ удержалось не одно религіозное, но и экономическое значеніе: они, особенно женскіе, продолжаютъ служить единственнымъ пріютомъ для всѣхъ «лишнихъ людей»— бездомныхъ, одинокихъ, не нашедшихъ счастья въ міру, потерпѣвшихъ всякаго рода крушенія въ житейскомъ морѣ. А главную массу этихъ «лишнихъ» даетъ именно народъ, который не скоро еще додумается до иной формы призора своихъ безпріютныхъ людей. И тѣмъ съ большимъ уваженіемъ народъ относится къ тѣмъ монастырямъ, которые представляютъ чисто трудовыя общины, гдѣ нѣтъ мѣста тунеядству и другимъ отрицательнымъ сторонамъ современнаго монашества.

Глупо заблуждался тотъ фабричный рабочій (одной подмосковной мануфактуры), который недавно (послѣ революціи въ Порту-

галіи) крикнулъ на улицѣ священнику: «недолго вамъ бродить тутъ... скоро и вамъ будетъ португальскій конецъ!» Если онъ и будетъ когда въ Россіи, то еще весьма не скоро.

Такой «конецъ» еще болѣе отдавится, если наше духовенство, а особенно монашество, подтянется, поздоровѣетъ и вернется къ своимъ старымъ идеаламъ служенія народу, а не своей мамонѣ... При теперешнихъ же непорядкахъ и всѣхъ ненормальныхъ условіяхъ монастырской жизни, какъ и жизни бѣлаго духовенства, вполнѣ естественно, что сами представители церкви являются чуть ли не главною причиною размноженія въ послѣднее время «антихристовыхъ дѣтей». Число послѣднихъ будетъ расти, если духовенство не опомнится и не выйдетъ на настоящую дорогу «пастырскаго» водительства народомъ, а монастыри не перестанутъ заботиться единственно о накопленіи своихъ богатствъ.

По поводу послѣднихъ пришлось познакомиться съ своеобразнымъ взглядомъ «свободомыслящихъ» людей изъ народа. Одинъ изъ нихъ говорилъ:

— По-моему, народъ хорошо дѣлаетъ, что несетъ свои сбереженія въ монастыри: тутъ они будутъ *сохранить*... А придетъ пора и будетъ нужда, народъ *отберетъ* у монастырей свое достояніе и распорядится имъ по-своему!..

— Такъ-то оно такъ,—замѣтилъ собесѣдникъ:—но имѣйте въ виду, что раньше народа можетъ воспользоваться этимъ народнымъ достояніемъ и правительство... И такіе примѣры бывали: еще Екатерина II отобрала монастырскія имѣнія... Въ Кіево-Печерской лаврѣ, говорятъ, «хранится» записка Николая I о взятіи имъ у лавры 2 милліоновъ на нужды Крымской войны...

Да, монастыри должны помнить о возможности такихъ «добровольныхъ даяній» на государственныя и народныя нужды и вообще не натягивать струнъ безъ конца... Въ Козьмодемьянскомъ уѣздѣ недавно основался женскій Черемисскій монастырь, на средства преимущественно сосѣднихъ черемисовъ, которые раньше очень усердствовали къ своему монастырю, а теперь охладѣли, благодаря безчужь явнымъ тенденціямъ «сестеръ» къ мамонѣ... У ближайшаго черемисскаго общества есть лѣсъ, часть котораго ежегодно дѣлится по дворамъ. Монастырь «установилъ», чтобы при этой дѣлежкѣ ему шель «третій возъ» строевого лѣса, дровъ и валежнику. Этыхъ «третьихъ возовъ» набиралось безчужь много... Нѣсколько лѣтъ «сестры» получали эту добровольную дань, а потомъ черемисы перестали давать лѣсъ, несмотря на всѣ нахальныя требованія уже разбогатѣвшаго монастыря. Такъ волею-неволею и отворачиваются черемисы отъ своего же созданія...

Или возьмите пресловутыя «церковно-приходскія школы», отъ которыхъ народъ рѣшительно и вездѣ отворачивается, предпочитая имъ земскія, министерскія и всякія другія. Припоминаю курьез-

ный фактъ: на одной фабрикѣ подлѣ церкви стоитъ хорошій двухъэтажный каменный домъ, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣщается церковно-приходская школа, а въ нижнемъ живутъ церковные сторожа. И вотъ послѣдніе не пускаютъ своихъ дѣтей въ свою же церковную школу, находящуюся тутъ же, рядомъ, а посылаютъ ихъ за версту — въ фабричную школу... Даже церковныхъ сторожей не удовлетворяетъ церковная школа!..

И не мудрено, если, напр., на Сѣверной Двинѣ пришлось встрѣтить церковныхъ учительницъ, получающихъ по 200 р. въ годъ!.. А вѣдь на такое жалованье врядъ ли можно нанять «среднюю кухарку» въ Архангельскѣ для епархіальнаго наблюдателя школь...

Не будемъ касаться давно наболѣвшаго вопроса о грѣхахъ и грѣшкахъ нашего бѣлаго духовенства, споконъ вѣка наиболѣе близкаго къ народу, который все болѣе и болѣе отворачивается отъ своихъ «пастырей»... Гораздо интереснѣе прослѣдить взгляды народа на высшихъ руководителей бѣлаго духовенства — нашихъ архіереевъ. На эту тему могу привести поразительную по своему безобразію сцену, очевидцемъ которой былъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Эту сцену можно бы озаглавить такъ: «комическій выходъ» православнаго архіепископа... Не привожу имени этого архіерея, который своимъ появленіемъ среди публики произвелъ на нее не благоговѣйное, а чисто смѣхотворное впечатлѣніе: архіерей еще живъ и съ Волги переведенъ на югъ.

Въ маленькомъ приволжскомъ городкѣ, очень рѣдко посѣщаемомъ архіереемъ, ждали проѣзда архіепископа сосѣдней епархіи. Онъ долженъ былъ высадиться съ парохода и на лошадяхъ проѣхать въ два монастыря своей епархіи, лежащіе вблизи городка. Былъ какой-то праздникъ въ маѣ, и почти все населеніе городка собралось на набережной и на улицахъ, гдѣ долженъ былъ проѣхать рѣдкій гость, на котораго всѣмъ было любопытно взглянуть.

На меркурьевской, какъ лучшей, пристани собралось начальство и мѣстное, и сосѣдняго уѣзда, куда направлялся архіерей. Съѣхалось и духовенство его епархіи, бѣлое и черное — игуменъ мужского и настоятельница женскаго монастыря. Игумена архіерей возводилъ въ санъ архимандрита, а настоятельницу въ санъ игуменьи. Послѣдняя была толстая, сырая женщина, но еще молодая, румяная. Ее сопровождала мать-казначей, тоже не старая женщина.

Показался «волжскій» пароходъ, на которомъ ѣхалъ архіепископъ, и сталъ дѣлать оборотъ къ своей пристани. Собравшееся на меркурьевской пристани начальство и духовенство на рыскахъ бросились къ «волжской» пристани. Публика весело хохотала, любуясь, какъ бѣжали попы и монахи, поднявъ рясы... Пьяный мѣщанинъ ползалъ на четверенькахъ съ початымъ мерзавчикомъ въ рукахъ, блаженно ухмылялся и громко восклицалъ по адресу бѣгущаго мимо начальства и духовенства:

— А намъ что?.. а мы выпьемъ!.. за здоровье архирея!.. ура!.. намъ наплевать!..

Пьяный глоталъ изъ мерзавчика и снова кричалъ, повторяя все то же. Его не успѣли убрать—не до того было, и онъ дождался архіерейскаго поѣзда во всемъ своемъ безобразіи...

Позже всѣхъ прибѣжали толстыя монахини, запыхавшіяся, раскраснѣвшіяся, когда архіепископъ уже шелъ съ парохода по сходамъ. При небольшомъ ростѣ онъ поражалъ необычайной толщиной и объемистымъ брюхомъ. Въ безцеремонной публикѣ загалдѣли:

— Ишь ты, какой брюхатый!.. чистая баба на сносяхъ... гляди-ко! гляди-ко!.. вотъ такъ архирей!.. такого еще не видали...

День былъ прохладный, солнце скрылось въ облакахъ, а у архіепископа толстое бабье лицо было красное, какъ ракъ, и лоснилось, словно смазанное масломъ, маленькіе глазки замаслились, съ губъ не сходила сладкая улыбка. Видимо, что архіерей основательно пообѣдалъ на пароходѣ и былъ «веселъ безконечно»... Небрежно и неуверенно благословляя подходившихъ властей, онъ «изволили шутить» и самъ же во всю глотку хохоталъ надъ своими шутками, то банальными, то грубыми и неприличными... Подошедшей настоятельница архіепископъ ляпнулъ:

— Что запыхалась?.. ишь, какъ растолстѣла!.. толще меня стала... ха-ха-ха!..

Продолжая хохотать и безцеремонно оглядывать смущенную «матушку», архипастыръ лукаво спросилъ:

— А кто же со мною ѣдетъ?.. ха-ха-ха!..

Очевидно, онъ не прочь былъ прокатиться вдвоемъ съ «матушкой», но опомнился и обратился къ игумену:

— Ну, хозяйнѣ, садись со мною!.. ха-ха-ха!..

Съ трудомъ впахнули хохочущаго брюхача въ игуменскій тарантасъ, запряженный отличной тройкой. Сухая, постная, вполне приличная фигурка и фізіономія о. игумена еще ярче отгнѣяла все неприличіе и неблагообразіе архіерейской персоны...

Архіерейскій поѣздъ тронулся, состоя изъ пятнадцати экипажей. Шестіе открывалъ конный городской, за нимъ скакалъ въ телѣжкѣ становой приставъ, далѣе мчалась тройка съ архіепископомъ и игуменомъ. А слѣдомъ за ними—самый «интересный номеръ»—двѣ дамы: мать-настоятельница и мать-казначей... Потомъ уже слѣдовали экипажи съ духовными и свѣтскими властями.

Поѣздъ напутствовалъ пьяными восклицаніями и соответствующими жестами съ мерзавчикомъ вышеупомянутый мѣщанинъ, продолжавшій ползать на четверенькахъ по набережной. Архіерей весело гоготалъ, глядя на «насомага» чужой епархіи...

Дальше пошло еще веселѣе. Не успѣлъ поѣздъ свернуть съ набережной въ гору, какъ изъ боковой улицы вылетѣли двѣ телѣги, биткомъ набитыя поѣзжанами мѣщанской свадьбы, и помчались впе-

реди архіерейскаго поѣзда съ пѣснями, хохотомъ, гиканьемъ распѣвающей компаніи. Стоявшая на улицахъ толпа проводила свадьбу улюлюканьемъ и другими знаками сочувствія. Подъ эту музыку архіерейскій поѣздъ сталъ вытягиваться въ гору, и какъ только народъ увидалъ, что слѣдомъ за архіереемъ ѣдутъ «двѣ бабы», въ толпѣ пошло веселое шушуканье насчетъ «архіерейской свадьбы»...

Румяный архіепископъ весело выглядывалъ изъ тарантаса, благословляя и смѣющуюся толпу, ѣдко издѣвавшуюся по поводу «двухъ свадебъ», и попавшее навстрѣчу городское стадо, и домишки, въ раскрытыхъ окнахъ которыхъ виднѣлись головы любопытствующихъ горожанъ, и распростертую у самой дороги, противъ городской думы, какую-то пьяную фигуру, лежавшую ничкомъ, со спущенными штанами...

Такъ прослѣдовалъ, къ удовольствію горожанъ, веселый архіепископъ... Переночевавши въ женскомъ (sic) монастырѣ, онъ перѣѣхалъ въ мужской, и черезъ 5 дней снова проѣзжалъ тотъ же городокъ, но уже не въ такомъ парадѣ и безъ «матушекъ». Онѣ догадались раньше пробраться на пристань. Провожая архіерея, новая игуменья бодро одна взошла на пароходъ, но тамъ такъ расплакалась при разставаньѣ, что съ парохода ее съ трудомъ сволокли подъ руки двѣ дюжія монахини... Народъ чуть не въ глаза смѣялся надъ нею и надъ «брюхатымъ» архіепископомъ...

Врядъ ли такія комическія выступленія православныхъ іерарховъ могутъ содѣйствовать подъему авторитета церкви... Впрочемъ, онъ такъ низко палъ, что веселымъ архіереямъ простительно на все махнуть рукою и не слишкомъ хлопотать о надлежащемъ впечатлѣніи на народъ... И народъ отворачивается отъ нихъ и отъ самой церкви, загроможденной всякими «декораціями», то бесполезными, то вредными.

VI.

Коснемся ли другихъ сферъ провинціальной жизни—вездѣ натолкнемся на «декораціи», за которыми совсѣмъ не видно настоящей жизни. Сонная, вялая, апатичная интеллигенція, оживляющаяся только за картами, водкой и т. п. «благами міра сего», преслѣдующая однѣ личныя цѣли карьеры и наживы, неспособная къ серьезному общественному дѣлу, праздная, лѣнивая, разобщенная и не стремящаяся къ объединенію въ общихъ цѣляхъ—какой это «примѣръ» для народа?!.. Самый развращающій примѣръ, какъ точно такъ же его развращаетъ жизнь богатыхъ людей, въ большинствѣ теперѣ тоже интеллигентныхъ.

Скромный приволжскій городокъ Василь до послѣдняго лѣта не подвергался развращающему вліянію богатства. Наѣзжающіе сюда дачники—люди въ большинствѣ небогатые, а мѣстные богачи—

надо отдать имъ честь,—живуть скромно, тихо, безъ всякихъ излишествъ и вычурностей. Но лѣтомъ 1910 г. поселились въ Василь на дачѣ настоящіе богачи—и городокъ ахнулъ отъ удивленія и негодованія, «дивовался» безъ конца...

По совѣту врачей, въ Василь прибыла, чтобы попользоваться его благотворнымъ климатомъ, астраханская миллионерша-армянка, параличная старуха, не встающая съ своей роскошной кровати, устроенной со всѣми удобствами—съ ящиками со льдомъ, для освѣженія, и проч. Старуху сопровождали—дочь съ мужемъ, предводителемъ дворянства, ихъ дочери и свита до 30 человекъ—докторъ, фельдшеръ, сидѣлки, горничныя и т. д. Чтобы перевезти эту ораву, сняли на меркурьевскомъ пароходѣ весь I классъ, за 1800 р. Грандіозная кровать, съ лежащей на ней старухой, не проходила въ паровозныя двери и пришлось прорубить стѣнку да устроить особыя приспособленія для спуска кровати съ парохода на пристань. Словомъ, для богатства не оказалось никакихъ препятствій.

Для перенесенія старухи съ пристани на гору, гдѣ сняли дачу, наняли 12 здоровенныхъ балчужниковъ, и они торжественно понесли громадную кровать черезъ весь городъ, вызывая всеобщее любопытство. Толпа ребятъ и взрослыхъ сопровождала необычайное зрѣлище, многими принимавшееся за похороны. Наивные черемисы торопились ломать шапки и креститься... Старуха утопала въ своихъ подушкахъ, одѣялахъ, возвышаясь надъ толпою, словно идолице какое... Тяжесть кровати заставляла балчужниковъ дѣлать частыя остановки—«для литіи», какъ иные шутили. Но въ общемъ настроеніе васильчанъ было далеко не шутивное: долго они толковали на тему о силѣ капитала, завидовали его обладателямъ и т. д. безъ конца...

Не менѣе зловредно вліяніе многочисленной у насъ полуинтеллигенціи—недорослей и недоучекъ, нахватавшихся разныхъ «модныхъ» верховъ, или пережевывающихъ старое. Отъ этихъ декоративныхъ «интеллигентовъ» всего болѣе страдаетъ провинція: они встрѣчаются на всевозможныхъ поприщахъ—въ свободныхъ профессіяхъ (начиная съ «революціонной», гдѣ подобный типъ особенно зловреденъ...), въ земскихъ сферахъ, въ промышленной средѣ, въ чиновничьемъ мірѣ и пр. и пр. Потому, очевидно, провинція и не живетъ, а прозябаетъ подъ сѣнью всевозможныхъ декораций, что тонъ въ провинціи задаетъ теперь именно эта мишурная полуинтеллигенція.

«Правые» ли, «лѣвые» ли—всѣ полуинтеллигенты одинаково зловредны. Вотъ, на примѣръ, «правый» — богатый землевладѣлецъ нѣсколькихъ губерній, отставной штыкъ-юнкеръ, или что-то въ этомъ родѣ. На Волгѣ у него есть значительные лѣса и заливные луга, кои онъ каждое лѣто обзрѣваетъ, провѣряя свою лѣсную стражу. Луга, находящіеся въ арендѣ, очень портятъ свиньи сосѣдней деревни. Замѣтивши потраву, помѣщикъ вытаскиваетъ браунингъ и

начинаетъ охоту за деревенскими свиньями, укладывая ихъ цѣлыми десятками... А мужики молчатъ, ибо они же арендуютъ у него луга, крадутъ его лѣсъ и проч. Такъ обѣ стороны изучаютъ на практикѣ теорію «священной собственности»...

А вотъ «лѣвый», несмотря на свою профессію... православнаго псаломщика... Неглупый и довольно развитой молодой человѣкъ рассказывалъ, пресерьезно вѣря въ истинность своихъ нелѣпыхъ рассказовъ, будто во время «московскаго бунта» 1905 г. митрополитъ московскій Владимиръ «приказалъ убить революціонеровъ, искавшихъ убѣжища въ храмѣ, гдѣ онъ служилъ обѣдню»...

Еще курьезнѣе были басни этого «лѣваго» псаломщика (такое совмѣстительство теперь въ порядкѣ вещей и на болѣе высокихъ ступеняхъ церковной іерархіи...) о недавнемъ прошломъ. Ничтоже сумняся, онъ рассказывалъ, какъ въ 1890-хъ годахъ былъ якобы полученъ «указъ задавить 6 младенцевъ, родившихся по собачьему положенію—въ одинъ день», у какой-то бабы подъ с. Работками (Нижегор. губ.)... Тамъ же якобы у другой бабы «родился младенецъ съ копытками, который сейчасъ же удралъ отъ матери подъ печь, и уже на другой день заговорилъ, и даже сталъ ругаться матерно»... Но это чудо «указа» не дождалось, такъ какъ, вволю наругавшись, убралось на тотъ свѣтъ.

Помимо подобной смѣхотворной полуинтеллигенціи, есть въ провинціи и настоящая интеллигенція, безъ кавычекъ, но и она въ большинствѣ либо сидитъ, закупорившись въ своихъ мурьяхъ, и отливаетъ отъ общественнаго дѣла, либо ведетъ послѣднее кое-какъ, чисто въ декоративномъ смыслѣ. Любопытную исторію рассказывалъ интеллигентный купецъ г. Кириллова (Новгород. губ.). Наканунѣ «революціи» образовался у нихъ дружный кружокъ мѣстной интеллигенціи, который задумалъ хорошее дѣло—издавать газету, но предварительно выпустить общедоступный «календарь-альманахъ», а въ немъ дать популярныя очерки по всевозможнымъ, необходимымъ для народа, отраслямъ знаній—по праву, сельскому хозяйству и т. д. Инициаторы рассчитывали, что подготовленный такимъ руководящимъ сборникомъ народъ почувствуетъ нужду и въ газетѣ. Дѣло въ кружкѣ закипѣло, всѣ дружно работали, подготавливая матеріалъ для альманаха и—вдруг!—все лопнуло, когда кружокъ лишился двухъ лучшихъ работниковъ: одинъ умеръ, другой былъ «изъятъ изъ употребленія»... Разказчикъ недоумѣвалъ:

— Отчего это мы, русскіе, начинаемъ всякое дѣло горячо, а потомъ остываемъ и бросаемъ, не кончивши?..

— Это признакъ переутомленія, а можетъ быть и начинающагося вырожденія націи...

— А по-моему, таково ужъ свойство народнаго характера...

— Однако, раньше его не было: въ народѣ, строившемъ русскую землю, было достаточно и энергіи, и предприимчивости, и работоспособности...

Бесѣда эта происходила на пароходѣ «Надежда», рейсирующемъ по «системѣ герцога Вюртембергскаго» и р. Шекснѣ, до Рыбинска. Пароходъ принадлежитъ недавно образовавшемуся «Кирилловскому пароходному товариществу», пайщиками котораго состоятъ жители гор. Кириллова и его уѣзда. Дѣло поставлено хорошо, быстро растеть и общаесть блестящую будущность. Главный инициаторъ и руководитель этого дѣла, на своихъ плечахъ вынесшій весь трудъ постановки новаго предпріятія и притомъ трудившійся совершенно даромъ, теперь съ грустью рассказываетъ, какъ пайщики, палець о палець не ударившіе для общаго дѣла, столь придирчиво «критикуютъ» дѣятельность инициатора, что ему приходится на все махнуть рукою и даже выйти изъ пайщиковъ созданнаго имъ дѣла...

Это—тоже російская черта: оплевать всякаго общественнаго дѣятеля, хотя чуточку выдѣляющагося изъ рядовой массы посредственностей-лежебокъ... Но, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что сами общественные дѣятели почти всегда даютъ поводы къ нареканіямъ на нихъ. Вотъ и этотъ организаторъ Кирилловскаго пароходства, несомнѣнно, человекъ почтенный, порядочный и довольно интеллигентный для своего купеческаго званія, вызвавшій большія симпатіи къ себѣ; какъ къ общественному дѣятелю, вдругъ подложилъ самъ себѣ такую свинью, что пришлось развести руками...

Въ столовую рубку II класса (на «Надеждѣ» очень практичное новшество—упраздненъ дорогой и излишній I классъ, а на его мѣсто—на носу—устроенъ II классъ, все же остальное пространство отведено III классу, удобно устроенному) входитъ пароходный буфетчикъ и въ бесѣдѣ съ г. К. (вышеупомянутымъ инициаторомъ) жалуется на плохую торговлю буфета. К. замѣчаетъ ему:

— Рано ты сталъ плакаться: вѣдь пароходъ дѣлаеъ первый рейсъ... и посмотри, какъ много пассажировъ!.. пустовать не будетъ...

— Много-то ихъ много, а намъ толку отъ нихъ мало, потому—ничего не пьютъ!..

— А ты погоди!.. вотъ пойдутъ домой съ плотовъ боровляне ¹⁾, такъ они у тебя оставятъ весь свой заработокъ... Въ прошлую навигацію я бѣжалъ съ ними на пароходѣ отъ Череповца до Топорни ²⁾, такъ они выпили за этотъ перегонъ 5 четвертей водки... Вотъ тогда и ты не зѣвай!..

Почтенный коммерсантъ передалъ буфетчику этотъ «благый совѣтъ» насчетъ спаиванья несчастныхъ бурлаковъ совершенно серьезно и сочувственно къ положенію спаивателя!.. Очевидно, тутъ сказалась кулаческая жилка, которая невольно сквозить и

¹⁾ Такъ называются здѣсь сгонщики плотовъ, бурлаки.

²⁾ Пристань на Шекснѣ, откуда начинаются каналы «Вюртембергской системы».

въ самомъ интеллигентномъ коммерсантѣ, даже просто въ чело-
вѣкѣ купеческаго происхожденія.

Кулачество не чуждо и другимъ сословіямъ, и вообще людямъ полунинтеллигентнымъ всякихъ сословій. Какъ, напимѣрь, много кулачества въ иныхъ земствахъ... Не умѣя или не имѣя силъ за-
ставить богатыхъ людей уплатить земскія недоимки, накопляющіяся
десятками тысячъ, земства чисто по-кулацки выдавливаютъ изъ
крестьянской бѣдности гроши... Въ Кадниковскомъ у. (Вологод-
ской губ.) у крестьянъ масса маленькихъ водяныхъ мельничекъ,
работающихъ больше для своихъ хозяевъ, чѣмъ на сторону. И всѣ
эти «кустарныя» мельнички, даже полуразрушенныя, стоящія безъ
работы и безъ воды, всѣ одинаково обложены земскимъ налогомъ
по 2 рубля... Крестьяне протестуютъ противъ этого несправедливаго
и для нихъ тяжелаго налога, но дальше словесныхъ протестовъ не
идутъ и ничего добиться не могутъ.

И въ большинствѣ земствъ — «дита плачеть», а мать-земство
«не разумѣеть...» Какіе ужасы происходили на рѣкѣ Ветлугѣ въ
холерную эпидемію прошлаго лѣта, благодаря чисто декоратив-
ной дѣятельности мѣстныхъ земствъ!.. Одинъ ветлужанинъ писалъ
мнѣ о Варнавинскомъ уѣздѣ (Костромской губерніи):

«У насъ эпидемія началась съ конца іюня и тянется доселѣ
(августъ), то стихая, то вспыхивая вновь. Она охватила весь уѣздъ,
начавшись близъ Варнавина, и отсюда по Ветлугѣ заразила почти
всѣ прибрежныя деревни. Число жертвъ опредѣляется минимумъ
въ одну тысячу, со смертнымъ исходомъ не менѣе 500 челоувѣкъ».

«Холера захватила насъ врасплохъ. Наше земство цѣлыхъ
пять лѣтъ потратило на обсужденіе мѣропріятій на случай ея по-
явленія и—ровно ничего не сдѣлало... Въ уѣздѣ не оказалось ни
одного барака, если не считать городского, ибо онъ былъ безъ пола...
И все-таки имъ пользовались, пока не пріѣхалъ вице-губернаторъ,
который сейчасъ же велѣлъ его закрыть. Всѣ больницы въ уѣздѣ
и городская обращены въ холерные бараки. Медицинскаго персо-
нала не хватало и въ обычное время, а въ эпидемію тѣмъ паче.
Правда, было прислано нѣсколько «отрядовъ», но изъ нихъ два
врача черезъ двое сутокъ отказались работать, по нервному со-
стоянію» (sic)...

«Для постояннаго медицинскаго персонала работы была ги-
бель въ первое время, когда приходилось ѣздить по деревнямъ—
собирать больныхъ, хоронить умершихъ и т. д. Впечатлѣнія тамъ
были ужасныя... Страдная пора: сѣнокосъ, жнитво и—два-три
покойника въ избѣ, и это работники самаго цвѣтущаго возраста...
Нерѣдки случаи вымиранія цѣлой семьи... Всюду плачь, стоны,
слезы... стонуть и умирающіе, и оставшіеся въ живыхъ, и вольные-
невольные зрители... О подавленномъ настроеніи всѣхъ нечего и го-
ворить. Всѣ, какъ напуганныя зайцы, боятся другъ друга, бѣгутъ

въ лѣса, прячутся отъ медицинскаго персонала, теряютъ вѣру въ его помощь... Былъ сплошной ужасъ...»

Давно отмѣчено любопытное явленіе, что чѣмъ дворянствѣ земство, тѣмъ оно декоративнѣе и дальше отстоитъ отъ народа. А Варлавинскій уѣздъ еще богатъ дворянами-помѣщиками... Еще болѣе богатъ ими сосѣдній уѣздъ Нижегородской губерніи—Васильскій. Съ самаго открытія земства тутъ царить—по выраженію васильчанъ—«демидовщина», то есть фамилія богатыхъ дворянъ Демидовыхъ, дающая предводителей дворянства, предсѣдателей земской управы, земскихъ начальниковъ и т. д. Должность предсѣдателя земской уѣздной управы—наслѣдственная въ фамиліи гг. Демидовыхъ...

Мало того: уѣздная управа находится—единственный фактъ въ Россіи, и фактъ возмутительный!—не въ уѣздномъ городѣ Василѣ, а въ резиденціи гг. Демидовыхъ—въ селѣ Быковкѣ, отстоящемъ въ тридцати верстахъ отъ города... Понятно, съ какими неудобствами соединено это крайнее безобразіе: кому нужна земская управа, тому часто нужны и казначейство, и полиція, и другія уѣздныя учрежденія, пребывающія въ Василѣ, и обыватель вынужденъ колесить между Василемъ и Быковкой, тратить время, деньги и прочее. Много разъ васильчане хлопотали о прекращеніи этого безобразія, но «демидовщина» сильна и отстаиваетъ удобный для себя «порядокъ»...

Въ этомъ же родѣ и другіе «порядки» васильскаго земства, чуть ли не самаго захудалаго въ Поволжьи: школъ мало и о всеобщемъ обученіи вопросъ не поднимается; дороги отвратительныя, а на прекрасномъ старомъ Екатерининскомъ большакѣ вѣковья березы рубятся на дрова для земскихъ учрежденій; медицинская помощь недостаточная; въ уѣздѣ, богатомъ садами, нѣтъ садовыхъ инструкторовъ, какъ нѣтъ ихъ для очень развитаго здѣсь кустарнаго производства мебели; пожарная часть въ забросѣ и пр. и пр.—вездѣ одни минусы и ни одного, хотя бы крошечнаго, плюсики!..

Каковъ поль, таковъ и приходъ: даже «третій элементъ» васильскаго земства не на высотѣ положенія... Одна исторія прошлаго лѣта раскрыла удивительные «порядки» земской больницы, находящейся въ Василѣ. Казалось бы, что городская больница должна быть примѣрною, а выходитъ наоборотъ...

Какъ-то въ началѣ августа васильчане съ негодованіемъ узнали, что среди бѣлаго дня на улицѣ больничный служитель напалъ и жестоко избилъ почтеннаго горожанина г. К.—на, человѣка уравновѣшеннаго, порядочнаго, неспособнаго, что называется, муху обидѣть. Служитель же извѣстенъ за очень грубаго и вышивающаго человѣка, способнаго въ хмелю на всякое хулиганство. Полагали, что онъ избилъ г. К., какъ пьяный нахаль, ни за что, ни про что. Но оказалось другое: г. К. по профессіи прекрасный

столяръ и, кромѣ мебели, дѣлаетъ гробы и приглашается на похороны въ качествѣ распорядителя, умѣющаго замораживать трупы и пр. На помощь себѣ онъ беретъ одного горожанина, но не обращается къ больничнымъ служащимъ, тоже претендующимъ на роль распорядителей при похоронахъ.

Дѣйствительно, на дешевыя похороны приглашаютъ служителей и они участвуютъ въ нихъ всѣмъ своимъ составомъ, выступая носильщиками и т. д. Спрашиваю: кто же въ этихъ случаяхъ остается при больныхъ въ больницѣ?

— Можетъ быть, водовозъ...—отвѣчаетъ васильчанинъ.

— Гдѣ тамъ!—перебиваетъ другой:—больничный водовозъ цѣлый день возитъ воду, то въ больницу, то къ своему врачу, за версту отъ больницы, то на квартиры богатыхъ дачниковъ—клиентовъ врача...

— Все же сидѣлки остаются при больныхъ...

— Не всегда... какъ уродятся яблоки—сидѣлка цѣлые дни проводятъ въ садахъ смотрителя больницы, убирая яблоки...

Объ этомъ смотрителѣ больницы васильчанинъ говоритъ, что онъ служить, вѣроятно, изъ одного удовольствія, такъ какъ самъ человѣкъ богатый—имѣетъ дома, сады, торгуетъ мясомъ и проч., то есть не нуждается въ ничтожномъ жалованіи смотрителя... У него большія склонности именно къ торговлѣ, которую онъ завелъ даже въ больницѣ: жалованье служащимъ, сидѣлкамъ и др. выдаетъ часто не деньгами, а своими товарами—чаемъ и прочимъ.

Понятно, что служители ищутъ приватнаго заработка на похоронахъ и озлоблены на г. К—на, не зовущаго ихъ на болѣе выгодныя похороны. За это и былъ онъ избитъ...

Горожане все же полагали, что служитель-хулиганъ, избившій невиннаго человѣка, будетъ немедленно изгнанъ изъ больницы, гдѣ нельзя держать грубаго и часто пьянаго человѣка, способнаго и больныхъ бить... Увы! все начальство больницы горой стало на защиту своего хулигана и весь гнѣвъ свой обратило на пострадавшаго г. К—на...

Для перевязки своихъ ранъ онъ отправился въ больницу въ сопровожденіи жившаго въ его домѣ дачника—военнаго доктора изъ Петербурга. Земскаго врача не было на мѣстѣ: онъ уѣхалъ въ уѣздъ на частную практику, бросивши больницу (какъ дѣлаетъ часто) на руки невѣжественнаго фельдшера (кажется, изъ «ротныхъ фельдшеровъ»), не сумѣвшаго даже разобрать докторскій значокъ на мундирѣ военнаго доктора... Зазнавшійся фельдшеръ, уполномоченный земскимъ врачомъ даже на незаконное производство серьезныхъ операцій (въ моментъ прихода К—на съ военнымъ докторомъ фельдшеръ былъ занятъ операціей надъ раздробленной рукой дѣвочки... хотя въ городѣ былъ уѣздный врачъ...), былъ такъ дерзокъ и нахаленъ, что не хотѣлъ пустить въ больницу доктора меди-

дины даже послѣ того, какъ онъ объявилъ себя таковымъ... Но докторъ настоялъ на своемъ и присутствовалъ при наложеніи фельдшеромъ повязокъ на избитое лицо и голову г. К—на, давши первому жестокой нагоняй за грязный фартукъ на немъ, грязныя руки его, грязныя ножницы, грязныя бинты и т. п.

Когда черезъ нѣсколько дней вернулся земскій врачъ, и г. К—нъ обратился къ нему (около квартиры врача) съ просьбой выдать свидѣтельство больницы о нанесенныхъ ему ранахъ, для представления въ судъ, врачъ грубо отказалъ въ выдачѣ свидѣтельства и нахально сказалъ больному, еще не оправившемуся отъ ранъ:

— Убирайтесь!.. а если явитесь въ больницу—велю сторожамъ выгнать васъ!..

Таковъ этотъ «земскій врачъ» и таковы «порядки» «образцовой» больницы дворянскаго земства...

VII.

Полуинтеллигенція преобладаетъ и въ рядахъ администраціи, существующей у насъ не столько ради существа дѣла, сколько для декораций и «украшеній»... Каталась какъ-то по Волгѣ одна высокая особа и добралась до Васильскаго уѣзда, на границахъ котораго—въ селѣ Юринѣ—собралась встрѣчать особу вся администрація—исправникъ, земскіе начальники, становые пристава и другіе. Трое сутокъ они тамъ дежурили и—трое сутокъ уѣздъ оставался безъ власти... и остался цѣль и невредимъ: пасомое властями стадо не разбѣжалось, и волки его не расхитили... Говорю по этому поводу одному представителю власти:

— Вотъ вамъ блистательное доказательство бесполезности и декоративности вашего существованія!.. Трое сутокъ уѣздъ преспокойно прожилъ при полномъ отсутствіи властей, и такъ же бы отлично прожилъ и мѣсяцы, и годы... Очевидно, вы—одно «украшеніе», придуманное для оживленія соннаго пейзажа...

«Власть» не обидѣлась, а только посмѣялась, видимо, сознавая въ глубинѣ души правду этихъ словъ...

Насколько это «украшеніе» бесполезно для обывателя, приведу маленькое извлеченіе изъ дневника жителя города Василя всего за два дня, относящихся къ «періоду успокоенія».

«7 августа (1910 г.). Сегодня случайно обнаружилось двойное убійство: убитъ сторожъ при нефтяныхъ бакахъ и его дочь... Сегодня же ограбленъ дачникъ, днемъ, въ чертѣ города—около земской больницы, двумя субъектами, отнявшими револьверъ, 50 рублей и прочее. Дачникъ не заявилъ полиціи и сбѣжалъ, чтобы не отвѣтить за ношеніе оружія (sic!)... Сегодня же обокрадена семья дачниковъ, но воръ пойманъ ими же, вещи отняты,—полицію не беспокоили...

«8 августа. Обокрадена квартира учительницы (въ третій разъ за два года), о чемъ увѣдомлена полиція... На пристани возчикъ яблокъ проломилъ голову другому и сбѣжалъ. Городовые и стражники, «дежурящіе» больше въ трактирахъ, чайныхъ и пивныхъ, опоздали къ дракѣ и «для порядка» арестовали невиннаго чело-вѣка, но публика его отбила... Въ портерной пироваль съ городо-вымъ «артистъ» шарманки съ петрушкой и ударилъ сидѣвшаго за сосѣднимъ столомъ васильчанина, фізіономія котораго не понравилась «артисту». Городовой исчезъ, а васильчанинъ вздули артиста основательно, послѣ чего онъ «очень извинялся» предъ побившей его публикой...»

Имѣйте въ виду, что въ Василѣ постоянно пребываютъ до 30-ти стражниковъ, изнывающихъ отъ бездѣйствія и скуки. Можно бы кажется, поддерживать съ ними порядокъ, а его нѣтъ... Когда избитый г. К—нъ (см. выше) бросился за помощью противъ хулигана въ казарму стражниковъ, они заявили, что «безъ приказа исправника» не могутъ помочь ему... А исправникъ живетъ въ двухъ верстахъ отъ казармы!..

Прошлою зимою въ Ядринскомъ (Казанской губерніи) и Курмышскомъ (Симбирской губерніи) уѣздахъ появилась масса волковъ, которые стаями ходили днемъ по дорогамъ, нападая на лю-дей и истребляя скотъ. У населенія оружія нѣтъ: все отобрано по случаю «революціи»... И подлый звѣрь размножается въ небываломъ количествѣ и становится бичомъ населенія мѣстныхъ уѣздовъ. Обыватели резонно замѣчаютъ:

— Отчего бы не высылать стражниковъ на истребленіе волковъ?! Если соединить отряды ихъ изъ трехъ-четыреухъ уѣздовъ, получится внушительная сила, которая могла бы въ конецъ истребить волковъ... И для стражниковъ была бы хорошая практика, и населенію оказали бы большое добро... Вотъ гдѣ слѣдовало бы сказать: «патроновъ не жалѣть!» А вмѣсто такой полезной службы обществу стражники спятъ и ничего не дѣлаютъ, а стоятъ дорого...

Такихъ дорогихъ декораций у насъ вездѣ понаставлено видимо-невидимо. Взять хотя бы пресловутыхъ земскихъ начальниковъ, уже отпраздновавшихъ недавно свой первый юбилей (неужели не послѣдній?!), хоть весьма скромно—только въ «своей семьѣ», безъ участія опекаемаго ими населенія... Какъ заликовали было обыватели, когда государственная дума подняла вопросъ объ упраздненіи этого архаическаго, несмотря на свою молодость, учрежденія. Увы! гора родила мышъ: государственная дума (въ декабрѣ 1909 г.) къ великому разочарованію обывателей, остановилась на полдорогѣ, оставивши этотъ институтъ и только отнявши у него судебныя функціи. Спасибо, конечно, и за то...

Въ 1902 году въ воронежскомъ окружномъ судѣ, при разборѣ дѣла о сопротивленіи влатсямъ крестьянъ одного села въ Бобров-

скомъ уѣздѣ, спорившихъ о землѣ съ помѣщиками Станкевичами, крестьянинъ Андрей Малаховъ (руководитель крестьянъ) обронилъ очень характерное выраженіе: «теперь мы пожалованы земскими начальниками...»

Отъ этого милостиваго «пожалованія» зачесались крестьянскіе затылки въ первые же моменты учрежденія института и чешутся доселѣ... Вся крестьянская Русь поголовно—и правая, и лѣвая, и черная, и красная, рѣшительно вся негодуетъ на опеку земскихъ начальниковъ. И освобожденіе отъ нея будетъ привѣтствоваться народомъ такъ же радостно, какъ 50 лѣтъ назадъ освобожденіе отъ помѣщицъей опеки...

Исторія когда-нибудь расскажетъ, какую массу зла натворилъ и продолжаетъ творить этотъ институтъ, почти сплошь очутившійся въ рукахъ самой первобытной полуинтеллигенціи, а часто и того хуже—въ рукахъ просто дикихъ людей. Когда нѣсколько лѣтъ назадъ въ Васильскомъ уѣздѣ проворовался одинъ земскій начальникъ (братски подѣлилъ съ волостнымъ старшиною 16 тысячъ какихъ-то крестьянскихъ денегъ), тогдашній губернаторъ отстоялъ его отъ суда (земскій внесъ до ревизіи 8 тысячъ, а старшина не внесъ и пошелъ подъ судъ), оправдываясь, что «некому бытъ земскимъ начальникомъ—нѣтъ людей на эти мѣста»...

Дѣйствительно, «на эти мѣста» нѣтъ охотниковъ изъ настоящихъ людей... Въ земскіе начальники Макарьевского уѣзда (Нижегородской губерніи) попалъ какъ-то мѣстный помѣщикъ З., долго служившій въ нашихъ заграничныхъ посольствахъ и совершенно забывшій русскую жизнь. Ожидая къ себѣ съ визитами мѣстныхъ властей, онъ обстоятельно разспросилъ, какъ кого слѣдуетъ принимать, но перепуталъ названія должностей, благодаря чему разыгрались такія сцены: явившагося первымъ урядника З. очень изысканно принялъ въ гостиную и представилъ своей женѣ—испанкѣ, а относительно пріѣхавшаго затѣмъ исправника распорядился: «дать ему стаканъ водки и гнать въ шею!..»

Земскій начальникъ сосѣдняго Семеновскаго уѣзда князь В.—присудилъ одного крестьянина... «къ каторгѣ»!. Князя поспѣшили убрать, опасаясь, что онъ додумается и до смертной казни...

Въ другомъ уѣздѣ спрашиваютъ земскаго начальника:

— Почему вы не объѣзжаете свой участокъ?

— Зачѣмъ?—смотрѣть на дырявыя крыши и рваные зипуны?!

У меня много дѣла и въ канцеляріи...

Другой такой же канцелярскій дѣятель рѣшительно отказывалъ въ устройствѣ школъ, говоря: «сначала падо накормить васъ».

А кормятъ они мужиковъ все впроголодь... Въ голодный 1902 г. земскіе начальники Васильскаго уѣзда не давали крестьянамъ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ, цинично мотивируя отказы

такъ: «получивши свой хлѣбъ, мужики не пойдутъ къ намъ работать»...

У одного изъ этихъ чиновниковъ-помѣщиковъ произошелъ такой діалогъ съ черемисомъ, получившимъ о казѣ въ выдачѣ «гамазѣйнаго» хлѣба:

— Сколько у тебя лошадей?

— Двѣ.

— Одну продай... А коровъ сколько?

— Двѣ.

— Одну продай... А овецъ?

— Двадцать.

— Десять продай... Вотъ тебѣ и хлѣбъ на всю зиму!..

Но черемисы не послѣдовали этому нехитрому рецепту и предпочли продавать амбары, бани и т. п., да покупали у богатыхъ черемисовъ старыя кладя хлѣба, превратившагося въ навозъ... Одинъ васильчанинъ купилъ у черемиса рожь, лежавшую двадцать лѣтъ въ скирдѣ: зерно оказалось такъ черно, горько, невкусно— «отдавало смолою», что пришлось стравить весь хлѣбъ коровѣ, да и та ѣла крайне неохотно— «воротила морду». А черемисы питались такимъ «хлѣбомъ», проклиная сытыхъ опекуновъ,..

Въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ (Владимирской губ.) одинъ земскій начальникъ отличался буйнымъ нравомъ: ругался, дрался, спускалъ мужиковъ съ лѣстницы (камера его помѣщалась во второмъ этажѣ), но въ то же время этотъ «столбовой дворянинъ» не гнушался занимать безъ отдачи деньги у своихъ подчиненныхъ— волостныхъ старшинъ, старость, писарей и т. д.

У одного земскаго начальника Варнавинскаго уѣзда (Костромской губ.) была любимая собака «Бульда», презлая нравомъ и видомъ похожая на волка. Много зла она надѣлала мужикамъ, повадившись таскать ягнать изъ стада. У бѣдной вдовы, имѣвшей всего пять ягнать, «Бульда» сожрала трехъ, то есть по меньшей мѣрѣ на 5 рублей. Вдова бросилась къ земскому начальнику, но тотъ не далъ ей ни копейки и сказалъ: «я посажу «Бульду» на цѣпь... да она не любитъ цѣпи»... Выше вдова не жаловалась, опасаясь, что «всему обществу достанется»... Позже мужики догадались убить «Бульду».

Курьезны «уѣздные съѣзды» земскихъ начальниковъ въ ихъ «судебныхъ» гласныхъ засѣданіяхъ : «смѣхъ и горе»—только и можно про нихъ сказать... Собираются они на два-три дня въ мѣсяцъ и скоропалительно «рѣшаютъ» за такую короткую сессію, засѣдая по пяти часовъ въ день, до 200 дѣлъ и больше... Въ городѣ Василѣ предсѣдатель съѣзда, предводитель дворянства Зубовъ (покойный), болѣе десяти лѣтъ страдалъ глухотою, и все же продолжалъ «предсѣдательствовать» на съѣздѣ. Молодые сочлены послѣдняго, соскучившись на засѣданіи, уходили въ сосѣдную ком-

нату (клуба) и принимались играть на рояль. Музыка прекрасно доносилась въ залъ засѣданій, публика возмущалась, а глухой предсѣдатель и ухомъ не вель... Сплошь и рядомъ у него происходили такія сцены:

Судятъ крестьянина за недозволенную охоту на лося. Зубовъ говоритъ подсудимому, начиная съ своего любимого и бессмысленнаго присловья:

— Большею частью и тому подобное... вѣдь ты сознался, убилъ лося?..

— Не убиваль, ваше в—е!..

— Ну!... большею частію и тому подобное... значить, сознаешься?

— Никакъ нѣтъ, ваше в—е, не сознаюсь!..

— Вотъ и прекрасно, что сознаешься!..

— Не сознаюсь!..—кричитъ уже подсудимый.

— Это... большею частію и тому подобное... очень хорошо, что ты сознаешься...

Наконецъ на помощь приходитъ сочленъ и кричитъ на ухо предсѣдателю, въ чемъ дѣло...

Если отъ этихъ непосредственныхъ опекуновъ народа обратимся къ общей администраціи—и тамъ найдемъ ту же декоративную дѣятельность... Безъ году недѣля прошла, какъ введенъ «законъ 9 ноября», разрушающій вѣковую общину, увеличивающій сельскій пролетаріатъ (усиленные кадры будущей «пугачевщины»...), создающій скудныхъ землею «хуторянь» и богатыхъ «новыхъ помѣщиковъ», какъ г. Столыпинъ уже обозрѣлъ свое созданіе и открылъ «блистательные результаты» въ теченіе такого короткаго періода дѣйствія новаго закона...

Но обыватели знаютъ настоящую подкладку этихъ «отрубныхъ» и «хуторскихъ» декораций... Казалось бы, что выселеніе на отруба будетъ полезною мѣрою въ тѣхъ случаяхъ, когда часть селенія переселяется на свои дальнія земли, или мало обрабатываемыя, или совсѣмъ заброшенныя, или сдаваемые въ аренду другимъ обществамъ. Однако и въ подобныхъ случаяхъ крестьяне неохотно идутъ на отруба, а гдѣ переселились на нихъ, прельщенные разными льготами и пособіями, тамъ уже стали «плакаться» на переселеніе и мечтаютъ о возвращеніи обратно, въ свои насиженные гнѣзда, болѣе удобныя для житья, чѣмъ наспѣхъ и кое-какъ оборудованныя отруба. Такой случай произошелъ, на примѣръ, въ Наровчатскомъ уѣздѣ (Пензенской губерніи): часть крестьянъ с. Вечкинина переселилась на свою дальнюю землю и образовала деревню Александровку, а теперь уже «плачется и желаетъ вернуться обратно»... Такихъ примѣровъ масса.

Къ какимъ блистательнымъ результатамъ приводитъ «законъ 9 ноября»—приведу въ извлеченіи два сообщенія изъ поволжскихъ газетъ, какъ весьма типичныя. Въ № 373 симбирской газеты «Волжскія

Вѣсти» (отъ 1 іюля 1910 г.) сообщалось, что «со времени изданія указа 9 ноября 1906 г. объ укрѣпленіи въ личную собственность земельныхъ душевыхъ надѣловъ, въ с. Хрящевкѣ появилась масса новыхъ помѣщиковъ», среди которыхъ первую роль играетъ богатый мельникъ-крестьянинъ П. Г. Гордѣевъ, скупившій къ 1 іюля 60 надѣловъ, около 390 десятинъ, въ среднемъ по 35 р. за десятину, тогда какъ самъ сдаетъ эту землю въ аренду по 25—30 р. за надѣлъ...

Въ № 888 самарской газеты «Волжское Слово» (отъ 4 іюля 1910 г.) читаемъ, что въ одномъ сельскомъ обществѣ Новоузенскаго уѣзда нѣмецкіе колонисты скупили 250 «душъ», т. е. больше 3 тысячъ десятинъ. Сельское общество хотѣло само скупить эти земли, но земскій начальникъ не позволилъ, ссылаясь на то, что общество якобы «не имѣетъ права» скупить (!?)... Изъ 250 продавцовъ человекъ 5—6 пустили деньги въ дѣло, а остальные все пропили, «погулявши» власть... И такихъ примѣровъ масса..

Та же черта декоративности присуща и всякимъ другимъ новымъ мѣропріятіямъ администраціи. Вышелъ, напримѣръ, новый законъ о клейменіи вѣсовъ, а въ результатѣ произошло сокращеніе базаровъ: «мужики боятся пріѣзжать на базары»... За клейменіе старыхъ вѣсовъ берутъ 3 рубля, и клейменіе надо производить черезъ 3 года. Хотя чиновники пробирной палатки ѣздятъ по уѣздамъ, но ихъ не всегда и не вездѣ поймашь, а ѣздить въ губернской городъ и дорого, и неудобно. Понятно, крестьяне просрочиваютъ и не торопятся возобновлять клейма, а полиція составляетъ протоколы и гонитъ съ базаровъ. Новые же клейменные вѣсы стоятъ очень дорого, не по мужицкому карману—10—12 р., хотя красная цѣна имъ 2—3 р.

Такъ вотъ у насъ во всемъ, въ большомъ и маломъ, то недосоль, то пересоль... Не мудрено, если обыватели игнорируютъ неудобные для нихъ законы, или обходятъ ихъ при помощи тѣхъ же представителей власти. Одинъ изъ нихъ гдѣ-то заявилъ обывателямъ:

— Вы первые нарушители закона!..

— Да, но потому, что вы—первые продавцы закона!..—отпарировалъ обыватель.

Декоративность въ обилии наблюдается на самыхъ верхихъ провинціальной администраціи. Нижегородскій губернаторъ г. Шрамченко (наканунъ своего неожиданнаго перевода въ Вологду) вздумалъ прокатиться по своей губерніи, воспользовавшись чисто лѣтней весенней погодой. Въ с. Исадахъ его встрѣтилъ исправникъ Макарьевскаго уѣзда, одѣтый, вслѣдствіе жары, въ походную тулужурку. И досталось же этой тулужуркѣ отъ губернатора... Такъ жестоко онъ пробралъ исправника за его «вольномысліе»—за встрѣчу не въ мундирѣ, что теперь, говорятъ, исправникъ даже въ баню ходитъ въ мундирѣ и со всѣми регаліями: а ну какъ въ банѣ попадется губернаторъ?!..

Преемникъ г. Шрамченка въ Нижнемъ—г. Хвостовъ (бывшій вологодскій губернаторъ) при первомъ свиданіи съ гласными городской думы заявилъ о своемъ желаніи заняться отнюдь не городскими дѣлами, а... соединеніемъ Волги съ Сѣверной Двиною посредствомъ р. Костромы и притоковъ р. Сухоны... Это бы еще не бѣда, что губернаторъ фантазируетъ, вмѣсто того, чтобы заниматься своимъ прямымъ дѣломъ... Но удивительно, что бывшій вологодскій губернаторъ не знаетъ, что Волга давнымъ-давно соединена съ Сѣверной Двиною «системою герцога Вюртембергскаго», что Вологда лежитъ вблизи этой системы и что изъ Вологды можно проѣхать воднымъ путемъ на Волгу.

Именно этимъ путемъ я проѣхалъ прошлымъ лѣтомъ на пароходахъ изъ Вологды до Рыбинска—по рѣкамъ Вологдѣ, Сухонѣ, озеромъ Кубенскимъ и по «Вюртембергской системѣ», очень старой, запущенной, небрежно содержимой, но оживленной значительнымъ движеніемъ судовъ, значить—жизнеспособной и могущей прогрессировать. Существуетъ нѣсколько проектовъ улучшенія и развитія этой системы, на что и надо добиться казенной, сравнительно небольшой, субсидіи, а не бросать казенные милліоны на фантазіи г. Хвостова, собирающагося ломиться въ открытую дверь...

Заканчиваю эту главу своего рода апофеозомъ нашей администраціи... Пароходъ «Ломоносовъ» подошелъ къ пристани заштатнаго города Красноборска, на Сѣверной Двинѣ (ниже Котласа). Высыпавшіе на балконъ немногочисленные пассажиры были поражены необычнымъ весельемъ, царившимъ на пристани. Сбравшіеся тамъ горожане потѣшались надъ хромымъ дурачкомъ, очень забавнымъ по костюму: онъ былъ одѣтъ въ рваный и грязный мундиръ коннаго стражника, въ красномъ картузѣ, не то лейбъ-гусара, не то начальника станціи, съ висѣвшими на перевязи ножнами отъ пашки. Молодой дурачокъ, видимо, страдалъ маніей величія и суетился на пристани, устанавливая порядокъ, подъ хохотъ и издѣвательства публики. Это его сердило, онъ горячился, огрызался, колотилъ мальчишекъ своими пустыми ножнами и продолжалъ якобы возстановлять порядокъ. Дежурившіе на пристани дѣйствительный стражникъ и водяновскій чинъ не мѣшали дурачку, потѣшаясь надъ нимъ не меньше публики и не помышляя о томъ, что дурачокъ «оскорбляетъ честь мундира»... Одинъ изъ пассажировъ замѣтилъ:

— Развѣ не олицетворяетъ этотъ дурачокъ нашу администрацію, которая воображаетъ, что она якобы «возстановляетъ порядокъ» и «правитъ народомъ»?! На самомъ же дѣлѣ народъ только отмахивается отъ всякаго начальства, какъ отъ назойливой мухи, терпитъ его до поры до времени и отводитъ душу самымъ проницательнымъ отношеніемъ ко всевозможной его «дѣятельности»...

VIII

Надо ли говорить о декоративности нашего юнаго парламента?—она всё въ бьетъ въ глаза... Какъ ни важенъ для народнаго самосознанія самый фактъ существованія государственной думы, но отрицательнаго отношенія народа къ ея дѣятельности нельзя скрыть. Какіе ни возьмите шаги государственной думы—и крупныя, и мелкія, и прогрессивныя, и реакціонныя, всё болѣе или менѣе отрицательно воспринимаются провинціей, уже напуганной серьезными промахами государственной думы и потерявшей вѣру въ нее...

Какъ негодуешь, напримѣръ, провинція на возмутительно небрежное отношеніе государственной думы къ такъ называемой «вермишели», т. е. къ мелкимъ законопроектамъ, затрагивающимъ самыя жизненные интересы провинціи. Господа чиновники, засѣдающіе въ государственной думѣ, пекутъ ихъ, какъ блины, и «сбываютъ съ рукъ», подобно заправскимъ чинушамъ, или «кладутъ подъ сукно» и т. п.

И невольно у обывателей является мысль о необходимости учрежденія областныхъ думъ, кои вѣдали бы не только эту «вермишель», но и всё вообще законопроекты, касающіеся провинціи, предоставивъ государственной думѣ, значительно сокращенной въ составѣ, обсужденіе высшихъ общерусскихъ законовъ, контроль надъ администраціей и т. п. Обыватели даже намѣчаютъ число областныхъ думъ: ихъ должно быть 11, по числу естественно сложившихся областей—Московская, Поволжская, Уральская, Малорусская, Бѣлорусская, Новороссійская, Польская, Финляндская, Кавказская, Сибирская и Среднеазиатская.

Только эти областныя думы станутъ близко къ народу, окунутся въ его кровныя интересы и сдѣлаются его руководителями. Нынѣшняя же государственная дума, да еще при отрицательномъ отношеніи къ ней правительства, превратится скоро въ нѣчто жалкое и смѣхотворное...

Положеніе обывателей оказывается страшно трагическимъ: отъ стараго «режима» добра не ждутъ, а «новый режимъ» выразился пока въ государственной думѣ, въ которой всё уже разочаровались, да въ... дѣятельности г. г. революціонеровъ, разочарованіе въ которыхъ нисколько не меньше... Обыватели говорятъ:

— Какіе же это «апостолы новой вѣры» и «пророки новой жизни», если они окружаютъ себя самыми позорными декораціями стараго режима!.. Тотъ же у нихъ деспотизмъ, такой же «шефъ жандармовъ» г. Бурцевъ, свои «охранки», «сыски», «шпіонажъ» и т. п.

— А чего стоять,—подхватываетъ другой обыватель,—и какъ омерзительны всё эти «кающіеся охранники», равно какъ и «кающіеся революціонеры»...

И онъ припомнилъ, какъ въ 1890-хъ годахъ г. Амфитеатровъ, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ «Стараго джентльмена» въ «Новомъ Времени», разсказалъ съ доказательствами въ рукахъ, что «кающіеся революціонеры», сотрудничавшіе тогда въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»—Левъ Тихоміровъ (нынѣ редакторъ ихъ), Н. Н. Говоруха-Отрокъ (нынѣ покойный) и др. «пошли въ станъ правыхъ, чтобы испошлить его до омерзѣнія» (ставлю въ кавычкахъ не буквальные слова, а мысль)... Обыватель прибавилъ:

— И мнѣ приходилось бесѣдовать съ однимъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» того времени, тоже «бывшимъ», если не революціонеромъ, то радикаломъ—съ нынѣ покойнымъ врачомъ М. Н. Гл—мъ: и онъ оправдывалъ свое вступленіе въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» именно тѣмъ же мотивомъ... И Гл—й, подобно Говорухѣ-Отроку, не долго выдержалъ муку такого раздвоенія: оба они спились и рано умерли...

— Похоже,—замѣтилъ первый обыватель:—что и правые, въ родѣ этихъ «кающихся охранниковъ» и т. п., стали прибѣгать къ тому же рискованному оружію: пошли въ станъ лѣвыхъ, чтобы вызвать къ нимъ омерзѣніе общества...

Во всякомъ слѣчаѣ, тутъ происходитъ какая-то страшная неразбериха, въ которой теряется обыватель... Все шатается, и всеобщее недовольство растетъ, а наверху увлекаются какими-то побрякушками, въ родѣ «хуторовъ» и т. п. Вездѣ — «не жизнь, а декорация»... Одинъ обыватель замѣтилъ:

— Чего же вы хотите, если у насъ даже такъ называемый «народный гимнъ»—чисто декоративный...

— Какъ такъ?!

— Очень просто: музыка этого гимна не сочинена А. Ѳ. Львовымъ¹⁾ а... списана съ стариннаго голландскаго псалма, который съ незапамятныхъ временъ поется во всѣхъ голландскихъ церквахъ разъ въ году—на первый день Пасхи...

И онъ разсказалъ, какъ прошлымъ лѣтомъ былъ въ Голландіи и въ одномъ голландскомъ домѣ хоръ дѣвушекъ и молодыхъ людей спѣлъ, подъ аккомпаниментъ рояля этотъ старинный псаломъ: и онъ буквально, тактъ въ тактъ, оказался... російскимъ «народнымъ гимномъ»... Провѣрить это нетрудно.

IX.

Соедините вмѣстѣ всю массу зловредныхъ вліяній, исходящихъ отъ всевозможныхъ російскихъ «декораций», замѣняющихъ подлинную жизнь, и вы поймете, почему мрачное настроеніе и недобрый

¹⁾ Любопытно, что, кромѣ этого гимна, за Львовымъ не числится никакихъ другихъ композицій...

предчувствія одолѣвають обывателя, одинаково—и народъ, и общество, и интеллигенцію. Тревога за будущее растеть въ провинціи...

Вѣками сложившаяся ненависть народа къ «господамъ» значительно усилилась послѣ краха революціи, поманившей народъ въ «райскія обиталища», а въ дѣйствительности ничего не давшей ему... Народъ не сознаеть, что и онъ самъ своимъ анархическимъ движеніемъ помѣшалъ «освободительному», напугавши анархіей всѣ умѣренные и «сочувствующіе» слои народа и общества, и валить всю вину на «господъ» вообще, относя къ нимъ не только администрацію, открыто воевавшую съ революціей, но и «сочувствующую» интеллигенцію, и самихъ дѣлателей революціи, разныхъ «макратовъ», и т. д.

У народа зрѣеть мысль, что «господа ничего для народа не сдѣлають», а все хорошее долженъ «сдѣлать самъ народъ»... Какъ и что именно надо дѣлать—народъ не знаетъ. Возможны, однако, страшныя попытки народа «самому взяться за дѣло», страшныя именно потому, что у народа нѣтъ другихъ опытовъ, кромѣ «разинщины», «пугачевщины» и т. п. движеній.

И объ этомъ уже говоритъ народъ и довольно открыто, несмотря на всѣ мѣры по части «успокоенія» и «устроенія»... Осенью 1909 г. на одномъ волжскомъ пароходѣ какой-то мастеровой или рабочей громогласно проповѣдывалъ:

— Черезъ два года станемъ всѣхъ господъ рѣзать!.. всѣхъ подъ рядъ, поголовно—чиновниковъ, купцовъ, поповъ и другихъ начисто всѣхъ...

Народъ почему-то ждетъ чего-то страшнаго именно въ 1912 году... Вѣроятно, народная память хранитъ воспоминанія о томъ, что «12-е годы» предыдущихъ вѣковъ были роковыми для Россіи.

Эти тревожныя ожиданія наблюдаются и въ разныхъ слояхъ полуинтеллигенціи. Одинъ представитель ея, чѣмъ-то недовольный на духовенство, говорилъ:

— Вотъ погодите!.. когда будетъ новое возстаніе, я раскрою всѣ штуки нашихъ поповъ, архіереевъ и самого синода...

Даже у примитивныхъ черемисовъ, чувашъ и другихъ инородцевъ идетъ какое-то броженіе, трудно наблюдаемое вслѣдствіе незнанія ихъ языковъ. И они что-то думаютъ насчетъ нашихъ не порядковъ, толкуютъ даже про «республику» и т. п.

Между тѣмъ обыватели увѣрены, что новый взрывъ народнаго недовольства было бы возможно предупредить очень нехитрымъ пріемомъ: надо идти впередъ, а не топтаться не мѣстѣ и не идти назадъ, когда все говорить противъ такого топтанья и противъ попятнаго движенія... народъ такъ нетребователенъ и готовъ удовлетвориться алымъ...

Теперьшняя же убогая реакціонная политика ведетъ уже проснувшійся народъ къ новымъ революціоннымъ взрывамъ, и къ болѣе страшнымъ, чѣмъ предыдущимъ... Какъ бы ни тѣшили себя селяціе

вверху наступившимъ якобы «успокоеніемъ», наблюдатели низовъ не вѣрятъ въ продолжительность этого чисто наружнаго «успокоенія». И здѣсь та же російская «декорация», какъ и вездѣ у насъ...

И если хочется вѣрить, что новая «пугачевщина» у насъ немислима, то отнюдь не благодаря маниловскимъ (въ родѣ «хуторовъ») и полицейскимъ мѣропріятіямъ, а по совершенно инымъ основаніямъ. У народа уже есть своя интеллигенія, настоящая (безъ кавычекъ), изъ народа же вышедшая, которой народъ довѣряетъ и пойдетъ за нею охотно. А эта крестьянская, фабричная и т. д. интеллигенція, вскормленная тою же пищею, что интеллигенція изъ общества, не позволитъ разразиться «пугачевщицѣ» въ полномъ ея размахѣ—не допустить ни «поголовной рѣзни», ни истребленія культурныхъ начинаній и т. п.

Правда, народной интеллигенціи очень мало, да и та больше «изъята изъ употребленія», по изумительной слѣпотѣ нашихъ заправиль, рубящихъ сучки того дерева, на которомъ сами же сидятъ.. Остается одна надежда—на здравый смыслъ и на совѣсть народа, т. е. лучшихъ его представителей. Поручкою въ этомъ многія здравыя явленія, и сейчасъ наблюдаемая въ народѣ.

Какъ быстро, напримѣръ, растутъ ряды народной интеллигенціи. Лѣтомъ 1909 г. встрѣчаю на окскомъ пароходѣ очень бѣдно одѣтаго «замочника» изъ-подъ села Павлова, ѣхавшаго домой изъ Нижняго съ дочкой 12 лѣтъ—гимназисткой. Бѣдный кустарь съ понятною гордостью рассказывалъ, какъ онъ, при помощи добрыхъ людей, «вывелъ въ люди» еще двухъ сыновей: одинъ находится въ учительскомъ институтѣ, другой въ гимназій.

Прошлымъ лѣтомъ на пароходѣ «Братья», рейсирующемъ по «Вюртембергской системѣ», ѣхали до гор. Кириллова три крестьянскія дѣвочки, 13—14 лѣтъ, чтобы сдать экзаменъ въ 4-й классъ женской гимназій. Окончивши двухклассное училище, онѣ еще прошли курсъ двухкласснаго же мужского училища. Отецъ одной дѣвочки помогъ своему брату добиться званія народнаго учителя и на ту же дорогу выводитъ своего сына, а дочь направилъ въ гимназію, несмотря на противодѣйствіе мачехи. Дѣвочки заплатили за пароходъ по 20 к. (отъ 5-го шлюза), а обратно домой предполагали итти пѣшкомъ, за неимѣніемъ денегъ. Онѣ имѣли при себѣ узелки со скудной провизіей, рассчитывая на даровой ночлегъ въ монастырской гостиницѣ. вообще производили трогательное впечатлѣніе.

Козьмодемьянское земство (Казанской губерніи) открыло сельско-хозяйственныя курсы для черемисовъ и чувашъ, и дѣло идетъ прекрасно: отъ взрослыхъ курсистовъ нѣтъ отбою... Дѣло поставлено разумно: земство не только не беретъ никакой платы, но еще помогаетъ курсистамъ, платя имъ по 40 к. въ день за работы на земскомъ хуторѣ (подъ городомъ), гдѣ устроены практическія курсы.

Жители приволжскаго гор. Василя недавно подали петицію объ открытіи средняго учебнаго заведенія, въ которомъ давно нуждается городокъ, отставшій въ этомъ отношеніи отъ сосѣднихъ, болѣе заходустныхъ и бѣдныхъ городковъ по Сурѣ и Ветлугѣ. Большинство подписей на петиціи принадлежитъ мѣщанамъ, кои, однако, не ждутъ успѣха, такъ какъ пришлось подавать петицію нынѣшнему составу городской управы, черезчуръ далекому отъ серьезныхъ заботъ о просвѣщеніи своихъ горожанъ.

На «волжскомъ» пароходѣ «Императрица» въ одинъ изъ рейсовъ прошлаго лѣта обращалъ вниманіе пожилой студентъ, лѣтъ за 30, казанскаго университета. Онъ оказался студентомъ перваго курса медицинскаго факультета, а раньше 12 лѣтъ былъ земскимъ фельдшеромъ. Будучи семейнымъ человѣкомъ, онъ содержитъ себя и семью именно фельдшерской практикой въ Казани: съ разрѣшенія врачей принимаетъ больныхъ, помогаетъ врачамъ, занимается массажемъ и пр. Какимъ-то американскимъ духомъ вѣяло отъ этого почтеннаго и жизнерадостнаго студента-фельдшера, который и учится и семью кормитъ, не прибѣгая къ общественной благотворительности...

Въ деревнѣ Огурцевой, Воронинской волости Череповецкаго уѣзда, проживаетъ крестьянинъ Ѳедоръ Егоровичъ Цѣликовъ—разносторонній изобрѣтатель. Онъ открылъ антипожарную жидкость, отъ пропитыванія коей дерево и ткани не горять, а медленно тлѣютъ. Его жидкость, благодаря дешевизнѣ (7 р. ведро), ходко разбирается въ округѣ. На сельско-хозяйственной выставкѣ въ Череповцѣ 1906 г. Цѣликовъ получилъ медаль и тысячу рублей субсидіи на дальнѣйшіе опыты. Ему же земство дало 200 р. на усовершенствованіе особой печи для овиновъ, устраняющей частые пожары ихъ и очень выгодной: трехъ полѣнъ достаточно для просушки 200 сноповъ... Цѣликовъ же открылъ средство противъ костоѣды и пр. пр. Изобрѣтательности его нѣтъ конца.

Растетъ въ народѣ и политическое сознаніе... На пристани Василя заспорили какъ-то русскіе и татары о преимуществахъ своихъ народностей. Споръ былъ горячій и довольно нелѣпый, особенно съ русской стороны. И вдругъ нелѣпныя притязанія русскихъ на верховенство были разбиты русскимъ же крестьяниномъ. Онъ говорилъ:

— Я за татаръ!.. потому, хотъ вѣры у насъ разныя, а мы всѣ живемъ подъ однимъ царемъ, и царь никого не конфузитъ: всѣ у него равны...

Эти золотыя слова, выражающія не столько живую дѣйствительность, сколько желательное направленіе ея, произвели громадное впечатлѣніе на толпу, и споры смолкли...

Но всѣ эти здоровыя явленія въ народѣ такъ рѣдки сравнительно съ его милліонными массами, продолжающими пребывать въ темнотѣ

время чуть ли не «скивовъ и сарматовъ»... И действительно поднимается вѣковой вопросъ: какими мѣрами можно поднять мужика?.. «Всеобщее обученіе»—дѣло хорошее, но оно не подниметъ мужика, ибо дать ему простую грамотность. О болѣе же серьезномъ образованіи его мы и мечтать не можемъ, по нашей бѣдности... Сытость мужика тоже хорошее дѣло, но и оно мало разовьетъ его... Всего легче и скорѣе можно поднять мужика, сдѣлавши его жизнь интереснѣе, втянувъ его въ общественную дѣятельность, сначала около себя—въ маленькихъ ячейкахъ прихода, всеобщей волости, мелкой земской единицы, а попутно—и въ экономическихъ организаціяхъ (кооперативы, артели и т. п.). Тутъ онъ будетъ «живъ не о хлѣбѣ единомъ» и сразу вырастетъ во всѣхъ отношеніяхъ, раздвинувъ свои умственные горизонты до широкихъ предѣловъ. И только такая политика спасетъ Россію отъ всѣхъ грядущихъ бѣдъ, снесетъ всѣ россійскія «декорации» и на мѣстѣ ихъ поставитъ подлинную жизнь.

Н. Н. Оглобинъ.

У МОГИЛЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

(Къ пятидесятилѣтію со дня его кончины).

Якъ умру, то похуйте
Мене на могили
Середь степу широкого
На Вкраини мылій:
Щобъ ланы широкополи,
И Днipro, и кручы
Булы видны, було чути,
Якъ реве ревучый...

Т. Шевченко „Заповітъ“.

БЪЗДНЫЙ городъ Каневъ съ нѣкоторыхъ поръ служить центромъ, вокругъ котораго вращается украинское національное движеніе. «За степы та за могили, що на Украини», за трудовой народъ, изнывавшій въ тискахъ рабства, за темноту его безпросвѣтную всю жизнь болѣлъ душою великій народный самородокъ. Болѣлъ душою о великой розни братскихъ народовъ, цѣлые вѣка такъ нещадно проливавшихъ свою кровь на родныя поля и нивы... Страдалъ и пѣлъ свои «думы» то страстныя, нѣжныя, ласкающія по преисполненыя самаго безнадежнаго отчаянія...

Надъ нимъ долго смѣялись за его «мужицкій» языкъ, за неизысканность мыслей и образовъ. А онъ только отшучивался и продолжалъ пѣть по-своему: одинъ онъ понималъ тогда, что иными мелодіями нельзя воспѣть красоты «Днипра», украинской ночи, былой казацкой вольницы, уютной хатки съ вишневымъ садочкомъ, «гнучкый дивочый станъ и карыи очы»; нельзя иначе вволю наплакаться и посмѣяться...

Прошло пятьдесятъ лѣтъ—и имя его представляется теперь въ сознаниі массъ окруженнымъ ореоломъ неуваждаемой славы, оно стало легендарнымъ, священнымъ... Время оцѣнило. Безъ Тараса Шевченка Украина была бы болѣе бѣдна, чѣмъ Россія безъ Пушкина и Гоголя, чѣмъ Польша безъ Мицкевича.

Героическая эпоха Украины прошла безвозвратно. Кровавые «банкеты» и шаловливый безудержъ вольнаго «козацтва» отошли въ область исторіи. Учители и вожаки народа отдались то «москалямъ», то «ляхамъ». Кобзари и бандуристы— и тѣ начали перестраивать свои инструменты на новый ладъ. Упадокъ самосознанія въ массахъ угрожалъ украинской народности полнымъ національнымъ вырожденіемъ...

«Заснула Украина, бурьяномъ укрылась.
Цвиллю зацвила...»

Отстоялъ ее Шевченко, положивъ свое имя въ основу новой эпохи края, эпохи культурной. Каневъ съ нѣкоторыхъ поръ служитъ базой, откуда черпаютъ моральную силу вѣрные сыны Украины, онъ сталъ мѣстомъ поклоненія...

Не будемъ повторять подробно тѣхъ скудныхъ біографическихъ данныхъ о поэтѣ, какія до настоящаго времени появились въ печати. По какому-то непонятному капризу природы несравненное по дарованіямъ дитя появляется на Божій свѣтъ при самой неприглядной обстановкѣ. Отецъ и мать—подъяремныя существа, замученныя, убогія—не до дѣтей имъ. Далъ Богъ сына, попъ окрестилъ, а затѣмъ все въ волѣ Господней...

Въ дѣтствѣ онъ—заморышъ, лишній ротъ въ семьѣ, обуза отцу и сварливой мачехѣ; въ отрочествѣ—водоносъ дьячка Богорскаго, затѣмъ пастушокъ, потомъ служка «пана Энгельгардта», «попыхачъ панскій...»

«Якъ побачу—писаль онъ позднѣ—
Малаго хлопчика въ сели,—
Одно-однисиные подъ тыномъ
Сыдыть соби въ старый рядныни—
Мени здається, що то я,
Що це-жъ молодистъ моя...»

Захотѣлъ было учиться «малювать», такъ отецъ дьяконъ, знаменитый маляръ всего Звенигородскаго «повиту», погадавъ на ладони, категорически отрубалъ: «не то що до малярства, та навить до шевства алѣ до бондарства хесту немає...» Существо, однимъ словомъ, безталанное... Но «хлопчикъ», тѣмъ не менѣе, что-то такое таилъ у себя на умѣ. Улучивъ удобный моментъ, запрячется бывало въ бурьянъ, чтобъ живая душа не видѣла, обложитъ себя «паперомъ»,

книжками—читаетъ, пишетъ, «малюетъ», а не то—запоетъ пѣсенку или всплакнетъ втихомолку...

Случай переводитъ его сначала въ Вильну, потомъ въ Петербургъ. Живетъ на чужбинѣ, но въ душѣ своей бережно хранитъ образы Родного края. Тотъ же счастливый случай сталкиваетъ его въ столицѣ съ человѣчнымъ землякомъ. Выкупъ изъ крѣпостной неволи, академія художествъ, кипучая работа, появленіе «Кобзаря», почетъ и слава...

Но судьба не ко всѣмъ одинаково милостива: одному лавры, а другому—терновикъ. На цѣлыхъ десять лѣтъ, въ расцвѣтѣ юныхъ силъ, обрекается затѣмъ поэтъ на безмолвіе. Солдатская шинель, грубые дядьки и командиры, «муштры», оторванность отъ друзей и родного края и это вынужденное бездѣйствіе кипучаго генія оказались слишкомъ чувствительными для существа, сотканнаго изъ души и нервовъ.

«Приходить нычъ въ смердючу хату,
Осядутъ думы, розибьютъ
На стократъ сердце и надію
И все на свити проженуть
И спынять нычъ: часы литамы,
Виками глухо потечуть...
И я кривавыми слезами
Не разъ постелю омочу...
Благаю Бога, щобъ свитало,
Мовъ воли—сонця, свиту жду»...

А придетъ день—

«Благаю Бога, щобъ смеркало,
Бо на позорыще ведуть
Старого дурня муштроваты,
Шобъ знавъ, якъ волю шануваты»...

И такъ десять лѣтъ—десять лѣтъ оставался поэтъ наединѣ со своими тяжелыми думами,—то бодрился, то отдавался во власть самаго безнадежнаго отчаянія.

«Абы хочъ крыхотку земли
Изъ-за Днипра мого святого
Святіи витры принесли»—

думалъ онъ и день и ночь... Но Днѣпръ былъ далеко. Очень рѣдко оттуда вѣсточка перепала. Чаще являлся онъ въ тревожныхъ снахъ....

Неволя оказалась слишкомъ губительной. Освобожденный «Прометей» вернулся къ жизни съ сильно помятыми крыльями. Слава не померкла, и работа спорилась. Но лично въ немъ чего-то существеннаго уже не оказалось.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Мое не золото—серебро—
Мои лига, мое добро,
Мою нудьгу, мои печали.

отобрали безвозвратно негостепріимныя оренбургскія степи... Поэтъ крѣпился, прихорашивался. Но замѣтить не трудно было, что жизнь его уже разбита, свѣтъ ея померкъ, краски потускнѣли... Въ разбитомъ сердцѣ, между тѣмъ, больнѣе отзывались стоны крѣпостного люда, мучительнѣе была скорбь о давно ожидаемой свободѣ, которая такъ долго не приходила. Къ этому прибавилось еще сознание своего полного одиночества, ощутительнѣе становилась потребность въ личной жизни. Хотѣлось имѣть въ родномъ краю «шматокъ» земли, собственную хатку, хотѣлось «одружиться», найти «людыну», которая хотя на склонѣ дней согрѣла бы наболѣв-

«истор. вѣстн.», февраль, 1911 г., т. сxxiii.

13

шую душу, утѣшила и слезу пролила... Но хатка что-то мѣшкотно «будовалась», а «людына» такъ и не объявилась. Явилось вино—неизбѣжный страшный «дѣлитель» всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ... Съ нимъ короталъ онъ остатокъ своей страдальческой жизни. 26-го февраля 1861 года, въ сорокъ седьмую годовщину жизни поэта, трепетное сердце его навѣки успокоилось...

Не стало поэта-страдальца, безжалостная смерть вырвала изъ среды общества рѣдкостной души человѣка—человѣка который, умирая, въ правѣ былъ сказать про себя:

Мы просто йшли—у насъ нема
Зерна неправды за собой...

Вотъ канва, по которой будущій историкъ будетъ вышивать тѣ или иные узоры. Богатое литературное наслѣдіе Шевченка тоже ждетъ еще своего истолкователя. Что касается насъ, то мы избираемъ болѣе скромную роль—роль обыкновеннаго паломника.

Пріятно укрыться иногда отъ надоѣдливаго шума городского въ тихой деревенской глуши, среди лѣсовъ, степей, подъ чистымъ сводомъ неба, упиться лучами солнца, надышаться запахомъ цвѣтовъ и сосновой смолы, забыться хоть на время отъ тревоженій будничной жизни. Путешествіе изъ Кіева въ Каневъ для непривычнаго городского труженика является тогда незамѣнимымъ. Отчалилъ огромный пароходъ отъ многолюдной пристани, прошелъ вдоль живописныхъ кіевскихъ высотъ и вдругъ врѣзался въ самую глубь зеленѣющихъ степей. Городъ скрылся за горами, его и не видать. Изъ груди невольно вырывается вздохъ облегченія. Точно тяжелый камень свалился вдругъ съ усталыхъ плечъ. Все тяжелое, гнетущее осталось позади, точно совсѣмъ его и не существовало. Одна лишь лаврская колокольня долго господствуетъ надъ горизонтомъ, напоминая, что гдѣ-то тамъ, въ этой туманной дали, бушуетъ не утихая опасный житейскій водоворотъ...

Впереди—степь и степь. Иногда точно изъ-подъ земли вырастаетъ вдругъ гигантская гряда—подступила стѣной къ Днѣпру и опять затерялась гдѣ-то въ степи. За нею такъ же быстро промелькнула небольшая деревушка. Пахнуло дымомъ и дозрѣвающими овощами. Стая ребятишекъ съ непокрытыми головками высыпала на берегъ—бѣгутъ, кричатъ, машутъ ручонками; тутъ же въ травѣ, надъ обрывомъ расположилась группа «дивчатъ» и «молодыцъ», «лузаятъ» сѣмечки и провожаютъ пароходъ звонкимъ здоровымъ смѣхомъ. А тамъ пошли ужъ новыя картины...

Новыя встрѣчи, новыя лица, а темы, увы! стары, какъ не ново и все въ этомъ грѣшномъ мірѣ. У одного градомъ выложило хлѣбъ; у другого холера отняла жену и сына; третій самъ тщетно носится съ какимъ-то тяжелымъ недугомъ по всѣмъ знахарямъ, по мощамъ и святынямъ; четвертый скорбитъ о жестокосердіи и несправедли-

«Тарасова свитлиця»

ности людской... Всякъ по-своему плачется... И какъ все это давно ужъ извѣдано—слушать не хочется! Настроенъ думать, что хоть здѣсь, подъ этимъ яркимъ солнцемъ, нѣтъ мѣста страшнымъ египетскимъ казнямъ, что хоть на этомъ широкомъ просторѣ дышится привольно...

Отъ Кіева до Канева сто сорокъ верстъ. Еще далеко, а гдѣ-то тамъ на горизонтѣ уже повисли высокія прибрежныя «кручы». Крутой поворотъ рѣки—и Каневъ какъ на ладони. Но не онъ привлекаетъ общіе взоры—всѣмъ ѣдущимъ по Днѣпру уже извѣстно, что гдѣ-то здѣсь, въ этихъ зеленѣющихъ горахъ, покоятся усталыя кости поэта, что съ парохода видна и могила.

Пристань, за нею широкая песчаная плавня, чаща лозняка и ивы. Кучка бѣлоствольныхъ осокоровъ столпились у проѣзжей песчаной дороги, шепчутся шелковистой листвою, «неначе зъ витромъ розмовляють...» Вязко. Обувь черпаетъ желтый раскаленный песокъ, на платьѣ успѣли ужъ засѣсть цѣлыя гнѣзда цѣпкихъ волчковъ. Кусты и песокъ безъ конца. Побѣгать бы, порѣзвиться, какъ то было въ счастливую пору дѣтства!..

Городъ остался за спиною. Впереди широкая долина Днѣпра. Просторно, но самъ «Днипро» что-то замѣтно изсякаетъ. Еще недавно онъ протекалъ у подошвы горы, а теперь, собравъ свои скудныя воды въ неширокое песчаное русло, далеко ушелъ отъ нея. Поэтъ уже не слышитъ, «якъ реве ревучий...»

Повстрѣчался крестьянинъ.

«Привытались» да и разговорились.

— Вы на Тарасову гору?

— Да.

— Я такъ и думавъ. Много тутъ всякаго народу перебувае. Повернете цю скалу, тамъ вона и буде...

Мѣстный старожилъ: «бувъ уже добрымъ пастушкомъ, якъ Тараса ховалы». Привезли его изъ Кіева на пароходѣ. Большой черныи гробъ, «китайкою покрытый». Съ нимъ наѣхало много «студентивъ и дивчатъ». Днѣпръ залегалъ тогда у самой горы и гробъ обвозили поэтому кружнымъ путемъ, «дубравой». «Студенты хотѣли было нести его на своихъ плечахъ, такъ «винъ имъ не дався». «Дивчата» впряглись и тянули повозку на самую гору. Студенты вырыли могилу, опустили гробъ и горсть по горсточкѣ засыпали. Окружили потомъ свѣжую насыпь и «довго щось гомонили, и дивчата такъ гарно спивалы...»

Лично онъ Тараса не зналъ, «но много наслышался о немъ отъ «батькивъ». «Хитрый бувъ чоловикъ»: его ищутъ, а онъ сидитъ себѣ гдѣ-нибудь «у рыбалци и кашу варить», выслѣдили—а онъ, глядишь, уже въ другомъ мѣстѣ...

Не разъ видалъ его въ гостяхъ у «пановъ». Всѣ «гомонять», а онъ сидитъ себѣ въ уголочкѣ и «мовчки люльку курить». Но коль

надо гдѣ отрѣзать—отрѣжетъ такъ, что паны только плечами пожимаютъ. Не любилъ онъ ихъ, а за мужиковъ всегда стоялъ горою. Сердце къ нимъ имѣлъ хорошее. Денегъ кому надо—идуть бывало къ нему. Никогда не откажетъ, да еще поговорить и «чарку» поставить... «А Днипро щось не влюбивъ его—утникае...»

Гора, за нею другая. Въ тѣсной лощинкѣ ютится нѣсколько мазанокъ. Крохотныя, скромныя, но такія нарядныя, привѣтливыя! У каждой неизмѣнный садикъ, цвѣтникъ, огорождь. Молодая зеленая ива распустила свои гибкія вѣтви къ самой дорогѣ. Нагибайся, не нагибайся—а задѣнетъ и щекотно ударить по лицу. За нею гостепрѣмно тянется къ оградѣ дозрѣвающая вишня, манитъ прохожаго. Въ огорождѣ—непроходимая чаща нестрыхъ цвѣтовъ и злаковъ. Воздухъ насыщенъ пряными запахами гвоздики и мяты. Тихо; не слышно гомону, не видать и людей. Точно рай ненаселенный...

Но вотъ и гора «Тараса». Чья-то заботливая рука проложила на вершину ея досчатыя ступеньки. Но подниматься утомительно тяжело. Цѣлая роища молодыхъ березокъ вползла на склонъ горы. Стройныя, кудрявыя, тянутся онѣ кверху своими гибкими вершинами, точно и сами любопытствуютъ взглянуть. Тщетно. Онѣ поднялся «выше лѣса стоячаго...» Вспорхнулъ и парить теперь въ высотѣ. У ногъ его Днѣпръ, лѣса и горы, у ногъ его вся Украина.

Надъ могилою высокій курганъ, а на немъ бѣлый чугунный крестъ, обнесенный желѣзною рѣшеткой. Надпись скромная: «Шевченко». Нѣсколько человекъ окружили могилу и, набожно обнаживъ головы, поютъ «Заповить». Заходящее солнце посылаетъ имъ свой прощальный привѣтъ. Небо ясное, ласковое. У края обрыва столпились густые кусты жимолости, барбарису и рябины. Какая-то пичужка тянетъ тамъ свою страстную мелодію. Неподдалеку на косогорѣ раскинулся огромный листовенный лѣсъ. По сосѣдству съ нимъ, въ широкой волнистой ложбинѣ, желтѣютъ дозрѣвающіе хлѣба. Долины и холмы, а гдѣ-то тамъ внизу серебристой лентой извивается Днѣпръ. Высоко, горизонтъ раскрылся до безконечности, нѣтъ мѣры и границъ этому необъятному простору. Но странно: какъ тихо и пустынно вокругъ. Только здѣсь, подъ этимъ уединеннымъ крестомъ уже пятьдесятъ лѣтъ звучитъ не умолкая унылая пѣсня,—пѣсня народной скорби и печали... Когда-то пѣль ее онъ. Прошло много лѣтъ, а эта пѣсня все такъ же неизмѣримо тосклива. Она плачетъ о справедливости, о «ясной волѣ», живущихъ, какъ то было и при немъ, только въ мечтахъ народа...

Солнце еще разъ любовно оглянулось вокругъ и потонуло за горизонтомъ. Блеснула звѣзда, за нею другая, потомъ—милліоны. трепетныя, чистыя, какъ мысли дитяти... Выплыла луна, поднялась торжественно по небу и задумчиво повисла надъ горою. Это она когда-то вдохновляла поэта... Отъ рѣки повѣяло освѣжающей

влагой. Гдѣ-то цвѣты распустили свои головки и пролились тонкимъ опьяняющимъ ароматомъ... Откуда-то доносится сдержанный шопотъ ночной жизни, таинственной, непонятной, неуловимой—притаилась гдѣ-то и наполнила ночной полумракъ ровнымъ мягкимъ дыханіемъ... Тихо. Только эти вотъ, съ обнаженными головами, попрежнему священнодѣйствуютъ у могилы.

Поховайте, та вставайте:
Кайданы порвите...

И въ словахъ этой пѣсни такъ много горькаго упрека, и въ широкой заунывной мелодіи ея такъ много неподдѣльной грусти.

Тихо. Могила безмолвствуетъ. Онъ усталъ и замолкъ. Слова и пѣсни замерли на устахъ... Но слышитъ ли? Извѣстно ли ему, что у насъ имѣются октябристы, дума третьяго созыва, Гучковъ, Марковъ, Пуришкевичъ?.. Эхъ, не потревожить бы усталыхъ костей!

Возлѣ могилы расположена небольшая сторожка типа украинскихъ мазанокъ. Здѣсь желающіе могутъ переночевать, получить чаю, молока, яицъ и прочей деревенской свѣди. Лѣтомъ гости никогда не переводятся. Одна изъ комнатъ посвящена памяти поэта; это—«Тарасова свитлица». Здѣсь собрано исключительно то, что имѣеть какое-либо отношеніе къ жизни и дѣятельности великаго сына Украины. На видномъ мѣстѣ—портретъ поэта въ копіи съ полотна Рѣпина; фотографическіе снимки и фототипіи съ собственныхъ картинъ Шевченка и одна подлинная его работа, изображающая стараго сѣдоволосаго кобзаря; затѣмъ рѣдкостный экземпляръ его книги, листки, брошюры, старая разбитая бандура... Коллекція небогатая, но уголокъ обставленъ очень уютно. У Тараса много друзей: кто-то носитъ сюда букеты живыхъ цвѣтовъ, кто-то посыпаетъ полъ свѣжимъ душистымъ сѣномъ, кто-то разубралъ стѣны горницы пестрыми «ручниками», полотнами, платками, кто-то поддерживаетъ огонь въ лампадѣ предъ иконой Спасителя... Пахнеть «чеберцемъ», мятой и свѣжими луговыми травами... Хорошо!.. А когда повиснетъ надъ горою глубокая ночь, когда заглянетъ въ неширокое оконце блѣдный лунный лучъ—кажется тогда, будто «онъ» здѣсь—живой, со своими пѣснями, со своими думами... Только пѣсни его какъ будто нѣсколько веселѣе, и думы не столь безотрадны... Хочется веселыхъ пѣсень, хочется веселыхъ думъ!..

Много у него посѣтителей. Наѣзжаютъ изъ Кіева, Варшавы, Риги, Перми, съ береговъ далекаго Урала. Но не всѣ являются съ одинаковыми побужденіями. Одни, какъ паломники, идутъ сюда на поклонъ, отдохнуть душою. А то все больше обыватель навѣщаетъ. Онъ опознается по тѣмъ слѣдамъ, какіе любитъ за собой оставлять: скамейки, досчатая ступеньки къ могилѣ, желѣзная рѣшетка и даже крестъ испещрены надписями; книга же для посѣтителей представляетъ цѣлый кладъ для того, кто пожелалъ бы изу-

У могилы Т. Г. Шевченка.
Курганъ съ крестомъ,

чать психологию обывателя. «Гуся», «Муся», «Зоя», «Феня», «титулярный совѣтникъ такой-то», «проѣзжіе артисты», «четыре знаменитости города Переяслава», «Булы у тебе, батьку», «выплыли за твою душу», «выкупалась...», «выспались...», «обнимались...» «цилувались». Много стиховъ и высокопарныхъ афоризмовъ. Не пощадили даже «Кобзаря», представляющаго библиографическую рѣдкость. И его запачкали отъ доски за доски. И чего тамъ только вѣтъ? Какой-то «поэтъ» изъ Прицковскаго свеклосахарнаго завода, что возлѣ Ржищева, посвящаетъ Т. Г. свой вдохновенный экспромтъ:

Довго ихавъ я до тебе
 Зь далекаго края,
 И вернуться я отъ тебе
 Не маю желанья.
 Ихать буду я до тебе,
 Мій батьку Тарасе,
 И любить тебя я буду
 За всіхъ въ свити краше.
 Въ Черкассахъ я родився,
 А въ Прицкахъ служу,
 И до тебе я добився
 На Украину дорогу.
 Ты примы мене, Тарасе,
 Бо до тебе я прійшовъ,
 Ой якъ счастливъ я у свити,
 Що тебе, мій ридный батьку, я знайшовъ.

Александръ Липскій изъ Прицковскаго сахарнаго завода.

Далѣ слѣдуетъ еще приписка: «Якъ пысавъ я, то дрибными слезами скучавъ я за тобою, нехай тоби земля буде легка, мій дорогой поэтъ».

И эта галиматья вписана въ «Кобзарь», рядомъ съ «Гайдамаками» и «Катериной».

А вотъ еще экспромтъ:

Послала мене маты,
 Да не зь дому—до дому
 На цилу недилю працювать
 Да на хлибъ зароблять.
 А я стою да гадаю,
 Якъ той насущный,
 Люды, зароблять.

Е. Миронешко.

Стиховъ, впрочемъ, мало—все больше вольный стиль:

«На великій книзи великаго поэта руку приложивъ такой-то...»

Но эта категория посѣтителей, при всемъ томъ, еще терпима. Испачкали «Кобзарь»—это правда. Но видно все-таки, что люди въ моментъ своего пребыванія на могилѣ испытывали человѣче-

скія чувства, каковыя и запечатлѣли, какъ могли, чернымъ по бѣлому. Многіе изъ такихъ экспромтовъ очень даже хороши:

Сны, Тарасе, тыхо, тыхо,
Поки Богъ разбуде,
Твого слова Украина
По вить не забуде.

Пріятны и такія слова.

Люблю тебе, батьку, за твою щирю правду...

Но такихъ экспромтовъ, къ сожалѣнію, очень немного—преобладаетъ обывательское перо, специфическое, пошлое:

Были, чай съ ромомъ пили, булку съ масломъ
Ѣли, о Тарасѣ сожальѣли, что онъ не былъ съ нами,
А лежалъ подъ камнями...

То же, но въ другой вариации:

Были, пили, ѣли, пѣли
И обратно улетѣли.

Или вотъ еще:

«Захотивъ и я зъ Варшавы пріихать до тебе, а якъ пріихавъ, то добре упився и выкупався» ..

Какой-то инкогнито, вооружившись химическимъ карандашомъ, учинилъ на страницахъ злосчастнаго «Кобзаря» цѣлый дебошъ: писалъ, зачеркивалъ, опять писалъ и каждую почти замѣтку посѣтителя снабдилъ своеобразными реляціями. Кто-то пишетъ: «Удивительно, что въ книгѣ такого великаго поэта пишутъ такія глупости». А химическій карандашъ ему тутъ же отвѣчаетъ: «А я тебѣ скажу, что ты дуракъ». «Бувъ у тебѣ»—пишетъ другой. А карандашъ остритъ: «де, въ могилы, чы може кумомъ, або батькомъ посажоннымъ». Третій высказываетъ сожалѣніе, что не умѣетъ складно писать стиховъ. «Бо мабуть ты дурный»—отвѣчаетъ ему тотъ же карандашъ. Или вотъ еще діалогъ: «Федоръ Владимировичъ Ручкинъ изъ Кіева 10-го мая 1897 года. Просты, батьку; може лыхо зробылы на твоей могилы?» А химическій карандашъ отвѣчаетъ: «Ручкинъ дуракъ...»

Такъ вотъ какіе слѣды оставляетъ здѣсь большинство «паломниковъ». Такихъ образчиковъ можно привести безчисленное множество. Но для характеристики обывателя, полагаю, и этихъ достаточно.

Извѣстно, что даже дикари папуасы къ праху умершаго; будь то самый обыкновенный человѣкъ, относятся съ глубокимъ почетомъ и на могилу его налагаютъ священное «табу». Мы же и къ великимъ соотечественникамъ своимъ не умѣемъ отнестись по-человѣчески. Всю жизнь страдалъ поэтъ, вынесъ и высоко поднялъ народный стягъ... А должнаго почета своему праху такъ и не обезпечилъ. Идутъ и ѣдутъ—это хорошо. Но спросите:—зачѣмъ? Десятки не-

суть сюда свои наболѣвшія сердца, а тысячи—поглядите только: напьются, спьяна выругаются или всплакнутъ, проспавшись, распишутся въ своемъ скудоуміи и пошлости и опять возвращаются къ своимъ обывательскимъ дѣламъ.

Шевченко—гордость Украины, и къ гробу его надлежало бы подходить съ болѣе высокими чувствами. Надлежало бы и могилу его обставить болѣе содержательно. Правда, она и такъ на рѣдкость интересна: и «кручы» высокія, и ширь необъятная, и Днѣпръ... Солнце свѣтитъ здѣсь какъ будто ярче обыкновеннаго, и небо и звѣзды точно совсѣмъ другія... Но все это—дары природы. «Диты» же этого великаго «батка» мало тутъ поработали: насыпали курганъ, водрузили крестъ, соткали дюжину полотницъ и «ручныковъ», пожертвовали нѣсколько вѣнчочковъ да разбитую бандуру—и только. Съ нашими «пятью свободами» дальше этого трудно, положимъ, уйти. Извѣстно, напримѣръ, что на эту гору часто совершаетъ паломничество и полиція—вырываетъ изъ книги цѣлыя листы съ записями, которыя почему-либо кажутся ей невозволительными, и въ скромной «свитлицѣ» поэта совершаетъ при этомъ обыскъ. Извѣстно также, съ какими трудностями добились украинцы разрѣшенія соорудить въ Кіевѣ памятникъ поэту. Противники этой идеи, пока еще не осуществленной, и теперь не сложили своего оружія. Извѣстно, опять-таки, какому беспощадному преслѣдованію подвергались долгое время украинскій театр и литература. Да и теперь всякое ясно выраженное національное теченіе встрѣчаетъ въ «сферахъ» рѣшительный отпоръ. Не такъ давно закрыто, напримѣръ, симпатичное украинское общество «Просвита», оставившее замѣтные слѣды въ дѣлѣ духовнаго воспитанія народа, который, кстати сказать, въ силу неблагоприятныхъ историческихъ условій, является въ настоящее время однимъ изъ наиболѣе отсталыхъ народовъ имперіи; сорокамилліонному населенію Украины не дано пока права обучаться въ школахъ родному языку, имѣющему свою литературу, свою исторію, и т. д.

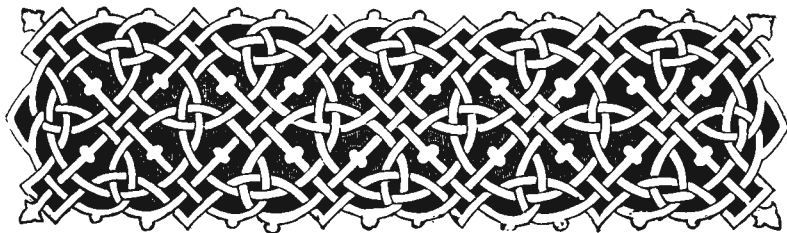
При всемъ томъ и при данныхъ условіяхъ можно, какъ намъ кажется, оборудовать могилу поэта болѣе содержательно: открыть тамъ образцовую школу, музей, библіотеку или что-либо въ этомъ родѣ.

Шевченко—гордость трудового люда, и тѣ высокія «кручы», надъ которыми витаетъ безсмертный духъ его, не должны опаскуживаться грязной ногой обывателя... ¹⁾

Петръ Корневскій.

¹⁾ Фотографическіе снимки для настоящей статьи любезно предложены мнѣ чертежникомъ службы пути управленія Юго-Западныхъ жел. дор., истымъ украинцемъ Евгеніемъ Дмитріевичемъ Замирайло, за что считаю долгомъ объявить ему мое сердечное спасибо.

Авторъ.

„ВЕСЬМА СЕКРЕТНОЕ“ ДѢЛО.

НОГО и часто толкуютъ въ газетахъ о военныхъ секретныхъ.

Регламентировать секретныя сношенія невозможно, такъ какъ нельзя точно указать, какія свѣдѣнія должны почитаться секретными, а какія нѣтъ. Это зависитъ отъ многихъ причинъ и, между прочимъ, отъ данной политической обстановки: то, что сегодня не секретно, завтра можетъ составлять, дѣйствительно, тайну.

Поэтому каждому отдѣльному начальнику, отъ котораго исходитъ починъ переписки, предоставлено самому разбираться въ этомъ вопросѣ, какъ онъ хочетъ и какъ умѣетъ. Но если, паче чаянiя, распоряженiя или свѣдѣнiя, которыя младшiй начальникъ почтетъ не секретными, окажутся, по оцѣнкѣ старшаго начальника, заслуживающими тайны, то младшiй, неминуемо, получитъ нахлобучку.

Вотъ почему, изъ осторожности, начальники наводняютъ канцелярiи массою секретныхъ бумагъ, вовсе не заслуживающихъ чести такъ именоваться. Иногда смыслъ этихъ секретовъ просто комиченъ.

Но нельзя же заставить людей вѣрить въ бессмыслицу, и потому сакраментальныя слова «секретно» и «весьма секретно» утратили мало-по-малу всякое значенiе, и если въ управленiяхъ получится дѣйствительно секретное дѣло, то на это обыкновенно обратятъ вниманiе только тогда, когда не только офицеры, но и

писаря хорошо съ нимъ ознакомятся и разболтають правительственную тайну.

Позволю себѣ привести случай, въ которомъ мнѣ пришлось принять непосредственное участіе.

Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія я занимался перевооруженіемъ арміи трехлинейными винтовками.

Однажды, кажется, въ 1893 г., ко мнѣ въ кабинетъ, въ управленіи, вошелъ генераль П. и обратился съ такимъ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, вы отправляете берданки съ патронами въ Абиссинію?

— Нѣтъ, не я. На мнѣ лежитъ перевооруженіе арміи трехлинейными винтовками, а все касающееся 4,2-линейныхъ винтовокъ и патроновъ къ нимъ передано въ 4-ое отдѣленіе главнаго артиллерійскаго управленія.

— Ну, такъ пойдите въ это отдѣленіе и помогите мнѣ. Вѣдь я у васъ, какъ въ лѣсу,—сказаль П.

Я охотно согласился, и мы отправились.

Нужно сказать, что 4-е отдѣленіе помѣщалось въ одной очень большой комнатѣ, въ которой работали вмѣстѣ и офицеры и писаря.

Когда мы вошли, всѣ почтительно встали и съ недоумѣніемъ вперили въ насъ глаза.

Что, молъ, нужно двумъ генераламъ, а особенно тому, который служить въ постороннемъ вѣдомствѣ?

Но П. не заставилъ ихъ долго ждать разрѣшенія загадки.

— Получили ли вы секретное предписаніе объ отправкѣ 30,000 берданокъ и 6 милліоновъ (сколько помню) патроновъ къ нимъ въ Абиссинію?—громогласно провозгласилъ П., и на лицахъ офицеровъ и писаръ й выразилось крайнее изумленіе. Нѣкоторые переглядывались.

Когда начальникъ отдѣленія доложилъ, что такого предписанія онъ не получаль, П. заявилъ:

— Ну, такъ получите сегодня или завтра, и, господа, пожалуйста, поторопитесь. Для того, чтобы ускорить отправку, военный министръ и послаль меня къ вамъ.

Признаюсь, я былъ очень удивленъ способомъ, который употребилъ почтенный генераль для передачи секрета; но не счелъ себя въ правѣ выразить ему мое недоумѣніе, и мы распрощались.

Визитъ нашъ въ 4-ое отдѣленіе заинтересоваль все главное артиллерійское управленіе.

Весьма многіе подходили ко мнѣ съ вопросами:

— Скажите, пожалуйста, когда отправять въ Абиссинію сто тысячъ винтовокъ и 50 милліоновъ патроновъ?

— Кого изъ артиллеристовъ командируютъ съ абиссинскимъ транспортомъ?

— Какъ исчислять ему прогоны и дадутъ ли суточные деньги?— и тому подобный вздоръ.

По самому свойству вопросовъ не сомнѣваю, что черезъ недѣлю полгорода знало уже эту тайну, да еще и въ извращенномъ, преувеличенномъ видѣ.

Дней черезъ пять-шесть послѣ описанной въ 4-омъ отдѣленіи сцены я получилъ отъ военнаго министра записку съ предложеніемъ немедленно явиться къ нему.

Конечно, я поспѣшилъ исполнить приказаніе и засталъ Петра Семеновича Ванновскаго разгуливающимъ по кабинету.

— Я пригласилъ васъ,—началь онъ:—чтобы просить принять на себя дѣло, вовсе не касающееся перевооруженія, но требующее поспѣшности и, главное, безусловной тайны. Я поручилъ его сперва генералу П., какъ относящееся ближе всего къ его обязанностямъ; но онъ ничего не умѣетъ сдѣлать толково, да къ тому же и болтунъ.

Я молчалъ, предугадывая, къ крайнему неудовольствію, куда клонится рѣчь Ванновскаго, который продолжалъ:

— Прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, я долженъ объяснить вамъ, какія затѣялись у насъ дипломатическія сношенія съ Абиссиніей. Нашъ отставной корнетъ, или поручикъ, право, не помню, Леонтьевъ, малый неглупый и очень, очень шустрый, пробрался къ эіопскому царю Менелику, полюбился ему и пріѣхалъ теперь сюда хлопотать у министра иностранныхъ дѣлъ о сближеніи Россіи съ Абиссиніей и объ отправкѣ туда посольства. Сначала это ему не удавалось, но теперь, кажется, дѣло пошло на ладъ, и Леонтьевъ торжествуетъ.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно,—снова заговорилъ Петръ Семеновичъ:—какое жестокое пораженіе нанесли абиссинцы итальянской арміи, несмотря на то, что лишь небольшая часть эіопскихъ войскъ имѣетъ старыя французскія ружья системы Гра, а большинство вооружено мечами и копьями. Прибавлю къ этому, что абиссинцы страстно любятъ огнестрѣльное оружіе и ухаживаютъ за нимъ, какъ за драгоценностью; но денегъ у нихъ на покупку винтовокъ нѣтъ. Вотъ Леонтьевъ и затѣялъ, чтобы привлечь къ намъ негуса Менелика, приобрести ненужныя намъ теперь берданки, хоть 30,000, и 6 милліоновъ патроновъ къ нимъ. Признаюсь, я сочувствую намѣреніямъ Леонтьева и охотно уступаю и винтовки и патроны по дешевой цѣнѣ: по 2 рубля 40 копеекъ за винтовку и по 10 рублей за тысячу патроновъ¹⁾. Чтобы сохранить внѣшность, официальнымъ покупщикомъ явится не русскій подданный Леонтьевъ, а подставное лицо, какой-то бельгіецъ.

¹⁾ Считаю долгомъ сказать, что цѣны эти я проставилъ на память, и онѣ, можетъ быть, не точны, но это не нарушаетъ основного смысла статьи.

— Теперь вы понимаете,— снова заговорил Ванновскій:— какъ важно, чтобы никто, рѣшительно никто не узналъ о нашей сдѣлкѣ съ Леонтьевымъ. Вѣроятно, итальянцы, оправившись, снова затѣять войну и посмотрятъ, конечно, на нашу помощь абиссинцамъ, какъ на враждебное дѣйствіе. Не сомнѣваюсь, что итальянское посольство въ Петербургѣ слѣдитъ за каждымъ шагомъ Леонтьева и весьма можетъ быть, что его транспортъ оружія будетъ гдѣ-нибудь перехваченъ, а это крайне нежелательно. Завтра утромъ у васъ будетъ Леонтьевъ. Поговорите съ нимъ, условьтесь обо всѣхъ подробностяхъ и, въ случаѣ недоразумѣній, приѣзжайте ко мнѣ или пишите записки. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать. Съ Богомъ, желаю успѣха.

— Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, — остановилъ я Петра Семеновича, который уже хотѣлъ со мной распрощаться:— главнымъ условіемъ этого дѣла вы ставите тайну, но тайна уже нарушена. Я не хочу брать на себя чужую вину, хотя даю вамъ слово, что въ дальнѣйшей перепискѣ примутъ участіе только я, полковникъ Х. и состоящій при мнѣ офицеръ Ц. Конечно, молчать мы будемъ, какъ рыбы, и бумаги будемъ писать своими руками. Ни одного писаря я къ дѣлу не допущу. Можетъ быть, придется сообщить секретъ начальнику петербургскаго склада, который будетъ укупоривать и отправлять винтовки и патроны, но въ немъ я увѣренъ: это человѣкъ почтенный.

— Такъ почему же вы говорите, что тайна нарушена?— спросилъ Ванновскій, и въ его глазахъ блеснулъ недобрый огонекъ.

Тогда я рассказалъ ему визитъ генерала П. въ 4-ое отдѣленіе и его послѣдствія.

Ванновскій вспыхнулъ, выругалъ заочно П., не стѣсняясь въ выраженіяхъ, и закончилъ фразой, твердо засѣвшей въ моей памяти:

— Если П. появится въ главное артиллерійское управленіе, гоните его вонъ въ шею.

— Какъ! генерала въ шею?— спросилъ я, невольно улыбаясь.

— Да, въ шею, въ шею, въ шею!— закричалъ Петръ Семеновичъ и пошелъ къ столу заниматься.

Слѣшу прибавить, что генералъ П. не появлялся болѣе въ главномъ артиллерійскомъ управленіи. Полагаю, что Ванновскій не оставилъ его милостивымъ внушеніемъ.

На другой день моего визита къ военному министру ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ Николай Степановичъ Леонтьевъ.

Это былъ высокій, широкоплечій мужчина въ распвѣтѣ лѣтъ, могучаго сложенія, съ пріятнымъ выраженіемъ глазъ. Онъ немного заикался, что не мѣшало его бесѣдѣ быть весьма интересной.

Мнѣ было странно слышать отъ нашего отставнаго поручика' получившаго скромное образованіе въ окружномъ юнкерскомъ учи-

лицѣ, не имѣвшаго завѣдомо ни состоянія, ни громкаго имени, какіе смѣлые разговоры въ пользу Абиссиніи онъ вель съ итальянскимъ, французскимъ и нашимъ министерствами иностранныхъ дѣлъ и какія препятствія онъ встрѣчалъ у послѣдняго для сближенія Россіи съ имперіей Менелика. А этому сближенію онъ приписывалъ большое политическое значеніе при нашихъ тогдашнихъ недружелюбныхъ отношеніяхъ къ Англіи и при тѣхъ замыслахъ, которые, справедливо или нѣтъ, приписывали у насъ Сентъ-Джемскому кабинету.

Впрочемъ, распространяться объ этомъ я не буду. Н. С. Леонтьевъ въ рядѣ интересныхъ статей, помѣщенныхъ, незадолго до смерти, въ лѣтнихъ нумерахъ «Новаго Времени» 1910 года, прекрасно выяснилъ этотъ вопросъ. Замѣчу только, что въ бесѣдѣ нашей о сношеніяхъ его съ великими міра сего не проглядывало у Леонтьева ни малѣйшаго самохвальства, и я вѣрилъ ему.

Съ этого времени Леонтьевъ часто заѣзжалъ ко мнѣ, и я работалъ, съ двумя моими сотрудниками, полковникомъ Х. и штабсъ-капитаномъ Ц., охотно и усердно.

Только разъ, уже не помню, по какому именно вопросу, Леонтьевъ разгорячился и позволилъ себѣ возвысить голосъ; но я объявилъ ему, что не обязанъ, по своему служебному положенію, заниматься отправкою оружія и если онъ еще разъ разгорячится некстати—я поѣду къ военному министру и откажусь отъ возложеннаго имъ на меня порученія. Николай Степановичъ извинился, и съ тѣхъ поръ мы были, до конца дѣла, въ наилучшихъ отношеніяхъ...

Привозилъ ко мнѣ изрѣдка Леонтьевъ француза Шефнѣ, чело-вѣка мрачнаго и антипатичнаго. Онъ, кажется, провель въ Абиссиніи много лѣтъ и пользовался полнымъ довѣріемъ Менелика.

Этотъ Шефнѣ, черезъ бельгійскаго консула, нашель подставнаго покупщика и вель съ нами весь финансовый расчетъ.

Въ теченіе, кажется, двухъ-трехъ недѣль всѣ распоряженія, зависѣвшія отъ военнаго министерства, были окончены, и наши берданки съ патронами перешли въ обладаніе Леонтьева.

Чтобы замести слѣды, буде итальянское посольство слѣдило за дѣйствіями довѣренныхъ Менелика, оружіе и патроны были посланы петербургскимъ артиллерійскимъ складомъ по желѣзной дорогѣ въ Либаву и тамъ погружены на частный пароходъ, отправлявшійся съ какимъ-то товаромъ въ Голландію. Въ Роттердамѣ винтовки и патроны были переданы секретно на судно, имѣвшее назначеніемъ островъ Яву, но которое должно было по дорогѣ ночью свернуть въ заливъ Джибути, быстро выгрузить отправленные нами негусу боевые припасы и затѣмъ уже продолжать путь на Зондскіе острова.

Какъ извѣстно, итальянскія военныя суда зорко слѣдили за безобиднымъ, повидимому, купцомъ, схватили его при входѣ въ бухту Джибути и конфисковали нашъ транспортъ.

Такъ неудачно окончилось это предпріятіе Леонтьева.

Года черезъ два, послѣ заключенія Италіей мира съ Абиссиніей, проданное нами негусу оружіе было ему возвращено.

Невозможно, конечно, узнать, въ какой именно моментъ секретъ Леонтьева сталъ извѣстенъ итальянцамъ.

Какъ онъ самъ предполагалъ, за нимъ стали слѣдить со дня его выѣзда изъ Италіи въ Россію; но, можетъ быть, итальянскіе согладаты въ Петербургѣ и не узнали бы о дѣятельности его въ военномъ министерствѣ, если бы у насъ было поменьше людей, настолько откровенныхъ, какъ генераль П.; а слишкомъ откровеннымъ онъ былъ, конечно, единственно потому, что смыслъ слова «секретно» въ военномъ мірѣ вполне профанировано.

Я увѣренъ также, что Ванновскій не переговорилъ лично съ П. и не выяснилъ ему дѣла такъ, какъ онъ сдѣлалъ это мнѣ, а ограничился предписаніемъ, на которомъ значилось—«секретно».

Въ заключеніе не могу умолчать, что я, полковникъ Х. и штабсъ-капитанъ Ц. получили, по протекціи Леонтьева, абиссинскіе ордена Соломона трехъ степеней.

Какъ говорили, Николай Степановичъ самъ и выдумалъ этотъ орденъ, чтобы по дешевымъ цѣнамъ ублажать тѣхъ, которые окажутъ ему услуги.

Мой орденъ, генеральскій,—ажурная золотая звѣзда съ крупнымъ аметистомъ въ центрѣ, на желтой лентѣ черезъ плечо,—казавшійся сначала очень красивымъ, представляетъ теперь чрезвычайно жалкій видъ. Звѣзда оказалась серебряной, дурно вызолоченной, облѣзла и почернѣла, а чудный аметистъ признанъ ювелирами простымъ стекломъ.

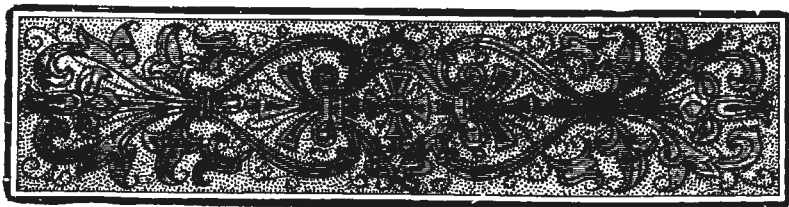
Надо думать, что и болѣе скромные ордена моихъ сотрудниковъ, Х. и Ц., сдѣланы не изъ лучшаго матеріала.

Да и гдѣ было бѣдному негусу, въ имперіи котораго, по крайней мѣрѣ въ то время, расплачивались, вмѣсто золота и серебра, плитками соли, достать денегъ для украшенія иностранцевъ дорого стоящими знаками отличія.

Признаюсь, что я лично не просилъ разрѣшенія носить орденъ Соломона и не имѣю права числиться его кавалеромъ.

П. А. Крыжановскій.

ПАМЯТИ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО.

ВЪ НОЧЬ съ 28 на 29 декабря минувшаго года отошелъ въ вѣчность одинъ изъ ветерановъ нашей литературы, заслуженный писатель и послѣдній представитель редакціонной семьи «Отечественныхъ Записокъ», Александръ Михайловичъ Скабичевскій. Въ преддверіи новаго года пришлось опустить на Литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища стараго личнаго друга, дать ему послѣднее земное лобзаніе и сказать на свѣжей его могилѣ послѣднее «прости». Для меня эта грустная страница жизни не была чѣмъ-нибудь неожиданнымъ, поразившимъ своею внезапностью; я ждалъ кончины Скабичевскаго, присутствовалъ при постепенномъ ликвидированіи имъ земнаго существованія и еще за день, сидя вечеромъ у изголовья больного и бесѣдуя съ нимъ на

разныя житейскія темы, прекрасно сознавалъ, что предо мною свѣча писательской жизни догораетъ и что для дальнѣйшаго процесса горѣнія нѣтъ уже болѣе матеріала—болѣзнь поглотила всѣ соки организма и было лишь больно наблюдать, какъ человекъ страдаетъ и тщетно хватается за призраки возможнаго спасенія. Послѣдняго не было, и консультировавшіе по моей просьбѣ врачи еще недѣлю назадъ установили, что остановить старческое истощеніе не представляется возможнымъ. Я простился съ старымъ другомъ, съ которымъ жизнь спаяла меня на двадцать лѣтъ, при обстоятельствахъ, о которыхъ скажу ниже, а подъ утро 29 декабря телеграмма оповѣстила меня, что Скабичевскаго не стало. Онъ уснулъ еще днемъ 28-го числа, дыханіе было тихое, ровное,

видимо, страданіе улеглось; больной не просыпался; только ночью замѣтно было, что это дыханіе становится все тише, тише, а къ исходу третьяго часа утра передъ присутствующими обрисовался вытянувшійся, охолодѣлый и бездыханный трупъ.

Мнѣ удалось пріѣхать въ Павловскъ, гдѣ въ послѣдніе годы постоянно обиталъ Скабичевскій, лишь къ вечеру. Какимъ прекраснымъ лежалъ онъ на своемъ смертномъ одрѣ съ раскинутыми по плечамъ сѣдыми кудрями, со спокойнымъ, величавымъ выраженіемъ осунувшагося мертваго лица,—тѣмъ выраженіемъ, которое такъ ясно говорило, что здѣшнее земное кончилось и началось что-то новое, нами невѣдомое и нами непознаваемое...

Кругомъ со стѣнъ взирали на своего собрата портреты представителей отечественной литературы, пріавшіе его нынѣ въ свой загробный сонмъ. Въ комнатѣ стояла жуткая тишина; въ окна заглядывали послѣдніе лучи догорающаго сѣвернаго дня... Прощай, старый другъ!.. Спи спокойно... Ты много въ жизни потрудился, имѣешь право отдохнуть...

Полузабытый писатель, почти всѣми друзьями по литературѣ оставленный, онъ пережилъ свою въ свое время широкую извѣстность и вдали отъ шума людского въ послѣдніе два года доживалъ свой вѣкъ въ кругу тѣснаго семейнаго круга, его любившаго, холившаго, всѣми силами и средствами старавшагося облегчить давній, но таинственный недугъ и все надѣявшагося вернуть къ жизни, продлить дни стараго заслуженнаго писателя. И онъ самъ надѣялся, что вотъ-вотъ облегченіе, благодаря медицинской помощи, настанетъ и возможно будетъ еще пожить, погрѣться на солнцѣ и на людяхъ; съѣздить куда-нибудь на Кавказъ или за границу и стать здоровымъ.

— Вотъ наступитъ весна, поѣду на Кавказъ или, еще лучше, за границу на воды и, авось, поправлюсь,—такъ, испытующе взирая на меня, говорилъ онъ.

Но вскорѣ опять мрачныя предчувствія его охватывали, и онъ съ отчаяніемъ повторялъ:

— Нѣтъ, видимо, мнѣ не поправиться. Пора умирать.

Я и окружающіе старались разсѣять его грустныя мысли и вмѣстѣ съ нимъ строили предположенія о его поѣздкѣ за границу. Но это были, конечно, иллюзіи, тѣ необходимыя утѣшенія, которыя съ завѣдомою ложью преподносятся больному, дабы вызвать въ немъ приливъ самочувствія, пробудить самогипнозъ. Близость вѣющей надъ старикомъ смерти мнѣ особенно бросилась въ глаза въ одно изъ осеннихъ моихъ посѣщеній его. Мнѣ дали знать, что А. М. слабъ, страдаетъ и очень хочетъ меня повидать. Я случайно сообщилъ встрѣтившемуся одному писателю о плохомъ состояніи здоровья критика, и на слѣдующій день въ газетахъ появилось краткое извѣщеніе о его болѣзни. Когда я пріѣхалъ въ Павловскъ, сюда же

къ нему прѣѣхали напуганные газетными извѣстіями жившіе тамъ же на дачѣ писатели—Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Д. И. Рихтеръ, С. Н. Южиковъ. Больной всѣмъ намъ обрадовался, принималъ самое дѣятельное участіе въ бесѣдѣ, шутилъ, смѣялся, но, видимо, былъ крайне утомленъ образовавшимся кругомъ, дружескимъ шумомъ за вечернимъ столомъ съ его неизмѣнными закусками и питіями. И вотъ въ разгаръ бесѣды я случайно остановилъ свой взглядъ на хозяйнѣ и сразу почувствовалъ какой-то внутренней холодъ: передо мною сидѣлъ живой покойникъ, съ заострившимся носомъ, окостенѣлымъ взоромъ и впалымъ синѣлымъ ртомъ. «Такіе не живутъ долго, ихъ часъ уже приближается», подумалъ я тогда же, но этотъ часъ растянулся еще на нѣсколько мучительныхъ мѣсяцевъ, мѣсяцевъ борьбы за жизнь и угасанія. Больной лишился совершенной возможности принимать пищу, чувствовалъ къ ней полное отвращеніе и злобу и только подъ усиленными уговорами близкихъ, послѣ капризовъ и брюзжанія соглашался проглотить одну-другую ложку жидкой пищи, полчашки какао или кусочекъ размяченной мясной или рыбной ѣды, да и то отъ нихъ скоро начиналъ чувствовать тошноту и задыханіе. Эта борьба за ѣду и съ ѣдою были просто драматичны и вызывали чувство состраданія. Былъ созванъ консилиумъ, но врачи въ точности не могли поставить діагноза болѣзни и лишь констатировали, что въ больномъ писателѣ угасаютъ силы и наблюдается усиленное истощеніе организма; тѣмъ не менѣе они не усматривали присутствія зловѣщаго рака. А казалось, что именно эта ужасная болѣзнь подтачиваетъ силы больного и лишаетъ его возможности принимать пищу. Шло лѣто, надвинулась осень, а больному становилось все хуже и хуже, и близкія къ нему лица съ грустью наблюдали, что отъ полнаго, нѣсколько ожирѣвшаго писателя оставалась лишь грустная тѣнь - тоскующая, тяготящаяся жизнью, но все же страстно желающая жить и даже возлагающая какія-то смутныя надежды на будущую весну.

Работать перомъ Скабичевскій уже болѣе года назадъ не былъ въ состояніи. Его автобіографическія записки, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1910 г., были имъ написаны еще въ первый половинѣ предшествовавшаго года, да и то написаны съ нѣкоторымъ трудомъ, съ моими понужденіями и понуканіями. Вручая мнѣ эти свои воспоминанія, онъ самъ категорически заявилъ, что здѣсь поставлена точка его литературству и что болѣе ему уже не придется бесѣдовать съ читателями. Я дѣлалъ попытки подбодрить его, заставить его взяться за перо, имѣя въ данномъ случаѣ въ виду главнымъ образомъ нужный ему заработокъ и, пожалуй, въ нѣкоторомъ отношеніи достигъ цѣли. Онъ сдѣлалъ надъ собою насиліе и прислалъ мнѣ въ началѣ января 1910 г. небольшой рассказъ при слѣдующей запискѣ: «Дорогой Борисъ Борисовичъ!

ждалъ васъ всѣ святки, да такъ и не дождался, а посему посылаю вамъ обѣщанную повѣстужку, которую я наконецъ кончилъ. Посылаю ее вамъ безъ всякой надежды на помѣщеніе, и лишь на вашу строгій судъ. Дѣло не въ томъ, годится ли она или нѣтъ для «Историческаго Вѣстника»,—но если бы и годилась, я все-таки сомнѣваюсь, слѣдуетъ ли выступить вдругъ въ печати въ качествѣ беллетриста съ такою дрянью? Не выйдетъ ли посрамленіе моего какого ни на есть имени? Вотъ вопросъ, какой я предоставляю на ваше обсужденіе, жду отвѣта».

«Amicus Plato, sed magis amica veritas»—гласить латинская мудрость, и, слѣдуя ей, съ одной стороны, а съ другой, жалѣя именно литературное имя писателя, я не нашель возможнымъ передать С. Н. Шубинскому присланный рассказъ и вернулъ его автору—вещь была слабая и могла найти мѣсто въ печати лишь въ качествѣ курьеза, дающаго поводъ критикѣ позубоскалить надъ бѣднымъ старикомъ. А нельзя не отмѣтить, что чѣмъ болѣе Скабичевскій отходилъ еще при жизни, такъ сказать, въ эпоху прошлаго, это зубоскальство становилось все обидѣе и жестче. Пока онъ былъ еще на своемъ посту еженедѣльнаго критика на столбцахъ «Новостей», лѣтъ десять тому назадъ, его остерегались какъ-никакъ трогать, а когда онъ выбылъ изъ дѣйствующаго журнальнаго строя и лишенъ былъ возможности «огрызнуться» и дать отпоръ, противники его осмѣлѣли и распоясались въ своихъ недоброжелательныхъ отношеніяхъ къ нему. Это обстоятельство его огорчало и, между прочимъ, послужило однимъ изъ обстоятельствъ, почему онъ категорически отвергъ предложеніе мое и тоже нынѣ покойнаго С. Н. Южакова, а также М. А. Антоновича, устроить ему литературный фестиваль по случаю пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности, исполнившася въ февралѣ 1909 г. По сему предмету онъ писалъ мнѣ, въ связи съ вопросомъ о неполученіи имъ отвѣта отъ правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ на поданное имъ прошеніе о назначеніи пенсіи: «отсутствіе какого бы то ни было извѣстія отъ васъ о моей участи невольно заставляетъ меня предполагать, что въ просьбѣ моей мнѣ отказано. При этомъ передо мною снова встаетъ мрачный призракъ предчувствія, что юбилей мой ничего не общаетъ мнѣ, какъ лишь рядъ скандаловъ, которые мнѣ придется испытать ни съ того, ни съ сего. Особенно если принять во вниманіе, какое несмѣтное число враговъ нажилъ я въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности, въ лицѣ какъ тѣхъ беллетристовъ и поэтовъ, которыхъ я осмѣялъ, такъ и тѣхъ, которыхъ я возвеличилъ, но не въ такой степени, какъ они ожидали. Они молчали и только скрипѣли зубами, пока я работалъ, а теперь вотъ набросятся они на меня беззащитнаго! Да и вообще до юбилея ли мнѣ, когда меня свѣдаетъ мысль, что мнѣ приходится жить на хлѣбахъ изъ милости... А я вотъ какой

нынѣ работникъ; не въ силахъ написать небольшое письмо иначе, какъ на ремингтонѣ вслѣдствіе такъ называемаго «писчаго спазма». Да и кто пойдетъ на юбилей всѣми забытаго рецензента?»

Празднованіе юбилея дѣйствительно не состоялось и главнымъ образомъ вслѣдствіе опасности для здоровья виновника предполагаемаго торжества. Сначала его отсрочили до осени и, когда А. М.

Александръ Михайловичъ Скабичевскій.

получилъ увѣдомленіе объ этой отсрочкѣ, то онъ мнѣ писалъ: «Что касается отсрочки моего юбилея до осени, то я не только ничего не имѣю противъ этого, а, напротивъ, очень радъ, такъ какъ предстоящее торжество производить на меня впечатлѣніе труднаго и страшнаго экзамена, и я, какъ лѣнивый и трусливый школяръ, радъ, что экзаменъ отлагается на неопредѣленное время».

Въ приведенныхъ строкахъ изъ писемъ, вѣроятно, кое-что читателямъ неясно—я забѣжалъ нѣсколько во времени біографическаго изложенія впередъ, а потому начну съ начала, съ той біографической канвы, которая не попала въ воспоминанія Скабичевского, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ», но которую необходимо возстановить изъ другого литературнаго источника. Такихъ источниковъ нѣсколько. Своей автобіографіей скончавшійся критикъ не разъ дѣлился съ читателями, то въ фельетонахъ, появлявшихся въ «Новостяхъ» за 90-е годы минувшаго столѣтія и потомъ вошедшихъ въ полное собраніе его «Сочиненій», то въ «Воспоминаніяхъ о пережитомъ», появившихся въ трехъ книжкахъ «Русскаго Богатства» за 1908 г., то въ автобіографіи, написанной имъ для словаря С. А. Венгерова ¹⁾. Я воспользуюсь данными изъ послѣдняго очерка, въ интересахъ экономіи мѣста и дабы имѣть возможность скорѣй перейти къ той половинѣ жизни писателя, которая почти цѣликомъ протекла на моихъ глазахъ и которая не вошла въ воспоминанія, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ»; но замѣчу, что автобіографія, нашедшая себѣ пріютъ въ «Русскомъ Богатствѣ», представляетъ по силѣ писательскихъ красокъ литературное явленіе значительное: такъ живо, сочно и красочно она написана. Когда я прочелъ ее, я не могъ не замѣтить Скабичевскому:

— Vous avez manquez votre vocation—вы отъ природы родились беллетристомъ, а по игрѣ судьбы стали критикомъ и публицистомъ.

— Нѣтъ—отвѣтилъ онъ мнѣ:—такъ это вышло, вылилось изъ сердца. Всѣ мои беллетристическіе опыты оказывались неудачными, и даже вы,—добавилъ онъ съ ласковой шуткой,—меня, какъ беллетриста, еще на дняхъ забраковали.

Въ своей автобіографіи для С. Венгерова онъ записалъ:

«Родъ мой со стороны отца произошелъ изъ Польши, откуда онъ въ незапамятныя времена (до присоединенія Малороссіи) переселился въ Черниговскую губернію, въ Новгородъ-сѣверскій уѣздъ, обрусѣлъ со временемъ, измѣнилъ свою фамилію изъ Скабицкихъ въ Скабичевскіе и изъ шляхтичей превратился въ казаки.

«Еще ближайшіе мои предки при Екатеринѣ II носили казакія званія есауловъ, сотниковъ и пр. Дѣдъ мой былъ бѣдный хуторянинъ и подъ конецъ жизни дошелъ до полнаго разоренія и безпріютности, потерявъ послѣдній клочокъ земли, которымъ владѣлъ. Отецъ мой кончилъ курсъ въ новгородъ-Сѣверской гимназій и, чувствуя страсть къ математикѣ, въ 1826 г. пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлюю поступить въ университетъ на математическій факультетъ, но не выдержалъ вступительнаго экзамена изъ языковъ и принужденъ былъ поступить на канцелярскую службу, въ кото-

¹⁾ Она послѣ смерти А. М. напечатана въ «Рѣчи» (1910 г., № 357).

рой онъ и состоялъ въ качествѣ регистратора въ сенатѣ почти до своей смерти. Въ 1836 году онъ женился на одной изъ многочисленныхъ дочерей мелкаго художника Ив. Войнова, занимавшаго какую-то административную должность при академіи художествъ, женщинѣ малообразованной и едва грамотной. Въ 1838 году отъ этого брака и родился вашъ покорнѣйшій слуга, въ Семеновскомъ полку близъ Царскосельской желѣзной дороги. Дѣтство и молодость провелъ я на Петербургской сторонѣ, въ маленькомъ домишкѣ въ Никольской (теперь Звѣринской улицѣ), доставшемся моей матери отъ отца ея. Это была жизнь совершенно провинціальная, захолустная, не имѣющая ничего общаго со столичной.

«Вѣчная борьба съ бѣдностью, замкнутость и гнетущая скука. Никакихъ новостей и извѣстій общественной жизни не доходило до маленькаго домика на Никольской. Здѣсь вѣрили въ домовыхъ и колдовство, и не только вѣрили, а видѣли ихъ, и я въ томъ числѣ, а что касается до колдовства, то моя родная тетка при моихъ глазахъ была испорчена золовкой и умерла, сойдя съ ума на другой день послѣ своей свадьбы. Неграмотнымъ я себя не помню, но книгъ доходило мало въ это захолустье среди столичнаго шума... Первая книга, какую я читалъ, это былъ «Жильблазъ» Лессажа въ старинномъ переводѣ временъ Елизаветы. Это былъ толстѣйшій фоліантъ въ кожаномъ переплетѣ, и въ то время, какъ я его читалъ съ первыхъ страницъ, послѣднія истреблялись на различныя надобности. Изрѣдка доходили до меня разрозненныя книжки старыхъ журналовъ въ родѣ «Благонамѣреннаго», «Отечественныхъ Записокъ» Свинына, альманаховъ 30-хъ годовъ, «Иллюстраціи» Кукольниковской редакціи и «Аракула Чародѣя», не выходившаго изъ моихъ рукъ. Въ 1848 году я поступилъ въ ларинскую гимназію. Здѣсь горизонтъ моей умственной жизни началъ расширяться. На сцену являються Жуковский и Пушкинъ, и послѣдній приводитъ меня въ такой восторгъ, что 13-ти лѣтъ я и самъ вообразилъ себя Пушкинымъ и началъ писать стихи и мелкіе, и крупныя, до поэмъ въ нѣсколько тысячъ стиховъ. Въ мои руки начали попадаться книжки «Библіотеки для чтенія» Сенковского, «Отечественныхъ Записокъ» временъ Бѣлинскаго и «Современника», переводные романы В. Скотта, но особенно Евгенія Сю и Дюма, которыми я зачитывался до полнаго самозабвенія, и въ подражаніе «Тремъ мушкетерамъ» написалъ даже три части изъ задуманнаго мною многотомнаго романа «Три студента». Въ четвертомъ классѣ я подвергся сильному вліянію учителя словесности Николая Павловича Корелкина, челоуѣка молодого, философски образованнаго, ученаго магистранта, тайнаго либерала (явныхъ тогда еще не было). Онъ тотчасъ же уничтожилъ мое риѣмоплетство. Кумиромъ моимъ вмѣсто Пушкина и Лермонтова сдѣлался Гоголь, и я началъ писать повѣсти въ духѣ гоголевской «Шинели». Затѣмъ подъ вліяніемъ смерти Н. П. Корелкина, поразившей меня

до крайняго нервнаго потрясенія, и чтенія Гоголя (его письма) я впалъ въ мрачный мистицизмъ, боролся съ плотью, постился, каялся, молился и считалъ себя самымъ ужаснымъ, безповоротно павшимъ и осужденнымъ грѣшникомъ съ печатью проклятiя на челѣ. Въ 1856 году я поступилъ въ слб. университетъ на филологическiй факультетъ, и университетъ быстро разсѣялъ весь этотъ мистическiй страхъ. Еще на первомъ курсѣ я увлекался богословскими лекціями Янышева и ходилъ къ нему на квартиру каяться въ грѣхахъ и искать пути къ спасенію, а на второмъ курсѣ я явился къ нему съ цѣлью разрушить его религіозныя вѣрованія, и онъ просилъ меня болѣе къ нему не являться. Курсъ нашъ состоялъ изъ восьми студентовъ, слившихся въ тѣсный товарищескiй кружокъ, состоявшій изъ двухъ элементовъ: строгихъ спеціалистовъ и художественныхъ натуръ, къ которымъ причислялись Писаревъ, другъ его Трескинъ и я ¹⁾. Подражая спеціалистамъ, мы тщетно переходили отъ одной спеціальности къ другой и не могли ни на чемъ остановиться, и если товарищи наши смотрѣли на насъ свысока и съ презрѣніемъ за эти вѣчныя бросанья, зато мы выигрывали въ томъ отношеніи, что кругъ нашего чтенія былъ обширнѣе. Я не оставлялъ, впрочемъ, своихъ мечтаній о литературѣ, продолжалъ писать повѣсти и драмы, и одна изъ нихъ—«Круглицкіе»—была даже напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1862 г. Но еще раньше я началъ печататься въ журналѣ «Разсвѣтъ», издаваемомъ Кремпинымъ, гдѣ въ концѣ 1859 года была помѣщена статья моя о «Запискахъ Охотника» Тургенева, а въ 1860—статьи о «Черногоріи» и «Испанія и Марокко». Въ то же время въ «Отечественныхъ Запискахъ» помѣщались изрѣдка мои рецензіи, и вмѣстѣ съ товарищами я переводилъ романъ Флобера «Саламбо», помѣщенный тоже въ «Отечественныхъ Запискахъ».

«Въ 1861 г. я кончилъ курсъ въ университетѣ со степенью кандидата, и тутъ начались мои самые тяжелые годы въ жизни. Я едва перебивался частными уроками, служилъ даже въ канцеляріи военнаго генераль-губернатора, получая 12 рублей жалованья, но недолго. Въ 1862 г. я получилъ хорошую работу въ «Иллюстраціи» Баумана, издававшейся тогда подъ редакціей Цейдлера,—именно воскресные фельетоны, дававшіе мнѣ рублей 100 въ мѣсяцъ. Но недолго продолжалось мое благоденствіе. Весной 1863 года Цейдлеръ оставилъ редакцію «Иллюстраціи», погибавшей по незначительности подписки, и я съѣхалъ на 25 рублей въ мѣсяцъ, которые я зарабатывалъ, пиша объяснительный текстъ къ картинкамъ «Воскреснаго Досуга». Тамъ же были помѣщены мною біографіи нѣкоторыхъ русскихъ писателей, начиная съ Ломоносова и Кантемира, повѣсть «Скряга» и «Перчаточница» и стихи «Пѣсня сверчка». Въ 1864 г., по рекомендаціи

¹⁾ Кромѣ названныхъ лицъ, товарищами А. М. по курсу были: извѣстные впоследствии ученые—Е. Е. Замысловскiй, Л. Н. Майковъ и писатель П. Н. Полевой.

В. П. Гаевского, я поѣхалъ въ Ярославль редактировать «Рыбинскій Листокъ». Тамъ я ничего не писалъ, а только редактировалъ, но недолго—съ мая по августъ, когда «Рыбинскій Листокъ» былъ закрытъ, съ одной стороны, по недостатку средствъ издателя Ив. Жукова, а съ другой—по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, которому рыбинскіе купцы пожаловались на зловредность «Рыбинскаго Листка».

«Въ теченіе 65 и 66 годовъ я почти ничего не писалъ, весь ушелъ въ педагогикѣ—училъ сначала въ школѣ Человѣколюбиваго общества, потомъ въ Смольномъ, потомъ въ Ларинской гимназіи. Въ 65-мъ году только и были помѣщены мною полемическая статейка противъ Писарева о «Рудинѣ» въ послѣднемъ № «Народной Лѣтописи» да критика на «Воеводу» Островскаго въ «Сынѣ Отечества», а въ 1866 году была помѣщена въ послѣднемъ апрѣльскомъ номерѣ «Современника» статья о Левитовѣ и Слѣпцовѣ. Въ 1867 году—статья о «Воспитательномъ значеніи Гончарова и Тургенева» въ «Невскомъ Сборникѣ», подъ псевдонимомъ Алкандрова. Съ 1868 года начинается мое сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ».

«Въ томъ же году въ «Недѣлѣ» статьи о Прудонѣ (Искусство), «Герои голубинаго полета» (о романѣ Авдѣева), о романѣ Шпильгагена «Одинъ въ полѣ не воинъ». Въ «Отечественныхъ Запискахъ», кромѣ критическихъ статей, въ 1870 г. я началъ рядъ статей «Очерки развитія прогрессивныхъ идей въ Россіи», которыя окончилъ въ 1872 году. Некрасовъ издалъ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ, но книги были сожжены при Лонгиновѣ. Не помню, въ 72 или 73 году, я написалъ нѣсколько критическихъ статей въ «Искру» Курочкина, передъ ея окончательнымъ прекращеніемъ, и, не помню, какую-то статью въ «Азіатскій Вѣстникъ», въ первую и единственную книжку этого журнала. Въ 1874 году, въ ноябрѣ, я началъ писать литературные фельетоны въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» Полетики (переименованныхъ впослѣдствіи въ «Молву»). Въ 1875 году я задумалъ писать романъ въ двухъ частяхъ; первая была уже написана и начала печататься въ апрѣльской книжкѣ 1875 года, но была вырѣзана изъ журнала по докладу цензора Лебедева за сочувствіе нигилистамъ.

«Между тѣмъ педагогическая служба моя прекратилась въ 1871 г., такъ какъ штатнаго мѣста въ Петербургѣ мнѣ не давали, а сверхштатнымъ по новому уставу не полагалось жалованья. Три года я продолжалъ еще заниматься педагогіей, имѣя частные уроки въ гимназіи Спѣшневой; въ 1875 году они прекратились съ поступленіемъ моимъ въ «Биржевыя Вѣдомости», и съ тѣхъ поръ я педагогіей болѣе уже не занимался.

«Въ 1879 году въ іюлѣ прекратились мои фельетоны въ «Молвѣ». Я отказался отъ дальнѣйшаго сотрудничества, разсерженный одною передовою статьею Полетики. Въ 1880 году началось «Русское Во-

гатство». Тамъ я писалъ подъ псевдонимомъ А. Питерскаго. Статьи объ «Аниѣ Карениной» и «Литературномъ вечерѣ» Гончарова. Повѣсть, передѣланная изъ первой части романа, статьи о книгѣ Дюма о женскомъ вопросѣ и пр. Въ 1881 году весною «Слово»—внутреннее обозрѣніе въ майской книжкѣ о евреяхъ. Въ 1882 г. «Устой».

«Въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ теченіе 1880 и 1881 гг. я писалъ о французскихъ романтикахъ—В. Гюго и Ж. Зандѣ, а съ 1882 года началъ рядъ статей о цензурѣ, которыя продолжаю и понынѣ.

«Кромѣ всего вышеупомянутаго, имѣются въ «Исторіи русской литературы» Полевого мои три главы (о Н. Полевомъ, Вѣлинскомъ и Гоголѣ), написанныя въ 1871 году, и въ посмертномъ изданіи Некрасова біографія его, написанная въ 1879 году».

Въ приведенной автобіографіи читатели найдутъ все главное, фактически существенное, детальное же и часто очень характерное, можетъ быть почерпнуто изъ указанныхъ статей въ «Русскомъ Богатствѣ» и изъ статьи «Первое 25-лѣтіе моихъ литературныхъ мытарствъ», напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и доведенной имъ до 1884 года, года запрещенія «Отечественныхъ Записокъ». Послѣ закрытія этого журнала Скабичевскій печаталъ свои работы въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русской Мысли», «Новомъ Словѣ», «Педагогическомъ Листкѣ» и въ газетахъ: «Русскія Вѣдомости», «Сынъ Отечества» и «Новости». Многія изъ его работъ были издаваемы отдѣльно, то въ видѣ сборниковъ («Беллетристы-народники» и прочіе критическіе очерки 1888 г.), то въ видѣ собранія сочиненій (2 тома, 1-е изданіе въ 1890 г., 2-е въ 1903 г.), то въ видѣ брошюръ біографической бібліотеки Ф. О. Павленкова. Изъ отдѣльно изданныхъ его сочиненій особенно видное мѣсто занимаютъ—«Исторія новѣйшей русской литературы» (7-е изд. въ 1909 г.) и «Очерки исторіи русской цензуры» (1890 г.).

Приступая къ описанію своего перваго 25-лѣтія литературныхъ мытарствъ, Скабичевскій въ предисловіи говоритъ, что въ этотъ періодъ времени онъ вполне опредѣлился, какъ семидесятникъ, «написалъ все, что вышло изъ-подъ моего пера лучшаго,—говоритъ онъ.—Въ дальнѣйшей моей дѣятельности я ни на шагъ не подвинулся впередъ отъ того, чѣмъ я былъ въ началѣ 80-хъ годовъ, такъ что, если бы я умеръ въ 1884 г., я имѣлъ бы полное право сказать при послѣднемъ издыханіи: я все свое земное совершилъ. Далѣе затѣмъ я подвизался во многихъ органахъ, писалъ газетныя рецензіи, журнальныя статьи, имѣя въ виду не столько стремленіе сказать что-либо новое, сколько хлѣбъ насущный! Да и времена то пошли такія тяжкія, что не до новаго было; впору было заботиться лишь о томъ, чтобы сохранить свою позицію. Единственный мало-мальски серьезный трудъ, какой я совершилъ въ теченіе второй половины своего

литераторства, была «Исторія новѣйшей русской литературы», имѣвшій столь значительный успѣхъ, что дошелъ нынѣ до седьмого изданія, да и тотъ былъ совершенъ мною не по личной инициативѣ, а по заказу покойнаго Ф. О. Павленкова».

Эта исповѣдь стараго писателя заслуживаетъ вниманія. Онъ далъ здѣсь свое самоопредѣленіе, какъ «семидесятникъ», съ одной стороны, а съ другой слишкомъ рѣшительно подвергъ какъ бы осужденію свою литературную дѣятельность въ послѣдующее за 1884 г. время, отнеся ее къ ремесленничеству и придавая ей слабое значеніе. Это и слишкомъ строго и несправедливо. Надо замѣтить, что послѣ закрытія «Отечественныхъ Записокъ» положеніе сотрудниковъ журнала стало дѣйствительно затруднительнымъ и въ матеріальномъ отношеніи, и по той позиціи, которую они занимали, какъ литературные дѣятели опредѣленнаго народническаго толка и которую имъ ни одинъ органъ печати, вслѣдствіе совокупности наступившихъ новыхъ условій общественной жизни, дать не могъ. Вся журнальная армія, во главѣ съ Щедринымъ-Салтыковымъ, разсѣялась, потускнѣла временно въ своемъ колоритѣ, пока нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напр., Н. К. Михайловскому, бывшему всегда въ своей жизни баловнемъ судьбы, не удалось сгруппировать вокругъ себя подборъ единомыслящихъ работниковъ пера и, благодаря этому самому, вернуть себѣ нѣкоторую свободу литературнаго дѣйствія и вслѣдствіе сего временно было утраченную колоритность. Очутился въ трудномъ положеніи и А. М. Скабичевскій, но тутъ ему на выручку пришелъ О. К. Нотовичъ, пригласившій его на амплуа постоянного (по четвергамъ) критика въ «Новостяхъ». Матеріально нашъ писатель былъ до нѣкоторой степени компенсированъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обрѣталъ общественное положеніе, до нѣкоторой степени равное тому, которое занималъ по пятницамъ въ «Новомъ Времени» В. П. Буренинъ. Не входя въ сравненіе дарованій обоихъ критиковъ, отмѣчу лишь, что для опредѣленнаго круга читателей, пользовавшихся только «Новостями» въ цѣляхъ знакомства съ новинками тогдашней литературы, голосъ Скабичевскаго во весь періодъ 80-хъ и 90-хъ годовъ былъ голосомъ очень вѣскимъ, вліятельнымъ и въ этомъ отношеніи онъ держалъ въ страхѣ тѣхъ, къ кому приближался съ своимъ критическимъ скальпелемъ. И я, наблюдавшій въ значительный промежутокъ времени этотъ періодъ его дѣятельности, могу сказать, что, при всей трудности своего положенія въ газетѣ, онъ дѣлалъ воедѣло добросовѣстно и внимательно, поскольку ему то позволяли силы и способности. А положеніе дѣйствительно было трудное, въ виду того гоненія, которому тогда подвергся російскій либерализмъ и радикализмъ и которому уклончиво и съ вѣчной опаской служили «Новости». Газетѣ и ея редактору приходилось тогда очень жутко отъ сылавшихъ изъ разныхъ министерствъ запретительныхъ циркуляровъ, и писателямъ по необходи-

мости приходилось обезцвѣчиваться и сводить свою роль на роль пере-сказчиковъ, компиляторовъ, хроникеровъ, говорящихъ не о томъ, о чемъ имъ хотѣлось бы говорить, а что подскажетъ редакторъ и «циркуляръ». Это дѣйствительно очень сильно отразилось и на качествѣ письма Скабичевского и онъ поэтому сплошь и рядомъ не разбиралъ судимаго произведенія подъ привычнымъ ему угломъ публицистической критики, а «излагалъ» его своими словами, разбавляя легкой моралью изъ либерально-радикальнаго катехизиса, усвоеннаго имъ въ семидесятые годы. Духовно онъ тяготился такой ролью, часто на моихъ глазахъ просто съ отвращеніемъ посылалъ въ редакцію свой очередной фельетонъ, но отказаться отъ подневольной работы не могъ: надо было и самому ѣсть, пить, надо было содержать другихъ, надо было выполнять свои обязанности, юридическія и нравственныя, по отношенію третьихъ лицъ, съ кѣмъ онъ къ тому времени порвалъ семейныя связи, но къ которымъ сохранилъ полное благородство обязательныхъ въ матеріальномъ смыслѣ отношеній. Итакъ, получивъ и въ литературномъ и въ общественномъ отношеніи до нѣкоторой степени прочную позицію, А. М. продолжалъ, какъ и въ предшествовавшее десятилѣтіе, служить тому знамени, подъ которымъ вступилъ въ литературу и на которомъ яркими буквами значились символическія въ политическомъ смыслѣ слова «Современникъ», «Искра» и «Отечественныя Записки». Поэтому я постараюсь на основаніи чужихъ словъ и чужихъ показаній, какъ дружески-сочувственныхъ, такъ и нѣсколько почтительно пристрастныхъ, съ отѣнкомъ отрицательнаго характера, опредѣлить, какое же мѣсто въ литературѣ должно быть отведено ему, какъ критику и публицисту, столь долго подвизавшемуся въ нашей литературѣ. Такой способъ литературной рекомендаціи, во избѣжаніе заподозрѣванія меня въ дружеской пристрастности, я считаю въ настоящемъ случаѣ наиболѣе подходящимъ. Начну со вторыхъ и изъ нихъ на первое мѣсто ставлю А. А. Измайлова, при жизни нашего писателя не всегда ласково вспоминавшаго своего старшаго собрата.

Этотъ талантливый и сравнительно молодой критикъ-публицистъ и беллетристъ изъ «Виржевыхъ Вѣдомостей» писалъ вслѣдъ за смертью Скабичевского въ некрологѣ, ему посвященномъ въ этой газетѣ (№ 12.097):

«Вослѣдъ за недавно умершимъ Южаковымъ ушелъ вотъ уже и послѣдній представитель «Отечественныхъ Записокъ» и цѣлой связанной съ ними эпохи. Еще есть нѣсколько беллетристовъ, поэтовъ, которые связали свое имя съ блистательнымъ дѣломъ Некрасова и Салтыкова. Но Скабичевскій былъ и ближайшимъ сотрудникомъ, и членомъ редакціи, и одно время былъ прикосновенъ къ редактурѣ. Онъ не былъ равнымъ среди этихъ великановъ, создавшихъ славу журналу и оставшихся славою русской литературы. Въ этой

кузницѣ, гдѣ боги ковали свои молніи, онъ былъ только скромнымъ и вѣрнымъ и трудолюбивымъ рабочимъ. Но тѣнь ихъ величія падала и на него и окружала его имя уваженіемъ до смерти. И со всѣми этими великими именами связано имя Скабичевского. Онъ былъ другомъ Писарева. Онъ писалъ о Некрасовѣ, какъ пишутъ о человѣкѣ, котораго видятъ изо дня въ день и знаютъ полно въ каждомъ общественномъ движеніи, въ каждой мелочи домашняго обихода. Салтыковъ, Михайловскій, Курочкинъ, Глѣбъ Успенскій, Слѣпцовъ, вся позднѣйшая плеяда писателей почти безъ конца,— все это были для него близкіе и знакомые, часто друзья.

«Студентомъ Скабичевскій вошелъ въ литературу и остался ей вѣренъ до конца. вмѣстѣ съ Писаревымъ въ журналѣ для дѣвицъ «Разсвѣтъ» онъ началъ печататься совсѣмъ юношей и только въ началѣ истекающаго года поставилъ точку подъ своими «Литературными воспоминаніями», напечатанными въ «Историческомъ Вѣстникѣ», которыя и были его лебединой пѣснью. Скабичевскій былъ однимъ изъ неутомимѣйшихъ литераторовъ. Его статьи изъ однѣхъ «Отечественныхъ Записокъ» составили бы десятокъ книгъ. Потомъ не менѣе неутомимо онъ писалъ въ «Словѣ», «Устояхъ», «Новомъ Словѣ», «Недѣлѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Сынѣ Отечества», «Новостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» старой редакціи. Его «Исторія русской цензуры», въ свое время запрещенная, до послѣдняго времени, до появленія изслѣдованій, написанныхъ болѣе свободнымъ языкомъ—была единственной попыткой пролить свѣтъ въ это царство тьмы и инквизиціонныхъ секретовъ. Его изслѣдованіе о русскомъ историческомъ романѣ, страдающее двумя недостатками,—тѣмъ, что въ немъ отсутствуетъ «историчность» оцѣнокъ, и тѣмъ, что всѣ эти Полевые, Кукольники разсматриваются у него подъ узкимъ угломъ либерализма,—все-таки до сихъ поръ остается почти единственнымъ въ области стараго историческаго романа трудомъ.

«Неопустительное наблюденіе за русскимъ изящнымъ творчествомъ облегчило Скабичевскому составленіе «Исторіи новѣйшей литературы». Эта книга изъ всѣхъ книгъ его была наиболѣе популярной и наиболѣе способствовала прославленію его имени. Она тоже была первою по времени напечатанія и долгое время единственною у насъ исторіей новыхъ писателей. Слѣшность работы, вынужденность на быстрыя и опредѣленные рѣшенія, невозможность иногда серьезно и вдумчиво взвѣснить литературную новинку сдѣлали то, что среди миѣній Скабичевского безъ всякаго труда можно указать трагическія ошибки.

«Эти ошибки неизбѣжно оказались и въ его «Исторіи» и, только совершая эту книгу съ каждымъ новымъ изданіемъ, А. М. смягчалъ и устранялъ ихъ. Много вредило также Скабичевскому и его нѣсколько одностороннее и узкое созерцаніе литературныхъ

явленій подъ угломъ тенденціознаго либерализма. И, говоря объ его заслугахъ, которыя, несомнѣнно, и велики, и которыя можетъ отрицать только незнающій,—нельзя умолчать о томъ, что покойный своимъ авторитетомъ и авторитетомъ изданій, въ которыхъ работалъ. долгое время утверждалъ ошибочное настроеніе, превознося совершенно слабыя въ художественномъ отношеніи вещи за симпатичность и благородство ихъ тенденцій и игнорируя или осуждая созданія чистой художественной цѣнности. Такъ, на душѣ А. М. лежалъ грѣхъ непониманія Гончарова, «Обрывъ» котораго онъ жестоко осудилъ за фигуру Марка Волохова. Беззлбный Чеховъ не могъ забыть Скабичевскому, что признанный критикъ не поддержалъ его при первыхъ неувѣренныхъ шагахъ и, признавая въ немъ дарованіе рисовальщика, рѣзко отрицалъ всякій идейный смыслъ его писаній. Къ чести Скабичевского надо сказать, что съ полной откровенностью онъ сознался въ послѣдствіи въ этой своей ошибкѣ и уже поощрялъ Чехова-автора «Палаты» № 6, а въ оправданіе можно прибавить, что и Михайловскій, много болѣе чуткій къ изящному, на первыхъ порахъ тоже звалъ его «писателемъ безъ Бога въ душѣ» и «съ холодной кровью».

«Чисто просвѣтительная, популяризаторская заслуга Скабичевского колоссальна. Черезъ его писанія и подъ угломъ его зрѣнія все то великое множество русскихъ читателей, которые не читаютъ книгъ, а просматриваютъ газетные фельетоны,—знакомились со всѣмъ, что появляется новаго въ литературѣ. Десятки, пожалуй, сотни біографій большихъ русскихъ писателей онъ пустил въ свѣтъ. Некрасовская—лучшая изъ нихъ и, вообще, лучшая изъ біографій поэта. Не пренебрегалъ онъ и редактурой изданій, и его Пушкинь—одно изъ наиболѣе ходкихъ изданій. Исключительно интересны были его литературныя воспоминанія. Часть ихъ вошла въ двухтомное собраніе его сочиненій. Часть появилась только въ этомъ году. Здѣсь проходятъ передъ читателемъ не только интересныя фигуры писателей 60-хъ годовъ, но и самая эпоха съ настроеніями и тогдашними интересами».

Талантливость и тактъ Измайлова помогли ему удержаться въ рамкахъ справедливости и въ общемъ набросать довольно живой и недурно освѣщенный портретъ покойнаго критика, гдѣ поставлены и всѣ плюсы и минусы его литературной жизни, какъ они имъ понимаются. А вотъ голосъ болѣе отрицательно-пристрастный, который, быть можетъ, слишкомъ преждевременно прозвучалъ на свѣжей могилѣ. Въ «Голосѣ Москвы» (№ 301) г. Гранатовъ (псевдонимъ) написалъ на слѣдующій день смерти Скабичевского:

«Вчера скончался извѣстный публицистъ-критикъ Александръ Михайловичъ Скабичевскій.

«Современному поколѣнію его имя мало говорить. Кое-кто развертывалъ его «Исторію новѣйшей литературы», но и то, какъ спра-

вочную книжку, заимствуя оттуда хронологическія данныя. Но было время, когда имя Скабичевского стояло въ ряду именъ, занимающихъ главныя командныя мѣста въ русской литературѣ. Некрасовъ, Салтыковъ, Михайловскій, Глѣбовъ Успенскій, Елисеѣвъ, Шелгуновъ и Скабичевскій составляли въ глазахъ широкой публики редакцію «Отечественныхъ Записокъ». Громкая слава именъ Некрасова и Салтыкова освѣщала и имя Скабичевского, падая на всю группу писателей популярнѣйшаго журнала.

«Въ то время Скабичевскій печаталъ свой большой трудъ— «Очерки по исторіи русской цензуры». Съ закрытіемъ «Отечественныхъ Записокъ» Скабичевскій перешелъ въ «Русскую Мысль», какъ критикъ. Тѣ, кто въ критикѣ не желаютъ видѣть особаго вида художественной литературы, а считаютъ ее только орудіемъ партійной борьбы,—тѣ должны помянуть критика-Скабичевского добрымъ словомъ. Онъ честно работалъ въ интересахъ своего литературно-политического кружка. Слишкомъ даже честно: отрицались и принижались такіе писатели, какъ Чеховъ и Лѣсковъ, подымалась рука на Достоевскаго и Толстого,—и все только потому, что эти гиганты литературы не могли и не хотѣли подчинить себя взглядамъ господствующаго литературнаго кружка. Мы имѣемъ другое представленіе о задачахъ критики, и даже у открытой могилы писателя не можемъ подарить своего сочувствія дѣлу его жизни. Время шло. Идеалы мѣнялись. Умирали одни литературно-политическіе кружки и возникали другіе. Но Скабичевскій, разъ навсегда усвоившій катехизисъ своей партіи, съ упорствомъ человѣка, лишеннаго способности развиваться, ни на шагъ не отступалъ отъ него. Это повело къ тому, что всѣ стали отступаться отъ него самого. Ушли даже главари той партіи, которой онъ служилъ. Скабичевскій не могъ попасть въ сотрудники не только «Русскаго Богатства», руководимаго его сотоварищемъ по «Отечественнымъ Запискамъ» Михайловскимъ, но и лишился работы въ «Русской Мысли». Со страницъ «Русской Мысли» онъ спустился до «Новостей» Нотовича.

«Съ прекращеніемъ «Новостей» Скабичевскій остается совсѣмъ безъ работы. Никому оказались не нужными его большой опытъ и его знанія. Подчиненіе себя узкой партійной работѣ, такимъ образомъ, дало себя знать и уготовило писателю трагедію. Человѣкъ, всю жизнь исповѣдывавшій вѣру въ силу кружковъ, въ силу массы, покинутъ былъ всѣми и обреченъ на одиночество».

Въ этой замѣткѣ и рядъ фактическихъ невѣрностей и слишкомъ развязные выводы, но кое-что здѣсь справедливо, почему въ интересѣ полноты исторіи оцѣнки скончавшагося критика я и привожу эту некрологическую замѣтку.

А вотъ историко-литературное опредѣленіе значенія Скабичевского, сдѣланное въ «Большой Энциклопедіи» (т. XVII), редактированной покойнымъ С. Н. Южковымъ. Здѣсь мы читаемъ: «Защитъ

никъ свободы и естественности творческихъ процессовъ, С., по собственному заявленію,—всегда былъ далекъ какъ отъ теоретиковъ чистаго искусства, такъ и отъ теоретиковъ полезнаго искусства, обрекающаго его на подневольное орудіе въ рукахъ какой бы то ни было политической партіи.—Онъ требуетъ отъ искусства изображенія жизни во всей ея совокупности, и въ этомъ требованіи опирается на принципы реализма, установленіе котораго ставить въ особенную заслугу Бѣлинскому. Разсматривая всѣ окружающія явленія въ связи съ данными условіями, ихъ породившими, истинно-реальная точка зрѣнія заставляетъ отрѣшиться отъ всякаго романтизма и наблюдать жизнь такъ, какъ она течетъ вокругъ насъ, не идеализируя ея, но и не ограничиваясь однимъ поверхностнымъ ея воспроизведеніемъ, а проникая въ ея глубину. Художникъ, изображающій дѣйствительность, воспроизводитъ ее не такъ, какъ она есть, а такъ, какъ она отражается въ его представленіяхъ. Поэтому рабское копированіе дѣйствительности не должно и не можетъ быть задачею искусства. Даже самыя талантливыя произведенія даютъ лишь относительно вѣрное ея изображеніе. Это положеніе обусловлено психологическою сущностью самаго творческаго процесса, въ развитіи котораго С. придаетъ наибольшее значеніе моменту образованія поэтическихъ образовъ. Съ этой стороны между дѣятельностью поэта и ученаго нѣтъ не только никакой противоположности, но, наоборотъ, наблюдается полная аналогія. Настойчиво проводя, вслѣдъ за Добролюбовымъ, эту мысль во многихъ своихъ критическихъ статьяхъ, С. утверждаетъ, что, какъ и ученый, поэтъ приходитъ къ своимъ открытіямъ путемъ постепеннаго и длительнаго развитія различныхъ умственныхъ комбинацій—путемъ анализа и обобщенія; вся разница лишь въ силѣ и степени воспроизведенія возникающихъ въ мозгу поэта и ученаго идей, одинаково создаваемыхъ на основахъ индукціи. И только это одно индуктивное творчество есть истинно свободное, реальное и полезное, потому что только оно одно можетъ вѣрно и безпристрастно изобразить правду жизни, что и является главною задачею искусства. Изучая окружающую жизнь и поднимаясь все выше и выше въ своихъ произведеніяхъ, поэтъ въ концѣ концовъ неизбежно доходитъ до высшаго отъ нихъ, непосредственно связаннаго съ реализмомъ въ литературѣ, до понятія о народности. Изучить свой народъ во всѣхъ условіяхъ его жизни, во всѣхъ формахъ ея и проявленіяхъ, проникнуться всѣми его общими интересами, его радостями и страданіями—вотъ, по опредѣленію С., истинная задача реальнаго поэта. Опредѣляя такъ ясно задачу поэта и требуя на ряду съ этимъ отъ произведеній искусства, чтобы они воспроизводили правду жизни, будя сознаніе въ людяхъ, указывая на общественныя неурюстройства и цѣли, къ которымъ должно стремиться, С. поставилъ себѣ задачу—занять серединную примирительную позицію между двумя отмѣчен-

ными имъ противоположными этическими теоріями—чистаго искусства и искусства, какъ общественнаго служенія великимъ интересамъ гуманности и прогресса, задачу, которая не всегда была достаточно понята и усвоена его критиками. Въ своихъ первыхъ серьезныхъ критическихъ работахъ онъ стоитъ на чисто публицистической точкѣ зрѣнія, а въ позднѣйшихъ статьяхъ, сохраняя свое нейтральное положеніе, рѣшительно склоняется въ сторону идеи о служебномъ значеніи искусства. Въ своихъ историко-литературныхъ и критическихъ работахъ С. выступаетъ передъ ними убѣжденнымъ защитникомъ и популяризаторомъ лучшихъ традицій, завѣщанныхъ критикою Бѣлинскаго, возрожденныхъ и рѣзче формулированныхъ въ эпоху 60-хъ годовъ и получившихъ дальнѣйшее развитіе въ 70-е годы. Къ этому-то послѣднему періоду и относится начало наиболѣе энергичной и серьезной литературной дѣятельности С., создавшей ему почетную извѣстность, какъ одному изъ видныхъ литературныхъ критиковъ въ тѣсномъ смыслѣ. Около четырехъ десятилѣтій внимательно слѣдить онъ за всѣми болѣе или менѣе выдающимися явленіями родной литературы, руководствуясь при ихъ оцѣнкѣ принципами «народнаго блага», «народнаго труда и братства», которымъ онъ остался вѣренъ въ теченіе всей многолѣтней литературной дѣятельности.

«Разсматривая произведенія русской словесности въ связи съ эпохою, въ которую они появились, С. даетъ цѣнные характеристики наиболѣе яркихъ эпохъ въ развитіи русской общественной мысли и такимъ путемъ выясняетъ не только литературное, но и морально-общественное значеніе выдающихся художественныхъ памятниковъ русской литературы».

Я привелъ здѣсь подборъ разныхъ взглядовъ на оцѣнку критическо-литературной дѣятельности Скабичевского, изъ которыхъ выясняется его историческое значеніе для извѣстной литературной эпохи, гдѣ ему пришлось играть видную роль и гдѣ устанавливается, почему въ новѣйшій періодъ нашей жизни ему не находилось мѣста для журнальной работы. Методы его бывшихъ критическихъ изслѣдованій по спросу на нихъ читающаго рынка устарѣли, не находилось подходящихъ органовъ, гдѣ бы онъ могъ постоянно прилагать свои дряхлѣющія силы, между нимъ и редакціями образовалась нѣкоторая отчужденность: писатель явно переживалъ свою извѣстность и сходилъ на нѣтъ. Тутъ своего рода драма, нѣкоторыхъ деталей которой придется коснуться далѣе, въ связи съ извѣстными мнѣ фактами изъ его жизни.

Впервые я увидался съ А. М. Скабичевскимъ на одномъ изъ журфиксовъ В. И. Семеваго, которые мы, тогдашняя университетская молодежь, только что кончившая курсъ, охотно посѣщали. Литературная фигура критика была настолько уже опредѣлившаяся и отчеканенная, что насъ къ нему подводили, какъ къ знаменитости,

столпу опредѣленнаго направленія, въ чьихъ рукахъ покоится своего рода знамя эпохи. Тогда ужъ онъ состоялъ критикомъ-фельетонистомъ «Новостей», и никто изъ тогдашнихъ посѣтителей радикальнаго салона Семейскаго-Водовозовыхъ не усматривалъ въ этомъ какого-то «опусканія», какъ о томъ нынѣ оповѣщаетъ сотрудникъ «Голоса Москвы»; напротивъ, литературная работа въ единственной тогда либеральной газетѣ западнаго направленія, издававшейся О. К. Потовичемъ, считалась выгодною для широкихъ народническихъ круговъ, которые черезъ эту работу имѣли возможность въ извѣстномъ направленіи воздѣйствовать и на общество, и на литературную молодежь. Я прекрасно помню, что къ А. М. именно обращались съ просьбой выдвинуть то или иное явленіе, народившееся въ журналистикѣ, подчеркнуть какъ явленіе положительнаго или отрицательнаго характера, обращались съ просьбой поддержать выступающаго на литературное поприще начинающаго писателя, оцѣнить новое еще ненапечатанное произведеніе и т. д. И. Скабическій дѣйствительно, какъ эолова арфа, воспринималъ теченія въ духовно-родственныхъ ему кружкахъ и отражалъ ихъ въ своихъ четверговыхъ фельетонахъ, съ которыми считались въ литературныхъ сферахъ и которыхъ порою ожидали съ нетерпѣніемъ. Неожиданно для меня онъ, между прочимъ, выдвинулъ и одну изъ первыхъ моихъ работъ, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», посвященную памяти только что тогда скончавшагося профессора Ор. Фед. Миллера.

Близко я сошелся съ А. М. лишь въ 1890 г., когда привлекъ его къ составу сотрудниковъ «Сѣвернаго Вѣстника», пріобрѣтеннаго кружкомъ молодежи отъ А. М. Евреиновой; какъ официальный редакторъ-издатель этого журнала, я посѣтилъ заслуженнаго критика, и, хотя вся единомыслящая ему радикальная группа писателей стояла во враждебномъ отношеніи къ организуемому новому дѣлу по причинамъ, о которыхъ расскажу въ другой разъ, Скабичевскій, однако, не нашелъ серьезныхъ резоновъ для своего отказа и охотно примкнулъ къ нашей журнальной семьѣ, поддержавъ ее, такимъ образомъ, своимъ авторитетомъ и до нѣкоторой степени защитивъ даже отъ ожидавшихся нападокъ и выходокъ партійнаго характера. Какъ фельетонистъ тогда распространенной газеты, онъ оказалъ мнѣ, какъ издателю журнала, даже немало услугъ, помогая обратить вниманіе публики на запущенный и опустившійся при предшествовавшей издательницѣ органъ печати. Въ эти недолгіе мѣсяцы совмѣстной работы я близко узналъ А. М. какъ прекраснаго, отзывчиваго, скромнаго и добраго человѣка, готоваго на жертвы ради общаго дѣла и подчиняющаго ему свое личное я и свои личные интересы. Такъ, онъ, будучи величиною въ журналѣ перворазрядною, тѣмъ не менѣе, понимая всю матеріальную трудность новаго дѣла, часто безкорыстно несъ сюда

нѣкоторый редакціонный трудъ и довольствовался тѣмъ среднимъ гонораромъ за свои статьи и рецензи, который мы могли выплачивать сотрудникамъ, чего нельзя сказать про многихъ другихъ писателей, даже категоріями ниже его. Его имя, стоявшее въ числѣ нашихъ друзей, особенно благопріятно подѣйствовало на настроеніе московскихъ литературныхъ круговъ, которые вслѣдъ за Скабичевскимъ охотно и вступили въ ряды сотрудниковъ обновленнаго журнала. Съ того времени между мною и имъ установились понемногу близкія, товарищескія отношенія, отношенія писателя старшаго поколѣнія и младшаго, гдѣ было много хорошаго чувства взаимной любви и дружбы. Въ маѣ 1891 г. надъ мною разразилась литературная буря, я лишился «Сѣвернаго Вѣстника» и остался не у писательскаго дѣла. Одновременно со мною вышелъ, и притомъ довольно демонстративно, изъ журнала и Скабичевскій, при чемъ въ видѣ выраженія особаго сочувствія устроилъ мнѣ прощальный обѣдъ, на который собрались нѣкоторые писатели, какъ изъ числа бывшихъ моихъ сотрудниковъ, такъ и нѣкоторыхъ постороннихъ, гдѣ онъ, никогда публично не изъяснявшійся и всегда затруднявшійся въ словесной бесѣдѣ, выступилъ даже съ рѣчью по моему адресу. Эта дружеская демонстрація была мнѣ очень дорога, меня тронула, подкрѣпила мой нѣсколько павшій духъ, а самого А. М. обрисовала какъ очень деликатнаго и нѣжнаго друга. Моя привязанность къ нему еще болѣе выросла и окрѣпла, и я сталъ его частымъ посѣтителемъ въ то время.

Это былъ очень хорошій періодъ въ его личной жизни, когда онъ полной грудью вдыхалъ невѣдомое ему дотолѣ семейное счастье, найденное имъ въ новой семьѣ. Тамъ, въ первой половинѣ жизни у него не было счастья въ настоящемъ смыслѣ слова, была жена, были дѣти, былъ домъ, но не было того тихаго, уютнаго семейнаго очага, который согрѣваетъ человѣка, вливаетъ въ него покой, даетъ ему полное нравственное удовлетвореніе и нужную ему радость. За порогомъ 50-ти лѣтъ жизни онъ ихъ наконецъ обрѣлъ и какъ бы расплылся въ этомъ обрѣтенномъ имъ такъ лоядно счастья, растворился душою въ этой новой жизни. Было умилительно и радостно за человѣка. У него и у А. И. Топоровой, жившей тогда на Фонтанкѣ, въ домѣ гр. Левашова, ихъ всѣ чувствовали себя невысказательно, хорошо и весело. На ихъ журфиксахъ собиралось много народа, въ числѣ котораго я встрѣчалъ всего чаще М. А. Антоновича, С. А. Венгерова, М. О. Михневича, С. Н. Кривенка, В. П. Острогорскаго, М. Л. Песковского, Ф. О. Павленкова, В. И. Семева, К. М. Станюковича и многихъ другихъ. Бывали молодые писатели и писательницы, навѣщали московскіе друзья, какъ В. А. Гольцевъ, Д. И. Тихомировъ и другіе. Хлѣбосольный и ласковый хозяинъ былъ въ этомъ кругу милымъ центромъ, дѣйствовавшимъ на всѣхъ

окружающих удивительно умиротворяюще и тепло. Печать добродушія, малороссійскаго добродушія, лежала на всей его фигурѣ, гдѣ явственно сказывались и нѣкоторая природная склонность къ лѣни, и нѣкоторая про себя юмористическая насмѣшливость.

— И подумаешь, что это злой критикъ, стукающій еженедѣльно по головамъ молодыхъ писателей,— глядя на А. М., говариваль, указывая на хозяина, покойный В. О. Михневичъ. — Вотъ такъ и кажется, что изъ Гоголевской галереи вышелъ Довгочунъ и сѣлъ между нами на хозяйское мѣсто. А гдѣ у васъ тутъ настоечка, гдѣ запеканочка, гдѣ сырники въ маслѣ?..

Это было ужасно мѣтко, мы все хохотали, и пуще всехъ самъ А. М. Дѣйствительно, многія черты Гоголевскаго обихода лежали на Скабичевскомъ, на всей его нѣсколько отяжелѣвшей, заплывшей фигурѣ, на всей его повадкѣ, любви къ жирной ѣдѣ, къ доброй выпивкѣ. Надо писать очередной критическій фельетонъ, а самого такъ и тянетъ растянуться на солнышкѣ, на лужайкѣ; надо шевелить мозгами, а самому хочется уйти въ нирвану, въ созерцаніе, въ лѣнивое наблюденіе пространства, надо макать перо въ чернила, а самого тянетъ къ колбасамъ, къ крымскому и кахетинскому. Хохоль, настоящій хохоль!

И вотъ, сдавши очередную работу угловому разсылному въ типографію на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ у Харламова моста помѣщались «Новости», Скабичевскій облегченно вздыхаль, точно тяжелая ноша спадала съ плечъ, и своею тихою, нѣсколько перевальнойною грузною походкою направлялся въ дешевенькій кабачокъ, преимущественно «винницу» кавказскихъ и крымскихъ винъ, гдѣ его уже ожидали пріятельи. Не мало часовъ протекло у насъ съ нимъ въ этихъ «винницахъ» и, что грѣха таить, какъ поется въ какомъ-то куплетѣ:

Въ погребкѣ не разъ,
Мы за часомъ часъ
Проводили весь день напролетъ...

Изъ литературныхъ собратьевъ подбирались сюда С. В. Максимовъ, В. П. Острогорскій, Е. А. Соловьевъ (Скриба), В. П. Михайловъ-Мартовъ, В. В. Огарковъ, С. Н. Южакъ и др., но всего болѣе Скабичевскій любилъ, чтобы къ нему подсаживались тѣ совершенно невѣдомые ему посѣтители этихъ «таверенъ», которыхъ гналъ сюда изъ дома семейный разладъ и тѣ невзгоды жизни, которыя такъ часто на Руси именно заливаются «зеленымъ виномъ». Эти несчастные, обойденные жизнью чувствовали къ А. М. какое-то особенное тяготѣніе, раскрывали ему свои наболѣвшія души и какъ бы старались въ приближеніи къ нему найти подъемъ и очищеніе своему падшему существованію. И нужно было видѣть, какъ мягко, задушевно, деликатно вель съ ними этотъ извѣстный русскій писатель бесѣду, какъ отечески онъ ихъ журилъ и давалъ имъ

совѣты и наставленія. Было бы ошибочно дѣлать изъ моего повѣствованія выводъ, будто Скабичевскій былъ какимъ-то кабачнымъ завсегдатаемъ или кутилою. Совсѣмъ нѣтъ, онъ былъ воздержанъ по своимъ силамъ на питье, и я никогда не видалъ его охмелѣвшимъ и потерявшимъ здравый смыслъ. Онъ просто любилъ отъ времени до времени «освѣжиться» въ этой обстановкѣ, сблизаться съ новымъ міромъ и выносить отсюда любопытный запасъ наблюдений и выводовъ, которыхъ въ интеллигентномъ кругу онъ не находилъ.

Въ 1894 году минуло 35 лѣтъ литературной дѣятельности Скабичевского, и на одномъ изъ собраній у него въ среду друзья его рѣшили отпраздновать эту юбилейную годовщину торжествомъ. Былъ избранъ особый комитетъ, въ составъ котораго вошли: пишущій эти строки, В. В. Огарковъ, В. П. Острогорскій, М. Л. Песковскій. Комитетъ кликнулъ кличъ въ литературный міръ, и на зовъ публика повалила въ изобиліи. Откликнулись всѣ либеральные журнальные приходы, безъ различія колоколенъ, и праздникъ вышелъ шумный и на славу. Утромъ рядъ депутацій привѣтствовалъ юбиляра на дому съ адресами и подношеніями, а вечеромъ состоялся въ старомъ помѣщеніи ресторана «Медвѣдь» по подпискѣ обѣдъ, на который явились почти всѣ представители лѣваго лагеря. Вспоминая нынѣ тотъ день, видишь въ памяти своей длинную вереницу заслуженныхъ и извѣстныхъ писателей и общественныхъ дѣятелей, нынѣ сошедшихъ съ жизненной сцены, которые прибыли, чтобы позжать руку виновнику торжества: Ф. Θ. Павленковъ, Глѣбъ Успенскій, Н. К. Михайловскій, Я. Г. Гуревичъ, В. Д. Спасовичъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. О. Михневичъ, Н. С. Максимовъ, М. Л. Песковскій, С. И. Васюковъ, С. Н. Южаковъ, А. П. Манасеянъ и др. Было шумно, весело, дружно, сказано было много хорошаго по адресу юбиляра, проявлено ему много чувства дружбы, уваженія и любви. Произошелъ и инцидентъ, надѣлавшій въ нашемъ тогдашнемъ мурaveйникѣ переполохъ и нашедшій себѣ даже отраженіе въ печати.

Незвѣнный непрошенный явился на обѣдъ А. Л. Флексерь-Волынский, обрѣтавшійся тогда почти со всѣми наличными обѣдающими силами въ антогонизмъ, явился, не предупредивши никого накануне о своемъ желаніи присутствовать на юбилей. А какъ разъ именно накануне шла рѣчь, когда выяснялся списокъ обѣдавшихъ, какъ быть съ тѣми, кто нежелателенъ для юбиляра, и рѣшено было какъ-нибудь деликатно отъ нихъ отдѣлаться, дабы не омрачить торжества. Между прочимъ, самъ Скабичевскій, по природѣ своей чело-вѣкъ очень вспыльчивый, заявилъ, что если на его юбилей пожалуютъ такія-то и такія-то лица, а въ томъ числѣ и г. Волынский, то онъ уйдетъ изъ обѣденнаго зала. И вдругъ именно въ дверяхъ появляется нежданный гость. Какъ быть? Къ нему бросились Острогорскій и

Песковскій и заявили, что, молъ, запись на обѣдъ кончена и что залъ болѣе не вмѣщаетъ публики. Волынский понялъ, въ чемъ дѣло, проглотилъ въ тотъ мигъ горькую пилюлю, но перенесъ обсужденіе вопроса на столбцы печати, и... загорѣлась полемика. Мы, устроители торжества, печатно же изворачивались, не желая говорить въ лицо человѣку непріятности, а печать на насъ насѣдала, и подѣ предложеному обсужденію этого инцидента сводились полемическіе счеты по разнымъ другимъ предложениямъ. «Литераторы отъ Медвѣдя» — стало крылатымъ словечкомъ. Вообще я не помню, чтобы какое другое литературное торжество вызвало столько разныхъ полемикъ, какъ именно обѣдъ въ честь Скабичевского, почему на извѣстной исторической перспективѣ на немъ и лежитъ нѣкоторый отпечатокъ своего рода событія, вызвавшего расколы. Но рядомъ съ этими расколами тутъ же протянуты были и руки примиренія. Я разумѣю тутъ примиреніе Михайловскаго и Скабичевского. Былые друзья и соратники по «Отечественнымъ Запискамъ», они въ исходѣ восьмидесятыхъ годовъ разошлись и даже вступили на почву литературнаго препирательства и вовсе не по какому-либо принципиальному, идейному разногласію, но по курьезному случаю, о которомъ бѣгло разскажу, какъ мнѣ его обрисовалъ самъ Скабичевскій.

Рѣшивъ отплыть онъ своего перваго семейнаго берега, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ прежде, чѣмъ сдѣлать рѣшительный въ этомъ направленіи шагъ, вынесъ въ душѣ борьбу съ самимъ собою, борьбу, которой далъ отраженіе въ одномъ изъ своихъ критическихъ фельетоновъ, гдѣ по какому-то литературному поводу прочелъ мораль всѣмъ бросающимъ женщинъ, разрывающимъ семейныя узы и ищущимъ личнаго счастья въ ущербъ бросаемымъ. Какъ разъ въ тотъ же періодъ Михайловскій переживалъ также крушеніе одного изъ своихъ романовъ, которыми такъ богата была его жизнь, и вступалъ въ полосу новаго. Фельетонъ Скабичевского, являвшійся въ сущности актомъ самообличенія, въ освѣщеніи досужихъ людей, подсунувшихъ газету съ опредѣленнымъ жестомъ и съ опредѣленнымъ толкованіемъ Михайловскому, понадалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, и самолюбивый соціологъ-публицистъ разразился противъ своего недавняго друга въ сущности совершенно не нужной полемикой и, какъ публицистъ огромнаго остроумія и большой насмѣшки, сумѣлъ, конечно, оставить своего оппонента въ невыгодное положеніе. Отсюда ихъ охлажденіе отношеній и неприглашеніе Скабичевского въ число сотрудниковъ «Русскаго Богатства», когда этотъ журналъ перешелъ подѣ главенство Михайловскаго. Вотъ истинная причина его отсутствія въ списокѣ сотрудниковъ новой редакціи, хотя то, что говоритъ обозрѣватель «Голоса Москвы», имѣетъ свое нѣкоторое основаніе, берущее начало только въ дальнѣйшихъ событіяхъ, о которыхъ рѣчь ниже.

На юбилейномъ обѣдѣ Михайловскій пилъ здоровье своего былого друга, провозглашалъ тостъ за русскую литературу, и на слѣдующій день былъ у него съ визитомъ. Примиреніе состоялось, и Скабичевскій былъ приглашенъ дать что-нибудь для «Русскаго Богатства», о чемъ особенно хлопоталъ С. Н. Кривенко. И дѣйствительно, весною онъ принялся за статью о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ по поводу только что вышедшаго какого-то его новаго произведенія. Не тутъ вышло роковое недоразумѣніе. Нужно замѣтить, что именно въ это время въ кружкахъ лѣвой печати замѣчается особенное тяготѣніе къ яснополянскому философу и, конечно, не какъ къ художнику и философу христіанской морали, а какъ къ чловѣку, ставшему въ оппозицію и къ буржуазному обществу, и къ правительству. Скабичевскій, стоявшій въ сущности всю жизнь внѣ активныхъ политическихъ теченій, не соразмѣрилъ этого движенія съ требованіями, которыя предъявлялись къ нему, какъ къ литературному критику, и, исходя изъ своей прежней позиціи сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» подошелъ къ Льву Николаевичу съ этой стороны. Выводъ для философіи автора «Войны и Мира» получался отрицательный, а это не соответствовало политическимъ тенденціямъ «Русскаго Богатства», въ расчеты котораго тогда вовсе не входила полемика съ Толстымъ. Скабичевскій не угодилъ радикальнымъ вѣяніямъ дня, и статья ему была возвращена. Отсюда новая обида и нежеланіе дѣлать болѣе попытокъ къ литературному сближенію съ редакціей Михайловскаго.

Онъ ограничился своей ролью фельетониста въ «Новостяхъ» и сотрудника Ф. Ѳ. Павленкова, съ которымъ у него было установлено особое соглашеніе, по которому Павленковъ, такъ сказать, за-контрактывалъ себѣ отдѣльныя изданія Скабичевскаго, являясь ихъ единственнымъ собственникомъ, за что по расчету каждаго изданія выплачивалъ ему по 100 руб. въ мѣсяць. «Исторія новѣйшей русской литературы» шла шибко, былъ спросъ и на «Собраніе всѣхъ сочиненій критика, а потому издатель и могъ безъ риска авансировать своему сотруднику суммы, нужныя ему для повседневной жизни. Ф. Ѳ. Павленковъ, какъ Г. З. Елисеєвъ, упомянувшій А. М. наравнѣ съ Гл. Успенскимъ въ своемъ завѣщаніи, давъ имъ право на выигрышъ по билету, пожертвованному литературному фонду, высоко цѣнили Скабичевскаго, какъ критика и историка литературы, и охотно во всемъ шель навстрѣчу его нуждамъ и желаніямъ. Заработокъ въ «Новостяхъ» и аренда, выплачиваемая Павленковымъ, и составляли жизненный матеріальный фондъ нашего критика, но дѣла Нотовича приходили понемногу въ упадокъ, газета явно падала, и Скабичевскій съ его платой по 50 руб. за еженедѣльный фельетонъ становился ему не по карману, старый фельетонистъ оказывался въ тягость издателю, который и началъ хлопотать о замѣнѣ его кѣмъ-нибудь другимъ побойчѣе, поновѣе и по-

выгодѣе. Таковымъ сотрудникомъ и являлся Е. А. Соловьевъ (Скриба-Андреевичъ), человѣкъ очень талантливый, пользовавшійся въ нѣкоторыхъ молодыхъ кружкахъ широкой популярностью, но до нельзя безпутный и погибавшій отъ алкоголизма. Онъ былъ скорѣе ко двору во всѣхъ отношеніяхъ Хотовичу, и старый критикъ понемногу вынужденъ былъ сначала сократить свой заработокъ до минимума, а потомъ и совсѣмъ ликвидировать свои отношенія къ издателю «Новостей», печальный конецъ которыхъ за истощеніемъ подписчиковъ былъ тоже не за горами.

Налаживалась въ десятилѣтіе 90 годовъ у А. М. и работа въ изданіяхъ, которыя постоянно съ удивительнымъ упорствомъ, но и съ удивительнымъ несчастіемъ организовалъ и С. Н. Кривенко послѣ того, какъ онъ разорвалъ съ Н. К. Михайловскимъ и вылетѣлъ изъ «Русскаго Богатства». Такъ, мы видимъ Скабичевского въ это время членомъ редакціи и сотрудникомъ «Новаго Слова» и «Сына Отечества», изъ которыхъ Кривенко старался сдѣлать органы бывшихъ правовѣрныхъ народниковъ, съ разработкой въ нихъ преимущественно экономическихъ вопросовъ и съ борьбою противъ нарождавшейся въ то время съ такимъ шумомъ плутократіи. Но всѣ эти попытки Кривенка оказывались неблагополучными, скоро лопались, и Скабичевскій снова оставался при однѣхъ «Новостяхъ» и изданіяхъ Павленкова. Отъ времени до времени его небольшія работы появлялись въ «Русской Мысли» редакціи В. А. Гольцева и въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», а также въ «Педагогическомъ Листкѣ» Д. И. Тихомирова, но это сотрудничество въ московскихъ изданіяхъ не могло быть постояннымъ и обезпечивающимъ опредѣленный заработокъ. Около всѣхъ этихъ изданій, въ особенности первыхъ двухъ, толпилось столько народа, алчущаго работы, что петербургскому гастролеру, да еще съ специальными литературными темами, оставалось здѣсь въ теченіе года немного мѣста.

Къ исходу 90-хъ годовъ новая семья Скабичевского перекочевала на постоянное жительство въ Павловскъ, гдѣ А. И. Топоровой была приобрѣтена осѣдность. Старикъ, болѣвшему въ послѣднее время въ столицѣ, хорошо было въ новомъ жильѣ и на свѣжемъ воздухѣ, но этотъ переѣздъ имѣлъ рядомъ съ хорошей и нѣсколько отрицательную сторону. Онъ сталъ чуждъ тѣмъ литературнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ принималъ прежде такое горячее участіе, и по немногу его стали забывать. Все рѣже и рѣже его характерная, тучная фигура, съ распущенными по плечамъ сѣдыми жидковатыми кудрями появлялась на нашихъ заседанияхъ, въ нашихъ собраніяхъ, и прибытіе Скабичевского понемногу начинало казаться на поминанеимъ отошедшей куда-то въ даль былой эпохи. Я помню, какъ одинъ довольно извѣстный публицистъ, увидавъ А. М., съ удивленіемъ сказалъ мнѣ:

— А былъ увѣренъ, что Скабичевскій уже давно скончался и всегда думалъ о немъ, какъ объ явленіи давно прошедшемъ!

Начали понемногу надвигаться на стараго писателя и невзгоды жизни. Сократился сначала заработокъ, потомъ вихрь политическихъ событій 1905 г. разсѣялъ ту молодежь въ его второй семьѣ, къ которой онъ былъ привязанъ; чуть было администрація не сдѣлала и его причастнымъ къ ошибкамъ и грѣхамъ этой молодежи, и ему даже грозила высылка изъ столь полюбившагося ему Павловска, но только вмѣшательство черезъ посредство Е. П. Карпова въ дѣло А. С. Суворина сохранило ему здѣсь пребываніе; наконецъ обрушилась новая бѣда. Душеприказчики Ф. Э. Павленкова, ликвидируя его издательскія предпріятія, сдѣлали учетъ заборамъ Скабичевского. Балансъ оказался нарушеннымъ, заборъ захватилъ собою нѣсколько изданій впередъ, на расходъ которыхъ въ ближайшее время трудно было разсчитывать, и денежные помѣсячныя выдачи были ему прекращены. Положеніе стараго и начавшаго сильно недомогать писателя сдѣлалось критическимъ и пришлось поклониться литературнымъ учрежденіямъ. Первая пришла на выручку «касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ», коей онъ состоялъ учредителемъ и гдѣ онъ по всѣмъ правамъ имѣлъ право на пенсію. Таковая была ему назначена въ 1909 г. въ высшемъ размѣрѣ, по 50 руб. въ мѣсяцъ; засимъ откликнулся Литературный фондъ, коего онъ состоялъ членомъ и первымъ лѣтописцемъ, назначивъ ему ежемѣсячное пособіе въ 25 р., пришелъ на помощь и «фондъ имени императора Николая II» при академіи наукъ, со своей стороны ассигновавшій пособіе въ 25 р. въ мѣсяцъ. Получилась въ итогѣ сумма въ 100 р., на которую надо было жить, лечиться и еще выполнять нѣкоторыя свои обязательства въ отношеніи первой жены. Со смертью послѣдней эта сторона расходовъ сократилась, но выросли новые—на постоянное леченіе, на аптеку, на опредѣленный режимъ. Цѣлый рядъ писемъ ко мнѣ за это время обнаруживаетъ, какъ страдалъ бѣдный старый писатель передъ картиною надвигавшихся бѣдъ. Правда, рука близкой женщины дѣлала все отъ нея зависящее, чтобы любимый человѣкъ не чувствовалъ ни въ чемъ недостатка, и его въ сущности не было, но было наличіе сознанія, что все приходящее является не результатомъ рукъ твоихъ и накопленіемъ изъ прошедшаго заработка, а пособіемъ со стороны. Его нѣкоторыя письма ко мнѣ дышатъ горечью отчаянія, и, читая ихъ, невольно всегда приходилъ на умъ старый стихъ: «братя писатели, въ вашей судьбѣ что-то лежитъ роковое»...

Къ началу нынѣшняго года бюджетъ его удалось повысить до 125 р. въ мѣсяцъ, и когда я прислалъ ему это радостное извѣстіе, онъ съ грустью подъ диктовку отвѣтилъ мнѣ: «этимъ мнѣ уже не удастся воспользоваться—врядъ ли доживу до праздниковъ». Пророчество сбылось: на рубежѣ новаго года небольшая относительно

кучка писателей опустила его брѣнное тѣло въ могилу на Литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища, и новый крестъ обогатилъ собою своеобразный кладбищенскій пантеонъ русской литературы. Отошелъ въ вѣчность послѣдній представитель большой литературной эпохи, вся жизнь котораго прошла въ литературѣ, для литературы и въ ея средѣ. Въ ряду же ея могильныхъ памятниковъ поставленъ и ему крестъ, рядомъ съ недавно скончавшимся его другомъ С. Н. Южаковымъ и любившимъ его Г. З. Елисеевымъ. Жизнь стараго русскаго литератора завершилась обычнымъ концомъ: безработицею, необезпеченностью подъ старость, пособіями и пенсіями изъ литературныхъ организацій и могилой на Волковомъ кладбищѣ...

Б. Глинскій.

ЕВРЕИ ВЪ РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ СЫЩИКОВЪ.

(Изъ давнопрошедшаго).

ВЪ ПЕРВУЮ половину прошлаго вѣка русское правительство, подѣ вліяніемъ революціонныхъ движеній въ Западной Европѣ, зорко слѣдило, чтобы тайные агенты не проникали въ Южную Русь и не волновали населенія. Правительство особенно внимательно слѣдило за этимъ послѣ возстанія въ Польшѣ и во время движенія въ Венгріи, въ 1848 году. Особенно боялись проникновенія агентовъ поляковъ. Черниговскій губернаторъ Гессе въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 года писалъ генералъ-губернатору генералу Кокошкину: «При настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ нельзя утвердительно отвѣчать, чтобы по близости западныхъ губерній не нашлось изъ поляковъ такихъ людей, которые бы не стали искать укрывательства въ слободахъ раскольническихъ и которые не захотѣли бы воспользоваться неудовольствіемъ раскольниковъ противъ принимаемыхъ правительствомъ мѣръ при введеніи правильнаго священства и не стали бы возставлять ихъ къ произведенію безпорядковъ!»¹⁾ При этомъ, надо сказать, губернаторъ оговаривается, что по настоящему поведенію раскольниковъ онъ не имѣлъ даже малѣйшаго повода къ настоящему его заявленію и раскольниковъ онъ считалъ вѣрными престолу и отечеству и если онъ принялъ мѣры, то изъ предосторожности. Онъ поэтому и предписалъ полиціи неослабно наблюдать за

¹⁾ Арх. губ. правл. 1840. № 2117—1.

новыми лицами, появляющимися среди раскольниковъ, и «всматриваться въ намѣренія и дѣйствія таковыхъ лицъ», и если будетъ замѣчено со стороны этихъ лицъ покушеніе къ «произведенію безпорядковъ», то подъ крѣпкимъ карауломъ доставлять ихъ въ Черниговъ. Генералъ-губернаторъ Кокошкинъ побоялся, чтобы полиція не поусердствовала въ этомъ дѣлѣ, и писалъ губернатору: «сдѣланныя вами распоряженія тогда только могутъ достигнуть желаемой цѣли, если будутъ выполнены съ надлежащею осторожностью, добросовѣстностью и умѣніемъ. Почему покорнѣйше прошу ваше превосходительство обратить особенное вниманіе на лицъ, коимъ вы поручили исполненіе помянутыхъ вашихъ указаній, и ближайшимъ образомъ наблюсти, чтобы при этомъ не было допущено какихъ-либо злоупотребленій и чтобы предложенныя вами снисходительныя мѣры въ отношеніи раскольниковъ не были истолкованы превратнымъ образомъ.¹⁾

Напрасны были безпокойства черниговскаго губернатора: агентствъ изъ поляковъ не было. Но сами обыватели, изъ желанія получить награду или по другимъ соображеніямъ, указывали администраціи на появленіе лицъ среди населенія, являвшихся, по ихъ мнѣнію, подозрительными. Такъ поступилъ отставной подполковникъ Константинъ Савичъ, проживавшій въ заштатномъ городѣ Глинскѣ Роменскаго уѣзда. Въ маѣ мѣсяцѣ 1848 года онъ донесъ полтавскому губернатору Ознобишину, что въ Роменскомъ уѣздѣ встрѣчаются люди, «которые въ заблужденіяхъ своихъ претендуютъ на правительство по разнымъ отношеніямъ и высказываютъ какія-то темныя ожиданія, удовлетворительныя для ихъ видовъ». При этомъ онъ сообщаетъ, что земская полиція Глинской волости производила «осмотръ», какъ онъ выразился, проѣзжающихъ неизвѣстныхъ лицъ, и въ это время былъ взятъ подъ присмотръ нѣкто Нечай по подозрѣнію, что онъ «миссіонеръ» французскій или польскій». Этотъ проѣздъ Нечая, по сообщенію подполковника, взволновалъ умы глинскихъ обывателей и, какъ выразился онъ, «оставилъ черную мысль въ заблужденіяхъ, отъ которыхъ могутъ возникнуть важныя послѣдствія». Чтобы во всемъ этомъ удостовѣриться, подполковникъ Савичъ писалъ, что слѣдуетъ отправиться на хуторъ помѣщика Заруднаго, гдѣ 9 мая бываетъ храмовой праздникъ, куда стекается отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ и «гдѣ сокровенные языки выскажутъ свои тайнства». Губернаторъ Ознобишинъ, получивъ эти данныя отъ Савича, поручилъ чиновнику особыхъ порученій Плансону тщательно провѣрить ихъ «секретными дѣйствіями», которыя можетъ указать благоразумная осторожность. При этомъ губернаторъ предписалъ ему не «увлекаться невѣрными и не имѣющими достаточныхъ основаній сомнѣніями, могущими относиться

¹⁾ Арх. губ. правл. 1848. № 223.

къ стѣсненію невинныхъ». Плансонъ, находившійся по дѣламъ службы въ Ромнахъ, отправился въ Глинскъ, къ подполковнику Савичу, у котораго и прожилъ три дня. Съ цѣлью же разузнать среди народа, что его волнуетъ и какія это онъ ожидаетъ «удовлетворительные виды для себя», Плансонъ пригласилъ изъ Полтавы еврея Розенберга, который ему извѣстенъ былъ своею честностью, а послѣдній взялъ съ собой и товарища по торговлѣ, еврея Звенигородскаго, и ихъ-то Плансонъ и отправилъ, въ качествѣ тайныхъ агентовъ, разузнать среди народа о причинахъ волненія... Розенбергъ счелъ долгомъ прежде всего посѣтить волостное правленіе, куда и явился 8 мая; здѣсь онъ засталъ только волостного писаря, казака Ярна.

— Что у васъ здѣсь слышно?—спрашиваетъ у Ярна Розенбергъ.

— Все благополучно,—отвѣчаетъ Ярно.

— А у насъ хорошее и притомъ новое,—говоритъ Розенбергъ.— Въ Пет рбургѣ былъ бунтъ, о чемъ читалъ я въ газетахъ.

Далѣе онъ началъ распространяться о «стѣсненіи быта народа, въ особенности евреевъ».

— И зачѣмъ жить у русскаго царя,—продолжалъ онъ:—лучше быть вольнымъ, нежели жить подъ игомъ царя...

— Какъ же это сдѣлать?—спрашиваетъ у еврея Ярно.

— Да такъ, не хотимъ царя слушать, мы сдѣлаемъ свое правительство.

При этомъ онъ добавилъ, что Кіевская губернія вся къ этому склонна, да и большая часть Малороссіи...

Послѣ этого разговора Розенбергъ ушелъ... На другой день казакъ Ярно пригласилъ пять человѣкъ въ качествѣ свидѣтелей и, помѣстивъ ихъ за перегородкой въ волостномъ правленіи, послалъ за этими евреями. Первымъ пришелъ Розенбергъ, а затѣмъ и Звенигородскій.

Казакъ Ярно теперь самъ заводитъ рѣчь и начинаетъ его разспрашивать о бунтѣ. Но еврей Розенбергъ заявилъ: «говоренное нами вчера пустое». Но Ярно все-таки старается его навести на тему вчерашняго разговора.

— Какъ же идетъ бунтъ?—желаетъ знать казакъ Ярно.

— Ходъ хорошій,—говоритъ Розенбергъ:—не лучше ли пользоваться свободою, чѣмъ жить у русскаго царя; Кіевская губернія вся къ этому склонна и большая часть Малороссіи, кромѣ Россіи, гдѣ чѣмъ-то свободнѣе людямъ...

Ярно замѣтилъ ему, что изъ всего этого могутъ произойти дурныя послѣдствія, что народъ не будетъ на то согласенъ и свобода будетъ не больше, какъ на одинъ день...

— Не бойтесь, вы вѣдь знаете, что нѣтъ ничего дороже человѣку свободы, хотя на одинъ день, что въ древнія времена княжества были малыя, да свободно жили люди.

— А какъ насчетъ помѣщиковъ?—спрашиваетъ Ярно.

— Ихъ много согласныхъ есть...

Въ это время скрытые пять свидѣтелей ворвались въ комнату и крикнули на нихъ: «вы бунтовщики, васъ въ Сибирь!..»

— Намъ Сибирь не страшна,—сказалъ еврей Розенбергъ, сознавая, что этого не будетъ, такъ какъ они посланы чиновникомъ особыхъ порученій, который надѣялся, что они при своей ловкости могутъ разузнать отъ народа, что онъ ждетъ отъ правительства.

Но, конечно, онъ ошибся; еврей, несомнѣнно, взялись не за свое дѣло. Ихъ тутъ же въ волостномъ правленіи арестовали и обыскали. Ничего, конечно, не нашли, но привлекли все-таки къ отвѣтственности. Уже самъ Плансонъ писалъ губернатору и выяснилъ, что эти евреи имъ посланы въ Глинскъ и въ имѣніе Заруднаго. Дѣло это окончилось полнымъ ихъ оправданіемъ, но о немъ было доведено до свѣдѣнія министра юстиціи, доложившаго объ этомъ и государю. Императоръ Николай I повелѣлъ сообщить губернатору, что чиновники, посылаемые для разысканія, не должны употреблять подобныхъ средствъ, а тѣмъ болѣе выбирать въ сотрудники людей, неспособныхъ къ этому, и черезъ нихъ вовлекать жителей въ «преступные разговоры». Казаку же Ярно повелѣно выдать денежное вознагражденіе, какъ «поступившему съ полною ревностью и расторопностью»¹⁾!

И. Ф. Павловскій.

¹⁾ Арх. губ. правл. 1848. № 231. св. 1 .

РУССКІЕ УЧЕНЫЕ ВЪ ПЕРСИИ ¹⁾.

ВЪ НАЧАЛѢ 1896 года въ Москвѣ была задумана графомъ А. А. Бобринскимъ и приватъ-доцентомъ мѣстнаго университета Н. В. Богоявленскимъ (зоологъ) научная экспедиція съ этнографическими и зоологическими цѣлями. Первоначальный маршрутъ ея былъ таковъ: чрезъ Константинополь въ Бейрутъ; коснуться сѣверной Аравіи, продвигаясь къ Персидскому заливу; затѣмъ Багдадъ, Шератикъ и черезъ Персію вернуться обратно въ Россію. На все это ассигновано было времени около года.

Снаряженіе экспедиціи, въ томъ числѣ снабженіе ея весьма цѣнными аппаратами и пр., графъ Бобринскій принялъ на свой счетъ. Русское императорское географическое общество было подробно освѣдомлено объ экспедиціи и заинтересовалось ею. Оно санкціонировало предпріятіе, снабдило руководителей официальными рекомендаціями къ надлежащимъ русскимъ властямъ за границей и заблаговременно письменно (официально) просило русское посольство въ Константинополь оказать возможное содѣйствіе путешественникамъ въ видахъ наилучшаго достиженія ихъ научныхъ цѣлей.

Выѣхали графъ Бобринскій и Н. В. Богоявленскій изъ Одессы въ мартѣ 1896 года на пароходѣ. Въ Константинополь они должны

¹⁾ Предлагаемый эпизодъ сообщенъ автору приватъ-доцентомъ московскаго университета Николаемъ Васильевичемъ Богоявленскимъ, который много путешествовалъ по Востоку и по собственной инициативѣ, и какъ членъ ученыхъ экспедицій. Онъ былъ два раза на Памирахъ, объѣхалъ Индію, Аравію, Египетъ, Нубію, побережья Средиземнаго моря и проч.

были остановиться; сами они сошли на берегъ, но свой драгоценный—научно громоздкій—багажъ оставили временно на пароходѣ, не слѣша перегружать на берегъ и предъявлять его турецкой таможнѣ.

Графъ Бобринскій явился къ послу, дѣйствительному тайному совѣтнику А. Н. Нелидову, просить его содѣйствія и рекомендаціи для дальнѣйшаго движенія экспедиціи на Бейрутъ въ Сирію и т. д., согласно отправленнаго къ нему ранѣ сообщенія императорскаго русскаго географическаго общества. Но, къ своему изумленію, путешественники получили отъ посла рѣшительный отказъ, который мотивировался такъ: въ Сиріи неспокойно; тамъ идутъ вооруженныя распри между воинственными племенами друзовъ. Враждебныя дѣйствія друзовъ, по мнѣнію посольства, настолько обострены, что представитель Россіи не можетъ ручаться за безопасность экспедиціи, а, слѣдовательно, и не считаетъ себя въ правѣ оказывать ей официальное содѣйствіе, ибо оно въ лучшемъ случаѣ (по его мнѣнію) могло бы оказаться безплоднымъ. Однако посолъ заявилъ, что онъ не будетъ задерживать экспедиціи, если вожаки ея непременно желаютъ двигаться впередъ, но въ такомъ случаѣ ставитъ условіе *sine qua non*: они должны придать путешествію вполне частный характеръ; продвигаться «за свой собственный страхъ и рискъ», не пользуясь никакимъ покровительствомъ ни константинопольскаго посольства, ни другихъ русскихъ властей, ни даже санкціей императорскаго русскаго географическаго общества, дабы и послѣднее не подвергалось риску быть скомпрометированнымъ.

Представляли ли въ данный моментъ друзскія волненія (имѣющія испоконъ вѣка хроническій характеръ) что-либо особенно опасное—выяснено не было. Также оставалось не выясненнымъ, почему русское посольство при Оттоманской Портѣ не извѣстило императорское русское географическое общество о препятствіи ранѣ отъѣзда экскурсіи изъ Россіи. По расчету, оно имѣло на то время и могло бы предупредить большія для послѣдней неудобства и убытки, не только матеріальные, но и научные.

Во всякомъ случаѣ положеніе руководителей было настолько затруднительно, что они рѣшились измѣнить маршрутъ. А именно: возвратиться въ Россію на пароходѣ; прослѣдовать до границъ Персіи; затѣмъ черезъ Тегеранъ и южную Персію выйти къ Персидскому заливу, а оттуда уже направиться къ Бейруту. Они имѣли основаніе надѣяться, что къ тому времени, когда они доберутся до Сиріи симъ окольнымъ путемъ, острая опасность тамъ—если она дѣйствительно существовала—исчезнетъ. Конечно, такое измѣненіе программы влекло за собой большую потерю времени и крупные непредвидѣнные расходы. Главное же неудобство представлялъ экспедиціонный багажъ. Онъ, какъ мы уже сказали, былъ привезенъ въ Константинополь, но, къ счастью, не былъ еще свезенъ съ паро-

хода на берегъ и, слѣдовательно, таможенныя пошлины за него не были уплачены. Тѣмъ не менѣе можно было опасаться, что когда его привезутъ обратно въ Россію, то русская таможня не пропустить его даромъ.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи русскій посолье любезно предложилъ свои услуги. Онъ выдалъ графу Бобринскому свидѣтельство (адресованное въ севастопольскую таможню) въ томъ, что данный багажъ, будучи привезенъ изъ Россіи въ Турцію, властями послѣдней не былъ даже осматрѣнъ и возвращается на родину въ дѣвственномъ, съ таможенной точки зрѣнія, состояніи. Слѣдовательно, оплатѣ русскими пошлинами и даже осмотру подлежать не можетъ. Однако (потому ли, что такое указаніе не входило въ юридическую компетентность дипломатическаго представителя Россіи, или по какой иной причинѣ) по прибытіи экспедиціи въ Севастополь свидѣтельство посольства на русское таможенное начальство никакого впечатлѣнія не произвело. Багажъ былъ все-таки осматрѣнъ, хотя весьма снисходительно, поверхностно, и главное—пошлинъ съ него ни гроша не взыскали. Очень можетъ быть, что это зависѣло единственно отъ личнаго взгляда начальства данного пункта ¹⁾.

Какъ бы то ни было, графъ Бобринскій и Н. В. Богоявленскій со спутниками и багажомъ добрались, болѣе или менѣе благополучно до Тегерана. Но здѣсь ихъ благополучію былъ положенъ предѣлъ во всѣхъ отношеніяхъ неожиданный. Они прибыли въ столицу Персіи въ тотъ самый день, когда былъ убитъ шахъ Насръ-Эддинъ.

Настроеніе столичнаго (а по слухамъ и провинціального) населенія было смутное, тревожное, вспыхивали волненія, покуда, впрочемъ, не особенно значительныя. Можно, однако, было опасаться (и компетентныя лица опасались) развитія въ самомъ близкомъ будущемъ массоваго движенія около Тегерана. Собственно, не столько трагическая кончина Насръ-Эддина непосредственно обусловливала эти опасенія, сколько внезапно возникшая, быстро возрастающая дороговизна съѣстныхъ припасовъ первой необходимости въ столицѣ. Вздорожанію не предвидѣлось предѣловъ, оно же, въ свою очередь, вызывалось тревожнымъ настроеніемъ населенія окружающихъ Тегеранъ провинцій, вслѣдствіе усилившейся дѣятельности разбойниковъ, которые воспользовались критическимъ моментомъ для властей и государства. Они работали и въ обыкновенное время по большимъ дорогамъ, по которымъ подвозились съѣстные припасы въ столицу, особенно по тѣмъ, которыя вели въ Тегеранъ отъ русской границы (Рештъ), потому что по этимъ дорогамъ провозилась значительная часть провіанта.

¹⁾ Для краткости мы опускаемъ рядъ характерныхъ фактовъ, подтверждающихъ такую догадку о произволѣ мелкаго таможнаго начальства не только въ Севастополѣ, но и въ другихъ пунктахъ слѣдованія экспедиціи по Россіи.

Благодаря, однако, энергіи и смѣтливости русскаго полковника Коссаговекаго, состоявшаго тогда инструкторомъ казачьей бригады шаха (онъ представлялъ довольно разностороннюю и нешуточную власть въ ближайшихъ провинціяхъ), подвозъ продовольствія былъ постепенно возстановленъ, и цѣны на него понижены. Коссаговскій для достиженія этой цѣли вошелъ, какъ полагали, въ соглашеніе съ наиболѣе вліятельными грабителями, работавшими на упомянутыхъ дорогахъ, обѣщая за ихъ воздержаніе значительную сумму денегъ, которая, по всей вѣроятности, покрывала бы недочеты, обусловливаемые бездѣйствіемъ.

Несмотря, однако, на эти и другія болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры, направленныя къ успокоенію страны, время ушло, а волненія въ провинціяхъ еще не вполне прекратились. Мѣсяць уже сидѣли въ Тегеранѣ наши странники, ибо сами признавали опасность дальнѣйшаго передвиженія. Это сознаніе одобрялось мѣстнымъ русскимъ представителемъ.

Конечно, они не теряли времени, собирали разныя свѣдѣнія, могущія имъ пригодиться и научно и практически въ близкомъ будущемъ. Только знакомиться съ Персіей, сидя въ Тегеранѣ подъ сѣнью русской миссіи, во главѣ которой стоялъ тогда тайный совѣтникъ баронъ фонъ-Бюцовъ, было не легко. Ни графъ Бобринскій, ни Н. В. Богоявленскій по-персидски не знали. Въ составѣ русской миссіи было только одно лицо (если не считать драгомана, самое существованіе котораго обусловливается знаніемъ мѣстнаго языка), а именно г-нъ Батюшковъ, дѣйствительно знатокъ мѣстнаго языка, любовно и толково занимавшійся изученіемъ Персіи. Впослѣдствіи онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» замѣчательную по правдивости и содержательности статью объ этомъ государствѣ. Но русскіе ученые стѣснялись злоупотреблять его любезностью, отрывать его отъ занятій. Правда, въ нѣкоторыхъ миссіяхъ другихъ европейскихъ государствъ были непочатые углы знатоковъ и языка и страны вообще. Напримѣръ, въ германской всѣ служащіе говорили по-персидски. Но по понятнымъ причинамъ русскіе путешественники избѣгали обращаться къ нимъ. Въ русской миссіи не имѣлось даже самыхъ необходимыхъ географическихъ и торговыхъ свѣдѣній. Тамъ, напримѣръ, нельзя было узнать толкомъ о расписаніи пароходныхъ рейсовъ по Персидскому заливу, что, между прочимъ; прямо стѣсняло всѣхъ русскихъ путешественниковъ и особенно промышленниковъ, заинтересованныхъ торговлей жемчугомъ, который добывается въ заливѣ и привозится въ Борхаймъ, какъ въ центральный рынокъ этого товара. Миссія вообще имѣла весьма смутныя понятія о путяхъ сообщенія; и по этой части проявлялись курьезные промахи, невыгодные для нея самой.

За весь мѣсяць тегеранскаго сидѣнія руководители экспедиціи не пытались даже ходатайствовать въ миссіи о ея содѣйствіи ихъ

дальнѣйшему передвиженію. Въ виду осторожности барона фонъ-Бюцова всякое обращеніе къ нему по этому предмету было бы бесполезно. Однако имъ представилась неожиданно надежда обойтись безъ содѣйствія миссіи, и они съ радостью ухватились за эту надежду. А именно:

Въ составъ Персидскаго государства входятъ, между прочимъ, нѣкоторыя провинціи, внѣшне и официально спаянныя съ владѣніемъ шаха, но спаянныя весьма поверхностно и доселѣ еще не примирившіяся съ утратой своей древней національной самостоятельности. Изъ нихъ наиболѣе опасна провинція, которая населена бахтіарами. Бахтіары считаютъ себя потомками великихъ бактіанъ, исконныхъ обитателей и въ извѣстной степени властителей страны. Это народъ воинственный, храбрый, лихой, энергичный, никогда не расстающійся съ оружіемъ. Кромѣ того, большинство ихъ отъ природы весьма умны и симпатичны своей развитостью и нравами. Персидскіе шахи очень осторожно обращаются съ ними: избѣгаютъ рѣзкихъ столкновеній, но не забываютъ держать камень за пазухой. Между прочимъ шахъ имѣлъ постоянно въ персидской столицѣ какъ бы гостемъ, но въ сущности заложникомъ, одного изъ близкихъ родственниковъ бахтіарскаго хана (почти неограниченнаго правителя своей области). Этотъ заложникъ жилъ въ описываемое нами время въ столицѣ на свободѣ, имѣлъ около десятка своихъ тѣлохранителей земляковъ, такъ же, какъ и онъ самъ, превосходно вооруженныхъ съ головы до ногъ. Во время пребыванія въ Тегеранѣ графа А. А. Бобринскаго и Н. В. Богоявленскаго такимъ заложникомъ являлся родной братъ бахтіарскаго хана, умный и пріятный въ обращеніи человекъ. Онъ познакомился съ нашими путешественниками, произвелъ на нихъ пріятное впечатлѣніе, сообщилъ имъ много свѣдѣній. Вскорѣ между ними завязались откровенныя дружескія отношенія, и онъ предложилъ помочь ихъ бѣдѣ.

Черезъ мѣсяць волненія въ провинціяхъ, по которымъ лежалъ ихъ путь къ Персидскому заливу, настолько ослабѣли, что не представляли, по мнѣнію ученыхъ, серьезной опасности. Только въ области Лури (по которой русскимъ необходимо было сдѣлать два перехода) населеніе было еще настроено довольно буйно. Но область Лури лежала бокъ о бокъ съ владѣніями хана бахтіарскаго и находилась подъ мощнымъ его вліяніемъ. Черезъ посредство своего брата ханъ предложилъ руководителямъ экспедиціи свои услуги: рекомендаціи къ главарямъ лурійскаго населенія, а на всякій случай и конвой своихъ бахтіаръ (въ числѣ 8 или 10 человекъ) на переходы по Лурійской области.

Графъ Бобринскій и Н. В. Богоявленскій не были новичками по части путешествій на востокъ. Они знали по предыдущимъ опытамъ, что подобныя рекомендаціи и вообще покровительство вліятельныхъ туземцевъ едва ли не полезнѣе и не вѣрнѣе документовъ

отъ официальныхъ властей. Они имѣли основаніе вполне довѣряться бахтіарскому хану и его брату и приняли предложеніе, разумѣется, рѣшивъ продолжать путешествіе на свой «личный страхъ и рискъ», независимо отъ всякихъ официальныхъ покровительствъ, даже не пользуясь документами императорскаго русскаго географическаго общества.

Впрочемъ, иначе они и не могли поступить, зная, что баронъ фонъ-Бюцовъ ни за какія блага въ мірѣ не согласится ихъ выпустить (по крайней мѣрѣ еще весьма продолжительное время) изъ Тегерана, если бы на немъ оставалась хоть тѣнь отвѣтственности за безопасность научной русскаго экспедиціи. Сообщить лично фонъ-Бюцову о принятомъ рѣшеніи выпало на долю Н. В. Богоявленскаго. Онъ былъ принятъ весьма любезно русскимъ представителемъ, который оставался вполне любезнымъ и корректнымъ, покуда передъ нимъ не выяснилась суть рѣшенія ученыхъ. Узнавъ же объ ихъ рѣшеніи, онъ совсѣмъ измѣнилъ тонъ, запальчиво доказывалъ, что довѣряться какимъ-то дикарямъ нелѣпо, что это совершенное безуміе со стороны Н. В. Богоявленскаго и графа Бобринскаго; увѣрялъ, что имъ грозитъ неминуемая гибель. Напрасно Н. В. старался выяснить основательность рѣшенія. Баронъ фонъ-Бюцовъ ничему не внималъ. Убѣдясь же, что оба руководителя научнаго предпріятія безповоротнo рѣшили двинуться въ путь, онъ наложилъ на ихъ намѣреніе свое—тоже безповоротное—вето. Онъ заявилъ, что въ силу инструкціи русскаго правительства онъ вышлетъ гр. Бобринскаго и его товарища за границу Персіи, въ предѣлы Россіи административнымъ порядкомъ, проще говоря—по этапу.

Сила соломѣ ломить. Наши путешественники не могли не считаться съ такой альтернативой. Научныя цѣли экспедиціи остались даже не затронутыми; пропали даромъ время двухъ ревностныхъ ученыхъ и тысячи рублей, затраченныхъ графомъ Бобринскимъ на снаряженіе...

Конечно, и константинопольское посольство и тегеранская миссія постушили вполне bona fide. Хотя, съ другой стороны, возможно было предполагать, что они сами были неудовлетворительно освѣдомлены, что волненія въ Сиріи и даже въ Персіи не представляли ничего опаснаго для нашихъ ученыхъ.

Н. Н. Фирсовъ (А. Рускинъ).

ВЕЛИКАЯ ГОДОВЩИНА.

(19 февраля 1861—1911 гг.).

ВЪ ФЕВРАЛѢ текущаго года исполняется знаменательная годовщина пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ, того великаго историческаго событія, которое нашъ гениальный поэтъ еще въ началѣ XIX столѣтія такъ страстно желалъ видѣть осуществленнымъ, когда восклицалъ:

Увижу ли, друзья, народъ освобожденный
И рабство, павшее по манію царя?
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря?..

19 февраля 1861 года надежды А. С. Пушкина до известной степени сбылись и, по выраженію А. С. Хомякова, «клепальная игла рабства» Россія была призвана ея верховнымъ вождемъ къ новой жизни, гдѣ съ нея смывалось былое позорное пятно и она съ Божіимъ благословеніемъ призывалась на «свободный трудъ», въ коемъ усматривался залогъ «домашняго благополучія» ея миллионнаго населенія и «благообщественное» всей нашей родины. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совершилось то, о чемъ мечтали лучшіе русскіе умы въ теченіе многихъ и многихъ годовъ, къ чему со страхомъ и трепетомъ подступали въ перѣшительности законодатели, что имѣетъ свой длинный, слезами и кровью политый путь и что, въ концѣ концовъ, осуществилось такъ, какъ то предвидѣлъ гениальный поэтъ—«по манію царя», не

смотря на всю оказанную ему въ этомъ великомъ его движеніи сердца оппозицію со стороны многихъ ближнихъ, со стороны многихъ сотрудниковъ по управленію, со стороны большинства вѣрноподданныхъ рабовладѣльцевъ. Великій историческій моментъ надвинулся тихо, спокойно, эпически, развернулся безъ всякихъ потрясающихъ драмъ, которыхъ на самомъ дѣлѣ съ тревогою ожидали и наши западные сосѣди, и многіе отечественные дѣятели, и разрѣшился законодательнымъ актомъ, раздѣлившимъ исторію Россіи на два періода—дореформенный, крѣпостнический, и пореформенный, въ кругу котораго мы и встрѣчаемъ нынѣ наступающую знаменательную годовщину.

При всей грандіозности проведенія реформы въ томъ видѣ, какъ ее издавна еще намѣчали лучшія силы родины,—съ надѣленіемъ крестьянства землею, реформа все же вышла изъ рукъ законодателя далеко не совершенною и не устроившею русскую жизнь ни къ окончательному благополучію фундамента Россіи—крестьянства, ни давшю обществу ожидаемаго имъ блага. Противу первоначальной воли законодателя пришлось сдѣлать значительныя уступки правящимъ сферамъ и привилегированнымъ классамъ и... историческій путь жизни нашей родины оказался вслѣдствіе сего сильно поврежденнымъ и далеко нетвердымъ въ своей экономической загрузкѣ. Послѣдняя скоро дала трещины, стала расплзаться, и призракъ сельскаго оскуднѣнія сталъ у порога обновленной жизни, какъ реальный фактъ. Отсюда послѣдовали многія дальнѣйшія бѣды, поставившія Россію въ разрядъ бѣдныхъ странъ съ малоземельнымъ населеніемъ, источеннымъ непосильными налогами, и съ отсутствіемъ средствъ къ безбѣдному существованію. Нелегка оказалась и участь класса освободителей: дворянское помѣстное оскуднѣніе тоже стало скоро фактомъ непреложнымъ; и оба эти явленія, обѣднѣлое дворянство и крестьянство, какъ реальныя явленія государственной жизни Россіи, поставили послѣдующему времени такія законодательныя задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ оно трудится и понынѣ, съ надеждой на обрѣтеніе въ концѣ концовъ вѣрныхъ средствъ врачеванья общихъ экономическихъ недуговъ. Въ нашихъ историческихъ очеркахъ, посвященныхъ обзорѣнію всего хода великой реформы, мы достаточно говорили на эту тему и не считаемъ нужнымъ здѣсь возвращаться къ сказанному. Интересующихся и незнакомыхъ съ этой стороной отечественной жизни отсылаемъ къ части очерковъ подъ заглавіемъ «Эпоха реформъ» («Истор. Вѣстн.» 1908 г.).

Не дала великая реформа и того блага обществу, котораго оно такъ домогалось и о которомъ на зарѣ реформы мечтало. Великая крестьянская реформа была проведена частично, сама по себѣ, безъ своевременнаго видоизмѣненія того политическаго и государственнаго строя, которое было необходимо. Вино новое было влито въ мѣха старые, и, несмотря на то, что въ государственномъ орга-

низмъ были вслѣдъ за симъ сдѣланы нѣкоторыя, правда, существенныя, но все же частичныя нововведенія и послѣдовавшія реформы внесли въ русскую жизнь струю новизны, эти реформы все же органически не переродили русской государственной жизни, и старый полицейско-бюрократическій режимъ продолжалъ тяготѣть подъ историческимъ бытіемъ Россіи. Все было дѣлаемо частично, внѣ гармонической и органической связи одного съ другимъ —

Императоръ Александръ Николаевичъ.

отсюда отсутствіе желаннаго «блага» въ полномъ его объемѣ и отсюда всѣ государственныя, политическія и общественныя треніи послѣдующихъ десятилѣтій вплоть до великаго акта 17 октября 1905 г., который какъ бы вѣнчаетъ то государственное зданіе, къ обновленію котораго было приступлено почти 50 лѣтъ тому назадъ. Къ чему приступилъ при очень трудныхъ обстоятельствахъ по личной волѣ царь-освободитель, нынѣ доканчиваетъ

благополучно здравствующий его внукъ. Царствованія Александра II и Николая II такимъ образомъ приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе, являюся какъ бы взаимнодополняющими и логически вытекающими одно изъ другого. Всякое строительство исторической жизни народовъ протекаетъ труднымъ процессомъ, путемъ тернистымъ, путемъ борьбы, путемъ опытовъ, путемъ разочарованій, путемъ заимствованій изъ исторической наличности другихъ народовъ. Такъ шла и такъ идетъ Россія въ ея поступательномъ движеніи къ лучшему будущему, въ которое нельзя не вѣрить. У нея имѣются нынѣ путеводныя звѣзды, озаряющія ея историческій путь, звѣзды, которыя ярко горятъ на ея историческомъ небосклонѣ, то-звѣзда 19 февраля 1861 года и звѣзда 17 октября 1905 г. Если отъ времени до времени свѣтъ этихъ звѣздъ меркнетъ и лучи ихъ въ своемъ паденіи не сливаются, то будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда это сбудется и вся жизнь Россіи освѣтится нужнымъ ей ровнымъ свѣтомъ, гдѣ не будетъ перерывовъ въ освѣщеніи и гдѣ тучамъ и непогодамъ не останется мѣста.

Не трудно, конечно, въ приближающійся великій день поставить на историческій счетъ былымъ, отошедшимъ въ вѣчность дѣятелямъ Россіи и ея настоящимъ вершителямъ судьбы всѣ ихъ промахи, неудачи, ошибки. Гдѣ ихъ въ исторіи и у историческихъ дѣятелей нѣтъ? Мы не возмутимъ плачемъ и причитаніемъ быть можетъ, тоскующія тѣни отошедшихъ въ вѣчность, какъ не будемъ лишать бодрости современныхъ намъ живыхъ работниковъ и скажемъ, глядя на обѣ наши указанныя историческія звѣзды, вмѣстѣ съ И. С. Аксаковымъ:

Пусть почіють мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все простить имъ безъ расчета
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ.
Людымъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Великодушный и добрый Император Александр
Александрович Император Всероссийский Самодержавный
вместе с Предвостановительным Советом Высочайше
объявляет Высочайшим Указом 19го Февраля 1861 г.

С. Александрович

Перо, которым Император Александр II подписал манифест об освобождении крестьян.

Да, «пусть почиют мирно гробы тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!» пусть они почиютъ, но и будетъ имъ память вѣчная, и на обязанности писателя лежитъ прежде всего сказать эту память вѣчную тѣмъ своимъ былымъ собратьямъ по перу, которые, начиная отъ Радищева и вплоть до Герцена, несли свой трудъ и свои страданія къ прозрѣнію исторической звѣзды 19 февраля 1861 г. Длинень этотъ списокъ, настолько длинень, что онъ заполонилъ собою русскую литературу и превратилъ ее въ литературу, подчиненную великому историческому событію освобожденія. Длинень былъ и послѣдующій литературный списокъ, упирающійся въ своей освободительной работѣ въ день 17 октября 1905 г. Почившимъ въ этомъ списокѣ, также «память вѣчная», живущимъ и устоявшимъ слава и привѣтъ! Но, помянувъ въ своемъ домашнемъ, такъ сказать, поминовеніи родныхъ и близкихъ, мы уже въ согласіи со всемъ русскимъ народомъ несемъ съ своей вѣчной памятью къ тому, кто явился камнемъ, на коемъ созиждилось освобожденіе 1861 г., — къ царю-освободителю, подписавшему своимъ историческимъ перомъ, которое мы при семъ воспроизводимъ, актъ 19 февраля и назвавшему день провозглашенія манифеста «лучшимъ днемъ своей жизни». Онъ выполнилъ завѣтъ своего наставника, привѣтствовавшего его рожденіе словами: «да на чредѣ высокой не забудеть святѣйшаго изъ званій человѣкъ». Когда-то Герценъ, въ 9 № «Колокола» за 1858 г., писалъ: «Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; если бъ его царствованіе завтра окончилось, если бъ онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ—все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано, грядущія поколѣнія этого не забудутъ!» Неблагодарное забвеніе есть великій грѣхъ исторіи, и нынѣ, передъ памятью царя-освободителя, мы менѣе всего хотѣли бы впасть въ этотъ грѣхъ, почему, воспроизводя здѣсь драгоценный образъ того, кому милліоны людей оказались обязанными своей свободой, мы приводимъ и прекрасную его общую характеристику, сдѣланную покойнымъ историкомъ С. С. Татищевымъ, которую читатели найдутъ въ «послѣсловіи» 2-го изданія его жизнеописанія Александра II. Здѣсь историкъ говоритъ: «Въ манифестѣ, возвѣщавшемъ о вступленіи его на прародительскій престолъ, государь Александръ Николаевичъ выразилъ твердую рѣшимость быть исполнителемъ державныхъ завѣтовъ на благо Россіи предшественниковъ своихъ: Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и высокочтимаго и нѣжно любимаго имъ незабвеннаго отца. Подобно имъ, служеніе отечеству вмѣнялъ онъ себѣ въ священной долгъ, всѣхъ своихъ подданныхъ обнималъ отеческою царскою любовью и царственную дѣятельность свою—выражаясь собственными его словами—почиталъ за «высокій жребій, чрезъ теченіе событій поданный ему рукою Провидѣнія!»

«Съмена правды и добра, вложенныя въ его отзывчивую душу людьми, призванными на дѣло его воспитанія, въ особенности Жуковскимъ, разрослись въ ней пышнымъ цвѣтомъ. Возвышенному идеалу человѣчности онъ остался вѣренъ до конца, полагая свою задачу въ томъ, чтобы,— снова приводимъ его слова,—«видѣть народъ свой счастливымъ, просвѣщеннымъ свѣтомъ христіанской истины и охраняемымъ въ своемъ развитіи твердыми законами и ненарушимымъ правосудіемъ». Двадцатилѣтнее царствование его было непрерывнымъ стремленіемъ къ осуществленію этой задачи.

«Великими внутренними преобразованіями, вдохнувшими въ Россію новую жизнь, Александръ Николаевичъ оправдалъ историческое міросозерцаніе русскаго народа, исконную вѣру его въ самодержавіе. Во внѣшней политикѣ онъ смѣлѣе и дальше всѣхъ своихъ предшественниковъ повелъ Россію по пути ея всемірно-историческаго призванія, освободивъ отъ мусульманскаго ига соплеменные и единовѣрные ей христіанскіе народы европейскаго Востока, распространивъ въ глубь Азіи просвѣщеніе и гражданственность съ расширеніемъ предѣловъ Богомъ ввѣренной ему державы до Восточнаго океана и подножія Гималайскаго хребта.

«Конечно, не всѣ его благія начинанія увѣнчались успѣхомъ. Причины тому—независимо отъ несовершенства, вообще присущаго человѣческой природѣ,—промахи, ошибки, заблужденія, увлеченія, страсти совѣтниковъ и сотрудниковъ императора, не всегда точныхъ исполнителей его державной воли, а также неподготовленность русскаго общества къ воспріятію дарованныхъ ему щедрою царскою рукою гражданскихъ правъ и къ законномѣрному пользованію ими. Вотъ чѣмъ, на нашъ взглядъ, объясняются какъ внутренніе, такъ и внѣшніе недочеты царствованія Александра II и самый его трагическій конецъ. Къ сожалѣнію, благодушный государь, быть можетъ, слишкомъ часто внушенія разума подчинялъ влеченію чувства.

«Исторія не вмѣнитъ ему этого въ вину, потому что нѣтъ въ мірѣ большаго величія, «какъ величіе нравственное». Императоръ Александръ II палъ жертвою своего доброжелательства, своего довѣрія къ людямъ, своихъ человѣколюбія и кротости. Но послѣдующія поколѣнія уже пожинаютъ плоды его царственныхъ трудовъ и подвиговъ. Милліоны не однихъ только русскихъ людей, но и родственныхъ имъ по вѣрѣ и происхожденію зарубежныхъ народовъ свято и благоговѣнно чтутъ дорогую имъ память Царя-Освободителя.

«Воистину Александръ II былъ для Россіи тотъ «добрый пастырь», который, по слову Христа, «душу свою полагаетъ за овцы».

Памяти этого царственнаго «добраго пастыря» будетъ молиться въ день 19 февраля сего года вся свободная Россія и вмѣстѣ съ

тѣмъ, упомянувъ его въ своемъ моленіи, не забудеть и именъ тѣхъ его главнѣйшихъ сотрудниковъ, благодаря которымъ осуществилась великая крестьянская реформа. Почти всѣ они отошли также нынѣ въ вѣчность, вписавъ свои имена въ освободительную лѣтопись отечественной жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что настанетъ день, когда всѣмъ имъ, стоящимъ вокругъ своего державнаго вождя, благодарная Россія сумѣетъ возвести и вещественный памятникъ, свидѣтельствующій о добрыхъ чувствахъ благодарныхъ поколѣній. Послѣ памятника тысячелѣтія Россіи такой новый памятникъ будетъ всего лучше символизировать новѣйшій періодъ отечественной жизни, гдѣ на очередь историческаго рѣшенія былъ поставленъ вопросъ о самомъ дорогомъ для всякаго человѣка—о свободѣ.

Мы въ послѣдніе два года отпраздновали рядъ историческихъ юбилеевъ, гдѣ воздали должное имени великаго преобразователя Россіи—Петра Великаго. Нынѣ мы стоимъ въ преддверіи новаго юбилея—крестьянскаго, юбилея незавоевательнаго съ его грохотомъ и шумомъ орудій, а мирнаго, свѣтлаго и радостнаго, на коемъ почіетъ печать любви. Пожелаемъ же, чтобы этотъ знаменательный день въ жизни русскаго народа принесъ ему наибольшую сумму радостей, среди которыхъ дѣйствительно можно было бы воскликнуть:

Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Пусть ожидаемыя радости, какъ и событіе 19 февраля 1861 г. и событіе 17 октября 1905 г., достанутся ему также «по манію царя», и чтобы этимъ вся полнота благопожеланій великаго поэта была исчерпана: чтобы «надъ отечествомъ свободы просвѣщенной» взошла во всемъ ея блескѣ и расцвѣтѣ «жизненная заря», которая пока только еще брезжить на нашемъ небосклонѣ. Пусть расцвѣтъ этой зари не броситъ на землю багроваго отсвѣта, а пусть въ ея золотыхъ лучахъ русскіе люди обрѣтутъ столь нужный имъ нынѣ «миръ и благоволеніе», по которымъ такъ изныло русское сердце.

ПЪШКОМЪ ПО КАВКАЗУ ¹⁾,

(Лѣтняя экскурсія 1909 г.).

IV.

Отъ Гулетъ до Крестоваго перевала.

Башня Тамары.—«Кавказскія ворота».—Станція и гора «Казбекъ».—Грузинскій писатель Александръ Казбекъ.—Цинда-Самеба.—Сюпъ.—Ст.Коби.—Галереи отъ снѣжныхъ заваловъ.

СЪ БОЛЬШИМЪ нетерпѣніемъ мы ждали того момента, когда:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,—

передъ нашими глазами появятся «на черной скалѣ» развалины знаменитаго замка царицы Тамары, воспѣтаго Лермонтовымъ.

Вотъ, наконецъ, и эти развалины.

Невысокая скала на лѣвомъ берегу Терека и на ней—жалкіе, еле замѣтные остатки крѣпостной башни. Ни скала, ни развалины ничего особенно красиваго и величественнаго не представляютъ. И не будь извѣстной легенды, послужившей сюжетомъ для дивнаго стихотворенія Лермонтова, не имѣй эта башня тысячелѣтняго прошлаго,—мы прошли бы мимо развалинъ совершенно равнодушно, быть можетъ, даже не замѣтивъ ихъ.

¹⁾ Продолженіе, см. «Истор. Вѣстникъ», т. СХХІІІ, стр. 289.

Кругомъ было безлюдно пустынно и глухо.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину;
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И ничто не напоминало ни о легендарныхъ оргіяхъ Тамары, ни о кровавыхъ битвахъ, происходившихъ здѣсь за обладаніе этой скалой, имѣвшей огромное стратегическое значеніе и представляющей очень крупную историческую достопримѣчательность.

Башня эта—не что иное, какъ знаменитыя въ лѣтописяхъ древняго міра Кавказскія ворота, одно время называвшіяся у римлянъ воротами команъ или половцевъ, кочевавшихъ у сѣвернаго подножія Кавказа и захватившихъ въ свои руки *Porta Cumana*.

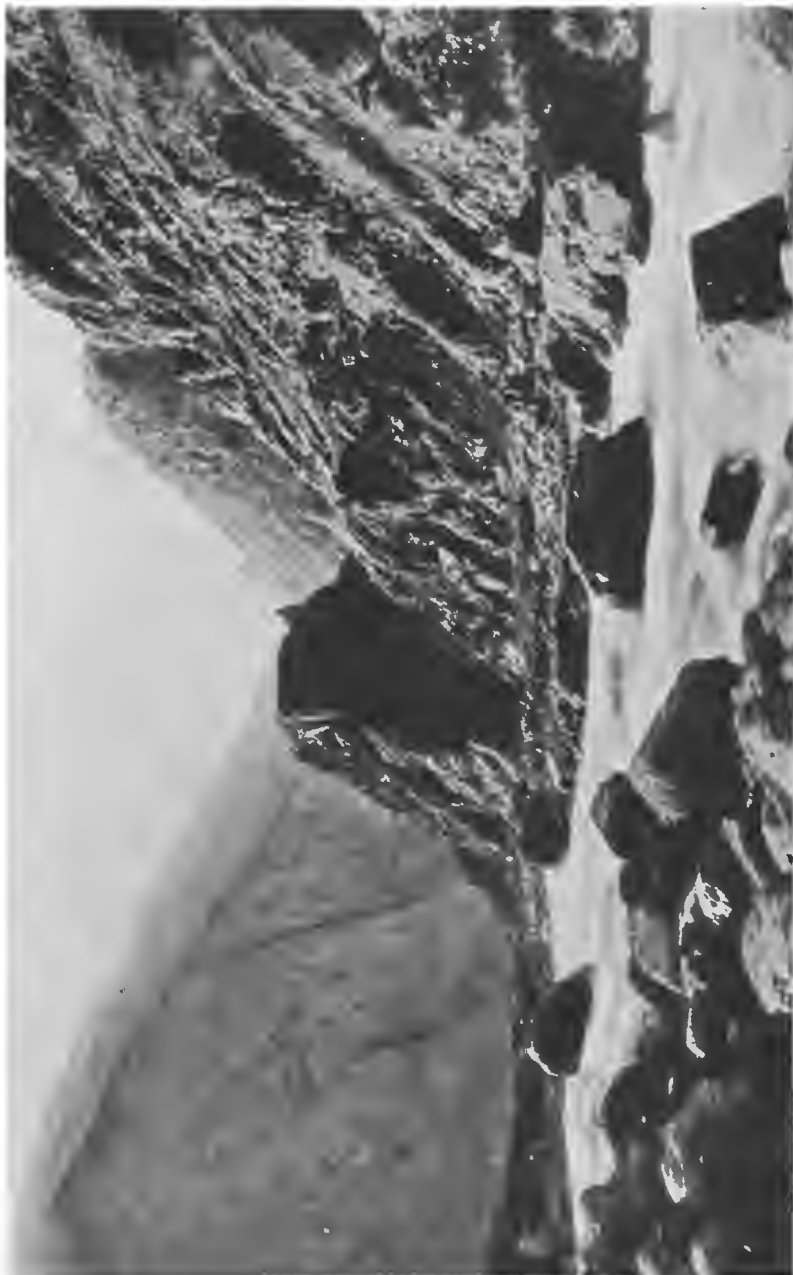
Плиній описываетъ это мѣсто въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Между горами, которыя вдругъ разомъ раздвигаются, природа создала съ необычайнымъ усиленіемъ проходъ, запертый воротами изъ бревень, окованныхъ желѣзомъ, внизу которыхъ течетъ рѣка Диріодорисъ ¹⁾. Сбоку на скалѣ стоитъ замокъ Куманія, достаточно укрѣпленный для того, чтобы преграждать путь безчисленнымъ племенамъ».

Древній грузинскій историкъ и географъ Вахушта также упоминаетъ о дарьяльскомъ укрѣпленіи и называетъ его «большимъ и крѣпкимъ замкомъ, построеннымъ, говорятъ, царицей Тамарой». Онъ говоритъ даже о воротахъ изъ камней скалы, связанныхъ цементомъ, внизу которыхъ протекала рѣка, и прибавляетъ, что «они построены грузинскими царями, чтобы оссы не могли проходить чрезъ нихъ безъ ихъ повелѣнія».

Оссы, или нынѣшніе осетины, населяли сѣверные склоны Кавказа и вели постоянныя войны съ Грузіей, то подчиняясь ей царямъ и принимая отъ нихъ христіанство, то одолевая ихъ и вторгаясь въ роскошныя, плодородныя долины Грузіи. Дарьяльское укрѣпленіе, составлявшее ключъ къ сѣверу и югу, переходило при этомъ изъ рукъ въ руки и то разрушилось, то вновь возстановлялось. Такъ, напримѣръ, уже въ V вѣкѣ въ Дарьяльскомъ ущельѣ происходила борьба между оссами и грузинскимъ царемъ Давидомъ Гургасланомъ, армія котораго состояла изъ 212 тысячъ воиновъ. Оссы были разбиты, а Дарьяль взятъ приступомъ, при чемъ погибъ знаменитый осетинскій народный герой Осбататаръ. Разрушенное въ битвѣ укрѣпленіе было возстановлено грузинами.

Въ VIII вѣкѣ Дарьяломъ владѣли арабы, завоевавшіе большую часть Кавказа и обратившіе въ исламъ очень много христіанскихъ горцевъ. Затѣмъ онъ снова переходитъ къ оссамъ, и въ XII вѣкѣ

¹⁾ Названіе, напоминающее по созвучію и Дарьяль, и Терекъ.

Башня даршы Т.мары.

Давидъ-Возобновитель вынужденъ силою отнимать у нихъ это укрѣпленіе за отказъ пропустить черезъ него сѣверныхъ союзниковъ царя—кипчаковъ. Впослѣдствіи они не пропускали черезъ него полчища Чингисъ-хана, направлявшіяся въ русскую равнину, но были разбиты и покорены монголами.

Дарьяломъ же два раза проходилъ и грозный Тамерланъ.

Такова историческая роль небольшой скалы съ едва замѣтными развалинами башни: въ теченіе многихъ вѣковъ она служила воротами между Азіей и Европой.

Теперь это укрѣпленіе совершенно заброшено, и никто не заботится о поддержаніи древнихъ тысячелѣтнихъ руинъ. Хорошо еще, что ими не вздумали воспользоваться русскіе для возведенія повѣйшаго укрѣпленія и предпочли построить его на другомъ берегу Терека, противъ замка Тамары. Иначе отъ послѣдняго ровно ничего не осталось бы.

Русская крѣпостца съ башнями по угламъ и зубцами на стѣнахъ ничего любопытнаго не представляетъ, и мы совершенно равнодушно прошли мимо нея, очарованные поразительнымъ зрѣлищемъ несчетной толпы великановъ, обступившихъ ущелье съ обѣихъ сторонъ и какъ будто загородившихъ всѣ входы и выходы изъ него.

Но дорога вѣтся по ущелью, плотно прижавшись къ скаламъ, и точно украдкой проникаетъ все дальше и дальше, въ самыя нѣдра Кавказа. Иногда она пробивается сквозь встрѣчныя скалы, образуя изъ нихъ поистинѣ «чортовы ворота» съ огромнымъ каменнымъ обломкомъ вмѣсто столба, стоящимъ на высококомъ отвѣсномъ обрывѣ.

Бѣшеный Терекъ, «прыгая, какъ львица съ косматой гривой на хребтѣ» (Лермонтовъ), клопочетъ глубоко внизу, точитъ и гложетъ каменные громады, подмываетъ скалы, низвергаетъ ихъ въ свои пѣнистыя волны, дробитъ на куски и съ глухимъ грохотомъ перекатываетъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Подобно горному духу, онъ оживляетъ безмолвныя горы и наполняетъ ихъ своимъ несмолкаемымъ шумомъ.

А дорога, лѣзая надъ обрывомъ, взбирается все выше и выше. Терекъ проваливается все глубже и глубже въ свою узкую трещину. Онъ словно старается зарыться въ самыя нѣдра земли и тамъ скрыться отъ назойливыхъ глазъ человѣка, проникшаго въ его заповѣдное царство.

Иногда, при крутомъ поворотѣ дороги, сбоку неожиданно открывается такое мрачное, дикое и мертвое ущелье, что въ воображеніи путника невольно встаютъ картины Дантова «Ада».

Между тѣмъ, бѣлоснѣжныя макушки горныхъ великановъ, еще недавно бывшія на такой недостижимой высотѣ, незамѣтно спускаются все ниже и ниже и какъ-то вдругъ оказываются передъ самыми глазами. Набитыя снѣгомъ трещины и впадины сползаютъ по склонамъ горъ совсѣмъ низко и образуютъ большія снѣжныя поля, че-

Чортовы ворота.

редующіяся съ черными выступами скаль, зеленю лѣсовъ и цвѣтами альпійскихъ пастбищъ. Эти снѣга застряли въ зубьяхъ утесовъ, въ глубокихъ падучихъ скатахъ, въ складкахъ ущелій, и застигнуты здѣсь, какъ ночные вору утромъ, расплавляющими ихъ лучами лѣтняго солнца. Съ веселымъ весеннимъ бульканьемъ обильно и быстро струится изъ нихъ ледяная вода, собирающаяся въ грязные потоки тамъ, внизу, на днѣ ущелій. На память невольно приходитъ стихъ Пушкина:

Отсюда мнѣ видно потоковъ рождение.

Въ воздухѣ свѣжѣть. Онъ дѣлается прохладнѣе и чище. По временамъ въ немъ чувствуется совсѣмъ холодная струя. Странное впечатлѣніе производитъ эта смѣсь лѣтняго солнца, весеннихъ красокъ и зимняго снѣга.

Вотъ и селеніе со станціей «Казбекъ», пріютившееся у подножія своего исполинскаго тезки. Снѣговая вершина этого гиганта то закутана облаками, то, «какъ грань алмаза», ярко блеститъ въ солнечныхъ лучахъ. Часто случается, что бѣлоснѣжная шапка Казбека какъ будто оторвана отъ своего массивнаго основанія и вмѣстѣ съ облакомъ неподвижно рѣветъ высоко, высоко надъ землей.

Въ красотѣ и грандіозности Казбека есть что-то подавляющее.

Онъ гордо царитъ надъ всею окружающею мѣстностью. Сосѣднія черныя горы столпились около него, какъ мелкіе подвластные вассалы или (по выраженію Е. Маркова) какъ ступени его царственной пирамиды. А немного подалеже сверкаютъ на солнцѣ бѣлыя папахи другихъ великановъ. Они значительно ниже Казбека и совсѣмъ теряются въ его подавляющемъ величій. Предъ глазами только Казбекъ. Онъ одинъ сообщаетъ окружающему свое имя и фізіономію. Все остальное — лишь его декорація и второстепенные аксесуары.

Въ самомъ селеніи обращаетъ на себя вниманіе небольшая церковь обыкновеннаго грузинскаго типа, въ видѣ простого четырехугольнаго домика съ двухскатной крышей и небольшою колоколенкой на ней, на манеръ лютеранской кирки. Особенность церкви заключается въ томъ, что передъ входомъ въ нее (съ западной стороны) и за алтаремъ поставлены двѣ маленькія часовни, похожія скорѣе на колокольни, такъ какъ вмѣсто стѣнъ онѣ имѣютъ по восемь легкихъ столбовъ или колоннъ, на которыхъ покоится верхняя часть сооруженія и кровля.

Надъ входомъ въ церковь — надпись на русскомъ языкѣ: «въ царствованіе императора Александра I», и довольно грубыя рельефныя изображенія двухъ львовъ, стоящихъ другъ противъ друга и скванныхъ цѣпью. Это — обычная грузинская символика, очень часто встрѣчающаяся на стѣнахъ кавказскихъ храмовъ и обозначающая былыя побѣды христіанской Грузіи надъ Персіей.

Гора Казбекъ.

Въ сѣверо-западномъ углу церковной ограды, на низенькомъ пьедесталѣ въ одну ступень, стоитъ нѣчто въ родѣ пирамиды, на западной сторонѣ которой имѣется рельефный бюстъ мужчины съ окладистой, широкой бородой и патронами на груди. Никакой надписи нѣтъ. Это—памятникъ на могилѣ грузинскаго писателя, мѣстнаго уроженца, Александра Казбека (литературный псевдонимъ— Мочхубаридзе), одного изъ членовъ фамилии Казбековъ, домъ которыхъ находится тутъ же, рядомъ съ оградой.

Въ наиболѣе раннихъ своихъ произведеніяхъ («Элгуджа» и «Убийца отца») Казбекъ рисуетъ любовь горцевъ къ независимости и ту борьбу, которую вели они при вступленіи русскихъ въ Грузію. Позднѣе, подъ вліяніемъ мрачнаго, безутѣшнаго настроенія, никогда не покидавшаго писателя, его повѣсти и романы пріобрѣтаютъ также слишкомъ трагической колоритъ. Безспорная заслуга его и право на память въ потомствѣ состоятъ въ томъ, что, близко знакомый съ бытомъ и нравами кавказскихъ горцевъ, онъ выказалъ въ своихъ сочиненіяхъ большую наблюдательность и неподдѣльную любовь къ народу и его обычаямъ. Внутренній міръ горцевъ, ихъ привычки, взгляды и убѣжденія,—вообще вся психологія этого народа, часто непонятная для европейцевъ, раскрывается въ романахъ Казбека достаточно полно, ярко и художественно.

Писатель получилъ хорошее, вполне европейское образованіе и свободно говорилъ по-французски, но предпочиталъ вести жизнь простого горнаго пастуха, въ тѣсномъ общеніи съ простымъ народомъ и природой. Было ли это своего рода нравственной философіей, или просто начало тяжелой психической болѣзни, отъ которой впоследствии онъ и умеръ (въ 1894 г.),—неизвѣстно. Но память о немъ, какъ о писателѣ и поэтѣ, упорно переплетается съ легендарными рассказами о странномъ образѣ его жизни. Пирамидальный памятникъ, по мысли исполнителя, долженъ, будто бы, изображать гору Казбекъ; но сходства между ними вовсе не получилось.

Прямо противъ селенія «Казбекъ», по другую сторону Терека, на горѣ Квенемъ-Мта (7683 ф. надъ уровн. моря), виднѣется Стефанъ-Цминда (т. е. церковь св. Стефана), иначе называемая Цминда-Самеба (церковь св. Троицы). Живописное мѣстоположеніе ея вблизи вѣчныхъ снѣговъ Казбека и сосѣднихъ великановъ—

На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,

дало основаніе думать, что это—та самая церковь, въ которой, по словамъ Лермонтова (въ «Демонѣ»),—покоятся кости знаменитаго разбойника, выстроившаго ее «грѣховъ минувшихъ въ искупленье» и гдѣ впоследствии князь Гудаль похоронилъ свою красавицу-дочь. Насколько эта догадка справедлива, сказать трудно. Народное преданіе связываетъ постройку церкви съ именемъ царицы Тамары,

и, можетъ быть, это именно обстоятельство и дало Лермонтову поводъ приурочить къ ней конецъ своей дивной поэмы о любви «печальнаго демона» къ красавицѣ Тамарѣ.

Интересно, что и другой нашъ величайшій поэтъ, Пушкинъ, не обошелъ молчаніемъ поэтической Цминды-Самебы; онъ посвятилъ ей небольшое стихотвореніе, которое позволю напомнить читателямъ:

Церковь въ селеніи «Казбекъ» и памятникъ (налѣво) писателю Александру Казбеку.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ
Сіяетъ вѣчными лучами,
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рвущій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.
Далекій, возделѣнный брегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!..

Въ настоящее время церковь представляетъ довольно грустныя, заброшенныя руины. Изъ трещинъ въ стѣнахъ пробивается трава. Сквозь крышу течетъ. Внутри сыро, холодно и сумрачно. Богослуженіе совершается въ церкви только три раза въ годъ, весной и лѣтомъ, въ остальное же время—

.... у воротъ ея стоятъ
 На стражѣ черные граниты,
 Пластами снѣжными покрыты,
 И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
 Лды вѣковѣчны горятъ. (Лермонтовъ).

За станціей Казбекъ подъемъ все продолжается. Кое-гдѣ, для уменьшенія крутизны подъема, дорога взбирается на возвышенности зигзагами. Долина Терека дѣлается значительно шире. По обѣ ея стороны, на склонахъ горъ, иногда на довольно большой высотѣ, виднѣются осетинскіе аулы, прилѣпившіеся къ скаламъ, точно ласточкины гнѣзда. Отъ нихъ по направленію къ рѣкѣ вьются узенькими, еле замѣтными ленточками, пѣшеходныя тропки. Все чаще и чаще попадаются старинныя четырехугольныя башни, торчащія на высокихъ скалахъ и обрывахъ. Онѣ остаются нѣмыми свидѣтелями того отдаленнаго прошлаго, когда жители этихъ мѣстъ вели нескончаемыя войны съ сосѣдями, и когда каждый аулъ, даже отдѣльныя сакли служили грозными и неприступными укрѣпленіями. Теперь онѣ кажутся окаменѣвшими великанами легендарной старины, упорно продолжающими существовать, наперекоръ времени и стихіямъ. Давно уже исчезли увѣнчивавшіе ихъ зубцы; стѣны разваливаются, и изъ ихъ трещинъ растетъ трава и мелкій кустарникъ; а онѣ все еще стоятъ и съ какимъ-то безмолвнымъ укоромъ смотрятъ съ своей высоты на мирные аулы, населенные жалкими потомками героическихъ предковъ.

На пятой или на шестой верстѣ отъ станціи Казбекъ дорога обгибаетъ отвѣсную скалу, точно составленную изъ сплошныхъ колоннъ глинистаго сланца, слои котораго въ этомъ мѣстѣ расположены почти совершенно вертикально. На скалѣ возвышаются остатки древней крѣпости «Сіонъ» со старинной церковью характерной кавказской архитектуры. Это—продолговатое четырехугольное зданіе, надъ первымъ ярусомъ котораго высится второй, болѣе низкій и узкій, почему церковь имѣетъ двойную крышу. Внутри Сіонская церковь, какъ и большинство кавказскихъ храмовъ, поражаетъ своимъ мракомъ, убожествомъ и бѣднотой. Мы вышли изъ нея съ какимъ-то щемящимъ, болѣзненнымъ чувствомъ, порожденнымъ, вѣроятно, слишкомъ рѣзкимъ диссонансомъ между внутреннимъ убожествомъ храма и тѣмъ гордымъ, величественнымъ видомъ, какой онъ имѣетъ издали, стоя на высокой, живописной скалѣ, вдвинувшейся мысомъ въ долину, и ярко сверкая на солнцѣ своими бѣлыми стѣнами.

Вплотъ до станціи Коби Терекъ течетъ по ярко-цвѣтному грунту среди скалъ и камней краснаго или зеленаго порфира. Мѣстность чрезвычайно живописна. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности полюбоваться ею какъ слѣдуетъ: дождь, начавшійся еще въ то время, когда мы были у Сіонской церкви, дѣлался все сильнѣе и сильнѣе;

да и холодъ къ вечеру давалъ себя чувствовать. Мы закутались въ бурки и башлыки, и сквозь густую сѣтку дождя видѣли очень немного.

На станцію мы пришли усталые, голодные, прозябшіе, промокшіе и, вслѣдствіе всего этого, въ скверномъ настроеніи духа. Потребовали смотрителя станціи и, кажется, не особенно любезнымъ тономъ высказали ему желаніе получить комнату для ночлега.

Отъ дождя и дорожной грязи мы имѣли видъ людей, не внушающихъ къ себѣ особеннаго уваженія, а нѣсколько рѣзкій и повышенный тонъ, въ которомъ мы заговорили съ смотрителемъ, не располагалъ его быть съ нами любезнымъ. Поэтому прежде, чѣмъ дать тотъ или иной отвѣтъ, смотритель пожелалъ удостовѣриться, имѣемъ ли мы право на ночлегъ въ домъ почтового вѣдомства, т. е. пріѣхали ли мы на почтовыхъ лошадяхъ, или же на частныхъ. Онъ вышелъ на крыльцо, и здѣсь, вмѣсто лихой почтовой тройки съ приличнымъ экипажемъ, его глазамъ предстала сквернѣйшая кляча, запряженная въ такія же скверныя дроги, и около нихъ — нашъ жалкій, оборванный и дрожащій отъ холода Тихоня. Повидимому, это окончательно убѣдило смотрителя, что, кромѣ лишняго безпокойства, мы ему ничего не доставимъ и что, слѣдовательно, нѣтъ никакого расчета давать пріютъ такимъ людямъ.

— Вы пріѣхали не на почтовыхъ, — рѣзко буркнулъ онъ намъ и пошелъ было въ свою комнату.

— Если вы хотите знать, то мы не пріѣхали, а пришли. И за какимъ, съ позволенія сказать, чортомъ, вамъ понадобилось смотрѣть на клячу, которая тащить наши вещи? Вы бы лучше посмотрѣли на насъ, и тогда увидѣли бы, что мы промокли и прозябли и потому имѣемъ право на ночлегъ въ этомъ домѣ.

— Да что съ нимъ время и слова терять? — добавилъ вспылчивый Б.: — пойдемъ лучше въ духанъ; тамъ и обогрѣмся, и закусимъ.

Эти слова оказали на смотрителя самое неожиданное дѣйствіе: онъ сообразилъ, что будетъ гораздо лучше, если нѣкоторый доходъ отъ насъ получить онъ, а не духанщикъ, и совсѣмъ другимъ тономъ спросилъ:

— А вы будете ужинать?

— Не только ужинать, но и чай пить.

— Въ такомъ случаѣ — пожалуйста.

Комната, которую отвелъ намъ смотритель, оказалась давно не топленною, сырой и холодной. Температура въ ней была не выше 7—8 градусовъ. Форточка въ окнѣ плохо притворялась, и въ нее страшно дуло. Печи, по словамъ смотрителя, сильно дымили, и топить ихъ было совершенно нельзя. Пришлось лечь спать не раздѣваясь и завернувшись въ мокрая бурки.

Только утромъ, «возставъ отъ сна» (замѣчу кстати, очень хорошаго и крѣпкаго, несмотря на неблагоприятныя условія), мы увидали,

въ какой дикой, суровой и непріютной мѣстности расположено селеніе Коби. Это—точно большой, глубокой оврагъ склоны котораго почти сплошь покрыты снѣгомъ. На днѣ оврага во многихъ мѣстахъ также лежитъ снѣгъ, изъ-подъ котораго по разнымъ направленіямъ текутъ ручьи ледяной воды. По сосѣдству съ снѣжными полями еле пробивается свѣжая весенняя травка. Въ воздухѣ холодно, Люди кутаются въ бурки и башлыки. И это—не въ половинѣ марта, а въ самомъ концѣ мая... Тѣмъ не менѣе, во всемъ организмѣ чувствуется какая-то давно небывалая бодрость, свѣжесть и юношеская энергія.

За станціей «Коби» дорога оставляетъ долину Терека и вступаетъ въ Байдарское ущелье, на днѣ котораго струится рѣка Байдаръ.

Подъемъ продолжается. Во многихъ мѣстахъ снѣговья поля оказываются уже значительно ниже насъ. Коби еще близко. И станція, и селеніе съ церковью, и казармы для рабочихъ, и каменный мостъ,—все это видно какъ на ладони, но гдѣ-то глубоко внизу. А надъ головой, совсемъ близко,—рукой подать,—рядъ снѣговыхъ вершинъ, выстроившихся по обѣ стороны долины.

Еще немного дальше,—и мы встрѣчаемъ на самой дорогѣ какое-то странное сооруженіе,—длинную деревянную галерею, плотно прижавшуюся однимъ бокомъ къ горѣ. Что бы это могло быть?—недоумѣваемъ мы, и тотчасъ же соображаемъ, что видимъ предъ собою крытую зимнюю дорогу, устроенную на случай снѣговыхъ заваловъ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ первой—еще нѣсколько такихъ же галерей. А вотъ и остатки снѣжнаго завала. Галерея подъ нимъ еле видна. Въ одномъ мѣстѣ она даже разбита заваломъ. Крыша разрушена; толстыя деревянные балки превращены въ щепы; желѣзныя связи исковерканы.

Лѣтняя дорога идетъ среди огромныхъ сугробовъ снѣга, возвышающихся по обѣ стороны ея, сажени на $1\frac{1}{2}$ —2.

Шумъ Байдарки вдругъ какъ-то смолкъ. Мы смотримъ внизъ и не видимъ ея: вся она засыпана снѣгомъ и тамъ, подъ толстымъ снѣговымъ покровомъ, неслышно прыгаетъ съ камня на камень.

V.

Крестовый переваль.

Переваль въ описаніяхъ Пушкина и Лермонтова.—Переваль въ настоящее время.—Встрѣча со священникомъ изъ Коби.—Легенда о Гудѣ.

Пушкинъ и Лермонтовъ—оба говорятъ о дорогѣ отъ Коби до перевала, какъ обѣ очень опасной и трудной. Первый ѣхалъ изъ Владикавказа въ Тифлисъ и, остановившись на ночлегъ въ Коби, съ безпокойствомъ думаетъ о предстоящемъ на слѣдующій день

Сіонъ.

перебѣздѣ черезъ Крестовый переваль, какъ объ «ужасномъ подвигѣ», и не знаетъ, какъ поступить: сѣсть ли, бросивъ экипажъ, на казачьихъ лошадей, или послать за осетинскими волами? А «на другой день,—говоритъ онъ,—около 12 часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осьмнадцать паръ тощихъ малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ осетинцевъ, насилу тащили легкую вѣнскую коляску пріятеля моего О***. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло все мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую петербургскую коляску во Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ Пушкинъ не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхалъ черезъ снѣговой хребетъ» («Путешествіе въ Арзрумъ»).

Лермонтовъ ѣхалъ въ обратномъ направленіи—изъ Тифлиса во Владикавказъ—и спускался съ Крестовой къ Коби. Человѣкъ пять осетинъ, уцѣпясь за колеса его телѣжки, съ крикомъ тащили и поддерживали ее. «И точно, дорога опасная,—поясняетъ Лермонтовъ:—направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовые, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оторваться въ ущелье; узкая дорога частью была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали... Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору,—двѣ версты въ два часа!.. Намъ должно было спускаться еще верстѣ пять по обледѣвшимъ скаламъ и тонкому снѣгу, чтобы достигнуть станціи Коби. Лошади измучились; мы продрогли... Извозчики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, несмотря на краснорѣчіе кнутовъ». Пришлось, не дожидая до Коби, заночевать въ какомъ-то аулѣ. («Герой нашего времени»).

Трудности пути устранены теперь настолько, что на всемъ протяженіи между Владикавказомъ и Тифлисомъ совершенно свободно ходятъ автомобили, переносясь изъ одного города въ другой въ какіе-нибудь 7—8 часовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ устранены и опасности: отъ заваловъ сооружены галереи, а рискъ свалиться въ пропасть сведенъ положительно къ нулю устройствомъ достаточно широкаго полотна дороги съ барьеромъ надъ обрывомъ и пологихъ, извиляющихся загзагами, спусковъ. Благодаря этимъ зигзагамъ,—правда, удлиняющимъ дорогу,—довольно значительный подъемъ отъ станціи «Казбекъ» до перевала, съ высоты въ 5610 ф. на 7698 ф., совершается очень легко и даже почти незамѣтно. И, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого обстоятельства путешественникъ подвергается довольно странной иллюзіи: не чувствуя трудности подъема, онъ замѣчаетъ лишь, что узкое ущелье какъ-то раздвигается, становится

шире и превращается въ долину; а горы дѣлаются все ниже и ниже. Кажется, что просто переходишь изъ очень гористой мѣстности въ менѣе гористую по совершенно горизонтальной дорогѣ. Къ мысли же о томъ, что постепенно добрался до вершины горнаго хребта, приходишь лишь путемъ логическихъ соображеній. И не будь кругомъ обширныхъ снѣговыхъ полей, не блистай такъ близко вѣчными снѣгами горныя вершины,—никакъ нельзя было бы подумать, что находишься на высотѣ въ 2 слишкомъ версты надъ уровнемъ моря.

Самъ по себѣ переваль почти не интересенъ, такъ какъ окружающія горы для человѣка, близко подошедшаго къ ихъ вершинамъ, уже не имѣютъ того грандіознаго и величественнаго вида, какой

Гора и снѣговья поля между станціей Коби и Крестовымъ переваломъ.

имѣютъ тѣ же самыя горы для человѣка, стоящаго у ихъ подошвы. Но мысль, что находишься на вершинѣ Кавказскаго горнаго хребта, не можетъ не волновать человѣка. Невольно припоминаются стихи Пушкина, относящіяся именно къ Крестовому перевалу,—этому водораздѣлу между бассейнами Терека и Арагвы:

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселъ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;

Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады.
 Подъ ними утесовъ гѣмья громады;
 Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
 А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
 Гдѣ птицы щебечуть, гдѣ скачутъ олени;
 А тамъ ужъ и люди гнѣзятся въ горахъ,
 И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
 И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
 Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ;
 И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
 Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи.

Намъ не хотѣлось тотчасъ же спускаться съ перевала, и мы рѣшили пробыть на немъ часъ или полтора, посмотрѣть на окрестныя горы, а кстати—немного отдохнуть и выпить чаю. Съ этою цѣлью мы зашли въ дорожную будку—небольшой каменный домикъ, построенный для дорожнаго мастера и рабочихъ. Въ небольшой и крайне скудно обставленной комнаткѣ за маленькимъ самоваромъ сидѣли двое мужчинъ: одинъ—невзрачной наружности, въ мѣховомъ полушубкѣ и старой лохматой папахѣ, длинная шерсть которой ключьями висѣла у него надъ глазами; другой—стройный и красивый брюнетъ въ священнической рясѣ и круглой мѣховой шапкѣ.

Познакомились. Первый оказался дорожнымъ мастеромъ и хозяиномъ домика, а второй—священникомъ с. Коби, ѣдущимъ изъ Пассанаура домой. Батюшка совершалъ свое путешествіе (около 50 верстъ) верхомъ.

Пока сторожъ подогрѣвалъ самоваръ, мы всѣ вышли на площадку передъ домикомъ, гдѣ стоитъ небольшой четырехугольный столбикъ, обозначающій перевальную точку и покрытый множествомъ никому невѣдомыхъ и никому неинтересныхъ фамилій.

Прямо передъ домикомъ, въ разстояніи около версты, на кругловыпукломъ холмѣ виднѣется каменный крестъ, поставленный Ермоловымъ въ 1824 году. Сзади будки, на горизонтѣ, семью красивыми бѣлоснѣжными зубцами, вытянувшимися въ стройный рядъ, сверкаютъ «Семь братьевъ», а лѣвѣе, ближе къ перевалу, угрюмо хмурится «Гудъ-гора».

У осетинъ о ней существуетъ очень красивая, поэтическая легенда.

Давнымъ-давно въ аулѣ Гудъ, и теперь еще существующемъ у подошвы горы, на днѣ пропасти, гдѣ кипитъ Арагва, жилъ бѣдный осетинъ съ красавицей-дочерью Ниной. Когда она была еще ребенкомъ, и тогда уже всѣ были безъ ума отъ ея красоты. Влюбился въ Нину и старый Гудъ—духъ-властитель Гудъ-горы. Онъ выравнивалъ подъ ея ножками горныя тропинки, приготовлялъ и пряталъ для нея самые красивые цвѣты и окружалъ ее такими нѣжными заботами, какъ будто она была царицей той мѣстности.

Прошло 15 лѣтъ. Изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась невиданной красавицей, и любовь стараго Гуда разгорѣлась еще сильнѣй. Онъ сталъ даже подумывать о томъ, нельзя ли изъ могучаго духа сдѣлаться простымъ смертнымъ, хотя бы даже бѣднымъ осетиномъ, и жениться на Нинѣ. Но дѣвушка не замѣчала любви Гуда; она засматривалась на молодого, статнаго и ловкаго красавца, своего сосѣда Сасико. Гудъ сталъ ревновать къ нему свою любимицу и преслѣдовать счастливаго соперника, но безуспѣшно. Это довело его ярость до крайнихъ предѣловъ. И вотъ однажды, когда Нина

Остатки снѣгового завала и разбитая имъ галерея.

и Сасико оставались одни въ саклѣ, злой старикъ бросилъ на нихъ огромную лаву снѣга и засыпалъ имъ саклю. Сначала любовники были даже довольны этимъ. Разведя огонь, они стали весело и безопасно болтать. Но скоро голодъ далъ себя чувствовать. Двухъ лепешекъ и куска сыру хватило ненадолго. На второй день муки голода уже подавляли силу любви, а на четвертый, когда смерть уже казалась неминуемой и голодъ помрачилъ разсудокъ, Сасико вдругъ бросился къ Нинѣ, крѣпко обхватилъ ее руками и впился зубами въ ея плечо. Дѣвушка вскрикнула и упала. Въ это же мгновеніе

дверь отворилась, и на порогѣ появились люди, откопавшіе саклю отъ снѣга.

Сасико и Нина были спасены. Но вмѣсто страстной любви они теперь чувствовали другъ къ другу лишь жгучую ненависть. Обрадовался этому старый Гудъ и разразился такимъ громовымъ хохотомъ, что сосѣднія скалы содрогнулись, и цѣлая туча камней осыпалась съ горы въ долину. Большое пространство ея и до сихъ поръ загромождено осколками гранита.

— Вотъ какъ смѣется нашъ могучій Гудъ,—прибавляетъ осетинъ, рассказывая эту легенду.

Между тѣмъ батюшка изъ Куби собрался въ путь. Онъ на минуту зашелъ въ домикъ и вновь появился на площадкѣ съ пагайкой въ рукѣ и въ прекрасной кабардинской буркѣ, накинутой на плечи такъ изящно и красиво, какъ это умѣютъ дѣлать только природныя горцы. Сторожъ подвелъ къ нему статную, рѣзвую лошадь. Мы не успѣли моргнуть глазомъ, какъ батюшка былъ уже въ сѣдлѣ. Лошадь осѣла назадъ, взвилась на дыбы, но всадникъ опытной рукой мигомъ поставилъ ее на всѣ четыре копыта и галопомъ понесся подъ уклонъ. Не только мы, но и дорожный мастеръ и сторожъ невольно залюбовались красивымъ и ловкимъ наѣздникомъ.

— Настоящій джигитъ!.. и отличный священникъ,—промолвилъ послѣ нѣкотораго молчанія дорожный мастеръ.—Такого священника на сто верстъ кругомъ не найдешь. Добрый, честный. Последнее отдастъ, чтобы помочь бѣдняку.

Скоро и мы собрались ѣхать. Къ крыльцу будки дребезжа подкатили наши дроги, и Тихоня любезно пригласилъ насъ:

— Садитесь, господа! Теперь будетъ лѣгко, подъ горку.

VI.

Отъ Крестоваго перевала до Ананура.

Ѣдемъ подъ дождемъ.—Чуть было не потеряли чемоданъ съ вещами и паспортами.— Грузинская любезность.—Долина Арагвы.—Пассанауръ.—Туристы изъ Новороссійска.—Ночевка на снѣгъ.

На горы надвинулась сѣрая туча, заморосилъ дождь, и намъ ничего не оставалось, какъ, закутавшись въ бурки, уѣсться на дроги.

Дорога шла замѣтно подъ уклонъ. Тихоня взмахнулъ кнутикомъ, а кляча—хвостомъ и... поплелась такимъ же убійственно медленнымъ шагомъ, какъ и въ гору.

— Что же она не бѣжитъ?—спрашиваемъ мы Тихоню.

— Да кто жъ ее знаетъ? Что хошь съ ней дѣлай, а ужъ подъ гору она ни за что не побѣжитъ. Ползетъ себѣ шагомъ, и шабашъ.

— А какъ же ты говорилъ, что вотъ только бы до перевала добраться, а тамъ будетъ «лѣгко», и мы покатымъ рысью?

— Да все думалось, авось лошаденка и взаправду побѣжить; а ей, значить, все одно: что въ гору, что подъ гору.

— Да хорошо ли ты ее кормишь?

— Какъ не кормить? Вишь—брюхо надулось, какъ у хорошей коровы. А все шагомъ, все шагомъ... Видно, такой ужъ у ней карахтеръ...

Намъ, въ сущности, было все равно,—ѣхать ли рысью, или плестись шагомъ, и потому странный «карахтеръ» Тихониной клячи насъ только размѣшилъ. Да намъ было и не до нея. Тотчасъ за переваломъ дорога вновь стала извиваться по такъ называемому Гудаурскому подъему, съ каждымъ поворотомъ открывая все новые и

Крестовый переваль и Гудъ-гора.

новые виды. На нѣкоторое время передъ нами открылась дивная панорама хаотическаго нагроможденія скалъ и утесовъ, фантастическое сѣпленіе ущелій и долинъ и рядъ горъ съ бѣлоснѣжными зубцами. А внизу, у самыхъ колесъ нашей линейки, зіяла пропасть, дно которой, то покрытое густою растительностью, то загроможденное обломками скалъ, еле виднѣлось сквозь пелену тумана и дождя.

Мы сгорали нетерпѣніемъ увидѣть и знаменитый Млетскій спускъ, и дивную Койшаурскую долину, которая должна была находиться гдѣ-то вправо отъ насъ. О ней Лермонтовъ пишетъ въ «Героѣ нашего времени»: «Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя; красноватая скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ; желтые обрывы, исчерченные промои-

нами, а тамъ, высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ. А внизу Арагва, обнявшись съ какой-то другой безыменной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею».

Между тѣмъ туча надвигалась все болѣе и болѣе, и скоро мы оказались кругомъ окутанными густымъ туманомъ, сквозь который ничего не было видно. Дождь шелъ и вверху, откуда мы только что спустились, и внизу, на днѣ долины, куда вилась наша дорога.

Угрюмые и раздосадованные тѣмъ, что, проѣзжая по одному изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстъ Кавказа, мы вовсе не видимъ его, сидѣли мы молча на дрогахъ, плотно закутавшись въ бурки и башлыки.

Вдругъ Тихоня, обернувшись назадъ, съ тревогой вскрикиваетъ: — Ахти, грѣхъ какой! Никакъ чемоданъ-то мы потеряли!..

Дѣйствительно, одного изъ нашихъ чемодановъ не оказалось на мѣстѣ. Скверныя, гнилыя веревки, которыми онъ былъ привязанъ (а у Тихони даже и веревокъ-то порядочныхъ не было), порвались, и отъ нихъ болтались только растрепавшіеся на концахъ обрывки. Въ чемоданѣ были самыя необходимыя въ дорогѣ вещи: сухое бѣлье, часть обуви и верхняго платья и—что важнѣе всего—наши паспорта. Безъ всего этого дальнѣйшее путешествіе представлялось почти невозможнымъ. Да и назадъ безъ паспортовъ ѣхать также было неудобно. Положеніе создалось прямо-таки безвыходное.

Тихоня, ахая и причитая, сбросилъ съ себя прямо въ грязь свою рваную поддевку и, оставшись въ одной рубахѣ, пустился бѣгомъ назадъ; а мы, стоя у линейки, старались придумать, что предпринять, если чемоданъ не найдется.

Прошло мучительныхъ 15—20 минутъ, пока Тихоня снова появился на изгибѣ дороги, мокрый отъ пота и дождя и задыхающийся отъ усталости, но довольный и счастливый.

— Слава Богу, нашель!—говорилъ онъ:—а то пришлось бы всю дорогу задарма сдѣлать.

Бѣдняга, очевидно, думалъ, что, потерявъ чемоданъ, онъ уже не могъ рассчитывать на полученіе отъ насъ условленной платы.

Станцію Гудауръ и дивный Млетскій спускъ мы проѣхали не останавливаясь. И, только миновавъ станцію Млеты, рѣшили остановиться въ придорожномъ духанѣ и пообѣдать. Бараній шашлыкъ, кусокъ осетинскаго сыра и бутылка легкаго кахетинскаго вина—лучше этого обѣда мы и не желали. Въ самомъ духанѣ и на открытой верандѣ передъ нимъ сидѣло много проѣзжихъ. Ъли и пили.

За однимъ изъ столиковъ помѣщались нѣсколько солидныхъ грузинъ и потягивали вино изъ глинянаго кувшина довольно внушительныхъ размѣровъ. Когда я проходилъ мимо нихъ въ духанѣ, то одинъ изъ этой компаніи взялъ со стола стаканъ съ виномъ и подаль его мнѣ со словами:

Арагва близъ станціи Млеты.

— Прошу выпить.

— Очень вамъ благодаренъ, но я уже выпилъ и потому...

— Покорнѣйше прошу выпить!— уже довольно настойчиво прервалъ меня грузинъ.

Мнѣ не хотѣлось пить въ незнакомой и при томъ не совсѣмъ трезвой компаніи, и я снова попробовалъ отказаться.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1911 г., т. сxxiii.

18

Грузинъ нахмурился и, продолжая держать передо мной стаканъ, рѣзко отчеканивалъ слово за словомъ:

— У насъ законъ: отъ угощенія отказываться нельзя.

Я вспомнилъ, что дѣйствительно гдѣ-то читалъ о такомъ «законѣ» у кавказскихъ горцевъ, и потому, принявъ стаканъ, держалъ ко всей компаніи такую рѣчь:

— Простите, господа! Я—въ первый разъ на Кавказѣ и здѣшнихъ законовъ не знаю. Тотъ законъ, о которомъ вы только что сказали, мнѣ очень нравится: онъ свидѣтельствуетъ о вашемъ гостепріимствѣ и радушіи. Охотно ему подчиняюсь и съ удовольствіемъ пью за ваше здоровье.

Мы чокнулись, пожали другъ другу руки и разстались, довольные взаимной любезностью.

Дождь пересталъ, и мы только теперь увидали всю прелесть долины, въ которую спустились. Снѣговья вершины были уже позади и высоко, высоко надъ нами. Въмѣсто угрюмыхъ скалъ Сѣвернаго Кавказа—здѣсь горы, поросшія лѣсомъ; на расчищенныхъ мѣстахъ—сѣнокосы и тщательно обработанныя поля, орошаемыя горными ручьями. Около полей пріютились бѣлые домики съ хозяйственными пристройками, а около домиковъ—садики съ огромными, развѣсистыми орѣховыми деревьями. Сѣрые, лишенные всякой зелени аулы съ каменными плосковерхими саклями остались за снѣговымъ хребтомъ. Въ расположенныхъ по склонамъ горъ селеніяхъ кое-гдѣ виднѣются башни, а на выступахъ горъ и изгибахъ долины—остатки старинныхъ укрѣпленій. Они расположены такъ, что обозрѣваютъ другъ друга, и въ былое время, посредствомъ огня и другихъ сигналовъ, съ нихъ можно было подавать извѣстія о приближеніи и передвиженіяхъ непріятеля по всей долинѣ. Безмолвные памятники мрачнаго прошлаго, теперь эти башни служатъ лишь украшеніемъ дивнаго горнаго ландшафта.

Дорога идетъ по берегу Арагвы и версты за двѣ до Пассанаура пробирается подъ огромной, нависшей надъ нею скалой, густо поросшей лѣсомъ. Это—одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ на Грузинской дорогѣ, и намъ очень хотѣлось его сфотографировать. Но прекратившійся было на время дождь опять заморосилъ; небо нахмурилось, да и день склонялся уже къ вечеру. Мы поспѣшили на ночлегъ въ Пассанауръ.

У станціи стояло нѣсколько почтовыхъ экипажей.

«Значить, — подумали мы, — проѣзжающихъ здѣсь много, и намъ, «ѣдущимъ не на почтовыхъ», едва ли найдется мѣсто для ночлега».

Тѣмъ не менѣе, на всякій случай рѣшили «толкнуться» на станцію.

Къ намъ вышелъ сѣдой благообразный смотритель и на просьбу дать помѣщеніе для ночлега очень любезно отвѣтилъ, что всегда охотно принимаетъ туристовъ.

Въ двухъ верстахъ отъ Пассанаура.

— Правда,—добавилъ онъ:—общая пассажирская комната уже занята, но осталось еще одно свободное помѣщеніе наверху, куда я и прикажу перенести ваши вещи.

«Совсѣмъ не то, что въ Коби», подумали мы и отправились въ буфетъ подкрѣпиться съ дороги.

Было уже часовъ 10 вечера, когда къ крыльцу станціи подкатилъ еще экипажъ, и чрезъ нѣсколько минутъ въ буфетную комнату вошла молодая дама, одѣтая въ изящный дорожный костюмъ, и мужчина лѣтъ 30. Станціонная прислуга и кучеръ несли за ними множество баульчиковъ, ридикюльчиковъ, корзиночекъ, сумочекъ, сверточковъ и т. п.

— Ахъ, наконецъ-то вижу, кажется, русскихъ!—воскликнулъ господинъ:—вы туристы?

— Да туристы и при томъ, дѣйствительно,—русскіе.

— Мы тоже туристы. Очень радъ встрѣтить русскихъ. А то помилюйте,—все азіаты и азіаты. Того и гляди — убьютъ, ограбятъ.

— Что вы? Мы уже четвертыя сутки въ дорогѣ, среди этихъ «азіатовъ», и вездѣ видѣли съ ихъ стороны лишь самое вѣжливое, любезное и предупредительное отношеніе къ себѣ.

— О, нѣтъ, вы ихъ еще не знаете. Это—настоящіе головорѣзы. Да вотъ не дальше, какъ вчера ночью, ее, мою жену, чуть не похитили...

Мы всѣ трое невольно повернулись въ сторону дамы и пристально впились въ нее глазами: такихъ женщинъ, которыхъ стоило бы похищать, не каждый день встрѣтишь...

Барыня немного сконфузилась, а у меня промелькнула мысль, что хотя она и молода, но, къ сожалѣнію, не изъ такихъ, которыхъ стоило бы похищать.

— Позвольте, гдѣ же и какъ это могло случиться?—спросили мы.

— Въ вагонѣ, на Закавказской желѣзной дорогѣ,—отвѣтилъ супругъ молодой дамы.—Какой-то азіатъ въ папахѣ подскочилъ къ ней, схватилъ за руку и потащилъ. Я такъ былъ потрясенъ этимъ, что со мной сдѣлалось истерика, я плакалъ и до сихъ поръ еще не могу опомниться.

Дѣйствительно, лицо его передергивалось нервной судорогой, губы кривились въ плаксивую гримасу, а на глазахъ навертывали слезы.

— Извините,—возразилъ я:—но похищеніе дамы въ вагонѣ, мнѣ кажется, совершенно невозможно. Вѣроятно, это была просто грубая или пьяная выходка какого-нибудь нахала.

— И я такъ думаю,—согласилась со мной дама.

— О, нѣтъ, не говорите,—горячо запротестовалъ супругъ:—это, несомнѣнно, была попытка похитить ее. Мы даже заявили о происшествіи жандармскимъ властямъ и просили составить протоколъ. Но, конечно, тамъ люди все свои, и дѣло замнуть.

— Вы, кажется, слишкомъ нервны; вамъ слѣдуетъ отдохнуть, успокоиться, и тогда вы сами будете смотрѣть на происшествія другими глазами.

— Правда, нервы у меня не въ порядкѣ, и я чувствую усталость. Но развѣ можно отдохнуть въ путешествіи? Вотъ уже три или четыре дня, со времени выѣзда изъ Новороссійска, мы почти не спали. Да, пожалуй, и не придется спать, пока опять не приѣдемъ домой, въ Новороссійскъ. Изнервничались и устали до послѣдней степени. Теперь я объ одномъ только и думаю: поскорѣе бы добраться до дома. И чтобы я еще когда-нибудь рѣшился на путешествіе,— да Боже меня сохрани!..

— Но отчего же вы такъ устали? Повидимому, вы люди со средствами и, вѣроятно, ѣдете со всеми удобствами.

— Да, мы имѣемъ возможность ни въ чемъ себѣ не отказывать. Но сами посудите, какъ же не устать и не изнервничаться? На паромѣ, отъ Новороссійска до Батума, мы не спали отъ морской качки; на желѣзной дорогѣ насъ разстроило это ужасное происшествіе, а здѣсь насъ поднимаютъ всѣ три часа утра и до 10 часовъ вечера мчатъ почти безостановочно на томъ основаніи, что кондукторъ обязанъ совершить переѣздъ отъ Тифлиса до Владикавказа не болѣе, какъ въ 1½ или 2 сутокъ. Понятно, что голова у насъ болитъ, глаза слипаются, и мы ничего не видимъ; сидимъ себѣ въ каретѣ и только клюемъ носомъ.

— Но если вы ѣдете не по дѣламъ, а только для собственнаго удовольствія, то зачѣмъ же вы создали изъ путешествія такую муку? Посмотрите на насъ: мы идемъ пѣшкомъ изъ Владикавказа...

— Какъ? вы идете пѣшкомъ? И такъ бодры и свѣжи?

— Да, пѣшкомъ, и чувствуемъ себя отлично. Идемъ не торопясь, осматриваемъ все, что насъ интересуетъ, при усталости отдыхаемъ; а главное—спимъ отлично и досыта. Утромъ никто насъ не будитъ, и раньше 6 часовъ мы не проснемся.

— Ахъ, какъ это должно быть хорошо,—промолвила барыня.— Но вотъ вы говорите, что осматриваете все интересное; между тѣмъ здѣсь иногда показываютъ такія мерзости, такія мерзости, что просто ужасъ... Вотъ, напримѣръ, въ Ананурѣ...

— Да, да, представьте себѣ,—перебилъ свою супругу нервный господинъ:—въ Ананурѣ привели насъ въ какую-то старую церковь, которая того и гляди—обрушится. Сыро, темно и... и ужасный воздухъ... тамъ держать покойниковъ.

— Это любопытно.

— Ахъ, нѣтъ, нисколько не любопытно,—затараторила дама:— съ нами чуть дурно не сдѣлалось, и мы не знали, какъ выбраться изъ этой ужасной мертвецкой...

— Да мертвецовъ-то вы видѣли?

— Что вы? Станемъ мы мертвецовъ смотрѣть!.. Этого еще не доставало...

— Ну, мы и мертвецовъ посмотримъ, если только они дѣйствительно тамъ есть. А пока—позвольте пожелать вамъ покойной ночи и крѣпкаго сна до 7—8 часовъ утра: вамъ необходимо хорошо выспаться.

Мы простились съ оригинальными туристами и вышли изъ буфета. Наши вещи лежали на прежнемъ мѣстѣ въ коридорѣ, а около нихъ стоялъ, видимо, смущенный смотритель.

— Извините, господа,—заговорилъ онъ.—Я хотѣлъ помѣстить васъ наверху; тамъ была одна единственная свободная комната. Но вотъ пріѣхали эти господа, съ которыми вы только что бесѣдовали; они ѣдутъ на почтовыхъ, и я, по правиламъ, долженъ отвести имъ эту комнату. Какъ мнѣ васъ устроить, я ужъ и не знаю.

— Какой-нибудь уголокъ найдется?

— Есть, но я, право, стѣсняюсь предложить его вамъ. Если вы—люди безъ претензій на удобство...

— Да какія тутъ претензїи? Было бы гдѣ разостлать бурку и вытянуть ноги.

— Въ такомъ случаѣ—пожалуйте.

Съ этими словами смотритель привелъ насъ въ маленькій каменный домикъ, выстроенный на дворѣ станціи. Весь домикъ оказался состоящимъ изъ одной комнаты; мебели—никакой.

— У меня,—сказалъ смотритель,—есть прекрасное горное сѣно; мягкое, душистое, безъ пыли. Если позволите, то я прикажу разостлать его на полу, чтобы вамъ удобнѣе было спать.

— Прекрасно. Давайте сюда ваше сѣно.

Кажется, никогда въ жизни мы не спали такъ хорошо, какъ на этомъ сѣнѣ.

Утромъ, часовъ въ 7, мы увидѣли на дворѣ смотрителя, осматривавшаго чей-то экипажъ, и на вопросъ, не предназначается ли онъ для вчерашнихъ туристовъ изъ Новороссійска, узнали, что они давно уже уѣхали,—часа въ три утра.

Селеніе и станція Пассанауръ очень живописны. Масса зелени, покрытая лѣсомъ горы, серебристая Арагва и чудный, мягкій воздухъ дѣлаютъ это мѣстечко чрезвычайно привлекательнымъ. И какая огромная, поразительная разница съ тѣмъ, что мы видѣли лишь наканунѣ, по ту сторону Кавказскаго хребта. Вмѣсто мрачныхъ, угловатыхъ и островерхихъ скалъ, почти совершенно лишпныхъ растительности, здѣсь повсюду мягкія, закругленные линїи и вѣжныя, ласкающія глазъ окраски. Тамъ грязная и величественная красота могучихъ силъ, способныхъ исковеркать и разломать толщу земной коры, какъ скорлупу орѣха; здѣсь спокойная и бодрящая красота творческихъ силъ, превратившихъ горы и обломки скалъ въ сплошной цвѣтущій паркъ. Благодатный край, несмѣтная

богатства котораго лежатъ еще почти нетронутыми, какъ заколдованный кладъ!..

Дорога стала оживленнѣе. Фургоны, арбы, линейки, дилижансы попадаются все чаще и чаще. Иногда съ шумомъ проносятся автомобиль. Много всадниковъ и пѣшеходовъ. При встрѣчѣ съ нами большинство ихъ любезно киваютъ головой и произносятъ:

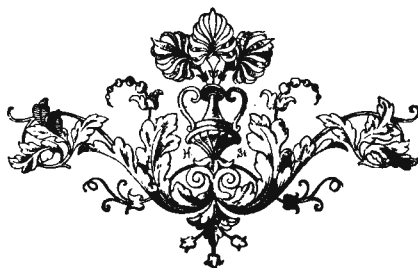
— Хамарджибе!

На что мы также дѣлаемъ кивокъ и говоримъ:

— Хагимарджёсъ!—единственное грузинское слово, которое мы знали.

А. Мощанскій

(Окончаніе съ слѣдующей книжкѣ).

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЧЕСТВОВАНИЕ I. I. ЯСИНСКАГО.

(По случаю 40-лѣтія его литературной дѣятельности).

СПОЛНИВШЕЕСЯ сорокалѣтіе общелитературной и тридцатилѣтіе беллетристической дѣятельности извѣстнаго писателя Иеронима Иеронимовича Ясинскаго, портретъ котораго прилагается въ настоящей книжкѣ журнала, было отпраздновано 8-го января с. г. широкими столичными литературными, художественными и артистическими кружками чрезвычайно торжественно, и его таланту воздана была обильная общественная дань. Для организаціи всего чествованія былъ образованъ многочисленный комитетъ, въ составъ котораго фактически вошли: В. А. Бонди, Н. Н. Брешко-Брешковскій, П. В. Быковъ, М. М. Гаккебушъ, Б. В. Глинскій, П. П. Гнѣдичъ, С. М. Городецкій, А. А. Измайловъ, Е. П. Карповъ, проф. Юлій Клеверъ, А. Э. Коганъ, А. П. Коптяевъ, А. И. Купринъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, С. М. Пропперъ, Л. Е. Розинеръ, проф. И. Е. Рѣпинъ, Н. С. Самокишъ, Н. А. Скрябинъ, П. П. Сойкинь, проф. Н. Э. Соловьевъ, Ф. Ф. Фидлеръ, Н. Н. Фигнеръ, Н. С. Худековъ.

Комитетъ намѣтилъ широкую программу литературнаго праздника 8 января, разослалъ всюду приглашенія, и въ результатѣ торжества г. Ясинскаго вышло чрезвычайно пышнымъ, веселымъ и, по словамъ одной газеты, «не только сердечнымъ, искреннимъ и прочувствованнымъ, но и красивымъ».

Торжество началось въ маломъ залѣ консерваторіи въ 2¹/₂ ч. дня, куда къ этому времени собрались многія депутаціи съ поздравительными адресами, многіе знакомые, друзья и почитатели І. І. Ясинскаго.

На задрапированной краснымъ сукномъ и декорированной зеленью эстрадѣ висѣла группа организаціоннаго комитета, снявшагося вмѣстѣ съ виновникомъ торжества. Группа вставлена въ бѣлую лакированную кленовую рамку, на которой выжжены факсимиле всѣхъ членовъ комитета. Въ 3 ч. дня подъ торжественные звуки органа (игралъ г. Людигъ) былъ введенъ въ залъ юбиляръ, причемъ публика усыпала его путь цвѣтами. Предсѣдатель комитета В. В. Глинскій, усадивъ І. І. на почетное мѣсто за столомъ на эстрады, объявилъ торжественное собраніе открытымъ, принесъ І. І. Ясинскому поздравленіе отъ лица организаторовъ праздника и просилъ принять отъ участниковъ комитета сказанную выше группу на память, какъ дань дружбы и любви.

По описанію репортера «Биржевыхъ Вѣдомостей», дальнѣйшій праздникъ протекалъ такъ.

Началось чтеніе адресовъ, поднесенныхъ различными депутаціями. Ихъ было безконечно много. Депутація отъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Огонька» поднесла юбиляру адресъ, прочитанный А. А. Измайловымъ, и подарокъ—портретъ І. І. работы Рѣпина. Портретъ этотъ—одно изъ послѣднихъ произведеній кисти великаго мастера—будетъ выставленъ на предстоящей всемірной художественной выставкѣ въ Римѣ. Въ маломъ залѣ консерваторіи этотъ портретъ былъ водруженъ на особый мольбертъ, поставленный на эстрадѣ для обозрѣнія его публикою.

Вслѣдъ за адресомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» І. І. Ясинскаго привѣтствовала депутація отъ «Историческаго Вѣстника», адресъ которой прочиталъ П. П. Гнѣдичъ. Далѣе слѣдовали адреса и привѣтствія отъ журналовъ «Природа и Люди», «Театръ и Искусство», редакторъ котораго А. Р. Кугель отмѣтилъ высокоій гуманизмъ таланта и личности юбиляра; отъ журнала «Міръ», отъ «Петербургскаго Листка», отъ книгоиздательства «Трудъ», отъ «Голоса Москвы», отъ журнала «Театръ и Спортъ»—самаго молодого изданія, привѣтствовавшего одного изъ самыхъ старыхъ литературныхъ дѣятелей; отъ журнала «Осколки»; отъ общества литературныхъ и музыкальныхъ писателей.

Далѣе шли привѣтствія отъ кружка поэтовъ имени К. Случевского, отъ кружка молодыхъ поэтовъ, отъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа, отъ газеты «Копѣйка». Адресъ и лавровый вѣнокъ были поднесены юбиляру отъ почитателей его таланта депутаціей, въ составъ которой вошли драматургъ Е. Карповъ, критикъ Чуковский и журналисты Осиповъ и Шебуевъ. Другая группа почитателей, делегатомъ которой являлся писатель Н. Н. Брешко-Бреш-

ковскій, поднесла рисунокъ художника Эберлинга, изображающій І. І. Ясинскаго окруженнымъ призраками героевъ его произведеній. Этотъ рисунокъ былъ также водруженъ на мольбертъ, рядомъ съ портретомъ Рѣпина.

Красиво было привѣтствіе С. Ф. Годлевскаго, говорившаго отъ имени кружка Полонскаго.

Депутации все тянулись, говорили депутаты кievлянъ—поклонниковъ таланта Ясинскаго, курскихъ крестьянъ, журнала «Обозрѣніе Театровъ». Группа художниковъ: С. Колесниковъ, П. Зарубинъ и П. Ганзонъ привѣтствовали юбиляра, какъ художественнаго критика и знатока искусства, и поднесли ему на память свои произведенія. Сильное впечатлѣніе произвело появленіе пяти просто одѣтыхъ рабочихъ, пришедшихъ съ Выборгской стороны, чтобы, по порученію своихъ товарищей, почитателей таланта маститаго беллетриста и публициста, пожать ему руку.

Болѣе двухъ часовъ продолжалось непрерывное шествіе депутатій и чтеніе съ кафедры поступившихъ на имя юбиляра телеграммъ и писемъ. Въ интересахъ полноты описанія праздника г. Ясинскаго приводимъ текстъ нѣкоторыхъ наиболѣе существенныхъ и оригинальныхъ адресовъ и телеграммъ. Текстъ и подписи сихъ послѣднихъ ярко свидѣтельствуютъ, насколько праздникъ г. Ясинскаго былъ въ настоящемъ смыслѣ литературенъ, сколько громкихъ и славныхъ именъ сплели свои имена съ именемъ юбиляра, зачислили себя въ списокъ его друзей, поклонниковъ и учениковъ и поклонились публично его таланту.

Адресъ «Биржевыхъ Вѣдомостей».

Дорогой Иеронимъ Иеронимовичъ! Тридцать лѣтъ назадъ Вы создали первую грустную повѣсть о бѣдной петербургской дѣвушкѣ, жертвѣ людскаго сластолюбія и жестокости. Сорокъ лѣтъ назадъ появились Ваши первая публицистическія статьи, исполненныя тѣмъ же гуманнымъ и свободолюбивымъ чувствомъ. Тридцать и сорокъ долгихъ лѣтъ длится Ваша творческая жизнь, съ огромнымъ, почти невѣроятнымъ для одного человѣка трудомъ, но и съ высокими достиженіями и удовлетвореніями творчества, въ неустанной и часто тяжелой борьбѣ за начала человѣчности, но и съ радостями побѣдъ свѣта надъ тьмою. Свѣтлой игрѣ Боговъ,—искусству,—безъ котораго невесело въ глубокихъ небесахъ и пусто на землѣ,—Вы отдали всѣ сознательные годы жизни. Нескончаемая вереница созданныхъ Вами образовъ представляется сегодня мысленно взорамъ Вашимъ и нашимъ. Прекрасная русская молодежь поры освобожденія, милыя чистыя русскія дѣвушки, мрачные осколки дореформенной старины, въ канунъ великаго дня народной свободы, «печальное поколѣніе слабыхъ и безвольныхъ людей недавней поры безвременья—вся человѣческая толпа во всей пестротѣ ея переживаній—съ восторгами любви и нестерпимыми ея муками» съ паденіями и взлетами,—все это съ тонкимъ, красивымъ спокойствіемъ отражено въ Вашихъ книгахъ, какъ въ глади покойнаго лѣснаго озера.

Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей» горда тѣмъ, что многіе годы она видитъ въ своихъ рядахъ большого художника и поэта, какъ постояннаго вкладчика въ ея труды, что сотрудники ея имѣли счастье работать рядомъ съ мастеромъ слова, за которымъ въ сумракѣ прошлоаго имъ видѣлись благословляющія тѣни Тургенева и Салтыкова. Въ исторію «Биржевыхъ Вѣдомостей» навсегда вписаны страницы съ именемъ Независимаго. Всю теплоту Вашего писательскаго сердца, рѣдкую красоту Вашего слова художника, всю горечь и все благородство челоуѣка, которому близки слезы и скорби меньшаго брата, Вы внесли въ былые годы въ Ваши «Бесѣды». Теперь, когда тѣни вечера спустились надъ Вашею жизнью, но еще такъ сохранны и цѣльны Ваши творческія силы, Ваши старые и новые соработники и почитатели приносятъ Вамъ душевное спасибо за прошлое и лучшія пожеланія новыхъ прекрасныхъ вдохновеній на долгіе годы вперед.

Адресъ «Историческаго Вѣстника».

Многоуважаемый Іеронимъ Іеронимовичъ!

Редакція и сотрудники журнала «Историческій Вѣстникъ» считаютъ пріятнымъ долгомъ принести сегодня Вамъ, своему давнему талантливому сотруднику, искреннія поздравленія съ 40-лѣтіемъ Вашей литературной и 30-лѣтіемъ беллетристической дѣятельности. Желаемъ вамъ, всегда высоко державшему знамя чистаго искусства, еще много лѣтъ быть украшеніемъ нашей литературы и бодро стоять въ первыхъ рядахъ нашихъ писателей-художниковъ, продолжающихъ великое дѣло служенія родному слову, согласно завѣтамъ виднѣйшихъ представителей отечественной словесности.

Адресъ товарищества издательскаго дѣла «Копѣйка».

Глубокоуважаемый и дорогой Іеронимъ Іеронимовичъ!

Товарищество издательскаго дѣла «Копѣйка» и его ближайшіе сотрудники радостно привѣтствуютъ Васъ въ день Вашего сорокалѣтняго юбилея. Всю свою долгую трудовую жизнь Вы посвятили служенію родинѣ и Ваши заслуги передъ ней велики и неоцѣнимы. Вы подарили ей рядъ высокохудожественныхъ произведеній и прославили свое имя, какъ изящный поэтъ, яркій беллетристъ, пронизательный критикъ и блестящій переводчикъ. Но изъ всѣхъ вашихъ заслугъ для насъ, людей, работающихъ на газетномъ поприщѣ, представляетъ наибольшую цѣнность многолѣтній подвигъ, совершенный Вами подъ рыцарскимъ забраломъ Независимаго. Вы первый изъ русскихъ журналистовъ сумѣли заинтересовать сѣраго русскаго обывателя вопросами широкаго общественнаго характера, вывести его изъ узкаго круга житейскихъ дрязгъ и мелочныхъ расчетовъ и пробудить въ немъ дотолѣ дремавшее сознаніе гражданина. До Вашего выступленія на поприще журналиста русскіе читатели считались тысячами, Вы ихъ умножили въ десятки и сотни разъ и къ независимымъ рѣчамъ Вашимъ чутко прислушивались сотни тысячъ людей, заброшенныхъ въ самые глухіе углы нашей родины. Вы способствовали перемѣщенію центра тяжести русскаго общественнаго мнѣнія съ поверхности въ глубину и этимъ заслужили право на признательность всего русскаго народа и эту гигантскую работу выдержали Ваши могучія плечи! Еще духовный пылъ Вашъ не растроченъ, еще сокровищница

Вашего дарованія полна доверху! Живите же и творите еще долгіе, долгіе годы—и пусть всегда трепещетъ въ Васъ тотъ божественный огонь, который и подъ сѣдинами юбиляра дѣлаетъ Васъ такимъ обаятельно-яркимъ, искрометнымъ и молодымъ!»

Адресъ «Голоса Москвы».

Въ день сорокалѣтія Вашей писательской дѣятельности особенно отрадно отмѣтить гармоническую цѣлостность Вашей личности, какъ писателя и какъ человѣка.

Писатель — Вы единожды навсегда увѣровали, что даръ литературный, какъ высшій даръ среди прочихъ искусствъ, есть непрерывное служеніе красотѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ: красотѣ идеи, красотѣ мысли, красотѣ формы. Какъ человѣкъ, Вы отдали могучія силы Вашей богато одаренной природы безкорыстному восторгу передъ созданіями «искусствъ и вдохновенія». Не только въ личномъ творествѣ Вы осуществляете Вашу любовь къ Прекрасному—Вы умѣете отыскивать и наслаждаться прекраснымъ и въ творествѣ другихъ.

Въ ту пору пренебреженія красотой, когда Вы выступали на писательское поприще, Вы мужественно исповѣдывали свои эстетическія убѣжденія и, не взирая на всѣ выпавшіе на Вашу долю терніи и тяготы, сумѣли остаться вѣрнымъ себѣ и до настоящаго времени—это непреклонное мужество и благородную вѣрность своимъ убѣжденіямъ мы и привѣтствуемъ въ сегодняшній знаменательный день Вашей жизни».

На всѣ обращенныя къ нему привѣтствія І. І. отвѣтилъ слѣдующею рѣчью, произнесенною съ высокимъ подъемомъ чувства, задухновеннымъ голосомъ, порою сдвливаемымъ невольными слезами:

«Дорогіе друзья и товарищи, добрые и великодушныя, всѣ, оказавшіе мнѣ своимъ присутствіемъ величайшую честь!—сказалъ юбиляръ.—Несказанно благодаренъ вамъ и организаціонному комитету, устроившему этотъ праздникъ, столь незаслуженный мною. О, конечно, я долженъ былъ бы отклонить юбилейное торжество. Но въ судьбѣ каждаго человѣка есть нѣчто роковое и неотвратимое, и я не въ силахъ былъ сдѣлать этого. И не потому я боялся юбилея, что въ сумрачный день, вообще, тускло горятъ праздничные огни. Я боялся его еще и потому, что юбилей для меня является страшнымъ судомъ. Собрались судить меня. Сошли ангелы въ бѣлыхъ одеждахъ и раскрыли книги, въ которыхъ записано все, что я сдѣлалъ, и все, чего я не долженъ былъ дѣлать. И, когда раздавались похвалы мнѣ, я съ трепетомъ внималъ имъ, потому что я слышалъ еще громкія порицанія, исходившія отъ сонма другихъ, незримыхъ вами, строгихъ ангеловъ съ скорбными лицами, съ укоромъ и упрекомъ подводившихъ въ моей душѣ итоги моимъ литературнымъ грѣхамъ. Я вижу ихъ черный караванъ передъ собою. Свѣтлое знамя, которому я служилъ и служу, склонялось передъ страхами и ужасами жизни. Правда, я не запятналъ его. Но я не подчинялся партійной дисциплинѣ. Въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ я не придерживался общепринятаго міросозерцанія. Случалось, я ломалъ

рамки общепризнанной морали. Въ острия минуты борьбы я проповѣдывалъ свѣтлое слово даже въ языческихъ храмахъ! А этого не слѣдовало дѣлать. Но самый большой мой грѣхъ, который вмѣнялся мнѣ, въ особенности въ старину, въ преступленіе—въ томъ, что мнѣ были и остались дороги и близки многіе изъ этихъ черныхъ силуэтовъ, уходящихъ на фонѣ моего заката въ вѣчность ожидающей меня ночи. Я—нераскаянный грѣшникъ: они милы мнѣ, какъ улыбка добрыхъ человѣческихъ устъ, какъ улыбка добрыхъ человѣческихъ глазъ, какъ поцѣлуй друга. Земно кланяюсь вамъ, и да простятся мнѣ какъ тѣ грѣхи, которые мнѣ самому отвратны, такъ и эти, милые мнѣ и неразлучные со мною, грѣхи—красота для красоты, радость для радости, жизнь для жизни, искусство для искусства, правда для правды, свобода для свободы.

«Еще разъ за все, за все благодарю васъ, снисходительные и великодушные!»

Послѣ рѣчи юбиляра, покрытой восторженными аплодисментами всего зала, послѣдовало исполненіе г. Людигомъ на органѣ музыкальнаго произведенія, послѣ чего приступлено было къ чтенію привѣтствій, полученныхъ телеграфомъ и по почтѣ. Вотъ главнѣйшія телеграммы¹⁾.

Московское отдѣленіе кассы литераторовъ привѣтствуетъ васъ въ день сорокалѣтней литературной дѣятельности. Предсѣдатель Телешовъ.

Многоуважаемый Иеронимъ Иеронимовичъ. Дирекція Московскаго литературно-художественнаго кружка единогласно постановила привѣтствовать въ вашемъ лицѣ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, чуткаго изобразителя современной жизни и тонкаго художника слова, являющагося достойнымъ преемникомъ великихъ мастеровъ нашей литературы и украшеніемъ и гордостью нашего литературнаго сегодня. Предсѣдатель дирекціи Валерій Семеновъ.

Отъ всего сердца поздравляю васъ съ днемъ вашей сорокалѣтней литературной дѣятельности. Суворинъ.

Примите наши искреннія поздравленія и пожеланія. Петръ и Софья Боборыкины.

Горячо обнимаю милаго товарища времянь большихъ надеждъ. Ясинскій всегда былъ душою и центромъ восходящей плеяды молодыхъ литераторовъ, культурныхъ умовъ, животрепещущихъ талантовъ—тепло, сердечно, безкорыстно. Илья Рѣпинъ.

Изъ холодной и снѣжной глуши шлю горячій привѣтъ отъ души. Пью здоровье—увы!—не шампанскимъ,—молокомъ санаторскимъ, финляндскимъ. Т. Щепкина-Куперникъ.

Поздравляю одного изъ лучшихъ писателей-художниковъ съ сорокалѣтнимъ юбилеемъ и желаю ему здоровья и творчества на многіе годы. Владимиръ Маковский.

Шлю привѣтъ и поклонъ до земли славному писателю, честному, доброму человѣку. Свѣтися, свѣтушка, многія лѣта! Константинъ Варламовъ.

¹⁾ Для удобства изложенія мы приводимъ здѣсь телеграммы, какъ полученные къ дневному засѣданію въ консерваторіи, такъ и вечеромъ на банкетѣ у Контана, а также на слѣдующій день.

Сердечно привѣтствую съ днемъ славнаго юбилея. Желаю бодрости и отзывчивости на многія, многія лѣта. Рерихъ.

Сердечно поздравляю съ прекраснымъ юбилеемъ. Авсѣнко,

Въ день вашего торжества, глубокоуважаемый Иеронимъ Иеронимовичъ, считаю пріятнымъ долгомъ привѣтствовать васъ. Георгій Чулковъ.

Горячо поздравляю глубокоуважаемаго юбиляра. Сергѣевъ-Ценскій и Алексѣй Ремизовъ.

Дорогой Иеронимъ Иеронимовичъ, позвольте въ день вашего сорокалѣтняго литературнаго юбилея къ стройному хору привѣтствующихъ васъ голосовъ присоединиться и мнѣ, вашей литературной крестницѣ, дочери В. Д. Рокотова, сорокъ лѣтъ назадъ воспріявшаго васъ въ кievской литературной купели, и желаю еще много лѣтъ все такъ же красиво жить и такъ же хорошо творить. Ямщикова-Алтаевъ.

Шлю сердечный привѣтъ дорогому юбиляру съ пожеланіями ему здоровья и силъ на многіе, многіе годы. Альбовъ.

Лишенный по одной очень уважительной причинѣ возможности присутствовать на вашемъ торжествѣ, шлю сдушевный привѣтъ и пожеланіе многихъ и счастливыхъ дней. Баранцевичъ.

Душевно поздравляю глубокоуважаемаго. Илья Гинцбургъ.

Общество имени Архипа Ивановича Куинджи присоединяетъ свой голосъ, поздравляя глубокоуважаемаго юбиляра съ днемъ сорокалѣтняго его художественной литературной дѣятельности, и желаетъ ему многихъ лѣтъ здравія. Правленіе.

Отъ души и горячо поздравляю. Очень жалѣю, что лишень возможности сдѣлать это лично. Левъ Бертенсонъ.

Независимо добраго, искренняго, независимо отзывчиваго, вѣчно прекраснаго друга, писателя І. І. Ясинскаго привѣтствуетъ редакція молодого журнала «Пробужденіе». Корецкій.

Редакція «Земскаго Сборника» Черниговской губерніи привѣтствуетъ своего бывшаго секретаря съ сорокалѣтнимъ юбилеемъ его литературной дѣятельности. Предсѣдатель земской управы Савицкій.

Отъ всего сердца привѣтствуетъ вашъ прекрасный неувыдаемый талант скромный почитатель вашъ Анатолій Дуровъ.

Глубокоуважаемый Иеронимъ Иеронимовичъ, позвольте мнѣ, вашему почти что сорокалѣтнему почитателю, присоединить свой голосъ къ тѣмъ горячимъ многочисленнымъ привѣтствіямъ и пожеланіямъ, которыя сегодня отовсюду шлютъ вамъ. Профессоръ Александръ Введенскій.

Редакція «Русской Старины» привѣтствуетъ васъ, глубокоуважаемый Иеронимъ Иеронимовичъ, съ сорокалѣтнемъ вашего высокаго служенія русской литературѣ и исторіи и шлетъ наилучшія пожеланія здоровья и всего прекраснаго на многіе и многіе годы. Редакторъ «Русской Старины» П. Н. Вороновъ.

Шлю мои наилучшія сердечныя поздравленія. Профессоръ Озеровъ.

Шлю вамъ сердечный привѣтъ и горячія пожеланія не покидать высшей области челоуѣческаго духа и продолжать творить. Проф. Безобразовъ.

Шлю горячій сердечный привѣтъ дорогому юбиляру, благородному независимому художнику, мыслителю. Проф. Погодинъ.

Примите искреннія поздравленія юбилею вашей творческой трудовой жизни. Кн. Эсперъ Ухтомскій.

Присоединяюсь къ вашему юбилею, дорогой Иеронимъ Иеронимовичъ, надѣюсь скоро перевести ваши произведенія (телеграмма на французскомъ языкѣ). Дени Рошъ (Denis Roche, французскій критикъ и знатокъ русскаго искусства).

Дорогому Иерониму Иеронимовичу сердечный привѣтъ и многія лѣта. Проф. Чубинскій.

Болѣю душою, что не могу вслѣдствіе простуды привѣтствовать лично дорогаго юбиляра вмѣстѣ со всею литературною семьєю и многочисленными его почитателями. Примите, дорогаго Иеронимъ Иеронимовичъ, мои пожеланія, чтобы Россія долгіе годы пользовалась услугами вашего талантливаго пера, а васъ сердечно отъ души поздравляю, обнимаю и присоединяюсь къ восторженнымъ тостамъ, провозглашаемымъ въ вашу честь. Редакторъ-издатель «Вѣстника Знанія», «Недѣли» и Научнаго Обзорѣнія» Битнеръ.

Императорское русское театральное общество сегодня въ день празднованія сорокалѣтія вашей литературной дѣятельности шлетъ вамъ искреннія пожеланія силъ и здоровья на дальнѣйшую плодотворную работу на томъ поприщѣ, на которомъ вы съ честью и славой подвизались сорокъ лѣтъ. Вице-президентъ общества Молчановъ.

Редакція и сотрудники «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» шлютъ маститому юбиляру горячія привѣтствія въ день сорокалѣтія правдиваго искренняго служенія родному слову. Ваша дѣятельность, полная труда и любви къ дорогагому дѣлу, даетъ намъ право отъ всей души пожелать русской литературѣ, чтобы ваша могучая фигура еще долго украшала собою ряды русскихъ писателей. Гессенъ и Клочковъ (Аграевъ).

Наисердечнѣйше привѣтствую яркаго свѣтильника русской беллетристики, честно изображавшаго людскую жизнь, безъ лести и злобы. Сожалѣемъ о невозможности лично позжать вашу трудовую плодотворную руку. Да хранитъ васъ Господь долгіе годы. Инспекторъ новгородскоіи духовной семинаріи Кедринскій и редакторъ газеты «Волховской Листокъ» Ниль Богдановскій.

Пью за высокоталантливаго беллетриста Максима Бѣлинскаго, Иеронима Ясинскаго, за крупнаго независимаго публициста и тонкаго даровитаго критика Чуносова, а въ сущности все за того же несравненнаго ювелира слова, своего литературнаго отца, дорогаго юбиляра, Фотій Бѣлявскій.

Товарища, у котораго черпаемъ силы для вдохновенія, поздравляемъ съ литературными именинами, чествуемыми всею сознательною Россією. Редакторъ «Откликъ Кавказа» Михайловъ и сотрудникъ Федоръ Черный.

Привѣтствую съ сорокалѣтіемъ блестящей литературной дѣятельности. Леонидъ Афанасьевъ.

Искусство—средство для бесѣды съ людьми, сказалъ творецъ «Бориса Годунова». Ваша «Бесѣда» была средствомъ для ознакомленія читателей съ тончайшими чертами человѣческой природы и человѣческихъ массъ. Это знаютъ всѣ, васъ читающіе и имѣвшіе счастье работать подъ вашей редакціей. Я былъ среди нихъ и пользуюсь случаемъ присоединиться къ хору вашихъ поздравителей. Да продлится ваша захватывающая бесѣда съ людьми еще многіе, многіе годы. Музыкальный критикъ Ник. Бернштейнъ.

Редакція иллюстрированнаго журнала «Европейская Жизнь» привѣтствуетъ почтеннаго юбиляра. Баронесса Роопъ. Николай Лендеръ.

Желаю, чтобы свѣточъ могучаго таланта сіялъ намъ еще многія, многія лѣта. Редакторъ «Новой Столичной Газеты» Красницкій.

«Общество взаимнаго вспомошествованія русскихъ художниковъ» привѣтствуетъ васъ какъ автора «Всходовъ», «Наташки», «Доброй Феи» и другихъ реальныхъ и пластичныхъ картинъ изъ жизни нашей интеллигенціи.

Отъ души желаю, чтобы вы еще многіе годы дарили насъ прекрасными произведеніями вашего чуднаго таланта. Долина

Редакція «Утра Россіи» привѣтствуетъ маститаго юбиляра. Шлетъ лучшія пожеланія. «Утра Россіи».

Гордые тѣмъ, что и Кіевъ вплелъ свои цвѣты въ вѣнокъ вашего творчества, мы привѣтствуемъ васъ въ день юбилея. Шлемъ искреннія поздравленія и пожеланія долгаго слѣдованія по избранному вами славному пути. «Послѣднія Новости».

Редакція «Петербургской Газеты» привѣтствуетъ маститаго юбиляра и желаетъ ему дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на литературной нивѣ.

Горячо привѣтствую отъ всей редакціи польской газеты «Дзѣнникъ Петербургскій» маститаго юбиляра и желаю ему еще долгіе годы славно работать на литературной нивѣ родственнаго намъ великаго русскаго народа. Оссендовскій.

Примите сердечныя горячія поздравленія. Редакторъ «Новостей Сезона» Кугульскій.

«Дружескія Рѣчи», привѣтствуя высокоталантливаго І. І. въ свѣтлый день сорокалѣтія его литературной дѣятельности, выражаютъ горячія пожеланія, чтобы его блестящее перо служило дѣлу народнаго развитія и просвѣщенія еще многіе годы.

Редакція журнала «Свободнымъ Художествамъ» и газета «Противъ Теченія» шлетъ свои поздравленія юбиляру въ его великій день. Оома Райлянъ.

Община художниковъ привѣтствуетъ глубокоуважаемаго І. І. Предсѣдатель Кузнецовъ.

Горячо привѣтствую великаго художника пера и кисти; дивныя творенія котораго еще долго будутъ восхищать любителей изящнаго и самобытнаго. Пальмскій.

Привѣтствую талантливаго и чуткаго писателя-художника и желаю ему еще долгіе годы держать твердо и высоко честное знамя. Пѣшкова-Толивірова.

Редакція газеты «Искры» шлетъ привѣтъ.

Императорское общество русскихъ акварелистовъ присоединяетъ сердечныя поздравленія маститому юбиляру. Берггольцъ, Крыжицкій, Хрѣновъ.

Отъ всего сердца поздравляю васъ, глубокоуважаемый Іеронимъ Іеронимовичъ, въ день вашего юбилея. Графъ А. Н. Толстой.

Пью за здоровье молодыхъ добрыхъ глазъ, въ которыхъ сіяетъ вѣра въ лучшія чувства и побужденія челоуѣчества. Ура! Нордманъ-Сѣверова.

Поздравляю васъ, стараго сотрудника «Всемирной Иллюстраціи», съ великимъ днемъ сорокалѣтняго юбилея вашей литературной дѣятельности. Э. Гоппе.

Дай Богъ вамъ силъ и многи лѣта на стражѣ правды, стражѣ свѣта—во всеоружіи поэта стоять поборникомъ добра. Дай Богъ въ союзѣ съ красотой вести вамъ юность за собою маститой вашей душою. Максиму—maximum! Ура. Аполлонъ Коринфскій.

Живите счастливо, попрежнему творите, храни васъ Богъ здоровымъ много лѣтъ и въ мигъ торжественный и нашу дань примите—отъ сердца чистаго восторженный привѣтъ. Михайль Соколовъ.

Въ день сорокалѣтія вашей литературной дѣятельности сердечно привѣтствую съ этимъ праздникомъ нашей улицы васъ—одного изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ учениковъ Тургенева. Т. А. Мартемьяновъ.

Въ день великаго срока привѣтствую маститаго Іеронима Іеронимовича, Иванъ Рукавишниковъ.

Преклоняясь предъ талантомъ романиста Бѣлинскаго Максима и отзывчивостью и честностью публициста Независимаго, шлемъ сердечныя поздравленія дорожному юбиляру и выражаемъ увѣренность, что имя автора «Наташки», «Искры Божіей», «Хуторянъ», творца великолѣпныхъ

провинціальныхъ очерковъ займетъ не послѣднее мѣсто въ исторіи отечественной литературы. Сотрудники «Царицынскаго Вѣстника», «Поволжской Думы». Уполномоченные.

Товарищество М. О. Вольфъ сердечно поздравляетъ глубокоуважаемаго юбиляра и искренно желаетъ и впредь успѣха.

Издательство «Шиповникъ» горячо привѣтствуетъ маститаго юбиляра, желаетъ долгой жизни и плодотворной работы.

Въ день двойного юбилея вашего редакція «Русскаго Слова» шлетъ искреннѣйшія привѣтствія и пожеланія Независимому журналисту и Максиму Бѣлинскому, рускому беллетристу. Редакція «Русскаго Слова».

Привѣтствую васъ, какъ всегда, талантливаго, энергичнаго литературнаго дѣятеля. Невѣжинъ.

Желаю продолженія славной дѣятельности на долгіе годы. Графиня Муравьева.

На славу и здравье вы жаловаться не можете, а потому пожелаю побольше капиталовъ, чтобы легче жилось. Плещеевъ.

Къ кому приковано вниманіе всей мыслящей Россіи, присоединяю и я свое благоговѣніе предъ могучимъ человѣкомъ, писателемъ и художникомъ. Лѣсной (сотрудникъ «Современнаго Міра» и др.).

Привѣтствую дорогаго юбиляра, взыскательнаго и чуткаго художника, и отъ всей души желаю ему долгихъ лѣтъ плодотворной работы во имя прекраснаго. Будищевъ.

Старый товарищъ. привѣтствую тебя отъ всей души со знаменательнымъ днемъ сорокалѣтія твоей плодотворной талантливой дѣятельности. Въ лицѣ твоёмъ привѣтствую писателя, редактора, критика и блюстителя вѣчныхъ завѣтовъ, оставленныхъ намъ нашими великими учителями. Отъ всего сердца желаю тебѣ здоровья и неизсякаемой работоспособности на славу тебѣ, на радость намъ, друзьямъ твоимъ, и на обогащеніе родной литературы. Влад. Тихановъ.

Редакція «Свѣточа» и «Дневника Писателя» шлетъ свои поздравленія дорогаму юбиляру, выдающемуся художнику слова и вдумчивому публицисту. Кругловъ. Догановичъ.

Сердечно желаю высокодаровитому юбиляру еще много лѣтъ творить прекрасно, транспонируя жизнь въ божественную тональность вдохновенія. Анна Баумгартенъ-Микѣшина.

Своимъ чуднымъ даромъ и усиленнымъ трудомъ вы воплотили въ себѣ прекрасную троицу психологіи, художества и символизма. Желаю вамъ, чтобы юношескій пылъ души и свѣжесть и сила ума послужили вамъ еще на долгіе годы—на радость вашимъ друзьямъ и на пользу обществу. Искренно сожалею, что не могу лично видѣть ваше благородное доброе лицо и пожать вашу честную руку. Почитающій и любящій васъ Моргерштернъ (редакторъ «Психо-Графологическаго Журнала»).

Не было времени, когда бы не жаловались на оскуднѣніе творчества; между тѣмъ оно шло все впередъ и впередъ по своему тернистому пути и, какъ всѣ мученики, завоевали міръ великіе страстотерпцы русскаго художественнаго слова и создали духовную родину, яже не отнимется отъ насъ ни мечомъ, ни насиліемъ. Въ вашемъ лицѣ, дорогой собратъ, чествуютъ эту верховную творческую силу. Примите отъ меня, смиреннаго богомольца въ нерукотворномъ храмѣ, усердное пожеланіе еще долгихъ лѣтъ вдохновеннаго труда, созидающее значеніе котораго постигнуть лишь грядущія поколѣнія. Константинъ Льдовъ.

Изъ чужого тебѣ лагеря я прихожу въ праздничной одеждѣ на сегодняшнюю свадьбу великойрусской литературы и, низко кланяясь передъ ея величествомъ, поздравляю тебя въ сорокалѣтней твоей честной работѣ для ея радости и счастья. Желаю я тебѣ, другъ, чтобы ты еще долго былъ съ нами, и сила пусть будетъ съ тобой и твое юношество. Шеломъ Ашъ.

Красотѣ вашихъ сѣдыхъ волосъ, красотѣ ума и сердца вашего низко кланяюсь. Свѣтло и радостно проведите сегодняшній день. Не люди, а сама жестокая жизнь, побѣжденная талантомъ вашимъ, склонившись, привѣтствуетъ васъ громогласно. Леонидъ Андреевъ.

Радостно привѣтствую вашу вчерашнюю рѣчь. Жалѣю мое невольное отсутствіе. Благодарю за многіе хорошіе часы, проведенные за чтеніемъ вашихъ многихъ произведеній. Григорій Петровъ.

Ошеломленный, очарованный вашей рѣчью въ консерваторіи, гдѣ такъ искренно сказалась покаянная ваша скорбь, привѣтствую щедрый, изящный и пышный талантъ и грущу, что внезапный отъѣздъ помѣшалъ мнѣ лично обнять юбиляра. Чуковский.

Не приводимъ дальнѣйшихъ телеграммъ, ихъ осталось болѣе ста. И приведенныя заняли много мѣста.

Получено было также много письменныхъ привѣтствій, между прочимъ отъ поэта и извѣстнаго адвоката С. А. Андреевскаго, отъ Ивана Рукавишника и отъ Ивана Щеглова, который на слѣдующій день юбилея писалъ: «Давно, давно я не былъ такъ душевно счастливъ, какъ на вашемъ вчерашнемъ необыкновенномъ, искренно свѣтломъ праздникѣ. Были минуты, что хотѣлось плакать отъ умиленія. 8-го января 1911 года отмѣтится, какъ важное общественное явленіе».

Засѣданіе въ консерваторіи закончилось игрой нѣсколькихъ нумеровъ на органѣ, прекрасно исполненныхъ г. Людвигомъ.

Вечеромъ въ ресторанѣ Контана состоялся многолюдный банкетъ, организованный изъ роскошно сервированнаго обѣда и послѣ него артистическаго дивертисемента. За обѣденнымъ столомъ расположилось до двухсотъ человекъ. По описанію «Биржевыхъ Вѣдомостей», дѣло обстояло за обѣдомъ такъ:

Собрались писатели, журналисты, музыканты, художники, артисты и почитатели таланта юбиляра. Огромный залъ ресторана былъ полонъ красивой, нарядной и изящной толпой. Было шумно, непринужденно весело и уютно. Юбилея встрѣтили дружными аплодисментами и тусшемъ. За шампанскимъ начались тосты. Первымъ поднялъ свой бокалъ Б. Б. Глинскій, предложившій здравію за великую Россію, давшую такого сына, какъ І. І. Ясинскій. «За славу и благоденствіе нашей родины. Ура!»—заклучилъ г. Глинскій свою рѣчь, покрытую громкимъ «ура» всѣхъ присутствовавшихъ.

Красивымъ откликомъ былъ тостъ, пропѣтый солистомъ Его Величества Н. Н. Фигнеромъ. Съ бокаломъ въ рукѣ артистъ спѣлъ, обращаясь къ юбиляру, застольную пѣсню изъ «Травіаты», перефразировавъ нѣсколько соотвѣтственно случаю ея слова. Второй куплетъ этой пѣсни тоста былъ пропѣтъ пѣвицей Макаровой-Вропской. Успѣхъ этихъ тостовъ былъ такъ великъ, что ихъ пришлось биссировать.

Далѣе начались рѣчи: отъ имени кружка Полонскаго говорилъ С. Ф. Годлевскій.

Поэтъ Сергѣй Городецкій прочиталъ стихотвореніе:

Вешній дѣдъ.

Теремъ есть одинъ таинственный,
 Дальнія мѣста!
 Стукомъ стукнуть не единственнымъ
 Надо въ ворота,
 Чтобы ихъ затворъ воинственный
 Разомкнулъ уста.

Но, ужъ если за воротами
 Очутился ты—
 Будто въ мудрый улей съ сотами
 Навострилъ мечты,
 Въ келью съ тайными щедротами
 Старой красоты.

Въ терему не дѣва дивная
 Волося плететь,
 Не колдунья заунывная
 Надъ судьбой поеть—
 Нѣтъ, тамъ сила неизбывная:
 Вешній дѣдъ живетъ.

Вешній дѣдъ съ глазами юными,
 Молодо-сѣдой,
 Дружный съ вьюгами, бурунами—
 Снѣжно-молодой,
 Онъ владѣетъ всѣми струнами
 Лиры золотой.

Тронетъ струны звонкогласныя,
 И гремятъ ручки,—
 Въ небеса взлетаютъ ясные
 Птицы-соловьи,
 Зябнуть синіе и красные
 Цвѣтики земли.

И ужъ какъ тамъ родился онъ,—
 Не узнать,
 Волшебству гдѣ научился онъ,—
 Не понять,
 Но чтобъ всѣмъ не полюбился онъ—
 Не бывать!

Вешній дѣдъ! Своей дорогою
 Знай себѣ, иди!
 Лѣта многая-премногая
 Будутъ впереди.
 Русь не будетъ, вѣдь, убогою—
 Подожди!

Редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Пропперъ, вышукло обрисовавъ литературный обликъ юбиляра, сумѣвшаго и всегда быть выше узкой партійной кружковщины, подробно остановился на публицистической сторонѣ литературной дѣятельности

И. И. Ясинскаго. Ораторъ говорилъ объ Ясинскомъ—независимомъ публицистѣ, извѣстномъ и любимомъ въ каждомъ захолустѣ, въ каждомъ отдаленномъ углу провинціальной Россіи, о журналистѣ, бывшемъ долгіе годы другомъ и руководителемъ провинціального читателя, близко принимавшимъ къ сердцу его интересы, печали и невзгоды. Хорошо зналъ «Независимаго» и покойный Л. Н. Толстой, неоднократно направлявшій письма различныхъ обывателей съ изобличительными матеріалами на имя «Независимаго» съ просьбой отмѣтить на столбцахъ печати тѣ или иныя явленія. «Я поднимаю свой бокаль,—закончилъ свой тостъ С. М. Пропперъ,—за здоровье крупнаго писателя-беллетриста Ясинскаго и публициста—Независимаго».

Кратокъ, но выразителенъ былъ тостъ А. И. Куприна:

«Я торгую тѣмъ же товаришкомъ, что и онъ—юбиларь, и какъ младшій ученикъ поднимаю бокаль за здоровье своего учителя».

Съ большимъ подъемомъ произнесъ рѣчь редакторъ журнала «Театръ и Искусство» А. Р. Кугель, отмѣтившій, что юбиларь не могъ замкнуться въ рамки узкаго фракціоннаго догматизма, потому что онъ былъ поэтъ, а поэтамъ принадлежитъ весь міръ, все солнце.

Редакторъ вечернихъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» В. А. Бонди поднялъ свой бокаль за красоту, культъ которой такъ ярко отражается въ произведеніяхъ юбилара, за прекрасныхъ дамъ, вдохновлявшихъ его творчество, и за дочь его, присутствовавшую на банкетѣ.

Много аплодисментовъ вызвало слѣдующее поэтическое при-
вѣтствіе юбилару, прочитанное А. А. Измайловымъ:

Какъ циркуль исполинскій
Взмахнулъ 30 лѣтъ,
Опять Максимъ Бѣлинскій
Обласканъ и согрѣтъ.

Въ честь стараго Максима
Бокаловъ—свѣтлый звонъ.
И сыновья, и внуки
Собрались на поклонъ.

Въ немъ силы не увяли,
И пламень не угасъ,
Хоть листь съ тѣхъ поръ роняли
Деревья 30 разъ.

Стоитъ неколебимый,
Хоть серебромъ одѣтъ,
Нашъ славный и любимый
Литературный дѣдъ.

Того теперь по праву
Прославь, правдивый стихъ,
Кто жилъ, трудясь на славу
Одинъ за семерыхъ.

Какіе битвы-бои
Сумѣль онъ перенести!
Въ былинныя герои
Пора бъ его зачесть.

Кто не забылъ былое,
Тотъ помнитъ, какъ сверкаль,
Ломая все гнилое,
Мечъ «Рыцаря зеркаль».

На свистъ и на удары
Отвѣтъ былъ крутъ и простъ,—
Концомъ своей сигары
Онъ жегъ собакъ хвостъ.

А какъ потомъ былъ тяжекъ
Писателя удѣлъ,
Какъ Соловей-Разбойникъ
Печатью завладѣлъ.

Бывало, Соловьева
Читаемъ письмецо,—
«Задѣтъ вы смѣли снова
«Служебное лицо!»..

«Вы завтра и въ синклитѣ
«Найдете вредныхъ лицъ.
«Урядника—браните,
«На станового—цыцъ!»...

Такъ съялъ добродѣтель
Не Соловьевъ одинъ,
Но вотъ сорвался съ петель
Россійскій гражданинъ.

Намъ изъ житейской урны
Счастливый выпалъ даръ—
Принесъ курьеръ цензурный
Послѣдній циркуляръ.

Настушили другія времена, на Руси не стало порядка

И вотъ съ весельемъ въ лицахъ
Живемъ полгода,—глядь,
Мы въ прежнихъ рукавицахъ,
Кругомъ же—тишь да гладь.

Твердимъ, сбиваясь съ тона,
Унылыя слова,
Отъ Ната Пинкертон
Кружится голова.

Во дни «успокоенья»
И гибели мечты
Одно душъ спасенье—
Святыня красоты.

Почтимъ же человѣка
Отъ глубины сердець,
Кто былъ почти полвѣка
Ей другъ, и рабъ, и жрецъ!

Авторъ закончилъ слѣдующимъ пожеланіемъ:

Въ десяткѣ псевдонимовъ
Ясинскій да живетъ,
И большимъ изъ Максимовъ
Въ исторію войдетъ.

Тосты слѣдовали одинъ за другимъ. Говорили: поэтъ и переводчикъ Фидлеръ, сказавшій очень остроумную рѣчь, исключительно составленную изъ названій произведеній юбиляра, И. И. Соколовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, поэтесса Теффи, поэтъ Рославлевъ, Н. И. Кравченко и др. Остроумень и изящень былъ экспромтъ рассказчика, артиста Малаго театра В. В. Сладкопѣвцева, въ веселой и шутилой формѣ рассказавшаго о своихъ впечатлѣніяхъ и закончившаго словами: «И вотъ на сегодняшній праздникъ собрались одни лишь свои. Чужіе сюда не пришли, и Богъ съ ними. Выпьемъ же за здоровье своихъ».

Юбиларъ нѣсколько разъ благодарилъ своихъ друзей и товарищей за привѣтствія и пожеланія, которыя сыпались непрерывнымъ живымъ, искрящимся остроуміемъ и талантомъ дождемъ.

Обѣдъ кончился въ 11-мъ часу вечера и пока убирали залъ для подготовленнаго артистическаго дивертисемента, фотографы Булла и Оцупъ сдѣлали нѣсколько групповыхъ снимковъ съ присутствовавшихъ. Была пущена вслѣдъ за тѣмъ по особымъ билетамъ бесплатно публика, не могшая по какимъ-либо соображеніямъ принять участія въ дорогомъ обѣдѣ. Въ общемъ къ 12 часамъ въ обширномъ залѣ Контана собралось до 500 чел., въ распоряженіе которыхъ организационный юбилейный комитетъ предоставилъ открытые буфеты съ чаемъ, прохладительными напитками, фруктами, мороженымъ и сладостями. Около 12 час. вочи началось концертное отдѣленіе, главные моменты котораго отмѣчены другимъ рецензентомъ г. Б. В. изъ вечерняго выпуска «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 12,114). Онъ пишетъ:

«Концертная программа исполнялась въ оригинальной обстановкѣ артистическаго кабарэ.

«На импровизированную эстраду съ легкостью юнаго кадета вскочилъ Н. Н. Фигнеръ. Вдохновенно пропѣвъ свои романсы, этотъ чудесный артистъ элегантно и сильнымъ взмахомъ водворилъ на эстрадѣ г-жу Вронскую-Макарову.

«Какъ г-жа Вронская-Макарова, такъ и г-жа Билибина (прекрасное драматическое сопрано), г-жа Розовская и г-жа Рутковская (прекрасное колоратурное сопрано, стильное, изящное исполненіе) имѣли большой успѣхъ. Лавры послѣдней раздѣлили также и авторъ пропѣтаго артисткой романса, г. Коптяевъ.

«Поэтическимъ видѣньемъ предсталъ передъ слушателями обликъ талаптливой артистки М. А. Ведринской. Подъ аккомпаниментъ г-жи Вельяшевой (неутомимо аккомпанировала въ теченіе всего вечера всѣмъ исполнителямъ) положительно пропѣла цѣлый рядъ стихотвореній талантливая артистка,—и это была музыка рѣчи...

«Но вотъ на другой эстрадѣ, уже не импровизированной, а находящейся противъ входа въ залъ, раздвинулся занавѣсъ и пріятнымъ сюрпризомъ выглянулъ оттуда великорусскій оркестръ балалаечниковъ г. Привалова.

«Сыгравъ, съ присущимъ ему мастерствомъ и артистической законченностью нѣсколько пьесъ, оркестръ проаккомпанировалъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ талантливой исполнительницѣ, г-жѣ Дулькевичъ. Буря восторга послужила отвѣтомъ на пѣсни артистки...

«Подъ аккомпаниментъ оркестра г. Привалова пѣлъ г. Макаровъ. Могучій, красивый, мелодичный басъ отчеканивалъ каждое слово пѣсни съ такой выразительностью, съ такой мощью, что артисту устроили овацію. Пѣли дивными, сочными звуками на своихъ скрипкахъ г. г. Завѣтновскій и Цанибони, а на рояли г. Покровскій. А г-жа Любошицъ своимъ артистическимъ, блестящимъ исполненіемъ на віолончели доказала, что оно доступно не только «choisis», но и «choisies».

«Достаточно было показаться на столѣ В. В. Сладкопѣвцеву, какъ весь залъ разразился бурными привѣтствіями, повторявшимися послѣ каждой уморительной сценки, съ обычнымъ юморомъ переданной талантливымъ рассказчикомъ. Достойно закончилъ концертную программу юбилейнаго чествованія І. І. Ясинскаго г. Макаровъ «Двумя гренадерами».

По окончаніи серьезной концертной части администраціи ресторана Контанъ позволено было выполнить часть своего обычнаго кабарейнаго представленія на открытой сценѣ, и передъ присутствующими одинъ за другимъ промелькнули разные кафешантаные лицедѣи. Вечеръ закончился очень поздно. Никому не хотѣлось расходиться—такъ весело, хорошо, тепло было у всѣхъ на душѣ отъ этого такъ прекрасно организованнаго и весело проведеннаго праздника. Немногимъ изъ нашихъ литературныхъ дѣятелей приходилось видѣть такое дружное и радостное чествованіе ихъ дарованій, и оно ставитъ юбиляра въ долговое обязательство передъ русскимъ обществомъ. Мощнымъ и талантливымъ проявленіемъ своего таланта онъ можетъ лишь достойно отплатить за устроенный ему праздникъ. Силъ для того у него еще достаточно, и пусть «вешній дѣдъ» только не забудетъ этого своего нравственнаго долга и о немъ почаще вспоминать.

Г. Л. И.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Юбилейное изданіе т-ва И. Д. Сытина. 2 тома in 8°. т. 1—230 стр.; Т. 2—254 стр., М. 1911. Цѣна не обозначена.

А ПРИЛАВКАХЪ книжныхъ магазиновъ русскій читатель легко обратитъ вниманіе на два объемистыхъ тома, заключенныхъ въ свѣтлую обложку, на которой изображена слѣдующая вишетка: продольная разорванная цѣпь, въ разрывѣ которой покоится наискось перо, которымъ императоръ Александръ II подписалъ великій актъ 19 февраля 1861 г. Черезъ цѣпь красными буквами обозначено крупнымъ славянскимъ шрифтомъ, тисненнымъ красною краскою: «Великая реформа». Внизу обрывковъ цѣпи значатся одинъ подъ другимъ годы — 1861 — 1911. Таковая нѣсколько крикливая и тенденціозная обложка, несомнѣнно, привлечетъ вниманіе читателя, а оглавленіе дастъ ему надежду, что въ изданныхъ томахъ онъ найдетъ лѣтопись того, какъ осуществилось великое дѣло освобожденія миллионныхъ людей «по мановенію царя». Къ сожалѣнію, онъ нѣсколько разочаруется въ своихъ надеждахъ и именно не найдетъ того, что ищетъ. Въ вышедшихъ томахъ изданія имѣется только, такъ сказать, прелюдія къ реформѣ, подступъ къ ней въ видѣ цѣлага ряда монографій, гдѣ болѣе или менѣе обстоятельно разработаны разныя стороны отечественной жизни, включавшія въ себя крестьянскую жизнь, въ разныхъ ея проявленіяхъ, на протяженіи всей нашей исторіи и въ разныхъ районахъ нашего необъятнаго отечества. Нельзя сказать, чтобы послѣдовательный порядокъ этихъ монографій оставлялъ цѣльное впечатлѣніе и чтобы картина быта крестьянъ и развертываніе всего крестьянскаго вопроса съ момента его появленія на аренѣ исторіи и до начала XIX вѣка, коимъ заканчивается второй томъ, выдѣлялись рельефностью и могли быть разсматриваемы какъ послѣднее и рѣшительное слово въ кругу всего этого огромнаго

историческаго вопроса. Въ сущности этотъ сборникъ монографій, участіе въ которомъ приняло не мало лицъ, есть попытка построения социальной и экономической исторіи Россіи, т. е. попытка нѣсколько односторонняя и осуществленная по заранѣе намѣченному плану, о которомъ пока можно только догадываться по нѣсколько туманному предисловію. Здѣсь мы, между прочимъ, читаемъ: «Политическій идеализмъ хочетъ воспитывать. Ему нужны показательные примѣры. И воспитательная цѣль часто достигается цѣною нѣкотораго—ad majorem gloriam идеи—искаженія истинной природы орудія поученія. Нѣкоторому искаженію съ очень хорошимъ намѣреніемъ подвергся и смыслъ реформы 19 февраля. Съ научной точки зрѣнія это было вредно, но съ общественной—полезно и цѣлесообразно. Нужно помнить, когда приходилось выдвигать больше всего идейную сторону реформы 19 февраля. То было время самой глухой реакціи, когда даже скромные преобразовательные принципы 60-хъ годовъ казались чѣмъ-то недосыгаемымъ по смѣлости, широкому размаху и послѣдовательности, когда по всей линіи происходило движеніе назадъ и конца не видѣлось этому попятному движенію. «Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче». Политическій небосклонъ 80-хъ и 90-хъ годовъ былъ до такой степени черенъ, что даже мелкія звѣзды загорались блескомъ крупныхъ свѣтилъ, и къ этому обманчивому блеску съ тревогой устремлялись взоры огромнаго большинства сознательныхъ людей. Иначе и быть не могло. Не можетъ общество жить безъ путеводныхъ огней. И никто не станетъ отрицать, что лирико-романтическое отношеніе къ событію 19 февраля, лучшимъ памятникомъ котораго является книга покойнаго Г. А. Джаншіева, сыграло свою, и очень крупную, роль въ исторіи воспитанія русскаго общества. Политическій идеализмъ умѣлъ использовать тѣ немногіе элементы демократизма и идейнаго увлеченія, которые были въ реформѣ 1861 года. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ своего рода знамя, которое вѣяло надъ прогрессивными стремленіями русскаго общества довольно долго. Въ настоящее время въ русскомъ прошломъ имѣются такія даты, которыя съ полнымъ правомъ могутъ питать политическіе идеалы. 1905 годъ въ исторіи Россіи—то же, что 1789 годъ въ исторіи Франціи или 1848 годъ въ исторіи Германіи. Въ 1905 г. общественно-политическая эволюція Россіи сразу сдѣлала скачокъ и далеко ушла отъ первыхъ освободительныхъ вѣхъ, поставленныхъ въ царствованіе Александра II. Революція 1905 года и освободила реформу 1861 года отъ той роли, которую заставлялъ ее играть въ процессѣ роста нашего общественнаго сознанія политическій идеализмъ. Ореоль, которымъ была окружена реформа, значительно потускнѣлъ. Ея политическая роль сравнялась съ ея соціологическимъ значеніемъ и стала меньше. Но отъ этого огромная важность ея не уменьшилась. Соціологическій удѣльный вѣсъ ея всегда былъ и всегда будетъ великъ. Паденіе крѣпостнаго права, формальное уравненіе наиболѣе значительной части населенія страны въ гражданскихъ правахъ съ меньшинствомъ было, конечно, огромнымъ шагомъ впередъ, необходимѣйшей предпосылкой для дальнѣйшей общественно-политической эволюціи Россіи. Только крушеніе феодально-крѣпостнаго уклада, только распаденіе цѣпи, приковывавшей человѣка къ землѣ и дѣлавшей его собственностью другого, открывало путь для плодотворной общенародной политиче-

ской борьбы. Только освобождение из-под гнета рабства давало возможность крестьянству ясно сознать отношения къ нему правительства, формулировать себя болѣе или менѣе отчетливо свою роль въ государственномъ организмѣ. Стоявшій между нимъ и государствомъ помѣщикъ мѣшалъ выясненію истиннаго характера этихъ отношений. Въ этомъ, повторяемъ, огромное значеніе реформы. И попытку выяснить ея историческое значеніе во всемъ объемѣ, на фонѣ исторіи русскаго крестьянства и русской общественной эволюціи, естественно же всего приурочить къ полувѣковому юбилею акта 19-го февраля».

Нельзя не признать, что масштаб исторической перспективы взять здѣсь широко, а потому позволено усомниться, чтобы редакторы, руководимые публицистическими импульсами, смогли въ установленныя ими рамки втиснуть все необходимое для ясности и правдивости изображенія русской жизни. Такъ, какъ она исторически въ дѣйствительности слагалась. Объять необъятное невозможно, и «фонъ исторіи русскаго крестьянства и русской общественной эволюціи», пожалуй, и будетъ тѣмъ необъятнымъ, за которымъ редакторы изданія А. К. Дживелеговъ, С. П. Мельгуновъ и В. И. Пичеть дѣлаютъ попытку погнаться. Два вышедшихъ тома пока, хотя они обнимаютъ собою громадный историческій періодъ, увы! этого настоящаго фона не дадутъ. Онъ получился у нихъ, благодаря обилію сотрудниковъ, его разрабатывавшихъ, слишкомъ мозаичнымъ, причемъ въ составъ мозаики вошелъ въ своемъ цѣломъ далеко несовершенный матеріалъ. Читаешь, читаешь эти монографіи и видишь лишь части, но одинаго, опредѣленно освѣщеннаго фона нѣтъ и приходится по необходимости для полнаго уразумѣнія дореформеннаго уклада жизни все жъ обратиться къ старымъ своего рода классическимъ научнымъ источникамъ, часть которыхъ перечислена и въ предисловіи гг. редакторовъ. Подходя къ своей задачѣ составленія необходимаго историческаго фона, послѣдніе бросили ретроспективный взглядъ, что сдѣлано предшествовавшими работниками на той же научной нивѣ, но не исчерпали въ полной мѣрѣ всей литературы предмета и, по правдѣ говоря, недалеко ушли даже отъ указателя, приложеннаго къ ст. «Крестьяне» въ XVI полутомѣ энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона», причемъ наибольшими любезностями разсыпались по адресу своихъ единомышленниковъ-историковъ публицистическаго направленія и радикальныхъ приходовъ. Работникомъ объективной школы лишь сдѣланъ снисходительный кивокъ.

Составляя юбилейное изданіе «Великой реформы», они нѣсколько кисло ей улыбаются, дѣлаютъ передъ ней вынужденныя комплиментарныя присяданія, но главные свои любовные взгляды бросаютъ на великореволюціонный 1905 г., передъ которымъ, по ихъ мнѣнію, 1861 г. какъ будто тускнѣеть. Такого рода публицистическая позиція, ими занятая, мало общается въ будущемъ толковаго и думается, что юбилейный презентъ русскому обществу со временемъ надо будетъ замѣнить какимъ-нибудь болѣе цѣннымъ, участіе въ которомъ примутъ, быть можетъ, не столь знаменитые редакторы и сотрудники, но который болѣе отвѣтитъ цѣли—освѣщенія значенія для русской жизни акта 19 февраля. Актъ этотъ, охъ! какой громадной важности, значеніе котораго, пожалуй, мы и сейчасъ еще вполне сознательно и спокойно не оцѣнили, и

вряд ли къ оцѣнкѣ его нужно подходить съ того смѣшного разбѣга, который дѣлають гг. редакторы. Они начинаютъ съ полемики противъ... г. Меньшикова. Подумаешь, какое entrée: видимо, въ Москвѣ народъ ужь больно трусливъ, если считаютъ нужнымъ для выпуска обширнаго научнаго труда собрать нѣсколько десятковъ людей и показать имъ одну лишь петербургскую мишень — публициста «Новаго Времени». Не подумали ли г.г. Дживелеговъ, Мельгуновъ и Пичеть, что такимъ начинаніемъ они себя какъ будто дискредитируютъ? Человѣкъ, несомнѣнно, большого таланта, огромной парадоксальности, написалъ срочный газетный фельетонъ, гдѣ высказалъ нѣсколько мыслей, суть которыхъ сводится къ тому, что юбилейную годовщину 19 февраля 1861 г., молъ, нечего праздновать. Фельетонъ этотъ прочли читатели и, вѣроятно, забыли, какъ забывается большинство газетныхъ фельетоновъ, но дѣятели «Исторической комиссіи учебнаго отдѣла о. г. т. з.» создали изъ него событіе и пошли противъ него двумя увѣсистыми томами. Я бы на мѣстѣ г. Меньшикова возгордился. Тутъ рисуется цѣлое историческое полотно, на которомъ собираются написать яркими буквами «19 февраля 1861 г.», а за нимъ въ мерцаніи огня поставить революціонный 1905 годъ», и на первомъ мѣстѣ этого полотна вырисовываютъ его, Меньшикова, фигуру, который, по выраженію ученыхъ редакторовъ, «либо умышленно ослѣпляетъ себя социологическими aberrациями, либо добросовѣстно не умѣетъ разобраться въ социологическихъ конструкціяхъ». Есть отъ чего головѣ кругомъ пойти... Нѣтъ, видимо, въ Москвѣ что-то неладное совершается, и я боюсь, чтобы г. Сытинъ не спохватился слишкомъ поздно, что онъ для задуманнаго предпріятія обратился не по надлежащему редакціонному адресу и къ лицамъ, бесѣдующимъ съ читателями на малодоступномъ имъ нарѣчій «аберацій» и «социологическихъ конструкцій».

Пока вся работа не выполнена до конца, о ней по существу ея частей мы говорить не будемъ — подождемъ еще, ибо, очевидно, потребуется еще нѣсколько томовъ, пока г.г. редакторы обнимутъ въ послѣдующихъ мнोगрафіяхъ великую реформу и «русское общество и крестьянство въ настоящемъ». Отмѣтимъ еще одну любопытную сторону дѣла. Настоящее изданіе обильно иллюстрировано, и это обстоятельство, пожалуй, придаетъ ему главную цѣнность, такъ какъ въ немъ попадаетъ дѣйствительно много цѣнныхъ оригинальныхъ и дотолѣ неизвѣстныхъ рисунковъ, освѣщающихъ русскій бытъ. Не говоря уже про извѣстные портреты, тутъ масса жанровыхъ картинъ, видовъ, снимковъ зданій, помѣщичьихъ покоевъ и т. д. и т. д. Иконографія вещь цѣнная, и если издатель на нее не скупится — дѣло похвальное, но опять-таки, повидимому, среди редакторовъ не нашлось по этой части вполне компетентныхъ людей, которые, въ интересахъ удешевленія изданія, а слѣдовательно для его распространенности, сумѣли бы разобраться въ громадномъ, попавшемъ въ ихъ распоряженіе матеріалѣ. Они хватили все, что можно было почерпнуть изъ казенныхъ и частныхъ музеевъ и книгохранилищъ, при чемъ въ оцѣнкѣ матеріала руководились не столько соображеніями необходимости, сколько стоя на «исторической и публицистической точкѣ зрѣнія», т. е. на точкѣ зрѣнія условной и очень неопредѣленной. Отсюда въ изданіе г. Сытина попало немало иллюстрацій, совершенно не нужныхъ тексту, но, понятно, цѣнныхъ какъ историческій матеріалъ вообще. Опять-таки и здѣсь мы наблюдаемъ стремленіе

объять необъятное. Широкие люди орудуютъ въ Москвѣ: давать, такъ давать—знай нашихъ! Сказаннымъ пока ограничимся. «А какъ же насчетъ цѣны?»—спросить читатель. Не знаемъ—таковая нигдѣ не обозначена, ни въ предисловіи, ни на обложкѣ, а справляться въ магазинъ некогда. Пусть это сдѣлаетъ самъ читатель и купитъ себѣ дѣйствительно интересное и роскошно выпущенное изданіе на хорошей бумагѣ, красиво, четко отпечатанное и снабженное обильными иллюстраціями. Ради нихъ однѣхъ стоитъ истратитъ нѣсколько лишнихъ рублей.

В. Глинскій.

Проф. М. К. Любавскій. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно, Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. М. 1910. Стр. 2 нен.+376+IV. Цѣна 2 р. 50 к.

Вышеназванный очеркъ профессора М. К. Любавскаго представляетъ собою довольно полную, основанную на источникахъ, по большею частью имъ же впервые детально обследованныхъ, и живо изложенную исторію Литовско-Русскаго государства до начала второй половины XVI вѣка.

Въ своемъ небольшомъ предисловіи авторъ такъ объясняетъ появленіе въ свѣтъ «Очерка» и его значеніе. «Настоящій очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства,—пишетъ онъ,—составлялся изъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ университетѣ за послѣдніе годы. По содержанию своему онъ является переработкою прежнихъ специальныхъ изслѣдованій автора по внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства, съ привлеченіемъ изысканій и другихъ изслѣдователей въ той же области. Своимъ появленіемъ въ печати этотъ «Очеркъ» обязанъ желанію автора пойти навстрѣчу ощущаемой потребности въ общемъ доступномъ руководствѣ по внутренней исторіи Литвы и Западной Руси. Несмотря на то, что въ настоящее время имѣется уже немало специальныхъ трудовъ, проливающихъ достаточный свѣтъ на эту исторію, Литва и Западная Русь все еще продолжаютъ оставаться terra incognita, и не только для широкой публики, но и для ученаго міра, исключая немногихъ сравнительно специалистовъ. До сихъ поръ исторія Литовско-Русскаго государства не заняла надлежащаго мѣста въ преподаваніи какъ средней, такъ и высшей школы, въ чемъ можно убѣдиться хотя бы по учебникамъ и разнымъ руководствамъ по русской исторіи. Главы, отводимыя въ нихъ Литовско-Русскому государству, отличаются обычно безсвязностью и фрагментарностью изложенія, не говоря уже о всегдашнихъ ошибкахъ и искаженіяхъ...»

«Предлагаемый «Очеркъ» и является попыткою восполнить этотъ пробѣлъ и дать достаточное первое ознакомленіе съ общимъ ходомъ исторіи Литовско-Русскаго государства, съ его общественными классами и ихъ взаимными отношеніями, съ государственными учрежденіями и ихъ эволюціею...»

«Въ виду того, что «Очеркъ» вышелъ въ значительной мѣрѣ историческимъ комментариемъ къ основнымъ государственнымъ законамъ великаго княжества Литовскаго, содержащимся въ его общеземскихъ и областныхъ хартіяхъ или «привилеяхъ», авторъ счелъ нужнымъ приложить и текстъ этихъ привилеевъ,

какъ для ученаго, такъ и учебнаго удобства, для веденія въ связи съ ними практическихъ занятій въ высшей школѣ». Всѣхъ «привилеевъ», выданныхъ великому княжеству Литовскому, напечатано четырнадцать, изъ нихъ древнѣйшій относится къ 1413 году, а позднѣйшій—къ 1565 году («о введеніи земскихъ судовъ и повѣтовыхъ сеймиковъ по польскому образцу»); а выданныхъ областямъ—десять, изъ нихъ привилеи: Полоцкой, Волынской, Витебской и Жмудской областямъ «напечатаны по спискамъ, еще не бывшимъ въ ученomъ оборотѣ».

Все содержаніе «Очерка» раздѣлено на сорокъ семь главъ, при чемъ первая посвящена выясненію «научнаго значенія исторіи Литовско-Русскаго государства». Литовская Русь, по словамъ автора, «исконная Русь, сидѣвшая на старомъ корню», и потому ея исторія «является въ извѣстномъ смыслѣ прямымъ продолженіемъ, дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи Кіевской Руси. Въ жизни Литовской Руси можно подмѣтить гораздо больше традицій, архаическихъ чертъ кіевскаго періода, чѣмъ въ жизни Суздальской Руси. А если такъ, то и ретроспективнаго уясненія разныхъ чертъ древнѣйшаго, такъ называемаго кіевскаго періода русской исторіи приходится искать, главнымъ образомъ, въ позднѣйшихъ данныхъ литовско-русской исторіи, въ бытѣ и установленіяхъ государства Литовско-Русскаго». Продолжая развивать свою основную мысль и далѣе, авторъ заключаетъ, что «изученіе литовско-русской исторіи является однимъ изъ средствъ къ углубленію пониманія русскаго историческаго процесса въ древнѣйшій его періодъ», а равно и «въ средніе вѣка русской исторіи» (стр. 1—2). Особенное историческое значеніе имѣетъ, по словамъ профессора М. К. Любавскаго, Люблинская унія, и детальное изученіе всѣхъ ея причинъ и слѣдствій крайне необходимо для русскаго историка. Люблинскому сейму 1569 года авторъ посвятилъ сорокъ шестую главу своего труда, послѣ которой слѣдуетъ заключительная, сорокъ седьмая—«Общія наблюденія надъ ходомъ внутренней исторіи Литовско-Русскаго государства».

Вотъ что между прочимъ говоритъ въ этихъ своихъ наблюденіяхъ нашъ изслѣдователь: «Прекратившее въ 1569 году самостоятельное существованіе Литовско-Русское государство въ ходѣ своего внутренняго развитія и въ конечныхъ результатахъ, какъ можно видѣть теперь, было совершенно не похоже на современное ему и родственное Московское государство. Московское государство развивалось все время въ направленіи монархическаго абсолютизма и отлилось въ концѣ концовъ въ форму монархіи, во главѣ которой стоялъ наследственный государь, неограниченный владыка и повелитель, свободно распоряжавшійся жизнью и достояніемъ своихъ подданныхъ, которые въ отношеніи его имѣли однѣ обязанности и не имѣли никакихъ правъ, ни личныхъ, ни сословныхъ, ни корпоративныхъ...

«Литовско-Русское государство сдѣлалось монархіею конституціонною, во главѣ которой стоялъ избираемый великій князь. Этотъ государь съ самаго конца XIV вѣка связывала себя разными хартіями какъ всего государства, такъ и отдѣльныхъ его областей. Въ этихъ хартіяхъ землевладѣльцамъ Литовско-Русскаго государства, преимущественно шляхетскаго, благородна о сословія, даны были гарантіи личной и имущественной свободы и неприкосновенности, многочисленныя вольности и изыятія отъ повинностей и предоставлены

были разныя другія сословныя преимущества и политическія права...» (стр. 293—294). Въ объясненіе такой разницы профессоръ М. К. Любавскій указываетъ на слѣдующее: въ то время, какъ въ Сѣверо-Восточной Руси «общество было жидкое, текучее, не кристаллизовавшееся въ устойчивыя ячейки» и потому легко «сдавливается желѣзными обручами административной дисциплины», «Литва и Западная Русь сидѣли на старомъ корню, сгущаясь на территоріи, замкнутой со всѣхъ сторонъ владѣніями сильныхъ сосѣдей. Большинство крестьянъ сидѣло здѣсь испоконъ вѣковъ на своихъ мѣстахъ племенными гнѣздами. Землевладѣльцы-князья, паны и бояре были также исконными, давними обладателями своихъ вотчинъ. Литовскіе паны скопили поэтому огромные фамильные капиталы, которыми они ссужали государственную казну въ то самое время, когда первостатейные московскіе бояре только что и жили государевымъ жалованіемъ и закладывали подчасъ платья своихъ женъ, чтобы снарядиться на войну» (стр. 295). Другою основною причиною оказавшею сильное вліяніе на ходъ внутренняго развитія Литовско-Русскаго государства, по словамъ изслѣдователя, была давнишняя связь его съ Польшею. «Но это же сближеніе съ Польшею,—читаемъ въ концѣ главы,—было отчасти и причиною того, что Литовско-Русское государство, создавшееся изъ болѣе устойчиваго общественнаго матеріала, оказалось менѣе устойчивымъ въ борьбѣ за самостоятельное существованіе, чѣмъ государство Московское» (стр. 296).

При каждой главѣ профессоръ М. К. Любавскій сообщаетъ и библиографію затрагиваемаго въ ней предмета.

В. Рудаковъ.

А. Титовъ. Высокопреосвященнѣйшій Іаковъ, архіепископъ нижегородскій и арзамасскій († 20 мая 1850 г.). М. 1910.

Нижегородская архивная коммиссія постановила издать сборникъ, посвященный памяти преосв. Іакова, какъ одного изъ первыхъ нижегородскихъ археологовъ.

Очевидно, во исполненіе такого постановленія членомъ этой коммиссіи А. Титовымъ и была сдѣлана попытка освѣтить замѣчательную личность нижегородскаго архіепископа Іакова Вечеркова, гремѣвшаго въ первой половинѣ XIX вѣка, какъ ярый послѣдователь своего предшественника архіепископа Пятирима, этого бича и грозы раскольниковъ, память котораго и черезъ два вѣка до днесь произносится раскольниками «съ великимъ содроганіемъ».

Библиографическихъ матеріаловъ въ книжкѣ А. Титова приведено сравнительно немного, но зато главное вниманіе обращено на мѣропріятія преосвященнаго по преслѣдованію и истребленію раскола, а въ особенности во время бытія его на саратовской архіепископской кафедрѣ. Тамъ преосв. Іаковъ, совмѣстно съ жандармскимъ полковникомъ Быковымъ, «своей правой рукой», работалъ такъ энергично, что тоглашній саратовскій губернаторъ Переверзевъ вынужденъ былъ неоднократно ради спокойствія въ губерніи сокращать «сію необычю ревность» преосвященнаго, несмотря и на болѣе чѣмъ добрыя отношенія послѣдняго къ всеильнымъ жандармамъ николаевскаго времени. Іаковъ для достиженія своихъ цѣлей въ смыслѣ искорененія раскола не брезгалъ никакими средствами, прибѣгая даже и къ провокаторству.

Примѣровъ такихъ нѣсколько. Вниманіе Іакова было особенно обращено на одного богатаго старообрядца-перекрещенца купца Кабанова. Въ домѣ этого старовѣра жилъ главный наставникъ безпоповщины, а въ саду была устроена часовня и пруды для перекрещиванья. По ходатайству преосвященнаго, послѣдовало общее распоряженіе, чтобы раскольническихъ часовень и молитвенныхъ домовъ въ его епархіи вновь не открывать, а пришедшихъ въ ветхость не починять. Освѣдомившись, что часовня Кабанова требуетъ починки, преосвященный поручилъ довѣреннымъ людямъ строго наблюдать, чтобы она не была какъ-нибудь тайно исправлена. Въ скоромъ времени ему доложили, что въ наступающую ночь кабановы намѣрены починить свою часовню и что все нужное къ тому у нихъ подготовлено. Преосвященный немедленно далъ знать объ этомъ полиціи, которая, подъ начальствомъ преданнаго дѣлу православія частнаго пристава, въ указанное время окружила домъ Кабанова и застала раскольниковъ за работой, вслѣдствіе чего часовня ихъ и была запечатана. Впрочемъ, и послѣ этого служеніе въ домѣ Кабанова продолжалось, и расколоучитель все-таки проживалъ тамъ. Преосвященный рѣшился, во что бы то ни стало, обнаружить секту и задержать ея учителя. Одна благочестивая женщина, жена писаря 3-й городской части, добровольно вызвалась послужить сему дѣлу, якобы по усердію къ церкви. Получивъ на это благословеніе преосвященнаго, она явилась къ Кабанову и изъявила желаніе вступить въ ихъ секту, на что, разумѣется, получила согласіе Кабанова. Назначенъ былъ день къ ея перекрещиванію, и сдѣланы всѣ нужныя къ тому приготовленія, но такъ какъ дѣло было зимою, то въ одномъ изъ садовыхъ прудовъ прорубили прорубъ и подѣлали подмостки. Когда же назначенная къ перекрещиванію женщина, обвязанная веревками подъ мышки, уже стояла на подмосткахъ, а учитель готовъ былъ погрузить ее въ холодную купель въ присутствіи самого Кабанова и другихъ важнѣйшихъ старообрядцевъ обоихъ половъ, вдругъ явилась полиція и перехватала всѣхъ участниковъ вмѣстѣ съ расколоучителемъ ихъ. Лишась черезъ это главной опоры своего толка, безпоповщина обезсилѣла и мало-помалу разсѣялась, а сынъ самого Кабанова впоследствии присоединился къ единовѣрческой церкви.

Та же самая женщина оказала потомъ и другую не менѣе значительную услугу церкви открытіемъ учителя и другой тайной секты, гдѣ былъ особенно и прославленъ «апостольскій подвигъ» архіепископа. Но самые главные подвиги Іакова относятся до закрытія иргизскихъ монастырей. Въ началѣ своего царствованія Екатерина II позволила зарубежнымъ раскольникамъ возвратиться въ Россію и притомъ же имъ въ мало населенныхъ мѣстахъ отводилась даже и бесплатно земля. Обнадеженные царскимъ словомъ, тогда болѣе 100 тыс. человекъ вернулись на родину, и многіе бѣглецы поселились на отведенной имъ землѣ, тогда еще совершенно пустынной, въ Саратовской губерніи на берегахъ рѣки Иргиза. Одинъ изъ такихъ выходцевъ-піонеровъ Сергѣй Юршевъ, человекъ большихъ дарованій, въ 1780 г. хлопоталъ у правительства формальное разрѣшеніе отправлять богослуженіе по старымъ обрядамъ, и имъ устроены были прекрасныя пѣвческіе хоры, славившіеся на всю Русь. Стекалась въ этотъ своего рода русскій Іерусалимъ масса паломниковъ, которые пропо-

вѣдывали, что самъ Богъ указаль Иргизъ, какъ мѣсто истинной церкви, а за тѣмъ появились слухи о мощахъ, чудотворныхъ иконахъ и т. д. Однимъ словомъ, Иргизъ занялъ въ мірѣ раскола положеніе Афона и Кіева для православія. Храмы на Иргизѣ были великолѣпны, особенно отличались Успенскій и Средне-Никольскій, построенные въ 1783 г. Самое положеніе иргизцевъ облегчалось особенно еще тѣмъ, что императоръ Павелъ былъ большимъ покровителемъ этихъ обитателей и оказывалъ иргизцамъ истинно царскую поддержку. Когда въ 1798 г. въ верхнемъ монастырѣ сгорѣли двѣ церкви и 47 келій, то императоръ приказаль на возобновленіе погорѣвшаго монастыря немедленно выдать изъ казны 12 тыс. рублей.

Конечно, притязанія на свободу богослуженія со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей періодически и бывали, но это происходило больше изъ корыстолобивыхъ цѣлей, такъ что одинъ изъ саратовскихъ губернаторовъ за чрезмѣрное взяточничество даже былъ отданъ подъ судъ. Однако до преосв. Іакова все обходилось благополучно и въ расходныхъ книгахъ иргизскихъ старцевъ подъ извѣстными числами только отмѣчалось: «тревожили, дано столько-то, опять тревожили, дано столько-то и т. д.», но при строгомъ архіереѣ безсребренникѣ да еще въ сообществѣ жандармовъ, тревожить ради корыстолобія представлялось невозможнымъ.

Въ книжкѣ Титова довольно подробно изложены всѣ обстоятельства разоренія иргизскихъ монастырей, обошедшагося, конечно, не безъ кровопролитія. Особенно большое сопротивленіе оказали раскольники въ болѣе населенномъ и богатомъ Николаевскомъ монастырѣ. Историкъ иргизскаго разоренія событіе это описываетъ такъ.

«Утромъ 9-го января 1837 г. губернаторскіе чиновники, вмѣстѣ съ архимандритомъ Зосимой, солдатами и понятыми, въ числѣ 300 человекъ, явились къ монастырской стѣнѣ. Ворота были заперты, но по приказанію чиновника привратникъ отперъ. Въ стѣнахъ было до 500 раскольниковъ, которые упали на колѣни, прося оставить монастырь по старому, и народъ не допускалъ никонианъ-чиновниковъ входить въ церковь. Не добившись ничего, архимандритъ вмѣстѣ съ чиновниками и воинствомъ уѣхаль въ Саратовъ. 21-го января прибылъ уже и самъ губернаторъ Степановъ съ большимъ отрядомъ войска. Въ монастырѣ было много народу. Губернаторъ ввелъ солдатъ въ ограду, велѣлъ вытаскивать всѣхъ. Солдаты стали бить народъ, въ это время ударили въ набатъ, и хлынули новыя толпы крестьянъ. Губернаторъ струсилъ, велѣлъ солдатамъ отступать, за ними бросились вдогонку раскольники и отбили 18 человекъ, захваченныхъ въ монастырѣ солдатами. Черезъ нѣсколько дней губернаторъ отправилъ 30 казаковъ съ двойнымъ количествомъ нагаекъ, 4 пожарныхъ трубы, акушера(?) и самъ прибылъ въ монастырь. Переговоры не привели опять ни къ чему, рѣшили дѣйствовать нагайками, прикладами и пожарными трубами и на другой день приступили къ монастырскому погрому. Храмъ былъ окруженъ народомъ, лежащимъ въ нѣсколько рядовъ, крѣпко сѣпившимъ другъ съ другомъ. Въ виду полной невозможности растащить лежащихъ, губернаторъ скомандоваль «пли». Послышалась пальба, кажется, болѣе холостыми зарядами, пожарныя трубы были пущены въ ходъ, нагайки и приклады

дѣйствовали во всю. Избитыхъ, полумертвыхъ раскольниковъ вытаскивали изъ монастыря; по очищеніи монастыря отъ ихъ обитателей сюда немедленно явились духовныя власти во главѣ съ архимандритомъ Зосимой, протоіереемъ и прочимъ православнымъ духовенствомъ. Имъ представилась ужасная картина. По всему двору текла вода, вездѣ масса крови. Губернаторъ встрѣтилъ архимандрита съ духовенствомъ ироническими словами: «ну, господа святые отцы, извольте подбирать, что видите!»

«Архимандрить,—пишетъ авторъ очерка исторіи иргизскихъ монастырей А. Лебедевъ,—благодарить, служили молебень». Въ это время монастырь подвергся полному разгрому и грабежу: окна въ кельяхъ выбивались, все разрушалось; когда приступили къ описи имущества богатѣйшаго монастыря, то его оказалось не болѣе, какъ на 300 руб. Было все начисто расхищено усмирителями и ревнителями православія. Любопытно, что о. архимандрить Зосима писалъ къ оберъ-прокурору о мирномъ, якобы безъ кровопролитія, обращеніи монастыря, а государю доносилъ, что не было ни одного выстрѣла и обращеніе не стоило никому жизни. И вотъ теперь славное время Иргиза такъ же прошло, какъ древняго Карвагена, о быломъ блескѣ, богатствѣ и красотѣ Иерусалима живеть одно воспоминаніе. Исчезла и былая слава этихъ монастырей, когда-то гремѣвшихъ по всей Россіи».

Немало, по ходатайству преосв. Іакова, было сокрушено раскольническихъ молель и даже селеній и все во славу православія! Но однако региость Торквемады не принесла желанныхъ плодовъ. Страданія, смерть и разореніе тысячи неповинныхъ людей и обреченныхъ на бѣдствія женъ и дѣтей оказались только грубымъ произволомъ, противнымъ христіанству. «Разсказываютъ,—писалъ преосв. Никаноръ, архіепископъ херсонскій:—что произведенный Іаковымъ разгромъ раскола и присоединеніе въ Саратовъ тогда же къ церкви до 1800 раскольниковъ дали плодъ шумный, но не крѣпкій, такъ какъ при перемѣнѣ правительственныхъ вѣяній, съ началомъ царствованія Александра II, всѣ эти 1800 чело-вѣкъ присоединившихся вновь скоро отпали отъ церкви, причинивъ тогдашнимъ саратовскимъ епископамъ Іоанникію и Евфимію тяжкія работы и глубокое огорченіе...»

Незадолго до своей смерти въ 1844 г. преосв. Іаковъ былъ вызванъ для присутствования въ синодѣ; тамъ онъ заболѣлъ и 20-го мая скончался. Погребенъ онъ въ лаврской Феодоровской церкви. Номо homini lupus... А. К.—ово.

В. Н. Сумцовъ. Аракчеевцы въ Грузино и Аракчеевку. Экскурсіонный очеркъ. Съ 22 рис. и 2-мя схематич. картами. Нижній-Новгородъ. 1910. Стр. XIII+175+20. Ц. 1 р.

Въ канунъ 75-лѣтія со дня основанія Аракчеевскаго корпуса группою кадетъ была совершена интересная экскурсія въ колыбель аракчеевскаго режима. Составленное В. Н. Сумцовымъ описаніе путешествія и достопримѣчательностей, встрѣтившихся на пути экскурсантамъ, возстановляетъ въ памяти читателя картину историческаго прошлаго Грузина и, попутно, Костромы, Ярославля, Рыбинска и Новгорода.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1911 г., т. сxxxiii.

20

Руководители экскурсіи хотѣли ознакомить юныхъ туристовъ съ цѣлымъ рядомъ историческихъ памятниковъ. Желаніе распространить добытыя свѣдѣнія заставило автора выпустить въ свѣтъ иллюстрированный экскурсионный очеркъ. Такимъ образомъ, задача автора сводится къ описанію путешествія и, одновременно, къ изложенію интересныхъ археологическихъ и историческихъ свѣдѣній.

Хотя экскурсія продолжалась всего 10 дней, молодежь посѣтила многіе города попутныхъ областей. Первымъ былъ осмотрѣнъ Ипатьевскій монастырь, главная достопримѣчательность Костромы. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе величественнаго памятника русскаго зодчества XVI в.—костромскаго Троицкаго храма, съ его иконами и хорошо сохранившимися фресками. Въ томъ же порядкѣ, въ какомъ совершалась экскурсія, расположены свѣдѣнія и о другихъ памятникахъ русской старины, на примѣръ, о домѣ Романовыхъ, о церкви св. пророка Ильи, Спасскомъ монастырѣ (Ярославль).

Много мрачныхъ воспоминаній, тѣсно связанныхъ съ Грузиномъ, залустинымъ, забытымъ уголкомъ, встаетъ передъ взоромъ читателя. Въ соборѣ до настоящаго времени хранятся остатки прежняго величія, эпохи славныхъ владѣльцевъ Грузина — Меншикова, Аракчеева. Это—пощаженные временемъ слѣды дѣятельности полубогороднаго графа, при имени котораго дрожало окрестное населеніе. Бронзовые барельефы съ изображеніями Павла I и Александра I, рескрипты государей, могила Аракчеева, надгробный памятникъ, мрачныя строенія—все поражаетъ своей суровостью, производитъ тяжелое впечатлѣніе. Въ самомъ дворцѣ многое со смерти владѣльца перемѣнилось. Халатное отношеніе къ историческимъ предметамъ способствовало быстрому ихъ разрушенію. Сохранились еще рѣдкостные часы, письма императора Александра I, многочисленные портреты. Въ окрестностяхъ тоже царитъ запустѣніе, между тѣмъ какъ историческая мѣстность должна была привлечь вниманіе изслѣдователей. И даже въ спокойныхъ выраженіяхъ автора проглядываетъ сожалѣніе, смѣшанное съ удивленіемъ....

Попутно авторъ касается нѣкоторыхъ легендъ и воспоминаній, связанныхъ съ историческимъ происхожденіемъ многихъ памятниковъ. Много говорится о новгородскомъ храмѣ Софіи, Юрьевскомъ монастырѣ, Спасо-Нередицкой церкви и т. д. Несмотря на незначительный объемъ, экскурсионный очеркъ можетъ заинтересовать читателей. Конечно, отъ этихъ схематическихъ свѣдѣній нельзя требовать особенной точности, мелочи походной жизни заняли много мѣста; но нужно признать, что, составляя типичный казенный отчетъ, авторъ сумѣлъ оживить его.

Я.

М. Бородинъ, Исторія Финляндіи. Время Елизаветы Петровны. Съ портретами, иллюстраціями и копіей карты 1742 г. 1910. Спб. XVI + 312 стр. Цѣна 4 р.

Неутомимый изслѣдователь исторіи Финляндіи М. М. Бородинъ выпустилъ новый томъ изъ серіи своихъ очерковъ, посвященный времени Елизаветы Петровны и написанный съ присущимъ автору дарованіемъ.

Только что успѣла окончиться Великая Сѣверная война, только что Великій Петръ заключеніемъ Ништадтскаго мира прочно укрѣпилъ оконницы въ прорубленномъ имъ въ Европу окнѣ, какъ снова надменный шведъ затѣялъ войну. Война эта, тянувшаяся въ 1741—1743 г.г., окончилась тѣмъ, что Ништадтскій миръ былъ признанъ въ своей силѣ и сѣверный медвѣдь—Россія осталась прочно присосавшимся къ берегамъ Балтики.

Воинственный задоръ шведовъ былъ поразителенъ. Не имѣя еще ни одного боевого успѣха, не объявивъ даже войны Россіи, они, не убивъ медвѣдя, принялись дѣлать его шкуру. Предусмотрительно, до тонкости выработали они условія мира, которыя были намѣрены продиктовать Россіи. Отъ послѣдней должны были отойти къ Швеціи и Выборгъ, и Петербургъ, и Кроншлотъ; къ «отчужденію» предназначалась и Лифляндія. Дѣйствительно, забылась русская пословица о томъ, что хвалиться не слѣдуетъ, ѣдучи на рать. Забыли шведы, что у нихъ къ войнѣ не готовы ни армія, ни финансы.

Отсутствие войскъ Швеціи замѣнила политическою интригою. Подъ видомъ благодѣтельности Россіи, желающей утвержденія въ Россіи попрежнему русскихъ традицій и освобожденія ея изъ когтей иностранцевъ, Швеція разыграла роль заступницы русской претендентки на русскій престолъ, царевны Елизаветы, дочери Петра. Съ цѣлью исторгнуть изъ рукъ царевны письменный документъ, въ Петербургъ распинались шведскій и французскій послы Нолькенъ и Шетарди. Невзирая на свою женскую неустойчивость, Елизавета долго отстраняла мѣфистофелевскія услуги непрощенныхъ друзей и соглашалась скорѣе отстранить отъ себя царскій вѣнецъ, чѣмъ купить его цѣною сношеній съ иностраннымъ государствомъ. Въ концѣ концовъ она уступила и дала словесную просьбу о помощи.

Однако ноябрьскій переворотъ совершился безъ участія шведовъ, помимо нихъ, даже на удивленіе имъ. Корона была доставлена Елизаветѣ гвардіей, вдѣвшею въ ея воцареніи разрѣшеніе националистическаго вопроса. Сочувствовало ей духовенство, чтившее ея набожность. Главными же пружинами переворота были все-таки иностранцы: лейбъ-медикъ Лестокъ, выслужившійся изъ фельдшеровъ; музыкантъ изъ нѣмцевъ Шварцъ; еврей Грюнштейнъ, гвардіи сержантъ.

Возведеніе на престолъ Елизаветы русскими силами вырвало большой козырь изъ рукъ Швеціи, которая, очевидно, была военную тревогу, главнымъ образомъ надѣясь на затѣянную дипломатами игру. Теперь приходилось разыгрывать войну по настоящему, считаясь съ остриемъ русскихъ штыковъ и мѣткостью русскихъ пушекъ.

Шведскій король Фридрихъ далеко былъ не полководецъ. Онъ, правда, съ удовольствіемъ охотился въ королевскихъ лѣсахъ, но въдъ увеселительная охота не одно и то же, что появленіе въ качествѣ полководца передъ синими рядами своихъ дружинъ на ратномъ полѣ. И если Карлъ XII, при всей его величавой отвагѣ, никоимъ образомъ не можетъ сойти за полководца, представляя собою въ нѣкоторомъ отношеніи только типъ доблестнаго викинга, залетѣвшаго въ XVIII вѣкъ, то Фридрихъ не имѣлъ никакихъ правъ на званіе полководца. Тѣмъ не менѣе и онъ проявилъ желаніе стать во главѣ арміи,

когда рѣшился на войну. Конечно, его во-время отговорили, представивъ тотъ неотразимый доводъ, что его пребываніе драгоцѣнно въ сердцѣ Швеціи, въ Стокгольмѣ. Да и на войну онъ рѣшился, скрѣпя сердце, когда ему пообѣщали, что риксдагъ признаетъ рыцарскія достоинства въ его незаконныхъ дѣтяхъ, успѣшно прижитыхъ имъ при живой королевѣ отъ другой особы.

Большое столкновеніе армій произошло при Вильманстрандѣ. Русскіе побѣдили. Ломоносовъ пѣлъ тяжеловѣсную оду. Петербургъ веселился, ибо въ то время русскіе, сильные своимъ государственнымъ духомъ, понимали, что побѣда арміи есть праздникъ всего государства.

Все это произошло до ноябрьскаго переворота. Первая мысль Елизаветы, когда она коснулась ступеней трона, была о мирѣ. Ей не хотѣлось крови, она не жаждала завоеваній и побѣдъ. Начались переговоры. Шведы оказались неуступчивыми, переговоры прервались, и снова взвѣлялъ черный ангелъ войны. Русскою арміею командовалъ Ласси, шведскою—Левенгауптъ. Шведы отступали все дальше и дальше. Эта позорная тактика отступленія, съ такимъ трескомъ провалившаяся въ послѣднюю русско-японскую войну, привела къ тому, что шведы допятились до Гельсингфорса и, обложенные съ сухопутья, сдались, хотя море было свободно и сообщеніе съ стокгольмскимъ берегомъ не прерывалось. Русскіе овладѣли трофеями, а шведскіе начальники, Левенгауптъ и Буденброкъ, были судимы. Послѣдовательность шведовъ сказалась въ томъ, что смертный приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе. Русскіе прошли по Финляндіи до Або, снова завладѣвъ ею съ оружіемъ. Война окончилась съ самыми ничтожными выгодами для Россіи: она приобрѣла три ничтожныя крѣпости и 226 кв. миль земли.

Поразительно дурно дѣйствовалъ флотъ. Во-первыхъ, его было мало и былъ онъ такъ запущенъ, что въ первый годъ его не могли вывести въ море. Во-вторыхъ, крайнею вялостью и не предприимчивостью были одарены наши флотоводцы—Мишурковъ и графъ Головинъ. Особенно отличался въ этомъ отношеніи Мишурковъ, который постоянно прибѣгалъ къ консилиумамъ и отговаривался, что не можетъ выйти въ море то изъ-за отсутствія попутнаго вѣтра, то изъ-за недостатка продовольствія.

Начальникомъ Финляндскаго края былъ назначенъ генералъ Яковъ Кейтъ, шотландецъ по происхожденію, воинъ въ душѣ. Невзирая на свое происхожденіе, онъ соблюдалъ русскіе интересы и былъ для финновъ «нисходительнымъ и высокочтимымъ начальникомъ». Какъ подобаетъ герою, онъ связалъ свое имя съ романическою исторіею. Имѣя пребываніе въ Або, онъ увлекся дочерью тамошняго бургомистра Евою Мертенъ и, когда дѣвушка осиротѣла, нанялъ ей учителей изъ Россіи. Общественныя предубѣжденія помѣшали браку, но Кейтъ искренно любилъ свою избранницу. Связь ихъ не могла остаться тайной, и финляндцы, благодарные Евѣ за ея посредничество между ними и имъ, назвали ее герцогиней Финляндіи.

Кейта смѣшилъ Кампенгаузенъ.

Исторія мѣняется быстро. Сегодняшніе враги—друзья на завтра. Такъ и со Швеціей. Утихла война, Швеція стала угрожать Даніи, и русскіе полки во главѣ съ Кейтомъ вступили въ Стокгольмъ, какъ сторонники Швеціи. Храбрый,

умный, симпатичный Кейтъ не долго остался на службѣ въ Россіи. Русскіе и тогда не умѣли цѣнить выдающихся людей, и Кейтъ въ 1747 г. былъ уволенъ въ отставку. Этимъ воспользовался тотчасъ Фридрихъ Великій, который съ распростертыми объятіями принялъ на свою службу храбраго генерала и предоставилъ ему чинъ генераль-фельдмаршала. Кейтъ былъ убитъ при Гохкирхѣ, въ 1758 году.

Швеція тѣмъ временемъ ушла въ оборонительную политику, и подъ руководствомъ знаменитаго Эренсверда воздвигла крѣпость Свеаборгъ.

Книга уважаемаго М. М. Бородкина прекрасно написана, читается съ увлеченіемъ, и критическій зубокъ не беретъ ее.

М. Соколовскій.

П. Мансуровъ. Константинопольская церковь. Очеркъ основныхъ началъ строя ея въ XIX вѣкѣ. Часть первая. Центральное управленіе. М. 1909.

Константинопольской церкви въ русской литературѣ посчастливилось: лѣтъ пять тому назадъ вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ профессора И. И. Соколова, посвященный исторіи этой церкви, со включеніемъ и обзора патріаршаго въ ней управленія, а въ прошломъ году появилась книжка г. Мансурова, описывающая центральное управленіе константинопольской церкви въ томъ же XIX вѣкѣ. Тогда какъ книга профессора Соколова представляетъ ученую работу, написанную по первоисточникамъ вопроса, архивнымъ по преимуществу, изданіе г. Мансурова носить популярный характеръ и рассчитана на средняго читателя.

Книжка г. Мансурова состоитъ изъ пяти главъ. Въ главѣ первой (стр. 7—27) говорится о геронтизмѣ, во второй (стр. 27—44) описывается строй константинопольской церкви предъ преобразованиемъ, въ третьей главѣ (стр. 44—66) рѣчь идетъ о преобразованіи 1860 года, въ четвертой (стр. 66—86) о патріархіи послѣ преобразованія и, наконецъ, въ главѣ пятой (стр. 86—100) описывается строй патріархіи въ жизни.

Въ предисловіи г. Мансуровъ претенціозно заявляетъ, что его «трудъ является плодомъ наблюденій за 20 лѣтъ пребыванія на православномъ Востокѣ, за 15 лѣтъ непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью константинопольской церкви; по дѣятельности своей авторъ,—продолжаетъ г. Мансуровъ,—поставленъ былъ въ благоприятныя условія для этихъ наблюденій, но... И вслѣдъ затѣмъ г. Мансуровъ въ примѣчаніи говоритъ: «авторъ считаетъ долгомъ отмѣтить съ благодарностью и ту пользу, которую онъ извлекъ изъ богатаго матеріала, собраннаго въ трудѣ профессора И. И. Соколова» (стр. V). Это хорошо, что авторъ «съ благодарностью» относится къ своему предшественнику по работѣ. Но читатель, знакомый съ книжкой г. Мансурова, почти на каждой страницѣ встрѣчаетъ матеріалъ, хорошо извѣстный ему изъ книги г. Соколова, и постоянно недоумѣваетъ, да что же собственно принадлежитъ самому г. Мансурову и въ чемъ состоитъ «плодъ» его наблюденій за 20 лѣтъ и даже «непосредственнаго соприкосновенія (?) съ жизнью константинополь-

ской церкви за 15 лѣтъ». Такъ, на примѣръ, беретъ патріарха Іоакима II, приведенный г. Мансуровымъ (стр. 18—22), въ полномъ своемъ составѣ былъ изданъ профессоромъ Соколовымъ, на стр. 24—26 книги г. Мансурова излагается по руководству труда г. Соколова окружное посланіе патріарха Григорія V отъ 1819 года, на страницахъ 34—35 г. Мансуровъ на основаніи книги профессора Соколова описываетъ судъ надъ патріархомъ Григоріемъ VI и т. д.

Впрочемъ, г. Мансуровъ пытается обосновать въ своей книгѣ тенденціозный тезисъ о томъ, что «хранителемъ благочестія» на Востокѣ является «самый народъ» (стр. 36). Но г. Мансуровъ разсматриваетъ это выраженіе изъ посланія восточныхъ патріарховъ 1848 года безъ необходимаго контекста, беретъ его внѣ логической связи съ цѣлымъ, не обращая вниманія на то, что въ томъ же посланіи восточныхъ патріарховъ говорится и о значеніи іерархіи, поэтому и выводъ его оказывается одностороннимъ и неправильнымъ.

Не представляя по содержанію первой своей части (стр. 1—86) ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что объ устройствѣ константинопольской церкви уже извѣстно въ русской церковно-исторической литературѣ, работа г. Мансурова во второй своей части (стр. 101—137) заключаетъ три очень интересныхъ и поучительныхъ очерка, изъ которыхъ первый посвященъ епископу († смирнскому митрополиту Василию), второй—священнику и третій—педагогу († архимандриту Герману Григорасу). Ради этихъ очерковъ книгу г. Мансурова и слѣдуетъ прочитать. Здѣсь авторъ находится въ области своихъ наблюденій и съ успѣхомъ утилизируетъ результаты личныхъ впечатлѣній. Если бы авторъ далъ рядъ другихъ подобныхъ очерковъ, это было бы гораздо лучше, чѣмъ вращаться въ области церковнаго управленія, которое автору, повидимому, челоуѣку свѣтскому,—представляется во многихъ случаяхъ очень туманнымъ. Отраднo отмѣтить и благопріятную для грековъ оцѣнку ихъ духовенства, сдѣланную авторомъ въ его бытовыхъ очеркахъ. Вѣдь русскіе, по невѣдѣнію и невѣжеству, привыкли только бранить грековъ и порицать. Въ этомъ отношеніи г. Мансуровъ представляетъ исключеніе и заслуживаетъ за свое безпристрастіе только похвалы.

Гермовахъ І.

Петръ Великій—въ его изреченіяхъ. Спб. 1910. Первая серія.

Стр. VIII+112. Цѣна не указана.

Книжка, заглавіе которой мы выше выписали, представляетъ собою очень цѣнное художественное изданіе и въ то же время весьма интересное по содержанію. Посвящая ее «незабвенной памяти Павла Яковлевича Дашкова», издатель г. Голике говоритъ, что она «была задумана и доведена до благополучнаго конца» «при непосредственномъ любезномъ содѣйствіи» «просвѣщеннаго знатока собирателя, еще наканунѣ смерти, въ пятницу 5 февраля (1910 г.) установившаго заглавіе книги». Художникъ, выполнявшій въ этомъ изданіи разнаго рода рисунки, виньетки, заставки и прочее, г. Курдиновскій, пишетъ въ своихъ «примѣчаніяхъ» такъ:

«Материаломъ для составленія заглавнаго листа, заставокъ и концовокъ, находящихся въ книгѣ, мнѣ послужили медали, народные листки, гравюры, книжные фронтисписы и виньетки, бывшія въ обиходѣ или печатанныя при государѣ Петрѣ I, а также и вещи, принадлежавшія великому императору, либо относящіяся къ его эпохѣ».

Самыя «изреченія» Петра Великаго подобраны съ надлежащей критической провѣркой по многимъ источникамъ привать-доцентомъ В. Н. Строевымъ, который въ своемъ предисловіи говоритъ слѣдующее:

«Предлагаемая книжка не имѣетъ никакой научной задачи: большая часть здѣсь помѣщеннаго матеріала напечатана въ различныхъ изданіяхъ, имѣвшихъ своимъ предметомъ исторію великаго преобразователя. Однако, многія изъ нихъ сдѣлались теперь библиографической рѣдкостью или стоятъ очень дорого. Цѣль этой книги—въ общедоступномъ изданіи представить колоссальную фигуру Великаго Петра въ его собственныхъ «изреченіяхъ». Императоръ Петръ, какъ его сторонниками, такъ и противниками, признавался существомъ неземнымъ, чѣмъ-то колоссальнымъ, грандіознымъ, одареннымъ неестественной силой.

«Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія», возглашалъ извѣстный М. В. Ломоносовъ.

«Такимъ,—говоритъ составитель книжки,—является Петръ и въ своихъ изреченіяхъ. Языкъ сжатый и сильный, выразительный и образный. Говоритъ онъ всегда опредѣленно, ясно, рѣшительно»...

Всѣ изреченія великаго преобразователя расположены составителемъ книжки въ двѣнадцать отдѣлахъ:

1) О религіи; 2) Петръ о себѣ самомъ и сподвижникахъ; 3) верховная власть, законы, учрежденія, судъ; 4) военное дѣло; 5) о морскомъ дѣлѣ; 6) образованіе; 7) торговля и промышленность; 8) о Карлѣ и шведахъ; 9) Петръ о событіяхъ своего царствованія; 10) о чужестранцахъ; 11) нравы и 12) житейская мудрость.

Приведемъ здѣсь хотя нѣкоторыя изъ его изреченій, наиболѣе характерныхъ и мѣткихъ, въ настоящее время довольно-таки забытыхъ.

«Кто не вѣруетъ въ Бога, тотъ либо сумасшедшій, или съ природы безумный. Зрячій Творца по твореніямъ познать долженъ».—«Кости точу я долотомъ изрядно, а не могу обточить дубиною упрямецъ».—«Врачюю тѣло свое водами, а подданныхъ—примѣрами; и въ томъ и въ другомъ исцѣленіе вижу медленное; все рѣшить время; на Бога полагаю надежду».—«Я знаю, что и я подверженъ погрѣшностямъ и часто ошибаюсь, и не буду на того сердиться, кто захочетъ меня въ такихъ случаяхъ остерегать и показывать мнѣ мои ошибки, какъ то Катенька моя дѣлаетъ».—«Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли; а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотя бы подъ старость видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству» (слова, сказанныя Ив. Ив. Неплюеву).—«Изъ меня познайте, какое бѣдное животное есть человекъ» (слова, сказанныя императоромъ во время его болѣзни).—«Какое же различіе между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—сія-то почеть свойственна царю».—«Лучше виннаго и безсовѣстнаго зако-

номъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить».—«Миръ—хорошо; однако, притомъ дремать не надлежитъ, чтобъ не связали рукъ, да и солдаты чтобы не сдѣлались бабами».—«Французу всегда можно давать больше жалованья; онъ весельчакъ и все, что получаетъ, проживаетъ здѣсь. Нѣмцу также должно давать не менѣе; ибо онъ любить хорошо поѣсть и попить, и у него мало изъ заслуженнаго остается. Англичанину надобно давать еще болѣе; онъ любить хорошо жить, хотя бы долженъ былъ и изъ собственного имѣнія прибавлять къ жалованію. Но голландцамъ должно давать менѣе, ибо они едва досыта наѣдаются, для того, чтобы собрать больше денегъ; а итальянцамъ еще менѣе, потому что они обыкновенно бываютъ умѣренны и у нихъ всегда остаются деньги; да они и не стараются скрывать, что для того только служатъ въ чужихъ земляхъ и живутъ бережливо, чтобы накопить денегъ и послѣ спокойно проживать ихъ въ раю своемъ, въ Италиі, гдѣ въ деньгахъ недостатокъ».—«Добро перенимать у французовъ художества и науки; сіе желалъ бы я видѣть у себя, а въ прочемъ Парижъ вопиеть».

«Государь долженъ отличатся отъ подданныхъ не щегольствомъ и пышностью, а менѣе еще роскошью; но неуспѣшнымъ ношеніемъ на себѣ бремени государственнаго и попеченіемъ о ихъ пользѣ и облегченіи; къ тому жъ таковыя убранства только что вяжутъ меня и отнимаютъ руки». «Подлежитъ законы и указы писать ясно, чтобъ ихъ не перетолковать. Правды въ людяхъ мало, а коварства много. Подъ нихъ такіе же подкопы чинятъ, какъ и подъ фортецію».

Обнимаемая собою почти всѣ изреченія Петра Великаго, настоящая книжка, на нашъ взглядъ, необходима для русскаго человѣка, какъ цѣннѣйшій памятникъ о нашемъ преобразователѣ, и въ то же время представляетъ хорошо исполненное и чисто художественное изданіе, отпечатанное шрифтомъ, напоминающимъ отчасти петровскія литеры.

В. Р—въ.

Проф. П. Жуковичъ. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей [въ 1629 г.]. Пятый выпускъ [1625—1629 гг.]. Спб. 1910. Стр. VII+199. Цѣна 1 р.

Изъ нѣсколькихъ, повидимому, случайно брошенныхъ фразъ автора въ концѣ предисловія можно сдѣлать выводъ, что онъ прекращаетъ свои занятія по разслѣдованію сеймовой борьбы. Возможно даже, что настоящій выпускъ—предпоследній, и авторъ предполагаетъ «остатокъ своихъ научно-литературныхъ силъ предназначить на другія цѣли», а въ ученыхъ кругахъ говорятъ, что проф. П. Жуковичъ переноситъ свои занятія въ исторію западно-русской церкви первой половины XIX вѣка. Конечно, почтенному историку удастся сдѣлать много цѣннаго и въ новой эпохѣ, но все-таки будетъ жаль, что онъ не продолжитъ обзоръ сеймовой борьбы, и еще больше будетъ обидно, если долгое время не найдется продолжатель долгой и интересной научной работы П. Жуковича.

Въ пятомъ выпускѣ авторъ слѣдитъ за событіями, имѣвшими мѣсто вслѣдъ за Куруковскимъ договоромъ, за разгромомъ казачества осенью 1625 года.

Интересны многие моменты этого периода,—о последних годах царствования Сигизмунда III до сих пор было мало сведений,—и наибольшее внимание читателя захватывает вопрос о примирительном соборѣ съ двумя подготовительными къ нему. «Рѣшительно-отрицательное отношеніе православныхъ земскихъ пословъ къ проектируемому правительствомъ примирительному собору (на варшавскомъ сеймѣ 1626 г.),—по словамъ почтеннаго автора,—постепенно становится въ свою очередь болѣе терпимымъ. На январско-февральскомъ сеймѣ 1629 г. православные земскіе послы, наконецъ, даютъ согласіе на этотъ соборъ, хотя принимаютъ заблаговременно мѣры къ сеймовой, а не королевско-административной постановкѣ самаго созыва этого собора и къ ограниченію вліянія королевской власти на окончательный его исходъ. На ряду съ постепеннымъ развитіемъ правительственныхъ примирительныхъ проектовъ идутъ во все интересующее насъ время усиленныя старанія объ ихъ практическомъ осуществленіи со стороны высшихъ представителей униатской церкви, которымъ удается привлечь на свою сторону талантливаго доселѣ литературнаго защитника православной западно-русской церкви, полоцкаго архіепископа Мелетія Смотрицкаго, тайно переходящаго въ церковную унию съ Римомъ. Хлопочущіе о примиреніи униатовъ понимаютъ это примиреніе въ смыслѣ перехода православныхъ, особенно ихъ высшихъ церковныхъ представителей, въ ту же церковную унию съ Римомъ, только по обстоятельствамъ времени перехода болѣе тонко оборудованнаго, чѣмъ Брестская церковная униа 1596 г. (съ принятіемъ во вниманіе преданности православныхъ патриаршеству въ церкви вообще). Но, ставшій душой всего дѣла новой униі Мелетій Смотрицкій, смѣло взявшійся за обработку въ его интересахъ самыхъ высшихъ представителей православной церковной іерархіи (въ помощь болѣе 5 уже лѣтъ съ удивительною стойкостью стоявшему на стражѣ западно-русскаго православія нелегальному кievскому митрополиту Юву Борецкому выступилъ уже въ интересующій насъ періодъ времени другой іерархъ высшаго нравственнаго порядка, кievо-печерскій (легальный) архимандритъ Петръ Могила), со свойственной ему экспансивностью очень быстро испортилъ все задуманное дѣло. Крушенію униональныхъ плановъ Мелетія Смотрицкаго неожиданно помогъ экстраординарный сеймъ 1628 года своимъ налоговымъ постановленіемъ...»

Съ неослабвающимъ вниманіемъ читаются главы вторая, четвертая и пятая: первый польскій сеймъ послѣ куруковскаго разгрома казаковъ; варшавскій сеймъ 1627 года и его значеніе въ исторіи борьбы православныхъ съ унией; варшавскій сеймъ слѣдующаго года и крушеніе униональныхъ плановъ Мелетія Смотрицкаго. Въ приложеніи помѣщена замѣтка полемическаго характера—«Мелочи изъ исторіи запорожскаго казачества въ первой половинѣ XVII вѣка».

Если рѣшеніе проф. П. Н. Жуковича прекратить изслѣдованіе «сеймовой борьбы» дѣйствительно безповоротно, то, еще разъ выражая сожалѣніе по этому поводу, мы можемъ все-таки поблагодарить почтеннаго историка за все, что онъ далъ намъ въ вышедшихъ выпускахъ. И. А.

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ VIII. Съ указателемъ статей, рефератовъ и проч. въ «Дѣйствіяхъ» и «Сборникахъ» комиссіи (т. II—V и журналахъ I—XIII). Н.-Новгородъ. 1910. Стр. 419 + 26. Ц. 2 р.

Настоящій томъ «Дѣйствій» нижегородской архивной комиссіи, какъ оригинально назвали періодическій органъ основанной имъ комиссіи А. С. Гацисскій, весьма разнообразенъ по своему содержанію и любопытенъ. Въ отдѣлѣ: «статьи и сообщенія» находимъ довольно подробную біографію брата извѣстнаго П. Я. Чаадаева—М. Я. Чаадаева, названнаго авторомъ статьи В. Е. Чехихинимъ, по терминологіи А. И. Герцена—«умною ненужностью». На ряду съ этимъ приводятся и матеріалы, которыми пользовался авторъ и которые сообщилъ князь А. В. Звенигородскій. Въ числѣ этихъ матеріаловъ приводится и краткій «реестръ роду Чаадаевыхъ», по поводу котораго въ краткомъ предисловіи читаемъ: документъ этотъ «очень важенъ для біографіи обоихъ братьевъ Чаадаевыхъ. Годъ и мѣсто рожденія Петра Як. Чаадаева не были доселѣ достовѣрно извѣстны и только съ нахожденіемъ этого документа впервые устанавливаются точно». Позволю себѣ указать написавшему эти строки, что онъ ошибочно приписываетъ себѣ пальму первенства въ сообщеніи точныхъ датъ рожденія М. и П. Як. Чаадаевыхъ. Еще въ 1907 г., въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ статейкѣ: «Къ біографіи П. Я. Чаадаева», нами были точно установлены тѣ же самыя даты рожденія М. и П. Як. Чаадаевыхъ, которыя имѣются въ реестрѣ. Сдѣлано это было на основаніи наиболѣе полной поколѣнной росписи Чаадаевыхъ, посемейныхъ списковъ, метрическихъ свидѣтельствъ и опредѣлений правительствующаго сената, имѣющихся въ дворянскомъ дѣлѣ Чаадаевыхъ, хранящихся въ архивѣ департамента герольдіи.

Интересны по своимъ новымъ біографическимъ и библиографическимъ даннымъ сообщенные В. Е. Чехихинимъ рукописные матеріалы А. С. Гацисскаго, подъ заглавіемъ: «Люди нижегородскаго Поволжья», куда, кромѣ старой статьи В. Н. Никитина о Н. Е. Валовѣ, вошли автобіографіи: М. П. Веселовскаго, В. П. Вахтерова, С. А. Любовникова, Н. И. Русинова, Л. И. Сахарова, Ф. К. Смолькова, Н. Я. Агафонова и даже графа Н. П. Игнатъева (очень краткое сообщеніе).

По поводу графа Н. П. Игнатъева, за время его кратковременнаго генералъ-губернаторства въ Нижнемъ Новгородѣ, А. А. Савельевъ сообщаетъ нѣсколько своихъ воспоминаній и приводитъ адресъ, который поднесли болѣе «доступному» и «справедливому» администратору нижегородскіе граждане.

Н. И. Драницынъ, на основаніи дѣлъ сенатскаго архива началъ XIX в., представилъ рядъ небезынтересныхъ картинокъ изъ «Нижегородскаго прошлаго», каковы, напр. «Допосчикъ» (секретарь Правдухинъ, доносившій о злоупотребленіяхъ по Нижегородской губерніи), «Защитникъ женщины въ началѣ XIX ст.», и др.

Выполняя главную свою задачу, по положенію 1884 г., члены нижегородской архивной комиссіи представили нѣсколько описей архивныхъ дѣлъ:

Н. И. Драницынъ—«опись дѣлъ лукояновскаго уѣзднаго суда за 1802, 1811, 1814 и 1817 гг.»; и сенатскаго архива департамента министерства юстиціи за 1783, 1791, 1793, 1794, 1796, 1799, 1801 и 1802 г.; И. И. Вишневскій—уѣздныхъ судовъ: макарьевскаго за 1784 г. и калязинскаго за 1801 г.; и А. А. Титовъ—арзамасскаго уѣзднаго суда, за 1799, 1804, 1808, 1830, 1845, 1850 и 1851 гг.

Въ отдѣлѣ «матеріаловъ» помѣщены: «Нижняго Новгорода смѣта, приходу и расходу окладнымъ и неокладнымъ разнымъ доходамъ денежнымъ, хлѣбнымъ и меду», 1621 г. (довольно обширная и богатая по содержанію), копія съ жалованной грамоты имп. Петра I на Барминскую волость, грамоты Печерскому монастырю XVI и XVII вв. и др., къ сожалѣнію, безъ всякихъ предисловіи и объясненій...

Заключается разсматриваемый VIII томъ «Дѣйстви» «приложеніемъ»—«Алфавитнымъ указателемъ статей, рефератовъ, докладовъ и замѣчаній, напечатанныхъ въ «Дѣйствіяхъ» комиссіи или читанныхъ на ея засѣданіяхъ, составленнымъ А. К. Кабановымъ, за который нужно принести составителю особую благодарность, такъ какъ вообще архивныя комиссіи мало заботились и заботятся объ указателяхъ къ своимъ «Трудамъ», хотя по поводу послѣднихъ мною же былъ поднятъ вопросъ на владимирскомъ историко-археологическомъ областномъ съѣздѣ, въ 1906 г., вслѣдствіе чего и состоялось даже особое постановленіе съѣзда.

В. Рудаковъ.

Ермоловъ, А. С. Современная пожарная эпидемія въ Россіи. Спб. 1910. Стр. 211. Ц. 60 к.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія высокопоставленный авторъ почти ежегодно вноситъ въ сокровищницу родной литературы все новые и новые результаты неустанно производимыхъ имъ экономическихъ изслѣдованій, глубоко и всесторонне захватывающихъ интересы народнаго хозяйства.

Послѣ много напумѣвашаго въ свое время изслѣдованія «Неурожай и народное бѣдствіе», изданнаго въ 1892 году, авторъ въ 1901 году выпустилъ въ свѣтъ четвертымъ изданіемъ составленный имъ замѣчательный курсъ «Организація полевого хозяйства» и въ томъ же году выступилъ съ I томомъ новаго своего произведенія: «Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ», составляющаго по полнотѣ и разнообразію матеріаловъ выдающееся явленіе въ литературѣ этого рода. Слѣдующіе II, III и IV томы этого произведенія напечатаны въ 1905 году а уже въ слѣдующемъ 1906 году авторъ даетъ новую популярную работу: «Нашъ земельный вопросъ», и потомъ послѣдовательно выходятъ изъ-подъ пера неутомимаго автора: въ 1907 году: «Слово о землѣ», въ 1908 г.— «Народныя примѣты на урожай», въ 1909 г.—«Наши неурожаи и продовольственный вопросъ».

Изданіе, выписанное выше въ заглавіи, является послѣднимъ по времени произведеніемъ А. С. Ермолова. Въ немъ авторъ съ свойственными ему трудолюбіемъ и талантомъ собралъ и разработалъ огромный матеріалъ по одному изъ вопросовъ громадной общественной и государственной важности, изложилъ

и рассмотрѣлъ вопросъ въ исторической его перспективѣ и съ разныхъ сторонъ въ современныхъ его положеніи и обстановкѣ. Характеризуя пожары въ Россіи, какъ одно изъ величайшихъ золъ и бѣдствій народной жизни, авторъ останавливается на причинахъ этого ужаснаго явленія и средствахъ борьбы съ нимъ, какъ употреблявшимися до сего времени, такъ и желательными и необходимыми въ будущемъ. Въ связи съ этимъ А. С. Ермоловъ даетъ полный и обстоятельный очеркъ «разработки государственною думою и правительствомъ вопроса о борьбы съ пожарами».

Съ своей стороны, авторъ приходитъ къ тому убѣжденію, что главной причиною пожаровъ являются поджоги и что правосудіе оказывается безсильнымъ въ борьбѣ съ этими преступленіями. Въ виду послѣдняго обстоятельства, по мнѣнію А. С. Ермолова, необходимо прійти на помощь суду—привѣгнуть къ мѣрамъ административной борьбы» съ поджогами, причемъ указываются и самыя эти мѣры. Съ другой стороны, авторъ признаетъ, что «какія бы предупредительныя мѣры противъ пожаровъ ни предпринимать, какъ бы строга ни была уголовная репрессія за умышленные поджоги...—на ряду съ этимъ необходимо надлежащимъ образомъ организовать борьбу съ огнемъ». Здѣсь авторъ, объяснивъ организацію пожарной части за границей (въ Германіи и Швейцаріи), высказываетъ слѣдующія пожеланія относительно мѣръ борьбы съ пожарами въ селеніяхъ (города, по крайней мѣрѣ большіе, по свѣдѣніямъ автора, имѣютъ, въ общемъ болѣе или менѣе удовлетворительную организацію противопожарнаго дѣла).

Прежде всего: желательно возможно болѣе широкое распространеніе образованія дѣтскихъ пожарныхъ дружинъ, которыя уже начали создаваться въ разныхъ мѣстахъ. Нужно всячески заботиться о возможно широкомъ распространеніи сельскихъ противопожарныхъ дружинъ и правильной ихъ постановкѣ, не жалѣя на это средствъ. Необходимо внести существенныя измѣненія и дополненія въ нормальные уставы пожарныхъ обществъ, направленные къ улучшенію административной части въ пожарныхъ организаціяхъ, уравненію правъ женщинъ и мужчинъ въ пожарномъ дѣлѣ, увеличенію средствъ пожарныхъ дружинъ и т. п. Со стороны земской помощи селеніямъ въ пожарномъ дѣлѣ авторъ признаетъ нужнымъ изданіе обязательныхъ постановленій которыми требовалось бы устройство прудовъ и водосмовъ тамъ, гдѣ мѣстныя условія тому благоприятствуютъ, предоставленіе земству права повышать страховые тарифы тамъ, гдѣ крестьяне неосновательно отъ этого отказываются, обязательное возложеніе на отвѣтственность сельскихъ обществъ поддержанія плотинъ и водосмовъ съ порядкѣмъ надлежащаго ихъ ремонта.

Не останавливаясь далѣе на другихъ соображеніяхъ автора и указываемыхъ имъ мѣрахъ къ улучшенію пожарнаго дѣла, закончиваемъ эту замѣтку пожеланіемъ, чтобы трудъ А. С. Ермолова, столь богатый фактическимъ матеріаломъ, отличающийся всестороннимъ освѣщеніемъ положенія пожарнаго вопроса въ Россіи и массой прекрасно разработанныхъ предположеній и указаній, направленныхъ къ улучшенію этого дѣла и уменьшенію размѣровъ огненнаго зла, ежегодно причиняющаго неисчислимыя бѣдствія огромной массѣ нашей не только сельскаго, но часто и городского населенія,—чтобы этотъ полезный

трудъ получилъ широкое распространеніе въ обществѣ и вызвалъ къ жизни тѣ мѣры, которыя въ дѣйствительности могли бы уменьшить тѣ укасающіе размѣры народнаго горя, которые теперь вызываютъ со стороны сѣбѣ чувство глубокаго состраданія.

В. Кузнецовъ.

Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Часть II-я. Служба пограничной стражи въ военное время. Выпускъ 2-ой. Участіе въ Отечественной войнѣ 1812 года; въ усмирѣніи польскихъ мятежей 1830—1831 и 1863—1864 годахъ; въ войнѣ 1877—78 года; въ китайской войнѣ 1900 года и въ войнѣ съ Японіей 1904—1905 г.г. М. Чернушевичъ. 1910. Ц. 2 р. 25 к.

Продолжая свой многотомный трудъ «Матеріалы къ исторіи пограничной стражи», генералъ Чернушевичъ послѣднимъ выпускомъ издалъ томъ, посвященный участію пограничной стражи въ войнахъ: 1812 года, 1830—31 гг. и 1863—64 гг. при усмирѣніи польскихъ мятежей, 1877—78 гг., 1900 г. китайской и 1904—1905 годовъ.

Томъ этотъ полонъ захватывающаго интереса, особенно интересны эпизоды польскаго возстанія, какъ, напримѣръ, подвиги вахмистра пограничной стражи Патковскаго, который, переодѣваясь то польскимъ «довудцей», то помѣщикомъ, то простымъ «повстанцемъ изъ хлоповъ», проникалъ въ помѣщичьи усадьбы, занятія штабами повстанцевъ, и хитростью, при безумной отвагѣ, захватывалъ нужныхъ ему лицъ.

Чрезвычайно интересенъ эпизодъ нападенія мятежной шайки Куровскаго на гор. Мѣховъ, причѣмъ пограничной стражѣ съ небольшою горстью армейскихъ войскъ пришлось выдержать упорную борьбу съ въ нѣсколько разъ превышающимъ численностью непріятелемъ, которому дѣятельно помогали не только мѣстные жители, устроившіе засады въ своихъ домахъ, но косвенно даже многіе чиновники таможни. Даже въ городѣ русскій жандармскій офицеръ, капитанъ Гиро, не только не пришелъ на помощь отважному начальнику небольшого отряда русскихъ войскъ, полковнику пограничной стражи Непенину, но всячески ему противодѣйствовалъ. Положеніе пограничной стражи, разбросанной въ лѣсахъ порубежной Польши небольшими группами, въ нѣсколько человекъ каждая, на глухихъ, ничѣмъ не защищенныхъ кордонахъ, въ моментъ начала возстанія было трагическое. Люди гибли въ одиночку подъ ножами и отъ пулъ многочисленныхъ убійцъ; кто попадалъ въ плѣнъ, безжалостно вѣшался или разстрѣливался, а ко всему этому и высшее начальство, жившее вдалекѣ, въ лицѣ начальника округа, гражданскаго чиновника, по близорукости и полному непониманію положенія дѣла, связывало руки пограничной стражѣ гибельными приказами—не употреблять противъ мятежниковъ оружія и отнюдь не собираться въ большіе отряды. Отъ окончательной гибели пограничную стражу отчасти спасло вмѣшательство высшаго начальства, а главнымъ образомъ беззавѣтная удалъ, храбрость самихъ пограничниковъ, изумительное знаніе мѣстности, всѣхъ лѣсныхъ тропинокъ, болотъ и овраговъ и умѣнье ими пользоваться.

Въ описаніи участія пограничной стражи въ китайской войнѣ г. Чернушевичъ даетъ много совершенно новаго и интереснаго матеріала. Съ особеннымъ захватывающимъ интересомъ, смѣшаннымъ съ чувствомъ печали и національной гордости, читается эпическое отступленіе горсти пограничниковъ подъ командой доблестнаго поручика Валевскаго среди возставшаго противъ русскихъ населенія, подъ напоромъ огромныхъ шаекъ хунхузозъ и регулярныхъ китайскихъ войскъ, трагическая гибель Валевскаго и инженера Верховскаго, ужасныя пытки, которымъ озлобленные китайцы подвергали раненыхъ русскихъ, попавшихся имъ въ плѣнъ. Заканчивается книга описаніемъ рейса отряда пограничниковъ въ Корею въ періодъ послѣдней японской войны. И въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ этой роковой несчастной войны, доблесть маленькихъ чиновъ разбилась о близорукость и преступное соперничество высшаго генералитета, о столько, къ несчастью, частая и, можно сказать, излюбленная русскимъ бюрократизмомъ междувѣдомственныя столкновенія. Мѣсто не позволяетъ дѣлать выдержки изъ интересной книги г. Чернушевича, но мы искренно совѣтуемъ любителямъ отечественной исторіи познакомиться съ нею.

Ө. Тютчевъ.

Русскій Филологическій Вѣстникъ. Учено-педагогическій журналъ издаваемый подъ редакціей проф. Е. Ө. Карскаго. Варшава. 1910. №№ 1—4.

Въ прошлогодней рецензіи на данный журналъ было указано на него, какъ на лучший и самый популярный журналъ, посвященный разработкѣ вопросовъ русской литературы и языка. Въ истекшемъ году «Вѣстникъ» былъ по-прежнему разнообразенъ въ своихъ научныхъ интересахъ и особенно богатъ статьями по новой русской литературѣ. Слѣдуя юбилейнымъ запросамъ прошлаго года, «Вѣстникъ» далъ двѣ статьи о Кольцовѣ и нѣсколько касающихся его библиографическихъ замѣтокъ. Первая статья В. В. Данилова—«Очерки поэзіи А. В. Кольцова», разбивается на двѣ неравныя части: «А. В. Кольцовъ, какъ поэтъ личныхъ настроеній» и «Источникъ думы Кольцова «Поэтъ». Въ первомъ очеркѣ авторъ устанавливаетъ положеніе, что народное направленіе лирики Кольцова было раздражательнымъ и явилось результатомъ общихъ литературныхъ стремленій къ народности 30-хъ годовъ, и въ отношеніи изображенія народной жизни Кольцовъ ни на шагъ не ушелъ впередъ отъ тѣхъ сентиментально-романтическихъ идиллій, которыми питала публику современная народничествовавшая литература, когда, по выраженію Бѣлинскаго, «всякій литературный шутъ хотѣлъ быть народнымъ писателемъ». Основное же направленіе лирики Кольцова, по мнѣнію автора, субъективное—это выраженіе постоянного стремленія поэта изъ темноты его личной жизни къ свѣту и знанію. Вторая часть «Очерковъ» г. Данилова возводитъ думу Кольцова «Поэтъ», какъ къ источнику ея, къ статьѣ Бѣлинскаго о первой книжкѣ стихотвореній Кольцова. Далѣе слѣдуетъ также юбилейная статья В. В. Данилова «Юношеская драма В. Г. Бѣлинскаго «Дмитрій Калининъ». Въ противоположность С. А. Венгерову, считающему «Дмитрія Калинина» явленіемъ исключительнымъ

въ русской литературѣ 30-хъ годовъ въ смыслѣ протеста противъ крѣпостного права, авторъ ставитъ драму въ тѣсную связь съ предшествующей литературой и намѣчаетъ общіе у нея мотивы съ другими литературными произведениями. Въ статьѣ «Тайна генія Гоголя» А. М. Евлаховъ разсматриваетъ давно рѣшаемый вопросъ о двухъ началахъ въ его творческой личности: художника и моралиста. «Душа художника,—говоритъ г. Евлаховъ,—звала его въ языческой Римъ, душа моралиста—въ христіанскій Іерусалимъ. Долгая и мучительная борьба окончилась побѣдой моралиста. Она привела его въ Іерусалимъ. Но этотъ Іерусалимъ оказался могилой—и не только для художника, но и для чловѣка». Статья Н. Н. Трубицына «Личность Кольцова» выясняетъ вопросъ согласно тезису автора: «Кольцовъ это—типъ, жизнь его—типъ, и тоска его тоже типъ. За спиной Кольцова сотни, тысячи по городамъ и весямъ маленькихъ Кольцовыхъ». Большая статья И. И. Замотина посвящена Чехову: «А. П. Чеховъ и русская общественность»—очеркъ живой, всесторонній и легко читаемый. Въ очеркѣ «Источникъ стихотворенія А. С. Пушкина «Гусарь» В. В. Даниловъ считаетъ имъ разсказъ О. М. Сомова «Кіевскія вѣдьмы». Отмѣтимъ также по новой литературѣ статьи: «Идеалы семьи С. Т. Аксакова и его заслуга для русской школы» А. В. Каминскаго, «Къ комментарію новой поэмы М. Ю. Лермонтова «Послѣдній сынъ вольности» Л. К. Ильинскаго. Къ изученію народной литературы относятся статьи: «Баба хуже чорта» Ю. И. Поливки, представляющія сравнительный обзоръ сюжетовъ на данный мотивъ во всемирномъ фольклорѣ, «Весна и народный аскетическій идеалъ» Ю. М. Соколова, разсматривающаго стихи о царевичѣ Іоасафѣ и матери-пустынѣ, и очеркъ «Историческій элементъ въ былинахъ о Данилѣ Ловчанинѣ» Б. М. Соколова; послѣдняя работа, въ которой г. Соколовъ доказываетъ, что данная былина изображаетъ неудачный бракъ Ивана Грознаго съ Василисой Мелентьевой, заслуживаетъ особаго вниманія по строго историческому методу, точности и детальности изслѣдованія, напоминающаго лучшіе труды въ этомъ родѣ В. Ө. Миллера. По древне-русской литературѣ въ журналѣ помѣщены двѣ статьи: г-жи М. С. Боровковой-Майковой—«Великій старецъ Нилъ, пустычникъ Сорскій», давшей кое-какія новыя детали біографіи знаменитаго подвижника, и П. І. Поталова: «Къ вопросу о литературномъ составѣ лѣтописи»; послѣдняя статья представляетъ образецъ той историко-литературной схоластики и ограниченаго буквоѣдства, которыя возвели въ культъ нѣкоторые бездарные дѣти и внуки знаменитаго проф. Н. С. Тихонравова. Въ противоположность этому направленію псевдо-ученыхъ, можно указать цѣлый рядъ статей учениковъ кіевского профессора В. Н. Перетца, представляющихъ любопытныя изслѣдованія фактовъ юго-западной литературы. Таковы: Изданія «Ключа разумѣнія» Іоанникія Голятовскаго» Ив. Огіенка, «Epitaphius Metropolitae Barlaamo Iasinsky»—стихотвореніе Теофана Прокоповича» А. С. Грузинскаго, «Библиографическія замѣтки о нѣкоторыхъ старопечатныхъ книгахъ» С. И. Маслова, «Преніе живота и смерти» и новый украинскій его списокъ Н. К. Гудзія.

Не будемъ останавливаться на многочисленныхъ статьяхъ по изученію языка, изъ которыхъ большинство принадлежитъ А. И. Соболевскому; но нельзя не

поставить вопроса: есть ли какая-либо тѣсная связь между статьею: «Чеховъ и русская общественность» и изслѣдованіями о славянскихъ словахъ: Бескичъ, Попрадъ, Толтры и проч.? Не лучше ли было бы разбить журналъ на два отдѣла: историко-литературный и лингвистическій, которые представляли бы самостоятельныя изданія? Первому изъ нихъ былъ бы обезпеченъ гораздо большій тиражъ, чѣмъ тотъ, какимъ обладаетъ «Вѣстникъ», въ настоящее время, отпугивающій «бескидами» и «попрадами» отъ подписки даже средне-учебныя заведенія?

П. О.

Николай Яковлевичъ Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. Очерки и воспоминанія гр. Л. Н. Толстого, Вл. С. Соловьева, О. А. Шебора, В. И. Шенрока, В. Н. Ивановскаго, Л. М. Лопатина, П. П. Соколова, Алекся И. Введенскаго, Ю. И. Айхенвальда, Э. Л. Радлова, Г. И. Челпанова, Д. В. Викторова, В. В. Розанова, Е. В. Спекторскаго. Письма гр. Л. Н. Толстого, Н. Н. Страхова, А. Ф. Кони, Вл. С. Соловьева, кн. С. Н. Трубецкаго, архіеп. Никанора и самого Н. Я. Грота. Съ приложеніемъ портретовъ и нѣсколькихъ биографическихкихъ и библиографическихкихъ матеріаловъ. Спб. 1911. Стр. 410.

23 мая 1899 г. многихъ поразила вѣсть о неожиданной кончинѣ одного изъ популярныхъ представителей русской философіи Н. Я. Грота. Его кипучая дѣятельность была у всѣхъ на виду, но мало кому было извѣстно, что перегруженный работою организмъ философа уже и раньше обнаруживалъ признаки надорванности. Смерть Н. Я. Грота больно отозвалась во всѣхъ кругахъ, прикосновенныхъ къ философіи: чувствовалось, что умеръ одинъ изъ главнѣйшихъ ея нервовъ. Появился цѣлый рядъ статей, посвященныхъ памяти Н. Я. Грота и принадлежащихъ перу его товарищей, учениковъ, почитателей и просто читателей. Почти всѣ эти статьи представляютъ значительный интересъ не только для оцѣнки философской дѣятельности Н. Я. Грота, но и для характеристики различныхъ теченій русской философской мысли.

Еще въ 1904 г. братъ философа, К. Я. Гротъ, приступилъ къ изданію его сочиненій и выпустилъ томъ, куда вошли статьи о задачахъ философіи ¹⁾. Къ сожалѣнію, выходъ этой книги совпалъ съ тревожнымъ временемъ, не позволявшимъ общественному вниманію сосредоточиться на безстрастномъ умозрѣніи. Изданіе пока не окупилось и потому остается безъ продолженія. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ статьи Н. Я. Грота разбросаны во многихъ періодическихкихъ изданіяхъ и хотя появлялись отдѣльными оттисками, но въ настоящее время составляютъ въ большинствѣ случаевъ библиографическую рѣдкость.

Десятилѣтняя годовщина со дня смерти Н. Я. Грота послужила для его брата поводомъ къ изданію сборника воспоминаній и статей о немъ, а также нѣкоторыхъ биографическихкихъ и библиографическихкихъ матеріаловъ. Впервые здѣсь появляются

¹⁾ Н. Я. Гротъ. Философія и ея общія задачи, Спб. 1904.

воспоминанія проф. Шебора, жившаго въ семьѣ Гротовъ въ качествѣ домашняго учителя, воспоминанія Л. Н. Толстого, написанныя имъ за мѣсяць до окончательнаго отъѣзда изъ Ясной Поляны; и рядъ его писемъ. Интересны также письма Н. Н. Страхова и архіепископа Никанора. Изъ обширной переписки самого Н. Я. Грота въ сборникъ включены лишь четыре письма къ отцу и письма къ А. Θ. Кони. Издатель сборника не рѣшился опубликовать другихъ писемъ философа, такъ какъ въ особой запискѣ о предстоящемъ изданіи его трудовъ Н. Я. Гротъ выразилъ желаніе, чтобы письма его остались необнародованными. Письма эти, однако, очень важны не только въ біографическомъ отношеніи. Натура чуткая, живая, дѣятельная, Н. Я. Гротъ отзывался въ своихъ письмахъ на все, что волновало русское общество. Писалъ онъ съ легкостью изумительною и при томъ не въ ущербъ обстоятельности. Въ разгаръ его кипучей дѣятельности по московскому психологическому обществу и журналу «Вопросы философіи и психологіи» изъ-подъ его пера выходили письма десятками въ день, и всѣхъ ихъ, вѣроятно, наберется добрая тысяча. Но слишкомъ свѣжъ еще въ нихъ налетъ злободневности, слишкомъ много нитей связываетъ ихъ съ еще здравствующими дѣятелями, чтобы появленіе ихъ въ печати могло было признано своевременнымъ.

Крайняя чуткость и отзывчивость характеризуютъ Н. Я. Грота не только какъ человѣка, но и какъ мыслителя. Юношескій матеріализмъ скоро превратился у него въ холодный позитивизмъ. Недолго, однако, Н. Я. Гротъ оставался подъ знаменемъ позитивизма. Изученіе Бруно привело Н. Я. Грота сначала къ пантеизму, а затѣмъ вообще къ признанію научнаго значенія за метафизикой. Этому направленію онъ оставался вѣренъ до конца своихъ дней.

Къ книгѣ приложенъ тщательно составленный указатель, облегчающій наведеніе всякаго рода справокъ.

Я. К.

Русскій біографическій словарь. Спб. 1910. Стр. 560.

Новый выпускъ издаваемого императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ русскаго біографическаго словаря начинается фамиліей «Притвиць» и кончается біографіей московскаго профессора начала прошлаго вѣка Рейса. Между этими именами вошли въ словарь жизнеописанія—укажемъ лишь на болѣе обширныя—Прозоровскихъ, Прокоповичей, Пронскихъ, Протасовыхъ, Пушкиныхъ, Пуцциныхъ, Раевскихъ и Разумовскихъ. Особенно обширна прекрасная статья г. Сиповскаго, посвященная А. С. Пушкину. Это настоящая сжатая монографія, держащаяся на уровнѣ тѣхъ свѣдѣній, которыми мы теперь располагаемъ о великомъ поэтѣ.

Томъ этотъ печатался, какъ заявлено на титульномъ листѣ, подъ наблюдениемъ нынѣ покойнаго предсѣдателя общества А. А. Половцова. Половцовъ умеръ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и потому заготовленный при его жизни матеріалъ для словаря нѣсколько потерялъ въ своей свѣжести. Въ доказательство своихъ словъ укажемъ хотя бы на статью о гр. Алексѣѣ Гр. Разумовскомъ, въ концѣ которой авторъ касается вопроса о происхожденіи княжны Тара-

кановой, опровергая устарѣвшее теперь мнѣніе, будто эта загадочная личность была дочерью графа и императрицы Елизаветы Петровны. На этотъ счетъ имѣются, вѣдь, нѣсколько мнѣній, съ которыми тоже слѣдовало бы сосчитаться. А затѣмъ авторъ, перечисляя сочиненія и журнальныя статьи, гдѣ говорится о княжнѣ Таракановой, пропускаетъ новѣйшее и весьма обстоятельное изслѣдованіе польскаго историка Эрнеста Луниускаго, специально посвященное этому лицу (обширное извлеченіе изъ труда Луниускаго было напечатано въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1910 г.).

При біографіи героя русско-турецкой войны генерала Радецкаго указаны всѣ даже мелкія журнальныя о немъ статьи, но нѣтъ указанія на книгу извѣстнаго графа Пфейля о русско-турецкой войнѣ, печатавшуюся въ извлеченіи на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Въ подлинникѣ составитель біографіи генерала могъ бы найти немало любопытныхъ черточекъ, которыми характеризуетъ его наблюдательный нѣмецкій писатель.

Отмѣтимъ также одинъ пропускъ, бросающійся въ глаза при перелистываніи словаря. Подъ фамиліей Прокоповичъ значатся пять лицъ, но среди нихъ нѣтъ знаменитаго дѣятеля Петровской эпохи Теофана Прокоповича.

Разумѣется, эти мелкіе недочеты не могутъ никоимъ образомъ умалить значенія этого изданія. Русскій біографическій словарь является настольной книгой для всякаго занимающагося русскою исторіей. Пріятно отмѣтить, что это сложное и требующее кропотливаго труда изданіе быстро подвигается впередъ, что у насъ случается не такъ часто.

А. В.

Академическая бібліотека русскихъ писателей. Выпуски 3-й и 4-й. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томы II и III. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1910. Стр. VIII + 528 и IV + 370. Цѣна 2-го тома — 1 р. 50 к. и 3-го тома 1 р. 25 к.; безъ переплета и по подпискѣ 85 к. и 75 к.

О появленіи въ свѣтъ перваго тома «Полнаго собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова», а равно о характерѣ и планѣ этого изданія мы уже говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1910 г., № 5, стр. 726—728). Въ только что изданные томы вошли: во второй—стихотворенія М. Ю. Лермонтова, съ 1832 г. по 1841 г., а въ третій—драматическія его произведенія. Текстъ обоихъ томовъ тщательно свѣренъ редакторомъ изданія, профессоромъ Д. И. Абрамовичемъ по автографамъ и наиболѣе заслуживающимъ довѣрія копіямъ, а въ примѣчаніяхъ даны имъ почти всѣ варианты къ основному тексту, съ соблюденіемъ ореографіи Лермонтова и его эпохи, и необходимыя критико-библиографическія свѣдѣнія. Стихотворенія, по времени ихъ написанія, распредѣляются такъ: за 1832 г.—двадцать пять стихотвореній и одна большая восточная повѣсть въ стихахъ: «Измаиль-Бей», изданная по копіи лермонтовскаго музея, № 9; за 1833—34 гг.—одиннадцать, въ томъ числѣ поэма «Хаджи-Абрекъ», появившаяся впервые въ печати въ 1835 г., помимо желанія Лермон-

това, какъ свидѣтельствуеъ В. П. Бурнашевъ; за 1835 г.—одно стихотвореніе «Опять народныя вѣтѣи» и поэма «Бояринъ Орша»; за 1836 г.—девять, въ томъ числѣ знаменитая «Вѣтка Палестины» и поэма «Сашка» (въ примѣчаніяхъ къ послѣдней приведенъ цѣлый рядъ вариантовъ); за 1837 г.—двадцать и въ числѣ ихъ «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и «Казначейша»; за 1838 г.—всего три небольшихъ стихотворенія: «Дума» («Печально я гляжу на наше поколѣніе»), «Къ М. И. Цейдлеру» («Русскій нѣмецъ бѣлокурый») и «Поэтъ» («Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ»); за 1839—десять, въ томъ числѣ болѣе крупное—«Сказка для дѣтей»; за 1840—двадцать шесть и среди нихъ «Валерикъ» и поэма «Мцыри» (въ примѣчаніяхъ къ тому и другому произведенію приведены многочисленные варианты и автографы поэта); и за 1841 г.—двадцать четыре и въ числѣ ихъ поэма «Демонъ». Въ примѣчаніи къ этому произведенію читаемъ: «Издается по корректурнымъ листамъ январской книжки «Отечественныхъ Записокъ» за 1842 г. «По причинамъ, не зависящимъ отъ редакціи», поэма не могла въ то время появиться въ свѣтъ, но корректура, исправленная А. А. Краевскимъ 9-го декабря 1841 г., сохранилась и перешла въ Лермонтовскій музей. Останавливаясь на этомъ текстѣ поэмы и отдавая ему предпочтеніе передъ другими, даже передъ карлсруйскимъ изданіемъ 1857 г., которое называютъ «праматерью» изданій нашей поэмы,—мы исходили изъ того соображенія, что если бы не простая случайность въ видѣ цензурнаго запрещенія, то «краеугольнымъ камнемъ» всѣхъ дальнѣйшихъ изданій «Демона» послужили бы «Отечественныя Записки» за 1842 г., съ ихъ «первопечатнымъ» текстомъ. Исторія карлсруйскихъ изданій «Демона» очень неясна и загадочна...» Далѣе профессоръ Д. И. Абрамовичъ говоритъ, что найденный и изданный профессоромъ Висковатовымъ списокъ «Демона» есть, «несомнѣнно, позднѣйшая передѣлка подлиннаго текста, возбуждающая очень много серьезныхъ сомнѣній и возраженій какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны художественно-литературной формы...» Чтобы дать наглядное представленіе о тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергался текстъ «Демона», редакторъ приводитъ варианты изъ пяти печатныхъ изданій и двѣнадцати рукописей, на двадцати пяти страницахъ.

Сверхъ того въ «Приложеніяхъ» ко второму тому находимъ: 1) отрывки и наброски М. Ю. Лермонтова (посвященія поэмы «Демонъ», «Югельскій баронъ» и др.), 2) стихотворенія на русскомъ (одно—«Наводненіе») и иностранныхъ языкахъ (четыре—изъ нихъ три на нѣмецкомъ и одно на французскомъ), приписываемыя М. Ю. Лермонтову, и 3) переводы М. Ю. Лермонтова. Среди текста находятся слѣдующіе портреты и рисунки: 1) М. Ю. Лермонтовъ (съ портрета масляными красками работы К. А. Горбунова, 1841 г.), 2) М. Ю. Лермонтовъ въ 1840 году (съ рисунка барона Д. П. Палена), 3) М. М. Лермонтова (мать поэта) съ портрета, принадлежащаго Лермонтовскому музею, 4) Перестрѣлка въ горахъ Кавказа. Картина масляными красками, работы М. Ю. Лермонтова и 5) При Валерикѣ. Съ акварели М. Ю. Лермонтова (оригиналъ въ императорской публичной библиотекѣ) и до сорока снимковъ съ автографовъ Лермонтова.

Содержаніе третьяго тома «Полнаго собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова» составляютъ слѣдующія его драматическія произведенія: 1) «Испанцы», 2) «Menschen und Leidenschaften» (то и другое относится къ 1830 г.), 3) «Странный человѣкъ» (1831 г.), 4) «Маскарадъ» (въ двухъ редакціяхъ) и 5) «Два брата» (то и другое относится къ 1834—1835 гг.). Драма «Испанцы» издана по автографамъ Лермонтовскаго музея (тетр. XVII), съ вариантами, которые впервые появляются въ печати. По автографамъ изданы и остальные драмы, кромѣ «Маскарада» (первой редакціи), который напечатанъ по изданію «Стихотвореній» Лермонтова 1842 г., съ добавленіемъ и поправками къ тексту въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1859 г., № 12 и 1861 г., № 16.

Въ составъ портретовъ, рисунковъ и автографовъ этого тома вошли: 1) М. Ю. Лермонтовъ (съ портрета масляными красками, работы П. Е. Заболотскаго); 2) М. Ю. Лермонтовъ въ 1841 году (по литографіи съ акварельнаго портрета, исполненнаго К. А. Горбуновымъ); 3) Е. А. Арсеньева, рожденная Столыпина (бабушка поэта). Съ портрета, принадлежащаго Лермонтовскому музею; 4) Домъ Е. А. Арсеньевой въ селѣ Тарханахъ Пензенской губерніи; 5) Лермонтовскій гротъ близъ Пятигорска. (Съ картины Г. П. Кондратенка); 6) Домикъ Лермонтова въ Пятигорскѣ. (Съ акварели А. А. Бильдерлинга); 7) Факсимиле первой страницы трагедіи «Испанцы»; 8 и 9) Факсимиле первыхъ двухъ страницъ драмы «Menschen und Leidenschafter»; 10) Снимокъ со списка драмы «Маскарадъ» (второй редакціи) съ поправками М. Ю. Лермонтова: дѣйствіе IV-е, явленіе 3-е и 4-е, и 11) Снимокъ съ той же рукописи: дѣйствіе V, явленіе 4-е.

Что касается изящества и тщательности, съ какими ведется «Академическая бібліотека русскихъ писателей», предпринятая по счастливому почину И. А. Кубасова, то о нихъ уже достаточно было говорено и даже по поводу разсматриваемыхъ нами томовъ «Полнаго собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова, къ которымъ въ скоромъ времени прибавятся: четвертый, гдѣ будутъ напечатаны прозаическія произведенія, и пятый съ перепиской и полной біографіей поэта.

В. Рудаковъ.

Былина. Вступительная статья и выборъ текста Е. А. Ляцкого. Изданіе т-ва «Огни». Спб. 1911. Стр. XXX+196+4 нен. Ц. 2 руб.

У насъ есть нѣсколько собраній былинъ, составленныхъ болѣе съ научною цѣлью чѣмъ для чтенія. Послѣдней задачи не ставилъ себѣ никто со временъ Кириши Данилова. Оставивъ въ сторонѣ специально-научныя требованія и слѣдуя исключительно историческому и эстетическому методу, Е. А. Ляцкій выбралъ наиболѣе значительныя въ историческомъ и поэтическомъ отношеніи «старинки» о богатыряхъ кievскихъ, старшихъ и новгородскихъ, умѣло расположилъ ихъ по содержанію и далъ въ наиболѣе авторитетныхъ, близкихъ къ первоисточнику записяхъ (преимущественно по Рыбникову и Кирѣевскому), строго сохраняя всѣ особенности избранныхъ текстовъ. Такимъ образомъ въ сборникѣ русской богатырскій эпосъ цѣльно представленъ въ его лучшихъ памятникахъ.

Тексту предпослана статья издателя о былинах; приложены ноты, список источниковъ и объяснительный словарь: жаль, что въ послѣднемъ составитель поспешил на объясненія, а едва ли рядовому читателю будутъ понятны такія слова, какъ «ластинья», «налушно». При словѣ «скурлатъ» пояснено: «ткань (хлопчатая)»; однако встрѣчается также (стр. 46, 47) и другое слово «скурлатъ»:

Взяли тутъ удалого молодца
Скурлаты немилостивые...
Ты вскричи своимъ вѣрнымъ слугамъ,
Скурлатамъ немилостивымъ,—

очевидно, въ смыслѣ «палачъ» и, вѣроятно, производное отъ имени Малюты Скуратова; оно тоже требовало поясненія. Книга издана очень красиво и стильно съ рамкой вокругъ каждой страницы и виньетками, взятыми изъ древнихъ рукописей. Для учащихся это очень подходящій подарокъ.

Н. Л.

Императорская академія художествъ. Галерея графа Н. А. Кушелева-Безбородка. Альбомъ. Текстъ М. М. Дальневича. Изданіе т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Выпуски I—IV. Цѣна по подп. 100 руб.

Кушелевская галерея, возникновеніе которой относится еще къ временамъ Екатерины II, по широтѣ своей программы—единственная въ Россіи. Она состоитъ не только изъ картинъ старинныхъ мастеровъ, но, главнымъ образомъ, изъ картинъ иностранныхъ живописцевъ XIX вѣка. По количественному богатству и разнообразію она считается однимъ изъ лучшихъ собраній въ Европѣ. Большая часть картинъ въ ней принадлежитъ французскимъ художникамъ первой половины XIX вѣка; есть также англичане, бельгійцы, нѣмцы, а также старые итальянцы, голландцы и фламандцы. Издаваемый товариществомъ Голике и Вильборгъ альбомъ представляетъ Кушелевскую галерею въ наиболѣе характерныхъ произведеніяхъ, находящихся въ ней, подборъ которыхъ, несмотря на стѣсненность его рамками даннаго собранія и высокую историческую и эстетическую требовательность, однако знакомить съ исторіей европейской живописи XVI—XIX вѣковъ въ ея главнѣйшихъ моментахъ. Послѣдняя задача облегчается популярнымъ очеркомъ М. М. Дальневича о живописи этой эпохи. Большая часть работы уже готова—четыре выпуска изъ пяти. Въ каждомъ изъ нихъ нѣсколько страницъ текста, среди котораго по нѣскольку копій съ картинъ, исполненныхъ гелиографіей на превосходной бумагѣ, и шестнадцать отдѣльныхъ произведеній на огромныхъ листахъ (in folio, 52—41 сант.)—три факсимиле въ краскахъ и тринадцать гелиографіей. Исполненіе ихъ выше всякой похвалы и не уступитъ лучшимъ иностраннымъ работамъ. Трудно было повѣрить, что въ Россіи (лишь бумага выписана изъ Франціи) могутъ явиться такія художественныя воспроизведенія. Альбомъ, правда, не дешевъ, да много ли у насъ цѣнителей и любителей подобныхъ изданій? Но кто любитъ искусство, тотъ дорого оцѣнитъ эту замѣчательную работу.

Н. Л.

Великій русскій критикъ В. Г. Бѣлинскій. Научно-популярный биографическій очеркъ. Составилъ В. Е. Рудаковъ. Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая бібліотека). Съ портретомъ В. Г. Бѣлинскаго. Спб. 1910. Стр. 104. Цѣна 35 к. въ переплетѣ.

Вышеназванная небольшая книжка, составленная В. Е. Рудаковымъ, является удачнымъ пособіемъ для ознакомленія съ жизнью и литературной дѣятельностью нашего великаго критика В. Г. Бѣлинскаго. Правильное распределение матеріала по отдѣльнымъ главамъ, слѣдованіе лучшимъ печатнымъ пособіямъ и заимствованія изъ нихъ, соразмѣрность въ изложеніи фактовъ, краткое, но достаточно обоснованное объясненіе міросозерцанія критика и наконецъ живой и вполне литературный языкъ дѣлаютъ эту книжку доступной и среднему читателю, и учащемуся даже въ низшей школѣ.

Въ то же время въ ней заключаются и несомнѣнные достоинства новизны. Благодаря разысканіямъ въ цѣломъ рядѣ петербургскихъ архивовъ, В. Е. Рудакову удалось впервые открыть подлинное метрическое свидѣтельство В. Г. Бѣлинскаго и повѣдать о происхожденіи матери послѣдняго, которое до настоящаго времени оставалось неизвѣстнымъ нашимъ изслѣдователямъ (см. объ этомъ особую статью В. Е. Рудакова въ «Новомъ Времени» за 1910 г., 14 августа, и за 1911 г., 2 января).

Въ виду наступающаго торжественнаго чествованія столѣтія со времени рожденія нашего великаго критика, вновь установленная точная дата рожденія— 1 іюня 1911 г. является какъ нельзя кстати...

Все содержаніе разсматриваемаго очерка распределено на 6 главъ: въ первой говорится о семьѣ «Бѣлинскихъ» и обученіи В. Г. Бѣлинскаго въ чембарскомъ училищѣ и пензенской гимназіи; во второй—о пребываніи его въ московскомъ университетѣ; въ третьей—о сотрудничествѣ въ журналахъ Н. И. Надежнина; въ четвертой—о сотрудничествѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» А. А. Краевского; въ пятой—о послѣднихъ годахъ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго послѣ разрыва съ А. А. Краевскимъ, и въ шестой вкратцѣ излагаются главнѣйшія заслуги Бѣлинскаго, оказанныя его критической дѣятельностью русской литературѣ и русскому просвѣщенію. Примѣчаніе посвящено краткому описанію чествованія памяти Бѣлинскаго въ 1898 году. Г.

Владимиръ Короленко. Бытовое явленіе. (Замѣтки публициста о смертной казни). Изд. журн. «Русское Богатство». Спб. 1910.

Съ обычною любовью и жалостью къ человѣку талантливый, благородный художникъ возвысилъ голосъ противъ смертной казни. Просто, безъ фразъ, съ глубокимъ и нѣжнымъ проникновеніемъ въ погибающія души людскія, съ документальной точностью, Короленко рассказалъ объ ужасахъ, переживаемыхъ «несчастными «смертниками», которые по полугоду ждутъ казни или помилованія, ложатся спать въ три часа ночи (такъ какъ послѣ этого времени уже, показалъ опытъ, казни не совершаются), а въ приступахъ тоски и отчаянья жалуются: «я приговоренъ вотъ уже два

мѣсяца, и все не вѣшаютъ... зачѣмъ берегутъ меня?.. что-нибудь,—скорѣй бы!.. Смертная, казнь, можетъ быть, и будетъ отмѣнена, и во всякомъ случаѣ ей приходитъ конецъ, какъ «бытовому явленію». Но въ книжкѣ Короленко съ правдивостью и яркостью отмѣчено другое, еще болѣе ужасное «бытовое явленіе». Съ нимъ бороться безконечно труднѣе, чѣмъ со смертною казнью, и однимъ росчеркомъ пера его не уничтожишь. Это—та психологія, которая диктуется полныя ужаса, къ несчастью, неоспоримо правдивыя признанія. «Я страшный эгоистъ,—пишетъ одинъ «смертникъ»,—и любилъ только себя во всю свою жизнь... Мнѣ нѣтъ дѣла до людей, какого они мнѣнія о моихъ поступкахъ. Я всегда старался унестать слабыхъ и брать у нихъ все, что мнѣ надо. Если бы понадобилась ихъ жизнь, я отобралъ бы ее»... Развѣ многія и многія тысячи людей, умирая, не должны сказать о себѣ то же самое? «Жизнь прошла блѣдной, какъ въ туманѣ,—пишетъ другой смертникъ:—почему я былъ такъ темень и не зналъ другой жизни?.. Жалѣешь, почему такъ поздно узналъ то, что узналъ теперь. Почему жизнь была такъ пуста? Что меня занимало? Какая-то ерунда, за которую теперь стыдно»... «Все хорошее,—пишетъ третій,—заслонялось дурнымъ, и я видѣлъ только зло во всю свою, хотя и короткую, жизнь. Видѣлъ, какъ другіе мучаются, и самъ съ ними мучился. При такихъ обстоятельствахъ и при такой жизни можно ли любить что-нибудь, хотя бы и хорошее?» Четвертый спрашиваетъ: «Стоитъ ли выходить на волю? Нашелъ ли бы я тамъ людей, съ которыми стоило бы жить? Я знаю, что гдѣ-нибудь есть хорошіе, честные люди, но я ихъ не найду, а сойдуся съ какими-нибудь негодяями. Пожалуй, и не стоитъ выходить на волю и жить такъ, какъ я жилъ раньше. Лучше уже умереть, чѣмъ сплошная мука». Эти горькія признанія людей, которые любили только себя, въ жизни видѣли только зло, которымъ мучительно-стыдно своего прошлаго, которые не вѣрятъ въ добро, все-таки смутно признавая его и оцупью къ нему стремясь,—признанія «смертниковъ» предъ лицомъ смерти, ждущей и насъ, просто «смертныхъ», не знающихъ, когда пробьетъ послѣдній часъ,—развѣ они не вскрываютъ такую бездну зла, передъ которою сама смертная казнь—ничто! Въ этихъ стопахъ погибающихъ не только тѣломъ, но и духомъ людей слышится такой тяжелый и справедливый упрекъ современному обществу, противъ котораго оно можетъ оправдаться не отмѣною смертной казни, не самыми широкими законодательными реформами, а полнымъ религіозно-нравственнымъ перерожденіемъ.

Н. Л.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ. Послѣ грозы... Три повѣсти современной растерянности. 287 стр. Спб. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Отшумѣла гроза освободительнаго движенія, много что оказалось переоцѣненнымъ у насъ на Руси, появились новые взгляды, создались новыя отношенія, интересы, какъ будто и старое, а выгладитъ по иному, въ другомъ цвѣтѣ...

Вотъ эта-то перемѣна и послужила наблюдательному автору общою темою для книги. Онъ рисуетъ только послѣдствія ея, не входя въ объясненія самыхъ

причинъ, ее вызвавшихъ, причеъ не вносить въ свое повѣствованіе какую-либо тенденцію, навязываемую читателю большинствомъ изъ современныхъ беллетристовъ.

Въ первой повѣсти «Въ ароматъ лѣса» поэтично описана жизнь студента, высланнаго изъ столицы, въ глухомъ еловомъ бору, отчужденномъ отъ городской кипучей сутолоки. Поэтическія картины пробуждающейся весны, съ тонкамъ ароматомъ молодой зелени, смѣняются давящимъ тяжелымъ кошмаромъ студеной зимы, непроглядной теменн осени. Самый романъ студента съ дочерью своего патрона, миллионера-лѣсопромышленника, развивается и заканчивается быстро на почвѣ самосознанія семейнаго долга. Большая повѣсть «Около бойни» рисуетъ оскудѣніе когда-то богатой помѣщицкей семьи, атавизмъ безвольнаго потомка сильныхъ духомъ предковъ и переходъ стариннаго имѣнія во владѣніе къ жизненному практику, англійскому рѣзачу свиней, умѣющему оцѣнить всю выгоду этой покупки и громадную будущность землевладѣнія въ Россіи. «Натуральный человѣкъ»—оригинально рассказанный случай о молодомъ человѣкѣ, рѣшившемся «совлести съ себя древняго», то есть отказаться отъ многихъ условій нашей жизни, такъ крѣпко внѣдрившихся въ наши понятія, что отрѣшиться отъ нихъ боятся и считаютъ невозможнымъ. Къ сожалѣнію, и эта попытка опроститься: ходить лѣтомъ голымъ, пить только воду, спать на особой кровати изъ ремней и т. п. оканчивается для юноши неудачей.

Но это вѣдь одна изъ первыхъ ласточекъ похода противъ условностей современной жизни, онѣ сами весны еще не дѣлаютъ, но за ними явятся и другія, болѣе твердыя, согнуть которыхъ обстоятельствамъ не такъ-то легко. Книга написана живымъ литературнымъ языкомъ, характеры ярко очерчены, красивы описанія природы. Въ повѣстяхъ отсутствуетъ манерность, присущая современнымъ молодымъ авторамъ. Читатель съ удовольствіемъ прочтетъ этотъ новый трудъ небезызвѣстнаго автора.

Г.

**Баденъ-Пауль. Юный развѣдчикъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1911.
Стр. 400. Съ рисунками. Цѣна 1 р. 25 к.**

Съ тѣхъ поръ, какъ арміи стали приближаться къ вооруженному народу, подготовка населенія къ военной службѣ сдѣлалась предметомъ особой заботливости правительствъ, которыя всѣми мѣрами поощряютъ стрѣлковыя и гимнастическія общества, общества соколовъ и всякаго рода полезный для военнаго дѣла спортъ. Мѣры эти въ значительной степени облегчаютъ задачу военной школы, обязанной въ двух-трехлѣтній срокъ подготовить солдата въ нравственномъ и техническомъ отношеніи изъ совершенно сырого матеріала: большая разница получить новобранца въ видѣ неотесаннаго парня, не умѣющаго ни стоять, ни ходить, или въ видѣ ловкаго молодого человѣка, не только знакомаго съ первыми приемами солдатской науки, но и имѣющаго нѣкоторое понятіе о дисциплинѣ. За границей подобная подготовка для взрослыхъ существуетъ давно и приноситъ прекрасные результаты; но въ послѣднее время тамъ стали обращать вниманіе и на подготовку дѣтей. Дѣло это начинаетъ

налаживаться и у насъ, въ видѣ формированія потѣшныхъ ротъ и полковъ, школьныхъ батальоновъ и командъ развѣдчиковъ и, какъ дѣло живое, тогда только будетъ имѣть успѣхъ, когда получитъ сочувствіе общества и когда найдутся люди, готовые заняться имъ не только формально, но съ душою и съ полной охотою. Недавно въ печати появилось извѣстіе, что подъ предсѣдательствомъ военнаго министра состоялось совѣщаніе по установленію программы обученія въ городскихъ, сельскихъ и церковно-приходскихъ школахъ строю, гимнастикѣ, военнымъ играмъ и дисциплинѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предположено внести вопросъ этотъ на обсужденіе совѣта министровъ, а на составленіе нормальнаго для этого дѣла руководства объявить конкурсъ. Поэтому нельзя не привѣтствовать изданіе такой образцовой книжки, какъ «Юный развѣдчикъ» Бадень-Пауля, въ короткое время выдержавшей уже два изданія. Авторъ книги, отличившійся во время бурской войны въ чинѣ полковника, какъ превосходный развѣдчикъ, побывавшій въ различныхъ англійскихъ колоніяхъ при самой разнообразной обстановкѣ, даетъ свои совѣты по образованію и обученію командъ развѣдчиковъ, полные практическаго смысла, проникнутые знаніемъ дѣтской психологии и горячимъ сочувствіемъ къ молодежи.

Въ книгѣ Бадень-Пауля, въ нѣсколькихъ главахъ, называемыхъ «бесѣдами у костра», подробно и обстоятельно, въ весьма интересномъ изложеніи, указывается цѣль и значеніе командъ развѣдчиковъ, способъ ихъ формированія и обученія и дается масса практическихъ совѣтовъ для инструкторовъ и обучающихся. Въ первой же «бесѣдѣ у костра» авторъ рассказываетъ о той пользѣ, которую принесъ отрядъ мальчиковъ-развѣдчиковъ, сформированный въ Мефкингѣ во время англо-бурской войны. Мефкингъ, какъ извѣстно, маленький городокъ, затерянный въ глубинѣ южно-африканскихъ степей и никогда не ожидавшій нападенія непріятеля; однако такое нападеніе состоялось, причемъ авторъ замѣчаетъ, что на войнѣ надо быть готовымъ не только къ тому, что вѣроятно, но и къ тому, что только возможно. Въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій въ Мефкингѣ было всего на всего 700 англійскихъ солдатъ да 300 обывателей, кое-какъ вооруженныхъ, при 700 не принимавшихъ участія туземцахъ и при окружности фортовъ въ 9 верстъ. При такихъ условіяхъ, когда каждый чело-вѣкъ былъ на счету, сформированный отрядъ изъ мальчиковъ-развѣдчиковъ принесъ неисчислимыя услуги, исполняя сторожевую службу, поддерживая связь между фортами и почтовое между ними сообщеніе при помощи велосипедовъ. Исполняли они эту службу, какъ и всякое порученіе, съ полною охотою, а нерѣдко и съ самоотверженіемъ, подъ огнемъ непріятеля, и заслужили особья за войну почетныя медали и полное одобреніе со стороны начальствующихъ лицъ. Въ книгѣ Бадень-Пауля, кромѣ упражненій, имѣющихъ значеніе исключительно для дѣла боевой подготовки, указываются приемы для ознакомленія съ природой (съ флорой и фауной), а въ особенности обращено вниманіе на привитіе юношамъ моральныхъ качествъ: чувства долга, дисциплины, благородства мыслей и поступковъ, самоотверженія на пользу ближняго и т. п. Вотъ нѣсколько параграфовъ изъ катехизиса развѣдчика: «на честь развѣдчика можно положиться»; «развѣдчикъ преданъ своему государю, родиנѣ и

своимъ начальникамъ»; «обязанности развѣдчика заключаются въ томъ, чтобы исполнять свой долгъ и помогать ближнимъ»; «развѣдчикъ другъ всякаго и братъ всемъ развѣдчикамъ». Въ особенности характеренъ для англичанъ послѣдній параграфъ: «Развѣдчикъ улыбается и насмѣивается или напѣваетъ что-нибудь во всѣхъ обстоятельствахъ, особенно въ трудныхъ. Когда вы опоздаете на поѣздъ, или если кто-нибудь наступитъ вамъ на мозоль,—хотя у развѣдчика вообще не должно быть мозолей,—когда вамъ досадно на что-нибудь, то вы заставте себя сейчасъ же улыбнуться, а потомъ посвистать, и вамъ сразу станетъ легче».

Вообще, можно сказать съ увѣренностью, что если идеи Бадень-Пауля будутъ приняты и распространены между дѣтьми и молодежью, то это не только послужитъ чисто военнымъ цѣлямъ, въ смыслѣ подготовки населенія въ войнѣ, но и принесетъ большую пользу въ дѣлѣ оздоровленія молодежи, особенно деревенской, отученія ея отъ хулиганства и отъ бессмысленныхъ игръ и проведенія въ мозгъ и сердце дѣтей нравственныхъ принциповъ, составляющихъ основаніе культуры. Западная Европа покрыта сѣтью такихъ учреждений; надо попробовать провести это и у насъ; необходимо только, чтобы люди, ставшіе у этого дѣла, относились къ нему съ душой, и чтобы общество ему сочувствовало.

Съ практической точки зрѣнія «Юный развѣдчикъ» представляетъ прекрасный учебникъ и руководство, которые, будучи примѣнены къ нашимъ народнымъ свойствамъ и обстановкѣ, могутъ сыграть немаловажную роль въ дѣлѣ воспитанія молодежи. Книжка издана весьма хорошо, со многими рисунками въ текстѣ и вполне доступна по цѣнѣ.

Д. Н.

**Прѣгледъ. Род. I, кн. I—VIII. Род. II, кн. I—II. Софія. Стр. 425+96.
Цѣна 3 лева [франка].**

Число болгарскихъ повременныхъ изданій, посвященныхъ научной работкѣ національнаго прошлаго, недавно обогатилось «Прѣгледомъ» («Обозрѣніемъ»). Какъ гласитъ подзаголовокъ, это «литературно- и церковно-общественный органъ», и издается онъ синодомъ болгарской церкви, вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ «Церковнымъ Вѣстникомъ», гдѣ также помѣщаются историческія статьи. Составляется новый журналъ интересно, старается слѣдить за выдающимися явленіями церковной жизни какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, конечно, придавая имъ специфическую окраску. Къ сотрудничеству приглашены солидныя научныя и литературныя силы.

Остановимся на работахъ историческихъ и историко-литературныхъ Среди нихъ находимъ прежде всего статью профессора софійскаго университета В. Н. Злотарскаго «Вопросъ о болгарскомъ патріархѣ предъ папой въ 866 году». Для исторіи возрожденія болгаръ въ половинѣ минувшаго вѣка цѣнна статья А. П. Стоилова «Изъ дѣятельности о. Неофита Бозвели и смерть его». Далѣе слѣдуютъ очерки митр. Климента «Лѣсковскій монастырь св. Петра и Павла», Г. Валасчева «Рыльскій монастырь и турецкіе документы», Г. Цѣнова «Дни недѣли, какъ знакъ стараго христіанства у славянъ», Д. Ихчиева. «Турецкій

документъ, касающійся хридской патриархіи», К. Карагулева «Христіанская литература первыхъ четырехъ вѣковъ», Д. Ихчиева «Турецкіе документы, относящіяся къ софійской епархіи», С. Станимирова «Юбилейная страница изъ исторіи правительственнаго духовнаго училища въ Самоновѣ», К. Стоянова «Греки и болгары предъ классицизмомъ и романтизмомъ», Н. Блыскова «Сельскіе учителя и учительницы до нашего освобожденія» и др.

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ также найдемъ рядъ интересныхъ произведеній. По достоинству первое мѣсто въ журналѣ занимаетъ «Боянъ Мачесника» Кирилла Христа — большая драма въ красивыхъ стихахъ изъ эпохи болгарскаго царя Петра (X вѣкъ). Прекрасны, какъ и все написанное талантливымъ Ст. Михайловскимъ, его стихи, въ серіи «Въ живота шомне, свечери, въ дугата се развидѣлява». Отмѣтимъ также повѣсть В. Узупова «Жрецы Эскулапа», стихотвореніе «Святому царю Борису» С. Чилингирова, стихи А. Кипрова и др. Кромѣ того, въ «Прѣгледѣ» напечатано нѣсколько переводовъ изъ западно-европейской беллетристики; обращаютъ на себя вниманіе переводы К. Христова изъ современныхъ религіозныхъ мистиковъ.

На первыхъ порахъ случайный характеръ носятъ мѣсячныя обзорнія болгарскихъ журналовъ, причѣмъ особое вниманіе обращено на историческія статьи и изслѣдованія. Интересенъ и библиографическій отдѣлъ, въ которомъ преобладаютъ рецензіи на книги иностранныя. Нужно надѣяться, что въ будущемъ этотъ отдѣлъ будетъ значительно расширенъ и что редація не будетъ удѣлять такъ много мѣста разбору социалистическихъ ученій, хотя съ точки зрѣнія болгарской церкви социализмъ въ послѣднее время представляеть видимую опасность.

О. Л. А-въ.

Карль Петръ Кейль. О нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обработкахъ трактата Луки Пачіоло по бухгалтеріи. Очеркъ къ (изъ?) исторіи бухгалтеріи. Переводъ съ нѣмецкаго съ біографіей К. П. Кейля С. Ф. Иванова. Могилевъ губ. 1910. Стр. XXIV+180. Ц. 2 р.

Исторія всякой науки интересна, такъ какъ это есть исторія завоеваній человѣческой мысли, съ большимъ трудомъ и постепенно прокладывающей себѣ дорогу къ отдаленной истинѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ эта исторія и поучительна, такъ какъ, заставляя человѣка пережить послѣдовательныя стадіи прогресса, она можетъ подвинуть его и на дальнѣйшія открытія. Вотъ тѣ соображенія, которыя, если бы это понадобилось, могутъ вполне оправдать появленіе настоящей, на первый взглядъ сухой и скучной, книги. Но не даромъ изобрѣтателемъ бухгалтеріи былъ итальянецъ: присущее этой націи стремленіе къ красотѣ и гармоніи онъ ввелъ и въ сухіе столбцы безжизненныхъ цифръ, не только облегчивъ этимъ возможность разбираться въ нихъ, но и привелъ ихъ въ стройную и законченную систему. Полной исторіи бухгалтеріи еще нѣтъ, и настоящій очеркъ является только краеугольнымъ камнемъ для ея созиданія. Авторъ книги, Кейль (Kheil), чехъ по происхожденію, убѣдительно доказываетъ, что первымъ писателемъ и учителемъ по двойной бухгалтеріи былъ итальянецъ Лука Пачіоло, и его трактатомъ пользовались многіе изъ его соотечествен-

никовъ. Сочиненіе Пачіоло было обработано на фламандскомъ и французскомъ языкахъ антверпенскимъ купцомъ Яномъ Импиномъ; содержаніе крайне рѣдкой книги Импина и зависимость его отъ Пачіоло излагаются авторомъ весьма подробно. Далѣе Кейль переходитъ къ исторіи торговыхъ сношеній между нѣмецкими городами и Италіей въ средніе вѣка и къ первоначальнымъ опытамъ нѣмецкой бухгалтеріи, особенно къ труду Вольфганга Швейкера, который подражалъ, а мѣстами и переводилъ Доменико Манцони, одного изъ вѣрныхъ послѣдователей Пачіоло. Въ заключеніе дается небольшой, но интересный экскурсъ объ историческомъ взаимоотношеніи римскихъ и арабскихъ цифръ. Переводчикъ труда Кейля, С. Ф. Ивановъ, отнесся къ своей работѣ съ полнымъ вниманіемъ и даже любовью. Будучи самъ специалистомъ по бухгалтеріи, г. Ивановъ не только принялъ всѣ мѣры къ точному изложенію нѣмецкаго текста, но и дополнилъ его живо написанной біографіей Кейля (съ его портретомъ) и нѣкоторыми примѣчаніями. Эти добавленія обнаруживаютъ въ г. Ивановѣ значительную начитанность и освѣдомленность не только въ своей специальности, но и въ исторіи математики. Поэтому весьма желательно, чтобы онъ не ограничился только переводными трудами, но далъ и нѣчто самостоятельное по бухгалтеріи. Жаль только, что нѣкоторыя итальянскія цитаты, которыя остались непереведенными у Кейля, не переданы по-русски и г. Ивановымъ. Наконецъ, подобно оригиналу, переводъ украшенъ семью факсимиле трудовъ Пачіоло, Манцони, Импина и Швейкера, превосходно исполненными извѣстной фирмой К. В. Гирземана въ Лейпцигѣ. Корректурa перевода весьма тщательная.

А. М.—нѣ.

Проф. П. Н. Кудрявцевъ. Римскія женщины. Историческіе рассказы по Тациту. Три выпуска «Всеобщей Библиотеки». Спб. 1910. Стр. 66 + 50 + 83.

Эти очерки, написанные очень популярнымъ въ свое время профессоромъ московскаго университета, знаменитымъ другомъ Грановскаго, извлечены изъ старыхъ журналовъ. Тацита читать не легко. «Учитесь читать,—говорилъ Карлейль,—это труднѣе, чѣмъ вы думаете». И только тотъ, кто дѣйствительно умѣетъ читать, кто стоитъ на извѣстной интеллектуальной высотѣ, можетъ вполне насладиться несравненнымъ мастерствомъ Тацита. Это историкъ для немногихъ, и Кудрявцевъ былъ правъ, когда пытался сдѣлать труды Тацита всеобщимъ достояніемъ. Эта популяризація выполнена 50 лѣтъ тому назадъ. У каждаго времени есть свой стиль. Но какъ бы ни привыкли мы къ современной манерѣ письма, можно съ удовольствіемъ остановиться на ровномъ и красивомъ стилѣ одного изъ людей сороковыхъ годовъ. Въ центрѣ работы Кудрявцева стоятъ женщины: онъ пересказываетъ исторію Агриппины старшей и младшей, Мессалины и Пoppей Сабини, широко освѣщая при этомъ періодъ римской исторіи отъ Тиберія до Нерона. И какой получается несравненный по захватывающему интересу романъ! Будь форматъ книжекъ больше, обложка эффектнѣе, глаза-стѣе, въ текстѣ рисунки—вотъ и была бы для Холмсовъ опаснѣйшая конкур-

ренція. Разъ желательно бороться съ сыщиками, то надо клинъ выбивать клиномъ. Потребность въ красивой выдумкѣ, занимательной фабулѣ, жажда захватывающаго интереса такъ присуща человѣческой душѣ, что вытравить ее съ корнемъ невозможно. «Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ и думать о красѣ ногтей», почитывая вмѣстѣ съ тѣмъ Холмса и другую сенсационную беллетристику. Вотъ, говорятъ, даже Менделѣевъ увлекался бульварными романами Дюма-отца. Уничтожить интересъ къ Холмсу и К^о можно только замѣной сыскаго сенсационнаго чтенія какимъ-нибудь другимъ, болѣе полезнымъ, но не менѣе сенсационнымъ. Всѣмъ этимъ юнцамъ и пролетаріямъ, съ трехкопеечнымъ Шерлокомъ въ рукахъ, такъ и хочется сказать: «Вы находите, что все это интересно, занятно; эти книжки всецѣло захватываютъ васъ. Отлично. Но знаете ли вы, что есть и другія, не менѣе увлекательныя книжки, даже съ большимъ преимуществомъ передъ Холмсомъ: все написанное въ нихъ не выдумка, а правда». И съ этими словами слѣдовало бы предложить юному и неразвитому читателю дешевое и занимательное историческое чтеніе. Вѣдь какъ ни хитрятъ беллетристы извѣстной категоріи въ погонѣ за сенсационной фабулой, всѣ ихъ выдумки въ концѣ концовъ оказываются дѣтскимъ лепетомъ, скучной и наивной болтовней сравнительно съ тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ продѣлывается въ жизни и заносится потомъ въ исторію. Достаточно простого, живого и талантливаго изложенія той или другой группы историческихъ фактовъ, чтобы они перещеголяли интересъ любого сенсационнаго романа. Пройдя школьный курсъ исторіи, мы, можетъ быть, начинаемъ понимать ея философію, логику, но перестаемъ чувствовать весь очаровательный ароматъ ея увлекательности, какъ не чувствуемъ прелести стиховъ Пушкина, когда отзубриваемъ ихъ въ школѣ. Вотъ въ книжкахъ Кудрявцева разсказывается, какъ устраивала свою карьеру Агриппина младшая, мать Нерона, жена и племянница Клавдія. Куда романисту до такой выдумки! Эта историческая правда побиваетъ рекордъ самой смѣлой бульварной беллетристики. А фигура самого Клавдія—безвольнаго маниака съ наклонностями археолога; создай кто-нибудь такой яркій типъ, и лавры будутъ обезпечены. Что исторія можетъ конкурировать съ беллетристической сенсационностью, подтверждается заграничнымъ примѣромъ. Популярный французскій издатель на ряду съ ходкой беллетристикою издаетъ «Историческую и анекдотическую бібліотеку». Большой форматъ, роскошная бумага, множество иллюстрацій и цѣна около 50 коп. Сюда входятъ занятные для большой публики мемуары (лакея Людовика XVI о пребываніи въ Тамплѣ, Фушэ и др.) съ введеніемъ и примѣчаніями. Правда, для нашихъ привычныхъ читателей Холмсовъ цѣна дорога, но въ данномъ случаѣ важень только общій типъ широкой исторической популяризаціи подъ флагомъ сенсационности. Приближаясь къ занозистой французской внѣшности, съ талантливымъ, въ родѣ Кудрявцева, внутреннимъ содержаніемъ, исторія могла бы далеко отгѣснить Холмсовъ.

И когда читаешь пересказъ Кудрявцева, то вспоминаешь еще нашихъ школьниковъ. Былъ у нихъ Иловайскій, нынѣ почти изгнанный изъ школъ. Но развѣ замѣнили его чѣмъ-нибудь лучшимъ? Вотъ популярное школьное руководство по древней исторіи Знойко. Открываемъ отдѣлъ, популяризованный Кудряв-

цевымъ. Объ императорѣ Клавдіи 20 строкъ съ одной фактической ошибкой (Мессалина была его третья, а не первая жена). Написаны эти немногія строки такъ бездарно и сухо, что ученикъ только путемъ зубрежки усвоить ихъ. Никакого интереса изложеніе Знойко возбудить не можетъ. Стоитъ сравнить эту педагогическую сушь съ яркой картиной Кудрявцева. И дѣло не въ томъ, что Кудрявцевъ пространенъ, а Знойко кратокъ. Талантъ стараго московскаго профессора и заключается именно въ томъ, что немногими словами, одной характерной чертой онъ возсоздаетъ цѣлую яркую картину. И еще подробность: какъ ни развратна была та эпоха—достаточно сказать, что тогда жила знаменитая Мессалина,—но старый идеалистъ Кудрявцевъ говорить о тогдашнихъ мерзостяхъ съ такимъ тактомъ, съ такимъ литературнымъ цѣломудріемъ, что никакихъ грязныхъ мыслей его разсказъ вызвать не можетъ. И если ужъ министерство народнаго просвѣщенія не можетъ найти талантливыхъ учебниковъ исторіи, то пусть хоть своимъ авторитетомъ вызоветъ и поддержитъ среди учащихся распространеніе книжекъ, подобныхъ работѣ Кудрявцева.

В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ НОВОСТИ. — Нѣмецкій ученый Шнейдеръ напечаталъ два сочиненія, хотя касающіяся различныхъ сюжетовъ, но имѣющія общій характеръ. Въ первомъ своемъ трудѣ онъ попытался начертать развитіе религіи Яху и легенды о Моисеѣ въ Израилѣ и Иудеѣ. Имена Іакова и Іосифа, по его словамъ, являются именами фетишей двухъ хананейскихъ племенъ іаковель и іосифель, появившихся въ Палестинѣ съ первой половины XV вѣка до Р. Х. Первое племя поселилось близъ Веиля — второе близъ Сихема и оба подчинились египетскимъ фараонамъ XVIII династіи. Въ концѣ XIII вѣка фараонъ Меренпахъ XIX династіи уничтожилъ въ Палестинѣ племя изираль или израэль, быть можетъ, часть хабировъ, поселившихся въ окрестностяхъ Силоамъ. Израэль, такимъ образомъ, также былъ притѣсняемъ египтянами, хотя никогда не былъ въ Египтѣ. Его божество носило имя Израэль; далѣе будетъ объяснено, почему могли думать, что его называли Егова, Йегова; онъ былъ не что иное, какъ самъ ковчегъ завѣта.

Въ то время, какъ племя израэль пришло въ Палестину съ сѣвера, племя іуда вошло туда съ юга и позже. Божество іуды или іехуды называлось Яху, или Яхвэ: имена племенъ и бога находятся въ сѣверной Сиріи подъ формой Яуди, или Јо. Богъ Іуды вначалѣ имѣлъ форму змѣя. Центромъ его культа былъ прежде Вааль, — Іуда, а затѣмъ Іерусалимъ: «левиты не кто иные, какъ «сыновья змѣя».

Подъ вліяніемъ вавилонянъ этотъ богъ принялъ человѣческую форму. Реформы Манасін, повидимому, ввели въ іерусалимскій храмъ послѣдніе результаты умозрѣній вавилонскихъ жрецовъ. Эта реформа никоимъ образомъ не была возвращеніемъ къ первобытнымъ идеямъ. Съ Іонадавомъ бенъ-Реха-

бомъ, сторонники котораго пробовали дѣйствовать противъ вавилонскаго вліянія и развитія индивидуальной собственности, въ религіи Яху появился соціальный элементъ. Пророки Амосъ и Исаія расширили идеаль и защищали интересы не одного класса, а всего человечества. Порабощеніе Вавилона благопріятствовало культу безъ изображеній, распространившемуся за границы племени, и только послѣ изгнанія могла быть окончена Тора. Здѣсь историческія данныя сбивчивы, нѣтъ болѣе другаго народа съ начала происхожденія, какъ израильскій, который раздѣляется на двѣнадцать племенъ; Иуда только подраздѣленіе (сѣверная традиція); но богъ Израэль становится Яху; правда, его символъ уже не змѣя, а ковчегъ завѣта и т. д.

По убѣжденію г. Шнейдера ¹⁾ Моисей фигура совершенно легендарная; всѣ его дѣянія, жизнь, даже имя ничего не имѣетъ историческаго, его законъ не содержалъ ничего такого, чего не было бы ранѣе эпохи фараоновъ. Существенныя черты его жизни общія всѣмъ восточнымъ Мессіямъ, и фактъ, что самая древняя традиція не указываетъ на свое происхожденіе, есть доказательство, что Моисей никогда не существовалъ. Его имя напоминаетъ имена египетскихъ фараоновъ Амоса и Тутмоса. Имя Амоса можетъ остаться связаннымъ съ изгнаніемъ изъ Египта, и Аронъ можетъ взять имя Амоса, какъ Ашурбанипаль подъ именемъ Сарданапала по легендѣ подвергся наказанію, которое въ дѣйствительности онъ наложилъ на своего брата Шамашшумъ-укина.

Въ области археологіи нѣмцы работаютъ, быть можетъ, не съ такою лихорадочной поспѣшностью, какъ французы, американцы и англичане, но зато съ чисто нѣмецкой аккуратностью они заканчиваютъ детальныя работы. Такъ, Палестина уже посѣщалась археологами почти вдоль и поперекъ, изъ развалинъ ея, быть можетъ, остались неизвѣстными лишь нѣсколько — все-таки и она подверглась ихъ изслѣдованію, результатомъ котораго явился въ Страсбургѣ монументальный трехтомный трудъ Брюннова и Домашевскаго ²⁾.

Первоначальный ихъ планъ былъ дать полное описаніе, географическое и археологическое, области на востокъ отъ Иордана. Однако предпринятая ими поѣздка въ 1897—98 гг. оказалась не столь удачной и исполненіе этой программы ограничилось римской провинціей въ Аравіи и то далеко не всей. Зато имъ удалось подробнѣе описать нѣкоторые пункты внѣ границы арабской провинціи. Хотя первыя работы исполнили другіе изслѣдователи, но Брюннову и Домашевскому осталось привести все въ систематическій порядокъ, произвести сравнительное изученіе развалинъ—единственное средство, которое можетъ пролить свѣтъ на ихъ происхожденіе, исторію послѣдовательнаго перемѣщенія римской границы къ востоку и т. д. Дополнивъ свое сочиненіе изслѣдованіями, сдѣланными ранѣе ихъ, они написали основательный трудъ. Они подробно описали Петру на 304 страницахъ и затѣмъ историческое развитіе формъ могилъ.

¹⁾ Zwei Aufsätze zur Religionsgeschichte Vorderasiens. Die Entwicklung der Jahureligion und der Mosesagen in Israel und Juda. H. Schneider. Leipzig.

²⁾ Die Provincia Arabia auf Grund zweier in den Jahren 1899 und 1898 unternommenen Reisen und der Berichte fruherer Reisender beschrieben. Strassbourg.

Самой древней формой могиль, по ихъ описанію, является простой пило́нь съ одной дверью, надъ которой возвышается листель, а на верхушкѣ два ряда зубчатыхъ украшеній. Этой же формы и кирпичные дома жителей и только лишь разнообразятся украшенія. Колонны относятся къ датѣ римскаго господства. Слѣды египетскаго вліянія видны въ символическихъ украшеніяхъ изъ сфинксовъ и головъ барановъ. Между прочимъ въ такомъ родѣ храмъ, посвященный Изису и выстроенный Гадриеномъ, посѣтившимъ Петру. Кромѣ того, сохранились два обелиска ень-Негръ, изображающіе главныя божества набатейянъ: Дюзареса и Аллата, которые указываютъ на центръ культа и самое древнее поселеніе набатейянъ до эллинической эпохи, болѣе чѣмъ 600 до Р. Х. Греческую культуру ввели въ Петръ при господствѣ Птолемеевъ, что объясняетъ смѣсь египетскихъ и сирийскихъ элементовъ. Только въ концѣ II вѣка въ эпоху паденія Птолемеевъ и Селансидовъ набатейское государство сдѣлалось независимо. Эллинизмъ продолжалъ тамъ прогрессировать, и въ эпоху Арета IV (85—60 до Р. Х.) Петра была совершенно греческой, и въ эту эпоху появился театр. Превращеніе государства набатейянъ въ римскую провинцію ничего не отняло изъ ея благоденствія, и въ началѣ III вѣка Петра добились права города. Построеніе могилы и монетное дѣло рѣзко прерывается при Александрѣ Северѣ, быть можетъ, по предположенію автора, вслѣдствіе вторженія вассанидовъ. Покончивъ съ историческимъ развитіемъ Петры и ея памятниковъ, богато иллюстрированныхъ, авторы переходятъ къ описанію въ топографическомъ порядкѣ 851 монументовъ и описанію Гебель-Гаруна и Вади-Сабра.

Второй томъ посвященъ описанію восточныхъ границъ провинці Аравіи отъ Ма-ана до Босра и развалинъ. Третій томъ содержитъ подробное описаніе Босры съ замѣчательнымъ театромъ и описаніе другихъ достопримѣчательностей и самыя подробныя свѣдѣнія о границахъ, губернаторахъ провинці Аравіи, ихъ титулахъ, начальникахъ арабскихъ племенъ, союзникахъ или подданныхъ Римской имперіи и т. д.

Нѣмецкое восточное археологическое общество работаетъ съ 1903 въ Калаатъ-Сепатъ, древнемъ предмѣстьѣ города Ашура и въ своемъ журналѣ «Mitteilungen» оно даетъ подробные отчеты. Систематическое печатаніе результатовъ работъ началось трудами Андрэ о храмѣ Ану и Ададъ, находящемся въ сѣверной части города, между дворцами Ашуръ-Назаръ-Апаль и Тукульти-Пинибъ на востокъ. Одинъ изъ храмовъ Ашуръ-Рисъ-Изи состоитъ изъ двухъ симметричныхъ святилищъ, раздѣленныхъ коридоромъ. Каждое изъ святилищъ состоитъ изъ башни, пяти комнатъ, считая двѣ прихожія одна возлѣ другой, главной комнаты и направо отъ нея двухъ боковыхъ, продолговатой формы. Въ глубинѣ главной комнаты ниша составляетъ жертвеникъ. Предъ святилищами дворъ, и на лѣвой его сторонѣ находятся четыре продолговатыя комнаты. На противоположной сторонѣ святилища по себѣ стороны входа во дворъ еще три комнаты прямоугольныя. Входъ скрытъ въ толщинѣ внѣшней стѣны и такъ устроенъ, что съ внѣшней стороны нельзя видѣть во дворъ. Это почти все, что удалось извлечь изъ развалинъ. Кромѣ того, еще одна постройка, но очень гадательно, напоминающая ресторанъ, и археологъ поэтому

не входит въ подробности. Второй храмъ одинаковаго расположенія съ первымъ. Лучше всего въ немъ сохранились четыре комнаты, монументальный входъ, внутри котораго оказалось множество обломковъ статуй и цоколей и обломковъ мѣднаго листа. Золотая стрѣла, найденная тамъ и принадлежавшая статуѣ Адада, доказываетъ, какъ богато украшены были статуи боговъ. Характеристическая черта построекъ — продолговатая форма святилищъ въ отличіе отъ другихъ построекъ съ обыденнымъ назначеніемъ.

— Россини о новомъ пѣніи.—Жалобы на вымираніе прежняго *bel canto*, раздающіяся въ настоящее время въ музыкальныхъ кружкахъ, не являются новостью. Еще въ 1860 Россини прочиталъ ему отходную, о чемъ передаетъ его хорошій другъ музыкальный критикъ Мишоттъ. Однажды въ Пасси у Россини собрались на обѣдъ князь Понятовскій, издатель Гегель, критики Аеведо, Скудо, Мишоттъ и знаменитая пѣвица Альбони. Послѣднюю маэстро зналъ еще ребенкомъ въ болонской гимназіи, звалъ просто «моя Маріетта» и очень занимался ея музыкальнымъ развитіемъ. Послѣ обѣденнаго кофе г-жа Альбони спросила гостей, слышали ли они новое произведеніе маэстро, «Любовь въ Пекинѣ». Приглашенные принялись ушрашивать Россини познакомить ихъ съ его новорожденнымъ дѣтищемъ. Маэстро не долго колебался и отвѣтилъ: «Это пустяковина! Пусть будетъ по-вашему. Пойдемъ;—обратился онъ къ г-жѣ Альбони.—Вы мнѣ подпоете; тѣмъ хуже, если я завяну. До каватины самъ дьяволъ не дошелъ бы благополучно, а съ этихъ поръ я надѣюсь имѣть возможность спасти остальное».

Пока присутствовавшіе восторгались новымъ произведеніемъ Россини, великій артистъ на этотъ разъ настолько воодушевился, что вышелъ изъ обычнаго равнодушнаго настроенія, естественнаго или притворнаго, какое обыкновенно выказывалъ, когда хвалили его творенія. Онъ съ любовью обнялъ «свою Марьетту» и, вздохнувъ, произнесъ: *Ahi noi! perduto [il bel canto della patria!]* (Пропало *bel canto* родины.)

«Вы искренно думаете, маэстро,—спросили гости:—что *bel canto* безвозвратно пропало». —«Безусловно,—отвѣтилъ живо Россини.—Прежде всего разберемся въ этомъ словѣ. Обыкновенно здѣсь смѣшиваютъ *bel canto* съ фіоритурами. *Bel canto* состоитъ изъ трехъ элементовъ: инструмента голоса,—страдивариуса, если вамъ угодно, техники, т. е. средства имъ владѣть, и стиля, для котораго вкусъ и чувство служатъ приправой».

Затѣмъ Россини указалъ, что природа не каждому даетъ хорошій голосъ, все равно, какъ сосна не родитъ страдивариуса. Какъ для послѣдней требуется инструментальный мастеръ, чтобы ее построить, такъ и будущему пѣвцу слѣдуетъ обработать инструментъ, которымъ онъ разсчитываетъ пользоваться.

«Когда-то мои земляки,—замѣтилъ Россини,—эту необходимость облегчали и недостатокъ этой любезности природы дополняли тѣмъ, что производили *castrati* (кастратовъ). Правда, средство было героическое, но результаты оказывались чудесными. Мнѣ еще привелось въ юности слышать нѣкоторыхъ изъ этихъ молодцовъ. Никогда я этого не забуду. Я даже написалъ роль для одного изъ послѣднихъ, но не по искусству, Веллутти. Это было въ моей оперѣ «*Aureliana in Palmira*», поставленной въ 1813 году.

Россини затѣмъ признался, что и онъ самъ едва не подвергся участи сдѣлаться однимъ изъ *castrati*. Въ юности у него былъ очень красивый голосъ, и родители, люди бѣдные, извлекали изъ него пользу, посылая его пѣть въ церквахъ, и это приносило имъ нѣсколько паоли заработка. Братъ его матери, цырульникъ, уговорилъ отца использовать этотъ даръ сына, который обезпечилъ бы будущность всей семьи, и превратить его въ кастрата. Онъ ссылаясь, что большинство изъ нихъ, а особенно которые отдаются театальной карьерѣ, дѣйствительно жили богато. Но его мать на это не согласилась.—«А вы, маэстро, первый заинтересованный въ этомъ, какъ смотрѣли на вопросъ?» спросилъ критикъ Скудо.—«О я,—отвѣтилъ Россини:—все, что я вамъ могу сказать, такъ это, что я очень гордился своимъ голосомъ!... а что оставлю ли я потомство... Ахъ! да въ то время образованіе голоса, инструмента было неблагоустроенной работой».

Россини принялся объяснять, въ чемъ состояла эта работа. По его словамъ, самое меньшее первые три года уходили лишь на образованіе звука, однородности тембра, управленіе регистрами. Иному ученику профессоръ предписывалъ продѣлывать мѣсяцами специальную гимнастику, не издавая ни звука. И когда, наконецъ, органъ достигалъ желаемой гибкости и ровности, т. е., по выраженію Россини, когда будущій пѣвецъ совершенно овладѣвалъ своимъ страдивариусомъ, только тогда онъ принимался изучать манеру владѣть имъ—технику, положеніе звука, выдерживаніе его и всевозможныя упражненія: вокализы, группеты и трели.

— Три года,—перебила его Альбони,—мой профессоръ держалъ меня на одной и той же страницѣ, которую я и теперь еще знаю и въ которой одной заключаются типы всѣхъ упражненій—выдержки, легкости и проч.

— И которая тебя выучила,—прибавилъ Россини,—обрабатывать звукъ нѣсколько иначе, какъ практикуется теперь.

Затѣмъ Россини продолжалъ объяснять, что послѣ этого начиналась работа надъ гласными, усложнявшаяся до безконечности, и это длилось до тѣхъ поръ, пока звукъ, насколько возможно, не измѣнялся, какъ относительно тембра, такъ и интенсивности, несмотря на движеніе языка, губъ и т. д.

Что это было не все. За этимъ слѣдовало изученіе двугласныхъ, согласныхъ, произношенія, дыханія и т. д. Особенно обращалось вниманіе, чтобы звукъ располагался съ помощью неба, какъ лучшаго передатчика звука. И въ этомъ случаѣ, по словамъ Россини, надо согласиться, что итальянскій языкъ дѣйствительно привилегированный для благопріятнаго развитія *bel canto*.

Третья фаза музыкальнаго образованія заключалась въ примѣненіи всего, что было изучено въ подробностяхъ въ теченіе, самое меньшее, шести лѣтъ для женщины и восьми для мужчины. Затѣмъ въ концѣ послѣдняго года профессоръ говорилъ ученику, едва пропѣвшему въ классѣ нѣсколько каватинъ: «Ну, теперь начинай! Ты можешь пѣть все, что угодно».—«И это правда,—прибавилъ Россини.—Онъ былъ способенъ пѣть все. А между тѣмъ ему оставалось еще кое-чему учиться и это кое-что, безъ чего не могъ обойтись самый совершенный виртуозъ,—горячему лучу солнца, чтобы превратиться въ силу, великолѣпіе и прелесть. Этотъ горячій лучъ былъ стиль. Стиль—это тради-

ціи, и образцы этихъ традицій были единственно только у великихъ пѣвцовъ, образцовъ совершенства, освященныхъ репутаціей, у которыхъ юные новички въ искусствѣ могли подмѣтить эту тайну».

«Эти традиции, напротивъ, ускользаютъ отъ схоластическаго преподаванія. Только образцы въ дѣйствіи, взятые живыми, могутъ ихъ вдолбить, могутъ ихъ передать. Если обладатели великихъ истинныхъ традицій исчезли, не оставивъ учениковъ себѣ по плечу, ихъ искусство замерло, умерло «*De profundis!*» Потому сдѣлаемъ заключеніе: въ настоящее время нѣтъ болѣе школы, нѣтъ болѣе образцовъ, ни передатчиковъ, изъ которыхъ хотя бы одинъ изъ новаго поколѣнія способенъ передать *bel canto*; напимѣръ, арію «*Casta diva*», «*Pria che spunti*» или что-либо другое. Какъ же вы хотите воскресить то, что уже похоронено, что даже менѣе, чѣмъ мумія. Какой геній, будь онъ проникательнѣе Шампольона, возстановитъ то, что существуетъ только по словесной традиціи, скажемъ, скорѣе вокальной. И если подобный феноменъ совершился бы, гдѣ и какимъ чудомъ отроетъ онъ учениковъ, которые въ переживаемое нами время согласились бы подчиниться подобному долговому и суровому режиму. Сатанинское изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ все повернуло, вбило въ голову настоящему поколѣнію необходимость скорѣе достигнуть необходимой цѣли, всѣхъ охватила лихорадка достижения. Театры размножились, импресаріи, которыхъ стали легионы, пользуются чѣмъ попало. Да вотъ!.. Дочь моего консьержа, ей восемнадцать лѣтъ, и она мечтаетъ учиться пѣнію, чтобы поступить въ театръ. Ей никогда не выбьешь изъ головы, что въ теченіе года она не будетъ архиспособна дебютировать въ «Гугенотахъ». И Россини мрачнымъ тономъ добавилъ: «Кто сможетъ утверждать, что впоследствии она не будетъ знаменитостью, Патти, звѣздою, которую будутъ причислять къ образцу совершенства! Въ настоящее время это не трудно!»

— Итакъ, маэстро, — сказали мы, замѣчаетъ Мишоттъ: — надо, слѣдовательно, повторить хоромъ: «*De profundis il bel canto!*» — «Конечно, — прибавилъ Россини въ заключеніе, — еще встрѣчаются и всегда встрѣтятся артисты, настоящіе великіе артисты, которые приложатъ самага высокаго качества драматическую экспрессию, сценическую проникновенность при исполненіи ролей, которыя заставятъ ихъ пѣть въ свое время маэстро, написавшіе ихъ для «поющаго голоса». Что касается до композиторовъ, пишущихъ для «непоющихъ голосовъ», развѣ вы дадите послѣднимъ исполнителямъ названіе пѣвцовъ?»

Пробило десять часовъ, Гста сапопика, какъ называлъ этотъ часъ Россини, обыкновенно въ это время ложившійся спать. «*Buono sera!*» произнесла г-жа Альбони, на этотъ разъ сама обнявшая Россини. «*Buona sera, Marietta l'ultima dei castrati*» (Добрый вечеръ, Марьетта, послѣдняя изъ кастратовъ), — произнесъ Россини.

— Литература о Толстомъ. — Въ декабрьской книжкѣ «*La Revue*» Н. Сегюръ посвятилъ памяти Толстого нѣсколько страницъ, начавъ съ того, что кончина Толстого была достойна его самого и поразила всѣхъ сверхчеловѣческимъ величіемъ, невольно напоминая о Данте Алигieri. Своимъ бѣгствомъ

¹⁾ TolstoI. Par Nicolas Segur. «*La Revue*». 1 Decembre 1910.

изъ Ясной Поляны Толстой показали, какая пропасть отдѣляетъ его отъ современниковъ. Какъ византійскіе отшельники V вѣка, удалявшіеся въ пустыни, чтобы остаться наединѣ съ своею душою, Толстой далеко бѣжалъ, желая, наконецъ, жить настоящей жизнью въ молчаніи и молитвѣ. Н. Сегюръ высказываетъ мысль, что Левъ Толстой одинъ изъ тѣхъ избранныхъ, которыхъ судьба призвала служить итогомъ нравственности націи и возбуждать страсти эпохи. Такіе люди пробуждаютъ миллионы совѣстей; они думаютъ, чувствуютъ за цѣлыя массы людей, и голосъ ихъ—голосъ цѣлаго народа. «Силою звука своихъ словъ, похожихъ на дѣйствіе молніи, —говоритъ Сегюръ,—Толстой сдѣлалъ для Россіи—конечно, не для ея величія, но для репутаціи и престижа—столько же, какъ Петръ Великій. Привлеченные сначала искусствомъ писателя, мы заинтересовались Толстымъ человѣкомъ, его сокровенными думами и его нравственнымъ томленіемъ. Тайна того громаднаго и непрестаннаго его вліянія на насъ въ томъ, что мы говорили: Толстой олицетвореніе русской души. Однако онъ олицетворялъ ее, быть можетъ, менѣе Достоевскаго; онъ олицетворялъ ее столько же, какъ Гоголь или Тургеневъ. Но онъ сумѣлъ сдѣлать болѣе ихъ: онъ сталъ всемірнымъ, всечеловѣческимъ. Мы чувствовали въ немъ одного изъ нашихъ братьевъ. Онъ прошелъ чрезъ тѣ же муки томленія, какъ и мы, чрезъ ту же потерю вѣры, чрезъ тотъ же кризисъ пессимизма, скептицизма, вмѣсто того, чтобы уступить, какъ мы всѣ, вмѣсто того, чтобы сдаться и жить безъ мысли, онъ героически, упрямо стучался во всѣ двери неизвѣстнаго, тревожился отъ всѣхъ тайнъ, чтобы отыскать цѣль и смыслъ своего существованія. Оставаясь человѣкомъ своей расы, Толстой, какъ гений-представитель Россіи, сумѣлъ опредѣлить нравственный кризисъ своей эпохи и выразить всѣ религіозныя тревоги, испытанныя предшествовавшимъ поколѣніемъ и еще тревожащія большинство нашихъ современниковъ».

Сегюръ высказываетъ, что со времени Руссо часть литературы сдѣлалась дѣятельной и воинствующей. Писать не составляло уже цѣли развлеченія, исканія прекраснаго, а проповѣдыванія, воздѣйствія, увлеченія и обращенія. Въ концѣ XIX вѣка перо служило или крестомъ, или шпагой для трехъ чело-вѣкъ: Ибсена, Рескина и Толстого. Между ними, разумѣется, много общаго, и они почти одинаково интересовали свой вѣкъ и одинаково были озабочены тревожившими ихъ трагическими вопросами. Но все-таки изъ этой троицы Толстой былъ больше всѣхъ, и это потому, что Толстой былъ вполне законченный, онъ заставлялъ выбривать самыя отдаленныя фибры въ глубинѣ нашей души и отражалъ самый интимный кризисъ, чрезъ который проходилъ его вѣкъ. Затѣмъ ему былъ ниспосланъ даръ предсказывать какъ безумному или пророку. Ему было даровано выйти изъ искусства и всего искусственнаго, все покинуть и достичь сверхчеловѣческихъ, но чудесныхъ крайностей мистицизма, какія знали святые и истинные реформаторы: Францискъ Ассизскій и Савонарола. «Рескинъ и Ибсенъ все-таки оставались художниками, —говоритъ Сегюръ:—Толстой же, начавъ съ того, что былъ выше ихъ творцомъ, —сдѣлался иллюминатомъ. Его не заботило внести въ жизнь болѣе свободы или красоты, но онъ хотѣлъ подняться до глубокихъ источниковъ вѣры, преобразовать свѣтъ, измѣнить общество, найти смыслъ существованія и законы, которые должны

его упорядочить и управлять имъ. И какъ бы въ священномъ изступленіи, съ грозной и живой вѣрой пророковъ, онъ разбиваетъ все, отрывается отъ родины, прогресса, науки, искусства, культуры, цивилизаціи, отъ всего настоящаго, отъ всѣхъ современныхъ пріобрѣтеній, всего, что загромождало или заслоняло ему путь, по которому онъ поднимался къ вѣрѣ и миру.

Въ то время, какъ мы видимъ его мятущимся среди всѣхъ этихъ обломковъ и впадающимъ изъ крайности въ крайность, насъ охватывало неизмѣримое къ нему уваженіе. А это потому, что мы чувствуемъ, несмотря на наше безвѣріе и скептицизмъ, что этотъ экзальтированный и непослѣдовательный человекъ, однако, живетъ единственно той жизнью, какой достойно жить. Онъ живетъ той жизнью, что сворачиваетъ къ тайнѣ, той, что допрашиваетъ безконечное, той, что отстраняетъ ложь и иллюзіи вѣка, чтобы взглянуть въ вѣчность, извѣдать «ничто», сдѣлать запросъ смерти и найти истинное предназначеніе вселенной.

Громадное и необычайное вліяніе Толстого Сегюръ объясняетъ именно кипучимъ характеромъ, смѣлымъ взмахомъ вдохновенія Льва Николаевича. «Мы не великіе люди,—говоритъ Сегюръ,—и нашъ голосъ добьется вниманія свѣта лишь только по причинѣ нашихъ способностей—останавливаться на вопросахъ, возникающихъ у человекъ со времени его пробужденія къ существованію. Человѣчество вѣчно поворачиваетъ свои взоры къ тому, кто сумѣлъ научить его, какъ надо жить, надѣяться и вѣрить. Въ концѣ концовъ аскетъ и герой ступевали въ Толстомъ романиста и много опередили его славу художника. Уже давно авторъ «Анны Карениной» не дѣйствовалъ на воображеніе и мозгъ читателей и этимъ не вліялъ на души.

«А между тѣмъ,—говоритъ Сегюръ:—это великій художникъ и онъ именно останется жить, когда то, что занимало нашу эпоху, болѣе не найдетъ того же отголоска въ душѣ будущаго поколѣнія, когда преобразовательныя идеи апостола, быть можетъ, лишатся своего жара и порыва. Почти на каждой страницѣ Толстого насъ беретъ искушеніе воскликнуть, какъ Флоберъ, когда ему переводили смерть графа Безухаго въ «Войнѣ и Мирѣ»: «Да это Шекспиръ! Это Шекспиръ!»—Мы также охотно раздѣляемъ мнѣніе Мельхиора Вогюэ, потихоньку «признавагося», что ни въ какой литературѣ онъ не нашелъ ничего, что бы могло соперничать съ эпическимъ величіемъ и по силѣ передачи съ главами о пожарѣ Москвы изъ «Войны и Мира». Художникъ въ немъ великъ. Между тѣмъ ему не дарованъ стиль, по крайней мѣрѣ въ длинныхъ романахъ, ни ясность и послѣдовательность въ композиціи. Онъ совсѣмъ не заботился о сюжетѣ и формѣ и почти совсѣмъ лишень всѣхъ латинскихъ качествъ. Но зато онъ отличается необыкновеннымъ талантомъ изслѣдовать души и волновать людей. Онъ въ высшей степени обладаетъ русской ясностью ума, которая не даетъ ничему пройти незамѣченнымъ, умѣетъ изображать природу и рельефъ предметовъ, изслѣдовать характеры, проявить физиономію, душу, опредѣлять жесты, воспроизвести жизнь, однако не нарушая ее, такъ сказать, не прерывая ея теченія.

Между Толстымъ и французскими и англійскими натуралистами цѣлая пропасть. Точная и вѣрная передача реальности для Толстого средство, а не

цѣль. Онъ пишетъ не для описанія, онъ не воспроизводитъ фізіономіи и пейзажи просто, чтобы ихъ описать, какъ Флоберъ и Зола, а онъ воспроизводитъ правду точно, чтобы сдѣлать свои мысли и мнѣнія болѣе захватывающими. Онъ представилъ съ мельчайшими подробностями войну въ своемъ первомъ образцовомъ произведеніи, придворную жизнь во второмъ и тюремную въ «Воскресеніи». Онъ намъ представилъ поразительные живые характеры Пьера Безухаго и Андрея Волконскаго въ «Войнѣ и Мирѣ», какъ Анну, Константина Левина и Алексѣя Вронскаго въ «Аннѣ Карениной» и какъ Маслову или Неклюдова въ «Воскресеніи». То же самое онъ нарисовалъ большія и вѣрныя картины, гдѣ онъ восхитительно сохранилъ безконечность и величественность горизонтовъ, не пожертвовавъ ни одной подробностью. Наконецъ, онъ сдѣлалъ для насъ незабвенными сцены борьбы Россіи противъ чужеземцевъ, рокъ и ужасы человѣческой рѣзни, затѣмъ печальные вечера въ степи и величественные виды Кавказа. Болѣе того, онъ еще сумѣлъ дать намъ безконечную привлекательность любви и всемогущую, ужасную тайну смерти; смерть дерева, смерть животнаго, смерть человѣка. Повсюду въ его сочиненіяхъ смерти посвящены повѣствованія и видно, что изображеніе послѣднихъ моментовъ человѣческаго существа, готовящагося вернуться къ безконечному, по истинѣ его захватывало, онъ былъ постоянно этимъ одержимъ. Но все подчинялось одной мысли и служило лишь для болѣе живой передачи мнѣній автора. Ибо Толстой, болѣе чѣмъ Ибсенъ, обладалъ сверхчеловѣческимъ талантомъ вѣрно копировать природу, не переставая быть мыслителемъ. Онъ выставляетъ тему, проповѣдуетъ, а между тѣмъ ему удается ничѣмъ не умалить характера своихъ героевъ, не отстраняться отъ жизни, уважать всю правду цѣликомъ, сохранять всѣ подробности нравовъ и мѣста. Его персонажи сначала живутъ сами, а потомъ служатъ примѣромъ. Заключение не исходитъ изъ устъ автора, но само собою выдѣляется изъ фактовъ. Никогда его тема не бываетъ придаткомъ къ дѣйствию, но естественный выводъ, роковой результатъ событій.

Такимъ образомъ, Толстой творецъ плодовитый, который безъ всякихъ усилий передаетъ жизнь, совершенно естественно вдыхаетъ душу, заставляетъ массы двигаться, а дѣйствующихъ лицъ дѣйствовать, согласно законамъ реальности и страстей и такъ какъ въ его книгахъ тоже отсутствуетъ планъ и господствуетъ случай, та же непослѣдовательность, нагроможденіе и сложность, какъ въ дѣйствительности («Анна Каренина», «Война и Миръ» такъ же походятъ на дѣбъ и на готическіе соборы, какъ и «Король Лиръ» и «Гамлетъ»), то иллюзія дѣйствительности становится интенсивнѣе и сильнѣе. Эти романы, переполненные, утомительные, извилистые, производятъ впечатлѣніе, какъ факты, произошедшіе въ дѣйствительности, переживаемые въ человѣческой жизни. Послѣ нихъ чувствуется такая же разбитость и такая же болѣзненная дрожь, какія испытываешь, посмотрѣвъ на сценѣ Шекспира. И если бы то тутъ, то тамъ не было бы чего-то варварскаго и дурно выправленнаго слога, что вредитъ латинской ясности и затемняетъ ее, то беретъ искушеніе сравнить такія страницы съ гомеровскими повѣствованіями и дантовскими пѣснями.

Душа Толстого витает позади его могучаго искусства. Натуралистъ Толстой вмѣсто того, чтобы оставаться равнодушнымъ къ своему произведенію, постоянно въ него вмѣшивается, чтобы согрѣть его своею жалостью и тревогами. Онъ не остается безжалостенъ и холоденъ, какъ Флоберъ, а самъ чувствуетъ и переживаетъ со своими героями. И это потому, что исторія его произведеній слѣдуетъ за исторіей его мысли. Въ то время, какъ другіе русскіе романисты только обдумываютъ тайну горя и состраданія, Толстой, переживъ ее, пытается разрѣшить.

«Настоящая московская болѣзнь «нигилизмъ»,—замѣчаетъ Сегюръ,—его тоже постигла, какъ и Тургенева съ Достоевскимъ, но вмѣсто того, чтобы съ горечью и ироніей безропотно покоряться человѣческимъ несчастіямъ и невѣдѣнію причины,—Толстой хотѣлъ смѣло итти къ цѣли и вылечиться отъ своей тревоги. Какъ Савонарола, онъ былъ готовъ сжечь на кострѣ тщеславія всѣ пріятныя, эфемерныя и несовершенныя вещи, составляющія цивилизацію. За послѣдніе годы его голось еще насъ волновалъ, но казался намъ все болѣе отдаленнымъ. Дѣйствительно, онъ становился сверхчеловѣческимъ, нечеловѣческимъ въ силу приближенія къ совершенству. Онъ удалился, и мы какъ-то опустилисъ; съ нимъ исчезла великая сила вѣры и страданій. Когда впоследствии будутъ говорить объ этомъ страшномъ кризисѣ тревогъ, начавшемся при Руссо и революціи и растревожившемъ весь XIX вѣкъ, когда напишутъ исторію и подведутъ итогъ этого евангелическаго возобновленія состраданія и братства, которое пытается преобразовать современное общество,—имя апостола Толстого будетъ среди самыхъ первыхъ и великихъ и, кто знаетъ, не займетъ ли онъ столь же важное мѣсто, какъ его романы среди произведеній современной литературы.

Второе письмо Толстого къ революціонеру, о которомъ упоминалось въ январскомъ отдѣлѣ «Заграничныхъ новостей и мелочей», помѣчено 30 января 1909 г. изъ Ясной Поляны. Левъ Николаевичъ писалъ:

«Я получилъ ваше интересное письмо и очень счастливъ, что могу на него отвѣтить.

«Вы мнѣ говорите,—во-первыхъ, что эгоизмъ, раціонально понятый, составляетъ счастье для всѣхъ, и что разъ старыя учрежденія уничтожатся, эта истина уяснится всѣми умами, а какъ только эта истина будетъ признана всѣми умами, счастье воцарится для всѣхъ. Во-вторыхъ, что человѣческое сознание можетъ найти условія соціальной жизни, гдѣ эгоизмъ каждаго не будетъ вреденъ никому другому. И, въ-третьихъ, что къ этимъ новымъ соціальнымъ условіямъ можетъ, согласно вашему выраженію, въ извѣстной мѣрѣ присоединиться элементъ силы, то-есть, чтобы для людей установились новыя условія лучшей организаціи соціальной жизни, надо и должно употребить насиліе.

«Эти три предложенія признаны всѣми мыслителями и экономистами нашего времени. Ученые теоретики выражаютъ ихъ только не такъ откровенно, какъ вы. И эти три предложенія служатъ основаніемъ заключеній сотнямъ, тысячамъ людей, считающихъ себя руководителями. Поэтому эти три предложенія не что иное, какъ странный и малоосновательный предразсудокъ. Не говоря ни о произвольныхъ утвержденіяхъ, что эгоизмъ, то-есть причина несо-

гласія и разьединенія, можетъ повести къ миру и соединенію, ни о вѣрѣ, ошибочной и столь распространенной, что меньшинство людей, часто менѣе добрыхъ, можетъ найти лучшія условія соціальной жизни миллионъ другихъ людей, но констатируя фактъ допущенія насилія, чтобы заставить уважать эти новыя формы жизни, которыхъ находятъ сотнями, и которыя всѣ противорѣчатъ одна другой, одно это допущеніе показываетъ, насколько произвольно и бессознательно это суетвіе.

«Люди видятъ несправедливость и нищету, въ коей бьются рабочіе, лишенные плодовъ ихъ работы въ пользу меньшинства правящихъ и капиталистовъ, и ищутъ переменъ и улучшенія этого положенія большинства людей. И чтобы добиться этихъ измѣненій и улучшеній, люди предлагаютъ многія соображенія соціальныхъ формъ: одни предлагаютъ конституціонную монархію съ социалистической рабочей организаціей (есть такіе, которые превозносятъ самодержавіе), другіе, минималисты, максималисты, синдикалисты, предлагаютъ республику подъ различной формой.

«Каждая партія, безусловно увѣренная въ томъ, что надо для счастья людей, говоритъ: «Дайте мнѣ только власть, и я организовала бы счастье для всѣхъ». Хотя многія изъ этихъ партій находились и еще находятся у власти, это всемірное счастье, столь обѣщанное, не всегда организуется, и нищета рабочихъ все увеличивается. Причина этому та, что меньшинство правящихъ, какое бы они имя не носили, самодержавное, конституціонное или республиканско-демократическое, какъ Франція, Швейцарія и Америка, — оказавшись у власти и давъ собою руководить эгоизму, присущему человѣку, невольно употребляютъ принадлежащую власть для поддержанія своихъ интересовъ, кои могутъ быть поддерживаемы лишь въ ущербъ рабочимъ. Итакъ, всѣ революціи и низверженія власти достигаютъ лишь переменъ правящихъ; прежніе замѣняются новыми, и судьба народа остается та же. Такъ было и во Франціи, въ Англии, въ Германіи, въ Америкѣ и это же теперь въ Россіи, еще съ большей откровенностью.

«Деспотическія партіи теперь торжествуютъ и употребляютъ всѣ усилія въ борьбѣ противъ другихъ партій, не беспокоясь объ улучшеніи жизни рабочихъ. Если бы власть была удержана конституціоналистами, произошло бы то же самое: они боролись бы противъ реакціонеровъ и социалистовъ и одинаково забыли бы о нищетѣ народа. То же было бы, если бы господствовали революціонеры, какъ мы это видимъ во Франціи во время всѣхъ революцій и во всѣхъ другихъ странахъ.

«Какъ только найденное рѣшеніе исходитъ изъ насилія, насиліе не можетъ искорениться. Угнетаемые ненавидятъ своихъ угнетателей и какъ только видятъ возможность, они возмущаются противъ тѣхъ, кто ихъ насилуютъ.

«Причина этихъ возмущеній въ томъ, что побѣда посредствомъ насилія принадлежитъ эгоистамъ, безнравственнымъ, жестокимъ, а не лучшимъ людямъ. Эти люди эгоисты, безнравственные, не владѣютъ ни однимъ изъ двигателей, кои толкнули бы ихъ отказаться въ пользу народа отъ выгодъ, завоеванныхъ силой, которыми они наслаждаются. Поэтому эти выгоды всегда въ ущербъ интересамъ народа. Такимъ образомъ, освобожденію народа отъ этихъ страданій мѣшаетъ не тотъ фактъ, что новыя условія соціальной жизни плохія, но фактъ,

что эти социальныя условія зародились и поддерживаются, благодаря насилію. И кажется естественнымъ, что люди, которые хотятъ освободить рабочихъ, не слжны изобрѣтать новыя формы жизни, для освобожденія людей, а искать средство освободить народъ отъ насилія, которое его давить.

Изъ чего состоитъ это насиліе, порабощающее народъ, и откуда оно? Казалось очевиднымъ, что сотни правящихъ, сильныхъ и богатыхъ не могутъ поработить миллионы рабочихъ и что если сотни поработили миллионы, то порабощеніе совершилось не чрезъ меньшинство правящихъ, но чрезъ эти миллионы людей, въ силу нѣкоторыхъ сложныхъ и ловкихъ приемовъ ставшихъ въ это рабство, которое обязываетъ ихъ самихъ къ насилію. Надо, чтобы тѣ, которые предприняли задачу освободить народъ, отыскали прежде всего причину этого порабощенія и отстранили ее. А между тѣмъ существуетъ куча книгъ, подписанныхъ Марксомъ, Жоресомъ, Каутскимъ и другими теоретиками, которые открываютъ законы исторіи или придумываютъ хорошія формы социальной жизни, тогда какъ никто не старается найти средство отстранить основную причину этого индивидуальнаго порабощенія, насилія, совершаемаго рабочимъ народомъ надъ самимъ собою, и всѣ одобряютъ, напротивъ, это самое насиліе, которое сдѣлало изъ рабочихъ рабовъ... Это доказываетъ, какъ ни странно покажется, что всѣ эти социалистическія, политическія, экономическія книги, полныя эрудици и ума, только пустое писаніе, бесполезное и губительное, только направляющее человѣческую мысль на ложный путь, скрывая отъ нея естественную и благоразумную дорогу. Всѣ эти писанія похожи по своему содержанию на положеніе крестьянъ, кои, не владѣя иной землей, какъ только необработанной, вмѣсто того, чтобы стараться ее обработать, спорятъ и обсуждаютъ сорта растений, которыя слѣдуетъ посѣять и культивировать, когда эта земля должна стать по самому своему существу и по старинному закону способна произрастить рожь. Мыслители вырабатываютъ лучшія будущія условія жизни порабощенныхъ людей, провѣряютъ тщательно всѣ подробности этой новой организаціи, совершенно пренебрегая говорить о насиліи, существованіе котораго несомнѣнимо со всей социальной организаціей и со всѣмъ улучшеніемъ жизни рабочаго.

«Для улучшенія положенія рабочихъ существуетъ одно средство: сначала избѣгать всѣхъ бесплодныхъ споровъ и употреблять всѣ усилія для освобожденія самого себя отъ порабощенія, въ которое заключаешься по волѣ правящихъ.

«Какъ можно освободить народъ отъ этого порабощенія, куда онъ самъ попалъ въ пользу меньшинства? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: народъ не можетъ освободиться, какъ только переставъ оказывать поддержку какому бы то ни было насилію, для какой бы то цѣли ни было и при какихъ бы условіяхъ ни было. Средство можетъ быть одно, чтобы всѣ люди поняли, что каждый изъ нихъ есть, и что, понявъ это, созрѣвъ, они будутъ знать, что они должны и что они не должны дѣлать, въ какихъ бы условіяхъ ни находились, считая всякаго рода насиліе человѣка противъ человѣка дѣйствіемъ противнымъ сознанию, какое человѣкъ долженъ имѣть о человѣческомъ достоинствѣ.

А чтобы люди имѣли сознание о своемъ достоинствѣ и поняли, что есть вещи, которыя они должны дѣлать, и другія, среди которыхъ насиліе, которыхъ они

не должны дѣлать, надо именно усвоить то, что вы и ваши учителя отбрасываете, а именно, сообразуясь съ духомъ времени, избрать религію.

Итакъ, освобожденіе рабочаго народа можетъ быть достигнуто не проектами лучшей соціальной организаціи, а еще менѣе приведеніемъ ея въ силу посредствомъ насилія, но только чрезъ установленіе религіознаго сознанія, которое не допуститъ насилія,—единеніе, уваженіе ближняго и чрезъ это самое внушить нравственную невозможность допускать насиліе противъ этого самаго ближняго.

«Это религіозное сознаніе, уничтожая идею насилія, могло быть легко допущено христіанствомъ и всѣмъ человѣчествомъ нашего времени, если бы оно не сталкивалось, съ одной стороны, съ суевѣріемъ ложно-религіознымъ, а съ другой—съ суевѣріемъ еще пагубнѣе того—ложно-ученымъ.

«Вы говорите, что хорошо понятый эгоизмъ счастье для всѣхъ, что человѣкъ не можетъ вполнѣ наслаждаться своимъ счастьемъ, если общество страдаетъ, что будущее общество, о коемъ мечтаютъ, должно быть основано на работѣ и солидарности всѣхъ. Это совершенно точно, но этотъ идеаль не можетъ быть достигнутъ иначе, какъ только чрезъ религіозное чувство, основанное на любви, а не на злонасиліи, которое одно можетъ помѣшать основанію такого общества.

«Чтобы народъ могъ освободиться отъ этого насилія, которому онъ подчинился, чтобы сообразоваться съ волей правящихъ, надо, чтобы среди народа зародилась религія, соотвѣтственная настоящему времени, признающая одинаковое божественное происхожденіе всѣхъ людей, не примиримое съ актомъ насилія человѣка надъ человѣкомъ.

«Что касается будущей организаціи жизни послѣ освобожденія, народъ лучше, чѣмъ мыслители и профессора, сумѣетъ усвоить въ своей новой жизни болѣе полезныя и лучшія условія.

«Посылая вамъ этотъ отвѣтъ на мысли которыя вы мнѣ выразили и которыя раздѣляются многими людьми нашей эпохи, я сохраняю право напечатать это письмо и предупреждаю васъ объ этомъ. «Левъ Толстой».

— Характеристика Биконсфильда¹⁾. «Меня все болѣе и болѣе раздражаетъ участіе Франціи на Берлинскомъ конгрессѣ,—говоритъ въ новомъ томѣ своихъ воспоминаній госпожа Аданъ—«казакъ», какъ ее прозвалъ Гамбетта за симпатію къ Россіи.—Я угадываю, что этотъ поступокъ навсегда насъ отдѣлитъ отъ политики отпущенія.

«Австрія уже прокралась въ Боснію и Герцеговину, Андраши даже не скрываетъ своего кумовства съ Бисмаркомъ, Англія достигла вершины своихъ желаній: послѣ того, какъ при Гладстонѣ она вела политику сентиментально-славянскую, теперь при Дизраэли она ведетъ политику антиславянскую. Мнѣ кажется чудовищной неблагодарностью отправиться въ Берлинъ, гдѣ Бисмаркъ, Андраши и Дизраэли могутъ желать Россіи только зла. Маркизь Альфіери пишетъ мнѣ: «Ненависть Германіи и Англіи противъ Россіи соединяетъ ихъ: дѣли ихъ обѣихъ отобрать отъ Россіи плоды ея побѣдъ, ея жертвъ людьми и деньгами, отнять отъ нея даже ея законную часть вліянія на Балканахъ.

¹⁾ A lès l'Abandon de la Revanche. Madame Juliette Adam. Paris. 1910.

Ваддингтонъ, болѣе англичанинъ, чѣмъ французъ, очевидно, играетъ ту же игру, которую заставляетъ его играть Дизраэли въ кумовствѣ съ Бисмаркомъ. Я страстно слѣжу часъ за часомъ, что происходитъ на конгрессѣ.

«Нахальство Бисмарка на этомъ конгрессѣ, аппетитъ наживы Дизраэли, какъ добраго израильянина,—странны и скандальны. Я знаю подробности, какъ былъ взятъ Кипръ Англіей ранѣе собранія конгресса. Что касается низкаго похода противъ Россіи, ему нѣтъ названія; гадины не только знали о намѣреніи Бисмарка захватить Францію въ 1875 г., но они обвиняютъ Горчакова въ изобрѣтеніи всего заговора и въ надсмѣяніи надъ генераломъ Ле-Фло. Болѣе того, еще «Times» объявляетъ, что ложь Горчакова была хитростью, чтобы имѣть право на нашу благодарность. Бѣдная Франція! какъ мнѣ жаль, что она попала въ такую ловушку, имѣя представителемъ Ваддингтона! Бѣдная Россія, обманываемая Горчаковымъ, который, въ свою очередь, самъ обманулся въ Бисмаркѣ. Я ненавижу Дизраэли!»

Но что это былъ за человекъ, способный вызвать такую антипатію, который, однако, силой своего таланта завоевалъ если не симпатію, то большое вліяніе и заставилъ прислушиваться къ своему голосу даже Бисмарка? Его характеристику даетъ въ «Fortnightly Review»,—въ идѣ отчета о біографіи Виконсфильда, написанной Монипенни и вышедшей въ Лондонѣ,—Левистъ Мельвиль, смягчая нѣкоторыя несимпатичныя черты характера этого англійскаго государственнаго дѣятеля, которыя объясняются неблагоприятными условіями, въ какихъ находилась его раса въ Англіи съ начала XIX вѣка. Изъ означенной біографіи можно сдѣлать выводъ, что двѣ побудительныя силы привели Дизраэли къ славы—политической и литературной: первая—честолюбіе, вторая—месть.

Но прежде всего бросимъ бѣглый взглядъ на его юношескіе годы. Веніаминъ Дизраэли, впослѣдствіи графъ Виконсфильдъ, вышелъ изъ интеллигентной еврейской семьи. Его отецъ, Исаакъ Дизраэли, или, правильнѣе Израэли, талантливый англійскій писатель, преимущественно историкъ и критикъ, родившійся въ Энфильдѣ, былъ сынъ купца, изгнаннаго изъ Испаніи инквизиціей. Веніаминъ Дизраэли родился въ 1804 году и 12 лѣтъ перешелъ въ протестантство, конечно, не по убѣжденію, а ради достиженія намѣченной цѣли. Въ это время цѣль своей жизни онъ кратко себѣ опредѣлилъ—сдѣлаться крупной величиной. Какъ? Какимъ образомъ? Въ какой области? Въ качествѣ кого? Онъ отвѣтить не могъ, но это его нисколько не смущало: слишкомъ крѣпко овладѣла имъ эта идея, и онъ рѣшительно стремился ее осуществить. Эта рѣшительность и впослѣдствіи во всемъ и всегда была главнымъ факторомъ его успѣховъ. «Мы вышли изъ расы, которая можетъ все предпринять, но не можетъ имѣть неудачи,—говорилъ онъ впослѣдствіи одному юному еврею, явившему къ нему за совѣтомъ. Увѣренность довела Дизраэли до высокаго соціальнаго положенія, несмотря на встрѣчавшіяся многочисленныя препятствія и антипатіи. Въ его мозгу глубоко врѣзалась мысль, что «неуспѣха быть не можетъ»—и дѣйствительно ему очень рѣдко приходилось терпѣть неудачу. «Секретъ успѣха,—говаривалъ онъ,—заключается въ вѣрности намѣченной цѣли». То же мнѣніе онъ высказалъ въ своемъ «Empyion» «У него была цѣль, — замѣчалъ онъ въ одномъ мѣстѣ

своего сочиненія, — а говорятъ, что человекъ, задавшійся цѣлью, обыкновенно ея достигаетъ».

Честолюбивое стремленіе занять какъ можно болѣе видное мѣсто на жизненномъ пиру снѣдало его съ самыхъ юныхъ лѣтъ, хотя про него ошибочно часто говорили, что цѣль онъ намѣтилъ уже въ зрѣлые годы. Онъ самъ признался лэди Дэрби въ Бреднемъ: «Здѣсь я провелъ несчастную юность. Меня грызло честолюбіе, а удовлетворить его я не видѣлъ средствъ». И этому честолюбию, по словамъ автора, служить оправданіемъ опять то же униженное положеніе евреевъ въ Англіи его времени.

Та же цѣль занять высокое положеніе въ обществѣ заставила его измѣнить іудейскую религію на протестантскую, правда, только съ внѣшней, обрядовой стороны, не измѣняя ей въ душѣ, хотя не видно, чтобы впоследствии онъ принадлежалъ къ какой-либо еврейской религіозной общинѣ, иначе онъ не могъ бы въ 1837 г. принести присяги палатѣ общинъ. Его рожденіе занесено въ синагогѣ, но 31 іюля 1812 г. его окрестили въ церкви святого Андрея въ Гольборнѣ. Между этими двумя датами его отецъ вышелъ изъ еврейской общины.

Для честолюбиваго юноши не было иного выхода, какъ перемѣнить религію. Въ началѣ XIX вѣка англичане свысока относились къ евреямъ, иногда вышучивая ихъ, иногда смотря снисходительно, какъ на существа низшія. Евреи въ то время не занимали въ Англіи никакого соціальнаго положенія. Къ тому же въ торговыхъ сношеніяхъ, по словамъ автора, они часто вступали на не совсѣмъ похвальный путь. По крайней мѣрѣ таково было мнѣніе англичанъ того времени. Но евреи, съ своей стороны, иначе смотрѣли на свое положеніе: даже самые бѣдные изъ нихъ считали себя гораздо выше англичанъ. Послѣдніе могли быть богаче ихъ, но евреи прежде всего считали себя аристократами. Они искренно вѣрили, что ихъ раса выше англійской, и ихъ поведеніе было одинаково съ поведеніемъ сына изъ благородной семьи, принужденнаго въ силу обстоятельствъ служить въ домъ выскочки. Оставаясь евреемъ, Дизраэли не могъ учиться ни въ гимназій, ни въ университетѣ. Настолько сильно было предубѣжденіе англичанъ противъ евреевъ, что всѣ двери для нихъ были закрыты. Отецъ мечталъ объ юридической карьерѣ для сына и съ этою цѣлью помѣстилъ его къ одному адвокату, но... «Пехъ! адвокатура, — какъ говоритъ Венеміаминъ Дизраэли въ «Vivian Grey», — законъ до сорока лѣтъ, а затѣмъ при самомъ блестящемъ успѣхѣ въ перспективѣ подагра и маленькая дворянская корона. Рядомъ съ этимъ, чтобы достигъ успѣха, какъ адвокатъ, я долженъ быть хорошимъ законовѣдомъ и такимъ образомъ отказаться отъ шансовъ сдѣлаться великимъ человекомъ. Служба въ арміи? Въ военное время это хорошо для людей отчаянныхъ, а въ мирное — только для дураковъ», — и его потянуло къ писательству. Вращаясь съ дѣтскаго возраста въ литературной средѣ, онъ юношей уже пробовалъ свои литературныя силы сначала на коротенькихъ повѣстяхъ и поэзій, сотрудничая въ разныхъ журналахъ. Вскорѣ онъ совершенно отдался литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ ступилъ одной ногой на политическое поприще, хотя неудачно, взявъ на себя редактированіе «The Representative», органа преданнаго торіямъ, но скорѣ онъ прогорѣлъ, за недостаткомъ подписчиковъ. И вотъ мечь, мечь известной части англійскаго общества, вѣрнѣе нѣкоторымъ изъ его членовъ про-

била дорогу Дизраэли къ литературной славъ. Эта месть нашла себѣ выхоль въ «Vivian Grey» (1824 г.), напумѣвшемъ не только въ Англии, но и за границей. Всѣ слабыя стороны англійской аристократіи онъ нарисовалъ мѣтко и живо. Это было первое примѣненіе Веніаминомъ Дизраэли девиза: «Кто не за насъ, тотъ противъ насъ», и этотъ девизъ онъ не оставлялъ въ теченіе всей своей политической карьеры. Кто былъ не за него, тотъ могъ быть увѣренъ, что Дизраэли ему этого не проститъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ, какъ и въ Гейне, любопытно смѣшивались сатирической умъ и еврейскій мистицизмъ, что дѣлало изъ этого писателя невѣроятную комбинацію Вольтера и Спинозы и не прошло безслѣдно для эволюціи его таланта. Успѣхъ «Vivian Grey» вскружилъ голову Дизраэли, и онъ предположилъ, что намѣченная цѣль стать великимъ человѣкомъ осуществится именно въ области литературы. Это убѣжденіе не измѣнило ему даже, когда публика иначе приняла появившійся черезъ годъ второй томъ «Vivian Grey», одинаково и сатиру «Капитанъ Папанилло». Онъ совершенно посвятилъ бы себя и тогда литературѣ, если бы разстроенное здоровье не заставило его уѣхать за границу.

Еще одна характерная черта его расы сохранилась полностью у Дизраэли— это трудолюбіе. Одно время онъ увлекался дэндизмомъ, стараясь обращать на себя вниманіе костюмомъ и поведеніемъ. Но это не было цѣлью его жизни, а лишь средствомъ выбраться въ высшіе слои общества. Кроме того, его, какъ онъ говоритъ, забавляло наблюдать, съ какою легкостью можно возбудить вниманіе современниковъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рассчиталъ, что дэндизмъ могъ быть также своего рода козыремъ въ предстоящей жизненной игрѣ. Онъ рискнулъ этимъ козыремъ и оказался въ выигрышѣ: но какъ только онъ достигъ необходимой ему извѣстности, такъ забросилъ эксцентричныя манеры, костюмъ и рѣчи: дэндизмъ сталъ для него надоевшею разбитой игрушкой, которая уже негодна къ употребленію. Эта черта отбрасывать не только вещи, но и людей, когда они ему становились не нужны, сохранилась у него во все время его политической карьеры. Онъ страстно привязывался къ идеямъ и людямъ, но какъ только видѣлъ, что извлечь изъ нихъ все и они бесполезны, тотчасъ же ихъ бросалъ. «Въ этомъ году япользовался большимъ успѣхомъ,—писалъ онъ сестрѣ въ 1834 году.—Я столь же популяренъ среди дэнди, какъ ненавидимъ людямъ второстепенными. Я легко пробилъ себѣ дорогу въ высшемъ обществѣ, гдѣ не существуетъ ни зависти, ни лукавства и гдѣ особенно любятъ восторгаться и забавляться».

Но среди такой, повидимому, легкомысленной и праздной жизни Дизраэли съ свойственной евреямъ лихорадочной дѣятельностью продолжалъ непрерывно работать. Онъ написалъ нѣсколько эскизовъ, сатиру «Иксіонъ на небесахъ», «Молодой герцогъ», а въ 1832 г. психологическій романъ «Контарини Флеммингъ», вызвавшій громаднй успѣхъ, «Альрой» и «Революціонеръ Эпикъ». Въ своемъ дневникѣ онъ признался: «Мои сочиненія—олицетвореніе моихъ чувствъ. Въ «Vivian Grey» я нарисовалъ мое реальное и активное честолюбіе, въ «Альрой»—мое идеальное честолюбіе, а психологическій романъ—развитіе моего поэтического характера. Эта трилогія—настоящая исторія моихъ чувствъ».

Однако литературный успѣхъ не могу удовлетворить честолюбивыхъ стремленій Дизраэли или по крайней мѣрѣ насытить сжигавшую его энергію. «Я желалъ бы привести въ исполненіе то, что я написалъ», объявилъ онъ, когда ему исполнилось двадцать девять лѣтъ. Его натура требовала борьбы открытой, и только одна политика могла ее удовлетворить, — и будущій государственный чело-вѣкъ повернулся въ сторону политики. Почву себѣ онъ уже подготовилъ. Дэнди были имъ заинтересованы; общество широко распахнуло предъ нимъ свои двери, а теперь и политическіе люди стали замѣчать его существованіе. Когда лордъ Грей съ ироніей спросилъ о немъ: «Это кто такой?» Дизраэли отвѣтилъ ему блестящимъ памфлетомъ, за которымъ послѣдовали политическія статьи. Ссора съ Гумомъ и О'Конелемъ еще болѣе привлекла на него вниманіе, и когда въ 1837 г. Дизраэли возвратился въ парламентъ, онъ уже былъ замѣтной фигурой!»

Какимъ твердымъ, увѣреннымъ, даже дерзкимъ шагомъ шелъ Дизраэли къ намѣченной цѣли можетъ показать слѣдующій инцидентъ. За нѣсколько лѣтъ до этого за однимъ обѣдомъ лорду Мельбурну пришлось сидѣть рядомъ съ нимъ. Въ разговорѣ первый спросилъ его, какія у него честолюбивыя намѣренія? «Я желаю, милордъ, сдѣлаться первымъ министромъ», отвѣтилъ Дизраэли. Этотъ отвѣтъ молодого чело-вѣка произвелъ на лорда Мельбурна настолько сильное впечатлѣніе, что онъ оторопѣлъ и даже не могъ ему посовѣтовать выбросить изъ головы эти нелѣпыя мысли. Когда, четырнадцать лѣтъ спустя, Мельбурнъ услышалъ, что Дизраэли сдѣлался лидеромъ тори въ палатѣ общинъ, то воскликнулъ: «Клянусь Юпитеромъ, онъ на это способенъ!»

Наивно было бы и думать, что съ переменной обрядовой стороны религіи Дизраэли измѣнилъ свои расовыя особенности, складъ ума, склонности, любовь къ своему народу. Онъ совсѣмъ не скрывалъ своего происхожденія; какъ въ своихъ рѣчахъ, такъ и романахъ одинаково, и въ единственной своей біографіи онъ прославлялъ расу, изъ которой вышелъ. «Въ данный моментъ, несмотря на цѣлыя вѣка деградаци, умъ израильтянъ еще сильно вліяетъ на дѣла Европы», — объявилъ Дизраэли. — «Я говорю не относительно ея законовъ, которымъ вы повинуетесь, ея литературы, которой вы пропитаны, а о живомъ умѣ евреевъ».

Сомнительно, чтобы, будучи членомъ англиканской церкви, Дизраэли слѣдовалъ ея ученію, — замѣчаетъ авторъ, — его вѣра не согласовалась ни съ однимъ изъ существующихъ догматовъ. По его мнѣнію, христіанская религія есть пополненіе израильской, и, далеко не соглашаясь, что приведенъ въ христіанство, онъ объявлялъ, что все христіанство происходитъ отъ іудейства. Онъ любилъ говорить, что половина христіанства почитала еврейку, а другая половина — еврея. Но онъ при этомъ признавался, что эту точку зрѣнія не раздѣляетъ никакое другое чело-вѣческое существо. «Если бы евреи не распяли Христа, — говорилъ Дизраэли: — что бы сталося догматомъ и скупленія. Но чело-вѣческій умъ не можетъ допустить факта, что самое значительное въ мірѣ дѣйствіе зависитъ отъ чело-вѣческой воли, поэтому какъ заклатель такъ и жертва были предназна-чаны свыше и оба выбраны изъ святой расы», сказалъ Дизраэли, когда об-суждался проектъ закона относительно допущенія евреевъ въ парламентъ. Конечно, онъ упорно отстаивалъ этотъ проектъ и добился успѣха. Онъ говорилъ о

религіозныхъ убѣжденіяхъ въ общемъ, но его личныя мнѣнія такъ и остались неразрѣшенными. «Благоразумные люди,—говорилъ онъ,—всѣ одной религіи и когда ихъ спрашиваютъ: какаѣ ихъ вѣра? они отвѣчаютъ: «Благоразумный человѣкъ никогда этого не скажетъ».

По увѣренію біографа Дизраэли, ни одинъ человѣкъ въ XIX вѣкѣ не обладалъ въ такой степени умственными качествами еврейской расы, какъ Дизраэли. Выказывая великодушіе въ частной жизни, онъ оспаривалъ каждый грошъ, когда касалось дѣлового вопроса. И это дѣлалъ не потому, что нѣсколько долларовъ представляли большую разницу, но потому, что они являлись плодами его побѣды надъ другимъ. Въ его глазахъ это былъ триумфъ ума, восторжествовавшего надъ другимъ умомъ ниже его. Когда извѣстный руссофобъ профессоръ Вамбери однажды обѣдалъ съ Дизраэли, послѣдній спросилъ его, гдѣ онъ родился, и, узнавъ, что въ Буда-Пештѣ, замѣтилъ: «Но вы не венгерецъ».—«Нѣтъ, я израильтянинъ».—«Я это зналъ,—воскликнулъ онъ.—Только еврей можетъ имѣть необходимую выдержку, чтобы вдолбить свои идеи такой странѣ, какъ Англія, до того, что она рѣшилась бы ихъ принять».

Литература служитъ изображеніемъ націи, которая ее породила, а въ Англіи отъ Шекспира до Теккерея и Диккенса евреевъ обрисовывали несимпатично. Поэтому когда честолюбивый Дизраэли сталъ въ силѣ и отстаивалъ права евреевъ въ палатѣ общинъ, при обсужденіи проекта закона неправопособности евреевъ, то между прочимъ сказалъ: «Если бы вы не забыли, чѣмъ вы обязаны этому народу, если бы вы были признательны ему за ту литературу, которая тысячелѣтія давала столько поучительнаго и утѣшительнаго сынамъ человѣковъ, вы, христіане, должны бы съ готовностью ухватиться за первый случай, чтобы отвѣтить на ихъ требованіе. Но надъ вами господствуетъ самое черное суевѣріе, самыхъ мрачныхъ годовъ, какіе только существовали въ нашей странѣ. Это именно чувство вы тайно держите въ себѣ, и оно вліяетъ на другихъ людей за границей».

И Дизраэли побѣдилъ. Еще крупной побѣдой, поразившей всѣхъ, было его назначеніе первымъ министромъ да еще въ моментъ, когда Англія была что ни на есть самой аристократической державой. Палата общинъ въ то время предназначалась специально для сыновъ патриціевъ, и единственнымъ паспортомъ для вступленія туда служили титулы и милліоны. У Дизраэли не было ни того, ни другого. Онъ добился чести попасть туда, не имѣя ни спеціального положенія, ни состоянія, единственно только благодаря силѣ своего таланта онъ добился наиболѣе виднаго мѣста въ политической жизни.

Но самая его главная побѣда была надъ королевой. Зимой 1847 г. ее разсмѣшило, когда Чарльзъ Вуудъ въ своей публичной рѣчи сказалъ, что Дизраэли предстоить высокое положеніе при предстоящемъ консервативномъ правительствѣ. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Дизраэли сразу шагнулъ, не исполняя низшей должности, въ канцлеры казначейства и лидеры палаты общинъ. Королева, строго придерживавшаяся конституціонализма, не сдѣлала никакого замѣчанія, но выказала неудовольствіе, подчеркивая имя Дизраэли на листѣ, гдѣ были отмѣчены министры, которые должны были находиться при ней въ Вальтиморѣ. Вскорѣ ея предразсудки разсѣялись, и она измѣнила свое отно-

шеніе къ Дизраэли. Онъ зналъ, чѣмъ окончательно можно побѣдить Викторію, и провозгласилъ ее императрицей Индіи. Многіе называли это министерской лестью—авторъ и не отрицаетъ этого, но говоритъ: «Дизраэли зналъ, что чело-вѣкъ который смотритъ на мелочи только какъ на мелочи—дуракъ, но тотъ, кто смотритъ на нихъ съ точки зрѣнія эффекта, произведеннаго на другихъ,—фи-лософъ.

Однако борьба слишкомъ была продолжительна и тяжела, и Дизраэли не удалось попробовать всѣхъ прелестей плодовъ побѣды. До конца жизни онъ былъ печаленъ и одинокъ, хотя не сожалѣлъ, что вступилъ на парламентскую арену. «Вы избрали карьеру единственную, гдѣ чело-вѣкъ не старится,—сказалъ онъ въ концѣ своей карьеры молодому чело-вѣку, дебютировавшему на полити-ческомъ поприщѣ.—Государственный чело-вѣкъ гораздо долше можетъ возбу-ждать и поддерживать вниманіе, чѣмъ другіе». Закрывъ глаза на расовые пред-разсудки и нѣкоторыя несимпатичныя черты характера Дизраэли, надо признать, что Дизраэли былъ явленіе не заурядное, какъ политическій дѣятель Англіи XIX столѣтія, поэтому его подробная біографія возбуждаетъ интересъ, хотя Мильвилль увѣряетъ, что въ ней нѣтъ ничего новаго.

— Біографія Сесиля Родса.—Въ Лондонѣ на дняхъ вышла простран-ная біографія виновника Трансваальской войны и погрома буровъ — Сесилія Джона Родса. Этотъ Наполеонъ Южной Африки и «первый гражданинъ Вели-кобританіи и всѣхъ странъ, гдѣ только говорятъ по-английски», какъ его про-звали, родился въ Бишопъ-Стортфордѣ 5 іюля 1853 г. и въ теченіе своей своей недолговременной жизни задавался двумя цѣлями—разбогатѣть и сдѣлать свою родину первой страной въ свѣтѣ съ помощью колоніальныхъ завоеваній. Восьми лѣтъ этотъ будущій дѣятель, не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, началъ свое ученіе въ родномъ городѣ, а на семнадцатомъ году окончилъ его, по слабости здоровья. Его отецъ, простой сельскій пасторъ, сынъ англійскаго фермера, мечталъ для него о духовной карьерѣ, но послѣднее обстоятельство и отсутствіе призванія заставило его, по совѣту докторовъ, по-слать юношу въ Наталь, къ старшему брату Герберту. Послѣдній находился тамъ съ цѣлью нажить состояніе на хлопчато-бумажныхъ плантаціяхъ. Сесиль при-соединился къ предпріятію, нажилъ кое-какія средства и возвратился въ Англію, гдѣ поступилъ въ оксфордскій университетъ для пополненія своего образованія.

Въ это время въ Южной Африкѣ вспыхнула брильянтовая горячка, и его братъ отправился въ Кимберлей. Въ ноябрѣ 1871 г. Сесиль снова бросилъ ученіе и также отправился завоевывать богатство въ Кимберлей¹⁾. «Прежде, чѣмъ осуществлять великія идеи, надо имѣть много денегъ», говорилъ онъ. Онъ сдѣлался рудокопомъ, и счастье такъ ему благоприятствовало, что въ нѣ-сколько мѣсяцевъ онъ нажилъ кое-какой кушъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Сесиль Родсъ понялъ, что пренебрегать своимъ образованіемъ нельзя и, какъ бы предуга-дывая, какая ему выпадетъ значительная роль, онъ въ промежутокъ времени опять вернулся въ Англію, поступилъ въ оксфордскій университетъ съ тѣмъ,

¹⁾ The Life of the right Hon. Cecil Rhodes. By the Hon. Sir Lewis Michell. London. 1910.

чтобы окончить его. Но съ 1874 по 1875 г. у него не было денегъ для уплаты за лекціи, и онъ не появлялся въ Оксфордѣ. Въ 1879 г. случилось то же, и въ это время онъ находился въ Южной Африкѣ.

Наконецъ, получивъ дипломъ, онъ окончательно поселился въ Кимберлеѣ, и это была эпоха начала его соперничества съ Берне Исаакомъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Берне Бернато. Въ 1878 г. Сесиль Родсъ встрѣтился съ докторомъ Джемсономъ; они понравились другъ другу и соединились вмѣстѣ для подчиненія громаднхъ и богатыхъ южно-африканскихъ территорій англійскому влиянію. Первая часть программы Сесилия Родса начала осуществляться — богатство его умножилось, теперь предстояло исполнить вторую ея часть — завоеваніе могущества Англии. — Уже въ то время Сесиль Родсъ проникся империалистическими идеями. «Прочитавъ исторію другихъ странъ, — писалъ онъ, — я понялъ, что пространство — все. Земная поверхность ограничена, и наша существенная цѣль захватить ея какъ можно болѣе. Въ 1880 г. состоялось его избраніе въ капскій парламентъ, и съ тѣхъ поръ онъ избирался постоянно до своей смерти.

Въ 1887 году соперничество Родса съ Бернато достигло своего апогея, но первый ловкимъ маневромъ одержалъ верхъ. Бернато ничего не оставалось, какъ признать за Родсомъ первенство. «Родсъ, — говорилъ онъ, — великій человѣкъ, онъ одержалъ надо мною верхъ».

Съ перваго же знакомства съ Южной Африкой Родсъ рѣшилъ ея участь, увѣренный въ ея блестящемъ будущемъ. Онъ составилъ себя планъ поддерживать открытый путь на сѣверъ, обезпечить англійской южной Африкѣ какъ можно болѣе пространства для ея влияния и предоставить времени и обстоятельствамъ создать неизбѣжную федерацію.

Въ капскомъ парламентѣ Родсъ началъ свою карьеру съ дѣла бассутовъ, съ которыми колонія вела войну. Нѣкоторое время спустя, онъ добился аннексіи ихъ территоріи на Капской землѣ, а еще позднеѣ — присоединенія Бехуаналанда. Послѣ этого Родсъ основалъ южно-африканское общество, въ настоящее время называемое «Родезія». Въ октябрѣ 1899 года Британская имперія вступила во владѣніе громадной территоріей съ блестящимъ будущимъ. Необыкновенно способный, энергичный и дѣятельный человѣкъ, Сесиль Родсъ стремился навѣрняка къ своей цѣли и тѣмъ болѣе ему было это легко, что нравственной брезгливостью онъ не обладалъ, руководствуясь лишь дивизомъ «цѣль оправдываетъ средство». «Что это вы дѣлаете въ Южной Африкѣ?» спросила его однажды королева Викторія. «Ваше величество, — отвѣчалъ ей просто Родсъ: — я увеличиваю тамъ ваши владѣнія». И дѣйствительно, онъ принялся энергично, съ твердостью характера преодолевать встрѣтившіяся ему на пути препятствія, происходившія при зарожденіи новой колоніи.

Въ 1890 году Сесиль Родсъ изъ капскаго министра финансовъ уже превратился въ премьера и еще энергичнѣе принялся осуществлять задуманный планъ образованія новой англійской имперіи отъ Каптоуна до Каира. Несмотря на волненія Трансваала, онъ не измѣнялъ своего широко намѣченнаго плана и говорилъ: «Мы все сдѣлаемъ, чтобы болѣе и болѣе сближать южно-африканскіе штаты, — писалъ онъ. — Возможно, что это приближеніе не совершится въ

наше время, но я твердо вѣрю, что не сегодня—завтра эти различные штаты кончатъ тѣмъ, что будутъ объединены». Онъ оказался хорошимъ пророкомъ, и его слова сбылись.

Въ 1894 году Сесиль Родсъ заложилъ основаніе трансконтинентальной телеграфной компаніи изъ Каптоуна въ Каиръ. Въ концѣ 1895 года произошелъ знаменитый по своей неудачѣ набѣгъ Джемсона на Трансвааль, а чрезъ нѣсколько недѣль вспыхнуло возмущеніе въ Матабеле. Много толковали о томъ, какъ Сесиль Родсъ возстановлялъ тамъ порядокъ, невооруженный среди мятежниковъ. Въ означенной біографіи подробно изложено это обстоятельство. 9 октября 1899 года, за два дня до объявленія ультиматума бурямъ, Родсъ покинулъ Каптоунъ и отправился въ Кимберлей. Онъ туда вошелъ, едва избѣгнувъ плѣна, и оставался тамъ все время, пока длилась блокада. Въ это время онъ заслужилъ репутацію добраго генія осажденныхъ, онъ надѣлялъ провіантомъ солдатъ и безъ счета раздавалъ деньги жителямъ. Но уже на немъ лежалъ отпечатокъ смерти, и его друзья это знали. Тѣмъ не менѣе онъ работалъ съ прежнимъ рвеніемъ до послѣдней возможности. Въ февралѣ 1902 года, послѣ пребыванія въ Англіи, онъ серьезно заболѣлъ въ Каптоунѣ и умеръ въ Мюнзенбергѣ 26 марта, вполне владѣя своими необыкновенными умственными способностями, которыми воспользовался, чтобы написать свое знаменитое завѣщаніе.

Несмотря на дружескія отношенія между авторомъ и Родсомъ, онъ рисуетъ его нравственную личность безпристрастно. Характеръ этого геніальнаго дѣльца непривлекателенъ. Человѣкъ онъ былъ скрытный, ѣдкій, грубый, деспотичный, своевольный и вспыльчивый. Авторъ пишетъ: «Онъ презиралъ своихъ приближенныхъ, а тѣ, въ свою очередь, презирали его, хотя боялись, какъ человѣка вліятельнаго и могущественнаго. Онъ никогда не былъ популяренъ, но общественное мнѣніе не имѣло для него никакого значенія. Среди ненависти и боязни его окружающихъ онъ твердо стремился къ намѣченной цѣли, озабоченный только двумя задачами—самобогащеніемъ и осуществленіемъ своего имперіалистскаго идеала».

Не разъ ему приходилось вступать въ сношенія съ коронованными лицами, и онъ неодинаково къ нимъ относился. Когда Вильгельмъ II спросилъ его, какое произвела впечатлѣніе его знаменитая телеграмма Крюгеру во время набѣга Джемсона, Родсъ отвѣтилъ: «Славную услугу оказали вы мнѣ, ваше величество, какой ни одинъ человѣкъ никогда не оказывалъ другому. Мой народъ уже былъ готовъ высѣчь меня, какъ злого мальчишку, но вы рѣшили сдѣлать; что хотѣлъ продѣлать онъ, и тотчасъ же мой народъ воскликнулъ: «А! такъ нѣтъ! Уже если это кого касается, такъ насъ!» — И въ результатѣ они стали ненавидѣть ваше величество, а самъ я увернулся отъ кнута».

Какъ принялъ это откровенное признаніе Вильгельмъ—неизвѣстно. Не всегда такъ искренно говорилъ Родсъ и ему случалось иногда кривить душою. Какъ-то королева Викторія сказала ему: «Всѣ увѣряютъ, г-нъ Родсъ, что вы ненавидите женщинъ. Надѣюсь, что это неправда». На это Родсъ съ большой находчивостью отвѣтилъ: «Какъ могъ бы я ненавидѣть родъ, къ которому принадлежитъ ваше величество». Но этотъ отвѣтъ былъ лишь дипломатическою изворотливостью, на самомъ дѣлѣ онъ отводилъ мало мѣста и времени женскому полу.

На вопрос секретаря: отчего онъ не женатъ?—Родсъ отвѣтилъ: «У меня на рукахъ много дѣла!» Уступчивый въ отношеніи Викторіи, онъ съ меньшимъ почтеніемъ говорилъ съ другими монархами. Его непринужденность въ обращеніи съ Абдуль-Гамидомъ была просто легендарна. Онъ сумѣлъ овладѣть сердцемъ султана, и тотъ послалъ ему въ подарокъ нѣсколько паръ великолѣпныхъ ангорскихъ кошекъ. Онъ успѣшилъ отблагодарить султана и потомъ отправился во дворецъ на приемъ во фланелевомъ смокингѣ. Только въ моментъ его входа въ приемный залъ посланникъ замѣтилъ это и сталъ его уговаривать, чтобы онъ накиннулъ пальто.

Среди различныхъ документовъ авторъ помѣстилъ доказательство, какъ усиленно пытался Родсъ исправить нѣкоторые свои моральные недостатки. Этому империалисту приходилось иногда задумываться надъ своимъ империализмомъ, находить его чрезмѣрнымъ, осуждать его и даже стараться его обуздать. Христіанское смиреніе, которое отецъ старался ему внушить въ дѣтствѣ и забытое имъ въ зрѣломъ возрастѣ, все-таки оставило въ его душѣ слѣды. Встрѣтивъ въ обществѣ одну даму, мужа которой приговорили къ смерти на другой день набѣга Джемсона, Родсъ взялъ ее за руку и произнесъ: «Я знаю, что вы обо мнѣ думаете, сударыня. Вс время нашей послѣдней встрѣчи я вамъ объявилъ, что у меня никогда не бываетъ бессонницы; съ тѣхъ поръ я часто ею страдаю. Должно быть, вы думаете, что недавно перенесенный ударъ для меня полезенъ. Я сдѣлался слишкомъ деспотиченъ. Мнѣ необходимо сказать вамъ, что вы вполне правильно думаете обо мнѣ».

Другой разъ онъ признался своему другу еще категоричнѣе: «Каждый день я пытаюсь сдѣлаться смиреннѣе; но какъ это тяжело!»

Этотъ брильянтовый король скончался 49 лѣтъ и, несмотря на свои моральные недостатки, большинство англичанъ питало къ нему культъ поклоненія.

— Новые документы о Вольтерѣ.—Появилось еще нѣсколько новыхъ документовъ, свидѣтельствующихъ, съ какимъ рвеніемъ прислуживался Вольтеръ къ сильнымъ міра. Въ «La Revue» напечатаны письма, адресованныя имъ къ Морепя, военному министру д'Аржансону, директору королевской типографіи Анисону, графу Сень-Флорентену и послѣдняго къ нему, милорду Тирсоннеллю, французскому посланнику въ Берлинѣ маркизу Пюнсѣ, государственному секретарю Амело и переписка нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ между собою относительно Вольтера. Характерная черта лакейства предъ королями и министрами вмѣстѣ съ практическимъ ея примѣненіемъ рельефно выдѣляется въ этихъ коротенькихъ запискахъ. По наблюденію Гонкуровъ въ XVIII вѣкѣ, только гордая нищета художниковъ не склоняла головы предъ властителями и ихъ казною, писатели же въ большинствѣ случаевъ лакействовали; перемѣна позицій произошла въ XIX вѣкѣ, когда писатели стали выказывать независимость по отношенію властей, а художники наоборотъ. Въ своихъ краткихъ объясненіяхъ къ этой перепискѣ Фернандъ Косси говоритъ, что это было время, когда литература зависѣла отъ полиціи и права автора признавались лишь по особой протекціи, избавлявшей отъ цензуры, и особенно обычай раздавать пенсіи заставлялъ литераторовъ заискивать у властей. Въ послѣднемъ особенно еръ отличался и умѣлъ использовать все источники для своей выгоды.

Пользуясь пенсией отъ короля въ замкѣ Бастиліи и изъ его личной кассы, какъ официальный журналистъ за свои «Lettres anglaises» и официальный поэтъ за «Princesse de Navarre», какъ придворный чинъ и одинъ изъ безсмертныхъ, онъ еще получалъ какъ исторіографъ, случайный дипломатъ и прислужникъ фаворитокъ: г-жи Шатору, Помпадуръ и Дюбарри. Поэтому ни одинъ писатель той эпохи такъ не прислуживался у двора и министровъ, какъ Вольтеръ. При этомъ надо прибавить еще использованную имъ лестъ при иностранныхъ дворахъ Екатерины и прусскаго короля, по поводу котораго говорится въ этихъ письмахъ.

У Вольтера былъ другъ Тьеріо, помогавшій ему въ его историческихъ и литературныхъ работахъ, исполняя порученія у книгопродавцевъ и собирая парижскія новости. За всѣ его труды Вольтеръ давалъ ему постель и кормилъ его. Пуская въ оборотъ всѣ свои деньги Вольтеръ не имѣлъ ихъ при себѣ и ухитрился, чтобы Тьеріо включили въ его пенсію, которую король назначилъ ему въ размѣрѣ двухъ тысячъ ливровъ, и первое письмо касается этого вопроса. Произшедшій скандалъ между Вольтеромъ и шевалье де-Роганомъ, котораго за презрительное къ себѣ отношеніе Вольтеръ осыпалъ эпиграммами и былъ въ отместку оскорбленъ его слугами, расправившимися съ нимъ простѣйшимъ способомъ съ помощью данныхъ шести пинковъ, въ результатъ чего послѣдовало заключеніе Вольтера въ Бастилію, и это обстоятельство послужило темой для слѣдующихъ писемъ. «Смиранный и покорнѣйшій слуга» Вольтеръ писалъ Морепа изъ мѣста заключенія, оправдываясь и прося разрѣшеніе обѣдать съ управителемъ Бастиліи, видѣться съ посѣтителями и отправиться въ Англію. Черезъ годъ онъ пытался вернуться въ Парижъ, чтобы отмстить Рогану, и въ апрѣлѣ опять писалъ Морепа, ссылаясь, что дурное состояніе его здоровья и финансовъ заставляютъ его вернуться въ Парижъ, и обѣщая забыть о мести. Отвѣтъ получился въ іюнѣ съ разрѣшеніемъ пріѣзда на три мѣсяца въ Парижъ для устройства дѣлъ. Изъ Англіи Вольтеръ привезъ свои «Les lettres» о религіи, правительствѣ и философіи англичанъ, полныя намековъ противъ янсенистовъ, чѣмъ онъ думалъ подслужиться у кардинала Флери. Въ ожиданіи Вольтеръ просилъ покровительства для своего сочиненія, чтобы провести его въ цензурѣ. Тѣмъ временемъ онъ напечаталъ его тайно, и «Les lettres» появились ранѣе разрѣшенія цензуры. Тотчасъ же послѣдовало запрещеніе, и автору пришлось скрыться въ Лотарингіи. Только черезъ годъ друзьямъ удалось добиться его возвращенія. Всю исторію Вольтеръ свалилъ на Тьеріо, сказавъ, что онъ тайно взялъ у него рукопись и далъ напечатать книгопродавцу Жору безъ его вѣдома, а потому онъ не заплатилъ послѣдному за напечатаніе. Жоръ хитростью заставилъ его написать письмо, въ которомъ были изображены всѣ обстоятельства дѣла, такъ какъ, по его словамъ, онъ хочетъ только знать правду и все ему простится. Вольтеръ попался на эту удочку и «наивно» написалъ ему откровенно всю правду. Для взысканія съ него уплаты Жору только и нужно было личное признаніе Вольтера, что онъ авторъ книги. По этому дѣлу Вольтеръ пишетъ Морепа, прося его покровительства и жалуясь, до какой степени люди злы и какъ литераторъ несчастенъ.

По востшествіи на престолъ Фридрихъ тотчасъ же призвалъ къ себѣ Вольтера для редактированія политическаго манифеста. Здѣсь Вольтеръ также не скупился на лесть. Онъ пытался увѣрить Европу, что прусскій король—коронованный философъ, новый Маркъ Аврелій, стремящійся къ счастью своего народа и умиротворенію всѣхъ націй. На слѣдующій годъ его отправили въ Берлинъ съ дипломатической миссіей узнать истинные мотивы, заставившіе прусскаго короля покинуть своего союзника Людовика XV чрезъ Бреславскій трактатъ. Вольтеру это удалось на половину и за это онъ отчасти попалъ въ немилость у кардинала Флери, но чрезъ пять мѣсяцевъ послѣ смерти послѣдняго, и въ 1743 г. Морена и Амело его снова послали въ Берлинъ. На этотъ разъ ему поручили попробовать почву для союза Германіи съ Франціей. Теперь, какъ и въ 1740 г., Вольтеръ былъ только добровольнымъ посломъ министерства. Однако онъ рассчитывалъ получить вознагражденіе за свои старанія и писалъ между прочимъ военному министру д'Аржансону: «Если вы соблагovolите вспомнить обо мнѣ болѣе, чѣмъ о моихъ книгахъ то смѣю надѣяться, что вы пожелаете поговорить съ королемъ о чрезвычайно малыхъ услугахъ, оказанныхъ мною отъ чистаго сердца, и о моемъ справедливомъ отказѣ отъ меблированнаго дома и двѣнадцати тысячахъ франковъ пенсіи, предложенныхъ мнѣ прусскимъ королемъ; я предпочитаю лучше жить подъ покровительствомъ моего государя, чѣмъ искать милости другихъ королей. Лъщу себя надеждой, что такой способъ мышленія вамъ понравится». Истинной причиною отказа отъ переѣзда въ Берлинъ была въ сущности удерживавшая его въ Парижѣ г-жа Шатлэ.

Вмѣсто дѣйствительной награды Вольтеру былъ данъ новый случай оказать услугу королю во время брака дофина: ему поручили составить балетъ. Черезъ мѣсяць послѣ празднества онъ получилъ, чего никогда не добились ни Расинъ ни Буало,—званіе исторіографа съ 2000 ливровъ жалованья. Сраженіе при Фонтенуа шесть недѣль спустя послужило темой для его поэмы «Роэме de Fontenoy», и за его усердіе король пожаловалъ ему званіе камергера съ 6000 ливровъ. Вольтеръ вскорѣ продалъ почетное званіе, сохранивъ по особой милости титулъ, привилегіи и обязанности.

Послѣ смерти г-жи Шатлэ въ 1749 году, Вольтеръ отправился жить въ Берлинъ столько же потому, что «это мѣстопробываніе было единственное приличное для свободомыслящаго литератора», какъ и потому, что онъ чувствовалъ перемѣну къ нему какъ двора, такъ и публики. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ, «что, впрочемъ, это новый способъ принадлежать королю, живя вождѣ его лучшаго союзника и друга, какой только есть у него въ Европѣ». Поэтому онъ льстилъ себя надеждой, что его король удостоитъ «сохранить всѣ права и привилегіи за его подданнымъ и слугою». Будьте увѣрены, что самое интересное для меня въ этомъ дѣлѣ моя почтительная привязанность къ личности его величества, и именно это чувство дѣлаетъ для меня его благодѣянія драгоценными. Я во всякомъ случаѣ лъщу себя надеждой, что со мной не обойдутся хуже, чѣмъ съ Мопертусомъ».

Въ Берлинѣ Вольтеръ добился милости короля, предложившаго ему ключъ камергера, крестъ ордена Merite, 20000 франковъ пенсіи, изъ которыхъ 8000

должны были выдаваться послѣ его смерти племянницѣ. Онъ обратился къ посланнику, прося его достать разрѣшеніе своего короля остаться при прусскомъ дворѣ, и въ то же время просилъ уполномочія, но затѣмъ согласился съ тѣмъ, что достаточно письменнаго разрѣшенія. Въ письмѣ къ Сень-Флорентену Вольтеръ распространяется о добротѣ прусскаго короля къ нему, которая дошла до того, что онъ предложилъ ему помѣщеніе во дворцѣ. Онъ сообщилъ, что обращался съ ходатайствомъ къ маркизѣ Помпадуръ, и все увѣрялъ, что будетъ слугою своего короля и у послѣдняго будетъ «еще однимъ старательнымъ подданнымъ больше при монархѣ, котораго все дѣлаетъ навсегда его союзникомъ». «Особенно я никогда не хотѣлъ бы потерять дорогого мнѣ титула подданнаго и слуги короля, потому я настойчиво прошу вашего покровительства, ибо въ апартаментѣхъ короля прусскаго я рассчитывалъ быть всегда, какъ въ вашемъ департаментѣ». Сень-Флорентень отвѣтилъ согласіемъ короля, но съ добавленіемъ: «вы сами чувствуете, что не можете сохранить за собою титула исторіографа».

Опасаясь прогнать и желая воспользоваться источникомъ доходовъ съ обоихъ дворовъ, Вольтеръ просилъ обождать передачей его мѣста. Онъ ссылался, что привязанность къ прусскому королю новое звено и долгъ, которые еще болѣе ставятъ его въ счастливую зависимость отъ его величества и что онъ тамъ лишь подданный, обласканный милостями его союзника. Но мѣсто исторіографа король уже передалъ Дюкло, о чемъ его извѣщалъ Сень-Флорентень. Все-таки Вольтеру по ходатайству маркизы Помпадуръ предоставлялась прежняя пенсія въ 2000 франковъ, составлявшая жалованье исторіографа. Кромѣ того, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ возвратился и приобрѣлъ замокъ Ферней, онъ еще получилъ черезъ нее награду.

Въ благодарность онъ посвятилъ ей трагедію «Танкредъ», и маркиза Помпадуръ написала Мальзербу: «Я позволила Вольтеру посвятить мнѣ «Танкреда», такъ какъ его знаю 25 лѣтъ и ничего не нахожу предосудительнаго въ его посвященіи».

Послѣднее письмо къ Сень-Флорентену касается изданія произведеній Корнеля. Сначала Сень-Флорентень отказалъ наслѣдникамъ напечатать его въ Королевской Библиотекѣ за счетъ короля. Тогда Вольтеръ, желавшій обезпечить приданое дочери Корнеля, самъ принялся за изданіе отъ академіи и въ письмѣ обращается къ Сень-Флорентену, предлагая ему подписаться на сочиненіе. Письмо онъ заканчиваетъ заявленіемъ, что большинство академикомъ подписалось на 6 экземпляровъ.

Въ Парижъ въ 1778 г. онъ возвратился торжественно и былъ осыпанъ почестями со стороны академіи, народа и актеровъ, среди которыхъ онъ былъ какъ «старый генералъ среди солдатъ». Въ этомъ качествѣ онъ, какъ посредникъ, обратился къ Амело съ слѣдующей просьбой отъ имени Корнеля, Расина и Мольера обратить вниманіе что названіе «Comedien du Roi» (комедіантъ короля) неясно дано публикой, хотя театръ началъ съ трагедіи; что кардиналъ Ришелье построилъ залъ Пале-Рояля для трагедіи; что театръ Франціи со времени великаго Корнеля считался первымъ въ Европѣ и что эта часть литературы дѣлала наибольшую честь націи. «Не подходитъ ли объявлять въ афишахъ *Le Théâtre français ordinaire du roi*», заключилъ онъ.

На это Амело отвѣтили, что король считаетъ ненужнымъ измѣнять старинный обычай, къ которому привыкла публика.

Этимъ письмомъ заканчивается новая серія писемъ, касающихся Вольтера.

— Отовсюду.—Традиціонная рождественская елка также имѣетъ свою исторію и не особенно древнюю, а именно, по словамъ «Münchener Nachrichten», немного болѣе триста семи лѣтъ. Въ Европѣ ее впервые зажгли, по однимъ свѣдѣніямъ, въ Шлетштадтѣ въ 1546 г., по другимъ въ Страсбургѣ въ 1604 г. Эта традиція медленно прививалась и распространилась въ Германіи самое раннее въ концѣ XVII столѣтія. Но уже въ слѣдующемъ вѣкѣ она такъ разрослась, что когда Гете пріѣхалъ въ Веймаръ, то тамъ устраивали елку всѣ, и герцогъ долженъ былъ принять мѣры противъ злоупотребленія традиціей, ради которой истребляли лѣса подъ предлогомъ Рождества Христова. Обычай зажигать на ней свѣчи появился еще позднѣе; въ старыхъ эльзасскихъ хроникахъ о немъ ничего не говорится. Впервые объ этомъ упоминается въ 1737 г. въ Циттау и въ 1750 въ Нассау. Но Гете въ своемъ «Вертерѣ» описываетъ ее уже украшенной «свѣчами, яблоками и сахарными игрушками, которыя возбуждали райскую радость». По словамъ «Münchener Nachrichten», рождественскія елки, устраиваемыя христіанами, въ сущности буддійскаго происхожденія. Одинъ итальянскій авторъ путешествовавшій по Индіи въ 1503 г., рассказываетъ, что близъ Калькутты въ мѣстности, куда ходятъ на поклоненіе, народъ собирается 25 ноября вокругъ дерева, освѣщеннаго факелами и свѣтильниками. Этотъ обычай занесли оттуда миссіонеры въ Европу. Въ Берлинѣ онъ распространился только съ 1780 г., въ Гамбургѣ съ 1769 г, въ Дрезденѣ съ 1807, въ Вѣнѣ съ 1817, а въ Лондонѣ и Парижѣ съ 1840 года.

Въ 1910 г. рождественская ночь по новому стилю прошла въ различныхъ странахъ торжественно и оживленно. Старинныя традиціи еще сохраняются даже въ самомъ нерелигіозномъ городѣ—Парижѣ. Свободолюбивые американцы составили труппу менестрелей и задали концертъ предъ Вѣлымъ Домомъ. Они съ такимъ рвеніемъ славили всю ночь, что президентъ Тафтъ былъ вынужденъ подойти къ окну въ халатѣ и просить ихъ удалиться на покой: «Thanks very much!—кричалъ онъ имъ.—God bless you! merry gentleman God bless you!» (Уже поздно. Пойдемте всѣ спать!)

Въ Санъ-Франциско особенно оживленно справляли рождественскую ночь въ итальянскомъ кварталѣ. Знакомая петербургской публикѣ итальянская оперная пѣвица г-жа Тетрацини въ теченіе четырехъ часовъ пѣла ночью на улицахъ, приводя въ восторгъ земляковъ. Это веселье особенно выдѣлялось какъ контрастъ тишинѣ сосѣдняго китайскаго квартала, гдѣ въ эту ночь начался семидневный ритуальный постъ.

Въ Англіи своеобразно празднуютъ рождественскую ночь, напоминая Русь въ допетровское время; только цари кормили неимущихъ въ Золотой царицыной палатѣ, а въ Англіи выставляютъ пуддинги предъ дворцомъ. Въ кухнѣ Букингамскаго дворца заготавливались традиціонные пуддинги для неимущаго народа. Первый пуддингъ—великанъ отъ короля Георга III—отличался необычайнымъ ростомъ. Затѣмъ выставила сотню пуддинговъ королева Александра, а также многіе придворные. Но рядомъ съ королевскимъ колоссомъ они казались

крошками. Ночью их выставили вдоль Букингэмскаго дворца, и любопытное зрѣлище представляла осада народомъ этихъ пуддинговъ. Набожность англичанъ выразилась въ проданныхъ 6.409 тоннахъ говядины, 2.672 тоннахъ баранины, 1.382 тоннахъ свинины, 1.645 тоннахъ дичи и 232 тоннахъ различныхъ закусокъ.

Въ Германіи не было народнаго празднества, какъ въ Англіи. Тамъ императоръ Вильгельмъ вышелъ изъ Потсдамскаго дворца инкогнито въ надлежащемъ для этой цѣли костюмѣ. Онъ отправился по окрестностямъ и дарилъ дѣтямъ рабочихъ и лѣсничихъ разнообразныя подарки, затѣмъ пошелъ въ казармы, гдѣ раздавалъ нижнимъ чинамъ деньги.

— Въ «Vita» итальянскій писатель Сарачено возмущается противъ появленія у одного болонскаго писателя стиховъ Гарибальди. Онъ называетъ издателя «преступникомъ, выведшимъ на свѣтъ Божій поэтическіе грѣхи марсельскаго героя». Это вызвало споръ. Одни высказываются, что не слѣдуетъ знакомить публику съ этими наивными литературными попытками. Другіе, какъ поэтъ Пасколи въ конференціи болонскаго университета, славословятъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ эти отрывки эпоса и сравниваютъ ихъ съ Илліадой. Томъ этихъ стиховъ озаглавленъ «Garibaldi.—Poema autographica.—Carne alla Morte e altri canti inediti».

Первая изъ этихъ поэмъ состоитъ не менѣе какъ изъ трехъ тысячъ стиховъ, написанныхъ рукой Гарибальди. Онъ сочинилъ ихъ въ концѣ 1862 г., когда онъ еще страдалъ отъ раны, полученной при Аспромонтѣ по дорогѣ въ Мессину. Въ этой автобіографіи Гарибальди рассказываетъ въ двадцати девяти пѣсняхъ приключенія своей юности, когда онъ былъ морякомъ, корсаромъ въ Монтевидео, изгнанникомъ, а затѣмъ кондотьеръ, и прерываются на битвѣ при Аспромонтѣ. Затѣмъ слѣдуетъ «Гимнъ Смерти» и шестнадцать неизданныхъ стиховъ, изъ которыхъ одинъ адресованъ Виктору Эмануилу, а другой Ниццѣ, «потерянной родинѣ». Большинство изъ нихъ написано карандашомъ рукой Гарибальди, другіе переписаны мистрисъ Робертсъ, долго жившей съ нимъ въ Капрерѣ. Самъ Гарибальди едва зналъ орфографію, поэтому неудивительно, что его стихи неправильны, странны и даже дики; но они живы, искренни, импульсивны и интересны, какъ документъ. Разсказъ о сраженіи при Аспромонтѣ и Галатифимѣ поистинѣ являются двумя прекрасными страницами такъ же, какъ и ода въ Неаполѣ. Но болѣе всего производитъ впечатлѣніе, волнуетъ «Гимнъ смерти». Онъ посвященъ первой женѣ Гарибальди—Анитѣ, которая хотя была беременна, но хотѣла слѣдовать за мужемъ, ускользавшимъ отъ австрійцевъ. Отправившись изъ Рима пѣшкомъ, они перешли Аппенины и Равенскій лѣсъ, гдѣ Анита умерла отъ усталости подъ сосной, воспѣтой Байрономъ.

— Равнодушіе Маріи-Луизы къ своему ужасному мужу еще разъ выразилось въ ея письмахъ къ своей фрейлинѣ, женѣ маршала Ланна, помѣщенныхъ въ «Correspondant». Въ то время, какъ Наполеонъ отплывалъ къ острову Эльбѣ, Марія-Луиза отрелася отъ престола и уѣхала въ Шенбруннъ. Тамъ ей оказали нѣжный пріемъ и принялись размѣщать ея свиту, состоящую изъ французовъ, оставшихся вѣрными ей, нанося имъ тысячи обидъ. Лучшій ея другъ, жена маршала Ланна, не могла ихъ перенести и черезъ мѣсяцъ собралась уѣз-

жать. Императрица искренно огорчилась, узнавъ объ ея рѣшеніи, и въ разлукѣ вела съ нею переписку. Въ этихъ письмахъ она является безъ всякой рисовки совершенно естественной и ни слова о своемъ мужѣ, ни одного намека о своемъ прошломъ, ни о политической будущности собственнаго сына. Она утѣшалась предложенной ей позолоченной отставкой и высказывала одно только желаніе: поскорѣе вступить во владѣніе Пармою, чтобы избавиться отъ своей родни, которая держала ее въ заключеніи. Въ ожиданіи рѣшительнаго момента она съ трудомъ добилась разрѣшенія отправиться на воды въ Аахенъ, гдѣ должна была встрѣтиться съ г-жей Монтебелло. Въ первомъ письмѣ прежняя императрица главнымъ образомъ касается своей поѣздки, здоровья римскаго короля и любимой собачки Бижу, которую ужалили въ лапу три осы. Затѣмъ она даетъ заказъ доставить ей пеперментовъ, рубашекъ и сургуча. Извѣстіе о смерти императрицы Жозефины ее встревожило. «Я пришла въ ужасъ, прочитавъ вчера въ «Gazette» извѣстіе о смерти императрицы Жозефины,—писала она 8 іюня 1814 г.—Какъ она внезапно умерла! Я подумала: вотъ огорченіе для нашего добраго г. Корвизара».

Поѣздка въ Аахенъ принудила ее разстаться съ сыномъ, какъ того требовала политика, и она исполнила это не безъ сожалѣнія. «Богу и вамъ извѣстно,— писала она г-жѣ Ланнъ:—какъ я далека отъ честолюбивыхъ помысловъ; но я не хотѣла бы дать ни малѣйшихъ признаковъ». Въ Аахенѣ съ нею прожила г-жа Монтебелло только двѣ недѣли, и затѣмъ она осталась одна подъ наблюденіемъ Нейперга. Въ это именно время послѣдовала завязка любовной интриги между ними, и рассказы объ ея прогулкахъ съ нимъ очень тревожили ея прежнюю фрейлину. «Продолжайте ваши правоученія,— писала она г. Ланнъ:—вы знаете, какъ у люблю ихъ слушать. Не бойтесь вечернихъ прогулокъ. Я отреклась отъ малѣйшаго... въ чемъ вы меня упрекаете, и мое сердце—каменная скала для чувства, котораго я никогда не знала,—останется навсегда спокойно».

— Въ послѣднемъ декабрьскомъ номерѣ «La Revue Bleue» Казимиръ Стриенскій помѣстилъ отрывки изъ еще не появившихся въ свѣтъ воспоминаній его дяди живописца Ланделля, озаглавленныхъ: «Charles Landelle 1821—1908. Une carrière d'artiste».

Шарль Ланделль, портретистъ красавицъ второй имперіи, въ моментъ объявленія франко-прусской войны въ іюль 1870 г. находился съ семьей въ Этрета. Это извѣстіе побудило его отправиться въ Парижъ, оставивъ семью въ Нормандіи. Приведенные Стриенскимъ отрывки состоятъ изъ писемъ къ женѣ и др. лицамъ, которымъ Ланделль писалъ изъ Парижа, и въ нихъ находятся свѣдѣнія о пережитыхъ парижанами непріятныхъ моментахъ во время осады Парижа. Участь Ланделля раздѣляла его свояченица Люси, также оставшаяся въ столицѣ въ качествѣ сестры милосердія. Они предполагали устроить въ своей квартирѣ перевязочный пунктъ, но это оказалось слишкомъ затруднительнымъ. Ободряя другъ друга, они оба стойко переносили тяжелое положеніе осажденныхъ. Въ сентябрѣ Ланделль писалъ женѣ, что видитъ все въ зеленомъ цвѣтѣ,— цвѣтѣ надежды,—прибавляетъ онъ:—у меня въ душѣ смерть послѣ разговора, который я велъ съ членами комиссіи по вооруженію. Они взяли на себя громадную отвѣтственность. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они не даютъ оружія, а истина

(но не надо повторять) въ томъ, что его не имѣется. Вся моя надежда на Бога...»

Ланделль тоже находился на службѣ въ составѣ «ветерановъ», но въ свободное время работалъ. При извѣстїи о взятїи Страсбурга предъ статуей Страсбургъ на площади Согласїя произошла трогательная церемонїя, которую ему удалось набросать для будущей картины. Положеніе осажденныхъ становилось все затруднительнѣе, и 3 октября онъ между прочимъ сообщилъ, что пруссаки оцѣпляютъ ихъ желѣзнымъ обручомъ и у нихъ большія силы. «Въ данный моментъ мы имъ досаждаемъ, разрушая приготовляемые ими осадныя работы нашими пушками, превосходно нацѣвливаемыми храбрыми матросами. Въ отвагѣ у насъ нѣтъ недостатка, но этотъ идиотъ Баденгэ заставилъ насъ взять въ Седанѣ. Всѣ окрестности Парижа разрушены. Сегодня, чтобы ихъ выселить, мы бомбардировали и сожгли дворець Сенъ-Клу, гдѣ они были. Бѣдная страна! Въ двадцать четыре часа мы переходимъ попеременно отъ надежды къ отчаянію. Мнѣ кажется, что когда я посылаю тебѣ письма на воздушномъ шарѣ, то я пишу письмо на луну и, къ несчастію, не имѣю отвѣта, какъ будто это и дѣйствительно такъ. Самое большое лишеніе въ нашемъ печальномъ положенїи—отсутствие извѣстій. Привычный, какъ ты это знаешь, къ дѣятельной жизни и постоянно при занятїяхъ, я наконецъ могъ снова приняться за правильныя привычки и въ теченіе нѣсколькихъ дней я работаю съ интересомъ: это единственное средство забыть наши несчастїя и не сойти съ ума».

Въ другомъ письмѣ, сообщая подробности о своемъ житьѣ, онъ пишетъ: «Что касается пищи, то, глядя на часъ, мы переходимъ отъ говядины къ лошадиному мясу, а отъ лошади къ собакамъ. Въ семь часовъ начинается собака. Я говорю собака, но это порядочно похоже на корни клена. Въ общемъ настроенїе города превосходное и бунтовщиковъ лишь слабое меньшинство. У рабочаго много здраваго смысла». Это письмо было переслано въ конвертѣ перваго секретаря прусскаго посольства графа Сольмса, въ домѣ котораго Ланделль снималъ мастерскую. Графъ Сольмсъ приложилъ и свое письмо г-жѣ Ланделль; оно заканчивалось фразой: «Я счастливъ, что нахожусь въ положенїи, которое позволяетъ мнѣ быть полезнымъ друзьямъ и доказать, что война не можетъ ступевать во мнѣ (что бы ни говорили газеты, которыя смотрять на меня какъ на измѣнника) то хорошее воспоминанїе, которое осталось у меня отъ пребыванїя въ Парижѣ». Но отвѣтъ г-жи Ланделль, вѣроятно, попалъ въ руки пруссаковъ вмѣстѣ съ воздушнымъ шаромъ. Наступило Рождество и Новый Годъ; печально они прошли для осажденныхъ, вдвойнѣ печально вслѣдствїе неприбытїя подкрѣпленїя. Ланделлю взгрустнулось, онъ даже вспомнилъ о рождественскомъ гуся и, скрѣпя сердце, написалъ женѣ: «Какое печальное Рождество, дорогая! Какъ наши солдаты должны страдать!» Въ заключенїе онъ пишетъ: «Скажи Дїанѣ, чтобы она грѣла тебѣ ноги, она, должно быть, вась развлекать, бѣдное животное. На дняхъ въ клубѣ, къ моему стыду, я съѣлъ ей подобную и нашелъ прекрасной. Я думаю, что если такъ продолжится, будутъ ѣсть пруссаковъ. Я обѣдалъ съ сотрудниками «Débats» у Петерса; мы ѣли... крысу... Какой ужасъ! Но это было очень хорошо приготовлено». 1 января

письмо было еще печальнѣе. «Какое плачевное начало года и не менѣе плачевный конецъ минувшаго. Я стараюсь удалить предчувствія и всегда этого достигаю; я невольно тревожусь, думая, что въ Этрета васъ окружаетъ непріятель. Сегодня утромъ я оросилъ свой завтракъ слезами... я плакалъ, какъ ребенокъ. Парижъ чудесенъ по своей стойкости и рѣшимости ожидать до конца, то есть до послѣдняго ломтя хлѣба. Пошли Небо, чтобы Провансъ прибылъ ранѣе. Въ слѣдующемъ письмѣ 18-го января онъ увѣдомлялъ, что Парижъ бомбардируютъ, но онъ попрежнему чудесенъ по своему мужеству и стойкости. «Со вчерашняго дня (20-го) Парижъ въ жалкомъ состояніи. Попытка на Монтрету не удалась, и Шанзи, вмѣсто того, чтобы приблизиться къ Парижу, принужденъ былъ отступить къ Лавалу. Парижъ страдаетъ; недостатокъ въ хлѣбѣ особенно по качеству. Бомбы продолжаютъ убивать женщинъ, дѣтей, больныхъ, дырять и сжигаютъ дома въ нашемъ бѣдномъ кварталѣ и, кажется, капитуляція неизбѣжна. Сегодня пушки смолкли; ведутся переговоры о перемиріи, чтобы похоронить 8.000 вчерашнихъ убитыхъ и раненыхъ. Черезъ восемьдесятъ дней не хватитъ хлѣба. Пора Франціи вернуть свою жизнеспособность; довольно вдовъ и сиротъ, довольно крови; не унижительно вести переговоры, когда исполнили свой долгъ, а со времени Седана Франція исполнила свой долгъ. Сообщая о смерти художника Реньо отъ прусской пули, онъ писалъ 26-го, что это «самая большая потеря». Наступили переговоры, и 29-го онъ получилъ отъ жены рождественское письмо, которое смягчило его плѣнь и горестный день (29-го) — капитуляцію. Приближалась минута свиданія съ семьей, но желѣзныя дороги были въ безпорядкѣ. Приходилось остаться до выборовъ. Наконецъ 8-го февраля Ланделль отправился къ женѣ.

— Въ норвежской «Politiken» Георгъ Брандесъ въ горячей статьѣ обращается къ стортингу, умоляя его купить старый домикъ въ южной части Норвегіи, въ Гримштатѣ, гдѣ въ молодости жилъ Генрикъ Ибсенъ, и устроить тамъ національный памятникъ. Это скромное жилище въ одинъ этажъ, уже покинутое и полуразвалившееся, когда-то служило помѣщеніемъ для аптеки, въ которой юный Ибсенъ долго жилъ сначала въ качествѣ ученика, а затѣмъ какъ хозяинъ аптеки. Владѣлецъ дома, мало интересующійся литературой, рѣшился сломать старый домъ, не приносящій никакого дохода. Узнавъ объ этомъ, Брандесъ, преданный поклонникъ Ибсена, возмутился и запротестовалъ. «Въ этихъ стѣнахъ, — говоритъ онъ въ своей статьѣ, — Ибсенъ увидѣлъ, какъ предъ нимъ расцвѣтала будущность поэзіи и славы; онъ принялъ рѣшеніе сказать прости всѣмъ мазиямъ и микстурамъ и отдался искусству. Въ Гримштатѣ въ то время было только 800 жителей. Аптека была для горожанъ своего рода биржею. Туда они собирались для переговоровъ о различныхъ дѣлахъ и для обсужденія событий. Здѣсь Ибсенъ провелъ самый тревожный періодъ отъ 1848 г. и время первой войны между Пруссіей и Даніей. Здѣсь онъ создавалъ свою поэму, посвященную Венгрии, и на досугъ по ночамъ, такъ какъ днемъ былъ слишкомъ занятъ, писалъ «Catilina». Воспоминанія объ Ибсенѣ рѣдко попадаютъ, — сказалъ въ заключеніе Брандесъ, — спасемъ же это».

— «Menestrelle» приводит цифру дохода, полученнаго администраціей Оберамергау съ представлений Страстей за 1910 г. Въ маѣ было дано три главныхъ и три второстепенныхъ представленія, на которыхъ перебывало 25,002 зрителя, итого получилось 150,721 марка. Въ юнѣ было 8 представлений и зрителей 33,514, доставившихъ 356,441 марку, Въ августѣ 70,806 зрителей—503,883 марки; въ сентябрѣ 43,649 зрителей—295,676 марокъ. Въ общемъ тридцать главныхъ представлений и двадцать восемь второстепенныхъ, на которыхъ присутствовало 223,530 зрителей—принесли 1,546,283 марки. Какъ спекуляція, эти представленія удались.

С М Ъ С Ъ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ собраніе императорской академіи наукъ. 29 декабря подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента императорской академіи наукъ великаго князя Константина Константиновича, состоялось годовое собраніе академіи наукъ. Большой конференцъ-залъ былъ переполненъ. Въ академію пріѣхали управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо, попечитель учебнаго округа гр. Мусинъ-Пушкинъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Бельгардъ, предсѣдатель государственной думы Гучковъ, почти всѣ академики, много профессоровъ, членовъ государственнаго совѣта и госуд. думы и публики. Собраніе открылось сообщеніемъ акад. С. Θ. Ольденбурга свѣдѣній о дѣятельности академіи наукъ по физико-математическому и историко-филологическому

отдѣленіямъ. Помянувъ добрымъ словомъ почившихъ членовъ академіи и давъ краткую справку о сдѣланныхъ академіи дарахъ и жертвованіяхъ, акад. С. Θ. Ольденбургъ кратко охарактеризовалъ дѣятельность отдѣльныхъ академическихъ учреждений. Въ библіотекѣ ежедневно работало до 100 человекъ и на домъ было выдано до 15 тысячъ томовъ. Поступило новыхъ книгъ 23,319 томовъ. Къ сожалѣнію, помѣщеніе библіотеки настолько тѣсно, что болѣе 100 тысячъ томовъ — цѣлую библіотеку — приходится держать въ ящикахъ. Физическій кабинетъ съ расширеніемъ дѣятельности сейсмической комиссіи значительно развилъ свою дѣятельность. Геологическій музей пополнился новыми коллекціями, но, къ сожалѣнію, тѣснота помѣщеній не даетъ возможности показать публикѣ одну изъ замѣчательнѣйшихъ въ мірѣ палеонтологическихъ коллекцій — проф. Амалицкаго съ Сѣверной Двины. Ботанический музей продолжалъ составлять свой «Гербарій русской флоры», для котораго прислано 14 тысячъ новыхъ листовъ. Для пополненія коллекцій зоологическаго музея работаютъ 123 лица. Музей посѣтило въ теченіе года около 120 тысячъ

человѣкъ, изъ коихъ 20 тысячъ учащихся. Азіатскій музей обогатился, главнымъ образомъ, мусульманскими и средне-азиатскими рукописями. Въ этомъ году впервые сдѣлана попытка фотографированія рукописей, и музей теперь обладаетъ полнымъ снимкомъ драгоцѣнной грузинской библии 978 года и ряда грузинскихъ житій святыхъ—болѣе 1300 снимковъ. Музей антропологии и этнографіи пополнился 13,695 предметами. Кромѣ того, образованъ «памятный отдѣлъ императора Петра Великаго», въ основу котораго положена, по высочайшему повелѣнію, Петровская галерея Эрмитажа. Николаевская главная физическая обсерваторія учредила новыя отдѣленія въ Николаевѣ и Симеизѣ и усилила метеорологическую сѣть на Дальнемъ Востокѣ. Штормовыя предостереженія обсерваторіи оказались успѣшными въ 79 проц. случаевъ. Въ севастопольской биологической станціи работало 34 лица; экскурсій туда учащихся было 143. Въ архивѣ конференціи продолжалась тщательная провѣрка всего матеріала, относящагося до Ломоносова, причемъ обнаружены неизданные матеріалы. По-прежнему функционировали международное бюро по библиографіи, водомѣрная коммиссія, коммиссіи по изданію трудовъ шпицбергенской и полярной экспедицій, магнитная коммиссія и постоянная историческая. Издательская дѣятельность академіи была весьма обширна: выпущено въ свѣтъ 1,660 печатныхъ листовъ, изъ книжнаго же склада выпущено 57,700 экземпляровъ изданій. Продолжалась серія изданія буддійскихъ текстовъ и приступлено къ печатанію греческихъ и индійскихъ рукописей Публичной библіотеки. Затѣмъ былъ прочитанъ рядъ отчетовъ по присужденію академическихъ премій. Преміи имени М. Н. Ахматова присуждены: большія въ 1000 руб.—Л. С. Вергу за его трудъ «Рыбы бассейна Амура» и В. И. Герье за трудъ «Зодчіе и подвижники Божьяго царства»; малыя по 500 руб.—В. Л. Біанки за «Матеріалы для авифауны Монголіи и Восточнаго Тибета», В. В. Лепешкину—за «Исслѣдованіе надъ растительными клѣтками», сочиненію покойнаго В. А. Фаусека «Отложеніе гуанина у пауковъ», А. А. Бронзову за сочиненіе «Вѣлоозерское духовное училище за сто лѣтъ его существованія», К. Н. Ходневу за трудъ: «Травосѣяніе, улучшенныя орудія и искусственныя удобренія въ крестьянскомъ хозяйствѣ Петербургской губерніи по обслѣдованію 1903 г». Премія имени П. Н. Ватюшкова въ 1000 руб. присуждена Е. Ф. Карскому за трудъ «Вѣлоруссы». Полная премія имени С. А. Иванова присуждена проф. В. И. Палладину за его исслѣдованія о дыханіи растений. Премія А. М. Кожевникова выдана І. А. Орбели для поѣздки его въ Ванскій вилайетъ для изученія армянскихъ нарѣчій. Ломоносовская премія въ 1000 руб. присуждена А. В. Вознесенскому за сочиненіе «Очеркъ климатическихъ особенностей Байкала». Премія имени императора Александра II, учрежденная симбирскимъ дворянствомъ, и премія имени жены академика Анны Вредихиной остались неприсужденными. Н. А. Котляревскій прочелъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности. Помянувъ скончавшихся членовъ академіи наукъ, докладчикъ особенно подробно остановился на характеристикѣ личности и дѣятельности Льва Николаевича Толстого. Отдѣленіе русскаго языка продолжало изданіе памятниковъ древней и новой русскаго литературы. Особенно серьезнаго вниманія заслуживаетъ изданіе «Академической библіотеки русскихъ писателей». Въ теченіе одного года совершенно распродано два изданія, въ количествѣ 35 ты-

сячь экземпляровъ, сочиненій Кольцова, вышло три тома сочиненій Лермонтова и набирается первый томъ сочиненій Грибоѣдова. Продолжала свою дѣятельность комиссія по изданію сочиненій Кольцова, выпущено въ свѣтъ три выпуска повременнаго изданія комиссіи «Пушкинъ и его современники». Затѣмъ положено начало изданію «Тургеневскаго архива», выпущено въ свѣтъ четыре выпуска «Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности», выпускъ «Статей по славяновѣдѣнію», два выпуска «Энциклопедіи славянской филологіи». Наконецъ продолжали свою работу комиссіи по изданію памятниковъ древнерусской литературы, по описанію погодинскаго книгохранилища и по составленію діалектологической карты русскаго языка. Были оглашены далѣе имена новыхъ членовъ академіи Въ почетные члены избранъ Альбертъ I, принцъ монакскій. Въ члены-корреспонденты: по физико-математическому отдѣленію: Боссъ, директоръ обсерваторіи въ Альбани и директоръ астрометрическаго отдѣленія института Карнеги; проф. А. И. Воейковъ, проф. Н. И. Андрусовъ, проф. Е. А. Лоренцъ (Лейденъ), проф. Седергольмъ (Гельсингфорсъ), проф. Гольмъ (Стокгольмъ), проф. Страсбургеръ (Боннъ), проф. Бротерусъ (Гельсингфорсъ); по отдѣленію русскаго языка и словесности: проф. А. И. Томсонъ (Новороссійскъ), проф. А. И. Беличъ (Бѣлградъ); по историко-филологическому отдѣленію: проф. графъ Комаровскій, Н. Ф. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, британскій посолъ въ Вашингтонѣ Брайсъ, проф. И. В. Негушилъ и В. П. Бузескулъ (Харьковъ), проф. Э. И. Щербатской и В. В. Бартольдъ (Петербургъ). Въ заключеніе членъ гос. совѣта академикъ В. И. Вернадскій произнесъ рѣчь на тему: «Задача дня въ области радія».

Въ литературномъ фондѣ. Подъ предсѣдательствомъ Л. Ф. Пантелѣева 27 декабря въ помѣщеніи гимназіи Гуревича состоялось очередное общее собраніе членовъ литературнаго фонда. По открытіи засѣданія Л. Ф. Пантелѣевъ предложилъ почтить вставаніемъ память Л. Н. Толстого. Собраніе также почтило вставаніемъ память недавно умершихъ членовъ фонда В. И. Сергѣевича (бывшаго въ 1893 г. предсѣдателемъ фонда), С. Н. Южакова и В. С. Лихачева. Затѣмъ секретарь комитета В. Д. Набоковъ прочиталъ отчетъ о дѣятельности фонда за послѣднюю четверть истекающаго года. Изъ отчета видно, что за время съ октября по декабрь комитетъ сдѣлалъ 370 постановленій по различнымъ ходатайствамъ о денежной и иной помощи. Просьбъ о пособіяхъ подано 190; изъ нихъ комитетъ имѣлъ возможность удовлетворить только 152; остальные 38 отклонены по разнымъ мотивамъ. Единовременныхъ пособій назначено 73 лицамъ, на сумму 1,381 руб. Постоянныхъ пособій выдано на сумму 5,730 руб., на воспитаніе дѣтей умершихъ и нуждающихся литераторовъ—1,792 р., назначены пенсіи двумъ новымъ лицамъ, на общую сумму 780 р. въ годъ, безсрочныя ссуды выданы 16 лицамъ, на сумму 841 руб. Всего израсходовано за отчетный періодъ 11,369 р. Далѣе секретарскій отчетъ отмѣчаетъ рядъ новыхъ пожертвованій: Л. Ф. Пантелѣевъ пожертвовалъ 1,000 руб. въ фондъ имени Л. Н. Толстого, А. Н. Остроградскій 500 рублей въ капиталъ для образованія и воспитанія дѣтей писателей, А. П. Беренштамъ 200 руб. въ капиталъ имени В. Л. Беренштама. Особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Е. П. Султановой (Лѣтковой) устроила въ пользу фонда два литературныхъ

вечера—въ память М. Е. Салтыкова, давшій чистыхъ 717 руб. 85 к., и В. С. Соловьева, принесшій фонду 537 руб. Члены фонда д-ра Г. Ю. Явейнъ и Д. М. Герценштейнъ предложили свои безвозмездныя услуги нуждающимся во врачебной помощи кліентамъ фонда. Комитетъ фонда предоставилъ стипендіи дочерямъ двухъ писателей, обучающимся въ гимназіяхъ Шуйской и Могиланской. Отчетъ по казначейской части былъ доложенъ собранію В. А. Пѣшековымъ за весь 1910 г. Изъ отчета видно, что фондъ обладаетъ капиталомъ въ процентныхъ бумагахъ въ 779,125 руб., наличными деньгами—91,209 р. 95 к. Изъ кабинета Его Величества за отчетный годъ поступило 1,150 р., въ именныя капиталы 5,000 руб., по духовному завѣщанію Е. Л. Поповой—12,3000 р. въ процентныхъ бумагахъ и 1,747 руб. наличными, членскихъ взносов 3,680 руб., доходы отъ изданій фонда составляютъ 23,578 руб., доходы отъ капиталовъ—30,745 руб. Всего поступило въ кассу фонда за 1910 г.—77,987 руб., а вмѣстѣ съ остаткомъ отъ прошлаго года 91,209 р. 95 коп. Израсходовано на нужды фонда въ истекающемъ году 84,749 руб. Собрание избрало записками новыхъ 15 членовъ общества. Среди нихъ избраны: кн. П. Д. Долгоруковъ, М. С. Морозовъ, Н. Н. Михайловскій, В. М. Дорошевичъ и друг. Въ члены ревизіонной комиссіи избраны: К. С. Баранцовичъ, проф. А. В. Васильевъ, М. В. Ватсонъ, М. И. Ганфманъ, А. Н. Кремлевъ, А. А. Леоптьевъ и гр. И. И. Толстой. Въ виду того, что съ будущаго года изъ состава комитета, за истеченіемъ срока, выйдятъ: В. Д. Набоковъ, С. А. Венгеровъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и А. С. Пругавинъ, комитетъ предлагаетъ слѣдующихъ кандидатовъ для замѣненія названныхъ членовъ: Н. Θ. Анненскаго, Н. И. Карѣева, М. И. Ганфмана, акад. С. Θ. Ольденбурга, гр. И. И. Толстого, С. Н. Прокоповича и Я. Я. Гуревича.

Въ русскомъ археологическомъ обществѣ. 20 декабря прошлаго года подъ предсѣдательствомъ Я. И. Смирнова состоялось очередное засѣданіе членовъ отдѣленія русской, византійской и западно-европейской археологіи. Засѣданіе посвящено было отчету о выполненныхъ на средства общества археологическихъ работахъ 1910 г. въ Новгородѣ. В. К. Мясоедовъ сообщилъ объ изслѣдованіи фресокъ Спасо-Нередицы, драгоцѣннѣйшаго по своему художественному значенію памятника XII вѣка въ исторіи искусства древней Руси. Внутри храма въ цѣляхъ изслѣдованія построены были лѣса, чѣмъ предоставлена возможность работать надъ фресками верхнихъ частей стѣнъ, сводовъ и потолковъ въ непосредственной къ нимъ близости. Результаты работъ еще болѣе усиливаютъ значеніе удивительной по своей красотѣ и сохранности древней росписи. Позднія пополненія ея оказались ничтожными. Отмыты лишь наслоенія нижняго пояса. Подъ штукатуркой обнаружены слѣды новыхъ фресокъ, изображавшихъ: Тайную вечерю, Преображеніе, Входъ Господень въ Иерусалимъ. Найдена фреска съ изображеніемъ, по сторонамъ Богородицы въ абсидѣ, святыхъ Бориса и Глѣба, указывающая на особое почитаніе ихъ въ XII столѣтіи въ древней Руси. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на опасность, которая грозитъ фрескамъ отъ вздувшейся въ нѣсколькихъ мѣстахъ штукатурки и о необходимости принять мѣры къ ихъ охраненію. Л. А. Мацулевичъ представилъ результаты изслѣдованія «росписи церкви Успенія на Волотовѣ полѣ». До сихъ поръ у археологовъ существовало убѣжденіе, что роспись этой церкви

принадлежитъ къ двумъ эпохамъ: основная—къ XIV столѣтію и покрывающая эту древнюю роспись болѣе поздняя—къ XVII. Теперь это предположеніе устраняется. Подъ существующей росписью никакой другой не оказалось, по аналогіи же она принадлежитъ, по мнѣнію докладчика, поддержанному проф. Н. В. Покровскимъ, къ XIV столѣтію, а именно въ 1363 году. Интересно, что роспись эта сохранила намъ, среди своихъ изображеній, два портрета XIV столѣтія: новгородскихъ архіепископовъ св. Моисея и Алексѣя. Н. А. Окуневъ сообщилъ о вновь открытой стѣнописи церкви Θεодора Стратилата. Роспись обнаружена подъ штукатуркой. Схема ея: циклъ страстей Господнихъ, житія святыхъ Θεодоровъ—Стратилата и Тирона. Въ росписи, относящейся, по мнѣнію докладчика, къ XV столѣтію, ясно сквозитъ вліяніе типичныхъ чертъ начала эпохи ренесанса. Н. П. Сычевъ сдѣлалъ докладъ объ интересномъ памятникѣ новгородскаго Софійскаго собора—корсунскихъ вратахъ, попавшихъ въ Новгородъ, по объясненіямъ ученыхъ, изъ Магдебурга. Докладчикъ обнаружилъ слѣды разновременной реставраціи вратъ: послѣ литія ихъ, затѣмъ въ XIV столѣтіи и, наконецъ, въ 90-хъ годахъ XIX столѣтія. Эта послѣдняя реставрація имѣла результатомъ неудачную перестановку фресокъ, разъединившихъ композицію «Входа Господня въ Іерусалимъ». Доклады сопровождались оживленными преніями, въ которыхъ приняли участіе: академикъ А. И. Соболевскій, проф. Н. В. Покровскій, проф. Д. В. Айналовъ, В. Т. Георгіевскій, и Я. И. Смирновъ.

Столѣтіе практической академіи коммерческихъ наукъ. 17 декабря минувшаго года московская практическая академія коммерческихъ наукъ праздновало столѣтіе своего существованія. Сообщаемъ нѣкоторые данныя изъ историческаго очерка академіи. Родоначальникомъ академіи явился частный коммерческій пансіонъ, основанный въ 1804 году нѣмцемъ Карломъ Ивановичемъ Арнольдомъ съ цѣлью «образовать юношей, желающихъ вступить въ купеческое званіе». Въ 1806 году по ходатайству представителей московскаго купечества императору Александру I благоугодно было даровать пансіону Арнольда названіе «практической коммерческой академіи». Это названіе осталось за академіей до 1835 года, когда она въ первый разъ въ указѣ императора Николая I на имя ея попечителя князя Д. В. Голицына была названа «практической академіей коммерческихъ наукъ». Съ цѣлью вызвать сочувствіе купечества къ судьбѣ молодого учебнаго заведенія и привлечь его къ болѣе дѣятельному участию въ его дѣлахъ К. И. Арнольдъ пригласилъ извѣстныхъ московскихъ купцовъ А. А. Куманина, И. К. Козлова, В. Просвирнина и С. Вепринцева въ попечители академіи. Высочайшимъ указомъ 1807 г. Арнольдъ былъ наименованъ «директоромъ и установителемъ академіи». Число учениковъ постепенно увеличивается; къ 1807 году въ пользу академіи было собрано среди купечества пожертвованій на сумму до 10.000 руб. Въ началѣ 1810 г. К. И. Арнольду было предложено перейти на службу въ Петербургъ, причѣмъ имъ былъ выработанъ уставъ академіи, который удостоился высочайшаго утвержденія 17 декабря 1810 года. Надъ разработкой устава работала комиссія изъ профессоровъ университета и лицъ купческаго сословія. Эта комиссія постановила не пользоваться никакой постоянной казенной субсидіей, а для

поддержки академіи создать общество, которое взяло бы на себя заботу «о прочномъ существованіи ея». Этому обществу было дано названіе «общества любителей коммерческихъ знаній». Согласно рескрипту государя Александра I, академія вошла въ вѣдомство министерства финансовъ, въ которомъ и находилась почти сто лѣтъ; лишь съ 1905 года она перешла въ вѣдѣніе министерства торговли и промышленности. По уставу во главѣ академіи поставленъ попечитель, назначаемый государемъ императоромъ. При академіи состоитъ общество любителей коммерческихъ знаній, которое поставило цѣлью доставлять ей средства къ упроченію ея существованія и совершенствованію. Попечитель академіи является и непремѣннымъ президентомъ общества. Первый попечитель академіи П. С. Валуевъ устроилъ торжественное открытіе академіи 11 мая 1811 года. Интересно отмѣтить, что въ числѣ предметовъ, входившихъ въ учебную программу, стоялъ новогреческій языкъ, внесенный «по желанію нѣкоторыхъ благомыслящихъ грековъ и въ уваженіе особливаго участія въ возстановленіи академіи извѣстнаго споспѣшествователя учености З. П. Зосимы». Когда вспыхнула Стечественная война и непріятель уже близко подошелъ къ Москвѣ, ученіе въ академіи было прекращено, и воспитанники частью были взяты родителями и родственниками къ себѣ по домамъ, а частью увезены начальствомъ академіи изъ Москвы въ сопровожденіи учителя нѣмецкаго языка Меркли, которому было дано на расходы 700 р. ассигнаціями. Домъ Чирикова, въ которомъ помѣщалась академія, сгорѣлъ; въ огнѣ погибло академическое имущество. Послѣ французскаго нашествія занятія съ воспитанниками возобновились въ домѣ члена совѣта академіи г. Мими. На занятія явилось 8 учениковъ, а до французскаго вторженія ихъ было 67. Въ 1813 г., когда возросло число воспитанниковъ академіи, учебное заведеніе было переведено въ Армянскій переулокъ, въ д. Тютчева, гдѣ теперь находится Горихвостовская богадѣльня. Послѣ смерти П. С. Валуева, черезъ нѣкоторый промежутокъ времени попечителемъ академіи былъ назначенъ московскій главнокомандующій генераль-отъ-кавалеріи А. П. Тормасовъ. При немъ для академіи былъ пріобрѣтенъ домъ графини А. Н. Толстой на Солянкѣ; всѣ расходы по покупкѣ и ремонту дома обошлись въ 115,371 р. ассигнаціями. Затѣмъ попечителемъ академіи былъ назначенъ московскій генераль-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ, стоявшій во главѣ академіи съ 1820 по 1844 г. и принимавшій въ ея дѣлахъ самое близкое и горячее участіе. Въ 1839 г. съ помощью правительственной субсидіи академія пріобрѣла домъ графа Дмитріева-Мамонова на Покровскомъ бульварѣ, на ремонтъ котораго пришлось затратить большія средства. Однако съ Солянки академія была переведена въ новый домъ на Покровскомъ бульварѣ лишь 31 августа 1847 года. Въ 1851 году, благодаря особымъ трудамъ и пожертвованіямъ В. П. Буркина, А. И. Лобкова, Д. П. Алексѣева, А. Зѣвакина и другихъ благотворителей при академіи былъ сооруженъ храмъ, освященный митрополитомъ Филаретомъ. Въ 1851 году былъ высочайше утвержденъ новый уставъ академіи и состоящаго при ней общества любителей коммерческихъ знаній. Въ новомъ уставѣ окончательно установилось то названіе, какое она носитъ до настоящаго времени: «московская практическая академія коммерческихъ наукъ». Третью четверть вѣка академія

начала при покровительствѣ попечителя генераль-губернатора П. А. Тучкова, который не оставлялъ академію своими заботами до кончины, послѣдовавшей въ 1864 году. Вторая и притомъ капитальная перестройка академическаго зданія была произведена въ 1889 году. Она была связана съ покупкой сосѣдняго дома Воронина на средства, пожертвованныя К. А. Поповымъ.

Юбилей С. М. Абрамовича. 26 декабря прошлаго года еврейская литература справляла юбилей—75-лѣтіе со дня рожденія выдающагося бытописателя русскаго еврейства С. М. Абрамовича, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Менделе-Мохеръ-Сфоримъ. Первая литературная работа Абрамовича появилась въ 1856 году въ древне-еврейской газетѣ «Намагид». Это была статья о воспитаніи и о необходимости обучать еврейскихъ дѣтей русскому языку и прикладнымъ знаніямъ. Первый сборникъ его статей «Mischpat Schalom» (Мирный судъ) вышелъ въ 1860 г. Еврейская читающая публика сразу тогда обратила вниманіе на молодого писателя. Свое истинное призваніе С. М. Абрамовичъ нашель, когда обратился къ разговорной еврейской рѣчи. Первая повѣсть на еврейскомъ языкѣ, вышедшая въ 1865 году за подписью Менделе-Мохеръ-Сфоримъ (Менделе—книгопродавецъ), была озаглавлена «Das kleine Menschele» (Маленькій человекъ). Въ ней описывается жизнь ловкаго, не останавливающагося ни передъ чѣмъ пронырливаго человека—Авремеле Такифъ, который изъ бѣднаго, бездомнаго юноши постепенно превращается въ общественнаго «дѣятеля», богатѣющаго на счетъ общины. Въ 1869 году появился извѣстный рассказъ «Фишка Хромой» изъ быта странствующихъ нищихъ. Въ томъ же году вышла пьеса-сатира «Такса или банда городскихъ благодѣтелей», въ которой Абрамовичъ раскрываетъ мрачную картину беззастѣнчивой эксплуатаціи бѣдныхъ слоевъ еврейскаго населенія всевластными городскими заправиллами, забравшими въ свои руки аренду учрежденнаго правительствомъ спеціального еврейскаго налога на мясо (коробочный сборъ). Въ 1873 г. вышла его «Кляча» («Изъ записокъ безумнаго Исролика»), въ которой Абрамовичъ подъ видомъ несчастной, всѣми гонимой клячи рисуетъ печальную участь еврейскаго народа. Произведеніе это пользуется громадной популярностью. Въ немъ авторъ страстно критикуетъ социальную несправедливость по отношенію къ еврейскому безправному племени. Какъ бы дополненіемъ къ «Клячѣ» является поэма въ стихахъ «Юдель» (1875 г.), въ которой описываются злоключенія еврейскаго народа отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Послѣ продолжительнаго перерыва, въ 1884 г. Абрамовичъ написалъ интересную пятиактную бытовую драму «Призывъ». Въ 1888—1889 г. появились первые двѣ части лучшей въ художественномъ отношеніи повѣсти Абрамовича «Wunschfingerl» (Волшебное кольцо), въ которой нарисована широкая картина еврейскаго быта Николаевской эпохи. Въ 1897 г. напечатанъ рассказъ «Jchem we Iefot». За нимъ послѣдовала обширная повѣсть «Jchloima reb-Chami», въ которой ярко изображенъ еврейскій семейный бытъ конца первой половины XIX вѣка. Абрамовичъ, кромѣ того, написалъ «Безумный Исроликъ», «Die Hog» и-мн. друг. Мы перечислили только главныя произведенія Абрамовича на еврейскомъ языкѣ. Съ 1881 г. имъ выпущено также много выдающихся произведеній на древне-еврейскомъ языкѣ. Какъ жаргонный писатель, Абрамовичъ имѣлъ

огромное вліяніе не только на жаргонную литературу. Многія произведенія юбиляра: «Фишка Хромой», «Маленькій человѣчекъ», первыя главы «Клячи», «Симъ и Яфегъ» и др.—переведены на русскій языкъ.

Юбилей М. В. Безобразовой. 28 декабря 1910 г. справляла 30-лѣтіе своей педагогической, научной, общественной и литературной дѣятельности М. В. Безобразова. Пробывъ пять лѣтъ учительницей гимназіи и начальницей прогимназіи въ московскомъ учебномъ округѣ, М. В. поѣхала за границу, гдѣ появились двѣ первыя ея работы по-нѣмецки: «Ueber Plotin's Glückseligkeitslehre» (Лейпцигъ, 1887) и «Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland» (диссертация, Bern, 1891); по-русски «Философскіе этюды» (первая статья «Кънтъ, Шелленгауэръ и Гартманъ о женщинахъ» въ «Новостяхъ» 1889). Въ 1889 г. М. В. прочтала въ московскомъ политехническомъ музеѣ публичную лекцію «О значеніи Канта»; въ теченіе трехъ зимъ читала въ Москвѣ курсы по исторіи философіи русской и всеобщей, издала «Краткій обзоръ исторіи философіи» (М. 1893). Сочиненіе «Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи» получило макаръевскій почетный отзывъ академіи наукъ. М. В. читала публичныя лекціи въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и др. городахъ—всего до 70 разъ. Въ 1888 г. избрана первымъ дѣйствительнымъ членомъ-женщиной москов. психологическаго общества, а въ 1898 г. основано по ея мысли «философское общество при с.-петербургскомъ университетѣ». Сотрудничала М. В. въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», «Извѣстіяхъ академіи наукъ», «Вопросахъ философіи», «Богословскомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ» («Розовое и черное изъ моей жизни» окт. 1910). участвовала въ изданіяхъ А. Н. Пѣшковой-Толивѣровой, «Воспитаніи и Обученіи» и «Родникѣ» Н. А. Альмедингенъ. М. В. основала два кружка при русскомъ женскомъ вз.-бл. обществѣ и Тимоновское народное училище Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи. 28 ноября состоялось учредительное собраніе задуманнаго М. В. на широкихъ основахъ, съ отдѣлами въ другихъ городахъ и подотдѣлами въ учебныхъ заведеніяхъ, «этического общества». Въ 3 ч. дня на квартирѣ юбиляриши собрались представительницы совѣта русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества, члены «этического кружка», учрежденнаго по инициативѣ М. В., почитательницы и друзья ея. Чествованіе открылось чтеніемъ привѣтственнаго адреса отъ русскаго женскаго вз.-бл. общества. Подъ адресомъ имѣется свыше 100 подписей. Члены «этического кружка» поднесли М. В. письменный приборъ. Затѣмъ привѣтствовали юбиляршу редакторъ дѣтскаго журнала «Игрушечка» А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова, редакторъ журнала «Родникъ» г-жа Н. А. Альмедингенъ, Ольга Шапиръ и друг. М. В. Безобразова получила много привѣтственныхъ телеграммъ. Совѣтъ философскаго общества въ своей телеграммѣ привѣтствуетъ М. В., какъ «первую русскую женщину, избравшую служеніе философіи цѣлью своей жизни». Комитетъ московскаго общества улучшенія жизни женщины привѣтствуетъ юбиляршу, какъ одну изъ энергичныхъ поборницъ кореннаго измѣненія положенія русской женщины». М. В. далѣе получила привѣтствія отъ Людвигъ Штейна изъ Берлина, отъ редакціи «Русской Старины», отъ священника Крестовоздвиженской церкви Подболотскаго погоста Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи, отъ завѣдующихъ курсами философіи въ Петербургѣ и др.

Юбилей К. Е. Маковского. 18 минувшаго декабря, на квартирѣ К. Е. Маковского состоялось чествованіе маститаго юбиляра по случаю 50-лѣтія его художественной дѣятельности. Собрались представители академіи художествъ, дѣйствительнымъ членомъ которой онъ состоитъ, члены петербургскаго общества художниковъ, представители общества поощренія художествъ, общества имени А. И. Куинджи, акварельнаго общества, перваго дамскаго художественнаго кружка, многочисленные друзья и почитатели К. Е. Маковского. Чествованіе открылъ М. П. Боткинъ, прочитавшій привѣтственный адресъ отъ имени академіи художествъ слѣдующаго содержанія: «Въ знаменательный день празднованія 50-лѣтія вашей славной художественной дѣятельности императорская академія художествъ съ искренней радостью привѣтствуетъ васъ и выражаетъ вамъ горячія пожеланія силъ и здоровья на многіе годы для пользы и славы роднаго искусства». Члены петербургскаго общества художниковъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ юбиляръ, поднесли ему палитру, на которой написаны масляными красками художественные эскизы разныхъ художниковъ, входящихъ въ составъ общества. Представитель общества поощренія художествъ В. И. Зарубинъ прочиталъ адресъ, въ которомъ говорится, что общество привѣтствуетъ юбиляра, какъ одного изъ старѣйшихъ русскихъ художниковъ, трудившагося въ продолженіе 50 лѣтъ на пользу и славу отечественнаго искусства. Художникъ Берггольцъ прочиталъ адресъ отъ имени императорскаго общества акварелистовъ. «Полвѣка назадъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ К. Е. Маковскому,—вы выступили на художественное поприще какъ самостоятельный художникъ. Съ тѣхъ поръ въ теченіе этихъ долгихъ 50 лѣтъ, ознаменовавшихся въ эволюціи искусства цѣлымъ рядомъ колебаній, поворотовъ и метаній изъ стороны въ сторону, вы идете по сей день неуклонно тѣмъ путемъ, который отвѣчаетъ вашему сильному духовному «я» и традиціямъ той серьезной школы, которая васъ воспитала». Въ привѣтственномъ адресѣ отъ имени общества А. И. Куинджи, прочитанномъ предсѣдателемъ общества академикомъ К. Я. Крыжицкимъ, говорится, что общество чествуетъ юбиляра, какъ неумоимаго труженика на поприщѣ роднаго искусства, чьи труды составляютъ одну изъ славныхъ страницъ въ его исторіи». Далѣе были прочитаны привѣтствія отъ комитета общества взаимнаго вспомошествованія русскихъ художниковъ, перваго дамскаго художественнаго кружка и др. Привѣтственныхъ телеграммъ получено свыше 100. Привѣтствія, между прочимъ, прислали: августѣйшій президентъ академіи художествъ, министръ императорскаго двора бар. Фредериксъ, гр. Д. И. Толстой, кн. Голицынъ, академикъ Шехтель, А. Θ. Кони, художницы Зарудная-Кавось и Елизавета Бемъ, Θ. Г. Беренштамъ, секретарь академіи художествъ Лобойковъ, бар. Г. Врангель, Тартаковъ и др. И. Е. Рѣпинъ прислалъ слѣдующую телеграмму: «Неувядаемый веселый художникъ, полвѣка воспѣвающій радость жизни, не смущаясь невзгодами. Ура!». Члены товарищества передвижныхъ выставокъ въ своей телеграммѣ говорятъ, что «очень счастливы вспомнить тѣ годы, когда произведенія К. Е. украшали наши выставки». Вечеромъ въ ресторанѣ Контана въ честь юбиляра былъ устроенъ обѣдъ. Собралось очень много народа. Произнесено много привѣтственныхъ рѣчей.

Юбилей общества дѣтскихъ врачей. 15 декабря 1910 г. общество дѣтскихъ врачей на торжественномъ собраніи въ Пироговскомъ музеѣ праздновало свой двадцатипятилѣтній юбилей. Кромѣ членовъ общества, собралось много учащейся молодежи, пришелъ обыкновенный петербуржецъ и, главное, пришли матери, хорошо знающія по своимъ семьямъ, какъ тяжело беречь здоровье дѣтей въ нездоровомъ климатѣ нашей столицы. На кафедрѣ взошелъ предсѣдатель собранія Н. И. Лунинъ. Онъ поблагодарилъ гостей за сочувствіе, проявленное ими сегодня, и объявилъ объ избраніи новыхъ почетныхъ членовъ: изъ иностранныхъ ученыхъ педиатровъ—Эрлихъ, Вагинскій, Эпштейнъ и Черни, изъ русскихъ И. П. Павловъ и А. А. Руссовъ. «За истекшій юбилейный срокъ,—сказалъ Н. И. Лунинъ,—вполнѣ выяснилась потребность Петербурга въ такомъ обществѣ, каково общество дѣтскихъ врачей; оправдало ли оно надежды столичныхъ жителей,—пусть объ этомъ судятъ они сами». Лейбъ-педиатръ К. А. Раухфусъ, встрѣченный дружными рукоплесканіями, произнесъ большую рѣчь о развитіи педиатріи за послѣднія 25 лѣтъ. Лучшій знатокъ педиатріи у насъ, К. А. далъ весьма полную картину того, что сдѣлано въ этой области на всемъ земномъ шарѣ. Людовикъ XVI первый выстроилъ парижскую дѣтскую больницу и такимъ образомъ его можно считать отцомъ педиатріи. Заботы о грудныхъ дѣтяхъ начаты въ Европѣ только въ 1882 г., и въ этомъ отношеніи Германію слѣдуетъ поставить на первомъ мѣстѣ. Теперь неизбежно установлено діетическое леченіе дѣтей, принимаются мѣры по охранѣ и страхованію женщинъ за двѣ недѣли до и двѣ недѣли послѣ родовъ, и особенно сильно пропагандируется кормленіе дѣтей непремѣнно самой матерью: результаты получаются блестящіе. Много интересныхъ данныхъ сообщил почтенный докладчикъ и о томъ, чѣмъ надо кормить младенца. Секретарь общества прочелъ краткій отчетъ о дѣятельности за 25 лѣтъ. Дѣйствительныхъ членовъ больше 120, основателей осталось въ живыхъ только 10; докладовъ сдѣлано за все время больше 300, на 180 собраніяхъ, причѣмъ около 75 проц. ихъ было посвящено дѣтскимъ инфекціоннымъ болѣзнямъ. Въ отчетѣ особенно подчеркнута плодотворная дѣятельность одного изъ основателей, лейбъ-педиатра К. А. Раухфуса. Депутатѣй было съ добрый десятокъ: отъ общества охраненія народнаго здравія (проф. Губертъ), отъ общества русскихъ врачей, отъ повивально-гинекологическаго института (проф. Оттъ), отъ общества психіатровъ, союза польскихъ врачей, отъ множества дѣтскихъ клиникъ. Телеграммы получены изъ Петербурга, Москвы, Казани, Астрахани, Харькова, Тамбова, съ Кавказа и т. д., и т. д.

Юбилей проф. В. Н. Сиротинина. 20 декабря истекшаго года медицинскій ученый мѣръ чествовалъ извѣстнаго патолого-терапевта и діагноста, лейбъ-медика, академика и профессора В. Н. Сиротинина по случаю исполненія 30-лѣтія научной и врачебной его дѣятельности. В. Н. Сиротининъ родился въ Москвѣ въ 1855 г. въ купеческой семьѣ. 16-ти лѣтъ онъ окончилъ 5-ю московскую гимназію и въ томъ же 1873 году поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. Пройдя 3 курса въ университетѣ, проф. В. Н. Сиротининъ перешелъ затѣмъ на 3-й курсъ медико-хирургической академіи, которая привлекла его своимъ блестящимъ профессорскимъ составомъ. Въ числѣ профессоровъ академіи былъ зна

менитый покойный С. П. Боткинъ, преданныйшимъ ученикомъ котораго и сдѣлался юбиляръ. 20-го декабря 1880 г. В. Н. окончилъ академію вторымъ и былъ награжденъ преміей Иванова и вторымъ же, изъ 16 конкурировавшихъ, былъ оставленъ при академіи ординаторомъ въ клиникѣ проф. С. П. Боткина. Въ 1884 г. онъ былъ командированъ на казенный счетъ за границу. По возвращеніи изъ научной командировки, В. Н. въ 1887 г. сталъ частнымъ преподавателемъ медико-хирургической академіи и приступилъ къ чтенію лекцій по бактериологіи. Въ концѣ 1894 г. В. Н. былъ избранъ профессоромъ по кафедрѣ частной патологии и терапіи, а въ 1903 г.—профессоромъ госпитальной терапевтической клиники. На этомъ послѣднемъ посту юбиляръ пребываетъ и до настоящаго дня. В. Н. занималъ неоднократно должности старшихъ ординаторовъ больницъ: городской барачной, больницы св. Маріи Магдалины, общины сестеръ милосердія св. Георгія и др., и всюду много содѣйствовалъ процвѣтанію учреждений, во главѣ которыхъ онъ находился. В. Н. не чуждъ и общественной дѣятельности: одно время онъ редактировалъ «Больничную Газету» Боткина, состоитъ дѣятельнымъ членомъ многихъ научныхъ медицинскихъ обществъ, а съ 1897 г.—совѣщательнымъ членомъ медицинскаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. В. Н. отличается рѣдкой отзывчивостью души: въ 1891 г. онъ выступилъ съ публичной лекціей въ пользу голодающихъ, а въ 1904—1905 гг. много работалъ въ качествѣ завѣдующаго отдѣломъ личнаго состава, учрежденнымъ при исполнительной комиссіи главнаго управленія Краснаго Креста. Перу его принадлежатъ длинный рядъ научныхъ работъ. Чествованіе юбиляра происходило на его квартирѣ. Обычное чтеніе адресовъ начала депутація отъ клиники госпиталя при военно-медицинской академіи, директоромъ которой состоитъ юбиляръ. Старшій ассистентъ д-ръ Н. Г. Куковѣровъ прочиталъ адресъ, съ оцѣнкой юбиляра, какъ учителя, какъ профессора-клинициста, какъ врача-терапевта, общественнаго дѣятеля и человѣка. Въ знакъ преклоненія передъ талантомъ клинициста, создавшаго свою школу клиническаго мышленія, юбиляру поднесенъ сборникъ трудовъ его учениковъ, друзей и знакомыхъ, составившій очередной номеръ «Русскаго Врача» и изданный къ юбилейному дню. Въ него вошло болѣе 45 статей петербургскихъ профессоровъ, кievскихъ, казанскихъ и друг. Редакторъ «Русскаго Врача» д-ръ Владиславлевъ передалъ этотъ номеръ В. Н. Сиротинину. Кромѣ того, клиника поднесла своему директору альбомъ, въ который вошло около 200 фотографій, иллюстрирующихъ всю тридцатилѣтнюю клиническую работу юбиляра; въ немъ собраны, между прочимъ, 140 карточекъ всѣхъ бывшихъ учениковъ ординаторовъ его клиники. Супругѣ В. Н. поднесенъ роскошный букетъ живыхъ цвѣтовъ. Затѣмъ слѣдовала депутація отъ студентовъ пятаго курса академіи; въ ея сердечномъ адресѣ выражено пожеланіе, чтобы еще многія поколѣнія студентовъ-медиковъ учились у юбиляра. Дальнѣйшія депутаціи были: отъ главнаго управленія російскаго общества Краснаго Креста, во главѣ съ лейбъ-медикомъ Е. С. Боткинымъ, отъ терапевтической клиники въ Москвѣ (проф. Голубинина), отъ факультетской клиники въ Кіевѣ (проф. Вагнеръ, пр.-доц. Жебровский), отъ терапевтической клиники женскаго медицинскаго института (проф. Волковъ), отъ академической терапевтической клиники (проф. Чистовичъ), отъ московскаго физико-терапевтическаго общества

(проф. Шервинскій), отъ медико-филантропическаго комитета императорскаго Человѣколюбиваго общества (помощникъ главнаго врачебнаго инспектора докторъ Булатовъ), отъ совѣта главныхъ врачей городскихъ больницъ и Обуховской больницы (д-ръ А. А. Нечасвъ), отъ Боткинской барачной больницы, въ которой В. Н. много времени былъ ординаторомъ (проф. Посадскій), отъ общества взаимопомощи врачей (правление in corpore во главѣ съ предсѣдателемъ д-ромъ Елифановымъ), отъ Георгіевской общины сестеръ милосердія, въ которой В. Н. былъ главнымъ врачомъ (проф. Ушинскій, графиня Шереметева, князь Накашидзе, д-ръ Зеленко), наконецъ отъ общины Христа Спасителя (д-ръ Корневъ). Личныя поздравленія принесли юбиляру множество лицъ разныхъ сословій и профессій; среди нихъ слѣдуетъ отмѣтить товарища предсѣдателя государственной думы проф. Калустина, лейбъ-медика Вертенсона, лейбъ-педиатра Раухфуса, профессоровъ Федорова, Кравкова, Альбицкаго, Доброславлева. Телеграммы поступали цѣлый день до поздняго вечера: отъ проф. Отта, отъ главнаго военно-медицинскаго инспектора Евдокимова, отъ общества морскихъ врачей гор. Кронштадта, отъ акушерской клиники новороссійскаго университета.

Юбилей Д. П. Никольскаго. 20 декабря пр. года исполнилось 30-лѣтіе врачебной и общественной дѣятельности д-ра медицины Дмитрія Петровича Никольскаго. Д. П. родился въ Перми. По окончаніи курса духовной семинаріи, онъ поступилъ въ 1875 г. на естественный факультетъ петербургскаго университета, но, годъ спустя, перешелъ на второй курсъ медико-хирургической академіи. Окончивъ въ 1880 г. академію, онъ поступилъ на службу въ екатеринбургское уѣздное земство, откуда черезъ два года перевелся на Кыштымскіе горные заводы. Въ 1882 г. Д. П. былъ приглашенъ на службу въ Петербургъ въ качествѣ врача нѣкоторыхъ фабрикъ и заводовъ по Шлиссельбургскому тракту. На этой службѣ юбиляръ оставался до 1909 г., когда поступилъ на городскую службу въ качествѣ старшаго врача городскихъ желѣзныхъ дорогъ. Находясь на службѣ за Невской заставой, Д. П. принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществахъ даннаго фабричнаго района. Въ настоящее время Д. П. состоитъ предсѣдателемъ вновь образовавшихся при обществѣ охраненія народнаго здравія комиссій по борьбѣ съ самоубійствами и по охранѣ труда, товарищемъ предсѣдателя второй секціи общества народнаго здравія и антропологическаго общества при военно-медицинской академіи, предсѣдателемъ медицинской секціи общества народныхъ университетовъ и членомъ совѣта этого общества и др. Д. П. состоитъ, кромѣ того, преподавателемъ въ технологическомъ, горномъ и политехническомъ институтахъ, гдѣ читаетъ лекціи по гигиенѣ. Юбиляръ также извѣстенъ своей литературной дѣятельностью. Онъ написалъ около 200 статей, монографій и отдѣльныхъ изслѣдованій по вопросамъ медико-санитарнымъ и школьнымъ, этнографическимъ и общественнымъ. За нѣкоторые свои научные труды Д. П. получилъ награды и похвальные отзывы: большія серебряныя медали отъ русскаго географическаго общества и московскаго антропологическаго общества, бронзовую медаль отъ общества охраненія народнаго здравія, почетные отзывы и двѣ золотыя медали на выставкахъ въ Петербургѣ, Варшавѣ и Казани за разработку школьныхъ вопросовъ и за изслѣдованія условій труда рабочихъ. По его инициативѣ

организованы съѣзды фабричныхъ врачей. 20-го декабря юбиляръ получилъ много привѣтственныхъ телеграммъ, между прочимъ отъ лейбъ-медика Л. В. Бертенсона, проф. Н. Н. Петрова, отъ товарищей-врачей изъ Перми, прив.-доц. А. А. Липскаго, трамвайной городской комиссіи и мн. др.

Реставрація Успенскаго собора. Высочайше учрежденная особая комиссія по реставраціи большого Успенскаго московскаго собора подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта сенатора кн. А. А. Ширинскаго-Шихматова закончила разработку плана капитальнаго ремонта и реставраціи собора. На реставрацію собора изъ государственнаго казначейства отпущено 140 тысячъ рублей и собрано на это пожертвованій и другихъ суммъ 133 тысячи рублей; по предварительному исчисленію, расходъ по ремонту исчисленъ не менѣе 300 тысячъ рублей. Комиссія признала необходимымъ произвести капитальную реставрацію собора, согласно подробно разсмотрѣнному ею плану, и съ этою цѣлью произвести предварительно подробное научное обслѣдованіе собора съ исполненіемъ точныхъ чертежей и указаніемъ въ нихъ всѣхъ наблюдаемыхъ въ соборѣ строительныхъ и художественныхъ особенностей, неправильностей и поврежденій. На основаніи данныхъ этого изслѣдованія рѣшено издать подробное научное описаніе Успенскаго собора, по возможности снабженное исполненными въ краскахъ рисунками его достопримѣчательностей. Затѣмъ рѣшено изслѣдовать зданіе собора въ отношеніи его прочности и произвести всѣ необходимыя работы для его укрѣпленія. Постановлено образовать особую комиссію изъ техниковъ и специалистовъ для подробнаго выясненія заданій, коимъ должно удовлетворять устройство отопленія и вентиляціи собора, и на основаніи этихъ заданій объявить конкурсъ на переустройство въ соборѣ отопленія и вентиляціи, признаваемыхъ теперь комиссіей крайне неудовлетворительными. Далѣе рѣшено: промыть и очистить наружныя стѣны собора и позолоту на его главахъ; возстановить пострадавшую орнаментацию наружныхъ порталовъ собора, обслѣдовать и по возможности открыть базы всѣхъ трехъ порталовъ, въ крайнемъ случаѣ—одного южнаго, и т. д. Что касается реставраціи живописи храма, то рѣшено открыть находящуюся подъ слоемъ малярной краски древнюю роспись собора, тщательно реставрировать ее, записать оказавшіяся лишенными росписи мѣста яичными красками, на левкасѣ, въ характерѣ живописи первой половины XVII вѣка, придерживаясь при этомъ рисунка существующей, а въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдовъ древней росписи не сохранилось, а существующая явно неудовлетворительно отражаетъ характеръ,—воспроизвести соотвѣтствующія изображенія съ извѣстныхъ иконъ и другихъ намятниковъ, относящихся къ той же первой половинѣ XVII столѣтія и къ тому же московскому письму. При безусловной невозможности реставрировать древнюю наружную стѣнопись собора и обезпечить ея сохранность рѣшено воспроизвести роспись наружныхъ стѣнъ мозаики въ характерѣ XVII вѣка, придерживаясь обнаруженныхъ остатковъ древней росписи. Признано необходимымъ исполнить точныя копіи съ закрытыхъ иконостасомъ древнихъ фресокъ алтарной преграды, а по возможности и фресокъ, находящихся на внутренней алтарной стѣнѣ, ниже уровня современнаго пола, для храненія этихъ копій въ патріаршей ризницѣ. Предположено также ремонтировать и реставрировать колокольню Ивана Великаго.

Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 9 января разсматривался докладъ правленія объ измѣненіи правилъ освобожденія членовъ кассы отъ обязательныхъ платежей. Собралось на засѣданіе всего 31 человекъ. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ правленіе поставило на баллотировку вопросъ объ отмѣнѣ особыхъ правилъ 9 октября 1905 г. объ освобожденіи отъ обязательныхъ платежей. Сущность этихъ правилъ сводится къ тому, что участники кассы, послѣ 15-лѣтняго пребыванія въ одной и той же группѣ, освобождаются, въ порядкѣ давности пребыванія въ кассѣ, отъ дальнѣйшихъ обязательныхъ или нормированныхъ платежей полностью или частично. Освобожденіе это покрывалось особыми суммами изъ процентовъ съ капитала Н. А. Фирсова. Сначала для этой цѣли было назначено 1,000 рублей, потомъ послѣдовали дальнѣйшія ассигнованія, достигшія суммы 2,082 руб., на какую сумму освобождались отъ платежей не только всѣ участники ея съ 1891 года, но и часть членовъ кассы, вступившихъ въ нее въ 1892 г. Скоро, однако, пришлось приостановить дальнѣйшее предоставленіе этой льготы, такъ какъ ассигнованныя для этой цѣли суммы были исчерпаны; въ то же время задолженность членовъ кассы за послѣдніе годы сильно возросла и для удовлетворенія насущныхъ нуждъ кассы—выдачи порозрядныхъ ссудъ—приходилось заимствовать изъ того же капитала Н. А. Фирсова. При крайне ограниченныхъ средствахъ, какими располагаетъ касса для предоставленія льготы освобожденія отъ обязательныхъ платежей, примѣненіе правилъ 9 октября привело на практикѣ лишь къ тому, что въ средѣ кассы оказался цѣлый классъ привилегированныхъ членовъ, нарушающихъ основной принципъ кассы, какъ взаимно-страхового учрежденія,—равномѣрность въ распредѣленіи тяжести обязанностей. Въ моментъ баллотировки оставалось всего 26 членовъ. 17 членовъ противъ девяти подаютъ голосъ за отмѣну правилъ 1905 года, а затѣмъ предлагается вопросъ: продолжать ли освобожденіе отъ обязательныхъ платежей въ 1911 году членовъ кассы, уже освобожденныхъ, или приостановить это освобожденіе. Четырнадцать голосами противъ девяти постановлено приостановить освобожденіе на 1911 годъ. Кромѣ того, единогласно рѣшено, въ исключительныхъ случаяхъ, по особо уважительнымъ основаніямъ, освобождать отъ обязательныхъ платежей тѣхъ членовъ кассы, которые находятся въ исключительно стѣсненныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Это освобожденіе производить только на опредѣленный срокъ, и во всякомъ случаѣ не дольше, какъ по 1915 г. включительно. На эту потребность собраніе ассигновало на 1911 г. 1,000 рублей съ тѣмъ условіемъ, чтобы остатки отъ этой ассигновки держались на особомъ счетѣ. Постановленія собранія 9 января передаются для разсмотрѣнія и на заключеніе всѣмъ провинціальнымъ отдѣленіямъ кассы. Разсмотрѣніе правилъ о недоимкахъ отложено до слѣдующаго общаго собранія.

Двѣ лекціи г. Баскина. Образовавшееся у насъ музыкально-историческое общество имени графа А. Д. Шереметева задается весьма широкими художественными задачами; между прочимъ предпринять цѣлый рядъ публичныхъ бесплатныхъ лекцій о выдающихся дѣятеляхъ русской и иностранной музыкальной литературы, лучшія произведенія которыхъ исполняются подъ личнымъ управленіемъ графа А. Д. Шереметева въ устраиваемыхъ имъ общедоступныхъ концертахъ въ

залѣ дворянскаго собранія при участіи солистовъ и его хора и оркестра. По инициативѣ предсѣдательницы названнаго общества, извѣстной пѣвицы М. Б. Тобукъ-Черкасѣ, прибиты были 5-го и 20-го января, въ годовщину смерти А. С. Даргомыжскаго и А. Н. Сѣрова, доски къ домамъ (Моховая 30. и № 8 по 15 линіи Васильевскаго острова), въ которыхъ жили и умерли вышеназванные корифеи русской музыкальной литературы. Въ эти дни (то-есть 5-го и 20-го) отслужены были въ церкви Воскресенья (Екатерининскій каналъ) панихиды по нимъ подъ управленіемъ графа Шереметева при участіи его хора, а вечеромъ 6-го и 20-го состоялись въ залѣ городской думы двѣ экстренныя бесплатныя лекціи дѣйствительнаго члена этого общества В. С. Баскина о жизни и художественномъ значеніи Даргомыжскаго и Сѣрова. Лекціи эти были музыкально иллюстрированы отрывками изъ лучшихъ сочиненій названныхъ композиторовъ, исполненными извѣстными артистами (госпожи Каменская, Майкова, Маркова и гг. Исаченко, Порубинскій, Троицкій и др.), хоромъ и оркестромъ графа Шереметева подъ его личнымъ управленіемъ и г. Бертъе. Выборъ пьесъ, какъ изъ сочиненій Даргомыжскаго (отрывки изъ «Русалки» и «Каменнаго гостя», романсы, дуэты и оркестровыя произведенія), такъ и Сѣрова (цѣлыя сцены и отрывки изъ «Юдиѣи», «Рогвѣды» и «Вражьей силы»), равно какъ и самыя лекціи, вызвавшія горячія одобренія слушателей, переполнившихъ залъ, свидѣтельствуютъ объ основательномъ знакомствѣ лектора съ трактуемымъ имъ предметомъ. Положивъ въ основу автобіографическѣя записки, письма къ друзьямъ и воспоминанія современниковъ объ этихъ композиторахъ, г. Баскинъ въ популярномъ изложеніи весьма ярко охарактеризовалъ эпоху, въ которой они жили и творили, отношеніе къ нимъ современнаго имъ общества, печати и дирекціи императорскихъ театровъ и мѣсто, которое они занимаютъ въ русской музыкальной литературѣ. Закончилъ г. Баскинъ пожеланіемъ: чаще слышать ихъ произведенія на нашей образцовой сценѣ, гдѣ все приносится въ жертву нѣмецкому Молоху—Вагнеру, и вскорѣ увидѣть на площадяхъ Петербурга памятники Даргомыжскому и Сѣрову, выразивъ при этомъ надежду, что «авось не сорокъ лѣтъ снова пройдетъ, покуда вспомнить о нихъ».

Статистика печати. Въ недавно вышедшей изъ печати справочной книгѣ И. В. Вольфсона «Газетный Міръ» приведены интересныя статистическія свѣдѣнія о періодической печати въ Россіи. По этимъ даннымъ, всего въ Россіи въ октябрѣ-ноябрѣ мѣсяцъ текущаго года выходило 1,817 періодическихъ изданій. Первое мѣсто по количеству изданій занимаетъ Петербургъ, гдѣ выходило 472 изданія; за нимъ слѣдуютъ Москва (204), Варшава (167), Рига (59), Кіевъ (56), Одесса (48), Тифлисъ (41), Вильна (34), Харьковъ (30), Ревель (23), Казань (22), отъ 10 до 18 изданій выходило въ городахъ: Юрьевѣ, Лодзи, Ваку, Астрахани, Нижнемъ-Новгородѣ, Оренбургѣ, Екатеринославѣ, Саратовѣ, Ростовѣ-на-Дону, Самарѣ, Томскѣ, Владивостокѣ и Митавѣ; 5 городовъ имѣютъ по 9 изданій, 3—по 8, 4—по 7, 10—по 6, 14—по 5, 12—по 4, 22—по 3, 42—по 2 и, наконецъ, 73 города имѣютъ по одному періодическому изданію. 1,347 изданій (т. е. 74 проц. всѣхъ изданій) выходитъ на русскомъ языкѣ; на польскомъ языкѣ выходитъ 197 изданій, на нѣмецкомъ—68, латышскомъ—41, эстонскомъ—35, еврейскомъ (древнемъ и разговорномъ)—24 и армянскомъ—23, что составляетъ

1,3⁰/₀ всѣхъ выходящихъ изданій. Количество изданій, выходящихъ на каждомъ изъ остальныхъ языковъ, незначительно, и въ процентномъ отношеніи къ общему количеству изданій составляетъ только десятая доли единицы. По содержанию періодическія изданія раздѣлены на 28 группъ; первое мѣсто занимаютъ изданія, посвященныя политикѣ, публицистикѣ и литературѣ (обычный типъ газетъ и журналовъ),—такихъ изданій выходитъ 702; за ними слѣдуютъ официальные изданія (197), изданія, посвященныя богословію, религіозно-нравственнымъ и церковнымъ вопросамъ (193), изданія сельско-хозяйственныя и по лѣсоводству (122), финансовыя, промышленныя и торговыя (120) и т. д.; по юридическимъ и политико-экономическимъ вопросамъ выходитъ 21 изданіе; послѣднее мѣсто въ этой группировкѣ занимаютъ изданія, посвященныя философіи и психологіи, которыхъ выходитъ всего только шесть. Большой интересъ представляетъ распредѣленіе періодическихъ изданій по продолжительности ихъ существованія. Оказывается, что большинство изданій (934 или 51,4 проц. всѣхъ изданій) начало выходить въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ; за послѣднее же десятилѣтіе всего начало выходитъ 1,051 изданіе; съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія начали выходить 183 изданія, съ 80-хъ—96, съ 70-хъ—72, съ 60-хъ—75 и т. д. Изданій, существующихъ больше ста лѣтъ, насчитывается всего 10, причѣмъ двѣ газеты («С.-Петербургскія Вѣдомости» и «St.-Petersburger Zeitung») существуютъ въ продолженіе 185 лѣтъ и являются въ настоящее время самыми старыми органами печати.

Конкурсъ по устройству въ Москвѣ музея 1812 г. Выяснились результаты объявленнаго обществомъ архитекторовъ, по порученію высочайше утвержденнаго особаго комитета по устройству въ Москвѣ музея 1812 г., конкурса на составленіе эскизныхъ проектовъ музея. По условіямъ конкурса, стиль фасада долженъ быть въ стилѣ Empire эпохи Александра I, какъ соответствующій времени, въ память событій котораго сооружается зданіе. Въ виду близости храма Христа Спасителя, а также Кремля, былъ также допущенъ стиль этихъ зданій. Разсмотрѣніе проектовъ было поручено спеціальному жюри, въ составъ котораго вошли: предсѣдатель комитета ген. В. Г. Глазуновъ, товарищъ предсѣдателя императорскаго московскаго историческаго музея, егермейстеръ высочайшаго двора кн. Н. С. Щербатовъ и инж. Н. Ф. Фалѣевъ, а также члены общества архитекторовъ—Л. Н. Венуа, С. П. Галензовскій, Г. Д. Гриммъ, I. С. Китнеръ, В. А. Косяковъ, А. Н. Померанцевъ, гр. П. Ю. Сюзоръ, А. В. Щусевъ и секретарь жюри А. Ф. Бубыръ. На конкурсъ поступило 23 проекта, въ томъ числѣ 17 изъ Петербурга и 6 иногородныхъ. За лучшіе изъ нихъ присуждены четыре преміи въ размѣрѣ 2,000 р., 1,700 р., 1,300 руб. и 1,000 руб. Первая премія присуждена Л. А. Ильину за проектъ подъ девизомъ «Героямъ». Вторую премію получилъ гражданскій инженеръ Алексѣевъ за проектъ съ девизомъ «Партизанъ». Третью премію присудили И. А. Ошину за проектъ подъ девизомъ «Афина-Паллада». Четвертая премія присуждена за проектъ подъ девизомъ «Пропилеи» Е. Ф. Шретеру. Жюри единогласно признало, что проектъ Л. А. Ильина выдѣляется своей художественностью и законченностью.

Памятникъ Петру Великому въ Тулѣ. Высочайше утверждень проектъ памятника Петру Великому въ Тулѣ. Памятникъ будетъ сооружень по проекту скульптора Баха. Великій императоръ представленъ на гранитной скалѣ у кузнечнаго горна, въ кожаномъ фартукѣ, съ молотомъ въ поднятой правой рукѣ. Памятникъ будетъ поставленъ передъ казеннымъ оружейнымъ заводомъ. Работы по сооруженію памятника предположено закончить къ веснѣ 1912 года и открытіе его приурочить къ исполняющемуся въ томъ же году 200-лѣтію оружейнаго завода. На сооруженіе памятника, по словамъ «Р. У.», всѣ служащіе оружейнаго завода, не исключая и рабочихъ, жертвуютъ полпроцента изъ своего жалованья ежемѣсячно. Бронза и гранитъ приобрѣтаются на средства завода.

Пушкинское имѣніе. Въ засѣданіи нижегородскаго губернскаго земскаго собранія происходили пренія по вопросу о приобрѣтеніи казной имѣнія въ с. Волдинѣ, принадлежавшаго брату поэта Л. С. Пушкину. По выясненіи однимъ изъ гласныхъ, что имѣніе это связано съ памятью о поэтѣ, такъ какъ здѣсь онъ жилавъ часто и здѣсь же написаны многія его произведенія, какъ: «Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ», «Моцартъ и Сальери» и законченъ «Онѣгинъ», собраніе постановило, въ случаѣ приобрѣтенія имѣнія казной, ассигновать единовременно 1000 руб. на устройство тамъ бібліотеки-читальни имени А. С. Пушкина и ежегодно по 100 р. на ея поддержаніе, возложивъ наблюденіе за ней на лукояновское уѣздное земство.

Конкурсъ дирекціи императорскихъ театровъ на двѣ преміи, по двѣ тысячи каждая, изъ коихъ одна за драматическое произведеніе, относящееся къ избранію на царство Михаила Ѳеодоровича Романова въ 1613 году, и другая—за драматическое произведеніе изъ эпохи Отечественной войны 1812 года. Условія конкурса слѣдующія: 1) Драматическія произведенія на конкурсъ представляются въ с.-петербургскую или московскую конторы императорскихъ театровъ подъ девизомъ безъ обозначенія имени автора. Имя, отчество, фамилія и подробный адресъ его должны быть приложены въ запечатанномъ конвертѣ, на лицевой сторонѣ котораго долженъ быть выставленъ тотъ же девизъ, что и на заглавномъ листѣ пьесы. Въ случаѣ присужденія преміи, конвертъ, относящійся къ премированному произведенію, вскрывается, остальные конверты сжигаются въ послѣднемъ засѣданіи жюри. Пьесы, не получившія преміи, возвращаются обратно предъявителямъ расписокъ, выдаваемыхъ конторами при представленіи пьесъ на конкурсъ. (Примѣчаніе. Въ случаѣ присылки пьесы по почтѣ должно быть препровождено заявленіе, по какому адресу должна быть выслана расписка конторы. 2) Послѣдній срокъ представленія пьесъ на конкурсъ 1 января 1912 года, послѣ какового числа пріемъ пьесъ прекращается. 3) Каждое произведеніе представляется въ 2-хъ экземплярахъ или печатныхъ (на правахъ рукописи), или написанныхъ четко и разборчиво на пишущей машинѣ или отъ руки. 4) Рѣшеніе жюри объявляется между 1 и 15 апрѣля 1912 года. 5) Въ случаѣ присужденія, премія выдается автору не поздиѣ 1 сентября 1912 года, но не иначе, какъ по представленіи имъ разрѣшеннаго драматической цензурой къ представленію экземпляра. 6) Произведенія, представляемыя на конкурсъ, до рѣшенія жюри не должны быть ни изданы, ни играны на сценѣ. 7) Обѣ преміи или одна изъ нихъ могутъ

остаться не присужденными по рѣшенію жюри. 8) Въ случаѣ, если заслуживающими будетъ признано болѣе одной пьесы на каждую премію, то ее получаетъ та, которая будетъ избрана дирекціей императорскихъ театровъ заслуживающей постановки въ сезонѣ 1912—13 годовъ на одной или обѣихъ императорскихъ сценахъ (Петербурга и Москвы). Каждая премія можетъ быть раздѣлена между двумя драматическими произведеніями лишь въ томъ случаѣ, если дирекція найдетъ желательной или постановку двухъ пьесъ на одинъ и тотъ же сюжетъ на одной и той же сценѣ, или если одна пьеса будетъ выбрана дирекціей для Петербурга, а другая для Москвы. 9) Премированные пьесы ставятся на императорскихъ сценахъ на обычныхъ условіяхъ вознагражденія. 10) Жюри для присужденія преміи образуется изъ с.-петербургскаго и московскаго отдѣленія театральнаго-литературнаго комитета при дирекціи императорскихъ театровъ, лицъ, назначенныхъ директоромъ императорскихъ театровъ для участія въ работахъ жюри, и одного представителя отъ императорскаго военно-историческаго общества.

Выставка въ Москвѣ, посвященная исторіи живописи и творчества русскихъ писателей. Состоящая при императорской академіи наукъ высочайше учрежденная комиссія по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ Петербургѣ, желая наглядно ознакомить русское общество съ задачами проектируемаго ею Пушкинскаго дома и имѣя въ виду усилить средства на сооруженіе его, устраиваетъ въ Москвѣ съ 1-го декабря 1911 г. по 1-е февраля 1912 г. выставку, посвященную исторіи жизни и творчества русскихъ писателей XIX вѣка. На выставкѣ этой будутъ представлены выдающіеся дѣятели на поприщѣ русскаго художественнаго слова, критики и публицистики отъ Державина до Чехова включительно. Программа выставки намѣчена въ слѣдующихъ чертахъ: I. Портреты писателей, критиковъ и публицистовъ въ разные періоды ихъ жизни; лицъ, имъ близкихъ, и крупнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей ихъ времени. II. Скульптура. III. Картины. 1) Писатели въ семейномъ кругу или въ иной обстановкѣ,—современные и позднѣйшіе. 2) Мѣстности, связанныя съ именами писателей. 3) Могильные памятники. IV. Рукописи. V. Экземпляры современныхъ каждому писателю изданій его сочиненій въ современныхъ же обложкахъ и переплетахъ. VI. Иллюстраціи къ произведеніямъ. VII. Карикатуры. VIII. Вещи, принадлежавшія писателямъ. IX. Театръ (типичные представители различныхъ эпохъ его развитія). X. Миниатюры (какъ иллюстрація костюмовъ эпохи). XI. Визитки изданій 1810—1840-хъ годовъ. Принявъ на себя порученіе комиссіи организовать комитетъ по устройству упомянутой выставки, я обращаюсь отъ лица комиссіи и комитета выставки ко всѣмъ лицамъ, которыя сочувствуютъ задачамъ предполагаемой выставки, съ просьбой прийти на помощь присылкою предметовъ, подходящихъ къ программѣ ея, или же указаніемъ на то, гдѣ таковыя находятся. По всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ устройствомъ выставки, можно обращаться до 1-го октября 1911 г.: 1) въ Петербургъ—въ высочайше учрежденную комиссію по постройкѣ памятника А. С. Пушкину; 2) въ Москвѣ—къ Алексѣю Александровичу Бахрушину (Лужнецкая ул., свой домъ); 3) въ Одессѣ—къ профессору императорскаго поворооссійскаго университета Борису Васильевичу Варнеке; 4) въ Казани—къ профессору

императорскаго казанскаго университета Нестору Мемноновичу Петровскому; 5) въ Симбирскѣ—къ директору гимназіи Борису Николаевичу Некрасову; 6) въ Саратовѣ—къ директору Радищевского музея Петру Николаевичу Боеву; 7) въ Орлѣ—къ кн. Константину Владимировичу Кекуатову и 8) въ Харьковѣ—къ редактору газеты «Утро» Анатолию Андреевичу Шмудскому, а послѣ 1-го октября 1911 г. —исключительно къ Алексѣю Александровичу Бахрушину. Членъ комисіи А. Бахрушинъ.

Отъ общества литературнаго музея имени Л. Н. Толстого. Смерть великаго писателя и учителя потрясла русскій народъ. По сквозь это народное горе пробивается та нѣжная любовь, которая хочет «сохранить воспоминанія» объ ушедшемъ отъ насъ дорогомъ человѣкѣ. Общее собраніе общества его имени 12 декабря прошлаго года рѣшило съ усиленной энергіей продолжать работу надъ своей основной задачей—устройствомъ дома-музея Л. Н. Толстого. Задача эта въ ея полномъ объемѣ представляется обществу въ слѣдующемъ видѣ: специальное художественное зданіе, какъ памятникъ Толстому, и въ немъ—музей, бібліотека изъ сочиненій Толстого и о Толстомъ, залы и народныя аудиторіи для собраній и чтеній по литературнымъ вопросамъ и рядъ другихъ учреждений литературно-общественнаго характера. Достиженіе этой цѣли, конечно, будетъ зависѣть отъ степени сочувствія и содѣйствія ей со стороны широкихъ общественныхъ круговъ. Въ январѣ 1911 г. общество приступаетъ къ устройству музея во временномъ помѣщеніи (Спб., Невскій пр., 102), и вскорѣ этотъ музей будетъ открытъ для публики. Около того же времени выйдетъ первый изъ предполагаемаго ряда сборниковъ общества, подъ названіемъ «Переписка Л. Н. Толстого», а также первый нумеръ «Извѣстій» общества. Служа основной своей цѣли—устройству дома музея Толстого, общество вмѣстѣ съ тѣмъ горячо поддерживаетъ и будетъ пропагандировать по мѣрѣ своихъ силъ мысль о выкупѣ Ясной Поляны въ національную собственность, ради сохраненія въ ней на вѣчныя времена могилы Льва Толстого и обстановки, среди которой прошла его жизнь. Общество Толстовскаго музея надѣется, что тотъ глубокий интересъ и любовное вниманіе, съ какимъ русскій народъ относится къ памяти своего великаго писателя, поможетъ намъ осуществить намѣченную нами цѣль во всей ея полнотѣ. Лица и учрежденія, сочувствующія нашей цѣли и желающія прійти къ намъ на помощь, благоволятъ направлять пожертванія: 1) деньгами—по адресу казначея общества Семена Аванасьевича Венгерова (Спб., Загородный пр., д. 21, кв. 36) и 2) предметами для музея (портреты, картины, бюсты, книги, рукописи, письма и пр.) по адресу вице-предсѣдателя совѣта общества Михаила Александровича Стаховича (Спб., Мойка, д. 91). Деньги, присланныя безъ особаго назначенія, будутъ считаться пожертвованными на созданіе Толстовскаго дома-музея. Въ виду неоднократныхъ запросовъ со стороны различныхъ группъ и лицъ общество рѣшило принимать на храненіе пожертванія и на другія специальныя цѣли, связанныя съ именемъ Л. Н. Толстого, впродъ до возникновенія организацій, посвященныхъ тѣмъ цѣлямъ, которыя будутъ указаны жертвователями. Предсѣдатель совѣта Максимъ Ковалевскій. Вице-предсѣдатели: Вл. Короленко, Мих. Стаховичъ. Казначей С. Венгеровъ. Секретарь Вл. Муриновъ.

НЕКРОЛОГИ.

АННИНЪ, П. А. Въ ночь на 18-е декабря 1910 г. внезапно скончался членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Павѣль Абрамовичъ Аннинъ. Покойный былъ хорошо извѣстенъ, какъ руководитель въ министерствѣ дѣлъ начального образованія. При его непосредственномъ и дѣятельномъ участіи былъ выработанъ пенсіонный уставъ, обеспечивающій инвалидность и старость учителей начальныхъ министерскихъ и земскихъ школъ. Покойный родился въ 1842 году. Окончивъ курсъ въ рязанской духовной семинаріи, затѣмъ въ кievской духовной академіи со степенью магистра богословія, началъ свою дѣятельность преподавателемъ латинскаго языка въ рязанской духовной семинаріи. Здѣсь на него обратилъ вниманіе покойный бывший попечитель виленскаго учебнаго округа Сергіевскій. Онъ предложилъ молодому учителю перейти на службу въ канцелярію оберъ-прокурора св. синода, и П. А. вскорѣ сдѣлался начальникомъ одного изъ отдѣленій канцеляріи. Въ бытность оберъ-прокуроромъ св. синода графа Д. А. Толстого покойный принималъ видное участіе въ реформахъ графа, и когда графъ Толстой былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, онъ поручилъ покойному должность начальника отдѣла въ министерствѣ по народному образованію. Съ того времени П. А. не разставался съ вопросами, возбуждавшимися въ министерствѣ по начальному образованію, предсѣдательствовалъ въ совѣщаніи при министрѣ по разсмотрѣнію отчетовъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ и направлялъ свою дѣятельность къ наибольшему численному развитію школъ и лучшему подбору учительскаго персонала. Членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія онъ былъ назначенъ при графѣ Д. А. Толстомъ, въ послѣдніе годы былъ замѣстителемъ предсѣдателя ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Цѣнна также дѣятельность покойнаго по духовному вѣдомству. Онъ былъ однимъ изъ дѣятелей, участвовавшихъ въ выработкѣ устава училищнаго

совѣта при св. синодѣ и съ открытія этого совѣта былъ ревностнымъ его членомъ. Одновременно участвовалъ въ учебномъ комитетѣ при св. синодѣ. Умеръ 68 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12492).

† **Бородинъ, М. П.** Скончавшійся 25-го декабря прошлаго года въ гор. Вяткѣ Михаилъ Павловичъ Бородинъ—уроженецъ Вятской губерніи, съ которой онъ связалъ почти всю свою полную страданій жизнь, вынужденно разлучаясь съ родной губерніей лишь для ссылки въ далекую Сибирь. Жизнь немилостиво сложилась для этого человѣка. Еще на школьной скамьѣ, въ 70-хъ годахъ, будучи ученикомъ старшихъ классовъ вятской гимназіи, М. П. за «крамольную» переписку съ исключенными изъ гимназіи товарищами былъ заключенъ въ вятскую тюрьму, гдѣ ему пришлось просидѣть около полутора года. Выпущенный на свободу, М. П. занялся литературной дѣятельностью, корреспондируя въ «Отечественныя Записки». Но эту дѣятельность М. П. пришлось продолжать недолго. По доносу онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Якутскую область. Тамъ М. П. встрѣтился съ Джономъ Кеннаномъ, который въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, описывая эту встрѣчу,—такъ говоритъ о причинахъ высылки М. П. въ Сибирь.—«Г. Бородинъ...—пишетъ Кеннанъ,—былъ сосланъ въ Якутскъ, вслѣдствіе «опаснаго и вреднаго» содержанія рукописи, случайно найденной у него при обыскѣ. Преступная рукопись была копіей описанія Вятской губерніи, посланнаго имъ въ редакцію упомянутаго журнала «Отечественныя Записки» и еще до того времени не опубликованнаго. Г. Бородинъ, такимъ образомъ, принужденъ былъ отправиться въ Сибирь въ сброй арестантской одеждѣ, съ вшитымъ на спинѣ четырехугольнымъ желтымъ лоскутомъ, за сочиненіе, которе спустя четыре мѣсяца появилось въ названномъ журналѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сослалъ его за «опасную и вредную рукопись», которую впоследствии петербургская цензура разрѣшила къ печатанію, какъ совершенно безобидную». Ужасныя условія этой ссылки, продолжавшейся четыре года, тяжело отозвались на еще юношескомъ организмѣ М. П. Онъ получилъ въ Сибири тяжелый недугъ, который въ теченіе всей послѣдующей жизни не давалъ М. П. покоя. Будучи въ ссылкѣ, М. П. женился на якуткѣ, но жена его не пожелала, однако, раздѣлить съ нимъ годы свободы, и М. П. вернулся въ родную для него Вятскую губернію со своимъ маленькимъ сыномъ. Въ Вяткѣ М. П. организовалъ вятскій кустарный музей, во главѣ котораго онъ стоялъ болѣе 25 лѣтъ, занимая мѣсто завѣдующаго складомъ до самой своей смерти. Но, посвятивъ главную часть своего времени земской работѣ, М. П. отдавалъ свой досугъ литературной работѣ. М. П. состоялъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Вятской Рѣчи», принималъ участіе въ нѣкоторыхъ казанскихъ газетахъ и, наконецъ, корреспондировалъ изъ Вятки и въ «Русскія Вѣдомости». (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 300).

† **Бухаринъ, М. Н.** 16-го декабря 1910 г. скончался отъ воспаленія легкихъ членъ совѣта министра путей сообщенія, Михаилъ Николаевичъ Бухаринъ. Покойный, сынъ одесскаго градоначальника, родился въ 1845 году. По окончаніи курса въ императорскомъ Александровскомъ лицей онъ началъ свою дѣятельность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ перевелся въ судебное вѣдомство и былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Вѣльскомъ уѣздѣ Вес-

сарабской губерніи, гдѣ находилось его родовое имѣніе. Въ 1873 году М. Н. былъ назначенъ товарищемъ прокурора одесскаго окружнаго суда и вскорѣ былъ избранъ въ почетные мировые судьи одесскаго округа. Въ Одессѣ покойный прожилъ болѣе 15 лѣтъ и въ досуги службы особенно увлекался яхтеннымъ спортомъ, совершивъ на собственной яхтѣ «Радость» нѣсколько плаваній. Въ 1892 году онъ перешелъ въ вѣдомство путей сообщенія, черезъ годъ былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ шоссеиныхъ и водяныхъ сообщеній и вскорѣ членомъ совѣта министра путей сообщенія. Въ качествѣ члена совѣта М. Н. исполнялъ рядъ отвѣтственныхъ порученій, былъ командированъ въ Астрахань для принятія мѣръ противъ холерной эпидеміи и въ послѣдніе годы, когда Приморская желѣзная дорога оказалась несостоятельной, онъ предсѣдательствовалъ въ комиссіи по временному завѣдыванію казенной эксплуатаціей этой дороги. Покойный былъ не чуждъ также литературной дѣятельности. Онъ писалъ преимущественно въ драматической формѣ. Въ 1888 году появился его одноактный водевиль «Что цѣнять женщины», затѣмъ одноактная комедія «Въ такую ночь» и, наконецъ, историческая пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ «Измаиль», имѣвшая въ 1902 году крупный успѣхъ въ театрѣ Литературно-Художественнаго общества. Кромѣ того, покойный много посвящалъ времени заботамъ о своемъ имѣніи въ Волынской губерніи, гдѣ обратилъ особенное вниманіе на садоводство, развелъ и культивировалъ фруктовъ садъ и устроилъ цвѣточный питомникъ. Какъ человѣкъ, онъ отличался сердечностью и заботливостью о своихъ подчиненныхъ и пользовался ихъ симпатіями, оставивъ по себѣ хорошую память. (Некрологъ его: «Новое Время» 1910 г., № 12490).

† **Вознесенскій, Ив. Ив., протоіерей.** 18 декабря 1910 г. скончался въ Костромѣ протоіерей Иванъ Ивановичъ Вознесенскій на 73-мъ году жизни. Уроженецъ Костромской губерніи, онъ воспитывался въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и окончилъ курсъ въ московской духовной академіи въ 1864 году. 29 лѣтъ онъ состоялъ на духовно-училищной службѣ, сначала преподавателемъ родной ему семинаріи, а послѣдніе 8 лѣтъ этой службы инспекторомъ рижской духовной семинаріи. Въ январѣ 1894 года принялъ священство и состоялъ протоіереемъ костромскаго кафедральнаго собора. Покойный специализировался въ церковномъ пѣніи и составилъ цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдованій о немъ. Таковы: 1) «О церковномъ пѣніи православной греко-россійской церкви. Большой знаменный распѣвъ». Выпускъ I. Кіевъ, 1887. Выпускъ II. Рига, 1889. — 2) Тоже, 2-е изд., вып. I, Рига, 1890. — 3) «Осмогласные распѣвы трехъ послѣднихъ вѣковъ православной русской церкви». Выпускъ 1: Кіевскій распѣвъ. Кіевъ, 1888. Выпускъ 2: Болгарскій распѣвъ. Кіевъ, 1891. Выпускъ 3: Греческій распѣвъ въ Россіи. Кіевъ, 1893. — 4) «Церковное пѣніе православной юго-западной церкви по нотнo-линейнымъ ирмологамъ XVII и XVIII вв.». Тетрадь 1. Кіевъ, 1890. — 5) «О современныхъ намъ нуждахъ и задачахъ русскаго церковнаго пѣнія». Рига, 1891. — 6) «Общедоступныя чтенія о церковномъ пѣніи». Выпуски 1—3. Рига—Кострома, 1892—3. — 7) «О пѣніи въ православныхъ церквахъ греческаго Востока съ древнѣйшихъ до новыхъ временъ». Части I и II. Кострома, 1896. — 8) «О складѣ»

или ритмъ и метръ краткихъ изреченій русскаго народа: пословиць, поговорокъ, загадокъ, присказокъ и др.». Кострома. 1908.—За свои изслѣдованія по церковному пѣнію авторъ не разъ удостоиваемъ былъ св. синодомъ преміи имени московскаго митрополита Макарія Булгакова.

† **Голубевъ, В. С.** Въ ночь со 2-го на 3-е января внезапно, почти не хвораю, скончался Василій Семеновичъ Голубевъ, публицистъ по земскимъ вопросамъ, въ послѣднее время бывший фактическимъ редакторомъ журнала «Земское дѣло». Умеръ 44 лѣтъ, явно надломленный огромной трудовой тягой, которую онъ взвалилъ на себя, какъ только выступилъ на общественную работу и отъ которой не присаживался отдохнуть ни на одну минуту. Писалъ, хлопоталъ, рылся въ цифрахъ и источникахъ, выпускалъ номеръ за номеромъ журнала, какъ вѣрный часовой, слѣдилъ самымъ бдительнымъ образомъ за каждымъ моментомъ земской и общественной жизни, самъ возился съ корректурами,— и такъ и умеръ, среди всего этого нескончаемаго труда. Отложилъ корректуру, которую только что исправилъ, отослалъ отъ себя жену, чтобы не беспокоилась, сказавъ: «если позвонятъ къ телефону,—не подходи; я ужъ самъ поговорю», потомъ легъ и... все. Еще студентомъ, во время движенія 1887 года, охватившаго всѣ университеты, В. С. былъ высланъ изъ Петербурга въ Новгородъ, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, только что окончивъ курсъ, онъ подвергается новымъ, еще болѣе суровымъ воздѣйствіямъ. По обвиненію въ пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ, онъ былъ высланъ въ административномъ порядкѣ въ Восточную Сибирь, гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ—до 1894 года. Здѣсь, въ глуши Иркутской губерніи, онъ сблизился съ П. Г. Зайчневскимъ, В. А. Карауловымъ, В. Я. Богучарскимъ, Р. Э. Циммерманомъ (Р. Гвоздевъ) и др. Когда покойная жена Караулова пріѣхала къ мужу въ Сибирь и стала заниматься медицинской практикой среди мѣстнаго населенія, В. С. вмѣстѣ съ Циммерманомъ стали помогать ей и работали около нея въ качествѣ фельдшеровъ... Въ серединѣ 90-хъ годовъ Голубевъ возвращается въ Европейскую Россію. Сначала онъ живетъ въ Псковѣ, потомъ въ Смоленскѣ, гдѣ работаетъ въ газетѣ «Смоленскій Вѣстникъ»; отсюда онъ переселяется въ Саратовъ. Здѣсь въ 1896 году онъ получаетъ работу въ мѣстномъ губернскомъ земствѣ, и съ этого времени начинается его неустанная, непрерывная дѣятельность на различныхъ амплахъ земскаго «третьяго элемента». На этомъ поприщѣ В. С. являлъ собой идеальнаго представителя типа земскаго «третье-элементнаго» работника. Въ саратовскомъ земствѣ В. С. звали въ шутку «папой третьяго элемента». Онъ вѣдалъ все. Начавъ съ отдѣла народнаго образованія, онъ скоро взялъ на себя и общее веденіе земскаго дѣла въ управѣ, въ качествѣ секретаря и редактора «Земской Недѣли», которая, благодаря ему, вскорѣ пріобрѣла репутацію лучшаго, солиднѣйшаго и авторитетнаго обще-земскаго органа. Разгаръ освободительнаго движенія захватилъ В. С. и увлекъ его изъ Саратова въ Петербургъ, гдѣ организовывалась тогда газета «Наша Жизнь». Редакторъ-основатель этой послѣдней, профессоръ Л. В. Ходскій, вызвалъ В. С., предложилъ ему завѣдывать земскимъ отдѣломъ газеты. В. С. согласился, и, вступивъ въ газету, вскорѣ отдался и ей съ такимъ же усердіемъ, какъ и земской работѣ. Одно время онъ былъ фактическимъ и официальнымъ редакторомъ ея,—за что впоследствии

долженъ былъ отбыть и общую редакторскую повинность, просидѣвъ въ «Крестахъ» три мѣсяца. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 4).

† **Завадскій, В. Р.** ¹⁾ 31 декабря 1910 г. въ Петербургѣ скончался отъ паралича сердца сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Владиславъ Ромуловичъ Завадскій. Покойный происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Завадскихъ, герба «Рогаля»; родился 14 сентября 1840 года въ нынѣупраздненной крѣпости Кинбурнѣ (противъ Очакова); благодаря тому, что мать его была русская, онъ росъ и воспитывался въ духѣ православной вѣры. По окончаніи курса во второй одесской гимназии, В. Р. Завадскій поступилъ въ Ришельевскій лицей на юридическій факультетъ и отсюда перешелъ ради полученія степени кандидата въ московскій университетъ, гдѣ онъ былъ оставленъ для подготовленія къ профессурѣ по кафедрѣ политической экономіи и статистики, но по разнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ отказаться отъ этого и принять предложеніе К. П. Побѣдоносцева, тогда профессора и оберъ-секретаря одного изъ московскихъ департаментовъ сената, перейти на службу по судебному вѣдомству. 6 февраля 1862 г. В. Р. былъ опредѣленъ младшимъ помощникомъ секретаря въ I отдѣленіи VI департамента сената. Послѣ введенія новыхъ судебныхъ установленій, занималъ должность судебного слѣдователя въ Москвѣ, товарища прокурора московскаго окружнаго суда, прокурора окружнаго суда въ Кишиневѣ и Ярославлѣ, товарища прокурора судебной палаты въ Казани и предсѣдателя саратовскаго окружнаго суда. На послѣдней должности В. Р. Завадскій пробылъ шесть лѣтъ и приобрѣлъ извѣстность въ судебномъ вѣдомствѣ, какъ составитель образцоваго наказа для саратовскаго суда, выдержавшаго два изданія, и проекта общаго наказа окружнымъ судамъ. Въ 1879—1880 гг. онъ былъ предсѣдателемъ петербургской судебной палаты и затѣмъ старшимъ предсѣдателемъ палаты въ Саратовѣ и Харьковѣ, гдѣ въ 1885 г. весьма удачно провелъ все извѣстное въ свое время дѣло о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможенѣ. Состоя съ весны 1885 г. старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты въ Москвѣ, В. Р. въ 1889 г. по высочайшему повелѣнію выполнилъ всѣ подготовительныя работы, необходимыя для введенія русскаго суда въ Прибалтійскомъ краѣ; въ 1894 г. онъ перешелъ на должность директора второго департамента министерства юстиціи и въ слѣдующемъ году получилъ мѣсто сенатора, управляющаго межевою частью, на правахъ товарища министра, гдѣ много сдѣлалъ для упрощенія тогдашняго сложнаго дѣлопроизводства и реформировалъ Константиновскій межевой институтъ. Съ 1895 по 1899 гг. неоднократно управлялъ министерствомъ юстиціи и въ 1900 г. былъ назначенъ первоприсутствующимъ сенаторомъ въ департаментъ герольдіи, гдѣ и пробылъ до конца жизни, состоя въ то же время первоприсутствующимъ перваго собранія сената. В. Р. Завадскому принадлежитъ рядъ статей по вопросамъ судоустройства и судопроизводства въ журналѣ «Министерства Юстиціи», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго права» и другихъ. Его книга о «Понудительномъ исполненіи и упрощеніи судопроизводства» выдержала три изданія (1892, 1893, 1894) и была принесена авторомъ въ даръ москов-

¹⁾ Сообщилъ В. Е. Рудаковъ.

скому юридическому обществу, которое и было издателем книги. Какъ человекъ, покойный сенаторъ отличался большою отзывчивостью и доступностью ко всѣмъ обращающимся къ нему.

† **Карауловъ, В. А.** Въ 5 часовъ утра 19-го декабря 1910 г. скончался Василій Андреевичъ Карауловъ, депутатъ далекой Сибири, пріотившей его сначала какъ изгнанника, а потомъ признавшей своего жалкаго пріемыша своимъ лучшимъ сыномъ и защитникомъ своихъ интересовъ въ государственной думѣ. Василій Андреевичъ Карауловъ родился въ 1854 году. По окончаніи гимназій онъ поступилъ въ кievскій университетъ. Въ университетѣ В. А. примкнулъ къ партіи «Народной Воли», принималъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ среди рабочихъ и крестьянъ, и послѣ разгрома народовольческихъ организацій въ 1881—1883 гг., когда начались разговоры о реформѣ народовольческой партіи, стоялъ, по свидѣтельству А. Н. Ваха, за старую «Народную Волю». Въ 1884 году В. А., вмѣстѣ съ Стародворскимъ, Мартыновымъ, Шебалинымъ, Борисовичемъ, участвовалъ въ такъ называемой юго-западной группѣ партіи «Народной Воли», являвшейся обломкомъ народовольческихъ организацій, и вмѣстѣ съ другими 11 революціонерами былъ арестованъ и преданъ суду по обвиненію въ принадлежности къ преступной партіи, имѣвшей цѣлью ниспровергнуть существующій строй. В. А. былъ арестованъ 4-го марта 1884 года. Жилъ онъ въ это время уже на положеніи нелегальнаго, подъ фамиліей Тейша. До своего ареста, разыскиваемый по другимъ дѣламъ, В. А. долженъ былъ скрыться и нѣкоторое время жилъ за границей, оттуда вернулся въ Кіевъ въ концѣ 1883 года и тамъ примкнулъ къ группѣ Шебалина. Въ 1884 году (4-го марта) В. А. былъ арестованъ. На квартирѣ В. А. при арестѣ его ничего преступнаго найдено не было. Все дѣло было построено на агентурныхъ показаніяхъ, и правдой было въ немъ только то, что существовала юго-западная группа «Народной Воли», имѣвшая свою тайную типографію. Кіевская группа въ цѣломъ никакого отношенія къ террору не имѣла, и всѣ разговоры въ обвинительномъ актѣ о сѣздѣ и террорѣ вызваны были исключительно желаніемъ жандармскаго управленія подвести участниковъ процесса подъ 249 ст. улож. о нак., каравшую смертною казнью. Всѣ 12 обвиняемыхъ были преданы военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени, и судъ надъ ними начался 1 ноября 1884 года, подъ предсѣдательствомъ генерала Кузьмина. Хотя на судѣ и не было доказано участіе въ террористической дѣятельности кого-либо изъ обвиняемыхъ, тѣмъ не менѣе прокуроръ Щербовичъ требовалъ для всѣхъ обвиняемыхъ смертною казни, хотя онъ и долженъ былъ признать, что въ дѣятельности кievской группы не было никакихъ насильственныхъ дѣйствій. Защищали обвиняемыхъ Куперникъ, Важенковъ и др. Приговоромъ суда всѣ обвиняемые были признаны виновными въ томъ, что они имѣли намѣреніе измѣнить общественный строй, но безъ примѣненія насильственныхъ средствъ. Трое изъ подсудимыхъ были оправданы, четверо приговорены къ поселенію, одинъ къ ссылке въ Олонецкую губернію и четверо къ каторгѣ: Шебалинъ и Мартыновъ—на 12 лѣтъ; В. А. Карауловъ—на 4 года, а Панкратовъ, оказавшій вооруженное сопротивленіе при арестѣ, на 20 лѣтъ. В. А. отбывалъ каторгу въ Шлиссельбургской крѣпости, откуда черезъ 4 года былъ пересланъ въ Сибирь, какъ каторж-

ный, съ бритой головой и съ кандалами на ногахъ. Въ Сибири онъ былъ поселенъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Енисейской губерніи, затѣмъ въ Красноярскѣ, и окончательно амнистированъ только въ 1905 году, съ возвращеніемъ ему всѣхъ правъ. Въ Сибири В. А. занимался врачебной дѣятельностью, исполняя обязанности фельдшера при своей женѣ, бывшей врачомъ. Позднѣе въ Красноярскѣ онъ сталъ частнымъ повѣреннымъ и принималъ участіе въ общественной и политической дѣятельности. На выборахъ во всѣ три думы онъ выступалъ кандидатомъ к.-д. партіи, но избранъ былъ только въ третью думу. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1910 г., № 349).

† **Кулаковъ, Ѳ. А.** 27-го декабря 1910 г. типографія газеты «Новое Время» похоронила одного изъ своихъ старѣйшихъ слѣжащихъ — метранпажа Ѳедора Авксентьевича Кулакова. Свою типографскую дѣятельность Ѳ. А. началъ ученикомъ въ типографіи морского министерства, долгое время работалъ въ типографіи «Сына Отечества», изд. А. В. Старчевскаго, въ типографіяхъ Ф. С. Сущинскаго и Шредера, затѣмъ въ газетѣ «Голосъ» и свыше 25 лѣтъ проработалъ въ типографіи «Новаго Времени» въ разныхъ должностяхъ — наборщикомъ, метранпажемъ объявленій, завѣдующимъ классомъ учениковъ наборнаго дѣла. Въ теченіе свыше 20 лѣтъ Ѳ. А. состоялъ уполномоченнымъ и предсѣдателемъ правленія ссудо-сберегательнаго и взаимно-вспомогательнаго товарищества служащихъ типографіи, спб. книжнаго магазина и конторы газеты «Новое Время». Покойный пользовался любовью и уваженіемъ сослуживцевъ и отличался доброжелательностью и мягкимъ, отзывчивымъ характеромъ. Скончался Ѳ. А. на 61 году. (Некрологъ его: «Новое Время», 1910 г., № 12498).

† **Левандовскій, С. С.** 24-го декабря 1910 г. въ Сочи похоронили С. С. Левандовскаго. Смерть похитила еще одного хорошаго человѣка, близко стоявшаго къ литературнымъ и журнальнымъ кругамъ Москвы и тѣсно связаннаго съ общественными прогрессивными теченіями, начиная съ половины 70-хъ годовъ. С. С. по окончаніи курса въ гимназіи поступилъ въ казанскій университетъ, откуда былъ вынужденъ послѣ студенческихъ волненій перебраться въ новороссійскій, но курса и тамъ не окончилъ: его арестовали и сослали на 5 лѣтъ въ Енисейскую губернію. По возвращеніи изъ Сибири С. С. поселяется въ Харьковѣ и дѣлается фактическимъ редакторомъ «Южно-Русской Сельскохозяйственной Газеты», удѣляя много времени и общественной работѣ. Связи съ украинофильскими организаціями послужили поводомъ къ новому аресту, и С. С. увезли въ Петербургъ и заключили въ крѣпость. Это новое дѣло закончилось для С. С. относительно благополучно, но Харьковская губернія оказалась для него недоступной. Тогда онъ рѣшилъ вѣхать въ Сибирь на частную службу. Возвратясь въ Европейскую Россію, онъ всецѣло посвятилъ себя общественнымъ дѣламъ вначалѣ въ провинціи, а затѣмъ въ Москвѣ. С. С. былъ дѣятельнымъ членомъ общества вспоможенія нуждающимся студентамъ. Когда общество задумало строить домъ на М. Бронной, то руководителемъ работъ былъ избранъ С. С. Выборъ оказался въ высокой степени удачнымъ, и правленіе общества передъ отъѣздомъ С. С. въ Сочи поднесло ему адресъ, въ которомъ отмѣтило его заслуги передъ обществомъ. Покойный былъ дѣятельнымъ членомъ совѣта общества дѣятелей періодической печати и литературы и пред-

сѣдателемъ ссудо-сберегательной кассы при этомъ обществѣ. Живой, жизнерадостный, съ большимъ запасомъ энергіи, С. С. принялъ предложеніе руководить работами по устройству новаго курорта на Мацестинскихъ сѣрныхъ источникахъ, около Сочи, куда онъ и уѣхалъ мѣсяца два тому назадъ. Все время С. С. чувствовалъ себя прекрасно. На прошлой недѣлѣ С. С. выѣхалъ въ Новороссійскъ по дѣламъ. И лишь когда онъ возвратился въ Сочи на пароходѣ, съ нимъ сдѣлался ударъ, и его пришлось помѣстить въ больницу въ Туапсе. Теченіе болѣзни, судя по первымъ извѣстіямъ, было благопріятно, но 22-го декабря была получена телеграмма о кончинѣ этого славнаго человѣка. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 297).

† **Ошуркова, А. А.** 13-го декабря 1910 г. на Семеновскомъ кладбищѣ похоронили виднаго сибирскаго общественнаго дѣятеля, друга Ядринцевыхъ, Потемкиныхъ, Клеменсовъ, Аванасію Александровну Ошуркову. Ея дѣятельность была направлена на просвѣтительныя цѣли. Вначалѣ въ качествѣ учительницы русскаго языка въ иркутской гимназіи, затѣмъ на поприщѣ начальницы троицкосавской женской гимназіи она сумѣла создать между собою и педагогическимъ персоналомъ, съ одной стороны, и ученицами и ихъ родителями, съ другой—тѣ отношенія, оторыя бываютъ чрезвычайно рѣдки въ учебныхъ заведеніяхъ. Она близко знала домашнюю обстановку и матеріальныя средства каждой своей ученицы и всегда приходила къ нимъ на помощь. Въ 1905 году ея пребываніе во главѣ гимназіи оказалось крайне благотворнымъ, и ея тактъ предупредилъ много конфликтовъ между учащими и учащимися. Въ благодарность за ея плодотворную дѣятельность попечительный совѣтъ троицкосавской гимназіи учредилъ при гимназіи степендію ея имени. Благодаря энергіи и умѣнью А. А., въ Иркутскѣ и Кяхтѣ былъ созданъ цѣлый рядъ просвѣтительныхъ учрежденій, открыты воскресные классы, народныя чтенія, въ которыхъ она сама принимала дѣятельное участіе. Болѣзнь вынудила ее оставить гимназію, и она пріѣхала лечиться въ Москву. И здѣсь она приняла участіе въ воскресныхъ школахъ и всегда была окружена учащейся молодежью, преимущественно своими бывшими ученицами. Смерть ея больно отразится на ея друзьяхъ въ Сибири и на бывшихъ ея ученицахъ. (Некрологъ ея: «Русскія Вѣдомости», 1910 г., № 288).

† **Стасюлевичъ, М. М.** Старѣйшій представитель русской печати, основатель «Вѣстника Европы», неутомимѣйшій дѣятель городского общественнаго управленія «почетный гражданинъ города Петербурга», Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ тихо скончался 23-го января, около восьми часовъ утра, на 85-мъ году отъ рожденія, послѣ недолгой болѣзни. М. М. родился 28-го августа 1826 г. при обстановкѣ довольно исключительной—въ коляскѣ, во время проѣзда его матери по одной изъ улицъ Петербурга. Ребенокъ былъ настолько слабъ, что врачи не считали его жизнеспособнымъ; вскорѣ онъ заболѣлъ, признанъ былъ умершимъ и положенъ былъ въ гробъ, но, къ счастью, своевременно обнаружилъ признаки жизни, къ удивленію и радости окружающихъ. Отецъ былъ врачомъ въ Лугѣ; мать—шотландка по происхожденію, изъ семьи барона Вилліе. М. М. учился сначала въ лужскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ петербургской Ларинской гимназіи (на Васильевскомъ островѣ),

откуда поступил на философскій факультетъ здѣшняго же университета по филологическому отдѣленію. Онъ очень рано началъ свою ученую карьеру. Сдѣлавшись преподавателемъ той же Ларинской гимназіи, гдѣ онъ получилъ образованіе, М. М. въ возрастѣ 23 лѣтъ защитилъ диссертацию на степень магистра, а двумя годами позже, въ 1851 г., былъ уже докторомъ историческихъ и политическихъ наукъ. Съ 1859 года онъ читалъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ въ петербургскомъ университетѣ и вскорѣ пріобрѣлъ большую популярность, какъ представитель новыхъ прогрессивныхъ теченій въ исторической наукѣ. Однако его блестящая профессорская дѣятельность продолжалась недолго; въ 1861 году онъ вмѣстѣ съ Кавелинымъ и другими вышелъ въ отставку, въ виду двусмысленнаго поведенія высшей администраціи относительно студентовъ. До 1866 года онъ состоялъ еще на службѣ въ качествѣ члена ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; тогда же, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ подготовилъ къ печати и издалъ свою трехтомную «Исторію среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ»; въ 1865 году вышелъ его замѣчательный для того времени критическій «Обзоръ главныхъ системъ философіи исторіи». Получивъ разрѣшеніе, при содѣйствіи П. А. Плетнева, на изданіе «Вѣстника Европы», въ видѣ четырехмѣсячнаго историческаго журнала, онъ сначала сдѣлалъ его двухмѣсячнымъ, а съ 1868 года ежемѣсячнымъ, причѣмъ расширилъ его программу и придалъ ему характеръ общаго литературно-общественнаго и политическаго журнала. Тридцать два года стоялъ М. М. во главѣ этого изданія, которое онъ сумѣлъ провести съ достоинствомъ черезъ самыя трудныя кризисы нашей общественно-политической жизни. Были годы, когда одинъ только «Вѣстникъ Европы» поднималъ свой голосъ въ защиту права и справедливости,—М. М. съ упорнымъ самоотверженіемъ отстаивалъ для журнала эту возможность говорить правду. Ему помогало въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что императоръ Александръ III лично зналъ и цѣнилъ его, какъ профессора, преподававшаго исторію покойному его брату цесаревичу Николаю Александровичу. М. М. пользовался авторитетомъ въ тѣхъ сферахъ, которыя привыкли относиться свысока къ литературѣ и журналистикѣ, и цензурныя власти всегда соблюдали нѣкоторую сдержанность относительно уважаемаго всѣми редактора «Вѣстника Европы». Самымъ печальнымъ временемъ для М. М. былъ 1908-й годъ, когда обстоятельства заставили его отказаться отъ любимаго привычнаго дѣла и передать его въ другія руки. Бодрый и здоровый физически, онъ внутренне страдалъ отъ сознанія, что «Вѣстникъ Европы» ушелъ отъ него и что ему не удалось заботливо провести журналъ до порога своей могилы; онъ всегда думалъ, что разстанется со своимъ дѣтищемъ только въ моментъ смерти, и этой надеждѣ его не суждено было осуществиться. Одновременно со сложною и хлопотливою редакторскою работою по «Вѣстнику Европы», М. М. въ теченіе многихъ лѣтъ принималъ близкое участіе въ городскихъ дѣлахъ Петербурга, особенно въ области народнаго образованія. Около тридцати лѣтъ, съ 1881 года, состоялъ онъ гласнымъ городской думы, и двадцать лѣтъ, съ 1890 по 1910 г., пробылъ онъ въ должности предсѣдателя городской училищной комиссіи. Труды и заслуги покойнаго въ этой области всѣмъ извѣстны. Какъ организаторъ и руководитель

школьнаго дѣла въ Петербургѣ, онъ оставилъ по себѣ прочную память въ видѣ устроенныхъ по его почину образцовыхъ училищъ, за развитіемъ и процвѣтаніемъ которыхъ онъ слѣдилъ съ неизмѣнною любовью. М. М. Стасюлевичу въ «Истор. Вѣстн.» (1897 г., № VII) была посвящена по случаю 50-лѣтія его научно-литературной службы особая біографическая статья. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 23).

† **Тарновская, П. Н.** 12-го декабря 1910 г. послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончалась въ Петербургѣ одна изъ выдающихся женщинъ-врачей—д-ръ П. Н. Тарновская. Имя ея незабвенно въ исторіи женскаго медицинскаго образованія, возникновенію котораго въ Россіи она много способствовала, благодаря своему вліянію и личной инициативѣ. Покойная принадлежала къ числу первыхъ женщинъ-врачей въ Россіи, окончившихъ женскіе врачебные курсы въ 1878 г. Избравъ своей спеціальностью психіатрію и антропологию, д-ръ П. Н. Тарновская сдѣлала много цѣнныхъ вкладовъ въ науку, въ видѣ ученыхъ трудовъ, пріобрѣвшихъ ей извѣстность не только въ Россіи, но и за границей. Къ числу послѣднихъ ея трудовъ принадлежатъ обширныя изслѣдованія «о женщинахъ-убійцахъ» и «женщинахъ-воровкахъ» и мн. др. Кромѣ ученой дѣятельности, П. Н. извѣстна и какъ общественная дѣятельница и неутомимая поборница высшаго женскаго медицинскаго образованія. Она принимала горячее участіе въ возникновеніи женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ, состояла предсѣдательницей общества усиленія средствъ его, участвовала въ борьбѣ женщинъ-врачей за ихъ права, была учредительницей и членомъ совѣта русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества и состояла членомъ многихъ ученыхъ обществъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Семья женщинъ-врачей потеряла въ ней дорогого, отзывчиваго и любимаго товарища, такъ ревностно служившаго интересамъ человѣчества и науки. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1910 г., № 343).

† **Филипповъ, С. Н.** 31 декабря 1910 г. скончался въ Обуховской больницѣ писатель Сергѣй Никитичъ Филипповъ, авторъ цѣлага ряда беллетристическихъ произведеній и путевыхъ очерковъ. Покойный родился въ 1863 г., образованіе получилъ въ Москвѣ и юношей сталъ работать въ московскихъ газетахъ. Въ 1883 г. былъ напечатанъ въ московскомъ журналѣ «Россія» его первый рассказъ «Не отъ міра сего», и съ того времени его рассказы печатались преимущественно въ газетахъ «Русскій Курьеръ» и «Русскія Вѣдомости» и въ журналѣ «Русская Мысль», затѣмъ вышли отдѣльными сборниками: «Сирень» (два изданія), «Подъ лѣтнимъ небомъ» и «Около жизни и смерти». Для своихъ рассказовъ покойный выбиралъ главнымъ образомъ психологическіе сюжеты и талантливо разрабатывалъ ихъ. Еще большую извѣстность пріобрѣлъ онъ своими литературными путевыми очерками. Страстный любитель путешествій, замѣчательный своею наблюдательностью и начитанностью, онъ сперва въ статьяхъ, потомъ въ отдѣльныхъ книгахъ далъ подробное описаніе Поволжья, Дона и Кавказа, Крыма, Константинополя, его окрестностей и Принцевыхъ острововъ. Имъ изданъ также подробный путеводитель—спутникъ туриста «Западная Европа» съ планами и картами (1899 г.). Нѣкоторыя изъ его произведеній переведены на французскій, нѣмецкій и славянскіе языки. Помимо

разказовъ и очерковъ С. Н. напечаталъ множество статей, посвященныхъ театру и художественной критикѣ. Его театральныя рецензіи и статьи печатались въ «Русскомъ Курьерѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и «Артистѣ». Его журнальная дѣятельность была тѣсно связана сперва съ «Русскимъ Курьеромъ» Н. П. Лапшина, въ которомъ онъ работалъ съ 1886 г. и въ послѣдніе годы существованія газеты, до 1891 г., былъ ея редакторомъ, потомъ съ «Русскими Вѣдомостями». (Некрологъ см. «Новое Время», 1911 г., № 12503).

† **Ярошевскій, А. А.** 29 декабря 1910 г. скончался профессоръ московской консерваторіи пианистъ Адольфъ Адольфовичъ Ярошевскій. Покойный окончилъ курсъ московской консерваторіи въ 1890 году по классу фортепیانной игры профессора Пабста и затѣмъ посвятилъ себя музыкально-педагогической дѣятельности, давая частныя уроки и преподавая фортепیانную игру въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1898 году онъ былъ приглашенъ на мѣсто младшаго преподавателя фортепیانной игры въ консерваторію и быстро рекомендовалъ себя однимъ изъ лучшихъ музыкальныхъ педагоговъ консерваторіи. Въ 1901 году онъ былъ переведенъ въ разрядъ старшихъ преподавателей. Покойный не разъ выступалъ и въ концертахъ (историческихъ, камерныхъ и др.), въ которыхъ пользовался солиднымъ успѣхомъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1910 г., № 302)

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи Е. В. Корша «Восемь лѣтъ въ Сибири»¹⁾.

Въ этой статьѣ г. Коршъ, описывая свое 8-лѣтнее невольное пребываніе въ Томскѣ, упоминаетъ, между прочимъ, о принятомъ мною въ немъ участіе, которое помогло ему сразу по прибытіи изъ Петербурга получить занятія въ контрольной палатѣ и вообще сносно устроиться въ его новомъ положеніи, и затѣмъ аттестуетъ меня (стр. 428), какъ умнаго и просвѣщеннаго человѣка, желавшаго чтобъ въ его губерніи издавалась (частная) газета. Но вслѣдъ за этимъ на той же страницѣ онъ даетъ мнѣ совсѣмъ иную аттестацію: «Правда, страдая честолюбіемъ, онъ надѣялся, что мѣстная газета не одинъ разъ сослужитъ ему полезную службу прославленіемъ его административной дѣятельности... и далѣе: «Понятно, В. И-чу было желательно укрѣпить за собою видное положеніе, и газета, если она будетъ внимательна и послушна, можетъ прославить новичка-администратора, полного самыхъ широкихъ и просвѣщенныхъ намѣреній».

Оставляя въ сторонѣ первую аттестацію, какъ мало кому-либо интересную, я относительно второй заявляю, что она представляетъ сплошной вымыселъ г. Корша, ни на чемъ не основанный. Ни о какихъ моихъ надеждахъ, желаніяхъ и намѣреніяхъ я ему не сообщалъ и тѣмъ менѣе

¹⁾ «Историч. Вѣстн.», 1910 г., май, іюнь, іюль.

о желаніи изъ газеты г. Макушина сдѣлать рептилію. Не могу также не замѣтить, что г. Коршъ крайне преувеличиваетъ значеніе подцензурной и довольно-таки убогой провинціальной газетки, полагая, что она могла оказать въ высшихъ сферахъ полезную для губернатора поддержку: высшія сферы не такъ наивны, чтобы не знать цѣны восхваленіямъ, когда, по пословицѣ, «кукушка хвалитъ пѣтуха».

Далѣе г. Коршъ говоритъ (стран. 436 : «газета не оправдала надеждъ губернатора, не курила ему ойміама и сообщала только факты, не дѣлая желательныхъ ему обобщеній и выводовъ. В. И. жаловался на это «сухое» отношеніе газеты къ губернской администраціи «при личныхъ свиданіяхъ съ редакторомъ, издателемъ и мною» (т. е. съ г. Коршемъ).

О надеждахъ и желаніяхъ, произвольно приписанныхъ мнѣ г. Коршемъ, сказано уже выше, что же касается «жалобъ» на «сухое» отношеніе ко мнѣ газеты, то здѣсь со стороны г. Корша является какое-то странное, чтобы не сказать болѣе, недоразумѣніе.

Свиданіе мое съ издателемъ вмѣстѣ съ редакторомъ было «одно», въ іюнѣ 1880 г., когда г. Корша еще и не было въ Томскѣ (на стр. 425 онъ говоритъ: «20 ноября мы вѣхали въ Томскъ») При этомъ свиданіи г.г. Макушинъ и Ефимовъ прежде подачи своего прошенія просили меня сказать, какъ бы я отнесся къ ихъ желанію издавать мѣстную, конечно, подцензурную газету, по общепринятой программѣ?

Я отвѣтилъ, что газета—дѣло хорошее, если вести ее добросовѣстно, т. е. стремиться къ правдѣ, бережно относиться къ доброму имени общественныхъ и частныхъ дѣятелей и если выставлять на публичный судъ ихъ неправильные поступки, то только по тщательной ихъ провѣркѣ, строго соблюдать должную корректность относительно коренныхъ государственныхъ основъ, и наконецъ имѣть въ виду, что отвѣтственность, въ случаѣ нарушенія указанныхъ условій, упадетъ не только на редактора и издателя газеты, но и на цензора, который пропуститъ ее. Только на такихъ условіяхъ обѣщать я исполнить желаніе г.г. Макушина и Ефимова, т. е. возбудить предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о разрѣшеніи имъ изданія газеты. Повидимому, они признали мои условія пріемлемыми и подали прошеніе.

Второе свиданіе было съ однимъ только редакторомъ, въ мартѣ 1881 года, предъ выпускомъ № 4-го газеты, въ которомъ редакціей было предположено помѣстить очень злую и полную глумленія статью на одно духовное лицо. Я объяснилъ г. Ефимову, что это лицо, вслѣдствіе цѣлага ряда несчастій, постигла тяжкая болѣзнь и что новый ударъ, нанесенный газетою, могъ бы имѣть роковыя для него послѣдствія. Статья, конечно, не была напечатана.

Такимъ образомъ, при личныхъ свиданіяхъ съ редакторомъ и издателемъ ни о какихъ жалобахъ не было, да и не могло быть рѣчи.

Съ г. Коршемъ я видѣлся часто, давая ему разныя работы по строительному университетскому комитету, по пріютскому попечительству и особенно по веденію неофіціальной части «Губернскихъ Вѣдомостей». По «Сибирской Газетѣ» у меня съ г. Коршемъ никакихъ объясненій не происходило, съ одной стороны, потому, что эта газета не особенно меня занимала, а съ другой—мнѣ было извѣстно, что г. Коршъ былъ въ ней простымъ работникомъ и самостоятельнаго значенія не имѣлъ, такъ какъ истиннымъ руководителемъ газеты, дававшимъ ей тонъ и направленіе, былъ издатель г. Макушинъ.

Но для достиженія главной цѣли своей статьи «Восемь лѣтъ въ Сибири»—правдиваго своего обѣленія, г. Коршъ не удовольствовался экскурсіями въ область психологіи, которыя открыли ему мои «надежды,

желанія и намѣренія», никому не высказанныя и даже мнѣ самому не вѣдомыя, но привелъ еще слѣдующія несообразности.

Г. Коршъ утверждаетъ, будто бы я грозилъ выслать въ Парымъ при-
сѣжнаго повѣреннаго кievской судебной палаты Картамышева (кстати
сказать «запрещеннаго») за столкновение его въ клубѣ въ Манасевичемъ.
Въ этомъ случаѣ г. Коршъ, съ одной стороны, смягчилъ самый фактъ,
назвавъ его столкновениемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это было
наглое избіеніе пьянымъ атлетомъ тшедушнаго почти старика за то, что
онъ «жидъ» и «осмѣлился явиться въ новый годъ въ клубъ»; съ другой
стороны, онъ приписалъ мнѣ угрозу, которой въ дѣйствительности не
было произнесено. Конечно, я не считалъ себя въ правѣ не обратити
вниманія на такое рѣзкое проявленіе самоуправства въ стѣнахъ обще-
ственного собранія и поручилъ старшинамъ обсудити поступокъ Карта-
мышева и принять соотвѣтственныя мѣры къ устраненію подобныхъ
безчинствъ на будущее время. Результатомъ этого было исключеніе
Картамышева изъ числа членовъ собранія, но никакихъ дальнѣйшихъ
послѣдствій не было, такъ какъ Манасевичъ не пожелалъ подать жалобу.
объяснивъ лично мнѣ, что онъ готовится скоро стать христіаниномъ, а
христіанину слѣдуетъ прощать обиды врагамъ. Такимъ образомъ, глубоко-
комысленное замѣчаніе г. Корша, что «охранъ еще не было и губернаторы
еще помнили, что въ Россіи есть еще законы и побаивались слишкомъ
грубо нарушать ихъ», представляется не болѣе, какъ холостымъ выстрѣ-
ломъ въ пустое пространство.

Съ тяжелымъ чувствомъ перехожу я къ послѣднему пункту обвинитель-
наго акта, помѣщеннаго на 815 стр. «Ист. Вѣсти.» заключающему тяжелое
обвиненіе меня и двухъ моихъ сотрудниковъ по тюремному комитету и по-
печительству о дѣтскомъ приютѣ, Пастухова и Манасевича, уже болѣе
20 лѣтъ назадъ умершихъ. Обвиненіе это г. Коршъ ведетъ не отъ своего
имени, а влагаетъ его въ уста умершаго 25 лѣтъ назадъ Красовскаго,
который на упреки Гилярова и Александрова, что онъ окружаетъ себя
на своихъ интимныхъ вечерахъ уголовными ссыльными, произнесъ будто
бы такую рѣчь:

«Министру внутреннихъ дѣлъ нѣтъ никакого дѣла до моей частной
жизни до тѣхъ поръ, пока я самъ или въ сообществѣ съ другими лицами
не дѣлаю ничего предосудительнаго... Ни въ чемъ такомъ я не чувствую
себя виновнымъ, не былъ виновенъ и мой предмѣстникъ, и я увѣренъ, что
причину его увольненія надо искать скорѣе въ его отношеніяхъ къ Ма-
насевичу и Пастухову, чѣмъ къ Коршу, которымъ онъ пользовался какъ
работникомъ и полезнымъ, приятнымъ собесѣдникомъ, умнымъ, образо-
ваннымъ исполнителемъ. Коршъ не жертвовалъ, какъ Манасевичъ и
Пастуховъ, десятки тысячъ на приюты, чтобы одѣться въ шитый золотомъ
мундиръ V класса и прикрытъ имъ свои всѣмъ извѣстные здѣсь «грѣшки».
Слѣдовъ вліянія Корша на Мерцалова я по дѣламъ не вижу, а вліяніе
Манасевича и Пастухова по многимъ дѣламъ» (по какимъ же? хоть бы
одно указалъ) «несомнѣнно. Къ тому же я отъ многихъ слышалъ, что
эти господа просто торговали своими близкими отношеніями съ губерна-
торомъ, а о Коршѣ всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что онъ всегда укла-
нялся отъ какихъ бы то ни было ходатайствъ у губернатора. Зная это,
я всегда предпочту ссыльнаго Корша полноправнымъ Манасевичу и
Пастухову».

Выше было сказано, что Красовскій умеръ 25 лѣтъ назадъ, и потому
возникающіе изъ его рѣчи вопросы о томъ: какія имѣлъ онъ основанія,
чтобъ рѣшиться опорочить двухъ гражданъ, до конца ихъ жизни пользо-
вавшихся добрымъ именемъ? и если такія основанія у него были, то

почему онъ не отдалъ ихъ подъ судъ, какъ обязанъ былъ по своей должности? — вопросы эти уже не могутъ быть выяснены изъ непосредственнаго источника. Оставляя поэтому память Красовскаго въ сторонѣ, я тѣмъ не менѣе признаю нужнымъ заявить, что всѣ приведенныя выше голословныя обвиненія представляются сплошною нелѣпостью.

Но такъ какъ г. Коршъ воспроизвелъ эти прелести въ своей статьѣ, какъ должно полагать, не для чего иного, какъ только для своей нравственной реабилитации, то не лишнее замѣтить, что онъ предпринялъ эту попытку съ достаточно негодными средствами:

Во-1-хъ, Красовскаго я никогда не видѣлъ и ни лично, ни письменно не аттестовалъ ему г. Корша, какъ отличнаго работника, полезнаго (?) и пріятнаго собесѣдника и проч. Отъ кого же Красовскій узналъ, что я именно такого мнѣнія о г. Коршѣ? — догадаться не трудно.

Во-2-хъ, г. Коршу, какъ юристу, должно быть извѣстно, что основная презумпція каждой гражданственности гласить, что каждый гражданинъ долженъ почитаться человѣкомъ честнымъ, пока не доказано обратное¹⁾. Поэтому, если Красовскому, какъ не юристу и притомъ человѣку крайне не уравновѣшенному, какъ его рисуетъ самъ г. Коршъ (стр. 809, 810 и 811)²⁾, до нѣкоторой степени извинительно столь развязное заочное обращеніе съ чужими репутаціями и полное непониманіе своей прямой обязанности, какъ дореформеннаго губернатора, возбудить уголовное преслѣдованіе противъ Манасевича и Пастухова, если ему извѣстны были ихъ «грѣшки» и кака-то предосудительная торговля, и затѣмъ ожидать рѣшенія суда, — то г. Коршу, нынѣ вступившему въ среду литераторовъ, едва ли было соотвѣтственно нелѣпую клевету Красовскаго распространить путемъ печати; ему слѣдовало бы, какъ мнѣ кажется, твердо помнить, что только *res judicata pro veritate habetur*, т. е. только то обвиненіе, которое установлено, признано судебнымъ порядкомъ, должно почитаться истиннымъ; а всѣ эти: «я отъ многихъ слышалъ», «всѣ въ одинъ голосъ говорятъ», «Манасевичъ и Пастуховъ жертвовали на пріюты десятки тысячъ» (стр. 815), — не болѣе, какъ живая пословица: «мели Емеля, твоя недѣля» и 30.000 курьеровъ безсмертнаго Ивана Александровича.

Во-3-хъ, что касается моихъ служебныхъ отношеній къ Манасевичу и Пастухову, то они сложились на почвѣ дѣятельности тюремнаго комитета и пріютскаго попечительства. Оба они давно уже состояли директорами перваго и членами втораго.

Посѣщая тюремный замокъ и прочія мѣста заключенія, я получалъ многочисленныя жалобы арестантовъ на недоброкачество одежды, обуви и бѣлья. Жалобы по тщательной провѣркѣ оказались справедливыми. Очевидно, приемка отъ подрядчиковъ вещей, по неопытности или небрежности чиновниковъ, была недостаточно строгой. Поэтому дальнѣйшую приемку я поручилъ директорамъ комитета Манасевичу и Пастухову, какъ людямъ независимымъ, состоятельнымъ и пользовавшимся хорошей репутаціей. Благопріятные результаты этой мѣры не замедлили обнаружиться: въ первой же партіи было забраковано свыше 30% вещей и этого было совершенно достаточно, чтобы подрядчики болѣе не рисковали практиковать свои неблаговидные поступки. Конечно, кой-кому это было непріятно.

По пріютскому попечительству дѣло обстояло значительно сложнѣе.

¹⁾ Если не ошибаюсь, это правило изложено въ одномъ изъ учебниковъ уголовного права; я же замѣтывалъ его изъ статьи г. Меньшикова, напечатанной въ № 12428 «Нов. Вр.» 1910 г.

²⁾ Г. Коршъ призналъ его даже не порядочнымъ человѣкомъ.

За 18 лѣтъ до вступленія моего въ управление губерніей, въ Томскѣ, по случаю сильной эпидеміи тифа въ пересыльной тюрьмѣ, экстренно основанъ былъ пріютъ для арестантскихъ дѣтей-сиротъ, родители которыхъ умерли въ этой тюрьмѣ. Инициатива основанія пріюта принадлежала женѣ губернатора Аделандѣ Алексѣевнѣ Родзянко, а къ ней на помощь пришла жена пот. поч. гражд. Алевтина Петровна Михайлова, пожертвовавшая обширный участокъ на окраинѣ города съ очень хорошимъ двухъэтажнымъ домомъ. Сначала въ пріютѣ дѣйствительно помѣщались только арестантскія дѣти, на содержаніе которыхъ деньги требовались изъ казны, по 10 коп. въ день, а также сравнительно небольшая сумма ежемѣсячно на администрацію. Но впоследствии въ пріютѣ свободно принимались дѣти-сироты и полусироты, принадлежавшія къ свободнымъ сословіямъ, и такихъ было втрое больше, причѣмъ и на этихъ дѣтей (всего отъ 100 до 120 чел.) и на увеличенную администрацію деньги требовались также изъ казны. Всего въ годъ на пріютѣ расходовалось отъ 8 до 10 тысячъ.

На первыхъ порахъ и я подписалъ двѣ ассигновки на отпускъ денегъ на пріютъ; но когда изъ исторической справки о пріютѣ для меня выяснилось истинное положеніе дѣла, то я пригласилъ въ засѣданіе всѣхъ членовъ попечительства и объяснилъ имъ, что пріютъ, какъ учрежденіе, открытое безъ надлежащаго разрѣшенія правительства и содержимое на счетъ казны незаконно, должно бы быть немедленно закрыто; но такая рѣшительная мѣра, конечно, невозможна, когда дѣло идетъ о 100 малолѣтнихъ дѣтяхъ. При этомъ я прибавилъ, что у меня есть планъ для выхода изъ этого затрудненія, но если онъ и осуществимъ, то не ранѣе, какъ чрезъ годъ или нѣсколько болѣе.

Въ этомъ засѣданіи вопросъ остался открытымъ. Но вечеромъ того же дня ко мнѣ пришелъ Пастуховъ и заявилъ, что если основательница пріюта Алевтина Петровна Михайлова откажется отъ пріюта, то онъ, Пастуховъ, готовъ взять эту обязанность на себя въ теченіе года или болѣе, сколько будетъ нужно. Жертва Пастухова, однакоже, не потребовалась, потому что А. П. Михайлова письменно заявила, что она будетъ содержать пріютъ до окончательнаго разрѣшенія его судьбы.

Мой планъ заключался въ томъ, чтобъ передать пріютъ въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи, что предоставляло бы пріютскому попечительству право устраивать разныя увеселенія съ лотереей аллегри, весьма любимой томскими жителями и всегда имѣвшей хорошій успѣхъ. Но для достиженія этой цѣли необходимо было составить для пріюта болѣе или менѣе значительный капиталъ, такъ какъ упомянутое вѣдомство неохотно принимало подъ свое покровительство благотворительныя заведенія, у которыхъ не было солиднаго обезпеченія.

На мой призывъ къ пожертвованіямъ на пріютъ первымъ откликнулся Андрей Николаевичъ Пастуховъ, представивъ мнѣ въ процентныхъ бумагахъ не «десятки тысячъ», какъ сказали Красовскій, а пяти-тысячный взносъ, предоставлявшій званіе пожизненнаго почетнаго члена съ правами, указанными въ Высочайше утвержденномъ положеніи о вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, между прочимъ правомъ ношенія мундира V класса и бѣлыхъ брюкъ съ золотыми лампасами. Вслѣдъ за Пастуховымъ такіе взносы по 5 тысячъ представили: Ф. Х. Пушкиковъ, Е. Н. Кухтеринъ, Н. Н. Вяткинъ и С. С. Валусовъ. Что касается Манасевича, то онъ былъ только временнымъ членомъ и вносилъ ежегодно по 250 руб. Всего было собрано свыше 30 тысячъ, что съ прежнимъ капиталомъ (18 тыс.) пріюта составило болѣе 50 т. р.

Все это было хорошо извѣстно г. Коршу, такъ какъ именно ему было поручено мною составленіе какъ проекта ходатайства о принятіи пріюта

въ вѣдомство императрицы Маріи, съ наименованіемъ Владимірскимъ, въ память посѣщенія пріюта великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ, такъ и исторической записки, прочитанной мною при торжественномъ открытіи пріюта, когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ утвержденіи моего представленія.

Казалось бы, кому какое дѣло до того, по какимъ побужденіямъ приходятъ люди, своими болѣе или менѣе крупными пожертвованіями, на помощь доброму дѣлу, и дѣлу не маленькому—обеспеченію существованія ста наличныхъ сиротъ, да въ будущемъ еще большаго числа ихъ? Ужъ если не было охоты помянуть жертвователей добрымъ словомъ, то промолчали бы лучше: нѣтъ! являются вольнопрактикующіе психіатры, проникаютъ въ души жертвователей, объявляютъ *urbi et orbi*, что нашли въ нихъ «желаніе шитыми золотомъ мундирами прикрыть свои грѣшки»,—и въ концѣ концовъ садятся между двумя стульями. Не суетное желаніе порисоваться шитыми золотомъ мундирами и не пустое соображеніе господъ психіатровъ, что мундиръ можетъ защитить отъ Дамоклова меча, побудили жертвователей дать на Владимірскій пріютъ—кто что могъ, а присущая русскому человѣку жалость вообще къ людямъ обездоленнымъ, а особенно къ маленькимъ дѣтямъ, которымъ могла грозить печальная судьба очутиться на улицѣ. Что же касается защиты отъ удара названнаго меча, то кому же не извѣстно, что не спасутъ отъ «мѣсть болѣе или менѣе отдаленныхъ» ни шитый золотомъ мундиръ, ни чины и ордена, ни даже почетный профессиональный знакъ, вродѣ адвокатскаго значка на модномъ фракѣ, когда человѣкъ «содѣялъ» что-либо преступное.

В. Мерцаловъ.

II.

Къ статьѣ П. П. Гнѣдича. «Послѣдніе орлы» «Истор. Вѣстн.», январь 1911 г., стр. 72. (Къ разсказу И. А. Гончарова о происхожденіи поэта гр. Алексѣя Константиновича Толстого).

У графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго (1748—1822), министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ I, отъ Маріи Михайловны Соболевской, впоследствии замужемъ за генераль-майоромъ Денисьевымъ, было 4 сына и 5 дочерей. Писатель Антонъ Погорельскій («Ист. Вѣстн.» 1890 г., т. X) былъ Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій (1787—1836), получившій вмѣстѣ съ братьями дворянство и фамилію Перовскихъ отъ села Перова подъ Москвою, мѣста вѣнчанія императрицы Елизаветы съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Онъ былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и попечителемъ харьковскаго учебнаго округа. У него воспитывался его племянникъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой. Приближенными къ императору Николаю I и пожалованными одновременно въ графы были младшіе братья: Левъ Алексѣевичъ (1792—1856), министръ удѣловъ и внутреннихъ дѣлъ, Василій Алексѣевичъ (1795—1857), оренбургскій и самарскій генераль-губернаторъ, и Борисъ Алексѣевичъ (1814—1881), только тремя годами старше своего племянника гр. Алексѣя Константиновича.

Графиня Анна Алексѣевна была не младшая сестра; моложе ея была Софья Алексѣевна за княземъ Львовымъ.

Графъ Константинъ Петровичъ Толстой былъ сынъ генераль-майора гр. Петра Андреевича Пъ брака съ Елизаветой Егоровной Барбо-де-Морни (1750—1802) и сот шій братъ извѣстнаго скульптора и вице-президента академіи худотартвъ гр. Фѣдора Петровича (1783—1873). Никогда за бракъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники пожалованъ не былъ, а умеръ въ 1839 г., когда гр. Алексѣю Константиновичу было уже 22 г. (1817—1875) въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

(Росс. Род. кн. Румеля и Голубцова, II, 505 и Род. Кн. князя Лобанова-Ростовскаго, II, 85).

И. А.

И счастья—вотъ что желаю я
Осуществить въ обители блаженства—
Въ Сионѣ Новомъ...

Но объ этомъ рѣчь
Мы прекратимъ. Смотри: толпу приводятъ
Въ смущенье наши споры...

Матиссонъ.

Да, ты правъ.
Придетъ пора, и небеса укажутъ,
Какъ жизнь устроить...

Янъ.

О другомъ теперь
Должны мы думать. Врагъ готовъ на приступъ.
На стѣнахъ Мюнстера борцы свободы
Побѣды или смерти славной ждуть—
Тамъ наше мѣсто!

Входитъ Дивара, одѣтая въ шлемъ, панцырь и вооруженная мечомъ.

Вотъ, гляди, подходитъ
Твоя Дивара. Въ панцырь боевой
Она одѣта. Если даже жены
Готовятся на битву—мы должны
Вождями быть и убѣждать не словомъ,
А взмахами побѣднаго меча!

На площадь вбѣгаетъ гонецъ. Волненіе въ толгѣ. Она вслѣдъ за гонцомъ
бросается въ заль.

СЦЕНА IV.

Тѣ же, гонецъ.

Гонецъ.

Рать Вальдека недалеко. Отряды
Передовые уже видны съ башенъ.
Ихъ много. Съ ними воины изъ Кельна...
Съ папистами и лютерцы идутъ...

Голоса.

— Проклятые обманщики народа!
— Они папистовъ хуже!—Лицемеры
Всегда съ ханжами заодно
Противъ друзей свободы.—Ну, тѣмъ лучше:

«истор. вѣстн.», февраль, 1911 г., т. сxxiii.

Дракону двухголовому за разъ
Отхватимъ обѣ головы...—Тсс... Тише!
— Пророка слушайте!..

Янъ дѣлаеть знакъ, что хочетъ говорить.
Тогда смолкаетъ.

Сіона мужи!

Насталъ великій день: подходитъ рать
Враговъ свободы. Злоба и насилье—
Вотъ ихъ вожди. Но ихъ погибель ждетъ
У стѣнъ священныхъ Мюнстера, въ которомъ
Духъ Божьей справедливости царить.
Свободы стягъ и вѣчные завѣты
Ученья правды утвердить должны
Борьбою мы и вѣрною побѣдой!

Голоса.

— Борьба!—Побѣда!—Вальдеку во власть
Не отдадимъ свободный Мюнстеръ снова!
— Скорѣй умремъ!—Ведите насъ на бой,
Избранники свободы!

Изъ толпы выходитъ Тиланъ.

СЦЕНА V.

Тѣ же, Тиланъ.

Тиланъ.

Пророкъ Сіона свѣтлый! Я тебѣ
Открою тайну. Выслушай отъ старца
Судьбы велѣнье. Въ эту ночь я спалъ
Вблизи пещеры, гдѣ—гласить преданье—
Схоронены гиганты древнихъ лѣтъ.
Вдругъ я во снѣ услышалъ голосъ, будто
Изъ-подъ земли звучащій: «встань, иди,
Возьми въ пещерѣхъ подъ гранитнымъ камнемъ
Лежащій мечъ и, отточивъ его,
Отдай вождю-пророку, ибо близокъ
Часъ той борьбы, что, обновивъ страну,
Низвергнетъ самовластія насилье».
Я, пробудясь, тотчасъ проникъ въ пещеру
И подъ плитой гранитной тамъ нашель
Вотъ этотъ мечъ. Его вручаетъ Небо
Тебѣ черезъ меня. Подаеть мечъ Яну.

Янъ принявъ мечъ, цѣлуетъ его крестообразную рукоять.

Священный даръ!..

Къ народу.

Огнемъ сверкающею этой сталью,
Какъ свѣтозарнымъ солнечнымъ лучомъ,
Я озаряю вамъ, Сіона мужи,
Дорогу въ царство свѣта и добра!
Огнемъ сверкающею этой сталью,
Какъ блескомъ молніи, къ побѣдѣ путь
Я озаряю вамъ, Сіона мужи!

Отдаленный пушечный выстрѣлъ.

Вы слышите?—то грозно прорычаль
Сіона левъ: противъ враговъ свободы
Рванулся онъ!.. Впередъ! впередъ! На бой!

Порывисто бросается на площадь.

Всѣ слѣдую за нимъ.

Впередъ! На бой!

Занавѣсъ.

КАРТИНА II.

Та же декорация. Площадь и заль въ яркомъ солнечномъ освѣщеніи.

СЦЕНА I.

Янъ, Ротманъ, Дивара, Тиланъ, анабаптисты, граждане, женщины, дѣти.

Звуки трубъ и арфъ. Янъ выходитъ съ площади, окруженный толпою гражданъ, женщинъ и дѣтей; передъ нимъ Тиланъ несетъ знамя Сіона, оббитое лаврами. Группа молодыхъ дѣвушекъ и дѣтей разсыпаетъ цвѣты. Общее восторженное оживленіе. Клики народа сливаются съ музыкой и пѣніемъ хора анабаптистовъ «Хвалите небо—для земли день возрожденія настаетъ».

Янъ торжественно входитъ въ заль, Поднимается на возвышеніе, гдѣ стоитъ тронное кресло, и останавливается на верхней ступени. Около него группируются Ротманъ, Тиланъ съ знаменемъ Сіона, вооруженные граждане. Толпа частью наполняетъ заль, частью террасу и площадь. Музыка и пѣніе гимна замолкаютъ, когда Янъ взойдетъ на ступени трона.

Янъ.

Свершилося велѣніе небесъ:
Отбитъ жестокой приступъ вражьей рати
Отъ мюнстерскихъ твердынь. Сіона стягъ,

Обвитый лаврами побѣды, нынѣ
Мы прочно водрузили и оковы
Насилья рабскаго разбиты!

Голоса.

Слава

Пророку лучезарному Сіона!
— Будь повелителемъ и королемъ
Тобою созданнаго царства!

Янъ.

Мужи

Сіона Новаго! Я слышу васъ,
Народа воля для меня священна,
Но я ль, скиталець бѣдный, власть приму
Державную? Безвѣстнымъ чужеземцемъ
Я къ вамъ пришелъ. Меня влекла мечта
Не о величїи земномъ и славѣ:
За правду Божью словомъ я боролся...

Ротманъ.

И слово дѣломъ завершилъ, поднявъ
Побѣдный мечъ противъ враговъ народа!
Такъ будь же охранителемъ его
Священныхъ правъ. Пророкъ, тебя призвавшій,
Великій Матиссонъ, что жертвой палъ
Въ бою съ насильемъ, завѣщаль предъ смертью,
Чтобъ принялъ ты вѣнецъ и скиптръ Сіона.

Голоса.

— Предсмертное пророка завѣщанье—
Глаголь небесъ!—Не отвергай его.

Ротманъ.

О родѣ о твоемъ мы не пытаемъ:
Защитникомъ свободы ты пришелъ,
Такъ будь же нынѣ королемъ свободы!

Всѣ.

Будь королемъ свободы!

Янъ.

Вашъ призывъ

Звучитъ призывомъ Божьимъ. Покоряюсь
Велѣнью вышнему.

Голоса Ротману.

— Учитель мудрый

Анабаптистовъ и глашатай воли
Народной, власть избраннику вручи!
— Передъ лицомъ свободнаго народа
Сверши обрядъ священный!

Ротманъ торжественно.

Янъ, прими

Сіона Новаго вѣнецъ державный
И облеклись одеждой королевской.

По знаку Ротмана входятъ три молодя дѣвушки; двѣ подносятъ королевскую мантию, которую надѣваетъ Янъ; третья—на подушкѣ вѣнецъ и скипетръ.

Пусть этотъ, золотомъ расшитый, пурпуръ
Горитъ и блещетъ, какъ свободы свѣтъ,
Предъ нами возсіявшій.

Беретъ вѣнецъ.

Возлагаю

Вѣнецъ на славное твое чело.
Смотри—онъ не походитъ на короны
Властителей другихъ: съ его кольца
Возносятся лучи, вверху смыкаясь
Въ шаръ золотой; пускай сомкнутся такъ
Народы всѣ и племена земныя
Въ единое, святое царство правды,
Что въ Мюнстерѣ воздвигли нынѣ мы!

Подаетъ Яну скипетръ.

Возьми и скипетръ: эмблема мира онъ,
Да смѣнится имъ мечъ—орудье брани.
Мечъ—знаменіе силы, а въ Сіонѣ
Пусть воцарится право. Мечъ творить
Рабовъ, ему покорныхъ, а въ Сіонѣ
Всѣ люди вольны и равны!

Всѣ.

— Да здравствуетъ и да живетъ вовѣки
Король Свободы!

Янъ.

Братья сіониты!
По вашей волѣ я, пришлецъ безвѣстный
Изъ Лейдена, сталъ королемъ. Клянусь—
Принявши санъ властителя, я буду

Поборникомъ любви, свободы, мира
 И справедливости! Даю обѣтъ
 Устроить царство новое Сіона
 Такимъ, какъ представлялъ его въ мечтахъ,
 Когда сюда вступилъ я съ Матиссономъ.
 Теперь передо мною не мечта,
 Не греза—паяву воздвигну я
 Юдоль земного счастья въ сіяньи
 Немеркнущаго свѣта правды той,
 Что человѣчеству завѣщана отъ Бога!
 Прекрасное съ разумнымъ я солью
 Въ моей державѣ. Соберу въ Сіонѣ
 Я мудрецовъ земли, чтобы они
 Вѣщали смѣло истину, порывы
 Своей высокой мысли устремляя
 На истребленье зла среди людей.
 Я призову художниковъ, поэтовъ:
 Ихъ вдохновенья дивныя дадутъ
 И прелесть и отраду нашей жизни:
 Пускай по всей землѣ пройдетъ молва
 О блескѣ царства Новаго Сіона!
 Мы дѣти свѣта и должны мы свѣтъ
 Привѣтствовать. Любовь и добродѣтель
 Въ союзѣ чистомъ мы соединимъ...
 Сіонскаго ученія завѣты,
 Какъ солнца животворные лучи,
 Прольются надъ землею, и другъ другу
 Раскроютъ люди радостно объятя
 Для мира вѣчнаго и для блаженства!

Голоса.

— Хвала свободы королю!—Пусть Небо
 Тебѣ поможетъ то осуществить,
 Что возвѣстилъ пророкъ, погибшій въ битвѣ
 За правду вѣчную его ученья!

Тиланъ, выступивъ впередъ.

Дозволь сѣдому воину сказать,
 Что сердце мнѣ внушаетъ. Съ Матиссономъ
 Я рядомъ бился. Въ горькій мигъ, когда
 Упалъ пророкъ сраженный, умирая,
 Онъ заповѣдывалъ, чтобы Дивару,
 Его вдову, ты взялъ себѣ женой.
 Твой долгъ исполнить это. И народъ твой
 Тебя объ этомъ просить.

Янь.

Для меня,
Какъ слово Божье, непреложна воля
Предсмертная учителя-пророка.
Да будетъ такъ.

Тиланъ.

Ты знаешь, что въ бою,
Какъ дивная Валкирія, Дивара
Сражалась вмѣстѣ съ храбрыми мужами
И мечъ ея надъ головой враговъ
Сверкала побѣдно.

Дивара выступаетъ изъ толпы, приближается къ ступенямъ трона, склоняется на колѣни и кладетъ мечъ къ ногамъ Яна.

Дивара.

Этотъ мечъ слагаетъ
Она теперь у трона короля,
Склоняясь женской любящей душою
Передъ властителемъ...

Янь приподнимая ее.

Дивара, встань.

Ты слышала рѣшеніе народа,
Ты слышала рѣшеніе мое:
Отнынѣ будь мнѣ спутницей и въ битвахъ
И въ счастьѣ мира...

На площади шумъ. Въ толпѣ волненіе. Входятъ нѣсколько вооруженныхъ гражданъ.

СЦЕНА II.

Тѣ же, граждане.

Одинъ изъ гражданъ.

Изъ лагеря папистовъ къ намъ пришли
Послы епископа. Они хотѣли
Въ переговоры мирные вступить
Съ народомъ. Но когда имъ объявили,
Что ихъ представятъ королю, они
Отвѣтили надменно: мы не знаемъ
Бродяги-короля. За ихъ хулу
Ихъ граждане предать хотѣли смерти,

Но разсудили лучше привести
Какъ плѣнниковъ къ тебѣ.

Янъ.

Вы поступили
Разумно. Пусть предстанутъ слуги
Властителя, низверженнаго нами.

Входятъ фонъ-деръ-Реке и трое другихъ пословъ Вальдека.

СЦЕНА III.

Тѣ же, фонъ-деръ-Реке.

Фонъ-деръ-Реке.

Не передъ тѣмъ ли мы стоимъ, кто власть
Верховную епископа похитилъ
И самозванно объявилъ себя
Владыкой Мюнстера?

Янъ.

Да, передъ вами
Король свободы и ея защитникъ.

Фонъ-деръ-Реке.

Законный государь нашъ повелѣлъ
Въ переговоры намъ вступить съ народомъ,
Но граждане мятежные пословъ,
Пришедшихъ съ предложеніями мира,
Съ угрозами схватили и къ тебѣ
Насъ повлекли насильно. Уступая
Насилію, мы обращаемъ рѣчь
Къ тебѣ, Янъ Лейденскій, что самовольно
Себя считаешь королемъ. Епископъ,
Властитель Мюнстера, даруетъ всѣмъ
Мятежникамъ прощеніе и милость,
Коль, передъ нимъ смирившись, прекратятъ
Они безчинный бунтъ и мирно городъ
Сдадутъ ему.

Къ окружающимъ.

Безумно вамъ итти
Противъ законной власти. Посмотрите:
Вѣдь наше войско каждый день растетъ,
Подходятъ къ намъ союзные отряды,

Самъ императоръ гнѣвомъ вамъ грозить.
Одумайтесь и покоритесь силѣ
Монарха вашего. Къ Яну.

А ты, пришлецъ,
Ты, дерзостный мятежникъ, образумься:
Народъ, тобой прельщенный, на погибель
Не увлекай! О, какъ бы высоко
Ты ни воздвигъ престоль свой беззаконный—
Рука монарха сильная тебя
Достанеть и жестоко покараеть!

Янь.

Я выслушалъ тебя, достойный рабъ
Надменнаго фонъ-Вальдека, который
И насъ считаетъ за своихъ рабовъ
По праву долготѣтнаго господства.
Но время права этого прошло
И новое настало время. Кто же
Обязанъ подчиниться—твоей владыка
Стремленьямъ времени, или оно
Его ничтожной волѣ? Лучезарный
Свободы свѣтъ сияеть надъ землей.
Мы слѣдуемъ завѣтамъ Божьей правды.
Безумными мечтателями насъ
За это вы считаете. Но знайте—
Въ мечтателяхъ лишь только вѣтъ духъ,
Жизнь возрождающій, и въ этомъ мірѣ
Великія дѣянія творять
Одни мечтатели. Себя зовете
Вы всемогущими, но всемогущи
Не вы, а сила вѣчная добра,
Что править человѣческою волей!
Ей времена покорны и народы.
Кто въ ослѣпленьи силу ту отвергъ,
Надѣясь на одно лишь самовластье,
Тотъ рухнетъ, какъ колоссъ, безумнымъ зодчимъ
Поставленный на глиняныхъ ногахъ!

Фонъ-деръ-Реке.

Ты заблуждаешься. Добромъ считается
Не можетъ сила та, что на землѣ
Не признаеть господствующей власти,
Поставленной отъ Бога, и стремится
Попрять законъ безумнымъ мятежомъ.
Престоль монарха занялъ ты безправно—

Долой съ престола! Не позорь его
 Нелѣпнымъ зрѣлищемъ, людьми донынѣ
 Не виданшымъ: сіяніемъ вѣнца
 На головѣ безумной скомороха
 И скиптромъ, нагло схваченнымъ рукой
 Фигляра балаганнаго!

Янъ.

Довольно!

Я дерзкую тебѣ дозволилъ рѣчь
 Затѣмъ, что дерзость рабская презрѣнна
 И оскорбить не можетъ короля,
 Какимъ себя по праву я считаю!..
 Ты думаешь, король я потому,
 Что властью завладѣлъ я? Нѣтъ, покорень
 Мнѣ потому народъ, что я—король,
 Что царствую я на престолѣ мощно
 Въ святомъ союзѣ съ силою народа!
 Тебя смущаетъ, что на мнѣ порфира,
 Что царскій я пошу вѣнецъ?.. Смотри:
 Вотъ я вѣнецъ слагаю и порфиру
 Снимаю съ плечъ моихъ и предстаю,
 Какъ человѣкъ простой я передъ вами!

Порывисто сбрасываетъ порфиру, снимаетъ корону и сходитъ на послѣднюю ступень трона въ грозномъ величїи.

Отбросилъ я всѣ знаки внѣшней власти,
 Съ одной лишь волей царственной остался,
 Что движетъ духъ мой,—и никто изъ васъ,
 Гордящихся высокимъ, знатнымъ родомъ,—
 Никто въ лицо взглянуть мнѣ не посмѣеть,
 Иль слово молвить передъ тѣмъ, кого
 Зовете вы фигляромъ балаганнымъ!

Послы молчать въ смущенїи.

Вернитесь же къ тому; кто васъ послалъ,
 Вернитесь къ властелину, что постыдно
 Бѣжалъ съ своею силой отъ мечей
 Сїонской рати,—и пусть Вальдекъ знаетъ:
 Въ свободномъ Мюнстерѣ царить не онъ—
 Царить король свободы и свобода!

Народъ.

Да здравствуетъ король свободы! Смерть
 Врагамъ Сїона!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА I.

Готическая галерея покинутого монастыря близъ укрѣпленій Мюнстера. На стѣнахъ, столбахъ и аркахъ слѣды разрушенія. Груды камней и сброшенныхъ статуй на плитахъ пола. Въ глубинѣ площадка, къ которой ведутъ нѣсколько ступеней. На площадку выходятъ окна съ расписанными стеклами. Въ лѣвой стѣнѣ входъ въ часовню. Ночь. Вся галерея залита луннымъ свѣтомъ.

СЦЕНА I.

Янъ, Тиланъ.

Янъ входитъ въ сопровожденіи Тилана, который несетъ свѣтильникъ и ставитъ его на обломокъ колонны.

Окончился для насъ удачей бой:
Паписты въ лагерь отступили... Тиланъ,
Что если бы, не давши имъ теперь
Опомниться, мы въ станъ ихъ этой ночью
Внезапно ворвались?.. Ударъ неожиданный
Не вынесетъ разстроенная рать
Епископа... Здѣсь отдохнувъ, объ этомъ
Я поразмыслию... Помогй мнѣ, другъ,
Снять панцырь и оружіе.

Снимаетъ панцырь, отдаетъ мечъ Тилану, садится на одинъ изъ камней и осматривается кругомъ.

Разрушенъ
Быль Матиссономъ этотъ монастырь?

Тиланъ.

Да, государь.

Янь.

Какъ пусть онъ и безмолвень.
Въ немъ не живетъ никто?

Тиланъ.

Сбѣжали все
Монахини еще до дня разгрома.
Теперь, пожалуй, въ кельяхъ гнѣзда вьютъ
Лишь Божьи птицы, да на ветхой башнѣ
Ютится, говорятъ, старикъ безумный,
Соборный органистъ. Онъ помѣшался
Отъ ужаса при видѣ разрушенья
Святынь церковныхъ; и съ тѣхъ поръ, какъ тѣнь
Въ развалинахъ въ часы ночные бродить.

Янь.

Несчастный... Тиланъ, ты не видѣлъ, гдѣ
Въ концѣ сраженія была Дивара?

Тиланъ.

Въ передовомъ отрядѣ королева
Съ своими амазонками сражалась.
Ихъ мужеству дивились и враги...

Янь.

Да, женщины опережаютъ часто
Въ свершеньи дѣлъ и въ замыслахъ мужчинъ,
Но ихъ влечетъ не подвига сознанье,
А безотчетный страстныхъ чувствъ порывъ...
Найди дружину амазонокъ, Тиланъ,
И королеву извѣсти, что здѣсь
Я жду ее.

Тиланъ уходитъ.

Усталъ я. Гулъ сраженья
Замолкъ давно. Ночная тишина
Кругомъ царить... а я еще все слышу
Орудій громъ, трескъ копій, лязгъ мечей
И стоны смерти...

Да, въ мечтахъ не трудно
Сказать себѣ: создамъ я царство мира,
Любовью укрошу вражду людей;
Но свѣтлой той мечты осуществленье—
Борьба и кровь и смерть...

Входитъ Дивара. Она въ панцырѣ и вооруженіи.

СЦЕНА II.

Янъ, Дивара.

Дивара.

Привѣтъ тебѣ,
Прекрасный мой король и побѣдитель!
Съ тобой на полѣ битвы разлучась,
Томилась я тревогою и страхомъ
За жизнь твою...

Янъ.

И забывала ты
Въ бою о жизни собственной, Дивара...

Дивара.

Да, эту жизнь готова я отдать
Для торжества властителя Сіона.
Но если ты погибнешь...

Янъ.

За меня
Твой непонятенъ страхъ. Вѣдь чародѣйкой
Себя зовешь ты и прочесть могла
Въ созвѣздіяхъ, что невредимъ изъ битвы
Сегодня выйду я...

Дивара.

Въ мой вѣщій даръ
Ты, Янъ, не вѣруешь, я это знаю...
Но вспомни ночь, когда впервые мы
Съ тобою встрѣтились и я сказала:
Твоя судьба съ моею неразлучна.
Сбылись мои слова, и звѣзды тѣ,
Что и тебѣ и мнѣ тогда сіяли
Привѣтомъ радостнымъ, не обманули насъ!

Янъ.

Не обманули—да. Однако звѣзды
Не все тебѣ открыли въ эту ночь...
Въ пророчествѣ ихъ было ль обѣщанье,
Что вмѣстѣ съ саномъ королевы ты
И сердцемъ Яна также овладѣешь?

Дивара.

Должно свершиться волей рока то,
 Въ чемъ для меня предѣлъ земного счастья!
 Я—королева и твоя жена—
 Чужда еще твоей душѣ, какъ прежде,
 И чуждо ложе мнѣ твое... Но день
 Тотъ недалекъ, когда моимъ ты будешь
 И не избѣгнешь ты волшебныхъ чаръ
 Моей любви.

Янъ.

Увѣрена ты въ этомъ?

Дивара.

Я этой вѣрою живу, дышу,
 Я страстно жду судьбою всемогущей
 Общанный мнѣ жребій—и дождусь!

Янъ.

Дочь племени бродячаго съ глазами
 Горящими огнемъ—надѣлена
 Ты властною душой. Побѣды полной.
 Ты хочешь надо мною?..

Дивара страстно.

Да, хочу!

Янъ.

Такъ знай, что если я своей женой
 И королевою тебя назвалъ, то я
 Не передъ голосомъ склонился сердца—
 Предъ волею народа. По дѣламъ
 И гордымъ помысламъ тебя считаю
 Достойной королевскаго вѣнца,
 И все же... я тебѣ открою тайну,
 Что ты не разгадала волшебствомъ:
 Другая женщина въ моихъ мечтаньяхъ
 Царить въ коронѣ чистой красоты!..

Дивара смѣется.

Чему смѣешься ты?.. Твой смѣхъ безуменъ...

Дивара.

Смѣюсь тому, какъ простодушенъ ты...
 Давно твою я разгадала тайну
 И, видишь, слушаю твое признанье

Съ спокойной твердостію. Блѣдный образъ
Той женщины, что стала межъ тобой
И страстію моею, онъ только тѣнью
Мелькнулъ случайной и пропалъ какъ тѣнь...
Да, гдѣ же эта жалкая бѣглянка,
Что ночью въ Давертскомъ лѣсу тебѣ
Шептала жалобы свои? Ни слуха
О ней съ тѣхъ поръ и слѣдъ ея исчезъ.
Она, быть можетъ, умерла...

Янъ.

Не знаю...

Но въ сердцѣ у меня живетъ она
И будетъ жить она всегда... Дивара,
Прости мнѣ правду этихъ словъ, но ложь
Мнѣ ненавистна. Рано или поздно
Я долженъ былъ сказать, что я сказалъ...

Встаешь.

Разстанемся. Тревогой тяжелой битвы
Утомлена душа твоя. Теперь
Не время раздражать себя волненіемъ
Ревнивыхъ чувствъ. Я видѣться съ тобой
Не для того хотѣлъ... Я здѣсь останусь
И этой ночью, можетъ быть, рѣшу
Вновь сдѣлать вылазку, проникнуть въ лагерь
Усталаго врага подъ кровомъ тьмы
И разгромить, коль Небо намъ поможетъ,
Рать Вальдека въ конецъ. Въ бою ночномъ
Участвовать не будешь ты. Довольно!—
Не дѣло женщинъ жизнью рисковать.
Ты съ амазонками своими въ Мюнстеръ
Должна вернуться...

Зовешь.

Тиланъ!

Тиланъ входитъ.

Государь?

Янъ.

Отрядъ драбантовъ собери, чтобъ въ городъ
Тотчасъ же проводили королеву.

Диваръ.

На завтра свидимся. Прощай.

Дивара.

Прощай.

Уходитъ въ сопровожденіи Тилана.

СЦЕНА III.

Янъ, Гилла.**Янъ** одинъ.

Мнѣ тяжело бороться съ гордой волей
И страстью этой женщины. Она
Внушаетъ тайный ужасъ мнѣ. Угрозы
Ея безумной, демонской любви
Смущаютъ свѣтлыя мои стремленья.

Идалека доносится пѣніе. Янъ, вздрогнувъ, прислушивается.

Что это?.. Слуха моего обманъ?
Иль духи здѣсь невидимо блуждаютъ
Въ покинутыхъ отшельницами кельяхъ?..

Голосъ за сценой.

Скорби рыданія,
Слезы, мольбы покаянія
Къ вамъ возношу, небеса полуночи!
Кроткія очи
Звѣздъ золотыхъ,
Смотрите вы на меня,
Будто маня

Душу мою отъ земли и страданій земныхъ
Въ Божіе царство, въ селенія рая,
Гдѣ не смолкая
Гимны звучать серафимовъ святыхъ...

При послѣднихъ словахъ Гилла появляется въ глубинѣ сцены.

Янъ.

Не сонъ ли это?.. Гилла!.. Нѣтъ, то призракъ
Моихъ взволнованныхъ мечтаній...

Гилла.

Янъ...

Янъ бросается къ ней.

Я слышу голосъ твой... Такъ предо мною
Не привидѣнье?.. Ты со мною вновь?..
Гдѣ ты скрывалась, Гилла, съ той поры,
Какъ мы съ тобою разлучились...

Гилла.

Здѣсь.

Янь.

По этотъ монастырь вѣдь былъ разрушенъ?
Покинуть былъ онъ всѣми?..

Гилла.

Изъ монахинь

Одна осталась я... Себѣ пріютъ
Въ развалинахъ нашла я потаенный.
Днемъ прячусь я, а ночью я молюсь
У алтаря разбитаго...

Янь.

Зачѣмъ же

Ты не дала мнѣ вѣсти о себѣ?..
Или не знаешь ты и не слыхала,
Какъ вознесенъ чудесно я судьбой?

Гилла.

Я знаю, избранъ ты народной волей
И вѣнчанъ королемъ... Могла ли я
Подумать даже, что меня ты помнишь...

Янь.

Забыть тебя!.. Съ той ночи, какъ въ лѣсу
Мы встрѣтились, я жилъ одной мечтою,
Одной надеждой—вновь тебя увидѣть...
Забыть тебя!.. О, если въ тайныхъ думахъ
О счастье съ женщиной любимой мнѣ
Являлся образъ нѣжный и прекрасный
Въ страданьи и въ любви—ты предо мной
Стояла, ты въ красѣ своей небесной...
Я ждалъ тебя, я мучился въ тоскѣ...

Гилла.

Но ты вѣдь знаешь, Янь, мое паденье
И мой позоръ... Къ любви и счастью нуть
Потерянь мной. Я отеклась отъ жизни
И здѣсь, въ уединеніи святомъ
Нашла покой израненному сердцу.
Предъ алтаремъ Того, Кто искупилъ
Грѣхи людей божественнымъ страданьемъ,
Стихаетъ боль моихъ безумныхъ мукъ,
Я забываю ихъ. Въ порывѣ чистомъ
Любви къ Христу я умерла душою
Для радостей земныхъ...

«истор. вѣстн.», февраль, 1911 г., т. сxxiii.

Янъ.

Не вѣрь, не вѣрь
 Обманчивой мечтѣ объ отреченьи
 Отъ жизни и любви: ее тебѣ
 Отчаянье навѣяло... Нѣтъ, Гилла,
 Съ небесъ должна ты снизойти на землю:
 Кто можетъ пламенно, какъ ты, молиться
 Предъ божествомъ, тотъ и въ любви земной
 Найдеть святыню для молитвы страстной

Гилла.

Ахъ, навсегда угасло для меня
 Святыни этой чистое сіянье.

Янъ.

Бя небесный пламень потушилъ
 Насиліемъ разврата безсердечный
 И подлый звѣрь, что лицемѣрно носить
 Священный санъ мирской и Божьей власти...
 Но пламень чистый загорится вновь—
 Отдай лишь сердце сердцу человѣка!..
 Испуганный жестокимъ торжествомъ
 Насилія и зла, и я когда-то
 Мечталь уйти отъ міра и людей
 И царство свѣтлаго блаженства въ грезахъ
 Я создавалъ... Но тайно сердце мнѣ
 Всегда прелестный образъ рисовало
 Подруги кроткой, чистой и святой...

Гилла.

И ты найдешь ее... но не въ погибшей
 И опозоренной насилія жертвѣ,
 Убитой горемъ... Дивную судьбу,
 Вознесшую тебя на тронъ, раздѣлить
 Съ тобою дѣва юная душой
 И чистая въ своей красѣ невинной...

Янъ.

Не говори мнѣ такъ: твои слова
 Терзаютъ сердце, но они напрасны...
 Я многихъ женщинъ зналъ. Не разъ манили
 Опѣ меня на страстную любовь,
 Но равнодушенъ былъ я къ пѣжнымъ ласкамъ:
 Искаль я не вакханку между ними,

Но свѣтлос созданіе небесъ...
Судьба рукою властною недавно
Меня свела съ безумной чародѣйкой:
Красою демонской, волшебствомъ чаръ
Таинственныхъ она какъ будто цѣпью
Старается мнѣ душу оковать...
Я оттолкнулъ ее... но все жъ я слышу
Невольнo цѣпи звонъ... Но вотъ теперъ
Я снова встрѣтился съ тобою, Гилла,
И все, о чемъ мечталъ я, наконецъ
Не въ грезахъ сна, а наяву увидѣлъ...
Меня спасешь ты отъ коварныхъ чаръ
Волшебницы опасной... Будь моею,
За мной послѣдуй и съ тобою, съ тобою
И власть, и силу, и любовь, и счастье
Я раздѣлю!..

Гилла съ тоской.

Не обольщай меня
Напрасными мечтаньями и въ сердцѣ
Безумную тревогу не буди
О счастья несбыточномъ...

Отдаленный, протяжный звонъ колокола. Гилла, вздрогнувъ.

Ты слышишь?

Янъ.

Да... колоколь...

Гилла.

На монастырской башнѣ
Разрушенной какъ прежде онъ звучитъ
Въ полночный часъ... вѣдь это Божье чудо...

Янъ.

Ты заблуждаешься... сказали мнѣ—
Тамъ органистъ безумный пріютился
И, вѣрно, это онъ звонитъ...

Гилла.

Такъ что жъ?
Кто бъ это ни былъ—человѣкъ, иль ангель—
Полночнымъ звономъ призываетъ онъ
Къ молитвѣ Небу... И призывъ небесный
Меня влечетъ... Я къ алтарю иду,
Иду молиться...

Янъ страстно.

Гилла, дорогая,
Довѣрься мнѣ, не уходи отъ жизни!
Не надо быть отшельницей, блуждать
Въ развалинахъ обители, чтобъ сердце
Наполнилось любовью къ Божеству:
И въ мірѣ, созданномъ по волѣ Бога,
Оно молиться можетъ передъ нимъ...

Подводитъ ее къ озаренному мѣсяцемъ окну, за которымъ видны деревья монастырскаго сада.

Вотъ колокола звонъ печальный умеръ,
Но, слышишь, пѣснь несется соловья,
Полна любви истомой и привѣтомъ...
А ночь—смотри—какою красотой
И страстью дышитъ... Съ неба мѣсяцъ льетъ
Лучи изъ серебра, лаская пѣжно
Твой блѣдный ликъ... Прекрасенъ Божій міръ
И онъ живетъ... Живи и ты любовью
И счастьемъ... Ты молчишь?.. Боишься ты
Покинуть келью душную?.. Такъ знай же—
Я противъ воли изъ твоей темницы
Освобожу тебя...

Порывается ее обнять.

Гилла съ ужасомъ отстраняясь.

Оставь... Твой взоръ
Горитъ огнемъ... Я знаю этотъ пламень
Грѣха и зла...

Янъ печально.

Нѣтъ, Гилла, я не такъ
Люблю тебя, какъ тотъ любилъ, преступный
И подлый осквернитель чистоты
Твоей души... Моя любовь иная
И горько мнѣ, что не могу найти
Довѣрья къ свѣтлому ея влеченью...
Но если такъ... съ отчаяньемъ тоски
Я говорю тебѣ: покуда будешь
Грѣхомъ и зломъ считать любви союзъ—
Не стану я смущать тебя соблазномъ:
Иди и схорони себя навѣки
Въ обители печальной смерти...

Въ порывѣ горя онъ отходитъ.

Гилла съ рыданіемъ, падая на колѣни.

Янъ!..

Янъ бросается къ ней, поднимаетъ ее и покрываетъ поцѣлуями.

Мой дорогой... меня ты любишь... любишь...
Скажи мнѣ... повтори...

Янъ.

Люблю какъ жизнь!

Гилла склоняется къ нему, рыдая.

О, бѣдное, измученное сердце...
Слезамъ—не улыбкой свѣтлой ты
Встрѣчаешь къ жизни возрожденье...

Гилла.

Милый,

Прости мнѣ эти слезы: плачу я
Отъ радости неожиданной и отъ горя...

Янъ.

Нѣтъ больше горя! Радость лишь одна
Тебя въ грядущемъ ждетъ, моя царица!
На свѣтломъ тронѣ свѣтлаго Сіона
Сіять ты будешь въ дивной красотѣ...
Какимъ же горемъ сердце ты тревожишь?

Гилла.

Янъ, слушай и пойми меня: когда
Твоей любви прекрасный, чистый образъ
Я вижу предъ собой—неволью мнѣ
Воспоминанія терзаютъ сердце...
Я смуть должна клеймо позора... клятву
Даю святую: предъ тобой предстану
Достойной, чистою невѣстой я...
Мнѣ шепчетъ голосъ долга роковой:
Тотъ день придетъ... Ты обо мнѣ услышишь...
Теперь должна разстаться я съ тобой...
Прощай...

Янъ.

Куда же ты уходишь, Гилла?
Что ты задумала?...

Гилла.

Въ тотъ день, когда
Я возвращусь—мою узнаешь тайну.
О, не удерживай меня, за мною
Не слѣдуй, не ищи меня...

Мѣсяцъ закрывается облакомъ.

Смотри:

Свѣтъ мѣсяца померкъ подь темной тучей...
Такъ скроюсь я въ могилѣ тьмы полночной
И возрожденной я приду къ тебѣ
При золотомъ сіяньи солнца!..

Она удаляется въ глубину сцены и исчезаетъ въ темнотѣ.

Янь.

Гилла!..

Нѣтъ, нѣтъ... не уходи... я умоляю...

Порывомъ вѣтра раскрывается окно. Свѣтильникъ гаснетъ. На сценѣ полная темнота.

Занавѣсъ.

КАРТИНА II.

Та же декорация. Свѣтлое утро. Солнечные лучи, врываясь въ открытое окно, заливаютъ всю галерею свѣтомъ. На авансценѣ оживленная группа ландскнехтовъ. Одни, разостлавъ плащи на полу, играютъ въ кости; другіе окружаютъ молодого ландскнехта, который поетъ пѣсню.

СЦЕНА I.

Молодой ландскнехтъ, Первый, второй и другіе ландскнехты.

Молодой ландскнехтъ поетъ.

Пашетъ крестьянинъ усталый,
Чахнетъ купецъ надъ мощной...
Мы въ нашей жизни удалой
Ищемъ свободы одной.
Правому дѣлу мы служимъ,
Нѣтъ ли—объ этомъ не тужимъ...
Встрѣтился въ битвѣ съ врагомъ—
Каждый будь доблестнымъ мужемъ,
Бейте копьемъ и мечомъ!

* * *

Смерти ль ландскнехтамъ бояться:
Смерть съ нами въ дружбѣ живетъ.
Бой загорѣлся—и мчатся
Смѣло ландскнехты впередъ!
Жизнь развѣ въ томъ, чтобъ съ могилой
Свидѣться въ старости хилой?..
Жизнь мы проводимъ свою,
Храбростью, удалью, силой
Тѣпашь въ побѣдномъ бою!

Первый ландскнехтъ.

Прибавить бы, товарищъ, въ пѣсенѣ надо
Еще одно:
Есть у ландскнехтовъ добрая отрада—
Вино:
Какъ я умру—мнѣ все равно,
А вотъ коль жизнь моя, сказать примѣромъ,
Пройдетъ такимъ манеромъ,
Что я съ утра и къ вечеру не пьянъ,
Такъ это ужъ не жизнь—обманъ.

Второй ландскнехтъ.

Ты разсудилъ довольно тонко,
Но если горло промочилъ винцомъ,
То дѣло добрымъ завершай концомъ,
И для того нужна смазливая дѣвчонка.

Первый ландскнехтъ.

Вишь, захотѣлъ всего ты вдругъ:
Тотчасъ видать, что молоденець.
Охъ, для дѣвчонокъ деньги нужны, другъ,
И много денегъ!

Второй ландскнехтъ.

Такъ что же? Нынче времячко пришло—
Вездѣ вражда, раздоръ... По симъ причинамъ
Въ цѣнѣ солдата ремесло.

Третій ландскнехтъ.

Жизнь нашимъ мѣряютъ теперь аршиномъ—
Ландскнехта пикою, ну, вотъ
И денежка охотно къ намъ плыветъ.

Четвертый ландскнехтъ.

Попы пророчать: отъ раздора
Весь мѣръ погибнуть долженъ скоро...

Первый ландскнехтъ.

Пустой, такъ надо думать, толкъ.
 А, впрочемъ, намъ объ этомъ нѣтъ заботы:
 Сгорить кабакъ, гдѣ пили въ долгъ,
 Такъ вмѣстѣ съ нимъ сгорять и долговые счета!

Окружающіе смѣются. За сценой говоръ. Входитъ капитанъ ландскнехтовъ.

СЦЕНА II.

Тѣ же, капитанъ, Гилла, ландскнехтъ.

Капитанъ.

Что тамъ шумять?

Первый ландскнехтъ.

Не знаю, капитанъ...

Входитъ Гилла въ сопровожденіи ландскнехта. Она переодѣта пажомъ.

Ландскнехтъ капитану.

Молодчикъ этотъ прибѣжалъ къ намъ въ станъ
 Изъ Мюнстера. Онъ тамъ скучаль, вишь, больно
 И въ плѣнъ рѣшилъ отдаться добровольно.

Капитанъ Гиллѣ.

Ты кто жъ такой?

Гилла.

Я королевскій пажъ.

Капитанъ.

Гм... значить, человѣкъ придворный...
 Король-то балаганный вашъ,
 Какъ видно, молодець проворный:
 Вчера еще кроилъ камзолы и штаны
 И выходилъ паяцемъ на подмостки,
 А нынче у него заведены
 Гофмаршалы, пажи-подростки...
 Эхъ, нечего сказать, дѣла
 Теперь творятся... Молвить кстати:
 Для гербовой своей печати
 Король вашъ выбралъ, говорятъ, козла?

Ландскнехты смѣются.

Гилла вспыхнувъ.

Неправда!.. Янъ умѣеть править,
Онъ съ честью носить королевскій санъ,
И мюнстерцы, повѣрьте, капитанъ,
Довольны имъ...

Капитанъ.

Съ чѣмъ можно ихъ поздравить!

Гилла.

Онъ справедливо судъ ведетъ,
Въ бояхъ прославился отвагой,
Ему дивится весь народъ...

Капитанъ.

Ну, да, а все-таки фигляромъ и портнягой,
Какъ прежде, останется вашъ король...
Однако, юноша, позволь—
Усердно своего ты хвалишь господина;
Какая жъ у тебя причина,
Что ты служить не пожелалъ ему?

Гилла.

Я это сдѣлалъ потому,
Что негоденъ былъ я королевѣ:
Она меня бранила часто въ гнѣвѣ
И даже...

Капитанъ смѣясь.

Била заурядъ?..
Для королевы неприлично это,
Но вѣдь она цыганка, говорятъ,
Придворнаго не знаетъ этикета....

Гилла.

Быть можетъ, капитанъ. Да мнѣ-то
Не легче было отъ того...

Капитанъ.

Ты правъ...
Злой бабы выносить довольно трудно нравъ...
Но къ намъ пришелъ ты для какой же цѣли?

Гилла.

Желаю графу Вальдеку служить
И передать ему объ очень важномъ дѣлѣ...

Капитанъ.

Вишь, у тебя какая прыть!
 Твои слова иль черезчуръ ужъ просты,
 Иль черезчуръ хитры—я что-то не пойму...
 Графъ въ лагерѣ теперь, осматриваетъ посты.
 Когда вернется—доложу ему.
 Покуда здѣсь побудь.

Ландскнехтамъ.

Ребята,

Рекомендую новаго солдата:
 Смотрите, что за молодець! Колоссъ!

Смѣясь уходить.

СЦЕНА III.**Гилла, ландскнехты.****Первый ландскнехтъ.**

Да, видѣть намъ такихъ еще не довелось:
 Какъ разъ годишься въ бравые ландскнехты
 И ростомъ перевесишь всѣхъ ты.
 Вотъ влѣзешь на коня, такъ ровно воробей
 Сѣлъ на ворота.

Общій смѣхъ.

Гилла.

Ростомъ я не вышелъ,
 Но ты вѣдь, вѣрно, поговорку слыпалъ:
 У малой птички поготовкъ вострѣй.

Первый ландскнехтъ.

Эге, да ты въ карманъ не лазаешь за словомъ!
 Ну, коли такъ—выкладывай-ка намъ,
 Какъ въ Мюпстерѣ у васъ живется тамъ?
 Подъ королемъ-то вашимъ новымъ?

Гилла.

Живется хорошо. Всѣхъ бѣдняковъ правами
 Сравнялъ король нашъ съ богачами.
 Затѣмъ такой порядокъ заведентъ:
 Кто прежде проживалъ съ одною

Своей законною женою—
Теперь имѣй хоть десять женъ?

Второй ландскнехтъ.

Вотъ это значить полная свобода!

Первый ландскнехтъ.

Съ свободою такого рода
Завоешь, братъ,
Какъ жены на исходѣ года
Тебѣ десятокъ принесутъ ребяты!

Смѣхъ.

Третій ландскнехтъ.

А я слыхалъ, у самого-то
У короля еретиковъ жена—
Колдунья. Изъ голландскаго болота,
Какъ жабу, выловилъ ее, вишь, сатана
И въ Мюнстеръ притащилъ...

Первый ландскнехтъ.

Эхъ, Отто,

Здоровъ ты врать.

Третій ландскнехтъ.

Какое тутъ врать!

Въ бою я видѣлъ самъ ее:
На головѣ шишакъ, на груди латы,
Въ рукахъ копье, летаетъ на конѣ...
Не запродавши душу сатанѣ,
Пойдетъ ли женщина въ солдаты?

Первый ландскнехтъ.

Но, кромѣ королевы, есть
Въ строю у мюнстерцевъ другія бабы...

Гилла.

И очень храбрыя—отдать имъ надо честь...

Первый ландскнехтъ.

Храбрыяся, точно, ну, а все же слабы:
Не имъ держать копье и мечъ,
И лучше бъ руки поберечь
Для спиць вязальныхъ, для иглокъ.

Какой ужъ въ ихъ солдатской службѣ прокъ!
 Не даромъ сказано: умъ бабы коротокъ,
 Хоть волосъ дологъ.

Второй ландскнехтъ.

Да, этакъ разсуждали встарь,
 А нынче...

За сценой трубы.

Первый ландскнехтъ.

Чу?.. Вернулся государь...
 Идемте, братцы...

Уходить торопясь всѣ, кромѣ Гиллы, которая остается въ глубинѣ сцены.

СЦЕНА IV.

Графъ фонъ-Вальдекъ, Штединкъ, капитанъ.

Вальдекъ входитъ въ сопровожденіи Штединка и капитана.

Я съ тобою, Штединкъ,

Вполнѣ согласенъ: надо кончить намъ
 Ударомъ неожиданнымъ осаду...
 Вотъ заняли мы этотъ монастырь,
 Что былъ въ рукахъ врага. Всѣ признавали
 Тутъ ключъ позиціи. Однакожъ мы
 Стоимъ здѣсь столько времени, окопы
 И шанцы дѣлаемъ, а толку нѣтъ...
 Коль дѣло такъ затянется, пожалуй,
 Придется снять осаду и войну
 Прервать позорно... Ты сказалъ мнѣ—хочешь
 Рискнуть на что-то?

Штединкъ.

Государь, мой планъ
 Навѣрняка расчитанъ. Перебѣжчикъ,
 Одинъ кузнецъ изъ Мюнстера, пароль
 Анабалтистовъ обѣщаль мнѣ выдать.
 Войду я ночью въ городъ, отворю
 Ворота крѣпостныя—и, клянусь вамъ,
 Еще до утра Мюнстеръ будетъ нашъ!

Вальдекъ.

Задумано не худо. Попытайся.
Когда жъ, ты думаешь, возможно будетъ
Осуществить твой планъ?

Штедингъ.

Да все зависить
Отъ перебѣжчика. Онъ общалъ,
Что приготовить это дѣло скоро...

Вальдекъ.

Зайди ко мнѣ немного попозднѣе:
Подробнѣй все обсудимъ

Штедингъ уходитъ.

Капитанъ.

Государь,
Вы приказали, чтобы вамъ напомнить
О молодцѣ изъ Мюнстера...

Вальдекъ.

Да, да...
Гдѣ жъ этотъ юноша?

Капитанъ указываетъ на Гиллу.

Вотъ онъ.

Вальдекъ даетъ знакъ, чтобы онъ удалился. Капитанъ уходитъ.

СЦЕНА V.

Вальдекъ, Гилла.

Вальдекъ.

По виду
Ты сынъ патриція. Я не дивлюсь,
Что Мюнстеръ ты покинулъ. Ну, какія
Намъ вѣсти сообщилъ?.. Фигляръ-пришлецъ
Попрежнему роль короля играетъ,
Не вѣдая, что близокъ день, когда
Съ преступной головы его сорветъ
Палачъ корону?.. Что же ты молчишь?
Зачѣмъ въ смущеньи ты лицо скрываешь?..
Зачѣмъ ты...

Гилла открываетъ лицо.

Вальдекъ, узнаешь меня?..

Вальдекъ.

Какъ—Гилла! Ты?.. Ужель тебя я вижу?..
 Что жъ привело тебя? Иль пробудилась
 Въ тебѣ любовь?.. Ну, долго же меня
 Ты ждать заставила... Дай руку... Что?
 Не хочешь? Какъ и прежде, недоступна
 Ты въ гордой красотѣ...

Обнимаетъ ее.

Да улыбишь же,
 Оставь былую дикую суровость...
 Я поцѣлую жду любви, какъ радость
 Нежданной встрѣчи...

Гилла.

Вотъ мой поцѣлуй!

Поражаетъ его кинжаломъ. Вальдекъ предупреждаетъ ударъ, схвативъ ее за руку.
 Борьба.

Вальдекъ, вырвавъ кинжалъ, бросаетъ его на
 полъ.

Ну, видишь, злая пчелка, ты безъ жала...

Насмѣшливо.

Но не безъ меда, я надѣюсь...

Гилла рыдаетъ.

Что жъ
 Безумно ты рыдаешь?.. Успокойся...
 Такъ ты пришла не для любви—для мести
 За прошлое?..

Гилла.

Безумный человѣкъ!
 Ужель ты могъ подумать, что любовью
 Гь тебѣ привлечена я?.. Лицемеръ,
 Проклятый развратитель—я готова
 Была бы десять разъ тебя убить...
 Но не дано мнѣ силы...

Горе, горе,
 Навѣки я обречена судьбой
 Жить съ злою мукой моего позора...

Въ порывѣ отчаянія.

Прости мнѣ, Янъ, прости мое безумье!..
 Я думала, что смертію того,
 Кто душу осквернилъ мою и тѣло
 Я оправдаюсь честно предъ тобой...
 Но правой мести Богъ мои молитвы
 И клятвы не услышалъ... Я погибла,
 Погибла для тебя...

Рыдаеть.

Вальдегъ.

Такъ вотъ въ чемъ дѣло:
 Ты любишь скомороха-короля?..
 И для того пошла ты на убійство,
 Чтобъ доказать ему, какъ беззавѣтна
 Твоя любовь?.. Иль, можетъ быть, тебя
 Ничтожный, хитрый этотъ самозванецъ
 Самъ подослалъ?.. Кровавая затѣя!..
 Но, видишь, кончилась она не такъ,
 Какъ вы разсчитывали оба!..

Слушай,
 Анабаптистка,—вотъ мой приговоръ:
 Король твой балаганный будетъ скоро
 Съ другой невѣстою обвѣнчанъ: смерть
 На эшафотѣ ждетъ его... А ты...
 Я могъ бы такъ же поступить съ тобою
 За умыселъ преступный... Но жалѣю
 Я красоту и молодость твою
 И память о быломъ невольню душу
 Волнуетъ состраданьемъ... У тебя
 Насильемъ дѣвственность твою я отнялъ,—
 Теперь въ замѣну смерти жизнь дарю!

Гилла.

Напрасный даръ... И какъ твою любовь
 Постыдную презрѣла я когда-то,
 Такъ и теперь я презираю жизнь,
 Которую даришь ты лицемѣрно,
 Затмивъ порокомъ этой жизни свѣтъ!..
 Твоя пощада для меня ужаснѣй,
 Чѣмъ злая казнь... Мнѣ смерть отрадой будетъ—
 И я умру...

Порывистымъ движеніемъ поднимаетъ кинжалъ съ пола, наноситъ себѣ ударъ и падаетъ.

Вальдекъ въ ужасѣ наклоняется надъ нею.

Безумная, зачѣмъ
Ты это сдѣлала...

Гилла.

Такъ было Небомъ
Присуждено мнѣ... не жалѣй меня...
Я объ одномъ прошу тебя... исполни
Мое предсмертное желаніе... отдай
Мой трупъ для погребенія тому,
Кого любила я...

Умираетъ.

Вальдекъ нѣкоторое время смотреть въ мрач-
номъ безмолвіи на трупъ.

Эй, кто тамъ—стража!

Входитъ капитанъ ландскнехтовъ.

Несчастный этотъ пажъ убилъ себя...
Онъ, кажется, былъ сумасшедшій...
Приказъ мой: позови сейчасъ монаховъ.
Пусть тѣло юноши возьмутъ они,
Положатъ въ гробъ съ молитвой погребальной
И нынче въ Мюнстеръ отнесутъ и тамъ
Оставить у вождя анабаптистовъ.

Уходятъ. Капитанъ идетъ на сцену и возвращается съ нѣсколькими монахами, ко-
торые кладутъ Гиллу на носилки и уносятъ въ часовню съ похороннымъ пѣніемъ.

Занавѣсъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ
МАРТЪ 1911 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1911 г.

	ст
I. Колычевская вотчина. Романъ. Часть I, гл. XIII—XVII. (Продолженіе). М. Г. Веселковой-Кильштетъ.	815
II. Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ. М. В. Олуфьева.	855
III. Въ литературномъ муравейникѣ. (Встрѣчи и знакомства). Князя Б. А. Щетинина.	865
IV. Сирота мѣшанскаго танцевальнаго общества. Г. Т. Сѣверцева-Полилова.	896
V. Встрѣчи и знакомства. (Продолженіе). А. П. Соколовой.	919
VI. Изъ зарубежныхъ встрѣчь. М. Туринскаго.	937
VII. Памятные дни. (Воспоминанія очевидца). В. А. Авіе.	958
VIII. Доброе дѣло. (Памяти П. С. Ванновскаго). Ю. Лоссовскаго. . .	987
IX. По китайской границѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). В. Сазонова.	991
X. Уставъ и наука. (Изъ университетскихъ воспоминаній). Р. П. Семелтковскаго.	1004
XI. Императоръ Александръ II въ Смоленскѣ (1858). Н. А. Добро-творскаго.	1014
XII. Пѣшкомъ по Кавказу. (Лѣтнія экскурсія 1909 г.) Гл. VII—X. (Окончаніе). А. А. Моцанскаго.	1025
Иллюстраціи: 1) Анапуръ.—2) Анапурская крѣпость.—3) У источника между Анапуромъ и Душетомъ.—4) Пещеры у Микета.—5) Самтаврскій монастырь св. Нины въ Микетѣ.—6) Сионскій соборъ въ Тифлисѣ.—7) Могила А. С. Грибоѣдова.—8) Развалины тифлисской крѣпости.	
XIII. Александръ Ивановичъ Пальмъ. Г. А. Пальма.	1054
Иллюстрація: Александръ Ивановичъ Пальмъ.	
XIV. Археологическая дѣятельность графа А. А. Бобринскаго. (По поводу 25-лѣтія его председательствованія въ императорской археологической комиссіи). В. Е. Рудакова.	1060
Иллюстрація: Графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій.	
XV. Сорокалѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора Ө. А. Курганова. П. П. Соколова.	1069
XVI. Изъ жизни археологическихъ учреждений. А. А. Миронова.	1077
XVII. Критика и библиографія.	1085

1) Сенатскій архивъ. Т. XIV. Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за февраль—декабрь 1764 года. Спб. 1910. **В. Рудакова.**—2) Флоровскій, А. В. Изъ исторіи Екатерининской законодательной комиссіи 1767 г. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Одесса. 1910. Отд. оттискъ изъ II вып. «Записокъ императорскаго новороссійскаго университетскаго историко-филологическаго факультета. С. Авалани.—3) Шведская война 1808—1809 г. Составлена военно-историческимъ отдѣломъ шведскаго генеральнаго штаба. Переводъ группы офицеровъ бывшаго финляндскаго военнаго округа подъ общей редакціей ген.-майора Алексѣева и полк. Ниве. Часть III и приложенія. Изданіе отдѣла генералъ-квартирмейстера главнаго управленія генеральнаго штаба. Спб. 1910. м. с.—4) Альбертъ Вандаль. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. I. Отъ Тильзита до Эрфурта. Спб. 1910. А. Б.—5) В. В. Назаревскій. Великія историческія годовщины. 1612—1613—1812. Междоусербие и народныя ополченія. Трехсотлѣтіе избранія на царство Михаила Теодоровича Романова. Столѣтіе Отечественной войны 1812 года. Съ 146 рисунками. М. 1911. **В. Рудакова.**—6) Отчетъ о дѣятельности черниговской губернской ученой

(См. слѣд. стран.)

архивной комиссії са 1909 годъ. Черниговъ. 1909. Д. в.—7) Военная энциклопедія. Подъ редакціей Новицкаго, Фонъ-Шварца, Апушкина и Фонъ-Шульца. Изданіе т-ва Сытина. I полутомъ. Спб. 1911. Съ картами, планами, портретами и картами. Л. н.—8) Ученія Записки императорскаго лиція въ память цесаревича Николая. Выпускъ первый. Москва. 1907. Выпускъ второй. Москва. 1908. Выпускъ третій. Москва. 1909. Профессора М. Красножена.—9) Берлинскій Братскій Временикъ. Православныя церкви и русскія учрежденія за границей (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Въ двухъ частяхъ, съ 76 рисунками. Протоіерен А. П. Мальцева. Берлинъ. 1911. С.—10) Описание новой бібліотеки конгресса въ Вашингтонѣ, составленное Гербертомъ Смоллѣ. Изданіе Г. В. Юдина. М. 1910. М. н.—ва. 11) Каптеревъ, П. Ф. Исторія русской педагогики. Спб. 1910. Вит. Тичуна.—12) Д-ръ мед. В. В. Гюббенетъ. Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ. Очерки военно-санитарнаго дѣла и замѣтки по полевой хирургіи. Спб. 1910. М. С.—снаго.—13) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1910 г. Тома XV книжка 1-я. Спб. 1910. Г. В. Г.—14) Н. М. Гутъяръ. Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева. Спб. 1910. (Изъ 87-го тома «Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. имп. академіи наукъ». Н. л.—15) «Въ странѣ изгнанія». (Изъ записной книжки корреспондента Е. П. Семенова). А.—16) А. В. Карповъ. Казачьи стихотворенія. Уральскъ. 1910 г. В. П. Федорова.—17) «Первые литературные шаги». Автобіографіи современнымъ русскимъ писателямъ. Собралъ Ф. Ф. Фидлеръ. Спб. 1911. М. Ф. М.—18) Библиографическій словарь писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ (преимущественно) Рязанской губерніи. Составленъ о. І. В. Добролюбовымъ и дополненъ С. Д. Яхонтовымъ. Изданіе рязанской архивной комиссії, подъ редакціей С. Д. Яхонтова. Рязань. 1910. В. Рудановъ.—19) Otto Hauser. Paschas Tod. Roman. München. 1910. и. Г.—20) Кузнецовъ, В. К. Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Томъ II. Омскій уѣздъ. Томъ III. Петропавловскій уѣздъ. Томъ IV. Атбасарскій уѣздъ. Томъ V. Акмолинскій уѣздъ. Повторное изслѣдованіе 1908 и 1909 г. Спб. 1910. Б. Г.—21) А. П. Фаресовъ. Жизнь и поэзія А. П. Меженнинова. (Съ портретомъ). Спб. 1911 г. Г.—22) Кн. Петръ Голицынъ. Первый вѣкъ сената. Спб. 1910. В. Р.—ва.—23) Труды слушательницъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, т. I, в. I. Подъ ред. проф. И. А. Линиченка. Одесса. 1910. С. Авалани.—24) Часовой, М. Х. Градущее Дальняго Востока. Спб. 1910. Я. Бирюкова.—25) Городъ Борисовъ (Минской губ.), Составили Э. М. Клейнъ, Д. И. Довгялло и Н. Е. Вѣлдерковецъ. Содержаніе: Наружное описаніе съ 24 видами Борисова, Ново-Борисова и Старога Борисова. Промышленная и общественная жизнь. Исторія. Изданіе сѣв.-западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Вильна. 1910. Д. Б.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи. 1122

1) Археологическія изслѣдованія. — 2) Воспоминанія г-жи Жюльетты Аданъ 1877—1880 г.—3) Взглядъ Палеревскаго на музыку.—4) Торжество русскаго искусства.—5) Некрологи.

XIX. Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ 1140

XX. Смѣсь. 1152

1) Въ литературномъ фондѣ.—2) Въ обществѣ любителей древней письменности.—3) Засѣданіе общества любителей російской словесности.—4) Годовое собраніе императорскаго географическаго общества.—5) Этнографическая выставка.—6) Въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ.—7) Годичное собраніе Пушкинскаго общества.—8) Юбилей графа А. А. Вобринскаго.—9) Юбилей М. О. Агтяя.—10) Юбилей женщины-врачей К. П. Улезко-Строгановой и О. Ю. Каменской.—11) Къ исторіи Петербургскаго университета.

XXI. Некрологи. 1165

1) Вогословскій, И. В.—2) Бруни, Ю. Ф.—3) Зиминъ, В. Т.—4) Караффа-Корутъ, Ю. А.—5) Киселевъ, А. А.—6) Леонтовичъ, Ф. И.—7) Макаровъ-Юневъ, А. Ф.—8) Проф. Мандельштамъ, І. Е.—9) Панавъ, П. П.—10) Петровъ, К. П.—11) Протоіерей Песоцкій, А. М.—12) Семеновскій-Курило, Д. К.—13) Спѣшневъ, М. П.—14) Спиримонъ, В. Ф.—15) Цвѣтковъ, И. С.—16) Черманъ, А. Н.—17) Чумаковъ, Ф. П.—18) Шостакъ, Ж. А.

XXII. Замѣтки и поправки. 1178

1) По поводу замѣтки В. И. Мерцалова. Е. В. Норша.—2) Письмо въ редакцію. М. Суперанснаго.—3) Родионовдніе.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Ивана Сергѣевича Тургенева.—Король свободы. Драма въ 5 дѣйствіяхъ, В. П. Буренина (Окончаніе).

СОДЕРЖАНІЕ СТО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЬ 1911 года).

	СТРАНА
Колычевская вотчина. Романъ. Часть I, гл. I—XVII. М. Г. Веселковой-Кильштетъ	5, 417, 815
Послѣдніе орлы. (Силуэты конца XIX вѣка). П. П. Гнѣдича	41, 458
Захолустный приходъ. (Изъ польскихъ нравовъ). Маріи Мочульской	74
Встрѣчи и знакомства А. И. Соколовой . (Продолженіе).	97, 558, 919
На чуму. Н. Н. Максимова	117
Воспоминаніе о П. С. Ванновскомъ. (На память моему сыну). М. И. Морозова	134
Не жизнь, а декорация... (Изъ провинціальныхъ настроеній) Н. Н. Оглобина	141, 578
Вновь найденная страница прошлаго. А. Б. Михайлова	166
Изъ записокъ конвойнаго офицера. А. И. П—аго	182
День въ домѣ у Цѣпнаго моста. (Эпизодъ). А. Е. Науфмана	191
Кретингенскій факторъ и его сынъ. Н. Ѡ. Акаѣмова	196

Иллюстраціи: 1) Верекъ Йоселевичъ. (По портрету, хранящемуся въ варшавскомъ еврейскомъ общинномъ управленіи). — 2) Юзефъ Берковичъ. (По гравюрѣ изъ романа «Станиславъ или польскій уланъ»). — 3) Еврейская городская гвардія 1831 года. (Изъ альбома польскихъ войскъ ноябрьскаго возстанія Дитриха). — 4) Еврейская стража безопасности 1831 года (Изъ альбома польскихъ войскъ ноябрьскаго возстанія Дитриха).

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1911 г.; т. сxxiii.

1/2

- В. И Сергѣевичъ и студенческіе безпорядки въ 1899 году **Б. Г.** 216
- Кровавая страница персидской исторіи. **А. Н. Щеглова.** 246
 Иллюстраціи: 1) Шахъ Насръ-Эддинъ на привалѣ во время одной изъ обычныхъ кочевокъ по Персіи. — 2) Мулла-Риза-Кирмани, убійца шаха Насръ-Эддина.
- Эпоха мира и успокоенія. (Историческіе очерки). Прологъ. **Б. Б. Глинскаго.** 262
 Иллюстрація: 1) Императоръ Александръ Николаевичъ на смертномъ одрѣ. — 2) Императоръ Александръ III.
- Пѣшкомъ по Кавказу. (Лѣтняя экскурсія 1909 г.). **А. А. Мощанскаго.** 289, 667, 1025
 Иллюстрація: 1) Редантская долина. — 2) Начало Балтинскаго ущелья. — 3) Скалы въ Балтинскомъ ущельѣ. — 4) Станція Ларсъ. — 5) Башня у селенія Гулеты. — 6) Девдоракская тропа (два марша). — 7) Водопадъ на Девдоракской тропѣ. — 8) Девдоракскій ледникъ. — 9) Башня царицы Тамары. — 10) Чоротвы ворота. — 11) Гора Казбекъ. — 12) Церковь въ селеніи Казбекъ и памятникъ (направо) писателю Александру Казбеку. — 13) Сіонъ. — 14) Гора и снѣговыя поля между станціей Коби и Крестовымъ переваломъ. — 15) Остатки снѣгового завала и разбитая имъ галерея. — 16) Крестовый перевалъ и Гудъ-гора. — 17) Арагва близъ станціи Млеты. — 18) Въ двухъ верстахъ отъ Пассанаура. — 19) Анапуръ. — 20) Анапурская крѣпость. — 21) У источника между Анапуромъ и Душетомъ. — 22) Пещеры у Мхета. — 23) Самтаврскій монастырь св. Нины въ Мхетѣ. — 24) Сіонскій соборъ въ Тифлисѣ. — 25) Могила А. С. Грибоѣдова. — 26) Развалины тифлисской крѣпости.
- Замученный. **Н. Д. Федорова.** 489
- Мои пензора. (Изъ воспоминаній). **І. І. Ясинскаго.** 533
- У могилы Т. Г. Шевченка. (Къ пятидесятилѣтію со дня его кончины). **П. Корневскаго.** 604
 Иллюстраціи: 1) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. — 2) «Тарасова свитлица». — 3) У могилы Т. Г. Шевченка. Курганъ съ крестомъ.
- «Весьма секретное» дѣло. **П. А. Крыжановскаго.** 617
- Памяти А. М. Скабичевскаго. **Б. Б. Глинскаго.** 623
 иллюстрація: 1) Александръ Михайловичъ Скабичевскій.
- Евреи въ роли политическихъ сыщиковъ. (Изъ давнопрошедшаго). **И. Ф. Павловскаго.** 649
- Русскіе ученые въ Персіи. **Н. Н. Фирсова (А. Рускина).** 653
- Великая годовщина. (19 февраля 1861—1911 г.). 659
 иллюстраціи: 1) Императоръ Александръ Николаевичъ. — 2) Перо, которымъ Императоръ Александръ II подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.
- Торжественное чествованіе І. І. Ясинскаго. (По случаю 40-лѣтія его литературной дѣятельности). **Г. Л. И.** 694

Воспоминанія объ И. С. Тургеневѣ. М. В. Олсуфьева.	855
Въ литературномъ муравейникѣ. (Встрѣчи и знакомства). Князя Б. А. Щетинина.	865
Сирота мѣщанскаго танцевальнаго общества. Г. Т. Сѣверцева-Полилова.	896
Изъ зарубежныхъ встрѣчь. М. Туринскаго.	937
Памятные дни. (Воспоминанія очевидца). В. А. Авіе.	958
Доброе дѣло. (Памяти П. С. Ванновскаго) Ю. Лоссовскаго.	987
По китайской границѣ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ). В. Сазонова.	991
Уставъ и наука. (Изъ университетскихъ воспоминаній). Р. И. Сементковскаго.	1004
Императоръ Александръ II въ Смоленскѣ (1858). Н. А. Добротворскаго.	1014
Александръ Ивановичъ Пальма. Г. А. Пальма.	1054
иллюстраціи: Александръ Ивановичъ Пальма.	
Археологическая дѣятельность графа А. А. Бобринскаго. (По поводу 25-лѣтія его предсѣдательства въ императорской археологической комиссіи). В. Е. Рудакова.	1060
иллюстраціи: Графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій.	
Сорокалѣтіе учено-литературной дѣятельности профессора Ө. А. Курганова. И. И. Соколова.	1069
Изъ жизни археологическихъ учрежденій. А. А. Миронова.	1077
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ	311 710, 1085

1) Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и кончинѣ въ Возѣ почивающаго государя императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генералъ-вагенмейстера главнаго штаба Аванасія Даниловича Соломко, состоявшаго при особѣ государя безотлучно 11 лѣтъ—съ 1814 по 1825 г., и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Возѣ почивающей императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ текстѣ 15 рисунковъ и 4 факсимиле писемъ. Спб. 1910. Б. Глинскаго.— 2) Книга для чтенія по исторіи новаго времени, т. I. Москва. 1910. М. и—ва.—3) С. С. Татищевъ. Императоръ Александръ II—его жизнь и царствованіе. Въ двухъ томахъ, съ 53 иллюстраціями. Спб. 1911. Б. Г.— 4) А. А. Титовъ. Троицкій Макарьевскій Желтоводскій монастырь. Съ 16 рисунками. Москва. 1910. А. и—ова.—5) Русская Правда по синодальному списку. Подъ редакціей Н. Маркса. Москва. 1910. М. и—ва.— 6) Матушка Русь. Хрестоматія. I и II части. Для учениковъ (I и II классовъ) среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ **Ө. А. Тарапыгинъ.** Редакція **Ө. А. Витберга.** Съ иллюстраціями. Спб. 1910. В. Рудакова.—7) Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. 1910 г. Вып. 2 и 3 (22 и 33. Годъ шестой. Вильна. 1910. В. Р—ва.—8) Труды бессарабскаго церковнаго историко-археологическаго общества. Подъ редакціей Василія

Курдиновскаго. Кишиневъ. Вып. I. 1909. Вып. II и IV. Кишиневъ. 1910. и. а.—9) К. Я. Гротъ. Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ и послѣ него. Спб. 1910. и. л.—10) Вопросы теории и психологии творчества. Т. II, вып. 2. Спб. 1910. и. Александрова.—11) Сочиненія Н. И. Пирогова. Въ память столѣтія со дня рожденія Пирогова. Т. I. Педагогическія и публицистическія статьи. Т. II. «Вопросы жизни». Дневникъ стараго врача. Кіевъ. 1910. А. Фомина.—12) Г. Корикъ. Обзоръ памятниковъ русской словесности. Вып. 5-й. Пушкинъ. Одесса. 1910. и. л.—13) Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 г. Собранныя и редактированныя П. А. Сергѣенко. Москва. 1910. А. Фомина.—14) Ворвсъ Садовской. Русская Камена. Статьи. Москва. 1910. и. л.—15) Г. Седецкий. 646 дней у японцевъ. 1910. л. н.—16) «Помни войну!» Сборникъ статей на современные военныя темы подъ ред. В. Θ. Новицкаго. 1910. Мик. Соколовскаго.—17) В. Розановъ. Когда начальство ушло... 1905—1906 гг. Спб. 1910. б. г.—18) Д. Г. Булгаковскій. Очеркъ дѣятельности попечительства о народной трезвости. Спб. 1910. А. Фаресова.—19) Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ VI, часть II. Спб. 1910.—А. К. Дживелеговъ. Исторія современной Германіи. Часть II. Спб. 1910. п. б.—20) Профессоръ Б. А. Тураевъ. Египетскія церковныя впечатлѣнія. Спб. 1910. іер. I.—21) Bericht des Livländischen Landesgymnasium zu Birkenruh bei Wenden über das Schuljahr 1908—9. Рига. 1909. А. Э. м.—на.—22) Н. И. Новосадскій. Греческая эпиграфика. Часть I. Москва. 1909. б. в.—23) К. Д. Мачавариани. Очерки и рассказы. (Изъ наблюденій разныхъ годовъ). Ватумъ. 1909. А. хаханова.—24) Андрей Сиротининъ. Какъ научиться по-чешски? Чешская грамматика съ хрестоматіей и словаремъ. Варшава. 1910.—Рад. Копутичъ. Русская хрестоматія. Вѣлградъ. 1910. I. Тексты. II. Примѣчанія. III. Словарь. А. Я.—25) Труды ярославской губернской ученой архивной комиссіи. Книги V и VI, Москва. 1908 и 1909. п. в. в.—26) Н. К. Горталовъ. Изъ прошлаго императорской казанской 1-ой гимназіи. Съ 2 портретами и видомъ гимназіи въ началѣ XIX столѣтія. Казань. 1910. в. р.—ва.—27) Труды псковскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Псковская старина. Томъ первый. Псковъ. 1910. а. б.—ва.—28) А. Ф. Шафоновскій и его трудъ. Черниговскаго намістничества топографическое описаніе (Замѣтки изъ исторіи Черниговской губерніи и Малороссіи вообще). Нѣжинъ. 1910. В. Данилова.—29) Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. М. 1911 г. б. Глинскаго.—30) Проф. М. К. Любавскій. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно. Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому князеству Литовскому и его областямъ. Изданіе императорскаго общества исторіи и древности русскіякихъ. М. 1910. В. Рудакова.—31) А. Титовъ. Высокопроевасщеннѣйшій Іаковъ, архіепископъ нижегородскій и арзамасскій († 20 мая 1860 г.) М. 1910. А. н.—ово.—32) В. Н. Суццовъ. Аракчевцы въ Грузіи и Аракчевку. Экскурсіонный очеркъ. Съ 22 рис. и 2-мя схематич. картами. Нижній-Новгородъ. 1910. я.—33) М. Воронкинъ. Исторія Финляндіи. Время Елизаветы Петровны. Съ портретами, иллюстраціями и копіей карты 1742 г. Спб. 1910. м. Соколовскаго.—34) П. Мансуровъ. Константинопольская церковь. Очеркъ основныхъ началъ строя ея въ XIX вѣкѣ. Часть первая. Центральное управленіе. М. 1903. Іеромонаха і.—35) Петръ Великій—въ его изреченіяхъ. Спб. 1910. в. р.—ва.—36) Проф. П. Жукочвъ. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (въ 1609 г.). Пятый выпускъ (1625—1629 г.). Спб. 1910. и. а.—37) Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ VIII. Съ указателемъ статей, рефератовъ и проч. въ «Дѣйствіяхъ» и «Сборникахъ» комиссіи. Н.-Новгородъ. 1910. В. Рудакова.—38) Ермоловъ, А. С. Современная пожарная эпидемія въ Россіи. Спб. 1910. В. Кузнецова.—39) Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Часть II-я. Служба пограничной стражи въ военное время. Выпускъ 2-ой. Участіе въ Отечественнѣй войнѣ 1812 года; въ усмиреніи польскихъ мятежей 1830—1831 и 1863—1864 годовъ; въ войнѣ 1877—78 года; въ китайской войнѣ 1900 года и въ войнѣ съ Японіей. 1904—1905 г. М. Чернушевичъ. 1910. В. Тютчева.—40) Русскій Филологическій Вѣстникъ. Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей проф. Е. Θ. Карскаго. Варшава. 1910. № 1—4. п. с.—41) Никола Іаковлевичъ Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. Очерки и воспоминанія гр. Л. Н. Толстого, Вл. С. Соловьева, О. А. Шебора, В. Я. Шенрока, В. Н. Ивановскаго, Л. М. Лопатина, П. П. Соколова, Алексѣя И. Введенскаго, Ю. И. Айхенвальда, Э. Л. Радлова, Г. И. Челпанова, Д. В. Визнорва, В. В. Розанова, Е. В. Спекторскаго. Письма гр. Л. Н. Толстого, Н. Н. Страхова, А. Θ. Кови,

Вл. С. Соловьева, кн. С. П. Трубецкого, архіеп. Никанора и самого Н. Я. Грота, съ приложеніемъ портретовъ и нѣсколькихъ біографическихъ и бібліографическихъ матеріаловъ. Спб. 1911. Я. к.—42) Русскій біографическій словарь. Спб. 1910. А. Б.—43) Академическая бібліотека русскихъ писателей. Выпуски 3-й и 4-й. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томы II и III. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Д. И. Абрамовича. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1910. В. Рудакова.—44) Былина. Вступительная статья и выборъ текста Е. А. Ляцкого. Спб. 1911. М. л.—45) Императорская академія художествъ. Галерея графа Н. А. Куселева-Везбородка. Альбомъ. Текстъ М. М. Далькевича. М. л.—46) Великій русскій критикъ В. Г. Вѣлинскій. Научно-популярный біографическій очеркъ. Составилъ В. Е. Рудаковъ. Съ портретомъ В. Г. Вѣлинскаго. Спб. 1910. Б. г.—47) Владимиръ Короленко. Вытовое явленіе. (Замѣтки публициста о смертной казни). Спб. 1910. М. л.—48) Г. Т. Сѣверцевъ-Полидовъ. После грозы... Три повести современной растерянности. Г.—49) Вадень-Пауль. Юный развѣдчикъ. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Спб. 1911. Л. н.—50) Прѣгледъ. Софія. С. л. А.—ва.—51) Карлъ Петръ Кейль. О нѣкоторыхъ древнѣйшихъ обработкахъ трактата Луки Пачоло по бухгалтеріи. Очеркъ къ (изъ?) истории бухгалтеріи. Переводъ съ нѣмецкаго съ біографіей К. П. Кейля С. Ф. Иванова. Могилевъ губ. 1910. А. м.—на.—52) Проф. П. Н. Кудрявцевъ. Римскія женщины. Историческіе рассказы по Тациту. Три выпуска «Всеобщей Бібліотеки». Спб. 1910. в.—53) Сенатскій архивъ. Т. XIV. Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за февраль—декабрь 1764 года. Спб. 1910. В. Рудакова.—54) Флоронскій, А. В. Изъ истории Екатерининской законодательной комиссіи 1767 г. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Одесса 1910. Отд. оттискъ изъ II вып. «Записокъ императорскаго новороссійскаго университета историко-филологическаго факультета». С. Авалани.—55) Шведская война 1808—1809 г. Составлена военно-историческимъ отдѣломъ шведскаго генеральнаго штаба. Переводъ группы офицеровъ бывшаго финляндскаго военнаго округа подъ общей редакціей ген.-майора Алексѣева и полк. Ниве. Часть III и приложенія. Изданіе отдѣла генераль-квартирмейстеръ главнаго управленія генеральнаго штаба. Спб. 1910. М. С.—56) Альбертъ Вандаль. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. I. Отъ Тильзита до Эрфурта. Спб. 1910. А. Б.—57) В. В. Назаревскій. Великія историческія годовщины. 1612—1613—1812. Междуцарствіе и народныя ополченія. Трехсотлѣтіе избранія на царство Михаила Феодоровича Романова. Столѣтіе Отечественной войны 1812 года. Съ 146 рисунками. М. 1911. В. Рудакова.—58) Отчетъ о дѣятельности черниговской губернской ученой архивной комиссіи за 1909 г. Черниговъ. 1909. Д. в.—59) Военная энциклопедія. Подъ редакціей Новикова, фонъ-Шварца, Апушкина и фонъ-Шульца. Изданіе т-ва Сытина. I полутомъ. Спб. 1911. Съ картами, планами, портретами и картами. Л. н.—60) Ученыя Записки императорскаго лицей въ память цесаревича Николая. Выпускъ первый. Москва. 1907. Выпускъ второй. Москва. 1908. Выпускъ третій. Москва. 1909. Профессора М. Краснозна.—61) Верлинскій Вратскій Временникъ. Православныя церкви и русскія учрежденія за границей (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Въ двухъ частяхъ, съ 76 рисунками. Протоіерей А. П. Мальцева. Верлянь 1911. Э.—62) Описание новой бібліотеки конгресса въ Вашингтонѣ, составленное Гербертомъ Смоллзъ. Изданіе Г. В. Юдина. М. 1910. М. н.—ва.—63) Каптеревъ, П. Ф. История русской педагогикіи. Спб. 1910. Вит. тначуна.—64) Д-ръ мед. В. В. Гюбенетъ. Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ. Очерки военно-санитарнаго дѣла и замѣтки по полевой хирургіи. Спб. 1910. М. С.—смаго.—65) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1910 г. Тома XV книжка 1-я. Спб. 1910 г. в. г.—66) Н. М. Гутьяръ. Хронологическая канва для біографіи Н. С. Тургенева. Спб. 1910. (Изъ 87-го тома «Сборн. отд. русск. яз. и словесн. имп. академи наукъ»). М. л.—67) «Въ странѣ изгнанія». (Изъ записной книжки корреспондента Е. П. Семенова.). А.—68) А. В. Карповъ. Казачьи стихотворенія. Уральскъ. 1910 г. В. П. Федорова.—69) «Первыя литературныя шаги». Автобіографія современныхъ русскихъ писателей. Собралъ Ф. Ф. Фидлеръ. Спб. 1911. М. Ф. м.—70) Библіографическій словарь писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ (преимущественно) Рязанской губерніи. Составленъ о. І. В. Добролюбовымъ и дополненъ С. Д. Яхонтовымъ. Изданіе рязанской архивной комиссіи, подъ редакціей С. Д. Яхонтова. Рязань. 1910. В. Рудакова.—71) Otto Hauser Paschas Tod. Roman. München. 1910. и. г.—72) Кузнецовъ, В. К. Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Томъ II. Омскій уѣздъ. Томъ III. Петропавловскій уѣздъ. Томъ IV. Атбасарскій уѣздъ. Томъ V.

Акмолинскій уѣздъ. Повторное изслѣдованіе 1908 и 1909 г. Спб. 1910. Б. г.—73) А. И. Фаресовъ. Жизнь и поэзія А. П. Меженинова. (Съ портретомъ). Спб. 1911. г.—74) Кн. Петръ Голицынъ. Первый вѣкъ сената. Спб. 1910. В. Р.—ва.—75) Труды слушательницъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, т. в. I. Подъ редакціей проф. И. А. Линниченко. Одесса. 1910. С. Авалани.—76) Часовой, М. X. Грядущее Дальняго Востока. Спб. 1910. Я. Бирюнова.—77) Городъ Борисовъ (Минской губ.), Составили Э. М. Клейнъ, Д. И. Довгялло и Н. Е. Вѣлоцерковецъ. Содержание: Наружное описаніе съ 24 видами Борисова, Ново-Борисова и Старого Борисова. Промышленная и общественная жизнь. Исторія. Изданіе сѣв.-западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Вильна. 1910. Д. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . 352, 749, 1122

1) Археологическія работы.—2) За кулисами второй имперіи.—3) Литература о Толстомъ.—4) Розовая вѣра для женщины.—5) Отовсюду. 6) Археологическія новости.—7) Россіи о новомъ пѣніи.—8) Литература о Толстомъ.—9) Характеристика Виконфильда.—10) Биографія Сесилия Родса.—11) Новые документы о Вольтерѣ.—12) Отовсюду.—13) Археологическія изслѣдованія.—14) Воспоминанія г-жи Жюльетты Адавъ 1877—1880 г.—15) Взглядъ Падеревского на музыку.—16) Торжество русскаго искусства.—17) Некрологи.

Пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ 1140

СМѢСЬ 378, 780, 1152

1) Чествованія памяти Н. И. Пирогова.—2) Семидесятипятилѣтіе училища правовѣдѣнія.—3) Столѣтіе департамента духовныхъ дѣлъ.—4) Юбилей московскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества.—5) 50-лѣтіе Александровской женской гимназіи.—6) 10-лѣтіе педагогическихъ курсовъ военно-учебныхъ заведеній.—7) Юбилей Н. Ф. Соловьева.—8) Юбилей П. П. Солякина.—9) Юбилей А. А. Нечаева.—10) Юбилей д-ра И. Д. Познанской.—11) Памятникъ въ Гельсингфорсѣ.—12) Выставка русской старины и женскаго искусства.—13) Новая біогеографическая коммисія русскаго географическаго общества. 14) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ.—15) Въ литературномъ фондѣ.—16) Въ русскомъ археологическомъ обществѣ.—17) Столѣтіе практической академіи коммерческихъ наукъ.—18) Юбилей С. М. Абрамовича.—19) Юбилей М. В. Безобразовой.—20) Юбилей К. Е. Маковского.—21) Юбилей общества дѣтскихъ врачей.—22) Юбилей проф. В. Н. Сиротниина.—23) Юбилей Д. П. Никольскаго.—24) Реставрація Успенскаго собора.—25) Въ вѣстѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—26) Двѣ лекціи г. Васкина.—27) Статистика печати.—28) Конкурсъ по устройству въ Москвѣ музея 1812 г.—29) Памятникъ Петру Великому въ Тулѣ.—30) Пушкинское имѣніе.—31) Конкурсъ дирекціи императорскихъ театровъ на двѣ преміи.—32) Выставка въ Москвѣ, посвященная исторіи живописи и творчества русскіихъ писателей.—33) Отъ общества литературнаго музея имени Л. Н. Толстого.—34) Въ литературномъ фондѣ.—35) Въ обществѣ любителей древней письменности.—36) Засѣданіе общества любителей россійской словесности.—37) Годовое собраніе императорскаго географическаго общества.—38) Этнографическая выставка.—39) Въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ.—40) Годичное собраніе Пушкинскаго общества.—41) Юбилей графа А. А. Воронскаго.—42) Юбилей М. О. Аттая.—43) Юбилей женщинъ-врачей К. П. Улезко-Строгановой и О. Ю. Каменской.—44) Къ исторіи Петербургскаго университета.

НЕКРОЛОГИ 399, 799, 1165

1) Вагницкій, Д. В.—2) Ващенко-Захарченко, М. М.—3) Вейнбергъ, П. П.—4) Вилліе, М. Я.—5) Волкова, А. И.—6) Генкель, В. Е.—7) Гинцбургъ, баронъ Д. Г.—8) Добредѣвъ, С. Е.—9) Дилакторскій, П. А.—10) Кривцовъ, А. С.—11) Мавоцковъ, В. И.—12) Архіепископъ Никаноръ.—13) Никольскій, К. Т.—14) Николаевъ, П. Ф.—15) Пахманъ, С. В.—16) Прибытковъ, В. И.—17) Сольскій, Д. М.—18) Смирновъ, А. Е.—19) Танъевъ, С. В.—20) Шиллеръ, Н. Н.—21) Южаковъ, С. Н. 22) Аннинъ, П. А.—

23) Бородинъ, М. П.—24) Бухаринъ, М. Н.—25) Вознесенскій, Ив. Ив. протоіерей.—26) Голубевъ, В. С.—27) Завадскій, В. Р.—28) Карауловъ, В. А.—29) Кулаковъ, О. А.—30) Левандовскій, С. С.—31) Ошуркова, А. А.—32) Стасюлевичъ, М. М.—33) Тарновская, П. Н.—34) Филиповъ, С. Н.—35) Ярошевскій, А. А.—36) Богословскій, И. В.—36) Груни, Ю. О.—37) Зиминъ, В. Т.—38) Караффа-Корбутъ, Ю. А.—39) Киселевъ, А. А.—40) Леонговичъ, О. И.—41) Макаровъ-Юневъ, А. О.—42) Проф. Мандельштамъ, Г. Е.—43) Паневъ, П. П.—44) Петровъ, К. П.—45) Протоіерей Песоцкій, А. М.—46) Семеновскій-Курило, Д. К.—47) Спѣшневъ, М. П.—48) Спримонъ, В. Ф.—49) Цвѣтковъ, И. С.—50) Чермянъ, А. Н.—51) Чумаковъ, О. П.—52) Шостаковъ, М. А.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 415, 809. 1178

1) По поводу некролога гр. Л. Н. Толстого.—2) По поводу статьи Н. А. Энгельгардта «Давніе эпизоды». М. Мамнева.—3) По поводу статьи К. Иаскуль «Небесная полочательница». Н. Булгакова.—4) По поводу статьи Е. В. Корша «Восемь лѣтъ въ Сибири». В. Мерцалова.—5) Къ статьѣ П. П. Гнѣдича. «Послѣдніе орлы». «Истор. Вѣстн.», январь 1911 г., стр. 72. (Къ разсказу Н. А. Гончарова о происхожденіи поэта гр. Алексѣя Константиновича Толстого). И. А.—6) По поводу замѣтки В. И. Мерцалова. Е. В. Корша.—7) Письмо въ редакцію. М. Супранскаго.—8) Родяновѣдніе.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Василія Ивановича Сергѣевича.—2) Портретъ Іеронима Іеронимовича Ясинскаго.—3) Портретъ И. С. Тургенева. 4) Король свободы. Драма въ 5 дѣйствіяхъ В. П. Буренина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

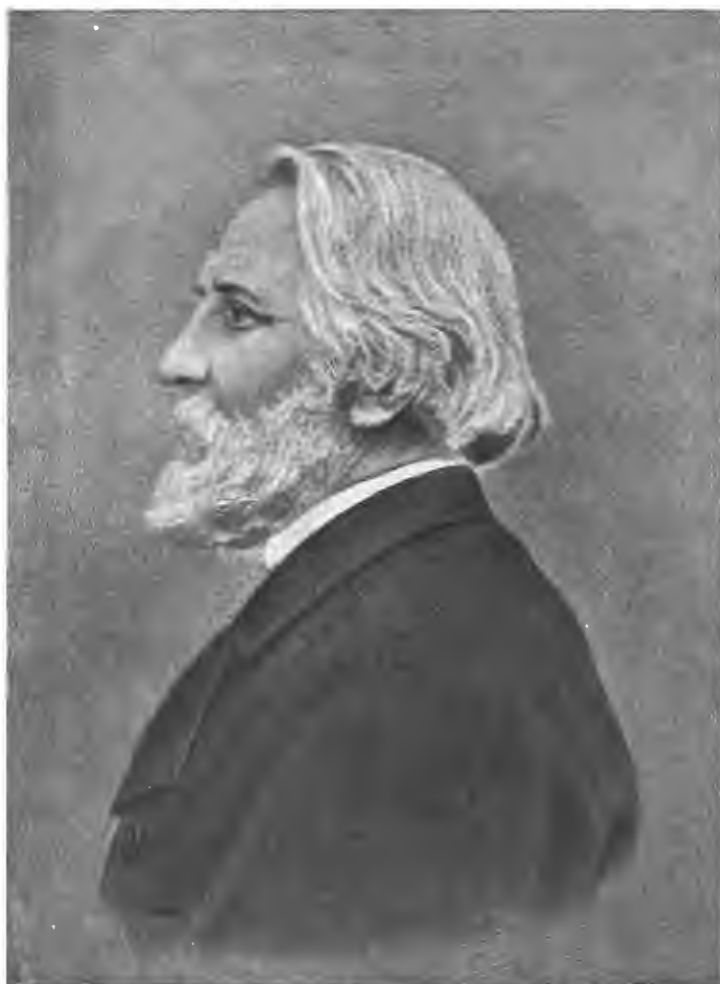
за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

Пейзаж
1870.

И. Тургеневъ

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

КОЛЫЧЕВСКАЯ ВОТЧИНА ¹⁾.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ХІІІ.

Сквозь кружевную сѣнь вѣтвей
Забрезжилъ первый лучъ разсвѣта.
Въ кустахъ сирени пѣснь допѣта,—
Молчать усталый соловей.
Нѣма и сумрачна аллея.
Но въ ней средь чуткой тишины

Скользять, одеждой легкой вѣя,
Любовью вызванные сны.
Куда?.. Молчанье. Нѣтъ отвѣта.
Лишь съ каждымъ мигомъ розовѣй,
Горить въ росинкахъ лучъ разсвѣта—
Сквозь кружевную сѣнь вѣтвей.

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы» М. К.)

ВЪ ПЕРВЫЙ разъ ступила дѣвушка на манившую ее издали въ теченіе многихъ лѣтъ мраморную террасу.

Ажурная мебель, китайскіе фарфоровые боченки, качалки и столики, казавшіеся ей игрушечными изъ засады, были разбросаны съ большимъ вкусомъ между зелеными кадками померанцевъ, лавровъ и олеандровъ въ полномъ цвѣтѣ. Навстрѣчу тотчасъ же вышелъ Иванъ Николаевичъ, пожалъ ручки дамамъ и пропустилъ ихъ въ залу.

Мать толкнула дочку впередъ, и Зося вошла первая.

Никогда еще нога женщины не ступала на этотъ паркетъ, гдѣ штучная художественная мозаика съ точностью повторяла рисунокъ лѣпного потолка.

Вдоль бѣлыхъ, подъ мраморъ глазированныхъ стѣнъ высокія каріатиды поддерживали хоры съ ихъ кружевной балюстрадой. Огромныя жирандоли спускались съ потолка, блестя

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХІІІ, стр. 417.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1911 г., т. сxxiii.

крупными хрустальными подвѣсками и цѣпями, и бѣлые рѣзные стулья съ серебристо-бѣлыми, вытканными по красному полю вѣточками красивой гирляндой окаймляли громадный прямоугольникъ, на середину котораго были выдвинуты выложенный серебромъ инструментъ Эрара.

Зося оглядѣлась, и сердце у нея усиленно забилося... Нѣтъ, даже у Свентицкихъ въ ихъ знаменитыхъ Филиппинкахъ не видала она ничего подобнаго. Это была сама гармонія линий, и казалось неизъяснимымъ блаженствомъ кружиться въ вихрѣ вальса или носиться подъ звуки мазурки въ этомъ дивномъ залѣ.

Черезъ убранную зелень боскетную и обюссоновую столовую гости прошли въ большую парадную, въ голландскомъ вкусѣ. Ивану Николаевичу захотѣлось обновить ее сегодня, и за самоваромъ хлопоталъ Прохоръ, а Ѳедька и Василій разносили чашки душистаго чая.

Зося присѣла передъ старикомъ Карауловымъ, кивнувъ, какъ знакомому, его племяннику. Предводитель подвинулъ ей стулъ рядомъ съ собой и началъ угощать персиками и печенъемъ. Съ паномъ Романомъ онъ поздоровался тоже крайне милостиво, а пани Юзынѣ почтительно поклонился.

Несчастливая пани Юзыня помнила сцену, сдѣланную ей Зосей послѣ перваго визита Колычева, и рѣшила быть сегодня насто-рожѣ. Она отвѣчала только «да» и «нѣтъ», и никакіе разпросы о ея любимомъ птичникѣ не могли вызвать ее на болѣе пространныя реплики.

— Я слышала, милая барышня, что вы сегодня собираетесь доставить намъ большое наслажденіе,—мой племянникъ мнѣ всѣ уши прожужжалъ о вашемъ талантѣ,—заговорилъ по своей привычкѣ по-французски старикъ Карауловъ.

Гришенька даже ротъ раскрылъ, когда Зося чистѣйшимъ парижскимъ говоромъ отвѣтила:

— Не могу себѣ представить, гдѣ и когда племянникъ вашъ имѣлъ случай слушать меня, чтобы вывести столь лестный отзывъ о моей игрѣ.

Провинціальная барышня—и такой акцентъ, и ни одного русскаго излюбленнаго оборота во французской рѣчи!.. И онъ вмѣшался въ разговоръ:

— Слухомъ земля полнится.

— Это, вѣрно, маленькая Тася проболталась вамъ. Ей уже досталось за ея нескромность.

Панъ Романъ однимъ ухомъ слушалъ, о чемъ бесѣдовали оба съ Зосей. Самъ онъ, хотя и понималъ по-французски, но говорить не могъ, зато пыхтѣлъ отъ гордости и самодовольства, слыша, какъ его цурка такъ и рѣжетъ по-парижски съ этими москалями.

— Желаете еще чаю, ваше превосходительство?—обратился Василій къ Ильѣ Семеновичу.

— Весьма желаю, мой милый, но желаю вотъ изъ этихъ ручекъ, — и растаявшій отъ близости хорошенькой женщины старикъ поцѣловалъ бѣленькую ручку своей сосѣдки.

Зося вспыхнула.

— Садитесь-ка, милая барышня, къ самовару и разлейте намъ чай.

— Садись, Зося! — командовалъ Романъ: — она и дома всегда его разливаешь.

Григорій Ивановичъ подвинулъ стулъ, и Зося стала хозяйничать.

— Надѣюсь, тѣнь вашего дядюшки не прогнѣвается на меня, грѣшника. А чай я только изъ дамскихъ ручекъ и люблю. Кстати, куда же дѣвался тотъ портретъ, я все забывалъ спросить о немъ?

Кольчевъ слегка смутился.

— Мнѣ сдается, что дядя самъ, чувствуя приближеніе смерти, уничтожилъ его.

— Очень вѣроятно, очень вѣроятно!

— Но кто же была эта невѣрная невѣста? Вѣдь, говорятъ, она измѣнила вашему дядюшкѣ, а онъ ей до смерти вѣрность сохранилъ? — спросилъ Гришенька.

— Этой тайны я не считаю себя въ правѣ касаться, и тѣнь покойника можетъ быть совершенно удовлетворена: имя той, для кого была построена вилла, никому неизвѣстно, кромѣ вѣрнаго Личарды его, Евграфа.

— Признаюсь, — сказалъ Карауловъ, снова обращаясь къ Зосѣ: — я такъ заинтересованъ слухами о вашей игрѣ, что даже всѣ дѣла отложилъ и пріѣхалъ сюда. Я прямо стосковался по музыкѣ. Жена и дочки за границей, а домашній оркестръ я отпустилъ. Будь мои дамы дома, я непременно привезъ бы ихъ сюда, рискуя встревожить еще больше тѣнь покойнаго Арсенія Михайловича.

— Тѣнь покойнаго дяди не будетъ встревожена сегодняшней музыкой, — замѣтилъ любезно хозяинъ: — роаль будетъ обновленъ ручками двойника его покойной невѣсты, — и онъ рассказалъ о странномъ сходствѣ Зоси, подтвержденномъ Евграфомъ.

Всѣ перешли въ залу. Гости разсѣлись по стульямъ, а въ прихожей за притворенными дверями столпились дворовые.

Одного вѣрнаго Личарды онъ ушелъ внизъ, скинулъ свой ливрейный фракъ и заперся.

— Не могу я служить сегодня, злышь ты! — сказалъ онъ Василию. — Выше это силъ моихъ. Сорокъ три года ходу сюда бабамъ не было. Все нутро вопіетъ во мнѣ. Завтра же возьму вольную и уйду. Силъ моихъ нѣтъ смотрѣть на это надругательство.

— Что же, Евграфъ Тимоѣичъ, не сидѣть же сычомъ нашему барину? Они женщинъ отродясь не бѣгали. Сами женаты были и теперь дамское сословіе уважаютъ. У насъ вонъ и въ Москвѣ, и въ Горкахъ какіе ужины веселые съ дамами бывали. Баринъ еще мо-

лоды, еще и женятся, Богъ дастъ! Довольно по первой-то супругѣ поскучали, пора и утѣшиться.

— Пусть себѣ въ своихъ Горкахъ да Москвахъ утѣшаются, а чего же здѣсь до сорочинъ-то балы затѣвать? Да еще кого ради?.. Тьфу! кому бы порядочному трюфеля да персики подавать, а то этой шушерѣ польской!

— И напрасно ихъ шушерой зовете,—относительно маменьки не спору, а барышня мнѣ очень даже вдравится, скажу даже, совсѣмъ великатная, тонкая барышня. Пойду, послушаю, какъ онѣ играютъ...

— Иди, иди себѣ! А я и за ужиномъ служить не буду, такъ и скажи отъ меня Прохору.

— Что жъ, и безъ васъ управимся, не впервой!—и Василій быстро побѣжалъ наверхъ, а Евграфъ повалился на свою постель и зарыдалъ:

— Батюшка, батюшка баринъ! До чего дожить привелось!

...Вечеръ былъ тихій, почти душный. Небо догорѣло. Звѣзды закигались надъ вершинами древнихъ вязовъ и кленовъ, и прудъ отражалъ освѣщенные окна фасада.

Зоя въ послѣдній разъ вытерла кружевнымъ платочкомъ слегка дрожащіе пальчики.

— Что же сыграть мнѣ вамъ?—спросила она Колычева.

— Все, что хотите и что подскажетъ вамъ сердце.

Сердце подсказывало ей многое, но первая вещь должна быть посвящена памяти той, кто не переступилъ порога посвященнаго ей жилища, не коснулся ни разу этихъ успѣвшихъ пожелтѣть клавишъ, и она заиграла «Wagim» Шумана.

Почему? Почему не пришла ты сюда,
 Въ этотъ бѣлый, такъ пышно разубранный домъ,
 Въ этотъ садъ, гдѣ какъ зеркало блестя вода
 И стѣною тѣснятся деревья кругомъ?..
 Для тебя ароматы разливали цвѣты,
 Соловьи рокотали въ сирени у гнѣздъ,
 О любви и о нѣгѣ шептали листы,
 И дрожали въ водѣ отраженія звѣздъ...
 Проходили года... все украшенъ былъ домъ...
 Загорались звѣзды, дивясь одному,—
 Человѣкъ посѣдѣлъ за высокимъ окномъ,
 Онъ любилъ и онъ ждалъ,—ты вернешься къ нему...
 Ты не шла.. Почему?.. почему?..

И все тише замиралъ аккордъ, разбиваясь, какъ рыданье... и слезы подступали къ глазамъ внимавшихъ этому не находившему отвѣта вопросу.

Зоя кончила. Всѣ молчали...

— Бога ради дальше!—прошептала Колычевъ.

Запѣло адажіо Бетховенской сонаты, полное тихаго, молитвеннаго настроенія лунной ночи... Мѣсячный отблескъ серебристой полосой переливается на морѣ. Все безмолвно. Лишь сердце чело-вѣка не знает покоя: оно живетъ, любить, страдаетъ, и бурною волною вливается страсть въ мирную тишину природы. Проснулись деревья, шумятъ кусты, лепечутъ травы.. Вѣтеръ вздымаетъ волну, и дремавшее море все задрожало, запѣнилось и высоко до самаго мѣсяца вскидываетъ жемчужные брызги пѣны, словно умоляя сойти къ нему въ объятія это озаренное серебрянымъ свѣтомъ небо:

Сойди ты ко мнѣ, безмятежно-прекрасное!
Излей на меня тишину!
Къ тебѣ, какъ объятіе страстное,
Я вѣчно вздымаю волну.
Безмолвно ты?.. глухо къ страданіямъ?..
Надежды на счастье мнѣ нѣтъ...
О молнія! грознымъ сверканіемъ
Затми же серебряный свѣтъ!..

Но небо остается безоблачно-спокойнымъ. Тучи не застлали мѣсяца, и вѣтеръ улегся. Волны ходятъ все тише, и все успокоивается. Въ бурное, изстрадавшееся сердце вливается миръ. Оно бьется все ровнѣе, все мѣрнѣе и, вмѣсто словъ отчаянія, безумія и страсти, уста шепчутъ тихія молитвы...

Зоя кончила.

— Дивно хорошо! браво!—раздалось кругомъ.

— Теперь что-нибудь Шопена!—попросилъ Карауловъ.

Дѣвушка сыграла полонезъ и прелюдь.

Иванъ Николаевичъ стоялъ у окна. Онъ переживалъ странное впечатлѣніе.

Точно все это было ужъ когда-то. Такъ же были распахнуты окна на свѣтлый прудъ, и такъ же вливался въ нихъ ароматъ изъ цвѣтника, и за роялемъ сидѣла молодая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, и рыдали, и замирали аккорды, и онъ любилъ ее, потому что былъ молодъ и всей душою жаждалъ счастья.

Это было давно, въ этой самой залѣ.. То были грезы его юнаго сердца, впервые проснувшагося при созерцапіи таинственнаго портрета. Тогда, заслышавъ наверху чьи-то шаги, онъ убѣжалъ въ эту бѣлую залу и долго шагаль по ней одинъ. Его пробудившаяся фантазія рисовала ему чудныя картины.. Онъ представлялъ себѣ, какимъ блаженствомъ было бы жить съ этой дѣвушкой въ этой роскошной виллѣ. Она играла бы на этомъ роялѣ, а онъ, замирая отъ восторга, внималъ бы чуднымъ звукамъ.. Сонъ сталъ дѣйствительностью. Воплотились дѣтскія грезы. Онъ слушаетъ дивныя мелодіи, и сердце его замираетъ отъ счастья, отъ близости дѣвушки въ бѣломъ.. А его обътъ?.. а данная имъ клятва?..

И словно въ отвѣтъ съ клавишъ вызывающимъ, торжествующимъ хоромъ сорвались первые аккорды Мендельсоновскаго свадебнаго марша.

Кольчевъ вздрогнулъ и вышелъ на террасу. Мѣсяцъ глядѣлъ сквозь вѣтви темныхъ деревьевъ. Недвижныя группы кустовъ опрокинулись въ зеркалѣ пруда. Въ сторонѣ бѣлѣлъ едва видный крестъ на кулигѣ, и къ нему волною лились побѣдные, яркіе звуки пѣсни о великомъ, неизъяснимомъ блаженствѣ двухъ навѣки слившихся воедино жизней. Безмолвно внимали имъ листья стараго вяза, и чья-то тѣнь склоняясь приникала къ дубовому кресту, тѣнь блѣдной женщины съ кроткой улыбкой, а, можетъ быть, это былъ мѣсячный отсвѣтъ отъ пруда?

Раздались рукоплесканія.

Зося закрыла рояль, и никакія упрашиванья и приставанія Гришеньки не могли заставить ее продолжать игру.

— Бись, бись! бись!—кричалъ онъ, надрываясь.

— Нѣтъ, я не могу больше, я устала!

Она дѣйствительно поблѣднѣла опять.

— Зося была недавно очень больна,—подтвердилъ панъ Романъ.

Иванъ Николаевичъ прошелъ въ боскетную и принесъ оттуда заранѣе приготовленный громаднй букетъ.

— Un hommage de votre humble admirateur!—шутливо сказалъ онъ, коснувшись губами ея пальцевъ.

Зося подняла глаза. Вся душа ея вылилась въ нихъ. Она словно отдавалась ему довѣрчиво со всѣми своими юными надеждами и мечтами о счастіи. Онъ взглянулъ на нее и тотчасъ же обратился къ Караулову:

— Ну, что вы скажете, ваше превосходительство?

Этимъ банальнымъ вопросомъ ему хотѣлось замаскировать свое волненіе, но не успѣлъ еще рта открыть предводитель, какъ Гришенька накинудся на него:

— Это измѣна! это непростительно! Какъ же вы меня не надумили? Я затѣялъ этотъ концертъ, и мы пріѣхали съ пустыми руками!

— Да ты-то чего думалъ самъ? Скажи, пожалуйста, какой младенчикъ! Что я тебя и до смерти даже въ галантныхъ дѣлахъ опекать долженъ.

— Ахъ, Богъ мой! Ну, чѣмъ же загладить мнѣ мой промахъ! Чѣмъ заслужить благоволеніе вашей дочки? Научите!—обратился Гришенька къ пани Юзынѣ.

— Не знаю, ясновельможный панъ,—отвѣчалъ растерявшаяся полька.

— Покажите ей гостиныя и другія комнаты, вѣдь Зося здѣсь въ первый разъ,—вмѣшался самодовольно панъ Романъ. Всеобщее

восхищеніе дочерью тѣшило его, и онъ чувствовалъ и себя триумфаторомъ.

Гришенька подлетѣлъ къ Зосѣ.

— Un toug... но увы, не вальса потому что, къ сожалѣнію, кромѣ зась, играющихъ нѣтъ, но пройдемтесь по этому заколдованному замку.

И подъ руку съ молодой дѣвушкой они открыли шествіе. Всѣ комнаты были освѣщены. Пани Юзыня ахала и охала и наконецъ, че выдержавъ, начала громко выражать свое восхищеніе. Она трогала чуть не каждую вазу, останавливалась передъ каждой картиной и шупала матерію портьеръ и кресель.

— Ахъ, сколько денегъ! сколько денегъ это, должно быть, все стоило!—вздыхала она.

Зося чувствовала себя, какъ въ чаду, но была сдержанна. Она знала и видѣла раньше роскошь вблизи и отчасти уже освоилась съ нею, гостя въ Запольѣ и Филиппишкахъ. Григорій Ивановичъ съ изумленіемъ убѣдился, что она умѣла отличить Буше отъ Ватто и каподимонте отъ сакса. Они поднялись наверхъ. У дверей розоваго будуара она остановилась.

— Нѣтъ, я не войду... мнѣ кажется, это кошунствовать.

Но ея кавалеръ разсмѣялся.

— Полно, панна Зося! Посмотрите, эта комната точно создана для васъ. Нѣтъ, я теперь вѣрю, что вы должны быть похожи на исчезнувшій портретъ, потому что вся обстановка виллы удивительно гармонируетъ съ вашей наружностью.

О, зачѣмъ слова эти были сказаны не самимъ хозяиномъ! Но онъ не слышалъ ихъ, онъ показывалъ спальню Арсенія Михайловича ея матери, и та крестилась и вадыхала по грѣшной душѣ, робко поглядывая на пустую раму.

Когда конченъ былъ обходъ, старуха заторопилась домой.

Нѣтъ, нѣтъ! ужинать онъ съ Зосей не останутся! Докторъ и то будетъ браниться, что вышло такъ поздно. Онъ велѣлъ ей пораньше ложиться спать.

— Да, Зосѣ пора въ постель? Что? устала, цурка?—ласково спросилъ панъ Романъ, и собирался потрепать ее по щекѣ, но Зося отвела его руку и холодно отвѣтила:

— Немножко!

Григорій Ивановичъ вызвался проводить дамъ. Колычевъ остался съ Карауловымъ и Романомъ.

И снова дорого дала бы Зося, чтобы вмѣсто сладкихъ любезностей петербургскаго франта выслушать отзывъ Ивана Николаевича, чтобы итти съ нимъ по этому роскошному цвѣтнику и, вступивъ въ липовую аллею, смѣть опереться на его сильную руку. Неужели ея игра не произвела на него никакого впечатлѣнія? Вѣдь былъ же онъ возволнованъ послѣ Шумана? Или она неудачно выбрала свой репертуаръ?...

Дѣвушка прижимала личико къ душистымъ розамъ и отвѣчала односложно своему кавалеру. Прощаясь, онъ сталъ умолять «объ одномъ хоть цвѣточкѣ» изъ букета.

— У меня отъ всѣхъ слышанныхъ мною артистокъ есть что-нибудь на память, хоть ленточка, хоть листикъ. Панна Зося, не нарушайте моей коллекціи.

Чтобъ отвязаться Зося вынула какую-то розу, а Григорій Ивановичъ сунулъ ее въ петлицу.

— Боже, какъ это все банально, какъ глупо! Какъ это все не то, чего я ожидала!—твердила дѣвушка, подымаясь въ мезонинъ.

Она съ досадой бросила цвѣты на кресло. Они раздражали ее. Лучше одинъ цвѣтокъ, сорванный имъ самимъ, чѣмъ этотъ блинъ изъ дорогихъ розъ, заказанный садовнику. Какъ бы она ни сыграла, хорошо ли, дурно,—букетъ былъ бы врученъ ей любезнымъ хозяиномъ съ той же стереотипной фразой, съ тѣмъ же банальнымъ поцѣлуемъ ея пальчиковъ. А она ждала задушевнаго спасибо, чего-нибудь особеннаго,—теплаго слова, восторженнаго, глубокаго взгляда, прямо проникавшаго въ душу. И горькое разочарованіе охватило ее...

О, какъ она недовольна собой! Какъ глупо вела она себя все время... И ей вспомнился тотъ восторженный взглядъ, который она сама подняла на Колычева сегодня, принимая его цвѣты, ея улыбка, когда онъ заговаривалъ съ нею. Только слѣпой или совершенно равнодушный человѣкъ могъ не понять ея душевнаго волненія... Зося даже выпрямилась и покраснѣла въ темнотѣ... Равнодушный къ ней? къ Зосѣ Юшкевичъ?..

Что жъ это такое? Она готова была полюбить его, а онъ и не думалъ о ней?.. Она вспомнила свои недавнія мечты о счастьѣ объ руку съ нимъ, свое размягченное душевное состояніе...

Нѣтъ, это все болѣзнь была виновата. Она просто размякла и рассентиментальничалась. Она готова была тогда покаяться ему въ своей лжи, теперь это кончено. Она снова возьметъ себя въ руки и добьется цѣли, и если для этого нужна будетъ новая ложь—она будетъ лгать, не краснѣя, не ощущая ни малѣйшихъ угрызений совѣсти. Баста! прочь сентименты... Побольше хладнокровія!..

Когда послѣ ужина панъ Романъ сталъ откланиваться, Иванъ Николаевичъ, прожая его на террасу, сказалъ ему:

— Передайте вашей дочери, что у меня не хватило словъ выразить ей мою благодарность за доставленное мнѣ лично удовольствіе и что я льщу себя надеждой услышать ее еще не одинъ разъ по возвращеніи отъ Караулова.

— Весьма тронуть,—отвѣчалъ полякъ:—но Зося тоже на этихъ дняхъ уѣдетъ въ Варшаву,—ее ждетъ на свадьбу ея подруга графиня Запольская.

— Вотъ какъ! Надѣюсь, однако, что панна Зося скоро вернется?

— Не думаю. Ее такъ любить старая Запольская, что, вѣрно, задержитъ на всю зиму послѣ отъѣзда молодыхъ.

— И вамъ не жалко будетъ разстаться съ дочерью на столь долгій срокъ?

— Цо-то! я не эгоистъ. Зосѣ скучно въ Колычевѣ, общества подходящаго нѣтъ, съ сосѣдами она не сходится, чего же ей сидѣть одной? У Запольскихъ всегда полонъ домъ молодежи изъ самыхъ лучшихъ польскихъ фамилій. Кто знаетъ, можетъ быть, она тамъ и судьбу свою найдетъ?

Панъ Романъ скрылся въ аллеѣ, а Колычевъ все еще стоялъ на террасѣ и смотрѣлъ ему вслѣдъ... Потомъ онъ вернулся въ залу и заперъ на ключъ рояль. Никто впредь не коснется этихъ клавишъ. И, положивъ руку на крышку инструмента, онъ глубоко задумался.

Да, его юныя грезы воскресли сегодня съ новою силой, и съ ними проснулись былыя надежды, что дѣвушка въ бѣломъ могла бы дать ему невѣдомое счастье... Онъ понялъ, почему его такъ неудержимо влекло это родовое Колычево, почему онъ не могъ отпустить Юшкевича... Обнаружъся за нимъ хоть сотни обмановъ, онъ удержалъ бы поляка. Съ первой же минуты онъ подпалъ подъ обаяніе дочери шербатаго пана и, вспомнивъ снова свою встрѣчу съ ней на могилѣ подъ дѣдовскимъ вязомъ, онъ сознался себѣ, что уже съ той минуты совершился переворотъ въ его душѣ.

Теперь вся его безалаберная жизнь во время вдовства прошла опять передъ нимъ, жизнь русскаго балованнаго барина, не связаннаго никакими обязанностями и привязанностями, сегодня въ Россіи, завтра за границей, то за игорными столами, то въ отдѣльных кабинетахъ съ накрашенными продажными женщинами и соблазненными «магазюльками» съ Кузнецкаго моста и Невскаго проспекта. Онъ мечталъ основаться на вотчинной землѣ, но для чего?.. Опять тотъ же тупикъ... Вести и здѣсь ту же безпутную жизнь... Память его жены понемногу стиралась. Покойница сама не брала вѣдъ съ него этой клятвы, а вѣрности онъ ей все-таки не соблюдалъ! И онъ взглянулъ на дубовый крестъ подъ вязомъ, гдѣ спалъ чловѣкъ, 40 слишкомъ лѣтъ хранившій клятву воздержанія, 40 слишкомъ лѣтъ не желавшій женской ласки, не подпущавшій къ себѣ близко ни одной женщины... А онъ? Встань его Полина теперь, развѣ не ужаснулась бы она его нравственной распущенности, развѣ ея чистая душа не содрогнулась бы отъ окружавшей его иногда грязи?..

Нѣтъ, довольно. Крѣпкая колычевская порода сказалась и на немъ. Ему сорокъ два года, но у него ни лысины, ни волоса сѣдого, ни испорченнаго зуба. Да, онъ долженъ осѣсть на вотчинной землѣ и продолжать этотъ древній родъ. Искать нечего. Невѣста тутъ, въ двухъ шагахъ отъ этого дома. Что изъ того, если онъ на двадцать три года старше ея? Если она бѣдна—онъ богатъ достаточно... Стать

зятёмъ Романа? пани Юзыни? Бываетъ и хуже!.. Да никто и не заставляетъ ихъ жить вмѣстѣ. Онъ убѣдить сестру вѣрить поляку Горки, и подъ его управленіемъ онѣ стануть дѣйствительно золотымъ дномъ. Самъ онъ слишкомъ мягокъ и не сумѣеть справиться съ этимъ имѣньемъ.

Судьба недаромъ привела его сюда. Она уготовала ему и дѣло въ жизни и невѣсту. И надо дѣйствовать. Надо воспользоваться временемъ и не дать Зосѣ уѣхать въ Заполье. Онъ вообразилъ себѣ, что было бы, если бѣ, вернувшись изъ Карауловки, онъ не засталъ Зоси въ Колычевѣ... Да вѣдь оно сразу бы утратило всякій смыслъ, всякую цѣнность. И онъ нарисовалъ ее себѣ за чайнымъ столомъ. Какъ мило хозяйничала она, какъ любезно и заботливо спрашивала всякаго, по вкусу ли налитый чай... Такую дѣвушку, эту севрскую статуэтку, назвать женою?.. Конечно, это и есть то высшее счастье, о которомъ смѣеть мечтать человѣкъ... А она?... Онъ вспомнилъ выраженіе глазъ, улыбки, всю наивно откровенную игру ея физиономіи. Гришенька... Этотъ панъ усатый Валекъ... Нѣтъ, ея глаза не лгутъ... Въ Горки онъ не поѣдетъ, а пошлетъ Силантія, а самъ останется тутъ и добьется отвѣта. Довольно бездѣлья! довольно скитаній. Надо стать за дѣло, начать новую осмысленную жизнь, основать новую семью.

Онъ распахнулъ дверь на террасу и вдохнулъ всей грудью ароматъ цвѣтовъ.

И словно въ отвѣтъ на его рѣшеніе изъ-за вершинъ высокихъ вязовъ брызнули первые лучи солнца и золотомъ залили водную гладь.

Боже мой, какъ хорошо ты, лѣтнее утро! Какъ дивно хорошь ты, прадѣдовскій садъ! Какъ хороша ты, жизнь, когда манишь свѣтло загорѣвшей надеждой!

Слава тебѣ, утро!

Слава тебѣ, родная почва!

Слава тебѣ, жизнь!

XIV.

Надъ вербеной и левкоемъ,
Граціозны и легки,
Цѣлый день воздушнымъ роємъ
Вьются мотыльки.
Счастье, радость или страданье—
Эта пляска мотылька?..
Вейся, легкое созданье!
Пей свой медъ съ цвѣтка!

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы» М. К.)

У подъѣзда виллы стояла опять щегольская предводительская коляска съ красавцемъ Тимошеемъ на козлахъ. Ярко горѣли рукава его желтой рубахи, и золотомъ отливали павлиньи перья лихо заломленной на бекрень шляпы.

Илья Семенович спускался съ лѣстницы, почтительно поддерживаемый своимъ камердинеромъ, и на каждой ступенькѣ останавливался, продолжая французскій разговоръ съ Колычевымъ.

— Я васъ вполнѣ, мой милый, понимаю и увѣренъ, что управляющій вашъ сумѣетъ наладить дѣло въ Горкахъ. Сознаюсь, при ближайшемъ знакомствѣ онъ мнѣ самому кажется много симпатичнѣе, но... есть въ немъ что-то, чего я и объяснить не смогу, почему я все-таки не давалъ бы ему неограниченныхъ полномочій.

— Не предубѣжденіе ли это, Илья Семеновичъ? Я нахожу, что онъ администраторъ на рѣдкость и человѣкъ, сразу охватывающій весь предметъ, не упуская мельчайшихъ подробностей. Единственный его недостатокъ это грубость. Къ сожалѣнію, съ ней приходится считаться!

— Не грубость, а польское самомнѣніе и презрѣніе ко всему русскому. Это изъ тѣхъ польскихъ волковъ, которыхъ какъ ни корми, а они отъ русскихъ харчей до своего мяса бѣгутъ... А милый барышнѣ поклонитесь отъ меня еще разъ: талантъ, большой талантъ и преграціозна! настоящая куклолка изъ коллекціи Арсенія Михайловича... Ну, будьте здоровы! Значить, вы сегодня съ Гришей приѣдете? Я буду ждать васъ къ ужину!

Какъ ни хотѣлось Ивану Николаевичу остаться дома, но братъ слово назадъ онъ считалъ неудобнымъ, а потому и отвѣтилъ утвердительно «непремѣнно!»

— Съ Богомъ! Трогай!

Камердинеръ вскочилъ на козла, и предводитель, мягко укачиваемый рессорами, покатился за ворота.

— Чортъ бы побралъ этого Гришку!—бранилъ про себя Колычевъ молодого Караулова.—Все дѣло мнѣ испортилъ! Очень нужно было ему оставаться до вечера!

Гришенька, узнавъ, что Иванъ Николаевичъ задержится дѣлами и выѣдетъ позже, навязался ему въ компанію. Онъ съ восторгомъ ухватился за возможность провести лишніе полдня въ Колычевѣ и поухаживать за Зосей. Пока «старика», какъ онъ мысленно называлъ дядю и Ивана Николаевича, сидѣли за кофе и сигарами, онъ, пользуясь деревенской свободой, выкупался въ Оболони и сразу пошелъ съ визитомъ въ старый домъ. Дорогу онъ теперь зналъ и прямо взбѣжалъ на террасу.

Зося пила кофе. Въ своемъ простомъ домашнемъ платицѣ, съ бархаткой въ распушенныхъ волосахъ, она показалась ему еще милѣе вчерашняго. Она весьма милостиво приняла молодого франта.

— А я только что съ рѣки!—объявилъ Гришенька.

— Значить, хотите кушать! Чего налить вамъ?

Молодой человѣкъ оглядѣлъ столъ. Въ корзинкѣ лежали свѣже выпеченные плячки и крендельки. На пестромъ подносѣ пыхтѣлъ

самоваръ, а рядомъ стоялъ блестящій мѣдный кофейникъ и кувшинъ густыхъ сливокъ.

— Ахъ, панна Зося! какая прелесть! угостите меня сливками. Это напомнить мнѣ дѣтство. И отчего это ни у дяди, ни у Колычева не подають такихъ вкусныхъ крендельковъ?

— Это мама пекла. Она никому своего рецепта не даетъ.

Въ дверяхъ появилась пани Юзыня. Она совсѣмъ сконфузилась, но Зося такъ весело вскочила къ ней навстрѣчу, такъ крѣпко обняла и поцѣловала ее, что мать сама ей улыбнулась и нѣжно спросила:

— Ну, что, цурка, выспалась?

— Отлично! спала, какъ убитая, и видѣла все пана Григорія во снѣ. Садитесь, мама, къ намъ, налейте пану кофе, а я пойду и причешу волосы.

Зося, нагѣвая пѣсенку, прошла въ комнаты. Гришенька, конечно, сталъ разсыпаться передъ Юзыней въ похвалахъ ея дочери, говорилъ о ея талантѣ, сравнивалъ ее съ тѣми артистками и виртуозами, которыхъ встрѣчалъ «при дворѣ», а Зося слушала ихъ разговоръ изъ мезонина, пряча свою косу подъ синюю сѣтку. Ей вовсе не хотѣлось ни шутить, ни смѣяться, но она рѣшила играть роль счастливой и довольной собой и увлечь молодого Караулова, чтобы возбудить ревность Колычева.

Черезъ четверть часа она сошла съ зонтикомъ въ рукѣ.

— Пойдемте гулять, панъ Григорій, я сама покажу вамъ садъ, а то вы непременно заблудитесь. А вы, мама, похлопочите объ обѣдѣ. Панъ Григорій мой гость и обѣдаетъ у насъ.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія!—засуетилась пани Юзыня.

Ея гостепріимная душа расцвѣла при мысли видѣть у себя въ гостяхъ такого знатнаго человѣка и важнаго чиновника, и она отправилась въ кухню стряпать любимые Зосей фарши и пышки, а молодые люди взапуски побѣжали въ ту запущенную часть парка, гдѣ Зося чувствовала себя царицей разрушеннаго міра.

Проводивъ Караулова, Иванъ Николаевичъ прошелъ въ кабинетъ и сѣлъ за письмо приказчику въ Горки. Сношенія съ Горками поддерживались еженедѣльно, и оттуда довольно аккуратно приходили безграмотныя донесенія о томъ, что «все милостію Божіей обстоятъ благополучно, а у Матвѣя лѣсника лошадь пала, и я отдалъ ему Пташку, что около Петрова дни захворала, и у насъ въ работу не годится, а ему для объѣзда пригодна...» Точно на этой хромой клячѣ лѣсникъ могъ бы догнать вороватыхъ крестьянъ, безъ разбора и церемоній рубившихъ и увозившихъ деревья изъ заповѣдныхъ рощъ. Или же сообщалось, что при томъ же милостію Божіей благополучіи «сѣно на Высокомъ лугу въ стогахъ сгорѣло», потому что сметали его наскоро до дождя, а потомъ, понадѣявшись на милость Божію, разметать и пересушить полѣнились и только дивились, съ чего бы это? «Не впервой наспѣхъ убирали, и всегда

Богъ миловаль; а теперь поди-ка пудовъ до тысячи сопрѣло. Истинно бѣда!..»

Все это раздражало Ивана Николаевича. Онъ чувствовалъ, что его хозяйскій глазъ необходимъ въ эту горячую пору въ Горкахъ, а между тѣмъ не было силъ разстаться съ Колычевымъ, и онъ ограничивался строгими выговорами и наказаниями, а самъ съ мѣста не трогался.

— Все равно, за всѣмъ не досмотришь. Переговорю еще разъ съ Романомъ, пошлю его въ Горки, а самъ порѣшу поскорѣе съ Зосей.

У него снова тепло стало на сердцѣ, и волна радости подступила къ самому горлу. Хотѣлось вскочить, бросить дѣло и бѣжать туда, въ старый домъ, чтобы сейчасъ на рукахъ перенести сюда свое счастье и никогда, никогда больше съ нимъ не разставаться. Ни колебаній, ни юношескихъ сомнѣній въ немъ не было. Чувство вспыхнуло разомъ, и опытъ говорилъ ему, что это не мимолетный капризь... Онъ сдѣлалъ надъ собою усилие, обмакнувъ перо въ бронзовую голову негра на письменномъ столѣ Арсенія Михайловича и четко дописалъ письмо Ерофеичу, строго наказывая не умничать и не разсуждать, а дѣлать и поступать во всемъ согласно его послѣднимъ распоряженіямъ.

«Пріѣду на будущей недѣлѣ самъ, и если найду въ чемъ непорядокъ или упущеніе, взыщу безъ пощады со всѣхъ, а съ тебя перваго».

Едва успѣлъ онъ докончить послѣдній росчеркъ на своей подлинси, какъ въ дверь раздался тихій стукъ.

— Войдите!

Въ кабинетъ вошелъ Евграфъ. Онъ тоже не спалъ всю ночь. Музыка Зоси, долетавшая сверху, окончательно утвердила старика въ намѣреніи взять завѣщаную ему бариномъ вольную.

— Чего тебѣ, старина?—спросилъ его Иванъ Николаевичъ.

Евграфъ потупился, а потомъ бухнулся въ ноги.

— Увольте меня, милость ваша!

— Встань, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, ты вольный давно, съ самой минуты вскрытія завѣщанія.

— Не такъ увольте, а совсѣмъ отпустите, чтобъ, значить, уйти мнѣ совсѣмъ.

— Уходи, куда хочешь. Развѣ я держу тебя? Землю отведу тебѣ хоть сейчасъ, и лѣсу на срубъ, и соломы, и тесу, и кирпича, всего тебѣ отпущу,—живи по-своему! Я самъ не предлагалъ уйти тебѣ, потому что думалъ, тебѣ будетъ тяжело разстаться съ этимъ домомъ, который ты вдвоемъ съ бариномъ устраивалъ и оберегалъ.

— Нѣтъ, мнѣ легче будетъ, потому я такъ больше не могу.

— Не можешь чего?

— Жить, значить, такъ по новому, какъ нынче!

— Понимаю тебя и не думай, старикъ, что обиду нахожу въ такихъ словахъ.. Но жизнь дѣйствительно тутъ другая пойдетъ, и кто знаетъ...

Иванъ Николаевичъ не докончилъ. Онъ подошелъ къ бюро и, доставъ изъ портфеля пятисотенный билетъ, подалъ его Евграфу.

— А это тебѣ отъ меня лично на новоселье, да изъ завѣщанныхъ дядею денегъ не меньше достанется.

Евграфъ, огорошенный щедростью барина, снова повалился ему въ ноги и разрыдался.

— Полно, полно, старикъ! успокойся... Будемъ съ тобою сосѣдями. Я ужъ давно порѣшилъ, что отведу тебѣ землю у самага сада, чтобы близко тебѣ было къ бариновой могилѣ ходить. Стройся и заживи своимъ домомъ. Только кто же у тебя хозяйничать будетъ? Вѣдь ты, почитай, совершенный бобыль.

— Сестрину внучку, вдовую съ сынишкой беру къ себѣ, она работающая, да и мальчонка крестникъ мой.

— Ну, вотъ и отлично! А пока я живъ—не оставлю тебя. Помни, за всякой нуждой ко мнѣ обращайся. Всегда помогу!

Утирая кончикомъ платка свои выпвѣтшіе добрые глаза, прошелъ Евграфъ въ каморку и заперъ деньги въ когда-то купленную еще за границу «щикатулку съ двойнымъ аглицкимъ секретомъ».

— Вольный! вольный!—твердилъ онъ, но не радостью отзывалась воля въ его сердцѣ. Дорогою цѣной, смертью любимаго барина оплачена она.

— Батюшка! дорогой мой баринъ батюшка!—шептала старикъ и пошелъ на могилу, захвативъ метлу и лейку.

Силантій, кучеръ изъ Горокъ, получилъ порученіе доставить письмо Ерофеичу, къ великому удовольствію Михея Осторожнаго, которому такимъ образомъ предстояло везти барина въ Карауловку, славившуюся своимъ гостепріимствомъ не только по отношенію къ господамъ, но и слугамъ, ихъ сопровождавшимъ. На старомъ дворѣ смазывали коляску Ивана Николаевича, и Михей поругивалъ Силантія за усмотрѣнные его критическимъ окомъ непорядки.

— Тоже кучеръ!—презрительно фыркала онъ, подвинчивая гайки.—Ишь хлябаешь! рукъ нѣтъ... Долго ли развѣтитесь и колесо потерять. А потомъ что? На палочкѣ ступай?..

Иванъ Николаевичъ, сбывъ дѣло, направился въ старый домъ. Ему не терпѣлось повидать Зосю. Онъ рисовалъ себѣ ея улыбку, ея фигуру и походку, и волна той же радости подкатывала къ сердцу и заливала солнцемъ и свѣтомъ длинную, казавшуюся безконечной аллею.

— Сейчасъ увижу ее, услышу ея голось!—и молодой бойкой походкой онъ взбѣжалъ на хмелевую террасу и прошелъ въ гостиную.

На шумъ его шаговъ вышла пани Юзыня, вся красная и разгоряченная, оторвавшаяся отъ плиты.

— А Зося гулять ушла, пану Григорію садъ показывается. Вотъ жду ихъ обоихъ къ обѣду.

Догадаться пригласить и Ивана Николаевича къ своей трапезѣ старая полька не посмѣла.

— Жаль! я хотѣлъ выразить паннѣ Зосѣ мою искреннюю благодарность за ея музыку и передать ей ключъ отъ рояля. Можетъ быть, въ мое отсутствіе ей захочется поиграть. Зала да и весь домъ къ ея услугамъ.

И онъ протянулъ пани Юзынѣ рѣзной ключъ, пожалъ ей руку и удалился.

День точно померкъ. Неужели придется уѣхать, не повидавшись съ Зосей, не коснувшись ея нѣжной ручки, не заглянувъ въ ея васильковые глаза? Онъ обѣщаль Караулову не только погостить у него, но обѣхать съ нимъ и кое-кого изъ сосѣдей. Отъ послѣдняго онъ откажется, сошлетъ на горячее рабочее время и уѣдетъ при первой возможности. Не отказаться ли вовсе отъ поѣздки, сказавшись больнымъ? Нѣтъ, выходило бы слишкомъ по-мальчишески, да и неловко было передъ старикомъ, со смерти дяди успѣвшимъ уже три раза побывать въ Колычевѣ.

— Пойти пройтись... можетъ быть, и встрѣчусь съ ними?..

Но мысль видѣть ее въ присутствіи этого петербургскаго франта, слушать его плоскія шутки и замѣчанія претила ему, и онъ пошелъ къ старому вязу, сбивая по дорогѣ палкой головки краснаго клевера, расцвѣтшаго вновь на зеленой отавѣ луга. Ему хотѣлось воскресить въ памяти ихъ знаменательную встрѣчу у дядиной могилы, нарисовать себѣ скорбное выраженіе ея милаго лица и испуганный доврѣчивый взглядъ, которымъ она посмотрѣла на него, когда онъ выразилъ готовность извиниться передъ ея отцомъ... Зосинъ вѣнокъ на могилѣ давно завялъ, но онъ не позволилъ Евграфу убирать его, а повѣсилъ на крестъ. И теперь онъ висѣлъ, сухой и поблекшій, словно его мечты видѣть ее немедленно.

Черезъ прудъ къ нему донеслись веселые голоса и звонкій смѣхъ. Зося шла подъ руку съ молодымъ Каруловымъ. Онъ что-то рассказывалъ ей, жестикулируя лѣвой рукой, а она громко смѣялась. Вдругъ она остановилась и направилась къ берегу.

— Давайте искать счастье!—долетѣло до Колычева.—Здѣсь въ клеверѣ попадаются, хоть и рѣдко, четыре листочка...

Кончикомъ зонтика она шевелила траву, а Гришенька ползалъ на колѣняхъ.

— Вотъ нашель, ей-ей!

— Неправда! неправда! всего три, а не четыре!

Зося своими зоркими глазами отлично видѣла Ивана Николаевича на дерновомъ диванѣ у вяза, но дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его.

— А что мнѣ будетъ, панна Зося, если я найду четыре листочка?

— Сбудется ваше самое завѣтное желаніе!

— И скоро?

— Сейчас!

Гришенька вскочилъ.

— Нашель! ей Богу: считайте!

Зося протянула руку за клеверомъ, а онъ поймалъ и поцѣловалъ эту руку.

— Панъ Григорій!

Кольчевъ даже привскочилъ на своей скамьѣ.

Зося спрятала руку за спину и отступила.

— Языкомъ болтай, рукамъ воли не давай!—отчетливо донеслось до Ивана Николаевича.

Онъ сжалъ кулаки.

— Наглець!—пробормоталъ онъ.

— Ей-Богу, я не виноватъ... Вы сами сказали, что сбудется мое лучшее желаніе... Панна Зося! не сердитесь, ей-ей, не сердитесь... Я самъ не знаю, какъ это вышло.

Какъ ни желала молодая дѣвушка возбудить ревность Ивана Николаевича, однако этотъ поцѣлуй руки показался ей сверхъ программы; но черезъ минуту она уже подумала:

«Тѣмъ лучше, если видѣлъ! А съ этимъ франтомъ-гиглеромъ надо держать ухо востро...»—и вслухъ прибавила:

— А вотъ и я счастье нашла, и мое желаніе сбудется.

— Какое?—полюбопытствовалъ Гришенька.

— Чтобы когда-нибудь кто-нибудь васъ хорошенько за вашу дерзость проучилъ. Пойдемте! Хотя и не стойте вы, но насъ ждутъ къ обѣду,—и пара стала удаляться.

Обрывки разговора долетали все короче и тише и наконецъ смолкли въ глубинѣ аллеи.

Иванъ Николаевичъ не тронулся съ мѣста. Ревность его мучила. Что жъ это такое? Каждый хлыщъ, каждый пустой мальчишка считаетъ себя въ правѣ касаться ея и цѣловать ей руки?..

Вчера у него мелькнула мысль о возможности Зоси увлечься этимъ блестящимъ камеръ-юнкеромъ. Онъ, видимо, влюбился въ нее, но его ухаживанья такъ пошлы, что дѣвушка, подобная Зосѣ, не можетъ смотрѣть на него серьезно. Она просто кокетничала съ нимъ... вѣдь она такъ еще молода... Тѣмъ болѣе надо поскорѣе положить этому конецъ и добиться отвѣта. Серьезныхъ намѣреній у Гришеньки быть не могло, но было мучительно досадно, что изъ-за навязчивости этого ферта придется отложить по крайней мѣрѣ на цѣлые два дня объясненіе съ Зосей.

Когда вслѣдъ за Василиемъ, посланнымъ предупредить Гришеньку, что пора ѣхать, явился онъ самъ, насвистывая какую-то арію, Ивану Николаевичу стоило большихъ усилій не отщелкать его хорошенько по-гусарски, но онъ пересилилъ свое раздраженіе и только процѣдилъ сквозь зубы:

— Ну что, наухаживались?.. Я васъ видѣлъ издали у пруда, но не хотѣлъ мѣшать.

И когда Гришенька готовъ былъ пуститься въ объясненія и началъ съ панегирика Зосѣ, онъ прервалъ разговоръ и просилъ его поторопиться, чтобы не опоздать къ ужину.

XV.

Полдень июльскій—липа цвѣтеть.
Пчелы собираютъ липовый медъ.
Липа цвѣтеть все пышнѣй,—веселѣ
Стонъ отъ гуднѣя въ аллеѣ.
Вечеръ июльскій—липа цвѣтеть.
Пчелы замолкли... Кто-то идетъ...
Свѣтлое платье мелькнуло въ аллеѣ.
Сердце, стучи веселѣ!..

(Изъ «Пѣсень забытой усадьбы» М. К.).

Коляска съ Михеемъ и Василиемъ на козлахъ катилась по зеленой просѣкѣ къ столбовой дорогѣ, а Зося смотрѣла ей вслѣдъ изъ мезонина. Переданный ей матерью ключъ отъ рояля лежалъ у нея въ карманѣ, и дѣвушка шептала:

— Побѣда! побѣда!

Скоро, очень скоро она будетъ сидѣть съ нимъ рядомъ въ этой же коляскѣ... Нѣтъ, надо купить другую, болѣе модную. О, она все заведетъ на еще болѣе барскую ногу. А какъ хороша вилла! даже гораздо лучше, чѣмъ она полагала... Какіе чудные балы можно давать въ бѣлой залѣ...

Мечты о его ласкахъ отошли за ночь на второй планъ. Только роскошь и внѣшній блескъ значили для нея теперь снова, и отъ мягченности въ душѣ не осталось слѣда. Это была прежняя Зося, умѣвшая жалить по осиному и легкомысленно увлекавшая въ свои сѣти и старика и юношу, лишь бы это было весело и выгодно.

Отъ зоркихъ глазъ пана Романа не ускользнуло впечатлѣніе, произведенное его дочкой на Колычева.

— Попался москаль... Ну, и попляшешь!—твердилъ онъ свою излюбленную за послѣднее время поговорку. Но ему хотѣлось позондировать и Зосю. За ужиномъ онъ коварно спросилъ ее:

— Что жъ ты на свадьбу къ Олесѣ не просишься? Если тебѣ наряды нужны, я при деньгахъ и могу тебя какъ куколку разубрать!

— Спасибо!—отвѣчала Зося:—но я въ Заполье не собираюсь.

— Въ первый разъ слышу! Я и твоему пану Яну сказалъ, что ты ѣдешь туда гостить на всю зиму.

— Напрасно, отецъ, я не поѣду.

Панъ Романъ вспыхнулъ.

— Ну, это мы увидимъ. Я тебя все равно въ Колычевѣ не оставлю.

— Почему?

— А потому, что не на забаву москаля я за тебя чуть не по тысячѣ золотыхъ въ мѣсяцъ платилъ... Не хочешь ѣхать въ Заполье, поѣзжай въ Варшаву, въ пансіонъ,—тебѣ найдется дѣло!

Зося похолодѣла. Отецъ недаромъ затѣялъ это. Онъ подмѣтилъ ея вчерашнюю несдержанность, надо быть насторожѣ. И, взявъ себя въ руки, она отвѣтила совершенно спокойно:

— О! вотъ на это я совсѣмъ согласна... Я ужасно рада буду вернуться туда. Мнѣ сразу дадутъ уроки у маленькихъ, и я буду имѣть приличный заработокъ. Ты вполнѣ правъ, отецъ. Я довольно сидѣла у тебя на шеѣ, пора дать тебѣ отдохнуть!

И, чмокнувъ старика въ руку, она мѣрнымъ шагомъ вышла изъ столовой.

Панъ Романъ растерялся. Онъ никакъ не ожидалъ такого оборота разговора. Посылать дочь на заработокъ? Да это ему и во снѣ не снилось! Вотъ уже который разъ они не понимаютъ другъ друга. Прежняя гармонія нарушена и нѣтъ возможности возстановить былыхъ задушевныхъ отношеній.

Онъ всталъ и пошелъ въ мезонинъ, чтобы разяснить дѣло, но Зоси тамъ не было. Едва переводя духъ, она спѣшила въ свой уголокъ, ей хотѣлось быть одной... все обдумать... все взвѣсить.

И долго, до глубокаго вечера сидѣла молодая дѣвушка на своей самодѣльной скамьѣ, прислушиваясь къ вечерней тишинѣ и создавая новый планъ, который перевернетъ всѣ намѣренія и расчеты пана Романа...

Какъ ни старался Юшкевичъ на другой день завязать разговоръ съ Зосей, она уклонялась и переводила его на другое. Пытаясь навести ее на вчерашнее объясненіе, онъ спросилъ:

— Что жъ это Валека давно не видно? Совсѣмъ нынче ѣздить пересталъ! Ужъ цѣлую недѣлю его не было.

— Говорятъ, онъ былъ во вторникъ,—отвѣтила Юзыня:—мнѣ на скотномъ сказали, что онъ пріѣхалъ, а я не успѣла съ Фросей покончить, выхожу, онъ ужъ обратно скачетъ по дорогѣ. Я вслѣдъ ему крикнула: Валека! а онъ лишь хлещетъ своего Зефира. Я думала, ты съ нимъ опять поспорилъ изъ-за цѣнъ.

— Я въ глаза его не видѣлъ. А у меня до него дѣло есть. Ты, Зося, его не видѣла?

— Видѣла, но сказала ему, что больше видѣть не желаю и чтобъ онъ искалъ себѣ кого-нибудь другого для своихъ краденыхъ у хозяина букетовъ и сухихъ конфетъ,—и она вышла изъ комнаты.

Пани Юзыня даже ротъ раскрыла.

— Да, да!—сказалъ ей Романъ.—Смотри хорошенько за нею... Выросла и научилась и тебя, и меня въ грошъ не цѣнить...

Вечеромъ онъ наконецъ не выдержалъ. Этотъ тонъ столь вѣжливо любимою дочери слишкомъ глубоко задѣвалъ его. Послѣ ужина онъ сѣлъ съ трубкой въ свое любимое кресло у окна и притянулъ къ себѣ Зосю.

— Слушай, дѣвочка! ты на меня сердисься?

— Нѣтъ, отецъ! Я вовсе не такъ глупа. Напротивъ, я очень благодарна тебѣ. Мнѣ самой бы должно прійти гораздо раньше въ голову, что наступилъ и мой чередъ потрудиться, а не заставлятъ тебя самого говорить это.

— Тѣфу ты! Цо-то... Да что мы съ тобой или не на одномъ языкѣ говоримъ, что ли?.. Пойми, я тебя въ пансіонъ не для заработка послать хочу. Я просто хочу спасти тебя отъ покушеній москаля. Слишкомъ у него глаза на панну Юшкевичъ разгорѣлись. А я не для его добродія дитя свое растилъ!

— Ты фантазируешь, отецъ! ни у кого на меня глаза не разгорѣлись. Если ты разумѣешь этого гиглера пана Григорія, то у него голова однѣми графинями да баронессами набита. Онъ мнѣ вчера всѣ уши прожужжалъ о балахъ и выходахъ при царскомъ дворѣ. А относительно пана Яна—я давно поняла, что была глупа и вообразила себѣ Богъ вѣсть что... Вѣрно, я ужъ тогда больна была и все это было отъ болѣзни и бреда... Теперь это все давно прошло...

Панъ Романъ пытливо посмотрѣлъ на дочку и ужъ готовъ былъ повѣрить ея благоразумію, какъ вдругъ послѣ короткой паузы Зося прибавила, опустивъ глаза:

— А что касается нашего вчерашняго разговора, я хочу сказать тебѣ: если ты не собирался попрекнуть меня—все равно, отъ своей мысли зарабатывать самой себѣ хлѣбъ я не откажусь. Я уже написала пани Пенской, чтобы она имѣла меня въ виду на эту зиму для младшихъ, и просила дать мнѣ отвѣтъ. Степанъ утромъ отвезъ мое письмо на почту.

У пана Романа кровь ударила въ голову.

— Такъ ты безъ моего вѣдома и согласія письма отправляешь?.. Морду набью этому хлопцу, что онъ смѣлъ безъ моего разрѣшенія письма отъ тебя брать!

— Напрасно ты будешь драться, отецъ! Ты только унизишь себя, а дѣла не поправишь,—съ почты писемъ не возвращаютъ. Я и Олесю уже поздравила впередъ и написала, чтобы меня въ Запольѣ не ждали, что я пріѣхать не могу, такъ какъ поступаю учительницей въ нашъ пансіонъ...

Панъ Романъ задыхался... Это было слишкомъ! Чѣмъ спокойнѣе говорили съ нимъ въ минуты гнѣва, чѣмъ тише,—тѣмъ хуже поднималось его раздраженіе. Въ равнодушномъ тонѣ Зоси онъ угадывалъ дѣланность, чтобы еще больнѣе задѣтъ и уколотъ его. Она помнила его безобразную вспышку и не простила его...

Какъ ни чесались его скорыя на расправу руки, какъ ни готовъ онъ былъ, снова больно сжавъ ей плечи, вытолкать ее за дверь, но онъ впился въ ручки кресла посинѣвшими отъ напряженія пальцами и, весь багровый, просипѣлъ, задыхаясь:

— Дѣлай, что хочешь! уѣзжай къ самому дьяволу... Помни одно, то, что я тогда говорилъ тебѣ и повторяю опять: я лучше убью тебя и себя, чѣмъ дамъ тебѣ согласіе на бракъ съ москалемъ... И какъ ты ни хитри и ни прикидывайся,—я всю тебя насквозь вижу. Ты хитра и умна, но я еще тебя хитрѣе... Уходи!..

Какъ ни была тяжела эта сцена, Зося ликовала. Она останется еще пока въ Колычевѣ и доведетъ дѣло до конца...

И снова она направилась по темной вѣковой аллеѣ въ свой завѣтный пріютъ, тихонько улыбаясь грядущему счастью, которое она отвоюетъ у отца и у судьбы, несмотря на всѣ угрозы, на всѣ препоны.

— Надо вѣрить,—и все сбудется! Надо умѣть желать,—и желанія осуществляются... Жизнь даетъ человѣку то, что онъ требуетъ отъ нея...

Это были ея принципы, внушенные ей духовникомъ-іезуитомъ, и она вѣрила въ нихъ...

А Иванъ Николаевичъ уже возвращался домой. Онъ едва могъ выдержать день въ Карауловкѣ. Огромный домъ съ колонами, поддерживавшими полукруглый балконъ, анфилада парадныхъ комнатъ съ неизбѣжной портретной, диванной и узкой залой, люстры въ чехлахъ и завѣшанныя картины и зеркала навѣвали тоску. Семья предводителя проводила лѣто за границей, и въ ея отсутствіе все прятали и завѣшивали отъ мухъ и пыли, и комнаты становились нежилыми и неуютными.

Самъ Илья Семеновичъ былъ настоящимъ русскимъ хлѣбосоломъ-хозяиномъ, но у него былъ единственный въ губерніи конскій заводъ, и онъ такъ увлекался имъ, что замучивалъ гостей, водя ихъ по варкамъ и конюшнямъ и посвящая во всѣ тонкости лошадиныхъ статей и родословныхъ. Гришенька дома былъ прямо несносенъ. Онъ разыгрывалъ изъ себя балованнаго, капризнаго ребенка, трунилъ надъ дядюшкой и приставалъ къ нему съ довольно нескромными намеками на пухлую, помѣщавшуюся въ отдѣльномъ флигелѣ главную экономку Мавру Кузьминичну, безъ разрѣшенія ко орой не ставилось лишней бутылки вина на столъ. Садъ послѣ Колычевскаго парка казался маленькимъ, шаблоннымъ и плохо поддерживался. Цвѣтникъ былъ запущенъ. Вездѣ не хватало зоркаго глаза хозяйки.

Конечно, въ другомъ настроеніи Иванъ Николаевичъ не обратилъ бы на все это вниманія, вообще придавая мало значенія мелочамъ, но онъ прямо не находилъ себѣ мѣста и долженъ былъ дѣлать надъ собою усиліе, чтобы отвѣчать на вопросы и не терять нити бесѣды. Образъ Зоси манилъ его домой. «Счастье было такъ близко, такъ возможно...» И, вопреки всѣмъ упрашиваньямъ и уговорамъ старика предводителя объѣхать съ нимъ ближайшихъ сосѣдей, «все очень милыхъ людей, которые могутъ пригодиться», онъ сослался на

спѣшку рабочей поры и отказался переночевать еще разъ въ Карауловкѣ.

Отданъ былъ приказъ сразу послѣ обѣда подать экипажъ. Ни Михай, ни Василій не были восхищены этимъ распоряженіемъ.

Михей былъ даже нѣсколько подъ хмелькомъ, и только долготѣнная привычка удерживала вожжи въ его красныхъ дланяхъ. Хмурясь подкатилъ онъ къ крыльцу и чуть не задѣлъ за ворота, съѣзжая съ широкаго двора.

— Эй ты, господинъ Осторожный! поосторожниѣй!—крикнулъ ему Гришенька и, приложивъ рупоромъ ладони къ губамъ, прибавилъ:—нижайшій поклонъ прекрасной паненкѣ!

— Шутъ гороховый!—пробормоталъ Колычевъ.

Василій обернулся на козлахъ:

— Чего прикажете?

— Ничего! не съ тобой говорить!

Застоявшіеся кони бойко бѣжали по мягкой проселочной дорогѣ. До Колычева было всего двадцать шесть верстъ, и обыкновенно это разстояніе брало не болѣе двухъ съ половиной часовъ. Но сегодня Михай былъ особенно въ ударѣ, и коляска неслась еще быстрѣе.

— Эй ты! въ самомъ дѣлѣ осторожниѣй! Вѣдь вывалишь!

— Не извольте беспокоиться, прѣблагополучно доставлю:—отвѣчалъ кучеръ.

Дѣло шло дѣйствительно благополучно. Оставалось версты двѣ до дома, какъ вдругъ лѣвая пристяжная захлестнула ногу за постромку, и все спуталось. Лошади бились и неистово ржали. Коляска лежала на боку, и одно колесо усиленно продолжало вертѣться въ воздухѣ. Изъ канавы слышались не то стоны, не то мычанье, и по пыльной дорогѣ катился гонимый вѣтромъ картузь Василія.

Иванъ Николаевичъ отдѣлался сравнительно очень легко: ему нѣсколько придавило руку и пальто разорвалось о кузовъ. Но Василій не могъ подняться,—онъ сильно расшибся. Михай, весь мокрый, суетился около лошадей. Колычевъ, стиснувъ зубы, помогъ высвободить бившуюся въ постромкахъ «Чайку» и поднять экипажъ.

— Садись!—сказалъ онъ Василію, указывая на свое мѣсто въ коляскѣ:—а я дойду пѣшкомъ. Слушай ты, шагомъ поѣзжай, а дома я поговорю съ тобой.

Василія усадили; Михай взгромоздился на козла. Хмель съ него рукою сняло, и онъ не смѣлъ взглянуть на барина. Коляска поѣхала шагомъ, а Иванъ Николаевичъ взялъ наискосокъ черезъ поля.

Солнце уже сѣло, и за лѣсомъ разгоралась румяная полоса зари. Съ ближайшихъ межей, между щетками торчавшихъ сжатыхъ полюсъ несло дружное стрекотаніе кузнечиковъ, которые смолкали почти у самыхъ ногъ. Какая-то запоздалая лѣсная птица, тяжело взмахивая темными крыльями, наткнулась на Колычева и шарахнулась въ сторону съ рѣзкимъ, испуганнымъ крикомъ.

Прохладный вѣтеръ несъ съ мокраго луга миндальный запахъ медуницы. Иванъ Николаевичъ снялъ шляпу и подставилъ разгоряченный лобъ его освѣжающей струѣ, съ наслажденіемъ вдыхая знакомый ароматъ. Сердце его усиленно стучало. Незамѣтно для себя онъ все прибавлялъ шагу. Та же горячая волна охватывала его существо. Хотѣлось чему-то улыбаться, чему-то радоваться. Онъ чувствовалъ, что еще нѣсколько минутъ, нѣсколько десятковъ шаговъ и онъ достигнетъ своего счастья, что съ каждымъ мигомъ, съ каждымъ биеніемъ пульса оно все ближе и ближе, точно само идетъ ему навстрѣчу.

Изъ-за пригорка показалась темная масса Колычевскаго сада, озаренная послѣднимъ отблескомъ догорающаго вечера. Онъ перескочилъ черезъ ровъ и привычнымъ теперь, бодрымъ шагомъ взбѣжалъ на высокій валь. Среди кустовъ боярышника была лазейка, памятная ему еще съ дѣтства. Онъ разыскалъ ее и, минуя виллу, очутился во французскомъ саду. Кругомъ было тихо... Его не ждали...

Тѣмъ лучше! Онъ пройдетъ прямо въ старый домъ и, если тамъ сидятъ за ужиномъ, безъ церемоніи спроситъ себѣ у пани Юзыни стаканъ чая.

Но едва свернулъ онъ въ липовую аллею, какъ въ чащѣ мелькнуло свѣтлое платье.

Зося быстро шла къ нему навстрѣчу, направляясь въ свой пріютъ мечтаній. Вдругъ, замѣтивъ Колычева, она вскрикнула и закрыла лицо руками. Ей показалось, что это галлюцинація, пастью его неожиданное появленіе совпадало съ ея мыслями.

Иванъ Николаевичъ подбѣжалъ къ ней.

— Я испугалъ васъ? Простите меня!

Она протянула ему обѣ руки.

— Нѣтъ, ничего! Я не думала встрѣтить васъ... это отъ неожиданности.

Почти не отдавая себѣ отчета, онъ притянулъ эти руки, положилъ ихъ къ себѣ на грудь и глубоко заглянулъ ей въ глаза.

— Вы меня не думали встрѣтить... куда же вы шли?..

— Не знаю... меня просто потянуло сюда...

— Зося!—тихо проговорилъ онъ, всматриваясь въ это милое фарфоровое личико:—а я зналъ, куда шель... я не могъ дольше оставаться у Караулова... меня неудержимо тянуло въ Колычево, чтобы спросить у васъ одну вещь.

Зося замерла... Неужели сбывается?

— Зося я давно чувствую, что, куда бы я ни уѣхалъ теперь, мнѣ нѣтъ другого мѣста, какъ здѣсь подлѣ васъ. Зося... дайте же мнѣ право никуда не уходить отъ васъ!.. Обѣщайте и вы, что не уйдете отъ меня, не откажете мнѣ въ счастье носить мое имя...

Роковое слово было произнесено. Сердце и голубья жилки въ вискахъ стучали до боли. Она была близка къ обмороку и, вся

похолодѣвъ, прижалась къ нему, какъ тогда въ мечтахъ во время своего выздоровленія. Мечты стали дѣйствительностью... сонъ сталъ явью...

Все совершилось головокружительно быстро, словно по щучью велѣнью, точно она и вправду осилила судьбу напряженностью воли, сосредоточенной на единомъ желаніи... Она призвала счастье крикомъ всего существа, всей энергіей молодой, еще неистраченной души, и оно поддалось ей и покорно пришло на ея властный призывъ...

— Пойдемте къ вашимъ!—сказала Колычевъ, осыпая поцѣлуями ея глаза и волосы.—Я не хочу ни минуты злоупотреблять ихъ довѣріемъ!

Зося выпрямилась.

— Нѣтъ, мы не пойдемъ къ нимъ!.. Отецъ проникъ въ мою душу,—онъ догадался, что я люблю васъ, онъ понялъ это съ перваго же раза,—она опустила глаза,—и онъ поклялся, что лучше убьетъ меня и себя, чѣмъ дастъ согласіе на нашу свадьбу.

— Но почему же? почему?.. неужели онъ до сихъ поръ не простилъ мнѣ своей обиды?

— Не только потому... Но онъ полякъ, и мой бракъ съ ино-вѣрцемъ, по его мнѣнію, измѣна родинѣ и вѣрѣ.

Иванъ Николаевичъ нахмурилъ брови.

— Это одни слова. Онъ не можетъ противиться. Неужели въ наше время допустимъ подобный фанатизмъ?

Зося кивнула головкой.

— Да!.. вы не знаете поляковъ, вы не знаете, какъ мы умѣемъ ненавидѣть русскихъ...и любить ихъ,—тихо прибавила она, снова прижимаясь къ нему.

— Что же дѣлать?

— Подумайте сами, но что бы вы ни рѣшили,—я не беру слова назадъ... я люблю васъ...

И она обвилась ручками вокругъ его шеи.

Вся кровь ударила ему въ голову. Онъ поднялъ дѣвушку, какъ ребенка, и жадно прильнулъ къ ея полуоткрытымъ губкамъ.

— Зося! ты съ ума сводишь меня... Я голову потеряю... А мнѣ надо рѣшить, что дѣлать!

— Я знаю—что...—тихо промолвила дѣвушка, пряча на его плечѣ свое заалѣйшее лицо.—Мы должны обвиняться тайно, и чѣмъ скорѣе,—тѣмъ лучше. Вамъ стоитъ слово сказать здѣшнему священнику, онъ не посмѣетъ противорѣчить... Когда все будетъ кончено,—отецъ мой смирится.

Иванъ Николаевичъ опустилъ ее на ближнюю скамью.

— Да, это исходъ. Я завтра же переговорю съ отцомъ Никитою.

Зося замерла. Сердце снова стучало у самаго горла, но она справилась съ собою и робко отвѣтила:

— Послѣзавтра канунъ поста, а завтра вѣнчаться у православныхъ, кажется, нельзя—суббота. Придется отложить нашу свадьбу на двѣ недѣли...

Иванъ Николаевичъ такъ и затрепеталъ.

— Зося... а если мы пойдемъ къ отцу Никитѣ сегодня... сейчасъ... сію секунду, не теряя времени! Не все ли равно? Чего же ждать намъ?

Зося колебалась минуту.

— Пойдемте! я—ваша!..

Отецъ Никита былъ крайне озадаченъ, когда къ нему вошелъ самъ колывчевскій баринъ. Зося осталась на крылечкѣ. Иванъ Николаевичъ попросилъ священника выйти съ нимъ въ кабинетъ и, торопясь и конфузясь, началъ излагать ему дѣло.

Священникъ былъ пораженъ.

— Какъ? отъ такой чести отказывается, такого зятя имѣть? Да онъ съ гонору, вѣрно, съ ума спятилъ. Это его покойникъ избаловалъ.

— Съ гонору ли, съ фанатизма ли,—не въ томъ дѣло. Я васъ прошу, батюшка, обвиняйте меня безъ его согласія съ панной Зосей!

— Отлично! когда прикажете? Въ понедѣльникъ начинается Успенскій постъ. Обвинять васъ 16-го нельзя—вторникъ. Назначимъ 17-е?... Можетъ быть, и панъ одумается.

— Я не хочу ждать такъ долго! Обвиняйте насъ сейчасъ же...

— Какъ сейчасъ? А свидѣтели? а документы? а оглашеніе?

— Возьмите въ свидѣтели, кого хотите; документъ мой со мной, невѣсту вы лично знаете, а безъ оглашенія въ крайности можно и обойтись!

— А знаете ли вы, милостивый государь мой Иванъ Николаевичъ, что для меня это ссылкой въ монастырь пахнетъ? Если дѣло откроется, я сана лишиться могу!

— Полноте, батюшка! Не бойтесь. Я васъ не подведу, а въ случаѣ чего я съ Петромъ Александровичемъ Валувымъ на ты, да въ синодѣ рука найдется. Отстоимъ васъ!

— Простите, а я все-таки на совѣтъ свою попадью призову. Потому попаду впросакъ—и ей вмѣстѣ страдать придется.

— Пожалуйста! Зося тутъ... Я даже радъ буду, если матушка въ церкви будетъ. Все-таки, можетъ быть, и женская помощь окажется не лишней.

Призванная на совѣтъ попадья такъ и присѣла.

— Батюшки, да какъ же такъ? Такая свадьба и безо всякаго торжества, безъ пышности? Да полякъ насъ живьемъ съѣсть.

— Пускай себѣ! Это онъ съ гонору куражится, а какъ дѣло будетъ кончено, небойсь, самъ обрадуется... Значить, за насъ обонхъ ты не боишься передъ благочиннымъ или консисторіей?

— Чего бояться!.. Я вонъ пойду лучше, барышню приголублю. Измучилась, чай, за дверью дожидаячись.

И она привела Зосю.

Зося вошла блѣдная, но улыбающаяся. Иванъ Николаевичъ взялъ ее за руку и подвелъ подѣ благословеніе отца Никиты. Дѣвушка низко склонила голову.

— Матка Бозка! добрый Исусъ! простите меня! — мысленно замаливала она благословенія, принимаемыя отъ еретика.

Священникъ осѣнилъ ее дрожащей рукою и спросилъ:

— Готовы ли вы и добровольно ли вступаете въ этотъ столь быстрый и неожиданный бракъ?

— Да, готова и вступаю добровольно!

— Кликни-ка сыновей и пошли за дьякономъ! — распорядился Никита.

Попадья позвала сыновей, а сама увела Зосю въ спальню, на половину загороженную огромной кроватью съ двумя горками подушекъ въ расшитыхъ наволокахъ. Съ трудомъ выдвинувъ тяжелый ящикъ стариннаго комода, она достала бережно уложенную тюлевую фату и померанцевый вѣнокъ изъ лайковыхъ цвѣтовъ.

— Вотъ надѣньте ихъ, барышня. Это мои. Я для дочери берегла ихъ, да не далъ намъ таковой Господь. А вамъ это счастье принесетъ: вѣдь мы тридцать слишкомъ лѣтъ счастливо съ отцомъ Никитой прожили.

На томъ мѣстѣ, гдѣ мѣсяцъ назадъ стоялъ катафалкъ съ гробомъ Арсенія Михайловича, теперь высился аналой. Люди, впервые встрѣтившіеся тамъ взглядами, соединялись неразрывно. Кольца — старыя обручальныя кольца Ивана Николаевича и его первой жены, которыхъ онъ никогда не снималъ, — были обмѣнены. Вѣнцы надъ брачующимися держали сыновья отца Никиты, а матушка заливалась слезами, слушая, какъ дьячокъ и высокій семинаристъ выводили на клиросѣ: «Исаія ликуй»!

Бракъ былъ совершенъ, записанъ въ книгу, и отецъ Никита поздравилъ молодыхъ.

Зося была какъ во снѣ во время вѣнчанія, но теперь ей вдругъ сдѣлалось страшно: ужъ слишкомъ быстро осуществился задуманный ею планъ и жутко становилось думать объ отцѣ... Но Иванъ Николаевичъ прижалъ крѣпко ея руку къ себѣ, и въ сопровожденіи всей семьи священника они прошли кратчайшей дорогой въ усадьбу, той самой дорогой, по которой такъ еще недавно слѣшили Зося съ пани Юзыней на отпѣваніе Арсенія Михайловича. У калитки въ боковую аллею они распростились со своими спутниками и направились къ старому дому, глядѣвшему въ темноту іюльской ноци, словно старческими глазами, своими слабо освѣщенными окнами.

Пани Юзыня сидѣла въ гостиной за чинкой бѣлья у одиноко горѣвшей свѣчки. Панъ Романъ курилъ въ сосѣдней столовой. Онъ выходился и поджидалъ дочь, чтобы проститься съ нею. Былъ уже одиннадцатый часъ.

— Гдѣ она гуляетъ до сей поры?

— Не знаю!—отвѣчала Юзыня.—Я не смѣю ее спрашивать, она сейчасъ разсердится, скажетъ, что я шпиону.

— Распустили, распустили дѣвчонку! Ну, и подтяну же я ее! Открывшаяся со скрипомъ балконная дверь заставила его повернуть голову.

Въ черномъ прорѣзѣ стояла Зося рядомъ съ Колычевымъ, вся прижимаясь къ нему, и Иванъ Николаевичъ обнималъ ее за талію.

— Цо-то!—цокнулъ полякъ, но Иванъ Николаевичъ подвелъ жену къ матери:

— Простите насъ, матушка, что мы обвѣнчались безъ вашего согласія.

У пани Юзыни подкосились ноги, и она упала на стуль. Трубка пана Романа разбилась на тысячу кусковъ. Онъ только что сейчасъ замѣтилъ на дочери фату и свадебный вѣнокъ.

— Обвѣнчаны! когда? кѣмъ?—прохрипѣлъ онъ.

— Мы только что обвѣнчались въ колычевской церкви. Зося мнѣ сказала, что вы не дадите согласія,—мы должны были обвѣнчаться тайно, и теперь исправить дѣло нельзя. Простите и благословите насъ!

Колычевъ былъ взволнованъ. Зося рыдала, спрятавъ лицо въ колѣняхъ матери. Панъ Романъ стоялъ остолбенѣлый.

— Пе-ре-хит-ри-ла...—прошепталъ онъ и, припавъ къ косяку двери, тоже зарыдалъ... Потомъ вдругъ смахнулъ слезы, топнулъ ногою и заоралъ:

— Таська!

Испуганная дѣвочка влетѣла съ разинутымъ ртомъ.

— Давай стаканы и медъ!

Зося съ крикомъ бросилась къ отцу:

— Ты простишь меня, тату! Ты простишь... милый тату!..

XVI.

Молодыхъ ждуть съ хлѣбомъ-солью,
Осыпають щедро хмелемъ.—
Не щемить ужъ сердце болью,
Бьется радостью-весельемъ,
И, встрѣчаясь быстрымъ взоромъ,
Очи вспыхиваютъ страстно...
Надъ землей одинъ дозоромъ
Ходить мѣсяцъ безучастно.

(Изъ «Пѣсенъ забытой усадьбы» М. К.).

Пошла уже вторая недѣля со времени этого памятнаго вечера. Севрскія пастушки и гобеленовыя богини съ удивленіемъ смотрѣли на розовое личико своей новой соперницы. Ловкія ручки Зоси были въ дѣйствиі съ утра. Она сама варила кофе въ розовомъ будуарѣ

и наливала его мужу въ большую саксонскую чашку. Солнце не заглядывало такъ рано на эту сторону, и только высокіе клены кивали зелеными верхушками нарядной молодой хозяйкѣ. Въ уборной Зоси оказался цѣлый сундукъ кружевъ и давно забытыхъ модъ, которыя, бывъ купленными въ Парижѣ для невѣсты Арсенія Михайловича, такъ и стояли нераспакованными цѣлыя сорокъ лѣтъ. Матерія была совершенно свѣжа, но фасоны казались невѣроятными. Только Зося съ ея красотой и граціей могла рискнуть надѣвать эти странные теперь шлафоры и распашные капоты.

Иванъ Николаевичъ не могъ надышаться на свою красавицу жену. Онъ буквально носилъ ее на рукахъ и читалъ по глазамъ ея малѣйшее желаніе. Все въ ней приводило его въ восторгъ. Онъ осыпалъ ее ласками и готовъ былъ цѣловать слѣды ея маленькихъ ножекъ въ расшитыхъ серебромъ туфляхъ. Они вмѣстѣ бродили по роскошнымъ апартаментамъ и дѣлали все новыя открытія. То въ шкапу булъ въ гобеленовой гостиной оказывалась цѣлая коллекція старыхъ гравюръ; то въ уборной въ туалетѣ находился ящикъ съ нераскупоренными англійскими духами. Рабочій столикъ въ боскетной былъ весь набитъ катушками и разными принадлежностями дамскихъ рукодѣлій. Во всемъ сказывалась забота объ удобствахъ женщины, которой такъ и не пришлось воспользоваться ни одной изъ этихъ изящныхъ мелочей.

Зато Зося совершенно по-дѣтски радовалась всякому пустяку. Ея потребность и стремленіе къ красивымъ вещамъ были удовлетворены вполне. Опытной рукою переставляла она мебель и украшенія. Вазы были полны цвѣтовъ. Мелочи на столахъ и каминахъ стояли въ красивомъ подборѣ. Венера Милосская изъ своей ниши въ зеленой боскетной, повернувъ гордый благородный профиль, словно любовалась на высокую вольерку съ цѣлымъ десяткомъ канареекъ и на пару красавцевъ борзыхъ, грѣвшихся на солнцѣ, которыхъ по желанію жены Иванъ Николаевичъ велѣлъ привезти изъ Горокъ, такъ какъ Зосѣ хотѣлось поскорѣе хоть чѣмъ-нибудь оживить свои молчаливые роскошные покои. Въ каморкѣ Василія, котораго пришлось положить въ больницу, поселилась выписанная изъ Москвы франтиха горничная, а разбитаго камердинера замѣнилъ Евграфъ.

Когда вѣсть о свадьбѣ Ивана Николаевича дошла до виаллы, всѣ сперва оторопѣли. Но молодой баринъ пользовался такой симпатіей, что не раздалось ни одного голоса осужденія за его поспѣшность. Зосю тоже любили и за ея привѣтливость, и за умѣніе сдерживать скорого на руку отца.

— Что жъ, баринъ на то и баринъ! ему лучше знать! Его барская воля!

И всѣ повеселѣли и радостно привѣтствовали молодыхъ на ихъ новосельѣ.

Евграфа вѣсть эта не застѣла врасплохъ. Онъ сразу почувалъ, что недаромъ баринъ его о сходствѣ Зоси съ портретомъ выспрашивалъ.

— Пала, знать, на сердце зазнобушка... Недалеко яблочко отъ яблони укатилось: племянникъ-то сильно самъ обликомъ на дядю смахиваетъ, значить, и вкусъ одинаковый имѣть долженъ.

Оставшись безъ камердинера, Иванъ Николаевичъ послалъ Оедьку за Прохоромъ, но самолюбіе стараго Личарды Арсенія Михайловича было задѣто.

— Не твое дѣло, не за свою должность берешься!—сказалъ онъ дворецкому.—Старому барину батюшкѣ пятьдесятъ лѣтъ угождать умѣлъ, авось и новому потрафлю.

И старикъ напялилъ ливрейный фракъ и постучался въ уборную.

Ивана Николаевича глубоко тронуло появленіе вѣрнаго слуги. Евграфъ поцѣловалъ его въ плечо и поздравилъ съ законнымъ бракомъ.

— Да, старикъ, можешь меня поздравить. Я никогда не ожидалъ, что такъ скоро найду свое счастье.

— Судьба-съ!—вымолвилъ Евграфъ и привычной рукой сталъ готовить умыванье и ночной туалетъ.

Онъ же указалъ появившейся пани Юзынѣ, гдѣ найти постельныя принадлежности и бѣлье; онъ же обратилъ ея вниманіе и на завѣтный сундукъ въ уборной Зоси, и, благодаря ихъ общимъ усиліямъ, получилась очень нарядная и удобная спальня новобрачныхъ. Евграфъ сразу покорился новому неожиданному обороту. Получивъ вольную, онъ по своей охотѣ вернулъ къ прежнимъ обязанностямъ, потому что сознавалъ необходимость своихъ нынѣшнихъ услугъ и могъ доказать ими свою глубокую благодарность за милости Ивана Николаевича.

Когда на другой день свадьбы, одѣвъ барина, онъ встрѣтилъ Зосю по дорогѣ въ розовый будуаръ, то подошелъ и къ ея ручкѣ и тоже поздравилъ ее. Зося была тронута. Она втайнѣ боялась Евграфа. И, вся еще трепетная отъ пережитого, стыдящаяся своего новаго положенія, поцѣловала его въ сѣдую голову.

— Спасибо вамъ, Евграфъ!

Она не могла заставить себя сказать ему «ты».

Эта встрѣча сблизила обоихъ. Евграфъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, и старомодный ли нарядъ, или случайное сходство, но ему показалось, что онъ видитъ передъ собой ту, чье имя никогда не выговаривалъ его языкъ. Такъ же склоняла она головку на ходу, такъ же быстро мелькали ея ножки изъ-подъ полудлиннаго распашнаго балахона, когда онъ передавалъ ей тамъ за границей, въ видѣ перваго привѣта каждое утро, букетъ отъ Арсенія Михайловича, и она выбѣгала къ нему еще неубранная изъ своей дѣвичьей комнаты...

Справившись съ домо́мъ, Зося перенесла свою дѣятельность въ садъ. Всѣ заброшенныя затѣи давно прошедшихъ временъ возобновлялись; расчищались дорожки, рубились кусты и разросшіеся сучья, красились павильоны и бесѣдки.

— Знаешь,—сказала она однажды, сидя на террасѣ на колѣняхъ мужа:—чего не хватаетъ дѣсь?—Лебедей... Я всегда о нихъ мечтала. Вѣдь это геральдическая птица Юшкевичей.

Иванъ Николаевичъ въ тотъ же вечеръ послалъ Силантія раздобыть ихъ по сосѣдству, а если не достанетъ, купить подъ Москвою въ загородныхъ дворцахъ, и черезъ нѣсколько дней пара царственныхъ птицъ плавно скользила по старому пруду.

О хозяйствѣ было забыто. Забота о немъ лежала опять всецѣло на панѣ Романѣ. Молодому было не до жатвы и молотбы. Зося совѣтовалась съ нимъ о приданомъ. Иванъ Николаевичъ наполнилъ секретный ящикъ мозаичнаго бюро золотомъ и кредитками, и ключъ отъ него вручилъ женѣ. Зося могла теперь безъ стѣсненія исполнять всѣ давнишнія завѣтныя желанія, изошряя свой вкусъ въ выборѣ тканей и фасоновъ, и въ Парижъ и въ Варшаву были посланы огромные заказы.

Это былъ настоящій женскій рай.

Все, что только рисуется молодымъ дѣвушкамъ, какъ лучшее счастье въ жизни, пролилось щедрою рукою на Зосю. И она сама не знала теперь, что ей дороже: эта ли волшебная обстановка, или поцѣлуи и обожаніе безумно влюбленнаго мужа?

Она щедро платила ему за ласки... Ея гордость не позволяла ей оставаться у него въ долгу, и она всегда находила случай услужить и угодить ему, примѣняясь къ его вкусу и чутьемъ угадывая его желанія и привычки.

Въ такомъ блаженномъ настроеніи своего медоваго мѣсяца Иванъ Николаевичъ вдругъ получилъ письмо отъ сестры. Александра Николаевна извѣщала о скоромъ приѣздѣ въ Колычево вмѣстѣ съ мужемъ.

— Господи Ты Боже мой!—онъ протянулъ письмо Зосѣ, —они сидѣли за завтракомъ въ обюссоновой столовой:—посмотри, что я надѣлалъ!

— Что такое?—встревожилась Зося.

— Да вѣдь я до сихъ поръ не извѣстилъ Саню о нашей свадьбѣ. Ай-ай-ай! что же теперь дѣлать?

Зося задумалась.

— Да, это весьма было съ нашей стороны опрометчиво. Но вѣдь нашъ бракъ не секретъ, кто-нибудь другой извѣстилъ ее. Могли дать знать изъ Горокъ, или панъ Григорій заѣхалъ сообщить. Вѣдь онъ, кажется, большой любитель новостей?

— Да, сплетникъ изрядный, но не въ томъ дѣло. Все-таки намъ, т. е. мнѣ, слѣдовало бы извѣстить сестру. Вѣдь ближе ея у меня родни нѣтъ.

— Знаешь что? выдумай что-нибудь: скажи, что писалъ, а письмо на почтѣ пропало, или что ты заложилъ его и забылъ отправить.

— Ну, это ужъ мальчишество. Да и къ чему лгать? Повинную голову и мечъ не сбъчетъ. Напишу, что закрутился, позабылъ, какъ оно и есть. Сестра головы съ меня за это не сниметъ.

— Сейчасъ видно, что ты мужчина... Вѣдь она обидится и меня не влюбить. А такой отговоркой можно было избѣжать ея обиды. По-моему, лучше солгать и взять грѣхъ на свою душу, чѣмъ оскорбить человѣка.

Иванъ Николаевичъ призадумался.

— Значить, по-женски, ложь не такой ужъ смертный грѣхъ? Значить, и мнѣ ты могла бы солгать, чтобы не смущать моей души?

Онъ всталъ и, запрокинувъ ея голову, заглянулъ въ глаза.

— Слушай, мой ангелъ! дай мнѣ слово, что со мной ты будешь поступать по-мужски. Будь всегда со мной во всемъ откровенна! Обѣщаешь?

Зося удивилась этому серьезному тону.

«Сказать или не сказать,—подумала она, разумѣя ту свою первую ложь на могилѣ старика Колычева о его не существовавшемъ интересѣ къ ней.—Испытать его?.. Нѣтъ, это одни слова. Лучше смолчать, вѣдь онъ сразу потеряетъ довѣріе къ ней, да и дѣло прошлое».

И она подняла къ нему свои васильковые глаза и твердо выговорила:

— Обѣщаю!

— Я вѣрю тебѣ, моя радость.

Черезъ полчаса они уже сидѣли другъ противъ друга за письменнымъ столомъ Арсенія Михайловича и, макая перья въ голову негра, оба писали письма.

«Дорогая Санюшка, — писалъ Иванъ Николаевичъ:— не удивись и не прогнѣвайся на меня безпутнаго, когда, приѣхавъ въ Колычево, найдешь меня вновь женатымъ и потому счастливейшимъ изъ смертныхъ. Все произошло такъ быстро, что я посейчасъ опомниться не успѣлъ и до сихъ поръ точно въ чадѣ. Судьба послала мнѣ не жену, а кладъ. Это дочь пана Романа Юшкевича — Софія, или, какъ всѣ зовутъ ее, Зося. Помнишь мои мечты въ тринадцать лѣтъ. Я нашелъ этотъ идеаль, я обладаю оригиналомъ того портрета, объ исчезновеніи котораго я тебѣ сообщалъ. Приѣзжай же, моя дорогая, и убѣдись своими глазами, какъ счастливъ твой братъ и что за рай это волшебное Колычево. Лично порѣшимъ и поговоримъ и о дѣлахъ, а то меня загрызетъ совѣсть, что я использую одинъ это наслѣдство безъ тебя. Кланяйся Семену и попроси его любить и жаловать мою молодуху; за тебя же я покоенъ: ты не можешь ее не любить, разъ ее любить твой братъ

«Ив. Колычевъ».

«Дорогая Олеся, — писала Зося: — сообщаю тебѣ о важной перемѣнѣ въ моей судьбѣ. Ты очень удивишься, прочитаешь мою подпись. Да, я больше не панна Зося Юшкевичъ, я теперь Софія Романовна Колычева, жена племянника пана Арсенія. О его пріѣздѣ я тебѣ уже сообщала. Мы сразу, какъ увидѣлись, полюбили другъ друга, но если я не упоминала объ этомъ въ письмѣ, то потому, что не знала, пользуюсь ли я взаимностью. Мужъ мой балуетъ меня, чѣмъ и какъ можетъ, и я живу словно королева. Помнишь, у васъ въ угловой гостиной есть въ Запольѣ старая гравюра, кажется, Альбрехта Дюрера, гдѣ изображенъ итальянскій замокъ близъ Милана надъ озеромъ. Наша вилла точно скопирована съ него и полна всякихъ чудесъ. Покойный панъ Арсеній былъ очень тонкимъ художникомъ-коллекціонеромъ. Описывать тебѣ всѣ богатства я не стану, потому что, надѣюсь, ты какъ-нибудь сама пріѣдешь погостить ко мнѣ, когда выйдешь за графа Светицкаго. Передай отъ меня пану Стасю, что я буду рада видѣть и его, и засвидѣтельствуй мое глубокое почтеніе твоей добрѣйшей матери. Крѣпко цѣлуетъ тебя твоя
«С. Колычева».

Иванъ Николаевичъ, окончивъ свое письмо раньше Зоси, сталъ за ея стуломъ и, цѣлуя завитки волосъ на ея бѣлой шейкѣ, заглянулъ въ ея посланіе. По-польски онъ читать не умѣлъ, но «панъ Стась» понялъ и спросилъ жену:

— Кто это?

— Олесинъ братъ, уланъ N-скаго полка.

— А-а!

Но въ этомъ «а» была новая нотка, и Зося обернулась.

Мужъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Ты съ нимъ хорошо знакома?

— Еще бы! мы вмѣстѣ дѣтьми играли. Онъ всего на три года старше меня.

— Ну, а когда выросли, онъ, вѣрно, ухаживалъ за тобой?

— Не знаю, ухаживалъ ли!

Колычевъ притянулъ Зосю къ себѣ.

— Зося, полчаса назадъ ты общала говорить мнѣ одну правду. Скажи же мнѣ, ты не была влюблена въ этого улана?

Зося вся заалѣла. Она сразу поняла, что мужъ будетъ непременно ревновать ее къ каждому. Дѣло было тоже прошлое и въ сущности ничего серьезнаго между ними—не считать же нѣсколькихъ поцѣлуевъ за дверями да нѣжныхъ пожатій руки—и не было. Поэтому она смѣло взглянула въ сѣрые подъ сросшимися бровями глаза и отвѣтила:

— Влюблена? я?.. такъ почему же я вышла за тебя? Я противъ сердца не могла бы выйти за нелюбимаго человѣка и стать его же-

ною. Если онъ мнѣ и нравился, то только пока я не встрѣтилась съ моимъ Ивомъ.

Она такъ окрестила мужа, находя все остальные сокращенія его слишкомъ распространеннаго имени вульгарными. И когда онъ, подкупленный искренностью ея тона и взгляда, сталъ цѣловать ей, словно извиняясь, руки, молодая женщина прибавила со снисходительной улыбкой:

— Итакъ, милостивый государь, вы ревнивы?.. Надо запомнить. Ну, а про себя вы ничего мнѣ не расскажете? Могу я вѣрить, что я единственная женщина, которую вы удостоили своей благосклонности послѣ смерти вашей первой супруги?

Зося впервые говорила о покойной Полинѣ, и Колычеву стало больно,—точно его ударили по едва затянувшейся ранѣ.

— Въ такой мѣрѣ, какъ я люблю тебя,—единственная. Доказательство, что я нарушилъ для тебя свою клятву, данную у ея гроба, и женился на тебѣ.

Чуткое ухо Зоси уловило скорбную нотку. Она поняла—касаться памяти покойной нельзя, и шутливо прибавила:

— А, такъ ты, значить, ревнивъ самъ, но себя ревновать къ своимъ увлеченіямъ не позволишь,—хорошо! Ну, а теперь послѣ этой нашей первой супружеской сцены пойдѣмъ, я тебѣ поиграю въ знакъ примиренія

XVII.

О, что за осень! Надъ прудомъ зеркальнымъ
Небо раскинута синимъ шатромъ.
Въ пестромъ уборѣ, въ уборѣ прощальномъ
Сдвинулись тѣсно деревья кругомъ.
Все переливы весенняго свѣта,
Сны золотые, улыбки, мечты,
Знойныя ласки минувшаго лѣта
Вспомнили вдругъ, увядая, листы.
Бури забыты. Забыты, какъ горе,
Холодъ и сумракъ дождливыхъ ночей,
Живы однѣ лишь румяныя зори.
Пламенный отблескъ полдневныхъ лучей...

(Изъ «Пѣснь забытой усадьбы» М. К.).

Зося вся ушла въ новыя хлопоты, она готовила помѣщеніе для зюловки и ея мужа. Все, что могла придумать ея талантливая головка, было приспособлено для удобства ожидаемыхъ гостей. Она подумала о каждой мелочи, потому что слышала отъ Ивана Николаевича, насколько былъ избалованъ «Санюшкинъ генераль», какъ его называла покойница-тетушка. У перекочевавшихъ изъ Горокъ и занятыхъ теперь въ ея мезонинѣ шитьемъ приданого сѣнныхъ дѣдушекъ она выспрашивала о вкусахъ и привычкахъ Александры Николаевны и Семена Михайловича, когда въ какой

часъ что у тетушки подавалось и что оба любили. Колычевъ былъ тронуть этой заботой. Ему ничего подобнаго въ голову бы не пришло, и онъ впередъ радовался сближенію Зоси съ сестрою.

Письмо брата было вручено Александрѣ Николаевнѣ уже въ вагонѣ Николаевской желѣзной дороги ѣздившимъ на квартиру за забытой шкатулкой курьеромъ. Письмо какъ разъ было подано почтальономъ по отъѣздѣ ихъ превосходительство, и швейцаръ передалъ его Торопкову, пользуясь случаемъ доставить его въ «собственныя руки генеральши».

Сашенька прочитала его уже по отходѣ поѣзда и такъ и ахнула. Ужъ не выйти ли на первой станціи и не вернуться ли лучше обратно въ Петербургъ? Она не знала, какъ сообщить объ этой новости Семену Михайловичу, который не особенно дружилъ съ братомъ, считая его бесполезнымъ человѣкомъ. Къ полезнымъ онъ причислялъ людей, подобно ему посвятившихъ себя писанію отчетовъ, положеній и докладовъ, гдѣ рѣшались судьбы никогда имъ невиданныхъ областей обширнаго нашего отечества.

Но Семень Михайловичъ уже сидѣлъ въ дорожномъ костюмѣ на красномъ триповомъ диванѣ своего купе. Онъ впередъ рассчиталъ, гдѣ и въ которомъ часу будетъ пить чай и ѣсть пожарскую котлету. Въ Москвѣ уже были заказаны номера въ гостиницѣ и ради того, что его зятю вздумалось жениться, онъ не отмѣнить своихъ распоряженій и не прерветъ путешествія.

— Удивительная бѣда! тѣмъ лучше, что женился!—отвѣтилъ онъ взволнованной Санечкѣ и глубже надвинулъ дорожную шотландскую шапочку съ двумя ленточками на затылкѣ. — Можетъ, остепенится наконецъ и возьмется за дѣло!—Онъ брыкнулъ длинными ногами и подоткнулъ плотнѣе пледъ. — А что она полька, такъ Господь съ нею! Поляки послѣ 31-го года притихли и образумились и мы,—онъ разумѣлъ своего министра,—только можемъ радоваться на смѣшанные браки. Это лучшее доказательство слиянія двухъ прежде враждебныхъ народностей, лучшая спайка составныхъ частей государства. Къ тому же польки удивительно граціозны и любезны. Это воистину славянскія парижанки. Вспомни, и въ Баденѣ и въ Карлсбадѣ ты сама восхищалась ими...

И, окончивъ свою тираду, генераль погрузился въ страницы новаго томика Tauchnitz edition, тоже, по его мнѣнію, необходимой принадлежности всякаго приличнаго путешественника.

Сашенька никогда не противорѣчила своему сановному супругу, вздохнула, усѣлась въ уголокъ и тоже раскрыла книжку, — но ей не читалось.

Она съ восторгомъ ѣхала въ Колычево. Ее тянуло въ деревню, гдѣ она уже давно лѣтомъ не бывала, живя изъ-за мужа то на Островахъ, то въ Павловскѣ и Петергофѣ, а время его отпуска проводя на заграничныхъ водахъ. Ее манила къ себѣ безмятежно-

привольная жизнь помѣщицѣй усадьбы, памятная всѣмъ, кто испыталъ ее въ отошедшіе невозвратно въ вѣчность далекіе годы крѣпостного быта.

Не понять этого приволья теперь, гдѣ съ этимъ словомъ рисуются непремѣнно розги и вопли притѣсняемыхъ людей. Но не вездѣ ихъ притѣсняли. Были усадьбы, гдѣ жизнь текла какъ нирвана, не возмущаемая сомнѣніями, что хорошо, что дурно. Жилось, какъ поживалось. И сама природа словно покорялась этой мирной тишинѣ, и лѣто было знойное, когда тянуло въ лѣсъ или въ тѣнистый садъ, когда купанье въ рѣчкѣ было потребностью; осень несла свои удовольствія, зима свои, а тамъ возвращалась опять весна и дружнымъ таяньемъ снѣга и трескомъ ломкаго чернаго льда напоминала о близости соловьевъ, сирени и Троицына дня съ его вѣнками и хороводами. Не было сутолоки, не приходилось лѣтомъ кутаться въ комнатахъ, и оттепели не смывали въ крещенскую пору снѣга съ дорогъ. Все шло своимъ чередомъ, и люди и жили по своему деревенскому календарю, руководясь изстари постановленными и провѣренными вѣками примѣтами—что и когда сѣять и косить, и хлѣбъ родился, и куры неслись, и хозяйки варили варенье и смоквы, и солили грибы и огурцы, которыхъ всегда хватало до новыхъ запасовъ... Не знали надломовъ души, не рушились семьи и не было тѣхъ разжигающихъ запросовъ, безъ которыхъ немыслима жизнь современнаго общества.

Тонъ Семена Михайловича умиротворяюще подѣйствовалъ на Александру Николаевну. Она слѣпо вѣрила мужу и, перечтя еще разъ письмо, и сама успокоилась. Братъ не маленькій, а отъ его посланія вѣяло такой вѣрою въ счастье, что и она ему повѣрила. Упомяніе о его дѣтскихъ мечтахъ живо перенесло ее въ тотъ августовскій вечеръ, когда, вернувшись изъ Колычева домой въ Горки, онъ увелъ Сашеньку подальше отъ гувернантки въ садъ и подъ большимъ секретомъ, заставивъ троекратно побожиться сестру, рассказалъ ей о своей продѣлкѣ въ дядиной спальнѣ.

Восьмилѣтняя дѣвочка широко раскрыла ротъ и голубые глаза и съ замираніемъ сердца слушала брата-кадета, котораго давила его тайна. Увлечшись потребностью хоть съ кѣмъ-нибудь подѣлиться потрясшимъ его впечатлѣніемъ, онъ взялъ въ конфидентки Сашеньку. Не имѣя понятія о любви, словно сказку слушала она разглагольствованія Вани о томъ, что теперь онъ вполнѣ понялъ дядю Арсенія. Что будь онъ связанъ обѣщаніемъ съ этой дѣвушкой въ бѣломъ платьѣ, онъ тоже не могъ бы смотрѣть на остальныхъ женщинъ и, выйдя въ офицеры, будетъ искать точъ-въ-точъ такую же, потому что только эта дѣвушка можетъ дать ему счастье.

— Да вѣдь она будетъ уже тогда старенькая,—вдругъ выпалила Сашенька, сообразивъ, что если это невѣста дяди Арсенія, который даже старше папочки, а Ваня женится на ней, когда станетъ офи-

перомъ, что тоже будетъ не раньше, какъ черезъ шесть или семь лѣтъ, то эта барышня будетъ уже старой дѣвой, «браковкой», какъ звали тайкомъ компаньонку тетуски, Маргариту Ивановну.

— Фу, какая ты еще дура!—рѣшилъ огорошенный кадетъ и грубо оттолкнулъ свою непонятливую собесѣдницу.

Сашенька расплакалась и чуть не рассказала все нянечкѣ, да побоялась названія фискалки и потомъ очень гордилась своею твердостью...

Колычева она никогда не видала и знала его лишь по рассказамъ брата и ѣздившихъ туда дворовыхъ. Оттуда же аккуратно присылались къ Рождеству ананасы и померанцы, а къ Пасхѣ персики и земляника въ особыхъ плетеныхъ корзиночкахъ и «вѣчныя конфеты» изъ фруктовъ въ полированныхъ деревянныхъ ящикахъ съ мѣдными крючками. Этимъ и ограничивались сношенія между родственниками; и хотя Арсеній Михайловичъ былъ записанъ ея воспріемникомъ, но Сашеньки никогда въ глаза не видалъ.

Получивъ отъ брата извѣстіе о смерти дяди и о томъ, что половина его движимости отказана въ завѣщаніи ей, Александра Николаевна тотчасъ отвѣтила, что ни за что на свѣтѣ не прикоснется ни къ одной вещи изъ виллы и просить брата оставить все себѣ, такъ какъ «мнѣ будетъ все чудиться покойный дядя, преслѣдующій меня за мое кощунство при пользованіи вещами его невѣсты».

Убѣдившись, по предъявленію въ судъ духовнаго завѣщанія, что юридическаго значенія оно за отсутствіемъ свидѣтельскихъ подписей имѣть никогда не можетъ, Иванъ Николаевичъ рѣшилъ тѣмъ не менѣе свято исполнить послѣднюю дядину волю и сталъ смотрѣть на раздѣлъ имущества, какъ на ближайшій и священнѣйшій свой нравственный долгъ. Онъ рѣшилъ возмѣстить долю сестры деньгами и просилъ зятя лично сдѣлать необходимую расцѣнку. Сотовъ былъ очень заинтересованъ оригинальнымъ положеніемъ дѣла и охотно согласился измѣнить Бадень-Бадену и провести отпускъ въ Колычевѣ.

Получивъ эстафету, извѣщавшую о точномъ днѣ прибытія сестры и зятя, Иванъ Николаевичъ распорядился уже наканунѣ съ утра выслать свѣжую подставу и коляску съ Силантиемъ на почтовую дорогу. Оба они съ Зосей, а также и панъ Романъ подолгу гуляли по просѣкѣ, поджидая гостей, но, какъ всегда бываетъ при такомъ долгомъ ожиданіи, гости явились именно въ ту минуту, когда, уставъ отъ напряженнаго вниманія, хозяева отвлеклись другимъ дѣломъ. Коляска Сотовыхъ, обогнувъ старый дворъ, подкатила почти неслышно къ подъѣзду виллы, потому что нервы Семена Михайловича не переносили колокольчика и его подвзали къ дугѣ.

Зося съ Иваномъ Николаевичемъ кормили лебедей на террасѣ.

Евграфъ встрѣтилъ гостей на крыльцѣ и указалъ имъ дорогу.

Александра Николаевна застала молодую женщину съ протянутой рукою къ медленно подплывавшему на зовъ лебедю, и эти мраморныя ступени, статуи, роскошный цвѣтникъ и златокудрая красавица показались ей страничкой волшебныхъ сказокъ Перро, которыми она зачитывалась въ дѣтствѣ.

Братъ обернулся первый и порывисто обнялъ сестру.

— Какъ ты пополнѣла!.. Здравствуйте, Simon... Вотъ моя Зося... говорилъ Иванъ Николаевичъ.

Сашенька протянула обѣ руки невѣсткѣ, и онѣ сердечно обнялись. Семень Михайловичъ поцѣловалъ съ удовольствіемъ ручку у молодой хозяйки.

— Пойдемте, пойдемте наверхъ! я васъ провожу! вы устали, вамъ надо отдохнуть и вымыться!

И Зося быстро пошла впередъ.

— Это съ удовольствіемъ, — отвѣчала Семень Михайловичъ: — не знаю, откуда у насъ въ Россіи пыль берется. За границей послѣ трехъ дней не бываетъ такъ грязенъ, какъ здѣсь послѣ трехъ часовъ.

Зося открыла дверь въ отведенныя гостямъ комнаты.

— Это ваша спальня, это уборная, а это кабинетъ, если вамъ вздумается заниматься дѣлами.

Кликнувъ горничную и камердинера, она ушла.

Семень Михайловичъ былъ прямо очарованъ, — рукомойникъ съ педалью, вода холодная и горячая, чистыя полотенца, мыло, щетки, одеколонъ — все, что требуется съ дороги.

— Если ваше превосходительство прикажутъ, ванна и душъ готовы! — доложилъ Евграфъ.

Точно не въ Россіи, а тамъ, въ нашемъ парадизѣ, за границей, — полный, почти англійскій комфортъ.

Александра Николаевна тоже была всѣмъ довольна, но она предпочла бы, чтобы Зося осталась, такъ она ей понравилась.

Пребываніе Сотовыхъ въ Колычевѣ было сплошнымъ торжествомъ новой хозяйки. Сашенька влюбилась въ куколку-золовку и поминутно цѣловала ее, а та, по своей польской привычкѣ, съ благодарностью, какъ у старшей, цѣловала ея мягкія руки. Семень Михайловичъ, на дѣлѣ строгій цѣнитель музыки, не пропустившій ни одного концерта въ Петербургѣ, былъ совершенно покоренъ талантомъ Зоси. Онъ также весьма милостиво отнесся къ Зосинымъ старикамъ и даже пытался болтать съ ними по-польски, чѣмъ окончательно завоевалъ симпатіи пани Юзыни.

Вообще эти три недѣли въ старомъ родовомъ гнѣздѣ остались для Сотовыхъ лучшимъ воспоминаніемъ ихъ жизни. Погода держалась стойко. Бабѣ лѣто было въ полномъ смыслѣ слова лѣтомъ и отличалось необыкновеннымъ изобиліемъ грибовъ, за которыми ѣздили всей компаніей. Семень Михайловичъ удилъ цѣлыми часами у мельницы окуней и щучекъ, а въ случавшуюся изрѣдка

ненастную погоду собирались въ боскетной, гдѣ дамы устраивались съ вышивками въ полукругломъ выступѣ у рабочаго столика, а Семень Михайловичъ своимъ знаменитымъ баритономъ, который такъ восхищалъ всѣхъ членовъ тѣхъ многочисленныхъ комиссій, гдѣ ему приходилось засѣдать, читалъ вслухъ романы Теккерея и Вельтмана, и всѣ смѣялись отъ души забавнымъ діалогамъ, благодаря заразительному юмору и авторовъ и чтеца.

Начальники отдѣленій и столоначальники не узнали бы въ Колычевѣ своего сухого директора департамента. Даже бакенбарды его потеряли свою официальность, и онъ однажды выразился, что начинаетъ понимать Сашенькино пристрастіе къ «рустической» жизни. А Сашенька такъ разошлась послѣ этого, что предложила съѣздить всей компаніей въ Горки, находившіяся всего въ ста верстахъ отъ Колычева, въ сосѣдней губерніи.

Она съ удовольствіемъ согласилась на предложеніе брата взамѣнъ своей доли наслѣдства Арсенія Михайловича получить въ полное владѣніе Горки. Но Семень Михайловичъ вовсе этой сдѣлкѣ не сочувствовалъ. Имѣніе это не нравилось ему; слишкомъ вѣяло отъ него русскимъ духомъ. Усадьба, раскинутая на десяти десятинахъ, была плохо распланирована и изобиловала всякими амбарчиками и кладовушками, разбросанными крайне безтолково. Господскій домъ былъ хотя и довольно внушительныхъ размѣровъ, но темноватыя комнаты съ огромными печами плохо провѣтривались и комфортомъ не отличались, а мебель была неудобна и вовсе не изящна, свидѣтельствуя о плохомъ вкусѣ и искусствѣ домашнихъ Гамбсовъ и Туровъ.

— Нѣтъ, Сашенька, — твердо отвѣтилъ онъ: — ты знаешь, я только изъ уваженія къ тетушкѣ приносилъ себя въ жертву, ѣздя въ твои Горки, но сидѣть въ эти сентябрьскіе вечера съ Маргаритой Ивановной или Настасьей Тимофеевной — слуга покорный! Конечно, ты не маленькая и можешь дѣла свои рѣшать по-своему, но я бы не согласился взять на себя обузу управленія Горками.

— Какъ же ты бы распорядился?

— Я бы оставилъ оба имѣнія въ рукахъ брата и предпочелъ бы получать свою долю доходовъ по третямъ. Мы сдѣлаемъ расцѣнку обоимъ, а также и оставленной дядею движимости, и свою часть ты возьмешь не чистыми деньгами, а, такъ сказать, войдя пайщицей въ общее хозяйство, получая дивидендъ и не связывая себя никакими обязанностями. Иванъ говорилъ мнѣ, что собирался отрядить тестя въ Горки. И прекрасно! Тотъ подниметъ ихъ доходность, да и усадьбу приведетъ въ порядокъ, а для этого должна быть произведена генеральная очистка, какъ внутренняя, такъ и внѣшняя.

— Что ты подъ этимъ разумѣешь?

— А то, что пора бы выселить, коли неудобно выселиться самимъ, весь штатъ покойной тетушки.

— Но куда же, Simon? Вѣдь у каждой изъ нихъ ни кола, ни двора. Онѣ вѣкъ свой прожили въ Горкахъ, и дѣваться имъ рѣшительно некуда.

— Такъ надо устроить ихъ въ богадѣльню.

— Это невозможно: ихъ не примутъ. И чѣмъ же онѣ намъ мѣшаютъ? Все равно домъ стоитъ пустой.

— Значить, тѣмъ болѣе нечего мѣняться съ братомъ. Удивительный толкъ въ домѣ, отведенномъ подъ богоугодное заведеніе. Во всякомъ случаѣ на подобное сожителство я никогда не соглашусь и нахожу, что лучше всего ничего не измѣнять. Отчетность у Юшкевича ведется образцово, бухгалтерія любого министерства позавидуетъ, и почти половина чистаго дохода, получаемаго по третямъ, во много разъ соблазнительнѣе возни съ управленіемъ.

Изъ этого разговора Сашенька со вздохомъ заключила, что отъ посѣщенія ея милыхъ Горокъ придется отказаться.

Сентябрь уже подходилъ къ половинѣ, когда въ одно чудное утро съ безоблачно-синимъ небомъ прибыла эстафета съ требованіемъ немедленнаго возвращенія генерала къ его служебнымъ обязанностямъ, потому что онъ назначался въ какую-то новую срочную и весьма важную комиссію.

Зоя была искренно опечалена предстоящей разлукой. Она дѣйствительно полюбила золовку.

Странно было сперва видѣть ихъ вмѣстѣ, настолько онѣ были несхожи. Несмотря на постоянное пребываніе въ Петербургѣ, Александра Николаевна все еще оставалась деревенской барышней. Въ ней не было никакой вычурности, манеры ея были удивительно мягки, спокойны, «индолентны», какъ выражался ея генераль, любившій коверкать на русскій ладъ иностранныя слова. Но при нѣкоторомъ пренебреженіи модой и внѣшностью, отъ ея пополнѣвшей фигуры вѣяло такой барской женственностью, что къ ручкѣ ея охотно прикладывались и старики, и молодежь, и самые разнузданные на языкѣ мужчины сдерживали желаніе рассказать скабресный анекдотъ или высказать двусмысленное замѣчаніе въ ея присутствіи. Дамы и особенно барышни любили ее, потому что съ нею было хорошо. Она охотно выслушивала сердечныя тайны и всегда брала сторону обиженнаго.

Ея домъ, поставленный ради мужа на генеральскую ногу, со служебными обѣдами и официальными визитами, былъ нѣсколько неуютный, но въ ея огромной гостиной сидѣлось охотно и не казалось страннымъ прійти туда съ книгой, или застать оставленное хозяйкой вязанье и начатый пасьянсъ. Она любила животныхъ, и у нея очень мирно уживались собаки съ кошками, а кошки съ птицами. Посты она строго соблюдала, любила ходить къ обѣднѣ и часто приглашала священника служить всенощную въ своей обширной казенной залѣ. У нея, какъ въ Горкахъ еще, залекали

гривенникъ въ жаворонка 9-го марта и хранили четверговую соль. Рядомъ съ ея спальней была образная, гдѣ теплились разноцвѣтныя неугасимыя лампы, лежали толстыя Четы-Миней съ заложеными въ нихъ старыми орденскими лентами Семена Михайловича и пахло ладономъ и іерусалимскимъ деревомъ.

Она была весьма недурная пианистка и любила, чтобы ей привозили билеты въ благотворительные концерты и даже однажды, конечно, съ разрѣшенія мужа, участвовала въ одномъ изъ нихъ. Читала она одни романы и получала «Современникъ», хотя Достоевскій и Бѣлинскій пугали ее. Зато стихи она обожала и переписывала всякое попадавшееся ей стихотвореніе въ альбомъ, тщательно пряча его отъ мужа, который издѣвался надъ этой институтской привычкой.

У нея была цѣлая плеяда крестниковъ и крестницъ, посаженныхъ дѣтей и кумовьевъ, и всѣхъ она одаривала и одѣляла, чѣмъ могла, и подавала всякому встрѣчному нищему. У нея никогда не возникало вопроса, какъ поступить въ данномъ случаѣ; она дѣлала все просто и естественно, ничуть не заботясь о производимомъ впечатлѣніи. И вотъ эта-то драгоценная черта рѣзко и отличала ее отъ Зоси.

У той бывали лишь рѣдкія минуты, когда она не двоилась, не смотрѣла на себя со стороны, не критиковала своей позы и своего слова.

И, несмотря на такую разницу характеровъ и лѣтъ, невѣстки сошлись. Зосѣ было тепло съ Alexandrine, какъ она ее называла, а Сашенька восхищалась талантомъ, изяществомъ и вкусомъ Зоси; она удивленно раскрывала свои свѣтло-голубые глаза, когда вдвое ея младшая женщина учила ее въ ея сорокъ почти лѣтъ, чѣмъ лучше полировать ногти и какъ добиться блеска глазъ. Она впервые отъ Зоси услышала о «линіяхъ», которыми отличается костюмъ Ворта отъ платья, шитаго въ Петербургѣ или Варшавѣ, и не знала, какъ благодарить ее за всѣ предпріятыя ею передѣлки ея гардероба и новыя, показанныя ей рукодѣлья.

Обѣ женщины были неразлучны, гуляли вмѣстѣ, вмѣстѣ ходили въ гости къ матушкѣ на пироги послѣ обѣдни, и Зося въ первый разъ рѣшилась войти въ крестьянскую избу, куда зашла Александра Николаевна съ лекарствомъ для ребенка, о болѣзни котораго узнала въ церкви отъ плакавшей матери. Она учила Зосю: «ты теперь въ качествѣ новой владѣлицы должна заботиться о крестьянахъ и ихъ нуждахъ», она посѣщала избу такъ же просто и естественно, какъ дѣлала это въ Горкахъ. И Зося, все еще размягченная своимъ счастьемъ, слѣдовала примѣру старшей невѣстки и то посылала что-нибудь съ кухни больной старухѣ, то выпрашивала у мужа дровъ для нея, то одѣляла ребятишекъ гостинцами, то поручала Евграфу, ставшему «личнымъ лакеемъ молодой барыни», разспросить о нуждахъ особенно бѣдныхъ крестьянъ.

Это была полная гармонія жизни, всё струны въ душѣ пѣли и па сердцѣ у обѣихъ бывало до слезъ хорошо... Иванъ Николаевичъ начиналъ даже ревновать жену къ этой возраставшей съ каждымъ днемъ дружбѣ, но Зося такъ ласкалась и къ нему наединѣ, что онъ забывалъ свои упреки и становился счастливымъ попрежнему.

Когда въ день отъѣзда они вчетверомъ съ Сотовыми въ послѣдній разъ обходили садъ, Зося привела ихъ въ свой пріютъ мечтаній, о которомъ повѣдала Сашенькѣ. По ея желанію одна изъ старыхъ жимолостей была срублена, и вилла была уже видна не черезъ сѣтку вѣтвей, какъ при Арсеніи Михайловичѣ. Никогда въ жизни не могла забыть Александра Николаевна дивной декораціи, которая вдругъ открылась ея затуманенному слезами взгляду. Все залитое солнцемъ, ярко бѣлѣло благородное зданіе на фонѣ стараго сада. До мельчайшихъ подробностей отражалъ серебряный прудъ чудныя гармоничныя линіи фасада съ двумя боковыми полукруглыми выступами голубой гостиной и боскетной, съ увитыми зеленью балконами надъ ними и съ мраморными статуями и ступенями широкой террасы, спускавшейся къ самой водѣ. Высокіе клены расцвѣтились особенно богато. Всѣ переходы отъ ярко-багроваго до нѣжно зеленого переливались на ихъ узорной листвѣ, но тополи и вязы еще не трогались, и ихъ темный тонъ только сильнѣе подчеркивали пестроту другихъ деревьевъ. Налѣво арка березоваго мостика бросала синюю тѣнь на поверхность пруда, и тонко и граціозно вырисовывались подъ нею силуэты лебедей. А надо всѣмъ раскинулось бездонное сапфирное небо и проливало цѣлые потоки свѣта и солнца на осенне-праздничный нарядъ старой усадьбы.

— Боже, какъ хорошо! Какъ дивно хорошо!—вырвалось у Александры Николаевны. Какъ мнѣ жаль уѣзжать! Такъ вдругъ сдѣлалось грустно, точно я никогда, никогда ужъ не вернусь и не увижу больше этой чудо-красоты!

— Пустяки, «моя душа»,—отвѣтилъ ея супругъ.—Хочетъ—не хочетъ Sophie, а мы съ тобой пріѣдемъ къ нимъ на будущее лѣто, и я сумѣю оградить себя на этотъ разъ отъ всякихъ экстренныхъ эстафетъ.

— Конечно, милая Alexandrine, вы обязаны пріѣхать. Я сама такъ огорчена вашимъ отъѣздомъ, что не успокоюсь, пока вы не дадите слова, что исполните это желаніе Семена Михайловича...

И Зося крѣпко поцѣловала Сашеньку. Та вздохнула и отерла слезы.

Иванъ Николаевичъ молчалъ. Въ первый разъ онъ почувствовалъ, что въ его жизни скопилось вдругъ столько счастья, напряженность этого счастья была слишкомъ велика, а судьба требуетъ равновѣсія и за минуты радости и тишины посылаетъ годы испытаній...

М. Г. Веселкова-Кильштетъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

АЗБИРАЯ на дняхъ старыя семейныя бумаги, я нашелъ небольшую тетрадку, исписанную мелкимъ почеркомъ моей покойной матери, съ простымъ заголовкомъ «Тургеневъ».

Просмотрѣвъ эту тетрадку, я увидѣлъ, что это воспоминанія моей матери о ея знакомствѣ съ Тургеневымъ въ 1882 году и его смерти въ 1883 г. Разсказъ объ этомъ знакомствѣ я часто слышалъ въ дѣтствѣ лично отъ моей матери и неоднократно сожалѣлъ послѣ ея смерти, что плохая память не даетъ мнѣ возможности достаточно точно воспроизвести это интересное воспоминаніе моего дѣтства.

Теперь же, найдя совершенно случайно собственноручныя воспоминанія моей матери объ этомъ интересномъ случаѣ изъ ея жизни, я рѣшилъ напечатать ихъ, отбросивъ изъ рукописи лишь то, что въ ней касается лично нашего семейства.

Воспоминанія эти имѣютъ теперь довольно большой интересъ, такъ какъ, во-первыхъ, они ярко очерчиваютъ, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ одиночества умиралъ вдали отъ своей родной и любимой Россіи авторъ безсмертныхъ «Записокъ Охотника», а, во вторыхъ, въ этихъ воспоминаніяхъ приводится интересная оцѣнка Тургеневымъ знаменитой «Исповѣди» Толстого, да отчасти и самого графа Льва Николаевича, какъ писателя и философа. Интересно еще то странное совпаденіе, что случайная находка этихъ воспоми-

наній о послѣднихъ дняхъ И. С. пришла съ почти въ одно время съ болѣзнью и кончиною самого Льва Николаевича Толстого, по порученію котораго моя мать и имѣла возможность совершенно случайно познакомиться съ И. С. Тургеневымъ.

М. В. Олсуфьевъ.

Имѣя порученіе къ И. С. Тургеневу отъ графа Льва Николаевича Толстого, который просилъ меня отвезти ему только что вышедшую и тотчасъ же запрещенную «Исповѣдь», я, не зная еще Ивана Сергѣевича, отправилась къ нему на rue de Douai. Это маленькая, довольно грязненькая улица со старыми домами и множествомъ лавочекъ. Entre cour et jardin, на самомъ углу какой-то площади стоитъ домикъ, четырехэтажный, съ прямой крышей. Накрапывалъ дождикъ, но было тепло. Позвонивши у запертыхъ воротъ, я стала ждать. Никого. Я еще разъ позвонила, и въ это же самое время подошла ко мнѣ concière (привратница) съ покупками и довольно дерзко осмотрѣла меня съ головы до ногъ.

— Que desire madame? (Что желаетъ госпожа?)—и начала искать ключомъ замокъ...

— Est ce que monsieur Tourguenieff est chez lui? (г. Тургеневъ дома?)

— Non, il ne reçoit et ne voit personne. Il n'est même pas en ville. (Нѣтъ, онъ никого не принимаетъ и не видитъ. Его даже нѣтъ въ городѣ).

— Où donc est-i? (Гдѣ же онъ?)

Concière какъ-то странно на меня посмотрѣла, потомъ стала шарить по своей комнаткѣ, куда я вошла вмѣстѣ съ ней, и затѣмъ нехотя, сквозь зубы процѣдила:

— Monsieur ne voit personne et madame a défendu de dire où il est. (Мосье не видитъ никого, а мадамъ запретила говорить, гдѣ онъ).

— Alors, concière, voici ma carte, allez dire à madame Viardot, que je suis une compatriote de monsieur Tourguenieff, que j'ai des lettres à lui remettre de la part de ses amis en Russie, qui s'inquiètent beaucoup de sa santé et que je demande madame de me dire où se trouve monsieur. (Въ такомъ случаѣ вотъ моя карточка. Подите, скажите г-жѣ Виардо, что я соотечественница г. Тургенева и имѣю вручить ему письма отъ его друзей въ Россіи, которые очень беспокоятся объ его здоровьи, и я спрашиваю мадамъ, гдѣ онъ находится).

Concière выслушала все и не въ духѣ отвѣтила:

— Je ne crois pas que vous verrez monsieur, madame est furieuse contre tous ceux qui veulent le voir, et m'a défendu d'annoncer qui que cela soit de russe. (Я не думаю, что вы увидите мосье. Мадамъ бѣсится на всѣхъ, кто желаетъ его видѣть, и запретила мнѣ докладывать о комъ бы то ни было изъ русскихъ).

Меня начиналъ раздражать и сердить подобный разговоръ. Я опять повторила свое желаніе *conscièrge*, и она, немного смягченная моимъ вѣжливымъ тономъ, отправилась черезъ дворъ, устланый камнями, шумя деревянными башмаками, одѣтыми на босую ногу.

Черезъ минуту пять она вернулась, качая головою, уже вполнѣ разозленная.

— *Je vous avais bien dit qu'on me recevrait comme un chien, la voilà maintenant partie, notre chère madame, elle crie et rage que vous soyez là, et vous fait dire que monsieur est souffrant, qu'il n'est pas à Paris et qu'on ne peut pas le voir, elle rage comme un diable!* (Я вамъ говорила, что меня встрѣтятъ, какъ собаку, и вотъ теперь мадамъ расходилась; она кричить, бѣсится, что вы здѣсь, и велѣла вамъ сказать, что мосье боленъ, и что его нѣтъ въ Парижѣ и его нельзя видѣть. Она бѣсится, какъ чортъ).

И *conscièrge* стала, какъ истая парижская *conscièrge*, вмѣшивающаяся всегда во всѣ интимныя дѣла жильцовъ и хозяевъ, очень краснорѣчиво описывать мнѣ «*la rage de madame*». Меня это уже совсѣмъ разозлило. Я вырвала клочокъ бумаги изъ записной книги и написала: «*Madame, j'arrive de Russie avec des lettres et des manuscrits de l'ami de monsieur Tourguenieff, du comte Leon Tolstoi ainsi que de sa famille. Veuillez me dire l'endroit et le jour où je puis voir monsieur Tourguenieff pour les lui remettre en mains, ainsi que je l'ai promis à ses amis*». (Сударыня! я пріѣхала изъ Россіи съ письмами и рукописями отъ друга г. Тургенева графа Льва Толстого и его семьи. Благоволите сказать мнѣ мѣсто и день, когда я могу видѣть г. Тургенева, чтобы передать ему это въ собственныя руки, какъ обѣщала его друзьямъ). И вручила это *conscièrge* съ серебряной монетою ей въ руку. Монета сдѣлала свое дѣло, *conscièrge* была совершенно на моей сторонѣ и готова воевать съ *cette endiablée de madame Viardot*. Черезъ минуту десять, во время которыхъ до меня успѣли долетѣть изъ какого-то открытаго окна главнаго дома отчаянные крики, ворчаніе и брань, *conscièrge* вернулась, вся красная, съ отвѣтомъ г-жи Виардо: «*Madame vous prie de lui laisser les lettres et le manuscrit qu'elle remettra elle même a monsieur Tourguenieff*». (Мадамъ проситъ васъ оставить ей письма и рукописи, которыя она сама вручить г. Тургеневу).

Мое терпѣніе тутъ уже совсѣмъ лопнуло... и я довольно сердито велѣла *conscièrge* идти къ мадамъ Viardot и сказать, что я требую, que j'insiste à ce qu'elle me dise où est M. Tourguenieff, pour que je lui remette le manuscrit. (Что я настаиваю, чтобы она сказала мнѣ, гдѣ г. Тургеневъ, дабы я могла сама передать ему рукопись). Черезъ очень скорое время въ этотъ разъ *conscièrge* пришла мнѣ сказать, что мадамъ Viardot проситъ мой адресъ и что она передастъ мою карточку Тургеневу. Я написала свой адресъ и уѣхала очень разсерженная. Черезъ два дня я получила письмо отъ Ивана Сергѣевича Тургенева.

«Милостивая Государыня

«Александра Григорьевна.

«Госпожа Виардо передала мнѣ вашу записку. Я бы почель пріятнымъ долгомъ самому явиться къ вамъ, если бы моя болѣзнь позволила мнѣ съѣздить въ Парижъ. Мнѣ остается воспользоваться вашимъ любезнымъ предложеніемъ и просить васъ пожаловать ко мнѣ послѣзавтра, въ субботу, въ которомъ часу вамъ угодно. Поѣздъ отправляется изъ Gare St. Lazare каждый часъ и тридцать пять минутъ. Вы возьмете билетъ до Буживаля, на станціи Rueil пересядете въ американскій tramway и велите выпустить васъ на станціи La Chaussée, передъ самымъ Буживалемъ. Villa les Frênes, гдѣ я живу, находится прямо напротивъ черезъ дорогу. Весь поѣздъ продолжается три четверти часа.

«Въ ожиданіи вашего посѣщенія прошу васъ принять выраженіе искренняго уваженія и преданности

«Вашего покорнѣйшаго слуги

«Ив. Тургенева».

11-го ноября я отправилась по маршруту, указанному Иваномъ Сергѣевичемъ. Когда подъѣзжаешь къ Буживалю, то передъ глазами вдали виднѣется живописный мостъ съ длиннымъ рядомъ итальянскихъ тополей, мягко отдѣляющихся на туманномъ фонѣ стараго Сень-Жерменскаго лѣса, на отлогомъ живописномъ берегу Сены. Налѣво, проѣхавши мимо Malmaison съ заустѣлымъ, мертвымъ, застывшимъ паркомъ, мимо множества виллъ, кондукторъ tramway указываетъ калитку съ красивою рѣшеткою съ маленькой мѣдной доскою, на которой написано маленькими буквами «Les Frênes».

Былъ тотъ странный ноябрьскій сѣрый день, когда дождь, какъ въ апрѣлѣ, ежеминутно чередуется съ солнцемъ. Низкія, сѣрыя пушистыя облака фантастично ползали по небу, кое-гдѣ пропуская солнечные лучи, иногда разрываясь и играя желтоватыми, перламутровыми тонами, то застилая дождливымъ туманомъ горизонтъ, синѣющій вдали лѣсъ, то порывъ вѣтра капризно пробѣжитъ, и опять все измѣняется, куда глазъ ни взглянетъ. Мнѣ пришлось ждать въ маленькой конторѣ tramway, пока такой шумный звонкій порывъ дождя обливаетъ дорогу..

«Les Frênes», большое помѣстье на горѣ, въ былое время принадлежало поэтессѣ m-me Anais Segalas. Тургеневъ пріобрѣлъ эту землю и домъ пополамъ съ m-me Viardot, какъ онъ мнѣ это сказалъ, но говорятъ въ свѣтѣ иначе, что онъ одинъ все пріобрѣлъ и подарилъ m-me Viardot. Къ большому дому двѣ большія дороги, посыпанныя крупнымъ пескомъ, ведутъ въ гору. Дождь пересталъ

итти, вѣтеръ, теплый, почти весенній, разогналъ тучи, разрывая ихъ, какъ клочки легкой ткани, и солнце обдало теплыми, хотя осенними, блѣдными лучами зеленую лужайку, сбѣгающую отъ дома до калитки, высокія, красивыя деревья, бассейны съ фонтанами и статуи, покрытыя мохомъ, заблестало и заиграло мелкими искорками на оставшихся дрожащихъ капляхъ въ травѣ, на цвѣтахъ, заискрилось повсюду алмазами... гдѣ-то въ кустахъ заширикали птицы... я отворила калитку, и по саду разлился густой звонъ вхоного колокола. Сонсіегге выскочилъ изъ своего домика и указалъ мнѣ, куда итти. Я стала тихонько подниматься, осматривая это прелестное мѣсто, пріютившее больного Тургенева. Мнѣ наканунѣ говорили, что его послалъ за городъ д-ръ Жаку. Вездѣ цвѣты, кусты, расположенные группами по старинному, съ большимъ вкусомъ, тропинки подъ густою листвою великолѣпныхъ деревьевъ, но что въ особенности придавало какую-то странную прелесть этому уголку, это вездѣ журчащая, поющая вода. Не только въ бассейнахъ, но въ кучахъ искусно набросаннаго камня, изъ-подъ мшистыхъ стволовъ, старыхъ деревьевъ вытекають струйки чистой ключевой воды и журча тихонько текутъ по разнымъ направленіямъ. Около большого дома стоитъ маленькій «le chalet», собственность и жилище Ивана Сергѣевича. Его не было въ домѣ. Человѣкъ побѣждалъ за нимъ, и черезъ двѣ минуты, поддерживаемая имъ, вышла изъ боковой аллеи тихо, съ трудомъ передвигаясь, громадная красивая фигура, но сторбленная и очень постарѣвшая, Ивана Сергѣевича Тургенева. Онъ былъ завернуть въ пледъ и туфляхъ на шерстяныхъ чулкахъ. Очень любезно поздоровавшись, онъ попросилъ меня войти въ его кабинетъ. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при входѣ въ комнату, это моя старая знакомая картина Василія Дмитріевича Полѣнова «Московский дворикъ», второй экземпляръ которой находится въ галереѣ у Третьякова. Чѣмъ-то роднымъ, «своимъ» повѣяло на меня въ этой довольно обширной, очень свѣтлой комнатѣ, очень просто, почти бѣдно мебелированной и неуютной отъ излишней своей простоты. Два большихъ шкапа по стѣнамъ съ книгами, нѣсколько неинтересныхъ банальныхъ картинъ, кромѣ «Дворика», по самой срединѣ кабинета, передъ небольшимъ каминомъ стоялъ очень большой письменный столъ съ аккуратно прибранными бумагами, книгами и «Отечественными Записками». Я съ большимъ интересомъ смотрѣла на Тургенева, и меня поразила эта чудная «русская голова» съ тихой, какъ будто застывающей, застѣнчивой улыбкой, съ усталыми, несбыкновенно добрыми глазами, сѣрыми, небольшими, но въ которыхъ мерцалъ какой-то странный, тихій свѣтъ. Когда мы усѣлись, начались разспросы о Толстомъ, о его женѣ, семьѣ, о «милой Танѣ», какъ онъ называлъ, а затѣмъ, конечно, перешли къ его здоровью. Онъ мнѣ рассказаль тогда, что страданья его дѣлаются все сильнѣе и сильнѣе, что доктора ничего не

понимають, другъ другу противорѣчатъ, но что Жаку рѣшилъ, что у него жаба въ груди, что ему нужно пить молоко и только молоко, что онъ добросовѣстно и исполняетъ. Затѣмъ опять перешелъ къ Толстому и къ его «Исповѣди», которую я ему привезла. На столѣ лежала какая-то начатая работа—это была «Клара Миличъ», корректура, присланная ему изъ Россіи, и «Стихотворенія въ прозѣ»... Мнѣ оставалось мало времени, я торопилась домой, меня ждали, и разговоръ былъ бѣглый, отрывистый, какъ всегда бываетъ между людьми, совершенно незнакомыми, которые какъ бы «щупаютъ» другъ друга. Хотя онъ очень былъ боленъ, часто закрывалъ глаза отъ приступовъ боли, но все же надѣялся быть въ силахъ поѣхать въ Россію. Онъ нѣсколько разъ повторилъ свое желаніе увидѣть своихъ, на нѣсколько дней вернуться на родину—онъ почти былъ убѣжденъ, что можетъ ѣхать, что онъ поѣдетъ зимою.

Когда я выходила отъ него, изъ большого дома вышла тоже граціозная фигурка молодой женщины. Concièrge присѣла почтительно передъ ней и, когда она удалилась, объявила мнѣ: «c'est la fille de m-me Viardot - m-me Duvernoy». Это была жена богатаго издателя, belle-soeur той m-me Duvernoy, которую я черезъ нѣсколько дней услышала въ концертѣ съ Faure, гдѣ она пѣла въ музыкальной картинѣ своего мужа «la Tempête» Шекспира. Мы съ ней ѣхали въ одномъ купе въ Парижъ. Очень хорошенькая, только съ сильнымъ вспомошествованіемъ искусства. Впослѣдствіи я узнала, что она ѣхала въ Парижъ къ брату скрипачу Paul Viardot, раненому наканунѣ на дуэли. Онъ вызвалъ кого-то за то, что тотъ гдѣ-то на вечерѣ не совсѣмъ почтительно отозвался о матери Paul Viardot.

Въ этотъ разъ меня именно поразило страстное желаніе Тургенева поѣхать въ Россію. Все, что онъ ни начиналъ говорить, кончалось сожалѣніемъ, что онъ не можетъ сейчасъ отправиться въ эту милую Россію...

На другой день моего посѣщенія я получила отъ него записку:

«12-го ноября.

«М. Г. Александра Григорьевна!

«Я вчера же прочелъ статью гр. Л. Толстого и очень былъ бы радъ побесѣдовать съ вами о ней... Совѣстно васъ беспокоить—но если бы вамъ было угодно опять пожаловать ко мнѣ на этихъ дняхъ (не позже четверга), я бы почелъ это за особое снисхожденіе...»

Конечно, я къ нему поѣхала. Мнѣ очень было любопытно слышать его мнѣніе объ «Исповѣди».

Тургеневъ меня встрѣтилъ весь взволнованный...

— Ну, можно ли, можно ли такъ злоупотреблять своимъ талантомъ—вѣдь это просто грѣхъ,—началъ онъ, едва мы усѣлись у ка-

мина.—Я вчера читаль, читаль и внутренно бѣсился. Толстой, который у насъ въ Россіи такой художникъ, такой тонкій психологъ, который умѣеть такъ въ души влѣзать—и писать такую чепуху,—ворчалъ Тургеневъ. И пошелъ, слегка шепелявя, разговаривать на тему о сожалѣніи, что Толстой пошелъ по совершенно фальшивой дорогѣ.—Что онъ думаетъ изъ себя сдѣлать,—кипятился Тургеневъ:—онъ не мыслитель и не проповѣдникъ. Еще менѣе философъ-ученый, а вмѣстѣ съ тѣмъ какая дѣтская самоувѣренность, какое наивное убѣжденіе, что онъ первый открылъ истину! Да развѣ все то, о чемъ онъ толкуеть въ своей исповѣди, не было тысячу и тысячи разъ обсуждено, обдуманно, взвѣшено и перетолковано до него? И что же? У него какъ бы мозаика изъ всѣхъ ученій, которыя уже отволновали міръ—а выводъ, выводъ гдѣ онъ? И тратитъ талантъ свой на такую чепуху! А какъ умѣеть онъ влѣзать въ душу, разбирать ее по кусочкамъ.

— Разъ,—продолжалъ Тургеневъ,—идемъ мы съ нимъ въ Ясной Полянѣ и споримъ и сердимся другъ на друга. И наконецъ замолчали. Вышли на полянку, а на полянкѣ стоитъ худая, старая, изморенная лошадь, и Толстой обернулся ко мнѣ и спросилъ: «Тургеневъ, хочешь я тебѣ расскажу что чувствуетъ и думаетъ эта лошадь?..»—и какъ началъ Толстой, то, право, онъ, кажется, самъ превратился въ старую клячу, до того наглядно, неумолимо логично, умно, художественно разобралъ онъ все, что происходило въ сознаніи этой лошади...и вотъ что ему и надо было продолжать—анализировать міръ, окружающій его, а не лѣзть въ проповѣдники.

Я тогда замѣтила Ивану Сергѣевичу, что хорошо было бы, если бъ онъ написалъ Толстому свое мнѣніе. Я уже въ первый свой визитъ ему объ этомъ говорила. Теперь стала еще болѣе настаивать. Но я сейчасъ же замѣтила (я не знала, что были споры и что въ дѣйствительности, какъ я только послѣ узнала, Толстой и Тургеневъ были часто въ спорѣ и не любили другъ друга), что по его лицу пробѣжало непріятное, непріязненное выраженіе.

Черезъ нѣсколько дней онъ переѣхалъ въ городъ и опять написалъ мнѣ, прося, чтобы я его навѣстила, что я и сдѣлала съ большимъ удовольствіемъ. Я нашла его гораздо хуже въ физическомъ отношеніи. Боль въ лѣвомъ плечѣ усилилась, онъ еле-еле стоялъ, лицо осунулось, поблѣднѣло, онъ мнѣ показался еще болѣе старикомъ, старше своихъ лѣтъ.

— Что же дѣлать!—повторялъ онъ мнѣ нѣсколько разъ:—надо привыкать къ своему положенію. Я не могу ни стоять, ни ходить, долженъ вести затворническую жизнь. Но я смотрю на свою болѣзнь какъ на старческой недугъ, на неминуемый недугъ. Могло быть и хуже, я могъ бы оглохнуть, ослѣпнуть, быть разбитымъ параличомъ и влачить жизнь еще хуже, чѣмъ ту, которая выпала на мою долю. Только вотъ иногда приходится терпѣть мученія Тантала:—всѣ обѣдаютъ, ѣдятъ вкусныя вещи, а я не могу—молоко,

одно молоко. Жаку велѣлъ питаться однимъ молокомъ. Ну, да что же дѣлать!

Отъ этого режима ему стало какъ будто легче. Я уѣхала въ Россію 22 ноября. Онъ меня попросилъ пріѣхать къ нему проститься. Ему ужасно хотѣлось поѣхать въ Россію. Въ одно изъ моихъ посѣщеній я ему предложила ѣхать со мною; онъ началъ ребячливо строить планы, какъ я его повезу. Но вскорѣ сдѣлался припадокъ, и онъ долженъ былъ бросить всякую надежду ѣхать. 20 ноября въ субботу я пришла въ послѣдній разъ въ крошечный кабинетикъ на самомъ верху отеля въ rue de Donai. На дворѣ былъ холодъ, слякоть, темнота. Дождь сѣялъ, какъ сквозь рѣшето. Тургеневъ сидѣлъ, какъ обыкновенно, у своего письменнаго стола.

Было темно, скучно. Онъ часто схватывался за лѣвое плечо, мигалъ и морщился. Мнѣ одинъ опытный врачъ говорилъ впоследствии, что Тургеневъ дѣйствительно долженъ былъ очень страдать.

Послѣднее его слово на прощаніе было: «Какъ я завидую вамъ! Какъ мнѣ хочется въ Россію!»

Я спускалась по темной, крутой лѣстницѣ изъ его маленькаго кабинета. Иванъ Сергѣевичъ одною рукою придерживался за дверь и, облокотившись къ ней своимъ громаднымъ, широкимъ тѣломъ, другою рукою освѣщая мнѣ дорогу свѣчою, еще разъ крикнулъ: «прощайте, до свиданья».

На лѣстницѣ темно, послѣдняя площадка... и сверху опять звучитъ голосъ Тургенева:

— Какъ я вамъ завидую! Какъ мнѣ хочется въ Россію!

Когда я возвращалась два дня спустя на родину, чуть не занесенная метелью, смотря на эти тоскливыя, угрюмыя равнины, погребенныя подъ снѣгомъ и надъ которыми медленно спускались темныя, черныя, грозныя тучи, смотря на эти замерзвѣлыя поля, по которымъ, словно застывая, медленно подвигался нашъ поѣздъ, я невольно подумала, что Тургеневу, больному, слабому, невозможно было бы пускаться въ такой путь. (27 ноября 1882 г. Москва).

Апрѣль, 1888 г. Парижъ.

Холодный, весенній день. Сухіе порывы вѣтра, холоднаго и пронзительнаго, подметають пыль на улицахъ Парижа... Rue de Donai непривѣтлива... Маленькіе вихри сѣрой пыли летятъ кверху попеременно съ соломинками и бумажками.

На дворѣ у Тургенева маленькое волненіе, и моя старая знакомая concière, взволнованная, привѣтствуетъ меня возгласомъ:

— Oh! que notre pauvre monsieur souffre, comme il a souffert toute cette nuit. (О! какъ страдаетъ нашъ бѣдный мосье, какъ онъ страдалъ всю эту ночь).

Я послала свою карточку наверхъ къ Ивану Сергѣевичу. Concière прибѣжала съ быстротою молніи назадъ, шлепая деревянными туфлями.

— *Il vous attend, il est si content que vous soyez venue, se pauvre monsieur.* (Онъ васъ ждетъ и очень доволенъ, что вы пришли, бѣдный мосье).

Когда я вошла въ домъ, меня поразило, что изъ всѣхъ этажей несло пѣнье,—какъ канарейки, разливались ученицы *m-me Viardot* по всѣмъ комнатамъ... Я взобралась на самый верхъ въ маленькія конурки Тургенева. Его въ кабинетѣ не было, я услышала его слабый голосъ изъ спальни.

— Войдите ко мнѣ, Александра Григорьевна.

На постели подъ бѣлымъ байковымъ одѣяломъ лежалъ, какъ опрокинутый колоссальный дубъ, авторъ «Записокъ Охотника» и тяжело дышалъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, точно вылитый изъ воска и въ полномъ безсиліи. Я сѣла къ нему, и у меня невольно слезы брызнули изъ глазъ. Онъ разсказалъ мнѣ шопотомъ, что онъ всю ночь былъ страшно боленъ, что страданія его невыносимы и что онъ чувствуетъ, что онъ умираетъ. Просилъ меня посидѣть, спросилъ, зачѣмъ я опять въ Парижѣ, и опять закрылъ глаза... Я хотѣла уйти, онъ опять ихъ открылъ и опять попросилъ посидѣть.

— Такъ хорошо слышать вашъ русскій голосъ.

Тургеневъ тихо дышалъ, но съ трудомъ отъ боли... Въ комнатѣ, кромѣ меня, никого не было... и никто за нимъ не ходилъ... онъ былъ совсѣмъ одинокъ. Руки его, какъ у мертвеца, лежали скрещенныя на груди. Я инстинктивно почувствовала, что больше его не увижу, и въ порывѣ большой тоски я нагнулась и поцѣловала эту руку, которая написала «Записки Охотника»... и этимъ помогла освобожденію моей родинѣ... Это слишкомъ часто забываютъ, когда только критикуютъ Тургенева... Онъ открылъ свои умирающіе глаза и съ трудомъ проговорилъ:

— Вотъ видите ли, что я умираю, иначе вы бы мнѣ не поцѣловали такъ...

Я еще разъ нагнулась и поцѣловала его въ лобъ и тихо вышла изъ комнаты...

На другой день я вернулась въ *gite de Donai*, чтобы узнать о немъ. Ворота были настежь, на дворѣ царил суматоха. Ночью сдѣлался припадокъ съ Тургеневымъ, какъ говорили въ домѣ, сумасшествіе, и *m-me Viardot* послала за княземъ Орловымъ. Я его подождала. Онъ вышелъ изъ спальни Ивана Сергѣевича взволнованный, нервный и при моемъ вопросѣ, что случилось, закрылъ себѣ лицо обѣими руками, и слезы показались у него въ его добромъ единственномъ глазѣ...

— Ужасно, ужасно видѣть его,—началъ онъ мнѣ разсказывать: — вообразите себѣ, что онъ никого не узнаетъ, все путаетъ, бредитъ. Меня, впрочемъ, онъ узналъ, но когда я вошелъ въ комнату, то протянулъ ко мнѣ обѣ руки и началъ волноваться и умолять меня: «Ваше сіятельство, пощадите, зачѣмъ, зачѣмъ вы на меня кан-

дали надѣли, велите ихъ снять, зачѣмъ вы меня мучаете, зачѣмъ вы меня пытаетъ хотите, меня, Тургенева... Вѣдь подумайте, ваше сіятельство, теперь вся Россія ликуетъ, веселится, государя коронуетъ, а меня, Тургенева, вы заковали въ цѣпи, вы пытаете... и за что... велите снять ихъ, освободить меня...» и все то же онъ мнѣ повторялъ, плача и волнуясь. Я ничѣмъ не могъ его успокоить...

И князь Орловъ сѣлъ на стулъ въ волненіи...

Я стояла и слушала... Вдругъ Орловъ обратился ко мнѣ съ неожиданнымъ вопросомъ:

— M-me Viardot хочетъ непременно объявить его сумасшедшимъ... чтобы заручить себѣ его завѣщаніе.

— Да вѣдь онъ не сумасшедшій, вѣдь это же бредъ отъ боли.

— И я такъ думаю. А какъ вы думаете... вѣдь онъ умираетъ, а священника не зоветъ. Не послать ли мнѣ за отцомъ Прилежаевымъ и приобщить его?

— Насильно, князь?

— А какъ же иначе?

— Князь, вѣдь подумайте, что еще его мучить, если онъ самъ не хочетъ. Вѣдь онъ именно бредитъ о насиліи, о несправедливости... и вдругъ теперь его опять насиловать...

— И то. Такъ вы думаете лучше такъ оставить..

— Я думаю, князь, лучше всего оставить его, и ужъ пускай до конца m-me Viardot его будетъ успокаивать, только сумасшедшимъ тоже не объявляйте.

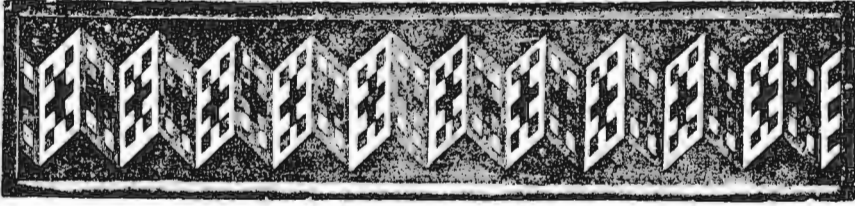
— Такъ и не приобщать и не объявлять сумасшедшимъ.

— Мнѣ кажется, князь, si vous me demandez conseil, je vous dit mon opinion... prenez la comme telle. (Если вы спрашиваете моего совѣта, я вамъ говорю мое мнѣніе... примите его какъ таковое).

Весь этотъ разговоръ происходилъ на дворѣ между двумя порывами весенняго вѣтра. Затѣмъ мы разъѣхались. Больше Тургенева я не видала.

М. Олсуфьевъ.

Въ приложеніи къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» редакція помѣщаетъ неизвѣстный еще въ нашей литературной иконографіи портретъ И. С. Тургенева, съ фотографической карточки знаменитаго писателя, предоставленной въ распоряженіе редакціи Б. Б. Глинскимъ изъ его литературной галлерей. По словамъ послѣдняго, эта карточка досталась ему отъ покойнаго С. Е. Марина, въ свою очередь случайно получившаго ее отъ кого-то изъ знакомыхъ послѣ смерти извѣстнаго русскаго путешественника Н. Н. Миклухи-Маклая, которому И. С. Тургеневъ съ собственноручной подписью и вручилъ ее въ 1870 г., въ Веймарѣ. Въ настоящемъ приложеніи изображеніе нѣсколько увеличено. Надпись на карточкѣ слѣдующая: «Н. Н. Миклухъ-Маклай на память отъ И. Тургенева».

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ МУРАВЕЙНИКЪ.

(Встрѣчи и знакомства.)

I.

Горе тому отцу, который не высъчет пребольно своего сына за первое стихотвореніе, а особливо за первую повѣсть.

В. Г. Вѣлинскій.

В ТОЙ самой поре, какъ я написалъ свою «первую повѣсть», за которую, по рецепту Бѣлинскаго, мой отецъ долженъ былъ пребольно высъчь меня розгами, прошло уже болѣе четверти вѣка, и я отнюдь не раскаиваюсь въ этой «пробѣ пера», такъ какъ именно благодаря ей я вошелъ въ литературную среду и получилъ возможность такъ или иначе познакомиться съ цѣлой «портретной галереей» интересныхъ литературныхъ дѣятелей. О нѣкоторыхъ своихъ встрѣчахъ и знакомствахъ я и хочу здѣсь рассказать.

Будучи гимназистомъ одного изъ послѣднихъ классовъ, я сочинилъ рассказъ подъ названіемъ «Странный случай», гдѣ описывалось совершенно невѣроятное происшествіе, ничего общаго съ дѣйствительной жизнью не имѣющее: неправдоподобный «случай», послужившій темою для рассказа, какъ и всѣ герои послѣдняго, были взяты мною изъ собственной головы. Само собой разумѣется, что рассказъ вышелъ крайне блѣднымъ и вымученнымъ. Тѣмъ не менѣе, подобно большинству начинающихъ авторовъ, я возлагалъ на него

большія надежды и въ душѣ уже готовъ былъ считать себя великимъ писателемъ, равнымъ, по крайней мѣрѣ, Гоголю. Напечатать свое первое литературное произведеніе я мечталъ, конечно, въ одномъ изъ лучшихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, почти не допуская мысли, что мнѣ могутъ отказать. Въ то время только что началъ издаваться въ Москвѣ журналъ «Русская Мысль» подъ редакціей С. А. Юрьева, явившійся на смѣну недавно похороненной «Бесѣды» И. А. Кошелева. Вотъ сюда-то я и рѣшилъ пристроить свое дѣтище.

Въ одно сѣренькое октябрьское утро отыскиваю я гдѣ-то на Долгоруковской редакцію «Русской Мысли». Вхожу. Сторожъ заявляетъ мнѣ, что редактора еще нѣтъ, но «они скоро будутъ». Соглашаюсь ждать и поспѣшно снимаю свое гимназическое пальто, подъ которымъ у меня оказывается штатское платьѣ, нарочно для этого случая купленное и надѣтое, дабы никто не могъ подумать, что я,—Боже сохрани!—гимназистъ. А то вѣдь, пожалуй, и читать не стануть моего разсказа!

Ждать пришлось довольно долго, что-то около часу. Въ маленькой приѣмной, кромѣ меня, сидѣла еще одна пожилая дама съ толстымъ сверткомъ въ рукахъ и по временамъ громко вздыхала. «Должно быть, рукопись большого романа!» думалъ я, съ завистью поглядывая на толстый свертокъ. Потомъ появился какой-то господинъ съ большой сѣдой бородой и въ очкахъ. Видь у него былъ довольно свиристый. Онъ все прохаживался по комнатѣ и, изрѣдка останавливаясь въ углу, громко и сердито, какъ мнѣ показалось, плевалъ. Вдругъ онъ подсѣлъ ко мнѣ и неожиданно вступилъ со мною въ разговоръ. И я почувствовалъ, какъ незнакомецъ съ первыхъ же словъ расположилъ меня въ свою пользу.

Ни слѣда свириности я уже не замѣчалъ на его лицѣ. Напротивъ, оно было такое доброе, привѣтливое, и въ голосѣ его звучали чрезвычайнаго ласковыя нотки. Замѣтивъ, что я конфузливо прячу подъ полый пиджака рукопись, свернутую трубочкой, онъ съ мягкой улыбкой спросилъ меня, не начинающій ли я литераторъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ:

— Смотрю я на васъ, молодой человекъ, и самого себя вспоминаю... Вотъ и я такой же былъ робкій, застѣнчивый... Бывало, придешь въ редакцію, а у самого поджилки трясутся...

— Вы тоже писатель?—спросилъ я своего собесѣдника съ такимъ наивнымъ удивленіемъ, что по всему лицу его расплзлась широкая улыбка.

— Немножко есть...—отвѣчалъ онъ, не переставая улыбаться... Мордовцевъ... Можетъ быть, слышали?

Имя Мордовцева, пользовавшееся тогда большою популярностью, мнѣ было очень хорошо извѣстно. Я уже прочиталъ нѣсколько его историческихъ романовъ, какъ-то: «Великій расколъ», «Идеалисты и реалисты», «Царь и гетманъ»,—все это было еще совсѣмъ свѣжо

Мордовцевъ громко разсмѣялся.

— Казалось бы, трудно смѣшать юношу со старикомъ, — замѣтилъ онъ шутливо: — но для Сергѣя Андреевича все возможно...

— Да, да, голубчикъ, разсѣянность — мать всѣхъ пороковъ, — отшучивался С. А., и, смѣясь, оба они скрылись за дверь редакторскаго кабинета.

Юрьевъ дѣйствительно отличался анекдотическою разсѣянностью, по поводу которой въ Москвѣ ходили самые невѣроятные слухи. Увѣряли, наприимѣръ, что онъ самъ себя написал и послалъ по почтѣ письмо, перепутавъ имя, фамилію и адресъ кого-то изъ своихъ пріятелей, что однажды на Новый годъ онъ подвѣхалъ къ своей квартирѣ, позвонилъ, и, узнавъ, что барыни нѣтъ дома, передалъ горничной свою визитную карточку, что на одномъ парадномъ обѣдѣ, почувствовавъ въ ногѣ зудъ, началъ усиленно чесать колѣно своей сосѣдки, совершенно незнакомой ему дамы, и т. д. Мнѣ разсказывалъ очевидецъ, московскій профессоръ Т., какъ въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ онъ былъ вмѣстѣ съ Юрьевымъ гдѣ-то въ гостяхъ и какъ послѣдній, вмѣсто шапки, взялъ со стола великолѣпнаго пушистаго кота, высоко поднялъ его за шиворотъ и уже хотѣлъ было надѣть на голову. И онъ, вѣроятно, исполнилъ бы свое намѣреніе, если бъ животное не запротестовало и въ критическій моментъ не выпустило когтей.

Долго еще мнѣ пришлось дожидаться въ пріемной своей очереди: ушелъ Мордовцевъ, позвана была въ кабинетъ неизвѣстная дама съ толстымъ сверткомъ, оказавшаяся, какъ я потомъ узналъ, довольно извѣстной беллетристой К. В. Назарьевой, — наконецъ и я предсталъ передъ Юрьевымъ, который пригласилъ меня сѣсть, а самъ тотчасъ же исчезъ въ сосѣдней комнатѣ.

Опять жду около полчаса. Появляется С. А. и садится за свой письменный столъ, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія. Чтобъ напомнить о себѣ, я кашлянулъ.

— Ахъ, да! — встрепенулся С. А. и уставился на меня своими близорукими глазами. — Такъ вамъ, собственно, что же нужно?

Я подалъ рукопись и сконфуженно пробормоталъ:

— Пожалуйста, нельзя ли какъ-нибудь напечатать въ «Русской Мысли».

— Напечатать? — протянулъ С. А. какъ-то нараспѣвъ, высоко поднимая брови, и, взявъ рукопись, началъ ее быстро перелистывать. Не прошло трехъ-четырехъ минутъ, какъ онъ вернулъ мнѣ ее назадъ.

— Ну, вотъ-съ, прочелъ вашъ разсказъ... Ничего себя... Пишите еще.

Я смотрѣлъ вопросительно, какъ будто не совсѣмъ еще понимая, въ чемъ дѣло.

— Пишите, юноша, не унывайте: сразу вѣдь ничего не дается, нужно работать...

У меня захолонуло сердце.

— А этотъ разсказъ... вы не напечатаете?—спросилъ я упавшимъ голосомъ.

Юрьевъ всталъ и съ улыбкой похлопалъ меня по плечу. Я тоже поднялся съ мѣста.

— Ахъ, вы, юноша, юноша!—заговорилъ онъ ласково.—Вотъ вы всѣ такіе: состряпаете разсказецъ или повѣстущку и уже воображаете себя писателями. Знаете, что я вамъ посовѣтую: возьмите ваше произведеніе и спрячьте его подъ ключъ, а черезъ годъ перечитайте,—и вы сами будете удивлены, какъ можно было писать столь незрѣло. Вѣдь въ вашемъ повѣствованіи прежде всего нѣтъ художественности, картинности изложенія. Вотъ вы описываете сцену объясненія въ любви гдѣ-то тамъ въ саду или въ палисадникѣ. Герой, пишете вы, падаетъ къ ногамъ героини, а та ласкаетъ въ это время рукой его шелковистые кудри. А между тѣмъ читатель совсѣмъ не представляетъ себѣ картины дѣйствія: ему прежде всего неясно, въ какой позѣ находятся влюбленные, такъ какъ онъ не знаетъ, стояли они или сидѣли до любовнаго объясненія; если они, напримѣръ, стояли, то для того, чтобы гладить волосы возлюбленнаго, упавшаго къ ея ногамъ, героиня должна была или согнуться въ три погибели, или сѣсть на корточки,—и то и другое, разумѣется, въ высокой степени неэстетично. А вы возьмите подобныя же описанія у Тургенева. Какъ у него все просто и ясно до наглядности. Помните «Наканунѣ»? Инсаровъ, еще не оправившійся отъ болѣзни, слабый, сидѣлъ у себя въ комнатѣ на диванѣ и съ радостнымъ волненіемъ поджидалъ Елену. Вдругъ запахнулась дверь,—пишетъ Тургеневъ,—«и въ легкомъ, шелковомъ платьѣ, вся блѣдная, и вся свѣжая, молодая, счастливая, вошла Елена, и съ слабымъ радостнымъ крикомъ упала къ нему на грудь. «Ты живъ, ты мой», твердила она, обнимая и лаская его голову. Онъ замеръ весь, онъ задыхался отъ этой близости, отъ этихъ прикосновеній, отъ этого счастья. Она сѣла возлѣ него и прижалась къ нему, и стала глядѣть на него тѣмъ смѣющимся и ласкающимъ и нѣжнымъ взглядомъ, который свѣтится въ однихъ только женскихъ любящихъ глазахъ...» Не правда ли, передъ вами точно живая картина? Вы отчетливо представляете себѣ все: и позу героевъ, и выраженіе ихъ лицъ, и каждое ихъ движеніе: Вотъ, милый юноша, учитесь, какъ нужно писать,—добавилъ онъ въ заключеніе и съ ласковой улыбкой подаль мнѣ руку.

Аудіенція была кончена, и я поспѣшилъ удалиться, весь сконфуженный, взволнованный, подавленный неудачей.

Впрочемъ, мое уныніе продолжалось недолго. «Ну что жъ,—думалъ я,—въ «Русской Мысли» не удалось устроиться—попробую еще гдѣ-нибудь: свѣтъ вѣдь не клиномъ сошелся...» И, рѣшивъ на этотъ разъ уже не задаваться никакими широкими замыслами,

въ особенности «не лѣзть» въ толстые журналы, я скромно направилъ стопы въ редакцію еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнальчика «Радуга», который издавался, кажется, Метцлемъ второй или третій годъ, а редактировался Мансфельдомъ, авторомъ многочисленныхъ фарсовъ и водевилей, передѣланныхъ съ французскаго языка. Это было какое-то странствующее изданіе, ибо не проходило недѣли безъ того, чтобы оно не переѣзжало съ одной квартиры на другую, такъ что на обложкѣ почти каждаго его номера обязательно красовался новый адресъ.

Не помню ужъ, гдѣ временно пріютилась редакція «Радуги», когда я принесъ туда свой злополучный рассказъ, — не то въ Столешниковомъ переулкѣ около Петровки, не то на Кузнецкомъ мосту, — напоминаетъ мнѣ необычайно грязная лѣстница, сверху и снизу заплеванная и засоренная, какой-то темный чуланчикъ вмѣсто прихожей, далѣе полутемная комната съ единственнымъ окномъ, чуть не упиравшимся въ каменную желтую стѣну сосѣдняго дома и съ небольшою дверью въ видѣ арки со спущенной портьерой, за которой, надо полагать, скрывалось самое святилище редакціи, ибо я, какъ лицо постороннее, не былъ туда допущенъ. Лишь только я приблизился къ завѣтной двери, какъ изъ полутемной комнаты раздался гнусавый голосъ неопредѣленнаго пола и возраста особы, сидѣвшей за столомъ у окна и что-то писавшей:

— Вамъ что нужно? Туда нельзя!

— Мнѣ нужно видѣть господина редактора, — отвѣчалъ я не очень смѣло, но далеко уже не ощущая той робости, которую я испытывалъ въ редакціи «Русской Мысли».

— Редактора сейчасъ нѣтъ, — отчеканила особа, не глядя на меня и не поднимая головы.

Я уже хотѣлъ было уйти.

— Подождите! — раздался опять гнусавый голосъ. — Вы что? Рукопись, что ли, принесли? Давайте, я передамъ редактору...

И особа, относительно которой я уже не сомнѣвался, что это была женщина, хотя у ней были короткіе волосы, дымчатые очки на носу и нѣчто среднее между пиджакомъ и кофтой на плечахъ, — «особа» почти выхватила у меня изъ рукъ мой свертокъ. Очевидно, она была секретаремъ редакціи, ибо, получивъ отъ меня рукопись, привычнымъ движеніемъ сунула ее въ ящикъ стола и отрывисто, дѣловито-сухимъ ономъ сказала:

— Зайдите черезъ недѣлку...

Ровно черезъ недѣлю я зашелъ за отвѣтомъ. Редакція, кажется, уже собиралась «снять съ якоря». По крайней мѣрѣ, въ полутемной комнатѣ царилъ хаосъ невообразимый: весь полъ былъ заваленъ какими-то тюками и ворохами бумаги. Я сталъ искать глазами знакомую «особу въ дымчатыхъ очкахъ», но ея нигдѣ не было. Повидимому, она скрылась за аркой, откуда доносились голоса.

Особенно отчетливо раздавался рѣзкій мужской голосъ, сердито взвизгивавшій на высокихъ нотахъ. Другой голосъ, тоже мужской, подавалъ ровныя, спокойныя реплики, свидѣтельствовавшія о невозмутимомъ хладнокровіи говорившаго. Сердитые звуки лились *crescendo*. Вдругъ распахнулась портьера, и изъ таинственной комнаты выскочилъ довольно плотный, небольшого роста брюнетъ, ожесточенно жестикулировавшій обѣими руками. За нимъ высунулась было чья-то голова, но сейчасъ же скрылась опять, а вслѣдъ затѣмъ изъ-за арки показалась моя знакомая «секретарша», которая, увидавъ меня, почему-то страшно смутилась и даже покраснѣла.

— Чортъ васъ возьми съ вашимъ журналомъ!—кричалъ въ это время брюнетъ.—Плевать я на него хочу... Мнѣ дорого мое литературное имя, вотъ что-съ!

Проходя мимо меня, онъ безцеремонно встряхнулъ меня за локоть.

— А! вѣрно, начинающій?—воскликнулъ онъ около самаго моего уха.—Не совѣтую имѣть дѣло съ этой почтенной редакціей, или; вѣрнѣе... помойной ямой. Бѣгите отсюда, молодой человекъ, и, знаете, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Вотъ вамъ мой дружескій совѣтъ!

И, фамиллярно похлопавъ меня по плечу, онъ исчезъ за дверью. Я вопросительно посмотрѣлъ на «секретаршу», которая имѣла совсѣмъ сконфуженный видъ.

— Видали вы такихъ субъектовъ?—обратилась она ко мнѣ, какъ бы оправдываясь.—Совсѣмъ полоумный!

— Кто это?—полюбопытствовалъ я.

— Нѣкто Кичеевъ, театральнй рецензентъ одинъ... Принесъ намъ стихи напечатать, цензоръ сдѣлалъ въ нихъ помарку, и въ одной строфѣ не вышло рѣемы; вотъ онъ и разсердился: не надо было, говорить, совсѣмъ печатать... Ругался, какъ пьяный сапожникъ, а еще литераторъ!

— Ну, что мой разговоръ?—поспѣшилъ я ей задать вопросъ, интересовавшій меня въ данную минуту больше всего на свѣтѣ.

— Сейчасъ узнаю!

«Секретарша» юркнула въ сосѣднюю комнату и, тотчасъ же вернувшись, сказала:

— Редакторъ извиняется, что не можетъ васъ принять: онъ очень разстроенъ... Что же касается вашего разсказа, то...

Тутъ она почему-то запнулась и откашлянулась, а у меня отъ волненія похолодѣли руки и ноги.

— То онъ будетъ напечатанъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала!—выпала она сразу и замолчала, любуясь произведеннымъ на меня впечатлѣніемъ.

— Правда?!—неволью вырвалось у меня наивно-радостное восклицаніе.

— Правда!

Я горячо пожалъ руку «стриженой особы въ дымчатыхъ очкахъ», которая въ эту минуту была мнѣ милѣ любой красавицы, и весь сіяющій, какъ свѣтло вычищенный передъ праздникомъ самоваръ, радостный и счастливый, помчался домой, чуть не спибая съ ногъ всѣхъ прохожихъ, встрѣчавшихся мнѣ на пути. Помнится, я обогналъ Кичеева и хвастливо заглянулъ ему въ лицо съ какимъ-то особымъ чувствомъ собственного достоинства, точно хотѣлъ ему сказать: «Что, братъ? И я вѣдь тоже литераторъ!»

П. И. Кичеева я встрѣчалъ послѣ этого много разъ и неоднократно велъ съ нимъ самыя разнообразныя бесѣды. Это былъ разносторонне образованный человѣкъ, чрезвычайно живой, находчивый и остроумный собесѣдникъ. Въ области театральной критики онъ занималъ выдающееся положеніе. Артисты слегка его побаивались и ругали за глаза, но всегда внимательно прислушивались къ его сужденіямъ, зачастую рѣзкимъ и даже беспощаднымъ по своей безапелляціонности, доставлявшимъ немало огорченій разнаго рода самолюбивымъ бездарностямъ. Въ его печатныхъ отзывахъ объ игрѣ того или иного артиста, о достоинствахъ или недостаткахъ той или иной пьесы нельзя было не цѣнить прежде всего удивительной искренности и, такъ сказать, внутренней убѣжденности, съ какою онъ отстаивалъ свою точку зрѣнія, въ большинствѣ случаевъ вполне своеобразную, шедшую иногда въ разрѣзъ съ общепринятыми взглядами и теоріями. Какъ ни представлялись иногда парадоксальными его эстетическія воззрѣнія, нельзя было не считаться съ ними,—такъ остроумно и діалектически тонко умѣлъ онъ ихъ проводить и защищать въ своихъ талантливыхъ рецензіяхъ. Въ глазахъ московской публики Кичеевъ былъ непререкаемымъ авторитетомъ, съ которымъ могъ соперничать развѣ одинъ только Васильевъ (С. В. Флеровъ), очень извѣстный въ свое время театральный критикъ «Московскихъ Вѣдомостей». Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія послѣднему дѣйствительно принадлежала руководящая роль въ области театральной критики, у него также было много поклонниковъ и поклонницъ, и численностью своихъ кадровъ «васильевцы», пожалуй, не уступали «кичевцамъ». Кто не помнитъ этого изящнаго старца съ красивой бѣлой головой, слегка наклоненной на бокъ, въ черномъ рединготѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, въ перчаткахъ и съ морскимъ биноклемъ черезъ плечо? На всѣхъ первыхъ представленіяхъ Малаго театра можно было его видѣть неизмѣнно сидящимъ въ верхнемъ ряду амфитеатра партера, гдѣ онъ имѣлъ постоянное, ему одному принадлежавшее мѣсто. Эта «застегнутость» на всѣ пуговицы была чрезвычайно характерна для Васильева: такимъ же «внутренне застегнутымъ», непроницаемымъ онъ бывалъ обыкновенно и въ своихъ театральныхъ рецензіяхъ, гдѣ частенько приходилось читать между строкъ и угадывать такія тайны, кото-

рыя весьма скоро потомъ становились «секретомъ полишинеля». Васильевъ держалъ себя въ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», — по крайней мѣрѣ, на моей памяти, при В. А. Грингмутѣ, — чрезвычайно независимо: не ходилъ къ редактору «на поклонъ», не участвовалъ въ редакціонныхъ собраніяхъ и т. д. Отношенія его къ редакціи ограничивались тѣмъ, что онъ разъ въ недѣлю посылалъ на Страстной бульваръ свой очередной фельетонъ и разъ въ мѣсяцъ приходилъ туда же за гонораромъ, причемъ его появленіе въ нѣдрахъ грингмутовской «фабрики казеннаго патріотизма» производило всегда нѣкотораго рода сенсацію: сотрудники окружали его тѣснымъ кольцомъ и наперерывъ говорили ему комплименты, до которыхъ онъ былъ вообще большой охотникъ. Покойный, — надо ему отдать справедливость, — немного-таки страдалъ маніей величія. Онъ, напримеръ, не допускалъ, чтобы въ статьяхъ его производились какія-либо, хотя бы малѣйшія измѣненія: повидимому, онъ цѣнилъ каждое свое слово, такъ сказать, на вѣсъ золота. Въ общемъ, это былъ настоящій писатель-аристократъ съ салоннымъ лоскомъ даже въ манерѣ письма. Осторожный, мягкій, онъ не обмолвится ни однимъ словечкомъ, оскорбляющимъ слухъ, и если дастъ проглотить пилюлю, то сначала ее позолотитъ. Кичеева же можно назвать скорѣе писателемъ-демократомъ. Этотъ рубить прямо съ плеча, нисколько не заботясь о мягкости или галантности выраженій. Если онъ найдетъ нужнымъ, то не только дастъ вамъ проглотить пилюлю, не золотя ее, но и пригвоздитъ васъ къ позорному столбу. Въ личныхъ сношеніяхъ онъ бывалъ часто совершенно невыносимъ. Со своимъ насмѣшливымъ задоромъ, съ привычкою всѣмъ «рѣзать правду» въ глаза онъ безпрестанно нарывался на скандалы, которые иногда оканчивались для него весьма плачевно. Но ни вызовы на дуэль, ни пощечины не помогали, и Кичеевъ остался вѣренъ себѣ до самой смерти. «Горбатаго» могла исправить лишь одна могила.

II.

Сотрудничеству въ «Радугѣ» я обязанъ, между прочимъ, и первой своей встрѣчей съ А. П. Чеховымъ. Не помню въ точности, въ которомъ это было году, — не то въ 83-мъ, не то въ 84-мъ, — но стоялъ морозный зимній день. Я зашелъ въ редакцію за какою-то справкой. Было воскресенье и, вѣроятно, по случаю праздничнаго дня никого изъ служащихъ тамъ не оказалось, кромѣ сторожа да какого-то молодого человѣка, который тоже, очевидно, только что вошелъ и нерѣшительно переминался съ ноги на ногу, не зная, что ему предпринять: уходить или дожидаться. Съ поднятымъ барашковымъ воротникомъ, до половины закрывавшимъ ему уши, съ круглой войлочной шапкой на головѣ и съ руками, засунутыми въ карманы, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка озябшаго.

— Чортъ знаетъ,—пробасилъ онъ,—вотъ уже другой день захожу понапрасну: у меня, наконецъ, времени нѣтъ!

И, какъ бы ища во мнѣ сочувствія, онъ пристально на меня взглянулъ, потомъ медленными шагами, слегка покачивающейся походкой направился къ выходу. Тотчасъ же вслѣдъ за нимъ и я вышелъ, сказавъ сторожу, что зайду завтра.

Молодой человѣкъ оказался мнѣ очень симпатичнымъ и, нагнавъ его еще на лѣстницѣ, я поспѣшилъ завести съ нимъ разговоръ. Онъ очень ласково отвѣтилъ мнѣ на какой-то вопросъ и, когда мы вышли на улицу, въ свою очередь спросилъ:

— Вамъ куда: налево или направо?

— Налѣво!.. Впрочемъ, все равно, я съ удовольствіемъ пройду съ вами,—отвѣчалъ я, и мы пошли направо, по направленію къ Тверской улицѣ.

Мой собесѣдникъ оказался довольно разговорчивымъ. Я узналъ, что онъ студентъ-медикъ V курса и что онъ уже давно «пописываетъ въ разныхъ юмористическихъ журнальчикахъ».

— Такъ, знаете ли, пустячки разные... Все-таки заработокъ!—проговорилъ онъ съ какою-то удивительно милой, дѣтской улыбкой на лицѣ и такимъ тономъ, какъ будто оправдывался, что позволялъ себѣ заниматься столь нехорошимъ дѣломъ.

— Я, вѣроятно, читалъ... А какъ ваша фамилія,—позвольте узнать?

— Чеховъ, Антонъ Павловичъ... Но я подписываюсь различно, чаще всего «Антоша Чехонте».

Фамилія «Чеховъ» ничего не говорила моему слуху; но подпись «Антоша Чехонте» мнѣ дѣйствительно припомнилась: гдѣ-то, со всѣмъ еще недавно и видѣлъ ее въ печати.

— Вы и въ «Радугѣ» сотрудничаете?—полюбопытствовалъ я.

— Нѣтъ, только еще собираюсь, знаете ли... Хочу предложить Мансфельду одну драматическую вещицу: вѣдь онъ самъ, кажется, драмодѣль... Можетъ быть, напечатаетъ!

— Конечно, напечатаетъ,—отозвался я.—А вы что, собственно, написали: комедію или драму?

Но Чеховъ не отвѣтилъ на мой вопросъ. Его глаза вдругъ какъ-то весело заискрились, онъ замедлилъ шаги и, взявъ меня подъ локоть, сказалъ своимъ низкимъ груднымъ голосомъ:

— Послушайте, хотите пиво пить? Вотъ тутъ хорошая портерная (онъ указалъ на выѣску). Или вамъ нельзя какъ гимназисту,—входъ въ «богоугодныя заведенія» воспрещенъ? У насъ въ Таганрогѣ было очень строго на этотъ счетъ и отъ гимназистовъ требовалась полнѣйшая институтская невинность.

— Нѣтъ, у насъ ничего, можно...—поспѣшилъ я заявить своему спутнику и неожиданному компаньону, чувствуя себя въ душѣ чрезвычайно польщеннымъ его предложеніемъ.

Въ такомъ случаѣ *eamus et bibamus!*—весело воскликнулъ по-латыни Чеховъ, и мы зашли въ портерную.

Несмотря на значительную разницу лѣтъ между нами, Чеховъ относился ко мнѣ совсѣмъ по-товарищески, какъ равный къ равному, безъ всякаго менторства,—и это мнѣ ужасно понравилось.

Мы сѣли за мраморный столикъ, и за бутылкой пива снова потекли у насъ оживленная бесѣда.

Чеховъ пришелъ въ игривое настроеніе, мило шутилъ и, обращаясь къ служащему въ портерной мальчику, съ комичной почтительностью называлъ его по имени и отчеству. Потомъ онъ началъ мнѣ рассказывать про университетъ, мѣтко характеризуя нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ «свѣтилъ» медицинскаго факультета, передавалъ смѣшные анекдоты о профессорахъ Захарьинѣ и особенно Бабухинѣ, и я покатывался со смѣху. Но вотъ онъ внезапно сталъ серьезенъ и задумался.

— О чемъ это вы?—спросилъ я.

— Послушайте,—началъ онъ, перемѣнивъ тонъ:—вотъ мы смѣемся, а это нехорошо надъ такими людьми смѣяться, ихъ уважать, благоговѣть передъ ними нужно... Подумайте только, сколько приносятъ и принесутъ еще пользы нашему отечеству эти благородные труженики науки!

— А вы, Антонъ Павловичъ,—спросилъ я спустя нѣкоторое время,—думаете посвятить себя литературѣ, или тоже сдѣлаетесь какимъ-нибудь Захарьинимъ?

— Боже избави,—улыбнулся Чеховъ:—я даже и въ мечтахъ никогда не заночую такъ высоко... Я просто буду земскимъ врачомъ—вотъ и все... а литература—это такъ, между прочимъ...

Онъ опять задумался.

— Я давно пришелъ къ заключенію,—продолжалъ онъ:—что настоящее, живое дѣло можно найти лишь въ деревнѣ, среди бѣдныхъ мужицкихъ хатъ, среди голоднаго, оборваннаго, темнаго люда, питающагося отрубями и мякиной... Подумайте же, какъ эти звѣроподобныя существа нуждаются въ помощи! Вотъ вы скоро гимназію кончите... Знаете что? Идите вы въ народные учителя, ей-Богу же, идите: это самая почтенная дѣятельность, которую только можно себѣ представить...

И Чеховъ съ жаромъ принялся развивать свою мысль, доказывая мнѣ, что, если, по окончаніи гимназіи, я не сдѣлаюсь тотчасъ же народнымъ учителемъ, то это будетъ съ моей стороны чуть ли не измѣной отечеству. Лицо его было совершенно серьезно, но мнѣ казалось, что онъ шутитъ.

Такъ прошло съ полчаса. Передъ нами стояли двѣ опорожненныя бутылки пива, разговоръ началъ изсякать и мы разстались.

Послѣ этого я не встрѣчался съ Чеховымъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, когда онъ успѣлъ уже сдѣлаться знаменитымъ писателемъ и

имя его гремѣло на всю Россію. Наша новая встрѣча произошла лишь въ маѣ 1899 года, когда въ Москвѣ готовились Пушкинскія торжества по случаю столѣтней годовщины со дня смерти великаго поэта. Я сотрудничалъ тогда въ газетѣ «Русское Слово», еще только начинавшей свою впослѣдствіи чисто феерическую карьеру и со-всѣмъ незадолго передъ тѣмъ влачившей жалкое существованіе въ рукахъ нѣкоего Анатолія Александрова, который «числился» по-чему-то приватъ-доцентомъ московскаго университета, хотя лекцій и не читалъ. Этотъ Александровъ являлъ собою образецъ настолько типичнаго русскаго интеллигента, что о немъ стоитъ поговорить. Съ виду онъ производилъ впечатлѣніе нигилиста, что-то въ родѣ Марка Волохова,—неуклюжій, съ лѣнливой, развалистой походкой, крайне неряшливо одѣтый, почти никогда не умытый и не причесанный, и волкомъ глядѣвшій на васъ исподлобья. Но вы съ удивленіемъ узнавали, что этотъ «нигилистъ» преусердно кладетъ въ церкву земные поклоны, соблюдаетъ всѣ посты и ежедневно читаетъ «Московскія Вѣдомости»; знакомство же ведетъ преимущественно съ «сильными міра», которые и помогаютъ ему обдѣлывать разныя «дѣлишки».

Когда Анатолій Александровъ задумалъ однажды «разбогатѣть», то онъ рѣшилъ издавать газету. Чѣмъ онъ самомъ дѣлѣ хуже другихъ? Вотъ Комаровъ сталъ издавать «Свѣтъ» и нажилъ сотни тысячъ. Вся суть въ томъ, чтобы выхлопотать себѣ дешевое изданіе, которое, благодаря доступной цѣнѣ, расходилось бы въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ. А у него есть сильная «рука» въ Петербургѣ, въ лицѣ К. П. Побѣдоносцева, и, конечно, ему дешевую газету разрѣшать.

Такъ и вышло. Александрову разрѣшено было издавать дешевую газету «Русское Слово» съ подписной платой 5 рублей въ годъ. И вотъ это диковинное изданіе начало выходить въ свѣтъ. Велось оно прямо-таки «кустарнымъ» способомъ, почти безъ помощи постороннихъ сотрудниковъ: весь газетный листъ заполнялся произведеніями самого редактора-издателя и членовъ его семьи. Направленіе газеты было, конечно, ультра-консервативное съ отгѣнкомъ яраго шовинизма. Послѣ десятка кликушескихъ, quasi-патріотическихъ передовыхъ статей, въ которыхъ восхвалялись прелести тогдашняго приказно-бюрократическаго строя, Александровъ ѣздилъ въ Петербургъ и привозилъ оттуда болѣе или менѣе жирную субсидію. Почти каждая такая поѣздка его, — а ихъ было нѣсколько въ годъ, — обязательно сопровождалась «подачкой».

— Ну что, Анатолій Александровичъ, благополучно съѣздили? Можно поздравить? — не безъ единства освѣдомлялись «благопріятели» и тутъ же прибавляли: — конечно, вы пригласите теперь хорошихъ сотрудниковъ, и газета пойдетъ бойко, не правда ли?

Александровъ молчалъ, но добродушно-плутоватая улыбка, появлявшаяся на его лицѣ, говорила:

— Какъ бы не такъ! Нашли тоже просточка!

И дѣйствительно: субсидіи незамѣтно таяли въ его рукахъ, а злополучная газета продолжала издаваться все тѣмъ же «кустарнымъ способомъ», и ея скудный тиражъ быстро шелъ на убыль.

Тогда кто-то надоумилъ И. Д. Сытина, учредителя извѣстнаго московскаго книгоиздательства, купить у Александрова «Русское Слово». Сытинъ «рискнулъ» и приобрѣлъ «дышащее на ладанъ» изданіе. Будучи человѣкомъ большой коммерческой сметки, онъ зналъ, что не будетъ въ проигрышѣ и сразу поставилъ дѣло на широкую ногу: организовалъ контору газеты съ цѣлымъ штатомъ служащихъ, сформировалъ редакцію, поставивъ во главѣ ея редактора имъ же издаваемаго журнала «Вокругъ Свѣта» Е. Н. Киселева, и привлекъ къ сотрудничеству нѣсколько видныхъ московскихъ журналистовъ. Газета оживилась и пошла въ гору. Но Сытинъ недоволенъ былъ успѣхами своего «Русскаго Слова» и вначалѣ все жаловался. Помнится, при первомъ же моемъ появленіи въ редакціи онъ счелъ нужнымъ обратиться ко мнѣ съ цѣлой іереміадой, заканчивавшейся словами:

— Вы ужъ насъ пожалѣйте: наша газетка бѣдная...

Конечно, «приходилось жалѣть» бѣднаго издателя и пяточокъ за строку считать превосходнымъ гонораромъ. Между тѣмъ тиражъ газеты уже въ то время доходилъ до 20 тысячъ экземпляровъ въ день, что для начала можно было считать прямо великолѣпнымъ. Но Сытину съ его сангвиническимъ темпераментомъ, повидимому, сразу хотѣлось загребать золотыя горы, и «малымъ» довольствоваться онъ не желалъ.

Вскорѣ послѣ меня къ сотрудничеству въ «Русскомъ Словѣ» былъ привлеченъ знаменитый тогда публицистъ С. Ф. Шараповъ, прославившійся своимъ походомъ противъ Виттевской золотой валюты и потерпѣвшій полное крушеніе въ видѣ прекращенія навсегда издававшагося имъ журнала «Русскій Трудъ». Переступая порогъ новой редакціи, Шараповъ мечталъ произвести въ газетѣ коренныя реформы, очистить ее, выкурить изъ нея «уличный букетъ», какъ онъ выражался.

— Удивляюсь, господа, какъ вы можете дышать въ подобной атмосферѣ: вѣдь это же такое нестершимое зловоніе, что надо зажмать носъ!—волнуясь и жестикулируя, началъ онъ свою образную «шараповскую» рѣчь, обращаясь къ кому-то изъ сотрудниковъ въ присутствіи редактора Киселева.—Посмотрите, что у васъ дѣлается въ хроникѣ, въ репортажѣ: сплошной шантажъ! А ваши злободневные фельетоны,—въ нихъ нѣтъ ни искорки остроумія, ни литературности, ни даже простой элементарной грамотности, въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ тупого, бессмысленнаго зубоскальства...

Добродушный Е. Н. Киселевъ внимательно выслушивалъ отповѣдь Шарапова и соглашался съ нимъ. Самъ онъ, въ сущности, безсиленъ былъ что-либо предпринять къ улучшенію газеты. Дѣло въ томъ

что онъ былъ лишь номинальнымъ ея редакторомъ, фактически же въ ней полновластно распоряжался Аксель Карл. Гермоніусъ, одесскій журналистъ ¹⁾, приглашенный Сытинымъ на амплу секретаря редакціи. Гермоніусъ спустилъ газету на самое дно мелкой уличной прессы: въ ней въ изобиліи появилась порнографія и стали процвѣтать разные шутовскіе отдѣлы съ коротенькими строчками и нелѣпыми абзацами. Въ фельетонахъ царили Берендей и Мясницкій. Первый подъ видомъ злободневной «свистопляски» описывалъ московскихъ купчихъ, а второй развращалъ читающую публику, повѣствуя о томъ, какъ кучеръ Фалалей попалъ въ любовники къ одной замоскворѣцкой Дульцинеѣ и «дочиста ее обобралъ». Матеріалъ для хроники доставлялся преимущественно двумя юркими репортерами еврейскаго типа, за которыми приходилось, какъ говорится, «глядѣть въ оба». Сколько хлопотъ и огорченій причиняли они, бывало, бѣдному Е. Н. Киселеву! Онъ почти ни во что въ газетѣ не вмѣшивался, предоставляя Гермоніусу свободу дѣйствій, но за хроникой слѣдилъ зорко и неусыпно, внимательно прочитывая въ корректурѣ каждую строчку. Бывало, войдешь къ нему въ редакторскій кабинетъ,—онъ сидитъ надъ гранками блѣдный, съ страдальческимъ выраженіемъ лица.

— Что съ вами, Евграфъ Николаевичъ? Вы больны?

Киселевъ сердито бросалъ на столъ свой толстый цвѣтной карандашъ и въ отчаяніи хватался за голову обѣими руками.

— Еще бы! Какъ тутъ не заболѣть!—восклидалъ онъ тономъ измученнаго человѣка.—Вы только посмотрите на эту жидовскую страпню, поднесите ее къ носу, понюхайте: вѣдь пахнетъ самымъ грязнымъ, самымъ возмутительнымъ шантажомъ!

И онъ давалъ мнѣ прочитывать замѣтку, въ которой измышлялось какое-нибудь неправдоподобное, клеветническое извѣстіе, имѣвшее цѣлью или пошатнуть репутацію почтенной торговой фирмы или втоптать въ грязь доброе имя извѣстнаго общественнаго дѣятеля.

Вотъ этотъ «уличный букетъ» и задумалъ выкурить изъ «Русскаго Слова» С. Ф. Шараровъ. Задача была не изъ легкихъ. Впрочемъ, ему отчасти благопріятствовала сама судьба, ибо Гермоніусъ уѣхалъ въ продолжительный лѣтній отпускъ, и фактическимъ редакторомъ въ его отсутствіе *volens nolens* сдѣлался Киселевъ. Шараровъ тотчасъ же почувствовалъ себя хозяиномъ положенія и съ жаромъ принялся за «чистку». Началъ онъ съ того, что почти никому изъ сотрудниковъ не давалъ писать, стараясь заполнить всю газету своими собственными статьями. А легкость и быстрота, съ какими онъ ихъ писалъ, были просто изумительны. Достаточно сказать, что иногда онъ

¹⁾ А. К. Гермоніусъ долгое время состоялъ фактическимъ редакторомъ «Петербургской Газеты» С. Н. Худекова и послѣ одной непріятной исторіи въ Петербургѣ вынужденъ былъ перебраться въ Одессу.

успѣвалъ «настрочить» въ извозчичьей пролеткѣ во время переѣзда изъ своей квартиры въ редакцію цѣлый фельетонъ строкъ въ пятьсотъ. Работать же онъ могъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: напр., въ редакціи идетъ оживленный разговоръ, шумъ, смѣхъ,—а онъ приткнется гдѣ-нибудь въ неудобнѣйшей позѣ, какую только можно себѣ представить,—или на краю стола или на подоконникѣ,—и исписываетъ листъ за листомъ, рѣшительно никого не замѣчая. Шараповъ буквально наводнилъ «Русское Слово»,—и передовыми статьями, и фельетонами, и еще какими-то «Дневниками земледѣльца; словомъ, и въ верху, и въ серединѣ, и въ низу газеты былъ все тотъ же неистощимо-плодовитый Шараповъ, подававшійся подъ равными соусами... Волками взвыли тогда сотрудники «Русскаго Слова», а одинъ изъ нихъ, нѣкій Юрданъ, «передовикъ», писавшій самыя невѣроятныя пошлости о чемъ угодно и сколько угодно и теперь, по милости Шарапова, почти лишившійся заработка, даже запилъ съ горя и, какъ мнѣ впослѣдствіи передавали, пропилъ не только все свое носильное платье, но и дворянскую фуражку, которой весьма гордился.

Вскорѣ вернулся изъ отпуска Гермоніусъ, и все пошло по старому. Борьба оказалась Шарапову не по силамъ, и «оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ журналистъ» вынужденъ былъ съ достоинствомъ регироваться, еле успѣвъ довести до конца первую часть своей повѣсти «Черезъ полвѣка», а Мясницкій снова занялъ утраченную было въ газетѣ позицію...

Выше я вскользь упомянулъ о готовившихся въ Москвѣ Пушкинскихъ торжествахъ. Хорошо помню день 27 мая 1899 года, когда въ колонной залѣ «россійскаго благороднаго собранія» должно было состояться торжественное засѣданіе общества любителей россійской словесности, посвященное памяти А. С. Пушкина. Въ этотъ день уже съ 11 часовъ утра всѣ члены редакціи «Русскаго Слова» были въ сборѣ. Обсуждался между прочимъ вопросъ, кто будетъ читать прівѣтственный адресъ, составленный Гермоніусомъ. Большинство отказывалось отъ этой «чести» подъ разными предлогами, не исключая самого составителя, который отговаривался тѣмъ, что у него «зубъ со свистомъ». Киселевъ заявилъ, что онъ «не въ голосѣ» да и вообще не привыкъ выступать на эстрадѣ въ качествѣ солиста, а Сытинъ, которому также была предложена эта роль, испуганно замахалъ руками и откровенно сознался, что въ тотъ моментъ, когда ему придется вымолвить первое слово, у него сдѣлается «здоровенная спазма» въ горлѣ и что ничего изъ этого, кромѣ скандала, не получится. Очередь дошла до меня, и я «храбро принялъ вызовъ». Однако, ознакомившись съ текстомъ адреса, я пришелъ въ сильное смущеніе, такъ какъ увидѣлъ, что послѣдній на три четверти былъ посвященъ самой беззастѣнливой рекламѣ «товарищества И. Д. Сытина». Оказалось потомъ, что Гермоніусъ написалъ свое «сочиненіе»

«истор. вѣстн.», мартъ, 1911 г., т. сxxx.

5

подъ вліяніемъ и въ угоду одного изъ директоро́въ правленія названнаго товарищества.

— Господа, я не стану читать подобнаго адреса!—обратился я къ присутствовавшимъ.—Это не привѣтствіе отъ литературныхъ изданій, газеты «Русское Слово» и журнала «Вокругъ Свѣта»,—а самая настоящая да къ тому же и совсѣмъ неумѣстная реклама торговой фирмы... Какъ хотите, господа, но я читать отказываюсь!

Гермо́ніуса покори́ло отъ моихъ словъ, его большіе стеклянные глаза сразу сдѣлалась злыми, и, едва скользнувъ взглядомъ по моему лицу, онъ криво усмѣхнулся.

— Ну, и не читайте!—бросилъ онъ куда-то въ сторону.—Мнѣ въ высокой степени наплевать, а если хотите, такъ дажэ и на..... (онъ произнесъ свое любимое «непечатное слово»).

Я уже готовъ былъ вспыхнуть, но мягкій и джентльменски-корректный Е. Н. Киселевъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, явился нашимъ примирителемъ.

— О чемъ тутъ разговаривать, господа?—вмѣшался онъ.—Если адресъ не вполне удаченъ, то можно его сейчасъ же исправить: у насъ еще много времени... Ну-съ, господа, давайте... за работу!

Черезъ нѣсколько минутъ былъ составленъ и уже отправленъ въ типографію новый адресъ, вполне приличный, который я и согласился прочитать въ засѣданіи общества любителей россійской словесности.

Сытинъ былъ чрезвычайно обрадованъ столь благополучнымъ исходомъ дѣла и «на радостяхъ» поспѣшилъ пригласить меня завтракать въ «Славянскій Базаръ».

— Тамъ будетъ Антонъ Павловичъ Чеховъ,—добавилъ онъ, какъ бы вскользь, повидимому, и не подозрѣвая, какое впечатлѣніе произведутъ на меня эти слова.

— Антонъ Павловичъ?!—воскликнулъ я, чувствуя, какъ отъ волненія у меня сильно забилось сердце.—Онъ здѣсь сейчасъ, въ Москвѣ?

— Да, вчера только приѣхалъ... Вызвалъ меня къ телефону, уговорились встрѣтиться въ ресторанѣ въ 12 часовъ... Батюшки! Четверть перваго уже... Скорѣй, скорѣй ѣдьте!

И мы немедленно поѣхали въ «Славянскій Базаръ». Лѣтъ пятнадцать я не видѣлъ Чехова и мнѣ такъ страстно хотѣлось взглянуть на него, какъ говорится, «хоть однимъ глазкомъ», посмотреть, каковъ онъ теперь, этотъ скромный студентъ, сидѣвшій со мной въ пивной и рассказывавшій смѣшные анекдоты про Бабухина, отъ которыхъ я хохоталъ до слезъ,—каковъ онъ въ роли знаменитаго писателя. Я прямо горѣлъ отъ любопытства, и когда мы вошли въ общій залъ ресторана, гдѣ долженъ былъ находиться Чеховъ, чувствовалъ, что никого не вижу и не хочу видѣть, кромѣ него. Глаза мои разсѣянно

блуждали по сторонамъ, и все окружающее сливалось для меня въ одинъ воображаемый образъ.

— Да гдѣ же онъ, наконецъ, гдѣ Антонъ Павловичъ?—нетерпѣливо вырвалось у меня вслухъ.

— А вотъ онъ сидитъ на диванчикѣ-то,—махнулъ Сытинъ рукой куда-то влѣво и пошелъ впередъ.

Тутъ только я замѣтилъ Чехова. Онъ сидѣлъ, какъ мнѣ показалось, въ глубокой задумчивости, слегка согнувшись на бокъ и откинувшись головой назадъ, въ той любимой своей позѣ, которую я такъ часто встрѣчалъ потомъ на многочисленныхъ его фотографическихъ изображеніяхъ. Лицо у него было изжелта-блѣдное, сумрачное, и весь онъ имѣлъ чрезвычайно утомленный, почти измученный видъ: роковая болѣзнь, сведшая его въ могилу, очевидно, уже давала себя чувствовать. Когда подошелъ къ нему Сытинъ съ какимъ-то ласковымъ возгласомъ, Чеховъ вяло улыбнулся одними уголками губъ, чуть-чуть привсталъ и, опустившись на мѣсто, сталъ теревить пальцами свою русскую бородку. Вслѣдъ за тѣмъ и я приблизился къ нему и, отрекомендовавшись, сказалъ, что когда-то имѣлъ удовольствіе познакомиться съ нимъ въ редакціи одного маленькаго журнальчика.

— Какъ же, какъ же, помню...—проговорилъ Чеховъ своимъ бархатнымъ баскомъ, но я отлично замѣтилъ по выраженію его лица, что онъ совершенно не помнитъ ни меня, ни обстоятельствъ нашей встрѣчи, и только изъ любезности не хочетъ въ этомъ сознаться.

Мы сѣли за столъ, и намъ вскорѣ подали завтракъ. Чеховъ почти ничего не ѣлъ, а вина даже совсѣмъ не пилъ и все время былъ мраченъ. Трудно было втянуть его въ разговоръ. Онъ или молчалъ, или давалъ односложные отвѣты на обращенные къ нему вопросы. Только разъ онъ оживился, когда рѣчь зашла о Левѣ Толстомъ.

— Я недавно былъ у него въ Ясной Полянѣ, —заговорилъ Чеховъ, и сумрачное лицо его вдругъ просвѣтлѣло.—Какой же это интересный человѣкъ: если попробовать его изучать, то можно въ немъ провалиться, какъ въ бездонномъ колодецѣ... А какая сила духа! Когда говоришь съ нимъ, чувствуешь себя въ полной его власти... Я не встрѣчалъ людей болѣе обаятельныхъ и болѣе, такъ сказать, гармонически созданныхъ. Онъ весь гармонія и красота. Въ его плѣнительномъ духовномъ образѣ нѣтъ ни одной черточки, ни малѣйшаго штриха недокопченнаго: все въ немъ опредѣленно, точно и ясно до послѣдней степени. Это человѣкъ почти совершенный. Близорукіе критики указываютъ на раздвоенность, будто бы, въ его натурѣ, говорятъ, что художникъ въ немъ одно, а философъ другое, и что оба эти начала, яко бы, враждуютъ между собой... Какой вздоръ! Толстой столько же философъ въ художественномъ творествѣ, сколько художникъ въ философіи... Это удивительно цѣльная натура.

Б*

Въ доказательство своей мысли Чеховъ привелъ двѣ цитаты изъ произведеній Толстого, одну—изъ «Войны и мира», другую—изъ «Крейцеровой сонаты», и замолкъ. Заставить его вновь разговариваться мнѣ такъ и не удалось больше. А между тѣмъ время приближалось уже къ двумъ часамъ. Пора было ѣхать въ собраніе.

— А что же вы, Антонъ Павловичъ,—спросилъ я:—развѣ не примете участія въ Пушкинскихъ празднествахъ?

— Нѣтъ, гдѣ мнѣ ужъ? У меня же и костюма нѣтъ подходящаго.. Тамъ и безъ меня обойдутся,—отвѣчалъ онъ съ обычной своей скромностью.

— Помилуйте, какъ обойдутся безъ васъ?—горячо возразилъ я ему.—Да вѣдь вы теперь единственная краса и гордость нашей литературы послѣ Пушкина! Кто же, кромѣ Толстого, можетъ оспаривать у васъ первое мѣсто? Нѣтъ, Антонъ Павловичъ, ваше отсутствіе на сегодняшнемъ юбилейномъ торжествѣ будетъ чрезвычайно замѣтно.

Чеховъ загадочно улыбнулся, и сказалъ:

— Ничего, найдутся другія свѣтила, поярче... Развѣ ужъ ихъ мало въ Москвѣ?

На этомъ у насъ кончился разговоръ, и мы разошлись.

Въ третій и въ послѣдній уже разъ я встрѣтился съ Чеховымъ года за два до его смерти. Это было зимою. Онъ шелъ по Неглинной съ артистомъ Художественнаго театра А. Л. Вишневымъ, направляясь къ конторѣ государственнаго банка, гдѣ они и расстались у самаго подъѣзда. Какъ разъ въ это время я изъ банка выходилъ, и мы сошлись съ Чеховымъ лицомъ къ лицу. Къ удивленію моему, онъ узналъ и окликнулъ меня первый.

— А я, знаете ли, по финансовому дѣлу спѣшу,—сказалъ онъ, наскоро пожимая мнѣ руку:—нужно совершить маленькую операцію... Да, боюсь, не опоздалъ ли?

— Да, пожалуй, что и поздно: уже около 3-хъ часовъ... А у васъ что за операція?

— Размѣнять хочу процентную бумагу...

— Вотъ что, Антонъ Павловичъ,—предложилъ я:—позвольте ужъ оказать вамъ маленькую услугу: у меня здѣсь хорошіе знакомые есть, и я попрошу, чтобъ вамъ сдѣлали все, что нужно, безъ задержки.

Чеховъ поблагодарилъ, и мы сейчасъ же поднялись съ нимъ наверхъ по лѣстницѣ въ фондовое отдѣленіе. Никогда не забуду, какую сенсацію произвело здѣсь неожиданное появленіе популярнаго писателя, котораго всѣ немедленно узнали и безцеремонно принялись разсматривать. «Чеховъ, Чеховъ!» слышались отовсюду сдержанные восклицанія. Многіе оставили свои занятія и повскакали съ мѣстъ, чтобъ лучше его разглядѣть,—однимъ словомъ, поднялся цѣлый переполохъ... Даже управляющій кон-

торою Н. Я. Малевинскій, которому, очевидно, доложили о приходѣ Чехова, вышелъ изъ своего кабинета и поспѣшно направился къ намъ. Поздоровавшись съ Антономъ Павловичемъ и сказавъ по его адресу нѣсколько любезностей, онъ распорядился, обращаясь къ чиновнику, который и безъ того ужъ, какъ говорится, «изъ кожи лѣзъ вонъ», чтобъ расчетъ былъ произведенъ «безъ малѣйшаго замедленія».

— Моя протекція оказалась излишней,—сказалъ я Чехову вполголоса:—вотъ что значить быть знаменитымъ писателемъ!

Но я видѣлъ, что Чехову совсѣмъ не нравилось въ данный моментъ «быть знаменитымъ писателемъ», и отъ того, что онъ сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства, его замѣтно коробило. Онъ весь какъ-то съежился и старался ни на кого не глядѣть. Помнится, я заговорилъ съ нимъ о Максимѣ Горькомъ, съ которымъ онъ находился тогда въ близкихъ отношеніяхъ. У всѣхъ еще былъ въ памяти надѣлавшій много шуму инцидентъ въ Художественномъ театрѣ, когда Горькій, мирно бесѣдовавшій съ Чеховымъ въ одномъ изъ антрактовъ за стаканомъ чаю, вдругъ обратился къ обступившей ихъ столику любопытствующей публикѣ съ чрезвычайно рѣзкой фразой: «Чего вы глазѣте? Я вѣдь не балерина и не утопленникъ» и т. д.

— Неужели все это такъ происходило, какъ писалось въ газетахъ?—спросилъ я Чехова.

— Ахъ, ничего подобнаго!—отвѣчалъ онъ съ досадой и поморщился.—Это же все страшное репортерское лганье... Послушайте, да развѣ же могъ Горькій такъ поступить? Никогда! Онъ слишкомъ уменъ для этого...

И Чеховъ, нѣсколько волнуясь, сталъ мнѣ рассказывать, какъ «инцидентъ» происходилъ въ дѣйствительности. Оказывается, что Горькій не говорилъ публикѣ никакихъ рѣзкостей и лишь попросилъ, чтобъ ему дали возможность «спокойно бесѣдовать съ Антономъ Павловичемъ безъ свидѣтелей».

III.

Въ моей жизни была полоса, —какъ это ни кажется мнѣ теперь страннымъ и смѣшнымъ,—когда я былъ довольно близко съ редакціей грингмутовскихъ «Московскихъ Вѣдомостей». Ревностный послѣдователь и «выученикъ» Каткова В. А. Грингмутъ получилъ аренду названной газеты въ концѣ 1896 года, послѣ того, какъ покинулъ постъ директора лицея цесаревича Николая. Припоминается мнѣ другой директоръ этого же учебнаго заведенія, его предшественникъ, К. Н. Станишевъ, съ которымъ я вель тогда знакомство и отъ котораго много слышалъ о Грингмутѣ.

— Я знаю Грингмута съ самыхъ молодыхъ лѣтъ,—говорилъ мнѣ Станишевъ,—и могу смѣло утверждать, что у него нѣтъ твердыхъ политическихъ убѣжденій. Это ловкій пройдоха, авантюристъ, отлично знающій всегда, гдѣ «раки зимуютъ», и сумѣвшій поэтому великолѣпно устроить свою карьеру. Вотъ онъ теперь получилъ «Московскія Вѣдомости»,—а знаете ли какими путями? Во-первыхъ, систематическимъ расшаркиваніемъ передъ Побѣдоносцевымъ и Деляновымъ, къ которымъ онъ ѣздилъ на «поклоненіе» безпрестанно, изобрѣтая для этого всевозможные предлоги; во-вторыхъ, своими архиблагонамѣренными статьями въ «Русскомъ Обзорѣніи» за подписью «Spectator»; онъ ихъ собралъ, напечаталъ отдѣльнымъ сборникомъ и, кому слѣдуетъ, преподнесъ,—въ результатѣ «жирная аренда» въ награду...

Какъ-то разъ Станишевъ попросилъ меня зайти къ нему для «конфиденціальной» бесѣды (такъ и написалъ въ запискѣ). Прихожу, садимся.

— Вотъ что мнѣ пришло въ голову,—вдругъ обратился онъ ко мнѣ безъ всякихъ околичностей и съ самымъ серьезнымъ видомъ:—не хотите ли сотрудничать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»?

Я засмѣялся.

— Нѣтъ, я васъ совершенно серьезно спрашиваю,—продолжалъ К. Н.—Если хотите, я могу вамъ устроить это сотрудничество на какихъ угодно условіяхъ...

— Что вы, что вы, Константинъ Николаевичъ!—запротестовалъ я, почти готовый обидѣться.—За кого же вы меня принимаете? Я никого не ограбилъ, не изнасиловалъ, вообще моя репутація еще ничѣмъ до сихъ поръ не запятнана,—зачѣмъ же мнѣ итти въ «Московскія Вѣдомости»?

— Кромѣ шутокъ,—улыбнулся Станишевъ:—подумайте о моемъ предложеніи. Я знаю, что вы не сочувствуете направленію этой газеты, но кто жъ вамъ велитъ писать непременно мракобѣсныя статьи? Пишите по такимъ вопросамъ, гдѣ можно было бы не высказывать своего политическаго credo, ну, по вопросамъ искусства, что ли... Наконецъ, Грингмутъ могъ бы вамъ дать въ редакціи просто какую-нибудь синекуру, и вы числились бы сотрудникомъ, получая опредѣленное жалованье. Я увѣренъ, что, если попрошу объ этомъ Грингмута, онъ мнѣ не откажетъ, и знаете—почему? Этотъ человѣкъ слишкомъ много мнѣ обязанъ: достаточно сказать, что директорство въ лицѣ онъ получилъ исключительно только при моемъ посредствѣ... Да и мало ли услугъ я ему оказывалъ въ жизни? Онъ будетъ радъ отплатить мнѣ хоть чѣмъ-нибудь... Въ самомъ дѣлѣ, хотите я съ нимъ переговорю?

Каюсь, я невольно поддался соблазну, и сотрудничество въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», при извѣстныхъ условіяхъ, стало мнѣ представляться вовсе ужъ не такимъ зазорнымъ дѣломъ. «Ну, что жъ

изъ того, что я буду числиться сотрудникомъ реакціонной газеты?— думалъ я.—Важно лишь то, что я не измѣню своимъ убѣжденіямъ и не напишу ни одной «мракобѣсной» строки. Въ крайнемъ случаѣ буду писать по такимъ вопросамъ и о такихъ предметахъ, гдѣ можно не проводить опредѣленной тенденціи. Въ сущности, это будетъ самое «невинное» сотрудничество, какое только можно себѣ представить, а между тѣмъ оно дастъ мнѣ возможность близко наблюдать не лишенную интереса среду...»

Для черезъ два послѣ вышеозначенной бесѣды со Станишевымъ я получилъ отъ В. А. Грингмута приглашеніе «пожаловать къ нему для личныхъ переговоровъ по дѣлу». Онъ жилъ тогда еще не въ «казенной» квартирѣ на Страстномъ бульварѣ, занятой бывшимъ арендаторомъ «университетской газеты» С. А. Петровскимъ, а гдѣ-то на Тверской. Прихожу. Меня вводятъ въ большой, мрачный кабинетъ, весь заставленный книжными шкапами. При моемъ появленіи поднимается изъ-за письменнаго стола во весь ростъ огромная гучная фигура съ лысой, какъ колѣно, головой и съ чрезвычайно крупными чертами круглаго толстаго лица, на первый взглядъ нѣсколько соннаго и апатичнаго. Это самъ Грингмутъ. Онъ жестомъ руки приглашаетъ меня сѣсть и говорить:

— Я получилъ отъ К. Н. письмо, въ которомъ онъ горячо рекомендуетъ васъ въ качествѣ сотрудника газеты... Очень радъ служить, но позвольте узнать прежде всего, какое амплуа вы желали бы занять въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»?

«Амплуа!—подумалъ я.—Точно я первый любовникъ или резонеръ какой-нибудь... Ни тѣмъ, ни другимъ я въ этой «труппѣ» быть не желаю, а вотъ въ «простаки», пожалуй, пойду».

— Какое амплуа?—молвилъ я вслухъ.—Какъ бы вамъ сказать... Поскромнѣе какое-нибудь: на первыя роли, такъ сказать, я въ вашей газетѣ не гожусь... Откровенно долженъ сознаться, что по своимъ убѣжденіямъ я не консерваторъ и поэтому могъ бы сотрудничать у васъ въ томъ отдѣлѣ, гдѣ не обязательно во что бы то ни стало проводить консервативныя тенденціи...

— Какой же это такой отдѣлъ?—перебилъ меня Грингмутъ, и тонкая усмѣшка долго не сходила потомъ съ его плотно сжатыхъ губъ.

— Да вотъ, напримѣръ, обзорніе ежемѣсячныхъ журналовъ,—предложилъ я:—не критика, а именно лишь обзорніе,—т. е. я буду отмѣчать ту или иную статью въ журналѣ, какъ хроникеръ, не входя въ ея оцѣнку...

— Трудновато это немножко,—проговорилъ Грингмутъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:—а, впрочемъ, попробуйте, пожалуй, ничего не имѣю противъ... Присылайте ваши статьи и, если онѣ окажутся подходящими, съ удовольствіемъ буду ихъ печатать...

На этомъ мы и порѣшили. Я сталъ дѣлать свои «обзорнія», которыя сначала аккуратно появлялись въ «Московскихъ Вѣ-

домостяхъ» въ видѣ ежемѣсячныхъ фельетоновъ, и я чувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Но это продолжалось недолго, и вскорѣ я уже началъ замѣчать пробѣлы: то та, то другая изъ обзорѣваемыхъ мною журнальныхъ статей вдругъ возьметъ, да и выскользнетъ изъ фельетона, какъ будто ея и совсѣмъ не было. Или, — это еще хуже пробѣловъ, — все чаще и чаще начинаю наталкиваться на грубыя, тенденціозныя искаженія своихъ мыслей и словъ: невидимая редакторская рука то вставитъ двѣ-три фразы, сразу измѣняющія смыслъ всего мною написаннаго, то выпуститъ нѣсколько моихъ словъ и на ихъ мѣсто водрузитъ такія, которыя мнѣ и во снѣ никогда не снились. При этомъ я замѣчалъ, что редакторская рука «пошаливала» исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось какой-либо статьи, напечатанной въ прогрессивномъ журналѣ, чаще всего въ «Вѣстникѣ Европы». Беру, напримеръ, январскую книжку послѣдняго за 1897 годъ и съ первыхъ же строкъ фельетона приступаю къ обзорѣнію превосходнаго очерка А. Э. Кони: «Докторъ Э. П. Гаазъ». И что же? «Невидимая рука» и здѣсь ухитрилась поставить «кляксу». Читаю свой фельетонъ въ печати и прихожу въ ужасъ, находя въ немъ неприн�адлежащія мнѣ строки о яко бы «литературномъ художествѣ», переживаемомъ нынѣ «полупочтеннымъ органомъ г-на Стасюлевича», и, далѣе, такой перлъ: «среди разсматриваемыхъ нами «легковѣсныхъ» (?) статей «сравнительнымъ» интересомъ отличается «развѣ» (?) очеркъ г. Кони». Такимъ образомъ, блестящее литературнымъ талантомъ и глубиною мысли произведение нашего выдающагося юриста и академика неожиданно попало въ разрядъ «легковѣсныхъ» статей! Это уже было «немножко черезчуръ», и я немедленно пошелъ объясняться съ Грингмутомъ, который принялъ меня въ своемъ редакторскомъ кабинетѣ. Увидѣвъ мое взволнованное лицо, онъ первый обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Что у васъ случилось?

Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, и напомнилъ, что взялся участвовать въ газетѣ при непремѣнномъ условіи, что мое сотрудничество будетъ «безпартійнымъ»; а между тѣмъ мои статьи тенденціозно искажаются и въ нихъ высказываются, яко бы отъ моего имени, такія мысли, которыхъ я никогда не раздѣлялъ и не буду раздѣлять.

Пока я говорилъ, на толстыхъ губахъ Грингмута змѣилась едва уловимая, лукавая усмѣшка, но вотъ я умолкъ — и лицо его вдругъ подернулось легкой дымкой грусти.

— О, я васъ вполне понимаю, — началъ онъ: — и вы въ правѣ, конечно, претендовать на редакцію, но въ данномъ случаѣ будьте ужъ снисходительны и не высккивайте съ насъ слишкомъ строго. Дѣло въ томъ, что вы вѣдь у насъ еще совсѣмъ новое лицо и наша совмѣстная работа только налаживается. Вы еще не примѣнились

къ нашимъ требованіямъ, а мы не примѣнились къ вамъ, но, разумѣется, это придетъ со временемъ, и никакихъ шероховатостей и треній между нами уже не будетъ. Пока же я васъ попрошу о слѣдующемъ: передъ тѣмъ, какъ писать свой очередной фельетонъ, пожалуйста, сообщайте мнѣ, какія статьи вы намѣрены реферировать и изъ какихъ именно журналовъ. Это чрезвычайно важно. Напримѣръ, вы берете статью явно неблагонадежнаго автора...

— Виновать,—перебилъ я:—неужели оберъ-прокуроръ кассаціоннаго департамента сената можетъ быть лицомъ неблагонадежнымъ?

— Это вы говорите о Кони... Видите ли, Кони пишетъ въ «Вѣстникѣ Европы», и я думаю, что этимъ все сказано... Къ такимъ журналамъ, какъ «Вѣстникъ Европы» или «Русская Мысль», слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью: въ самыхъ благонамѣренныхъ статьяхъ ихъ всегда скрыта капля яду, которую и нужно сумѣть извлечь, — въ этомъ и состоитъ задача журнальнаго обозрѣвателя.

Я хотѣлъ было возразить, но Грингмутъ не далъ мнѣ вымолвить ни одного слова и вдругъ заговорилъ съ необычнымъ жаромъ:

— Мы, монархисты, вѣрноподанные нашего царя, ни на секунду не должны упускать изъ виду, что всѣ эти гг. Стасюлевици, Арсеньевы, Слонимскіе, Гольцевы—наши открытые враги и тайные враги Россіи. Что для нихъ родина? Пустой звукъ. Они были бы рады, если бъ инородцы растащили ее по кусочкамъ, если бъ подверглась гоненію наша православная церковь и если бъ лучшее достояніе нашей великой исторіи—самодержавіе русскихъ государей—уступило мѣсто жидовской республикѣ... Нѣтъ, голубчики, вамъ не видать этого, какъ своихъ ушей! Мы будемъ бороться съ вами до послѣдней капли крови, мы будемъ преслѣдовать васъ всѣми доступными намъ средствами и, въ концѣ концовъ, выведемъ васъ на свѣжую воду, несмотря на то, что мы одиноки... Да, мы страшно одиноки, но въ этомъ одиночествѣ, быть можетъ, и вся наша сила. Правда всегда на сторонѣ меньшинства и, рано или поздно, она должна восторжествовать. Тогда мы всѣхъ этихъ либераловъ и крамольниковъ призовемъ къ отвѣту и скажемъ: «Вотъ вы—вѣрноподанные нашего государя, а вы кто такіе, позволяете васъ спросить? Долой шутовскія маски и прочь съ дороги!»

И, съ силой ударивъ кулакомъ по столу, Грингмутъ даже какъ-то подпрыгнулъ на мѣстѣ. Онъ сдѣлался совершенно неузнаваемъ: глаза его метали искры, щеки покрылись юношескимъ румянцемъ, отъ волненія онъ дышалъ тяжело и прерывисто... И я невольно вспомнилъ К. Н. Станишева, который отзывался о Грингмутѣ, какъ о человѣкѣ неискреннемъ, фальшивомъ, какъ о большомъ лицемѣрѣ и актерѣ въ жизни. «Если онъ «играетъ» сейчасъ,—

думалъ я: — то какая же это удивительно естественная игра: ни одной фальшивой нотки... Какой же это искусный актеръ!»

Эту бесѣду съ Грингмутомъ и его горячую патетическую тираду я вспоминалъ потомъ всякій разъ, когда мнѣ приходилось дѣлать наблюденія не въ его пользу. Такъ, у одного изъ сотрудниковъ газеты М—скаго бывали постоянныя «гонорарныя недоразумѣнія» съ завѣдующимъ конторою изъ-за авансовъ, которыми тотъ пользовался весьма щедро, но неохотно ихъ погашалъ. И вотъ онъ однажды явился къ Грингмуту съ жалобой на яко бы чинимыя ему со стороны конторы притѣсненія. Грингмутъ его выслушалъ, но притворился, что въ «этихъ дѣлахъ» ровно ничего не понимаетъ, что это чуждая ему сфера, куда онъ не считаетъ возможнымъ даже и вмѣшиваться. Раздосадованный М—скій началъ его урезонивать:

— Помилуйте, Владимиръ Андреевичъ, какъ же вы не можете мнѣ посодѣйствовать? Вѣдь вы же издатель газеты, слѣдовательно, въ вашей власти сдѣлать въ данномъ случаѣ то или иное распоряженіе... Скажите только одно слово—и я сейчасъ же получу весь свой гонораръ полностью.

У Грингмута вдругъ появились слезы на глазахъ. Онъ порывисто схватилъ обѣ руки М—скаго, горячо сжалъ ихъ и, закативъ глаза подъ самый лобъ, сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Послушайте, дорогой... (онъ назвалъ М—скаго по имени и отчеству).—Я вамъ вполнѣ сочувствую, но повѣрьте, что я ничего не могу сдѣлать, что тутъ... въ этихъ денежныхъ операціяхъ я совершенный ребенокъ.

Какъ ни мрачно былъ настроенъ М—скій, но, видя передъ собой этого «ребенка» съ неимоверно толстымъ животомъ и фигурою «въ два обхвата», онъ едва могъ удержаться отъ смѣха.

Мнѣ извѣстны и другіе случаи, когда Грингмутъ несомнѣнно притворялся и актерствовалъ, если даже не упоминать о такихъ общеизвѣстныхъ фактахъ, какъ продажа его собственнымъ контрагентствомъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ разныхъ порнографическихкихъ и—horribile dictu!—революціонныхъ изданій: въ качествѣ «ребенка» онъ не зналъ, чѣмъ торгуетъ фирма, носящая его имя; или, наконецъ, замѣна старыхъ обложекъ нераспроданныхъ книгъ новыми съ цѣлью ввести довѣрчиваго покупателя въ обманъ, какъ это практиковалось тѣмъ же контрагентствомъ.

Итакъ, что же, собственно, за человекъ былъ этотъ Грингмутъ? Какъ публицистъ, онъ не возвышался надъ уровнемъ самой обыкновенной посредственности. Правда, будучи отличнымъ преподавателемъ, въ чемъ признаются въ одинъ голосъ всѣ бывшіе его ученики, онъ умѣлъ писать сжато, ясно и просто, но газетныя статьи его въ общемъ, отличаясь безцвѣтностью, не могли увлечь читателя. При этомъ у него не было ни чувства мѣры, ни такта,—качества,

столь необходимы для всякаго журналиста,—благодаря чему онъ нерѣдко попадалъ впросакъ. Такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ своей редакторской дѣятельности онъ печатно потребовалъ, чтобы «Русскія Вѣдомости» немедленно принесли на своихъ столбцахъ вѣрноподданническую присягу, за что подвергся единодушному осмѣянію со стороны всей періодической печати, не исключая и консервативной.

Но, можетъ быть, Грингмутъ былъ хорошимъ руководителемъ и администраторомъ газеты? Увы, и этого нельзя сказать. Мало того, что онъ не сумѣлъ привлечь къ сотрудничеству въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» ни одной выдающейся литературной силы, ни одного дѣйствительнаго талантливаго работника, онъ считалъ возможнымъ поручать весьма отвѣтственные въ газетѣ отдѣлы разнымъ «литературнымъ младенцамъ». Напримѣръ, «Дневникъ печати» при немъ долгое время велся недоучкой-гимназистомъ, а личный его секретарь, юноша совсѣмъ малограмотный, велъ «Библиографію» и даже отваживался иногда писать передовыя статьи и цѣлыя фельетоны. Кромѣ того, въ редакціи «прикармливалось» нѣсколько сотрудниковъ-пенсіонеровъ, статьи которыхъ печатались, такъ сказать, по старой памяти, изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ ихъ авторовъ. Пенсіонеры эти писали по инерціи, «какъ Богъ на душу положитъ», компрометируя иногда своей беззубой болтовней пріютившее ихъ изданіе; а одинъ изъ нихъ, насколько мнѣ помнится, даже совсѣмъ ничего не писалъ, хотя и былъ еще сравнительно молодъ, но за что-то получалъ жалованье и всякій разъ, когда со мной встрѣчался, считалъ нужнымъ или сказать о Грингмутѣ что-нибудь дурное, или зло его высмѣять, какъ бы въ «благодарность» за получаемую пенсію. Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ «университетская» газета быстро летѣла внизъ по наклонной плоскости, что она осталась совсѣмъ въ тѣни,—несмотря на безпрестанныя поѣздки ея редактора-издателя въ Петербургъ, гдѣ онъ внимательно прислушивался къ «сферамъ»,—и, въ концѣ концовъ потеряла даже и ту долю своего вліянія, которую она имѣла еще при С. А. Петровскомъ.

Но вотъ пронесся надъ Россіей революціонный вихрь—и Грингмутъ неожиданно «нашелъ самого себя», ставъ во главѣ монархическихъ организацій въ Москвѣ и вступивъ на путь дѣятельной политической пропаганды. Его газета сдѣлалась партійнымъ органомъ «союза русскаго народа» и на первой ея страницѣ подъ самымъ заголовкомъ появился девизъ, напечатанный жирнымъ шрифтомъ: «А прежде всего дума должна быть распущена». Въ неудачномъ журналистѣ вдругъ проснулся реальный политикъ и даже... демагогъ. Грингмутъ сталъ ѣздить «на гастроли» въ разные мелкіе провинціальныя города и выступать на партійныхъ собраніяхъ съ «союзнической» проповѣдью. Какъ ораторъ, онъ имѣлъ всюду огромный

успѣхъ. Говорятъ, что онъ страшно увлекалъ своихъ слушателей, въ особенности «сбрую» толпу, которая, наэлектризованная его рѣчами, нафанатизированная его истерическими выкрикиваніями всякихъ «жалкихъ словъ», готова была идти за нимъ всюду, куда бы онъ ни повелъ ее. Повидимому, Грингмутъ нашелъ здѣсь лучшее примѣненіе своему природному дарованію: актеръ развернулся въ немъ во всю ширь.

IV.

Въ 1898 году я приглашенъ былъ редактировать новый московскій еженедѣльный журналъ «Народное Благо», и сфера моихъ наблюденій въ «литературномъ муравейникѣ» еще болѣе расширилась. Какихъ только типовъ я ни насмотрѣлся здѣсь! Я видѣлъ беллетристовъ, ночевавшихъ, за неимѣніемъ квартиры, на Хитровомъ рынкѣ, поэтовъ, ходившихъ, за отсутствіемъ обуви, босикомъ и т. д. Однимъ изъ первыхъ явился ко мнѣ съ толстой тетрадкой стиховъ поэтъ-самоучка изъ народа Варлыгинъ. Это былъ скромный юноша лѣтъ двадцати трехъ съ открытымъ симпатичнымъ лицомъ, неуклюжій и застѣнчивый. Онъ краснѣлъ буквально послѣ каждаго слова. Когда напечатано было первое его стихотвореніе, онъ долго плакалъ счастливыми слезами и, придя въ редакцію, чуть не поцѣловалъ мою руку въ порывѣ благодарности. Я не встрѣчалъ людей болѣе восторженныхъ, чѣмъ онъ. Его все восхищало, радовало до слезъ, приводило въ умиленіе. Весь Божій міръ казался ему такимъ дивно прекраснымъ и люди представлялись такими хорошими и добрыми, что онъ всѣхъ готовъ былъ любить. Въ красивыхъ, мелодичныхъ стихахъ его звучали всегда добрыя, оптимистическія нотки. Не знаю, что сталося потомъ съ Варлыгинымъ: нигдѣ и никогда больше я не встрѣчалъ имени этого симпатичнаго поэта-самоучки изъ крестьянъ.

Всплываетъ въ моей памяти и другой образъ, какъ прямая антитеза первому,—образъ беллетриста изъ народа К—ва. Субъектъ лѣтъ тридцати пяти, но уже принадлежавшій къ категоріи «бывшихъ людей», грубоватый и до чрезвычайности развязный, одѣтый въ какую-то рвань, имѣвшую лишь отдаленное сходство съ пиджакомъ, и обутый въ разнокалиберную обувь, всегда немножко навеселѣ, если не совсѣмъ пьяный, онъ являлся въ редакцію почти каждый день, просилъ выдать ему авансъ и очень былъ доволенъ, когда получалъ... полтинникъ. Беллетристическія произведенія свои онъ пекъ, какъ блины, неимоვნю легко и быстро, такъ что у меня явилось даже подозрѣніе, не выдаетъ ли онъ чужіе хорошо забытые повѣсти и рассказы за свои, лишь слегка ихъ подновляя. Однако вскорѣ я имѣлъ случай убѣдиться, что К—въ въ этомъ отношеніи чистъ и невиненъ, какъ голубь. Я задалъ ему тему для небольшого очерка—и что же? Онъ тутъ же при мнѣ написалъ его

въ одинъ присѣсть, не сдѣлавъ ни одной помарки: очевидно, онъ превосходно владѣлъ техникою письма. Между тѣмъ это былъ человекъ, не получившій никакого образованія, вышедшій изъ бѣдной крестьянской семьи,—это просто талантливый самородокъ, какихъ у насъ много рождается, живетъ и умираетъ на Руси въ полнѣйшей и до горечи обидной неизвѣстности.

Однажды зашелъ ко мнѣ въ редакцію низенькій, невзрачный человекъ, еще не старый, но сильно горбившійся. Подойдя къ моему столу, онъ кашлянулъ въ руку и поклонился, назвавъ свою фамилію, которую я не слышалъ. Я пригласилъ его сѣсть и спросилъ, что ему угодно. Невзрачный человекъ робко присѣлъ на кончикъ стула, медленно засунулъ руку въ боковой карманъ своего старенькаго, засаленнаго пиджачка и извлекъ оттуда рукопись.

— Вотъ-съ, позвольте предложить,—началь онъ, не глядя мнѣ въ лицо и какъ-то конфузливо усмѣхаясь.—Это историческая повѣсть изъ эпохи двѣнадцатаго года...

Я молча взялъ рукопись, прочелъ четкими буквами выписанное заглавіе: «Анна купеческая дочь» и, пробѣжавъ глазами первую страницу, убѣдился, что авторъ совсѣмъ малограмотный: рукопись не только изобиловала стилистическими погрѣшностями, но въ ней на каждомъ шагу попадались синтаксическія и орфографическія ошибки.

— Послушайте,—обратился я къ неизвѣстному автору:—повидимому, это вашъ первый литературный опытъ, вы только начинаете писать...

— Виновать-съ, я уже давно пишу,—обиженно возразилъ мнѣ мой собесѣдникъ:—я много писалъ...

— Но, разумѣется, еще нигдѣ не печатались?

— Какъ же-съ! Очень много печатался въ разныхъ газетахъ и журналахъ... И отдѣльныя книги мои есть... Нѣкоторыя изъ моихъ историческихъ романовъ и повѣстей выдержали по нѣскольку изданій... Въ театрахъ шли мои пьесы... Я, извините меня, не новичокъ въ литературѣ.

— Ваша фамилія? Простите, я ее не слышалъ...

— Дмитріевъ, Дмитрій Савватіевичъ...

Дѣйствительно, это литературное имя мнѣ было хорошо извѣстно, такъ какъ я часто встрѣчалъ подпись: «Д. С. Дмитріевъ»—подъ фельетонами весьма распространенной тогда московской газеты «Новости дня».

«Неужели же, однако, тотъ Дмитріевъ и этотъ—одно и то же лицо?—недоумѣвалъ я.—Вѣдь тотъ пишетъ не только грамотно, но и вполне литературно, а этотъ... чортъ знаетъ что такое!»

Я взялъ у Дмитріева рукопись и обѣщалъ прочитать ее въ самомъ скоромъ времени: «Анна купеческая дочь» оказалась настолько

интересною вещью, съ такимъ занимательнымъ сюжетомъ, разработаннымъ къ тому же умѣлою рукою опытнаго романиста, что, разумѣется, была мною принята къ печати. Но «повозиться» надъ этой рукописью мнѣ пришлось немало прежде, чѣмъ отдать ее въ наборъ. Чего стоила одна выправка своеобразнаго дмитріевскаго стиля, пестрѣвшаго такими выраженіями, какъ: «выйдя на улицу, до него донесся звонъ», не говоря уже о великолѣпной орѳографіи этого автора многочисленныхъ романовъ и повѣстей! Много времени и труда отнял у меня Д. С. Дмитріевъ, тоже, несомнѣнно, «талантливый русскій самородокъ». Гдѣ онъ теперь? Я совсѣмъ потерялъ его изъ виду. Слышалъ только, что онъ окончательно бросилъ литературу и сдѣлался сельскимъ священникомъ.

Не помню, существовалъ ли журналъ «Народное Благо», но, безъ сомнѣнія, я уже прекратилъ его редактировать, когда познакомился съ очень извѣстнымъ въ свое время журналистомъ Ф. Н. Бергомъ. Послѣдній игралъ когда-то видную роль въ «Современникѣ» Некрасова, а потомъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ семьѣ такихъ писателей, какъ Достоевскій, Майковъ, Писемскій, Гончаровъ, Тютчевъ, Григоровичъ, Полонскій. Въ позднѣйшее время онъ приобрѣлъ широкую извѣстность, какъ редакторъ «Нивы», которую ему удалось превратить изъ сравнительно мало распространеннаго журнала въ самый популярный въ Россіи иллюстрированный еженедѣльникъ. Въ 80-хъ — 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Бергъ жилъ въ Петербургѣ «большимъ бариномъ», и его великолѣпная квартира перевидала много всякихъ знаменитостей, лучшихъ тогдашнихъ писателей, художниковъ артистовъ. Несмотря на нѣмецкую фамилію, онъ душою былъ чисто русскимъ человѣкомъ, удивительно прямодушнымъ и искреннимъ, обладая вмѣстѣ съ тѣмъ твердой волею и независимымъ характеромъ, т. е. уже не присутствиемъ специально славянскій натурѣ качествами, которыя, надо полагать, и помогли ему выдвинуться на жизненномъ пути. Собственно карьерой журналиста Ф. Н.—чь обязанъ, конечно, своему природному уму и способностямъ, такъ какъ многое въ этой области имъ достигнуто путемъ самообразованія, а многое и даромъ получено, безъ всякой затраты энергіи и труда, ибо онъ надѣленъ былъ отъ природы огромнымъ эстетическимъ чутьемъ, съ помощью котораго ему, какъ редактору, легко давалась критическая оцѣнка литературныхъ произведеній.

Послѣ не совсѣмъ удачной аренды «Русскаго Вѣстника» Бергъ рѣшилъ навсегда покончить съ журнальною дѣятельностью и съ этой цѣлью купилъ «по случаю» около Вильны имѣніе принца Гогенлоэ. Но тутъ, какъ говорится, фортуна повернулась къ нему спиною. Вслѣдствіе интриги и подкуповъ ему не разрѣшено было провести въ купленномъ имѣніи какой-то мѣры, безъ которой оно совершенно обезцѣнивалось; между тѣмъ эта же мѣра немедленно

была разрѣшена лицу, купившему «гогенлоевское» имѣніе съ аукціона и нажившему на этой операціи что-то около двухъ милліоновъ рублей. Окончательно разоренный, Бергъ перебрался въ Москву, гдѣ я съ нимъ и познакомился, кажется, въ редакціи «Русскаго Слова». Какъ сейчасъ помню этого бодрого и свѣжаго на видъ старика лѣтъ шестидесяти, высокаго и прямого, съ хорошей еще «шевелюрой» на головѣ и безъ малѣйшей сѣдины въ довольно густыхъ съ рыжеватымъ отливомъ волосахъ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство, какъ я вскорѣ убѣдился, объяснялось весьма просто: Бергъ красился и притомъ настолько иногда неудачно, что его большая, окладистая борода оказывалась трехцвѣтной — внизу спозой, въ серединѣ голубой и наверху около щекъ желтоватой,—что, повидимому, ничуть не смущало ея обладателя.

Разговоръ зашелъ у насъ о недавно покинутомъ мною журналѣ «Народное Благо».

— И отлично сдѣлали, что бросили эту пакость,—началь Бергъ, употребляя по своему обыкновенію рѣзкъ я выраженія, и его голосъ сразу зазвенѣлъ возбужденно.—Развѣ можно имѣть дѣло съ нашими издателями? Вѣдь это все аршинники, торгаши: они норовятъ на грошъ пятаковъ пріобрѣсти да еще съ бархатомъ... Какіе имъ нужны сотрудники? Развѣ они ищутъ свѣдущихъ и талантливыхъ работниковъ? «Числомъ поболѣе, цѣною подешевле»—вотъ что для нихъ самое важное, дальше своихъ карманныхъ интересовъ они не идутъ... Литература?—плевать они на нее хотятъ... Ну, вотъ возьмите Сытина: этотъ могъ бы хорошо поставить свою газету, а между тѣмъ ничего у него не выходитъ,—почему? Да потому, что нѣтъ у человѣка настоящаго размаха, нѣтъ широты коммерческаго взгляда... Вотъ онъ сидитъ надъ своимъ сундучкомъ и трясется надъ нимъ и скаредничаетъ... И, главное, все плачетъ: «убытки говорить несу большіе». А я ему въ отвѣтъ: «у васъ «Русское Слово» настоящее золотое дно; одно названіе чего стоитъ!»—«Купите, говорить, у меня это золотое дно, продамъ за безцѣнокъ». «Что жъ, я бы и купилъ, непременно купилъ бы, если бъ не прогорѣлъ на имѣніи...»

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву Бергу удалось вернуться на короткое время къ своему любимому редакторскому дѣлу: онъ воспользовался приглашеніемъ Н. Л. Казецкаго, издававшаго тогда «Русскій Листокъ», и горячо взялся за работу. Однако на первыхъ же порахъ его постигло горькое разочарованіе. Казецкій ни за что не соглашался ни на какія реформы и улучшенія въ газетѣ, и Бергъ круто съ нимъ порвалъ. Потомъ онъ сталъ редактировать сытинскія изданія: разныя мелкія брошюры и популярныя дешевыя книжонки болѣе или менѣе сомнительнаго достоинства. Но развитой литературный вкусъ и строгія требованія, предъявляемые имъ къ произведеніямъ печати, не позволили ему долго оставаться и при этомъ

«дѣлѣ», которое онъ, не задумываясь, бросилъ, несмотря на то, что сильно нуждался тогда въ заработкѣ.

И вотъ для Берга наступили черные дни. Онъ занималъ маленькую квартирку во второмъ этажѣ грязноватаго каменнаго домишка у Арбатскихъ воротъ. Квартирка была весьма непрезентабельная и довольно темная. Съ параднаго хода ея узенькая лѣсенка вела вверхъ къ клеенчатой двери, у которой красовалась неуклюжая деревянная ручка допотопнаго устройства звонка, издававшего непріятный, дребезжащій звукъ. Прислуживалъ Бергу очень хорошенькій мальчикъ лѣтъ шестнадцати-семнадцати, и, кажется, другой прислуги у него въ то время не было. По крайней мѣрѣ, случалось такъ, что подойдешь къ двери и трезвонишь минутъ пять. Наконецъ, щелкнетъ крючокъ, и на порогѣ покажется самъ хозяинъ, по большей части въ халатѣ нараспашку.

— Извините, что задержалъ: я отпустилъ своего мальчишку погулять.

Мы видѣлись тогда съ Бергомъ очень часто. То я его навѣщу, то онъ ко мнѣ «забѣжитъ» (я жилъ около Зоологическаго сада, и довольно значительное разстояніе отъ Арбатскихъ воротъ онъ совершалъ не иначе, какъ пѣшкомъ), и если, бывало, не застанетъ меня дома, то непременно выругается. О чемъ только мы ни переговоримъ съ нимъ за чайнымъ или за обѣденнымъ столомъ: кажется, нѣтъ такого литературнаго или общественнаго вопроса, котораго мы, хотя вскользь, не коснулись бы въ нашихъ бесѣдахъ. Очень часто Бергъ принимался рассказывать о своей петербургской жизни и уже долго не сходилъ съ «любимаго конька», съ удовольствіемъ «перемывая косточки» всѣмъ своимъ прежнимъ знакомымъ и пріятелямъ, дѣлая это иногда съ какимъ-то особеннымъ озлобленіемъ, доходившимъ почти до сладострастія. Вскочить, бывало, съ мѣста, сожметъ кулаки расширить ноздри и начнетъ бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ, ругательски ругая то одного, то другого изъ нашихъ извѣстныхъ литературныхъ или общественныхъ дѣятелей, а то и всѣхъ вообще русскихъ.

— Русскіе вѣдь это такіе мерзавцы и скоты, такіа анаемы,— кричалъ онъ однажды, потрясая кулаками въ воздухъ:—у нихъ рѣшительно ничего нѣтъ святого.... Вы возьмите, на примѣръ, нѣмца: съ какимъ величайшимъ благоговѣніемъ онъ относится къ своей Vaterland, какъ онъ любитъ ее и какъ ею гордится. Попробуйте о ней дурно отозваться при немъ,—онъ васъ живьемъ проглотитъ, какъ устрицу. А у насъ всякій иностранецъ можетъ глумиться надъ Россіей, сколько ему угодно, зная, что ни отъ кого не встрѣтитъ отпора. Мало того, онъ знаетъ, что подлець-русскій непременно его поддержитъ и даже самъ загнетъ по адресу вскормившей его родины такое трехэтажное ругательство, что чертямъ станетъ тошно въ аду.

Ф. Н. Бергъ былъ большой гастрономъ и въ совершенствѣ зналъ кулинарное искусство.

— Послушайте,—сказалъ онъ мнѣ разъ:—я все у васъ обѣдаю, надо же мнѣ, наконецъ, и васъ пригласить къ себѣ...

— Да вѣдь у васъ же некому готовить?—возразилъ я.

— Какъ некому? Я самъ приготовлю не хуже любого повара.

— Ну, это другое дѣло!

Дня три спустя, Бергъ устроилъ у себя «званный обѣдъ», на которомъ, кромѣ самого хозяина, присутствовали: историкъ Д. И. Иловайскій и я. Обѣдъ былъ изготовленъ чудесно, и мы, гости, отъ души поздравляли импровизованнаго повара съ блестяще одержанной имъ побѣдой.

Разъ какъ-то захожу къ Бергу,—онъ самъ отворяетъ мнѣ дверь, мрачный, какъ туча.

— Что съ вамъ? Больны?

— Какое тамъ болеть! Сижу одинъ, безъ прислуги: долженъ былъ уволить своего мальчишку... Эдакое свинство!

Я смотрѣлъ на него удивленными глазами, ничего не понимая.

— Представьте себѣ, какая пакость, — продолжалъ Бергъ, сильно волнуясь и жестикулируя:—получаю вчера анонимное письмо съ грязными намеками на свои, будто бы, отношенія къ этому мальчику... А? Какъ вамъ понравится такой пассажикъ? И вѣдь я знаю, кто написалъ: навѣрное этотъ мерзавецъ Z (онъ назвалъ фамилію одного изъ видныхъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей»). Ну, и я долженъ былъ уволить ни въ чемъ неповиннаго слугу...

Дѣйствительно, кажется, послѣ этого Бергъ сталъ держать у себя женскую прислугу. Я же видѣлся съ нимъ все рѣже и рѣже, а въ послѣдніе годы его жизни и совсѣмъ разошелся съ нимъ велѣдствіе сильно обострившагося принципиальнаго разногласія нашего по политическимъ вопросамъ.

На этомъ я и закончу пока бѣглыя воспоминанія о своихъ литературныхъ встрѣчахъ и знакомствахъ.

Князь Б. А. Щетининъ

СИРОТА МЪЩАНСКАГО ТАНЦОВАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

Е ПРАВДА ЛИ странное наименованіе?

Но основаніемъ ему послужило празднованіе пятидесятилѣтія петербургскаго Bürger клуба, когда членами его было рѣшено воспитывать за счетъ общества двухъ бѣдныхъ сиротъ.

Объ удивительныхъ приключеніяхъ одной изъ нихъ и идетъ рассказъ. Мой отецъ познакомился съ нею въ Берлинѣ, и тогда же подъ живымъ впечатлѣніемъ записалъ его съ ея словъ.

I.

Карль Ивановичъ Фогельзангъ, искусный мастеръ по цеху «крашенія конскихъ волосъ и прививанія гривъ», неожиданно потерялъ свою супругу Каролину Адольфовну.

Трудно было предположить, чтобы молодая, цвѣтущая здоровьемъ женщина, всего только пять лѣтъ передъ тѣмъ вышедшая замужъ за Фогельзанга, такъ неожиданно покинула этотъ бревенный міръ, оставивъ на рукахъ Карла Ивановича трехлѣтнюю Луизхенъ.

Причиною ея смерти, точно также и супружества, были... танцы.

Каролина Адольфовна отлично шила замшевыя перчатки и шесть дней обыкновенно, не разгибая спины, сидѣла за работой, но зато въ субботу вечеромъ отправлялась въ танцклассъ г-жи Кесенихъ, помѣщавшійся въ домѣ Трувеллера, противъ Новой Голландіи. Здѣсь молоденькая мастерица предавалась съ увлеченіемъ

танцамъ, тутъ же познакомилась она со своимъ будущимъ супругомъ, тоже посѣщавшимъ этотъ танцклассъ.

Карль Ивановичъ объяснился ей въ любви между двумя турами гонсеръ-вальцера, черезъ недѣлю они и поженились; бѣднымъ людямъ нѣтъ времени, чтобы долго заниматься ухаживаніемъ. Бракъ ихъ оказался однимъ изъ счастливыхъ, оба супруга были работающими людьми.

Проработавъ всю недѣлю, Карль Ивановичъ отправлялся съ Каролиной Адольфовной въ субботу вечеромъ въ Bürger клубъ, или, какъ его иные называли, малое мѣщанское собраніе, помѣщавшееся на углу Большой Морской и Невскаго проспекта, въ домѣ Косиковскаго. Здѣсь супруги Фогельзангъ танцовали безъ усталы, прохладяся въ антрактахъ между танцами аршадомъ, а самъ Карль Ивановичъ налегаль на кроновское пиво, только что входившее въ употребленіе въ Петербургѣ.

Возвращаясь послѣ одного изъ такихъ вечеровъ, молодая женщина, разгоряченная танцами, простудилась, но не обратила сразу вниманія на свое недомоганіе, не пригласила доктора, образовался гнойный плевритъ, унесшій ее черезъ три недѣли въ могилу.

Нелегко отозвалась потеря жены на Карлѣ Ивановичѣ, но грустить не было времени, нужно было работать, добывать хлѣбъ...

Прививка гривъ, краска и сборка султановъ для киверовъ и насокъ занимало все время трудолюбиваго ремесленника, онъ весь ушелъ въ работу, вспоминая порой тяжелымъ вздохомъ такъ рано отнятую отъ него безопадною смертью жену и помощницу. Фогельзангъ черезъ нѣкоторое время, можетъ быть, женился бы вторично, но очередь пришла и для него отправиться вслѣдъ за супругой.

Матеріалъ для своихъ издѣлій онъ покупалъ на безызывѣстной въ то время въ столицѣ волосяной фабрикѣ Родіона Пѣтухова.

Случай постоянно играетъ главную роль въ нашей жизни...

Отъ купленнаго волоса мастеръ заразился сибирской язвой и черезъ три дня умеръ.

Послѣ молодого ремесленника почти ничего не осталось. На помощь къ круглой сиротѣ его Луизхень пришелъ Bürger клубъ.

Она-то и была «сирота мѣщанскаго танцевальнаго общества».

II.

Пасторъ Петро-Павловской кирки благосклонно принялъ дѣвочку въ сиротское заведеніе при церкви, тѣмъ болѣе, что на воспитаніе «сиротъ» Bürger клубъ положилъ 12000 рублей.

Дочь волосяного мастера и перчаточницы жила въ этомъ заведеніи и преуспѣвала въ наукахъ. Небольшія средства, вырученныя отъ продажи оставшихся послѣ отца вещей, были аккуратно поло-

жены опекунами дѣвочки на проценты, ко дню выхода ея изъ училища долженъ былъ образоваться небольшой капиталъ.

— Какъ успѣхи нашей «сироты»?—интересовались члены Bürger-клуба у пастора.

— Очень удовлетворительны, въ особенности въ англійскомъ языкѣ она просто дѣлаетъ чудеса—учитель не можетъ ею нахвалиться.

— Только въ англійскомъ?

— О, нѣтъ, вообще она учится очень хорошо, превосходно декламируетъ Шиллера, Гёте и Уланда. Я плакалъ, когда она читала «Das Lied von der Glöcke!»—восхищался пасторъ талантливейшей ученицей.

— Очень жаль,—съ сожалѣніемъ замѣтилъ одинъ изъ попечителей сироты:—лучше было бы, если бы она оказывала успѣхи въ какомъ-нибудь ремеслѣ!

— Она также любитъ очень танцевать, г. пасторъ,—смирненно замѣтила одна изъ воспитательницъ.

— Храни Творецъ дѣвушку отъ этого увлеченія!—порывисто возразилъ пасторъ, благочестиво складывая руки и поднимая, по привычкѣ, глаза къ небу:—эта неумѣстная страсть къ танцованію сводитъ ежегодно въ гробъ нѣсколько жертвъ, примѣромъ можетъ служить случай съ ея матерью!

— Мы надѣмся, г. пасторъ, что вы употребите всѣ свои старанія, чтобы изъ нашей «сироты» выработалась хорошая, трудолюбивая ремесленница.

— Съ помощью Бога я надѣюсь на это!

Надежды почтеннаго пастыря церкви на этотъ разъ не оправдались. Каждый, кто хоть разъ видѣлъ Луизу Фогельзангъ, эту порывистую бѣлокурую дѣвушку, съ горящими темно-сѣрыми глазами, съ мѣняющимся выраженіемъ лица, первыми движеніями, напередъ могъ сказать, что ремесло не для нея.

Луиза представляла собою настоящій комокъ нервовъ, все, что касалось искусства, театра, литературы,—все интересовало дѣвушку безконечно, все волновало ея артистическую отъ природы натуру. Неудержимая страсть ея матери къ танцамъ выразилась въ Луизѣ интересомъ вообще къ каждому искусству.

— Нѣтъ, г. пасторъ, ни портнихой, ни модисткой я не буду!—твердо заявила энергичная дѣвушка:—дайте мнѣ возможность свободно выбрать тотъ путь, который мнѣ больше всего по душѣ, и я буду всю свою жизнь васъ благословлять.

— Во всякомъ случаѣ, вы должны слѣдовать указанію церковнаго совѣта. Вы слишкомъ молоды, чтобы сами могли строго обсудить о вашей будущности, мы, зрѣлые люди и люди жизненнаго опыта, позаботимся за васъ объ этомъ! У насъ прежде всего ваша польза, ваше счастье... Помните, что вы сирота—у васъ нѣтъ родителей, которые могли бы о васъ позаботиться.

— Благодарю васъ, г. пасторъ, но мнѣ кажется, что никто другой не будетъ такъ заинтересованъ моимъ будущимъ, какъ я сама,—рѣшительно проговорила Луиза.

Пасторъ сумрачно посмотрѣлъ на упрямую дѣвушку, но ничего не отвѣтилъ.

Онъ былъ увѣренъ, что выйти изъ повиновенія церковнаго совѣта она не рѣшится.

III.

— Мы нашли вамъ, Луиза, прекрасное мѣсто,—вкрадчиво сказалъ пасторъ сиротѣ черезъ нѣсколько дней послѣ перваго разговора.

— Какое именно?—изумленно спросила дѣвушка.

— Вы поступите къ г-жѣ Джаксонъ; у ней прекрасная мастерская дамскихъ модъ. Я увѣренъ, что вы найдете тамъ свое настоящее призваніе и быстро научитесь ремеслу.

— Вы такъ думаете?—насмѣшливо замѣтила Луиза.

— О, вполне! Ваши воспитатели, члены Bürger клуба, вполне согласны со мною. Нѣтъ вещи, которая была бы столь непостоянна, какъ женскій костюмъ; я лично враждебно отношусь къ этой суетности... но все къ лучшему. Что бы, напримѣръ, стали дѣлать швей, модныя мастерицы, если бъ вдругъ остепенился женскій полъ и бросилъ свою суетность? Въ этомъ отношеніи наши щеголихи оказываютъ благодѣянія своими причудами и капризами и кормятъ, сами не зная этого, много честныхъ труженицъ.

— Все это прекрасно, г. пасторъ, но я не чувствую никакого желанія сдѣлаться портнихой.

— Дитя мое, вы изучите это ремесло скорѣе, чѣмъ сами думаете.

— Хорошо,—рѣзко оборвала его «сирота».—Я согласна, но... Она умолкла, не желая высказывать ему своихъ мыслей...

— Я былъ напередъ увѣренъ, что вы умная дѣвушка и поймете свою выгоду:

Черезъ нѣсколько дней «сирота танцевальнаго общества» находилась уже въ бѣлошвейной мастерской англичанки Джаксонъ.

«Страсть къ моднымъ нарядамъ, подобно мигренямъ, истерикамъ и ваперамъ, деспотически владычествуетъ надъ женскимъ поломъ въ Петербургѣ», сообщаетъ одинъ изъ иностранцевъ, жившихъ въ приневской столицѣ въ сороковыхъ годахъ.

Приемныя при модныхъ и бѣлошвейныхъ мастерскихъ представляли собою оживленное собраніе богатыхъ модницъ. Хозяйка мастерской нарочно нанимала для разговоровъ съ ними дѣвушекъ, бывшихъ въ хорошемъ училищѣ. Ремесло для этихъ послѣднихъ было на второмъ планѣ, необходимы въ этихъ случаяхъ ловкость, красивое личико, умѣнье говорить по-французски и по-англійски.

Луиза Фогельзангъ удовлетворяла всѣмъ этимъ требованіямъ,— г-жа Джексонъ сразу это поняла и не стала настаивать, чтобы «сирота» изучала мастерство.

Мастерская ея помѣщалась на Большой Морской, противъ англійскаго магазина. Начиная съ полудня до пяти часовъ къ дому подъѣзжали собственные экипажи петербургскихъ модницъ. Кого-кого тутъ только не было! И супруги министровъ, высшихъ придворныхъ чиновъ, и жены богатыхъ откупщиковъ, купцовъ миллионеровъ, чиновниковъ, актрисы, всѣ не забывали мастерскую англійскаго бѣлья. Сама Джексонъ сбивалась съ ногъ, едва успѣвая переговорить со всѣми своими заказчицами. Хорошо знающая говорить по-англійски Луиза Фогельзангъ оказалась ей очень полезною. На первыхъ порахъ оригинальность оживленной дѣятельности въ мастерской, понравилась дѣвушкѣ, она соприкасалась съ этимъ «свѣтомъ», который такъ ее интересовалъ, все было для Луизы ново...

— My darling (моя милая), мнѣ кажется, что ты выбрала самое подходящее для себя занятіе,—говорила хозяйка новой мастерицѣ, довольная ею.

«А хозяйка права, я нашла то, что искала», думала Луиза, но что-то подсказывало ей, что мастерская—только кратковременный этапъ на ея жизненномъ пути.

Предчувствіе дѣвушки оправдалось довольно скоро.

IV.

Въ мастерскую заѣзжали артистки изъ нѣмецкой оперы, дававшей въ Михайловскомъ театрѣ и пользовавшейся большимъ успѣхомъ. Чаще всего заворачивали сюда примадонны Нейреттеръ и Матисъ. Ловкая, привѣтливая Луиза очень понравилась первой изъ нихъ.

— Вы бываете въ театрѣ, фрейлейнъ,—спросила Нейреттеръ какъ-то мастерицу:—слышали, какъ я пою?

— Мы цѣлыми днями заняты здѣсь въ мастерской, сударыня, только одинъ разъ пришлось мнѣ быть въ театрѣ маріонетокъ, тутъ рядомъ съ нами, да къ тому же г. пасторъ говоритъ...—замялась неожиданно Луиза.

Пѣвица изумленно посмотрѣла на мастерицу.

— Что онъ говорить?

— Онъ находить, что для дѣвушки бывать въ театрѣ неудобно,—вся покраснѣвъ, смущенно объяснила Луиза.

— Какой вздоръ! Скажите, фрейлейнъ, вашему пастору, что онъ говоритъ неправду. Театръ можетъ принести только пользу; я хочу васъ въ этомъ убѣдить. Въ воскресенье отпроситесь у вашей хозяйки и приходите ко мнѣ до начала представленія, я возьму васъ съ собою въ театръ.

Давнишее желаніе «сироты» исполнялось. Отъ волненія она не могла уснуть въ ночь на воскресенье и, боясь, что вѣсть о посѣщеніи ея настоящаго театра дойдетъ до пастора, скрыла отъ хозяйки, что Нейреттеръ ее туда пригласила.

— Иди, Луизхенъ, къ госпожѣ актрисѣ, тебѣ необходимо приглядываться къ богатымъ дамамъ, къ ихъ костюмамъ, манерамъ, житію,—довольная приглашеніемъ ея ученицы къ извѣстной примадоннѣ, сказала хозяйка:—для нашего дѣла это очень полезно.

Луиза попала на оперу «Робертъ». Никогда не бывавшей въ театрѣ дѣвушкѣ показалось, что она очутилась въ другомъ мірѣ. Танцы монахинь на кладбищѣ; вся эта фантастическая обстановка, красивая музыка, хорошее пѣніе—произвели на нее глубокое впечатлѣніе.

— Понравилось?—коротко спросила ее примадонна, исполнявшая роль Алисы, возвращаясь, послѣ выхода на вызовы публики, въ свою уборную.

— Развѣ можетъ это не понравиться!—горячо воскликнула Луиза.

— А пасторъ?—засмѣялась артистка.

Мастерица только презрительно пожала плечами.

Этотъ вечеръ рѣшилъ безповоротно ея судьбу. «Сирота мѣщанскаго танцевальнаго общества» рѣшила во что бы то ни стало, сдѣлаться артисткою—пѣвицею, драматическою, танцовщицей,—это было ей все равно. Она вся прониклась сознаниемъ, что безъ этихъ размалеванныхъ полотень, безъ этого таинственнаго врага или друга, публики, которая ожидаетъ за тонкой преградой занавѣса появленія передъ нею артиста, чтобы оцѣнить его по заслугамъ, жизнь потеряетъ свою цѣль, свою прелесть.

Тихонько отъ Джаксонъ и пастора она стала заниматься у Нейреттеръ, нашедшей у нея прекрасный голосъ, пѣніемъ, стараясь усвоить какъ можно скорѣе все, чему та ее учила и показывала.

V.

Нужно было много трудолюбія, терпѣнія, увѣренности въ своихъ силахъ, чтобы достигнуть тѣхъ результатовъ, какіе удалось Луизѣ Фогельзангъ.

Какъ ни скрывала Луиза отъ хозяйки цѣль своихъ посѣщеній извѣстной актрисы, но частыя отлучки ея по вечерамъ изъ мастерской, хотя съ разрѣшенія самой Джаксонъ, неволью обратили вниманіе послѣдней.

— Какія у тебя дѣла, Луизхенъ, съ г-жой актрисой, что ты такъ часто къ ней бѣгаешь?—пытливо взглядываясь въ дѣвушку, спросила англичанка.

«Сирота» невольно покраснѣла, но она уже успѣла вкусить театральнаго яда, въ составъ котораго входитъ въ большой дозѣ притворство.

— Г-жа Нейреттеръ такъ добра ко мнѣ, что позволила мнѣ смотрѣть, какъ она занимается съ танцмейстеромъ г-мъ Верже, — скромно потушивъ глазки, отвѣтила Луиза:—а я такъ люблю танцы.

— Ты должна быть благодарна г-жѣ актрисѣ за это, — одобрительно покачивая головой, сказала Джаксонъ:—не каждой дѣвушкѣ изъ простаго званія удастся получить вниманіе такой знаменитой особы.

— Она просила васъ, м-мъ Джаксонъ, отпустить меня въ будущій вторникъ опять къ ней. Г-жа актриса будетъ пѣть въ концертѣ въ Дворянскомъ собраніи и ей нужно взять съ собой камеристку. Ея театральная портниха не можетъ, занята въ Михайловскомъ театрѣ...

— Понимаю, она хочетъ, чтобы ты замѣнила эту портниху. Для нашего дѣла это очень полезно, поѣзжай, Луизхень, и чтобы не возвращаться поздно ночью, можешь у нея ночевать, если она позволить, — рѣшила довольная англичанка.

Благодаря этому разрѣшенію, «сирота» свободно уходила изъ мастерской и нерѣдко возвращалась очень поздно, къ чему въ видахъ пользы для фирмы хозяйка относилась снисходительно.

Мастерица не совѣмъ солгала хозяйкѣ, говоря ей, что ходитъ къ Нейреттеръ смотрѣть, какъ та беретъ уроки танцевъ, но умолчала о томъ, что, кромѣ пѣнія у актрисы, она учится и у балетмейстера Верже, благодаря чему не хуже любой придворной дамы научилась присѣдать, дѣлать различныя замысловатыя па настолько хорошо, что восхищенный старикъ Верже гордо повторялъ:

— Вы можете сдѣлаться балериной *prima cartello*, мамзель!

Но «сирота» не увлеклась танцами и еще старательнѣе занималась съ пѣвицей, попрежнему скрывая отъ всѣхъ въ мастерской и отъ хозяйки объ этихъ занятіяхъ.

Актеры и актрисы обоихъ иностранныхъ театровъ, получавшіе хорошіе, по тому времени, оклады, часто навѣщали мастерскую г-жи Джаксонъ и много ей заказывали. Особенною щедростью отличалась, кромѣ Нейреттеръ, знаменитая французская артистка Алланъ, имѣвшая массу поклонниковъ среди родовитой и богатой аристократіи.

Въ магазинѣ Джаксонъ ежедневно собирались въ извѣстное время и другія актрисы, приѣзжавшія сюда нарочно, чтобы посудачить, поболтать. Вслѣдъ за ними являлись актеры и золотая молодежь. Подъ шумокъ оживленной болтовни, шутокъ, смѣха, осторожно брошеннымъ словомъ назначали свиданія, уговаривались о посѣщеніи маскарада у Фельета, о часѣ завтрака въ ресторанѣ Сень-Жоржа у Полицейскаго моста или въ иномъ мѣстѣ.

Здѣсь, въ модныхъ магазинахъ въ эти часы сосредоточивался весь цвѣтъ столичной молодежи, здѣсь бился ея нервъ.

Хозяева магазиновъ понимали это хорошо, не забывали своей выгоды, не упуская случая продать что-нибудь каждому по дорогой цѣнѣ. Увлеченные игривою болтовнею съ хорошенькими кокетками, кавалеры очень часто покупали ненужныя имъ совершенно вещи, платя втридорога.

VI.

— Сегодня у Дюме въ семь!—шепотомъ бросила стройному красавцу гвардейцу хорошенькая Дегранжъ, французская актриса.

Выразительный взглядъ офицера, почтительный поклонъ, и онъ исчезъ изъ магазина.

— Я завтра утромъ уѣзжаю въ Москву, — величественно сообщаетъ красивая, но уже тронутая временемъ, роскошно одѣтая дама, слегка щуря подрисованные глазки.

— Въ котормъ часу, контесса? Мы явимся васъ провожать, — перебивая другъ друга, поспѣшно спрашиваютъ ее двое молодыхъ людей, — какъ тогда называли — «чичисбен».

— Разумѣется, не раньше трехъ часовъ. Должна же я успѣть сдѣлать свой туалетъ, вышить чашку шоколада, — жеманясь отвѣчаетъ перерѣлая красавица.

— А на дорогу, м-мъ la comtesse, что могу я вамъ предложить? — успѣваетъ и здѣсь хозяйка.

— Merci, у меня все есть, ахъ, да, дюжину батистовыхъ распашенокъ пришлите, дорожныхъ, цвѣтныхъ.

— Я тоже ѣду завтра въ Москву, — вмѣшивается въ разговоръ молодой чиновникъ.

Контесса вскидываетъ къ глазамъ лорнетку и презрительно смотритъ на дерзкаго. Замѣтивъ, что никто не обращаетъ вниманія на его замѣчаніе, чиновникъ все же продолжаетъ:

— Ёду въ дилижансѣ втораго заведенія, очень удобные экипажи, недорого...

— Я совѣтоваль бы вамъ ѣхать въ «сидѣйкѣ», — насмѣшливо обрываетъ навязчиваго болтуна одинъ изъ чичисбеевъ: — тотъ еще дешево.

Смущенный чиновникъ краснѣетъ, не зная, что отвѣтить.

— Какія новинки у васъ, м-мъ Джаксонъ? — врываясь въ магазинъ, какъ буря, весело спрашиваетъ любимица петербургцевъ французская актриса Алланъ и, шумя пышнымъ, высоко взбитымъ шелкомъ платьемъ, громко смѣясь, кидается въ мягкое кресло у прилавка.

— Только что получены новости изъ Лондона, бродерн веру, пісе (очень красиво), — предвкушая хорошій барышъ, незамѣтно для самой себя переходитъ хозяйка съ французскаго на родной, англійскій языкъ.

— Прекрасно, покажите... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не сами, при-
шлите Lise, вашу милую Луизхенъ,—улыбаясь продолжаетъ по-
купательница:—она мнѣ все покажетъ.

Раскраснѣвшаяся отъ суетливой дѣятельности въ магазинѣ,
успѣвающая поспѣть и тутъ и тамъ, «сирота» подбѣжала къ фран-
цузенкѣ.

— Прелестное дитя, вы сегодня прекраснѣе, чѣмъ когда-либо;
эти румяныя щечки, блестящіе глазки—одинъ восторгъ!—защебе-
тала артистка:—скорѣй, скорѣй, показываете ваши новости, у меня
нѣтъ свободной минуты сегодня, я къ вамъ прямо съ репетиціи и
голодна, голодна...

Луиза умѣло начала показывать ей тонкое, дорогое англійское
бѣлье.

Въ магазинѣ появляется жена важнаго сановника съ дочерью.
Рослый гайдукъ стоитъ у дверей. Дочь выходитъ въ рождественскомъ
мясоѣдѣ замужъ, онѣ цѣлыми днями заняты, заказывая приданое.

— У Мальпаръ я заказала восемь шелковыхъ платьевъ для Бар-
бетъ, очень довольна ими, Мальпаръ готовить подвѣнечное... Бусъ
не удовлетворили меня капотами, фасонъ невозможный, Барбъ въ
нихъ точно въ мѣшкѣ,—сообщаетъ генеральша:—а теперь я къ вамъ.

Джаксонъ неохотно отрывается отъ другой покупательницы
и переходитъ къ генеральшѣ, ей извѣстна скупость матери и ка-
призы Барбъ.

Къ пяти часамъ людская волна отхлынула изъ модныхъ ма-
газиновъ.

Осенняя пора сказывалась, на улицахъ сыро, непривѣтливо,
рано темнѣетъ, въ опустѣвшихъ магазинахъ зажигали карсель-
скія масляныя лампы.

— Сегодня вечеромъ разрѣшите мнѣ, м-мъ Джаксонъ, сходить
къ г-жѣ Нейреттеръ?—сказала Луиза.

— Иди, сегодня мы торговали очень хорошо.

Для «сироты» сегодняшній вечеръ очень важенъ. У Нейреттеръ
сегодня будетъ въ гостяхъ ея пріятельница, пѣвица Георгина Гессе,
пріѣхавшая въ Петербургъ концертровать... Мнѣніемъ знамени-
тости всѣ дорожатъ, она хотѣла послушать, какъ поетъ Луиза, и
сказать свое рѣшительное слово.

VII.

Трепещущая отъ волненія, пробиралась молодая дѣдушка
по грязной Большой Конюшенной, направляясь на Фонтанку, гдѣ
жила пѣвица.

— Вы пришли какъ разъ во время, Луиза,—привѣтливо встрѣ-
тила «сироту» артистка:—Георгина уже пріѣхала, входите въ сто-
ловую.

Дѣвушка робко вошла въ комнату. Мысль, что ее сейчасъ будетъ слушать знаменитость, продолжала ее волновать.

Въ небольшой уютной столовой за столомъ сидѣла Гессе, видная, пожилая женщина; рядомъ съ ней помѣщался нѣмецкій актеръ Брейтингъ, премьеръ, любимецъ публики.

Онъ съ любопытствомъ бросилъ пронизательный взглядъ темно-карихъ глазъ на вошедшую и, наклонившись къ сосѣдкѣ, шутливо замѣтилъ:

— Ihre künftige Rivalin! (ваша будущая соперница).

Гессе строго посмотрѣла на шутника и спокойно отвѣтила:

— Быть можетъ! Я не завистлива и всегда рада привѣтствовать новое дарованіе!

Затѣмъ, обратившись къ Луизѣ, качнувъ гоовой, привѣтливо сказала:

— Очень много слышала о васъ, мое дитя!

Дѣвушка сконфуженно присѣла, не зная, что отвѣтить; присутствующая ей бойкость въ эту минуту куда-то исчезла.

— Я не предлагаю вамъ обѣдать, Луиза, — замѣтила хозяйка: — послѣ обѣда трудно пѣть, закусите потомъ.

Обѣдъ окончился, всѣ перешли въ залу. Хозяйка открыла клавикорды и начала играть ригурнель старинной оперы Мегюля.

Точно опытная кавалерійская лошадь нетерпѣливо прядаетъ ушами, ожидая звука трубы атаки, внимательно, до чуткости, ожидала знаменитая пѣвица перваго звука молодой дебютантки и не глядѣла на послѣднюю, не желая ее смущать.

Раздался серебристый, чуть дрогнувшій отъ волненія, звукъ...

Наивная, простая мелодія стариннаго творчества зазвенѣла въ комнатѣ, грустная, какъ этотъ осенній, непривѣтливый вечеръ, невольно повергая слушателей въ состояніе меланхолической отжигности, перенося ихъ въ міръ воспоминаній и далекаго прошлаго.

Звуки продолжали литься, плакать, жаловаться... красивый голосъ пѣвицы звучалъ теперь увѣренно.

Привычное ухо Гессе уловило въ нихъ изумительно чистую тональность, музыкальность Луизы была внѣ всякаго сомнѣнія.

Старинная арія закончилась на трогательномъ аккордѣ. «Сирота» опустила голову, ожидая приговора знаменитости.

— Что ты скажешь, Георгина, о моей ученицѣ? — нарушила молчаніе Нейреттеръ, оборачиваясь къ пѣвицѣ.

Гессе, ничего не отвѣтивъ, поднялась съ кресла, подошла къ Луизѣ и, обнявъ ее, проговорила:

— Что должна я сказать, дитя, о вашемъ пѣніи? Отвѣтомъ могутъ служить мои искреннія слезы, смотрите, я, которая слышала пѣніе чуть ли не всѣхъ знаменитостей міра, плачу. Меня тронула искренность въ вашемъ пѣніи, чудный голосъ, доходящій до сердца! Вотъ мой отвѣтъ.

Луиза сразу преобразилась, куда дѣвалась ея недавняя робость, она чувствовала себя царицей, поле сраженія было выиграно.

Неожиданный успѣхъ залилъ румянцемъ недавно ея еще блѣдныя щеки.

— Фрау Гессе, вы даете мнѣ жизнь, вы открываете мнѣ дорогу въ тотъ міръ искусства, о которомъ я могла до сихъ поръ только мечтать!—восторженно проговорила дѣвушка и опустилась на колѣни предъ знаменитой пѣвицей.

— Дитя мое,—поднимая ее, взволнованно замѣтила пѣвица:— не вы, а передъ вами будутъ стоять на колѣняхъ!

Насмѣшливый Брейтингъ протянулъ Луизѣ руку и увѣренно сказалъ:

— Привѣтствую васъ, фрейлейнъ, вы твердо ступили на первую ступень къ славѣ.

— Я тоже, — эхомъ отозвалась Нейреттеръ и обняла свою ученицу.

III.

«Сирота» вернулась домой поздно, дверь отворила ей заспанная стряпка.

Не помня себя отъ радости, Луиза обняла старуху, чуть не выронившую отъ изумленія изъ рукъ огарокъ.

— Да никакъ она пьяная!—шептали старческія губы, и старуха, недовольно качая головой, поплелась въ свой уголъ.—Съ кой поры такими-то дѣлами заниматься начала!

Луиза была дѣйствительно пьяна, но не отъ вина, ее опьянило сразу открывшееся ей блестящее будущее, суетливое мелкое прошлое было позади, оно уже не интересовало дѣвушку...

Порой въ мысляхъ у ней все-таки мелькало понятное сомнѣніе, не ошиблась ли знаменитая пѣвица въ оцѣнкѣ ея голоса и музыкальныхъ способностей? Не была ли это съ ея стороны только шутка или желаніе угодить своей пріятельницѣ Нейреттеръ?

— Нѣтъ, такъ нельзя шутить, — твердо говорила сама себѣ Луиза:—обманывать, заблуждаться г-жа Гессе тоже не могла, это было бы нечестно съ ея стороны!

На минуту Луиза успокоилась, но сейчасъ же снова пробуждались сомнѣнія, неувѣренность въ своихъ силахъ; слишкомъ все это было для нея неожиданно, ново.

Сонъ бѣжалъ отъ глазъ «сироты». Заснула она только подъ утро, твердо рѣшивъ сходить еще разъ къ пѣвицѣ и, заклиная ее Богомъ, просить сказать ей правду, одну только правду, какъ бы горька ни была эта послѣдняя...

Джаксонъ оказалась не въ духъ на другой день, стряпка передала ей свои ночныя подозрѣнія.

Подозрительно посматривая на мастерницу, она сурово ей замѣтила:

— Вотъ что значить возвращаться поздно домой, Луиза, у тебя красные глаза, усталый видъ! Нѣтъ, больше я не отпущу тебя никуда вечеромъ, я вижу, что не у г-жи актрисы Нейреттеръ ты была вечеромъ.

Дѣвушка, вздрогнувъ, выпрямилась, обиженная подозрѣніемъ хозяйки.

— Если не вѣрите мнѣ, гдѣ я провела вчера вечеръ,—спросите у г-жи Нейреттеръ,—сдерживая себя, отвѣтила она.

— Все разубаю, ничего отъ меня не скроется,—раздраженно сказала англичанка:—но тебя больше никуда не пущу бѣгать!..

Луиза готова была все рассказать, но сомнѣнія, снова еѳ овладѣвшія, удержали ее,—она молча принялась за работу по магазину, придумывая, какъ бы ей вырваться сегодня вечеромъ опять къ актрисѣ. Луиза предполагала, что Нейреттеръ сама заѣдетъ сегодня, но у пѣвицы была въ этотъ день репетиція новой оперы «Фенелла», и она не посѣтила магазина г-жи Джаксонъ.

Чтобы уйти вечеромъ, «сиротѣ» вѣлою-неволею пришлось прибѣгнуть ко лжи и быть готовой, что ложь ея будетъ скоро открыта; исхода другого не было.

— М-мъ Джаксонъ,—спокойно обратилась Луиза къ хозяйкѣ вечеромъ передъ самымъ закрытіемъ магазина,—сейчасъ прибѣгалъ ко мнѣ мальчикъ и сообщилъ, что нашъ пасторъ велѣлъ мнѣ прийти къ нему немедленно.

Англичанка недовѣрчиво посмотрѣла на дѣвушку, но не стала ее удерживать, сознавая, что желаніе пастора законъ для его питомицы.

— Иди, но скорѣе возвращайся.

Довольная хорошимъ исходомъ своей хитрости, Луиза быстро переодѣлась и чуть не бѣгомъ бросилась на квартиру Нейреттеръ, гдѣ надѣялась найти ея подругу Гессе.

IX.

— Какъ кстати вы зашли ко мнѣ,—привѣтливо встрѣтила ее артистка:—Георгина только что о васъ вспоминала, она хочетъ вамъ кое-что сказать.

— Мнѣ сказать?—испуганно проговорила мастерица. Въ душѣ у ней опять зашевелились подозрѣнія, ей казалось, что пѣвица сейчасъ ей скажетъ:

«Я пошутила вчера надъ вами, вашъ голосъ, ваше исполненіе не годится для публички...»

— Что съ вами, Луиза, вы сразу поблѣднѣли? успокойтезь, то, что вамъ намѣрена передать Георгина, навѣрное васъ обрадуетъ. Смѣлѣй входите!

Знакомая фигура знаменитой пѣвицы поднялась съ кресла навстрѣчу дѣвушки, и Гессе протянула ей руку.

— Дитя мое, ваше вчерашнее пѣніе настолько меня взволновало, что я долго не могла заснуть.

«И я тоже!» невольно вспомнилось Луизѣ.

— Изъ васъ выработается очень скоро одна изъ выдающихся европейскихъ пѣвицъ, но для этого необходимо непрерывно работать, совершенствоваться, вполне отдаться искусству. Здѣсь, въ Петербургѣ, это для васъ едва ли удобно, вы служите, служба въ магазинѣ отнимаетъ отъ васъ много времени. Хотите ѣхать со мною въ Германію?

Луиза, едва вѣря своимъ ушамъ, съ недоумѣніемъ смотрѣла на Нейреттеръ, точно ожидала, что та придетъ ей на помощь.

— Георгина права, Луиза, мой совѣтъ вамъ принять ея предложеніе, только за границей вы можете сдѣлаться настоящей артисткой и пѣвицей! Соглашайтесь.

— А гдѣ же я достану денегъ, чтобы ѣхать съ фрау Гессе?—растерянно спросила дѣвушка.

Гессе улыбнулась.

— Дитя мое, всю заботу о васъ я беру на себя,—мягко замѣтила она:—вамъ ничего не придется тратить, необходимо только получить разрѣшеніе отъ вашихъ попечителей на выѣздъ за границу, такъ какъ вы еще несовершеннолѣтняя.

Смѣтливая дѣвушка быстро сообразила всю пользу этого предложенія, колебанія ея исчезли.

— Благодарю васъ, фрау Гессе, за вашу доброту ко мнѣ, и если мои попечители согласятся, охотно поѣду съ вами.

— Очень рада, мое дитя, хлопочите скорѣе, черезъ недѣлю я должна выѣхать изъ Петербурга.—Я замѣчаю, что вы спѣшите, не буду васъ задерживать, ступайте, да хранить васъ Богъ!—проводила картинно-театральнымъ жестомъ пѣвица молодую дебютантку.

— Луиза, вы теперь совершенно наша!—ободряла ее Нейреттеръ. Точно на крыльяхъ неслась «сирота» домой.

Домой! Да развѣ могла она теперь назвать своимъ домомъ, своимъ пріютомъ низенькое, душное помѣщеніе бѣллевой мастерской? Ея пріютомъ съ этой минуты былъ весь міръ, вселенная; у искусства нѣтъ родины.

Когда Луиза вернулась въ мастерскую, хозяйка еще не спала. Стоя за прилавкомъ магазина у ясеновой копторки, аккуратная англичанка подсчитывала денную выручку и заносила въ книгу.

— Я надѣюсь, что почтенный пасторъ совершенно здоровъ, Луиза?—спросила мастерицу Джаксонъ?—Зачѣмъ ты была ему нужна?

Дѣвушкой овладѣла неожиданная рѣшимость, чуть замѣтная улыбка показалась на ея губахъ.

— Объ его здоровьи мнѣ ничего неизвѣстно, м-мъ Джаксонъ.

— Странно! Но вѣдь ты его видѣла, говорила съ нимъ?—изумилась хозяйка.

— Нѣтъ, не видала,—твердо отвѣтила Луиза:—я была не у него.

— Вотъ какъ, значить, ты мнѣ сказала неправду, что пойдешь къ нему! Гдѣ же ты была?

— У актрисы г-жи Нейреттеръ...

— Опять у нея!—разсерженно сказала Джаксонъ:—я завтра поговорю съ тобой, какъ обманывать и не слушать меня.

— Къ чему оставлять это до завтра, м-мъ Джаксонъ, мы можемъ все выяснитъ еще сегодня. Я ухожу отъ васъ, благодарю за ученье, за пріютъ, за все.

— Уходишь? Нѣтъ, уйти безъ разрѣшенія твоихъ попечителей ты не можешь, неблагодарная!—вскричала англичанка, внѣ себя отъ гнѣва. Ей было жалко потерять такую ловкую и дѣльную помощницу, стоящую ей къ тому очень мало.

— Я твердо рѣшила оставить это ремесло и заняться другимъ дѣломъ.

Хотя Джаксонъ и разсердилась на неблагодарную ученицу, но промелькнувшая у ней мысль: не увлекъ ли Луизу какой-нибудь щеголь и сбиль съ истиннаго пути, заставила ее внушительно замѣтить:

— Изъ твоихъ словъ я заключаю, что ты кѣмъ-то увлечена.

— Да, вы угадали, м-мъ Джаксонъ, я увлечена, навѣкъ отдалась беззавѣтно...

— Кому, кому, несчастная, говори скорѣе, кому?

— Искусству! Только ему одному и клянусь остаться ему вѣрной всю мою жизнь!—увѣренно закончила Луиза, смѣло глядя на пораженную англичанку.

X.

Немало непріятностей и хлопотъ пришлось переиспытать «сиротѣ» Bürger клуба прежде, чѣмъ ей удалось получить разрѣшеніе уѣхать съ знаменитой пѣвицей за границу. Въ особенности противъ превращенія Луизы въ пѣвицу возсталъ старикъ пасторъ. Онъ находилъ, что сценическая дѣятельность не годится для истинно вѣрующей, скромной дѣвушки, а тѣмъ болѣе сироты, и призывалъ громъ и молніи на головы ея попечителей, а въ особенности на обѣихъ пѣвицъ, соблазвившихъ, по евангельскому выраженію, «единую отъ малыхъ сихъ».

Онъ только смягчился тогда, когда Гессе, внимательно выслушавъ всѣ его возраженія, спокойно заявила:

— Я не буду съ вами спорить, г-нъ пасторъ, по прежде, чѣмъ клеймить всѣхъ тѣхъ, кто посвятилъ себя музыкѣ и подмосткамъ, прошу разрѣшенія спѣть у васъ въ церкви, вмѣстѣ съ моей подругой, фрейлейнъ Нейреттеръ, изъ ораторіи Генделя, и тогда судите насъ.

Пасторъ нехотя далъ имъ разрѣшеніе.

Импровизованный концертъ привлекъ полную церковь платныхъ посѣтителей, причемъ деньги поступили въ пользу приходскихъ бѣдныхъ.

Чудное исполненіе отрывковъ изъ Генделевской ораторіи заставило говорить о себѣ всю столицу и повторить концертъ въ залѣ Дворянскаго собранія. Деньги, вырученныя на этотъ разъ, были предназначены Георгиной и Нейреттеръ на поѣздку Луизы за границу.

Благодаря этимъ двумъ концертамъ, отъѣздъ ихъ изъ Петербурга замедлился больше чѣмъ на двѣ недѣли. Осень уже миновала, когда наступилъ день ихъ отъѣзда, сталъ хорошій санный путь, хотя морозъ еще не былъ великъ.

Въ срединѣ ноября г-жа Гессе вмѣстѣ съ Луизой отправились въ Германію.

День выдался солнечный, съ легкимъ морозцемъ, кибитка, запряженная рѣзвой тройкой, быстро понесла обѣихъ женщинъ за заставу. Цѣлая вереница открытыхъ саней съ сидѣвшими въ нихъ столичными меломанами, помчалась слѣдомъ за кибиткою пѣвицы.

Въ извѣстномъ трактирѣ «Три руки», гдѣ обыкновенно говорили послѣднее «прости» отъѣзжающимъ, состоялись и ихъ проводы.

Вся нѣмецкая группа, попечители «сироты», члены Bürger клуба, даже бывшая хозяйка Луизы, англичанка Джексонъ, были налицо, всѣ явились на проводы знаменитой пѣвицы и «сироты», недоставало только пастора, впрочемъ, о немъ вспомнила только Гессе, въ послѣднюю минуту поднимая прощальный бокалъ.

— Выпьемъ за стараго пастора и заочно пожелаемъ ему измѣнить взглядъ на искусство и его жрецовъ.

Всѣ согласились и осушили бокалы.

— Въ такомъ случаѣ я предлагаю выпить еще,—настоячиво замѣтилъ актеръ Брейтингъ,—за вокальное искусство и за представительницъ его—высоко стоящую звѣзду Георгину Гессе и за восходящую звѣздочку Луизу Фогельзангъ!

— Прибавляю мое пожеланіе, чтобы ея пѣніе было такъ же трогательно и свободно, вполне соответствуя ея фамиліи! (Фогельзангъ—пѣніе птицы)—замѣтилъ его товарищъ Ферзингъ.

Громкій звонъ бокаловъ, согласный звонъ дружескихъ голо-совъ, послѣднія пожатія руки, застоявшіяся на морозѣ лошади подхватили, и кибитка съ пѣвицами помчалась по первопутку дальше.

XI.

Развѣ можно сравнить современныя удобства путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, доставляющимъ васъ на второй день изъ Петербурга въ Берлинъ, съ поѣздкой на перекладныхъ того времени?..

Но все-таки быстрое мельканіе мѣстностей, видимыхъ изъ окна вагона, далеко не такъ поэтично, какъ прежняя поѣздка на лошадахъ.

Зачастую часами приходилось ожидать на станціяхъ, но это не уменьшало прелести поѣздки,—Гессе и Луиза ѣхали по Варшавскому шоссе, на Псковъ, Островъ, Рѣжицу, Двинскъ, оттуда дорога шла на Вилькомиръ, Ковну...

Недалеко за Островомъ съ ними произошло смѣшное приключеніе. Смотритель почтовой станціи почему-то усомнился въ ихъ самоличности, несмотря на правильно составленную и засвидѣтельствованную въ столицѣ подорожную.

— Вотъ хоть рѣжьте меня, не могу повѣрить, что вы тѣ самыя лица, что здѣсь прописаны!—упрямо повторялъ смотритель, подозрительно посматривая на путешественницъ. Его смущало, что Луиза хорошо говорила по-русски.

— Въ подорожной стоитъ: пѣвица саксонскаго короля, Георгина Гессе, не вѣрю, право, не вѣрю!

Смущенная Луиза передала своей, не понимающей по-русски спутницѣ о сомнѣніи смотрителя. Та только пожала плечами и недовольно спросила ее:

— Что же мы будемъ дѣлать? Я страшно тороплюсь, мнѣ нужно скоро пѣть въ Дрезденѣ, необходимо быть тамъ не позже, какъ черезъ двѣ недѣли. Спросите его, что ему отъ насъ нужно?

Луиза перевела смотрителю слова Гессе.

— Что нужно? Да вотъ докажите мнѣ, что вы пѣвицы, спойте «По улицѣ мостовой», и поѣзжайте съ Богомъ, я не задержу.

Дѣвушка смущенно передала пѣвицѣ требованіе смотрителя. Георгина улыбнулась.

— Если это необходимо для ускоренія отъѣзда, я согласна.

— Но какъ же? Вы не знаете этой русской національной пѣсни,—смutilась Луиза. Несмотря на присущую ей бойкость, она терялась, не зная, что дѣлать.

— Какой пустякъ!—беззаботно махнувъ рукой, отозвалась пѣвица:—я не знаю, но зато эта русская мелодія, навѣрное, извѣстна вамъ. Вы пойте, а я сумѣю подобрать второй голосъ.

Все еще неполнѣ владѣя собой, Луиза запѣла требуемую смотрителемъ пѣсню, а Гессе, обладавшая изумительнымъ слухомъ, подпѣвала ее вторымъ голосомъ, ни разу не выходя изъ тональ-

ности и умѣряя свой сильный голосъ въ ущербъ себѣ, чтобы выдѣлить вѣрную мелодію своей партнерши.

Смотритель, производившій этотъ оригинальный экзамень, сидѣлъ за столомъ и благодушно попивалъ водку, одобрительно похлопывая пѣвицамъ, пѣвшимъ подъ зазорное тренканье на бала-лайкѣ одного изъ ямщиковъ.

— Ладно, хорошо, вотъ такъ придворныя пѣвицы, знатно уважили!—охмелѣвшимъ голосомъ бормоталъ онъ, называя обѣихъ путешественницъ придворными пѣвицами.

Импровизованный экзамень-концертъ кончился тѣмъ, что самъ экзаминаторъ смотритель сталъ плясать русскую, настолько его захватилъ этотъ истинно-народный мотивъ.

— Поѣзжайте съ Богомъ, никакихъ нѣтъ сомнѣній, что вы пѣвицы короля саксонскаго и многихъ другихъ дворовъ!—неестественно громко разсмѣялся чудакъ-смотритель.

Пѣвицы продолжали свой путь дальше, и на слѣдующихъ станціяхъ ихъ ужъ больше не задерживали.

Проѣхали спокойно Двинскъ, но передъ Вилькомиромъ, недалеко отъ селенія Деюны съ путешественницами произошла новая остановка, въ которой никто ужъ изъ агентовъ правительства не былъ виноватъ.

XII.

Они подѣзжали къ Деюнамъ позднимъ вечеромъ.

Хотя Западный край значительно лучше по климату Петербурга, зима началась здѣсь дружная. Выпалъ глубокой снѣгъ, трещали морозы.

Ямщикъ боязливо посматривалъ по сторонамъ, когда они приближались къ небольшой рѣчкѣ, пересѣкавшей имъ дорогу.

Довольныя своимъ путешествіемъ, Гессе и ея новая питомица весело разговаривали между собою.

— Обрати вниманіе, Луиза, на нашего ямщика,—сказала Георгина:—за послѣднее время онъ посматриваетъ на насъ, точно желаетъ что-то намъ сказать.

— Вы думаете, фрау Гессе? Хотите, я его спрошу?

— Спроси, Луиза, мнѣ это чрезвычайно интересно.

— Мы еще не доѣхали до станціи около четырехъ верстъ,—отвѣтилъ ямщикъ:—но я сильно боюсь, какъ бы не напали на насъ.

— Разбойники?—изумилась пѣвица, когда Луиза перевела ей слова ямщика.—Развѣ мы въ Аббруцахъ, а не въ мирной Россіи? «Сирота» ничего ей не отвѣтила, но ее охватилъ испугъ.

Однообразіе снѣжной равнины, надоѣдливый звонъ колокольчика подъ дугой еще раньше клонили ихъ обѣихъ ко сну, но теперь, послѣ заявленія ямщика, онѣ не могли сомкнуть глазъ отъ страха.

— Что же мы будемъ дѣлать?—испуганно спросила Луиза.

— Попытаюсь объѣхать этотъ лужокъ, авось пронесетъ Господь, — отвѣтилъ возница и, туго натянувъ вожжи, круто повернулъ съ проѣзжей дороги прямо въ рыхлый снѣгъ. Сани, загребая передкомъ, тяжело двинулись влѣво отъ прямого пути.

Посумеречило значительно, скоро блеснули въ темной синевѣ неба и звѣздочки, морозъ былъ не великъ. Утомленные ѣздой по глубокому снѣгу, лошади пристали, отъ нихъ валилъ паръ. Проѣхавъ шесть верстъ въ сторону, ямщикъ повернулъ угломъ на прежнюю дорогу.

Стало еще темнѣе, вышла луна, притушивъ звѣзды.

— Кажись, ушли отъ тѣхъ-то, — нерѣшительно протянулъ царень, опуская вожжи и давая замореннымъ лошадямъ пройти шагомъ. Но надежда его не оправдалась. Только что кибитка выбралась на проѣзжую дорогу, какъ гдѣ-то далеко раздался слабый свистъ, ему откликнулись свистомъ ближе, слышались людскіе голоса.

— Услѣдили!—встревоженно сказалъ ямщикъ, прислушивавшійся къ свисту:—недалеко, гонятся за нами! Эй, вы, соколы!—крикнулъ онъ на лошадей:—выручайте, голубчики.

Кибитка, подхваченная тройкой коней, понеслась по накатанной дорогѣ. Перепуганные неожиданной погоней пѣвицы, прижавшись другъ къ другу, молчали.

Долго мчались они въ темнотѣ, каждую минуту ожидая, что гнавшіеся за ними ихъ нагонять, имъ казалось, что гибель не за горами, но ямщикъ неожиданно обрадованно вскрикнулъ:

— Да мы никакъ къ самому селу подѣхали!

Дѣйствительно, скоро кибитка влетѣла въ околицу села, погони не стало слышно; преслѣдовавшіе поняли, что среди большого торговаго села имъ не удастся ограбить богатыхъ, по ихъ мнѣнію, проѣзжихъ.

— Ну, барыни, должно, вы сильно Богу молитесь, что отъ разбойниковъ уберечься вамъ довелось! А прошлую недѣлю на этомъ перегонѣ почту ограбили, ямщика зашибли до смерти, — сообщилъ имъ смотритель, выслушавъ рассказъ Луизы о погонѣ.

Ѣхать дальше ночью женщины побоялись и переночевали на станціи, съ тѣмъ, чтобы чуть свѣтъ поутру ѣхать дальше.

Гессе торопилась поскорѣе попасть въ Дрезденъ, срокъ ея отпуска изъ королевскаго театра кончался на дняхъ.

ХІІІ.

Отъ Вилькомира до Ковны и дальше онѣ ѣхали безъ приключеній.

Старая дорога шла на Кальварію и Сувалки

Отъ послѣдняго города онѣ направились черезъ Филипповъ и переѣхали въ Гольдацъ германскую границу.

— Ну, теперь мы въ безопасности, мое дити,—проговорила пѣвица:—въ Германіи на насъ не нападутъ никакіе разбойники.

Пришлось переѣзжать замерзшія озера Восточной Пруссіи и добраться на лошадахъ до Бромберга, откуда шель уже желѣзно-дорожный путь. Въ Дрезденъ онѣ попали во время, не только не опоздавъ, но еще за два дня до срока отпуска.

Гофъ-интендентъ королевскаго театра былъ чрезвычайно обрадованъ возвращеніемъ знаменитой пѣвицы; предполагалось возобновленіе «Весталки» Спонтини, но безъ Гессе она не могла итти.

— Господинъ интендентъ,—обратилась къ нему пѣвица:—рекомендую вашему вниманію мою спутницу Луизу Фогельзангъ изъ Петербурга. Когда вы услышите, какъ она поетъ, то навѣрное согласитесь, что сама природа предназначила ей ея имя.

— Что жъ, послушаемъ,—небрежно отозвался гофъ-интендентъ, безучастно окидывая глазами скромную спутницу Георгины.

— Я увѣрена, что лучшаго Керубино для «Свадьбы Фигаро» въ настоящее время вамъ не найти,—настойчиво повторила пѣвица.

— Вы такъ хлопочете о фрейлейнъ, что я боюсь даже вѣрить подобному совершенству,—съ усмѣшкой отвѣтилъ фонъ-Галленъ, старый придворный, не довѣрявшій похваламъ знаменитости, предполагая, что за ними кроется желаніе рекомендовать пѣвицу съ плохимъ голосомъ, чтобы еще больше выдвинуться самой среди безголосыхъ.

Желая подшутить надъ Георгиной Гессе, фонъ-Галленъ на другой же день спросилъ ее:

— А какъ скоро ваше молодое протеже можетъ предстать передъ нашей публикой?

Онъ былъ увѣренъ, что пѣвица смутится и назначить ему очень долгій срокъ.

— Черезъ недѣлю, самое большее черезъ десять дней, она можетъ выступить на сценѣ въ «Свадьбѣ Фигаро»,—увѣренно отвѣтила пѣвица.

— Вотъ и прекрасно,—слегка изумленнымъ тономъ замѣтилъ интендентъ:—я такъ и запишу, слушаемъ хваленую вашу «птичку».

— Я увѣрена, что вы будете поражены ея пѣніемъ!

— Во всякомъ случаѣ мои восторги передъ вашимъ исполненіемъ никогда не могутъ замѣниться ничѣмъ,—галантно отозвался придворный.

— Кто знаетъ, ваше превосходительство!—загадочно отвѣтила Георгина.—Я опасаясь, что мнѣ придется уступить дорогу молодости и скромно отойти въ сторону.

— *Qui vivit—vivat!*—благосклонно пошутилъ старикъ, раскланиваясь съ пѣвицей.

XV.

Гессе, забывая свои личные интересы, стала постепенно готовить свою протеежку къ дебюту.

Времени до него оставалось немного, и хотя Луиза еще въ Петербургѣ у Нейреттеръ пѣла отрывки этой Моцартовской оперы, но нужно было выучить всю партію шаловливаго пажа, а главное не стоять на сценѣ безучастно, и хоть плохо, но все-таки играть. Задача для Гессе была не изъ легкихъ.

Первымъ «сирота» быстро овладѣла, ея изумительная музыкальность помогла въ два дня превосходно выучить граціозную музыку Моцарта. Георгина была очень довольна своей талантливой ученицей, но понятная для каждаго робость сковывала всѣ движенія дѣвушки, она терялась даже въ комнатѣ пѣвицы.

Усталая Гессе не знала, что дѣлать, какъ подготовить Луизу такъ скоро мало-мальски играть на сценѣ. Одно время она готова была идти къ интенденту и просить его отложить первое выступленіе дебютантки еще на нѣсколько дней. Она сообщила о своемъ намѣреніи Луизѣ.

— Прошу васъ, фрау Гессе, не дѣлайте этого, — рѣшительно сказала Луиза. Самолюбіе дѣвушки было затронуто, она страдала не столько за себя, какъ за свою покровительницу.

— Но какъ же быть, дорогое дитя, я, право, теряюсь! Я увѣрена, что ваше пѣніе и голосъ заслужаютъ общее одобреніе, но игра... Боже мой, это не игра, это какое-то болтаніе руками, одинъ ужасъ! Васъ осмѣютъ, я въ этомъ увѣрена, — безпомощно закончила пѣвица.

Брови дѣвушки настойчиво сдвинулись, въ голубыхъ глазахъ блеснуло упрямство; нервно закусивъ губу, она увѣренно возразила:

— Не посмѣютъ! Не посмѣютъ осмѣять!

Въ тонѣ ея голоса слышалась такая увѣренность, что Георгина съ изумленіемъ посмотрѣла на нее.

— Что жъ, тѣмъ лучше! Судьба за смѣлыхъ! Выступайте!

Съ этой минуты всѣ разговоры объ отказѣ были прекращены, и хотя игра «сироты» очень хромала, Гессе, скрѣпя сердце, продолжала готовить Луизу къ приближающемуся дебюту.

— Да, голосъ у малютки недурень, — разсѣянно замѣтилъ гоф-интендентъ, прослушавъ на генеральной репетиціи Луизу, пѣвшую, по совѣту Гессе, вполголоса, чтобъ не трудить его раньше спектакля.

— Позвольте вамъ замѣтить, ваше превосходительство, — рѣзко возразила ему Георгина: — голосъ Фогельзангъ одинъ изъ лучшихъ въ настоящее время въ Европѣ!

— Можетъ быть, не только въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, почтеннѣйшая г-жа Гессе? — насмѣшливо сказалъ старикъ и,

не дожидая ея отвѣта, продолжалъ:—это выяснится вполнѣ послѣ ея дебюта; что касается меня, я лично ничего не вижу въ ней особеннаго.

Разсерженная пѣвица, сдерживая себя, молча отошла отъ стараго ворчуна-скептика.

XV.

Фонъ-Галленъ, враждебно настроенный къ юной дебютанткѣ, заранѣ увѣренный въ ея провалѣ, не доложилъ даже объ ея дебютѣ королю, чрезвычайно интересовавшемуся каждою новинкою въ музыкѣ, новымъ пѣвцомъ или пѣвицею.

Гессе, прекрасно знавшая любовь къ интригамъ гофъ-интендента и предугадывая его маневръ, испросила личную аудіенцію у короля, съ цѣлью просить его пріѣхать въ театръ послушать дебютантку.

— Я чувствую себя за послѣднее время не совсѣмъ здоровымъ, милая фрау Гессе,—ласково проговорилъ его величество:—но общаю, ради васъ, непремѣнно быть въ театрѣ.

О томъ, что король будетъ на оперномъ представленіи «Свадьбы Фигаро» никто не зналъ, ничего не было извѣстно объ этомъ какъ самому фонъ-Галлену, точно также и Луизѣ.

Его величество явился въ театръ передъ самымъ началомъ спектакля, и встрѣченный низкими поклонами растерявшагося гофъ-интендента, прошелъ въ свою ложу при первыхъ звукахъ шутливой увертюры гениальнаго композитора.

Можно представить себѣ, что чувствовала въ эту минуту «сирота», когда ей нарочно сообщили и подчеркнули, что его величество прибылъ, чтобы ее слушать.

И безъ того взволнованная до нельзя выступленіемъ на театральныя подмостки первый разъ въ жизни, Луиза готова была потерять сознаніе.

«Теперь или никогда!» пронеслось у ней въ мысляхъ, и, собравъ всю силу воли, дѣвушка смѣло выбѣжала на сцену.

Какъ она пѣла, что дѣлала на сценѣ, Луиза ничего не помнила, она дѣйствовала точно во снѣ...

Проснулась она только отъ оглушительныхъ аплодисментовъ публики и, ничего не понимая, съ изумленіемъ смотрѣла на это ревущее чудовище.

— Скорѣе кланяйтесь, Луиза, его величеству, онъ въ правой ложѣ вамъ аплодируетъ!—услышала она чей-то знакомый голосъ и машинально поклонилась.

Занавѣсъ упалъ.

Только теперь въ объятіяхъ великодушной Георгины «сирота» пришла въ себя и неожиданно разрыдалась, нервы не выдержали больше.

— Успокойтесь, мое дитя, перестаньте плакать, вамъ еще нужно сейчасъ пѣть,—успокаивала дѣвушку пѣвица, ласково глядя ея голову, лежавшую на груди Гессе.

— Его величество идетъ сюда,—суетливо проговорилъ фонъ-Галленъ:—онъ желаетъ говорить съ фрейлейнъ Фогельзангъ.

Къ оправившейся Луизѣ, продолжавшей стоять со своей покровительницей, подошелъ король и, привѣтливо улыбаясь присѣвшей передъ нимъ дѣвушкѣ, милостиво сказалъ:

— Я изумленъ тѣмъ чуднымъ сочетаніемъ великолѣпнаго голоса съ сценическимъ талантомъ, которымъ природа такъ щедро наградила васъ, фрейлейнъ! Мнѣ рѣдко приходилось такъ восхищаться исполнительницей Керубино, какъ вами. Ваша игра безподобна, она жизненно правдива, передо мною былъ настоящій шалунъ-пажъ.

— Развѣ я играла?—наивно спросила Луиза, широко открывая глаза, забывая благодарить высокаго слушателя.

— О, святая наивность!—разсмѣялся король и, обратившись къ окружающимъ, замѣтилъ:

— Это признакъ настоящаго, непосредственнаго таланта—слиться съ изображеннымъ на сценѣ лицомъ настолько, что не замѣчать этого.

Благосклонно попрощавшись съ Гессе и съ Луизой, король возвратился въ свою ложу.

Конецъ оперы былъ настоящимъ триумфомъ Луизы. Она могла быть увѣренной, что вся будущая блестящая карьера ея на сценѣ сдѣлана.

— Только вамъ, вамъ одной обязана я всеѣмъ этимъ, дорогая фрау Гессе,—восторженно повторяла Луиза, когда послѣ спектакля онѣ возвратились домой.

— Мнѣ? о нисколько, дитя мое! Прирожденный талантъ рано или поздно проявится самъ. Въ какой формѣ выразился бы онъ, трудно предположить,—спокойно отвѣтила пѣвица:—пути его никому неизвѣстны... А все-таки, крошка, я тряслась за тебя, мнѣ казалось, что твоя игра сильно повредитъ твоему успѣху. Боже мой, какъ только ты сдѣлала первое движеніе, появившись передъ публикой, я успокоилась, чувство таланта все вѣрно подсказало тебѣ, это вдохновеніе, созидающее успѣхъ, временный экстазъ...

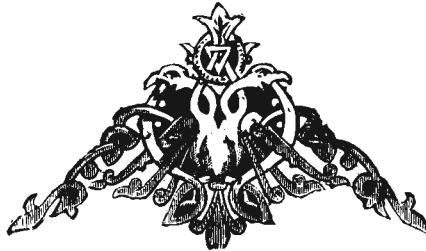
— Мама, милая мама!—невольно вырвалось у молодой пѣвицы, только что одержавшей такую славную побѣду. Луиза къ Георгинѣ почувствовала привязанность родной матери и бросилась къ ней въ объятія.

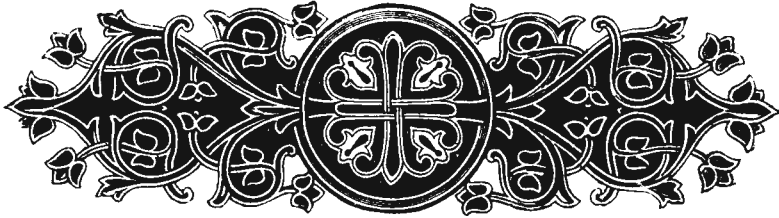
Дальнѣйшая судьба «сироты петербургскаго Bürger клуба» была выдающаяся. Дѣвушку сейчасъ же пригласили въ труппу коро-

левской оперы въ Дрезденѣ, вся Германія боготворила молодую пѣвицу, неизвѣстный успѣхъ сопутствовалъ ей повсюду.

Въ родномъ Петербургѣ она была одинъ разъ, но выступить здѣсь въ концертахъ и на сценѣ ей не удалось: дорогой изъ Германіи Луиза простудилась и не могла пѣть. Простуда не покинула пѣвицу, когда она вернулась за границу, и мало-по-малу превратилась въ чахотку, сведшую Луизу Фогельзангъ въ могилу въ полномъ расцвѣтѣ ея артистическаго дарованія.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

ВСТРѢЧИ И ЗНАКОМСТВА ¹⁾.

Злоключенія П. А. Булгакова въ бытность его тамбовскимъ губернаторомъ.—Помѣщикъ Протасевъ.—Проѣздъ наслѣдника.—Прошеніе на высочайшее имя.—Процессъ В. М. Черновой.—Адская машина.—Роковая женщина.—Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ.—Его оригинальная карьера.—Кончина князя Юрія.—Его погребеніе.—Почетъ, оказанный ему артистами императорскихъ театровъ.

ВУЛГАКОВА я знала въ бытность его калужскимъ губернаторомъ.

Это былъ очень милый, до крайности доступный и простой въ обращеніи чловѣкъ, въ которомъ не было и тѣни той заносчивости, какою обыкновенно страдаютъ всѣ наши представители высшей администраціи. Его всѣ въ Калугѣ любили, всѣ охотно приглашали его къ себѣ, и приглашенія эти тѣмъ болѣе приходились ему по душѣ, что въ Калугѣ онъ почти всегда жилъ «на холостомъ положеніи», такъ какъ жена его со всѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ проживала или въ Петербургѣ, или за границей, не предъявляя къ мужу никакихъ требованій, кромѣ денежныхъ. Зато послѣднимъ не было положительно ни конца, ни мѣры, что отчасти объяснялось тѣмъ, что дѣтей у Булгаковыхъ было что-то около десяти чловѣкъ.

Чрезвычайно остроумный, всегда веселый и весь свой долгій и тревожный вѣкъ обязательно въ кого-нибудь влюбленный, Булгаковъ былъ всегда желаннымъ гостемъ и непостижимо прият-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣсти». т. СХХІІІ, стр. 558.

нымъ собесѣдникомъ, и появленіе его въ гостиной всегда встрѣчалось всеобщей радостью и единодушнымъ, горячимъ привѣтомъ.

Изъ всѣхъ его воспоминаній наиболѣе комичный отгѣнокъ носили впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ его бытности въ Тамбовской губерніи, которою онъ управлялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и обыватели которой были для него источникомъ неустанныхъ злоключеній.

— Ужъ не знаю, нарочно они все это продѣлывали, или Богъ имъ такъ на душу полагалъ,—повѣствовалъ онъ:—но артикулы они выкидывали такіе, что до сихъ поръ, ежели мнѣ только во снѣ приснится, что я въ Тамбовѣ, такъ я вскакиваю, какъ ошпаренный.

Онъ безъ тѣни улыбки на лицѣ высказывалъ свое глубокое уваженіе къ проникательности Мятлева, именно изъ Тамбова взявшаго свою неподражаемую «мадамъ Курдюкову», и увѣрялъ, что нигдѣ, кромѣ этого богоспасаемаго града, и этой экстраординарной губерніи, мадамъ Курдюкова и народиться не могла.

Кромѣ вышеприведеннаго случая съ привѣтственной рѣчью деревенскаго попа, у Булгакова имѣлся еще цѣлый сборникъ разсказовъ, въ которыхъ онъ всегда игралъ роль козла отпущенія. Разсказы его имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что онъ не только никогда не лгалъ, но и не преувеличивалъ ничего въ своихъ описаніяхъ, и что всѣ выводимые имъ на сцену герои и героини были цѣликомъ взяты изъ дѣйствительной жизни.

Къ довершенію его заключеній, всѣ проявленія того, что Булгаковъ называлъ «тамбовской глупостью», доходили до высшихъ сферъ и подчасъ серьезно ложились на его служебную карьеру. Въ Петербургѣ знали и его неистощимое остроуміе, и его неизмѣнное веселое настроеніе, и онъ рисковалъ тѣмъ, что обывательская наивная глупость могла быть понята какъ его личная, смѣлая и дерзкая шутка.

При дворѣ у Булгакова было немало враговъ, многіе завидовали его связямъ, его быстрой и широкой административной карьерѣ, и въ предвидѣніи, что на этомъ его административный путь не остановится, многіе готовы были подставить ему ногу.

Вотъ почему, передавая то или другое изъ постигшихъ его въ Тамбовѣ злоключеній, Булгаковъ, внимая взрывамъ дружнаго и неудержимаго смѣха своей всегда многочисленной аудиторіи, съ комическимъ отчаяніемъ восклицалъ:

— Да, вамъ хорошо смѣяться! А мнѣ-то каково было все это переживать? Вѣдь и тамъ, наверху, тоже смѣялись, а между тѣмъ пѣтъ, нѣтъ, да и замѣтятъ подъ сурдинкой:

— Что это все именно у васъ только случается, Петръ Алексѣвичъ?

— На словахъ-то какъ будто это и ничего, а на дѣлѣ чуть не потеряй мѣста пахнетъ!

Изъ переданныхъ имъ въ то время анекдотовъ у меня особенно врѣзался въ память одинъ, который, кромѣ самого Булгакова, едва не поплатившагося за него своимъ губернаторскимъ мѣстомъ, со смѣхомъ передавалъ и губернской предводитель Горгельскій, бывший въ то время чиновникомъ особыхъ порученій при Булгаковѣ.

Въ тѣ далекія времена, когда провинція чуть не непроходимыми дебрями была отдалена отъ обѣихъ столицъ,—въ деревняхъ засиживались и заживались чуть не до полного отупѣнія, и были помѣщики, въ теченіе цѣлой долгой жизни своей не знавшіе никакой поѣздки, кромѣ отъѣзжаго поля, и никакихъ развлеченій, кромѣ болѣе или менѣе фундаментальныхъ выпивокъ и кутежей въ обществѣ своихъ же приказчиковъ или мѣстнаго церковнаго причта. Надъ такими помѣщиками подтрунивали ихъ сосѣди, ихъ немилосердно дурачили старосты и управляющіе, и въ рѣдкихъ появленіяхъ ихъ на дворянскихъ выборахъ вокругъ нихъ группировались охотники до удобныхъ и дешевыхъ развлеченій,

Одинъ изъ такихъ помѣщиковъ, нѣкто Протасьевъ, безвыѣздно прожившій нѣсколько лѣтъ сряду въ Шацкомъ уѣздѣ и совершенно случайно очутившійся на дворянскихъ выборахъ, сразу обратилъ на себя вниманіе своимъ необычнымъ, чуть не звѣреобразнымъ видомъ. Борода у него сливалась съ густыми бакенбардами и начиналась чуть не отъ самыхъ глазъ, сѣдые кудри на головѣ образовали густую, своеобразную шапку, и, весь обросшій волосами, съ громовымъ, какъ изъ трубы вырывавшимся, голосомъ, онъ являлъ собою нѣчто среднее между совершенно одичавшимъ человѣкомъ и хорошо выдрессированной обезьяной...

Это случилось въ бытность Булгакова тамбовскимъ губернаторомъ, и онъ, при мнѣ передававшій этотъ траги-комическій случай, вздымая руки къ небу, съ комическимъ паѳосомъ восклицалъ:

— Чудище какое-то было, а не человѣкъ! Только что не лаялъ и не кусался!!

Къ довершенію всеобщаго восторга, Протасьевъ явился на выборы въ старинномъ кавалерійскомъ мундирѣ, давнымъ-давно отмѣненномъ, съ какими-то необычайными выпушками и петлицами и съ такими коротенькими фалдочками, которыя при его солидной корпуленціи придавали ему исключительно карикатурный видъ.

Нечего и говорить, что при общей склонности скучающей провинціи повеселиться на чужой счетъ Протасьевъ быстро сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія. Обратилъ на него вниманіе и Булгаковъ, къ которому онъ любезно явился, какъ самъ онъ выражался, для «отданія чести».

— Въ первую минуту я испугался,—повѣствовалъ Булгаковъ:— затѣмъ неслуханно удивился, а затѣмъ у меня сжалось сердце, какъ бы въ предчувствіи какой-то невѣдомоѣ бѣды.

— Пророческое это оказалось чувство!— продолжалъ Булгаковъ.— Чуюло мое сердце, что какой-нибудь тамбовскій «артикуль» надвигается! Такъ оно и вышло.

Окончились выборы, начались всегда сопряженные съ ними балы и собранія, и на одномъ изъ официальныхъ обѣдовъ, данныхъ въ чью-то честь, появился и Протасевъ въ своемъ допотопномъ мундирѣ. Съѣдено было все, что возможно, выпито было сверхъ всякой мѣры, и, разбившись на группы, гг. дворяне отдались веселой и непринужденной бесѣдѣ. Зашель разговоръ о томительной скукѣ деревенской жизни, и Протасевъ, расчувствовавшись, принялся сокрушаться о томъ, что жизнь его проходить въ бездѣйствіи и что даже отечеству онъ пользы не приноситъ.

— Что жъ вы не служите, Иванъ Дмитріевичъ?— участливо замѣтилъ какой-то балагуръ.— Мало ли пользы вы могли бы принести на государственной службѣ?

— Такъ-то оно такъ!— самодовольно возразилъ Протасевъ, не на шутку убѣжденный въ томъ, что отъ его службы отечество получило бы громадную пользу:— такъ-то оно такъ-съ, да изволите ли видѣть, для того, чтобы заполучить подходящее мѣсто, кланяться надо, а я кланяться не умѣю-съ! Да и почему я знаю, здѣсь-то сидя-съ, какія такія мѣста вакантныя имѣются? По нынѣшнему времени много всего новаго учреждено, а я, признаться сказать, кромѣ своей военной службы, ни съ какой иной и не знакомъ вовсе!

— Это ничего не значить!— продолжалъ балагуръ:— познакомиться недолго, вы человѣкъ способный, служить же другіе?.. Опять же и такія мѣста имѣются, на которыхъ и знаній никакихъ особыхъ не полагается!

— А какія же бы къ примѣру?— заинтересовался Протасевъ.

— Да вотъ хоть бы фрейлинское мѣсто! Чего легче?— не сморгнувъ предложилъ балагуръ.— Всего только и требуется, что представительная наружность и старинный дворянскій гербъ.

— На этотъ счетъ!..— пріосанившись, пожалъ плечами Протасевъ и гордо добавилъ — Въ Бархатную книгу нашъ родъ при матушкѣ Екатеринѣ занесенъ.

— Ну, чего же вамъ лучше? И подавайте съ Богомъ прошеніе.

— Да я, право, не знаю, какъ это дѣлается? И на чье именію имя должно быть подано прошеніе?

— А прямо на высочайшее имя ваяйте. Чего вамъ бояться? Не дурного чего-нибудь домогаетесь, а пользу отечеству принести желаете.

— И такъ прямо и писать?

— Такъ прямо и пишете! Такъ и такъ молъ, желаю занять первую имѣющую очиститься фрейлинскую вакансію, а ежели въ

данную минуту таковой не имѣется, то прошу меня первымъ кандидатомъ зачислить.

— А бумаги какія-нибудь приложить слѣдуетъ? — дѣловымъ тономъ освѣдомился Протасевъ, окончательно вошедшій во вкусъ будущей служебной карьеры.

— Да, конечно! Во-первыхъ, необходима выписка изъ дворянскихъ книгъ, а затѣмъ указъ объ отставкѣ.

Протасевъ съ дѣловымъ видомъ занесъ все это въ свою записную книжку, и на другой же день, запасшись нѣсколькими листами гербовой бумаги, накаталъ прошеніе на высочайшее имя о зачисленіи его во фрейлины. Къ этому необычному прошенію онъ приложилъ послужной списокъ о нахожденіи его много лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, а равно и указъ объ отставкѣ.

Булгаковъ ничего этого не зналъ и не подозрѣвалъ, и по окончаніи выборовъ только что вздохнулъ свободно, какъ внезапно послѣдовалъ экстренный вызовъ его въ Петербургъ, присланный съ нарочно прискакавшимъ фельдъегеремъ.

Булгаковъ растерялся. Онъ чувствовалъ, что надъ нимъ собирается какая-то гроза, но съ которой стороны—понять не могъ.

Наскоро сдѣлавъ нужныя распоряженія на время своего отсутствія, онъ помчался въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ министромъ внутреннихъ дѣлъ громкимъ восклицаніемъ:

— Скажите вы мнѣ ради Бога, что у васъ въ губерніи безумные, что ли, живутъ? Такъ вы бы ихъ на цѣпь сажали!

Булгаковъ попытался добиться болѣе подробнаго разъясненія дѣла, но министръ направилъ его къ шефу жандармовъ, а тотъ отослалъ его къ министру двора. У этого послѣдняго только злополучный губернаторъ обрѣлъ знаменитое прошеніе Протасева, съ приложеніемъ его послужного списка и указа объ отставкѣ.

Ударъ былъ такъ неожиданъ и сопоставленіе фрейлинскаго званія съ фигурой обросшаго волосами стараго помѣщика было такъ необычно, что ошеломленный Булгаковъ едва могъ удержаться отъ порыва безумнаго смѣха.

Онъ какъ могъ описать министру образъ кандидата во фрейлины, что вызвало на лицѣ разгнѣваннаго министра невольную улыбку.

— Что жъ это ему вздумалось?—пожимая плечами, спросилъ министръ.

— И придумать не могу, ваше сіятельство!—отвѣчалъ Булгаковъ.—Научили его, подшутили кто-нибудь надъ нимъ, а онъ и повѣрилъ!

— Нашли чѣмъ шутить?..—опять вскипѣлъ министръ!—Нашли надъ чѣмъ потѣшаться! Вѣдь прошеніе-то это дурацкое прямо въ руки къ государю угодило!.. Вы знаете, что онъ самъ любитъ

иногда разбираться въ этихъ прошеніяхъ. Онъ думаетъ, что не все до него доходить, что отъ него скрываютъ какія-нибудь злоупотребленія, въ которыхъ ему необходимо лично разобраться. Вотъ и разобрался!! Положимъ, теперь-то гнѣвъ его почти прошелъ, и не далѣе какъ вчера онъ громко и долго хохоталъ надъ этимъ вашимъ «кандидатомъ», а на первыхъ порахъ мы здѣсь всё не знали, куда дѣваться!.. Рѣчь шла и объ оскорбленіи дворянства, и объ оскорбленіи величества!!.

— Что жъ теперь дѣлать?—спросилъ Булгаковъ.

— Да вы у своего министра были?

— Былъ.

— А у шефа жандармовъ были?

— И у него былъ! Онъ меня и послалъ къ вашему сіятельству.

— Благодарю покорно! Я-то тутъ при чемъ? Меня только потому и пригласили къ этому дурацкому дѣлу, что вашей этой старрой обезьянѣ придворный чинъ понадобился! Во фрей-ли-ны!— съ разстановкой воскликнулъ министръ.—Во фрей-ли-ны!!! вѣдь выдумаетъ же, чучело гороховое!!! Никоткуда, кромѣ Тамбовской губерніи, не поступить такого прошенія!

Вся эта исторія окончилась ничѣмъ, благодаря только защитѣ вліятельныхъ родственниковъ жены Булгакова.

Зная, какой онъ изумительный рассказчикъ, Кутайсовы, при посредствѣ шефа жандармовъ, добились личной аудіенціи Булгакову у государя, который, начавъ со строгаго окрика по адресу злополучнаго губернатора, кончилъ тѣмъ, что отъ души смѣялся представляя себѣ, по описанію Булгакова, фигуру «кандидата во фрейлины».

Немало смѣялась и императрица, которой государь не только рассказалъ этотъ необычайный эпизодъ, но и самого Булгакова представилъ, съ его мастерскимъ и уморительнымъ рассказомъ.

— Злодѣи, прямо-таки злодѣи!..—съ комическимъ ужасомъ вспоминалъ Булгаковъ своихъ бывшихъ мучителей, дѣйствительно доставлявшихъ ему немало горькихъ и безпокойныхъ минутъ.

Такъ, одна изъ тамбовскихъ помѣщицъ, согласно его рассказу, приѣхавъ въ Тамбовъ съ цѣлью увидать ожидавшагося тамъ проѣздомъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, который пробылъ тамъ три дня,—напрасно летала всё три дня изъ конца въ конецъ Тамбова, стараясь гдѣ-нибудь хоть случайно увидать великаго князя. Ничто ей не помогало и до самой минуты отъѣзда наслѣдника ей не удалось даже издали увидать его.

Наступила самая минута отъѣзда цесаревича.

Онъ уже сѣлъ въ поданный ему экипажъ, и нарядный ямщикъ уже натянулъ вожжи, чтобы пустить лихую тройку во весь карьеръ, когда злополучная помѣщица, и на этотъ разъ опоздавшая, въ по-

рывѣ отчаянія вскочила во весь ростъ въ своемъ тарантасѣ и что было мочи крикнула:

— Александръ Николаевичъ!! Александръ Николаевичъ!!

Наслѣдникъ вздрогнулъ и обернулся.

Булгаковъ, блѣдный, какъ смерть, бросился въ сторону такъ дерзко раздавагося голоса, а бравая помѣщица, стоя во весь ростъ въ своемъ допотопномъ тарантасѣ, и видя, что наслѣдникъ услыхалъ ея голосъ и обернулся на него, усердно размахивала огромнымъ доморощеннымъ бѣлымъ платкомъ и, вся расплывшись въ радушную улыбку, кланялась, кланялась безъ конца...

Другая помѣщица въ августѣ вознамѣрилась подать просьбу государю и съ этой цѣлью изготовила форменное прошеніе на существовавшей тогда бумагѣ, именовавшейся «по титулѣ», и на которой крупными буквами пропечатанъ былъ титулъ государя, начинавшійся словами: «Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Всеавгустѣйшій Монархъ». Но подать этого прошенія въ желаемый срокъ почему-то не могла, а въ сентябрѣ купить новый листъ гербовой бумаги уже пожалѣла, и, переписывая собственноручно титулъ, догадливо замѣнила слово: «Всеавгустѣйшій» словомъ: «Все-сентябрѣйшій», такъ какъ подала она прошеніе въ сентябрѣ.

И опять негодованіе въ подлежащемъ министерствѣ, и опять роковой вопросъ Булгакову:

— Да что у васъ тамъ? Сумасшедшіе, что ли, живутъ?

Въ бытность Булгакова калужскимъ губернаторомъ, въ районѣ Калужскаго уѣзда проживала знаменитая Вѣра Михайловна Чернова, составившая себѣ громкую извѣстность своимъ процессомъ съ мужемъ, которому отправлена была въ Москву адская машина.

Иванъ Андреевичъ Черновъ, архимилліонеръ и человѣкъ безъ всякаго образованія, влюбился проѣздомъ въ дочь смотрителя почтовой станціи и, не добившись инымъ путемъ ея благосклонности, порѣшилъ жениться на ней.

Особеннаго счастья супружество это не дало ни мужу, ни женѣ. Ему скоро надоѣла непривычная обстановка семейной жизни, и онъ возобновилъ свои широкіе кутежи, удобные при холостой жизни и совершенно непримѣнимые въ семейномъ домѣ. Отсюда ссоры, оканчивавшіяся самыми грубыми и возмутительными выходками пьянаго мужа и самымъ яркимъ протестомъ въ конецъ измученной жены.

О характерѣ и направленіи Чернова можно судить по тому факту, что онъ съ цѣлью «развлечья» и «попробовать свою силу» самъ лично на бойнѣ убивалъ быковъ существовавшимъ тогда варварскимъ способомъ удара обухомъ въ лобъ. Жену онъ заставлялъ не только присутствовать при всѣхъ устраиваемыхъ имъ оргіяхъ, но требовалъ еще, чтобы она и пила вмѣстѣ съ его гостями, всегда выбираемыми имъ въ самыхъ низкихъ слояхъ общества, не брезгую

и собственными крѣпостными людьми, когда они подходили подѣ его требованія и могли пьянствовать по нѣсколько дней безостановочно.

Выносить такую жизнь молодой женщинѣ было трудно, и, возмущенная своей домашней обстановкой, Вѣра Михайловна выразила желаніе жить отдѣльно вмѣстѣ съ маленькими дѣтьми, которыхъ въ то время было уже трое. Черновъ отказалъ ей въ отдѣльномъ видѣ и уславъ ее изъ Москвы, гдѣ у него на Моросѣйкѣ былъ цѣлый кварталъ домовъ, расположенныхъ въ переулкѣ, который такъ и носилъ названіе Черновскаго переулка.

Онъ отправилъ ее въ свое калужское имѣніе Грабцево, поселивъ ее тамъ навсегда и только на этомъ условіи соглашаясь дать ей отдѣльный видъ на жительство. Она на это не согласилась и, уѣхавъ въ Калугу, поселилась въ домѣ, принадлежавшемъ ея мужу и являвшемъ собою чуть не дворець. Домъ этотъ славился на всю губернію, и въ немъ проѣздомъ черезъ Калугу останавливался императоръ Александръ Благословенный.

Черновъ, немедленно прибывъ въ Калугу, обратился къ губернатору, прося его выселить жену изъ его дома, и, получивъ отказъ отъ Булгакова, отправился въ Москву и немедленно послалъ въ вѣдомство императрицы Маріи заявленіе о томъ, что онъ калужскій домъ свой жертвуетъ на нужды этого вѣдомства и просить, чтобы немедленно командировано было лицо для приѣма отъ него этого дара. Тамъ чрезвычайно обрадовались такому богатому приношенію, и Вѣра Михайловна съ дѣтьми поневолѣ должна была уступить и уѣхать въ деревню, такъ какъ больше ей ѣхать было некуда.

Черновъ назначилъ ей опредѣленную сумму на содержаніе и отдалъ въ ея распоряженіе домъ съ большимъ паркомъ и истинно царской обстановкой. Въ деревенскомъ домѣ села Грабцева было свыше 20 комнатъ, роскошно обставленныхъ, зала была въ два свѣта, вся меблировка выписана была къ свадьбѣ Ивана Андреевича изъ Петербурга, и все это дополнялось роскошнымъ паркомъ съ прекрасными цвѣтниками и такими оранжереями, которымъ могъ бы позавидовать любой дворець.

Поселившись тамъ поневолѣ, молодая Чернова не имѣла даже свободнаго выѣзда изъ деревни, какъ аргусами охраняемая довѣренными людьми мужа, не позволявшаго ей отлучаться изъ имѣнія.

О поступкахъ молодой женщины и образѣ ея жизни стали ходить самыя непохвальные слухи, домъ ея съ утра до ночи былъ переполненъ гостями, среди которыхъ никогда нельзя было встрѣтить ни одной женщины, и Черновъ, до котораго стороной доходили не совсѣмъ утѣшительныя извѣстія, лично приѣхалъ въ Грабцево, чтобы предупредить жену, что ничего подобнаго онъ терпѣть не желаетъ, и въ случаѣ повторенія подобныхъ слуховъ приметъ свои мѣры, чтобы «унять» ее. Она молча выслушала его горькую нотацию, но образа дѣйствій своихъ все-таки не измѣнила...

Наступило время ополченія.

Въ Калужской губерніи оказалось одной дружиной больше, пежели во всѣхъ губерніяхъ ополчившейся Россіи, благодаря тому, что тѣмъ-то провинившіяся князь С. В. Кочубей, чтобы вновь попасть въ милость, обмундировалъ и вооружилъ на свой счетъ особую стрѣлковую дружину, расположивъ ее для обученія въ принадлежавшемъ ему извѣстномъ селѣ Троицкомъ, съ знаменитой бумажной фабрикой.

Красавецъ Кочубей увеличилъ собой контингентъ мѣстныхъ кавалеровъ, его стрѣлковые офицеры помогли ему въ устройствѣ нѣсколькихъ блестящихъ праздниковъ, балы слѣдовали за балами, пикники смѣнялись пикниками, и Вѣра Михайловна Чернова, нигдѣ не бывавшая и никуда не приглашаемая, тѣмъ не менѣе заставляла все больше и больше говорить о себѣ.

Между прочимъ, много говорили о постоянныхъ посѣщеніяхъ села Грабцева княземъ С. В. Кочубеемъ, который упорно опровергалъ эти слухи и увѣрялъ всѣхъ, что не только не бываетъ у Черновой, но и не видалъ ее никогда.

Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, когда внезапно пришло въ Калугу извѣстіе о дерзкомъ покушеніи на убійство въ Москвѣ Ивана Андреевича Чернова, получившаго отъ неизвѣстнаго таинственный ящикъ, на крышкѣ котораго написано было: «документы», и который оказался ловко сфабрикованной адской машиной.

Отъ взрыва, происшедшаго при вскрытіи таинственнаго ящика, присутствовавшій при этомъ квартальный надзиратель получилъ опасную рану, одинъ изъ вызванныхъ понятыхъ былъ убитъ наповаль, а самъ Черновъ, отбѣжавъ въ моментъ взрыва къ входной двери, получилъ серьезную рану въ голову.

Оказалось, что таинственный ящикъ доставленъ былъ на дебаркадеръ Николаевской желѣзной дороги какимъ-то очень прилично одѣтымъ молодымъ человѣкомъ, который, взявъ билетъ перваго класса до Москвы и поставивъ принесенный имъ съ собою ящикъ подъ занятое имъ раскидное кресло, вышелъ затѣмъ на платформу и въ вагонъ болѣе не возвратился.

Когда по прибытіи въ Москву ящикъ былъ найденъ въ вагонѣ, то, прочитавъ на крышкѣ подробный адресъ И. А. Чернова, кондукторъ желѣзнодорожной бригады, хорошо знавшій безпрестанно проѣзжавшаго по линіи Чернова, взялся доставить адресату такъ опометчиво оставленную въ вагонѣ посылку.

Черновъ никакихъ документовъ нигде не ждалъ, и сдѣланная на посылкѣ надпись не внушила ему никакого довѣрія. Отсюда тѣ предосторожности, какія онъ нашелъ нужнымъ принять и благодаря которымъ онъ остался въ живыхъ, такъ какъ ударъ былъ настолько силенъ, что были быты въ домъ всѣ рамы, исковерканы всѣ двери, и серьезно пострадали двѣ сосѣднихъ постройки.

Началось слѣдствіе, на первыхъ порахъ не давшее никакихъ положительно результатовъ.

Самого Чернова допрашивать было нельзя, по причинѣ его почти безнадежнаго состоянія, такъ какъ за сильной контузіей головы у него послѣдовало воспаленіе мозга, — а изъ постороннихъ дѣлу лицъ никто не могъ дать ни малѣйшаго объясненія.

Смутно ходили слухи объ участіи въ дѣлѣ покушенія на жизнь Чернова его молоденькой красавицы жены, но она такъ тихо и безмятежно сидѣла въ своемъ Грабцевѣ съ маленькими дѣтишками, что никакого серьезнаго повода къ привлеченію ея къ дѣлу не представлялось.

Булгаковъ, котораго стоустая молва причисляла къ ея болѣе нежели короткимъ знакомымъ, самъ былъ въ ея имѣніи, чтобы произвести нѣсколько предварительныхъ развѣдокъ, и уѣхалъ, вполне убѣжденный, что она ни при чемъ во всей этой горькой исторіи.

Такъ прошло и окончилось лѣто, всѣ калужскія дружины успѣли выступить, когда при обыскѣ, по истеченіи слишкомъ трехъ мѣсяцевъ произведенномъ у В. М. Черновой по настоянію ея мужа, найдена была записка, подписанная именемъ «Сергѣй» и ясно указывавшая на дѣятельное участіе ея автора въ таинственномъ дѣлѣ объ адской машинѣ.

Сергѣй было имя князя Кочубея; онъ, по слухамъ, былъ постояннымъ посѣтителемъ, хотя и негласнымъ, Грабцева, и этого довольно было, чтобы возбудить противъ него серьезное подозрѣніе.

Въ ту минуту онъ съ дружиной своей находился уже на Инкерманскихъ высотахъ, и къ нему туда командированъ былъ чиновникъ для отобранія отъ него подробныхъ свѣдѣній по этому дѣлу.

Сама же Чернова тѣмъ временемъ была арестована и препровождена въ Москву, гдѣ и содержалась сначала при Тверскомъ полицейскомъ управленіи, а затѣмъ переведена была въ мѣстный острогъ, носящій названіе Бутырскаго замка.

Томясь въ строгомъ заточеніи, Чернова представляла собой очень курьезный, чисто театральный образъ. Она ходила въ черномъ платьѣ съ длиннымъ траурнымъ шлейфомъ, носила на головѣ фантастическую наголку изъ черныхъ кружевъ, и иначе не появлялась въ камерахъ судебныхъ слѣдователей, какъ съ чернымъ бархатнымъ молитвенникомъ въ рукахъ, на которыхъ всегда висѣли длинныя черныя четки.

Кочубей, страшно перепуганный привлеченіемъ его къ отвѣтственности по такому вопіющему дѣлу, клятвенно завѣрялъ допрашивавшаго его слѣдователя, что онъ никогда въ глаза не видалъ Чернову, и не только не принималъ ни малѣйшаго участія въ покушеніи на убійство какого-то невѣдомаго ему господина, но и имени его никогда въ жизни не слыжалъ.

За Кочубея вступился родной племянникъ его, графъ Григорій Строгановъ, въ то время уже женатый на великой княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ, и приняты были самыя энергичныя мѣры къ раскрытію истины.

Это удалось сдѣлать только спустя три или четыре мѣсяца, и при этомъ выяснилась полная невинность Кочубея, подъ именемъ котораго являлся въ Грабцево совершенно другое лицо, а именно рязанскій помѣщикъ Телепневъ, знакомый съ Черновой еще до ея замужества и согласившійся путемъ преступленія избавить ее отъ ненавистнаго брака, съ тѣмъ условіемъ, что, овдовѣвъ, Вѣра Михайловна тотчасъ же обвѣнчается съ нимъ, предварительно выдѣливъ ему миллионъ рублей изъ громаднаго состоянія мужа.

Мнимый пассажиръ, доставившій адскую машину на дебаркадеръ Николаевской дороги, былъ наемный камердинеръ Телепнева, получившій на свою «услугу» крупное вознагражденіе и тотчасъ послѣ ловкаго разслѣдованія дѣла откровенно во всемъ сознавшійся. Равнымъ образомъ сознался во всемъ и разысканный и арестованный Телепневъ, на очной ставкѣ безпощадно уличавшій свою сообщницу и внезапно отказавшійся подтвердить свое смѣлое обвиненіе послѣ того, когда, съ личнаго разрѣшенія судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, онъ имѣлъ возможность съ глазу на глазъ переговорить съ Черновой.

— Я оклеветалъ ее!.. Она ни въ чемъ не виновата!—сказалъ онъ послѣ этого разговора.—Я совершенно отказываюсь отъ всего мною передъ этимъ высказаннаго и признаю, что дѣйствовалъ по собственной инициативѣ, движимый чувствомъ давнишней злобы и мести.

Съ этого новаго показанія онъ уже не сошелъ, и смѣло и безпрекословно перенесъ и позоръ публичной казни, и ссылку въ каторжныя работы, ни однимъ словомъ не обвинивъ и не оскорбивъ В. М. Чернову.

Послѣ такого благопріятнаго для нея оборота дѣла Чернова, продолжавшая все-таки находиться подъ арестомъ, стала усиленно добиваться свиданія съ мужемъ, здоровье котораго снова начало подавать поводъ къ серьезнымъ опасеніямъ. Она писала къ мужу, но письма ея, пересылавшіяся черезъ прокурорскую камеру, возвращались ей не распечатанными, и И. А. Черновъ наотрѣзъ объявилъ, что не только видѣться съ женой не хочетъ, но и имени ея слышать не желаетъ.

Она прибѣгла къ помощи духовника больного, который зналъ ее давно, и добилаь наконецъ того, что была допущена къ мужу, согласившемуся принять ее не иначе, какъ въ присутствіи двухъ докторовъ. Она вошла въ комнату мужа въ своемъ полутеатральномъ костюмѣ, блѣдная, робкая и покорная, и, опустившись на колѣни передъ кроватью умирающаго, обливаясь слезами, упросила его, чтобы онъ выслушалъ ее наединѣ.

Тотъ долго не соглашался, и, когда наконецъ свидѣтели этой тяжелой сцены были удалены и супруги остались съ глазу на глазъ, то произошло то же, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ произошло съ Телепневымъ.

Черновъ снялъ съ жены всякій оговоръ и всякое подозрѣніе, и согласился отпустить ее въ тотъ вечеръ обратно въ тюрьму только подъ тѣмъ условіемъ, что на слѣдующій день она будетъ выпущена на свободу съ залогомъ въ 100,000 рублей, которые онъ тутъ же сдѣлалъ распоряженіе внести на слѣдующее утро.

Весь этотъ необычайный процессъ сильно заинтересовалъ общество, и государь приказалъ ежедневно докладывать ему о ходѣ розысковъ, при чемъ подробности, касавшіяся лично до Черновой (въ настоящее время уже умершей), раскрыли такую необычайную картину распущенности нравовъ, что одно изъ очень высокопоставленныхъ лицъ спеціально пріѣзжало изъ Петербурга, чтобы воочию взглянуть на эту новую Клеопатру.

Не входя въ подробности того, что раскрыло ближайшее разслѣдованіе всѣхъ ея поступковъ, довольно будетъ сказать, что число признанныхъ и неопровержимо доказанныхъ ея увлеченій дошло до 48, при чемъ во избѣжаніе скандала исключены были изъ составленнаго списка мѣстные губернскій и уѣздный предводители, два или три уѣздныхъ дружинныхъ начальника, слишкомъ близкій ей родственникъ и еще нѣсколько лицъ, великодушно пощаженныхъ слѣдователемъ, которому поручено было это интересное дѣло.

Наравнѣ съ многочисленностью поражало въ этомъ списокѣ и равнообразіе избранниковъ калужской Мессалины.

Тутъ были и князья, и графы, и простые лакеи, и случайно поавшіе на работу столяры и плотники, словомъ, «не процессъ, а какое-то столпотвореніе вавилонское», какъ выражался Булгаковъ, описывая эту интересную страницу его калужской служебной дѣятельности.

Сканчальная хроника Калуги и его имя припутывала къ длинному перечню счастливицевъ, но онъ отъ этого всѣми силами открещивался.

Ар стъ Вѣры Михайловны, увезенной въ Москву спеціально прибывшимъ за нею жандармскимъ полковникомъ Войсковымъ, при ассистентѣ Цвеленевѣ, а затѣмъ развитіе и оригинальное окончаніе ея дѣла—долгое время занимали все русское общество, но... путемъ всеспыльныхъ денегъ все въ мірѣ очищается и ступшевывается, и впослѣдствіи Вѣра Михайловна Чернова, похоронившая мужа, который оставилъ почти исключительно ей одной все свое громадное состояніе, вышла замужъ за титулованнаго господина ¹⁾ и сдѣлалась богатой петербургской домовладѣлицей. Въ общество она, строга

¹⁾ Графъ Степбокъ-Ферморъ.

говори, не вошла, да она и не особенно гналась за этимъ. Года на-ложили на нее печать спокойствія и сдержанности и святость вто-рого своего брака она едва ли нарушила.

Калуга въ описываемую мною эпоху усиленно веселилась, и среди шума и блеска баловъ и собраній забывались тяжелыя не-удачи, переносимыя Россіей на полѣ брани.

Слишкомъ усердное веселье старались оправдать тѣмъ, что всѣ почти балы и концерты устраивались въ пользу вдовъ и сиротъ погибшихъ воиновъ, и, по мѣткому выраженію Булгакова, устраи-вались не балы, а «тризны», и пѣли и плясали «за упокой».

Въ это время съ горячимъ восторгомъ и глубокимъ почетомъ встрѣчались всѣ возвращавшіеся больные и раненые офицеры и мо-ряки, и восторгъ этотъ, не всегда разумный, подавалъ иногда поводъ къ комичнымъ недоразумѣніямъ.

Такъ, когда во время одного изъ благотворительныхъ концер-товъ въ залѣ показался господинъ въ мундирѣ, съ рукой на пере-вязи и опиравшійся на костыль, то вся зала встрѣтила его бурей восторженнымъ аплодисментовъ, заставившихъ его сначала му-чительно покраснѣть, а затѣмъ обратиться въ бѣгство, сильно за-трудненное его костылемъ. Всѣ были тронуты доблестной скром-ностью «героя», а когда дѣло разъяснилось, то на повѣрку оказа-лось, что «доблестный герой» былъ интендантскій чиновникъ мо-сковскаго вещевого склада Крюковъ, за двѣ или за три недѣли передъ тѣмъ вывалившійся изъ экипажа и едва не сломавшій себѣ при этомъ руки и ноги.

— Это ужъ по-тамбовски!..—хохоталъ Булгаковъ, повѣствуя объ этомъ «легкомъ недоразумѣніи».

Чтобы покончить съ злоключеніями Булгакова на посту тамбов-скаго губернатора, припомню еще эпизодъ съ извѣстнымъ и хорошо памятнымъ въ музыкальномъ мірѣ княземъ Юріемъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Голицынъ—знатный, богатый, красавецъ собой и музыкантъ, ка-кихъ и до него и послѣ него было мало на Руси, въ 28 лѣтъ былъ из-бранъ предводителемъ дворянства, и, несомнѣнно, и дальше шелъ бы такъ же бойко и широко по жизненному пути, ежели бы не увлекся хорошенькой женщиной.

Увлеченіе это стоило ему большихъ денегъ, и жена его, принадле-жавшая къ высшей петербургской аристократіи, оказалась выну-жденной обратиться къ защитѣ правительства, чтобы обуздать без-умныя траты мужа. Надъ Голицынымъ учреждена была опека за расточительность, постъ предводителя дворянства отошелъ отъ него, и на его личныя издержки назначена ему была довольно огра-ниченная сумма денегъ, которой другому, пожалуй бы, и достало на скромную жизнь, но Голицынъ скромно жить не умѣлъ и не хотѣлъ, и нашелъ себя вынужденнымъ принять мѣры къ увеличенію своихъ

прямых доходовъ. Мѣры эти оказались оригинальными, какъ и все, что придумывалъ и изобрѣталъ князь Юрій Николаевичъ, и спустя недѣлю или двѣ послѣ объявленія Голицыну высочайшаго повелѣнія объ ограниченіи его имущественныхъ правъ, въ одной изъ тамбовскихъ окраинъ, надъ дверями большого сарая съ двумя растворами появилась оригинальная вывѣска, гласившая:

«Продажа дегтю, рогожь, гвоздей и прочаго товара, камергера двора Его Императорскаго Величества князя Юрія Николаевича Голицына».

Въ передней половинѣ лавки-сарая, надъ широкимъ его растворомъ, между шлеями и расписанными дугами, висѣли, кромѣ того, и связки сухихъ баранокъ, какъ бы свидѣтельствуя о желаніи оригинальной торговли самымъ широкимъ образомъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ обывателей.

Легко можно себѣ представить, какой скандалъ вызванъ былъ появленіемъ среди Тамбова такой вывѣски и такого «магазина».

Булгаковъ немедленно пріѣхалъ въ «дегтярную лавку», но какъ онъ ни уговаривалъ Голицына снять вывѣску и прикрыть торговлю, тотъ не согласился, и вывѣска снята была только по высочайшему повелѣнію, когда о вновь открытой оригинальной «торговлѣ» доведено было до свѣдѣнія государя.

Я лично знала князя Юрія Николаевича гораздо позднѣе, когда онъ былъ уже всемірно-извѣстнымъ музыкантомъ, и когда управляемому имъ хору восторженно внимали всѣ крупные города Стараго и Новаго свѣта.

Это была удивительно поэтическая, отзывчивая и въ высшей степени оригинальная натура, полная самыхъ бурныхъ порывовъ и самыхъ рѣзкихъ контрастовъ.

Старшаго сына своего, князя Евгенія, выросшаго и всегда жившаго при матери, князь Юрій мало зналъ и не особенно горячо любилъ, но зато боготворилъ младшаго, красавца Никса, сына, рожденнаго внѣ законнаго брака отъ женщины, въ теченіе долгихъ лѣтъ не расстававшейся съ княземъ и всюду за границей носившей его титулъ.

Много лѣтъ Никсъ считалъ себя княземъ, и когда, въ 1872 году, настала пора урегулировать его положеніе, то князь Юрій отправился въ Петербургъ для того, чтобы лично испросить согласіе старшаго сына своего на присвоеніе Никсу княжескаго титула, безъ всякихъ имущественныхъ правъ.

Онъ пріѣхалъ проститься со мной наканунѣ отъѣзда своего утромъ, неожиданно заѣхалъ еще поздно вечеромъ и, прощаясь со мной и по-товарищески обнимая меня, сказалъ:

— Вы знаете, зачѣмъ и къ кому я ѣду. Отъ результата этой поѣздки зависитъ вся жизнь моя. Удастся мнѣ уговорить и упробить сына—я вернусь къ вамъ сюда молодой и счастливый, съ запасомъ

новыхъ силъ и новой энергіи, не удастся—не вернусь вовсе! Силъ не хватитъ пережить такую неудачу!

Слова эти были пророческими.

Подробностей его свиданія съ сыномъ Евгеніемъ я не знаю, но полторы или двѣ недѣли послѣ его отъѣзда получено было извѣстіе о его кончинѣ въ одной изъ петербургскихъ гостиницъ, ежели не ошибаюсь—въ «Отель де-Франсъ».

Онъ умеръ отъ истощенія силъ, и лежалъ въ гробу блѣдный, худой, съ глубоко ввалившимися глазами, а уѣхалъ онъ отъ насъ могучимъ, сильнымъ гигантомъ, которому именно за его крупную и могучую фигуру присвоено было за границей прозваніе «абиссинскаго бога».

Князь Юрій не умѣлъ ни чувствовать, ни страдать въ половину... Это была цѣльная, крупная, могучая натура.

О дальнѣйшей судьбѣ его меньшаго сына мнѣ ничего не извѣстно; что же касается до князя Евгенія, то онъ умеръ, нося двойной титулъ князя Голицына графа Головкина, и, ежели не ошибаюсь, былъ нѣсколько причастенъ литературѣ.

Послѣ смерти князя Юрія въ печати появились его записки, до того перечеркнутыя, «исправленныя» и главное сокращенныя цензурой, что онѣ не представляли уже собой почти никакого интереса.

Я помню, какъ онъ самъ передавалъ намъ свою бесѣду съ покойнымъ редакторомъ-издателемъ «Голоса» А. А. Краевскимъ по поводу продажи ему записокъ еще при жизни своей. Онъ былъ особенно хорошо знакомъ съ Краевскимъ, и хотя не питалъ къ нему особаго уваженія, но былъ съ нимъ на короткой ногѣ и даже на «ты». И вотъ однажды, въ моментъ денежнаго кризиса,—а такихъ моментовъ въ жизни князя было очень много—онъ пріѣзжаетъ къ Краевскому и предлагаетъ продать ему для отдѣльнаго изданія полныя записки свои за долгій циклъ лѣтъ, и притомъ съ полными «собственными именами».

Краевскій былъ очень обрадованъ такимъ предложеніемъ.

Записки Голицына, да еще испещренныя собственными громкими именами... Да это была цѣлая фортуна для издателя!

— Я отрывками въ «Голосѣ» ихъ дамъ?...—заботливо замѣтилъ Краевскій.

— Хоть на стѣнкѣ у себя ихъ печатай, только заплати мнѣ за нихъ хорошенько. Деньги нужны по зарѣзъ!—отвѣтилъ Голицынъ.

— Ну, это разумѣется!—согласился Краевскій.

— А сколько ты мнѣ заплатишь за листъ?

— Ну, что тутъ толковать, сойдемся!

— Нѣтъ, уговоръ лучше денегъ. Ты назначь сколько?

— А ты что бы хотѣлъ взять?

— Да что съ тебя возьмешь? Дорого ты не дашь, я тебя знаю. Такъ и быть, для тебя возьму по 500 рублей.

— За листъ?!

— Ну, конечно!

Краевскій и руками замахалъ.

Надо замѣтить, что въ тѣ далекія времена печатное слово, хотя имѣвшее несравненно болѣе значенія, нежели оно имѣть въ настоящую минуту, таксировалось далеко не такъ высоко, и Тургеневъ больше 500 за листъ никогда не получалъ.

— Да что ты!.. Помилуй! Какъ 500 рублей! Сколько же я Тургеневу-то заплачу?

— Да я думаю, что ровно ничего не заплатишь, потому что онъ ничего и продавать тебѣ не станетъ! Да не о Тургеневѣ рѣчь, а обо мнѣ. Покупаешь ты или нѣтъ мои записки?

— Конечно, конечно!.. Только не по такой же цѣнѣ!

— А я, братъ, дешевле не уступлю... Вѣдь самъ ты понимаешь, съ какимъ громаднымъ интересомъ онѣ читаются?

— Вѣрю... Вѣрю... Но все-таки 500 рублей. Самъ посуди. За что же? Я и по 200 рублей никогда почти не плачу.

— А ты такъ и положи, по 200 за «записки», а по 300 накинъ за скандалъ!.. Скандалъ-то, братъ, дороже таланта.

Сдѣлка, сколько мнѣ извѣстно, не состоялась, и Голицынъ укоризненно говорилъ, что съ этимъ «дойнеъ д'аге» никогда пива не сваришь.

Прозвище «дойнеъ д'аге» присвоено было Краевскому въ литературныхъ кружкахъ послѣ того, какъ онъ, пожелавъ перевести какую-то французскую критическую замѣтку и самымъ поверхностнымъ образомъ знакомый съ французскимъ языкомъ, принялъ чисто французское выраженіе *doyen d'age* за собственное имя, и перекрестилъ его въ «Дойнеъ д'аге».

За долгіе годы моей принадлежности къ газетному дѣлу, при обязательномъ посѣщеніи мною, въ качествѣ присяжнаго рецензента, всѣхъ выдающихся спектаклей и концертовъ, мнѣ почти никогда не доводилось присутствовать при такомъ торжествѣ таланта, какимъ отмѣчалось каждое появленіе Голицына за капельмейстерскимъ пюпитромъ.

Никто не умѣлъ такъ слиться съ хоромъ и оркестромъ, какъ сливался съ ними Голицынъ, никто не умѣлъ ихъ такъ воодушевить и придать русской пѣснѣ тѣхъ тонкихъ нюансовъ, того задушевнаго колорита, какимъ блистало исполненіе ея подъ управленіемъ Голицына. Зато и такихъ сборовъ, какіе дѣлалъ онъ, Москва ни до, ни послѣ него никогда въ своихъ стѣнахъ не видала. Довольно сказать, что въ дни его зимнихъ концертовъ большая зала Дворянскаго собранія не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ его послушать, и что сверхъ проданныхъ билетовъ на нумерованныя мѣста громадныя толпы стояли въ дверяхъ и въ проходахъ, охотно оплачивая, по усиленной таксѣ, право стоя послушать неподражаемаго русскаго музыканта.

Его «Эй ухнемъ» и «Камаринская» послѣ него уже не повторились... Обѣ пѣсни въ концертномъ исполненіи умерли вмѣстѣ съ нимъ.

Послѣдній пріѣздъ его въ Петербургъ не былъ никому извѣстенъ. Онъ, какъ я уже сказала, пріѣхалъ по чисто семейному дѣлу, и, никого не желая посвящать въ его подробности, никому не далъ знать о своемъ прибытіи. Боленъ онъ не былъ совсѣмъ, пролежалъ въ постели одинъ только день, и внезапно подкравшаяся смерть застала врасплохъ и его самого, и всѣхъ окружающихъ. По телеграфу извѣщена была московская гостиница «Славянскій Базаръ», отмѣтка которой стояла на паспортѣ умершаго. Управление гостиницы, гдѣ онъ скончался, сдѣлало зависѣвшія отъ него распоряженія, а сынъ князя почему-то удовольствовался такимъ скромнымъ и краткимъ объявленіемъ въ одной или двухъ изъ петербургскихъ газетъ, что никому прочитавшему это скромное объявленіе и въ голову не пришло, что рѣчь идетъ о хорошо знакомомъ всей интеллигентной Россіи Юріи Голицынѣ, съ которымъ опускалась въ могилу крупная и яркая страница музыкальной исторіи Россіи. Безвѣстно и незамѣтно прошли всѣ отслуженныя у гроба панихиды, и скромно двинулась сравнительно чуть не бѣдная похоронная процессія по направленію къ кладбищу, когда внезапно, на поворотѣ одной изъ большихъ улицъ, почти наперерѣзъ процессіи остановился цѣлый рядъ поспѣшно подъѣхавшихъ съ разныхъ сторонъ экипажей, и артисты всѣхъ петербургскихъ театровъ стали поспѣшно выходить изъ каретъ и колясокъ.

Они только что узнали о кончинѣ и погребеніи Голицына и, бросивъ все, поспѣшили къ его гробу.

Драматическіе артисты смѣшались съ немногочисленной толпой, слѣдовавшей за гробомъ, а оперные, выстроившись стройными рядами, дружнымъ, за душу хватающимъ хоромъ запѣли «Святый Боже»... Они же, по прибытіи на кладбище, пропѣли и обѣдную и отпѣванье, и своими руками почтительно опустили въ могилу гробъ всѣмъ равно симпатичнаго человѣка и всѣми признаннаго крупнаго таланта,

Все это старая быль, успѣвшая давно «быльемъ порасти», которая плохо вяжется съ современными нравами и обычаями русскихъ театровъ. Теперь уже безъ приглашенія цѣлая труппа ни на чье въ мірѣ погребеніе не явится и чести опустить небогатый гробъ въ могилу—отстаивать не будетъ... Теперь на театральныя пажити налетѣли новыя птицы, съ новыми, незнакомыми пѣснями... Въ этихъ новыхъ пѣсняхъ практической смекалки больше, да зато прежней горячей души въ нихъ нѣтъ!

Въ Москвѣ извѣстіе о кончинѣ князя Голицына встрѣчено было съ искреннимъ, непритворнымъ горемъ, которое мнѣ лично было тѣмъ болѣе замѣтно, что я въ то время работала въ «Русскихъ

Вѣдомостяхъ», редакторъ которыхъ Николай Семеновичъ Скворцовъ былъ исключительно друженъ съ Голицынымъ и, зная его дружескую пріязнь ко мнѣ, поручилъ мнѣ и составленіе его некролога, и присутствіе, отъ имени редакціи, на заупокойной обѣднѣ, отслуженной братомъ почившаго въ одной изъ модныхъ церквей тогдашней Москвы.

Братъ покойнаго князя Юрія, князь Борисъ Николаевичъ, былъ живымъ контрастомъ умершаго, и отслуженная имъ заупокойная обѣдня, вмѣсто сочувственнаго отзыва, вызвала только порицанія по его адресу со стороны многочисленныхъ друзей князя Юрія.

Князь Борисъ Николаевичъ съ какимъ-то непонятнымъ осужденіемъ отнесся къ оставшейся не узаконенной семьѣ брата, что не помѣшало ему на той же заупокойной службѣ парадировать рядомъ съ Зинаидой Крюковой, доводившейся ему въ той же степени родства, за которую онъ такъ строго осудилъ другую женщину, всю жизнь свою прожившую съ его почившимъ братомъ и перенесшую съ нимъ все его многочисленныя житейскія невзгоды.

Въ этомъ смыслѣ написана была мною статья въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», вызвавшая полемику со стороны князя Бориса, не испугавшую ни меня, ни Скворцова. Въ концѣ концовъ ему же пришлось извиняться передъ нами обоими и лицомъ къ лицу встрѣтиться съ порицаніемъ всей Москвы.

Позднѣ князю Борису—въ настоящую минуту уже умершему—пришлось фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ въ скандальномъ процессѣ по обвиненію въ довольно сложномъ вовлеченіи другихъ лицъ въ невыгодныя сдѣлки съ корыстной цѣлью.

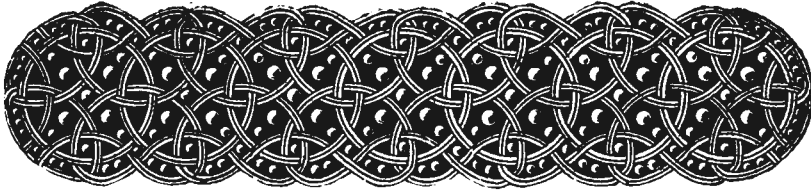
Средствъ послѣ князя Юрія Николаевича не осталось положительно никакихъ, и мнѣ совершенно неизвѣстно, какъ удалось устроиться его осиротѣвшему, хотя и не легальному, но очень симпатичному семейству.

Неизвѣстно мнѣ также, кѣмъ были проданы и на чье иждивеніе были изданы записки Юрія Николаевича, знаю только, что интереса онѣ не представили собой почти никакого и успѣха не имѣли.

А. И. Соколова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАРУБЕЖНЫХЪ ВСТРѢЧЪ.

РЕДИ долгихъ скитаній за границей мнѣ приходилось не разъ встрѣчаться при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ съ дорогими соотечественниками. Многіе представители этой, неустанно и тщетно взыскующей града, зарубежной Руси примѣчательны и любопытны. Потому я рѣшился записать воспоминанія объ иныхъ изъ этихъ случайныхъ встрѣчъ въ надеждѣ, что они составятъ не лишнюю иллюстрацію къ тѣмъ моимъ наблюденіямъ общаго свойства, которыя я уже опубликовалъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» подъ заглавіемъ «Россия въ Германіи».

Само собою разумѣется, что, стараясь по возможности точно записать видѣнное и слышанное, я измѣнилъ фамиліи своихъ персонажей.

I.

Докторъ Петрушка изъ Москвы.

Живя въ Берлинѣ, мы съ пріятелями по вечерамъ послѣ театровъ любили посидѣть въ знаменитомъ «кафе Бауэръ», расположенномъ на самомъ людномъ мѣстѣ нѣмецкой столицы, на перекресткѣ Фридрихштрассе и «Унтеръ денъ Линденъ». Почему-то это кафе особенно пришлось по вкусу проѣзжающимъ черезъ Берлинъ русскимъ. Вотъ почему здѣсь постоянно слышится русская рѣчь и всегда можно рассчитывать на разныя болѣе или менѣе

непріятныя встрѣчи. Это нѣчто въ родѣ клуба русскихъ путешественниковъ.

Разъ какъ-то за нашимъ столикомъ подобралось нѣсколько бывшихъ питомцевъ московскаго университета.

— Смотрите, господа!—воскликнулъ одинъ изъ насъ. —Видите, на моторѣ катить самъ Максимъ Максимовичъ!

Дѣйствительно, на одномъ изъ остановленныхъ на время всевластнымъ шдуманомъ автомобилей возвышалась колоссальная фигура Максима Ковалевскаго.

Среди насъ оказался одинъ изъ его бывшихъ слушателей по московскому университету. Начались неизсякаемыя студенческія воспоминанія, воскресли анекдоты про популярныхъ профессоровъ, и среди другихъ славныхъ именъ теперь уже умершихъ московскихъ знаменитостей не разъ былъ упомянутъ физикъ А. Г. Столѣтовъ, гроза всѣхъ московскихъ математиковъ восьмидесятыхъ годовъ...

За сосѣднимъ столикомъ сидѣла маленькая, тщедушная фигурка юркаго брюнетика, весь вечеръ прихлебывавшаго мазагрань урывками за чтеніемъ нѣмецкихъ газетъ. По внѣшнему облику брюнетикъ смахивалъ на какого-нибудь лаборанта, не безъ хлопотъ и протекцій выбравшагося за черту осѣдлости, а черезчуръ небрежный и слишкомъ затрепанный костюмъ при явномъ отсутствіи свѣжаго бѣлья, до чего такъ рѣдко доводятъ себя коренные нѣмцы, ясно говорилъ, что его обладатель нашъ соотечественникъ и притомъ далеко на процвѣтающей на малое гостепримныхъ берегахъ Шпрее.

Всякій разъ, какъ за нашимъ столикомъ поминали Столѣтова, брюнетикъ какъ-то весь встряхивался, откладывая свою газету и начиналъ особенно усердно слушать. Видно было, что наши рѣчи задѣвали его за живое. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ, подозвалъ кельнера, наскоро расплатился и направился къ нашему столику, что, признаться сказать, не повергло насъ въ особенную радость.

— Кажется, я имѣю удовольствіе видѣть коллегу, — началъ онъ, сильно картавя и слишкомъ явно изобличая особенностями говора свою дѣйствительную національность. —Вы тоже питомцы нашего великаго «дома на Моховой»? Да? Въ такомъ случаѣ очень, очень пріятно! Позвольте представиться: докторъ Петрушка изъ Москвы и, смѣю сказать не безъ гордости, любимый ученикъ самаго Столѣтова, да-съ, самого Александра Григорьевича.

— Да-съ, — продолжалъ докторъ Петрушка, уже разсаживаясь безъ всякихъ приглашеній за нашимъ столикомъ, —не мало въ свое время мы поработали съ Александромъ Григорьевичемъ въ его лабораторіи. Тамъ еще, вѣрно, меня хорошо помнятъ: каждый приборъ по сотнѣ разъ побывалъ вотъ въ этихъ рукахъ, а иные я даже самолично усовершенствовалъ. Столѣтовъ охотно слушалъ,

когда имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, понимающимъ дѣло. Такъ, мои поправки въ одну теорію Тиндаля онъ даже включилъ въ свою «Акустику», конечно, не называя меня по имени. Ну, да я не претендую: гдѣ наше не пропадало! И, кто знаетъ, я не торчалъ бы теперь въ этомъ проклятомъ Берлинѣ, а былъ бы преемникомъ Столѣтова, если бы въ нашемъ, или, вѣрнѣе, вашемъ миломъ отечествѣ при замѣщеніи каедръ считались съ ученымъ багажомъ, а не съ національными предрасудками. Ну, да докторъ Петрушка не изъ таковыхъ: меня можно было убрать съ дороги, но не придушить. Меня можно было не пустить на кафедру, но съ физикой меня не разлучить самъ Богъ!! И теперь здѣсь въ Берлинѣ у меня, правда, довольно скромный, но зато свой собственный институтъ, и въ немъ я самъ себѣ и профессоръ, и попечитель, и министр!

Долго еще текла развязная, полная самохвальства рѣчь доктора Петрушки: слушать его въ большомъ количествѣ было тошно, да и становилось ужъ поздно. Мы стали собираться по домамъ.

На прощанье докторъ Петрушка сталъ усердно упрашивать насъ «не отказать ему въ чести посѣтить его институтъ», адресъ котораго мы, конечно, пропустили мимо ушей.

— Пожалуйста, заходите!—упрашивалъ «любимый ученикъ» Столѣтова. — Я буду васъ ждать, хотя бы завтра. Знаете, я такъ люблю все, что хоть немножечко связано съ московскимъ университетомъ. Могу сказать смѣло, что подъ сѣнью памятника Ломосова заложенъ весь фундаментъ моей ученой карьеры.

Намъ, конечно, и въ голову не приходило воспользоваться этимъ приглашеніемъ: слишкомъ надоѣлъ намъ и за одинъ вечеръ докторъ Петрушка, явно привиравшій про свою близость къ Столѣтову. Но, видно, судьбѣ было угодно, чтобы чаша была испита до дна: недѣли черезъ полторы неожиданный ливень захватилъ насъ съ пріятелемъ на изрядномъ разстояніи отъ квартиры. Укрыться было негдѣ; какъ на грѣхъ, и омнибусовъ по этой улицѣ не ходило. Мы, было, предоставили уже себя на жертву хлябямъ небеснымъ, какъ вдругъ пріятель воскликнулъ:

— Вотъ оно неожиданное спасеніе! Смотри, что написано,— сказалъ, онъ показывая на одну изъ вывѣсокъ, прибитыхъ сбоку отъ весьма подозрительнаго входа.— Это вѣдь нашъ «любимый ученикъ Столѣтова» изъ кафе Бауэръ.

На вывѣскѣ, украшенной изображеніями лиры съ одной стороны и какого-то замысловатаго физическаго прибора съ другой, было напечатано: «Единственный въ столицѣ художественно-научный институтъ доктора Миши Петрушки изъ Москвы. Важно для художниковъ сцены и семейныхъ увеселеній. Часы для переговоровъ ежедневно отъ 12 до 2 и 6—8».

Трудно было сомнѣваться, что это именно «любимый ученикъ Столѣтова» творить нѣчто одинаково важное и для художниковъ сцены, и для семейныхъ увеселеній. Да и дождь начиналъ хлестать уже совсѣмъ немилосердно. Выбора не было и, обрекая себя на повую бесѣду съ «докторомъ изъ Москвы», мы храбро стали подниматься куда-то подъ облака.

Институтъ доктора Петрушки представлялъ собой плохонькую лабораторію съ обычными принадлежностями такихъ учрежденій, содержимыми въ весьма запущенномъ и небрежномъ состояніи. Но было здѣсь и нѣчто такое, чего нельзя было ожидать встрѣтить въ ученомъ «институтѣ»! Мы были немало поражены, видя, что всѣ стѣны «института» были густо завѣшены афишами различныхъ цирковъ, кафе-концертовъ и тому подобныхъ учрежденій, на нашъ скромный взглядъ, имѣющихъ весьма мало общаго съ физикой и вообще со всякаго рода наукой. Дальнѣйшій обзоръ «института» обнаружилъ присутствіе весьма изряднаго числа фотографій различныхъ особъ, снятыхъ въ костюмѣ жонглеровъ, клоуновъ, фокусниковъ и т. п.

Широкѣшательныя и напоказъ выставленныя подписи этихъ господъ краснорѣчиво изъяснялись на различныхъ языкахъ въ исключительной благодарности «милѣйшему доктору Петрушкѣ за удивительную доброкачественность и безопасность его препаратовъ».

Заниматься обзоромъ помѣщенія мы могли безъ всякихъ помѣхъ, потому что, видимо, весь персоналъ института исчерпывался самимъ докторомъ, которому въ данную минуту было вовсе не до насъ: его разносилъ, что называется, на чемъ свѣтъ стоитъ, важно сидѣвшій на единственномъ креслѣ господинъ съ явно выраженной физиономіей клоуна, тогда какъ самъ докторъ былъ крайне смущенъ и имѣлъ видъ человѣка, желающаго какъ можно скорѣе провалиться сквозь землю.

— Это чортъ знаетъ, что такое, — гремѣлъ клоунъ. — Вамъ платишь бѣшенныя деньги за секретъ препарата, ѣдешь въ полной увѣренности, что располагаешь никѣмъ и нигдѣ не виданными номерами, тратишь деньги на рекламы и на ознакомленіе газетъ, и вдругъ оказывается, что этотъ номеръ уже годъ тому назадъ показывали и толстый Бушъ и Максъ Рваная Ноздря. Это ни на что не похоже!! Порядочные люди такъ не поступаютъ! Не могу же я самъ съ своими переѣздами слѣдить за современнымъ движеніемъ науки! За это вамъ и платимъ чортовы деньги. Если же въ вашей дырявой башкѣ вся фантазія уже вывѣтрилась и мозги такъ оскудѣли, что ничего вы изобразить не въ силахъ, то такъ бы на чистоту и говорили: мало, что ли, вашего брата? Нашли бы за свои денежки человѣка поживѣе да половчѣе, который не сталъ бы угощать своихъ кліентовъ залежалымъ товаромъ!

Долго еще гремѣлъ и негодовалъ обиженный кліентъ доктора Петрушки.

Тотъ почти ничего не говорилъ въ свое оправданіе, а только старался успокоить разгнѣваннаго гостя, задобрить его горячими увѣреніями, что впредь ничего подобнаго не повториться.

Только когда съ большимъ трудомъ «доктору» удалось выжить непрощеннаго гостя, хозяинъ обратился къ намъ съ привѣтствіями, радостный тонъ которыхъ плохо соотвѣтствовалъ все еще подавленному его настроенію.

— Вотъ видите, какъ тяжело имѣть дѣло съ невѣжественными людьми, которые ничего на свѣтѣ, кромѣ своего кошелька, не признають. Онъ думаетъ, что заплатилъ себѣ деньги, такъ и можетъ грубить и нахальничать, сколько влѣзетъ! Ошибается, даже очень ошибается: докторъ Петрушка еще никому не позволялъ наступать себѣ на ногу,—хорохорился нашъ хозяинъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ грозный посѣтитель уходилъ дальше отъ «института».

— Ну, изъ нашей бесѣды съ этимъ грубіяномъ вы, вѣрно, поняли назначеніе моего института? Знаете, въ наши подлые дни одной чистой наукой не прокормишься. Вотъ я и выдумалъ соединить полезное съ пріятнымъ. Если вы бывали въ циркахъ, то легко могли понять, что современный прогрессъ проникъ даже въ эту область. Почти каждый жонглеръ, клоунъ, акробатъ и другіе мастера арены не могутъ въ наши дни обходиться безъ особенныхъ снарядовъ и приспособленій. Какой, напримѣръ, хохотъ поднимаетъ публика, конечно, чуждая истинно интеллигентныхъ радостей, когда клоунъ ударяетъ палкой по лысинѣ товарища, такъ что получается ударъ какъ бы отъ взрыва бомбы и изъ дыры на лысинѣ начинается валить огонь. Или когда эффектная барышня въ трико, стоя ножками на громадномъ мячикѣ, медленно вкатывается вверхъ по наклонной плоскости, или же берется зубами за краешекъ большого обѣденнаго стола, подымаетъ его на воздухъ и затѣмъ, держа его только зубами, начинаетъ вращать вокругъ себя со все увеличивающеюся скоростью. Такихъ номеровъ въ репертуарѣ каждаго мало-мальски солидно поставленнаго цирка наберется не одна сотня и, конечно, безъ помощи людей науки имъ не обойтись. Вотъ тутъ-то я и прихожу на помощь. Всѣ эти снаряды выходятъ изъ моего института, и только мои удивительныя познанія въ физикѣ, механикѣ и химіи доставили мнѣ то исключительное уваженіе, какимъ, скажу по чести, я давно уже пользуюсь въ артистическомъ мірѣ Германіи,—не безъ гордости заявилъ докторъ Петрушка, очевидно, успѣвшій основательно забыть то проявленіе этого «исключительнаго уваженія», невольными свидѣтелями котораго мы только что были,

— Особенно много приходится работать по электричеству и теории свѣта,—продолжалъ нашъ хозяинъ.—Вы знаете, въ какомъ теперь ходу свѣтовые эффекты, волшебныя переменныя группы и костюмовъ на отдѣльныхъ фигурахъ. Въ наши дни проекціонный фонарь необходимая принадлежность даже плохонькаго цирка. Но управлять имъ безъ нашей специальной помощи они, конечно, не въ силахъ. Мнѣ же это все плевое дѣло, разъ я работалъ у Столѣтова, такого специалиста какъ разъ по свѣту. А потомъ я усовершенствовался у Гельмгольца, —продолжалъ нашъ хозяинъ свои автобіографическія изліянія, но дождь тѣмъ временемъ пересталъ, и мы получили возможность прекратить визитъ.

— Скажите,—спросилъ насъ на прощанье докторъ Петрушка:—ничего не слышно, какъ ваша дума—не хочетъ открыть намъ доступъ на кафедры? А то я при первой возможности снова махнулъ бы въ Москву прямо на конкурсъ. Вѣдь, знаете, возиться съ этимъ народомъ интеллигентному человѣку не велика сладость. Сдать экзамены тамъ разные дурацкіе да настряпать двѣ диссертациі для меня плевое дѣло,—увѣрялъ докторъ и уже вдогонку намъ крикнулъ съ своей площадки:

— А то жалко будетъ, если въ Москвѣ совсѣмъ исчезнетъ великая школа Столѣтова!

II.

Съ Рогожскаго кладбища.

Въ библіотекѣ одного изъ старинныхъ нѣмецкихъ университетовъ за однимъ со мной столомъ занимался господинъ лѣтъ за тридцать, всѣми своими повадками и обличемъ похожій не на иностранца, а на самага коренного русака. И, казалось, его мѣсто не здѣсь, въ самомъ центрѣ западнаго просвѣщенія, а гдѣ-нибудь въ Москвѣ, на Ильинкѣ, за конторкой старинной русской фирмы, либо гдѣ-нибудь на большой волжской пристани. Простительное любопытство, позволявшее мнѣ мелькомъ бросить взглядъ на книги своего сосѣда, еще болѣе усилило мое предположеніе, что это русскій: среди его книгъ слишкомъ много было славянскихъ и русскихъ. Да и свои выписки въ толстую тетрадь онъ тоже дѣлалъ русскими буквами.

Ужъ больше недѣли просидѣли мы съ нимъ за однимъ столомъ, а перемолвиться хоть бы словечкомъ намъ все не доводилось: больно пристально изучалъ мой сосѣдъ свои фоліанты, такъ что не хотѣлось отрывать его отъ такой напряженной работы.

Однажды насъ застала въ библіотекѣ сильная гроза. Старинное зданіе ходуномъ ходило отъ оглушительныхъ ударовъ грома, и молнія то и дѣло вспыхивала за узкими готическими окнами би-

бліотеки. При одномъ особенно сильномъ ударѣ мой сосѣдъ всталъ, истово перекрестился и съ благоговѣніемъ произнесъ:

— Господи, Иисусе Христе, спаси и помилуй насъ, многогрѣшныхъ!

Крестился онъ по старинному, двуперстіемъ.

Садясь затѣмъ снова къ своимъ книгамъ, онъ впервые вскинулъ на меня свои глаза и съ милой, полной добродушія и простоты улыбкой проговорилъ:

— Вотъ такъ гроза-съ! не хуже нашихъ, московскихъ!

Я что-то отвѣтилъ, и затѣмъ мы снова ушли каждый въ свою работу, но какъ-то на этотъ разъ случилось такъ, что къ обѣденному перерыву мы оба поднялись одновременно, оба сразу сдали книги «интенданту»—такъ зовутъ за границей надзирателей за читальнымъ заломъ—и оба же одновременно вышли на улицу.

— Стало быть, я не ошибся,—промолвилъ мой сосѣдъ съ той же милой улыбкой,—признавши въ васъ своего брата, русака! Есть въ насъ что-то такое особенное, изъ-за чего, въ какой костюмъ насъ ни обряжай, а русской подоплеку не вытравить и не скроешь. Давно я мыкаюсь по чужбинѣ, отъ русскихъ рѣчей ужъ отвыкать сталъ, а по-нѣмецки-то не больно шибко говорить научился, такъ больше въ молчанку и играешь. Вотъ теперь, до сегодняшняго дня, почти тай, недѣли три ни съ кѣмъ по-русски и говорить не доводилось. Такъ, вѣрите ли, такъ по родному разговору соскучился, что на-медни у себя въ комнатѣ самъ съ собой разговоры вести сталъ, да такъ увлекся, что, смотрю, стучить ко мнѣ наша фрейлина, да такъ опасно на меня и поглядываетъ: ужъ не сбѣсился ли, молъ, неровень часъ, нашъ русскій постоялецъ.

Съ каждой фразой мой собесѣдникъ становился мнѣ все милѣе: своей скромностью и дѣловитой простотой онъ сильно отличался отъ тѣхъ фальсифицированныхъ «русскихъ», наглость и развязность которыхъ заставляеть за границей усиленно избѣгать знакомства съ этими милыми «соотечественниками». Въ моемъ новомъ знакомствѣ не было ничего подобнаго, и я, тоже не мало соскучившись по русской рѣчи, предложилъ ему пообѣдать вмѣстѣ,

За обѣдомъ мой собесѣдникъ разговорился и скоро разсказалъ слѣдующее про свое прошлое.

— Родомъ я изъ самой стародавней русской стороны, изъ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи. Вы, конечно, знаете, что тамъ самая головка нашего старообрядчества: не даромъ Мельниковъ нашу сторону выбралъ для своихъ «Въ лѣсахъ». И наша семья была по старой вѣрѣ. Тятенька большую торговлю лѣснымъ товарами велъ. Старикъ умный былъ и, дай Богъ ему царство небесное, сообразилъ, что безъ науки-то и въ нашемъ мірѣ далеко не уйдешь. Вотъ и свезъ меня въ Пизншій, въ реальное училище. Способностями меня Господь не обидѣлъ, и учился я хорошо, но

какъ разъ къ тому времени, какъ мнѣ переходить въ пятый классъ, родитель мой померъ. Маменька моя еще раньше преставилась, такъ что я ее, почитай, вовсе и не помню. Остался я на четырнадцатомъ году какъ есть бобылемъ и попалъ подъ опеку дяди. Ну, это былъ человѣкъ совсѣмъ ветхозавѣтный, не то что про реальное, а даже про городское-то училище и слышать не хотѣлъ. Сколько я ни тужилъ, а обуха соломой, видно, не перешибить, и пришлось мнѣ уйти изъ училища. Оставалась одна дорога: на бѣлянѣ, съ приказчиками лѣсомъ торговать. Однако больно у меня душа къ торговому дѣлу не лежала. По лѣтамъ, живши у родителей, достаточно я насмотрѣлся на торговья искусства, и всѣ эти торги, споры да обманы совсѣмъ мнѣ не по душѣ были. Но родитель-то мой еще побожески дѣла вель, а какъ дядя ихъ гнуть началъ, такъ мнѣ ужъ и совсѣмъ невоготу пришлось. И понялъ я, что настоящаго купца никогда изъ меня не выйдетъ. Вотъ и вспомнилъ я, что знатоки голосъ мой сильно хвалили, да и самъ я больно любилъ пѣть и духовные каноны и свѣтское, ежели что почувствительнѣе. Бывало, дома и по лѣтамъ и по праздникамъ, какъ изъ Нижняго прѣйду, ни одной безъ меня службы не пройдетъ. Еще не успѣешь отъ дороги какъ слѣдуетъ отдохнуть, а ужъ бѣжишь на клиросъ. Вотъ и теперь сталъ я слезно проситься у дяденьки, чтобы не неволилъ меня онъ къ торговому дѣлу, а отпустилъ въ Москву, на Рогожское, потрудиться въ хору у отцовъ и наставниковъ. Ну, а дядька, хоть для прилику и сталъ уговаривать, что негоже отъ своего родового дѣла къ чернецамъ да инокамъ бѣжать, а самъ, по всему вижу, радъ радехонекъ: безъ меня-то ему моимъ наслѣдствомъ управиться совсѣмъ просто, совсѣмъ не то, какъ если бы я самъ-то торговать началъ да во все самъ вникать. Я же никогда корысти не вѣдалъ и вовсе мнѣ, по правдѣ сказать, жалко не было, если бы дядька маленько и попользовался моими достатками. Однимъ словомъ, справивъ по родителю сорокоустъ, поѣхалъ я въ Москву, на Рогожское. Хорошо жилось мнѣ тамъ. Не одинъ только голосъ мой пришелся по нраву рогожскимъ отцамъ: оцѣнили они и мою «науку». Хоть и не больно велика она на дѣлѣ-то была, но на Рогожскомъ кладбищѣ больше все простецы, самоучки, по скитамъ замолитвенницами на псалтири да часословѣ ученые. Свѣтскаго, мірскаго ученія они и въ глаза не видали. До сихъ поръ еще большая часть ихъ и письма и дѣловыя нотатки славянскимъ шрифтомъ пишутъ, а къ гражданскому письму не привыкли. Вотъ и сдѣлали они изъ меня съ самыхъ первыхъ поръ письмоводителя: сначала только бѣлить ихъ черновики позволяли, а потомъ, какъ увидали, что я къ ихъ писанію пріобыкъ, такъ сразу набѣло сочинять допустили. Ну, конечно, все, что поважнѣе, давалъ имъ на просмотръ. Такъ изъ-за переписки постепенно я въ самую сущность дѣлъ кладбищенскихъ и проникъ. Жизнь, говорю вамъ, эта на кладбищѣ очень мнѣ правилаась.

Тихо, мирно, привольно. Только и знаешь, что богослуженіе да домашнее чтеніе. И сколько я тутъ книгъ перечелъ прекрасныхъ, глубокомысленныхъ, на все доброе наставляющихъ! Только когда вчитаешься во всѣ наши цвѣтники да пчелы, увидишь воочию, чѣмъ жила и питалась старорусская душа: сколько тутъ мудромыслія, красоты, поэзіи. Иную книгу прочтешь, положишь въ сторону да потомъ цѣлую недѣлю въ душѣ и носишь прочитанное-то.

Такъ дожилъ я до самаго великаго у насъ дня, до 17 апрѣля 1905 г., какъ Государь прислалъ къ намъ на кладбище своего адъютанта алтари распечатывать, что годами стояли въ запретѣ да недоступности. Сколько тогда было радости, надеждъ, горячихъ молитвъ за милостиваго Государя! Столѣтніе старцы, какъ малые младенцы, слезы лили. И мнилось, что съ этого дня прошли всѣ наши горести да печали. На дѣлѣ-то вышло иначе.

Пока были мы подѣ полнымъ запретомъ, жили куда согласнѣе промежду себя. А тутъ вмѣсто того, чтобы по церковному: «единомысліемъ да исповѣмы», начали все сильнѣе ссориться. Новый законъ, вопреки нашимъ канонамъ, большую власть далъ надъ клиромъ общинникамъ, и начали иные изъ нихъ заноситься больно высоко, пренебрегать отцами да учителями. А тутъ и владыки наши не къ мѣсту и не ко времени затѣяли между собой борьбу да распрю. И вышло на повѣрку вмѣсто любви да мира пущая свара и озлобленіе. Не хочется да и больно вспоминать-то все, скажу только, что и на Рогожскомъ у насъ стало неспокойно. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ думалось, а иные пріатели, съ которыми душу въ часъ раздумья отводить случалось, говорили, что и раньше оно такъ же все было, только самъ-то я еще въ настоящіе года не входилъ и потому сути дѣла не понималъ и не видѣлъ. А еще вѣрнѣе, всему причиной мое безпокойное сердце: и къ міру не присталъ, и къ обители не подошелъ.

Больше всего, однако, сказать по правдѣ, угнетало меня, что больно мало зналъ я по настоящему-то. И въ преніяхъ, и въ спорахъ, и въ писаніяхъ, — доводилось кой-что и напечатать у уральскихъ книжниковъ, — брались мы всё рѣшать, любое дерево повалить готовы были. Все вѣдь у насъ держится на толкованіи каноновъ да святоотеческой письменности. А какъ ихъ узнать хорошенько, доподлинно, не знаячи греческаго-то языка? Да и не въ одномъ языкѣ дѣло: вообще надо богословскій курсъ пройти. Тогда только можно въ равную силу спорить съ синодальными миссіонерами, а до той поры на одной памяти да сильной глоткѣ выѣзжать приходится, а на такомъ конѣ далеко не уѣдешь.

Вотъ и рѣшилъ я, благо начало-то ученію у меня положено, засѣсть хорошенько за книжки. Началъ самоучкой по-гречески учиться; потомъ вижу, что одному съ этимъ дѣломъ не управиться. По настоящему-то мнѣ бы надо въ семинарію либо въ духовную академію поступить, ну, да туда мнѣ путь заказанъ, а отъ родитель-

ской вѣры я отступать не согласенъ: какимъ крестили, такимъ ужъ пусть и въ домовину кладутъ. И сталъ, было, я грустить, что такъ, видно, мнѣ никогда и не выучиться. Да тутъ неожиданно, нежданно судьба помогла.

Дядя мой померъ скоропостижно, и остался я при большихъ деньгахъ. Поѣхалъ я по этому случаю на родину, да тамъ и встрѣтился съ пріятелемъ, съ которымъ вмѣстѣ росли и въ реальномъ учились. Кончилъ онъ въ Питерѣ технологическое, на фабрику къ отцу вернулся, а потомъ поѣхалъ въ Германію на заводы, чтобы присмотреть къ своему производству. Не одну ночь прокоротали мы съ нимъ. Я ему свои недоумѣнные мысли повѣдалъ, а онъ мнѣ про Германію диковинныя вещи рассказывалъ. Больно въ диковинку пришли мнѣ его рассказы про то, какъ свободно и мирно тамъ разные толки и исповѣданія рядомъ уживаются. И взманилъ онъ меня ѣхать съ нимъ въ Германію. Засѣлъ я опять за нѣмецкій языкъ. Хотя и не великую премудрость мнѣ четыре класса открыли, а все пригодилось. Въ Берлинѣ прожилъ я съ товарищемъ цѣлый годъ и такъ по-нѣмецки понаторѣлъ, что даже цѣлый семестръ у господина Гарнака (мой собесѣдникъ произнесъ эту фамилію съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ) слушалъ. Вотъ это башка, такъ башка! Но больше всего къ книгамъ я прилигъ, и столько ихъ по бібліотекамъ перечелъ, что, кажется, иной начетчикъ во всю жизнь столько не перечитаетъ.

Уѣхалъ мой товарищъ къ себѣ на фабрику, отцу помогать, а я изъ берлинской сутолоки вотъ сюда перебрался. Хожу на лекціи кой къ кому. Думаю начать исподволь древне-еврейскому языку обучаться, благо по-гречески я ужъ теперь свободно читаю. И, знаете, чѣмъ больше узнаешь, тѣмъ больше видишь, сколкому еще научиться надо и какъ мало знаешь. А меня было на Рогожскомъ чуть не первымъ знатокомъ славили.

Приходилось кой съ кѣмъ изъ нѣмцевъ разговаривать. И вотъ что больно и тягостно: ничего-то они про нашу Русь матушку не знаютъ и въ русскихъ дѣлахъ не смыслятъ. Хотя про Россію и пишутъ въ любой газетѣ, но все это съ кондачка, безъ пониманія. И дивно мнѣ, сколько нашихъ русскихъ по здѣшнимъ мѣстамъ шатаются, да такихъ, которые по-нѣмецки пишутъ и говорятъ не хуже самыхъ заправскихъ нѣмцевъ! Что бы имъ взятыя да познакомить здѣшнихъ читателей черезъ газеты съ нашими дѣлами, съ Русью, ея нравами и обычаями! И никто, однако, за это не берется. Почему, не знаю.

На дняхъ зашелъ я тутъ на лекцію на богословскій факультетъ. Читалъ ученый старикъ, котораго всѣ весьма почитаютъ за его ученость, глубину знаній и осторожность сужденій. Читалъ онъ какъ разъ про нашего Никона. И вы представить себѣ не можете, какую ахинею несъ онъ про расколъ, его причины, современныя условія

и теченія. Даже имена всѣ называлъ въ самомъ что ни на есть исковерканномъ видѣ. А вѣдь среди студентовъ сидятъ господа изъ-подъ Риги, Ревеля, которые умѣютъ хоть фамилію-то правильно прочесть.. И все-таки никому изъ нихъ и въ голову не приходитъ подойти послѣ лекціи къ профессору и сказать ему, что никогда не бывало у насъ писателя Мельнико-Пещера, какъ профессоръ переименовалъ Мельникова-Печерскаго.

Мой собесѣдникъ замолчалъ съ какой-то особенной грустью, отхлебнулъ изъ кружки пива, а затѣмъ покраснѣлъ и еще тише сказалъ:

— Вотъ и хочется мнѣ, если Богъ дастъ пожить здѣсь да научиться хорошенько всему, что надобно, послужить этому дѣлу, издать для нѣмцевъ брошюру про то, что самъ лучше всего знаю, что самъ доподлинно видѣлъ и что въ своей душѣ перестрадалъ: про нашъ расколъ, хотя коротенькую исторію нашего религіознаго равномыслія. Такъ начало и будетъ положено ознакомленію нѣмцевъ съ русскими дѣлами.

Только одно меня смущаетъ: какъ бы такъ сдѣлать, чтобы моя книжка не смѣшалась съ той мерзостью, которую теперь здѣсь продаютъ подъ видомъ русской литературы. Вѣдь это такая гадость, что и вспомнить мерзко;—сказалъ онъ, явно выходя изъ себя и отдаваясь чувству горячаго негодованія.

И гдѣ же свою поганую торговлю затѣяли! На самомъ людномъ мѣстѣ Берлина, у пассажа «Подъ липами». Одни заглавія чего стоятъ! Или самая разухабистая, самая гнусная грязь и мерзость, или же явно оскорбительное вранье про жизнь нашихъ первыхъ особъ. Противно смотрѣть на эту литературу. И вотъ чему я удивляюсь. Вѣдь каждая изъ этихъ книгъ содержитъ въ себѣ самую оскорбительную ложь для Россіи. А обязанность дипломатовъ слѣдить, чтобы на чужбинѣ никто не смѣлъ оскорблять достоинства Россіи. За этимъ ихъ сюда и посылаютъ, за это и платятъ имъ громадныя деньги. Что же они не вмѣшаются? Не потребуютъ, чтобы эти книги убрали съ главной улицы? Думается мнѣ, что нѣмецкій посланникъ сильную поднялъ бы бурю, если бы у насъ въ Питерѣ, на Невскомъ стали открыто продавать всякія гадости про ихъ Вильгельма. Чего же наши-то молчатъ?

— Да, можетъ быть, они ничего и не знаютъ про эти книги. Въ посольствахъ служатъ особы важныя, пѣшкомъ не ходятъ, а разъѣзжаютъ себѣ въ моторахъ, ну, и не успѣли присмотрѣться къ тому, что продаютъ за книги,—старался я шуткой успокоить своего сильно разволновавшагося собесѣдника.

Было, однако, уже поздно, и мы разошлись, а на другой день мнѣ надо было ѣхать дальше. Такъ мы съ нимъ и не видались, но на дняхъ почта принесла мнѣ брошюру, гдѣ на нѣмецкомъ языкѣ просто, но точно излагалась біографія Никона и исторія возникно-

венія раскола. Авторъ не назвалъ, но по всему сдается мнѣ, что это мой тогдашній собесѣдникъ рискнулъ исполнить свое горячее желаніе и началъ знакомить нѣмцевъ съ родной стариной. Если это такъ, то давай Богъ помощи ему въ его скромномъ, но полезномъ и добромъ дѣлѣ!

III.

Стражъ при гробницѣ.

Одну Пасху и Страстную мнѣ пришлось провести въ маленькомъ городишкѣ Германіи. Когда-то въ немъ шумѣла яркая жизнь столицы маленькаго двора, а теперь это тихій уголокъ, извѣстный своей чудной библіотекой да дорогими останками жившихъ и работавшихъ здѣсь писателей. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка здѣсь жила одна изъ дочерей императора Павла Петровича, выданная замужъ за здѣшняго властителя. Отъ ея временъ осталась во дворцѣ русская церковь съ причтомъ. И вотъ въ этой-то крохотной церковкѣ я и бывалъ на всѣхъ службахъ Страстной недѣли и на пасхальной заутренѣ. Богомольцевъ было слишкомъ мало и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что батюшка скоро меня запримѣтилъ и познакомился со мной.

Не могу, къ слову, не замѣтить, что если чѣмъ намъ, русскимъ, слѣдуетъ гордиться за границей, то это прежде всего образцовымъ составомъ нашихъ причтовъ при заграничныхъ церквахъ. Условія ихъ жизни и дѣятельности весьма тяжелы и отвѣтственны: мѣстное населеніе, нерасположенное и предубѣжденное, смотреть за ними въ оба глаза и старается поставить каждое лыко въ строку. Посольства наши, не во гнѣвъ будь имъ сказано, поддерживаютъ свои церкви далеко не достаточно, а пріѣзжіе за границу туристы изъ Россіи менѣе всего склонны интересоваться церковными дѣлами. И вотъ, предоставленное почти исключительно самому себѣ, наше духовенство за границей сумѣло поставить себѣ образцово и, начиная съ самихъ настоятелей и кончая послѣдними псаломщиками, эти клиры съ большимъ достоинствомъ поддерживаютъ передъ Европой достоинство русскаго имени. И тому, кто соскучится на чужбинѣ по родному обществу, мой искренній совѣтъ итти знакомиться не въ посольство и, конечно, не къ консулу, а въ дома причта, гдѣ его навѣрно ждетъ и радушный ласковый пріемъ, и прекрасное общество, сохранившее въ цѣлости и на чужбинѣ всѣ лучшія черты нашего русскаго обихода.

Вотъ почему я никогда не пропускаю возможности побывать за границей въ русской церкви.

Особенно сильное впечатлѣніе произвела на меня пасхальная заутреня. Что-то странное было въ сознаніи, что слышишь эти дороги и съ колыбели близкія пѣснопѣнія за тысячи верстъ отъ родного

дома. И, можетъ быть, именно потому они на этотъ разъ произвели особенно сильное впечатлѣніе, глубоко западая въ душу, будя въ ней забытые образы и картины. Это заставляло забывать и про чрезмѣрно малые размѣры храма, и про малочисленность богомольцевъ, и про скудость всей обстановки.

Послѣ службы батюшка пригласилъ и меня въ числѣ другихъ богомольцевъ къ себѣ на домъ, по русскому обычаю разговѣться.

Здѣсь ждалъ насъ совсѣмъ настоящій уголокъ Россіи. Во всей обстановкѣ не было ничего иностраннаго и можно было подумать, что батюшка всю свою обстановку цѣликомъ перевезъ сюда изъ какого-нибудь Свѣяжскаго или Чернскаго уѣзда. Опрятные половички самотканной работы, фотографіи кавказскихъ героевъ и преосвященныхъ по стѣнамъ, клѣтки съ канарейками на окнахъ, а подъ ними традиціонные горшки съ геранью да фуксіей и даже классическая бутылъ съ вишневой настойкой. Ну, часто ли все это російское убранство встрѣтишь на просвѣщенномъ Западѣ?

И сама матушка была совсѣмъ подъ стать всей обстановкѣ. Бойкая и живая, несмотря на свои почтенные годы, блистая какой-то особенной чистотой и аккуратностью старомоднаго наряда, она, казалось, прямо сошла со страницъ Лѣсковскихъ «Соборянъ». Однимъ словомъ, въ домѣ о. настоятеля былъ русскій духъ и Русью пахло.

Когда за трапезой дѣло дошло до узаконеннаго вѣковымъ обычаемъ пасхальнаго окорока, матушка стала настойчиво упрасивать непременно взять себѣ и горчички изъ какой-то по замысловатому пузатенькой баночки.

— Отвѣдайте, гости дорогіе! Горчица отмѣнная: такой нигдѣ не найти. Это только намъ Анна Никитична по добротѣ своей рецептикъ сказала.

Анной Никитичной оказалась такая же чистенькая, аккуратная старушка, но значительно постарше. Одѣта она была совсѣмъ по старомодному, и бѣлоснѣжный чепецъ ея былъ украшенъ какими-то черезчуръ мудреными оборочками. Эту старушку я замѣтилъ еще раньше въ церкви, гдѣ она, стоя въ дальнемъ уголкѣ, все время горячо молилась. И теперь она держалась въ сторонкѣ, и больше помогала другимъ, чѣмъ сама кушала.

— Эта горчичка-то прозывается «мюге», хоть и не изъ ландыша готовится,—объяснила Анна Никитична, тутъ только рискнувшая принять участіе въ общей бесѣдѣ.—И у нашихъ господъ она постоянно готовилась, какъ они изволили у себя принимать въ Бозѣ почившаго Николая Павловича. Нашъ поваръ ея секретъ хитрецей отъ придворнаго повара узналъ. И ужъ такъ-то ихъ величество утѣшены были, какъ за нашимъ столомъ свою любимую горчицу нашли. Повару Евдошкѣ изволили собственноручно червонецъ пожаловать.

— А вы, Анна Никитична, видали сами государя?—спросилъ кто-то старушку.

— Помилуйте, удостоилась за ихъ столомъ стоять. Въ сорокъ девятомъ году ихъ величество ѣхали черезъ нашъ Веневскій уѣздъ на маневры. А какъ наша барыня до замужества любимой фрейлиной государыни была, то и пожелалъ государь у насъ откушать обѣденный столъ. Вы сами изволите понимать, какая это честь для моихъ господъ была. Обѣдъ, разумѣется, на диво стоговленъ былъ. Спервоначалу накрыли только на три куверта: для его величества да для нашихъ барыни съ бариномъ, но императоръ пожелали, чтобы, какъ всегда, вся наша семья за столомъ была. Тутъ наскоро всѣхъ дѣтей сверху созвали, и я въ томъ числѣ со своей Олюшкой сошла. Ей только второй годъ пошелъ, а крестнымъ-то ее государь записать себя соизволилъ. Вотъ и пожелалъ свою крестницу повидать. Поднесла я свою Олюшку къ императору, да отъ страху-то ничего ровнешенько и не вижу. Только молю Всевышняго, какъ бы со страху-то Олюшку не уронить, потомъ словно во снѣ слышу, что государь мнѣ изволить чего-то говорить, а я словно одубѣла, ничего не понимаю. Слышу барынинъ голосъ: «Анютка, ваше величество». Это, стало быть, изволилъ государь спрашивать, какъ меня звать. А Олюшка моя и тогда ужъ рѣзвущка была. Запримѣтила, что на государевой ручкѣ что-то блеститъ, да пальчиками за перстень и ухватила. Государь засмѣяться изволили: видно, говорить, крестница подарка просить. Сняли перстень-то да и пожаловали его моею Олюшкѣ. Какъ подросла она, стала носить, такъ до послѣдняго дня съ нимъ и не разставалась. Ну, а послѣ я его въ здѣшній храмъ пожертвовала, подвѣску изъ него къ лампадѣ сдѣлали...

При послѣднихъ словахъ голосъ старушки становился все глуше и глуше. Она вся какъ-то съежилась, еще за минуту такъ ярко блиставшіе глаза потускнѣли. И послѣ небольшого молчанія старушка вдругъ встала и начала торопиться.

— Ну, о. Теофанъ, и вы, матушка, не обезсудьте: часъ поздній, а путь мнѣ не близкій,—и съ общими поклонами ушла.

Послѣ ея ухода не сразу началась бесѣда. Внезапная грусть старушки, видимо, захватила и остальныхъ.

Наконецъ кто-то спросилъ:

— Что это за Анна Никитична и какъ она сюда попала?

На вопросъ откликнулась матушка:

— Чудный это человекъ, и мы съ отцомъ Теофаномъ за большое счастье почитаемъ, что у насъ, одинокихъ, такой другъ на чужбинѣ выискался.

«Вы ужъ изволили слышать, была она кормилицей своею Олюшки, дочки графовъ Нерасскихъ. Къ тѣмъ порамъ, какъ выходила она свою Олюшку, и графъ и графиня померли, и осталось у Олюшки ближнихъ людей кормилица вотъ эта самая да братъ кавалергардъ. Въ скорости вышла она замужъ за товарища своего

брата. Женихъ служилъ по дипломатіи въ здѣшнемъ мѣстѣ и вотъ послѣ свадьбы молодые сюда и двинулись. Съ кормилицей Олюшка разстаться не захотѣла, вмѣсто матери ее любила. Да на горе муженекъ-то Олюшкѣ выдался не больно ладный. Года не прошло, увидала Олюшка, что у него здѣсь давнишній амуръ съ нѣмецкой фрейлиной заведенъ. Разъ входитъ она ненарокомъ къ своему муженьку въ кабинетъ и застаеть его съ этой фрейлиной въ самомъ что ни на есть откровенномъ амурѣ. Ну, сами посудите, легко ли жениному сердцу такую картину чуть не черезъ годъ послѣ свадьбы увидеть? А Олюшка къ тому же была въ счастливомъ ожиданіи. Грохнулась она на порогъ да на другой день и померла, въ великихъ мученіяхъ родивши мертвенькаго младенчика. Супругъ не пожелалъ тратиться на перевозъ ея тѣла, и похоронили ее на здѣшнемъ кладбищѣ, благо на родинѣ-то у ней ни единой близкой души не осталось: брата считать не приходится, коль скоро онъ все забывалъ на свѣтѣ за своими лошадьми да цыганками. Даже на телеграмму про Олечкину кончину хоть бы однимъ словомъ отвѣтить и то не удосужился.

«Молодому вдовцу послѣ такого скандала здѣсь служить при посольствѣ было ужъ неудобно, и онъ перевелся куда-то на югъ. Такъ и осталась бы Олюшка почивать въ чужой землѣ одинокая да всѣми покинутая. Вотъ этого-то и не допустила Анна Никитична: не привелъ Господь ей за живой выкормкой ходить, стала ходить за покойницей, могилку ея стеречь. И хоть не знала Анна Никитична въ ту пору почти ни слова по-нѣмецки, осталась одна жить среди нѣмцевъ ради своей барышни, благо покойница еще при жизни небольшой капиталъ ей отписала. На эти деньги и сама живетъ, и могилку убираетъ, и цвѣточковъ покупаетъ, и въ церкви панихидки править. Ни супругъ, ни братецъ, которому все Олюшкино состояніе отошло, про покойную ни разу и не вспомнили, а потомъ и сами въ скорости померли.

«Сняла Анна Никитична комнатку возлѣ самага кладбища, и вотъ почитай сорокъ лѣтъ, какова ни была бы погода, и утромъ и вечеромъ ходитъ на могилку къ своей Олюшкѣ. Ни болѣзни, ни непогоды, ничто не мѣшаетъ ей нести эту вѣковѣчную службу. Вѣрная слуга не покинула своей барышни. Мой отецъ Теофанъ такъ и прозвалъ ее: стражъ при гробницѣ.

«Городокъ нашъ небольшой, всѣ другъ друга знаютъ, и хоть Анна Никитична, кромѣ насъ да кладбища, никуда не ходитъ, нѣмцы ее прекрасно знаютъ. Намедни насторъ ихній проповѣдь говорилъ про то, что какъ надобно родныя могилки блюсти да охранять, и всему приходу привелъ въ примѣръ Анну Никитичну: вотъ, говорить, у кого учиться и кому подражать надо. Узнала про эту проповѣдь Анна Никитична и ужасно разсердилась: «Чтой-то, говорить, за глулости! Вишь что выдумалъ! У меня учиться надобно!

Да что бы я за слуга была, коли бы свою барышню одну на чужой землѣ безъ призора лежать допустила? Какъ взяли меня господа къ Олюшкѣ въ кормилицы, родная дочка у меня померла. Стало быть, въ этомъ былъ перстъ Божій, указующій мнѣ, что должна я замѣсто родной матери своего выкормка быть. Не привелъ ей Господь въ счастье жить, такъ, стало быть, должна я до послѣдняго моего часа при ней быть. Къ кому мнѣ домой-то въ Россію ѣхать? къ старику своему мужу? Такъ ужъ меня съ нимъ навѣки разлучили, какъ въ господскій домъ взяли. Да и то сказать: старикъ-то со своей родней и безъ меня проживетъ. Тамъ народу много, а здѣсь Олюшка одна-одинешенька лежитъ и заступитъ меня некому. Помру я, авось причтъ церковный не забудетъ моихъ просьбъ и не дастъ зарасти православной могилкѣ. Стало быть, дѣлаю я то же самое, что и всякая другая на моемъ мѣстѣ дѣлать стала бы, такъ что проповѣди про меня разводитъ не приходится».

И долго еще рассказывала намъ матушка про Анну Никитичну, которую, видимо, глубоко и чтитъ и уважала.

Дня черезъ два собрался я на городское кладбище. Какъ всѣ лютеранскія кладбища, оно содержалось въ величайшей чистотѣ и образцовомъ порядкѣ. Художественной работы мраморные памятники и чугунные кресты поднимались надъ моремъ цвѣтовъ, среди которыхъ совершенно терялись плотно укатанныя и усыпанныя гравіемъ дорожки этого «города мертвыхъ».

Возлѣ одного скромнаго креста я замѣтилъ Анну Никитичну. Одѣта она была и на этотъ разъ все такъ же чисто, но еще проще. Маленькой лопаточкой она что-то дѣлала на могилѣ, а потомъ стала кружкой носить воду изъ ближняго водоема. Лицо ея при этомъ было одухотворено такимъ глубокимъ чувствомъ, такъ озарено сердечнымъ вниманіемъ къ этой работѣ, что, видимо, она вся ушла въ свое дѣло, въ дѣло всей своей жизни.

Было какъ-то неловко нарушать ея настроеніе пустыми разговорами, и я постарался уйти въ глубь кладбища, но и оттуда долго не могъ оторвать глазъ отъ этой глубоко трогательной картины; и невольно въ мое сердце закралось чувство какой-то смутной зависти къ этой неизвѣстной мнѣ Олюшкѣ: она нашла себѣ вѣрнаго «стража своей гробницы», а многіе ли изъ насъ могутъ надѣяться, что ихъ могила будетъ въ теченіе чуть ли не полувѣка предметомъ такой же горячей и неусыпной любви?

На смѣну этимъ грустнымъ мыслямъ бѣжали другія. Думалось, что эта самая Анна Никитична, прилѣпившись всѣмъ сердцемъ къ могилѣ своей такъ трагически погибшей питомицы, служить ей одной. На виду у тысячи иностранцевъ, приученныхъ кой-къмъ изъ нашихъ же соотечественниковъ вовсе неблагосклонно смотрѣть на все русское, эта простая, едва ли даже грамотная русская женщина творитъ вотъ уже полвѣка скромный, но великій по глубинѣ

своей сердечности подвигъ. Ее узнали, оцѣнили, и теперь даже самъ Herr Pastor съ высоты церковной кафедры ставитъ ее въ примѣръ своей паствѣ.

Не знатностью рода, не ослѣпительнымъ размахомъ щедрыхъ подачекъ, не блескомъ таланта и не радикальностью своихъ переродовыхъ взглядовъ, а всего на всего только заражающей глубиной своей дѣятельной любви сумѣла эта немудреная баба изъ Веневского уѣзда вызвать уваженіе гордыхъ нѣмцевъ къ дѣлу русской женщины.

IV.

«МЫ И ОНИ».

Въ Дрезденѣ по одному дѣлу мнѣ надо было повидаться съ представителемъ одной распространенной московской газеты. Какова была моя радость, когда этимъ «собственнымъ корреспондентомъ» оказался профессоръ Остаповъ, съ которымъ я не разъ встрѣчался въ Россіи. Старый холостякъ, Остаповъ, выслуживъ пенсію, удалился въ Дрезденъ, гдѣ продолжалъ заниматься на досугѣ своей наукой, между дѣломъ корреспондируя въ московскую газету.

Затѣмъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ нимъ еще нѣсколько разъ и въ одну изъ нашихъ встрѣчъ, въ ресторанѣ на знаменитой Брюллевой террасѣ, у насъ зашла съ нимъ рѣчь про разницу въ складѣ нѣмецкой и русской жизни.

— Разница громадная,—заявилъ Остаповъ, ни на минуту не задумавшись.—Я живу здѣсь вотъ уже второй годъ, вожу близкія знакомства съ очень многими нѣмцами изъ самыхъ разныхъ слоевъ общества и съ каждымъ днемъ все больше убѣждаюсь въ громадной разницѣ между русскимъ и нѣмцемъ. Это обнаруживается во всемъ, начиная съ самаго крупнаго и кончая едва уловимыми подробностями. И думаю, что не погрѣшу въ сторону чрезмѣрнаго патриотизма, если сразу же скажу, что мы, русскіе, и талантливѣе нѣмцевъ, и выше ихъ въ нравственномъ отношеніи, но весь складъ ихъ жизни гораздо больше приспособленъ ко всему ходу современной жизни, и въ этомъ вся разгадка ихъ успѣха и преимущества передъ нами: они гораздо лучше насъ организованы. Возьмемъ профессоровъ. Только очень немногіе изъ нашихъ ученыхъ успѣваютъ за свою жизнь создать такое множество трудовъ, какое оставляетъ послѣ себя любой нѣмецкій профессоръ, даже изъ самыхъ заурядныхъ. Что же? это признакъ большаго дарованія, лучшаго знанія своей науки? Если бы это было такъ, то не стали бы тѣ, кто бывалъ на лекціяхъ и въ русскихъ, и въ нѣмецкихъ университетахъ, единодушно отдавать рѣшительное предпочтеніе глубинѣ лекцій русскихъ профессоровъ. Въ чемъ же дѣло? Да только въ томъ, что нѣмецкій профессоръ поставленъ въ такія условія, что ему можно смѣло всю

свою жизнь отдать одной только ученой работѣ, тогда какъ въ Россіи ничтожное жалованье заставляетъ профессоровъ захватывать десятки лекцій, гдѣ только возможно, итти на административныя должности, заниматься изданіемъ политическихъ газетъ и т. д. Однимъ словомъ, за очень немногими исключеніями, наши профессора отдають университету и кабинетной работѣ только часть своего времени и своихъ силъ. Понятно, что въ такомъ случаѣ имъ не угнаться за нѣмцами, которые безъ остатка, цѣликомъ уходятъ въ одно дѣло.

Прикиньте къ тому еще, какъ вредить намъ нашъ паническій страхъ прослыть «узкимъ специалистомъ». Между тѣмъ людей, въ родѣ Вирхова или Гельмгольца, которые съ одинаковымъ успѣхомъ могли бы выступать сразу на нѣсколькихъ областяхъ, на свѣтѣ очень немного. Нѣмцы это прекрасно поняли и у нихъ никто не вздумаетъ срамить химика, который знаетъ только свою химию. У насъ же, не то отъ избытка гениальности, не то изъ ложнаго стыда прослыть узкимъ педантомъ, химики или специалисты по фортификаціи сочиняють оперы, а профессора философіи занимаются химическими анализами. И это не только въ наукѣ. Мы всѣ занимаемся не своимъ дѣломъ. Покойный Скальковскій былъ бы образцовымъ директоромъ театра, а его заставили управлять горнымъ департаментомъ, отдавъ театры подъ начало военнымъ людямъ. Мишистръ Валувевъ писалъ романы, оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода былъ медикъ, генераль Ванновскій, не знавшій разницы между двумя факультетами, стоялъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, филологъ Гучковъ особенно усердно занимается военными дѣлами, инженеръ Шильдеръ выступаетъ въ качествѣ историка, и притомъ прекраснаго историка. Все это показываетъ удивительное богатство нашихъ силъ, необычный размахъ русскаго таланта, но согласитесь, что этотъ талантъ обнаружилъ бы себя еще ярче и пышнѣе, если бы каждый работалъ въ своей любимой области, получивъ для того надлежащую подготовку, а не самоучкой удѣлялъ любимому дѣлу только урывки отъ постылой или въ лучшемъ случаѣ безразличной службы. Мы народъ молодой и еще не научились выбирать себѣ такую дорожку, по которой шли бы всю жизнь, двигаясь безъ оглядки впередъ. Мы или бросаемся съ дороги на дорогу, не доходя и до половины пути, или, махнувъ на всѣ дорожки, лупимъ по цѣлинамъ, напрасно топча траву и тратя свои силы на преодоленіе непривычнаго пути. Нѣмцы ничего подобнаго не допускають. У нихъ жизнь улежалась, каждый прочно осѣлъ на своей полосѣ, а мы все еще, какъ камешки въ калейдоскопѣ, всю жизнь перевортываемся изъ стороны въ сторону. Кто-то назвалъ Россію «кустарной страной». И это прозвище къ ней подходитъ вовсе не потому только, что у насъ много кустарей: мы всѣ, каждый въ своей области, кустари, тогда какъ нѣмцы давнымъ-

давно перешли къ широко оборудованнымъ и строго организованнымъ фабрикамъ, ну, а кустарю съ фабрикою, конечно, тягаться трудно.

Мы ужасно боимся прослыть наивными, и потому страшно строги въ своихъ оцѣнкахъ и приговорахъ. Прежде, чѣмъ что-нибудь похвалить, мы всеми силами выискиваемъ малѣйшій промахъ, изъ-за котораго можно было бы охалть чужую работу. Вы, конечно, знаете, когда можно застать русскаго ученаго или критика въ особенно радостномъ, преисполненномъ удовлетворенія настроеніи? Не тогда, когда онъ открылъ свѣжій талантъ, помогъ выйти на дорогу ученику, а когда провалилъ чью-нибудь диссертацию, срѣзалъ подававшаго надежды юношу на экзаменѣ или на кого-нибудь написалъ громовую статью. Вотъ когда мы ходимъ, словно выиграла двѣсти тысячъ. Поэтому критическіе отдѣлы нашихъ журналовъ миѣ больше всего напоминаютъ классы бывшей бursы въ субботаіе дни, когда чуть ли не всѣхъ учениковъ подъ рядъ пороли. Совсѣмъ иное дѣло у нѣмцевъ. Конечно, и у нихъ и въ литературѣ и въ наукѣ есть партіи, ведущія упорно взаимную борьбу. Но зато каждый, кто написалъ маломальски нужную вещь, можетъ быть увѣренъ, что его работу замѣтятъ, воздадутъ за нее должное и долго будутъ ее поминать. И въ театрѣ, и на концертахъ, и на семейныхъ вечеринкахъ вы постоянно можете убѣдиться, какъ щедро и горячо нѣмцы привѣтствуютъ то, за что у насъ или ошिकाіи бы, или осмѣяіи. Эта снисходительность нѣмцевъ, заставляющая ихъ такъ многимъ зауряднымъ восторгаться, создаетъ для малѣйшаго проблеска таланта такую ободряющую, поддерживающую обстановку, которая безусловно помогаетъ дальнѣйшему росту таланта, даетъ ему созрѣть и окрѣпнуть. А сколько у насъ дѣйствительно талантливыхъ людей сошло на нѣтъ только потому, что никто во время имъ не пришелъ на помощь? Намъ непременно подавайте геніевъ, а по простымъ талантамъ мы равнодушно шагаемъ и давимъ ихъ.

Теперь насчетъ нравственности. Съ перваго взгляда нѣмецъ гораздо нравственнѣе русскаго. Я беру, конечно, средній классъ, потому что верхи общества ведутъ слишкомъ интернаціональный образъ жизни. И если насъ срамятъ дѣломъ Тарновской, то вѣдь и нѣмцамъ приходится краснѣть изъ-за дѣла хотя бы графа Эйленбурга. На средній классъ изъ интеллигенціи, врачей, адвокатовъ, профессоровъ, у насъ, несомнѣнно, приходится гораздо больше разводовъ, измѣнъ, такъ называемыхъ гражданскихъ браковъ, чѣмъ въ Германіи. У насъ вовсе не рѣдкость, если кто-нибудь открыто живеть внѣ брака съ чужой женой или разводкой. И такую пару никому въ голову не придетъ клеймить позоромъ. Ихъ принимаютъ какъ мужа и жену съ строгихъ семейныхъ домахъ. Такимъ образомъ, если не на бумагѣ, то на дѣлѣ гражданскій бракъ у насъ уже давно существуетъ. Совсѣмъ иначе въ Германіи. Изъ милліона нѣмоцъ хо-

рошо, если одна пуститъ себѣ въ домъ такую нелегальную парочку, и на такое свободное сожителство здѣсь идти или представители богемы, или люди, желающіе открыто порвать съ обществомъ и объявившіе ему войну. Казалось бы, отсюда обязателенъ выводъ о незыблемости нѣмецкой семьи и о высотѣ семейныхъ добродѣтелей у нѣмцевъ. Но въ то же самое время здѣсь самые солидные, самые уважаемые люди нисколько не считаютъ предосудительнымъ разочка два въ мѣсяцъ сходить, конечно, подѣ строгимъ incognito, въ веселый домъ или вообще провести часокъ-другой съ жрицей свободной любви. Только бы это не нарушало бюджета и было обставлено необходимыми предосторожностями насчетъ заразы и другихъ непріятныхъ послѣдствій. И такія супружескія гастроли, повторяю, позволяютъ себѣ самые почтенные, всѣми уважаемые отцы семейства. Это составляетъ секретъ полишинеля. Тогда какъ у насъ общество въ сущности гораздо скорѣе примирится съ открытой и постоянной связью, чѣмъ съ такими регулярными вылазками изъ ограды супружеской вѣрности.

Вотъ тутъ-то и обнаруживается вся разница нашихъ міросозерцаній. Мы любимъ разбирать поступки по существу, докапываться до ихъ нравственныхъ основъ. Нѣмецъ прежде всего смотритъ на то, позволено ли данное явленіе, одобрено ли оно законами и общественнымъ мнѣніемъ, или нѣтъ? Государство не допускаетъ незаконныхъ сожителствъ, которыя разрушаютъ семью, основу всего общественного порядка. Поэтому нѣмецъ и самъ не идетъ на такое сожителство, и своимъ суровымъ осужденіемъ удерживаетъ другихъ. Но государство терпитъ и веселые дома и проституцію, принимаетъ само мѣры къ надзору за ней, такъ почему бы доброму гражданину и не воспользоваться услугами любезнаго государства, благо такой визитъ разъ въ мѣсяцъ нисколько не мѣшаетъ нѣмцу въ остальные 29 дней мѣсяца быть строжайшимъ хранителемъ морали.

У насъ самые солидные люди не считаютъ за позоръ такъ выпить, ну, хоть въ Татьянинъ день, что публично пляшутъ въ присядку, а на другой день валяются по диванамъ съ головной болью. Но это вредно отражается на здоровьѣ, стоитъ не одинъ десятокъ рублей и вообще нарушаетъ порядокъ, а нѣмецъ вотъ этого-то и боится больше всего. Поэтому такіе кутежи онъ предоставляетъ студентамъ, бургеръ не смѣетъ даже разъ въ жизни напиться безъ ущерба для репутаціи, но зато онъ можетъ съ спокойной совѣстью изо дня въ день доводить себя до извѣстнаго градуса положеннымъ количествомъ пива. И голова не болитъ, и бюджетъ не нарушенъ.

Нѣмецъ не можетъ двигаться не по рельсамъ. И такими рельсами для него являются традиціи и общественное мнѣніе. Для всякаго поступка должно быть обоснованіе, а когда имъ самимъ стало невозможно жить въ такомъ рабствѣ у общественного мнѣнія, они ухитрились само нарушеніе морали поставить на такіе рельсы,

создать для него теоретическое обоснованіе. Вѣдь что такое философія Нитче и все нитчеанство, какъ не попытка обосновать нарушеніе общепризнанной морали. И если раньше нѣмцевъ очень сильно волновало всякое отступленіе отъ общихъ правилъ, то теперь они успокоились: это уже не беспорядокъ, а осуществленіе извѣстной теоріи. И это сильно обуржуазило всѣ случаи разрыва съ буржуазнымъ кодексомъ.

Вотъ и выходитъ, что и сама Германія, и нравственный міръ нѣмца это садъ, гдѣ все подстрижено и все содержится въ строгомъ порядкѣ, а Россія и наша русская душа—это дремучій лѣсъ, гдѣ рядомъ съ роскошнымъ дубомъ не мало и осины, гдѣ много не прибраннаго валежника и гдѣ каждое дерево живетъ по-своему, своей жизнью.

Отъ личнаго вкуса зависитъ предпочтеніе того или другого.

М. Туринскій.

ПАМЯТНЫЕ ДНИ.

(Воспоминанія очевидца).

ОНЕЦЬ 1905 и начало 1906 года протекали вездѣ одинаково бурно и ознаменовались всюду многими изъ ряда выходящими событіями, самая память о которыхъ кажется теперь какимъ-то бредомъ и страшнымъ сномъ. Тяжело колыхавшіяся волны общественнаго движенія, имѣя общую окраску и одинаковое направленіе, пріобрѣтали, однако, неизбѣжно разные оттѣнки и своеобразныя формы въ зависимости отъ мѣста ихъ рожденія.

Въ качествѣ очевидца, я хочу рассказать нѣкоторые эпизоды, происходившіе въ эти памятные всѣмъ дни въ одномъ изъ уголковъ Кавказа—главномъ городѣ Терской области Владикавказѣ и его окрестностяхъ.

Совершавшіяся здѣсь революціонныя выступленія отмѣчены нѣкоторыми особенностями, зависящими отъ характера и состава населенія какъ области, такъ и самаго города.

I.

Осень 1905 года стояла во Владикавказѣ чудная, съ солнечными прохладными днями, съ чистымъ прозрачнымъ воздухомъ и изобиліемъ плодовъ земныхъ, словомъ, такая, какою можетъ быть хорошая осень только на югѣ. Многочисленные сады, бульвары и скверы красиваго городка стояли въ полномъ своеобразной прелести разноцвѣтномъ осеннемъ убранствѣ, яркія краски котораго

живописно отѣзнялись сверкающими первыми повымъ снѣгомъ горными вершинами, окружающими Владикавказъ почти полнымъ кольцомъ.

Все, повидимому, шло обычнымъ порядкомъ въ спокойномъ, но оживленномъ по обыкновению уголкѣ: люди ходили на службу, работали, учились, въ садахъ весело щебетали и бѣгали шумныя толпы дѣтей, старыя няньки и бабушки грѣлись на осеннемъ солнышкѣ; по бульварамъ гуляла нарядная публика, и на скамейкахъ отставные генералы и полковники читали свои газеты; солдаты многочисленныхъ квартировавшихъ въ городѣ частей строились, маршировали и обучались приемамъ стрѣльбы на плацахъ передъ своими казачьими, и звонко разносилась въ чистомъ воздухѣ веселая дробь барабана или рожокъ горниста; гимназисты съ книжками въ рукахъ бѣжали по утрамъ въ классы; магазины и заваленныя фруктами и овощами базары торговали, какъ обыкновенно.

Казалось, все такъ тихо, такъ мирно и спокойно, все пребудетъ такъ до скончанія вѣковъ, и ничто не можетъ нарушить этого обычного теченія жизни. Но это только казалось, то-есть могло показаться тому, кто случайно и ненадолго заглянулъ бы въ нашъ тихій, уютный и полный жизни городокъ. Мы же, обыватели, давно видѣли и чувствовали, что не все у насъ такъ спокойно и благополучно, какъ хотѣлось бы. Давно уже ходили разные темныя слухи, въ обществѣ велись странные толки, разобратся въ которыхъ было трудно, но которые тѣмъ не менѣе поселяли во всѣхъ неясную тревогу. На душѣ у всѣхъ было нехорошо, и ничто не радовало обитателя мирнаго уголка: точно висѣло что-то надъ головою, что-то такое, что должно вотъ-вотъ разразиться бѣдою.

Населеніе Владикавказа самое разнообразное, и общество его самое разнокалиберное. При множествѣ учебныхъ заведеній, правительственныхъ и административныхъ учреждений и расположенныхъ здѣсь военныхъ частей, ядро и центръ составляетъ, конечно, такъ называемая интеллигенція въ довольно большомъ количествѣ. По всѣмъ же окраинамъ Владикавказа широко раскинуты громадныя слободки, т. е. цѣлыя части города, заселенныя мѣстными мѣщанами. Каждая изъ этихъ слободокъ имѣетъ свое названіе и свой особый характеръ.

Большая слободка Молоканская населена исключительно молоканами, спокойными, трудолюбивыми, зажиточными людьми, составляющими контингентъ нашихъ извозчиковъ, дрогалей, молочницъ. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются еще экипажнымъ и кузнечнымъ мастерствомъ и отчасти земледѣіемъ на прилегающей къ ихъ слободкѣ городской землѣ. На противоположномъ концѣ города лежитъ Курская слободка, гдѣ живутъ по большей части мастеровые, каменщики, плотники, фабричныя мелкихъ мѣстныхъ фабрикъ и заводскіе рабочіе съ Алагирскаго свинцоваго завода.

Это населеніе уже потому не такъ спокойно и зажиточно, какъ молокане, что куряне пьютъ, какъ и всѣ русскіе рабочіе, тогда какъ молоканина вы никогда пьянымъ не увидите. Поэтому же на Курской слободкѣ бываютъ частыя побоища, пьяныя драки, воровство, а ея парни извѣстны, какъ первые хулиганы въ городѣ.

Небольшую часть города занимаютъ армяне, грузины и персы, преимущественно мелкіе торговцы, и наконецъ есть цѣлая большая слободка Осетинская со своею церковью, гдѣ служба совершается на осетинскомъ языкѣ. Населеніе этой слободки, будто бы и мирное само по себѣ, довольно опасно въ томъ смыслѣ, что охотно даетъ пріютъ землякамъ и укрываетъ нежелательный элементъ—своихъ далеко не мирныхъ родственниковъ и знакомыхъ, пріѣзжающихъ изъ окрестностей и слывущихъ испоконъ вѣковъ грабителями и разбойниками. Владикавказъ со всѣми своими слободками какъ вѣнкомъ окруженъ близко отъ него расположенными аулами и селеніями осетинъ и ингушей, дающихъ изъ своей среды абрековъ. Нѣкоторые аулы отстоятъ отъ города всего на 10—12 верстъ. Болѣе отдаленные сосѣди наши—чеченцы и кабардинцы, которыхъ тоже много въ Терской области. Ингуши и осетины ведутъ вѣчную вражду съ русскимъ населеніемъ—казаками, станицы которыхъ лежатъ часто бокъ-о-бокъ съ ихъ аулами.

II.

Въ памятную всѣмъ осень 1905 года, и даже немного раньше, именно съ этихъ окраинъ города и изъ его окрестностей стали доходить тревожные слухи о какихъ-то сборищахъ, столкновеніяхъ; часто стало слышно, что кого-нибудь убили, гдѣ-нибудь былъ наглый грабежъ. Съ базаровъ черезъ прислугу передавались нелѣпыя, но волнующіе толки, будто вездѣ говорятъ, что «скоро, скоро и мы свое возьмемъ», что туземцы поговариваютъ, какъ надо «всѣмъ русскимъ голова долой» и т. п. При встрѣчахъ съ знакомыми каждый спѣшилъ подѣлиться своими страхами и впечатлѣніями, раздуть и преувеличить то, что слышалъ, до небывалыхъ размѣровъ. Пугали другъ друга то поголовнымъ избіеніемъ интеллигенціи, то ингушами, которые будто бы собираются поджечь Владикавказъ со всѣхъ концовъ и потомъ разграбить его.

Слухи шли дальше, росли, распространялись, невольно наводя страхъ даже на самыхъ спокойныхъ и уравновѣшенныхъ людей. Мѣстные слухи, присоединяясь къ давно шедшимъ со всѣхъ сторонъ извѣстіямъ о бунтахъ и забастовкахъ, казались еще вѣроятнѣе и страшнѣе. Владикавказъ, окруженный такими милыми сосѣдями, какъ туземцы, и всегда-то былъ не обезпеченъ отъ ихъ покушеній на самое дерзкое воровство, которыя при случаѣ сопровождались и убійствами. Но прежде большею частью дѣло ограничивалось тѣмъ,

что сведуть у кого-нибудь лошадей или коровъ со двора, или темною ночью взломають съ задняго хода магазинъ. Теперь же наглость разбойниковъ стала превышать всякую мѣру, и населеніе было совсѣмъ терроризовано постоянными, участвовавшими до невозможности грабежами и разбоями.

По Военно-Грузинской дорогѣ въ 6 часовъ вечера, еще за свѣтло, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города напали на экипажъ съ катавшимися дамами, ограбили почтовую карету и срѣзали съ перекладной чемоданы зазѣвавшагося проѣзжаго. Дальше же отъ города по всѣмъ дорогамъ происходили чуть не ежедневныя нападенія, убійства и взятія въ плѣнъ. Въ самомъ Владикавказѣ, на модной улицѣ, на глазахъ многочисленной гуляющей публики остановилась у ювелирнаго магазина Р. кучка верховыхъ вооруженныхъ туземцевъ, ограбила его, и, вскочивъ на ожидавшихъ ихъ у тротуара лошадей, разбойники ускакали безнаказанно съ награбленнымъ добромъ черезъ весь городъ подъ взорами растерявшейся и перепуганной ихъ наглостью толпы. Никто и не подумалъ ихъ преслѣдовать.

Шайка въ 40—50 человекъ напала въ густо населенной части города на большую богатую мельницу и ограбила кассу. Стрѣльба при этомъ была такая, что ее ясно было слышно на другомъ концѣ города, въ разстояніи почти двухъ верстъ отъ мѣста происшествія. И не только ни одна душа не вышла на помощь обстрѣливаемымъ, а, напротивъ, со страху всѣ сосѣди попрятались кто куда, и нѣкоторые просидѣли по подваламъ всю ночь. Когда же прискакалъ на выстрѣлы казачій объѣздъ, абрековъ и кассы уже и слѣдъ простыль.

Подобныхъ происшествій было много, и дошло до того, что, рассказывая о временахъ Шамиля, увѣряли, будто тогда было тише; такой дерзости и наглости не было видано, и обыватели тогда могли спать спокойнѣе, чѣмъ теперь.

При всемъ этомъ разрасталось и уличное, городское хулиганство. Мѣщанская слободская молодежь стала вести себя самымъ вызывающимъ образомъ, такъ что, встрѣчаясь съ толпою курскихъ парней, всякій старался обходить ихъ подальше. Появилось множество подозрительныхъ молодыхъ людей безъ опредѣленныхъ занятій въ черныхъ рубашкахъ и изломанныхъ карбонарскихъ шляпахъ и босяковъ, пристававшихъ съ угрозами и вымогательствами къ проходящимъ. Все это производило тяжелое впечатлѣніе, и настроеніе у всѣхъ было самое подавленное.

III.

Газеты въ эти дни были наполнены самыми тревожными извѣстіями, но все же было легче, пока онѣ еще получались. Но вотъ забастовали одна за другою російскія желѣзныя дороги, и во.

Владикавказъ перестала получаться столичная корреспонденція. Напряженное настроеніе стало расти не по днямъ, а по часамъ.

Велика же была радость владикавказцевъ, когда рано утромъ 18-го октября получился манифестъ. Къ полудню онъ былъ уже отпечатанъ и продавался на улицахъ по пяти копеекъ. Конечно, у каждаго имѣлся въ рукахъ волшебный листокъ.

Многіе въ Россіи въ этотъ день порадовались и повѣрили тому, чему еще не суждено было осуществиться. «Слава Богу, слава Богу! теперь всѣ эти ужасы кончатся, все наладится, всѣ успокоятся!» повторяли и мы, читая и перечитывая манифестъ и не подозрѣвая, какъ мы жестоко ошибаемся въ своихъ надеждахъ. «Все» еще только начиналось, и ошеломленному событіями смертному могло показаться, что онъ, присутствуя полный счастливаго упованія при вызываніи добраго духа, неожиданно увидѣлъ вмѣсто него самого дьявола.

Прежде всего объявленіе свободъ произвело совершенно неожиданное дѣйствіе на учащихся. Въ день полученія манифеста во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ города какъ по командѣ произошли бунты и забастовки. А на другой день, по программѣ, выполнявшейся въ эти печальной памяти дни по всѣмъ городамъ и весямъ Россіи, какъ по нотамъ, разыгралось кровавое столкновеніе между учащимися и рабочими. Съ обѣихъ сторонъ было много убитыхъ и раненыхъ, и въ результатѣ явилось враждебное мстительное отношеніе слобожанъ къ гимназистамъ, которые уже боялись въ формѣ показываться на улицахъ и всѣ вооружились дубинками на случай внезапнаго нападенія. На первомъ же свободномъ митингѣ, устроенномъ на основаніи новорожденныхъ правъ, выступилъ Рамишвили, рыжій обтрепанный субъектъ, братъ извѣстнаго впоследствии своими выстушеніями члена первой думы; только что выпущенный изъ тюрьмы, онъ проживалъ въ это время во Владикавказѣ. Говорилъ онъ много и долго, на непонятномъ діалектѣ, мѣшая русскій языкъ съ грузинскимъ, и лучше всего можно было разобрать слова: «пятакъ-конституція! дешевый манифестъ!» произносимыя съ сильнымъ акцентомъ и явными намеками. И тутъ же произошла драка въ толпѣ.

Уже выяснялось рѣзкое направленіе и взаимное недоброжелательство возникавшихъ партій. Очевиднымъ дѣлалось съ первыхъ шаговъ, что ждать успокоенія—напрасная мечта, и городъ приунылъ, не зная, чего ожидать дальше.

Черезъ нѣсколько дней забастовали почта и телеграфъ, а скоро и Владикавказская желѣзная дорога примкнула ко всеобщей забастовкѣ. Теперь Владикавказъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ остальнаго міра, и это еще усиливало общее нервное настроеніе и страхъ передъ будущимъ, полнымъ невеселыхъ загадокъ. По ночамъ всѣ дрожали въ своихъ постеляхъ, ожидая каждую минуту нападе-

нія неизвѣстно откуда: не то отъ ингушей, не то отъ слобожанъ, не то отъ революціонеровъ. Кажется, сосѣдь сосѣда сталъ бояться.

Патрули дефилировали по городу, но это не только не успокаивало никого, а, напротивъ, пуще пугало, напоминая ежеминутно, что не все у насъ благополучно. Всѣ правительственныя и общественныя учрежденія усиленно охранялись войсками, на всѣхъ мостахъ и въѣздныхъ дорогахъ стояли дозоромъ роты Апшеронскаго полка. Командующій войсками запретилъ въѣздъ конныхъ отъ сумерекъ до разсвѣта во Владикавказъ, Грозномъ, Воздвиженкѣ и Хасавъ-Юртѣ, а также издалъ распоряженіе о воспрещеніи туземцамъ носить и хранить оружіе во всѣхъ прилегающихъ округахъ. Несмотря на то, дня не проходило безъ убійствъ и ограбленій, и у всѣхъ туземцевъ было оружіе. Надо сказать, что мѣра эта принималась въ области не въ первый разъ и никогда не достигала цѣли, потому что туземцы очень изобрѣтательны насчетъ способовъ храненія запрещенныхъ имъ берданокъ и трехлинеекъ, безъ которыхъ каждый изъ нихъ считаетъ себя не человѣкомъ.

Наконецъ вѣчное и ежеминутное ожиданіе нападеній сдѣлало положеніе горожанъ невыносимымъ.

Заговорили о томъ, что единственная возможность успокоенія трепещущихъ отъ страха обывательскихъ душъ—это раздача оружія для самозащиты, и администрація наша вняла гласу народа. Вооружили ночныхъ сторожей и населенію тоже стали раздавать добытое откуда-то оружіе. Теперь по утрамъ можно было встрѣтить на бульварахъ кучки бабъ и мастеровыхъ, которые шли изъ полиціи и несли какія-то удивительныя ружья съ короткими желтыми ложками и ржавые револьверы стараго образца. Это полиція наша, не видя возможности защитить всѣхъ и каждого, раздавала желающимъ утѣшеніе.

Это всеобщее вооруженіе сейчасъ же возбудило взаимное недовѣріе различныхъ обособленныхъ частей города и породило, кажется, еще большій страхъ.

Вооруженное населеніе стало теперь еще больше бояться другъ друга, чѣмъ тогда, когда всѣ были съ голыми руками. Тутъ же былъ пущенъ слухъ, что Молоканская слободка получила много ружей и скоро будетъ громить Курскую, такъ какъ давно питаетъ къ ней вражду. Куряне испугались, но рѣшили не давать себя въ обиду и сдѣлать нападеніе на молоканъ, не дожидаясь, пока тѣ ихъ тронуть. А «центръ», находясь между двухъ огней, ждалъ себя въ чужомъ пиру похмелья и тоже волновался. Недоразумѣніе пришлося улаживать черезъ посредство мѣстной печати; столкновеніе было предотвращено, но всѣ держались на чеку.

27-го октября пришло извѣстіе о прекращеніи желѣзнодорожныхъ забастовокъ. Сообщеніе понемногу восстанавливалось вездѣ, и наша дорога скоро тоже заработала. Владикавказцы ожили,

принявъ это за первый симптомъ успокоенія, но радости ихъ и надеждѣ не суждено было долго цвѣсти: сейчасъ же пошли ограбленія поѣздовъ.

Черезъ два-три дня послѣ открытія движенія за нѣсколько станцій отъ города собралась толпа вооруженныхъ туземцевъ верхомъ и на арбахъ, остановила поѣздъ и ограбила его дочиستا. Грабители входили въ вагоны, какъ къ себѣ въ домъ, и самымъ наглымъ образомъ обыскивали пассажировъ, которые пальцемъ не смѣли шевельнуть для спасенія своего имущества. Сопротивлявшихся безъ долгихъ разговоровъ пристрѣливали на мѣстѣ. И никто не успѣлъ еще опомниться, какъ вся почта, багажъ и вещи пассажировъ были сложены на арбы и увезены. Одинъ только остроумный путешественникъ догадался, какъ спасти свой кошелекъ съ довольно крупною суммою денегъ: при входѣ грабителей въ вагонъ, онъ быстро и незамѣтно бросилъ кошелекъ на полъ и крѣпко наступилъ на него ногой. Когда дошла очередь и до него, и хищники подошли его грабить, онъ преспокойно всталъ по ихъ требованію во весь ростъ, поднялъ руки вверхъ и, твердо стоя ногами на своемъ имуществѣ, далъ обыскать себя. Разбойники обшарили его, ничего не нашли, выругались и оставили въ покоѣ.

Слѣды грабителей остались, но никто не рискнулъ далеко ихъ разыскивать. Поискали по близости отъ мѣста происшествія, да и бросили, боясь разѣзжавшихъ вокругъ подозрительныхъ туземцевъ съ берданками.

Послѣ нападеній на поѣзда стали происходить нашествія грабителей на станціи и будки, и желѣзнодорожные служащіе попросили себѣ охраны.

По станціямъ и разѣздамъ пришлось поставить войска, конечно, въ очень незначительномъ количествѣ, такъ какъ всѣ наличныя военныя части несли уже и безъ того усиленную караульную службу во многихъ мѣстахъ. Между станціями разставили посты милиціи, и поѣзда стали ходить только днемъ, съ наступленіемъ же сумерекъ стояли по главнымъ станціямъ. Такъ великъ былъ всеобщій страхъ передъ разнуздавшимся туземнымъ населеніемъ, что ни одинъ машинистъ не соглашался вести поѣздъ ночью, и ни одинъ пассажиръ не сѣлъ бы въ вагонъ послѣ захода солнца.

IV.

По городу въ это время странствовали угрожающія анонимныя посланія и прокламаціи съ гробами и черенами. Купцы осаждались требованіями положить въ извѣстное время въ условномъ мѣстѣ деньги; клеветническія письма и статьи наводняли редакціи газетъ.

Все это вмѣстѣ взятое разбудило наконецъ даже сонныхъ отцовъ нашего города, и они вздумали, со своей стороны, проявить кое-

какую дѣятельность. Собрали въ городской думѣ экстренное за-сѣданіе для разсмотрѣнія вопроса объ организаціи охраны, для которой войскъ уже совершенно не хватало. Долго совѣтовались мудрые старѣйшины и, расхрабрившись со страху, постановили, не медля ни минуты, учредить городскую милицію, не обращаясь за позволеніемъ къ высшей власти. Уступка законности была, однако, сдѣлана: намѣстнику графу Воронцову-Дашкову послала была телеграмма, въ которой испрашивалось только одобреніе главы края этому нововведенію.

Въ сосѣднемъ залѣ множество посторонней публики съ интересомъ ждало результатовъ совѣщанія, и самостоятельное рѣшеніе думцевъ было принято съ восторгомъ. Тутъ же на мѣстѣ возникъ пока что такъ называемый «временный комитетъ охраны общественнаго спокойствія», составившійся изъ шести лицъ, избранныхъ горожанами между собою. Комитетъ горячо принялся за дѣло и на другой же день выпустилъ воззваніе, приглашавшее всѣхъ воздерживаться отъ насилій:

«Вы, осетины, вы, Курская слободка, вы, каменщики, вы, плотники, кузнецы, вы, молokane! охраняйте порядокъ, а всѣхъ возмущающихъ васъ и подстрекающихъ на грабежи и убійства задерживайте и представляйте въ городскую думу».

Какой произволь клеветѣ и сведенію личныхъ счетовъ давало это воззваніе!

Потомъ комитетъ обнародовалъ программу дѣйствій, которыя должны были, по его мнѣнію, способствовать полному умиротворенію. Пункты программы рекомендовали:

- 1) пресѣченіе массовыхъ насилій (съ чьей стороны?) путемъ изобличенія и наказанія провокаторовъ и подстрекателей;
- 2) разъясненіе темному люду смысла свободъ и укорененіе мысли, что лучший другъ народа—интеллигенты;
- 3) устройство питательныхъ пунктовъ для неимущихъ, такъ называемыхъ босяковъ;
- 4) вооруженіе благонадежной части гражданъ.

У комитета явно просвѣчивалъ страхъ интеллигента передъ босякомъ. Народъ долженъ былъ на слово повѣрить, что одно спасеніе для него интеллигентъ, и не трогать эту привилегированную особу. Босяка надо было поскорѣе задобрить хоть на время кускомъ хлѣба, пожалуй, даже и рюмкою водки, чтобы онъ не съѣлъ интеллигента; ружье же каждый благонадежный интеллигентъ держи наготовѣ. Такъ поступаютъ укротители съ дикими звѣрями, когда видятъ, что звѣрь волнуется и хочетъ укусить.

Когда комитетъ такъ предусмотрительно и умно высказался, началъ организовываться союзъ охранителей города. Записалось въ союзъ 60 человекъ простолюдиновъ и 10 интеллигентовъ, и получилась весьма пестрая компанія чуть ли не изъ десяти не особенно дружныхъ между собою національностей; однихъ осетинъ было

19 душъ. Добыли и раздали на всѣхъ 12 ружей и 6 револьверовъ; такъ великолѣбно вооруженные и сплоченные граждане торжественно поклялись защищать другъ друга, свои кварталы и даже весь городъ, если увеличится со временемъ число членовъ союза и количество оружія. Кромѣ того, союзъ заявилъ, что имѣеть соглядатаевъ во всѣхъ слояхъ общества и не оставитъ безнаказаннымъ нападеніе на кого-нибудь изъ своихъ членовъ. При малочисленности и слабости организаціи такое устрашающее заявленіе невольно вызывало улыбку и воспоминаніе о томъ еврей, который темною ночью, надѣвъ на одну руку шапку, а на другую ермолку и увѣряя, что «насъ уже трое», пугаль въ лѣсу пень, принявъ его за разбойника.

Но не удалось новорожденному союзу проявить свою доблесть: не прошло и недѣли, какъ отъ намѣстника пришло категорическое запрещеніе охраны. Итакъ, храброе рѣшеніе учредить союзъ явочнымъ порядкомъ потерпѣло полное фіаско, и городское населеніе осталось при своихъ прежнихъ страхахъ. Безъ револьвера уже никто не смѣлъ показаться на улицу, особенно подъ вечеръ, а по ночамъ часто слышались безцѣльные выстрѣлы, производимые вооруженными гражданами съ цѣлью испугать дѣйствительныхъ или воображаемыхъ разбойниковъ и пугавшіе больше всего сосѣдей.

V.

Много волненій и недоразумѣній вносила въ эти дни въ жизнь владикавказцевъ и мѣстная печать, распустившаяся внезапно пышнымъ и ядовитымъ, но недолговѣчнымъ цвѣтомъ. Появлялись одна за другою на свѣтъ новыя газеты и умирали, однѣ естественной, другія насильственной смертью, такъ же быстро и неожиданно, какъ и рождались. Вотъ краткая исторія владикавказскихъ изданій, напечатанная въ единственномъ номерѣ появившагося въ это же время сатирическаго листка «Абрекъ», который самъ рекомендовалъ себя при рожденіи «настоящимъ разбойникомъ, появляющимся всегда неожиданно». Абрекъ этотъ былъ сейчасъ же схваченъ и задушенъ администраціей.

«У подножія «Казбека» забурлилъ шумный «Терекъ», блеснуло и погасло «Утро Горь»; «Весь Кавказъ» пробудился на мгновеніе и снова замеръ. Но уже загорѣлась первая «Искра», и «Кавказская Жизнь» будетъ итти «Впередъ». Хотя «Терскія Вѣдомости» упорно поддерживаютъ свою «Правду», что «Черкешенка» и «Иронъ» желаютъ возврата къ старому, но «Абрекъ» стоитъ на стражѣ и не позволяетъ, чтобы «Лавина» затушила «Пожаръ» «На рубежѣ».

Нельзя не согласиться, что 15 газетъ за какіе-нибудь два-три мѣсяца для города съ 60-ю тысячами населенія, половина котораго никогда газетъ въ руки не беретъ, слишкомъ много. Понятно, что новыя изданія или лопались, не находя спроса, или въ борьбѣ

за существованіе изощрялись одно передъ другимъ въ печатаніи спогсшибательныхъ статей и сообщеній. Множество невѣдомыхъ раньше доморощенныхъ писаекъ, которымъ очень по вкусу пришлось свобода слова, очинили свои перья, помогая мутному, сильно забившему ключу жизни войти въ новое русло. Появилось семьдесятъ толковниковъ, которые разъясняли манифестъ кто во что гораздъ и растолковывали новоиспеченнымъ гражданамъ ихъ новыя права и смыслъ всѣхъ свободъ. При этомъ главную роль играли измышленія собственной разыгравшейся фантазіи литераторовъ, писанія которыхъ поселяли только новыя недоразумѣнія и полнѣйшій сумбуръ въ обывательскихъ головахъ.

Петиціи . . . воззванія въ эти дни вообще сыпались дождемъ. Время было такое, что всѣ заявляли свои права и претензіи. Нельзя было «съ политической точки зрѣнія» отставать отъ другихъ, а кто самъ не умѣлъ, или не имѣлъ ничего заявить, для тѣхъ находились руководители и внушители. Газеты наши дошли до геркулесовыхъ столбовъ разнузданности въ тонѣ и содержаніи своихъ статей, благодаря свободѣ писать всякія нелѣпости. Наконецъ въ печати нашей стали появляться прямой призывъ къ борьбѣ съ «темными силами», подъ которыми подразумѣвалась бюрократическая власть, а главное военныя силы. Ихъ въ городѣ было много, но революціонерамъ никакъ не удавалось привлечь ихъ на свою сторону, и они, конечно, мѣшали осуществленію смѣлыхъ плановъ освободителей.

Особенно отличался у насъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля учитель реальнаго училища, нѣкто Д., осетинъ, больной, чахоточный молодой человекъ, хитрый и легко воспламеняющійся, но недалекій, какъ большинство его земляковъ. Выступивъ на литературное поприще вскорѣ послѣ манифеста, онъ началъ съ громкихъ и нелѣпыхъ требованій, и первая же его статья шла далеко впереди остальныхъ писаній тѣхъ дней. Это былъ фанатикъ чистой воды, который причислялъ себя къ первымъ изъ передовыхъ борцовъ за свободу. Удивительно, что его статьи долго проходили незамѣченными для нашей администраціи, какъ проходило, впрочемъ, для нея и многое. Но народъ читалъ ихъ, и немудрено, что онѣ оказывали свое дѣйствіе, особенно на его сородичей. Недаромъ, когда началось народное движеніе въ Осетіи, Д. считался главнымъ вдохновителемъ и руководителемъ осетинской революціи, хотя онъ не успѣлъ лично принять въ ней участіе. Когда нашъ передовой борецъ, увлеченный разгоравшейся революціей, задумалъ расширить свою дѣятельность и взялся за изданіе собственной газеты «Искра», которою онъ, очевидно, рассчитывалъ зажечь всѣ сердца, его поневолѣ должны были замѣтить. Назвавъ государственную думу 17-го октября обглоданною костью, брошеною народу, онъ настоятельно требовалъ учредительнаго собранія и скорѣйшаго сверженія правительства.

«Граждане! — писалъ Д. — по всей Россіи поднявшійся народъ уже устанавливаетъ временныя правительства. Приготовимся же и мы къ нему!»

А тайныя прокламаціи, шедшія изъ того же источника, уже называли и членовъ новаго временнаго правительства. Губернаторомъ у насъ долженъ былъ быть студентъ У., осетинъ, полицеймейстеромъ предполагался студентъ Е., тоже осетинъ, и всѣ должности были распределены заранее подобнымъ же образомъ, преимущественно среди туземцевъ.

Наконецъ осетинскій освободитель русскаго народа по поводу наглаго ограбленія товарной кассы на станціи Владикавказъ такъ громко восклицалъ въ своей «Искрѣ»: «Привѣтствуемъ начало разоруженія реакціи во Владикавказѣ, и да здравствуетъ вооруженіе революціи!!» что администрація наша проснулась. Она открыла глаза и, увидѣвъ слишкомъ яркій и красный огонь, задула его... чтобы онъ, чего добраго, не помѣшалъ ей спать и дальше. Редакторъ-издатель, онъ же и авторъ почти всѣхъ статей своей газеты, былъ высланъ изъ предѣловъ области навсегда.

Кромѣ такихъ возбуждательныхъ писаній, наши публицисты брались еще и за чтеніе лекцій, объясняя положеніе вещей. Одинъ изъ нихъ, инженеръ В., тоже осетинъ, въ лекціи своей вытащилъ изъ гробовъ самого Іоанна Грознаго и митрополита Филиппа, съ которымъ, вѣроятно, въ душѣ сравнивалъ себя, когда стоялъ на каедрѣ и съ пѣною у рта выкрикивалъ: «Въ самыхъ языческихъ странахъ есть законъ и справедливость, а въ Россіи ихъ нѣтъ! Самые камни подъ ногами вопіють о мести!» И хотя въ концѣ своей изступленной рѣчи лекторъ пообѣщавъ, что скоро у насъ будетъ могущественное либеральное правительство, которое сумѣетъ охранить права всѣхъ, и просилъ народъ сохранять пока порядокъ и спокойствіе, но вѣдь это было все равно, что напоить человѣка виномъ, а потомъ требовать, чтобы онъ былъ трезвъ.

Спасибо еще, что остальные лекторы, которые тоже предполагали поучать народъ въ эти дни, объявили, что лекціи ихъ откладываются на неопредѣленное время «вслѣдствіе душевной неуравновѣженности г. г. лекторовъ», какъ они объяснили сами. Откровенно и благородно, но довольно комично было такое заявленіе.

Подобныя статьи, лекціи и воззванія къ «свободному народу» и «сознательнымъ гражданамъ» не могли остаться безъ результатовъ, и стали царить весьма своеобразныя проявленія примѣненія свободъ. Девизъ «теперь свобода, и все можно» былъ написанъ на лбу у каждаго, особенно у «сознательныхъ гражданъ» очень юнаго возраста, у босяковъ, хулигановъ, не работающихъ рабочихъ и не учащихся гимназистовъ, отъ которыхъ никому житья и прохода не было.

VI.

Между тѣмъ жизнь протекала въ какомъ-то кошмарѣ, благодаря вѣроятнымъ и невѣроятнымъ слухамъ и происшествіямъ. Владикавказъ жилъ подѣ страхомъ возстанія туземцевъ Терской области, которое ожидалось со дня на дня. Всѣ строили разные планы спасенія на случай осады города, но всѣ планы казались невѣрными. Администрація принимала свои мѣры, продолжала отбирать оружіе у туземцевъ, но тѣ при обыскахъ зарывали его въ землю, а послѣ обыска преспокойно нацѣпляли опять на себя. Наконецъ надумались призвать въ Владикавказъ для подавленія беспорядковъ запасныхъ, такъ какъ своихъ постоянныхъ войскъ было уже недостаточно.

Запасные прибыли въ Апшеронскій полкъ изъ разныхъ мѣстностей Кавказа; были среди нихъ кубанскіе, пятигорскіе и другіе. Первое время послѣ призыва они вели себя спокойно, занимались ученъемъ и исполняли всѣ требованія начальства безпрекословно, но какъ разъ въ эти дни произошелъ бунтъ запасныхъ въ Пятигорскѣ, въ Ахульгинскомъ батальонѣ, и волненіе перекинулось сюда. Среди этихъ пожилыхъ бородатыхъ солдатъ начался ропотъ, и нельзя не признать, что недовольство ихъ дѣйствительно имѣло основаніе. Такъ, многіе изъ нихъ служили раньше въ гвардіи, нѣкоторые были даже на войнѣ и, не отказываясь вовсе отъ службы, они совершенно резонно замѣчали, что ихъ собрали даромъ, напрасно мучаютъ гимнастикой и шагистикой, держать уже больше трехъ недѣль, полагающихся для ученыхъ сборовъ, и никуда не ведутъ. Они же, ѣхавши во Владикавказъ, слышали, что ихъ созвали битъ какихъ-то бунтующихъ ингушей и чеченцевъ, и поэтому просили, чтобы, если ужъ ихъ держать, то пусть скорѣе ведутъ въ дѣло.

— Мы расчешемъ хорошенько этихъ гололобыхъ, да и пойдемъ по домамъ; у насъ тамъ хозяйство, семьи, работа, а маршировать да носокъ вытягивать мы и такъ еще не забыли. Да и старыя кости уже не слушаются, только болятъ отъ этого, — говорили бородачи.

Покинутыя семьи сильно заботили запасныхъ; многіе изъ нихъ получали съ родины письма съ жалобами на то, что семьямъ живется плохо безъ кормильцевъ, что положенныхъ для прокорма на время службы отцовъ денегъ имъ не даютъ, что сельскія власти обижаютъ одинокихъ женъ.

Все это волновало запасныхъ и само по себѣ, а тутъ постарались еще и «товарищи», которые, воспользовавшись броженіемъ въ такой благодарной средѣ, помогли раздуть недовольство и подсказали требованія. Требованія вдругъ стали расти, доросли въ концѣ концовъ до 30 пунктовъ, двѣ трети которыхъ были весьма нелѣпаго свойства, и кончались четырехвосткою. Пропаганда дѣйствовала, очевидно, во всю.

Командиръ полка былъ очень старъ, ему было около 70 лѣтъ, и давно бы такому пора на покой. Неудивительно, что, и будучи георгиевскимъ кавалеромъ, онъ не проявилъ здѣсь особенной храбрости. Онъ совершенно растерялся передъ неожиданными бунтовскими требованіями, пробовалъ уговорить расхолодившихся запасныхъ, даже плакалъ отъ огорченія, держа къ нимъ самыя миролюбивыя и убѣдительныя рѣчи, но бѣдному старику не подъ силу было справиться съ этимъ движеніемъ. Увидѣвъ, что ни слезы, ни уговоры не дѣйствуютъ, онъ умылъ руки въ этомъ дѣлѣ. Тогда избрали лицо повыше и средство подѣйствительнѣе: разслѣдованіе инцидента было поручено начальнику дивизіи генералу С., а на время увѣщаній и переговоровъ съ бунтовщиками, которые онъ долженъ былъ произвести, въ казармахъ, расположенныхъ рядомъ съ полковыми, была собрана артиллерія въ полной готовности, и пять сотенъ вооруженныхъ казаковъ поставлены невдалекѣ. Городъ замеръ въ ежеминутномъ ожиданіи стрѣльбы и пушечной канонады или разгрома, который могли учинить бунтовщики.

Начальникъ дивизіи генералъ С., числившійся въ генеральномъ штабѣ, вызвалъ запасныхъ на плацъ и пустился въ длинные, красно-рѣчивые, но мало убѣдительные разговоры съ ними. Бунтовщики выстроились передъ начальствомъ всѣ съ винтовками, какъ и полагается быть во фронтѣ, но въ сущности безоружные, такъ какъ патроны были предварительно убраны изъ казармы и спрятаны въ сохранныя мѣста подъ крѣпкой карауль.

Дуль сильный вѣтеръ, было холодно, несмотря на яркое солнце, и всѣ стояли въ однихъ мундирахъ. Генералъ обратился къ запаснымъ:

— У меня ревматизмъ отъ старой кавказской войны; вы ужъ позвольте мнѣ, братцы, надѣть пальто. Вы-то еще молодые, а я, видите, какой старій.—И съ разрѣшенія бунтовщиковъ генералъ надѣлъ свое пальто на красной подкладкѣ. Всѣ усмѣхались, слушая такое начало увѣщательной рѣчи.

Дальнѣйшіе разговоры были въ такомъ же тонѣ. Генералъ шутилъ, фамиллярничалъ съ запасными, даже какъ будто заискивалъ передъ ними, стараясь все дѣло обратить въ пустяки, и не привелъ ни одного серьезнаго довода, не далъ ни одного успокоительнаго обѣщанія, не сумѣлъ подѣйствовать и страхомъ. Рѣчи его не возбуждали ничего, кромѣ насмѣшки, и, конечно, изъ увѣщанія ничего не вышло. Въ концѣ концовъ онъ только опросилъ у всѣхъ претензіи, какъ на обыкновенномъ смотрѣ, убралъ неизвѣстно для чего собранныхъ казаковъ и артиллерію и отпустилъ запасныхъ, которые и остались при своемъ.

Черезъ два дня пріѣхалъ генералъ еще постарше, исправлявшій должность корпуснаго командира генералъ Ж. Этотъ уже имѣлъ нѣкоторую практику въ дѣлахъ подобнаго рода, такъ какъ только

что усмирялъ бунтовавшихъ ахульгинцевъ въ Пятигорскѣ; и началась опять та же продуцера безплодныхъ уговоровъ и увѣщаній. Запасные стояли на своемъ и, должно быть, чувствуя свою непобѣдимость, вели себя все время самымъ вызывающимъ образомъ. Они напивались, шатались по улицамъ въ растерзанномъ видѣ, не отдавали никому чести, грозили скандалами городу и начальству, которое наконецъ опомнилось и рѣшило, что лучше всего исполнить поскорѣе ихъ первое и главное требованіе и отправить ихъ всѣхъ по домамъ, пока они еще не успѣли заразить солдатъ постоянной службы. Поняли, что теперь толку съ нихъ все равно никакого не будетъ, а опасность есть, и немалая.

Команди з полка М. отставили отъ должности и назначили на его мѣсто молодого, энергичнаго батальоннаго командира того же полка О., тотъ быстро покончилъ комедію, отправилъ запасныхъ по домамъ и все привелъ въ порядокъ.

Солдаты апшеронцы держались особнякомъ отъ запасныхъ во время этой исторіи и не дѣлали никакихъ выступленій, но были попытки смутить ихъ. «Товарищи» пронюхали, что одна изъ ротъ, кажется, ненадежна, и возымѣли увѣренность, что можно, воспользовавшись ея недовольствомъ на ротнаго командира, съ ея помощью поднять весь полкъ. Собрать тысячную толпу сочувствующаго и просто любопытствующаго народа, всѣ наличные агитаторы города двинулись съ нею къ казармамъ полка. Подойдя, толпа остановилась противъ казармы, и впередъ выступили четверо зачинщиковъ-главарей, которые и обратились къ вышедшимъ солдатамъ съ рѣчами самаго зажигательнаго свойства. Солдаты слушали равнодушно, и только немногіе изъ нихъ изрѣдка отзывались на особенно смѣлыя словечки «товарищей»... Но бравый полковникъ не дремалъ: выйдя къ революціонерамъ, онъ во мгновеніе ока арестовалъ четырехъ ораторовъ, потомъ вызвалъ ненадежную, по мнѣнію зачинщиковъ, роту и при смѣхѣ той же толпы и своихъ солдатъ приказалъ ей же отвести арестованныхъ въ полицію. И толпа шла теперь за ними съ такимъ же удовольствіемъ и любопытствомъ, какъ часъ тому назадъ, когда они были еще вожаками.

Главная мечта революціонеровъ была соединить два гарнизона, пятигорскій и владикавказскій, взбунтовавъ ихъ одновременно. Въ Пятигорскѣ военный бунтъ удался, у насъ же дѣло не ладилось въ этомъ направленіи. Правда, броженіе замѣчалось во всѣхъ частяхъ войска, ходили слухи, что въ извѣстный день вырѣжутъ всѣхъ офицеровъ, солдатъ дѣятельно снабжали нелегальной литературой, но агитаторамъ все же не удалось достигнуть желаемой сплоченности среди солдатъ.

Наибольшій успѣхъ они имѣли въ одной изъ стоявшихъ въ городѣ частей, и у насъ былъ военный бунтъ совсѣмъ особаго рода, который произвелъ въ городѣ настоящую панику, благодаря тому, что тутъ пришлось имѣть дѣло съ такимъ опаснымъ элементомъ, какъ туземцы.

VII.

Во Владикавказѣ квартировала много лѣтъ совершенно особая воинская часть, которая набиралась исключительно изъ осетинъ Сѣвернаго Кавказа и называлась осетинскимъ дивизиономъ. Въ ней отбывала воинскую повинность осетинская молодежь на основаніи особаго законоположенія. Такъ называемые всадники дивизиона носили казачью форму, считались регулярной кавалеріей и управлялись кавалерійскими офицерами. Постоянный комплект осетинскаго дивизиона былъ въ 300 человекъ, и они составляли двѣ сотни; во время же войны они развертывались въ цѣлый полкъ.

Въ одинъ изъ дней конца ноября нѣсколько всадниковъ отправились ночью въ веселое заведеніе, гдѣ произвели порядочный дебошъ. Потомъ разгульная компанія, захвативъ съ собою одну дѣвицу, вышла на улицу и продолжала шумѣть и скандалить. Ночные караульщики стали разгонять гулякъ, но всадники не поддавались и, обозлившись, вступили въ драку съ караульщиками. Такъ какъ осетины были вооружены кинжалами, составляющими принадлежность ихъ формы, то бой оказался неравнымъ и кончился печально; одинъ изъ ночныхъ сторожей былъ убитъ, а дѣвушка сильно избита и слегка ранена. Дѣло не обошлось безъ полиціи, которая явилась на шумъ и свистки караульщикоу; но когда помощникъ пристава съ городовымъ пришли на мѣсто происшествія, осетины уже успѣли разбѣжаться. Они спрятались въ свою казарму, и полиція застала только распростертый на улицѣ трупъ ночного сторожа и плачущую раненую дѣвушку, которая сказала приставу, что она видѣла, кто именно убивалъ и можетъ указать убійцу. Приставъ, не теряя времени, по телефону сообщилъ о происшествіи командиру дивизиона и попросилъ его разрѣшенія пойти съ дѣвушкой въ казарму, чтобы по горячимъ слѣдамъ найти виновнаго.

Безъ сомнѣнія, командиру дивизиона слѣдовало пойти самому разслѣдовать дѣло. Престижъ командира, нѣкоторая привычка всадниковъ къ дисциплинѣ, самый тонъ и умѣнье обойтись съ людьми могли бы предотвратить то, что случилось потомъ. Но командиръ счелъ почему-то за лучшее послать вмѣсто себя сотеннаго. Къ несчастью, и сотенный не могъ исполнить этого немаловажнаго порученія: онъ былъ боленъ и лежалъ въ постели и доложилъ, что итти не можетъ. Дѣло въ концѣ концовъ было возложено на молодого безусаго подпоручика. И вотъ въ казармы осетинъ явились ночью помощникъ пристава, городской, раненая дѣвица и подпоручикъ. Молодой офицеръ растерялся и, выстроивъ сонную сотню въ казармѣ, предоставилъ пристава самому искать убійцу. Дѣвица перетрусилась и отъ страха и волненія никого не могла указать. Осетины же твердо стояли противъ пришедшихъ ихъ уличать лю-

дей, смѣло смотрѣли имъ въ глаза и не выдавали убійцу, говоря, что они всѣ убивали и всѣ виновны.

Приставъ бился съ ними долго и, вѣроятно, такъ ничего и не вышло бы изъ допроса, но, къ несчастью, полицейскій чинъ не воздержался и грубо бросилъ осетинамъ обидное для нихъ прозвище: «сѣно-солома». Такъ дразнили у насъ всадниковъ дивизіона, потому что во время ученій имъ клали подъ правую руку сѣно, а подъ лѣвую солому и вмѣсто «право» и «лѣво» командовали «сѣно» и «солома». Это дѣлалось потому, что, поступаая на службу, многіе изъ нихъ русскаго языка и команды не понимали, но отлично знакомы были въ торговлѣ со словами сѣно и солома.

Обидное слово произвело настоящій взрывъ, и разыгралась новая драма. Поднялся шумъ, въ ту же минуту кто-то потушилъ лампу, нѣсколько человѣкъ бросились къ офицеру и окружили его плотнымъ кольцомъ, чтобы никто его не тронулъ даже случайно. Остальные въ полнѣйшей темнотѣ напали на несчастнаго пристава и тутъ же зарѣзали его кинжалами. Городового и дѣвушку только избили до полусмерти и вытолкали въ шею изъ казармы, офицера же никто пальцемъ не тронулъ, и сотня объявила ему, что и за убійство пристава они желаютъ отвѣчать всѣ поголовно, такъ какъ сами не знаютъ, кто именно рѣзалъ въ темнотѣ. Офицеръ уѣхалъ доложить о случившемся по начальству, а всадники, выбросивъ на улицу тѣло убитаго, накрѣпко заперлись у себя въ казармѣ.

Когда на утро къ нимъ явилось начальство, они никого къ себѣ не пустили и сказали, что и впредь не пустятъ, пока имъ всѣмъ не обѣщаютъ прощенія. Пока начальство судило и рядило, что дѣлать и какъ быть дальше, «товарищи» не преминули воспользоваться этимъ происшествіемъ для своихъ цѣлей, и черезъ два дня дивизіонъ неожиданно подалъ петицію на цѣломъ листѣ съ тою же четыреххвосткою на концѣ. Простое преступленіе обращено было въ политическое, а полудикіе неграмотные разбойники выросли въ борцовъ за свободу. Теперь уже сидѣвшіе въ своемъ форту осетины объявили, что не пустятъ къ себѣ офицеровъ и слѣдователя и не дадутъ производить слѣдствіе, пока всѣ ихъ требованія не будутъ исполнены.

Узнавъ о томъ, что случилось, во Владикавказъ съѣхались изъ ауловъ всѣ родственники всадниковъ и уважаемые старики осетины, которые были очень взволнованы и огорчены этой исторіей. Начались переговоры, и они приняли въ нихъ самое горячее участіе. Боясь за судьбу своей молодежи, старики уговаривали бунтовщиковъ принести повинную и сдаться. Но и «товарищи» не зѣвали. Испугавшись, что могутъ проиграть дѣло, агитаторы дали знать второй сотнѣ этого же дивизіона, квартировавшей въ Нальчикѣ, будто ихъ братьевъ хотятъ перебить. Сотня, не долго думая, самовольно сѣла на коней и прискакала во Владикавказъ на подмогу своимъ. «Товарищи»

только этого и ждали, потому что имъ выгодно было сосредоточить въ одномъ мѣстѣ побольше взбунтовавшихся войскъ, отъ которыхъ они ждали помощи въ борьбѣ съ правительствомъ. Конное же войско, да еще и осетинское, было бы особенно большимъ плюсомъ въ ихъ рукахъ по нашимъ мѣстамъ.

Пріѣхавшіе всадники присоединились къ бунтовщикамъ и засѣли съ ними вмѣстѣ въ казармѣ. Начальство, надѣясь на благоразуміе хотя нѣкоторыхъ осетинъ, рѣшило терпѣливо ждать и продолжать съ помощью стариковъ свои увѣщанія и переговоры, пока всадники еще не предпринимаютъ активныхъ выступленій. Но было ясно для каждаго, что дѣло плохо и что нельзя держать среди города около 300 хорошо вооруженныхъ, располагающихъ конями и взбунтовавшихся дикарей, не принимая никакихъ мѣръ предосторожности. На всякій случай составленъ былъ планъ дѣйствій войскъ гарнизона въ виду возможности открытаго выступления осетинъ, угрожавшаго городу.

Образовали подѣ начальствомъ командующаго Апшеронскимъ полкомъ отрядъ, въ который, кромѣ пѣхоты, включена была батарея и нѣсколько сотенъ казаковъ. Отрядъ этотъ долженъ былъ въ случаѣ надобности немедленно открыть дѣйствія. Казармы осетинскаго дивизиона помѣщались въ концѣ города, въ узкомъ мѣстѣ между берегомъ Терека и горами. На данному сигналу пѣхота должна была идти прямо на казармы бунтовщиковъ, артиллерія стать на другомъ берегу Терека и стрѣлять черезъ рѣку по казармамъ, а казаки отрѣзать отступление изъ города къ горамъ, гдѣ осетины могли бы легко скрыться.

VIII.

Въ одно прекрасное утро по гарнизону была объявлена тревога, и войска быстро заняли назначенныя имъ мѣста.

Горожане, увидѣвъ, какъ по улицамъ по направленію къ осетинскимъ казармамъ везутъ пушки, ѣдутъ казаки и маршируетъ пѣхота, почувствовали себя не очень хорошо. Всѣ вообразили, что осетины уже выступили изъ своего форта и сейчасъ будетъ разгромъ города и война на самыхъ улицахъ. Особенно перетрусили жители той части города, въ которой расположилась артиллерія, потому что въ случаѣ перестрѣлки съ казармами всѣ осетинскія пули попали бы именно сюда.

Занявъ свои пункты, войска ждали съ минуты на минуту приказа свыше о наступленіи на бунтарей и были совершенно готовы къ дѣйствіямъ. Долго они ждали, а приказа все нѣтъ, какъ нѣтъ. Вдругъ, вмѣсто ожидаемаго, получается распоряженіе совсѣмъ другого рода: разойтись немедленно по своимъ казармамъ, придавъ наступленію видъ простаго маневра. Ничего не понимая, войска повиновались. Разошлись, увезли пушки, и остались всѣ въ полнѣйшемъ

недоумѣни, почему же ихъ собрали по тревогѣ, а потомъ распустили по домамъ, такъ и не употребивъ въ дѣло. Что же собственно случилось?—спрашивали всѣ другъ друга. А случилась тутъ исторія до нѣкоторой степени опереточнаго свойства.

Былъ въ нашемъ гарнизонѣ генераль, бывшій алкоголикъ, давно страдавшій къ томѣ же порокомъ сердца. Онъ такъ былъ перепуганъ всей нашей революціей, что нервы его разстроились совершенно, и онъ потерялъ всякое соображеніе и мѣру. Отъ всякихъ пустяковъ онъ впадалъ въ истерику, или выходилъ изъ себя отъ припадковъ злобы и страха. Въ этотъ день, проснувшись утромъ, генераль подошелъ къ окну своей спальни и увидѣлъ, что мимо его квартиры ѣдетъ множество верховыхъ въ казачьей формѣ. Это были просто казаки одной изъ стоявшихъ въ городѣ сотенъ, ѣхавшіе по обыкновенію къ Тереку на водошой. Но храбрый генераль или еще не совсѣмъ проснулся, или ужъ воображеніе его было слишкомъ разстроено, только онъ принялъ ихъ за бунтующихъ осетинъ и страшно перепугался. Въ своемъ волненіи онъ даже не разсмотрѣлъ, что и ѣдутъ-то верховые эти на неосѣдланныхъ лошадяхъ и безъ всякаго оружія, и вообразилъ, что это всадники дивизіона ѣдутъ рѣзать горожанъ, или собираются бѣжать въ горы, чтобы собрать тамъ своихъ и потомъ сдѣлать набѣгъ на городъ.

Это страшное свое предположеніе онъ сейчасъ же сообщилъ по телефону начальнику области К., а этотъ послѣдній и далъ распоряженіе отряду выступить по тревогѣ и занять заранѣе назначенные пункты. Приказаніе и было исполнено немедленно. Но, приблизившись къ казармамъ бунтовщиковъ, начальникъ отряда, къ удивленію своему, увидѣлъ, что всадники-осетины и недумали собираться дѣлать нападеніе. Они всѣ были дома и преспокойно занимались уборкою лошадей и другими мирными домашними работами во дворѣ своей штабъ-квартиры. Сообразивъ сейчасъ же, что тутъ происходитъ какое-то недоразумѣніе, начальникъ отряда, конечно, не захотѣлъ открывать огня противъ дивизіона и вообще предпринимать какихъ-либо агрессивныхъ дѣйствій. Но онъ со смущеніемъ чувствовалъ, что положеніе собравшихся и приготовившихся къ натиску войскъ дѣлается смѣшнымъ и страннымъ. Надо было во что бы то ни стало съ честью выйти изъ этого нелѣпаго положенія, и вотъ онъ взялъ все на себя и далъ приказъ отступать, сдѣлавъ видъ, что войска просто производили невинный маневръ.

Еще раньше этого, утромъ, когда войска только что выступили по данному имъ сигналу, «говарищи», не теряя ни минуты, дали знать во всѣ окрестныя селенія, лежація по линіи желѣзной дороги, что осетинъ собираются разстрѣливать. И войска уже давно успѣли разойтись обратно по своимъ казармамъ, когда на станціяхъ Бесланъ, Даргъ-Кохъ и др. стали собираться изъ всѣхъ ауловъ толпы вооруженныхъ жителей осетинъ, которые съ нетерпѣніемъ и волненіемъ

ждали ближайших поѣздовъ, чтобы сѣсть и ѣхать на выручку всадникамъ.

Къ счастью, они не успѣли выполнить своего намѣренія. Когда вѣсть объ идущихъ къ нимъ на помощь землякахъ дошла до бунтовавшаго дивизіона, изъ числа самихъ всадниковъ нашлись благо-разумные люди, понявшіе, какія печальныя послѣдствія для нихъ же самихъ можетъ имѣть такое открытое объявленіе войны войскамъ многочисленнаго гарнизона. Они вызвались уладить дѣло, сами вышли изъ казармы, и ихъ отправили по станціямъ, чтобы они переговорили со своими разволновавшимися родичами и убѣдили ихъ разойтись, такъ какъ всадникамъ дивизіона не грозитъ никакая опасность.

Осетины имъ повѣрили и, хотя неохотно, но все же разѣхались по своимъ ауламъ.

Городъ въ этотъ день былъ на волосокъ отъ огромной опасности, и довело до этого воспаленное и разстроенное воображеніе генерала, который скоро послѣ этого и долженъ былъ выйти въ отставку изъ-за своихъ слишкомъ расходившихся нервовъ.

Мирные переговоры съ осетинскимъ дивизіономъ продолжались и привели наконецъ къ тому, что всадники согласились на высылку обѣихъ ихъ сотенъ изъ Владикавказа на вѣчныя времена. Ихъ отправили подальше отъ опасныхъ сородичей, въ Ставрополь, гдѣ они обрѣтаются и по сей часъ. И счастье, что ихъ во время отправили: все могло бы повернуться иначе, если бы потомъ, при подавленіи осетинской революціи въ области, всадники эти находились здѣсь. Виновныхъ въ обоихъ убійствахъ такъ и не нашли, и дѣло это заглохло и было предано забвенію.

Все случившееся служить нагляднымъ доказательствомъ того, какъ вредно и опасно имѣть войска, составленныя изъ лицъ особой, да еще и дикой или враждебной народности, и держать эти войска въ мѣстахъ ихъ жительства, гдѣ они всегда могутъ найти поддержку среди своихъ въ случаѣ какого-нибудь неудовольствія или недоразумѣнія. Хорошо было бы, если бы тѣ, отъ кого зависятъ подобные опыты, не повторяли ихъ больше, проученные результатами такихъ начинаній.

IX.

Революціонное движеніе туземцевъ въ Терской области выразилось въ самой отвратительной формѣ безпардонныхъ грабежей и разгромовъ. Оно разыгралось только среди осетинъ, между которыми много интеллигенціи: присяжныхъ повѣренныхъ, докторовъ, учителей, священниковъ, и у которыхъ есть своя духовная семинарія въ Ардонѣ. Остальныя же народности, ингуши, чеченцы, кабардинцы и другіе, не примыкая къ революціи, все-таки пользо-

вались безпорядками и всеобщю паникою и растерянностью. Они еще удесятерили свои хищническіе набѣги, грабили, убивали и брали въ плѣнъ за выкупъ на каждомъ шагу. Не выкупленныхъ плѣнниковъ приканчивали безъ долгихъ церемоній.

Всѣ эти народы сами по себѣ, кажется, еще больше склонны къ разбою, чѣмъ осетины, но на открытыя массовыя выступленія они не рискнули. Причина, вѣроятно, въ томъ, что они не имѣли, какъ осетины, интеллигентныхъ руководителей изъ своей среды и, кромѣ того, уже испытавъ на своей шкурѣ въ прежнія времена (напримѣръ, въ турецкую кампанію) всѣ прелести бунтовъ и ихъ послѣдствій, боялись расплаты. Поэтому они выказали большую осторожность и предусмотрительность и, не склоняясь къ революціи, благоразумно и хитро разсуждали: «Пусть осетины бунтуютъ, а мы посмотримъ. Если другимъ что-нибудь дадутъ, такъ и намъ дадутъ, а бунтовать мы еще всегда успѣемъ».

При этомъ другіе туземцы не сочувствовали осетинамъ и не присоединялись къ нимъ еще и потому, что, какъ чистые, правовѣрные магометане, они презираютъ и ненавидятъ осетинъ за измѣну мусульманству для христіанства. Да и какъ народность вообще довольно низкаго нравственнаго уровня, менѣе рыцарская, чѣмъ остальные, «ироны» не пользуются любовью и уваженіемъ другихъ туземцевъ области, которые даже избѣгаютъ общенія съ ними.

Движеніе въ Осетіи началось съ аграрныхъ безпорядковъ. Всѣ крупныя землевладѣльцы у осетинъ принадлежатъ къ хорошимъ фамиліямъ, такъ называемымъ алдарамъ. Они въ большинствѣ остались вѣрны магометанству и многіе изъ нихъ имѣютъ родственниковъ магометанъ же въ Чечнѣ и Кабардѣ.

Когда осетины начали грабить своихъ помѣщиковъ, главнымъ образомъ расхищать ихъ лѣса, ни чеченцы, ни другіе туземцы не примкнули къ нимъ, несмотря на весь соблазнъ, потому что это значило бы пойти съ христіанами противъ магометанъ, которые имѣютъ здѣсь еще особую, независимую отъ національности, религіозную сплоченность. При первыхъ же попыткахъ осетинъ ограбить помѣщиковъ-магометанъ живущіе во Владикавказѣ алдары на своемъ совѣщаніи рѣшили довести до свѣдѣнія осетинъ, что они поднимутъ и соберутъ магометанъ изъ Чечни и Кабарды и разгромятъ осетинъ-христіанъ сельскихъ обывателей, если грабежи помѣщичьихъ усадебъ будутъ продолжаться.

Такимъ образомъ выходило, что слишкомъ опасно и невыгодно было грабить своихъ же помѣщиковъ. За неимѣніемъ въ Осетіи другихъ землевладѣльцевъ, имуществомъ которыхъ можно было бы попользоваться, осетины принялись за казенные, казачьи и войсковые лѣса. Они жгли лѣсныя караулки, чтобы выжить лѣсныхъ сторожей, и безопадно истребляли деревья. За крупными хищниками потянулись и вороны, подбиравшіе остатки. Можно было ви-

дѣть ежедневно, какъ по улицамъ Владикавказа везли возы всевозможнаго лѣса, цѣлыя сажени дровъ, волокля по землѣ огромныя бревна, и все это преспокойно складывалось на дворахъ по всѣмъ слободкамъ. Дрова на базарѣ были ни по чемъ.

Увидѣвъ, какіе размѣры принимаетъ грабежь, наши власти, наконецъ, спохватились, что нельзя же ждать, пока въ лѣсу не останется ни одного дерева. Для прекращенія дальнѣйшихъ хищеній къ мѣстамъ порубки послали помощника атамана отдѣла, нѣкоего подполковника К. Собрать ардонскихъ казаковъ, подполковникъ поѣхалъ съ ними къ селенію магометанскому. Но тутъ ихъ встрѣтили толпы вооруженныхъ грабителей, собравшихся защищать свои «права».

Хотя и казаки были тоже вооружены не хуже, но полковникъ ихъ, давно распрощавшійся со строемъ вслѣдствіе непомѣрной толщины, испугался военныхъ приготовленій осетинъ и рѣшилъ, что лучше будетъ не связываться съ ними, а поскорѣе по-добру по-здорову убраться домой. Услышавъ, что имъ придется отступить передъ всякимъ сбродомъ, казаки, среди которыхъ находилось много бывшихъ гвардейцевъ изъ конвоя, стали умолять полковника остаться и не давать спуску осетинамъ. Они чуть не плакали отъ стыда, что имъ, настоящимъ воинамъ, нужно позорно ретироваться передъ такой, какъ они выражались, сволочью. Но начальство было неумолимо: не чувствуя никакого подъема военнаго духа, оно категорично запретило казакамъ стрѣлять, сѣло на тройку и ускакало во Владикавказъ, бросивъ свое войско. Осетины же, увидѣвъ такое настроеніе полковника, отлично поняли, что дѣло принимаетъ благопріятный для нихъ оборотъ, и преспокойно потбирали берданки у казаковъ, которые, исполняя приказаніе начальства, не осмѣлились стрѣлять. Казакамъ теперь оставалось только итти по стопамъ своего полковника, и они тоже удалились восвояси, оставивъ осетинъ продолжать начатый грабежь.

Такія успѣшныя дѣйствія властей, конечно, подбодрили осетинъ. Скоро лѣсовъ и караулокъ имъ показалось мало, и они, благодаря безнаказанности, рѣшили расширить арену своихъ подвиговъ и грабить уже всѣхъ сосѣдей не осетинъ.

И вотъ, передъ самыми праздниками Рождества Христова начался рядъ погромовъ въ Осетіи. Въ Ногкау, Кадгаронѣ, Ардонѣ, Салугардонѣ и Христіановскомъ стали собираться цѣлыя шайки хищниковъ, которые грабили уже не по дорогамъ, а въ населенныхъ мѣстечкахъ среди бѣлаго дня. Говорили, что ими руководила какая-то загадочная личность въ черной маскѣ, субъектъ какъ будто бы интеллигентный, судя по тѣмъ рѣчамъ, которыя онъ держалъ къ своей шайкѣ передъ тѣмъ, какъ итти на грабежь. Въ этихъ рѣчахъ говорилось и о борьбѣ за свободу, и разносилось правитель-ство, а самымъ грабежамъ придавался видъ якобы политической

мести, но разбойники слушали, ничего не понимая, и только съ пестрѣніемъ ждали, когда имъ позволятъ итти грабить.

При всякомъ набѣгѣ на какое-нибудь селеніе, грабителей окружали мирные обыватели и спокойно любовались на ихъ подвиги, а потомъ, соблазвившись примѣромъ, присоединялись къ нимъ сами или мародерствовали на мѣстѣ грабежа. Прежде всего хищники направились въ Садонъ. Тамъ они сожгли постройки горнопромышленнаго общества «Алагиръ», потомъ ворвались въ мѣстный клубъ, стали пировать, играли на роялѣ, плясали, перепились и закончили тѣмъ, что, уходя, сожгли все, что только могло горѣть.

Эти первыя же выходки туземныхъ хулигановъ возмутили интеллигентную часть осетинъ Владикавказа. Они стали печатно увѣрять публику, что въ дѣяніяхъ грабителей нѣтъ и слѣда революціонной окраски; что, хотя Осетія и охвачена движеніемъ, чего отрицать нельзя, но тенденція и идея этого движенія гораздо болѣе благородна и возвышенна, чѣмъ то, что теперь приписывается осетинамъ вообще, благодаря творящимся безобразіямъ. Дѣйствительно, среди интеллигентныхъ осетинъ были и заправскіе революціонеры, требованія которыхъ вполнѣ соответствовали революціонному кодексу; тутъ была и автономія Осетіи, и четырехвостка, и принудительное отчужденіе, и все тому подобное. Но можно смѣло сказать, что низшему слою этой народности совершенно недоступны были такія понятія, и гг. осетинскіе революціонеры должны были знать это, насаждая и развивая свое ученіе въ такой средѣ. Призывъ къ борьбѣ былъ для осетинъ только призывомъ къ разбою и всевозможнымъ насиліямъ, которыя являлись теперь для нихъ еще болѣе соблазнительными и доступными, чѣмъ всегда. Протесты интеллигенціи не помогли, и безобразія продолжались, все разрастаясь.

Самые крупныя погромы произвели осетины въ Ардонѣ и Алагирѣ, но «кончился пиръ ихъ бѣдою»: за погромами послѣдовала и расплата.

Х.

Ардонъ состоитъ собственно изъ двухъ частей. Казачья станица Ардонъ непосредственно примыкаетъ къ осетинскому селенію Ардонъ же. Оба селенія велики и богаты, въ нихъ есть хорошіе магазины, главнымъ образомъ армянскіе, есть и богатые домовладѣльцы. Казаки всегда чувствовали непріятность и неудобство такого сосѣдства, какъ осетины, но не особенно боялись ихъ: вѣдь казаки народъ военный и хорошо вооруженный и могутъ потягаться съ кѣмъ угодно. Потому, когда до нихъ дошелъ слухъ, что осетины собираются грабить Ардонъ, особенно армянъ-лавочниковъ и сильно прельщавшій ихъ складъ машинъ Зингера, казаки велѣли имъ передать: «лавочниковъ грабьте, сколько хотите, намъ до нихъ

дѣла нѣтъ; но если нашу станицу, казаковъ, тронете, то мы въ вашемъ аулѣ тоже камня на камень не оставимъ». Осетины приняли это къ свѣдѣнію.

20-го декабря въ селеніе Ардонъ съ ранняго утра начали вѣзжать верховые, по дорогамъ тянулись цѣлые обозы пустыхъ аробѣ, сани, шли пѣшіе толпами, и вся эта орда стала располагаться лагеремъ на главныхъ улицахъ Ардона. Испуганное страннымъ нашествіемъ населеніе попряталось по домамъ, и магазины стали запираются всѣ, кромѣ винной и пивной лавки, которую не дали закрыть. Туда толпа врывается силою и требовала выпивки, въ которой сидѣльцы не смѣли отказать. Благодаря этому даровому угощенію, къ полудню стало замѣчаться сильно повышенное настроеніе и необыкновенное волненіе въ толпѣ, а къ двумъ часамъ дня совсѣмъ уже осмѣлѣвшая орава кинулась выламывать двери и окна магазиновъ. Начался самый беззащитный грабежъ.

Первое нападеніе было сдѣлано на мануфактурный большой магазинъ Ахвердова, и въ полчаса онъ былъ разграбленъ буквально до нитки. Съ криками: «подходи, кому жизнь надоѣла!» всякій тащилъ себѣ куски и цѣлыя штуки матерій, волокни по грязи и снѣгу свертки шелка и бархата, несли охапки шалей, платковъ и одѣялъ и нагружали все это на свои арбы и сани. Опустошивъ этотъ магазинъ, грабители принялись за складъ Зингера, разгромили и очистили его совершенно, переломавъ при этомъ множество дорогихъ машинъ. Хозяева и ихъ приказчики не посмѣли вступить за свое добро и разбѣжались, боясь быть убитыми въ случаѣ сопротивленія.

Цѣлый день кочевали разбойники отъ магазина къ магазину, радостные, веселые, съ убѣжденіемъ повторяя, что теперь все ихъ, все можно и грабить позволено. Такъ въ ихъ умахъ сформировалась революціонная идея. Къ вечеру, благодаря успѣху и полной безнаказанности, пошелъ уже массовый грабежъ. Притаившіеся сначала мѣстные жители осетины выползали изъ своихъ домовъ, сначала смотрѣли на происходившее съ любопытствомъ, потомъ уже съ сочувствіемъ и одобреніемъ, и наконецъ, соблазнившись примѣромъ, тоже пожелали легкой добычи и приняли участіе въ пиршествѣ. Грабили даже женщины, и нѣкоторые изъ порочныхъ членовъ казачьяго общества не удержались отъ искушенія.

Главными дѣйствующими лицами были ногкаузцы и кадгаронцы; послѣдніе даже съ своимъ старшиною, который дѣлалъ видъ, что для порядка обходитъ разграбленные магазины, но въ сущности не только ничего не предпринималъ для предупрежденія или прекращенія безобразій, но и самъ принималъ въ нихъ участіе исподтишка. На другой день грабежъ продолжался и не кончился до тѣхъ поръ, пока хищники не убѣдились, что уже больше взять нечего.

И все это время растерявшаяся мѣстная администрація не принимала рѣшительно никакихъ мѣръ къ защитѣ пострадавшихъ

и своимъ поведеніемъ, т. е. полнымъ невмѣшательствомъ, точно санкціонировала происходившее. Грабежъ былъ такъ успѣшенъ, что убытковъ въ послѣдствіи было заявлено на сто тысячъ.

Покончивъ благополучно съ Ардономъ, шайка на другой же день перебралась въ Алагиръ, еще увеличившись въ своемъ составѣ. Теперь въ погромѣ принимали участіе уже всѣ жители селеній плоскостной Осетіи, расположенныхъ по лѣвому берегу Терека. Прослышавъ объ удачѣ своихъ родичей, они присоединились къ нимъ.

Алагиръ большой поселокъ, русскій и имеретинскій. Имеретины народъ ловкій, храбрый, всѣ они хорошіе охотники, всѣ любятъ и имѣютъ хорошее оружіе и въ обиду себя не дали бы, а потому осетины ихъ почти и не тронули. Зато русское населеніе и лавочники-армяне сильно пострадали отъ этого нашествія. Очевидцы рассказываютъ, что по дорогамъ со всѣхъ концовъ еще наканунѣ тянулись къ Алагиру подводы и арбы, которыхъ, въ ожиданіи богатой добычи, наѣхало ко дню погрома болѣе пятисотъ. Началось опять разграбленіе магазиновъ. Удовлетворившись поживой, не оставявъ нигдѣ ни щепки, шайки разбойниковъ принялись громить самое селеніе. Скоро Алагиръ запылалъ со всѣхъ концовъ, вездѣ горѣли дома богатыхъ домовладѣльцевъ, и обезумѣвшіе громили метались по поселку, ища, кого бы еще избрать своею жертвою.

Ворвавшись въ усадьбу инженера Семянникова, котораго въ то время не было въ Алагирѣ, осетины вырубил садъ, перебили и переломали все въ домѣ и потомъ зажгли его. У генерала Трейтера они устроили въ домѣ кутежъ, разбили вдребезги и порубили топорами всю мебель, тащили изъ кладовыхъ банки съ вареньями и соленьями, разбивали ихъ о паркетъ и лили въ рояль. Словомъ, не столько взяли, сколько напортили имущества. Самъ генералъ со своею женою едва успѣлъ спастись, выскочивъ изъ дома въ одномъ сюртукѣ, и его привезли полумертвымъ во Владикавказъ.

Потомъ уже опьяненные погромомъ осетины бросились къ начальнику участка и прогнали его изъ управленія. Не удовлетворившись и этимъ, они ворвались къ судебному слѣдователю. Слѣдователь бросилъ все и, спасая жизнь, спрятался въ саду, гдѣ и просидѣлъ до утра; потомъ онъ окольными путями кое-какъ выбрался изъ Алагира, переодевшись въ женское платье, чтобы его не убили. Всѣ дѣла его сожгли. Это было весьма выгодно разбойникамъ, многіе изъ которыхъ находились подъ слѣдствіемъ, или имѣли подслѣдственныхъ родственниковъ.

Уцѣлѣлъ одинъ только алагирскій лѣсничій, объѣздчики котораго, молодцы-имеретины, взяли его подъ свое покровительство. Громили бушевали въ Алагирѣ дня два и потомъ совершенно свободно разѣхались по своимъ ауламъ съ награбленными богатствами.

Этотъ разгромъ совпалъ съ объявленіемъ Терской области на военномъ положеніи, которое было введено 22-го декабря. Начальникъ области генераль К., не давшій раньше охраны Ардону и Алагирю отчасти потому, что у него было мало войска, отчасти же не ожидая такой безпримѣрной дерзости со стороны осетинъ, теперь рѣшили наказать виновныхъ самымъ суровымъ и чувствительнымъ образомъ.

Быль сформированъ отрядъ, состоявшій изъ батальона пластунъ, сотни казаковъ, шести орудій артиллеріи и Ахульгинскаго батальона. Ахульгинцы, только что передъ этимъ учинившіе бунтъ въ Пятигорскѣ, были посланы въ эту экспедицію, чтобы загладить свою недавнюю вину. Отрядъ выступилъ подъ командою извѣстнаго впослѣдствіи полковника Ляхова, который въ то время занималъ во Владикавказѣ должность начальника штаба 21-й дивизіи.

Ляховъ повелъ дѣло быстро и рѣшительно. Приведя войска на мѣсто дѣйствія, онъ сначала предъявилъ осетинамъ свои требованія: выдать зачинщиковъ, сдать оружіе, вернуть награбленное, въ томъ числѣ и вырубленный лѣсъ, и уплатить двѣсти сорокъ тысячъ контрибуціи. Осетины, конечно, отказались исполнить эти тяжелыя условія. Тогда командиръ ставилъ отрядъ свой противъ каждаго аула по очереди и бомбардировалъ ихъ изъ орудій. Жителей заранѣе предупреждали о бомбардировкѣ, и они выходили изъ селеній и удалялись изъ сферы выстрѣловъ; но было разрушено много домовъ и стѣнъ, и сильно пострадалъ живой инвентарь ауловъ. Дворы и улицы были усеяны трупами коровъ, лошадей, барановъ и домашней птицы.

Всего было выпущено около двухсотъ пятидесяти снарядовъ. Нѣкоторыя изъ селеній не долго выдерживали бомбардировку; такъ, на примѣръ, Ногкау сдалось на требованія послѣ второго же выстрѣла, Кадгаронъ держался до восьмого, но нѣкоторыя упорствовали даже послѣ значительнаго количества выпущенныхъ въ нихъ гранатъ. Человѣческихъ жертвъ, къ счастью, во всѣхъ этихъ аулахъ не было; исключеніе представляетъ только селеніе Магометанское, которое выдержало семьдесятъ выстрѣловъ и потеряло двухъ человѣкъ убитыми и трехъ ранеными.

Сдавшіяся селенія стали обыскивать, чтобы найти и отобрать награбленные въ Ардонѣ и Алагирѣ вещи, но почти ничего не нашли, такъ какъ осетины, узнавъ о выступленіи противъ нихъ изъ Владикавказа экспедиціи, побросали все уличавшее ихъ добро въ рѣки. Зато контрибуція была уплачена полностью. Во Владикавказѣ образовалась комиссія, опредѣлявшая убытки пострадавшихъ отъ погрома и распредѣлявшая вознагражденія. Само собою разумѣется, что почти каждый старался воспользоваться случаемъ и преувеличить свои потери; на примѣръ, генераль Т., богатый человѣкъ, оцѣнилъ свой паркетъ въ двѣ тысячи рублей. И только одинъ Зин-

геръ точно могъ опредѣлить и доказать свои убытки, предъявивъ торговья книги.

Благодаря принятымъ, хоть и поздно, мѣрамъ противъ такого разбоя, до ожидавшагося разгрома Владикавказа и другихъ большихъ городовъ Терской области не дошло. Но долго еще послѣ этихъ событій всѣ были насторожѣ, готовясь встрѣтить врага лицомъ къ лицу. Врагъ же присмирѣлъ: расплата за бунтовскіе подвиги была слишкомъ чувствительна и возымѣла свое охлаждающее дѣйствіе.

XI.

Съ объявленіемъ военнаго положенія рѣшено было приняться за очистку важнѣйшихъ революціонныхъ пунктовъ Терской области. Для этого необходимо было прежде всего освободить Владикавказскую желѣзную дорогу, попавшую въ руку «товарищей». Городъ былъ опять отрѣзанъ, почта не получалась, но зато сношенія революціонеровъ между собою были самыя дѣятельныя. На паровозахъ красовались красныя знамена съ надписью: «да здравствуетъ учредительное собраніе», по станціямъ устраивались митинги и шествія съ участіемъ «дѣтей отъ семи до двѣнадцати лѣтъ», о чемъ съ восторгомъ сообщалось въ мѣстныхъ газетахъ. «Честные труженики съ заскорузлыми фізіономіями», какъ рекомендовали наши газеты «товарищей», грабили желѣзнодорожныя кассы и обезоруживали жандармовъ. Главнымъ гнѣздомъ революціонеровъ была станція Минеральныя Воды съ ея мастерскими и тысячнымъ рабочимъ населеніемъ, гдѣ уже было «осуществлено революціонное самоуправленіе», какъ сочувственно сообщалъ корреспондентъ одной газеты. Съ этой станціи революціонеры осаждали георгіевскій складъ оружія и огнестрѣльныхъ припасовъ, который былъ лакомымъ кусочкомъ для бунтовщиковъ, и немалую опасность представляло бы допустить ихъ завладѣть этимъ складомъ. А это было близко къ осуществленію, такъ какъ желѣзнодорожная дружина, составившаяся изъ служащихъ и рабочихъ въ шапкахъ съ зелеными и красными бантами и прекратившая обычное движеніе, свободно летала по дорогѣ между Владикавказомъ и Минеральными Водами каждый день.

По составленному на совѣтѣ плану дѣйствій предполагалось, двигаясь постепенно изъ Владикавказа, согнать всѣхъ революціонеровъ въ Минеральныя Воды и тамъ уже разбить ихъ всѣхъ сразу. Въ нѣсколькихъ верстахъ дальше начиналась уже Кубанская область, до которой нашему временному генералъ-губернатору не было дѣла.

Тутъ возникъ трудный вопросъ: кого послать въ такую рискованную экспедицію? Свободныхъ войскъ уже абсолютно не имѣлось, призванные же на подмогу льготные казачьи полки тоже изнемогали подъ тяжестью службы. Придумали, что можно бы восполь-

зоваться казаками, населяющими станицы отъ города Моздока до станціи Минеральныя Воды, но такъ какъ желѣзная дорога не дѣйствовала, то проникнуть къ этимъ казакамъ и собрать ихъ казалось почти невозможнымъ. Эту трудную миссію возложили на капитана генеральнаго штаба Вербицкаго, природнаго казака, раненаго въ японскую кампанію и отличавшагося большой рѣшительностью. Дали ему соотвѣтственныя полномочія, поручили постараться захватить изъ Моздока взводъ льготной казачьей батареи подъ командою есаула Ѳедюшкина, и Вербицкій выѣхалъ изъ Владикавказа, пробираясь гдѣ и какъ могъ, собирать казаковъ.

Задача была нелегкая. Нѣкоторыя станицы, напримѣръ, Прохладная, расположенныя по самой линіи желѣзной дороги и давно погрязшія въ торговыхъ предпріятіяхъ, утратили военный духъ. Кромѣ того, отъ постояннаго общенія съ желѣзнодорожными служащими они были порядкомъ распропагандированы; даже одинъ-два атамана изъ бывшихъ учителей оказались неблагонадежными. Такъ какъ Вербицкій вызывалъ добровольцевъ, то эти станицы остались глухи и не откликнулись на вызовъ; но въ станицахъ, лежащихъ вдали отъ пропитанныхъ революціоннымъ духомъ мѣстъ, онъ успѣлъ набрать порядочную дружину.

И вотъ, во главѣ этого импровизованнаго войска Вербицкій началъ шагъ за шагомъ отвоевывать желѣзную дорогу. Это, впрочемъ, оказалось легче, чѣмъ ожидали: при появленіи казаковъ «товарищи» немедленно разбѣгались, несмотря на то, что были вооружены прекрасными маузерами. Одновременно есауль Ѳедюшкинъ прошелъ форсированнымъ маршемъ напрямикъ изъ Моздока въ Георгіевскъ и, соединившись съ прѣбывшимъ туда же отрядомъ Вербицкаго, они освободили прежде георгіевскій складъ, а потомъ двинулись на Минеральныя Воды. При ихъ приближеніи революціонеры не выказали особой храбрости; они разсѣялись довольно быстро, и часть ихъ бѣжала въ свою главную квартиру Пятигорскъ.

Вслѣдъ за этимъ маленькимъ отрядомъ, сыгравшимъ роль очистителя пути, были посланы, хотя и съ затрудненіями, настоящія регулярныя войска. На паровозы ставили карауль и силою принуждали машинистовъ вести воинскіе поѣзда. Эти войска назначались уже для того, чтобы освободить отъ революціонеровъ всѣ лежащія поблизости курортныя мѣста, что вскорѣ и удалось сдѣлать. Если память мнѣ не измѣняетъ, изъ Кубанской области въ это же время были двинуты на Минеральныя Воды пластуны, и такимъ образомъ общими силами дорога совершенно освобождена изъ рукъ бунтовщиковъ.

Желѣзнодорожные пути, испорченные революціонерами, живо были исправлены, и 27-го декабря уже начало понемногу восстанавливаться движеніе. Скоро заработала послѣ долгаго перерыва

наша почтово-телеграфная контора и, хотя мы и получали письма и телеграммы, отправленные чуть не мѣсяць тому назадъ, но все-таки всѣ вздохнули свободнѣе. Кажется, теперь почтовые и телеграфные чиновники и барышни и сами не рады были своей заботовкѣ: приходилось работать вдсятеро, разбирая и отправляя накопившуюся корреспонденцію. Получалось же до семи тысячъ телеграммъ въ день и отправлялось до четырехъ тысячъ, и приходилось, за невозможностью передать всѣ по телеграфу, пересылать ихъ почтою. Можно вообразить себѣ, какое имѣлось соотвѣтственно этому количество неразобранныхъ писемъ!

Все стало замѣтно успокаиваться, и наступила пора нѣкотораго затишья. Договаривали еще о томъ, что готовится возстаніе войскъ гарнизона, и по этому случаю офицерамъ приказано было провести дни Рождества безотлучно въ казармахъ при своихъ частяхъ. Но все обошлось такъ благополучно, что войска даже были собраны 29-го декабря на площади около полковой церкви и получили отъ города хлѣбъ-соль и благодарность за примѣрное поведеніе и поддержаніе порядка и спокойствія въ праздничные дни. Городъ немного ожилъ, и всѣ смотрѣли веселѣе. Лучшимъ симптомомъ успокоенія могло служить замѣтное уменьшеніе кражъ, грабежей и разбоевъ по всей области. Не то чтобы они прекратились совсѣмъ, они продолжаютъ и по сей день,—но все же прошло время, когда нельзя было выѣхать изъ черты города, не рискуя жизнью, когда нападали не только на безоружныхъ, но и на хорошо вооруженныхъ людей по всѣмъ дорогамъ.

Весну владикавказцы встрѣтили уже оправившись немного отъ всего пережитаго и съ новыми надеждами на будущее.

XII.

Прошелъ первый угаръ и бурное опьянѣніе первыхъ дней свободы. Отрезвленіе наступило у насъ. Какъ и вездѣ, изъ сумбурныхъ теченій взволновавшейся стихіи стали выдѣляться болѣе спокойные струйки и потоки, которые направлялись къ болѣе достижимымъ цѣлямъ и выбирали болѣе или менѣе опредѣленный путь. Всѣ готовились къ выборамъ въ первую думу. Формировались партіи, собиравшія приверженцевъ и старавшіяся сплотить ихъ. Самыми дѣятельными въ этомъ отношеніи оказались кадеты, которые зато и имѣли на выборахъ успѣха больше, чѣмъ другія партіи.

Къ сожалѣнію, немало было въ нашемъ полумѣщанскомъ, разпоязычномъ городѣ Владикавказѣ недоразумѣній и примѣровъ полнаго непониманія своихъ правъ и обязанностей со стороны выборщиковъ.

Выборы состоялись 27-го апрѣля. Съ утра тянулись въ этотъ день къ городской думѣ горожане, одни исполняя новую возложен-

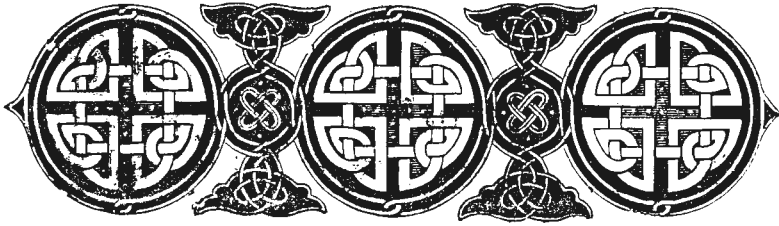
ную на нихъ роль общественныхъ дѣятелей, другіе просто изъ любопытства. Каждому хотѣлось хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на закладку фундамента одной изъ многочисленныхъ ячеекъ того улья, гдѣ будетъ собираться потомъ на общую потребу медъ мудрой законности, свободы и прочихъ благъ народныхъ.

Въ ожиданіи результатовъ выборовъ публика терпѣливо стояла на мѣстѣ около думы до поздняго вечера, развлекаясь рѣчами случайныхъ ораторовъ. Затѣмъ всѣ разошлись, разбирая по косточкамъ всѣмъ и каждому извѣстныя имена и репутаціи счастливецъ, удостоившихся народнаго довѣрія. Дѣло не обошлось безъ разѣзжавшихъ по городу патрулей, но толпа была такъ миролюбиво настроена, что никакое вмѣшательство властей не понадобилось.

Выборами закончился у насъ бурный періодъ революціи, но отзвуки ея долго еще нарушали равновѣсіе жизни владикавказцевъ. Какъ наслѣдіе тѣхъ дней остались у насъ расплодившіяся шайки абрековъ съ знаменитымъ, неуловимымъ, легендарнымъ Зелимханомъ во главѣ, и бѣдный обитатель Терской области и теперь подчасъ чувствуетъ себя такъ, какъ будто онъ живетъ еще въ тѣ далекія немирныя времена, когда сложилась пѣсня про «погибельный Кавказъ»

В. А. Авіе.

ДОБРОЕ ДѢЛО.

(Памяти П. С. Ванновскаго).

КОЛО десяти лѣтъ управлялъ я столомъ въ одномъ изъ главныхъ военныхъ управленій.

Въ числѣ предметовъ моего вѣдѣнія было опредѣленіе военнотружущихъ вновь на службу, а потому память моя хранить длинную фалангу лицъ, вольно или невольно оставившихъ военную службу и старавшихся опять вернуться на старую стезю.

Однажды я весь ушелъ въ составленіе какого-то доклада.

— Господинъ капитанъ, позвольте къ вамъ обратиться, — раздался тихій голосъ, и чья-то фигура заслонила свѣтъ отъ окна.

Передо мною стоялъ юноша средняго роста, лѣтъ двадцати пяти, худошавый брюнетъ, съ изнуреннымъ лицомъ, но съ блестящими, смѣющимися глазами, точно въ глазные прорѣзы жизнерадостно смотрѣли глаза другого человѣка.

Его сѣрая черкеска была сильно поношена, бѣлый клинъ бешмета давно утратилъ свой первоначальный колеръ, нѣкоторыя звѣзда въ газакъ были пусты.

Это былъ отставной подпоручикъ Николай Петровичъ С—въ.

На выраженное имъ желаніе поступить на службу съ устъ моихъ уже готова была сорваться заранѣе припасенная на такой случай стереотипная фраза: «обратиться къ тому начальству, которое согласится принять просителя»; но симпатичный голосъ юноши, его угнетенная наружность и смѣющіеся глаза невольно возбудили мое любопытство.

Я поинтересовался узнать причину его отставки. Дѣло-то было пешуточное.

Годъ тому назадъ въ одномъ изъ отдѣльныхъ батальоновъ произошло прискорбное событіе: командиръ батальона, человѣкъ серьезный, относился крайне строго къ службѣ офицеровъ, не оставляя ни одного незначительнаго упущенія безъ замѣчанія и даже высканія. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе росло недовольство офицеровъ, а молодежи въ особенности.

Однажды на званномъ обѣдѣ у частнаго лица полковникъ сдѣлалъ вслухъ замѣчаніе одному изъ офицеровъ, дозволившему себѣ отступленіе въ формѣ одежды. Когда обѣдъ кончился, гости поднялись, — вдругъ раздался выстрѣлъ, и командиръ упалъ, обливаясь кровью. Выстрѣлъ былъ произведенъ изъ револьвера, принадлежащаго подпоручику С—ву. По суду стрѣлявшій былъ лишентъ воинскаго званія и сосланъ. С—въ былъ оправданъ, такъ какъ неопровержимо выяснилось, что револьверъ былъ взятъ безъ его вѣдома, но тѣмъ не менѣе онъ былъ уволенъ отъ службы и буквально безъ гроша денегъ добрался до Петербурга.

Разсказъ былъ простъ и дышалъ подкупающею правдивостью.

— Теперь у меня времени нѣтъ — отвѣтилъ я: — а вы приходите-ка ко мнѣ сегодня обѣдать, — тамъ потолкуемъ.

Просмотрѣлъ я дѣло, фактическая сторона разсказа была совершенно вѣрна.

Юноша былъ простодушный малый, немного наивный. Присущій юморъ помогалъ ему сравнительно легко переносить тяжелое положеніе. Ни на какія знакомства, а тѣмъ паче протекцію онъ не могъ рассчитывать. Время было зимнее, а у него даже не было теплаго пальто. Нанялъ онъ уголь въ Пушкинской, у какой-то, по его словамъ, поблекшей старой дѣвы, съ припадками эпилепсіи и съ длиннымъ носомъ.

Два дня пропадалъ С—въ, наконецъ явился въ управленіе въ какомъ-то особенно возбужденномъ состояніи.

— Знаете, что я натворилъ. Вы говорите, что мое дѣло «чрезвычайное», вотъ я прибѣгнулъ къ чрезвычайной мѣрѣ, послалъ письмо Ванновскому, изложилъ все съ полною откровенностью, всю душу выложилъ. Господи, что-то изъ этого выйдетъ.

Въ тотъ же день, во время обѣда онъ, какъ пуля, влетѣлъ ко мнѣ сіяющій, радостный, съ телеграммою въ рукѣ. Телеграмма была такого содержанія:

«Приходите въ шесть часовъ вечера. Ванновскій».

Пообѣдали. Впрочемъ, онъ ничего не ѣлъ, то смотрѣлъ на часы, то бѣгалъ по комнатѣ, перемогая свое нервное возбужденіе.

— Ну, скажите, могъ ли я ожидать такой милости... У насъ вѣдь и до бригаднаго не добьешься, а тутъ, поди ты, — самъ министръ. Позвольте хватить за его здоровье цѣлый стаканъ... да нѣтъ, боюсь, будетъ пахнуть, — подумаетъ, пьяница...

— Помните же, — твердилъ я ему: — вся ваша судьба зависить отъ правдивости. Ванновскій — человѣкъ очень умный и необыкновенно чуткій, малѣйшая фальшь погубить васъ.

Съ громаднымъ нетерпѣніемъ ждалъ я его возвращенія. Около восьми часовъ раздался торопливо-нервный звонокъ. Явился С—въ, совсѣмъ окоченѣвшій. Придя въ себя, разсказалъ слѣдующее:

— Быстро помчался я отъ васъ. Морозъ чертовскій... На Садовой я уже совсѣмъ обратился въ сосульку... Ввалился въ швейцарскую и не могу рта разинуть. Швейцаръ смотритъ съ изумленіемъ, что за фигура, вѣрно, думалъ — социалистъ... Я ему телеграмму въ руки, но знаками прошу повременить, и, чтобы согрѣться, началъ присѣдаться, выбрасывать руками, словомъ, продѣлалъ передъ швейцаромъ всю пассивную гимнастику. Вдругъ сверху спускается какой-то генералъ, — улынулся, прошелъ мимо. Наконецъ позвали меня. Тише мыши вошелъ я въ пріемную...

«Вы подпоручикъ С—въ?» — тихо спросилъ меня Ванновскій, пронизывая глазами; мнѣ даже жарко стало. Онъ обнял меня лѣвой рукой и, ходя взадъ и впередъ, слушалъ мой разсказъ... Когда я кончилъ, онъ сказалъ: «Ваши слова будутъ провѣрены. Если все вѣрно, что вы говорите, то можете рассчитывать быть принятымъ на службу».

— Ну, какъ думаете, что изъ этого выйдетъ?

— Выйдетъ хорошее, если провѣрка будетъ въ вашу пользу.

Въ это время находился въ Петербургѣ командующій войсками одного изъ сибирскихъ округовъ баронъ К. Зная его за человѣка необыкновенно сердечнаго и добраго, я посоветовалъ С—ву пойти къ барону, разсказать свое дѣло и просить, въ случаѣ послѣдуетъ благопріятная резолюція свыше, принять на службу въ одинъ изъ батальоновъ, гдѣ окажется вакансія.

Прошла недѣля. С—въ пропалъ; я уже побавался, не заболѣлъ ли онъ, гуляя въ своей воздушной черкескѣ. Но въ одинъ морозный вечеръ онъ явился ко мнѣ въ теплое пальто, безъ погоновъ, съ барашковымъ воротникомъ и съ ученымъ кантомъ.

— Откуда такая благодать?

Оказалось, что судьба улыбалась ему во весь ротъ. Баронъ К. принялъ его мягко, участливо и, снисходя къ его голодному и холодному положенію, предложилъ ему до поры, до времени письменныя занятія въ своей походной канцеляріи. А состоящій при немъ полковникъ генеральнаго штаба В—ль товарищески предложилъ С—ву свое теплое пальто да еще десять рублей въ счетъ платы за письменныя занятія.

Словомъ, С—въ оказался съ положеніемъ, съ деньгами и, главное, съ теплымъ верхнимъ платьемъ, — онъ ожилъ, словно рыба, пущенная въ воду.

Почти два мѣсяца продолжались его ежедневныя занятія въ походной канцеляріи, прерываемыя завтраками и стаканомъ вина.

Однажды со свойственнымъ ему юморомъ онъ разказалъ забавный эпизодъ. Съ барона К. рисовали портретъ, но такъ какъ ему приходилось нѣсколько дней быть на засѣданіяхъ въ государственномъ совѣтѣ, а художникъ не соглашался на перерывъ, то С—въ предложилъ свои услуги—замѣщать барона передъ полотномъ художника. Такъ какъ С—въ былъ худошавъ, а баронъ былъ очень тученъ, то С—ва каждый разъ обкладывали подушками и затѣмъ уже надѣвали генераль-адъютантскій мундиръ и украшали регалиями. Такимъ-то образомъ мой подпоручикъ въ генеральскомъ мундирѣ, спокойно, съ подобающею случаю важною, высиживалъ передъ художникомъ, пока кисть не добралась до лица.

Онъ оправился, пополнѣлъ и весь сіялъ счастьемъ и вѣрою въ хорошее будущее. Дѣйствительно, въ началѣ весны, по полученіи благоприятныхъ отзывовъ, С—въ былъ опредѣленъ на службу въ одинъ изъ восточно-сибирскихъ батальоновъ.

Былъ теплый, солнечный апрѣльскій день, когда полковникъ В—ль, я и подпоручикъ С—въ собрались въ одинъ изъ отдѣльныхъ кабинетовъ ресторана «Контанъ». Давно уже С—въ настаивалъ позавтракать съ нимъ. Отказать въ этомъ было бы горькою для него обидою. Жизнерадостный, сіявшій своимъ новымъ, съ иголки мундиромъ, вѣнчалъ онъ свое возвращеніе на путь, съ котораго былъ сброшенъ. Муки тягостнаго прошлаго канули въ вѣчность, и впереди лишь «златыя счастья мечты».

Какъ теперь вижу, съ какимъ юношескимъ восторгомъ поднялъ онъ бокалъ за здоровье Ванновскаго, своего благодѣтеля и спасителя. Рѣдко уста бываютъ въ такомъ согласіи съ душою и сердцемъ, какъ въ ту минуту, когда человѣкъ, стоявшій на краю гибели и нищеты, выражаетъ благодарность лицу, давшему ему новую жи нъ и новую будущность.

Ю. Лоссовскій.

ПО КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦѢ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

I.

АКЪ-ТО два года тому назадъ я нечаянно застрялъ въ китайской крѣпости Куре и провелъ тогда тамъ цѣлую ночь, любезно принятый полковникомъ китайской службы Фушаномъ. Случай этотъ былъ мною описанъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за июль мѣсяца 1909 года — «Ночь въ Новомъ Суйдунѣ». Я откровенно писалъ тогда, что попалъ въ Новый Суйдунъ изъ любопытства: хотѣлось взглянуть на новыхъ китайскихъ солдатъ, посмотрѣть на японскихъ инструкторовъ. Насъ неожиданно заперли въ Суйдунѣ, и мы очутились въ довольно неловкомъ положеніи, но потомъ насъ пріютили, и мы довольно весело провели время, при довольно оригинальной обстановкѣ. Уѣхали мы ни съ чѣмъ, ни инструкторовъ, ни офицеровъ генеральнаго штаба японцевъ, ни китайскихъ солдатъ такъ и не видали.

Прошло два года, и вотъ я снова на границѣ Китая, снабемый бѣсомъ любопытства. Въ Джаркентѣ мнѣ показываютъ фотографическую карточку; это была группа китайцевъ, и я узнаю своихъ знакомыхъ и Цуна, и Ма, и полковника съ лицомъ генерала Драгомирова, съ ними японецъ-офицеръ генеральнаго штаба. Въ тотъ проѣздъ, когда мы были въ Суйдунѣ, и онъ былъ въ Суйдунѣ.

Онъ преподавалъ тогда военную топографію, училъ китайцевъ съемкамъ. Мы его не видали, да и не могли увидеть. Очень можетъ быть, что тѣ четыре японца, которыхъ въ Кольжатѣ видѣли наши казаки, и были его воспитанники китайской военной школы. Они ходятъ въ курточкахъ, носятъ на головѣ шапки японскаго образца. Какъ-то недавно одинъ офицеръ нашъ на границѣ встрѣтилъ цѣлую кавалькаду такихъ молодцовъ и принялъ ихъ за японскій эскадронъ, да такъ и донесъ объ этомъ по начальству.

По общимъ отзывамъ, этотъ японскій офицеръ генеральнаго штаба очень умный и очень дѣльный офицеръ, прекрасный работникъ. Карты нашей пограничной полосы и планы укрѣпленій были сняты имъ подробно. Но такъ же подробно была снята и крѣпость Куре со всѣми складами, со всѣми пороховыми погребами. Послѣднее китайцамъ показалось подозрительнымъ, и они перевели его на югъ. Теперь онъ живетъ въ Урумчахъ и преподаетъ законовѣдѣніе въ кадетскомъ корпусѣ.

Но насколько все-таки онъ чувствуетъ себя хозяиномъ своего положенія, можно заключить изъ того, что какъ-то наши офицеры ѣхали недалеко отъ границы, встрѣтился японскій офицеръ, остановился, подозвалъ къ себѣ казака и весьма подробно разспросилъ, кто это ѣдетъ, и чинъ, и имя, и фамилію, и куда ѣдутъ, и зачѣмъ.

Новый китайскій солдатъ теперь ужъ не иголка, искать его печего. Его уже всякій можетъ видѣть, если ѣхать днемъ изъ Джаркента въ Кульджу. Тамъ въ полуверстѣ отъ новаго Суйдуна, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде было китайское стрѣльбище, виднѣются новыя казармы для солдатъ. Это бѣлые корпуса съ двускатной крышей, съ массою оконъ, по наружности очень похожи на наши казармы; каждая казарма примѣрно на двѣ роты: огорожены онѣ заборами, съ воротами и калиткой, дорога отъ которыхъ выходитъ на главную дорогу Кульджа—Суйдунъ. Два года тому назадъ ни казармъ, ни казарменнаго двора еще не было. Стрѣльбище осталось въ прежнемъ видѣ, видны и силуэты мишеней: въ общемъ похожи на наши.

Отъ казарменнаго двора до крѣпости Куре теперь постоянно свуютъ солдаты. Это уже не старый знаменный солдатъ, въ синей рубахѣ, въ синихъ штанахъ, съ платкомъ на головѣ, похожій скорѣе на бабу, чѣмъ на мужика: новый солдатъ молодой, лѣтъ 18—20, широкоплечій, дюженогій, коренастый, немного мѣшковатый, съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ. Я видѣлъ ихъ зимой нынѣшняго года. Одѣты они были по сезону хорошо, въ стеганныхъ черныхъ шароварахъ, въ черныхъ курточкахъ на мѣху, нѣкоторые въ штиблетахъ, а нѣкоторые въ сапогахъ. Обувь еще не установилась окончательно.

Головной уборъ—японская шапка съ кокардой, по околышу ленты вродѣ нашихъ георгіевскихъ. Между черными полосками

просвѣтъ—или желтый, или розовый, или зеленый, въ зависимости отъ того, къ какой ротѣ солдатъ принадлежитъ. Каждая шапка снабжена мѣховыми наушниками. Все это ново, все нарядно, просто и удобно и хорошо. Для порядка стояли капралы въ пальто-сакъ, цвѣта хаки, съ башлыкомъ сзади, какъ у капуцина. Башлыкъ, когда надо, надѣвается на голову, а когда не надо,—виситъ свободно на спинѣ. Я видѣлъ ихъ на работѣ. Всѣ капралы были съ палками въ рукахъ (по поговоркѣ: кто палку взялъ—тотъ и капраль).

Среди солдатъ есть и пѣхотинцы, и артиллеристы, и кавалеристы. Артиллеристы пришли безъ пушекъ. Пушки, ружья частью были перевезены черезъ нашу границу изъ Германіи. Говорятъ, они шли въ качествѣ простаго частнаго груза и успѣли дойти спокойно до Джаркента. Какой-то казакъ заглянулъ случайно въ ящикъ и обрѣлъ военный грузъ. Грузъ заарестовали и онъ пролежалъ годъ въ Джаркентѣ въ гарнизонной банѣ. Это было, впрочемъ, давно, въ 1900 г. И ружья, и пушки отъ банной сырости поржавѣли сильно. Это и теперь огорчаетъ китайцевъ, и не разъ уже они обращались къ нашимъ мастерамъ помочь имъ отчистить ихъ отъ ржавчины.

Казакъ наши хвалятъ лошадей китайской кавалеріи. Большинство монгольской породы. Но есть лошади прекрасныя и англійской крови. Уходъ прекрасный. Увлекаются очень сытыми тѣлами. Каждый разъ, какъ наши казаки уходятъ на льготу, являются таранчи торговцы, скупаютъ у нихъ патронташи и сѣдла. Часть сѣделъ у китайскихъ кавалеристовъ монгольскаго типа, съ высокими ленчиками, часть нашихъ казачьихъ.

Теперь въ Кульджѣ для надобностей китайской арміи открытъ прекрасный кожевенный заводъ, а въ Кашгарѣ—суконная фабрика. Выборъ мѣста сдѣланъ очень удачно. Все сырье прежде пересылалось къ намъ. И покупкой сырья питалось много нашихъ купцовъ. Теперь это будетъ оставаться въ Китаѣ, а, можетъ быть, наши киргизы повезутъ свое сырье къ нимъ, китайцамъ, и мы будемъ въ убыткѣ. Это своего рода экономическая война, насъ уже ударили по карману...

Будучи въ Кульджѣ, я не утерпѣлъ зайти на кожевенный заводъ. Принадлежитъ онъ частному купцу, китайскому подданному, Мусса-Баеву. На устройство же завода, говорятъ, отъ китайскаго правительства Мусса-Баевъ получилъ 400 тыс. руб. Это прекрасное кирпичное зданіе въ четыре корпуса, соединенныхъ общей залой съ огромной трубой, на которой бѣлыми изразцами написано нашими цифрами «1909», годъ основанія завода. При мнѣ устанавливали еще нѣкоторые станки. Главный валъ не былъ проложенъ. Огромный паровой котель рассчитанъ на расширеніе производства. Въ качествѣ двигателей есть одноцилиндровая па-

ровая машина и большая динамомашинa. Электрической энергіей послѣдней предполагаютъ воспользоваться для освѣщенія Кульджи и Суйдуна. Такимъ образомъ китайскіе города перешеголяютъ скоро наши въ этомъ отношеніи. Я мало знакомъ съ кожевеннымъ производствомъ, но въ Туркестанскомъ краѣ ни у кого изъ русскихъ нѣтъ такого завода. Скоблить, мять, строгать, лощить, наводить мерю и глянecъ, даже кроить, все должны дѣлать машины. Предполагаютъ выдѣлывать юфтовья, глянцевья, сыромятныя кожи, мостовье, шегренъ, козловья шкурки, сафьянъ, а изъ остатковъ столярный клей. Главный механикъ чехъ, пріѣхавшій изъ Австріи. Станки также выписанные изъ Австріи черезъ Россію и Сибирь. По словамъ Мусса-Баева, стоимость перевозки пуда изъ Австріи до Семипалатинска—1 руб. 25 к. Отъ Семипалатинска до Кульджи пудъ обошелся въ 2 руб. 50 к.—3 руб. 40 к. и 4 руб. 50 к., въ зависимости отъ конструкціи и громоздкости станка. Если вспомнить наши семирѣченскія грунтовья дороги, проходящія черезъ горы и ущелья, то надо вообще подивиться предприимчивости китайцевъ, которые не остановились передъ такими расходами. Но хуже всего приходилось испытать мытарства при перевозкѣ станковъ отъ Хоргоса до Суйдуна; здѣсь никто не ремонтируетъ дорогъ, рѣчки безъ мостовъ. На полдорогѣ въ мѣстечкѣ Тарджи настоящая мышеловка. Здѣсь въ ложбинкѣ протекаетъ среди камышей рѣчка, черезъ нее маленькій пѣшеходный мостикъ. Нашъ тарантасъ застрялъ безнадежно. Пришлось перелѣзть черезъ коренника на другую сторону. И съ пустымъ экипажемъ тройка упала, перепуталась; пришлось разбирать лошадей по одиночкѣ. Маленькія арбы китайцевъ попадаютъ въ эту колдобину, какъ мухи въ сметану. Къ застрявшему возу припрягаютъ гуськомъ всѣхъ наличныхъ муловъ и лошадей изъ другихъ возовъ, а въ воздухѣ по цѣлымъ часамъ бесплодно слышится грозное поноуканіе китайцевъ «о-о-о-къ!» и свистъ длинныхъ 10-аршинныхъ тонкихъ китайскихъ бичей.

Я былъ на заводѣ 31-го декабря, и мнѣ сказали, что 20-го января уже заводъ долженъ былъ быть пущенъ въ ходъ. Стоимость оборудованія завода 250 тыс. рублей. Число рабочихъ, обслуживающихъ заводъ, пока 80 человекъ. Люди эти уже отчасти подготовлены къ работѣ, такъ какъ у Мусса-Баева былъ тутъ же простой кожевенный заводъ, гдѣ работали вручную. Этотъ старый заводъ пока обращенъ въ казарму, а отчасти въ складъ для будущихъ кожъ.

Какъ интересную новость, пограничные жители и наши офицеры разсказываютъ про правильную и планомерную порубку лѣса въ китайскихъ предѣлахъ за Кульджей въ Талкинскомъ ущельѣ. Лѣсъ сводится на огромномъ пространствѣ. Порубка идетъ опредѣленными участками. Бревна укладываются аккуратно въ штабели. Какая конечная цѣль порубки—трудно сказать: очень мо-

жетъ быть, и для будущихъ построекъ, а, можетъ быть, идетъ и заготовка шпаль.

Нынче меня поразило большое количество возовъ съ хлѣбомъ, что идутъ въ Китай изъ нашихъ предѣловъ. Возчики—таранчи. Скупщикъ хлѣба—нашъ подданный Юлдашъ-Баевъ. Скупаютъ хлѣбъ въ Гавриловкѣ, въ выселкѣ Попутномъ и Луговскомъ, отчасти и въ Пржевальскѣ. Все это направляется на югъ. Въ Джаркентѣ хлѣбъ пересыпается на осликовъ и отправляется въ Суйдунъ, Кульджу, Урумчи, Гучинъ. Благодаря хлѣбной торговлѣ, всѣ три села наши очень богатѣютъ, а Гавриловка скоро будетъ богаче города Копала. Крестьяне Луговского, недавно еще почти нищіе,—и самыя поселокъ въ насмѣшку старожилами назывался «свинячій поселокъ»,—теперь арендуютъ у киргизъ массу земель на Царицынѣ, Алтынъ-Имели и Кугалинскѣ и богатѣютъ не по днямъ, а по часамъ. Къ нимъ зимой и дороги-то не было, а теперь таранчи пробили къ нимъ торную дорогу. На перевалахъ Царицынскомъ и Алтынъ-Имели таранчи совсѣмъ испортили дорогу, надѣлали своими тяжелыми возами нырки, ухабы такъ же, какъ прежде набивали дорогу возчики по Ирбитскому тракту во время ярмарки. Надо сказать, что русскіе возчики скорѣе уступаютъ проѣзжающимъ дорогу. Таранчи же съ хлѣбомъ не сворачиваютъ, они чувствуютъ себя хозяевами положенія. Дорога же узкая, ѣдутъ гусемъ, разѣздовъ нѣтъ. Кто съѣхалъ съ дороги, тотъ попадаетъ въ снѣгъ по брюхо лошади. Ямщики наши не любятъ съѣзжать—«я казенный человекъ,—говорятъ они,—казна любитъ уваженіе». У таранчей же на возу 30 п. въ одну лошадь хлѣба,—они не хотятъ съѣзжать. Иногда идетъ по получасу перебранка между таранчами и ямщиками. И только угроза подать жалобу уѣздному начальнику заставляеть таранчей лѣзть въ снѣгъ.

Въ Луговскомъ, Попутномъ, Гавриловкѣ пудъ хлѣба въ зернѣ стоитъ 50 к. Въ Суйдунѣ, Кульджѣ тотъ же пудъ 1 р. 50 к., 1 р. 80 к. и 2 рубля.

Большой спросъ на хлѣбъ объясняется главнымъ образомъ потребностью для продовольствія новыхъ солдатъ, а, во-вторыхъ, приливомъ переселенцевъ изъ внутреннихъ провинцій въ Урумчи, Гучинъ и вообще Зайлійскій край. Перекочевка переселенцевъ идетъ въ большомъ количествѣ, но партіи переселенцевъ идутъ небольшими группами, человекъ въ 7—8, за ними верстъ черезъ 20 другая группа, тамъ третья. Остановки дѣлаются въ дальнихъ кварталахъ, а ѣсть ходятъ на базаръ человека по три, по четыре, избѣгаютъ встрѣчать русскихъ, а если видятъ русскихъ, уходятъ куда-нибудь подальше. Особенно великъ наплывъ въ Урумчахъ, тамъ переселенцы сортируются, получаютъ пособіе и направляются на соответствующіе участки. Тамъ же незамѣтно передвигаются къ границѣ и китайскія войска. Они не ходятъ цѣлыми

частями съ пѣснями и съ музыкой, а идутъ небольшими группами. Оружіе сложено въ ящики и везется на арбѣ. Интендантскія поправки тоже отсылаются впередъ.

«Теперь Китай поправился солдатами,—говорятъ наши купцы, что побывали за границей въ Урумчахъ:—только ихъ никуда не пускаютъ: или они занимаются, или учатся. Въ Урумчахъ много солдатъ, —говорятъ они:—есть и патронный заводъ. Тамъ бывають маневры, туда пріѣзжаютъ и японскіе генералы».

Что касается молодыхъ солдатъ Суйдуна, то на нихъ на первыхъ порахъ обрушилось немало бѣдъ. Сильно не влюбились ихъ старые знаменитые солдаты, эти пасынки судьбы; имъ приходилось самимъ зарабатывать хлѣбъ насущный, между тѣмъ новые солдаты сразу попали на хорошіе хлѣба, на большое содержаніе; были драки и ссоры. Не влюбились молодыхъ солдатъ и жители Суйдуна. Были наклеены на воротахъ Суйдуна прокламаціи, гдѣ анонимный авторъ совѣтовалъ обезоружить молодыхъ солдатъ, такъ какъ они намѣрены возстать и захватить Суйдунъ въ свои руки. И дѣйствительно, авторъ прокламацій былъ отчасти правъ; дисциплина прививается не сразу. Многіе изъ солдатъ заскучали. Ихъ потянуло на югъ, туда, гдѣ они привыкли жить съ малолѣтства подъ голубымъ небомъ, и немало ихъ побросало оружіе и убѣжало на югъ. Другіе, долго не получая жалованья, напали на тотъ самый ресторанъ, гдѣ мы два года тому назадъ ужинали, разграбили и сожгли его до основанія. Послѣ того уплата жалованья пошло аккуратнѣе, и солдаты успокоились.

II.

Былъ нашъ новый годъ 1910-й—1-е января, когда второй разъ я утромъ рано ѣхалъ изъ Кульджи въ Суйдунъ. Бѣлая облака ползали по небу. Мягкіе бѣлые хлопья снѣга, какъ мотыльки, кружились въ воздухѣ и тихо, одинъ за другимъ, безшумно опускались красивыми звѣздочками къ намъ въ экипажъ на старое байковое одѣяло, на спины казаковъ, на крупы лошадей и мягко ложились на дорогу, на глиняныя крыши русскихъ домовъ, на глиняныя заборы и ворота русской колоніи. Я ѣхалъ и смотрѣлъ по сторонамъ. Вотъ и китайскій городъ съ мачтами кумирень, съ грязнымъ базарчикомъ, со старой китайской крѣпостью, похожей на старый русскій кремль. Темная толща фруктовыхъ садовъ виднѣется въ отдаленіи. На концѣ города прекрасныя триумфальныя ворота, на сосновыхъ столбахъ съ треугольной крышей, въ три яруса украшенной деревянными выпиленными кружевами (два года тому назадъ этихъ воротъ не было; въ честь кого они построены,—не знаю), за ними сады расходятся шире. Образуются пустыри. Вотъ каменные корпуса новаго кожевеннаго завода съ

высокой кирпичною трубой, съ кучами корья, песку и лѣса. Тамъ опять сады, заборы, старыя дуплистыя ивы по дорогѣ; постепенно попадаешь въ степь. Тамъ идетъ камышь; какъ море, стелется онъ направо и налево. Гдѣ-то въ отдаленіи съ холма глядитъ на насъ заборъ съ безмолвными воротами, за нимъ кумирни съ черепичатыми крышами и какія-то строенія, это—китайскій монастырь. Опять стѣна съ зубцами стараго кремля, а тамъ опять камышь и степь; какія-то развалины кругомъ, а тамъ опять—камышь и степь.

Нигдѣ нѣтъ столько фазановъ, какъ въ этихъ камышахъ. Теперь ихъ меньше. Два года зима была студеная и много было снѣгу, орму не было; говорятъ, фазаны выходили на дорогу обезсиленные и можно было ловить ихъ руками. Ихъ много выбили и увезли въ Семипалатинскъ. Да и теперь попадалось немало арбъ, доверху засыпанныхъ красивой птицей. Мы ѣдемъ, а вдали отъ дороги изрѣдка быстро выпорхнетъ красавецъ-пѣтухъ, толстый, сытый и нарядный, и быстро, шелестя короткими крыльями, несется, какъ ракета, къ другому острову камыша. А то и такъ, какъ два бойца, по бѣлой глыбѣ снѣга бѣгутъ два пѣтуха, какъ угорѣлые. Встрѣчали и бѣгущихъ по дорогѣ фазановъ спереди экипажа.

Дорогу отъ Кульджи до Суйдуна китайцы держать хорошо. Они окопали ее канавами и обсадили сбоку таловыми кольями. Этихъ кольевъ прежде не было; для меня опять новость. Попадаютъ попрежнему дилижансы съ тройкою дунганскихъ лошадей и арбочками китайцевъ съ каменнымъ углемъ; китайцы идутъ сбоку въ стеганыхъ штанахъ, въ теплыхъ курткахъ, въ китайскихъ шапкахъ съ мѣховыми наушниками, съ длинными бичами въ рукахъ, они одобрительно покрикиваютъ на лошадей «о-о-о» и точно укачиваютъ, усыпляютъ ихъ своимъ голосомъ.

Изрѣдка попадаютъ маленькіе курганчи, гдѣ болтаются красныя флаги, это посты китайскихъ солдатъ изъ пятнадцати всадниковъ.

Близость Суйдуна ощущается по особенному оживленію на дорогѣ, въ видѣ конныхъ и пѣшихъ китайцевъ и таранчей. Таранчинскій кварталъ отдѣленъ отъ поля пряслами, какъ въ сибирскихъ деревняхъ поскотины. И есть такія же ворота. Въ эту ночь таранчи не хотѣли пускать русскую почту и требовали два рубля выкупа. Ихъ выругалъ по-русски почтальонъ. Ямщики сами отворили ворота и проѣхали безъ всякаго выкупа.

Здѣсь-то и выстроены новыя казармы, о которыхъ уже я писалъ выше. Тутъ уже попадаютъ новые солдаты; кто несетъ корзину на плечахъ, а кто съ лопатой, а то и такъ съ пустыми руками. Головы у всѣхъ бритыя, а сзади на спину упадаетъ традиціонная китайская коса.

Огромная крѣпость опять влечетъ меня къ себѣ, и я рискую опять заѣхать. Здѣсь уже все знакомо, и ровъ, и красивая рондель съ воротами по лѣвой сторонѣ, и круглая площадка передъ въѣздомъ во вторыя ворота, и та гауптвахта, около которой сторожъ машетъ намъ рукой, что ѣхать можно. Мы ныряемъ во вторыя ворота и ѣдемъ по улицѣ Суйдуна. Это не Кульджа, здѣсь нѣтъ традиціонной кульджинской грязи. Среди двигающихся китайцевъ разсыпаны по улицѣ роты двѣ китайскихъ солдатъ въ рабочихъ костюмахъ съ носилками, лопатами и метлами. Ихъ-то мнѣ и нужно было видѣть. Одни сметають снѣгъ въ кучи, другіе наваливають его на носилки и относятъ его въ сторону. Какіе-то школьники мальчишки играютъ въ снѣжки, борются, валяютъ другъ друга въ снѣгъ, барахтаются, толкаются.

Дворецъ дзянь-дзюна перегораживаетъ намъ дорогу. Онъ остался такимъ же, какъ и прежде, съ мачтами возлѣ кумирни, съ рѣшетчатыми воротами, съ львами у входа дворца и часовыми у дверей. Дѣла Суйдуна, очевидно, процвѣтають. Я вижу много новыхъ нарядныхъ магазиновъ съ разноцвѣтными стеклами на улицу; а вотъ съ лѣвой стороны дороги, недалеко отъ дворца дзянь-дзюна, прекрасное двухъэтажное зданіе, все разрисованное масляными красками, съ золотыми надписями, это тоже новый магазинъ, изъ числа вновь построенныхъ. Здѣсь народу больше, одѣты хоть по-китайски, но хорошо; лица сытыя и холёныя.

Мы ѣдемъ медленно. Я уже не останавливаюсь въ магазинахъ; мнѣ уже не хочется зайти, купить чего-нибудь въ Суйдунѣ, меня предупредили, что не всегда-то застрѣваніе въ Суйдунѣ сходить благополучно. Не столько строги китайцы, сколько наше начальство. Я тогда какъ-то отдѣлался благополучно.

Вотъ мы въѣзжаемъ подъ трехъэтажную башню, гдѣ въ прошломъ году здѣсь китайцы торговали фруктами, и эта башня дѣлится Суйдунъ на двѣ части. Здѣсь, во второй части, народу какъ будто меньше. И здѣсь солдаты убирають снѣгъ. Тѣ же строгіе капралы, съ палками въ рукахъ, въ непромокаемыхъ плащахъ цвѣта хаки, наблюдаютъ за порядкомъ. Но нѣкоторые солдаты выбились изъ-подъ надзора. Они оставили свои лопаты и любопытно заглядываютъ въ лавки или толкують и гуторятъ съ проходящими китайцами. Меня заинтересовалъ одинъ капраль, небольшого роста, съ желтымъ азіатскимъ лицомъ. Его небольшая фигура, крѣпкая, статная, стройная, рѣзко бросается въ глаза и смотритъ онъ на насъ строго, вызывающе-самодовольно; я никогда не видалъ японскихъ солдатъ, но безошибочно думаю, что это инструкторъ-японецъ. Я смотрю на него, и во всей наготѣ и неприглядности встаетъ наша несчастная война. Мы проиграли, потому что не были готовы, — а теперь—готовы ли мы?

Семирѣченцы не на шутку взволнованы все возрастающей китайскою опасностью. Желѣзная дорога когда-то еще будетъ; но еѣ случаѣ осложненій въ Манчжуріи семирѣченцамъ тоже придется имѣть дѣло съ китайскою арміею, а помощь далека; имъ не секретъ, что въ 1900 году, во время боксерскаго движенія, стрѣлковый батальонъ изъ Ташкента шелъ походомъ четыре мѣсяца и то дошелъ только до Вѣрнаго, а ужъ изъ Вѣрнаго пришлось взять свой батальонъ, чтобы передвинуть его на границу. Малѣйшаго предлога достаточно, чтобы стоимость земельныхъ участковъ въ Семирѣчьи пала до минимума. Этою осенью была въ Пишпекѣ пробная мобилизація, и она надѣлала въ Пишпекѣ большого переполоха. Пишпекцы стали продавать дома, а деньги пропивать: все равно, рано или поздно китайцы придутъ, все отберутъ.

Администрація семирѣченская сердится: она считаетъ, что есть какіе-то злонамѣренные люди, которые нарочно волнуютъ население, чтобы подѣ шумокъ ловить рыбу въ мутной водѣ; но тревожные слухи разносятъ не злостные люди, а наши торговцы сырѣемъ. Ежегодно черезъ Кульджу, Чугучакъ проѣзжаетъ масса купцовъ пашихъ въ Урумчи, Гучинь, Турфань. Они закупаютъ въ предѣлахъ Китая шерсть, кожи, скотъ, сушеные фрукты, хлопокъ и они то везутъ извѣстія изъ Китая. А, кромѣ того, наши татары—у нихъ вездѣ есть родственники: въ Семипалатинскѣ, Вѣрномъ, Сергіополѣ, Пржевальскѣ, Пишпекѣ, Кульджѣ, Урумчахъ, Гучинѣ и т. д. Это живой телеграфъ. Ихъ братья служатъ приказчиками въ транспортныхъ конторахъ, имъ доступны штабныя управленія. Меня поразила, на примѣръ, такая вещь. Въ Урумчи у насъ былъ назначенъ нашъ офицеръ генеральнаго штаба, и задолго до его пріѣзда китайцы уже знали, что къ нимъ пріѣдетъ офицеръ, который будетъ наблюдать за ними, хотя цѣль пріѣзда офицера была совершенно другая. И это извѣстіе получили черезъ татаръ.

Дорога желѣзная нужна и сильно нужна. И чѣмъ скорѣе мы ее построимъ, тѣмъ лучше. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо обратить вниманіе на охрану нашей границы. Что идетъ, какой товаръ везутъ черезъ наши таможенные пункты въ Нарынѣ, Кольжатѣ, Бахтахъ, Хоргосѣ—нашимъ сторожевымъ постамъ неизвѣстно. Наши сотни, стоящія на границѣ, это что-то особое, а таможенные пункты особая статья, между ними нѣтъ никакой связи; а стоятъ они другъ отъ друга въ десяти шагахъ, не больше. Это отдѣльные два государства. Они не знаютъ другъ друга. Ревниво къ своей власти относятся и консулы. Офицеръ, который перешелъ черезъ границу, преслѣдуется, какъ мало дисциплинированный, хотя бы цѣль его была благая—ознакомиться съ тѣмъ, съ чѣмъ ему придется имѣть дѣло въ военное время. Мнѣ рассказывали такой фактъ. Молодой офицеръ переодѣлся простымъ казакомъ и проѣхалъ въ качествѣ вѣстового за докторомъ, который ѣхалъ въ Урумчи. Дорогой

онъ снялъ кроки и представилъ по начальству. Китайцы объ этомъ не знали, да и не могли знать, а все-таки молодого офицера за такой подвигъ посадили на десять сутокъ на гауптвахту по жалобѣ консула, зачѣмъ, не спросясь броду, сунулся въ воду...

Нарынъ и Кольжаты не имѣютъ у себя телеграфа. А между тѣмъ дорога къ Нарыну идетъ узкимъ ущельемъ, а Кольжаты отрѣзанъ цѣлымъ моремъ болотъ и рѣкой Или отъ прочаго міра; на Хоргосѣ, на этомъ вѣроятномъ пути наступленія, нѣтъ укрѣпленія и нѣтъ пулеметовъ.

Бахты... Бахты-укрѣпленіе есть только на бумагѣ. Считать Бахты укрѣпленіемъ—это страшная ошибка, Бахтовъ нѣтъ, и я узналъ объ этомъ случайно. Вотъ моя эпопея.

Когда я пріѣхалъ въ Бахты, я пошелъ осматривать Бахты. Предомной былъ базаръ, церковь, и я думалъ, что это и есть Бахты. По дорогѣ мнѣ встрѣтился красавецъ докторъ, съ голубыми смѣющимися лазами, съ прекрасными вьющимися усами.

— Что смотрите?—спросилъ онъ меня.

— Осматриваю ваши Бахты.

— Это не Бахты,—сказалъ докторъ:—это Захарьевка. Бахты тамъ,—указалъ онъ въ сторону стени.—Сегодня будете въ мѣстной командѣ, увидите Бахты.

Такъ мы съ нимъ разстались.

Я былъ въ мѣстной командѣ, но Бахтовъ не видалъ.

— Укажите мнѣ, гдѣ Бахты?—просилъ я начальника команды.

— Бахты тамъ,—указалъ мнѣ начальникъ команды.—Когда будете въ горномъ взводѣ, то увидите Бахты.

Когда я былъ въ горномъ взводѣ, я Бахтовъ не видалъ.

— Гдѣ Бахты?—спросилъ я командира взвода.

— Бахты тамъ назади,—сказалъ командиръ горнаго взвода, указывая по направленію Захарьевки.—Вотъ, когда поѣдете въ пороховой погребъ, увидите Бахты.

Когда я поѣхалъ въ пороховой погребъ, я просилъ сотеннаго командира показать мнѣ Бахты. Онъ обѣщалъ.

Мы долго ѣхали молча, пока не встрѣтили маленькаго мостика.

— Здѣсь лучше пойдете пѣшкомъ, я скоро вамъ укажу Бахты.

Мы пошли вдоль канавы и скоро взобрались на какую-то насыпь.

Какъ я ни глядѣлъ, а Бахтовъ нигдѣ не видалъ. Далеко до самой границы лежала бѣлая пелена снѣга, кое-гдѣ виднѣлись разбросанныя по ней зимовки киргизъ; впереди порохового погреба виднѣлись казармы горнаго взвода, коновязи сотенныхъ лошадей, загороженныя камышевыми снопами и занесенныя по снопамъ глублинами сугробами, какъ и зимовки киргизъ.

— Гдѣ же Бахты?—спросилъ я сотеннаго командира.

— Бахты?—тамъ, гдѣ вы теперь стоите,—сказалъ сотенный командирь.

— Такъ неужели эта насыпь укрѣпленіе Бахты?

— Это и есть укрѣпленіе Бахты.

Я взглянулъ къ себѣ подъ ноги. Я стоялъ на гребешкѣ небольшой насыпи, совершенно такой, какая бываетъ на опушкѣ сельскихъ кладбищъ, чтобы не бродилъ между могилъ скотъ; впереди насыпи шла канава, но ее засосало подпочвенной водой и засыпало тиной. Только тогда, когда я взглянулъ пристальнѣе въ эту насыпь, увидѣлъ, что насыпь имѣетъ правильное очертаніе люнета. Но ни барбетовъ, ни банкетовъ, ничего нѣтъ, все поглотило немолимое время. Въ горжѣ стояли три ветхихъ зданія, изъ нихъ два полуразрушенныхъ—это два старыхъ продовольственныхъ магазина и одно еще дѣйствующее—это главная гауптвахта. Внутренній дворикъ люнета запесло и засыпало снѣгомъ. Все достоинство укрѣпленія заключается въ томъ, что оно такъ было замаскировано, такъ примѣнено къ мѣстности, что, стоя въ укрѣпленіи, вы все-таки не знаете, что вы находитесь въ укрѣпленіи, и вы чего-то ищите, чего-нибудь другого, болѣе значительнаго.

Осматривая наружный ровъ укрѣпленія, гдѣ подпочвенная вода высоко выступила и покрылась толстымъ льдомъ, я вспомнилъ легенду объ основаніи Бахтовъ, которую мнѣ рассказывали въ Нарынѣ:

Если Ромуль и Ремъ основали Римъ, то Бахты основали интендантскіе чиновники. Если вы пойдете дальше Бахтовъ впередъ, то увидите, что тамъ сухо. Если пойдете назадъ, за Бахты, тамъ будетъ сухо. А въ самихъ Бахтахъ земля вязкая, и въ каждомъ дворѣ имѣется свое особое болото.

Бахты основаны въ то благодатное время, когда существовало въ войскахъ спиртовое довольствіе.

Шель отрядъ, а за отрядомъ интенданты везли на волахъ бочку спирта. Бочка проѣхала благополучно, пока не застряла недалеко отъ границы въ болотѣ. Несмотря на всѣ усилія быковъ, бочка остановилась и не могла сдвинуться съ мѣста. Тогда интенданты рѣшили облегчить нѣсколько бочку. Стали черпать ковшами спиртъ, раздавать всѣмъ желающимъ. Спиртъ выпили, а ужъ дальше двигаться не могли, а раскинули шатры, заночевали. На другой день было то же самое, «опохмелялись», на третій день—то же самое. Когда же весь спиртъ былъ выпитъ, около бочки образовался значительный поселокъ, имя котораго было «Бахты», а затѣмъ его переименовали въ Захарьевку. Въ ознаменованіе этого событія въ Бахтахъ есть два памятника, львы съ собачьими головами. Они стоятъ на площади на самомъ видномъ мѣстѣ. Если вы будете въ Бахтахъ—спросите, ихъ вамъ всякій покажетъ.

Немного лучше Нарынъ.

Кто строилъ Нарынъ, тотъ понималъ, въ чемъ дѣло: Нарынъ расположенъ въ глубокой лощинѣ между высокихъ горъ, и въ немъ сходятся три дороги. Одна въ Кашгаръ, другая въ Фергану, а третья въ долину Иссыкъ-куля. Прежде дорога въ Иссыкъ-куль проходила черезъ самый Нарынъ, а Нарынъ былъ предмостнымъ укрѣпленіемъ. Гладкая артиллерія обстрѣливала выходъ изъ Кашгарскаго ущелья и было очень удобно и хорошо. Съ теченіемъ времени дорога на Иссыкъ-куль ушла верстъ на восемь въ сторону: мостъ на рѣкѣ Нарынъ сломали. И защитники Нарына имѣютъ въ тылу за собой довольно грозную, бурную, бушующую горную рѣку. Выходъ же изъ Кашгарской долины русскіе застроили таможеннымъ дворомъ, лагеремъ и мѣстнымъ лазаретомъ. Подъ покровомъ этихъ зданій теперь китайскія войска могутъ развернуться и подойти къ укрѣпленію Нарынъ незамѣтно. А защитники Нарына могутъ открыть огонь только тогда, когда китайцы будутъ у нихъ совсѣмъ на носу. Пути отступленія у нихъ нѣтъ, телеграфа нѣтъ, и придется храбрымъ защитникамъ Нарына сложить свои буйныя головы, завѣщавъ путнику передать о геройскомъ подвигѣ своимъ соотечественникамъ, какъ это дѣлали спартанцы въ Фермопильскомъ ущельи.

Надо сказать къ чести нарынцевъ, что права они суроваго и глубоко преданы государю и отечеству и геройствомъ своимъ вполне напоминаютъ спартанцевъ. Года два тому назадъ мнѣ пришлось свидѣтельствовать одну винтовку, извлеченную изъ рѣки Нарына, которая попала туда по слѣдующему случаю.

Въ Нарынѣ одно время проживали два друга: сотенный командиръ и ветеринарный врачъ. Но въ 1905 году волны революціи прокатились по Россіи и добрались и до Нарына. Жители Нарына распались на два лагеря, на революціонеровъ и вѣрныхъ правительству. Во главѣ послѣднихъ находился храбрый командиръ сотни, а во главѣ революціонеровъ ветеринарный врачъ. Однажды бывшіе два друга, а теперь соперники, провожали своего товарища, который уѣзжалъ въ Россію, и около моста черезъ рѣчку Нарынъ устроили пикникъ. На пикникѣ порядочно выпили и вспомнили свою политическую рознь; заспорили, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Спорили долго и рѣшили перейти на состязаніе. Одинъ сталъ пѣть «Боже царя храни» а другой «Марсельезу». Ветеринарный врачъ перепѣлъ, а сотенный командиръ охрипъ и принужденъ былъ замолчать. Этого онъ никакъ не ожидалъ: онъ былъ побѣжденъ.

— Тогда я тебя застрѣлю, ты бунтовщикъ, — сказалъ онъ ветеринару.

— Стрѣлай, — сказалъ ветеринаръ.

Сотенный командиръ послалъ за патронами и винтовкой, а ветеринаръ сталъ къ забору, надѣлъ шапку и скрестилъ на груди могучія руки. Сотенный командиръ отмѣрилъ аккуратно сто ша-

говъ, легъ за камень, положилъ винтовку на землю и тщательно прицѣлился въ кокарду.

Раздался выстрѣлъ, ветеринарный врачъ безмолвно опустился на землю. Онъ былъ убитъ наповаль, а есаулъ торжествовалъ. Но наступила реакція. Во всемъ ужасѣ предстало несчастному есаулу преступленіе, которое онъ только что совершилъ. Онъ быстро пошелъ на мостъ, бросилъ злополучную винтовку въ воду, самъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ укрѣпленіе, гдѣ завявилъ о случившемся и просилъ его арестовать.

Черезъ годъ только солдаты извлекли винтовку изъ воды, когда уже бѣдный есаулъ томился въ заключеніи на гауптвахтѣ...

Но я ъ болтался.

Понемногу отряхиваясь отъ назойливыхъ думъ, что неволью, какъ шмели, заносились у меня въ головѣ при видѣ японца и этой новой, все возрастающей желтой опасности, мы медленно ѣхали по городу Суйдуну. Попрежнему медленно кружились въ воздухѣ хлопья бѣлаго снѣга. Однѣ за другими мелькали китайскія фанзы. Вотъ дорога дѣлаетъ крутой поворотъ направо, мы проѣзжаемъ еще цѣлый кварталъ китайскихъ домовъ и понемногу добираемся до вторыхъ воротъ, которыя такъ невѣжливо года два назадъ закрылись предъ нами. Теперь они отворены настежь. Вотъ вторая гауптвахта, рондель, боковыя ворота; мы въѣзжаемъ на дорогу въ старый Суйдунъ, покрытую садами.

Еще нѣсколько верстъ, и насъ гостепрѣимно пріютили къ себѣ казаки. Они занимаютъ старый консульскій домъ, ихъ двѣнадцать человѣкъ, они сидятъ здѣсь для сопровожденія нашей почты и другихъ оказій. Для пріѣзжающихъ имѣется теплая комната съ желѣзною китайской переносной печью. На столѣ стоитъ самоваръ, отчаянно клокочетъ, выбрасывая изъ себя клубы бѣлаго пара. Является на столъ и новогодняя казачья проба. Водки нѣтъ. Но казачки успѣли пропустить малую толику китайскаго джуньджуна. И, несмотря на то, что мы въ китайской сторонѣ, благодаря празднику, звучитъ въ воздухѣ русская балалайка, широкой волной несется русская пѣсня. Въ маленькомъ внутреннемъ дворикѣ уютно, хорошо. Темныя ивы задумчиво опустили свои голыя вѣтви, а гигантскіе тополя высоко подняли свои щетинистыя головы.

Китайцы долго спали, довѣрчиво пріютили насъ у себя на груди. Но драконъ начинаетъ понемногу просыпаться. И надо быть осторожнѣе. Времени у насъ впереди еще много. Но хочется кое-кому напомнить завѣтъ адмирала Макарова: «Помните войну»

В. Сазоновъ.

УСТАВЪ И НАУКА.

(Изъ университетскихъ воспоминаній).

Е ЗНАЮ, насколько при разработкѣ новаго, пя-таго по счету, университетскаго устава составители его руководствуются, между прочимъ, появивши-мися и появляющимися въ печати воспоминаніями питомцевъ нашихъ университетовъ, но, думается, этимъ матерьяломъ пренебрегать не слѣдуетъ. Какъ бы цѣнны ни были соображенія общаго характера или опытъ, вынесенный другими народами, но и собственный опытъ кое-что да значить. Онъ можеть освѣтить весь университетскій вопросъ съ неожиданной стороны, поколебать нашу вѣру въ спасительность общихъ началъ и вызвать сомнѣнія даже въ вѣрности отвѣта, даннаго 150 лѣтъ тому назадъ профессорами Екатеринѣ II, что виною всему «не самъ университетъ, а его учрежденіе» (т. е. уставъ).

По крайней мѣрѣ, провѣряя мои университетскія воспоминанія (кончилъ я курсъ въ 1870 г., а магистрировалъ до 1873 г.), я прихожу къ выводу, что уставъ имѣлъ для жизни университета мало значенія, и что она въ гораздо большей степени опредѣлялась другими факторами.

Въ мое время, какъ и впослѣдствіи, студенческіе беспорядки повторялись часто и принимали иногда широкіе размѣры. Уставъ 1863 г. не помогъ дѣлу. Студенты мотивировали тогда беспорядки тѣмъ, что университетское начальство не разрѣшаетъ имъ обяза-вестись собственной кассою и библіотекою. Особенное негодованіе вызывалъ отказъ въ библіотекѣ. «Какъ!—говорили студенты.—Мы

хотимъ работать для науки, а намъ даже не позволяютъ... имѣть книги!..»

На эту тему произносились безконечныя рѣчи и въ шинельной, и въ коридорѣ; и даже въ аудиторіяхъ.

Готовясь въ ученые, я бывалъ часто въ университетской библіотекѣ, уже тогда очень богатой. Библіотекаръ встрѣчалъ меня привѣтливо, словно я ему своимъ приходомъ доставлялъ удовольствіе. Причина его привѣтливости для меня скоро выяснилась. Въ библіотекѣ профессора и студенты бывали такъ рѣдко, что, когда кто-нибудь заходилъ, мы съ библіотекаремъ новольно перелядывались.

Фактъ этотъ меня, неискушеннаго юношу, тогда сильно поразилъ. Я неволью сопоставлялъ его съ требованіемъ студенческой библіотеки. Безъ такой библіотеки университетскія занятія признавались невозможными, а я отлично безъ нея обходился, хотя и готовился въ ученые. Въ университетской библіотекѣ, разсуждалъ я, собраны капитальныя труды по всѣмъ отраслямъ знанія, за исключеніемъ развѣ новѣйшихъ, научная цѣнность которыхъ еще не установлена. Почему же въ области соціальныхъ и политическихъ наукъ Лассаль и Прудонъ кажутся моимъ товарищамъ важнѣе Моля и Штейна? Неужели можно съ пользою читать первыхъ, не зная вторыхъ, и какъ я могу самостоятельно уяснить себѣ, что слѣдуетъ признавать послѣднимъ словомъ науки, если я съ наукою-то незнакомъ?

Въ настоящее время такъ называемыя передовыя наши элементы сводятъ въ политикѣ все къ классовой борьбѣ. Въ мои университетскіе годы молодежь еще не бредила классовой борьбой—тогда были другіе модныя лозунги, ибо молодежь еще до Маркса не дошла. Но, спрашивается, зачѣмъ ей впослѣдствіи понадобился Марксъ, когда теорія о классовой борьбѣ была раньше глубже и полнѣе разработана Штейномъ, котораго Марксъ только повторялъ? Объяснить себѣ это можно развѣ тѣмъ, что Штейнъ никогда не слылъ революціоннымъ дѣятелемъ, а Марксъ пріобрѣлъ репутацію архи-революціонера:—все революціонное пользовалось уже въ мое время, какъ и впослѣдствіи, особеннымъ обаяніемъ и почетомъ у молодежи. Отсюда и пристрастіе къ Прудону или Лассалю.

Та же мѣрка прилагалась подавляющимъ большинствомъ студентовъ и къ профессорамъ: уваженіемъ, авторитетомъ, популярностью пользовались главнымъ образомъ профессоры, которые умѣли выдавать себя антагонистами правительства, фронтдерами. Такимъ профессорамъ охотно прощались научныя недочеты. Но стоило профессору быть заподозреннымъ въ сочувствіи не къ правительству (это значило заживо похоронить себя), а къ тому или другому правительственному мѣропріятію, чтобы утратить въ глазахъ студентовъ всякій авторитетъ.

Собственно, наука почти никого не интересовала, а служила по выраженію поэта, «дойною коровою». Она давала студентам дипломъ, т. е. возможность заручиться въ жизни выгодными хлѣбными занятіями. Этимъ и объяснялось, что университетская наука для громаднаго большинства студентовъ сводилась къ запискамъ. Посѣщеніе лекцій уже тогда признавалось бесплодною и тяжелою повинностью, отъ которой студенты старались по возможности отдѣлаться. Вообще, записки, лекціи казались чѣмъ-то скучнымъ, постылымъ, приблизительно, какъ уроки въ гимназіяхъ.

Однако одинъ профессоръ моего времени читалъ въ самой большой университетской аудиторіи, въ самые ранніе часы, и тѣмъ не менѣе аудиторія его бывала всегда полна. Послѣ всего здѣсь сказаннаго можно подумать, что это былъ профессоръ, превзошедшій всѣхъ своихъ товарищей крайностью политическихъ воззрѣній. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Это былъ ученый старой школы, воспитанный на Кантѣ, Шеллингѣ, Гегелѣ, человѣкъ умѣренныхъ убѣжденій или, вѣрнѣе говоря, никогда не выставившій своихъ убѣжденій напоказъ, потому что вопросъ для него сводился къ наукѣ, а остальное его мало интересовало. Современностью онъ почти не занимался, любилъ углубляться въ сѣдую древность, въ теченіе цѣлаго года разбиралъ двухъ-трехъ мыслителей, напримеръ, древне-греческихъ мудрецовъ, за что его «Искра» злобно высмѣивала. Дѣло для него заключалось не въ томъ, чтобы сообщить намъ побольше знаній (для этого вѣдь въ нашемъ распоряженіи было достаточно книгъ, хотя бы въ той же университетской библіотекѣ), а въ томъ, чтобы намъ показать, какъ надо работать, и какая работа можетъ быть названа научною. Лишенный всякаго краснорѣчія (читалъ онъ всегда по тетрадкѣ), онъ возбуждалъ въ насъ иногда священный трепетъ, охватывающій человѣка, когда онъ чувствуетъ, что приближается къ истинѣ. Любовь самого профессора къ истинѣ, его страстное стремленіе приблизиться къ ней окружали его лекціи въ нашихъ глазахъ такимъ обаяніемъ, что мы не задавались вопросомъ, для чего намъ цѣлые мѣсяцы изучать какого-нибудь Гераклита Темнаго, Анаксагора или Эпиктета? Такъ многіе изъ насъ, вѣроятно, кончили курсъ, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ собственно старый профессоръ угощалъ ихъ этою мудростью, да и, можетъ быть, никогда въ жизни не задавались этимъ вопросомъ, но тѣмъ не менѣе врядъ ли кто-нибудь изъ еще живущихъ его слушателей не вспоминаетъ съ уваженіемъ и любовью ученаго, на лекціяхъ котораго мы, можетъ быть, и безотчетно уразумѣли, какъ трудно человѣку дается сознательная истина и какъ важны тѣ приемы, тѣ методы изслѣдованія, которые къ ней приближаютъ. Эти приемы, эти методы, эта выправка ума помогли намъ впоследствии правильно рѣшать многіе жизненные вопросы и сослужили намъ, конечно, въ тысячу разъ болѣе важ-

ную службу, чѣмъ обрывки всевозможныхъ знаній, случайно сохранившихся въ нашей памяти изъ университетскихъ лекцій и экзаменовъ.

Но такихъ профессоровъ было при мнѣ только одинъ на весь факультетъ. Остальные были полуремесленники. Они сами любили науку, какъ «дойную корову», и поэтому не могли намъ внушать любовь къ ней. Болѣе талантливые изъ нихъ внѣшнимъ образомъ интересовывали иногда студентовъ; остальные прибѣгали къ болѣе легкому средству заручиться симпатіями студентовъ, т. е. либеральничали, насколько это было возможно безъ вреда для себя. Этого рода исканіе популярности процвѣтало въ мое время и приводило иногда къ очень комическимъ эпизодамъ. Напримѣръ, профессоръ, пользовавшійся еще вчера огромной популярностью, вдругъ ее утрачивалъ, когда распространялся слухъ, что онъ далеко не такъ либераленъ, какъ мы думали. Но стоило ему на лекціи хлестко слиберальничать, — и онъ опять пріобрѣталъ симпатіи студентовъ. Я помню одного молодого профессора (впоследствии онъ сталъ извѣстностью), который ловкимъ фрондерствомъ сразу пріобрѣлъ популярность, но на университетскомъ судѣ высказался за наложеніе дисциплинарнаго взысканія на нѣсколькихъ студентовъ и лишился этой популярности, такъ что ему даже нанесли скандальное оскорбленіе. Однако черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ фрондерствомъ опять возстановилъ свою популярность, и такимъ образомъ уживался и съ начальствомъ, и со студентами. Старый профессоръ также либеральничалъ, но нѣсколько иначе. Когда начальство въ сороковыхъ годахъ поставило ему и другимъ профессорамъ требованія, которыя не мирились съ его понятіями о томъ, какъ должна преподаваться университетская наука, онъ тотчасъ же подалъ въ отставку и въ теченіе почти 15-ти лѣтъ отказывался отъ кафедры, принявъ ее только тогда, когда, благодаря новымъ вѣяніямъ, могъ преподавать такъ, какъ ему приказывала совѣсть. Не слишкомъ разчитывая на то, что эти вѣянія долго продержатся, онъ изъ осторожности не разставался съ мѣстомъ, которое принялъ во время своего 15-лѣтняго удаленія отъ университетской жизни. Начальникомъ его по этой новой службѣ былъ приближенный царя, государственный дѣятель, племянникъ котораго поступилъ въ университетъ. Профессоръ до того времени никогда не получалъ приглашенія на вечера или балы своего начальника. А тутъ вдругъ — приглашеніе въ самой любезной формѣ. Нашъ старый профессоръ украшаетъ грудь всѣми своими орденами и является на балъ, а черезъ нѣсколько дней происходитъ экзамень. Кажется, профессоръ за всю свою профессорскую дѣятельность не экзаменовалъ ни одного студента такъ долго и такъ снисходительно, какъ племянника своего на-

чальника. Но, на бѣду, тотъ ничего не зналъ. Въ этомъ убѣдилась вся аудиторія. Наконецъ профессоръ ставитъ баллъ. Племянникъ довольно безцеремонно заглядываетъ въ тетрадку профессора. «Единица, — поясняетъ профессоръ. — Можно быть на балу и поставить плохой баллъ».

Мы очень хорошо знали, чѣмъ профессоръ рискуетъ, давая такой вполне заслуженный урокъ дядѣ и племяннику, тѣмъ не менѣе большинство студентовъ, повидимому, нисколько себѣ не уяснили, что либеральничанье другихъ профессоровъ, доставляя имъ дешевые лавры среди молодежи, нисколько не мѣшаетъ имъ выслуживаться у того самаго начальства, противъ котораго они на лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ направляли свои стрѣлы. И теперь, когда я вспоминаю мои университетскіе годы, мнѣ совершенно ясно, что уставъ не могъ восполнить недостатокъ чутья у молодежи, сочувствовавшей профессорамъ, которые прикрывали отсутствіе истинныхъ заслугъ наигриваніемъ на политическихъ страстяхъ общества и подрастающаго поколѣнія.

Безсиліе устава сказывалось и въ другомъ, очень краснорѣчивомъ фактѣ. По уставу 1863 г. профессорская коллегія самостоятельно замѣщала каѳедры, слѣдовательно, можно было ожидать, что произойдетъ значительное улучшение состава профессоровъ, что явятся молодые силы, которыя затмятъ старья, не избранныя университетомъ, а назначенныя правительствомъ. На самомъ дѣлѣ въ мое время ничего подобнаго не произошло: лучшими силами остались старые профессора, а новые оказались, за немногими исключеніями, весьма неудовлетворительными. По крайней мѣрѣ я лично помню профессоровъ, избранныхъ на точномъ основаніи устава 1863 г. и представлявшихъ типы если не прямо комическіе, то въ высшей мѣрѣ отрицательные. Приведу примѣры.

Трудно забыть профессора (хотя онъ вѣми давно забыть, потому что никакихъ сколько-нибудь замѣтныхъ трудовъ послѣ себя не оставилъ), трудно, говорю я, забыть профессора, который, взойдя на каѳедру, чтобы читать лекцію, вынимаетъ изъ своего бокового кармана записки и въ то же время разбрасываетъ по каѳедрѣ и по полу истралыныя карты. Какъ онъ къ нему попали въ карманъ, остается его тайной, но вѣмъ намъ было извѣстно, что онъ—картежникъ и нерѣдко является въ университетѣ въ нѣсколько возбужденномъ настроеніи. Другой профессоръ, тоже поклонникъ Бахуса, очевидно, не всегда успѣвалъ приготовиться къ лекціямъ. По крайней мѣрѣ онъ очень часто прибѣгалъ къ слѣдующей уловкѣ. Начиналъ онъ читать лекцію, какъ и большинство его товарищей, не въ данный часъ и не десять минутъ спустя, чтобы отдохнуть отъ предыдущей лекціи, а по прошествіи двадцати.

а иногда и двадцати пяти минутъ, такъ что на лекцію оставалось всего сорокъ или тридцать пять минутъ. Затѣмъ онъ «рекапитулировалъ», т. е. вкратцѣ повторялъ содержаніе предыдущей, а иногда и предыдущихъ лекцій, на что уходило еще минутъ двадцать или двадцать пять, такъ что вся новая лекція длилась десять-пятнадцать минутъ. Третій профессоръ, чтобы не мудрствовать лукаво, предпочиталъ всякимъ теоріямъ положительное законодательство и, будучи по природѣ человѣкомъ очень добросовѣстнымъ, излагалъ его статья за статью. Ну, и подшутилъ же надъ нимъ одинъ изъ моихъ товарищей! На экзаменѣ ему попался билетъ о гербовомъ сборѣ. Онъ прекрасно изложилъ теорію гербоваго сбора, но профессоръ имѣлъ неосторожность спросить его: «А скажите, пожалуйста, какіе разряды гербовой бумаги установлены у насъ, въ Россіи?»—«Сейчасъ, господинъ профессоръ», отвѣтилъ студентъ и, полиставъ въ принесенномъ съ собою календарѣ, началъ перечислять найденные тамъ разряды. Профессоръ, возмущенный выходкой студента, хотѣлъ поставить ему неудовлетворительный баллъ, но этому воспротивился ассистентъ.

Такихъ примѣровъ сохранилось въ моей памяти много. Но и приведенныхъ достаточно, чтобы убѣдиться, что уставъ не обезпечивалъ замѣщенія университетскихъ кафедръ хорошими профессорами, какъ онъ не обезпечивалъ серьезнаго отношенія студентовъ къ наукѣ и не предупреждалъ замѣны ея совершенно другою наукой, которую для краткости можно назвать уличной или расхожей. Эта наука процвѣтала среди молодежи и наносила неисчислимый вредъ университетской наукѣ, потому что считалась истинной, въ то время какъ университетская признавалась подтасованной и казенной.

Съ другой стороны, уставъ, несомнѣнно, содѣйствовалъ усилению въ профессорской средѣ всевозможныхъ подвоховъ и интригъ. Кандидатамъ въ профессора, чтобы получить кафедру, надо было заручиться благорасположеніемъ будущихъ своихъ коллегъ, за сѣдвшихъ въ совѣтъ, а сами профессора опасались, какъ бы кандидаты не затмили ихъ собственной славой, иногда покоившейся, какъ мы видѣли, на довольно шаткомъ основаніи. Велѣдствіе этого самыми пріятными кандидатами были посредственности или даже прямо люди бездарные. На этой почвѣ разыгрывались скандальные эпизоды.

Такъ, на горизонтѣ университетской жизни появился молодой человѣкъ очень значительныхъ дарованій. Онъ магистрировалъ, съ блескомъ выдержалъ экзаменъ и защитилъ диссертацию. Всѣ ожидали, что онъ сдѣлается красой столичнаго факультета. И дѣйствительно, онъ располагалъ всѣми данными для этого. Но понятно, что и профессоръ, по кафедрѣ котораго онъ магистрировалъ, это замѣтилъ, а между тѣмъ ему конкуренты вообще, и такіе талантливые

въ особенности, вовсе не были желательны. Поэтому онъ поторопился устроить судьбу своего будущаго собрата и доложилъ министру о необычайныхъ способностяхъ молодого ученаго и о томъ, что въ Ярославлѣ какъ разъ есть вакантная кафедра, которую желательно было бы ему предоставить. Конечно, молодой ученый немедленно, къ своему собственному удивленію и удивленію всѣхъ лицъ, слѣдившихъ за его судьбою, былъ назначенъ въ Демидовскій лицей, и такимъ образомъ профессоръ отдѣлался отъ опаснаго конкурента и въ то же время сохранилъ за собою репутацію преподавателя, подготавливающаго великолѣпныхъ молодыхъ ученыхъ.

Такіе же скандалы разыгрывались и на магистерскихъ экзаменахъ. Расскажу объ одномъ, мнѣ хорошо извѣстномъ, потому что я самъ былъ на немъ дѣйствующимъ, хотя, къ счастью, и не пострадавшимъ лицомъ. Какъ разъ въ это время возникли острые пререканія между профессоромъ, у котораго я магистрировалъ, и другимъ профессоромъ, которому хотѣлось доказать, что его соперникъ подготавливаетъ ученыхъ не умѣетъ. Онъ воспользовался для этого моимъ экзаменомъ. Экзаменъ уже кончался, когда профессоръ вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ о томъ, какъ одинъ изъ нѣмецкихъ ученыхъ опредѣляетъ науку, по которой я магистрировалъ. Я удовлетворилъ его любопытству, но оказалось, что, по мнѣнію профессора, западный ученый вовсе не такъ опредѣляетъ мою науку. Тогда я далъ опредѣленіе по-нѣмецки, собственными словами ученаго. Но профессоръ, выслушавъ меня, съ ехидною улыбкою замѣтилъ: «Вы прекрасно знаете нѣмецкій языкъ, такъ хорошо, что можете даже на немъ сочинять». Это было уже грубостью. Я попросилъ профессора мнѣ объяснить, какъ, по его мнѣнію, нѣмецкій ученый опредѣляетъ науку, и, когда онъ это сдѣлалъ, я убѣдился, что профессоръ читалъ краткій учебникъ нѣмецкаго ученаго, но обширнаго семитомнаго его труда не просматривалъ. Я не выдержалъ и попросилъ декана послать сторожа въ бібліотечку, чтобы подтвердить мою правоту, но деканъ положилъ конецъ нашему пререканію, заявивъ, что факультетъ собрался, чтобы убѣдиться, знакомъ ли я съ наукою, по которой экзаменуюсь, и что въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. Мое счастье, что профессоръ для того, чтобы меня срѣзать, выбралъ вопросъ, въ которомъ онъ самъ не былъ твердъ, иначе мнѣ бы не сдобровать.

И противъ такого зла всякій уставъ безсиленъ. Были у насъ цѣлые періоды, когда университетскіе профессора по уставу избирались совѣтами или назначались правительствомъ, но трудно будетъ доказать, что, благодаря назначенію правительствомъ или избранію совѣтомъ, составъ профессоровъ улучшался или ухудшался. Если бы хорошіе профессора создавались столь простымъ способомъ, то почти навѣрно можно сказать, что нигдѣ въ мірѣ не было бы плохихъ профессоровъ. Но для того, чтобы создать контин-

гентъ хорошихъ профессоровъ, требуется очень многое, и въ мое время, должно быть, условія этому не благоприятствовали, потому что хорошихъ профессоровъ почти не было. Я помню, какое глубокое разочарованіе я вынесъ изъ лекцій. Разочарованіе это росло съ каждымъ годомъ, т. е. съ каждымъ новымъ курсомъ. Я тогда уже уловилъ его причины, а впослѣдствіи сталъ сознать ихъ вполне отчетливо, причемъ главною причиною мнѣ всегда представлялось отсутствіе у самихъ профессоровъ любви къ наукѣ. Я уже указывалъ на одного изъ моихъ профессоровъ, который захватывалъ своими лекціями всѣхъ слушателей. Стоило хоть разъ посѣтить его лекціи, чтобы вынести убѣжденіе, что есть нѣчто высшее того, что мы называли университетскою наукою, и того, что мои товарищи хотѣли изучить въ отсутствовавшей студенческой библіотекѣ. Это высшее было и есть любовь къ истинѣ. Но за исключеніемъ этого профессора не было другихъ, которые внушали бы намъ довѣріе въ этомъ отношеніи. Наши наблюденія надъ профессорами очень скоро насъ приводили къ внутреннему убѣжденію, что не въ наукѣ для нихъ сила, а въ чемъ-то другомъ. И это создавало своеобразную атмосферу отсутствія науки въ учрежденіи, созданномъ для науки. Если профессора читали въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы заработать по возможности больше денегъ, то и студенты отъ нихъ не отставали и добывали уроки гдѣ только могли; если профессора запоминали по возможности больше цифръ и фактовъ, чтобы получить и сохранить за собою кафедру, то и студенты усердно зубрили записки, чтобъ не провалиться на экзаменѣ; если профессора либеральничали, то и многіе студенты усердно подражали имъ и, конечно, побивали рекордъ, потому что профессорамъ надо было озираться на начальство, а студенты были люди сравнительно свободные, и т. д. Были такіе профессора, которые какъ будто любили науку, но на повѣрку постоянно оказывалось, что это какая-то странная любовь. Помню одного профессора, на видъ очень горячо относившагося къ своимъ лекціямъ, но мы знали, что онъ читаетъ за разъ въ четырехъ учебныхъ заведеніяхъ и притомъ различныя науки. Какъ мы ни были неопытны, но все-таки понимали, что если бы этотъ профессоръ въ самомъ дѣлѣ любилъ науку, то не могъ бы такъ разбрасываться. Съ одной стороны, желаніе заработать побольше денегъ, съ другой—желаніе удовлетворить своему честолюбію мирно уживались у него съ желаніемъ двигать науку и приносить пользу студентамъ. Недюжинныя способности, большая находчивость, краснорѣчіе, хотя и приподнятое, проблески остроумія, прирожденная доброта,—все это создавало личность довольно яркую, которая невольно привлекала вниманіе нашего брата студента. Но въ то же время мы чувствовали, что все это то, да не то, что чего-то не хватаетъ, и что это что-то, пожалуй, и есть самое важное. А это былъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ. Другіе не располагали ни его способно-

стями, ни его начитанностью и въ то же время были лишены того, что насъ прельщало въ старомъ профессорѣ. Могли ли мы послѣ этого относиться къ профессорамъ серьезно, признавать ихъ въ самомъ дѣлѣ жрецами науки? Конечно, нѣтъ, и мы ходили на лекціи и зубрили записки только потому, что надо же было получить дипломъ.

Эти лекціи или записки казались намъ скучными или несостоятельными не безъ основанія. Тѣ изъ студентовъ, которые знали иностранные языки и хотѣли учиться (къ сожалѣнію, такихъ студентовъ было очень мало), убѣждались, что между лекціями западныхъ ученыхъ и русскихъ профессоровъ—разница прямо поразительная. Тамъ—любовь къ наукѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ масса положительныхъ достоинствъ: глубина мысли, новизна идей, богатство самостоятельно собраннаго и изученнаго матеріала; здѣсь — непродуманность, подражательность и безтолковая компиляція. Но такихъ студентовъ было, повторяю, очень мало. Однако и остальные, т. е. всякій заурядный студентъ имѣлъ возможность составить себѣ сужденіе о томъ, какъ недостаточны подготовка и знанія профессоровъ. Для этого стоило, на примѣръ, только сравнить лекціи стараго профессора съ лекціями остальныхъ профессоровъ, представлявшими по большей части только простое изложеніе дѣйствующаго законодательства съ нехитрыми, а подчасъ даже прямо наивными или совершенно несообразными комментаріями.

Приведу примѣръ изъ вступительной лекціи очень извѣстнаго профессора: «Мм. гг.! Изложеніе каждой науки почти всегда начинается съ болѣе или менѣе обширныхъ доказательствъ ея необходимости, а иногда и превосходства ея надъ всѣми другими. Мы не сдѣлаемъ здѣсь ни того, ни другого. Подобныя заявленія неумѣстны у насъ,—въ странѣ, гдѣ каждый сколько-нибудь значительный элементъ общества призванъ къ дѣятельному участию въ государственной жизни. Землевладѣнію и общинамъ отведена значительная доля участія въ мѣстномъ управленіи; талантамъ страны открыто широкое поле адвокатуры; публицистамъ предоставлена свобода слова; реформы подвергаются предварительному обсужденію гласно и откровенно цѣлымъ обществомъ; общественная совѣсть въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей участвуетъ въ судѣ, отъ нихъ зависитъ рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ объ имуществѣ и чести гражданъ; всѣ сколько-нибудь важныя силы страны заботливо организуются въ рядъ стройныхъ учреждений» и т. д.

Читая теперь эти строки, невольно спрашиваешь себя, зачѣмъ понадобилось октроировать сорокъ лѣтъ спустя всевозможныя свободы, если онѣ уже въ шестидесятихъ годахъ пышно цвѣли въ Россіи? Но и тогда уже намъ что-то казалось неладнымъ въ аргументаціи профессора. Отчего талантамъ открыто только широкое поле адвокатуры и только публицистамъ предоставлена свобода

слова? Особенно же насъ смутило то обстоятельство, что профессоръ признавалъ необходимость своей науки только въ странѣ, гдѣ свобода и участіе общества въ реформахъ, т. е. въ законодательной дѣятельности, прочно установлены, а на нашъ взглядъ ни того ни другого въ Россіи еще далеко не было, а потому наука почтеннаго профессора оказывалась собственно для насъ ненужною. Кромѣ того, молодой ученый выкидывалъ за бортъ такихъ мыслителей, какъ Аристотель и Платонъ, потому-де, что «они ничего не говорятъ намъ о сущности таинственнаго явленія, называемаго государствомъ», а старый профессоръ успѣлъ насъ убѣдить, что Аристотель и Платонъ кое-что въ государственныхъ вопросахъ да смыслили. Какъ бы то ни было, молодой ученый, зарекомендовавъ себя передъ начальствомъ своей вступительной лекціей, которую онъ потомъ помѣстилъ въ офиціальный органъ, очень скоро зарекомендовалъ себя и передъ молодежью, отдавая должное духу протеста, и такимъ образомъ постепенно дослужился и до чиновъ, и до особеннаго почета въ либеральномъ лагерѣ.

Нѣтъ, вспоминая мои студенческія годы, я рѣшительно отказываюсь признать, что уставъ играетъ первенствующую роль въ жизни университета. Во всякомъ случаѣ не уставъ вызываетъ процвѣтаніе университетской науки. Реакціонный уставъ 1835 г. не помѣшалъ расцвѣту московскаго университета, а либеральный уставъ 1863 г., какъ я лично убѣдился, далъ на первыхъ порахъ отрицательные результаты. Если назначеніе университета—служить наукѣ, то въ мое время университетъ ей мало служилъ, и объясняется это не столько административными препонами (вѣдь подавляющее большинство наукъ—филологическихъ, естественныхъ, математическихъ—были совершенно свободны), сколько настроеніемъ и стремленіями профессоровъ, студентовъ и стоявшаго за ними общества, которые развѣ на словахъ любили и уважали науку, а на самомъ дѣлѣ относились къ ней болѣе чѣмъ равнодушно, когда съ нею не была связана политика или личная выгода. При такомъ настроеніи профессоровъ, студентовъ и самаго общества дѣйствительно оставалось только возлагать всѣ надежды на уставъ: авось правительству удастся достигнуть того, чтó не подь силу самому обществу, авось профессора, студенты и общество полюбятъ науку по приказанію начальства.

Р. И. Сементковскій.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II ВЪ СМОЛЕНСКѢ.

(1858).

ВЪ ЮЛѢ мѣсяцѣ 1858 года смоленскій губернаторъ генераль-лейтенантъ Ахвердовъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ официальное извѣщеніе, что въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ текущаго года государь императоръ Александръ Николаевичъ предприметь путешествіе по Россіи, по слѣдующему маршруту: Тверь, Ярославль, Кострома, Нижній-Новгородъ, Владимиръ, Москва, Смоленскъ, Минскъ, Вильна, Ковна и Варшава. Увѣдомляя объ этомъ, министръ просилъ губернатора «принять всѣ завісыщія отъ него мѣры къ безостановочному и спокойному проѣзду государя черезъ Смоленскую губернію».

Тотчасъ по полученіи этого извѣщенія губернаторомъ разсланы были отношенія исправникамъ и городничимъ городовъ: Вязьмы, Гжатска, Дорогобужа, Смоленска и Краснаго о приведеніи въ наилучшее состояніе Московско-Варшавскаго тракта, по которому долженъ былъ ѣхать государь отъ предѣловъ Московской до границы Могилевской губерніи! Вмѣстѣ съ этимъ было сдѣлано предписаніе губернской почтовой конторѣ, чтобы всюду на почтовыхъ станціяхъ было заготовлено достаточное количество лошадей для царскаго поѣзда.

Къ смоленской городской думѣ губернаторъ обратился съ особымъ циркулярнымъ предложеніемъ о необходимости принятія мѣръ для оказанія достойнаго приема высокому гостю. Дума на первыхъ

порахъ отнеслась, повидимому, къ этому факту довольно равнодушно, потому что хотя въ своемъ постановленіи, состоявшемся 12 іюля по поводу губернаторской бумаги, и выразила очень красно-рѣчиво свои «патріотическія чувства» и «любовь и преданность къ престолу»,—тѣмъ не менѣе «по безденежью» не приступила тотчасъ же къ ассигновкамъ и только приняла предписаніе губернатора «къ свѣдѣнію».

Губернаторъ, однако, этимъ не удовольствовался и чрезъ два дня прислалъ новое предписаніе, въ которомъ уже «требовалъ» въ виду скорого пріѣзда государя, чтобы дума занялась исправленіемъ дорогъ и мостовыхъ въ городѣ; еще чрезъ два или три дня онъ новымъ предписаніемъ обратилъ вниманіе думы на плохое состояніе мостовъ въ городѣ Смоленскѣ; еще чрезъ нѣсколько дней онъ напомнилъ думѣ о необходимости приготовить къ пріѣзду государя иллюминацію; потомъ далъ предписаніе исправить нѣкоторыя зданія, находившіяся въ вѣдѣніи города, потомъ—о необходимости увеличить въ городѣ число будокъ, фонарей и т. д. и т. д. Вообще губернаторъ и его канцелярія писали и предписывали весьма энергично, и думѣ оставалось только дѣлать то, что ей предписывалось. Подъ давленіемъ постоянныхъ губернаторскихъ предписаній дума устроила на свой счетъ 42 новыхъ фонаря, исправила въ чертѣ города мостовыя и дороги, бывшія въ то время въ весьма плохомъ состояніи, поставила нѣсколько новыхъ будокъ, произвела ремонтъ городскихъ зданій. Всѣхъ сверхемѣтныхъ расходовъ, какіе въ то время пришлось сдѣлать думѣ, было произведено, какъ значитса по журналамъ думы, на 6 тысячъ руб., въ томъ числѣ: по освѣщенію города (на покупку 2000 стаканчиковъ, на устройство фонарей и проч.)—2070 руб., по исправленію и постройкѣ зданій 3 тыс. руб. и по исправленію мостовыхъ и дорогъ—1200 рублей.

Полиція, въ свою очередь, также не бездѣйствовала. Благодаря ея стараніямъ, всѣ дома, заборы и даже тумбы на тѣхъ улицахъ, по которымъ долженъ былъ проѣзжать государь, были окрашены въ красный, желтый и черный цвѣтъ. Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцѣ малярныя работы такъ поднялись въ цѣнѣ, что маляра-поденщика едва можно было найти за 2—3 руб. въ день, тогда какъ въ обыкновенное время красная цѣна ему 75 к. въ сутки.

Квартира для государя готовилась въ домѣ одного губернскаго аристократа, который ѣздилъ въ Петербургъ въ февралѣ мѣсяцѣ и какимъ-то образомъ провѣдалъ, что государь будетъ лѣтомъ въ Смоленскѣ. Онъ рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выдвинуться, и съ этой цѣлью началъ съ самой зимы перестраивать свой домъ (на Благовѣщенской улицѣ) и готовить его къ приему высокаго гостя. Стекла для оконъ, драпировки, чугунныя каминны, ковры,—все это было выписано имъ

изъ Парижа; онъ бросалъ большія деньги на покупку экзотическихъ растений, дорогихъ картинъ и разныхъ бездѣлушекъ, которыми переполнены были всѣ комнаты его дома. Говорятъ, что эта затѣя обошлась ему до 100 тысячъ рублей, и тѣмъ не менѣе цѣли своей онъ все-таки не достигъ: принимать государя въ своемъ домѣ ему не удалось, такъ какъ государь не захотѣлъ почему-то остановиться у него.

По этому поводу сторожилы рассказываютъ слѣдующее: за три дня до прїѣзда государя въ Смоленскъ сюда прискакалъ фельдъегерь и прямо направился къ полицеймейстеру барону Эльстеру, а затѣмъ съ нимъ вмѣстѣ къ губернатору. Черезъ полчаса послѣ этого губернаторомъ былъ отданъ приказъ, чтобы мѣстный батальонъ и городская пожарная команда въ полномъ ея составѣ сейчасъ же явились къ нему. Солдатъ и пожарныхъ заставили переносить изъ губернаторскаго дома имущество губернатора въ домъ Кондыревой, куда переехала и вся губернаторская семья. Когда домъ былъ очищенъ, его вымыли, вычистили, покрасили, гдѣ было нужно, и затѣмъ, на другой день наносили въ него массу разныхъ вещей—ковровъ, гардинъ, мебели, цвѣтовъ, позаимствованныхъ на время у мѣстныхъ аристократовъ—Энгельгардтовъ, Глинки, Лесли, изъ которыхъ каждый далъ все, что у него было лучшаго въ домѣ. Благодаря этому, комнаты губернаторскаго дома приняли весьма изящный видъ, такъ что высокаго гостя принять въ нихъ было не стыдно.

Въ свитѣ государя находились: министръ двора ген.-адъютантъ графъ Адлербергъ, флигель-адъютантъ Рылѣвъ и баронъ Люенъ, лейбъ-медикъ Енохинъ и д. ст. сов. Шауфусъ. Прислуги при лицахъ свиты было восемь человекъ. Изъ спеціальнаго «расписанія экипажей», находящагося при «дѣлѣ о высочайшемъ проѣздѣ» (архивъ губернскаго правленія), видно, что подъ поѣздъ государя со свитою и сопровождающими его мѣстными властями требовалось на каждой станціи при обыкновенной дорогѣ по 125 лошадей, при шоссе—по 95 лошадей; на всѣхъ же 16 станціяхъ Смоленской губерніи требовалось 1944 лошади.

Такого значительнаго количества лошадей, разумѣется, не могли выставить мѣстныя почтовые станціи. Онѣ, какъ это видно изъ «дѣла», выставили только 850 лошадей, остальные же лошади въ поѣздѣ были обывательскія, по вольному найму, съ торговъ. Изъ объявленія о торгахъ на поставку вольныхъ лошадей, между прочимъ, видно, что за каждую павшую и испорченную въ гоню лошадь назначено было вознагражденія по 43 р. За лошадей, которыя были употреблены въ гоню, поставщики получали отъ фельдъегеря, сопровождавшаго царскій поѣздъ, двойные прогоны за каждую лошадь по величинѣ станціи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда происходила остановка въ высочайшемъ проѣздѣ, за каждыя из-

лишне простоянныя противъ контракта сутки поставщики лошадей получали по 1р. 12¹/₂ к. на каждую тройку. Павшихъ и испорченныхъ лошадей послѣ проѣзда оказалось 187 штукъ, за которыхъ выдано вознагражденія ихъ владѣльцамъ 8081 рублей.

Государь въѣхалъ въ Смоленскъ по старой Московской дорогѣ въ два часа ночи съ 2-го на 3-е сентября. За день до пріѣзда государя полицеймейстеръ Эльстеръ далъ приказъ пожарной командѣ вырыть 30 фонарныхъ столбовъ съ кронштейнами на заднихъ улицахъ города, перенести ихъ за городъ и здѣсь разставить по московскому шоссе, откуда государь долженъ былъ въѣзжать въ городъ. Фонари были перевезены за московскую заставу на передкахъ и разставлены на протяженіи 250 сажень среди поля. Въ день пріѣзда государя въ Смоленскъ, вечеромъ, когда совсѣмъ стемнѣло, пожарной командѣ приказано было снова вынуть эти фонари и перевезти ихъ съ московской заставы на Краснинскую (на противоположный конецъ города), гдѣ государь долженъ былъ проѣзжать, отправляясь изъ Смоленска. Затѣмъ, на другой день по отъѣздѣ государя фонари были снова поставлены на прежнее мѣсто, гдѣ они до тѣхъ поръ стояли.

Городъ при въѣздѣ государя представлялъ необычайное оживленіе. «Жители, какъ описываютъ тогдашнія «Губернскія Вѣдомости», съ ранняго утра и во всю ночь ждали пріѣзда царственнаго гостя и образовали на улицахъ праздничное гулянье. Сплошная толпа народа обоего пола и всѣхъ возрастовъ занимала всю Благовѣщенскую улицу и Ямскую слободу до самой Московской заставы. При въѣздѣ на Дняпровскій мостъ были устроены гражданами для этого радостнаго событія триумфальныя ворота, убранныя цвѣтами и флагами и украшенныя императорскою короною и вензелемъ съ ярко блестящею надписью на фронтонѣ: «Боже Царя храни!» Всѣ дома были иллюминированы; домъ губернаторскій, губернскаго предводителя, губернской гимназій, дѣтскаго пріюта, акцизно-откупной конторы, квартира исправляющаго должность губернскаго прокурора, дома купцовъ Рубцова, Щекотова, Бернгардта и другихъ были въ особенности роскошно иллюминированы. На улицахъ не умолкалъ веселый говоръ проходящихъ, грохотъ проѣзжающихъ взадъ и впередъ экипажей,—все это вмѣстѣ превратило темную осеннюю ночь въ фантастическій день и торжествомъ своимъ напоминало канунъ (Свѣтлаго праздника» ¹⁾.

Съ вечера 2-го сентября московское шоссе, начиная отъ дачи генерала Шембеля до Крупушевскаго моста (въ городѣ, на Ново-Московской улицѣ), на протяженіи 1¹/₂ версты, иллюминировано было площадками и сверхъ того на большихъ горахъ, отъ станціи Страгани (въ 12 верстахъ отъ города Смоленска) до дачи Шембеля по-

¹⁾ «Смол. Губ. Вѣд.» 1858 г., № 45, приложение.

ставлены были горящія смоляныя бочки. На Днѣпровскомъ мосту передъ проѣздомъ государя императора разставлены были конныя жандармы для предупрежденія слишкомъ большого стеченія народа.

Улицы были полны народомъ. Здѣсь толпились не только горожане, но и крестьяне, собравшіеся сюда изъ деревень. Въ то время уже повсюду въ народѣ пронеслась вѣсть о скоромъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости. Про «молодого царя» среди крестьянъ ходили цѣлыя легенды, рисовавшія его съ самой хорошей стороны. Предъ пріѣздомъ въ Смоленскъ государя среди мѣстнаго населенія распространились слухи, что «царь-батюшка ѣдетъ освобождать мужиковъ отъ барской неволи», вслѣдствіе чего ко времени царскаго пріѣзда въ Смоленскъ направились цѣлыя толпы крестьянъ съ цѣлью посмотреть на него, батюшку, и услышать самолично отъ него желанное слово о свободѣ. Но мѣстныя смоленскія власти, провѣдавъ объ этомъ, разставили по заставамъ солдатъ изъ мѣстнаго батальона съ приказаніемъ, чтобы они не пропускали въ городъ крестьянъ, если они идутъ не по одному, а толпою, или, какъ тогда говорили, «скопомъ». Поэтому-то большинство крестьянъ, направлявшихся въ Смоленскъ, не попали сюда и принуждены были возвратиться по деревнямъ. Возвращались они, конечно, озлобленные и болѣе, чѣмъ когда-либо, увѣренные въ томъ, что царь ѣдетъ для нихъ, чтобы объявить имъ свободу, но что господа не хотятъ допустить ихъ до царя. Многіе изъ нихъ, несмотря на всѣ препятствія, пробрались въ городъ окольными путями и смѣшивались здѣсь съ толпою гуляющихъ, чтобы дождаться и встрѣтить царя.

Государь проѣхалъ прямо на приготовленную для него квартиру въ губернаторскомъ домѣ. Толпа провожала его восторженными криками, не смолкавшими даже и тогда, когда онъ вошелъ въ домъ. Черезъ нѣсколько минутъ императоръ вышелъ на балконъ и поздоровался съ народомъ. Въ отвѣтъ на его привѣтствіе раздалось громкое общее «ура!» Крестьяне кричали:

— Спаситель ты нашъ! Царь-батюшка освободитель! уволь насъ отъ господъ!

Многіе изъ нихъ плакали.

Нѣкоторыхъ изъ крестьянъ власти тотчасъ же арестовали и продержали нѣсколько дней въ кутузкѣ на хлѣбѣ и водѣ.

На другой день, 3-го сентября, въ 11 ч. утра государь изволилъ принимать военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянство и купечество. Окончивъ съ этимъ, онъ вызвалъ депутатовъ смоленскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу и предводителей дворянства и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: ¹⁾

«Мнѣ пріятно, господа, находиться среди васъ и лично благодарить дворянство смоленское за преданность престолу и отечеству,

¹⁾ Речь государя полностью приведена въ дѣлѣ смоленскаго губернскаго правленія.

которую оно неоднократно доказывало, какъ прежде, въ 1812 году, такъ и въ прошлогоднюю войну. Мнѣ пріятно благодарить васъ и за готовность, выраженную вами въ крестьянскомъ дѣлѣ. Мои предмѣстники и въ особенности покойный родитель мой всегда оказывали свое вниманіе смоленскому дворянству. Вы имѣете документъ его благоволенія къ вамъ, который былъ писанъ за нѣсколько дней до его смерти: можно сказать, онъ и на смертномъ одрѣ думалъ о васъ (говоря это, государь былъ растроганъ, на глазахъ его видны были слезы). Я также люблю васъ. Одна изъ вашихъ дамъ поднесла матери моей образъ для благословенія меня въ то время, когда я имѣлъ честь командовать войсками, защищавшими столицу. Этотъ образъ всегда при мнѣ и служить, такъ сказать, еще новою связью, которая соединяетъ меня съ вами ¹⁾.

«Течерь вы собраны по крестьянскому дѣлу. Это необходимо для благоденствія вашего, крестьянъ вашихъ и всей Россіи. Займитесь имъ дѣльно и на указанныхъ въ моемъ рескриптѣ началахъ, устройте это дѣло такъ, чтобы оно было безобидно для васъ и для крестьянъ вашихъ. Этимъ вы доставите мнѣ утѣшеніе. Я увѣренъ, что вы не обманете моихъ ожиданій.

Депутаты отвѣтили государю громкимъ «ура».

Послѣ этого городской голова В. С. Текоцкій поднесъ государю хлѣбъ-соль. Затѣмъ государь отправился въ соборъ, посѣтилъ губернскую гимназію и частный пансіонъ для дѣвицъ. На плацу имъ былъ осмотрѣнъ памятникъ 1812 года; здѣсь же былъ произведенъ смотръ внутреннему гарнизонному батальону. Шестъ человекъ изъ батальона были выбраны въ гвардію, а батальонный командиръ Бѣлановскій удостоился похвалы и одобренія государя за хорошее состояніе батальона. Отсюда государь направился къ мѣсту, гдѣ предполагалось устроить новое зданіе гимназій, и положилъ здѣсь первый камень зданія. По окончаніи этой церемоніи, государь посѣтилъ дѣтскій пріютъ, гдѣ ему была поднесена ученицами вышитая подушка, потомъ—церковь Благовѣщенія, сооруженную въ 1832 г. надъ Молоховскими воротами жителями Смо-

¹⁾ Поднесеніе этого образа сопровождалось слѣдующими обстоятельствами. Въ 1854 г., когда было получено высочайшее повелѣніе о подчиненіи главнаго начальствованія надъ войсками, охранявшими С.-Петербургъ, государю наследнику Александру Николаевичу и манифестъ о войнѣ съ Франціей и Англіей, въ то время дамы смоленскаго общества возымѣли намѣреніе поднести черезъ смоленскаго преосвященнаго государынѣ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ снимокъ съ иконы Смоленской Божіей Матери Одигитріи, со всеподданнѣйшей просьбой передать оный отъ ея величества въ благословеніе государю наследнику цесаревичу, какъ главному начальнику войскъ, охранявшихъ престольный градъ. Приношеніе это было милостиво принято и въ рескриптахъ, данныхъ на имя преосвященнаго смоленскаго и дорогобужскаго 20-го и 21-го іюля 1854 г., ея императорское величество и его императорское высочество изволили изъявить дворянамъ и гражданамъ смоленскимъ свою признательность за это духовное приношеніе.

ленска въ свидѣтельство своей признательности къ императору Николаю Павловичу, даровавшему имъ средства къ восстановленію утраченнаго въ Отечественную войну благосостоянія; въ этомъ же храмѣ поставлена смолянами мраморная доска, на которой сдѣлана надпись о признательности ихъ къ императору Николаю Павловичу за новыя щедроты, оказанныя 16-го апрѣля 1841 года, въ день бракосочетанія наслѣдника Александра Николаевича.

Послѣ того государь обозрѣвалъ выставку естественныхъ, мануфактурныхъ и прочихъ замѣчательныхъ произведеній Смоленской губерніи, а также земледѣльческихъ машинъ и орудій. «Губернскія Вѣдомости» того времени, отмѣчая этотъ фактъ, подчеркиваютъ особенно то обстоятельство, что «на выставкѣ были даже вещи, сохранившіяся еще отъ выставки 1837 г., устроенной въ то время, когда государь, еще будучи наслѣдникомъ, посѣтилъ Смоленскъ». Этотъ фактъ вмѣняется «Вѣдомостями» въ особую заслугу администраціи, которая «сумѣла собрать вещи столько времени въ неприкосновенной цѣлости».

Осмотрѣвъ выставку, государь направился въ частный женскій пансіонъ, содержимый дѣвицею Кнобельсдорфъ; затѣмъ посѣтилъ храмъ Божіей Матери Одигитріи надъ Днѣпровскими воротами, гдѣ прикладывался къ той иконѣ Божіей Матери, которая въ 1812 г. пребывала въ рядахъ нашихъ войскъ, далѣе—военный госпиталь и богоугодное заведеніе приказа общественнаго призрѣнія.

О посѣщеніи государемъ военнаго госпиталя и богоугодныхъ заведеній мы записали со словъ очевидца С. А. Устимовича, живущаго до сихъ поръ въ Смоленскѣ, нѣкоторыя не лишеныя интереса подробности. Г. Устимовичъ, служившій тогда чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ и считавшійся расторопнымъ и дѣловымъ человѣкомъ, назначенъ былъ Ахвердовымъ, незадолго до пріѣзда императора, исправляющимъ должность смотрителя смоленскихъ богоугодныхъ заведеній съ спеціальной цѣлью «подтянуть» и подготовить больницу къ высочайшему пріѣзду.

Принявъ больницу въ свое завѣдываніе, г. Устимовичъ нашель здѣсь большіе беспорядки и полную запущенность. Въ то время, какъ извѣстно, всѣ брали взятки, и только уже особенно лѣнныя не наживались отъ казеннаго пирога; но непремѣнный членъ отъ приказа общественнаго призрѣнія П...., въ завѣдываніи котораго находилась больница, и главный докторъ больницы М.... въ этомъ отношеніи создали себѣ даже тогда весьма нелестную репутацію. Они нисколько, повидимому, не заботились объ интересахъ заведенія и преспокойно клали себѣ въ карманъ казенныя деньги, ассигнуемыя на ремонтъ зданій и содержаніе больницы. Это знали всѣ, зналъ и губернаторъ Ахвердовъ, но терпѣлъ до времени и только за двѣ недѣли предъ пріѣздомъ государя устранилъ названныхъ лицъ отъ активнаго вмѣшательства въ дѣла больницы и пере-

далъ временно диктатуру надъ ней г. Устимовичу. Послѣдній весьма энергично принялся очищать, вымывать и приводить въ порядокъ эти Авгіевы конюшни, носившія названіе богоугодныхъ заведеній. Разумѣется, капитальныхъ, основныхъ перемѣнъ или перестроекъ онъ не дѣлалъ: этого не позволяли ни время, ни средства, ассигнованныя въ его распоряженіе, но зато съ казовой стороны онъ привелъ заведеніе въ порядокъ. Такъ, огромныя выбоины на известковомъ полу онъ приказалъ залѣпить глиной и затѣмъ закрыть полы краснымъ сукномъ, которое разостлалъ по всему заведенію; крышу, которая текла во многихъ мѣстахъ, онъ велѣлъ покрасить, не поновляя ее; кровати, особенно выдавшіяся своимъ безобразіемъ, также покрасилъ охрой; чистаго бѣлья купилъ на кровати по одной перемѣнѣ, чтобы надѣть его только въ тотъ дѣнь, когда государь пріѣдетъ въ больницу; бѣлье же, которымъ пользовались больные и призрѣваемые, было очень грязно и ветхо, такъ что показать его государю было немислимо, и т. д. Все дѣлалось, стало быть, только напоказъ, на одинъ дѣнь, безъ всякаго расчета о будущемъ, но иначе было и нельзя.

Сверхъ всего этого, Устимовичъ отыскалъ среди призрѣваемыхъ одного стараго солдата, служившаго еще при Екатеринѣ II и Павлѣ и совершавшаго походы вмѣстѣ съ Суворовымъ. Шинель у него вся была увѣшана орденами и медалями, между которыми были и русскія, и австрійскія, и круглой и овальной формы, и даже четырехугольной. Этимъ-то солдатомъ Устимовичъ и воспользовался, чтобы произвести хорошее впечатлѣніе на императора. Онъ поставилъ его койку въ богадѣльнѣ какъ разъ противъ самой двери и развѣсилъ надъ койкой шинель съ медалями, чтобы она прямо бросалась въ глаза. Кромѣ того, на тотъ дѣнь, когда государь долженъ былъ посѣщать богоугодныя заведенія, нанята была Устимовичемъ особая кухарка, прекрасно готовившая кушанье, такъ какъ извѣстно было, что государь первымъ дѣломъ обращаетъ вниманіе на кушанье, которымъ кормятъ больныхъ, и самъ пробуетъ его.

Государь сначала отправился въ военный госпиталь, находящійся какъ разъ противъ богоугодныхъ заведеній. Тамъ, конечно, приготовленія къ встрѣчѣ высокаго гостя были несравненно основательнѣе и сложнѣе, чѣмъ въ богоугодныхъ заведеніяхъ, потому что госпиталю отпущено было изъ специальныхъ суммъ для этого 10 тысячъ рублей. Госпиталь былъ найденъ государемъ въ блестящемъ состояніи, но когда онъ, пройдя на кухню, попробовалъ супъ, то выплюнулъ и не сталъ ѣсть.

Послѣ этого онъ даже не сталъ далѣе производить осмотра и разсерженный вышелъ изъ госпиталя, чтобы отправиться въ богоугодныя заведенія.

Устимовичъ, стоя на крыльцѣ съ хлѣбомъ-солью, ждалъ его съ замираніемъ сердца.

Государь спросилъ его:

— Вы кто такой?

— Исправляющій должность смотрителя богоугодныхъ заведеній,—отвѣчалъ Устимовичъ.

— Ну, каковы-то у васъ порядки; ведите, показывайте.

Устимовичъ повелъ его прежде всего въ богадѣльню. Отворилъ дверь, и первое, что бросилось государю въ глаза, была упомянутая солдатская шинель съ медалями.

— Что это такое?—удивился государь.

— А это, ваше величество, суворовскій солдатъ, служившій еще при императрицѣ Екатеринѣ. Старый уже человекъ и не хочетъ разставаться съ своими орденами и медалями, поэтому я и велѣлъ здѣсь повѣсить его шинель, чтобы не лишать его удовольствія смотрѣть постоянно на нихъ.

Это произвело на государя, видимо, хорошее впечатлѣнiе.

— Ну, что жъ! Это хорошо, хорошо,—сказалъ онъ и обратился къ старику:

— Какъ поживаешь, старина?

Старикъ былъ крѣпко тугъ на ухо и, несмотря на всѣ старанія Устимовича и губернатора, выкрикивавшихъ изо всѣхъ силъ вопросы государя надъ ухомъ старика,—такъ и не разобралъ, что ему говорили, и только все кланялся и благодарилъ.

Императоръ пошелъ далѣе. Красное сукно, разостланное на полахъ, и вообще приличный внѣшнiй видъ больницы, повидимому, ему понравились. Когда пришли на кухню, государю подали пробную тарелку щей. Последнiя оказались превосходными, такъ что онъ съ удовольствiемъ съѣлъ около половины тарелки и, обращаясь къ своей свитѣ, сказалъ:

— Вотъ какъ нужно кормить больныхъ и больницу содержать!..

То же самое онъ повторилъ и при выходѣ изъ больницы, на крыльцѣ. При этомъ онъ выразилъ благодарность губернатору Ахвердову и тутъ же поздравилъ его съ орденомъ св. Владимира 2-й степени.

Кто-то изъ свиты шепнулъ губернатору, что теперь было бы своевременно представить служащихъ при больницѣ къ награждѣ. Ахвердовъ последовалъ этому совѣту, и П... М... и Устимовичъ получили ордена.

Прошло около часу времени послѣ отъѣзда государя изъ больницы, вдругъ, видимъ, рассказываетъ Устимовичъ, къ квартирѣ полковника Извѣкова, начальника военнаго госпиталя, подѣхало нѣсколько пролетокъ съ разными военными и гражданскими чиновниками. Какъ оказалось потомъ, прiѣзжали они для того, чтобы произвести формальное слѣдствiе по поводу «найденныхъ въ госпиталѣ безпорядковъ». Извѣкову пришлось бы, несомнѣнно, плохо, если бы у него не было сильныхъ защитниковъ среди мѣстнаго дворянства.

Вечеромъ на балу въ дворянскомъ собраніи многіе стали просить государя простить Извъкова, ручаясь вполнѣ за его добросовѣстность и говоря, что все происшедшее съ нимъ есть не болѣе, какъ простая случайность. Императоръ смилостивился.

— Хорошо,—сказаль онъ:—я прощаю ему по вашей просьбѣ, но пусть ему дадутъ другое назначеніе.

Извъкова послѣ этого вскорѣ перевели въ другой городъ по интендантской части.

Долго спустя послѣ рассказаннаго оказалось, что супъ въ госпиталѣ во время пріѣзда государя былъ нарочно испорченъ однимъ фельдшеромъ, который изъ личной неприязни къ Извъкову влилъ въ котель, незамѣтно для другихъ, ведро сырой холодной воды. Оттого супъ и вышелъ негоднымъ.

На пути изъ богоугоднаго заведенія государь посѣтилъ Вознесенскій дѣвичій монастырь, гдѣ принялъ отъ игуменьи хлѣбъ-соль и образцы работъ монахинь этого монастыря, осматриваль здѣсь ризницу и разныя достопримѣчательныя вещи.

Всѣмъ осмотрѣннымъ государь остался, повидимому, совершенно доволенъ, такъ что, возвратившись въ квартиру, сказаль губернатору:

— Спасибо за все, что я у тебя видѣлъ. Благодарю тебя ¹⁾.

Въ пять часовъ у государя былъ обѣденный столъ, къ которому удостоились приглашенія: преосвященный, начальникъ губерніи, губернский предводитель дворянства, вице-губернаторъ, окружный генераль VI округа внутренней стражи, бригадный командиръ 2-й учебной бригады военныхъ кантонистовъ, начальникъ XI округа путей сообщенія, штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ Смоленской губерніи, генераль-майоры Лепорскій и Савичъ. За обѣдомъ играла музыка помѣщика Аничкова.

Вечеромъ, въ 9 часовъ, государь въ сопровожденіи губернатора отправился на балъ, данный ему дворянствомъ Смоленской губерніи.

Заль дворянскаго собранія и входъ въ него были великолѣпно освѣщены и убраны краснымъ сукномъ, цвѣтами, рѣдкими деревьями и коврами. Распорядителями бала были губернский предводитель дворянства Н. Е. Криштафовичъ, совѣстный судья О. Н. Гольцовъ и помѣщики А. А. Энгельгардтъ и Н. А. Вонлярлярскій. Когда было дано знать о томъ, что государь пожаловаль на балъ, предводитель дворянства пригласиль дамъ занять правую сторону зала, а мужчинъ—лѣвую, такъ чтобы государь могъ пройти посреди ихъ. Хозяйки бала, супруга смоленскаго уѣзднаго предводителя дворянства Лесли, супруга генераль-майора Эллеръ и супруга дѣйств. ст. сов. Энгельгардтъ встрѣтили императора при входѣ въ заль. Музыка тотчасъ заиграла польскій, и государь изволиль пройти

¹⁾ Арх. губ. правленія, дѣло 1858 г.

польскій съ г-жами Лесли, Элльеръ, Энгельгардтъ и нѣкоторыми другими дамами. Государь пробылъ на балѣ до 11 часовъ и затѣмъ отправился въ дальнѣйшій путь, по Краснинской дорогѣ, въ Минскъ.

На балѣ государь неоднократно, подавая руку губернатору Ахвердову, выказывалъ ему знаки своего благоволенія и милостиваго вниманія къ его заслугамъ.¹⁾

По отъѣздѣ государя, дворянство единодушно пожелало, а къ нему присоединились и гражданскіе и военные чиновники и граждане, принести Всевышнему молитвы о здравіи и благоденствіи государя и его августѣйшаго дома, для чего 5-го сентября, въ присутствіи губернатора и всѣхъ начальствующихъ лицъ, была совершена въ кафедральномъ соборѣ преосвященнымъ Тимоѣемъ литургія и благодарственный молебенъ²⁾.

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть о тѣхъ наградахъ, которыя были пожалованы государемъ въ бытность его въ Смоленскѣ. Онъ приказалъ выдать изъ собственныхъ средствъ 1000 руб. бѣднѣйшимъ жителямъ Смоленской губ.; затѣмъ приказалъ отпустить 3000 руб. евангелическому приходу Смоленска для приведенія къ окончанію начатаго имъ строенія церкви. Старшему секретарю смоленскаго губернскаго правленія Никифорову за поднесенное государю «Описаніе города Смоленска» и смоленскому купеческому сыну Щекотову за фотографическіе виды Смоленска даны были брильянтовые перстни, объявлена монаршая благодарность капитанъ-лейтенанту Антоньеву за представленный экземпляръ его сочиненія «Воспоминанія о дружинѣ № 37 смоленскаго государственнаго подвижнаго ополченія» и учителямъ смоленской гимназіи Широкову и Гонору— за привѣтствія въ стихахъ государя императора, а поручику генеральнаго штаба Цебрикову государь при представленіи должностныхъ лицъ изволилъ выразить изустно благодарность за представленный имъ военно-историческій очеркъ Смоленска.

Нижнимъ чинамъ внутренней стражи, бывшимъ на смотру, государь изволилъ пожаловать по 50 к. сер., а нижнимъ чинамъ жандармской, полицейской и пожарной команды по 25 к. сер. на чело-вѣка.

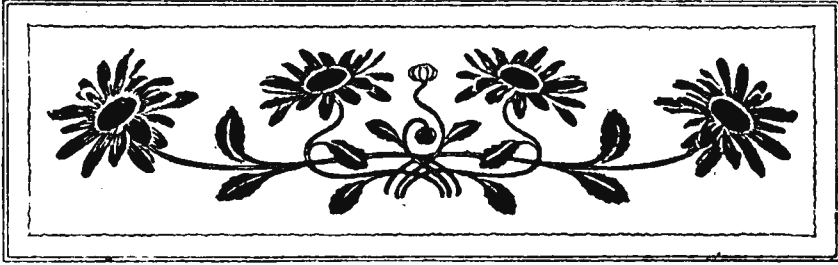
Капельмейстеру оркестра помѣщика Аничкова Шнейдеру пожалованы были золотые часы.

Н. Добротворскій.

¹⁾ Арх. губ. правленія, дѣло 1858 г.

²⁾ «Смол. Губ. Вѣд.», 1858 г., № 51.

ПЪШКОМЪ ПО КАВКАЗУ¹⁾.

(Лѣтняя экскурсія 1909 г.).

VII.

Отъ Ананура до Мцхета.

Историческая роль Ананура.—Ананурскій храмъ.—Развалины старой ананурской церкви.—Душетъ.—Цилканы.

ОТЪ и селеніе Анануръ съ его старинной крѣпостью. Отдохнувъ и закусивъ въ духанѣ при самомъ входѣ въ селеніе, мы поспѣшили осмотрѣть эту историческую достопримѣчательность.

Крѣпость расположена въ концѣ селенія, на небольшомъ возвышеніи, у подножія горнаго хребта, называемаго Шеуповари (непокорный, неустрашимый) и спускающагося къ берегамъ шумной Арагвы. Отсюда открывается довольно живописный видъ на Арагвское ущелье или, лучше сказать, долину, окаймленную сравнительно невысокими горами. Къ сѣверу амфитеатромъ встаютъ предгорья центральнаго хребта, въ которомъ въ ясную погоду явственно обозначается Казбекъ, «Кавказа царь могучій, въ чалмѣ и ризѣ парчевой».

Но, конечно, не красоты природы побудили выстроить здѣсь очень сильную, по прежнимъ временамъ, крѣпость. Дѣло въ томъ,

¹⁾ Окончаніе См. «Истор. Вѣстникъ», т. СХХІІІ, стр. 667.

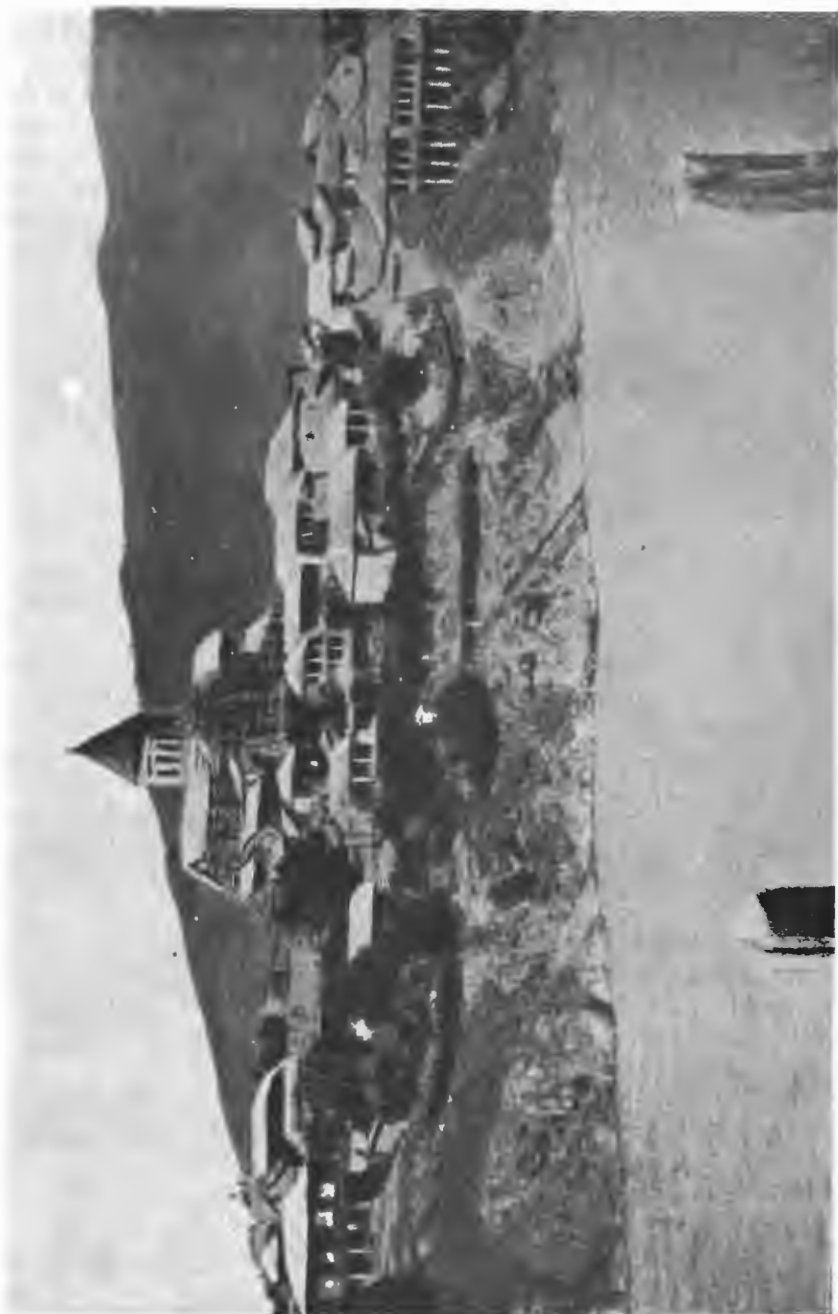
что отъ Ананура начинается то дефиле, которое образуетъ грузинскія Оермопилы и заканчивается по другую сторону хребта тѣснинами Дарьяла, заправшими входъ разнымъ гогамъ и магогамъ (Яджуджи и Маджуджи по Корану). Завоеватели древняго міра старались имѣть въ рукахъ этотъ ключъ Кавказа. Здѣсь въ 241 г. нашей эры Сапоръ, или Шабуръ, царь персидскій, поставилъ начальникомъ и оберегателемъ этихъ воротъ одного изъ членовъ своего дома, потомки котораго получили фамилію Шабуровыхъ.

Теперь Анануръ—небольшое село. Въ прежніе же вѣка это былъ очень важный стратегическій и административный пунктъ. Съ VI вѣка до 1740 г. здѣсь была резиденція арагвскихъ эриставовъ,—такъ назывались вассалы грузинскаго царя, управлявшіе страной, расположенною по Арагвѣ. Владѣнія ихъ были столь обширны, что въ военное время могли выставить до 15 тыс. войска. А такъ какъ при томъ въ рукахъ арагвскихъ эриставовъ были Ларсскій проходъ (Дарьяль) и арагвскія тѣсины, то все это дѣлало ихъ могущественными и совершенно независимыми владѣтельными князьями, которые не только не считали себя обязанными подчиняться своему суверену, но даже иногда вели съ нимъ упорныя войны.

Кромѣ арагвскихъ эриставовъ, были еще эриставы ксанскіе, правившіе страной, лежащею по р. Ксану (притокъ Куры, впадающій въ нее западнѣе Арагвы). Обѣ фамиліи постоянно враждовали между собою и вели другъ съ другомъ войны, при чемъ каждый изъ нихъ, чтобы добыть средства на войну, грабилъ свой народъ, и затѣмъ, при первомъ удобномъ случаѣ, опустошала владѣнія своего противника. Естественно, что подданные ненавидѣли своихъ правителей.

Историкъ и географъ, царевичъ Вахушта, говоря о большомъ ананурскомъ храмѣ, существующемъ и понынѣ, пишетъ, что «здѣсь въ древности была малая церковь; но въ 1704 г. эриставъ Георгій воздвигъ большой храмъ съ куполомъ, окружилъ его каменною оградой и на высокомъ утесѣ скалы создалъ башню и крѣпость. Онъ предполагалъ имѣть въ нихъ убѣжище себѣ и своему роду, между тѣмъ какъ онѣ сдѣлались для его сыновей и сродниковъ мѣстомъ избіенія».

Это произошло въ 1739 г., когда эриставъ ксанскій Шанше съ наемнымъ войскомъ изъ лезгинъ въ числѣ 12 тыс. человекъ осадилъ ананурскій замокъ, въ которомъ заперся съ братьями и приближенными эриставъ Бардзимъ, родственникъ Георгія. Крѣпость удалось взять лишь тогда, когда осаждавшіе нашли тайный водопроводъ и, испортивъ его, лишили крѣпость воды. Ксанцы умертвили Бардзима и его сообщниковъ, ограбили церковь, разбили иконы, обезобразили фресковую живопись и многихъ увели въ плѣнъ, въ томъ числѣ и жену эристава Георгія.

Анануръ.

Древняя фресковая живопись храма послѣ погрома сохранилась въ полной неприкосновенности до пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка, когда при экзархѣ Исидорѣ (съ 1855 г.—митрополитъ петербургскій) или его преемникѣ она была забѣлена. Это варварское распоряженіе, распространявшееся также на древніе мцхетскіе храмы—12-ти апостоловъ и самтаврскаго,—было сдѣлано въ виду ожидавшагося посѣщенія Грузіи какой-то высокопоставленной особой изъ Петербурга, для приданія темнымъ стѣнамъ храма болѣе приличнаго вида. Недавно часть этой побѣлки удалена, и изъ-подъ нея снова выглянула на свѣтъ Божій древняя фресковая живопись, истыканная кинжалами лезгинъ въ 1739 г. При внимательномъ разсматриваніи этихъ ужасныхъ кощунственныхъ ранъ, оказывается, что почти всѣ онѣ нанесены съ нѣкоторымъ расчетомъ: выколоты глаза, обезображены лики ударами кинжала въ уста; въ нѣкоторыхъ случаяхъ порча живописи произведена такимъ образомъ, что свидѣтельствуешь о крайне гнусномъ кощунствѣ ксанскихъ воиновъ.

Нѣсколько минутъ мы стояли молча предъ этими нѣмыми, но краснорѣчивыми свидѣтелями тѣхъ звѣрствъ, жестокостей, безграничной злобы и мстительности, которыя нашли себѣ выраженіе здѣсь, въ священномъ храмѣ, 170 лѣтъ назадъ.

Въ архитектурномъ отношеніи ананурскаго храма представляетъ прекрасный образецъ грузинскаго стиля. Въ основаніи онъ имѣетъ форму креста и опирается на четыре колонны. Надъ храмомъ возвышается красивый конусообразный куполь, шея или барабанъ котораго состоитъ изъ высокаго многоугольника съ 16 узкими окнами.

Наружный орнаментъ церкви полонъ изящества и разнообразія. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ южная стѣна храма, средняя часть которой во всю свою высоту занята превосходно вытесаннымъ изъ камня крестомъ св. Нины, просвѣтительницы Грузіи. Онъ состоитъ изъ переплетенныхъ между собой виноградныхъ лозъ. По бокамъ креста два херувима поддерживаютъ виноградные деревья, гроздья которыхъ ѣдятъ звѣри, что обозначаетъ богатство и плодородіе Грузіи. Ниже—два прикованныхъ льва,—символь побѣды надъ Персіей. Крестами св. Нины украшены и три остальные стѣны храма: но орнаментъ западной стѣны заслоненъ высокою четырехугольной башней въ шесть этажей, примыкающей къ храму почти вплотную. Вѣроятно, эта башня выстроена раньше церкви, при сооруженіи которой пришлось считаться съ тѣсною цитаделю, не позволившей отодвинуть церковь подальше. По этой же причинѣ и входъ въ храмъ сдѣланъ, вопреки обычаю, не съ западной, а съ южной стороны.

Противъ восточной, алтарной стѣны церкви, на самой крѣпостной стѣнѣ, видны слѣды какихъ-то зданій и колокольня, со-

стоящая изъ восьми низенькихъ колоннъ съ византійскими капителями и высокой крышей въ видѣ восьмигранной пирамиды. Съ этой колокольни открывается дивная панорама Арагвскаго ущелья, сосѣднихъ горъ и раскинувшася внизу селенія.

Въ юго-западной части крѣпости находятся развалины старой церкви съ куполомъ. Когда и кѣмъ она выстроена—неизвѣстно: это—общая участь древнихъ памятниковъ Грузіи, въ которой историческіе документы часто гибли среди всеобщаго разрушенія. Но

Ананурская крѣпость.

народное преданіе относитъ ея сооруженіе (и, кажется, не безъ основанія) къ VI в. — ко времени утвержденія христіанства въ Арагвскомъ ущельѣ однимъ изъ 13-ти каппадокійскихъ отцовъ. О древности храма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что уже въ 1525 г. онъ былъ признанъ слишкомъ ветхимъ, почему съ того времени богослуженіе въ немъ прекращено.

Внутри храма, у южной стѣны его, ближе къ алтарю, стоитъ массивный каменный балдахинъ на четырехъ колоннахъ. Подъ нимъ—могильная плита со стершеюся надписью. Здѣсь именно

погребены эриставъ Георгій и члены его рода, истребленнаго въ 1739 году.

Въ храмѣ мрачно и сыро. Сквозь трещины купола льетъ дождь. Отъ всего вѣетъ страшнымъ запустѣніемъ и холодомъ могилы. Можетъ быть, такъ именно и должно быть въ храмѣ, отъ многовѣковой исторіи котораго остался лишь одинъ печальный слѣдъ—могила послѣднихъ членовъ истребленнаго рода.

Старый, оборванный грузинъ, почти ни слова не говорящій по-русски, подвелъ насъ къ этой могилѣ и еле внятно зашепталъ беззубымъ ртомъ:

— Покойникъ... покойникъ...

Желая, безъ сомнѣнія, этимъ опредѣлить, чѣмъ достопримѣчательна эта плита подъ балдахиномъ. Онъ же, вѣроятно, сопровождалъ и тѣхъ туристовъ, которыхъ мы видѣли въ Пассанаурѣ. И вотъ его бормотанье о покойникахъ, въ связи съ мрачнымъ, удручающимъ видомъ заброшеннаго храма и тяжелымъ, сырымъ воздухомъ, произвело на больные, измученные безтолковымъ путешествіемъ нервы туристовъ изъ Новороссійска такое сильное впечатлѣніе, что имъ почудился даже запахъ разлагающихся труповъ.

Надѣво отъ входа въ крѣпость видны развалины какихъ-то зданій. Народная молва утверждаетъ, что это—остатки дворца эристава Георгія и что въ землѣ подъ ними скрыты несмѣтные сокровища.

Послѣ кроваваго событія 1739 г. крѣпость уже не возстановлялась, и время безпрепятственно продолжало разрушать ея стѣны. Онѣ сложены изъ дикаго камня и были снабжены бойницами и восемью башнями: четырьмя круглыми по угламъ и столѣнками же четырехугольными по срединѣ каждаго фаса. Изъ нихъ сохранилась одна круглая, на юго-западномъ углу и одна четырехугольная—въ западной ея стѣнѣ. Остальныя башни разрушены, и мѣста ихъ можно узнать лишь по вышуклостямъ стѣнъ.

Вотъ все, что осталось отъ грознаго нѣкогда укрѣпленія, а отъ воинственныхъ эриставовъ, наводившихъ отсюда ужасъ на всю окрестную страну,—пожалуй, и того меньше: они исчезли совершенно, и только ихъ служебное званіе превратилось въ фамильное прозвище князей Эристовыхъ, существующее и въ настоящее время.

Съ тяжелымъ чувствомъ мы вышли изъ Ананурской крѣпости: замѣчательный памятникъ глубокой старины, надъ которымъ бурно пронеслось нѣсколько столѣтій, совершенно заброшенъ и мало-помалу разрушается, никѣмъ не поддерживаемый. Особенно жаль древняго храма, которому насчитывается болѣе тысячи лѣтъ. Вѣдь если справедливо, что онъ построенъ въ VI—VII вв., то, значить, онъ старше русскаго государства. Какъ же не принять мѣръ къ тому, чтобы такая историческая драгоценность продолжала суще-

У источника между Анануромъ и Душетомъ.

ствовать возможно дольше? А она предоставлена стихиямъ, и, вѣроятно, недалеко то время, когда своды храма обрушатся, а за ними очередь дойдетъ и до стѣнъ.

Мѣстность за Анагуромъ почти совершенно теряетъ свой горный характеръ. Кругомъ пологіе холмы, пересѣченные неглубокими долинами. Повсюду поля, пашни и сады.

Грецкій орѣхъ, винная ягода и шелковица на каждомъ шагу пріосвѣняютъ дорогу. Ярко-красные цвѣты мака разсыпались по краямъ дороги. Все показываетъ, что угрюмая горная дичь кончилась и начинается область мирной земледѣльческой культуры.

Къ вечеру мы пришли въ Душетъ—небольшой городокъ, очень напоминающій какое-нибудь русское уѣздное захолустье. Впрочемъ, самый городокъ остался немного влѣво отъ дороги и отъ почтовой станціи, и мы осмотрѣли его только на другой день, утромъ.

Когда-то Душетъ служилъ резиденціей арагвскихъ эриставовъ. Въ концѣ XVII вѣка онъ былъ разгромленъ грузинскимъ царемъ Георгіемъ XI и сталъ возрождаться лишь въ серединѣ XVIII вѣка, когда здѣсь была выстроена крѣпость. Въ настоящее время отъ нея остались только еле замѣтныя развалины, большая же часть крѣпостныхъ стѣнъ застроена новѣйшими зданіями европейскаго образца, и при томъ, кажется, изъ матеріала, взятаго изъ развалинъ.

За городомъ обращаетъ на себя вниманіе древняя церковь св. Григорія и поросшія кустарникомъ развалины старинной церкви подъ названіемъ Квирике и Ивлиты. Эти развалины составляютъ мѣстную святыню, и сюда 14 и 15 іюля стекается множество богомольцевъ изъ Душета и его окрестностей. Тѣмъ страннѣе видѣть эту мерзость запустѣнія, которая водворилась на этомъ святомъ для грузинъ мѣстѣ. Оно ничѣмъ не огорожено, и скотъ безпрепятственно пасется среди развалинъ, оставляя свой пометъ не только на древнихъ могильныхъ плитахъ, но и тамъ, гдѣ, по всѣмъ признакамъ, находился алтарь и гдѣ сохранились еще остатки каменныхъ столбовъ отъ престола.

За Душетомъ начинается область фруктовыхъ садовъ изъ миндальныхъ, орѣховыхъ, вишневыхъ и другихъ насажденій. Мѣстность въ общемъ довольно однообразная и естественными красотою не поражаетъ. Но въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ она, какъ и все Закавказье, крайне интересна. Такъ, въ 17 верстахъ отъ Душета, въ мѣстечкѣ Цилканы до сихъ поръ сохранился храмъ, построенный (правда, не въ настоящемъ видѣ) въ первую эпоху просвѣщенія Грузіи христіанствомъ сыномъ царя Миріана—Бакаремъ, царствовавшимъ въ IV в. Съ VI в. Цилканы служили резиденціей епископовъ, при чемъ первымъ цилканскимъ епископомъ былъ св. Исе, одинъ изъ 13-ти каппадокійскихъ отцовъ, а послѣднимъ (въ началѣ XIX вѣка)—сынъ царя Тессея,

митрополитъ самтависскій Гervasій. Мощи св. Исе и до настоящаго времени покоятся въ цилканскомъ храмѣ. Въ ризницѣ послѣдняго имѣется нѣсколько очень древнихъ предметовъ, относящихся къ тому періоду, когда здѣсь была епископская кафедра. Но наибольшую достопримѣчательность цилканскаго храма составляетъ икона Божіей Матери (которой онъ и посвященъ), писанная, по преданію, евангелистомъ Лукой. Особенность ея заключается въ томъ, что вмѣсто обычной мягкости ликъ Богоматери выражаетъ гнѣвъ.

Къ сожалѣнію, у насъ не хватило терпѣнія подробно осмотрѣть цилканскій храмъ и его достопримѣчательности: всѣ наши помыслы были сосредоточены на томъ, чтобы поскорѣе увидѣть Мцхетъ, эту древнюю столицу Грузіи. Мы жадно всматривались впередъ, стараясь разглядѣть, не покажется ли вдали величественная фигура знаменитаго мцхетскаго собора. Вотъ впереди, верстъ за 8—10 до Мцхета, на краю высокаго обрыва показался одинокій силуэтъ какого-то зданія церковнаго типа. На ясномъ, безоблачномъ небѣ его контуры вырисовывались очень отчетливо и производили впечатлѣніе чего-то очень легкаго и воздушнаго.

— Тихонъ, что это?—спрашиваемъ мы своего возницу:—не Мцхетъ ли?

— Нѣтъ, это—такъ; господа бесѣдку построили,—не задумываясь отвѣтилъ Тихоня.

«Странная бесѣдка,—подумали мы:—и какому чудаку могла прійти въ голову фантазія взгромоздить ее на эту одинокую, пустынную кручу? А впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ!.. Тихонъ здѣсь бывалъ,—онъ знаетъ...»

VIII.

М ц х е т ъ.

Развалины крѣпости.—Древній могильникъ.—Мѣста древнихъ капищъ: Стефанъ-Цминда и Армазскій монастырь.—О. Миріанъ.—Армазская надпись.—Въ гостяхъ у о. Миріана.

Къ вечеру шестого дня нашего пути мы подходили, наконецъ, къ Мцхету. «Построенная господами бесѣдка» все время маячила передъ нами, Мцхетъ же открылся какъ-то неожиданно, изъ-за поворота дороги. На первомъ планѣ, при самомъ входѣ въ городъ выдвинулись развалины старинной Мцхетской крѣпости, построенной на довольно высокомъ холмѣ. Мѣсто для нея выбрано очень удачно: городъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ бурными рѣками—Арагвой и Курой, былъ открытъ для непріятели только съ этой стороны. И природа будто нарочно создала здѣсь холмъ, который оставалось только укрѣпить, чтобы совершенно безо-

пасить столицу грузинскаго царства отъ непріятельскихъ нападений.

Подножье этого холма съ правой стороны (если стать лицомъ къ городу) теперь перерѣзано довольно глубокой траншеей, по которой пролегаетъ дорога. И вотъ, проходя этой траншеей, мы невольно заинтересовались очень странными углубленіями, расположенными въ вертикальномъ разрѣзѣ холма въ нѣсколько этажей. Большинство этихъ углубленій имѣютъ видъ невысокихъ ящичковъ, сдѣланныхъ изъ каменныхъ плитъ и сверху прикрытыхъ такими же плитами. Нѣкоторыя же углубленія представляютъ собою нѣчто вродѣ узкихъ колодцевъ.

Кѣмъ, когда и съ какою цѣлью понадѣланы въ горѣ такія странныя ячейки?

Вопросъ объ ихъ назначеніи рѣшается очень легко: это—не что иное, какъ древній, очень древній могильникъ. Что же касается времени ихъ сооруженія, то, по изслѣдованію Ф. С. Байера, мцхетскія могилы относятся къ тремъ разнымъ эпохамъ. Самыя древнія изъ нихъ тѣ, которыя имѣютъ видъ колодцевъ. Онѣ лежатъ глубже другихъ и содержали бронзовые и желѣзные мечи, бронзовые и каменные наконечники и даже тростинки отъ стрѣлъ и много костяныхъ предметовъ. Наиболѣе характерными предметами въ этихъ гробницахъ являются гончарныя издѣлія съ довольно правильнымъ рисункомъ, сердоликовыя бусы, шлифовка которыхъ указываетъ на довольно высокую степень культуры.

Могилы второй эпохи устроены въ видѣ каменныхъ ящичковъ. Онѣ расположены выше первыхъ, и найденные въ нихъ предметы (гончарныя издѣлія, миниатюрныя стеклянныя слезницы, перстни, печати и другія вещи изъ сердолика, горнаго хрустала, оникса, жемчуга и краснаго коралла) свидѣтельствуютъ, что культура этой эпохи стояла значительно выше, чѣмъ культура первой эпохи.

Наконецъ, могилы третьяго періода представляютъ ящики, сложенные изъ черепицы и прикрытые каменными плитами. Онѣ содержали довольно много монетъ и такихъ вещей, которыя носятъ несомнѣнные слѣды еще болѣе поздняго культурнаго развитія и относятся къ началу христіанской эры. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи найденная гр. Уваровой серебряная монета съ совершенно ясною надписью, изъ которой видно, что она чеканена при императорѣ Августѣ, въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр.

Если, такимъ образомъ, даже позднѣйшимъ мцхетскимъ могиламъ насчитывается около 2 тысячъ лѣтъ, то могилы первыхъ двухъ эпохъ должны принадлежать къ такой старинѣ, которую съ точностью опредѣлить невозможно, такъ какъ ни монетъ, ни надписей въ нихъ не найдено.

Развалины древней крѣпости, надъ которой пронеслись вѣка, и этотъ древній могильникъ, существованіе котораго нужно исчи-

слыть уже тысячелѣтіями, говорятъ о томъ давно минувшемъ времени, когда жизнь здѣсь была ключомъ и здѣсь же замирала подъ тяжелыми плитами каменныхъ гробницъ. Теперь и крѣпость, и кладбище давно заброшены, и остатки кипучей когда-то жизни сосредоточились около двухъ монументальныхъ храмовъ, къ которымъ тѣсно прижались небольшой кучкой темныя, жалкія строения мцхетскихъ жителей. Кажется, не будь этихъ храмовъ,— и отъ Мцхета не осталось бы ровно ничего, кромѣ крѣпостныхъ руинъ и могильника. А между тѣмъ именно здѣсь была могущественная нѣкогда столица древняго грузинскаго царства. Когда и кѣмъ она основана,—этого никто доподлинно не знаетъ. Преданіе при-

Пещеры у Мцхета.

писываетъ постройку города Картли или Картлосу, легендарному родоначальнику всего картвельскаго племени, въ составъ котораго входятъ грузины, мингрельцы, гурійцы, имеретины и пр. Именемъ Картли долго называлась одна гора вблизи города, а самый городъ названъ именемъ сына и преемника Картли—Мцхета. Съ тѣхъ поръ и вплоть до историческаго времени Мцхетъ былъ столицей Грузіи. Своей древностью онъ можетъ поспорить съ Римомъ, такъ какъ видѣлъ и нашествіе скифовъ на Азію, и походы Қира; въ немъ правили воеводы Александра Македонскаго. Царь Парнавазъ (302—237 г. до Р. Хр.), изгнавшій македонцевъ, ставилъ идоловъ и строилъ капища на горахъ, окружающихъ Мцхетъ. Такъ, на горѣ Картли былъ поставленъ идолъ Ормузда или Армази, и съ

тѣхъ поръ гора стала называться его именемъ; а идолъ Задена или Зеда-Задени стоялъ на горѣ, получившей вслѣдствіе этого названіе Зедазенской. Гору Армази и расположенный вблизи нея городъ зналъ еще Плиній, называвшій столицу Иверіи *Har mastis*; Страбонъ же описывалъ Армозиху на берегу рѣки Кируса (то есть нынѣшней Куры), названной такъ по имени царя персидскаго Кира.

Впослѣдствіи на мѣстахъ бывшихъ идольскихъ капищъ возникли храмы и монастыри, остатки которыхъ существуютъ и до настоящаго времени. Такъ, на вершинѣ Зедазенской горы, возвышающейся при слияніи Арагвы и Кура, былъ воздвигнутъ «Джварисъ-монастыри» — монастырь св. Креста, называющійся также «Стефанъ-Цминда», то есть храмъ св. Стефана.

Остатки именно этого храма нашъ простодушный Тихоня и считаетъ бесѣдкой, построенной какими-то неизвѣстными господами. Нужно признаться, что мѣсто для храма выбрано чрезвычайно удачно. Съ какой бы стороны ни смотрѣть на него, — отовсюду онъ представляетъ въ высшей степени эффектную картину, фономъ которой служить небо, — то чистое и прозрачное, ярко освѣщенное солнцемъ, то задернутое клубящимися облаками. И кажется, что храмъ принадлежитъ больше этому небу, охватывающему его и сверху, и съ боковъ, чѣмъ землѣ, послужившей для него лишь стройнымъ и величественнымъ пьедесталомъ. Отъ всего сооруженія вѣетъ чѣмъ-то легкимъ, воздушнымъ. Въ немъ чувствуется страстный порывъ — стать выше всего земного и житейскаго, стремленіе уйти въ голубую небесную высь...

Мѣстоположеніе монастыря при соединеніи двухъ долинъ и при слияніи рѣкъ Арагвы и Куры заставляетъ невольнo предполагать, что, можетъ быть, именно о немъ говорить Лермонтовъ въ своей поэмѣ «Мцъри».

Не много лѣтъ тому назадъ,
Тамъ, гдѣ, сливаясь, шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь...

Какъ бы то ни было, но въ Мцхетѣ насъ увѣрили, что выдающееся по красотѣ и величавости мѣстоположеніе Стефанъ-Цминды побудило Лермонтова приурочить къ ней одно изъ лучшихъ своихъ произведеній.

На мѣстѣ идола Армази въ христіанскую эпоху Грузіи также былъ построенъ монастырь, остатки котораго и до настоящаго времени называются Армазскимъ монастыремъ. Онъ поддерживается и реставрируется іеромонахомъ о. Миріаномъ, о которомъ въ Мцхетѣ мы узнали такъ много хорошаго, что рѣшили съ нимъ познакомиться и съ этою цѣлью отправились къ нему въ монастырь.

Не менѣе часа пришлось намъ взбираться по извилистой и очень живописной горной тропинкѣ прежде, чѣмъ, наконецъ, мы замѣтили среди густой зелени лѣса развалины древней церкви и ютящійся около нея совершенно новенькій домикъ. Мальчикъ лѣтъ 15—16 въ монашескомъ подрясникѣ и скуфейкѣ собиралъ вблизи домика хворость. На нашу просьбу доложить о насъ о. Миріану онъ быстро куда-то скрылся и, вернувшись, сообщилъ, что о. Миріанъ сейчасъ занятъ, но скоро выйдетъ къ намъ.

Не желая терять времени даромъ, мы принялись за осмотръ развалинъ.

Главную часть ихъ составляютъ остатки довольно обширнаго, съ боковымъ придѣломъ, храма, сложеннаго изъ плоскихъ старинныхъ кирпичей. Отъ храма сохранились лишь стѣны, своды же почти совершенно обрушились. Внутри кое-гдѣ едва замѣтны изображения святыхъ. Въ алтарной абсидѣ—обломки круглыхъ каменныхъ столбовъ, на которыхъ былъ устроенъ престолъ. Рядомъ съ храмомъ—остатки каменныхъ стѣнъ, окружавшихъ монастырь, и развалины монашескихъ келій, какого-то складочнаго помѣщенія и водопровода. Тутъ же огромный, врытый въ землю, глиняный кувшинъ для вѣна.

Лучше другихъ зданій сохранилась колокольня съ восьмиграннымъ пирамидальнымъ куполомъ и съ наружной лѣстницей, сложенной изъ большихъ каменныхъ плитъ.

Увлечшись осмотромъ, мы совершенно не замѣтили, какъ къ намъ подошелъ красивый, стройный мужчина въ лѣтнемъ бѣломъ подрясникѣ. На видъ ему было лѣтъ сорокъ, не болѣе. Въ черныхъ, заплетенныхъ въ косичку волосахъ его и въ бородѣ не было замѣтно ни одного сѣдого волоса. Это и былъ о. Миріанъ, реставраторъ и настоятель Армазскаго монастыря. Онъ очень привѣтливо поздоровался съ нами и охотно снова провелъ насъ по развалинамъ, давая нужныя объясненія. По его словамъ, эти развалины составляютъ остатки храма, построеннаго не позже XI в., и въ доказательство указалъ на бѣлую мраморную плиту, вдѣланную въ стѣну надъ входомъ въ придѣлъ. Грузинская надпись на этой плитѣ гласитъ, что придѣлъ построила Хатунъ, бывшая Маріамъ, мать Сабалта (Всеволода), удостоившаяся поручить душу Богомъ возвеличенной каеолической церкви (т. е. принять монашество) при посредствѣ картвельскаго каеолика Николая. Обращаясь къ Приснодѣвѣ Маріи, Хатунъ говоритъ въ своей надписи: «Я рѣшилась малымъ прислужить тебѣ: купила и построила армазскій придѣлъ, снабженный всѣмъ: трапезою, крестьянами, грамотою и служащими для моленія за душу мою; и вы, которые послѣдовательно будете занимать картвельское каеоликосство, пожалуйте убогую душу мою и утвердите сіе, чтобы и васъ утвердилъ Богъ. Кто нарушитъ установленное мною въ моленіе за душу мою желаніе мое, да будетъ ли-

шенъ христіанской вѣры и будетъ отвѣтчикомъ за грѣхи мои. Аминь».

Археологи относятъ эту надпись къ XII в., когда въ Грузіи царствовалъ Георгій, внукъ упоминаемаго въ надписи Сабалта или Всеволода, а каѳоликосомъ былъ также названный въ ней Николай.

Указывая на плиту съ надписью, о. Миріанъ, между прочимъ, сообщилъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ, еще до поселенія его въ монастырѣ, какіе-то французскіе туристы пытались похитить ее, но не могли вынуть ее изъ стѣны, и ограничились лишь тѣмъ, что сдѣлали гипсовый слѣпокъ съ надписи. Остатки гипса и теперь еще кое-гдѣ видны въ углубленіяхъ буквъ.

Вообще до о. Миріана монастырѣ рѣшительно никѣмъ не оберегался, и въ немъ могъ копаться кто угодно. И дѣйствительно, копались, отыскивая легендарные клады и при этомъ безпощадно разрушая одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ глубокой старины. Ни археологическое общество, ни мѣстныя духовныя власти не обращали на это никакого вниманія и не принимали никакихъ мѣръ къ охранѣ древней святыни и историческаго памятника. И не явись сюда 16 лѣтъ назадъ о. Миріанъ, — отъ развалинъ, вѣроятно, ничего не осталось бы. Нужно отдать справедливость этому замѣчательному человѣку: онъ пока одинъ умѣетъ цѣнить армазскія руины и всѣ 16 лѣтъ не только ревностно оберегаетъ ихъ, но и неустанно трудится надъ ихъ реставраціей: подбираетъ старинные кирпичи и изъ нихъ собственноручно возводитъ стѣны и своды въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были до разрушенія. Впрочемъ, послѣдній годъ или два о. Миріанъ работалъ не одинъ: ему помогаетъ служба-мальчикъ, котораго мы встрѣтили при входѣ въ монастырѣ, и живущіе съ нимъ два іеромонаха. Бываютъ и богомольцы, которые личнымъ трудомъ участвуютъ въ реставраціи храма (для нихъ-то и выстроены новенькій домикъ). Съ особеннымъ удовольствіемъ о. Миріанъ вспоминалъ объ одномъ студентѣ, жившемъ у него нѣсколько дней лѣтомъ 1908 года.

— Очень милый молодой человѣкъ, — говорилъ намъ о немъ о. Миріанъ: — весь день былъ занятъ: или читалъ евангеліе, или помогалъ мнѣ класть стѣны.

По окончаніи осмотра монастыря о. Миріанъ пригласилъ насъ къ себѣ въ келью. Времени у насъ было мало, но приглашеніе было сдѣлано съ такой любезной настойчивостью, что мы не рѣшились обидѣть о. Миріана отказомъ. Оказалось, что онъ живетъ во второмъ этажѣ колокольни, окна которой, за исключеніемъ одного, онъ заложилъ кирпичомъ. По каменной полуразвалившейся лѣстницѣ мы не безъ труда поднялись въ келью о. Миріана, очень чистенькую, свѣтлую и увѣшанную иконами и картинками духовнаго содержанія. Суетяся и сожалѣя, что не можетъ угостить насъ какъ слѣдуетъ, онъ вынулъ изъ шкапика кусокъ черстватаго пшеничнаго хлѣба и

Самтаврскій монастырь св. Нины въ Мцхетѣ.

тарелку меда съ собственной пасѣки, все, что у него было,—и съ неподдѣльнымъ радушіемъ просилъ насъ принять это скромное угощеніе. Медъ былъ очень хорошъ, и мы охотно поѣли бы его съ хлѣбомъ, но не рѣшились злоупотребить радушіемъ хозяина, зная, что онъ не имѣеть средствъ на покупку пшеничнаго хлѣба, и тотъ кусокъ, который у него нашелся, несомнѣнно, оставленъ ему какимъ-нибудь богомольцемъ или туристомъ.

Прощаясь съ о. Миріаномъ, я вынулъ рубль и положилъ на столъ, прося принять эти деньги на реставрацію монастыря.

— О, нѣтъ, ни за что!—сталь было возражать о. Миріанъ:— вы дорожные люди, идти вамъ еще далеко, и потому деньги вамъ нужнѣе, чѣмъ мнѣ.

Онъ схватилъ со стола рубль и пытался снова положить его мнѣ въ карманъ. Съ трудомъ удалось убѣдить о. Миріана принять эту ничтожную лепту на дорожное для него дѣло.

Горячо пожимая намъ руки и низко кланаясь, онъ проводилъ насъ за монастырскую ограду, все время не переставая высказывать намъ искреннія пожеланія счастливаго пути и всего наилучшаго.

Не много на свѣтѣ такихъ преданныхъ своему дѣлу людей, какъ о. Миріанъ. Я часто вспоминаю о немъ и съ особенной любовью и удовольствіемъ посвящаю ему эти строки.

IX.

Мцхетъ (продолженіе).

Соборъ 12-ти апостоловъ и преданіе о хитонѣ Господнемъ.—Внутренность храма.—Соборъ снаружи.—Стѣны вокругъ храма и развалины царскихъ палатъ.—Самтаврскій женскій монастырь.—Пещеры около города по дорогѣ въ Тифлисъ.

Самый городъ Мцхетъ знаменитъ своими двумя храмами: соборомъ во имя 12 апостоловъ и церковью Самтаврскаго женскаго монастыря св. Нины.

Первоначальное сооруженіе ихъ относится къ очень глубокой древности, къ началу IV в. по Р. Хр., когда просвѣтительница Грузіи св. Нина выступила здѣсь съ проповѣдью христіанской религіи. Ей удалось обратить въ христіанство царя Миріана, который и построилъ названные храмы.

Первымъ сооруженъ храмъ 12 апостоловъ, съ постройкою котораго связано одно изъ наилучшихъ и наиболѣе поэтическихъ преданій Грузіи. Это преданіе гласить, что на мѣстѣ нынѣшняго храма стоялъ нѣкогда домъ мцхетскаго еврея Еліоса (Еліазара), который въ дни крестныхъ страданій Спасителя былъ въ Иерусалимѣ по вызову первосвященника Анны. Этому Еліосу достался нетлѣнный хитонъ Господень, о которомъ при распятіи Христа «метаху жребій». Еліосъ бережно принесъ его въ Мцхетъ и передалъ своей

сестрѣ Сидоніи, которая, принявъ хитонъ въ свои объятія, тутъ же скончалась, пораженная рассказомъ о страстяхъ и распятіи Того, Кто носилъ эту священную одежду. Весь народъ и царь Фарманъ-Армазели были такъ поражены этимъ необычайнымъ явленіемъ, что никто не рѣшился взять изъ рукъ умершей хитонъ Господень, и Елюсь похоронилъ ее вмѣстѣ съ хитономъ на мѣстѣ ея смерти. Впослѣдствіи надъ могилою Сидоніи выросъ стройный и гигантскій кедръ.

Св. Нина, еще проживая у своихъ родителей въ Каппадокіи, сильно заинтересовалась судьбою хитона Иисуса Христа и въ молитвахъ своихъ просила Божию Матерь указать ей мѣсто, гдѣ онъ находится. Тогда Пресвятая Дѣва вручила ей сдѣланный изъ виноградныхъ вѣтвей крестъ и направила ее въ Иверію (Грузію). Нина перевязала крестъ своими волосами и отправилась въ путь. Черезъ Арменію она достигла Иверіи и ея столицы Мцхета, когда здѣсь царствовалъ Миріанъ, поклонявшійся со своимъ народомъ идолу Армази. Въ 323 г., послѣ чудеснаго исцѣленія отъ слѣпоты, онъ былъ обращенъ св. Ниной въ христіанство и немедленно рѣшилъ приступить къ постройкѣ храма. По указанію св. Нины, для него выбрали то самое мѣсто, гдѣ возвышался кедръ. Его срубили и изъ огромныхъ шести вѣтвей сдѣлали шесть столбовъ для поддержки деревяннаго храма. Когда же приступили къ постановкѣ седьмого столба изъ ствола кедра, то, къ удивленію всѣхъ, оказалось, что никакая сила человѣческая не въ состояніи сдвинуть его съ мѣста. Всѣ разошлись. И только на другой день, по молитвѣ св. Нины, столбъ самъ поднимался и опускался нѣсколько разъ и, наконецъ, сталъ на свое основаніе. Подъ нимъ-то именно и оказался хитонъ Господень. Онъ хранился въ мцхетскомъ соборѣ до XVII в., когда шахъ персидскій Аббасъ, покоривъ Грузію и взявъ Мцхетъ, отыскалъ хитонъ и послалъ его въ подарокъ русскому царю Михаилу Ѳеодоровичу, который съ торжествомъ положилъ его въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ хранится и въ настоящее время.

Четыре года спустя послѣ сооруженія церкви во имя 12 апостоловъ, тотъ же царь Миріанъ построилъ и другую церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается монастырскій храмъ святой Нины.

Обѣ церкви первоначально были деревянные, и только 50 лѣтъ спустя царь Георгій VI замѣнилъ ихъ каменными. Онѣ были разрушены Тамерланомъ и восстановлены по прежнему плану въ началѣ XV в. царемъ Александромъ. Въ настоящій свой видъ соборъ 12 апостоловъ приведенъ уже въ XVIII в. при извѣстномъ царѣ-историкѣ Вахтангѣ V.

Подходя къ мцхетскому собору, мы испытывали нѣкоторое душевное волненіе при видѣ этого монументальнаго зданія, свидѣтеля важнѣйшихъ событій въ исторіи Грузіи. Въ его строгомъ, нѣ-

сколько тяжеломъ и величественномъ стилѣ чувствуется что-то мощное, несокрушимое и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественно-важное.

Храмъ былъ окруженъ лѣсами. Около него трудилось нѣсколько рабочихъ, поднимавшихъ на кровлю зданія тяжелыя каменные плиты. Тутъ же стоялъ высокій, сѣдой священникъ, къ которому мы и обратились съ просьбой показать намъ храмъ и дать необходимыя объясненія. Онъ повелъ насъ внутрь зданія и прежде всего обратилъ наше вниманіе на каменную стѣну и столбъ, сооруженные на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ хранился хитонъ Господень. Здѣсь же, около южной, правой стѣны храма, находится древнее царское мѣсто съ колоннами изъ бѣлаго мрамора. У первой, поддерживающей сводъ храма колонны, направо—патріаршее мѣсто со старинной живописью. На южной стѣнѣ храма, близъ царскаго мѣста, обращаетъ на себя вниманіе весьма древняя живопись съ изображеніемъ греческаго календаря въ кругѣ. Въ этой же южной стѣнѣ находится старинная каменная церковь, построенная въ видѣ часовни гроба Господня въ Иерусалимѣ. На правой сторонѣ, за алтаремъ, видна каменная гробница, подъ которой, по преданію, похороненъ чудодѣйственный плащъ (милотъ) пророка Елисея. Направо отъ входа въ храмъ, у западной стѣны, въ полу устроено небольшое углубленіе, обнесенное невысокимъ каменнымъ барьеромъ: это—древняя крестильная купель.

Много древнихъ и позднѣйшихъ царей погребено въ мцхетскомъ соборѣ. Здѣсь и прославленный Вахтангъ-Гургасланъ, и Давидъ, сынъ Лахи, и Димитрій-Тавдадебумъ, и Симонъ, и Георгій. Надъ ихъ могилами—каменные плиты съ полуистершимися надписями. У амвона, въ полу, мраморныя плиты надъ могилами послѣднихъ грузинскихъ царей: Ираклія II (ум. въ 1798 г.) и Георгія XIII (ум. въ 1800 г.), а въ сѣверной сторонѣ храма—такія же плиты надъ могилами князей Багратионовъ-Мухранскихъ, предки которыхъ, Багратиды, были родоначальниками грузинскаго царскаго дома. Каооликосы Грузіи также почиваютъ въ мцхетскомъ соборѣ.

Древняя стѣнная живопись храма во многихъ мѣстахъ подверглась тому же варварству, какое постигло живопись ананурскаго храма. Она была замазана мѣломъ для приведенія стѣнъ въ болѣе приличный видъ. Теперь эта побѣлка уничтожается, и древняя живопись вновь появляется на свѣтъ Божій.

Отъ внутренняго осмотра храма мы перешли къ наружному. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе обычныя въ Грузіи символическія изображенія льва, орла, винограда и т. п. Такъ, на южной стѣнѣ храма есть довольно грубое и безыскусственное изображеніе виноградной лозы, по одну сторону которой стоитъ левъ, а по другую человѣкъ. Тутъ же, недалеко, изображеніе корзины съ виноградомъ, который клюютъ какія-то птицы, а рядомъ крестъ. По

Сіонскій соборъ въ Тифлісѣ.

объясненію священника, первый рисунокъ обозначаетъ нападеніе Персіи (левъ) на Грузію (виноградъ), которую защищаетъ св. Георгій. Тотъ же, въ сущности, смыслъ имѣетъ и второй рисунокъ: орлы (птицы) нападаютъ на Грузію (корзина съ виноградомъ), но ее защищаетъ св. крестъ.

Высоко, на куполѣ собора, едва замѣтенъ рисунокъ (мы разглядѣли его только въ хорошій призматическій бинокль), изображающій группу людей, переносящихъ бревна. По объясненію священника, это обозначаетъ построение Соломонова храма, причемъ передняя фигура изображаетъ самого Соломона.

Вокругъ всего купола красивою вязью вѣется грузинская надпись, гласящая, что этотъ куполь соорудила Маріамъ, супруга царя Ростомъ (въ половинѣ XVIII в.).

Храмъ обнесенъ старинной, довольно хорошо сохранившейся каменной стѣной. Къ западной внутренней части ея примыкаютъ развалины древнихъ царскихъ палатъ. Отъ нихъ сохранилось нѣсколько покоевъ, засыпанныхъ мусоромъ и поросшихъ сорной травой. Мы вошли въ одинъ изъ такихъ покоевъ и остановились въ изумленіи, увидѣвъ здѣсь два досчатыхъ отхожихъ мѣста новѣйшаго издѣлія. Такая же «мерзость заустѣнія», только безъ досчатыхъ чуланчиковъ, царила и въ остальныхъ покояхъ дворца, давая о себѣ знать сильнымъ зловоніемъ.

Неужели же эти развалины не имѣютъ ровно никакого значенія, и неужели совсѣмъ не стоитъ сохранять и поддерживать этотъ историческій памятникъ глубокой старины? Такой же вопросъ мы и потомъ не разъ задавали себѣ при видѣ другихъ кавказскихъ древностей, о которыхъ обыкновенно никто не заботится.

Въ Мцхетѣ намъ оставалось осмотрѣть еще только Самтаврскую церковь женскаго монастыря.

Архитектурный планъ ея тотъ же, что и собора 12 апостоловъ, а внутри та же побѣлка, что въ послѣднемъ. Остались нетронутыми лишь изображенія, находящіяся въ самой верхней части храма, куда трудно было залѣзть съ кистью и бѣдлами. Единственная достопримѣчательность церкви—мраморныя плиты надъ могилами царя Миріана и его супруги Наны, обращенныхъ въ христіанство св. Ниной. Гробницы эти находятся у задней, западной стѣны храма.

Въ оградѣ монастыря обращаютъ на себя вниманіе круглая высокая башня—остатокъ дворца царя Вахтанга-Гургаслана, древняя трехъярусная колокольня и небольшая часовня въ восточной сторонѣ ограды, обозначающая мѣсто, гдѣ была келья просвѣтительницы Грузіи. Стѣнная живопись въ этой часовнѣ своими пышными женскими фигурами сильно напоминаетъ итальянскихъ мастеровъ въ Тиціановскомъ вкусѣ и совершенно не гармонируетъ съ строгимъ и нѣсколько угрюмымъ стилемъ мцхетскихъ храмовъ.

Какъ-то жаль было разставаться съ древнимъ многострадальнымъ Мцхетомъ,—этимъ бѣднымъ, небольшимъ клочкомъ земли, окаймленнымъ двумя бурными рѣками и окруженнымъ высокими, угрюмыми горами. Цѣлые вѣка и тысячелѣтїя этотъ уголокъ служилъ ареной кровавой борьбы между различными народами и племенами. Жизнь здѣсь то расцвѣтала, то замирала, истребляемая огнемъ и мечомъ. И теперь какъ-то не вѣрится, что этотъ ничтожный, жалкій городокъ былъ нѣкогда столицей славнаго грузинскаго царства.

Sic transit gloria mundi!..

Распрощавшись съ своимъ скромнымъ, безотвѣтнымъ Тихономъ, къ которому за 6 дней пути успѣли сильно привыкнуть, мы наняли почтовыхъ лошадей (до поѣзда ждать было долго) и поѣхали въ Тифльсъ съ такою скоростью, которая послѣ продолжительнаго и медленнаго путешествїя съ Тихоней показалась намъ совершенно необычайной.

Отъѣхавъ отъ станціи съ версту и проѣзжая мимо высокой, почти отвѣсной горы, поросшей колючимъ кустарникомъ, мы замѣтили наверху ея какїя-то пещеры, которыя и рѣшили осмотрѣть. Съ большимъ трудомъ, цѣпляясь за кустарники и расцарапывая себѣ руки въ кровь, мы добрались до пещеръ. Нѣкоторыя изъ нихъ оказались довольно просторными и снабженными кое-какими хозяйственными приспособленїями, въ родѣ печурокъ въ стѣнахъ для мелкихъ вещей и каменными прилавками у стѣнъ для сидѣнья или спанья.

Въ окрестностяхъ Мцхета такихъ пещеръ очень много. Когда и кѣмъ онѣ построены,—никто съ точностью не скажетъ. Нѣкоторые археологи приписываютъ ихъ постройку первобытному народу гебрамъ, преданїя же нерѣдко связываютъ ихъ съ именами святыхъ схимниковъ, въ родѣ св. Шїо, одного изъ сирїйскихъ отцовъ, спасавшагося въ пещерѣ за Зедазенской горой, на которой стоитъ Стефанъ-Цминда.

Х.

Тифлисъ.

Сїонскій соборъ.—Сїонское древлехранилище.—Церковь св. Давида.—Могила Грибоѣдова.—Развалины крѣпости и мартирологъ Тифлиса.—Ботаническій садъ.

Вечеромъ мы прибыли въ Тифлисъ. Пробывъ почти цѣлую недѣлю въ горахъ, гдѣ слышенъ только шумъ рѣкъ и водопадовъ, мы были неприятно поражены грохотомъ и суматохой большого города. Какъ хорошо и свободно чувствуется въ горахъ, въ постоянномъ общенїи съ природой, и какъ, наоборотъ, тѣсно, душно и безпокойно здѣсь!..

Мы рѣшили возможно меньше оставаться въ Тифлисѣ и, не теля времени, привялись за осмотръ его достопримѣчательностей.

На первомъ планѣ, конечно, стоялъ Сіонскій соборъ, первоначальное основаніе которому было положено въ концѣ V вѣка. царемъ Вахтангомъ Гургасланомъ, почти одновременно съ постройкою самаго города Тифлиса. Царь Гурамъ, жившій вѣкомъ позднѣе, уже возобновляетъ соборъ, какъ старый. Затѣмъ, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ храмъ неоднократно подвергается разрушенію вмѣстѣ съ городомъ. Въ концѣ XIII в., при царѣ Гусуданѣ, хорасанскій султанъ Джелаль-Эдинъ приказалъ снять съ него куполь и по особо устроеннымъ ступенямъ вѣхалъ на его вершину, чтобы оттуда любоваться мученіями тифлискихъ жителей, продолжавшимися цѣлыхъ пять дней.

Въ настоящее время по наружному виду своему Сіонскій соборъ ничѣмъ особенно не отличается отъ храмовъ типичнаго грузинскаго стиля, въ родѣ анаурскаго или мцхетскаго. Что же касается его внутреннихъ достопримѣчательностей, то главнѣйшая изъ нихъ крестъ св. Нины, хранящійся за образомъ, по лѣвую сторону царскихъ вратъ. По своей фигурѣ онъ очень напоминаетъ верхнюю часть архимандритскаго жезла, такъ какъ обѣ половины поперечной перекладины его опущены нѣсколько внизъ. Высота его не болѣе одного аршина.

Въ прежнее время эта величайшая святыня Грузіи хранилась у грузинскихъ царей. Во время непріятельскихъ нашествій крестъ обыкновенно отвозили на храненіе въ мцхетскій соборъ. Около 1720 г., когда Грузія со всѣхъ сторонъ подверглась нападенію персовъ, крестъ нѣкоторое время хранился въ анаурской крѣпости, во владѣніи эристава арагвскаго. Грузинскій каѳоликосъ Тимоѳей взялъ его оттуда и отвезъ въ Москву царевичу Бакару Вахтанговичу. Внуку послѣдняго, царевичъ Георгій, въ 1801 г. поднесъ эту святыню императору Александру I, который отослалъ ее въ Грузію.

Осмотрѣвъ соборъ, мы зашли въ находящееся рядомъ съ нимъ сіонское древлехрамиле, которымъ завѣдуетъ М. Г. Джанашвили, авторъ нѣсколькихъ брошюръ и учебныхъ руководствъ по гражданской и церковной исторіи Грузіи. По своимъ размѣрамъ древлехрамиле очень невелико и занимаетъ всего одну комнату. Отдѣлъ церковной утвари и иконъ довольно скуденъ. Но главное богатство его составляетъ множество рукописей и церковныхъ книгъ, до которыхъ ученые еще не добрались. Нельзя не пожелать, чтобы на эту часть сіонскаго древлехрамилица было обращено серьезное вниманіе и чтобы находящіяся въ немъ книжныя сокровища получили должную разработку.

Здѣсь кстати замѣтить, что сіонскій музей очень многимъ обязанъ епископу Киріону, получившему печальную извѣстность по дѣлу объ убійствѣ экзарха Никона. Онъ былъ большимъ любите-

Могила А. С. Грибоѣдова.

лемь и знатокомъ церковныхъ древностей, тщательно собиралъ ихъ по всеъмъ грузинскимъ церквамъ и отправлялъ въ Сіонскій музей. Священникъ мцхетскаго собора высказывалъ намъ горькія сѣтованія на этого еп. Киріона за то, что онъ въ одинъ изъ своихъ епархіальныхъ объѣздовъ взялъ изъ собора древнюю плащаницу и отправилъ ее въ Тифлисъ, гдѣ мы, дѣйствительно, ее и видѣли. Зато г. Джанашвили вспоминаетъ о Киріонѣ не безъ сожалѣнія. На всѣхъ, какъ видно, не угодишь...

Изъ Сіонскаго собора мы поспѣшили въ церковь св. Давида, которая дорога для насъ, русскихъ, какъ мѣсто вѣчнаго упокоенія А. С. Грибоѣдова.

Церковь расположена на крутомъ склонѣ довольно высокой горы Мта-цминда, съ вершины которой открывается чудный видъ на сверкающій вдали снѣговой хребетъ и живописно раскинувшійся внизу городъ. Поднявшись туда на электрическомъ фуникулерѣ, мы долго не могли оторвать глаза отъ рѣдкостной по красотѣ панорамы большого живописнаго города въ оправѣ изъ садовъ и горъ.

Церковь св. Давида, по преданію, основана въ VI в. однимъ изъ 13 сирійскихъ отцовъ Давидомъ, пришедшимъ въ Грузію для проповѣди Евангелія и подвизавшимся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ храмъ. Въ то время, — говоритъ преданіе, — дочь одного знатнаго человѣка, жившаго недалеко отъ горы, сдѣлалась беременной и, по наущенію виновника своего проступка, оклеветала отшельника. Вытребованный въ судъ, св. Давидъ дотронулся посохомъ до ея чрева и спросилъ: кто отецъ зачатого младенца? Ребенокъ изъ утробы матери назвалъ имя истиннаго обольстителя, дѣвушка же, по молитвѣ святого, вмѣсто ребенка родила камень, который и послужилъ основаніемъ Квашветской церкви (ква — камень, шва — родила), существующей и понынѣ на Георгіевской улицѣ, близъ военнаго историческаго музея. Въ награду за оклеветаніе угодникъ испросилъ у Бога источникъ живой воды, которая имѣла бы силу исцѣлять бесплодныхъ. Съ тѣхъ поръ на горѣ Мта-цминда и открылся чудодѣйственный ключъ, къ которому съ благоговѣніемъ стекаются грузинки въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи и на Вознесенье, чтобы пить св. воду и служить молебны св. Давиду. Каждая изъ богомолокъ приносить съ собой изъ-подъ горы кирпичъ или небольшой камень. Затѣмъ, приложившись къ иконѣ Богоматери, грузинки обходятъ три раза вокругъ церкви, обвивая ее въ знакъ безграничной любви и преданности бумажной ниткой и наконецъ, взявъ одинъ изъ небольшихъ, разсыпанныхъ по землѣ камешковъ, грузинка съ сильно бьющимся сердцемъ прижимаетъ его къ стѣнѣ храма, и если онъ пристанетъ, то, значить, ея молитва услышана, и у дѣвушки будетъ женихъ, а у матери — ребенокъ.

У подножія церкви, съ восточной стороны, обращенной къ городу, устроено нѣчто въ родѣ пещеры съ желѣзной рѣшетчатой

Развалины тифлисской крепости.

дверью. Здѣсь, въ этой пещерѣ, и покоится прахъ нашего поэта. На пьедесталѣ изъ чернаго мрамора водруженъ четырехконечный крестъ, къ подножію котораго припала бронзовая фигура убитой горемъ женщины. На лицевой сторонѣ памятника—бронзовый барельефъ съ портретомъ Грибоѣдова, а на боковыхъ—трогательныя надписи; на одной: «незабвенному его Нина», а на другой: «умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?» Съ лѣвой стороны (отъ входа) еще два памятника: одинъ—надъ могилой супруги покойнаго поэта—Нины Александровны, а другой—надъ прахомъ его малолѣтней дочери—Нины.

Полукруглый сводчатый входъ въ пещеру густо обвитъ зеленымъ плющемъ. Для могилы безсмертнаго творца «Горя отъ ума» трудно было бы найти болѣе красивое и поэтичное мѣсто, чѣмъ эта церковь, прилѣпившаяся птичьимъ гнѣздомъ къ крутой, почти отвѣсной горѣ, высоко-высоко надъ живописнымъ лабиринтомъ улицъ и садовъ Тифлиса.

Къ юго-востоку отъ церкви святаго Давида, на голыхъ, высокихъ скалахъ виднѣются обломанные зубцы и выступы старинной крѣпости, судьба которой до присоединенія Грузіи къ Россіи тѣсно переплеталась съ судьбою Тифлиса. Это—памятникъ многочисленныхъ бѣдствій и разрушеній, которымъ подвергался городъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ своего многострадальнаго существованія.

Постараюсь возможно короче рассказать о тѣхъ ужасахъ, свидѣтелемъ которыхъ были эти печальныя, угрюмыя развалины.

При самомъ основаніи города въ концѣ V вѣка царемъ Вахангомъ Гургасланомъ персы уже нападаютъ на него и пытаются разрушить.

Послѣ небольшого промежутка персы овладѣваютъ Тифлисомъ и Грузіей; на грузинскомъ престолѣ появляются цари изъ персидской фамиліи Сассанидовъ, чуждые управляемому ими краю и по религіи, и по обычаямъ.

Затѣмъ наступаетъ короткій періодъ владычества Багратидовъ, изъ еврейскаго племени, а въ началѣ VII вѣка персы вновь подчиняютъ себѣ Тифлисъ и держатъ свой гарнизонъ въ тифлисской крѣпости.

Въ 626 году хозары, дѣйствуя въ союзѣ съ византійскимъ императоромъ Иракліемъ, изгоняютъ персовъ. Но это доставляетъ несчастному Тифлису лишь новыя бѣдствія и ужасы. Хозары разрушаютъ весь городъ и истребляютъ почти все его населеніе. Не дается пощады ни взрослымъ, ни дѣтямъ. «И только тогда, когда прекратились голоса, вопли и стоны, и когда ни одинъ не остался въ живыхъ, тогда только узнали хищники, что насытились мечи ихъ», повѣствуетъ лѣтописецъ. Обоимъ же правителямъ Тифлиса,—персу

и грузину, хозарскій царь приказалъ выколоть глаза, содрать съ живыхъ кожу, выдѣлать ее и, набивъ сѣномъ, повѣсить на зубцахъ крѣпостной стѣны.

Въ 731 году военачальникъ арабскаго халифа Омара Мурванъ Глухой опустошаетъ Грузію и Тифлисъ до того, что «не осталось почти ни одного уцѣлѣвшаго строенія».

Черезъ тринадцать лѣтъ арабы вновь вторгаются въ Грузію, разоряютъ Тифлисъ и убиваютъ царя.

Вслѣдъ за ними хозары прорываются чрезъ Дарьяль, опять разоряютъ Тифлисъ и угоняютъ къ себѣ въ степи огромное количество плѣнныхъ.

За хозарами снова появляются арабы, неся съ собою смерть, разрушеніе и плѣнь... Ихъ владычество надъ Тифлисомъ продолжается до 1042 года, когда Багратиды изгоняютъ арабовъ и овладѣваютъ Тифлисомъ. Но ненадолго: въ 1073 году турки-сельджуки берутъ Тифлисъ приступомъ, разоряютъ его и утверждаютъ въ немъ магометанство. Только въ 1122 году Давидъ Возобновитель отбиваетъ городъ у турокъ послѣ долгой осады.

При славной царицѣ Тамарѣ, присоединившей къ Грузіи Арменію и подчинившей себѣ весь Кавказъ, Тифлисъ достигаетъ значительнаго процвѣтанія. Но послѣ ея смерти бѣдствія вновь разражаются надъ несчастнымъ городомъ. Въ 1226 году султанъ хорасанскій Джелалъ-Эддинъ подвергаетъ Тифлисъ такому страшному разоренію, какое онъ едва ли когда-нибудь испытывалъ. Цѣлыхъ пять дней онъ неистовствуетъ надъ многострадальнымъ городомъ и совершенно разоряетъ его. Число жертвъ этого ужаснаго погрома лѣтописецъ опредѣляетъ въ сто тысячъ.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ Тифлисомъ овладѣваютъ монголы и держатся въ Грузіи болѣе ста лѣтъ. Правда, въ половинѣ XIV вѣка они оставляютъ городъ, но послѣ того Тамерланъ еще шесть разъ вторгается въ Грузію и въ 1388 году разрушаетъ Тифлисъ, побивъ и плѣнивъ жителей «безъ числа и счета», по выраженію армянскаго историка. Кроважадный завоеватель приказываетъ собрать на одной изъ площадей Тифлиса всѣхъ дѣтей и топчетъ ихъ конями своихъ дикихъ наѣздниковъ. На мѣстѣ этого страшнаго звѣрства основана Калаубанская церковь святого Георгія, находящаяся возлѣ публичной бібліотеки, вблизи Головинскаго проспекта.

Царь Александръ возобновляетъ городъ и обноситъ его стѣной. Но вслѣдъ за этимъ на Тифлисъ нападаетъ тавризскій ханъ Джакханъ и разоряетъ его.

Въ 1518 году у Тифлиса снова появляются персы во главѣ съ шахомъ Измаиломъ. Онъ овладѣваетъ городомъ, уничтожаетъ его древнія святыни, разрушаетъ храмы и строитъ мечеть.

Затѣмъ, въ теченіе всего XVI вѣка Тифлисъ попадаетъ въ руки то персовъ, то турокъ, то грузинъ,

Въ 1616 году персидскій шагъ Аббасъ избиваетъ несчетное множество жителей Грузіи и до ста тысячъ уводитъ въ плѣнъ.

Въ 1722 году Тифлисъ разоряютъ лезгинны, при чемъ царь Вахтангъ спасается съ своимъ семействомъ въ Россію, гдѣ впослѣдствіи и умираетъ. Тифлисомъ же овладѣваютъ турки и держатся въ немъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не изгоняетъ шахъ персидскій Надиръ.

Въ 1783 году предпослѣдній грузинскій царь Ираклій, тѣснимый во всѣхъ сторонъ врагами и претендентами на престолъ, обращается за помощію къ императрицѣ Екатеринѣ II. Русскія войска помогаютъ Ираклію укрѣпиться на тронѣ, но ненадолго: въ 1795 году персидскій шахъ Ага-Магометъ-ханъ вторгнулся въ Грузію, взялъ Тифлисъ и въ теченіе шести дней разорялъ его. Неистовства персовъ не знали границъ: они отнимали у матерей грудныхъ дѣтей, хватили ихъ за ноги и разрубали съ одного раза, пробую свою силу и остроту сабель. Исторіографъ Ага-Магометъ-хана сознается, что при разореніи Тифлиса храброе персидское войско показало невѣрнымъ грузинамъ, чего они должны ожидать себѣ въ день страшнаго суда. Царь Ираклій бѣжалъ сначала въ Мтіулетскую провинцію, а потомъ укрылся въ Ананурѣ, гдѣ изъ бѣглецовъ образовался огромный лагерь. И вотъ въ полуразрушенномъ ананурскомъ монастырѣ, въ ветхой кельѣ, можно было видѣть человѣка, сидѣвшаго лицомъ къ стѣнѣ и покрытаго простымъ овчиннымъ тулупомъ. Человѣкъ этотъ, нѣкогда гроза всего Закавказья, былъ царь Грузіи—Ираклій II. Подлѣ него стоялъ старый армянинъ-слуга, который одинъ изъ всѣхъ его подданныхъ и ближнихъ не покинулъ своего несчастнаго господина.

Въ 1798 году царь Ираклій умеръ, а въ 1800 году его наслѣдникъ, больной Георгій XIII, обратился къ императору Павлу I съ просьбой о присоединеніи Грузіи къ Россіи. Въ концѣ того же 1800 года умеръ и послѣдній грузинскій царь Георгій. Въ 1801 году Грузія вошла въ составъ Россійской имперіи, а 8-го мая 1802 года каѳоликось Грузіи, царевичи, князья, дворяне и всѣ сословія торжественно приведены къ присягѣ на вѣрность Россіи.

Этимъ и закончился мартирологъ многострадальнаго города, вся исторія котораго до 1800 года была сплошнымъ рядомъ страшныхъ бѣдствій и разореній. Городъ теперь такъ расцвѣлъ, что онъ кровавыхъ ужасовъ и многочисленныхъ разгромовъ, при которыхъ не оставалось камня на камнѣ, нѣтъ слѣда. И только старая крѣпость съ полуразрушенными стѣнами и обломками башенъ говоритъ о томъ многовѣковомъ прошломъ, когда здѣсь царствовали смерть и разрушеніе.

Не безъ труда мы добрались до крѣпости, пробираясь по лабиринту какихъ-то переулковъ, по плоскимъ кровлямъ прилѣпившихся къ горѣ маленькихъ домиковъ и по извилистымъ лѣстницамъ и галереямъ между ними. Усталые, усѣлись мы на развалинахъ

одной изъ крѣпостныхъ башенъ и долго любовались живописнымъ городомъ, беззаботно раскинувшимся у подножія этой угрюмой и нѣкогда грозной скалы. Какъ-то не вѣрилось, что именно здѣсь на скалѣ, и тамъ, внизу, въ теченіе тринадцати вѣковъ кипѣла почти постоянная война, самая дикая, кровавая и жестокая, разоряя все до основанія и истребляя сотни тысячъ человѣческихъ жизней...

У подножія крѣпости, въ довольно глубокой и узкой впадинѣ между горъ, раскинулся тифлисскій ботаническій садъ. Мы долго бродили по его извилистымъ дорожкамъ и аллеямъ въ сопровожденіи одного изъ ботаниковъ сада, любезно дававшего намъ самыя подробныя объясненія. Интересующіеся кавказской флорой найдутъ здѣсь богатѣйшій матеріалъ для изученія, размѣщенный въ стройной системѣ и образцовомъ порядкѣ.

Два дня мы прожили въ Тифлисѣ и за это время успѣли осмотрѣть, конечно, далеко не все, что заслуживало вниманія. Но шумъ и сутолока большого города утомляли насъ гораздо больше, чѣмъ сорокаверстные переходы въ тиши и безмолвіи горъ. Къ тому же мы положительно горѣли нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть Горы и въ особенности — знаменитый Уплись-цихе, пещерный городъ, который по своей древности можетъ поспорить въ Римомъ. Туда мы и направились въ поѣздѣ Закавказской желѣзной дороги.

Такой толкотни, давки и суматохи, какія царятъ въ тифлискомъ вокзалѣ, я никогда не видалъ. Грузины, русскіе, персы, армяне, всѣ перемѣшались къ какою-то неразбериху съ оглушительнымъ гамомъ, крикомъ и чисто азіатской безтолковщиной. Чтобы добраться до кассы и завоевать мѣсто въ вагонѣ, для этого потребовалось на нѣкоторое время также превратиться въ азіатовъ, т. е. кричать до остервенѣнія, толкаться и самимъ получать довольно-таки чувствительные толчки. Въ концѣ концовъ всѣ, конечно, размѣстились по вагонамъ. Поѣздъ тронулся, и воинственное настроеніе тотчасъ улеглось.

Черезъ часъ изъ окна вагона мы снова увидѣли древній Мцхетъ и его храмы, а еще немного спустя, около полудня, поѣздъ промчался мимо разъѣзда «Уплись-цихе», противъ котораго, за Курой, въ высокомъ береговомъ утесѣ виднѣлись темныя впадины таинственнаго, давно необитаемаго города.

А. Мощанскій.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ПАЛЬМЪ.

ВЪ КОНЦѢ минувшаго года исполнилось четверть вѣка со дня смерти Александра Ивановича Пальма. 10-го ноября 1885 года А. И. послѣ тяжкой и мучительной болѣзни тихо скончался въ Петербургѣ. Скромная квартира А. И. въ домѣ № 70 по Николаевской улицѣ въ теченіе трехъ дней, до дня похоронъ, не могла вмѣстить писателей, художниковъ, артистовъ, журналистовъ, друзей и почитателей покойнаго, являвшихся сказать послѣднее прости усопшему писателю. Всѣ безъ исключенія газеты того времени въ прочувствованныхъ статьяхъ, некрологахъ и замѣткахъ отмѣтили утрату, которую понесла русская литература. На похороны тѣла А. И. 13-го ноября, несмотря на стоявшую съ утра дурную погоду, собралась многотысячная толпа, среди которой порядокъ поддерживался учащейся молодежью. На могилѣ, по желанію, выраженному А. И. незадолго до кончины, никакихъ рѣчей не произносилось. Свѣжій могильный холмъ (на Волковомъ кладбищѣ, Литературные мостки, неподалеку отъ могилы Костомарова) буквально утонулъ въ цвѣтахъ и вѣнкахъ. Въ некрологѣ А. И., появившемся въ «Новомъ Времени», было сказано:

«Комедіи, романы и повѣсти Пальма запечатлѣны несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ и большою наблюдательностью... А. И. до конца жизни сохранилъ необыкновенную живость характера и общительность, которыя всѣхъ къ нему привлекали. До конца жизни не покидалъ онъ пера: за нѣсколько часовъ до его смерти принесли намъ третью книжку «Обвернаго Вѣстника», гдѣ

помѣщена его повѣсть «Фрося»... Театръ потерялъ въ немъ одного изъ даровитыхъ драматурговъ, имя котораго останется въ исторіи театра, какъ автора «Старога барина».

На литературномъ поприщѣ А. И. дебютировалъ очень молодымъ человѣкомъ; первымъ своимъ произведеніемъ—стихотвореніемъ «Няня», напечатаннымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1844 г., двадцатидвухлѣтній поэтъ отдалъ дань модному тогда увлеченію сентиментализмомъ. Вотъ это стихотвореніе:

—Здравствуй, родимый,—узналъ ты старуху?
 Помнишь ли няню твою?..
 Какъ же ты выросъ,—высокій, пригожій...
 Право, едва узнаю!..
 То-то, чай, какъ тебя любятъ, ласкають,
 Ясный соколикъ ты мой!..
 Взялъ бы ты лучшую въ свѣтѣ невѣсту,
 Счастлива будетъ съ тобой...
 То-то, чай, всѣ на тебя заглядятся,
 Какъ на лихомъ ты конѣ
 Выѣдешь въ поле на царскую службу
 Въ золотѣ весь, какъ въ огнѣ...
 Кто жъ тогда вспомнить, что мѣлодецъ статный
 Выросъ у груди моей,
 Слушать любилъ мои пѣсенки, сказки,—
 Стоилъ безсонныхъ ночей,
 Что, одиноко мой вѣкъ доживая,
 Думать о немъ я люблю,
 Ставлю свѣчу предъ святою иконою,
 Божію мать молю...»
 И не домолвила старая няня...
 Молча стоитъ предо мной...
 Очи глядятъ, словно гаснутъ тихонько,
 Смочены теплой слезой...
 — Другъ мой,—о счастье моемъ ты гадала?
 Что жъ мнѣ тебѣ говорить?
 Душу родную и чувство простое
 Горько боюсь оскорбить...
 Да, няня, видишь—я счастливъ и веселъ,
 Не о чемъ даже вздохнуть.
 Только хотѣлось бы, слушая сказки,
 Тихо и крѣпко заснуть...

Первымъ крупнымъ беллетристическимъ произведеніемъ А. И. былъ романъ «Жакъ Бичевкинъ», оконченный въ Петропавловской крѣпости, гдѣ А. И. содержался вмѣстѣ съ остальными участниками дѣла Петрашевскаго. «Жакъ Бичевкинъ» напечатанъ также въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ литературной дѣятельности А. И. былъ большой перерывъ; лучшія свои произведенія А. И. написалъ во второмъ періодѣ, сперва въ Самарѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ А. И. послѣднее время жилъ постоянно, выѣзжая лишь изрѣдка, да и то въ лѣтніе мѣсяцы, на Кавказъ. Лучшими романами А. И.

считаются: «Алексѣй Слободинъ», имѣющій отчасти автобіографическій характеръ, «Больные люди» и «Конецъ стараго романа» (всѣ три были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы»), лучшими драматическими произведеніями—«Старый баринъ», давшій возможность знаменитому русскому актеру В. В. Самойлову развернуть во всю ширь свой крупный талантъ, и «Нашъ другъ Неклюжевъ»; обѣ комедіи были въ свое время репертуарными на сценахъ императорскихъ Александринскаго и Малаго (московскаго) театровъ, выдержавъ цѣлый рядъ полныхъ сборовъ. Изъ повѣстей послѣдняго времени произвела большое впечатлѣніе «Анкудинова дача», появившаяся въ «Новомъ Времени».

Родившись въ 1822 году въ уѣздномъ городкѣ Краснослободскѣ Пензенской губ., гдѣ отецъ А. И. былъ лѣсничимъ, А. И. росъ, окруженный нѣжной заботливостью своей матери, происходившей изъ русской крестьянской семьи; трогательный образъ этой замѣчательной русской женщины А. И. запечатлѣлъ въ своемъ «Алексѣй Слободинѣ». Въ 1842 году А. И., воспитывавшійся въ Петербургѣ въ Дворянскомъ полку, былъ произведенъ въ офицеры и выпущенъ въ гвардію. Дѣло Петрашевскаго не осталось безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу А. И., изъ гвардіи онъ переведенъ былъ въ армію и, стоя въ рядахъ ея, принималъ участіе въ турецкой кампаніи. Затѣмъ, выйдя въ отставку, служилъ по вѣдомству министерства финансовъ; въ половинѣ семидесятыхъ годовъ А. И., оставивъ всякую службу, всецѣло отдался литературѣ, не покидая ея до конца дней своихъ.

Послѣдніе годы здоровье А. И. сильно расшаталось; вѣчныя волненія, неустанная работа—все это подтачивало уже большой организмъ. По приведеннымъ отрывкамъ изъ писемъ, адресованныхъ близкимъ роднымъ, видно, каково было настроеніе А. И. и какъ трепали ему нервы мелкія будничныя непріятности.

«...Какъ ни безобидно содержаніе моей газеты (А. И. въ то время издавалъ еженедѣльную газету «Театръ»), а все-таки и на мнѣ отзываются цензурныя ежовыя рукавицы. Уже два раза тягали въ комитетъ и получилъ одно внушеніе! Судите сами, какъ это пріятно. «Голосъ» кончился, «Отечественныя Записки» чають движенія воды... Нѣтъ охоты ни писать, ни читать. Благо тому, кто можетъ жить, не беря въ руки листа печатной бумаги. Но... довольно объ этомъ. Мои золотыя внучоночки—вотъ кто свѣтитъ мнѣ впереди свѣтлыми точками. Доведется ли тихо любоваться ихъ живымъ расцвѣтомъ? Безъ этой надежды мнѣ, право, и жить не хочется... Авось, авось!»

«...Мои дѣлишки ни то ни се... Дирекція театральная дѣлаетъ страшныя гадости съ моей пьесой, не знаю даже, пойдетъ ли она въ этомъ сезонѣ. Теперь принимаюсь за новый большой романъ. Но вотъ плохо: здоровье мое поправляется медленно, нервное

Александръ Ивановичъ Пальмъ.

разстройство, видимо, уменьшилось. но правый глазъ все еще плохъ. Ежедневная электризація отчасти помогаетъ, хотя надоѣла мнѣ смертельно».

«...Теперь для литературы времена тяжкія. «Отечественныя Записки» погибли навсегда; «Дѣло», кажется, ждетъ та же участь. Станюковича арестовали. Другіе журналы висятъ на волоскѣ. Гдѣ теперь печататься? Неужели же размѣняться на газеты? Нашего брата много, а рынокъ сузился. Бѣда!»

«...Все это время я страдалъ бессонницею и крайнимъ разстройствомъ всей нервной паутины. Часто не могъ писать: рука дрожала, перо прыгало, а въ головѣ какой-то невозможный *dance Macabre*. Чортъ знаетъ что!.. Написалась нѣкоторая поэтически-безумная вещица «Послѣдній сонъ»—и не могла попасть въ печать. Цензура не только запретила, но конфисковала рукопись... Глупо! Потому глупо, что въ ней идетъ рѣчь лично обо мнѣ, о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ текущей жизни, а цензоръ истолковалъ это въ смыслѣ общему... Жаль, что у меня не осталось даже чернового наброска; если найдутъ въ типографіи корректурный листокъ—пришлю тебѣ для курьеза».

«...Опять! Лихорадка съ невралгіей въ лѣвой челюсти. Пароксизмы начпаются въ часы ночи, и я буквально готовъ себя голову размозжить отъ нестерпимой боли, а на утро, измученный бессонницею, брожу какъ шальной. Сверхъно очень. Да еще разныя нравственныя муки одоѣваютъ. Человѣкъ я негодный для практической жизни, но совѣсть моя чиста».

«...Какъ будто немного легче... Опять принимаюсь за работу; но прежде всего расскажу тебѣ курьезъ нашихъ литературныхъ нравовъ. Написалъ я въ августѣ вещицу очень незатѣйливую: «Прошлое лѣто»—деревенскій эскизъ. Можешь прочесть его въ «Нов. Времени». Нежданно-негаданно, вдругъ появляется въ «Новостяхъ» письмо въ редакцію, подписанное Надеономъ, который негодуешь на меня за осмѣяніе какихъ-то фактовъ, заслуживающихъ якобы полного уваженія. Затѣмъ Скабичевскій разражается въ тѣхъ же «Новостяхъ» ругательнымъ фельетономъ все по тому же поводу. Больной, я сидѣлъ дома, ни съ кѣмъ не видѣлся и былъ крайне удивленъ этому грому изъ павозной кучи. Наконецъ, узнаю, въ чемъ дѣло... и до сихъ поръ не могу удержаться отъ смѣха. Оказывается, что бѣдный мальчикъ Надеонъ принялъ мой рассказъ на свой счетъ и, не разсудивъ о тактичности своего поступка, расписался въ полученіи... чего, ужъ не знаю. Литературныя старухи-сплетницы стали доискиваться и нашли, что имъ было нужно. Выросъ нѣкоторый скандалъ. Оказалось, что Надеонъ пользуется милостями нѣкоторыхъ дамъ-патронессъ и даже не затруднился взять 3000 руб., собранныхъ этими дамами по подпискѣ на его заграничное путешествіе. Этого никто не зналъ, а я всѣхъ менѣе,

потому что въ томъ кругу не бываю, т-ше Д. даже въ глаза не видалъ—и по строгомъ разслѣдованіи въ рассказѣ моемъ нѣтъ ни одной черты, намекающей на ихъ личности. Пл—въ на старости лѣтъ тоже проявилъ дѣтскую обидчивость. Отвѣчать на брань, разумѣется, я не сталъ, однако счелъ умѣстнымъ написать письмо къ Пл—ву, въ память нашихъ старинныхъ дружескихъ отношеній, стыдя его за нежеланіе объясниться прямо со мной и потребовать отъ меня должнаго удовлетворенія. Онъ отвѣтилъ, что ему все это наговорили, что онъ самъ горячо порицаетъ поступокъ Надсона, глупый и безтактный, сдѣланный помимо его воли, и т. д. Вышло нѣчто безобразное.—Люди серьезные—съ одной стороны, а съ другой—вся работающая молодежь, презирающая тунеядство и паразитизмъ,—стоятъ за меня. Прочти рассказъ—и увидишь, какую идею я провожу и надъ чѣмъ смѣюсь. Жалѣю очень, что дѣйствительно ничего не зналъ о существованіи этого дамскаго муравейника, а то бы ярче освѣтилъ такое постыдное явленіе, прикрывавшееся либерализмомъ и прочими хорошими ширмами. Студенты, курсистки мрутъ съ голоду, а интересному молодому человѣку, еще ровно ничего сдѣлавшему на Россійскомъ Парнасѣ, млѣющія отъ каждаго чернаго ока дамы собираютъ 3000 для жунровки въ Италиі. —Итакъ, я совершенно невзначай попалъ на большое мѣсто. Жаль мнѣ одного Пл—ва, хорошій онъ человѣкъ, но по безхарактерности всегда попадаетъ впросакъ, недаромъ его зовутъ «литературная вдова».

«...«Сѣверный Вѣстникъ» обманулъ общія ожиданія. Первая книжка очень не удалась—напоминаетъ самый плохой № «Отечественныхъ Записокъ», только безъ Некрасова и Салтыкова и—что еще плачевнѣе—безъ царя въ головѣ. Не время ли теперь «Сборниковъ»—бойкихъ альманаховъ добраго былого времени, но, конечно, модернизированныхъ? Слухъ идетъ, что затѣвается нѣчто подобное, но пока еще нѣтъ ничего рѣшеннаго. Сегодня, если голова не разлетится вдребезги отъ проклятой невралгій, сажусь за новый романъ. Роды будутъ трудные, чувствую, но надо спѣшить: развязка, видимо, недалеко, а хочется сказать еще многое».

«...Съ грустью прочелъ въ твоёмъ письмѣ, что всё мы помаленьку расплзлись въ разныя стороны. Конечно, это естественно: вѣдь бѣдной рабочей семьѣ только временно удается пожить подъ одной кровлей,—но все же судьба—особа жестокая. Меня она бьетъ въ послѣдніе годы нещадно. Послѣдній годъ... да, вижу, что онъ для меня наступилъ. Потащутъ на Волково, а тамъ—годъ-два—и позабудутъ».

Двадцатипятилѣтняя годовщина кончины А. И. Пальма показала, какъ коротка людская память: ни одна изъ столичныхъ газетъ ни единымъ словомъ не обмолвилась о писателѣ, сдѣлавшемъ далеко не малоцѣнный вкладъ въ сокровищницу русской литературы.

Гр. Пальмъ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАФА А. А. БОБРИНСКАГО.

(По поводу 25-лѣтія его предсѣдательства въ императорской археологической комиссіи).

ВИНУВШАГО перваго февраля гофмейстеръ, сенаторъ, почетный опекунъ петербургскаго присутвія опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи, членъ государственной думы и предсѣдатель императорской археологической комиссіи, графъ Алексѣй Александровичъ Бобринской получилъ слѣдующую высочайшую грамоту: «Въ ознаменованіе исполнившагося нынѣ двадцатипятилѣтія отлична-усердной службы вашей въ должности предсѣдателя императорской археологической комиссіи, всемилостивѣйше пожаловали мы вамъ знаки императорскаго ордена нашего святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, съ брильянтовыми украшеніями».

Два года передъ тѣмъ, 2-го февраля 1909 г., въ пятидесятилѣтнюю годовщину существованія археологической комиссіи и въ почти четвертьвѣковое (23 г.) предсѣдательствованіе въ послѣдней графа А. А. Бобринскаго, товарищи его по занятіямъ и сослуживцы, академики, профессора и извѣстные ученые, почли необходимымъ привѣтствовать его особымъ адресомъ. Въ немъ, прежде всего, они указывали, какъ на «достойное удивленія», «издавна проникающее» графа А. А. Бобринскаго «сознаніе государственной важности археологическихъ изслѣдованій», его «безграничную любовь къ памятникамъ старины», которые дороги ему «и какъ историческіе документы и какъ произведенія искусства», его «широту взглядовъ и научныхъ интересовъ», въ силу чего онъ «одинаково цѣнитъ памятники и доисторическіе, и русскіе, и классическіе, и восточные»,

и на его «всегдашнюю живую готовность поддержать любое начинаніе въ области археологическихъ изслѣдованій нашего отечества». Затѣмъ въ теплыхъ выраженіяхъ были констатированы «справедливость и безпристрастіе» графа А. А. Бобринскаго и его «всегдашняя готовность выслушать всякое свободное слово».

Пятидесятилѣтній юбилей императорской археологической коммисіи, какъ извѣстно, прошелъ въ полной неизвѣстности; а по поводу настоящаго юбилея ея предсѣдателя періодическая печать ограничилась лишь краткими, мимолетными упоминаніями. Между тѣмъ вся болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя дѣятельность графа А. А. Бобринскаго на пользу родной археологіи настолько плодотворна и общепризнана русскими и заграничными учеными специалистами, что о ней вполнѣ умѣстно повѣдать, хотя бы и въ краткихъ чертахъ, болѣе широкому кругу читателей историко-литературнаго журнала, каковъ «Историческій Вѣстникъ».

Родоначальникомъ графскаго рода Бобринскихъ считается извѣстный военный дѣятель и почетный опекунъ петербургскаго воспитательнаго дома, Алексѣй Григорьевичъ Бобринской (1762—1813), отъ котораго, въ четвертомъ колѣнѣ, и происходитъ Алексѣй Александровичъ. Родился онъ 19-го мая 1852 года, отъ брака русскаго генеалoga Александра Алексѣевича, сына «извѣстнаго агронома и выдающагося общественнаго дѣятеля»¹⁾, Алексѣя Алексѣевича, съ графиней Софьей Андреевной Шуваловой. По окончаніи домашняго образованія, которое велось подъ руководствомъ одного изъ лучшихъ русскихъ педагоговъ, В. Я. Стоюнина, Алексѣй Александровичъ выдержалъ въ 1870 году выпускной экзаменъ при петербургской второй гимназіи и поступилъ на филологическій факультетъ петербургскаго университета; но послѣдняго онъ не окончилъ и въ концѣ 1873 года опредѣлился въ канцелярію комитета министровъ. Несомнѣнно, что канцелярская служба не могла быть призваніемъ будущаго общественнаго дѣятеля и археолога, и мы вскорѣ же (въ 1875 г.) видимъ графа Бобринскаго занимающаго постъ сначала уѣзднаго предводителя дворянства, а потомъ губернскаго Петербургской губерніи. Губернскимъ предводителемъ онъ избирался на шесть или даже на семь трехлѣтій и въ послѣдніе годы избранъ предсѣдателемъ постояннаго совѣта объединенныхъ дворянскихъ обществъ. Въ то же время графъ А. А. Бобринской широко проявлялъ и проявляетъ свою дѣятельность, какъ гласный петербургскаго губернскаго земства и городской думы. Съ декабря 1889 по декабрь 1890 г. онъ состоялъ вице-прези-

¹⁾ См. о нихъ «Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ», С. А. Венгерова, т. IV, стр. 12—18.

дентомъ академіи художествъ; въ 1892 году назначенъ почетнымъ опекуномъ петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи, а въ слѣдующемъ году — управляющимъ петербургскими сиротскими заведеніями (до 1896 г.); въ 1894 году избирается президентомъ вольно-экономическаго общества; черезъ два года, въ 1896 году, его назначаютъ къ присутствованію въ пятомъ департаментѣ правительствующаго сената, потомъ въ судебномъ департаментѣ и съ 1901 года въ первомъ общемъ собраніи сената, гдѣ состоитъ и по настоящее время.

Изъ печатныхъ трудовъ графа А. А. Бобринскаго, связанныхъ съ его общественною дѣятельностью, намъ извѣстны: «Особое мнѣніе, поданное въ качествѣ члена совѣщанія свѣдущихъ людей по переселенческому вопросу» (Спб. 1880 г.) и редактированные имъ, въ бытность предводителемъ дворянства, «Доклады собранія предводителей и депутатовъ Петербургской губерніи».

Перваго февраля 1886 года Алексѣй Александровичъ назначается предсѣдателемъ императорской археологической комиссіи, вскорѣ послѣ смерти ея основателя и перваго предсѣдателя, графа Сергѣя Григорьевича Строганова. Назначенію этому предшествовала сравнительно недолгая дѣятельность въ области археологіи новаго предсѣдателя одного изъ выдающихся русскихъ археологическихъ учреждений, но, несомнѣнно, уже тогда внушавшая къ себѣ большое довѣріе особенно тѣхъ лицъ, которыя знали о рѣдкой любви графа Бобринскаго къ родной старинѣ и объ его глубокомъ пониманіи значенія археологическихъ изслѣдованій для русской науки вообще. Первые свои раскопки близъ мѣстечка Смѣлы Киевской губерніи Алексѣй Александровичъ сталъ производить въ 1879 г.; впервые объ ихъ результатахъ онъ повѣдалъ въ 1885 году московскому археологическому обществу и шестому археологическому съѣзду въ Одессѣ, а черезъ два года послѣ этого появился первый томъ его капитальнаго труда: «Курганы и случайныя археологическія находки близъ мѣстечка Смѣлы», за которымъ послѣдовали въ 1894 году — второй и въ 1901 году — третій. Уже первый томъ, заключавшій въ себѣ «дневники пятилѣтнихъ раскопокъ» всего лишь 53 кургановъ, былъ встрѣченъ въ литературѣ весьма сочувственно, какъ по обилію удачныхъ находокъ и вполне научному методу веденія и описанія раскопокъ, такъ и по роскоши и изяществу самаго изданія: онъ былъ снабженъ географическими и археологическими картами, цѣлымъ атласомъ рисунковъ, иногда въ краскахъ, и многочисленными клише въ текстѣ. (Все это еще съ большими роскошью и обиліемъ встрѣчается и въ послѣдующихъ томахъ).

Во второмъ томѣ представленъ археологическій матеріалъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ: изслѣдователь почти въ томъ же районѣ, около 30 верстъ вокругъ мѣстечка Смѣлы, раскопалъ

Графъ Алексѣй Александровичъ Бобринской.

новыхъ 195 кургановъ и прибавилъ къ этому свѣдѣнiя о курганахъ Звенигородскаго и Роменскаго уѣздовъ, на основанiи раскопокъ другихъ археологовъ, работавшихъ по порученiю императорской археологической комиссiи. Такое обилiе матерiала дало возможность обыкновенно осторожному въ своихъ выводахъ и замѣчанiяхъ графу Бобринскому предложить свою собственную классификацiю курганныхъ периодовъ. До него наша археологическая

наука покоилась, можно сказать, лишь на трехъ книгахъ: И. Е. Забѣлинъ, Д. Я. Самоквасовъ и В. Б. Антоновичъ, которые и представили свои первые «три опыта» классификаціи кургановъ. Послѣ тщательнаго разбора послѣднихъ, онъ, при массѣ собственнаго матеріала и при широкомъ знакомствѣ съ западно-европейскою литературою, предложилъ слѣдующую классификацію:

I. Каменно-бронзовая эпоха, раздѣляющаяся на два періода: древнѣйшій, собственно каменный періодъ и новѣйшій каменно-бронзовый.

II. Скиѣская эпоха, дѣлящаяся также на два періода: древнѣйшій скиѣскій и неоскиѣскій.

III. Переходная эпоха между скиѣскою и славянскою; та, которую Самоквасовъ называетъ сарматскою, а другіе римскою (графъ Бобринскій оставляетъ безъ названія).

и IV. Славянская эпоха (отъ VI по XIII вѣкъ по Р. Х.).

Въ этомъ дѣленіи графа А. А. Бобринскаго, расходящагося въ своихъ мнѣніяхъ, главнымъ образомъ, съ Д. Я. Самоквасовымъ, большою новостью является созданный имъ «неоскиѣскій періодъ». Прежнее наименованіе только эпохи скиѣскою, протягиваемою отъ VI вѣка до Р. Х. по II вѣкъ послѣ Р. Х., онъ находитъ мало отвѣчающимъ разнообразію курганныхъ находокъ, которыя слишкомъ отличаются въ своихъ конечныхъ хронологическихъ датахъ. Пользуясь своими новыми находками, онъ по поводу предложенныхъ имъ двухъ періодовъ: древнѣйшаго скиѣскаго и неоскиѣскаго, говоритъ такъ: «Оба періода различаются болѣе или менѣе легко. Такъ, въ древнѣйшемъ скиѣскомъ періодѣ предметы греческаго искусства еще весьма рѣдки, а когда попадаются, то они массивны... Желѣзо, повидимому, составляетъ еще рѣдкость, а весьма обыкновенны — глиняныя чаши съ бараньими костями»... Въ неоскиѣскомъ періодѣ находимъ: «разныя костяныя и иныя издѣлія, послѣднія также во множествѣ; также, но рѣдко, серебряныя вещицы; предметы греческаго искусства становятся гораздо изящнѣе; мѣстная грубая посуда замѣтно исчезаетъ; наблюдается изобиліе изящныхъ бронзовыхъ стрѣлокъ» (стр. XVII). «Закачивается неоскиѣскій періодъ около II вѣка до Р. Хр.» (стр. XX).

Представивъ въ третьемъ томѣ дневники раскопокъ за 1889—1897 гг. до 122 новыхъ кургановъ и свѣдѣнія о курганахъ Звенигородскаго, Каневскаго и Роменскаго уѣздовъ, изъ отчетовъ другихъ археологовъ, работавшихъ въ это время, по порученію археологической комиссіи, графъ А. А. Бобринскій рѣшается «нѣсколько видоизмѣнить» свою прежнюю классификацію. По отношенію къ первой эпохѣ онъ предлагаетъ древнѣйшій собственно «каменный періодъ» переименовать въ «палеолитическій», а новѣйшій каменно-бронзовый въ «неолитическій», «какъ—говорить онъ,—теперь принято обозначать этотъ періодъ за границей»

(стр. I). Слѣдующая «скиѣская» эпоха получаетъ названіе «скиео-сарматской»; вмѣсто «переходной эпохи» находимъ «эпоху переселенія народовъ» и послѣ «славянской» эпохи еще новую эпоху «великокняжескую». Не вдаваясь здѣсь въ разборъ этой новой классификаціи, съ которой не вполне согласны нѣкоторые ученики В. Б. Антоновича, мы позволимъ себѣ хоть вкратцѣ остановиться на тѣхъ страницахъ книги нашего выдающагося археолога, гдѣ онъ обрисовываетъ, напр., «человѣка енеолитическаго времени» или говорить «о скиѣ и его бытѣ», тѣмъ болѣе, что всѣ эти сообщенія и картины для громаднаго большинства даже знакомыхъ съ исторіей являются terra incognita.

«Человѣкъ енеолитическаго времени,—читаемъ на стр. IV,— принадлежалъ къ длинноголовой расѣ. На иныхъ черепахъ даже замѣтны какъ бы слѣды искусственной деформациі черепа, согласно обычаю нѣкоторыхъ дикихъ народностей древности искусственно сдавливать черепъ съ малолѣтства, съ цѣлью придать головѣ удлиненную форму. Человѣку енеолитическаго времени желѣзо абсолютно незнакомо. Онъ едва познакомился съ бронзой и то случайно. Мелкія бронзовыя вещицы: колечки, кнопки изрѣдка появляются на берегахъ Днѣпра, изъ-за моря, изъ культурныхъ центровъ Сиріи и Египта. При погребеніи эти драгоценности изъ бронзы опускаются въ могилу. Вообще обстановка человѣка енеолитическаго времени весьма простая. Главную роль играетъ дерево, котораго подъ рукою сколько угодно... Человѣкъ енеолитическаго времени, повидимому, татуируется наподобіе нынѣшнихъ дикарей; во всякомъ случаѣ онъ краситъ себѣ лицо и часть тѣла густымъ слоємъ ярко красной краски. Фактъ окраски покойниковъ въ красный цвѣтъ, вѣроятно, заимствованъ изъ обыденной жизни. Весь чинъ погребенія имѣетъ цѣлью обставить мертвеца такъ, чтобы, при переходѣ въ загробную жизнь, онъ могъ тотчасъ же пользоваться всѣми удобствами жизни: яствами, напитками, оружіемъ, даже жилищемъ, лошадыю и т. п.... Предметы быта крайне рѣдки и весьма незатѣйливы. Глиняная посуда самаго примитивнаго быта. Гончарный кругъ еще неизвѣстенъ и посуда вылѣпливается руками изъ нерасчищенной глины... Оружіе описываемаго дикаря незатѣйливо. Кромѣ дерева, снабжавшаго его массивными дубинами, копьями, лукомъ, онъ пользуется мелкими кремневыми осколками, которымъ наскоро придаетъ форму острій, ножей, стрѣлокъ и скребковъ»... (Стр. V).

«Скиѣ,—читаемъ на стр. VII,— рисуется въ видѣ кочевника, высокаго роста, съ сильно развитой мускулатурой. Голова круглая, черты лица очень выразительны, зубы превосходные; нависшія брови, выдающійся лобъ, глубоко внавшее основаніе носа и сильныя скулы придаютъ скиѣу немного суровый видъ. Главное его занятіе— верховая ѣзда, кочевая жизнь, битвы, звѣриные ловы. На быстрой, малорослой лошади скиѣ совсѣмъ исчезаетъ въ высокой раститель-

ности степей. При немъ, слѣва, неизмѣнный его спутникъ — колчанъ со множествомъ стрѣлъ, маленькихъ, острыхъ, бронзовыхъ особаго сплава и какъ бы позолоченныхъ... Далѣе подробно описывается одѣяніе вождей, «возвращеніе ихъ съ удачной охоты», одѣяніе богатыхъ женщинъ и проч. и проч.

Приблизительно съ 1900 года графъ А. А. Бобринской перенесъ свои раскопки въ Черкасскій и главнымъ образомъ въ Чигиринскій уѣзды, отчеты о которыхъ печатались въ «Извѣстіяхъ императорской археологической комиссіи» (вып. 4, 14, 17, 20 и 35). Изслѣдованіе имъ здѣсь около 130 кургановъ, хотя и не дало много цѣнныхъ находокъ, но въ то же время открыло возможность сдѣлать нѣсколько новыхъ и вѣскихъ «соображеній», вносящихъ поправки къ нѣкоторымъ теоріямъ нашихъ археологовъ; особенно важны въ этомъ отношеніи тѣ существенныя поправки, какія дѣлаетъ Алексѣй Александровичъ по адресу теоріи о майданахъ В. А. Городцова. (См. объ этомъ «Отчетъ о раскопкахъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ за 1907 г.», въ 35 выпускѣ «Извѣстій археологической комиссіи»).

Курганы близъ мѣстечка Смѣлы, а также въ Черкасскомъ и Чигиринскомъ уѣздахъ были, такъ сказать, главнымъ пунктомъ археологическихъ разысканій и изслѣдованій графа А. А. Бобринскаго, впервые обратившаго вниманіе на эту мѣстность и впервые детально и научно обследовавшаго ее. Но онъ производилъ раскопки и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Терской области (1888 г.), въ Керчи и близъ Ялты (1891), Гурзуфѣ и др. и обо всѣхъ ихъ составилъ цѣнные въ научномъ отношеніи дневники.

Благодаря курганнымъ находкамъ и случайнымъ пріобрѣтеніямъ, графу А. А. Бобринскому удалось составить цѣннѣйшую и рѣдчайшую коллекцію различныхъ предметовъ старины. Особеннаго вниманія заслуживаетъ его коллекція старинной бронзы, вызвавшая къ себѣ вниманіе еще на международномъ археологическомъ съѣздѣ въ Мюнхенѣ (1892 г.) и оцѣниваемая нынѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Значительная часть его коллекцій уже передана имъ въ московское общество естествознанія, антропологии и этнографіи, въ кіевскій музей древностей и др.

Въ тѣсной связи съ вышеизложеннымъ о дѣятельности Алексѣя Александровича, какъ русскаго археолога, стоятъ и его труды, какъ предсѣдателя императорской археологической комиссіи. Вызванный высочайшею властью стать главнымъ руководителемъ археологическихъ изысканій въ Россіи, онъ въ виду еще сильнаго «господства» старыхъ авторитетовъ, долженъ былъ дѣйствовать на первыхъ порахъ осторожно и какъ бы придерживаться старыхъ устоевъ. Но мало-по-малу сознаніе важности археологическихъ разысканій и желаніе распространить въ русскомъ обществѣ археологическія познанія взяли свой верхъ. Новый предсѣдатель сталъ все шире и шире предоставлять возможность русскимъ архе-

ологамъ производить раскопки, интересовался ихъ работами и давалъ имъ мѣсто въ изданіяхъ комиссіи. Вскорѣ ему удалось увеличить денежные средства комиссіи по производству раскопокъ и храненію древностей. Мало-по-малу онъ объединилъ вокругъ себя группу дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ-археологовъ, справедливо пользующихся заслуженною извѣстностью; здѣсь мы разумѣемъ Н. И. Веселовскаго, В. В. Латышева, А. А. Спицына, Б. В. Фармаковскаго, В. В. Шкорпилло, К. К. Косцюшко-Валюжинича и др.

Въ дѣлахъ наибольшаго распространенія въ русскомъ обществѣ свѣдѣній о ходѣ археологическихъ работъ въ Россіи и за границей графъ А. А. Бобринской съ 1901 г. предпринялъ новое изданіе: «Извѣстія» комиссіи. До этого времени императорская археологическая комиссія печатала лишь громоздкіе отчеты о своей дѣятельности, съ приложеніями объясненій рисунковъ и предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ, которые до 1881 г. составлялъ одинъ Л. Э. Стефани, воспѣтый хранителемъ керченскаго музея Е. Е. Люценко въ слѣдующихъ стихахъ:

« Все мѣряя на свой масштабъ
Въ единоличномъ комитетѣ,
Онъ учредилъ свой главный штабъ
Въ археологическомъ отчетѣ
И, пичкая изъ года въ годъ
Отчетъ тотъ длинными статьями,
Бранится на казенный счетъ
Съ берлинскими профессорами.
Сбивая имъ киченья рогъ,
Онъ тупъ при всей своей гордынѣ,
Понеже изучить не могъ
Языкъ россійскій и понынѣ». ¹⁾

И, кромѣ отчетовъ, еще «Матеріалы по археологіи Россіи», которыхъ до назначенія предсѣдателемъ Алексѣя Александровича издано всего четыре выпуска.

Въ программу новыхъ «Извѣстій императорской археологической комиссіи», которыхъ, кстати сказать, уже издано 35 выпусковъ, входятъ: 1) отчеты объ археологическихъ изслѣдованіяхъ и раскопкахъ, производимыхъ по порученію и на средства комиссіи; 2) научные обзоры отдѣльныхъ группъ археологическихъ памятниковъ и дѣлхъ культуръ; 3) описанія могильныхъ инвентарей, кладовъ и отдѣльныхъ находокъ, поступающихъ въ вѣдѣніе комиссіи; 4) свѣдѣнія о старинныхъ памятникахъ зодчества и вопросы объ ихъ реставраціи; 5) археологическая хроника (о дѣятельности археологическихъ и историческихъ обществъ, о му-

¹⁾ См. «Стихотворенія» археологовъ Е. Е. Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена въ «Извѣстіяхъ» таврической архивной комиссіи, № 44. (1910 г.).

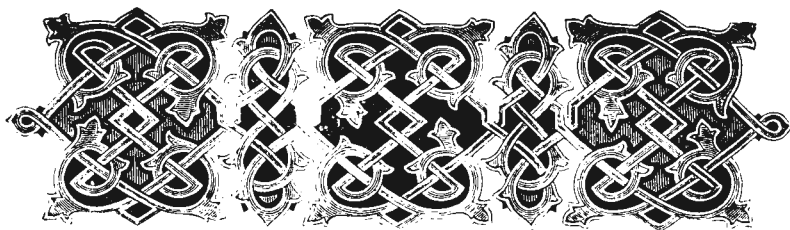
заяхъ и т. п.) и 6) библиографія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, при нашей бѣдности въ библиографическихъ указателяхъ, послѣдняя. Здѣсь, кромѣ перечня отдѣльныхъ сочиненій и статей періодической печати по разнымъ вопросамъ археологіи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, читатель найдетъ подробный обзоръ иностранной литературы и иностранныхъ журналовъ, который ведется съ 1902 г. лично самимъ предсѣдателемъ археологической комиссіи.

Въ заключеніе своего краткаго очерка археологической дѣятельности графа А. А. Бобринскаго упомяну еще о слѣдующемъ. Почти одновременно съ назначеніемъ предсѣдателемъ археологической комиссіи онъ былъ избранъ управляющимъ отдѣленіемъ русской и славянской археологіи петербургскаго археологическаго общества и состоялъ имъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, помѣстивъ въ «Запискахъ» общества немало цѣнныхъ статей. Изъ нихъ назову хотя бы слѣдующія: «Объ одной изъ фресокъ лѣстницы Кіево-Софійскаго собора» (т. IV); «Сибирскія древности», съ 6-ю таблицами (переводъ 7-ой главы II тома извѣстнаго сочиненія академика В. В. Радлова: «Aus Sibirien», т. VII); «Шлемъ Ивана Грознаго» (т. X и отд. 1898 г.)—весьма любопытное и новое описаніе шлема или шишака московскаго царя, до сихъ поръ хранящагося въ Стокгольмѣ; «Отзывъ о трудѣ проф. В. Б. Антоновича «Археологическая карта Кіевской губерніи (1900 г.) и «Кіевскія миниатюры XI вѣка и портретъ князя Ярополка Изяславича въ псалтирѣ Егберта, архіепископа трирскаго» (1902 г.). Въ этой интересной работѣ много новаго, и между прочимъ съ полною правдоподобностью устанавливается, что Ярополкъ Изяславичъ былъ не младшимъ сыномъ Изяслава Ярославича, какъ сообщаютъ лѣтописи и какъ принято у большинства историковъ, а старшимъ, равно какъ и Мстиславъ былъ младшимъ, а не старшимъ, и вторымъ Святополкъ.

Крайне сожалѣю, что за недостаткомъ мѣста приходится ставить точку, далеко не исчерпавъ всего сдѣланнаго и написаннаго графомъ А. А. Бобринскимъ, состоящимъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ до 30 ученыхъ русскихъ и заграничныхъ обществъ и учреждений; но позволяю себѣ надѣяться, что и изъ сказаннаго читатель вынесетъ справедливое убѣжденіе въ широкой пользѣ археологической дѣятельности Алексѣя Александровича, заслуживающей искренняго уваженія всего русскаго общества.

В. Рудаковъ.

СОРОКАЛѢТІЕ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА Θ. А. КУРГАНОВА.

ВАДЦАТАГО ноября 1910 года исполнилось сорокалѣтіе учено-литературной и служебной дѣятельности весьма извѣстнаго представителя русской церковно-исторической науки, заслуженнаго ординарнаго профессора казанской духовной академіи и императорскаго казанскаго университета, доктора церковной исторіи, Θεодора Аванасъевича Курганова. На слѣдующій день въ стѣнахъ казанской академіи состоялось скромное торжество по поводу этого знаменательнаго юбилея, въ которомъ приняли участіе лишь сослуживцы и младшіе ученики знаменитаго ученаго. Нельзя искренно не пожалѣть о томъ, что приготовленія къ юбилею происходили какъ-то по келейному, а распорядители академическаго торжества не нашли возможнымъ заблаговременно извѣстить о немъ многочисленныхъ учениковъ и почитателей юбиляра, такъ что, по досадной случайности, многимъ, даже изъ числа наиболѣе цѣнящихъ ученія заслуги и профессорскій авторитетъ Θ. А. Курганова, пришлось привѣтствовать юбиляра запоздалыми поздравленіями. Между тѣмъ значеніе Θ. А. Курганова, какъ профессора и ученаго, громадно, а его рѣдкая эрудиція въ области церковно-исторической науки обезпечиваетъ за нимъ, безспорно, первое мѣсто среди современныхъ русскихъ церковныхъ историковъ.

Curriculum vitae знаменитаго казанскаго ученаго очень несложень. Θ. А. Кургановъ родился 18-го апрѣля 1844 года въ семьѣ сельскаго священника Пензенской губерніи, учился въ пензенской

духовной семинаріи и въ казанской духовной академіи, которую и окончилъ въ 1870 году первымъ магистромъ среди другихъ талантливыхъ товарищей по курсу, каковы: А. В. Вадковскій (нынѣ высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій), профессоръ казанской академіи М. И. Богословскій, покойные профессора той же академіи Н. Θ. Красносельцевъ (послѣ профессоръ новороссійскаго университета) и Д. В. Гусевъ. Какъ блестящій во всѣхъ отношеніяхъ питомецъ казанской академіи, Θ. А. Кургановъ былъ оставленъ при той же академіи исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ новой церковной исторіи, 31-го іюля 1871 года утвержденъ св. синодомъ въ степени магистра богословія за сочиненіе «Устройство управленія въ церкви королевства греческаго» и вскорѣ переименованъ въ званіе доцента, 4 іюня 1881 г. блестяще защитилъ предъ совѣтомъ академіи диссертацию на степень доктора церковной исторіи, подъ заглавіемъ «Отношенія между церковной и гражданской властью въ Византійской имперіи», и въ томъ же году (8-го декабря) былъ избранъ въ званіе ординарнаго профессора. По академическому уставу 1884 года, сохранившему въ академіяхъ одну кафедру общей церковной исторіи, вмѣсто прежнихъ двухъ, Θ. А. Кургановъ былъ оставленъ профессоромъ по этой кафедрѣ. 1-го августа 1885 г. Θ. А. былъ опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ казанскаго университета по кафедрѣ церковной исторіи, съ оставленіемъ въ должности и профессора академіи. И до настоящаго времени Θ. А. занимаетъ ту и другую кафедры и состоитъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Казани.

Такимъ образомъ, академія и университетъ въ Казани—вотъ учрежденія, въ которыхъ прошла сорокалѣтняя дѣятельность профессора Θ. А. Курганова, аудиторія и кафедра, библіотеки да рабочій кабинетъ, книги и рукописи—вотъ постоянные и неизмѣнные спутники и свидѣтели его непрерывныхъ ученыхъ занятій. И результаты сорокалѣтняго ученаго подвига славнаго юбиляра въ высшей степени важны и продуктивны. Не говоримъ уже о могучемъ вліяніи его живого научнаго слова, которое въ теченіе сорока лѣтъ воспитывало цѣлыя поколѣнія учащейся молодежи двухъ высшихъ казанскихъ школъ—духовной и свѣтской—и установило незримыя духовныя и неразрывныя узы между знаменитымъ казанскимъ «учителемъ» въ самомъ лучшемъ и благородномъ смыслѣ слова и его многочисленными, разсѣянными по всему свѣту учениками, въ глубинѣ своей души носящими свѣтлый образъ профессора Курганова, какъ талантливаго провозвѣстника объективной научной правды, единственнаго по эрудиціи представителя у насъ церковно-историческаго знанія, авторитетнѣйшаго руководителя въ научныхъ занятіяхъ, самоотверженнаго, честнаго и неподкупнаго исполнителя долга, вполне воплотившаго въ своемъ лицѣ и

дѣятельности типъ истиннаго профессора—подвижника науки. И хочется всѣмъ вѣрить, что аудиторіи казанскихъ высшихъ школъ еще долго будутъ оглашаться талантливымъ вѣщимъ словомъ этого незамѣнимаго профессора, а его лекціи, вдохновлявшія молодыхъ слушателей на научные труды; раскрывавшія предъ ними высокія научныя истины, внушавшія имъ любовь къ церкви и православію и сообщавшія истинно-научный запасъ церковно-историческихъ знаній, будутъ напечатаны, сдѣлаются достояніемъ и общества и еще болѣе утвердятъ славу казанскаго профессора, которая въ ученомъ мірѣ прочно покоится на его многочисленныхъ и весьма важныхъ научныхъ трудахъ.

Первымъ ученымъ опытомъ профессора Ө. А. Курганова было сочиненіе на степень магистра богословія, посвященное «Устройству управленія въ церкви королевства греческаго» (Казань, 1871, стр. 560). Этотъ опытъ сразу же показалъ, что въ лицѣ автора выступилъ на научное поприще талантливый, вполне подготовленный къ профессорской каеедрѣ и многообъщающій дѣятель, прекрасно овладѣвшій всѣми приемами истинно-научной работы и ставшій на правильный методологическій путь въ области научныхъ изысканій. Прошло сорокъ лѣтъ, какъ появилась отмѣченная книга, но и до сихъ поръ она сохранила свой научный авторитетъ и является не только въ русской, но и въ иностранной, даже греческой, литературѣ единственнымъ и пока незамѣнимымъ изслѣдованіемъ изъ исторіи автокефальной элладской церкви. Прекрасное изученіе источниковъ научнаго вопроса и всей относящейся къ нему литературы, яркій и сильный критическій талантъ, строго-объективное изслѣдованіе основныхъ сторонъ вопроса и всѣхъ подробностей и деталей, его освѣщающихъ, документальность на протяжении всей работы, полнота, обстоятельность, творческое сочетаніе приемовъ научнаго анализа и синтеза въ изслѣдованіи—вотъ нѣкоторыя изъ достоинствъ перваго сочиненія профессора Ө. А. Курганова. Наконецъ, въ книгѣ самымъ совершеннымъ образомъ обслѣдованъ одинъ изъ капитальныхъ вопросовъ церковной исторіи и права, давшій талантливому автору возможность погрузиться и въ область древне-церковнаго права, дабы при свѣтѣ канонѣвъ уяснить и раскрыть современное церковное управленіе въ Греціи, а равно побудившій его коснуться принципиальной научной проблемы объ отношеніи между церковью и государствомъ.

Принципиальное научное значеніе имѣетъ и докторская диссертация профессора Ө. А. Курганова, обзрѣвающая «Отношенія между церковною и гражданскою властью въ Византійской имперіи» въ «эпоху образованія и окончательнаго установленія характера» этихъ «взаимоотношеній (325—565 г.)» (Казань, 1880, стр. 720). Здѣсь авторъ прочно установилъ и всесторонне раскрылъ систему симфоніи между церковью и государствомъ, господствовавшую

въ средневѣковой Византіи, опредѣлилъ нормальный типъ византійскаго василевса и характеръ его отношеній къ церкви, выяснилъ природу власти и полномочій византійскаго патріарха, доказалъ ненаучность и тенденціозность западно-европейской, католической и протестантской, точки зрѣнія на отношенія церковной власти къ гражданской въ Византіи, раскрылъ византійскую теорію о патріаршей пентархіи, описалъ дѣятельность патріаршаго синода и со всею научною обстоятельностью изложилъ исторію царствованія знаменитаго Юстиніана, который «въ своей церковной политикѣ, съ одной стороны, можетъ быть названъ завершителемъ и полнымъ выразителемъ тѣхъ идей, какія высказывались и практиковались его предшественниками, а съ другой—образцомъ для послѣдующихъ императоровъ, его преемниковъ». Вообще, въ указанной книгѣ въ блестящемъ свѣтѣ проявилась выдающаяся эрудиція профессора Э. А. Курганова, наложившая на его сужденія и выводы печать строгой научной правды, выразившаяся въ глубинѣ изслѣдованія и великолѣпномъ изученіи источниковъ, въ оригинальной точкѣ зрѣнія на предметъ и широтѣ научнаго кругозора. Наши начинающіе (да и не только начинающіе) византологи и неозеллинысты должны учиться по книгѣ проф. Э. А. Курганова. Какъ жаль, что она мало извѣстна русскому обществу, которое и теперь, къ великому сожалѣнію, нерѣдко стоитъ на ложной точкѣ зрѣнія въ отношеніи къ Византіи и судить о послѣдней съ тенденціознаго голоса католическихъ и протестантскихъ писателей, не вѣдая истинно научныхъ о ней сужденій и выводовъ русскаго профессора.

Въ тѣсной связи съ отмѣченнымъ изслѣдованіемъ Э. А. Курганова находится его рѣчь—«Византійскій идеалъ царя и царства и вытекающія отсюда, по сравненію его съ идеаломъ церкви, отношенія между церковною и гражданскою властью» (К. 1881, стр. 36), произнесенная предъ защитою докторской диссертациі. И здѣсь ученый авторъ высказалъ рядъ строго научныхъ и принципиальныхъ воззрѣній не только по основному вопросу рѣчи, но и по сопряженнымъ съ нимъ предметамъ. «Исторія,—говорилъ, между прочимъ, почтенный ученый,—должна показывать событія въ томъ видѣ, какъ они случились,—со всѣми ихъ добрыми и дурными сторонами, а не судить о нихъ по тому, что считается модною истиною въ настоящее время» (стр. 36). А при свѣтѣ такого научнаго метода, Византія, вопреки тенденціознымъ сужденіямъ католическихъ и протестантскихъ ученыхъ (Гергенрѣтера, Пихлера, Гфрѣрера, Неандера, Ульмана), выступаетъ далеко не царствомъ тьмы, пребывающимъ въ какомъ-то безформенномъ оцѣпенѣніи или въ состояніи летаргіи, но царствомъ обычныхъ людей, въ которомъ среди борьбы добрыхъ и порочныхъ его членовъ раскрывалась и уяснялась Христова истина, реали-

зировалось царство Божіе—идеаль Христовой церкви (стр. 34—35). Вотъ вполне правильный научный взглядъ, подтверждаемый многими научными работами въ области византологіи послѣдняго времени.

Затѣмъ, подъ скромнымъ заглавіемъ—«Наброски и очерки изъ новѣйшей исторіи румынской церкви» (Казань, 1899, стр. 1048) профессоръ О. А. Кургановъ издалъ обширный и весьма полезный научный трудъ, въ которомъ, по поводу удаленія румынскаго митрополита-примата Геннадія Петреско (20 мая 1896 г.), изложилъ исторію румынской церкви во второй половинѣ XIX вѣка, какъ характерную иллюстрацію къ положенію автокефальныхъ православныхъ церквей у освобожденныхъ русскими народовъ Востока, не имѣющихъ уже теперь основанія оправдывать свои внутреннія неурядицы турецкимъ игомъ или «игомъ фанаріотскимъ», столь ненавистнымъ и для слѣпыхъ нашихъ поклонниковъ западныхъ хул. гелей православной греческой церкви. Опредѣляя источникъ такихъ неурядицъ и общій ихъ характеръ, профессоръ О. А. Кургановъ и этому вопросу далъ принципиальную постановку, установивъ безспорную связь «тревогъ, бореній, разныхъ невзгодъ, можно сказать, гоненій» румынской церкви въ XIX вѣкѣ съ разлагающимъ, рационалистическо-отрицательнымъ и враждебнымъ христіанству вліяніемъ протестантизма и созданной имъ западноевропейской культуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ ученый авторъ констатировалъ и печальныя слѣдствія «узкаго націонализма», этого новаго болѣзненнаго порожденія истекшаго вѣка, для церковной жизни православнаго Востока, гдѣ появились взаимная отчужденность, изолированность и даже враждебность, подорвавшія силу и мощь единой православной церкви въ борьбѣ съ многочисленными ея врагами.

Столь же важны въ научномъ отношеніи и другіе труды профессора О. А. Курганова, какъ-то: «Историческій очеркъ греко-болгарской распри» («Православный Собесѣдникъ», 1873, I—III), «Нѣмецкій католицизмъ» (тамъ же, 1874, III), «Замѣтки къ вопросу о византійской противомусульманской литературѣ» (тамъ же, 1878, III), «Борьба папы Бонифація VIII съ французскимъ королемъ Филиппомъ IV Красивымъ» (тамъ же, 1882, III), «О погребеніи еретиковъ и раскольниковъ по православному обряду» («Странникъ», 1888, III), «О церковномъ отлученіи» (тамъ же, 1889, I—II), «Свидѣтельствовадь ли Ириней, епископъ ліонскій, о приматствѣ и непогрѣшимомъ учительствѣ римской церкви, въ частности ея первосвященника» («Ученыя записки казанскаго университета», 1893, 3—4), «Что такое либерализмъ» (Спб. 1906) и т. д. Весьма цѣнными слѣдуетъ признать многочисленныя критическія замѣтки и рецензіи нашего ученаго на сочиненія профессоръ: прот. А. М. Иванцова-Платонова («Къ изслѣдованію о патріархѣ Фотіи»), И. Д. Андреева («Константинопольскіе патріархи

отъ времени халкидонскаго собора до Фотія»), И. И. Соколова («Состояніе монашества въ Византійской церкви» и «Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ»), А. Θ. Преображенскаго («Григорій V, патріархъ константинопольскій»), повгородскаго архіепископа Арсенія («Исслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви») и многихъ другихъ авторовъ. Въ этихъ рецензіяхъ профессоръ Θ. А. Кургановъ обнаружилъ разностороннюю эрудицію и могучій критическій талантъ, съ блестящимъ успѣхомъ справляясь съ специальными работами изъ исторіи церкви древней, византійской и новѣйшей, греческой, славянской, румынской и русской, а также высказалъ рядъ принципиальныхъ научныхъ положеній, къ которымъ обязаны чутко прислушаться изслѣдователи историческихъ судебъ христіанской церкви и при свѣтѣ которыхъ должны учиться производить и свои критическія изысканія въ направленіи и по методу, указаннымъ авторитетнѣйшимъ профессоромъ Θ. А. Кургановымъ.

Ученые труды Θ. А. Курганова составляютъ весьма богатое по содержанію и цѣнное по значенію наслѣдіе русской церковно-исторической науки. Въ нихъ глубоко заложены и съ огромной эрудиціей раскрыты цѣлый рядъ принципиальныхъ научныхъ тезисовъ, при свѣтѣ которыхъ читатель легко ориентуруется въ необъятномъ морѣ церковно-историческихъ познаній и, какъ съ высокаго утеса, бросаетъ ясный взоръ и на прошлую судьбу христіанской церкви, и на современное ея состояніе. Блестящее сочетаніе аналитическаго и синтетическаго методовъ научнаго изслѣдованія составляетъ также крупную особенность нашего историка и счастливо выдѣляетъ его изъ группы другихъ отечественныхъ церковныхъ историковъ.

Затѣмъ, профессоръ Θ. А. Кургановъ является специалистомъ во всей громадной области церковно-историческаго знанія и съ одинаковымъ научнымъ успѣхомъ работалъ по церковной исторіи и древней, и средней, и новой. Востокъ и Западъ, міръ греческій и славянскій, эпоха византійская и новѣйшая—все это въ равной мѣрѣ доступно нашему ученому и являлось объектомъ его талантливыхъ, детальнаго и правдивыхъ изысканій. Тогда какъ другіе ученые обыкновенно специализируются то въ той, то въ другой отрасли церковно-историческаго знанія, проф. Θ. А. возвышается надъ ними, какъ колоссъ эрудиціи и творческой научной мысли, какъ представитель универсальнаго вѣдѣнія, такъ что не знаешь, чему больше удивляться, глубокимъ ли познаніямъ его въ исторіи до раздѣленія церковей, или истинно-научнымъ его воззрѣніямъ въ исторіи византійской церкви, детальному ли знакомству съ новѣйшей исторіей автокефальныхъ греческихъ церковей, или правдивымъ и строго безпристрастнымъ изысканіямъ по исторіи церковей румынской и славянскихъ и т. д. Намъ неоднократно глубоко

изумляла мѣткость критическихъ замѣчаній маститаго профессора въ узко спеціальныхъ вопросахъ изъ исторіи греко-восточной церкви и творческая его прозорливость въ проблемахъ, слегка лишь намѣченныхъ и отчасти только освѣщенныхъ.

Кромѣ того, громадная заслуга профессора Ѳ. А. Курганова состоитъ и въ строго научной и вполнѣ правильной постановкѣ церковной византологіи, какъ исторической дисциплины. Въ своихъ ученыхъ трудахъ и въ рецензіяхъ на сочиненія другихъ авторовъ, въ своихъ руководящихъ указаніяхъ ученикамъ Ѳ. А. Кургановъ держался вполнѣ объективной, строго обоснованной на источникахъ точки зрѣнія на предметъ, совпадавшей и съ ортодоксальнымъ, подлинно византійскимъ пониманіемъ принциповъ церковной жизни и быта пресловутой Византіи, а въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ по вопросамъ церковной византологіи оказался во многихъ отношеніяхъ солидарнымъ съ оцѣнкою Византіи лучшими русскими и иностранными представителями гражданской византологіи, каковы: академикъ В. Г. Васильевскій, профессора Д. Ѳ. Бѣляевъ, К. Крумбахеръ, Ш. Диль, Г. Шлюмберже, Бьюри, С. Лампросъ и другіе. Какъ о гражданско-политической и культурной исторіи Византіи теперь уже нельзя судить по руководству старыхъ и тенденціозныхъ трудовъ католическихъ и протестантскихъ ученыхъ до середины прошлаго столѣтія, тамъ и по церковно-историческимъ вопросамъ изъ области византологіи, которыхъ касался въ своихъ изслѣдованіяхъ проф. Ѳ. А. Кургановъ, теперь уже нельзя держаться прежней и фальшивой точки зрѣнія, враждебной и наукѣ, и церкви, и православію.

Наконецъ, не менѣе велико значеніе проф. Ѳ. А. Курганова и въ области новѣйшей церковной исторіи греческаго Востока, начало которой заложено его трудами, а продолженіе научной работы ведется и его учениками..

Въ области церковнаго неозеллинизма, какъ и въ церковной византологіи, теперь ясно уже обрисовывается *особая научная школа казанскаго профессора Ѳ. А. Курганова*. Его основныя идеи, духъ его научныхъ воззрѣній, его традиціи живутъ въ работахъ его учениковъ и постепенно крѣпнуть и развиваются. И есть твердая надежда, что эта юная школа оставитъ серьезный научный слѣдъ, такъ какъ на ея сторонѣ—научная правда, свидѣтельство документовъ, правильный научный методъ, любовь къ истинѣ, къ святой церкви и православію, дружная поддержка со стороны гражданской византологіи и неозеллинизма, въ лицѣ блестящей плеяды русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

Только бы не ослабѣвалъ въ своей творческой мощи маститый началовождь юной казанской дружины церковныхъ византологовъ и неозеллинистовъ, только бы здравствовалъ слав-

ный юбиляръ, профессоръ Ѳ. А. Кургановъ! И самое искреннее и горячее пожеланіе многолѣтія и крѣпости силъ маститому учителю несется отъ повсюду разсѣяннаго сонма его многочисленныхъ учениковъ и крѣпкими узами любви и глубокаго уваженія сплетается съ дивнымъ вѣнкомъ похвалъ и привѣтствій мужу ученаго подвига, вѣры и любви, раздававшихся въ стѣнахъ казанской академіи въ день сорокалѣтія учено-литературной и служебной дѣятельности профессора Ѳедора Аванасьевича Курганова.

И. И. Соколовъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Къ 33-ей годовщинѣ императорскаго спб. археологическаго института. Докладъ Т. О. Соколовской: «Новыя данныя по исторіи масонства въ Россіи; рѣдкое явленіе патріотизма въ масонствѣ». Къ дѣятельности императорской археологической комиссіи за 1907 г. Починъ императорской академіи наукъ въ дѣлѣ изданія памятниковъ древней скандинавской письменности: рунческихъ надписей и исландскихъ сагъ, свидѣтельствующихъ о древней Руси. Археологическія коллекціи на этнографической выставкѣ музея императора Александра III. Облегченіе доставленія изъ-за границы археологическихъ и нумизматическихъ коллекцій.

ИМПЕРАТОРСКІЙ археологическій институтъ въ Петербургѣ вступилъ въ тридцать четвертый годъ своей полезной ученой дѣятельности. Въ день годовщины института 15-го января отслужена была торжественная панихида по скончавшемуся бывшемъ профессорѣ института В. И. Сергѣевичѣ. Основанный тридцать три года назадъ, въ видѣ опыта на три года, институтъ нынѣ можетъ смотрѣть спокойно на свое будущее. Имѣя во главѣ искренне и глубоко преданнаго дѣлу руководителя въ лицѣ талантливаго лектора и выдающагося ученаго профессора Н. В. Покровскаго, неизмѣнно въ теченіе всей дѣятельности учрежденія не оставлявшаго его даже въ тяжелые дни невзгодъ, институтъ твердо и увѣренно идетъ по пути, начертанному незабвеннымъ основателемъ его Н. В. Калачовымъ. Скромно, безъ шумихи, съ достоинствомъ, свойственнымъ высшему учено-учебному учрежденію, совѣтъ института выполняетъ серьезную возложенную на него задачу. И результаты говорятъ за себя. Тридцать три выпуска создали огромный кадръ убѣжденныхъ

дѣятелей на пользу родной археологіи. Лица, которымъ жизнь съ ея неутолимыми и властными требованіями не позволяла отдавать свое время и посвящать дѣятельность археологіи, все же, прослужавъ курсъ института въ той тридиціонной атмосферѣ товарищескихъ отношеній, которыя созданы тамъ со времени Калачова, съ любовью вспоминаютъ объ институтѣ и становятся невольно апостолами археологіи, вводя постепенно въ сознаніе русскаго общества любовь къ своему прошлому и стремленіе къ занятіямъ по изслѣдованію этого прошлаго. Создалъ институтъ, какъ мы уже упомянули, не мало и убѣжденныхъ археологовъ. Нагляднымъ примѣромъ служатъ: прогрѣвшій въ послѣднее время на страницахъ газетъ директоръ московскаго археологическаго института А. И. Успенскій, съ такимъ горячимъ и молодымъ увлеченіемъ взявшійся за дѣло развитія ввѣреннаго ему института, и маститый государственный дѣятель генералъ В. Г. Глазовъ, при авторитетной поддержкѣ котораго возникъ московскій археологическій институтъ;—оба они почерпнули свою энергію, несомнѣнно, въ стѣнахъ петербургскаго археологическаго института, въ дни пребыванія ихъ въ числѣ слушателей.

По традиціонному обыкновенію годовщина института ознаменована была общимъ собраніемъ членовъ института. Выслушанъ докладъ члена института, неутомимой изслѣдовательницы матеріаловъ по исторіи масонства въ Россіи Т. О. Соколовской, сопровождавшійся долгими и оживленными преніями. Не разъ на страницахъ нашего журнала мы имѣли уже случай упоминать о работахъ Т. О. Соколовской. Институтъ и въ этомъ случаѣ далъ несомнѣнный толчокъ, направивъ силы Т. О., по окончаніи ею институтскаго курса, на историко-археографическія работы. Съ не ослабвующей энергіей и постоянствомъ она продолжаетъ и нынѣ свои изысканія въ русскихъ и заграничныхъ архивахъ, съ каждымъ годомъ бросаетъ все болѣе и болѣе яркій свѣтъ въ темную до настоящаго времени область крупнаго умственнаго и общественнаго движенія, пережитаго русскою интеллигенціею въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій. Результатами своихъ изслѣдованій она неуклонно дѣлится съ сочленами на общихъ собраніяхъ своей *almae matris*. На этотъ разъ наиболѣе крупный интересъ представило сообщеніе о найденномъ изслѣдовательницею уставѣ основанной въ концѣ XVIII столѣтія тайной дворянской ложи. Учрежденіе этой ложи, возникшей независимо отъ высшихъ органовъ, руководившихъ масонами, характерно, какъ переработка на русской почвѣ масонскихъ понятій, занесенныхъ съ Запада. Въ условіяхъ приѣма въ ложу вводятся понятія, совершенно несвойственныя основнымъ масонскимъ догматамъ: сословность, національность, религія. Въ ложу могли вступать только вполне здоровые, русскіе дворяне, православнаго исповѣданія, не моложе семнадцати лѣтъ, избранные

единогласно. Вступленію въ ложу предшествовало двухнедѣльное испытаніе; въ теченіе этого промежутка времени въ пріемъ могло быть отказано. Число членовъ ложи не должно было превышать двадцати, ибо, говорили масоны: «многое число братьевъ—причина злоупотребленій, многолюдное собраніе не можетъ заключать ни той искренности, ни того дружелюбнаго соглашенія, которое могла царить между малымъ числомъ избранныхъ». Число постороннихъ посѣтителѣй, связывавшихся при этомъ клятвою о сохраненіи тайны, не могло на собраніяхъ превышать трехъ. Собранія обставлялись въ отношеніи времени и мѣста ихъ большою таинственностью.

Причиною возникновенія тайной независимой дворянской ложи, «не испрашивавшей разрѣшенія и патентовъ масонскаго начальства», безъ масонской преемственности, внѣ масонской цѣпи, было констатированное братьями основателями ложи «угасшее усердіе къ ордену», упадокъ «священныхъ работъ» и стремленіе въ противѣсъ этимъ явленіямъ «возстановить златой вѣкъ каменничества». Въ обстановкѣ ложи преслѣдовалась возможная простота. «Суетные знаки» превосходства—ордена и украшенія—не одѣвались, дабы не забыть, что всѣ люди совершенно равны, всѣ люди братья. Разъ въ мѣсяць происходила общая трапеза. Особою торжественностью отличалось празднованіе 26 сентября памяти св. Іоанна Богослова. Кромѣ четырехъ общихъ собраній въ году, члены собирались по очереди другъ у друга. Средства ложи получались изъ взносовъ: учредительскихъ 10 руб., ежемѣсячныхъ по 1 руб.; кромѣ того, за ученическую степень уплачивалось 10 руб., товарищескую 15 руб. и степень мастера 25 руб. Но это единичный примѣръ русской ложи въ XVIII столѣтіи. Большинство ложъ даже бесѣды вели на французскомъ языкѣ.

Въ XIX столѣтіи, въ годы, близкіе къ эпохѣ Отечественной войны, картина мѣняется; въ масонскія ложи начинаютъ проникать патріотическія стремленія и любовь къ родинѣ. Русскій языкъ вводится въ нѣсколькихъ ложахъ, и это нововведеніе горячо привѣтствуется масонами. Пробуждается національный духъ, слышатся голоса, что наименованіе «гражданъ міра», какъ говорилъ одинъ изъ видныхъ масоновъ графъ Вельегорскій, «не освобождаетъ отъ любви къ отечеству». Проникнутые горячимъ и искреннимъ патріотизмомъ и любовью къ царю звучали стихи князя Баратаева при открытіи работъ на русскомъ языкѣ въ 1817 г. въ ложѣ «Соединенныхъ друзей». Въ капитулѣ Феникса VI ст. давались клятвы о распространеніи православной вѣры. Отечественная война пробудила въ масонахъ, убѣжденныхъ противникахъ всякаго кровопролитія, патріотическія чувства. Такъ, ложею Изиды созданъ былъ въ 1814 г. пѣсенникъ патріотическаго характера. Въ 1812 г. существовала масонская молитва объ избавленіи отъ Наполеона и стихотвореніе, прославляющее императора Александра I.

Обширные архивныя изысканія дали изслѣдовательницѣ возможность сдѣлать цѣлый рядъ поправокъ (для XIX столѣтія) въ выпущенномъ еще въ 1863 г. покойнымъ академикомъ Пыпинымъ списокъ масонскихъ ложъ, существовавшихъ въ Россіи; такъ, на примѣръ, точно установлено ею началомъ 1814 г. время основанія шотландской ложи Сфинкса, 1816 годомъ—основаніе ложи Александра Златого Льва. Въ списокъ вводятся новыя неизвѣстныя Пыпину ложи: а) тайная московская ложа Нептуна, во главѣ съ П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ, ложа, возникшая еще въ 1804 г. и существовавшая до окончательнаго запрещенія масонской дѣятельности въ Россіи; б) ложа военной вѣрности при Конногвардейскомъ полку, возникшая въ 1812 г. Сообщая объ открытіи въ 1821 г. въ Петербургѣ одной изъ масонскихъ ложъ, изслѣдовательница отмѣтила интересный и загадочный фактъ: главные руководители ложи, среди которыхъ былъ видный государственный дѣятель и членъ высшаго (масонскаго) управленія въ Россіи Ланской, ясно указывали, въ привѣтственныхъ рѣчахъ, что открытіе ложи является волею начальства: «велѣно намъ собираться и поучаться»; такимъ образомъ, возможно существованіе въ то время какого-то высшаго тайнаго, неизвѣстнаго до сихъ поръ, управленія, руководившаго всею масонскою дѣятельностью въ Россіи.

Изъ неизданныхъ описаній масонскихъ обрядовъ изслѣдовательницею приведены подробности ритуала печальныхъ торжествъ траурныхъ ложъ, устраивавшихся въ память умершихъ дѣятелей масоновъ проф. И. Г. Шварца (въ 1784 г.), князя М. И. Голенищева-Кутузова, вождя побѣдоносной арміи Отечественной войны, извѣстнаго у масоновъ подъ именемъ «вѣчно зеленѣющаго лавра» (1813 г.), Н. И. Новикова (въ 1818 г.), I. А. Поздѣева и И. В. Вебера (въ 1820 г.).

Переходимъ къ дѣятельности императорской археологической комиссіи.

Имѣя во главѣ, въ теченіе 25 лѣтъ, энергичнаго и убѣжденнаго археолога-руководителя, знагока древностей и искренняго любителя старины, сенатора графа А. А. Бобринскаго, а также умѣло подобранный составъ и солидныя матеріальныя средства, императорская археологическая комиссія широко раскинула въ послѣднее десятилѣтіе свою плодотворную дѣятельность на пользу русской археологіи. Лежащій передъ нами вышедшій въ свѣтъ въ 1910 г. отчетъ за 1907 г. является нагляднымъ доказательствомъ блестящаго выполненія комиссіею павшихъ на ея долю разнообразныхъ учено-административныхъ функцій. Ученая дѣятельность комиссіи охватывала собою въ 1907 г. въ географическомъ отношеніи огромное пространство: отъ сѣверныхъ предѣловъ Россіи (раскопки близъ Кеми и Соловецкихъ острововъ) до Карсской области на югѣ и Tobольской губерніи на востокѣ, Сырь-Дарьинской и Акмо-

линской области на юго-востокѣ. Значительно двинуты были раскопки древней Ольвіи (въ Одесскомъ уѣздѣ Херсонской губ.), съ успѣхомъ продолжающіяся до настоящаго времени членомъ комиссіи Б. В. Фармаковскимъ. Къ 1907 г. относится открытіе фундаментовъ стѣнъ и боевыхъ башенъ древняго города, упоминаемыхъ Геродотомъ и извѣстныхъ уже по надписямъ, изданнымъ академикомъ В. В. Латышевымъ. Здѣсь же обнаружены остатки городского рва эпохи до сооруженія стѣнъ. Кромѣ того, открытъ рядъ городскихъ построекъ, Найденныя погребенія охватываютъ промежутокъ времени отъ VI в. до Р. Х. до III в. по Р. Х. На островѣ Березани проф. Э. Р. фонъ-Штернъ продолжалъ раскопки античнаго поселенія, стѣнъ и фундаментовъ его построекъ и кургановъ, разсыпанныхъ по острову. Открытыя помѣщенія были маленькими жилыми домами эпохи не позже V вѣка до Р. Х. Для раскопки Херсонеса Таврическаго 1907 годъ закончился печальнымъ событіемъ. Въ концѣ года скончался К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, посвятившій въ теченіе многихъ лѣтъ всѣ свои силы возстановленію древняго Херсонеса—второй русской Помпеи. Преемникомъ его является въ настоящее время Р. Х. Леперъ. Молодой дѣятельный археологъ Н. И. Рѣпниковъ изслѣдовалъ, по порученію комиссіи, на южномъ берегу Крыма могильники VI—VIII вѣковъ и загадочные «дольмены». Послѣдніе, благодаря найденнымъ тамъ новымъ типамъ предметовъ, открываютъ новую, неизвѣстную еще археологамъ культуру. Проф. Н. И. Веселовскій продолжалъ свои ежегодныя успѣшныя изслѣдованія кургановъ въ Кубанской области, обративъ вниманіе на станицы: Бѣлорѣченскую, Петропавловскую, Сѣверскую и Гіагинскую и обогативъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа цѣнными и интересными находками. Въ Терской области работаль А. А. Драницынъ, въ Кутаисской и Черноморской губерніяхъ—хранитель этнографическаго отдѣла Русскаго музея императора Александра III А. А. Миллеръ, въ Карской области—проф. Н. Я. Марръ. Кіевская губернія уже много лѣтъ служитъ райономъ раскопокъ, производимыхъ предсѣдателемъ комиссіи графомъ А. А. Бобринскимъ. Въ 1907 г. работы неутомимаго изслѣдователя направлены были на курганы окрестностей селеній Ревовки и Капитановки въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Разслѣдованія обнаружили, между прочимъ, насыпи, имѣвшія загадочное обрядовое значеніе. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ М. К. Якимовичъ изслѣдовалъ глиняныя площадки. И. С. Абрамовъ и С. А. Гатцукъ копали курганы въ Черниговской губ. Въ Воронежской губ. комиссія предоставила возможность мѣстной губернской ученой архивной комиссіи продолжать начатыя послѣдней раскопки могильника у Маяцкаго городища. Устройство екатеринославскихъ кочевническихъ кургановъ давно уже интересовало комиссію, которая для выясненія этого вопроса командировала

Н. Е. Макаренко, производившаго сверхъ того развѣдки въ Полтавской губ. Въ Виленской губ. изслѣдованъ былъ не изученный еще совершенно своеобразный типъ городища—одного изъ литовскихъ пилькальнисовъ. Найденныя вещи заставляютъ относить городище къ X в. Не забытъ былъ комиссіею и крайній сѣверъ. Въ Архангельской губ., въ 16 верстахъ отъ Кеми, на островѣ Березовомъ Кельянѣ открыто нѣсколько жилищныхъ ямъ землянокъ, приписываемыхъ великанамъ. Землянки имѣли выходъ къ морю, очаги изъ плоскихъ камней и трубы въ видѣ желоба. Тутъ же остатки сооруженія изъ неотесаннаго гранита. На Соловецкихъ островахъ и о. Заяцкомъ обнаружены фигуры, сложенные изъ камня. Въ Вятской губ. продолжено П. Г. Тарасовымъ изслѣдованіе богатыхъ могильниковъ: вскрыто болѣе 60 погребеній. Случайныя находки и пріобрѣтенія въ 1907 г. сдѣланы были комиссіею въ 37 губерніяхъ и областяхъ. Интересно, что въ Петербургѣ пріобрѣтенъ сассанидскій каменный перстень съ изображеніемъ на печаткѣ лежащаго козла. Перстень этотъ найденъ на Куликовомъ полѣ. Большинство пріобрѣтеній представляютъ собою клады серебряныхъ, золотыхъ и мѣдныхъ монетъ. Отдѣлъ II-й отчета заключаетъ обзоръ административной дѣятельности комиссіи, какъ единственнаго пока поставленнаго на стражѣ памятниковъ отечественной старины компетентнаго правительственнаго органа. Охраненіе древностей осуществляется комиссіею, съ одной стороны, осторожнымъ отношеніемъ ея къ многочисленнымъ поступающимъ въ комиссію просьбамъ о разрѣшеніи производства раскопокъ и, съ другой, тщательнымъ разсмотрѣніемъ въ особыхъ реставраціонныхъ засѣданіяхъ комиссіи, при участіи представителей отъ святѣйшаго синода, академіи художествъ и министерства внутреннихъ дѣлъ, вопросовъ реставраціи, ремонта, сохраненія и упраздненія старинныхъ памятниковъ русскаго зодчества. Въ 1907 г. разрѣшенія на производство раскопокъ на казенныхъ и общественныхъ земляхъ комиссіею выданы: 7-ми учрежденіямъ и 30-ти отдѣльнымъ лицамъ. Однако въ 17 случаяхъ разрѣшенія эти использованы не были. Въ реставраціонныхъ засѣданіяхъ 1907 г. разсмотрѣно 28 вопросовъ, касающихся дальнѣйшей судьбы самыхъ разнообразныхъ древнихъ архитектурныхъ памятниковъ.

По инициативѣ профессора Брауна, императорскою академіей наукъ предположено изданіе шведскихъ руническихъ надписей, единственныхъ письменныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о варяго-русскихъ отношеніяхъ. По содержанію надписи представляютъ собою надгробныя или вырѣзанныя въ память лицъ, погибшихъ вдали отъ родины. Большинство надписей относится къ началу и срединѣ XI вѣка, и лишь двѣ восходятъ къ болѣе раннему времени (началу и концу X столѣтія). Руническія надписи имѣютъ существенное значеніе, какъ памятники шведскаго языка отдаленной эпохи, не имѣвшей еще письменныхъ документовъ; по нимъ

возсоздается шведская рѣчь X—XI столѣтій,—задача, которая до сихъ поръ не выполнена даже шведской академіею наукъ. Не меньшій интересъ представляютъ собою и скандинавскіе литературные памятники: саги и географическіе труды, принадлежащіе, главнымъ образомъ, Исландіи и отчасти Даніи и Норвегіи. Въ исландскихъ сагахъ сохранились свѣдѣнія о древней Руси, занесенныя на далекій островъ отчасти непосредственно изъ Россіи исландцами, временно состоявшими на службѣ у русскихъ князей и византійскихъ императоровъ, отчасти благодаря династическимъ связямъ съ Рюриковичами въ XI—XII вѣкахъ и черезъ Норвегію. Саги передаютъ лишь отрывочныя данныя о Россіи: ничего не знаютъ о Владимирѣ Святомъ, данныя о святой Ольгѣ дошли до Исландіи лишь въ крайне неясныхъ очертаніяхъ, наибольшую жизненность и правдивость содержатъ въ сагахъ свѣдѣнія о сыновьяхъ Владимира и Ярославѣ Мудромъ; почти отсутствуютъ данныя о Кіевѣ: всѣ событія приурочиваются къ Новгороду; изъ рѣкъ сагамъ извѣстны только Западная и Сѣверная Двина и Волховъ. Въ передачѣ указанныхъ данныхъ Швеція не участвовала, оставшись въ сторонѣ отъ нитей, связывавшихъ Россію и Византію съ исландскою сагой. Въ результатѣ изученія скандинавскихъ сагъ получаютъ не лишеныя интереса эпизоды, дополняющіе въ деталяхъ повѣствованіе русскихъ лѣтописей; въ группѣ героическихъ сагъ имѣется одна, содержащая въ себѣ свѣдѣнія о готахъ въ Россіи. Изданіе, предпринятое подъ редакціею профессора Брауна, будетъ заключать: текстъ 80 руническихъ надписей, съ фотографическими съ нихъ снимками, изслѣдованіе языка надписей, хронологію надписей, историческій и географическій матеріалъ, передаваемый надписями, и исландскія саги съ соотвѣтствующими къ нимъ объясненіями.

Этнографическимъ отдѣломъ Русскаго музея императора Александра III въ помѣщеніи вновь выстроеннаго флигеля музея съ 17-го января по 1-ое февраля текущаго года открыта была выставка этнографическихъ и археологическихъ коллекцій, собранныхъ отдѣломъ въ теченіе года. Среди археологическихъ коллекцій красовались: даръ Его Величества Государя Императора, сборный альбомъ изъ 98 индійскихъ и персидскихъ картинъ-миниатюръ, относящихся къ XVI—XVII вѣкамъ; картины исполнены отъ руки акварелью, отличаются тонкостью исполненія; по сюжету— историческаго, бытоваго и религіознаго содержанія; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видно позаимствованіе рисунка и расположенія фигуръ съ образцовъ церковной живописи. Есть нѣкоторыя данныя, что эти художественныя произведенія принадлежали одному изъ персидскихъ шаховъ. Среди этнографическаго матеріала—коллекція, собранная А. К. Сержпутовскимъ въ Андійскомъ округѣ Дагестанской области, главнымъ образомъ у дидойцевъ, живущихъ въ верховьяхъ Андійскаго Койсу, содержитъ, между прочимъ: древнія женскія украшенія, височныя бронзовыя кольца и изваянія

боговъ плодородія, части сосудовъ VI вѣка, найденныя въ землѣ, значокъ наба, бывшій у дидойцевъ въ кавказскую войну съ русскими, и саблю дамаскаго клинка, подаренную Шамилемъ набу Магамъ-Джабулову. Въ числѣ другихъ предметовъ, представляющихъ археологическій интересъ, останавливаетъ вниманіе посуда, изготовленная безъ гончарнаго круга, и дѣтскія соски изъ рога. Даръ великаго князя Георгія Михайловича заключаетъ предметы (древнихъ культуръ), найденные въ 80-хъ годахъ при раскопкахъ у Рѣдкина лагеря, Джаркетша, Сачкери и въ другихъ мѣстахъ. Любопытна археологическая коллекція предметовъ изъ раскопокъ, произведенныхъ Н. И. Рѣпниковымъ лѣтомъ 1910 года въ земляномъ городищѣ Старой Ладogi. Раскопки производились какъ въ самомъ валу, такъ и на внутренней площади городища и вблизи находившейся у городища въ XII вѣкѣ церкви св. Климента. Выставлены найденные въ нижнихъ, а частію и въ среднихъ слояхъ вала городища—заготовки изъ кости и костяныя подѣлки, точила для шлифовки костяныхъ орудій, тигли и шлаки, грузила для сѣтей; а также нѣкоторые предметы норманскаго періода, между которыми по художественной отдѣлкѣ выдѣляется, какъ уникъ, небольшой топорикъ (вѣроятно, знакъ власти). Съ раскопокъ, произведенныхъ въ нижнихъ слояхъ вала городища, представлены фотографическіе снимки, а частью и образцы крѣпкаго дерева, составлявшаго части оставшихся въ грунтѣ строеній. Представлена также небольшая коллекція найденныхъ при раскопкахъ внутренней площади городища черепковъ посуды гончарнаго производства VIII—XVII в. и фрагменты стѣнныхъ растений храма св. Климента.

Изъ правительственныхъ мѣропріятій послѣдняго времени, касающихся облегченія дѣятельности русскихъ археологическихъ учреждений, считаемъ не излишнимъ отмѣтить слѣдующее распоряженіе министерства финансовъ. Недоразумѣнія, встрѣчавшіяся при ввозѣ въ Россію ученыхъ коллекцій, въ томъ числѣ археологическихъ и нумизматическихъ, вызвали распоряженіе министерства финансовъ, которое, по соглашенію съ министерствомъ торговли и промышленности, предписало 10-го января текущаго года всѣмъ таможеннымъ учреждениямъ: привозимыя изъ-за границы, какъ отдѣльными экземплярами, такъ и коллекціями предметы, «не имѣющіе свойства товаровъ», для правительственныхъ и общественныхъ музеевъ, коллекцій и кабинетовъ пропускать бесплатно; подобные же предметы, адресованные на имя частныхъ лицъ, также не облагать пошлиною, но при условіи представленія въ таможенную удостовѣренія ученыхъ обществъ или мѣстной губернской власти, что предметъ этотъ дѣйствительно предназначенъ для принадлежащаго данному лицу музея, коллекціи или кабинета археологическаго, нумизматическаго или естественно-историческаго.

А. Мироновъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сенатскій архивъ. Т. XIV. Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за февраль—декабрь 1764 года. Спб. 1910. Стр. XI + 27 + 665. Цѣна не обозначена.

Въ 1909 г. ВЫШЕЛЪ въ свѣтъ тринадцатый томъ «Сенатскаго архива» въ нѣсколько видоизмѣненномъ противъ прежняго видѣ и заключалъ въ себѣ: 1) «Протоколы правительствующаго сената по секретной экспедиціи 1764 и 1765 гг.» и 2) «Указы и повелѣнія императрицы Екатерины II за іюль—декабрь 1763 и январь 1764 г.». Продолженіе «Указовъ и повелѣній» императрицы Екатерины II за 1764 годъ составляетъ настоящій четырнадцатый томъ, приготовленный къ печати прив.-доц. М. В. Клочковымъ. «Содержаніе документовъ, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ—говоритъ его составитель,—довольно разнообразно. Въ основѣ ихъ можно распределить по слѣдующимъ группамъ: 1) высочайшіе указы и повелѣнія, относящіеся къ дѣламъ международнымъ; 2) указы, касающіеся опредѣленія, перемѣщенія и увольненія отъ службы должностныхъ лицъ, а также пожалованія чинами, пенсіей и т. д. (это—наибольшая изъ всѣхъ группъ, въ виду опубликованія въ то время новыхъ штатовъ присутственныхъ мѣстъ); 3) документы по административнымъ и полицейскимъ дѣламъ, 4) по финансовымъ и 5) по служебнымъ. Въ документахъ первой группы по преимуществу говорится о пріѣздахъ иностранныхъ пословъ, напр., польско-литовскихъ гр. Любенскаго и гр. Оскерки, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ съ цѣлью просить императрицу Екатерину II объ охранѣ правъ

и вольностей ихъ государства, турецкаго посла Дервишъ-Эффенди, который вскорѣ по прїѣздѣ въ Россію тяжело заболѣлъ и скончался, и др.

Затѣмъ довольно часты распоряженія объ ассигнованіи суммъ, связанныхъ съ разными польскими дѣлами, о выдачѣ «отпускныхъ презентовъ» и подарковъ, которыми награждались чины иностранныхъ посольствъ при отъѣздахъ. При разсмотрѣніи списковъ должностныхъ лицъ, которые, кстати сказать, всегда внимательно обсуждались въ сенатѣ, особенно при назначеніи на вакантныя должности, императрица нерѣдко въ нихъ вносила свои измѣненія; чаще всего она перемѣщала или вновь назначала кандидатовъ на высшія государственныя должности, напримѣръ, въ президенты и вице-президенты коллегій, въ губернаторы и др. Нерѣдко она вычеркивала имя сенатскаго кандидата и писала на поляхъ доклада: «впредь означу, кому быть», или «скоро приплю сказать, кому быть».

Въ указахъ и повелѣніяхъ по дѣламъ административнымъ и полицейскимъ говорится: объ измѣненіяхъ въ управленіи, связанныхъ съ уничтоженіемъ гетманской должности въ Малороссіи и учрежденіемъ взамѣнъ ея малороссійской коллегіи; о вызовѣ въ Петербургъ губернаторовъ оренбургскаго, воронежскаго, московскаго и бѣлгородскаго, очевидно, для дачи представлений и объясненій по дѣламъ ихъ губерній; о порученіи сенатору Неплюеву главнаго попеченія надъ Петербургомъ во время отсутствія государыни; о выработкѣ мѣръ для выдачи паспортовъ азіатцамъ, выбѣжавшимъ въ предѣлы Россіи, о составленіи проекта осушенія болотъ вблизи Петербурга; о принятіи мѣръ къ открытію академіи художествъ «прилично инавураціею», и др.

Утверждая довольно частыя ассигновки изъ суммъ государственныхъ, императрица иногда требовала особаго разсмотрѣнія съ той стороны, «превосходитъ ли польза сего дѣла то иждивеніе, которое на оное употреблено будетъ». Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи указъ Екатерины II относительно Балтійскаго порта. По представленію графа Миниха въ Балтійскомъ портѣ предполагалось устроить мольную насыпь и оборудовать гавань, на что требовалась многомилліонная сумма. Въ отвѣтъ на докладъ сената объ этихъ сооруженіяхъ императрица обратилась въ сенату съ слѣдующимъ указомъ: «Господа сенатъ! Усмотрѣла я изъ сенатскаго доклада о Балтійскомъ портѣ, что безъ новаго налога онаго работы никакъ продолжить невозможно. Мое же намѣреніе со дня восшествія моего на престолъ никогда не склонялось къ отягощенію подданныхъ, но единственно къ облегченію, всякій безъ крайней надобности налогъ есть отягощеніе. Того для необходимая нужда нынѣ состоитъ, дабы однажды сдѣлать твердое положеніе порту Балтійскому; изъ сего родится первый вопросъ, нуженъ ли сей портъ для государства, и потомъ, какъ и сколько въ него иждивенія для способности и безопасности употребить, при чемъ еще и то вспомнить должно, чтобы полезность преимущество имѣла предъ пышностью. Въ разсужденіи сего повелѣваемъ: ген.-аншефу Панину, ген.-поручику Муравьеву, адмиралу Мордвинову, ген.-поручику графу Чернышеву, обще съ ген.-фельдмаршаломъ гр. Минихомъ, имѣть конференціи о сей матеріи и, положа на мѣрѣ и сдѣлавъ планъ, со мнѣніемъ представить намъ, дабы единойжды всѣ сумнительства о сей матеріи рѣшены были» (стр. 488).

Въ своихъ повелѣнiяхъ по судебнымъ дѣламъ, которыхъ восходило на высочайшее усмотрѣнiе довольно много и иногда весьма незначительныхъ, Екатерина II часто напоминала объ ускоренiи разбора дѣлъ и иногда значительно смягчала суровый приговоръ сената. Весьма внимательно относилась она при назначенiи и увольненiи чиновъ сената и при всякомъ удобномъ случаѣ старалась поддержать достоинство и авторитетъ его, какъ учрежденiя.

Съ внѣшней стороны всѣ документы, по словамъ редактора, могутъ быть раздѣлены: 1) на указы которыхъ всего—129 и изъ нихъ 117 сенату; 2) на резолюцiи и конфирмацiи, всего 189, и 3) на словесныя или изустныя повелѣнiя, объявленныя должностными лицами: 49—генераль-прокуроромъ княземъ А. Вяземскимъ, 15—сенаторами, 3—дежурнымъ генераль-адъютантомъ графомъ Разумовскимъ, 3—генераль-рекетмейстеромъ Козловымъ и 1—Григорiемъ Николаевичемъ Тепловымъ, секретаремъ императрицы, впоследствии сенаторомъ. Всѣ указы и повелѣнiя напечатаны полностью и часто вмѣстѣ съ докладами сената; но въ то же время въ XIV томъ вошли и документы, приведенные только въ видѣ заголовковъ, такъ какъ они были напечатаны уже въ «Полномъ Собранiи Законовъ», всего въ количествѣ 80.

Въ концѣ книги приложены три указателя: именъ личныхъ, географическiй и предметный.

Отдавая должное трудолюбію, крайне внимательному отношенiю и аккуратности, съ какими выполнилъ свою задачу М. В. Ключковъ, я въ то же время не могу умолчать о своемъ недовольствѣ указателемъ личныхъ именъ, который, очевидно, былъ составленъ писцомъ и просмотру со стороны редактора не подвергался. На мой взглядъ, указатели къ обширнымъ томамъ архивныхъ матеріаловъ должны носить, хотя бы отчасти, и характеръ полного справочника; должны при фамилiяхъ заключать имена и отчества и даже званiя или должности лицъ. Приписка послѣднихъ, при наличности разнаго рода словарей, не представитъ большого труда и не отниметъ много времени. Ограничиваться приведенiемъ фамилiи лица только такъ, какъ она начертана въ указѣ или докладѣ, нельзя, развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда трудно выяснитъ это лицо. Между тѣмъ сенатскiй составитель указателя такъ именно и сдѣлалъ, т. е. выписывалъ фамилiи по начертанiю ихъ въ указахъ, и иногда даже съ выпускомъ отчества, нимало не заботясь даже о сличенiи ихъ. Поэтому въ его указателѣ вмѣсто двухъ графовъ Миниховъ встрѣчаемъ пять: Бургарда-Христофа (всего одинъ разъ), генераль-фельдмаршала, Эрнста, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и просто графа (однажды); вмѣсто одного графа Кир. Григ. Разумовскаго—трехъ Разумовскихъ: Кир. Григ., генераль-фельдмаршала, Разумовскаго, малороссiйскаго гетмана, и Разумовскаго, генераль-адъютанта; вмѣсто одного генераль-аншефа Петра Ивановича Панина—двухъ:—Панина, П. И., генераль-аншефа и сенатора, и Панина, генераль-аншефа, и т. п. Очень много крупныхъ дѣятелей, сенаторовъ, генераловъ и другихъ красуются только подъ однiми фамилiями, иногда выписываемыми по нѣскольку разъ, напримѣръ, оберъ-прокуроръ графъ Орловъ, князь Репнинъ, извѣстный секретарь императрицы Григорiй Николаевичъ Тепловъ, генераль-поручикъ Чернышевъ, извѣстный сибирскiй губернаторъ Чичеринъ и

много другихъ. Къ сожалѣнію, совершенно такого же характера и остальные указатели къ другимъ новѣйшимъ сенатскимъ изданіямъ, редактируемымъ И. А. Блиновымъ (напр. «Опись докладовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ»).

В. Рудаковъ.

Флоровскій, А. В. Изъ исторіи Екатерининской законодательной комиссіи 1767 г. Вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Стр. ХХХVIII + 231 и приложенія стр. 235—319. Одесса 1910. Отд. оттискъ изъ II вып. «Записокъ императорскаго новороссійскаго университета историко-филологическаго факультета».

Работа, заглавіе которой мы выписали, принадлежитъ ученику проф. И. А. Линиченко и представляетъ переработанную студенческую работу, удостоенную академической награды. Въ обстоятельныхъ трудахъ В. И. Семевского подробно изслѣдованъ вопросъ о крестьянскомъ положеніи и крѣпостномъ правѣ въ царствованіе Екатерины вообще и въ комиссіи 1767 г. въ частности. Г. Флоровскій изучилъ всю ту обширную литературу, которая имѣется по данному вопросу; въ библиографическомъ перечнѣ трудовъ обозначены почти всѣ труды; поэтому работа г. Флоровскаго представляетъ двоякую цѣнность: во-первыхъ, она подводитъ итогъ всѣмъ изслѣдованіямъ, посвященнымъ крѣпостному праву въ Екатерининской комиссіи, во-вторыхъ, путемъ изученія архивныхъ бумагъ (архива государственнаго совѣта, бумаги Екатерининской комиссіи) исправляетъ недочеты въ работахъ предшественниковъ и освѣщаетъ тѣ стороны вопроса, которыя игнорировались почему-либо въ предшествовавшихъ труду г. Флоровскаго изслѣдованіяхъ..

Въ приложеніи къ работѣ даются: «Разсужденіе депутата тамбовскаго дворянства С. Лопухина», депутата В. Неклюдова «Изъясненіе о опекунствѣ» къ поданному голосу господина деп. Елагина» и др., интересный «Планъ частной комиссіи о размноженіи народа, земледѣлія, домостроительства, о поселеніи, рукодѣліи, искусствахъ и ремеслахъ»; биографическія свѣдѣнія о де-Вильерѣ. Работа распадается на нѣсколько главъ; въ гл. I—авторъ касается вопроса о крѣпостномъ правѣ въ «Наказѣ» императрицы, II гл.—состава комиссіи и его отношенія къ постановкѣ вопроса о крѣпостномъ правѣ, гл. III—вопроса о крѣпостномъ правѣ въ наказахъ отъ населенія; въ обширныхъ IV и V гл. касается обсужденія вопроса о крѣпостномъ правѣ въ Большой комиссіи и крестьянскаго вопроса въ частныхъ комиссіяхъ. Въ результатъ обстоятельнаго изслѣдованія г. Флоровскій приходитъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ. Депутаты, заседавшіе въ законодательной комиссіи 1767 г., требовали почти единогласно предоставленія имъ права владѣнія крѣпостными, но въ то же самое время депутаты склонны были признать въ крѣпостномъ рабѣ—человѣка, «съ одной стороны намѣчалась возможность изъ крѣпостного человѣка сдѣлать раба, съ другой—изъ раба, лишеннаго обычныхъ человѣческихъ правъ,—человѣка».

Депутаты комиссіи нисколько не сомнѣвались въ томъ, что крѣпостное право умѣстно и желательно. Если въ комиссіи раздавались голоса противъ

крѣпостного права, т. е. крѣпостническихъ отношеній, то авторы не настаивали на осуществленіи своихъ мыслей, и подобныя мнѣнія являлись лишь добрыми пожеланіями, которыя на практикѣ должны были свестись къ законодательному вмѣшательству въ отношенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ, либеральныя выступленія Коробьина и другихъ депутатовъ были «не оппозиціей ея величеству, а оппозиціей ея величества». Заявленія депутатовъ звучатъ рѣзче, чѣмъ положенія Екатерины, высказанныя ею въ «Наказѣ», и это происходитъ не оттого, что защитники крѣпостныхъ были радикальнѣе настроены, чѣмъ Екатерина, а потому, что эти мнѣнія болѣе обоснованы, чѣмъ краткія и сухія положенія «Наказа». Работы законодательной комиссіи, посвященныя крѣпостному праву, не имѣли практическихъ послѣдствій для крестьянства. Пожеланія, какъ императрицы, такъ и депутатовъ, относительно законодательнаго разграниченія отношеній помѣщиковъ и крестьянъ остались только въ области благихъ пожеланій; остался безъ разрѣшенія вопросъ о повинностяхъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, вопросъ о правахъ владѣльца надъ крѣпостными также остался нерѣшеннымъ. Частные вопросы, касавшіеся крѣпостного люда, запрещеніе розничной продажи людей безъ земли, проведенныя въ жизнь Екатериной, какъ будто не связаны съ работой комиссіи. Г. Флоровскій не отрицаетъ возможности существованія нѣкоторыхъ скрытыхъ причинъ роспуска комиссіи (это — очередная задача для будущаго изслѣдованія), однако постановка крестьянскаго вопроса въ комиссіи не могла играть особенной роли, ибо и сама Екатерина едва ли признавала несвоевременнымъ обсужденіе крестьянскаго вопроса, когда коснулась его въ «Наказѣ»; генетической связи между прекращеніемъ работъ комиссіи и обсужденіемъ крѣпостного права не предусматривается, и закрытіе комиссіи вызвано какими-то медленными и постоянно дѣйствовавшими обстоятельствами; къ сожалѣнію, авторъ даже не пытается подойти къ этимъ обстоятельствамъ и мало считается съ тѣми причинами закрытія комиссіи, на которыя указывали другіе изслѣдователи. Населеніе русское не могло не обратить вниманія на обсужденіе остраго и животрепещущаго вопроса. Крестьянское населеніе, для котораго вопросъ о крѣпостномъ правѣ представлялъ жизненный интересъ, не могло не интересоваться обсужденіемъ вопроса. Однако на этотъ интересный вопросъ новая работа не даетъ какихъ-нибудь отвѣтовъ. Знаемъ только, что нѣкоторые полагали, что либеральныя выступленія могутъ вселить «заразу въ сердца низкихъ людей» и что «упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лекарства и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствій крестьянскихъ, однодворскихъ, старыхъ службъ и другихъ нижнихъ чиновъ депутатовъ, которые по развѣздѣ своемъ сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи распростерли». Не дождавшись разрѣшенія участи, крѣпостные вручили свою судьбу Пугачеву.

Обстоятельное и богатое содержаніемъ изслѣдованіе г. Флоровскаго должно быть признано хорошимъ вкладомъ въ историографію о крѣпостномъ правѣ.

О. Аваліани.

18*

Шведская война 1808—1809 г. Составлена военно-историческимъ отдѣломъ шведскаго генеральнаго штаба. Переводъ группы офицеровъ бывшаго финляндскаго военнаго округа подъ общей редакціей ген.-майора Алексѣева и полк. Ниве. Часть III и приложенія. Изданіе отдѣла генераль-квартирмейстера главнаго управленія генеральнаго штаба. 1910. XI + 274 + 67 стр. + 14 план. Цѣна не обозначена.

Въ 1906 и 1907 г.г. были изданы первыя двѣ части исторіи шведской войны 1808—1809 г.г., составленныя шведскимъ генеральнымъ штабомъ и переведенныя подъ редакціей ген.-майора А. М. Алексѣева. За смертью послѣдняго это полезное изданіе, къ сожалѣнію, приостановилось. Нынѣ оно перешло въ прочныя и свѣдущія руки главнаго управленія генеральнаго штаба, которое выпустило III-ю часть въ переводѣ П. А. Ниве и приступило къ переводу и изданію IV-ой части, уже появившейся въ Швеціи.

Слѣдовательно этотъ многотомный трудъ разсматриваетъ войну 1808—1809 г.г. подъ угломъ зрѣнія шведскаго генеральнаго штаба. Отсюда—весьма понятныя погрѣшности и въ фактической сторонѣ вопроса, и въ выводахъ. Всѣ эти неточности тщательно оговорены въ примѣчаніяхъ редакторомъ П. А. Ниве, авторомъ самостоятельнаго изслѣдованія о той же войнѣ.

Для насъ, русскихъ, послѣдняя война со Швеціей имѣетъ несомнѣнный интересъ. Окончилась она, какъ извѣстно, присоединеніемъ Финляндіи; русскіе совершили въ теченіе ея безсмертный зимній переходъ черезъ Кваркенъ. Кромѣ того, помимо исторіи, эта война важна тѣмъ, что совершалась она въ Финляндіи, въ той именно Финляндіи, которая заставляеть въ настоящую минуту говорить о себѣ и составляетъ первую главу тяжелаго окраиннаго вопроса.

По сравненію съ предыдущими частями, въ третьей части введены несомнѣнныя улучшенія: сохранены всѣ ссылки на источники и подстрочныя примѣчанія подлинника, ранѣе выпускавшіяся; переведены почти всѣ приложенія, за исключеніемъ такихъ, которыя могутъ имѣть интересъ только для шведовъ, какъ, напримѣръ, списки убитыхъ и раненыхъ офицеровъ, списки объ отличившихся и пр.; важнѣйшіе документы, почерпнутые составителями изъ русскихъ архивовъ, скопированы прямо съ подлинника; документы, напечатанные ранѣе русскими изслѣдователями, опущены, съ отмѣткою въ текстѣ.

Переводъ сдѣланъ очень хорошій, и вся книга читается съ интересомъ и легко. Весьма желательно скорѣйшее изданіе дальнѣйшихъ частей.

Наиболѣе вниманія у всякаго читателя привлечеть, безъ сомнѣнія, глава о внутреннемъ политическомъ состояніи Швеціи. Въ состояніи корпуса шведскихъ офицеровъ кроется зародышъ будущаго пораженія Швеціи, ибо побѣда дается не техникой, какъ бы ни распинались о ней защитники телефонныхъ проволокъ, а духомъ, который въ шведскихъ офицерахъ того времени оставлялъ желать многое. Дисциплина, душа всякой арміи, пала. Офицеры приплачивали за свои мѣста, и подобная приплата вошла въ служебный обычай и была терпима. Духъ Карла XII, этого если не короля-полководца, то во всякомъ случаѣ короля-викинга, давно испарился. Разросся карьеризмъ. Офицеры стали отста-

вать отъ арміи, рапортуюсь больными. Тылъ арміи принималъ нѣкоторый вахханалическій оттѣнокъ. Аминовъ, напримѣръ, рассказываетъ, что, отправившись однажды въ концѣ марта въ городъ Бьернеборгъ, увидѣлъ, къ своему удивленію, на общественномъ увеселеніи одиннадцать офицеровъ изъ арміи Клингспора. Дѣло дошло до того, что Клингспоръ вынужденъ былъ доносить королю: «одинъ за другимъ мои офицеры, ссылаясь на болѣзнь, безъ моего разрѣшенія и вѣдома, отстаютъ на станціяхъ въ городахъ, которые я вынужденъ оставлять при отступленіи арміи. Я объявилъ, что никакія врачебныя свидѣтельства, если они не будутъ выданы первымъ походнымъ врачомъ лейбъ-медикомъ авъ Бьеркеномъ, не будутъ признаваться мною уважительными. Приказъ мой возымѣлъ хорошее дѣйствіе, многіе вернулись въ полки выздоровѣвшими».

Конечно, такія явленія въ какой бы то ни было арміи постыдны и влекутъ только одно—пораженія и пораженія, или, какъ выражаются иногда реляции, «отходъ на заранѣ подготовленныя позиціи». И напрасно утѣшаетъ себя шведскій генеральный штабъ, что съ уходомъ этихъ малодушныхъ и заботившихся о личной безопасности армія выиграла въ своей боевой готовности. Нѣтъ, они внесли элементъ разложенія въ армію и способствовали побѣдѣ русскаго оружія.

М. О.

Альбертъ Вандаль. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Т. I. Отъ Тильзита до Эрфурта. Спб. 1910. Стр. 534. Ц. 3 руб.

Первый томъ изслѣдованія Вандалья вышелъ въ подлинникѣ еще въ 1891 г. и встрѣтилъ такой пріемъ, что почти вслѣдъ за первымъ понадобилось новое, второе его изданіе. Впослѣдствіи, когда были написаны два остальные тома, Вандаль получилъ за нихъ полную премію Гобера и званіе члена французской академіи наукъ.

Уже одна эта справка свидѣлствуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ выдающагося достоинства. И дѣйствительно, трудъ Вандалья, какъ по своему содержанію, такъ и по его обработкѣ, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній современной исторической литературы. Предметомъ своего изслѣдованія авторъ беретъ чрезвычайно любопытный періодъ времени, эпоху великой важности, которая едва ли когда-нибудь повторится въ исторіи Европы. Отъ прикосновенія желѣзной солдатской руки Наполеона разсыпались въ прахъ обветшавшіе троны старомодныхъ европейскіхъ владыкъ. Европы, въ политическомъ смыслѣ слова, не существовало вовсе: былъ лишь цѣлый рядъ мелкихъ, разбитыхъ Наполеономъ владѣній, раболѣпно-послушныхъ Франціи. Въ этой части свѣта остались лишь два повелителя—Наполеонъ на западѣ, Александръ на востокѣ, которые рѣшили подѣлить Европу. Въ тѣ времена, когда принципъ народности не обладалъ такой упругостью, какъ въ наше время, дѣлалось это очень просто: нужно было только имѣть подъ руками подробную карту и по ней карандашомъ отмѣтить доли каждаго. Духъ замираетъ, когда читаешь у Вандалья страницы, гдѣ Коленкуръ и Румянцовъ, сражаясь на дипломатической шахматной доскѣ, ведутъ переговоры о раздѣлѣ Турецкой имперіи, при-

чемъ Россіи отдаются Молдавія, Валахія, Болгарія, Константинополь и Босфоръ. Вѣдь осуществивъ это соглашеніе, міровая исторія пошла бы совсѣмъ другимъ путемъ.

Къ сожалѣнію, взаимное недовѣріе императоровъ и дипломатическая игра ихъ министровъ, подробно прослѣженная Вандалемъ, помѣшала осуществиться этому грандіозному проекту. Отъ сношеній двухъ императоровъ остался лишь запутанный клубокъ отношеній. Однѣ изъ его нитей были оборваны временемъ, другія долго еще озабочивали дипломатію, наконецъ третьи—въ родѣ отношеній Россіи къ Финляндіи—доходятъ и до нашего времени.

Вандалъ собралъ огромное количество фактическаго матеріала. Шагъ за шагомъ слѣдилъ онъ за своими героями, гдѣ бы они ни появлялись вмѣстѣ: на полѣ бывшей битвы, въ театрѣ, на разнаго рода общественныхъ чествованійхъ, въ кабинетѣ за дѣловыми переговорами, въ походныхъ палаткахъ за наскоро приготовленнымъ завтракомъ, на блестящихъ смотрахъ, которыми они оба умѣли угощать другъ друга.

Вандалъ умѣетъ все это рассказать мастерски. Не загромождая книгу сырыми матеріалами, не гоняясь за ссылками, столь излюбленными у нашихъ историковъ, авторъ изящно и просто рассказываетъ событія, какъ они рисуются источниками. Его сочиненіе не имѣетъ ничего общаго съ тяжеловѣсными изслѣдованіями по дипломатической исторіи. Оно интересно и читается, какъ историческій романъ. Взявъ книгу Вандаля въ руки, трудно положить ее на столъ, пока не дойдешь до послѣдней страницы.

Что касается русскаго перевода, то въ общемъ онъ вполне удовлетворителенъ и отражаетъ на себѣ изящество французскаго подлинника. Отмѣтимъ здѣсь лишь нѣсколько шероховатостей и промаховъ противъ русскаго языка, замѣченныхъ нами при чтеніи. На стр. 74 читаемъ: «нолки проходили... играя красками своихъ мундировъ». Далѣе «Нѣмецъ (Виландъ)... приведенный въ смущеніе кованымъ языкомъ (вмѣсто стилемъ) этого чловѣка (Наполеона)». «Нѣтъ ли у васъ обязательствъ съ сербами?» (стр. 290) вмѣсто «относительно сербовъ». «Ваше величество согласенъ».

Такихъ обмолвокъ, объясняемыхъ, очевидно, желаніемъ какъ можно ближе держаться французскаго текста, очень немного и при бѣгломъ чтеніи ихъ можно и не замѣтить.

А. В.

В. В. Назаревскій. Великія историческія годовщины. 1612—1613—1812. Междоусобица и народныя ополченія. Трехсотлѣтіе избранія на царство Михаила Теодоровича Романова. Столѣтіе Отечественной войны 1812 года. Съ 146 рисунками. М. 1911. Стр. 210. Ц. 75 к.

Вышеназванная книжка В. В. Назаревскаго, автора цѣлаго ряда научно популярныхъ очерковъ по русской исторіи, является довольно удачнымъ пособіемъ для ознакомленія учащихся и большой публики съ предстоящими юбилейными годовщинами, особенно въ виду обилія хорошо исполненныхъ рисунковъ. Все содержаніе ея разбито на слѣдующія пять главъ: 1) «Наше лихолѣтье

и 1612 годъ», 2) «Избраніе на царство Михаила Теодоровича и возстановленіе имъ Русскаго государства», 3) «Михаиль Теодоровичъ, какъ второй основатель Москвы», 4) «Отечественная война 1812 года и Бородинская битва» и 5) «Занятіе Наполеономъ Москвы и гибель его полчищъ». Не вдаваясь въ излишнія подробности, авторъ умѣло разсказалъ главнѣйшіе факты междуцарствія, выдвинулъ наиболѣе крупныхъ дѣятелей того времени, особенно патріарха Гермогена, и далъ едва ли не впервые въ подобнаго рода очеркахъ обстоятельное описаніе «строительства» царя Михаила Теодоровича «на Москвѣ». Живо затѣмъ изложены авторомъ ходъ Бородинской битвы и пребываніе Наполеона въ пылающей Москвѣ. Подборъ рисунковъ и портретовъ и включеніе сюда же снимка грамоты объ избраніи на царство Михаила Теодоровича—также нельзя не признать вполне отвѣчающими своей цѣли.

Но тѣмъ не менѣе, даже при бѣгломъ обзорѣ содержанія книжки В. В. Назаревскаго бросается въ глаза нѣкоторая спѣшность при ея составленіи и печатаніи. Авторъ почему-то не нашелъ нужнымъ присоединить даже оглавленія книжки, не говоря уже о перечнѣ рисунковъ и портретовъ, и напрасно видоизмѣнилъ въ заглавныхъ листахъ наименованія годовщинъ. Благодаря спѣшности на первой же страницѣ красуется досадная опечатка: въ настоящее время приближаются три знаменательнѣйшихъ юбилея родной исторіи, которые падаютъ на два уже недалекіе года 1812 и 1813 гг., вмѣсто 1912 и 1913 гг. Попадаются неудачныя выраженія въ дальнѣйшемъ текстѣ, вродѣ «бумаги произвели въ Москвѣ такое «агитаціонное» движеніе».. (стр. 9); «поляки стали бить извозчиковъ, а тѣ «сдавали сдачу» (стр. 18); «Благодатной» рѣвкой полились пожертвованія» (стр. 28); «Русская историческая идея «всеобдержно» (?) охватила и царя и народъ» (стр. 127), и др. Къ слѣдствіямъ спѣшности я отношу и то, что авторъ удѣлилъ подвигу Ивана Сусанина всего 6 строкъ, тогда какъ въ подобномъ очеркѣ можно было бы приложить и памятникъ Сусанину, воздвигнутый въ Костромѣ; точно также можно было бы болѣе остановиться на памятникахъ поэтическаго творчества, въ которыхъ отразились событія 1612 и 1812 годовъ.

Давая въ своей книжкѣ историческій матеріалъ для ознакомленія съ знаменательными годовщинами, съ ихъ событіями и выдающимися дѣятелями, авторъ въ то же время имѣлъ въ виду и другую цѣль: доставить матеріалъ для чтеній въ школьныхъ и другихъ собраніяхъ, ради чего онъ приложилъ особое подробное оглавленіе «чтеній» и списки свѣтовыхъ картинъ, куда вошли и картины, не находящіяся въ его книжкѣ; точно также далеко не всегда найдется въ ней достаточно матеріала для предложенныхъ имъ четырехъ чтеній, насколько можно судить по отдѣльнымъ заголовкамъ послѣднихъ.

Несмотря на приведенныя краткія замѣчанія, которыя, быть можетъ, пригодятся для послѣдующихъ изданій, я повторяю, что книжка В. В. Назаревскаго удачно составленное пособие, хорошо изданное и даже дешевое по цѣнѣ, въ виду обилія рисунковъ (146 на 204 страницахъ).

В. Рудаковъ.

Отчетъ о дѣятельности черниговской губернской ученой архивной комиссіи за 1909 годъ. Черниговъ. 1909. 26 стр. in 4°.

Дѣятельность губернскихъ архивныхъ комиссій очень полезна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скромна, что давнымъ-давно признано всѣми. Только благодаря печатнымъ трудамъ ихъ, отчетамъ, общество знаетъ объ ихъ дѣятельности. Настоящій отчетъ появился своевременно, за что должно поблагодарить составителей его, такъ какъ свой послѣдній, седьмой выпускъ «Трудовъ» комиссія издала въ 1908 году, выпускъ же восьмой выйдетъ не ранѣе 1911 года.

«Истекшій 1909 годъ, тринадцатый въ жизни комиссіи,—говоритъ отчетъ,— нельзя назвать особо плодотворнымъ (стр. 3). Ликвидация дѣлъ XIV археологическаго съѣзда, переустройство музея, пополненіе его новыми коллекціями (оставшимися послѣ выставки при XIV съѣздѣ и принадлежащими нынѣ городу), ремонтъ помѣщенія комиссіи (музей былъ закрытъ почти два мѣсяца) отняли много времени».

Но все же дѣятельность комиссіи продолжалась. Изъ наиболѣе интересныхъ фактовъ укажемъ на слѣдующіе. Устройство 26-го октября 1909 года торжественнаго публичнаго юбилейнаго засѣданія, посвященнаго памяти святителя Димитрія Ростовскаго (Туптало), съ выставкой письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ времени пребыванія святителя въ Черниговскомъ краѣ. Раскопки въ усадьбѣ уѣзднаго земства съ цѣлью опредѣлить мѣстоположеніе церкви святаго Михаила (XII в.); дневникъ раскопокъ напечатанъ въ отчетѣ (8—13 стр.); раскопки на Болдиныхъ горахъ и въ мѣстечкѣ Гремячѣ Новгородъ-Увѣрскаго уѣзда. Комиссіей разсмотрѣны описи архивныхъ дѣлъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, волынской казенной палаты (1870—1890 гг.) всего четыреста шестьдесятъ три дѣла и владимиръ-волынскаго казначейства (1879—1895 гг.), всего тысяча сто пятьдесятъ восемь дѣлъ и книгъ; закончено также разсмотрѣніе описей архивовъ прочихъ казначействъ Волынской губерніи, казначействъ и казенныхъ палатъ Минской и Черниговской губерній (за время?).

Изъ поступленій въ музей, бібліотеку и архивъ комиссіи особенно интересны: вышедшій изъ употребленія малороссійскій плугъ; портретъ такъ называемаго «дикаго попа» Кирилла Тарловскаго; находки съ «Татарской Горки» и городищъ сель Евминки и Выползова Остерскаго уѣзда; документы на русскомъ и польскомъ языкахъ пана Кюсака, владѣльца мѣстечекъ Семіоновки и Гремяча; подлинная царская грамота царя Алексѣя Михайловича «Зосимъ епископу черниговскому, отъ 1-го сентября 1649 года, о присылкѣ въ Москву черниговскихъ учителей священноиноковъ Кирилла Замойскаго, Арсенія и Дамаскина, знающихъ греческій и латинскій языки, для справки библи на словенскую рѣчь и съ предложеніемъ имъ, при желаніи, остаться на службѣ въ Москвѣ» (стр. 19).

Бібліотека значительно увеличилась приношеніями главнымъ образомъ императорскаго общества исторіи и древностей при московскомъ университетѣ и правителя дѣлъ комиссіи П. М. Добровольскаго († 21-го августа 1910 г.), передавашаго всю свою бібліотеку, собранную имъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

На 1 января 1910 года по каталогу значилось пять тысяч двѣсти семьдесятъ семь книгъ. Составляется карточный каталогъ.

Музей комиссіи посѣтили тысяча сто девяносто человекъ. Входъ бесплатный.

Въ концѣ приложенъ «списокъ членовъ черниговской губернской ученой архивной комиссіи» (стр. 23—26). Къ сожалѣнію, составители не отмѣтили въ списокѣ умершихъ членовъ комиссіи, а также не обозначили, съ какого времени выбраны членами, почему списокъ не соответствуетъ дѣйствительности и для исторіи комиссіи не пригоденъ, такъ какъ представляетъ собою только сухой перечень лицъ.

Д. В.

Военная энциклопедія. Подъ редакціей Новицкаго, фонъ - Шварца, Апушкина и фонъ-Шульца. Изданіе т-ва Сытина. I полутомъ. Спб. 1911. Стр. 160. Съ планами, портретами и картами.

Если принять въ соображеніе, что послѣдняя русская военная энциклопедія («Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ» Г. А. Леера) издана двадцать пять лѣтъ тому назадъ; что за это время произошли громадныя измѣненія, какъ въ обстановкѣ войны, въ способахъ передвиженія и передачи мысли на разстоянія (автомобили, электрическая тяга, нарождающаяся авіація, телеграфъ), такъ и въ орудіяхъ войны (магазинное ружье, скорострѣльная артиллерія, бризантные снаряды, громадныя калибры во флотъ и пр.) и въ самой техникѣ веденія войны и боя, и что все сказанное уже вошло въ жизнь и сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ; что, наконецъ, за это же время произошло, при новыхъ условіяхъ, нѣсколько боевыхъ столкновеній, изъ коихъ наша послѣдняя война представляется наиболѣе значительною и богатою выводами — то потребность въ изданіи современной военной энциклопедіи, отвѣчающей новой обстановкѣ, станетъ вполне понятною.

Потребность эта уже выразилась за границею изданіемъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ двухъ военныхъ энциклопедій; намъ же, выдержавшимъ тяжелую войну, но не потерявшимъ вѣры въ свою военную мощь и стоящимъ на пути неизбѣжныхъ и крупныхъ преобразованій, она вдвое нужнѣе. Поэтому нельзя не пожелать успѣха грандіозному предпріятію т-ва Сытина, требующему большихъ предварительныхъ затратъ и большой умѣлости редакціоннаго состава.

Надо, однако, замѣтить, что успѣхъ изданія будетъ зависѣть прежде всего отъ увѣренности подписчиковъ въ окончаніи изданія въ указанный въ объявленіи срокъ, а затѣмъ отъ степени довѣрія къ работѣ редакціи, которой предстоитъ тяжелая и трудная задача.

Что касается перваго условія, то можно надѣяться, что солидная фирма товарищества исполнитъ свои обязательства передъ подписчиками; второе же условіе будетъ зависѣть отъ состава редакціи и сотрудниковъ.

Редакціи предстоитъ все предусмотрѣть и все подготовить: заранѣе опредѣлить соразмѣрность частей и степень полноты разнообразныхъ свѣдѣній, количество и качество графическихъ приложеній, выбрать удачно шрифтъ и

бумагу, ибо это имѣетъ прямое вліяніе на удобство пользованія изданіемъ, все это организовать такъ, чтобы почти весь составъ изданія былъ въ портфель редакціи и безостановочно поступалъ въ печать въ опредѣленный срокъ. Хотя въ составѣ редакціи мы не видимъ одного общаго руководителя, причемъ редакціонные вопросы будутъ разрѣшаться, повидимому, коллегиально, хотя въ числѣ редакторовъ не находится именъ съ прочно установившимся авторитетомъ, тѣмъ не менѣе, полагаемъ, что при дружномъ содѣйствіи редакціи и сотрудниковъ, при умѣлой организаціи и правильномъ распредѣленіи матеріала работа можетъ итти успѣшно.

По проекту редакціи «Военной Энциклопедіи», все изданіе будетъ заключать въ себѣ 40 полутомовъ (всего не менѣе 400 листовъ), выходящихъ ежемѣсячно и будетъ такимъ образомъ закончено въ 3½ года; кромѣ того, издательство выдаетъ своимъ подписчикамъ бесплатное приложеніе въ видѣ трехъ иллюстрированныхъ томовъ, подъ заглавіемъ «Исторія развитія русской военной силы», въ которыхъ будетъ изложена исторія нашихъ арміи и флота. Цѣна всего изданія (40 полутомовъ и 3 тома приложенія) по предварительной подпискѣ 93 р. съ пересылкой: при подпискѣ уплачивается 4 р., а затѣмъ за каждый полутомъ 2 р. 35 к. Издательство обѣщаетъ обратить особое вниманіе на иллюстраціи «Энциклопедіи», имѣя въ виду дать до 700 иллюстрацій, въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ (въ краскахъ), съ примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ способовъ графической техники. Дѣйствительно, въ 1-мъ полутомѣ находимъ множество картъ, плановъ и чертежей, а также нѣсколько картинъ и хорошо исполненныхъ портретовъ; подобныя графическія дополненія много способствуютъ поясненію текста, а также даютъ наглядное представленіе о трактуемыхъ предметахъ. Желательно, конечно, чтобы издательство выдержало и въ послѣдующихъ томахъ такой размѣръ приложеній. По первому вышедшему тому трудно, конечно, судить о достоинствахъ всего изданія; замѣтимъ только, что въ числѣ наиболѣе основательныхъ статей въ первомъ полутомѣ помѣщены: «Австро-Венгрія», занимающая, со всѣми веденными въ прошломъ вѣкѣ Австрію войнами, болѣе трети всей книжки (63 стр.); «Авіація», «Автомобиль», «Автоматическое оружіе» и др. Л. Н.

Ученыя Записки императорскаго лиція въ память цесаревича Николая. Выпускъ первый. Москва 1907. Выпускъ второй. Москва 1908. Выпускъ третій. Москва 1909. Цѣна каждого выпуска 2 руб.

Императорскій лицей въ память цесаревича Николая въ Москвѣ принялъ весьма полезное изданіе своихъ «Ученыхъ Записокъ», выходящее подъ редакціей извѣстнаго своими учеными трудами профессора И. Т. Тарасова.

Каждый изъ выпусковъ раздѣляется на три части: во 1-й помѣщаются отдѣльныя статьи по разнымъ вопросамъ юридическаго характера; во 2-ой критико-библиографическія замѣтки; 3-ю составляютъ приложенія.

Первый выпускъ «Ученыхъ Записокъ» начинается статьею нынѣшняго управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія (бывшаго директора

лица и профессора) Л. А. Кассо, подъ заглавіемъ «Византійское право въ Бессарабіи» (стр. 1—71). Въ своей статьѣ г. Кассо дѣлаетъ попытку выясненія весьма любопытнаго и въ то же время весьма темнаго и сложнаго вопроса о происхожденіи и характерѣ бессарабскаго гражданскаго права и о проникновеніи въ молдавскую жизнь византійскаго права. Слѣдующими статьями въ первомъ выпускѣ являются: вступительная лекція, прочитанная въ лицѣ безвременно скончавшимся профессоромъ В. А. Юшкевичемъ на тему: «Храненіе (custodia), какъ основаніе владѣнія движимостью»; и статья И. И. Вернера, касающаяся весьма интереснаго вопроса о времени и причинахъ образованія московскихъ приказовъ; окончаніе этой обширной статьи (стр. 199) помѣщено въ первой части второго выпуска.

Во второмъ выпускѣ «Ученыхъ Записокъ» талантливый профессоръ московскаго университета С. В. Познышевъ началъ печатаніе своихъ любопытныхъ очерковъ, подъ заглавіемъ: «Бельгійскія тюрьмы, колоніи для нищихъ и бродягъ и заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ» (стр. 1—80), окончаніе которыхъ помѣщено въ третьемъ выпускѣ (стр. 81—263). Эти очерки составлены на основаніи наблюденій почтеннаго профессора и личнаго его ознакомленія съ цѣлымъ рядомъ бельгійскихъ исправительныхъ учреждений, представляющихъ громаднѣйшій интересъ для криминалиста. Главнѣйшею особенностью этихъ учреждений является отсутствіе той праздности, которая, къ сожалѣнію, такъ широко распространена въ нашихъ тюрьмахъ. Бельгійская тюрьма—это домъ труда, въ которомъ работоспособное населеніе работаетъ и въ которомъ работа стоитъ на первомъ планѣ среди воспитательныхъ средствъ. Вообще, бельгійскія тюрьмы произвели на посѣтившаго ихъ русскаго профессора довольно благопріятное впечатлѣніе, хотя онъ и не является сторонникомъ примѣняемаго въ этихъ тюрьмахъ одиночнаго заключенія, которое, въ случаѣ его продолжительности, усыпляетъ психику человѣка, расслабляетъ его душевныя силы и въ высшей степени усиливаетъ и безъ того трудно выносимый многими контрастъ между тюремною и свободною жизнью (стр. 147). Непріятное впечатлѣніе произвели на автора карцеры въ тюрьмахъ; они лишены свѣта, слишкомъ малы по своимъ размѣрамъ и представляютъ собою какъ бы каменный гробъ, изъ котораго ни одинъ вопль заключеннаго никѣмъ не будетъ услышанъ. Къ статьѣ проф. Познышева приложено много иллюстрацій.

Кромѣ того, въ первой части помѣщены статьи А. А. Треплина: «Международное право и телеграфныя морскія кабели» (во второмъ выпускѣ стр. 1—15) и П. Е. Соколовскаго (попечителя Харьковскаго учебнаго округа, бывшаго профессора лицей) подъ заглавіемъ «Кантъ и Савиньи» (въ третьемъ выпускѣ стр. 1—15).

Изъ статей, помѣщенныхъ въ критико-библиографическомъ отдѣлѣ заслуживаютъ вниманія двѣ рецензіи недавно скончавшагося профессора Н. С. Суворова на сочиненія П. В. Гидулянова «О восточныхъ патріархахъ въ періодъ четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ» и С. В. Познышева «Религіозныя преступленія съ точки зрѣнія религіозной свободы», а также критическая статья профессора И. Т. Тарасова, подъ названіемъ: «Народная школа во Франціи», представляющая собою отзывъ о сочиненіи И. И. Чистя-

кова «Образованіе народа во Франціи. Эпоха третьей республики» (1870—1902).

Въ приложеніи помѣщены: 1) Лекціи по полицейскому (административному, праву. Профессора И. Т. Тарасова (стр. 1—208); до сихъ поръ напечатано 23 лекціи. 2) «Исслѣдованіе изъ области ученія о владѣннн, ч. I. Пріобрѣтеніе владѣннн по римскому праву» (1—64), профессора В. А. Юшкевича.

Изъ изложеннаго видно, какъ интересно и содержательно составлены вышедшіе въ свѣтъ три выпуска «Ученыхъ Записокъ» лица.

Желаемъ новому ученому изданію дальнѣйшихъ успѣховъ.

Профессоръ М. Красножонъ.

Берлинскій Братскій Временникъ. Православныя церкви и русскія учрежденія за границей (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Въ двухъ частяхъ, съ 76 рисунками. Протоіеря А. П. Мальцева. Берлинъ. 1911.

Извѣстный русскій дѣятель за границей протоіерей А. П. Мальцевъ издалъ въ 1906 году очень полезную интересную книгу о православныхъ церквахъ и русскихъ учрежденіяхъ за границей, гдѣ былъ предложенъ, въ алфавитномъ порядкѣ городовъ, конспективный очеркъ находящихся на чужбинѣ православныхъ церквей, русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ, вмѣстѣ съ календаремъ на указанный годъ. Настоящая книга, вышедшая въ свѣтъ въ текущемъ году, составляетъ продолженіе перваго изданія, исполненное такъ же, какъ и первое, на средства берлинскаго Св.-Князь-Владимирскаго братства, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ ея императорскаго высочества великой княгини Маріи Павловны. И второе изданіе содержитъ общій краткій перечень, и опять въ алфавитномъ порядкѣ, русскихъ церквей и учреждений за границею, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно, исключивъ календарныя данныя, въ существенной своей части посвящено историческому обзору этихъ учреждений, особенно въ Австро-Венгріи, Германіи и Швеціи.

Историческіе очерки, вошедшіе въ составъ разсматриваемаго изданія, писаны не только на основаніи существующей печатной литературы, но и преимущественно по руководству архивныхъ матеріаловъ. Почтенный авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма важныя извлеченія изъ архивовъ: синодальнаго, московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и с.-петербургскаго при томъ же министерствѣ, а также воспользовался рукописными матеріалами, оказавшимися на мѣстахъ, при церквахъ и другихъ учрежденіяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и содержащими не мало дополнительныхъ къ первому источнику историческихъ и археологическихъ свѣдѣній.

Историческій матеріалъ книги восполненъ и нѣкоторыми официальными и полуофициальными свѣдѣніями, касающимися православныхъ церквей и русскихъ учреждений за границей. Такъ, здѣсь помѣщены очень важныя и интересныя «общія постановленія касательно заграничныхъ церквей», инструкціи викарнаго епископа кронштадтскаго, которому въ 1907 году было ввѣрено завѣ-

дываніе русскими заграничными церквами, годичные отчеты берлинскаго братства и протоколы ревизіонной комиссіи, отчетъ по устроенной въ 1901 году эмеритальной кассѣ для заграничнаго духовенства и дѣйствующихъ при церквахъ братства и попечительства, свѣдѣнія о сооруженіи въ Берлинѣ русскаго Андреевскаго православнаго храма-собора, на который протоіереемъ А. П. Мальцевымъ собрано уже около 150.000 рублей.

Изданіе снабжено портретами русскихъ духовныхъ дѣятелей за границей и рисунками храмовъ и учреждений, о которыхъ въ книгѣ идетъ рѣчь.

Такова общая схема новаго труда почтеннѣйшаго о. протоіерея А. П. Мальцева, исполненнаго имъ совмѣстно съ настоятелемъ русской миссійской церкви въ Стокгольмѣ, о. протоіереемъ П. П. Румянцевымъ, которому принадлежитъ вся вторая часть книги, посвященная Швеціи.

Въ этихъ обшихъ рамкахъ новое изданіе русскаго берлинскаго братства содержитъ весьма интересный, важный и полезный историческій, правовой и археологическій матеріалъ, освѣщающій въ формѣ прекраснаго изслѣдованія одинъ изъ недостаточно изученныхъ вопросовъ русской жизни и быта за границей. Такъ, въ историческомъ очеркѣ, посвященномъ православнымъ церквамъ и русскимъ учреждениямъ въ Австріи (стр. 64—157), предварительно сообщаются свѣдѣнія о представителяхъ здѣсь русской дипломатической миссіи—князь П. А. Голицынъ, Петръ Бестужевъ, Андрей Артам. Матвѣевъ, графъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ, князь Д. М. Голицынъ, графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскомъ и всѣхъ послѣдующихъ — посланникахъ и послахъ при австрійскомъ дворѣ. Затѣмъ рѣчь идетъ о настоятеляхъ русской посольской церкви въ Вѣнѣ. Первымъ настоятелемъ этой церкви былъ священникъ Симеонъ Матвѣевъ, перешедшій въ Вѣну изъ Гааги въ 1762 году (при князѣ Д. М. Голицынѣ) и прожившій здѣсь до 1767 года, когда былъ переведенъ въ Парижъ. Въ Вѣнѣ онъ получалъ жалованья 400 рублей въ годъ. Изъ другихъ настоятелей посольской церкви въ Вѣнѣ извѣстны: знаменитый архимандритъ, потомъ епископъ Порфирій Успенскій (1842 г.), прославившій себя впоследствии дѣятельностью на православномъ Востокѣ и многими учеными трудами изъ исторіи греко-восточной церкви; протоіерей М. Θ. Раевскій († 1884), о которомъ профессоръ В. И. Ламанскій въ рѣчи на собраніи Славянскаго общества сказалъ: «Со времени св. Меодія до Раевского не было церковнаго дѣятеля съ такимъ, какъ онъ, всеславянскимъ значеніемъ», протоіерей А. В. Николаевскій. Въ Вѣнѣ служилъ діакономъ и А. Н. Кудрявцевъ, бывшій затѣмъ профессоромъ богословія и церковнаго права въ Новороссійскомъ университетѣ, прекрасный знатокъ исторіи славянъ, извѣстный многими учеными трудами. Сообщивъ біографическія и иныя свѣдѣнія о священникахъ и діаконахъ русской церкви въ Вѣнѣ, авторъ говоритъ о церковникахъ, пѣвчихъ и учителяхъ, отправлявшихся святѣйшимъ синодомъ въ Вѣну для обученія славянъ. Далѣе въ книгѣ указываются русскія консульства въ предѣлахъ Австріи, перечисляются православныя церкви въ Чехіи, опредѣляется общій характеръ русскихъ курортныхъ церквей и т. п. Между прочимъ, почтенный авторъ сообщаетъ (стр. 113), что въ Триестѣ на греческомъ кладбищѣ погребенъ извѣстный въ исторіи русскаго раскола бѣлокриницкій митрополитъ Амвросій,

скончавшійся въ городѣ Цилли въ Штиріи и погребенный 17 ноября 1863 года. Въ церковной книгѣ объ умершихъ (часть VI, стр. 20, № 111, погреб. № 1409) на основаніи докторскаго свидѣтельства сдѣлана слѣдующая запись о его смерти: «Господинъ Амвросій Поповичъ, митрополитъ, 70 лѣтъ, 11 ноября 1863 г., въ половинѣ 9 часа утра, скончался отъ анеміи сердца въ городѣ Цилли, въ домѣ № 174. По истеченіи законнаго срока тѣло можетъ быть предано землѣ». На каменной плитѣ, вдѣланной въ южной алтарной стѣнѣ, имѣется на греческомъ языкѣ слѣдующая надгробная надпись: «здесь покоится митрополитъ Босніи Амвросій, 78 лѣтъ, скончался въ Цилли, въ Штиріи, и погребенъ въ Триестѣ 17 ноября 1863 года; его сынъ Георгій, оплакивая, положилъ этотъ камень». Съ большимъ интересомъ читаются сообщенія о русскихъ церквахъ въ Мариенбадѣ и Франценсбадѣ, русскомъ домѣ въ Меранѣ.

Особый очеркъ (стр. 157—170) посвященъ русскимъ учрежденіямъ въ Венгріи, съ описаніемъ дипломатическихъ сношеній Москвы съ Венгріей, съ сообщеніемъ свѣдѣній о русскомъ консульствѣ въ Будапештѣ, о русской православной церкви въ Иремѣ, построенной надъ прахомъ почивающей тамъ великой княгини Александры Павловны, эрцгерцогини и палатини венгерской, и бывшей русской церкви въ Токаѣ, въ Венгріи, на мѣстѣ сбора винограда для токайскаго вина къ русскому двору. Любопытно, что при этой церкви состоялъ церковникомъ извѣстный украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода (1722—1794). Сынъ простаго казака, онъ учился въ кievской духовной академіи, откуда поступилъ въ придворную пѣвческую капеллу въ Петербургѣ, получилъ званіе придворнаго уставщика, послѣ же былъ отправленъ за границу церковникомъ. Эта поѣздка являлась для Г. С. средствомъ для изученія иностранныхъ языковъ и для восполненія своихъ знаній и принесла украинскому философу несомнѣнную образовательную пользу.

Съ большою подробностью обозрѣваются въ книгѣ (стр. 170—359) православныя церкви и русскія учрежденія въ Германской имперіи. Сначала рѣчь идетъ о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Пруссіей и сообщаются біографическія и иныя свѣдѣнія о представителяхъ русской миссіи въ Берлинѣ, какіе: графъ А. Г. Головкинъ, графъ М. Г. Головкинъ, князь С. Д. Голицынъ, М. П. Бестужевъ-Рюминъ, гр. Ягужинскій, баронъ фонъ-Бракель, гр. П. Г. Чернышевъ, кн. Н. В. Репнинъ, князь В. С. Долгоруковъ и другіе. Затѣмъ рѣчь идетъ о русскихъ церквахъ въ Берлинѣ, Потсдамѣ, Карлсбадѣ, о священникахъ и церковникахъ при этихъ храмахъ, о переводѣ богослужебныхъ и вѣроучительныхъ книгъ на нѣмецкій языкъ и т. д. Особый интересъ имѣютъ приложенія, касающіяся новѣйшей судьбы русскихъ учреждений въ Берлинѣ — Св.-Князь-Владимирскаго братства, эмеритуры. Вообще, очеркъ очень богатъ содержаніемъ и подробно знакомитъ читателя съ предметомъ.

Далѣе въ книгѣ въ алфавитномъ порядкѣ указываются императорскія російскія посольства, миссіи, консульства, православныя церкви и другія учрежденія за границей, съ поименованіемъ лицъ, состоящихъ въ настоящее время на службѣ въ этихъ учрежденіяхъ (стр. 361—410).

Вторая часть книги (стр. 1—350) содержитъ историческій очеркъ подъ заглавіемъ «Изъ прошлаго русской православной церкви въ Стокгольмѣ» и напи-

сана протоіереємъ П. П. Румянцевымъ. И этотъ очеркъ отличается полнотою и обстоятельностью свѣдѣній и читается съ большимъ интересомъ. Почтенный авторъ излагаетъ здѣсь историческія данныя о русской церкви въ Стокгольмѣ, которая по давности своего существованія (съ 1641 г.) занимаетъ первое мѣсто среди существующихъ нынѣ на Западѣ, при нашихъ дипломатическихъ миссіяхъ, русскихъ церквей, говорить и о причтѣ при ней, объ экономическомъ его положеніи, служебной и внѣ-служебной дѣятельности, отношеніи къ нему шведскаго общества, о достопримѣчательностяхъ стокгольмской церкви, сообщаетъ вѣдомость о священно- и церковнослужителяхъ этой церкви за 1770—1906 годы и предлагаетъ историческую справку о русскомъ торговомъ домѣ въ Стокгольмѣ—«Рюсгортэнѣ». Къ изслѣдованію приложены двадцать три нумера архивныхъ документовъ, имѣющихъ важное историческое значеніе. Съ интересомъ читается отдѣльный очеркъ, подъ заглавіемъ: «Конфессиональный вопросъ и его значеніе въ исторіи сватовства короля Густава IV къ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ». Наконецъ, въ книгѣ перечисляются представители Россіи при стокгольмскомъ дворѣ.

Мы лишь въ общихъ чертахъ изложили содержаніе новаго коллективнаго труда протоіереевъ А. П. Мальцева и П. П. Румянцева. Но и изъ этого обзора можно видѣть, что рассматриваемая книга очень богата содержаніемъ, съ большою полнотою и тщательностью изслѣдуетъ одинъ изъ интересныхъ историческихъ вопросовъ, даетъ массу очень нужныхъ свѣдѣній, идетъ навстрѣчу и практической и — что наиболее важно — научной потребности. Мы особенно отгнѣняемъ научную постановку изслѣдованія и имѣемъ всѣ данныя утверждать, что дѣло ведется опытными русскими учеными, прекрасно справившимися съ своею нелегкою задачею. Высокая цѣнность обозрѣваемаго труда обуславливается тѣми архивными и официальными матеріалами, которые послужили основаніемъ для научныхъ сужденій и выводовъ и дѣлаютъ книгу полезной и пригодной для историка, для канониста, юриста, богослова. Составленіе книги, несомнѣнно, стоило громаднаго труда, но послѣдній исполненъ съ большимъ успѣхомъ. Нельзя не пожелать возможно широкаго распространенія «Берлинскаго Братскаго Временника», а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не выразить и искренно пожелать, чтобы главный исполнитель изданія, о. протоіерей А. П. Мальцевъ, продолжилъ свой полезный и важный трудъ и далъ русскому обществу подобный же историческій очеркъ о русскихъ церквахъ и учрежденіяхъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Σ.

Описаніе новой библиотеки конгресса въ Вашингтонѣ, составленное Гербертомъ Смоллъ: Изданіе Г. В. Юдина. М. 1910. Стр. 124 (Цѣна не указана).

Библиотека при вашингтонскомъ конгрессѣ, по словамъ автора «Описанія», «не представляетъ изъ себя только вспомогательное учрежденіе при высшихъ законодательныхъ учрежденіяхъ страны; она является въ дѣйствительности книгохранилищемъ всего американскаго народа, обслуживающимъ требованія цѣлой страны».

Въ «Описаніи» кратко передается исторія образованія этой библіотеки, указываются способы ея пополненія, а затѣмъ подробно описывается новое зданіе библіотеки, выстроенное въ 1897 году и стоившее около 6 милліоновъ долларовъ. Благодаря тому, что на нее не жалѣли средствъ, лучшіе архитекторы, скульпторы, художники и мастера работали надъ ней, было выстроено грандіозное и великолѣпное зданіе, прекрасный снимокъ съ котораго приложенъ къ «Описанію». Авторъ «Описанія», «не боясь возраженій», говоритъ, что «вашингтонская библіотека изъ всѣхъ большихъ библіотекъ міра самая совершенная и наиболѣе приспособленная для сохраненія книгъ и пользованія ими; она представляетъ изъ себя самую большую, самую дорогую и безопасную въ пожарномъ отношеніи; она совершенно негоряема».

Въ дальнѣйшемъ, въ книгѣ подробно описывается устройство библіотеки, ея украшенія, статуи, картины, лѣпные потолки и другіе художественные предметы, о которыхъ наглядное представленіе даютъ прекрасно воспроизведенные снимки.

Почтительно читать «Описаніе» и просматривать иллюстраціи, въ немъ помѣщенныя. Изъ него видно, что въ Америкѣ не жалѣютъ средствъ на культурныя нужды и умѣютъ для сокровищницы человѣческой мысли устроить не только удобное, но и прекрасное хранилище, по внѣшнему своему виду вполне соответствующее его внутренней сущности.

Для насъ библіотека конгресса связана еще съ эпизодомъ, о которомъ разсказывается въ предисловіи издателя. Сибирскій библіофилъ Г. В. Юдинъ въ теченіе десятковъ лѣтъ собиралъ съ большими затратами библіотеку по исторіи, этнографіи, исторіи литературы и другимъ родственнымъ наукамъ. У него составилась громадная для частнаго лица библіотека въ 800.000 томовъ съ прекраснымъ подборомъ не только изслѣдованій и монографій, но и съ полнымъ комплектомъ изданій лѣтописей, актовъ и документовъ, а также важнѣйшихъ журналовъ и періодическихъ изданій. Библіотека такая составилась лишь благодаря тому, что Юдинъ, какъ богатый человѣкъ, не жалѣлъ средствъ на покупку книгъ, которыя собиралъ съ необыкновенной энергіей и рѣдкимъ умѣньемъ.

Когда же дѣла Юдина пошатнулись и онъ рѣшилъ библіотеку продать въ хорошія руки, то въ Россіи не нашлось учрежденія, которое купило бы ее, хотя бы за меньшую сумму, чѣмъ она стоила. Тутъ подвернулись американцы. Юдинъ, полагая, что его дѣтище, «несомнѣнно, сохранится въ цѣломъ составѣ на многіе годы, принеся пользу и удовольствіе многочисленнымъ посѣтителямъ славянскаго отдѣла» библіотеки конгресса, рѣшилъ разстаться съ нимъ, и библіотека очутилась за океаномъ. Хотя она и была продана, но директоръ вашингтонской библіотеки въ отчетѣ «предпочиталъ считать ее, какъ даръ», такъ какъ «уплаченная сумма едва достигаетъ трети того, что самъ владѣлецъ издержалъ на библіотеку».

Конечно, жаль, что такая цѣнная библіотека ушла за границу, но что дѣлать, если у насъ нѣтъ еще сознанія необходимости крѣпко держаться за всякую культурную цѣнность.

«Описаніе» переведено В. И. Давыдовымъ, печатаніе происходило подъ наблюденіемъ И. С. Вѣляева.

М. К.—въ.

**Каптеревъ, П. Ѳ. Исторія русской педагогики. Спб. 1910 Стр. 540.
Ц. 3 рубля.**

Книга ученаго педагога П. Ѳ. Каптерева представляет собой значительный трудъ по исторіи русской школы, охватывая тысячелѣтній періодъ. О достоинствѣ этой книги, между прочимъ, можно судить по тому, что она отмѣчена учебно-воспитательнымъ комитетомъ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, присудившимъ (въ декабрь 1910 года) г. Каптереву за помянутую книгу премію имени К. Д. Ушинскаго въ размѣрѣ девятисотъ рублей.

Коснувшись въ общихъ чертахъ характеристики перваго періода исторіи русской педагогикі, носившей исключительно церковно-религіозный характеръ, авторъ съ большою подробностью разбираетъ исторію педагогикі отъ Петра Великаго до половины XIX вѣка. Въ этотъ періодъ надъ школами властвовали тяжелый режимъ, давившій всякую самостоятельность и свободу дѣтской личности; возникали всевозможныхъ типовъ свѣтскія и церковныя школы сословнаго характера, преслѣдовавшія, по словамъ г. Каптерева, не образованіе, а государственныя цѣли. Въ эти школы родители принуждались посылать своихъ дѣтей, невзирая на свое отношеніе къ подобнымъ школамъ. При сказанныхъ условіяхъ, школа, естественно, отдѣлилась отъ общества, жила особой жизнью и вела тотъ или иной курсъ, въ зависимости отъ политическаго момента и вообще отъ государственной политики.

Со второй половины девятнадцатаго вѣка началась эра новой русской педагогикі, такъ называемой «общественной», имѣвшей два направленія: гуманитарное и національное. Представителями перваго, преслѣдовавшаго идеаль созданія образованнаго человѣка, были Рѣдкинъ, Корфъ и Пироговъ, во главѣ же національнаго стояли Ушинскій, Стоюнинъ.

Интересно написана глава по вопросу о свободномъ воспитаніи, заключающая теоретическія размышленія автора. Здѣсь г. Каптеревъ разбираетъ доводы Льва Толстого и другихъ (его послѣдователей), доказывающихъ, что люди взрослые обязаны отстраниться отъ воспитанія дѣтей, чтобы свою испорченность не передать дѣтямъ и тѣмъ самымъ не уничтожить совершенствъ дѣтской природы, и находящихъ, что роль взрослыхъ въ этомъ дѣлѣ должна заключаться въ предоставленіи дѣтямъ свободнаго выбора образовательныхъ знаній по своему влеченію. Не менѣе интересна глава, посвященная вопросу о борьбѣ классицизма и реализма въ русской школѣ въ концѣ XIX вѣка. Авторъ, между прочимъ, приводитъ взгляды защитниковъ классицизма Каткова и Леонтьева на преподаваніе русскаго языка въ гимназіяхъ: относительно младшихъ классовъ они высказались, что «это безъ нужды обременяетъ учащихся и вредитъ дѣлу воспитанія», а по поводу преподаванія русскаго языка въ старшихъ классахъ—что «русская словесность въ нашихъ гимназіяхъ была всегда однимъ изъ самыхъ вредныхъ предметовъ...» Борьба классицизма съ реализмомъ не закончилась и до сихъ поръ; русская средняя школа продолжаетъ находиться все въ томъ же неудовлетворительномъ по мнѣнію автора, состояніи. П. Ѳ. Каптеревъ находитъ, что для поднятія школы на должную высоту, для ея раз-

«истор. вѣсти.», мартъ, 1911 г., т. сxxiii. 19

вѣтїя требуется полная независимость всего просвѣщенїя отъ политики и связь школы съ обществомъ, которое должно являться единственнымъ контролеромъ въ дѣлѣ воспитанїя и образованїя дѣтей.

Трудъ г. Каптерева безусловно является цѣннымъ вкладомъ въ литературу по вопросу исторїи русской школы. Цѣна книги недорога.

Вит. Ткачукъ.

Д-ръ мед. В. Б. Гюббенетъ. Въ осажденномъ Портъ-Артурѣ. Очерки военно-санитарнаго дѣла и замѣтки по полевой хирургїи. Спб. 1910.

V + 406 стр. Цѣна 3 руб.

Составленная докторомъ В. Б. Гюббенетомъ книга о военно-санитарномъ дѣлѣ и хирургїи въ осажденномъ Портъ-Артурѣ представляетъ выдающійся интересъ. Передъ читателями встаютъ въ подробности трагическія черты службы артурскаго гарнизона, вырисовывается вся та ужасная обстановка, при которой горсточка русскихъ воиновъ, брошенная въ далекую, полуподготовленную для обороны крѣпость, не только продолжала жить и дышать, но и проявила высокій героизмъ. Книга д-ра Гюббенета—оборотная сторона медали, оборотная сторона доблестной обороны. И тому, у кого за пазухой готовъ камень упрека защитникамъ за отсутствїе феерическаго, трескучаго финала въ долгой оборонѣ, полезно, очень полезно прочесть обстоятельную, наполненную цифрами и цѣнными выводами разбираемую книгу. Только въ описанїи блиндажей, низкихъ, холодныхъ, сырыхъ, тѣсныхъ, душныхъ, гдѣ укрывались защитники и рядомъ сушилось бѣлье, стояли бочки съ водою, складывались раненые и умирающе, въ описанїи зловонїя отъ необруанныхъ послѣ штурма труповъ, которые настолько портили воздухъ, что часовымъ предлагалось затыкать ноздри паклей, смоченной въ разбавленномъ скипидарѣ, въ описанїи боя за Высокую гору, когда за десять дней было убито и покалѣчено болѣе 17 тысячъ человекъ и бой прекратился только потому, что люди устали убивать и, истощивъ надорванные силы, впали въ полную прострацію,—въ описанїи всѣхъ этихъ ужасовъ читатель познакомится съ тѣмъ, что даетъ современная война.

Объективно, сдержанно, дѣловито авторъ излагаетъ всѣ подробности госпитальной жизни и хирургическихъ операцій. И специальность, порою научная сухость тѣхъ многочисленныхъ случаевъ поразительныхъ хирургическихъ операцій, которые приводятся авторомъ, только еще больше увлекаютъ читателя, который поражается чудесами хирургическаго ножа въ рукахъ искуснаго оператора. Сколько жизней было спасено въ Артурѣ и клещами вытащено изъ разинутой было пасти смерти!..

На кардинальный вопросъ о томъ, могъ ли бы еще сопротивляться гарнизонъ крѣпости, если бы не была заключена капитуляція, конечно, съ военно-медицинской точки зрѣнїя, по санитарному состоянїю гарнизона, авторъ не даетъ прямого отвѣта, будто уклоняясь отъ его рѣшенїя. Но въ разныхъ частяхъ своей интересной книги онъ даетъ данныя для рѣшенїя этого вопроса. Такъ, въ періодъ капитуляціи Артуръ представлялъ, по словамъ автора, сплошной госпиталь; въ 39 зданїяхъ, частью пострадавшихъ отъ бомбодировки, находилось почти 14 ты-

сячь больныхъ и раненыхъ; нижніе чины, числившіеся по бумагамъ на позиціяхъ, были почти всё больны цынгою. Цынга вліяла крайне неблагоприятно на заживленіе ранъ: подъ вліяніемъ цынготной инфекции нерѣдко молодой рубецъ на ранѣ распадался, превращался въ язву, и рана вновь открывалась безъ надежды на ея заживленіе. На 159-ой страницѣ своего труда авторъ, говоря, что въ день капитуляціи мясныхъ консервовъ оставалось 5064 дачи, т. е. на $\frac{1}{6}$ часть гарнизона на однѣ сутки, признаетъ, что «съ истощеніемъ запасовъ мясного довольствія крѣпость не могла дольше держаться». Къ этой фразѣ, думаю, комментаріи излишни.

Невзирая на потери въ людяхъ, на настойчивость и упорство врага, на ужасающе размѣры цынги, превращавшей людей въ тѣней, крѣпость продолжала держаться. Обмирающій гарнизонъ еще сражался и ежедневно несъ новыя и новыя потери; изъ раненыхъ принимались въ госпитали только тѣ, кто приносился на носилкахъ; тѣ же, кто былъ на ногахъ, группами въ нѣсколько человекъ скитались по лечебнымъ заведеніямъ, всюду встрѣчая отказъ въ приемѣ; несчастные цынготные, не найдя нигдѣ пристанища, возвращались на позицію и тамъ умирали черезъ нѣсколько дней.

Насколько велики были потери, видно изъ того, что 5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ (правда, болѣе всѣхъ пострадавшій) за всю осаду потерялъ: убитыми—офицеровъ болѣе 61%, стрѣлковъ—33%; ранеными—офицеровъ болѣе 100%, стрѣлковъ—92%. Кто же остался невредимымъ? невольно задаешь себѣ вопросъ послѣ этихъ поразительныхъ цифръ...

Въ заключеніе, отъ души советуемъ прочесть хорошую, обстоятельную книгу Гюббенета, изъ которой читатель почерпнетъ много свѣдѣній и благодаря которой лишній разъ помянетъ добрымъ словомъ геройскій гарнизонъ, сумѣвшій уложить подъ своими стѣнами болѣе 100 тысячъ японцевъ и выдержать въ полуподготовленной крѣпости осаду, превысившую по своей продолжительности знаменитую оборону Севастополя.

М. О—скій.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1910 г. Тома XV книжка 1-я Спб. 1910. Стр. 328—XXI. Ц. 1 руб. 50 коп.

Настоящая книжка «Извѣстій» открывается окончаніемъ обширной работы А. И. Яцимирскаго—«Къ исторіи апокрифовъ и легендъ въ южно-славянскій письменности». Три послѣднихъ главы ея посвящены: IX—«Сказаніямъ объ евхаристическомъ чудѣ», X—«Апокрифическимъ вопросамъ съ отвѣтами» и XI—«Каноническимъ статьямъ апокрифическаго характера». Въ слѣдующей статьѣ Е. А. Бобровъ въ новомъ продолженіи своихъ очерковъ «Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій» раскрываетъ, во-первыхъ, «два вопроса изъ творчества Н. В. Гоголя», а именно утверждаетъ, что настоящимъ хозяиномъ сюжета «Мертвыхъ душъ» былъ не А. С. Пушкинъ, а Вл. Ив. Даль, и что оригиналомъ для «Портрета» послужилъ описанный П. А. Каратыгинымъ извѣстный въ Петербургѣ въ 1830—40-хъ годахъ ростовщикъ—нѣкій индусъ Моджерамъ Мотемаливъ. Затѣмъ онъ трактуетъ о Д. В. Веневитиновѣ, какъ пе-

реводчикъ, и приводитъ о немъ стихотворный отзывъ Н. М. Языкова изъ мало известной пьесы—«Встрѣча новаго года», сообщаетъ нѣкоторыя біографическія данныя объ И. А. Худяковѣ—этнографѣ и фольклористѣ, и въ заключеніе приводитъ неизвѣстнаго автора «Сатиру на пьянство въ XVIII вѣкѣ».

Н. В. Гоголю посвященъ «опытъ» изслѣдованія Н. В. Трубицына, подъ заглавіемъ: «Идеализмъ—строй души Гоголя», гдѣ авторъ пытается доказать, что Гоголь былъ мечтателемъ съ раннихъ лѣтъ, что онъ—«удивительно мятущійся человекъ, у котораго движеніе, порой хотя бы только мыслей и чувствъ, было органической чертой психики» (стр. 151), что «созерцаніемъ и изученіемъ собственной души Гоголь занимался еще тогда, когда считалъ себя только поэтомъ и не задавалъ пока себѣ грандіозныхъ задачъ перевоспитанія Россіи на новыхъ началахъ» (152 стр.), и т. д. Далѣе авторъ выясняетъ характеръ и содержаніе идеологіи Гоголя. В. Г.

Н. М. Гутьяръ. Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева. Спб. 1910. Стр. IV + 130. (Изъ 87-го тома «Сборн. Отд. рус. яз. и словесн. имп. академіи наукъ».)

Біографіи Тургенева у насъ нѣтъ, хотя матеріаловъ для нея накопилось множество, и съ каждымъ годомъ появляется все больше и больше. Ближайшимъ шагомъ къ такому труду обыкновенно бываетъ такъ называемая «канва», группирующая въ хронологическомъ порядкѣ факты жизни писателя, и, конечно, первыя требованія, предъявляемыя къ ней,—полнота, если не абсолютная, то хоть относительная, чисто-формальная, и внимательное использование матеріаловъ въ смыслѣ хронологіи и внѣшнихъ фактовъ. Ни тому, ни другому условію не удовлетворяетъ работа г. Гутьяра. Она, говоритъ г. Гутьяръ, «составлена прежде всего на основаніи писемъ автора «Дворянскаго гнѣзда» (почему именно только «Дворянскаго гнѣзда», и не проще ли было бы сказать кратко: Тургенева?), представляющихъ наиболѣе надежный и богатый матеріалъ для подобной работы». Но это оказывается не совсѣмъ такъ. Досужему читателю нетрудно убѣдиться, что составитель распорядился «надежнымъ и богатымъ» матеріаломъ писемъ съ непонятной капризной небрежностью. Не погружаясь глубоко въ источники, мы раскрыли «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева» (Спб., 1885) на первой страницѣ писемъ 1882 г.. Изъ 131 письма этого года г. Гутьяръ включилъ въ свою канву (то отдѣльными номерами, то краткими упоминаніями) только 45 и отбросилъ цѣлый рядъ писемъ: 8 января (Я. П. Полонскому), 20 января (Ж. А. Полонской), 1 февраля (В. Н. Давыдову), 12 февраля (Я. П. Полонскому), 24 февраля (Е. Я. Колбасину), 12 марта (Д. В. Григоровичу), 29 марта (ему же), 1 апрѣля (ему же), 9 апрѣля (ему же), 21 апрѣля (Полонскому), 1 мая (ему же и Григоровичу), 8 мая (Полонской), 13 мая (Полонскому), 14 мая (Полонской) 18 мая (Полонскому), 19 мая (Григоровичу), 23 мая (Полонской), 27 мая (ей же и Е. Я. Колбасину), 30 мая (Полонскому), 1 іюня (Полонской), 2 іюня (ей же), 6 іюня (Полонскому), 11 іюня (Полонской), 13 іюня (Топорову), 15 іюня (Алѣ

Полонскому), 16 июня (Полонскому), 17 июня (Полонской), 23 июня (Полонскому), 25 июня (Полонской), 29 июня (ей же), 5 июля (ей же), 17 июля (Полонскому), 21 июля (Полонской), 24 июля (Л. В. Бертенсону), 25 июля (Полонской), 31 июля (ей же), въ июль (Думнову), 3 августа (Бертенсону), 4 августа (Полонской), 8 августа (Полонскому), 10 августа (Полонской), 13 августа (ей же и Бертенсону), 15 августа (Полонской), 21 августа (Григоровичу), 23 августа (Полонской и А. В. Топорову), 27 августа (ему же), 28 августа и (Бертенсону), 29 августа (Полонской), 30 августа (Бертенсону), 1 сентября (Полонскому), 4 сентября (крестьянамъ с. Спасскаго), 11 сентября (Бертенсону), 13 сентября (Топорову), 24 сентября (Полонскому и А. Ф. Марксу), 4 октября (Полонской), 13 октября (барону У. Ф. и Бертенсону), 17 октября (Полонской), 25 октября (Полонскому), 27 октября (Бертенсону), 31 октября (Полонской), 1 ноября (П. И. Вейнбергу), 4 ноября (Полонскому), 5 ноября (Топорову), 13 ноября (Григоровичу), 14 ноября (Полонской, Топорову и Полонскому), 18 ноября (Топорову), 22 ноября (Полонскому), 26 ноября (Топорову), 30 ноября (ему же), 2 декабря (Полонской), 3 декабря (Григоровичу), 6 декабря (Бертенсону), 7 декабря (Топорову), 14 декабря (И. И. Глазунову), 17 декабря (В. П. Гаевскому), 19 декабря (Топорову), 22 декабря (Бертенсону), 24 декабря (Полонской)—всего 86 писемъ. И это—въ предѣлахъ одного только года и изъ одного источника! Оттуда же не взяты письма Тургенева къ Достоевскому отъ 3 октября и 28 декабря 1864 г., 21 февраля 1865 г. и 28 марта 1877 г., къ Толстому отъ 8 декабря 1856 г., 14 и 25 августа 1878 г., 1 марта 1879 г., 21 июня и 4 июля 1881 г. Вообще весь этотъ первоисточникъ использованъ крайне небрежно. Изъ воспоминаній Анненкова г. Гутьяръ не взялъ писемъ Тургенева отъ 16 января 1856 г., 23 сентября 1857, 7 и 9 апрѣля 1858, нач. июня и 23 октября 1859, 3 июня, 8 июля, 31 августа, 1 октября 1860, 5 января, 3 апрѣля, 6 августа, 21 ноября 1861, 26 марта 1862, 28 сентября, 1 октября, 13 и 23 ноября, 13 и 20 декабря 1863, 25 апрѣля, 23 мая, 2 июня, 15 декабря 1864, 7 февраля и 23 апрѣля 1865, 16 февраля 1866 г. Составитель пользовался августовской книжкой «Минувшихъ Годовъ» 1908 г., но не взялъ помѣщенныхъ въ ней писемъ Тургенева къ С. Джеррольдъ 1 августа 1878 и 2 декабря 1882 г. и не сумѣлъ изложить данныя напечатаннаго тамъ же дѣла о высылкѣ Тургенева въ Орловскую губернію (такъ, пропущено письмо Тургенева къ орловскому губернатору отъ 26 октября 1852 г.). Не нашли мы, между прочимъ, писемъ къ Лаврову 1 и 28 июля 1873, 7 июля и 10 октября 1879, 20 сентября 1880 г., къ Марко-Вовчку 22 мая, 10 и 30 июля, 1 и 30 августа 1859, 6 января, 21 мая, 7 и 29 июня, 21 июля, 1, 6, 13, 24, и 27 августа, 1, 12 и 17 сентября 1860, 1 и 4 марта 1861, 27 августа 1862 г. Изъ приложенія къ отчету Публичной Библиотеки 1890 г., на которое составитель ссылается какъ на одинъ изъ своихъ источниковъ, не взяты письма къ Краевскому 9 мая 1850, 27 июля 1851, 15 ноября 1852, 20 февраля 1853, 20 июля 1856, 12 февраля и 6 ноября 1860, 4 мая 1862, 3 декабря 1863 г. Хотя г. Гутьяръ обратилъ вниманіе на то, что «среди изданной корреспонденціи Тургенева имѣется довольно значительное количество писемъ безъ хронологическихъ датъ и съ датами невѣрными», и даже увѣряетъ, что «всѣ подобныя письма

нами (?) предварительно исправлены»,—однако мы не нашли въ его работѣ хотя бы напечатанныхъ въ упомянутомъ отчетѣ недатированныхъ писемъ къ Краевскому. Нѣтъ множества писемъ Тургенева къ Аксаковымъ, супругамъ Милютинымъ, Пичу, Эмилю Зола; использованы далеко не всѣ хранящіяся въ Императорской Публичной Библиотекѣ письма къ Кишинскому, В. П. Чивилеву, а также рукописи и письма, перечисленные въ каталогѣ Тургеневской выставки 1909 г. Нельзя сказать, что авторъ останавливался исключительно на особенно важныхъ по содержанию документахъ: тогда не сталъ бы онъ упоминать про пустячную записочку Тургенева къ Гаевскому (стр. 116) и игнорировать письма къ Достоевскому, Толстому, С. Аксакову. Изъ рукъ вонъ небрежно использованъ такой важный источникъ, какъ воспоминанія А. А. Фета. Передавая содержаніе того или иного письма, г. Гутьяръ, какъ нарочно, останавливается на мелочахъ и не замѣчаетъ главнаго; напримѣръ, на стр. 50 составитель указываетъ, что въ письмѣ къ Марко-Вовчку отъ 19 августа 1862 г. Тургеневъ «подсмѣивается, между прочимъ, надъ ея пристрастіемъ къ полякамъ и надъ ея враждебностью къ великороссамъ»,—объ этомъ упоминается вскользь, въ Р.-S., а въ самомъ письмѣ говорится объ извѣстномъ Артурѣ Вени, о Гарибальди, о Бакунинѣ, но г. Гутьяръ по обыкновенію слона-то и не примѣтилъ. Непростительный промахъ въ самомъ методѣ работы—полное игнорированіе писемъ къ Тургеневу и критической литературы. Даже своими «избранными» источниками составитель пользовался невнимательно. Такъ, «Отцы и дѣти» окончены не 30, а 20-го іюля 1861 г. (см. «Литературныя воспоминанія» Анненкова, Спб., 1909, стр. 547); письмо къ Анненкову отъ 26 октября 1861 г. ошибочно датировано 29-мъ числомъ (см. тамъ же, стр. 545); въ 1858 г. Тургеневъ пріѣхалъ въ Спасское не въ серединѣ іюня, а раньше, такъ какъ помѣченное Спасскимъ письмо къ И. И. Панаеву написано 9 іюня.

Неясность и шаткость методическихъ приѣмовъ, чрезвычайная неполнота матеріаловъ, небрежность въ пользованіи немногими взятыми составителемъ данными, отсутствіе во многихъ мѣстахъ ссылокъ, непонятная бѣглость изложенія, неумѣніе разбираться въ матеріалѣ дѣлаютъ книжку г. Гутьяра бесполезной и даже опасной, такъ какъ полагаться на нее читатель не можетъ.

Н. Л.

**«Въ странѣ изгнанія». (Изъ записной книжки корреспондента)
Е. П. Семенова. Ц. 1 рубль.**

Г. Семеновъ четверть вѣка жилъ въ Парижѣ, откуда время отъ времени посылалъ корреспонденціи въ русскія газеты. Теперь онъ задумалъ подѣлиться съ читателями своими воспоминаніями обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ имъ въ столицѣ Франціи, въ этой лабораторіи всевозможныхъ событій и политическихъ движеній и въ чужихъ странахъ.

По словамъ составителя книги «Въ странѣ изгнанія», у него накопилось столько матеріала, что его хватитъ на нѣсколько книжекъ. Въ первой изданной нынѣ книгѣ г. Семеновъ излагаетъ факты и событія изъ парижской

жизни, имѣющіе тѣсную связь съ нашею русскою внутреннею жизнью, какъ, на примѣръ, факты по финляндскому вопросу. Каждому крупному событію посвящена особая глава, являющаяся законченнымъ рассказомъ. «Политика» въ книгѣ—на послѣднемъ планѣ и, благодаря этому, факты и события излагаются болѣе или менѣе объективно и безпартийно. Рассказы о покушеніи Березовскаго въ Парижѣ на императора Александра II, объ убійствѣ генерала Селиверстова, о Гартингъ-Ландейзенѣ, о пребываніи Георгія Галона въ Парижѣ изобилуютъ подробностями, которыя до сихъ поръ были мало извѣстны читающей публикѣ.

Интересенъ рассказъ о невѣстѣ Рошфора, подругѣ Захеръ-Мазоха, вышедшей замужъ за русскаго эмигранта, съ которымъ она затѣяла изданіе новаго франко-русскаго журнала. Съ интересомъ читается рассказъ о двѣцѣ-журналистѣ, врацавшейся въ Парижѣ, Москвѣ и Одессѣ подъ видомъ мужнины и подъ именемъ Марселя Кламора. Живо написаны очерки о пребываніи во Франціи малороссійской труппы и о парижскомъ Пушкинскомъ музеѣ, гдѣ нѣкоторые россіяне, какъ, на примѣръ, г. Милюковъ, выступили въ неожиданной для нихъ роли поэтовъ, о русской прессѣ за границей и объ организаци «финляндскаго протеста».

А.

А. Б. Карповъ. Казачьи стихотворенія. Уральскъ. 1910. Стр. 112.

Одно изъ произведеній этого автора «Памятникъ казачьей старины» было уже рассмотрѣно нами ¹⁾ и мы имѣли случай высказаться о томъ, что произведенія этого автора даютъ чувствовать работу простого, душевнаго чело-вѣка изъ той среды, которую онъ описываетъ, которая близка его сердцу. Въ доставленной намъ теперь книжкѣ казачья душа изливается еще болѣе: муза помогаетъ автору высказаться о родныхъ станицахъ и о сородичахъ еще рельефнѣе, еще детальнѣе.

Первое стихотвореніе сборника посвящено «Родному Уралу»:

Я былъ за дальними морями,
Чего, чего тамъ не видалъ,
Но ты одна, страна родная,
Мила мнѣ...

Этими строками и строками эпиграфа сказано все, чѣмъ полна душа автора. Слѣдующія стихотворенія посвящены авторомъ, участникомъ не одной боевой страды, описанію славнаго боевого прошлаго уральскихъ (яицкихъ) казаковъ, воспоминаніямъ о герояхъ изъ ихъ среды и содержитъ въ себѣ такой духъ патріотизма, что часть этого сборника (съ № 1 до стихотворенія «Москвичу») признана была на Уралѣ, какъ цѣнное пособіе для воспитанія казацкаго духа въ подрастающемъ поколѣніи и была отдѣлена въ особую книжку подъ загла-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.», Июль 1910.

віемъ «Для казачьихъ школъ», которая выдержала два изданія, будучи раскуплена школами Уральскаго и Амурскаго войска. О части книги послѣ стихотворенія «Москвичу» можно сказать, что она представляетъ большой интересъ для того, кто хочетъ знать, чѣмъ и сейчасъ еще дышитъ уральскій казакъ въ политическомъ смыслѣ, какимъ завѣтамъ старины онъ преданъ и какъ глубоко всосалась въ кровь его, ищущаго правды, мысль о свободѣ...

В. П. Федоровъ.

«Первые литературные шаги». Автобіографіи современныхъ русскихъ писателей. Собралъ Ф. Ф. Фидлеръ. Спб. 1911. Цѣна 1 руб.

Основателю литературнаго музея и неутомимому собирателю реликвій русскихъ писателей Ф. Ф. Фидлеру пришла въ голову счастливая мысль: познакомить читающую публику съ «первыми литературными шагами» болѣе или менѣе извѣстныхъ нашихъ писателей въ собственномъ ихъ изложеніи. Онъ разослалъ имъ опросный листъ, состоящій изъ 25 пунктовъ и обнимающій многія стороны ихъ жизни и дѣятельности, и не имѣющій прямого отношенія къ первымъ литературнымъ шагамъ. Тутъ и наслѣдственность писательскаго духа, и обстановка въ дѣтствѣ, и благопріятныя и неблагопріятныя условія литературной дѣятельности, и любимые писатели, вліявшіе на пробужденіе писательскаго творчества, и мытарства по редакціямъ, и отношеніе издателей и критики, и теперешнее положеніе спрашиваемаго.

На предложенные вопросы одни писатели отвѣтили чисто канцелярскими отписками по пунктамъ, другіе подѣлились съ издателемъ книги самыми подробными автобіографическими свѣдѣніями. Всего на анкету г. Фидлера откликнулись пока 54 писателя. И то, что они сообщаютъ о себѣ, не лишено историко-литературнаго значенія. Мы узнаемъ, напр., что многіе писатели унаслѣдовали свой литературный даръ отъ своихъ предковъ, произведенія коихъ не всегда попадали въ печать. Иные совсѣмъ не писали, но любили литературу и были зѣло начитаны. Нѣкоторые даютъ наивные отвѣты, свидѣтельствующіе объ ихъ «самовлюбленности».

Предки В. П. Авенаріуса происходили изъ лютеранскихъ пасторскихъ семей и были очень начитаны въ иностранныхъ литературахъ, какъ и отецъ писателя—пасторъ и членъ географическаго общества.

Влеченіе Л. Н. Андреева къ художественной дѣятельности наслѣдственно опирается на линію материнскую, гдѣ наблюдалось больше людей одаренныхъ, но одаренность эта принимала уродливыя формы: безкорыстная любовь ко вранью и житейскому вредному сочинительству, которой иногда страдаютъ обитатели медвѣжьихъ угловъ,—поясняетъ г. Андреевъ—часто бываетъ неразвившимся зародышемъ литературнаго дарованія.

Первымъ литературнымъ опытомъ автора «Жизни человѣка», «Черныхъ масокъ» и др. явился прескверный разсказъ «О голодномъ студентѣ», нигдѣ не напечатанный. За этимъ слѣдуютъ репортерскія замѣтки въ московскихъ газетахъ и обратившій на себя вниманіе М. Горькаго разсказъ «Баргамоть и Га-

раська». М. Горькаго г. Андреевъ считаетъ своимъ литературнымъ крестнымъ отцомъ.

Академикъ И. А. Бунинъ полагаетъ, что его писательскій даръ беретъ начало отъ родственной ему поэтессы А. П. Буниной и Жуковскаго, хотя степень ихъ родства съ нимъ онъ, г. Бунинъ, опредѣлить затрудняется.

Недавній юбиляръ, маститый Г. Г. Ясинскій рассказываетъ, что отецъ его обладалъ даромъ стихотворной импровизаціи и написалъ три разсказа, которые писатель А. Ивановъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» за своею подписью. Иеронимъ Ясинскій-отецъ былъ внучатымъ племянникомъ польскаго поэта Якуба Ясинскаго, павшаго геройскою смертію при защитѣ Варшавы.

Шлиссельбуржець Н. А. Морозовъ заявляетъ, что въ первый разъ его поэтическія произведенія прозвучали въ воюющей сточной трубѣ въ стѣнѣ дома предварительнаго заключенія въ Петербургѣ, когда онъ по этому своеобразному телефону читалъ товарищамъ по заключенію свои первыя стихотвореніе, выдавъ, ихъ, впрочемъ, за огаревскія.

Отвѣчая на заданные г. Фидлеромъ вопросы о первыхъ и теперешнихъ гонорахахъ, многіе горько жалуются на матеріальныя невзгоды и на издателей-эксплуататоровъ, которые, по выраженію В. А. Лазаревскаго, служатъ не искусству, а наживѣ и умѣютъ только «ловить моменты». Даже противъ редакціи «Вѣстника Европы» временъ М. М. Стасюлевича г. Лазаревскій сильно негодуетъ, хотя она отнюдь не повинна въ умѣншіи «ловить моменты» и упорно не признавала долго и А. П. Чехова, которому возвратила его «Дуэль», и М. Горькаго, и Л. Андреева, и даже болѣе крупныхъ писателей.

Достается издателямъ, немало достается и критикамъ: за «разность» или за замалчиваніе.

О. А. Шапиръ жалуется, что ея романъ «Въ бурные годы», освѣтившій замѣчательную эпоху русской жизни, былъ обойденъ молчаніемъ: ни одинъ изъ журналовъ, «сожалѣвшихъ», что не могутъ напечатать романъ по цензурнымъ условіямъ, не рекомендовалъ его вниманію читателя хотя бы бѣглой замѣткой.

Почтенная писательница, видимо, огорчена такимъ отношеніемъ къ ней критики, а вотъ Г. С. Петровъ заявляетъ, что хотя на его долю выпало въ достаточной мѣрѣ «критики съ перцемъ», и что на него просыпали не мало соли Скворцовы, Гринянины, кн. Мещерскій, Меньшиковъ и др., но онъ равнодушенъ къ порицаніямъ, какъ и къ похваламъ. Оно, впрочемъ, не удивительно: первымъ жестокимъ критикомъ Гр. Петрова былъ самъ Побѣдоносцевъ...

Начальникъ Михайловскаго артиллерійскаго училища и академіи ген. Демьяненко въ повезъ Побѣдоносцеву первый печатный трудъ эксъ-священника «Евангеліе, какъ основа жизни».

«Старикъ разнесъ васъ,—заявилъ генералъ автору,—и вашу лекцію. Возмущается, что вы, священникъ, цитируете стихи Гейне...»

Мы воспроизвели здѣсь лишь нѣкоторые «человѣческіе документы» изъ фидлеровскаго сборника. Попадаются въ немъ и наивныя отвѣты на предложенные вопросы, вызывающіе невольную улыбку. Женщины-писательницы обваружили большую болтливость—*hoppe soit, qui mal у реyse*,—занявъ своими откровеніями значительную часть книги. Мужчины болѣе лаконичны въ своихъ отвѣ-

тахъ. Одна изъ писательницъ на пространствѣ нѣсколькихъ страницъ перечисляетъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ — до скромныхъ газетныхъ хроникеровъ включительно и попутно рассказываетъ, въ какихъ хорошихъ домахъ она бывала и какъ ее тамъ принимали. Но при всемъ томъ изданная Ф. Ф. Фидлеромъ книга не лишена историко-литературнаго значенія. Это не сухой біографическій матеріалъ, не простой перечень фактовъ о времени рожденія писателя, его жизни и сочиненіяхъ, а живая исповѣдь и откровенное изложеніе трудностей и препонъ на тернистомъ писательскомъ пути.

Читатели, которые любятъ не только почитать то, что писатели пописываютъ, а интересуются и ихъ жизнью, скажутъ спасибо Ф. Ф. Фидлеру за его книгу. Сугубое спасибо за то, что онъ пожертвовалъ весь чистый доходъ съ книги въ пользу нуждающихся кліентовъ литературнаго фонда, — а имъ нѣсть числа...

К. Ф. М.

Библиографическій словарь писателей, ученыхъ и художниковъ, уроженцевъ (преимущественно) Рязанской губерніи. Составленъ о. І. В. Добролюбовымъ и дополненъ С. Д. Яхонтовымъ. Изданіе рязанской архивной комиссіи, подъ редакціей С. Д. Яхонтова. Рязань. 1910. Стр. 2 нен. + 338 + 5 нен. Цѣна не обозначена.

Вышеазванный «Библиографическій Словарь» былъ предпринятъ еще 15 лѣтъ тому назадъ. Работавшій надъ составленіемъ его свящ. І. В. Добролюбовъ успѣлъ дойти только до буквы Н.; послѣ его смерти (1905 г.) весь трудъ по окончанію и отпечатанію этого весьма цѣннаго изданія принялъ на себя предсѣдатель рязанской архивной комиссіи С. Д. Яхонтовъ. Онъ въ своемъ предисловіи откровенно говоритъ, что провѣрить и дополнить весь трудъ свящ. Добролюбова было невозможно, особенно въ виду желанія комиссіи издать «Словарь» къ 25-лѣтнему ея юбилею (1884—1909), и проситъ смотрѣть на него, какъ на «первый опытъ», который, несомнѣнно, имѣетъ недостатки. Но, несмотря и на присутствіе послѣднихъ, заключающихся, главнымъ образомъ въ неравномѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній, какъ біографическихъ, такъ и библиографическихъ, и въ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ пропускахъ, должно признать, что изданіе библиографическаго словаря уроженцевъ Рязанской губерніи, куда также справедливо включены и лица, какъ бы сроднившіяся съ Рязанью и много поработавшія для исторіи края, просвѣщенія и т. д., составляетъ большую заслугу рязанской ученой архивной комиссіи, особенно въ области русской библиографіи. Составленіе подобнаго рода «Словарей» чрезвычайно затруднительно и требуетъ личнаго участія самихъ уроженцевъ или ихъ родственниковъ, которые одни только могутъ исправить и дополнить вкравшіеся недочеты; поэтому остается только благодарить редактора, взывающаго къ указанію этихъ недочетовъ и общающаго дополнить и даже переиздать «Словарь».

Въ своемъ предисловіи редакторъ, между прочимъ, говоритъ: «важность и значеніе изданія *Библиографическаго Словаря писателей, ученыхъ и художниковъ-рязанцевъ* — внѣ сомнѣнія; это своего рода подсчетъ тому умственному

вкладу въ просвѣщеніе Россіи XIX вѣка, какой съ своей доли сдѣлалъ Рязанскій край». Мы вполне соглашаемся съ этими словами редактора.

Число лицъ, о которыхъ имѣются въ «Словарѣ» біографическія и библиографическія свѣдѣнія, простирается до 287.

В. Рудаковъ.

Otto Hauser. Pâschas Tod. Roman. München. 1910.

Не мало русскихъ писателей, подчасъ довольно крупныхъ, подолго живало въ той или иной зарубежной странѣ, но никто изъ нихъ не рискнулъ воспользоваться случайно окружившей его жизнью, какъ сюжетомъ для своихъ произведеній, вѣроятно, изъ страха передъ тѣми преградами, которыя неизмѣнно выдвигаютъ быть и психологія чужого художнику народа.

Иностранные писатели, очевидно, такого страха не испытываютъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Россіи.

Иностраннымъ писателямъ, въ особенности нѣмецкимъ, не только никогда не заглянувшимъ въ Россію, но и не столкнувшимся ни разу съ настоящими русскими, ничего не стоитъ написать длиннѣйшую повѣсть изъ современной нашей жизни и вызвать въ органахъ своей печати похвальные рецензіи, въ которыхъ непременно будетъ указано и на мастерски схваченныя детали русскаго пейзажа и на правдивость изображенія русскихъ порядковъ, и на тонкое воспріятіе авторомъ психологіи своихъ русскихъ героевъ.

Особую смѣлость эти господа черпаютъ изъ лихого трехлѣтія 1905—1908 г.г., дающаго просторъ изобрѣтательности ихъ фантазіи. Вотъ почему за границей пекутся одно за другимъ литературныя произведенія, всецѣло посвященныя нашей жизни.

Обыкновенно эти произведенія пишутся по извѣстному шаблону; фономъ является борьба народа съ правительствомъ и наоборотъ, а ужъ на этомъ фонѣ каждый авторъ расписываетъ то, что ему пришло въ голову, соблюдая, конечно, разъ навсегда установленное правило, чтобы агенты правительства были глупы, трусливы и жестоки, а жертвы ихъ умны, отважны и мягкосердечны.

Otto Hauser, авторъ разсматриваемаго романа, озаглавленнаго «Смерть Паши», отступаетъ отъ этого правила; можетъ быть, по побужденію присущаго ему художественнаго чутья. Какъ бы то ни было, «Смерть Паши» по содержанію своему выдается изъ обильнаго количества беллетристическихъ писаній о Россіи иностранныхъ авторовъ и тѣмъ уже заслуживаетъ нашего вниманія. Сюжетъ романа таковъ. Въ какомъ-то провинціальномъ русскомъ городкѣ свирѣпствуетъ молодой жандармскій поручикъ, искореняющій крамолу. Десятки обывателей арестованы, десятки высланы въ Сибирь, десятки находятся подъ постояннымъ страхомъ всевозможныхъ каръ. Въ томъ же городкѣ подвизается проститутка Паша, пользующаяся за свою красоту большой популярностью. Вѣчная торговля своимъ тѣломъ уже давно надѣла Пашѣ, но выхода изъ такой жизни она себѣ не представляетъ. И въ одинъ прекрасный день она рѣшаетъ

покончить съ собой. Она немедленно привела бы свое рѣшеніе къ концу, но ей хочется умереть красиво.

«Жила какъ собака, но умру какъ человѣкъ!» говорить она въ минуты откровенности своимъ подругамъ. Прекрасно освѣдомленная о городскихъ событіяхъ и настроеніяхъ, Паша задумываетъ, умирая, нанести смертельный ударъ жандармскому поручику.

Съ этой цѣлью она запасается достаточнымъ количествомъ сѣрной кислоты, часть которой предназначаетъ для облитія жандарма, а часть для себя, чтобы вслѣдъ за тѣмъ ее выпить. Наступаетъ урочный моментъ, но Пашѣ не удается ни то, ни другое; поручикъ невредимъ, а смертоносный напитокъ у нея отнять прежде, чѣмъ она успѣла его хлебнуть. Въ городѣ, гдѣ вѣсть о покушеніи моментально разнеслась по всѣмъ концамъ, ждутъ ареста Паши и преданія ея военному суду. Но поручикъ, понявъ, къ общему удивленію, истинный характеръ Пашина поступка, оставляетъ ее на свободѣ и удачно замечаетъ слѣды покушенія.

Обнаруженіе человѣка въ жестокомъ жандармѣ является, видимо, цѣлью автора, при чемъ онъ доводитъ свое повѣствованіе до желательнаго конца такимъ образомъ, что всему случившемуся можно повѣрить.

Въ этомъ и заключается достоинство произведенія Отто Гаузера.

И. Г.

Кузнецовъ, В. К. Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Томъ II. Омскій уѣздъ. Томъ III. Петропавловскій уѣздъ. Томъ IV. Атбасарскій уѣздъ. Томъ V. Акмолинскій уѣздъ. Повторное изслѣдованіе 1908 и 1909 г. Изд. переселенческаго управленія главнаго упр. землеустр. и земледѣлія. Спб. 1910. Стр. 282, 400, 346 и 486.

Обширный трудъ экспедиціи В. К. Кузнецова, снаряженной переселенческимъ управленіемъ для изслѣдованія киргизскаго хозяйства въ Акмолинской области, начатый въ 1907 году, законченъ въ 1910 году. Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1910 г. былъ данъ отзывъ о первыхъ результатахъ этого труда, относящихся къ одному изъ пяти обследованныхъ экспедиціею уѣздовъ—Кокчетавскому (томъ I). Изданія, выписанныя въ заголовкѣ настоящей рецензіи, касаются матеріаловъ по остальнымъ четыремъ уѣздамъ: Омскому, Петропавловскому, Атбасарскому и Акмолинскому.

Разсматриваемые четыре тома составлены подъ редакціею В. К. Кузнецова, который въ то же время является и авторомъ большинства статей во всѣхъ изданіяхъ. Планъ изданія въ этихъ четырехъ томахъ остался тождественнымъ съ I томомъ, что является очень важнымъ для сравнимости данныхъ и удобства пользованія ими.

Главное вниманіе экспедиціи въ четырехъ послѣднихъ уѣздахъ, какъ и въ Кокчетавскомъ, обращено было на выясненіе естественно-историческихъ и климатическихъ условій мѣстностей, состояніе и эволюцію хозяйства туземнаго населенія въ связи съ исторіей заселенія степей киргизами и, наконецъ, на

опредѣленіе того количества земель, которое требуется для хозяйства и безбѣднаго существованія киргизовъ и которое является излишнимъ за удовлетвореніемъ этой потребности и можетъ быть обращено въ государственный колонизаціонный фондъ.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ результаты, добытые экспедиціей Кузнецова, являются весьма интересными съ научной точки зрѣнія и важными для практическихъ цѣлей.

Картина, развертываемая изслѣдованіемъ передъ читателемъ, въ историческомъ отношеніи весьма любопытна и не лишена практическаго интереса. Киргизы въ Акмолинской области оказываются далеко не столь давними обитателями, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Средней Азіи. Самое раннее появленіе ихъ въ Акмолинскихъ степяхъ относится къ тому времени, когда эти степи, составлявшія «послѣднія владѣнія кучумовскаго царства», уже были покорены русскими, т. е. киргизы, прикочевывая сюда съ юга, изъ-за рѣки Чу и отъ предѣловъ Бухары, уже приходили въ соприкосновеніе съ русской военной властью. И эта власть оказалась благотѣльной для киргизовъ. Она явилась для нихъ единственной и самой надежной защитой отъ нападений ранѣе ихъ пришедшихъ въ ишимо-иртышскія степи народцевъ—остяковъ, калмыковъ и другихъ. Враждебныя дѣйствія этихъ первыхъ пришельцевъ степи не разъ сопровождались вытѣсненіемъ киргизовъ съ однихъ мѣстъ на другія, преимущественно съ юга на сѣверъ, гдѣ они и сталкивались съ русской военной силой. Особенно отмѣчается въ этомъ отношеніи періодъ 1723—1729 г. г., совпадающій съ натискомъ на степи джунгаровъ, когда киргизы были оттѣснены и уководили на Убаганъ, къ Уралу и Тоболу. Господство джунгаровъ въ степи, однако, было непродолжительнымъ, и уже въ началѣ второй половины XVIII столѣтія было уничтожено. Власть Россіи упрочилась окончательно, и киргизы стали переходить въ русское подданство. Первыми перешли въ 1782 году нѣкоторые роды при сынѣ популярнаго среди киргизовъ хана Аблая, а затѣмъ постепенно признали власть Россіи и остальные роды.

Наиболѣе ранніе пришельцы-киргизы, появившіеся въ степяхъ двѣсти-триста лѣтъ назадъ, составляютъ по количеству ауловъ сравнительно очень незначительную часть общей массы киргизскаго населенія: 253 аула изъ 6138, что даетъ лишь немного болѣе 4% общаго числа. Въ періодъ 100—150 лѣтъ назадъ, когда степи уже фактически находились во власти Россіи, приливъ въ нихъ кочевниковъ-киргизовъ увеличился, причемъ было образовано 1156 ауловъ. Послѣдовавшее затѣмъ пятидесятилѣтіе дало еще болѣе значительный результатъ—образованіе новыхъ 1224 ауловъ. Въ этотъ періодъ безопасность и спокойствіе степи подъ русской охраной были уже настолько значительны, что оказалось возможнымъ положить начало крестьянской колонизаціи этой окраины. Главнѣйшая же масса киргизскихъ ауловъ (3505) возникла въ послѣднія, ближайшія пятьдесятъ лѣтъ, когда на ряду съ ихъ образованіемъ шло и постепенно увеличивавшееся заселеніе степи крестьянами изъ Европейской Россіи.

Этотъ ходъ занятія степей киргизами при господствѣ въ нихъ русской военной силы, а затѣмъ и при формальномъ обладаніи ими Россіи и одновременной

колонизації ихъ русскихъ элементомъ имѣть, на нашъ взглядъ, значеніе въ вопросѣ объ историческихъ правахъ киргизовъ на занимаемыя ими нынѣ степныя пространства въ Акмолинской области. Права эти во всякомъ случаѣ являются не абсолютными, а подчиненными верховному праву государства, основанному на первоначальномъ занятіи и завоеваніи степи русской военной силой.

Помимо чисто историческихъ данныхъ, главная часть изслѣдованія посвящена экономической сторонѣ. Въ этомъ отношеніи установлено, что въ пользованіи киргизовъ находилось по области свыше одиннадцати милліоновъ десятинъ излишней, совсѣмъ не нужной для хозяйства земли, которая и зачислена въ государственный колонизаціонный фондъ. Изслѣдованіе показало также, что киргизская масса въ хозяйственномъ отношеніи далеко не однородна. Съ теченіемъ времени хозяйство киргизовъ эволюціонируетъ въ направленіи перехода кочевыхъ организацій къ полусѣдлому и сѣдлому состоянію. Явленію этому сопутствуетъ разложеніе первобытной родовой общины и образованіе общинноаульных организацій на новыхъ началахъ, соответствующихъ современнымъ экономическимъ условіямъ степи. Въ результатъ всѣхъ этихъ измѣненій получилось, что настоящихъ кочевниковъ осталось теперь въ области не болѣе 10—12⁰/₀, а остальная масса киргизскаго населенія (до 90⁰/₀) состоитъ изъ мелкихъ хозяйствъ, способныхъ уже въ настоящее время къ переходу на крестьянское положеніе.

В. Г.

**А. И. Фаресовъ. Жизнь и поэзія А. П. Меженинова. (Съ портретомъ).
Спб. 1911 г. Стр. 88. Цѣна 75 коп.**

Имя А. П. Меженинова извѣстно въ военныхъ сферахъ, какъ начальника русскихъ добровольцевъ въ Сербіи въ 1876—77 г.г., но въ литературѣ оно впервые появилось въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за декабрь минувшаго года, благодаря г. Фаресову, приложившему большое стараніе къ тому, чтобы собрать у разныхъ частныхъ лицъ разбросанныя стихотворенія Меженинова, которыя онъ никогда не печаталъ въ журналахъ, но произносилъ ихъ въ разныхъ обществахъ на память и позволялъ многимъ лицамъ записывать ихъ съ его словъ. Въ настоящій сборникъ стиховъ нынѣ покойнаго поэта вошло много новыхъ стихотвореній и, кромѣ того, помѣщена его обстоятельная біографія.

Поэзія г. Меженинова исполнена и лирики, и гражданскихъ мотивовъ. По манерѣ своей онъ напоминаетъ старыхъ корифеевъ русской поэзіи и оставляетъ прекрасное впечатлѣніе при чтеніи. Мотивы Некрасова въ произведеніяхъ Меженинова скрашиваются красотой и остроуміемъ; лирика всегда дышитъ благородствомъ искренняго чувства.

Вполнѣ справедливо будетъ пожелать наибольшаго распространенія изящно изданному сборнику означенныхъ стиховъ, снабженныхъ портретомъ ихъ автора.

Г.

**Кн. Петръ Голицынъ. Первый вѣкъ сената. Спб. 1910. Стр. 206.
Цѣна 2 р.**

Вышеназванная книжка—первый опытъ учено-литературной работы молодого изслѣдователя и какъ таковой, конечно, должна разсматриваться критикой. Задавшись довольно широкой цѣлью написать «живую» исторію сената за XVIII вѣкъ и связать ее съ «судьбою всего государства», авторъ воспользовался только главнѣйшими пособиями и отчасти источниками, въ видѣ «Полнаго Собранія Законовъ», но, несмотря на все это, книжка его сообщаетъ довольно выпуклую и обстоятельную картину жизни перваго верховнаго учрежденія въ Россіи. Все содержаніе раздѣлено на слѣдующія главы: 1) Учрежденіе Сената (время Петра Великаго), 2) верховный тайный совѣтъ (время Екатерины I и Петра II), 3) кабинетъ (время Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича), 4) Возстановленіе сената (время Елизаветы Петровны и Петра III) и 5) Препобладаніе судебной дѣятельности сената (время Екатерины II и Павла Петровича).

Вводя въ жизнь своимъ указомъ отъ 22 февраля 1711 г. новое учрежденіе—сенатъ, Петръ I придалъ ему значеніе высшаго судебного, высшаго надзирающаго и высшаго административнаго учрежденія, причемъ, конечно, снабдилъ его и самыми широкими полномочіями. Вполнѣ довѣряя сенату, какъ коллегіи, Петръ I былъ недоволенъ отдѣльными сенаторами и сенатскими чинами, главнымъ образомъ за ихъ «небрежность» и «нерадивость», опредѣливъ даже «съ нерадивыхъ сенаторовъ взыскивать за каждый день по 50 рублей штрафа, что по тому времени составляло довольно большую сумму. Съ 1722 г., съ учрежденіемъ должности рекетмейстера, сенатъ сталъ «высшимъ апелляціоннымъ судилищемъ», а съ учрежденіемъ въ томъ же году герольдмейстерской конторы и центральный мѣстомъ, вѣдавшимъ служилое сословіе.

По указу 8 февраля 1726 г., возникаетъ верховный тайный совѣтъ, служащій якобы «къ облегченію ея величества въ тяжкомъ бремени правленія». Это былъ первый ударъ сенату, который теперь долженъ былъ получать указы отъ совѣта и обращаться къ нему съ доношеніями. Послѣдующими высочайшими указами еще болѣе было закрѣплено подчиненное положеніе сената отъ совѣта; однѣ только «обязанности герольдмейстера и существо его дѣятельности не потерпѣли серьезныхъ измѣненій».

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Анны Иоанновны, верховный тайный совѣтъ «былъ отставленъ и отъ него не осталось даже имени». Сенатъ вновь объявляется «правительствующимъ», но весьма не надолго: 6 ноября 1741 г. начинаетъ дѣйствовать во главѣ всего управленія кабинетъ, а съ 1736 г.—высшій судъ. Новое и болѣе продолжительное возстановленіе высшихъ прерогативъ власти сената произошло при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, слѣдовавшей вообще начинаніямъ Петра Великаго. Наконецъ, въ правленіе Екатерины Второй сенатъ получаетъ преимущественное значеніе судебного высшаго учрежденія, тѣмъ же онъ былъ и въ царствованіе Павла Петровича.

Такова судьба перваго высшаго учрежденія Россіи, зародившагося «въ качествѣ важнѣйшаго органа самодержавной власти». Несмотря на рядъ тяжелыхъ

испытаній, сенатъ, однако, какъ «несомнѣнная необходимость», сохранился и до позднѣйшаго времени въ качествѣ высшаго судебного учрежденія...

Не вступая въ споръ съ молодымъ авторомъ особенно по поводу тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ полемизируетъ съ научными авторитетами и гдѣ пытается установить свою, якобы новую точку зрѣнія, мы должны все-таки признать за его работой извѣстную заслугу. Для большой публики она дастъ достаточный матеріалъ для ознакомленія съ жизнью сената, а сравнительно живое и литературное изложеніе даже увлекаетъ читателя. Есть, конечно, и тутъ недочеты, но весьма небольшие. Посовѣтуемъ только въ заключеніе автору не называть болѣе извѣстнаго И. И. Шувалова графомъ (стр. 140), ибо таковымъ онъ никогда не былъ.

В. Р—въ.

Труды слушательницъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Т. I, в. I. Подъ редакціей проф. И. А. Линниченко. Одесса. 1910. Стр. 157.

Нельзя не порадоваться отъ всей души тому хорошему обычаю, который постепенно упрочивается въ русскихъ высшихъ школахъ. Мы говоримъ о поощреніи къ научнымъ занятіямъ учащихся въ высшихъ школахъ путемъ изданія наиболѣе серьезныхъ работъ. Очень многіе не признаютъ въ этомъ дѣлѣ никакой пользы, они, наоборотъ, утверждаютъ, что подобнаго рода поощреніе ведетъ къ развитію самонадѣянности, лихорадочной ажитаціи отъ желанія видѣть свои труды въ печати, а это ведетъ къ верхоглядству, несерьезности и т. д. Справедливость такихъ упрековъ очевидна, но при одномъ непремѣнномъ условіи, что руководство научными занятіями будетъ находиться въ опытныхъ и строгихъ рукахъ, тогда опасаться какихъ-либо вредныхъ вліяній не придется. Настоящій сборникъ заслуживаетъ особаго вниманія; это, какъ намъ извѣстно, первый опытъ или одинъ изъ первыхъ опытовъ изданія научныхъ трудовъ учащихся высшей женской школы, и намъ думается, этотъ опытъ долженъ встрѣтить въ лицѣ каждаго интересующагося высшимъ женскимъ образоваціемъ особенное удовольствіе и радость. Нельзя поэтому не поблагодарить проф. И. А. Линниченка за прекрасное начинаніе. Проф. И. А. Линниченко всегда относился и относится необычайно внимательно и заботливо ко всѣмъ тѣмъ, кто серьезно стремится къ научной работѣ; заботливости уважаемаго профессора обязана русская наука нѣсколькими солидными работами; ученики его недавно издали прекрасныя работы: А. Слабченко—«Малорусскій полкъ»; Флоровскій—«Изъ исторіи Екатерининской законодательной комиссіи 1767 г. Вопросъ о крестьянскомъ правѣ». Ученая эрудиція проф. Линниченка является прекрасной гарантіей того, что въ «труды» слушательницъ попали серьезныя работы. Въ сборникъ три статьи: Д. Атласъ—«Джемсъ Гаррисъ, его дипломатическая миссія и письма изъ Россіи», стр. 1—50; ея же—«Дневникъ французскаго дипломата Мари-Даніеля де-Корберона», стр. 51—133; Л. Палпадато—«Неизданная французская рукопись Наказа императрицы Екатерины II», стр. 135—157. Первые двѣ работы находятся въ тѣсной связи между собой. Авторъ изучаетъ письма и дипломатическія депеши Гарриса, дневникъ Корберона и старается

путемъ весьма старательной и добросовѣстной работы опредѣлить значеніе названныхъ произведеній, какъ источниковъ для характеристики политической жизни, политическихъ отношеній, а также для характеристики жизни, интересовъ и стремленій русскаго аристократическаго общества во второй половинѣ XVIII вѣка. Автору прекрасно знакома обширная литература, касающаяся названныхъ вопросовъ, умѣло разбирается онъ въ обширномъ матеріалѣ; историческая критика на всемъ протяженіи работъ на высотѣ положенія; безусловно нужно признать, что г-жѣ Атласъ удалось очистить источники отъ ошибокъ и невѣрныхъ утвержденій, насколько, конечно, позволяли имѣвшіеся въ ея распоряженіи матеріалы.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ маленькая, но очень содержательная статья г-жи Паппадато. Н. Д. Чечулинъ въ своемъ изданіи Наказа обратилъ вниманіе на рукописное сочиненіе «L'esprit de l'instruction de Sa Majesté l'Imperatrice de Russie, pour la formation d'un code de loix, ou développement de ses principes» и пытался доказать, что примѣчанія на Наказъ (Tourneux въ соч. «Catherine II et Diderot» издалъ «Odservations sur l'instruction de Sa Majesté Imperiale») принадлежать Дидро. Г-жа Паппадато отрицаетъ принадлежность примѣчаній Дидро. При изслѣдованіи рукописи авторъ нашелъ, что примѣчанія къ «Наказу» составляютъ лишь дополненіе, развитіе и подкрѣпленіе историческими ссылками принциповъ и идей, выраженныхъ въ немъ Екатериной (стр. 159). Прежде всего г-жа Паппадато обратила вниманіе на стиль автора примѣчаній и приходитъ къ заключенію, что это не стиль Дидро; аргументъ недостаточный, конечно, и слишкомъ шаткій; у автора имѣются болѣе вѣскія доказательства. Авторъ примѣчаній удивительно хорошо знаетъ англійскіе законы, очень сочувственно относится къ дворянству, какъ привилегированному сословію, Дидро же не могъ такъ хорошо знать англійскихъ законовъ, и Дидро, по рожденію плебей, не могъ преклоняться предъ дворянствомъ. Въ примѣчаніяхъ виденъ опытный юристъ. Вездѣ, гдѣ дѣло идетъ объ уголовномъ и гражданскомъ правѣ и т. п., примѣчанія весьма обстоятельны, точны; тамъ же, гдѣ Дидро могъ показать себя какъ въ вопросѣ о воспитаніи, терпимости, или нѣтъ никакихъ примѣчаній, или они очень скудны. Сравнивъ записку Дидро «Les écoles publiques», представленную Екатеринѣ II съ разработкой вопроса о воспитаніи въ рукописи, авторъ, какъ и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, заключаетъ, что примѣчанія никоимъ образомъ не могутъ принадлежать Дидро. Примѣчанія написаны опытнымъ юристомъ, и, по весьма остроумной догадкѣ, они принадлежатъ M. de Villiers, который пріѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ Мерсье де ла Ривьеромъ, приглашеннымъ для работы въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія; Екатеринѣ нужны были опытные юристы, и она не могла не обратить вниманія на M. de Villiers. Послѣдній былъ очень хорошо знакомъ съ Англійей, ея жизнью, порядками, ибо прожилъ въ ней 3 года, гдѣ специально изучалъ англійскіе законы. Работая въ комиссіи для составленія «Описанія внутренняго управленія Россіи», de Villiers имѣлъ у себя «Наказъ» и написалъ комментаріи къ нему. Въ гл. XXII Наказа, гдѣ идетъ рѣчь о народномъ богатствѣ, г-жа Паппадато открываетъ интересный фактъ, что длинныя и обстоятельныя разсужденія въ этой главѣ цѣликомъ выписаны изъ книги Мер-

cier de la Rivière «L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques»; авторъ доказываетъ, на основаніи выписокъ изъ труда Rivière, что не Rivière авторъ замѣчаній; одинъ изъ серьезныхъ доводовъ въ пользу этой мысли тотъ, что примѣчанія на «Наказъ» мало оригинальны, принадлежать образованному человѣку, но никакъ не могутъ принадлежать такому смѣлому и оригинальному мыслителю, какимъ былъ Rivière. Скудость свѣдѣній о M. de Villiers не даетъ автору возможности тщательно обосновать свой тезисъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться съ г-жой Паппадато, что авторъ примѣчаній на «Наказъ» не Дидро, а M. de Villiers; это оригинальное положеніе г. Паппадато, несомнѣнно, будетъ принято во вниманіе будущими изслѣдователями.

Въ заключеніе нельзя не пожелать молодымъ авторамъ дальнѣйшихъ плодотворныхъ занятій на нивѣ русской исторической науки, тѣмъ болѣе, что данныя къ таковымъ занятіямъ у нихъ имѣются.

Изданіе съ вѣншей стороны производитъ очень хорошее впечатлѣніе чистотой и аккуратностью; проф. И. А. Линниченко въ предисловіи говоритъ о скоромъ выходѣ второго выпуска «трудовъ».

О. Аваліани.

**Часовой, М. Х. Грядущее Дальняго Востока. Спб. 1910. Стр. 62.
Цѣна 50 коп.**

За послѣднее время все чаще и чаще въ сибирскихъ газетахъ попадаются извѣстія о Японіи. Извѣстія эти для Россіи крайне неутѣшительнаго свойства: они говорятъ намъ, что экономическая гегемонія на Дальнемъ Востока вървана изъ нашихъ рукъ; то же ждетъ и другія культурныя государства. Все это теперь находится въ рукахъ Японіи или въ скоромъ будетъ находиться. Въмѣстѣ съ экономической гегемоніей, надо думать, и политическая также перейдетъ въ руки «Страны Восходящаго Солнца», и время это—не за горами. Словомъ, «желтая опасность» надвигается! Кавказская раса не устоитъ передъ желтой, ибо, по словамъ г. Часового, положеніе, занятое Японіей послѣ русско-японской войны, таково, что она «уже въ данный моментъ можетъ смѣло угрожать въ Тихомъ океанѣ всѣмъ—и Россіи, и Китаю, и С.-Штатамъ, и Голландіи (колоніямъ), и Франціи, и Германіи, и даже Англіи».

Вопросъ, затронутый г. Часовымъ, крайне интересенъ, особенно теперь, а потому книжечку его можно смѣло рекомендовать читателю. Объемъ ея невеликъ, написана она удобопонятно и дѣльно, издана опрятно,—словомъ, обладаетъ всѣми достоинствами, которыя требуются современными читателями отъ книги. Вотъ подробное содержаніе разсматриваемой книжечки г. Часового.

Въ первыхъ двухъ главахъ говорится о томъ, почему всѣ культурныя государства обзаводятся колоніями и стремятся къ захвату все новыхъ и новыхъ рынковъ; далѣе рѣчь идетъ о томъ, какъ поиски новыхъ рынковъ заставили европейцевъ обратить особенное вниманіе на Китай. Послѣдующія главы (съ 4-й) посвящены разбору причинъ, которыя, въ силу необходимости, приведутъ къ столкновенію интересовъ Японіи, европейскихъ государствъ и С.-Штатовъ;

тутъ же указывается, что каждое европейское государство, взятое въ отдѣльности, никогда не будетъ съ состояніи одолѣть Японію. Все это подтверждается у г. Часового цифрами, аргументами очень убѣдительными.

Я. Бирюковъ.

Городъ Борисовъ (Минской губ.). Составили Э. М. Клейнъ, Д. И. Довгялло и Н. Е. Бѣлоцерковецъ. Содержаніе: Наружное описаніе съ 24 видами Борисова, Ново-Борисова и Старого Борисова. Промышленная и общественная жизнь. Исторія. Изданіе сѣв.-западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества. Вильна. 1910. Стр. 1—38 in 4°. Ц. 25 коп.

Сѣверо-западный отдѣлъ географическаго общества возобновленъ 16-го января 1910 года по инициативѣ попечителя виленскаго учебнаго округа профессора Г. В. Левицкаго, нынѣшняго предѣдателя отдѣла. Настоящій историко-статистическій очеркъ города Борисова есть отдѣльный оттискъ изъ «Записокъ сѣверо-западнаго отдѣла императорскаго русскаго географическаго общества».

Очеркъ составленъ интересно и довольно удачно иллюстрированъ. Статистическія свѣдѣнія собраны довольно тщательно, особенно интересны данныя метеорологической станціи при борисовскомъ городскомъ училищѣ—итоги четырехлѣтнихъ наблюденій учителя-инспектора училища Н. Е. Бѣлоцерковца (стр. 19—26).

Привѣтствуя первые шаги возродившагося отдѣла географическаго общества, отъ души желаемъ ему полнаго успѣха въ дѣлѣ изученія старины Сѣверо-Западнаго края.

Д. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ изслѣдованія. — Археологическія работы въ Египтѣ подъ дирекціей Навилля дали удовлетворительные результаты за послѣдніе годы и окончились полнымъ извлеченіемъ изъ-подъ земли храма одиннадцатой династіи въ западной области цирка Дейръ Бахари. Мостаба, увѣнчанная пирамидой, и сосѣдняя площадь земли вполне изслѣдованы и археологамъ тамъ ничего не оставалось дѣлать. Но западная часть раскопокъ готовила имъ неожиданности. Здѣсь находятся самыя значительныя зданія и главный похоронный храмъ съ усыпальницей фараона. Храмъ устроенъ на высѣченной въ горѣ площади, такъ что съ трехъ сторонъ онъ упирается на стѣны изъ скалы, покрытыя бѣлой известью, на которой начертаны надписи и ритуальныя сцены. Промежуточное пространство занимали параллельно десять рядовъ колоннъ изъ восьми колоннъ каждый—въ общемъ двадцать четыре колонны: Это былъ «уаскхитъ», который во всѣхъ храмахъ предшествуетъ усыпальницѣ. Тамъ уцѣлѣли лишь обломки скульптуры или колоннъ. Фараоны XVIII и XIX династій застали храмъ уже на половину засыпаннымъ землею и пользовались имъ какъ каменоломней, откуда доставали матеріалъ для своихъ построекъ. Одинъ изъ сохранившихся тамъ барельефовъ представляетъ фараона Монтухотпу II, отождествленнаго съ Озирисомъ и составлявшаго троицу съ Сетомъ и Гаторой. Согласно обычаю его двойникомъ былъ божественный патронъ святилища, гдѣ онъ покоился. Другой, на половину разрушенный, возвышается въ глубинѣ залы съ колоннами между послѣдними шестью колоннами какъ бы въ нишѣ. Возлѣ нея справа находится квадратный жертвенникъ изъ краснаго гранита. Внѣшняя дверь съ давнихъ поръ уничтожена, но коридоръ уцѣлѣлъ. Онъ идетъ, возвышаясь около сорока

метровъ, и оканчивается сводомъ, прилегающимъ къ комнатѣ. Комната изъ розоваго гранита, украшенная алебастровой нишей, гдѣ, по предположенію, Навилля, находился дублетъ статуи фараона Монтухотпу въ коронѣ Верхняго Египта и въ короткомъ бѣломъ плащѣ, какой надѣвали фараоны во время церемоніи Хабисаду, праздника отождествленія фараоновъ послѣ извѣстнаго числа лѣтъ царствованія съ Озирисомъ, воскресшимъ фараономъ обоихъ Египтовъ. Но что это былъ именно дублетъ означенной статуи, единственной въ своемъ родѣ и открытой англійскимъ археологомъ Кертеромъ въ 1901 году, — пока лишь предположеніе. Также единственные въ своемъ родѣ шесть каменныхъ хранилищъ въ глубинѣ храма, посвященныя шести принцессамъ: Ашантыз Сахде, Кауиты, Камзаиты и Ханханиты и неизвѣстной, которыя всѣ носили титулъ жрицъ Гаторы. Археологъ Сомерсъ Клэркъ думаетъ, что эти женщины похоронены тамъ и ихъ могилы были прибавлены, когда зданіе уже было готово. Эти гробницы были возстановлены самымъ терпѣливымъ образомъ женщиной археологомъ г-жою Навилль. Въ одной изъ могилъ, именно Кауиты, находится великолѣпная гробница изъ бѣлаго алебастра, которая уже перевезена въ Каирскій музей. Одиннадцатая династія еще недостаточно установлена; Навилль пытался ее возстановить, но не слишкомъ настойчиво. Открытіе новаго памятника, со дня на день ожидающееся, можетъ разрѣшить вопросъ. Монтухотпу Неббацятриа, построившій мастаба-пирамиду въ Дехрѣ ель Бахари дѣйствительно ли Монтухотпу II, еще неизвѣстно, хотя за него говорить то обстоятельство, что этой работой интересовался послѣ него единственный фараонъ XII династіи Сауносритъ III и она была въ довольно хорошемъ состояніи, чтобы заниматься ею. Во времена XIII династіи она стала приходить въ упадокъ; это видно изъ того, что многіе фараоны, подъ предлогомъ легкихъ поправокъ, записали тамъ свои имена. Въ царствованіе IX династіи она пришла въ разрушеніе, и тщетно канцлеръ Байй пытался ее спасти при жизни Сифтаха. Въ новѣйшія времена ее едва поддерживали археологи Мариеттъ и Масперо за неимѣніемъ денегъ. Только благодаря энергіи Навилля общество Egypt Exploration Fund рѣшило приняться за могилу Монтухотпу и произвести серьезныя работы, какія только приходилось предпринимать этому обществу.

Итальянскій миссіонеръ докторъ Пернье два года тому назадъ во время раскопокъ на Критѣ нашелъ глиняный дискъ, покрытый печатными письменами. Это самыя раннія печатныя письмена за 1600 до Рождества Христова, какія только до сихъ поръ были найдены. При изслѣдованіи прежде всего было замѣчено, что различныя фигуры, составляющія надписи, если повторялись, то были точь-въ-точь одинаковы. Затѣмъ было установлено, что эти фигуры были не выгравированы, но дѣйствительно отпечатаны съ помощью первобытной печатки, похожей на каучуковыя печатки, какія употребляются въ настоящее время. Такимъ образомъ, можно признать, что нашли первый зародышъ печатанья. Сначала казалось, что надпись нельзя дешифровать: археологи не знали, какого она рода: іероглифическая, силлабическая или азбучная. Также не знали, какъ читать, справа налѣво или наоборотъ. Послѣ долгаго изученія, профессоръ Эрвансъ пришелъ къ заключенію, что текстъ содержалъ религіозныя пѣсни.

но дешифровать его все-таки не удалось. Однако при изслѣдованіи надписи видно, что у знаковъ есть направленіе, указывающее справа налѣво. Многіе изъ нихъ повторяются, и разныхъ знаковъ сорокъ пять. Это число слишкомъ велико для азбучныхъ письменъ, слишкомъ мало для гіероглифическихъ и только какъ разъ для силлабическихъ. При тщательномъ изученіи это предположеніе подтвердилось, и можно замѣтить, что, напримѣръ, человѣческая голова, имя которой «апег», означаетъ альфу, первую букву этого слова. Профессоръ Гемпль, напечатавшій объ этомъ статью въ «Harpers Magazine», могъ такимъ образомъ установить всѣ буквы и добиться азбуки, съ помощью которой онъ перевелъ письма.

Кромѣ археологическихъ изслѣдованій въ Египтѣ, англичане чрезвычайно интересуются Индіей. До Бернелля они совершенно пренебрегали ею, не подозревая, какой неистощимый источникъ для сокровищницы науки скрывается въ этой странѣ. Съ легкой руки этого изслѣдователя они энергично, даже страстно принялись переводить рукописи, хранящіяся въ различныхъ дворцахъ южной Индіи. Но трудный для европейцевъ языкъ, запутанность и особія сложныя формы выраженія, вся психологія этого народа, чуждая европейскому уму, чрезвычайно тормозятъ ихъ работы. Большое участіе въ изслѣдованіяхъ принимаютъ магараджа Травангорскій и ученые брамины, первый помогая необходимыми средствами, вторые—дѣятельнымъ участіемъ. Сами же англичане въ теченіе болѣе шестидесяти лѣтъ сдѣлали мало успѣховъ, чтобы приподнять завѣсу таинственнаго прошедшаго древняго государства Пандіи, принесшаго и поддерживавшаго арійскую цивилизацію на крайнемъ югѣ Индіи, вмѣшавшейся посредствомъ торговли и политики въ интернаціональную жизнь со времени Августа. Династическія свѣдѣнія туго пополняются. Англичанка-археологъ, миссъ Дюффи, составляющая хронологію, до сихъ поръ не дала даже перечня государей Пандіи. Имя перваго царя, основателя Мадурѣ, теперь извѣстно—его звали Кулацекхара. Затѣмъ царствовалъ Малаядхваяя, дочь котораго, олицетвореніе богини Минакси, была женою самого Сивы подъ личиною Сундарецвара, и цѣлый рядъ государей, имена которыхъ, благодаря одинаковости, очень затрудняютъ изслѣдованія. Тамульская литература, еще слишкомъ мало изслѣдованная, даетъ богатыя свѣдѣнія относительно династіи, основавшей знаменитую мадурскую академію.

Среди найденныхъ касающихся литературы рукописей оказался знаменитый трактатъ литературной критики Вяктививека Раянака Махимабатта, отмѣченный датой исторіи доктринъ. Авторъ, въ чрезвычайно оригинальномъ, но трудно передаваемомъ въ короткихъ словахъ ученіи, оспариваетъ теорію, выработанную окончательно въ IX вѣкѣ Анандаварданомъ въ Дхваньялокѣ и ставшую классической, несмотря ни на какія нападки. Дхвани собственно означаетъ могучая сила звучности, которая содержится въ словѣ или въ смыслѣ слова и обладающая способностью дѣйствовать гармонически прямо на воображеніе, чѣмъ пользуются поэты. Махимабатта въ своемъ трактатѣ отрицаетъ дхвани. Онъ относитъ всѣ приписываемые ему феномены—разуму. Но въ короткихъ словахъ почти невозможно резюмировать это ученіе, настолько оно не имѣетъ ничего общаго съ нашими идеями и такъ восточная психологія, эсте-

тика, искусства, вѣрованія и проч. отличаются отъ нашихъ и совершенно оригинальны. Изъ самой сущности этихъ споровъ возникаетъ проблема: надо ли искать принципъ искусства въ сознательномъ умѣ, или въ мистическомъ вдохновеніи. Махимаббатта смѣло выступаетъ рационалистомъ и подвергаетъ ученіе и приведенные примѣры Анандавардана о вдохновеніи—жестокой критикѣ. Если ему не удастся его побѣдить, то онъ непрестанно привлекаетъ къ себѣ вниманіе противниковъ, и послѣдующіе критики часто его приводили, особенно нападая на него.

Массу текстовъ издалъ въ «Bibliotheca Indica» и другихъ журналахъ профессоръ калькутскаго Presidency College и санскритскаго правительственнаго College ученый браминъ Гапразядъ Шастри, считавшійся свѣтиломъ индійской науки.

Англичане и вообще европейцы настолько мало интересовались Индіей, что проглядѣли, какъ тамъ нарождались либеральныя идеи. Они по старинѣ все еще считали Индію неподвижно-консервативной, а между тѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ тамъ появилось интересное произведеніе этого ученаго, свидѣтельствующее о совершенно иномъ направленіи. Это нѣчто вродѣ эпоса въ бенгальской прозѣ и озаглавлено «Торжество Вальмики»¹⁾ (Вальмимиръ Яйя). Узнали о немъ англичане лишь изъ перевода на англійскій языкъ только недавно. Смыслъ ея слѣдующій.

Въ далекомъ прошломъ, между закатомъ золотого вѣка и зарею серебрянаго надъ Гималаями внезапно появляются таинственные святые, Рбхузы, и поютъ магическую мелодію, погрузившую всѣ созданія въ блаженный экстазъ. Но изъ всѣхъ существъ только три человѣка поняли слова этой пѣсни: Вазиста, въ которомъ олицетворилась гордость браминской науки, Виквамित्रа, глава военной доблести, и, наконецъ, Вальмики, предназначенный обезсмертиться Рамайяной, но который былъ еще только главою разбойниковъ. Голоса пѣли: «Братъ! О, мой братъ! Мы всѣ братья!» И браминъ мечтаетъ о человѣческомъ братаніи, вдохновляемомъ и поддерживаемомъ браминскими умами; воинъ—о человѣческомъ братаніи, вдохновляемомъ побѣдой и поддерживаемомъ военачальникомъ; Вальмики же задумался только о своемъ постыдномъ поведеніи и принялся плакать. Сойдя съ горы, Виквамित्रа посѣтилъ Вазисту въ его пустынь и тамъ онъ увидѣлъ корову изобилія Нандини, которая реализовала всѣ желанія браминовъ. Онъ захотѣлъ ее имѣть добровольно или силой. Но изъ чрева коровы вышла невидимая армія, которая нанесла Виквамитрѣ его первое пораженіе. Уничтоженный, онъ исчезъ, отказался отъ міра и предался самымъ суровымъ лишеніямъ, чтобы добиться званія брамина. Но какъ онъ ни молился, повторяя самую святую молитву Гайятри, Брама и его упорные защитники привилегированнаго происхожденія, отказали ему въ желаемомъ званіи. Разгнѣванный Виквамित्रа рѣшается создать силою своихъ самобичеваній новую вселенную, въ которой онъ будетъ Брамой. Онъ поднимается по ту сторону пространства и изъ разсѣянныхъ атомовъ извлекаетъ цѣлую новую вселенную, которую организуетъ по своему желанію. Между тѣмъ

¹⁾ The Triumph of Valmiki From the Bengali, by B. R. Len Chittagung 1910.

на землѣ анархія, которую онъ умѣлъ укрощать, распространила свои опустошенія. Земля производила только войны, вражду и грабежи. Геній Вальмики спасаетъ вселенную отъ окончательнаго разрушенія. Удалившись въ лѣсъ, онъ оплакиваетъ свои ошибки, видитъ охотника, убивающаго на смерть влюбленную птицу, произноситъ знаменитое ритмическое проклятіе, которое составило первый стихъ, и съ тѣхъ поръ, посвятивъ себя поэзіи, идетъ изъ города въ городъ, воспѣвая миръ, согласіе, милосердіе, любовь къ ближнему — и всѣ дурныя страсти исчезаютъ отъ звуковъ его словъ. Виквамित्रа, въ созданной имъ вселенной, чувствуетъ отсутствіе человѣческой симпатіи существъ, созданныхъ по его образцу, но не по его вкусу. Онъ хочетъ перенести туда свою столицу и своихъ земныхъ существъ, но его достоинства истощились, его чудесная сила изсякла. Въ своемъ гнѣвѣ онъ хулитъ Брамю, и вдругъ созданная имъ вселенная исчезаетъ. Виквамित्रа падаетъ на землю въ Кокамби въ присутствіи Вазисты и Вальмики въ тотъ самый моментъ, когда Вальмики пробуетъ отворотить неизбежное сраженіе. Появляется самъ Брама, признаетъ за Виквамитрой браминское достоинство, и всѣ партіи примиряются при неистовыхъ возгласахъ: «Да здравствуетъ Вальмики!» Чтобы опредѣлить, увѣковѣчить человѣческій идеаль, какимъ они его единодушно задумали, Вазиста, Виквамित्रа и Вальмики вырабатываютъ вмѣстѣ Рамайяну: Вазиста вкладываетъ въ нее уроки мудрости, Виквамित्रа опыта, а Вальмики всю свою душу. Впослѣдствіи послѣ тысячъ и мириадъ лѣтъ воплощенный Вишну, появившійся подъ чертами Рама, реализируетъ этотъ идеаль: исполнивъ свою задачу, онъ возносится на небо. Вазиста слѣдуетъ за нимъ и занимаетъ мѣсто среди звѣздъ Большой Медвѣдицы, «семи Ресисъ». Виквамित्रа попадаетъ къ архангеламъ, а богъ боговъ, Нарайяна, проявляетъ свой божественный образъ предъ Вальмики и объявляетъ вселенной о побѣдѣ поэта.

Хотя индійскій ученый заимствовалъ изъ Рамайяны много эпизодовъ, передавъ ихъ красиво, поэтично и красочно, но подъ видомъ античной эпохи онъ представилъ современную Индію. Вазиста, Виквамित्रа и Вальмики только символы. Въ своемъ произведеніи онъ задаетъ вопросы: должна ли Индія остаться вѣрна Вазистрѣ, вѣковымъ традиціямъ, режиму кастъ, родовой іерархіи съ браминами во главѣ; пойти ли ей въ ногу съ Виквамитрой, героемъ разума, которому служить сила, или предпочесть Вальмики, кротость, доброту и самопожертвованіе. Авторъ избираетъ послѣднее. Вальмики заслуживаетъ первое мѣсто въ славѣ Индіи, на ряду съ Буддой, какъ выразитель дѣйствительно гуманитарной формы самыхъ благородныхъ возвышенныхъ чувствъ. Въ то время, какъ Миха-Барата прежде всего нравственный и социальный кодексъ браминской Индіи, Рамайяна вдохновляется универсальнымъ идеаломъ. Но хотя Вальмики торжествуетъ, авторъ не безъ сожалѣнія жертвуетъ ему Виквамитрой; послѣдній занимаетъ у него первое мѣсто. Онъ вызываетъ симпатію и вниманіе: если его созданіе не удалось, то не вслѣдствіе безсилія, но по причинѣ крайней смѣлости: онъ поставилъ слишкомъ высоко свой идеаль, чтобы сдѣлать его способнымъ къ жизни. Онъ никогда не вѣрилъ въ естественное превосходство браминовъ, онъ думалъ, что они этимъ обязаны превосходству своей культуры, высшему развитію ихъ ума, поэтому въ своемъ желаніи

обеспечить людямъ одинаковую легкость для развитія ихъ умственныхъ способностей онъ повсюду основалъ школы и высшія учебныя заведенія. У него нѣтъ класса, который исключительно отличался бы преподаваніемъ нравственности, но каждый могъ бы раздѣлять эту задачу. Разумъ былъ единственнымъ божествомъ. Всѣ другъ друга любили, всѣ были равны, и прогрессъ одного служилъ для прогресса всѣмъ. Брачныхъ узъ въ мірѣ Виквамитры не существовало, но сила любви была столь могущественна, что сердца, разъ соединившись, уже не разъединялись. Если же любовь прерывалась, то ожидали три года прежде заключенія новаго союза. Количество новорожденныхъ ограничивалось. По странной ироніи, бросающейся въ глаза, въ этомъ сочиненіи ученаго брамина браминъ представляетъ неважную фигуру и далекъ отъ ведическаго «рси». Въ своемъ разговорѣ съ Виквамитрой по возвращеніи съ Гималаевъ, когда тотъ требуетъ правъ сильнаго для возстановленія порядка, Вазиста отвѣчаетъ ему: «Нѣтъ, примѣненіе силы не ведетъ къ единству. Пока каждый человѣкъ думаетъ самъ за себя, невозможно соединить даже два созданія. Первая и существенная необходимость—остановить свободу мысли: безусловно не нужна свобода мысли для низшаго класса». На это Виквамитра возражаетъ: «Ты хочешь сказать, что полдюжина браминовъ можетъ остановить теченіе мысли, независимой на всей землѣ?..»—«Какая задача можетъ быть трудно исполнимой для интеллигентнаго ума?»—отвѣчаетъ ему Вазиста.—Я измѣню направленіе ихъ ума съ дѣтства. Я сдѣлаю такъ, что они будутъ предаваться удовольствіямъ и наслажденіямъ; я не дамъ имъ думать ни о чемъ другомъ; я лишу ихъ ученія и книгъ. Если для этого одного поколѣнія недостаточно, ну такъ что же! Черезъ десять поколѣній человѣкъ будетъ не только братомъ человѣка, но онъ будетъ также братомъ скотины... Я наполню ужасными формами безпредѣльную пустоту небесъ. Морское путешествіе порождаетъ свободу—мы его запретимъ. Мы сдѣлаемъ ежедневную жизнь столь переполненной обрядами, что безъ брамина нельзя будетъ двинуться».

— В о с п о м и н а н і я г-жи Ж ю л ь е т т ы А д а н ь 1877—1880 г. ¹⁾.— «Итакъ, вы и я, дорогой другъ, мы были увлечены нашей мечтой и вѣрили не только нашимъ идеямъ, но и нашимъ сотоварищамъ, тогда какъ въ сущности они работали не ради нашей задачи, а для другой. Знаете ли, за что я ихъ упрекаю и за что ихъ сурово осуждаю. А за то, что они насъ обманули, и это, видите ли, непростительно. Я не хочу изъ уваженія къ вашимъ воспоминаніямъ назвать этотъ поступокъ его именемъ». Эти слова изъ предисловія де-Марсера, друга мужа г-жи Жюльетты Аданъ, къ ея новому труду опредѣляютъ общій характеръ этихъ воспоминаній. За недостаткомъ мѣста мы приведемъ изъ нихъ лишь самыя интересныя выдержки, касающіяся русскихъ и Россіи.

Великая француженка, какъ ее прозвали за ея горячую любовь къ родинѣ, вмѣстѣ съ мужемъ и группою искреннихъ друзей вложила всю свою душу въ дѣло возрожденія Франціи, измученной переживаемыми волненіями. «У меня всегда была вѣра въ благотворное вліяніе республиканскаго принципа,—говорить она:—онъ всегда оставался для меня идеальнымъ правительствомъ, пред-

¹⁾ Après l'abandon de la Revanche. Paris. 1910. Par Madame Juliette Adam.

назначеннымъ поднять нравственный уровень высшихъ классовъ, возвысить народъ до насъ и заставить Францію вступить на путь всевозможнаго прогресса». Послѣ смерти мужа жизнь г-жи Аданъ, по ея словамъ, была разбита. Онъ представлялъ въ ея дѣятельности половину цѣлаго, и этой половины теперь не стало. «Если я умру,—сказалъ онъ ей однажды:—не плачь, позаставь мою жизнь снова жить въ твоей». И г-жа Аданъ исполняла, какъ могла, его завѣтъ, въ чемъ ей способствовали, во имя ея мужа, искренніе ихъ друзья. «Не надо, чтобы не хватало дѣятельности въ нашей партіи въ часъ кризиса, какой намъ приходится переживать. Для тебя твой долгъ во всемъ и вездѣ заполнить пустоту, причиненную моимъ временнымъ бездѣйствіемъ», говорилъ онъ во время болѣзни. «И теперь послѣ его смерти мой долгъ удвоился, но какъ я смогу разомъ занять его и свое мѣсто?» спрашиваетъ она.

16 іюня, слѣдовавшее за государственнымъ переворотомъ 16 мая, привело депутатовъ въ Версаль. «Конфликтъ между палатой и націей такого рода,—сказалъ Фурту:—что нація одна можетъ его разрѣшить». Наконецъ вспыхнула гроза. Три человѣка, по словамъ Гамбетты, способны были дать благоприятный исходъ авантюръ 16 мая—Жирарденъ, Рауль Дюваль и Галиффе. «Если вы поможете намъ ихъ убѣдить,—а вы одна можете это сдѣлать,—повторяли ей все время:—вся опасность для республики будетъ отвращена».

Но Гюго иное твердилъ: «Старики предсказатели. Послушайтесь сѣдовла-саго человѣка, выдавашаго то, что вамъ предстоитъ видѣть. Не вступайте въ авантюру. Послушайтесь того, кто изъ нея вернулся. Я вогирую противъ катастрофы». «Но правые видѣли катастрофу лишь въ республикѣ», замѣчаетъ г-жа Аданъ.—Одинъ изъ ихъ вліятельныхъ членовъ говорилъ Жирардену: «Мы пойдемъ на осаду республики одни съ пѣтухомъ, другіе съ орломъ, третьи съ лиліей!» На это Жирарденъ отвѣчалъ: «Противъ пѣтуха вамъ будетъ пѣтухъ, и оба они исключютъ лилію, а орелъ можетъ парить лишь надъ Седанскимъ костникомъ». Наканунѣ послѣдняго засѣданія палаты Гамбетта произнесъ свою самую лучшую рѣчь. «Мы всѣ были полны надежды,—говоритъ г-жа Аданъ:—развѣ не сказалъ намъ Гамбетта: «Мы отправимся 363, а вернемся 400».

Въ эту эпоху всѣ партіи встрѣчались въ салонѣ княгини Lise Трубецкой, служившемъ центромъ сборища вліятельныхъ членовъ всѣхъ партій, и только у нея они соглашались сходитьсь. Она вела дружбу съ г-жой Аданъ и ежедневно справлялась о здоровьи ея мужа во время его болѣзни. Широкая жизнь нашей соотечественницы окончилась, какъ извѣстно, крахомъ, и ея отель былъ проданъ. «Бѣдная княгиня,—пишетъ г-жа Аданъ,—слишкомъ далеко завело ее желаніе играть политическую роль. Другъ Горчакова, она служила посредницей въ теченіе многихъ лѣтъ между канцлеромъ и Тьеромъ. Ее не покидалъ образъ княгини Ливень, ея троюродной тетки. Какъ докторъ Моръ всегда перечитывалъ письма къ нему Тьера, такъ у Lise Трубецкой всегда имѣлось для прочтенія письмо Горчакова».

Ея мать, княгиня Кочубей, была урожденная Вибикова, по первому мужу Вѣлосельская, и княгиня Lise любила напоминать о своемъ высококомъ происхожденіи отъ основателя русскаго самодержавія. «Она съ порядочнымъ жеманствомъ ведетъ рассказъ, и это было бы смѣшно у другой,—говоритъ г-жа Аданъ.—

Я, съ своей стороны, въ теченіе нашихъ долгихъ дружескихъ отношеній много разъ просила ее разсказывать объ ея первомъ балѣ, который она открыла у матери съ императоромъ Николаемъ I, когда была совсѣмъ еще ребенкомъ».

Не отличаясь красотою, но оригинальная, княгиня Трубецкая обладала очаровательной таліей, крошечной ножкой, чудными руками, бѣлокурыми волосами и очень голубыми глазами. Маленькаго роста, но съ гордой осанкой, поступью и жестами, она была олицетвореніемъ дамы высшаго общества. У нея бывали Бюловъ, графъ и графиня Аппона, графъ Дюшатель, Беррье, Ларош-жаклэнъ, Дюпэнъ, герцогъ Грамонъ, баронъ Барантъ Рикоръ, Каро, Кальмонъ, Леонъ Рено и проч. Г-нъ Аданъ бывалъ тамъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. Тьера всегда можно было видѣть у нея сидящимъ подъ высокой пальмой на одномъ и томъ же мѣстѣ въ бѣлой гостиной. Это соприкосновеніе всѣхъ партій у княгини Lise забавляло гостей. Княгиня отличалась искусствомъ представлять гостей самымъ неожиданнымъ образомъ. Она умѣла восхительнымъ образомъ вести разговоръ, живо, остроумно съ безконечно-плѣнительной улыбкой вносила во всѣ бесѣды жажду знанія. Ея вопросы порою ставили втупикъ, и, какъ говорятъ, она проявляла особую способность дѣлать неловкости, чтобы ихъ поправить сейчасъ же съ поразительной ловкостью. Тьеру, бывавшему у нея въ Россіи въ ужасную годину, она будто бы разомъ и услуги оказывала, и подводила его. Одинъ русскій другъ г-жи Аданъ, очень осѣдомленный, передавалъ ей, что на другой день, какъ княгиня Трубецкая сообщила Тьеру самыя успокоительныя свѣдѣнія относительно намѣренія Александра II, а тотъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ въ Туръ, появилась телеграмма царя съ назначеніемъ Фридриха-Карла и кронпринца генералъ-майорами русской арміи. Но за это княгиня его вознаградила, и онъ обязанъ ей за неоцѣнимую услугу, отнявшую у него вѣру въ Базна, о которомъ она имѣла подробныя свѣдѣнія и могла просвѣтить Тьера. «Правда, надо прибавить, — говоритъ г-жа Аданъ: — что она обманула его и всѣхъ нашихъ друзей, Адана и меня, относительно князя Орлова и чувства симпатіи, которое, по ея словамъ онъ питалъ къ Франціи. Оказалось, что «князь Орловъ былъ вполнѣ преданъ Бисмарку: его переписка съ Арнимомъ во время знаменитаго процесса вполнѣ доказала».

«Княгиня Lise говорила мнѣ о Гамбеттѣ, котораго она принимала запросто утромъ въ воскресенье. На дняхъ онъ спросилъ ее, какъ взглянетъ императоръ Александръ на то, что онъ, Гамбетта, президентъ; будетъ ли онъ недоволенъ? Она ему отвѣтила напрямикъ: «Да. Достиженіе власти бельвийскимъ депутатомъ, главой демагоговъ, не можетъ понравиться самодержцу». Когда г-жа Аданъ спросила Гамбетту относительно этого признанія, то онъ отвѣтилъ въ дурномъ настроеніи: «Если эта исторія вѣрна, то княгиня была бы безразсудной, а императоръ непредусмотрительнымъ».

Г-жа Аданъ все время болѣла, если можно такъ выразиться, исходомъ русско-турецкой войны. Она, какъ и Жиранденъ, по его выраженію, руссофилъ отъ рожденія и антибисмарковецъ по опыту, — были убѣжденные сторонники Россіи и вполнѣ сходились въ мнѣніяхъ относительно ея. Съ момента начала военныхъ дѣйствій, какъ только дивизія Драгомирова 27 іюня пере-

шла Дунай, г-жа Аданъ съ Жирарденомъ шагъ за шагомъ слѣдили за движеньемъ русскаго войска. «Мнѣ хотѣлось, чтобъ греки уловчились стоять за русскихъ, чтобы извлечь пользу изъ побѣды, которая казалась намъ въ концѣ концовъ вѣрной,—говорила она:—но я боюсь, что впоследствии хорошо поплачусь за свою двойную любовь къ грекамъ и славянамъ».

Иначе относился къ русско-турецкому вопросу Гамбетта, и, по словамъ г-жи Аданъ, у нихъ произошла первая крупная ссора изъ-за русскихъ. Уже давно она и ея единомышленникъ Спюллеръ замѣчали, что чувства и идеи Гамбетты относительно внѣшней политики измѣнились подъ постороннимъ вліяніемъ. Какъ впоследствии оказалось, холодность и даже пренебрежительное отношеніе къ нему Горчакова заставили его сойтись съ Бисмаркомъ. Онъ часто посѣщалъ агентовъ Бисмарка и тайно видѣлся съ принцемъ Уэльскимъ. «Не безъ гордости онъ мнѣ рассказывалъ,—говоритъ г-жа Аданъ,—о своей первой встрѣчѣ «съ его императорскимъ высочествомъ». Соображенія нашего великаго вождя относительно нашего національнаго отщепенія измѣнились по формѣ, конечно, не измѣнивъ цѣли. Мнѣ казалось, что Франція ничего не пойметъ въ слишкомъ сложныхъ политическихъ комбинаціяхъ и подвергнется риску потерять въ ихъ лабиринтѣ свою патриотическую страсть, ту восхитительную страсть, которая ее отвращаетъ и спасаетъ отъ унижительнаго принятія пораженія. Нельзя вообразить себѣ моего огорченія, моего ужаса за будущее, такъ какъ я знаю мою обожаемую страну. Я знаю, когда ея не руководить или ея не привлекаетъ великая національная идея, она теряется или опускается въ наслажденіяхъ».

Принцъ Уэльскій убѣдилъ Гамбетту, что греки должны держаться спокойно, что ихъ политика должна резюмироваться однимъ словомъ: осмотрительностью. Англія запретила имъ и думать объ извлеченіи пользы изъ русско-турецкой борьбы. Это огорчало г-жу Аданъ. Ей казалось, что удачный случай для грековъ потерянъ и болѣе не встрѣтится. Сначала все шло къ успѣху русскихъ. Гурко дѣлалъ чудеса. Но вскорѣ, увы, счастье обернулось: Османъ подвелъ къ Тырнову 40000 человекъ и занялъ Плевну, подъ стѣнами которой русскіе были раздавлены. Ихъ движеніе впередъ остановилось. «Скобелевъ впоследствии рассказывалъ мнѣ,—говоритъ г-жа Аданъ,—о своихъ опасеніяхъ и тревогахъ, вида, какъ турки возвращали себѣ одну за другой позиціи русскихъ и угрожали шипкинскимъ укрѣпленіямъ, все время находившимся въ опасности отъ повторяемыхъ нападений Сулеймана. Нѣсколько русскихъ изолированныхъ батальоновъ одни защищали балканскія высоты. Если бы вдругъ, встревоженные своимъ пребываніемъ въ двухстахъ километрахъ отъ главной арміи, они покинули свой постъ, вся выгода движенія Гурко потерялась бы и проходъ черезъ Балканы сталъ бы невозможенъ». «Скобелевъ,—говоритъ г-жа Аданъ,—искренно восторгался Османомъ-пашой и въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ, что геройскій защитникъ Плевны, которому я имѣла случай однажды въ письмѣ повторить ихъ слово въ слово, былъ глубоко этимъ тронутъ». Но уже въ началѣ русско-турецкой войны Скобелевъ угадалъ болѣе непреодолимаго врага, чѣмъ Османъ-паша, врага, котораго побѣда никогда не обезоруживаетъ,—Англію».

Г-жа Аданъ въ началѣ военныхъ дѣйствій боялась Англїи. Гамбетта все болѣе и болѣе попадался въ плѣнъ къ принцу Уэльскому, подвергаясь подъ видомъ веселья и празднествъ опасному опутыванію. Этотъ плѣнъ заставлялъ г-жу Аданъ опасаться увидѣть въ одинъ прекрасный день Россію преданной на закланіе, а Грецію подъ влияніемъ чувствъ, противоположныхъ ея истиннымъ интересамъ. Тьера тоже тревожило поведеніе Гамбетты. Герцогъ Деказь выразилъ мнѣніе, что Бисмаркъ слишкомъ вмѣшивается въ дѣла Франціи. «Бисмаркъ заставляеть своего друга Горчакова разыгрывать роль одураченнаго, — сказалъ Тьеръ г-жѣ Аданъ, — и полученныя мною извѣстія отъ Лизе Трубецкой невыразимо беспокоятъ меня. Противъ Россіи готовится предательство». «Надо беречь дофина (Гамбетту), — замѣтила ему г-жа Аданъ, — не только отъ Генкеля, (германскаго посланника Бисмарка), но и отъ принца Уэльскаго. Надо, чтобы ваши друзья окружили его у васъ, какъ при жизни Адана». Иони рѣшили оберегать Гамбетту, чтобы го не испортили, собираясь, какъ при жизни г-на Адана, въ назначенные дни у г-жи Аданъ. Когда она передала конецъ разговора Гамбеттѣ, то онъ сказалъ, что самъ хотѣлъ просить ее объ этомъ. Но Тьеру не суждено было вести борьбу. 3-го сентября онъ назначилъ Гамбеттѣ и еще нѣсколькимъ политическимъ дѣятелямъ свиданіе, чтобы прочесть имъ манифестъ къ Франціи въ виду выборовъ, но въ то время, какъ Гамбетта ѣхалъ въ назначенное мѣсто, Тьеръ умеръ въ павильонѣ Генриха IV. Эта вѣсть поразила г-жу Аданъ. Новыя осложненія предвидѣлись въ будущемъ. «Я представляю Европѣ Гамбетту, — говорилъ Тьеръ. — Я сдѣлаю его своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ». Между обоими было полное соглашеніе. По мнѣнію одного вліятельнаго члена лѣвыхъ, Тьеръ являлся представителемъ французской націи, Гамбетта же представлялъ только народъ. Умѣренные всѣхъ группъ встревожились. Несмотря на эти новыя тревоженія, г-жа Аданъ продолжала интересоваться исходомъ русско-турской борьбы. Ея симпатію раздѣлялъ сынъ Жоржъ-Зандъ, Морисъ. Каждый вечеръ они подолгу съ нимъ бесѣдовали, перечитавъ газеты. «Скобелевъ былъ нашъ герой, — замѣчаетъ г-жа Аданъ. — Мы праздновали день, въ который ему удалось подъ страшнымъ огнемъ овладѣть большимъ редутомъ Гривица. На другой день Османъ-паша возобновилъ нападеніе, оттѣснилъ русскихъ съ занятой ими позиціи и спасъ Гривицу. Скобелевъ не былъ задѣтъ. Морисъ и я поздравляли другъ друга, какъ будто это былъ успѣхъ французовъ. Онъ, какъ Жоржъ-Зандъ, въ ужасѣ отъ республики и особенно отъ Гамбетты, и надо послушать его сужденія о моихъ друзьяхъ».

Между тѣмъ Гамбетта все болѣе и болѣе склонялся на сторону нѣмцевъ. Бисмаркъ, зная его слабость къ женскому полу, сталъ дѣйствовать на него чрезъ бывшую нѣмецкую даму полусвѣта, избравшую ареной своей дѣятельности Парижъ. Это была разбогатѣвшая гетера Пайва, на которой женился Генкель фонъ-Доннерсмаркъ. Супружеская чета всячески обходила Гамбетту, отвлекая отъ сближенія съ Россіей, и прелести г-жи Пайвы имѣли свое воздѣйствіе. 18-го октября Спюллеръ, сильно волнуясь, сообщилъ г-жѣ Аданъ: «Я колеблюсь вамъ сказать, у меня нѣтъ смѣлости открыть вамъ важныя вещи, которыя, однако, могу довѣрить только вамъ». Эти важныя обстоятельства состояли въ томъ, что Гамбетта сталъ посѣщать Генкеля, который самымъ насильствен-

нымъ образомъ дѣйствовалъ для онѣмеченія Эльзаса и Лотарингіи. Кромѣ того, онъ видѣлся съ Гогенлоэ и цѣлый вечеръ провелъ въ нѣмецкомъ посольствѣ, завязавъ связь съ политикой Бисмарка относительно антиклерикализма. «Быть можетъ, казалось г-жѣ Аданъ, у него галлюцинація, которая и заставила его предвидѣть возможность возвращенія Эльзаса чрезъ Бисмарка». Но Спюллеръ отвѣтилъ, что въ данный моментъ, «политика въ немъ господствовала надъ патриотизмомъ».

«Онъ посѣщаль агентовъ Бисмарка, желая во что бы то ни стало вырвать республику изъ рукъ враговъ, а въ интересахъ Бисмарка было ее имъ дать, чтобы черезъ это разоружить національную защиту. «Вотъ она, политика немедленныхъ результатовъ. Бисмаркъ хочетъ республику во Франціи, я это слышаль изъ устъ Гамбетты, — сказалъ Спюллеръ. — Я, зная, что желѣзный канцлеръ порвалъ сношенія съ Арнимомъ, потому что онъ работалъ въ пользу возвращенія монархіи съ людьми 24-го мая». Когда г-жа Аданъ увидѣла Гамбетту, то заговорила о русско-турецкой войнѣ и обо всемъ, что касалось Россіи, «нашего единственного и возможнаго союзника», прибавляла она. Гамбетта, смѣясь, назвалъ ее казакомъ и сказалъ: «Съ Россіей нечего дѣлать; побѣжденную или торжествующую, ее ожидаетъ пораженіе. Горчаковъ слишкомъ старъ, Александръ II слишкомъ колеблется. По мѣрѣ того, какъ Германія поднимается, Россія понижается». «И тогда, — прибавила г-жа Аданъ, — по мѣрѣ того, какъ Германія становится сильнѣе, къ ея силѣ надо прибавить наше подчиненіе ея планамъ». «Мы поговоримъ объ этомъ», сказалъ Гамбетта. Черезъ нѣсколько времени взволнованный Спюллеръ сообщилъ ей, что кошмаръ длится. «Сколько разъ я вамъ повторялъ не рукоплескать въ рѣчахъ Гамбетты его антиклерикальнымъ выходкамъ. Вотъ видите, теперь антиклерикализмъ привелъ его къ Бисмарку, а Бисмарка къ нему. Отчасти вы въ этомъ отвѣтственны въ настоящее время, а не я. Конечно, я страстный республиканецъ, но получить республику изъ рукъ Пруссіи меня ужасаетъ. Что касается антиклерикализма, остережемся его: онъ прусскій». Г-жа Аданъ была удручена. «Моя страсть къ республикѣ создана изъ моей страсти къ Франціи. — говорить г-жа Аданъ: — но если эта республика становится союзницей Пруссіи, если защитникъ нашего дѣла соглашается съ человѣкомъ, когти котораго вырвали наше національное сердце, Эльзасъ-Лотарингію, — тогда мнѣ болѣе нечего дѣлать среди моихъ друзей, я уѣду въ мѣй Брюйеръ и запрусь съ моими мертвыми». Предъ отъѣздомъ у нея собрались друзья и Гамбетта вмѣстѣ съ Шодорди, посланникомъ въ Мадридѣ. Представляя послѣдняго, онъ замѣтилъ, что тотъ не разъ ставилъ въ неловкое положеніе Бисмарка, когда онъ хотѣлъ обмануть Европу относительно поведенія русскихъ войскъ. «Ваше мнѣніе о двойственности и цинизмѣ Бисмарка умѣрилось ли съ тѣхъ поръ?» спросила его г-жа Аданъ. «Нѣтъ, оно усилилось, сударыня. Я вѣрю въ поднятіе Франціи лишь при соглашеніи съ Англіей и работаю для этого изо всѣхъ силъ. Англія и дна не можетъ перенести преобладанія въ Европѣ Германіи, и тогда-то можно вести крупную политику». На это г-жа Аданъ отвѣтила, что не слѣдуетъ ввѣряться вѣроломству коварнаго Альбіона. Англія и Германія одинаково враги Франціи. Гамбетта все это время забавлялся на ея счетъ, причиняя своимъ легкимъ отно-

шеніемъ къ великому дѣлу родины невыразимыя страданія какъ ей, такъ и Сюллеру. Друзья сожалѣли объ ея отъѣздѣ, и Дюклеркъ явился отъ имени Деказа умолять ее не уѣзжать и побороть въ Гамбеттѣ роковое тяготѣніе къ Германіи. Онъ вскорѣ покидалъ министерство и не могъ ничего болѣе сдѣлать для поддержанія симпатичныхъ отношеній съ Россіей, которая, по словамъ г-жи Аданъ, между тѣмъ становилась все чувствительнѣе къ выражаемой симпатіи Франціи въ минуту трагическихъ испытаній въ такой убійственной войнѣ.

По возвращеніи г-жи Аданъ въ Парижъ у нея возобновились объѣды и политическія бесѣды; во время одной изъ такихъ бесѣдъ произошелъ скандалъ съ Фрейсине по поводу его нантской рѣчи, и г-жа Аданъ нѣсколько измѣнила характеръ собраній. У нея стали собираться литераторы, художники и артисты. Споры съ Гамбеттой относительно политики и русскихъ попрежнему возобновлялись. Однажды Гамбетта долго рассказывалъ ей о принцѣ Уэльскомъ. Онъ щипцалъ его и говорилъ, что онъ просто кутила. «Европейская и міровая политика его столько же интересуетъ, какъ насъ съ вами,—говорилъ онъ—и съ нимъ, увѣряю васъ, даромъ не теряешь время даже, когда его проводишь, бесѣдуя за веселымъ ужиномъ въ Café Anglais. «Онъ любитъ Францію разомъ и серьезно и весело,—замѣтилъ Гамбетта,—и его мечта въ будущемъ вступить съ нами въ союзъ».—«Извѣстно,—отвѣтила г-жа Аданъ:—что именно приноситъ англійскій союзъ странамъ, которыя по наивности приняли его».—«Извѣстно!—отвѣтилъ Гамбетта:—а вамъ хочется, чтобы мы со всей вселенной были въ дурныхъ отношеніяхъ?»—«Моя мечта,—сказала она,—не вступать въ соглашеніе ни съ тѣмъ, ни съ другимъ врагомъ, а быть положительными друзьями съ тѣми, у кого общіе съ нами враги. Будемъ держаться съ достоинствомъ съ Германіей, какъ побѣжденные, которые безпрестанно вспоминаютъ о своемъ пораженіи, будемъ недовѣрчивы съ вѣроломнымъ Альбіономъ и симпатичны съ Россіей».—«Это ребячество!» отвѣтилъ Гамбетта. —«Одна Россія можетъ сдѣлать изъ насъ кое-что иное, чѣмъ побѣжденныхъ людей безъ всякаго достоинства, или одураченныхъ». —«Хороши ваши казаки,—сказалъ Гамбетта.—Османъ-паша съ 30.000 войска почти годъ мѣшалъ цѣлой арміи дѣйствовать». —«Хороши ваши турки,—возразила г-жа Аданъ,—цѣлую армію которыхъ нѣсколько русскихъ остановили въ ущельи Шипки. Турки, я не отрицаю,—говоритъ г-жа Аданъ—имѣютъ Османа и Шази, но у русскихъ есть Скобелевъ и Драгомировъ». —«Скоро мы увидимъ, какъ вы поѣдете сестрой милосердія къ казакамъ!» сказалъ смѣясь Гамбетта.

Г-жу Аданъ очень удивляло, почему великій князь Николай Николаевичъ не вступилъ въ Константинополь, будучи у самыхъ его стѣнъ. «Какая дипломатическая игра,—говоритъ она,—остановила военныя дѣйствія? Россія побѣдительница! Игнатъевъ подписалъ Санъ-Стефанскій трактатъ. Россія торжествуетъ! Германія и Англія соединились, чтобы вырвать у нея выигрышъ ея побѣды». Между тѣмъ Бисмаркъ вдругъ пожелалъ видѣть Гамбетту. Это извѣстіе сильно встревожило и огорчило г-жу Аданъ и ея друга Сюллера. «По возвращеніи изъ путешествія нашъ другъ нашелъ письмо отъ демона искушителя (Генкеля), который объ этомъ его увѣдомлялъ, — сообщилъ ей Сюллеръ. — Гамбетта долженъ сегодня увидѣться съ Генкелемъ, чтобы условиться о днѣ свиданія съ Бис-

маркомъ. Такъ и думается, что это кошмаръ: Гамбетта, отправляющійся къ Бисмарку!»

Г-жа Аданъ становилась все болѣе грустной. Ей казалось, что на Берлинскомъ конгрессѣ рѣшается будущая судьба Франціи и мысль о возвращеніи обратно Эльзаса такъ и исчезнетъ во мракѣ. Италія тоже была угнетена. Криспи со своей стороны заявилъ, что Кэроли подвергъ Италію униженію въ глазахъ другихъ странъ. «Мы были унижены въ Берлинѣ, какъ послѣдній народъ въ Европѣ», сказалъ онъ.—Кэроли даже захворалъ, настолько его угнеталъ этотъ конгрессъ. Деспрети успокаивалъ, что «мой конгрессъ» не такъ ужъ золъ съ государствами за исключеніемъ Россіи, жестоко тамъ униженной. Въ Италіи всѣ держались одного мнѣнія, что одурачены были Россія, Франція и Италія. У г-жи Аданъ и ея друзей только и было разговору, что Берлинскій конгрессъ. Она не переставала упрекать Гамбетту за него. «Вы довольны,—мой другъ, вашимъ повѣреннымъ Ваддингтономъ,—говорила она.—Вы находите, что онъ на конгрессѣ являлся фигурой, достойной Франціи, ампутированной отъ Эльзасъ-Лотарингіи?»—«Онъ слѣдовалъ моимъ инструкціямъ, нисколько не отступая отъ нихъ».—«Примѣшавъ къ этому нѣсколько вдохновеній Дизраэли, увѣчанныхъ Салисбюри и довершенныхъ бисмарковскими предательствами? Бисмарковскія предательства! они въ каждомъ его дѣйстви. Онъ обманулъ всѣхъ: Франца-Иосифа, Наполеона III, а теперь Александра II. Бисмаркъ, мой другъ, держитъ васъ въ своихъ вампирскихъ когтяхъ. На конгрессѣ онъ заставилъ васъ чрезъ Ваддингтона сдѣлать самое жестокое предложеніе, чтобы отнять у Россіи плоды ея побѣды». Гамбетта отвѣталъ, что г-жа Аданъ не хочетъ ничего другого видѣть, кромѣ Эльзаса. Для Франціи надо именно выйти изъ этого круга, начертаннаго узкими умами; прежде всего намъ надо дышать, жить, намъ надо распространяться, двигаться впередъ...

Гамбетта все болѣе и болѣе удивлялъ и огорчалъ г-жу Аданъ и ея друзей, когда оттолкнулъ отъ себя президентство республики въ пользу Греви, на котораго указалъ въ своей рѣчи въ Шато д'О еще въ октябрѣ 1878г. «Самая простая логика требовала, чтобы Гамбетта былъ президентомъ,—говоритъ г-жа Аданъ,—и онъ былъ бы имъ, если бы захотѣлъ. Онъ совершилъ крупную политическую ошибку, не объявивъ отвѣтственности за положеніе, которое онъ одинъ завязалъ и развязалъ, а себѣ взялъ второстепенное положеніе президента палаты, увѣряя г-жу Аданъ, что всеобщее голосованіе дѣлаетъ президента палаты первымъ. «Къ тому же я его сдѣлалъ такимъ. Греви скряга и явится въ Елисейскомъ дворцѣ не важной фигурой, тогда какъ я реализую вашу афинскую республику въ Бурбонскомъ дворцѣ».—«Вы не можете представить, какъ я страдаю,—сказала ему она.—Вы обманули мое довѣріе, мою вѣру французенки, сойдясь съ Бисмаркомъ и теперь вы, нашъ главный вождь, принимаете низшее положеніе!»

Гамбетта, по мнѣнію Касполяро, шель къ пропасти, и мало-по-малу отъ него отставали прежніе сторонники. Онъ и его друзья не политическіе люди, а стадо, портящее республику. Г-жа Аданъ, видя, что ея политическія надежды исчезаютъ, рѣшилась по совѣту Флобера и другихъ литературныхъ друзей основать «Nouvelle Revue», несмотря на отговариваніе Гамбетты. Ея салонъ

измѣнилъ свою фізіономію: живописцы, писатели, скульпторы, композиторы замѣнили политиковъ. Мечта о сближеніи съ Россіей не оставляла ее и она въ своемъ «Revue», въ отдѣлѣ внѣшней политики много удѣляла ей мѣста. Она знакомилась съ нашей страной по Рамбо, а проникнуть въ русскую душу стремилась главное по сочиненіямъ Тургенева. «Нигилизмъ, — говоритъ она, — со времени своего появленія въ Россіи произвелъ медленную эволюцію въ революціонномъ смыслѣ. Повсюду составлялись заговоры въ арміи, во флотѣ, въ администраціи. Теорія Карла Маркса просачивалась къ рабочимъ, которые переносили ее къ крестьянамъ». Въ это время французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ былъ генераль Шанзи. Зная ея симпатіи къ Россіи, онъ увѣдомилъ ее, что ея «Revue» будетъ имѣть серьезное вліяніе особенно на внѣшнюю политику, но только въ рукахъ личности, которую ничѣмъ не подкупишь. Она отвѣтила, что «Revue» будетъ въ ея рукахъ и она объявитъ борьбу, вооружась перомъ противъ Бисмарка и за союзъ съ Россіей.

Въ ея «Nouvelle Revue» среди избранныхъ французскихъ писателей красовалось имя Тургенева. Однажды Флоберъ принесъ ей повѣсть Ивана Сергѣевича. Обыкновенно корректуру произведеній Moscow, какъ его звалъ Меримэ, выполнялъ послѣдній, но на этотъ разъ Флоберъ. «Она очень хороша! очень хороша! — восхищался онъ повѣстью. — Moscow ни на кого не походитъ, онъ изъ иного міра, изъ-за снѣговъ. Это «Revue», право, будетъ хорошо!» — «Тургеневъ сказалъ мнѣ: «до свиданья», — замѣтила г-жа Аданъ. — Онъ восхитителенъ и будетъ пропагандировать «Revue» въ Россіи. Онъ такъ мало сознаетъ всю цѣну своихъ сочиненій, что я была принуждена сама опредѣлить ее.

«Moscow — настоящій москов, искренній и страстный до первобытности. Воображаютъ, что Тургеневъ офранцузился во Франціи. Ничуть. Онъ всегда былъ у насъ изгнаникомъ, сначала невольнымъ, а затѣмъ добровольнымъ. Въ Парижѣ Т. не переставалъ думать о Россіи, и были часы, когда онъ доходилъ до острой тоски по родинѣ. И вотъ онъ радовался, что уѣзжаетъ туда. Между тѣмъ опять возвращался, но упрекая себя, что живетъ вдали отъ нея, отъ своей любимицы, отъ родныхъ. Онъ никогда не чувствовалъ себя какъ дома, ни въ Баденѣ, ни въ Парижѣ. Однако онъ любилъ своихъ французскихъ друзей отъ всей своей горячей славянской души. Онъ любитъ ихъ и ненарушимо, неразрывно. У Тургенева можно прослѣдить эти странныя идеи, осаждавшія въ то время мозгъ русскихъ».

На одномъ обѣдѣ у Жирардена среди приглашенныхъ находились Гладстонъ, Кирѣевъ и г-жа Новикова, очень близкая къ нему и сильно вліявшая на него. Кирѣевъ, въ то время адъютантъ великаго князя Константина Николаевича, захотѣлъ познакомиться съ г-жою Аданъ и просилъ Жирардена пригласить ихъ вмѣстѣ на завтракъ. Когда онъ коснулся вопроса англійской политики, г-жа Аданъ сказала, что ненавидитъ лорда Виконсфильда по причинѣ Берлинскаго конгресса и его кумовства съ Бисмаркомъ, ради того, чтобы надуть Россію и отнять у нея выигрышъ ея побѣды. Гамбетта на это замѣтилъ, что у г-жи Аданъ не только Франція въ тѣлѣ, но и Россія въ сердцѣ. «Я ее давно прозвалъ казакомъ». — «Г-нъ Гамбетта, — замѣтила г-жа Новикова: — я знаю отъ слова до слова, что происходило на Берлинскомъ конгрессѣ, я знаю, что вы

насъ не очень любите, но такой патриотъ, какъ вы, спасшій честь Франціи, можетъ быть врагомъ германизма, а слѣдовательно другомъ славянъ». — «Вы краснорѣчивы, сударыня, но краснорѣчіе не очень на меня дѣйствуетъ». — «Вы судите русскихъ женщинъ по Lise Трубецкой, — прибавила она смѣясь. — Она, я знаю, совершила относительно васъ неловкость, которую Горчаковъ, уже состарѣвшійся, не сумѣлъ исправить. Но позвольте мнѣ предсказать, Германія будетъ для васъ молодыхъ — фатальной, если вы съ нею вступите въ соглашеніе, какъ, я знаю, она была для Горчакова. Германія, г-нъ Гамбетта, въ одинъ прекрасный день заставитъ васъ полюбить Россію, когда она хорошо предастъ, такъ, какъ Бисмаркъ умѣетъ только предавать съ помощью своихъ новыхъ и старыхъ друзей». Г-жа Аданъ замѣтила: «Статьи Берлинскаго конгресса неисполнимы, и уже лордъ Виконсфильдъ запутался въ своихъ предательствахъ. Я надѣюсь, его паденіе произойдетъ черезъ вѣдущую политику». — «Согласенъ съ этимъ предсказаніемъ», прибавилъ Гладстонъ.

Г-жа Аданъ съ каждымъ днемъ все болѣе имѣла доказательствъ, какое вліяніе имѣлъ Бисмаркъ на Гамбетту. Генералъ Турръ досталъ ей драгоценные документы для похода противъ Бисмарка. Турръ, какъ венгерецъ, изгнанный въ числѣ большинства (въ 1846—9 гг.), врагъ Австріи, помогалъ Бисмарку одержать побѣду въ 1866 г. Венгерецъ и бывший генералъ Гарибальди и адъютантъ Виктора-Эмануила, онъ зналъ всѣ интриги Бисмарка и былъ въ нихъ замѣшанъ. Черезъ Андраши, съ которымъ Т. былъ интимно связанъ, онъ зналъ всю подкладку австро-прусскаго союза; Андраши не могъ простить репрессій русскихъ въ 1849 году въ Венгріи. Бисмаркъ, клявшій Россію, былъ съ Андраши въ полномъ согласіи относительно уничтоженія на востокѣ русскаго вліянія. И каждый изъ нихъ болѣе всего боялся тройственнаго соглашенія Россіи, Франціи и Италіи. Князь Бисмаркъ ласкалъ Францію, чтобы ее толкнуть въ Тунисъ, но черезъ это добивался вовлечь Италію въ тройственный союзъ. Гриви зналъ все, что происходило на конгрессѣ, и о полномъ соглашеніи Гамбетты съ Бисмаркомъ. Популярность Гамбетты уменьшилась, и въ январѣ на выборахъ въ палатѣ за него подали ровно столько голосовъ, какъ требовалось, ни однимъ больше.

Въ заключеніе своихъ воспоминаній г-жа Аданъ говоритъ: «единственное чувство руководило мною всю жизнь: страстная любовь къ родинѣ и вѣра въ неизбѣжное національное возстановленіе».

— Взглядъ Падеревскаго на музыку. — По мнѣнію знаменитаго піаниста Падеревскаго, искусство не космополитично, какъ наука, — она работа одного только разума, и потому не знающая ни границъ, ни родины. Искусство же, также и философія, какъ все, что рождается отъ соединенія разума съ чувствомъ, — должны носить расовыя черты, печать національности. Изъ всѣхъ искусствъ музыка наиболѣе доступна людямъ; это совѣмъ не означаетъ, что она космополитична, но только, что она космична. Она единственное искусство существенно живое: ея элементы одиноковы съ жизненными; ее найдешь вездѣ, гдѣ проявляется жизнь. Энергія вселенной безъ отдыха клопочетъ въ пространствѣ и во времени. Народы, націи, планеты и міръ подымаются, чтобы грѣмѣть и звучать; когда они молчатъ, значить жизнь погасла. Никакая нація такъ

не богата чувствами и душевными переживаниями, какъ польская, и это богатство объясняется разнообразіемъ и фантазіею ея музыки, которая больше, чѣмъ какая другая, освобождается отъ дисциплины ритма. Полякъ, не посвященный въ искусство музыки, холодно выслушиваетъ благородныя полифоніи Баха, Моцарта или Бетховена, но стоитъ раздаться фразѣ Шопена, и вотъ онъ весь преобразился: его охватываетъ великое вдохновеніе родной аріи, онъ чувствуетъ самую душу своей родины. Въ заключеніе Падеревскій говоритъ: «Когда Шопень уѣхалъ изъ родного края, онъ унесъ съ собою, что Мицкевичъ называетъ *genius loci*, духъ отчизны, который жилъ въ немъ до его кончины. Вскорѣ послѣ его отъѣзда страшное угнетеніе повисло надъ нами, намъ все было запрещено, языкъ нашихъ матерей, вѣра нашихъ предковъ, наши обычаи, воспоминанія, наши поэтическія произведенія. Намъ оставили только Шопена. Но въ немъ-то отыскалось все, что намъ запретили. Онъ былъ гениальный контрабандистъ, который на своихъ музыкальныхъ листочкахъ позволилъ перелетѣть границы запрещенному полонизму. Онъ былъ священникомъ, который принесъ намъ, разсѣяннѣмъ въ изгнаніи, причастіе родины».

— Торжество русскаго искусства. — За послѣдніе годы русское искусство празднуетъ свое торжество въ Европѣ и въ Америкѣ. Недавно наша соотечественница г-жа Оленина дала въ Парижѣ концертъ въ залѣ земледѣльцевъ, исполнивъ произведенія Мусоргскаго, и впечатлѣніе, произведенное искусствомъ русскаго композитора, одинъ парижанинъ сравнилъ съ «священной дрожью». Оцѣнку Мусоргскаго помѣстилъ въ «*Hebdo Débats*» Андрэ Шеврилье, и главное, что въ ней бросается въ глаза, это еще прежніе взгляды на русскіхъ, какъ на націю, едва вылупившуюся изъ дикаго состоянія, полную таинственности и мистическаго настроенія, которое и приводитъ французовъ въ священный трепетъ. Каждый разъ, говоритъ Шеврильонъ, какъ въ правильномъ теченіи нашего искусства появится русское гениальное произведеніе, оно пробуждаетъ странное, приподнятое чувство. Это ощущеніе впервые мы испытали, когда насъ познакомили съ романами Толстого и Достоевскаго. Впослѣдствіи мы узнали Верещагина, а затѣмъ на выставкахъ познали русскіхъ художниковъ и скульпторовъ — въ большинствѣ неспособныхъ къ ремеслу, но въ которыхъ заключается потребность, волнующая и часто ужасная, реально изображать послѣднія минуты жизни, призракъ таинственнаго въ реальномъ существованіи, неотступность идеи выразилась съ жестокостью галлюцинаціи. Впослѣдствіи когда намъ дали «Бориса Годунова» Мусоргскаго, эту, по выраженію Моклера, «страшную, безсмертную вещь», онъ сказалъ: «во всѣхъ отношеніяхъ это выше насъ; если считать, что шедевръ является не вещью лучше сдѣланной, но вещью, которая сверхъ-вещь, тогда «Борисъ Годуновъ—шедевръ и отблескъ метеора».

Это же чувство снова ощутили парижане 28 ноября, слушая Мусоргскаго въ пѣніи г-жи Олениной. По словамъ автора, если такой необыкновенный артистъ, какъ Шаляпинъ, что-нибудь внесъ въ тотъ до ужаса поразительный эффектъ, произведенный Борисомъ Годуновымъ, то и г-жа Оленина много сдѣлала для незабвеннаго впечатлѣнія. Именно это впечатлѣніе отмѣчаетъ Шеврилье, не входя въ подробности музыкальной критики по той же при-

чинѣ, какую выразилъ Мокларъ послѣ представленія «Бориса Годунова». «Такая музыка, — сказалъ онъ, — вторгается въ насъ, выводитъ изъ себя и отнимаетъ отъ насъ во все время своего вторженія способность судить, сравнивать и удерживать. Мы гнемся подъ явленіемъ, которое гораздо больше и сильнѣе насъ; онъ взываетъ не къ нашему мнѣнію, а къ нашему душевному движенію».

Поэтому парижане считаютъ главной силой русскаго искусства—волновать и вызывать грезы. Музыка Мусоргскаго сама трогательность, божественность жизни и ведетъ въ область, стоящую надъ жизнью. Отсюда исходитъ этотъ особенный трогательный характеръ русскихъ, гдѣ вся тревога современной души соединяется съ видами и формами примитивной жизни. И это, по мнѣнію Шеврилье, главный секретъ русскаго искусства. Русскій артистъ въ одно и то же время и дикарь и цивилизованный въ общеніи съ дѣтьми, крестьянами, простодушными, которыхъ онъ изображаетъ, какъ бы онъ былъ одинъ изъ нихъ; отсюда эти наивныя фигуры, прежде всего чувствительныя къ идеѣ таинственнаго и къ мраку, который ихъ окутываетъ, и эта мастерская передача движеній тихой трелетной души.

Если хотя бы понять величественную дѣйствительность, которую французы среди развлеченій забываютъ и на которую русскіе съ напряженными нервами и неуравновѣшенной волей устремляютъ замагнетизированный взоръ, авторъ совѣтуетъ послушать «Пѣснь Смерти» Мусоргскаго. Въ ней виденъ тотъ большой блѣдный призракъ, молча слѣдующій возлѣ каждаго изъ насъ, которому стоитъ только поднять на нашу голову свою царственную руку, и мы заснемъ навсегда. Это мистическое лицезрѣніе смерти и вызываетъ необъяснимую усталость у самой молодой изъ европейскихъ націй, всѣхъ позжѣ пришедшей къ цивилизаціи. Глубокое чувство силы судьбы, подчиненіе неизбѣжному, смертельная скука, томленіе, неврозъ, порывъ разомъ и къ небытію и къ крайнему возбужденію проявляется чрезъ мистическій, пессимистическій и нигилистическій реализмъ ея романистовъ и поэтовъ. У Мусоргскаго этотъ нигилизмъ проявляется иногда въ дикомъ вдохновеніи.

— Некрологи.—Въ началѣ декабря внезапно скончался въ своемъ замкѣ Сень-Ферминъ близъ Шантильи семидесятилѣтній Робертъ-Филиппъ-Луи, герцогъ Шартрскій, второй сынъ герцога Орлеанскаго и принцессы Елены Мекленбургъ-Шверинской. Герцогу было 8 лѣтъ, когда вспыхнула революція 1848 года и его мать удалилась въ изгнаніе съ нимъ и его старшимъ братомъ, графомъ Парижскимъ, въ Англію, гдѣ они жили и получили воспитаніе. Едва они окончили ученіе, какъ вспыхнула война въ Италіи, и онъ принялъ въ ней участіе. Послѣ войны въ Италіи онъ перешелъ въ ряды американской арміи и сражался во время американской междоусобной войны вмѣстѣ съ братомъ, принявъ сторону Сѣвера, въ арміи Макъ-Клеллана. Въ 1861 году онъ вышелъ въ отставку. Когда началась франко-германская война, онъ предложилъ услуги правительству національной защиты во время имперіи, но получилъ отказъ. Тогда онъ возвратился въ Америку и оттуда пріѣхалъ во Францію уже подъ псевдонимомъ Робера Ле Фора, и генералъ Шанзи его принялъ въ свой штабъ. Послѣ войны онъ уже подъ своимъ именемъ служилъ во французской арміи, пока не прошелъ политическій инцидентъ 1886 г., когда его военная карьера кончи-

лась. Онъ предпринялъ путешествіе и до послѣднихъ дней жилъ вдали отъ Парижа въ своемъ замкѣ. Это былъ послѣдній военный принцъ изъ дома Франціи.

— Въ концѣ января Англія лишилась одного изъ своихъ ученыхъ восьмидесятидевятилѣтняго Франсиса Гельтона, двоюроднаго брата и друга Чарльза Дарвина. Сынъ бирмингемскаго банкира и дочери Эразма Дарвина, двоюроднаго брата и друга Чарльза Дарвина, онъ избралъ себѣ карьеру врача. Разстроенное здоровье принудило его прервать занятія, и онъ отправился путешествовать. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ путешествовалъ по Судану и результаты своей поѣздки онъ передалъ книгѣ. Затѣмъ онъ занялся метеорологіей, а главное изучалъ вопросы о наслѣдіи генія и т. д. и разработалъ вопросъ о законѣ наслѣдія, который получилъ названіе «закона Гельтона». Вопросъ о наслѣдіи привелъ его къ изученію задачи улучшенія расы: онъ пришелъ къ выводу, что человѣческая раса можетъ быть улучшена, какъ животная и растительная. Этимъ онъ положилъ основаніе искусству поддерживать расы. До конца жизни Гельтонъ сохранилъ удивительную дѣятельность, молодой умъ и живость. Онъ все интересовался и вездѣ находилъ задачи для рѣшенія. Болѣе пятидесяти лѣтъ онъ принадлежалъ къ королевскому обществу. Не имѣя ни каѳедры, ни лабораторіи, онъ тѣмъ не менѣе приносилъ большую пользу наукѣ.

— 18 января въ Берлинѣ скончался вліятельный членъ *Litterarische Gesellschaft* Зигфридъ Самошъ. Родился онъ въ Брюсселѣ въ 1846 г. и изучалъ литературу и право въ Бреславлѣ, Берлинѣ и Парижѣ. Онъ написалъ много томовъ критики и истории литературы и, кромѣ того, занимался журнальной работой.

Съ необычайной торжественностью похоронили берлинскіе социаль-демократы одного изъ своихъ вождей—Паулуса Зингера, скончавшагося въ концѣ января. Онъ родился въ Берлинѣ въ январѣ 1844 г., и въ 1858 г. занялся коммерческимъ дѣломъ. Въ 1869 г. онъ открылъ фабрику готоваго платья и, обладая необыкновенной смѣтливостью, вскорѣ расширилъ это дѣло. Въ это время онъ принадлежалъ къ партіи прогрессистовъ, но съ 1870 г. перешелъ къ социалистамъ почти одновременно съ Бебелемъ и Ауэромъ, 18 октября 1883 г. его выбрали членомъ муниципальнаго совѣта 12 округа и съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени онъ занималъ этотъ постъ. Въ 1884 г. его избрали въ берлинскую думу и рейхстагъ и чрезъ три года, покончивъ свое торговое дѣло, онъ выручилъ громадный капиталъ и съ этихъ поръ сталъ занимать отвѣтственную роль во всѣхъ экономическихъ предпріятіяхъ. Онъ былъ избранъ съ Бебелемъ президентомъ бюро нѣмецкихъ социалистовъ и его вліяніе все росло. Онъ былъ лучшимъ ораторомъ партіи и своимъ хладнокровіемъ, спокойствіемъ дѣловаго человѣка обезпечивалъ себѣ это вліяніе.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

ОЛУВѢКОВОЙ юбилей великой реформы освобожденія крестьянъ ожидался русскимъ обществомъ съ большимъ нетерпѣніемъ. По обыкновенію наступленію этого дня предшествовали всевозможные толки и въ мрачныхъ и свѣтлыхъ тонахъ. Дѣйствительность опровергла и излишній оптимизмъ, и необыкновенный пессимизмъ. День прошелъ повсемѣстно въ Россіи благополучно и явилъ собою образецъ торжественнаго празднованія довольно средняго порядка. Главнымъ центромъ торжественныхъ чествованій явились обѣ столицы, и краткому обзорѣнію здѣсь происходившаго мы и посвящаемъ дальнѣйшія строки.

Въ Петербургѣ. Начиная съ утра, во всѣхъ церквахъ столицы были совершены божественныя литургіи и благодарственные молебствія; съ особенною торжественностью было совершено богослуженіе въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ божественную литургію служилъ высокопреосвященный Флавіанъ, митрополитъ кievскій и галицкій, въ сослуженіи столичнаго духовенства, а благодарственное молебствіе совершали высокопреосвященные Владимиръ, митрополитъ московскій и коломенскій, и Флавіанъ, митрополитъ кievскій и галицкій, въ сослуженіи членовъ св. синода, членовъ госуд. думы священниковъ и сонма столичнаго духовенства.

Въ соборѣ присутствовали представители высшихъ государственныхъ учреждений, свиты, двора и члены императорскаго дома.

Во время божественной литургіи священникъ о. Лахостскій произнесъ проповѣдь, посвященную дню 19-го февраля 1861 г.—освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Къ началу благодарственнаго молебствія въ соборѣ изволили прибыть Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыни Императрицы Александра Тео-

доровна и Марія Θεодоровна. Его Величество былъ въ формѣ л.-гв. Преображенскаго полка и андреевской лентѣ; Государыни Императрицы были въ лентахъ ордена св. Андрея Первозваннаго.

Во время благодарственнаго молебствія, при чтеніи молитвы съ колѣно-преклоненіемъ Ихъ Величества, особы императорской фамиліи и всѣ присутствовавшіе опустили на колѣни. Молебствіе закончилось провозглашеніемъ многолѣтія російскому императорскому дому и христіолюбивому побѣдоносному воинству, вѣчной памяти въ Бозѣ почивающему императору Александру II и скончавшимся сподвижникамъ его въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, причемъ при пѣніи «Вѣчная память» ихъ величества, высочайшія особы и присутствовавшіе опустили на колѣни.

Въ императорскомъ Зимнемъ дворцѣ въ тотъ же день въ нижнемъ коридорѣ Иорданскаго подъѣзда состоялся обѣдъ для волостныхъ старшинъ (126 человекъ) Петербургской губерніи.

Когда старшинамъ было разрѣшено занять мѣста за столами, Государю Императору благоугодно было пожелать имъ успѣха и поднять чарку за ихъ здоровье. Отвѣтомъ на слова Его Величества было восторженное «ура» старшинъ.

Предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Столыпинъ провозгласилъ здравицу за Государя Императора, покрытую долго не смолкавшимъ «ура». Затѣмъ Его Величество изволилъ прослѣдовать во внутренніе покои дворца.

Въ тотъ же день въ Зимнемъ дворцѣ Его Величеству Государю Императору представлялись потомки дѣятелей по реформѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Засимъ Его Императорскому Величеству представились крестьяне-члены госуд. думы 3-го созыва (въ числѣ 51 чел.), изъявившіе желаніе, въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, поставить въ госуд. думѣ бюстъ Царю-Освободителю Александру II.

Члены госуд. думы были собраны въ ротондѣ Зимняго дворца, куда въ исходѣ третьяго часа дня изволилъ выйти Его Величество, привѣтствуемый при входѣ кликами «ура», въ сопровожденіи предсѣдателя совѣта министровъ, министра императорскаго двора, оберъ-гофмаршала, гофмаршала, дворцоваго коменданта, дежурства и лицъ свиты.

Государю Императору благоугодно было обратиться къ депутатамъ съ слѣдующими высококомистивыми словами:

«Я былъ очень радъ узнать отъ вашего предсѣдателя, что вы сами пожелали соорудить памятникъ моему дѣду императору Александру Николаевичу и сдѣлать на немъ такую хорошую надпись. Я глубоко тронутъ этимъ и сердечно васъ всѣхъ благодарю».

Членъ госуд. думы Горбатовъ обратился къ Его Величеству съ слѣдующимъ привѣтствіемъ:

«Ваше Императорское Величество, Государь всемилостивѣйшій! Вознеся Господу Богу горячія молитвы по случаю дня 50-лѣтія дарованія крестьянамъ въ Бозѣ почивающимъ дѣдомъ вашимъ императоромъ Александромъ II великихъ благъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости,—мы особенно счастливы повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества наши вѣрнопод-

данныческія чувства, безпредѣльную любовь и благодарность за вашу царскій призывъ насъ къ законодательной работѣ».

Послѣ этого Государь Императоръ обходилъ депутатовъ, удостоивая каждого изъ членовъ государственной думы милостивыхъ разспросовъ. По обходѣ Его Величеству угодно было высказать свое удовольствіе видѣть депутатовъ. Сказавъ имъ еще разъ сердечное «спасибо», Государь Императоръ изволилъ удалиться во внутренніе покои дворца, при долго не смолкавшемъ «ура» членовъ государственной думы.

Днемъ въ государственной думѣ происходило освященіе памятника Александру II.

Торжественное богослуженіе началось въ 4 часа 40 минутъ. Служилъ преосвященный Евлогіи соборнѣ съ думскимъ духовенствомъ; пѣлъ хоръ пѣвчихъ церкви Таврическаго дворца.

При словахъ «многая лѣта» завѣса съ бюста Царя-Освободителя спала. Всѣ присутствовавшіе, какъ одинъ человекъ, опустились на колѣни.

Богослуженіе кончилось... Взглядамъ присутствовавшихъ открылся прекрасно исполненный скульпторомъ Поповымъ бюстъ императора Александра II изъ патинированной бронзы. Императоръ изображенъ такимъ, какимъ обыкновенно его рисуютъ портреты 61-го года. Лицо обращено нѣсколько влѣво.

Къ бюсту направился предѣдатель гос. думы А. И. Гучковъ, обратившійся къ собравшимся съ слѣдующей рѣчью:

«Сегодня вся Россія слилась въ празднованіи свѣтлой годовщины великаго дня 19-го февраля; вездѣ возносятся радостныя, благодарственныя молитвы, народъ русскій благоговѣнно преклоняется передъ чистой памятью монарха, творца великой реформы, сдѣлавшаго ее призваніемъ своей жизни.

«Исторически подготовлялся актъ 19-го февраля.

«Онъ воплотилъ завѣтныя чаянія поколѣній лучшихъ русскихъ людей.

«Онъ воплотилъ въ себѣ весь идеализмъ нашей общественной мысли.

«И все же онъ является личнымъ подвигомъ императора, свободнымъ актомъ его державной воли, движеніемъ его великаго сердца.

«Въ исторіи Россіи найдется, быть можетъ, мало такихъ драматическихъ эпизодовъ, какъ эта борьба почти одинокаго самодержца, окруженнаго небольшою кучкою горячихъ патріотовъ, со сплоченной фалангой темныхъ силъ и встревоженныхъ интересовъ.

«Изъ этой борьбы самодержецъ вышелъ побѣдителемъ, сильный своей вѣрой въ народъ.

«Но исходъ реформы показалъ, кто являлся истиннымъ охранителемъ величія, да и самаго существованія Россіи.

«Но среди этого большого общаго народнаго праздника то частное скромное торжество, которое насъ здѣсь собрало, имѣетъ все же знаменательное значеніе.

«И мѣсто, гдѣ мы сошлись, и время, которое мы переживаемъ, и составъ сегодняшняго собранія, въ которомъ не мало лицъ, принадлежащихъ къ той средѣ, для которой полвѣка тому назадъ прозвучалъ благовѣсть свободы,— все это невольно толкаетъ мысль на другой близкій намъ великій актъ, связанный внутренней аналогіей и исторической преемственностью съ событіемъ, которое мы нынѣ празднуемъ».

«Царю - Освободителю — благодарные крестьяне члены государственной думы», — такова надпись на подножии этого памятника.

«1861 годъ—1911 годъ».

«Тогда рабы—сегодня законодатели.

«Цѣлая историческая эпоха легла между этими гранями, согрѣтая и ярко озаренная двумя свѣточами.

«19-е февраля—17-е октября».

«Два величайшихъ акта новѣйшей исторіи Россіи, безповоротно опредѣлившихъ дальнѣйшую судьбу нашего отечества.

«Разобщенные полустолѣтіемъ, они внутренно близки другъ другу.

«И актъ 17-го октября созданъ «по манію царя», вѣровавшаго въ свой народъ.

«И онъ явился осуществленіемъ старой завѣтной мечты.

«И онъ встрѣтилъ тѣ же опасенія и предостереженія робкихъ, близорукихъ людей, лже-пророковъ и лже-мудрецовъ.

«И онъ закончился торжествомъ великодушнѣйшей идеи, задолго до наступленія и для него юбилейныхъ дней.

«19-е февраля—17-е октября».

«Эти двѣ историческія вѣхи на одномъ пути—пути социальной справедливости и къ политической свободѣ, величію Россіи и славѣ ея монарховъ».

Въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ состоялся торжественный актъ по случаю исполнившейся 50-лѣтней годовщины освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Передъ началомъ торжества было совершено молебствіе въ домовѣй церкви министерства внутреннихъ дѣлъ.

Торжество, происходившее въ залѣ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, открылъ статсъ-секретарь П. А. Столыпинъ, огласившій высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ, данный, въ 19-й день февраля с. г., на имя предсѣдателя совѣта министровъ, министра внутреннихъ дѣлъ, члена государственнаго совѣта, статсъ-секретаря, гофмейстера высочайшаго двора Столыпина.

Прочтенный П. А. Столыпинымъ высочайшій рескриптъ былъ покрытъ пѣніемъ гимна «Боже, Царя храни», повтореннымъ три раза, и долго не смолкавшимъ «ура» присутствовавшихъ.

Затѣмъ управляющій земскимъ отдѣломъ т. с. Я. Я. Литвиновъ обратился къ предсѣдателю совѣта министровъ со слѣдующею рѣчью:

«Ваше высокопревосходительство. Отъ крестьянскихъ учреждений и чиновъ земскаго отдѣла, отъ здѣсь присутствующихъ участниковъ составленія и проведенія въ жизнь великаго преобразования 19-го февраля 1861 года, обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ почтительнѣйшимъ ходатайствомъ—повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества наши чувства безпредѣльной любви и благодарности за высокомилоостивое обращеніе къ крестьянскимъ учреждениямъ, вѣрноподаннымъ слугамъ Его Величества, въ сегодняшній достопамятный день. Мы просимъ ваше высокопревосходительство засвидѣтельствовать обожаемому Монарху, что милостивыя слова Его Величества даютъ намъ всѣмъ новыя силы къ выполненію священнаго долга служенія самодержавному Царю и Родинѣ».

Въ отвѣтъ на рѣчь т. с. Я. Я. Литвинова предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь П. А. Столыпинъ заявилъ, что имъ будетъ повергнуто къ стопамъ Его Императорскаго Величества выраженіе вѣроподданическихъ чувствъ, какъ отъ лица всѣхъ присутствующихъ на настоящемъ актѣ, такъ и отъ лица всѣхъ служащихъ по крестьянскимъ учрежденіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ центральнымъ, такъ и мѣстнымъ.

Затѣмъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сенаторъ т. с. А. И. Лыкошинъ произнесъ рѣчь, въ которой сдѣлалъ историческій очеркъ великой реформы 19-го февраля 1861 г., обрисовалъ ходъ занятій редакціонныхъ комиссій, работа коихъ проходила подъ непосредственнымъ руководствомъ императора Александра II; указалъ, затѣмъ, на участіе и значеніе въ работахъ названныхъ комиссій ихъ предсѣдателей и отдѣльныхъ членовъ и, наконецъ, отмѣтилъ наиболѣе выдающихся дѣятелей означенной реформы.

Далѣе, сенаторъ А. И. Лыкошинъ перечислилъ тѣ законодательные акты по устройству крестьянъ, которые воспослѣдовали въ царствованіе какъ въ Бозѣ почивающаго императора Александра III, такъ и нынѣ благополучно царствующаго государя императора Николая Александровича, завершившись нынѣ закономъ 14-го іюня 1910 г.—о свободномъ выходѣ крестьянъ изъ общины, и указалъ на государственное значеніе каждаго изъ этихъ актовъ.

Послѣ сего предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь П. А. Столыпинъ провозгласилъ здравицу за Государя Императора, покрытую громогласнымъ «урд» присутствовавшихъ. Затѣмъ предсѣдатель совѣта министровъ предложилъ тосты за нынѣ здравствующихъ сподвижниковъ Царя-Освободителя въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и за потомковъ почившихъ его сподвижниковъ, а также за представителей всѣхъ вѣдомствъ, съ коими приходится встрѣчаться министерству внутреннихъ дѣлъ въ работѣ по устройству русскаго крестьянства.

Торжественные молебны, собранія съ рѣчами имѣли мѣсто также въ ремесленномъ обществѣ, въ купеческомъ обществѣ, въ мѣщанскомъ, въ Русскомъ собраніи, въ союзѣ русскаго народа, въ національномъ клубѣ, во всѣхъ городскихъ училищахъ, въ среднеучебныхъ заведеніяхъ и нѣкоторыхъ высшихъ, въ синодальной типографіи, въ обществѣ 19 февраля, въ народномъ университетѣ и другихъ учрежденіяхъ.

Особенною теплотою отличалось чествованіе маститаго П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, послѣдняго представителя незабвенныхъ редакціонныхъ комиссій. Весь день всевозможныя депутаціи приносили ему свои поздравленія, а также поступали на его имя со всѣхъ концовъ Россіи поздравительныя телеграммы. Вечеромъ у него состоялся парадный обѣдъ. Большой столъ въ гостиной П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго былъ накрытъ на 17 приборовъ. Вся большая комната была заставлена зеленью и цвѣтами, въ которыхъ утопалъ бюстъ императора Александра II.

Въ сосѣдней комнатѣ-кабинетѣ П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго возвышался бюстъ Заблоцкаго-Десятовскаго, въ другой комнатѣ—бюстъ перваго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцова. Оба бюста были украшены цвѣтами. Въ цвѣтахъ утопали также портреты великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича.

На почетномъ предсѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдалъ единственный непосредственный участникъ освобожденія, оставшійся въ живыхъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, сидѣвшій на томъ самомъ креслѣ, на которомъ онъ засѣдалъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ въ періодъ 1858—1861 гг. Въ объѣдѣ принимали участіе лица, обладающія золотыми медалями за освобожденіе крестьянъ, доставшимися имъ по наслѣдству: внукъ Заблоцкаго-Десятковскаго, А. Н. Семеновъ-Тянь-Шанскій, внукъ перваго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій гр. Я. Н. Ростовцева, сынъ члена редакціонныхъ комиссій А. А. Гирсъ, Ю. Н. Милютинъ, сенаторъ А. Н. Тройницкій.

Кромѣ того, за столомъ сидѣли мировой посредникъ перваго призыва кн. П. Н. Цертелевъ, обладающій серебряной медалью, С. А. Ольхинъ, членъ совѣта министра финансовъ, внучка Я. И. Ростовцева А. Н. Новикова, племянникъ П. П.—проф. К. Я. Гротъ. Изъ семейства П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго въ объѣдѣ участвовала его супруга Елизавета Андреевна, рожденная Заблоцкая-Десятковская, и его сыновья Д. П., Вен. П., Вал. П. и Изм. П.

Объѣдъ, по разъ навсегда установленному на объѣдахъ въ память освобожденія крестьянъ обычаю, начался съ пяти традиціонныхъ тостовъ.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, гр. Я. Н. Ростовцевъ поднялъ бокалъ въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы императора Александра П. Ю. Н. Милютинъ провозгласилъ тостъ за великое дѣло 19-го февраля 1861 г. Два послѣднихъ тоста провозгласилъ П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій. Покойный П. А. Милютинъ провозглашеніе этихъ тостовъ завѣщалъ тому изъ участниковъ освобожденія, который переживетъ всѣхъ своихъ товарищей въ законодательной работѣ по созданію положенія 19-го февраля.

Это были тосты въ память всѣхъ сотоварищей въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и за благоденствіе Россіи.

Послѣ провозглашенія традиціонныхъ тостовъ Ю. Н. Милютинъ поднялъ бокалъ въ честь единственнаго оставшагося въ живыхъ участника великой реформы П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій отмѣтилъ, что въ теченіе 50 лѣтъ—была пора, когда ихъ, дѣятелей великой реформы, временно забыли, но теперь время измѣнилось, и онъ имѣлъ великое счастье убѣдиться сегодня въ томъ, что вся Россія свято чтитъ этотъ день, чему яркимъ доказательствомъ служитъ длинный рядъ знаковъ вниманія и привѣтствій, которыя онъ получилъ со всѣхъ концовъ обширной Россіи, какъ послѣдній изъ плеяды сотрудниковъ Царя-Освободителя въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Объѣдъ закончился оглашеніемъ значительной части полученныхъ телеграммъ отъ университетовъ, общественныхъ управленій и учреждений.

Вечеромъ во всѣхъ столичныхъ театрахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, даны были парадные спектакли, съ постановкой по большей части здѣсь живыхъ картинъ, съ пѣніемъ гимна и при торжественной обстановкѣ. Особенно парадными вышли представленія и вокально-музыкальныя отдѣленія въ Маріинскомъ театрѣ, въ залѣ Дворянскаго собранія и въ театрѣ помѣщенія гостиницы «Регина», гдѣ былъ организованъ банкетъ

печати. За обѣдомъ на банкетѣ присутствовало 400 человекъ, въ числѣ которыхъ были многіе представители газетнаго, литературнаго и журнальнаго міра. Залъ былъ роскошно декорированъ художникомъ Кузнецовымъ и убранный портретами русскихъ писателей, способствовавшихъ своей проповѣдью осуществленію великой реформы, какъ, на примѣръ, портретами Пушкина, Тургенева, Григоровича, Аксакова, Некрасова, Чернышевскаго, Щедрина, Шевченка и др., а меню банкета, по рисунку художника И. А. Владимірова, было украшено акварелью, изображающей академическія пальмы и разорванную цѣпь—символь свергнутаго рабства.

По открытіи банкета предсѣдатель организаціоннаго комитета В. В. Глинскій предложилъ избрать почетнымъ предсѣдателемъ банкета единственнаго оставшагося въ живыхъ дѣятеля великой реформы члена госуд. совѣта П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. Предложеніе это было встрѣчено громомъ аплодисментовъ и звуками туша. Такъ какъ д. т. сов. Семеновъ на банкетѣ не присутствовалъ, то къ нему на квартиру была послана депутація въ составѣ Я. Н. Колубовскаго и В. И. Бородаевской-Ясевичъ для передачи привѣтствія отъ имени банкета.

Предсѣдателемъ банкета былъ избранъ Г. К. Градовскій. Его рѣчью и начались тосты. Г. К. Градовскій охарактеризовалъ эпоху, предшествовавшую освобожденію крестьянъ, и указалъ на роль, которую играла въ реформѣ печать, глаголомъ жегшая сердца людей. Свой тостъ предсѣдатель банкета провозгласилъ за «процвѣтаніе свободной литературы свободнаго русскаго народа».

Затѣмъ говорили П. М. Невѣжинъ, М. А. Морозовъ, А. А. Исаевъ, Е. А. Чириковъ, В. В. Глинскій, Е. А. Чебышева-Дмитріева, А. Л. Цитронъ, поэты Рославлевъ и Соколовъ, Е. П. Семеновъ, французскій журналистъ г. Кюрцъ и др.

Былъ провозглашенъ также тостъ В. Глинскимъ за старѣйшую русскую газету «St.-Petersburger Zeitung», на который отвѣчалъ ея представитель г. Шталь, призывавшій печать къ сплоченію и единенію.

Издатель П. П. Сойкинъ предложилъ ознаменовать день 19-го февраля созданіемъ національнаго памятника. Мысль эта была встрѣчена присутствовавшими весьма сочувственно, и о такомъ предложеніи постановлено довести до свѣдѣнія П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго.

Далѣе собраніе привѣтствовало аплодисментами находившихся среди гостей банкета двухъ мировыхъ посредниковъ перваго созыва: г. Арнольда и ген. Энгельгардта.

По окончаніи обѣденной части банкета послѣдовало концертное отдѣленіе, на которое были бесплатно допущены гости. Это отдѣленіе, въ которомъ приняли участіе выдающіеся представители артистическаго міра, было составлено разнообразно и занимательно, при чемъ центр тяжести лежалъ въ постановкѣ живыхъ картинъ, организованныхъ П. П. Гнѣдичемъ, Е. П. Карповымъ и художникомъ И. А. Владиміровымъ. Поставленныя картины были: 1) «Поэта домъ опальный, о Пушкинъ мой, ты первый постилъ...» 2) Свиданіе кн. Волконской съ мужемъ въ рудникѣ Сибири (изъ «Русскихъ женщинъ» Некрасова). 3) Апофеозъ литературы. Вечеръ затянулся далеко за полночь.

Устроенный банкетъ имѣетъ свою любопытную исторію, которая можетъ быть разсказана только спустя много времени.

Въ *Москвѣ*, по свидѣтельству «Русскихъ Вѣдомостей», отпраздновали 50-лѣтіе великаго дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости довольно скромно. На улицахъ не было замѣтно особеннаго движенія; въ теченіе всего дня не обнаруживалось приподнятаго настроенія въ столичномъ населеніи; весь городъ не былъ даже украшенъ флагами,—они вывѣшены были только на главныхъ улицахъ и на зданіяхъ тѣхъ учреждений, гдѣ происходило празднованіе юбилея. Весь день, насколько онъ отражается въ уличной жизни, прошелъ вяло.

Только въ *Кремлѣ* необычайный наплывъ народа давалъ чувствовать, что Москва въ этотъ день празднуетъ великій юбилей. Здѣсь утромъ Царская площадь передъ памятникомъ императора Александра II была переполнена народомъ. Взоры многотысячной толпы въ теченіе нѣсколькихъ часовъ благоговѣнно устремлялись на изображеніе Царя-Освободителя. Во время богослуженія въ кремлевскихъ соборахъ Царская площадь представляла въ буквальномъ смыслѣ море головъ, обращенныхъ къ монументу, утопавшему въ красиво расположенныхъ вокругъ него вѣнкахъ. Паперть Чудова монастыря, подъѣздъ Николаевского дворца и другіе возвышенные пункты на площади усеяны были публикой, взоры которой направлены были въ одну сторону—въ сторону памятника. Около 12-ти часовъ дня къ подножію монумента возложены были вѣнки отъ общества кремлевскихъ хоругвеносцевъ. Затѣмъ секретарь общества народныхъ университетовъ Б. И. Сыромятниковъ и членъ правленія общества И. А. Зуйковъ возложили на памятникъ лавровый вѣнокъ съ надписью: «Отъ московскаго общества народныхъ университетовъ 19-го февраля 1861 года—19-го февраля 1911 года». Въ теченіе дня возлагались вѣнки и отъ нѣкоторыхъ другихъ учреждений. На площади продавались жетоны въ честь юбилея крестьянской реформы, портреты императора Александра II, снимки съ извѣстной картины съ изображеніемъ Царя-Освободителя, читающаго толпѣ манифестъ 19-го февраля передъ Зимнимъ дворцомъ, и цѣлый рядъ брошюръ, иллюстрированныхъ изданій, относящихся къ празднуемому событію. Жетоны, портреты и изданія раскупались быстро.

Утромъ во всѣхъ храмахъ столицы совершены были литургіи и молебствія съ колѣнопреклоненіемъ и возгласеніемъ «Вѣчной памяти» императору Александру II и произнесеніемъ поученій, посвященныхъ крестьянской реформѣ. Главное торжественное богослуженіе происходило въ память 19-го февраля 1861 года въ большомъ Успенскомъ соборѣ.

Главное празднованіе юбилея крестьянской реформы сосредоточилось въ стѣнахъ россійскаго благороднаго собранія. Это былъ объединенный праздникъ дворянъ и представителей крестьянскихъ учреждений. Изъ Успенскаго собора волостные старшины и представители волостныхъ судовъ отправились въ домъ благороднаго собранія, гдѣ въ верхней залѣ Дворянскаго клуба, помѣщающейся рядомъ съ хорами Колонной залы, имъ предложены были чай и закуска. Послѣ закуски подано было шампанское, и губернский предводитель дворянства А. Д. Самаринъ обратился къ представителямъ волостного управленія съ рѣчью, въ которой высказалъ, что дворянъ и крестьянъ объединяетъ присущая имъ преданность Царю, и провозгласилъ тостъ за здоровье самодержавнаго русскаго Царя и всей его царственной семьи. Раздалось громкое «ура».

На торжествѣ произнесены были и многія другія рѣчи, какъ со стороны представителей дворянства, такъ и крестьянства.

Въ 1¹/₂ часа дня въ Екатерининской залѣ благороднаго собранія преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ, совершена была панихида по императорѣ Александрѣ II. За богослуженіемъ присутствовали: попечитель учебнаго округа А. А. Тихомировъ, московскій губернаторъ, градоначальникъ, городской голова, губернский и уѣздные предводители и депутаты дворянства, Г. А. Крестовниковъ, члены губернскаго присутствія, воспитанницы дворянскаго женскаго института, дворяне съ ихъ семьями, волостные старшины, председатели волостныхъ судовъ. Преосвященный Анастасій сказалъ слово о безкорыстномъ участіи дворянъ въ разработкѣ законодательнаго акта 19-го февраля 1861 года и проведеніи его въ жизнь. Возглашеніе «Вѣчной памяти» Царю-Освободителю сопровождалось колѣнопреклоненіемъ всѣхъ присутствовавшихъ на богослуженіи.

Послѣ панихиды въ Колонной залѣ состоялось торжественное засѣданіе губернскаго присутствія. На эстрадѣ помѣстились члены присутствія во главѣ съ московскимъ губернаторомъ. Въ первомъ ряду креслъ заняли мѣста преосвященный Трифонъ, епископъ дмитровскій, Василій, епископъ Можайскій, Анастасій, епископъ серпуховскій, командующій войсками округа П. А. Плеве, командиръ гренадерскаго корпуса Э. В. Экъ, московскій градоначальникъ А. А. Андріановъ, городской голова Н. И. Гучковъ, другія почетныя лица города. Далѣе помѣщались дамы высшаго общества; въ числѣ ихъ—председатель археологическаго общества графиня П. С. Уварова. За ними—должностныя лица различныхъ учреждений столицы и волостные старшины съ председателями волостныхъ судовъ. Всѣ мѣста въ залѣ были заняты. Много публики было за колоннами и на хорахъ. Зала была освѣщена à giorno. Объявивъ торжественное засѣданіе открытымъ, В. Ѳ. Джунковскій произнесъ длинную рѣчь на тему юбилейнаго дня. Кромѣ него, говорили еще А. Д. Самаринъ, А. Е. Грузинскій, А. М. Устиновъ и другіе.

Послѣ засѣданія губернскаго присутствія на Тверской-Ямской, близъ церкви Василія Кесарійскаго, въ Народномъ домѣ имени Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, устроенъ былъ обѣдъ для волостныхъ старшинъ и председателей волостныхъ судовъ. Обѣдъ посѣтилъ московскій губернаторъ. Первый тостъ провозглашенъ былъ В. Ѳ. Джунковскимъ за здоровье Государя Императора. По окончаніи обѣда представители крестьянскаго управления отправились въ Большой театръ, гдѣ присутствовали на парадномъ спектаклѣ.

Въ Литературно-Художественномъ кружкѣ состоялось собраніе, цѣликомъ посвященное этому великому дню. Вступительное слово произнесъ С. П. Мельгуновъ, обрисовавшій тѣ общественныя и экономическія причины, которыя вызвали появленіе акта 19-го февраля. Довольно подробно докладчикъ остановился на томъ настроеніи, которое тогда переживало крестьянство и которое одинъ изъ тогдашнихъ наблюдателей назвалъ «лавой, кипящей подъ спокойной корою». Затѣмъ Н. Н. Златовратскій прочиталъ отрывокъ изъ своего разсказа «Мечта». Въ немъ описывается сонъ разсказчика, которому чудится плывущій по Камѣ пароходъ, мокрый отъ дождя и грязный. На палубѣ сбился

куча разноплеменнаго народа, прижавшагося другъ къ другу. И вотъ на палубѣ появилась дѣвушка, которая стала переходить отъ одной группы къ другой, собирая вокругъ себя народъ, утѣшая матерей и лаская дѣтей. И всѣ несчастные, жалкіе люди объединились въ одномъ чувствѣ къ ней, только называя ее разное: кто—свободой, а кто—любовью... Послѣ перерыва Б. И. Сыромятниковъ произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ 19-е февраля какъ великій день національнаго воскресенія. Онъ обрисовалъ крѣпостное право не только какъ неволю крестьянъ, но гораздо шире,—какъ язву, разѣдавшую весь государственный и общественный организмъ и клавшую свой отпечатокъ на всѣ стороны русской жизни. Роскошно-иллюминированный фасадъ зданія, салонное вольтерьянство не могли скрыть и затушевать ужасы, производившіеся на задворкахъ, въ глуши помѣщичьихъ усадебъ. Прекращеніе этого состоянія потому-то и было днемъ воскресенія для Россіи, повлекшимъ за собой логически и другой великій день—17-е октября. Затѣмъ А. М. Адашевъ прочиталъ отрывокъ изъ разсказа Тургенева «Льговъ», а О. Л. Книпперъ—«Госпожу Подейкову» Салтыкова. Вечеръ кончился чтеніемъ отрывка изъ Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (разговоръ съ помѣщиками), прочитаннаго Е. Н. Роциной-Инсаровой. Артистамъ были поднесены цвѣты. Публики на собраніи было очень много.

Послѣ исполнительнаго собранія въ Большой залѣ кружка состоялся банкетъ, въ которомъ приняли участіе 400 человекъ,—профессора, адвокаты, литераторы и другіе представители интеллигенціи. Банкетъ прошелъ съ большимъ подъемомъ и сопровождался многими рѣчами. Серію рѣчей открылъ В. Я. Брюсовъ, который выразилъ радость по поводу того, что теперь въ Россіи нѣтъ ни рабовъ, ни рабовладѣльцевъ, что жизнь течетъ по иному руслу, которое приведетъ къ лучшему будущему, къ созданію свободной Россіи. Н. М. Кишкинъ предложилъ почтить вставаніемъ память дѣятелей великой освободительной реформы. Присутствовавшіе поднялись въ молчаніи со своихъ мѣстъ. А. А. Кизеветтеръ сказалъ большую рѣчь, посвященную освободительной эпохѣ. Онъ напомнилъ про первый банкетъ, устроенный въ Москвѣ въ 1857 году, въ которомъ принимали участіе Катковъ (тогда—либераль-конституціоналистъ), Кавелинъ, Погодинъ и др.; тогда московское общество по случаю первыхъ высочайшихъ рескриптовъ о готовящейся освободительной реформѣ справляло первый гражданскій праздникъ. Сегодня,—говоритъ ораторъ,—опять банкетъ, на которомъ чествуется 50-лѣтіе освободительной реформы. Но теперь не слышится бурнаго ликованія и праздничныхъ надеждъ,—слышится горькое чувство разочарованія. Но не стоитъ беречь старыя раны... День 19-го февраля дорогъ и священенъ для насъ; въ этотъ день съ лица русской земли было смыто позорное пятно порабощенія. Русь доказала свою жизнеспособность, она блеснула на весь мѣръ могучей способностью своихъ живыхъ творческихъ силъ. Далѣе ораторъ остановился на исторіи реформы, указалъ на то, что общество оказало огромное вліяніе на ходъ реформы и расширило тѣсныя рамки, въ которыя вдвинуло-было ее бюрократическое творчество. Ораторъ закончилъ сравненіемъ Руси съ могучимъ дубомъ (изъ «Анны Карениной»), который неизмѣнно доказываетъ свою способность къ дальнѣйшему росту. Членъ государ-

ственной думы Н. Н. Щепкинъ выразилъ радость, что современное поколѣніе не участвуетъ въ преступленіи отцовъ и дѣдовъ, что ему, какъ внуку раба, не приходится участвовать въ постыдной куплѣ-продажѣ. Въ заключеніе онъ выразилъ надежду, что дѣти и внуки, утратившіе понятіе объ эпохѣ рабства, завершатъ дѣло объединенія русскаго народа. Далѣе говорили П. И. Сакулинъ, И. И. Поповъ и др. Банкетъ затянулся до 4-го часа утра.

Въ городскихъ школахъ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ первопрестольной происходили торжественныя собранія, а въ театрахъ даны были парадныя спектакли.

И провинція, въ предѣлахъ мѣстной возможности, откликнулась на торжественный юбилейный день. Такъ, по свидѣтельству корреспондента «Виржевыхъ Вѣдомостей»:

Въ Кіевѣ. По случаю юбилея пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ состоялись торжественныя акты въ среднихъ и низшихъ школахъ.

Юридическое и историческое общества устроили соединенное засѣданіе.

Состоялось торжественное засѣданіе присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ.

На Царской площади совершена закладка памятника императору Александру II, сопровождавшаяся военнымъ парадомъ.

Губернаторъ подвергнулъ редактора «Послѣднихъ Новостей» аресту на два мѣсяца безъ замѣны штрафомъ за нумеръ, посвященный юбилею крестьянской реформы.

Въ Саратовѣ. Торжественно открытъ памятникъ Царю-Освободителю, сооруженный городомъ по проекту академика Волнухина.

Императоръ Александръ II изображенъ во весь ростъ, заложившимъ правую руку за бортъ сюртука; по угламъ группы: «освобожденіе славянъ», «судъ», «народное образованіе», «молящійся крестьянинъ».

Основаніе памятника сдѣлано изъ финляндскаго гранита. Обошелся онъ въ сто тысячъ рублей. На памятникъ возложено депутациями болѣе 40 серебряныхъ вѣнковъ отъ земствъ, городовъ и сословій.

Вездѣ развѣваются флаги. На улицахъ толпы народа. Всѣ магазины и учрежденія закрыты.

Въ Везьегонскѣ. Городская дума постановила ходатайствовать объ открытіи въ Везьегонскѣ мужской классической гимназіи въ память пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ присвоеніемъ ей имени государя императора Александра II.

С.-Петербургскимъ телеграфнымъ агентствомъ получены изъ многихъ городовъ, мѣстечекъ и сель телеграфныя сообщенія о торжественномъ празднованіи дня пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Повсемѣстно въ церквахъ, костелахъ, мечетяхъ и синагогахъ совершены богослуженія. Посланы многочисленныя телеграммы съ выраженіемъ вѣрно-подданическихъ чувствъ. Во многихъ мѣстахъ состоялись крестные ходы, парады войскамъ и потѣшнымъ, народныя гулянья, чтенія, торжественныя засѣданія различныхъ общественныхъ учреждений, парадныя спектакли въ театрахъ. Розданы бесплатныя обѣды бѣднѣйшему населенію, а также юбилейныя брошюры и портреты Царя-Освободителя. Почти во всѣхъ волостяхъ

освящены при торжественной обстановкѣ на площадяхъ передъ волостными правленіями сооружаемые крестьянами бюсты-памятники императору Александру II. Въ учебныхъ заведеніяхъ состоялись чтенія съ туманными картинами изъ эпохи великой реформы, и устроены особые спектакли.

Сокращены сроки наказанія административнымъ заключеннымъ, по распоряженію гродненскаго губернатора.

Въ *Витебскѣ* освящена городская больница.

Въ *Брестъ-Литовскѣ* дума ассигновала пятнадцать тысячъ рублей на учрежденіе доступныхъ крестьянамъ мужскаго и женскаго коммерческихъ училищъ.

Въ *Борисоглабскѣ* дума пожертвовала пятьсотъ рублей на комитетъ безпризорнымъ дѣтей, учредила двѣ стипендіи въ гимназіяхъ и постановила сложить часть недоимокъ.

Въ *Оренбургѣ* дума постановила открыть училище.

Въ *Новгородѣ* дума постановила учредить девять стипендій для дѣтей крестьянъ въ среднихъ и городскихъ школахъ.

Въ *Кунгурѣ* открытъ историческій музей на пожертвованіе мѣстнаго коммерсанта Летунова.

Въ *Бьлозерскѣ* дума постановила открыть трудовой домъ въ составѣ трехъ мастерскихъ съ кустарнымъ музеемъ, а также учредить стипендіи въ женской гимназіи.

Въ селѣ *Першинѣ*, Нижегородской губерніи, на средства крестьянъ сооружена часовня.

Въ *Екатеринодарѣ*. Городская дума постановила, въ ознаменованіе 19-го февраля, сложить сто тысячъ рублей больничной недоимки съ бѣднѣйшаго населенія, открыть школу садоводства и огородничества, учредить семь стипендій въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, одну стипендію—имени дѣятели эпохи освобожденія крестьянъ генерала Милютина, ассигновать пятьсотъ рублей на покупку и раздачу ученикамъ городскихъ школъ книгъ и картинъ и приобрести бюстъ императора Александра II.

Въ *Твери*. Въ ознаменованіе пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ тверское губернское земство соорудило для земской женской учительской школы громадное зданіе, въ которомъ сегодня состоялся, въ присутствіи губернатора, гражданскихъ и военныхъ властей, земцевъ и дворянъ, торжественный актъ.

Извѣстія изъ провинціи о празднованіи великаго юбилейнаго дня все еще продолжаютъ проходить и намъ пока остается зарегистрировать лишь отмѣченное выше.

Не забыло въ этотъ день русское общество и сподвижника императора Александра II по реформированію государственнаго уклада Россіи, гр. Д. А. Милютина имѣющаго постоянное пребываніе въ Крыму. Ему со всѣхъ сторонъ притекали поздравительныя телеграммы съ выраженіемъ добрыхъ чувствъ и пожеланіемъ многолѣтія.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ фондѣ. Годовое общее собраніе членовъ литературнаго фонда, состоявшееся 2-го февраля въ помѣщеніи гимназіи Гуревича, открылось рѣчью председателя фонда Л. Ф. Пантелѣва, который указалъ, что литературный фондъ, вступая въ 51-й годъ своего существованія, не располагаетъ достаточными доходами, чтобы удовлетворить все разрастающуюся клиентуру фонда. Литературный пролетаріатъ увеличивается, необходимо ему приходится на помощь, а доходы общества стоятъ на мертвой точкѣ, и число членовъ фонда мало прогрессируетъ. Такъ, въ первый годъ основанія фонда было 368 членовъ, а нынѣ всего 430, изъ которыхъ многіе, къ тому же, числятся недоимщиками. Въ первые года существованія фонда членскіе взносы были значительные, не мало лицъ вносило ежегодно отъ 50 до 500 рублей. Теперь же съ трудомъ уплачиваются 10-рублевые взносы. Правда, за полвѣка капиталы фонда увеличились въ 33 раза, достигнувъ солидной цифры 789 тысячъ рублей, но расходовать можно только проценты этихъ капиталовъ, всего 36 тысячъ рублей, т. е. въ 3 раза больше, чѣмъ полвѣка тому назадъ. Л. Ф. Пантелѣвъ вызываетъ поэтому къ обществу и предлагаетъ членамъ фонда проявить инициативу въ цѣляхъ улучшенія финансоваго положенія кассы фонда. Затѣмъ собраніе переходитъ къ обсужденію отчета о дѣятельности комитета за 1910 г. Изъ этого отчета, между прочимъ, видно, что комитетъ въ прошломъ году принялъ 1,306 постановленій по различнымъ ходатайствамъ пишущей братіи. Назначены были 6 новыхъ пенсій на сумму 2,160 рублей въ годъ, выданы пособія 53 писателямъ на воспитаніе дѣтей (5,312 рублей), всего денежныхъ пособій было на сумму 30,110 р. Расходы составляютъ за годъ 85,131 рубль; доходъ же за 1910 годъ выразился въ суммѣ 83,418 рублей, а вмѣстѣ съ остаткомъ отъ 1909 года, 96,640 рублей. Кроме пожертвованій Л. Ф. Пантелѣва (2,500 рублей), графини С. В. Паниной (1,000 рублей), о которыхъ уже сообщалось въ печати, отчетъ отмѣчаетъ

еще пожертвованіе въ капиталъ «образованія и воспитанія» 1,000 рублей отъ В. Д. Набокова и 1,000 рублей отъ Н. С. Цейтлина. По поводу отчета заслушанъ докладъ ревизіонной комиссіи, которая констатируетъ, что комитетъ дѣйствовалъ согласно задачамъ фонда, проявляя отзывчивость къ нуждающимся литераторамъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаружена слишкомъ большая экономія при выдачахъ заслуженнымъ литераторамъ. Комиссія высказывается противъ мелкихъ выдачъ и предлагаетъ развить операцію по выдачѣ срочныхъ ссудъ, что болѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ литераторовъ. Комиссія еще обращаетъ вниманіе на то, что комитетъ фонда продалъ «Нивѣ» неизданное стихотвореніе Надсона «У камина» за 100 рублей, между тѣмъ изъ журнала комитетскаго постановленія не видно, что стихотвореніе принадлежитъ перу Надсона. По поводу замѣчаній комиссіи отъ имени комитета далъ объясненія секретарь фонда В. Д. Набоковъ. Онъ указалъ: 1) что сокращенія выдачъ нѣкоторымъ писателямъ были сдѣланы съ ихъ согласія; 2) что мелкія выдачи вызываются острою нуждою просителей, и 3) что подлинность стихотворенія Надсона ни въ комъ изъ членовъ комитета не возбуждаетъ сомнѣнія. Что же касается принципиальныхъ замѣчаній ревизіонной комиссіи, то комитетъ съ ними согласенъ. Относительно заявленія Г. К. Градовскаго, что не было надобности упоминать въ отчетѣ, что литературный фондъ не нашелъ нужнымъ участвовать въ бывшемъ въ 1910 году съѣздѣ писателей, В. Д. Набоковъ объяснилъ, что въ исторической части отчета нельзя было пропустить этотъ фактъ. Со всѣми этими объясненіями общее собраніе согласилось, и, утвердивъ единогласно отчетъ, выразило благодарность комитету, а также Е. П. Султановой, какъ предсѣдательницѣ комиссіи по устройству литературныхъ вечеровъ въ пользу фонда, и С. А. Венгеру, какъ редактору «Сборника» литературнаго фонда. Затѣмъ были произведены выборы 4 членовъ комитета. Большинствомъ голосовъ избраны: Н. Ѳ. Анненскій, Н. И. Карѣевъ, Е. В. Тарле и Я. Я. Гуревичъ. Въ комиссію для урегулированія вопроса о выдачѣ срочныхъ ссудъ избраны: Н. С. Таганцевъ, П. А. Потѣхинъ, А. А. Леонтьевъ, Д. М. Герценштейнъ и А. Н. Кремлевъ. Въ члены литературнаго фонда избраны слѣдующія лица: И. И. Петрункевичъ, Н. Н. Кутлеръ, А. Н. фонъ-Рутценъ, Е. А. Крыжановскій, П. Ф. Марковъ, К. А. Хмѣльницкій, Е. А. Набокова, Ж. А. Полонская, М. А. Стоюнина, М. И. Хортикъ и Н. Ц. Березкина.

Въ обществѣ любителей древней письменности. На состоявшемся, подъ предсѣдательствомъ И. А. Бычкова, очередномъ засѣданіи общества докладчиками выступили: В. Т. Георгіевскій, сообщившій объ «Иконописцѣ Θεодосіи Діонисіевѣ и его миниатюрахъ евангелія 1507 г.», Н. П. Лихачевъ, освѣтившій и овими данными интересный фактъ распри митрополитовъ Алексѣя и Романа, какъ отраженіе борьбы Москвы съ Тверью за политическое господство. Секретарь общества В. В. Майковъ сообщилъ о двухъ вновь поступившихъ въ императорскую публичную бібліотеку рукописяхъ, относящихся къ 1487 и 1771 гг. Отмѣчая значеніе доклада В. Т. Георгіевскаго, докторъ русской исторіи Н. П. Лихачевъ указалъ, что изученіемъ произведеній Θεодосія и его школы проливается новый яркій свѣтъ въ малоизслѣдованную еще область московскаго искусства конца XV и начала XVI столѣтій. Θεодосій былъ однимъ изъ талант-

дивѣйшихъ художниковъ своего времени, вращавшимся въ средѣ избраннаго московскаго общества, глубоко вѣрующимъ ревнителемъ православія. Кромѣ миниатюръ евангелія 1507 г., отличающихся удивительною тонкостью и художественностью исполненія, ему, вмѣстѣ съ отцомъ и учениками, принадлежать росписи цѣлыхъ храмовъ Волоколамскаго и Терапонтскаго монастырей и Благовѣщенскаго собора. Во всѣхъ работахъ Феодосія, имѣющихъ между собою замѣтную аналогию, ясно сквозятъ первые еще робкіе шаги по пути новшествъ къ близкой, загоравшейся уже зарѣ возрожденія и послѣдовавшаго за нимъ пышнаго расцвѣта древне-русскаго искусства эпохи конца XVI столѣтія. Иконописецъ страшится еще нарушить крѣпко установившіяся и связанныя съ религіознымъ чувствомъ традиціи въ изображеніяхъ ликовъ, фигуръ, одеждъ, ландшафта, но зато, чувствуя себя совершенно свободнымъ въ отношеніи орнаментовъ, украшеній, заставокъ и заглавныхъ буквъ, онъ смѣло и рѣшительно вноситъ въ нихъ рядъ новыхъ, неизвѣстныхъ еще русскому искусству, несомнѣнно, занесенныхъ съ Запада, художественныхъ композицій. Заслугою докладчика, такимъ образомъ, является опредѣленіе пути, какимъ врывались въ древне-русское искусство новыя вѣянія, проникала свѣжая, живая струя обновленія. Вопросъ, откуда же шла эта струя—черезъ посредство Византіи или непосредственно съ Запада,—остается пока открытымъ. Споръ, о которомъ, на основаніи вновь изслѣдованныхъ памятниковъ древней письменности, сообщилъ Н. П. Лихачевъ, возникъ за митрополичій престолъ между святителемъ Алексѣемъ—сыномъ московскаго боярина, и Романомъ—изъ бояръ Твери. Борьба продолжалась съ 1354 до 1356 г. Святитель Алексѣй побѣдилъ, но эта побѣда досталась ему недешево. Неоднократно оба претендента ѣздили въ Константинополь, увозя туда собранные на родинѣ цѣнные подарки для грековъ. Въ лицѣ претендентовъ, по мнѣнію докладчика, Тверь, гордившаяся въ то время своими богатствомъ и красою храмовъ, боролась съ все возрастающимъ значеніемъ Москвы, за первенство, за политическое господство. Доклады сопровождались оживленнымъ обменомъ мнѣній. Демонстрированы были: древняя рукопись евангелія съ миниатюрами и фрагментъ фрески, пожертвованный музею общества покойною императрицею Марією Александровною. Въ этой фрескѣ В. Т. Георгіевскій видитъ несомнѣнное произведеніе кисти Феодосія или одного изъ учениковъ его школы.

Засѣданіе общества любителей руссійской словесности. 26 января въ богословской аудиторіи университета состоялось засѣданіе общества руссійской словесности, посвященное памяти писателей-славянофиловъ: А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и И. С. Аксакова. По открытіи засѣданія была почтена память скончавшихся членовъ общества А. М. Скабичевскаго и М. М. Стасюлевича. Предсѣдатель общества А. Е. Грузинскій сказалъ краткое вступительное слово о чествуемыхъ писателяхъ. Н. М. Мендельсонъ прочиталъ рѣчь о дѣятельности А. С. Хомякова въ качествѣ предсѣдателя общества любителей руссійской словесности. Онъ напомнилъ забытую теперь, но крайне любопытную страницу изъ исторіи общества. Съ 1834 года общество погрузилось въ сонъ, «подобный смерти». Оно не печатало своихъ трудовъ, не собиралось на засѣданія, вообще не проявляло никакой дѣятельности. Такъ продолжалось

свыше 20-ти лѣтъ. Въ 1857 году, съ пробужденіемъ надеждъ на обновленіе, К. С. Аксаковъ подалъ мысль о желательности воскрешенія умершаго общества; мысль эту горячо поддержалъ Хомяковъ; они въ сотрудничествѣ еще съ двумя лицами предприняли хлопоты о возобновленіи дѣятельности общества и получили разрѣшеніе на созывъ собранія. На собраніи предсѣдателемъ общества былъ избранъ А. С. Хомяковъ, проявившій въ качествѣ предсѣдателя кипучую дѣятельность. Самъ Хомяковъ часто выступалъ на собраніи съ рѣчами, давалъ мастерскіе годичные обзоры русской литературы, провелъ въ обществѣ резолюцію о необходимости всеобщей грамотности и устройства народныхъ библиотекъ; при немъ общество выступило съ инициативой сбора пожертвованій на устройство библиотекъ, рѣшило заняться составленіемъ букварей и начальныхъ руководствъ; словомъ, на ряду съ теоретической работой общество стремилось и къ практической дѣятельности, отвѣчающей требованіямъ текущаго момента. Общество возобновило печатаніе своихъ трудовъ, но здѣсь произошло слѣдующее. Ранѣе, въ два предыдущія царствованія, общество пользовалось привилегіей печатать свои труды безъ представленія въ цензуру, за собственной отвѣтственностью. Это, однако, изгладилось изъ памяти, и университетская типографія отказалась выпустить въ свѣтъ готовый томъ безъ разрѣшенія цензуры. Хомяковъ обратился къ попечителю учебнаго округа съ просьбой понудить типографію къ выпуску изданія въ свѣтъ, напоминая о привилегіи общества, всегда ранѣе печатавшаго свои труды безъ представленія въ цензуру. Попечитель снесся съ главнымъ цензурнымъ управленіемъ, которое разъяснило, что труды общества подлежатъ цензурѣ на общемъ основаніи. Тогда Хомяковъ послалъ за подписями 22-хъ членовъ общества прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ ходатайствовалъ о подтвержденіи старинной привилегіи общества. Высочайшей резолюціей ходатайство было отклонено, послѣ чего Хомяковъ заявилъ о сложении съ себя предсѣдательства въ обществѣ. Однако его упростили остаться. По предложенію Хомякова общество постановило признать несвоевременнымъ дальнѣйшее печатаніе своихъ трудовъ. Это было въ началѣ 1860 года. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Хомяковъ скончался. Вообще время предсѣдательства Хомякова было для общества любителей россійской словесности временемъ особенно яркой и плодотворной дѣятельности. В. Е. Чехихинъ (Вѣтринскій) свою рѣчь посвятилъ личности И. С. Аксакова, со дня смерти котораго исполнилось 25 лѣтъ. Онъ характеризовалъ И. С. Аксакова, какъ искренняго славянофила, однако чуждаго фанатизма и нетерпимости нѣкоторыхъ изъ своихъ братьевъ, не столько занимавшагося теоретическимъ обоснованіемъ ученія, сколько посвятившаго себя проведенію славянофильскихъ идей въ общество путемъ печатнаго слова. Н. Л. Бродскій сказалъ слово памяти К. С. Аксакова, въ которомъ отмѣтилъ его страстную убѣжденность и фанатическую преданность началамъ славянофильства, однимъ изъ главныхъ теоретиковъ котораго К. С. и являлся. Докладчикъ въ частности отмѣтилъ выступленія К. Аксакова по крестьянскому вопросу и дѣятельность его въ качествѣ редактора «Молвы», тонъ которой вызывалъ большое неудовольствіе въ высшихъ сферахъ. Онъ процитировалъ статью К. С. «Публика и народъ», въ которой проводилась крайне невыгодная параллель для владѣльческаго класса. Статья

эта навлекла на К. С. неудовольствіе высокихъ сферъ и предупрежденіе, что газета будетъ закрыта, а редакторъ подвергнется строгой карѣ. Дѣйствительно, черезъ четыре нумера послѣ того газета прекратилась. Яркая и образная характеристика К. Аксакова, представленная докладчикомъ, вызвала со стороны аудиторіи оживленную овацію.

Годовое собраніе императорскаго географическаго общества. 26 января въ большомъ залѣ императорскаго русскаго географическаго общества состоялось 65-е годовое собраніе общества, на которомъ секретаремъ общества А. А. Достоевскимъ было прочитано краткое извлеченіе изъ отчета о дѣятельности общества. Изъ отчета видно, какъ широко съ каждымъ годомъ развивается дѣятельность общества. Въ прошломъ году дѣйствовали слѣдующія экспедиціи: камчатская, въ Бухару, въ Туркестанскій хребетъ, на Мангашлыкъ, на ледники Кавказа; съ этнографическими цѣлями: на Кавказъ, въ Литву, въ губерніи: Черноморскую, Астраханскую, Черниговскую и Сѣдлецкую. Четыре отдѣленія общества и его разнообразныя комиссіи имѣли до 100 засѣданій. Въ бібліотеку общества въ истекшемъ году было до 3,000 поступленій. Къ многочисленнымъ провинціальнымъ отдѣламъ общества надо причислить еще одинъ вновь возродившійся провинціальный отдѣлъ. Въ прошломъ году общество получило отъ А. А. Тилло пожертвованіе въ 4,000 рублей на учрежденіе премій въ память А. А. Тилло. За ученые труды обществомъ присуждены почетныя награды слѣдующимъ лицамъ: Константиновская медаль осталась свободной. Медаль гр. Ѳ. П. Литке—А. М. Бухтѣву за труды по изученію явленій приливовъ на Мурманѣ и другія работы по геодезій. Золотая медаль имени П. П. Семенова—г. Мерцбахеру. Медаль имени Н. М. Пржевальскаго—В. А. Дундинскому за всю совокупность его десятилѣтнихъ работъ по изученію песковъ Средней Азіи и Европейской Россіи. Премія М. Н. Пржевальскаго присуждена геологу монголо-сычуанской экспедиціи полк. П. К. Козлова А. А. Чернову за его работы по изученію пройденной экспедиціей страны въ физико-географическомъ отношеніи. Большая золотая медаль отдѣленія этнографіи—Е. Р. Романову за труды о бѣлоруссахъ и Бѣлоруссіи. Серебряная медаль имени П. П. Семенова В. А. Кордту за его работы «Матеріалы къ исторіи русской картографіи». Малыя золотыя медали: 1) В. В. Шостаковичу за его труды по изученію климата Сибири. 2) П. Я. Напалкову за его труды по производству съемки съ монголо-сычуанской экспедиціи общества. 3) И. И. Крафту, якутскому губернатору, за его полезныя труды и дѣятельность на пользу географической науки въ Якутской области. 4) Н. И. Веселовскому за всю совокупность его дѣятельности въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ. Малыя серебряныя медали: 1) В. Г. Глушкову за его сообщеніе объ образованіи наносовъ въ средней части рѣки Мургаба. 2) А. А. Фоку за его сообщеніе о лѣсныхъ богатствахъ Кавказа. 3) К. М. Мещерскому за труды по обработкѣ картографическихъ матеріаловъ экспедиціи общества на Ямаль. 4) Бар. Н. А. Корфу за его труды по картографіи Манчжуріи. 5) А. Д. Корнаковой за этнографическія труды по Сибири. 6) І. П. Мезерницкому за работу «Народный театръ и пѣсни въ г. Стародубѣ» (см. «Живую Старину»). 7) Д. С. Святскому за работу: крестьянскіе костюмы въ области соприкосновенія Орловской, Курской и Чер-

ниговской губерній. 8) А. Бурдукову за работу: образцы балтскихъ пословиць. 9) Ф. А. Таратину за его помощь экспедиціямъ общества на Кольскомъ полуостровѣ. Затѣмъ собраніе перешло къ полному захватывающаго интереса сообщенію С. Θ. Ольденбурга о развѣдочной экспедиціи въ Китайскій Туркестанъ въ 1909—1910 г. Китайскій Туркестанъ въ настоящее время представляетъ собой рядъ деревушекъ, гдѣ на ряду съ новыми зданіями сохранился цѣлый рядъ старинныхъ построекъ, вырубленныхъ въ лесѣ или построенныхъ изъ сырцоваго кирпича. Среди этихъ остатковъ домовъ, монастырей, пещеръ можно найти различныя буддійскія рукописи. Встрѣчаются также и христіанскія рукописи, писанныя на древне-персидскомъ языкѣ. Въ прежнее время въ этомъ краѣ наблюдалось смѣшеніе разныхъ культуръ, среди которыхъ преобладали индійская и китайская. Теперь населеніе края — тюркскія народности, въ большинствѣ мусульмане. Окитаиваніе края началось недавно, съ введеніемъ китайскихъ школъ, въ которыхъ, къ слову сказать, никто не нуждается. Мѣстное населеніе даже не вѣритъ, что просвѣщеніе идетъ отъ китайскаго правительства; оно наивно думаетъ, что это — дѣло рукъ русскаго императора, который хочетъ образовать народъ и затѣмъ присоединить его къ своимъ владѣніямъ. Въ Китайскомъ Туркестанѣ до мусульманства побывали всѣ религіи: буддизмъ, пришедшій изъ Индіи, манихейство изъ Персіи, христіанство въ видѣ несторіанства и, наконецъ, исламъ. Немудрено, что эта далекая страна богата памятниками старины. Главные памятники разбросаны въ Турфанскомъ оазисѣ, Карашарѣ, Кучарѣ, Кашгарѣ. Въ Купамтукѣ близъ Маралбаши имѣются и христіанскіе памятники. Особенно вниманіе экспедиціи привлекъ одинъ храмъ буддійскаго монастыря; несмотря на хаотическое состояніе его, удалось возстановить планъ этого монастыря. Въ серединѣ помѣщался самый храмъ, вокругъ же были расположены двухэтажныя келліи многочисленныхъ монаховъ. Талантливый лекторъ, иллюстрируя на экранѣ главнѣйшіе типы священныхъ изображеній, рассказалъ красивую легенду о смерти Будды. Далѣе лекторъ остановился на такъ называемыхъ ступахъ, сооруженіяхъ изъ кирпича-сырца въ память какого-либо лица или событія. Они дѣлались въ видѣ двухъ-трехъярусныхъ нишъ, гдѣ помѣщались изображенія Будды. Памятники эти теперь сильно разрушены, что объясняется не столько вліяніемъ времени, сколько религіознымъ фанатизмомъ мѣстнаго мусульманскаго населенія. То же самое можно сказать о пещерахъ-храмахъ, монастыряхъ, стѣны которыхъ расписаны причудливыми орнаментами, достойными тщательнаго изученія. Докладчикъ констатируетъ, что на всѣхъ памятникахъ видно греческое вліяніе, которое, кромѣ буддійской скульптуры, дѣйствовало косвенно на китайскую, корейскую и японскую. Отсюда явствуетъ важность изученія китайскаго Туркестана въ археологическомъ отношеніи. «Пора, чтобы исторія искусства въ Азіи перестала быть загадочнымъ сфинксомъ». Героическій періодъ изученія памятниковъ Азіи долженъ окончиться. Нужно снаряжать экспедиціи, которыя на небольшомъ районѣ будутъ детально изучать памятники не только старины, но и современной жизни. Весь докладъ акад. С. Θ. Ольденбурга, иллюстрированный діапозитивами художественной работы, былъ прослушанъ съ необычайнымъ интересомъ. Лекторъ сумѣлъ

передать свое глубоко-прочувствованное отношеніе къ предметамъ старины, заставивъ ихъ снова воскреснуть передъ слушателями, а этого такъ трудно бываетъ достигнуть въ столь специальныхъ вопросахъ...

Этнографическая выставка. По примѣру прошлаго года въ Русскомъ музеѣ Александра III открылась 17 января отчетная выставка коллекцій, собранныхъ этнографическимъ отдѣломъ въ 1910 г. Выставка расположена въ 6 обширныхъ залахъ вновь устроеннаго флигеля для этнографическаго отдѣла. Въ 3-хъ залахъ выставлены предметы, собранные въ Европейской Россіи. Въ первомъ залѣ находятся коллекціи, доставленныя въ отдѣлъ Л. В. Костиковымъ и М. А. Миллеромъ. Коллекція Л. В. Костикова собрана въ Архангельской губ. и состоитъ изъ предметовъ рыболовства русскихъ поморовъ, предметовъ охоты и звѣроловства, орудій земледѣлія, домашней утвари, интересныхъ дѣтскихъ куколъ—деревянныхъ и изъ тряпокъ, набойныхъ досокъ и т. д. Въ коллекцію, собранную М. А. Миллеромъ въ Донской области, входятъ главнымъ образомъ предметы женской праздничной одежды зажиточнаго казачьяго населенія, а также образцы матерій и украшеній. Въ первомъ залѣ, кромѣ того, выставлены коллекціи, пріобрѣтенныя у частныхъ лицъ, а также собранные Ѳ. Е. Классеномъ въ Норвегіи образцы деревянныхъ рѣзныхъ предметовъ. Во второмъ залѣ расположены коллекціи, пріобрѣтенныя хранителемъ этнографическаго отдѣла Н. М. Могилянскимъ: предметы, относящіеся къ разнымъ промысламъ, мелкія вещи домашняго обихода, разныя украшенія избъ, принадлежности костюма и украшенія черемисскихъ женщинъ Вятской губ. и др. Въ этомъ залѣ обращаетъ на себя вниманіе археологическая коллекція предметовъ изъ раскопокъ Н. И. Рѣпникова лѣтомъ истекшаго года въ земляномъ городищѣ Старой Лодги. Третій залъ съ коллекціями изъ Европейской Россіи занятъ главнымъ образомъ предметами, характеризующими бытъ инородцевъ—латышей, поляковъ, литовцевъ и др. Р. К. Зарринъ собралъ среди латышей коллекцію, состоящую изъ керамики и предметовъ одежды. Музей земледѣлія и промышленности въ Варшавѣ доставилъ интересные предметы одежды и украшеній у поляковъ. Н. Н. Лебедевъ собралъ цѣнную коллекцію украшеній и вышивокъ малоросссовъ Курской и Воронежской губ. Въ обширномъ залѣ выставлены всѣ предметы, полученные изъ Сибири. Передъ глазами проходятъ типы вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ, эскимосовъ, чукчей, ламутовъ и т. д. Шт.-кап. В. А. Арсеньевъ пожертвовалъ большую коллекцію, собранную имъ въ Уссурийскомъ краѣ среди орочей и китайцевъ. Коллекція эта цѣнна главнымъ образомъ предметами культа. Н. П. Сокольниковъ выставилъ предметы изъ быта русскаго населенія дальне-восточной окраины. Особый интересъ представляетъ VI-й залъ. Здѣсь выставлены, между прочимъ, предметы, принесенные въ даръ этнографическому отдѣлу высочайшими особами. Выдающееся научное и художественное значеніе имѣетъ сборный альбомъ индійскихъ и персидскихъ миниатюръ. Интересны далѣе персидскіе изразцы изъ старыхъ построекъ въ Эриванской губ., персидскія металлическія издѣлія, имеретинская керамика и турецкія издѣлія. Обширную коллекцію собралъ А. К. Сергпутовскій въ дикомъ Андійскомъ округѣ Дагестанской области: костюмы, утварь, деревянные и глиняные сосуды и т. д. Въ этомъ же залѣ выставлена коллекція, собранная

хранителемъ А. А. Миллеромъ въ Кубанской области у черкесовъ—бжедуховъ и бесленевцевъ. Здѣсь же также находятся вещи, переданныя археологической комиссіей. Интересная выставка будетъ открыта до 1-го февраля. Къ сожалѣнію, доступъ имѣютъ только специалисты и приглашенные гости. Такое ограниченіе вызвано разными техническими соображеніями.

Въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ. 28 января подъ августѣйшимъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Георгія Михайловича состоялось очередное засѣданіе членовъ нумизматическаго отдѣленія. Секретаремъ отдѣленія М. Г. Деммени доложенъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія за 1910 г. На четырехъ состоявшихся въ теченіе года засѣданіяхъ отдѣленія прочитанъ рядъ докладовъ, касающихся новыхъ открытій, сдѣланныхъ въ послѣднее время въ области нумизматики. Изданы IV выпускъ I-го тома и I вып. II-го тома «Записокъ» отдѣленія. Кромѣ того, отдѣленіе приняло активное участіе въ работахъ международнаго нумизматическаго конгресса въ Брюсселѣ, гдѣ нѣсколькими членами отдѣленія сдѣланы были доклады. По утвержденіи отчета М. Г. Деммени переизбранъ былъ въ должность секретаря отдѣленія на новое трехлѣтіе. Приватъ-доцентъ спб. университета К. В. Хилинскій сообщилъ о результатахъ своего изслѣдованія «О нѣкоторыхъ союзныхъ монетахъ греческихъ городовъ Малой Азіи». Монеты эти въ теченіе уже сорока лѣтъ останавливаютъ на себѣ вниманіе нумизматовъ и историковъ, какъ историческая загадка. Разрѣшеніе ея открываетъ новую страницу въ исторіи древне-греческихъ городовъ. По внѣшней формѣ монеты, вообще, весьма рѣдкія, имѣютъ: на лицевой сторонѣ—Геракла, давящаго змѣй, посланныхъ на него Герою, на оборотной сторонѣ—знаки городовъ Греціи, входившихъ въ союзъ. Къ 1883 г. извѣстны были монеты городовъ Самоса, Эфеса и Книды. Въ 1883 г. найдена монета города Яссы, близъ Милета (изображеніе Аполлона). Въ 1905 г. открыта монета съ знаками, типичными для Византіи. Монеты, по исполненію своему, относятся къ наиболѣе блестящей въ художественномъ отношеніи эпохѣ греческой нумизматики V—IV в.в. до христіанской эры. По вѣсу, 11,5 грамма, имъ можетъ быть присвоено названіе: тридрахма родосскаго вѣса. Чеканиться онѣ могли лишь въ періодъ времени между паденіемъ аѣинской гегемоніи (404 г.) и Анталкидовымъ миромъ (387 г.). Историки предполагали, что въ промежутокъ времени между 394 и 387 гг. въ Греціи существовалъ союзъ греческихъ городовъ, объединенныхъ въ борьбѣ со Спартою и Аѣинами. Послѣднія и изображались на монетахъ, по мнѣнію прежнихъ ученыхъ, въ видѣ змѣй, давимыхъ Геракломъ. Путемъ тщательнаго сопоставленія историческихъ данныхъ о городахъ, входившихъ въ союзъ, докладчикъ пришелъ къ новымъ, бросающимъ свѣтъ на этотъ темный до сихъ поръ вопросъ, научнымъ выводамъ. По его мнѣнію, союзъ городовъ существовалъ въ Греціи отъ 404 г., года паденія аѣинской гегемоніи, и до 394 г., года морской побѣды надъ спартанскимъ флотомъ персидскаго флота и паденія, вслѣдствіе этого, господствовавшаго въ Греціи вліянія Спарты. Предположеніе это основывается еще и на историческихъ свидѣтельствахъ, указывающихъ на существованіе около этого времени четырехъ общихъ соглашеній городовъ: соглашенія и дали почву для союза оборонительнаго характера.

Для облегченія разрѣшенія подобныхъ вопросовъ, часто возникающихъ для историковъ, по мнѣнію докладчика, необходимо было бы: составить исторію каждаго отдѣльнаго греческаго города, съ изложеніемъ данныхъ какъ историческихъ, такъ и нумизматическихъ. Докладъ сопровождался оживленнымъ обменомъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе: августѣйшій предсѣдатель великій князь Георгій Михайловичъ, Б. М. Якунчиковъ, В. М. Иверсенъ и другія лица. Вторымъ докладчикомъ выступилъ А. А. Ильинъ, сдѣлавшій рядъ мелкихъ сообщеній. Имъ демонстрированы были, между прочимъ, сборникъ В. И. Лисенко, первой половины XIX столѣтія, древнія кожаныя деньги, медали, чеканенныя во время осады Портъ-Артура. Данныя сборника, въ которомъ прекрасно выполнены перомъ отъ руки изображенія нѣкоторыхъ монетъ, указываютъ на любопытный и рѣдкій образчикъ 5-копеечной монеты 1723 г., на монету 1644 г. Христіана IV датскаго и на деньги изъ кожи.

Годичное собраніе Пушкинскаго общества. 29-го января, въ годовщину смерти Пушкина, въ императорскомъ Александровскомъ лицѣе состоялось годичное собраніе членовъ Пушкинскаго лицейскаго общества. Предсѣдательствовали статсъ-секретарь Ермоловъ. По отчету секретаря общества П. Е. Рейнбота, въ Пушкинскій музей, между прочимъ, поступила часть цѣннаго и рѣдкаго архива перваго попечителя лицейя, графа А. К. Разумовскаго, пожертвованная княземъ Н. В. Репнинымъ. Въ этихъ историческихъ документахъ находятся любопытныя характеристики Пушкина и его товарищей по курсу перваго выпуска царскосельскаго лицейя. Интересны поступившіе календари, принадлежавшіе близкой поэту Осиповой, съ отмітками, касающимися Пушкина, цѣнная картина лицеиста 23-го курса академика Шварца и многое другое. Въ члены общества избраны братья Дашковы, князь Н. В. Репнинъ, а на мѣсто умершаго извѣстнаго собирателя П. Я. Дашкова избранъ А. А. Рубецъ. Затѣмъ состоялось открытіе новаго зала Пушкинскаго музея, сдѣланнаго по рисункамъ архитектора И. А. Томина. Въ новомъ залѣ была выставлена для обозрѣнія глиняная модель бюста Пушкина-мальчика работы В. Ө. Штейна. Этотъ бюстъ будетъ поднесенъ лицу въ день его столѣтія. Новый залъ музея даетъ возможность судить воочию о тѣхъ сокровищахъ, какими полонъ Пушкинскій музей вообще. Не говоря уже объ автографахъ великаго поэта и его современниковъ, здѣсь собраны всѣ изданія Пушкина, начиная первымъ и кончая дешевымъ лубкомъ. Какъ реликвіи, здѣсь же сохраняются нѣкоторыя книги и вещи, принадлежавшія величайшему лицеисту. По окончаніи засѣданія въ клубѣ общественныхъ дѣятелей состоялся товарищескій ужинъ.

Юбилей графа А. А. Бобринскаго. Членъ совѣта императорскаго Человѣколюбиваго общества, предсѣдатель императорской археологической комиссіи, членъ государственной думы (отъ Кіевской губерніи), почетный опекунъ совѣта учреждений императрицы Маріи, почетный попечитель смѣлянскій гимназіи, почетный мировой судья черкаскаго и столичнаго сѣздовъ, гласный петербургской городской думы и петербургскаго земства, предсѣдатель совѣта представителей объединенныхъ дворянскихъ обществъ, гофмейстеръ высочайшаго двора и сенаторъ графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій закончилъ 1 февраля двадцатипятилѣтіе своей непрерывной дѣятельности въ

Должности председателя императорской археологической комиссіи и тридцатипятилѣтіе своей служебно-общественной дѣятельности на пользу губернскаго земства, дворянства и нашей столицы. Графъ А. А. родился 19 мая 1852 года, получилъ высшее научное образованіе въ петербургскомъ университетѣ и 9 октября 1873 г. опредѣленъ на государственную службу причисленнымъ къ канцеляріи комитета министровъ. Какъ петербургскій помѣщикъ, графъ А. А. вскорѣ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства (1875 г.) и губернскимъ предводителемъ дворянства (1878 г.), ставъ съ 1876 г. и председателемъ на общихъ собраніяхъ земства Петербургской губерніи вплоть до 1896 г. (15 мая), когда былъ назначенъ сенаторомъ, оставаясь гласнымъ губернскаго земства непрерывно 35 лѣтъ (1876—1911 гг.), а председателемъ императорской археологической комиссіи двадцать пять лѣтъ (съ 1 февраля 1886г.). За весь истекшій періодъ своей общественной и служебной дѣятельности графъ Адексѣй Александровичъ проявилъ много энергии и оказалъ много пользы въ самыхъ разнообразныхъ званіяхъ и должностяхъ, принимаемыхъ имъ на себя. Отмѣтимъ для характеристики графа нѣкоторыя стороны его общественной дѣятельности: въ 1877 г. графъ А. А. удостоился получить монаршую благодарность за усиленную дѣятельность по призыву запасныхъ солдатъ и по поставкѣ отъ населенія Петербургской губерніи лошадей для арміи въ русско-турецкую войну, въ 1878 г. состоялъ членомъ особаго комитета по устройству добровольнаго флота на общественныя пожертвованія, въ 1879—1880 гг. былъ членомъ совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, въ 1881 г.—членомъ особаго присутствія правительствующаго сената по дѣлу о государственныхъ преступленіяхъ, въ 1882 г.—членомъ совѣщанія для пересмотра узаконеній по питейной торговлѣ и переселенческихъ дѣламъ; два года (1889—1890) графъ былъ вице-президентомъ императорской академіи художествъ, а 15 февраля 1892 г. назначенъ почетнымъ опекуномъ петербургскаго присутствія опекунскаго совѣта учрежденій императрицы Маріи, причемъ три года (1893—1896) управлялъ столичными сиротскими заведеніями означеннаго Маріинскаго вѣдомства. Въ 1892 г., по предложенію августѣйшаго председателя особаго комитета, графъ былъ командированъ въ Тамбовскую губернію для помощи голодавшимъ крестьянамъ, а въ 1894 г. назначенъ членомъ сельско-хозяйственнаго совѣта при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, а также председателемъ кустарнаго комитета при томъ же министерствѣ. Придворная служба графа А. А. началась въ 1883 г., сначала въ званіи камергера, а съ 1890 г.— въ должности гофмейстера; ставъ сенаторомъ, графъ А. А. принималъ ближайшее участіе въ дѣлахъ 5-го и судебнаго департаментовъ сената, а также былъ членомъ особаго присутствія при государственномъ совѣтѣ для разсмотрѣнія жалобъ на опредѣленія всѣхъ департаментовъ сената, а съ 1900 г. графъ присутствовалъ только въ общемъ собраніи сената. По предложенію главнаго попечителя императорскаго Человѣколюбиваго общества с.-петербургскаго митрополита Палладія, графъ А. А. 18 марта 1897 г. избранъ и высочайше утвержденъ въ званіи члена совѣта сего общества; наконецъ, въ 1907 г. онъ избранъ въ члены государственнаго совѣта, сохраняя за собою всѣ прочія званія и должности. Какъ председатель археологической комиссіи, графъ много содѣй-

ствовавъ развитію и успѣхамъ археологіи въ Россіи, участвовавъ во всѣхъ сѣздахъ—столичныхъ и областныхъ, совершалъ ученые экскурсіи въ разныя мѣстности имперіи, даже самъ совершалъ археологическія раскопки и помогаль всячески археологическому институту и архивнымъ комиссіямъ разныхъ губерній.

Юбилей М. О. Аттая. 23-го января исполнилось 35-лѣтіе ученой дѣятельности профессора арабской словесности Лазаревского института восточныхъ языковъ Михаила Осиповича Аттая. Почтенный юбиляръ родился въ городѣ Вейрутѣ (въ Сиріи), откуда, по окончаніи мѣстнаго университета, содержаемаго на средства правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, приглашенъ былъ нашимъ правительствомъ для занятія должности сначала преподавателя арабскаго языка, а затѣмъ профессора арабской словесности въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Въ теченіе 35-лѣтней своей дѣятельности онъ написалъ цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій по востокѣдѣнію. Къ числу капитальнѣйшихъ трудовъ его принадлежать: «Арабская словесность», «Полная грамматика арабскаго языка (древняго и новаго)», «Арабско-русскій и русско-арабскій словарь», переводъ на русскій языкъ «Калилы и Димны» и другіе. Почти всѣ наши дипломатическіе представители въ Персіи, Турціи, Египтѣ и на Балканскомъ полуостровѣ—ученики М. О. Аттая. Многие изъ его учениковъ, служащихъ въ центральныхъ учрежденіяхъ министерствъ: иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, во главѣ съ директоромъ 1-го департамента министерства иностранныхъ дѣлъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Клеммомъ, поднесли юбиляру въ роскошномъ переплетѣ адресъ, покрытый цѣлымъ рядомъ подписей.

Юбилей женщинъ - врачей: К. П. Улезко-Строгановой и О. Ю. Каменской. 11-го января состоялось чествованіе женщины-врача К. П. Улезко-Строгановой по случаю 25-лѣтія ея врачебной дѣятельности. К. П. Улезко-Строганова уроженка Чернигова, гдѣ она окончила гимназію. Высшее образованіе она получила въ петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ и, по окончаніи курса, три года занималась практикой въ своемъ родномъ городѣ, состоя врачомъ при женской гимназій и епархіальномъ училищѣ. Въ 1890 году К. П. переѣхала въ Петербургъ и первое время работала въ институтѣ великой княгини Елены Павловны. Вскорѣ она перешла въ повивальный институтъ, состоя въ то же время ассистенткой профессора Догеля въ женскомъ медицинскомъ институтѣ. Здѣсь въ ея распоряженіи былъ громаднѣйшій оперативнѣйшій матеріалъ, который К. П. подвергала детальному микроскопическому изслѣдованію. Въ повивально-гинекологическомъ институтѣ юбилярша работаетъ и въ настоящее время, читая курсы для врачей по патологической анатоміи и микроскопіи женской половой сферы. Г-жа Улезко-Строганова завѣдуетъ также городской лабораторіей для изслѣдованія опухолей. Юбилярша пользуется извѣстностью не только въ Россіи, но и за границей, благодаря своимъ многочисленнымъ научнымъ работамъ, часть которыхъ напечатана въ иностранныхъ медицинскихъ журналахъ. Перу К. П. Улезко-Строгановой принадлежитъ болѣе 60 научныхъ трудовъ. Одной изъ наиболѣе цѣнныхъ работъ юбилярши считается детальное изслѣдованіе такъ называемой

«синтиціальной ткани». Въ этой работѣ впервые указано на значеніе для организма названной ткани, какъ защитительнаго приспособленія. Около 2 часовъ дня въ квартирѣ К. П. собрались профессора, врачи, сослуживцы по гинекологическому институту, друзья и почитатели. Чествованіе открылось привѣтствіемъ директора клиническаго гинекологическаго института профессора Д. О. Отта. Онъ указалъ на заслуги юбилярши въ дѣлѣ разработки научныхъ вопросовъ въ области гинекологіи и высказалъ пожеланіе о дальнѣйшей совмѣстной работѣ съ юбиляршей. Докторъ Веридарскій привѣтствовалъ юбиляршу отъ имени гинекологическаго института и поднесъ ей привѣтственный адресъ. Отъ акушерско-гинекологическаго общества К. П. Улезко-Строганову привѣтствовала депутація профессоровъ и врачей-гинекологовъ, поднесшихъ ей адресъ. Въ привѣтственной рѣчи было указано, что ко дню юбилея юбилярша избрана почетнымъ членомъ общества, вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено ходатайствовать о присвоеніи К. П. Улезко-Строгановой званія доктора медицины «*honoris laeuae*» за научныя ея заслуги. Отъ общества борьбы съ раковыми заболѣваніями чествуемую привѣтствовали: приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи Скробанскій и докторъ Каценельсонъ. Въ привѣтствіи выражалась надежда, что юбилярша немало будетъ содѣйствовать процвѣтанію общества въ дѣлѣ выясненія природы раковыхъ заболѣваній. Кромѣ того, К. П. Улезко-Строганову привѣтствовали депутаціи: отъ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества, отъ кружка матерей и воспитательницъ, отъ общества взаимной помощи женщинъ-врачей, отъ общества патологовъ и другихъ. Рядъ телеграфныхъ привѣтствій полученъ отъ совѣта російской лиги равноправія женщинъ, отъ директора института экспериментальной медицины профессора Подвысоцкаго, отъ женщины-врача Волковой и другихъ. Получено также привѣтственное письмо изъ Берлина отъ извѣстнаго нѣмецкаго гинеколога профессора Мартина.

11-го января праздновала 25-лѣтіе своей педагогической и врачебной дѣятельности врачъ О. Ю. Каминская. По окончаніи екатеринославской гимназіи О. Ю. занималась нѣкоторое время педагогической дѣятельностью. Вскорѣ она поступила на медицинскіе курсы при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ въ Петербургѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, О. Ю. Каминская уѣхала во Флоренцію, гдѣ слушала лекціи у профессора Кіора, а затѣмъ въ Стокгольмѣ у профессора Турэ-Брандтъ. По возвращеніи въ Петербургъ, юбилярша поступила въ качествѣ врача въ императорское родовспомогательное заведеніе, гдѣ она работаетъ по сіе время. Юбилярша состоитъ также преподавательницей гігіены въ Литейной женской гимназіи и врачомъ при высшихъ женскихъ курсахъ. Къ 2 часамъ дня въ конференцъ-залѣ императорскаго родовспомогательнаго заведенія собрались врачи и сослуживцы О. Ю., представители различныхъ женскихъ просвѣтительныхъ обществъ, женщины-врачи и другіе. Здѣсь были, между прочимъ, А. П. Философова, О. К. Нечаева, солистка Его Величества М. И. Долина, директоръ высшихъ женскихъ курсовъ С. К. Буличъ, профессоръ Земацкій, директоръ родовспомогательнаго заведенія профессоръ Н. Н. Феноменовъ и другіе. Отъ имени врачей и сослуживцевъ родовспомогательнаго заведенія привѣтствовалъ юбиляршу докторъ Поршняковъ, затѣмъ привѣтство-

вали ее депутаціи отъ общества взаимопомощи женщинъ-врачей, отъ акушерско-гинекологическаго общества; отъ совѣта высшихъ женскихъ курсовъ, отъ лиги равноправія женщинъ, отъ общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, отъ комитета общества попеченія о молодыхъ дѣвѣцахъ, отъ Литейной женской гимназіи, отъ общества охраненія правъ женщинъ, отъ акушеровъ и служащихъ родовспомогательнаго заведенія и другихъ. А. П. Философова поднесла юбиляршѣ отъ имени попечительницъ и пациентокъ адресъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Вы одна изъ тѣхъ неутомимыхъ пионерокъ, которыя вынесли на своихъ плечахъ борьбу за право женщинъ на высшее образованіе и общественную дѣятельность и проложили широкій путь дальнѣйшимъ поколѣніямъ». М. И. Долина поднесла юбиляршѣ цѣнную вазу на серебряной подставкѣ.

Къ исторіи спб. университета. Избранная историко-филологическимъ факультетомъ петербургскаго университета въ составѣ профессоровъ И. М. Гревса, Э. Д. Гримма, С. А. Жебелева и пр.-доц. С. В. Рождественскаго, комиссія для предварительнаго обсужденія вопроса объ изданіяхъ и трудахъ, коими представлялось бы желательнымъ отмѣтить предстоящее въ 1919 г. празднованіе столѣтія существованія петербургскаго университета, признала желательнымъ приступить къ собиранію и обработкѣ относящагося къ исторіи петербургскаго университета матеріала. При этомъ, въ виду обширности и разнородности этого матеріала, комиссія нашла нежелательнымъ сосредоточить его въ какомъ-либо одномъ трудѣ и остановилась на мысли о рядѣ взаимно дополняющихъ другъ друга изданій. Комиссіей намѣчены слѣдующія изданія: 1) общая исторія университета за первое 100-лѣтіе его существованія, 2) сборникъ матеріаловъ для исторіи университета, 3) исторія отдѣльныхъ факультетовъ, 4) исторія кафедръ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, 5) біографическій словарь профессоровъ, приватъ-доцентовъ и служащихъ университета за то время, о которомъ не имѣется свѣдѣній въ вышедшихъ ранѣе изданіяхъ, и 6) общій матрикулъ студентовъ университета за 100-лѣтіе его существованія. Кроме того, признано желательнымъ изданіе особаго юбилейнаго сборника научныхъ статей. Завѣдываніе всѣми изданіями поручается совѣтомъ университета особой редакціонной комиссіи. Совѣтъ университета поручилъ совѣтамъ отдѣльныхъ факультетовъ избрать въ комиссію по одному представителю отъ факультета. На ближайшемъ собраніи совѣта университета будутъ произведены выборы главнаго редактора изданій и лица, которому будетъ поручено составленіе общей исторіи университета.

НЕКРОЛОГИ.

БОГОСЛОВСКИЙ, И. В. 30 января въ Петербургѣ, въ больницѣ Крестовоздвиженской общины, скончался послѣ тяжелой болѣзни выдающійся писатель и талантливый педагогъ Иванъ Владимировичъ Богословскій. И. В. родился 16 января 1853 г. По окончаніи курса московскаго университета по физико-математическому факультету И. В. Богословскій въ теченіе двѣнадцати лѣтъ преподавалъ математику и физику въ разныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Бѣлой Церкви, Муромѣ и Прилукахъ. Вслѣдствіе установившейся между покойнымъ и учениками близости, онъ вынужденъ былъ покинуть педагогическую дѣятельность. Въ апрѣлѣ 1888 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ государственный банкъ. Все свободное время онъ посвящалъ изученію біологіи и социологіи. Послѣ восемнадцатилѣтней научной работы И. В. Богословскій опубликовалъ два капитальныхъ научно-философскихъ труда: «Вопросы жизни» и «Развитіе жизни». Въ 1904—1906 гг. онъ состоялъ сотрудникомъ журнала «Истина», переименованнаго впоследствии въ «Жизнь и Соціализмъ». Въ то же время И. В. подъ псевдонимомъ «Труженикъ» помѣщалъ статьи въ «Сынѣ Отечества» и «Дѣлѣ Народа». Подъ тѣмъ же псевдонимомъ въ дни свободъ И. В. опубликовалъ сказку «Три сестры». Въ 1906 г., вслѣдствіе нездоровья, покойный переѣхалъ въ Крымъ, занявъ въ симферопольскомъ коммерческомъ училищѣ мѣсто директора. Здѣсь онъ энергично проводилъ въ жизнь гуманныя педагогическія идеи. Тяжкая и неизлечимая болѣзнь—ракъ желудка—застала И. В. надъ разработкой третьей книги его научно-философскихъ сочиненій—«Религія жизни», которой онъ успѣлъ написать одну только главу. Отношеніе свое къ школѣ и дѣтямъ покойный высказалъ въ письмѣ, напечатанномъ въ «Южныхъ Вѣдомостяхъ» за 1909 г., № 187. Упомянутая глава начатаго научнаго труда и небольшія беллетристическія произведенія (индусская легенда «Колеса жизни» и драма «Деревенскій священникъ») готовы къ печати. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 32).

† **Бруни, Ю. Ө.** Въ ночь на 16 января скончался архитекторъ Юлій Федоровичъ Бруни, сынъ извѣстнаго художника. Онъ родился въ Римѣ 12 декабря 1843 г., образование получилъ въ Ларинской гимназiи, изъ которой перешелъ въ академію художествъ. Въ академіи прошелъ курсъ архитектурнаго отдѣленія и занимался перспективной и акварельной живописью подъ руководствомъ проф. Премацци. Академическій курсъ окончилъ со званіемъ архитектора и съ золотой медалью и былъ отправленъ въ заграничную командировку. Въ Италіи занялся спеціальнымъ изученіемъ развалинъ Помпеи и стилиа ея построекъ. Работа въ Помпеѣ сблизила его съ извѣстнымъ французскимъ художникомъ К. Дюраномъ. Рисунки покойнаго помпейскихъ построекъ были высланы имъ въ академію художествъ. Въ своей архитектурной дѣятельности Ю. Ө. впервые примѣнилъ къ украшенію облицовки зданій изразцы. Изъ его построекъ наиболѣе выдѣлялся домъ Макарова на Морской. По его проекту выстроены зданія въ санаторiи Халила, имъ же составленъ проектъ устройства желѣзнодорожной станціи въ Баку въ мавританскомъ стилѣ. Покойный въ теченіе 22 лѣтъ былъ архитекторомъ коммерческаго училища и 24 года архитекторомъ Павловскаго института. Онъ увлекался также акварельными работами, будучи неизмѣннымъ членомъ общества акварелистовъ, и музыкой. Былъ близокъ къ артистическому и художественному міру. Его особенными симпатіями пользовалась италіянская колонія въ Петербургѣ, въ благотворительномъ обществѣ этой колоніи Ю. Ө. былъ болѣе десяти лѣтъ казначеемъ. Какъ человекъ, покойный отличался замѣчательно общительнымъ характеромъ и пользовался симпатіями всѣхъ знавшихъ и цѣнившихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12519).

† **Зиминъ, В. Т.** Въ Ялтѣ скончался извѣстный своей благотворительной дѣятельностью Валерьянъ Тимофеевичъ Зиминъ, человекъ, отдавшій всѣ свои силы и средства на безкорыстное служеніе дѣлу народнаго образованія и воспитанія. В. Т. Зиминъ родился въ Иркутскѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ въ родной семьѣ, подъ руководствомъ декабриста А. В. Пождіо. Мальчикомъ 10 лѣтъ В. Т. былъ отправленъ въ Петербургъ и поступилъ въ коммерческое училище, но скоро оставилъ его, стремясь къ болѣе широкому образованію; уѣхалъ въ Бельгію и поступилъ въ льежскій университетъ. Однако кончить курсъ въ этомъ университетѣ В. Т. не могъ за недостаткомъ средствъ, вернулся обратно въ Россію и поступилъ оканчивать курсъ въ то самое коммерческое училище, изъ котораго онъ когда-то вышелъ. Увидѣвъ на собственномъ тяжеломъ опытѣ, какъ трудно многимъ дается высшее образованіе, В. Т. поставилъ цѣлью своей жизни содѣйствовать народному образованію. Поступивъ на службу въ Сибирскій банкъ, онъ, получая тамъ очень хорошее содержаніе, жилъ крайне скромно. Когда въ его рукахъ скопилась достаточная сумма, В. Т. оставилъ службу и всецѣло посвятилъ себя излюбленному дѣлу, отказывая себѣ лично во всемъ. В. Т. устроилъ бараки для леченія больныхъ сельскихъ учителей и учительницъ на озерѣ Шира Енисейской губерніи, организовалъ и субсидировалъ сельскія школы въ Шикалинскомъ округѣ, устраивалъ рабочія артели на Алтаѣ. Въ голодные годы ѣздилъ въ Самарскую губернію для организаціи помощи голодающимъ, много жертвуя для этого.

Получивъ по наслѣдству отъ своей сестры капиталъ въ 103 тысячи рублей, пожертвовалъ его на постройку въ Томскѣ бактериологическаго института. Раздумывая постоянно надъ вопросами воспитанія, В. Т. задумалъ создать учрежденіе, въ которомъ природа ребенка изучалась бы съ первыхъ дней отъ рожденія и на основаніи результатовъ этого изученія вырабатывались бы и проводились въ жизнь принципы дошкольнаго воспитанія. Съ этой цѣлью онъ образовалъ маленькій институтъ, но вести одному учрежденію съ подобными задачами оказалось невозможнымъ. Въ это время въ Петербургѣ было основано высшее учено-учебное заведеніе, психо-неврологическій институтъ. В. Т. обратился къ президенту психо-неврологическаго института, акад. В. М. Бехтереву, и, убѣдившись изъ словъ покойнаго, что созданіе подобнаго же учрежденія входитъ въ планъ развитія психо-неврологическаго института, предложилъ принять устроенный имъ интернатъ въ вѣдѣніе института и внесъ вмѣстѣ съ нимъ 52 тысячи руб. Такимъ образомъ, созданъ педологическій институтъ, являющійся единственнымъ учрежденіемъ своего рода въ Европѣ. В. Т. Зиминъ былъ избранъ почетнымъ членомъ попечительнаго совѣта института. Кромѣ перечисленныхъ крупныхъ благотворительныхъ дѣлъ, В. Т. всю свою жизнь охотно шелъ навстрѣчу всякому, кто въ нуждѣ обращался къ нему за помощью. Оставшійся послѣ него капиталъ около ста тысячъ рублей также пожертвованъ на дѣло просвѣщенія. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12542).

† **Караффа-Корбутъ, Ю. А.** 2 января скончалась Юлія Антоновна Караффа-Корбутъ, безызвѣстная въ свое время въ литературномъ кружкѣ «Голоса» и «Отечественныхъ Записокъ», сотрудницей которыхъ была въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Статьи и рассказы свои она помѣщала подъ псевдонимомъ Владимірова или Владимірцевой. Нѣкоторыя изъ драматическихъ произведеній ея (бытовья комедіи) ставились на сценѣ Александринскаго театра. Въ турецкую войну 1877—1878 гг. она состояла корреспондентомъ «Голоса», отправившись сестрою милосердія за Дунай, гдѣ много потрудилась, неся отвѣтственную обязанность старшей сестры въ полевомъ госпиталѣ. На театрѣ войны она заболѣла тифомъ и оспою, оставившей неизгладимыя слѣды на ея лицѣ. Покойная была одарена вокальнымъ и музыкальнымъ талантами, прекрасно владѣла кистью и въ совершенствѣ знала европейскіе иностранные языки. Своей добротою, любовью къ ближнему и жизнерадостностью она привлекала къ себѣ дѣтей и молодежь, которыми любила окружать себя, воспитывая ихъ въ духѣ гуманности и вліяя на ихъ самообразование. Многіе изъ кружка этой молодежи, теперь съ посѣдѣвшими уже головами, съ благодарностью вспоминаютъ добрую «тетю Юлю». Умерла она 80 лѣтъ отъ роду и похоронена на Успенскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою литератора В. В. Зотова. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1911 г., № 12513).

† **Киселевъ, А. А.** 20-го января, въ 10 часовъ вечера, на 73-мъ году жизни отъ паралича сердца скончался профессоръ пейзажной живописи, академикъ Александръ Александровичъ Киселевъ. Смерть застигла А. А. за письменнымъ столомъ, когда онъ работалъ по дѣламъ товарищества передвижныхъ выставокъ. А. А. Киселевъ родился въ 1838 году въ Свеаборгѣ и воспитывался

въ Аракчеевскомъ, а затѣмъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ въ Петербургѣ. Въ 1858 году онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, а по закрытіи университета, въ 1861 году, перешелъ въ академію художествъ, которую окончилъ со званіемъ класснаго художника. Съ 1875 году до самой смерти А. А. Киселевъ состоялъ членомъ товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ. Въ 1893 году онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены академіи художествъ, а въ 1895 году былъ назначенъ инспекторомъ классовъ высшаго художественнаго училища. Въ 1897 году собраніе членовъ академіи художествъ избрало А. А. профессоромъ-руководителемъ мастерскихъ высшаго художественнаго училища. Въ этой должности покойный оставался до конца своей жизни. Въ 1899 году ему было присуждено званіе академика. А. А. написалъ около 500 картинъ, изъ нихъ наиболѣе извѣстны: «Возвращеніе стада», «Покинутая мельница», «Въ Венеціи», «Съ горы», «Переправа», «Сурамскій переваль» (въ 1891 года картина была приобретена Третьяковской галереей), «Подъ Казбекомъ» (находится въ кievскомъ музеѣ Ф. А. Терещенко), «На снѣжныхъ вершинахъ» (въ Русскомъ музеѣ Александра III), «Прерванная жатва» (въ одесскомъ музеѣ) и другія. А. А., между прочимъ, напечаталъ рядъ критическихъ статей объ искусствѣ и завѣдывалъ художественнымъ отдѣломъ московскаго журнала «Артистъ», издававшася Новиковымъ. Перу покойнаго принадлежатъ статьи: «Французская выставка въ Москвѣ» (1891 г.), «Письма объ искусствѣ» (1903 г.), «Типъ русскаго художника въ произведеніяхъ Гоголя», «В. Г. Перовъ» и другія. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 21).

† **Леонтовичъ, Ѳ. И.** Въ Кисловодскѣ скончался заслуженный профессоръ, докторъ государственнаго права Ѳедоръ Ивановичъ Леонтовичъ, бывший профессоръ императорскаго варшавскаго университета, организаторъ, первый предсѣдатель и почетный членъ общества исторіи, филологіи и права при названномъ университетѣ. Покойный, получивъ высшее образованіе на юридическомъ факультетѣ университета св. Владимира, по окончаніи его былъ оставленъ при университетѣ и вскорѣ специализировался по исторіи русскаго права и всю жизнь свою посвятилъ изслѣдованію началъ литовско-русскаго законодательства. Въ 1863 г. онъ защитилъ свою магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ «Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву въ XV и XVI вѣкѣ», а черезъ пять лѣтъ, уже перейдя въ новороссійскій университетъ, защитилъ и докторскую диссертацию «Древнее хорвато-далматское законодательство». Затѣмъ Ѳ. И. послѣдовательно занималъ должности декана, а затѣмъ и ректора новороссійскаго университета. Кромѣ того, Ѳ. И. состоялъ директоромъ одесскаго коммерческаго училища. Изъ Одессы, въ качествѣ заслуженнаго профессора, Ѳ. И. въ 1892 году перешелъ въ императорскій варшавскій университетъ, гдѣ въ продолженіе десяти лѣтъ занималъ кафедру исторіи русскаго права. Въ исторіи русскаго права Ѳ. И. былъ представителемъ теоріи задружно-общиннаго характера политическаго быта древней Россіи. Прекрасный знатокъ всѣхъ славянскихъ и литовскаго языковъ, Ѳ. И. сосредоточился въ своихъ занятіяхъ по преимуществу на правѣ литовско-русскомъ. Его «Очерки исторіи литовско-русскаго права» были удостоены Уваровской преміи, а его «Источники русско-литовскаго права» или «Акты литовской

метрики» по своей полнотѣ не имѣютъ себѣ равныхъ. Вопросы литовско-русскаго законодательства Ѳ. И. продолжалъ разрабатывать почти до самой своей кончины. Одинъ изъ самыхъ старыхъ профессоровъ въ Россіи, Ѳ. И. живо откликался на всѣ животрепещущіе вопросы. Ѳ. И. Леонтовичъ, на ряду съ В. И. Сергѣевичемъ и М. Ѳ. Владимірскимъ-Будановымъ, былъ однимъ изъ лучшихъ историковъ русскаго права. Въ лицѣ его русская наука потеряла не только крупную научную силу, но и на рѣдкость дѣятельнаго и неутомимаго работника. Какъ профессоръ, онъ всегда пользовался глубокимъ уваженіемъ своихъ слушателей. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12514).

† **Макаровъ-Юневъ, А. Ѳ.** 29 января скончался скоропостижно бывшій артистъ императорскихъ театровъ Александръ Ѳедоровичъ Макаровъ-Юневъ. Покойный пользовался обширной популярностью, какъ талантливый и своеобразный исполнитель русскихъ пѣсенъ. Въ этой области онъ былъ незамѣнимъ. Репертуаръ его былъ обширенъ и разнообразенъ. Особенно хорошо выполнялись имъ пѣсенки: «Чего, Настя, хочешь-хочешь», «Хвостъ выдернуть, носъ увязнеть» и солдатскія. Пѣлъ онъ съ оригинальной выразительностью, мимикой и, можно сказать, ухарствомъ. Его было недостаточно слышать, надо было видѣть, только тогда получалось полное и сильное впечатлѣніе. Артистомъ покойный сдѣлался по влеченію и природному дарованію. Начавъ свою практическую дѣятельность мальчикомъ въ ювелирной мастерской, онъ въ досужее время пѣлъ въ нѣсколькихъ церковныхъ хорахъ. Затѣмъ былъ принятъ въ казенное театральное училище, откуда вышелъ уже заправскимъ актеромъ. Дебютировалъ на сценѣ клуба художниковъ, въ 1880 г. былъ принятъ въ драматическую труппу Александринскаго театра. Игралъ особенно часто въ роляхъ бытового репертуара, но особенно выдѣлялся въ «Ночномъ» и въ роли Щегла въ «Свекрови». Затѣмъ перешелъ на сцену театра Литературно-Художественнаго общества, но вскорѣ принялъ на себя антрепризу Василеостровскаго театра, держалъ ее три года, потомъ игралъ на клубныхъ сценахъ и выступалъ въ дивертисментахъ пѣвномъ русскихъ пѣсенъ. Онъ былъ хорошо извѣстенъ не только въ Петербургѣ, но и во многихъ провинціальныхъ городахъ, въ которыхъ гастролировалъ и завоевывалъ себѣ симпатіи зрителей и слушателей. Умеръ онъ 68 лѣтъ, оставивъ по себѣ память талантливаго артиста и честнаго, сердечнаго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12533).

† **Проф. Мандельштамъ, І. Е.** Внезапно отъ разрыва сердца скончался въ Гельсингфорсѣ профессоръ Юсіфъ Емельяновичъ Мандельштамъ. Еще почти на-конецъ покойный присутствовалъ на годовомъ собраніи общества «Друзья русской литературы», которое создано при его ближайшемъ содѣйствіи, а засимъ онъ читалъ свои лекціи по русскому языку и русской литературѣ въ университетѣ. І. Е. Мандельштамъ родился въ 1846 году въ Полтавѣ и, окончивъ 22 лѣтъ отъ роду историко-филологическій факультетъ харьковскаго университета, посвятилъ себя педагогической дѣятельности. Онъ былъ учителемъ гимназіи сначала въ Орлѣ, потомъ въ Харьковѣ, а въ 1871 г. былъ приглашенъ учителемъ одного изъ военныхъ учебныхъ заведеній Петербурга. Получивъ вскорѣ научную командировку въ Германію и Италію, покойный былъ затѣмъ приглашенъ учителемъ русскаго языка и литературы въ Пажескій корпусъ и

одновременно преподавалъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и на педагогическихъ курсахъ. Съ 1891 г. І. Е. Мандельштамъ былъ инспекторомъ Екатерининскаго института. Спустя 4 года, онъ получилъ предложеніе читать лекціи въ петербургскомъ университетѣ и былъ назначенъ приватъ-доцентомъ. Два года позже покойный занялъ кафедру русскаго языка и литературы въ Александровскомъ университетѣ въ Гельсингфорсѣ и на этомъ посту оставался до послѣднихъ минутъ своей жизни. Перу покойнаго принадлежитъ много ученыхъ трудовъ. Чуткій и отзывчивый на все доброе и прекрасное, горячо любившій родную литературу, покойный умѣлъ внушать эту любовь и интересъ къ преподаваемому предмету и своимъ слушателямъ; и многіе мѣстные студенты охотно изучали русскій языкъ и русскую литературу подъ его руководствомъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1911 г., № 32).

† **Панаевъ, П. П.** 20-го минувшаго января скончался на 78 году жизни въ Петербургѣ инженеръ путей сообщенія дѣйствительный старшій совѣтникъ Павелъ Петровичъ Панаевъ. Покойный происходилъ изъ стараго дворянскаго рода Казанской губерніи, давшаго рядъ видныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей. По окончаніи Казанскаго университета по физико-математическому факультету, а затѣмъ въ 1857 году бывшаго института корпуса инженеровъ путей сообщенія, П. П. посвящалъ себя до 1869 года инженерной дѣятельности, принимая большею частью личное, непосредственное участіе въ разнообразныхъ гидротехническихъ, гражданскихъ и желѣзнодорожныхъ сооруженіяхъ. Въ 1859 году онъ завѣдывалъ всею строительною частью Русскаго общества пароходства и торговли. Съ 1860 по 1864 годъ былъ занятъ работами по очисткѣ одесскаго порта, при чемъ примѣнилъ въ этомъ сложномъ и трудномъ въ техническомъ отношеніи дѣлѣ свою конструкцію землечерпательныхъ машинъ, отличавшихся большою силою и дававшихъ возможность производить работы значительно экономнѣе, чѣмъ это было при очисткѣ кронштадтскаго порта. Позднѣе онъ принималъ участіе въ постройкѣ Курско-Кіевской желѣзной дороги и др. Заслуживъ себѣ извѣстность опытнаго и знающаго инженера, онъ въ 1870 году сдѣлался профессоромъ по кафедрѣ инженернаго и строительнаго искусства въ императорскомъ московскомъ техническомъ училищѣ. Здѣсь онъ уже съ 1871 года, съ одобренія педагогическаго совѣта, сталъ преподавать означенныя науки по своему собственному методу, имѣющему въ основѣ цѣль развитія, въ возможно большей мѣрѣ, саморазмысленія и самодѣятельности учащихся, которые, какъ онъ указывалъ и въ своемъ лицѣ дѣйствительно оправдывалъ, должны находить въ профессорѣ руководителя и специалиста, всегда готоваго разъяснить все ихъ сомнѣнія. Способъ его преподаванія, въ отступленіе отъ обычнаго приѣма устнаго чтенія предмета, заключался въ томъ, что онъ требовалъ, чтобы слушатели являлись на лекцію уже подготовившимися самостоятельно по соотвѣтственной очередной главѣ литографированнаго курса и обращались при этомъ къ нему, профессору, за разъясненіями по тѣмъ вопросамъ, которые остались для нихъ неясными и требующими объясненія. Остающееся затѣмъ свободное въ лекціонныя часы время посвящалось имъ на сообщеніе слушателямъ дополнительныхъ свѣдѣній о новѣйшихъ техническихъ усовершенствованіяхъ въ изучаемой ими области.

Обыкновенное устное чтение лекцій было сохранено П. П. для изложенія необходимыхъ существенныхъ измѣненій или дополненій литографированнаго курса. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ горячимъ сторонникомъ широкаго при-мѣненія практическихъ работъ студентовъ въ самыхъ стѣнахъ учебнаго заведе-нія, защищая то положеніе, что лишь при наличности такихъ работъ преподаваніе теоріи можетъ быть плодотворнымъ и будетъ достигаться цѣль подгото-вленія для жизни дѣйствительно полезныхъ практическихъ инженеровъ. Въ лицѣ его поэтому встрѣчала самую горячую поддержку та постановка дѣла обученія студентовъ механическимъ мастерствамъ въ специальныхъ мастерскихъ училища, которая при даровитомъ въ то время директорѣ В. К. Делла-Вось, кстати отмѣтитъ, обратила на себя вниманіе американцевъ на всемірной Фи-ладельфійской выставкѣ въ 1876 году, куда покойный былъ, между прочимъ, командированъ и была вслѣдъ затѣмъ воспринята ими для своихъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Впервые введенная въ знаменитомъ бостон-скомъ технологическомъ институтѣ, она осталась извѣстной въ Сѣверо-Аме-риканскихъ Соединенныхъ Штатахъ подъ названіемъ: «russian system of manual training». Твердостью своихъ убѣжденій, прямою характера, глубокимъ опытомъ и разносторонними знаніями, покойный, какъ профессоръ и человѣкъ, пользовался особымъ уваженіемъ не только своихъ слушателей, изъ ряда ко-торыхъ вышло не мало выдающихся инженеровъ, но и лицъ, встрѣчавшихся съ нимъ на жизненномъ пути. Оставивъ въ 1881 году профессуру по личнымъ соображеніямъ въ періодъ происходившихъ въ императорскомъ московскомъ техническомъ училищѣ измѣненій, онъ продолжалъ живо интересоваться жгучимъ вопросомъ о правильной постановкѣ высшаго технического образо-ванія въ Россіи. Покойный оставилъ рядъ трудовъ по вопросамъ научнымъ, техническимъ и общественнымъ и въ числѣ послѣднихъ по оздоровленію го-родовъ и населенныхъ мѣстностей, а также о правильной организаци дѣла вспомошествованія бѣднымъ въ Россіи. П. П. похороненъ въ Петербургѣ на кладбищѣ церкви Спасо-Преображенія, что у императорскаго фарфоро-ваго завода, подлѣ могилы своего двоюроднаго брата, извѣстнаго писателя И. И. Панаева.

† **Петровъ, К. П.** 30 января скончался одинъ изъ старѣйшихъ петербургскихъ педагоговъ Константинъ Петровичъ Петровъ, бывшій пре-подаватель русскаго языка и словесности. Покойный, сынъ священника, поступилъ по окончаніи курса въ спб. духовной семинаріи въ главный педа-гогическій институтъ. Изъ института вышелъ преподавателемъ русскаго языка и началъ свою учительскую дѣятельность въ 1855 г. въ Симбирскѣ, откуда черезъ два года былъ приглашенъ Н. А. Вышнеградскимъ въ Петербургъ въ Петровскую женскую гимназію. Затѣмъ преподавалъ русскій языкъ и исторію русской литературы въ Маріинской и Литейной гимназіяхъ, съ 1870 г. по 1898 г. сосредоточилъ свои занятія въ спб. шестой гимназіи, будучи одновременно преподавателемъ въ петербургской консерваторіи. Какъ педагогъ, покойный не гнался за дѣтскими симпатіями, а заботился главнымъ образомъ объ ихъ знаніяхъ. Былъ строгъ и справедливъ. Онъ много работалъ по исторіи русской литературы, составилъ указатель къ сочиненіямъ В. Г. Бѣлинскаго, взглядовъ

котораго придерживался въ оцѣнкѣ русскихъ писателей, рядъ словарей къ сочиненіямъ Фонвизина, Ломоносова, Державина, Екатерины II и издалъ весьма цѣнный «Курсъ исторіи русской литературы». Какъ человекъ, К. П. былъ оригиналенъ. Онъ, напримѣръ, чуждался извозчиковъ и совершалъ путешествія всегда пѣшкомъ. Можетъ быть, такой образъ жизни вмѣстѣ съ солиднымъ наслѣдственнымъ закаломъ организма продлилъ годы его жизни до глубокой старости: онъ умеръ 80 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12534).

† **Протоіерей Песоцкій, А. М.** 17 января скончался протоіерей Александръ Михайловичъ Песоцкій, хорошо извѣстный въ духовной педагогической средѣ Петербурга. Онъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ былъ протоіереемъ Троицкаго собора л.-гв. Измайловскаго полка, затѣмъ настоятелемъ Введенской церкви л.-гв. Семеновскаго полка. Какъ законоучитель, былъ особенно близокъ къ петербургскому учительскому институту, гдѣ преподавалъ Законъ Божій въ теченіе семнадцати лѣтъ. Кромѣ того, онъ былъ законоучителемъ въ торговой школѣ имени императора Николая II и торгово-профессиональной школѣ, а также въ коммерческомъ училищѣ Э. Ф. Грюнталь. Покойный—сынъ дьякона—родился въ 1857 г., образованіе получилъ въ петербургской духовной семинаріи и закончилъ его въ 1879 г. въ петербургской духовной академіи кандидатомъ богословія съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія. Принявъ священство, о. Александръ недолго былъ священникомъ въ одной изъ церквей Лужскаго уѣзда, затѣмъ перевелся въ Петербургъ и былъ священникомъ и законоучителемъ училища лекарскихъ помощницъ. Съ 1891 г. онъ служилъ по военно-духовному вѣдомству. Какъ священникъ, покойный неоднократно выступалъ проповѣдникомъ, его проповѣди были всегда содержательны и произносились талантливо. Ему принадлежатъ нѣсколько печатныхъ статей, изъ которыхъ назовемъ «Царство анабаптистовъ и общество меннонитовъ», «Начало вѣры Христовой на Руси», историческій очеркъ «Церковь Святыя Живоначальныя Троицы л.-гв. Измайловскаго полка» и др. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 15522).

† **Сементовскій-Курило, Д. К.** Въ Софіи скончался русскій посланникъ при болгарскомъ правительствѣ Дмитрій Константиновичъ Сементовскій-Курило. Покойный дипломатъ родился 16-го сентября 1859 года и умеръ, едва перейдя пятидесятилѣтній возрастъ, въ самомъ расцвѣтѣ своей дѣятельности. Покойный посланникъ вступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ 1880 году, сейчасъ же по окончаніи курса Александровскаго лицея. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ занималъ различныя должности въ первомъ департаментѣ министерства, достигнувъ въ 1900 году поста вице-директора этого департамента. Въ 1906 году онъ сталъ директоромъ перваго департамента, а высочайшимъ указомъ 24-го марта 1907 года Д. К. былъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ въ Болгарію, причѣмъ ему было дано лично званіе чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. По провозглашеніи полной независимости Болгаріи отъ оттоманскаго сюзеренитета Д. К. сталъ русскимъ посланникомъ въ Болгарію уже не по личному только званію, а по значенію своего поста. Большую часть своей служебной дѣятельности покойный провелъ въ центральномъ учрежденіи министерства иностранныхъ дѣлъ. Однако, на-

значенный сразу на ответственный постъ на Балканскомъ полуостровѣ, онъ проявилъ, несомнѣнно, выдающіяся дипломатическія дарованія. Подлинныя интересы болгарскаго народа, домогательства болгарскихъ политическихъ дѣятелей и воззрѣнія болгарскаго монарха далеко не всегда совпадали. Представителю Россіи приходилось поэтому держать ровный курсъ между этими различными теченіями болгарской политической жизни. Покойный исполнилъ свою задачу безупречно. Онъ былъ представителемъ Россіи при братской Болгаріи, а не политикомъ при дворѣ и правительствѣ. За свое короткое пребываніе въ Софіи покойному пришлось пережить нѣсколько рѣшительныхъ моментовъ. Турецкая революція, объявленіе полной независимости Болгаріи, провозглашеніе Болгаріи царствомъ, принятіе княземъ Фердинандомъ царскаго титула, поѣздка князя-царя болгарскаго въ Россію, объединеніе болгарской желѣзнодорожной сѣти, выкупъ присоединенной части при помощи Россіи—во всемъ этомъ покойный Д. К. принималъ прямое и горячее участіе. Онъ потратилъ не мало усилій для поддержанія мирныхъ отношеній между Болгаріей и Турціей. Его заслуги въ этой области будутъ оцѣнены впослѣдствіи. Теперь же и русскіе и болгары единодушны въ скорби о потерѣ столь много общавшаго дѣятеля. Король Фердинандъ и королева Элеонора относились за все время тяжелой болѣзни представителя Россіи къ нему и семьѣ его съ живѣйшимъ участіемъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12515).

† **Спѣшневa, М. П.** Скончалась въ Москвѣ М. П. Спѣшневa. Имя этой выдающейся женщины мало знакомо современному обществу, такъ какъ вся ея дѣятельность относится къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія, но оно памятно и дорого всѣмъ близко стоявшимъ къ ней, въ особенности ученицамъ учрежденной ею гимназіи. Подъ вліяніемъ ярко выразившагося въ то время стремленія нашего общества къ поднятію уровня женскаго образованія, она совмѣстно съ М. Д. Дурново открыла въ 1869 году въ Петербургѣ первую частную гимназію съ курсомъ, почти равнымъ по программѣ курсу мужскихъ гимназій. Въ этой гимназіи родители впервые получили возможность дать своимъ дочерямъ такую подготовку, которая открывала имъ доступъ къ высшему образованію и ко всякой серьезной дѣятельности, и самый контингентъ поступившихъ въ гимназію ученицъ, принадлежавшихъ исключительно къ интеллигенціи русскаго общества, говоритъ за то, что новое учебное заведеніе удовлетворяло лучшимъ стремленіямъ и идеаламъ общества того времени. Выдающіяся силы преподавательскаго состава, какъ В. И. Водовозовъ, А. Я. Гердъ, Ел. Ал. Латышева, П. А. Лачиновъ, И. О. Рашевскій, О. О. Резенеръ, А. Н. Страннолюбскій, Л. С. Таганцева, Э. В. Яковлева и впослѣдствіи П. А. Полевой и др. принимали въ ней самое горячее и плодотворное участіе. При образцово поставленномъ преподаваніи въ новой гимназіи было обращено особенное вниманіе на воспитательную сторону дѣла, и общество увидѣло, что учебное заведеніе можетъ и должно имѣть воспитательное вліяніе на учащихся. И эта-то заслуга передъ подрастающимъ и послѣдующими поколѣніями принадлежала главнымъ образомъ самой М. П. Спѣшневой. Одаренная рѣдкою наблюдательностью и отзывчивостью, она обладала даромъ незамѣтно, но сильно вліять на пробужденіе хорошихъ началъ въ юныхъ душахъ ея ученицъ, и это вліяніе отра-

зилось въ жизни многихъ изъ нихъ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1911 г., № 12530).

† **Спримонъ, В. Ф.** 7-го февраля скончался Василий Феликсовичъ Спримонъ, извѣстный врачъ, бывший редакторъ «Медицинскаго Обзорнія». В. Ф. родился въ Москвѣ 20 октября 1839 года, первоначальное образование получилъ дома, затѣмъ поступилъ въ воронежскую гимназію, по окончаніи курса въ которой былъ принятъ въ московскій университетъ на медицинскій факультетъ. По окончаніи курса въ 1863 году В. Ф. поступилъ на военно-врачебную службу въ Москвѣ, работалъ затѣмъ въ военныхъ лазаретахъ въ Финляндіи, въ Гельсингфорсѣ. Въ 1865 году его перевели въ Воронежъ, гдѣ онъ завѣдывалъ кадровымъ лазаретомъ. Здѣсь и началась болѣе широкая общественная дѣятельность В. Ф. Совмѣстно съ другими врачами онъ устраиваетъ медицинское общество, въ которомъ исполнялъ обязанности секретаря, дѣлаетъ цѣлый рядъ докладовъ по электротерапіи, основываетъ вмѣстѣ съ товарищами лечебницу съ пневматическимъ отдѣленіемъ, съ желѣзной комнатой для леченія сгущеннымъ воздухомъ, съ аппаратами для леченія разрѣженнымъ воздухомъ, съ электрическимъ кабинетомъ, снабженнымъ всеми необходимыми аппаратами для гальванизации, фарадизации и т. д.—все это въ провинціи еще въ 70-хъ годахъ. Лѣтомъ 1871 года онъ ѣздилъ въ Вѣну, гдѣ посѣщалъ клиники и лабораторіи проф. Брюкке, слушалъ курсы проф. Мейнерта, Бенедикта и др., и работалъ въ Берлинѣ у проф. Дюбуа-Реймона надъ вопросомъ о вліяніи электрическаго возбужденія шейнаго симпатическаго нерва на кровообращеніе въ мозгу. Не имѣвъ средствъ окончить свою научную работу, В. Ф. переселился въ Москву и, занявъ мѣсто ординатора временной городской больницы, устроилъ въ ней отдѣленіе по нервнымъ болѣзнямъ. Какъ научно-образованный врачъ, В. Ф. не могъ, однако, удовлетвориться одною только практической дѣятельностью и задумалъ осуществить свою завѣтную мысль—основать медицинскій журналъ для скромной цѣли—знакомить практическихъ врачей «съ содержаніемъ и результатами важнѣйшихъ работъ, наблюденій и изслѣдованій въ области научной и практической медицины, появляющихся въ русской и иностранной литературѣ». Первое время много пришлось работать самому В. Ф., такъ какъ сотрудниковъ было мало и журнальное медицинское дѣло не было развито въ Москвѣ. Но В. Ф. сумѣлъ привлечь къ журналу всѣ лучшія медицинскія силы: въ немъ принимали участіе профессора Захарьинъ, Поспѣловъ, Снегиревъ и друг. «Медицинское Обзорніе» имѣло большое значеніе въ исторіи медицинскаго образованія въ Россіи, что и оцѣнено было врачебнымъ міромъ, когда исполнилось 25-лѣтіе журнала, въ январѣ 1899 года, когда совѣтъ московскаго университета возвелъ В. Ф. въ степень доктора медицины *honoris causa*. Больше ста привѣтствій было получено тогда В. Ф., его привѣтствовали московскія ученые общества, изъ коихъ многія избрали его почетнымъ членомъ, больницы и отдаленные уголки Россіи, гдѣ «Медицинское Обзорніе» будило мысль. Нѣсколько лѣтъ назадъ В. Ф. по болѣзни уже не могъ самъ редактировать журналъ и передалъ его обществу русскихъ врачей въ Москвѣ. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдом.», 1911 г., № 31).

† **Цвѣтковъ, И. С.** 15 января скончался скоропостижно юрисконсультъ министерства юстиціи Иванъ Степановичъ Цвѣтковъ. Покойный родился въ 1854 г. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ кандидатомъ правъ онъ служилъ въ сенатѣ, затѣмъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ, въ III отдѣленіи котораго былъ товарищемъ предсѣдателя. Съ 1905 г. И. С. состоялъ юрисконсультomъ министерства финансовъ и одновременно членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи учрежденной. Перу покойнаго принадлежатъ нѣсколько печатныхъ работъ по юридическимъ вопросамъ: «Судебная практика» и др. Въ послѣднее время онъ предсѣдательствовалъ въ конкурсномъ управленіи Приморской желѣзной дороги. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12519).

† **Черманъ, А. Н.** Въ Гельсингфорсѣ скончался 17-го января отъ скоротечной чахотки писатель Аполлонъ Николаевичъ Черманъ, бывшій сотрудникъ «Новаго Времени». Покойный родился въ 1865 году, специальное образованіе получилъ въ петербургскихъ мореходныхъ классахъ и юношей-штурманомъ дальняго плаванія сталъ плавать на морскихъ коммерческихъ судахъ. Морская служба ознакомила его съ интересной и полной приключеній жизнью морской команды коммерческихъ судовъ, преимущественно парусныхъ, и съ психологіей лицъ, оторванныхъ отъ родныхъ и друзей и всецѣло зависящихъ отъ произвола капитановъ судовъ. Отъ природы талантливый и наблюдательный, покойный пережилъ во время своихъ дальнихъ плаваній рядъ штормовъ и бурь; испыталъ на себѣ «гнѣвъ бога морей» и близко изучилъ характерные типы «морскихъ волковъ», закаленныхъ опасностями, «окаменѣло-свирѣпыхъ» и безпощадныхъ, зачастую съ преступнымъ прошлымъ. Ему хорошо была знакома дисциплина морской жизни, требовавшая подчиненія капитанскимъ распоряженіямъ до безпрекословнаго исполненія приказовъ выбросить кого-либо за бортъ въ открытомъ морѣ, такъ же какъ и возникновеніе на почвѣ недовольства корабельныхъ бунтовъ. Съ богатымъ запасомъ фактовъ незнакомой многимъ жизни вернулся А. Н. въ Петербургъ и съ рѣдкимъ талантомъ, полнымъ своеобразнаго юмора и замѣчательнаго знанія людской психологіи, сталъ воспроизводить въ яркихъ и красочныхъ очеркахъ и разсказахъ все видѣнное имъ и пережитое. Его первые морскіе разсказы появились въ «Новомъ Времени» въ началѣ 90-хъ годовъ («Исторія трехъ преступленій», «Подъ Южнымъ Крестомъ», «Черный капитанъ» и др.) и сразу выдвинули имя покойнаго, какъ своеобразнаго и недюжиннаго дарованія писателя, завоевавъ ему большую аудиторію поклонниковъ. Его разсказы вышли затѣмъ отдѣльнымъ сборникомъ «Море и моряки», потребовавшимъ вскорѣ повторнаго изданія. За морскими очерками была издана отдѣльно его морская легенда «Черный капитанъ», затѣмъ морскіе разсказы «Подъ рокотъ моря»; пьесы «Безобразіе въ трехъ частяхъ», «Извергъ». Свои произведенія онъ подписывалъ большою частью псевдонимомъ «А. Чермный». Въ «Новомъ Времени» А. Н., знавшій, между прочимъ, стенографію, велъ одно время отчеты о засѣданіяхъ городской думы и судебную хронику. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 15522).

† **Чумаковъ, Ѳ. П.** Въ Парижѣ въ больницѣ отъ ожоговъ умеръ восьмидесятидвухлѣтній художникъ Ѳедоръ Петровичъ Чумаковъ. Когда-то

имѣвшій огромный успѣхъ и не знавшій отбоя отъ заказовъ, онъ, подобно Леману, уже давно пережилъ свою славу и почти безвыѣздно жилъ въ Парижѣ, ставшемъ для него роднымъ. Родился онъ въ 1823 году въ городѣ Петербургѣ, гдѣ съ 1834 по 1840 годъ воспитывался въ театральномъ училищѣ, куда былъ отданъ родителями, мечтавшими увидѣть своего сына сценической знаменитостью. Но судьба распорядилась его будущностью иначе. Рано обнаружившіяся дарованія рисовальщика обратили на него вниманіе сильныхъ міра и семнадцатилѣтняго артиста прямо изъ школы опредѣлили въ академію художествъ, сдѣлавши пансіонеромъ общества поощренія художествъ. Способности Ѳ. П. особенно цѣнили тогдашніе всемогущіе профессора живописи К. П. Брюлловъ и П. В. Васинъ, всюду ставившіе молодого художника примѣромъ для другихъ. Федоръ Петровичъ работалъ много, совершенствуясь съ каждой новой работой. Уже въ 1847 году ему были присуждены двѣ (большая и малая) серебряныя медали за этюды стариковъ. Почти тогда же извѣстный московскій собиратель картинъ Ѳ. И. Прянишниковъ приобрѣлъ его прекрасный портретъ старушки, который впоследствии былъ переданъ въ картинную галерею Румянцеваго музея. Въ 1849 году на выставкѣ академіи художествъ онъ выставилъ «Женскій портретъ», «Антикварія», «Голову старика» и «Головку дѣвочки». Объ успѣхахъ молодого человѣка заговорили, но въ это время врачи признали его серьезно больнымъ (у него нашли аневризмъ) и настояли на томъ, чтобы художникъ уѣхалъ лечиться за границу. Въ 1850 году онъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ прожилъ больше года, а затѣмъ, возвратившись въ Петербургъ, представилъ въ 1852 году въ академію двѣ картины: «Вакханка» и «Дѣвушка изъ Албано». По правиламъ дореформенной академіи, совѣтъ профессоровъ призналъ возможнымъ дать Ѳ. П. Чумакову званіе академика. Молодой художникъ сталъ специализироваться на женскихъ портретахъ и особенно «головкахъ», которыя въ то время имѣли такой же успѣхъ, какъ «головки» К. Е. Маковского. Въ 1857 году Ѳ. П. снова отправился за границу, объѣздивъ почти всю Европу и наконецъ поселился въ Парижѣ, гдѣ сталъ постояннымъ экспонентомъ Салона. Нѣсколько разъ его работы обращали на себя исключительное вниманіе французской критики, а въ 1865 году французское правительство приобрѣло его картину «Истязаніе Спасителя». Въ 1866 году императоръ Александръ II приобрѣлъ у него и пожертвовалъ въ академическій музей картину «Спаситель и богачъ». До послѣднихъ дней Ѳ. П. жилъ почти безвыѣздно въ Парижѣ и прославился своими головками, имѣвшими у весьма многихъ большой успѣхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1905 г., № 12517).

† **Шостакъ, М. А.** Скончавшійся 23-го января отъ рака желудка бывшій начальникъ кавказскаго горнаго управления горный инженеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Александровичъ Шостакъ родился въ 1847 году и происходилъ изъ стариннаго рода дворянъ Таврической губерніи. Отецъ его былъ наказнымъ атаманомъ казачьяго войска и затѣмъ комендантомъ города Одессы. Образование М. А. получилъ въ горномъ корпусѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1867 году. Служебную карьеру началъ на югѣ Россіи, въ Александровскѣ - Грушевскѣ. Здѣсь имъ на каменноугольныхъ копяхъ были установлены первыя паровыя машины. Затѣмъ М. А. перешелъ

на службу въ кабинетъ Его Величества и завѣдывалъ золотыми кабинетскими рудниками въ Восточной Сибири, въ м. Куингъ. На счетъ казны командированный за границу для изученія золотого дѣла, онъ въ теченіе полутора года объѣздилъ Америку, Австралію и Африку, знакомясь съ постановкою обработки золотыхъ рудъ на мѣстныхъ рудникахъ и прискахъ. Прекрасное знаніе иностранныхъ языковъ, обширное знакомство съ иностранной литературой по золотому дѣлу значительно облегчили М. А. эту поѣздку. По возвращеніи изъ-за границы онъ напечаталъ трудъ «Гидравлическій способъ обработки золота» и этотъ способъ имъ былъ впервые примѣненъ на прискахъ въ Восточной Сибири. Изъ Восточной Сибири онъ былъ переведенъ въ Западную Сибирь и назначенъ окружнымъ инженеромъ Акмолинской области, въ 1894 году назначенъ помощникомъ начальника томскаго горнаго управленія, а въ 1897 году начальникомъ того же управленія. По его инициативѣ и при непосредственномъ его участіи томскимъ горнымъ управленіемъ была въ это время предпринята обширная работа по изданію геологической карты, на которой были намѣчены золотые приски и мѣсторожденія полезныхъ ископаемыхъ Западной Сибири. За эту работу томское горное управленіе на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ получило золотую медаль. Въ 1899 году М. А. былъ переведенъ въ Тифлисъ начальникомъ кавказскаго горнаго управленія. Въ 1903 году вышелъ въ отставку и съ этого момента началъ заниматься частными дѣлами. Имъ были предприняты поиски и развѣдки золота и другихъ полезныхъ ископаемыхъ на Кавказѣ. Онъ изслѣдовалъ Батумскій округъ, Сванетію и другія мѣста. Имъ были открыты богатые мѣсторожденія мѣдныхъ рудъ, нефти и золота. Но такъ какъ М. А. не былъ человѣкомъ практическимъ, то и не могъ лично воспользоваться своими открытіями. Кромѣ труда и энергіи, М. А. потратилъ на поиски не мало своихъ трудовыхъ денегъ. Незадолго до смерти М. А. былъ избранъ директоромъ-распорядителемъ только что утвержденнаго уральско-каспійскаго нефтянаго общества. М. А. напечатаны слѣдующія научныя работы: «Золотопромышленность въ томской горной области»; «Историческій очеркъ развитія горнаго дѣла на Кавказѣ» (1801—1901 гг.); «По Сванетіи» и много другихъ статей по горному дѣлу и публицистическихъ, печатавшихся въ «Вѣстникѣ Золотопромышленности», «Горномъ Журналѣ», «Извѣстіяхъ горныхъ инженеровъ», «Голосѣ Правды» и «Новомъ Времени». М. А. состоялъ членомъ географическаго общества и общества горныхъ инженеровъ. Въ лицѣ М. А. семья горныхъ инженеровъ потеряла энергичнаго, талантливаго и прекрасной души человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1911 г., № 12527).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу замѣтки В. И. Мерцалова¹⁾.

Бывшій томскій губернаторъ, нынѣ сенаторъ В. И. Мерцаловъ, къ которому я ничего, кромѣ искренней признательности и глубокаго уваженія, не питаю, нашелъ въ моихъ очеркахъ «Восемь лѣтъ въ Сибири»²⁾ и «сплошной вымыселъ», и «несообразности», и «распространеніе чужой клеветы». Оставить эти тяжкія обвиненія безъ отвѣта я не могу.

Мой «сплошной вымыселъ», по словамъ г. Мерцалова, заключается въ томъ, что я приписалъ ему честолюбивое желаніе имѣть въ управляемой имъ губерніи частную, послушную губернатору газету для поддержки его административной дѣятельности. Желанія такого у В. И. Мерцалова, какъ онъ утверждаетъ теперь, не было, ни о какихъ такихъ своихъ желаніяхъ и видахъ онъ мнѣ не сообщалъ, ибо никакого значенія подцензурной «и довольно-таки убогой провинціальной газеткѣ» онъ придавать не могъ, зная, что она не могла оказать въ высшихъ сферахъ полезную для губернатора поддержку».

О наличности или отсутствіи чьихъ-либо личныхъ надеждъ и желаній спорить трудно, разѣ онъ прямо не высказываются. Охотно вѣрю, что указанныхъ мною надеждъ и расчетовъ у В. И. Мерцалова не было, но, ссылаясь хотя бы на здравствующаго доннынѣ П. И. Макушина, утверждаю, что именно такіе надежды и расчеты въ Томскѣ всѣми открыто приписывались новому губернатору, и таковыми, между прочимъ, въ связи съ личнымъ характеромъ, объяснялось то горячее содѣйствіе, которое г. Мерцаловъ оказалъ разрѣшенію «убогой газетки». Въ моихъ очеркахъ отразилось лишь это общее тогда убѣжденіе, которое я не имѣлъ причинъ не раздѣлять, на основаніи личнаго общенія и впечатлѣнія. Здѣсь возможна, конечно, ошибка, но злонамѣреннаго «вымысла» не было.

Далѣе губернаторъ-цензоръ утверждаетъ, что онъ не имѣлъ оснований (конечно, формальныхъ) «объясняться» со мной по поводу «Сибирской Газеты». Но это не мѣшало ему, и неоднократно, бесѣдовать со мной по поводу настроенія редакціи и обращаться именно ко мнѣ, когда ставшая нынѣ «убогою» газета чѣмъ-либо огорчала его, или когда губернатору было желательно то, а не другое освѣщеніе даннаго мѣстнаго дѣла. Напомню, напримѣръ, дѣло о заготовкѣ кирпича для сооруженія зданій томскаго университета. По этому дѣлу возникло рѣзкое разногласіе между губернаторомъ, состоявшимъ предсѣдателемъ строительнаго комитета, и членомъ послѣдняго, представителемъ министерства народнаго просвѣщенія, покойнымъ профессоромъ В. М. Флоринскимъ. Никого другого, а именно меня, просилъ В. И. Мерцаловъ выяснитъ дѣло о кирпичѣ въ «Сибирской Газетѣ», когда Ядринцевъ въ «Восточномъ Обзорѣніи» заподозрилъ «благотворительность» намѣреній Цибульского и Михайлова, предложеніе которыхъ было поддержано губернаторомъ, въ противоположность мнѣнію Флоринскаго. По распоряженію В. И. Мер-

¹⁾ «Историч. Вѣстн.» 1911 г., февраль, стр. 809.

²⁾ «Историч. Вѣстн.» 1910 г., май, іюнь, іюль.

³⁾ См. Воспоминанія В. М. Флоринскаго, «Русская Старина» 1908.

цалова, мнѣ были открыты относящіеся къ этому дѣлу подлинныя журналы строительнаго комитета, на основаніи которыхъ я составилъ и напечаталъ въ «Сибирской Газетѣ» подробную, строго фактическую статью: «Кирпичъ для сибирскаго университета»¹⁾). Но и помимо этого факта, въ подтвержденіе котораго ссылаюсь опять же на издателя «Сибирской Газеты», П. И. Макушина, трудно повѣрить, чтобы одинъ губернаторъ, да еще лично цензирующій единственную въ губернскомъ городѣ частную газету, могъ не знать того, что зналъ буквально весь городъ—что я былъ не безгласнымъ «работникомъ» у г. Макушина, а полноправнымъ членомъ небольшой редакціи. Трудно допустить, чтобы губернатору могло быть неизвѣстно и то, что лѣтомъ 1881 года, когда издатель, г. Макушинъ, долженъ былъ по своимъ торговымъ дѣламъ уѣхать въ Москву и въ Петербургъ, а официальный редакторъ А. И. Ефимовъ и два главныхъ сотрудника, А. В. Адриановъ и И. Г. Муромовъ, отправились на Алтай, кто въ экспедицію, кто отдыхать и лечиться, «Сибирская Газета» оставалась всецѣло на моихъ рукахъ. Рѣшительно недоумѣваю, какъ В. И. Мерцаловъ, человекъ безусловно правдивый, можетъ отрицать несомнѣныя факты. Неужели онъ такъ и не помнитъ того, какъ горько и не одинъ разъ въ бесѣдѣ со мною сѣтовалъ на предвзятое, по его мнѣнію, недобѣре газеты къ дѣйствіямъ и побужденіямъ администраціи? Эти неоднократныя и, казалось, искреннія сѣтованія и были въ моихъ очеркахъ названы мною сѣтованіями на «сухое» отношеніе газеты къ дѣятельности губернской администраціи.

Вотъ и весь мой «сплошной вымыселъ». Перехожу къ моимъ «несообразностямъ».

В. И. Мерцаловъ утверждаетъ, что онъ никогда не грозилъ покойному Картамышеву высылкою въ Нарымъ, а лишь предложилъ старшинамъ клуба, въ которомъ Картамышевъ учинилъ буйство, обсудить поступокъ Картамышева, за который послѣдній и былъ исключенъ изъ числа членовъ клуба. Купецъ Манасевичъ, пострадавшій отъ безобразнаго поступка Картамышева, отказался, какъ рассказываетъ теперь г. Мерцаловъ, подать жалобу, приготовляясь быть скоро христианиномъ.

Зная г. Мерцалова за человека всегда корректнаго, любившаго опираться въ своей губернаторской дѣятельности на законъ, я и тогда, въ 1882 году, не вѣрилъ, что онъ способенъ прибѣгнуть къ административному насилію, но допускалъ, что въ моментъ вполне понятнаго негодованія на безобразный поступокъ Картамышева губернатору, и особенно сибирскому, могла прійти въ голову мысль выслать изъ города буйнаго обывателя, или, по крайней мѣрѣ, пригрозить послѣднему такой высылкою. Живо припоминается мнѣ по этому поводу суматоха, съ которой въ канцеляріи губернатора спѣшно выяснялся вопросъ о правѣ губернатора собственною властью высылать изъ ввѣренной ему губерніи безпокойныхъ обывателей. Отлично помню также, какъ огорченъ былъ начальникъ судебного отдѣленія канцеляріи, когда по справкамъ оказалось, что для высылки полноправнаго обывателя непременно требуется распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. Помню еще, что угроза, о которой идетъ рѣчь, была передана Картамышеву полицеймейстеромъ Чижомъ отъ имени губернатора и мнѣ не легко было удержать Картамышева отъ немедленной посылки телеграммы министру съ просьбою о защитѣ. Вотъ какія основанія были у меня упомянуть объ угрозахъ губернатора. Весь городъ этой угрозахъ вѣрилъ, и я былъ въ числѣ немногихъ, утверждавшихъ, что В. И. Мерцаловъ неспособенъ привести свою угрозу въ исполненіе. Оказывается теперь, что безобразное само-

¹⁾ «Сибирская Газета» 1882 г. № 4, 5 и 6.

управство Картамышева осталось безнаказаннымъ, вслѣдствіе «христіанскаго» настроенія потерпѣвшаго. Въ 1882 году ни томичи, ни я этого не знали. И мнѣ позволительно было думать, что, убѣдившись въ отсутствіи законнаго основанія къ административному воздѣйствію, губернаторъ воздержался отъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ это въ сущности частное дѣло. Богъ вѣсть, не случилось ли бы иначе при дѣйствіи современныхъ охранъ. Въ выраженномъ мною по этому поводу удовольствіи можно ли видѣть, какъ это дѣлаетъ г. Мерцаловъ, «несообразность»?

Слѣдующая и, слава Богу, послѣдняя, моя несообразность, соединенная съ распространеніемъ чужой клеветы, усмотрѣна г. Мерцаловымъ въ моемъ разсказѣ того, чѣмъ его преемникъ И. И. Красовскій объяснялъ увольненіе своего предмѣстника. Красовскій, по его словамъ, причину этого увольненія приписывалъ отношенію В. И. Мерцалова къ мѣстнымъ купцамъ Манасевичу и Пастухову, слѣды вліянія которыхъ на губернатора будто бы сохранились въ дѣлахъ канцеляріи. Г. Мерцаловъ энергично протестуетъ противъ этого предположенія, подробно излагая причины своего добраго отношенія къ обоимъ названнымъ «гражданамъ, до конца ихъ жизни пользовавшимся добрымъ именемъ». Въ какихъ именно дѣлахъ отразилось ихъ отрицаемое В. И. Мерцаловымъ вліяніе и въ чемъ именно таковое было усмотрѣно Красовскимъ, мнѣ по сей часъ неизвѣстно. Я не могъ ни минуты сомнѣваться въ ошибочности мнѣнія Красовскаго, ибо зналъ о причинахъ увольненія его предмѣстника отъ самого В. И. Мерцалова ¹⁾. Для меня заключеніе Красовскаго являлось отголоскомъ того нерасположенія городского общества къ Манасевичу и Пастухову, которое открыто высказывалось при всякомъ удобномъ случаѣ, и личнаго поведенія этихъ гражданъ, не стѣснявшихся афишировать всегда и вездѣ благосклонное отношеніе къ нимъ губернатора. Всѣ знали, что Пастуховъ въ старомъ судебномъ порядкѣ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности за нарушеніе питейнаго устава и по судебному приговору былъ оставленъ въ подозрѣніи. Въ виду этого приговора, онъ не пользовался полною правоспособностью, и городское общество все его благоговореніе объясняло гораздо проще, чѣмъ это дѣлаетъ г. Мерцаловъ, а именно желаніемъ побудить губернатора исходатайствовать ему, Пастухову, прощеніе подсудности, чего онъ и достигъ, хотя и не въ полной мѣрѣ. Не сомнѣваюсь, что Красовскій, высказывая приведенное мною мнѣніе, не имѣлъ въ виду ничего предосудительнаго или обиднаго для его предмѣстника. Мнѣ же было слишкомъ хорошо извѣстно, что репутація В. И. Мерцалова всегда стояла внѣ всякихъ подозрѣній, и никто никогда не позволялъ себѣ, даже въ частной, интимной бесѣдѣ, усомниться въ абсолютной безукоризненности намѣреній, побужденій и дѣйствій уважаемаго Василія Ивановича. И ужъ, конечно, не съ цѣлью бросить какую-либо тѣнь на чистаго и еще здравствующаго человѣка привелъ я мнѣніе Красовскаго, а единственно для того, чтобы объяснить его пренебреженіе къ лукавымъ предостереженіямъ Гилярова и Александрова и къ безшабашному сплетничеству «Восточнаго Обзоренія» по поводу его, Красовскаго, поведенія.

За Красовскаго я, конечно, не отвѣтчикъ. И, если что и можетъ быть поставлено въ вину мнѣ, какъ лѣтописцу, то только то, что я привелъ мнѣніе Красовскаго безъ оговорки, что считаю это мнѣніе несправедливымъ, и что въ дѣлахъ томскаго губернатора, по моему глубокому убѣжденію, не можетъ быть никакихъ слѣдовъ вліянія Манасевича и Пастухова на кратковременную губернаторскую дѣятельность В. И. Мерца-

¹⁾ См. «Истор. Вѣсти.» 1910 г., май, стр. 441 и 442.

лова. Въ этой недомолвкѣ я чистосердечно каюсь, но ни въ несообразности, ни въ распространеніи чужой клеветы я, по совѣсти, признать себя виновнымъ не могу.

Злые личные уколы и намеки В. И. Мерцалова, сердечно огорчившіе меня, я оставляю безъ отвѣта. Скажу только, что факты всегда останутся фактами, а возможные въ каждомъ изложеніи прошлаго добросовѣстные ошибки и недомолвки не считаются ни закономъ, ни моралью ложью или клеветою.

Е. В. Коршъ.

II.

Письмо въ редакцію.

Работая надъ біографіей И. А. Гончарова, которую надѣюсь издать ко дню столѣтняго юбилея со дня его рожденія (6 іюня 1912 г.), обращаюсь ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ у себя какія-либо неопубликованныя свѣдѣнія о покойномъ писателѣ, воспоминанія, письма и другіе матеріалы,—съ просьбою сообщить мнѣ такія свѣдѣнія и выслать письменные документы, которые, по снятіи съ нихъ копій, будутъ немедленно возвращены. Въ случаѣ невозможности выслать подлинныя документы или копіи съ нихъ, прошу хотя бы указать мнѣ на ихъ существованіе и мѣсто находженія. Даже самыя незначительныя и случайныя данныя будутъ приняты мною съ глубокой благодарностью.

Другія изданія, въ томъ числѣ и провинціальныя, прошу перепечатать настоящее письмо.

Мой адресъ: Симбирскъ, Мих. Фед. Суперанскому.

М. Суперанскій.

III.

Родинѣ.

Знаніе своего отечества необходимо каждому, желающему съ пользой для него трудиться. Обращаюсь ко всѣмъ, кому дорога наша родина, кто сочувствуетъ ей мирному развитію и процвѣтанію. Желательно бы было основать сначала небольшой кружокъ, который могъ бы со временемъ превратиться въ общество изъ лицъ обоого пола для изученія Россіи, ея исторіи, музыки, литературы, этнографіи, путемъ бесѣдъ, чтеній, лекцій, а также совмѣстныхъ экскурсій и путешествій. Политика должна быть исключена совершенно, но, конечно, сплотиться и дружно работать, а въ трудныя минуты стараться быть по мѣрѣ силъ и возможности полезными родинѣ, могутъ только люди, стоящіе на сторонѣ теперешняго строя и желающіе развитія и мирнаго, постепеннаго улучшенія лишь частностей его. Смѣю надѣяться, что гг. военные также примутъ участіе въ предполагаемомъ кружкѣ, въ виду исключительно научныхъ и образовательныхъ его цѣлей. Участіе ихъ было бы особенно цѣнно, вслѣдствіе специальныхъ познаній по военной исторіи Россіи. Чувство горячей любви къ родинѣ, желаніе видѣть ее могучей, песокрунимой и гордиться ею—необходимо развивать въ дѣтствѣ и развивать эти чувства въ семьѣ, не предоставляя это дѣлать только школѣ. Желательно бы было поэтому также образовывать «союзъ русскихъ родителей» для воспитанія дѣтей въ національномъ духѣ, для созданія физически и нравственно крѣпкихъ дѣятелей, а не истеричныхъ, неспособныхъ къ

труду и мнящихъ себя героями и спасителями отечества фантазеровъ и глубокихъ невѣждъ. Дѣти наши еще меньше насъ знаютъ свою родину. Очень важнымъ факторомъ національнаго воспитанія и развитія могутъ служить экскурсіи и путешествія съ дѣтьми и именно устраиваемыя кружкомъ родителей. Даже центральная Россія, вынесшая на своихъ могучихъ плечахъ всю нашу исторію, къ великому стыду нашему, намъ почти неизвѣстна. Что же въ такомъ случаѣ сказать объ Уралѣ съ его богатствами и дикою красотой, о сказочномъ Кавказѣ, гдѣ каждая неприступная скала и пропасть запечатлѣны легендами о русскомъ геройствѣ и беззавѣтной хробости... Покажите Россію дѣтямъ, и они горячо полюбятъ ее и поймутъ, что нельзя уступать, отдавать даже кусочка ея, завоеваннаго и обгагренаго русской кровью,—это все равно, что оторвать кусокъ отъ своего собственнаго сердца...

Обращаюсь къ тѣмъ, кто прочелъ эти строки и сочувствуетъ имъ, за помощью и содѣйствіемъ. Если сочувствующихъ окажется достаточно, можно приступить къ организациі кружка, обратившись къ администраціи за разрѣшеніемъ предварительнаго собранія лицъ, желающихъ принять въ немъ участіе. Покорнѣйше прошу лицъ обоого пола, сочувствующихъ цѣлямъ кружка, не отказать письменнo сообщить свое мѣстожителство, а также имя, отчество, фамилію, званіе, службу или занятіе до 10 февраля 1911 года по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Галерная ул., д. № 20, кв. 31. Елизавета Александровна Бокъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декорация второго дѣйствія. Заль убранъ цвѣточными гирляндами. На авансценѣ по срединѣ зала столикъ, уставленный золотыми вазами, кубками, чашами. Драпировка задней арки опущена.

КАРТИНА I.

СЦЕНА I.

Янъ, пажъ.

Янъ сидитъ у стола. Пажъ наливаетъ вино изъ кубка. Янъ, выпивъ вино, отдаетъ чашу пажу.

Благодарю.

Пажъ уходитъ.

Сбылись мои мечты:

Я вознесенъ судьбою на вершину
Величія. Куда же приведетъ
Меня теперь рука судьбы всевластной?..
Войдѹ ль я, какъ герой, въ чертоги славы?
Иль въ бездну темную позора я
Низвергнусь, и грядущіе потомки
Презрѣннымъ имя Яна заклемятъ,
Какъ жалкаго фигляра, сумасброда,
Сыгравшаго на тронѣ роль шута?..
Страшитъ меня событій ходъ... Борьба
Съ жестокимъ Вальдекомъ все тяжелѣе
Становится... Во мнѣ слабѣетъ духъ,
И въ тайныхъ снахъ мерещится мнѣ близокъ—
День черной гибели...

«НОТОН. ВѢСТН.», ФЕВРАЛЬ, 1911 г., т. СХІІІ.

Голосъ за сценой.

Жилъ да былъ король на свѣтѣ,
И однажды—тра-ла-ла—
Погулять ему охота
Въ ночь осеннюю пришла.

Изъ дворца онъ вышелъ тайно,
Онъ по площади идетъ
И во мглѣ полночной видитъ
Предъ собою эшафотъ.

На высокомъ эшафотѣ
Плаха черная, топоръ...
Тра-ла-ла, король нашъ въ полночь
Пересталъ гулять съ тѣхъ поръ.

Янъ.

Какая пѣсня дикая: веселье
Звучитъ въ ней ужасомъ... но этотъ голосъ
Знакомъ мнѣ... Это Липсъ поетъ...

Зоветь.

Эй, пажъ!

Пажъ входитъ.

На площади тамъ кто-то пѣлъ—ты слышалъ?—
Поди и позови сюда пѣвца.

Пажъ уходитъ и возвращается съ Липсомъ Ванъ-Штратеномъ.

СЦЕНА II**Янъ, Ванъ-Штратенъ.****Янъ.**

Липсъ, здравствуй! Я твою услышалъ пѣсню,
Узналъ твой голосъ...

Ванъ-Штратенъ.

Это хорошо,
Что ты своихъ друзей не забываешь
И въ счастіи... Давненько мы съ тобой
Не видѣлись. Съ тѣхъ поръ особой важной
Успѣлъ ты сдѣлаться...

Янъ.

А ты, другъ Липсъ,
Гдѣ пропадалъ? Тебя не видно было
Въ тѣ дни тревожные, какъ за Сіонъ
Сражались мы.

Ванъ-Штратонъ.

Коль правду знать ты хочешь,
Скажу тебѣ: до музыки мечей
Я небольшой охотникъ и овацій
Побѣдныхъ тоже не люблю. Ей-ей,
Мнѣ уши прожужжали ликованья
И крики дикіе народа... Есть
Тутъ на окраинѣ шинокъ чудесный
Подъ вывѣскою «Къ Розѣ». Въ немъ пріютъ
Себѣ нашелъ спокойный я...

Янъ.

Да что же
Ты дѣлаешь?

Ванъ-Штратонъ.

Все то же, что и прежде:
Фиглярствую, пою смѣшныя пѣсни
И даже представляю королей
Предъ пьяницами. На меня, надѣюсь,
Не будешь ты сердиться, что теперь
Въ твоихъ роляхъ порой я выступаю:
Вѣдь ты въ шинкѣ играть уже не станешь,
Пошире нынче сцена у тебя,
И обстановка будетъ побогаче...

Смѣется.

Что ты вздыхаешь? Или недоволенъ
Ты новой публикой? Но вѣдь народъ
Тебя здѣсь чествуетъ...

Янъ.

Народъ—ребенокъ.
Ему свобода новая игрушка:
Въ порывѣ дѣтскаго веселья ею
Онъ тѣшится, готовый изломать
Ее изъ любопытства, иль каприза...
Да, скиптромъ и короной я владѣю,

Но—какъ ты думаешь—кто признаетъ
 Меня здѣсь королемъ законнымъ?.. Видишь,
 Вонъ тамъ у входа въ пышный мой дворецъ
 Лежать два пса...

Ванъ-Штратенъ.

Чудовищные звѣри...

Янъ.

Такъ знай же, лишь для этихъ вѣрныхъ псовъ
 Король я настоящій... Если въ Мюнстеръ
 Рать Вальдека ворвется, торжествуя,—
 Покинуть всѣ меня, лишь эти двое
 Мнѣ не измѣнять и умрутъ со мной.

Ванъ-Штратенъ.

Однако, мнѣ сдается, новой сценой
 Не очень обольщенъ ты... Слушай, Янъ,
 Тебѣ совѣтъ я добрый дамъ. Конечно.
 Ты сана королевскаго достоинъ:
 Въ бою ты храбръ и рѣчи говорить
 Умѣешь ты къ народу превосходно...
 А все-таки теперь такая каша
 Тутъ заварилась, что ее едва ль
 Ты расхлебаешь... Лучше бь по здорову
 Да по добру уйти тебѣ отсюда
 Изъ Мюнстера...

Янъ.

Мой другъ, ты запоздалъ
 Съ твоимъ совѣтомъ. Если бь и хотѣлъ я,
 То не могу уйти... Скажи мнѣ, Липсъ:
 Быть можетъ, ты чего-нибудь желаешь?
 Я сдѣлаю...

Ванъ-Штратенъ.

Мнѣ ничего не нужно.
 Своею долей я доволенъ, Янъ.
 Повѣрь мнѣ: королей играть гораздо
 Спокойнѣе въ шинкѣ, чѣмъ во дворцѣ...
 Прощай.

Уходить.

СЦЕНА III.

Янъ, Тиланъ.

Янъ одинъ.

Онъ въ мудрости своей безпечной
Счастливей, чѣмъ я въ своемъ безумьѣ:
Своей дорогой онъ идетъ,
А я стремлюсь неудержимо въ пропасть,
Куда я брошенъ властною судьбой.
Я одинокъ. Мнѣ душу омрачаетъ
Туманъ тяжелыхъ думъ... Я одинокъ...
Звѣзда любви передо мной блеснула
На краткій мигъ—и лучъ ея погасъ,
Быть можетъ, навсегда... О, гдѣ ты, Гилла,
Зачѣмъ, зачѣмъ покинуть я тобой?..
Вернешься ль ты ко мнѣ?..

Входитъ Тиланъ.

Что скажешь, Тиланъ?

Тиланъ.

Печальное извѣстье, государь,
Привезъ гонецъ. Погибли тѣ пророки,
Которыхъ разослалъ ты возвѣщать
Ученіе Сіона: ихъ схватили
И пытками замучили палисты.

Янъ.

Настанетъ день—и мучениковъ смерть
Отметится Вальдеку!

Тиланъ.

Тебѣ подарокъ

Онъ посылаетъ...

Янъ.

Мнѣ?

Тиланъ.

Да, государь:
Монахи принесли какой-то ящикъ...

Янъ.

Введи сюда монаховъ...

Тиланъ уходитъ.

Можетъ быть,
Вступить въ переговоры Вальдекъ хочетъ...
Но странныхъ посланцевъ онъ выбралъ...

СЦЕНА IV.

Янъ, монахи.

Входятъ четверо монаховъ съ гробомъ, покрытымъ траурнымъ покровомъ. Они молча ставятъ передъ Яномъ гробъ и снимаютъ покровъ.

Янъ съ крикомъ ужаса.

Гилла!

Бросается къ гробу и обнимаетъ трупъ.

Мертва!.. Убита!.. рана на груди
Кровавая... о, горе, горе, горе...

Рыдаетъ. Потомъ порывисто встаетъ и хватаетъ одного монаха, въ ярости, весь дрожа.

Во имя Бога—отвѣчай, монахъ:
Кто сдѣлалъ это дьявольское дѣло?

Монахъ.

Епископа она убить хотѣла,
Но отвратилъ Господь ударъ: рука
Убийцы дрогнула. Въ порывѣ злобы
Иль, можетъ быть раскаянья сама
Преступница покончила съ собою...
Ея предсмертное желанье было,
Чтобы тебѣ для погребенья отдалъ
Епископъ прахъ ея. Мольбу несчастной
Онъ не отвергъ...

При началѣ рѣчи монаха входитъ Дивара. Она остается въ глубинѣ сцены. Янъ не замѣчаетъ ее, даетъ знакъ, чтобы монахи удалились; они—уходятъ.

СЦЕНА V.

Янъ, Дивара.

Янъ склоняется надъ трупомъ Гиллы и
смотреть въ ея лицо.

Твои глаза закрыты,
И никогда я не увижу свѣтъ
Прекрасныхъ этихъ звѣздъ, что озаряли
Лучами кроткими любви меня...
Твои уста сомкнуты... Не услышу
Я никогда ихъ лепетъ, полный ласки,

И поцѣлуемъ не отвѣтять мнѣ
Они на страстное лобзанье... Тайну
Твоихъ предсмертныхъ думъ ты унесла
Въ могилу навсегда... и кто мнѣ скажетъ,
За что себя ты погубила?..

Дивара.

Я!

Ей не достало мужества и силы
Исполнить замысль—убить того,
Кто овладѣлъ навѣки, безвозвратно
Ея любовью дѣвственной...

Янь.

Ты лжешь

Она меня любила...

Дивара.

Нѣтъ, мечтою

Она тебя прельщала и свое
Измученное сердце. Не изъ мести
За преступленье Вальдека убійство
Она задумала;—въ душѣ своей
Любовь къ нему хотѣла уничтожить
Убійствомъ этимъ—да!.. Но не могла
Съ порывомъ жалости невольной сладить
И за свою презрительную слабость
Сама себя казнила.

Янь.

Демонъ злой

Неукротимой ревности и страсти!
Ужель предъ тѣломъ бездыханнымъ той,
Чей духъ теперь на небесахъ витать,
Ты можешь клеветою оскорблять
Ея святыя чувства и страданья?

Дивара.

Нѣтъ клеветы въ моихъ словахъ. Ты самъ
Въ душѣ невольно сознаешь ихъ правду.

Янь.

Не растрavляй моихъ мученій боль
Ужасной, ненавистной этой правдой!
Съ небесной выси ты бросаешь въ прахъ
Мечту моей любви, что сочеталась
Съ мечтой о счастья и свободѣ мира.

Вѣдь вѣрилъ я, что послано судьбой
 Прекрасное и чистое созданье
 Затѣмъ, чтобъ поддержать меня въ борьбѣ
 За благо человѣчества... и чѣмъ же
 Судьба отвѣтила на эту вѣру...

Падаютъ съ рыданіями на трупъ Гиллы.

Дивара.

Несправедливъ твой ропотъ на судьбу:
 Ея рукой ты приведенъ къ престолу.
 Ужели смерть несчастной, слабой дѣвы
 Такъ сокрушила духъ твой, что готовъ
 Ты позабыть свое предназначенье?

Янъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Пусть рокъ наноситъ мнѣ ударъ—
 Я выдержу его!.. И за могилой,
 И мертвая звѣздой путеводной
 Она мнѣ будетъ въ небесахъ сіять—
 Клянуся въ томъ надъ этимъ блѣднымъ трупомъ!
 О первая избранница моей
 Любви святой! Тебя не позабуду
 Я никогда...

Цѣлуетъ трупъ Гиллы.

Прими

Мой поцѣлуй послѣдній и прощальный!
 Теперь ужъ онъ не оживитъ тебя,
 Не вызоветъ изъ гробовой темницы,
 Какъ оживилъ и вызвалъ онъ изъ кельи
 Монастыря... Прости навѣки!..

Встаетъ.

Тиланъ!

Тиланъ входитъ.

Распорядись, чтобъ взяли этотъ трупъ.
 Пусть гробъ въ соборѣ выставятъ. Народу
 Пусть возвѣстятъ о подвигѣ усопшей?..

Тиланъ вводитъ четырехъ стражей, которые уносятъ гробъ. Янъ рыдаетъ.

Дивара.

Янъ, дорогой...

Янъ.

Дивара, я, прошу,
 Не утѣшай меня. Слово утѣшенья
 Я не пойму. Мое разбито сердце,
 И голосъ сожалѣнья не найдетъ
 Въ немъ отклика... Но ты не разъ хвалилась,
 Что тайной силою волшебныхъ чаръ
 Ты усыплять умѣешь муки горя—
 Такъ сдѣлай это надо мной теперь!
 Меня покинулъ свѣтлый духъ эдема:
 Въ отчаяннѣ мучительномъ могу
 Я съ жизнію покончить... Призови же
 Своихъ волшебныхъ демоновъ ко мнѣ:
 Пускай они мнѣ душу отуманяютъ
 Безуміемъ забвенья и спасутъ
 Онъ рокового, страшнаго желанья
 Покоя смерти.

Дивара склоняясь къ ногамъ Яна.

Нѣтъ, я призову
 Не демоновъ—мнѣ не нужна ихъ помощь,—
 Свою любовь я, милый, призову,—
 Она спасетъ тебя... Ты долженъ жить
 И будешь жить для радости и счастья!
 Твою убитую тоскою душу.
 Я лаской очарую... Усыплю
 Твои страданья нѣгой наслажденья.
 Подъ звуки сладкіе моей теорбы
 Тебѣ я буду нѣсни напѣвать
 О золотыхъ видѣніяхъ свободы.
 Въ моихъ объятыхъ жаркихъ ты забудешь
 Печальный сонъ погибнувшей любви
 И вновь пробудишься для свѣтлой жизни.
 Съ чела, что свѣтитъ юности красой,
 Ты сбросишь черный саванъ думъ могильныхъ,
 И вновь надъ нимъ заблещетъ ореолъ
 Любви и силы, славы и величья!

Занавѣсъ.

КАРТИНА II.

Та же декорация. Заль ярко освѣщенъ. Драпировка задней арки открыта. Площадь и городскія зданія въ глубинѣ сцены окутаны ночьюю тьмою. Кой-гдѣ въ окнахъ чуть брезжутъ огни.

СЦЕНА I.

Янъ, Дивара, Ротманъ, гости, танцовщицы.

Всѣ сидятъ за столомъ. Пажи наливаютъ и разносятъ вина. Въ глубинѣ сцены, на ступеняхъ террасы, хоръ и музыканты. Общее оживленіе. Подъ звуки флейтъ, тамбуриновъ, арфъ и цимбалъ, выбѣгаетъ красивый мальчикъ въ видѣ амура. Онъ держитъ круглый фонарь розоваго цвѣта, направляя его лучи на группу выступающихъ за нимъ танцовщицъ въ костюмахъ вакханокъ. Дикій и страстный танецъ. Пирующіе привѣтствуютъ рукоплесканіями танцовщицъ. Янъ сидитъ мрачный, погруженный въ думу. Лицо его осунулось. Взглядъ то блуждаетъ, какъ будто въ ужасѣ, то останавливается.

Дивара Яну.

Что ты такъ блѣденъ и печаленъ, Янъ?
Зачѣмъ молчаніемъ и мрачнымъ взглядомъ
Своихъ гостей смущаешь?.. Или вновь
Утраченной любви могильный призракъ
Ты видишь предъ собою?

Янъ.

Успокой

Ревнивыхъ думъ напрасную тревогу.
Разстался я съ безумною тоской
О счастья быломъ. Иною скорбью
Теперь я полонъ...

Дивара.

Но о чемъ же ты

Печалишься?

Янъ.

Твой мужъ, въ бою погибшій,
Сказалъ однажды вѣщей правды слово:
«Велико и могуче наше время,
Но слабы и нечисты въ насъ сердца».
Въ безумной гордости замыслилъ я
Создать свободы царство, гдѣ бы правда
Была закономъ и для всѣхъ равно
Распредѣлялись жизненныя блага.

Я думалъ, что народъ пойметъ меня
И приметъ радостно и добровольно
Дары святой свободы... Но теперь
Я убѣдился—надо быть тираномъ,
Чтобъ править безразсудною толпой.
Когда толпу въ покорности не держать
Властителя желѣзная рука—
Она въ безумной мечется тревогѣ,
И каждый площадной крикунъ ведетъ
Ее туда, куда онъ пожелаетъ...

Дивара.

Янъ, дорогой мечтатель мой, оставь
Заботу о судьбѣ людей... Отдайся
Иной заботѣ: для себя живи
И пей изъ кубка наслажденья... Что же
Ты вновь замолкъ и будто въ даль глядишь
Съ тревогою и ужасомъ?

Янъ.

Дивара,

Замѣтила ли ты, что въ эти дни
Надъ Мюнстеромъ съ унылымъ дикимъ крикомъ
Носились стаи вороновъ?... Они
Зачуяли, должно быть, трупы...

Дивара.

Полно...

Очнись... Ты на пиру... Всѣ на тебя
Глядятъ и ждутъ твоихъ рѣчей привѣтныхъ...
Вѣдь ты король ихъ...

Янъ.

Да, я ихъ король
И потому я долженъ быть веселымъ
Для всѣхъ, какъ шутъ...

Смѣется.

Ну, что же—я готовъ
Развеселиться и гостей потѣшить
Весѣдою живой...

Обращается къ Ротману,

Ты видѣлъ, Ротманъ,

Сейчасъ смѣялся я?

Ротманъ.

Да, государь.

Янъ.

А знаешь почему? Я вспомнилъ басню
Старинную: пришелъ святой пророкъ
Съ учениками въ голую пустыню,
Гдѣ жили свиньи дикія однѣ.
Ученики просили у пророка,
Чтобъ онъ людьми пустыню заселилъ.
Пророкъ исполнилъ просьбу ихъ: ногою
Коснулся онъ чурбана, на дорогѣ
Лежавшаго, и тотчасъ же съ земли
Поднялся человекъ и молвилъ гнѣвно:
«Что жъ ты толкаешься? Я здѣсь лежать
Хочу чурбаномъ»...

Смѣется.

Такъ и насъ съ тобою
Теперь въ Сіонѣ укоряють тѣ,
Кого въ людей мы обратили... Кстати:
Ты кончилъ книгу мудрую свою:
«О красотѣ и правдѣ и величьи
Сіона Новаго?»

Ротманъ.

Нѣтъ, государь,
Еще не кончилъ.

Янъ.

Поспѣши. Боюсь я
Заглавіе трактата твоего
Перемѣнить придется, коль замедлишь
Еще немного.

Ротманъ.

Какъ—перемѣнить?

Янъ.

Ну, напримѣръ, хотъ этакъ: «О безумьи
Содома новаго»...

За сценой голоса женщины. Входитъ пажъ.

Пажъ.

Желають видѣть
Тебя Сіона жены, государь.

Янъ.

Я радъ принять ихъ.

Пажъ уходитъ.

Гости дорогіе

Надѣюсь не осудятъ, что король
Не хочетъ даже въ часъ отдохновенья
Свободныхъ женъ Сіона огорчить
Отказомъ ихъ желанія. Красавиць
Желанія должны мы исполнять
Немедленно—не правда ли, Дивара?..

Смѣется.

СЦЕНА II.

Тѣ же и женщины.

Янъ.

Привѣтствую васъ, гражданки Сіона!
Мой весель пиръ, но съ вами веселѣй
Еще онъ будетъ.

Первая женщина.

Мы не для веселья
Тебя тревожимъ, добрый государь,
Мы съ просьбою пришли къ тебѣ...

Янъ.

О чемъ же

Вы просите?

Первая женщина.

Собраніе мужей
Свободнаго Сіона не желаетъ
Давать намъ голоса и даже насъ
Къ тебѣ не допускаетъ въ дни, когда ты
На площади вершишь народный судъ.
Вотъ почему рѣшились потревожить
Мы въ неурочный часъ тебя. Властитель,
Дозволь намъ высказать передъ тобой,
Что сердце намъ внушаетъ.

Янъ.

Говорите.

Первая женщина.

Мы умоляемъ, отмѣни законъ,
 Которымъ ты мужьямъ дозволилъ нашимъ
 Брать многихъ женъ. Мужей и жениховъ
 Любили прежде мы, теперь же стали
 Они намъ ненавистны. Христіанамъ
 Нельзя такимъ обычаемъ жить, какъ турки
 Поганые живутъ. Вѣдь за любовь
 Любовь дается и за вѣрность—вѣрность.
 Кричатъ въ Сіонѣ о свободѣ всѣ,
 Даютъ свободу всѣмъ: такъ для чего же
 Однѣ лишь женщины обречены
 На рабство предъ мужьями?.. Униженья
 Постыднаго мы не хотимъ теперь...
 И правъ одной жены въ угоду мужу
 Съ другою раздѣлять не будемъ мы!

Вторая женщина.

Вотъ я: я съ мужемъ десять лѣтъ жила
 Въ согласьи и въ ладу. Теперь находить
 Мой мужъ—я больше не годна ему...
 А я свѣжа, здорова и красивѣй.
 Чѣмъ прежде: дѣвчонкою худой
 Вѣдь я была, какъ выходила замужъ...
 Но вотъ поди же, промѣнялъ меня
 Мужъ на какую-то поганку, куклу,
 Ввелъ въ домъ ее, какъ новую жену,
 Правами онъ ее со мной равняетъ...
 Сносить такой позоръ нѣтъ больше силъ!

Третья женщина.

Для нихъ, уже пожившихъ, только муки
 Обычай новый далъ, а легче ль онъ
 Для насъ, для молодыхъ, не знавшихъ жизни?
 Насильно замужъ насъ берутъ, приводятъ
 Въ семейство мужа, гдѣ привыкла править
 Хозяйка прежняя, и отъ нея
 Встрѣчаемъ мы упреки, брань, гоненье.
 Любовный, нѣжный мужа взглядъ на насъ
 Ревнивую въ ней возбуждаетъ злобу.
 Какъ ни былъ бы хорошъ супругъ—не смѣемъ
 Его любить мы явно... Неужель
 Все это—радость, счастье брачной жизни?

Янь.

Насколько я могу понять—терзаетъ
Васъ ревность. Хочетъ каждая изъ васъ
Лишь для одной себя имѣть супруга.
Но коль жена увѣрена, что нѣтъ
У ней соперницы,—она невольно
Охлаждѣваетъ къ мужу. А когда
Ее волнуетъ ревности тревога—
Въ ея груди сильнѣе жаръ любви,
Она нѣжнѣй и ласковѣе къ мужу,
Бойтсѣ оскорбить его капризомъ,
Иль равнодушiемъ... Вотъ почему,
Сiона женщины, вамъ подчиняться
Необходимо новому уставу...

Четвертая женщина.

Коль ты для женъ Сiона отмѣнить
Уставъ несправедливый не желаешь,
Такъ окажи хоть незамужнимъ милость:
Вели, чтобъ силой ихъ не принуждали
Къ замужеству. Дозволь намъ, государь,
Свободный выборъ по влеченiю сердца...
Вотъ умоляю я о чемъ тебя.

Янь.

Объ этомъ умолять тебѣ не надо,
Красавица. Повѣрь мнѣ, ты найдешь
Любимаго и молодого мужа...

За сценой шумъ.

Что тамъ такое?..

Голосъ Тилана, за сценой.

Видѣть короля

Теперь нельзя...

Голосъ Крехтинка.

Но если допускаетъ
Король Сiона гражданокъ на пиръ,
Такъ почему же граждане не могутъ
Его привѣтствовать?

Янь глѣвно.

Эй, Тиланъ!

Тиланъ входитъ.

Кто

Тамъ дерзко такъ кричитъ?

Тиланъ.

Съ толпой народа
Бродяга сумасшедшій ворвался...
Но успокойся, государь: прогнать
Толпу сейчасъ же стража...

Янъ.

Знай, старикъ,
Разъ навсегда, что къ королю свободы
Всегда свободенъ для народа путь.
Пусть всѣ войдутъ.

Тиланъ уходитъ.

Дивара.

Ты своеволью черни
Напрасно потекаешь, Янъ.

Янъ.

Въ Сіонѣ
Всѣ граждане равны, и черни нѣтъ
Въ моей державѣ.

Входятъ: Тиланъ, Крехтинкъ и толпа.

СЦЕНА III.

Тѣ же Крехтинкъ, Тиланъ, толпа.

Крехтинкъ выступивъ впередъ.

Отъ лица народа
Я приношу тебѣ, король, привѣтъ!

Янъ.

Но почему жъ не самъ народъ, а ты
Меня привѣтствуешь? Кто ты такой?

Крехтинкъ.

Я Крехтинкъ.

Янъ.

Ты Крехтинкъ... Это имя ничего
Не говорить.

Крехтинкъ.

Я вождь народный.

Янь.

Тебя воздемь поставишь?

Кто же

Крехтинкъ.

Самъ народъ.

Янь.

Чѣмъ заслужишь ты званіе такое
Почетное?

Крехтинкъ.

Всего первѣе—глоткой.

Янь.

Какъ—глоткой?

Крехтинкъ.

Глотка очень у меня
Широкая. Могу кого угодно
Перекричать.

Янь.

Однако что же, другъ,
Народу ты кричишь?

Крехтинкъ.

Кричу я правду,
Одну лишь правду.

Янь.

Правда хороша,
Когда она отъ разума; а разумъ
Работать любить въ тишинѣ, и крикъ
Противень разуму. Кричать и звѣри
Умѣютъ... Ты кричалъ передъ толпою...

Крехтинкъ.

Да, а теперь вотъ во дворецъ пришелъ,
Чтобы и ты, король свободы, слышалъ
Мой крикъ о правдѣ.

Янь.

Хорошо. Тебя
Мы слушаемъ. Ну, что же ты намъ скажешь?

«истор. вѣстн.», мартъ, 1911 г., т. сxxiii.

6

Крехтинкѣ.

Да что тутъ много говорить... Сейчасъ
 Сіона женщины передъ тобою
 На участь плакались свою: для нихъ
 Обычай многоженства сталъ несносенъ.
 И точно: надо уничтожить этотъ
 Пустой уставъ—въ Сіонѣ онъ не нуженъ.
 Коль мы имуществомъ владѣемъ общимъ—
 Пусть будутъ жены общія у насъ,
 Чтобъ не завидоваль одинъ другому,
 Что у того красивѣе жена...

Голоса.

— Какъ—жены общія?—Возможно ль это?

Ротманъ.

Не слушай, государь, такихъ рѣчей.
 Вѣдь это рѣчи грубаго безумца,
 Иль пьянаго.

Крехтинкѣ.

Что я немного выпилъ—
 Не отрекусь... Но въ чемъ же тутъ безумье?
 По здравому разсудку я сужу,
 Откинувъ бредни о любви, о сердцѣ,
 Грѣхъ и прочихъ глупостяхъ, какими
 Морочите вы, мудрецы, людей,
 Свободу ихъ желаній подчиняя
 Законамъ... что такое вашъ законъ?—
 Дверь задняя для всякаго тиранства!
 Затѣмъ чтобы свободу запрещать,
 Вы создаете разные законы.

Янъ.

Законъ разумный запрещаетъ то,
 Что совѣсти противно человѣка.

Крехтинкѣ.

А что такое совѣсть? Западня,
 Устроенная для глупцовъ? Взгляните
 Вы на звѣрей: они живутъ умнѣе
 И смѣло, прямо то берутъ, что могутъ
 Себѣ на долю взять. Ни у кого—
 Ни у небесъ, ни у людей не просятъ

На это разрѣшенья. Вотъ и мы
Должны себѣ такую жизнь устроить,
Чтобъ не было законовъ и властей,
Чтобъ запрещенія и разрѣшенья къ чорту
Всѣ провалились вмѣстѣ съ тѣми, кто
Навязываетъ ихъ свободнымъ людямъ!

Голоса.

— Довольно!—Государь, вели прогнать
Безпутнаго и дерзкаго бродягу...

Янъ.

Ты слышишь, другъ? Иди жъ съ своею правдой,
На улицахъ и въ кабакахъ кричи
О ней, какъ хочешь... А еще бы лучше
Ты сдѣлалъ, если бъ пересталъ кричать
О томъ, что люди быть должны скотами.

Даетъ знакъ Тилану, чтобы онъ удалилъ Крехтинка; Тиланъ уводитъ Крехтинка.

Не правда ль, Ротманъ, вѣрно я сказалъ:
Сіонъ нашъ можетъ обратиться скоро
Въ Содомъ безумный. Новые пророки
На смѣну намъ явились, и у нихъ
Ученье новое...

Ротманъ.

Не стоять, государь,
На бредъ нелѣпый пьянаго глупца
Намъ обращать вниманья...

Янъ.

Да, не стоять...
Ты правъ. Тревожныя отбросимъ думы
И на пиру веселомъ будемъ мы
Себя весельемъ забавлять...

Дивара,

Возьми волшебную твою теорбу
И спой намъ пѣснь любви и наслажденья,
Чарующую пѣсню давнихъ дней,
Когда одной любовью жили люди,
Не зная зла...

Дивара.

Я рада, мой король,
Что ты развеселился и улыбкой
Томленье думъ тяжелыхъ замѣнилъ.

Поетъ, аккомпанируя на теорбѣ.

Ты мою красу замѣтилъ—
 Наслаждение лови!
 Гдѣ бы ты меня ни встрѣтилъ—
 Встрѣтишь счастье любви.

* * *

Въ утра часъ у скаль залива,
 Какъ съ волной играю я,
 Беззаботна и счастлива,—
 О тебѣ мечта моя

* * *

Въ полдень знойный, какъ дремлю я
 Подъ зеленою листвою,
 Въ грезахъ нѣгу поцѣлуя
 Я дѣлю съ тобой, съ тобой.

* * *

И когда надъ нами пологъ
 Спуститъ ночь—на мой призывъ
 Ты придешь и будетъ дологъ
 Нашихъ страстныхъ ласкъ порывъ!..

Хоръ.

Ты красу ея замѣтилъ—
 Наслажденья мигъ лови!
 Гдѣ бы ты ее ни встрѣтилъ—
 Встрѣтишь счастье любви.

За сценой отдаленный шумъ и выстрѣлы. Вбѣгаетъ Тиланъ съ нѣсколькими вооруженными гражданами.

СЦЕНА IV.

Тѣ же, Тиланъ.

Тиланъ.

Спасайся, государь!.. Отрядъ папистовъ
 Въ Крестовыя ворота ворвался...
 Измѣнники впустили ихъ... Бѣги!..
 Ландскнехты Вальдека ужъ близко... Стража
 Не можетъ удержать ихъ...

Общее смятеніе.

Голоса.

— Мы погибли.—

— Ландскнехты Вальдека! — Спасайтесь!..

Мечутся въ ужасѣ — одни къ выходу на площадь, другіе во внутренніе покои дворца, опрокидывая въ послѣднемъ бѣгствѣ столъ, кубки, скамьи и т. п.

Янъ.

Тиланъ,

Дай мечъ мнѣ! Мечъ!

Выхватываетъ мечъ изъ рукъ Тилана.

Дивара удерживая Яна.

Уйдемъ скорѣе, Янъ...

Уйдемъ... я умоляю...

Тиланъ, также пытаясь его удержать.

Государь,

Тебѣ бы лучше скрыться...

Янъ отстраняя его.

Прочь!

Коль умереть мнѣ суждено—умру я
Въ бою съ врагомъ!..

Бросается на террасу. Выстрѣлъ. Янъ падаетъ на ступени террасы со стономъ. Тиланъ и Дивара склоняются надъ нимъ.

Дивара.

Они тебя убили...

Я вижу кровь...

Янъ прерывающимся голосомъ.

Я раненъ...

Дивара.

Собери

Всѣ силы... изъ дворца подземнымъ ходомъ
Мы выйдемъ...

Янъ.

Тиланъ, помоги мнѣ

Подняться...

Съ помощью Тилана и Дивары онъ встаетъ.

О, проклятіе... зачѣмъ
Не въ сердце пораженъ я ... Смерть была бы
Отрадой для меня...

Дивара.

Идемъ, идемъ...

Увлекаетъ его во внутреннія комнаты. Тиланъ слѣдуетъ за ними. Съ площади все ближе и ближе доносятся крики и гулъ битвы. На террасу врываются ландскнехты и бьются со стражей и гражданами. Огни въ залѣ гаснутъ. На сценѣ полная темнота, сквозь которую мелькаютъ тамъ и тутъ факелы, блескъ оружія мечущихся бойцовъ. Лязгъ мечей и сѣкиръ, крики и грохотъ бѣшеной свалки.

Занавѣсъ

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорация перваго дѣйствія. Ночь. Разорванныя грозовыя тучи проносятся надъ скалами. Молнія и раскаты грома. Изъ-за тучъ начинается выплывать дискъ мѣсяца.

СЦЕНА I.

Дивара, Тиланъ, Янъ.

Янъ лежитъ на камнѣ, внизу скалы; Дивара поддерживаетъ его голову, на колѣняхъ; Тиланъ около Дивары, стоитъ.

Дивара.

Онъ умираетъ, Тиланъ... у него
Глаза закрылись... прервалось дыханіе...

Тиланъ.

Нѣтъ, государыня, не бойся... Нѣтъ—
Онъ живъ. Онъ въ лихорадочномъ жару...
Когда его съ коня снималъ я, рана
Раскрылась, отъ потери крови онъ
Лишился чувствъ. Здѣсь, свѣжестію лѣса
Обвѣянный, очнется онъ
И отдохнетъ...

Дивара.

Мнѣ кажется, какъ будто
Свѣтлѣе стало... Ахъ, когда бы скорѣй
Прошла ночь ужаса и смерти...

Тиланъ.

Утро

Еще далеко... Но гроза затихла,
Уходятъ тучи и проглянулъ мѣсяцъ...

Я, государыня, пойду къ конямъ:
Теперь погоня больше не грозитъ намъ,
Немного здѣсь вздохнемъ... и снова въ путь...

Дивара.

Иди, иди, мой добрый Тиланъ. Отдыхъ
Вѣдь нуженъ и тебѣ... Иди.

Тиланъ уходитъ.

СЦЕНА II.

Дивара, Янъ.

Янъ въ бреду.

Мой мечъ...

Мой мечъ... Я вырублю ступени
Въ скалѣ высокой... и пойду... пойду я
Туда... до неба... тамъ Сіона тронъ...
Перевяжите рану... кровь изъ раны
Бѣжить волной... мой гаснетъ взоръ... Открой
Глаза мнѣ, Гилла... Такъ... Я вижу свѣтъ...
Я вижу свѣтъ... Теперь легко мнѣ...

Открываетъ глаза.

Дивара.

Янъ,

Очнулся ты... Я думала, ты умеръ...
Меня ты слышишь?.. Узнаешь?

Янъ.

Гдѣ я?..

Озирается блуждающимъ взглядомъ.

Мнѣ кажется, со мной ужъ это было?..
Свѣтиль вотъ такъ же мѣсяць... Со скалы
Бѣжалъ потокъ серебряный... Иль это
Во снѣ все видѣлъ я?.. Иль, можетъ быть,
Я умеръ и томлюсь я грезой смерти...

Дивара.

Нѣтъ, нѣтъ—ты живъ... Къ тебѣ вернулась память:
Ты ночь припоминаешь ту, когда
Съ тобою здѣсь мы встрѣтились впервые...
Мы въ Давертскомъ лѣсу... Вонъ та скала
У водопада—здѣсь ты съ Матиссономъ
Стоялъ тогда...

Янь.

Да... помню я... Пророкъ
Избралъ меня подъ этимъ звѣзднымъ небомъ
Вождемъ Сіона братьевъ... Сердцемъ чистъ
Я былъ въ тѣ дни и вѣрилъ... помню... помню...
Но это все прошло вѣдь... Для чего же
Я снова здѣсь?..

Дивара.

Ты въ обморокъ былъ,
Тебя сюда перенесли... Пещера
Здѣсь недалеко есть: мы въ ней найдемъ
Пріютъ надежный... Тамъ я скрыла много
Сіона драгоценностей... Никто
Насъ не отыщетъ тамъ... Когда жъ дороги
Свободны будутъ—тайно мы уйдемъ
Въ далекій край... и будемъ наслаждаться
Спокойнымъ счастьемъ... Но ты меня
Не слушаешь... твой взоръ блуждаетъ... страшень
Твой помертвѣлый ликъ...

Янь порывисто приподнимается.

Теперь я понялъ...

Теперь я вспомнилъ все...

Рыдаетъ.

Такъ въ эту ночь
Погибъ Сіонъ мой...

Новыя рыданія.

Вальдека ландскнехты
Тамъ, въ Мюнстерѣ, во прахѣ топчутъ трупы
Борцовъ свободы... а меня, меня—
Ихъ короля, вождя ихъ, ты склоняешь
Спастись постыднымъ бѣгствомъ, чтобы жить
Въ безвѣстности ничтожества... Проклятье!..
Прочь отъ меня!

Отталкиваетъ ее.

Дивара.

Янь, дорогой, очнись,
Ты снова бредишь въ лихорадкѣ... Рану
Обмою я тебѣ... перевяжу,
И бредъ безумный отойдетъ...

Янъ.**Безумьемъ**

Считаешь ты мои слова... **Нѣтъ, нѣтъ**—
 Не брежу я... Теперь мой разумъ ясенъ...
 Меня при жизни побѣдить могла ты
 Своими чарами... Но не удастся вновь
 Предъ смертью побѣдить... Уйди, уйди...
 Оставь меня... хочу я одиноко
 Покончить съ жизнью...

Дивара.

Мой милый, успокойся... Не волнуй
 Себя печальною мечтой о смерти.
 Ты будешь жить... я смерти не отдамъ
 Жизнь дорогую мнѣ...

Съ плачемъ обнимаетъ его.

Янъ съ ужасомъ.**Не прикасайся**

Ко мнѣ... Огонь твоихъ безстыдныхъ ласкъ
 Сжигаетъ душу мнѣ... Улыбкой лживой
 Не обольщай меня—она насмѣшка
 Надъ слабостію воли человѣка,
 Осиленаго вождельнѣемъ страсти...
 Глубокими и темными очами
 Мнѣ не заглядывай въ глаза—я вижу
 Въ нихъ мракъ той ночи хаоса, что вѣчно
 Со злобою убійцы поглощаетъ
 Лучъ каждый свѣта правды и добра...

Вырывается изъ ея объятій.

Прочь отъ меня—я говорю тебѣ!..
 Ты видишь: умираю я... Такъ дай
 Мнѣ умереть спокойно...

Падаетъ въ изнеможеніи и смотритъ лихорадочнымъ пристальнымъ взглядомъ
 въ даль.

Дивара склонившись надъ нимъ, въ отчаяніи.

Боже, сжался

Надъ нимъ и надо мною... Утоли
 Мученья думъ его мятежныхъ...

Янъ въ мистическомъ экстазѣ.

Тиге...

Ты слышишь?.. Неба голоса звучать...
 Все ближе... ближе... слышишь?

Дивара.

Я ничего не слышу...

Янъ.

Тамъ,

На высотѣ... ты видишь... тьмы завѣса
Разорвалась... смотри... смотри...

Дивара.

Тамъ ничего

Не видно, Янъ... ты грезидь въ лихорадкѣ...

Янъ.

Какъ—ты не видишь?.. Вотъ она... она
На облакахъ нисходитъ... вся въ сянби...
Съ ней сонмъ духовъ небесъ... они поють...
Ихъ пѣсня—звуки рая... Слушай... слушай...

СЦЕНА III.

Янъ, Дивара, Гилла, хоръ духовъ.

Облака надъ дальней скалою разносятся. Въ мерцающемъ лазоревомъ свѣтѣ открывается видѣніе Яна: Гилла въ вѣнкѣ изъ лилій, въ серебристо-бѣлой одеждѣ, окруженная сонмомъ дѣвъ съ пальмовыми вѣтвями и гирляндами цвѣтовъ въ рукахъ. Онѣ поють. Пѣніе, вначалѣ тихое, чуть слышное, постепенно приближается.

Хоръ.

Блещетъ свѣтъ небесъ лазурный,
Мракъ скрывается земной...
Путь тревожный жизни конченъ,
Смерти близится покой

Гилла.

Въ мигъ послѣдняго томленья
Съ горькой мукою земли,
Милый мой, любви моленья
И привѣтъ любви внемли.
Все, чѣмъ сердце волновала
Съ зломъ мятежная вражда,—
Все прошло, все миновало
Безвозвратно, навсегда.

Янь.

Да... все прошло... Но съ жизнію разлука
 Мнѣ тяжела... Какъ жалкій червь растоптанъ
 Я силой зла... и умираю я,
 Не совершивъ того, къ чему стремился...

Гилла.

Жизни горькія потери,
 Скорбь земли не вспоминай...
 Смерть тебѣ отворить двери
 Въ новый міръ, въ небесный рай.

Жизнь—печальный сонъ невзгоды,
 Смерть—блаженство наяву...
 Въ царство вѣчное свободы
 Я зову тебя, зову!

Янь.

Я слышу зовъ твой, чистый духъ небесъ,
 И въ сердцѣ, что въ груди моей трепещетъ
 Предсмертнымъ трепетомъ, смолкаетъ скорбь
 О гибели несбывшихся мечтаній...
 Тебя утративъ на землѣ, утратилъ
 Я ту святую вѣру, что меня
 Вела къ завѣтамъ правды и свободы,
 И палъ въ борьбѣ... Но снова ты со мной—
 И я воскресъ душой... Меня зовешь ты—
 Я за тобой иду... иду ...

Порывисто поднимается, протягиваетъ руки къ видѣнію и падаетъ въ
 агоніи, устремивъ неподвижный взглядъ за исчезающимъ призракомъ.

Хоръ.

Жизнь—печальный сонъ невзгоды,
 Смерть—блаженство наяву...

Пѣніе постепенно замираетъ вдали. Видѣніе скрывается. Тьма ночи.
 Тишина.

ЗАНАВѢСЬ.

Іюль—іюль 1910.
 Мюнстеръ—Люцернъ.

В. Буренинъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и въ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1911 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Богословіе.

АГАДА. Сказанія, притчи, нареченія Талмуда и Мидрашей. Перев. съ введеніемъ С. Г. Фруга. Одесса. 1910. Ц. 1 р. 30 к.
БОЛОТОВЪ, В. В. проф. Лекціи по исторіи древней церкви. II. Исторія церкви въ періодъ до Константина В. Посмертное изданіе, подъ ред. проф. А. Бриллиантова. Спб. 1910. Ц. 3 р.
МАТЕРИАЛЫ къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества, подъ ред. В. Бончъ-Бруевича. Вып. IV. Новый Израиль. Съ предислов. и примѣч. В. Бончъ-Бруевича. Съ иллюстр. Спб. 1911. Ц. 5 р.

СИБИРЯКОВЪ, А. Православная русская церковь во имя Св. Николая и св. мученицы царицы Александры въ Ниццѣ. Спб. 1910. Ц. 20 к.

УРАЛЬСКІЙ, А. Книга объ Антихристѣ. Ц. 1 р. 75 к.

— Исторія о существованіи священства въ старообрядческой Христовой церкви. Уральскъ. 1910. Ц. 1 р.

УТРАЧЕННЫЙ ИДЕАЛЪ. (Слово любви ко всемъ служителямъ церкви). Спб. 1911. Ц. 50 к.

Философія, психологія, логика.

БЕЗАНТЪ, А. Путь ученичества. Спб. 1911. Ц. 80 к.
БУЛГАКОВЪ, В. X. Жизнепониманіе Л. Н. Толстого. Москва. 1911. Ц. 7 к.
В. Т. Основы темпологии. Одесса. 1911. Ц. 2 р. 25 к.
КАНТЪ. Грезы духовидца, поясненныя грезами метафизика. Перев. съ нѣм. Б. П. Бурлесъ, подъ ред. А. Л. Вольнскаго. Изд. 2-е. Спб. 1911. Ц. 1 р.
КРАИНСКІЙ, Н. Психологія падшихъ людей. Вильна. 1910. Ц. 40 к.
— Теорія поананія съ точки зрѣнія энергетической психологіи. Вильна. 1910. Ц. 35 коп.
— Энергія формы въ природѣ и ея зна-

ченіе въ физиологій живого организма. Вильна. 1910. Ц. 80 к.

КУДРЯВЦЕВЪ, К. Д. Магнетизмъ, гипнотизмъ, ихъ сходство и различіе. Спб. 1911. Ц. 20 к.

НАТОРПЪ. Философская пропедевтика. (Общее введеніе въ философію и основныя начала логики, этики и психологій). Перев. съ нѣм. изд., подъ ред. и съ предисл. Б. А. Фохта. Москва. 1911. Ц. 55 к.

НОРНЪ, Н. На философскія темы. Спб. 1911. Цѣна 80 к.

РОЗАНОВЪ, В. Русская чернь. Духъ. Судьба. Очарованіе и ничтожество. Спб. 1908. Ц. 40 к.

- СЕМЕНЧИКОВЪ, В. Маздазнапъ или учение Заратустры о питаніи, дыханіи и концентрации мысли. Спб. 1910. Ц. 20 к.
 СПИРО, С. П. Вѣсѣды съ Л. Н. Толстымъ. (1909 и 1910 гг.). Москва. 1911. Ц. 50 к.
 ЧЕРТКОВЪ, В. Римскій мудрецъ Эпиктетъ, его жизнь и ученіе. Москва. 1911. Ц. 25 к.

ЧЕХЪ, В. Физиономика. Вып. I. Спб. 1911. Ц. 20 к.

ЮШКЕВИЧЪ, П. Новая вѣянія. Очерки современныхъ религиозныхъ исканій. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ЯПОНСКІЙ ФИЛОСОФЪ. Исе Тейдзю. Японская этика. Перев. съ японск. И. Е. Иванова. Москва. 1911. Ц. 20 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- АЛЕКСѢЕВЪ, В. Л. Толстой и наука. Гор. В.-Волоцкѣ. 1910. Ц. 30 к.
 БЪЛИНСКІЙ, В. Г. Статьи о Державинѣ. Со вступит. стат. и примѣч. Иванова-Разумника. Спб. 1911. Ц. 20 к.
 — Статьи о Пушкинѣ. Ч. I. Спб. 1911. Ц. 35 к.
 — Тоже. Ч. II. Спб. 1911. Ц. 40 к.
 — Статьи о Лермонтовѣ. Спб. 1911. Ц. 30 коп.
 ВЕНГЕРОВЪ, С. Собраніе сочиненій. Т. I. Героическій характеръ русской литературы. Спб. 1911. Ц. 1 р.
 ВЕНГЕРОВЪ, С. А. Собраніе сочиненій. Т. V. Дружининъ, Гончаровъ, Писемскій. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
 ВЕРЕСАЕВЪ, В. Живая жизнь. Ч. I. О Достоевскомъ и Львѣ Толстомъ. Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ, Л. Н. Толстого. 2-е изд., исправл. и дополн. Москва. 1911. Ц. 1 руб.

НАГУЕВСКІЙ, Д. Исторія римской литературы. Томъ I. Съ древнѣйшихъ временъ до эпохи Августа. 1911. Ц. 5 р. 50 к.

ФАРЕСОВЪ, А. И. Жизнь и поэзія А. П. Мекенинова. Съ портретомъ. Спб. 1911. Ц. 75 к.

ФИДЛЕРЪ, Ф. Ф. Первые литературные шаги. Автобіографія современныхъ русскихъ писателей. Москва. 1911. Ц. 1 р.

ЧУКОВСКІЙ, К. Критическіе рассказы. Кн. I. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

ЩЕГОЛЕВЪ, П. Изъ разысканія въ области біографіи и текста Пушкина. Спб. 1910. Ц. 1 р.

Беллетристика, поэзія, драматическія произведенія.

- АМФИТЕАТРОВЪ, А. В. Собр. сочин. Бабы и дамы. (Междусловный пары). Изд. 2-е, дополн. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
 БРЭДДОНЪ, М. Дѣти на прокатъ. Рассказъ. Спб. 1911. Ц. 30 к.
 БУАСЬЕРЪ, А. Человѣкъ безъ лица. Романъ. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
 ВИЛЛИАМЪ, Г. Бытовые очерки. Москва. 1911. Ц. 1 р.
 ГОНКУРЫ, Э. и Ж. Полн. собр. сочин. Т. I. Элиза. Романъ. Перев. съ франц. Москва. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
 ДУБНОВА, С. Осенняя свирѣль. Стихи. Спб. 1911. Ц. 1 р.
 ЕЛПАТЬЕВСКІЙ, С. Египетъ. Съ иллюстр. Спб. 1911. Ц. 1 р.
 Е. М. Ч. Изъ времени крѣпостного права. Сборникъ изъ произведеній русскихъ писателей. Спб. 1911. Ц. 50 к.
 ПВАНЪЕСЪ, Б. Куртизанка Сонника. Историческій романъ. Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 коп.
 — Собръ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
 КАШКАРОВЪ, Н. Гдѣ лебеди не тонуть. Повѣсти, рассказы, драматич. произведенія. Томъ I-й. Спб. 1910. Ц. 1 р. 25 к.
 КИПЛИНГЪ, Р. Новые избранные рассказы. Спб. 1911. Ц. 80 к.
 КОЛОМБИ. Скэнингъ-ринкъ. Рассказъ Перев. съ итал. Спб. 1911. Ц. 20 к.
 КОНОПНИЦКАЯ, М. Собр. сочин. Т. II. Перев. съ польск. Москва. 1911. Ц. 1 руб.
 КРИНИЦКІЙ, М. Собраніе сочиненій Т. II. Рассказы. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
 ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ альманахи изд. «Шиповникъ». Кн. XIV. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
 ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ альманахъ «Потокъ». М. 1911. Ц. 1 р.
 МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ, Д. Н. Великій грѣшникъ. Рассказъ. Спб. 1911. Ц. 15 к.
 МИКЛАШЕВСКІЙ, М. Гайдамаки. Историческая повѣсть. Спб. 1910. Ц. 50 к.

МИНЦЛОВЪ, С. Р. Литва. Историч. повѣсти, съ иллюстр. Спб. 1911. Ц. 1 р.
 де-МОПАСАНЪ, ГЮИ. Полное собраніе сочиненій. Т. XV. Изд. «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ОДУ, М. Мари-Кларъ. Романъ. Спб. Ц. 75 коп.

ОЛИГЕРЪ, Н. Собр. сочин. Т. IV. Праздникъ весны. Романъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

ПЕТРУША, Н. И. Неволя и освобожденіе. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ съ монологомъ. Царское Село. 1911. Ц. 20 к.

ПЛЕТНЕВЪ, А. Собр. сочин. Т. V. Одесса. Ц. 1 р. 25 к.

— Тоже. Т. II. Одесса. Ц. 1 р.

ПРОТОПОПОВЪ, В. «Рыжій». Комедія въ 4 д. Спб. 1911. Ц. 80 к.

РУСАНОВЪ, И. Сельское звено (проблема поля). Романъ. Москва. 1911. Ц. 1 руб.

СБОРНИКЪ т-ва «Знаніе» за 1911 годъ. Кн. 34-я. Спб. 1911. Ц. 1 р.

СЕМЕНТКОВСКІЙ, Р. И. Современная Россія въ дни революціи. Спб. 1911. Ц. 1 р.

СЕРАО, М. Собр. сочин. Т. II. Прощай, любовь! Романъ. Перев. съ итальян. Москва. 1911. Ц. 1 р.

СИВАЧЕВЪ, М. Собр. сочин. Т. I. Прокрустово ложе. Кн. I. Москва. 1911. Ц. 1 руб.

СТЕФАНОВИЧЪ, К. Денаденство. Изъ жизни непонятаго человѣка. Кіевъ. 1910. Ц. 10 к.

— Простите и не судите... Изъ жизни законоучителя. Кіевъ. 1911. Ц. 30 к.

СУВОРИНЪ, А. С. Татьяна Рѣпина. Комедія въ 4-хъ д. 4-е изд., исправленное. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ТРЕМОНЪ, ГАРРИ. Американка. Романъ. Перев. съ франц. Москва. Ц. 1 р. 50 коп.

ЧИРИКОВЪ, Е. Томъ IV. Провинціальная комедія. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

ЧУЛКОВЪ, ГЕОРГІЙ. Сочиненія. Т. III. Изд. «Шиповникъ». Спб. Ц. 1 р. 25 к.
ШАПИРЪ, О. Собрание сочиненій. Т. I. Одна изъ многихъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Антиподы. Ц. 1 р. 50 к.
ШЕВЧЕНКО, Т. Кобааръ на малоросійскомъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 10 к.
ШНИЦЛЕРЪ, А. Юный Медардъ. М. 1911. Ц. 1 р.

ЭКЪ, Е. Мгновенія. Разказы и монологи. Томъ 3-й. Москва. Ц. 75 к.
ЯКОВЛЕВА-ЛАНСКАЯ, И. Трмнь-трава. Гжатскъ. 1910. Ц. 15 к.
ОЕДОРОВЪ, А. М. Собр. сочин. Т. III. Судьба. Романъ. Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 коп.
 — Земля. Романъ. Москва. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія, біографія и археологія.

АРСЕНЬЕВЪ, В. Списки дворянскихъ родовъ Сѣдлецкой губерніи. Спб. 1910. Ц. 45 коп.

БЕРТЕНСОНЪ, Л. Страничка къ воспоминаніямъ о Л. Н. Толстомъ. Спб. 1911. Ц. 40 к.

ВАЛИШЕВСКІЙ, К. Иванъ Грозный. М. 1911. Ц. 3 р.

ВЕЙНБЕРГЪ, В. П. Изъ воспоминаній о Д. И. Менделѣевѣ, какъ лекторѣ. Томскъ. 1911. Ц. 30 к. (Чистый сборъ съ изд. въ фондъ на учрежденіе Менделѣевского института).

ВОЛКОВА, Е. Моровое повѣтріе. Историч. очеркъ. 1654—1656 г. Спб. 1911. Ц. 25 к.
ЗУБАРЕВЪ, И. И. Прошлое и настоящее русскихъ архивовъ. Краткій историч. очер. Спб. 1911. Ц. 40 к.

КРАСНОЖЕНЪ, М. проф. А. С. Павловъ. Его біографія и учено-литературная дѣятельность. Юрьевъ. Ц. 40 к.

ЛЮБОВИЧЪ, Б. Грюнвальдская битва. Историческое значеніе ея. Варшава. 1911. Ц. 40 к.

МАЙКОВЪ, П. Финляндія, исторія и культура ея, прошедшее и настоящее. Съ прилож. карты. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА № 14. Лучинскій, Н. Великая крестьянская реформа при Царѣ Освободителѣ. Ц. 25 к. № 15. Какъ прекратилось крѣпостное право на Руси. Ц. 10 к. № 16. Жизнь и Царствованіе Императора Александра II Ц. 20 к. № 17. Царь-Освободитель, его дѣла и завѣты. Ц. 10 к. № 19. Какъ чествовать юбилей 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Ц. 25 к.

ПЕРЕЖИТОЕ, сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи евреевъ въ Россіи, Томъ III. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

ПЕТРОВСКІЙ, С. Н. И. Пироговъ въ Севастополѣ. (Къ 100-лѣтію со дня рожденія). Одесса. 1910. Ц. 25 к.

РОЖДЕСТВИНА, А. Императоръ Александръ II. Казань. 1911. Ц. 25 к.

СБОРНИКЪ статей по архивовѣдѣнію Подъ ред. И. И. Зубарева. Томъ I. ч. 1-я. Спб. 1911. Ц. 2 р.

— То же. Ч. 2-я. Спб. 1911. Ц. 1 р.

СИМОНИ, П. Собрание изображеній окладовъ на русскихъ богослужебныхъ книгахъ XII—XVIII столѣтій. Вып. I. Спб. 1910. Ц. 6 р.

— Мстиславово Евангеліе начала XII вѣка въ археологическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ. I. Вводная статья. 1910. Ц. 8 р.

— То же II. Снимки. Ц. 12 р.

СМОЛЕНСКІЙ, С. В. Мусикійская грамматика Николая Дилецкаго. Спб. 1910. Ц. 3 руб.

СОТЕРСКІЙ, А. Общедоступная лекція по исторіи западно-европейскаго средне-вѣковья. Сергіевъ Посадъ. 1910. Ц. 1 р. 50 коп.

СТАШЕВСКІЙ, Е. Десяти Московскаго уѣзда 7086 и 7094 гг. Москва. 1910. Ц. 50 коп.

— Къ вопросу о томъ, когда и почему возникли «чети»? (Очеркъ изъ исторіи московскихъ приказовъ). Кіевъ. Ц. 40 к.

— Смѣта военныхъ силъ Московскаго государства въ 1632 году. Кіевъ. 1910. Ц. 40 коп.

— Смѣта военныхъ силъ Московскаго государства въ 1663 году. Кіевъ. 1910. Ц. 50 коп.

СТЕБЛЕВЪ, А. Очерки культурной исторіи Россіи въ 19 вѣкѣ. Съ портретами историческихъ дѣятелей и русскихъ историковъ 19. в. М. 1910. Ц. 1 р. 35 к.

ТРУДЫ слушательницъ Одесскихъ высш. женск. курсовъ. Т. I. вып. I. Одесса. 1910. Ц. 1 р.

ТРУТОВСКІЙ, В. Къ вопросу о русскихъ національныхъ дѣтахъ и о типѣ государственнаго знамени Россіи. М. 1911. Ц. 60 к.

ФАЛЬСКАЯ, Л. С. Къ исторіи 19-го февраля. Крестьянскій вопросъ въ наказахъ дворянства XVIII вѣка. Москва. 1911. Ц. 20 коп.

ШУМАХЕРЪ, А. Великая крестьянская реформа при Царѣ-Освободителѣ. Спб. 1911. Ц. 20 к.

ЩЕГЛОВА, С. А. «Пчела» по рукописямъ кievскихъ библиотекъ. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Правовѣдѣніе, общественныя науки и публицистика.

АВДАКОВЪ, Н. С. Географическо-статистическій очеркъ холерной эпидеміи въ Россіи въ 1910 г. Харьковъ. 1910. Ц. 50 к.

АЛЕКСѢЕВЪ, В. А. Панфинско-люгеранскій походъ финляндцевъ на православную Карелію. Спб. 1910. Ц. 40 к.

АЛИБОСЪ. Преступность и разложеніе современнаго общества и мѣры борьбы съ ними. Спб. 1911. Ц. 20 к.

АНТОКОЛЬСКІЙ, Г. Къ вопросу о правѣ свободной торговли лекарственными веществами. М. 1911. Ц. 50 к.

АРЕФА, Н. Уголовное уложеніе. Св. Зак. т. 15. М. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

БЕРЕНДТСЪ, Э. Н. По поводу воззваній иностранныхъ ученыхъ относительно правъ Финляндіи. Спб. 1910. Ц. 20 к.

- БЕТЛЕРЪ, ЖОЗЕФИНА.** Воспоминанія и мысли. Одесса. 1910. Ц. 1 р.
- ВИКЕРМАНЪ, I. M.** Черта еврейской осѣдлости. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ВЕЛИКАЯ РОССІЯ.** Сборникъ статей по военнымъ и общественнымъ вопросамъ. Кн. I. Редак.-изд. В. П. Рябушинскій. Москва. Ц. 1 р. 50 к.
- ВНЕСЕННЫЕ** на разсмотрѣніе Г. Думы и Г. Совѣта проекты законовъ объ уравненіи въ правахъ съ финляндскими гражданами другихъ русскихъ подданныхъ и о производствѣ финляндскою казною платежей государственному казначейству взаменъ отбыванія финляндскими гражданами личной воинской повинности, съ прилож. закона о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- ГЕССЕНЪ, Ю.** Законъ и жизнь. Какъ создались ограничит. законы о жительствѣ евреевъ въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ГОРОВОЦЕВЪ.** Война и право. Изд. 2-е. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- ГРАДОВСКІЙ, В., ДЪЛОВЪ, Н., МЪРНЫЙ, И, и МИСНИКОВЪ, Н.** Руководство по государственному налогу съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ (по новому закону 6-го июня 1910 г.). Кіевъ. 1911. Ц. 40 к.
- ГУВЧЕНКО, М. А.** Обзоръ администр. и судебныхъ установленій, законодательства и финансоваго строя вел. княж. Финляндскаго. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- ЕЛЬНИЦКІЙ, К. В., Трудъ.** (Значеніе и раздѣленіе труда, преемствен. передача результатовъ его и изображеніе въ художествен. произведеніяхъ труда и слѣдствій его). Педагогико-экономич. очеркъ. Спб. 1911. Ц. 7 к.
- ЗОЛОТУХИНЪ, А.** Повторительный курсъ уголовного права въ вопросахъ и отвѣтахъ. X. 1910. Ц. 1 р.
- КАУФМАНЪ, А. А.** Статистика. Ея приемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. Москва. 1911. Ц. 50 к.
- КЛЯЧКО, В. Л.** Къ реформѣ желѣзнодорожнаго законодательства. Ростовъ на Дону. 1911. Ц. 50 к.
- КРАСНОЖЕНЪ, М.** проф. Библиографич. статьи. Юрьевъ. Ц. 70 к.
- Исторія образованія канонич. кодекса греческ. церкви отъ начала его возникновенія до эпохи введенія на Руси христіанства. Ц. 40 к.
- Наканунъ церковной реформы. Ц. 50 к.
- Новѣйшее законодательство по дѣламъ православи. русской церкви. Юрьевъ. Ц. 60 к.
- КСЮНИНЪ, А.** Уходъ Толстого. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- КУЧИНСКІЙ, I.** Проектъ выдѣленія Холмщины на почвѣ русско-польскихъ отношеній. Спб. 1911. Ц. 45 к.
- КЪ ФИНЛЯНДСКОМУ ВОПРОСУ.** Письмо предсѣдателя Высочайше учрежденной комиссіи по систематизаціи финляндскихъ законовъ Н. Корево, къ издателю газеты «Times». Спб. 1911. Ц. 10 коп.
- ЛЮТО, К.** Правда. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- МАРКОЛІЯ, Л. И.** Уставъ о сѣмьяхъ съ разъясн. Правит. Сената. Изд. 2-е, дополн. Иркутскъ. 1911. Ц. 1 р. 60 к.
- МАСТРЮКОВЪ, А.** Люди-братья. (Письмо къ матерямъ еврейкамъ и матерямъ христіанкамъ). Москва. 1911. Ц. 10 к.
- МОРСКОЙ, А.** Исходъ Россійской революціи 1905 г. и правительство Носари. Москва. 1911. Ц. 50 к.
- МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА,** ихъ взаимныя отношенія и положеніе. занимаемое въ соврем. жизни. Вып. I. Спб. 1911. Ц. 50 коп.
- ОБЗОРЪ РАБОТЪ** по внутринадѣльному межеванію на переселенческихъ участкахъ за Ураломъ въ 1908—1909 гг. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- ОСАДЧИЙ, П.** Къ вопросу о принципахъ профессиональной этики инженеровъ. Спб. 1911. Ц. 35 к.
- ПРОЕКТЪ** положенія о госуд. промысловомъ налогѣ. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- РЕПЕНАКЪ, А.** Къ введенію страхованія рабочихъ въ Россіи. Страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи. Германскій законъ и примѣненіе его на практикѣ. М. 1911. Ц. 2 руб.
- СВЯТЛОВСКІЙ, В. В.** Мобилизація земельной собственности въ Россіи. (1861—1908 г.). 2-е пересмотрѣн. и дополн. изд. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- СЛАВЯНСКІЙ съѣздъ** въ Софіи. Отчетъ. Одесса. 1910. Ц. 75 к.
- СЛУЧЕВСКІЙ, В.** Уголовно-процессуальная наука. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- СТЕПАНОВЪ, А.** Почему оправдали фонъ-Визъ? Спб. 1911. Ц. 40 к.
- СТРАТАНОВИЧЪ, П.** Классификаціи двурукихъ интеллигентовъ современной русской фауны. Спб. 1911. Ц. 1 р. 60 к.
- ТЕОРЕТИЧЕСКІЕ** и практическіе вопросы еврейской жизни. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 коп.
- ХЛТБОРАДЪ, Ф.** Софійскій конгрессъ или ликвидація банкротстваго неославизма. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- ХУРВЕРГЪ, В.** Положеніе Финляндіи. Спб. 1911. Ц. 20 к.
- ЦЕНТРЪ** и государственныя границы Россіи въ XX ст. Спб. 1911. Ц. 75 к.
- ЧАРНОЛУССКІЙ, В.** Земства и народное образованіе. Ч. II. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ШЕТАКЪ-УСТИНОВЪ, Н. А.** 1905 годъ и его послѣдствія. Москва. 1910. Ц. 20 к.
- ШИЛЛИНГЪ, С. М.** Тезисы, извлечен. изъ рѣшен. Гражд. и Уголовн. Кассац. Деп. Правит. Сената съ алфавит. и постант. указателями, за 1909 годъ. Саратовъ. 1911. Ц. 60 к.
- ШИРОКИХЪ, П.** Соціальныя задачи въ современномъ сельскомъ хозяйствѣ. Ц. 20 коп.
- ЯДРОВЪ, А.** Уставъ ремесленный. Спб. 1911. Ц. 40 к.

Искусство.

- ГРАВАРЪ, П.** Исторія русскаго искусства. По подлинкѣ вып. 7-й.
- ЛОЛО.** Жрецы и жрицы искусства. Словарь сценическихъ дѣятелей. Т. 1-й. М. 1910. Ц. 1 р.
- ОРНАМЕНТЫ** на памятникахъ древнерусскаго искусства. Вып. 2. М. 1910. Ц. 12 руб.
- ЯКУБОВСКІЙ, Н.** Первые шаги въ искусствѣ лѣпки. М. 1911. Ц. 50 к.

Естествознание и математика.

- ВЕРХОВСКИЙ, В. Техника постановки химических опытов. В. 1—2. М. 1911. Ц. за два вып. 3 р. 50 к.
- ВСЕЛЕННАЯ И ЧЕЛОВЧЕСТВО. Природа и ее силы на службѣ у человека. Т. I. II. III. Подъ общей редакцией доктора Ганса Крамера. Ц. въ перепл. 7 р.
- ГРЖЕГОРЖЕВСКИЙ, Б. Опытъ математическаго изложѣнія началъ электромагнитной теоріи силъ природы. I. Тяготѣніе. Спб. 1910. Ц. 75 к.
- ДЕМЧИНСКИЙ, Н. Предполагаемая погода весны 1911 года. Цѣна 75 к.
- ИЗВѢСТІЯ общества для изслѣдованія природы Орловской губерніи. В. 2-й. Ц. 2 руб.
- КЮСТЕРЪ, Э. проф. Половой процессъ размноженіе у растений. Перев. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. Л. М. Кречетовича. Съ 56 рис. Москва. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- МАМЛОКЪ, Л. Стереохимія. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. П. Г. Меликова. Изд. «Mathesis». Одесса. 1911. Ц. 1 р. 20 коп.
- ОСТВАЛЬДЪ, В. Аналитическая химія. Спб. 1911. Ц. 1 р. 40 к.
- РАВЦЕВИЧЪ, П. Сборникъ задачъ по пространственнымъ системамъ. Кіевъ. 1911. Ц. 1 р. 10 к.
- РУССКИЙ астрономическій календарь-ежегодникъ на 1911 годъ. Переменная часть. Ц. 60 к.
- САВИЧЪ, В. Очеркъ флоры западной части заволжскихъ песковъ Астраханскаго края съ хозяйственной точки зрѣнія. Спб. 1910. Ц. 1 р.
- ШИПЛЕЙ, А. и МЭКЪ БРАЙДЪ, Э. Курсъ зоологіи для высшихъ учебн. завед. М. 1911. Ц. 3 р.

Языковѣдніе.

- БРАНДТЪ, Я. Образцы китайскаго официального языка съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями. Ч. I. Пекинъ. 1910. Ц. 1 р. 35 к.
- СОБОЛЕВСКИЙ, А. И. Древній перковно-славянскій языкъ (фонетика). Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

- ЕЖЕГОДНИКЪ отдѣла земельныхъ улучшеній Главн. Управ. Землеустр. и Землед. 1909 г. Спб. 1910. Ц. 1 р. 50 к.
- ЗЕМЛЕОТВОДНОЕ и землеустроительное дѣло за Ураломъ въ 1909 году. Спб. 1910. Ц. въ пер. 5 р. 60 к.
- КАЖАНОВЪ, Н. Контрольные союзы молочныхъ хозяйствъ. ихъ организація и веденіе. Спб. 1911. Ц. 35 к.
- КОСТЯЕВЪ, А. Итоги дѣятельности пещаной организаціи въ разныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Спб. 1910. Ц. 45 к.
- КРИШЕ, П. Сельско-хозяйственныя химическія повѣрочныя изслѣдованія почвъ, удобреній, кормовъ и сѣмянъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- МАСЛОВЪ, Н. Кондитеръ. Практическое руководство къ приготовленію всевозможныхъ кондитерскихъ надѣлій. Съ 134 рис. Изд. 3-е. Спб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.
- НИКИТИНЪ, А. Работы по укрѣпленію и облѣсенію Залиманскихъ овраговъ въ Богучарскомъ уездѣ. Воронежской губерніи. Спб. 1910. Ц. 90 к.
- ОДЕРМАНЪ, К. и ФУНКВИСТЪ, Г. Свиноводство. Спб. 1911. Ц. 25 к.
- Скотоводство. Спб. 1911. Ц. 25 к.
- РЕЗУЛЬТАТЫ урожаявъ многихъ сортовъ сѣменного картофеля Костинской экономіи въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Москва. 1911. Ц. 28 к.
- СБОРНИКЪ статистико-экономич. свѣдѣній по сельскому хозяйству Россіи и Упр. Землеустр. и Землед. Спб. 1910. Ц. 3 руб.
- ЗМИРЕННОМУДРЕНСКИЙ, В. Организационный планъ показателянаго хуторскаго хозяйства при самарскомъ среднемъ сельско-хозяйственномъ училищѣ. Харьковъ. 1910. Ц. 20 к.
- СЪВЕРОВА, Н. Б. Поваренная книга для голодающихъ. Спб. 1911. Ц. 20 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- МАКАРОВЪ, А. Банковый и торговый календарь на 1911 годъ. Ц. съ прил. 1 р. 50 коп.
- ВЕЙЦМАНЪ, Р. Курсъ счетоводства, двойная бухгалтерія въ ея примѣненіи къ различнымъ видамъ хозяйства. Изд. 2-е, доп. Одесса. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- ИСТОРИЧЕСКІЙ очеркъ развитія кредитныхъ учреждений въ Россіи. Спб. 1911. Ц. 70 к.
- КОРЗУХИНЪ, И. А. Мѣдная промышленность въ 1909 году. Спб. 1910. Ц. 50 к.
- МАТВѢЕНКО, В. Что дастъ русскому хлѣбу отдѣленіе на желѣзныхъ дорогахъ «истор. вѣстн.», мартъ, 1911 г., т. сxxxiii.
- складочныхъ операций отъ операций перевозочныхъ. Х. 1910. Ц. 40 к.
- РУССКІЕ БАНКИ. Полный перечень городовъ и селеній, въ коихъ находятся государственныя, общественныя и частныя кредитныя учрежденія и ихъ филиальныя отдѣленія къ 15 декабря 1910 г. Ц. 1 р.
- СОВѢТЫ къ биржевымъ операциямъ онколиста. Спб. 1911. Ц. 25 коп.
- СОСТОЯНІЕ русскаго торговаго флота и его дѣятельность въ 1909 г. Одесса. 1910. Ц. 50 коп.
- ЧЕБОТАРЕВЪ, Г. А. Коммерческая корреспонденція. 2-е исправл. и дополн. изд. Ростовъ на Дону. 1910. Ц. въ папкѣ 1 р. 60 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АЛТУНДЖИ, П. Какъ провѣрить самому электрич. счетчикъ. Ростовъ на Дону. 1911. Ц. 35 к.

БАУЭРЪ, ФР. Руководство для наборщиковъ. Перев. съ нѣм. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

БЕТЦЪ, Ф. Химическій календарь на 1911 годъ. Ц. съ прил. 1 р. 75 к.

БЪЛЪСКИЙ, А. Сельско-хозяйственная гидротехника. Спб. 1911. Ц. 2 р. 40 к.

ВЕРХОВСКИЙ, В. Н. Вѣяна. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ГАМАНЦЪ, Г. Гидравлика и ея приложение къ сельскому хозяйству. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ДЪЯКОВЪ, С. К. Схема вліянія различныхъ факторовъ работы подвижного состава на доходность жел. дор. Москва, 1911. Ц. 60 к.

ЕФИМОВИЧЪ, Н. Н., инж. Справочная книга для инженеровъ и техниковъ путей сообщенія и инженерно-строителей на 1911 годъ 2. части. Спб. Ц. съ календаремъ 4 руб.

ЗЕРНОВЪ, Д. С., проф. Прикладная механика. Ч. 1. Спб. 1911. Ц. 2 р. 20 к.

ИЛЛЕНЪ, П. Специальный сборникъ практич. рисунковъ и чертежей мебели. Ч. 1. 2-е изд. Одесса. Ц. 1 р. 50 к.

ИНЖЕНЕРНЫЙ календарь на 1911 г. Изд. инж. А. Ф. Астафьева. Спб. Цѣна 2 р. 50 коп.

ИСПЫТАНИЕ двигателей внутрен. сгорания. Труды экспертн. комис. междунар. выставки двигателей внутрен. сгорания, устроен. Имп. Русск. Технич. О-мъ въ 1910 г. въ Спб. Подъ ред. проф. Н. А. Былова. Съ 100 чертеж. Спб. 1910. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

ЛЕПХМАНЪ, Л. Технический анализъ. Т. 3. Спб. 1911. Ц. 2 р.

ЛОМОНОСОВЪ, Ю. Сравнит. изслѣдов. товаровъ паровозовъ большой мощности. 1. Цѣль изслѣдованія и его методъ. Одесса. 1910. Ц. 1 р.

МАГЪВЪ, Л. Алтайскій горный округъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.

— Кротонскій водопроводъ. Старое и новое водоснабженіе гор. Нью-Йорка. Ц. 80 коп.

МОНВИЖЪ-МОНВИДЪ, А. инж. Коллѣцы. Углубленіе старыхъ и новыхъ колодезей въ плывучемъ (песчано-глинистомъ) грунтѣ. Съ 17 рис. Одесса. Ц. 30 к.

НОВГОРОДСКИЙ, М. Производство канатовъ, веревокъ и шнуровъ. Культура и обработка льна и конопли. Спб. 1911. Ц. 35 к.

— Скорнякъ. Пособіе для скорняжнихъ мастерскихъ и скорняковъ кустарей. Ц. 35 коп.

ОРЛОВСКИЙ, П. Аэропланъ, могущій подниматься съ воды. Ц. 40 к.

РОТЕРТЬ, В. Огнестойкіе строительные матеріалы для сельскохозяйствен. и друг. построекъ. Ц. 1 р. 75 к.

СТРАНСЪ, О. Календарь для электротехниковъ на 1911 годъ. Цѣна 1 р. 25 к.

ТАТЕНЪ, Б. Основы авіаціи. Кіевъ. 1910. Ц. 1 р.

ТИХОМИРОВЪ, К. Новая система желѣзныхъ дорогъ съ большою скоростью движенія, предложенная А. Шерль. Спб. 1910. Ц. 75 к.

— По поводу постройки временнаго и новаго постояннаго пассажирскихъ зданій на ст. Юго-Запад. жел. дор. Кіевъ. 1. Ц. 50 к.

ТРУДЫ съѣзда дѣятелей, занимающихся построеніемъ и примѣненіемъ двигателей внутренняго сгорания. Спб. 1910. Ц. 3 р.

ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЛИТЪ, А. Объ основныхъ формулахъ элементарной теории аэроплановъ съ вогнутыми поверхностями. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 к.

ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКОЕ отдѣленіе Спб. Политехническаго Института Императора Петра Великаго. Обзоръ преподаванія и описаніе лабораторій: Спб. 1911. Ц. въ перепл. 2 р. 25 к.

ЭЛЬМАНОВИЧЪ, Н. А. Обезвреживаніе питьевыхъ водъ ультрафиолетовыми лучами. Спб. 1911. Ц. 30 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

АТЛАСЪ схемъ по анатоміи человѣка. Спб. 1911. Ц. 40 к.

БЫКЪ, П. Чума и мѣры борьбы съ ней. Кіевъ. 1911. Ц. 10 к.

ВНУКОВЪ, Н. Лечение бугорчатки легкихъ смѣсью керосина съ эвиромъ. Троицкъ, 1910. Ц. 40 к.

ГУРИНЪ, Г. Ветеринарное акушерство. М. 1911. Ц. 1 р.

КУРАЕВЪ, Д. П., проф. Физиологическая химія. Харьковъ. 1911. Ц. 1 р. 75 к.

МАРГОЛИНЪ, Д. Курсъ фармакогнозіи для студентовъ и фармацевтовъ. Спб. 1911. Ц. 1 р.

МАСКЕНЗИЕ, Ж. Болѣзни сердца. Перев. съ англ. Спб. 1911. Ц. 3 р.

МЕДИЦИНСКАЯ ХИМІЯ. Изд. 5-е, дополн. Кіевъ. 1911. Ц. 95 к.

МЕДИЦИНСКИЙ календарь подъ ред. д-ра мед. Я. И. Немировскаго на 1911 г. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

ПИСАРЕВА, Л. Дѣтскія болѣзни. М. 1911. Ц. 1 р. 60 к.

РАКОЧИ, А. Г. Пособіе къ практич. занятіямъ по физиологич. и патологич. химіи. 2-е изд. Кіевъ. 1911. Ц. 50 к.

РОЗЕНКРАНЦЪ, А. «Materia Medica». Справочная книжка по фармакологіи. Спб. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

СБОРНИКЪ трудовъ, посвященный профессору Императорскаго Новороссійскаго Университета Дмитрію Павловичу Кішенскому, въ день 25-лѣтія его дѣятельности, Одесса. 1910. Ц. 5 р.

ФРИДЕМАНЪ, У. Иммунигетъ. Методика и техника. Перев. съ нѣм. д-ра Е. В. Святловскаго, подъ ред. проф. Д. К. Заболотнаго. Спб. 1911. Ц. 75 к.

ХЛОПЦИНЪ, Г. Матеріалы по оздоровленію Россіи. Санитарное описаніе гор.: Астрахани, Самары, Саратова и Царицына съ указаніемъ мѣръ, необходимыхъ для ихъ оздоровленія, съ 33 рис. и 4 карт. Спб. 1911. Ц. 3 р.

Военное и морское дѣло.

АЛФЕРАКИ, С. Очерки утиныхъ охотъ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 20 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- ВОПРОСЫ всеобщаго обученія. М. 1910. Ц. 40 к.
- ГЕНКЕЛЬ, А. Тридцать простѣйшихъ опытовъ по физиологій растений. Спб. 1911. Ц. 30 к.
- ГЛИНКА, П. Опытъ по методикѣ физики. Спб. 1911. Ц. 70 к.
- ГОЛОВКОВЪ, Д. Справочный словарь русскаго языка. Одесса. 1911. Ц. 80 к.
- ГРУДИНИНЪ, А. Начальное русское правописаніе. Ч. I. М. 1911. Ц. 15 к.
- ГРУНСКІЙ, Н. Лекціи по педагогикѣ. Юрьевъ. Ц. 2 р. 50 к.
- ДЕМИНЪ, М. и КАЗАНЦЕВЪ, Н. Атласъ схематическихъ релетціонныхъ географическихъ картъ Россійской Имперіи съ таблицами для обзорныя областей. Владикавказъ. 1910. Ц. 80 к.
- ДЮПЕРРОНЪ, Г. Шведская педагогическая гимнастика. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- ДЬИНСКІЙ, А. Конспектъ географіи всеобщей, русской и элементарной математической. М. 1910. Ц. 80 к.
- ИНДРИКСОНЪ, Ф. Работы по физикѣ для средней школы. Изд. 2-е, дополн. А. С. Суворина. 1911. Ц. 1 р. 50 к.
- КАЗАНЦЕВЪ, Н. Атласъ релетціонныхъ географическихъ картъ. Европа. Ц. 50 коп.
- То же. Азія. Африка. Ц. 30 к.
- КАКЪ Я РАЗВИВАЮ въ дѣтяхъ способности и любовь къ музыкѣ. Педагогическія замѣтки. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- КАТАЕВЪ, И. Къ вопросу о типѣ учебника русской исторіи для средней школы. М. 1911. Ц. 15 к.
- КОЗЛОВСКІЙ, С. Подробныя рѣшенія всѣхъ ариметическихъ задачъ сборника А. Малинина и К. Буренина. Ч. 2-я. Дробы. Гор. Сумы. 1910. Ц. 1 р. 20 к.
- КОЩЕВИЧЪ, В. Современное рисованіе въ народной школѣ. Спб. 1911. Ц. 40 к.
- КРУГЛИКОВЪ-ГРЕЧАНЫЙ, Л. Методика исторіи. Киевъ. 1911. Ц. 1 р. 10 к.
- КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ современнаго студенчества. В. 1-й (по даннымъ переписки 1909—10 г. въ Спб, Технолог. инстг.). Спб. 1911. Ц. 50 к.
- МАКГАВЪЕВЪ, А. Геометрическое черченіе въ связи съ геометрией. Часть 1-я. Плоскія фигуры. Спб. 1911. Ц. съ атл. 1 р. 20 коп.
- МАЛЬЧЕВСКІЙ, П. и ЯКОБСОНЪ, А. Рядъ простѣйшихъ опытовъ для начальнаго обученія (воздухъ, вода, горѣніе). Спб. 1910. Ц. 35 к.
- МЭННЕЛЬ, Б. Школы для умственно-отсталыхъ дѣтей. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.
- НАТОРПЪ, П. Соціальная педагогика. Теорія воспитанія воли на основѣ общности. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- Философская пропедевтика. М. 1911. Ц. 55 к.
- ОСТРОГОРСКІЙ, В. Руководство къ чтенію полтическихъ сочиненій. Спб. 1911. Ц. 50 к.
- РУССКІЕ учителя за границею. М. 1911. Ц. 1 р. 60 к.
- СЛЕТОВЪ, Н. Прямолинейная тригонометрія. Спб. 1911. Ц. 80 к.
- СОВРЕМЕННОЕ значеніе педагогическихъ идей Н. И. Пирогова. Спб. 1911. Ц. 40 к.
- ТАБЛИЦЫ четырехзначныхъ логарифмовъ и основныхъ физическихъ величинъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.
- ТАЛДЫКИНЪ, М. Классная обстановка народной школы. Таблица. Ц. 50 к.
- ТРЕТІЙ ежегодникъ экспериментальной педагогикіи. 1910 годъ, ред. А. П. Нечаева. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ТУЛУПОВЪ, Н. Л. Н. Толстой, какъ педагогъ. М. 1911. Ц. 30 к.
- ФОНОЛЕНСКИА. Французско-русскій словарь съ точнымъ указаніемъ произношенія, образцами спряженій для всѣхъ глаголовъ. множествомъ примѣровъ Французской фразеологій. Одесса. 1911. Ц. 80 к.
- ЧЕВАКИНСКІЙ, А. Географія Россіи для сред. уч. завед. Спб. 1911. Ц. 1 р.
- ЧУКОВСКІЙ, К. Матеріалъ о дѣтскихъ журналахъ. Спб. 1911. Ц. 60 к.
- ШВЕЦОВЪ, Б. Руководство технологическаго анализа для учениковъ средн. механ. технич. училищъ. Общая часть. Понятіе о количественномъ анализѣ. М. 1910. Ц. 80 к.
- ШТЕРНЪ, К. Монографія о душевномъ развитіи ребенка. Воспоминаніе, показанія и ложь въ раннемъ возрастѣ. Спб. 1911. Ц. 1 р. 25 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- АЛТАЕВЪ, А. Впереди вѣковъ. Спб. 1910. Ц. 80 к.
- Сумерки возрожденія. Историческая повѣсть. М. 1911. Ц. 60 к., въ пакѣ 75 к.
- БОРИНЪ, Я. Изъ рабства на волю. Какъ крестьяне сдѣлались крѣпостными и какъ они освободились. М. 1911. Ц. 3 к.
- ДѢТСКІЙ альманахъ. Хрестоматія для домашняго чтенія. Спб. 1911. Ц. 2 р. 50 к.
- ЛУКЪЯНОВСКАЯ, В. Тысячи лѣтъ тому назадъ. Рассказы изъ исторіи Греціи. Москва. 1910. Ц. 1 р. 30 к.
- О ЖИВОТНЫХЪ. Очерки для дѣтей. Москва. 1910. Ц. 50 к.
- ПИСЬМА СЪ ПУТИ по Австріи, Италіи, Швейцаріи, Сербіи и Болгаріи. Наблюденія и замѣтки. Эскурсія кадетъ Одесскаго кадет. корпуса 1910 года. Одесса. Ц. 40 к.

Спортъ, охота и игры.

- АНОФІЕВЪ, Н. Карманный охотничій календарь и справочно-записная книжка на 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.
- РЕЗОЛЮЦІИ общихъ собраній 2-го Всероссийскаго сѣзда охотниковъ въ Москвѣ. М. 1910. Ц. 30 к.
- ТРУДЫ по выработкѣ законопроекта объ охотѣ въ связи съ участіемъ Императорскаго общества правильной охоты. Съ прилож. резолюц. 2-го сѣзда охотниковъ. М. 1911. Ц. 2 р.

Справочныя книги.

- АРИАНЪ, П. Первый женскій календарь на 1911 г. Ц. 1 р.
- В ОЛЬФОНЪ, И. Адресная и справочная книжка «Газетный миръ» на 1911 годъ. Ц. въ переп. 3 р. 57 к.
- ВЕСЬ ГОР. САРАТОВЪ. Адресъ-календарь на 1911 г. Ц. 1 р. 25 к.
- ГАБРИЛОВИЧЪ, А. Музыкальный календарь на 1911 годъ. Спб. Ц. 1 р.
- «ДАМСКІЙ МІРЪ». Календарь на 1911 г. Спб. Ц. 1 р.
- ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЙ тарифный справочникъ, почтово-телеграфныя учрежденія Россіи и сборникъ-указатель всѣхъ узаконеній и распоряженій Правительства, относящихся къ жел. дор. съ 1863—1900 годъ. Ц. 3 р. 60 к.
- РУССКІЙ ежегодникъ на 1911 годъ. Ц. 75 коп.
- СПУТНИКЪ автомобилиста, записная книжка на 1911 годъ. Цѣна въ переп. 1 р.
- ЧЕРНОЛУССКІЙ, В. Льготные желѣзнодорожные тарифы для учащихся, учащихся въ учебн. зав. Спб. 1911. Ц. 60 к.

Періодическія изданія.

- «ВѢСТНИКЪ ВОЗДУХОПЛАВАНІЯ». №№ 23, 24. Ц. кажд. № 75 к.
- «ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ». Спб. 1911 г. № 1. Ц. 75 к.
- «ВѢСТНИКЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО БАНКА». Журналъ. Спб. № 2. Ц. 75 к.
- «ДОШКОЛЬНОЕ ВОСПИТАНІЕ». Журналъ для матерей и воспитательницъ. Киевъ. 1911 г. № 1. Ц. 30 к.
- «ИЗВѢСТІЯ Архангельскаго общества изученія Русскаго Сѣвера». Арханг. 1911 г. № 1. Ц. 25 к.
- «ИСКУССТВО». Живопись, Графика. Художествен. печать. Киевъ. 1911 г. № 1. Ц. 1 р.
- «МАЯКЪ». 1910 г. № 11. Ц. 40 к.
- «МОТОРНАЯ ЛОДКА И МОТОРНЫЯ СУДА». Журналъ. 1911 г. № 1. Ц. 75 к.
- «НАША ОХОТА». Журналъ. Спб. 1911 г. № 1. Ц. 25 к.
- «ОКРАИНЫ РОССІИ». 1911 г. №№ 1—4. Ц. кажд. № 10 к.
- «РУССКІЙ БИБЛИОФИЛЪ». В—къ для собиран. книгъ и гравюръ. 1911 г. № 1. Ц. на годъ 6 р. 50 к.
- «РУССКО-АМЕРИКАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ». 1911 г. № 3. Ц. 30 к.
- «СВОБОДНЫМЪ ХУДОЖЕСТВАМЪ». Журналъ. Спб. 1911 г. № 3. Ц. 1 р. 25 к.
- «СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ». Журналъ. 1911 г. № 1. Ц. 50 к.
- «СВѢТЛЫЙ МІРЪ». Литер.-Историч. журналъ. Спб. 1911 г. Январь. Ц. 60 к.
- «ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО». 1911 г. №№ 1—4. Ц. кажд. № 20 к.
- «ХУТОРЪ». Сельск.-хозяйственный журналъ. Спб. 1911 г. № 1. Ц. 30 к.
- «ЭКОНОМИСТЪ РОССІИ». 1911 г. №№ 1—3. Ц. кажд. № 40 к.

*) Паданія А. С. Суворина.

Въ книжныхъ магазинахъ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I,

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ

(изданіе А. С. Суворина).

Второе изданіе представляетъ собою точное повтореніе перваго изданія, безъ всякихъ измѣненій, сокращеній и дополненій. Цѣна **за четыре большихъ тома** съ 450 портретами, иллюстраціями и автографами **30 рублей**. Въ переплетѣ **36 рублей**. Пересылка по разстоянію.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе **100 печатныхъ листовъ**, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, **двадцать пять рублей**. Въ переплетѣ **30 рублей**. Пересылка по разстоянію.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

**Борьба
за
Конституцію**

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Гордона.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

**ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ СЕМЕЙНЫЙ
ЖУРНАЛЬ**

„СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ“

4-й годъ изданія.

Цѣна за 12 книгъ, объемомъ отъ 15 до 25 печатныхъ листовъ, въ годъ — 6 р., $\frac{1}{2}$ года — 3 р., за границу въ годъ — 8 р., $\frac{1}{2}$ года — 5 р. съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается въ конторѣ журнала:
Спб., Стремянная ул., 6, кв. 9.

Въ 1911 году печатается большой интересный историческій романъ изъ эпохи смутнаго времени

С. Орлицкаго

(псевдонимъ)

ВОСКРЕСШАЯ РОССІЯ.

Редакторъ-издательница Ек. Уманецъ.

ПЕТЕРБУРГЪ. СТРЕМЯННАЯ, 6.

Телефонъ № 526-66.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ IV.

Открыта подписка на художественно-литературный журналъ по образцу **большихъ заграничныхъ иллюстрацій,**

„ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и модъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

Жизнь Европы. — Придворный и парламентскій бытъ. — Дипломатическій мѣръ. — Европейскіе университеты. — Женское движеніе. — Литература, искусство, ученые, артисты. — Уголки русской жизни за границей. — Путешествіе, романы, повѣсти. — Красота на сценѣ и въ жизни. — Портреты артистовъ, рисунки, сдѣланы. — Юмористика. — Театръ и моды. — Особый отдѣлъ: пѣз міра таинственнаго, необычайныя явленія, загадки бытія. — Миръ духовъ.

Картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

ГАЛЛЕРЕЯ КАРТИНЪ «ПАРИЖСКАГО САЛОНА».

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ большихъ тетрадей парижскаго образца — составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читателейъ.

ПРЕМІЯ годовымъ подписчикамъ въ 1911 году,

„РАЗСКАЗЫ и ПРИЗНАНІЯ ЖЕНЩИНЫ“.

В. В. ЧАРСКОЙ.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей 4 руб., на полгода 2 руб.

ФОРМАТЪ ЖУРНАЛА ВЪ 1911 ГОДУ БУДЕТЪ УВЕЛИЧЕНЪ.

Подписка принимается въ редакціи «Европейской Жизни»: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., № 94, кв. 9, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

